

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ СХХVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХVI.

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1911

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ОКТЯБРЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАБРЬ, 1911 г.

	СТРАН.
Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ.	1—22
I. Колычевская вотчина. Часть третья. XI—XVII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5
II. Записки Н. К. Бергута . I—III.	46
III. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	91
IV. Люди недавняго прошлаго. I—IV. В. А. Тихонова	106
V. По жребію. (Разсказъ). М. А. Рункевича	134
VI. Брызги памяти. Е. В. Корша	152
VII. Послѣ «смущенія». (Деревенскія впечатлѣнія). (Окончаніе). С. С. Гусева (Слово-Глаголь)	170
VIII. Пиратъ-витязь. (Историко-біографическій очеркъ). С. А. Качіони	195
иллюстраціи: 1) Ламбро Дмитріевичъ Качіони. — 2) Ангелина Качіони.	
IX. Въ черемшанскихъ скитахъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Н. Н. Оглоблина	213
X. Эпизодъ изъ біографіи В. Г. Бѣлинскаго. М. А. О—ва	226
XI. Къ характеристикѣ П. С. Ванновскаго. С. И. Ярославцева	232
XII. По поводу двухъ монографій В. О. Ключевскаго. Д. А. Корсакова	236
XIII. Изъ курьезовъ церковной старины. Е. Ковалевскаго	252
XIV. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). V. Провокація и ея жертвы. Г. П. Судейкинъ и С. П. Дегаевъ. Б. Б. Глинскаго	255
иллюстрація: Правительственное объявленіе о розыскѣ С. П. Дегаева.	
XV. Среди кобзарей и лирниковъ. В. В. Данилова	301
иллюстраціи: 1) Кобзарь Терентій Пархоменко. — 2) Лирникъ съ поводыремъ. — 3) Кобзари въ дорогѣ.	
XVI. На родинѣ Ломоносова. I—IV. И. П. Ювачева	313
иллюстраціи: 1) Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. — 2) Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ. — 3) Набережная въ Холмогорахъ. — 4) Училище въ память Ломоносова на мѣстѣ его родины. — 5) Типы поморовъ Архангельской губерніи.	

(См. слѣд. стран.)

XVII. Критика и библиографія. 333

- 1) П. Н. Дупповъ. Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Исслѣдованіе. Вятка. 1911. с. — 2) Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809 — 1811 — 1911 г.г.). Томъ I. Именные списки и біографіи должностныхъ лицъ и воспитанниковъ гимназіи. Кіевъ. 1911. в. Р—ва. — 3) Священникъ Θεодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Первому. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Сообщилъ Л. К. Вродскій. Спб. 1911. Ан. Титова. — 4) Годъ Русской Славы. 1812—1912 г. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Подъ редакціей Ѳ. А. Витберга. Съ картою, портретами дѣятелей и рисунками. Спб. 1911. л. н.—5) Ан. Титовъ. Повѣсть о Шилъ. (Новгородское сказаніе). Съ 19 рисунками. Москва. 1911. А. И—ова.—6) Мемуары графини Головиной (1766—1821 г.). Предисловіе и примѣчанія К. Валлшевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Панудогло. Москва. 1911. А. Б.—7) Спутникъ по древнему Пскову. Любителямъ старины. Съ 58 рисунками и 4 планами. Составилъ Н. Ѳ. Окуличъ-Казаринъ. Псковъ. 1911. В. Руданова. — 8) М. В. Аксеновъ. Сенаторъ Матвій Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій (1796—1866). Опытъ описанія его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ силуэта и автографа. Смоленскъ. 1910. Д. Б—ва. — 9) А. М. Ловягинъ. Озареніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. По программѣ V класса гимназій и реальныхъ училищъ. Съ приложеніемъ на 11 таблицахъ 34 картъ и картограммъ и 6 диаграммъ, составленныхъ барономъ Н. Н. Торнау. Спб. 1911. В. Р—ва. — 10) Матеріалы по археологич. Россіи. Мельгуновскій кладъ 1763 г. Съ 5 таблицами и 14 рисунками. Спб. 1911. А. Миронова. — 11) Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елизаветы Ивановны Поповой. Подъ редакціей кн. П. В. Голицына. Спб. 1911. И. Лернера — 12) Сергій Ефремовъ. Исторія украинскаго писемства. Спб. 1911. А. И—ва. — 13) Описаніе рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской академіи наукъ. I. Рукописи. Томъ I (I. Книги священнаго писанія и II. Книги богослужебныя). Составили В. И. Срезневскій и Ѳ. И. Покровскій. Спб. 1911. А. Я. — 14) Сочиненія Пушкина. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ III. (1833—1837). Спб. 1911. А. Г. Фомина. — 15) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. Томъ II 1909. Томъ III. 1911. я. н.—16) Л. «Въ память Л. Н. Толстого». Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ подъ редакціей Юрія Витовта. М. 1911. П. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 г.) изд. П. П. Собкина. Вып. II. Б. г.—17) А. В. Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны. Т. I. Династія при смерти Спб. 1911. А. М—на.—18) Рейнакъ, Соломонъ. Орфей. Всеобщая исторія религій. Переводъ съ седьмого французскаго изданія. Парижъ. 1911. с. Авалиани.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 361

- 1) Французскій театръ во время первой имперіи. — 2) Новая письма г-жи Кроденеръ. — 3) Кое-что объ японцахъ. — 4) Французская критика о русскомъ искусствѣ.—5) Отовсюду.

XIX. Смѣсь. 383

- 1) Открытіе въ Кіевѣ памятника императору Александру II и педагогическаго музея имени наследника цесаревича Алексѣя Николаевича. 2) Открытіе памятника императору Александру II въ Иваново-Вознесенскѣ.—3) Въ академіи наукъ.—4) Историко-этнографическій музей княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. — 5) «Уголокъ» Н. Г. Чернышевскаго въ академіи наукъ.—6) Приобрѣтеніе дома Л. Н. Толстого.—7) 50-лѣтіе художественной дѣятельности проф. П. П. Чистякова.—8) Кресть князя Пожарскаго. — 9) Выстѣ курсы въ зданіи біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта въ Петербургѣ.

XX. Некрологи. 392

- 1) Архіепископъ Тихонъ.—2) Аргутинскій-Долгоруковъ, П. М., князь.—3) Варсовъ, П. И.—4) Вурдесъ, В. П.—5) Гютине, А. П.—6) Изъбергеръ, К. В.—7) Кетрицъ, М. Д.—8) Мазуровская, М. В.—9) Миклашевскій, А. Н.—10) Мидовскій, С. Н.—11) Смирнова, Е. П.—12) Смирновъ, Н. К.—13) Князь Цертелевъ, Д. Н.—14) Шевелевъ, Н. А.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Петра Аркадьевича Столыпина.—2) Смерть консулу. (Pour tuer Bonaparte). Историческій романъ Жоржа Ону. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

**Петръ Аркадьевичъ
СТОЛЫПИНЪ.**

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ СТОЛЫПИНЪ.

ОССЮ постигъ новый жестокий ударъ: палецъ отъ руки убійцы выдающійся ея сынъ, къ личности котораго прикованы были столькіе взоры, образъ котораго возбуждалъ такія теплыя чувства, имя котораго было символомъ патріотизма и доблестнаго служенія родной землѣ. 1-го сентября, въ Кіевѣ, во время торжественнаго спектакля въ городскомъ театрѣ охранникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонеръ Богровъ произвелъ въ предсѣдателя совѣта министровъ Петра Аркадьевича Столыпина въ упоръ два выстрѣла изъ револьвера, смертельно его ранилъ, послѣ чего первый сановникъ нашего государства былъ отвезенъ въ больницу, гдѣ ему оказана была тщательная медицинская помощь. Но какъ ни хлопотали врачи около раненаго, помощь эта оказалось безсильною и Петръ Аркадьевичъ послѣ пяти дней борьбы организма за жизнь отошелъ въ страшныхъ мученіяхъ въ вѣчность, вполнѣ сознавая наступленіе своего печальнаго конца. На небосклонѣ русской жизни закатилась блестящая звѣзда, свѣтившая намъ въ теченіе почти пяти лѣтъ ровнымъ красивымъ свѣтомъ и возбуждавшая во всѣхъ, не ослѣпленныхъ и намѣренно не видящихъ, лучшія чувства признательности за то животворящее начало, которое изъ этого свѣта разливалось по лону родной земли. Отсюда печаль, охватившая широкіе слои населенія, когда до нихъ достигла роковая вѣсть о трагедіи, разыгравшейся 1-го сентября въ Кіевѣ, на глазахъ массы людей съ ея верховнымъ вождемъ во главѣ. Какъ-то не хотѣлось вѣрить, чтобы эта трагедія дѣйствительнымъ мѣла мѣсто, чтобы развязка ея была столь печальна и чтобы

пострадавшимъ лицомъ былъ именно тотъ, передъ которымъ разсти-
лался столь широкій и славный путь служенія родинѣ, гдѣ ему
суждено было, казалось, проявить еще столько силы своей богато
одаренной природы. На фонѣ кроваваго зарева русской революціи
1905 года выдвинулась его фигура, изящная, благородная, муже-
ственная и талантливая, и Россія съ радостью увидала, что она
еще способна въ тяжелые дни своей исторической жизни выдвигать
на помощь ослабѣвшей и поникшей силами государственной власти
даровитыхъ и любящихъ родину сыновъ, любящихъ не отвле-
ченной космополитической любовью, съ элементомъ въ ней доктри-
нерской разсудочности, а тѣмъ искреннимъ, бодрымъ и всепогло-
щающимъ чувствомъ, которое свойственно только роднымъ по крови.
И вотъ въ опасную минуту тяжелой революціонной болѣзни этотъ
родной по крови мужественно сталъ лицомъ къ лицу съ опасностью
и напрягъ все силы на борьбу за здоровье, благоденствіе и
спасеніе своей родины отъ разъядающаго ее зла. Въ эту борьбу онъ
вложилъ всю страстность своей національной любви, и вскорѣ мы
увидѣли плоды дѣятельныхъ рукъ его, которыми онъ не только
далеко отшвыривалъ обуглившіяся и обветшалыя части русскаго
государственнаго зданія, но одновременно съ тѣмъ съ громадной
энергіей и подъемомъ силъ спѣшилъ на мѣсто отбрасываемаго и
уничтожаемаго возводить новое, соответствующее богатому твор-
честву вдохновенія, а главное соответствующее живымъ и насущ-
нымъ запросамъ народной жизни. И вскорѣ еще недавній скромный
губернаторъ отдаленныхъ провинцій превратился въ крупную исто-
рическую фигуру съ широкимъ волевымъ размахомъ, гдѣ уничто-
женіе негоднаго стараго и созиданіе новаго шли объ руку и гдѣ
ясно сказалась сила вѣры въ творимое и вѣры въ тѣхъ, ради кого
оно творится. Россія увидала передъ собою государственнаго
дѣятеля, громко и откровенно рѣшившагося исповѣдать свою глу-
бокую, непоколебимую любовь къ родинѣ, искреннюю вѣру въ ея
творческія силы, въ ея историческую жизненность, рѣшившагося
бросить громкій призывъ къ сплоченію всехъ русскихъ людей во
имя отечественнаго націонализма и русской народности и въ цѣляхъ
отпора тѣмъ, кто такъ или иначе, пассивно или активно, несетъ
съ собою посягательство на цѣлостность и самобытность родной
земли. Эта исповѣдь, этотъ кличъ и призывъ пронеслись по всемъ
концамъ нашей родины, какъ радостный благовѣсть, громко свидѣ-
тельствующій, что ударилъ часъ русскаго воскресенія и что пора
отъ унынія, сомнѣнія, доктринерства и лицемѣрія перейти къ жи-
вой работѣ во имя Россіи и русскаго народа, призванныхъ монар-
шею волею къ новой жизни, на основахъ манифеста 17 октября
1905 г. Столыпинъ сталъ во весь ростъ на исторической межѣ,
отдѣлившей старое дореформенное отъ новаго пореформеннаго, и

принялъ на себя всю отвѣтственность за проведеніе въ жизнь началъ, коими Россіи предстояло креститься къ новой жизни, принялъ отвѣтственность съ искреннею вѣрою, что это крещеніе состоится, что Россія доросла до того и что ему суждено и онъ въ состояніи быть ея достойнымъ воспріемникомъ. Въ любопытной статьѣ Л. Тихомирова, посвященной памяти Петра Аркадьевича («Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 207), имѣется одно мѣсто, которое мы воспроизводимъ здѣсь и которое какъ нельзя лучше иллюстрируетъ сказанное нами выше. Онъ говоритъ, вспоминая моментъ появленія у кормила государственнаго управленія покойнаго министра:

«Думаю, что не случайно онъ попалъ, въ свое время, на первое мѣсто. Тогда на первомъ мѣстѣ могъ быть только онъ. Положеніе было слишкомъ непривлекательно и страшно. Дѣло, конечно, не въ опасности смерти. Многіе отдавали жизнь свою не менѣе беззаветно. Но страшна была самая трудность дѣла, отнимавшая надежду на успѣхъ. Въ этомъ отношеніи у Петра Аркадьевича были внутреннія опоры, которыхъ, *въ такой степени*, мнѣ кажется, не обнаруживалось у другихъ. Это—вѣра въ Бога и въ Россію. Это давало ему вѣру въ успѣхъ даже безъ отчетливаго представленія, въ чемъ онъ будетъ заключаться. Въ этомъ былъ, думаю, секретъ его увѣренности, которая давала шансы на успѣхъ сама по себѣ.

«У Петра Аркадьевича Столыпина были необычайно чуткіе русскіе инстинкты. Онъ, я прямо скажу, какъ истый человѣкъ интеллигенціи, не зналъ Россіи, особенно Великороссіи, но кровь предковъ громко говорила въ немъ. Онъ, по общинтеллигентскому несчастью, не зналъ православной вѣры, что порождало его ошибки въ церковной политикѣ. Но кровь предковъ громко говорила въ немъ, и его душа была глубоко русская и христіанская. Онъ такъ вѣрилъ въ Бога, какъ дай Господь вѣрить его служителямъ предъ алтаремъ... Онъ такъ вѣрилъ въ Россію, что въ этомъ предъ нимъ можно только преклоняться. И въ этой вѣрѣ онъ черпалъ огромную силу.

«Года три назадъ, послѣ одной моей долгой рѣчи, полной недоумѣній въ отношеніи его политики, онъ отвѣтилъ: «Въ сущности ваши слова сводятся къ вопросу, что такое я: великій ли человѣкъ, русскій Бисмаркъ, или жалкая бездарность, умѣющая только влачить день за днемъ?.. Вопросъ страшный для меня... Что такое я—не знаю. Но я вѣрю въ Бога и знаю навѣрное, что все мнѣ предназначенное—я совершу, несмотря ни на какія препятствія, а чего не назначено—не сдѣлаю ни при какихъ ухищреніяхъ».

«Позднѣе, уже при послѣдней нашей встрѣчѣ въ этой жизни, 13 мая сего года, на мой доказательства того, что у насъ нѣтъ умиро-творенія, и положеніе крайне обостряется, онъ сказалъ просто:

«Я вѣрю въ Россію. Если бы я не имѣлъ этой вѣры, я бы не въ состояніи былъ ничего дѣлать»...

«Для него—голосъ вѣры былъ аргументомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ можно устраивать триумфъ «за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества».

Оставляя спорныя частности этой характеристики въ сторонѣ, мы должны признать, что главный стержень мысли выставленъ здѣсь совершенно правильно. Бодрая вѣра въ Россію была тою чертой и характера и дѣятельности Петра Аркадьевича, которая доминировала у него надъ всѣми прочими и эта-то громко и отчетливо исповѣданная вѣра, какъ это ни странно, именно поразила соотечественниковъ, привлекла ихъ вниманіе въ смѣлому исповѣднику и побудила слить съ нимъ свои чувства, которыя они, за весьма немногими исключениями, не рѣшались при тогдашней обстановкѣ проявлять. Столыпинъ далъ своею вѣрою и исповѣданіемъ ея выходъ этимъ чувствамъ, сконцентрировалъ ихъ въ себѣ и такимъ образомъ во взаимоотношеніяхъ власти и народа явилъ собою тотъ необходимый и желанный историческій типъ, который былъ именно нуженъ, дабы Россія не ушла ни въ попятное прошлое, ни въ фантастическую лукавую высь, куда въ обѣ стороны тянули ее разныя партіи и гдѣ въ обоихъ случаяхъ ей грозили новыя нерадостныя испытанія и политическія невзгоды.

Можетъ быть, въ его дѣятельности, которую ниже мы въ краткихъ чертахъ постараемся фактически очертить, были извѣстные уклоны, гдѣ не всегда начало сходило съ концомъ, можетъ быть, порою онъ вынуждаемъ былъ, имѣя въ виду конечную цѣль, поступаться тѣми или иными деталями, можетъ быть, за нимъ и были даже нѣкоторые промахи, какъ о томъ нынѣ громко и побѣдоносно стараются намъ разъяснить его враги, можетъ быть, все это было—можетъ быть, но главное остается налицо: его историзмъ, какъ личности и какъ государственнаго дѣятеля, который и перейдетъ во вѣки вѣковъ въ будущія лѣтописи нашей обновленной жизни. Этотъ историзмъ былъ напоенъ вѣрою, воодушевленіемъ и исповѣданіемъ, а потому онъ и можетъ быть разсматриваемъ какъ истинный, соответствующій грядущимъ судьбамъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне націоналистическаго порядка! Его колоритность ясно сказалась на общемъ фонѣ жизни, въ сочетаніи съ прочими отечественными элементами, выросшими на почвѣ новой политической жизни, которые его особенно отгѣнили и тѣмъ самымъ приблизили къ чувствамъ, идеаламъ и помысламъ громадной массы кореннаго населенія, составляющаго главную суть русской государственности. Отсюда тотъ взрывъ горя и сожалѣнія, которыя такъ ярко сказались, когда вѣсть о кievской трагедіи 1-го сентября облетѣла Россію и когда русскіе люди ясно сознали, кого они потеряли

въ лицѣ Петра Аркадьевича Столыпина. Россіи за послѣдній періодъ времени пришлось не мало потерять видныхъ представителей власти, но со времени 1-го марта 1881 года, когда мученически опочилъ императоръ Александръ II, ни одна насильственная смерть не пронеслась надъ нами такою темною тучею, какъ именно кончина Петра Аркадьевича. Всѣ поняли, что случилось нѣчто очень важное, жестокое, непоправимое, что затуманилась опредѣленная историческая перспектива и жизнь страны окутала томительная неизвѣстность, гдѣ снова поставленъ рѣшительный вопросъ о достоинствѣ, мощи и націонализаціи Россіи. То, что только-что налаживалось, опять заколебалось, вступило въ область невѣдомаго и гадательнаго. Очевидно, историческая чаша родныхъ испытанийъ еще не допита до дна и мы стоимъ на порогѣ загадочныхъ событій, надъ которыми какъ бы витаетъ окровавленная тоскующая тѣнь дорогого усопшаго, зовущаго насъ къ единенію, родному братству и къ той вѣрѣ, которая помогала ему среди бури и непогоды быть бодрымъ кормчимъ русскаго государственнаго корабля.

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, существовавшаго уже въ XVI столѣтіи. По официальнымъ документамъ, родоначальникомъ Столыпиныхъ былъ Григорій Столыпинъ, жившій въ концѣ XVI столѣтія. Сынъ его Аѳанасій Григорьевичъ и внукъ Сильвестръ Аѳанасьевичъ пишутся муромскими городскими дворянами. Послѣдній участвовалъ въ войнѣ съ Польшей, въ 1654—1655 годахъ, и за это получилъ въ вотчину помѣстье въ Муромскомъ уѣздѣ, около 300 четвертей. У внука Сильвестра Аѳанасьевича—Емельяна Семеновича, товарища воеводы Пензенской провинціи, были два сына: секундъ-майоръ Дмитрій Емельяновичъ и пензенскій губернскій предводитель дворянства Алексѣй Емельяновичъ (род. въ 1748 г.; умеръ послѣ 1810 г.).

Отъ брака послѣдняго съ Маріей Аѳанасьевной Мещериновой было шесть сыновей: Александръ, бывшій адъютантомъ генералиссимуса Суворова; Аркадій, другъ Сперанскаго, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова, Вѣрѣ Николаевнѣ, и умершій сенаторомъ въ 1825 году; рано умершій Петръ; Николай, генераль-лейтенантъ, растерзанный взбунтовавшейся толпою въ Севастополѣ, въ 1830 г.; Аѳанасій, бывшій саратовскій предводитель дворянства, и Дмитрій, генераль-майоръ (род. въ 1785 г., умеръ въ 1826 году), и пять дочерей, изъ которыхъ старшая Елизавета Алексѣевна была замужемъ за капитаномъ Преображенскаго полка Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ и имѣла дочь Марію, которая вышла замужъ за Юрія Петровича Лермонтова, отца нашего знаменитаго поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Генераль-майоръ Дмитрій Алексѣевичъ Столыпинъ былъ дѣдомъ Петра

Аркадьевича, родившагося въ 1862 г., отъ брака генерала-отъ-артиллеріи и генераль-адъютанта, оберъ-камергера, севастопольскаго героя, Аркадія Дмитриевича съ княжною Наталіею Михайловной Горчаковой. Родной братъ П. А. — Александръ Аркадьевичъ — извѣстный писатель-публицистъ.

Изъ всѣхъ братьевъ Дмитрія Алексѣевича только одинъ Аркадій Алексѣевичъ оставилъ послѣ себя наибольшее потомство: трехъ сыновей и трехъ дочерей. Его старшій сынъ — Николай Аркадьевичъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Карлсруэ (1854—1865), чрезвычайнымъ посланникомъ въ Вюртембергъ (1865—1871) и въ Нидерландахъ (1871—1884); а второй — Алексѣй Аркадьевичъ, лейбъ-гусарь, былъ другомъ М. Ю. Лермонтова, извѣстнымъ подъ прозвищемъ «Монго».

Изъ другихъ Столыпинныхъ извѣстны потомки младшаго сына Сильвестра Аванасьевича, Василя, и правнука послѣдняго, Григорія Даниловича, бывшаго пензенскаго губернскаго предводителя дворянства.

Гербъ рода Столыпинныхъ — «въ щитѣ, имѣющемъ въ верхней половинѣ красное поле, а въ нижней — голубое, изображенъ одноглавый серебряный орелъ, держащій въ правой лапѣ свившагося змѣя, а въ лѣвой — серебряную подкову, съ золотымъ крестомъ. Щитъ держать два единорога. Подъ щитомъ девизъ: «Deo spes mea». — Высочайше утверждень и внесенъ въ X часть «Общаго Гербовника».

Изъ этихъ геральдическихкихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ нами изъ специальной справки, приведенной въ «Новомъ Времени» (№ 12747) усматривается, каковы генеалогическіе корни рода Столыпинныхъ и насколько они тѣсно и глубоко связаны со всѣмъ историческимъ укладомъ русской земли. Согласно некрологическимъ даннымъ все той же газеты (№ 12746), Петръ Аркадьевичъ родился въ 1862 г., дѣтство провелъ въ имѣніи Средниково подъ Москвой. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1884 г. онъ началъ свою служебную дѣятельность въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, черезъ два года причислился къ департаменту земледѣлія и сельской промышленности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ послѣдовательно занималъ различныя должности и особенно интересовался сельскохозяйственнымъ дѣломъ и землеустройствомъ. Затѣмъ перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ ковенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ ковенскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ и въ 1899 году былъ назначенъ ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Служба предводителемъ дворянства близко ознакомила П. А. съ мѣстными нуждами, завоевала ему симпатіи мѣстнаго населенія и дала админи-

стративный опытъ. Въ это время онъ былъ выбранъ почетнымъ мировымъ судьей по исарскому и ковенскому судебнo-мировымъ округамъ. Въ 1902 г. покойному было поручено исправленіе должности гродненскаго губернатора, черезъ годъ онъ былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ. Начало революціонной смуты ему пришлось провести въ должности губернатора въ Саратовѣ и принять рѣшительныя мѣры противъ революціонной пропаганды и особенно по прекращенію беспорядковъ въ Балашовскомъ уѣздѣ. Въ Саратовѣ же онъ принималъ живое участіе въ дѣятельности мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений. Мѣстный отдѣлъ попечительства государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ избралъ его въ свои почетные члены. Когда въ 1906 году совѣтъ министровъ во главѣ съ графомъ С. Ю. Витте вышелъ въ отставку и новый совѣтъ министровъ было поручено сформировать И. Л. Горемыкину, покойному было предложенъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого времени—26 апрѣля 1906 г.—П. А. являлся до дня своей кончины дѣятельнымъ руководителемъ министерства. Послѣ роспуска первой думы покойному всемилостивѣйше повелѣно быть 8 іюля 1906 г. предсѣдателемъ совѣта министровъ съ оставленіемъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого момента началась талантливая государственная дѣятельность Столыпина, направленная на умиротвореніе Россіи путемъ стойкой борьбы съ своеволіемъ и беззаконіемъ и путемъ разработки и проведенія въ жизнь новыхъ законовъ. Ставъ во главѣ совѣта министровъ, П. А. сумѣлъ вдохнуть въ дѣятельность совѣта единодушіе, возратить государственной власти поколебленный престижъ и укрѣпить его. Революціонныя партіи террористовъ не могли примириться съ назначеніемъ убѣжденнаго націоналиста и сторонника сильной государственной власти на постъ премьеръ-министра, и 12 августа 1906 г. произвели покушеніе на его жизнь взрывомъ министерской дачи на Аптекарскомъ островѣ. Было убито 27, ранено 32 лица (въ ихъ числѣ тяжело пострадала дочь и раненъ малолѣтній сынъ Столыпина), но П. А. остался невредимымъ. Провидѣніе сохранило его жизнь, и покойный съ прежней энергіей и увлеченіемъ отдался всецѣло государственной дѣятельности. Горячій приверженецъ порядка и законности, онъ шелъ прямымъ путемъ къ скорѣйшему осуществленію новаго уклада государственнаго строя согласно высочайшимъ предначертаніямъ. Просвѣщенный политикъ, экономистъ и юристъ, крупный административный талантъ, онъ почти отказался отъ личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую съ утомленіемъ, вложилъ въ дѣло государственнаго успокоенія и строительства. Только лѣтомъ, и то на самое непродолжительное время, онъ позволялъ себѣ отдыхъ, уѣзжая преимущественно въ свое имѣнье, но и тамъ не переставалъ

давать направленіе правительственному механизму государства. Заболѣвъ весной 1909 г. крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, онъ согласился покинуть Петербургъ только по настойчивымъ требованіямъ врачей и провелъ въ Крыму около мѣсяца. Наибольшее время П. А. посвящалъ руководительству и предсѣдательству въ совѣтѣ министровъ, созывавшемся обычно не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, и въ разнаго рода совѣщаніяхъ по текущимъ дѣламъ и по вопросамъ законодательства. Засѣданія эти часто затягивались до утра. Утренніе доклады и дневные приемы чередовались у него съ личнымъ внимательнымъ просмотромъ текущихъ дѣлъ, просмотромъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и тщательнымъ изученіемъ новѣйшихъ книгъ, посвященныхъ особенно вопросамъ государственнаго права. Неоднократно онъ, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, выступалъ въ государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ защитникомъ правительственныхъ проектовъ. Онъ всегда являлся блестящимъ ораторомъ, говорилъ вдохновенно, сжато и дѣльно, развивая мастерски и ярко руководящія положенія законопроекта или давая отвѣты и объясненія по различнаго рода запросамъ о дѣйствіяхъ правительства. Въ 1909 г. покойный присутствовалъ при свиданіи Государя Императора съ германскимъ императоромъ въ финляндскихъ шхерахъ. Въ разное время онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи, ознакомился съ результатами землеустроительныхъ работъ и съ работами по хуторскому и отрубному разверстанію. Немало онъ приложилъ также стараній къ улучшенію водоснабженія въ Петербургѣ и къ прекращенію холерной эпидеміи. Государственныя заслуги покойнаго были отмѣчены въ короткое время цѣлымъ рядомъ царскихъ наградъ. Помимо нѣсколькихъ высочайшихъ рескриптовъ съ выраженіемъ признательности, П. А. былъ пожалованъ въ 1906 г. въ гофмейстеры, 1-го января 1907 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ 1908 г. — статсъ-секретаремъ.

Какъ человѣкъ, покойный отличался прямотушіемъ, искренностью и самоотверженною преданностью государю и Россіи. Онъ былъ чуждъ гордости и кичливости благодаря исключительно рѣдкимъ качествамъ своей уравновѣшенной натуры. Онъ всегда относился съ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ и внимательно къ своимъ подчиненнымъ и ихъ нуждамъ. Врагъ всякихъ неясностей, подозрѣній и гипотезъ, онъ чуждался интриганства и интригановъ и мелкаго политиканства. По своимъ политическимъ взглядамъ П. А. не зависѣлъ отъ какихъ-либо партійныхъ давленій и притязаній. Твердость, настойчивость, находчивость и высокій патріотизмъ были присущи его честной, открытой натурѣ. П. А. особенно не терпѣлъ лжи, воровства, взяточничества и корысти и преслѣдовалъ ихъ без-

поощадно; въ этомъ отношеніи онъ былъ горячій сторонникъ сенаторскихъ ревизій.

Покойный былъ женатъ на дочери почетнаго опекуна О. Б. Нейдгартъ, имѣлъ пять дочерей и сына.

Таковы достовѣрныя и правильно освѣщенные газетныя біографическія свѣдѣнія о почившемъ, позволяющія намъ обозрѣть общія черты его характера и жизненной дѣятельности сначала въ провинціи, а затѣмъ во главѣ правительственной власти. Обращаясь къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить тѣ необычныя условія, среди которыхъ такъ быстро и рельефно выступила на фонѣ русской жизни фигура недавняго саратовскаго губернатора, тогда еще мало знакомаго бюрократическому, свѣтскому и общественному Петербургу.

У всѣхъ въ памяти буйный составъ первой государственной думы съ ея «товарищескими выступленіями», знаменитымъ выборгскимъ воззваніемъ и полнымъ нежеланіемъ перейти отъ хлесткихъ и революціонныхъ рѣчей къ тому практическому дѣлу, ради котораго было призвано народное представительство и котораго такъ страстно ожидала отъ него застоявшаяся въ нужныхъ ей поступательныхъ реформахъ Россія. Съ перваго же дня засѣданія нашего молодого парламента можно было достаточно ясно убѣдиться, что онъ не пригоденъ къ той роли, которая ему была предназначена, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непрерывныхъ столкновеній съ представителями власти его вынуждены были распустить. Слѣдующій составъ государственной думы пытался занять ту же позицію, что и дума перваго призыва, и странѣ угрожала опасность, что вся дѣятельность г.г. депутатовъ сведется къ систематической оппозиціи правительству, исключительной критикѣ и рѣзкимъ выступленіямъ, при каковой политикѣ дѣйствій совершенно парализовалась та программа, которая достаточно опредѣленно была высказана въ высочайшемъ манифестѣ по случаю роспуска первой думы. Здѣсь мы читаемъ: «Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ: Волею нашею призваны были къ строительству законодательному люди, избранные отъ населенія. Твердо уповая на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и великое будущее нашего народа, мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

«Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были нами крупныя преобразованія, и на первомъ мѣсто всегда стояла главнѣйшая забота наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельнаго труда. Ожиданіямъ нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей,

къ указаніямъ намъ на несовершенство законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица думы къ населенію.

«Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшения своего положенія, перешло въ дѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

«Но пусть помнятъ наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшение народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всю силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію нашей царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и восстановленія мира въ нашемъ дорогомъ отечествѣ.

«Да возстановится же спокойствіе въ землѣ русской и да поможетъ намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ царственныхъ трудовъ нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложить, по призыву нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу думы.

«Мы же, распуская нынѣшній составъ государственной думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ указомъ нашимъ, правительствующему сенату 8-го сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20-го февраля 1907 года.

«Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа мы будемъ ждать отъ новаго состава государственной думы осуществленія ожиданій нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

«Вѣрные сыны Россіи! Царь вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой родины. Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли русской».

На этотъ призывъ къ миру и дѣятельной работѣ депутаты второго призыва отвѣтили съ перваго же засѣданія выступленіями по примѣру своихъ недавнихъ предшественниковъ. Когда П. А.

Столыпинъ, облеченный къ тому времени властью председателя совѣта министровъ, прочелъ свою декларацію въ засѣданіи 6-го марта 1907 г., ему посыпались возраженія и сдѣлана была попытка подорвать авторитетъ правительства. Вотъ на эти-то попытки и отвѣтилъ Столыпинъ своею знаменитою, отнынѣ историческою, рѣчью, которая сразу очертила его боевую, наступательную на революцію позицію и создала изъ него тотъ оплотъ силы, власти и законности, которыя до того отсутствовали и которыя возвращали правительству его авторитетъ въ населеніи. Этою рѣчью онъ сразу поднялся надъ всею думою и явилъ собою того истиннаго «богатыря мысли и дѣла», о которомъ упомянуто въ манифестѣ.

Столыпинъ сказалъ слѣдующее:

«Господа, я не предполагалъ выступать вторично предъ государственною думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляють меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ государственной думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы. Я имъ пользоваться не буду.

«Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, не соответствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявить: это его долгъ передъ думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что государственной думѣ волею монарха не дано право выраженія правительству неодобренія, порицанія или недовѣрія. Это не значить, что правительство обѣжить отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы предполагать, что люди, которымъ вручена была власть во время великаго историческаго перелома, во время неустройства всѣхъ законодательныхъ государственныхъ устоевъ, чтобы люди, сознающіе всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали тяжести взятой на себя отвѣтственности. Но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, отъ царской резиденціи, волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшѣ и на Кавказѣ, когда остановилась вся дѣятельность въ южномъ промышленномъ районѣ, когда распространились крестьянскіе беспорядки, когда началъ царить ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено. Но, господа, принимая второе рѣшеніе,

правительство роковымъ образомъ навлекало на себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство, несомнѣнно, не могло не задѣть частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задалось цѣлью—сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, начала которыхъ были положены въ основу реформъ императора Николая II. Борясь исключительными средствами и въ исключительное время, правительство ввело и привело страну во вторую думу. Я долженъ заявить и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ, волею монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (показываетъ на мѣста министровъ) не скамьи подсудимыхъ—это мѣсто правительства.

«За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно такъ же, какъ и всѣ, дадимъ отвѣтъ передъ исторіей. Я убѣжденъ, что та часть государственной думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе, я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій.

«Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центръ тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе; эти нападки разсчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли, и мысли. Всѣ онѣ сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: «руки вверхъ». На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаниемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только двумя словами: не запугаете».

Эта историческая рѣчь создала сразу имя Столыпину, и фраза «не запугаете» была тѣмъ сигналомъ, которымъ было объявлено населенію, что наступилъ конецъ параличнаго состоянія государственной власти, что она возвращается къ своей отвѣтственной обязанности и готова безъ страха и трепета встрѣтить натискъ внутреннихъ враговъ. Гипнозъ страха, малодушія и слабости отнынѣ какъ бы покинулъ стоявшихъ у кормила русскаго государственнаго корабля, и явился лишь вопросъ, каковъ будетъ курсъ этого корабля и поскольку кормчій будетъ въ силахъ и состояніи твердо держаться намѣченнаго курса. Какъ и можно было ожидать,

вторая государственная дума, поставившая себя, по словамъ нѣкоторыхъ ея представителей, главною задачей «осаду власти», не могла и по существу этой задачи, и по методамъ ея выполненія, удовлетворить требованіямъ премьеръ-министра: работа законодательная въ ней не подвигалась, и она утонала въ словоизверженіяхъ извѣстнаго пошиба, доставшихся ей по наслѣдію отъ ея предшественницы. Оказалась она въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ родственною и съ революціонными элементами населенія. Роспускъ ея совершился, а дабы и третья дума не оказалась въ законодательномъ противоѣдѣствіи правительству, по инициативѣ Петра Аркадьевича, выборный законъ былъ измѣненъ въ смыслѣ дачи большаго значенія элементамъ сословнымъ и національнымъ, благодаря чему депутаты являлись какъ бы болѣе отвѣтственными передъ пославшими ихъ и дабы послѣднимъ былъ облегченъ правильный способъ избирательства болѣе сознательныхъ элементовъ въ думу. Этимъ закономъ Столыпинъ создалъ третью думу, съ которой, хотя и не безъ нѣкоторыхъ треній порою, ему и удалось провести законные циклы сессій. Если на первыхъ порахъ главною опорой ему въ нужныхъ ему думскихъ работахъ и настроеніяхъ служила партія «октябристовъ», то въ дальнѣйшемъ ему пришлось нѣсколько разочароваться въ этой партіи и до извѣстной степени эволюционировать отъ нея вправо, къ партіи «націоналистовъ», за послѣднее время окрѣпшей и получившей особенное значеніе, въ виду ряда поднявшихся вопросовъ важнаго государственнаго порядка съ спеціальнымъ національнымъ характеромъ. Прослѣдить постепенность этой эволюціи и ея проявленія не представляется возможнымъ въ настоящей краткой статьѣ, отмѣтимъ лишь, что такого рода эволюція была до извѣстной степени естественной и законной, съ одной стороны, въ виду свойствъ общаго духовнаго облика П. А., съ другой, въ связи съ общимъ ходомъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ и отношеній къ нимъ партій. Какъ это сплошь и рядомъ наблюдается, практика жизни нѣсколько разошлась съ теоріей, и для государственнаго дѣятеля не представилось возможнымъ, въ интересахъ русской національной политики, жертвовать во имя теоріи насущными потребностями историческаго дня, какъ онѣ слагались изъ общей конъюнктуры сложныхъ политическихъ событій.

Если Столыпинъ сразу послѣ своей исторической рѣчи 6-го марта 1907 года завоевалъ симпатіи думскаго большинства, то съ теченіемъ времени эта симпатія—и общественная, и отчасти личная—стала какъ будто нѣсколько блѣднѣть и слабѣть. Это ослабленіе достигло значительныхъ размѣровъ къ началу текущаго года, и противъ него образовались своего рода непріязненные блоки, гдѣ въ трогательномъ единодушіи, достойномъ лучшей доли, сошлись элементы крайней правой и крайней лѣвой и даже съ участіемъ здѣсь еще

вчерашихъ умѣренныхъ политическихъ друзей. Такого рода блоки образовались какъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца, такъ и дворца Маринскаго, въ государственномъ совѣтѣ, этой нашей верхней палатѣ. Если оппозиція премьеръ-министру въ кругахъ государственной думы не могла вызывать особаго удивленія, то оппозиція верхней палаты достойна вниманія и тѣмъ болѣе, что исходила она изъ такого центра, откуда ее менѣе всего можно было ожидать. Оппозиція П. А. слѣва обосновывалась тѣми соображеніями, что онъ слишкомъ будто бы консервативенъ и націоналенъ, оппозиція справа находила его слишкомъ либеральнымъ, конституціоннымъ и уступчивымъ. Вотъ и извольте тутъ разобраться! Любопытное всего то, что противодѣйствіе, опирающееся на соображенія второй категоріи, какъ теперь выясняется, было не столько дѣйствіемъ политическаго порядка, сколько исходило изъ соображеній личной неприязни, на каковомъ чувствѣ сошлись какъ алчущіе власти, такъ и потерпѣвшіе крушеніе въ своей еще недавней блестящей карьерѣ. Въ походѣ противъ Столыпина немалую роль сыграли, между прочимъ, графъ С. Ю. Витте и П. Н. Дурново.

Въ первый разъ кампанія правыхъ противъ Столыпина должна была проявиться на преобразованіи русской миссіи при японскомъ правительствѣ въ посольство. Правые хотѣли подчеркнуть въ этомъ актѣ покушеніе «революціоннаго Столыпина» на прерогативы монарха, который долженъ былъ провести это помимо думы. Затѣмъ рѣшено было оставить этотъ поводъ и ожидать болѣе удобнаго случая. Случай нашелся въ штатахъ морскаго министерства. Когда эти штаты, пройдя черезъ думу и государственный совѣтъ, не удостоились высшаго утвержденія, Столыпинъ подалъ въ отставку. Третье столкновеніе Столыпина съ этой компаніей было въ вопросѣ о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ. Оппозиція въ стѣнахъ Маринскаго дворца была поддерживаема союзомъ русскаго народа и дворянской организаціей, ставшими въ неприязненное отношеніе къ Петру Аркадьевичу за его нежеланіе признавать руководящее значеніе этихъ общественныхъ группъ и стремленіе вводить эти группы въ рамки законности, согласно началамъ, положеннымъ въ основу реформированнаго строя.

Мы не станемъ возстаповлять здѣсь всей хроники недавнихъ событій и, если отмѣчаемъ ее здѣсь въ общихъ чертахъ, то чтобы показать, поскольку трудно было положеніе Петра Аркадьевича въ его борьбѣ на два фронта и въ особенности по отношенію справа, гдѣ каждый разъ пускались въ оборотъ такія опасныя соображенія, какъ желаніе якобы главы совѣта министровъ умалить прерогативы верховной власти. Быть можетъ, въ силу именно такой опасности покойный сановникъ и вынуждаемъ былъ пускаться въ ходъ экстраординарныхъ мѣръ, безъ наличья которыхъ невозможно было отстаивать

вать государственныя мѣропріятія, неотложныя въ своемъ проведеніи.

Если оппозиція справа связывала въ значительной мѣрѣ ему руки въ борьбѣ за созданіе и упроченіе въ Россіи новаго строя, то немало палокъ въ его рабочія колеса было вставлено и слѣва, причѣмъ агитація его мѣропріятіямъ велась всегда чрезвычайно послѣдовательно, безостановочно и довольно даже искусно. Но если съ этой оппозиціей были въ его распоряженіи какъ никакъ средства борьбы, легко почерпаемые изъ особенностей его психики, индивидуальности и дарованія, то труднѣе дѣло было тамъ, гдѣ борьба не всегда зависѣла отъ него лично. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ не область думской и совѣтской борьбы, а область революціонную, которая не могла простить Столыпину его мужества, съ которымъ онъ гордо поднималъ брошенную правительству революціонную перчатку. Для революціи онъ былъ особенно опасенъ, опасенъ и своимъ мужествомъ, и той позиціею, которую онъ занялъ въ качествѣ представителя мирной русской прогрессивной эволюціи, въ нормахъ, преподанныхъ ему высочайшими манифестами. Онъ не лукавилъ съ послѣдними, не старался ихъ использовать по своему личному политическому усмотрѣнію, а дѣйствовалъ, какъ министр-реформаторъ, поставленный на свой постъ царемъ-реформаторомъ. Такого рода политика дѣйствій неминуемо должна была привести къ недалекому замиренію Россіи, приведенію ея въ политическую норму, а отсюда къ ея культурному росту, благополучію и мощи, что никогда не входило и не входитъ въ революціонныя программы, такъ какъ этимъ самымъ ихъ аннулируетъ, съ одной стороны, и, съ другой — не соотвѣтствуетъ интересамъ инородческимъ и иноземнымъ, играющимъ въ тѣхъ программахъ всегда, хотя и скрытую, видную роль. Революція, не желавшая сложить свое оружіе передъ Столыпинымъ и чувствуя въ немъ силу побѣдителя, направила свою рѣшительную дѣятельность противъ него лично, и вотъ послѣдовалъ извѣстный взрывъ его дачи на Аптекарскомъ островѣ, гдѣ оказались въ числѣ многихъ жертвъ взрыва пострадавшими его дочь и сынъ. Въ общей сложности убитыми оказалось 27 человекъ и 32 человекъ ранеными. Силою взрыва отъ брошенной бомбы разворочены были прихожая, дежурная комната и слѣдующая за нею пріемная, а также разрушенъ подъѣздъ, снесенъ балконъ второго этажа, опрокинуты выходящія въ садъ деревянныя стѣны перваго и втораго этажей. Сила страшнаго взрыва была такова, что частями разрушенныхъ стѣнъ и выброшенныхъ изъ дома предметовъ мебелировки, а также мелкими осколками стекла, раздробленными почти въ крупу, была обсыпана вся набережная передъ дачей. Труны убитыхъ, вырытые работавшими пожарными и солдатами, оказались большею частію съ оборван-

ными частями тѣла, многіе имѣли видъ безформеннаго мяса, безъ головъ, рукъ и ногъ. Мы еще свѣжо помнимъ обстоятельства этого покушенія, помнимъ общій взрывъ негодованія со стороны русскаго общества по адресу бомбистовъ и лукавую политику въ данномъ случаѣ всѣхъ «мирныхъ» лѣвыхъ группъ. Освѣщая эту политику, А. С. Суворинъ въ своемъ «Маленькомъ письмѣ» отъ 13 августа писалъ:

«Замѣчательно, что тотчасъ послѣ взрыва на дачѣ П. А. Столыпина лѣвая печать настойчиво стала говорить, что онъ уходитъ, что страданія его несчастныхъ дѣтей такъ подѣйствовали на его нервы, что онъ не можетъ заниматься болѣе дѣлами. И вотъ всѣ эти дни сердобольная лѣвая печать, надѣленная особенно чувствительнымъ сердцемъ, которое, какъ извѣстно, находится тоже на лѣвой сторонѣ, усердно дебатируетъ это предложеніе министру: «Уходите, пожалуйста. Благодарите Бога, что вы остались цѣлы но уходите! Примите въ соображеніе, что убить хотѣли васъ. Васъ не убили, а потому сдѣлайте такъ, что васъ какъ бы убили. Вы доставите большое удовлетвореніе террористической партіи и всѣмъ тѣмъ, которые бомбъ въ руки не берутъ и жизнь свою берегутъ, но которые желаютъ, какъ евреи желали манны небесной, чтобы правительство испугалось до истерики старой дѣвы, до бреда сумасшедшаго, до трусости зайца. Понимаете, какъ это было бы великолѣпно! Всѣ вразсыпную и вы первый. Для васъ это нисколько не постыдно. Вы не убиты, но вы убиты горемъ, не только горемъ отца и семьянина, но и горемъ порядочнаго человѣка и честнаго министра, который не можетъ не жалѣть всѣхъ погибшихъ, которые пришли къ нему съ просьбою или служили ему. Васъ никто не осудитъ. Мы напишемъ превосходныя статьи о вашей отставкѣ. Мы скажемъ: «И Столыпинъ ушелъ. Онъ былъ недурной человѣкъ и даже, какъ министръ, подавалъ нѣкоторыя надежды, но ужасное событіе, направленное не въ него собственно, а въ него, какъ представителя правительства, такъ поразило его нервы... а можетъ быть — кто знаетъ? — такъ освѣтило его сознание, что онъ ушелъ. Онъ почувствовалъ полное свое безсиліе управлять безъ народа, безъ полновластныхъ представителей его, которые одни могутъ успокоить страну». И многое другое скажемъ. Но только уходите! Согласитесь, если вы не уйдете, то цѣль нашихъ политическихъ палачей не достигнута. Положимъ, число жертвъ очень велико. Это одно изъ самыхъ «грандіозныхъ» явленій и «нравственныхъ поученій» для правительства, но все же оно какъ бы не дѣйствительно. А если вы уйдете, то цѣль достигнута вполнѣ. И ужасъ наведенъ, и вы, противъ котораго сами террористы ничего не могутъ сказать, ушли изъ дѣла».

«Конечно, не этими самыми словами, не совершенно этотъ смыслъ слышится въ этихъ настойчивыхъ слухахъ. Уходите и удовлетво-

рите военачальниковъ террора, который мы не одобряемъ, но противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ, кромѣ послушанія. Въ самомъ дѣлѣ, даже одинъ опытный публицистъ говоритъ: «Противъ анархистовъ нѣтъ внѣшнихъ средствъ!» И говорить это съ такою же твердостью, съ каковою онъ предсказывалъ урожай тамъ, гдѣ слѣдовалъ неурожай, и неурожай тамъ, гдѣ слѣдовалъ урожай. Есть только внутреннія средства, и главное изъ нихъ послушаніе «голосу народа», ибо террористы—это «народъ», это его совѣсть и убѣжденіе. «Всѣхъ долой и все наше». Рецептъ очень простой для тѣхъ, которыхъ преслѣдуетъ терроръ: если взрывъ и убійство при конституціи—переходите немедленно къ парламентаризму, если взрывъ и убійство при парламентарной монархіи—провозглашаете республику, а если при республикѣ послѣдуютъ тѣ же явленія, то одно средство—соціаль-демократія. Терроръ и рассчитываетъ такъ. Напугать правительство и общество и заставить ихъ шествовать ускореннымъ маршемъ къ цѣлямъ террористовъ. Всякая уступка есть расчистка пути для власти революціи. Эволюція—это презрѣнная маска, которую надѣваютъ на себя нѣкоторые; а на самомъ дѣлѣ борьба идетъ репрессіями со стороны революціонеровъ, и безъ нихъ революціонеры должны были бы смѣшаться съ либералами, т. е. употреблять только слова убѣжденія, а не бомбы. Идетъ война и *à la guerre comme à la guerre*. Церемониться нечего. Все пускаютъ въ ходъ: лицемѣріе, обманъ, ложь, шпионство, клевету, взрывы, выстрѣлы. Конечно, и правительство можетъ отвѣчать тѣмъ же. Но вѣдь то самое оружіе, которое у революціонеровъ носить лозунгъ «освобожденія», «счастья родины», у правительства оно носить названіе палачества, разбойничества и подлости. Каждый арестъ и обыскъ—это гнусное насиліе, а каждая фабрика бомбъ—это храмъ народнаго счастья. Каждый убійца городского и въ особенности губернатора—герой, а каждый убійца убійцы городского—преступникъ и негодяй. Удивительно, какъ все это просто и какъ быстро воспринимается все это публикой, даже самой невинной въ политикѣ».

Событіе на Аптекаревскомъ островѣ не привело къ результатамъ, намѣченнымъ революціонерами и косвенно ожидаемымъ лѣвыми группами. Столыпинъ остался невредимъ, проявилъ во все теченіе событія того дня удивительное благородное мужество и самообладаніе и, конечно, сохранилъ свою историческую служебную роль Россіи. На этотъ разъ у враговъ Столыпина дѣло не вышло, сорвалось, какъ срывались и всѣ прочіе на него натиски вплоть до катастрофы 1-го сентября текущаго года. Такимъ образомъ, мы видимъ нашего председателя совѣта министровъ на всемъ протяженіи его кипучей дѣятельности въ пользу обновленія и умиротворенія Россіи въ состояніи постояннаго боевого напряженія и борющимся

и направо и налѣво, какъ силою своего удивительнаго ораторскаго таланта, такъ порою искусною мирною политикою, а въ другія поры-политикою рѣшительныхъ рѣзкихъ дѣйствій. При всѣхъ коллизіяхъ онъ сравнительно удачно выходитъ изъ трудныхъ положеній, но это требуетъ отъ него громаднаго напряженія силъ и непрерывнаго дѣловаго круговращенія, благодаря чему онъ и ставитъ все общество, всѣ законодательныя и исполнительныя учрежденія, всю Россію въ такое же вращеніе, какъ-то поспѣвая самолично входить всюду своимъ импульсомъ, своею инициативою и контролемъ. При этомъ общія основныя положенія его политики дѣйствій остаются неизмѣнными. Бесѣдуя съ однимъ представителемъ иностранной прессы, онъ такъ формулировалъ эту политику, насколько она отражается на современномъ положеніи Россіи:

«Всѣ заботы правительства направлены къ проведенію въ жизнь прогрессивныхъ реформъ. Неустанное развитіе городовъ идетъ объ руку съ экономическимъ подъемомъ сельской и деревенской жизни. Правительство содѣйствуетъ проникновенію въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ той великой истины, что единственно въ трудѣ народъ можетъ обрѣсти спасеніе.

«Вѣ центрѣ заботъ правительства стоитъ преуспѣяніе института мелкой земельной собственности. Настоящій прогрессъ земледѣлія можетъ совершаться только въ условіяхъ личной земельной собственности, развивающей въ собственниковъ сознаніе какъ права, такъ и обязанностей? Наши усилія въ этомъ направленіи не пропадаютъ даромъ. Въ Россіи всѣ трудятся, и если въ Петербургѣ есть люди, немного занимающіеся политикою и критикующіе земельную политику правительства, то въ общемъ преобладаетъ настроеніе бодрого оптимизма и вѣры въ будущее. Земледѣлецъ, обладающій земельной собственностью, защитникъ порядка и опора общественнаго строя.

«Легко сказать: «дайте странѣ всѣ свободы». И я говорю: надо дать свободы, но при этомъ добавлю, что предварительно нужно создать гражданъ и сдѣлать народъ достойнымъ свободы, которыя Государь соизволилъ дать. Поэтому исполненіе моей программы, рассчитано на много лѣтъ. Я горячо вѣрю въ блестящую будущность Россіи. Впрочемъ, Россія и теперь велика, богата и сильна...»

Бесѣдуя съ редакторомъ саратовской газеты «Волга», Столыпинъ говоритъ: «Печати провинціальной и ея развитію я придаю особенное значеніе; задача ея—вѣрно и точно выражать настроеніе страны, ибо нѣкоторыя столичныя газеты слишкомъ много отдаютъ мѣста вопросамъ такъ называемой «высокой» политики и партійному политиканству, руководимому весьма часто закулисными интригами. Сколько времени, напримѣръ, было потрачено, да и до

сихъ поръ тратится, на безплодные споры о томъ, самодержавіе у насъ или конституція. Какъ будто дѣло въ словахъ, какъ будто трудно понять, что манифестомъ 17-го октября съ высоты престола предуказано развитіе чисто-русскаго государственнаго устройства, отвѣчающаго историческимъ преданіямъ и народному духу. Государю Императору угодно было призвать народныхъ представителей себѣ въ сотрудники. Можно ли послѣ того говорить, что народное представительство что-либо «урвало» отъ царской власти?

«Еще укажу на одинъ недостатокъ большей части столичной печати: судя по ея газетнымъ статьямъ, можно подумать, что страна наша охвачена пессимизмомъ, общимъ угнетеніемъ, между тѣмъ я лично наблюдаю, да и вы, думаю, можете подтвердить, что въ провинціи уже замѣчается значительный подъемъ бодрого настроенія, свидѣтельствующаго о томъ, что все въ Россіи начинаетъ понемногу втягиваться въ бодрую работу... Бодрый оптимизмъ, наблюдаемый въ нашей провинціи, совпадаетъ съ проведеніемъ въ жизнь земельной реформы. Я полагаю, что прежде всего надлежитъ создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкаго землевладѣльца, и когда эта задача будетъ осуществлена—гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва—гражданинъ, а потомъ—гражданственность. А у насъ обыкновенно проповѣдуютъ наоборотъ. Эта великая задача наша—созданіе крѣпкаго единоличнаго собственника, надежнѣйшаго оплота государственности и культуры—неуклонно проводится правительствомъ. До сихъ поръ у нашего стомилліоннаго крестьянства, зависимаго всегда отъ другихъ, была одна лишь карьера—карьеру мужика-кулака. Теперь передъ нимъ открываются иные, болѣе свѣтлые горизонты. Становясь личнымъ собственникомъ, единоличнымъ кузнецомъ своего счастья, нашъ крестьянинъ получаетъ широкую возможность проявлять свою личную волю и свой личный починъ въ разумномъ устроеніи своей жизни, своего хозяйства... Итакъ, надо надѣяться, что понемногу, естественнымъ путемъ, безъ какого-либо принужденія, раскинется по Россіи сѣть мелкихъ и среднихъ единоличныхъ хозяйствъ. Вѣроятно, крупныя земельныя собственности нѣсколько сократятся, вокругъ пынѣвшихъ помѣщичьихъ усадебъ начнутъ возникать многочисленныя среднія и мелкія культурныя хозяйства, столь необходимыя, какъ надежнѣйшій оплотъ государственности на мѣстахъ... Сейчасъ у насъ на очереди другая важная реформа. Я говорю о реформѣ мѣстной. Проектируемому правительственнымъ законопроектомъ институту уѣздныхъ начальниковъ приписываютъ стремленіе умалить авторитетъ уѣздныхъ предводителей. Это совершенно несправедливо. Исторически, традиціонно сложившаяся крупная мѣстная сила является авторитетомъ, который

правительству ломать не приходится. Задача заключается въ томъ, чтобы сумѣть скомбинировать съ этою мѣстной властью, остающеюся въ уѣздѣ первенствующею, власть довѣреннаго, уполномоченнаго правительственнаго лица. Наше мѣстное управленіе должно быть построено по той же схемѣ, какъ и во всѣхъ другихъ благоустроенныхъ государствахъ. Посмотрите на Францію и Германію. Вездѣ одно и то же. Внизу основой всего—самоуправляющаяся ячейка—сельская община, на которую возложены многія обязанности и государственныя, какъ-то: дѣла полицейскія, дѣла по воинской повинности и проч. Ни у одного государства нѣтъ матеріальныхъ средствъ, чтобы довести принципъ раздѣленія власти правительственной и общественной до самыхъ низовъ государства. Но уже въ уѣздахъ, вездѣ на Западѣ, мы видимъ подобное раздѣленіе. На ряду съ самоуправляющимися единицами во Франціи—правительственные супрефекты, въ Германіи—правительственные ландраты. Нѣчто аналогичное предстоитъ и въ Россіи...

«Новое земство, по правительственному законопроекту, должно перестать быть сословнымъ, но землевладѣльцы должны сохранить въ немъ свое вліяніе. Землевладѣлецъ—это крупная культурная сила въ великомъ дѣлѣ устроения государства. Напрасно опасаются, что, въ случаѣ принятія законопроекта, старые, испытанные земскіе работники, создавшіе въ теченіе сорока послѣднихъ лѣтъ нынѣшнее земство, будутъ затерты новыми лицами. Они будутъ ими не затерты, а подкрѣплены...

«Итакъ, на очереди главная наша задача—укрѣпить низы. Въ нихъ вся сила страны! Ихъ болѣе ста милліоновъ! Будутъ здоровые и крѣпкіе корни у государства, повѣрьте—и слова русскаго правительства совсѣмъ иначе зазвучатъ передъ Европой и передъ цѣлымъ міромъ. Дружная, общая, основанная на взаимномъ довѣрїи работа—вотъ девизъ для всѣхъ насъ, русскіхъ. Дайте государству двадцать лѣтъ покоя, внутренняго и внѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи!»

Коснувшись въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей нашей внутренней политики въ ея карательныхъ частяхъ, онъ говорилъ: «Для благоразумнаго большинства наши внутреннія задачи должны быть и ясны, и просты. Къ сожалѣнію, достигать ихъ, итти къ нимъ приходится между бомбой и браунингомъ. Вся наша полицейская система, весь трудъ и сила, затрачиваемые на борьбу съ развѣдающей язвой революціи,—конечно, не цѣль, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что были попытки и въ законодательное учрежденіе бросать бомбы! А тамъ, гдѣ аргументъ—бомба, тамъ, конечно, естественный отвѣтъ—без-

пощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтоженіемъ кары, не облегченіемъ возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работой. Вѣдь изнеможенное, изболѣвшееся народное дѣло требуетъ укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары. Не думаете, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей, и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты престола,—и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнутъ и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это случится тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной,—свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія,—преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему государю Россіи, и время это, господа, наступаетъ, и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда».

Изъ приведенныхъ рѣчей ясно обрисовываются общія начала внутренней политики покойнаго премьера, при осуществленіи которыхъ, онъ полагалъ, Россія станетъ крѣпкою и мощною. Мы могли бы привести немало отрывковъ изъ его многочисленныхъ рѣчей и начинаній, обнаруживающихъ его отношеніе къ тѣмъ или инымъ частностямъ этой политики, но это завело бы насъ слишкомъ далеко и превысило бы рамки краткаго поминального очерка. Во всѣхъ его этихъ рѣчахъ проглядывалъ бодрый взглядъ на будущее Россіи, которую онъ надѣялся видѣть реформированною въ предѣлахъ манифеста о свободахъ, но при этомъ онъ всегда предупреждалъ, какъ уже это выше мы подчеркнули, что идти къ этимъ реформамъ галопомъ, не утвердивъ ихъ въ ихъ основѣ и не создавъ для нихъ благопріятной обстановки, было бы громадною ошибкою. «На легкомъ тор-мозѣ—впередъ»,—вотъ его поступательный кличъ. Это «впередъ»—сердило правыхъ, наличіе «тормоза»—энервировало «лѣвыхъ», стойкость, послѣдовательность и мужество — создавали къ нему ненависть революціонеровъ.

Нельзя не сознаться, что работа при такихъ условіяхъ была не изъ легкихъ, и можно только удивляться его всепоглощающей энергіи, которая позволила ему въ короткій пяти-

лѣтній срокъ его премьерства достигнуть такихъ значительныхъ относительно результатовъ, принимая при этомъ въ расчетъ нашу общую способность за все скоро и энергично браться и такъ же скоро остывать и переходить въ разслабленное состояние бездѣятельности и знаменитаго авось». Столыпинъ ни этой бездѣятельности, ни этого «авось» не терпѣлъ и, горя самъ въ работѣ и кипя законопроектами, побуждалъ все окружающее, не исключая и нашихъ законосовѣщательныхъ учреждений, работать не покладая рукъ и бытъ постоянно на чеку нуждъ Россіи.

Въ частности, отдавая все свои силы государству въ полномъ его масштабѣ, онъ находилъ еще время заботиться о второстепенныхъ сторонахъ русской жизни, если только онъ наблюдалъ, что здѣсь царитъ застой, который надо энергично устранить его личной энергіей. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія его дѣятельность на пользу Петербурга, его оздоровленія, упорядоченія его хозяйства, его благоустройства. Часто послѣ томительнаго дня напряженной работы онъ и въ ночное время, вмѣсто отдыха, выѣзжалъ изъ дома, чтобы осмотрѣть состояніе городскихъ ночлежныхъ домовъ.

«Кипя, волнуясь и спѣша», Петръ Аркадьевичъ, однако, ясно сознавалъ, что онъ—лицо, пожертвованное благу реформированной Россіи. Уходя изъ дому, онъ, по его словамъ, никогда не былъ увѣренъ, что вернется цѣлъ и невредимъ, и всегда чувствовалъ себя подъ Дамокловымъ мечомъ опасности. Вопросъ сводился только къ тому: когда и гдѣ пробьетъ его послѣдній часъ. День 12-го августа 1907 г. прошелъ для него лично благополучно, но четыре года спустя враги его справили свое торжество надъ нимъ. Нашелся убійца, который при непонятныхъ для насъ пока условіяхъ сумѣлъ прервать всею дорогою для насъ жизнь сановника-рыцаря и печальника Россіи. Убійцей этимъ оказался кievскій житель еврей Богровъ, состоявшій одновременно на послугахъ и революціи и охраны. Кто именно въ немъ говорилъ, когда онъ цѣлилъ свой револьверъ въ Петра Аркадьевича,—когда пишется настоящая статья, еще въ точности не выяснено. Элементы крайней правой и крайне лѣвой въ данномъ случаѣ символически слились воедино и свели свои счеты съ человекомъ, который имъ одинаково былъ ненавистенъ. Вся обстановка этого загадочнаго убійства глубоко возмутительна, кошмарна, и со временемъ, когда все обстоятельства дѣла болѣе выяснятся и обнаружатся, въ нашу исторію будетъ во всехъ подробностяхъ внесена кровавая страница, настоящее заглавіе которой—«Позоръ Россіи». Испытать этотъ позоръ нелегко и сдѣлать это можно и должно не словами сожалѣнія, не плачемъ, ни даже постановкой

руководныхъ памятниковъ, а стремленіемъ твердо продолжать дѣло Столыпина обновленія Россіи и созданія изъ нея той мощной и счастливой державы, какою онъ наравнѣ со всѣми лучшими русскими людьми всегда желалъ ее видѣть. Пусть прекрасный образъ его, образъ «кузнеца-гражданина», ковавшего «безъ оглядки» русское народное счастье, свѣтитъ намъ въ этой работѣ, и лишь тогда съ чистой совѣстью мы будемъ въ состояніи, глядя на его могильный памятникъ, говорить:

Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

Ты много сдѣлалъ для своей отчизны, отдалъ себя, свою жизнь ей всецѣло, покрылъ труды свои своей алой кровью, и Россія тебя не забудетъ, отвѣдая тебѣ въ исторіи нашей общественности и государственности послѣдняго времени одно изъ первыхъ мѣстъ, украшенныхъ любовью и признательностью твоихъ современниковъ.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА ¹⁾.

XI.

Шепчуть вязы, шепчуть ивы,
Налетают вѣтерки,
Шепчуть дивные рассказы про отжитый вѣкъ счастливый
И колышут тростники.
Незнакома, позабыта
У людей родная быль.
Обветшали стѣны дома, и ступени изъ гранита
Раскололись въ прахъ и пыль.

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы» М. К.).

ОЛНЦЕ наконецъ справилось съ послѣднимъ слоємъ облаковъ и брызнуло цѣлымъ снопомъ жаркихъ лучей въ окна террасы. Лиза захлопнула крышку рояля и вышла въ садъ. Кое-гдѣ на липовыхъ вѣткахъ еще сверкали алмазные тяжелыя капли. Уже въ густой сѣни аллея показывались блѣдные осенніе тона, но все кругомъ радостно сіяло, и быстро высыхали лужи, и свѣтлѣли изрѣшетенныя дождемъ дорожки цвѣтника.

Лиза направилась къ материнскому «пріюту мечтаній». По дорогѣ ее догналъ лохматый Сократъ и, лизнувъ ей на ходу руку, понесся съ радостнымъ лаемъ впередъ. Омытыя дождемъ, ярко бѣлѣли теперь на солнцѣ мраморныя разбитыя ступени, и огромный бугоръ ошетиивался надъ ними цѣлымъ лѣсомъ репейника и крапивы. Семья пестрокрылыхъ щеглятъ порхала въ ихъ заросляхъ, весело щебеча

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХV, стр. 769.

затѣйливые напѣвы. Прудъ за это лѣто почти на половину заросъ бѣлокрыльникомъ, и надъ его зелеными, сердцевидными листьями шелестѣли пышныя, уже слегка желтѣющія метелки тростника. Одиноко плавалъ черноклювый лебедь. Онъ былъ совершенно ручной и, издали завидѣвъ Лизу, красиво изогнулъ шею и, словно воздушное бѣлое облако, держался въ ожиданіи ея у самаго берега. Лиза достала изъ кармана хлѣбъ и стала бросать ему куски. Прошло полчаса... Вдругъ на вершинѣ бутра появилась высокая фигура.

Яшневъ... Сердце Лизы дрогнуло.

— Здравствуйте!—крикнулъ онъ черезъ прудъ.

Сократъ съ нестовымъ лаемъ помчался навстрѣчу, но Лиза отозвала его и, придерживая за ошейникъ, пошла въ обходъ. Они сошлись у липовой аллеи.

— Здравствуйте! какъ это вы нашли меня?—спросила она, едва сдерживая радостную улыбку.

— По нюху, вѣришь—по указанію вашей востроносой Кирилловны.

— Почему востроносой?—смутилась Лиза.—Я никогда не замѣчала, что у нея носъ острый.

— И носъ, и взглядъ! Особа вообще острая. Я ее и раньше видѣлъ и былъ пораженъ ея сходствомъ съ копчикомъ, а онъ тупымъ клювомъ и глазомъ, какъ сами знаете, не отличается. Вы, кажется, обидѣлись?—прибавилъ онъ и прищурился.

— Ничуть!

Лиза почувствовала, однако, что надо взять себя въ руки, и приняла то холодное выраженіе, которое, по ея мнѣнію, должно было поставить всякаго излишне смѣлаго собесѣдника въ надлежащія рамки.

— Итакъ, я тутъ и явился по первому вашему зову.

— По моему зову?

— Да, переданному мнѣ Шемаевымъ. Вы отдали приказаніе есму Садку привлечь меня въ Колычево, и чѣмъ свѣтъ вы на ногахъ и я былъ бы у вашихъ ногъ, если бы было сухо. Однако шутки въ сторону. Какъ же мы попадемъ въ этотъ интересный подвалъ? И обошелъ всю насыпь, а входа не видаль?

Лиза пошла впередъ.

— Впрочемъ,—остановилась она:—надо сперва зайти домой за огаркомъ, тамъ вѣдь тьма кромѣшная?

— На этотъ счетъ не беспокойтесь,—у меня восковыя спички есть. А вы этой тьмы кромѣшной не боитесь?

— Не знаю! я думаю, не боюсь.

Она отыскала дверь въ кустахъ и распахнула ее. Сократъ спустился первый и, громко нюхая землю, скрылся въ темнотѣ. Яшневъ сошелъ по ступенькамъ и подаль руку Лизѣ.

— Опирайтесь крѣпче,—сказаль онъ, съ улыбкой заглядывая ей въ глаза.—Что? страшно?

— Ничуть!

— А если тамъ ютятся разбойники?

— Какіе пустяки!

— А привидѣнія?

— Еще большіе...

Онъ зажегъ спичку. Узкій коридорчикъ упирался въ стѣну.

— Постойте,—сказаль Яшневъ:—по-моему, тутъ направо должна быть дверь въ кухню. Я не разъ убѣгалъ въ это подземное Еремѣево царство и помню его довольно живо. Надо сознаться, я былъ порядочнымъ обжорою въ дѣтствѣ.

Дверь въ кухню оказалась дѣйствительно направо. Онъ толкнулъ ее. Она, словно застававъ на ржавыхъ петляхъ, открылась и задула огонь спички. Яшневъ зажегъ новую и вошелъ вмѣстѣ съ Лизой. Въ огромной комнатѣ подъ слоемъ сѣрой пыли бѣлесоватой громадою выдѣлялась плита. На полкахъ стояли какіе-то черные предметы. Сократъ шшырять по угламъ, приплюхиваясь къ полу.

— Ишь, мерзавецъ! чуетъ, что тутъ когда-то вкусно пахло.

Лиза молчала. Ей было жутко и стоило большихъ усилій не показывать вида, что она робѣеть. Яшневъ обошелъ кухню.

— Вотъ эта дверь вела наверхъ черезъ коридоръ въ буфетную.— Онъ попробоваль открыть ее, она не подалась.—Гм... я понимаю. Ходъ загромозденъ обрушившимся потолкомъ и балками настолько плотно, что здѣсь безъ притока воздуха и остановился огонь. Да, постройка была на совѣсть. Надъ этой кухней помѣщалась голландская столовая. Здѣсь вотъ прямо надъ нами стояль овальный дубовый столъ, который растягивался на 48 персонъ. Это я помню отлично... А тутъ,—онъ прошелъ въ уголь,—быль удивительный каминъ изъ бѣлыхъ съ синимъ изразцовъ. Я и его помню, потому что рисунокъ ни на одномъ не повторялся, хотя было всего два сюжета—мельница и море, но каждый разъ они были изображены иначе, и это насъ съ братомъ очень забавляло. Рядомъ съ этой парадной столовой была другая, поменьше, семейная или обюссоповая. А вотъ тутъ,—онъ провелъ Лизу черезъ коридоръ въ большую комнату съ почернѣвшими койками вдоль стѣнъ,—была людская. Эти же нѣсколько дверей вели въ отдѣльныя комнаты для болѣе почетныхъ слугъ, изъ которыхъ въ мое время считался главнымъ Евграфъ, хотя онъ и жилъ уже не тутъ, а только приходилъ по утрамъ обметать пыль, и его фракъ висѣль одинъ въ его бывшей каморкѣ. Вотъ она...

Онъ распахнулъ крайнюю дверь. Спичка бросала красноватый свѣтъ на пыльные деревянные нары и табуретки. На стѣнѣ была приколочена ржавыми гвоздиками вырѣзанная изъ моднаго жур-

нала картинка съ двумя дамами въ пышныхъ кринолинахъ и дѣвочкой, катившей обручъ. Лиза подошла поближе.

— Какія курьезныя шляпки! Интересно, какого года?

Яшневъ хотѣлъ сорвать картинку со стѣны.

— Оставьте! Смотрите: *Magazin des dames et des demoiselles...* 1861 года... Время ее пощадило, и не намъ разрушать.

Яшневъ улыбнулся.

— Преклоняюсь передъ вашей волей!.. А знаете, — вѣдь тутъ цѣлая громадная квартира. И смотрите, какъ все отлично сохранилось. При малѣйшей надобности это помѣщеніе можно прекрасно использовать.

Онъ остановился. Точно какая-то мысль зародилась въ его головѣ, и онъ внимательно обошелъ и другія комнаты.

— Настоящій дворецъ!

Открылась еще одна послѣдняя дверь, но едва они вошли въ нее, она съ шумомъ захлопнулась и наступила полная темнота. Огонь погасъ. Яшневъ потянулъ дверь къ себѣ, но часть ручки осталась у него въ рукахъ, а другая со звономъ упала по ту сторону на полъ. Сократъ нюхаль воздухъ и яростно царапалъ землю. Яшневъ шарилъ рукою по полу, ища оброненную коробку спичекъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Весь полъ покрытъ какой-то липкою грязью... Гдѣ вы? — окликнулъ онъ Лизу.

— Здѣсь, — отвѣтила она. — Что случилось?

— Я сломалъ замокъ въ дверяхъ и ихъ не открыть.

Лиза стояла недвижно. Она боялась пошевелиться или прислониться къ стѣнѣ. Ее охватилъ безумный ужасъ. Ей казалось, что, кромѣ нихъ, есть еще кто-то въ этой комнатѣ, что тамъ изъ невидимыхъ тешеръ угловъ какія-то тѣни чутко настораживаются, крадутся толпою... подползаютъ все ближе и ближе... Уже протягиваются страшныя дѣбкія и косматыя лапы, которыя сейчасъ обхватятъ, сдавятъ, задушатъ... Хотѣлось крикнуть, но не было голоса.

Спички отыскались. Огонь вспыхнулъ. Тѣни всколыхнулись, ударились въ бѣгство, скользнули по потолку и спрятались. Комната освѣтилась неровнымъ тусклымъ свѣтомъ. Она была нѣсколько крупнѣе предыдущихъ, но стѣны ея обросли грибами и наростами плѣсени. Съ потолка висѣли длинные, безобразныя клочья паутины. Печь въ углу расползлась по швамъ, и нѣсколько выпавшихъ кирпичей валялись рядомъ на полу. Среди липкой грязи стояли сумки и полусгнившіе чемоданы. Очевидно, это была кладовая. Лиза оглядѣлась.

— Нѣтъ ли другой двери?

— Нѣтъ, повидимому. А надо отсюда какъ-нибудь выбраться. Если бы найти какой-нибудь крючокъ и пропустить въ отверстіе дверной ручки, чтобы притянуть дверь къ себѣ? Она открывается сюда вовнутрь.

Онъ приложилъ глазъ къ скважинѣ, попробовалъ просунуть палецъ,—отверстіе было слишкомъ мало. А минуты шли... Лизѣ казалось, что это не минуты, а часы... Сердце билось и дышать было трудно... Яшневъ обошелъ комнату. На стѣнахъ торчали гвозди и висѣли какія-то лохмотья. Онъ передалъ спички Лизѣ и потянулъ гвоздь обѣими руками. Тотъ сразу обломился.

— Труха ржавая! Какая тутъ сырость, однако! Но что же дѣлать наконецъ? Вѣдь мы буквально погребены заживо? Никто не знаетъ, гдѣ мы, и насъ могутъ еще долго не хватиться.

— Который часъ?—спросила Лиза.

— Безъ четверти часъ.

— Обѣдъ въ два, и до тѣхъ поръ Кирилловна и не подумаетъ искать меня, а Таяя помогаетъ въ полѣ. Что же дѣлать?

Спичка догорала. Лиза собиралась зажечь новую.

— Будьте экономнѣе. Спичекъ уже немного!—предупредить Яшневъ.

Огонь снова потухъ... Только свѣтился кончикъ папирасы, то вспыхивая у рта молодого человѣка, то опускаясь книзу въ его рукѣ. Наконецъ онъ бросилъ окурокъ.

Они стояли близко другъ отъ друга. Лиза слышала его дыханіе, и ей снова сдѣлалось страшно. Ему стоило только протянуть руку, чтобы обнять и привлечь ее къ себѣ, и она сама не знала, хотѣлось ей этого, или нѣтъ. Сердце ея стучало все чаще и страннѣе, и ей казалось, что онъ слышитъ его біеніе. Сократъ жалобно скулилъ около ея ногъ, положивъ морду на лапы. Она не выдержала и зажгла спичку. Снова отступила темнота, и зловѣщеннасторожились сбившіяся въ кучи тѣни. Красноватый отблескъ упалъ на красивую голову съ блестящими мелкими завитками волосъ и бороды, и мертвенно блѣднымъ казалось это мужское лицо въ ихъ рамкѣ.

Яшневъ вдругъ подошелъ къ Лизѣ вплотную и, заглянувъ ей въ самую глубь зрачковъ, вымолвилъ:

— Какая вы смѣлая! Другая бы давно металась въ истерикѣ или лежала въ обморокѣ. А вы молодецъ! Дайте мнѣ вашу руку.

Онъ не поцѣловалъ этой смуглой, загорѣвшей руки, а только пожалъ крѣпко, по-мужски.

— Да съ вами можно имѣть дѣло! Однако надо же предпринять намъ что-нибудь. Не ожидать же помощи извнѣ?

Онъ колѣномъ надавилъ дверь—она не подалась.

— Разбить ее?

— Чѣмъ?

— Да этимъ кирпичомъ!

Лиза подала ему одинъ изъ валявшихся кирпичей, но отъ перваго же удара онъ разсыпался въ песокъ.

Ее вдругъ осѣнила мысль. Она сняла съ руки массивный, хотя и узкій браслетъ.

— Вот возьмите! это porte-bonheur, который миѣ подарили въ 16 лѣтъ. Можетъ быть, онъ дѣйствительно принесетъ миѣ счастье и выдержитъ,—воспользуйтесь имъ вмѣсто гвоздя... Только торопитесь, всего осталось двѣ спички.

Яшневъ просунулъ раскрытую браслетку въ отверстие, потянулъ разъ, другой,—и дверь открылась. Сократъ первый съ громкимъ лаемъ бросился воиъ. Яшневъ пропустилъ Лизу впередъ и вышелъ послѣднимъ. Когда они взобрались по расшатаннымъ ступенькамъ наверхъ, у Лизы вдругъ закружилась голова и подкосились ноги. Яшневъ подхватилъ ее и бережно опустилъ на траву.

— Вы меня ослзили,—прошептала Лиза.

— Ничего, отдохните! Это дѣйствіе свѣжаго воздуха. Мы надыхались миазмами погреба и землянымъ газомъ. Это легкое отравленіе. Я сильнѣе васъ, и то меня шатаетъ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Страшно!..—тихо говорила Лиза:—миѣ кажется, что прошла цѣлая вѣчность съ той минуты, какъ мы встрѣтились сегодня, какъ я увидала васъ на этомъ бугрѣ... Цѣ-ла-я вѣч-ность...—медленно, раздѣльно, точно во снѣ повторила она и, положивъ на колѣни локти, ладонями сжала голову.

Онъ съ улыбкой глядѣлъ на нее. Нѣсколько времени оба молчали.

— Есть не часы, а минуты, которыя стоятъ десятковъ лѣтъ,—заговорилъ онъ и, скинувъ шляпу, расправилъ волосы.—Однѣ сближаютъ людей, другія рушатъ то, что человекъ считалъ для себя неколебимымъ и священнымъ, и создаютъ ему новый неожиданный міръ. Это минуты откровенія... Лучшія, или, вѣрнѣе, самыя важныя минуты жизни. Я,—какъ-то особенно мягко и задушевно продолжалъ онъ,—тоже чувствую, что не скоро забудутся эти пережитыя нами вмѣстѣ, гдѣ вы такъ стойко держали себя, и если вамъ когда-нибудь понадобится поддержка,—вспомните обо миѣ.

Онъ вертѣлъ въ рукахъ ея браслетъ:

— Вотъ вашъ porte-bonheur. Позвольте, я застегну его.

Лиза протянула руку, но браслетъ былъ погнуть, и замокъ не закрывался.

— Довѣрьте миѣ этотъ символъ счастья,—разсмѣялся онъ весело:—я попробую починить его.

Прошло еще нѣсколько времени. Наконецъ они встали.

— Боже мой! на что я похожа!—опомнилась Лиза. Ея ботинки, несмотря на галоши, были мокры насквозь. Подолъ на цѣлую четверть пропитался липкой грязью, а въ волосахъ запутались ключья паутины.—Что скажетъ Кирилловна?

— Однако вы старушку не на шутку побаиваетесь! Признаюсь, она и миѣ внушаетъ уваженіе.

Они тихонько направились домой. Ноги Лизы слушались плохо. Нервная приподнятость перешла въ пристрацію. Молодая дѣвушка охотно приняла руку своего спутника.

— Вы не церемоньтесь! кричите опирайтесь,—говорилъ онъ. Сократъ, широко размахивая пушистымъ хвостомъ, то уносился впередъ, то возвращался, пытаясь лизнуть хозяйку въ лицо. Онъ, видимо, наслаждался возвращенной свободой. Подходя къ дому, они услышали голосъ Кирилловны, громко кричавшей:

— Шуга! шуга!

Старушка, стоя на ступенькахъ хмелевой террасы, размахивала полотенцемъ. У ногъ ея прятался подъ крылья клохчущей насѣдки цѣлый выводокъ цыплятъ, а надъ ними въ воздухѣ кружили ястребъ. Лиза невольно остановилась... Да! Кирилловна сама была похожа на какую-то большую хищную птицу... «Странно... я раньше не замѣчала этого», подумала молодая дѣвушка и направилась быстрѣе къ дому. Старушка встрѣтила ее злобыми глазами.

— Слава Богу, наконецъ отыскалась!—проворчала она, загоня насѣдку подъ террасу.—И гдѣ это ты пропадала. Тетеньки нѣтъ, такъ и тебя нѣтъ? Обѣдъ стынетъ, все пересохло и перестояло. Батюшки!—всплеснула она обнаженными по локоть худыми, сморщенными руками,—гдѣ это ты такъ перемазалась? Куда это вы, сударь, ее водить изволили? — обратилась она уже совсемъ свирѣпо къ Яшневу.

— Не твое дѣло!—отвѣтила Лиза.—Пришли мнѣ Таю. Я переодѣнусь.

— Тани нѣтъ, я сама подамъ тебѣ.

— А мнѣ позвольте щеточку, Наталья Кирилловна.

— Въ передней на вѣшалкѣ!—сухо отвѣтила она.

Оставшись наединѣ съ Лизой, она такъ и пронзла ее своимъ острымъ взглядомъ.

— Давно знаешь его?

— Давно.

— Это что жь, не та, инспекторша, познакомила развѣ?

Лизу досадовало любопытство старухи.

— Нѣтъ, не она.

— А гдѣ ты была съ нимъ сейчасъ?

Въ подвалѣ.

Кирилловна даже ротъ раскрыла.

— Да ты что морочишь меня, мать моя? Одна съ мужчиною въ темномъ подвалѣ? Да что тетенька-то скажетъ?

— Не знаю. Давай же мнѣ платье и чулки.

— Да что ты тамъ съ нимъ дѣлать могла? Да ты съ ума сошла никакъ... Да если это люди узнаютъ, да что про тебя болтать пойдутъ?..

— Не знаю и знать не хочу, а ты вотъ сама лучше болтай поменьше и дай мнѣ переодѣться... Я озлябла... Дай мнѣ все бѣлье, я переодѣнусь съ головы до ногъ.

Кирилловна быстро подала требуемое и помогла Лизѣ одѣться. Растирая ее отсырѣвшія ноги, она вдругъ нѣжно припала къ нимъ губами.

— Будь ты, касатка моя, осторожниѣ съ мужчинами. Не слѣдь тебѣ, барышнѣ, ровно замухрышкѣ какой, съ ними наединѣ гулять. Одна ты у тетеньки!..

За обѣдомъ она уже весело прислуживала обонмъ, и Яшневь даже осмѣлился спросить ее: что значить «шуга»?

— А слово вѣщее такое; оно годится и на ястреба, и на всякую бѣду, и на злого человѣка,—отвѣтила она бойко.—Скажешь его, полотенцемъ махнешь—все пропадетъ... Ихъ три такнхъ есть: шуга, веда, сагана...

— Жаль, что мы ихъ раньше не знали,—улыбнулся Яшневь.—Мы, вѣрно, скорѣе изъ западни бы вырвались. Вы знаете, мы уже съ барышней рѣшили, что намъ тамъ и помереть придется.

И Василиій Игнатьевичъ, нарочно сгущая краски, началъ рассказывать о старой кладовой. Кирилловна только охала и крестилась. Лиза весело смѣялась.

— Это еще что!—продолжалъ молодой человѣкъ.—А вотъ подъ Парижемъ въ кладбищѣ подземномъ разъ двое заблудились, такъ оно куда хуже было. Они со свѣчами пошли, да свѣчи-то у нихъ догорѣли, а когда ихъ на утро сторожа разыскали, онъ въ свои двадцать лѣтъ сѣдымъ, какъ лушь, оказался, а она, помѣшанная, костями мертвыми играла...

— Здравствуйте!—раздался въ дверяхъ голосъ тети Саши. Всѣ вздрогнули. Кирилловна даже тарелку уронила.

— Съ нами крестная сила! Да что съ вами?

— Александра Николаевна, совсѣмъ измученная, присѣла къ столу.

— Хоть плачь!.. Какъ безъ рукъ—пѣть людей, да и конецъ.

И, возобновивъ знакомство съ Яшневымъ, она рассказала о проискахъ Михалки.

— Подождите, сударыня,—возразилъ молодой человѣкъ:—дайте мнѣ основаться тутъ, я этого своего бывшего сверстника живо образумлю.

— Такъ это вѣрно, что васъ сюда назначаютъ?

— Бумага пошла въ управу, и дѣло мое разрѣшится на ближайшихъ дняхъ.

Когда отъ крыльца отѣхалъ старый докторскій кабріолеть, всѣ стояли, провожая его, и даже Кирилловна ласково крикнула вслѣдъ:

— Счастливаго пути!

А Лиза присѣла на ступеньки и, глядя на огненную черточку вечерней, догоравшей въ просѣкѣ зари, долго прислушивалась къ стуку колесъ... Цѣлая вѣчность! она понимала, что еще вчера для нея было возможно не думать о немъ, что могъ явиться другой и отвлечь ее, но что отнынѣ всѣ ея помыслы, всѣ мечты, всѣ силы, вся ея жизнь—получили одинъ смыслъ и интересъ—его личность,

его близость и расположеніе. Его голосъ одинъ имѣлъ для нея значеніе, и куда бы этотъ милый голосъ ни позвалъ, она безъ возраженія всюду послѣдуетъ за нимъ: на счастье, на горе, на блаженство и на вѣчную муку.

XII.

Ненастный день. Не спорится работа
И книга валится изъ рукъ.
Закрѣто фортепьяно. Вдругъ—
Чу! Колокольчикъ... въ гости ѣдетъ кто-то...

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.)

Черезъ два дня въ кольчевской гостиной снова сидѣли гости, на этотъ разъ настолько важныя, что Лиза тотчасъ же распорядилась послать за теткой въ поле. Это былъ самъ полковой командиръ Николай Владимировичъ Трынинъ съ супругою Луизой Ѳедоровной.

Молодая дѣвушка внимательно выслушивала рассказы полковника о пребываніи на Дунаѣ и угощала полковницу чаемъ.

Полковница, урожденная баронесса фонъ-Маусъ,—о чемъ она неукоснительно, какъ бы вскользь, сообщала каждому новому знакомому,—была сухопарая, высокая остзейка, очень красивая въ профиль и непріятная en face. Ея сѣрые, холодные глаза словно невзначай скользили по предметамъ, быстро запечатлѣвая въ куриномъ мозгу, неспособномъ ни на какую отвлеченную мысль, всѣ внѣшнія подробности. Зато малѣйшій намекъ на сенсационность или скандалъ находилъ тотчасъ же свой откликъ въ чопорной душѣ, и острый взглядъ подмѣчалъ всякую трещину на чужой чашкѣ и потертость посторонняго локтя. Дѣтей у нихъ не было, но многочисленная нѣмецкая родня вѣчно присылала къ нимъ-то барышню повеселиться на полковыхъ балахъ, то тетеньку подышать воздухомъ, то юношу отбывать повинность подъ ферулой Трынина.

За завтракомъ послѣ полкового ученья все офицерство садилось за огромный круглый столъ, уставленный всякими форшмаками и яствами, обильно приправленными лукомъ, перцемъ и «собачимъ сердцемъ», т. е. горчицей.

Слышались вѣчно неизмѣнныя, набившія всѣмъ оскомину шутки полковника объ адмиральскомъ часѣ, о томъ, что Луиза Ѳедоровна забыла налить ему въ очередь рюмку, а потому всѣ могутъ пить не въ очередь, что «желонеръ и жонглеръ профессіи разныя», что «адъютантъ не диллетантъ и штатскій фронтъ не имѣетъ правъ на аксельбантъ», и т. п. плоскости. Но Луиза Ѳедоровна ихъ очень любила и, слушая, кокетливо поджимала губки. Она строго наблюдала, чтобы салфетки подавались туго накрахмаленными, тарелки—грѣтыми и всѣ кушали съ аппетитомъ. Никакіе служеб-

ные разговоры не допускались, зато всякимъ городскимъ сплетнямъ открытъ былъ полный просторъ, и не было въ Горскѣ сколько-нибудь виднаго дома, которымъ бы не интересовались въ командирской столовой. Паводить справки и выспрашивать Луиза Федоровна была мастерица и умѣла съ великой виртуозностью даже молчалишкамъ развязать языкъ при надобности.

Отъ кого-то она уже прослышала о визитѣ молодого Яшнева и допытывала теперь Лизу, какъ онъ ей понравился.

— А вы *знаете*,—она, какъ многіе даже вполне обрусѣвшіе пѣмцы, выговаривала передъ согласными з какъ с,—а вы *знаете*, что онъ нагилить?

Лиза вспыхнула.

— Этого быть не можетъ!

— Да, да! я павѣрно *знаю*. Вы не смотрите, что онъ безъ синихъ очковъ и пледа, но онъ никогда не ходитъ въ церковь и не крестится. И потомъ онъ такой *слои*, *слои*... онъ жестокий. У нашей одной ротной командирши пропалъ котенокъ,—ему мальчишки вѣдь лавятъ кошекъ и собакъ,—такъ онъ этого котенка три дня въ маслѣ купалъ. Да, да! налилъ полную миску и пустилъ плавать, а самъ его нарочно еще мясомъ кормилъ... Котенокъ умеръ. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ?

— Для вивисекціи, матушка! — перебилъ полковникъ, — для науки. Не ребенка же ему было въ маслѣ держать!

— А зачѣмъ это ему нужно? Точно и такъ лечитъ нельзя? Это пустяки, онъ просто *слои*. Другой братъ добрый, а онъ *слои*. Очень жаль, что его братъ уѣхалъ на Уралъ. Онъ на *слатпромышленнѣ*хъ прінскахъ на три года мѣсто получилъ. Онъ очень добрый, а этотъ *слои*.

Лиза едва сдерживала себя, чтобы не подать вида, какъ задѣвали ее эти слова. «Сама ты злока!» подумала она и радостно вздохнула, заслышавъ шаги возвратившейся тетки.

Александра Николаевна наскоро переодѣлась. Едва показалась въ дверяхъ ея полная, осанистая фигура, полковникъ, шаркая мягкими пѣхотными ногами, вперевалку направился къ ней черезъ гостиную и приложился къ ручкѣ.

Луиза Федоровна, поджавъ губы, критическимъ окомъ окинула ея костюмъ. Лиза со вздохомъ облегченія поднялась съ кресла и ушла къ себѣ.

— Устали, ваше высокопревосходительство? все хозяйствуете? — спросилъ Трынинъ.

— Да, поневолѣ приходится. Свой глазъ всегда вѣриѣ

— Неужели вы сами *ведите* въ поле? — спросила полковница. — *Расвъ* у васъ нѣтъ *прикащика*? Вы такая важная генеральша?

— При чемъ мое генеральство? Теперь каждый часъ дорогъ. — И она рассказала о своихъ затрудненіяхъ. — Такая бѣда! поневолѣ

вздохнешь по крѣпостному времени, тогда такихъ задержекъ и бывать не могло: людей было достаточно.

— Помилуйте, — возразилъ полковникъ: — зачѣмъ же вы раньше не обратились ко мнѣ? Я вамъ завтра же сколько угодно людей пришлю: солдатъ послѣ лагерей отпускаютъ охотно на вольныя работы!

Александра Николаевна такъ и просіяла.

— Неужели правда!

— А вы не знали? Я пришлю вамъ пятнадцать или двадцать человѣкъ и кашевара съ ними, подберу нарочно лучшихъ работниковъ, и вамъ никакихъ съ ними хлопотъ не будетъ. Пища у нихъ будетъ своя, а относительно платы столкуетесь. Только прошу, не слишкомъ ихъ балуйте и располагать ими можете до конца мѣсяца.

Такое легкое и быстрое разрѣшеніе мучившаго ее вопроса привело Сотову въ радужное настроеніе. Она угостила гостей на славу, заставила Лизу играть и пѣть, сама повела и показала имъ садъ и птичникъ и дружески на прощанье расцѣловалась съ сухопарой полковницей. Та любезно пригласила и ее, въ свою очередь, и, подставивъ Лизѣ щеку, вымолвила:

— Въ Горскѣ не у однихъ Адриановыхъ веселятся. Послѣ войны и у насъ танцы и спектакли въ модѣ. Я жду на зиму мою племянницу, баронессу Клотильду фонъ-Маусъ, дочь моего младшаго брата. Надѣюсь, вы другъ другу понравитесь.

— Фу, какая тошнотворная жердь! — вырвалось у Лизы, едва полковницкая коляска съ кучеромъ изъ солдатъ, въ смѣшно сидѣвшей на бритой головѣ поярковой шляпѣ, скрылась изъ вида. — Поздравляю эту «Клотилду», если она на тетеньку похожа.

— Фи, Лиза! какъ ты выражаешься! Она, напротивъ, очень милая. А самъ полковникъ одна прелесть. Я расцѣловать его готова. Только гдѣ же мы размѣстимъ солдатъ?

— Удивительная забота, — возразила призванная на совѣтъ Кирилловна: — солдатъ человѣкъ походный, заснетъ и въ болотѣ, а не то что на сѣновалѣ.

— Что ты, что ты! Это нельзя! Еще огонь изъ трубки заропятъ, а въ людской и такъ тѣснота.

— Знаешь гдѣ, тетя? въ старомъ подвалѣ.

Арефій выпучилъ глаза.

— Что вы, барышня? тамъ всякая нежить водится.

— Никого тамъ нѣтъ, — и она рассказала о своемъ посѣщеніи. — Я даже очень рада этому. Пусть они его хорошенько вычистятъ и уберутъ, а я потомъ въ немъ школу открою. Не перечь мнѣ, теточка! Ты увидишь, какъ все отлично будетъ. А Михалкѣ это такой нось, что я плясать готова.

И она, обхвативъ Кирилловну, закружила ее по комнатѣ,

На утро 16 солдатъ въ бѣлыхъ гимнастеркахъ, съ шинелями въ закрутку и мѣшками на плечахъ выстроились передъ барскимъ крыльцомъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!—отчеканили они вышедшей къ нимъ хозяйкѣ.

Кирилловна тотчасъ же приняла ихъ подъ крылышко и напоила чаемъ. Лиза впорхнула веселая и оживленная.

— Гдѣ вашъ старшій?

Выступилъ бравый, хотя и приземистый, черномазый малый и отрекомендовался унтеромъ Вороновымъ.

— Вотъ что, голубчикъ Вороновъ, пойдѣте, посмотрите, хорошо ли вамъ тутъ будетъ.

Черезъ какіе-нибудь три-четыре часа и тетя Саша, и Кирилловна убѣдились въ практичности Лизинаго проекта. Когда отколотили доски и впустили въ окна свѣтъ, оказалось, что этотъ старый, 17 лѣтъ стоявшій безъ употребленія подвалъ вполне пригоденъ для жилья. Отрядивъ десятерыхъ изъ своей команды въ поле въ помощь къ Арефію, унтеръ вмѣстѣ съ остальными принялся мести, скрести, мыть и колотить въ отведенной имъ квартирѣ. На полкахъ кухни нашлась цѣлая батарея кастрюль и котловъ, а въ шкалахъ вороха прочей посуды, и, когда бѣлобрысый Андрейчукъ, поплевавъ на какую-то крышку, потеръ ее тряпкой, сквозь многолѣтнюю грязь и копотъ заблестѣла мѣдь.

— Ровно твое золото!—сунулъ онъ ее подъ самый носъ Кирилловнѣ.

Та словно на двадцать лѣтъ помолодѣла и серной носилась изъ своей кухни въ подвалъ, перетаскивая неожиданныя богатства, которымъ ея хозяйственное сердце радовалось совершенно по-дѣтски.

Да и вся усадьба точно ожила. Снова, какъ въ давно прошедшіе годы, зазвенѣли голоса, зашаркали по дорожкамъ ноги. Кусты репейника и крапивы ложились рядами подъ ударами косъ и топоровъ, и въ прудѣ отражались опять квадраты старыхъ подвальныхъ оконъ.

Михалка, возвращаясь подъ вечеръ съ поѣзда, въѣхалъ на мостъ съ кулиги и невольно остановилъ лошадь. На знакомомъ мертвомъ бугрѣ шевелились бѣлыя фигуры.

— Навожденіе!—прошептали его поблѣднѣвшія губы, и онъ со всей силы хлестнулъ пѣгашку и ни живъ, ни мертвъ добрался домой.

— Сѣтиха-то губернатору пожаловалась!—встрѣтила его Авдотья Тарасовна:—онъ ей полкъ на подмогу прислалъ. Кто ей отъ помочи завтра откажется, знать, того пороть будутъ...

Михалка женѣ, конечно, не повѣрилъ, но понялъ, что на этотъ разъ въ расчетѣ ошибся и что его подвохъ не удался. Онъ тутъ же рѣшилъ отыграться на бабьемъ довѣріи и заплатить за кудель

и лень лишь треть посуленного вперед, въ наказаніе за легкомысленность колычевокъ, давшихъ себя переманить съ вѣрнаго заработка.

За время пребыванія въ усадьбѣ солдатики не только управились въ полѣ и на гумнѣ, но заготовили и дрова на зиму и расчистили фруктовый садъ и тѣ запущенныя дорожки, которыя помнила тетя Саша. Подвалъ былъ приведенъ въ блестящій видъ, и даже та страшная кладовая, гдѣ провела Лиза нѣсколько роковыхъ для нея минутъ, совершенно преобразилась. Въ ней за сложенными рамами оказалась вторая дверь, которую, несмотря на все усилія, такъ и не удалось отпереть. Вѣрно, она тоже была завалена мусоромъ пожарища. Въ ящикахъ оказались какія-то полуистлѣвшія матеріи, расплзавшіяся отъ одного прикосновенія, но зато въ самомъ большомъ былъ запакованъ цѣлый столовый сервизъ пестраго стариннаго рисунка. Чемоданы были пусты и рѣшительно ни на что не годны, но солдатики съ радостью завладѣли ими. Висѣвшіе на стѣнахъ лохмотья оказались ливреями. Съ хохотомъ напаяливали ихъ молодежь и потѣшалась ихъ крупными, зелеными отъ сырости пуговицами и казавшимися нелѣпыми фалдами и обшлагами.

Впечатлѣніе отъ этой солдатской помочи на селѣ было громадное. Когда колычевцы убѣдились, что ихъ отказъ ничуть не разорилъ господъ, они почесали затылки, а когда Михалка при первомъ же расчетѣ обсчиталъ бабъ, то гнѣвъ ихъ обрушился на тѣхъ же Оринъ и Акулинъ, зачѣмъ онѣ поддались искушеніямъ скупщика. Двѣ-три изъ нихъ, въ томъ числѣ и Домна, внучка Прохора, рѣшились въ сумерки пробраться на барскій дворъ и совсѣмъ по крѣпостному бухнулись Сотовой въ ноги.

— Чтобъ ему, рыжему дьяволу, въ нашихъ льнахъ удавиться! — вопили онѣ: — мы и сами не больно вѣрили ему и другихъ остерегали, да нешто одна противу сорока пойдешь? Дѣвонки наши ажъ рехнулись, какъ онъ свои туры распустилъ. И того, и сего наобѣщаль, и денегъ, и угощеньевъ, а какъ мужикамъ еще и ведро выставилъ, тѣ, виница нахлеставшись, и совсѣмъ озвѣрѣли. До смерти заколотить пообѣщали, кто супротивъ міра пойдетъ. Мы и шелохнуться боялись, хоть и чуяли, что это одинъ подвохъ... Ужъ вы, матушка, будьте милостивая! Не взыскивайте съ насъ, глупыхъ! Одна вы у насъ кормилица! заступа наша вѣковѣчная! Ужъ берите насъ на работу снова, когда понадобится, мы вамъ и словечкомъ перечить не будемъ!

Александра Николаевна обласкала и обнадежила бабъ, и онѣ съ гостинцами для ребятъ за пазухой вернулись восвояси.

Въ воскресенье она съ Лизой отправилась въ церковь. Толпа, какъ ни въ чемъ не бывало, вѣжливо разступилась передъ помѣщицей. Ставъ на свой коврикъ, Сотова горячо поблагодарила Бога за нежданно посланнаго ей избавителя въ густыхъ эполетахъ, а Лиза усердно молилась, чтобы земская управа не задерживала

бумаги и «онъ» поскорѣе получили обѣщанное мѣсто. Она сразу по уходѣ солдатъ откроетъ школу, и жизнь получитъ наконецъ тотъ смыслъ и цѣль, о которыхъ она мечтала еще на институтской скамьѣ. Она будетъ развивать духъ и разумъ, а онъ врачевать недуги. Что же можетъ быть лучше? рука объ руку со своимъ избранникомъ она будетъ служить родному народу...

И на душѣ у нея было свѣтло и хорошо, точно дѣйствительно слова отца Никанора: «Миръ вамъ!» вливали его въ сердце вмѣстѣ съ красивой второй отвѣчавшаго на клиросѣ солдатскаго хора: «И духови твоему!»

XIII.

И, прервавъ блаженства грезы,
Содрогнется ясный сводъ,
И, какъ огненные слезы,
Звѣзды падаютъ съ высотъ...

(«Звѣзды». М. К.).

Когда тетя Саша послѣ обѣдни предложила Лизѣ сдѣлать Трынными визитъ сегодня же, не откладывая въ долгій ящикъ, благо и лошади, и Митя свободенъ, она съ покорностью согласилась. Домъ полковника стоялъ въ двухъ шагахъ отъ докторскаго, и хоть въ окнѣ промелькнетъ, быть можетъ, «его» красивая голова.

У Трынныхъ было въ сборѣ все полковое общество. Лунза Федоровна весьма обрадовалась визиту Сотовой и церемонно перезнакомила «генеральшу» съ другими дамами. Лизу нѣсколько шокировала развязная манера нѣкоторыхъ изъ нихъ, нарочно ухарски курившихъ папиросы и дававшихъ понять, что имъ, въ сущности, «полковница» инсценируетъ, а «генеральша» такъ еще меньше. Зато одна привлекла всѣ ея симпатіи. Это была неловко одѣтая, скромная барынька, жена штабсъ-капитана Мартынова. Видно было, что ея присутствіе въ этомъ стрекочущемъ обществѣ пытка для нея. Наконецъ она не выдержала и встала.

— Ужъ отпустите меня, Лунза Федоровна, у меня душа не на мѣстѣ. У Сонечки второй день жаръ.

— Я и не думаю держать васъ, милая Марья Антиповна, я никого не задерживаю. Уходите, если вамъ нужно.

— Такъ ужъ вы извините.

Она встала и, поспѣшно раскланявшись, вышла. Лиза въ окно видѣла, какъ черезъ минуту, высоко подобравъ платье и обпаружив свои стоптанные каблуки, она переходила черезъ лужи.

Поджатая губы полковницы и ехидныя улыбочки остальныхъ говорили, что, не будь тутъ Сотовой съ Лизой, вся компанія пустилась бы въ жестокою критику вышедшей, и только присутствіе постороннихъ сдерживаетъ острое желаніе посплетничать и мѣшаетъ выно-

силь соръ изъ полковой избы. Колычевскія дамы встали, въ свою очередь. Луиза Федоровна на прощанье заявила:

— 8-го сентября нашъ полковой «*праздникъ*», и я надѣюсь, вы не откажете прїѣхать на балъ. Впрочемъ, вамъ будетъ послано официальное приглашеніе.

Александра Николаевна поблагодарила, Лиза присѣла, и онѣ ушли, сославшись на визитъ къ Адриановымъ.

— Благодарю покорно! Недоставало этихъ баловъ! Все общество ихъ—сплошной ужасъ. Я ни за что не поѣду.

— Нельзя, Лизанька! Ты обидишь полковника, а мы ему очень обязаны. Подумай, что бы я дѣлала безъ его солдатъ?

— Чего онѣ перемигивались, когда вышла Мартынова? Воображаю, какъ онѣ костятъ теперь насъ съ тобою.

— Въ провинціи всегда такъ. Безъ сплетень и жизни нѣтъ.

Въ окнахъ докторскаго домика было пусто, но когда они вошли къ Адриановымъ, Лиза уже изъ передней уловила голосъ Яшнева, говорившаго: «Ради спасенія тысячъ нечего церемониться съ единцами? Да, это я говорилъ и не отрицаю».

— Ловлю васъ на словѣ,—произнесъ Коровкинъ.

Разговоръ оборвался. Лиза, сдерживая радостную лучистость взгляда, уже здоровалась съ Анной Павловной.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—обрадовалась та.

— Вотъ убѣдите вы,—обратилась она къ Лизѣ,—этого несноснаго упрямаца взять на себя роль чтеца въ нашемъ концертѣ. Онъ ломается хуже всякаго приготовишки.

Лиза вспыхнула.

— Какъ такъ? вы отказываетесь? Почему?

— Не терплю этихъ всѣхъ любительски-мучительскихъ затѣй, только деньги изъ публички выкачиваютъ.

— Какъ мило, Lise! обидьтесь! У насъ всѣ согласны участвовать, и наши учителя, и жена мирового, и дочь исправника, и Lise, и я,—одинъ вы не хотите...

— Если у тебя, матушка, всѣ участвуютъ, то кто же слушать-то будетъ? Не другъ же съ друга вы деньги собирать будете,—возразилъ инспекторъ.—Бросьте лучше всю эту затѣю. Еще и школу-то разрѣшать ли?

— Помилуйте, почему же нѣтъ?—вмѣшался Коровкинъ.

— А потому, что на это вотъ какъ нынче смотреть!—и Петръ Петровичъ комично скосилъ глаза.

Лиза весело разсмѣялась.

— А я вотъ тоже хочу школу открыть и цѣлое лѣто все собиралась посовѣтоваться съ вами, какъ это устроить.

Василій Игнатьевичъ вскинулъ на нее глаза и прищурился. Петръ Петровичъ поправилъ пенснэ.

— На что это вамъ, милая барышня, школа понадобилась? Коровкинъ, вонъ, имя свое на родинѣ увѣковѣчить хочетъ, а вы-то для чего ее затѣвать вздумали?

— Какъ для чего?—изумилась Лиза.

— Совсѣмъ не для прославленія себя,—обидѣлся Коровкинъ:— а для пользы дѣла.

— Э, полноте, батенька! Вотъ барышня, институтка наивная, можетъ въ пользу отъ школы сельской вѣровать, а вы мнѣ зубы не заговаривайте. Знаю я эти школы. Много отъ нихъ, подумаешь, пользы! Научать читать по складамъ да писать чуть не іероглифами, а потомъ вышли паренекъ или дѣвчонка изъ школы и все позабыли. Развѣ это толкъ? Забава да слава одна.

Лиза обомлѣла.

— И это вы, вы, Петръ Петровичъ, говорите? Вы, инспекторъ, отрицаете пользу образованія для крестьянъ?

Адріановъ расшаркался.

— Я-съ, собственной моей персоной. Потому въ томъ видѣ, какъ эти школы нынче поставлены, никакой пользы отъ нихъ быть не можетъ. Русскій мужикъ и безъ школъ не пропадетъ.

— Ошибаетесь,—тихо промолвилъ Яшневъ:—это ваши министерскія школы народу ни къ чему, но я зналъ другія, которыя имѣли бы громаднѣйшій успѣхъ и будущность.

— Это вы воскресныя-то разумѣете? Да имъ давно фью-ю вышло...

— Да, ихъ, на несчастіе, прикрыли. Но тамъ преподаваніе шло не безъ пути.

— Ну ужъ, отъ такого пути подальше бы уйти... и то онъ многихъ на владимирку вывелъ. Слава Богу, что ихъ прикрыли.

— Такъ если школы плохи, отчего же не попытаться поставить ихъ по-новому? Я много надъ этимъ думала. Мнѣ такъ хочется поставить школу хорошенько. Я душу бы вложила въ нее, вонъ какъ Толстой въ Ясной Полянѣ. Я даже помѣщеніе нашла. Знаете,—обернулась она къ Яшневу:—тотъ подвалъ. Онъ приведенъ теперь въ блестящій видъ.

— Подвалъ?!—Петръ Петровичъ расхохотался.—Ахъ вы, наивная дѣвица! Да неужто вы полагаете, что вамъ учебное начальство школу въ подвалѣ разрѣшить? Да съ васъ прежде всего потребуютъ свѣдѣній о кубическомъ объемѣ воздуха и площади свѣта школьнаго помѣщенія! Частная школа должна строго удовлетворять требованіямъ гигіены. Нѣтъ, бросьте! Это я вамъ добрый совѣтъ даю. Не тѣ времена. Хлопотъ не оберетесь. Да и къ чему вамъ съ чумазыми ребятишками возиться? Вы цвѣточекъ, вамъ цвѣсти дана жизнь, радоваться.—И, прищелкивая пальцами, онъ загѣлъ:

Ахъ ура! ура! ура!
На балы, мамзель, пора.
Свищутъ флейты и свирѣли,—
Книжки въ печку полетѣли.

Въ продолженіе этой инспекторской рацеи Яшневъ улыбался все презрительнѣе и презрительнѣе.

— Вотъ она, наша Русь русская,—тихо вымолвилъ онъ наконецъ.—Человѣкъ, посвятившій себя педагогикѣ, какъ отъ чумы, окуриваетъ отъ нея каждаго, кто готовъ взяться за нее по призванію, а не ради карьеризма. Бросьте, Елизавета Ивановна, отсюда въ помощи не получите. Понщите другихъ путей.

Онъ взялся за шляпу.

— Куда, куда вы!—взмолилась Анна Павловна.—Lise намъ пѣтъ будетъ!

— Нѣтъ, Анна Павловна, намъ домой пора. У насъ вѣдь завтра рабочій день. Вѣдь мы сегодня только визитируемъ,—возразила Согова.

— Вы въ Колычево?—спросилъ Яшневъ.—Позвольте проводить васъ. У меня больной по дорогѣ есть въ Алексѣевкѣ.

Когда они усѣлись, и коляска выѣхала на шоссе, Александра Николаевна откинулась въ уголъ и закрыла глаза. Тихо поскрипывая старыми рессорами, катился экипажъ. Былъ уже шестой часъ. Августовское солнце стояло низко, задѣвая краемъ зубчатая вершины придорожнаго лѣса, и онъ бросалъ длинныя тѣни на изрытыя колеи. Лиза молчала. Яшневъ, съ разрѣшенія дамъ, куриль, отводя рукой клубы дыма. Вдругъ онъ вынулъ изъ кармана небольшой пакетъ и подаль его молодой дѣвушкѣ.

— Вашъ браслетъ. Онъ починенъ. Позвольте, я застегну.

Отъ прикосновенія его пальцевъ какая-то теплая, никогда еще неизвѣданная волна разлилась по ея рукѣ и ударила въ сердце.

— Ну, теперь все снова въ порядкѣ, и моя совѣсть чиста: я вернулъ вамъ вашъ талисманъ. Надѣюсь, его отсутствіе не принесло вамъ несчастія?

Лиза улыбнулась.

— Merci!

«Милый, милый! — подумала она: — онъ и не подозреваетъ, насколько дороже сталъ мнѣ этотъ обручъ»...

— Неужели вы не на шутку думаете о народной школѣ?—спросилъ черезъ минуту Яшневъ, особенно пытливо всматриваясь въ нее.

— Думала, но послѣ сегодняшнихъ разговоровъ, кажется, перестану.

— Напрасно. Можно похлопотать черезъ земство, я кое-кого въ управѣ знаю. А только относительно подвала этотъ шутъ правъ. Придирокъ не избѣжать. А вы, ей-ей, молодецъ. Я такого направленія въ институткѣ не ожидалъ... мысли у васъ не тряпками и

кокетствомъ заняты? Это какъ-то съ понятіемъ кисейной барышни не вяжется.

— Я вовсе не кисейная барышня!—вспыхнула Лиза.—Это совершенно ложное и устарѣлое представленіе объ институткахъ.

Сзади по дорогѣ слышался колокольчикъ. Разстояніе все сокращалось. Лиза пыталась оглянуться.

— Кто это?

— Шемаевы!—отвѣтилъ, обернувшись съ козель, Митя.—Эхъ, млыя!—и онъ натянулъ вожжи.

Круче изогнулись шеи пристяжныхъ, и старая коляска покати-лась еще быстрее. Александра Николаевна проснулась. Иноходецъ сзади надавалъ, и не прошло десяти минутъ, какъ съ дверцей по-ровнялись оба купчика въ шегольскомъ тильбюри, запряженномъ буланымъ степнякомъ, съ бѣлоспѣшной гривой и хвостомъ.

— Ахъ, какая прелесть!—вырвалось у Лизы.

Нѣсколько времени оба экипажа ѣхали рядомъ. Степаша не спускалъ разгоравшихся глазъ съ Лизы, хотя присутствіе Яшнева и рѣзануло его по сердцу въ первую минуту.

— Наше вамъ почтеніе!—улыбнулся тотъ.—Куда это вы на семь буцфалѣ несетесь?

— А вы куда?—спросилъ за брата Миронъ.

— Къ страждущему. Въ Алексѣевкѣ быкъ вчера пастуха ободралъ.

— А мы лошадь пробуемъ.

— Опять новая? Эхъ, господа купцы! Никакого вамъ, счастливы, горюшка нѣтъ! Одна забота, чтобы кто на конѣ не обогналъ. А каково кругомъ живетъ—дѣла ни малѣйшаго. Вотъ она, гдѣ наша сила богатырская пропадомъ пропадаетъ.

— Это что же такое? По-вашему, мы, значить, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга? такъ, что ли?—обидѣлся Миронъ.

Лиза засмѣялась.

— Неправда, каждому свое. Я увѣрена, что и вы, Миронъ Захаровичъ, да и братъ вашъ тоже много хорошаго дѣлаете, да никто объ этомъ не знаетъ.

— Чего это?—отозвался Степаша.

— Да благотвореніями занимаетесь,—пронически пояснилъ Яшневъ:—царю и отечеству на пользу.

— Вы бы лучше имя царское не поминали такъ-съ,—вымолвилъ серьезно Степанъ.—Потому его такъ... употреблять не пристало...

— Почему это? Развѣ, по-вашему, я недостаточно почтительно произнесъ его?

— Да, почтительнѣе не мѣшало бы.

Лиза бросила быстрый взглядъ на купчика.

— Вы ошибаетесь, Степанъ Захаровичъ, докторъ ничего неуважительнаго не сказалъ.

Степаша осѣлся. Яшневъ протянулъ ему портенгаръ. Тотъ отказался, но Миронъ, переложивъ вожжи въ лѣвую руку, взялъ паниросу.

— А вы, Степанъ Захаровичъ?.. Или—хлѣбъ-соль пополамъ, а табачокъ врозь?.. Плохой знакъ. А хотите, я сейчасъ при Елизаветѣ Ивановѣ скажу, въ чемъ тутъ разгадка?

— Въ чемъ?—спросила заинтересованная Лиза.

— Въ томъ, что я въ глазахъ Степана Захаровича зачумленный: я, по его мнѣнію, нигилистъ.

Александра Николаевна окинула молодого доктора серьезнымъ взглядомъ.

— Не нахожу... очень ужъ не похоже...

Круглый ликъ Степаша покраснѣлъ, какъ помидоръ.

Коляска вѣзжала на улицу Алексѣевки. По указанію Яшнева, Митя остановился, докторъ, захвативъ свой мѣшокъ съ инструментами и бинтами, сошелъ. Снявъ шляпу, онъ почтительно пожалъ руки дамамъ.

— До свиданія, если позволите, я на дняхъ загляну.

— Само собою,—пригласила Согова.—Будете устраиваться, не стѣсняйтесь; у насъ и переночевать можно. До свиданія,—обратилась она тутъ же и къ братьямъ:—спасибо за компанію. Трогай, Митя! ужъ поздно.

Послѣ такого категорическаго прощанія эскортировать Лизу долѣе было неудобно, и иноходецъ повернулъ къ городу. Яшневъ скрылся въ избѣ. Согова со вздохомъ откинулась въ уголь.

— Эхъ, молодость, молодость! Вотъ ты какая побѣдительница, Лизанька! Этотъ Степанъ-то, видно, не въ шутку тобой полонень, да и Яшневъ, кажется, равнодушенъ. Который же изъ двухъ тебѣ по душѣ?

Лиза зардѣлась и разсмѣялась.

— Ни тотъ, ни другой!

Тетка одобрительно кивнула головой.

— И дѣло! оба тебѣ не пара. Подожди лучше. Замужество не шутка. Это я, вѣрно, въ сорочкѣ родилась, сразу на настоящаго напала и за всю свою жизнь съ моимъ голубчикомъ Simon ни взгляда косога, ни слова дурного не испытала. А сколько у другихъ тяжелаго кругомъ бывало! сколько недоразумѣній да измѣнъ другу!

И, вспомнивъ Зою, она замолкла. Лиза тоже хранила молчаніе. Навстрѣчу неслись кусты и рощи, мелькали поляны и просѣки. Сжатые полосы и спѣлыя нивы разбѣгались радіусами отъ дороги, и бѣлый туманъ вставалъ съ луговъ. Изъ-за расплывшейся на горизонтѣ тучи выглядывала заря и разливала темное золото по синему небу. Лиза откинулась въ свой уголь. Прямо передъ нею свѣтилась звѣздочка.

«Не пара!.. Опъ не пара? почему?.. Если около этой звѣзды сейчас выступить другая, хоть самая блѣдная — мы пара!..» загадала она.

Небо все темнѣло, и звѣзды загорались то здѣсь, то тамъ, но около избранной Лизою было пусто.

«Ахъ, скорѣй! скорѣй!» твердила она про себя.

Но звѣзда сіяла одиноко ровнымъ, яркимъ, не мигающимъ свѣтомъ, въ лучахъ котораго меркли всѣ ближайшія къ ней. И вдругъ гдѣ-то высоко вспыхнула другая, еще блестяще, и, описавъ дугу, полетѣла и, слившись на мгновеніе съ тою, погасла въ послѣднемъ пламенномъ лобзаньѣ. Дѣвушка замерла.

«Это пророчество? какое? Надо было шепнуть желаніе, и оно сбылось бы. А теперь—все кончено, все пропало... Счастья нѣтъ и не суждено...»

XIV.

Стоялъ непрерывный ропотъ зеленый
 Въ паркѣ той ночью при шумѣ дождя,
 Черныя тучи вились, проходя,
 Качали вѣтвями липы и клены:
 «Мы знаемъ, мы знаемъ!. будутъ пролиты
 Горькія слезы подъ сѣнью аллеи!...»
 Низко поникла листва тополей,
 И въ страхѣ надъ прудомъ бились ракиты.
 (Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Они шли вдвоемъ по липовой аллеѣ. Былъ конецъ августа, и въ воздухѣ уже чувствовалась осень. Безшумно срывались желтые листья и, слегка раскачиваясь въ воздухѣ, падали на песокъ и на зеленую отаву лужаекъ.

Яшневъ только что осмотрѣлъ больницу, которую спѣшно ремонтировали, чтобы открыть къ 15-му сентября, и теперь воспользовался приглашеніемъ Сотовой и зашелъ въ усадьбу.

Лиза одна была дома. Она кончила вокализы и репетировала арію Вани изъ «Жизни за царя» для концерта неугомонной Адриановой, когда вдругъ на террасѣ появилась высокая и темная фигура молодого врача. Лиза увидѣла въ зеркалѣ его отраженіе и, не допѣвъ фразы, встала изъ-за рояля и пошла къ нему навстрѣчу.

«Не пара?.. пусть не пара, но другого мнѣ не надо и не будетъ», говорила она себѣ.

За эти дни она мало спала. Нервы были приподняты. Она ждала его. Онъ просилъ разрѣшенія быть, значить, онъ будетъ, и это одно было важно въ жизни. Надо было ѣсть, пить, отвѣчать тетѣ Сашѣ и Кирилловнѣ, отдавать приказанія Танѣ, ласкать Сократа и Кару, но это дѣлали ея руки и языкъ, привычно, автоматически, а душа горѣла и сердце ныло однимъ желаніемъ, одною мечтою: онъ обѣ-

щаль, онъ будетъ. И когда онъ будетъ, случится что-то, и это станетъ началомъ другой, лучшей жизни, полной и осмысленной...

Сдерживая свое волненіе, она прошла нѣсколько шаговъ до стеклянной двери, въ прорѣзѣ которой когда-то появилась ея мать впервые подъ руку со столь нежеланнымъ въ этомъ домѣ москалемъ-мужемъ. Они поздоровались все тѣмъ же крѣпкимъ, уже привычнымъ теперь рукопожатіемъ. Онъ испытующимъ, докторскимъ глазомъ окинулъ ее.

— Вамъ не по себѣ? вы осунулись, и рука у васъ холодная...

— Нѣтъ, я здорова.

Она позвонила Таню и велѣла подать закусить. Яшневъ былъ голоденъ и съ аппетитомъ ѣлъ все, что подавали, болтая о больницѣ и о тѣхъ передѣлкахъ, которыя никакъ не желалъ исполнять подрядчикъ. Она слушала его внимательно, склонивъ головку на бокъ. Косой лучъ солнца, только что перебиравшагося на западную сторону дома, горѣлъ розовымъ пятномъ на раковинѣ ея уха и золотилъ отдѣльные выбившіеся волоски ея темной, густой, низко сбѣгавшей косы. Длинные черныя рѣсницы были опущены, и сросшіяся дуги бровей красиво отгѣняли бѣлый, немного откинутый назадъ лобъ.

Яшневъ нѣсколько разъ пристально всматривался въ это знакомое теперь лицо, и каждый разъ она поднимала сѣрые, выразительные глаза и встрѣчала взглядъ его черныхъ, словно бездонныхъ райковъ, слегка прикрытыхъ тяжелыми вѣками.

«Ты моя!—говорилъ этотъ властный взглядъ:—я знаю, но я еще этого не скажу... рано...»

«Я твоя!—отвѣчали сѣрые глаза.—Бери меня... приказывай... у меня нѣтъ больше воли... я пойду за тобою на край свѣта...»

И черныя рѣсницы опускались, точно испугавшись выданной тайны.

Наконецъ Яшневъ закурилъ и всталъ изъ-за стола.

— Пройдемтесь!—предложила Лиза.

Они шли по аллеѣ. Оба высокіе и стройные, какъ молодые стволы.

— Что вы пѣли,—спросилъ онъ:—когда я помѣшалъ вамъ?

— Арію Вани изъ «Жизни за царя». Развѣ вы не узнали?

— Нѣтъ, я ни разу не слышалъ этой оперы.

— Какъ? вѣдь она самая популярная.

— А я ея все-таки не слышалъ.

— Почему? Развѣ такъ трудно билеты достать? Насъ возили изъ института.

— Потому-то я, вѣрно, ея и не слышалъ, что я не институтка. Да, признаться, опера меня вообще мало интересуетъ.

— Опера?.. вы, значить, не любите музыки?

— Напротивъ... но я не люблю никакихъ условностей, а опера ими полна... Музыка мнѣ слишкомъ глубоко дѣйствуетъ на душу.

— Но какъ же вы не любите арій изъ оперы? Помните, я пѣла ее у Адриановыхъ, и ей даже съ улицы аплодировали?

— Аплодировали не ей, а вамъ. Повѣрьте, что бы вы вашимъ голосомъ ни запѣли, вамъ будутъ аплодировать... и это вы должны всегда помнить.

Она смутилась и потушилась.

— Скажите,—спросилъ онъ черезъ минуту:—вы еще не бросили мысли о школѣ?

— Нѣтъ, напротивъ! Жду не дождусь, когда вы научите меня, какъ дѣйствовать.

— Чему же вы собираетесь учить тамъ?

— Какъ чему? прежде всего грамотѣ, а потомъ Закону Божию, географіи, исторіи...

— А сами вы достаточно сильны по этимъ наукамъ?

— Я кончила институтъ съ золотой медалью,—со скромнымъ достоинствомъ подтвердила она.

— И будете обучать, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, а въ седьмой отдыхалъ; что на Руси порядка не было, земля была велика и обильна, но славяне призвали князей, и миръ водворился, и Русь процвѣтатъ начала. И на картѣ будете эту Русь показывать, и границы по тѣмъ землямъ указателемъ проводить, которыя и по-сейчасъ русскими себя признавать не согласны. Такъ вѣдь?

Лиза широко раскрытыми глазами смотрѣла на своего собесѣдника.

— Я васъ не понимаю.

— Очень жаль! Я только хочу сказать, что если вы ребятамъ этимъ старымъ хламомъ головы набивать собираетесь, то, ей-ей, хлопотать о школѣ не къ чему.

— Какъ такъ?

— Да очень просто! Неужели вы въ ваши восемнадцать лѣтъ не потрудились ни разу отнестись критически ко всей этой трухлѣ, ни разу не спросили себя: да полно, такъ ли это все было? Есть ли въ этомъ смыслъ и логика? Да позвольте, неужели вы настолько наивны, что даже подобный, любому ребенку впору естественный и простой вопросъ не возникалъ у васъ: какъ такъ Богъ сотворилъ свѣтила только въ четвертый день? Ну, а въ первые-то три дня откуда же были безъ нихъ день и ночь?

Лиза опѣшила. Яшневъ, крутя бородку, съ усмѣшкой смотрѣлъ на нее.

— Ну-съ, а какъ же это славяне отправились за море къ норманнамъ просить князей? На какомъ же языкѣ они объяснялись? и какъ могъ народъ сразу покориться иноземцамъ, которые ни аза по-славянски не маравали?.. Вонъ вы Польшу, Туркестанъ, Финляндію и Кавказъ съ его 60-ю разноязычными племенами русскими величать привыкли; васъ учили, что всѣ эти страны были

облагодѣтельствованы русскими, сумѣвшими завоевать ихъ, а я доподлинно знаю, что каждая изъ нихъ къ богу своему на своемъ непонятномъ намъ, русскимъ, языкѣ денно и нощно вопіетъ о ниспосланіи своимъ пареченнымъ благодѣтелямъ труса, потопа, огня, меча, междуусобія брани и нашествія иноплеменниковъ, которые насъ за всѣ благодѣянія наши себѣ подъ ноги покорили бы, а ихъ объявили бы вновь независимыми. Вотъ въ вашихъ жилахъ течеть польская кровь. У васъ и дѣдъ, и бабка, и мать были чистокровные поляки. Скажите, если бы дѣдъ вашъ былъ казнень русскими на вашихъ глазахъ за то, что любилъ не Россію, угнетавшую его родину, а до послѣдняго издыханія оставался вѣренъ этой презираемой и преслѣдуемой Польшѣ, что бы вы дѣлали? Какъ бы отнеслись къ нему? Вы—русская по фамиліи и вѣрѣ? Вы бы должны были рукоплескать палачу, казнившему измѣнника? Вѣрно?..

Лиза молчала. Она стояла, прислонясь къ стволу. Блѣдными губами она прошептала:

— Но вѣдь этого никогда не было? Этого и быть не могло!

Онъ усмѣхнулся, и его вѣки еще тяжелѣе опустились на темные райки.

— Видите ли, вамъ 18 лѣтъ, а васъ держать какъ ребенка. Вы живете подъ стеклиннымъ колпакомъ, не вѣдая, что творится въ двухъ шагахъ отъ васъ. И вы считаете себѣ въ правѣ братья за чужое воспитаніе и обученіе? Повѣрьте мнѣ, васъ обучали люди, знавшіе многое, что считали сами за лучшее скрывать отъ васъ. Васъ обманывали, завѣдомо умалчивая или искажая истину, потому что находили, со своей точки зрѣнія, такъ выгоднѣе и спокойнѣе. Ну, а вы?.. Не зная и сотой доли того, что долженъ знать всякій сознательный человѣкъ, имѣете ли вы нравственное право братья руководить чужою душой, чужимъ разумомъ, въ которыхъ, быть можетъ, всѣ эти никогда не возникавшіе у васъ вопросы давно уже сами проснулись, или же были заронены кѣмъ-нибудь постороннимъ? Какой авторитетъ будете имѣть вы у своихъ учениковъ, если на ихъ пытливыя исканія станете отвѣчать готовыми отвѣтами педагогическаго катехизиса, преемственно переданнаго древними схоластиками: не твоего ума дѣло... много будешь знать,—скоро состаришься... долби и не разсуждай... Вѣрьте мнѣ, никакого проку отъ вашего преподаванія не будетъ. Вы думаете, что педагоги вродѣ Адрианова авторитеты для гимназистовъ? Нисколько. Всякій маломальски развитой мальчуганъ презираетъ его въ душѣ и учится всей этой требухѣ только во избѣжаніе журнальнаго частокола и чтобы поскорѣе отвязаться отъ неизбѣжнаго школьнаго кошмара...

Лиза молчала. Она чувствовала, какъ что-то внутри ея рухнуло. Она вдругъ показала себѣ такой неразвитой, необразованной, что ей стыдно стало за свою самонадѣянность. Вѣдь и Гриневъ находилъ, что ей пужно пополнить образованіе и итти на курсы. Дашева

это лучше поняла. Но вѣдь еще не поздно: курсы открываются 15-го сентября, еще можно успѣть. И, робко поднявъ глаза на Яшнева, она сказала:

— Я и сама сознаю, что мой институтскій дипломъ недостаточенъ. Я думаю, лучше всего поступить мнѣ на курсы...

— Ну, знаете,—пожалъ плечами докторъ:—это было бы отличнымъ дѣломъ, живи вы въ Петербургѣ, но теперь вамъ придется ломать для нихъ всю жизнь. Мнѣ кажется, есть иной, болѣе легкій и столь же дѣйствительный путь для самообразованія—это серьезное чтеніе. Скажите, вы много уже читали и любите серьезные книги?

До сихъ поръ Лизѣ казалось, что она любитъ читать. Въ институтѣ она пользовалась каждой удобной и неудобной минутой, читая явно въ рекреациі и тайкомъ во время уроковъ и въ дортуарѣ съ рискомъ ежеминутно попасться классной дамѣ и быть записанной въ штрафной журналъ. Она читала все, что ни попадалось ей подъ руку по-русски и по-французски и даже по-нѣмецки, но это были или романы, или путешествія, или классики. Можно ли было назвать эти книги серьезными? И она снова робко отвѣтила:

— Я люблю читать, но то, что читала до сихъ поръ, особою серьезностью не отличалось.

— По крайней мѣрѣ откровенно. Ну-съ, если бы вы рѣшили теперь приняться за болѣе основательное чтеніе, я могъ бы отъ времени до времени снабжать васъ надлежащимъ матеріаломъ. Мнѣ было бы даже крайне интересно прослѣдить тѣ вопросы, которые пробудятся въ вашей душѣ подъ его вліяніемъ. На меня вы дѣлаете впечатлѣніе дѣвушки одаренной, но совершеннаго ребенка, глядящаго на жизнь сквозь чужія, навязанныя вамъ очки, и меня интересуется, какъ будетъ совершаться постепенная эволюція вашего міровоззрѣнія, когда раздвинется завѣса, мѣшающая видѣть вамъ предметы и жизнь въ ихъ широкомъ свѣтѣ. Если хотите, я привезу вамъ кое-что въ слѣдующій разъ. А пока,—онъ взглянулъ на часы:—мнѣ пора на постройку. Да, одинъ вопросъ: какъ относится ваша достоуважаемая тетюшка къ выбору книгъ для вашего чтенія?

— Никакъ!—Лиза улыбнулась.—Тетя, какъ и во всемъ, предоставляет мнѣ полную свободу.

— Значить, никакого контроля? Тѣмъ лучше! А то обыкновенно надъ барышнями, подобными вамъ, трясутся и запираютъ подъ замокъ всякую опасную книжонку, боясь раньше замужества посвятить ихъ въ прозу, или, вѣрнѣе, въ правду жизни.

Когда онъ свернулъ налѣво по поперечной аллеѣ къ селу, Лиза, обхвативъ стволъ послѣдней въ ряду липы, долго смотрѣла ему вслѣдъ; ея взглядъ не могъ оторваться отъ его стройнаго облика, исчезавшаго въ дымкѣ полуяснаго осенняго дня. Да, она не даромъ ждала его такъ нетерпѣливо! Онъ дастъ ей тотъ смыслъ жизни, котораго она давно жаждетъ.

Онъ сумѣетъ руководить ею и подготовить ее къ настоящей плодотворной дѣятельности... Боже мой! какое счастье найти такого руководителя здѣсь, въ этой глуши! Она всѣмъ сердцемъ благодарила судьбу за явное благоволеніе къ ней. И онъ не обманется,— она будетъ достойной его ученицей и оправдастъ его мнѣніе о своей одаренности.

XV.

«Какъ у нашихъ у воротъ...»
Звучитъ все лине и задорнѣй,
И, ободряемая дворней,
Танюша лебедью плыветъ.
То поманитъ улыбкой сладкой,
То ласково сверкнетъ глазомъ.
А парень вертится волчкомъ,
И роетъ землю каблукомъ,
И мчится бѣшеной присядкой...

(Изъ «пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Впервые мысль о прошломъ, о панѣ Ромаѣ и его судьбѣ забродила въ этой темной головкѣ. Лиза съ нетерпѣніемъ ждала тетку съ работы и, не выдержавъ, пошла ей навстрѣчу. Ей неудержимо захотѣлось немедленно распросить ее, куда дѣлся ея дѣдъ, о которомъ она ни отъ кого не слышитъ ни слова, несмотря на его долготнѣе управленіе Колычевымъ. Какъ ни пыталась она иногда спрашивать Прохора, но беззубый, шамкающій ротъ старика тайны не выдалъ. Крестьяне тоже словно воды въ ротъ каждый разъ набирали. Только однажды довелось услышать Лизѣ, что «крутенекъ старикъ панъ былъ, ни правому, ни виноватому спуску не давалъ, да слава те, Господи, спасибо царю-батюшкѣ, отошли тѣ времена на вѣки вѣчные»...

Лихая пѣсня слышалась вдали. Это шли съ работы батраки и солдатики.

Днемъ я хлѣба не пекла, печи не топила...

выводилъ запѣвало, теноръ Андрейчукъ.

Въ городъ съ ранняго утра мужа проводила...

подхватывалъ хоръ.

Два лукошка толокна отнесла къ сосѣду...

продолжалъ теноръ.

Накупила я вина, созвала бесѣду...

откликались ему остальные голоса.

Завтра солдатики возвращались въ городъ. Усадьба снова опустѣетъ. Начнется тихая, однообразная жизнь, но Лизѣ эта тишина казалась отнынѣ желанной. Ей предстоитъ большой трудъ. Она

будетъ читать не только то, что Яшневь будетъ приносить,—она напишетъ Дашевой, чтобы та высылала ей всѣ курсовыя лекціи, и она такимъ образомъ окончательно пополнить свои умственные недохваты.

На дорогѣ показалась кучка солдатскихъ бѣлыхъ гимнастеровъ, среди которыхъ рѣзко выдѣлялись цвѣтныя рубахи батраковъ и пестрыя платья работницъ. Поровнявшись съ барышней, всѣ скинули шапки.

— Гдѣ барышня?—спросила Лиза.

— Онѣ въ объѣздъ черезъ Кожино ѣдутъ,—отвѣтилъ Митя.

Лиза дала пройти рабочимъ и тихонько пошла сзади. Она видѣла, какъ отъ бѣлыхъ рубахъ отдѣлилась одна, и тотчасъ пестрый сарафанъ Аниски тоже пропустилъ остальныхъ впередъ. Работники скрылись за поворотомъ, и рукавъ рубахи обнялъ станъ батрачки. Лиза еще замедлила шагъ и свернула на межу, чтобы не нарушить воркованіе парочки. Черезъ поля она добралась до лазейки въ боярышникѣ, которая такъ и не зарастала. На расчищенныхъ солдатами дорожкахъ французскаго сада было темно и сыро. Ниши въ шпалерахъ, гдѣ когда-то стояли чугунныя узорныя скамьи со сторожившими ихъ нимфами и амурами, были пусты. Лизѣ вдругъ сдѣлалось жутко. Ей даже подумалось, что въ одной изъ нихъ притаилась какая-то фигура, и она, прибавивъ шагу, почти бѣгомъ направилась домой. Фигура проводила ее глазами до поворота и, держась сторонкой, вернулась къ той же лазейкѣ.

Въ уютной столовой стараго дома тетя Саша сидѣла за чаемъ. Въ углу у отдѣльнаго столика пристроилась со своей расписной чашкой Кирилловна. Лизѣ ужасно хотѣлось навести разговоръ на прошлое, но она рѣшительно не знала, какъ подступиться къ теткѣ. Ей почему-то казалось, что первая же фраза нарушитъ миръ этихъ стѣнъ, гдѣ такъ успокоительно шумѣлъ стариннаго фасона самоваръ и мягко покачивался маятникъ въ длинномъ стеклянномъ футлярѣ. На колѣняхъ у Кирилловны громко мурлыкала полосатый любимецъ Кротикъ. Со двора доносились звуки гармоники и топотъ пляшущихъ ногъ.

— Экъ стараются!—улыбнулась старуха,—на послѣдкахъ-то. Барыня подняла голову.

— А вѣдь скучно, пожалуй, безъ нихъ теперь покажется? Опустѣетъ Колычево.

— Да что жъ подѣлаешь, матушка, коли ихъ назадъ требуютъ. Дѣло они все дочиста передѣлали, только бы болтались зря. Это въ тѣ времена, была не была работа, людскія да застольныя дворовыми кишѣли. У иного и дѣла-то всего было, что на ларѣ поджавшись сидѣть да всю жизнь одинъ чулокъ вязать. А къ чему столько людей? Были бы руки здоровыя да охота, такъ долго ли съ работой управиться-то?

Тетя Саша вздохнула.

— А все-таки какъ я Горки вспомяну, тепло жилось...

— Какъ не тепло при тетенькѣ вашей, царство ей небесное! Авоть здѣсь въ Колычевѣ тепла, поди, не много было. Развѣ на конопинѣ у поляка горячо порой бывало.

Лиза подняла голову. Кирилловна осѣклась. Она сбросила кота съ колѣни и засутилась.

— Экъ его забираетъ! Надо пойти посмотрѣть. Это Андрейчукъ. Она вышла.

— Тетя,—тихо сказала Лиза, едва закрылась за Кирилловной дверь:—это она на покойнаго дѣдушку намекала? на мамнинаго отца?

— Не знаю, голубчикъ.

— Тетя, отчего объ немъ никто со мною говорить не хочетъ. Вѣдь я ужъ не маленькая. Если и было въ его жизни, что скрывать нужно, отчего ты сама мнѣ этого не расскажешь?—Она встала и поцѣловала тетку.—Онъ быть замѣшанъ въ польскомъ возстаніи?

Александра Николаевна отвѣтила на поцѣлуй Лизы.

— Да!

— Его казнили?

— Съ чего ты взяла? Кто это сказалъ тебѣ?

— Тетя, умоляю, скажи: его казнили? Да?.. за что?

— Лиза, ты напрасно затрагиваешь эти старые вопросы. Къ чему бередить затянувшіяся раны?

— Я хочу знать правду, тетя!—Она стала на колѣни и обняла ее за талию.—Неужели ты думаешь, что хорошо вѣкъ оставаться слѣпыми, какъ новорожденные котятка?... Я понимаю, дѣдушка былъ замѣшанъ въ польскихъ дѣлахъ, и его казнили...разстрѣляли... а можетъ быть,—она поблѣднѣла,—повѣсили?...

Александра Николаевна подняла за подбородокъ ея бѣлое, какъ платокъ, лицо.

— Если ты непременно хочешь знать истину,—его приговорили къ смертной казни, но онъ самъ въ тюрьмѣ покончилъ съ собою...

— Самъ?.. самоубійствомъ?.. Ужасно!—прошептала Лиза и вскопчила на ноги.—И все-таки лучше, чѣмъ если бы казнили... не такъ позорно... Но что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ заготовлялъ оружіе для польскихъ бандъ и пряталъ въ виалѣ, а когда это открылось, онъ вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ, тоже полякомъ, конечно, съ цѣлью скрыть слѣды, поджегъ ее... Ну, теперь ты знаешь все. Не выпрашивай меня больше. Мнѣ тяжело, дѣтка!

Она встала и прошла къ себѣ въ спальню.

Часы тикали. На дворѣ дробно стучали ноги плясавшихъ людей, и гармоника съ переборами отхватывала залихватскую пѣсню. А Лизѣ казалось, что это дробь барабановъ, крики толпы, громыханіе позорной телѣги и лязгъ цѣпей...

— Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой, Боже мой!.. слава Тебѣ, что онъ не допустилъ себя до этого, что Ты сжалился надъ нимъ и далъ ему силы поднять на себя руку, чтобы избѣжать позора...

И она упала мокрымъ отъ слезъ лицомъ на свои протянутыя на столъ руки. Въ сердцѣ ея кровь прилиwała словно къ горячей, открывшейся ранѣ, и она до боли любила и жалѣла поминаемаго до сихъ поръ лихомъ дѣдушку-поляка...

Надвинувъ коломянковый картузь на бекрень, Михайла Демьянычъ шелъ по старой аллеѣ вдоль парковъ въ свою усадьбу, начавшую быть извѣстной въ уѣздѣ подъ именемъ Евграфовки. Въ головѣ подъ картузомъ роились невеселыя думы. Сѣтова сумѣла на этотъ разъ уйти изъ-подъ его власти, а ему необходимо было, чтобы именно въ данное время она ощущала давленіе его мощнаго кулака. Нужно было, чтобы арендуемая имъ заглохшая часть кольчевского парка находилась всецѣло въ его безконтрольномъ распоряженіи и тогда отъ старыхъ вязовъ и кленовъ не останется и слѣда: они отлично пригодятся на первое время на дрова для... онъ держалъ остальное въ тайнѣ.

Съ увитаго бобами крылечка Авдотья Тарасовна замѣтила его фигуру.

— Мамонька, Михаилъ Демьянычъ идутъ!—крикнула она въ полуоткрытую дверь. Дѣти робко прижались къ ней, но она сложила шитые п, взявъ ихъ за руки, пошла навстрѣчу.

— Иванъ Якличъ были тутъ, сидѣли, ждали да уѣхали,—сообщила она, поровнявшись съ нимъ.

— Что за отвѣтомъ пріѣзжалъ, небось?

— Не сказывали, а только просили захватить завтра утречкомъ. Они въ Москву собираются.

— И я поѣду. Ты мнѣ чемоданъ приготовь. Рубаху въ запасъ да сюртукъ новый положи. Можетъ, я тамъ недѣли двѣ задержусь.

Онъ вошелъ въ горницу. Хотя къ срубѣ, строенному по плану Зоси, уже была прибавлена новая изба, соединявшаяся сѣнцами со старой, но Евграфовъ находилъ помѣщеніе не по рангу себѣ и любилъ помечтать велухъ, какъ выстроить новый двухэтажный домъ съ «залой», гдѣ будетъ стоять горка съ серебромъ.

На полкѣ въ углу около стараго образа красовалась съ одной стороны склеенная изящная голубая ваза, съ другой—голова статуи съ отбитымъ узломъ прически.

— Убери ты идолицу поганую!—говаривала не однажды Агаша, но ея сынокъ только ухмылялся.

— Ничего вы, маменька, не понимаете! Это сувенирь, а ихъ наравнѣ съ иконами почитать слѣдуетъ, потому они тоже священные. Крестись на образъ, а не на вещь, рядомъ лежащую. Это моимъ дѣтямъ о прежнихъ господахъ на память. Дѣтей смолоду старья

времена уважать учать, тогда они изъ повиновенія ни въ жисть не выйдуть.

— Тебя вонъ, стало, вѣрно, недостаточно учили,—ворчала старуха.—Неслухъ! вотъ погоди, вырастуть свои, такъ покажутъ.

Но Михалка сверкаль въ отвѣтъ зелеными глазами.

— Ну, это мы еще поглядимъ! Я не изъ тѣхъ, кого не слушаются.

На столъ пыхтѣль самоваръ. Михайла Демьянычъ снялъ картузъ, повѣсилъ его на гвоздь и усѣлся въ единственное кресло. Остальные размѣстились на лавкахъ. Нѣсколько минутъ шло молчаливое чаепитіе. Слышно было только, какъ трещаль на зубахъ сахаръ, да Даничка, поставивъ локти на столъ, усердно дуль на блюде.

— А Сѣтиха-то знатно выкрутилась!—прервалъ молчаніе самъ.— Не то что въ полѣ, съ садомъ управились,—дорожки, на осень глядя, расчистили. Въ подвалѣ даже стекла вставили, вѣрно, отъ старыхъ оранжерей запасныя рамы нашли. Налей-косъ еще!—и онъ протянулъ чашку женѣ.

— Что жъ, вы заходили къ ней?

— Чего я полѣзу? Экъ спросила, дура! Просто въ садъ зашелъ. По старому плану дорожки хоть и проведены, а статуевъ-то и нѣту!

— Гдѣ жъ ихъ взять? Мало ли чего не найти теперь. Сколько добра-то на пожарѣ сгнбло,—замѣтила Агаша.

— Многое сгнбло, а многое есть еще, да искать не умѣють. Вотъ кабы барыня замѣсто ссориться, мою бы руку держала, я бы и не то что статуи, а мало ли что указала ей. Да теперь конечно. Она первой на рожонъ полѣзла, такъ пусть и кается.

— Полно тебѣ!—возразила мать.—Чего ты крысишься-то? Чего озорничаетъ? Живъ былъ бы покойникъ дѣдъ, развѣ позволилъ бы тебѣ? Небось, живо скрутилъ бы!

— А чего она другимъ людямъ жить не даетъ? Мало ей, что ли? Отъ царя три тысячи пенсіи получаетъ да съ имѣнія, почитай, не меньше. Куда ей?

— Какъ куда? А племянница? Тоже, поди, приданое надо?

— Какое ей приданое? Такую кралю и такъ возьмутъ. Вонъ Шемаевъ говорилъ намедни, только бѣ отдали, а онъ ее, въ чемъ мать родила, взять готовъ.

— Такъ и пойдетъ она за куща!

— А чѣмъ же купецъ не женихъ? Гдѣ они изъ дворянъ нонеча-то? Офицеры голоперые нешто? Кто всей землей кругомъ володѣеть-то? Нашъ братъ, а не ихніе. Эхъ, подумаешь, не купи тогда енараль Колычева...

— Что жъ, не тебѣ ли досталось бы?

— А то не мнѣ? Да я вотъ клянусь,—онъ перекрестился на образъ:—ничье оно, какъ мое, будетъ!

— Чего Иродъ крестисься? слушать противно. Глаза отъ зависти зеленые стали. Тьфу!—и старуха опрокинула на блюдечко пустую чашку и положила сверху огрызокъ сахара.—Тебѣ бы вѣкъ на барыню молиться,—отъ щедротъ ея же дяденьки да брата покойника и богатство наживать сталъ. Мало тебѣ? аль не помнишь, какъ махонькій со мною въ избѣ курной голодалъ? Господа ему и землю, и денегъ дали, и даже домъ отстроили, ровно игрушечку, а онъ спать и видить изморомъ взять ихъ. Да на что тебѣ, кашей ты этакій, богатство ихнее? Да ты въ глаза имъ глядѣть долженъ, да дѣтей своихъ учить, какъ бы угодить имъ, да молиться о нихъ...

— Кончили, маменька?—спросилъ поблѣвшій со злобы сынъ:—ну, и идите себѣ, а я такихъ разговоровъ въ дѣтскомъ присутствіи себѣ не желаю. Я тутъ хозяинъ, мнѣ покойникъ имущество завѣщать, а вы у меня, значить, по моему сыновнему благорасположенію, на хлѣбахъ живете. Потому и перечить себѣ я въ своемъ домѣ никому не позволю.

— Иродъ! Иродъ! — завопила Агабья. — Мать родную кускомъ попрекаетъ! Чтобъ тебѣ самому того же отъ дѣтей своихъ дождаться!

И, утирая кончикомъ завязаннаго подъ подбородкомъ платка заплаканные глаза, старуха вышла.

Дашечка и Танечка снова робко прижались къ матери и испуганно глядѣли на отца. Авдотья упорно и туго молчала, Михалка крутилъ напросу.

— Знай сверчокъ свой шестокъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Ну, чего вы, щенки, къ матери жметесь? Иди сюда, Данька!

— Не хочу!—заявилъ мальчикъ.—Ты ругаешься...

— Ха-ха-ха! Бабкинъ внукъ... Дай мнѣ дѣвчонку!—обратился онъ къ женѣ.

Авдотья посадила Таню къ нему на колѣни.

— Ну, вотъ умница, сиди! Тебѣ что изъ Москвы привезти? Куклу?

— Тутлу—повторила дѣвочка.

— Соли морской привезите,—повторила Авдотья:—вся вышла, а ножки у нея и впрямь лучше стали, посмотрите,—и она показала начавшія дѣйствительно выпрямляться ножки ребенка.

— Барскія затѣи,—процѣдилъ Михалка.—Ну, да ужъ ладно, куплю, коли вспомню... А только если мнѣ одна штука удастся,—эхъ, и заживемъ же мы съ тобою, Тарасовна. Пусть маменька по сѣрости своей никакого сочувствія не испытываетъ, а ты у меня барыней жить будешь.. Къ дѣтямъ губернентку возьму... Ты что думаешь, я даромъ, что ли, судейшѣ двѣ красненькихъ за фортуныя отдалъ? Слышь, Танька! важно на нихъ жарить будешь! Только бы удалось...

XVI.

Ты помнишь, какъ намъ рисовали,
 Бывало, пылкія мечты
 Сіянье люстры въ бальномъ залѣ
 И шелкъ, и ленты, и цвѣты,
 Воздушно-легкіе наряды,
 Ряды веселыхъ юныхъ паръ,
 Улыбки нѣжныя и взгляды,
 Волшебныя волшебныхъ чаръ?..

(«Евины внучки». М. К.).

8-го сентября квартировавшій въ Горскѣ полкъ справлялъ свой праздникъ. Въ былыя времена при прежнемъ командирѣ на балъ приглашались одиѣ военныя семьи. Нынче направленіе было другое, и, благодаря отчасти Адриановой, въ залѣ офицерскаго собранія рядомъ съ мундирами видѣлись и фраки, а въ карточкой за однимъ столомъ съ командиромъ вшитили «шпаки» и «стриюккіе».

Если бы кто-нибудь зимою сказалъ въ институтѣ Лизѣ, что возможность потанцовать не представится ей высшимъ блаженствомъ, что отпечатанное на бланкѣ приглашеніе на первый свой большой балъ ей захочется бросить въ печку, она бы ни за что этому не повѣрила.

Оба полковыхъ адониса рады были случаю повторить свой визитъ въ старую усадьбу и 30-го августа, прифрантившись и падушившись, отправились на казенномъ рысакѣ въ Колычево.

Лиза не пошла въ церковь, хотя и собиралась помолиться за государя въ день его ангела. Она заснула подъ самое утро, просидѣвъ всю ночь надъ романомъ Чернышевскаго, принесеннымъ Яшневымъ наканунѣ въ числѣ прочихъ книгъ. Докторъ забѣжалъ буквально на минуту, пожалъ ей руку и передалъ довольно увѣсистый пакетъ. Лиза проводила его по желтѣющей уже аллеѣ и, вернувшись домой, нетерпѣливо развязала книги.

Тутъ была «Исторія цивилизаціи Англіи» Бокля, Дарвинъ, Джонъ-Стюартъ Милль, «Самодѣтельность» Смайльса и «Что дѣлать» Чернышевскаго. Лиза раскрыла Бокля,—показалось неинтересно, прочла двѣ страницы Дарвина,—очень ужъ научно. «Самодѣтельность» она проглотила сразу и засѣла за «Что дѣлать». Форма романа, путанное изложеніе, поминутныя отступленія и обращенія къ читателю охлаждали интересъ, но она рѣшила не откладывать книги.

«Онъ принесъ,—значить, интересно, значить, надо прочесть, понять, изучить...»

И она добросовѣстно читала и старалась уловить смыслъ эзоповскаго языка, разобраться, почему эта книга подъ запретомъ, почему въ институтѣ самое заглавіе ея пользовалось репутаціей пугала? Читала и не понимала. Все самыя обыкновенныя вещи:

проповѣдь личнаго и общественнаго счастья, какъ и вездѣ въ романахъ. Что жъ тутъ такого? Геронья казалась ей скучной и сентиментальной, герои придуманными. Одинъ Рахметовъ заинтересовалъ было. Она отъ души жалѣла о своей глупости и неразвитости, она готова была плакать о своемъ разочарованіи.

«Нѣтъ, я не доросла! я дѣйствительно отсталая, замаринованная институтка. Я не въ силахъ углубиться, отсюда и непониманіе. Когда увижу «его», попрошу разъяснить мнѣ, въ чемъ дѣло. Развѣ трудъ не старое условіе счастья? Развѣ уваженіе къ личности не встрѣчается въ каждой настоящей семьѣ? Вѣдь и въ институтѣ и эти отсталые учителя, и классныя дамы не твердили развѣ ежедневно, что въ трудѣ смыслъ и не только цѣль, но и отрада жизни? Что же новаго въ этомъ знаменитомъ романѣ? То, что мужъ жертвуетъ собою ради вспыхнувшего у жены чувства къ другому? Что жена, лишь слегка поломавшись, мирится съ его комбинаціей ложнаго самоубійства? Да, вѣдь, все это верхъ эгоизма. Неужели она поступаетъ настолько хорошо, чтобы слѣдовать такому примѣру? Счастье на жи и фальши?.. Богъ съ нимъ. Все должно быть основано на правдѣ, а ея-то въ романѣ и нѣтъ. Это не жизнь, а вымученная фантазія, скучная, вялая, хотя и хочетъ рисовать радости жизни, потому что много говорится о танцахъ и музыкѣ».

Нѣтъ, Лиза бы жить такъ въ какихъ-то стеклянныхъ, общихъ домахъ ни за что бы не согласилась. Это вышло бы вродѣ института... Довольно... Лучше пожертвовать своею любовью и помнить данный въ церкви супружескій обѣтъ, какъ Татьяна Пушкина... Сравнить ее съ этой приторной нудной Вѣрой Павловной... «Боже, какое извращеніе», подумала она и заснула.

А въ окно уже брезжилъ свѣтъ осенняго утра и снилось ей, что ей тоже приходится строить свою жизнь на такой же фальши... Никогда... никогда...

Таня вошла разбудить барышню. Вставленная съ вечера въ подсвѣчникъ цѣльная свѣча догорѣла до основанія. Изъ-подъ подушки высовывался кончикъ кнѣги.

— Барышня!—позвала горничная.

— Я спать хочу. Отстань!

— Къ обѣднѣ сами разбудить приказывали. Тетенька уже чай кушаютъ.

— Отстань! у меня голова болить.

— Оставь, Таня!—послышался голосъ изъ смежной столовой.—

Я помолюсь за насъ обѣихъ.

Тетя Саша ушла въ церковь, а Лиза снова уснула, на этотъ разъ крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

— Барышня! гости...—раздался шопотъ Тани надъ ея ухомъ. Лиза сѣла въ кровати и протерла глаза.

— Какіе гости? такую рань?

— Гдѣ тамъ ранъ, уже двѣнадцать часовъ пробило... Офицеры, что наемни съ Адриановыми были.

Лиза велѣла провести ихъ въ кабинетъ, а сама спѣшно одѣлась.

Тетя Саша задержалась у матушки, и ей поневолѣ приходилось разыгрывать любезную хозяйку, хотя мысли ея были полны Чернышевскимъ.

Левкевичъ, крутя длинный усъ, щелкнулъ адъютантскими шпорами, а Флинтъ вручилъ ей приглашеніе. Къ удивленію адонисовъ, молодая дѣвушка вовсе имъ не была обрадована.

— Право, не знаю, свободна ли будетъ тетя.

— Ничего, васъ Анна Павловна шапронировать можетъ.

— Да у меня и платья бальнаго нѣтъ.

— Это вамъ живо портниха адриановская сошьетъ,—утѣшили Левкевичъ, близко знакомый съ порядками инспекторскаго дома.

— Едва ли она успѣетъ... Да тетѣ и такъ хлопотъ много...

Но вернувшаяся тетя Саша не поддержала племянницы. Напротивъ, она очень любезно поблагодарила молодыхъ людей въ утвердительномъ смыслѣ, и приглашеніе было принято. Левкевичъ тутъ же взялся прислать портниху, о чемъ, оказывается, у нихъ уже впередъ было условлено съ Анной Павловной, и Лизѣ оставалось только вздохнуть въ отвѣтъ.

— Что съ тобою?—замѣтила Александра Николаевна по отвѣздѣ офицеровъ.—Здорова ли ты?

— Совѣмъ здорова, а только ужасная неохота тащиться на этотъ глупѣйшій балъ.

— Господи, какія чудныя нынче барышни! Я на твоёмъ мѣстѣ до потолка отъ восторга прыгала бы.

— Да вѣдь скучно будетъ. Одна полковница чего стоитъ.

— Не съ нею же ты танцовать будешь?..

Портниха пріѣхала на другой же день. У Сотовой былъ заготовленъ цѣлый запасъ матерій изъ Петербурга, а кружевъ были полныя картонки еще съ тетушкиныхъ временъ. Но Лизу не интересовали ни фасонъ, ни отдѣлка, и когда портниха спросила ее: «вамъ, барышня, платье съ декольте или только съ «колувѣромъ» дѣлать?» она машинально, не отрываясь отъ книги, отвѣтила:

— Пожалуйста, съ колувѣромъ.

По-горски, это оказался «col ouvert», т. е. маленькій вырѣзъ на груди, который былъ сразу отмѣненъ тетей Сашей, и Лиза все съ тою же книжкой въ рукахъ мѣрила, пожимаясь плечами отъ холода, открытый бальный лифъ изъ воздушныхъ старинныхъ кружевъ и нетерпѣливо отвѣчала на всѣ вопросы: «Мнѣ все равно! дѣлайте, какъ знаете».

Для чего, или, вѣрнѣе, для кого ей было наряжаться? Его, кому единственному во всемъ Божьемъ мірѣ ей нужно было и хотѣлось

нравиться, все равно на балу не будетъ, и потому вовсе неинтересно, удастся ли платье?

А оно удалось, удалось на славу, и когда Лиза вошла съ тетей Сашей въ офицерское собраніе, всѣ взгляды устремились на нее. Она была очаровательна своей простотой, безыскусственностью, отсутствіемъ сознанія производимаго ею впечатлѣнія. Ее окружили, засыпали приглашеніями, а она разсѣянно улыбалась и чуть не тремъ кавалерамъ пообѣщала одну и ту же кадрили.

Но при первыхъ же звукахъ оркестра сердце ея дрогнуло. Она любила танцы сами по себѣ, за ихъ движеніе, за ритмъ, за возможность летѣть точно на крыльяхъ, и ея пожки въ балныхъ туфляхъ съ переплетомъ дѣлали свое дѣло помимо ея воли легко и граціозно.

«Что бы подумалъ онъ, глядя на меня теперь?—мелькнула мысль въ ея темной головкѣ съ вѣткой живыхъ розъ за разгорѣвшимся маленькимъ ухомъ.—Какой бы я ему, вѣрно, показалась пустою и ничтожной?» Но, вспомнивъ, что у Чернышевскаго героиня тоже увлекалась танцами, она успокоилась.

А балъ шель, какъ всякій балъ. Вальсы смѣнялись польками, польки кадрилями, потомъ былъ кадрили-монстръ и, наконецъ, мазурка. Стучали каблучки. Гремѣли шпоры. Барыни и барышни порхали бабочками. Туалеты къ концу вечера теряли свѣжесть и прически портились.

Лиза прошла въ отведенныя дамамъ комнаты. Передъ зеркаломъ вертѣлись двѣ полковныя львицы и Адрианова, а въ углу въ креслѣ сидѣла штабсъ-капитанша Мартынова, столь понравившаяся ей на визитѣ у Трынниныхъ. При входѣ Лизы барыни переглянулись и замолчали. Очевидно, она только что служила темой ихъ разговора.

— Какая вы сегодня душка!—чмокнула ее Адрианова.—Хотя я готова въ сущности возненавидѣть васъ,—вы отбили у меня всѣхъ кавалеровъ.

— Не только у васъ, сѣге Анна Павловна,—обернулась m-me Павловичъ:—но и у Нины Васильевны тоже.

Она ехидно указала глазами на даму, пудрившую у туалета подведенное, длинное, какъ у лошади, лицо.

— Ну, что касается меня, я по нимъ не вздыхаю. Съ меня ихъ посейчасъ довольно. А вотъ вы, Агриппина Ивановна, я думаю, завтра за докторомъ пошлете.

— За кѣмъ? за молодымъ Яшневымъ?—спросила та, и обѣ воззрились на Лизу.

— Онъ въ уѣздѣ. Нѣтъ, за его отцомъ.

— Фи! онъ не интересенъ. Сынъ лучше. Не правда ли, Lise?—спросила Адрианова, а львицы такъ и впились въ нее глазами.

— Не знаю, какъ для кого,—спокойно возразила Лиза. —Тетя предпочитаетъ Игнатія Львовича.

Она подошла къ трюмо и стала оправлять прическу. Въ двери постучались.

— Mesdames! Mazourka générale!—раздался голосъ дирижера. Барыни выпорхнули. Лиза осталась.

— Вы не танцуете?—спросила ее Мартынова.

— Танцую, но тамъ такъ душно! Мнѣ хочется отдохнуть. А вы?... Я не видала васъ въ залѣ.

— Я не танцую, куда мнѣ! Изъ лѣтъ вышла, да и не то на умѣ.

— Развы вы старше Агриппины Ивановны? Я бы не сказала!

— Не старше годами. Ей далеко за сорокъ, а какъ она отплясываетъ! Нѣтъ, у меня и безъ баловъ хлопотъ довольно. Я бы ни за что здѣсь не была, да нельзя, командирша обидится. Вѣдь у меня пятеро ребятъ. Крутишься, крутишься, чтобы концы съ концами сводить. До танцевъ ли тутъ? Ну, покажешься, къ ужину выйдешь, а то на виду у всѣхъ въ залѣ цѣлый вечеръ сидѣть и свое крашеное-перекрашеное, каждой собачонкѣ въ городѣ примелькавшееся платышко напоказъ выставять, — удовольствіе неважное. — Она улыбнулась.

— Вотъ, глядя на васъ, милая барышня, и сама себя вспоминаюся. Такая же была, какъ съ мужемъ пятнадцать лѣтъ назадъ встрѣтилась... а теперь? Дадутъ мнѣ развѣ тридцать три года? А все наша жизнь армейская... Эхъ, милочка, не увлекайтесь вы офицерами, плохо за ними... съ хлѣба на квасъ перебиваемся, а тутъ эти клубы да вечера, да вычеты на нихъ... отъ жалованья одни гроши на руки выдаютъ. Горько...

Лиза сочувственно посмотрѣла на нее. Конечно, она казалась много старше и Адриановой, и обѣихъ львицъ. Она вся точно полиняла, хотя черты сохранили изящество линий.

— А большія дѣти у васъ?

— Старшему четырнадцать лѣтъ, въ гимназію, слава Богу, ходить. Спасибо полковнику, онъ за него платитъ. Они, вѣдь, оба добрые, ну, и бываешь у нихъ поневолѣ. А со слѣдующей дѣвочкой чистая бѣда: въ институтъ бы готовить надо, она уже на баллотировку записана, да готовить некому.

— Lise! куда вы пропали?—ворвалась Адрианова.—Флинтъ васъ по всему городу ищетъ. Идемте танцовать, дуся...

Мазурка гремѣла попрежнему. Свѣчи отъ жары оплывали въ люстрахъ и кинкетахъ, но Лизѣ показалось, что онѣ горятъ особенно ярко и звуки несутся задорнѣе и упоительнѣе. Въ дверяхъ стоялъ во фракѣ и въ элегантномъ бѣломъ жилетѣ Яшневъ. Сердце у нея замерло. Онъ здѣсь? какими судьбами?.. Она скользила объ руку съ бѣлокурымъ поручикомъ и платьемъ задѣла молодого доктора. Онъ поклонился однимъ наклономъ своей красивой, курчавой головы...

«Боже, какъ весело! Какъ хорошо, что я послушалась тети!..»
Все озарилось, все сразу приобрѣло смысл...

Въ антрактѣ онъ подошелъ къ ней.

— Ну что, какъ вамъ нравится нашъ уѣздный beau-monde? вы, кажется, очень веселитесь?

— Очень!—отвѣтила Лиза, глядя на него откровенно счастливыми глазами.

Агриппина Ивановна толкнула подъ руку Нину Васильевну.

— Regardez et admirez! Вотъ онъ питерскій,—прямо безъ стѣсненія. Даже скандально.

— Чего тетенька-то превосходительная зѣваетъ? Удивляюсь!

Анна Павловна тоже повела плечами.

— Однакожъ! Надо предупредить ее хоть по дружбѣ,—она убьетъ свою репутацію.

Лиза, вовсе не подозрѣвая себя мишенью бальныхъ наблюдений, продолжала весело болтать съ красивымъ докторомъ. Удивляло ее очень, какъ онъ попалъ на этотъ балъ при столь явно высказанной вслухъ антипатіи матери-командириши? Но приглашенія посылались всѣмъ лицамъ въ городѣ, состоявшимъ на земской или государственной службѣ, и она и не подозрѣвала, что эта строгая матрона дорого бы дала быть на ея мѣстѣ и пользоваться вниманіемъ «слобо» нигилиста.

За ужиномъ они сидѣли рядомъ и продолжали бесѣдовать. Лизѣ очень хотѣлось поговорить о прочитанномъ, но Яшневу всякій разъ переводилъ разговоръ на другое. Она не понимала почему, но въ концѣ концовъ покорилась...

Подали шампанское.

— За здоровье того, кто любить кого!—предложилъ Яшневу послѣ всѣхъ официальныхъ тостовъ.

Она вспыхнула и чокнулась.

— Я пью за здоровье тети...

— А я за все человѣчество!..—но въ его голосѣ прозвучала злая, насмѣшливая нотка.

Тостъ былъ подхваченъ. Офицеры подходили къ дамамъ. Дамы черезъ столъ протягивали другъ другу бокалы. Лиза чокнулась съ Мартыновой.

— За вашихъ дѣтей!

— А я за того, кого вы изберете.

Она улыбнулась, но ея глаза остались грустными попрежнему. Она издали слѣдила за мужемъ. Она видѣла, какъ все больше и больше багровѣла его плѣшивая голова, и сердце ея ныло все больше. О, этотъ женскій, тревожный взглядъ, слѣдящій за любимымъ человѣкомъ, когда онъ начинаетъ поддаваться дѣйствию вина! Опять запеть?.. что дѣлать? Подойти, отнять бокалъ? Она знала, что это невозможно, позорно. И развѣ онъ не имѣетъ права на это

сегодня? на это непонятное женщинамъ особое мужское удовольствіе? Вѣдь на него онъ внесъ, какъ и всѣ товарищи, деньги... Что изъ того, если онъ отнялъ ихъ у дѣтей.

Лиза поглядѣла на нее. Скорбное выраженіе ея лица хватило ее за душу. Ей неудержимо захотѣлось высказать ей свою симпатію.

— Можно мнѣ завтра зайти къ вамъ? Мнѣ очень хочется познакомиться съ вашими дѣтьми.

— Милости прошу!—вся вспыхнувъ, отвѣтила Мартынова.

XVII.

Съ этихъ поръ все рѣже, рѣже
Ты звучишь, какъ райскій смѣхъ.
Рѣчь все та же, звуки тѣ же,
Но родишь ты смерть и грѣхъ.

(«Слово». М. К.).

— Боже мой, Боже мой!—говорила на другой день Лиза тетѣ Сашѣ, возвращаясь въ Колычево.—Я никогда въ жизни не предполагала, чтобы офицеры жили такъ бѣдно! Милая тетя, подумай: у Мартыновыхъ пятеро дѣтей и всего двѣ комнаты. Марья Антиповна буквально все дѣлаетъ сама. Прислуги у нихъ всего одинъ денщикъ. Теперь ея старшую дѣвочку надо готовить въ институтъ, а ей совершенно некогда. Знаешь, тетя, не взятъ ли мнѣ за нее?

— Чтожъ, возьми, Лизанька, дѣло доброе. Но какъ это устроить?

— Я приглашу ее къ намъ погостить, а если родители не согласятся, буду два раза въ недѣлю ѣздить давать ей уроки... Ты ничего противъ этого имѣть не будешь?

— Конечно, нѣтъ. Только какъ же ты и со школой управишься, или ты раздумала открывать ее?

Лиза вспыхнула.

— Меня всѣ отговариваютъ, пророчатъ, будто ничего изъ этого не выйдетъ.

Въ эту минуту онѣ проѣзжали мимо докторскаго дома. Внизу окна были завѣшены, но наверху изъ комнаты «мальцовъ», гдѣ ночевала когда-то Лиза съ тетей Сашей, за коляской слѣдили двѣ пары мужскихъ глазъ.

— Эта?

— Да!

— Что же, ничего себѣ. Не щуплая, въ самомъ аккуратѣ. А какъ насчетъ приварочныхъ?

— Пентюхъ! на кой чортъ онѣ? Не въ нихъ дѣло.

— Самъ ты пентюхъ, какъ я погляжу!—говорившій откинулъ со лба длинную прядь мочально-бѣлокурыхъ волосъ и закурилъ папиросу.—На кой чортъ она, лучше спрошу я, коли безъ гроша

за душою? Пойми—въ комитетѣ полное оскудѣніе. Съ твоимъ мурломъ не за личиками, а за арканами охотиться надо. А ты для всякой дѣвчонки фракъ напяливаешь. Мало ихъ въ коммунѣ видываль, что ли?

— Скажи на милость: тебя сюда для чего отрядили,—нотаціи читать, или же о дѣлѣ договориться?

— Оттого и нотаціи, что дѣла отъ тебя ни вижу, ни слышу.

— А ты не торопись,—она и есть дѣло. Безъ нея ни типографин, ни лабораторин намъ, какъ ушей своихъ, не видать.

— Да говори ты, шутъ, толкомъ. Довольно ээоповщины, здѣсь не предварилка.

— Эхъ, ты ругаться здоровъ, какъ послушаешь! Ты вотъ лучше «Горе отъ ума» въ памяти поднови. Что Молчалинъ Лизѣ въ послѣднемъ актѣ проповѣдуетъ, или, вѣришь, въ чемъ исповѣдуется?

— Да когда жъ ты въ Молчалина, идіотъ естественный, превратился?

— Э, батюшка, это ты да подобные тебѣ до сихъ поръ простой истины одолѣть не въ состояніи, что время вашихъ нечесанныхъ патль и издали, какъ маяки, видныхъ синихъ очковъ давно стало достояніемъ историн. Вы все напроломъ лѣзете. Стѣна,—бей въ нее лбомъ, а что отъ того ничего, кромѣ синяковъ да роговъ на лбу не выйдетъ, вамъ невдомекъ. Вы вонъ за грязные ногти да нечищенные зубы ругаете и своею грязью все дѣло губите. А я хоть и въ обходъ, а навѣрняка иду. Что за прокъ сразу всѣ карты на конъ? Нѣтъ, я вонъ сперва и за тетенькой, и за востроносой дуэньей, и даже за ея водолозомъ поухаживаль, а теперь дѣло въ шляпѣ. Отъ меня зависить,—захочу, завтра же она мнѣ сама на шею бросится, а я тѣмъ времечкомъ подъ ея воркованья всѣ нантайнѣйшія дѣла наши оборудую... То-то... Ну-съ, а пока сдѣлай мнѣ милость, позволь, я тебѣ гриву сбрею, да и изъ гардероба моего позаимствуй нужное. И то ужъ въ городишкѣ кое-что пронохивать начинаютъ, а какъ тебя въ такомъ видѣ отсюда выходящимъ замѣтятъ,—пшии всей затѣ пропало. Тебя кто впустилъ-то вчера?

— А старый, лысый чортъ какой-то. Вѣрно, родитель твой.

— Да, оиъ. Хорошо, что не Иванъ.

Яшневъ досталь ножницы, накиннулъ гостю простыню на плечи и быстро остригъ его. Тотъ равнодушно курилъ, предоставляя товарищу полную свободу дѣйствій. Изъ сосѣдней комнаты слышались слабые стоны и скуленіе.

— Что у тебя тамъ? Я всю ночь спать не могъ, пока ждалъ тебя?

— Собака. Я ее для опыта надъ дѣйствіемъ желудочнаго сока подвергъ операціи. Надо морфія дать. Вчера я, вѣрно, забылъ, отправляясь на балъ.

Онъ вышелъ, а гость всталъ, стяхнулъ остатки волосъ и, открывъ платяной шкапъ, сталъ безъ церемоніи въ немъ рыться.

— Бѣлье у тебя гдѣ?—крикнулъ онъ гнѣвно.—Немогу я безъ манишки твои жилеты надѣвать!

— Сейчасъ!—Яшневъ вернулся, вытирая руки въ полотенце.

— Вотъ, батюшка, многіе находятъ въ женщинѣ сходство съ кошкою, а, по-моему, у нея есть чисто собачьи черты.

— Ластеся?

— Какое! наоборотъ! мучишь ее, вырѣзываешь заживо, трубки вставляешь, сокъ выкачиваешь, а она тебѣ же руки лижеть.

— Охота тебѣ съ мерзостью этой возиться. Какъ ты можешь мученья эти вѣкъ свой выносить?

Яшневъ расхохотался.

— Ахъ, что за нервная у тебя, подумаешь, натура! Какъ же это ты въ террористы записался?

— Я отъ всякаго активнаго участія впередъ отказался, такъ имъ и въ комитетѣ заявилъ. Мое дѣло подготовка акта, выработка деталей, а исполнителей и безъ меня хоть отбавляй. Одна наша Сонечка чего стоитъ.

— А ты ее давно видалъ?

— Давно, она теперь съ тѣмъ, съ Тарасомъ.

— Что же, новое что затѣваютъ?

— Пока ничего, затишье. Распропагандировываютъ петербургскихъ рабочихъ.

— Отказались отъ липецкой программы?

— Кто, мы? Нѣтъ, братъ! ты давненько, видно, никого не видалъ. Программа осталась и останется та же. Со средствами собраться надо, а то на всѣ эти желѣзнодорожныя авантюры страсть что денегъ ухлопано. Тоже вотъ подъ Каменнымъ мостомъ въ Питерѣ сколько пудовъ динамита даромъ въ воду брошено.

— Чего жъ не достануть?

— Доставали, самъ Тарасъ ѣздилъ, да якоря-то эти, какъ ихъ, кошки, что ли, коротки оказались. Прѣснякова-то потомъ сдапали на Васильевскомъ. (Яшнева передернуло). Чай, слышалъ? Онъ двоихъ—дворника и городского уложилъ... Не сдобровать ему... Да, да! рѣдѣть, рѣдѣть у насъ... Плохи дѣла, братъ!

— Ну-съ, я выфрантился,—пойдемъ, погуляемъ. Покажи мнѣ свой забытый людьми и Богомъ городенокъ.

— Пойдемъ, да смотрѣть-то въ сущности нечего.

— А знаешь что? Сведи меня куда-нибудь въ гости, Мнѣ смерть побуффонить хочется. Представь меня, знаешь, какой-нибудь этакъ барынкѣ. Давно я около нихъ не вертѣлся. Свои мадамши надоѣли. Чего-нибудь свѣженькаго, этакъ съ турнирчикомъ да съ челочкой? А?

— Въ провинціи, братъ, это болѣе чѣмъ просто, да проврешься ты, того и гляди.

— Я?! да я тебѣ такое «Боже, царя храни» спою, что самъ исправникъ шапку сниметь.

Яшневъ исполниль просьбу пріятеля и свель его къ Адриановымъ. Анна Павловна пришла отъ него въ восторгъ, а Петръ Петровичъ, наскоро просмотрѣвъ ученическія тетради и скомкавъ экстренно созванную педагогическую конференцію, устроиль винтъ.

Гость забиралъ взятки, тянулъ пиво, курилъ папиросы хозяина и выпилъ съ нимъ брудершафтъ. Оба остались въ восхищеніи другъ отъ друга.

Яшневъ тоже настолько былъ успокоенъ умѣніемъ своего товарища держать себя въ обществѣ, что предложилъ ему съѣздить вмѣстѣ въ Колычево, чтобы познакомиться съ Лизой и осмотрѣть намѣченное для пользы революціи помѣщеніе.

На Лизу ихъ визитъ произвелъ странное впечатлѣніе. Ей этотъ товарищъ съ пронически прищуренными глазами и сдержанными манерами показался непріятнымъ.

«Чего онъ притворяется, точно говоритъ сквозь зубы... онъ, должно быть, совсѣмъ другой на самомъ дѣлѣ», думала она, слушая его разглагольствованія о Женевѣ и Цюрихѣ.

— Кстати,—перебилъ его Яшневъ:—позвольте мнѣ показать моему пріятелю подвалъ. Онъ инженеръ и увѣряетъ меня, что это еще небывалый въ строительныхъ анналахъ случай, чтобы при такомъ пожарѣ могъ уцѣлѣть цѣлый этажъ. Вы позволите мнѣ провести его туда?

— Съ удовольствіемъ. Я и сама пройду съ вами, мнѣ интересно слышать мнѣніе свѣдущаго человѣка.

Она сходила въ кабинетъ за ключомъ.

Товарищъ, котораго Яшневъ отрекомендовалъ Александромъ Ивановичемъ Фроловымъ, оказался дѣйствительно знающимъ и опытнымъ архитекторомъ. Онъ во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣлъ помѣщеніе, обошелъ всѣ закоулки, провѣрилъ дымоходы и поминутно цѣдилъ сквозь зубы:

«Оч-чень инте-рес-но... весь-ма наста-ви-тельно... ни-какъ не могъ пред-по-ла-гать...»

— Pardon, а эт-та дверь куд-да?—спросилъ онъ, останавливаясь у двери въ кладовой, которую не смогли открыть солдатики.

— Не знаю,—отвѣчала Лиза.

— Тамъ должна быть еще и не одна комната, судя по длинѣ насыпи; вы никого не знаете, кто могъ бы указать, что тамъ?

Лиза вспомнила, что вилла, по разсказу тети Саши, служила складомъ оружія. А что если оно и было сложено тамъ? Но она промолчала, не желая выдавать семейной тайны...

— Чортъ возьми! да это настоящая находка!—говорилъ Фроловъ, возвращаясь вдвоемъ съ Яшневымъ въ кабриолетѣ.—Тутъ на все мѣста хватить. Молодецъ Васька! я тебѣ медаль за усердіе отъ комитета выхлопочу. Однѣхъ прокламацій что заготовить можно. А чуть что,—и концы въ воду—прудь подь рукою... Геніально!

— А какъ тебѣ барышня моя нравится?

— Ничего, только съ нею ты наскочишь.

— На что? дуралей, да я ее вокругъ пальца обовью.

— Ошибешься въ расчетѣ. Не таковская, не наши мадамши. Эта мыслить. Эхъ, Васенька, вивисекторъ и врачъ ты, можетъ быть, и превосходный, да физиономистъ-то плохой. Вѣрь моему слову,— не та кровь... боярская!

— Кровь? Ахъ, ты ослица валаамская! Да въ ея жилахъ такая повстанская кровь течетъ, что мы передъ нею агнцы невинные.

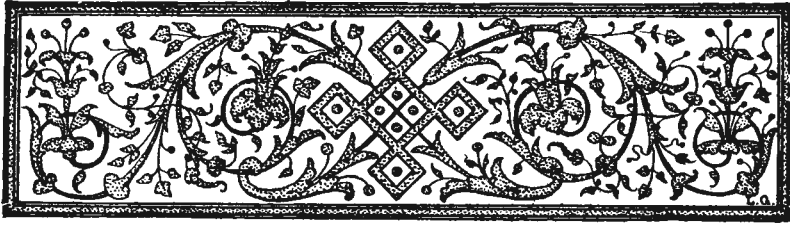
И онъ рассказалъ Фролову біографію Лизы, которую зналъ отъ отца.

— Въ такомъ случаѣ беру свои слова назадъ. Дѣло козырное... Помогай тебѣ судьба!

М. Г. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. К. БЕРКУТА.

Вступленіе.

ОСЛѢ врачебнаго инспектора московскаго врачебнаго округа Николая Кононовича Беркута остались записки, обнимающія періодъ времени первой половины прошлаго столѣтія. Неутомимый работникъ, просвѣщенный и гуманный, онъ отличался рѣдкими качествами души и справедливо пользовался репутаціей прекраснаго врача и человѣка. По роду своей службы Н. К. находился въ близкихъ сношеніяхъ со многими выдающимися людьми и лицами высшаго общества того времени, какъ, на примѣръ, митрополитомъ Филаретомъ, генераль-губернаторомъ П. А. Тучковымъ, графомъ Крейцомъ, Бреверномъ, Сухово-Кобылинымъ, Васильчиковымъ, извѣстнымъ докторомъ Гаазомъ.

Такъ какъ первая часть этихъ записокъ, описывающая дѣтство, пребываніе въ гимназій и университетѣ, не можетъ представлять особаго интереса для читателей, то мы извлекаемъ изъ нея лишь данныя, которыя могутъ служить для характеристики автора этихъ записокъ.

Н. К. Беркутъ родился 15-го ноября 1818 г. въ городѣ Дмитровскѣ Орловской губерніи; маленькій городокъ Дмитровскъ былъ прежде резиденціей князя Дмитрія Кантемира, которому былъ пожалованъ императоромъ Петромъ I послѣ турецкой войны; его окружали обширныя и богатыя вотчины, перешедшія потомъ три императрицѣ Екатеринѣ II къ графу Безбородку.

Родъ Беркутовъ ведетъ свое начало отъ нѣмецкаго выходца Блудта, который въ весьма давнія времена переселился въ Запорожье, сдѣлался настоящимъ казакомъ и запорожцемъ и, усвоивъ себѣ характеръ и обычай запорожцевъ, нерѣдко ходилъ на военную добычу. Одинъ изъ его потомковъ, прославившійся отвагой, храбростью и дерзостью своихъ набѣговъ, получилъ прозвище Беркута (степного орла).

Такимъ образомъ, потомство Блудта распалось на двѣ линіи: Блудовыхъ и Беркутовъ. Впослѣдствіи нѣкоторые Беркуты переселились въ Польшу, приняли католичество и получили графскій титулъ; немногіе попали въ Прибалтійскій край и получили баронство. Въ 1886 г. появился въ московскихъ клубахъ баронъ Беркутъ, но скоро уѣхалъ. Отецъ Николая Кононовича желалъ выхлопотать сыну графскую грамоту, за что съ него просили двѣ тысячи рублей, но онъ, бывшій уже въ то время ассистентомъ клиники, едва уговорилъ своего отца отказаться отъ излишней претензіи, вовсе не подходившей къ его профессіи. Отецъ Николая Кононовича очень принималъ къ сердцу, что старшій горячо любимый имъ сынъ не получилъ уже выслуженнаго отцомъ потомственнаго дворянства, потому что родился въ то время, когда отецъ еще числился въ податномъ сословіи. Случилось это такимъ образомъ. Вольный запорожецъ Беркутъ, прадѣдъ Конона Беркута, присталъ къ тайному сообществу единомышленниковъ, задумавшихъ освободить Украину отъ подданства Екатеринѣ II. Вольнымъ и свободолюбивымъ казакамъ были не по душѣ новые порядки, налагавшіе на нихъ непривычную и стѣснительную узду. Но кто-то изъ заговорщиковъ измѣнилъ дѣлу. Тайный доносъ грозилъ Сибирью, вырваньемъ ноздрей, каторгой... Беркуту жалъ было свободы, а больше всего жалъ было своей большой семьи, своихъ хлопцевъ и дивчатъ. Какъ было спастись отъ угрожавшей страшной бѣды? Оставалось одно, что онъ и сдѣлалъ: пойти въ кортому со всей семьей къ всеильному тогда графу Безбородку. Этимъ актомъ самозакрѣпощенія родъ Беркутовъ и былъ приписанъ къ экономіи графа Безбородка Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи.

Графъ Безбородко, помышляя о превратностяхъ судьбы и опасаясь, что со смертью своей благодѣтельницы императрицы Екатерины II не миновать ему опалы, задумалъ устроить себѣ на этотъ случай удобный и покойный пріютъ въ своихъ вотчинахъ. Рядомъ со старымъ дмитровскимъ соборомъ графъ Безбородко отмежевалъ 10 десятинъ для постройки громадной усадьбы, съ теплицами, оранжереями, коннымъ и скотнымъ дворомъ и прочими службами. Для осуществленія своей грандіозной затѣи онъ назначилъ конкурсъ итальянскихъ архитекторовъ; много проектовъ было ему представлено, но графу Безбородку наиболѣе понравился про-

ектъ молодого архитектора Джіованни Петоиди изъ Венеціи. Безбородко рѣшилъ выписать въ Дмитровскъ Д. Петоиди, чтобы онъ самъ привелъ въ исполненіе свой проектъ, и молодой итальянецъ переселился изъ Венеціи въ уѣздный городъ Дмитровскъ съ женою, тремя сыновьями и четырьмя дочерьми. Попавъ въ такую глушь, не имѣя ни души знакомой, не зная языка, бѣднымъ итальянцамъ жилось нелегко на первыхъ порахъ. Мало-помалу, съ помощью переводчиковъ сыновей своихъ, скорѣе усвоившихъ русскій языкъ, Д. Петоиди научился объясняться съ нужными людьми, а черезъ годъ и самъ могъ дѣлать замѣчанія и указанія.

Планъ построекъ задуманъ былъ широко; нужно было и готовить чертежи, и наблюдать за исполненіемъ ихъ въ работѣ, и Петоиди понадобились способные помощники. Съ этой цѣлью изъ золотоношской экономіи графа Безбородка были выписаны три грамотныхъ и способныхъ юноши; одинъ изъ нихъ былъ отецъ Н. К., другой его родной братъ, а третій нѣкто С. Петоиди оставилъ при себѣ только Конона Беркута, который очень скоро понялъ свое дѣло, полюбилъ архитектурныя работы, сдѣлался правой рукой своего принцепала и совершенно освоился съ милымъ и радушнымъ итальянскимъ семействомъ, въ которомъ проводилъ цѣлые дни. Свободные отъ занятій часы посвящались музыкѣ. И отецъ Н. К. такъ же, какъ и онъ самъ, отличался большою музыкальностью и хорошимъ голосомъ. Особенно привлекала молодого человѣка младшая дочь Петоиди, Лиза, не столь красивая, какъ ея старшія сестры, безспорныя красавицы, но кроткая, женственная и поэтичная, и скоро молодые люди сочтались бракомъ, передъ которымъ Лиза Петоиди приняла православіе.

Молодые Беркуты были очень бѣдны, когда женились, что немало огорчало юнаго супруга, но жена его все время поддерживала въ немъ бодрость и надежду, и вскорѣ, дѣйствительно, дѣла ихъ поправились, и они могли жить, не испытывая никакихъ лишеній, а домъ ихъ сдѣлался вскорѣ любимымъ въ Дмитровскѣ. Но счастье ихъ было непродолжительно. Молодая женщина умерла, оставивъ двоихъ малолѣтокъ и убитаго горемъ мужа. Долго не хотѣлъ жениться безутѣшный вдовецъ, но увѣще, случившееся съ его маленькой дочкой по недосмотру няньки, заставило его взять въ домъ хозяйку и, какъ онъ надѣялся, мать своимъ осиротѣвшимъ дѣтямъ. Къ сожалѣнію, надежды его не оправдались, и вторая жена К. Беркута была совершенно противоположностью первой; суровая и взбалмошная, она не влюбила бѣдныхъ сиротокъ, и Н. К. Беркуту много пришлось вытерпѣть отъ своей мачехи. Только нѣжная любовь отца скрашивала его неприглядное дѣтство. К. Беркутъ нерѣдко, отправляясь въ народное училище, гдѣ состоялъ преподавателемъ, забиралъ дѣтей съ собою, чтобы хоть на нѣскольکو часовъ избавить ихъ отъ домашняго гнета. Рано узналъ горе

Н. К. и нерѣдко, спасаясь отъ несправедливаго гнѣва жестокой мачехи, проводилъ цѣлые дни или на берегу рѣки Общерицы, или въ лѣсу и въ полѣ. Страстная любовь къ природѣ, рано развившаяся впечатлительность и чуткость, глубокое религиозное чувство, все это дѣлало Н. К. не совсѣмъ зауряднымъ ребенкомъ. Подъ вліяніемъ постоянныхъ гоненій и обидъ онъ сдѣлался такимъ нервнымъ, что на него нападали припадки необъяснимаго, болѣзненнаго страха. Это раннее горе наложило извѣстный отпечатокъ на весь характеръ Николая Кононовича.

Воспитаніе дѣтей было строго-религиозное, и дѣти привыкли съ самыхъ юныхъ лѣтъ строго исполнять всѣ требованія церкви, и не только формально, но и душевно сдѣлались глубоко-религиозными. Трогательно рассказываетъ Н. К., какъ на десятомъ году жизни онъ чуть было не утонулъ и, чувствуя, что онъ уже не въ силахъ бороться и опускается на дно, мысленно повторялъ всѣ знакомыя молитвы и нѣжно прощался съ отцомъ и сестрою.

Встрѣча отца Н. К. съ студентомъ А. рѣшила судьбу мальчика: студентъ А. убѣдилъ отца отдать сына въ пансіонъ для разночинцевъ при 1-й московской гимназіи. Посадили мальчика за латынь, исторію, ариметику. Ученье состояло тогда изъ одного сплошнаго зубренья и мало давало и уму и сердцу, но, пріученный къ труду и повиновенію, Н. К. ревностно готовился и приготовился.

Въ августѣ 1831 г., послѣ тяжелаго, обильнаго слезами прощанья съ родными, друзьями и роднымъ городомъ, отецъ съ сыномъ усѣлись въ крытый тарантасъ, нагруженный всякими запасами на дорогу, и отправились въ Москву.

Скучное путешествіе въ тарантасѣ, закрытомъ со всѣхъ сторонъ, подъ проливнымъ дождемъ, продолжалось около трехъ дней до Тулы, гдѣ была продолжительная остановка, а тамъ еще шесть дней до Москвы.

Впечатлѣніе, произведенное Москвой на мальчика, никогда не выѣзжавшаго изъ своего глухого, заброшеннаго Дмитровска, было потрясающее; звонъ колоколовъ, движеніе на улицахъ, въ то время, конечно, немногочисленныхъ, высокіе дома, многочисленныя церкви съ высокими куполами,—все это поразило его воображеніе; среди этой шумной и хлопотливой толпы, куда-то торопившейся, онъ казался самъ себѣ ничтожной, никому не нужной мошкой. Остановились они на Гагаринскомъ подворьѣ, на Софійской набережной, гдѣ теперь находится Кокоревская гостиница.

Н. К. выдержалъ экзаменъ въ 3-ій классъ, но самъ сознавался, что это было ему не по силамъ и что ему приходилось прилагать большія старанія, чтобы не отставать отъ своихъ товарищей. Инспекторъ Бѣляковъ, умный и энергичный человѣкъ, бывшій главнымъ рычагомъ въ жизни гимназіи, внушалъ страхъ и трепеть маленькимъ воспитанникамъ; въ то время тѣлесныя наказанія

«истор. вѣстн.», октябрь 1911 г., т. сxxvi.

примѣнялись щедро, и Бѣляковъ съ мужествомъ стойка присутствовалъ самъ при экзекуціяхъ. Къ Н. К. онъ относился очень мягко, вѣроятно, благодаря усиленному ходатайству его отца, поручившаго свое любимое дѣтище его попеченію. Директоромъ гимназіи въ то время былъ Окуловъ, прожившійся богатый баринъ, который, благодаря дружескимъ отношеніямъ къ великому князю Михаилу Павловичу, получилъ это мѣсто, когда уже спустилъ все свое состояніе и не могъ больше продолжать службу въ гвардіи.

Въ дѣла гимназіи Окуловъ не вмѣшивался и предоставилъ все инспектору, а только иногда появлялся на экзаменѣ Закона Божія въ младшихъ классахъ, озадачивая малышей вопросами въ родѣ: кто были родители Адама и Евы? Но все-таки Окуловъ пользовался большою любовью воспитанниковъ; онъ былъ добрый, сердечный человѣкъ, любившій дѣтей; жалѣя тѣхъ, что на праздники оставались въ гимназіи, не имѣя ни родныхъ, ни знакомыхъ, онъ нерѣдко посылалъ имъ большія корзины лакомствъ, а весною даже самъ принималъ участіе въ ихъ играхъ.

Онъ былъ хлѣбосольный хозяинъ, любилъ устраивать вечера, которые посѣщали Пушкинъ, Кукольникъ, Полевой, Раичъ, Загоскинъ и другія извѣстныя лица, и приглашалъ на эти вечера лучшихъ учениковъ старшихъ классовъ.

Пансіонеры помѣщались въ двухъ отдѣленіяхъ: въ одномъ были «благородные», платившіе 450 р., или «соусники», какъ прозвали ихъ товарищи, въ другомъ «кашники», или разночинцы, платившіе 200 р. съ платьемъ, обувью, книгами и полнымъ содержаніемъ. У «кашниковъ» ложки и тарелки были оловянные, у «соусниковъ» тарелки фарфоровыя, а ложки серебряныя; у благородныхъ надзирателемъ былъ французъ, у разночинцевъ русскій. Конечно, школьная дисциплина стояла не высоко, и одинъ надзиратель на 200 человѣкъ во время рекреаций не могъ рѣшительно ничего сдѣлать и ограничивался періодическимъ выкрикиваніемъ: «тише!»

Помѣщеніе спаленъ было низко и тѣсно; освѣщеніе состояло изъ сальной свѣчки, поставленной въ водяной подсвѣчникъ, воздухъ былъ убійственно спертый и нечистый.

Но, несмотря на эти ужасныя гигиеническія условія, Н. К. замѣчаетъ, что юноши кончали курсъ съ объемистой грудью, здоровыми глазами и съ полнымъ отсутствіемъ нервности. А легкимъ и глазамъ немало приходилось терпѣть отъ пыльной атмосферы рекреационнаго зала, гдѣ полъ былъ просто плохо утрамбованный песокъ, отъ отсутствія всякой вентиляціи и плохого освѣщенія.

Тяжело было на первыхъ порахъ мягкосердечному и чувствительному мальчику, нѣжно привязанному къ своему отцу; онъ такъ тосковалъ, что потерялъ аппетитъ, осунулся, поплѣднѣлъ и наконецъ однажды упалъ безъ чувствъ во время вечерней молитвы;

его отнесли въ лазаретъ, у него началась горячка, въ которой онъ пролежалъ около трехъ недѣль.

Н. К. Беркутъ вступилъ въ гимназію какъ разъ послѣ совершившейся въ ней реформы съ легкой руки министра Уварова, а именно поголовнаго испытанія учениковъ и перемѣщенія ихъ по степени знаній въ соотвѣтствующіе классы. Въ числѣ одноклассниковъ Н. К. Беркута оказались такіе молодцы, которые давнымъ-давно брили бороды, и малышамъ нерѣдко доставалось отъ ихъ мощныхъ дланей. На лѣнливыхъ и неспособныхъ сыпались всякаго рода наказанія: на колѣни, безъ объѣда и до порки включительно, которою и заканчивалась періодическая повѣрка недѣльных успѣховъ.

Безправные и обезличенные ученики много терпѣли отъ суровости и грубости учителей, и свое озлобленіе они вымещали на учителяхъ чистописанія и на нѣмцахъ, которые нерѣдко набирались изъ полпивныхъ. Особенно грозень и страшень былъ учитель математики И. Ф. Волковъ; онъ не могъ сказать слова, не уснащая его отборной бранью, но все-таки требовалъ отъ учениковъ самостоятельной умственной работы: «думай, рассуждай, поворачивай мозгами», то и дѣло слышалось въ классѣ. Зато старшій учитель математики П. И. Погорѣльскій говорилъ наоборотъ: не рассуждай, а зубри на память, послѣ поймешь. А между тѣмъ П. И. Погорѣльскій, какъ адъюнктъ-профессоръ университета, пользовался большимъ авторитетомъ, и 1-я гимназія доставляла въ то время въ университетъ главный контингентъ математиковъ.

Учитель русскаго языка и словесности г. Оболенскій былъ большою оригиналь, поклонникъ древней философіи и въ подражаніе Діогену спалъ лѣтомъ не въ бочкѣ, а въ мѣшкѣ, въ саду; иногда, давая урокъ, онъ вдругъ задумывался, изображалъ на своемъ лицѣ блаженную улыбку и совершенно переставалъ замѣчать все окружающее. «Съ Діогеномъ встрѣтился», говорили тогда ученики. Съ учителемъ исторіи Добровольскимъ вышло у Беркута маленькое недоразумѣніе. Добровольскій требовалъ зазубриванья и отвѣта слово въ слово по Кайданову; всегда хорошо учившійся Беркутъ отвѣтилъ ему, что Густавъ-Адольфъ палъ «отъ руки Жерарда»; Добровольскій, недовольный, поправилъ его: «отъ руки неистоваго Жерарда», и сбавилъ баллъ.

Латынь была главнымъ предметомъ въ гимназін, но безтолковое зубренье вокабулъ и сухихъ правилъ грамматики, переводы и письменныя упражненія, не представлявшія никакого живого интереса и занимавшія $\frac{2}{3}$ времени, не оправдали благихъ намѣреній графа Уварова.

Въ 6-мъ классѣ Оболенскаго замѣнилъ учитель словесности Поповъ, который внесъ живой духъ въ преподаваніе, познакомилъ юношей съ новѣйшей литературой и заставилъ ихъ упражняться

въ сочиненіяхъ, чѣмъ немного снялъ съ нихъ схоластическую и семинарскую плѣсень. Н. К. Беркутъ до послѣднихъ дней своей жизни интересовался литературой, читалъ самъ, любилъ слушать чтеніе вслухъ и отличался тонкимъ пониманіемъ художественныхъ красотъ. Несмотря на обиліе наказаній и безтолковое примѣненіе ихъ, Н. К. Беркутъ во все время своего пребыванія въ гимназій только разъ былъ оставленъ безъ обѣда, а по окончаніи записанъ на золотую доску. Къ отцу въ Дмитровскъ ему пришлось съѣздить всего одинъ разъ въ теченіе всего гимназическаго курса, и эта поѣздка оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ юноши; она совпала съ эпохой первой любви, предметъ которой, талантливая и очаровательная дѣвушка, вскорѣ скончалась отъ натуральной ослы.

Когда всѣ экзамены были сданы и Беркутъ получилъ аттестатъ, дававшій право на поступленіе въ университетъ по экзамену, онъ отправилъ отцу письмо съ радостной вѣстью объ окончаніи и просьбой выслать ему денегъ на квартиру. Отвѣтъ долго не приходилъ. Гимназическое начальство понуждало оставить гимназію и ити на всѣ четыре стороны. Денегъ не было ни копейки, одежда была казенная. Юноша находился въ весьма тяжеломъ положеніи; наконецъ, благодаря добрымъ товарищамъ, снабдившимъ Н. К. Беркута десятью рублями, онъ могъ обзавестись кое-какой необходимой одеждой и отправиться на поиски квартиры. Послѣ долгихъ скитаній въ жару по пыльнымъ переулкамъ около Арбата, ему удалось найти крошечную каморку на углу Молчановки и Дурновскаго переулка у патриархальной четы раскольниковъ, которые самымъ теплымъ образомъ отнеслись къ юному студенту, и Н. К. Беркутъ всегда съ благодарностью вспоминалъ о нихъ.

Въ августѣ 1836 года Беркутъ отправился въ университетъ на экзамень, который происходилъ въ анатомическомъ театрѣ, гдѣ за круглымъ столомъ возсѣдали пять профессоровъ-экзаминаторовъ и толпилось много молодежи, чаявшей вступить въ стѣны *almae matris*.

Экзамень онъ выдержалъ блистательно и былъ зачисленъ въ число студентовъ московскаго университета. Сильное и восторженное чувство охватило юношу при сознаніи, что онъ студентъ университета, что онъ получилъ это званіе собственными силами и что онъ уже не школьникъ, а новобранецъ того воинства, которое призвано совершить подвигъ труда на пользу и славу своего отечества! Сердце его сильно и восторженно билось, и онъ готовъ былъ броситься на шею всякому, чтобы подѣлиться своимъ блаженнымъ чувствомъ.

10-го сентября 1836 года, послѣ обѣдни и молебствія въ университетской церкви молодыхъ студентовъ развели по аудиторіямъ. Въ анатомическомъ театрѣ господствовалъ полумракъ и царила глубокая тишина, несмотря на то, что студентовъ было человѣкъ 80. Вошелъ симпатичный профессоръ анатоміи Эйбродтъ, и лекція

началась. Эйнбродтъ началъ свою лекцію латинской рѣчью, которую, однако, слушатели классики плохо понимали; но вскорѣ имъ пришлось поневолѣ усвоить себѣ разговорную латинскую рѣчь, такъ какъ иначе, какъ по-латыни, по анатоміи отвѣчать не полагалось. Эйнбродтъ считался хорошимъ профессоромъ, но когда на 5-мъ курсѣ его замѣнили профессоръ Севрукъ, Н. К. Беркуту пришлось убѣдиться, какъ далеко ушла анатомія отъ того, что имъ на первомъ курсѣ преподавалъ Эйнбродтъ. На первомъ курсѣ студентамъ-медикамъ полагалось въ то время слушать: богословіе—у Терновскаго, русскую словесность—у Шевырева, латинскій языкъ—у Кубарева и нѣмецкій языкъ—у Гѣринга.

Инспекторомъ студентовъ въ то время былъ всѣми любимый знаменитый Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Съ нѣжностью вспоминаетъ о немъ Н. К. Беркутъ въ своей автобіографіи. Платонъ, какъ звали его студенты, не искалъ популярности, никогда не шутилъ съ студентами, не пускался въ праздные разговоры. Но когда ему приходилось говорить, т. е. распекать по необходимости, то и въ самомъ гнѣвѣ его слышалось что-то отеческое, не напускное, а искреннее желаніе добра. Съ особенной строгостью преслѣдовалъ Нахимовъ за несоблюденіе формы, и отъ гнѣва и волненія, когда онъ за это распекалъ студента, хохолокъ на головѣ его судорожно колебался. Особенно отличался по части несубординаціи студентъ В—скій, фигурировавшій на всѣхъ гуляньяхъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Однако поймать и уличить его Нахимову не удавалось.

«Ну, попадись ты мнѣ когда-нибудь,—говаривалъ онъ:—будешь ты слушать лекціи у карцернаго солдата». Однажды во время приготовления къ рождественскимъ репетиціямъ, просидѣвъ всю ночь до 8-ми часовъ утра, Н. К. Беркутъ съ товарищемъ М. отправились въ студенческой трактиръ «Великобританію» и, рассчитывая не встрѣтить Нахимова, въ фуражкахъ. Выходя на Никитскую, студенты какъ разъ наткнулись на грознаго инспектора, который погрозилъ имъ пальцемъ и указалъ на университетъ: «ко мнѣ, ждатель». Зная, что карцера не избѣжать, виноватые захватили съ собой колбасы, сыра, бѣлаго хлѣба и номеръ «Библіотеки для чтенія» и явились къ Нахимову.

— Такъ-то, господа,—началъ онъ:—прошу, молю, ради Господа, блюдите форму; спасибо, одолжили! А вы знаете ли, сколько мнѣ достается отъ графа (Строганова) за вашу форму? Вотъ она у меня гдѣ сидитъ!—онъ показалъ на затылокъ.—Нынче замѣчаніе, завтра распеканье, а тамъ и по пряжкѣ. Вамъ этого хочется? Спасибо...—при этомъ Нахимовъ низко поклонился.

Взволнованный М. съ полными слезъ глазами проговорилъ:

— Лучше ужъ выгоните меня, Платонъ Степановичъ, а вы для университета нужны.

Тронутый Нахимовъ отпустилъ студентовъ съ миромъ. Но тихоней, чистенькихъ и угодливыхъ студентовъ Нахимовъ недолюбливалъ.

Зоологию читалъ Ловецкій, въ свое время много потрудившійся и получившій званіе члена парижской медицинской академіи за свое сочиненіе «О глистахъ»; но въ то время онъ былъ уже очень дряхлъ и, читая, демонстрировалъ по картинамъ Жоффруа, причеиъ иногда происходили курьезы. Читая про жука-щитоносца, онъ показывалъ на картинкѣ единорога.

— А это что, ваше превосходительство?..—говорилъ студентъ (Ловецкій любилъ, чтобъ его титуловали).

— Ну, что тамъ еще?

— А вотъ на головѣ словно рогъ.

— Ну, какой рогъ, небось нога. Сосчитай ноги.

— Ноги всѣ на счету, а на головѣ рогъ.

— Живописецъ ошибся.

Но, читая дальше, Ловецкій говорилъ:

— Рогоносецъ! ошибся-то я, а не живописецъ.

Лекціи ботаники, однообразно, съ убійственнымъ безстрастіемъ читаемыя Фишеромъ фонъ-Вальдгеймомъ, наводили скуку на студентовъ и убивали всякое врожденное даже влеченіе къ изученію флоры. Н. К. Беркутъ говорилъ, что отъ лекціи Фишера фонъ-Вальдгейма вяло всякое растеніе, а студенты спали.

Совершенную противоположность ему представлялъ профессоръ Щуровскій, бодрый и живой человекъ, чрезвычайно любимый студентами, которые про него говорили, что Щуровскій заставлялъ камни говорить; онъ читалъ минералогію.

Въ то время не было рѣзкаго раздѣленія на спеціальности, и, напримѣръ, профессоръ Страховъ, замѣчательный энциклопедистъ, въ теченіе своей долгой профессорской дѣятельности читалъ и философію, и психологію, и физиологію, и ботанику, и минералогію, и, наконецъ, ветеринарную медицину. Даровитымъ лекторомъ былъ профессоръ Сокольскій, отличавшійся большою оригинальностью, рѣзкостью и смѣлостью. Онъ нерѣдко дѣлалъ своему начальству сюрпризы, подготовившіе ему преждевременный выходъ изъ университета. Онъ мастерски излагалъ свой предметъ, частную патологию и терапію; въ сжатой, ясной его рѣчи рельефно обозначались существенныя черты изображаемой имъ формы болѣзни; какъ художникъ, клалъ онъ только характерныя черты, не гоняясь за подробностями и мелочами, и Н. К. весьма цѣнилъ его манеру читать, запечатлѣвавшую въ памяти все существенное. Онъ первый явился въ московскій университетъ съ плесиметромъ и стетоскопомъ. Но его странности были иногда очень рѣзки и шокировали окружающихъ. Во время защиты одной диссертациі Сокольскій, какъ официальный оппонентъ, началъ возражать по-русски, а въ то время диссер-

таціи обязательно писались и защищались по-латыни; графъ Строгановъ замѣтилъ Сокольскому, что онъ нарушаетъ обычай. «Я потому и говорю по-русски,—возразилъ тотъ:—что здѣсь многіе этого языка не понимаютъ», намекая на многихъ профессоровъ-нѣмцевъ. На юбилеѣ Фишера-фонъ-Вальдгейма, когда юбиляра вывели подъ руки изъ актовaго зала, чтобы посадить въ карету цугомъ, Сокольскій со смѣхомъ проговорилъ: «Вотъ какъ мыши kota хоронятъ!»

Несмотря на многіе недочеты тогдашняго преподаванія, Беркутъ извлекъ изъ университетской науки все, что можно было изъ нея извлечь, и до конца своей жизни не переставалъ интересоваться наукой. Онъ читалъ медицинскія книги, выписывалъ журналы, но, знакомясь со всеми новѣйшими открытіями, никогда не увлекался «новинками», а нерѣдко предостерегалъ отъ нихъ молодыхъ врачей.

Подъ руководствомъ Бунге, устарѣвшаго и мало знающаго профессора, завѣдывавшаго клиниками, пришлось Н. К. Беркуту въ нихъ заниматься. Помѣщеніе клиникъ на Никитской было тѣсное, темное, низкое, больныхъ помѣщалось вдвое больше, чѣмъ полагалось, а леченіе, происходившее по большей части при помощи ароматическихъ припарокъ, пластырей и мазей, далеко не способствовало улучшенію воздуха, и атмосфера клиникъ была ужасная. Но все-таки Н. К. Беркуту удалось слушать и выдающихся профессоровъ въ родѣ Варвинскаго, Иноземцева, Гильдебрандта. Особенно высоко цѣнили Н. К. Беркутъ Иноземцева, съ появленіемъ котораго клиники очистились отъ ветхозавѣтнаго хлама, оставленнаго его предшественникомъ Альфонскимъ. Иноземцеву съ первыхъ же шаговъ пришлось вступить въ борьбу съ множествомъ препонъ, которыя ставили ему ревнители старыхъ порядковъ, и ему, какъ человѣку чуткому, гуманному и впечатлительному, это далось не легко и отразилось на его здоровьи, такъ что онъ долженъ былъ уѣхать за границу лечиться. Съ глубокимъ уваженіемъ относился къ нему Н. К. Беркутъ и, цѣня его лекціи и работу въ клиникахъ, только сожалѣлъ о томъ, что, будучи студентомъ, ему недолго пришлось работать подъ руководствомъ Иноземцева, но зато, сдѣлавшись позднѣе его ассистентомъ въ клиникѣ, онъ сталъ его горячимъ послѣдователемъ и ученикомъ. Иноземцевъ первый ввелъ въ университетѣ топографическую анатомію, безъ знанія которой операторъ шагу не можетъ ступить, и, самъ работая съ прозекторомъ и студентами надъ трупомъ, давалъ слушателямъ примѣръ неутомимаго трудолюбія и серьезнаго, добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Иноземцевъ допускалъ операцію только въ случаѣ необходимости, какъ крайнее средство, и всегда старался избѣжать ея, примѣняя къ больному терапевтическія мѣры и нерѣдко очень удачно. Такого же образа дѣйствій держался и Н. К. Беркутъ въ своей медицинской дѣятельности; удивительно умѣя распознавать болѣзнь и ставить

діагнозъ, онъ въ каждомъ данномъ случаѣ находилъ лекарства самыя пригодныя для даннаго больного и для данной болѣзни. Не даромъ говариваль онъ, что практическая медицина не наука, а искусство, и самъ онъ обладалъ большимъ талантомъ врача: мягкость обращенія, умѣлое и удачное леченіе пріобрѣли ему широкую извѣстность, которою онъ вполне заслуженно пользовался въ Москвѣ.

Очень дружескія отношенія установились у Н. К. Беркута съ землякомъ его, тоже орловцемъ, профессоромъ В. А. Басовымъ, который съ теплою сердечностью отнесся къ юному студенту, не разъ выручалъ его изъ бѣды, поддерживалъ и матеріально и нравственно. За полгода до перехода на 4-й курсъ Н. К. Беркутъ очутился въ бѣдственномъ положеніи; уроковъ не было и ради дешевизны ему пришлось переселиться въ холодную каморку. Голодъ, холодъ, плохая одежда, лишавшая его возможности выходить, удрученное настроеніе, все это такъ повліяло на него, что онъ заболѣлъ. Нѣкоторые товарищи, между прочимъ извѣстный впоследствии химикъ Лясковскій, нѣкоторое время поддерживали его, но и они не обладали большими средствами и, видя, что не въ силахъ долго помогать больному товарищу, рѣшились рассказать о немъ профессору Басову, который принялъ въ немъ участіе, самъ пріѣхалъ къ нему и послѣ долгаго сопротивленія перевезъ его къ себѣ на квартиру. Не желая даромъ пользоваться помощью Басова, Беркутъ, оправившись, предложилъ ему дѣлать работы для кабинета сравнительной анатоміи. Басовъ жилъ тогда въ кандидатскихъ нумерахъ, гдѣ помещался и Рулье, бывшій смотрителемъ университетскаго музея. Онъ былъ постояннымъ завсегдатаемъ Басова, и появленіе его крупной, грузной фигуры съ курчавой головой, его раскатистый смѣхъ, неистощимое остроуміе и веселье вносили не мало оживленія въ эту компанію. Басовъ имѣлъ самое благотворное вліяніе на научныя занятія Беркута; онъ уговаривалъ его, помимо всѣхъ другихъ занятій, изучать новые языки, находя, что они необходимы для врача, желающаго слѣдить за европейскою наукой. Когда Н. К. Беркутъ, по окончаніи курса уже, устроился домашнимъ врачомъ у Сухово-Кобылина и явился къ Басову передъ отъѣздомъ на родину, онъ предложилъ ему повидать тамъ и его родныхъ, желая сдѣлать, въ свою очередь, ему хоть что-нибудь пріягное.

— Гордость васъ мучаетъ,—сказалъ ему Басовъ:—вы хотите расквитаться со мною, но вы всегда можете это сдѣлать: если вамъ придется помочь молодому человѣку въ положеніи, какое вы сами испытали, помогите ему, и мы будемъ квиты.

Н. К. Беркутъ не одинъ разъ расквитался съ В. А. Басовымъ и до конца своей жизни съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ о немъ.

Студентомъ Н. К. Беркутъ жилъ въ домѣ Человѣколюбиваго комитета въ Дурновскомъ переулкѣ. Въ этомъ большомъ домѣ

было самое разнообразное население, тамъ жили и портные, и сапожники, и цырюльники, и золотошвейки, и студенты, и бѣдные чиновники. За небольшую комнату съ обѣдомъ и прислугою Н. К. Беркутъ платилъ 25 рублей въ мѣсяцъ ассигнаціями. Неказиста была обстановка, въ которой ютились студенты, но всѣ житейскія неудобства, болѣе чѣмъ скромное питаніе, все это искупалось вѣрою въ лучшее будущее, живыми интересами къ наукѣ, книгѣ, къ театру... Получить студентъ лишній дугривенный и летитъ въ Малый театръ и, сидя въ тропической атмосферѣ райка, холодѣетъ, трепещетъ и замираетъ отъ восторга передъ вдохновенной игрой Мочалова.

Студенты собирались иногда и въ семейныхъ домахъ зажиточныхъ студентовъ, и тутъ начинались изліянія разныхъ философскихъ воззрѣній, свободное исповѣданіе убѣжденій, и возникали бурныя словесныя состязанія. Любимымъ мѣстомъ студенческихъ собраній былъ трактиръ «Великобританія», гдѣ иногда устраивались товарищескія попойки.

Какъ человѣкъ сороковыхъ годовъ, Н. К. Беркутъ, конечно, очень высоко ставилъ свое время, находя, что, несмотря на всѣ строгости грознаго царствованія Николая I, товарищескія сходки не порождали опасныхъ конспирацій, благодаря необычайной упругости духа людей того времени, которые, уступая до извѣстной степени внѣшнему гнету, съ ослабленіемъ его снова возставали съ прежней энергіей, не отказывались отъ своихъ идеаловъ и не теряли въ тяжелыхъ условіяхъ бодрости и живости своихъ душевныхъ силъ. Въ Печкинской кофейной, пользовавшейся большою извѣстностью въ то время, Н. К. Беркуту приходилось встрѣчаться съ знаменитыми тогда артистами Мочаловымъ, М. С. Щепкинымъ, Бантышевымъ, Ленскимъ, Живокини и другими; туда же нерѣдко заходили и профессора Рулье, Сокольскій, и молодежь заслушивалась восторженныхъ и остроумныхъ рѣчей всей этой талантливой и ученой компаніи.

Послѣ окончанія экзамена, когда уже отпраздновали товарищеское прощаніе веселой пирушкой, молодые медики разбрелись въ разныя стороны, а Н. К. Беркутъ, оставшійся ни при чемъ, рѣшительно не зналъ, что съ собою дѣлать и чѣмъ жить. Онъ обратился за помощью къ своему близкому товарищу С—у, и тотъ направилъ его къ Иноземцеву. О своей дальнѣйшей судьбѣ Н. К. рассказываетъ самъ въ своихъ запискахъ, но очень скромно умалчиваетъ о тѣхъ сторонахъ своей общественной и медицинской дѣятельности, которыя снискали ему глубокое уваженіе и искреннюю любовь всего московскаго общества.

Н. К. былъ основателемъ и первымъ предсѣдателемъ московскаго общества русскихъ врачей и много силъ и трудовъ положилъ на устройство и поддержаніе этого общества.

Сдѣлавшись врачебнымъ инспекторомъ и имѣя большую практику, Н. К. оставался все такимъ же простымъ, добрымъ и доступнымъ, какимъ былъ всегда. Выходъ его въ отставку былъ вызванъ несогласіемъ съ московскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ, который желалъ назначить на должность старшаго врача въ одну больницу лицо, которое Н. К. считалъ не подходящимъ для этого мѣста. Князь Долгоруковъ настаивалъ на назначеніи своего протеже, а Н. К. не считалъ возможнымъ идти противъ своихъ убѣжденій или измѣнить имъ и подалъ въ отставку.

Послѣдніе годы своей жизни Н. К. практиковалъ уже не такъ много и 15 іюля 1890 г. скончался отъ саркомы печени, съ христіанскою покорностью и терпѣніемъ и философскимъ мужествомъ перенося тяжелыя страданія, горячо и искренно оплаканный всѣми знавшими его.

Евгенія Беркутъ.

I.

Поступленіе по рекомендаціи Иноземцева домашнимъ врачомъ къ Сухово-Кобылинымъ.—Мужъ и жена Сухово-Кобылины.—Генераль Шебеко.—Отъѣздъ изъ Москвы въ село Новое.—Тогдашнія дороги и способы путешествія.—Усадьба Сухово-Кобылина.—Порядокъ жизни въ Новомъ.

... Прошло болѣе мѣсяца послѣ выпускного экзамена. Казенно-коштные студенты разгуливаютъ въ формѣ военныхъ врачей и ждутъ своего назначенія; давно уже сколько-нибудь состоятельные мои товарищи преобразились въ добропорядочныхъ джентльменовъ, а богатенькіе, конечно, нѣмчики, въ заправскихъ франтовъ, а я еще не могу разстаться со студенческимъ виць-мундиромъ, съ его сбѣжавшимъ отъ солнца, спнимъ по положенію воротникомъ и только въ позднія сумерки могу украдкой пройти по улицѣ. Съ каждымъ днемъ состояніе духа стацовится мрачнѣе...

Какъ жить и чѣмъ кормиться, когда послѣдніе пятаки уходятъ изъ кармана...

Я вспомнилъ о Смирновѣ ¹⁾ (Сем. Алек.), съ которымъ мы близко сошлись въ университетѣ, хотя онъ былъ курсомъ старше меня. Я убѣжденъ былъ въ его расположеніи ко мнѣ и готовности дать полезный совѣтъ. Смирновъ жилъ у Иноземцева и уже имѣлъ небольшую практику. Я къ нему и отправился.

На другой день вмѣстѣ со Смирновымъ явился я къ Иноземцеву, который лично меня не зналъ, такъ какъ 4-й и 5-й курсы я прошелъ въ его отсутствіи, но онъ заручился свидѣніями обо мнѣ

¹⁾ Бывшій директоръ минеральныхъ водъ на Кавказѣ, и понынѣ еще здравствующій.

какъ отъ Смирнова, такъ и отъ Гильдебрандта. Черезъ три дня послѣ перваго моего свиданія съ Иноземцевымъ мнѣ назначено было явиться къ нему во фракъ. Мы взяли у портного напрокатъ фракную пару, Смирновъ далъ мнѣ цилиндръ, займообразно снабдилъ меня небольшою суммою денегъ для пополненія туалета. Расчесавши свои черные, волнистые кудри *à la poujik*, какъ тогда было въ модѣ, я явился къ профессору въ назначенное время. «Молодецъ!— встрѣтилъ меня этимъ словомъ Иноземцевъ.— Поѣдемъ».

Мы понеслись въ коляскѣ на парѣ рысаковъ по Пречистенскому бульвару и на Остоженкѣ остановились у подъѣзда не очень большого, но красиваго барскаго дома. Въ немъ жили Сухово-Кобылины.

При входѣ въ залъ насъ встрѣтили супруги, и первое впечатлѣнiе, произведенное ими на меня, было сильно.

Между супругами и по внѣшности и по всему остальному былъ такой контрастъ, что недоумѣвалось: кто изъ нихъ заслуживаетъ большаго вниманія: мужъ ли съ его характерною и крайне некрасивою наружностью, или жена, съ перваго же разу побѣждающая своею представительностью, стройною фигурой, красивыми чертами лица, большими синими зрачками глазъ, съ выраженiемъ душевной теплоты, мягкимъ, бархатистымъ голосомъ...

Иноземцевъ представилъ меня хозяйевамъ и оставилъ насъ стовориться объ условiяхъ и дѣлахъ. Баринъ спросилъ меня, сколько я полагаю нужнымъ вознагражденiя за мои труды. Я назначилъ 2000 рублей, что ему показалось многовато, и онъ по русскому обычаю началъ торговаться. Я стоялъ на своемъ, опираясь на необходимость сдѣлать запасъ необходимаго туалета, а также книгъ и инструментовъ.

Въ эту затруднительную для насъ минуту вошла барыня и усѣлась около мужа за рабочимъ столикомъ съ шерстянымъ одѣяломъ, которое она вязала крючкомъ. Узнавши отъ мужа, въ чемъ дѣло, она окончила нашъ торгъ завѣренiемъ, что мои условiя приняты.

— Но,—сказала она,—мы должны васъ предупредить, что мы живемъ въ глуши и вы можете у насъ соскучиться, хотя мы постараемся устроить васъ какъ можно лучше. Въ домѣ нашемъ найдется для васъ удобное помѣщенiе. У насъ нѣтъ ни театровъ, ни собраний, но есть хорошия сосѣди, которыхъ вы, я надѣюсь, полюбите. Мы получаемъ много русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ. Есть больница небольшая, но все-таки порядочно устроенная. А главное,—продолжала она, ласково смотря на мужа и слегка хлопая кончиками пальцевъ по его рукѣ,—полюбите моего бѣднаго больного...

При этомъ мужъ поднесъ къ своимъ губамъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ ее.

Пока супруга говорила, немного опустивши глаза на свою работу, я пристально разсматривалъ больного. На первый взглядъ, онъ показался мнѣ большимъ оригиналомъ и чудакомъ. Высокій, хорошо сложенный и прямой мужчина, несмотря на свои почти 60 лѣтъ, былъ въ сѣромъ, доверху застегнутомъ сюртукѣ съ георгиевской лентой въ петлицѣ; на ногахъ были высокіе лаковые сапоги и галоши. Это было въ іюльскія жары. Войдя въ свою излюбленную комнату, онъ опустился въ вольтеровское кресло, защищенное отъ двери ширмой, приказалъ лакею покрыть свои колѣни барынинимъ шерстянымъ платкомъ. На головѣ его блестяла большая лысина, непосредственно переходя на высокій морщинистый лобъ, покрытый, какъ и все его блѣдно-землистое, нѣсколько отекавшее лицо, оспенными ярынами. Рѣдкіе, съ сильною просѣдью волосы прикрывали его виски. Большіе выпуклые глаза, двигавшіеся въ опухшихъ, въ видѣ сумокъ, вѣкахъ, то и дѣло мѣняли свое выраженіе, изъ постоянно строгихъ и суровыхъ они внезапно переходили въ нѣжные и ласковые, какъ только заговаривала его супруга. Нижняя губа, отвисшая и выдававшаяся впередъ, чуть не касалась кончика широкаго носа, на которомъ лежалъ какой-то пластырь на черной тафтѣ величиной съ гривенникъ. Прибавьте къ этому грубый, басовый голосъ, которому онъ, повидимому, желалъ придать мягкость, и вы составите приблизительное понятіе о произведенномъ на меня первомъ впечатлѣніи.

Больной, долго странствовавшій въ чужихъ краяхъ и безъ пользы лечившійся у вѣхъ медицинскихъ знаменитостей отъ упорной язвы на носу, былъ вылеченъ Иноземцевымъ. Пластырь на носу держался единственно по желанію пациента, для укрѣпленія тонкой, молодой кожи и предупрежденія ея простуды. Онъ доканчивалъ курсъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, находившихся въ то время на Остоженкѣ.

Я долженъ былъ при первой возможности переѣхать въ квартиру Сухово-Кобылиныхъ, дабы до отѣзда привыкнуть къ больному и усвоить способы леченія Иноземцева. Предполагалось выѣхать въ деревню въ концѣ сентября, въ началѣ котораго они ожидали возвращенія изъ-за границы своего пріятеля генерала Шебеко.

Черезъ недѣлю послѣ перваго свиданья я переѣхалъ и помѣстился очень удобно. Жизнь моя сразу измѣнилась, точно я попалъ въ другой міръ и зажилъ новой жизнью. Если и приходило иногда на память прежнее раздумье о предстоящемъ, то оно было похоже на какую-то страшную сказку, слышанную когда-то отъ няни на сонъ грядущій.

Зажилъ я въ какомъ-то волшебномъ царствѣ: всего, да и самаго что есть лучшаго, вволю; даже воздухъ насыщенъ нѣжнымъ благовоніемъ отъ курильницъ и душистыхъ цвѣтовъ. Одно, что меня пугало въ новомъ положеніи и къ чему я не могъ скоро привык-

нуть, это общество, въ которомъ я очутился безъ предварительной подготовки, это общество было сливками благороднаго дворянства. Бѣдный еще вчера студентъ, постоянно вращавшійся въ средѣ, забитой нуждою, я чувствовалъ себя вороною въ павлиньихъ перьяхъ; я же былъ отъ рожденія очень застѣнчивъ, и всякій случайный, особенно пристальный взглядъ на меня присутствующихъ бросалъ меня въ краску и доводилъ чуть не до слезъ невольнаго смущенія.

Почти ежедневно посѣщало нашъ домъ доброе и симпатичное семейство Шереметевыхъ. Варвара Петровна—мать, урожденная Алмазова, была родною сестрою Елизаветы Петровны Сухово-Кобылиной, съ дочерьми графиней Анной Сергѣевной Шереметевой, Елизаветой (баронессой Делеръ), Екатериной (Шереметевой) и Варварой Сергѣевной (княгиней Голицыной). Одинъ разъ мнѣ довелось видѣть и самого графа Дмитрія Николаевича, который своею наружностью и манерами далеко не соответствовалъ громкому титулу. Кромѣ Шереметевыхъ, часто бывали братъ Сухово-Кобылина, Василій Александровичъ, и его семейство (сынъ—авторъ Кречинскаго, графъ Салиасъ и дочь Авдотья Васильевна, впоследствии Петрово-Соловова), Г. Ф. Гежелинскій (родня по женѣ), князь Яшвилъ (тоже родня) и П. В. Лихачевъ, извѣстный тогда богачъ и магнетизеръ, и другіе.

Хозяйка дома была во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина, милая, добрая, привѣтливая и предупредительная, умѣвшая своимъ вліяніемъ сглаживать всѣ шероховатости своего большого мужа. Привыкшая къ комфорту и требованіямъ большого свѣта, въ которомъ она въ молодыхъ годахъ занимала одно изъ видныхъ мѣстъ среди московскихъ красавицъ, она не жалѣла денегъ и свободно доставала ихъ изъ крѣпко затынутаго кошелька своего мужа-скопидома на хлѣбосольство и прекрасную обстановку. Все до каждой бездѣлицы было современно и изячно; даже прислуга казалась образцовою по своей ловкости, умѣлымъ приемамъ и вѣжливости.

Въ началѣ сентября прибылъ изъ-за границы долго жданный генералъ Шебеко. Я видѣлъ его въ первый разъ въ полной генеральской формѣ съ декораціями, такимъ онъ прямо явился отъ генералъ-губернатора. Этотъ маленькій, кукольный генеральчикъ въ мундирѣ, лосиныхъ штанахъ и ботфортахъ, съ пышнымъ султаномъ на шляпѣ, носилъ несообразно большіе по его росту усы и похожъ былъ на таракана. Хотя довольно правильныя и тонкія черты его лица, равно какъ и голубые зрачки небольшихъ глазъ привлекали къ себѣ вниманіе наблюдателя, но разочарованіе скоро наступало, едва только онъ приводилъ въ дѣйствіе свою фізіономію, глаза при этомъ выдавали врожденную его простоту, безхарактерность и отсутствіе воинственной отваги, которую онъ старался выка-

зять, а лицо при его оживленіи разговоромъ слегка подергивало судорогой.

Разговорная рѣчь его тоже поражала своею странностью, безсвязностью и неопредѣленностью; онъ говорилъ и по-русски, и по-французски, и по-нѣмецки, но не легка была бы задача рѣшить: какимъ языкомъ онъ свободно владѣлъ, какъ своимъ природнымъ. А между тѣмъ онъ прежде служилъ директоромъ пажескаго корпуса, состоялъ въ свитѣ великаго князя Михаила Павловича, строилъ полтавскій кадетскій корпусъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и порошу понюхалъ. Не даромъ онъ носилъ столько декораций.

Я никакъ не могъ рѣшить, что могло быть общаго между Шебеко и моимъ хозяиномъ, умнымъ, образованнымъ и характернымъ баринномъ, настоящимъ русскимъ баринномъ. Оба ипохондрики, встрѣтились они случайно на Кавказѣ на минеральныхъ водахъ и единственно благодаря свойственной обоимъ мнительности оставались неразлучными друзьями до самой смерти.

Я останавливаюсь на воспоминаніяхъ о генералѣ, какъ о рѣдкомъ экземплярѣ ипохондрика. Шебеко числился въ свитѣ, что не мѣшало ему пользоваться полною свободой. Раннею весною отпра- влялся онъ за границу совѣтоваться съ медицинскими знаменитостями, преимущественно съ Шеклейномъ. Видясь съ Шеклейномъ въ продолженіе десятка лѣтъ ежегодно, Шебеко довольствовался тѣмъ, что попадалъ къ доктору въ специально назначенный собственно для него часъ (это стоило ему червонецъ лакею и отъ 5 до 10 червонцевъ консультанту) и продолжалъ давно уже начатую имъ исторію болѣзни. Много этотъ чудакъ переплатилъ за свою простоту. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ пожелалъ воспользоваться совѣтомъ Иноземцева, достигшаго тогда апогея своей славы; онъ просилъ меня устроить консультацію. Въ назначенный день и часъ генераль встрѣтилъ Ин. съ часами въ рукахъ и предупредилъ его: «Вы очень заняты, время ваше дорого, я прошу пожертвовать мнѣ 40 минутъ, ни на одну минуту больше не задержу васъ». — «Генераль, — отвѣтилъ Ин., — я къ вашимъ услугамъ, и если бы нужно было и больше времени для нашего объясненія, прошу не стѣсняться». Шебеко, держа въ рукахъ часы, началъ рассказъ о томъ, кто были его родители, какого здоровья, гдѣ и чѣмъ занимались, и 40 минутъ прошло. «На этотъ разъ я не смѣю держать васъ больше». Какъ ни убѣждалъ его Ин. продолжать начатую исторію, генераль былъ неумолимъ. Наступилъ другой разъ; срокъ для него былъ назначенъ тоже 40 минутъ, а повѣствованіе кончилось тѣмъ, что касается дѣтства и отрочества Шебеко. Это была вторая и послѣдняя консультація, потому что генераль спѣшилъ въ деревню къ Сухово-Кобылинымъ, такъ какъ наступало время для псовой охоты, къ которой собственно онъ и возвращался въ Россію изъ чужихъ краевъ. Охотился онъ съ осени до второй или третьей пороши, за-

тѣмъ слѣшилъ въ Петербургъ, чтобы испросить себѣ отпускъ за границу.

Въ концѣ сентября у подъѣзда нашей квартиры стоялъ дорожный рыдванъ, четырехмѣстная желтая карета на круглыхъ рессорахъ, за ней коляска и тарантасъ. Около экипажей суетилась прислуга, нагружавшая экипажи разнообразнымъ багажомъ; люди спорили между собою, какъ и гдѣ лучше уложить разные баночки, скляночки, ящички, сумочки, подушечки, ковры и проч. День былъ пасмурный, и моросилъ мелкій дождь. Привели цѣлое стадо ямскихъ лошадей съ погремушками; заложили шестерикомъ карету, и мы, присѣвши и помолившись, сѣли въ нее и тронулись съ Богомъ. Путь нашъ лежалъ черезъ Троицкій посадъ на угличскій трактъ, безобразія котораго я не могъ забыть во всю мою жизнь. Тогда еще только незначительная часть троицкаго шоссе была устроена, да и то по немъ не дозволялось ѣздить, и мы медленно тащились на шестерикѣ, припрягая иногда еще пару. За нами слѣдовала коляска, предназначавшаяся собственно для моей персоны, и тарантасъ съ прислугой. За день до нашего выѣзда былъ отправленъ впередъ тарантасъ съ квартирьеромъ, при которомъ былъ поваръ съ дорожной кухней. У Троицы передохнувъ въ гостиницѣ сутки, двинулись мы дальше. Памятны моимъ бокамъ толчки отъ камней, расположившихся по дорогѣ, но все-таки можно было еще на что-нибудь посмотрѣть изъ окна кареты, хотя на опустѣвшія и желтыя поля, на вѣтряныя мельницы, махающія сырыми и неуклюжими крыльями, на разбросанныя кое-гдѣ деревушки и помѣщичьи усадьбы, выглядывавшія изъ дождевого тумана. Но чѣмъ дальше, тѣмъ грустнѣе и мрачнѣе представлялась окрестность, и тѣмъ большую напастъ испытывали мы отъ мостовника, который каждымъ своимъ клавишемъ приводилъ и экипажъ въ мелкое, но частое сотрясеніе. Дорога идетъ по необозримымъ болотамъ почти до станціи Троица-Нерли. Не оказалось иного способа, какъ накласть бревна, какъ въ конюшнѣ. Дорога въ два разѣзда, отдѣляющіеся продольными бревнами. Случается, что ѣдущій правою стороною встрѣчаетъ отсутствіе бревна; тогда приходится переложить, позаимствовавъ съ противоположной стороны сколько нужно. Къ большому прискорбію путниковъ дорога проходитъ черезъ три губерніи: Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, врывающіяся клиньями; одна губернія перемостила, а другая ждетъ понужденія. Приходится ѣхать шагомъ, а иногда и останавливаться, чтобы перенести мостовнику съ одной стороны на другую, гдѣ они провалились. А окрестность мрачная, мертвящая, безжизненная; по обѣимъ сторонамъ импровизированной дороги тянется безконечный лѣсъ съ его молчаливыми, старыми елями, съ безлиственнымъ осинникомъ, съ растрепанными кустами можжевельника; все тихо, какъ-то страшно тихо вокругъ и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни...

Вот пережились лѣса, и передъ глазами выступаютъ безпредѣльные болота, поросшія мелкимъ кустарникомъ и осокой; мѣстами видны прогалины, нѣчто вродѣ небольшихъ озеръ, съ опрокинутыми рыбацкими челноками... Тоска одолеваетъ самаго покойнаго человѣка при видѣ этой панорамы, даже въ сонѣ не клонить, потому что мѣшаетъ страхъ, какъ бы гдѣ не увязнуть и не провалиться.

Но зато съ какимъ восторгомъ подъѣзжаешь, бывало, къ станціонной избѣ, въ которой насъ ждетъ отдыхъ. Съ гикомъ ямщиковъ и дружнымъ громомъ бубенчиковъ мчится нашъ рыдванъ по деревнѣ, ямщики изо всѣхъ силъ стараются заслужить на водку, съ остервенѣніемъ бичуя коней. Староста встрѣчаетъ гостей съ низкимъ поклономъ и помогаетъ бережно высадить господъ изъ кареты.

А въ избѣ, уже вычищенной, вывѣтренной и надушенной монашескими, сервированъ безукоризненный обѣденный столъ на три персоны. Тутъ стоитъ и любимая кружка, и заповѣдная рюмочка, изъ которой баринъ привыкъ пить, и бутылка съ виномъ, и серебряная солонка, унаслѣдованная отъ прадѣда. Блюда приготовлялись такъ же хорошо и вкусно, какъ и дома. Послѣ обѣда подается кофе и варенье, какого баринъ потребуеть; всякаго варенья возилось по банкѣ.

Если случалось остановиться на ночлегъ, то въ избѣ ожидалъ кипящій самоваръ, а послѣ отличный ужинъ. Затѣмъ для барина сооружалась походная складная кровать по серединѣ избы, ставились около всѣ обычныя принадлежности, какъ-то: спирты, колокольчикъ, ночные часы съ транспарантомъ и т. д.; онъ пользовался почти тѣми же удобствами ночлега, какъ у себя дома.

Дождь пережегся, прояснилось небо, и мы подъѣзжали къ селу Новому по дорогѣ, которая шла заповѣднымъ лѣсомъ Сухово-Кобылина. Темныя и высокія ели, только что обмытыя проливнымъ дождемъ, блестя своими влажными вѣтвями, обмытыми проливнымъ дождемъ, молчаливо стояли съ обѣихъ сторонъ дороги, и только стукъ нашей грузной кареты, порой шумный плескъ воды отъ колеса, попавшаго въ глубокую колею, или шлепанье лошадей ногами по непроглядной грязи нарушало окружавшее безмолвіе. Мои спутники перекрестились, я оглянулся и увидаль красивую и бѣлую церковь съ блестящими на ней крестами отъ красныхъ лучей заходящаго солнца.

— Вотъ и наша церковь,—съ умиленіемъ сказалъ мой баринъ.

— А вонъ и наше Новое,—вскорѣ прибавилъ онъ, осѣняя себя крестомъ.

Я высунулся изъ бокового окна и любовался картиной. Широкая, синяя рѣка Сить, черезъ которую былъ перекинутъ солидный деревянный мостъ, обмывала береговой скатъ, по которому спускался березовый паркъ, уже облекшійся въ пожелтѣвшій, осенній

костюмъ; обогнувъ берегъ, рѣка Сить круто поворачивала и проходила за паркомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигался изъ-за парка большой барскій двухъэтажный бѣлый господскій домъ съ красною тесовою крышей; заходящее солнце заливало стекла его оконъ багрянцемъ, точно онъ горѣлъ внутри. Больше и больше то выступало, то пряталось новыхъ построекъ, жилыхъ и холодныхъ, красивыхъ, порою вычурныхъ, и на всемъ лежалъ отпечатокъ свѣжести, порядочности, вкуса... Вотъ и большой господскій садъ съ завитыми, широкими дорожками, капризно ползущими по свѣжимъ зеленымъ газонамъ съ ихъ роскошными клумбами, затѣйливыми бесѣдками, мостиками...

Измученный шестерикъ, понуждаемый кнутами, вынесъ насъ на пригорокъ, круто повернулъ влѣво и подкатилъ къ парадному крыльцу, на которомъ стояла толпа дворовыхъ. По вылазкѣ изъ экипажа началось цѣлованіе ручекъ, при чемъ барыня благожелательно обращалась то къ тому, то къ другому съ ласковымъ привѣтствіемъ. Мнѣ было приготовлено помѣщеніе и большое и, по-моему, роскошное. Первая комната, предназначенная для кабинета, содержала большой письменный столъ съ необходимыми, даже лишними принадлежностями: на немъ была прекрасная бронзовая чернильница, такіе же подсвѣчники, сумки для записокъ, бюваръ и разныя бездѣлушки въ родѣ колокольчика, прессъ-папье. По двумъ стѣнамъ стояли длинные турецкіе диваны, въ углу цѣлый арсеналъ чубуковъ съ огромными янтарными и биссерными чехлами; нѣсколько креселъ и даже вольтеровское. Въ другой комнатѣ, спальнѣ, приготовлена была безукоризненно хорошая постель, на которой лежалъ отличный бухарскій халатъ, малиновая ермолка (тогда онѣ были въ употребленіи), а у постели выглядывали шитыя золотомъ туфли съ вздернутыми кверху носками. Здѣсь было все, что нужно для холостого хозяйства, и все было, какъ говорится, съ иглочки.

«Чортъ возьми!—чуть не вскрикнулъ я, взирая на эту роскошь.— Давно ли при свѣтѣ тусклаго огарка сальной свѣчки я мечталъ не болѣе, какъ о щакъ съ кашей и полчетверткой Жукѣва табаку и вдругъ...»

Мы собрались въ комнату экономки, у которой и впоследствии обыкновенно сходились, безъ гостей, пить чай и кофе. Экономка была маленькая, толстенная и очень пожилая старушка, проживавшая въ домѣ болѣе 20 лѣтъ. Она встрѣтила меня такимъ сердечнымъ радушіемъ, какое можетъ быть только выраженіемъ добраго сердца...

— Поживете у насъ,—какъ бы утѣшая, говорила мнѣ Авдотья Федоровна:—господа у насъ добрые, вы полюбите насъ, привыкнете...

На другой день къ обѣду пріѣхали ближайшіе сосѣди, завсегда-тай: Иванъ Павловичъ Глѣбовъ и Н. П. Зыковъ (глухонѣмой) съ женами, но объ нихъ послѣ, а теперь разскажу, каковы были Але-

ксандръ Александровичъ и Елизавета Петровна Сухово-Кобылины въ домашнемъ быту.

Александръ Александровичъ былъ «великодушнымъ» помѣщикомъ, потому что владѣлъ тремя тысячами душъ крѣпостныхъ. Онъ не признавалъ надъ собою никакой власти, кромѣ барыниной, и широко пользовался своими потомственными правами, унаслѣдованными отъ прадѣдовъ, прибывшихъ въ Россію изъ Золотой Орды. Онъ наслѣдовалъ вмѣстѣ съ имѣньями и сознание своего земного величія. Все это мое, думалъ онъ, глядя на свое царство: и земля, и лѣса, и многорыбныя рѣки съ поемными лугами, и звѣри, и птицы, что живутъ въ лѣсахъ, и всѣ селенія кругомъ меня съ подвластными мнѣ рабами... Это былъ типъ настоящаго русскаго барина, и такимъ всѣ его почитали; всѣ знали, что онъ ни въ комъ ничего не ищетъ, и что ищутъ у него всѣ, потому что домъ его былъ полною чашей и въ немъ было лучше, чѣмъ у себя, и домъ С. К. славился своимъ хлѣбосольствомъ, привѣтливостью и удобствами не только въ Ярославской, но и въ смежныхъ губерніяхъ.

Извѣстно также было всѣмъ, что баринъ не потерпитъ ничьей чужой воли, никакого вмѣшательства, даже и законнаго, въ чертѣ его владѣній. И этотъ долгъ былъ свѣтлымъ центромъ, приливающимъ свѣтъ цивилизаціи на обширный районъ. Къ Сухово-Кобылинымъ пріѣзжали знакомые издалека, даже за 120 верстъ, и не смѣли считаться съ ними визитами. Все бы хорошо, но однимъ его Богъ обидѣлъ: нѣтъ у него потомства. Былъ одинъ ангелъ Митя, родившійся послѣ двадцатилѣтняго супружества, и исполнилось его завѣтное желаніе; но эту радость отнял у него Богъ. Прелестный Митя умеръ на 6-мъ году, и несчастный отецъ не переставалъ оплакивать его до самой своей смерти; онъ бросилъ псовую охоту, заперся въ своемъ домѣ съ неутѣшнымъ горемъ, и ничто ему не было мило, кромѣ голубушки-жены... Одиночество и горе углубили его въ самого себя, въ молитвы, какъ примиряющую благодать: онъ сдѣлался ипохондриккомъ. Рѣдко замѣчались въ немъ проблески веселаго настроенія; онъ шутилъ, рассказывалъ забавные анекдоты и какъ будто преображался въ прежняго веселаго и милаго хозяина, какимъ его когда-то знали. Но это настроеніе сразу обрывалось воспоминаніемъ о сынѣ; глубокій вздохъ вырывался изъ его груди, на глазахъ навертывались слезы, и онъ начиналъ свою обычную прогулку по афиладѣ комнатъ, при чемъ, равняясь съ портретомъ младенца въ голубой рубашкѣ, съ апельсиномъ въ рукѣ, останавливалъ на немъ свой грустный взоръ, вздыхалъ и снова продолжалъ прогулку. Совокупность причинъ при независимомъ положеніи и полномъ довольствѣ мало-по-малу воспитывала въ немъ убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ надъ другими; это «я», безъ котораго ничто не дѣлалось въ его владѣніяхъ. Это «я», при раболѣпствѣ и заискиваньи его вниманія захудалыми дворянами, ежеминутно на-

шептывало ему: только ты все понимаешь въ совершенствѣ, потому что ты выше всѣхъ по уму, образованію и положенію. Въ самыхъ мелочахъ жизни онъ проводилъ увѣренность, что никто лучше его не можетъ придумать того, что нужно его благосостоянію. Всѣ распоряженія по хозяйству, всѣ нововведенія, въ видахъ улучшенія, придумывались и исходили прямо отъ него. Отъ этого нигдѣ такъ дурно не обрабатывались поля, нигдѣ не были такъ плохи урожаи, какъ у него, и имѣнье давало сравнительно съ другими малые доходы.

Признавая себя отцомъ и владыкою своихъ подданныхъ, онъ строго слѣдилъ за ихъ домашнимъ хозяйствомъ, за нравственностью, даже слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они ежегодно были у исповѣди и св. причастія. Въ сельской конторѣ велись списки нечестивыхъ, нерадивыхъ и пьяныхъ и т. д. А между тѣмъ подданные его бѣдствовали, нуждались въ необходимомъ; число нечестивыхъ, нерадивыхъ и отпадшихъ отъ православія росло прогрессивно. Во время прогулокъ въ саду онъ считалъ долгомъ учить садовника, на скотномъ дворѣ—скотника, на птичьемъ—птичницу, на конномъ—кучеровъ и конюховъ... Всѣ молча выслушивали его совѣты и приказанія. Точно также онъ былъ убѣжденъ, что онъ свой организмъ и условія для его долготѣшняго сохраненія зналъ лучше врачей. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ складную кровать съ постелью нынче въ одной комнатѣ, завтра въ другой. А постель въ лѣтнее время осложнялась кисейнымъ пологомъ, надъ которымъ возвышалась бумажная труба съ отверстіемъ, покрытымъ рѣдкою серпянкой, а для тяги воздуха служила труба. И онъ хвастался этимъ мудрымъ изобрѣтеніемъ. Постель и ея изголовье всегда устраивались особою для этого горничною, которая на глазомѣрь привыкла къ требуемой высотѣ подушекъ и проч. Лѣтомъ онъ надѣвалъ 6 холстинковыхъ халатовъ, одинъ поверхъ другого. На это у него были свои резоны: если въ одномъ холодно, то надѣвался другой, третій, четвертый, пока не почувствуетъ, что довольно; если становилось жарко, онъ снималъ одинъ за другимъ, пока не почувствуетъ, что въ пору. И этимъ изобрѣтеніемъ онъ хвалился не мало.

Мнѣ рассказывали такой случай, бывшій при жизни обожаемаго имъ сына. Ребенку нездоровилось, его уложили въ кроватку, и все замерло. Послѣ завѣренія супруги, что опасности никакой, что Митенька покойно уснулъ, А. А., страстный псовый охотникъ, сталъ одѣваться въ полевые доспѣхи, и вдругъ ему послышался звонъ нѣсколькихъ колокольчиковъ, которые, приближаясь, слышались все сильнѣе. Полагая, что это крестьянская свадьба, онъ приказалъ троицъ охотникамъ, ожидавшимъ его выхода у крыльца съ лошадьми и собаками на смычкахъ и на сворахъ, скакать навстрѣчу колокольчикамъ, оборвать ихъ и дать тумака проvoja-

тымъ... Охотники насккали на поѣздъ экипажей, изъ которыхъ въ переднемъ, въ каретѣ, ѣхалъ губернаторъ. Остановивъ лошадей, охотники выхватили свои ножи и обрѣзали колокольчики. Губернаторъ, испуганный этой неожиданностью, высунулся изъ окна и началъ кричать на разбойниковъ, давая знать, что онъ за особа. Охотники сняли шапки, поклонились и оправдались даннымъ отъ барина приказаніемъ, потому что «барчукъ боленъ». А губернаторъ, наслышавшійся много диковиннаго о С.-К., рассчитывалъ какъ бы случайно попасть къ нему въ домъ при ревизіи губерніи. Итакъ, намѣреніе его не удалось, и онъ повернулъ дышло назадъ.

Такою абсолютною неприкосновенностью своихъ владѣльческихъ правъ пользовался баринъ, пока не разразился почти внезапно законъ императора Николая объ обязанныхъ крестьянахъ. Это было, если я не ошибаюсь, въ 1842 году, во время нашего лѣтняго пріѣзда въ Москву. Я помню, что по поводу этого закона, потрясшаго въ основѣ безграничный произволь крѣпостниковъ, у насъ собирались «великодушные» дворяне, отлично обѣдали и удалялись потомъ въ кабинетъ, предварительно заперевъ всѣ двери на замокъ. Хотя обсужденія и сѣтованія по этому поводу выражались на французскомъ языкѣ, но подозрительность къ лакеямъ дошла до признанія за ними способности понимать всѣ европейскіе языки. Ужасъ былъ невообразимый: не нынче, завтра вспыхнетъ революція, и покатаются одна за другою головы господъ, какъ капустные кочаны. Есть уже много предвѣстниковъ бунта, вчера, напр., кучеръ напился—это нарочно, сегодня лакей за завтракомъ разбилъ блюдо съ жаркимъ—тоже не спроста.

Хозяйство С.-К. еще до этого закона шло вкривь и вкось, ну, а теперь чего ждать? Кто можетъ приказывать и кто будетъ повиноваться, если въ его дѣла будутъ вмѣшиваться?

Но положеніе Елизаветы Петровны при всѣхъ превратностяхъ судебъ не измѣнилось, и все въ домѣ шло подъ ея надзоромъ въ томъ же стройномъ порядкѣ. Домъ былъ, какъ и прежде, одушевленъ всюду вносимымъ попеченіемъ о гостяхъ милой, умной, доброй и радушной хозяйки. Эта, можно сказать, идеальная женщина, не старѣющая Грація, имѣла магическое вліяніе на мужа.

Изъ сочетанія суровой, расчетливой и часто не въ мѣру строгой природы мужа и жены, съ качествами совершенно противоположными, образовалось прекрасное цѣлое. Елизавета Петровна желала, чтобы всѣмъ у нихъ было хорошо; этого мало: она старалась узнавать и предупреждать вкусы и привычки своихъ гостей. Ничего не стоило отправить въ Москву, за 200 слишкомъ верстъ, человѣка за пудомъ или двумя конфетъ къ Люке (потому что пріѣдетъ богатый сосѣдъ, лейбъ-гусарь, и онъ любитъ конфеты), а ужъ о говѣбѣ въ Рыбинскъ за стерлядями, налимыми печенками и проч. и говорить нечего. Дни рожденія и именинъ праздновались

торжественно, съ великою пышностью; садилось за столъ сто и болѣе гостей, кормили диковинными блюдами и поили дорогими винами. Въ храмовой праздникъ, 6-го декабря, собраніе бывало тоже торжественно, но съ преобладаніемъ чернаго духовенства. Гостили пріѣзжіе; жили по недѣлѣ и больше, шла игра въ винтъ и бостонъ съ короткими передышками 2—3 дня сряду. Въ бильярдной трещали шары; въ залѣ раздавались звуки фортепьяно, и молодежь распѣвала романсы.

Хорошо тогда жилось помѣщикамъ, но такъ хорошо и разумно жить, какъ это было у С.-К., рѣдкимъ удавалось, даже при доходахъ гораздо большихъ; хозяйка умѣла обойтись со всякимъ гостемъ, съ пожилыми она говорила о дѣлахъ серьезныхъ, съ молодыми была молода, съ духовными благочестива, но безъ ханжества.

Въ воскресенья и праздники крестьяне на господъ не работали, въ табельные же дни они освобождались на 2—3 дня, смотря по важности праздника. Однако имъ вмѣнялось строго въ обязанность приходить къ обѣднѣ. Въ сельской конторѣ на видномъ мѣстѣ было вывѣшено расписаніе табельныхъ дней; такъ, напри- мѣръ: 30 августа тезоименитство государя-барина Ал. Ал., празднуется 3 дня; 5-го сентября тезоименитство государыни ба- рыни, празднуется 3 дня...

II.

И. П. Глѣбовъ.—Жизнь въ деревнѣ.—Несчастный случай съ нимъ на охотѣ.— Е. Г. Глѣбова.—Деревенскій домъ Глѣбовыхъ.—Страсть Глѣбова къ охотѣ и собакамъ.—Жизнь въ Павловскомъ.—Глухонѣмой помѣщикъ Зыковъ.—Его образецное хозяйство.—П. П. М. и его судьба.—Помѣщикъ Вамиколовъ.—Мой переѣздъ въ Москву и поступленіе домашнимъ врачомъ къ Васильчиковымъ.

Иванъ Павловичъ и супруга его Авдотья Григорьевна Глѣбовы были ближайшими и пріятнѣйшими гостями у С.-К. Мужъ навѣщалъ черезъ день-два, а жена почти ежедневно. Усадьба ихъ, село Павловское, находилась въ 4 верстахъ отъ села Новаго. Проѣхавши пустошь, въ которой мы часто охотились за зайцами, и околицу, попадаешь на отвратительную, грязную, изрѣзанную глубокими колеями, дорогу. Это извѣстная павловская гать, по которой съ проклятіями и кнутами тащатся длинные обозы къ Красному Холму.

Съ правой стороны дороги, въ полуверстѣ отъ пустынной околицы красуется массивный деревянный домъ, выкрашенный желтою, тяжеловѣсный его фронтонъ—синею, а четыре колонны, поддерживающія фронтонъ, зеленою краскою.

Передъ домомъ разбитъ небольшой цвѣтникъ. Отъ дома по обѣ стороны идутъ рѣшетчатые заборы, оканчивающіеся у боковыхъ

флигелей. Въ правой рѣшоткѣ, по срединѣ ея, раскрашенныя ворота, черезъ которыя въѣзжаютъ на господскій дворъ, къ подъѣзду. За домомъ, на дворѣ выглядываютъ разнообразныя жилыя и холодныя службы неприхотливой архитектуры; большая ихъ часть покрыта соломой въ наческу. Вправо и влѣво отъ гати раскинулись топкія болота и поемныя луга, по которымъ бѣжитъ небольшая рѣчка Грязнушка. На зеленыхъ лугахъ виднѣются разбросанныя, почернѣвшіе стоги 2—3-годовалого сѣна. За домомъ стоятъ, какъ городокъ, множество скирдъ прошлогодней немолоченной ржи, а у риги рядъ длинныхъ ометовъ съ соломой. Далѣе идутъ обширныя пашни и замыкаются охватывающею ихъ со всѣхъ сторонъ плотинсю и высокою стѣною густого еловаго лѣса, теряющагося въ синевѣ дали.

«Истинно золотое дно,—говорили сосѣди-помѣщики:—чего хочешь, того просишь. Земли столько, что не хватитъ 300 душъ (у Глѣбова было не больше), а луговъ-то, и, Боже мой!.... Вотъ еще трехгодніе стоги и скирды ждутъ очереди.... А лѣсу-то, лѣсу, экая уйма, не оглянeshь....»

А Иванъ Павловичъ, оглядывая свои владѣнія, со смиреніемъ благодарилъ Создателя за неизреченныя къ нему милости и поминалъ своихъ родителей, прибавляя со слезами на глазахъ: «даруй имъ царство небесное». Глѣбовъ не былъ «великодушнымъ», но зажиточнымъ помѣщикомъ, возбуждавшимъ зависть. Онъ получалъ больше доходовъ, чѣмъ С.-К., хотя хозяйствомъ вовсе не занимался, не дѣлалъ никакихъ нововведеній и улучшеній, и ограничивался тѣмъ, что каждое утро выслушивалъ докладъ отъ старосты и распекалъ его за лѣнь и пьянство своихъ крестьянъ, надорванныхъ работой. Добрый онъ былъ человѣкъ, богобоязненный и набожный. Приѣдетъ въ свое приходское село къ обѣднѣ, усердно отвалить передъ образами нѣсколько земныхъ поклоновъ, повернется къ народу лицомъ и громко, съ поклономъ, просить: «простите меня, Христа ради». Помочь бѣдному помѣщику деньгами или чѣмъ другимъ считалъ душевнымъ удовольствіемъ, даже обязанностью. Но облегчить нужды своихъ рабовъ, дать немного передохнуть отъ непосильной работы, помочь чѣмъ-нибудь—это по-благка пьяницамъ и негодаямъ. Такъ двухсторонне воспитывалъ крѣпостное право людей, даже рожденных съ добрымъ сердцемъ, но лишенныхъ способности отличать добро отъ зла.

На 17-мъ году молодой Глѣбовъ, кой-какъ и кой-чему обученный дома семинаристомъ, поступилъ юнкеромъ въ кирасирскій полкъ, расквартированный въ Полтавской губерніи. Онъ уже состоялъ въ чинѣ поручика, когда явилась на балахъ высокая, стройная, свѣтлая и пышная дѣвица съ большими черными глазами и бѣлоснѣжной грудью. Это была дочь предводителя дворянства, привлекавшая къ себѣ всѣ взоры кирасирскихъ офицеровъ. Нѣ-

сколько туровъ вальса вскружили голову молодому офицеру, и онъ женился на очаровательной Дунѣ, какой она оставалась для него на всю жизнь. Едва совершился роковой переломъ въ его жизни, какъ онъ получаетъ отъ матери своей запоздавшее извѣстіе о внезапной кончинѣ дорогого мужа, оставившей ее совершенно одинокой, безпомощной и теряющейся въ непривычныхъ заботахъ о хозяйствѣ. Мрачной тучей надвинулось горе на его свѣтлое небо; болѣзненно сжалось его доброе сыновнее сердце отъ мысли о матери, и, не думая долго, онъ рѣшился покончить службу. «Довольно послужилъ государю и своему отечеству», рѣшилъ Глѣбовъ и пустился съ молодой женой на родину.

Вскорѣ по прибытіи въ Павловское онъ убѣдился, что посвятить себя хозяйству было бы великою ошибкой, потому что къ этому дѣлу его не приучали, да онъ и не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго расположенія. Поручивъ старостѣ вести и поддерживать порядокъ, заведенный его покойнымъ отцомъ, Глѣбовъ оставался безо всякихъ занятій и не зналъ, куда дѣвать время, такъ медленно идущее безъ смотровъ, ученій, баловъ и офицерскихъ пирушекъ.

Книгъ онъ не любилъ, да и самый механизмъ чтенія былъ ему не по силамъ, искусство тоже никакихъ не вѣдалъ. Случайно попавшійся ему на глаза борзой кобель «Поражай», остатокъ отцовской псовой охоты, навелъ его на счастливую мысль организовать охоту на началахъ раціональныхъ. Это ему удалось исполнѣ.

Скоро распространилась громкая слава объ его гончихъ и борзыхъ, о «Муратѣ», у котораго зайцу не было уходу, и его сродникахъ, «Налетѣ», «Вьюгѣ», «Стрѣлкѣ» и «Змѣйкѣ». Глѣбовъ торжествовалъ; сначала молодая жена сопровождала его въ кабриолетѣ и съ пригорка любовалась не столько картиной охоты, сколько отвагою своего мужа, съ гѣною у рта носившагося и скакавшаго по полямъ, перескакивая преграды, которыя попадались очень часто на ярославскихъ поляхъ. Она, однако, не скрывала, что отъ этихъ стипльчезовъ у нея замирало сердце.

Какъ-то вечеромъ привезли Ивана Павловича съ охоты домой и бережно положили въ постель. Оказалось, что, перескакивая преграду, онъ опрокинулся вмѣстѣ съ лошадыю и вывихнулъ себѣ лѣвую руку. Костоправа по близости не было, а за д-ромъ посылать далеко, но и по приѣздѣ доктора онъ не рѣшился бы испытать неизбѣжной боли при вправленіи. Такъ онъ и остался на всю жизнь съ вывихнутой рукой въ плечѣ. Послѣдствія этого случая дали себя скоро чувствовать: съ прекращеніемъ верховой ѣзды отъ сталь тучнѣть не по днямъ, а по часамъ; появились непрерывные приливы къ головѣ, напоминая ему объ апоплектическомъ ударѣ, которымъ скончались его прадѣдъ, дѣдъ и отецъ. Жена настояла ѣхать въ Москву для совѣта съ лучшими врачами; хотя Глѣбовъ сталь ужъ очень тяжелъ, но супружескій долгъ успокоить жену пону-

диль его пуститься въ дальній путь. Доктора поставили ему три условія: 1) мало ѣсть, 2) принимать Глауберову соль, 3) ежедневно дѣлать большой моціонъ. Первые два условія, какъ противныя требованіямъ природы и вкуса, онъ отмѣнилъ; оставалось одно—моціонъ—и онъ перешелъ отъ псовой охоты къ ружейной.

Поле предстояло обширное.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ Глѣбовъ случайно познакомился съ Сухово-Кобылиными и очень обрадовался, узнавъ, что они надолго собираются переселиться въ свое ярославское имѣніе, сосѣднее съ Павловскимъ.

Елизавета Петровна съ первой же встрѣчи очаровала Ивана Павловича, а его жена тутъ же влюбилась до обожанія и стала мечтать о томъ райскомъ блаженствѣ, которое заготовить имъ совмѣстное житіе. Глѣбовъ рѣшилъ, что Елизавета Петровна есть идеаль женщины, отъ которой слѣдуетъ заимствоваться, если не всѣмъ, то многимъ. «Хотя бы посмотрѣть, на примѣръ, на порядокъ въ домѣ С.-К., на комфортъ, на удобства, какія чувствуетъ всякій ихъ гость. А эти милыя бездѣлушки, бронза, фарфоръ, современное серебро, изящная сервировка... Эти лакеи въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, стоящіе за стульями, ну, куда до нихъ нашимъ предводителямъ дворянства съ ихъ неотесанными фигурами и неуклюжими костюмами! А сама-то что за прелесть, что за милочка! Очаровательные голубые глаза, дивный ротикъ, маленькая ручка! (все такія отличія, какими А. Г. природа не наградила), ровная и легкая походка, стройный и изящный станъ, охваченный корсетомъ»... А. Г. была широка въ костяхъ, ступала твердо и рѣшительно, корсета не употребляла...

Трудно, невозможно было Глѣбовой отрѣшиться отъ самой себя, какою она была, и уподобиться женщинѣ, одаренной и природою, и воспитаніемъ совершенно при иныхъ условіяхъ, но отчего не позаимствоваться отъ нея для своей домашней обстановки, вѣдь для этого у нихъ средствъ довольно. И вотъ начала она составлять широкіе проекты преобразованія: совсѣмъ обновить Павловское; всю обстановку старую долой—въ сараи; чтобы всюду блестѣла изящная бронза, красовались бы фарфоровыя и мраморныя вазы; отцовскую деревянную мебель, разставленную по ранжиру, замѣнить новой, легкой, крытой бархатомъ; гдѣ патэ, гдѣ этаблисменты, затѣйливыя козетки, табуретки, красивыя жардиньерки съ цвѣтами. И лакеевъ, этихъ допотопныхъ мамонтовъ, прокуренныхъ махоркой, совсѣмъ преобразовать въ настоящихъ выѣздныхъ, нашить приличныя ливреи, комнатнымъ черные фраки... Все, все новое, чтобы не пахло стариною...

Долго уступалъ и во многомъ уже уступилъ Иванъ Павловичъ своей любимой женѣ, но зато уперся насчетъ неприкосновенности родительской мебели краснаго дерева, отличной нѣмецкой рабсты

и стоимшей, какъ говорилъ онъ, большихъ денегъ. Кромѣ того, отъ не согласился снять со стѣны портреты своихъ красноносыхъ предковъ и ближайшихъ родственниковъ, а также вынести засаленный, кривой бильярдъ, на которомъ только онъ одинъ могъ сдѣлать шара въ лузу. Сдалась немного и жена, но съ условіемъ, чтобы ей была предоставлена полная свобода въ устройствѣ ея кабинета.

Я вступилъ въ этотъ домъ по крайней мѣрѣ черезъ 20 лѣтъ послѣ его реставраціи. Въ передней пахивало махоркой, и лакей въ синемъ долгополомъ сюртукѣ мастерилъ какой-то картузь; при моемъ появленіи онъ, небритый, привсталъ какъ-то лѣниво и отрапортовалъ, что баринъ уѣхалъ на охоту рано утромъ и безпремѣнно возвратится къ позднему обѣду. Пока онъ докладывалъ барынѣ о моемъ пріѣздѣ и пока она приводила въ порядокъ свой туалетъ, я полюбовался засаленнымъ бильярдомъ съ проткнутымъ во многихъ мѣстахъ кіями сукномъ. Въ сосѣдней, небольшой комнатѣ, въ пріемномъ кабинетѣ, стояла старинная мебель съ камнеподобными кожаными сидѣньями; на столахъ было развѣшано нѣсколько героевъ Отечественной войны, гравированное изображеніе бѣгства Наполеона черезъ Березину и женская головка, нарисованная чернымъ карандашомъ, съ подписью племянницы: *Dessiné par m-lle Espérance de...* На двойномъ окнѣ лежали пустыя тавлинки и двѣ фарфоровыя трубки съ мокротниками... Передъ образомъ въ углу горѣла лампадка.

Посреди большой залы, оклеенной дорогами, но уже сильно потемнѣвшими обоями, стоялъ большой обѣденный столъ, а надъ нимъ висѣла массивная бронзовая люстра. Большія окна, драпированныя потемнѣвшими кисейными занавѣсками, были заставлены разросшимися геранями, изъ-за которыхъ выглядывали вездѣ клѣтки съ канарейками и датскими жаворонками, до которыхъ Иванъ Павловичъ былъ страстный охотникъ.

Въ большой гостиной въ чинномъ и общепринятомъ порядкѣ стояла мебель краснаго дерева; надъ однимъ длиннымъ диваномъ вся стѣна была увѣшана фамильными портретами въ золоченыхъ рамахъ. Мужчины всѣ были написаны домашнимъ живописцемъ по одному шаблону, не столько для легкости работы, сколько по дѣйствительному, наслѣдственному ихъ сходству между собою. Дамы, прабабушка, бабушка и матушка, не были, конечно, сходны, но что-то между ними виднѣлось общее; четыре сестрицы, въ разныхъ граціозныхъ позахъ, и непременно съ цвѣткомъ въ рукѣ, кто въ локонахъ, ниспадающихъ по плечамъ до полуоткрытой груди, кто съ подвитыми волосами, какъ это полагалось по ихъ возрасту и вкусу, были въ разноцвѣтныхъ платьяхъ съ открытыми лифами и коротенькими рукавами. Внизу два небольшіе портрета нѣкогда молодой четы: мужъ въ кирасирскомъ мундирѣ, при шляпѣ съ

пышнымъ султаномъ, съ кокомъ на лбу, устремилъ свои большіе сѣрые глаза съ выраженіемъ побѣжденнаго Марса на сосѣдній портретъ Дунни, румяной, черноволосой, съ полуоткрытою грудью; южною страстью горять ея черные большіе глаза и полныя алыя губы.

На стѣнахъ развѣшаны бра изъ темной бронзы, въ углахъ большія фарфоровыя вазы.

Хозяйка встрѣтила меня въ гостиной и повела въ свой кабинетъ, тутъ же по сосѣдству. Ей было уже, навѣрное, пятьдесятъ лѣтъ. Она отличалась своею высокою, ширококостною фигурой, не знающею корсета, крѣпкимъ сложеніемъ, мужественностью и рѣзкими тѣлодвиженіями. Нельзя сказать, чтобы она была дурна, она могла еще многимъ нравиться по своей свѣжести, выразительнымъ глазамъ и, повидимому, старалась быть любезной и пріятной; но грубосиповатый голосъ, частое понюхиванье табака изъ маленькой золотой табакерки, а главное полное отсутствіе женственности не располагало къ ней.

Кабинетъ ея почти соответствовалъ современному вкусу, хотя много утратилъ изъ своей прежней свѣжести. Но странно было, что въ этомъ же кабинетѣ за портьерой стояло супружеское ложе, на которомъ Иванъ Павловичъ издавалъ вопли страданія отъ головныхъ болей, если ему что-нибудь мѣшало ѣхать на охоту.

Дѣйствительно, къ обѣду возвратился Иванъ Павловичъ. Я вышелъ встрѣтить его на крыльцо (мы уже были хорошо знакомы) въ то время, какъ онъ слѣзалъ со своихъ «волочковъ» (нѣчто въ родѣ бѣговыхъ дрожекъ). Была ранняя весна. Въ ергакѣ съ закинутой на спину двухстволкой на перевязи, съ патронташемъ на ремennomъ поясѣ, при охотничьемъ ножѣ у бедра, въ высокихъ сапогахъ, Глѣбовъ, толстый и коренастый, выглядывалъ свирѣпымъ туркомъ изъ-подъ сѣрой барашковой шапки съ закинутыми на маковку наушниками. Круглое лицо его уже успѣло сильно загорѣть отъ весенняго солнца; большіе выпученные глаза слезились, и онъ то и дѣло обтиралъ ихъ рукою, державшею фарфоровую трубку, съ которой ни на минуту не разставался; круглый синебагровый носъ, толстыя синеватыя губы, подстриженные усы,—ну, ни дать, ни взять турокъ. Еще большее сходство съ туркомъ онъ имѣлъ, когда для утоленія головной боли повязывалъ на лобъ платокъ, начиненный, какъ онъ говорилъ, «жвачкой», т. е. смѣсью чернаго хлѣба, уксуса и мяты.

Я любилъ бывать у Ивана Павловича, и онъ всегда былъ радъ моему пріѣзду, потому что, несмотря на огромную разницу въ лѣтахъ, онъ имѣлъ во мнѣ постоянно вѣрнаго и любезнаго товарища по ратному дѣлу. Съ генераломъ Шебеко было не то: генераль изображалъ изъ себя полководца, составлялъ планъ охоты, полновластно распоряжался, отдавая часто приказанія нелѣпыя и

неудобоисполнимыя для доѣзжачихъ, которыя портили все дѣло. У Шебеко я участвовалъ какъ зритель, любовавшійся картинами охоты, безумно скакалъ на своей Галатѣ за охотникомъ, преслѣдующими зайца со своею сворою борзыхъ, тутъ меня увлекало общее оживленіе, пробудившійся въ людяхъ кровожадный инстинктъ и какое-то уподобленіе себя отважному горцу: я скакалъ всегда въ буркѣ съ закинутой за спину двухстволкой. Генераль часто капризничалъ; ни съ того, ни съ сего надуется, сядетъ въ экипажъ и вернется домой, испортивъ все дѣло.

Съ Глѣбовымъ дѣло шло проще, по-товарищески и безъ всякой помпы. Насъ не останавливала никакая погода, потому что ему полагался усиленный моціонъ, а моя молодая жизнь влекла меня къ сближенію съ природой, несмотря ни на какія преграды.

На дворѣ страшная вьюга. Иванъ Павловичъ улется за портьерой, охаетъ, стонетъ и причитаетъ на весь домъ:

— Батюшки мои, смерть моя.... охъ, головушку разломило... Пелагея, чаю...

Поданъ чай; больной пропустилъ два стакана, пососалъ изъ своей фарфоровой трубки и продолжаетъ:

— Нѣтъ, въ душу ничего нейдетъ... охъ, смерть моя.... пошлите за попомъ, умираю.....

Дуня, привыкшая къ такимъ сценамъ, закрываетъ книгу, которую она читала, шевеля губами, и, потерявъ терпѣніе, проситъ:

— Да перестань, вѣдь ты тоску нагоняешь.... бѣжала бы изъ дому, куда глаза глядятъ. Поѣхалъ бы, что ли, на охоту...

— Да какая теперь охота: видишь, что на дворѣ дѣлается... Пелагея, позвать Демку.

Вхдитъ кривой, приземистый и сухопарый Демка, доѣзжачій, въ барашковомъ полушубкѣ, подпоясанъ ремнемъ.

— Демка, что на дворѣ? сильно мететь?

— Зги не видать, сударь...

— Нельзя гончихъ промять?

— Какъ прикажете, сударь.

— Развѣ немного, хоть въ Анниной рощѣ погулять? Не больно ужъ того? не легче стало?

— Словно полегче.

— Собаки не измотаются?

— Что имъ измотаться, сударь, порыщутъ.

— Пелагея, поднеси-ка Демкѣ порцію:

— Покорно благодарю, сударь.

Черезъ полчаса Иванъ Павловичъ уже одѣтъ и выходитъ на крыльцо, у котораго ждуть его маленькія санки съ мальчишкой и Демка верхомъ съ пятью смычками гончихъ.... И рыскать приходилось до поздняго обѣда, на зло вьюгѣ.

Какъ-то послѣ ужина, въ девятомъ часу, я получаю записку: «Завтра пороша мертвая, жду». Я раздумывалъ отправляться ночью, но меня Сухово-Кобылины уговорили доставить удовольствіе сосѣду. Черезъ часъ меня встрѣтилъ въ своемъ домѣ, торжественно освѣщенномъ, Глѣбовъ съ распростертыми объятіями. Выпивъ два стакана крѣпкаго чаю со сдобными булочками и густыми сливками, мы поужинали съ аппетитомъ и отправились на ночлегъ. Утромъ въ седьмомъ часу я проснулся отъ трубнаго гласа. Иванъ Павловичъ, совсѣмъ одѣтый, по-охотнически трубилъ надъ моимъ ухомъ въ рожокъ. «Пора, кушайте чай (онъ уже дымился на столикѣ), позавтракаемъ, и съ Богомъ». Завтракъ въ четыре блюда съ горячимъ былъ оконченъ, и мы далеко до свѣта отправились въ походъ. Пострѣлявши зайчиковъ, мы собирались у стога сѣна, вскрывали корзину съ холоднымъ завтракомъ и, утоливъ голодъ, продолжали охоту до наступленія зимнихъ сумерекъ. Въ 6-мъ часу мы уже опять аппетитно обѣдали, припоминая эпизоды изъ оконченной охоты. А не вѣрять въ дѣйствительность гоголевскаго Пѣтуха! Подведите итоги нашихъ трапезъ и окажется, что Пѣтуховъ на Руси было очень много. О катарахъ, однако, что-то не было слышно, и потому и аппетитъ не нуждался въ возбужденіи желудка водкой или желудочными элексирами. Умирали частенько въ это время отъ апоплектического удара послѣ пресыщенія, но едва ли чаще, чѣмъ умираютъ теперь отъ голода или совершеннаго разстройства пищеваренія.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представлялось Павловское въ торжественные дни, на которые къ нимъ охотно съѣзжались и близкіе и далекіе сосѣди. Все на время возрождалось и напоминало періодъ первой его реставраціи. Въ передней вмѣсто махорки воздухъ насыщался благоуханіемъ куреній, лакеи суетились въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; причесанные и напомаженные, они постукивали самодѣльною обувью; обѣденный столъ, раздвинутый до крайнихъ предѣловъ своей растяжимости, ломился подъ масею дорогихъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ приборовъ, щегольского серебра, фарфоровыхъ вазъ съ цвѣтами, хрустальныхъ чашъ съ фруктами и вареньемъ. Вся эта роскошь бросалась въ глаза и покоилась на бѣлоснѣжной скатерти; салфетки на приборахъ мастерски развернуты вѣромъ или кардинальской шапкой. Хозяинъ, облеченный въ нѣмецкій сюртукъ, не оставлялъ ни на минуту своей фарфоровой трубки, со своимъ хохолкомъ на лбу преобразался въ цивилизованнаго европейца, и лицо его утрачивало обычный видъ турка. Хозяйка шумѣла своимъ свѣтло-сѣрымъ шелковымъ платьемъ, украшавшій ея голову легкой чепецъ съ алыми лентами, рѣзко выдѣлявшимися на черныхъ, какъ смоль, волосахъ придавалъ ея лицу заманчивую миловидность и даже нѣкоторую мягкость выраженія ея чернымъ, смѣлымъ глазамъ. Оба суетились, пере-

ходя то въ залу, то въ гостиную, въ которой на покрытыхъ ломберныхъ столахъ стояли разнообразныя и замысловатыя закуски съ разными водками, бальзамами и винами.

Дальніе гости съѣзжались еще наканунѣ, ближніе пріѣзжали къ обѣду. Обѣдъ задавали на славу; блюда и по количеству и по качеству не оставляли желать ничего лучшаго. Вина выписывались изъ Москвы съ нарочнымъ, и шампанское лилось рѣкою. Послѣ дружнаго тоста за здоровье именинника или именинницы хозяинъ не безъ слезъ благодарилъ милыхъ гостей за честь, коротко и какъ-то конфузясь. Послѣ обѣда разставлялись столы въ гостиной и залѣ, и начиналась игра, оканчивавшаяся глубокой ночью для близкихъ и утромъ—для дальнихъ. Барышни и кавалеры группировались у рояля, играли и пѣли нѣжные романсы, не обходилось дѣло и безъ танцевъ, которые, какъ бы экспромтомъ, начинались съ легкой руки Ивана Павловича. Выскочивъ изъ-за виста или бостона, онъ обхватывалъ станъ своей жены и дѣлалъ нѣсколько туровъ вальса съ легкостью военного человѣка. Отъ вальса переходили къ кадрили, потомъ опять къ вальсу, мазуркѣ, и все кончалось ужиномъ. Послѣ ужина хозяинъ непремѣнно отдавалъ дань патриотизму: жена, по его настоянію, садилась за рояль, и подъ ея игру Иванъ Павловичъ отхватываетъ «За горами, за долами...», «Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки...» и чѣмъ дальше, тѣмъ азартнѣе заливается при общемъ дружномъ хохотѣ.

Хорошее то было время, и никогда оно не вернется. Плохо жилось рабамъ, но дворянство ликовало, да не оно одно, а и всѣ, кому приходилось жить съ ними и пользоваться ихъ радушной трапезой. Хорошо тѣмъ, которые умерли до отмѣны крѣпостного права, но какимъ роковымъ ударомъ разразилась эта отмѣна на родившихся и воспитавшихся при прежнемъ порядкѣ, привыкшихъ къ абсолютному произволу.

Глухонѣмой помѣщикъ Н. П. Зыковъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ насъ, въ своей усадьбѣ, расположенной на берегу рѣки Сити. У него было не болѣе 30 душъ, немного земли, мало луговъ, немножко лѣску, немного построекъ при уютномъ домѣ. Дворовые и крестьяне работали вмѣстѣ безразлично, такъ что никто не оставался въ праздности. Самъ баринъ, глухонѣмой отъ рожденія, но грамотный, толковый и умный и даже хитрый, хозяйничалъ 50 лѣтъ. У него все шло впрокъ, что родила земля или дала та мѣстность. Съ весны онъ полавливалъ массу рыбы, вялилъ ее, сушилъ и солилъ впрокъ. Со своими рѣзвыми борзыми собаками и съ мѣткимъ ружьемъ, изъ котораго стрѣлялъ навѣрняка, добывалъ онъ массу зайцевъ, сдиралъ и продавалъ ихъ шкурки, а мясо солилъ впрокъ для прислуги. Билъ пропасть бѣлокъ и продавалъ ихъ шкурки, настрѣливалъ дикихъ утокъ и другой дичи для своего продовольствія. Маленькій, но удобный домъ его содер-

жался опрятно и не выказывалъ никакихъ недостатковъ. Когда бы гость ни прїѣхалъ, его накормятъ вкуснымъ, хорошо приготовленнымъ обѣдомъ или ужиномъ, отведутъ на ночлегъ въ опрятную комнату съ безупречною постелью и освѣтятъ ее стеариновой свѣчей. Горничная, что за минуту до вашего прїѣзда работала на гумнѣ или полола на огородѣ, прилично одѣтая, подаетъ чай, блюда и прислуживаетъ.

Зыковъ жилъ съ женою и единственною дочерью-малолѣткой, которую любилъ до обожанія, и былъ совершенно счастливъ. Сосѣди его любили, какъ прїятнаго и умнаго собесѣдника, обстоятельнаго хозяина, отличнаго стрѣлка и охотника съ борзыми. Онъ былъ очень общителенъ, и не было ни одного собранія помѣщиковъ, гдѣ бы онъ не былъ или одинъ, или съ семействомъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно прїѣзжалъ въ добропорядочной коляскѣ на четверкѣ кругленькихъ и бодрыхъ коней, которые въ будни пахали, боронили и вообще отбывали сельскую работу; сбруя была крѣпика, на козлахъ возсѣдали прилично одѣтые правчіи и лакей, они же чернорабочіе.

Я какъ-то спросилъ его: сколько бы нужно было ему денегъ, чтобы жить такъ, какъ онъ живетъ въ своемъ имѣніи при даровомъ трудѣ? Онъ выложилъ съ подробностью на счетахъ всѣ расходы, и оказалось, что на это потребовалось бы не менѣе 6 тысячъ рублей!

И это при 30-ти душахъ!

Зыковъ былъ очень прїятный сосѣдъ и собесѣдникъ; съ нимъ всѣ объяснялись мимикой, и онъ скоро усваивалъ себѣ разные способы объясненія. Область для собесѣдованія было обширна: о хозяйствѣ, объ охотѣ, о разныхъ происшествіяхъ, о политикѣ, которую онъ любилъ, и о чемъ вамъ угодно. Для охоты Зыковъ былъ золотой человѣкъ: отлично умѣлъ онъ устроить охоту на теревей изъ шалашей, или на кряковую утку; зналъ превосходно топографію обширнаго района, изучилъ всѣ заячьи лазы ¹⁾, распутывалъ всѣ заячьи слѣды по порошѣ, указывалъ на мѣста, гдѣ водятся дупеля, бекасы и прочее.

Каково было ему пережить роковой переломъ, совершившійся еще при его жизни!

Если въ моихъ воспоминаніяхъ и сохранилась жива вся галерея портретовъ того времени, то большая часть изъ нихъ не заслуживаетъ упоминанія: то были или обезличенные новшествами крупные заѣзжіе, или мѣстные помѣщики, переодѣтые въ европейскіе костюмы и заимствовавшіе только внѣшній лоскъ цивилизаціи, но сохранившіе наслѣдственные традиціи крѣпостничества, или

¹⁾ Обычныя дороги, по которымъ зайцы перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое.

мелкіе, жалкіе помѣщики, приниженные до роли домашнихъ шутъ, вознаграждаемыхъ за свое убожество милостями знати.

А сколько встрѣтилось падшихъ величій, влачившихъ остатки дней своихъ въ разрушающихся палатахъ и жившихъ только воспоминаніями о минувшихъ наслажденіяхъ! Я припоминаю одинъ маленькій дворець, окруженный многочисленными и самыми разнообразными постройками, полуразвалившимися и обросшими порослями. Это обширный каменный двухъэтажный домъ на высокомъ берегу Волги, когда-то одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ... Помѣщикъ при мнѣ еще былъ живъ и смотрѣлъ очень пожилымъ, нѣсколько согнувшимся старикомъ, но еще сохранившимъ слѣды своей прежней красоты и того величаваго спокойствія, съ которымъ такъ скоро проживается у насъ состояніе. П. П. М., высокій мужчина, лѣтъ за 70, совсѣмъ глухой, медленно прохаживался по длинной анфіладѣ комнатъ въ своемъ длинномъ сюртукѣ-халатѣ, потягивая изъ трубки кнастеръ, изрѣдка поправляя на головѣ неизмѣнный колпакъ и оглаждая своими тусклѣвшими, уже темными глазами потемнѣвшія стѣны и потолки обширныхъ комнатъ, фамилльные портреты и картины, развѣшенныя въ золотыхъ рамахъ. Ему припоминалось то золотое время, когда въ этомъ самомъ домѣ собиралась вся губернская знать, кутила и веселилась на славу, между тѣмъ какъ домашній оркестръ гремѣлъ съ хоръ музыкой, а на сценѣ домашняго театра разыгрывались пьесы крѣпостными лицедеями. Онъ помнитъ, что снующія по Волгѣ суда причаливали противъ его дома у пристани и бурлаки любовались свѣжестью и красотой его усадьбы...

А теперь? Одиноко проходитъ онъ по опустѣвшимъ комнатамъ своего дома, не слыша, слава Богу, какъ мѣрно раздаются въ этой пустынѣ мѣрные его шаги, какъ ноетъ и завываетъ въ каминѣ его кабинета и съ визгомъ врывается съ Волги вѣтеръ черезъ ветхія рамы оконъ съ ихъ посинѣвшими стеклами. Изъ свѣтлага, веселящаго глазъ дома вышло нѣчто похожее на старый, потемнѣвшій памятникъ надъ могилою отжившей жизни.

А П. П. М. еще не совсѣмъ одинъ: съ нимъ еще дѣлитъ печальную участь его семья, загнанная холодомъ и скукой въ нѣсколько комнатъ верхняго этажа. И въ этой семьѣ, на развалинахъ прежняго величія распустилась пышная роза. Это дочь П. П., славившаяся далеко своею замѣчательною красотой. Дѣйствительно, какимъ-то необычайнымъ явленіемъ казалась въ этомъ домѣ дѣвушка 20 лѣтъ, когда на темномъ фонѣ комнатъ, въ виду отжившихъ родоначальниковъ, украшавшихъ своими изображеніями стѣны, выдѣлялась ея стройная, высокая, граціозная фигура съ классической головой, съ прекрасными чертами лица, на которомъ изъподъ бѣлой, матовой кожи выступалъ легкій румянецъ. Густая коса каштановыхъ волосъ короной лежала на головѣ, и длинные

локоны изъ-за ушей падали на бѣлоснѣжныя плечи и грудь. Изъ-подъ тонкихъ бровей тепло и вдумчиво смотрѣли большіе черныя глаза, осѣненные длинными рѣсницами, на маленькомъ ротикѣ играла милая, но сдержанная улыбка. Все въ ней казалось привлекательнымъ, и она держала себя просто, безъ той охлаждающей самоувѣренности, которая пріобрѣтается современными красавицами. Къ довершенію всего В. П. была отличной музыкантшей и обладала прекраснымъ голосомъ...

Какое-то необъяснимое чувство не то наслажденія, не то печали чувствуешь, когда въ пустынномъ и разрушающемся домѣ раздадутся звуки рояля подь аккомпаниментъ ея чуднаго голоса! Сколько страсти и нѣги слышится въ этихъ звукахъ, полныхъ жизни и пробуждающагося чувства! Для нея только начинается утренняя заря, бросающая свой животворящій свѣтъ на все окружающее! Такъ, гдѣ-нибудь въ глуши, надъ заросшимъ осокою озеромъ безопасно и весело поетъ соловей...

Мнѣ приходилось часто навѣщать этотъ домъ: В. вынесла тяжелый тифъ.

А вотъ и другая картина приходитъ на память. Въ 12 верстахъ отъ насъ жилъ средней руки помѣщикъ Вамикуловъ. Въ началѣ шестой недѣли Великаго поста я былъ приглашенъ къ нему: жена и три дочери занемогли тифомъ. Весною, когда ручьи разольются въ бурливья рѣки, все сокрушающія въ своемъ теченіи, и земля разступается, такъ что лошади вязнуть по колѣно, а колеса экипажа уходить по ступицу, это небольшое разстояніе проѣхать не такъ легко. Почти съ опасностью для жизни мнѣ пришлось перебраться черезъ ручей верхомъ на отстегнутой пристяжной и окунуться съ головой въ воду. Я прискакалъ мокрый до послѣдней нитки и, переодѣвшись во все чужое, принялся за работу. Жена В., женщина пожилая, и меньшая дочь слегли въ одинъ день, приблизительно за 11 дней до моего пріѣзда; двѣ остальные гораздо позже. Приходилось ежеминутно почти быть на побѣгушкахъ отъ одной больной къ другой и довольствоваться тѣми медикаментами, которые я захватилъ съ собою въ дорожномъ ящикѣ. Нечего было и думать объ аптекѣ, до которой невозможно было добраться по этой распутицѣ. Больныя находились въ тяжеломъ положеніи, и оставить ихъ я не могъ, а потому пробылъ до половины Святой недѣли.

Не сладко положеніе деревенскаго врача, когда и днемъ и ночью онъ испытываетъ постоянную тревогу. Едва сомкнешь отяжелѣвшія вѣки и забудешься, какъ ужъ кто-нибудь толкаетъ: тотъ какъ-то странно бредить, эта кричить отъ боли. Напряженіе силъ при бессонницѣ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Хотѣлось бы вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ, куда-нибудь пройтись, чтобы сколько-нибудь облегчить свое невыносимое положеніе... Но куда и какъ?

Непролазная грязь кругомъ, со всѣхъ сторонъ шумятъ и журчатъ водяные потоки... А въ небѣ такъ ясно, природа ликуетъ свое возрожденіе; въ воздухѣ раздаются мурлыканіе пролетающихъ журавлей, крики дикихъ гусей и утокъ, разливаются трели жаворонковъ, въ саду и рощѣ грачи съ докучливымъ крикомъ суетятся около своихъ гнѣздъ... все стремительно несется навстрѣчу весеннему празднику... А тутъ меньшая дочь, очень слабая отъ рожденія, умираетъ, между тѣмъ какъ мать ея, старушка, оправляется...

Всѣ эти умоляющіе взоры, обращенные къ врачу, и сознаніе его собственнаго безсилія—тяжелая драма.

Дочь скончалась; тихо, беззвучно, безъ пѣнія, вынесли ее изъ дому въ сельскую церковь, около которой ее и похоронили, скрывъ отъ выздоравливающей матери это печальное событіе. На другой день послѣ похоронъ я уже не могъ оставаться больше, у меня не было силъ. Шагомъ выѣхали мы съ провожатымъ верхомъ со двора, тронулись потомъ легкою рысью и, когда господскій домъ пропалъ за рощей, я поскакалъ, сколько позволяла дорога, съ замираніемъ сердца боясь, чтобы не было за мной погони. Только по пріѣздѣ домой я пришелъ въ себя, хотя долго не могъ совсѣмъ успокоиться отъ душевной тревоги.

Какая трудная, а вмѣстѣ съ тѣмъ полезная школа для начинающаго врача деревенская практика. Нѣтъ у него ни руководителей (консультантовъ), ни помощниковъ въ случаяхъ затруднительныхъ; ему приходится въ одиночку думать и передумывать да безпрестанно ворочать подушку въ тревожныя безсонныя ночи, а подчасъ втихомолку и поплакать въ сознаніи своего безсилія. Тамъ, въ деревнѣ, онъ вполне сознаетъ всю важность своего дѣла и готовъ положить свою душу за больного, поручившаго себя его заботамъ. А здѣсь, въ столицѣ, какъ легко умываютъ врачи свои руки, съ академическимъ спокойствіемъ произносятъ заключенія о существѣ дѣла. Но какъ ни тяжела была для меня подчасъ доля деревенскаго врача, я чувствовалъ себя счастливѣе тѣхъ собратій, которые не испытывали ничего подобнаго. Я жилъ съ людьми неразрывно, сближался съ ними всѣми моими чувствами и способностями и въ то же время постоянно обновлялся новыми силами на лонѣ природы.

Конечно, это было давно, въ пору моей золотой юности, избытка силъ и радужныхъ надеждъ. Для меня ничего не значило дѣлать къ больнымъ визиты верхомъ за пятьдесятъ и болѣе верстъ. Въ буркѣ, съ двухстволкой за плечами, гдѣ шагомъ, гдѣ рысью, пробирался я по полямъ и лѣсамъ, любуюсь картиною, которая радуется все живое... На обнаженныхъ деревьяхъ наливаются почки, въ березѣ двинулись соки, и Боже сохрани подрѣзать кору: такъ и прыснетъ изъ-подъ нея неудержимымъ потокомъ сладкая струя; это кровь ея, которой она питается, безъ которой она погибнетъ. Воздухъ кругомъ

чить, насыщенный озономъ, и грудь глубоко и жадно его вдыхаетъ... все шумитъ вокругъ васъ на землѣ отъ говорливыхъ потоковъ, а въ воздухѣ звучатъ привѣты пернатыхъ... И невольно уходишь въ самого себя: въ душѣ тоже отзывается весна молодой жизни, такъ въ ней свѣтло и радостно.

Вотъ почему не особенно улыбалась мнѣ мысль о переселеніи въ Москву, куда приглашали на весьма выгодное мѣсто. Я никогда не разстался бы по собственному желанію съ излюбленнымъ краемъ, если бы друзья не напомнили мнѣ о необходимости перебраться съ безмятежнаго проселка на торный путь житейскаго тщеславія. Хорошо здѣсь, и чего искать лучше? — думалось мнѣ, а въ то же время приходило на мысль: а что же дальше? И послѣ долгаго колебанія я рѣшился принять мѣсто домашняго врача въ вельможномъ домѣ Васильчикова. Главнымъ условіемъ полагалось, между прочимъ, жить вмѣстѣ съ больнымъ сыномъ ихъ и способствовать его умственному развитію, а для этого обязательно бесѣдовать съ нимъ не менѣе трехъ часовъ и проч.

Я распростился со всѣми провожавшими, не скрывая отъ нихъ слезъ моей признательности за все прошлое...

Прощай, и навсегда, мое счастливое убѣжище, мое незабвенное село Новоселье!..

III.

Пріѣздъ къ Васильчиковымъ.—Мужъ и жена Васильчиковы.—Ихъ дочери, сыновья и учителя ихъ.—Мой пациентъ Вася.—Гоголь у Васильчиковыхъ.—В. Соллогубъ.—Педагогическіе взгляды Васильчиковой.—Жизнь въ домѣ Васильчиковыхъ.—Изданіе журнала.

Въ половинѣ августа, въ свѣтлую лунную ночь ямская тройка весело бѣжала рысью по подольскому шоссе, оглашая окрестность завываньемъ колокольчика и меланхолическими переливами бубенчиковъ. На душѣ лежали тяжелымъ камнемъ воспоминанія о недавнемъ прошломъ. Отъ Лопасты мы повернули вправо, долго тащились мрачнымъ осиновымъ лѣсомъ, миновали высокіе каменные столбы съ гербами, ярко освѣщенные луннымъ свѣтомъ, стоявшіе, какъ стражи, у преддверія обширнаго парка; я велѣлъ подвязать колокольчикъ. Тарантасъ глухо застучалъ колесами по крѣпкой щебенкѣ, и я въѣхалъ на широкій господскій дворъ, на которомъ были разбиты клумбы цвѣтовъ. Длинный одноэтажный, а въ серединѣ въ два этажа, каменный домъ, какъ хрустальный дворецъ, блисталъ огнями; только въ боковыхъ флигеляхъ и въ галереяхъ, идущихъ къ нимъ отъ главнаго корпуса, не было свѣта. Выбѣжалъ лакей навстрѣчу тарантасу и, узнавши, кто въ немъ прибылъ, проводилъ меня въ помѣщеніе, для меня приготовленное.

Я еще не успѣлъ привести себя въ порядокъ, какъ явился другой лакей и передалъ приглашеніе пожаловать къ генералшѣ.

Генеральша ожидала меня на террасѣ, заставленной массою цвѣтовъ, черезъ которые фантастически проникалъ свѣтъ отъ горѣвшихъ лампъ. Высокая, довольно полная, но туго затянутая въ корсетъ женщина, казалось, лѣтъ за сорокъ, встрѣтила меня съ тою привѣтливостью, какая заучивается въ строго выдержанной школѣ воспитанія въ англійскомъ стилѣ. Наговоривъ мнѣ съ перваго раза слишкомъ много похвалъ моимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, о чемъ она, будто бы, хорошо освѣдомлена отъ извѣстныхъ ей лицъ, и при томъ нисколько не мѣняя ни однимъ движеніемъ черты лица, классически покойнаго и ровнаго, но прикрашеннаго ободряющей улыбкой, она предложила мнѣ чай и закуску въ столовой.

Затѣмъ я былъ представленъ ея мужу. Его высокопревосходительство сидѣлъ въ гостиной за ломбернымъ столомъ и раскладывалъ пасьянсъ. Крупный старикъ съ коротко остриженными волосами на головѣ, съ краснымъ лицомъ и гладко выбритой бородою, какъ-то небрежно бросилъ на меня взглядъ своихъ большихъ сѣрыхъ и безцѣльно двигавшихся глазъ, снова взглянулъ и замѣтилъ: «Какъ вы, однако, молоды! Да вы, любезнѣйшій, занимаетесь ли съ больными?»

Я не обидѣлся этимъ вопросомъ, но только покраснѣлъ отъ обычной своей застѣнчивости. Генераль былъ совершенно правъ: передъ нимъ, маститымъ старцемъ, стоялъ молодой врачъ съ черными, какъ смоль, и длинными вьющимися волосами, расчесанными à la toujik, какъ тогда носили...

Около генерала сидѣла какая-то маленькая, бѣленькая, какъ фарфоровая куколка, старушка, а черезъ полуоткрытую дверь на террасу видѣлось два-три силузета.

На другой день въ 8 ч. у. въ столовой собрались по звонку всѣ однодомцы къ чаю. Тутъ я познакомился съ двумя дочерьми, вдовою генеральшею Карлгофъ (впослѣдствіи Драшусова), съ двумя нѣмцами, изъ которыхъ одинъ былъ гувернеромъ, другой учителемъ музыки, съ французомъ учителемъ живописи, ученымъ дядькой (онъ себя считалъ учителемъ) моего больного, съ двумя младшими сыновьями и съ будущимъ предметомъ моихъ попеченій.

Вася,—такъ обыкновенно звали его всѣ въ домѣ,—былъ не ребенокъ: ему пошелъ восемнадцатый годъ, что изобличалъ густо застѣвшій пушокъ на верхней губѣ и на щекахъ. Это былъ юноша худощавый, прихрамывавшій на одну ногу, такъ какъ другая была короче и ступала на очень высокій каблукъ, онъ ходилъ спѣшно, болтая вправо и влево своими руками. На небольшой, клинообразной головѣ его торчали жесткіе, темно-каштановые волосы. Маленькій, узкій и низкій лобъ ежеминутно складывался въ морщины, и брови двигались при всякомъ поворотѣ большихъ, прозрачно-острыхъ и скошенныхъ глазъ его. Носъ имѣлъ форму зрѣющей

сливы, нижняя губа толстая и отвислая, зубы кривые и черные. Голосъ его при разговорѣ какъ-то дрожаль, не имѣль ясной членораздѣльности и шель какъ бы не изъ груди, а изъ живота. Съ перваго разу меня поразило то, что его держали какъ трехъ-четырёхлѣтняго ребенка, съ подвязанной салфеткой; ему наливали изъ чашки въ блюдечко, безпрестанно о чемъ-то напоминали, онъ самъ только ѣлъ и могъ бы ѣсть безъ конца, если бъ ему дали полную волю.

Старшая дочь (впослѣдствіи графиня Баранова) была очень красивая, свѣжая и здоровая дѣвица, меньшая (впослѣдствіи княгиня Черкасская, супруга Вл. Ал. Черкаскаго), двойня съ Юліей, казалась воплощеніемъ мечты художника. Это было существо физически слабое, нѣжное, съ большими постоянно задумчивыми глазами, точно не держалась на землѣ и только слегка скользила по ней, чтобы показать смертнымъ, сколько въ ней граціи при каждомъ движеніи. Старшая любила живопись, младшая музыку и литературу, къ которой у ней была сильная склонность.

Е. А. Карягофъ, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая, жена бывшаго попечителя кіевскаго университета (впослѣдствіи она вышла замужъ за А. Н. Драшусова), гостила въ домѣ Васильчиковыхъ на правахъ очень близкой и любимой особы. Ей едва ли было тридцать пять лѣтъ, но некрасивое лицо и крайняя близорукость показывали гораздо больше. Она принадлежала къ числу членовъ перваго еще въ Москвѣ дамскаго благотворительнаго общества, котораго первою предсѣдательницею была А. Н. Васильчикова, а послѣдующею княгиня С. С. Щербатова.

Въ продолженіе первыхъ трехъ дней, пока ученый дядька еще не уходилъ, я не вмѣшивался въ существующій до меня порядокъ, но два раза былъ вынужденъ вмѣшаться по слѣдующимъ случаямъ. На второй день, войдя въ общее наше съ Васей отдѣленіе, я нашель его въ слезахъ. Онъ стоялъ у двери и горько плакалъ. Я спросилъ его о причинѣ горя, и онъ указаль на нитку, которою былъ привязанъ за руку къ дверной ручкѣ.—Что же это такое?—спросилъ я.—«Наказаль А. А.» (имя дядьки).—За что?—Онъ сказалъ. Оборвите нитку,—предложилъ я:—такъ не наказываютъ въ ваши лѣта.—Онъ ни за что не рѣшался. Когда же я оборвалъ нитку и оттащилъ его отъ двери, онъ заплакалъ еще пуще прежняго, но скоро унялся.

На слѣдующій день я увидѣль его скачущимъ верхомъ на палочкѣ въ толпѣ деревенскихъ ребятишекъ, тоже кавалеристовъ. Прихрамывая вприпрыжку на больной ногѣ, онъ неистово хохоталь и командоваль въ азартѣ своимъ взводомъ. Я снялъ его съ коня, замѣтивъ, что онъ уже не мальчишка и эта игра не должна быть его забавой. Вася сильно протестоваль, говоря мнѣ, что мама ему позволяетъ, размахиваль руками, напоминая мнѣ о своемъ

правѣ. Однако я отвелъ его въ комнаты, выслушалъ всю его несвязную буркотню и объявилъ, что онъ никогда не будетъ играть въ лошадки, и если мама позволяетъ, то я не позволю.

Наблюдая больного нѣсколько дней, я имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается для его умственнаго развитія. Оказалось, что едва ли не съ цѣлью педагогическаго воздѣйствія былъ приглашенъ въ домъ Васильчиковыхъ Николай Васильевичъ Гоголь, рекомендованный В. А. Жуковскимъ послѣ неудачной профессуры нашего знаменитаго писателя. Жилъ Гоголь, какъ и я, вмѣстѣ съ Васей, но по какой программѣ, и была ли она дѣйствительно, я не знаю. Это было во время пребыванія Васильчиковыхъ въ Диканькѣ, имѣнны Кочубея, ихъ племянника. Тамъ Гоголь считался сначала чудакомъ и оригиналомъ, пока случайное знакомство графа В. Соллогуба съ его первыми рукописными сочиненіями «Вечеровъ близъ Диканьки» не измѣнило кореннымъ образомъ этого мнѣнія. Рассказывали, что Гоголь вообще обыкновенно молчалъ и только ѣлъ, когда это было за завтракомъ, обѣдомъ, или если приходилъ къ чаю.

Оставшись въ своей комнатѣ, онъ запирался и что-то писалъ, иногда занимаясь этимъ сряду дней 5—6, не выходя изъ комнаты, потомъ опять вступалъ въ прежнюю колею. Естественно было ожидать, что такой чудакъ ничего дѣльнаго и умнаго не напишетъ. Случилось открытіе таланта будто такъ. Графъ В. Соллогубъ (авторъ «Аптекариши» и проч., племянникъ Васильчикова), пріѣхавши въ Диканьку тотчасъ по окончаніи дерптскаго университета изломаннымъ аристократомъ-школьникомъ, предложилъ кузинамъ узнать, что именно пишетъ Гоголь. Гуляя какъ-то въ саду и поровнявшись съ открытымъ окномъ Гоголя, онъ подошелъ, посмотрѣлъ черезъ окно и, видя, что въ комнатѣ никого нѣтъ, а рукопись лежитъ на столѣ, махнулъ черезъ окно и наткнулся, кажется, на «Вакулу кузнеца». Какъ ошпаренный, онъ выскочилъ къ кузинамъ и объявилъ, что тотъ чудакъ себѣ на умѣ. Съ большимъ трудомъ А. И. Васильчикова упростила Гоголя познакомить ее и чадь съ его произведеніемъ, и тотъ согласился прочесть двѣ главы... Эффектъ былъ поразительный.

Это при мнѣ рассказывалъ графъ В. Соллогубъ. Кстати, чтобы не забыть, онъ рассказалъ и слѣдующее:

«Мнѣ очень хотѣлось сойтись поближе, на ты съ Гоголемъ, но это долго мнѣ не удавалось, потому что онъ былъ необщителенъ. Однако я не унывалъ, продолжалъ свою тактику и достигъ желаемаго. Вотъ однажды я говорю ему: «Скажи на милость, какъ тебѣ досталась эта способность писать такъ легко и хорошо? Вѣдь вотъ читаешь какой-нибудь твой рассказъ, все такъ просто, кажись, и самъ бы написалъ (а я тогда еще не былъ писателемъ), а сядешь—ничего; изгрызешь нѣсколько перьевъ, начнешь—и зачеркнешь, снова напишешь и снова зачеркнешь».

«— Для этого необходимо упражненіе, привычка, надо набить руку,—сказалъ Гоголь.—Ты положи себѣ за правило ежедневно писать въ теченіе двухъ-трехъ часовъ. Положи передъ собой бумагу, перья, поставь чернильницу, замѣть часы и пиши...

«— Да что же писать? если ничего въ голову не лѣзетъ?

«— И пиши: ничего въ голову не лѣзетъ. Завтра опять что-нибудь прибавишь, послѣзавтра еще что прибавишь и набьешь руку, и будешь писателемъ; такъ и я поступилъ».

Гоголь уѣхалъ скоро въ Москву или за границу. Для Васи же выписали спеціально англичанина Джонса, просвѣщеннаго мореплавателя. Много онъ получалъ жалованья, много творилъ разныхъ педагогическихъ фокусовъ, вродѣ выписыванья болѣе или менѣе сложныхъ игръ, способствующихъ будто бы развитію мозга, и вѣра въ науку такъ была сильна, что ей чудилось даже нѣкоторое измѣненіе къ лучшему. Кончилось это развитіе тѣмъ, что Джонса женили на племянницѣ Васильчикова, и онъ, забравъ ее и все состояніе, уѣхалъ за границу.

Прошло еще нѣсколько дней, и А. И. Васильчикова пожелала присутствовать на моей обязательной бесѣдѣ съ Васей. Я сначала удивилъ ее признаніемъ, что я никакихъ лекцій Васѣ не читаю и читать признаю бесполезнымъ. Во-первыхъ, что можетъ быть предметомъ бесѣды при настоящемъ его пониманіи? Что могло интересовать его, привлечь его вниманіе?

— Но,—сказала она,—что-нибудь похожее на историческіе рассказы Ишимовой?

— Да онъ и безъ меня охотно читаетъ исторію Ишимовой, читаетъ ее вслухъ и про себя, слѣдовательно, я мѣшалъ бы его выбору интереснаго предмета. Мнѣ кажется, что ему нужно не докторальное объясненіе, а постоянное общеніе со мною, обыкновенный разговоръ при постоянномъ сожителствѣ... На эту бесѣду уйдетъ въ сутки не менѣе 5—6 часовъ въ сложности, она ни для него, ни для меня не будетъ обременительной, но пользы принесетъ больше. Я полагаю,—продолжалъ я,—слѣдуетъ развивать въ немъ сознаніе, что онъ долженъ больше полагаться на себя, а не на другихъ, что ему даны руки на то, чтобы ими держать ложку, вилку и т. д., и не ждать, пока это сдѣлаютъ другіе.

— Но вѣдь онъ не умѣетъ.

— Тогда голодъ заставитъ его приспособиться и къ ложкѣ, и къ вилкѣ, и ко всему необходимому. Словомъ: его не слѣдуетъ вести, какъ ребенка, а внушать при всякомъ случаѣ мысль, что онъ уже молодой человекъ, возбуждать его самолюбіе, безъ котораго онъ не подвинется ни на одинъ шагъ. Представьте себѣ, что молодого человека въ 18 лѣтъ наказываютъ тѣмъ, что его привяжутъ за руку ниткой къ ручкѣ двери и онъ не смѣетъ порвать нитку, чтобы не подвергнуться повому наказанію. Какого же ждать развитія при

такомъ способѣ? Или: позволено ли ему съ мальчишками ѣздить на палочкѣ? Не заставляетъ ли это его убѣждаться, что онъ ничего не смѣетъ и не можетъ желать больше?..

— Да, Вася ужъ говорилъ мнѣ объ этихъ двухъ случаяхъ, онъ жаловался,—прибавила она, улыбаясь:—что вы, несмотря на мое разрѣшеніе, запретили ему это удовольствіе.

— Какъ вамъ угодно, но я счелъ бы несправедливымъ совсѣмъ отказаться отъ возможности исподволь довести его до положенія настолько развитого человѣка, сколько это нужно для того, чтобы онъ не поражалъ своими влеченіями къ такимъ забавамъ и дѣйствіямъ, которыя свойственны лишь маленькимъ, безмысленнымъ дѣтямъ.

Послѣдствіемъ нашего объясненія, окончившагося полнымъ соглашеніемъ А. И. Васильчиковой съ моими доводами, было то, что Вася, хотя и оставался до самой смерти невмѣняемымъ, тѣмъ не менѣе самостоятельно дѣйствовалъ ложкой, пожомъ и вилкой, умѣлъ въ обществѣ благоразумно молчать, обижался, когда его считали ребенкомъ, и вель себя прилично.

Вася любилъ чтеніе и обладалъ необыкновенною памятью. Конечно, допускались для этого только безвредныя книги вродѣ Ишимовой и изъ газетъ единственно «Московскія Вѣдомости». Изъ этихъ живоносныхъ источниковъ онъ черпалъ свѣдѣнія, которыя и складывались у него, какъ строительный матеріалъ, котораго не трогаютъ за отсутствіемъ хозяина или строителя. Но матеріалъ этотъ хранился очень крѣпко, какого бы свойства онъ ни былъ. Такъ, напри- мѣръ, читая каждый нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», до послѣдней строчки и страницы, на которой прежде печатали о таксѣ крупы, муки и проч., онъ безъ ошибки бы отвѣтилъ вамъ, по чемъ продавалось то или другое тогда-то. Онъ любилъ собственно процессъ чтенія, подобно Петрушкѣ, никогда не задаваясь вопросомъ: почему покой, рцы, азъ, веди, добро, азъ выйдетъ правда?

Объ немъ довольно.

Васильчиковы по зимамъ жили въ Москвѣ, на Большой Никитской, въ бывшемъ домѣ князя Черкаскаго, а съ начала мая до октября въ своемъ подмосковномъ имѣніи селѣ Васильевскомъ-Скурыгинѣ. Это имѣнье родовое съ усыпальницей рода Васильчиковыхъ при самой церкви. Родъ этотъ извѣстенъ своимъ историческимъ происхожденіемъ. А. И. Васильчикова, дочь Архарова, тоже принадлежала къ извѣстному роду. Усадьба самая, т. е. домъ, садъ, паркъ, расположена, какъ это было прежде въ обычаѣ, поближе къ водою, къ протекающей по низменной луговинѣ маленькой рѣчкѣ, запруженной простою плотиной и потому разливавшейся въ широкій водоемъ съ двумя живописными островами, поросшими кустами и березнякомъ. Отъ дома, т. е. отъ террасы его, выходящей въ садъ, до самага пруда слегка спускается длинный и широкій газонъ, на

которомъ красивыя клумбы съ цвѣтами; мѣстами высились высокіе кедры, дубки, душистые и серебристые тополи; широкія и плотныя дорожки, прихотливо извиваясь, шли въ разныхъ направленіяхъ. У пруда была пристань, а около нея держался затѣйливый плавучій плотъ, на которомъ въ лѣтніе дни переплывали господа къ церкви, стоявшей на противоположной сторонѣ, прямо противъ дома. Слева отъ церкви расположены крестьянскія избы, а еще лѣвѣе видѣлся роскошный березовый паркъ, въ которомъ къ концу лѣта господа собирали бѣлые грибы. Смотри отъ церкви на домъ съ его террасою, уставленною массою цвѣтовъ, съ опущенными маркизами на всѣхъ его окнахъ, съ его боковыми длинными галереями и флигелями, невольно приходила мысль о любви нашихъ баръ къ широкому простору, къ чванливому самохвалству и высокомѣрію, лопающемуся, какъ мыльный пузырь, при частой ихъ несостоятельности. Еще такъ недавно, какъ сфинксъ, возродились и пришли въ порядокъ развалины, въ которыхъ доживалъ остатокъ дней прежній владѣлецъ, братъ настоящаго наслѣдника.

Васильчиковы держались строго установленнаго порядка; для всего свое время и часть. Куда бы ни разбрелась публика, а по звонку являйся къ чаю, обѣду или легкому ужину. Кто опоздалъ—жди до завтра. Домашнее общество, довольно многолюдное въ своихъ собраніяхъ, вело себя чинно, сдержанно, и только ученый дядька (самоучитель) П., вдохновляемый романами Жоржъ-Занда или прочитанными имъ публичными лекціями Грановскаго, съ наивно самоувѣренностью трактовалъ о матеріяхъ серьезныхъ. Онъ преимущественно обращался къ меньшей сестрѣ, любившей литературу. Всѣ остальные націи, къ какой бы профессіи ни принадлежали, удовлетворяли свой аппетитъ больше молча и основательно.

Во главѣ стола сидѣла сама хозяйка и съ этого удобнаго пункта зорко, какъ бы случайно, слѣдила за тѣмъ, что говорится на обоихъ флангахъ; мужъ ея съ двумя дочерьми съ правой, а фарфоровая старушка Карлгофъ съ лѣвой стороны.

Послѣ обѣда, если не мѣшала погода, подавали долгушу, запряженную парой лошадей, и 5—6 осѣдланыхъ коней для дамъ и кавалеровъ... Всѣ отправлялись на экскурсію въ окрестности, представлявшія мало разнообразія. Мнѣ приходилось чаще всего быть кавалеромъ какой-нибудь наѣздницы. Какъ-то однажды очень захотѣлось Карлгофъ покататься верхомъ; но такъ какъ амазонки у нея не было, то ее усадили въ сѣдло въ обыкновенномъ костюмѣ, зашпиливши елико возможно ея платье булавками. Мнѣ предложена была честь быть ея кавалеромъ. Мы проѣхали уже почти 4 версты, какъ ея лошадь, чего-то испугавшись, шарахнулась въ сторону, неопытная наѣздница тихо свалилась на кустъ, а я едва удержался на мѣстѣ. Карлгофъ, перепуганная и зашпиленная, лежала неподвижно, почитая себя убитой. На мой вопросъ: не

ушиблись ли вы? она мнѣ отвѣчала: «Не знаю». Пришлось не мало повозиться съ булавками... Однако ничего не случилось, все обошлось благополучно. Карлгофъ не рѣшалась снова сѣсть въ сѣдло, и бѣдному рыцарю пришлось вести свою даму подъ руку 4 версты домой, да въ поводу тащить двухъ лошадей.

На третье лѣто моего пребыванія у насъ устроилось нѣчто оригинальное. Васильчиковы любили изъ всего извлекать пользу для дѣтей своихъ. Умственныхъ силъ въ домѣ оказалось довольно, и почему бы ими не воспользоваться для блага присныхъ. За эту мысль горячо схватился ученый дядька П., мнившій себя способнымъ къ литературному труду. Учился онъ въ какомъ-то среднемъ учебномъ заведеніи, потомъ пополнялъ свое образованіе, извлекая, что попадалось шикатнаго подъ руку. Я уже сказалъ, откуда онъ заимствовалъ свѣтъ науки. Говорилъ онъ бойко и красно. Но и графъ В. Соллогубъ былъ отличнымъ говоруномъ и балагуромъ, а совѣтовался съ Гоголемъ, какъ взяться за сочиненіе. Рѣшено было издавать «Скурыгинскій сборникъ», мѣстный журналъ, и назначить чтеніе его по субботамъ, послѣ обѣда. Въ этомъ сборникѣ мнѣ предложили помѣщать медицинскія популярныя статьи, губернѣру-нѣмцу трактовать философію, другому нѣмцу писать о музыкѣ, французу о живописи. Редакторомъ назначень П.

Передъ единою отъ субботъ зашелъ я къ редактору со своими статейками, не медицинскаго, однако, характера. Его въ комнатѣ не было, но я замѣтилъ на его столѣ нѣсколько разбросанныхъ листовъ съ заголовкомъ: «О воспитаніи». Но всѣхъ листкахъ были только начала статьи, и то перечеркнутыя и замаранныя.

Онъ самъ пришелъ ко мнѣ. Мы разговорились о томъ, что касается сборника.

— Вы что-нибудь приготовили?—спросилъ онъ меня.

— Да, я заходилъ къ вамъ, чтобы прочесть. Я полагаю, что медицинскія статьи, какъ бы ни были изложены популярно, не доставятъ ни пользы, ни удовольствія. Мнѣ кажется, что изданіе ищетъ другую цѣль, а именно завлечь слушателей легкимъ и приятнымъ развлеченіемъ. А потому я отступилъ отъ медицины къ фелетону.

— Ну, ну, прочтите,—торопливо сказалъ мнѣ П.

Я прочиталъ ему три приготовленныя мною статейки, въ которыхъ юмористически рассказалъ мелкіе эпизоды нашихъ прогулокъ и разныя мѣстныя происшествія, въ сущности, не важныя, но при нѣкоторой окраскѣ очень забавныя.

П. хохоталъ, потомъ вдругъ вскочилъ, какъ ужаленный, и ушелъ отъ меня. Это меня удивило.

А между тѣмъ вышло иное: назначень былъ редакторомъ я, П. же отказался почему-то, назвавъ меня за глаза «ракомъ», т. е. человѣкомъ, пятящимся назадъ отъ медицины. Но такъ какъ попя-

тился онъ первый, то я назвалъ его дѣйствительнымъ ракомъ и по этому поводу сочинилъ стихи съ раскрашеннымъ изображеніемъ рака на заголовкѣ.

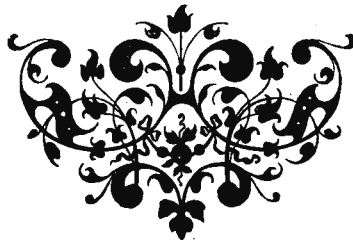
Къ первой субботѣ все было готово, о чемъ я и заявилъ Васильчиковой. Мы собрались въ гостиной, тутъ былъ и П. Мой фельетонъ разсмѣшилъ публику, всѣ были въ восторгѣ. Одобренный успѣхомъ, вынулъ я изъ портфеля стихи съ изображеніемъ рака, на половинѣ чтенія П. вспыхнулъ, вскочилъ и убѣждалъ. Это обстоятельство не помѣшало продолженію нашего сборника, и онъ неизмѣнно появлялся по субботамъ. Мнѣ, за недостаточностью матеріала, приходилось пополнять его своими произведеніями и въ прозѣ и въ стихахъ. Напримѣръ, «Двѣ зорюшки» понравившіяся младшей Васильчиковой и М. Θ. Самариной (впослѣдствіи графинѣ Соллогубъ), а еще болѣе Карлгофъ, которая также доставляла свои статьи о благотворительности.

Но мои стихи, написанные по случаю Ильинской ярмарки въ Скурыгинѣ, оказались свободомыслящими и послужили финаломъ для сборника. По выслушаніи стиховъ замѣчаній никакихъ не послѣдовало, но у генеральши показались на лбу необычныя морщины, и чтеніе сборника откладывалось со дня на день и подъ благовидными предлогами прекратилось.

Sic transit gloria mundi.

Н. К. Беркутъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРЪЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾

«Русскія Вѣдомости».—Скворцовъ, Чупровъ, Лукинъ, Невѣдомскій.—«Американецъ» Леонтьевъ.—Экспромтъ Курочкина.—«Голосъ» Краевского и агентура Мейна.—Князь Долгоруковъ и евреи.—Депеша полицеймейстера Огарева.—Случай съ старообрядцами.

ВРЕМЯ моего пребыванія въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было свѣтлой страницей моей литературной жизни. Все шло у насъ такъ гладко, такъ дружно, и самые разнородные элементы такъ дружески сливались въ одномъ общемъ желаніи пользы и преуспѣянія всѣмъ близкому и дорогому дѣлу, что всѣ личные наши счеты смолкали передъ общимъ, всѣмъ равно близкимъ вопросомъ.

Скворцова мы всѣ сердечно любили и слушались его во всемъ непрекословно. Въ минуты безденежья, — а такія минуты на его долю выпадали часто вслѣдствіе постоянныхъ требованій наслѣдника Павлова, Ипполита Николаевича Павлова, которому Скворцовъ частями выплачивалъ стоимость газеты, независимо отъ того, даетъ ли она доходъ, или убытокъ, — мы всѣ терпѣливо ждали, чтобы въ конторѣ оказались свободныя деньги, и никакихъ настоятельныхъ требованій не предъявляли, глубоко увѣренны въ томъ, что при первой возможности намъ все сполна будетъ уплачено. Къ молодому и полному свѣтлыхъ надеждъ Александру Сергѣевичу Постникову мы всѣ относились съ чувствомъ самой горячей симпатіи, а Александра Ивановича Чупрова прямо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХV, стр. 809.

таким обожали, какъ впоследствии обожали его всѣ тѣ люди, которыхъ съ нимъ сталкивала судьба.

Чупровъ былъ уменъ, какъ свѣтлый день, и такъ же скромнень, какъ и уменъ. Въ немъ никогда не было ни тѣни заносчивости, ни малѣйшаго признака самолюбивости, никого не считалъ онъ ниже себя и ни передъ кѣмъ не величался. Яркій представитель тѣхъ шестидесятниковъ, отъ которыхъ его еще недалекіе годы отдѣляли, онъ свѣтлымъ взоромъ смотрѣлъ на будущее родной земли и всѣхъ людей любилъ по-евангельски, какъ братьевъ. Своихъ недавнихъ еще сверстниковъ онъ вспоминалъ съ горячей любовью и признательностью и всегда громко исповѣдывалъ эту горячую любовь, неизмѣнно повторяя: «все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ отсюда, изъ 60-хъ годовъ». Ни этимъ святымъ завѣтамъ, ни этой горячей любви онъ не измѣнилъ и впоследствии и, съ глубокимъ горемъ внимая за границей всѣмъ невгодамъ родной земли, онъ за два года до кончины своей писалъ на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей»: «Когда со всей яркостью представишь себѣ тѣсную связь измывательства, творимыхъ надъ бѣдной русской интеллигенціей, съ настоящимъ и грядущимъ упадкомъ народнаго благосостоянія, то невольно вырывается изъ груди крикъ отчаянія за будущность нашей несчастной родины».

Связь Чупрова съ «Русскими Вѣдомостями» не прерывалась до конца его жизни, и послѣднія его статьи писались для этой газеты, равно какъ и послѣднія его мысли были связаны съ этимъ органомъ, съ которымъ онъ жилъ одною жизнью... Но я говорю не о послѣднихъ годахъ его полезной многотрудной жизни, а о томъ времени, когда онъ только что вступалъ на трудный путь смѣлаго міроваго публициста, съ первыхъ шаговъ своихъ завоевывая себѣ то почетное мѣсто, съ которымъ онъ уже не разставался до смерти.

Въ эпоху, о которой я говорю, Чупровъ, оцѣнивъ по достоинству крупное дарованіе своего сотоварища по редакціи, Александра Сергѣевича Постникова, съ радостью привѣтствовалъ первую заграничную командировку Постникова, отправлявшагося на казенный счетъ въ Германію. Поѣздка эта, являвшаяся полнѣйшимъ благополучіемъ для молодого ученаго въ смыслѣ дальнѣйшей ученой карьеры, въ то же время представляла собой немалыя затрудненія въ тѣсномъ районѣ заурядной житейской прозы. Денегъ на командировку отпускалось мало, а у Постникова, не имѣвшаго никакого личнаго состоянія, оставались въ Россіи жена и маленькій ребенокъ, о которыхъ надо было позаботиться.

Гораздо меньшими симпатіями товарищей пользовался покойный Лукинъ, впрочемъ, единственно вслѣдствіе его вѣчнаго желанія примирить, на что не давали ему права ни его скромный талантъ, ни его еще болѣе скромныя умственныя способности. Умеръ Лукинъ, какъ и всѣ почти люди его нравственнаго и умственнаго

уровня, вполне обезпеченнымъ, унесъ за собой и въ могилу то же отношеніе глубокаго равнодушія со стороны всѣхъ знавшихъ его при жизни.

Онъ всегда старался держаться какъ можно ближе ко всему выдающемуся, и на него, такъ сказать, падали лучи чужого ума и чужого таланта. Онъ еженедѣльно собиралъ у себя гостей, заводилъ веселія, а подчасъ и ученыя бесѣды, старательно запоминалъ, а то такъ и прямо записывалъ все имъ услышанное, и затѣмъ все это печаталъ въ первомъ своемъ очередномъ фельетонѣ, вызывая этимъ уваженіе къ своему уму и таланту.

Вороновъ, у котораго онъ безцеремонно взялъ псевдонимъ «Скромнаго наблюдателя», по тону его фельетона безошибочно угадывалъ, кто именно присутствовалъ на послѣднемъ лукинскомъ вечерѣ, и иногда со свойственной ему безцеремонностью совѣтовалъ ему:

— Перестань ты, Александръ Петровичъ, все Урусова да Урусова звать!... Ну, поговорилъ его языкомъ, да и будетъ! Серьезенъ онъ слишкомъ для тебя, да и перевираешь ты то, что онъ говоритъ! Полегче кого-нибудь къ себѣ залучи... Оно и тебѣ самому не такъ трудно будетъ, да и читателямъ твоимъ удобопонятнѣе... Вонъ Леонтьева возьми, онъ совсѣмъ по тебѣ! И много, и весело, и безобидно вреть!

На подобные отзывы съ равно бессильнымъ гнѣвомъ откликались и Лукинъ и Леонтьевъ, тоже мелкій сотрудникъ съ большими претензіями, зарабатывавшій такъ мало своими литературными статьями, что вынужденъ былъ еще прирабатывать, открывъ фотографію, въ которой усердно снималъ всѣхъ такъ или иначе входившихъ въ моду. Такъ, въ его витринахъ рядомъ фигурировали: и заѣзжая иностранная знаменитость, и накануне осужденный проворовавшійся кассиръ, и авторъ глубокой и серьезной книги, внесшей переворотъ въ науку и въ общество, и наѣздникъ, взявшій подъ рядъ нѣсколько бѣговыхъ призовъ. Онъ называлъ это «ловить моментъ» и въ своей оригинальной фотографіи торговалъ далеко не плохо. Впрочемъ, какъ литература, такъ и фотографія входили только вводными и придаточными предложеніями въ общій складъ его жизни. Главная цѣль его была составить себѣ громкое имя въ качествѣ путешественника, и, неподвижно сидя въ своей фотографіи на Арбатѣ, онъ мечтами уносился и въ Америку, и въ Австралію, и на самые крайніе полюсы земного шара. Онъ свято вѣрилъ, что рано или поздно уѣдетъ изъ Россіи и прилетѣтъ въ родную Москву письмо, помѣченное почтовымъ штемпелемъ Нью-Йорка, и увѣренность его оправдалась на дѣлѣ. Онъ поймалъ какого-то легковѣрнаго купца, который убѣдился въ его исключительныхъ торговыхъ способностяхъ и поручилъ ему завязать торговныя сношенія съ Америкой.

Средства на эту поѣздку Леонтьевъ затребоваль самыя ограниченныя, барышей наобѣщаль несосвѣтимыхъ, и въ одинъ прекрасный день объявилъ всѣмъ намъ, что ожидаетъ только разрѣшеніи отъ бремени жены, чтобы тотчасъ же отправиться въ далекій путь.

Такое рѣшеніе не на шутку изумило насъ своей нелогичностью. Брать въ такой далекій путь больную жену съ новорожденнымъ ребенкомъ было верхъ безумія, а оставить ее, мы знали, было не съ кѣмъ.

Мы говорили это будущему американцу, но онъ и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ былъ убѣжденъ, что родится у него непременно сынъ, которому предстоитъ широкая карьера, какъ всемірному путешественнику, и нетерпѣливо ждалъ появленія на свѣтъ новаго американца, такъ какъ безповоротно порѣшили выйти изъ русскаго подданства и записаться гражданиномъ свободной Америки. Все это онъ молоть съ такимъ симпатичнымъ оживленіемъ, что мы всѣ съ нимъ вмѣстѣ ждали появленія на свѣтъ маленькаго американца, и каково же было наше удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день Леонтьевъ появился въ редакціи весь сіяющій отъ восторга, съ радостнымъ извѣстіемъ, что вмѣсто одного американца ихъ на свѣтъ появилось двое.

Жена Леонтьева родила двухъ мальчиковъ-близнецовъ, необыкновенно миниатюрныхъ, слабыхъ и тщедушныхъ, и чудакъ-отецъ назвалъ ихъ при крещеніи Пудъ и Сила. Крестить этихъ богатырей онъ пригласилъ Скворцова, но кандидатовъ въ крестные отцы оказалось такъ много, что крестили ихъ въ нѣсколько паръ, и у Силы съ Пудомъ оказалось по нѣскольку крестныхъ отцовъ и крестныхъ матерей.

Въ далекій путь Леонтьевъ, съ согласія жены своей, отправился тотчасъ послѣ ея выздоровленія, и не только благополучно доѣхаль до Америки, но спустя два года вернулся оттуда съ двумя здоровыми мальчуганами, которыхъ онъ заставлялъ бороться между собой, съ цѣлью развивать физическую силу.

Въ числѣ крестныхъ отцовъ маленькихъ богатырей былъ, ежели память мнѣ не измѣняетъ Василій Курочкинъ, по крайней мѣрѣ на шумныхъ крестинахъ Силы и Пуда онъ присутствовалъ, и, внимая шумнымъ восторгамъ расходившагося Леонтьева, поднимая бокаль, сказалъ слѣдующій экспромтъ, всѣми нами тогда же записанный:

Глубоко вѣря въ силу Пуда,
 Душой желая Пуду силъ,
 Молю я Господа покуда,
 Чтобъ онъ отца ихъ вразумилъ.

Послѣ довольно краткаго вторичнаго пребыванія въ Россіи нашъ неисправимый американецъ опять уѣхаль въ Нью-Йоркъ, и затѣмъ судьба его мнѣ совершенно неизвѣстна.

Возмужали ли «богатыри» на удивленіе Новаго Свѣта, или въ Старый Свѣтъ вернулись,—миѣ ни отъ кого слышать не удалось.

Разсталась я съ «Русскими Вѣдомостями» послѣ пятилѣтней работы въ газетѣ, вслѣдствіе вступленія въ редакцію, въ качествѣ помощника редактора, г. Невѣдомскаго, мужа довольно извѣстной въ то время пѣвицы Невѣдомской—дю-Норъ. Онъ съ первыхъ же дней своего поступленія въ редакцію принялъ авторитетный начальнический тонъ, къ которому мы не привыкли; я, отъ природы довольно непокорная, разомъ отказалась мириться съ такимъ тономъ, и не прошло недѣли со времени вступленія Невѣдомскаго, какъ я заявила Скворцову, что ухожу. Онъ очень дружески и любезно уговаривалъ меня отбѣнить принятое мною рѣшеніе, говоря, что Невѣдомскій ничего самостоятельнаго собою не представляетъ, но я настояла на своемъ и оставила редакцію, весь характеръ которой за нѣсколько протекшихъ дней измѣнился до неузнаваемости, вмѣстѣ съ ея внутреннимъ складомъ. Пренія откровенныя и веселыя бесѣды замѣнились страшной формалистикой, не допускавшей даже громкаго разговора, ни одной строки никто не смѣлъ отправить въ типографію самостоятельно; безъ апробаціи Невѣдомскаго, и пренія разумная, энергичная, одухотворенная работа превратилась въ какое-то машинальное писанье заведенныхъ макененовъ.

На сотрудниковъ, работавшихъ внѣ редакціи, и только приславшихъ свои уже готовые статьи, это не повліяло, въ самой же редакціи воцарилось такое принужденіе и такая непроходимая скука, какихъ съ основанія ея никто не видалъ и не испытывалъ.

На первыхъ порахъ никто, кромѣ меня, кажется, самъ не ушелъ, при чемъ многіе дождались того, что ихъ Невѣдомскій прямо-таки выжилъ. Съ Лукинымъ ему этого сдѣлать не удалось, такъ какъ тотъ прямо и громко заявилъ, что онъ не уйдетъ даже въ томъ случаѣ, ежели его прямо-таки «погонять». И онъ избралъ благую часть... Не имѣя на это никакихъ правъ, кромѣ большой устойчивости и еще большей смѣлости, Лукинъ дожилъ до того, что оказался однимъ изъ пайщиковъ изданія, перешедшаго на паяхъ въ руки сотрудниковъ, и такимъ образомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ довольно солидный капиталъ, такъ какъ въ эпоху его смерти пай «Русскихъ Вѣдомостей» котировался уже въ 30 слишкомъ тысячъ.

Миѣ, впрочемъ, и легче было уйти, нежели другимъ, такъ какъ я въ это время состояла уже московскимъ фельетонистомъ «Голоса», и была приглашена на очень выгодныхъ условіяхъ въ «Русскій Міръ», негласно редактировавшійся и издававшійся въ то время извѣстнымъ въ военномъ мірѣ генераломъ Черняевымъ, который, вскорѣ послѣ моего поступленія, открылъ въ Москвѣ отдѣленіе «Русскаго Мира», переданное въ мое завѣдываніе.

«Голосъ» давалъ сотрудникамъ не особенно много, потому что агентура по пересылкѣ статей передана была почему-то Краевскимъ отставному совѣтнику московскаго губернскаго правленія Мейну, очень мало имѣвшему общаго съ литературой, но обладавшему зато широкой способностью всюду втереться и всюду занять выгодное положеніе. Способность эту онъ ясно и наглядно доказалъ впоследствии, попавъ въ правители дѣлъ канцеляріи генераль-губернатора, смѣнивъ на этомъ посту разбитаго параличомъ Родиславскаго, а послѣ смерти князя Долгорукова сразу занявъ выгодный постъ директора банка, основаннаго въ Москвѣ евреемъ Поляковымъ.

Съ Поляковымъ Мейнъ сошелся во время своего управленія генераль-губернаторской канцеляріей и, много и усердно послуживъ еврейскимъ интересамъ, стяжалъ себѣ постъ директора въ банкѣ глубоко признательнаго Полякова.

Эта отзывчивость Полякова, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ московскихъ евреевъ громко и трогательно выразилась при распродажѣ послѣ смерти Долгорукова всѣхъ лично ему принадлежавшихъ вещей.

Въ то время, какъ русскіе обыватели первопрестольной, много видѣвшіе хорошаго отъ Долгорукова въ многолѣтнюю бытность его московскимъ генераль-губернаторомъ, съ обиднымъ равнодушіемъ, а подчасъ и съ легкомысленной насмѣшкой присутствовали при распродажѣ его кабинета и лично ему принадлежавшихъ вещей,—евреи московскіе, съ милліонеромъ Поляковымъ во главѣ, дорогой цѣной оплачивали право унести съ собою на память бездѣлицу, служившую лично человѣку, который былъ въ теченіе долгихъ лѣтъ ихъ покровителемъ. Такъ, за простую костаную ручку отъ пера, постоянно бывшую въ употребленіи Долгорукова и лежавшую всегда на его чернильницѣ, старикъ Поляковъ заплатилъ 400 рублей, а за кресло, стоявшее передъ его письменнымъ столомъ, отдалъ 3000 рублей. Никто изъ русскихъ такой сердечной щедрости не проявилъ, а между тѣмъ немало было москвичей, видѣвшихъ отъ умершаго сановника много добраго, честнаго и отзывчиваго.

Александръ Даниловичъ Мейнъ принадлежалъ къ числу людей, предъявлявшихъ къ жизни очень большія и широкія требованія и мало передъ чѣмъ останавливавшихся для ихъ удовлетворенія. Я не хочу сказать этимъ, что онъ былъ способенъ на уголовное преступленіе, ничего такого москвичи за нимъ не знали, но поэксплуатировать чужой трудъ, утянуть у труженика нѣсколько рублей, слѣдующихъ ему за его талантливую работу,—передъ этимъ Мейнъ никогда не останавливался, и всѣ принимавшіе участіе въ «Голосѣ» Краевскаго испытали это и на самихъ себѣ. Въ силу неизвѣстно какихъ соображеній, между Мейномъ и Краевскимъ существо-

валъ договоръ,—ежели не ошибаюсь форменный и чуть ли даже не нотаріальный,—по которому ничто изъ Москвы не могло попасть въ редакцію «Голоса» иначе, какъ черезъ Мейна. Онъ бралъ отъ сотрудниковъ статьи, переписывалъ ихъ самъ или черезъ своихъ переписчиковъ и отъ себя пересылалъ ихъ Краевскому, отъ котораго огуломъ получалъ деньги, которыя уже самъ распредѣлялъ между авторами статей. Горькое послѣдствіе такихъ распоряжковъ обнаружилось для всѣхъ насъ совершенно случайно, путемъ личныхъ переговоровъ съ Краевскимъ покойнаго М. А. Саблина, которому Краевскій сказалъ, что за каждую напечатанную въ «Голосѣ» строку онъ пересылаетъ Мейну по 8 копеекъ, тогда какъ до насъ доходило только по 5 и рѣдко когда по 6 копеекъ за строку.

Остальное по дорогѣ оставалось въ карманѣ Мейна, который, такимъ образомъ, жилъ за счетъ чужой работы и чужого таланта. На моей отвѣтственности лежалъ еженедѣльный московскій фельетонъ «Голоса», и моихъ денегъ, такимъ образомъ, перепало Мейну больше всего, такъ какъ всѣ остальные статьи, препровождаемыя Краевскому, являлись случайными и печатались только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ трактовали объ особо интересныхъ процессахъ или особенно серьезныхъ думскихъ дебатахъ. Послѣ этого легко можно себя представить, какой источникъ доходовъ Мейнъ сумѣлъ извлечь для себя изъ своего пахожденія во главѣ генераль-губернаторскаго управленія, и никого не удивило, что послѣ него его единственной дочери Манѣ осталось въ наслѣдство нѣсколько сотъ тысячъ.

Далеко не то представлялъ собой Родиславскій, оставившій постъ правителя дѣлъ канцеляріи генераль-губернатора безъ гроша за душой и прожившій послѣдніе дни своей жизни, разбитый параличомъ, чуть не въ крайности. Зато и память о Родиславскомъ сохранилась среди москвичей хорошая, и когда онъ въ первый разъ послѣ поразившаго его удара, уже не состоя правителемъ дѣлъ, вошелъ въ зрительную залу московскаго артистическаго кружка, то капельмейстеръ оркестра Золотаренко, предупрежденный за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ объ его прибытіи, встрѣтилъ его прелестнымъ анданте изъ его пьесы «Иванъ Царевичъ», и вся зала, какъ одинъ человѣкъ, встала, чтобы привѣтствовать его почтительнымъ поклономъ. Глубоко тронутый такимъ вниманіемъ, полубольной старикъ заплакалъ и могъ только растроганнымъ голосомъ прознести: «Благодарю! благодарю!..»

Въ общежитіи Родиславскій былъ очень милый и обязательный человѣкъ, всегда готовый на службу каждому и проявлявшій нѣкоторую нетерпимость только на почвѣ своихъ драматическихъ работъ. Онъ много переводилъ, а позднѣе и писалъ для сцены и о своихъ произведеніяхъ былъ всегда такого высокаго мнѣнія, что не раздѣлявшихъ его восторга и не расточавшихъ ему похвалъ

считалъ несправедливыми и зложелательными людьми. Какъ теперь помню я одинъ изъ бенефисныхъ спектаклей Малаго театра, въ который поставлена была его новая пьеса, изъ рукъ вонъ плохая и неудачная. Онъ въ то время былъ правителемъ дѣлъ у Долгорукова, но никакія дѣла ввѣренной ему канцеляріи не могли интересовать его въ той степени, въ какой интересовалъ его успѣхъ его пьесы. Онъ пріѣхалъ въ театръ, когда еще тамъ никого не было, чуть лампы самъ не зажегъ и волновался, какъ молодой дебютирующій драматургъ.

Мнѣ въ это время поручень былъ театральнй фельетонъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и такъ какъ артистическій міръ очень считался съ мнѣніемъ этой газеты, то и Родиславскій въ самомъ началѣ спектакля подошелъ ко мнѣ и въ очень любезныхъ выраженіяхъ обратился къ моему «снисхожденію». Я отвѣчала, что въ снисхожденіи онъ, вѣроятно, нуждаться не будетъ, и горько... ошиблась! Пьеса оказалась ниже всякой критики, и даже художественное исполненіе нашей образцовой труппы не могло спасти ее отъ провала. Публика оказалась любезнѣе критики и даже раза два вызвала автора; что же касается арміи рецензентовъ, то всѣ они оказались равчо враждебно настроенными, и это не могло тутъ же, въ залѣ театра, укрыться отъ Родиславскаго.

Я лично старалась съ нимъ не встрѣчаться въ теченіе долгихъ антрактовъ четырехъ или пятиактной пьесы, но занавѣсъ упалъ и мнѣ поневолѣ пришлось выйти въ фойе. Здѣсь я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ княземъ Долгоруковымъ, который съ любезной улыбкой пожелалъ узнать мое мнѣніе о новой пьесѣ. Я отвѣчала уклончиво, и онъ, смѣясь, сознался мнѣ, что ему лично пьеса вовсе не понравилась.

Вернувшись въ зрительную залу, я не ускользнула отъ поджидавшаго меня автора, который прямо въ упоръ поставилъ мнѣ вопросъ о только что сыгранной пьесѣ. Я прямо и откровенно созналась, что пьеса мнѣ не понравилась.

Онъ разсердился.

— Такъ прямо, безъ объясненія причинъ, рѣшать судьбу литературнаго произведенія нельзя!—заносчиво замѣтилъ онъ мнѣ.— Надо «доказать», что пьеса непригодна для сцены.

— Я не говорю, чтобы она была совершенно непригодна!—замѣтила я въ отвѣтъ.—Я говорю только, что мнѣ лично она не понравилась. Да и не мнѣ одной. Сейчасъ со мной объ ней бесѣдовалъ князь Владимиръ Андреевичъ, и онъ того же мнѣнія! Ему тоже не понравилась пьеса!

Родиславскій пожалъ плечами и, не сдерживая своего неудовольствія, отвѣтилъ:

— Этимъ вы меня меньше всего можете убѣдить!... Князь Владимиръ Андреевичъ прекрасный генераль-губернаторъ, всѣми при-

знанный опытный администраторъ, но, какъ театральнй критикъ, онъ совершенно неизвѣстенъ!

Такой оригинальный отзывъ потѣшилъ всѣхъ, кому я о немъ сообщила, и, дойдя до самого князя, очень его разсмѣшила.

«Голосъ» Краевскаго былъ въ то время очень авторитетной газетой, и Долгоруковъ придавалъ его отзывамъ очень большое значеніе. Отсюда то исключительное вниманіе, съ какимъ онъ относился ко всѣмъ московскимъ сотрудникамъ этой газеты, и, быть можетъ, и то положеніе, какое занялъ впоследствии агентъ «Голоса» Мейнъ.

Въ Москвѣ въ то время былъ очень способный и очень авторитетный квартальный надзиратель Андреевъ. Онъ считался однимъ изъ столповъ московской полиціи и, служа въ районѣ перваго отдѣленія, состоявшаго въ управленіи полицеймейстера Огарева, пользовался особой благосклонностью своего прямого начальника.

Огаревъ посвящалъ его во всѣ свои экстренныя распоряженія, поручалъ ему особо трудныя и щекотливыя дѣла, и отъ Андреева почти не было ничего скрытаго по части особыхъ и секретныхъ дѣлъ московской полиціи. И вдругъ въ одинъ прекрасный день этотъ авторитетный полиціантъ получилъ внезапную и... имъ самимъ не испрошенную отставку и передъ лицомъ всей Москвы оказался сконфуженнымъ и сильно скомпрометированнымъ. Причины этого никто изъ пишущей братіи не узналъ, но посѣтилъ Андреевъ насъ всѣхъ безъ исключенія и особенно налегалъ на бесѣдахъ съ петербургскими сотрудниками, такъ какъ на московскія газеты, въ смыслѣ оппозиціи Огареву, не особенно надѣялся. Москва Огарева очень любила и нападать на него не стала бы. Любила Огарева и я, но это не помѣшало мнѣ воспользоваться однимъ изъ разоблаченій, съ которыми усердно носился Андреевъ, стараясь дискредитировать Огарева.

Ничего безчестнаго за Огаревымъ найти было нельзя, въ смыслѣ безкорыстія онъ былъ неуязвимъ, но зато промахи за нимъ водились курьезные, и я воспользовалась однимъ изъ нихъ, чтобы предать его гласности. Чрезвычайно рѣзкій и оригинальный въ отдаваемыхъ имъ приказаніяхъ и распоряженіяхъ, Огаревъ подчасъ не задумывался надъ самыми оригинальными приказами и между прочими своеобразными распоряженіями своего недавняго начальника, предательски, какъ оказалось, собираемыми ловкимъ полиціантомъ, Андреевъ доставилъ мнѣ въ подлинникѣ слѣдующую небывалую по безтолковости своей депешу:

«Немедленно разыскать неизвѣстнаго чловѣка въ чуйкѣ».

— Не угодно ли исполнить такого рода приказъ?..—пожимая плечами, говорилъ Андреевъ.—Неизвѣстнаго въ чуйкѣ. Да чѣмъ же отличишь его отъ всѣхъ остальныхъ «чловѣковъ въ чуйкахъ», если онъ никому не извѣстенъ?..

Депеша эта, цѣликомъ переданная мною въ фельетонѣ «Голоса», вызвала искренній смѣхъ Долгорукова и нешуточный гнѣвъ Огарева, человѣка до нельзя добродушнаго, простаго, но въ смыслѣ глубокихъ соображеній довольно-таки несостоятельнаго.

Это не помѣшало ему нескончаемое количество лѣтъ прослужить въ московской полиціи и сойти въ могилу среди такой горячей и непритворной любви всѣхъ обывателей, что день его погребенія былъ днемъ добровольно признаннаго траура для всей Москвы. Всѣ лавки и магазины были закрыты, всѣ улицы по пути слѣдованія печальной процессіи были запружены народомъ, и на всемъ далекомъ протяженіи до церкви, а оттуда до кладбища москвичи не только не дали поставить гробъ на погребальную колесницу, но буквально ссорились за право хотя бы нѣсколько шаговъ пронести на рукахъ всѣмъ равно дорогого покойника.

Все оставленное Огаревымъ состояніе ограничилось безчисленными серебряными вазами, стопами и сервизами, поднесенными ему въ день его юбилея, да цѣнной по старинѣ обстановкой квартиры его, вывезенной имъ, еще въ началѣ полицейской службы, изъ его родового имѣнія.

По любви, уваженію и популярности среди москвичей Огаревъ былъ истиннымъ преемникомъ полковника Льва Николаевича Верещагина, котораго ему и пришлось смѣнить на дѣйствительной службѣ въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Верещагинъ, умершій въ чинѣ генераль-майора и въ послѣдніе годы своей жизни занимавшій постъ директора шереметевской больницы, былъ также любимъ москвичами и также оставилъ выгодную и полную соблазновъ полицейскую службу, не вынеся ничего, кромѣ скромной пенсіи.

О степени любви москвичей къ своимъ честнымъ и добросовѣстнымъ начальникамъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай, всѣмъ хорошо извѣстный, а нѣкоторымъ изъ московскихъ старожиловъ даже и памятный. Всѣмъ извѣстно, какъ строго и безпощадно преслѣдовались во времена императора Николая всѣ старовѣрческія ученія и какъ усердно и безпощадно стирались съ лица земли всѣ секты и сектанты. Старообрядческія часовни и молельни въ тѣ времена скрывались и прятались какъ нѣчто преступное и, несмотря на страшное богатство такъ называемаго Преображенскаго кладбища, бывшаго разсадникомъ старовѣровъ, имъ не всегда удавалось уйти отъ преслѣдованія и укрыться отъ строгости душившихъ ихъ законовъ. Они рады были бы откупиться, но это далеко не всегда представлялось возможнымъ, и аресты и ссылки старообрядцевъ были явленіемъ чуть ли не зауряднымъ.

Строгость при этихъ арестахъ была такова, что мѣстонахожденіе схваченныхъ и сосланныхъ старовѣровъ нерѣдко составляло тайну для всѣхъ, и никакіе въ мірѣ розыски, никакіе подкупы не въ силахъ были обнаружить эту тайну.

Такъ, среди Москвы безслѣдно пропалъ арестованный и неизвѣстно куда увезенный богатый купецъ Егоровъ, магазинъ котораго, расположенный въ Охотномъ ряду, и до сихъ поръ еще хранить всѣ завѣты старины, и всѣ служащіе котораго свято хранятъ и исповѣдуютъ догматы старой вѣры. Старикъ Егоровъ, торговавшій въ теченіе долгихъ лѣтъ и извѣстный, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей старой вѣры, однажды ночью исчезъ изъ занимаемой имъ квартиры, и затѣмъ уже никогда ни дѣти его, ни постороннія лица не могли ничего узнать о постигнувшей его участи.

Принадлежность къ старой вѣрѣ въ то время считалась чуть не государственнымъ преступленіемъ, и мѣры, принимаемыя противъ старообрядцевъ, равнялись мѣрамъ, принимаемымъ противъ настоящихъ преступниковъ.

Верецагинъ, въ бытность свою московскимъ полицеймейстеромъ, не покровительствовалъ имъ, но и не преслѣдовалъ ихъ самостоятельно и ничѣмъ никогда не отягчалъ и такъ уже возбуждаемыя противъ нихъ преслѣдованія.

Старообрядцы понимали это, глубоко цѣнили, и сами всегда готовы были бы на всякую послугу добродушному полицеймейстеру, но всѣ знали, что онъ никогда не приметъ никакой услуги, а тѣмъ болѣе никакой взятки.

Хорошо знало это и его непосредственное начальство, и всякій разъ, когда представлялось особо щекотливое порученіе въ этой сферѣ, то для исполненія его избирался не кто иной, какъ Верецагинъ.

И вотъ однажды, въ бытность оберъ-полицеймейстеромъ извѣстнаго Лужина, Верецагинъ былъ экстренно вызванъ и ему поручено было на другой день, въ 8 часовъ утра, прибыть съ нарядомъ полиціи въ указанное Лужинымъ мѣсто и опечатать старообрядческую моленную, до того времени тщательно оберегаемую старо-вѣрами.

— Главное, чтобы не только ни одной старой иконы, но и простой доски чтобы не было вынесено изъ помѣщенія, — строго наказывалъ Лужинъ. — Я на вашу личную отвѣтственность это оставляю. Мы уже давно слѣдимъ за этимъ гнѣздомъ, да выслѣдить его никакъ не могли! Вы, я надѣюсь, не допустите никакой оплошности и доведете дѣло до конца, — сказалъ онъ, прощаясь съ полицеймейстеромъ.

Тотъ внимательно выслушалъ его и обѣщалъ все исполнить въ точности.

Вернувшись домой, онъ наскоро пообѣдалъ и легъ отдохнуть въ предвидѣніи того, что на слѣдующій день ему придется особенно рано вставать и отправляться по назначенію. Мостовыя въ то далекое время въ Москвѣ оставляли желать многого, и путь до Преобра-

женскаго кладбища, даже и на знаменитой парѣ съ пристяжкой, которой славился Верещагинъ, представлялся все-таки цѣлымъ путешествіемъ.

Не успѣлъ онъ заснуть, какъ его осторожно разбудилъ камердинеръ, уже нѣсколько лѣтъ при немъ состоявшій.

Верещагинъ вскочилъ, предполагая, что случилось что-нибудь по службѣ.

— Пожаръ? — второпяхъ спросилъ онъ, зная, что понапрасну его будить никто не смѣетъ.

— Никакъ нѣтъ. Тамъ васъ мужички какіе-то спрашиваютъ.

— Что за «мужички»? Что за вздоръ такой?

Камердинеръ доложилъ ему, что никакъ не посмѣлъ бы будить его, ежели бы таинственные просители не увѣрили, что у нихъ дѣло важное не для нихъ однихъ, а и для самого барина, который яко бы очень разгнѣвается, ежели узнаетъ, что ихъ къ нему не допустили.

На вопросъ Верещагина, не любившаго никакихъ секретныхъ къ нему обращеній, какъ выглядятъ пришельцы, камердинеръ отвѣчалъ, что хотя они одѣты и по-русски, но чисто, и говорятъ очень толково, и что видъ у нихъ «настоящій».

Верещагинъ, нѣсколько заинтригованный такимъ несвоевременнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящимъ посѣщеніемъ, велѣлъ позвать незнакомцевъ и съ перваго взгляда узналъ въ нихъ старообрядцевъ.

Они съ учтивымъ, но отнюдь не раболѣпнымъ поклономъ сказали ему, что имъ извѣстно порученіе, данное ему оберъ-полицеймейстеромъ, и что они пришли просить его, чтобы онъ промедлилъ на полчаса и вмѣсто опредѣленныхъ ему 8 часовъ прибылъ бы на указанное мѣсто въ половинѣ девятаго. За такую просрочку они предложили ему 60,000 рублей, то есть по 2000 рублей за каждую просроченную минуту, ставя при этомъ на видъ, что ничьей души онъ этимъ не загубитъ и грѣха никакого особеннаго на душу свою не возьметъ, а имъ между тѣмъ много поможетъ.

Верещагинъ, въ душѣ не имѣвшій ничего противъ сектантовъ, не могъ, конечно, согласиться на удовлетвореніе ихъ просьбы, потому что это сопряжено было съ явнымъ и прямымъ нарушеніемъ служебнаго долга, и старовѣры, уходя отъ него, съ видомъ глубокаго сожалѣнія замѣтили, что пришли они къ нему «любя» и желая ему пользы, и что дѣло они сдѣлаютъ и безъ него, но жаль, что деньги ихъ тогда достанутся не ему, а другимъ людямъ, которые и хуже его, да и богаче много!

Такія слова разсердили Верещагина, и онъ отослалъ ихъ, за-претивъ имъ разъ навсегда являться къ нему съ подобнаго рода предложеніями.

— Простой ты баринъ, хорошій, а догадки у тебя нѣту,—непочтительно замѣтилъ ему, уходя, одинъ изъ оригинальныхъ депутатовъ, повидимому, старшій и самый важный изъ нихъ.

Верещагинъ поужиналъ раньше обыкновеннаго, въ обходъ въ тотъ вечеръ не поѣхалъ и легъ спать, приказавъ разбудить себя съ зарею, распорядившись, чтобы къ 7 часамъ утра лошади были уже запряжены и стояли у подъѣзда. Но будить его даже не пришлось, потому что, сильно озабоченный тѣмъ, чтобы не проспять, онъ самъ проснулся съ пѣтухами и въ 7 часовъ утра былъ уже на ногахъ.

Полицейскій нарядъ ожидалъ его распоряженій на мѣстѣ, и онъ, не довѣряя дорогамъ, порѣшилъ отправиться къ мѣсту назначенія нѣсколько раньше, когда внезапно, въ ту минуту, когда онъ уже выходилъ на подъѣздъ, чтобы сѣсть въ экипажъ, передъ нимъ какъ изъ-подъ земли выросъ посланный отъ оберъ-полицеймейстера съ приглашеніемъ немедленно явиться по экстренному дѣлу.

Верещагинъ нетерпѣливо взглянулъ на часы. Времени, правда, оставалось еще довольно, но, чтобы заѣхать на Тверской бульваръ, гдѣ помѣщается домъ оберъ-полицеймейстера, надо было проѣхать чуть не половину Москвы и легко можно было опоздать въ назначенный пунктъ. Но дѣлать было нечего!.. Ослушаться было нельзя, и необходимо было явиться по приглашенію Лужина.

Прибывъ къ оберъ-полицеймейстеру, Верещагинъ хотѣлъ прямо пройти въ его кабинетъ, но былъ остановленъ въ дверяхъ адъютантомъ, который сказалъ ему, что генераль занятъ и просить его обождаютъ.

Ждать было невозможно, времени оставалось слишкомъ мало. Верещагинъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ вновь попросилъ доложить объ немъ, и вновь получилъ въ отвѣтъ просьбу обождать.

Что оставалось дѣлать? Въ конецъ растерявшись и увидавъ по часамъ, что у него едва остается достаточно времени, чтобы доѣхать до мѣста назначенія, Верещагинъ въ упоръ сталъ настаивать на томъ, чтобы оберъ-полицеймейстеру было доложено, что самъ онъ приказалъ ему быть рано утромъ въ указанномъ ему мѣстѣ.

Адъютантъ отъ подобнаго доклада уклонился и отъ себя уже попросилъ полицеймейстера обожждать, покуда генераль самъ его не позоветъ.

— Да вѣдь нельзя ждать!.. Поймите нельзя!..—волновался Верещагинъ.—Вѣдь дѣло можетъ отъ этого пострадать... Важное, извѣстное генералу дѣло!..

— Нельзя!.. Его превосходительство сами знаютъ, что приказываютъ, не учить же намъ ихъ...—нетерпѣливо произнесъ адъютантъ...

А время все шло и шло, и на стѣнныхъ часахъ пробило уже восемь часовъ. Верещагинымъ положительное отчаяніе овладѣвало. Онъ волновался, громко кашлялъ, ходилъ по комнатѣ, усиленнымъ шу-

момъ и движеніемъ сплясъ напомнить о себѣ начальнику. Все было напрасно. Адъютантъ конфиденціально сообщилъ полицеймейстеру, что генераль что-то экстренно пишеть и ни подъ какимъ видомъ не приказалъ его беспокоить, покуда онъ не кончитъ.

Наконецъ, около половины девятого дверь изъ кабинета Лужина отворилась, и генераль показался на порогѣ.

— Войдите!...—сказалъ онъ Верещагину и, обращаясь къ адъютанту, произнесъ:

— А васъ я попрошу сейчасъ же отправиться въ Срѣтенскую часть и привезти мнѣ оттуда списокъ всѣхъ лицъ, за ночь арестованныхъ въ этомъ районѣ.

— Я жду поимки важнаго арестанта!..—какъ бы мимоходомъ замѣтилъ онъ, обращаясь къ Верещагину, затѣмъ прибавилъ:

— Вы хотѣли меня видѣть?.. Что скажете?..

Наступила очередь Верещагина удивиться.

— Какъ что скажете?.. Вѣдь ваше превосходительство поручили мнѣ на сегодняшнее утро важное и безотлагательное дѣло!

— Дѣло?.. На сегодняшнее утро?!

— Да!.. Молельня на Преображенскомъ кладбищѣ...

Лужинъ съ отчаяніемъ схватилъ себя за голову.

— Ахъ, Боже мой!.. Что же вы?.. Вамъ давно пора уже тамъ быть?..

— Я то же самое говорилъ и повторялъ здѣсь вашему адъютанту, но онъ не хотѣлъ меня слушать!..

— Какъ же это?! Боже мой!..—продолжалъ сокрушаться Лужинъ.—Поѣзжайте же скорѣй!.. Какъ можно скорѣй!.. Вы можете опоздать!..

— Я навѣрное уже опоздалъ, ваше превосходительство!..—упавшимъ голосомъ произнесъ Верещагинъ.

Онъ чувствовалъ себя и какъ будто въ чемъ-то виноватымъ, и какъ будто кѣмъ-то безошадно одураченнымъ...

Торопливо откланявшись начальнику, онъ бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы и, бросившись въ экипажъ, приказалъ кучеру мчаться во весь опоръ...

Но пріѣхалъ онъ слишкомъ поздно и на мѣстѣ назначенной къ печатанію часовни не нашелъ уже и двухъ бревень, правильно поставленныхъ одно надъ другимъ... Все было снесено, убрано, вывезено, спрятано, а вызванный къ назначенному часу усиленный нарядъ полиціи стоялъ, притаившись въ указанномъ мѣстѣ, ожидая вызова полицеймейстера, чтобы принять участіе въ арестѣ и печатаніи...

Торопливымъ приказомъ распустилъ Верещагинъ полицейскій нарядъ и, понурый, сконфуженный, отправился въ обратный путь...

Ожидавшему его Лужину онъ доложилъ, что опоздалъ, и вернулся домой, разстроенный, какъ никогда.

Наскоро отпустилъ онъ приставовъ, явившихся къ нему съ докладомъ, отказался отъ завтрака, почти не притронулся къ обѣду и легъ отдохнуть послѣ почти бессонной ночи, когда вновь былъ разбуженъ камердинеромъ, доложившимъ ему, что опять пришли вчерашніе посѣтители и въ упоръ добиваются его видѣть.

— Зови ихъ.. Что имъ нужно?..—нетерпѣливо произнесъ Верещагинъ, въ душѣ почти довольный, что ему не пришлось лишать этихъ фанатически, но глубоко убѣжденныхъ людей ихъ высокочтимой святыни.

— Что скажете?..—спросилъ онъ ихъ, наклоненіемъ головы отвѣчая на ихъ почитительный поклонъ.

— Да что намъ тебѣ сказать, батюшка?...—первый заговорилъ вчерашній ораторъ.—Съ тѣмъ же дѣломъ мы къ тебѣ пришли, что и вчерась!

— Да вѣдь не запечатали вамъ ничего?—нетерпѣливо произнесъ Верещагинъ.—Все ваше при васъ... О чемъ вы хлопочете?..

— Знаемъ мы, батюшка, что ничего у насъ не запечатали... Мы и вчера твоей милости объ этомъ докладывали, да ты насъ слушать не хотѣлъ!.. Мы тебѣ вчерась 60,000 сулили, и эти деньги нами такъ на это дѣло и отложены были... А отъ тебя-то мы какъ пошли, такъ за половину этихъ денегъ все дѣло уладили, значить, тутъ твоихъ 30,000 осталось, мы тебѣ ихъ за твою простоту и принесли, да за то еще, что законъ ты блюдеши свято!.. Ужъ правыйли онъ, пѣть ли, да все же законъ, а блюдутъ его не всѣ, а кто закону вѣренъ, тому и предпочтеніе всякое слѣдуетъ! Вотъ мы твоей милости и принесли деньги, кои нами не доплачены супротивъ нашего положенія. Возьми ты ихъ себѣ и богатѣй ты съ нихъ, а то ты, при такой твоей правдѣ, николи денегъ не наживешь!

И, положивъ деньги на столъ, старовѣры низко поклонились сконфуженному и растерянному Верещагину. Случай этотъ я слышала отъ родной племянницы Верещагина, Н. С. Ржевской, и справедливость его мнѣ подтвердилъ его сынъ, Александръ Львовичъ Верещагинъ, всѣмъ хорошо памятный московскій театраль.

Судьба этихъ денегъ мнѣ не извѣстна, и взялъ ли ихъ Верещагинъ, или нѣтъ, я въ точности сказать не могу.

Ежели даже и взялъ, то, строго говоря, онъ имѣлъ на это право

А. И. Соколова.

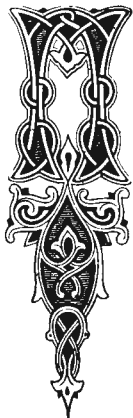

ЛЮДИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

I.

Безъ названія.

РИ СОВРЕМЕННОЙ техникѣ, при современномъ состояніи огнестрѣльнаго и всякаго оружія, при современныхъ способахъ самозащиты и самообороны—личная храбрость не играетъ уже больше никакой роли,—авторитетно заявилъ какой-то штатскій во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

— Будто бы?

— Теперь, когда снаряды перебрасываются чуть ли не на двадцать верстъ,—продолжалъ онъ, не обративъ никакого вниманія на это коротенькое «будто бы», донесшееся изъ наиболѣе отдаленнаго угла комнаты,—да, на двадцать верстъ; когда они начинены не только пулями, но какими-то еще удушающими газами; когда по морю бѣгаютъ автоматическія мины, разумныя, какъ одушевленное существо, управляемыя издали помощи беспроволочнаго телеграфа; когда подъ водой шныряютъ незримыя, страшныя «сумаринки»; когда въ воздухъ носятся управляемые аэропланы и аэростаты—къ чему нужна личная храбрость; къ чему пригодны бывшіе герои? А въ недалекомъ будущемъ дѣло будетъ обстоять еще совершеннѣе: уже теперь противники не видятъ другъ друга,—тогда же они не будутъ даже знать, въ какомъ приблизительно направленіи они другъ къ другу находятся. Главнокомандующій, очень можетъ быть, даже и невоенный,—такъ какъ, несомнѣнно, современная тактика и стратегія будутъ упразднены,—какой-нибудь серьезный

ученый, будетъ спокойно сидѣть въ своей лабораторіи и при помощи беспроводнаго телефона (изобрѣтеніе такового не заставитъ себя долго ждать) разсылать смертоносныя мины и бомбы въ лагерь своего противника. Будетъ сидѣть въ полной безопасности, заблиндрованный, скрытый, но ежеминутно прекрасно освѣдомленный, страшный, непобѣдимый...

— Позвольте! Разъ непобѣдимый, стало быть, никакая война не будетъ возможна? Потому что, вѣдь, главнокомандующій и противной стороны будетъ также непобѣдимъ.

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ!—авторитетно заявилъ фракъ.— Война и побѣда будутъ возможны, и побѣдитъ всегда тотъ, на сторонѣ котораго будетъ высшее развитіе техники и наибольшее количество денегъ. Война будетъ возможна, но не будетъ необходима. Простого пересмотра техническихъ усовершенствованій и наличности государственнаго банка будетъ совершенно достаточно, чтобы заранѣе предрѣшить побѣду и избѣгнуть кровопролитнаго столкновенія. Самая война утратитъ свой *raison d'être*. Будутъ сражаться экономисты, финансисты, химики, физики и механики, но солдатъ будетъ упраздненъ. Храбрые люди сдѣлаются ненужными, а о герояхъ утратится даже всякое представленіе. Это несомнѣнно, это послѣдовательное уменьшеніе спроса на героевъ наблюдается уже издавна. Кто изъ двухъ былъ болѣе героемъ: Голиаѳъ или Давидъ? Несомнѣнно, Голиаѳъ былъ признанный герой, но, выступая противъ маленькаго Давида, онъ, конечно, не считалъ свой подвигъ геройскимъ, можетъ быть, даже нѣсколько снисходительно улыбался и ужъ готовъ былъ прихлопнуть ладонью дерзкаго человѣка, вышедшаго къ нему навстрѣчу. Но маленькій Давидъ «изобрѣлъ»—да, прошу обратить вниманіе на это слово—изобрѣлъ пращу, метнулъ ею камень и убилъ имъ гиганта. Было ли это геройство? Конечно, нѣтъ. Это было торжество техники, это была побѣда культуры надъ невѣжествомъ. Послѣ этого я спрашиваю: зачѣмъ нужны герои? Для чего они нужны?

— Да хоть бы для того, чтобы спасти душу человѣческую, которую вы собираетесь убить при помощи техники,—раздался опять голосъ изъ самаго отдаленнаго угла.

Фракъ накинулъ на носъ пенснэ и посмотрѣлъ на своего оппонента. Взглянули по тому же направленію и другіе присутствующіе.

— При чемъ тутъ душа?—спросилъ фракъ невзрачнаго человѣка лѣтъ подъ пятьдесятъ, видимо, оробѣвшаго подъ любопытными взглядами всего общества.

При чемъ душа?—замаялся онъ, то опуская, то вскидывая глаза.—Право, я не знаю, что вамъ отвѣтить... При чемъ душа?... Т. е. какъ вамъ сказать... ну, при чемъ тутъ жизнь... при чемъ вообще человѣкъ... при чемъ, наконецъ, мы всѣ, предметы оду-

шевленные.... Вѣдь, помимо техники, намъ, людямъ... доступно и еще кое-что... ну, напрімѣръ, любовь... ненависть... печаль и радость... восхищеніе красотой и отвращеніе передъ безобразіемъ. Вотъ это все вмѣстѣ, это все и есть душа, та великая двигающая сила, которая насъ привязываетъ къ жизни, дѣлаетъ ее интересной и двигаетъ даже самую вашу технику.

— Здравый смыслъ—вотъ единственный двигатель въ мірѣ,—возразилъ фракъ невзрачному господину.

— Да вѣдь и здравый-то смыслъ есть только одно изъ слагаемыхъ души человѣческой; вѣдь, и здравый смыслъ не есть какая-нибудь отвлеченная математическая формула, и его-то мы оцѣниваемъ всегда въ соотношеніи къ остальнымъ духовнымъ сторонамъ человѣка. Здравый смыслъ! Повѣрьте, что безъ здраваго смысла невозможенъ ни одинъ истинно-геройскій поступокъ, такъ же, какъ и самый здравый смыслъ невозможенъ безъ прочихъ духовныхъ качествъ, свойственныхъ человѣку. Нѣтъ бездушнаго здраваго смысла, какъ не можетъ быть и бездушнаго человѣка. У машины нѣтъ здраваго смысла, потому что ей доступно только ритмически повторяющееся движеніе. И человѣкъ—не машина. И никакое усовершенствованіе техники машиной его никогда не сдѣлаютъ. Нѣтъ совершеннаго человѣка и въ каждомъ изъ насъ отлично уживается и возвышенное и низкое, и прекрасное и безобразное. И только по преобладанію одного надъ другимъ мы и оцѣниваемъ человѣка. Героизмъ—есть одно изъ прекрасныхъ проявленій души человѣческой. Онъ всегда есть, былъ и будетъ. Безъ героизма невозможно даже никакое усовершенствованіе вашей пресловутой техники. Вѣдь, и Давидъ, котораго вы такъ хотите лишить всякаго оттѣнка героизма и низвести на степень какого-то механическаго изобрѣтателя, былъ подвигнуть къ этому изобрѣтенію чувствомъ, несомнѣнно, героическимъ. Вѣдь, не просто же онъ стремился изобрѣсти пращу и убить большого, толстаго человѣка—Голіаѳа! Нѣтъ, онъ изобрѣлъ пращу потому, что Голіаѳъ этотъ поднималъ руку на всѣхъ его единоплеменниковъ, и вотъ почему Давидъ былъ несомнѣнно герой, большой герой, несравненно больший, чѣмъ Голіаѳъ, шедшій на этого маленькаго человѣка, опираясь на свою испытанную физическую силу. И вотъ тутъ-то физическая сила и спасовала передъ силою духовной. Сила Голіаѳа была въ мышцахъ, сила Давида—въ любви. Вы говорите, что герои съ каждымъ днемъ становятся все менѣе нужными; я вамъ скажу наоборотъ: герои съ каждымъ днемъ становятся все нужнѣе и нужнѣе.

— Вотъ это любопытно,—усмѣхнулся фракъ.—Интересно бы узнать, почему именно?

— Да потому, что человѣчество начинаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ вкусъ къ жизни; все болѣе и болѣе

дорожить ею, такъ какъ съ каждымъ днемъ открываетъ въ ней все новыя красоты и глубины. Жизнь... Позвольте мнѣ немножко странное сравненіе... жизнь, какъ математика: въ первыхъ стадіяхъ мало интересна, но чѣмъ дальше идетъ изученіе ея, тѣмъ она болѣе приковываетъ къ себѣ. Жизнь первобытныхъ людей ограничивалась однимъ удовлетвореніемъ физиологическихъ потребностей и, конечно, тогда она и недорого цѣнилась. Теперь ужъ мы проникли въ ея духовныя сокровищницы и естественно, что цѣпляемся за жизнь, какъ за нѣчто несказанно прекрасное. И вотъ въ этой стадіи человѣчество объявляетъ войну самой смерти. И если достигъ безсмертія на землѣ не въ нашихъ силахъ, то по крайней мѣрѣ возможное продленіе жизни для насъ уже обязательно. И въ этой борьбѣ наука, какъ всегда, идетъ въ передовыхъ рядахъ. Но никакая борьба невозможна безъ героизма, и уже герои науки намѣчаются на нашихъ глазахъ, и мы видимъ среди нихъ и великихъ полководцевъ, и простыхъ рядовыхъ, одинаково проникнутыхъ героизмомъ. Сколько славныхъ людей, имена которыхъ упоминать здѣсь, конечно, нѣтъ надобности, принесли въ жертву свою жизнь на боевомъ поприщѣ служенія гуманитарной наукѣ. Но не мало и безвѣстныхъ героевъ, сложившихъ свою голову во имя того же священнаго принципа. Возьмите какихъ-нибудь молодыхъ врачей или физиологовъ, изолированныхъ отъ всего міра на какомъ-нибудь уединенномъ фортѣ, работающихъ вѣчно подъ страхомъ смерти надъ какой-нибудь чумной бактеріей. Они работаютъ и, заражаясь, умираютъ для того, чтобы дать человѣчеству въ руки оружіе противъ страшной чумной смерти. Развѣ они недостойны монумента, эти безвѣстные, славные герои? Развѣ это не героизмъ? Развѣ онъ уже совершенно не нуженъ при современной техникѣ?

— Ахъ, да, вы вотъ какъ смотрите на героевъ и на героизмъ!— сказалъ фракъ.

— Да-съ! Я смотрю такъ на героизмъ, что нѣтъ выше подвига, какъ положить душу свою за братьевъ своихъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я съ вами согласенъ! Я не про такихъ героевъ, вѣдь, говорилъ. Я говорилъ про героевъ вообще.

— Ахъ, это про тѣхъ, которые руками машутъ и «ура» кричать?

— Да, почти про такихъ.

— Ну, такъ про тѣхъ и говорить не стоитъ.

— А скажите, пожалуйста, вы много героевъ видали?—спросила одна изъ дамъ у невзрачнаго господина.

— Встрѣчать случалось.

— И всякихъ?—настаивала дама.

— И всякихъ-съ,—улыбнулся тотъ.

— Такъ не будете ли вы такъ добры разсказать намъ что-нибудь про этихъ героевъ?

Невзрачный господинъ было замаялся, но раздались общіе возгласы:

— Просимъ! Просимъ! Просимъ!

И когда его какъ-то незамѣтно выдвинули на самую середину Комнаты, онъ слегка сконфузился и, опустившись на кѣмъ-то подставленный стулъ, сказалъ:

— Ну, что жъ, пожалуй!

II.

Дядюшка Виталій Эрастовичъ.

Родился и выросъ я, милостивыя государыни и господа, въ большомъ приволжскомъ городѣ Потрясимовѣ,—началь невзрачный господинъ, обводя всѣхъ присутствующихъ тихимъ и покойнымъ взглядомъ.—Отличіемъ отъ другихъ большихъ русскихъ городовъ, въ которыхъ, какъ вамъ извѣстно, искони процвѣтаетъ усиленное пьянство, для Потрясимова служило, да и служить поднесъ процвѣтаніе пьянства неимовѣрнаго, непробуднаго.

Пьютъ тамъ всѣ, отъ мала да велика, безъ различія пола и вѣронсповѣданія. И вотъ, тѣмъ не менѣе, или несмотря на сіе, городу этому суждено было явиться и колыбелью, и пріютомъ для немалого количества героевъ и даже героинь всякаго рода и вида.

Если заглянуть въ глубь исторіи, не особенно, впрочемъ, отдаленной, то мы натолкнемся на нѣсколько именъ бывшихъ потрясимовцевъ, прославившихъ себя выдающимся героизмомъ на поприщѣ, положимъ, не особенно одобряемомъ, а именно въ разбойничествѣ.

Такъ, въ окрестностяхъ Потрясимова имѣется небольшой овражекъ, извѣстный среди обывателей подъ именемъ «Дунькинаго ущелья», а на одной изъ окраинъ города есть небольшая площадь, именуемая «Петрушкинъ разъѣздъ». Теперь вся эта площадь уже застроена деревянными слободскими домиками, но въ прежніе годы здѣсь шумѣлъ небольшой лѣсокъ, а въ лѣскѣ этомъ оперировалъ лихой разбойникъ Петрушка, подстерегавшій богатыхъ кушцовъ, стекавшихся въ Потрясимовъ для своихъ торговыхъ операций, и навсегда усвоившій этому злему урочищу свое имя, такъ же, какъ и лихая атаманша разбойниковъ Дунька дала имя свое ущелью, гдѣ чаще всего располагался ея разбойничій станъ.

Но въ виду того, что я не намѣренъ вамъ рассказывать исторію города Потрясимова, покинемъ времена давно прошедшія и вернемся къ времени, если уже не совершенно настоящему, то и не очень давнему, ну, скажемъ, лѣтъ за сорокъ, за тридцать назадъ, когда именно городъ Потрясимовъ былъ особенно богатъ всякаго рода героями, т. е. и настоящими, и лже-героями. Мое дѣло будетъ вамъ набросать нѣсколько фигуръ, а вамъ уже предоставляется

въ нихъ разобратъся и опредѣлить ихъ, такъ сказать, пробу: кто, дескать, изъ настоящаго металла, а кто—аплике; кто былъ истиннымъ героемъ, а кто себя таковымъ только мнилъ или умѣлъ и другимъ очки въ глаза втереть.

Въ самыхъ нѣдрахъ моего семейства насчитывалось два-три героя. Въ первую голову назову дядю моего по матери Виталія Эрастовича. Фигура эта была довольно странная, и въ воспоминаніяхъ онъ моихъ сохранился, если не особенно ярко, то необычайно пестро.

Вотъ, вижу я его молодого, статнаго и, пожалуй, даже красиваго. Вижу, какъ онъ стоитъ въ кабинетѣ моего отца и, размахивая рукой, обтянутой въ лайковую перчатку, что-то горячо ораторствуетъ своимъ сипловатымъ, глухимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—слышу я короткія и рѣзкія, какъ удары топора, реплики моего отца, человѣка всегда спокойнаго и необычайно выдержаннаго.

— Но пойми, пойми, Alexis, вѣдь, это же абсурдъ! Вѣдь, ты долженъ же согласиться....—сипитъ дядя Виталій.

— Нѣтъ!—чеканитъ мой отецъ.

— Но я, наконецъ, прошу тебя! Я тебя умоляю!

— Нѣтъ!

— Но, вѣдь, это съ твоей стороны безбожно!

— Нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ, моя нога больше никогда не будетъ у тебя въ домѣ.

Отецъ поднимаетъ голову и спокойно говорить:

— И отлично.

Дядя хлопаетъ дверями и уѣзжаетъ.

Въ семействѣ у насъ разговоръ.

— А Виталій-то Эрастовичъ, кажется, опять закрутилъ во всю!

— Отчаянный человѣкъ!

Дядя Виталій не показывается у насъ въ домѣ, но слухи о немъ доходятъ то и дѣло.

— Виталій Эрастовичъ стрѣлялся и ранилъ помѣщика Воронкова.

— Отчаянный человѣкъ.

— Виталій Эрастовичъ укралъ жену землемѣра Севастьянова.

— Герой!

Мать—сестра дяди—плачетъ; плачетъ и бабушка. Отецъ ходитъ хмурый и только изрѣдка говорить:

— Мерзавецъ!

Почему — «мерзавецъ»? Мы, дѣти, этого никакъ понять не можемъ...

Зимній вечеръ. Сегодня у предводителя большой балъ. Всѣ старшіе члены нашей семьи тамъ. Дома только мы, дѣти, да кое-

кто изъ прислуги, именно кое-кто, потому что большинство ея, воспользовавшись отсутствіемъ господъ, тоже разбѣжалось по своимъ дѣламъ. Подъ окнами звенятъ бубенцы... Въ прихожей какой-то разговоръ и препирательства. Мы съ сестренкой выбѣгаемъ туда.

— А! Дѣтишки! Вы одни?—раздается знакомый сиплый голосъ.

Дядя Виталій, въ дорогой ильковой шубѣ въ накидку и въ бобровой шапкѣ набекрень, отстраняетъ плечомъ старика Финоговича, поднимаетъ насъ поочередно на руки и цѣлуетъ. Отъ него сильно пахнетъ виномъ.

— Ёдемъ кататься!

— Батюшка! Виталій Эрастовичъ! Смилуйте! Даразвѣ можно?—воетъ выбѣжавшая въ прихожую нянька Февронья.

— Ну, старуха, одѣвай ребятъ! Кататься ёдемъ!—властно приказываетъ дядя.

— Царица пресвятая Богородица! Да что вы? Да меня господа за это со свѣту сживутъ!—уже визжитъ нянька.

— Одѣвай! Не то такъ увезу!

— Да одѣвай же, няня!—пристаемъ и мы къ нашей старушкѣ.

Мы любимъ дядю, и перспектива катанья прельщаетъ насъ.

Няня дрожащими руками надѣваетъ на насъ шубки и плачетъ.

— Батюшка! Виталій Эрастовичъ! Смилуйте! И меня съ собой возьмите! Не могу я ихъ однихъ-то отпустить!

— Ну, одѣвайся и ты, старая,—сипло хохочетъ дядя.

Лихая тройка несется вихремъ куда-то за городъ. Мы съ сестрой въ теплыхъ шубкахъ, кромѣ того, забрались еще подъ большую ильковую шубу дяди и намъ тамъ тепло и весело. Сани вскидываетъ на ухабахъ, размахиваетъ на раскатахъ; нянька Февронья дико вскрикиваетъ, дядя сипло хохочетъ.

Далеко за городомъ остановка у какого-то дома. Съ крыльца торопливо сбѣгаетъ плотный человѣкъ съ лысиной во всю голову, съ большой рыжей бородой, въ жилеткѣ и въ валенкахъ.

— Мадеры! да сладкой малиновой водки!—командуетъ дядя.

Лысый человѣкъ бросается въ домъ и сейчасъ же возвращается оттуда со стаканами и бутылками.

— Пей!—говоритъ дядя, приставляя ко рту няни стаканъ съ малиновой водкой.

— Батюшки! Пресвятая Бого...—заводитъ было нянька.

— Пей! Не то я тебя здѣсь, старая, оставлю!

Нянька всхлипываетъ и глотаетъ водку вмѣстѣ со слезами.

Чернобородый кучеръ, обернувшись, съ козелъ смотритъ на эту сцену. При яркомъ лунномъ свѣтѣ видно, какъ блестятъ его бѣлые зубы.

— Стаканъ рому для Ефрема!—командуетъ дядя

А самъ пьетъ мадеру.

Тройка несется обратно къ городу. Кучеръ Ефремъ лихо вскрикиваетъ.

— Пой!—кричить дядя, теребя няньку Февронью.

— Батюшка! Милостивецъ! Да что ты!... начинаетъ причитать та.

— Пой! Не то изъ саней выброшу!

«Во лузяхъ, во зеленыхъ лузяхъ»,—заводитъ няня старческимъ голосомъ.

Ефремъ оборачиваетъ свое чернородое лицо и скалитъ зубы. Дядя силно хохочетъ....

Но вотъ мы въ своихъ постелькахъ. Няня стоитъ въ углу, передъ иконой, освѣщенной лампадкой, молится и горько плачетъ. Я возбужденъ катаньемъ и не могу уснуть: забудусь на минутку и опять открою глаза. Сестренка спитъ, посапывая носикомъ. Лампадка мигаетъ, няня на колѣняхъ молится.

Изъ отдаленныхъ комнатъ доносятся голоса. Это вернулись наши. Няня начинаетъ всхлипывать. Слышны шаги: это отецъ и мама идутъ къ намъ. Дверь пріотворяется.

Мама вся въ свѣтломъ, внося съ собою цѣлую волну какихъ-то духовъ, на цыпочкахъ подходитъ къ моей кроваткѣ. Я притворяюсь спящимъ. Она креститъ меня, прикладываетъ свои нѣжныя губы къ моему лбу и переходитъ къ сестренкѣ. Та спитъ безъ обмана.

Въ сосѣдней комнатѣ я слышу голоса моего отца, Финоговича и няни Февроньи.

— Да, но отчего дѣти не были еще уложены?—какъ будто совершенно спокойно говоритъ мой отецъ, но по легкому дрожанію его голоса я понимаю, что онъ сильно сердится.

— Батюшка! Да развѣ ихъ безъ васъ уложишь?—отвѣчаетъ няня и всхлипываетъ.

— Ворвались, какъ вѣтеръ, и весь домъ вверхъ дномъ поставили,—шамкаетъ и привираетъ Финоговичъ.—Прямо съ кулаками на меня полѣзли. Я думалъ, тутъ моей и жизни конецъ!

Мама вышла къ нимъ, и я слышу ея шопотъ.

— Отчего не разбудили Гришу? Отчего не разбудили Гришу?—говоритъ она.—Вѣдь, онъ дома былъ?

— Дома-съ.

— Отчего же его не разбудили?

— Невдомекъ-съ,—шамкаетъ Финоговичъ.

— Вотъ то-то «невдомекъ»,—укоряетъ отецъ.—Ну, да завтра разберемъ.

Шаги удаляются.

Няня возвращается къ намъ, въ дѣтскую, кряхтя и охая, садится на свою кровать и долго еще сидитъ, не раздѣваясь.

А мнѣ почему-то весело. Я беззвучно смѣюсь и вскорѣ засыпаю. На другой день я ловлю отрывки разговора.

— Надо же, однако, его обуздать! Вѣдь, этакъ, въ концѣ концовъ онъ нашихъ дѣтей погубить можетъ,—говорить мама.

Бабушка вздыхаетъ. Отецъ хмурый ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, но молчитъ.

— Жаль, что меня не разбудили!—слегка пришепетывая, говоритъ Гриша, нашъ двоюродный братъ, юноша лѣтъ семнадцати, съ совершенно дѣтскимъ личикомъ, но громаднаго роста и, какъ всё говорятъ, необъятной физической силы.—Развѣ бы я отпустилъ дѣтей? Небось, у меня бы онъ ихъ не вырвалъ!

Про дядю Виталія опять доходятъ слухи:

— Крышка ему! До нитки пропился! Теперь хоть по міру иди!

Затѣмъ, на время, всякіе слухи прекращаются, а затѣмъ—вдругъ... какъ ужъ это мы пронюхали, я ужъ, право, не знаю... дядя Виталій сидитъ у няни въ комнатѣ. Мы съ сестренкой крадемся къ двери и поочередно смотримъ въ замочную скважину.

Да, это онъ! Несомнѣнно—дядя Виталій, но въ какомъ ужасномъ, въ какомъ ужасномъ видѣ! Въ страшно рваномъ халатишкѣ, въ какихъ обыкновенно ходили тогда пропившіеся мастеровые, въ рваныхъ опоркахъ на босу ногу; лицо опухшее, небритое... Глаза слезятся, голова трясется. Голосъ его сипитъ еще больше прежняго.

Возлѣ него сидитъ бабушка, и крупныя слезы текутъ по ея морщинистымъ щекамъ. Нянька Февронья отпиваетъ этого страшнаго гостя горячимъ чаемъ.

Руки у дяди сильно дрожать, и онъ не въ силахъ держать чашку, и няня сама поить его, какъ ребенка, съ блюдечка.

Слышны шаги мамы, и мы, какъ мышенята, юркнули въ нашу дѣтскую.

— Ну, теперь конецъ! Спился окончательно!—улавливаю я въ тотъ же вечеръ изъ разговора камердинера Мартирія Васильевича съ конторщикомъ Лавромъ.

Потомъ черезъ нѣсколько времени мы узнаемъ отъ няни, что Виталія Эрастовича отправили на покой въ нашъ отдаленный хуторъ, Малаевку.

— Тамъ ему и конецъ!—заключаетъ бывший тутъ же камердинеръ Мартирій Васильевичъ.

Слухи о дядѣ на время прекращаются.

И вдругъ снова.

— Опять закрутилъ во всю ивановскую!

— Да деньги-то откуда же?

— Да, говорятъ, въ карты выигралъ. Съ рубля, говорятъ, началъ, что ему на табакъ высылали, а тутъ ему и повезло. Сначала малаевского попа обыгралъ, а потомъ—кабатчика Василія Аксентьевича; а потомъ въ Ирбитѣ на ярмарку махнулъ, а оттуда уже съ полными карманами вернулся и закрутилъ пуще прежняго. А те-

перъ ужъ у насъ въ Потрясимовѣ объявился. Видѣли, какъ на собственномъ великолѣпномъ рысакѣ по главной Дворянской улицѣ съ актеркой катался. Только голосъ у него почти уже совсѣмъ пропалъ.

А затѣмъ уже пошли слухъ за слухомъ:

— Увезъ сестру у уѣзднаго предводителя!

— Съ забѣжимъ ремонтеромъ на дуэли дрался! На гауптвахтѣ сидитъ.....

— Выпустили.

— Изъ монастыря чуть было красавицу клирошанку не выкралъ.

— Перехватили!

— Съ цыганами наѣхалъ и Евстигнѣевъ трактиръ разнесъ! Опять гауптвахта... Чью-то жену увезъ... Дуэль... Гауптвахта...

И наконецъ послѣдній слухъ:

— Утонулъ.

— Новую тройку пробовалъ. Прямо съ горы во весь карьеръ на Волгу пустилъ, а ледъ-то ужъ подтаивать началъ... Не выдержалъ и рухнулъ... Такъ и тройка, и самъ онъ—ко дну и пошли! Только, слава Богу, кучеръ его какъ-то выплылъ.

Слухи прекратились навсегда. А вмѣсто нихъ въ Святотроицкомъ монастырѣ, въ нашемъ фамильномъ склепѣ, появилась новая мраморная плита, прикрывшая прахъ «болярина Виталія».

Но много еще лѣтъ спустя мнѣ приходилось слышать отъ потрясимовскихъ старожиловъ такіе отзывы объ этомъ «боляринѣ Виталіи».

— А лихой человекъ былъ вашъ дядюшка! Это и говорить нечего! Ни запретнаго, ни недосягаемаго для него не было: и на медвѣдя одинъ на одинъ ходилъ; и у барьера, подъ дуломъ пистолета, кедровые орѣшки пощелкивалъ, и послѣдній рубль довольно равнодушно на карту ставилъ... А ужъ насчетъ женскаго пола... такъ равнаго ему и не подыскать!.. Ни одна красавица передъ нимъ устоять не могла: только глазомъ мигнетъ, да усомъ поведетъ—и готово!

— Герой! Одно слово—герой!

III.

Г р и ш а.

Семья наша была полукупеческая, полудворянская: мать принадлежала къ аристократической фамиліи Потрясимовской губерніи; отецъ былъ тоже дворянинъ, но «по Владимиру». Дѣдъ былъ купецъ, въ купеческомъ же званіи пребывали и прочіе родственники съ отцовской стороны.

Бракъ моего отца съ матерью въ свое время породилъ не мало пересудовъ. Это былъ несомнѣнный *mezalliance*: родовитая ари-

стократка вышла замужъ (убѣгомъ) за выскочку изъ купцовъ. Mesalliance этотъ, впрочемъ, смягчался нѣсколько тѣмъ, что семья матери по тому времени находилась въ большой «мизерин», т. е. сильно-таки обѣднѣла, тогда какъ отецъ мой считался милліонеромъ. Ну, да и горячая любовь съ обѣихъ сторонъ оправдывала многое. Кромѣ того, вскорѣ послѣ свадьбы отецъ мой былъ пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владимира и симъ самымъ возведенъ въ дворянское достоинство.

Впрочемъ, не взирая на это, дядя мой Виталий Эрастовичъ въ минуты семейныхъ раздоровъ часто называлъ мою мать, т. е. свою сестру, презрительно—купчихой.

У моего отца, помимо трехъ сестеръ, старыхъ дѣвушекъ, было еще два старшихъ брата, къ тому времени уже умершихъ. Одинъ изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ; послѣ другого остались два сына и дочь. Вотъ эти-то кузина и кузены мои, по справедливости, должны быть сопричислены мною къ лику героевъ. Начну съ самаго младшаго—Гриши.

Я уже упоминалъ, что личико у него было совсѣмъ дѣтское, при очень высокомъ ростѣ и богатырскомъ сложеніи. Глупымъ Гришу назвать было нельзя, но и умомъ онъ особеннымъ не отличался.

Послѣ смерти своего отца,—кетати сказать, передъ этимъ почти совершенно разорившагося,—Гриша и его старшій братъ Сергѣй самымъ естественнѣйшимъ образомъ остались на рукахъ дяди, т. е. моего отца. Старшая же ихъ сестра была въ то время замужемъ и жила на Кавказѣ. Но объ ней рѣчь впереди.

Сергѣю тогда было лѣтъ десять, Гришѣ же всего три года. Мой старшій братъ, Николай, былъ какъ разъ въ томъ же самомъ возрастѣ. Ребятишекъ помѣстили вмѣстѣ, вмѣстѣ растили, вмѣстѣ и воспитывали.

Но насколько мой братъ былъ мальчикомъ способнымъ и бойкимъ, насколько онъ впоследствии преуспѣвалъ и въ наукахъ, настолько же былъ Гриша тупъ и неразвитъ. Зато братъ Николай росъ хилымъ и тщедушнымъ ребенкомъ; Гриша же съ самаго дѣтства обѣщаль быть богатыремъ.

Да, кромѣ того, еще одинъ даръ былъ отмѣренъ Гришѣ въ большихъ размѣрахъ: доброты онъ былъ несказуемой. Не только готовъ былъ всѣмъ и съ каждымъ подѣлиться, что называется, изъ послѣдняго, но и претерпѣть и отъ другихъ, и за другихъ всегда какъ будто даже радъ былъ? И Гришу всѣ любили и жалѣли.

Впоследствии, когда родился я и росъ ребенкомъ взбалмошнымъ и капризнымъ, немало доставалось милому Гришѣ отъ дрянного моего характера.

Не помню я, чтобы Гриша когда-нибудь на меня пожаловался. Не помню, чтобы онъ прикрикнулъ на меня, а чтобы уже обидѣлъ,

объ этомъ и говорить нечего. Терпѣливо игралъ и нянчился онъ со мною, несмотря на то, что былъ старше меня на цѣлыхъ десять лѣтъ, и, стало быть, общество такого малыша для него отнюдь не могло быть интереснымъ.

Еще болѣе пѣжно и любовно относился онъ къ моей младшей сестренкѣ.

Когда Гриша былъ возлѣ дѣтей, родители наши были совершенно спокойны: никакая нянька, никакой гувернеръ не присматривать лучше.

Девяти лѣтъ Гришу вмѣстѣ съ братомъ моимъ Николаемъ отдали въ гимназію. Но пробылъ онъ тамъ всего четыре года. Въ то время, когда Коля уже перешелъ въ пятый классъ, Гриша какъ споткнулся на второмъ, такъ дальше и не пошелъ. Какъ ни бился съ нимъ учителя и репетиторы—ничего подѣлать не могли. Никакихъ способностей! Нечего дѣлать было, пришлось взять Гришу изъ гимназіи. И росъ онъ, здоровый, крѣпкій, добрый, но—увы! ни на что не способный.

Старшій братъ его, Сергѣй, въ то время кончалъ уже курсъ въ одномъ изъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и если не отличался особенно блестящими способностями, то во всякомъ случаѣ общалъ сдѣлаться хорошимъ, дѣловитымъ хозяиномъ. Ждали возвращенія Сережи, чтобы отдать Гришу ему подѣ «началь»: «авось-де тотъ хоть къ чему-нибудь Гришу по хозяйству приспособить».

Мой братъ Николай семнадцати лѣтъ окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ московскій университетъ. А Гриша оставался семнадцатилѣтнимъ здоровымъ балбесомъ, добрымъ, всѣми любимымъ и всѣхъ любящимъ, но—балбесомъ.

Помню случай. Было это у насъ въ имѣніи. Отецъ, послѣ послѣ-обѣденнаго отдыха, вышелъ въ садъ и сѣлъ подѣ своей любимой ливственницей на особый складной стулъ, съ кружкой холоднаго яблочнаго квасу въ рукѣ. Мы, дѣти, т. е. сестра и я, играли тутъ же по близости. Возлѣ насъ былъ и Гриша.

Вдругъ со двора донесся сначала шумъ, неясные крики, запахнулаея калитка, и въ садъ ворвался громадный кучеръ Алимпій, специально ѣздившій на четверкахъ. Кто-то, видимо, старался его сдержатъ за заборомъ, но, казалось, легче было остановить катящуюся съ горъ лавину, чѣмъ удержатъ этого безобразно пьянаго гиганта.

Шагая черезъ цвѣтинки и куртинки, Алимпій несся прямо къ отцу. А при этомъ надо замѣтить, что отецъ былъ страстный садоводъ и цвѣты любилъ до самозабвенія.

— Ты это что?—крикнулъ отецъ, едва сдерживая себя.

— Не желаю!—заоралъ Алимпій.—Я не крѣпостной!.. Я вольный человѣкъ!... Не желаю!

— Чего ты не желаешь?

— Не желаю!.. Чтобъ старшимъ надо мной былъ Кузьма!... Я самъ старшій кучеръ!... Не желаю!...

— Ступай вопъ и проспись!—все еще сдерживаясь, проговорилъ отецъ.

— Никуда я не пойду! Я требую!

— Да не топчи цвѣтовъ, болванъ!—высшее ругательство въ устахъ нашего всегда корректнаго отца.

— Я вольный человѣкъ!... Меня нельзя ругать!... Я самъ...

И вдругъ между отцомъ и бушевавшимъ Алимпѣемъ выросла статная фигура Гриши.

— Дяденька, позвольте мнѣ его стуломъ ударить!—шепелявя, но чрезвычайно спокойно проговорилъ онъ.

— Меня?... Стуломъ?...—заоралъ было Алимпій.

Но въ это время на верандѣ дома показалась мама. Она тогда какъ разъ была въ интересномъ положеніи и, что называется, «на послѣдяхъ».

Отецъ бросился къ ней, вѣроятно, боясь, чтобъ эта сцена не взволновала ее, успѣвъ только вскользь сказать Гришѣ:

— Убери его безъ шуму.

И вотъ тутъ я былъ въ первый разъ свидѣтелемъ проявленія громадной силы нашего кузена.

Колоссальный Алимпій, какъ куренокъ, затрепеталъ въ его стальныхъ рукахъ. Плечомъ Гриша какъ-то ухитрился плотно зажать ему ротъ и быстрыми, но вѣрными шагами вынесъ его за калитку сада. Я и сестренка моя стояли, какъ остолбенѣлые. Мы даже не испугались: Гриша, нашъ милый пѣстунъ, и этотъ страшный Алимпій, такъ безпомощно болтающийся въ его рукахъ! Да нѣтъ, это даже было весело!

Я отлично помню, что мы оба захохотали. И долго потомъ не могли успокоиться отъ смѣха. И за обѣдомъ, рассказывая мамѣ, какъ болталъ Алимпій громадными сапожниками, и вечеромъ, ложась спать и повѣствуя нянѣ о подвигѣ нашего любимца, и потомъ, вскорѣ послѣ этого прѣхавшему ко мнѣ новому гувернеру-французу, захлебываясь отъ восторга, рекомендовалъ я моего двоюроднаго брата. И потомъ, когда этотъ гувернеръ-французъ, естественно, заподозрѣвшій меня въ нѣкоторомъ «преувелчченіи», спросилъ объ этомъ отца, тотъ подтвердилъ мой рассказъ и при этомъ прибавилъ:

— Конечно, этотъ кучеръ былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое сильнѣ моего племянника, но въ данномъ случаѣ дѣйствовала не одна физическая сила: Гришей руководилъ долгъ защиты ввѣренныхъ ему людей, а это не удваиваетъ, это утраиваетъ всякую силу.

Слова эти навсегда врѣзались въ мою память.

Да! Гриша былъ человѣкъ долга. Этому человѣку можно было довѣриться вполнѣ. И всякое порученіе, которое было въ предѣ-

лахъ его способности, онъ исполнялъ точно и неукоснительно,—преодолювая всякія препятствія, хотя бы это грозило даже его жизни. И что грѣха таить—пользовались люди, и даже близкіе, этой стороной его души и взваливали на его плечи не мало самыхъ опасныхъ и рискованныхъ порученій. И разъ Гриша брался за что-нибудь, онъ уже исполнялъ. Лишь бы это не было сопряжено съ «напряженіемъ мозговъ», какъ говорилъ онъ самъ. Впрочемъ, разъ даже онъ и такое дѣло выполнилъ, но объ этомъ расскажу ниже. Теперь же упомяну объ одномъ его не столь отчаянномъ, сколь самоотверженномъ поступкѣ.

Исполнилось уже мнѣ тогда лѣтъ десять.. Я былъ во второмъ классѣ гимназіи. Наступили святки.

Отецъ и мать съ сестрой и маленькимъ братцемъ уѣхали погостить въ Москву, гдѣ жилъ въ то время мой старшій братъ-студентъ. Мнѣ же было предоставлено право пригласить къ себѣ нѣсколько безсемейныхъ товарищей на рождественскія каникулы въ наше имѣніе Березняки.

И вотъ я съ тремя-четырьмя одноклассниками, подъ наблюденіемъ гувернера-нѣмца и въ сопровожденіи дядьки Фингофича, выѣхали въ деревню.

Въ Березнякахъ у насъ былъ большой, прекрасный барскій домъ, сколько угодно лошадей для катанья; заранѣе былъ приготовленъ хорошій ледяной катокъ на протекавшей въ верстѣ отъ усадьбы рѣчкѣ Березянкѣ.

Имѣніемъ этимъ въ то время полновластно управлялъ старшій братъ Гриши, молодой ученый агрономъ, Сергій Николаевичъ. Гриша жилъ тамъ же и, какъ только нахлынула туда наша юная компанія, онъ сейчасъ же къ намъ прикомандировался, да такъ ни на минуту и не отходилъ.

Да и кстати это было, потому что гувернеръ мой, хотя и нѣмецъ, но человекъ довольно легкомысленный, чуть ли не на второй же день приѣзда безнадежно увлекся одной сосѣдкой-барышней и все свое время проводилъ въ ея семьѣ, на хуторѣ, верстахъ въ трехъ отъ нашей усадьбы, сдавъ насъ, что называется, съ рукъ на руки милому Гришѣ, пѣстуну, что и говорить, надежному, но по умственному развитію стоявшему не выше самаго младшаго изъ насъ.

Впрочемъ, это не только не мѣшало веселью нашему—напротивъ, даже очень ему способствовало: что бы мы ни выдумали, что бы мы ни затѣяли, Гриша отъ всего въ восторгъ и сейчасъ же приводитъ въ исполненіе. Кататься вздумаемъ—онъ уже на конюшнѣ и самъ распоряжается закладкой лошадей; на катокъ итти—и Гриша съ нами; съ берега на салазкахъ скатываться—онъ въ первую голову мчится. Захотѣлось намъ изъ ружья стрѣлять—онъ свою двустволку принесъ, и цѣлый день въ саду у насъ пальба раздавалась. Онъ же и училъ насъ этому.

Бывали, впрочемъ, поблажки и непослушныя: разъ вечеромъ за ужиномъ я вина потребовалъ. Финогъичъ было запротестовалъ, но Гриша самъ въ кладовую забрался и принесъ оттуда бутылку мускатъ-люнелю да бутылку бишофа.

Теперь про этотъ бишофъ что-то и слыхомъ не слышать, а тогда онъ въ большомъ ходу былъ.

Мы, мальчишки, подпили порядочно и, какъ ни кудахталъ Финогъичъ, выразили безповоротное желаніе итти сейчасъ же на рѣчку и на конькахъ кататься.

— Что вы? Что вы—на ночь-то глядя! Да тамъ теперь волки бродятъ!—урезонивалъ старикъ.

— Никакихъ тамъ волковъ нѣтъ, да и, кромѣ того, съ нами Гриша пойдетъ!—настаивали мы.

А Гриша только отъ восторга сіяетъ, что можетъ своимъ ребятишкамъ угодить чѣмъ-нибудь.

Финогъичу же на это рѣшеніе апеллировать не къ кому было: гувернеръ въ трехъ верстахъ на хуторѣ у своей возлюбленной; а Сергѣй Николаевичъ еще наканунѣ въ сосѣдній городокъ уѣхалъ.

Нечего дѣлать, напялилъ Финогъичъ свой трехъ и пошелъ за нами.

Чудная эта ночь была: морозная, но тихая. На небѣ легонькія облачка стояли и, какъ казалось намъ, то открывали, то заслоняли куда-то быстро мчащуюся луну. И сообразно съ этимъ мѣнялись и краски на землѣ: то все какъ бы подергивалось сѣрой дымкой, то по снѣгу разсыпались мириады разноцвѣтныхъ искорокъ.

Мы не шли, мы почти бѣжали къ рѣчкѣ. Версту миновали и не замѣтили. Усѣлись около катка и прицались коньки навязывать. Гриша былъ готовъ раньше всѣхъ и уже рѣзалъ ледъ красивыми голландскими шагами, когда мы, одинъ за другимъ, стали присоединяться къ нему.

Финогъичъ остался на скамеечкѣ, кряхтѣлъ да нюхалъ табакъ.

Веселая болтовня и звонкій ребячій хохотъ такъ и разсыпался по ярко блестящему льду.

Съ полчаса уже катались мы, какъ вдругъ смотримъ—Финогъичъ что-то руками машетъ. Я первымъ подбѣжалъ къ нему.

— Что такое?

— Волки!—едва лепечетъ старикъ.

Чувствую, что и у меня по всему тѣлу мурашки побѣжали.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Она!—указываетъ куда-то рукой Финогъичъ.

— Гриша! Волки!—отчаянно взвизгнулъ я.

Гриша ужъ тутъ какъ тутъ. А за нимъ и прочая мелюзга слѣтѣлась.

— Снимайте коньки и отступайте къ дому! Я васъ прикрою!—буркнулъ Гриша и, быстро сорвавъ съ одной ноги конекъ и взмах-

нувь имъ на ремняхъ, какъ кистенемъ, бросился по тому направле-
нiю, куда указывалъ Финогъичъ.

— Батюшки! Събдятъ его!—взвыль старикъ.

Но мы, нечего не слушая и даже не снявши коньки, задавали
«лататы» къ дому.

Старикъ, что-то причитая и охая, ковылялъ за нами. Сзади раз-
дался какой-то рѣзкій, пронзительный крикъ.

Мы поняли, что это вскрикнулъ Гриша.

Но не ужась, не страхъ прозвучали въ его воскликъ. Напротивъ,
чувствовалось, что это онъ устрашаетъ кого-то и, казалось, ни одинъ
врагъ не устоитъ противъ этого смѣлаго, побѣдоноснаго клича.

А навстрѣчу намъ изъ усадьбы неслись съ яростнымъ взвиз-
гиванiемъ наши три громадные дворовые пса. Значить, и они вол-
ковъ почували.

Далеко сзади за ними ковылялъ и караульщикъ.

— Волки!—крикнули мы ему.

И тотъ сразу прiостановился.

Мы были уже во дворѣ усадьбы.

— Провушка! Провушка! Да сбивай ты народъ! Пошли ты
Гришенькѣ-то на помощь!—топтался Финогъичъ.

— Да чего сбивать-то? Вонъ, никакъ, они и сами идутъ!

Дѣйствительно, бодрыми и быстрыми шагами приближался къ
намъ Гриша. Онъ держалъ за ремни конекъ и весело помахивалъ
имъ. За нимъ бѣжали и собаки.

— Ну, что?—обступили мы его.

— Ну, что?

— Да ничего!

— Сколько волковъ-то?

— Да всего пара. Я какъ крикнулъ, они такъ удирать пустились,
мое почтенiе! Вотъ Липецъ дуракъ,—указывая на одну изъ дворня-
жекъ, продолжалъ Гриша,—увязался было за ними... Ну, тутъ бы
ему и голову сложить! Да хорошо, что меня послушался—вер-
нулся.

— А крупные волки-то?

— Такъ себѣ, не очень. Второгодки, поди...

И немало съ Гришей случалось такихъ происшествiй. И всегда-
то онъ за кого-нибудь вступится, кого-нибудь изъ опасности вы-
зволить.

И—ничего! Даже малѣйшаго значенiя своему поступку не при-
даетъ, словно такъ и быть должно.

И жилъ и цвѣлъ такимъ образомъ Гриша на вольномъ воздухѣ
да на лонѣ природы до двадцати шести лѣтъ.

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего потянуло его въ городъ, и сталъ
онъ просить у моего отца позволенiя, чтобы жить ему въ нашемъ
городскомъ домѣ. Ну, какъ отказать Гришѣ?

И вотъ переѣхалъ онъ въ Потрясимовъ. Отвели ему отдѣльную комнатку, и очутился онъ вдругъ сразу безъ всякаго дѣла. Тамъ, въ Березникахъ-то, хоть какія ни на есть, а занятія были: то на охоту поидеть, то лошадей проминаеть, то за сѣнокосомъ слѣдить, а то въ лѣсъ на порубку откомандируется.

Здѣсь же, въ городѣ, не къ чему ему и рукъ приложить. Пройдетъ по двору—все въ порядкѣ. Въ конюшню заглянетъ—и тамъ ни сучка, ни задоринки. Ну, и уйдетъ на бульваръ гулять.

И сталъ Гриша все болѣе и болѣе отъ дому отбиваться: по цѣлымъ днямъ, а то и по ночамъ—пропадаетъ. Прозорливые люди даже стали говорить, что онъ хмельнымъ дѣломъ зашибаться началъ.

Вотъ я однажды его и спросилъ:

— Гдѣ это ты, Гриша, околачиваешься?

— Эхъ, Костя, съ умнѣйшими я, братецъ мой, теперь людьми знаюсь,—какъ-то таинственно отвѣтилъ онъ мнѣ.—Вѣрь слову. Заинтересовался я.

— Познакомь,—говорю,—Гриша меня съ твоими умнѣйшими людьми!

Посмотрѣлъ онъ на меня, какъ бы взглядомъ взвѣсивая: а шель мнѣ тогда уже семнадцатый годъ, и былъ я юноша физически вполне развитой.

— Что же,—говорить,—можно. Только уговоръ лучше денегъ: никому объ этомъ ни звука!

Я далъ слово.

— Побожись!

И побожился.

И въ тотъ же день, послѣ обѣда, отправились мы съ нимъ.

— Это, видишь ли, Костя,—говорилъ онъ мнѣ дорогой:—это все народъ политическій.

— Т. е. что такое политическій?—не понялъ я.

— А это такіе люди, которые къ намъ, въ Потрясимовъ, за политическіе поступки сосланы. Народъ все благороднѣйшій и умнѣйшій.

— Да ты почему знаешь?

— Слушаю же, вѣдь, я. Понимаю.

— Неужто понимаешь?

— Конечно, всего гдѣ мнѣ понять, но и изъ того, что пойму,—и того довольно. Хорошій народъ! Особенно одинъ между ними тутъ есть. Ахъ, какой человѣкъ, Костя! Какой человѣкъ! Зовутъ его Левушка. Ума палата! И молодчага, я тебѣ скажу!

— А куда же мы сейчасъ идемъ?

— А видишь, идемъ мы сейчасъ въ портерную, потому что на квартиру къ нимъ я тебя привести права не имѣю. Можетъ быть, когда присмотрятся, и сами позовутъ, когда въ тебѣ увѣрятъ.

— А ты у нихъ бываешь?

— Бываю. Они мнѣ довѣряютъ. Конечно, не то, чтобы все уже. Да зачѣмъ мнѣ всего? Съ меня и того довольно, что не гнушаются. А теперь вотъ такой часъ, когда всѣ наши въ портерной въ одной собираются. Портерная такая... вродѣ трактирчика. Они тамъ обѣдаютъ, ну, и послѣ обѣда часокъ-другой сидятъ. А иногда и до полночи. А потомъ уже валятъ всѣ къ себѣ на квартиру, а тамъ ужъ до утра. И меня иногда съ собой берутъ. Хорошій народъ! Душевный! Особенно—Левушка! Правда, зашибается онъ здорово, ну, да, вѣдь, по нашему дѣлу и нельзя безъ этого... Вотъ мы и дошли!—сказала Гриша, указывая на спускъ въ подвальный этажъ какого-то большого дома.

— Айда!

Спустившись десятокъ ступенекъ, мы вошли въ обширную, уже освѣщенную лампами залу, сплошь заставленную маленькими столиками: тутъ было и шумно, и людно.

Миновавъ эту залу, вступили въ другую, поменьше, съ буфетной стойкой и тоже биткомъ набитую. А оттуда уже попали въ комнату, гдѣ, очевидно, сидѣла все «своя компанія».

Насъ встрѣтили шумными возгласами.

— А! Гриша! Молодчага пришелъ! Отчего вчера не былъ? Это что за пижонъ съ тобой?—посыпался вопросы.

Гриша отрекомендовалъ меня, назвавъ «братншкой». Мнѣ же онъ не счелъ нужнымъ кого-нибудь представить, а только, наклонившись къ моему уху и указывая въ уголь, шепнулъ:

— А вотъ это и есть самый Левушка.

Я такъ и воззрился на Гришинаго героя: съ высокимъ бѣлымъ лбомъ, съ бѣлокурыми, откинутыми назадъ волосами, съ едва пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ и подбородкѣ, Левушка былъ красивъ. Особенно хороши были его большіе, голубые глаза и нѣжный цвѣтъ лица съ едва замѣтнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ. И трудно было себѣ представить, чтобы этотъ, даже нѣсколько женоподобный юноша «зашибался хмельнымъ дѣломъ», а между тѣмъ онъ дѣйствительно пилъ, и пилъ, что называется, горькую, правда, почти не хмелѣя, только по утрамъ отдѣлываясь страшными припадками кашля за вчерашній переной.

По всему было замѣтно, что этотъ Левушка былъ маткой здѣшняго улья.

Возобновился прерванный разговоръ. Какой-то высокій юноша, семинарской складки, сильно упирая на букву «о», говорилъ, обращаясь къ Левушкѣ:

— Ты никакого права не имѣешь такъ относиться къ самому себѣ. Ты не себѣ принадлежишь. Ты весь нашъ, общій! А на что ты свои силы тратишь? Мы пьемъ—это полгоря, мы—куча; а ты—общее достояніе растрчиваешь!

— Я на свои пью,—лѣниво отозвался Левушка.

— Врешь, не на свои! Я не про деньги говорю!—горячился семинарь.—Деньги прахъ и тлѣнь! Ты свое здоровье тратишь, свои нервы мочалишь!

— Свои же!

— Врешь! Намъ это все принадлежитъ! Намъ и человѣчеству!

— Гриша! Дай Кузьмѣ хорошаго подзатыльника! Ты ближе сидишь! Я тебѣ потомъ отдамъ!—съ спокойной улыбкой сказалъ Левушка.

— Подзатыльника! Подзатыльника! Развѣ подзатыльниками дѣло рѣшается?—горячился Кузьма, какъ бы не понявъ шутки.— Въ подзатыльникѣ-то, братъ, толку мало! А главное...

— Еще Владимиръ Мономахъ сказалъ: «Дураковъ бейте, ибо сіе имъ на пользу, а вамъ—въ развлеченіе!»—Эти слова Левушка произнесъ такъ убѣдительно и серьезно, что Гриша, широко раскрывъ свои ребячьи глаза, наивно спросилъ:

— Да неужто вправду сказалъ?

Раздался взрывъ хохота.

— Вздоръ все!—кричалъ Кузьма.—А я вотъ тебѣ прочту выписочку изъ устава благочинія Екатерины II. Вотъ, послушай-ка! Это тебя касается!

И онъ началъ громко и вразумительно читать:

— «Кто злообычно пьянствуетъ и болѣе дней въ году бываетъ пьянъ, нежели трезвъ, того брать за крѣпкій карауль!» А? Что, братъ, на это скажешь?

— Отмѣнено,—спокойно отвѣтилъ Левушка.

— Что отмѣнено?

— Да вотъ это самое строгое постановленіе.

— Вѣрно! Отмѣнено,—какъ бы немного конфузаясь, согласился Кузьма, глядя на записку.— Отмѣнено въ 1857 году.

— Ну, вотъ видишь! Какъ разъ въ годъ моего рожденія!—заключилъ Левушка.

Опять послѣдовалъ взрывъ хохота.

— А посему—выпьемъ!—крикнулъ какой-то маленькій юркій бронетикъ.

Смѣнили кружки, чокнулись. Семинарь словно дѣло сдѣлалъ: хлопнулъ кружку до дна и зашѣлъ дикимъ голосомъ:

Проведемте жъ, друзья, эту ночь веселѣй!..

— Эхъ, Кузьма, Кузьма!—перебилъ его Левушка.—Съ твоимъ бы голосомъ, да... въ балетъ!

Опять хохотъ. Опять пѣніе и пиво, пиво безъ конца.

Даже и меня заставили выпить.

И я съ шумной головой и не совсѣмъ твердыми ногами вернулся подъ кровъ родительскій около десяти часовъ вечера. Къ счастью, никѣмъ это не было замѣчено.

Но съ тѣхъ поръ я не посѣщаль больше этой портерной, да и ни съ кѣмъ изъ ея юныхъ завсегдатаевъ не встрѣчался.

Но въ концѣ зимы, такъ на второй или на третій недѣли поста въ домѣ нашемъ случился большой переполохъ: въ глухую ночь явились къ намъ нѣкіе люди со шпорами, прошли прямо въ комнату Гриши, забрали все его скромное имущество и самого его и все это увезли невѣдомо куда.

Поражены были у насъ всѣ до послѣдней крайности.

— Гриша—политическій! Да Боже мой. Что же это такое?—говорилъ, разводя руками, мой отецъ.

— Гришеньку арестовали!—всхлипывала бабушка.

— Гриша—преступникъ?!—недоумѣвала мама.

Я, признаться, больше всѣхъ струсилъ,—можетъ быть, потому, что больше всѣхъ зналъ и о Левушкѣ, и о конспиративной квартирѣ, и о засѣданіяхъ въ гостепріимной портерной. И все ждалъ, что вотъ-вотъ придутъ и меня возьмутъ.

Отецъ еще раннимъ утромъ уѣхаль куда-то.

— О Гришѣ хлопотать,—сказала мама.—Навѣрное, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Не можетъ же быть, чтобы такой теленокъ да во что-нибудь былъ замѣшанъ!

Къ завтраку отецъ вернулся. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то очень озабоченъ.

— Ну, что?—спросила мама.

— Да знаешь, это, кажется, гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы объ этомъ думали.

— Какъ? Неужели Гриша политическій дѣятель?

— Конечно, не дѣятель. Но на него положились, какъ на надежнаго человѣка, и поручили ему что-то такое скрыть. И онъ скрылъ. И теперь, несмотря на всѣ уговоры и увѣщанія, молчитъ. Какъ воды въ ротъ набралъ! Даже со мной не пожелалъ разговаривать,

— А ты видѣлъ его?

— Какъ же! Видѣлъ!

— Ну, что онъ? Какъ?

— Да ничего! Лицо веселое, почти сіяющее. Видимо, очень доволенъ собой и—ни звука!

— Бѣдный Гришенька!—вздыхнула бабушка.

— Да неужели же онъ можетъ серьезно пострадать?—спросила опять мама.

— Да кто же это знаетъ? Если будетъ такъ упорствовать, конечно, по головкѣ не поглядятъ!

Прошелъ мѣсяцъ, два—Гриша все сидитъ въ тюрьмѣ, и ничего отъ него добиться не могутъ. Отецъ всѣ свои большія связи въ ходъ пустилъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь облечить его участь, но безъ толку: все разбивалось объ желѣзное упорство Гриши.

Такъ онъ и не выдалъ своихъ товарищей. Начальство уже само разслѣдовало, что ему нужно было, и только черезъ полтора года вернули Гришу къ намъ на поруки, при чемъ поставлено въ условіе было, чтобы въ Потрясимовѣ онъ не жилъ, а мѣстомъ его пребыванія назначено было наше имѣніе Березняки, гдѣ онъ и былъ водворенъ подъ надзоръ мѣстной уѣздной полиціи.

Но съ этого времени Гриша круто перемѣнился: онъ сталъ пить и пилъ безъ просыпу. Но и въ самомъ пьяномъ видѣ никогда и никому не выболталъ той тайны, которую такъ старательно выпытывали изъ него.

Менѣе чѣмъ въ два года пьянство подкосило его богатырское здоровье. У него развилась скоротечная чахотка, и этотъ гигантъ съ дѣтскимъ личикомъ сошелъ въ могилу, унеся съ собой туда и слово, данное товарищамъ.

— Не по силамъ да не по разуму пошу на себя взялъ, ну, вотъ и свалился!—задумчиво сказалъ Сергѣй Николаевичъ, провожая своего младшаго брата къ мѣсту послѣдняго упокоенія.

— Умеръ Гришенька для насъ, да проснулся для вѣчной жизни,—помню, причитала нянюшка моя Февронья Степановна на могилѣ этого наивнаго ребенка.

IV.

Братъ Сергѣй.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ, хотя и не безъ родственныхъ чертъ, былъ старшій братъ Гриши, Сергѣй. Онъ былъ и ростомъ пониже, и суховатъ да жилистъ. И лицо у него всегда было хмурое и серьезное. Рѣдко-рѣдко улыбка на него набѣжить и то на минутку. Говорилъ онъ мало и отрывисто. Былъ ли онъ физически силенъ—не знаю. Никто никогда объ этомъ не говорилъ. Блестящими способностями, можетъ быть, и онъ не обладалъ, но былъ трудолюбивъ и довольно педурно окончилъ курсъ въ высшемъ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи.

И когда онъ вернулся къ намъ изъ Москвы, отецъ мой съ полной довѣренностью отдалъ на руки юному агроному управленіе своими довольно большими имѣніями.

Да, этотъ юноша внушалъ къ себѣ полное довѣріе: простота, трезвость и прямолинейность—были его отличительными чертами. Въ честности его тоже никто ни на минуту не сомнѣвался.

Была у него и одна страсть—это страсть къ охотѣ. Все свое свободное время онъ проводилъ или въ лѣсу, или на болотѣ съ ружьемъ и съ собакой.

Рядомъ съ нашимъ громаднымъ барскимъ домомъ, отдѣленный отъ него только широкими воротами, стоялъ небольшой двухъ-этажный деревянный флигель. Въ нижнемъ этажѣ жила семья кон-

торщика, верхній же, состоявшій изъ четырехъ комнатъ, былъ отведенъ молодому управителю, Сергѣю Николаевичу.

— Сережѣ тамъ удобнѣе будетъ, чѣмъ въ большомъ домѣ,— говорилъ отецъ.— Тамъ онъ будетъ самостоятельнѣе и можетъ устроить свою жизнь вполне по своему вкусу.

Вкусъ Сергѣя оказался очень неприхотливымъ: онъ не только прибавилъ, но приказалъ вынести часть бывшей во флигелѣ мебели и жилъ, строго говоря, всего въ одной комнатѣ, въ своей спальнѣ. Другая была отведена прислуживавшему ему казачку Филькѣ; остальными же двумя свободно пользовался великолѣпный пойнтерь Квимбо, привезенный Сережей еще изъ Москвы.

Почти на глазахъ у всѣхъ и въ самый короткій срокъ хозяйничанье ученаго агронома принесло блестящіе плоды. Видимо, охота ничуть не мѣшала дѣлу. Сережа отлично успѣвалъ и тамъ, и тутъ. Но страсть къ охотѣ едва не послужила причиной къ серьезной катастрофѣ, избѣгнутой только благодаря необычному мужеству Сергѣя.

Дѣло было такъ. Пасха въ томъ году пришлась на вторую половину марта, а весна стояла дружная и теплая, и рѣчка Березянка вскрылась чуть ли не недѣли на двѣ раньше обычнаго срока. Перелетъ птицы былъ исключительно богатый.

И говорить нечего, что нашъ Сергѣй Николаевичъ и утромъ и вечеромъ, что называется, пропадалъ на тягѣ.

Отцу моему въ этотъ годъ вздумалось провести Свѣтлый праздникъ на лонѣ природы, и вся наша довольно-таки большая семья еще на шестой недѣлѣ поста переѣхала въ Березянки.

Хорошо и весело тамъ было! Рѣчка Березянка разлилась въ этомъ году какъ-то особенно широко, и воды ея подходили къ самой усадьбѣ. Въ саду стоялъ немолчный птичій гомонъ. Небо такъ и горѣло въ лучахъ солнца.

Было это во вторникъ на пасхальной недѣлѣ, такъ около семи часовъ вечера. Мы, ребяташки, тепло одѣтые, бѣгали по саду, катали яйца, да задорно перекликались съ птицами. Отецъ и мама,— мама, помню, въ салонѣ, она въ то время уже начала прихварывать,— сидѣли на террасѣ.

И вдругъ до насъ долетѣлъ какой-то странный шумъ, испуганные голоса и необычная бѣготня на дворѣ, за изгородью сада. А черезъ минуту пронеслось и роковое слово:

— Пожаръ.

Загорѣлось во флигелѣ, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ жила семья конторщика, и загорѣлось сразу, сильно и дружно.

Всѣ, конечно, бросились во дворъ. Всѣ обитатели усадьбы сбѣжались, не было только одного—это именно управителя Сергѣя Николаевича.

— Гдѣ онъ?—спросилъ отецъ.

— Да только сейчасъ за рѣку на ботничкѣ на тягу поѣхалъ! И глаза всѣхъ какъ-то невольно отъ пожара повернулись къ рѣкѣ и...

— Во-онъ онъ! Вонъ!—раздались голоса.

Вдали, почти у противоположнаго берега мелькала какая-то черная точка.

— Назадъ! Назадъ плыветь! Вѣрно, замѣтилъ!

И всѣ стали махать Сергѣю—кто платкомъ, кто шапкой.

— Стоя гребеть! Ихъ, какъ шибко! Увидаль, значить, пожаръ-то! Увидаль!—раздавались замѣчанія преимущественно женщинъ, больше суетившихся, чѣмъ принимавшихъ участіе въ тушеніи пожара.

А между тѣмъ огонь дѣлалъ уже свое дѣло: съ трескомъ и злобнымъ шипѣніемъ метался онъ пока еще въ нижнемъ этажѣ флигеля.

Съ визгомъ и плачемъ металась по двору и растерявшаяся семья конторщика, успѣвшая вытащить только кое-что и, можетъ быть, даже самое ненужное изъ своихъ пожитковъ

— Флигель тушить нечего! Отстанвайте домъ!—распоряжался отецъ.

И какіе-то люди уже карабкались по крышѣ нашего дома, тащили туда кошмы, поливали ихъ водой. Изъ амбара выкатили уже пожарную трубу, оказавшуюся, къ немалому, можетъ быть, всѣхъ удивленію, въ полной исправности. Пробовали было направлять изъ нея струю воды въ разбитыя окна флигеля, но съ очевидной для всѣхъ бесполезностью: огонь бушевалъ тамъ все съ большею и большею силой.

— Подавайте воду на крышу дома!—распоряжался отецъ.

И вдругъ пронзительное «ахъ!» раздалось по всему двору.

— Что такое?

— Ботникъ опрокинулся! Сергѣй Николаевичъ въ воду упали! Всѣ даже и о пожарѣ забыли. Всѣ бросились къ рѣкѣ.

— Лодку съ берега! Подать лодку съ берега!—кричалъ отецъ. Побѣжали за веслами.

— Самъ плыветь! Самъ!—раздавались голоса.

— А это что? Сзади-то, сзади?

— Да собака! Развѣ не видишь, собака это за нимъ! Во! Во! На мелкое попалъ! На мелкое! Ногами идетъ! Бѣжить! Бѣжить! Ишь, какъ прятко!

Бѣжить!

И къ тому времени, какъ достали весла, Сергѣй былъ уже на берегу, быстро вскарабкался онъ на откосъ и, какъ безумный, бросился прямо къ мѣсту пожара.

— Отойдите! Отойдите отъ огня дальше! Дальше отойдите!—кричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Куда ты?—хотѣлъ было остановить его отецъ.

— Пустите! Тамъ у меня два пуда пороху!—крикнулъ Сергѣй и исчезъ въ пылавшемъ уже крыльцѣ.

Со страшнымъ визгомъ пронесся по двору запоздавшій Квимбоп, прижавъ уши, метнулся за своимъ хозяиномъ. Всѣ замерли. Нѣкоторые сняли шапки и стали креститься, но никто не двинулся со своего мѣста.

Огонь и дымъ выбивались уже и изъ оконъ верхняго этажа. Прошла страшная, мучительная, словно предсмертная минута.

И опять по всему двору раздалось:

— Ахъ!

Сергѣй, черный, почти ужасный, вырвался съ крыльца и, снова крича:

— Дорогу! Дорогу!—понесся къ рѣчкѣ.

Въ рукахъ у него было что-то такое, завернутое въ коверъ, и всѣ замѣтили, что коверъ этотъ уже тлѣлъ и дымился.

Добѣжавъ до откоса, Сергѣй широко взмахнулъ руками, и довольно объемистый деревянный ящикъ, закоптѣлый и слегка уже обуглившійся, вырвался изъ-подъ ковра и шлепнулся въ воду. А за нимъ полетѣлъ и коверъ.

Облачко пара взвилось надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ упалъ ящикъ.

Сергѣй покачнулся. Его кто-то подхватилъ подъ руки.

— Два пуда! Два пуда!—несвязно пробормоталъ онъ.

И потомъ вдругъ, какъ бы очнувшись, повернулся и быстро пошелъ къ пожарищу.

— Въ топоры! Баграми! Ломайте флигель! Тушить нечего! Все равно сгорить! Оттаскивайте къ огороду!—черезъ минуту раздавался уже его громкій и увѣренный голосъ.—Домъ поливайте! Домъ! На крышу воду!

И всѣ, до послѣдней бабы, дружно принялись за работу.

И вдругъ Сергѣй какъ бы опомнился.

— Квимбо! Квимбо!—проговорилъ онъ.

— Да! Да! А гдѣ Квимбо?—растерянно спросилъ бывший возлѣ Сергѣя отецъ.

— Онъ провалился! Тамъ прогорѣли двѣ ступени, и, когда мы бѣжали назадъ, онъ уступилъ мнѣ дорогу и провалился внизъ, прямо въ огонь! Въ зубахъ онъ несъ мой сапогъ! Квимбо!—тихо произнесъ Сергѣй.

И вдругъ этотъ богатырь духа горько заплакалъ.

Отецъ подъ руки повелъ его къ дому. Да и была пора! Сергѣй оказался весь обожженнымъ...

На пожарѣ уже распоряжался ловкій и смѣтливый староста Антонъ, только что прискакавшій откуда-то съ хутора.

Флигель растащили по бревнамъ; домъ—отстоял. Сгорѣли только ворота, да полопались стекла въ окнахъ дома, выходившихъ къ флигелю.

Болѣе двухъ недѣль пролежалъ Сережа въ постели. Ожогъ оказался очень серьезнымъ. Два-три пятна на лицѣ его остались отмѣтинами на всю жизнь.

Но не двѣ недѣли, а нѣсколько лѣтъ въ нашемъ домѣ повторяли:

— Ну, а взорвись-ка порохъ-то, весь домъ бы снесло! Можетъ быть, и изъ насъ никого бы въ живыхъ не стало. Шутка ли?! Два пуда тамъ было.

Время изглаживаетъ все. Зажили раны у Сергѣя, стали забывать и про пожаръ, а вмѣсто погибшаго Квимбо и утонувшей двустволки отецъ подарилъ своему племяннику-управителю еще болѣе породистаго пойнтера и дорогое англійское ружье.

Если Гришу всѣ любили, то Сергѣя Николаевича не только любили, но и серьезно уважали всѣ. Уважали за его спокойное мужество, за его ровное, безпристрастное отношеніе ко всѣмъ людямъ. Для него не было ни малыхъ, ни великихъ, ни чужихъ, ни близкихъ.

Всегда серьезный, рѣдко-рѣдко улыбающійся, онъ дѣлалъ свое небольшое дѣло, уважая чужіе интересы, не дѣлая ни поблажекъ, никому не мирволя, никого не преслѣдуя.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ я, въ то время только что произведенный офицеръ, взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ родные Березняки. Отецъ мой съ совершенно уже больной мамой жилъ въ это время за границей, гдѣ нашу дорогую больную лечили, хотя уже бесполезно, разныя прославленныя знаменитости.

Березняки были все тѣ же милые, славные, родные Березняки, хотя обитатели ихъ сильно-таки поизмѣнились, а нѣкоторые, какъ говорить русскій народъ, и совсѣмъ побывшились.

Вокругъ могилки бѣднаго Гриши зацвѣтали уже чьей-то любящей рукой насаженные кусты шиповника. Невдалекѣ отъ него покоилась нянюшка Февронья, рядомъ съ ней лежалъ старый Финогѣичъ. Не было въ живыхъ и бабушки, но прахъ ея лежалъ подъ мраморной плитой въ семейномъ склепѣ въ Святотроицкомъ монастырѣ.

Сергѣй Николаевичъ былъ уже женатъ. И женился онъ, какъ и все дѣлалъ, не блестяще: на дочери нашего же приходскаго березняковскаго священника отца Маврикія. Но жену взялъ себѣ подходящую: такую же простую, какъ самъ, такую же прямую и честную, но къ тому еще какъ-то нарочито благоувѣтливую.

Пріѣхалъ я въ Березняки для того, чтобы отдохнуть и поохотиться и вообще насладиться всѣми прелестями сельской жизни. Но, увы! Прелести всѣ эти были сильно-таки отравлены неожиданной да и не желанной гостьей.

Потрясимовскую губернію въ этотъ годъ посѣтила сильная холера.

Сергѣй телеграфировалъ объ этомъ отцу за границу, прося какихъ-то особенныхъ полномочій. И получилъ въ отвѣтъ: «Дѣлай все, что найдешь нужнымъ. Денегъ не жалѣй».

И закипѣла работа. Верстахъ въ полоторыхъ отъ усадьбы съ лихорадочной поспѣшностью—работали днемъ и ночью—былъ выстроенъ большой баракъ. Сдѣлали наскоро десятка три деревянныхъ кроватей; нашили изъ холста большихъ мѣшковъ, набили ихъ сѣномъ, однимъ словомъ, въ какихъ-нибудь пять дней довольно большой лазаретъ былъ готовъ.

Сергѣй навербовалъ изъ нашей же дворни мужскую и женскую прислугу, а изъ Потрясимова вызвалъ своего товарища, молодого, только что кончившаго курсъ за границей и еще не сдавшаго государственнаго экзамена врача, вмѣстѣ съ его женой, студенткой-медичкой цюрихскаго университета.

Эту молодую парочку у насъ въ Березнякахъ все какъ-то сразу полюбили: живые, веселые, другъ друга любящіе, несли они съ собой всюду бодрость и свѣтъ.

Въ первый же день ихъ пріѣзда появился и первый паціентъ, доставленный откуда-то изъ ближайшаго выселка. А за нимъ послѣдовалъ второй, третій и... повалило.

Вскорѣ баракъ былъ полонъ. Приходилось наскоро пристраивать второй. Боролись молодые супруги со страшной болѣзью и радовались, безмѣрно радовались, когда имъ удавалось вырывать жертвы изъ когтей смерти.

Но душой всего дѣла, несомнѣнно, былъ Сергѣй Николаевичъ. Съ утра и до ночи находился онъ въ холерномъ баракѣ, довѣривъ даже свое любимое хозяйство почти вполне бойкому и смѣтливому и сильно-таки понаторѣвшему возлѣ него старостѣ Антону.

И слава о нашей «больницѣ» разнеслась по всей окрестности. Изъ самыхъ отдаленныхъ деревень стали доставлять къ намъ больныхъ, иногда почти совсѣмъ умирающихъ.

Истощались, осунулись наши ратники святого дѣла, но не угасала ихъ энергія, не угасала ихъ любовь къ страждущему брату.

Къ концу третьяго мѣсяца стала затихать холера. Больные доставлялись все рѣже и рѣже, да и выздоравливающихъ было все болѣе и болѣе.

Но тутъ-то и посѣтило насъ тяжелое горе: юная подруга нашего молодого доктора почувствовала себя вдругъ дурно, холера, какъ бы въ отместку за то, что столько жертвъ было вырвано изъ ея когтей, сгребла въ свои объятія это милое молодое существо, сгребла такъ, что и не выпустила болѣе.

На третій день болѣзни докторша наша скончалась, и это была послѣдняя холерная смерть въ нашемъ округѣ.

Мужъ покойной былъ такъ потрясенъ этой утратой, что мы стали даже бояться за его рассудокъ.

— Саша,—сказалъ ему разъ утромъ Сергѣй Николаевичъ,—холера кончилась. Съ выздоравливающими я справлюсь и одинъ. Тебѣ здѣсь дѣлать больше нечего—уѣзжай! Оставаясь здѣсь, вблизи нашей святой могилки, ты, пожалуй, и самъ свалишься рядомъ, а у тебя есть ребенокъ, и для него ты долженъ жить. Забирай своего мальчнка и уѣзжай куда-нибудь подальше, подальше. Лучше всего за границу.

Не буду описывать ни проводовъ, ни прощанья. Они и тогда достаточно истрепали мнѣ душу. Проводили мы нашего милаго доктора, и Сергѣй Николаевичъ одинъ остался при холерныхъ баракахъ, ухаживая за выздоравливающими.

Прошло недѣли три-четыре, и послѣдній больной вышелъ здоровымъ.

Въ этотъ же день, по распоряженію Сергѣя Николаевича, оба барака со всѣмъ инвентаремъ и имуществомъ, находившимся въ нихъ, были политы керосиномъ и подожжены.

Быстро сгорѣла легкая деревянная постройка, известкой пополамъ съ землей было засыпано и самое пепелище и еще такъ недавно страшная юдоль смерти превратилась въ одно большое сѣробурое пятно.

Окончивъ это ауто-да-фе, Сергѣй Николаевичъ, усталый до послѣдней степени, возвращался къ себѣ домой. Ни о чемъ, кромѣ отдыха, вѣроятно, не мечтилъ онъ.

— Чаю!—успѣлъ проговорить онъ только встрѣтившейся ему женѣ.

И вдругъ сразу поблѣднѣлъ, и мучительная судорога искривила его лицо. Холера, очевидно, не ушла еще совсѣмъ: она предательски подобралась къ своему страшному врагу и наложила на него свою костлявую руку.

Но и врагъ ея не дремалъ. Помню, я былъ возлѣ него.

— Костя!—обратился онъ ко мнѣ.—Удали всѣхъ изъ дому! Да вели дать какъ можно больше, больше кипятку! Налей имъ нѣсколько четвертныхъ бутылей, обложи меня ими, а сверху покрой шубами... Да скорѣе, голубчикъ, а то можно и опоздать!

А самъ въ это время онъ быстро раздѣвался догола. Къ счастью, въ кухнѣ оказалось кипятку достаточно, нашлись и бутылки, и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ я, при помощи моего денщика, обкладывалъ ими страшно дрожавшаго Сережу.

— Покрывай шубами! Покрывай шубами!—приказалъ я моему Ирматову.

Но какъ разъ въ эту минуту Сергѣй громко вскрикнулъ и вскочилъ на ноги: съ постели лилась вода, а изъ бедра его обнаженной ноги сильно струилась кровь.

— Что такое?

Оказалось, что одна изъ бутылей лопнула, а отъ порывистаго движенія, сдѣланнаго Сергѣемъ, осколки стекла врѣзались ему въ тѣло. Нога была и ошпарена, и изранена.

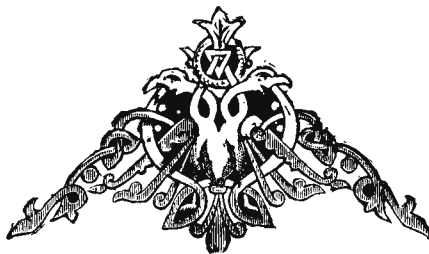
Я было совсѣмъ растерялся, но Сергѣй, преодолевая страшную боль, самъ уже отдавалъ распоряженія и говорилъ, что нужно дѣлать. Появился коллодіумъ, вата, сода, почему-то тертый картофель, деревянное масло. Прибѣжала Елена Маврикіевна, жена Сергѣя, ничего до этого не подозрѣвавшая, и мы съ ней вдвоемъ принялись ухаживать за нашимъ страдальцемъ: вынимали осколки стекла, дѣлали ему перевязки, однимъ словомъ, лечили его и отъ ожоговъ, и отъ пораненій.

Отъ холеры же и слѣда не осталось. По правдѣ сказать, я и сейчасъ не знаю, былъ ли это настоящій приступъ холеры, или просто сильный нервный припадокъ, какъ результатъ ужаснаго переутомленія?

Черезъ недѣлю Сергѣй былъ опять на ногахъ и опять на своемъ любимомъ дѣлѣ, о холерныхъ же случаяхъ не было больше слышно во всей губерніи.

В. А. Тихоновъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО ЖРЕБИЮ.

(Разсказъ).

ОСТИ Рудальцевыхъ весь вечеръ занимались разными гаданіями и, когда это имъ, наконецъ, надобно, они перешли въ уютный кабинетъ Петра Петровича. Поднялся разговоръ о достовѣрности предсказаній, о возможности угадывать будущее. Многіе высказались въ томъ смыслѣ, что очень желали бы знать всѣ этапы своей жизни. Павелъ Петровичъ сначала шутилъ надъ этими, какъ онъ называлъ, праздными желаніями, а затѣмъ сталъ говорить серьезно.

— Я думаю, господа, что ваши желанія не со-
всѣмъ искренни и, будь они исполними, вы, навѣрно, сами бы отказались знать то, что вамъ предстоитъ пережить. Природа весьма мудро закрыла отъ насъ грядущія событія непроницаемымъ щитомъ. И въ самомъ дѣлѣ. Если нашъ гороскопъ намъ развернуть, допустимъ, розовыя перспективы, жизнь для насъ потеряетъ всю прелесть прелесть новизны; а предсказанія мрачнаго будущаго отравятъ всѣ наши минуты сознаніемъ того, что мы обречены на несчастье. А точное знаніе часа смерти, несомнѣнно, повергнетъ насъ всѣхъ въ самое острое горе.... Намъ не будетъ покидать мысль, что намъ остается жить всего нѣсколько годовъ, затѣмъ мѣсяцевъ, недѣль и т. д... И эти постоянныя упражненія въ вычитаніи многихъ бы подъ конецъ свели съ ума. Смерть вообще скверная вещь, но изъ скверныхъ тѣмъ не менѣ лучшая—это неожиданная. Впрочемъ, таково было мнѣніе еще Юлія Цезаря. Кто читалъ классическій разсказъ Гюго «Послѣдній день приговоренцаго» или даже грустную повѣсть о семи повѣшенныхъ, тотъ можетъ себѣ представить переживанія людей въ виду надвигающейся смерти.

Такъ неужели же вамъ, стремящимся разгадать будущее, хотѣлось бы испытать такія же терзанія?...

— Но позвольте, Павелъ Петровичъ,—возразилъ кто-то.— Вѣдь это психологія заключенныхъ. Они себя считали правыми и незаслуженно приговоренными. А мы говорили про людей свободныхъ....

— Позволю себѣ думать,—отвѣтилъ Павелъ Петровичъ:—что пропорція сохраняется и отношенія заключеннаго къ приговору суда всегда будутъ тѣ же, что и свободного человѣка къ предрѣшенію судьбы. Въ обоихъ случаяхъ человѣкъ будетъ протестовать всѣми силами души противъ приговора, считая его насиліемъ. Да вотъ что, господа. Хотите, я вамъ расскажу не выдуманный, а дѣйствительный эпизодъ, въ видѣ иллюстраціи къ тому, что произойдетъ съ человѣкомъ, которому извѣстенъ часъ смерти. Впрочемъ, я не расскажу, а прочту вамъ. Случай этотъ мною записанъ. Предупреждаю, что фамиліи переименованы и измѣнено мѣсто дѣйствія. Угодно вамъ слушать?...

Всѣ гости, разумѣется, проявили живѣйшій интересъ. Павелъ Петровичъ досталъ изъ стола небольшую тетрадку и началъ.

I.

Лѣтъ двадцать тому назадъ довольно видное мѣсто въ петербургскомъ такъ называемомъ «большомъ свѣтѣ» занимала одна молодая супружеская пара, по фамиліи Наумовы. Мужъ служилъ для какихъ-то порученій при одномъ изъ министерствъ и имѣлъ хорошія связи, главнымъ образомъ благодаря женѣ, бывшей въ родствѣ съ многими знатными фамиліями. Оригинальною особенностью этой пары была нѣжная любовь другъ къ другу, которую счастливые супруги, вопреки принятому въ свѣтѣ обычаю, нисколько не скрывали.

Казалось бы, всѣмъ оставалось только радоваться, глядя на нихъ, но нашлись завистники, которые находили, что для одного человѣка это ужъ, пожалуй, слишкомъ много: и богатство, и красавица любящая жена, и служебный успѣхъ. Повидимому, эти-то завистники и слгзали.

Однажды въ канцелярію министерства за Наумовымъ приѣхалъ лакей и запыхавшись сказалъ, что барыня очень плохо: «кажись, отходятъ!»....

Мужъ сломя голову полетѣлъ домой и засталъ уже нѣсколькихъ докторовъ, хлопотавшихъ возлѣ молодой женщины. Послѣ долгихъ усилій врачамъ удалось наконецъ привести больную въ чувство. При видѣ мужа у нея блеснула радость во взорѣ, и сквозь сжатые зубы она пробормотала ему на ухо: «Прости... дорогой...

милый!... Я не могла вынести обмана, лжи... Тебя, одного тебя я любила и люблю!....»

Сознаніе вернулось къ молодой женщинѣ, казалось, лишь для того только, чтобы она могла сдѣлать это признаніе мужу. Затѣмъ глаза ея поблекли, дрожь пробѣжала по тѣлу, и молодая жизнь отлетѣла.....

Наумовъ потомъ совершенно не помнилъ похоронъ и пришелъ въ себя лишь черезъ нѣсколько дней. Онъ тогда же твердо рѣшилъ послѣдовать за женой и сталъ приводить свои дѣла въ порядокъ.

Разъ вечеромъ онъ занимался у себя переборкой бумагъ. Дверь тихо отворилась, и въ кабинетъ вошла старушка, нѣкогда вынянчившая его покойную жену, а теперь смотрѣвшая за двухлѣтней дочерью, о которой отецъ совершенно забылъ эти дни. Няня начала прямо съ упрековъ:

— Что же это вы, баринъ, о сироткѣ-то и забыли, словно бы это и не ваша дочь?... Сколько день прошло, а вы бы хоть разъ къ намъ заглянули.

Наумовъ вскочилъ, почувствовавъ, какъ у него что-то закатало въ груди. Онъ бросился въ дѣтскую и тамъ въ кроваткѣ увидѣлъ, будто впервые прозрѣвъ, чудную, кудрявую дѣвочку, разметающуюся во снѣ..... Боже, какъ напоминали покойную жену эти длинныя рѣсницы, какъ тѣнь прикрывавшія глаза, эти бровки, словно наведенныя, и яркія, сочныя губки!... Сжимая руки, тяжело дыша, смотрѣлъ онъ на своего ребенка, и вдругъ слезы съ колющей болью пробились сквозь воспаленныя вѣки... Онъ безсилно опустился на колѣни и глухо зарыдалъ...

Послѣ столькихъ дней изсушающаго горя это были первыя слезы, и онѣ вернули несчастнаго къ жизни. Онъ созналъ, что не имѣетъ права умирать, а долженъ жить ради дочери, въ память покойницы.... Няня, тоже плакавшая у кровати, шопотомъ старалась успокоить его:

— Не убивайтесь же, дорбгой Владимиръ Петровичъ, не убивайтесь. Простите меня, глупую старуху. Вѣдь я не къ тому сказала вамъ, чтобы огорчить васъ, а къ тому, что вѣдь грѣхъ-то забывать свое дите...

Наумовъ всталъ съ колѣнъ и къ ужасу старухи схватилъ ея морщинистую, черствую руку и поцѣловалъ ее.

— Нянюшка, дорогая, благодарю васъ!... Вы вернули меня къ жизни.. Вѣдь я готовился... я хотѣлъ къ покойницѣ... А объ этой дѣвочкѣ, о Ниночкѣ дорогой, я и забылъ совсѣмъ... Вы мнѣ напомнили о ней, о моихъ обязанностяхъ...

Съ той поры Наумовъ весь отдался привязанности къ дочери и все свое время дѣлилъ между дѣтской и службой, которой занялся серьезно. Отъ общества, такъ напоминавшаго ему его выѣзды съ женой, онъ совершенно отказался.

II.

Прошло много времени, и Наумовъ, повидимому, успокоился, но передъ нимъ все еще стояла неразрѣшимая загадка—внезапная смерть его жены.

По увѣреніямъ однихъ врачей, причиной смерти была болѣзнь сердца, по словамъ другихъ—нечаянное отравленіе большимъ количествомъ антипирина, который тогда только что входилъ въ употребленіе и дозировка была еще не совсѣмъ установлена.

Наумова особенно преслѣдовали послѣднія слова покойницы и смыслъ ихъ для него былъ темень. Припоминались ему также рассказы прислуги, что барыня поѣхала къ модисткѣ и скоро вернулась совсѣмъ разстроенная, заперлась у себя, взяла ванну, что-то писала, потомъ какъ будто успокоилась и вдругъ на глазахъ у горничной схватилась за горло, крикнула: «Душно!.. Задыхаюсь!» и упала навзничь.

Всѣ эти подробности стали особенно часто всплывать, когда острая боль смягчилась отъ времени. Въ нѣкыя минуты его неудержимо тянуло въ маленькую женину гостиную, гдѣ все оставалось нетронутымъ съ того рокового дня. Тамъ въ ея булѣ, въ одномъ изъ его ящичковъ, быть можетъ, скрывалась разгадка...

Но этой-то разгадки онъ и боялся. Она не могла воскресить умершую, но могла омрачить сложившееся въ его душѣ поклоненіе памяти покойной. Ему казалось, что ужъ одно стремленіе къ разгадкѣ будетъ означать недовѣріе къ непорочности и оскорбленіемъ его святыни... И онъ долго избѣгалъ искушенія; оставаясь одинъ со своими мучительными мыслями, онъ по нѣскольку разъ въ день простаивалъ на порогѣ гостиной, борясь съ чувствомъ, влекшимъ его туда...

И вотъ однажды онъ раздвинулъ портьеры и перешагнувъ черезъ порогъ. Какъ все это было знакомо!... Какъ пахло здѣсь чѣмъ-то безконечно дорогимъ и милым!...

Невѣрными шагами Наумовъ подошелъ къ письменному столу, сѣлъ въ кресло и послѣ нѣкотораго колебанія выдвинулъ ящикъ. Тутъ было сложено все, что нянюшка, только одна и допускаявшаяся въ эту комнату для уборки, считала нужнымъ сложить отъ пыли. Плюшевыя коробки съ духами и сашэ были перемѣшаны съ фарфоровыми бездѣлушками и разными *objet de luxe*. Въ среднемъ ящикѣ находились письма. Одна пачка была тщательно подобрана и перевязана розовой ленточкой, съ надписью на бумажкѣ: «Временное помѣшательство Вики». Это онъ ихъ писалъ, будучи женихомъ. Они были полны восторженнымъ веселіемъ и той несвязной болтовней, которая понятна однимъ влюбленнымъ. Теперь это вызывало у него лишь болѣзненную улыбку.

Далѣ шли приглашительныя записки, письма родныхъ, разные счета, масса котильонныхъ жетоновъ... Тутъ же было нѣсколько французскихъ романовъ; иные были разрѣзаны и, вѣроятно, прочитаны, а другіе лѣтъ. Въ одномъ былъ еще воткнуть ножъ изъ слоновой кости.

Наумовъ взялъ эту книгу. Это былъ томикъ Золя, разрѣзанный на половину. Сбоку торчало что-то письмо на толстой англійской бумагѣ съ рваными краями. Наверху стояла монограмма НС; мужской почеркъ былъ незнакомъ. Наумовъ сталъ читать.

«Простите, если можете... Я потерялъ голову, я обезумѣлъ! Одно мнѣ оправданіе—глубокое чувство!... Не шутите со словомъ «никогда».

« Это будетъ моимъ приговоромъ. Я васъ долженъ видѣть, чтобы объясниться. Будьте завтра съ Бэтси у Сюзанъ. Я найду возможность васъ тамъ встрѣтить. Н. С. 10 II».

Въ глазахъ у Наумова потемнѣло, и все закружилось... Онъ откинулся въ кресло и былъ въ состояніи, близкомъ къ обмороку. Очнувшись, онъ провелъ рукою по лбу, на которомъ выступилъ холодный потъ, и заговорилъ шепотомъ:

— Сазоновичъ, Николай Сергѣевичъ, кузень княгини Бетси, морякъ!... А Сюзанъ это портниха, у которой, кромѣ того, для желающихъ домъ свиданій... Неужели же Тиночка, моя дорогая Тиночка не устояла передъ этимъ хлыщомъ съ репутаціей неотразимаго Донъ-Жуана?... Не можетъ этого быть!... Гдѣ же тогда правда, если жизнь моей Тины была обманомъ?...

Но онъ припомнилъ, кто такая была эта Бэтси. Холостымъ онъ однажды попалъ въ ея сѣти и ужаснулся отъ раскрывшагося передъ нимъ безграничнаго разврата... Съ нескрываемою гадливостью Наумовъ отшатнулся отъ этой ужасной женщины, и она тогда же ему крикнула вѣдъ: «Погодите, прекрасный Юсифъ, вы раскаетесь!...» Несомнѣнно, она устраивала эти встрѣчи,—это было ея местию. А у Сюзанъ, ходили слухи, спаивали какими-то возбуждающими ликерами или лимонадами тѣхъ, которыя долго сопротивлялись... Тина, вѣроятно, стала жертвой...

Съ злораднымъ чувствомъ, словно желая добить себя, онъ продолжалъ рыться дальше, ница подтвержденія своимъ догадкамъ. Наконецъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ бюварѣ, куда, очевидно, еще никто не заглядывалъ, нашелся конвертъ съ надписью: «Дорогому Викѣ».

Приходилось испивать чашу до дна. Сейчасъ онъ узнаетъ ужасную разгадку! Наумовъ трясущимися руками вскрылъ конвертъ и, сбиваясь со строкъ, путая слова, прочелъ это загробное посланіе:

«Дорогой, безцѣнный мой Вика! Меня не будетъ въ живыхъ, когда ты прочтешь это. Что-то ужасное, сильнѣе моей воли, заставило меня совершить поступокъ, за который я теперь плачусь жизнью... Если бы я пришла къ тебѣ съ покаянной головой, я знаю,

ты бы простилъ меня по твоему великодушію, но я, нечистая, больше не могу быть твоей подругой. Тебѣ будетъ легче перенести мою смерть, чѣмъ вѣчное презрѣніе ко мнѣ. Береги нашу Нину. Всегда беззавѣтно любившая тебя Тина».

Такъ вотъ разгадка, которой боялся Наумовъ!... И боялся не даромъ, потому что къ чувству прежней боли прибавилась еще острая ненависть къ виновникамъ этой трагедіи. Но эта Бэтси недавно умерла послѣ какой-то оргіи; Сюзанъ, уличенная въ одной скверной исторіи, скрылась во Францію. Лишь Сазоновичъ продолжалъ пользоваться всѣми благами жизни...

Спокойный наружно, Наумовъ продолжалъ сидѣть въ креслѣ, но мысли, цѣлый рой мыслей вихремъ неслись въ его головѣ. Наконецъ мучительныя сомнѣнія смѣнились опредѣленною рѣшимостью.

Онъ всталъ, при свѣтѣ бѣлой ночи разобралъ бумагу, бережно сложилъ ихъ обратно, и только два послѣднихъ письма спряталъ въ бумажникъ. Выходя изъ жениной гостиной, онъ обернулся и мысленно обратился къ тѣни той, которая, казалось ему, тутъ присутствовала:

— Тина!... Я не только тебя простилъ, но ты еще чище стала въ моихъ глазахъ!... Прости же и ты меня?...

Онъ заснулъ лишь подъ утро, но въ восемь часовъ вскочилъ и началъ быстро приводить себя въ порядокъ. Позванный со двора лихачъ помчалъ Наумова на Васильевскій островъ и еле-еле посидѣлъ къ отходящему въ Кронштадтъ пароходу.

III.

Путемъ долгихъ разспросовъ Наумовъ не безъ труда нашелъ квартиру лейтенанта Сазоновича, который только что вернулся домой съ вооружавшагося для дальняго плаванія фрегата.

Рослый матросъ, по корабельному босой, ввелъ посѣтителя въ просторную, кокетливо убранную комнату съ массою вещицъ и рѣдкостей, вывезенныхъ, вѣроятно, самимъ хозяиномъ изъ разныхъ странъ.

Навстрѣчу Наумову вышелъ брюнетъ, немного выше средняго роста, изящный, холерный, дѣйствительно не даромъ слышій красавцемъ.

Они уже давно не встрѣчались, и Сазоновичъ не сразу узналъ въ этомъ постарѣвшемъ, сильно осунувшемся гостѣ Наумова, но, узнавъ, поблѣднѣлъ. Подавивъ невольное волненіе, онъ съ дѣланымъ радушіемъ протянулъ руку:

— Дорогой Владимиръ Петровичъ!... Наконецъ-то я васъ вижу!...

Сазоновичу, однако, пришлось сейчас же вспыхнуть. Протянутой руки Наумовъ не принялъ, а сухо поклонился и сказалъ:

— Я къ вамъ, господинъ Сазоновичъ, по очень серьезному дѣлу.

— Весь къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ молодой морякъ, чувствуя, какъ по его спинѣ пробѣжалъ морозъ.

Наумовъ досталъ письмо на англійской бумагѣ и показалъ его:

— Позвольте узнать, это вы писали моей женѣ?

Сазоновъ скрестилъ руки на груди и, прислонясь къ письменному столу, смѣло, вызывающе взглянулъ на Наумова.

— Я не стану отрицать, это мое письмо,—отвѣтилъ онъ твердо.

— Не находите ли вы, что писать такія письма чужой женѣ и вообще вторгаться въ семейную жизнь другого?...—началъ Наумовъ, но Сазоновичъ перебилъ его:

— Я вижу одно, милостивый государь, что вы хотите мнѣ прочесть лекцію о добронравіи, а я не намѣренъ слушать наставленій и потому прошу васъ сказать мнѣ короче: что вамъ отъ меня нужно?...

— Мнѣ нужно знать, кто вамъ далъ право адресоваться къ моей женѣ съ подобными письмами?...

Морякъ пожалъ плечами, и проницательная улыбка искривила его красивый, но чувственный ротъ.

— По меньшей мѣрѣ странный вопросъ!... Это право дается самымъ чувствомъ, разъ оно глубоко и искренно. А затѣмъ, вы сами, господинъ Наумовъ, принадлежите къ обществу и понимаете, что о правѣ... правѣ искать взаимности никогда ни у кого не спрашиваютъ.

Наумовъ исподлобья смотрѣлъ на говорившаго, и подъ этимъ упорнымъ, жесткимъ взглядомъ молодому моряку было неловко, почти жутко. Слова несвободно шли съ языка и не имѣли того значенія, которое хотѣлось имъ придать.

— Да, это теорія людей, подобныхъ вамъ, господинъ Сазоновичъ. Ну, а въ вашу теорію входитъ вопросъ о нравственной отвѣтственности, о томъ, что можетъ наступить моментъ расплаты?...

Рѣзкій жестъ, сдѣланный при этихъ словахъ Наумовымъ, заставилъ Сазоновича невольно отшатнуться, словно избѣгая удара.

— Не бойтесь, я васъ не трону...—сказалъ Наумовъ, замѣтивъ это движеніе и ужъ одной этой фразой нанеся оскорбленіе своему противнику.

При всей своей смѣлости, тотъ растерялся и беспомощно отлядѣлся. Когда взглядъ его остановился на стѣнѣ, увѣшанной разнымъ оружіемъ, онъ сталъ спокойнѣе, лицо его приняло злое выраженіе.

— Ну-съ, такъ все-таки что же вамъ угодно отъ меня?...—сказалъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Вы были у Сюзанъ 11 февраля, годъ тому назадъ?...

Что-то наглое мелькнуло въ глазахъ у Сазоновича. Ему неудержимо захотѣлось высказать какъ можно обиднѣе свое торжество.

— Знаете... Столько воды утекло послѣ этого, что мнѣ трудно воскресить прошлое во всѣхъ подробностяхъ... Впрочемъ, этотъ день для меня памятенъ... О, очень памятенъ!... Помнится мнѣ, я ѣхалъ туда безъ всякой надежды встрѣтить тамъ Тину Васильевну, но она была такъ добра...

По злорадной улыбкѣ своего противника Наумовъ догадался, что тотъ готовится ударить его по живой еще ранѣ, и потому рѣзко перебилъ говорившаго:

— Я не хочу, понимаете ли, не хочу знать, что у васъ тамъ произошло!... Я увѣренъ въ томъ, что жена моя сдѣлалась жертвой гнуснаго насилія... Тсс!... Ни слова!... Мнѣ достаточно того, что въ этомъ участвовала княгиня Бѣтси, а я знаю, на что способна ваша кузина... Вотъ то письмо, которое написала жена по возвращеніи домой... Къ сожалѣнію, я только вчера нашелъ это письмо...

Когда Сазоновичъ прочелъ первыя строки, лицо его изъ блѣднаго стало мертвеннымъ, и онъ принужденъ былъ опуститься на ближайшій стулъ.

Послѣ томительнаго молчанія онъ заговорилъ, зашняясь:

— Вѣдь я!... вѣдь я полагалъ, былъ даже увѣренъ, что причина вашей супруги произошла, какъ все тогда говорили, отъ порока сердца... Развѣ я зналъ... могъ ли я думать, что шутка, свѣтское ухаживаніе, нѣсколько смѣлое, приведетъ къ такому концу?... Владимиръ Петровичъ!... Вѣрьте мнѣ, это извѣстіе глубоко меня поражаетъ!...

«Гнусное, трусливое притворство!...»—подумалъ Наумовъ и сказалъ:

— И результатомъ всей этой шутки—одна жизнь загублена, другая разбита, а вы, главный виновникъ, вы торжествуете!.. Могу ли я это такъ оставить?...

Сазоновичъ всталъ и выпрямился.

— Я понимаю васъ,—вы хотите дуэли. Я тоже не вижу другого исхода. Назовите вашихъ секундантовъ, и мои къ нимъ пріѣдутъ сегодня же.

— Это именно то, чего я хотѣлъ,—отвѣтилъ Наумовъ.—Но я также хотѣлъ бы избѣжать какихъ-либо свидѣтелей, чтобы не было огласки. И вы, конечно, понимаете почему. Я предлагаю рѣшить дѣло жребіемъ...

— Жребіемъ?... Вы предлагаете американскую дуэль?... Ну, что жъ, мнѣ все равно. Я согласенъ, но, признаться, вы мнѣ даете много шансовъ...

Онъ подумалъ, что счастье, всю жизнь ему сопутствовавшее, и тутъ не должно было ему измѣнить.

— Тѣмъ лучше для васъ,—спокойно отвѣтилъ Наумовъ, обводя комнату глазами. Замѣтивъ на столѣ колоду картъ, онъ выbralъ изъ нея два туза, пикъ и червей, и сказалъ:

— Пусть карты рѣшатъ за насъ. Кому достанется красная, тотъ будетъ жить, а черная карта пусть обозначаетъ другой исходъ. Согласны?...

— Согласенъ, но... по съ однимъ условіемъ...—отвѣтилъ Сазоновичъ съ запинкой.—Если мнѣ выпадетъ жребій покончить съ собою, я буду просить небольшой отсрочки. У меня есть обязательства, выполнить которыхъ я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, а для этого мнѣ нужно будетъ произвести раздѣлъ съ братомъ, а затѣмъ мою долю продать. На все это нужно время. Могу я васъ просить объ этомъ?...

— Конечно, конечно...—услужливо отвѣтилъ Наумовъ.—И я въ такомъ же положеніи... Такъ, значить, мы назначимъ срокъ. Три мѣсяца будетъ довольно?...

— Думаю, довольно, хотя дѣло можетъ затянуться.

— Ну, такъ назначимъ полгода. Хорошо?...

— Въ полгода, разумѣется, можно все совершить,—отвѣтилъ морякъ такимъ тономъ, будто рѣчь шла не о жизни и смерти, а о самой простой сдѣлкѣ.

Наумовъ счелъ нужнымъ формулировать условія:

— Итакъ,—кто выберетъ туза червей, тотъ остается жить. Кто выберетъ туза пикъ, тотъ долженъ черезъ шесть мѣсяцевъ, считая отъ сегодняшняго дня, а именно 23-го ноября, покончить съ собою. Таковы наши условія, которыхъ мы обязуемся выполнить честнымъ нашимъ словомъ.

Сазоновичъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и повторилъ:

— Всѣ эти условія я обязуюсь выполнить честнымъ моимъ словомъ.

— Можетъ быть, вы позовете вашего человѣка поддержать карты или мы сдѣлаемъ какъ-нибудь иначе?—предложилъ Наумовъ.

— Ужъ разъ вы хотите безъ свидѣтелей,—отвѣтилъ морякъ:—такъ ужъ пусть будетъ безъ свидѣтелей. Сдѣлаемъ такъ. Вотъ двѣ совершенно одинаковыя японскія вазочки. Я выйду въ другую комнату, а вы положите сюда по картѣ, по вашему усмотрѣнію. Я приду и выберу одну,—другая достанется вамъ.

Наумовъ вытрясъ изъ вазочекъ какую-то мелочь и не глядя вложилъ карты.

— Готово!—крикнулъ онъ.

Сазоновичъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы скрыть охватившее его волненіе, вышелъ изъ сосѣдней комнаты и протянулъ немного дрожавшую руку... Послѣ одной минуты колебанія онъ взялъ дальнюю вазочку, ту, которая стояла ближе къ противнику... Приподнявъ крышку, онъ взглянулъ во внутрь... Вазочка вдругъ вы-

скользнула изъ рукъ и съ короткимъ, обрывистымъ звукомъ разбилась. Среди осколковъ на бѣломъ фонѣ какъ-то неумолнно жестоко зачернѣлъ тузъ пикъ!...

Изъ другой вазочки Наумовъ спокойно досталъ туза червей и сказалъ тихо, даже съ нѣкоторою грустью:

— Я это зналъ!...

— Что же дѣлать, — видно, судьба!... — прошептала безкровными губами Сазоновичъ. Платкомъ, перво сжатымъ въ рукѣ, онъ провелъ по влажному лбу и, сдѣлавъ короткій поклонъ, вышелъ въ другую комнату.

Наумовъ повернулся къ выходу. Одну минуту у подъѣзда онъ остановился въ нерѣшительности, словно раздумывая, не вернуться ли, но затѣмъ отрицательно качнулъ головой и проговорилъ: «Нѣтъ! Пусть будетъ такъ, какъ указала судьба, а тамъ... тамъ посмотримъ!...»

Въ тотъ же день онъ былъ у своего министра и послѣ долгихъ настояній выпросилъ свой переводъ въ провинцію. Какъ только черезъ двѣ недѣли все было устроено, Наумовъ съ дочерью и старушкой няней выѣхалъ на югъ.

IV.

Минуло лѣто, минула и мутная осень... Природа, должно быть, забывъ, что пора посылать зиму, ограничивалась заморозками да туманами и словно плакала по хорошимъ минувшимъ днямъ.

Но веселящимся петербуржцамъ было сполгоря, — они попрежнему неслись въ какомъ-то чаду. Днем — подобіе труда по канцеляріямъ и конторамъ, ночью — прожиганіе жизни по ресторанамъ, театрамъ и другимъ увеселительнымъ заведеніямъ. Конечно, въ частности режимъ варьировался, но общій строй былъ неизмѣненъ. Къ первому слѣдовало отнести ту рѣзкую перемѣну, которая произошла съ Сазоновичемъ, этимъ блестящимъ представителемъ свѣтскаго Петербурга.

Весною онъ поставилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ въ недоумѣніе, внезапно списавшись съ фрегата, на которомъ плавать въ то лѣто считалось особымъ служебнымъ благополучіемъ. По окончаніи кампаніи Сазоновича, несомнѣнно, ждали если не флигель-адъютантскіе аксельбанты, то другое какое-нибудь особое выдающееся назначеніе. Все улыбалось этому счастливому баловню судьбы! Но, конечно, когда онъ подалъ рапортъ, его не удерживали, а лишь пожалы плечами. Мало того, Сазоновичъ скоро вышелъ въ запасъ а это было ужъ совсѣмъ нелѣпо.

Затѣмъ въ общество проникли слухи, что онъ потребовалъ раздѣла съ братомъ адмираломъ и такъ какъ раздѣлъ замедлился,

то молодой морякъ продалъ одному своему родственнику всю свою часть роскошнаго имѣнія. Какая-то торопливость была видна въ его дѣйствіяхъ.

А между тѣмъ онъ появлялся всюду, одѣтый въ самый изящный штатскій костюмъ, который, по общему мнѣнію, шель къ нему чрезвычайно. Бывшаго моряка видѣли на всѣхъ заграничныхъ курортахъ, а также и въ Крыму, и въ окрестностяхъ столицы. Появлялся онъ неожиданно и также внезапно улетучивался. Съ внѣшней стороны онъ былъ веселъ, даже порою черезчуръ веселъ, и лишь иногда на него находили періоды задумчивости, что всегда предшествовало его исчезновенію.

Но, пожалуй, самымъ страннымъ въ его поведеніи было то, что онъ въ то лѣто ни за кѣмъ не ухаживалъ, и ни одна изъ свѣтскихъ красавиць, даже изъ прежнихъ его пассій, не могла бы похвалиться его вниманіемъ.

Когда начался сѣздъ къ зимнему сезону, отсутствіе Сазонова въ гостиныхъ всѣхъ заинтересовало, а черезъ нѣкоторое время узнали, что онъ совершенно превратился въ чудака, поселился на Офицерской и цѣлыми днями сидитъ дома. Пріятели было пробовали вытянуть его на свѣтъ Божій, но попытки ихъ кончались неудачей. Наконецъ двери квартиры закрылись совсѣмъ и тамъ перестали принимать кого бы то ни было. Все это приписали желанію оригинальничать, поговорили немного, да и забыли.

Въ тотъ годъ въ двадцатыхъ числахъ ноября тяжелый темно-сѣрый туманъ совершенно отнялъ у петербуржцевъ и безъ того короткій день. Повсюду круглыя сутки горѣли фонари, лампы и кое-гдѣ только что начинавшее появляться электричество.

Въ одинъ изъ такихъ невеселыхъ дней у дверей квартиры Сазонова позвонилъ какой-то пожилой господинъ. Ему пришлось звонить раза два-три, пока пріотворилась дверь, задержанная цѣпочкой.

— Здѣсь живетъ господинъ Сазоновичъ?—спросилъ посѣтитель.

— Здѣся, но только они больны и никого не принимаютъ,— отвѣтилъ женскій голосъ.

— Слушайте, матушка! У меня есть важное дѣло къ вашему барину. Очень важное! Передайте ему мою карточку.

Карточка исчезла въ щель. Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ она снова открылась.

— Сказали «не нужно» и махнули рукой!....—послышалось изъ-за двери.

Посѣтитель пожалъ плечами, затѣмъ досталъ изъ бокового кармана письмо и просунулъ его въ щель.

— Ну, такъ передайте вашему барину это письмо. Слышите ли, непременно передайте, чтобы онъ прочелъ его сегодня же...

— Ладно, передамъ, а ужъ прочтеть ли, не знаю...

Дверь захлопнулась, и посетитель, низко опустивъ голову, ушелъ. Это былъ Наумовъ. Недавно онъ получилъ отъ знакомыхъ извѣстіе о необъяснимыхъ странностяхъ, проявляемыхъ Сазоновичемъ, и поспѣшилъ прѣхать въ Петербургъ къ условленному дню.

V.

Въ квартирѣ же Сазоновича происходило слѣдующее.

Въ кабинетѣ на диванѣ полулежалъ самъ хозяинъ, въ которомъ было бы трудно узнать бывшего красавца. Давно небритый подбородокъ неровно обросъ какими-то клоками. Длинные, нечесанные волосы на головѣ торчали въ разныя стороны. Сухіе глаза смотрѣли упорно въ одну точку, а ввалившіяся, худыя щеки были безцвѣтны, какъ и потрескавшіяся губы, что-то шептавшія.

Вошедшая кухарка подала письмо.

— Безпремѣнно велѣлъ прочесть тотъ самый, что приходилъ...

Сазоновичъ вскочилъ и хрипло заговорилъ:

— Что ему нужно отъ меня?.. Пусть же, наконецъ, оставятъ меня въ покоѣ!..

Но кухарка настаивала:

— А вы все-таки прочтите письмо-то, можетъ, и впрямь что-нибудь нужное...

— Что прочесть?.. Письмо?.. Это чортъ знаетъ, что такое!.. Ну, давайте, какое тамъ письмо?..

Онъ шаткой походкой подошелъ къ лампѣ, слабо горѣвшей на письменномъ столѣ. Дрожавшіе пальцы не скоро смогли открыть конвертъ. Сазоновичъ долго читалъ, видимо, плохо разбирая буквы и съ трудомъ усваивая содержаніе. Наконецъ изъ груди его вырвался не то стонъ, не то сдержанное рыданіе. Въ глазахъ загорѣлось что-то живое, радостное, а губы начали слагаться въ подобіе улыбки. Мракъ безумія разсѣивался пробуждавшимся сознаниемъ. Несвязно, шопотомъ несчастный больной заговорилъ наконецъ:

— Да, да, жить... жить!... Какая радость, какое счастье!... А какъ близка была эта ужасная, черная бездна небытъя!.. Ее, только ее одну я и видѣлъ, — она все собою заслонила!... Теперь она удаляется, уходитъ куда-то эта ужасная бездна... И сейчасъ — я свободенъ!... Я опять живъ!.. Охъ, какъ больно бьется сердце!.. Оно отвыкло радостно биться, и теперь въ него вливается жизнь... Теперь я уѣду въ теплые края, гдѣ солнце, а не эта тьма, напоминающая мнѣ ужасную пропасть...

— Николавна!... — вдругъ крикнулъ онъ кухарку. — Свѣту дайте. Зажгите лампы, свѣчи!.. Я не хочу этой темноты!... Пусть вездѣ горитъ свѣтъ!...

Кухарка услышала въ голосѣ хозяина необычный тонъ и тоже оживленно встрепенулась и зашмыгала по комнатамъ, всюду за-

жгяга свѣтъ. Въ иныхъ лампахъ не было керосина, стеколь, и ей пришлось бѣгать въ лавчонку.

— Ишь, какъ его письмо-то передѣлало. Совсѣмъ преобразился, ажно заглѣть...—приговаривала Николаевна, прислушиваясь, какъ баринъ началъ что-то напѣвать про себя.—Такъ-то лучше будетъ, а то, ни на что не похоже, валяется себѣ цѣлыми днями на диванѣ да мычить по звѣриному, прости Господи!.. Можетъ, теперь и пообѣдаетъ?.. Шутка ли сказать, сколько дней не обѣдавши, какъ слѣдуетъ... Только переводъ одной провизіи...

Когда она съ этимъ предложеніемъ обратилась къ барину, ходившему по залу, онъ отвѣтилъ:

— А развѣ я не обѣдалъ?... И въ самомъ дѣлѣ, кажется, я не обѣдалъ... Дайте срокъ, Николаевна, я пообѣдаю и хорошо пообѣдаю...

Этотъ тонъ совсѣмъ ободрилъ кухарку. Она даже осмѣлилась предложить:

— Да вы бы, баринъ, пошли бы да подстриглись маленько, а я тѣмъ временемъ вамъ ванну стоговила бы. Сколько дней вы не банились-то, грѣхъ сказать...

Сазоновичъ взглянулъ на себя въ зеркало и даже отшатнулся. Оттуда смотрѣло совсѣмъ незнакомое, страшное лицо... И это то самое лицо, которое онъ еще такъ недавно холилъ, самъ находилъ красивымъ и даже любилъ!...

— Какъ я могъ довести себя до такого состоянія?!—воскликнулъ онъ съ ужасомъ и сталъ спѣшно одѣваться. Черезъ полчаса онъ уже катилъ на извозчикѣ къ парикмахеру.

Болтливый французъ, мэтръ Франсуа, встрѣтилъ своего всегдашняго кліента цѣлымъ каскадомъ французскихъ фразъ, пересыпанныхъ для комизма коверканными русскими словами. Но Сазоновичъ даже не улыбнулся и сѣлъ въ кресло, закрывъ глаза, чтобы не видѣть своего отраженія. А французъ добросовѣстно старался развлечь посѣтителя:

— *Qu'est ce que je vois?.. Du blanc dans le brun!.. Сэдина!.. Helas, notre temps кончилъ!.. Врѣмья кончилъ!.. C'est du бобьеръ... Mais ces diablesses de femmes adorent cette fourrure... Hein?..*

Но суровое молчаніе Сазоновича заставило смолкнуть болтуна и даже обидѣться. Послѣдніе *coups de main* были имъ произведены небрежно,—стоило ли расточать вниманіе этому теперь рѣдко появляющемуся кліенту, который *pour sur est ensauvagé... Ça vient au russes!..*

Операція стрижки и бритья была, наконецъ, окончена. Сазоновичъ, подбритый, подстриженный, слегка припудренный, казался еще худѣе, безжизненнѣе, еще рѣзче выступали темные круги вокругъ глазъ съ сильно расширенными зрачками.

Французъ обратилъ вниманіе на чернѣвшій на правомъ вискѣ небольшой синякъ, и это само по себѣ незначительное замѣчаніе

было каплей, переполнившей чашу... Сазоновичу припомнился боцманъ, когда-то застрѣлившійся у нихъ на корветѣ, съ точно такою же ранкой на вискѣ.

— Какъ у того несчастнаго!... А я развѣ не несчастный?... Развѣ я не мертвецъ уже?... Развѣ я не трушъ?

Все вдругъ перемѣшалось въ его больной головѣ. Весь душевный подъемъ, на минуту блеснувшая радость жизни разомъ упали, и его охватила съ еще большей силой прежняя тоска, прежняя боязнь людей... Онъ почти выбѣжалъ изъ парикмахерской и бросился на первую попавшуюся пролетку. Поднявъ воротникъ шубы, со страхомъ оглядываясь по сторонамъ, онъ всю дорогу торопилъ извозчика. У подъезда онъ не считая отдалъ нѣсколько монеть и, перескакивая черезъ двѣ-три ступени, взлетѣлъ на лѣстницу.

VI.

Николаевна спѣшно отворила на нетерпѣливые, частые звонки и чуть не была сбита съ ногъ ворвавшимся Сазоновичемъ. Ускоренно дыша, сбросилъ онъ съ плечъ шубу и, что-то бормоча, ушелъ въ кабинетъ.

— Господи спаси и помилуй!...—шептала кухарка, крестя его вслѣдъ.—Кажись, опять началось!... А я-то думала, что навѣженіе съ него соскочило, а онъ еще страшнѣе сталъ...

Много Николаевнѣ приходилось на вѣку видѣть чудныхъ господъ, и къ странностямъ этого барина она ужъ совсѣмъ было привыкла, но сейчасъ и ей стало страшно. Она рѣшила сегодня же попросить расчетъ. До сихъ поръ ее здѣсь удерживала выгода. Дѣйствительно, не всякой посчастливится такое мѣсто, гдѣ бы не было хозяйки, а одинокій хозяинъ совсѣмъ не бралъ бы счетовъ и не слѣдилъ за тратами, а деньги прямо валялись зря. Безъ сомнѣнія, жаль было покидать такого добраго, нескупого барина, да что же дѣлать? Лучше уйти себѣ по добру, по здорову, а то, не ровень часъ, случится, прости Господи, какое несчастіе, такъ вѣдь найдеть эта полиція, пойдуть допросы, начнутся обыски, станутъ дознаваться, откуда столько денегъ набрала, и не повѣрятъ, что нажила за восемнадцать лѣтъ каторжной кухарнической службы...

Такъ думала Николаевна, сидя у себя за перегородкой въ кухнѣ. Чтобы успокоить душевное волненіе, она прибѣгла къ вѣрнѣйшему средству—начала считать деньги. Завѣсивъ предварительно окно и доставъ изъ разрѣза тюфяка завернутый въ пожелтѣлую газету пакетъ, она принялась откладывать среднимъ пальцемъ на счетахъ суммы наличныхъ денегъ, отданныхъ въ долгъ, отосланныхъ въ деревню. Каждый разъ итогъ выходилъ разный, и это сильно интересовало Николаевну. Вдругъ она подняла глаза и обмерла: на порогѣ стоялъ баринъ и смотрѣлъ на нее...

— А я васъ давно зову, а вы не откликаетесь, — проговорилъ онъ усталымъ голосомъ.

— Виновата, баринъ! Я не слыхала... Я тутъ занялась своимъ дѣломъ... — залепетала сконфуженная кухарка, накидывая фартукъ на деньги.

— Вы свои деньги считали? Это хорошо, Николаевна. Говорятъ, деньги счетъ любить. Отчего вы ихъ въ какъ его... въ банкъ не положите? Тамъ бы проценты вамъ дали, а дома могутъ у васъ украсть ихъ... А я васъ, Николаевна, звалъ, чтобы сказать... Что, бишь, я хотѣлъ сказать? Да. Если придетъ тотъ господинъ, который приносилъ письмо, то вы ему скажите: «баринъ приказалъ вамъ доложить, что уже поздно»... Такъ и скажите: «поздно». Поняли?

— Понять-то поняла, а вы развѣ собираетесь куда?

— Собираюсь, Николаевна, собираюсь... Такъ и скажите: «моль, уже поздно»... А затѣмъ вотъ что... Пойдемте сюда?

Сазоновичъ вернулся къ себѣ, сопровождаемый озабоченной Николаевной. Доставъ изъ письменнаго стола сторублевку, онъ протянулъ ее кухаркѣ, говоря:

— Я не помню, платилъ ли я вамъ жалованье за послѣдній мѣсяць, ну, такъ вы возьмите отсюда, а остальное приобщите къ вашимъ деньгамъ и непременно положите въ банкъ... Завтра же съ утра пойдите и положите...

Николаевна ужъ было протянула руку, но вдругъ вспыхнула и бухнулась въ ноги, голося:

— Родимый мой баринъ! доканалы вы меня вашей добротой! Простите меня, дуру, а я больше не могу терпѣть... Чуетъ мое сердце, что вы нехорошее надумали... Охъ, чуетъ мое сердце!... Отпустите меня!... Пожалѣйте меня!... Вѣдь мнѣ-то одной придется быть въ отвѣтъ, ежели что приключится... Потянуть меня къ допросу, засудятъ, затаскаютъ по тюрьмамъ и отымутъ все накопленное годами, а, видитъ Богъ, я всю жизнь честно копила... Отъ васъ ежели чѣмъ поживилась, то самую малость, потому совѣстилась брать-то отъ блажененькаго!... Теперь все отдамъ, все, что взяла сверхъ положеннаго, только отпустите меня... И жаль, видитъ Богъ, какъ жаль мнѣ оставлять васъ, — не будетъ возлѣ васъ любящаго человѣка, чтобы приласкать, пожалѣть васъ, да только вижу, что мнѣ не пособить вамъ и не отвратить руки вашей... Не губите меня, отпустите, рассчитайте!... И денегъ мнѣ вашихъ не нужно...

Сазоновичъ наклонился было поднять съ колѣнъ Николаевну, но руки его опустились, и онъ молча слушалъ эти причитанія. Когда они стихли, губы его прошептали:

— Забылъ, совсѣмъ забылъ, что ей, бѣдной, придется пережить всю послѣдующую передрагу... Но какъ ее оградить?...

— Не плачьте, Николаевна! — сказалъ онъ вслухъ. — Вамъ нечего пасться. Я все устрою. Если же вы не хотите оставаться у меня,

такъ уходите себѣ съ Богомъ и не поминайте меня лихою... А деньги берите. Не захотите у себя оставлять,—раздайте нищимъ, или другое что сдѣлайте... А уйти можете хоть сейчасъ. Вотъ и паспортъ вашъ.

— Спасибо вамъ, соколикъ мой, баринъ мой ненаглядный!..— снова бухнулась въ ноги Николаевна, а затѣмъ бросилась цѣловать руки, которыя тотъ не успѣлъ выдернуть.—Буду за васъ вѣчно Бога молить? Вовѣкъ мнѣ не найти такого добраго барина?.. А я буду навѣдываться, безпремѣнно буду приходить, а замѣсто себя, пока что, попрошу дворничиху прислуживать вамъ, куму мою, она и раньше не разъ вамъ прислуживала.

— Мнѣ все равно,—сказаль устало Сазоновичъ и сѣлъ къ столу.

Николаевна, видно, давно была готова къ отъѣзду, потому что черезъ какихъ-нибудь полчаса дворники уже сносили ея сундукъ и узлы съ тряпьемъ. Конечно, она никому не сказала своихъ опасеній насчетъ барина, и на кухнѣ весьма охотно водворилась кума ея Софьюшка, молодая жена младшаго дворника.

А Сазоновичъ въ это время ходилъ по кабинету то скорыми шагами, то замедляя ихъ. Иногда слышался его смѣхъ или выкрики отдѣльныхъ словъ. Подъ конецъ вечера онъ позвалъ Николаевну и съ удивленіемъ вмѣсто нея увидѣлъ другую женщину. Съ трудомъ онъ вспомнилъ, что самъ же отпустилъ кухарку. Онъ попросилъ поѣсть. Дворничиха накрыла ему въ столовой и подала жареныхъ къ обѣду рябчиковъ. Сазоновичъ сѣлъ, глотая съ трудомъ, кусочка два, но зато выпилъ всю бутылку вина и еще бы выпилъ, но не догадался спросить.

Подзакусивъ, онъ опять зашагалъ изъ угла въ уголь. Снизу даже прислали горничную съ просьбой прекратить это хожденіе, которое беспокоитъ больную, лежавшую какъ разъ подъ кабинетомъ. Софьюшка не безъ опасенія доложила объ этой просьбѣ барину, и онъ, къ удивленію, безропотно покорился, прошелъ въ спальню и почти моментально заснулъ.

Проснулся онъ на другой день часовъ около одиннадцати. Было совсѣмъ свѣтло. Поднявшійся ночью вѣтеръ сдулъ висѣвшую надъ Петербургомъ густую пелену тумана, и солнце теперь наквитывало потерянные дни.

Сазоновичъ вопросительно оглядѣлся, вспомнилъ что-то и быстро вскочилъ.

— Сегодня!... Сегодня великій день моего освобожденія!... Какъ на душѣ стало легко, просвѣтлѣло, прозрачно какъ-то стало!...

Онъ приказаль затопить въ ванной и сварить кофе. Выкупавшись и напившись крѣпчайшаго чернаго кофе, онъ нѣсколько разъ прошелся по залитому солнцемъ залу, остановился передъ Софьюшкой, видимо желая ей что-то сказать, по губы его задрожали.

лицо сдѣлалось какое-то «жалостное», и онъ быстро повернулся и заперся на ключъ.

Дворничиха же стала безцѣльно бродить по комнатамъ. Она не знала, какъ ей быть съ объдомъ, и нѣсколько разъ для этого подходила къ двери, но боялась потревожить барина. Наконецъ она махнула рукой, позвала мужа и угостила его и себя хорошимъ винцомъ и вчерашнимъ почти нетронутымъ объдомъ. Ублажившись, она прикурнула въ залѣ на диванѣ, чтобы быть ближе, ежели баринъ позоветъ.

Разбудила ее вечеромъ Николаевна, пришедшая провѣдать, все ли благополучно на старомъ мѣстѣ. Узнавъ, что баринъ давно заперся, она постучала въ дверь. Тамъ было все тихо. Николаевна всплеснула руками и зашептала:

— Охъ, мать моя, боюсь, какъ бы не случилось чего съ нимъ, съ моимъ голубчикомъ!

Внезапный страхъ охватилъ обѣихъ женщинъ, и онѣ, перегоняя другъ друга, бросились вонъ изъ квартиры въ дворницкую. Поднялся переполохъ. Послали въ часть, и скоро прибыли всѣ нужныя власти.

Распорядительный приставъ первымъ дѣломъ повыгонялъ всѣхъ постороннихъ, затѣмъ разспросилъ прислугу и ужъ тогда дѣловито, насупя брови, сильно постучалъ нѣсколько разъ въ дверь кабинета. Когда оттуда никто не отозвался, два дюжихъ дворника навалились плечами, дверь затрещала и подалась. Глаза всѣхъ впились въ темногу комнаты...

— Ну, идите впередъ и свѣтите!—скомандовалъ приставъ.

Дворники несмѣло шагнули черезъ порогъ, высоко держа надъ головами свѣчи.

— Ну, такъ и есть, готовъ,—застрѣлился!—громко объявилъ приставъ, словно онъ это предвидѣлъ и теперь радъ своей прозорливости.

Всѣ вздрогнули и стали креститься. Николаевна съ плачемъ бросилась на похолодѣвшій трупъ своего барина, лежавшаго съ полуоткрытыми, но уже помутившимися глазами поперекъ комнаты. Приставъ приказалъ оттащить бабу, послалъ за докторомъ и припустилъ къ осмотру.

Тѣло лежало на спинѣ, и руки были раскинуты въ стороны. Въ правой былъ зажатъ небольшой смитовскій револьверъ. Крови нигдѣ не было, но на правомъ вискѣ ясно обозначалось темно-красное пятно, немного вздутое. На столѣ лежали два письма. Одно было адресовано въ Брестъ на имя адмирала Сазоновича, брата покойника. Въ другомъ, безъ адреса, умершій просилъ никого не вѣнчать въ его смерти, затѣмъ оставлялъ въ особомъ конвертѣ довольно крупную сумму на похороны, а все движимое просилъ продать и вмѣстѣ съ остаткомъ стъ похоронъ раздать въ пріюты. Внизу еще

свѣжими чернилами неровнымъ почеркомъ съ пропускомъ буквъ было приписано: «Служившую у меня кухаркой Анну Николаевну Огурцову, уроженку Тульской губерніи, прошу ни въ чемъ дурномъ не подозрѣвать. Всѣ имѣющіяся у нея сбереженія принадлежатъ ей лично и нажиты ею честнымъ трудомъ».

Скоро прибылъ докторъ и констатировалъ смерть отъ выстрѣла изъ револьвера въ високъ. Но тутъ произошло нѣчто странное. При дальнѣйшемъ осмотрѣ въ револьверѣ всѣ патроны оказались цѣлыми, и лишь на одномъ слѣдѣ осѣчки. Височная же рана оказалась простымъ синякомъ съ большимъ подкожнымъ кровоизлияніемъ. Пришлось трупъ везти въ больницу для вскрытія. Тамъ также не было найдено ни пули, ни отравленія. Въ общемъ доктора опредѣлили смерть отъ паралича сердца, подѣ влияніемъ самовнушенія.

Вскрывавшій въ больницѣ врачъ обратилъ вниманіе на крѣпко стиснутую лѣвую руку. Когда ее разжали, тамъ нашли сильно измятое письмо. Докторъ его разгляделъ и прочелъ слѣдующее:

«Николай Сергѣевичъ. Именемъ той, память которой для мѣня священна, я возвращаю вамъ слово. Живите. Молю Бога, дабы Онъ послалъ вамъ успокоеніе. В. Наумовъ».

Докторъ пожалъ плечами и подумалъ: «Тутъ, очевидно, таится какая-то драма. А, впрочемъ, мало ли ихъ случается ежедневно!» Онъ хотѣлъ было бросить письмо, но такъ какъ онъ былъ игрокъ и притомъ суевѣренъ, то спряталъ этотъ документъ въ бумажникъ— на счастье.

Когда Рудальцевъ кончилъ, слушатели нѣкоторое время молчали подѣ впечатлѣніемъ прочитаннаго. Начавшійся послѣ этого обмѣнъ мнѣній, однако, былъ прерванъ хозяйкой дома, пригласившей гостей къ ужину. Всѣ двинулись изъ кабинета, но нѣсколько молодыхъ людей задержались, докуривая папиросы.

— И очень глупо!—вдругъ сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Что глупо?..—спросилъ другой.

— Да со стороны этого Сазоновича,—продолжалъ первый.— Я бы на его мѣстѣ прямо удралъ въ плаваніе и никакого самоубійства не совершалъ...

— Да вѣдь онъ далъ слово...

— Абсурдъ! Что значить «слово»? Звукъ и больше ничего... Вылетитъ слово—пойди, поймай его! Это когда-то наивные люди вѣрили въ слово, а теперь, милый мой, это—vieux jeu...

Затушивъ папиросы, собесѣдники поспѣшили въ столовую.

М. Рукевичъ.

БРЫЗГИ ПАМЯТИ.

ЕЛЪ Великій постъ 1869 года. Я былъ студентомъ второго курса петербургскаго университета. Великимъ постомъ ежегодно устраивался самими студентами литературно-музыкальный вечеръ, для котораго петербургскіе клубы охотно давали безплатно заль, даже съ освѣщеніемъ, а литераторы и артисты, также безплатно, читали, играли и пѣли. Распорядителями на такихъ вечерахъ были студенты, выразившіе желаніе принять на себя хлопоты по испрошенію разрѣшенія на устройство вечера, по приглашенію чтецовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, по продажѣ входныхъ билетовъ и по наблюденію за порядкомъ на самомъ вечерѣ, т. е., главнымъ образомъ, за точнымъ соблюденіемъ разрѣшенной полиціей программы, безъ всякихъ дополненій и сюрпризовъ. У меня было большое литературное знакомство, и товарищи просили меня взять на себя устройство литературно-музыкальнаго вечера въ пользу немущихъ студентовъ. Я согласился и дѣятельно принялся за всѣ сопряженныя съ этимъ хлопоты: подалъ прошеніе министру императорскаго двора, отъ котораго зависѣло тогда разрѣшеніе всѣхъ частныхъ спектаклей, концертовъ, литературныхъ вечеровъ и пр. Фактически это разрѣшеніе давала контора императорскихъ театровъ, т. е. приснопамятный баронъ Кистеръ, къ которому и надо было найти «руку». Какъ на такую «руку» мнѣ указали на Ѳ. Д. Гриднина, внѣбрачнаго сына извѣстной въ свое время танцовщицы, А. А. Рюхиной. Баронъ Кистеръ, говорили мнѣ, охочъ благоволить къ Рюхиной и ея

сыну и разрѣшить вечеръ, по просьбѣ Гриднина, безъ дальнѣйшихъ справокъ и всякихъ затрудненій. Къ Гриднину мнѣ даль письмо покойный П. Н. Ткачевъ, работавшій тогда въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова и дружившій уже съ Нечаевымъ, дѣйствовавшимъ среди петербургской молодежи и познакомившимъ Ткачева съ Гриднинимъ.

Гриднинъ жилъ съ матерью и теткою въ роскошной квартирѣ на Караванной улицѣ, занимая двѣ отдѣльныя комнаты, съ особымъ ходомъ на хорошую, хотя и «черную», лѣстницу. Я позвонилъ у парадной двери.

Отворившая дверь элегантная горничная пригласила меня слѣдовать за ней, сказавъ, что баринъ дома, занимаются въ своихъ апартаментахъ. Мы прошли изъ передней въ коридоръ и остановились у одной изъ выходившихъ въ него затворенныхъ дверей. Горничная постучалась и вошла въ комнату, не дожидаясь отвѣта на свой стукъ. Минуту спустя, въ коридоръ вышелъ молодой человекъ лѣтъ 30, въ золотыхъ очкахъ, съ небольшой свѣтлой, почти рыжей бородкой и такими же усами. Очки были темныя, глазъ не было видно.

— Къ вашимъ услугамъ, Гриднинъ,—сказалъ онъ.

Я передалъ ему письмо Ткачева.

— Здѣсь темно. Пройдемъ въ мою комнату.—И онъ отворилъ дверь, изъ которой вышелъ, приглашая меня войти первымъ.

Я вошелъ въ небольшую, узкую комнату, съ однимъ окномъ. Въ лѣвомъ углу, упираясь въ стѣну и въ подоконникъ, стоялъ довольно большой письменный столъ, надъ которымъ въ углу висѣлъ большой портретъ масляными красками матери хозяина, въ балетномъ костюмѣ. Вокругъ этого портрета, на обѣихъ сходящихся углахъ стѣнахъ красовались кабинетныя фотографіи Герцена, Бакунина, Прудона, Гарибальди, Виктора Гюго, Огарева, Чернышевскаго, Михайлова, многихъ извѣстныхъ актеровъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, музыкантовъ русскихъ и заграничныхъ. Къ углу стола примыкалъ низкій книжный шкалъ, на которомъ красовались неважные гипсовые бюсты Пушкина, Вѣлинскаго и Гоголя. У правой стѣны стояла небольшая кушетка-кресло, а передъ ней круглый столикъ съ курительными принадлежностями. Письменный столъ, окно, пространства между бюстами на шкапу были завалены книгами и брошюрами, русскими и иностранными. На боковыхъ, отъ письменнаго стола, стѣнахъ были размѣщены разнообразныя гравюры и группы, между прочимъ и группа бывшей редакціи журнала «Русское Слово», съ Благосвѣтловымъ, Зайцевымъ, Писаревымъ, Соколовымъ, Ткачевымъ и другими, менѣе извѣстными сотрудниками запрещеннаго журнала. Куда дѣлась эта интересная группа послѣ смерти Гриднина? Не сохранилась она, повидимому, и у другихъ лицъ, которыя имѣли ее, иначе она непременно

была бы воспроизведена въ нашихъ газетахъ и историческихъ журналахъ «свободнаго» времени.

Гридинъ прочелъ письмо Ткачева и спросилъ:

— А у васъ есть разрѣшеніе университетскаго начальства?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—мы думаемъ устроить нашъ вечеръ просто «съ благотворительной цѣлью», не вмѣшивая въ это дѣло правленія университета, чтобы сохранить за собой возможность раздать собранныя деньги дѣйствительнымъ бѣднякамъ, а не «любимцамъ» начальства. Я и прошеніе подалъ о разрѣшеніи мнѣ устроить вечеръ съ благотворительною цѣлью, не объясняя послѣдней.

— Кистеръ можетъ не удовольствоваться такимъ опредѣленіемъ цѣли вечера и пожелаетъ проникнуть въ ваши ближайшія цѣли. Что сказать тогда ему?

— Объ этомъ надо подумать. По правдѣ сказать, мнѣ это не приходило въ голову.

— Не сдѣлаемъ ли такъ, не скажемъ ли ему, что сборъ съ вечера предназначается въ пользу бѣднаго семейства?

— Тогда вмѣшается полиція, потребуеъ отъ меня документальнаго доказательства того, что деньги переданы по назначенію. А гдѣ я возьму такое семейство?

— Я вамъ помогу,—у меня есть одна бѣдная женщина съ тремя дѣтьми, очень нуждающаяся. Вы ей дадите рублей 50, и она вамъ выдастъ какую угодно расписку.

— А не разболтаеъ?

— Можете быть покойны, я ее знаю давно, и она предана моей матери всей душой.

— Въ такомъ случаѣ, дѣйствуйте, какъ хотите. Я думаю, что мои товарищи-распорядители одобрятъ мою рѣшимость пожертвовать 50-ю рублями, дабы сохранить за нами право распорядиться сборомъ безъ вмѣшательства правленія и инспекціи.

— Если такъ, то я завтра же поѣду къ Кистеру, а потомъ займемъ приглашеніемъ артистовъ. Въ этомъ я тоже могу принести вамъ пользу своими знакомствами въ артистическомъ мірѣ.

Я поблагодарилъ и собрался уходить. Протягивая мнѣ руку, Гридинъ сказалъ:

— Завтра же заѣду къ вамъ сообщить о моемъ свиданіи съ барономъ. Застану ли васъ въ 3—4 часа дня?

— Если можно, приѣзжайте лучше послѣ обѣда, часовъ въ 7—8 вечера. Постараюсь собрать всѣхъ распорядителей.

— Пусть будетъ такъ, если это вамъ удобнѣе. Мнѣ все равно,—я вечеромъ всегда свободенъ, когда не бываю въ театрѣ, или мать не ждетъ гостей. Завтра ни того, ни другого не предвидится.

Я ушелъ.

На другой день, ровно въ 8 часовъ вечера, Гридинъ былъ у меня. Его предчувствіе оправдалось: Кистеръ уже послалъ, отъ имени ми-

нистра двора, черезъ полицію, запросъ мнѣ, съ какою именно благотворительною цѣлью намѣреваюсь я устроить вечеръ. По этотъ запросъ еще не дошелъ до меня.

— Когда я разскажалъ ему,—продолжалъ Грідницъ:—что вы устраиваете вечеръ въ пользу бѣднаго семейства, баронъ сейчасъ же объявилъ мнѣ, что вечеръ будетъ немедленно разрѣшенъ, какъ только мой отзывъ на посланный запросъ будетъ имъ полученъ.

— Я завтра же справлюсь въ вашемъ участкѣ,—вставилъ я.

— А я уже просилъ мою мать вызвать завтра утромъ ту бѣдную женщину, о которой говорилъ вамъ вчера, и не сомнѣваюсь, что все устроится вполнѣ благополучно. Вопреки пословицѣ, мы, погнавшись за двумя зайцами, убьемъ ихъ обонхъ. И бѣднякамъ-студентамъ поможемъ, и бѣдную женщину поддержимъ. Надо только интереснѣе составить вечеръ. На кого изъ литераторовъ вы рассчитываете?

— Съ этой стороны я покоенъ. Приглашу Якова Полонскаго, Соколовскаго, Скабичевскаго, Ткачева, Минаева, можетъ быть, и Достоевскій согласится прочесть небольшой отрывокъ, хотя на него особенно рассчитывать нельзя,—онъ человѣкъ больной и капризный.

— И безъ Достоевскаго обойдемся, пяти чтецовъ за глаза довольно, три въ первомъ и два во второмъ отдѣленіи. Больше, право, не требуется. Лучше лишній разъ выпустить пѣвца или пѣвицу. А начнетъ вечеръ кто? Надо для начала хорошаго музыканта. Есть у васъ такой?

— Музыкантовъ я имѣю въ виду двоихъ: піаниста Данеманна, его же попрошу аккомпанировать пѣвцамъ и пѣвицамъ, и скрипача Пушшлова. Не откажетъ мнѣ и виолончелистъ Веркбилловичъ, съ которымъ я встрѣчаюсь у одного моего пріятели. Первое отдѣленіе можно начать роялемъ, а второе скрипкою, виолончель же пройдетъ и въ серединѣ. Вотъ пѣвцовъ и пѣвицъ никого не знаю, а они главная приманка для публики съ улицы.

— Я ихъ всѣхъ знаю и напередъ скажу вамъ, на кого изъ нихъ вы можете рассчитывать, на кого нѣтъ. Платонова, Леонова, Меньшикова, Корсовъ, Сиріоти всегда охотно поютъ въ благотворительныхъ концертахъ; старикъ Петровъ проситъ «поцѣды» по старости; Никольскій жаждетъ до денегъ и почти никогда и нигдѣ не поетъ даромъ; Лавровская на всѣ приглашенія отвѣчаетъ, что она принципиально не сочувствуетъ никакимъ благотворительнымъ концертамъ и вечерамъ и признаетъ лишь взаимную артистическую помощь служителей сцены и эстрады.

— А Горбунова можно залучить? Какъ вы думаете?—спросилъ я.

— Трудно, но невозможно. Надо только сумѣть въ день вечера сохранить его относительно трезвымъ, чтобъ онъ могъ выйти на эстраду. Это совсѣмъ безвольный человѣкъ. Даже въ казенные

спектакли онъ почти всегда выходитъ навеселѣ, вышивая передъ выходомъ бутылку елисеѣвскаго рублеваго хереса.

— Хотѣлось бы, однако, такъ или иначе заполучить его имя на афишу. Публика очень любитъ его рассказы.

— Попытаюсь залучить и охранить его для вашего вечера. Мать миѣ поможетъ. Онъ очень уважаетъ ее и иногда слушается.

Поболтавъ еще немного, мы разошлись, условившись на другой день вмѣстѣ начать приглашеніе артистовъ.

На утро, въ 11 часовъ, я былъ у Гриднина. Погода стояла возмутительная, такая, какая бываетъ въ началѣ марта только въ Петербургѣ: темно, мрачно, съ неба срывается то дождь, то снѣгъ, въ воздухѣ холодно, жутко, словомъ, какое-то пятое время года, календаремъ не предусмотрѣнное. Ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать сносно было невозможно, хотя извозчики храбро выѣхали, кто на саняхъ, кто на маленькихъ пролеткахъ, на круглыхъ рессорахъ (такихъ извозчиковъ теперь уже нѣтъ). Спасаясь отъ мучительной тряски, мы рѣшили взять извозничью карету и направились прежде всего къ Ю. Ѳ. Платоновой. Артистка встрѣтила насъ просто, радушно и сейчасъ же согласилась пѣть на нашемъ вечерѣ.

— А аккомпаниаторъ у васъ есть?—спросила Юлія Ѳеодоровна.

— Думаю пригласить Данеманна,—отвѣтилъ я.

— Отлично. Съ нимъ я люблю пѣть. Онъ прекрасный, понимающій музыкантъ и одинъ изъ самыхъ искусныхъ аккомпаниаторовъ въ Петербургѣ.

Отъ Платоновой мы поѣхали къ Леоновой. Дарья Михайловна жила на Адмиралтейскомъ каналѣ, въ домѣ бывшемъ Старчевскаго, извѣстнаго въ свое время журналиста, основателя «Сына Отечества». Въ этомъ домѣ—говорила она—поселилъ ее самъ М. И. Глинка.

Д. М. вышла къ намъ въ приемную въ сопровожденіи молодой милостивой блондинки, которую она отрекомендовала намъ, какъ свою племянницу, назвавъ ее Ольгою Васильевною Кольцовою. Племянница лицомъ и фигурою очень походила на тетку.

Весьма любезно и привѣтливо встрѣтивъ насъ, Д. М. объявила, что всегда душевно рада помочь своимъ голосомъ нуждающимся студентамъ, у которыхъ она чувствуетъ себя въ неоплатномъ долгу за тѣ шумные, горячіе приемы, которыми студенчество не перестаетъ выражать ей свое сочувствіе.

— Повѣрьте, я искренно и глубоко цѣню это отношеніе ко миѣ петербургской молодежи, оно составляетъ мою гордость, мое утѣшеніе, мою отраду, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на Маріинской сценѣ появились новые Вани, Ратмиры, молодые, свѣжіе, покорившіе всѣхъ рецензентовъ и большую часть публики. Одна молодежь остается вѣрна Леоновой, которую научилъ пѣть Ваню и Ратмира самъ авторъ «Жизни за царя» и «Руслана». Это учитель получше Ниссенъ-Соломонъ. Нѣкоторые упрекаютъ меня, что я иногда

пою въ носъ, а знаете, кто научилъ меня этому? Самъ Глинка, говорившій, что русское пѣніе требуетъ носоваго звука. Петровъ подтвердитъ вамъ это, если не вѣрите мнѣ. Не разъ онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Глинка требовалъ, чтобъ я давала носовой звукъ. И я не смѣла спорить, училась пѣть такъ, какъ желалъ нашъ незабвенный композиторъ, а теперь меня казнятъ за это, упрекаютъ въ вульгарности исполненія. Но привычка обратилась въ натуру, и пѣть по новому я не могу, да и не хочу. Такъ и умру съ завѣтами Глинки. Вотъ и ее учу пѣть немного въ носъ, — закончила Дарья Михайловна, показывая на племянницу.

— А Ольга Васильевна тоже поетъ? — спросилъ я.

— И очень недурно, — отвѣтила Д. М. и неожиданно прибавила: — Хотите, и она выступитъ въ вашемъ концертѣ. Она уже раза два пѣла публично и не безъ успѣха. Для нашего цирка, именуемаго Маріинскимъ театромъ, ея голосъ, правда, малъ, но въ клубной залѣ онъ будетъ звучать хорошо, а мои милые студенты поддерживать мою молодую наслѣдницу.

— Мнѣ ничего другого не остается, какъ искренно благодарить васъ и Ольгу Васильевну за это неожиданное пополненіе программы нашего вечера.

Въ заключеніе нашей бесѣды Д. М. пригласила насъ на свой именинный праздникъ—19 марта.

Дальнѣйшіе визиты: къ Менъшиковой, Корсову и Саріоти—не ознаменовались никакими интересными подробностями. Вездѣ мы были приняты любезно и получили согласіе артистовъ пѣть на нашемъ вечерѣ. Наше странствованіе мы закончили посѣщеніемъ Даднеманна и Пушилова, которые не менѣе любезно согласились и играть, и аккомпанировать.

Осталось дожидаться разрѣшенія министра двора, назначить день вечера и печатать афишу.

Памятно мнѣ посѣщеніе участка. Видный, бравый, еще нестарый приставъ, съ сохранившимися манерами лихова гвардейца, рѣшительно отказался разыскивать интересующую меня бумагу, объявивъ, что, если не объявлена мнѣ, значить, до нея очередь не дошла. А нарушать очередь въ исполненіи бумагъ онъ ни для кого не намѣренъ. «Понимаете, ни для кого, не только для студента».

Сказавъ и скрылся въ боковую дверь, плотно приперевъ ее за собой. Мнѣ не трудно было понять, что больше ждуть нечего.

Но я не покорился. Великій постъ не вѣчень, слѣдовало торопиться, дабы не пропустить единственнаго періода, когда разрѣшались въ Петербургѣ частные концерты, литературные утра и вечера. Необходимо было какъ-нибудь обойти «очередь» и отвѣтить на запросъ министерства двора помимо полиціи. Сдѣлать это оказалось нетрудно. Я сейчасъ же написалъ и послалъ по городской почтѣ дополнительное прошеніе министру двора съ разъясненіемъ что

вечеръ устраивается мною въ пользу бѣднаго семейства, состоящаго изъ больной матери и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти ихъ мужа и отца, маленькаго чиновника, безъ всякихъ средствъ къ жизни, поддерживаемыхъ кое-какъ частною благотворительностью.

Дня черезъ 3—4 я получилъ разрѣшеніе, тотчасъ же выяснилъ съ клубомъ день вечера и напечаталъ афиши и программы.

Между тѣмъ наступило 19 марта. Я нарядился во фракъ (формы еще у студентовъ не было) и поѣхалъ поздравлять именинницу, записавшись коробкою конфетъ.

Дарья Михайловна была, видимо, тронута моимъ вниманіемъ и пригласила меня пріѣхать вечеромъ «на чашку чая и скромный ужинъ». «И пожалуйста безъ фрака», прибавила гостепріимная именинница, прощаясь со мной.

Въ 8 часовъ вечера я вновь входилъ въ гостиную Д. М., въ которой теперь стоялъ по срединѣ большой обѣденный раздвижной столикъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Вокругъ стола сидѣли: О. А. Петровъ, Ѳ. К. Никольскій съ женой, Саріоти съ женой, болѣе извѣстной подъ своей дѣвической фамиліей—Лядовой, первой «Прекрасная Елена» на русской сценѣ, И. Ѳ. Горбуновъ, супруги Рамазановы и французскій актеръ Дюпи, или Верне, точно не помню. За самоваромъ сидѣла глубокая старушка—мать хозяйки, а около нея О. В. Кольцова и другая, совѣмъ молоденькая брюнетка, еще болѣе похожая на Дарью Михайловну, чѣмъ О. В. Кольцова. Сама именинница сидѣла вѣдъ чайнаго стола, на угловомъ диванѣ и просматривала какія-то ноты.

Едва я вошелъ, какъ Д. М. встала мнѣ навстрѣчу и, подойдя къ чайному столу, начала представлять меня своимъ гостямъ и гостей мнѣ. Когда мы подошли къ хорошенькой брюнеткѣ, я услышалъ:

— Еще одна моя племянница, сестра Оленьки, Елена Васильевна. Эта никакими талантами не обладаетъ, но добрая, милая дѣвушка.

Д. М. замолчала. Я жалъ протянутую мнѣ ручку брюнетки. Вдругъ раздался пріятный теноръ Ѳ. К. Никольскаго:

— Давно, Даша, хочу спросить тебя: отчего намъ жены дочерей родятъ, а ты все племянницъ?

Д. М. не сконфузилась этою грубою шуткою и отшутилась:

— Ну, это мой секретъ, который я твоей женѣ не повѣрю... Мамаша, налейте Е. В-чу чаю,—обратилась она къ старушкѣ, сидѣвшей у самовара.

Шутка Никольскаго развеселила общество. Полились рассказы, анекдоты, шутки, воспоминанія о шутливыхъ разсказахъ Глинки, Сѣрова, Стасова, Теофила Толстого и др., о забавныхъ случаяхъ съ различными видными дѣятелями оперной и драматической сцены. И. Ѳ. Горбуновъ участвовалъ въ общей бесѣдѣ, въ лицѣ безсмерт-

наго генерала Дитятина, тогда еще молодого и веселаго патриота своего отечества.

Время незамѣтно прошло до ужина, скромнаго, но обильнаго, съ достаточнымъ количествомъ разнообразнаго вина, многочисленными тостами и общимъ увлекательнымъ оживленіемъ и веселымъ подъемомъ. Не только о картахъ никто и не вспомнилъ, но даже никому не пришло въ голову разнообразить вечеръ пѣніемъ или музыкою. Пѣвцы, пѣвицы, музыканты, видимо, были рады отдохнуть отъ звуковъ, забыть Ваню, Ратмира, Фидесу, Антоиду, Сабинина, Сусанина, Лоэнгрина и т. д., провести вечеръ обыкновенными живыми людьми. Даже Дюньи, или Верне, не скучалъ, заражался общимъ настроеніемъ и пытался что-то рассказать, но, къ сожалѣнію, хозяйка и ея русскіе гости не были сильны во французскомъ языкѣ, а по-русски онъ не говорилъ, хотя увѣрялъ, что почти все понимаетъ.

Вечеръ 19 марта 1869 года былъ началомъ моего близкаго затѣмъ знакомства съ Д. М. Леоновой, продолжавшагося до весны 1872 года. Въ эти три года я пользовался самымъ широкимъ гостепріимствомъ Дарьи Михайловны, и многіе считали меня женихомъ Ольги Васильевны, а моего брата, тогда еще гимназиста военной гимназіи, женихомъ Елены Васильевны. Сама Д. М. не скрывала, что начала процессъ о разводѣ съ своимъ мужемъ для того, чтобы выйти замужъ за О. Д. Гриднина. Но ни одному изъ этихъ предположеній не было суждено осуществиться: первая вышла замужъ Елена Васильевна за врача Петрова и уѣхала съ мужемъ въ Екатеринбургъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто старшаго врача на вновь открытой уральской горнозаводской желѣзной дорогѣ; много поздиѣ на Ольгѣ Васильевнѣ женился актеръ Пальмъ, а Д. М. увлеклась композиторомъ Мусоргскимъ и умерла, не вступивъ во второй бракъ, разведенной женой своего перваго мужа. Конечная судьба Гриднина мнѣ неизвѣстна.

Три года моего короткаго знакомства съ Д. М. Леоновой ознаменовались ея борьбой съ Е. А. Лавровской, борьбой открытой и тайной, доведшей Леонову до отставки, путешествія на Дальній Востокъ и въ Японію, черезъ Сибирь, и до болѣзни, сведшей ее въ могилу. Не могла она помириться съ тѣмъ, что ея время прошло и надо уступить мѣсто новымъ, молодымъ силамъ. Напрасно старикъ Петровъ не одинъ разъ говорилъ ей:

— Полно, Даша, Бога гнѣвить. Мы свое дѣло сдѣлали, создали и укрѣпили родную оперу, имена Леоновой, Петровыхъ, Булаховыхъ, Платоновой, Никольскаго не умрутъ, мы исполнили добросовѣстно нашу историческую миссію, и намъ слѣдуетъ радоваться, что мы имѣемъ достойныхъ, надежныхъ преемниковъ, которые не погубятъ дѣло, взявшее все наши силы, всю нашу жизнь. А намъ пора на покой, довольно поработали, пусть теперь работаютъ новыя,

молодыя и свѣжія силы, имъ и ноты въ руки. Мы должны помогать имъ, чѣмъ въ силахъ, а не злобствовать на то, что они моложе насъ, и публика относится къ нимъ теплѣе, чѣмъ къ намъ, старикамъ. Право, такъ, милая моя Даша.

— Все это я понимаю,—отвѣчала Д. М.:—по все-таки всегда скажу, что Лавровской никогда не спѣть ни Ваню, ни Ратмира такъ, какъ пѣла и поетъ ихъ до сихъ поръ старуха Леонова, какъ и Васильеву никогда не заставить забыть Сусанина-Петрова.

— Ну, это дѣло вкуса.

— Пѣть, и пониманія музыки Глинки, котораго италъянка Ниссенъ дать не можетъ,—вела свою линію Д. М.

Такъ и умерла, вѣроятно, Леонова съ твердымъ убѣжденіемъ, что вмѣстѣ съ ней умираютъ и Ваня, и Ратмиръ Глинки, созданные ею на Маринской сценѣ.

Ничего крупнаго не вышло и изъ Ольги Васильевны Кольцовой. Она не могла пѣть въ оперѣ,—для этого у меня не доставало достаточнаго музыкальнаго слуха. Д. М. устроила ей дебютъ на Маринской сценѣ, въ роли Изяслава, въ оперѣ Сѣрова «Рогнѣда», друзья всячески постарались поддержать молодую дебютантку, но все усилія водворить ее въ оперную труппу разбились категорическимъ заявленіемъ Направника, что она не слышитъ оркестра и путаетъ его.

Потерѣвъ неудачу въ оперѣ, Кольцова, къ великому огорченію Дарьи Михайловны, принуждена была отказаться отъ мысли стать серьезной оперной пѣвицею, и, если не ошибаюсь, до выхода замужъ за опереточнаго актера Пальма, она не выступала публично. Выйдя же замужъ, сдѣлалась въ опереткѣ своего рода звѣздой первой величины и долго распѣвала въ провинціи «Прекрасную Елену», «Маленькаго Фауста», «Цыганскаго барона» и пр. Мнѣ, въ моихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по Россіи, не случилось ни разу видѣть Кольцову въ опереткѣ, и я не могу быть свидѣтелемъ ея успѣховъ, но слышалъ, что она долго занимала первое мѣсто среди опереточныхъ примадоннъ, пока, наконецъ, не растолстѣла такъ, что ей стало трудно двигаться и не на сценѣ.

Что же вашъ вечеръ?—можетъ спросить меня внимательный читатель.

Вечеръ сошелъ превосходно, сборъ былъ полный, и бѣднымъ студентамъ досталось болѣе 1000 рублей. Въ сохранившейся у меня записной книжкѣ того далекаго теперь времени значится:

Отъ концерта 28 марта очистилось	1291 руб.
Внесена за 30 студентовъ плата за слушаніе лекцій. . .	750 руб.
Уплачено въ кухмистерскую Козловской долговъ студен- товъ за обѣды	250 руб.
Роздано на руки неимущимъ студентамъ по указанію чле- новъ распорядительнаго комитета	91 руб.

Уплата 50 рублей матери бѣднаго семейства была отнесена къ числу расходовъ по устройству вечера, общая сумма которыхъ записана у меня въ книжкѣ цифрой 345 руб.

Лучшаго результата отъ вечера въ небольшой клубной залѣ и ожидать было нельзя. Кстати сказать, полиція и не поинтересовалась даже спросить меня, какъ именно распорядился я сборомъ съ публичнаго вечера; болѣе года берегъ я расписку матери бѣднаго семейства, но, убѣдившись, что ею никто не интересуется, возвратилъ ее, черезъ Гріднина, обязательной «матери».

На слѣдующій годъ, также Великимъ постомъ, А. Н. Якоби просила меня помочь ей устроить литературный и музыкальный вечеръ въ пользу гарибальдійцевъ, сражавшихся за Францію. А. Н. сама была въ гарибальдійскомъ лагерѣ, видѣла собственными глазами, какими лишениями была полна жизнь великаго вождя и его отряда, великодушно поднявшагося на защиту новой французской республики противъ прусскаго юнкерства. И, по ея словамъ, А. Н. почувствовала потребность выразить гарибальдійцамъ сочувствіе русскаго общества и оказать имъ посильную денежную помощь. Начатый ею сборъ пожертвованій въ пользу гарибальдійцевъ не могъ производиться открыто, а подъ сурдинкою не обѣщаль большого успѣха. Но А. Н., здравствующая и понынѣ, всегда отличалась завидною энергіей и умѣніемъ выйти изъ затруднительнаго положенія. И тутъ она нашла, задумавъ устроить въ пользу гарибальдійцевъ литературно-музыкальный вечеръ. Прослышавъ о моей «опытности» въ этомъ дѣлѣ, она обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, какъ лучше и вѣрнѣе можно обойти полицейскія затрудненія, т. е. усыпить полицейское любопытство и получить разрѣшеніе на устройство вечера. Я охотно согласился попытать счастья еще разъ получить разрѣшеніе устроить вчеръ въ пользу «бѣднаго семейства». И мнѣ это удалось, разрѣшеніе министра двора послѣдовало на этотъ разъ весьма скоро и безъ всякихъ справокъ. Зала любезно и бесплатно была предоставлена А-рѣ Н-нѣ однимъ изъ большихъ петербургскихъ клубовъ, тѣ же литераторы и артисты, по первому приглашенію, обѣщали свое участіе; программа живо была составлена и вышла интересною и заманчивою для публики съ улицы; афиши выпущены, и продажа началась и шла бойко нѣсколько дней. Вдругъ неожиданно мнѣ приносятъ околѣлочный приглашеніе явиться на другой день, въ 10 часовъ утра, къ начальнику секретнаго отдѣленія канцеляріи градоначальника «для объясненій по спѣшному, секретному дѣлу».

Являюсь. Меня проводятъ въ кабинетъ генерала Колышкина. Спрашиваю его:

«истор. вѣстн.», октябрь 1911 г., т. сxxvi.

11

— Въ чемъ дѣло, генераль?

— Узнаете отъ самого градоначальника. Генераль Треповъ приказалъ мнѣ вызвать васъ и привести къ нему, а затѣмъ я не знаю, — отвѣтили Колышкинъ и пригласили меня слѣдовать за нимъ.

Мы поднялись во второй этажъ стараго дома градоначальника, что былъ на Б. Морской улицѣ. Тамъ Колышкинъ оставилъ меня въ маленькой комнаткѣ, смежной съ пріемной градоначальника, а самъ удалился для доклада генералу Трепову о моей явкѣ. Не прошло и четверти часа, какъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, вошелъ градоначальникъ и, не отвѣтивъ на мой поклонъ, спросилъ:

— Въ пользу кого устраиваете вы и г-жа Якоби вечеръ въ залѣ Кононова?

— Въ пользу одного извѣстнаго намъ бѣднаго семейства, — отвѣтилъ я.

— По моимъ свѣдѣніямъ, это семейство проживаетъ на островѣ Капрерѣ и называется гарибальдійцами, т. е. сбродомъ бунтовщиковъ, сунувшихся не въ свое дѣло. Я не потерплю, чтобы имъ помогали русскими деньгами, и предупреждаю васъ, что, если хоть одна копейка собранныхъ вами денегъ будетъ отправлена вами на островъ Капреру, то вы и г-жа Якоби уѣдете дальше, чѣмъ этотъ островъ, и совсѣмъ въ другую сторону.

И рѣшительный генераль кивкомъ головы далъ мнѣ знать, что аудіенція кончена.

Я въ тотъ же день передалъ А-рѣ Н-нѣ предупрежденіе Трепова.

— Не отмѣнять же вечера, — сказала она. — Это было бы подтвержденіемъ дошедшаго до Трепова слуха. Лучше сдѣлаемъ видъ, что не придаемъ его угрозѣ никакого серьезнаго значенія и считаемъ эту угрозу результатомъ пустого городского слуха. Не можетъ же онъ дѣйствительно выслать насъ изъ Петербурга, не имѣя никакихъ документальныхъ доказательствъ того, что мы переслали собранныя съ вечера деньги къ Гарибальди. А пошлю я деньги, конечно, не по почтѣ, а съ вѣрнымъ челоуѣкомъ.

— А у васъ есть въ виду такой? — спросилъ я.

— Есть. М. П. Боткинъ свезетъ деньги. Я уже говорила съ нимъ объ этомъ.

— Тогда и говорить нечего. Все въ полномъ порядкѣ, и треповская угроза намъ нисколько не страшна. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, мы будемъ кончать свое.

На этомъ и порѣшили.

Вечеръ состоялся, прошелъ очень удачно, сборъ былъ хорошій, расходовъ почти никакихъ, даже мать семейства отказалась отъ предложенныхъ ей нами 50 р., заявивъ, что она въ данную минуту не нуждается.

Въ итогѣ собранныя деньги (суммы не помню, тогда не записалъ, ибо сборомъ завѣдывала А. Н. Якоби) благополучно были пере-

сланы старику Гарибальди, отъ котораго А. Н. получила очень теплое благодарственное письмо, а дикая угроза генерала Трепова не имѣла никакихъ послѣдствій ни для А. Н., ни для меня.

А. Н. Сѣровъ писалъ свою послѣднюю оперу на сюжетъ извѣстной драмы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется». Либретто оперы вызвался написать стихами самъ Островскій, но когда дѣло дошло до послѣдняго акта, поэтъ и композиторъ разошлись: Сѣровъ находилъ, что конецъ драмы у Островскаго нелогиченъ, психологически невѣренъ, что естественное развитіе человѣческой страсти, составляющей содержаніе драмы Островскаго, взываетъ къ иному концу, такому, какимъ оканчивается опера «Вражья Сила». Островскій не согласился передѣлывать конецъ своей драмы и отказался дописывать текстъ оперы по указанію Сѣрова. Смѣлый и упрямый композиторъ вознамѣрился самъ закончить либретто по своему желанію и пониманію сюжета. Но стихотворецъ онъ былъ плохой, и работа надъ текстомъ 5-го акта шла вяло и не удовлетворяла чуткаго композитора. По счастливой случайности, въ числѣ хорошихъ знакомыхъ Сѣрова былъ Н. Θ. Жоховъ, братъ убитаго на дуэли адвокатомъ Утинымъ литератора и публициста А-ра Θ. Жохова, прекрасно и свободно владѣвшій стихомъ. Къ его дружеской помощи и обратился Сѣровъ. Н. Θ. Жоховъ весьма скоро и вполне удовлетворительно переложилъ написанный прозою Сѣровымъ текстъ 5-го акта въ звучные, хорошие стихи, вполне удовлетворившіе требовательнаго композитора.

— Право же, — довольный успѣшнымъ окончаніемъ текста оперы, говорилъ онъ потомъ своимъ друзьямъ: — наши стихи нисколько не хуже стиховъ Островскаго. Никто и не замѣтитъ, что либретто написано двумя лицами. Я не на шутку боялся, что Островскій обидится и отберетъ у меня свои 4 акта, а онъ, напротивъ, пишетъ мнѣ, что вполне доволенъ моими стихами (Н. Θ. просилъ меня не обнаруживать его авторства), что онъ и не подозрѣвалъ во мнѣ такого искуснаго стихотворца. Да, не Боги горшки обжигаютъ, и не одни великіе поэты и драматурги способны дать хорошее стихотворное выраженіе бурной страсти человѣческаго сердца.

Разъ въ недѣлю, по четвергамъ, скромная и тѣсная квартира Сѣровыхъ набивалась самымъ разнообразнымъ людомъ. Знакомые Сѣровыхъ приводили туда своихъ знакомыхъ, неизвѣстныхъ хозяевамъ. Замѣтивъ новое лицо, спросишь, бывало, хозяина:

— Кто это, А. Н.?

И получишь въ отвѣтъ:

— Право, не знаю, самъ вижу въ первый разъ. Спросите жену, — можетъ быть, она знаетъ.

Кого только нельзя было встрѣтить на этихъ четвергахъ у Сѣровыхъ? Бывали тутъ и музыканты, и артисты, и литераторы, извѣстные и неизвѣстные, студенты, курсистки, просто молодые и старые люди неопредѣленной профессіи, обоюго пола. Прямо изъ передней расходились гости; немногіе, пришедшіе къ Сѣрову, его знакомые и друзья, проходили направо, черезъ гостиную, прямо въ кабинетъ хозяина; большинство же повертывало изъ передней палѣво, въ просторную столовую, гдѣ царила добрѣйшая Валентина Семеновна, супруга Александра Николаевича. Въ столовой весь длинный зимній вечеръ непрерывно кипѣлъ гостепріимный самоваръ и стояло пѣсколько блюдъ съ горами бутербродовъ и 5—6 бутылками пива для тѣхъ, кто не довольствовался чаемъ. Никакихъ другихъ напитковъ у Сѣровыхъ не подавалось. Въ 9 часовъ А. Н. выходилъ изъ своего кабинета въ гостиную, затворялъ дверь въ прихожую и садился за рояль, — начиналось священнодѣйствіе — исполненіе на рояли «Вражьей Силы» самимъ авторомъ, который игралъ и пѣлъ одинъ всѣ партіи. Никогда не забуду этого оригинальнаго, истинно-чуднаго исполненія. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе 40 лѣтъ, а у меня и до сихъ поръ стоятъ въ ушахъ дивныя речитативы, передаваемые глухимъ, беззвучнымъ голосомъ Сѣрова съ такой неподражаемой экспрессіей, какой не достигали потомъ самые лучшіе исполнители «Вражьей Силы» на Маріинской сценѣ. Безспорно, неподражаема была Леонова въ роли трактирщицы Спиридоповны, великолѣпный Еремка вышелъ у Саріоти, отличную Груню создала Лавровская, хорошъ былъ и Петръ—Кондратьевъ, но ни одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ артистовъ не заглушилъ въ моей памяти того впечатлѣнія, которое оставило во мнѣ исполненіе Сѣрова, безъ признака голоса, безъ оркестра, безъ сценической обстановки.

Незадолго до перваго представленія «Вражьей Силы» на Маріинской сценѣ Сѣровъ пригласилъ на свой четвергъ Кондратьева, Саріоти, Лавровскую и Леонову и проигралъ и пропѣлъ имъ всю оперу. Впечатлѣніе было громадное; артисты горячо благодарили композитора за этотъ замѣчательный урокъ экспрессіи, давшій имъ живое представленіе о всѣхъ персонажахъ оперы, объ ихъ не только внутреннемъ, но даже внѣшнемъ обликѣ. Сами артисты пожелали провести нѣкоторыя сцены подъ аккомпаниментъ автора, и Сѣровъ былъ въ восторгѣ отъ экспрессіи, проявленной Леоновой и Саріоти, и отъ глубокаго чувства, бывшаго ключомъ въ чудномъ голосѣ Лавровской.

— Великолѣпно! — воскликнулъ онъ: — лучшихъ Спиридоповны, Еремки и Груни и желать нельзя. Для васъ, Дарья Михайловна, я въ награду транспонирую по вашему голосу мою «Рогнѣду», а то теперь ее пѣть некому, какъ и «Юдиѣ», которую, послѣ Біанки, ни одно сопрано не рѣшается даже попробовать спѣть, — боятся

сорвать голосъ,—такъ, будто бы, высока партія. Но «Юдиѳъ» спустить даже до меццо-сопрано я не соглашусь и для Леоновой, а «Рогнѳду» можно, и я обѣщаю этотъ подарокъ вамъ, къ первому вашему бенефису, если, конечно, эта мысль улыбается моей милой Спиридоновнѣ.

— Меньшикова говорила мнѣ,—вмѣшался Саріоти:—что она намѣрена просить дирекцію возобновить «Юдиѳъ» для ея бенефиса; спрашивала меня, не забылъ ли я партіи Олоферса.

— Это меня не радуетъ,—отвѣтилъ Сѣровъ:—у Меньшиковой прекрасный, сильный и звучный голосъ, но плохой музыкальный слухъ, она не слышитъ оркестра даже въ «Жизни за Царя», нестерпимо детонируетъ отъ начала до конца въ такой партіи, которую поетъ десятокъ лѣтъ, если не больше. Направникъ не разъ говорилъ мнѣ, что измучился ловить ее, когда она разоидется съ оркестромъ. Скажите ей, при случаѣ, что я не совѣтую ей братья за «Юдиѳъ»,—можетъ выйти большой и позорный скандалъ.

— Это ужъ вы сами скажите ей; мнѣ она не повѣритъ, а надъ вашими словами задумается.

— Впрочемъ, я надѣюсь на Направника,—онъ не согласится дирижировать «Юдиѳъ» съ Меньшиковой.

Не знаю точно почему, но Меньшикова такъ и не пѣла никогда «Юдиѳи».

Сѣровъ сдержалъ свое слово, передѣлалъ «Рогнѳду» для Леоновой, и она съ большимъ успѣхомъ много разъ пѣла эту трудную оперу и, какъ сказано выше, выпустила въ ней (въ роли Изяслава) свою дочь-племянницу, мечтая провести О. В. Кольцову на Маринскую сцену. Мечта эта, какъ извѣстно, не сбылась...

Извѣстно, что Сѣровъ, по образованію, былъ юристъ, кончилъ училище правовѣдѣнія, гдѣ былъ товарищемъ братьевъ Стасовыхъ, съ которыми, главнымъ образомъ съ В. В. Стасовымъ, былъ долго друженъ и по выходѣ изъ училища. Соединяла ихъ искренняя любовь обоихъ къ музыкѣ, глубокое пониманіе послѣдней, на почвѣ котораго друзья юности впоследствии рѣзко и навсегда разошлись и стали принципиальными, непримиримыми врагами. Помню, разъ, на одномъ изъ четверговъ Сѣрова, кто-то изъ гостей рассказывалъ другому, что онъ встрѣтилъ Стасова на улицѣ.

— Котораго Стасова?—спросилъ рассказчика его собесѣдникъ.

— Имени не знаю. Такой длинный.

— Да они всѣ длинные,—вставилъ Сѣровъ.

— Такой крикунъ.

— Да они всѣ крикуны.

— Повидимому, не умный.

— Да они всѣ глупые,—рѣшительно замѣтилъ Сѣровъ.

— Какъ, и Владимиръ Васильичъ глупый?—спросилъ я, удивленный отзывомъ Сѣрова.

— У этого былъ когда-то умъ, да весь вышелъ; остались: дерзость, нахальство, безпредѣльное самомнѣніе и противное себялюбіе, а ума не осталось и слѣда. Отлично кто-то сказалъ про него:

«У Стасова всегда

Коль ругать, такъ безъ стѣсненія,
Коль хвалить, такъ до забвенія.

«Тиранъ какой-то, морская сирена, а не критикъ».

Такъ отзывался подъ конецъ своей жизни Сѣровъ о другѣ далекой юности...

Ө. Д. Г-нъ возвратился изъ Женевы, куда ѣздилъ парламентаромъ къ русскому эмигранту Эльпидину отъ кружка сотрудниковъ запрещеннаго журнала «Русское Слово», мечтавшаго о продолженіи изданія въ Женевѣ, если не «Колокола» Герцена, то его «Полярной Звѣзды». И Эльпидинъ, какъ издатель, казался этому кружку подходящимъ для того человѣкомъ. У него имѣлась русская типографія, былъ подъ рукой еще остатокъ знаменитаго Бахметевскаго «общаго фонда», переданнаго сыномъ Герцена въ распоряженіе русской молодой эмиграціи. Не было, конечно, могучаго таланта покойнаго основателя «Полярной Звѣзды», но имѣлись въ виду среднія хорошія литературныя и публицистическія силы, какъ за границею, такъ и въ Россіи, съ которыми начать дѣло, подъ старой, исторической фирмой, не представляло особаго нравственнаго риска. Эльпидину предлагалось, испросивъ согласіе Огарева и дѣтей Герцена, соединить подъ знаменемъ великаго патріота все живое, умное и талантливое въ молодой эмиграціи и при содѣйствіи петербургскаго радикальнаго литературнаго кружка возобновить изданіе «Полярной Звѣзды». Объ этомъ проектѣ въ Петербургѣ знали очень немногіе. Я узналъ о немъ отъ П. Н. Ткачева, подъ величайшимъ секретомъ, и очень заинтересовался исходомъ миссіи Г-на.

Узнавъ о возвращеніи Г-на въ Петербургъ, я зашелъ къ нему.

— Ну, какъ съѣздили?

— Вотъ, привезъ «Что дѣлать», новое изданіе Эльпидина.

— А «Полярная Звѣзда» издаваться будетъ?

— Нѣтъ. Эльпидинъ категорически отвѣтилъ мнѣ, что не рискнетъ явиться замѣстителемъ Герцена. И онъ правъ. Въ русской эмиграціи идетъ теперь такая разладица, что объединить ее совершенно немислимо, особенно подъ знаменемъ Герцена, котораго почти всѣ молодые эмигранты считаютъ теперь талантливымъ буржуемъ въ социалистическомъ плащѣ, который никого уже обмануть не можетъ. Даже Бакунинъ, вчера еще восторженно отзывавшійся и о личности и о дѣятельности Герцена, сегодня признаетъ, что пропагандѣ Герцена прошло время, и теперь нужна другая рѣчь,

болѣ революціонная, рѣшительная и боевая. Въ Женевѣ ждуть новыхъ людей, которыхъ долженъ отбросить въ эмиграцію Нечаевскій процессъ. Рѣчь Дементьевой на судѣ произвела тамъ громадное впечатлѣніе.

— Ее и Ткачева уже выслали изъ Петербурга,—поспѣшилъ сообщить я.

— Куда?

— Говорятъ, въ Великіе Луки, Псковской губерніи.

— Ну, это еще ничего. Недалеко, по крайней мѣрѣ, отъ Петербурга, легко удрать.

Въ этотъ моментъ въ коридорѣ послышался шумъ шпоръ, а въ кабинетъ Г-на вбѣжала горничная и возвѣстила: «Баринъ, къ вамъ полиція и жандармы». Минуту спустя, въ комнату вошли: жандармскій полковникъ, мѣстный полицейскій приставъ, два городовыхъ и двое понятыхъ. Полковникъ предъявилъ Г-ну распоряженіе Третьяго Отдѣленія о производствѣ у него тщательнаго домашняго обыска.

Я хотѣлъ уйти и унести съ собой экземпляръ женевского изданія романа Чернышевскаго, который успѣлъ опустить въ большой карманъ моей шубы до прихода полиціи. Но полковникъ остановилъ меня словами:

— Я васъ прошу остаться. Все должно въ этой комнатѣ остаться въ томъ видѣ, какъ было въ моментъ нашего входа сюда.

— Да развѣ я вещь, принадлежащая Г-ну?—возразилъ я.

— Прошу остаться и не вынуждать меня сейчасъ же арестовать васъ,—рѣзко прервалъ меня полковникъ.

Я, разумѣется, остался и замолчалъ. Полковникъ приступилъ къ производству обыска, начавъ таковой съ обзрѣнія портретовъ, висѣвшихъ по стѣнамъ.

— Это кто?—спросилъ полковникъ, показывая на портретъ Прудона.

Мнѣ въ эту минуту Прудонъ удивительно напомнилъ Я. П. Полонскаго, и я смѣло отвѣтилъ:

— Нашъ извѣстный поэтъ, Яковъ Петровичъ Полонскій.

— А это? — ткнулъ жандармскій палецъ въ портретъ Герцена.

— Французскій актеръ Дюпьи,—отвѣтилъ Г-нъ.

— Не похожъ. Дюпьи я часто вижу на сценѣ. У Бергамаско (тогдашній фотографъ) есть лучшіе снимки.

— Не сомнѣваюсь, но этотъ мнѣ подарилъ самъ Дюпьи; я его и повѣсилъ.

— А это что за незнакомая балетчица?

— Моя мать.

Сконфуженный полковникъ извинился и прекратилъ осмотръ портретовъ.

Въ углу, между книжнымъ шкапомъ и печью, лежала груда старыхъ газетъ.

— Зачѣмъ вы ихъ храните?—спросилъ полковникъ.

— Привычка,—отвѣтилъ Г-нъ:—мало ли зачѣмъ бываютъ нужны старыя газеты.

— Пахомовъ,—обратился полковникъ къ городовому:—верѣвка есть?

— Есть, ваше высокородіе.

— Переважи всѣ газеты и отложи къ сторонкѣ. Возьмемъ съ собой. Здѣсь я ихъ разбирать не могу.

Городовой принялся увязывать газеты, а полковникъ подошелъ къ книжному шкапу, открылъ дверцу и остановился.

— Ну, въ книгахъ я не силенъ,—проговорилъ онъ скороговоркой.—Ни перебирать ихъ, ни забирать я не собираюсь. Скажите по совѣсти, здѣсь нѣтъ запрещенныхъ заграничныхъ русскіхъ изданій?

— Ни одного,—отвѣтилъ Г-нъ.

— Вотъ и отлично. Я вамъ вѣрю.

И полковникъ заперъ шкапъ.

— Скажите,—обратился онъ опять къ Г-ну:—вы давно пріѣхали изъ-за границы?

— Недѣли двѣ.

— Васъ на границѣ обыскивали?

— Нѣтъ. А что?

— Всегда такъ у насъ: прозѣваютъ, а потомъ зря начинаютъ пороть горячку, искать вчерашняго дня.

— Да въ чемъ дѣло?—спрашивалъ Г-нъ, видя, что полковникъ склоненъ разболтаться.

— Видите, съ мѣсяць тому назадъ Третье Отдѣленіе получило отъ своихъ заграничныхъ агентовъ предупрежденіе, что вы везете цѣлый транспортъ книгъ. Оно это предупрежденіе пропустило мимо ушей, распоряженія объ обыскѣ васъ на границѣ не слѣдало и теперь ищетъ на Караванной того транспорта, который могъ быть двѣ недѣли назадъ въ Вержболовѣ.

— Все это вздоръ, сплетня шпионовъ. Никакого транспорта нѣтъ на Караванной и не было въ Вержболовѣ,—горячо возразилъ Г-нъ.

— На Караванной вижу, что нѣтъ, а въ Вержболовѣ—не знаю, это меня не касается. Прощу отпереть ящики письменнаго стола.

Когда столъ былъ отпертъ и ящики выдвинуты, полковникъ увидѣлъ массу писемъ и бумагъ, беспорядочно наполнявшихъ ящики. На столѣ лежали свѣжіе номера «Голоса» и «Спб. Вѣд.» Полковникъ взялъ листъ газеты и, протянувъ его городовому, произнесъ:

— Пахомовъ, выгребай все изъ стола, завернешь въ газету, возьмемъ и это все съ собой, у Цѣпного моста разберуть.

Покончивъ съ письменнымъ столомъ, полковникъ обратился ко мнѣ:

— Теперь позвольте полюбопытствовать, что лежитъ въ вашихъ карманахъ.

— Повторяю вамъ еще разъ, что я не вещь, принадлежащая Г-ну. Вѣдь у васъ нѣтъ предписанія обыскать меня?—попытался я еще разъ протестовать.

— Пахомовъ, вынь изъ кармановъ г. Корша все, что тамъ пайдется,—отвѣтилъ полковникъ на мой протестъ.

Я предупредилъ Пахомова и вынулъ самъ изъ кармана бумажникъ, порсигаръ и письмо, полученное изъ Америки, отъ нѣкоего Фрея, данное мнѣ для передачи одному пріятелю.

— Отъ кого это письмо?—спросилъ полковникъ?

— Изъ Америки,—отвѣтилъ я.—Письмо не ко мнѣ, я его долженъ былъ передать одному пріятелю и не успѣлъ сдѣлать этого.

— А письмо о чемъ?

— Не знаю, не имѣю привычки читать чужія письма.

— Ну, я прочитаю, мнѣ интересно, что пишутъ вашему пріятелю изъ Америки.

И полковникъ началъ читать письмо, прочелъ одну страницу, перевернулъ листъ и остановился. Потомъ показываетъ мнѣ строчку, на которой, въ скобкахъ, былъ написанъ по-англійски адресъ: улица, номеръ дома, помнится, въ Нью-Йоркѣ.

— Это что значитъ?—спросилъ полковникъ.

— Адресъ для отвѣта на письмо,—отвѣтилъ я.

— Отчего же его нельзя было написать по-русски, когда все письмо русское?

— Въ Нью-Йоркѣ почта не читаетъ по-русски, и письмо съ адресомъ, написаннымъ по-русски, навѣрное не дойдетъ по назначенію.

— Похоже на правду. Но все-таки лучше письмо взять, разъ оно изъ Америки и въ немъ есть иностранныя слова и какой-то адресъ.

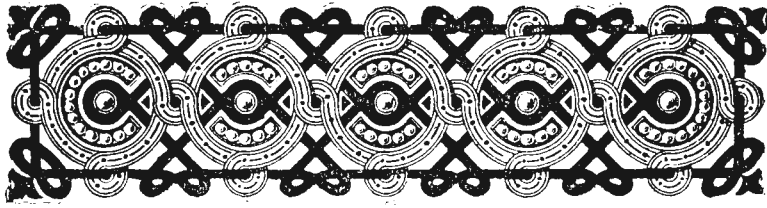
И письмо Фрея было тутъ же уложено въ чистый конвертъ, на которомъ полковникъ сдѣлалъ надпись, что письмо отобрано у меня во время обыска у Г-на.

Въ составленномъ затѣмъ протоколѣ объ обыскѣ у Г-на было упомянуто, что на студентѣ спб. университета Евгеніи Коршѣ, котораго производившіе обыскъ застали въ квартирѣ Г-на, ничего подозрительнаго, кромѣ отобраннаго письма изъ Америки, найдено не было.

Когда протоколъ былъ готовъ и всѣми подписанъ, я получилъ разрѣшеніе уѣхать домой. Тутъ же, въ присутствіи всего синклита, я надѣлъ свою шубу съ женевскимъ изданіемъ романа «Что дѣлать» въ карманѣ.

Такъ производились политическіе обыски въ 1870 году.

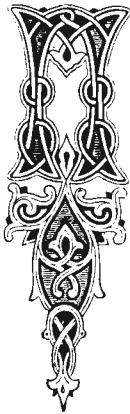
Е. В. Коршъ.

ПОСЛѢ „СМУЩЕНІЯ“¹⁾.

(Деревенскія впечатлѣнія).

ІХ.

ПОМѢЩИКЪ доживаетъ свои послѣдніе годы — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. На кого ни поглядишь—всѣ, что называется, на ладонь дышатъ.

Одного сосѣда я уже не засталъ. Въмѣсто его помѣщичьяго дома, теперь «хуторъ» херсонскихъ крестьянъ, отца съ сыномъ. Самъ помѣщикъ въ губернскомъ городѣ служитъ—увы!—сидѣльцемъ въ казенной винной лавкѣ. А новые хозяева ведутъ удивительное хозяйство безъ какого бы то ни было сѣвооборота. У нихъ каждый годъ вся земля распахивается и засѣвается безъ отдыха. Пшеница и пшеница. Это заставляетъ предполагать, что новые хозяева купили землю съ спекулятивной цѣлью, чтобы взять съ истощаемой почвы все,

что можно, и потомъ продать имѣніе, благо цѣны поднимаются. Куплена эта земля по 65 руб. за десятину, и уже теперь за нее можно взять по 200 руб., а 180 руб.—хоть сейчасъ.

Рядомъ хозяйствуетъ дама, сестра теперешняго казеннаго сидѣльца. Домъ—старый помѣщичій, родительскій, большой, деревянный, двухъэтажный и развалиющій. Около—когда-то прекрасный, а теперь заброшенный фруктовый садъ, отдаваемый съмещикамъ за 50—100 руб. за урожай. Въ годъ «смущенія» крестьяне,

¹⁾ Окончаніе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХV, стр. 1002.

бывшіе крѣпостные, застроили своими избами бывшій барскій дворъ и подступили къ дому едва не вплотную, сажень—самое большее—на 10, на 15. И помѣщица, почтенная старушка, мирится съ этимъ и даже находитъ въ этомъ своего рода удобство. Ея домъ, благодаря такой близости крестьянскихъ построекъ, отказываются принять на страхъ, а она говоритъ:

— Да и страховать не надо: не сожгутъ, потому что иначе и сами погорять....

Нѣтъ, значить, худа безъ добра.

Землю и крестьянамъ сдаетъ, и сама засѣваетъ, но существуетъ, кажется, исключительно благодаря лугамъ, которые имѣются у нея и сдаются по 30 руб. за десятину. Луговъ десятинь 30. А съ посѣвами выходитъ плохо, какъ какъ ни своихъ рабочихъ, ни лошадей, ни орудій нѣтъ, и это приходится оплачивать по высокой цѣнѣ. Въ результатѣ, при хорошемъ урожаѣ, от десятины ржи остается чистыхъ.... пять рублей, между тѣмъ какъ, если бы сдать эту десятину, то безъ хлопотъ можно взять за нее 15 рублей за посѣвъ.

Чтобы увеличить свои доходы, живая и предприимчивая, помѣщица придумываетъ разныя несообразности. Такъ, пришла она къ рѣшенію выдѣлывать колеса и продавать по ярмаркамъ. Колесникъ у нея исправно пьянствовалъ и понадѣлалъ такихъ колесъ, что ихъ никто покупать не сталъ. Ясно, это—последняя агонія.

Колеса для другихъ выдѣлываетъ, а у самой ни телѣжки, ни лошади, чтобы выѣхать. Каждый разъ, какъ предстоитъ какая-нибудь поѣздка, приходится у кого-либо изъ крестьянъ выпрашивать подводу. И выходятъ, конечно, уморительныя приключенія.

Однажды, гляжу изъ окна,—мой приказчикъ съ озабоченнымъ видомъ и безъ шапки бѣжитъ къ въѣзду въ усадьбу. Выхожу и вижу, что онъ вводитъ во дворъ подъ уздцы лошадь съ телѣжкой, а въ ней—двѣ барышни. Одна—дочка моей сосѣдки, а другая—гувернантка другого сосѣда.

— Что такое?

Барышни хохочутъ:

— Лошадь разбила!...

Мой приказчикъ говоритъ:

— Впервые вижу такую запряжку. Отродясь не видалъ.

Дѣйствительно, запряжка единственная во всѣхъ отношеніяхъ: на лошади хомутъ.... безъ шлеи... У меня при въѣздѣ нужно спускаться съ горки. Лошадь, удерживая покотившуюся на нее телѣгу, пошла, какъ и слѣдуетъ, упираясь и осторожно спуская. И хомутъ снялся у нея съ шеи и перескочилъ черезъ голову. Спасибо еще, что крестьянская кляча не испугалась и даже не удивилась этому обстоятельству и дала себя свободно перехватить и привести въ порядокъ.

— Да какъ же это вы такъ?—спрашиваю барышень.

— А что же дѣлать? Всѣ на работѣ. Спасибо, что лошадь достали. А исправные хомуты всѣ въ дѣлѣ. Дали намъ вотъ этотъ— безъ шлен!..

Прислуги помѣщица не держитъ, если не считать дѣвочки лѣтъ 12-ти, отъ которой многого не спросишь. Стряпаетъ сама съ дочерью, бывшей консерваторкой. Сама уже старая, хотя еще бойкая. Но съ печкой, конечно, трудно старому и мало привычному человѣку. Поэтому моя сосѣдка придумала для себя особую русскую печь, тоже невиданную, какъ и запряжка въ хомутъ безъ шлен. Отверстіе этой печки всего четверти на двѣ отъ пола. Обыкновенная крестьянская баба остановится въ недоумѣніи передъ подобнымъ сооруженіемъ: какъ приступить къ нему съ горшкомъ и ухватомъ?... Но изобрѣтательница новой печи имѣла въ виду боль въ поясницѣ и слабость своихъ ногъ и приспособила печь такъ, чтобы въ ней стряпать, сидя на скамеечкѣ... Трогательно, если хотите. Каковы отношенія съ крестьянами?

Ничего себѣ. Они захватили помѣщичью усадьбу, но помѣщица ихъ не трогаегъ, и они ее не трогаютъ. Огорчаютъ они ее только своимъ «невѣжествомъ». Ихъ избы у нея передъ окнами. Выйдутъ мужички, какъ у нихъ говорится, «до вѣтру» и совершаютъ это «до вѣтру», по своему обыкновению, безъ стѣсненія. Ни клозетовъ, ни отхожихъ мѣстъ, вѣдь, въ деревнѣ не существуетъ. Собственно, и обижаться нѣтъ резона.

Этотъ захватъ земли крестьянами не единственный въ нашемъ углу. Въ сосѣдствѣ у помѣщика его бывшіе крѣпостные забрали себѣ десятины пять покоса, еще до «смущенія». Когда приказчикъ захотѣлъ было вступить за господское добро, его чуть не избили. Мирные переговоры не повели ни къ чему. Посылать своихъ рабочихъ косить траву на захваченномъ участкѣ владѣлецъ благо-разумно не пожелалъ, предвидя, что это можетъ кончиться кровопролитіемъ. Обращеніе его въ губернскую чертежную съ просьбой прислать землемѣра для восстановленія нарушенныхъ границъ получило отказъ: губернское правленіе нашло, что оно не обязано восстанавливать границы надѣловъ, обращайтесь въ судъ. А обращаться въ судъ—это, значить, прежде всего большой расходъ при малоходности имѣнія, а затѣмъ опять обостреніе отношеній, если судъ постановитъ вернуть владѣльцу захваченную землю. Извѣстно, при какихъ условіяхъ приводятся иногда въ исполненіе такія рѣшенія суда—съ уголовщиной. И по здоровомъ размышленіи помѣщикъ махнулъ рукой на свои пять десятинь.

Послѣ того, уже недавно, когда я былъ въ деревнѣ, одинъ изъ этихъ захватчиковъ ставилъ себѣ новую избу. Старая у него была около самой грани съ помѣщичьей усадебной землей, а новую онъ построилъ, уже перешагнувъ за межу на полсажени.

— Это ты что же, братъ, дѣлаешь?—спрашиваютъ его.

— Виновать, не доглядѣлъ.

— Какъ не доглядѣлъ?

— Да плотники шельмы попались—дѣлають, сами не знаютъ что! Я имъ говорю: смотрите, братцы, никакъ вы на бѣринову землю залѣзли, а они,—никакъ нѣтъ, говорятъ... Этакая исторія!...

— Валяй дурака! А я тебя заставлю избу снести.

— А я вашей милости въ ножки поклонюсь.

Что вы тутъ подѣлаете? Судь, безъ сомнѣнія, возстановитъ ваши права; но вѣдь пужно имѣть особаго склада душу, чтобы ломать эту избу далеко не богатаго крестьянина...

При этой же деревнѣ—еще помѣщица-старушка. У нея тотъ же видъ непоправимаго запустѣнія. Большой домъ, сравнительно, позднѣйшей эпохи, но тѣ же зыбкія половицы, качающіяся ступени крылецъ и запущенныя службы. Громадныя развалившіяся конюшни напоминають о бывшемъ здѣсь конскомъ заводѣ. Руины молочной фермы. Большой фруктовый садъ, тоже постепенно падающій. Въ домѣ—мебель, требующая ремонта, и прислуга—то же самое. Но тутъ есть еще коляска для выѣзда, хотя запрягаются въ нее обыкновенныя рабочія лошади, а на козлахъ сидитъ не заправскій кучерь, а работникъ, онъ же и караульщикъ въ усадьбѣ. Хозяйственнаго инвентаря почти никакого, въ виду близкой ликвидаціи. Въ послѣднее время производился и послѣдній посѣвъ, такъ какъ вся земля запродана обществу херсонскихъ крестьянъ, которые уже и ставятъ свои избы. При усадьбѣ оставлено всего 20 десятинъ, только для лѣтняго дачнаго житья.

Крестьяне терпѣливо ожидаютъ окончательнаго конца.

Мужъ этой помѣщицы владѣетъ землей верстахъ въ 14 отсюда. Онъ уже порѣшилъ съ своимъ хозяйствомъ, все распродалъ и оставилъ себѣ отъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ всего 100. Все обращено въ деньги, которыя отдаются подъ вѣрныя обезпеченія. Между прочимъ, чудный паркъ, разведенный имъ, уже почти начисто вырубленъ все тѣми же хохлами, купившими землю. Но теперь не до парковъ. Затѣя это глупая и совсѣмъ не ко времени.

Еще два хозяйства, которыя сами собою напрашиваются, чтобы ихъ поставить рядомъ.

Одно съ широкимъ размахомъ, другое—съ мелкимъ расчетомъ. Первому всего нѣсколько лѣтъ, второму уже лѣтъ 30 жизни. Оба наканунѣ ликвидаціи.

Въ первомъ хозяйничаетъ херсонскій помѣщикъ (Херсонская губернія, вообще, какъ будто переселилась къ намъ, на берега Волги). Онъ продалъ свое имѣніе на югъ по высокой цѣнѣ и купилъ здѣсь землю по низкой, чтобы имѣть большее поле для обработки. Началъ хозяйство съ прекрасно оборудованнымъ сельскохозяйственнымъ инвентаремъ: машины, лошади, рогатый скотъ, все

есть. Есть и опытъ удачнаго хозяйничанья въ Херсонской губерніи. Но дѣло не выгорѣло. Земля не оправдывала вложенныхъ въ нее денегъ. Нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ довершили разоренье. Даже замѣчательно урожайное лѣто 1909 года не принесло ничего, кромѣ огорченія. Было посеяно 300 десятинъ подсолнечниковъ, а они-то, какъ разъ, въ видѣ единственнаго исключенія, и не уродились. Предполагалось, что эти 300 десятинъ дадутъ не менѣе 20.000 рублей чистаго дохода, а въ дѣйствительности получился убытокъ въ 3.000 рублей (подсолнечниковъ тогда нигдѣ въ нашей мѣстности не родилось, а цѣны на нихъ стояли 1 руб.—1 руб. 20 коп. за пудъ). Нужно въ землю еще и еще вкладывать капиталы, а ихъ уже нѣтъ. Остается одно изъ двухъ: или бросить свои посеѣвы и сдавать землю подесятинно крестьянамъ, или продавать имѣніе, пользуясь временемъ поднятія цѣнъ. Но сдача земли дастъ, конечно, гроши, а денегъ на житье требуется много.

Другое, 30-лѣтнее, хозяйство всѣ 30 лѣтъ находится въ агоніи, сводить концы съ концами никогда не удавалось, несмотря на самыя скромныя потребности владѣльца имѣнія и его семьи. Полторы тысячи десятинъ земли—кусокъ, казалось, бы хорошій, но изъ долговъ имѣніе никогда не выходило. Имѣлись и самыя необходимыя машины и орудія, но подновлять ихъ было не на что. То же и съ постройками. Слѣдовало бы ремонтировать амбары, а денегъ нѣтъ. То проценты платить въ банкъ, то за дѣтей за учење, то захвораетъ кто-нибудь изъ семьи. Временами было бы совсѣмъ плохо, если бы не огородъ и не молочный скотъ: 20—25 коровъ выручали помѣщика своимъ масломъ, но поставить молочное хозяйство какъ слѣдуетъ, вырабатывать, напр., сыръ, какъ одинъ изъ самыхъ прибыльныхъ молочныхъ продуктовъ, на это опять-таки не хватало денегъ (а можетъ быть—и энергіи).

Домъ въ жалкомъ состояніи: оконныя рамы плохо притворяются, въ двери дуетъ, терраса перекосилась и периль у нея на половину недостаетъ. 1905 годъ нанесъ новый ударъ этому хозяйству. Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней явились сюда мужики изъ окрестныхъ селеній и честь-честью потребовали ключей отъ амбаровъ. Помѣщикъ вышелъ къ гостямъ и говорить:

— Не дамъ ключей.

— Ну, тогда мы и безъ ключей обойдемся.

И тихо, мирно взломали замки и стали грузиться хлѣбомъ. Увели они его тысячъ на пять рублей.

Такъ какъ на имѣніи были недоимки банку и предстояла продажа съ аукціона, то пришлось часть земли продать банку, чтобы сохранить остальное (теперь на этой проданной части заводятся крестьянскіе «отруба»). Убавилась площадь посеѣва—еще болѣе, конечно, убавились доходы. А расходы увеличились. До этого только одинъ мальчишкѣ учился, а тутъ къ нему прибавилось еще

двое. Одному пужно на прожитѣ въ Харьковѣ (въ университетѣ), а двоимъ въ губерпскомъ городѣ, гдѣ они учатся въ гимназіи. Урожайный 1909 годъ только далъ на время передохнуть. Пшеница, дѣйствительно, уродилась на диво, но нужда заставила запродать зерно еще на корню, по цѣнѣ, ниже существовавшей. Когда подошло время уборки, цѣны на рабочія руки неслыханно для нашей мѣстности поднялись. Рабочему платилось 70 коп. въ день, а съ лошадыю 1 руб. 20 коп. Собственная молотилка оказалась ветхой и малоспособной, купить новую было па на что, и пришлось брать машину напрокатъ, при чемъ доставка ея въ имѣніе и обратная отправка обошлась въ 150 руб. Да плата 6 коп. съ обмолоченнаго пуда, да поденщики, которыхъ требовалось ежедневно 30—40 человекъ,—и колоссальный урожай далъ прибыль всѣмъ, кромѣ посѣвщика. Въ слѣдующемъ году еще того хуже. Урожай опять былъ недурной, но вслѣдствіе отсутствія рабочихъ хлѣбъ сталъ осыпаться на корню. Ни за какія деньги и нигдѣ нельзя было найти ни косцовъ, ни людей къ косилкѣ. А хлѣбъ, между тѣмъ, опять запроданъ, потому что въ домѣ окончательно развалились печи и ихъ нужно поправить, и амбары безъ ремонта негодны для сыпки хлѣба....

Если всѣ эти люди живутъ въ своихъ имѣніяхъ, то, несомнѣнно, это не ради удовольствія, которое они здѣсь получаютъ. Много ли удовольствія въ томъ, чтобы биться, какъ рыба объ ледь, имѣть непріятныя столкновения съ крестьянами, видѣть почти тщетными всѣ свои надежды на посѣвъ и, наконецъ, принимать урядника, который явился описывать имущество за неплатежъ повинностей. Вотъ этому моему сосѣду херсонскіе покупатели даютъ за землю по 180 рублей за десятину. Продай онъ имѣніе, у него очистится, за уплатой всѣхъ долговъ, тысячъ 100—120. На проценты съ этого капитала онъ могъ бы жить въ городѣ куда лучше, чѣмъ живетъ онъ теперь въ домѣ, въ которомъ продуваетъ изъ всѣхъ щелей. На трясучей таратайкѣ онъ уже не сталъ бы скакать по какой угодно погодѣ въ понскахъ то рабочихъ, то плуговъ, то молотилки, должать деревенскому лавочнику и ходить въ пиджачишкѣ, какого порядочный крестьянинъ не надѣнетъ въ праздникъ. Человѣкъ не рѣшается выписать журнала, столичной газеты, довольствуясь мѣстнымъ «Листкомъ», отъ книгъ отказывается, все стараясь съэкономить,—какая же въ этомъ радость?

Я пришелъ къ убѣжденію, что это или болѣзненная привычка, въ родѣ привычки къ табуку, или же серьезная привязанность къ землѣ, къ обстановкѣ, которую создаетъ близость къ ней и которой никогда не найдешь въ городѣ. Вставаніе раннимъ утромъ, воздухъ зеленыхъ или созрѣвающихъ полей, умыванье родниковой водой, постоянная близость къ природѣ, ея пробужденію, расцвѣту и осеннему умиранію, полному своеобразной прелести...

Хотя самъ и не пашешь землю, но все же дѣлаешь около нея цѣчто гораздо болѣе значительное, чѣмъ сидя въ канцеляріи, въ театрѣ, умномъ собраніи, за самой великолѣпной книгой. Земля, то и знай, обманываетъ тебя, но не значитъ ли это, что она говоритъ тебѣ:

— Стань ко мнѣ еще ближе, или уходи, если ты мною недоволенъ!

Очень ужъ это поэтично,—скажете вы.

Но именно такова тутъ психологія, а иначе всѣхъ этихъ хватающихся за землю людей нужно признать дураками. А они вовсе не дураки и не корыстные люди, потому что корыстные такъ не живутъ. Безъ шлен развѣзжать—велика корысть, подумаешь!..

Упомянувъ о помѣщикахъ, развѣзжающихъ въ хомутѣ безъ шлен (да и то въ чужомъ!), я не могу обойти молчаніемъ еще сосѣдку-помѣщицу, старуху лѣтъ 80-ти. Это богатая женщина. Достаточно сказать, что ея покойный мужъ былъ полицейскимъ приставомъ. Были у нея и обширныя земли, но она отдала ихъ своимъ двоимъ сыновьямъ, оставивъ себѣ всего 100 десятинъ. Сыновья заботъ о себѣ не требуютъ: оба отлично устроились. Одинъ гдѣ-то служить, а другой—настоящій дѣлецъ. Онъ свою землю здѣсь продалъ, купилъ имѣніе въ Уфимской губ.—его продалъ, купилъ въ Сибирѣ—и это продалъ, и все съ отмѣннымъ барышомъ. Теперь онъ довольно крупный капиталистъ. А старуха сѣла на своихъ 100 десятинахъ и повела жизнь, близкую къ крестьянской. Все—сама. Каменную стѣну изъ камня-дикаря сама около домика выкладывала. Крѣпкая на диво старуха. А могла бы тоже жить въ городѣ и состоять въ числѣ почетныхъ губернскихъ дамъ. Ошибка была ея только въ томъ, что она взяла работника. Этой осенью, отпросившись у барыни къ обѣднѣ, онъ вернулся изъ церкви и убилъ старуху: она получила передъ этимъ нѣсколько десятковъ рублей отъ крестьянъ. Убийца, кажется, впрочемъ, не нашелъ и этихъ денегъ, которыя его соблазнили.

Но—ясно—какъ ни цѣпляются помѣщики за землю, приходится для нихъ пора уходить отъ нея. Спекулирующей землей помѣщикъ уже ушелъ отъ нея, ибо, очевидно, онъ потерялъ понятіе земли. Прочіе не подходятъ къ новымъ условіямъ, создавшимся около службы землѣ, какъ основы всего нашего быта. Она, земля, не хочетъ, чтобы ваши дѣти учились въ ненужныхъ ей университетахъ и гимназіяхъ, чтобы обрабатывали ее черезъ наемныхъ людей, чтобы вамъ были нужны сюртуки, шляпы и прочая лишняя мелочь. Также уходите, если не передѣляетесь. Пока вы упряетесь, но это только «пока». Ему пройдетъ срокъ, и его болѣе не будетъ существовать.

Х.

Наконецъ, еще одно хозяйство, если только это хозяйство.

Владѣлецъ—первая персона въ уѣздѣ изъ «сильныхъ». Онъ долгое время былъ земскимъ начальникомъ, пока не подросли у него

дѣти. Тогда двоихъ изъ нихъ опъ тоже сдѣлалъ земскими начальниками, одного посадилъ на свое мѣсто, а самъ занялъ должность уѣзднаго предводителя дворянства. Былъ у него еще и третій сынъ, тоже земскій начальникъ, но этотъ администраторъ что-то такое натворилъ и куда-то исчезъ съ нашего горизонта. Имѣніе, что называется, заложено и перезаложено и дважды въ годъ аккуратно назначается къ продажѣ. Но владѣльцу все какъ-то удается вывернуться: то исхлопочетъ исключительную отсрочку, то уплатитъ часть недоимки. На 1500 десятинахъ земли имѣется 128,000 руб. банковскаго долга. Что можно продать—продаетъ. Землю продаетъ крестьянамъ маленькими участками. Давно свелъ весь лѣсъ, какой былъ въ имѣніи. Однако вывертываться оказалось все труднѣе и труднѣе, тѣмъ болѣе, что семья большая, и замашки сохранились старозавѣтныя. Имѣются даже борзые собаки, хотя и изъ дешевенныхъ, и охотники, въ костюмахъ, изъ мужичьихъ пропойць. Находчивый помѣщикъ нашель себѣ субсидію въ предводительскомъ жалованьи. Такъ принято, что предводитель служитъ «изъ чести», только того ради, что опъ «почтенъ довѣріемъ благороднаго сословія». Этотъ предводитель данный предрасудокъ отвергъ. Въ пору «смущенія», когда помѣщики, и вообще забывшіе свои сословныя дѣла, перестали совсѣмъ ѣздить на собранія, нѣсколько г. г. дворянъ собрались и назначили г. предводителю жалованье «за особыя заслуги». Въ чемъ эти заслуги заключаются, того никто не знаетъ, но всѣ узнали, что г. предводителю нужно платить по 2¹/₂ коп. съ десятины дворянской земли. Иначе, вѣроятно, пришлось бы распустить царню. Въ то же время одинъ изъ сыновей, земскихъ начальниковъ, увеличилъ свои ресурсы, занявъ мѣсто управляющаго отсутствующаго помѣщика, теперь тоже близкаго къ разоренію. И любопытно то, что, когда въ мѣстной газетѣ было выражено сомнѣніе въ удобствѣ такого совмѣстительства должности земскаго начальника съ обязанностями управляющаго имѣніемъ въ томъ же участкѣ, гдѣ этотъ земскій начальникъ творитъ правосудіе, — отъ губернатора послѣдовало опроверженіе: ничего подобнаго нѣтъ. И земскій начальникъ продолжаетъ и судить, и состоять въ вѣдѣніи собственной подсудности. Благодаря этому, управляющій имѣніемъ задерживаетъ платежи рабочимъ, и рабочіе не жалуются г. земскому начальнику. Оттого же управляющій арестуетъ своихъ рабочихъ за разныя провинности, и земскій начальникъ ему ни слова о томъ, что управляющему не предоставлено право земскаго начальника.

И для не учившагося въ семинаріи понятно, что передъ нами не помѣщикье хозяйство, а житье чиновниковъ, какъ бы на дачѣ. Хозяйства нѣтъ, есть проживанье жалованья, имущества и дворянскихъ традицій, на которыя такъ охотно ссылаются подобные господа. Вѣдь, строго говоря, эти дворянскія традиціи запрещаютъ

предводителю получать жалованье. Онъ же, безъ сомнѣнія, не допускаютъ обмана, какъ въ данномъ случаѣ, когда земскій начальникъ служить управляющимъ чужого имѣнія, а говоритъ губернатору, что нѣтъ, не служить. Но понятія о благородствѣ спутались. Эти самые предводитель съ г.г. земскими начальниками, напр., считаютъ себя въ правѣ, въ прямомъ смыслѣ слова, браконьерствовать. Въ собственномъ имѣніи у нихъ дичи нѣтъ,—они безъ церемоній и стѣсненій ѣдутъ съ своими собаками къ сосѣду и травятъ зайцевъ и лисъ. Одинъ помѣщикъ прибилъ въ своемъ лѣсу доски съ надписью: «охота воспрещается». Вслѣдъ затѣмъ въ лѣсъ явились земскіе начальники и развлеклись охотой, при чемъ объяснили мужикамъ-загонщикамъ:

— Плевать мы хотимъ на его запрещенія. Вотъ велимъ его доски сбить, и вся недолга!..

И управы на это нѣтъ. Одинъ разсуждаетъ такъ: «ну, какъ я на нихъ буду жаловаться, когда они разбираютъ мои дѣла съ крестьянами?» А другой: «хоть и жалуйся—толку не выйдетъ, имъ все сходитъ съ рукъ, какъ истинно русскимъ!..»

А все-таки, хотя тутъ и торжество побѣдителей, но конецъ не за долгимъ. Управляемое имѣніе, я сказалъ, близко къ разоренію. Дворянство въ правѣ отмѣнить жалованье предводителю. Хотя бы то, что земскій начальникъ по году не назначаетъ дѣлъ для разсмотрѣнія, можетъ повлечь, наконецъ, увольненіе отъ должности. Если всѣ ресурсы изсякнутъ, тогда не только собакъ держать, а и самимъ кушать станетъ нечего. Слѣдовательно, отдавай землю банку подъ «отруба». Самъ же дѣвайся куда хочешь, ибо, не будь ты земскимъ начальникомъ, кто же возьметъ тебя въ управляющіе, разъ ты собственной землей управлять не умѣешь и въ хозяйствѣ понимаешь такъ мало, что меньше и невозможно?..

ХІ.

А деревенская жизнь идетъ своимъ порядкомъ, сопровождаемая разными соотвѣтственными событіями и происшествіями.

Приходить ко мнѣ мой «приказчикъ» Степанъ и говорить:

- Изъ острога арестанты убѣжали.
- Случается. Ну, такъ что же?
- Пастухъ говорить, что двоихъ у насъ въ лѣсу видѣлъ. Похоже, будто они.
- Что же они дѣлаютъ?
- Ничего не дѣлаютъ, Лежать, говорить, подъ кустикомъ.
- Ну, и пусть ихъ лежать. Полежать и уйдутъ.
- Это, должно быть, отъ нихъ разныя дѣла выходятъ...
- Напримѣръ?

— Да, вотъ, Панферъ сѣять выѣхалъ, а у него изъ телѣги кто-то хлѣбъ укралъ, что онъ себѣ на обѣдъ припасъ.

— Кромѣ хлѣба, ничего не пропало?

— Только хлѣбъ. А въ Силаптію Софронову такъ прямо подошли: «давай, говорятъ, хлѣба».

— Даль?

— Извѣстно, даль. Какъ не дать!

Помолчали. Степанъ говоритъ, улыбаясь:

— А пастухъ опасается.

— Чего?

— Да, что, говоритъ, послѣдній кафтанишко отнимуть. Я, говоритъ, теперь мимо лѣсу и скотину не погоню.

— И хорошо: лѣсу не потравить.

Степанъ опять ухмыльнулся.

— У барина, говоритъ, левольвертъ есть, а у тебя ружье,— пошли бы вы, да ихъ и подстрѣлили.

Я тоже засмѣялся:

— Хорошо, скажи пастуху, что пойдемъ и подстрѣлимъ.

Степанъ не зналъ, какъ я отнесусь къ просьбѣ пастуха, и, такъ сказать, меня ошупывалъ. Теперь, уходя, онъ замѣтилъ о пастухѣ:

— Въ головѣ у него до нѣту мало!...

Были ли у насъ въ лѣсу, дѣйствительно, бѣглые острожники, или, просто, прохожіе люди,—это такъ и осталось неизвѣстнымъ. Вскорѣ о нихъ прекратились всякіе разговоры, а случаевъ грабежей и воровства у насъ болѣе не было. Только и было, что кое у кого хлѣбъ былъ взятъ на пропитаніе.

Тихо и спокойно. Развлекаемся мы неожиданными эпизодами, въ родѣ, на примѣръ, такого.

Какая-то баба быстро бѣжитъ по двору, встрѣчаетъ Степана, обмѣнивается съ нимъ нѣсколькими словами и опять убѣгаетъ по направленію къ деревнѣ.

— Люлькава хозяйка была,—докладываетъ Степанъ.

— Зачѣмъ?

— Спросила, не видали ли мужа, не пробѣжалъ ли мимо. Ей сказали, что онъ въ Липовку ушелъ?

— Да что такое съ нимъ приключилось?

— Пропился. Повезъ на станцію (железной дороги) хлѣбъ, продалъ на 75 рублей, часть тамъ же пропилъ, а съ остальными деньгами неизвѣстно куда скрылся.

Люлекъ—это наша знаменитость. Какъ и его отецъ, кромѣ хлѣбопашества, онъ занимается торговлей: то воблы привезетъ изъ губернскаго города, то соленыхъ лещей, а то торгуетъ мясомъ. Последнее въ деревнѣ, вообще, большая рѣдкость. Люлекъ продаетъ говядину или телятину только въ томъ случаѣ, если гдѣ-нибудь корова сломала себѣ ногу, или теленокъ, упавъ съ кручи,

свихнуть себѣ шею. У Аграфены телка подавилась картошкой,— эта телка тоже попала къ Люльку. На овецъ былъ моръ,— Люлекъ бойко торговалъ бараншиной. И въ результатѣ своихъ торговыхъ операций онъ обязательно устраивалъ пьянство. Но, какъ мужикъ обстоятельный, онъ больше представляетъ изъ себя пьянаго, чѣмъ на самомъ дѣлѣ пьянствуетъ. Выпьеть на грошъ, а славу пустить, будто подкутить на цѣлый рубль. Такъ и тутъ: пропойство Люлька было преувеличено: прошилъ онъ всего рублей пять, а съ остальными деньгами былъ найденъ спящимъ гдѣ-то на гумнѣ.

Это, вообще, пьяное бахвальство въ ходу въ деревнѣ. Если вѣрять ему, то деревенское пьянство представится вамъ граціознымъ, а этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. У насъ, по крайней мѣрѣ, мужикъ разума не пропиваетъ. Тотъ же Люлекъ, который развозитъ мясо по покупателямъ обязательно «выпивши», послѣдней весной поставилъ себѣ новую избу.

Какъ-то приходитъ ко мнѣ женщина, видимо, разстроенная.

— Я къ твоей милости.

— Что нужно?

— Мой-то у тебя не бывалъ?

— А ты кто такая?

— Да я Максимова хозяйка.

— Фамилія-то какъ? Твоего Максима какъ фамилія?

— Да, мы, должно, Гуторины. А то еще и Евсѣевыми кличуть.

— Ну, знаю Максима Гуторина. Онъ у меня не былъ.

Женщина ударила себя руками по бедрамъ.

— Ахъ, головушка моя горькая! Вѣдь онъ тебѣ деньги понесъ!

— Не приносилъ.

— Не иначе, значить, въ орлянку играть, али водку пить.

Пошелъ выпивши. Я побѣгу!...

— Бѣги.

Является Степанъ.

— У васъ Марья Максимова была?

— Была.

— Про мужа спрашивала?

— Спрашивала.

— Онъ деньги вамъ понесъ, 15 цѣлковыхъ, а замѣсто того 10 рублей прошилъ, а пять въ орлянку проигралъ.

И это оказалось вздоромъ. Само собой, невозможно было за разъ прошить 10 рублей. Для этого нужно выпить ведро водки, что не под силу даже самому отмѣнному питуху. На десять рублей можно напоить цѣлую компанію, на что никто изъ крестьянъ не способенъ. Это прямо не въ мужичьихъ правилахъ ни съ того, ни съ сего напавать кого бы то ни было на свой счетъ. Если пьютъ нѣсколько человѣкъ, то въ большинствѣ случаетъ въ складчину, а угощаютъ только или кума, или свата, который, въ свою очередь, покупаетъ

водку при слѣдующей оказіи, если на этотъ разъ не нашелъ при себѣ денегъ. А Максимъ Гуторинъ только славу о себѣ пустилъ. Какъ потомъ выяснилось, онъ, уходя изъ дома и не намѣреваясь ко мнѣ итти, припряталъ деньги и пошелъ по улицѣ представлять пьянаго: «вотъ, молъ, при деньгахъ Гуторинъ,—пьянъ и гуляетъ!..» На другой день онъ пришелъ ко мнѣ и аккуратно расплатился за землю.

Эти два эпизода не единственные. И я убѣдился, что, если, напримѣръ, въ праздничный вечеръ стоитъ галдежъ въ деревнѣ и слышны пѣсни,—это вовсе не означаетъ пьянства, а только показываіе удали, желаніе показать народу, что вотъ, молъ, какъ мы разошлись. По совѣсти говоря, по настоящему пьянствуютъ только урядники, писаря да фельдшера. Этихъ представителей деревенскаго начальства и «интеллигенціи» мнѣ, дѣйствительно, приходилось видѣть мертвецки пьяными, безъ малѣйшаго притворства. Изъ крестьянъ у насъ въ деревнѣ я знаю только одного пропившагося человѣка (на 500—600 чел. всего населенія). Этотъ все спустилъ и избу продалъ. Въ послѣднее время, пока я его видѣлъ, онъ продалъ свое послѣднее достояніе—гармоніку—за полтора рубля, очень похваляясь тѣмъ, что самъ заплатилъ за нее 15 рублей. Оставалось ему сбыть еще надѣлъ, и онъ хлопоталъ объ этомъ. Были и покупатели: за три десятины ему давали 30 рублей, хотя цѣна, по здѣшнему, этимъ тремъ десятинамъ—300 р. Но ему—только бы получить деньги, сколько-нибудь денегъ. Но «міръ» противился этой продажѣ, и несчастный пропойца собирался жаловаться земскому начальнику. Весьма возможно и даже навѣрное, теперь эта продажа состоялась, деньги уже пропиты, а дальнѣйшее—въ руцѣ Божіей

Но, какъ деревенскій житель, я такъ думаю: чорта малюютъ страшнѣе, чѣмъ есть онъ на самомъ дѣлѣ. Колоссальная работоспособность деревни—ея сила. Мужикъ много пьетъ, но онъ еще больше работаетъ. Окончательно спившіеся люди въ крестьянскомъ быту—рѣдкое исключеніе. Я всегда удивлялся и удивляюсь, напротивъ, какъ много въ деревнѣ выдержки, энергіи и вѣры въ будущее среди тѣхъ, кто, по правдѣ, могъ бы опустить руки. Мы давно бы надѣли петлю на шею въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни. Мы давно раскисли бы и спились бы до предѣловъ ничтожества. Но этого нѣтъ въ деревнѣ. Я два послѣднія лѣта наблюдалъ ее при условіяхъ усиленнаго труда. Прошлый годъ былъ давно невиданный урожай. Ныче ниже средняго. И тогда и теперь всѣ поля убраны, всѣ работы сдѣланы во время, за самыми пустячными исключеніями. Расплата за снятую землю добросовѣстная, даже у самыхъ бѣдныхъ. Конечно, тотъ и другой могли бы купить себѣ новые сапоги вмѣсто того, чтобы пропить пять рублей, но не повертывается языкъ, чтобы осудить человѣка за это, разъ я самъ

покупаю грамофонъ вмѣсто того, чтобы выписать что-либо иное, болѣе подходящее и болѣе необходимое...

Нѣтъ, мужикъ далекъ отъ гибели!..

ХІІ.

Развлекаемся мы еще «гостями». Мы «въ гости» и къ намъ «въ гости». Разговариваемъ обо всемъ—о политикѣ, о театрѣ, о нашемъ деревенскомъ житиѣ. И все бодрые разговоры, хотя и съ недовольствомъ. Настроеніе какъ будто такое, что чему быть, тому не миновать,—что, въ концѣ концовъ, неоспоримо. Узнаемъ другъ отъ друга, что земскій врачъ зашилъ и уволенъ, а когда пріѣдетъ новый—неизвѣстно, что батюшка, переведенный къ намъ изъ уѣзднаго города, очень тоскуетъ въ деревнѣ, что рабочихъ нѣтъ, что бѣжалъ нашъ милѣйшій уѣздный исправникъ, захвативъ съ собою сколько-то казенныхъ денегъ, и т. д.

— Озоргина ему свою недомку отдала,—онъ и это захватилъ!..

— Ну, что же, еще разъ заплатить.

— И заплатить!

Никому не хочется останавливаться на томъ, чтобы вообще оцѣнить настоящее положеніе, ибо ясно, какъ его ни оцѣни, сами мы пальцемъ о палецъ не ударимъ, чтобы, по силамъ и разумѣнію, постараться повернуть его въ ту или другую сторону. Видны на будущее имѣютъ мало общаго съ деревней; какъ и въ прошломъ, была она какимъ-то случайнымъ придаткомъ къ нашему существованію. Одна изъ барышень думаетъ о томъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, въ консерваторію, которая, конечно, ни съ какой стороны деревнѣ не нужна. Она высчитываетъ шансы, даваемые музыкальнымъ цезвомъ. Надежды сдѣлаться знаменитой пианисткой нѣтъ, но можно будетъ получить мѣсто учительницы музыки,—не то, что здѣсь,—самой коровъ доить.

И относительно общества тоже. Никого здѣсь нѣтъ, кромѣ пьянаго доктора, тоже пьянаго фельдшера да попа съ псаломщикомъ, обремененнымъ семействомъ. Молодой помѣщикъ проживаетъ въ гостяхъ у сосѣдей и къ сельскому хозяйству проявляетъ всего менѣе интереса. Спать до часу дня и катается на велосипедѣ. Еще—пишетъ картинки масляными красками, пейзажи. Дочь хозяйки рисуетъ акварелью цвѣты. Между кофе и обѣдомъ, обѣдомъ и отходомъ ко сну слушаютъ грамофонъ, распѣвающий: «Гайда, тройка!»

Недаромъ насъ здѣшніе мужики зовутъ: «дачники». Именно, мы—дачники.

«Будемте, какъ дѣти»...

Положительно, настроеніе, близкое къ такому складу ума. Сидимъ мы, напримѣръ, сидимъ, и вдругъ кто-нибудь скажетъ:

— Хорошо бы осенью въ Крымъ поѣхать!..

И самъ знаетъ, что въ Крымѣ ѣхать не на что, и всѣ это знаютъ. Или такъ:

— Вотъ консервный заводъ выгодно открыть!..

— Какой консервный заводъ?

— Да вотъ, въ жестянкахъ разныя разности—рыба, сосиски и т. д. Я въ Ревелѣ жилъ: большія деньги тамъ на килькахъ наживають.

— Да какія же здѣсь у насъ кильки? У насъ никакой рыбы нѣтъ.

— Я, вообще... мнѣ тамъ нѣмцы предлагали коровьи языки поставлять—тоже хорошее дѣло можно сдѣлать.

— Ну, и что же?

— Да чортъ ихъ знаетъ, гдѣ эти языки скупають. Я только знаю, что у насъ они на базарѣ по полтиннику, а тамъ—1 руб. 20 коп. а то и полтора рубля.

Толкуеть человекъ о консервахъ и языкахъ, а не умѣетъ устроить такъ, чтобы его собственный фруктовый садъ былъ своевременно полить и не объѣдался бы червями.

Другой гозорить:

— Приѣзжайте ко мнѣ: я новые романсы для грамофона получилъ: и Шаляпинъ, и Собиновъ, и Вяльцева, и Плевицкая.

И, пожалуй, что лучше—безпредметныя мечтанія и грамофонъ, чѣмъ настоящая практическая дѣятельность. Какъ идетъ сельское хозяйство, объ этомъ я уже говорилъ. А насчетъ промышленности тоже есть грустные примѣры. У крестьянъ всякіе промыслы идутъ успѣшно. Имѣются тутъ въ окрѣжности крестьянскія мукомольныя мельницы, кирпичные заводы. И качественно работаютъ они недурно, и въ смыслѣ прибылей не заставляютъ на себя жаловаться. А помѣщикъ построилъ паровую мельницу и прогорѣлъ, такъ что долженъ былъ бѣжать въ городъ и поступить на службу въ городскую управу. Другой тоже выступилъ съ такой мельницей, но дальше перваго этажа не пошелъ, и теперь эта постройка, навѣрное, будетъ растащена крестьянами для ихъ домашнихъ надобностей. Былъ и конскій заводъ, но—увы,—какъ ни нуждается наша кавалерія въ хорошемъ ремонтѣ, и конскій заводъ закрылся. Была еще попытка завести пчельникъ для широкаго сбыта меда и воска въ городѣ. Куплены были наилучшіе, усовершенствованные ульи и прочія принадлежности, но меду получилось немного. То ли здѣшнія пчелы не любятъ усовершенствованныхъ ульевъ, то ли помѣщикъ-пчеловодъ ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ, но въ концѣ концовъ всѣ пчелиныя принадлежности были свалены въ сараѣ, и ихъ владѣлецъ очутился въ городѣ, гдѣ я засталъ его за изумительнымъ занятіемъ: онъ началъ читать лекціи о способахъ выиграть 200,000... Ей-Богу, не лгу!.. Я даже пошелъ на первую (и послѣднюю) лекцію. Публики было счетомъ пять человекъ. Кое-что помня изъ гимназическаго курса, лекторъ скучнѣй-

шимъ маперомъ развивать теорію вѣроятностей... А потомъ мы пошли, по обычаю, въ буфетъ и тамъ выпили, уже навѣрняка дѣйствуя такъ, чтобы оказаться пьяными...

Кончилась карьера этого пчеловода тоже поступленіемъ на службу. Но и въ ней онъ не преуспѣлъ.

Все это не ново. Но все это доказываетъ, что дѣйствительность ничему насъ не учитъ. Гдѣ мы, въ заключеніе, сядемъ—Аллахъ вѣдаетъ. Какъ потомки ирландскихъ королей, на скамьѣ подсудимыхъ?..

ХІІІ.

Въ два года у насъ двое приходскихъ батюшекъ.

Первый былъ намъ совсѣмъ подъ стать. Онъ явился въ наше село, какъ въ мѣсто изгнанія. Его предшественникъ за либерализмъ былъ переведенъ въ худшій приходъ, а онъ тоже въ наказаніе— въ село изъ уѣзднаго города.

— За что это васъ?—спрашиваю.

— И самъ не понимаю. Никакими такими дѣлами не занимался. Казни были—присутствовалъ, въ проповѣдяхъ властямъ предержащимъ рекомендовалъ повиноваться,—и вотъ, на-ка поди!.. Въ такую трущобу! Я 15 лѣтъ въ городѣ прожилъ,..

— Трудно?

— Невыносимо. Я съ мужиками совсѣмъ не привыкъ. Матушка моя, можно сказать, съ ума сходитъ. Она на піанино играетъ, привыкла, чтобы у насъ знакомые бывали, а тутъ—никакого общества.

— И насчетъ доходовъ плохо?

— Сравненія никакого нѣтъ. Я вотъ здѣсь всего три или четыре мѣсяца, а своихъ денегъ сколько потратилъ. Разореніе!

— Да вѣдь у васъ земля есть?

— Есть земля, 60 десятинъ, но только я къ этому не привыкъ, это для меня чужое занятіе. Мой предшественникъ самъ въ полѣ, ему всякая мелочь извѣстна—и когда скосить, и когда сжать, и все прочее, а для меня ничего этого не нужно. Я церковную землю сдать.

— Какъ же вы думаете устроиться?

— Да для меня одинъ исходъ: ежели въ городъ не вернутъ,—изъ духовнаго сословія выйду. Ну ихъ тутъ, чтобы не сказать плохо!

— Откажетесь отъ сана?

— Откажусь. Какой же я пастырь, ежели я другимъ мыслямъ преданъ. Я обѣдню служу, а самъ думаю: даже пульку составить не съ кѣмъ. А доходы? Вы мнѣ повѣрите,—въ прошлое воскресенье всего на всего рубль съ копейками было выручки! Этакъ до послѣдняго проживеешься. А мы этого нисколько не желаемъ.

— Куда же на службу?

— Мнѣ въ акцизъ обѣщали. А съ другой стороны, мои городскіе прихожане послали его преосвященству прошеніе, чтобы меня вернуть. Незвѣстное будущее, конечно, на извѣстное прошедшее мѣнять не буду: ежели вернуть на старое мѣсто служенія, то отъ духовнаго сана не откажусь.

Въ это время въ комнату вбѣжалъ сынокъ батюшки, мальчикъ лѣтъ семи. Онъ принесъ кочанъ капусты.

— Это ты гдѣ взялъ?—спросилъ батюшка.

— Въ огородѣ.

— Это онъ у Семена сорвалъ,—объяснила моя дѣвочка.—Я ему говорю: не рви, это чужое, а онъ не слушаетъ.

— Ну, ничего!—рѣшили недоразумѣніе батюшка:—я думалъ, что это онъ у васъ въ огородѣ самовольно похитилъ, а оказывается не у васъ. А кочанъ не плохой. Отнеси, Андрюша, въ телѣгу.

И, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:

— Вы повѣрите: до такой степени къ здѣшнему сердцу не лежитъ, что даже огорода себѣ не завелъ. Все покупать приходится.

Ходатайство городскихъ прихожанъ было уважено и, вѣроятно, выяснилось, что никакихъ провинностей за батюшкой нѣтъ,— онъ былъ возвращенъ своимъ партнерамъ.

Вмѣсто него прибылъ священникъ совсѣмъ иного склада—дѣловой. Объ этомъ крестьяне отзываются одобрительно, между тѣмъ какъ о городскомъ батюшкѣ какъ-то стѣснялись говорить:

— Ничего себѣ. Притѣсненій не дѣлаетъ. А водкой не беретъ: нѣтъ денегъ—не надо, но и водки не нужно.

Новый священникъ былъ изъ села, хотя и другого уѣзда, привыкъ къ деревнѣ и знаетъ всѣ ея свѣданіе и обычаи. Онъ—настоящій сельскій хозяинъ. У него и скоть, и орудія, и даже экипажи, какихъ нѣтъ у большинства помѣщиковъ: и пролетка, и бричка, и телѣжка, и проч. На его взглядъ, приходъ теперь у него похуже, чѣмъ былъ, но жить можно. Онъ сразу вошелъ въ курсъ дѣла, занялся церковной землей—60 десятинъ на него съ псаломщикомъ—и сталъ устраниваться прочно. Церковный домъ—очень недурной, куда лучше въ сравненіи, на примѣръ, съ монмъ, онъ нашелъ не соотвѣтствующимъ его требованіямъ. Судя по пролеткѣ, батя привыкъ къ комфорту. Онъ нашелъ, что въ церковномъ домѣ и потолоки низки, и окна малы, и, вообще, «кубическое содержаніе воздуха не соотвѣтствуетъ требованіямъ науки», и сумѣлъ найти церковныя средства на перестройку дома. Самъ временно поселился въ школь, а свое жильѣ передѣлалъ заново и даже, для села, съ нѣкоторымъ шикомъ.

Крестьяне отзываются о немъ одобрительно, ибо онъ ихъ обычаевъ не нарушаетъ: при требѣ—столько-то деньгами, столько-то водкой. На примѣръ, при погребеніи: поѣздка въ деревню къ покойнику, «выносъ», отпѣваніе на могилѣ и еще поминаніе за слѣдующей обѣд-

ней — деньгами 6 руб., лошадь взадъ и впередъ и бутылка водки. У бати и свои экипажи и лошади, но онъ ихъ жалѣетъ и предпочитаетъ трястись на крестьянской телѣгѣ, чтобы пролетка зря не изнашивалась. Крестьянъ держитъ въ почтеніи. При мнѣ къ нему пришелъ мужикъ, чтобы заплатить за панихиду, отслуженную, кстати, при чужихъ похоропахъ. Даетъ рубль и проситъ сдачи. У священника денегъ соотвѣтственныхъ не оказалось. Я размѣнялъ рубль. А пока я отсчитывалъ деньги, для чего нужно было пойти въ другую комнату, батя говоритъ мужику, подошедшему къ столу, за которымъ мы сидѣли:

— Отойди къ двери и обожди.

Тотъ покорно отошелъ, получилъ отъ меня деньги и потомъ, отсчитавъ сколько-то (сколько — не знаю) мелочи, подошелъ къ священнику и расплатился съ нимъ.

Но близкаго общенія съ крестьянскимъ міромъ у этихъ пастырей нѣтъ. О первомъ, конечно, и говорить нечего. Онъ попалъ въ деревню, какъ въ тяжелую ссылку, и немедленно бѣжалъ изъ нея, какъ только явилась къ тому возможность. А его преемникъ — только чиновникъ на своемъ посту. Его должность, на его глазомѣръ, малоодоходная, и вотъ онъ занимается сельскимъ хозяйствомъ, какъ прибыльной статьей. Требы исполняетъ по должности, но до житія крестьянъ и ихъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ ему нѣтъ никакого дѣла. И крестьяне, никогда не видѣвшіе ничего лучшаго, находятъ, что это очень хорошо. Можетъ быть, это и на самомъ дѣлѣ хорошо, что батя не ввязывается въ ихъ духовную жизнь и не портитъ ея своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ.

А духовная сторона въ деревнѣ имѣетъ свой оттѣнокъ. Однажды, напримѣръ, пожилой крестьянинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А какъ, по-вашему, панихиды служить нужно?

— Если вѣришь, что это нужно, то почему же и не служить.

Онъ подумалъ и сказалъ:

— Это ты не прямо отвѣчаешь. А я такъ сомнѣваюсь. Ежели дать попу двугривенный — онъ коротко служить, а за полтинникъ — дольше, а за рубль — цѣлую обѣдню тебѣ отпоетъ. И выходитъ, что кто больше можетъ дать, тотъ скорѣй и въ царствіе небесное попадетъ, ежели только эти молитвы не зря. Это несуразно.

— Можно и за двугривенный такъ помолиться, что Богъ услышитъ.

— Правильно. Значитъ, могу я и совсѣмъ безъ двугривеннаго помолиться, ежели вѣрую. Тогда на кой лядъ попа звать?...

Потомъ прибавилъ:

— Вонъ богатые сорокоусть заказываютъ. По сто рублей отваливаютъ. Такъ неужто, ежели при жизни были очень неправильной жизни, попадутъ они въ рай за свои сто рублей?

— Этого я ужъ, братъ, не знаю. А вотъ тебя спрошу: если у тебя такія мысли, то зачѣмъ ты самъ заупокойную обѣдню по женѣ заказывалъ?

— По темнотѣ. Вотъ этого, думаю, я хорошенько не знаю. Всѣ такъ дѣлають, и я за всѣми.

На всю деревню у насъ сектантовъ только три семьи молоканъ («кулугуры», по-здѣшнему), но эти рѣчи—предвѣстники сектантства, если только не простѣйшаго невѣрія. До сихъ поръ молокане не находили для себя послѣдователей, хотя крестьяне и очень одобряють ихъ образъ жизни, трезвость и проч. Но прозелитизмъ въ сторону молоканства тутъ проявился своеобразный. Кто-то пустиль слухъ, что молокане каждому перешедшему въ ихъ вѣру даютъ 500 рублей. И выискался одинъ охотникъ до денегъ. Перешель въ секту.

— И долго ты въ молоканствѣ быть?—спрашиваю я его.

— Да мѣсяца три, должно.

— Ну, и что же?

— Да невѣрно вышло: никакого награжденія не получили и бросилъ это дѣло.

— Опять сталъ православнымъ?

— Опять!—усмѣхаясь, объяснилъ этотъ искатель истины.

Культа покойниковъ въ деревнѣ совсѣмъ нѣтъ, если не считать рѣдкихъ панихидъ и похоронъ, чрезвычайно упрощенныхъ. Обыкновенно, хоронять мертвецовъ даже въ отсутствіе батюшки, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ. Ежели онъ потомъ, случаемъ, заѣдетъ въ деревню, то тогда и пропоеть на могилѣ то, что слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ и подводы за попомъ посылать не приходится, и плата ему слѣдуетъ меньшая. За кладбищемъ ухода никакого нѣтъ. Это—пустырь, обрытый капавой, давно обсыпавшейся и легко переходимой. Всюду коровій и конскій пометъ. Кресты только на недавнихъ могилахъ, ихъ очень немного. Остальные или сгнили, или унесены кѣмъ-то. Могильные холмы чуть замѣтны. И никто на кладбище не ходитъ: живые думаютъ о живомъ.

Я затрудняюсь сказать: хорошо это или дурно. Это, несомнѣнно, то, что есть, а это—главное. Можетъ быть, высокая культура сопровождается и высокимъ почитаніемъ умершихъ. А, можетъ быть, высокій философскій умъ—хотя и безсознательно—создаетъ эту кладбищенскую обыденщину. Въ ней, вѣдь, ничто не мѣшаетъ бывшей землѣ снова обратиться въ землю, согласно и священному писанію, и химіи.

Я былъ на деревенскихъ похоронахъ. Мужъ хоронилъ свою вторую жену. Когда могила стала наполняться землей, вдовецъ выдернулъ крестъ изъ могилы своей первой жены и поставилъ его въ новую могилу. Никого это и не удивило и не возмутило. Очевидно, на старомъ мѣстѣ христіанская эмблема послужила достаточно—пусть покрасуется на новомъ мѣстѣ.

— Знамо, не стоить новаго (креста),—серьезно замѣтилъ кто-то изъ крестьянъ.

Лѣтомъ 1910 г. стали умирать у насъ «отъ брюха», какъ говорили крестьяне. Схватить животъ, поносъ, рвота—и дня черезъ три-четыре померъ человекъ. Врачебной помощи никакой. Въ сосѣдномъ селѣ есть больница, но какъ разъ въ это время врача тамъ не было: стараго уволили за пьянство, а новаго еще не нашли; фельдшеръ же постоянно пьянъ. По сосѣдству кое-гдѣ опредѣлили холеру, кое-гдѣ—«подозрительныя по холерѣ» заболѣванія. У насъ никто діагноза не ставилъ. А умирали, хотя и немного: умерло всего человекъ 5—6. Конечно, никакихъ дезинфекцій и проч. Дѣло обходилось очень просто. Извѣщали батюшку, онъ являлся, отпѣвалъ, и покойника хоронили. Если некогда было съѣздить за попомъ или его самого не было дома, то и еще проще дѣлалось: покойника хоронили, а при оказіи, когда священникъ заѣзжалъ въ деревню, то его просили пропѣть на могилѣ, что въ этомъ случаѣ полагается.

Деревня при этомъ была спокойна.

— Умеръ. Животомъ схватило.

И больше ничего.

Деревня продолжала питаться водой съ хлѣбомъ, картошкой, зелеными огурцами, незрѣлыми яблоками—и чувствовала себя великолѣпно, потому что хлѣбъ уродился.

Приѣзжалъ въ деревню старшина и объявилъ:

— Въ рѣчку навозъ чтобы отнюдь не валить!

А она уже такъ завалена имъ, что больше некуда.

Впрочемъ, въ эту пору и не до навоза было, а то еще подбавили бы: шла горячая работа въ поляхъ.

— Чтобы чистоту соблюдать,—объявилъ еще старшина, исполняя свою должность.

Безъ сомнѣнія, онъ и самъ зналъ, что говоритъ глупости. Вѣдь у него самого отхожее мѣсто тутъ же на дворѣ, на задворкахъ, подъ шлетнемъ, подъ заборомъ, въ коровникѣ—словомъ, гдѣ придется. О чемъ же тутъ толковать? Да и кто же и какими снадобьями будетъ уничтожать явственные слѣды людей, умершихъ «отъ живота»?..

Старшина сказалъ, что ему велѣли, и поѣхалъ домой. А деревня продолжала жить, какъ ни въ чемъ не бывало. Умирало въ ней куда меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ семьдесятъ семь нянекъ,—въ противорѣчіе несчастной медицинской наукѣ.

XIV.

Разъ утромъ поднялся невѣроятный галдежъ около крайнихъ деревенскихъ избъ. Слышались преимущественно женскіе голоса. Вотъ что произошло.

Трифонъ Силантьевъ, который наканунѣ вечеромъ былъ пьянъ, потребовалъ у своей снохи водки. Мужъ ея недавно ушелъ въ солдаты, и она торговала водкой. Но свекоръ, вѣроятно, наканунѣ уже много выпилъ изъ ея запаса, и она водки не дала. Свекоръ началъ бить ее и всю искровянилъ.

Будь онъ трезвъ, онъ этого избіенія не устроилъ бы. А тутъ водка дома—какъ не выпить и какъ не папиться.

Вообще, съ деревенскимъ пьянствомъ мы такъ устроились.

Казенная винная лавка отъ насъ въ семи верстахъ, но водку въ деревнѣ можно достать во всякое время дня и ночи. Торгуютъ ею бабы чуть не въ каждомъ дворѣ, главнымъ образомъ въ бѣдныхъ семьяхъ. Въ какой-то газетѣ я прочелъ, что деревенское корчемство въ рукахъ кулаковъ и міроѣдовъ. Это неправда. Это для нихъ слишкомъ мелкое дѣло—брать по пяти копеекъ прибыли съ полубутылки и гривенникъ съ бутылки. У насъ, напримѣръ, въ крайней избѣ, съ нашей стороны, живетъ вдова, деревенская Аспазія, съ поврежденнымъ носомъ,—у нея первая винная торговля, а при избѣ нѣтъ ни хлѣва, ни амбара, ни даже плетня. Нѣтъ, само собой, ни коровы, ни лошади. Потомъ, далѣе, торгуетъ водкой солдатка, о которой только что было сказано. Потомъ, не преувеличивая, водку можно найти если не черезъ дворъ, то черезъ два-три. Бобыли живутъ, старикъ со старухой, хозяйство кое-какъ тянутъ, но съ превеликимъ трудомъ, потому что старикъ все прихварываетъ послѣ того, какъ урядникъ со стражниками избилъ его до полусмерти за непочтительность въ 1905 году. Со старикомъ часто бываютъ головокруженія и обмороки. Эти старики сами не пьютъ, но водкой торгуютъ.

Въ субботу и вообще передъ праздниками всѣ женщины, торгующія водкой, съ мѣшками на плечахъ отпраиваются за 7 верстъ «за товаромъ». Идутъ пѣшкомъ. Въ винной лавкѣ сидѣлица всѣхъ ихъ отлично знаетъ, для чего они набираютъ у нея водку въ мелкой посудѣ, но затрудненій имъ, конечно, не чинитъ.

Торгуютъ водкой,—а ей-то до этого какое дѣло? Она, напротивъ, продаетъ имъ даже и въ то время, когда торговля, по правиламъ, должна быть закрыта, потому что въ этомъ ея прямая выгода. Какъ извѣстно, акцизное вѣдомство даетъ повышенія сидѣлицамъ винныхъ лавокъ, переводитъ ихъ изъ низшаго разряда въ высшій, т. е. на большее жалованіе, въ зависимости отъ количества проданнаго ими вина. Больше продастъ—больше будетъ и возвѣличенъ.

Нагрузившись полубутылками, бабы возвращаются домой.

Тутъ за ними надзоръ урядника. А надзираетъ онъ такимъ образомъ.

У него подъ началомъ находится восемь деревень. Каждой онъ посвящаетъ одинъ день въ недѣлю, а на одинъ день у него при-

ходится даже два назираемыхъ пункта. Является онъ въ деревню или подъ вечеръ, или же ночью.

— Староста! зови десятскихъ!....

Десятскіе позваны.

— Водку искать.

Искать ее, собственно говоря, нечего, потому что и урядникъ, и староста, и десятскіе превосходно знаютъ, кто ею торгуетъ. Значить, вопросъ только въ томъ, которая изъ бабъ въ эту ночь должна поплатиться, чья очередь.

— Къ Аграфенѣ!...

Или:

— Къ Евленьѣ (Евгеніи)!...

Аграфена и Евленья покорно выставляютъ бутылки водки для начальства, и начальство пьетъ. Если, сверхъ ожиданія, происходитъ «сопротивленіе властямъ», то производится обыскъ, всегда успѣшный, ибо ни для кого не секретъ, что у этой бабы водка хранится на погребницѣ, у этой—въ ометѣ соломы на гумнѣ, а у этой—на подолокѣ, подъ крышей. И начальственное пьянство идетъ всю ночь, пока урядникъ не свалится съ ногъ и не растянется какъ трущъ.

На слѣдующій день—слѣдующій этапный пьяный пунктъ.

А попутно—другія доходныя статьи деревенской твердой власти. Гармоника у насъ начальствомъ преслѣдуется попрежнему. Если встрѣчается по пути компанія парней съ гармоникой—послѣдняя конфискуется, впредь до уплаты выкупа въ 50 коп., въ рубль.

Теперь въ деревню стало проникать пиво. Лѣтъ двадцать назадъ здѣсь о немъ не имѣли понятія. Въ настоящее время нѣтъ села, гдѣ не было бы портерной. Въ каждой деревнѣ есть продавецъ (тайный) пива. Его берутъ изъ губернскаго города (за 70 вер.), изъ уѣзднаго (за 40 в.) и съ ближайшей станціи желѣзной дороги (14 в). Пиво отвратительное, почти всегда кислое, но его пьютъ, уплачивая за бутылку 12—15 коп., т. е. чуть не петербургскія ресторанныя цѣны. Законную торговлю въ портерныхъ захватили всюду въ свои руки пивоваренный заводъ одного изъ сосѣднихъ уѣздовъ; всѣ портерныя принадлежатъ ему. Корчемники (деревенскіе лавочники въ то же время) торгуютъ пивомъ разныхъ заводовъ, смотря по тому, кто предложитъ имъ выгоднѣйшія условія. И торговля ихъ скромная. Водка продается вездѣ круглый годъ. Пиво всегда имѣется только въ селахъ, а большею частію оно появляется въ деревняхъ къ концу рабочей поры и осенью, когда кончаются всѣ полевыя работы, начинаются свадьбы. У насъ въ деревнѣ водкой торгуютъ въ двадцати мѣстахъ, а пиво бываетъ у одного изъ двоихъ деревенскихъ лавочниковъ, а то поѣдетъ мужикъ хлѣбъ продавать и, возвращаясь, захватитъ съ собой ведра два пива для продажи. Купить по гривеннику за бутылку, продаетъ по 15 коп. Секретовъ,

повторяю, въ деревнѣ пѣть, и г. урядникъ поэтому угощается пивомъ. Оттого и цѣна 15 коп. за бутылку является очень не высокою, если тутъ присосѣдилось деревенское начальство. Пожалуй, если не успѣлъ распродать товаръ до нашествия начальства, то и барыща никакого не окажется.

Эта свободная продажа питій въ деревнѣ наводитъ мужиковъ на проникновенныя мысли. Мнѣ много разъ приходилось слышать:

— Ежели бы правительство этого не хотѣло, то развѣ возможно было бы такое безобразіе.

— Думаешь, правительство тутъ виновато?

— А то какъ же. Ему надобно, чтобы мужикъ спился съ кругу.

— Да зачѣмъ ему надо-то?

— А кто его знаетъ. Ему лично извѣстно, а намъ не сказываютъ.

— Вздоръ.

— Кабы вздоръ, такъ этакъ бы не распустили. Что же, въ винной-то лавкѣ нешто не знаютъ, для чего баба беретъ цѣлый мѣшокъ сороковокъ? Мужикъ для своего употребленія такъ не покупаетъ, а въ рабочую пору и недавно. Когда у него въ водкѣ есть надобность, для помочи ли, на свадьбу ли, онъ беретъ четверть. А ежели самъ захочетъ выпить, то возьметъ одну сороковку, а не цѣлый мѣшокъ. Значить, продаютъ и знаютъ, куда вино идетъ. А потомъ, ежели бы хотѣли, чтобы въ деревняхъ водкой не торговали, то не пьянаго бы урядника послали наблюдать, а кого лучше, кого бы за бутылку купить было нельзя. Такъ-то вотъ оно и выходитъ.

— Но для чего же все-таки спаивать мужика? Самъ-то какъ ты думаешь объ этомъ?

— Въ чужую душу не влѣзешь. А я вотъ что скажу... Ты замѣчь, что ежели кто хочетъ человѣка обойти, то норовитъ его пьянымъ напоить? Пьяный—человѣкъ глупый. Въ трезвомъ умѣ онъ на то не пойдетъ, на что съ пьяныхъ глазъ согласится. Пьяный—что дитя. Обкручивай его по своему хотѣнью. Вотъ оно, какое дѣло...

Говорится это съ твердымъ убѣжденіемъ.

— Но если это такъ, то мужику и не надо пить.

— Само собою, надо воздерживаться и дурака не валять. Но только слабъ человѣкъ, слабъ очень. Онъ и понимаетъ, что въ петлю идетъ, а твердости въ себѣ не находитъ. А водка его вездѣ караулитъ. Такъ, примѣрно, возьмемъ. Пришелъ ко мнѣ другъ-пріятель. Водки у меня нѣтъ, а угостить надо. Ежели бы она подъ бокомъ не продавалась, я еще подумалъ бы за семь-то верстъ за ней послать, а тутъ далъ четвертакъ,—сейчасъ у тебя и сороковка на столѣ, а за ней, глядишь, и другая. Вѣрно?

— Вѣрно.

— Потомъ и ѣду нашу попомни. Какая наша ѣда? Ёда плохая. Какъ будто и набилъ брюхо, а въ скорости опять жрать хочется.

За лѣто, при работѣ, и совсѣмъ отощашь. Хлѣбъ да вода. Многіе и похлебки горячей не варягъ. Ежели человекъ окончательно сытъ, его эта водка отвращаетъ, она ему въ горло не идетъ, а тощее брюхо ее спрашиваетъ. Выпилъ и какъ будто ѣсть уже не хочется.

— И выходить, значитъ?

— Значить, и выходить, что держи человекъ впроголодь, да водкой его пои, —ниъ, глядишь, и повертывай его, куда тебѣ завгодно.

Такъ говорятъ обстоятельные, непьющіе мужики, люди, сравнительно, состоятельные, ни на какія «выступленія» не способные. Иначе они не понимаютъ этого и попустительства, и поощренія водки. Самые изъ нихъ снисходительные объясняютъ свободную продажу водки тѣмъ, что правительству нужно же откуда-нибудь деньги брать, а что можетъ быть легче—брать ихъ съ пьяницъ, хотя и безъ особенной задней мысли. И сколько я ни пытался разубѣждать крестьянъ въ ихъ пессимистическомъ мнѣніи, —безуспѣшно. Слушать—слушаютъ, но взгляда своего не мѣняютъ. Или же я былъ слабъ въ аргументаціи потому, что самъ плохо вѣрилъ своимъ словамъ...

Да, нужно сказать, что деревня впала въ пессимизмъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи настоящаго. Въ 1909 году меня еще спрашивали о государственной думѣ, а въ 1910 году она уже не возбуждала къ себѣ ни малѣйшаго интереса. Я ни къ одной изъ нашихъ политическихъ партій не принадлежу, а слѣдовательно говорю, какъ человекъ безпристрастный: деревня ничего отъ думы не ждетъ и смотреть на нее, какъ на своего рода присутственное мѣсто, гдѣ сидятъ опредѣленные правительствомъ чиновники. И вотъ что слѣдуетъ отмѣтить: у насъ въ деревнѣ не получается ни одной газеты, буквально. Въ позапрошломъ году получалась одна—«Петербургъ» г. Молчанова, но ея подписчика административнымъ порядкомъ выслали отсюда (за «политику»), и съ тѣхъ поръ здѣсь—ни одной печатной строки. Однако, это не мѣшаетъ деревнѣ все знать. Откуда, напримѣръ, ей извѣстно, что государственная дума «такъ себѣ, пустое болтаетъ», «не настоящимъ занимается»,—я не знаю, но это деревнѣ доподлинно извѣстно. Газетамъ она не вѣритъ:

— Зря брешутъ,—говорять крестьяне.

Меня спрашивали только о томъ, какъ, по газетамъ, стоитъ цѣна на рожь и пшеницу. Но и тутъ деревня вносила свои особые соображенія. Напримѣръ, когда я сказалъ однажды, что цѣна пошла вверхъ, мой собесѣдникъ усомнился въ этомъ:

— Евреевъ не видать!—замѣтилъ онъ.

— При чемъ же тутъ еврей?

— А при томъ, что вотъ скупщики на станціи держатъ свою цѣну, а какъ еврей проявился, —сейчасъ идетъ надбавка. Мы только евреевъ и ждемъ, когда они приѣдутъ. Здѣшніе жидоморы совсѣмъ

за ничто хлѣбъ берутъ. Не согласенъ на ихъ цѣну—поворачивай домой. Еврей цѣну высить.

На нашей желѣзнодорожной станціи я самъ наблюдалъ эффектъ появленія еврея. Пришелъ поѣздъ, и сразу стало извѣстнымъ, что прибылъ «Самуилъ Соломоновичъ». Это былъ невысокаго роста человѣкъ съ брюшкомъ, съ золотой цѣпью на брюшкѣ и въ котелкѣ. Онъ былъ мелкимъ агентомъ подагента какой-нибудь крупной фирмы, но держалъ себя съ достоинствомъ. Къ нему всѣ мѣстные скушники подходили и почтительно съ нимъ бесѣдовали. Начальнику станціи онъ снисходительно протянулъ руку. Откуда-то вынырнули еще еврейскія фигуры, поплотше. Онъ имъ отдавалъ приказанія, а онѣ юлили около него, забѣгали передъ нимъ и вообще показывали столько почтительности, что больше и требовать нельзя. Мнѣ показалось, что даже звонокъ на отправленіе поѣзда былъ данъ въ зависимости отъ воли этого Самуила Соломоновича. Покончилъ онъ свои дѣла и поѣхалъ дальше. А на другой день хлѣбъ, дѣйствительно, покупался на двѣ копейки на пудъ дорожке.

Но ошибся бы тотъ, кто нашелъ бы, что у крестьянъ нѣтъ интересовъ дальше вопроса о пропитаніи. И интересъ къ землѣ у нихъ не только вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, но и вопросъ о высшей справедливости. Я говорю, что суть только въ ихъ постоянной тактикѣ: они предпочитаютъ всему—помалкивать. Я, напримѣръ, не одинъ разъ слышалъ, какъ мужики говорили:

— Вотъ, кабы опять война...

Зачѣмъ имъ война?

Повидимому, они надѣются послѣ нея найти лучшее. И никакихъ признаковъ патріотизма, ни малѣйшихъ. Они больше говорятъ о будущихъ пораженіяхъ, чѣмъ о побѣдахъ. Въ отношеніи же Китая—для деревни вопросъ рѣшенный: «Китай поднимется—Россіи крышка». И говорится объ этомъ спокойно и увѣренно, какъ о дѣлѣ уже навѣрняка рѣшенномъ и никонимъ образомъ не перемѣнимомъ. Подумать можно,—Владимира Соловьева читали.

— Заберетъ китаецъ подъ себя!... И аминь.

— Какъ же тогда Россія-то?—спрашиваешь.

— А что же Россія? Противъ Бога не пойдешь.

— Да, вѣдь, обидно.

— Конечно, не вкусно, но что жъ ты подѣлаешь. Сказываютъ, подъ татаринომъ жили же. Китайцу тоже свое предназначено.

— Предназначено! Да ихъ выгнать слѣдуетъ!..

— Поди-ка, выгони.

Старики-крестьяне, молодые парни, мужики, только что выпедшіе изъ военной службы въ запасъ, всѣ одного мнѣнія: ежели война будетъ, то, можетъ быть, что-нибудь хорошее и будетъ, а ежели съ китайцемъ придется драться,—шабашъ расейскому государству. При томъ, повторяю,—ни тѣни сожалѣнія.

Такъ могутъ разсуждать или окончательные пессимисты, или же люди, увѣренные въ себѣ: они-то не пропадутъ ни въ какихъ обстоятельствахъ, ибо они свое возьмутъ и при китайцахъ.

Историки крѣпостного права единодушно объясняютъ плохую производительность крѣпостного труда самой его сущностью, какъ труда подневольнаго. Крестьяне кое-какъ работали на помѣщика и за двѣсти лѣтъ воспитали въ себѣ привычку и для себя работать спустя рукава. Только бы живу быть. Что заботиться о завтрашнемъ днѣ, когда ты не увѣренъ въ немъ и не знаешь, что онъ принесетъ тебѣ...

Не оторванность ли отъ участія въ государственной жизни объясняетъ и это равнодушіе къ судьбамъ отечества? Гдѣ оно, это отечество? Вѣдь не выражается же оно въ земскомъ начальникѣ, въ урядникѣ и въ томъ, что кто-то гдѣ-то, безъ твоего участія, распоряжается и твоимъ достояніемъ, и самой твоей жизнью...

Теперь крестьянинъ учится работать для себя, но онъ еще не начиналъ учиться смотрѣть на себя, какъ на гражданина. А если въ немъ нѣтъ гражданина, то откуда возьмете вы высокія гражданскія чувства?

Допускаю, что это обидно, но это святая истина. Какъ отмежевался мужикъ отъ подневольнаго труда, такъ стоитъ онъ теперь въ сторонѣ отъ официальной Россіи, которая въ настоящее время синонимъ Россіи государственной. Она ему чужда, задачи ея или непонятны, или враждебны, стремленія не соотвѣтствуютъ требованіямъ крестьянскаго міра.

Отсюда самъ собой подсказывается выводъ: избѣгайте войны. Она будетъ повтореніемъ японской войны, которую сопровождало отнюдь не воодушевленіе. Война можетъ служить поводомъ къ внутреннимъ эксцессамъ, но отнюдь не къ проявленію подвиговъ и массоваго геройства въ столкновеніи съ непріателемъ, будь то нѣмецъ или китаецъ. Война—это рискованная ставка при современномъ настроеніи деревни. И успѣхъ тутъ всего меньше зависитъ отъ расходовъ на вооруженія. Истратьте миллиарды, но они окажутся мыльнымъ пузыремъ, если крестьянскій міръ остается равнодушнымъ къ шовинистскимъ выкрикамъ чуждыхъ ему голосовъ и не въ состояніи поддаться патріотическому воодушевленію.

С. Гусевъ (Слово Глаголь).

Октябрь 1910 г.

ПИРАТЬ-ВИТЯЗЬ.

Историко-биографическій очеркъ.

ТОРАЯ половина XV вѣка, какъ извѣстно, ознаменовалась для исторіи народовъ роковымъ событіемъ политической смерти Греціи, какъ самостоятельнаго государства, какъ колыбели античнаго искусства и сокровищницы плодовъ древне-греческой образованности, которая уже и до этого и, въ особенности, впоследствии сыграла такую великую цивилизующую роль въ исторіи культуры народовъ старой и новой Европы.

Окончившійся неудачей въ 1422 году штурмъ Константинополя султаномъ Мурадомъ II былъ, собственно, началомъ агоніи для политической самобытности Греціи, просуществовавшей послѣ этого еще только въ теченіе тридцати лѣтъ и затѣмъ надолго, почти на четыре вѣка, стертой со страницъ всемірной исторіи суровой рукой новаго завоевателя, сына Мурада Магомета II.

29-го мая 1453 года подъ натискомъ 300-тысячнаго полчища съ суши и болѣе 400 кораблей съ моря Константинополь обратился въ груды развалинъ и палъ, невзирая на чудеса храбрости, проявленной въ этой отчаянной, но, увы, неравной борьбѣ не на жизнь, а на смерть защитниками его—послѣднимъ византійскимъ императоромъ Константиномъ Палеологомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи не болѣе 6000 грековъ, и безумно храбрымъ генуэзцемъ Джованни Джустиніани, сражавшимся во главѣ приведенныхъ имъ 3000 итальянцевъ.

Три дня подъ рядъ продолжалась неслыханно-безумная оргія разгрома и грабежа завоевателями этой многовѣковой сокровищницы

драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ античнаго искусства, и на четвертый отъ столицы Византіи остались лишь озаряемыя тамъ и сямъ отблесками еще не потухшихъ пожаровъ и обгагреныя еще теплою дымящейся кровью героевъ-защитниковъ груды развалинъ и мусора...

Нетронутыми оказались только знаменитый храмъ св. Софійи и еще нѣсколько другихъ, но надъ ними на мѣстѣ золотыхъ крестовъ были водружены серебряныя изображенія полумѣсяца.

Черезъ три года та же участь постигла Аѳонское герцогство; затѣмъ еще черезъ четыре года—Оивы, о. Лесбось и Морею; въ 1470 году—Эвбею, и, наконецъ, область за областью, городъ за городомъ, вся Греція обратилась въ одну сплошную турецкую провинцію, раздѣленную на пашалыки и обложенную непомерною податью въ пользу владыкъ-завоевателей.

Съ этого момента и, можно утверждать безошибочно, навсегда угасъ здѣсь свѣточъ античнаго ума и красоты, потому что, если черезъ четыре вѣка, съ воцареніемъ Оттона I въ 1832 году, Греція и возродилась какъ самостоятельное королевство, то, какъ колыбель науки, искусствъ и художествъ, она уже для міровой культуры не воскресла вовсе и, кромѣ остатковъ античной древности, новыхъ образцовъ въ міровую сокровищницу не дала никакихъ.

Къ счастью для Греціи, турки оказались только жестокими, но отнюдь не умными и ужъ вовсе не дальновидными ея завоевателями.

Заливъ всю страну потоками крови, разграбивъ все на видъ дорогое и безмысленно уничтоживъ и исковеркавъ остальное, они затѣмъ увлеклись узко-корыстными цѣлями возможно большаго обогащенія на счетъ побѣжденныхъ и почти не озаботились надежнымъ упроченіемъ въ будущемъ своего политическаго владычества въ завоеванной странѣ. Отбирая отъ новыхъ своихъ данниковъ вообще все, что только можно было отобрать, доводя свой политическій и въ особенности экономическій гнетъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможнаго, регламентируя частную жизнь до такихъ мельчайшихъ подробностей, что, напримѣръ, для «райи» были обязательны форма и цвѣтъ одежды, покрой платьевъ, наружный видъ и внутреннее расположеніе домовъ и т. п., турецкіе владыки объ руку съ этимъ не коснулись вовсе ни церкви, ни мѣстнаго самоуправления, ни руководимыхъ духовенствомъ школъ во всей завоеванной странѣ, и именно это обстоятельство помогло хотя и въ отдаленномъ будущемъ грекамъ сбросить съ себя ненавистное турецкое иго и возродиться къ новой самобытной политической жизни.

Національное самосознаніе, лишь зажатое въ тиски политическаго и экономическаго гнета, но не раздавленное въ конецъ и не вырванное съ корнемъ изъ груди людей, ставшихъ лишь на время рабами, не переставало лелѣять въ сердцахъ лучшихъ сыновъ Греціи.

завѣтную мысль о свободѣ, и эта священная искорка продолжала тамъ и сямъ глѣть незамѣтно для глазъ побѣдителей, ослѣпленныхъ блескомъ золота, притекавшего изъ порабожденной страны-данницы, до тѣхъ поръ, пока не вспыхнула во многихъ мѣстахъ сразу грознымъ заревомъ пожаровъ возстанія.

Ненависть несравненно болѣе культурныхъ и образованныхъ случайныхъ рабовъ-грековъ къ своимъ угнетателямъ варварамъ-туркамъ изо дня въ день росла все больше и больше, укрѣпляла и закаляла патріотическія вождельнія отдѣльныхъ лицъ и незримо ковала тѣ мстящіе мечи и кинжалы, которые наконецъ десятками засверкали вдругъ въ рукахъ героевъ-освободителей и пролили цѣлые потоки ненавистной турецкой крови...

Церковь, сохранившая почти *in pleno* свое самостоятельное управление и, вслѣдствіе этого, — духовное руководство и юрисдикцію надъ православными всего византійскаго востока, сплотила угнетенныхъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, въ единое національное цѣлое; школа не переставала сѣять въ сердцахъ своихъ питомцевъ сѣмена любви къ своей угнетенной родинѣ и поддерживать въ нихъ завѣтныя мечты о лучшихъ, свѣтлыхъ дняхъ свободы въ будущемъ, а самостоятельное мѣстное самоуправленіе областей уже одной силою привычки населенія къ своей родной національной власти взрастило и укрѣпило всходы этихъ сѣмянъ, и такимъ образомъ соединенное воздѣйствіе этихъ трехъ институтовъ спасло греческую національную идею отъ окончательной гибели и помогло угнетенному народу сбросить съ себя тяжелыяковы ненавистнаго турецкаго ига.

Ко второй половинѣ XVIII вѣка самая идея освободительнаго движенія успѣла уже назрѣть такъ прочно, что многіе лучшіе сыны своей родины отъ мечты и шопотомъ передаваемого другъ другу въ ночной тишинѣ завѣтнаго слова стали переходить къ дѣлу и начали съ того, что по всей странѣ образовали цѣлую сѣть большихъ и малыхъ кружковъ и обществъ (гетерій), имѣвшихъ цѣлью сплотить населеніе, возможно объединить дѣйствія всѣхъ и cadaго и тѣмъ обезпечить успѣхъ долженствовавшего уже въ недалекомъ будущемъ вспыхнуть возстанія.

И оно, наконецъ, вспыхнуло, но не въ видѣ поголовнаго возстанія всѣхъ и cadaго и единовременнаго массоваго натиска на своихъ угнетителей-турокъ, а въ формѣ патризанской войны, длящейся, непримиримой, кровеобильной.

Появились герои, вожаки отдѣльныхъ партизанскихъ отрядовъ, беззавѣтно отдавшіе свои состоянія, свою кровь и самую жизнь дорогому дѣлу народной свободы.

И благодарная нація занесла неизгладимыми чертами на залитыя благородной кровью этихъ героевъ скрижали исторіи этой эпохи имена Константина Ригаса, Александра и Константина Ипси-

ланги, Колокотрони, Томбазы, Міаули, Капариса и многихъ другихъ.

И вотъ одинъ изъ этихъ героевъ, борцовъ за свободу, начавшій первымъ по времени кровавую борьбу съ турками за благо и честь своего народа, былъ по всей справедливости ставшій буквально грозой для нихъ извѣстный архипелажскій грекъ Ламбро Димитріевичъ Качіони, имя котораго стало достояніемъ героическихъ эпосовъ въ Греціи и Турціи, съ тою лишь разницей, что въ первомъ онъ прославляется какъ богатырь-борецъ за свободу народа, а во второмъ—какъ злодѣй-бунтовщикъ и звѣрь-пиратъ, никогда и никому не дававшій пощады.

Лично, какъ левъ, храбрый и всегда впередъ всѣхъ шедшій на самые отчаянные подвиги противъ въ десятки и даже сотни разъ многочисленнаго и сильнѣйшаго непріятеля, Ламбро счастливо соединялъ въ себѣ желѣзную непреклонную волю и пронизательный умъ съ умѣніемъ воодушевить и наэлектризовать окружавшихъ его такихъ же храбрецовъ, какъ и онъ самъ, и потому онъ съ горстью своихъ сподвижниковъ, такъ же, какъ и онъ, горѣвшихъ столь же безмѣрной кровавой ненавистью къ туркамъ, сколько и безпредѣльной любовью къ своей униженной и истерзанной игомъ враговъ родинѣ, продѣлывалъ такія поразительныя чудеса храбрости, которыя заставляли охваченнаго паническимъ ужасомъ врага, невзирая даже на значительный перевѣсъ его силъ, всегда бѣжать передъ этой отчаянной и не знавшей никакихъ предѣловъ отвагой.

Отдавъ все свое состояніе на то, чтобы пріобрѣсти и вооружить одинъ небольшой корабль, Ламбро Качіони горячимъ, полнымъ энтузіазма призывомъ и личнымъ примѣромъ сумѣлъ воодушевить многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, давшихъ благодаря ему средства на снаряженіе еще двухъ такихъ же кораблей, и, принявъ начальство надъ этой небольшой флотиліей, онъ вышелъ въ Эгейское море и скоро сталъ ужасомъ и грозой для турокъ.

Не прошло и года со времени перваго выступленія Ламбро на стезю военного пирата, какъ о подвигахъ его составились уже цѣлыя легенды: турчанка-мать, убаякивая своего раскричавшагося ребенка, стала страшать его ужаснымъ именемъ «Ламбро».

Неудивительно поэтому, что впоследствии великій Байронъ, съ такимъ увлеченіемъ слѣдившій за всѣми перипетіями освободительнаго движенія въ Греціи и въ концѣ своей жизни даже принимавшій личное участіе въ этой борьбѣ за свободу и честь нѣкогда великаго, а теперь угнетеннаго раба-народа, наслышавшись на мѣстѣ о львиныхъ подвигахъ храбрости этого знаменитаго борца-пирата, нарисовалъ съ такимъ талантомъ его героическій обликъ въ поэтѣ «Корсаръ» и отчасти въ поэмѣ «Абидосская невѣста».

Однако продолжать дальше эту кровавую борьбу съ отечественнымъ врагомъ въ одиночку было немислимо даже для такого от-

чаяннаго храбреца, какимъ былъ Ламбро Качіони, потому что Турція вооружила и выслала противъ него цѣлый флотъ. Нужно было рѣшиться на что-нибудь другое. И Ламбро сумѣлъ найти это рѣшеніе, чтобы получить возможность и средства для продолженія борьбы, которой онъ отдалъ все свое состояніе и посвятилъ всю свою жизнь.

Хорошо образованный для своего времени и зорко слѣдившій, сколько, конечно, это было доступно для него, за политическимъ настроеніемъ Европы и, въ особенности, единовѣрной Россіи, Ламбро Качіони, какъ и многіе изъ его современниковъ, ждалъ заступничества и помощи для своей родины отъ послѣдней, а слухи о существѣ столь облюбованнаго императрицей Екатериной II «греческаго проекта», конечной цѣлью котораго въ политической комбинаціи этой государыни было возстановленіе независимой Греческой имперіи и вѣнчаніе этой будущей короной любимаго внука Константина, еще больше укрѣпили его надежды въ этомъ направленіи.

Поэтому, какъ только у Балеарскихъ острововъ появились двѣ русскія эскадры адмираловъ Спиридова и Эльфинстона, вышедшія по повелѣнію Екатерины II изъ Кронштадта, первая въ срединѣ, а вторая въ концѣ 1769 года, Ламбро Качіони, прекративъ самостоятельныя враждебныя дѣйствія противъ турокъ, поспѣшилъ навстрѣчу къ главнокомандующему всѣми этими морскими силами генераль-аншефу графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, ѣхавшему къ мѣсту военныхъ дѣйствій черезъ Италію, и отдалъ себя и свои три корабля въ его распоряженіе. Графъ Орловъ, впоследствии получившій за бой при Чесмѣ титулъ Чесменскаго, уже слышавшій о безумныхъ подвигахъ храбрости этого національнаго корсара-героя и о той страшной славѣ, которою гремѣло по всей Турціи его ужасное имя, немедленно же съ радостью принялъ его на русскую службу, и Ламбро въ теченіе всей первой турецкой войны (1769—1774) уже подъ русскимъ флагомъ продолжалъ свою кровавую расправу надъ исконными врагами отчины. Абордажъ и брандеръ — вотъ два излюбленныхъ обычныхъ приѣма военной тактики этого не имѣвшаго себѣ равнаго по безумной храбрости героя, когда онъ встрѣчался въ морѣ съ ненавистнымъ врагомъ, — при чемъ, когда по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая оказывалось необходимымъ «пустить брандера», Ламбро выбиралъ нѣсколькихъ храбрѣйшихъ изъ своей команды, пересаживался съ ними на судно, предназначенное сгорѣть самому и сжечь непріятельскій корабль, и съ горящими отвагой и неукротимой мстью глазами шель всегда самъ на почти неминуемую гибель...

Осыпaeмый градомъ пуль, безумецъ летѣлъ на всѣхъ парусахъ на врага, стоя самъ на рулѣ обычно въ красной боевой рубахѣ

(эмблема огня и крови) и впиваясь глазами въ памѣченный имъ корабль жертву для того, чтобы не пропустить момента отдать грозную команду поджечь фитили и брандерныя трубки.

Наконецъ эта критическая минута наступала...

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ непріятельскаго корабля, когда уже сквозь пороховой дымъ явственно были видны искаженные ужасомъ лица турокъ, гремѣли страшныя слова команды и когда, подожженный сразу со всѣхъ сторонъ, брандеръ обращался въ одинъ сплошной колоссальный снопъ пламени, Ламбро съ огромнымъ кинжаломъ въ зубахъ и всѣ остальные, кто еще не былъ убитъ или смертельно раненъ, безстрашно бросались въ море и вплавь достигали поджидавшей ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи лодки.

При этомъ обычно бывало, что изъ 10—12 смѣльчаковъ, отправившихся на вышеописанный отчаянный подвигъ, въ лодку возвращалось двое-трое, а остальные погибали геройской смертью въ пламени и морской пучинѣ...

Одинъ изъ такихъ безумно-храбрыхъ подвиговъ Ламбро-Качіони описанъ Оаддеемъ Булгаринымъ въ его военномъ разсказѣ «Страшная ночь».

Послѣ окончанія этой первой турецкой войны и заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (10 іюля 1774 года) Ламбро Качіони вынужденъ былъ на время прекратить свои кровавыя счеты съ турками и осенью 1775 года вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ весьма милостиво принятъ императрицей Екатериной II, которой о подвигахъ его уже было извѣстно изъ донесеній съ мѣста графа Орлова.

Проживъ нѣкоторое время здѣсь при дворѣ, Ламбро Качіони затѣмъ поступилъ въ составъ албанскаго войска, сформированнаго тѣмъ же графомъ Орловымъ еще въ 1769 году изъ грековъ и албанцевъ, служившихъ въ русскомъ флотѣ, и поселеннаго сначала близъ Керчи и Еникале, а послѣ 1774 года перемѣщеннаго въ Екатеринославскую губернію, затѣмъ по окончательномъ присоединеніи Крыма переведеннаго въ Балаклаву съ переименованіемъ сначала въ «Греческій пѣхотный полкъ» въ 1797 году, а потомъ—въ «Балаклавскій греческій батальонъ», просуществовавшій до 1857 года, когда онъ уже былъ расформированъ окончательно.

Почти въ теченіе двѣнадцати лѣтъ послѣ этого въ водахъ Средиземнаго и сосѣднихъ морей не было слышно ничего о страшномъ пиратѣ.

Но вотъ, послѣ новаго разрыва съ Турціей, предшествовавшаго второй турецкой войнѣ и начавшагося съ заключенія Портой русскаго посланника Булгакова въ Семибашенный замокъ,—лично извѣстный Потемкину и уже имѣвшій чинъ капитана Ламбро Качіони былъ сначала посланъ имъ съ дипломатическимъ порученіемъ

Ламбро Дмитріевичъ Качіони.

къ Агъ-Мухамедъ-Хану, бывшему впоследствии персидскимъ шахомъ, съ тѣмъ, чтобы склонить его къ дѣйствіямъ противъ турокъ, а затѣмъ, награжденный за это весьма удачно выполненное имъ порученіе чиномъ майора, онъ бросился въ Архипелагъ, гдѣ скоро опять объ его звѣрствахъ пролетѣла изъ края въ край по всей Турціи и Греціи страшная слава.

Но теперь уже это былъ не просто пиратъ, выслѣживавшій и неминуемо отправлявшій на морское дно одинокія военныя и тор-

говья турецкія суда, а грозный корсаръ-мститель, стоявшій во главѣ прекрасно организованной по военному ранжиру большой флотиліи и отдававшій со своего адмиральскаго корабля сигнальные приказы и распоряженія еще семнадцати такимъ же кораблямъ съ пушками и многочисленной военной командой на каждомъ.

Флотилія эта была снаряжена безъ всякаго участія и расходовъ со стороны Россіи самими греками, воодушевленными до энтузіазма этимъ героемъ, борцомъ за народную свободу.

И долго изумрудныя волны Эгейскаго моря багровѣли тамъ и сямъ отъ потоковъ турецкой крови, въ изобиліи пролитой въ нихъ этимъ мстившимъ за вѣковой позоръ своей родины, за стоны и слезы своихъ собратій и не знавшимъ никогда и никакого чувства страха, а ровно и жалости къ врагамъ отчизны человѣкомъ.

Въ теченіе трехъ почти лѣтъ свирѣпствовалъ Ламбро на морѣ, творя безпощадный судъ и кровавую расправу надъ врагами своей старой и новой отчизны, и за это время успѣлъ причинить имъ столько зла и ущерба, что наконецъ въ диванѣ было рѣшено принять экстренныя и самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы освободить омывающія Турцію и Грецію воды отъ этого грознаго корсара, стоявшаго теперь въ виду Тенедоса и мѣшавшаго Ахмету-пашѣ отплыть на сушу съ собраннымъ имъ здѣсь значительнымъ турецкимъ отрядомъ и идти къ Адрианополю, гдѣ по ходу военныхъ дѣйствій было настоятельно необходимо скопить большія боевыя силы.

По этому рѣшенію была составлена и выслана противъ Ламбро Качіони цѣлая большая эскадра подъ начальствомъ Измаила-Зея, состоявшая изъ двухъ линейныхъ кораблей, двухъ фрегатовъ и двухъ десятковъ мелкихъ судовъ, которая, выйдя въ открытое море, взяла курсъ на островъ Зею.

Безстрашный корсаръ, какъ только развѣдчиками его было донесено объ этомъ движеніи на него, не уклонился отъ предстоящаго морского боя, а, напротивъ, невзирая на значительный перевѣсъ надъ нимъ врага въ силахъ, пошелъ самъ навстрѣчу вражеской эскадрѣ и первымъ началъ атаку.

Завязался долгій и ожесточенный бой, въ которомъ, однако, ни безумное мужество самого Ламбро, ни отчаянная храбрость всѣхъ его людей не смогли сломить значительно превосходившаго его численностью и свѣжестью силъ врага, и не знавшій еще до сихъ поръ пораженія корсаръ былъ побѣжденъ.

Непріятельскія ядра буквально изрѣшетили пять лучшихъ судовъ его флотиліи и въ ихъ числѣ фрегатъ самого Ламбро Качіони настолько, что корабли эти пришлось взорвать, чтобы они не стали добычей и трофеемъ ненавистнаго врага. Самъ Ламбро, раненый, къ счастью, не опасно еще въ началѣ боя, по обыкновенію съ кинжаломъ въ зубахъ бросился въ моментъ взрыва его фрегата въ воду и подъ прикрытіемъ сначала густыхъ облаковъ порохового дыма,

а затѣмъ и скоро наступившей темноты ночи, успѣлъ спастись со своимъ вѣрнымъ слугой и товарищемъ всѣхъ прежнихъ битвъ и отчаянныхъ подвиговъ Панаіотомъ Сларидіа въ какой-то, по счастью, попавшейся имъ въ морѣ лодкѣ.

Донося объ этомъ поражении неустрашимаго корсара Екатеринѣ II и отгнѣвивъ надлежащимъ образомъ его львиную храбрость, Потемкинъ между прочимъ писалъ такъ государынѣ:

«Порта, встревоженная его предпримчивостью и мужествомъ, старалась уловить его разными обѣщаніями, которыя онъ отвергъ съ презрѣніемъ. Въ самой неудачѣ выказываетъ онъ неустрашимую смѣлость. Онъ потерпѣлъ въ этомъ сраженіи съ турками, но съ имъ почти со всѣми спасся и, справясь, пойдетъ опять. Онъ одинъ только дерется. Всемилостивѣйшее пожалованіе въ полковники умножить ревность его, а если еще Вашему Величеству благоугодно будетъ позволить мнѣ отправить къ нему знакъ военного ордена 4-ой степени, то сіе, разнесшись повсюду, много произведетъ дѣйствія въ народѣ греческомъ къ пользѣ высочайшей Вашего Императорскаго Величества службы».

Въ отвѣтной эстафетѣ на это донесеніе государыня разрѣшила Потемкину послать Ламбро Качіони георгіевскій крестъ «въ награжденіе его храбрыхъ подвиговъ и въ ободреніе къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ противъ непріятеля».

Одновременно съ симъ онъ, невзирая на то, что только за одинъ годъ до этого получилъ чинъ подполковника, былъ произведенъ въ полковники.

Слова Потемкина въ письмѣ къ Екатеринѣ II о томъ, что онъ «справясь, пойдетъ опять», оправдались: хотя послѣ пораженія боевая слава его среди соотечественниковъ и померкла, а ставшее уже легендарнымъ, въ особенности въ Турціи, имя этого грознаго корсара утратило уже нѣкоторую долю своей героической обаятельности, но все-таки Ламбро и послѣ этого успѣлъ добыть себѣ и снарядить всѣмъ необходимымъ небольшой военный корабль для того, чтобы снова продолжать свое завѣтное дѣло кровавой мести исконному врагу своей родины.

И снова въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ этотъ корсарь-герой наводилъ ужасъ на турокъ, появляясь, какъ грозный призракъ, то тамъ, то здѣсь въ разныхъ уголкахъ Средиземнаго, Эгейскаго и Мраморнаго морей и всюду оставляя за собой груды труповъ и цѣлыя легенды о своей неустрашимости и отчаянной отвагѣ.

И только много спустя послѣ смерти князя Потемкина Таврическаго (послѣдовавшей въ 40 верстахъ отъ Яссы 5 октября 1791 года) Ламбро Качіони окончательно возвратился въ сдѣлавшуюся для него вторымъ отечествомъ Россію и остался здѣсь до самой своей смерти, которая послѣдовала въ первые годы послѣ вступленія на престолъ императора Александра I.

По возвращеніи своемъ Ламбро довольно долго жить въ Петербургѣ, пользуясь постояннымъ и широкимъ расположеніемъ императрицы Екатерины II, къ которой онъ имѣлъ всегда и во всякое время непосредственный доступъ.

Съ разрѣшенія государыни онъ всегда и дома, и на улицѣ, и при дворѣ ходилъ не иначе, какъ въ оригинальной формѣ фесѣ, на которомъ серебромъ было вышито изображеніе руки и подъ нимъ полукругомъ надпись: «Подъ рукою Екатерины».

Позже онъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Крымъ, гдѣ ему были пожалованы государыней послѣ возвращенія ея изъ своей поѣздки на югъ (1787 г.) громадныя пространства земли и тотъ самый роскошный дворецъ, который по приказанію Потемкина былъ спѣшно отстроенъ и надлежащимъ образомъ убранъ для пребыванія въ немъ въ Крыму самой государыни.

А когда затѣмъ албанское войско было переведено въ Балаклаву изъ Екатеринославской губерніи и изъ него сформированъ сначала «Греческій пѣхотный полкъ», а позже «Балаклавскій греческій батальонъ», то первымъ командиромъ его по высочайшему повелѣнію былъ назначенъ полковникъ Ламбро Димитріевичъ Качіони.

А впоследствии старшій сынъ его, Ликургъ Ламбровичъ Качіони, унаслѣдовавшій въ значительной степени воинскія доблести и неукротимую отвагу своего отца и отличившійся въ военныхъ дѣйствіяхъ во время Отечественной войны 1812 года, еще очень молодымъ сравнительно человѣкомъ былъ уже произведенъ въ подполковники и назначенъ командиромъ того же самаго батальона.

Сынъ этого Ликурга и внукъ Ламбро, Александръ Ликурговичъ Качіони, незадолго до своей смерти принесъ въ даръ королю Георгу I въ 1869 или 1870 году оружіе своего знаменитаго дѣда: карабинъ, пистолетъ, ятаганъ, кинжалъ и саблю, а король эти драгоценныя реликвіи славнаго героя, борца за независимость своего отечества, передалъ для вѣчнаго храненія въ національный музей при аѳонскомъ университетѣ, а греческому консулу въ Таганрогѣ поручилъ передать внуку героя свою искреннюю благодарность за столь дорогой для національнаго чувства Греціи даръ.

Но эта благодарность не дошла до дарителя, потому что когда консулъ для этой цѣли прибылъ въ внуку героя, то засталъ его лежащимъ на столѣ и могъ только помолиться на панихидѣ объ усопшемъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Ламбро Качіони изъ Крыма въ Петербургъ съ красавицей женой въ 1798 году проживавшій тогда въ столицѣ знаменитый австрійскій портретистъ и историческій живописецъ Іоаннъ Баптистъ Лампи Младшій, сначала почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ и незадолго передъ тѣмъ (въ 1797 году) за портретъ профессора живописи Аки-

Ангелина Качіони.

мова (портретъ этотъ хранится въ музеѣ академіи) возведенный въ званіе академика, написалъ по его заказу съ него и его красавицы жены два большихъ поясныхъ портрета (которые въ настоящее время составляютъ собственность извѣстнаго въ Петербургѣ любителя исторической живописи и собирателя античныхъ предметовъ І. І. Лемана), снимки съ которыхъ помѣщаются при этой статьѣ.

Для полноты исторической справки остается прибавить, что родъ Ламбро Качіони, боевыя заслуги котораго въ эпоху покоренія

Крыма были съ высоты престола признаны очень цѣнными и для Россіи непосредственно (что уже очевидно изъ факта пожалованія ему въ Крыму громаднхъ пространствъ земли и роскошнаго дворца), внесень во вторую часть родословной книги таврическаго дворянства и что изъ прямыхъ его потомковъ по старшей мужской линіи въ настоящее время находятся въ живыхъ одинъ правнукъ и три праправнука героя.

Къ этимъ историко-біографическимъ даннымъ о жизни и дѣятельности Ламбро Качіони, этого знаменитаго пирата-витязя, беззавѣтно отдаваго и все свое состояніе, и большую часть своей жизни благородному дѣлу кровавой борьбы съ турками за свободу и честь угнетенной ими отчизны, небезынтереснымъ будетъ прибавить еще свѣдѣнія о событіяхъ его женитьбы и смерти и притомъ въ той формѣ, въ какой они сохранились въ фамилныхъ преданіяхъ и бумагахъ его нисходящихъ.

Весьма возможно, конечно, что нѣкоторыя детальныя подробности этихъ событій, быть можетъ, нѣсколько и расцвѣчены временемъ и фантазіей рассказчиковъ, что само по себѣ и не удивительно въ виду чисто героическаго облика самого Ламбро и удивительной колоритности всей обстановки, среди которой протекала вся жизнь и дѣятельность этого храбреца-корсара, полная опасностей, драматизма и самыхъ крайнихъ, до фанатическаго энтузіазма доходившихъ проявленій его духа. Но объ руку съ этимъ еще не такъ сравнительно много прошло времени съ тѣхъ поръ, когда были живы старики, хорошо помнившіе самого Ламбро, или лицъ, бывшихъ очень близкими къ нему, и они рассказывали объ этихъ фактахъ именно такъ, какъ это будетъ изложено ниже.

Между прочимъ точно такъ же и съ такими же подробностями рассказывалъ исторію его женитьбы и прожившій безотлучно свою жизнь съ нимъ и около него его личный слуга и боевой товарищъ Панаіотъ С.ларидіа, умершій въ глубокой старости и на много позже своего принципала.

Точно время и дата его женитьбы не могутъ быть опредѣлены, но по возрасту его дѣтей и другимъ даннымъ это событіе, повидному, должно было имѣть мѣсто въ концѣ первой турецкой войны.

Ламбро крейсеровалъ между Архипелагомъ и Эгейскимъ моремъ, выслѣживая торговыя суда и военныя транспорты, подвозившіе муку, хлѣбъ, овощи и боевыя припасы съ острововъ въ прибрежныя пункты материка.

Его корабль, высокій и узкій, при полной оснасткѣ давалъ большой кренъ, но зато по быстрходности и прочности постройки не оставлялъ желать ничего лучшаго, а эти именно качества для

той цѣли, которой служилъ его безстрашный командиръ, и были самыми необходимыми.

Загоралось чудное утро самой ранней весны, и изумрудная лазурь моря, слегка рябившаяся при небольшомъ вѣтрѣ, искрилась и переливала мириадами непрестанно вспыхивавшихъ подъ еще косыми лучами солнца звѣздочекъ.

Все кругомъ корабля, насколько хваталъ глазъ, до самаго горизонта дрожало и горѣло огнемъ, точно золотой панцирный щитъ, залитый солнечнымъ сіяніемъ.

Ламбро сидѣлъ въ своей командирской каютѣ и что-то спѣшно писалъ. Онъ такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что даже не слышалъ, какъ пріотворилась дверь въ каюту и вошелъ его преданный слуга и товарищъ по битвамъ Панаіотъ.

Ламбро сидѣлъ спиной къ двери, и Панаіоту пришлось кашлянуть, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Что скажешь, Панаіотъ?—спросилъ Ламбро, не поднимая головы отъ стола.

— Впереди съ праваго борта видна галера, командиръ.

— Послать ее къ ракушкамъ,—послѣдовалъ короткій отвѣтъ.

— А если она не собачья?

— Справа некому быть, кромѣ собакъ,—возразилъ Ламбро, скорѣе разсуждая вслухъ, чѣмъ отвѣчая на вопросъ.

— Все равно,—прибавилъ онъ:—догнать ее; а тамъ увидимъ. Прибавь парусовъ... Очередныхъ наверхъ... Какъ только станетъ ясно кто,—доложи... Ступай.

Черезъ полчаса выяснилось, что галера не турецкая, а греческая, а еще черезъ часъ она уже была подъ правымъ бортомъ корабля Ламбро, а на палубѣ передъ сидѣвшимъ на низкомъ складномъ морскомъ табуретѣ командиромъ стояло нѣсколько человѣкъ съ этой галеры.

Оказалось, что галера эта вышла ночью съ небольшого острова Тіо и поджидала въ открытомъ морѣ встрѣчи именно съ нимъ, такъ какъ было извѣстно, что Ламбро крейсруетъ по близости.

Прибывшіе жаловались на своего коменданта, такого же, какъ и они, грека, но черезчуръ ретиво служившаго туркамъ: онъ ихъ давно уже буквально грабитъ, а при малѣйшемъ сопротивленіи заковываетъ и передаетъ въ распоряженіе наши, который гноитъ ихъ въ казематахъ.

Ламбро, слушая этотъ разсказъ, нахмурился.

— Особачился,—произнесъ онъ.

— Хуже самой злой собаки,—согласились прибывшіе.—Помоги намъ, потому что такая жизнь хуже смерти... Высадись у насъ и убей его, а мы тебѣ поможемъ... Только такъ и можно: разъ на островѣ былъ ты, турки его смерть намъ не припишутъ.

— Глупости говорите, земляки. Я не убійца, потому что я, кромѣ собакъ-турокъ, никого не трогаю...

— Прости насъ, если мы не то говоримъ, что нужно, но мы очень настрадались... И если бы не его ангель-дочь, которая стоитъ за насъ, мы бы давно всѣ пропали.

— Дочь молодая?—спросилъ Ламбро.

— Ей лѣтъ пятнадцать—невѣста.

— Красивая?

— По красотѣ ей бы царской дочерью быть, а по добротѣ это ангель на землѣ... Ее и зовутъ Ангелина.

Ламбро задумался. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— А далеко отсюда до Тіо?—спросилъ онъ наконецъ.

— До полудня съ такимъ вѣтромъ будешь у острова.

— А много у вашего коменданта турецкой стражи?

— Человѣкъ пятьдесятъ, не больше.

— Ну, хорошо. Я постараюсь сдѣлать такъ, чтобы онъ уже васъ не обижалъ больше... Но смотрите: ни одинъ грекъ не долженъ ни видѣть, ни слышать ничего, что бы ни дѣлалось сегодня или завтра на островѣ ночью... Плывите домой: все будетъ хорошо... Я васъ не видалъ,—вы про меня не слыхали... Прощайте...

— Правъ на Тіо! Ставь всѣ паруса!—скомандовалъ Ламбро и спустился въ свою каюту.

Тамъ онъ наскоро написалъ нѣсколько строкъ на листѣ бумаги, приложилъ свою печать и позвалъ къ себѣ Панаіота Скаридіа.

— Къ полудню мы бросимъ якорь у Тіо... Вотъ тебѣ свидѣтельство, что ты—мой посланный... Ты поѣдешь къ коменданту моимъ сватомъ, и, если онъ согласится, пусть священникъ готовитъ церковь, а ты возвращайся за женихомъ: свадьба будетъ сегодня вечеромъ.

Какъ ни привыкъ Скаридіа къ своему господину, но это приказаніе ошеломило даже и его.

Фигура слуги изображала соединеніе вопросительнаго и восклицательнаго знаковъ.

Ламбро, обычно отдававшій свои распоряженія безъ всякихъ объясненій, теперъ, однако, призналъ нужнымъ объяснить свой поступокъ.

— Ты слышалъ, что говорили тіяне объ его дочери: красива, какъ царская дочь, добра, какъ ангель... Убить ея звѣря-отца я не могу: онъ грекъ... Ну, а если я женюсь на его дочери, то сразу два добра будетъ: у меня будетъ красавица жена, а у тіянъ будетъ комендантъ, навѣрно, лучше теперешняго, потому что турки на своей службѣ моего тестя не оставляютъ; а если бы и оставили, то, породившись со мной, онъ грекамъ дѣлать зла не станетъ: онъ знаетъ, что за греками стою я.

Лицо Панаіота приняло обычное выраженіе: дѣло для него стало яснымъ, какъ день.

Но червь сомнѣнія, видимо, угрызаль душу Скаридіи, потому что онъ какъ-то нерѣшительно спросилъ:

— А что будетъ, если онъ не согласится? Если онъ откажетъ?

— Онъ?! Миѣ?!—почти закричалъ Ламбро.—Что же ты думаешь, что онъ не знаетъ меня? Какого же ему еще ждать зятя? Или онъ, ты думаешь, совсѣмъ уже особачился?

Ламбро задумался и, помолчавъ съ минуту, прибавилъ:

— Тогда скажи ему, что миѣ его согласія и не нужно: я тогда отниму ее у него... Но прибавь, что въ такомъ случаѣ я не ручаюсь, останется ли онъ самъ цѣлымъ: во время перепалки пули и въ святыхъ иконы попадаютъ... На всякій случай возьми съ собой человѣкъ десять нашихъ для охраны... Да если бы, Боже сохрани, онъ вздумалъ что-нибудь нехорошее тебѣ сдѣлать, то ты скажи ему, что я за каждую каплю крови моего слуги и свата выпущу по ведру крови изъ тѣхъ, кто его обидить...

Черезъ два часа послѣ этой бесѣды загремѣлъ якорь, и корабль Ламбро, убравъ паруса, качался въ полуверстѣ отъ острова.

Домъ коменданта, стоявшій въ сторонѣ отъ греческаго поселка, былъ виденъ какъ на ладони.

Отъ корабля отвалила лодка съ десятью гребцами, на рулѣ которой сидѣлъ вѣрный Панаіоть Скаридіа.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ уже посоль-свать поднимался опять по веревочной лѣстницѣ на корабль.

Онъ сейчасъ же спустился въ каюту командира и доложилъ ему:

— Онъ велѣлъ сказать тебѣ, что у него ни въ роду, ни въ роднѣ до сихъ поръ еще разбойниковъ не бывало, ни морскихъ, ни сухопутныхъ... Пусть Ламбро уходитъ, съ чѣмъ пришелъ, и не вздумаетъ высаживаться на островъ, потому что голова его оцѣнена турецкимъ правительствомъ и онъ, комендантъ, по долгу службы долженъ будетъ его арестовать и доставить пашалыкскому начальству.

Ламбро заскрежеталъ зубами: впервые еще грекъ говорилъ такимъ тономъ съ нимъ, борцомъ за всѣхъ грековъ.

А Панаіоть Скаридіа послѣ секунднаго перерыва заговорилъ болѣе конфиденціальнымъ тономъ:

— Миѣ удалось видѣть нашу будущую командиршу: она стояла во дворѣ, когда мы входили въ домъ коменданта... Тіане сказали истинную правду: въ ея волосахъ ночь спать, на лбу мѣсяць сіяеть, въ глазахъ глубокое море легло... Такую жену царю не стыдно имѣть...

Черезъ четверть часа послѣ возвращенія посла корабль корсара на всѣхъ парусахъ уходилъ въ открытое море и, повернувъ по вѣтру на востокъ за островъ, скрылся скоро изъ виду.

А ночью, за часъ до разсвѣта, когда темень сгустилась, окружавшія домъ коменданта казармы турецкой стражи вспыхнули красныхъ заревомъ сразу со всѣхъ сторонъ и раздался нечеловѣческой вой: это была избиваемая десантомъ корсара сонная стража, обезумѣвшая отъ паническаго страха и ревѣвшая одно страшное имя: «Ламбро».

Уже половина стражи была перебита, а остальная готова была обратиться въ бѣгство, когда надъ освѣщеннымъ заревомъ горѣвшихъ казармъ домомъ коменданта взвился большой бѣлый флагъ, и велѣдъ за тѣмъ раздалась громовая команда корсара о прекращеніи боя.

Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ нападавшіе собрались и выстроились на полянѣ между берегомъ моря и постройками комендантства...

Къ отряду изъ этихъ построекъ приближалась какая-то странная процессія...

Среди огня и дыма, по трупамъ убитыхъ и лужамъ крови шесть человѣкъ несли на скрещенныхъ сабляхъ одѣтую всю въ черное красавицу съ бѣлымъ отъ страха, какъ снѣгъ, лицомъ...

Ламбро бережно принялъ драгоцѣнную ношу... Когда взошло солнце, догорѣвшія уже казармы еще дымились. Вокругъ острова море было безлюдно... И только на залитомъ золотомъ солнца горизонтѣ по временамъ, точно чайка, сверкала бѣлоснѣжнымъ крыломъ: это корабль корсара уносилъ на всѣхъ парусахъ взятую съ боя красавицу въ сторону Архипелага...

.....

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Ламбро прибылъ въ Петербургъ съ донесеніями отъ графа Орлова.

Милостиво принятый Екатериной II, уже хорошо освѣдомленной объ его геройской славѣ и боевыхъ заслугахъ, онъ съ простодушіемъ иноземца на первомъ же приѣмѣ сказалъ императрицѣ:

— Великая государыня! Все мое состояніе я отдалъ на борьбу съ нашимъ общимъ врагомъ, а моя жизнь съ того дня, какъ ты приняла меня подъ свою высокую руку, принадлежитъ уже не мнѣ, а тебѣ. У меня теперь не осталось ничего, кромѣ жены, добытой мною съ кинжаломъ въ рукахъ... Возьми же теперь ее и береги около себя, пока я буду кончать тамъ съ турками твое и свое дѣло...

На это Екатерина отвѣтила ему, что она уже кончаетъ войну и что мирные переговоры уже начались.

Ламбро мрачно отвѣтилъ:

— Если ты, милостивая царица, считаешь свое дѣло съ турками оконченнымъ, то я своего еще не окончилъ: мои счета съ ними длиннѣ твоихъ... Только рѣки турецкой крови могутъ смыть съ нихъ всю кровь и слезы моей отчизны...

И уже на пятый день послѣ своего прїѣзда въ Петербургъ Ламбро летѣлъ назадъ къ Средиземному морю, чтобы съ новой энергіей продолжать дорогое для своего сердца дѣло кровавой мести исконнымъ врагамъ своей родины.

А добытая въ огнѣ и потокахъ крови молодая жена его заливалась слезами, разставаясь со своимъ красавцемъ-героємъ мужемъ, котораго она успѣла уже полюбить съ пылкой страстностью гречанки. Геронизмъ всегда чаровалъ женщину, а если учесть еще духъ и настроеніе эпохи и живописную колоритность подробностей, при которыхъ красавица Ангелина стала женою этого безстрашнаго корсара, то чувство ея, зародившееся среди огня, крови и дыма, и психологически становится очень понятнымъ...

Потомъ, когда Ламбро вернулся съ войны и жилъ нѣкоторое время въ столицѣ со своей красавицей женою, у которой уже родился первый сынъ Ликургъ, она всегда была окружена цѣлою толпою поклонниковъ, державшихся, впрочемъ, на почтительномъ разстояніи отъ нея: огромный кинжалъ ревниваго корсара былъ всегда у него за поясомъ.

Между прочимъ однимъ изъ наиболѣе восхищенныхъ и настойчивыхъ ухаживателей гречанки былъ князь N., имя котораго въ гостиныхъ того времени весьма недвусмысленно подъ сурдинку ставилось рядомъ съ именемъ жены Ламбро. Обрывки этихъ разговоровъ неясно доходили и до ревниваго слуха мужа, и возникшую отсюда непріязнь Ламбро къ этому князю-ухаживателю ставили потомъ въ связь съ полными трагизма обстоятельствами его смерти. послѣдовавшей въ самомъ началѣ наступившаго новаго столѣтія.

Въ одинъ изъ прїѣздовъ Ламбро въ Петербургъ, незадолго до смерти отъ апоплектического удара Екатерины, у государыни происходила вечерняя частная бесѣда по поводу греко-турецкихъ дѣлъ.

Въ числѣ присутствовавшихъ во дворцѣ и принимавшихъ участіе въ этой бесѣдѣ были между прочими сановниками и Ламбро, и этотъ самый князь N.

По какому-то вопросу мнѣнія раздѣлились, и Ламбро, къ ужасу своему, сталъ замѣчать, что государыня готова присоединиться къ высказанному въ выгодномъ и симпатичномъ для турокъ смыслѣ мнѣнію князя, діаметрально противоположному, конечно, тому, что только что доказывалъ Ламбро, продолжавшій ненавидѣть турокъ всѣми силами своей патріотической души.

Это въ связи съ затаеннымъ чувствомъ личной ненависти къ князю привело пылкаго грека въ бѣшенство. Онъ въ запальчивости схватился за кинжалъ, но затѣмъ совладѣлъ съ собой и только, обращаясь къ Екатеринѣ, сказалъ мрачно:

— Всякій, кто сказалъ бы при мнѣ то, что сейчасъ сказалъ князь, тамъ, гдѣ я былъ только грекомъ, пересталъ бы уже говорить навсегда: живымъ онъ бы не остался!

Оба противника скоро подъ разными предлогами уѣхали изъ дворца и послѣ этого уже никогда въ жизни не встрѣчались.

А когда Ламбро года черезъ два-три послѣ этого случая возвращался откуда-то изъ поѣздки къ себѣ домой, его на послѣдней остановкѣ передъ Керчью догналъ какой-то господинъ, назвавшійся докторомъ. Они разговорились, и Ламбро съ хлѣбосольствомъ южанина пригласилъ его закусить вмѣстѣ и выпить стаканъ краснаго вина.

И здѣсь во время бесѣды и вышивки изъ руки доктора, наливавшего своему радушному собесѣднику этого вина, незамѣтно упалъ въ стаканъ какой-то маленькій кристалликъ...

Это былъ послѣдній заключительный стаканъ, опорожнивъ который Ламбро пошелъ къ экипажу, чтобы продолжать путь дальше уже вмѣстѣ съ этимъ новымъ своимъ знакомцемъ, которому онъ любезно предложилъ лѣвое сидѣніе въ своемъ тарантасѣ...

На пути началось ужасное дѣйствіе яда, и вслѣдъ затѣмъ Ламбро, вся жизнь котораго научила узнавать врага, къ ужасу своему, понялъ, въ чемъ дѣло...

Сверкнулъ огромный кинжалъ въ еще не потерявшей силу рукѣ корсара, и вѣроломный злодѣй оказался пригвожденнымъ этимъ кинжаломъ къ экипажу...

Въ Керчь черезъ часъ вѣхали два трупа...

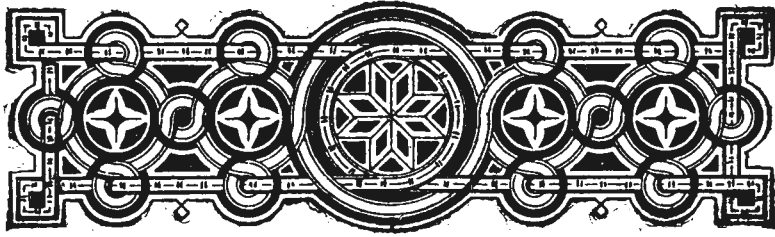
.....

Среди близкихъ Ламбро долго держалось мнѣніе, что отравитель, имя котораго такъ и не выяснилось, былъ подосланъ княземъ N., не простившимъ ревнивому мужу смертельнаго оскорбленія, нанесеннаго ему тогда во дворцѣ въ присутствіи самой государыни.

Но это едва ли справедливо. Гораздо болѣе правдоподобна другая версія этого отравленія, которой между прочимъ держался и сынъ Ламбро, Ликургъ, и внукъ его, Александръ: отравитель былъ подкупленъ золотомъ Турціи, которая этой предательской смертью отомстила знаменитому пирату-витязю цѣлые потоки пролитой имъ въ Архипелагъ и Эгейское море турецкой крови...

С. А. Качіони.

ВЪ ЧЕРЕМШАНСКИХЪ СКИТАХЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

ЕМАЛО на своемъ вѣку мнѣ пришлось повидать всякаго рода православныхъ монастырей, богатыхъ и бѣдныхъ, столичныхъ и захолустныхъ, мужскихъ и женскихъ, русскихъ и инородческихъ (черемисскихъ, мордовскихъ и др.). Но ни одинъ изъ нихъ никогда не производилъ такого глубокаго и обаятельнаго впечатлѣнiя, какое получило въ извѣстныхъ черемшанскихъ старообрядческихъ скитахъ. Впечатлѣнiе было поразительное, никогда не забываемое. Въ нахлынувшей неожиданно новизнѣ настроенiй сразу почувалось что-то давнишнее знакомое и такое милое, трогательное. Какъ живые, встали воочию керженскiе, чернораменскiе и другiе заволжскiе скиты, когда-то жившiе своеобразною жизнью, такъ ярко описанною въ произведенiи Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ». Живою с ариною вѣсть на Черемшанѣ... Когда я тамъ бродилъ, такъ и представлялось, что вотъ изъ-за той стай келiй выплыветъ величественная фигура строгой матери Манеи... а изъ этого уютнаго домика, утопающаго въ массѣ зелени, послышится сдержанный смѣхъ веселой, жизнерадостной Фленушки... въ дверяхъ келарни появится добродушная мать Виринея... по тропѣ пройдетъ кряжистый Потапъ Максимычъ Чапуричъ и т. д.

Чтобы добраться до этого дивнаго уголка Поволжья, надо сойти съ волжскаго парохода въ Хвалынкскѣ, Саратовской губерніи. Этотъ сравнительно молодой уѣздный городъ (съ 1780 г.), довольно значительный по количеству населенія (болѣе шестнадцати тысячъ) и достаточно культурный для своего положенія (есть женская гимназія, открывается мужская и пр.), замѣчательнъ собственно черемшанскими скитами, лежащими вблизи города. И въ самомъ городѣ преобладаютъ старовѣры, преимущественно «австрійскаго согласія», строящіе теперь большой каменный храмъ на одной изъ лучшихъ улицъ. Есть небольшая община единовѣрцевъ, имѣющихъ свою церковь, есть бѣглопоповцы и др. Вообще, старовѣровъ здѣсь такъ много, что они даютъ тонъ жизни всему городу—необычайно тихой, замкнутой, трезвой. Православное меньшинство не особенно довольно преобладаніемъ старовѣровъ, но въ общемъ давно сжилосъ съ ними и только слегка фрондируетъ. Одинъ хвалынкскій купецъ изъ православныхъ жаловался на старообрядцевъ довольно курьезно:

— Большой отъ нихъ пользы нѣтъ для нашей торговли-съ... Помилуйте-съ! по средамъ и пятницамъ ничего они не покупаютъ... ни даже булки, ни баранка... такъ и пропадаютъ у насъ два дня въ недѣлю...

По общему тону жизни и по внѣшнему укладу Хвалынкскъ очень напоминаетъ другой старообрядческій центръ — Семеновъ, Нижегородской губерніи. Тѣ же тихія, сонныя улицы, на которыхъ не видно даже ребятъ, такіе же маленькіе деревянные домики съ вѣчно прикрытыми ставнями оконъ и запертыми воротами и калитками дворовъ, почти безъ всякой растительности около домовъ. Получается впечатлѣніе какъ бы вымершаго города или вѣчно спящаго.

Разумѣется, въ центральныхъ частяхъ Хвалынска, гдѣ находятся лавки, базарная площадь, гостиницы, казенныя учрежденія, школы, квартиры чиновниковъ и т. д., тамъ жизнь идетъ бойчѣе, и городъ здѣсь вполне напоминаетъ обычный типъ уѣздныхъ городовъ. Здѣсь улицы пошире и мощеныя камнемъ, освѣщаются даже керосино-калильными фонарями, есть водопроводъ изъ ключевыхъ источниковъ въ горахъ, чахлые бульвары по берегу Воложки, на которой и стоитъ городъ, вдали отъ главнаго русла Волги. Онъ расположенъ на ровной низменности, между Воложкой и мѣловыми высотами праваго берега рѣки. Эти бѣлыя высоты, обнаженныя мѣстами отъ всякихъ покрововъ, травяныхъ и лѣсныхъ, даютъ иллюзію вѣчно покрытыхъ какъ бы снѣгомъ горъ.

Въ вѣтряные дни мѣловая пыль тучами несется съ высотъ въ городъ. Да и всегда онъ въ жаркую погоду необычайно пыльный, душный, непріятный, съ малымъ количествомъ зелени, безъ всякихъ живописныхъ видовъ. Однако на низовьяхъ Волги Хвалынкскъ считается дачнымъ пунктомъ, и дачники ютятся больше по окраи-

намъ города, гдѣ садовъ больше. Кромѣ того, есть дачный поселокъ въ лѣсахъ мѣловыхъ горъ, и, говорятъ, очень удобный и пріятный, но не дешевый: тамъ надо снимать цѣлые дома, заводиться полнымъ хозяйствомъ и т. п.

Но главный интересъ Хвалынска—черемшанскіе скиты. Въ небольшихъ размѣрахъ они существовали издавна, когда на мѣстѣ города находилось еще скромное рыбацкое село Сосновка. Но выросли и развились скиты съ 1837 г., то есть со времени закрытія и разоренія извѣстныхъ иргизскихъ скитовъ (по рѣкѣ Большому Иргизу, въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, въ восьмидесяти верстахъ отъ Хвалынска), превращенныхъ частью въ единовѣрческіе монастыри. Иргизскіе иноки и инокини переселились тогда главнымъ образомъ въ Хвалынскъ и его уѣздъ, и здѣсь положили начало новому центру поповщины, каковымъ особенно сдѣлался скиты на Черемшанѣ, какъ резиденція епископа «бѣлокриницкой іерархіи».

Черемшанскіе скиты счастливо и благополучно просуществовали весь періодъ гоненія на старообрядцевъ при Николаѣ I и позже, благодаря, очевидно, могущественной поддержкѣ и горячей опеке московскаго «духовнаго совѣта» и другихъ сильныхъ ревнителей старообрядчества. И скиты достигли нашихъ дней «свободы совѣсти», значительно развиваясь съ каждымъ годомъ. Какъ и въ православномъ монашествѣ, такъ и у старовѣровъ женскія обители растутъ больше мужскихъ: старый женскій скитъ на Черемшанѣ уже разбился на три скита, а мужской все одинъ.

Мѣстный епископъ обитаетъ то въ мужскомъ скитѣ, то въ Хвалынскѣ, или въ недавно купленномъ для него саду, по сосѣдству съ скитами. Благодаря присутствію епископа, вліяніе черемшанскихъ скитовъ распространяется не только по всему низовому Поволжью, но и далеко за его предѣлами. Отовсюду идутъ богатые пожертвованія на скиты и наѣзжаютъ щедрые богомольцы.

II.

Было раннее утро яснаго іюльскаго дня (въ 1910 г.), когда я разстался съ гостиницей Попова въ Хвалынскѣ и поѣхалъ на Черемшанъ, отвезя предварительно багажъ на Меркурьевскую пристань. Оставлять его въ гостиницѣ было рискованно. Гостиница хоть куда—очень приличная, чистенькая, даже съ электрическимъ освѣщеніемъ, но... это російское «но», всюду сующее свой грязный носъ!.. Окна моего нумера, въ нижнемъ этажѣ, глядѣли на «галдарейку», выходящую на черный дворъ и—ни одно окно не запиралось... Такъ я и переночевалъ съ незапирающимися окнами и бросалъ нумеръ, бредя наканунѣ по городу. Все обошлось благо-

получно: хулиганы меня не зарѣзали и не ограбили... Но я не рѣшился вторично искушать судьбу и свезъ багажъ на пристань.

Скиты лежатъ въ 7 и 8 верстахъ отъ города (женскіе ближе, а мужской подальше), и на хорошей лошади можно сдѣлать этотъ путь въ часъ. Но мнѣ попался плохонькій извозчикъ (взялъ за поѣздку 2 руб.), тащившійся около двухъ часовъ. Дорога въ скиты такъ живописна, что я не жалѣлъ о медленности нашей ѣзды, да ее сокращала и бесѣда съ извозчикомъ-единовѣрцемъ, относившимся къ скитамъ съ полнымъ благоговѣніемъ и нескрываемымъ восхищеніемъ предъ этимъ «земнымъ раемъ», какъ онъ выражался.

Дорога, все время поднимающаяся въ гору, пересѣкая мѣстами небольшіе овражки, долины, междугорья, становится интересною, какъ только вы оставили черту города, съ его пылью, духотою, невзрачными домиками, пустынными улочками и чахлыми садиками. За городомъ вы погружаетесь въ море растительности, съ чистымъ, живительнымъ воздухомъ, съ красивыми видами на мѣловыя горы, покрытыя здѣсь лѣсомъ, на оставленный погади городъ, издали кажущійся довольно красивымъ, на далекую Волгу, на острова по Воложкѣ и на Заволжье съ его лѣсами. По мѣрѣ подъема на горы виды на окрестности развертываются все шире и дальше и становятся разнообразнѣе, красивѣе, интереснѣе.

Красивы на ближнемъ планѣ и самыя высоты, то бѣлыя, гдѣ обнажаются мѣловыя породы, словно покрытыя снѣгомъ, то зеленныя отъ густо разросшихся листовенныхъ лѣсовъ, кустовъ орѣшника и всякой буйной поросли. Живописны глубокія долины между горъ, то заняты садами, то моремъ волнующихся пашень, съ хлѣбами необычайной вышины—въ человѣческой ростъ и больше.

Фруктовые сады начинаются сейчасъ за городомъ и тянутся длинной широкой полосой вплоть до самыхъ скитовъ. Помимо той непрерывной садовой полосы, мимо и среди которой идетъ дорога въ скиты, еще три такихъ садовыхъ полосъ; каждая около 5—6 верстъ длины и до версты шириною, виднѣются вправо и влѣво отъ нашего пути, располагаясь по долинамъ, спускающимся съ горъ по направленію къ городу, немного не доходя его.

Эти громадныя сады—вторая, послѣ скитовъ, достопримѣчательность Хвалынска. Они принадлежатъ многимъ владѣльцамъ, преимущественно горожанамъ изъ старожиловъ, но каждый садъ отдѣляется отъ другого не заборомъ и т. п. огражденіями, а простыми межами и другими знаками, извѣстными хозяевамъ. Заборы сдѣланы только съ наружной стороны садовъ и имѣютъ по нѣсколько воротъ. Въ садахъ виднѣются маленькіе домики для жилья сторожей или самихъ хозяевъ, амбары для склада фруктовъ и пр. Сады даютъ яблоки хорошихъ сортовъ, груши, сливы, вишни и пр. Поспѣвающіе фрукты висятъ надъ дорогою, вьющеюся у самаго забора садовъ,

и никто ихъ не трогаетъ—типичная черта, немислимая въ другихъ садовыхъ центрахъ, но съ православнымъ населеніемъ...

Мелкихъ садовладѣльцевъ здѣсь почти нѣтъ, а всѣ болѣе или менѣе крупныя, такъ какъ содержаніе садовъ обходится не дешево, а урожаи бываютъ не каждое лѣто. При сухомъ и жаркомъ климатѣ, нерѣдко доходящемъ до степени тропическихъ жаровъ, и въ значительномъ отдаленіи отъ освѣжающаго вліянія Волги (до нея отъ садовъ около пяти верстъ), хвалынскіе сады не могутъ существовать безъ обильной поливки водою. И только благодаря орошенію, фруктовыя деревья поражаютъ здѣсь громадными размѣрами и даютъ прекрасныя сорта фруктовъ. А поливка требуетъ многихъ рабочихъ рукъ и обходится дорого.

Сады орошаются родниковою водою, проведенною изъ ключей мѣловыхъ горъ (отсюда же беретъ воду и городскоя водопроводъ). Съ большой высоты вода идетъ самоплавомъ по трубамъ въ ниже лежащіе сады, гдѣ направляется по канавамъ, развѣтвляющимся въ разныя стороны, по всему громадному пространству каждой садовой полосы. По дорогѣ мы пересѣкали часто мостики на канавахъ, передающихъ воду въ сады, расположенныя по другой сторонѣ дороги. Иныя каналы были еще пусты, а по другимъ журчала уже пущенная вода.

На обратномъ пути, по дорогѣ изъ женскаго стараго скита въ городѣ, выходъ воды изъ трубы находится у самой дороги. Изъ трубы вода падаетъ сначала въ открытыя лотки, а изъ нихъ сбѣгаетъ въ каналы. Изъ лотковъ поятъ проѣзжіе лошадей и пьютъ воду люди, для которыхъ чья-то благодѣтельная рука положила здѣсь деревянную мисочку.

Въ концѣ садовой полосы, мимо которой мы ѣхали, показался второй (новый) женскій скитъ, расположенный частью среди садовъ, а отчасти въ городскомъ лѣсу, (какъ и остальные скиты). Небольшая каменная церковь скита, основаннаго пятнадцать лѣтъ назадъ, видна съ Волги, когда пароходъ подходит къ Хвалынску. За оградою скита, въ которомъ теперь находится до шестидесяти сестеръ, виднѣется нѣсколько отдѣльныхъ деревянныхъ домовъ-келій, почти закрытыхъ густою растительностью. Въ яркой зелени утопаетъ и весь этотъ небольшой скитъ, сливающійся незамѣтно, въ гущѣ своихъ садовъ, съ старымъ (первымъ) женскимъ скитомъ.

Напротивъ второго скита, влѣво отъ дороги, стоитъ домъ съ усадьбой—цѣлый хуторъ одной московскоя купеческой вдовы, о которой извозчикъ разсказалъ романическую исторію. Молоденькою дѣвушкою выдана она была насильно замужъ за богатаго старика-купца, страшнаго ревнивца. Онъ жестоко тиранствовалъ надъ нею въ Москвѣ, а потомъ увезъ сюда, въ хвалынскую глушь, построилъ здѣсь дачу и поселился, продолжая мучить всячески молодую женщину. Наконецъ, она не вытерпѣла всевозможныхъ издѣвательствъ

ревниваго тирана и ухитрилась сбѣжать въ старый женскій скитъ, гдѣ нашла тихій пріютъ и надежное покровительство. Игуменья скита, женщина энергичная и сильная, пользовавшаяся большимъ авторитетомъ среди старообрядческаго Поволжья (кажется, это была извѣстная мать Ѳекла Толстикова, дѣятельная участница знаменитой борьбы въ 1880 годахъ двухъ старообрядческихъ епископовъ, Пансіа саратовскаго и Пафнутія казанскаго), сумѣла отстоять невольную скитницу отъ всѣхъ домогательствъ мужа, требовавшаго ея выдачи. Только послѣ его смерти молодая вдова вернулась на свой хуторъ, гдѣ и сейчасъ проживаетъ съ своими дѣтьми.

Миновавши этотъ хуторъ, мы вѣхали въ старый лиственный лѣсъ съ вѣковыми деревьями-великанами, а затѣмъ спустились въ долину бывшей рѣчки, а нынѣ ручья Черемшана. Показался прудъ съ мельницею и огороды мужского скита. Мельница мало работаетъ, за оскудѣніемъ воды. Ручей еще довольно богатъ водою въ предѣлахъ скита, гдѣ его питаютъ многочисленныя ключи, но ниже мельницы онъ течетъ скуднымъ потокомъ и скоро изсякаетъ совсѣмъ, не доходя до Волги. Одинъ хвалынецъ говорилъ, что онъ долго искалъ устья Черемшана и не нашелъ никакихъ слѣдовъ его, хотя долина бывшей рѣчки доходитъ до самой Волги.

III.

За мельницею скоро показалась околица мужского скита— основного ядра черемшанскихъ «обитателей» (какъ почтительно величаютъ ихъ здѣсь). Никакого «вратаря» у простыхъ деревенскихъ воротъ (изъ нѣсколькихъ жердей) не полагается, и мой возница соскочилъ и отворилъ ихъ. Мы вѣхали и сразу очутились какъ бы въ глухомъ лѣсу, посреди котораго вилась дорога, спускавшаяся на самое дно долины.

Никакихъ построекъ не видно было среди этого моря растительности и ни одинъ инокъ не попался намъ ни на дорогѣ, ни на выбѣжавшихъ на нее тропинкахъ. Тишина стояла поразительная, и ее нарушалъ только стукъ нашего экипажа да журчанье воды по сторонамъ дороги, въ густой листвѣ деревь и кустарниковъ.

Проѣхавши одинъ прудокъ, мы остановились у второго прудка, на небольшой площадкѣ, вблизи «трапезной». Здѣсь стоялъ экипажъ извозчика, привезшаго члена хвалынской городской управы, для переговоровъ съ властями скита насчетъ устройства изъ скитскихъ родниковъ дополнительнаго водопровода въ городъ.

Съ площадки, кромѣ трапезной и «келарни», виднѣлось еще нѣсколько домовъ и домиковъ, полузакрытыхъ деревьями. И нигдѣ ни души, ни звука... Такое поразительное безлюдье въ довольно населенномъ монастырѣ (нѣсколько десятковъ иноковъ) мы объяс-

няли тѣмъ, что вся братія находится на богослуженіи. И я поспѣшилъ къ единственному небольшому каменному храму скита по неширокой дорожкѣ, по сторонамъ которой мелькали среди густой зелени маленькіе прудки и журчала вода, бѣгущая по канавамъ и водостокамъ. Это обиліе вѣчно журчащей, кристальной воды придаетъ скиту особенную прелесть.

Пройдя нѣсколько мостиковъ на канавахъ-ручьяхъ, я вышелъ на открытую площадку, среди которой стоитъ одноглавый храмъ самой простой старинной архитектуры. Увы! замокъ висѣлъ на двери храма... Служба уже отошла, и братія разошлась. Такъ и не довелось мнѣ посмотрѣть скитскія церкви: въ верхнемъ этажѣ помѣщается лѣтняя, во имя Успенія, въ нижнемъ зимняя, во имя Покрова. Въ обѣихъ церквахъ много иконъ старинныхъ «писемъ». Храмъ построенъ въ концѣ 1870 годовъ и становится уже тѣсень при наплывѣ богомольцевъ. Вѣроятно, не за горами скитъ приступить къ постройкѣ болѣе обширнаго храма.

Полюбовавшись довольно красивымъ, хотя и простымъ по внѣшности храмомъ, я вернулся къ трапезной и пошелъ мимо нея къ главному пруду. Около трапезной сидѣлъ на травкѣ молодой крестьянскій парень, подлѣ него лежала большая котомка. Очевидно, это былъ богомольецъ, пришедшій издалика и ждавшій, пока братія пообѣдаетъ и накормитъ его.

Трапезная и келарня (кухня) помѣщаются въ нижнемъ этажѣ темнаго, покосившагося и вѣхавшаго въ землю деревяннаго дома. Въ раскрытыхъ настежь небольшихъ окнахъ, лежавшихъ у самой земли, виднѣлись фигуры собравшихся на обѣдъ монаховъ. Такой ранній часъ обѣда (около 9 ч. у.) ясно говоритъ о дѣловой жизни черемшанскихъ иноковъ, своими руками ведущихъ все свое маленькое хозяйство—фруктовый и ягодный сады, огороды, мельницу и проч.

Я приостановился около трапезной. Изъ оконъ раздалось пѣніе нѣсколькихъ голосовъ, чуточку гнусавое. Затѣмъ кто-то, можетъ быть самъ игумень, благословилъ трапезу, иноки усѣлись, и чтець сталъ читать что-то «божественное». Понеслись кухонные ароматы—внесли кушанье.

Вѣроятно, трапезовавшіе замѣтили меня черезъ окна, но никто не вышелъ и не любопытствовалъ насчетъ неожиданнаго гостя, да еще по всѣмъ признакамъ—«никоніанина», одиноко бродившаго по скиту... Илоки были заняты своимъ дѣломъ, и я не сталъ имѣ мѣшать и отошелъ отъ трапезной. Обойдя ее, я вошелъ въ фруктовый садъ и добрался до главнаго прудка, питаемаго родниками и ручьемъ Черемшаномъ. Этотъ прудокъ лежитъ нѣсколько выше предыдущихъ, и берега его, кромѣ примыкающей части сада, густо заросли почти непроходимой чащей кустовъ и деревьевъ. Вообще весь скитъ утопаетъ въ самой буйной растительности, благодаря обилію воды, прекрасно орошающей благодатную почву.

Прудокъ почему-то заваленъ бревнами и досками. Кажется, его расширяють и одѣвають берега срубомъ. Именно изъ этого глубокаго и полноводнаго прудка Хвалынскъ собирается провести прекрасную родниковую воду въ городъ, уже жалующійся на недостатокъ воды въ старомъ водопроводѣ, идущемъ съ мѣловыхъ горъ.

Побродивши еще нѣсколько по скиту, я возвратился въ центръ его, гдѣ дремалъ мой извозчикъ, и тутъ встрѣтилъ единственнаго стараго скитника, торопливо шагавшаго по направленію къ трапезной, куда онъ, видимо, запоздалъ, находясь, вѣроятно, на дальней работѣ. Онъ любезно поклонился мнѣ и прошелъ мимо. Хотѣлось остановить его и побесѣдовать, но... зачѣмъ мѣшать человѣку, запоздавшему къ горячимъ щамъ и сытной кашѣ?!

По внѣшности трудно было признать въ немъ монаха, на котораго онъ походилъ только круглой скуфейкой на головѣ да не особенно длинными волосами. Старикъ былъ въ рабочемъ костюмѣ— въ рубахѣ поверхъ портовъ, засунутыхъ въ сапоги. Не было на немъ обычныхъ одѣяній старообрядческаго инока—короткой ряски, не доходящей до полу, и манатейки (въ родѣ пелерники) на плечахъ.

Здѣшніе иноки—главнымъ образомъ изъ крестьянъ и мѣщанъ низоваго Поволжья, затѣмъ изъ купцовъ и разночинцевъ, въ общемъ люди простые, скромные, отнюдь не «изувѣры», какъ утверждаютъ стороннія лица, близко знакомыя со скитами. Скитники ведутъ жизнь правильную, скромную, совсѣмъ не похожую на распущенную и пьяную жизнь православныхъ мниховъ... «Православные» не прочь посплетничать насчетъ Черемшана, въ духѣ старыхъ басенъ о немъ. Но эти вздорныя сплетни—чистѣйшая ложь! И дай Богъ, чтобы всѣ наши монастыри хотя бы немного походили на старообрядческія обители, въ чистотѣ блюдуція лучшіе идеалы аскетической жизни и постоянно къ нимъ стремящіяся.

IV.

Разбудивши своего извозчика, я уѣхалъ изъ скита, не дожидаясь, пока выйдутъ трапезовавшіе иноки. У трудящихся людей за сытною трапезою долженъ послѣдовать крѣпкій сонъ,—зачѣмъ мѣшать имъ?.. Да и вообще зачѣмъ вторгаться въ ихъ жизнь, столь чуждую моей? Зачѣмъ назойливо копаться въ ихъ душѣ, выпытывая то, что меня интересуетъ, но что они постарались бы скрыть отъ меня—«никоніанина», хотя и вполне симпатизирующаго имъ?..

Можетъ быть, я и сдѣлалъ бы нѣсколько интересныхъ наблюдений надъ этими новыми для меня людьми, надъ укладомъ ихъ жизни, ближе изучилъ бы ихъ интересы, чаянія, нужды. Но все это пришлось бы купить цѣною назойливаго вторженія въ чужую

душу и самага безцеремоннаго выворачиванья чужой жизни, на что не всякій способенъ... Хорошо изучать ту жизнь, которая сама дается въ руки и не требуетъ для своего изученія разныхъ искусственныхъ приемовъ и значительной дозы нахальства...

Будь подлѣ скита гостиница, я обязательно и съ удовольствіемъ прожилъ бы въ ней нѣсколько дней, чтобы путемъ естественнаго сближенія съ сосѣдями-иноками познакомиться съ ними основательнѣе. Но скиты такъ отгородились отъ «міра» и зажили своею особенною жизнью, что и не подумали объ устройствѣ гостиницъ, привлекающихъ не однихъ богомольцевъ, но и любознательныхъ туристовъ. Проживать же въ Хвалынскѣ и наѣзжать въ скиты на нѣсколько часовъ—это черезчуръ и дорого, и тяжело, и неудобно во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ и не пришлось мнѣ познакомиться съ черемшанскими иноками, о которыхъ одинъ интеллигентный хвалынецъ отзывался, что это—«люди любезные и рады гостямъ»... Другой наблюдатель, хорошо знакомый съ Черемшаномъ (саратовскій присяжный повѣренный, когда-то ведшій въ судѣ какое-то скитское дѣло), оговорился, однако, что «интеллигентные посѣтители, видимо, стѣсняють старовѣровъ, которые отлично сознають, что они слишкомъ погрязли въ кучѣ обрядовыхъ мелочей, пустяковъ, безобидныхъ вещей, а никакихъ серьезныхъ отличій отъ господствующей церкви представить не могутъ...»

Да, это такъ, если разумѣть догматическія и вообще богословскія «отличія». Но «серьезныя отличія» старообрядческой церкви отъ «православной» заключаются въ особенностяхъ строя, быта, всего уклада церковной жизни. И вотъ достаточно было побыть немного въ Черемшанскомъ мужскомъ скиту и познакомиться съ нимъ поверхностно, съ одной внѣшней стороны, чтобы понять глубокую разницу между скромными старообрядческими обителями и обмірщившимися въ большинствѣ православными монастырями.

Да, разница глубокая и поразительная—это два полюса, два особыхъ міра, коимъ—увы!—никогда не слиться воедино... И если старообрядческіе монастыри производятъ обаятельное впечатлѣніе, то прежде всего благодаря именно сопоставленію ихъ съ православными. Послѣдніе отталкиваютъ отъ себя вѣчною суетою, непрерывнымъ и близкимъ общеніемъ съ «міромъ», какимъ-то базарнымъ, торгашескимъ духомъ, показною святостью, казарменною внѣшностью, праздною изнывающими отъ скуки монаховъ, ихъ жадностью, распущенностью, пьянствомъ и всякими другими отклоненіями отъ самыхъ скромныхъ требованій аскетизма. Разумѣю, конечно, массу православнаго монашества, не касаясь рѣдкихъ исключеній, ведущихъ правильную монашескую жизнь.

У старовѣровъ же наоборотъ: наши «рѣдкія исключенія» у нихъ являются общимъ правиломъ... Оттого такъ легко дышится на Черем-

шанѣ, гдѣ, видимо, люди собрались не для легкой жизни паразитовъ, а во имя вышихъ, духовныхъ цѣлей. Оттого такъ поражаетъ вся прелесть здѣшней простой обстановки, чуждой всего вычурнаго, показнаго, кричащаго. Нѣтъ здѣсь ничего того, что такъ отталкиваетъ отъ нашихъ монастырей всякаго мало-мальски чуткаго человека. Вы не увидите здѣсь ни слоняющихся повсюду сытыхъ, откормленныхъ монаховъ, не знающихъ, чѣмъ бы убить массу празднаго времени, ни назойливыхъ богомольцевъ, отрывающихъ монаховъ отъ ихъ занятій. Конечно, богомольцы бываютъ здѣсь, но они не трутся недѣлями и мѣсяцами подлѣ скитовъ, а, посѣтивши службы, расходятся восвояси—въ городъ и т. д., чтобы не мѣшать инокамъ въ ихъ отшельнической жизни. Оттого нѣтъ на Черемшанѣ и гостиницы для прїѣзжихъ.

Да, это подлинныя монастыри, старающіеся приблизиться къ лучшимъ идеаламъ аскетической жизни, а не пародіи на монастыри въ родѣ нашихъ «православныхъ» или греческихъ, или католическихъ... О старообрядческихъ монастыряхъ нельзя и помыслить, чтобы въ нихъ могло завестись что-либо подобное пьяной разнузданности и явному разврату нашихъ и т. п. «монастырей»...

Подобныя печальныя явленія немислимы въ строгой, но простой, здоровой, трудовой обстановкѣ Черемшана—этого прелестнаго уголка, полнаго самой чарующей поэзіи. Недаромъ одинъ хваленецъ назвалъ свои скиты «земнымъ раемъ». И онъ былъ правъ: рѣдко гдѣ можно найти такой изящный по красотѣ уголокъ, такъ удивительно приуроченный именно къ требованіямъ иноческой жизни.

Глубокая долина среди горъ, покрытая моремъ зелени, среди которой уютно скрываются небольшіе дома и домики, такъ не похожіе на унылыя казарменные корпуса-кели нашихъ монастырей (даже не первоклассныхъ). Благоговѣйная тишина царитъ здѣсь постоянно, нарушаемая лишь такими бодрящими звуками, какъ вѣчное журчанье Черемшана и питающихъ его ключей-родниковъ, да шелестъ деревьевъ, пѣніе птицъ, стрекотанье насѣкомыхъ... Въ этой жизнерадостной симфоніи нѣтъ мѣста ничему унылому, скорбному, напоминающему о смерти. Напротивъ, тутъ все говоритъ о жизни... Оттого Черемшанъ и производитъ такое обаятельное, незабываемое впечатлѣніе чего-то живого, радостнаго, отраднаго. И какъ все это далеко и совсѣмъ не похоже на ту грусть и тоску, какими всегда вѣетъ отъ нашихъ и т. п. «монастырей», зовущихъ не къ жизни, а къ смерти...

Я уѣзжалъ изъ Черемшана, глубоко благодарный ему за всѣ пережитыя въ немъ настроенія, такія неожиданныя, но свѣтлыя и обаятельныя...

V.

Мы выѣхали за околицу Черемшанскаго мужскаго скита, и сами никѣмъ не провожаемые, затворили ворота. Съ прежней дороги свернули влѣво, направляясь къ старому (первому) женскому скиту. Дорога чуть не отвѣсно поднималась въ гору, висящую надъ мужскимъ скитомъ, и лошаденка съ трудомъ одолѣла ее, и то благодаря тому, что извозчикъ шель пѣшкомъ.

Съ высшаго пункта горы открылись обширные прекрасные виды по направленію къ Волгѣ, блеснула ея синева и темная полоса заволжскихъ лѣсовъ. Оглянувшись я назадъ, на только что оставленный скитъ. Но его ужъ не было, и виднѣлась только глубокая ложбина, до самыхъ краевъ заполненная моремъ зелени. За нею—горы, долины, лѣса.

Не долго пришлось любоваться этими видами: дорога пошла внизъ, и мы вѣхали въ густой городской лѣсъ, состоящей больше изъ крупнаго орѣшника. Вправо отъ дороги скоро показались (въ разстояніи больше версты отъ мужскаго скита) дома и домики стараго женскаго скита, также расположеннаго въ глубокой ложбинѣ, по дну которой протекаетъ Мамонтовъ ручей, среди садовъ и рощицъ. Скитскіе дома частью выходятъ на самую лѣсную дорогу, но больше прячутся въ ложбинѣ, среди массы зелени. Ложбина длинная—около версты, на всемъ этомъ протяженіи тянутся скитскія постройки, то отдѣльными домами, то цѣлыми стаями домовъ, домиковъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Судя по количеству жилыхъ домовъ, населенія здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ мужскомъ. Говорятъ, число сестеръ, съ послушницами и бѣлицами, доходить до 200.

Дорога огибаетъ большую часть скита и идетъ повыше его, такъ что можно осмотрѣть почти все монастырскія строенія, кромѣ скрывающихся въ глубинѣ ложбины. Большинство—деревянные дома, старой и новой постройки, но есть и каменные. Близко къ дорогѣ находятся большой двухэтажный деревянный домъ съ кельями игуменьи и небольшой каменный одноглавый храмъ, похожій на храмъ мужскаго скита. Церковь женскаго скита расположена на небольшой площадкѣ, тѣсно застроенной стаями келій, которыхъ всего болѣе встрѣчается именно въ этой части скита.

Хотѣлось побродить среди этой кучи домовъ и домиковъ своеобразной архитектуры, съ разными пристройками, переходами, сѣнцами и т. п. Видимо, строились они безъ всякаго плана, по мѣрѣ роста скита, а къ старымъ постройкамъ примыкали новыя, и все тѣснились сначала къ дому игуменьи, въ нижнемъ этажѣ котораго находится старая «моленная», а позже сгрудились у каменнаго храма, выстроеннаго неподалеку.

Тянуло походить тутъ и вызвать тѣни керженскихъ инокинь прошлаго вѣка, вѣроятно, переселившихся частью и на Черемшанъ, послѣ разоренія своихъ заволжскихъ скитовъ въ 1840 и въ 1850 годахъ. Но и здѣсь уже отошла служба, и церковь была заперта.

Мой извозчикъ рѣшилъ задачу просто, какъ, вѣроятно, не разъ практиковалъ съ безцеремонными посѣтителями. Онъ сказалъ: «Вызовемъ игуменью... она все покажетъ...»

Но я отказался послѣдовать столь нахальному совѣту... Любопытно, что въ мужскомъ скиту этотъ единовѣрецъ, съ большимъ пѣтетомъ относящійся къ старообрядчеству, не позволилъ себѣ выступить съ такимъ же черезчуръ смѣлымъ предложеніемъ относительно о. игумена. Видимо, хвалынецъ не питалъ къ «бабьему царству» того уваженія, какимъ были проникнуты всѣ его рѣчи о мужскомъ скитѣ.

И въ женскомъ скиту царилъ полная тишина и никого не было видно около келій. Только въ одномъ мѣстѣ быстро промелькнула въ виду насъ молодая послушница, взбѣжавшая на крыльцо келій игуменьи. Она была въ костюмѣ, какой носятъ здѣсь всѣ послушницы—въ синемъ платьѣ съ бѣлой пелеринкой и въ платочкѣ на головѣ. У монахинь такой же, но черный костюмъ, а вмѣсто платка скуфейка на головѣ.

Когда мы проѣхали скотный дворъ и другія хозяйственныя постройки, извозчикъ указалъ въ концѣ скита домъ здѣшняго священника и обязательно прибавилъ: «попъ семейный»... Иначе, конечно, и не могло быть въ этой чинной и строгой обители.

Врядъ ли теперь мыслимо здѣсь и такое явленіе изъ прошлаго, какое отмѣтилъ извозчикъ, указавши среди скитскихъ построекъ большой хорошей домъ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ проживалъ тароватый благотворитель черемшанскихъ скитовъ миллионеръ Пономаревъ, на средства котораго сооружены каменные храмы и другія скитскія постройки. Его домъ помѣщается не внѣ скитской ограды, какъ дача вышеупомянутаго московскаго купца-тирана (подлѣ второго женскаго скита), а внутри ограды, рядомъ съ кельями инокинь.

Проживши здѣсь нѣсколько лѣтъ, Пономаревъ—по мѣстной легендѣ—«исчезъ невѣдомо куда», а въ дѣйствительности—умеръ здѣсь же и похороненъ на братскомъ кладбищѣ мужского скита. Легенда же возникла оттого, что старообрядцы не пишутъ именъ покойниковъ на могильныхъ крестахъ и памятникахъ, а могила Пономарева, съ простымъ самодѣльнымъ крестомъ изъ дерева, мало кому извѣстна и уже забывается.

За домомъ священника скитскія постройки скоро заканчиваются, но садъ тянется и дальше, по той же ложбинѣ, сливаясь, въ концѣ ея, съ садомъ второго женскаго скита, который мы видѣли, подѣз-

жая къ мужскому скиту. Лѣсъ окружаетъ эти два женскихъ скита съ двухъ сторонъ, а съ третьей ложбина упирается въ гору.

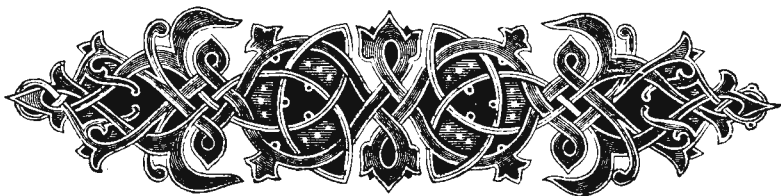
Такимъ образомъ, мы сдѣлали почти кругъ около женскихъ скитовъ. Не доѣзжая второго женскаго скита, мы свернули по направленію къ городу и скоро выбрались на прежнюю дорогу около городскихъ садовъ. Дорога теперь шла подъ гору, лошаденка ходко бѣжала, скоро показался Хвалыньскъ, и, миновавъ его, мы подѣхали къ пароходнымъ пристанямъ.

Третьяго женскаго скита мы не видѣли: онъ находится гдѣ-то за мужскимъ скитомъ, въ лѣсу. Этотъ скитъ недавняго происхожденія и еще устравается. Церкви въ немъ нѣтъ, и ее пока замѣняетъ моленная, устроенная въ одномъ изъ немногихъ домовъ-келій, въ которыхъ обитаетъ около 20 сестеръ, частью выдѣлившися изъ стараго скита, а частью пришедшихъ съ воли.

По всѣмъ наблюденіямъ и признакамъ, черемшанскіе скиты съ каждымъ годомъ растутъ и развиваются. И если они сумѣли отстоять себя въ періодъ гоненій на старообрядчество, то тѣмъ болѣе въ правѣ разчитывать на прогрессированіе въ наступающіе дни «свободы совѣсти». Долгаго процвѣтанія должны пожелать имъ всѣ, кому дороги переживанія русской старины...

Н. Н. Оглоблинъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ БІОГРАФІИ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ЛИТЕРАТОРЪ,—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь». Такъ охарактеризовалъ себя и свою дѣятельность В. Г. Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину. Это излюбленное его выраженіе, которое онъ нерѣдко повторялъ о себѣ устно и письменно, Оно необыкновенно нравилось либеральнымъ современникамъ и потомкамъ. Всѣ восхваляли Бѣлинскаго, какъ чистаго литератора, литератора по призванію, по убѣжденію, посвятившаго всю свою жизнь и дѣятельность исключительно литературѣ. Въ этомъ отреченіи отъ всякой государственной службы, отъ всякой иной, посторонней дѣятельности передовые люди видѣли лучшее условіе свободы и независимости мнѣній и сужденій, залогъ искренности и правдивости, что и до сихъ поръ считается особенно цѣннымъ въ Бѣлинскомъ. «Неслужащаго дворянина» критики считали и считаютъ чистѣйшимъ типомъ литератора «разночинца», чуть ли не пролетарія.

На самомъ же дѣлѣ Бѣлинскій всегда тяготился званіемъ «разночинца, неслужащаго дворянина». Бывши уже извѣстнымъ критикомъ, онъ усиленно хлопоталъ объ утвержденіи его въ дворянскомъ достоинствѣ и подавалъ прошеніе въ пензенское депутатское дворянское собраніе о зачисленіи его въ среду дворянъ Пензенской губерніи.

Правда, біографы и составители воспоминаній о Бѣлинскомъ нерѣдко упоминаютъ объ его довольно многочисленныхъ попыткахъ поступить на государственную службу, занять, хотя и маленькое, но непремѣнно штатное мѣсто. Особенно сильно проявлялось у

него тяготѣніе къ педагогической дѣятельности. Въ лучшей біографіи Бѣлинскаго, составленной Пыпинымъ («Бѣлинскій, его жизнь и переписка», т. 1 и 2, Спб. 1876 г.), и въ «воспоминаніяхъ» Анненкова («Воспоминанія и критическіе очерки» П. В. Анненкова, стдѣль третій, Спб. 1881 г.) болѣе или менѣе подробно разсказывается о желаніи нашего знаменитаго критика въ трудныя минуты жизни «схватиться за якорь спасенія», какъ онъ выражался, — занять казенное мѣсто съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Еще въ пензенской гимназіи ему, второгоднику, уволенному изъ предпослѣдняго класса за непосѣщеніе уроковъ, начальство временно поручило въ 1829 г. преподаваніе русской грамматики въ первомъ классѣ, гдѣ въ это время учился будущій знаменитый основатель научной русской грамматики О. Буслаевъ. При увольненіи изъ университета 15-го октября 1831 г. Бѣлинскій подалъ въ правленіе университета прошеніе о желаніи «поступить на службу въ училищный комитетъ московскаго университета въ число канцелярскихъ служителей». Правленіе согласилось принять Бѣлинскаго въ число канцелярскихъ служителей съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ и 26 октября отправило представленіе объ этомъ на утвержденіе попечителя. Въ ноябрѣ попечитель потребовалъ дополнительныхъ свѣдѣній по этому дѣлу, а въ декабрѣ извѣстилъ правленіе, что, въ виду преобразованія въ непродолжительномъ времени правленія и училищнаго комитета, слѣдуетъ остановиться на нѣкоторое время опредѣленіемъ лицъ, представленныхъ правленіемъ для опредѣленія въ канцелярскіе служители.

Занимаясь переводами съ французскаго языка для «Молвы» и «Телескопа», въ помощь къ этому скудному заработку онъ усиленно искалъ уроковъ или какого-нибудь «служебнаго мѣста», и въ концѣ апрѣля 1833 г. при протекціи профессора Надеждина подалъ прошеніе попечителю бѣлорусскаго учебнаго округа Карташевскому о зачисленіи его на мѣсто учителя уѣзднаго училища, такъ какъ вызваннымъ изъ Россіи учителямъ обѣщаны были нѣкоторыя преимущества по службѣ. Карташевскій обѣщалъ удовлетворить просьбу, но назначеніе замедлялось и оттягивалось, почему Бѣлинскій просилъ возвратить ему документы. Въ это время при помощи того же Надеждина у Бѣлинскаго созрѣлъ иной планъ, и онъ началъ хлопотать о предоставленіи ему учительскаго мѣста въ московскомъ учебномъ округѣ или корректорскаго при университетской типографіи. Но ни то, ни другое не удалось.

Эти попытки Бѣлинскаго занять болѣе или менѣе обезпеченное казенное мѣсто относятся къ труднымъ минутамъ его жизни, къ періоду небольшихъ и при томъ случайныхъ заработковъ, перемежавшихся почти голодовками.

Съ 1834 года, со времени появленія «Литературныхъ мечтаній», положеніе Бѣлинскаго измѣнилось. Много напумѣвшая статья,

поддержанная цѣлымъ рядомъ новыхъ критическихъ работъ, уроки въ аристократическихъ домахъ устроили и обезпечили его матеріальное и нравственное положеніе. Онъ нашелъ свое призваніе и твердо сталъ на дорогу литературнаго критика. Однакожь мысль о педагогической дѣятельности, о «казенной службѣ» продолжала жить въ немъ крѣпко. Въ началѣ 1837 г. онъ представилъ начальнику московскаго учебнаго округа составленную имъ грамматику въ надеждѣ, что она принята будетъ за учебникъ и напечатана на казенный счетъ; но его надежды не оправдались, и онъ напечаталъ ее на свой счетъ¹⁾. Книга была замѣчена критикой. О ней появились болѣе или менѣе подробные отзывы въ разныхъ журналахъ. Особенно внимательно отнесся къ ней молодой, только что выступавшій въ то время на литературное поприще ученый К. С. Аксаковъ. Книга расходилась чрезвычайно туго и вообще оказалась совершенно непригодной «для первоначальнаго обученія», но на нее нѣсколько разъ опирался ея авторъ.

Не имѣвшій никакихъ формальныхъ правъ, но исключительно какъ авторъ «грамматики», Бѣлинскій, по ходатайству достопочтеннаго С. Т. Аксакова, получилъ уроки русскаго языка въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и скоро близко сошелся съ инспекторомъ этого института, княземъ Козловскимъ. Въ письмѣ къ брату Константину, отъ іюня 1838 г., онъ восторженно говорить о новой своей дѣятельности, такъ какъ получилъ возможность «принести на алтарь общественнаго блага и свою лепту». На экзаменѣ выпускныхъ учениковъ «попечитель говорилъ съ нимъ и обласкалъ его». «Мною все довольны, и я всеми доволенъ», съ торжествомъ пишетъ Бѣлинскій брату. Послѣ такого отзыва трудно понять, почему Бѣлинскій скоро разстался съ педагогической дѣятельностью, о которой долго мечталъ и которой такъ усиленно добивался, тѣмъ болѣе, что съ инспекторомъ межевого института княземъ Козловскимъ у него надолго сохранились добрыя отношенія.

Новая попытка «неслужащаго дворянина» В. Г. Бѣлинскаго, «слѣдуя призванію каждаго благомыслящаго дворянина, вступить на гражданскую Его Императорскаго Величества службу», относится къ половинѣ 1841 года, когда онъ уже совершенно устроился въ Петербургѣ, завоевалъ себѣ видное положеніе въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ русской литературной критикѣ и вообще вступилъ въ послѣднюю фазу умственнаго своего развитія и общественныхъ взглядовъ, овладѣлъ «соціальной

¹⁾ Основанія русскаго грамматикъ, для первоначальнаго обученія, составленія Виссаріономъ Бѣлинскимъ. Часть первая. Грамматика аналитическая (Этимология). Москва. Въ типографіи Николая Степанова. 1837 г. Мал. 8° 163 стр. Цензурное дозволеніе Коченовскаго отъ 8 апрѣля 1837 года.

идеи», которая стала для него «идеєю идей». Объ этомъ «ревностномъ желаніи» Бѣлинскаго нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ біографіяхъ, ни въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ, ни въ обильной перепискѣ нашего знаменитаго критика съ друзьями, съ которыми онъ былъ всегда откровененъ, хотя официальная переписка объ осуществленіи этого «ревностнаго желанія» тянулась нѣсколько мѣсяцевъ. Зная всегдашнюю восторженность и полную откровенность Бѣлинскаго, трудно объяснить, какъ онъ удержался отъ сообщенія своимъ друзьямъ о своей новой попыткѣ поступить на казенную службу.

Въ архивѣ министерства путей сообщенія хранится дѣло объ опредѣленіи неслужащаго дворянина Виссаріона Григорьева сына Бѣлинскаго на службу въ художественныя заведенія управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій—нынѣ министерство путей сообщенія. Начальникъ художественныхъ заведеній, полковникъ Денисовъ, представляя главноуправляющему путями сообщенія просьбу Бѣлинскаго объ опредѣленіи его на службу въ подвѣдомыя ему заведенія, писалъ:

«Состоящіе при художественныхъ заведеніяхъ кантонисты, употребляемые по литографическимъ и гравернымъ работамъ, въ которыхъ весьма часто требуется вырѣзываніе надписей, дѣлають въ послѣднихъ по совершенному незнанію правописанія безпрестанныя ошибки, замедляющія ходъ работы; почему для обученія кантонистовъ правописанію я пригласилъ неслужащаго дворянина Виссаріона Бѣлинскаго, извѣстнаго теоретическими и практическими знаніями своимъ по части языкознанія и издавашаго русскую грамматику. Дворянинъ Бѣлинскій принялъ на себя изъясненную обязанность, не требуя за исполненіе оной никакого вознагражденія, но изъявляя желаніе вступить на гражданскую дѣйствительную службу въ художественныя заведенія. О такомъ безкорыстномъ и похвальномъ желаніи дворянина Бѣлинскаго имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, долгомъ поставляя присовокупить, что въ свидѣтельствѣ, выданномъ Бѣлинскому изъ прѣвленія императорскаго московскаго университета, въ коемъ съ 1829 года по 1832 годъ слушалъ словесныя науки, значится, что упомянутый Бѣлинскій, не окончивъ полнаго курса, былъ уволенъ изъ университета по слабости здоровья, состояніе коего не позволяло ему по сіе время вступить на службу. Таковая разстроенность здоровья, пренятствовавшая успѣхамъ ученія Бѣлинскаго въ бытность его въ университетѣ, подала оному поводъ къ заключенію объ ограниченности его способностей, которыя при поправленіи здоровья, принявъ должное направленіе, оправдались напротивъ того полезными трудами по части теоріи языка. Нынѣ, совершенно освободясь отъ болѣзненнаго положенія и слѣдуя призванію каждаго благомыслящаго дворянина, г. Бѣлинскій ревностно

желаетъ вступить въ гражданскую Его Императорскаго Величества службу».

Въ подтвержденіе способности Бѣлинскаго къ обученію кантонистовъ правильному письму полковникъ Денисовъ «долгомъ считаетъ представить у сего и вышеупомянутую, изданную Бѣлинскимъ «грамматику», присовокупляя, что подлинныя документы о происхожденіи Бѣлинскаго, упоминаемые въ университетскомъ свидѣтельствѣ, находятся нынѣ въ пензенскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи и будутъ возвращены ему въ непродолжительномъ времени». При этомъ приложена просьба В. Г. Бѣлинскаго на гербовой бумагѣ, подписанная такъ: «Къ сему прошенію Виссаріонъ Григорьевъ сынъ Бѣлинскій руку приложилъ». Это представленіе полковника Денисова помѣчено 3 іюня 1841 года.

Спустя нѣсколько времени отъ главноуправляющаго путями сообщенія послѣдовалъ къ начальнику художественныхъ заведеній запросъ о присылкѣ свидѣтельства о поведеніи Бѣлинскаго по выходѣ изъ университета и документовъ объ его происхожденіи.

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ отъ начальника художественныхъ заведеній было послано свидѣтельство с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, генераль-адъютанта Кокошкина отъ 11-го сентября 1841 года, что Бѣлинскій «во время проживанія въ С.-Петербургѣ съ ноября мѣсяца прошлаго 1839 года по настоящее число при хорошемъ поведеніи образъ жизни велъ приличный его званію, дѣлъ же и взысканій по полиціи до него не имѣлось». Относительно документовъ о происхожденіи Бѣлинскаго полковникъ Денисовъ отвѣтилъ, «что таковыя еще не доставлены пензенскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ, но что самъ Бѣлинскій ожидаетъ ихъ въ непродолжительномъ времени»; причемъ покорнѣйше испрашиваетъ «впредь до представленія упомянутыхъ документовъ опредѣлить его въ художественныхъ заведеніяхъ хотя на правахъ оберъ-офицерскаго сына, ибо, какъ значится въ подлинномъ университетскомъ свидѣтельствѣ, онъ, Виссаріонъ Бѣлинскій, есть сынъ штабъ-лекаря».

Въ докладѣ по этому предмету, представленномъ штабомъ корпуса путей сообщенія отъ 27-го сентября 1841 года, прописано представленіе начальника художественныхъ заведеній, прошеніе Бѣлинскаго, свидѣтельство генераль-адъютанта Кокошкина, просьба о томъ, чтобы Бѣлинскаго зачислили пока на службу хотя на правахъ оберъ-офицерскаго сына, законы объ опредѣленіи на службу дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, справка о томъ, что граверы художественныхъ заведеній путей сообщенія получаютъ жалованья 342 рубля и 20 копеекъ серебромъ.

Изъ всего этого штабъ вывелъ такое заключеніе: «Представленные Бѣлинскимъ документы недостаточны для признанія его въ правахъ

не только дворянина, но и оберъ-офицерскаго сына, что обстоятельство это будетъ служить пренятствіемъ къ производству Бѣлинскаго въ чинъ; но что во всякомъ случаѣ штабъ признавалъ бы возможнымъ опредѣлить Бѣлинскаго въ художественныя заведенія, объявивъ Бѣлинскому, чтобы онъ озаботился скорѣйшимъ доставленіемъ документовъ. Впрочемъ, все это штабъ имѣеть честь повергнуть на собственное благоусмотрѣніе г. товарища главноуправляющаго путями сообщенія, почтительнѣйше поднося изданную Бѣлинскимъ грамматику.

На этомъ докладѣ товарищъ главноуправляющаго положилъ такую резолюцію: «На опредѣленіе г. Бѣлинскаго въ томъ видѣ, какъ сіе здѣсь изложено, моего согласія никакъ изъяснить не могу, а потому возвратить ему его документы».

30-го сентября эта резолюція была сообщена начальнику художественныхъ заведеній; на подлинной бумагѣ сдѣлана слѣдующая помѣтка: «документы возвращены г. Бѣлинскому».

Такъ неожиданно и рѣзко окончилась четыре мѣсяца тянувшаяся исторія «ревностнаго желанія» Бѣлинскаго, «слѣдуя призванію каждаго благомыслящаго дворянина, вступить на гражданскую службу Его Императорскаго Величества». Почему такъ усердно хлопотать объ опредѣленіи Бѣлинскаго на службу начальники художественныхъ заведеній полковникъ Денисовъ и почему такъ рѣшительно отказалъ въ этомъ опредѣленіи, не давши даже срока для представленія требуемыхъ документовъ, товарищъ главноуправляющаго путями сообщенія, генераль-лейтенантъ Х., — остается, для насъ по крайней мѣрѣ, тайной. Одно достовѣрно извѣстно, что нашъ знаменитый критикъ жилъ и скончался «неслужащимъ дворяниномъ», «писателемъ-разночинцемъ».

М. А. О—въ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ П. С. ВАННОВСКАГО.

НѢ хочется описать здѣсь одинъ эпизодъ, чрезвычайно характерный для покойнаго П. С. Ванновскаго. Эпизодъ этотъ въ 1901 г. приобрѣлъ широкую извѣстность среди петербургскихъ студенческихъ массъ, и впоследствии мнѣ не разъ приходилось слышать рассказы о немъ, уснащенные различными анекдотическими прикрасами. Въ № 5 «Историческаго Вѣстника» И. В. Мѣщаниновъ, очевидно,—со словъ самого П. С. Ванновскаго, передаетъ этотъ эпизодъ, но настолько кратко и сжато, что самый эпизодъ теряетъ свою характерность, и остается широкое поле для различныхъ анекдотическихъ прибавленій.

Дѣло было осенью 1901 г., ранней осенью, когда масса молодежи, съѣхавшейся со всѣхъ концовъ Россіи, старается попасть въ высшія учебныя заведенія. Однимъ это удается легко, другимъ—только послѣ усиленныхъ хлопотъ, поисковъ протекцій и пр., а третьимъ и совсѣмъ не удается попасть въ намѣченный храмъ науки.

Среди неудачницъ этого года была нѣкая дѣвица Б-ва, дочь отставнаго полковника, съ которой въ 1899—1900 г. я занимался латынью для поступленія въ медицинскій институтъ. Латынь она сдала, но поступить въ 1900 г. ей не удалось: помѣшали и слишкомъ молодой возрастъ, и слабыя отмѣтки въ аттестатѣ. Тогда, для увеличенія своихъ шансовъ на поступленіе въ будущемъ году, Б-ва рѣшила поступить на годъ въ императорскій повивальный институтъ, управляемый Д. О. Оттомъ, который тогда былъ и директо-

ромъ медицинскаго института. Были случаи, что Оттъ лучшимъ ученицамъ повивальнаго института самъ предлагалъ переходить въ медицинскій институтъ, если они имѣли достаточный образовательный цензъ. И вотъ Б-ва рѣшила трудолюбиемъ, исполнительностью и успѣхами въ наукахъ въ повивальномъ институтѣ обратить на себя вниманіе его директора.

Однако неспособность къ тяжелому, упорному труду, неуравновѣшенный, слегка истерическій характеръ помѣшали ей выполнить ея намѣреніе. Конечно, и больныя повивальнаго института болѣе всякихъ другихъ способны испытывать терпѣніе ухаживающихъ за ними лицъ. Въ концѣ учебнаго года, когда нервы у Б-вой были напряжены до крайности, она не выдержала капризовъ находившейся на ея попеченіи больной и сказала ей нѣсколько рѣзкихъ словъ. Въ результатѣ—слезы больной, повышеніе температуры, жалоба директору съ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ сгущеніемъ красокъ. Къ больной приставили другую ученицу, а на Б-ву обратили вниманіе—но совсѣмъ не то, котораго она добивалась.

Осенью 1901 г. Б-ва съ отчаяніемъ узнаетъ, что она въ медицинскій институтъ опять не принята. Начались поиски «протекцій», но всѣ ходатайства встрѣчали самый категорическій отказъ. Кому-то изъ ходатаевъ Оттъ даже прямо сказалъ, что знаетъ Б-ву, какъ человѣка, непригоднаго къ медицинской дѣятельности, и не допустить ее въ институтъ.

Время уходило, и вмѣстѣ съ нимъ исчезали послѣднія надежды Б-вой. И чѣмъ меньше оставалось надеждъ, тѣмъ страстнѣе хотѣлось ей попасть въ медицинскій институтъ, тѣмъ безвыходнѣе казалось ей ея положеніе. Она ходила цѣлые дни, какъ помѣшанная; если начинала говорить, то говорила только объ одномъ, что теперь «ея жизнь разбита, потеряла всякій смыслъ». Я началъ опасаться какихъ-нибудь крайнихъ, необдуманныхъ выходокъ съ ея стороны.

Однажды поздно вечеромъ Б-ва заходитъ ко мнѣ въ какомъ-то новомъ для нея настроеніи: прежней подавленности, сосредоточенности на одной гнетущей мысли не было, но лицо ея выражало явное смущеніе, растерянность. Войдя въ комнату, Б-ва плотно притворила за собою двери и вполголоса рассказала мнѣ такую вещь, которая и меня на минуту привела въ смущеніе. Оказалось, что, потерявъ всякую надежду, Б-ва написала отчаянное письмо П. С. Ванновскому, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Въ этомъ письмѣ она говорила, до какой степени отчаянія доводитъ ее неудача, и закончила его словами: «неужели вы хотите сдѣлать изъ меня второго Карповича¹⁾? Не обдумавши письма и даже не перечитавши его, она адресовала его на квартиру П. С. Ванновскаго и опустила въ почтовый ящикъ. Въ тотъ же день

¹⁾ Убийца Н. П. Богольцова.

вечеромъ она получила съ курьеромъ письмо отъ личнаго секретаря П. С. Ванновскаго. Письмомъ этимъ Б-ва приглашалась явиться на слѣдующій день въ квартиру П. С. Вотъ это-то приглашеніе и заставило Б-ву сильно задуматься. Она чувствовала, что тутъ какую-то роль сыграла ея необдуманная фраза о Карновичѣ, и не рѣшалась итти къ Ванновскому, опасаясь быть тамъ арестованной.

Я посовѣтоваль Б-вой во всякомъ случаѣ итти по приглашенію, указываль, что Ванновскій по характеру врагъ всякихъ ловушекъ, что арестовать ее прекрасно могли бы и у нея на квартирѣ.

Послѣ долгихъ колебаній Б-ва направилась къ квартирѣ Ванновскаго. На лѣстницѣ не было ни души. Горничная, открывшая дверь, ввела ее въ пріемную и оставила тамъ одну. Прошло минутъ пять томительнаго ожиданія. Наконецъ портьера на дверяхъ въ сосѣднюю комнату зашевелилась, и вошелъ Ванновскій. Б-ва встала. П. С. остановился въ трехъ шагахъ отъ нея, скрестилъ руки на груди и устремилъ на посѣтительницу внимательный, но спокойный взглядъ.

Проходить минута, другая томительнѣйшаго молчанія. Б-ва чувствуетъ, какъ у ней напрягаются нервы, сильнѣе бьется сердце, дрожать ноги, а П. С. стоитъ въ прежней позѣ, не сводя съ нея пристальнаго взгляда. Наконецъ, тихо, съ отбѣнкомъ грусти онъ произнесъ:

— Ну, что же, стрѣляйте.

Б-ва ожидала чего угодно, только не этихъ словъ. Растерянно смотрѣла она на спокойно стоявшаго передъ ней низенькаго стараго генерала, а тотъ продолжалъ:

— Стрѣляйте, стрѣляйте! Вы видите, мы одни, на лѣстницѣ ни души; вы даже спасетесь успеете.

Нервы Б-вой не выдержали. Она упала на стулъ и забилась въ судорожныхъ рыданіяхъ. П. С. засуетился, торопливо подбѣжалъ къ графину, налилъ въ стаканъ воды и поднесъ своей необычайной гостьѣ, стараясь всячески ее успокоить. Наконецъ, когда Б-ва немного затихла, П. С. присѣлъ и началъ говорить:

— Ну, поговоримъ теперь спокойнѣе. Вотъ вы, дочь стараго военнаго, пригрозили мнѣ смертью... Подождите, подождите,—остановилъ онъ ея протестующее движеніе:—теперь-то я и самъ вижу, что серьезнаго намѣренія убить меня у васъ не было. Да-съ, такъ вамъ вашъ отецъ, вѣроятно, не разъ говорилъ, что мы, военные, смерти не боимся. А для меня, старика, которому и жить-то здѣсь осталось не больше одного-двухъ лѣтъ, смерть была бы, можетъ быть, и радостью. Такъ вотъ-съ, напугать вы меня своимъ Карновичемъ отнюдь не могли; а себѣ повредить могли бы, могли и очень могли. Понадѣсь ваше письмо не мнѣ, а кому-нибудь другому,—гдѣ бы вы были? Не знаю, только ваши близкіе едва ли скоро нашли бы васъ.

Послѣ этого П. С. началъ подробно разспрашивать опять было разнервничавшуюся Б-ву объ ея мытарствахъ и въ заключеніе сказалъ:

— Ну, вотъ что: какъ министръ, я вамъ ужъ ничѣмъ не могу помочь. Если я напишу Отту, какъ министръ, онъ мнѣ отвѣтитъ, что всѣ вакансіи уже заняты. Попробую я еще написать ему частное письмо: авось, онъ не откажетъ старику въ маленькомъ одолженіи. Идите себѣ домой, запомните все, что я сказалъ, и успокойтесь.

Б-ва до того была подавлена всѣмъ происшедшимъ, что не успѣла даже должнымъ образомъ поблагодарить Ванновскаго, какъ онъ скрылся за портьерой. Та же горничная проводила ее на лѣстницу, на которой все еще не было ни души.

Черезъ два дня Б-ва получила изъ медицинскаго института извѣщеніе, что она зачислена въ слушательницы института.

Прошло десять лѣтъ. За это время Б-ва окончила институтъ и не разъ успѣла заявить себя самоотверженной дѣятельностью на врачебномъ поприщѣ. Блестящій профессоръ, когда она стучалась въ двери медицинскаго института, призналъ ее непригодной къ врачебной дѣятельности; а старенькій военный, далеко стоявшій отъ науки вообще и отъ медицины въ особенности, заглянулъ поглубже въ душу Б-вой и помогъ ей выбраться на ту дорогу, на которую она такъ страстно стремилась.

С. Ярославцевъ.

ПО ПОВОДУ ДВУХЪ МОНОГРАФІЙ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

КОНЧАВШІЙСЯ 12-го мая сего года Василій Осиповичъ Ключевскій занимаетъ, безспорно, весьма видное положеніе между современными намъ историками Россіи. Это положеніе опредѣляется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ обобщилъ, синтезировалъ историческія явленія русской не только политической, но и *общественной* жизни, въ самомъ широкомъ пониманіи этого термина; во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ обосновалъ эти явленія главнымъ образомъ факторами *хозяйственно-экономическими*, которые до него хотя и подмѣчались нѣкоторыми изслѣдователями русской исторіи, но въ большинствѣ случаевъ составляли, если можно такъ выразиться, спеціальную привилегію историковъ-юристовъ и не получили полного права гражданства при разсмотрѣніи общаго историческаго развитія русскаго народа; въ-третьихъ, тѣмъ, что онъ необыкновенно талантливо излагалъ и въ печати, и съ кафедры свои воззрѣнія; Ключевскій былъ не только художникомъ слова, но *художникомъ мысли*; въ-четвертыхъ, наконецъ, тѣмъ, что онъ создалъ цѣлую школу историковъ Россіи, воспринявшихъ и развившихъ далѣе его общественныя, хозяйственно-экономическія обоснованія. Въ наши дни эти обоснованія получаютъ все болѣе и болѣе правъ гражданства въ общихъ построеніяхъ, а потому весьма понятно, что въ появляющихся въ періодической печати замѣткахъ и воспоминаніяхъ о Ключевскомъ онъ рисуется однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей въ наше время *научной исторіи Россіи*. Но современное положеніе каждой науки, а слѣдовательно и русской исторіи, есть

логическій результатъ прошлаго, длиннаго ряда ея развитія, а потому для всесторонней оцѣнки научнаго значенія Ключевскаго необходимо выяснить, во-первыхъ, въ какой мѣрѣ его ученія воззрѣнія обусловливаются «умоначертаніемъ» — употреблю удачное выраженіе историка и публициста второй половины XVIII вѣка, князя М. М. Щербатова — того времени, когда учился, потомъ самъ училъ и печатался Ключевскій. Это необходимо потому, что общественная мысль современности неизбѣжно вліяетъ, особенно у насъ въ Россіи, на постановку и образованіе научныхъ историческихъ проблемъ; во-вторыхъ, въ какой степени воззрѣнія и приемы научнаго изслѣдованія Ключевскаго находятся въ зависимости отъ воззрѣній и приемовъ научнаго изслѣдованія по крайней мѣрѣ ближайшихъ его предшественниковъ въ области русской исторіографіи.

Будучи далекъ отъ мысли представить полный критическій разборъ всѣхъ историческихъ трудовъ В. О. Ключевскаго въ ихъ научной эволюціи, на что потребовалось бы болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которымъ я могу теперь располагать, я ограничусь нѣкоторыми замѣтками по выставленнымъ выше задачамъ и остановлюсь лишь на двухъ печатныхъ трудахъ Ключевскаго, вышедшихъ отдѣльными изданіями въ одиннадцатъ лѣтъ его ученой дѣятельности, съ 1871 по 1882 г., а именно: 1) на «Древнерусскихъ житіяхъ святыхъ, какъ историческомъ источникѣ»; 2) на «Боярской думѣ древней Руси».

I.

Ключевскій поступилъ въ московскій университетъ изъ пензенской духовной семинаріи въ 1861 году и окончилъ университетскій курсъ въ 1865 году. Но еще въ пензенской семинаріи, безъ сомнѣнія, онъ, на ряду съ воспитанниками другихъ русскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, не могъ не подпасть вліянію того возбужденія русской общественной мысли, которое особенно обнаруживалось во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ XIX вѣка, послѣ крымскаго погрома. Я хорошо помню это время и, какъ очевидецъ, могу засвидѣтельствовать тотъ идейно-общественный подъемъ, который проявился съ исхода 1855 года среди студентовъ казанской духовной академіи и среди учениковъ казанской же духовной семинаріи. Вслѣдъ за Парижскимъ миромъ, прекратившимъ въ 1856 году Крымскую войну, передовые люди изъ тогдашнихъ образованныхъ классовъ стали громко говорить о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права; императоръ Александръ II публично заявилъ, что лучше, если освобожденіе крестьянъ пойдетъ сверху, а не снизу; вся пресса исхода пятидесятихъ годовъ стала разрабатывать общественныя явленія, непосредственно связанныя съ освобожденіемъ

крестьянъ. Эти явленія, по ихъ природѣ, касались прежде всего области *хозяйственно-экономической*, потому что послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ замѣной подневольнаго труда вольнонаемнымъ, хозяйство, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское, должно было неизбежно измѣниться. Журналы западнаго направленія: «Русскій Вѣстникъ» Каткова, «Современникъ» Некрасова и Чернышевскаго, «Отечественныя Записки» Краевскаго, «Атеней» Корша, славянофильскія «Русская Бесѣда» и «Сельское Благоустройство» и зарубежный Герценовскій «Колоколъ» съ разныхъ точекъ зрѣнія освѣщали какъ вопросы о крѣпостномъ правѣ и объ улучшеніи быта крестьянъ, такъ и тѣсно связанныя съ ними бытовыя и хозяйственно-экономическія основы двухъ общественныхъ классовъ—дворянства и крестьянства въ ихъ современномъ положеніи и историческомъ развитіи. Начали появляться научныя изслѣдованія по исторіи крестьянства и дворянства. Въ 1861 году освобожденіе крестьянъ стало совершившимся фактомъ, и русская общественная мысль, исходя изъ уничтоженія крѣпостного права, стремительно двинулась впередъ по пути скорѣйшаго освобожденія Россіи отъ цѣлаго ряда «дореформенныхъ» общественныхъ устоевъ, а правительство готовило дальнѣйшія реформы гражданской жизни. Общественное значеніе дворянства при новыхъ условіяхъ быта и положеніе другихъ общественныхъ классовъ—крестьянъ горожанъ, духовенства, чернаго и бѣлаго, новая организація управленія и суда—вотъ тѣ вопросы, которые преимущественно изслѣдуются въ то время въ публицистикѣ и русской исторической наукѣ.

Въ этихъ-то общественныхъ теченіяхъ второй половины пятидесятихъ годовъ и первой половины шестидесятихъ годовъ XIX вѣка, мнѣ кажется, слѣдуетъ искать *первый стимулъ* возбужденія въ Ключевскомъ интереса къ историческому изученію *хозяйственно-экономическихъ основъ* русской общественности въ ея *классовыхъ*, сословныхъ группахъ. Вторымъ стимуломъ для его историческихъ изученій въ этомъ направленіи явилось вліяніе русской исторической науки въ томъ ея состояніи, какое выражалось въ московскомъ университетѣ шестидесятихъ годовъ XIX вѣка.

За 1861—1865 года въ московскомъ университетѣ наука стояла высоко. На историко-филологическомъ факультетѣ этого университета были столь выдающіеся профессора, какъ С. М. Соловьевъ, С. В. Ешевскій, Ф. И. Буслаевъ, Н. С. Тихонравовъ, О. М. Бодянский, П. М. Леоцтвевъ. Изъ числа этихъ профессоровъ Соловьевъ былъ въ то время главой школы, въ русской историографіи известной подъ именемъ школы *родового быта*, или *историко-юридической*. На юридическомъ факультетѣ пользовались большимъ научнымъ вліяніемъ на аудиторію Б. Н. Чичеринъ, крайній западникъ изъ ученыхъ школы родового быта, и ученые противоположнаго

ему славянофильскаго направленія, В. И. Лешковъ и И. Д. Бѣляевъ.

Преподаваніе Соловьева оказало на Ключевскаго всего болѣе вліянія. Вотъ какъ онъ характеризуетъ ученыхъ и преподавательскія достоинства Соловьева въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1895 году въ историческомъ обществѣ при московскомъ университетѣ (основатель Герье), въ шестнадцатую годовщину кончины Соловьева. «Чтеніе Соловьева не трогало и не плѣняло, не било ни на чувство, ни на воображеніе, — говоритъ онъ: — но оно *заставляло размышлять*. Съ кафедръ слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ. Вслушиваясь въ это, какъ бы сказать, *говорящее размышленіе*, мы старались ухватиться за нить развиваемыхъ передъ нами мыслей и не замѣчали словъ» ¹⁾...

Но, кромѣ Соловьева, въ то время пользовался большимъ научнымъ авторитетомъ въ области русской исторіи другой ученый, въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка уже не занимавшій кафедру въ московскомъ университетѣ. То былъ К. Д. Кавелинъ, являющійся рядомъ съ Соловьевымъ основателемъ школы «родового быта». Въ 1859 году вышло въ Москвѣ первое изданіе его сочиненій и возрѣнія Кавелина, высказанныя имъ въ половинѣ и въ исходѣ сороковыхъ годовъ, ожили и оказали снова вліяніе и на учащуюся молодежь, и на ученыхъ въ области русской исторіи. Эта-то школа родового быта послужила исходнымъ пунктомъ для послѣдующихъ историческихъ возрѣній Ключевскаго; но, кромѣ нея, въ его историческихъ возрѣніяхъ мы можемъ подмѣтить и вліяніе противоположнаго ей по возрѣніямъ ученія славянофиловъ. А потому припомнимъ, хотя въ общихъ чертахъ, основныя положенія ученыхъ этихъ двухъ направленій.

II.

Школа родового быта возникла въ русской исторіографіи въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ XIX вѣкѣ. Основателями ея были два профессора московскаго университета, К. Д. Кавелинъ и С. М. Соловьевъ. Ихъ историческая теорія, или, лучше сказать, гипотеза, въ самыхъ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ: первоначальный общественный бытъ русскихъ славянъ былъ *патриархальный*, основанный на кровномъ родствѣ, выражавшемся въ семьяхъ, которыя съ теченіемъ времени, путемъ народженія, разрослись въ родъ. Эти семейныя и родовыя отношенія болѣе всего возможно изучать по семейнымъ и родовымъ отношеніямъ князей,

¹⁾ Изданія историческаго общества при императорскомъ московскомъ университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г. (Годъ I). М. 1896 г., стр. 187—188.

такъ какъ въ нихъ повторился тотъ же процессъ, какой происходилъ и въ остальныхъ славяно-русскихъ семьяхъ, но эти семьи не выступаютъ передъ историкомъ въ большинствѣ доступныхъ ему письменныхъ источниковъ, скрываясь, такъ сказать, во мракѣ неизвѣстности, между тѣмъ какъ о княжескихъ семьяхъ и родовыхъ отношеніяхъ подробно повѣствуютъ лѣтописцы; постепенное измѣненіе, *эволюція* русской общественности изъ быта родового въ государственный—становится содержаніемъ внутренней русской исторіи. По воззрѣніямъ Кавелина, дальнѣйшимъ развитіемъ общественности у русскихъ славянъ, когда узы кровнаго родства начинаютъ забываться, возникаютъ отношенія *гражданско-юридическія*, которыя, въ свою очередь, при большемъ развитіи общественности, смѣняются государственными, политическими. Кавелинъ особенно останавливается на второй фазѣ этого общественнаго развитія и указываетъ, что основой гражданскаго юридическаго общенія является начало *вотчинное*, т. е. наследственная земельная собственность князей, и это начало устанавливается преимущественно на сѣверо-востокѣ, въ верхнемъ Поволжьѣ, въ XII—XIII вѣкахъ. Соловьевъ нѣсколько иначе объясняетъ этотъ же переходъ. Онъ для такого перехода выставляетъ гипотезу о старыхъ и новыхъ городахъ. Послѣдніе, построенные въ среднемъ Поволжьѣ тамошними князьями, главнымъ образомъ въ XII вѣкѣ, были заселены, *колонизированы* сброднымъ населеніемъ, всѣмъ обязаннымъ этимъ князьямъ, вслѣдствіе чего укрѣпляется и вырастаетъ единоличная власть князя и являются въ Россіи впервые *удѣлы* въ смыслѣ особыхъ наследственныхъ княжескихъ владѣній. Затѣмъ оба историка сходятся въ томъ, что Московское государство было національнымъ выраженіемъ русской государственности, и, сопоставляя ходъ общественнаго развитія Россіи съ развитіемъ западно-европейскимъ, усматриваютъ коренное различіе въ томъ и другомъ. Соловьевъ рельефно и доказательно формулируетъ наше различіе отъ Западной Европы. Онъ видитъ это различіе прежде всего въ природныхъ, географическихъ и климатическихъ, условіяхъ между двумя половинами Европы—восточной, Россіей, и западной. Первая половина—равнина, переходящая на юго-востокѣ въ степь, лишенная удобныхъ морей и придвинутая своимъ географическимъ положеніемъ къ чужеродцамъ племенъ финскаго, тюркскаго и монгольскаго. Западная Европа—страна горъ и морей, въ своихъ позднѣйшихъ насельникахъ унаследовавшая греко-римскую культуру. Славяно-руссы, постепенно двигаясь съ запада на востокъ, заселили, *колонизировали* сѣверо-восточную равнину, постоянно разбрасывая свои поселки среди некультурныхъ финскихъ племенъ и полукультурныхъ тюрковъ и съ азіатской культурой монголовъ. Славяно-руссы въ своей колонизаціи двигались, главнымъ образомъ, по рѣкамъ, которыя орошали сѣверо-восточную часть Европы,

болѣе обильно, чѣмъ мы это встрѣчаемъ въ Европѣ западной. Эти рѣки съ своими притоками образовали нѣсколько рѣчныхъ бассейновъ, въ территоріи которыхъ и начали возникать отдѣльныя княженія, а такъ какъ Московское княжество выросло среди притоковъ Оки, впадающей въ Волгу, то вслѣдствіе такого географическаго положенія московскимъ князьямъ и населенію было очень удобно проникнуть на эту величайшую водную артерію земли русской. Воляжскій бассейнъ занимаетъ главнѣйшую преобладающую часть территоріи сѣверо-восточной Европы—вотъ причина, почему Московское государство могло такъ быстро расширяться и сплотиться.

И Кавелинъ, и Соловьевъ исходили въ своихъ воззрѣніяхъ на семейно-родовой бытъ восточныхъ славянъ изъ воззрѣній дерптскаго профессора Густава Эверса († 1830 г.), впервые высказавшаго эти воззрѣнія, но доведившаго ихъ лишь до эпохи «Русской Правды». Послѣ Кавелина и Соловьева ихъ ученики и послѣдователи прилагали ихъ воззрѣнія къ разнымъ сторонамъ исторіи русской общественности и быта. Калачовъ и Дмитріевъ — къ отношеніямъ юридическимъ, Чичеринъ и Плат. Вас. Павловъ—къ общественно-государственнымъ, Забѣлинъ—къ бытовымъ, Афанасьевъ—къ славяно-русской миѳологіи, причемъ Дмитріевъ и Чичеринъ явились *крайними* представителями ученія о господствѣ *частнаго права* въ распорядкахъ московской государственности. Первый приложилъ его къ московскому судоустройству и судопроизводству, второй—къ развитію русской, или, правильнѣе, московской государственности, особенно подробно разработавъ *вотчинную* теорію Кавелина. Всѣ названные ученые вмѣстѣ съ основателями ученія о родовомъ бытѣ и составили школу въ русской исторіографіи, впервые представившую *эволюцію общественныхъ*, юридическихъ и политическихъ формъ въ исторической жизни русскаго народа. Это былъ первый научный успѣхъ въ разработкѣ внутренней русской исторіи послѣ воззрѣній Карамзина, который обосновалъ все движеніе русской исторіи исключительно на личностяхъ русскихъ великихъ князей и царей, и послѣ кропотливыхъ, но отрывочныхъ изслѣдованій норманистовъ, съ Погодинымъ во главѣ, и скептической школы Каченовскаго. При распространеніи воззрѣній школы родового быта среди русской публики эта школа получила наименованіе школы *органической*, ибо она считала *русскій народъ*, какъ вообще всякій народъ, общественнымъ *организмомъ* и разсматривала органическое развитіе во времени русской общественности.

Ни Кавелинъ, ни Соловьевъ въ своихъ общихъ историко-общественныхъ построеніяхъ не употребляютъ прямо терминовъ «экономическія основы» и «экономическія явленія» въ русской исторической жизни, но теорія Кавелина о *вотчинномъ началѣ* и геог-

фическія условія восточной Европы съ ея колонизаціей славяно-русовъ уже заключаютъ въ себѣ тѣ явленія въ общественной народной жизни, которыя принято называть экономическими. *Вотчина*, какъ наследственное землевладѣніе, уже не можетъ быть поята безъ *хозяйственной дѣятельности*.

Представителями славянофильскаго ученія на юридическомъ факультетѣ московскаго университета были, какъ замѣчено выше, профессора И. Д. Бѣляевъ и В. И. Лешковъ. Первый изъ нихъ, стоявшій, кромѣ того, въ теченіе долгихъ лѣтъ во главѣ ученаго изданія «Временникъ» московскаго общества исторіи и древностей російскихъ, изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, юридическія и экономическія основы древней Руси и преимущественно Московскаго государства. Въ своихъ изслѣдованіяхъ обращаетъ онъ особое вниманіе на *землевладѣніе* въ Московскомъ государствѣ, на развитіе крѣпостного права и на связь этихъ двухъ элементовъ съ значеніемъ московскаго боярства, служилаго дворянства и крестьянства. Въ «Разказахъ изъ русской исторіи», въ особенности въ «Исторіи Новгорода, Пскова и Полоцка», Бѣляевъ излагаетъ исторію общества этихъ русскихъ земель, исторію отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, при чемъ обосновываетъ ихъ политическое и общественное (земское) значеніе началами хозяйственно-экономическими и промышленно-торговыми. Немало удѣляетъ онъ также мѣста (въ изданныхъ лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства и въ отдѣльныхъ монографіяхъ) исторіи *общества* и *земли* (разныхъ классовъ населенія русскихъ областей и Московскаго государства—*земщины*) и отношеніямъ земщины къ государству въ разные періоды русской исторической жизни и исторіи земскихъ и государственныхъ учреждений, главнымъ образомъ вѣчу и земскимъ соборамъ. Лешковъ въ своей книгѣ «Русскій народъ и государство» анализируетъ также русскую общественность, основанную на началахъ экономическихъ, главнымъ образомъ за время «Русской Правды».

Оба названные ученые развивали въ своихъ трудахъ ученіе К. С. Аксакова, который одинъ изъ первыхъ славянофиловъ приложилъ ихъ воззрѣнія къ русской исторіи, но Бѣляевъ и Лешковъ болѣе реально, практичнѣе взглянули на явленія русской общественности, отрѣшившись отъ преувеличенной идеализаціи Аксаковымъ древняго, до-петровскаго нашего общественнаго быта.

III.

До 1880 года Ключевскій былъ извѣстенъ только спеціалистамъ по русской исторіи и студентамъ и ученымъ московской духовной академіи, гдѣ онъ занималъ кафедру русской исторіи. Въ этотъ начальный періодъ своей учено-литературной дѣятельности В. О. Ключевскій написалъ и напечаталъ немало. Начиная съ его сту-

денческой работы «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», впервые появившейся въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1866—1867 годовъ, мы имѣемъ за этотъ періодъ его учено-литературной дѣятельности семнадцать работъ, въ которыхъ уже намѣчаются главнѣйшія темы послѣдующихъ его изученій въ области русской исторіи. Характерной чертой въ большинствѣ этихъ первоначальныхъ работъ Ключевскаго долженъ быть отмѣченъ тотъ интересъ, который молодой ученый выражаетъ къ *хозяйственно-экономической дѣятельности* русскихъ монастырей, къ имущественному и правовому положенію русской церковной іерархіи и къ житіямъ русскихъ святыхъ, какъ одному изъ источниковъ по исторіи славяно-русской колонизаціи, которая является весьма существеннымъ экономическимъ факторомъ въ исторической жизни русскаго народа. Экономическое и правовое положеніе русскихъ монастырей, главнымъ образомъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ, и русской церковной іерархіи служить ему исходнымъ пунктомъ для изученія другихъ общественныхъ классовъ русскаго народа. Онъ начинаетъ это изученіе съ класса *боярскаго*, какъ наиболѣе вліятельнаго, послѣ церкви, общественаго класса въ древней Руси.

Вслѣдъ за упомянутымъ выше студенческимъ сочиненіемъ Ключевскій изучаетъ хозяйственную дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ (напечатано въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1867 года), для чего онъ пріѣзжаетъ въ Казань работать въ соловецкой библіотекѣ, находящейся съ 1854 года въ казанской духовной академіи и столь богатой житіями русскихъ сѣверныхъ святыхъ ¹⁾, а въ 1871 году выходитъ въ свѣтъ основной трудъ Ключевскаго за этотъ первоначальный періодъ ученой его дѣятельности, его магистерская диссертация «Древне-русскія житія святыхъ, какъ исторической источникъ». Эта монографія служитъ прежде всего нагляднымъ доказательствомъ, какъ Ключевскій предварительно внимательно изучалъ для своихъ ученыхъ работъ историческіе источники. Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ онъ пускалъ въ печать лишь *выводы* изъ этихъ предварительныхъ изученій. Съ другой стороны, эта же монографія приводитъ къ заключенію, что Ключевскій не былъ чуждъ историко-литературнымъ и историографическимъ запросамъ.

Въ предисловіи къ этому труду авторъ заявляетъ, что онъ обратился къ древне-русскимъ житіямъ, какъ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древней русской исторіи: *участію монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси*. Такимъ образомъ, то дѣйствительно своеобразное и присущее только

¹⁾ См. Списокъ ученыхъ трудовъ В. О. Ключевскаго въ «Сборникѣ статей», ему посвященныхъ. М. 1909 г., стр. I—VII, №№ 1—17.

русской исторіи явленіе—*колонизація* славяно-руссами всей сѣверо-восточной европейской равнины, а въ особенности ея сѣверо-востока, явленіе, которое по справедливости положилъ Василій Осиповичъ въ послѣдствіи въ основу своихъ университетскихъ чтеній, занимало его издавна и создалось непосредственно подъ вліяніемъ Соловьева. Но помимо этого вліянія въ книгѣ Ключевскаго о житіяхъ русскихъ святыхъ легко подмѣтити вліяніе и другихъ профессоровъ московскаго университета, слушателемъ которыхъ онъ былъ и которые упомянуты мною выше. С. В. Ешевскій читалъ въ московскомъ университетѣ за время студенчества Ключевскаго всеобщую исторію; но до профессорства въ Москвѣ, а именно въ 1856—1858 гг., онъ занималъ въ казанскомъ университетѣ кафедру русской исторіи и впервые обратилъ вниманіе на житія сѣверно-русскихъ святыхъ подвижниковъ, хранящихся въ соловецкой библиотекѣ, какъ на богатый источникъ для исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Россіи. На нихъ указалъ Ешевскій даровитому казанскому историку А. П. Щапову, только что окончившему курсъ въ казанской духовной академіи и бывшему въ то время скромнымъ бакалавромъ русской исторіи въ этой академіи. Ешевскій, по всей вѣроятности, и направилъ Ключевскаго въ Казань.

Вторымъ ученымъ, очевидно, побудившимъ Ключевскаго заняться изученіемъ житій русскихъ святыхъ, былъ О. И. Буслаевъ, столь много сдѣлавшій для выясненія этого любопытнаго и важнаго памятника древней русской письменности, какъ источника для бытовой и культурной исторіи древней Руси. Буслаевъ по справедливости можетъ быть почтенъ талантливымъ комментаторомъ житій, напечатанныхъ подъ редакціей Щапова въ періодическомъ органѣ казанской духовной академіи «Православный Собесѣдникъ» (1858—1859 гг.), двухъ Аврааміевъ: смоленскаго и ростовскаго, Антонія Римлянина (повгородскаго) и Леонтія и Исаіи ростовскихъ.

Третьимъ ученымъ, повліявшимъ на работу Ключевскаго, былъ не менѣе О. И. Буслаева извѣстный изслѣдователь исторіи русской литературы Н. С. Тихонравовъ, также очень много сдѣлавшій по изученію русскихъ житій святыхъ.

Рукописями житій русскихъ святыхъ, принадлежавшими Буслаеву и Тихонравову, въ обиліи пользовался для своего труда В. О. Ключевскій, о чемъ онъ и заявляетъ печатно въ предисловіи къ своей книгѣ.

В. О. Ключевскій, при изученіи громадной массы рукописенныхъ житій русскихъ святыхъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ о значеніи ихъ въ качествѣ историческаго источника: во-первыхъ, этотъ источникъ представлялся ему далеко не столь свѣжимъ и обильнымъ, какъ объ немъ думали въ то время; во-вторыхъ, по его справедливому мнѣнію, житія русскихъ святыхъ, не отличаясь богатымъ историческимъ содержаніемъ, не даютъ возможности воспользоваться ими

безъ особаго предварительнаго изученія ихъ въ полномъ объемѣ. Эту-то послѣднюю работу и исполнилъ Ключевскій, ограничившись, впрочемъ, житіями сѣверо-восточной Руси и не коснувшись южныхъ.

Книга Ключевского о житіяхъ русскихъ святыхъ представляетъ собою въ высшей степени интересное, вполне научное историко-критическое обзорѣніе житій болѣе ста шестидесяти святыхъ, составленныхъ начиная съ XIII вѣка по XVIII вѣкъ включительно, и не однихъ только основателей монастырей и духовныхъ іерарховъ и иноковъ, но и многихъ князей и лицъ другихъ общественныхъ классовъ. Такимъ образомъ, сущность содержанія книги охватываетъ собою поле болѣе широкое, чѣмъ предполагалъ почтенный авторъ при началѣ своихъ занятій на эту тему. Книга Ключевского доказываетъ прежде всего глубину историко-критическаго анализа автора и громадную предварительную подготовку его не только въ избранной имъ темѣ, но и вообще въ древне-русской письменности и литературѣ. Расчлененіе житій на ихъ составныя части, ихъ историко-литературныя наслоенія, многочисленныя ихъ редакціи, или «изводы», точное разграниченіе въ житіяхъ данныхъ историческихъ отъ легендарныхъ, опредѣленіе значенія самыхъ извѣстныхъ русскихъ агиографовъ—митрополита Кипріяна, Епифанія, Пахомія Логовета и ихъ русскихъ подражателей, затѣмъ московскаго митрополита Макарія (XVI в.) и позднѣйшихъ составителей Четвѣр-Миней и отдѣльныхъ житій—вотъ тѣ несомнѣнныя ученія достоинства, которыя ставятъ книгу Ключевского по отношенію къ житіямъ русскихъ святыхъ въ уровень съ почтенными историко-критическими изслѣдованіями русскихъ ученыхъ XIX вѣка о русскихъ лѣтописяхъ, трудъ его доселѣ долженъ составлять настольную справочную книгу для каждаго спеціалиста по изученію житій русскихъ святыхъ. Нельзя только согласиться съ Ключевскимъ объ относительной бѣдности житій русскихъ святыхъ, какъ историческаго источника.

IV.

Съ исхода декабря 1879 года открывается *второй* періодъ учено-литературной и преподавательской дѣятельности В. О. Ключевского. 4-го октября 1879 года скончался С. М. Соловьевъ, а 5-го декабря этого года его кафедре въ московскомъ университетѣ занялъ Ключевскій. Въ этотъ-то періодъ и создается его извѣстность какъ среди учащейся университетской молодежи, такъ и въ широкихъ слояхъ русской публики. Извѣстность эта начинается *вторымъ* крупнымъ ученымъ трудомъ Ключевского: «Боярской думой древней Руси». Этотъ трудъ первоначально появляется въ «Русской Мысли» 1880—1881 годовъ, а затѣмъ въ 1881 году въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ этого журнала. Но Ключевскій, очевидно,

недоволенъ этой *первоначальной* редакціей своего труда и въ 1882 году печатаетъ переработанный его текстъ, который и защищаетъ съ большимъ успѣхомъ въ московскомъ университетѣ на степень доктора русской исторіи. Начиная этимъ годомъ, въ теченіе *семнадцати* лѣтъ (до 1909 года включительно) вышло въ свѣтъ *четыре* изданія «Боярской думы». Уже одно это обстоятельство, помимо дѣйствительно научной цѣнности «Боярской думы», заставляетъ внимательно отнестись къ этой монографіи. Оно, несомнѣнно, доказываетъ, что эта книга возбудила большой интересъ среди читателей. Но еще болѣе значенія приобрѣтаютъ эти многочисленныя изданія, если мы, путемъ ихъ сличенія, увидимъ, какъ Ключевскій неустанно трудился въ теченіе долгихъ лѣтъ надъ переработкой своей книги, которую онъ въ «первоначальномъ» изданіи скромно называетъ «опытомъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества».

«Первоначальное» изданіе, начинаясь съ обзора «боярской думы» въ X вѣкѣ на югѣ Руси, заканчивается общей характеристикой московской боярской думы въ исходѣ XVII вѣка и заключаетъ въ себѣ двадцать одну главу; изданіе 1882 года доводитъ обзоръ думы до времени Петра Великаго, когда боярская дума должна была уступить мѣсто созданному имъ сенату. и состоятъ уже изъ двадцати шести главъ, при чемъ самое распределеніе ихъ гораздо систематичнѣе, а обработка полнѣе и глубже: въ этомъ изданіи югу Россіи отведено, сравнительно, менѣе мѣста, а московская Русь—расширена. Но еще болѣе успѣха въ разработкѣ матеріала представляетъ изданіе 1902 года. Число главъ въ немъ то же, что въ изданіи 1882 года, но многое, въ особенности относительно Галицко-Волынскаго княжества и Новгорода, переработано на основаніи обнаруженныхъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ источниковъ и изслѣдованій. В. О. Ключевскій считаетъ самъ свой трудъ лишь «опытомъ», а не окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о столь сложномъ общественномъ элементѣ, каковымъ является въ древней Руси боярство и его «дума» съ русскимъ княземъ и затѣмъ «царемъ московскимъ и всея Руси». Въ изданіи 1902 года В. О. Ключевскій еще сдержаннѣе, такъ сказать, скромнѣе, отзывается о своемъ трудѣ: «Въ средѣ учрежденія,—говоритъ онъ въ началѣ введенія,—исторія котораго послужила предметомъ предлагаемаго *опыта*, изучающій встрѣчаетъ *много неяснаго, много неразрѣшенныхъ* пока вопросовъ; но и въ томъ, что доступно изученію, въ чемъ можно отдать полный историческій отчетъ, остается много любопытнаго, возбуждающаго живѣйшій научный интересъ. Этимъ, съ одной стороны, объясняются *недостатки предлагаемаго изслѣдованія*, съ другой—*оправдывается рѣшимость автора предпринять его, невзирая на встрѣчаемая изслѣдователемъ затрудненія*». На «Боярской думѣ», какъ въ постановкѣ вопроса, такъ и въ его раз-

работкѣ, всего болѣе отразилось вліяніе ученыхъ школы родового быта и славянофила И. Д. Бѣляева.

Въ введеніи къ изданію «Русской Мысли» В. О. Ключевскій заявляетъ, что историки русскаго права, главнымъ образомъ государственнаго, изучали очень основательно исторію нашихъ древнихъ учрежденій, въ особенности административныя учрежденія Московскаго государства; но вслѣдствіе такого изученія получило не полное освѣщеніе картины древне-русскаго управленія, только со стороны технической. «Механизмъ правительственныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ главнымъ управителемъ машины,—продолжаетъ далѣе Ключевскій,—были любимыми темами изысканій въ области нашей политической исторіи: понятія и нравы, характеръ, домашняя обстановка и даже генеалогія этого управителя подвергались тщательному разбору; машина, которой онъ правилъ, описывалась и въ вертикальномъ и въ горизонтальномъ разрѣзѣ; изображались и ея дѣйствія, особенно неправильныя, причемъ административныя недостатки и злоупотребленія XVI и XVII вѣковъ особенно поражали нашихъ изслѣдователей...» (стр. 2).

Въ такомъ техническомъ, такъ сказать, направленіи изученій историковъ русскаго права Ключевскій видитъ важныя научныя неудобства, потому что не затрагивается тотъ социальный, т. е. общественный матеріалъ, тѣ общественные классы, изъ которыхъ создавались, или, правильнѣе, которые создавали учрежденія, потому что,—говоритъ онъ,—«въ исторіи политическихъ учреждений *строительный матеріалъ* часто важнѣе самаго строя». Въ числѣ наименѣе обследованныхъ учреждений древней Руси Ключевскій считаетъ боярскую думу.

Изложенныя заявленія В. О. Ключевскаго не совсѣмъ точны. Изъ приведенныхъ выше замѣчаній можно усмотрѣть, что предшественники Василія Осиповича—ученые школы родового быта, а также и славянофилы—обращали большое вниманіе на *матеріалъ*, т. е. общественные классы, изъ которыхъ образовывались древне-русскія учрежденія. Семейно-родовой бытъ Кавелина и Соловьева уже носитъ въ себѣ зачатки изученія этого общественнаго матеріала. Вотчинная теорія перваго, какъ переходъ отъ семейно-родового быта къ государственному, теорія, въ особенности развитая Чичериннымъ, и «родовыя междукняжескія отношенія» Соловьева—развѣ это не ученая постановка изученія общественныхъ классовъ? Развѣ *князья* въ древней Руси, какъ на югѣ и юго-западѣ, такъ и на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, не составляли особаго общественнаго класса? А представители славянофильскаго ученія, въ особенности Бѣляевъ, какъ замѣчено было выше, обращали большое вниманіе на общественный матеріалъ, изъ котораго созидались государственныя учрежденія на Руси. Что касается спеціально боярскаго думы, то замѣтимъ, что незадолго до В. О. Ключевскаго изученіемъ этого

учрежденія былъ занятъ въ то время молодой профессоръ исторіи русскаго права въ казанскомъ университетѣ Н. П. Загоскинъ, издавшій въ Казани въ 1879 году свою книгу о боярской думѣ. Очень можетъ быть, что Ключевскому, когда онъ писалъ введенеіе къ своей монографіи въ 1880 году, не была извѣстна эта специальная монографія провинціального ученаго.

«Боярская дума древней Руси» является широкою кнѣзью написанной картиной *изъ исторіи* боярства, главнымъ образомъ сѣверо-восточной московской Руси, касаясь остальныхъ древнерусскихъ областей далеко не столь подробно. Южная Русь, въ особенности Кіевъ—служать какъ бы введеніемъ въ исторію боярства московской Руси. Боярскіе классы Новгородскаго и Псковскаго, а также и княжествъ Ростовскаго, Тверскаго и Рязанскаго обследованы не вполне. Все значеніе *боярскаго класса*, всю его многовѣковую эволюцію, съ X по XII вѣковъ включительно, Ключевскій обосновываетъ *экономическими началами*: на югѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ—торговцами, а въ сѣверо-восточной Руси, въ верхнемъ Поволжѣ и затѣмъ во всемъ Московскомъ государствѣ—*хозяйственно-земледѣльческими*. Остановимся подробнѣе на ученыхъ аргументаціяхъ В. О. Ключевскаго. Югъ Россіи, среднее Поднѣпровье съ его притоками, издавна заселился—*колонизировался* славянами, двинувшимися туда съ Карпатской горной возвышенности; эта колонизація произвела весьма важный *экономическій переворотъ* въ жизни русскаго юга, вызвавъ въ пришломъ славянскомъ населеніи оживленную *хозяйственную дѣятельность*, и затѣмъ измѣнила направленіе этой дѣятельности, указавъ ей новыя пути и промыслы—торговлю. Развитая богато виѣшняя торговля южной Руси еще задолго до X вѣка повела къ образованію тамъ крупныхъ торгово-промышленныхъ центровъ-городовъ, которые, при необходимости постоянной защиты отъ набѣга тюркскихъ племенъ, естественно дѣлались военными, защитными пунктами, поэтому южный князь являлся прежде всего *военнымъ сторожемъ* и долженъ былъ «думать думу» съ *градскими старцами*, представителями городского торгово-военнаго населенія; рядомъ съ ними онъ постоянно совѣщался съ своими *дружинниками-воинами* (старшая дружина—бояре). Градскіе старцы сначала сливались съ дружиной, а затѣмъ дружина переселила ихъ.

На сѣверо-востокѣ, въ плоскогорьѣ истоковъ Днѣпра, Западной Двины, Волги и южныхъ притоковъ озера Ильменя, мы встрѣчаемъ иную картину. Тамъ отхлынувшее съ юга славянское населеніе, начиная съ XIII вѣка, вынуждено было заняться земледѣліемъ, вслѣдствіе чего вся славяно-русская *колонизація* этой мѣстности и дальнѣйшее ея распространеніе на востокъ приняла характеръ *земледѣльческій*. Южный князь—военный сторожъ и подвижной вотчинъ всей земли русской—становится на сѣверѣ

(правильнѣе на сѣверо-востокѣ) *сельскимъ хозяиномъ, вотчинникомъ своего удѣла*. Здѣсь село, *деревня* преобладаютъ надъ *городомъ*. вмѣстѣ съ княземъ преобразуется въ этомъ же направленіи и его дружина, его боярство, а слѣдовательно и его *управленіе*, которое составляетъ *довольно точную копію* устройства *древне-русской боярской вотчины*. Во главѣ этого управленія становится боярская дума, являющаяся при сѣверо-восточномъ князѣ удѣльнаго времени совѣтомъ *главныхъ дворцовыхъ приказчиковъ* по особо важнымъ дѣламъ, а затѣмъ въ XV вѣкѣ преобразуется въ *дворцовый совѣтъ по недворцовымъ дѣламъ*.

Такова въ общихъ чертахъ схема первыхъ *семи главъ* «Боярской думы» по изданію 1882 года. VIII-я глава посвящена общественному строю Новгорода и Пскова, причемъ высказывается попытка представить новгородскій *совѣтъ господъ* также боярской думой, но не при князѣ, а при вѣчѣ.

Всѣ дальнѣйшія главы книги (IX—XXVI), т. е. *восемьдесятъ главъ*, посвящены изложенію распорядка московской боярской думы за XVI и XVII вѣка, ея правительственныхъ и политическихъ функций за это время и измѣненій въ составѣ боярскаго класса за эти два столѣтія. Въ такомъ отношеніи къ Московскому государству опять-таки нельзя не видѣть продолжателя воззрѣній С. М. Соловьева. Ключевскій внимательно слѣдитъ за этими измѣненіями, останавливаясь главнымъ образомъ на различіи боярства XVI вѣка отъ боярства XVII вѣка. Первое характеризуется наплывомъ, начиная съ XV вѣка, въ немногочисленное «изстаринное» московское удѣльное боярство удѣльныхъ князей сѣверо-восточной и западной Руси—Юриковичей и Гедиминовичей, «княжъ», по выраженію современниковъ. Это «княжъ» внесло въ Московское государство *свои* удѣльныя притязанія и проявило стремленіе на участіе въ правленіи Московскимъ государствомъ, которыя выразились въ боярской публицистической литературѣ XVI вѣка; но это участіе основывалось не на какомъ-нибудь писанномъ актѣ, а *на обычаѣ*, на традиціи (отсюда мѣстничество). Боярство начала XVII вѣка при прекращеніи на московскомъ царскомъ престолѣ династіи Ивана Калиты, заявляетъ политическія стремленія, основанныя на *договорѣ боярской думы съ государемъ*. Эти стремленія были результатомъ борьбы Іоанна Грознаго съ боярствомъ, опричнины и вліянія на бояръ сосѣдняго польскаго государства (эмиграція бояръ въ Польшу при Грозномъ). Боярство XVII вѣка при новой династіи Романовыхъ отличается уже инымъ составомъ. Послѣ преслѣдованія и казни Іоанна IV, эмиграціи бояръ въ его царствованіе и событій смутнаго времени, ряды прежняго боярства порѣдѣли; стало образовываться *новое боярство*, *выслуженное, жалованное*. Оно уже не имѣетъ такой силы и значенія, какое имѣло московское боярство XVI вѣка, и его мѣсто заступаетъ московское дворянство.

Ключевскій, указавъ на такія измѣненія въ составѣ московскаго боярства, излагаетъ тѣ вліянія, какія имѣли эти измѣненія на характеръ правительственнаго значенія думы, которая все болѣе и болѣе слабѣетъ къ исходу XVII вѣка. Анализируя всѣ эти измѣненія, Ключевскій касается весьма существенныхъ вопросовъ изъ классовой исторіи московскаго боярства.

Не всѣ изъ этихъ вопросовъ онъ разрѣшаетъ, нѣкоторые намѣчаетъ только, но и въ такой постановкѣ ихъ—большая съ его стороны заслуга. Какіе же эти вопросы?

1) Аристократическій составъ боярства и боярской думы въ XVI в. вслѣдствіе наплыва въ московское боярство удѣльнаго «князя»—и вслѣдствіе этого кажущееся общественное *противорѣчіе* въ управленіи Московскимъ государствомъ: необходимость сильнаго своей властью московскаго государя управлять посредствомъ *аристократической* администраціи. Ключевскій обращаетъ вниманіе на коренное различіе между аристократіей московско-боярской и западно-европейской. На Западѣ—аристократію составили *покорители*; въ Московскомъ государствѣ—*покоренные*—удѣльные князья, сошедшіеся въ Москву на службу, по лишеніи ихъ политическихъ правъ.

2) Определеніе первоначальнаго термина *самодержецъ*, въ смыслѣ не абсолютнаго самовластца-государя, а въ смыслѣ главы государства *независимаго* ни отъ какого другого «потентата». Боярскій аристократизмъ не противорѣчилъ московскому самодержавію, напротивъ, оно опиралось на него.

3) Московское боярство XVI вѣкѣ не проводило въ XVI вѣкѣ никакого плана государственнаго устройства, достаточно обеспеченнаго, въ смыслѣ своихъ притязаній, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ *состоянія народнаго хозяйства за это время*. Хозяйство же это опредѣлялось *непрочностью землевладѣнія* въ верхневолжской Руси. Земледѣльцы-крестьяне, густо засѣвшіе въ территоріи до Оки, не находили себѣ уже достаточно удобной для пашни земли и должны были искать таковой въ восточной окраинѣ Московскаго государства, въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ, во вновь приобрѣтенныхъ Москвою восточныхъ татарскихъ царствахъ и лежащихъ на югъ отъ Москвы степяхъ; вслѣдствіе этого земледѣльческое населеніе переходило и бѣжало изъ верхняго Поволжья, и *боярскія вотчины верхняго Поволжья оскудѣвали*, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ.

4) Боярская дума (не въ одной московской, а во всей древней Руси) являлась показателемъ *общественныхъ классовъ*, руководившихъ въ данное время народнымъ трудомъ.

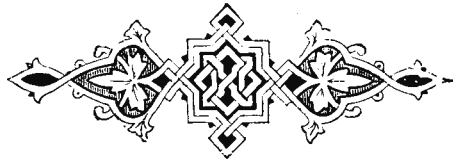
5) Боярство въ отношеніи землевладѣнія имѣло лишь одного соперника—въ лицѣ монастырей и архіерейскихъ каедръ.

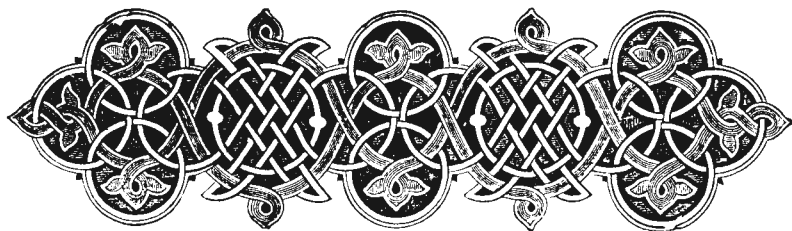
Въ моихъ замѣткахъ я желалъ указать на вліяніе русскихъ общественныхъ теченій исхода пятидесятихъ годовъ и начала шестидесятихъ годовъ, а также и ученыхъ воззрѣній въ русской исторической наукѣ тѣхъ же лѣтъ на начальныя работы В. О. Ключевскаго.

На этихъ работахъ особенно сильно отразились ученія воззрѣнія профессоровъ московскаго университета факультетовъ историко-филологическаго и юридическаго шестидесятихъ годовъ. Ихъ воззрѣнія явились для Ключевскаго прежде всего *точкой отправления* при его собственныхъ ученыхъ обоснованіяхъ, точно также какъ точки отправления для ученыхъ школы родового быта, въ свою очередь, послужили воззрѣнія Эверса, а для И. Д. Бѣляева—славянофильская схема К. С. Аксакова.

Такимъ образомъ, устанавливается *преемство* научныхъ теорій и проблемъ въ русской исторической наукѣ отъ ученыхъ воззрѣній двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XIX вѣка до исхода этого столѣтія. Но наука продолжаетъ развиваться далѣе, и общественно-экономическія обоснованія Ключевскаго, несомнѣнно, поведутъ и даже уже повели ученыхъ русскихъ историковъ къ новымъ обоснованіямъ и инымъ обобщеніямъ.

Д. Норсаковъ.

ИЗЪ КУРЬЕЗОВЪ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ.

СМАТРИВАЯ въ селѣ Ютановкѣ Воронежской губерніи архивъ церкви, въ которой я состою церковнымъ старостою, я наткнулся на старыя «обыскныя» книги конца XVIII и начала XIX вѣка, куда записывались брачашіеся этого прихода. Меня поразили текстъ присяги, которую долженъ быть подписывать *отецъ жениха* и поѣзжане (свидѣтели). Раньше я нигдѣ не встрѣчался съ этой оригинальной присягой, такъ какъ текстъ ея измѣненъ въ 1837 году.

Глава семейства (со стороны жениха) присягаетъ въ томъ, что сынъ его женится съ его позволенія, безъ принужденія и добровольно: «съ моего позволенія законно сочетается своимъ произволеніемъ, добрымъ и непринужденнымъ», что онъ вполне сознательно и съ полнымъ пониманіемъ серьезности совершаемаго приступаетъ къ таинству: «и имѣетъ на то мысль и усердное желаніе и непревратное намѣреніе и честно, но достойно тайны сія въ супружество съ нею совокупитися».

Ручаясь, что между женихомъ и невѣстой нѣтъ никакого родства, свойства или иного законнаго препятствія: «и сродства между оними духовнаго и плотскаго и присвоенія, до супружества не допускающаго, и иного никакого правильнаго препятствія супружество возбраняющаго не обрѣтается», отецъ жениха вновь подтверждаетъ, что съ его стороны не было оказано никакого давленія на вступающихъ въ бракъ: «и отъ меня оному сочетовающемуся ни еднаго къ тому съ оною персоною супружеству прину-

жденія никакимъ образомъ напередъ сего не производилось и нынѣ лѣтъ».

Въ заключеніе же писалась многозначительная фраза: *«Ежели хотя едино отъ вышереченнаго явится когда не истинно, повиненъ я истязанію церковному и политическому»*, т. е. иными словами, принимаю на себя отвѣтственность передъ судомъ, какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ.

Ближайшіе браки, — записанные, на примѣръ, въ 1802 году, — были заключены между 16-лѣтнимъ и 15-лѣтнею, что совершенно исключаетъ возможность сознательнаго отношенія къ совершаемому. Если же мы вспомнимъ, что эту присягу приносили крѣпостной за крѣпостныхъ же, то возникнетъ большое сомнѣніе въ томъ, было ли хотя *едино что вѣрно* во многихъ обыскахъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что подписующіеся почти сплошь были неграмотны и сами прочесть этой формулы не могли. Интересно, что отецъ (или замѣщающій отца) жениха ручался и за невѣсту, про которую вполне добросовѣстно онъ могъ многого и не знать.

Очевидно, что мы стоимъ передъ очень типичнымъ примѣромъ формальной отвѣтственности, которая требуетъ, чтобы былъ на всякій случай одинъ отвѣтчикъ, не заботясь, можетъ ли по существу онъ быть таковымъ.

Такая упрощенная отвѣтственность одного за многихъ, и притомъ не прямо, а косвенно заинтересованнаго лица, создана была, очевидно, на почвѣ безправія XVIII вѣка. Священникъ и самые брачующіеся оставались въ сторонѣ, и достоинство такого серьезнаго церковно-государственнаго установленія охранялось письменной клятвой третьяго лица, по всей вѣроятности, не понимавшаго въ достаточной мѣрѣ ея содержанія и въ громадномъ большинствѣ случаевъ не знавшаго законовъ, налагающихъ тѣ или иные запреты въ области брака.

Нельзя обойти молчаніемъ, что даже за вполне совершеннолѣтнихъ (жениху 23, а невѣстѣ 27 лѣтъ) ручается его отецъ, а не они сами.

Чрезвычайно любопытны также указы, которые въ XVIII вѣкѣ читались съ амвона всѣхъ церквей, какъ большихъ городовъ, такъ и степныхъ селеній, какова наша Ютановка. Чего только не сообщалось въ видѣ императорскаго указа для назиданія прихожанамъ-степнякамъ. Въ указахъ этихъ отражается и политическая, и военная, и придворная жизнь при Екатеринѣ II въ видѣ какихъ-то отрывочныхъ и безсвязныхъ отголосковъ.

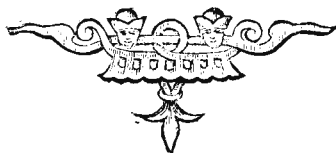
Отмѣчу два изъ нихъ: одинъ по несоотвѣтствію содержанія его съ прочтеніемъ въ сельской церкви, а другой по интересу, который можетъ представить параллель съ нашими днями.

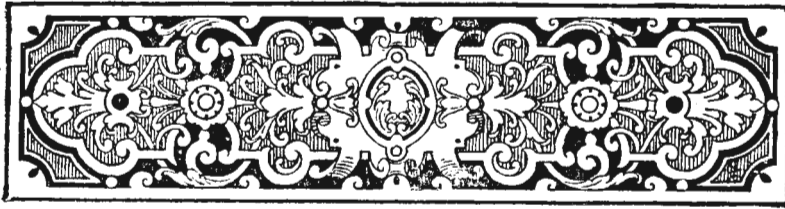
Первый—указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской о графѣ Бестужевѣ-Рюминѣ-сынѣ гласить: «чтобы отнынѣ не только онъ, графъ Андрей Бестужевъ-Рюминъ,—векселей не писалъ, но чтобы и никто ему ничего въ долгъ не давалъ, подь опасеніемъ потери даннаго...»

Второй—указъ губернаторамъ всѣхъ губерній о присылкѣ депутатовъ къ сочиненію уложенія, данный 14-го декабря 1766 г., заключаетъ въ себѣ интересный параграфъ о «выгодахъ депутатскихъ». Выгоды эти слѣдующія: освобожденіе отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія, конфискаціи имущества; наказаніе за нападеніе на него удваивается, а, чтобы можно было узнать депутата, то «носить имъ всѣмъ знаки одинакіе къ тому отъ насъ опредѣленные, которые во всю жизнь имъ останутся...»

Пожалуй, положеніе лучше нынѣшней «неприкосновенности» членовъ нашихъ законодательныхъ палатъ!

Е. Ковалевскій.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ¹⁾.

(Историческіе очерки).

V. Провокація и ея жертвы. Г. П. Судейкинъ и С. Д. Дегаевъ.

I.

В ТО время, какъ «священная дружина» черезъ посредство доктора Нивинскаго и Бороздина пыталась проникнуть въ нѣдра русской революціи и вступить съ представителями ея въ извѣстные намъ переговоры, въ это же время начальникъ охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ, жандарскій офицеръ Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ, съ своей стороны, также ставитъ главнѣйшею своею задачею проникновеніе въ ту же среду и устанавливаетъ въ дѣлѣ полицейскаго сыска новые пути и методы дѣйствій, создавшіе съ того времени въ исторіи нашихъ политическихъ теченій совершенно особую главу, первая страницы которой оказались окропленными его же собственною кровью, а одну изъ этихъ дальнѣйшихъ кошмарныхъ главъ намъ пришлось пережить въ текущіе дни, со смертию нашего предсѣдателя совѣта министровъ Петра Аркадьевича Столыпина.

Исторія русской провокаціи на всемъ ея историческомъ протяженіи еще не написана, для нея почти что нѣтъ матеріала, и только

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХХV, стр. 1048.

со временемъ, когда всё составныя ея данныя получаютъ надлежащее освѣщеніе, передъ нами развернутся, несомнѣнно, такія стороны нашего отечественнаго бытія, передъ которыми своею загадочностью, романичностью и эффектными неожиданными померкнуть всяческія «тайны» разныхъ «дворовъ», въ значительной степени ради бульварнаго интереса разукрашенныя фантазіями писателей. Долго и очень долго жизнь, работа и результаты этой работы охранныхъ нашихъ отдѣленій являлись запретнымъ плодомъ любопытства для обывателей и изслѣдователей отечественной исторической дѣйствительности. Но данныя намъ высочайшей волею «свободы» открыли наше право любопытства и любознательности, и понемногу загадочный запретный плодъ сталъ вырисовываться въ нѣкоторыхъ своихъ контурахъ и нѣкоторыми своими частичными углами изъ окружавшаго его таинственнаго мрака. И на общемъ контурѣ, и на этихъ углахъ мы увидали обильные слѣды крови, крови, отвѣтственность за которую мы прежде цѣлкомъ относили за счетъ одной лишь революціи. Теперь намъ стало казаться, что эту отвѣтственность до извѣстной степени мы можемъ подарить и дѣятелямъ тѣхъ охранныхъ отдѣленій, куда до сихъ поръ не проникалъ нашъ взоръ. Кровавая драма, разыгравшаяся 16-го декабря 1883 года въ квартирѣ С. Д. Дегаева, нынѣ достаточно подробно обслѣдованная, первая дала намъ основаніе къ раздѣленію этой отвѣтственности. Дальнѣйшія наши свѣдѣнія, на протяженіи слишкомъ 20 лѣтъ, затуманились по «независящимъ» отъ насъ обстоятельствамъ. Ужасная кончина В. К. Плеве, великаго князя Сергѣя Александровича, дѣятельность Азефа и прочихъ присныхъ ему, нѣкоторыя разоблаченія эмигранта Бурцева, думскіе запросы и, наконецъ, трагическій конецъ П. А. Столыпина снова привлекли общественное вниманіе къ знаменитымъ отдѣленіямъ, и снова изъ тумана загадочности и неизвѣстности передъ нами замелькали кровавыя пятна, запахло трупнымъ запахомъ. По высочайшему повелѣнію, нынѣ назначена ревизія кіевскаго охраннаго отдѣленія, и, быть можетъ, недалеко то время, когда мы узнаемъ нѣкоторыя удивительныя страницы изъ его жизни; быть можетъ, вслѣдъ за симъ познаемъ мы кое-что и относительно другихъ губернскихъ и столичныхъ родственныхъ учрежденій, и тогда полную исторію русской охраны можно будетъ представить въ доступныхъ частяхъ вниманію публики, а пока, соотвѣтственно общему ходу изложенія нашихъ очерковъ, мы представляемъ въ настоящей части прологъ или скорѣе первыя страницы изъ этой исторіи, куда заложены были многія сѣмена изъ того политическаго ужаса, который не покидаетъ насъ и понынѣ.

Георгій Порфирьевич Судейкинъ со второй половины семидесятыхъ годовъ по своей службѣ въ Кіевѣ сталъ въ близкія непосредственныя отношенія къ русской революціи и ея представителямъ, и на его глазахъ эта революція пережила всѣ фазы своей эволюціи отъ мирной народовольческой пропаганды къ кровавому террору. По дѣламъ обысковъ, допросовъ онъ, какъ умный человѣкъ, дѣятельный служака, интересовавшійся, повидному, ходомъ развитія нашей общественности, изучилъ хорошо тѣхъ, къ кому имѣлъ постоянное прикосновеніе, и психологія революціонера и революціонерки стали ему понятны, ясны, и на этомъ изученіи и пониманіи онъ построилъ очень остроумный и практическій планъ дѣйствій. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы привлечь самихъ революціонеровъ къ дѣлу сыска, создать правильный кадръ революціонеровъ-провокаторовъ и этимъ самымъ овладѣть всѣми нитями революціи и использовать ее съ наибольшою пользою для государства и для себя лично. Последнее необходимо имѣть въ виду, и этотъ элементъ личной заинтересованности мы постараемся въ дальнѣйшемъ освѣтить. А пока остановимся лишь на первой половинѣ намѣрсной, т. е. использованіи революціонеровъ въ интересахъ государственной полезности и безопасности. Судейкинъ прекрасно понималъ, что собственно въ отношеніи сущности русской революціи правительственная власть бродитъ въ потемкахъ, почему и успешная охота за смѣлыми и фанатизированными ея участниками не приводитъ ни къ какому рѣшительному и скорому концу и даетъ имъ возможность совершать цѣлый рядъ террористическихъ дѣяній подъ самымъ носомъ власти, у нея почти на глазахъ, какъ это имѣло, напримѣръ, мѣсто при взрывѣ Зимняго дворца и въ особенности при катастрофѣ въ день 1-го марта 1881 года. Судейкинъ созналъ что, идя формальными путями, т. е. черезъ посредство правительственныхъ агентовъ, часто нерасторопныхъ, небрежныхъ, недѣятельныхъ, по существу мало заинтересованныхъ, побѣда надъ революціонерами дастся не скоро, и вотъ онъ рѣшаетъ использовать ихъ самихъ на собственную имъ самимъ гибель. Какъ въ данномъ случаѣ дѣйствовать, онъ понималъ прекрасно, пуская въ большинствѣ случаевъ при своихъ переговорахъ на эту тему совершенно особые доводы убѣжденій, воздѣйствуя идейно, играя на струнахъ сердца и особаго рода внушеніи. Для характеристики этой его системы всего лучше ознакомиться съ воспоминаніями г-жи О—й «Нераскрытое дѣло (изъ воспоминаній о Судейкинѣ)»¹⁾.

Когда эта дѣятельница революціи была арестована въ началѣ 1882 года въ Москвѣ, она въ одинъ изъ допросовъ предстала передъ Судейкинымъ, и вотъ что она по сему предмету повѣствуетъ:

¹⁾ «Наша Страна» № 1. Историческій сборникъ.

«Истор. вѣстн.», октябрь 1911 г., т. сxxvi.

«О Судейкинѣ я слышала, еще живя въ Кіевѣ, знала, что онъ переведенъ въ Петербургъ за свои заслуги, что въ его рукахъ все вѣдомство, и мнѣ интересно было видѣть близко «знаменитаго» Судейкина.

«Нѣсколько минутъ мы, вмѣсто допроса, проболтали, какъ «земляки» и какъ бывшіе жители Кіева—паспортъ мой былъ весь искромсанъ «явками» кіевскихъ полицейскихъ частей за нѣсколько лѣтъ съ той поры, какъ онъ былъ мнѣ выданъ на отдѣльное жительство отъ матери. Мы говорили о вещахъ, совершенно не относящихся къ дѣлу, какъ будто мы были самые обыкновенные обыватели, а не жандармъ и арестантка, и находились гдѣ-либо въ обывательской гостиной, а не въ кабинетѣ начальника сыщиковъ.

«Черезъ нѣсколько минутъ Судейкинъ какъ будто спохватился и подалъ мнѣ листъ для допроса, съ напечатанными вопросами имени, званія, вѣроисповѣданія и т. д.

«— Приятно бываетъ побесѣдовать минутку по-человѣчески, почувствовать себя на время не жандармомъ,—сказала Судейкинъ.

«Я не удивилась этому признанію, потому что знала раньше, что Судейкинъ любилъ «побесѣдовать» съ молодежью «по душѣ», что у него есть свои особые приемы по отношенію къ попавшимъ въ его руки юнцамъ обоего пола.

«Когда я кончила писать отвѣты на печатные вопросы, Судейкинъ приступилъ къ допросу. Спросилъ меня о П. Я отвѣтила, что онъ мой женихъ, и сплела какую-то небылицу. Затѣмъ онъ спросилъ, принадлежу ли я къ партіи «народной воли»?

«Я отвѣтила отрицательно, сказала, что мои политическія убѣжденія еще не опредѣлились для меня настолько, чтобы я могла считать себя принадлежащей къ какой-либо партіи.

«— Ну, вотъ, ну, вотъ, это все та же извѣстная мнѣ исторія,—сказала грустнымъ тономъ Судейкинъ.—Убѣжденія не опредѣлились, не выработались, а работать для блага родины хочется, тянетъ служеніе родинѣ, идеѣ... И берется юное существо за какое-нибудь революціонное дѣло и... гибнетъ. Да еще за террористическое дѣло. Вонъ какъ Рысаковъ, напримѣръ. И сколько это гибнетъ молодыхъ силъ безъ всякой пользы для родины!.. А какую бы пользу принесли эти молодыя силы родинѣ, если бы онѣ не торопились, если бы выработали раньше свои убѣжденія и пошли по вѣрной дорогѣ.

«Онъ говорилъ какъ будто искренно, въ голосѣ его звучали грустныя ноты, когда онъ говорилъ о бесплодной гибели славной русской молодежи, и онъ скорбѣлъ объ этой гибели. Я смотрѣла на него съ любопытствомъ. Я знала, что это его обыкновенная пѣсня, обыкновенныя рѣчи съ молодежью. Обыкновенно онъ говорилъ о террорѣ, объ убійствахъ, объ ужасномъ изуродованіи облигата сѣрной кислотой Гориновича и въ доказательство звѣрствъ, чини-

мыхъ террористами, показывалъ слушателямъ фотографическую карточку изуродованнаго. Карточка эта, какъ говорили, была дѣйствительно ужасна, производила сильное впечатлѣніе, со многими слабонервными дѣлалась истерика.

«Зная это, Судейкинъ неожиданно подкладывалъ ее передъ глазами слушателя. Я ожидала, что онъ мнѣ покажетъ эту карточку и заранѣе приготовилась ее смотрѣть. Но онъ не пытался показать мнѣ ужасную фотографію, а разсказалъ объ одномъ, незадолго передъ тѣмъ будто бы происшедшемъ случаѣ, въ которомъ онъ проявилъ свое гуманное отношеніе къ молодежи.

«— Собрались, видите ли, читать нелегальщину цѣлой компаніей,—разсказывалъ Судейкинъ.—Это вѣдь ребячество, чисто подѣтски. Конечно, можно и хочется читать *запрещенное*, но пускай бы они собирались небольшими группами, по три, по четыре человѣка, но они непременно цѣлой сходкой, человѣкъ четырнадцать. Мнѣ донесли, и я, хоть и смотрю на подобныя вещи, какъ на ребячество, все-таки долженъ былъ арестовать всю сходку. Захватили съ полничнымъ. Брошюрки запрещенныя, послѣдній номеръ «Народной Воли». И все это молодежь зеленая, 18—20 лѣтъ, почти все изъ кіевской организаціи. Вы, вѣроятно, знаете многихъ изъ нихъ.

«Я насторожилась. Это было уже выпытываніе. Я попросила назвать мнѣ фамиліи. Судейкинъ досталъ изъ стола записную книжку и началъ читать имена и фамиліи. Всѣ записанныя фамиліи, кромѣ одной, мнѣ не были извѣстны. Одна была извѣстна, это имя одной дѣвушки, слушательницы акушерскихъ курсовъ Юшковой ¹⁾, съ которой я познакомилась въ Малороссіи случайно. Сказавъ, что мнѣ неизвѣстны эти фамиліи, я спросила, что онъ сдѣлалъ съ арестованными?

«— Обошелся съ ними, какъ съ дѣтьми,—сказалъ Судейкинъ.—Продержалъ ихъ въ одиночкахъ три дня,—кажется три, онъ сказалъ,—потомъ прочелъ нотацію и отпустилъ по домамъ. Я не сторонникъ ссылокъ и всякихъ каръ по отношенію къ молодежи. Террористы—это дѣло другое, а это вѣдь дѣти. Я бы и не арестовалъ ихъ, если бы мнѣ мои агенты донесли, а то донесли добровольцы, лигисты. Лига добровольцевъ—и я долженъ былъ арестовать. Лига—это язва для всѣхъ, и для васъ, и для насъ. Для острастки этой компаніи я посадилъ къ главарямъ кружка городского,—сказалъ Судейкинъ.—Поселилъ его въ компатѣ рядомъ съ Юшковой.

«Это былъ тоже своего рода маневръ Судейкина. Городового поселали по сосѣдству съ какой-нибудь квартирой или ставили у воротъ дома не для острастки, а для отвода глазъ, чтобы отвлечь вниманіе недалъновидныхъ людей, за которыми, кромѣ городского, по большей части глуповатаго, безобиднѣйшаго Держиморды, слѣдили настоящіе мастера, шпіоны.

¹⁾ Осуждена по процессу 17-ти.

«— Я не сторонник жестокостей вообще, а особенно по отношению къ юношеству,—повторилъ Судейкинъ.—Молодежь щадить, беречь надо, въ ней будущее Россіи.

«Я не выдержала и вспомнила о юношахъ Розовскомъ и Лозинскомъ, казненныхъ при его содѣйствіи въ Кіевѣ (5-го марта 1880 г.).

«— Ну-у, въ этомъ виновать не я,—сказалъ Судейкинъ.— Я самъ перестрадалъ эту казнь. Это Чертковъ—бывшій генераль-губернаторъ кіевскій. Это грубый, жестокій солдафонъ, ему ничего не стоило подписать какой угодно приговоръ. Я вѣдь не имѣлъ тогда никакого вліянія.

«Мнѣ показалось, что онъ говоритъ это искренно.

«Ушла я съ этого допроса, или скорѣе интересной бесѣды, успокоенная тѣмъ, что, судя по вопросамъ, какіе мнѣ предлагались, и по поведенію Судейкина, обо мнѣ ему ничего не было извѣстно и что, какъ можно было предполагать, въ Москвѣ, кромѣ насъ съ П., арестовъ больше не было.

«Черезъ день или два меня опять вызвали къ Судейкину. Я думала, что меня вызываютъ для свиданія съ П., что мнѣ было обѣщано, но оказалось, что Судейкинъ «забылъ» сдѣлать мнѣ нѣкоторые вопросы. Вопросы были пустячные, о моихъ родныхъ, и мнѣ показалось, что не для этого я была вызвана, а для предъявленія какому-нибудь агенту, спрятанному въ какомъ-нибудь изъ странныхъ шкаповъ съ завѣшенными стеклами. Это предположеніе показалось мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Судейкинъ, сидѣвшій при первомъ свиданіи противъ меня, на этотъ разъ подвинулъ свое кресло ближе къ стѣнѣ, очевидно, для того, чтобы не заслонять меня отъ свѣта и отъ наблюдателя.

«Послѣ того, какъ я записала свои отвѣты на его вопросы, мы снова начали бесѣдовать. Бесѣдовали опять «по душѣ», о политикѣ, о партіи «народной воли», ошибкахъ партіи, террорѣ, о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, о желательномъ будущемъ, о спасеніи Россіи отъ самодержавія и ужасовъ революціи. Онъ самъ былъ конституціоналистъ и скорбѣлъ о томъ, что террористы помѣшали осуществленію великаго дѣла...

«Говорилъ Судейкинъ хорошо, убѣдительно, и, не зная я настоящей цѣли его подобныхъ бесѣдъ, я могла бы повѣрить въ его искренность. Притомъ онъ, очевидно, не зналъ, что публикѣ извѣстны его приемы воздѣйствія на молодежь, не подозрѣвалъ, что это можетъ быть извѣстно и мнѣ, «простушкѣ-провинціалкѣ».

«Затѣмъ онъ сказалъ, что ищетъ себѣ сотрудниковъ, особенно среди чуткой молодежи, и предложилъ мнѣ стать въ ряды его сотрудниковъ.

«Я, конечно, возмутилась этимъ предложеніемъ и указала ему на то, что онъ противорѣчитъ самому себѣ, предлагая «честной», «чуткой» молодежи позорное, жестокое дѣло шпіонства.

«— Ахъ нѣтъ, вовсе нѣтъ!—сказала Судейкинъ.—Вовсе не шпіонства, зачѣмъ такъ понимать?.. Шпіоновъ, сыщиковъ мнѣ не надо, у меня ихъ сколько угодно, за любую плату. Мнѣ нужны идейные люди изъ среды именно честной молодежи, которая теперь становится въ ряды революціи, гибнетъ бесполезно для блага родины. Нужны мнѣ эти люди не для сыска—сыскъ это дѣло наемныхъ шпіоновъ,—а для пропаганды антиреволюціонной въ рядахъ молодежи и для противодѣйствія террористическимъ замысламъ.

«Я спросила, въ чемъ должно состоять это противодѣйствіе.

«— Указывать намъ на приготовленія террористовъ, чтобы мы имѣли возможность не допустить совершенія террористическихъ актовъ.

«— Значитъ, то же выслѣживаніе и доносъ?

«— Нѣтъ, Боже мой, зачѣмъ такъ понимать!—сказала Судейкинъ.—Не доносъ, не сыскъ, а предупрежденіе убійства. Представьте вы себѣ, что вы сидите у себя въ комнатѣ и видите, что къ сосѣду лѣзутъ въ окно разбойники. Естественно, что вы броситесь къ нему на помощь, а если не будете въ силахъ, то закричите карауль, позовете полицію. Развѣ это будетъ доносъ?.. А террористы, вѣдь они также совершаютъ убійство. И не только простое убійство—они тормозятъ дѣло свободы. Въ подобныхъ случаяхъ и прослѣдить не позорно. Вѣдь слѣдятъ же революціонеры за правительственными агентами, и никто изъ нихъ не считаетъ подобное шпіонство позорнымъ. Цѣль оправдываетъ средство.

«— При томъ замѣтьте—это вовсе не повлечетъ за собой гибели людей. Намъ нужны не люди, готовящіеся совершить террористическій актъ. Мы же знаемъ, что это люди не разбойники, а фанатики идеи,—Судейкинъ подчеркнулъ эти слова:—идеи ложной, вредной,—намъ нужно само ихъ предпріятіе. Т. е., напимѣрь, если вы узнаете или, что еще лучше, примете участіе въ подготовленіи какого-нибудь подкопа, что ли, дайте намъ знать, что такой-то подкопъ дѣлается. Мы, конечно, будемъ слѣдить и дадимъ возможность окончить подкопъ, но не допустимъ совершить преступленіе. Цѣль наша такова: террористы истратятъ на свое предпріятіе деньги, денегъ надо не мало и достаются онѣ трудно; истратятъ энергію—энергіи тоже убивается много, и въ то время, когда они будутъ увѣрены, что предпріятіе ихъ окончится успѣшно, мы помѣшаемъ имъ. При этомъ мы даже не будемъ забирать людей, дадимъ имъ возможность уйти. Даже пусть себѣ они скрываются за границу.

«Этотъ планъ его противодѣйствія террору былъ остроуменъ черезъ мѣру, комедія была уже сшита, что называется, бѣлыми нитками, и я хотѣла было уже сказать ему прямо, что я хорошо, очень хорошо понимаю его, хотѣла оборвать его, потому что меня начинали уже томить его рѣчи, но въ это время у меня мелькнула особая мысль. Мнѣ пришло въ голову, что можно было бы воспользоваться

его предложеніемъ «сотрудничанія» и сыграть съ нимъ другого рода комедію, спасти Россію отъ него самого.

«Мысль эта пришла мнѣ такъ внезапно, что я невольно задумалась. Судейкину, вѣроятно, казалось, что меня поразила его идея, и онъ спросилъ, какъ я нахожу предлагаемый планъ. Я, конечно, отвѣтила, что нахожу его очень остроумнымъ, и просила дать мнѣ время обдумать его предложеніе. При этомъ я спросила: дѣйствительно ли онъ не будетъ арестовывать людей, готовящихъ покушеніе?»

«— Даю вамъ въ этомъ мое слово. Честное слово!»

«Это было надежное ручательство! Честное слово Судейкина! Можно было вполне положиться!»

II.

Дальнѣйшія воспомнанія О—й очень характерно обрисовываютъ внутренній міръ революціоннаго дѣятеля, ставшаго передъ лицомъ такого рода предложенія, а потому въ интересахъ полноты нашей революціонной хроники приведемъ ихъ полностью, какъ любопытную автобіографію, съ одной стороны, и съ другой, какъ извѣстный матеріалъ, служащій для обрисовки настроеній обѣихъ борющихся сторонъ. Возвратившись въ свою камеру послѣ разговора съ Судейкинымъ и его приведеннаго выше предложенія, заключенная стала обдумывать блеснувшую у нея мысль.

«Мысль была хорошая, много людей ломали надъ нею голову, — повѣствуетъ она. — Убить Судейкина—это было такое дѣло, которое признавали нужнымъ даже не террористы. Прежде всего это былъ актъ мести за тѣ жертвы, ту массу жертвъ изъ среды той же «чуткой» и «честной», по выраженію Судейкина, молодежи, которая погублена при его содѣйствіи, которая томилась въ ссылкѣ, на каторгѣ, въ казематахъ, погибла и, наконецъ, какъ Лозинскій и Розовскій, умерла на висѣлицѣ, погибла за пустяки, за распространеніе нелегальныхъ листковъ. Эта месть прямо была необходимою для измученныхъ жестокостями людей. Мучительно было думать, что живетъ и благоденствуетъ Судейкинъ въ то время, когда томятся въ неволѣ жертвы его. Судейкинъ, насколько я могла понять его въ эти двѣ встрѣчи, не былъ «геніаленъ» и, быть можетъ, не отличался даже особеннымъ умомъ—во всякомъ случаѣ былъ не таковъ, какъ о немъ говорили, какимъ я представляла его себѣ, судя по разсказамъ, но все-таки онъ былъ изобрѣтателемъ, практикъ въ дѣлѣ сыска и представлялъ собою, во всякомъ случаѣ, силу недожинную.

«Такъ я думала, и мысль объ убійствѣ захватила меня всю, разогнала тоску моего заключенія въ мрачной, сырой трехстѣнной конурѣ, и самая эта конура показалась мнѣ другою, и у меня какъ будто удесятерилась энергія. Было только одно обстоятельство,

одна небольшая занятая въ этомъ дѣлѣ, а именно, кто выполнить его, кто совершить убійство? Мнѣ страшна была мысль объ убійствѣ, я не могла видѣть ранъ, крови, отъ одного вида чьего-нибудь порѣзаннаго пальца у меня темнѣло въ глазахъ. Можно было, пожалуй, принудить себя, заставить, призвать на помощь тѣни погубленныхъ имъ людей и ради этихъ погибшихъ и гибнущихъ, ради ихъ страданій заставить себя убить мучителя,—но какъ? Какимъ оружіемъ? Книжаломъ? Ножомъ? Противно!.. Почти невозможно. Притомъ онъ возмужалый человѣкъ, ловкій, очевидно, сильный, богатырь въ сравненіи со мной, дѣвчонкой. Револьверомъ? Не такъ противно, но такъ же трудно. Онъ, навѣрное, носитъ кольчугу. Нужно цѣпить въ голову, шею. Для этого нуженъ удобный моментъ, надо, чтобы не дрогнула рука. Моментъ можетъ не выдаться, такъ какъ Судейкинъ, конечно, будетъ при свиданіяхъ остороженъ, а рука дрогнетъ, навѣрное. Вѣдь это убійство, а не что-нибудь другое.

«Мнѣ припомнилось ужасное кровавое дѣло несчастнаго Поликарпова ¹⁾. Припомнились мнѣ разсужденія объ убійствѣ людей, которые назывались террористами и которые съ болью и отвращеніемъ говорили о пролитіи крови, пришло въ память приготовленіе къ убійству шпіона нѣсколькихъ юношей въ Кіевѣ, какъ они взвѣсывали себя передъ совершеніемъ органически противнаго имъ кроваваго дѣла и какъ были довольны, когда оно не удалось, когда шпіонъ не явился къ нимъ на свиданіе. Я хорошо знала одного изъ этихъ юношей; онъ пришелъ ко мнѣ на другой день послѣ своей неудачи, блѣдный, нервный, измученный, какъ будто переболѣлъ чѣмъ-то.

«— Скверное все-таки дѣло убивать,—говорилъ онъ усталымъ голосомъ.—Скверныя минуты переживаешь! Это, можетъ быть, сантиментальность, но... Но вѣдь все-таки это убійство!..

«Я не называла сантиментальностью то, что мнѣ было противно убійство. Это было нормальное чувство нормальнаго, здороваго человѣка. Нужно было быть или психически ненормальнымъ отъ природы, или быть поставленнымъ въ особое положеніе, вынужденнымъ на подобное дѣло, быть въ ненормальномъ психическомъ состояніи.

«Я, отчасти, находилась въ подобномъ психическомъ состояніи и безусловно въ ненормальномъ исключительномъ положеніи.

«Мнѣ хотѣлось умереть. Я была отъ природы вполне нормальнымъ, здоровымъ и здравымъ существомъ, была жизнерадостною, живою, любила жизнь, людей, свѣтъ Божій, но все-таки я хотѣла умереть, очень часто у меня являлось страстное, томительное же-

¹⁾ Поликарповъ покушался въ Кіевѣ въ 1880 году на жизнь проникшаго въ одинъ кружокъ агента полиціи Забрамскаго. Покушеніе окончилось неудачею, а самъ Поликарповъ застрѣлился.

лапіе смерти, желаніе уйти изъ этого дорогого для меня свѣта Божьяго, который застилался для меня густымъ душнымъ туманомъ, въ которомъ мнѣ было такъ тяжело. Несмотря на мои 18 лѣтъ въ то время, я такъ много пережила тяжелаго, много видѣла человѣческихъ страданій, и личная жизнь моя съ самаго ранняго дѣтства очень тяжела. Я родилась въ семьѣ, гдѣ господствовалъ дикій произволь главы семьи, жестокаго, дикаго тирана, который былъ тираномъ не только въ семьѣ, но и въ цѣлой округѣ. Отца моего во всей округѣ звали звѣремъ, людодомъ». Онъ воображалъ себя какимъ-то Чингизъ-Ханомъ, держалъ въ рукахъ и въ страхѣ окружающее его населеніе, сѣрое, забитое, нищее крестьянство,—мы жили въ глухомъ уголкѣ Вѣлоруссін, потомъ въ Смоленской губерніи,—творилъ такія дѣла, за которыя ему слѣдовало бы сгнить на каторгѣ, но которыя сходили ему съ рукъ, благодаря покровительству мѣстныхъ властей, ихъ продажности. Отецъ мой былъ продуктъ «существовавшего режима», «существовавшего порядка», а я, оставляя въ сторонѣ другихъ жертвъ моего родителя и порядка, видѣвшая окружавшіе меня ужасы и вынесшая на себѣ ужасы, была жертвою «существовавшего порядка» и вступила въ посильную борьбу съ этимъ «порядкомъ» не въ силу увлеченія «зловредными идеями», не начитавшись какихъ-либо запретныхъ листовъ, много раньше, нежели я получила понятіе о какихъ-либо листовкахъ, совершенно сознательно, въ полномъ убѣжденіи, что «существующій порядокъ» невозможенъ для нормальной человѣческой жизни, что въ немъ все зло окружающей жизни. Вступила я въ жизнь и въ борьбу съ существующимъ порядкомъ рано и съ измученною, потрясенною душою, съ вѣчно болящею раною отъ лично пережитой трагедіи, во время этой посильной моей, повторяю, борьбы, посильной работы въ революціи приходилось непрерывно переживать много тяжелаго, и я, несмотря на мою по природѣ здоровую натуру, хотѣла умереть. Мнѣ однажды приходила мысль о самоубійствѣ, но самоубійство было мнѣ такъ-же противно, какъ и убійство. Убивать себя было противно, дико, но если бы смерть пришла ко мнѣ сама,—я обрадовалась бы ей, какъ избавительницѣ отъ тяготъ и страданій, которыя переживала.

«Затѣмъ было еще одно обстоятельство, вслѣдствіе котораго мнѣ хотѣлось умереть. Я, выражаясь общепринятымъ языкомъ, «готовилась сдѣлаться матерью», и это обстоятельство, при другихъ, нормальныхъ условіяхъ возбуждающее желаніе жить, меня побуждало еще больше желать смерти.

«Судьба столкнула меня съ человѣкомъ, такимъ же одинокимъ, какъ была и я, и такъ же много пережившимъ. Это былъ товарищъ по революціонной работѣ, кроткій, мягкій человѣкъ, идейный, симпатичный, «нелегальный» при томъ, надъ головою котораго висѣли всѣ грозы и кары «существовавшего порядка». Общая симпатія

сблизила насъ, молодость, жизнь взяла свое. Такъ хотѣлось минутку отдохнуть отъ пережитыхъ страданій, взять минутку личнаго счастья передъ грядущимъ грознымъ и темнымъ будущимъ, которымъ грозилъ намъ «существующій порядокъ» за наше дерзновенное противъ него выступленіе. Минутка отдыха отъ страданій, личнаго счастья принесла мнѣ, какъ женщинѣ, новое страданіе, ожидаемое материнство не было для меня счастьемъ—оно было новою мукою. Сдѣлавшись матерью, мнѣ предстояло или бросить революціонную работу и отдаться всецѣло ребенку, или продолжать участвовать въ революціонной работѣ и подвергнуть дитя всему, могущимъ быть тяжелыми для него, послѣдствіямъ.

«Первое сдѣлать, т. е. бросить революціонную работу, я не могла, совершенно не могла. Я не могла жить обыкновенною обывательскою жизнью, слишкомъ возмущена была моя душа, слишкомъ отравлена, если можно такъ выразиться, была она ядомъ страданій и ненависти къ существующему порядку, презрѣній къ людямъ, поддерживающимъ этотъ порядокъ тѣмъ, что съ тупою покорностью выносятъ его. И слишкомъ больны были пережитыя страданія и оскорбленія.

«Принимать участіе въ революціонной работѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ, помимо того, что это было неудобно, мнѣ было страшно. Страшно за ребенка. Я во всякое время могла быть арестована. И, смотря по тому, каковы были бы улики противъ меня въ моей попыткѣ къ «ниспроверженію существующаго порядка», меня могли судить, лишитъ «правъ», жалкихъ правъ, при которыхъ нельзя было существовать здоровому духовно челоуѣку, но при паличности которыхъ все же мать имѣла право быть матерью своего ребенка, воспитывать его. Лишивъ правъ, у меня могли отнять мое дитя. Могли отнять дитя, отдать его въ пріютъ какой-либо, ему предстояло вынести все мученія сиротства, одиночества, потомъ пужды, униженій, его могли изъ пріюта выбросить на улицу, оно могло сдѣлаться воромъ, его могли сдѣлать сыщикомъ.

«При одной мысли о подобномъ будущемъ, возможномъ будущемъ моего ребенка меня охватывалъ ужасъ, и я горячо желала умереть. Умереть до рожденія дитяти, умереть вмѣстѣ съ нимъ.

«При мысли объ убійствѣ Судейкина мнѣ ясно приходила мысль о собственной смерти, и я находила, что это будетъ хорошо. Я убью—это противно, но это скоро окончится, такъ какъ я умру. Я знала, что беременныхъ не казнятъ до родовъ, но я надѣялась достать дипломатный снарядъ. Въ этомъ случаѣ все дѣло было бы легко и просто. Я убью Судейкина и себя вмѣстѣ, умру въ тотъ же моментъ, не увидѣвъ крови, не испытавъ мученій послѣ убійства. На этой мысли я остановилась».

Мы не послѣдуемъ далѣе за авторомъ воспоминаній, отмѣтимъ лишь, что изъ ея плана убійства Судейкина, прикинувшись его

агентомъ, ничего не вышло, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ради мнимой агентуры ей не пришлось никѣмъ пожертвовать изъ товарищей и рядомъ съ этимъ не стать жертвою мести со стороны самого Судейкина, несомнѣнно, догадавагося впоследствіи, что завербованный агентъ его морочить и питаетъ въ отношеніи его особыя намѣренія. Тутъ у обоихъ, что называется, сорвалось, но чего нельзя скрыть—это то, что въ своихъ любопытныхъ отношеніяхъ къ арестованной, потомъ имъ освобожденной и обращенной въ своего агента, Судейкинъ не сумѣлъ скрыть своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Жажда власти, почета, вліянія явно сказывалась въ его бесѣдахъ «по душѣ», и эти бесѣды, несомнѣнно, были искренни, такъ какъ подтвержденіе этимъ его чувствамъ мы встрѣчаемъ и въ показаніяхъ другихъ участниковъ во всѣхъ перипетіяхъ того времени. Особенно важно въ данномъ случаѣ показаніе Л. А. Тихомирова, посвятившаго Судейкину послѣ его убійства Дегаевымъ и К^о особую статью въ «Вѣстникѣ Народной Воли», гдѣ далъ его обстоятельную, хотя и съ партійной окраской, характеристику и гдѣ первый изъ нашихъ писателей отмѣтилъ значеніе провокаціонной системы.

III.

Нынѣшній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», тогда вліятельный революціонеръ-эмигрантъ и членъ исполнительнаго комитета партіи «народной воли», писалъ ¹⁾: «Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ былъ типичнымъ порожденіемъ и представителемъ политическаго и общественнаго разврата. Это не былъ какой-нибудь убѣжденный фанатикъ реакціонной идеи, съ ожесточеніемъ преслѣдующій ея враговъ. Въ Судейкинѣ, напротивъ, вовсе не замѣчалось никакого ожесточенія противъ революціонеровъ. Онъ былъ просто глубокой эгоистъ, не стѣсняемый въ своихъ стремленіяхъ къ карьерѣ ни убѣжденіями, ни какими бы то ни было соображеніями гуманности. Убѣжденій онъ не имѣлъ, и къ человѣческому страданію, счастью или несчастью относился съ полнымъ безразличіемъ. Онъ не былъ положительно золъ, видъ страданія не доставлялъ ему удовольствія, но онъ съ безусловно легкимъ сердцемъ могъ жертвовать чужимъ счастьемъ, чужой жизнью—для малѣйшей собственной выгоды или удобства. Его безразличіе въ этомъ отношеніи заходило такъ далеко, что иногда становилось въ противорѣчіе даже съ простымъ благородіемъ практическаго дѣльца и возбуждало неудовольствіе собственныхъ друзей Судейкина. «Нѣтъ, такъ нельзя,—разсуждалъ однажды Скандраковъ (ближайшій другъ и повѣренный Судей-

¹⁾ Мы приводимъ настоящую выдержку съ выпускомъ тѣхъ словъ и мѣстъ, которыя неудобны въ настоящее время для печати и которыя могли срываться только изъ-подъ революціоннаго пера.

кина), — такъ нельзя, это уже неблагородно: высосать все изъ чело-
вѣка и потомъ бросить его, какъ собаку, безъ всякихъ средствъ». Рѣчь шла, собственно, объ одномъ шпионѣ, бывшемъ радикалѣ П. Этотъ жалкій человѣкъ, сдѣлавшись шпиономъ, выдавалъ очень быстро всѣхъ, кого только зналъ, и возбудилъ противъ себя подозрѣнія революціонеровъ. Выдавать было больше некого, некая новыхъ жертвъ — опасно, вслѣдствіе уже возникающихъ подозрѣній... Такимъ образомъ, П. сдѣлался бесполезнымъ, и Судейкинъ забросилъ его, какъ выжитый лимонъ. Этимъ-то и возмущался Скандраковъ. Читатели не должны особенно увлекаться «благородствомъ» самого Скандракова... «Благородство» Скандракова состояло собственно въ томъ, что онъ старался вновь достать П. «заработокъ». Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдохшагося шпиона перевести въ «нелегальность» и, возбудивъ такимъ образомъ новос доврѣіе къ нему среди революціонеровъ, доставить ему возможность опять сдѣлаться «полезнымъ». Судейкинъ не имѣлъ такой сантиментальности и затѣвалъ планъ совершенно иного рода. Дѣло въ томъ, что Дегаеву нужно было чѣмъ-нибудь зарекомендовать себя въ революціонномъ мірѣ, и Судейкину пришла счастливая идея — извлечь изъ П. послѣднюю выгоду. Онъ предложилъ Дегаеву прослѣдить П., доказать передъ революціонерами его измѣну и убить его. Такимъ образомъ, всякія подозрѣнія революціонеровъ противъ самого Дегаева должны были исчезнуть. «Конечно, — замѣчалъ Судейкинъ: — жалко его. Да что станете дѣлать? Вѣдь нужно же вамъ чѣмъ-нибудь аккредитовать себя; а изъ П. все равно никакой пользы нѣтъ». Такихъ примѣровъ мы могли бы привести нѣсколько. Тому же Дегаеву Судейкинъ предлагалъ убить еще шпиона Шкрябу ¹⁾ (въ Харьковѣ). «Вотъ, если угодно, можете его уничтожить, коли понадобится» и т. д. Но гораздо характернѣе то, что Судейкинъ и къ самому правительству относился нѣсколько не лучше. Какъ ни пріучила насъ официальная Россія къ зрѣлищу политическаго индифферентизма и предательства, дѣянія Судейкина все-таки невольно поражаютъ, даже человѣка, хорошо знакомаго съ изнанкой государственнаго строя и настоящей подкладкой реакціонныхъ гражданскихъ доблестей. Мы остановимся нѣсколько на этой сторонѣ біографіи Судейкина, любопытной особенно потому, что она рисуется яркими красками самый строй, которому онъ служилъ, или, правильнѣе сказать, который самъ служитъ привольнымъ пастбищемъ для ненасытныхъ аппетитовъ этихъ искателей пирога и заключеній.

«Нужно замѣтить, что отношенія выскочки-сыщика къ верхнимъ правительственнымъ сферамъ вообще не отличались осо-

¹⁾ Этотъ Шкряба, впрочемъ, пережилъ Судейкина, и уже послѣ него былъ дѣйствительно убитъ революціонерами.

бешнымъ дружелюбіемъ. Онъ и пугалъ ихъ и внушалъ имъ отвращеніе. Судейкинъ—плебей; онъ происхожденія дворянскаго, но изъ семьи бѣдной, совершенно захудалой. Образованіе получилъ самое скудное, а воспитаніе и того хуже. Его невѣжество, не прикрытое никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, его казарменныя манеры, самый, наконецъ, родъ службы, на которой онъ прославился, все шокировало верхнія сферы и заставляло ихъ съ отвращеніемъ отталкивать отъ себя мысль, что этотъ человѣкъ можетъ когда-нибудь сдѣлаться «особой». А между тѣмъ перспектива казалась неизбѣжной. Въ сравненіи съ массой нашихъ государственныхъ людей Судейкинъ производилъ впечатлѣніе блестящаго таланта. Мужикъ совѣта и дѣла сами это прекрасно чувствовали и начинали все больше тревожиться за свои портфели, за свое вліяніе на царя и на дѣла. Отвращеніе и страхъ создавали такимъ образомъ постоянную оппозицію противъ Судейкина. Его старались держать въ черномъ тѣлѣ. Онъ же, со своей стороны, глубочайшимъ образомъ презиралъ всѣхъ этихъ мужей совѣта и въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ не считалъ для себя слишкомъ высокимъ какое бы то ни было общественное положеніе. Ему, котораго не хотѣли выпустить изъ роли сыщика, постоянно мерещился портфель министра внутреннихъ дѣлъ, роль всероссійскаго диктатора, державшаго въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ царя. Разладъ между радужной мечтою и сѣренькой дѣйствительностью оказывался слишкомъ рѣзокъ. Судейкинъ всѣми силами старался разрушить такой «узкій» взглядъ на себя и постоянно добивался свиданія съ царемъ. Толстой употреблялъ, напротивъ, всѣ усилія не допустить его до этого, и дѣйствительно—Судейкинъ во всю жизнь такъ и не успѣлъ получить у царя ни одной аудіенціи, не былъ даже ни разу ему представленъ. Толстой на этотъ счетъ—человѣкъ ловкій и на своемъ поставитъ умѣть. Судейкинъ изъ себя выходилъ, но ничего не могъ сдѣлать, постоянно наталкиваясь на невидимую руку, оттиравшую его отъ царя. «Если бы мнѣ увидать государя хоть одинъ разъ,—говорилъ онъ съ досадой:—я бы сумѣлъ показать себя, я бы сумѣлъ его привязать къ себѣ», и онъ ненавидѣлъ графа Толстого всѣми силами души.

«Ближайшій начальникъ Судейкина—Плеве—дорожилъ имъ совершенно искренне, какъ человѣкомъ, необходимымъ для собственной карьеры самого Плеве. Онъ не скупился передъ Судейкинымъ на комплименты и въ глаза сказалъ ему однажды: «Вы должны быть осторожны. Вѣдь ваша жизнь, послѣ жизни государя императора, наиболѣе драгоценна для Россіи». Все это было, разумѣется, очень лестно и пріятно. Судейкинъ могъ, пожалуй, утѣшаться и тѣмъ, что его начальникъ сходится съ нимъ до нѣкоторой степени даже въ нелюбви къ графу Толстому. Однакоже сплетеніе взаимной ненависти, интригъ и подсижваній, образу-

щихъ въ общей сложности гармонию російскаго государственнаго механизма, представляетъ для карьеры каждаго отдѣльнаго честолюбца столько же удобствъ, сколько и затрудненій. Когда Судейкинъ, въ отвѣтъ на приведенный выше комплиментъ, замѣтилъ, что его превосходительство забываетъ еще о жизни графа Толстого, который точно также составляетъ особенный предметъ ненависти для террористовъ, то Плеве раздумчиво отвѣтилъ: «Да, конечно, его было бы жаль—какъ человѣка; однако, нельзя не сознаться, что для Россіи это имѣло бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія...» Начальникъ государственной полиціи находилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ слишкомъ деспотиченъ и реакціоненъ. Но, отпуская эти фразы, Плеве имѣетъ свою личную. Онъ кандидатъ на министерство ужь, конечно, не меньше Судейкина. Онъ гладитъ по шерсткѣ нужнаго человѣка, но вовсе не намѣревается строить изъ себя лѣтницу для его честолюбія. Въ общей сложности—Судейкинъ напрасно рвался на дорогу государственнаго дѣятеля. Его постоянно держали въ уздѣ и обходили даже наградами. Онъ получалъ ордена, получилъ даже аренду, но его упорно не допускали до чиновъ, т. е. до самаго главнаго, чего онъ добивался. Это, конечно, было самое дѣйствительное средство благовиднымъ образомъ загораживать выскочкѣ путь къ высокимъ должностямъ, и Судейкинъ за нять лѣтъ службы, полной блестящихъ успѣховъ, могъ возвыситься изъ капитановъ всего только въ подполковники. Онъ ждалъ производства въ полковники хотя бы послѣ коронаціи, во время которой за нимъ все такъ ухаживали. Боязнь допустить повышение Судейкина оказалась, однако, болѣе сильною, чѣмъ опасеніе его раздражить. Спаситель Россіи получилъ всего на всего Владимира четвертой степени и, разумеется, буквально взбѣсился. Подъ вліяніемъ такихъ-то столкновеній у Судейкина рождаются планы, достойные дѣйствительно время семибоярщины или брѣновщины. Его упорно преслѣдовала соблазнительная мечта, которую онъ весь послѣдній годъ жизни лелѣялъ, какъ Валленштейнъ свой планъ измѣны, не рѣшаясь приступить къ осуществленію этихъ дерзкихъ замысловъ, но не рѣшаясь и разстаться съ ними. Онъ думалъ поручить Дегаеву подъ рукою сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи; самъ же хотѣлъ затѣмъ къ чему-нибудь придаться и выйти въ отставку. Въ одинъ изъ моментовъ, когда онъ уже почти рѣшался начать свою фантастическую игру, Судейкинъ думалъ мотивировать отставку прямо безтолковостью начальства, при которой онъ-де не въ состояніи добросовѣстно исполнять свой долгъ; въ другой такой моментъ Судейкинъ хотѣлъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь, причемъ долженъ былъ получить рану и выйти въ отставку по болѣзни. Какъ бы то ни было, немедленно по удаленіи Судейкина Дегаевъ долженъ былъ начать

рѣшительныя дѣйствія: убить графа Толстого, великаго князя Владимира, и совершить еще нѣсколько болѣе мелкихъ террористическихъ актовъ. При такомъ возрожденіи террора, понятно, ужасъ долженъ былъ охватить царя; необходимость Судейкина, при удаленіи котораго революціонеры немедленно подняли голову, должна была стать очевидной, и къ нему обязательно должны были обратиться, какъ къ единственному спасителю. И тутъ же Судейкинъ могъ запросить, чего душѣ угодно, тѣмъ болѣе, что со смертью Толстого сходитъ со сцены единственный способный человѣкъ, а мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ остается вакантнымъ... Таковы были интимныя мечты Судейкина. Его фантазія рисовала ему далѣе, какъ при исполненіи этого плана Дегаевъ, въ свою очередь, дѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ въ средѣ революціонеровъ, попадаетъ въ исполнительный комитетъ, или же организуетъ новый центръ революціонной партіи, и тогда они вдвоемъ—Судейкинъ и Дегаевъ—составятъ нѣкоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно дѣлами надпольной и подпольной Россіи: царь, министры, революціонеры—все будетъ въ ихъ распоряженіи, всѣ повезутъ ихъ на своихъ спинахъ къ какому-то туманно-ослѣпительному будущему, которое Судейкинъ, можетъ быть, даже наединѣ съ самимъ собою не смѣлъ рисовать въ сколько-нибудь опредѣленныхъ очертаніяхъ...

«Вотъ собственно каковъ былъ по своимъ «убѣжденіямъ» и по своей «вѣрности» этотъ отчаянный авантюристъ... И нужно, между прочимъ, сказать, что Судейкинъ далеко не оставался въ области однихъ грѣшныхъ мечтаній. Еще незадолго до смерти онъ было совсѣмъ рѣшился переходить Рубиконъ. Онъ уже далъ Дегаеву указанія объ образѣ жизни графа Толстого и сообщилъ необходимыя данныя для слѣженія за нимъ. Точно также онъ рѣшился устроить покушеніе и на свою собственную жизнь, для чего уже началъ ходить въ паркъ, гдѣ Дегаевъ долженъ былъ его яко бы подстергать, хотя при всемъ своемъ довѣрїи къ Дегаеву Судейкинъ хотѣлъ себѣ нанести рану непременно самъ. Въ концѣ концовъ Судейкинъ, послѣ совѣщанія съ докторомъ, не рѣшился, впрочемъ, нанести себѣ даже малѣйшей раны и ограничился тѣмъ, что подалъ Плеве прошеніе объ отставкѣ. Просьбы Плеве еще болѣе поколебали Судейкина, подавъ ему надежду побѣдить начальство безъ кровопролитія. Но онъ все-таки рѣшительно заявилъ, что не останется на службѣ далѣе мая 1884 года, до котораго срока и отложилъ еще разъ исполненіе своихъ замысловъ, прекративши, разумѣется и слѣженіе за Толстымъ. Но если Судейкинъ, такимъ образомъ, робѣлъ нѣсколько разъ передъ своимъ отчаяннымъ предпріятіемъ, въ которомъ рисковалъ головой при малѣйшей нескромности помощниковъ,—то, съ другой стороны, онъ энергично и неустанно преслѣдовалъ другую, уже вполне безопасную часть плана; подборъ лицъ, на которыхъ

могъ бы опереться, достигнувъ могущества. Онъ систематически окружалъ себя своими креатурами, выбирая людей не только способныхъ, но безусловно лично ему преданныхъ. Всѣ эти Скандраковы, Судовскіе, Сидрины и т. д.—люди всѣхъ степеней сыскной іерархіи—все друзья его, земляки или еще чаще родственники. Онъ ихъ вытаскивалъ за уши изъ всѣхъ норокъ и группировалъ около себя. Онъ наполнялъ ими всѣ мѣста и стремился превратить секретную полицію въ нѣкоторую организацію, связанную съ нимъ неразрывными узами пріятельства, матеріальныхъ интересовъ, совмѣстнаго уснѣха и совмѣстнаго риска. Тутъ уже Судейкинъ не забывалъ и не выдавалъ друзей и кліентовъ. Въ свою очередь, онъ также могъ смѣло полагаться на нихъ.

«Система Судейкина была вполне опредѣлена: онъ поставилъ себѣ за правило—обращаться съ предложеніемъ поступить въ шпионы рѣшительно ко всякому. Чѣмъ мотивировать такое предложеніе—это все равно. Будетъ оно принято или отвергнуто съ презрѣніемъ—это, конечно, не все равно, но трудъ и хлопоты въ обоихъ случаяхъ не пропадаютъ даромъ, потому что безплодные переговоры, бывшіе у полиціи съ честнымъ человѣкомъ, дѣлаютъ менѣе замѣтными тѣ переговоры, которые по отношенію къ какому-нибудь негодяю увѣщались полнымъ успѣхомъ; вообще, все это отнимаетъ у массы зрителей возможность провести ясное различіе между обоими лицами и, наконецъ, пріучаетъ всѣхъ къ мысли о естественности и законности собесѣдованій порядочнаго человѣка съ чинами секретной полиціи. На такихъ же основаніяхъ Судейкинъ не жалѣлъ бросать деньги, повидимому, совершенно зря—такимъ людямъ, которыхъ агентура была совершенно фактивная, потому что они, очевидно, лукавили съ полиціей. Съ точки зрѣнія Судейкина—это не составляло еще важности. Нужно было пріучать людей брать деньги отъ полиціи: вотъ главная задача, и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, даже лучше, если на первое время будутъ попадаться люди, которые деньги возьмутъ, а шпионскія роли исполнять не станутъ. Это опять затрудняетъ для зрителей возможность разобраться, кто шпионъ, кто нѣтъ, и позволяетъ шпиону утверждать, что онъ обманываетъ полицію и только высасываетъ изъ нея деньги. Нельзя, къ сожалѣнію, не замѣтить, что такимъ путемъ деморализація и дѣйствительно проникла въ общество и молодежь».

IV.

Л. А. Тихомировъ уже тридцать лѣтъ назадъ вѣрно поставилъ діагнозъ системы провокаціи и отмѣтилъ въ ней наличие тѣхъ опасныхъ моментовъ, которые вносятся ею въ общественную среду. Тщеславіе и корыстолюбіе, карьеризмъ и купля-продажа—вотъ тѣ основы, на коихъ Судейкинъ строилъ благополучіе и безопасность

государственного и общественного строя. Борьба съ революціей обращалась при такой постановкѣ дѣла въ дорогу къ чинамъ и власти, въ дорогу, стоя на которой можно было вести торгъ съ переторжкой и на правый и на лѣвый фронтъ, выжимая изъ обоихъ все лично для себя наиболѣе выгодное и устраняя со своего пути цѣною невинно пролитой крови всякаго опаснаго, мѣшающаго или чье убійство могло въ начатой игрѣ служить переходной ступенью къ слѣдующей ставкѣ. «Изъ П. ровно никакой пользы нѣтъ», а потому его жизнью, его кровью возможно воспользоваться какъ своего рода рекомендательной карточкой для входа въ недоступное мѣсто! Жизнь человѣческая, этотъ даръ Божій, ставится имъ ни во что и имѣетъ въ его глазахъ значеніе лишь постольку, поскольку она можетъ быть использована въ цѣляхъ низменныхъ земныхъ благъ. Высшаго принципа нѣтъ, а есть только какая-то отчаянная игра, гдѣ и пѣшками и королями можно и должно распорядиться по личному усмотрѣнію и заранѣе составленной программѣ, въ соотвѣтствіи только съ личными интересами. Работая во имя государственнаго блага, Судейкинъ этимъ благомъ играетъ, и всѣ, стоящіе и надъ нимъ и подъ нимъ, суть игрушки въ его рукахъ; онъ допускаетъ возможность уничтоженія слугъ государевыхъ, своего начальства ради очищенія себѣ дороги къ славѣ; онъ проникаетъ въ революціонную среду и однихъ уничтожаетъ, дабы пріобрѣсти довѣріе того самаго начальства, противъ кого куетъ ковы, а съ другими входитъ въ соглашеніе, имѣя ихъ въ виду, какъ пособниковъ для осуществленія и своихъ террористическихъ и своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Казенныя средства, деньги народныя для него важны лишь постольку, поскольку онѣ нужны для личныхъ цѣлей, онъ ими безконтрольно распорядится, ими швыряетъ, создаетъ кругомъ атмосферу продажности и провозглашаетъ принципъ, что все и вся можно купить, продать и развратить. Воистину онъ создаетъ въ русской жизни богато удобренную почву для всякой мерзости и наружно лицемѣрно покрываетъ ее флагомъ государственной необходимости и полезности. Мы тутъ въ его лицѣ встрѣчаемся со страшнымъ типомъ, являющимся родоначальникомъ разнаго рода «Азефовъ», большихъ и малыхъ, поколѣнія которыхъ и понынѣ продолжаютъ распорядиться ходомъ политическихъ событій русской жизни, торгуя подчасъ революціей и государственностью по своему усмотрѣнію, въ личныхъ интересахъ, и сбивая все въ одну кровавую кучу, въ одну общую свалку, гдѣ охранникъ легко и просто преобразуется въ революціонера, а послѣдній такъ же просто надѣваетъ на себя личину охранника. Эта отчаянная игра въ революцію, правда, обошлась Судейкину дорого, онъ заплатилъ въ этой игрѣ своею жизнью, но гѣмъ не менѣе историкъ долженъ быть безпристрастенъ и долженъ отмѣтить, что именно онъ, а не кто иной былъ создателемъ той безконтрольной системы сыска и провокаціи, давшей намъ въ результатѣ

кончины министровъ Плеве, Столыпина и, быть можетъ, многихъ другихъ, чья трагическая участь для насъ пока не освѣщена.

Мы видѣли, какими доводами склонялъ Судейкинъ г-жу О. на службу въ охранное отдѣленіе. Нѣсколько иной характеръ получили его сношенія съ Дегаевымъ, давшія дѣйствительно, съ одной стороны, послѣдній разгромъ революціи, а съ другой—стоившія ему жизни. Какъ въ сношеніяхъ съ О., такъ и въ сношеніяхъ съ Дегаевымъ мы видимъ игру въ кошки-мышки, гдѣ жандармскій чинъ гоняется за революціонерами, а тѣ за нимъ, гдѣ пущены въ ходъ обманъ, ложь, прятки и гдѣ въ концѣ концовъ результатъ узаконялась, какъ принципъ, невозможная система государственнаго порядка вещей.

Семейство Дегаевыхъ, куда проникъ Судейкинъ, было обыкновеннымъ обывательскимъ семействомъ того времени, гдѣ мужская половина въ лицѣ двухъ сыновей, Сергѣя и Владимира, была затронута революціонной пропагандой и отдала въ учебныхъ заведеніяхъ ей извѣстную долю участія. Старшій изъ братьевъ, Сергѣй, былъ по образованію артиллерійскій офицеръ и служилъ въ кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Одно время онъ былъ слушателемъ артиллерійской академіи, но удаленъ оттуда за неблагонадежность. Потомъ онъ вышелъ въ отставку и поступилъ, чувствуя тяготѣніе къ математическимъ наукамъ, въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Зная его близко и работавшая съ нимъ на революціонномъ поприщѣ г-жа Прибылева-Корба даетъ о немъ и о сближеніи его семьи съ дѣломъ охраны вообще и Судейкинымъ въ частности слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. По ея свидѣтельству ¹⁾, сношенія Сергѣя Дегаева съ революціоннымъ міромъ Петербурга начались въ концѣ семидесятыхъ годовъ. И такъ какъ онъ всегда могъ представить наилучшія рекомендаціи послѣдующимъ дѣятелямъ на революціонномъ поприщѣ, то его связи продолжались также съ народолюбцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ. Его считали полезнымъ членомъ партіи, онъ велъ, насколько это было возможно, пропаганду между студентами-путейцами и предоставилъ народолюбцамъ знакомство съ нѣкоторыми радикалами-офицерами изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ. Между прочимъ, Дегаевъ въ восьмидесятыхъ годахъ служилъ связующимъ звеномъ между партіей «народной воли» и центральнымъ петербургскимъ студенческимъ кружкомъ, всѣ члены котораго поэтому были ему извѣстны. Вообще онъ никогда не отказывался исполнять порученія, которыя ему давались членами исполнительнаго комитета. Составъ послѣдняго Дегаевъ не зналъ, но несомнѣнно, что, приходя часто въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми его членами, онъ догадывался объ ихъ принадлежности къ комитету. Въ восьмидесятыхъ годахъ Дегаевъ перевезъ въ Петербургъ свою семью съ юга въ Россію.

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 4.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1911 г., т. сxxvi.

«Послѣ переселенія своей семьи въ Петербургъ Сергѣй Петровичъ сталъ настаивать на томъ, чтобы представители «народной воли», которыхъ онъ зналъ, сирѣчь члены исполнительнаго комитета, посѣтили его съ цѣлью познакомиться съ его матерью и сестрами,—повѣствуетъ г-жа Прибылева-Корба.—Не желая оскорбить Дегаева отказомъ, нѣкоторые члены комитета рѣшили пожертвовать нѣсколькими часами драгоценнаго времени для скучнаго и не представлявшаго ни малѣйшаго интереса посѣщенія. Послѣ много разъ повтореннаго приглашенія, Желябовъ и, кажется, еще кое-кто отправились къ Дегаевымъ.

«Такъ какъ Дегаевъ былъ очень чувствителенъ къ знакамъ уваженія и довѣрїя, оказываемымъ его семьѣ, то народовольцы и послѣ этого вечера посѣщали его. Они пользовались его квартирой для маловажныхъ свиданій или для другихъ подобныхъ цѣлей. Старуха-мать смотрѣла очень благосклонно на эти посѣщенія и принимала гостей съ неизмѣннымъ радушіемъ и привѣтливостью... Она знала, что гости ея сына принадлежать къ виднымъ революціоннымъ дѣятелямъ, и любила изъ ихъ устъ слышать самыя свѣжія новости изъ революціоннаго міра, дѣянїями котораго былъ полонъ тогда весь Петербургъ. Ея внезапное увлеченіе революціоннымъ движеніемъ было правдиво, иначе она сдѣлалась бы доносчицей, но оно не могло быть глубокимъ, такъ какъ началось со вчерашняго дня.

«Тщеславїе было свойственно семьѣ Дегаевыхъ, и возможно, что, съ своей стороны, мать лелѣяла заманчивые планы будущаго. Можетъ быть, ей мерещилось, что когда-нибудь эти смѣлые люди съ выразительными и обаятельными лицами составятъ счастье горячо любимыхъ дѣтей ея!..»

Въ день исполненія приговора надъ первомартовцами Елизавета Петровна Дегаева захотѣла непременно присутствовать при казняхъ. Остальные члены семьи отказались ей сопутствовать, и она отправилась одна на лобное мѣсто Петербурга. Ужасное зрѣлище вызвало въ ней обморочное состояніе. Она пошатнулась и упала въ предупредительно разставленныя подлѣ нея объятія сосѣдняго господина, у котораго оказался припасенный пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Нашатырный спиртъ и любезность кавалера привели барышню въ чувство. Молодой человекъ предложилъ ей отвезти ее домой, на что она охотно согласилась. Подъѣзжая на извозчикѣ къ своей квартирѣ, барышня попросила своего спутника зайти къ ней, чтобы представиться ея мамашѣ, которая будетъ очень рада познакомиться съ спасителемъ ея дочери. Послѣдній не заставилъ себя упрашивать и былъ ласково принятъ матерью, Сергѣемъ Петровичемъ же хмуро и недовѣрчиво. Его пригласили къ семейному обѣду, за которымъ онъ одинъ говорилъ. Онъ выдалъ себя за служащаго въ какой-то строительной конторѣ и увѣрялъ, что это учрежденіе даетъ хорошіе заработки переписчи-

камь его бумагъ. Елизавета Петровна съ одушевленіемъ стала его просить доставить ей переписку, такъ какъ она давно уже ищетъ работы, желая скопить нѣсколько денегъ для поступленія на высшіе женскіе курсы. Ея желаніе было быстро исполнено. На другой же день кавалеръ явился съ пачкою бумагъ подъ мышкой и поручилъ барышнѣ ихъ переписку на весьма выгодныхъ условіяхъ. Его посѣщенія участились и стали обыкновеннымъ явленіемъ въ квартирѣ Дегаевыхъ. Безпокойство Сергѣя Петровича росло, такъ какъ его наблюденія надъ новымъ знакомымъ ничего хорошаго ему не говорили. Онъ повидался съ членомъ «исполнительнаго комитета» Савеліемъ Златопольскимъ, пребывавшимъ тогда въ Петербургѣ. Златопольскій справился въ списокѣ шпионовъ, которыми обладалъ исполнительный комитетъ со времени Клѣточникова. Въ немъ значился новый знакомый Дегаевыхъ съ именемъ, отчествомъ, фамиліей и съ примѣтами его привлекательной наружности.

Сергѣй Петровичъ просилъ пришельца прекратить посѣщеніе его дома подъ предлогомъ, что не желаетъ, чтобы его сестра вела знакомство съ молодымъ человѣкомъ, никѣмъ ей не рекомендованнымъ.

V.

«Въ 1880 г. Владимиру Дегаеву было 19 лѣтъ,—продолжаетъ свой рассказъ г-жа Прибылева.—Онъ былъ небольшого роста, съ свѣтлопепельными волосами, съ очень блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ, какъ и симпатичные глаза, почти дѣтское выраженіе; вслѣдствіе этого юноша казался много моложе своихъ лѣтъ. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ, но былъ удаленъ оттуда за неблагонадежность, послѣ чего поступилъ на службу въ правленіе какой-то желѣзной дороги, кажется, Рязанской. Въ этомъ же учрежденіи занимался, будучи въ то же время студентомъ, и его братъ Сергѣй. Познакомившись черезъ своего брата съ революціоннымъ движеніемъ, онъ искренно и горячо имъ увлекся. Изъ всѣхъ Дегаевыхъ, въ томъ числѣ и Сергѣя, Володя былъ наиболѣе способенъ къ воспріятію идей. Въ отличіе отъ другихъ членовъ семьи онъ могъ руководиться ими въ своихъ поступкахъ, не повинуюсь скрытымъ побужденіямъ тщеславія, любви къ чрезвычайному и т. п.... Къ революціонерамъ, посѣщавшимъ его брата, онъ относился съ благоговѣніемъ. Эти суровые люди, всегда поглощенные дѣлами и сосредоточенные на задачахъ дня, на минуту забывались въ разговорѣ съ нимъ; его искреннее увлеченіе вызывало на ихъ лицахъ дружескую улыбку, и симпатіи къ юношѣ зарождались въ ихъ сердцахъ...

«Погромы начала 81 года положили конецъ частымъ сношеніямъ революціонеровъ съ С. Дегаевымъ. Около того же времени

Володя попался съ прокламаціями и былъ посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія. Его арестъ уже продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды знаменитый Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ на допросъ. «Я знаю, что вы мнѣ ничего не скажете,—обратился онъ къ нему:—и не для того я позвалъ васъ, чтобы задавать вамъ бесполезныя вопросы. У меня другая пѣль относительно васъ. Я хочу предложить вамъ очень выгодныя условія. Ваше дѣло будетъ прекращено, ваша виновность будетъ забыта, если вы мнѣ окажете существенную услугу».—«Какъ!—воскликнулъ съ негодованіемъ юноша,—вы хотите изъ меня сдѣлать шпиона! Кто далъ вамъ право говорить мнѣ подобныя вещи?» кричалъ онъ, выходя изъ себя. Но Судейкинъ остановилъ его. Начинаясь игра кошки съ мышью, столь любимая Судейкинымъ. «Вы даже не выслушали меня, а уже разсердились,—замѣтилъ онъ, самоувѣренно улыбаясь.— Не думайте, что я назначаю васъ на роль шпиона или предателя. Я не рѣшился бы на это изъ уваженія къ вашей семьѣ; и по васъ вижу, что вы слишкомъ благородны для такихъ ролей. То, что я вамъ предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: правительство желаетъ мира со всѣми, даже съ революціонерами. Оно готовитъ широкія реформы. Нужно, чтобы революціонеры не препятствовали дѣятельности правительства. Нужно ихъ сдѣлать безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я отъ васъ не потребую».—По мѣрѣ того, какъ произносилась эта рѣчь, Володя больше и больше задумывался. Клѣточниковъ уже былъ арестованъ. Вѣсть о его значеніи для революціонной партіи распространилась по Петербургу. О ней знала вся радикальная молодежь. Многіе юноши мечтали сдѣлаться Клѣточниковыми. Этому желалъ и Володя. Слова Судейкина прозвучали для него откровеніемъ. Оказывать неопѣнимыя услуги партіи, спасать революціонеровъ отъ опасности! Какая побѣда! Какой ударъ для звѣря, котораго онъ видѣлъ передъ собой! Можетъ быть, судьба именно его, юношу, почти еще мальчика, предназначила для великихъ дѣлъ! И если онъ приметъ предложеніе Судейкина, то только потому, что онъ всѣмъ сердцемъ желаетъ свободы для своей родины, потому что онъ страстно ожидаетъ наступленія царства справедливости и счастья на землѣ.

«Судейкинъ уже кончилъ говорить, а Володя молчалъ, погруженный въ свои наивныя мечтанія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Судейкинъ могъ наслаждаться произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

«Я ничего не могу вамъ отвѣтить,—опомнился наконецъ Володя,— не подумавши надъ вашими словами, но и сейчасъ же скажу вамъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ вы не услышите отъ меня ни одного имени, не дождетесь ни одного предательства!»—«Я вполне въ этомъ увѣренъ, Владимиръ Петровичъ», воскликнулъ Судейкинъ, внезапно превращаясь въ джентльмена.

«Въ тотъ же день Володя былъ освобожденъ. Онъ возвращался домой взволнованный и возбужденный: онъ торопился узнать мнѣніе старшаго брата о предложеніи Судейкина. Совѣщанія съ Сергѣемъ Петровичемъ повели къ тому, что послѣдній отыскалъ представителя комитета, изъ котораго только одинъ Савелій Златопольскій въ то время проживалъ въ Петербургѣ. Другіе члены комитета находились лѣтомъ 1881 года или въ Москвѣ, или въ провинціи. Златопольскій не отклонилъ Володю отъ мысли поступить на службу къ Судейкину. Онъ выяснилъ юношѣ всю трудность пути, на который зоветъ его Судейкинъ, указывая на возможность того, что его самоотреченіе останется безъ всякихъ результатовъ для партіи и пройдетъ безслѣдно, но онъ не воспротивился рѣшительнымъ образомъ осуществленію проекта Судейкина, тогда какъ одного его слова было бы достаточно, чтобы удержать юношу отъ ложнаго шага. Савелій Златопольскій былъ поглощенъ идеей залечить рану, нанесенную партіи арестомъ Клѣточникова. Но, соглашаясь на услуги Володи, онъ упустилъ изъ виду, что искусственно и скороспѣло не создаются Клѣточниковы и въ особенности не создаются изъ дѣтей!.. Для Володи началась его мнимая служба у Судейкина, а въ сущности невѣроятное и тягостное для бѣдняги положеніе. Такъ какъ онъ не давалъ Судейкину никакихъ свѣдѣній, то въ его глазахъ и не имѣлъ никакой цѣны. Самъ онъ, мечтавшій при своемъ дебютѣ узнавать очень многое отъ лицъ, окружавшихъ Судейкина, вскорѣ убѣдился, что онъ и видитъ-то только безмолвнаго швейцара у подъезда да жандарма, который подавалъ чай въ кабинетъ, гдѣ происходили свиданія Володи съ Судейкинымъ. Было очевидно, что послѣдній черезъ своего молодого агента желаетъ прослѣдить народовольцевъ, а если возможно, то и членовъ «исполнительнаго комитета»; поэтому Златопольскій никогда не видался съ Володей, а посредникомъ между ними былъ Сергѣй Дегаевъ. Кромѣ скрытыхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду Судейкинъ, завязывая сношеніе съ Володей, онъ открыто ставилъ требованіе, чтобы тотъ сообщалъ ему о настроеніяхъ и новыхъ теченіяхъ, съ которыми онъ будетъ встрѣчаться, а главное, чтобы онъ сообщалъ ему, если услышитъ о готовящихся террористическихъ актахъ». Судейкинъ даже далъ своему юному агенту заграничную командировку, но и изъ послѣдней тотъ не могъ привезти ему ничего нужнаго, а потому начальникъ охраннаго отдѣленія вскорѣ убѣдился въ бесполезности для него этого сотрудника и рѣшилъ съ нимъ распрощаться навсегда. Призвавъ его къ себѣ однажды, онъ излилъ передъ нимъ всю горечь своего въ немъ разочарованія и выставилъ ему «обязательство» покинуть Петербургъ и «устроиться такъ, чтобы правительство никогда больше о немъ не слышало». Этимъ политическая карьера въ любомъ направленіи юнаго Дегаева закончилась, и онъ сошелъ и для революціи, и для дѣла сыска на вѣтъ.

Если сншенія охраннаго отдѣленія съ младшимъ Дегаевымъ, и съ его сестрою не дали отдѣленію желанныхъ результатовъ, то яначе обернулись дѣла съ старшимъ представителемъ семьи, Сергѣемъ, который и составилъ засимъ въ лѣтописяхъ исторіи русской революціи особую главу, получившую отъ него свое наименованіе «дегаевщина» и гдѣ обнаружилась во всей силѣ своихъ красокъ система провокаціи, выработанная Судейкинымъ. Необходимо предварительно отмѣтить, что, по свидѣтельству все той же А. Прибылевой, Сергѣй Дегаевъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ въ революціонной средѣ, хотя считался здѣсь хорошимъ работникомъ и «вѣрнымъ сотрудникомъ народовольцевъ», которые относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, считали его своимъ человекомъ и никогда не сомнѣвались въ его искренней преданности революціонному дѣлу. Свое неудовольствіе положеніемъ Дегаевъ довелъ черезъ одно лицо до свѣдѣнія комитета, но ему отвѣтили, что не считаютъ его «достаточно революціоннымъ», не смотря на него, какъ на «самостоятельнаго носителя революціонной идеи», почему и не считаютъ достаточно сильнымъ, чтобы состоять въ числѣ членовъ комитета. Тѣмъ не менѣе отвѣтственные работы на него возлагались, и въ видѣ «искуса» онъ былъ допущенъ даже до рытѣя подкopa на Малой Садовой улицѣ при подготовленіи ко взрыву при проѣздѣ тамъ Александра II. Даже послѣ того, какъ главные народовольцы были перехвачены, партія была обезсилена коповодами и нуждалась въ пополненіяхъ, даже тогда остатки народовольцевъ не считали возможнымъ допустить Дегаева до skinii революціоннаго завѣта, и роль священнослужителя ему не была предоставлена. Честолюбіе его грызло, и неудовлетворенность оставляла въ душѣ горькій осадокъ.

Вскорѣ послѣ 1-го марта 1881 г. Дегаевъ по пустячному подозрѣнію былъ арестованъ и сосланъ административнымъ порядкомъ въ Архангельскъ. По дорогѣ туда онъ видѣлся съ московскими революціонерами, имѣлъ съ ними бесѣду по поводу службы своего брата Владимира у Судейкина, выслушалъ ихъ неудовольствіе санкціей со стороны Златопольскаго такого служебнаго шага. Въ Архангельскѣ онъ пробылъ недолго въ ссылкѣ, женился тамъ, скорѣй вернулся обратно въ Петербургъ, поступилъ снова въ институтъ инженеровъ путей сообщенія и сдѣлался самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Савелія Златопольскаго, диктаторски распоряжавшагося на берегахъ Невы дѣломъ русской революціи. Это былъ періодъ расцвѣта военной революціонной организаціи, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей части нашихъ очерковъ, и именно черезъ посредство Дегаева велъ Златопольскій сношенія съ этими кружками, въ особенности съ кронштадтскимъ военнымъ кружкомъ, благодаря чему получилъ возможность познать во всѣхъ подробностяхъ дѣло сближенія военной среды съ средой революціонной. Равнымъ образомъ слу-

жилъ Сергѣй Дегаевъ и посредникомъ въ сношеніяхъ своего брата съ Судейкинымъ, что также имѣло немаловажное значеніе для его революціонной «репутаціи». Въ мартѣ 1882 г. Златопольскій, за которымъ Судейкинъ гонялся по пятамъ, выѣхалъ по революціоннымъ дѣламъ въ Москву и былъ тамъ арестованъ. Этотъ новый провалъ «исполнительнаго комитета» былъ очень тяжелой брешью въ партіи «народной воли», послѣдніе участники которой ясно сознали, что, благодаря энергіи начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія, ей предстоитъ недалеко полный крахъ, вслѣдствіе чего, оставляя всѣ прочіе замыслы въ сторонѣ, было рѣшено въ первѣйшую очередь покончить съ Судейкинымъ, при жизни котораго, повидимому, дѣлу революціи не суждено болѣе окрѣпнуть и быть дѣеспособнымъ. Замѣтившій арестованнаго Златопольскаго Грачевскій на этомъ замыслѣ и сосредоточилъ свои силы, привлекая Сергѣя Дегаева къ обдумыванію плана убіенія страшнаго жандармскаго офицера. Объ этой страницѣ изъ исторіи русскаго революціоннаго движенія вотъ что рассказываетъ г-жа Прибылева, принимавшая повидимому, близкое участіе въ обсужденіи плана дѣйствій.

VI.

«На очереди стало дѣло объ убійствѣ Судейкина, — говоритъ она. — Онъ успѣлъ произвести такое опустошеніе въ рядахъ комитета и его партіи, что неизбежно возникъ вопросъ объ его устраненіи, которое ставилось условіемъ, при которомъ только возможно было дальнѣйшее существованіе самой партіи «народной воли». Въ моментъ приѣзда Грачевскаго въ Петербургъ планъ убійства еще не былъ выработанъ.

«Одно было ясно, что Володя для этой цѣли непригоденъ, и о немъ, какъ объ исполнительѣ, никто даже не подумалъ. Съ своей стороны, Сергѣй Дегаевъ рѣшился лично познакомиться съ Судейкинымъ, о чемъ онъ говорилъ Грачевскому и о чемъ съ нимъ совѣтовался. Володя долженъ былъ сказать Судейкину, что Сергѣй Петровичъ сильно стѣсненъ въ деньгахъ и ищетъ письменной работы, что онъ поручилъ спросить у него, Судейкина, не можетъ ли онъ ему доставить чертежную работу или переписку бумагъ.

«Оба — Дегаевъ и Грачевскій — рассчитывали на то, что Судейкинъ приметъ эту просьбу, какъ шагъ къ сближенію съ нимъ, и пойдетъ ему навстрѣчу. Дегаевъ уже зналъ, что убійство Судейкина рѣшенное дѣло. Онъ высказалъ Грачевскому свое мнѣніе о томъ, что необходимо для партіи, въ видахъ самосохраненія, покончить съ Судейкинымъ. Это понимали въ то время всѣ, стоявшіе близко къ дѣламъ «народной воли» и принимавшіе участіе въ ея судьбѣ. На слова Дегаева Грачевскій отвѣтилъ, что рѣшеніе коми-

тета уже состоялось, и что лично онъ занятъ приведеніемъ этого рѣшенія въ исполненіе. Дегаевъ не брался за убійство Судейкина, но желалъ быть полезнымъ при выслѣживаніи Судейкина и надѣялся, что его знакомство съ нимъ обнаружитъ до нѣкоторой степени образъ его жизни, привычки, а, можетъ быть, и квартиру.

«Но выслѣдить Судейкина было очень трудно. У него оказалась не одна, а множество квартиръ, разбросанныхъ по всему Петербургу, которыя онъ посѣщалъ не въ опредѣленные сроки, а когда вздумается. Къ тому же эти квартиры были очень недолговѣчны: послѣ двухъ-трехъ посѣщеній онѣ бросались, и заводились новыя. Ѣздилъ онъ по преимуществу въ наемныхъ каретахъ, и иногда усаживалъ въ такую карету того человѣка, который ему нуженъ былъ для переговоровъ.

«Расчетъ Дегаева и Грачевскаго оправдался. Какъ только Судейкинъ узналъ о просьбѣ Сергѣя Петровича, онъ выразилъ желаніе познакомиться съ братомъ своего молодого агента и обѣщался помочь ему въ его нуждѣ. Свиданіе было назначено въ маленькомъ деревянномъ домѣ гдѣ-то на Пескахъ. Домикъ имѣлъ мезонинъ, и въ немъ жила какая-то пожилая женщина. Въ этомъ мезонинѣ Дегаеву пришлось дожидаться появленія Судейкина. Свиданіе было непродолжительно и велось съ обѣихъ сторонъ въ чисто дѣловомъ тонѣ. Работа была тотчасъ прислана Сергѣю Петровичу на домъ. Она состояла въ перечерчиваніи набѣло плановъ зданія, которое намѣревался строить департаментъ полиціи. Если не ошибаюсь, рѣчь шла о казармахъ для городскихъ. Въ планахъ должны были произойти измѣненія, и о нихъ-то Судейкинъ бесѣдовалъ съ Дегаевымъ. Пока тянулася работа, состоялось еще одно или два свиданія. Они не дали никакихъ результатовъ для слѣженія и ни на юту не подвинули вопроса объ убійствѣ, въ виду чего было рѣшено прекратить ихъ подъ предлогомъ, что Дегаевъ началъ готовиться къ экзаменамъ.

«Вскорѣ послѣ того Судейкинъ разстался въ Володей. Сергѣй Петровичъ предвидѣлъ этотъ разрывъ; онъ также зналъ, что послѣ его знакомства съ Судейкинымъ, несомнѣнно, за нимъ и за членами его семьи будетъ учрежденъ полицейскій надзоръ. Поэтому онъ рѣшился, не ожидая развязки событій, выпроводить свою семью изъ Петербурга. Самъ онъ также покинулъ Петербургъ еще ранѣе Володи, и такъ какъ это случилось въ маѣ, то я думаю, что онъ не успѣлъ покончить съ экзаменами.

«Въ ночь на 3-е іюня, послѣ неудачнаго или, вѣрнѣе сказать, не состоявшагося покушенія на жизнь Судейкина, были арестованы Грачевскій, множество другихъ лицъ и я.

«Отъ старыхъ народовольцевъ оставалась Вѣра Николаевна Фигнеръ, проживавшая въ Харьковѣ. Зная отчаянное положеніе партіи, непоправимость дѣла въ данный моментъ и опасность,

которой подвергалась сама Вѣра Николаевна, я изъ тюрьмы умоляла ее уѣхать за границу и тамъ образовать новый комитетъ. Она прислала мнѣ отвѣтъ, что не покинетъ Россіи.

«Много лѣтъ спустя, я о дальнѣйшей судьбѣ Дегаева узнала слѣдующее.

«Осенью 1882 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ по дѣлу народвольческой типографіи. Какъ только Судейкинъ узналъ объ арестѣ Дегаева, онъ выѣхалъ для самоличнаго допроса своего стараго знакомаго. При первомъ же свиданіи Судейкинъ предложилъ Дегаеву стать предателемъ своихъ прежнихъ товарищей и поступить къ нему на службу чистосердечно и искренно, а не такъ, какъ когда-то сдѣлалъ его братъ. Дегаевъ попросилъ свиданія съ женою, чтобы посоветоваться съ нею. Оно состоялось при довольно характерной обстановкѣ. Дегаева ввели въ просторную красивую комнату, гдѣ находился обильно накрытый столъ. Вскорѣ появилась жена, которая съ плачемъ бросилась ему на шею. Нѣжныхъ супруговъ оставили наединѣ, чтобы они на досугѣ въ пріятной обстановкѣ рѣшили кровавый вопросъ о предательствѣ.

«Они и рѣшили его. Послѣ этого Дегаеву былъ устроенъ фальшивый побѣгъ. Для прикрытія его понадобилась помощь мѣстныхъ радикаловъ, и Дегаевъ обратился съ просьбой помочь ему къ молодой уже госпожѣ Х., по добротѣ сердца принимавшей всегда участіе въ революціонерахъ. Она доставила ему въ тюрьму по списку, имъ указанному, все необходимое для побѣга. Мѣстные радикалы были въ восторгѣ отъ энергіи, практичности и предпримчивости заключеннаго. Тотчасъ же послѣ побѣга Дегаевъ отправился въ Харьковъ, гдѣ проживала въ то время В. Н. Фигнеръ, явился къ ней, представилъ свой побѣгъ, какъ дѣло собственной ловкости и находчивости и, конечно, выразилъ горячее желаніе стать снова въ ряды революціонеровъ. Основаній не вѣрить въ рассказъ Дегаева объ его побѣгѣ или заподозрѣть что-либо преступное въ его дѣйствіяхъ у В. Н. Фигнеръ не было никакихъ, и вотъ передъ Дегаевымъ открылись двери квартиръ революціонеровъ, всѣхъ сочувствовавшихъ и помогавшихъ имъ, и, что для него было всего важнѣе, передъ нимъ открылись всѣ революціонныя тайны. Его завѣтная мечта осуществилась: фактически онъ сталъ въ число лицъ, руководившихъ революціоннымъ движеніемъ.

«Когда въ Харьковѣ все было узнано и выдано и наступило время предать въ руки правительства самое Вѣру Николаевну, Дегаевъ исполнилъ и это дѣло при помощи другого извѣстнаго предателя — Меркулова. «Дѣло» было устроено такъ: Дегаевъ завелъ съ Фигнеръ разговоръ о возможности ея ареста, на что Вѣра Николаевна отвѣтила, что ее не арестуютъ, если только

она не встрѣтитъ какъ-нибудь Меркулова. Потомъ Дегаевъ освѣдомился у своей собесѣдницы, въ которомъ часу она выходитъ изъ дому и есть ли изъ ея квартиры другой выходъ? Вѣра Николаевна отвѣтила, что ходъ изъ квартиры у нея одинъ, а выходитъ она ежедневно въ восемь часовъ утра. 10 февраля 1883 года, выходя, по обыкновенію, въ восемь часовъ утра изъ дому, Фигнеръ встрѣтилась въ трехъ шагахъ отъ своей квартиры лицомъ къ лицу съ Меркуловымъ. Немедленно послѣ этого Вѣра Николаевна была арестована, будучи въ полномъ убѣжденіи, что это дѣло рукъ Меркулова, и лишь въ мартѣ или апрѣлѣ 1884 года, при заключеніи слѣдствія (слѣдовательно, уже послѣ убійства Судейкина, вторичной измѣны Дегаева и тщетныхъ поисковъ его правительствомъ), Вѣрѣ Николаевнѣ была предъявлена подписанная Дегаевымъ тетрадь со всѣми его выдачами. Тутъ только *въ первый разъ* узнала Вѣра Николаевна, кто былъ истиннымъ предателемъ ея и множества другихъ лицъ. То былъ Дегаевъ. Меркуловъ же игралъ лишь подсобную роль.

«Предавши Вѣру Николаевну, Дегаевъ отправился въ Петербургъ и сталъ тамъ «работать» во всю. Въ дѣлѣ провокаціи онъ сдѣлался правой рукой Судейкина. Они сблизились и подружились, какъ могутъ дружить лишь два злодѣя. Тогда-то выработали они совмѣстно обширные планы захвата власти. Дегаевъ жилъ широко на большія средства, отпускавшіяся ему его покровителемъ. При немъ находилась жена его, безъ любви которой онъ не могъ обходиться.

«Подозрѣнія въ революціонной средѣ росли, но ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ прійти было нельзя, такъ какъ кругомъ все было уничтожено и провалено. Люди, имѣвшіе непоколебимыя доказательства противъ Дегаева, были заперты въ крѣпости и отрѣзаны отъ всего міра. И онъ «дѣйствовалъ» на просторѣ. Петербургская революціонная молодежь, наконецъ, рѣшилась отыскать предателя, во что бы то ни стало. Нѣкоторые лица уже указывали на Дегаева. Было назначено собраніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Дегаевъ. Чувствуя свою жизнь въ опасности, онъ попросилъ тогда у Судейкина командировку за границу и выѣхалъ съ женою въ Парижъ.

«Здѣсь онъ принесъ свое пресловутое покаяніе. Отъ парижскихъ народовольцевъ Дегаевъ не скрылъ ничего, вплоть до честолюбивыхъ замысловъ, которые развивались имъ совмѣстно съ Судейкинымъ. Глава русскихъ шпионовъ при помощи провокаціи и мнимыхъ террористическихъ актовъ, которые во время открываются и блестящимъ образомъ устраниаются, намѣревался стать министромъ внутреннихъ дѣлъ; Дегаеву же обѣщали за это мѣсто товарища министра. На этомъ мечтаніи сообщниковъ не останавливались. Посредствомъ систематическихъ запугиваній дѣльцы на-

дѣялись фактически устранить отъ власти самого императора и править Россіей по своему усмотрѣнію.

«Немедленно послѣ этихъ признаній собрался совѣтъ нѣсколькихъ народовольцевъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ. Было рѣшено даровать Дегаеву жизнь лишь подъ условіемъ, что онъ доставитъ революціонерамъ случай и возможность убить Судейкина. При выполненіи этого условія народовольцы обѣщали вывезти Дегаева цѣлымъ и невредимымъ за границу. Онъ долженъ былъ немедленно возвратиться въ Петербургъ и отнынѣ дѣйствовать по указаніямъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, которые съ тѣхъ поръ не упустили его изъ вида.

«Жена Дегаева оставалась въ Парижѣ, и по его просьбѣ, въ его отсутствіе, ей помогли перебраться въ Лондонъ, гдѣ она должна была ожидать его пріѣзда. Ея пребываніе за границей служило нѣкоторой гарантіей, что на этотъ разъ ея мужъ не измѣнитъ принятому на себя обязательству.

«Онъ очутился въ тискахъ, изъ которыхъ не могъ уже вырваться. Вскорѣ послѣ его возвращенія въ Петербургъ убійство Судейкина стало совершившимся фактомъ».

Къ этимъ показаніямъ участницы тогдашнихъ событій считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько строкъ воспоминаній о своемъ несчастномъ братѣ Н. П. Маклецовой (Дегаевой)¹⁾, позволяющихъ намъ судить о томъ настроеніи, въ которомъ обрѣтался онъ послѣ своего спасенія изъ тюрьмы и послѣ состоявшагося уже между нимъ и Судейкинымъ тайнаго соглашенія.

Зная изъ нѣкоторыхъ разговоровъ съ братомъ, что онъ разочарованъ въ революціонномъ движеніи или, правильнѣе, не удовлетворенъ своей ролью здѣсь, г-жа Маклецова дѣлала попытки уговорить его порвать съ партіей, уѣхать за границу и тамъ посвятить себя математической наукѣ, которую онъ страстно любилъ. «Но тутъ я натолкнулась на непобѣдимое упорство,—повѣствуетъ она.— «Я не могу оставить дѣла,—отвѣчалъ онъ на всѣ мои доводы:—понимаешь, не могу... Вѣроятно, я погибну, а, можетъ быть, найду выходъ». Такъ мы и разстались: объ его арестѣ въ Одессѣ я узнала только потому, что у насъ въ деревнѣ былъ произведенъ обыскъ наканунѣ Рождества. Я считала Сергѣя погибшимъ, какъ вдругъ,—не помню, какимъ образомъ,—получаю извѣстіе, что онъ бѣжалъ и просилъ меня пріѣхать въ Харьковъ повидаться съ нимъ. Я, разумѣется, сейчасъ же поѣхала, и мы съ нимъ встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ; онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ баню, чтобы, не возбуждая подозрѣній, переговорить съ нимъ обо всемъ на свободѣ.

¹⁾ «Былое» 1906 г., кн. VIII

«Я помню, что мы долго сидѣли въ предбанникѣ на диванѣ и молчали...

«— Я сильно перемѣнился?—вдругъ спросилъ онъ меня. Мнѣ, дѣйствительно, показалось, что онъ не тотъ, какъ былъ, и я сказала ему объ этомъ.

«— Что же ты не спрашиваешь, какъ я бѣжалъ?—проговорилъ онъ, усмѣхаясь, и началъ рассказывать.—Меня ночью повезъ жандармъ на вокзалъ; мы сидѣли рядомъ на извозчикѣ; когда мы стали переѣзжать площадь—въ Одессѣ передъ вокзаломъ огромная площадь,—мой жандармъ зазѣвался, я выпрыгнулъ и побѣжалъ. Потомъ меня устроили у знакомыхъ.

«— Ты вѣришь мнѣ?—вдругъ спросилъ онъ меня.

«Я вѣрила ему, но тонъ рассказа мнѣ показался неестественно вялымъ. Я сказала, что, вѣроятно, онъ уже много разъ рассказывалъ о своемъ побѣгѣ, и это ему надоѣло. Онъ посмотрѣлъ на меня, подумалъ и вдругъ сказалъ:

«— Я все навралъ тебѣ, я не бѣжалъ, меня выпустили, слушай...

«Сергѣй началъ рассказывать. Оказалось, что онъ еще раньше былъ знакомъ съ Судейкинымъ въ Петербургѣ... Но въ Одессѣ, послѣ своего ареста, Сергѣй не мало былъ удивленъ, увидѣвъ во время допроса своего стараго жандармскаго знакома. Потомъ оказалось, что Судейкинъ нарочно прѣхалъ изъ Петербурга для допроса Сергѣя. Онъ остался съ Сергѣемъ наединѣ и началъ убѣждать его не губить себя понапрасну, а лучше перемѣнить тактику и къ той же цѣли итти другими, болѣе вѣрными путями. Сергѣй говорилъ мнѣ тогда, что Судейкинъ показался ему скорѣе революціонеромъ, чѣмъ жандармомъ, такъ какъ откровенно признавалъ полную негодность существующаго строя и необходимость его коренной ломки; но при этомъ онъ добавлялъ, что «революціонная партія борется негодными средствами и только понапрасну истощаетъ свои силы».—«Вы сами знаете,—прибавилъ Судейкинъ:—какъ слаба теперь партія: съ каждымъ днемъ она теряетъ все болѣе и болѣе своихъ талантливыхъ членовъ; вотъ и вы погибнете, а съ вашимъ умомъ и способностями до чего вы могли бы дойти, если бы рѣшились дѣйствовать не противъ правительства, а съ нимъ заодно!» Сергѣй рассказалъ, что Судейкинъ развилъ ему подробный планъ захвата власти соединенными силами революціонной партіи и его, Судейкина. «Правительство, съ одной стороны, будетъ залувано удачными покушеніями, которыя я помогу вамъ устроить, а съ другой—я сумѣю кого слѣдуетъ убѣдить въ своей необходимости и представлю васъ, какъ своего помощника, государю, тамъ уже вы сами будете дѣйствовать».

«Впослѣдствіи я поняла, что рѣчь между ними шла чуть не о диктатурѣ...

«— И ты полагаешь, что дѣло обойдется безъ жертвъ, безъ выдачь?—спросила я.

«— Все это будетъ устроено съ обоюднаго согласія,—отвѣчала Сергѣй.

«Не помню, тогда или впоследствии онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствуетъ съ согласія исполнительнаго комитета... Но помню, что послѣ этого свиданія я продолжала считать Сергѣя вѣрнымъ членомъ революціонной партіи.

«— Вѣдь безъ жертвъ людьми не обходится ни одно революціонное предпріятіе,—проговорилъ онъ. Я совсѣмъ не могла понять такой равнодушной жертвы людьми, но въ то время я уже давно совершенно разошлась съ революціонной партіей или, лучше сказать, потеряла всѣ знакомства, потому что дѣятельной революционеркой никогда не была. Сергѣй же въ разговорѣ со мною опирался на авторитетъ исполнительнаго комитета и, кажется, самъ былъ въ то время его членомъ.

«Послѣднее мое свиданіе съ Сергѣемъ въ Россіи произошло не болѣе какъ за мѣсяць до убійства Судейкина (я не помню хорошенько числа и мѣсяца—въ ноябрѣ или въ концѣ октября). Мы ту зиму жили въ Харьковѣ. Сергѣй явился внезапно, показался мнѣ очень блѣдень, мраченъ; за обѣдомъ онъ просилъ послать за водкой и говорилъ, что теперь совсѣмъ не можетъ ничего ѣсть, не выпивши передъ этимъ. Оставшись со мной наединѣ, онъ сказалъ, что хочетъ убить Судейкина: «Этотъ мерзавецъ обманулъ меня кругомъ; парю онъ не представилъ меня, показалъ только Плеве и Побѣдоносцеву; кажется, онъ хочетъ меня сдѣлать обыкновеннымъ шпиономъ; за это я ему отомщу...» Потомъ на мои вопросы Сергѣй опять повторилъ, что дѣйствуетъ съ полнаго согласія исполнительнаго комитета...»

VII.

Судейкинъ, заплучивъ въ свое распоряженіе Дегаева, приобрѣлъ въ его лицѣ дѣйствительно выдающагося по своей энергичной и ловкой дѣятельности сотрудника. Прошлое по близости къ Златопольскому и Грачевскому, нѣкоторая причастность къ террористическимъ замысламъ народовольцевъ, обширныя знакомства во всей революціонной средѣ создавали ему выдающееся положеніе. Послѣ ареста Вѣры Фигнеръ въ Харьковѣ онъ изъ старыхъ активныхъ дѣятелей русской революціи, пожалуй, остался одинъ, у котораго въ рукахъ сосредоточились послѣднія нити революціоннаго клубка съ его отвѣтвленіями и въ провинціи и за границей. Онъ организуетъ новые революціонные кружки, создаетъ типографію, принимаетъ въ ихъ дѣятельности и работѣ энергичное участіе, содѣйствуетъ образованію молодой партіи «народной воли», ставящей

себѣ задачею возобновленіе дѣятельности пародовольцевъ перваго періода, провоцируетъ военные кружки сѣвера и юга и, когда всѣ организациі, такъ сказать, созрѣваютъ, выдаетъ ихъ Судейкину, который, благодаря сему, овладѣваетъ всѣхъ ходомъ революціоннаго движенія, какъ оно сложилось безъ содѣйствія Дегаева и какъ оно формируется послѣ того, какъ онъ приложилъ къ нему руку, приобщивъ сюда тѣхъ, кто обрѣтался еще въ революціонной потенціи. Въ руки Судейкина, такимъ образомъ, попадаетъ громадный революціонный матеріалъ, и онъ, одержавъ уже побѣду надъ «священной дружиной», нынѣ торжествуетъ свою побѣду и надъ всѣмъ революціоннымъ сообществомъ. Но, какъ мы видѣли изъ свидѣтельствъ Л. Тихомирова, онъ не находитъ въ этихъ удачахъ удовлетворенія своему честолюбію и задумывается надъ такимъ террористическимъ *coup d'état*, которое должно унести въ своемъ водоворотѣ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого и расчистить ему путь въ царскіе покои, гдѣ онъ и надѣется получить лелѣемую имъ въ помыслахъ силу и власть. Изъ дальнѣйшаго мы еще увидимъ, къ какимъ приемамъ саморекламы онъ прибѣгалъ, а пока вернемся къ ходу событій. Г-жа Прибылева повѣдала намъ, какъ совершилось принесеніе Дегаевымъ повинной своимъ былымъ сотоварищамъ и какой судъ они вынесли ему: убить Судейкина! И онъ, озлобленный противъ послѣдняго, подавленный этимъ судомъ, вынужденъ привести его въ исполненіе. Какъ осуществилось это злодѣйство, явствуетъ изъ обвинительнаго акта по дѣлу Г. Лопатина и другихъ, гдѣ изложены улики противъ обвинявшихся въ убійствѣ Судейкина Н. П. Стародворскаго и В. П. Конашевича. Этотъ обвинительный актъ настолько полно исчерпываетъ всю картину дѣла, что мы приводимъ его здѣсь полностью, несмотря на многія его частности, нѣсколько ослабляющія впечатлѣніе отъ драмы въ домѣ № 91 по Невскому проспекту, гдѣ предательски былъ убитъ еще недавній другъ и патронъ Дегаева. Вотъ что говорится здѣсь.

16-го декабря 1883 года, около 9 часовъ вечера, въ д. № 91 по Невскому просп., въ квартирѣ № 13 былъ найденъ мертвымъ, съ явными признаками насильственной смерти, инспекторъ с.-петербургской секретной полиціи, Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ и тяжело раненый въ голову чиновникъ полиціи Николай Судовскій. По судебно-медицинскомъ вскрытіи трупа покойнаго, врачи дали заключеніе, что смерть подполковника Судейкина послѣдовала отъ безусловно смертельнаго поврежденія костей черепа, имѣющихъ нѣсколько трещинъ, а равно и отъ огнестрѣльной раны, проникающей въ полость живота и осложненной разрывомъ ткани печени и послѣдовавшимъ за этимъ разрывомъ кровоизліяніемъ въ названную полость. Всѣ приведенныя поврежденія по свойству своему были прижизненны, причемъ огнестрѣльная рана

вѣроятно, предшествовавшая другимъ поврежденіямъ, сама по себѣ должна быть признана безусловно смертельною, хотя смерть послѣ причиненія этой раны могла и не послѣдовать немедленно. Поврежденія же головы, по заключенію экспертовъ, послѣдовали, вѣроятно, отъ нанесенныхъ сзади ударовъ тупымъ орудіемъ, которыми могли быть и найденные въ квартирѣ ломы.

По осмотрѣ доставленнаго въ Рождественскій барачный лазаретъ Николая Судовскаго, у него оказались двѣ раны на макушкѣ головы съ раздробленіемъ теменныхъ костей, нанесенныя, какъ это видно изъ скорбнаго листа, тяжелымъ орудіемъ, повидимому, ломомъ».

По осмотрѣ домовою книги дома № 91 по Невскому проспекту установлено, что въ квартирѣ № 13 проживалъ дворянинъ Сергѣй Петровичъ Яблонскій по паспорту, выданному путивльскимъ уѣзднымъ исправникомъ 27 февраля 1883 г. за № 1933, оказавшемуся подложнымъ; а показаніемъ старшаго дворника означеннаго дома Григорія Кондратьева тогда же было установлено, что въ упомянутой квартирѣ съ дворяниномъ Яблонскимъ проживалъ въ качествѣ его лакея Павелъ Ивановъ Суворовъ.

Спрошенный вслѣдствіе сего въ качествѣ свидѣтеля запасный унтеръ-офицеръ Павелъ Ивановъ Суворовъ, по предъявленіи ему карточекъ разныхъ лицъ, разновременно привлекавшихся къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, показалъ, что въ карточкѣ *Сергея Петрова Дегаева признаетъ дворянина Сергея Петрова Яблонскаго, у котораго онъ жилъ въ качествѣ прислуги по желанію покойнаго подполковника Судейкина*. Къ Яблонскому онъ поступилъ 8 ноября, а на послѣднюю квартиру перѣхалъ съ нимъ 3 декабря 1883 г., и за все это время Яблонскаго посѣщали лишь подполковникъ Судейкинъ и его родственникъ Николай Судовскій. Самъ Яблонскій уходилъ изъ дому часовъ въ 11 утра, возвращался часа въ четыре, но затѣмъ скоро снова уходилъ и часто не возвращался до поздней ночи.

Спрошенный по выздоровленіи отъ нанесенныхъ ему ранъ, Николай Дмитріевъ Судовскій показалъ, что въ квартирѣ № 13 дома № 91 по Невскому проспекту, гдѣ былъ убитъ подполковникъ Судейкинъ и раненъ онъ самъ, проживалъ подъ фамиліей Яблонскаго отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ. 16-го декабря 1883 г. онъ съ подполковникомъ Судейкинымъ отправился въ эту квартиру въ пятомъ часу пополудни по предварительному уговору Дегаева. Человѣка Дегаева, Суворова, не было дома, Дегаевъ самъ отперъ дверь и, впустивъ ихъ, заперъ ее. Войдя въ квартиру, онъ, Судовскій, снялъ и повѣсилъ свою шубу въ передней, а подполковникъ Судейкинъ, не останавливаясь въ этой комнатѣ, прошелъ прямо въ слѣдующую—залу, гдѣ бросилъ на диванъ свое пальто, въ карманѣ котораго былъ револьверъ, и

тутъ же оставилъ палку со стилетомъ. Затѣмъ подполковникъ Судейкинъ прошелъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ въ слѣдующія комнаты. а онъ вошелъ въ залу и сѣлъ въ кресло. Черезъ нѣсколько минутъ совершенно неожиданно на него напали сзади, повидимому, два человѣка и почти одновременно съ этимъ въ комнатахъ, гдѣ былъ Судейкинъ и Дегаевъ, послышался шумъ, глухой звукъ выстрѣла и голосъ Судейкина, кричавшаго, насколько ему помнится: «Коко, бѣги сюда и бей ихъ изъ револьвера». Получивъ затѣмъ сильный ударъ въ голову, онъ, свидѣтель, потерялъ сознание и происшедшаго впоследствии совершенно не помнитъ. Все описанное свидѣтелемъ совершилось такъ быстро, что онъ не имѣлъ возможности разсмотрѣть нападавшихъ, а потому и не можетъ дать никакихъ указаний относительно товарищей Дегаева, участвовавшихъ въ убійствѣ подполковника Судейкина. Очнулся онъ, свидѣтель, лишь на другой день въ больницѣ, совершенно же пришелъ въ сознание только нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго событія.

Обвиняемый въ убійствѣ подполковника Судейкина отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ вслѣдъ за совершеніемъ этого преступленія скрылся и до сего времени не разысканъ.

3-го января 1884 года въ Кіевѣ, въ квартирѣ студента Эйберга былъ арестованъ скрывавшійся отъ преслѣдованія по дѣлу о преступномъ кружкѣ, обнаруженномъ въ г. Ромпахъ въ іюль 1883 г., дворянинъ Василій Конашевичъ, проживавшій въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Бориса Ростицкаго.

Обыскомъ, произведеннымъ въ означенной квартирѣ, было обнаружено значительное количество преступнаго содержанія брошюръ, шесть экземпляровъ прокламацій по поводу убійства подполковника Судейкина, руководство о взрывчатыхъ веществахъ и нѣсколько принадлежностей для изготовленія послѣднихъ, въ видѣ стеклянныхъ ретортъ и металлическихъ трубокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что Конашевичъ въ концѣ 1883 г. проживалъ въ Петербургѣ, хотя обстоятельство это онъ упорно отрицалъ.

Между тѣмъ 22-го декабря 1883 г. изъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ скрылась проживавшая тамъ акушерка Татьяна Голубева и ея жилецъ Михаилъ Адамовъ Савицкій. Это обстоятельство обратило на себя особое вниманіе полиціи.

Вслѣдствіе сего задержанный Конашевичъ по доставленіи его въ Петербургъ былъ предъявленъ дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову, который призналъ Василю Конашевича за лицо, посѣтившее одинъ разъ Татьяну Голубеву и Михаила Савицкаго. Спрошенный по поводу этого, обвиняемый Василій Конашевичъ объяснилъ, что онъ въ Петербургѣ никогда не жилъ, въ убійствѣ подполковника Судейкина никакого участія не принималъ и къ организаціи преступнаго

сообщества, именующагося партіей «народной воли», не принадлежит, хотя принципы партій раздѣляетъ.

16-го марта 1884 г. въ Москвѣ былъ задержанъ скрывавшійся отъ преслѣдованія сынъ священника, Николай Петровъ Стародворскій, представившій въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя почетнаго гражданина Дмитрія Пухальскаго, составленный отъ имени мелитопольской городской управы за № 2651 и оказавшійся подложнымъ.

По предъявленіи Николая Стародворскаго дворнику дома № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову и вышеназванной квартирной хозяйкѣ Вѣрѣ Ильиной, свидѣтели эти заявили, что въ Стародворскомъ признаютъ лицо, проживавшее по паспорту на имя дворянина Михаила Савицкаго.

Привлеченный вслѣдствіе сего въ качествѣ обвиняемаго Николай Стародворскій, отрицая на первыхъ допросахъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и участіе свое въ убійствѣ подполковника Судейкина, показалъ, что на такъ называемое нелегальное положеніе онъ перешелъ въ августѣ 1883 г., послѣ освобожденія имъ, Стародворскимъ, бѣжавшаго изъ административной ссылки Никона Волянскаго, арестованнаго въ гор. Барѣ, Подольской губерніи, и что освобожденіе это было совершено имъ въ силу личныхъ отношеній къ Волянскому, а не по порученію революціоннаго сообщества, къ которому онъ никакихъ отношеній не имѣетъ. Живя затѣмъ въ провинціи у своего знакомаго, назвать котораго не желаетъ, онъ, Стародворскій, въ октябрѣ 1883 г. получилъ письменное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. По прибытіи сюда онъ вскорѣ познакомился съ Сергѣемъ Петровымъ Дегаевымъ и сначала поселился въ домѣ № 14 по Лиговкѣ, въ квартирѣ Ильиной, представивъ въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя дворянина Михаила Савицкаго, а затѣмъ Сергѣй Дегаевъ, часто его посѣщавшій, предложилъ ему переѣхать на конспиративную квартиру, гдѣ помѣщалась тайная типографія. Вслѣдствіе отказа его, Стародворскаго, Дегаевъ недѣли черезъ три снова предложилъ ему поселиться на другой конспиративной квартирѣ въ домѣ № 114 по Большой Садовой улицѣ у акушерки Татьяны Голубевой, объявивъ, что эта квартира предназначена лишь для свиданій. Стародворскій согласился и прожилъ въ квартирѣ Голубевой до 17-го или 18-го декабря, когда къ нимъ явилось одно изъ лицъ, приходившихъ ранѣе къ Дегаеву на свиданіе, и заявило о необходимости оставленія квартиры въ виду послѣдовавшаго убійства подполковника Судейкина, въ чемъ, по словамъ этого лица, принималъ участіе Дегаевъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія онъ уѣхалъ на югъ, а въ мартѣ 1884 г. возвратился въ Петербургъ, откуда снова отправился на югъ, но на пути, въ Москвѣ, былъ задержанъ, при чемъ у него были отобраны

разныя шифрованныя замѣтки, революціонныя изданія, чертежи и замѣтки относительно взрывчатыхъ веществъ. Всѣ эти предметы были получены имъ въ Петербургѣ для передачи лицу, назвать которое онъ не желаетъ.

Обвиняемый Василій Конашевичъ при вторичномъ допросѣ показалъ, что онъ дѣйствительно жилъ въ Петербургѣ, но лишь до 3-го или 5-го декабря 1883 г., а затѣмъ на вопросы, въ какой мѣстности Петербурга проживалъ, съ кѣмъ видѣлся, по какому поводу прїѣзжалъ, по какой дорогѣ выѣхалъ обратно въ Кіевъ и оставивался ли гдѣ на пути, отвѣчать отказался.

При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый въ государственномъ преступленіи итальянскій подданный Степанъ Антоновъ Росси между прочимъ показалъ, что въ октябрѣ 1883 г., во время сѣзда въ С.-Петербургѣ лицъ, принадлежавшихъ къ социальнo-революціонному сообществу, Сергѣй Дегаевъ нѣсколько разъ намекалъ ему о предстоящихъ убійствахъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого, директора департамента полиціи Плеве, прокурора Добржинскаго и подполковника Судейкина; а потомъ въ декабрѣ того же года признался ему въ своихъ отношеніяхъ къ Судейкину и назвалъ лицъ, привлеченныхъ къ убійству послѣдняго. По словамъ Дегаева, революціонеры, проживавшіе за границей, требовали, чтобы онъ оставилъ всѣ остальные проекты убійствъ и поскорѣе убилъ Судейкина, на что онъ и согласился. Хотя Дегаевымъ давно были подысканы нужные для совершенія убійства люди, но передъ самымъ убійствомъ онъ избралъ двухъ другихъ: Василія Конашевича и Николая Стародворскаго (нелегальнаго Савицкаго). До 16-го декабря 1883 г., т. е. до дня убійства подполковника Судейкина, Дегаевъ дважды пытался привести въ исполненіе это преступленіе. Первая попытка (3-го декабря) не удалась вслѣдствіе того, что Судейкинъ прежде, чѣмъ пойти въ квартиру Дегаева, послалъ дворника узнать, дома ли послѣдній. Дегаевъ, наблюдавшій за появленіемъ Судейкина изъ окна ватерклозета, выходящаго на лѣстницу, замѣтилъ это, и когда къ дверямъ его подошелъ дворникъ и сталъ звонить, не отперъ послѣднему двери, и Судейкинъ долженъ былъ уѣхать. Вторая попытка была назначена приблизительно спустя недѣлю послѣ первой. На этотъ разъ Судейкинъ почему-то не прибылъ къ условленному часу, и потому Дегаевъ удалилъ Стародворскаго и Конашевича изъ своей квартиры, не дождавшись Судейкина. Назначивъ 16-го декабря днемъ убійства, Дегаевъ предупредилъ Стародворскаго и Конашевича, чтобы въ случаѣ, если онъ снова пожелаетъ удалить ихъ изъ своей квартиры до прїѣзда Судейкина, они не исполнили такого его требованія. Такое же требованіе не удаляться было предъявлено Стародворскому и Конашевичу и Германомъ Лопатинымъ, знавшимъ о притотвленіяхъ къ убій-

ству Судейкина. Въ день убійства онъ, Росси, встрѣтилъ Дегаева утромъ на Невскомъ проспектѣ и по его просьбѣ отправился въ квартиру Татьяны Голубевой (она же Ранса Кранцфельдъ), чтобы передать послѣдней какой-то паспортъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить Стародворскому, чтобы онъ пріѣхалъ къ двумъ часамъ на квартиру къ нему, Дегаеву. Придя къ Голубевой, онъ засталъ тамъ и Конашевича, которому вмѣстѣ съ Стародворскимъ передать слова Дегаева, а затѣмъ ушелъ домой на Пушкинскую улицу, уложилъ въ чемоданъ свои вещи и поѣхалъ въ заранѣе приготовленную квартиру, гдѣ долженъ былъ ожидать Дегаева. Въ исходѣ 5-го часа Дегаевъ пріѣхалъ взволнованный, быстро переодѣлся, взялъ чемоданъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ на Варшавскій вокзалъ, сказавъ дорогой, что выстрѣлилъ въ Судейкина и убѣжалъ, оставивъ Стародворскаго и Конашевича. Вскорѣ на тотъ же вокзалъ пріѣхалъ и Конашевичъ, вѣроятно, прямо изъ квартиры Дегаева, и подоспѣлъ къ тому же поѣзду, на которомъ уѣхалъ Дегаевъ. На другой день вечеромъ онъ, Росси, былъ въ квартирѣ Кранцфельдъ, гдѣ взялъ типографскій шрифтъ, а утромъ къ ней же заходилъ Германъ Лопатинъ за отпечатанными объявленіями объ убійствѣ Судейкина, которыя были напечатаны Раясою Кранцфельдъ и Стародворскимъ. Послѣ убійства Стародворскій и Кранцфельдъ (Голубева) пребыли въ Петербургѣ два дня; послѣдняя уѣхала въ Саратовъ, причѣмъ на вокзалъ ее провожалъ Петръ Елько, который, хотя и былъ во время убійства въ Петербургѣ, но свѣдѣній о совершеніи его не имѣлъ, исполняя лишь мелкія порученія Дегаева. На квартирѣ Голубевой, гдѣ также происходили совѣщанія по дѣлу объ убійствѣ Судейкина, кромѣ хозяевъ, Дегаева, Конашевича и Лопатина, до 16 декабря никто не бывалъ.

VIII.

Спрошенныя затѣмъ въ виду изложенныхъ свѣдѣній обвиняемые Николай Стародворскій и Василій Конашевичъ, признавъ свою виновность въ убійствѣ подполковника Судейкина, показали: Стародворскій—что до освобожденія арестованнаго въ Подольской губерніи административно-ссылнаго Волянскаго, онъ къ организаціи преступнаго сообщества, именующаго себя партіей «народной воли», не принадлежалъ, хотя революціонною дѣятельностью занимался; послѣ же освобожденія Волянскаго онъ отправился въ Кіевъ и тамъ формально вступилъ въ означенное сообщество. Въ концѣ сентября или началѣ октября 1883 г. тамъ же, въ Кіевѣ, онъ получилъ приглашеніе отъ лица, которое назвать не желаетъ, пріѣхать въ Петербургъ, куда тотчасъ же и отправился. Здѣсь, дня черезъ три по прибытіи, его познакомили съ какимъ-то Николаемъ Владимировичемъ, впоследствии оказавшимся Сергѣемъ

Дегаевымъ, который, сообщивъ ему о приготовленіяхъ къ убійству подполковника Судейкина, спросилъ, можетъ ли онъ рассчитывать на содѣйствіе въ этомъ его, Стародворскаго, на что онъ и далъ свое согласіе. О двойственной роли Дегаева, т. е. о томъ, что онъ состоялъ агентомъ у Судейкина, онъ, Стародворскій, узналъ уже позже, именно въ день первой попытки на убійство Судейкина, 6 декабря 1883 г., но не отъ самого Дегаева, который хотя и признавалъ это, но избѣгалъ по этому вопросу какихъ-либо объясненій. Первоначально рѣшено было совершить убійство безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, чтобы избѣжать шума, и потому орудіемъ убійства должны были служить ломы и, въ случаѣ необходимости, кинжалъ. Когда орудіе убійства было окончательно избрано, онъ, Стародворскій, въ первыхъ числахъ декабря купилъ два лома въ лавкѣ на Невскомъ проспектѣ, вблизи квартиры Дегаева и тамъ же при себѣ приказалъ обрубить ихъ, такъ какъ они были слишкомъ длинны. Эти ломы онъ привезъ изъ лавки къ себѣ на Большую Садовую, а впослѣдствіи уже перевезъ ихъ въ квартиру Дегаева. Затѣмъ было назначено время убійства, къ которому Дегаевъ пригласилъ къ себѣ подполковника Судейкина; Стародворскій же заранѣе помѣстился въ спальнѣ Дегаева, Конашевичъ въ коридорѣ, а Дегаевъ въ ватерклозетѣ, чтобы наблюдать въ окно, выходящее на лѣстницу, за прибытіемъ Судейкина. Судейкинъ къ назначенному часу не пріѣхалъ, и это такъ сильно встревожило Дегаева, вообще трусливаго по природѣ, что минутъ черезъ десять онъ вышелъ изъ ватерклозета и попросилъ ихъ удалиться изъ своей квартиры. Въ это время раздался звонокъ у входной двери, и всѣ послѣшнѣ заняли свои мѣста. Дегаевъ вошелъ въ ватерклозетъ и увидѣлъ, что звонитъ дворникъ, почему и не отперъ двери; а вслѣдъ за этимъ Дегаевъ услышалъ внизу лѣстницы голосъ Судейкина, который спрашивалъ, дома ли Дегаевъ. Узнавъ объ этомъ, онъ, Стародворскій, и Конашевичъ послали Дегаева внизъ пригласить Судейкина, но послѣдній успѣлъ уже сѣсть въ карету и уѣхать. Вторая попытка убить подполковника Судейкина была назначена дней черезъ семь или восемь. Въ этотъ разъ, ближе ознакомившись съ расположеніемъ комнатъ квартиры Дегаева, они съ Конашевичемъ размѣстились иначе и рѣшили употребить въ дѣло револьверъ, полагая, что выстрѣла внѣ квартиры слышно не будетъ. Прежнее размѣщеніе признано было неудобнымъ, такъ какъ еслибы никого не было вблизи передней, то выходъ изъ квартиры остался бы не защищеннымъ, и потому Конашевичъ помѣстился въ кухнѣ, дверь изъ которой выходила въ переднюю. Въ этотъ разъ Судейкинъ въ назначенное время не пріѣхалъ, и Дегаевъ послѣдшнѣ удалитъ ихъ изъ своей квартиры. Въ промежутокъ времени между этой послѣдней попыткой и слѣдующей Дегаевъ предлагалъ еще

другой планъ убійства Судейкина. По словамъ Дегаева, Судейкинъ предполагалъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь съ цѣлью: во-первыхъ, устранить возникшія въ средѣ революціонной партіи подозрѣнія относительно Дегаева, а, во-вторыхъ, получить такимъ путемъ повышение по службѣ.

По этому плану Дегаевъ долженъ былъ выстрѣлить Судейкину въ лѣвую руку во время прогулки его въ Петровскомъ паркѣ и скрыться на лошади, приготовленной заранее самимъ же Судейкинымъ; а во время болѣзни послѣдняго отъ этой раны должно было послѣдовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убійство министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого. Дегаевъ предложилъ имъ воспользоваться означеннымъ планомъ фиктивного покушенія на жизнь Судейкина для того, чтобы на самомъ дѣлѣ убить его, на что Стародворскій и изъявилъ согласіе. Роли осуществленія этого послѣдняго плана были распредѣлены такъ, что Конашевичъ принималъ на себя обязанность кучера Дегаева, а онъ, Стародворскій, долженъ былъ прибыть въ паркъ заранее и выстрѣлить въ Судейкина. Покушеніе это предполагалось произвести 19 декабря: но вскорѣ Дегаевъ отказался отъ этого плана, опасаясь, съ одной стороны, промаха, а съ другой—засады со стороны Судейкина.

Тогда рѣшили обратиться къ прежнему плану, согласно которому преступленіе и было совершено 16 декабря. Въ этотъ разъ онъ, Стародворскій, помѣстился въ спальнѣ, а Конашевичъ—въ кухнѣ. До звонка у входной двери всѣ сидѣли въ спальнѣ; когда же раздался звонокъ, Конашевичъ отправился на назначенное ему мѣсто въ кухню, а Дегаевъ пошелъ отворить дверь. Еще ранѣе рѣшено было, что когда Судейкинъ войдетъ въ комнату, что передъ спальней, то Дегаевъ выстрѣлитъ въ него сзади, влѣдствіе чего Судейкинъ, по предположенію, долженъ былъ броситься впередъ, т. е. въ спальню, гдѣ его встрѣтитъ онъ, Стародворскій. Вскорѣ послѣ звонка Стародворскій услышалъ шаги, а затѣмъ выстрѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. Прождавъ моментъ и видя, что Судейкинъ не показывается въ спальнѣ, онъ бросился въ комнату, откуда былъ слышенъ выстрѣлъ, и увидѣлъ Судейкина на порогѣ лицомъ въ гостиную. Онъ, Стародворскій, ударилъ его ломомъ, но такъ какъ Судейкинъ занималъ неудобное для удара положеніе, то ломъ только скользнулъ по нему, не причинивши существеннаго вреда. Послѣ удара Судейкинъ, держась лѣвой рукой за бокъ, съ крикомъ побѣжалъ въ переднюю, гдѣ въ это время возлѣ выходной двери находились Судовскій и Конашевичъ. Здѣсь онъ снова ударилъ Судейкина въ високъ и увидѣлъ, что Конашевичъ въ то же время нанесилъ удары Судовскому. Отъ послѣдняго удара Судейкинъ упалъ, какъ показалось ему, Стародворскому, безъ признаковъ жизни, но черезъ нѣсколько мгновеній вскочилъ

и вбѣжалъ въ ватерклозеть, удерживая руками изнутри дверь. Желая воспрепятствовать Судейкину затворить за собою дверь ватерклозета, онъ, Стародворскій, вставилъ ногу между дверью и косякомъ, причеъ одной рукой старался оттянуть дверь, а другою билъ Судейкина ломомъ по рукамъ. Когда дверь такимъ образомъ была имъ вырвана изъ рукъ Судейкина, то послѣдній вмѣстѣ съ дверью оказался въ передней, гдѣ Стародворскій нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ ломомъ по головѣ, въ затылокъ. Отъ этихъ ударовъ Судейкинъ опрокинулся назадъ въ ватерклозеть; здѣсь онъ еще разъ ударилъ Судейкина ломомъ, причеъ разбилъ находившійся тамъ ночной горшокъ, и прекратилъ нанесеніе ударовъ, лишь убѣдившись, что Судейкинъ мертвъ. Въ это время Судовскій лежалъ на полу въ передней на мѣховомъ пальто; Конашевичъ же ушелъ во внутреннія комнаты за своей одеждой и затѣмъ совершенно удалился, а онъ, Стародворскій, остался еще въ квартирѣ, чтобы взять, по порученію Дегаева, нѣкоторыя вещи и кинжалъ, во избѣжаніе, чтобы по этому кинжалу не отыскали его прежняго владѣльца. На это потребовалось минутъ пять времени, въ теченіе котораго онъ ходилъ со свѣчой по разнымъ комнатамъ. Уходя изъ квартиры, онъ заперъ за собою дверь на ключъ, который бросилъ на Невскомъ проспектѣ. Преступленіе было совершено между четырьмя съ половиною и пятью часами пополудни, и въ тотъ же вечеръ онъ, Стародворскій, печаталъ прокламаціи объ этомъ убійствѣ, какъ объяснено выше. Кто участвовалъ въ совѣщаніяхъ объ убійствѣ Судейкина, Стародворскій объяснить отказался.

Обвиняемый Василій Конашевичъ, признавая свою принадлежность къ партіи «народной воли», показалъ, что на нелегальное положеніе онъ перешелъ приблизительно въ іюлѣ мѣсяцѣ 1883 г., но еще и до этого времени принималъ нѣкоторое участіе въ революціонной дѣятельности. Такъ, онъ давалъ совѣты относительно постановки революціонной типографіи въ Кіевѣ, гдѣ была напечатана въ 1882 или 1883 г. прокламація по поводу возмущенія крестьянъ въ мѣстечкѣ Ольшаной, Кіевской губерніи, и ѣздилъ въ Ромны, гдѣ дважды подвергался обыску, что и заставило его, по возвращеніи въ Кіевъ, перейти на нелегальное положеніе; приблизительно въ августѣ 1883 г. онъ возилъ въ Черниговъ революціонныя изданія, а въ концѣ октября того же года, по возвращеніи его изъ Чернигова, въ Кіевъ пріѣхалъ его знакомый, назвать котораго онъ не желаетъ, и предложилъ принять участіе въ одномъ террористическомъ предпріятіи въ Петербургѣ, которое, по словамъ этого знакомаго, могло значительно содѣйствовать успѣху революціоннаго движенія вообще и народовольчества въ частности. Сущность этого предпріятія знакомый обѣщаль объяснить по пріѣздѣ въ Петербургъ, если онъ, Конашевичъ, дастъ свое согласіе на участіе. Конашевичъ согласился и

недѣлю спустя отправился въ Петербургъ, гдѣ, не имѣя ни квартиры, ни письменнаго вида, оставилъ свой чемоданъ на Варшавскомъ вокзалѣ, отдавъ его на храненіе дежурному полицейскому служителю. Дня черезъ два по приѣздѣ онъ нашель Дегаева, который на третій день помѣстилъ его въ квартирѣ акушерки Татьяны Голубевой, по Большой Садовой улицѣ, въ домѣ № 114, а спустя недѣлю познакомился съ Стародворскимъ, также поселившимся у Голубевой подъ именемъ Савицкаго. Вскорѣ онъ узналъ отъ Дегаева о предположеніи убить подполковника Судейкина. Причины, которыя привели его и другихъ лицъ къ мысли о необходимости этого убійства, заключались въ томъ вредѣ, который нанесенъ былъ Судейкинымъ революціонной партіи. Еще со времени своей службы въ Кіевѣ Судейкинъ былъ извѣстенъ за способнаго розыскаго чиновника, а въ Петербургѣ онъ наводилъ, по выраженію Конашевича, панику на революціонеровъ и дѣйствовалъ растлѣвающимъ образомъ на слабыхъ членовъ партіи, обращая ихъ въ своихъ агентовъ. О томъ, что самъ Дегаевъ былъ агентомъ Судейкина, онъ, Конашевичъ, узналъ уже впоследствии, когда Дегаевъ вынужденъ былъ объяснить, какимъ образомъ онъ могъ пригласить Судейкина къ себѣ на квартиру. Время для убійства подполковника Судейкина назначалось нѣсколько разъ, но совершеніе преступленія откладывалось по разнымъ причинамъ. Сначала предполагалось, по указанію Дегаева, совершить названное убійство въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ, по словамъ Дегаева, онъ условился съ Судейкинымъ произвести фиктивное покушеніе на убійство послѣдняго. Съ этою цѣлью, онъ, Конашевичъ, по порученію Дегаева, набросалъ съ натуры планъ Петровскаго парка, но порученіе это исполнилъ весьма неудачно, такъ что Дегаевъ, передавъ этотъ планъ Судейкину, возвратился отъ него крайне взволнованнымъ и объявилъ, что Судейкинъ остался имъ недоволенъ за небрежное составленіе плана, и что вслѣдствіе этого онъ, Дегаевъ, боится, чтобы Судейкинъ не сталъ относиться къ нему подозрительно. Затѣмъ рѣшено было убить Судейкина ломомъ въ квартирѣ Дегаева. Первыя двѣ попытки привести въ исполненіе этотъ замыселъ кончились неудачей по причинамъ, указаннымъ Конашевичемъ вопліѣ согласно съ приведеннымъ выше показаніемъ Стародворскаго. Наконецъ, 16-го декабря Судейкинъ прибылъ въ квартиру Дегаева къ назначенному времени, въ сопровожденіи Судовскаго, и вмѣстѣ съ Дегаевымъ и Судовскимъ прошелъ во внутреннія комнаты, гдѣ вскорѣ раздался выстрѣлъ, вслѣдствіе чего онъ, Конашевичъ, немедленно вышелъ изъ кухни въ переднюю, куда одновременно съ нимъ выбѣжали изъ гостиной Судовскій, Судейкинъ, Дегаевъ и Стародворскій. Судовскій бросился на него, Конашевича, но онъ нанесъ ему ударъ ломомъ, послѣ котораго Судовскій бросился къ выходной двери, гдѣ онъ, Конашевичъ, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ, отъ которыхъ Судовскій упалъ. Въ

это время Судейкинъ вбѣжалъ въ ватерклозетъ, возлѣ котораго между нимъ и Стародворскимъ произошла продолжительная борьба, слѣдить за которой онъ не могъ, будучи отвлеченъ борьбою съ Судовскимъ. Дегаевъ же, лишь только во время борьбы ихъ освободилась выходная дверь на лѣстницу, отперъ ее и быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собой двери. Послѣ нанесенія нѣсколькихъ ударовъ Судовскому, когда послѣдній, равно какъ и Судейкинъ, свалился съ ногъ, онъ, Конашевичъ, отправился въ спальню Дегаева, гдѣ переодѣлся и немедленно удалился изъ квартиры, оставивъ тамъ одного Стародворскаго, и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской дорогѣ, одновременно съ Дегаевымъ. Отправляясь 16-го декабря 1883 г. въ квартиру Дегаева въ качествѣ одного изъ участниковъ убійства Судейкина, онъ, Конашевичъ, не рассчитывалъ возвратиться живымъ, такъ какъ предварительно рѣшено было убить Судейкина, если бы даже онъ пришелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, но самимъ живыми въ руки власти не отдаваться. Кто, кромѣ него, Дегаева и Стародворскаго, участвовалъ въ обсужденіи убійства Судейкина, Конашевичъ объявить отказался.

IX.

Къ этимъ обстоятельнымъ описаніямъ происшедшаго надлежитъ прибавить то, что самъ Дегаевъ впослѣдствіи, при встрѣчѣ за границею съ сестрою, г-жою Маклецовою, повѣдалъ о томъ же. «Рѣшивъ заманить Судейкина для того, чтобы убить его, Сергѣй сообщилъ ему, что въ такой-то день ожидаетъ къ себѣ на квартиру барыню изъ провинціи съ очень важными документами. Судейкинъ и раньше бывалъ у Сергѣя, поэтому не было ничего страннаго въ томъ, что Сергѣй просилъ его присутствовать лично при свиданіи съ пріѣзжей изъ провинціи. Между тѣмъ Сергѣй спряталъ у себя на квартирѣ двухъ террористовъ, а самъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина и подать знакъ къ нападенію выстрѣломъ. Судейкинъ явился съ племянникомъ. «А гдѣ же ваша барыня, Сергѣй Петровичъ?» спросилъ онъ Сергѣя. Сергѣй что-то отвѣчалъ ему и повелъ въ заднюю комнату. Когда они сѣли у стола, Сергѣй выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ ранилъ Судейкина. «Дегаевъ! что вы дѣлаете?!» закричалъ тотъ и бросился въ переднюю, гдѣ въ то время уже убивали его племянника. Сергѣй вмѣстѣ съ другими участниками билъ Судейкина во время борьбы въ ватерклозетѣ. Затѣмъ, такъ какъ дѣло было кончено, онъ надѣлъ пальто и медленно спустился по лѣстницѣ. Въ ухахъ у него все время стоялъ страшный крикъ Судейкина, но на лицѣ, вѣроятно, не отражался ни ужасъ, ни растерянность, такъ какъ, когда ему пришлось проходить мимо

швейцара, тотъ, по обыкновенію, всталъ, поклонился ему и пропустилъ мимо, не замѣтивъ въ немъ ничего особеннаго.

«Сергѣй рассказывалъ, что другой ужасный моментъ онъ пережилъ, когда поѣздъ, на которомъ онъ ѣхалъ за границу, стоялъ почему-то долѣе обыкновеннаго въ Гатчинѣ... Каждую минуту онъ ожидалъ, что его арестуютъ. На границѣ ему пришлось пережить два дня въ ожиданіи, когда привезутъ ему паспортъ. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ на судъ своихъ бывшихъ товарищей. Надо прибавить одну черту: жена Дегаева жила въ это время въ Парижѣ и каждый день ходила обѣдать къ Л. Тихомирову.

«Сергѣй пришелъ тоже къ Тихомирову и, сообщивъ о смерти Судейкина, предложилъ самому привести надъ собой въ исполненіе смертный приговоръ, если народовольцы сочтутъ это дѣйствіе полезнымъ для партіи. Л. Тихомировъ обѣщаль переговорить съ другими членами «народной воли»... и сообщить Сергѣю рѣшеніе суда. Сергѣй ждалъ 3 дня... «Если бы тебѣ вынесли смертный приговоръ, ты бы исполнилъ его?» спросила я. «Разумѣется», отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія. Но приговоръ ему вынесли другой: имя его было предано безчестию, онъ былъ изгнанъ изъ партіи, и ему было запрещено когда бы то ни было, подъ страхомъ смерти, принимать участіе въ политической дѣятельности партіи. Это былъ жестокій, но справедливый приговоръ».

Драма на Невскомъ проспектѣ, гдѣ жертвою сталъ Судейкинъ, глубоко потрясла все русское общество и до нельзя взволновала администрацію, изъ рядовъ которой былъ выбитъ такой талантливый и опытный служащій, въ лицѣ котораго надѣялись видѣть полнаго побѣдителя непобѣдимой, какъ казалось, партіи террористовъ. Его смерть на время влекла за собою потерю всякихъ нитей, связующихъ революцію съ департаментомъ полиціи, и стоявшему во главѣ департамента В. К. Плеве приходилось сызнова налаживать дѣло преслѣдованія и борьбы съ революціонными сообществами. Дѣйствительно, положеніе создавалось очень затруднительное, и понятно то проявленіе горя, которое выказали власти при торжественныхъ похоронахъ Судейкина, на гробъ котораго были возложены вѣнки многими высокопоставленными лицами. Стремясь напасть на слѣдъ убійцы, правительство распустило и въ столицѣ, и во всѣхъ провинціальныхъ центрахъ воспроизводимое далѣе объявленіе.

Конечно, оно ни къ какому результату привести не могло. Дегаевъ былъ уже далеко—слѣды его были замечены, а партія «народной воли» успѣшила въ отвѣтъ на это объявленіе, съ своей стороны, распространить слѣдующія два воззванія. Во первомъ говорилось: «Правительство назначаетъ денежные награды въ *нѣсколько тысячъ рублей* тѣмъ, кто предастъ лицъ, казнившихъ начальника тайной полиціи, жандармскаго полковника Судейкина. Исполни-

тельный комитетъ объявляетъ, что *смерть* грозитъ каждому предателю». Вслѣдъ за симъ появилось и второе воззваніе, гдѣ послѣ изложенія того, какъ Дегаевъ сталъ предателемъ, «исполнительный комитетъ» говорить:

Его, т. е. комитета, прямая обязанность состояла въ томъ, чтобы, обезпечивъ—путемъ ли физической смерти, или иными способами—полное уничтоженіе личности Дегаева для партіи, правительства и общества, достигнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ цѣлей. А именно,—онъ нашель необходимымъ: 1) спасти прежде всего тѣхъ изъ дѣйствительныхъ дѣятелей, которые, хотя и были указаны полиціи, находились еще на свободѣ; 2) вывести изъ-подъ надзора полиціи указанныя ей учрежденія и скрыть ихъ вполне надежнымъ образомъ; 3) отобрать у Дегаева подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ наемныхъ агентахъ и добровольныхъ пособникахъ политической полиціи; 3) и, наконецъ, казнить самого Судейкина (по непремѣнно руками самого же Дегаева), ибо этотъ неутомимый сѣятель политическаго разврата долженъ быть, по мнѣнію комитета, погибнуть въ той же самой ямѣ, которую онъ рылъ другимъ, оставивъ собственной гибелью вѣчно памятный урокъ того, какъ ненадежно все основанное на предательствѣ. Къ тому же только такое взаимоистребленіе двухъ достойныхъ другъ друга дѣятелей могло, по его мнѣнію, успокоить хоть до нѣкоторой степени возмущенное нравственное чувство зрителей этой трагедіи и дѣйствительно обезпечить на будущее время полную невозможность новаго выступленія Дегаева на той или другой сторонѣ политической арены. Нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того самаго момента, какъ Дегаевъ отдался въ распоряженіе исполнительнаго комитета.

Что касается того, какъ выполнены приказанія комитета касательно казни Судейкина, то это достаточно извѣстно всѣмъ и каждому изъ различныхъ газетъ. Вынужденный горькою необходимостью преодолѣть свою нравственную безрелигиозность и законное негодованіе и воспользоваться услугами Дегаева, и. к. нашель справедливымъ замѣнить смертную казнь безусловнымъ изгнаніемъ его изъ партіи съ запрещеніемъ ему, надъ опасеніемъ смерти, вступать когда-либо на почву русской революціонной дѣятельности. И. к. приглашаетъ всѣхъ членовъ партіи Н. В. слѣдить за точнымъ выполненіемъ этого приговора, а также за поведеніемъ другихъ лицъ, запутавшихъ себя договорами съ Судейкинымъ, Плева и вообще полиціей.

Пусть эти лица знаютъ, что организація предупреждена объ ихъ продѣлкахъ, и помнить, что въ настоящее время единственный выходъ для нихъ составляетъ добровольное удаленіе къ частной жизни. Несмотря на всю важность занимающихъ его вниманіе цѣлей, и. к. найдетъ время неуклонно преслѣдовать дѣло очищенія русской политической атмосферы отъ деморализаціи, развитой въ ней Судейкинымъ.

Какъ правительственное объявленіе не могло имѣть никакого практическаго значенія, за выбитіемъ Дегаева изъ предѣловъ отечества, такъ и пудно и хвастливо написанная декларация «исполнительнаго комитета», являвшася въ сущности въ тѣ дни своего рода мифомъ, ибо на самомъ дѣлѣ комитету не изъ кого было состоять послѣ погромовъ, произведенныхъ въ революціонной средѣ Судейкинымъ. Она, т. е. декларация, только констатировала приговоръ заграничныхъ революціонеровъ надъ Дегаевымъ; прекра-

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

обвиняется въ убійствѣ 16-го Декабря 1883 года Подполковника Судейкина.

5,000 РУБЛЕЙ

назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію.

10,000 РУБЛЕЙ

будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.

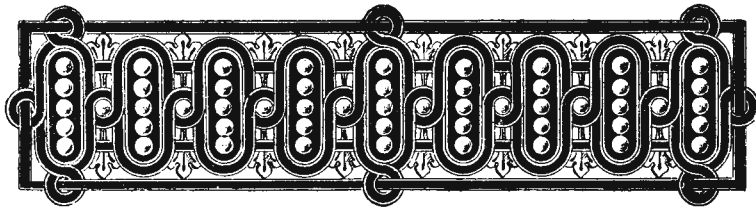
тить же провокаторство, выдачи и измѣны «исполнительный комитетъ» не былъ въ силахъ. Судейкинъ проложилъ въ революціонную среду достаточно прочный путь, и провокаторъ съ того времени прочно обосновался какъ въ лагерѣ оппозиціи, такъ и въ нѣдрахъ правительственныхъ учрежденій, и съ фигурой его, быть можетъ, намъ еще придется встрѣчаться.

Что касается Дегаева, приговореннаго и правительствомъ и террористами, то онъ еще долго влачилъ свою жизнь вдали отъ Россіи и отъ всего Стараго Свѣта. Онъ обосновался въ Австраліи, гдѣ, вернувшись къ занятіямъ математической наукою, къ которой питалъ такое влеченіе, занялъ одну изъ университетскихъ кафедръ и посвятилъ себя цѣликомъ воспитанію юношества. Скончался онъ лишь недавно, всего года три-четыре назадъ, и только лишь послѣ его смерти стало извѣстно, кто такой былъ австралійскій ученый и какая бурная жизнь прелестствовала его ученой дѣятельности.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ КОБЗАРЕЙ И ЛИРНИКОВЪ.

ГОЛЬ такъ живописно изобразилъ настроеніе и общій характеръ малорусской ярмарки, что рисовать ея картину послѣ него было бы даже грѣхомъ... Другой писатель-малороссъ Квитка Основьяненко представилъ въ разсказѣ «Солдатскій портретъ» многія этнографическія черты ярмарочной жизни въ Малороссіи. Но его ярмарка перестала быть даже воспоминаніемъ. Вѣдь онъ описывалъ еще, какъ жокакъ медвѣдя потѣшалъ базарную публику своими и медвѣжьими выходками!.. Теперь совсѣмъ не то! Для нынѣшней ярмарки даже шарманка, неистово наигрывающая вальсъ «Ожиданіе», и то явленіе не совсѣмъ модное.

Теперь мы встрѣтимъ на ярмаркѣ иныя картины. Вотъ въ одномъ углу ея, между возами, оставленными хозяевами на попеченіе дѣтей, граммофончикъ, еврей изъ Одессы, установилъ помятую трубу аппарата, и Вяльцева ухарски откалываетъ «Гайда, тройка!» Кругомъ давка, толкотня, восклицанія удивленія. Забыты дѣла и заботы. Жестяная труба зачаровываетъ и не отпускаетъ отъ себя ни молодыхъ, ни старыхъ. И куда бы мы ни пощли дальше, мы непременно встрѣтимъ новшества: или безпроигрышную лоттерей мелкой галантереи, или разбитного мороженщика, у котораго мороженое «сверху мерзнетъ, снизу кипитъ».

Но напрасно полагать, что такъ-таки ничего не осталось на ярмаркѣ отъ старой поэтической Украины, обвѣянной романтическими воспоминаніями и осѣненной поэзією Гоголя. Среди этого

шума и галдѣнья нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, можетъ быть, донесеть до насъ легкій лѣтній вѣтерокъ иные звуки и слова, которые приводятъ въ особенный трепеть сердце этнографа:

Ой, вышла, вышла Матерь Божая,
Ой, та на хрести стала,
Кули ¹⁾ вертала, туркивь вбывала,
Монастырь рятувала.

Подъ оградою низкой церкви старинной украинской архитектуры, расписанной картинами изъ жизни пророка Іліи, въ рядъ, одинъ подлѣ другого, сидятъ слѣпые нищие со своими поводырями. Ихъ около десяти. Только двое изъ нихъ кобзари, играющіе на кобзѣ или бандурѣ; остальные же всѣ лирники, играющіе на такъ называемой лирѣ. Всѣ они составляютъ одинъ «гуртъ», или, по-старинному, «старечій цехъ», т. е. нищенское братство. Когда на Украинѣ распространилось при посредствѣ Польши магдебургское право, и ремесленники образовали цехи, пѣвцы-нищие тоже соединились въ нищенскій цехъ. И подъ названіемъ «гурта», нищенскій цехъ со всѣмъ своимъ укладомъ живетъ до сихъ поръ на Украинѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. «Гуртъ» обнимаетъ какой-либо опредѣленный уѣздъ, и средоточіемъ его служитъ какая-нибудь церковь, съ неугасимою лампадою передъ иконою святого, покровителя «гурта», содержимую нищими. Въ престольный праздникъ собираются они вокругъ стѣнъ своей церкви, чтобы помолиться и обсудить свои несложныя дѣла.

День 20-го іюля, памяти святого пророка Іліи, собралъ въ уѣздный городъ вокругъ Ильинской церкви до двухъ десятковъ нищихъ-пѣвцовъ: лирниковъ и кобзарей. Большинство сѣло у самаго храма, гдѣ много богомольцевъ, и есть кому слушать «Лазаря» или «Почаевскую», и оттого больше подаяній. Нѣкоторые разсѣлись по другимъ угламъ базара, а кое-кто помѣстился у дороги, при самомъ въѣздѣ въ городъ, подъ тѣнью вербъ.

«Турокъ не вирить, изъ лука мирить», — поетъ высокимъ теноромъ кобзарь лѣтъ двадцати, тихо перебирая струны бандуры, хотя игры ея совершенно не слышно; но дѣлаетъ онъ это по привычкѣ, больше для себя. Послѣднія слова стиха подхватили ближайшіе сосѣди пѣвца, потомъ присоединились другіе и въ унисонъ затянули:

На монастырь нацилае;
А ты стрилы назадъ летила,
Та самыхъ ихъ побыла.

Когда кончилось пѣніе «псалмы», нищие принялись за бублики и другую снѣдь, которую ихъ надѣлили во время пѣнія богомольцы, изрѣдка вполголоса переговариваясь между собою. А между тѣмъ

¹⁾ Пули.

Кобзарь Терентій Пархоменко.

подслѣповатые или косые поводыри кричать прохожимъ звонкими голосами:

— А ну, вожекъ! Кто вожки купить, тотъ до дому поѣдетъ; а кто не купить, у того кобыла на ярмаркѣ пристанетъ!

Выдѣлка веревокъ и вожжей—обычный промыселъ слѣпцовъ-

нищихъ, которыхъ часто очень плохо кормить ихъ артистическая дѣятельность. Поэтому нѣкоторые даже очень даровитые кобзари, знавшіе много историческихъ думъ, оставляли бандуру и пѣніе и навсегда уходили въ витѣ веревокъ.

А было время, когда кобзари были необходимы когда-то воинственному украинскому народу, когда они вдохновляли его на кровавую борьбу за православную вѣру и свою народность. Да и сами кобзари были тогда не несчастными слѣпыми нищими, а воинами. Такой казакъ-кобзарь изображенъ въ думѣ «про смерть казака-бандуриста»:

Ой на татарськихъ поляхъ,
 На козацькихъ шляхахъ,
 Не вовкы-сироманци квылять, проквыляють,
 Не орлы-чорнокрыльци клеочуть и пидъ небесамы летаютъ:
 То сыдыть на могыли козакъ старесенькый,
 Якъ голубонько сывесенькый,
 У козбу грае—выгравае,
 Голосно спивае...

Возлѣ него лежитъ его конь, разстрѣлянный и изрубленный; пика его поломана; сабли нѣтъ, —остались однѣ ножны; а въ пороховницѣ нѣтъ пороху и для одного заряда. Лишь осталась у казака люлька да немного табаку:

Козакъ сердега люлечку потягае,
 У козбу грае—выгравае,
 Жалибно спивае:
 «Кобзо жъ моя, дружыно вирная,
 Бандуро моя мальвованая!
 Де жъ мени тебе диты?
 А чы у чыстому степу спалыты,
 И попилецъ по витру пустыты?
 А чы на могыли положыты?
 Нехай буйный витерь по степахъ пролитае,
 Струны твои зачипае,
 Смутцесенько, жалибнесенько грае-выгравае...»

На старинныхъ излюбленныхъ запорожцами картинкахъ, рисованныхъ самими же казаками, запорожець изображался обыкновенно съ бандурою въ рукахъ. Повѣсилъ онъ на деревѣ жиды, а то и двухъ сразу, пустилъ коня пастись, а самъ сѣлъ на землю потурецки и играетъ на бандурѣ. Таково содержаніе запорожскихъ картинъ, подъ названіемъ «казакъ Мамай», изображенія котораго со стихотворною надписью въ стихахъ можно встрѣтить рѣшительно въ каждомъ украинскомъ музеѣ древностей въ Кіевѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ.

Были даже времена, когда кобзари платились жизнью за свою игру и пѣніе... Въ 1770 году поляки казнили въ Коди на Волыни трехъ бандуристовъ за то, что они гайдамакамъ, какъ записано въ

Лирникъ съ поводыремъ.

протоколахъ коденскаго суда, «на bandurze grywali». Одинъ изъ нихъ звался Прокопъ Скряга, другой Михайло и третій Василий Варченко.

Но исторія кобзарства знаетъ и розовыя страницы. На нихъ кобзарь выступаетъ артистомъ, котораго заслушиваютъ, которымъ
«истор. вѣстн.», октябрь 1911 г., т. сxxvi.

интересуются не одни только обитатели селъ, о которомъ, наконецъ, пишуть цѣлыя книги.

Такъ, въ XVIII вѣкѣ извѣстенъ слѣпой бандуристъ Григорій Любистокъ, котораго въ 1730 году привезли въ Петербургъ ко двору императрицы Елизаветы Петровны, для ея развлечения. Но Любистокъ такъ стосковался по своей бродячей и свободной жизни, что не могли его сначала прельстить ни довольство, ни вниманіе государыни, и онъ въ слѣдующемъ году ухитрился бѣжать изъ столицы. Императрица была очень опечалена этимъ, и по всей Россіи, по церквамъ и гражданскимъ учрежденіямъ, полетѣли указы съ предписаніемъ поймать Любистка и привезти въ Петербургъ. Вскорѣ его, дѣйствительно, поймали и доставили ко двору. Мало-по-малу кобзарь привыкъ къ своей новой жизни, разбогатѣлъ, въ 1743 году былъ возведенъ въ дворянское достоинство и на правахъ помѣщика владѣлъ впоследствии землею въ Полтавской губерніи.

Менѣе счастливъ, но болѣе извѣстенъ былъ въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка кобзарь Остапъ Вересай изъ Прилуцкаго уѣзда Полтавской губерніи. «Скромное имя его,—по выраженію малорусскаго этнографа В. Горленка,—проникло даже на чопорныя страницы «Revue des deux mondes». Вересая знали хорошо украинскіе и русскіе ученые, и онъ пѣлъ во многихъ научныхъ обществахъ. Между прочимъ, его пѣніе было предметомъ вниманія великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей. Въ 1875 году Остапа Вересая привезли въ Петербургъ. Профессоръ О. О. Миллеръ какъ разъ читалъ въ это время великимъ князьямъ народную словесность и подошелъ къ изложенію украинскихъ историческихъ пѣсенъ. Чтобы иллюстрировать послѣднія живымъ исполненіемъ народнаго пѣвца, Орестъ Миллеръ попросилъ привезти Вересая во дворецъ, и тотъ исполнилъ передъ высокими слушателями нѣсколько своихъ пѣсенъ, за что на память получилъ серебряную табакерку съ надписью.

Въ послѣдніе годы въ Малороссіи, среди любителей народной музыки и въ научныхъ кругахъ, особенно стало извѣстно имя кобзаря изъ Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи Терентія Пархоменка, который, обладая высокимъ чистымъ теноромъ, съ большою трогательностью и выразительностью исполнялъ историческія думы и божественныя «псалмы». Пархоменко выступалъ въ засѣданіяхъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ по разнымъ городамъ и, между прочимъ, пѣлъ на харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ, который собственно и вывелъ его въ люди. Предполагалось его выступленіе и на предпоследнемъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ; но ученые меценаты слишкомъ поспѣшили съ поощреніемъ таланта кобзаря, который, заручившись деньгою, такъ загулялъ передъ самымъ засѣданіемъ, что коман-

дированные за нимъ приватъ-доценты никакъ не могли привести его туда ¹⁾).

Но мы оставили нашихъ пѣвцовъ подъ оградою Ильинской церкви. А между тѣмъ острый моментъ ярмарки прошелъ. Еще она гудить, еще кричить горластый продавецъ полированной посуды, еще цыгане галдятъ и бѣснуются на конскомъ торгѣ, еще еврейки хватаютъ за юбки дивчатъ, зазывая ихъ подъ свои ятки съ мелкою галантереєю, но уже чувствуется во всемъ нѣкоторое утомленіе отъ шума, суматохи и нестерпимо палящаго полуденнаго солнца. Уже ходить по ярмаркѣ стало свободнѣе, и по дорогамъ отъ города потянулись вереницы возовъ.

Въ это время милостыня становится скудною. Одни, покончивъ дѣла, спѣшать скорѣе по домамъ; другіе отнесли уже лишнюю копейку въ «казенку», и имъ не до нищихъ. Да и самимъ слѣпцамъ хочется отдохнуть и вышить. Къ тому же сегодня предстоитъ посвященіе въ кобзари Алексѣя Побѣгайла, ученика стараго кобзаря Михайла Кравченка.

Въ каждомъ малорусскомъ городѣ, каждомъ селѣ и деревнѣ существуютъ хаты, въ которыхъ нищіе находятъ себѣ пріютъ и отдыхъ. Хозяева такихъ хатъ обычно или сами нищіе, или просто набожные старики. Здѣсь, въ городѣ нищіе останавливались у кобзаря Антона Скобы, который былъ казначеемъ ихъ нищенскаго гурта и хранилъ у себя сундукъ съ деньгами братства. Но ключа отъ замка на сундукѣ у него не было. Этотъ ключъ нищая братія отдала другому нищему—лирнику Ивану Нетесѣ, который бродилъ по тремъ уѣздамъ губерніи и являлся въ «гуртъ» только одинъ разъ въ годъ—на святого пророка Илію. Какъ бы далеко ни былъ онъ въ началѣ іюля отъ города, но въ это время обыкновенно говорилъ своему поводиру: «Часъ намъ, хлопче, до Ильи рушаты»,—и потихоньку да полегоньку направлялся въ городъ и девятнадцатаго числа обязательно бывалъ уже тамъ.

Жена Антона Скобы, рослая баба съ металлическимъ звонкимъ голосомъ, давно уже стояла у воротъ плетня, выглядывая мужа съ братчиками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она жила въ селѣ съ родителями и никогда не думала выйти замужъ за слѣпого кобзаря. Но какъ-то разъ онъ зашелъ къ нимъ въ хату и такъ прельстилъ ее своею игрою, что Приська стала, какъ привороженная, и слѣпой пѣвецъ не выходилъ у нея изъ головы. вмѣстѣ съ тѣмъ, Антонъ Скоба, хотя и не видалъ лица Приськи, однако чувствовалъ ея твердые и рѣшительные шаги босыми ногами по гладко выбитому полу, что создавало въ его представленіи образъ сильной и здоровой женщины. Говорила она звонко, какъ его бандура, и это тоже нравилось Скобѣ. Между ними установилась невысказанная симпатія,

¹⁾ Весною этого года Т. Пархоменко скончался.

и Антонъ все чаще и чаще сталъ появляться въ Монастырищѣ, гдѣ жила Приська. Бывало, придетъ онъ подъ ея хату и заиграетъ на бандурѣ такъ жалобно, что самъ плачетъ. Слушаетъ его Приська, слушаетъ да и крикнетъ: «Иди ты къ бису, чортовъ сыну, не рви моего сердца!»— «Не гони ты меня, бисова дивко, а лучше иди за меня замужъ», отвѣчаетъ ей Антонъ.

Такъ дѣло тянулось лѣтъ пять-шесть, когда, наконецъ, Приська рѣшилась выйти за слѣпого кобзаря.

— Одружила,—говорила она потомъ сосѣдкамъ,—съ этимъ дѣдомъ его бандура. Какъ придетъ меня сватать, то я его и выгоню; а какъ заиграетъ на бандурѣ, такъ и верну назадъ.

Но вотъ ко двору Скобы начали подходить лирники со своими поводырями. Не встрѣчавшіеся еще въ этотъ день другъ съ другомъ здоровались:

— Кудень клевый, лебію,—говорилъ одинъ изъ встрѣчавшихся.

— Абы тоби кудень клевищій,—отвѣчала другой.

Одно привѣтствіе означало: «добрый день, дѣдушка»,—а другое: «пусть тебѣ этотъ день будетъ еще лучше». Малорусскіе слѣпые пѣвцы говорятъ на особенномъ искусственномъ нарѣчій—лебійскомъ, что на томъ же нарѣчій значить: нищенскомъ. Это нарѣчіе должны знать всѣ принимаемые въ братчину. Выдавать же лебійскій языкъ постороннимъ—большой проступокъ, за который виновный можетъ подвергнуться даже избіенію. Поэтому большихъ усилій стоитъ убѣдить слѣпца передать слова лебійскаго нарѣчія.

Наконецъ пришелъ самъ хозяинъ Антонъ Скоба. Войдя въ хату, онъ сѣлъ за столъ подъ иконами и поставилъ рядомъ съ собою на лавку свою бандуру. Другіе слѣпцы размѣстились по лавкамъ. Если кто входилъ послѣ и узнавалъ, что хозяинъ уже тутъ,—онъ становился посреди хаты и, крестясь, говорилъ: «Позволь, Отче Небесный, поклониться всѣмъ святымъ угодиномъ: святому славному проку Ілии, святому Миколѣ, Антону и Хведосію печерскимъ, и праздникомъ не минающимъ: Рождеству, Великому дню, Спасу, зеленой недѣлѣ».

Потомъ вошедшій обращался къ Антону Скобѣ:

— Что, братъ, живь?

— Живь,—отвѣчалъ Антонъ.

— Здоровъ въ руки?

— Здоровъ,—говорилъ Антонъ.

— Здоровъ въ ноги?

— Здоровъ.

— Еще крѣпокъ, силенъ?

— Эге жъ, крѣпокъ.

Послѣ этого Антонъ предлагалъ тѣ же вопросы вошедшему, и, только отвѣтивъ на нихъ, новый гость садился на свободное мѣсто.

Кобзари въ дорогѣ.

Подолгу не встрѣчались нѣкоторые старцы другъ съ другомъ, и теперь всякій разсказывалъ о своихъ походахъ, разспрашивалъ про отсутствовавшихъ.

— Меня въ Нѣжинѣ,—разсказывалъ кобзарь Братица,—одинъ баринъ на фотографію снялъ. Хвалился потомъ, что тотъ патреть напечатали.—Ну, и что жъ вамъ съ того, что вы такъ хлопотали?—спрашиваю его. «А мнѣ, говорить, прислали шесть карбованцевъ и «Ниву» на цѣлый годъ».—Ну, думаю себѣ, и счастье: на цѣлый годъ дали ниву пахать! Потомъ только онъ мнѣ разсказалъ, что это такъ газета, что ли, называется—«Нива». Такъ оно выходитъ, чортъ знаетъ что!

— А кто слыхалъ про Андрея Шута?—спрашиваетъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Пропалъ,—отвѣчалъ другой.—Въ мартѣ мѣсяцѣ черезъ Десну хотѣлъ по льду пройти. Самъ-то не видитъ, а поводырѣ малъ—не разумѣетъ,—такъ оба и попали подъ ледъ.

— Царство небесное! Вѣчный покой,—крестятся присутствующіе.

— Ну, а кто слыхалъ, какъ окончилъ свой животъ лирникъ Петро Степовиденко изъ Занекъ?

— Подъ селомъ Березанкой его снѣгомъ занесло и заморозило. Шелъ онъ на ночь изъ Нѣжина въ Черняховку, безъ поводыря—мальчишка-то сбѣжалъ отъ Петра. Идетъ смѣло, потому что дорога хорошо знакома. Только вотъ поднялась метель, замела дорогу, куда ни ступить нога, всюду въ снѣгъ проваливается. Блукалъ Петро, блукалъ по полю и доклубалъ до Березанки, которая какъ разъ на дорогѣ отъ Нѣжина въ Черняховку. Да не зналъ слѣпецъ, что онъ подъ самымъ селомъ. Сѣлъ въ полѣ и давай играть на лирѣ. Думалъ, что люди услышатъ и придутъ рятовать. И вѣрно, много березанскихъ людей слыхало, какъ съ поля метель доносила музыку, да не знали, къ чему бы оно было. Кто думалъ, что это «дидько»¹⁾ въ полѣ играетъ. Такъ и замело Петра, и замерзъ-то онъ подъ самымъ селомъ. Вотъ какой случай.

Снова крестятся старцы и поминаютъ покойника.

Когда гуртъ собрался, въ хату вошелъ молодой слѣпецъ Алексѣй Побѣгаило, кончившій нищенскую науку у старика кобзаря Михайла Кравченка. Въ рукахъ у него была булка ситнаго хлѣба. Чтобы гуртъ позволилъ слѣпому ходить по уѣзду и играть на бандурѣ или лирѣ, ему надо сначала пройти науку у болѣе стараго кобзаря или лирника, который въ такомъ случаѣ называется «пань-отцомъ». Наука продолжается отъ трехъ до шести лѣтъ. Когда ученикъ усвоитъ всѣ нужныя молитвы, постигнетъ технику игры, заучитъ «псалмы» и думы, учитель приводитъ его въ гуртъ, гдѣ тотъ посвящается братчиками въ нищенское званіе и прини-

¹⁾ Чортъ.

мается въ число членовъ братства. Если же такой ученикъ, не окончивъ науки у «пань-отца», самовольно, безъ разрѣшенія гурта поидеть промышлять лирою или бандурою, — тогда ему горе: поймають его нищѣ, отнимутъ инструментъ и самого поколотятъ.

Ставъ посреди хаты, Алексѣй поклонился въ ноги сначала своему «пань-отцу», въ сторону котораго повернулъ его мальчикъ-поводырь, а затѣмъ всему братству. Послѣ этого онъ сказалъ:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе, Христе Боже нашъ, помилуй насъ.

— Аминь, — отвѣтилъ ему Кравченко.

— Благодарю покорно, — продолжалъ Алексѣй, — за святой аминь, за евангельское слово, за мастерскую науку. Кланяюсь вамъ, пань-отче, съ хлѣбомъ, съ солью, съ низкимъ поклономъ и добрымъ словомъ.

И онъ снова поклонился въ ноги своему пань-отцу.

— Дай, Боже, здравствовать, — сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь ко всему гурту. — Поздравляю васъ со святымъ праздникомъ пророка Иліи.

Послѣ этого Алексѣй ступилъ шагъ по направленію къ «пань-отцу» и подалъ ему хлѣбъ. Кравченко взялъ хлѣбъ.

— Дай, Боже, — сказалъ онъ: — чтобы, какъ этотъ хлѣбъ честенъ и великъ, такъ былъ бы и ты честенъ и великъ между крещенымъ міромъ и между нашею братією. Пусть тебя Господь Богъ благословитъ на всѣ четыре стороны.

— Благодарю, — отвѣчалъ Алексѣй, — за хорошее слово.

Затѣмъ Кравченко поднялся и, держа въ рукахъ хлѣбъ, сталъ читать молитву:

«Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ».

Всѣ молчали. Кравченко второй разъ произнесъ молитву, и опять всѣ промолчали. Тогда Кравченко въ третій разъ прочиталъ молитву, и всѣ слѣпцы въ одинъ голосъ сказали: «Аминь!»

— Благодарю, — сказалъ Кравченко, — за святой аминь, за евангельское слово. Кланяюсь вамъ съ просьбою, о Христе братія, старшая и младшая: согласны ли вы моему ученику хлѣбъ-соль отдать?

Помолчали слѣпцы, а потомъ самый старый изъ нихъ, Никита Соломаха, сталъ спрашивать у Кравченка:

— А онъ у тебя хорошъ былъ? Говорилъ ли онъ встрѣчнымъ людямъ: здравствуй? Благодарилъ ли онъ христіанъ за милостыню? Можетъ быть, онъ кого-нибудь обокралъ или обругалъ? Можетъ быть, тебя билъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Кравченко: — Алексѣй былъ хорошій хлопецъ.

— Ну, коли онъ былъ славный хлопецъ, пусть ему Богъ помогаетъ, пусть его люди уважають. Согласны мы и должны принять отъ него хлѣбъ-соль.

Тутъ мальчишка-поводырь подаль Кравченку новую бандуру. Кобзарь повѣсилъ ее черезъ плечо и накрылъ полой своей свитки. Алексѣй подошелъ къ своему «пань-отцу» и тоже прикрылъ бандуру своею свитою. Тогда Кравченко снялъ съ себя бандуру и надѣлъ на Алексѣя.

— Дай, Боже,—сказаль онъ:—чтобы ты былъ здоровъ, какъ вода, а богатъ, какъ земля. И пусть у тебя не убудеть ни воды, ни росы. Гряди во имя Господне!

— Гряди во имя Господне!—громко подхватили всѣ слѣпые.

На этомъ окончился обрядъ принятія въ гуртъ. Послѣ этого Алексѣй угощаль по обычаю нищую братію, до вечера сидѣли слѣпцы въ бесѣдѣ, толкуя о своемъ житьѣ-бытьѣ...

Въ тотъ же день, на вечерней зарѣ Алексѣй вышелъ изъ города со своимъ поводыремъ по направленію къ сосѣднему селу. Онъ слушаль, какъ тихо переговаривались между собою подорожныя вербы, какъ шелестѣла гречиха, разнося благоухающій запахъ по всей дорогѣ... Гдѣ-то вдаль отъ нея перекликались перенела; а съ попутныхъ хуторовъ, зеленѣвшихъ въ сторонѣ кущами высокихъ тополей, доносилось звучное «таканье» аистовъ. Вотъ быстро прожужжала надъ дорогой запоздалая пчела; а неутомный шмель все гудитъ на гречкѣ, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ. Полевые звуки и запахи обдають Алексѣя со всѣхъ сторонъ. И чудно хорошо кажется ему въ мѣрѣ. Воображеніе рисуеть кругомъ него дивныя краски, которымъ нѣтъ ни словъ, ни счета. Переливаются онѣ одна въ другую, сливаются въ разноцвѣтные хороводы и летять все выше и выше, въ самое небо...

На другой день Алексѣй ходилъ по улицамъ ближайшаго села и, наигрывая на бандурѣ, пѣлъ «Двѣнадцать пятницъ». Хозяйки выносили слѣпому, кто хлѣба, кто муки, кто картошки. Всякій разъ послѣ дающія Алексѣй останавливался и читаль молитву за здравіе живущихъ и за упокой скончавшихся.

Солнце стояло надъ самымъ горизонтомъ. Подъ нимъ не погасла еще ярко цвѣтистая заря. Холодные, но ослѣпительно блестящія лучи его били прямо въ лицо молодого кобзаря, золотя его и придавая ему утренній блескъ. Набѣгавшій съ полей вѣтерокъ развѣвалъ его волосы и раздуваль свитку. А онъ шель тихо и мѣрно, въ тактъ игрѣ бандуры, устремивши неподвижный бѣлый взглядъ навстрѣчу солнцу, и далеко разносилась его протяжная «псалма» по селу и окрестностямъ.

Вотъ на улицу послушать кобзаря вышла краснощекая дивчина. Засмотрѣлась она на его молодое лицо, заслушалась его звонкаго пѣнія. Долго стоитъ она неподвижно, смотря вослѣдъ уходящему пѣвцу, и неясныя, смутныя мечты о жалостливой любви пролетаютъ въ ея головкѣ...

Вл. Даниловъ.

НА РОДИНѢ ЛОМОНОСОВА.

I.

Къ сѣверу. — Архангельскъ. — Памятникъ Ломоносову. — Несоотвѣтствующее изображение. — Толкованіе простаго народа. — Поѣздка въ Холмогоры. — Среди пассажировъ. — Положеніе ссыльныхъ въ губерніи. — Убіиства и грабежи.

ВЪ ВЕСЕННЕЕ время жители русскихъ городовъ очень часто стремятся выѣхать на югъ. Но, казалось бы, естественнѣе послѣдовать примѣру перелетныхъ птицъ и съ наступленіемъ теплыхъ дней направляться къ сѣверу. Онѣ слѣдуютъ за солнцемъ. Солнце къ сѣверу, — и птицы къ сѣверу; солнце къ югу, — и птицы къ югу.

Впрочемъ, въ самое послѣднее время все болѣе и болѣе русскихъ туристовъ замѣчается на берегахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Но и простой крестьянскій людъ давно имѣетъ тяготѣніе къ сѣверному краю. Изъ года въ годъ толпы паломниковъ со всей Россіи спѣшаютъ добраться до того мѣста, гдѣ июльское солнце въ самую полночь лишь касается края воды и потомъ опять подымается въ высоту. Дивная страна, гдѣ около трехъ мѣсяцевъ тьмы ночей не бываетъ! Непрерывная свѣтлость! Вотъ тутъ-то, на островахъ Бѣлаго моря, русскій народъ и воздвигнулъ величественный жертвенникъ Богу — Соловецкій монастырь. Онъ несетъ туда свои скромныя сбереженія, отлаетъ свой добровольный трудъ и слагаетъ тамъ свои пламенные молитвы и затаенныя желанія...

Раннею весною 1909 года, лишь только тронулся ледъ на Сѣверной Двинѣ, мнѣ тоже случилось отправиться на пароходѣ изъ Вологды въ Архангельскъ. Но дальше устья рѣки Ваги пароходъ не пошелъ, потому что около Архангельска скопилась масса льду. Пришлось измѣнить маршрутъ и первымъ городомъ моего обозрѣнія сдѣлать Шенкурскъ. Въ Архангельскѣ я прибылъ лишь 8-го мая.

Проѣзжая впервые по главной улицѣ—Троицкій проспектъ,—протянувшейся черезъ весь городъ, я съ любопытствомъ осматривалъ жилые дома, церкви и казенныя зданія, ища въ нихъ чего-нибудь интереснаго, оригинальнаго. Но здѣсь все такъ обыкновенно, шаблонно и ужъ очень скромно. Въ Соломбалѣ—предмѣстьѣ города—еще грустнѣе. Тамъ если и высятся солидныя кирпичныя зданія, принадлежащія морскому вѣдомству, то въ какомъ ужасномъ видѣ! Окна безъ рамъ, на стѣнахъ слѣды дыма, какъ бы послѣ большого пожара, кое-гдѣ осыпается кирпичъ... На дворѣ адмиралтейства на каждомъ шагѣ наталкиваешься на остатки былого величія: вотъ лежитъ гигантскій якорь, здѣсь идутъ рельсы для подвозки тяжестей, кое-гдѣ встрѣчаются обрубки лѣса, концы троса. Всюду масса стараго желѣза... Видно, когда-то кипѣла здѣсь жизнь, работа, а теперь—мерзость запустѣнія!

Но вотъ на одной изъ площадей города стоитъ мѣдный памятникъ на гранитной колоннѣ.

— Кому это?—спрашиваю.

— Ломоносову!

Спасибо архангельцамъ: они этимъ памятникомъ сразу напоминаютъ приѣзжающему—какого гениальнаго человѣка далъ этотъ суровый сѣверный край!

Прежде, чѣмъ Пири или Кукъ объявили міру о достиженіи ими сѣвернаго полюса, архангельцы давно поставили своего Ломоносова на вершину земли. На мѣдномъ сегментѣ, изображающемъ сѣверную часть земнаго шара, стоитъ съ разведенными руками отъ удивленія знаменитый нашъ академикъ и поэтъ Михайло Васильевичъ, какъ величали его современники, а на лицѣ его—изумленіе и восхищеніе. Что это значитъ? По объясненію создателя памятника, И. П. Мартоса, это—«вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ, по случаю великаго сѣвернаго сіянія». Очевидно, Мартосъ хотѣлъ изобразить нашего ученаго поэта въ моментъ созданія имъ знаменитой оды при созерцаніи полярныхъ сполоховъ.

Къ сожалѣнію, вышло не совсѣмъ соотвѣтствующее замысламъ художника.

Михаилъ Васильевичъ—великанъ русской науки и русскаго слова; но онъ же великанъ и своимъ могучимъ тѣломъ. Не даромъ въ Германіи погнались за его выдающимся ростомъ и зачислили его въ солдаты. На архангельскомъ же памятникѣ Ломоносовъ не производитъ впечатлѣнія русскаго могучаго великана. Къ тому же

онъ и одѣтъ немного легко для сѣвернаго климата—въ римскую тогу. Какъ-то странно видѣть: поставили великаго русскаго помора на сѣверный полюсъ, а голову, грудь, руки и ноги обнажили. На томъ же сегментѣ, приполярной части земнаго шара, совершенно обнаженный крылатый гений склонился предъ Ломоносовымъ и подаетъ ему лиру съ вензелемъ императрицы Елизаветы Петровны. Ниже надпись: «Холмогоры».

Вообще, какъ замѣчаютъ многіе, памятникъ вышелъ не особенно удачный. И хотя онъ былъ открытъ порядочно давно (25-го августа 1832 года), простой народъ до сихъ поръ не понимаетъ значенія памятника, особенно паломники, направляющіеся въ Соловецкій монастырь. Они недоумѣваютъ: какому святому кланяется ангель съ крыльями? Римская тога на Ломоносовѣ заставляеть ихъ отнести скульптурное изображеніе «святого» къ мученикамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но почему же «ангелъ» безъ всякаго одѣянія? На образахъ всегда ихъ пишутъ одѣтыми...

Ложно-классическое изображеніе русскаго ученаго, очевидно, не пригодно на архангельской почвѣ.

Интересно посмотрѣть, какъ хранится память Михаила Васильевича на самомъ мѣстѣ его родины—въ Денисовкѣ, близъ города Холмогоръ?

Случай скоро представился мнѣ съѣздить на родину Ломоносова по Сѣверной Двинѣ на пароходѣ.

Вечеромъ 28-го мая небольшой пароходъ «Вологжанинъ» отвалилъ отъ пристани Архангельска и сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ. Слѣва потянулись окраины города со складами лѣса, смолы и другихъ предметовъ вывоза, справа—необозримыя пространства тростниковъ, прорѣзанныя безчисленными рукавами рѣчки.

Накрапывалъ дождь. Но никто и не думалъ уходить съ палубы. И только, когда налетѣла грозовая туча съ ливнемъ, пассажиры неохотно стали спускаться въ каюты.

Съ приходомъ парохода къ устью рѣчки Ловли погода прояснилась. На палубѣ опять смѣхъ и говоръ. Среди небольшой группы пассажировъ молодая дѣвушка оживленно рассказывала о недавнемъ убійствѣ Остроумовой въ селѣ Емецкомъ. Въ этомъ же году въ Кеми былъ убитъ податной инспекторъ Журавченко. Въ томъ и другомъ случаѣ замѣшаны ссыльные.

Архангельская губернія въ настоящее время, можно сказать, наводнена ссыльными. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ наберется ихъ сотни двѣ и больше. Это составляетъ немалый процентъ на число постоянныхъ жителей здѣшнихъ небольшихъ городовъ.

Раньше ссыльные были въ городахъ Архангельской губерніи желанными гостями. Здѣшніе обыватели получали въ лицѣ ихъ

хорошихъ учителей и всякаго рода ремесленниковъ. Теперь же среда собственно политическихъ ссыльныхъ сильно разбавлена высланными изъ другихъ губерній разными хулиганами. Изъ-за нихъ нѣкоторыя селенія умоляютъ администрацію, чтобы ихъ избавили отъ непрошенныхъ гостей.

— Помилуйте!—говорилъ кемскій горожанинъ:—никогда этого не бывало, чтобы у насъ проливалась кровь. А теперь смотрите-ка какое злодѣйство!

Случился съ нами на пароходѣ монахъ изъ Онеги, и онъ тоже жаловался на ссыльныхъ, ограбившихъ недавно старинный Крестный монастырь.

— Ужъ такъ тогда братія напугалась, такъ напугалась!—разсказывалъ монахъ:—только съ уходомъ грабителей одинъ отецъ почувствовалъ, что у него зубы выбиты...

За разговорами незамѣтно прошла и ночь, если только можно назвать здѣсь такъ короткое время, когда солнце чуть спрячется за горизонтъ.

II.

Холмогоры.—Происхождение названія.— Прогулка въ Ломоносовку.—На паромѣ.— Холмогорскія коровы.— Ломоносовское училище.— Производство изъ моржевой кости.— Старая школа на мѣстѣ дома Ломоносова.— Возвращеніе въ Холмогоры.

Къ Холмогорамъ пароходъ подошелъ въ четыре часа утра. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Архангельской губерніи обыкновенно къ каждому приходу парохода собирается навстрѣчу большая толпа народа. Но въ этотъ ранній часъ, кромѣ городскихъ, почти никого не было. Извозчиковъ—ни одного. Для багажа пришлось воспользоваться услугами полицейскихъ.

Чтобы добраться до рекомендованной мнѣ монастырской гостиницы, надо пройти черезъ весь городъ по набережной рѣчки Курьей, или Куропалки, протока Сѣверной Двины.

Небольшіе деревянные дома, заборы, досчатые тротуары... На берегу—лодки и сѣти. Кое-гдѣ подѣланы небольшія пристани... По ту сторону рѣки, на Курь-островѣ, видна лѣсная роща. Тихо. Кругомъ все спитъ.

Было бы большою ошибкой въ Холмогорахъ искать и холмовъ и горъ. Болѣе правильное древнее названіе города—Колмогоры. Происхождение названія объясняется такъ. По сосѣдству съ Холмогорами находится село Матигоры. Отъ него получила названіе и мѣстность вдоль рѣчки Куропалки—«Около Матигоры», или въ сокращеніи—«Кол-Матигоры», а отсюда и старинное названіе города Колмогоры. Такъ до сихъ поръ называетъ свой городъ все населеніе Холмогорскаго уѣзда.

Но вотъ мы дошли и до конца города. Небольшая заводь отдѣляетъ его отъ зеленого луга, на которомъ возвышается женскій

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ

Успенскій монастырь и величественный Преображенскій соборъ. Перейдя небольшой деревянный мостъ, мы вступили на дорогу среди обширнаго луга, ведущую къ монастырскимъ воротамъ.

Долго пришлось вести переговоры носильщикамъ моего багажа съ матушками монастыря, пока онѣ пустили меня въ гостиницу. Вступая въ ограду тихой обители, я съ большимъ любопытствомъ оглядывалъ стѣны стариннаго зданія, когда-то содержавшія въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ сосланное семейство брауншвейгъ-люнебургскаго принца Антона-Ульриха.

Въ первый праздничный день въ небольшой компаніи я отправился въ Ломоносовку, на мѣсто родины нашего великаго ученаго. Погода была ясная, тихая, теплая. Комарь и мошка, страшный бичъ для людей и скота здѣшняго края, еще не начинали своей несносной атаки. Все благопріятствовало нашему путешествію.

Мы прошли по набережной рѣчки, мимо читальни для народа имени М. В. Ломоносова, къ пристани перевоза. Въ большой лодкѣ, или баркасѣ, какъ здѣсь называютъ ее, видны люди и коровы. Сѣли и мы на кормѣ лодки-парома. За весла взялись двѣ женщины, сопровождавшія корову, несмотря на то, что въ лодкѣ было нѣсколько мужчинъ. Это явленіе обычное на всемъ побережьи Бѣлаго моря.

— Холмогорская порода?—спрашиваю женщинъ, указывая на корову.

— Здѣшняя!

— Теперь ужъ нѣтъ такихъ коровъ, которыми когда-то славился нашъ край,—отозвался одинъ изъ спутниковъ, очевидно, холмогорскій житель.—Все, что было у кого получше, покрупнѣе, все продали въ другія губерніи. Предлагали хорошія деньги,—только давай! И дѣйствительно: каждый хозяинъ норовилъ продать свою видную корову. Хорошій-то скоть весь и ушелъ отъ насъ; осталась одна мелочь. Развѣ это корова? Спросите-ка ихъ: такія ли коровы онѣ помнятъ?! Да, перевелась старая порода холмогорской коровы. Чтобы поправить дѣло, надо опять, по примѣру Петра Великаго, выписать рослый молочный скоть изъ Голландіи или изъ какой другой страны. Впрочемъ, въ Соловецкомъ монастырѣ монахи не продаютъ своихъ коровъ, а потому тамъ еще сохранился хорошій скоть.

Пока мы разговаривали, лодка успѣла пересѣчь небольшую рѣчку и пристала къ пристани Курьяго острова.

Чтобы добраться до Ломоносовки, надо было пройти порядочное разстояніе по голому песку до ивовой поросли; да ивнякомъ, переходящимъ въ небольшой лѣсъ, мы сдѣлали версты двѣ. Нашимъ проводникомъ былъ одинъ изъ пассажировъ парома—молодой крестьянинъ, высланный сюда изъ Пензенской губерніи. Всю дорогу онъ насъ занималъ сообщеніями о своемъ собственномъ положеніи на островѣ, объ административно-сельныхъ въ Холмогорахъ вообще, объ ихъ заработкахъ. О Ломоносовѣ, конечно, онъ ничего новаго не могъ сказать.

Наконецъ мы вышли на большое огороженное мѣсто, среди котораго высился деревянный двухъэтажный домъ—двухклассное училище въ память М. В. Ломоносова. Это, пожалуй, главный памятникъ нашему ученому поэту на мѣстѣ его родины.

Подходимъ къ дверямъ училища съ одной стороны. Никто не отворяетъ. Подходимъ съ другой. Вышла бѣлокурая служанка не

Памятник Ломоносову въ Архангельскѣ.

русскаго типа, напоминающая «чудь бѣлоглазую» древнихъ лѣтописцевъ. Она намъ сообщила, что сейчасъ нѣтъ въ школѣ. Воспользовавшись праздникомъ, оба учителя уѣхали въ Холмогоры. Классы большіе и обставлены сравнительно очень хорошо. Въ этой школѣ, между прочимъ, учатъ рѣзбѣ по кости. Крѣпкіе клыки моржа Ледовитаго океана представляютъ отличную, плотную, яркобѣлую кость, вполне замѣняющую слоновую для изящныхъ издѣлій. Вѣроятно, давно самъ собою развился въ Архангельской губерніи этотъ видъ кустарнаго промысла—рѣзные издѣлія изъ кости. Но мѣстные «художники» не имѣли хорошихъ образцовъ. Въ настоящее время рѣзчиками являются ученики Ломоносовской школы, и, подъ руководствомъ заправскихъ мастеровъ, ихъ издѣлія приняла болѣе изящныя, болѣе благородныя формы, зато и цѣна имъ теперь значительно повышена. Красивые ножи для книгъ изъ моржовой кости можно встрѣтить въ настоящее время не только въ Архангельскѣ, но и въ лучшихъ магазинахъ Петербурга. По примѣру холмогорской школы рѣзбы по кости устраивается такая же школа въ Сибири, гдѣ матеріаломъ будетъ служить своя мѣстная «мамонтъ-овая кость», то есть громадныя кривыя бивни ископаемыхъ мамонтовъ.

Смотрѣть въ Ломоносовскомъ училищѣ больше нечего было. Проводникъ повелъ насъ далѣе къ церкви, гдѣ находится старая школа на мѣстѣ бывшего дома, въ которомъ родился и жилъ Михаилъ Васильевичъ. Деревня Скурлова, Красное село и Денисовка слились теперь въ одну обширную Ломоносовку.

Старая школа, такъ называемая въ отличіе отъ большой новой, представляетъ собою скромный одноэтажный домикъ. Отъ бывшего деревяннаго дома отца Ломоносова, конечно, не осталось и слѣда.

Вернуться въ Холмогоры мы рѣшили инымъ путемъ. Выйдя на берегъ рѣки противъ женскаго холмогорскаго монастыря, мы попросили нашего проводника нанять намъ лодку и перевезти насъ на ту сторону.

Четверо административно-сельныхъ предложили намъ свои услуги и быстро переправили къ самому собору.

III.

Ломоносовъ — бѣглець. — Его любознательность. — Начало русской литературы. — Время императора Іоанна Антоновича. — Иллюминація въ годовщину рожденія государя. — Оды Ломоносова. — Приключенія Ивана Зубарева. — Его знакомство съ Ломоносовымъ. — Попытка освободить холмогорскаго узника.

Удивительна судьба Ломоносова. Сколько разъ, напримѣръ, онъ былъ бѣглецомъ! Въ концѣ царствованія Петра II онъ бѣжитъ изъ родного дома въ Москву. Въ 1733 году онъ бѣжитъ опять въ Москву изъ кievской академіи. Изъ города Марбурга, оставя въ

немъ свою жену и малютку-дочь, онъ бѣжитъ отъ долговъ. По дорогѣ въ Россію Ломоносовъ попадаетъ вербовщикамъ короля Фридриха II и зачисляется рекрутомъ прусской службы. Но при первой возможности онъ снова бѣжитъ въ Голландію, а оттуда, изъ Амстердама, въ концѣ лѣта 1741 года моремъ переправляется въ Петербургъ.

Какъ въ молодости, вмѣсто родной матери, Ломоносовъ получилъ злую мачеху, такъ и въ послѣдующіе годы судьба ему была почти все время недоброю мачехою. Но она же и развила въ немъ чрезвычайную энергію. Онъ боролся со своими препятствіями смѣло и

Набережная въ Холмогорахъ.

даже дерзко, идя напроломъ. И эта борьба не мѣшала ему заниматься съ удвоеннымъ напряженіемъ. А за свою сравнительно недолгую жизнь (54 года), чѣмъ только онъ не занимался и увлекался! Любопытность его, казалось, не знала предѣловъ. Напримѣръ, увидитъ мозаичную картину,—сейчасъ же обдумываетъ, какъ бы самому сдѣлать такую же. И дѣлаетъ! Да не какъ-нибудь, а сперва серьезно изучаетъ вопросъ, дѣлаетъ въ этой области различныя приспособленія и изобрѣтенія и наконецъ создаетъ собственноручно художественную вещь.

Но мозаика — это одно изъ разнообразныхъ увлеченій его. Главное, что надо отмѣтить, — гениальная разработка имъ русскаго языка. В. Г. Вѣлинскій называетъ Ломоносова Петромъ Великимъ русской литературы. «Наша литература, — говоритъ онъ, — началась съ 1739 года, отъ появленія первой оды Ломоносова...

«Истор. вѣстн.», октябрь 1911 г., т. СХХVI.

Онъ прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую оду на взятіе Хотина («Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ»), съ которой, по всей справедливости, должно считать начало литературы». Гоголь отозвался о немъ такъ: «Изумительно то, что начинатель уже явился господиномъ и законодателемъ языка. Ломоносовъ стоитъ впереди нашихъ поэтовъ, какъ вступленіе впереди книги. Его поэзія—начинающійся разсвѣтъ». А. Пушкинъ назвалъ его «нашимъ первымъ университетомъ».

Такъ какъ я пишу не біографію Ломоносова, то не стану подробно останавливаться на его трудахъ по химіи, физикѣ и металлургіи, для изученія которыхъ собственно и посланъ онъ былъ петербургской академіей наукъ за границу. Не въ меньшей мѣрѣ онъ занимался также исторіей, словесностью, поэзіей, краснорѣчіемъ и искусствами.

Съ бѣгствомъ изъ Германіи окончилась его роль учащагося. Съ прибытіемъ въ Россію въ 1741 году Ломоносовъ становится въ ряду ученыхъ академіи наукъ и получаетъ званіе адъюнкта физическаго класса.

Въ Петербургѣ въ это время произошли крупныя событія. 17-го октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна. Только что родившійся (12-го августа 1740 года) сынъ ея племянницы объявленъ былъ императоромъ подъ именемъ Иоанна III. Фаворитъ покойной государыни, курляндскій герцогъ Биронъ, назначенъ былъ регентомъ Россійскаго государства до совершеннолѣтія младенца-императора. Но такое положеніе продолжалось недолго. Въ ночь на 8-е ноября того же 1740 года Биронъ былъ арестованъ, и мать императора, Анна Леопольдовна, объявила себя правительницей Россійской имперіи.

Первую годовщину младенца-императора, 12-го августа 1741 г., Петербургъ пышно отпраздновалъ. По обычаю того времени въ честь виновниковъ торжества создавались различныя аллегорическія картины съ разьясненіями. Составленіе надписей на иллюминаціи входило въ кругъ обязанностей академіи наукъ, и онѣ писались обыкновенно нѣмецкими профессорами, а переводилъ ихъ на русскій языкъ Ломоносовъ.

Несмотря на то, что, съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, съ особенною тщательностью уничтожались всѣ государственныя бумаги съ именемъ императора Иоанна III, все-таки сохранилось «Изьясненіе фейерверка и иллюминаціи, которые въ высокаторжественный и всерадостный день рожденія всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго великаго государя Иоанна III, императора и самодержца всероссійскаго, и прочая, и прочая, и прочая. 12-го августа 1741 года въ Санк-Петербургѣ представлены были».

Вотъ нѣсколько строкъ изъ сохранившагося изьясненія:

«Восходящее солнце въ образѣ Аполлона съ надписью: «Augescet ventura in tempora lumen», то есть «сіяніе свое умножить». Съ правой стороны младое лавровое дерево, которое объемлетъ стоящая на колѣняхъ Россія, а сверху освѣщается оно небеснымъ сіяніемъ съ надписью: «Colit et expectat», то есть, «почитаеть и ожидаетъ». Съ лѣвой стороны пальмовое дерево, подлѣ котораго съ одной стороны стоитъ христіанская вѣра, а съ другой—храбрость, въ женскихъ фигурахъ представленныя, съ надписью: «Sic custodita vigebit», то есть, «сими хранимо возрастетъ». Россія умноженія лѣтъ его императорскаго величества отъ Бога въ глубочайшемъ смиреніи ожидаетъ».

Побѣда русскихъ войскъ надъ шведами (Вильманstrandъ), 23-го августа 1741 года вдохновляетъ Ломоносова на новую оду, въ которой отецъ императора, брауншвейгъ-люнебургскій принцъ Антонъ-Ульрихъ, назвавъ:

Отца отечества отецъ!

А по адресу правительницы всея Россіи, Анны Леопольдовны, въ одѣ находятся слѣдующія строки:

Добротъ чистѣйшій ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зреть въ Россіи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
На матернихъ твоихъ рукахъ...

Въ этихъ строкахъ Ломоносовъ повторяетъ содержаніе золотой медали, выбитой по случаю кончины императрицы Анны Іоанновны, съ слѣдующимъ изображеніемъ: императрица возносится на небо; въ то же время она возлагаетъ царскую корону на младенца Іоанна, котораго держитъ мать его, принцесса Анна Леопольдовна.

Но въ этой одѣ Ломоносовъ оказался плохимъ пророкомъ. Черезъ три мѣсяца (25-го ноября 1741 года) малютка-императоръ со своими родителями былъ арестованъ Елизаветою Петровной и, послѣ ряда мытарствъ, водворяется на мѣсто родины Ломоносова.

Зналъ ли Ломоносовъ, что идиллическое мѣсто на берегу Куроналки стало томительно-долгою тюрьмою для высокихъ узниковъ?

Вѣроятно, первое время онъ не могъ знать этого, потому что ссылка Брауншвейгскаго семейства была сдѣлана въ величайшемъ секретѣ. Впослѣдствіи, приблизительно въ 1754 году, онъ волей-неволей долженъ былъ познакомиться съ ужасною новостью.

Въ «Историческихъ бумагахъ, собранныхъ академикомъ Арсеньевымъ», помѣщены выдержки изъ документовъ «Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ» о приключеніяхъ посадскаго Ивана Зубарева. Изъ нихъ мы узнаемъ, что прусскій король Фридрихъ II, черезъ посредство тогдашняго эмигранта Манштейна, далъ въ Берлинѣ Зубареву секретное порученіе—освободить императора Іоанна Антоновича изъ холмогорскаго заключенія.

Подъ предлогомъ изслѣдованія образчиковъ сибирскихъ рудъ, Зубаревъ постарался познакомиться въ Петербургѣ съ М. В. Ломоносовымъ, какъ съ уроженцемъ Холмогоръ.

Въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова», собранныхъ академикомъ Билярскимъ, есть указаніе, что Ломоносову дѣйствительно было поручено изслѣдовать серебряную руду, найденную тобольскимъ купцомъ Иваномъ Зубаревымъ, и повидаться съ нимъ лично. Одновременно эту же руду изслѣдовалъ монетной канцеляріи совѣтникъ Шлаттеръ. Ломоносовъ далъ хорошій отзывъ о рудѣ, а Шлаттеръ не нашелъ въ ней никакихъ признаковъ серебра. Да и товарищъ Зубарева форлейферъ Левринъ повинился въ обманѣ. По этому поводу въ академію наукъ сдѣланъ запросъ 13-го мая 1752 года. Какой отвѣтъ далъ Ломоносовъ?—Неизвѣстно. Сохранилось, однако, письмо его къ своему покровителю И. И. Шувалову, изъ котораго можно заключить, что опасность для Ломоносова миновала.

«Ежели бь не вчерашнія строчки, — пишетъ онъ въ своемъ письмѣ, —которыя ваше превосходительство въ отвѣтъ на мое письмо прислать изволили знакомъ непремѣнной вашей ко мнѣ милости, не утолили внезапнаго моего смущенія, то бь я пришелъ въ отчаяніе, не ради своего какого преступленія, но ради опасности отъ несчастія».

Въ этомъ письмѣ онъ указываетъ на врага своего, который «нашелъ случай учинить ему великое поврежденіе». Но о холмогорскихъ узникахъ ни слова. Да и на самомъ дѣлѣ, — что Ломоносовъ могъ сообщить о мѣстѣ своей родины, которую онъ покинулъ четверть вѣка тому назадъ?! Вернувшись изъ своей поѣздки за границу, Михаилъ Васильевичъ порывался посѣтить родныя Холмогоры. Но когда онъ узналъ о смерти своего отца на одномъ изъ рыбныхъ промысловъ, это намѣреніе ему пришлось оставить. О чемъ бесѣдовали Ломоносовъ съ Зубаревымъ?—можно только догадываться. Въ концѣ концовъ полиція схватила Зубарева и въ январѣ 1755 года изобличила его, какъ измѣнника и шпіона, подосланнаго Фридрихомъ II.

Въ это страшное время «слова и дѣла государева», время дыбы и кнута, судьба-мачеха смилостивилась надъ Ломоносовымъ, и дѣло Зубарева прошло для него безъ послѣдствій.

Попытки нѣкоторыхъ лицъ освободить пятнадцатилѣтняго Іоанна Антоновича изъ холмогорскаго заключенія побудили Елизавету Петровну перевести узника въ болѣе надежное мѣсто и держать его подъ болѣе строгимъ карауломъ. И вотъ однажды ночью 1756 г. сержантъ лейбъ-кампаніи Савинъ секретно вывозитъ Іоанна Антоновича въ наглухо закрытой каретѣ изъ Холмогоръ и доставляетъ его въ Шлиссельбургскую крѣпость подъ прозвищемъ колодника «Безыменнаго». Все это находитъ подтвержденіе и въ найденномъ

Училище въ память Ломоносова на мѣстѣ его родины.

Г. П. Данилевскимъ «Формуляръ Шлиссельбургской крѣпости», въ которомъ упоминается о прибытіи въ крѣпость брауншвейгъ-люнебургскаго принца Іоанна Антоновича въ 1756 году.

Впослѣдствіи пришлось Ломоносову узнать и о насильственной смерти Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургѣ 5-го іюля 1764 года.

IV.

Столѣтній и двухсотлѣтній юбилей памяти Ломоносова.—Всероссійскій сборъ на памятникъ.—Борьба съ нѣмецкимъ вліяніемъ.—Поведеніе профессоровъ академіи наукъ.—Тяжелое положеніе Ломоносова.—Назначеніе Шлецера.—Нѣмцы одолѣли.—Смерть Ломоносова.—Его погребеніе.—Памятникъ на могилѣ Михаила Васильевича.—Всегдашняя нужда русскаго ученаго.

Мы теперь празднуемъ 200-лѣтіе со дня рожденія Ломоносова, а въ 1865 году поминали столѣтіе со дня смерти незабвеннаго Михаила Васильевича. О немъ писалъ тогда его большой почитатель Вл. И. Ламанскій ¹⁾. Къ этому времени изданы были «Матеріалы для біографіи Ломоносова», собранные академикомъ Билярскимъ и «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова» академика П. Пекарскаго. Особенно тогда хлопоталъ о собраніи капитала имени Ломоносова Ламанскій. Онъ же предлагалъ поставить въ предстоящій въ 1869 годъ 50-лѣтній юбилей петербургскаго университета памятникъ Ломоносову, «отцу русскаго письменнаго, поэтическаго и прозаическаго языка, родоначальнику и образователю русской литературы, великому подвижнику русскаго просвѣщенія, безспорно гениальнѣйшему и заслуженнѣйшему русскому человѣку послѣ Петра Великаго».

Въ настоящее время опять поднятъ вопросъ о памятникѣ Ломоносову. Недавно (26-го мая сего года) Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить императорской академіи наукъ открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника Михаилу Васильевичу въ Петербургѣ.

День празднованія 200-лѣтняго юбилея Ломоносова приурочиваютъ ко дню Михаила Архангела, 8-го ноября 1911 года (вѣроятно, день ангела Михаила Васильевича?). Проектируется ознаменовать его торжественными засѣданіями въ разныхъ ученыхъ и учебныхъ обществахъ. Приготавливается выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время».

Ломоносовъ знаменитъ въ Россіи не только, какъ ученый и поэтъ-писатель. Онъ былъ борцомъ за русскую науку и за русскую словесность.

Въ исторіи нѣмецкаго вліянія въ Россіи,—говоритъ В. И. Ламанскій,—жизнь Ломоносова представляетъ одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и драматическихъ эпизодовъ.

¹⁾ См. его «Столѣтняя память М. В. Ломоносова». Спб. 1865.

Даровитый архангельскій поморъ отлично понималъ свое значеніе въ академіи наукъ и потому естественно желалъ занимать въ ней соотвѣтствующее мѣсто, какъ первый русскій ученый. Но его коллеги по академіи оказывали ему всевозможныя препятствія къ возвышенію. Отсюда идетъ непрестающая борьба Ломоносова съ группою нѣмецкихъ ученыхъ до конца жизни. Вообще несдержан-

Типы поморовъ Архангельской губерніи.

ный, Ломоносовъ иногда проявлялъ себя очень рѣзко даже въ собраніи профессоровъ академіи, особенно если онъ передъ этимъ еще выпьетъ лишнее. Положимъ, въ тѣ времена пьянствомъ и буйствомъ никого не удивишь. Еще въ до-ломоносовскій періодъ между нѣмецкими профессорами происходили ссоры и драки, а студентовъ самъ Шумахеръ, заправила въ академіи, билъ въ канцеляріи по щекамъ и наказывалъ батогами ¹⁾).

¹⁾ См., написанную Ломоносовымъ въ 1764 г. «Краткую исторію о поведеніи академической канцеляріи», §§ 9, 10, 13.

Въ ломоносовское время распри и ссоры тоже не прекращались. Одинъ профессоръ Миллеръ могъ бы смутить всю академію. Въ своей исторіи Ломоносовъ замѣчаетъ о немъ: «Миллеръ заѣлся со всѣми профессорами, многихъ ругалъ и безчестилъ словесно и письменнo, на иныхъ замахивался въ собраніи палкою и билъ ею по столу конференцскому». А Федоровича «не токмо ругалъ безчестными словами, но и въ зашей выбилъ изъ конференціи».

Понятно, что въ такой обстановкѣ и Ломоносовъ позволялъ себѣ говорить о нѣмцахъ рѣзкимъ тономъ. Но зато и ему доставалось отъ ученыхъ коллегъ! Въ сентябрѣ 1742 года Ломоносовъ «подъ караулъ въ полицію приведенъ былъ», а вторую половину 1743 года просидѣлъ подѣ арестомъ.

Въ своей краткой исторіи объ академіи, описывая притязанія нѣмцевъ, Ломоносовъ замѣчалъ не разъ: «такъ что иногда Ломоносову до слезъ доходило». Или: «такъ что Ломоносовъ отъ крайней горести, будучи притомъ въ тяжкой болѣзни, едва живъ остался».

Ученые коллеги пользовались каждымъ посягательствомъ Ломоносова, чтобы оттереть его отъ академіи, и они, вѣроятно, успѣли бы въ этомъ, если бы нашъ гениальный ученый не имѣлъ высокихъ покровителей. Его витиеватыя оды царствующимъ особамъ вызывали къ нему особое вниманіе съ высоты престола. Сама Екатерина Великая удостоила его своимъ посѣщеніемъ (7-го іюня 1764 года); но гениальнаго русскаго ученаго, больного и измученнаго борьбою съ нѣмцами, государыня не могла воскресить.

Борьба Ломоносова дошла до своего апогея, когда онъ ополчился на способнаго ученаго Шлецера, какъ русскаго историка. Ломоносовъ поражался дерзостью молодого нѣмца, который, будучи плохо знакомъ съ русскою рѣчью, не говоря уже о тонкостяхъ языка, доступныхъ лишь природному славянину, вдругъ врывается въ область нашихъ древнихъ славянскихъ лѣтописей!

Ломоносовъ писалъ графу Кир. Гр. Разумовскому, президенту академіи наукъ, что Шлецеръ принятъ въ академію «не токмо не въ силу регламента, но и въ предосужденіе россійскому народу... Коль бы сіе развратно и позорно было, когда бы природныя россіяне принуждены были учиться разумѣть россійскія историческія книги у иноземца, который недавно при ихъ глазахъ началъ самъ учиться по россійски и спрашивался въ томъ у ихъ братья!»

А главная обида лично для Ломоносова была въ томъ, что онъ самъ началъ писать исторію Россіи, а тутъ вдругъ втираютъ въ «россійскіе исторіографы» молодого нѣмца!

Ломоносовъ ополчился на Шлецера цѣлымъ рядомъ писемъ и записокъ. Казалось, Шлецера отпустить «на всѣ четыре стороны», какъ предлагалъ Михаилъ Васильевичъ. Но вдругъ, 3-го января 1765 года, по высочайшему повелѣнію молодой ученый Шлецеръ назначается ординарнымъ профессоромъ исторіи въ академіи наукъ.

Нѣмцы побѣдили.

Незадолго до назначенія Шлецера, Ломоносовъ писалъ въ своемъ историческомъ очеркѣ объ академіи:

«Какое же можетъ быть усердіе у россиянь учащихся въ академіи, когда видятъ, что самый первый изъ нихъ, уже черезъ науки въ отечествѣ и въ Европѣ знатность заслужившій и самимъ высочайшимъ особамъ не безызвѣстный, принужденъ безпрестанно обороняться отъ недоброжелательныхъ происковъ и претерпѣвать нападенія почти даже до самаго конечнаго опроверженія и истребленія?»

Очевидно, назначеніе Шлецера было такимъ ударомъ, который Ломоносовъ не могъ перенести. Онъ сразу замолкъ. Свой проектъ о преобразованіи академіи онъ тоже оставилъ. А вѣдь какъ мечталъ нашъ русскій геній о назначеніи его вице-президентомъ преобразованной академіи!

Черезъ три мѣсяца послѣ назначенія Шлецера профессоромъ, 4-го апрѣля 1765 года, великаго геніальнаго Ломоносова не стало. Онъ умеръ на 54-мъ году жизни.

Но память о немъ не умретъ, пока будетъ существовать русскій языкъ и русская литература. Еще при жизни своей онъ пророчески сказалъ о себѣ:

Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди.

Раннею весною, въ праздничную пасхальную недѣлю, состоялись торжественныя похороны Ломоносова на кладбищѣ Александроневской лавры. Впослѣдствіи на могилѣ перваго русскаго ученаго, недалеко отъ Лазаревской церкви, графомъ М. Воронцовымъ былъ поставленъ бѣлый мраморный памятникъ, съ надписями на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ настоящее время позолота буквъ, очевидно, недавно подновлена, а потому легко можно прочесть надписи памятника на всѣхъ четырехъ сторонахъ его. Привожу здѣсь дословно русскую надпись въ томъ видѣ, какъ она изображена на восточной сторонѣ:

Въ память
славному мужу
Михаилу Ломоносову;
родившемуся въ Колмогорахъ
въ 1711 году.
Бывшему Статскому Совѣтнику
С.-Петербургской Академіи Наукъ
профессору.
Стокгольмской и Боллонской
члепу.

Разумомъ и науками
 превосходному.
 Знатнымъ украшеніемъ отечеству
 послужившему.
 Краснорѣчія, стихотворства и гисторіи російской
 учителю
 Мусіи первому въ Россіи безъ руководства изобретателю
 Преждевременною смертію
 отъ музъ и отечества
 на дняхъ святыя Пасхи 1765. году
 похищенному.
 Воздвигъ сію гробницу
 графъ М. Воронцовъ
 слава отечество съ таковымъ
 гражданиномъ и горестно соболѣзнуя
 о его кончинѣ.

Нѣсколько ниже надписи рельефно вырѣзана изъ мрамора группа символовъ: крылатый факель, обвитый змѣйками, лира и свитокъ, лавровый вѣнокъ и лавровыя вѣтви.

На западной сторонѣ памятника та же надпись по-латыни. Съ сохраненіемъ ореографіи и расположенія словъ она представляетъ слѣдующее:

Viro Celeberr.
Michaeli Lomonosov.
 Kolmogorodi. nato. MDCCXI.
 Avg. Russiar. imper. a. consil. stat.
 Acad. Scient. Petropol. Prof. publ.
 Holmens et Bononiens socio.
 Qui in genio excelluit. et artibus.
 Patriae decus. eximium.
 Eloq. poes. et histor. patriae.
 praeceptor.
 Metri Russ. institutor.
 Tragoed iu vernacula autor.
 Primus musivi oper. in Russ. fictor
 Autodidactus.
 Praemat morte musisatq. patriae.
 Feriis paschal. MDCCLXV.

Script. et operib. oblivioni.
ereptus.
Talem. civem. gratul. patriae.
Obitum eius lugens.
Mich. comes a Woronzov.
Posuit.

Ниже латинской надписи точно такое же рѣзное изображеніе символовъ, какъ на восточной сторонѣ.

По сторонамъ этихъ обѣихъ надписей позолоченныя скрѣпы памятника.

На сѣверной сторонѣ слѣдующая надпись:

Возобновленъ
графомъ Михаиломъ
Семеновичемъ
Воронцовымъ,
1832 года.

Г. Н.
въ 1887 году.

На южной сторонѣ переводъ этой надписи по-латыни:

Renovatum a
Comite
Michaelae
Filio Simonis
Woronzow,
Anno 1832.

С. N.
in 1887 an.

Послѣ Ломоносова остались жена и дочь. Та и другая робко напомнили о себѣ просьбою о денежномъ пособіи.

И вотъ еще злая иронія судьбы Ломоносова! Обогатившій науку и искусства въ своемъ обширномъ отечествѣ, всю жизнь свою онъ терпѣлъ бѣдность и всегда нуждался въ матеріальной помощи. «Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, когда онъ обучался въ Спасскихъ школахъ, нельзя ему было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на

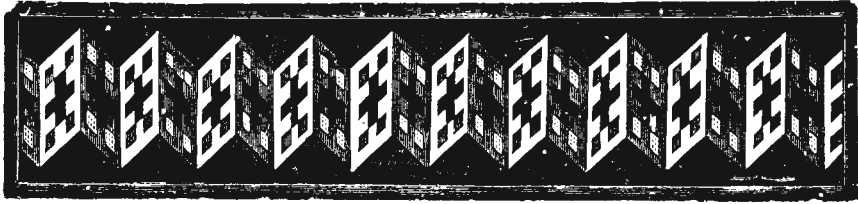
бумагу, на обувь и другія нужды»¹⁾. Участь за границую, онъ получалъ жалованье съ большими задержками и не въ полномъ размѣрѣ, такъ что ему пришлось бѣжать отъ долговъ изъ Германіи. Будучи въ академіи, онъ все время до конца жизни нуждался въ денежныхъ средствахъ. Въ дѣлахъ канцеляріи академіи встрѣчаются постоянныя просьбы о выдачи ему хоть части жалованья впередъ. Даже послѣ его смерти изъ назначеннаго пособія женѣ Ломоносова, Елизаветѣ Андреевнѣ, академія спѣшитъ удержать числившихся на немъ разныхъ долговъ на сумму 667 рублей 45¹/₂ коп. Но жена Ломоносова чрезъ полтора года послѣ своего мужа тоже скончалась, не имѣвъ «счастія воспользоваться подобающимъ образомъ» назначеннымъ пособіемъ, какъ писала дочь Ломоносова, Елена Михайловна Константинова, въ своемъ новомъ прошеніи о деньгахъ.

Ив. Ювачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Изъ письма Ломоносова Шувалову, 10 мая 1753 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**П. Н. Лупповъ. Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка.
Изслѣдованіе. Вятка. 1911. Цѣна 3 р. 50 к.**

АВТОРЪ настоящаго изслѣдованія уже извѣстенъ прекраснымъ своимъ трудомъ о христіанствѣ у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка (изданіе 2-е, Вятка 1901 г.). Продолжая научныя свои занятія въ мало-изслѣдованной области, П. Н. Лупповъ издалъ въ текущемъ году дополнительный томъ о христіанствѣ у вотяковъ до середины XIX вѣка, имѣющій вполне самостоятельное значеніе и представляющій большой научный интересъ.

Новое изслѣдованіе молодого ученаго имѣетъ свою задачу освѣтить ходъ миссіонерскаго дѣла въ одномъ изъ инородческихъ племенъ Европейской Россіи, именно среди вотяковъ, за первую половину прошлаго столѣтія. Въ указанное время, какъ и теперь, вотяки жили въ пяти губерніяхъ — Вятской, Уфимской, Казанской, Пермской и Самарской, при чемъ главная ихъ масса, до 90 процентовъ общаго количества, населяла Вятскую губернію. Предметомъ изслѣдованія, поэтому, и являются собственно вятскіе вотяки, о которыхъ сохранились и болѣе подробныя свѣдѣнія. Сосредоточивъ свое вниманіе на вятскихъ вотякахъ, авторъ имѣлъ возможность придать своему изслѣдованію детальный характеръ и нарисовалъ очень яркую и интересную картину миссіонерскаго у нихъ дѣла въ первой половинѣ XIX вѣка.

Это время было періодомъ значительнаго оживленія миссіонерства среди вятскихъ вотяковъ. Въ началѣ XIX вѣка впервые былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ Евангелія на вотскій языкъ. Переводъ былъ довольно быстро исполненъ при участіи приходскихъ священниковъ къ пятидесятымъ годамъ

минушаго столѣтїя, былъ благополучно законченъ и печатаніемъ. Затѣмъ, съ тридцатыхъ годовъ столѣтїя среди вотяковъ стали трудиться спеціально назначенные для нихъ миссіонеры, при чемъ христіанизацией этого инородческаго племени были озабочены какъ вятское епархіальное начальство, такъ и высшее духовное управленіе. Въ то же время въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ о прикрѣпленіи части сарапульскихъ вотяковъ къ горнымъ заводамъ Вятской губерніи—Воткинскому и Ижевскому въ качествѣ непремѣнныхъ работниковъ, а при императорѣ Александрѣ I произошло и самое прикрѣпленіе, вызвавшее среди вотяковъ волненіе. Извѣстно также, что въ самомъ концѣ XIX вѣка возникло такъ называемое мултанское дѣло, съ обвиненіемъ вотяковъ въ совершеніи человѣческаго жертвоприношенія. Правда, всѣ вотяки, привлеченные къ суду по этому дѣлу, были оправданы, но для исторіи культуры народа мултанское дѣло представляетъ большой интересъ и невольно обращаетъ вниманіе изслѣдователя къ прошлой исторіи вотяковъ, въ которой и любопытно отыскать данныя для характеристики общаго культурнаго ихъ состоянія.

Но, несмотря на крупный интересъ, представляемый исторіей миссіонерства среди вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка, предметъ этотъ въ научномъ отношеніи совершенно не обслѣдованъ. Литература вопроса ограничивается нѣсколькими случайными и поверхностными статьями, представляющими вообще очень скудный матеріалъ.

Поэтому авторъ разсматриваемаго изслѣдованія вполне естественно обратился къ изученію архивныхъ матеріаловъ и употребилъ громадный трудъ на собраніе и научную разработку еще невѣдомыхъ ученымъ и необходимыхъ архивныхъ свѣдѣній. Авторъ привлекъ въ научный оборотъ дѣла архивовъ—святѣйшаго синода, государственнаго совѣта, правительствующаго сената, министерства внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія, московскаго архива министерства юстиціи, канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, комитета министровъ, вятской духовной консисторіи, упраздненной вятской гражданской и уголовной палаты, канцеляріи вятскаго гражданского губернатора. Во всѣхъ этихъ архивахъ авторъ изучилъ свыше 500 дѣлъ за XIX вѣкъ, а также привлекъ къ научному изслѣдованію архивныя дѣла вятской духовной консисторіи и святѣйшаго синода за XVIII вѣкъ. Кромѣ того, авторъ использовалъ архивныя матеріалы елабужскаго духовнаго правленія, благотворительнаго третьяго округа вятскаго уѣзда, богородицкой церкви села Устьченецкаго того же уѣзда и извлекъ свѣдѣнія изъ рукописей императорскаго географическаго общества, петербургской духовной академіи и вятскаго губернскаго статистическаго комитета.

Изслѣдованіе г. Луппова состоитъ изъ предисловія (I—XXI) и введенія (I—XVI) и одиннадцати главъ, въ которыхъ обозрѣвается просвѣщеніе вотяковъ христіанствомъ въ началѣ XIX вѣка, затѣмъ при епископахъ Кириллѣ (1827—1832 г.), Иоанникіи (1835 г.), Нилѣ (1838 г.) и Неофитѣ (1851 г.), представляется общій взглядъ на дѣятельность центрального правительства и мѣстнаго вятскаго епархіальнаго начальства по просвѣщенію вотяковъ христіанствомъ въ первой половинѣ XIX вѣка, обозрѣвается дѣятельность миссіоне-

ровъ среди вотяковъ въ 1830—1850 годахъ, дѣятельность приходского духовенства и гражданской администраціи въ дѣлѣ утвержденія вотяковъ въ христіанствѣ, характеризуется влияніе на вотяковъ окрестнаго населенія и описывается общее состояніе христіанства у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка (стр. 1—561). Въ заключеніи къ изслѣдованію (стр. 562—568) авторъ представилъ общіе выводы, имѣющіе большой научный интересъ.

Наконецъ, къ изслѣдованію приложена карта вотяцкаго района Вятской губерніи въ первой половинѣ XIX вѣка съ объясненіями и указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ трудѣ (стр. 1—XXXIV).

Изслѣдованіе П. Н. Луппова читается съ большимъ интересомъ и представляетъ несомнѣнное научное значеніе. Главныя его достоинства—архивная документальность, свѣжесть и новизна данныхъ, обстоятельность въ детальномъ обзорѣ сложнаго и мало обследованнаго вопроса. Вскрывши историческій ходъ миссіонерства среди вотяковъ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ пролилъ свѣтъ на отношеніе русской церкви и гражданского правительства къ инородцамъ въ первой половинѣ XIX вѣка и даетъ данныя для характеристики общаго течения нашей церковной жизни за это время, а равно и внутренней политики русскаго правительства. Въ трудѣ г. Луппова найдеть поучительныя данныя и церковный историкъ, и миссіонеръ, и государственный дѣятель, и изслѣдователь жизни и быта инородцевъ.

По нашему мнѣнію, изслѣдованіе П. Н. Луппова о христіанствѣ у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу.

О.

Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 г.г.). Томъ I. Именные списки и біографіи должностныхъ лицъ и воспитанниковъ гимназіи. Кіевъ. 1911 г. Стр. XII+548. Цѣна 5 руб.

Кіевская первая гимназія учреждена 5-го ноября 1809 года, но первые два года она была польскою гимназіей и только съ полученіемъ новаго устава, 13-го октября 1811 года, начинать свое столѣтнее существованіе, какъ русское учебное заведеніе, сыгравшее весьма видную роль въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія во всемъ Кіевскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что до 1836 года это была единственная гимназія на весь многонаселенный Кіевъ. Спеціальная юбилейная комиссія, съ г. директоромъ Н. В. Стороженко во главѣ, предприняла, въ ознаменованіе этого событія, школьное изданіе, не имѣющее примѣра во всей нашей литературѣ юбилейныхъ школьныхъ изданій. Только что изданный на средства попечителя гимназіи, А. Н. Терещенка, первый томъ заключаетъ полные списки должностныхъ лицъ и воспитанниковъ, «біографическіе словари» тѣхъ и другихъ и рядъ «воспоминаній» о гимназіи бывшихъ воспитанниковъ, а также и педагоговъ, изъ которыхъ многія появляются въ печати впервые. «Въ послѣдующихъ томахъ изданія предполагается помѣщеніе матеріаловъ для столѣтней исторіи кievской первой гимназіи и, по возможности, обзорѣ жизни ея въ теченіе истекшаго столѣтія», на основаніи, главнымъ образомъ, того богатаго архивнаго

матеріала, которымъ располагаетъ гимназія. Кромѣ того, съ 1911—1912 учебнаго года будетъ издаваться ежегодно въ одномъ томѣ «Лѣтопись кievской первой гимназіи», куда предполагають помѣстить и тѣ свѣдѣнія о себѣ и воспоминанія, которыя сообщать бывшіе воспитанники гимназіи. Съ внѣшней стороны первый томъ изданъ, можно сказать, изящно и снабженъ цѣлымъ рядомъ прекрасно исполненныхъ портретовъ: Государя Императора, наслѣдника цесаревича, директоровъ гимназіи и нѣкоторыхъ болѣе выдающихся воспитанниковъ.

Кievская первая гимназія, благодаря своимъ пансіонамъ, изъ которыхъ первый—благородный пансіонъ—былъ открытъ въ 1834 году, до 1861 года представляла собою закрытое учебное заведеніе. За все время ея существованія въ ней окончило полный курсъ 2,682 человекъ. Изъ числа окончившихъ курсъ гимназіи, конечно, довольно много выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія; среди нихъ немало лицъ, съ честью поработавшихъ на учено-литературной нивѣ. Назовемъ здѣсь хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ выдающихся именъ, придерживаясь въ ихъ перечнѣ алфавитнаго порядка. Имена эти слѣдующія: В. Г. Авсѣенко, бывший въ кievскомъ университетѣ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ 1863—1866 годахъ; К. И. Арабажинъ, писатель; С. М. Богдановъ, докторъ агрономіи, членъ государственной думы; Н. А. Бунге, докторъ химіи, заслуженный профессоръ кievскаго университета; Николай Христіановичъ Бунге (выпуска 1841 г.), министръ финансовъ, извѣстный ученый; Николай Николаевичъ Ге (выпуска 1847 г.), профессоръ живописи; В. В. Гюббенетъ, докторъ медицины, писатель; Гр. Вас. Демченко, профессоръ кievскаго университета, юристъ; А. А. Жилинъ, профессоръ кievскаго университета, юристъ; И. Пл. Забугинъ, профессоръ гражданскихъ законовъ въ лицей князя Безбородка (1868—1876 г.); П. П. Забѣла (Забѣлло), академикъ скульптуры; Николай Васильевичъ Закревскій (выпуска 1829 г.), извѣстный археологъ и этнографъ; А. И. Кобеляцкій, товарищъ министра путей сообщенія, Н. Тр. Костыревъ, докторъ славяно-русской филологіи, профессоръ харьковскаго университета; Иванъ Вас. Лучицкій (выпуска 1862 г.), докторъ всеобщей исторіи и заслуженный профессоръ кievскаго университета; Ипп. Ив. Монаховъ (выпуска 1857 г.), артистъ императорскихъ театровъ; Дарій Ильичъ Нагуевскій, заслуженный профессоръ казанскаго университета; Н. И. Палиенко, профессоръ харьковскаго университета по кафедрѣ государственнаго права; В. К. Пискорскій, профессоръ казанскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи; К. Θ. Радченко, славистъ, профессоръ нѣжинскаго историко-филологическаго института; Мих. Ив. Ростовцевъ (выпуска 1888 г.), профессоръ классической филологіи въ с.-петербургскомъ университетѣ; А. И. Рубецъ (выпуска 1858 г.), профессоръ с.-петербургской консерваторіи, композиторъ; Николай Ильичъ Стороженко, заслуженный профессоръ московскаго университета, извѣстный знатокъ и изслѣдователь всеобщей литературы; В. А. Субботинъ, докторъ медицины, профессоръ кievскаго университета; С. К. Тецнеръ, статсъ-секретарь государственнаго совѣта (†1903); К. Г. Тритшель, докторъ медицины, профессоръ кievскаго университета; А. И. Хойнацкій, юристъ, предсѣдатель кievскаго съѣзда мировыхъ судей; Николай Мартиніановичъ

Цытовичъ, профессоръ и ректоръ кievскаго университета; Вл. Ал. Шефферъ, профессоръ классической филологіи въ московскомъ университетѣ; Виталий Яковлевичъ Шульгинъ, профессоръ русской исторіи университета святого Владимира; М. Н. Ясинскій, профессоръ того же университета по кафедрѣ русскаго права, и А. С. Яценко, докторъ медицины, писатель.

Изъ многочисленнаго штата преподавателей кievской первой гимназіи за ея столѣтнее существованіе, какъ болѣе извѣстныхъ вполнѣ, назовемъ слѣдующихъ лицъ: М. Θ. Берлинскаго, крупнаго мѣстнаго историка и археолога; П. В. Голубовскаго, доктора русской исторіи; А. К. Деллена, профессора классической филологіи въ кievскомъ университетѣ; Николая Ивановича Костомарова, преподававшего исторію въ 1845—1846 годахъ; профессоровъ: Θ. И. Леонтовича, Θ. Θ. Петрушевскаго (въ 1857—1862 гг.), А. В. Романовича-Славатинскаго, о. Иоанна Мих. Скворцова, А. И. Тихомандрицкаго, Н. И. Флоринскаго, Г. И. Челпанова, Юл. Фод. Яноса, автора теоріи статистики, преподававшего въ кievской гимназіи русскую словесность въ 1856—1861 гг. и А. Н. Ясинскаго; далѣе — И. Т. Экземпларскаго, вполнѣ, вѣдѣніи Геронима, архіепископа варшавскаго и холмскаго, А. Θ. Андрияшева, бывшаго двадцать восемь лѣтъ директоромъ гимназіи, Сем. Ив. Ванновскаго, отца бывшаго министра П. С. Ванновскаго, преподававшего французскій языкъ съ 1809 по 1811 г.; А. О. Поспишиля, И. Я. Ростовцева, И. Р. Турцевича, И. Т. Черкунова и Ю. А. Яворскаго.

Въ отдѣлѣ «Воспоминаній» находимъ, прежде всего, «библиографическій обзоръ печатныхъ воспоминаній о кievской первой гимназіи», съ критической оцѣнкой ихъ содержанія. Число этихъ «воспоминаній», судя по времени, не велико, всего семь: 1) Е. Θ. фонъ-Брадке: «Автобіографическія записки» («Русскій Архивъ», 1875, I); 2) Н. Я. Барановскаго: «Изъ школьныхъ воспоминаній о Кіевѣ» («Кіевская Старина», 1884, VIII); 3) В. Г. Авсѣенко: «Школьные годы» («Историческій Вѣстникъ», 1881, IV); 4) Н. Д. Богатинова: «Воспоминанія» («Русскій Архивъ», 1899); 5) М. К. Чалаго: «Вторая кievская гимназія» (1852—1861 гг.). Кіевъ, 1900; 6) Л. Медвѣдева: «Въ гимназіи» (М. 1904); и 7) Ю. В. Ревякина: «Волченокъ» («Кіевлянинъ», 1908 г.). Вслѣдъ за этимъ «обзоромъ» помѣщены впервые печатающіяся воспоминанія гг. В. С. Ясенскаго (о 1840—1844 гг.) А. В. Романовича-Славатинскаго (о 1857—1856 гг.), Н. П. Забугина и Н. А. Бунге (о 1856—1861 гг.), Л. А. Навроцкаго (о 1861—1865 гг.), Д. И. Нагуевскаго (о 1861—1866 гг.), Г. Е. Червинскаго (о 1865—1871 гг.), А. Д. Давидсона (о 1867—1872 гг.), М. Е. Шмигельскаго (о 1872—1879 гг.), Г. Л. Львовича (о 1876—1885 гг.), В. О. Кудленко (о 1880—1889 гг.), В. Н. Терлецкаго (о 1880—1891 гг.) и Н. П. Михайлова (о 1894—1904 гг.). Всѣ эти воспоминанія въ общемъ довольно краткія и только мемуары Н. П. Михайлова, В. Н. Терлецкаго и Г. Е. Червинскаго въ болѣе или менѣе значительной степени рисуютъ и современный имъ гимназическій бытъ и тогдашнихъ педагоговъ.

В. Р.—въ.

Священникъ Θεодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Первому. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Сообщи́лъ Л. К. Бродскій. Съ портретомъ Левицкаго. Спб. 1911. Стр. XXXV+860. Цѣна 2 руб. 50 к.

Огромный трудъ, предпринятый Л. К. Бродскимъ, по изданію и главнымъ образомъ по редактированію этихъ мистическихъ твореній о. Левицкаго достоинъ особеннаго вниманія. Въ обстоятельномъ предисловіи Л. К. Бродскій сообщаетъ и біографію о. Левицкаго, пользуясь отчасти свѣдѣніями, помѣщенными въ «Странникъ», «Христіанскомъ Читеніи», «Русской Старинѣ» и въ особенности въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1865 годъ.

Преосвященный Филаретъ Гумилевскій въ своемъ обзорѣ духовной литературы о Левицкомъ говоритъ, что онъ былъ воспитанникъ подольской семинаріи, съ 1815 года священникъ Балты, подвижникъ христіанской любви, покоившій странниковъ и больныхъ, скончавшійся въ 1845 году.

Въ біографіяхъ Левицкаго, напечатанныхъ въ «Странникѣ» и «Русской Старинѣ», авторы, по словамъ Л. К. Бродскаго, высказывали сожалѣніе, что не изданы его письма, не напечатаны сочиненія, которые онъ подносилъ Александру I. И вотъ издателю удалось найти въ синодскомъ архивѣ всѣ бумаги Θεодосія Левицкаго, отобранныя у него при отправленіи въ Коневецкій монастырь. Въ этихъ бумагахъ находятся письма А. Н. Голицына и другихъ лицъ къ Θεодосію, черновики его писемъ къ разнымъ лицамъ, дневникъ, сочиненія, поднесенныя Александру I, и проч.

Творенія Левицкаго, мистическаго и частью пророческаго содержанія, такъ заинтересовали князя Голицына, что онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на вызовъ Левицкаго въ Петербургъ.

Подольскій преосвященный Ксенофонтъ, къ которому обращался князь Голицынъ, далъ о Левицкомъ очень нелестный отзывъ, что, однако, не измѣнило взглядовъ князя на этого священника. Почти полтора года прожилъ Левицкій въ Петербургѣ, на Тверскомъ подворьѣ, продолжая, по словамъ князя Голицына «выражать на бумагѣ свои душевные чувства». Но въ одинъ вечеръ, во время всенощнаго бдѣнія о. Левицкій вышелъ на амвонъ и началъ изъяснять народу тѣ свои предчувствія, кои онъ передавалъ секретно на бумагѣ. Это уже оказалось сверхъ программы и ему велѣно было за такой поступокъ жить въ Валаамскомъ монастырѣ, а затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Коневецкій и только въ 1827 г. былъ отпущенъ въ Балту.

Я не стану цитировать далѣе очень обширное и обстоятельное предисловіе Л. К. Бродскаго, въ которомъ біографія Левицкаго изложена очень подробно, но все-таки считаю нужнымъ добавить, что, судя по нѣкоторымъ документамъ, преосвященный Ксенофонтъ да и его предшественникъ, преосвященный Антоній, имѣли основаніе давать о Левицкомъ неблагопріятные отзывы.

Мистикъ, чуть ли не съ дней дѣтства, Левицкій имѣлъ связь, если не съ скопцами, то, несомнѣнно, съ хлыстами. Въ Балтскомъ уѣздѣ, по словамъ П. А. Гильтебрандта, когда производилось слѣдствіе по открытію скопческой секты, то почти всѣ послѣдователи ея, въ числѣ побужденій къ принятію вѣро-

ваній и скопческаго образа жизни, единогласно указывали на то, что такъ де жилъ и наставлялъ ихъ священникъ Феодосій Левицкій, а нѣкоторые даже выражали предположеніе, что и самъ о. Феодосій Левицкій былъ оскропленъ.

Книга Л. К. Бродскаго представляетъ драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго мистицизма въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Обнародованныя творенія Левицкаго особенно важны тѣмъ, что скопцы, какъ это видно изъ дѣлъ о нихъ, производившихся въ Балтѣ, считали Левицкаго «своимъ», хотя сходство въ ученіяхъ, по словамъ его біографа Гильдебрандта, было чисто внѣшнее. Нужно, однако, замѣтить, что ученіе Левицкаго о близости царства Божія составляетъ главный пунктъ вѣрованія скопцовъ, и скопцы, имѣя цѣлью оправдать свой образъ мыслей передъ православными крестьянами, очевидно, прикрывались авторитетомъ Левицкаго и постоянно ссылались на него.

Повторяю, книга Л. Н. Бродскаго представляетъ большой вкладъ въ литературу по исторіи русскаго мистицизма и составляетъ, какъ я сказала раньше, капитальное изданіе.

Ан. Титовъ.

Годъ Русской Славы. 1812—1912 г. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Подъ редакціей Ѳ. А. Витберга, предсѣдателя союза ревнителей русскаго слова и проч. Слб. 1911. Стр. 228. Съ картою, портретами дѣятелей и рисунками. Цѣна 75 к.

Великая «Отечественная война» 1812 года, въ которой русская армія и русскій народъ дали мощный отпоръ величайшему полководцу своего времени, стоявшему во главѣ собранныхъ имъ громаднхъ силъ, составляетъ одну изъ славнѣйшихъ страницъ нашей исторіи, а столѣтняя ея годовщина должна быть достойно почтена всею массою русскаго народа, а въ особенности учащеюся молодежью, предъ глазами которой слѣдовало бы воскресить это мировое событіе во всей его исторической и психологической полнотѣ. Достичь этой полноты, безъ сомнѣнія, трудно, но стремиться по мѣрѣ возможности къ воспроизведенію обстановки достопамятной годовщины необходимо, причемъ слѣдуетъ использовать могучее для этого орудіе—печатное слово. Настоящая книга, предназначенная главнымъ образомъ для учащихся и учащихъ, представляетъ именно такого рода попытку и даетъ для чествованія юбилея весьма подходящій и обильный матеріалъ. По мысли редактора этой книги, г. Витберга, программу юбилея надлежало бы составить изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) научное разъясненіе чествуемаго событія; 2) часть художественная: отраженіе чествуемаго событія въ словесномъ художественномъ творествѣ, какъ современномъ событію, такъ и позднѣйшемъ; 3) часть лирическая (музыкальная), долженствующая познакомить потомковъ съ тѣми чувствами и настроеніями, какія переживали современники, и съ тѣми позднѣйшими воспроизведеніями этихъ чувствъ и настроеній, какія проявились въ музыкальныхъ произведеніяхъ, касающихся чествуемаго событія, и 4) часть наглядная долженствующая представить чествуемое событіе предъ глазами зрителя; этого можно достигнуть выставкою картинъ,

портретовъ и бытовыхъ сценъ, среди которыхъ произошло событіе. Для осуществленія подобной программы необходимо имѣть подъ рукой доступный всякому матеріаль, изъ котораго можно было бы сдѣлать сообразный съ обстоятельствами выборъ. Такимъ матеріаломъ можетъ именно служить предлагаемый сборникъ, заключающій въ себѣ, вмѣстѣ съ изложеніемъ историческихъ событій, цѣлый рядъ художественныхъ образцовъ, являющихся литературными памятниками славной години. Въ числѣ послѣднихъ помѣщены отрывки изъ поэтическихъ, прозаическихъ и драматическихъ произведеній нашихъ поэтовъ и драматурговъ, воспѣвавшихъ Отечественную войну, а также въ большомъ количествѣ портреты дѣятелей, картины и рисунки, воспроизводящіе событія и памятники войны. Все это соединено въ небольшой по объему (238 страницъ) и изящно изданной книжкѣ, заключающей въ себѣ свыше пятидесяти рисунковъ и весьма доступной по цѣнѣ.

Книгѣ этой, предназначенной, главнымъ образомъ, для воспитанниковъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ, нельзя не пожелать широкаго распространенія.

Л. Н.

Ан. Титовъ. Повѣсть о Щилѣ. (Новгородское сказаніе). Съ 19 рисунками. Москва. 1911.

Эта «Повѣсть страшна о Щилѣ посадницѣ», посвященная XV новгородскому археологическому съѣзду, замѣчательна по своеобразнымъ, стариннымъ рисункамъ, объясняющимъ текстъ повѣсти.

Въ XIV вѣкѣ въ Новгородѣ былъ посадникъ Леонгій Щилъ, великій ростовицкій и сребролюбецъ. На старости онъ захотѣлъ умолить Бога о своихъ прегрѣшеніяхъ и выпросилъ у новгородскаго епископа позволеніе построить церковь. Когда церковь была готова и ее надо было освятить, епископъ узналъ, на какія нечистыя деньги она была построена, и наложилъ на Щила очень своеобразную эпитимію: онъ велѣлъ ему приготовить все для своего погребенія, лечь самому въ гробъ, а онъ, епископъ, его отпоеть, какъ умершаго. Щилъ, напуганный будущими муками, исполнилъ повелѣніе епископа. Когда же епископъ началъ отпѣваніе, гробъ внезапно провалился сквозь церковный полъ и вмѣстѣ съ Щиломъ ушелъ въ землю. Это такъ поразило сына посадника, что онъ сталъ умолять епископа помолиться объ отцѣ, а самъ сталъ раздавать милостыню. Епископъ велѣлъ на стѣнахъ церкви написать адъ, и вотъ, по мѣрѣ того, какъ совершались заупокойныя поминовенія и раздавалась милостыня, гробъ Щила сталъ понемногу показываться на стѣнѣ, какъ бы выходящимъ изъ ада. Наконецъ, онъ вмѣстѣ съ покойникомъ очутился въ церкви, на томъ же мѣстѣ, гдѣ провалился, и Щилъ, уже теперь мертвый, былъ съ честью отпѣтъ епископомъ и погребенъ въ этомъ же храмѣ, обращенномъ потомъ въ монастырскую, соборную церковь.

Этотъ Щиловъ Покровскій монастырь находился въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, на берегу Волхова, въ урочищѣ Дубно. Въ 1387 году онъ былъ сожженъ новгородцами, но поправился. Въ 1615 г. былъ снова разрушенъ, но

въ 1669 г. возобновленъ и вскорѣ приписанъ къ Юрьевскому монастырю. Въ 1725 г. совершенно уничтоженъ. Колокольня перенесена въ Юрьевъ монастырь, а остатки церкви и зданій унесены водою во время большого разлива Волхова.

А. К—ово.

Мемуары графини Головиной (1766—1821). Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Панудогло. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1911. Стр. 410. Цѣна 2 руб.

Мемуары графини Головиной пользуются широкой извѣстностью въ нашей исторической литературѣ: изъ нихъ дѣлаются безчисленныя выдержки и выписки, въ 1899 г. они въ теченіе цѣлаго года печатались на страницахъ «Историческаго Вѣстника», но, конечно, съ большими сокращеніями по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. Въ полномъ же видѣ они являются впервые въ изданіи «Сфинкса», которое представляетъ полный и добросовѣстно сдѣланный переводъ съ французскаго оригинала, недавно изученнаго г. Валишевскимъ по рукописи, принадлежавшей внуку графини Головиной, графу Андрею Мнишку, и отъ него перешедшей въ наслѣдство къ барону де-Во.

О значеніи этихъ мемуаровъ для исторіи русскаго двора и высшаго общества едва ли есть надобность говорить. Стоитъ вспомнить только, что графиня Головина одно время была очень близка къ супругъ Александра I императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, по просьбѣ и при сотрудничествѣ которой и были написаны мемуары.

Записки Головиной захватываютъ три царствованія: Екатерины II, Павла и наконецъ Александра I. Вторая часть ихъ, впрочемъ, блѣднѣе первой, такъ какъ съ теченіемъ времени отношенія между графиней Головиной и императрицей Елизаветой Алексѣевной разстроились, графинѣ пришлось удалиться отъ двора, и такимъ образомъ поле ея наблюденій должно было сузиться.

Мемуары читаются, какъ романъ, съ не ослабѣвающимъ до конца интересомъ, благодаря «краснорѣчю именъ» и литературному дарованію ихъ автора.

А. В.

Спутникъ по древнему Пскову. Любителямъ старины. Съ 58 рисунками и 4 планами. Составилъ Н. Θ. Окуличъ-Казаринъ. Изданіе псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1911. Стр. 3+IV+316. Цѣна 2 рубля.

Вышеназванная книжка представляетъ собою довольно удачное соединеніе историческаго обзора прошлыхъ судебъ древняго Пскова, конечно, въ главнѣйшихъ чертахъ, и подробнаго описанія, основаннаго на личномъ обслѣдованіи уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины, какъ церковной, такъ и гражданской. Авторъ ея, Н. Θ. Окуличъ-Казаринъ, хорошо освѣдомленный съ печатной литературой затронутаго имъ вопроса, даетъ въ первой же главѣ весьма обстоятельный, хотя онъ и называетъ его краткимъ, «историческій очеркъ Пскова», къ кото-

рому тѣсно примыкаетъ помѣщенная нѣсколько ниже глава: «Древности Пскова, его топографія и постепенное возведеніе укрѣпленій». Затѣмъ онъ трактуеть о «промышленности древняго Пскова», его церковномъ устройствѣ и объ архитектурѣ псковской, какъ церковной, такъ и гражданской, и только послѣ этого идетъ уже описательный отдѣлъ всѣхъ частей города, включая сюда пригородные посады и слободы. Какъ во всякомъ «спутникѣ», здѣсь имѣются и «свѣдѣнія для прїѣзжихъ». Живо изложенная и хорошо изданная съ внѣшней стороны, при обиліи удачно исполненныхъ рисунковъ (58), эта книжка является въ свѣтъ весьма кстати, въ виду того интереса, какой долженъ возбудить къ себѣ древній Псковъ на нынѣшнемъ XV всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Великомъ Новгородѣ, откуда этотъ интересъ и вниманіе къ древнему пригороду Новгорода да распространится въ самыхъ широкихъ кругахъ русскаго общества, любящихъ свою родную старину. «Плесковъ» или «Ольгинъ городъ», о которомъ, по словамъ лѣтописца, «не обрѣтается воспоминуть, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми», существовалъ, несомнѣнно, уже во второй половинѣ IX вѣка. Будучи, къ началу своей исторической жизни, пригородомъ Новгорода, вполне зависимымъ отъ своей метрополи, онъ, однако, уже въ 1137 г. имѣлъ своего особаго князя, въ лицѣ Всеволода Мстиславича, внука Владимира Мономаха, память котораго, какъ строителя главной святыни Пскова, Троицкаго собора, для псковичей священна, и самъ онъ потомъ былъ причтенъ къ лику святыхъ. Въ силу своего окраиннаго положенія Псковъ до конца XVI вѣка былъ своего рода форпостомъ Новгорода, отражавшимъ первыя нападенія многочисленныхъ и сильныхъ враговъ: чуди, эстовъ, ливовъ, литовцевъ, рыцарей ливонскаго ордена и поляковъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ съ 1114 по 1615 г. выдержалъ до 120 войнъ съ внѣшними врагами. Необходимость постоянно защищаться отъ непріятельскихъ вторженій сдѣлала, конечно, псковичей весьма воинственными, но въ то же время сильно вліяла на обдѣлнне жителей. Однако, благодаря, главнымъ образомъ, торговлѣ, въ которой Псковъ служилъ какъ бы передаточнымъ пунктомъ между Европой и Азіей, городъ постепенно расширялся, обстраивался и имѣлъ даже грозный видъ. «Любуемся Псковомъ,—писалъ очевидецъ осады 1581 г., ксендзъ Піотровскій,—Господи, какой большой городъ! Точно Парижъ! Помоги намъ, Боже, съ нимъ справиться!» Въ это время, по расчету митрополита Евгенія, во Псковѣ было до 60.000 жителей, тогда какъ въ настоящее время въ немъ немного болѣе 30.000.

Своеобразныя природныя историческія условія жизни псковичей создали для нихъ нѣсколько особый отъ новгородцевъ и другихъ сосѣдей «бытовой укладъ», который сказался замѣтнымъ образомъ и на псковской архитектурѣ. Псковскіе зодчіе, особенно въ XIV и XV вѣкахъ, когда самобытное развитіе кievскаго и владимирскаго зодчества было прервано татарскимъ нашествіемъ, славились далеко за предѣлами своей родины, и самъ Иванъ III вызывалъ ихъ въ Москву, гдѣ они выстроили Благовѣщенскій соборъ, Ризположенскую церковь и храмъ Златоустова монастыря. За исключеніемъ единственнаго памятника княжескаго строительства — Троицкаго собора, всѣ почти псковскія церкви, съ ихъ типичными крыльцами, звонницами, красивыми узорами изъ геометри-

ческихъ фигуръ и проч., представляютъ видъ небольшихъ и невысокихъ «церковокъ», но производившихъ «какое-то невыразимое впечатлѣніе простоты, теплоты и душевнаго мира». Что касается псковскихъ жилыхъ строеній, въ особенности каменныхъ (съ конца XVI в.), то они съ тѣми же типичными крыльцами, что и при церквахъ, и съ обширными подвалами или подклѣтями, подземными ходами изъ нихъ, имѣли по большей части видъ домовъ-крѣпостей. Типичнѣйшимъ въ этомъ отношеніи домомъ, пріобрѣтшимъ извѣстность далеко за предѣлами Пскова, являются Потапкины палаты, построенныя, несомнѣнно, въ началѣ XVII в. и составляющія съ 1900 г. собственность псковскаго археологическаго общества. «Палаты,—читаемъ на стр. 148 «Спутника»,—имѣютъ мрачный и неуклюжій видъ. Видимо, что о красотѣ архитектуры при ихъ постройкѣ не могло быть и рѣчи, заботились только о прочности. Онѣ выстроены глаголемъ и дѣлятся по фасаду на три неравныя части... Окна, числомъ 105, неравной величины, расположены несимметрично и не на одной высотѣ. Двери и окна запирались прежде желѣзными кованными дверями и оконницами, съ желѣзными пробоями, на которыхъ висѣли толстыя желѣзныя цѣпи, замыкавшія двери... Толщина стѣнъ нижняго яруса $2\frac{3}{4}$ арш., средняго $2\frac{1}{2}$ и верхняго $2\frac{1}{4}$ арш. Подъ палатами находятся обширныя подклѣтѣи».

Въ дальнѣйшей нашей замѣткѣ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о главной святынѣ всей псковской земли—Троицкомъ соборѣ, находящемся въ дѣтинцѣ. «Для псковичей онъ имѣлъ то же значеніе, что Софійскій соборъ для новгородцевъ. Воинственный кличъ: «постоимъ за св. Троицу!» возбуждалъ мужество ратныхъ людей во время битвы. Въ Троицкомъ соборѣ или возлѣ него вершились всѣ важнѣйшія государственныя дѣла: въ соборѣ сажались на княженіе псковскіе князья; возлѣ собора находился княжескій домъ; тутъ же собиравось вѣче; въ соборѣ находился особый «ларь для храненія государственныхъ документовъ», и проч. Нынѣшній соборъ—четвертый по счету. Первый храмъ былъ сооруженъ, по преданію, во времена св. Ольги, приславшей изъ Кіева «много золота и серебра» на его построеніе. Въ 1137 г. на мѣстѣ его заложилъ новый храмъ, каменный, св. князь псковскій Всеволодъ-Гавріиль. Третій храмъ воздвигнуть въ 1367 г., при посадникахъ Ананіи и Павлѣ, и простоялъ до 1682 г., когда при первомъ псковскомъ митрополитѣ Маркеллѣ былъ заложенъ нынѣшній храмъ, освященный въ 1699 г. Последнее обновленіе собора происходило въ 1871 г. Главная святыня собора—мощи св. князя Всеволода-Гавріила. Въ одномъ изъ предѣловъ его находятся и гробницы знаменитаго воителя князя Довмонта-Тимоея и Николая Салоса, извѣстнаго въ исторіи тѣмъ, что избавилъ псковичей отъ разгрома опричниками Юанна Грознаго.

Этимъ мы и заканчиваемъ свою замѣтку о «Спутникѣ по древнему Пскову», живо и правдиво напоминающемъ о цѣннѣйшихъ русскихъ памятникахъ древняго «Ольгина града».

В. Рудаковъ.

М. В. Аксеновъ. Сенаторъ Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій (1796—1866). Опытъ описанія его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ силузта и автографа. Изданіе смоленскаго губернскаго статистическаго комитета. Смоленскъ. 1910. Стр. 32.

«Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій, впоследствии замѣчательный юристъ, участникъ законодательства графа М. М. Сперанскаго (?) при императорѣ Николаѣ I и судебной реформы императора Александра II. Начавъ свою дѣятельность скромнымъ и незамѣтнымъ учителемъ провинціальной гимназіи, онъ закончилъ ее оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената, первоприсутствующимъ общаго собранія кассационныхъ департаментовъ и въ свое время пользовался громкою извѣстностью и въ высшихъ сферахъ и въ обществѣ. Такого высокаго служебнаго положенія Карніолинъ-Пинскій достигъ исключительно благодаря личной энергіи, и его продолжительная трудовая жизнь, оставившая немалый слѣдъ въ лѣтописяхъ нашего суда, безусловно интересна и поучительна. Она, несомнѣнно, станетъ когда-нибудь предметомъ подробнаго обслѣдованія историка-специалиста...» (стр. 5).

М. М. Карніолинъ-Пинскій происходилъ изъ дворянъ Сосницкаго повѣта Черниговской губерніи. Дѣтство провелъ въ Смоленскѣ, гдѣ отецъ его находился на службѣ членомъ губернской врачебной управы и одновременно преподавалъ медицину въ старшихъ классахъ духовной семинаріи. М. М. по окончаніи гимназіи за счетъ казны былъ отправленъ въ петербургскій педагогическій институтъ, по окончаніи котораго началъ службу преподавателемъ симбирской гимназіи (съ 1816 г.). Въ 1823 году М. М. оставилъ гимназію и поселился въ домъ генеральши Бѣляковой домашнимъ учителемъ ея дѣтей, а потомъ перешелъ гувернеромъ къ сыну помѣщика Кроткова, имѣвшаго связи съ литературнымъ міромъ. У Кроткова онъ обратилъ на себя вниманіе князя А. А. Шаховскаго, извѣстнаго драматурга, который рекомендовалъ его Ѳ. Ѳ. Кокошкину на учительскую должность въ московской театральній школѣ. Благодаря знакомству съ послѣдними, М. М. сталъ постояннымъ прихожаниномъ аксаковскаго прихода, гдѣ онъ познакомился съ литературнымъ міромъ, съ Н. В. Гоголемъ и А. С. Пушкинымъ и съ другими. Знакомство съ И. И. Дмитриевымъ, литераторомъ и бывшимъ министромъ юстиціи, доставило М. М. должность губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчачаго. М. М. къ этому времени началъ пробовать свои силы и на литературномъ поприщѣ, участвуя во многихъ журналахъ, между прочимъ писалъ и для театра, его комедія «Эгоизмъ и филантропія» была очень популярна въ свое время. Въ 1831 году М. М. былъ переведенъ въ Петербургъ начальникомъ отдѣленія департамента министерства юстиціи. Съ этой поры и началась его дѣятельность, когда онъ получилъ возможность приложить свои таланты и способности.

Вполнѣ присоединяемся къ сказанному въ предисловіи авторомъ, что настоящее изслѣдованіе—первый опытъ въ составленіи болѣе или менѣе связнаго и, конечно, краткаго біографическаго очерка М. М. Карніолина-Пинскаго, въ надеждѣ, что этотъ починъ дастъ толчокъ къ составленію болѣе подробнаго

описанія его жизни и хотя нѣсколько облегчить трудъ будущаго біографа». (Стр. 6).

Повидимому, настоящее изданіе представляетъ собой отдѣльный оттискъ, но на это указанія въ книжкѣ не имѣется.

Д. В—въ.

А. М. Ловягинъ. Обзорѣніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. По программѣ V класса гимназій и реальныхъ училищъ. Съ приложеніемъ на 11 таблицахъ 34 картъ и картограммъ и 6 діаграммъ, составленныхъ барономъ Н. Н. Торнау. Спб. 1911. Стр. X+186. Цѣна 1 рубль.

Лѣтъ десять тому назадъ А. М. Ловягинъ издалъ обширный курсъ «Отечественовѣдѣнія», который черезъ два года онъ переработалъ въ значительно меньшаго объема «Очерки отечественовѣдѣнія и сравнительной географіи». Послѣдніе въ настоящее время обратились уже въ небольшую книжку, носящую заглавіе: «Обзорѣніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами». Хотя эта небольшая книжка и носитъ характеръ учебнаго руководства, но по массѣ въ сжатомъ и ясномъ видѣ изложенныхъ свѣдѣній, при томъ же иллюстрированныхъ 34 картами, картограммами и 6 діаграммами, которыя составилъ небезызвѣстный географъ баронъ Н. Н. Торнау, вполне пригодна для справокъ и многочисленной пишущей братіи: всѣ цифровыя данныя заимствованы изъ самыхъ послѣднихъ и вполне надежныхъ источниковъ.

Содержаніе книжки распадается на 26 параграфовъ. Среди обычной трактовки о пространствѣ, населеніи и т. п. составитель останавливается довольно подробно на видахъ земледѣлія и промышленности, путяхъ сообщенія, внутренней и внѣшней торговлѣ и «вооруженныхъ силахъ Россіи» (§ 26).

Съ внѣшней стороны книжка издана безукоризненно стоитъ недорого и потому заслуживаетъ полнаго вниманія общества.

В. Р—въ.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіею. № 31. Евг. Придикъ. Мельгуновскій кладъ 1763 г. Съ 5 таблицами и 14 рисунками. Спб. 1911. Стр. 23 (In folio).

«Мельгуновскій кладъ», составляющій одну изъ рѣдкихъ коллекцій императорскаго Эрмитажа, заботами императорской археологической комиссіи на конецъ изданъ въ прекрасно выполненныхъ таблицахъ.

Кладъ этотъ, заключающійся въ рукояткѣ меча, ножнахъ, золотой діадемѣ, золотой рельефной пластинкѣ, семнадцати золотыхъ бляхахъ, представляющихъ собою стилизованныя изображенія хищныхъ птицъ, нѣсколькихъ серебряныхъ цилиндрикахъ и бронзовой палочкѣ, мѣдныхъ литыхъ наконечникахъ стрѣлъ и 23 гвоздяхъ, открытъ былъ въ 1763 г. при раскопкахъ «Литого кургана», произведенныхъ по порученію генералъ-поручика А. П. Мельгунова въ Херсонской губ., въ 30 верстахъ отъ Елизаветграда.

По заключенію автора описанія клада, орнаментация на рукояткѣ меча, ножнахъ и другихъ предметахъ указываетъ на происхожденіе ихъ изъ Персіи, Арменіи или Кавказа, относятся эти предметы не позднѣе VI в. до Р. X. Занесенные съ востока, они послужили предметами ритуала при погребеніи скинскаго царя-вождя.

Смѣшеніе разнообразныхъ художественныхъ вліяній, отразившихся въ нихъ, явится, несомнѣнно, новою интересною темою для археологовъ.

А. Мионовъ.

Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елизаветы Ивановны Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

Особое историческое значеніе и немаловажная психологическая цѣнность этихъ мемуаровъ въ томъ, что они написаны среднимъ человѣкомъ и принадлежать къ тѣмъ документамъ, которые ближе и вѣрнѣ всего отражаютъ эпоху. Болѣе или менѣе крупный человѣкъ всегда смотритъ немного впередъ, невольно выдвигаетъ на первый планъ самого себя, подчасъ вноситъ въ свой рассказъ и страстность, и личную заинтересованность, и если въ его картинахъ извѣстной среды и эпохи бываетъ много художественныхъ достоинствъ, то сплошь да рядомъ въ нихъ нѣтъ элементарнаго достоинства фотографіи—точной передачи дѣйствительности, которая иной разъ составляетъ незамѣнимую цѣнность записокъ простого, рядового человѣка, но умѣвшего наблюдать людей и событія. Документовъ такого рода чрезвычайно мало въ мемуарной литературѣ, и это обстоятельство еще больше повышаетъ интересъ, съ которымъ читается дневникъ Поповой. Въ немъ, справедливо указываетъ самъ редакторъ, «нѣтъ ни описаній крупныхъ историческихъ событій, ни глубокихъ и многостороннихъ характеристикъ извѣстныхъ дѣятелей, ни выдающихся по новизнѣ данныхъ о движеніи общественной мысли въ тотъ знаменательный періодъ, когда складывались основы одного изъ позднѣйшихъ направлений русскаго соціально-политическаго міросозерцанія, славянофильства. Авторъ дневника стоялъ въ одномъ изъ центровъ духовной жизни Москвы въ николаевское время, вращался постоянно среди людей, нажившихъ на эту жизнь печатъ своей самобытной индивидуальности, и тѣмъ не менѣе въ его показаніяхъ нечего искать какихъ-либо общихъ взглядовъ на развитіе славянофильскаго ученія или хотя бы новыхъ фактическихъ подробностей, касающихся условій этого развитія. Е. И. Попова была тѣсно связана съ семьей Елагиныхъ и Кирѣевскихъ, постоянно видалась съ Аксаковыми, Хомяковыми, Свербеевыми, была вся проникнута интересами славянофильскихъ кружковъ сороковыхъ годовъ; однако она не внесла въ свой дневникъ чего-либо такого, что проливало бы новый свѣтъ на исторію зарожденія славянофильства». Е. И. Попова, дочь извѣстнаго издателя, книгопродавца и типографа, имя котораго сохранилось на титульной страницѣ многихъ старыхъ книгъ («у Любія, Гарія и Попова»), бѣдная старая дѣва, всю свою долгую жизнь (умерла въ 1876 г.) провела въ описываемой ею средѣ на правахъ «домочадца», воспитывая дѣтей, давая уроки, ухаживая за больными, слушая жаркіе идейные споры и сама безъ спора вѣруя въ славянофильское

стедо. Живая, сентиментальная, слезливая, разговорчивая, восторженная, всегда чѣмъ-нибудь немного взвинченная, она была любима за доброе сердце и отрывчивую душу, и помняще ее говорятъ о ней съ уваженіемъ и благодарностью: «гдѣ бы ни появлялось горе, болѣзнь, безпокойство, она уже и тутъ; мы такъ къ этому привыкли, что если были чѣмъ озабочены, то искали ее глазами вблизи себя, и гдѣ бы она ни пропадала, иногда исчезая безъ вѣсти на неопредѣленное время къ другимъ озабоченнымъ и горькимъ, сейчасъ же, внезапно, вырастала ея маленькая, сгорбленная фигурка съ умнымъ, добрымъ лицомъ между нами, и тепло становилось отъ ея добраго участливаго слова». Такою нарисовалъ ее талантливый карандашъ Э. А. Дмитріева-Мамонова, рисунокъ котораго воспроизведенъ въ книгѣ, такую безотчетно изобразила она сама себя въ дневникѣ. Теорію и исторію славянофильскаго ученія можно изучать безъ него, но онъ своею бытовою изобразительностью, своею интимностью и искренностью удивительно приближаетъ читателя къ московскимъ славянофиламъ, обвѣиваетъ воздухомъ, которымъ они дышали. Глубокаго проникновенія въ славянофильство здѣсь искать нечего; Попова умѣла только *jugare in verba magistrosum*; Константинъ Аксаковъ для нея былъ «Константинъ Великій», Петра Кирѣевскаго она съ почительной ласковостью называла «Петромъ Пустынникомъ»; защита К. Аксаковымъ магистерской диссертациі была для нея и выдающимся событіемъ личной жизни, и крупнымъ историческимъ моментомъ, о которомъ она говоритъ въ преувеличенно восторженныхъ выраженіяхъ, объясняющихся и восприимчивыми ея настроеніями кружка, и собственною смѣшнатою экспансивностью. Съ умомъ соединяя жаждущее любви сердце, никогда не знавшее радостей супружескаго и материнскаго чувства, Попова увлекалась людьми недюжинными; слишкомъ много требовала она отъ человѣка, чтобы ей могъ понравиться первый встрѣчный. Такъ какъ она была уже немолода, эти увлеченія носили характеръ дружеской попечительной заботливости, сквозь которую, однако, противъ ея воли ясно проглядываетъ первоначальная основа чувства. Дневникъ хранитъ слѣды ея увлеченій молодыми славянофилами Д. А. Валуевымъ и В. А. Пановымъ и врачомъ Тидебелемъ, свой младенчески-невинный «романъ» съ которымъ она описала съ несомнѣнной талантливостью. Особенно дорогъ былъ ей первый, дѣйствительно привлекательная личность, о которой она говоритъ: «Валуеву данъ былъ высокій удѣлъ въ нѣжныхъ лѣтахъ юности направлять людей къ добру, учить своимъ примѣромъ нравственности, не оскорбляя ни кого надменностію. Въ тѣ лѣта, когда другіе думаютъ о скоропреходящихъ удовольствіяхъ, Валуевъ думалъ о подвигахъ апостольскихъ. Узнавъ о помолвкѣ Панова, она обратилась къ портрету Валуева: «слышишь ли ты, сынку, слышишь ли, милый, другъ твой женится! свѣтлый мой ангелъ, другъ твой женится! серафимская душа, кроткое, нѣжное существо, онъ женится и забудетъ тебя, и не придетъ на гробъ твой!» Окружающіе симпатизировали Поповой, но скупо платили за ея любовь къ нимъ, и она не разъ жалуется: «Когда же прекратится безцвѣтная и бесполезная жизнь моя? Проникнувъ глубину ея, вижу страшную пустоту, вижу, что моя дружба ничего и ни для кого не значить». За эту доброту простого, кроткаго сердца, за неостывающую, несмотря ни на какія разочаранія, любовь къ людямъ, за трогательное умѣніе жить чужими ра-

достаями и чужими печалаями, прощаешь Поповой ея смѣшныя ужимки, ея слабости, и благодаришь ея мысленно за безхитростный рассказ о видѣнномъ и слышанномъ. Ограниченъ былъ ея кругозоръ, но чистъ былъ ея взоръ, и историкъ найдеть что извлечь изъ подмѣченныхъ ею мелкихъ черточекъ былой жизни. Немногословныя, но обстоятельныя примѣчанія кн. Н. В. Голицына хорошо освѣщаютъ этотъ замѣчательный историческій и «человѣческій» документъ, изданный съ тѣмъ изяществомъ, которымъ отличаются всѣ изданія «Огней».

Н. Лернеръ.

Сергій Ефремовъ. Історія українського письменства. Спб. 1911. Стр. 466—XVI. Цѣна 2 рубля.

Книга, которую давно ждали. Новыя изслѣдованія по исторіи южно-русской литературы, новыя украинскіе беллетристы, серьезно поставленная научная разработка научныхъ вопросовъ, сначала галиційскими учеными, затѣмъ нѣкоторыми профессорами русскихъ университетовъ и т. д.—все это дѣлаетъ своевременнымъ появленіе специальной книги о судьбахъ украинской литературы. Близко стоящій къ современной украинской беллетристикѣ и журнальному дѣлу, талантливый С. Ефремовъ выполнилъ задачу удачно, написалъ книгу съ увлеченіемъ, издалъ ее красиво.

Исторія украинской литературы раздѣлена имъ на три отдѣла: эпоха національно-государственной самостоятельности до соединенія съ Литвой и Польшей въ концѣ XIV вѣка; эпоха національно-государственного подчиненія, съ разнообразными попытками вернуть свободу; эпоха національнаго возрожденія съ конца XVIII вѣка до нашихъ дней. Въ предисловіи С. Ефремовъ жалуется на «трагичнѣйшую», «несчастнѣйшую», «фатальную долю» украинскаго народа и объясняетъ причины этого трагизма. Причинъ много—историческія, географическія, этнографическія и т. д. Авторъ особенно винитъ традицію «единой російской литературы», которая яко бы одна выросла на почвѣ старой письменности. Она находится въ связи съ объединенной Москвой, съ теоріей Москвы—третьяго Рима, съ теоріей «литературнаго централизма», впервые такъ ярко представленной въ «Степенной книгѣ». Все, что не подходило подъ понятіе Москвы, какъ единственной и прямой наслѣдницы стародавней русской жизни, принималось, какъ «чужеземное, еретическое, навѣянное латинскимъ Западомъ». И даже тогда, когда съ Москвой соединилась Украина, на нее былъ перенесенъ officialный взглядъ, какъ на «блуднаго сына, вернушагоса въ концѣ концовъ къ родному убѣжищу».

Что такой взглядъ существовалъ въ свое время—спорить не приходится. Едва ли, однако, правъ С. Ефремовъ, говоря о грамотѣ патріарха Филарета 1627 года («чтобы впредь никто никакихъ книгъ литовскія печати не покупалъ»), какъ о первомъ указѣ противъ украинской литературы (стр. 17). Въдъ распоряженіе это вызвано было боязнью исключительно латинскихъ новшествъ въ области церковной. Новыя работы о происхожденіи раскола, какъ явленія церковнаго прекрасно показали, какую роль сыграли въ сѣверной Руси эти именно книги литовской печати, книги, въ которыя раньше другихъ стали проникать

латинскія черты изъ венеціанскихъ греческихъ служебныхъ книгъ. Когда Никонъ присоединился къ грандіозному плану восточныхъ патріарховъ объединить въ богослужебномъ отношеніи весь православный Востокъ, онъ обратился къ этимъ венеціанскимъ изданіямъ, съ которыхъ раньше переводились и правились книги «литовской печати». И если бы С. Ефремовъ поставилъ въ связь съ этой грамотой тѣ свѣдѣнія объ учительномъ «евангеліи» Транквиліана и «катехизисѣ» Зизанія, которыя приводятся имъ вслѣдъ за первымъ, онъ пришелъ бы къ выводу, что здѣсь вовсе не имѣется въ виду именно «украинская литература».

Относительно многихъ литературныхъ памятниковъ древнѣйшаго періода, которые относятся С. Ефремовымъ къ украинской литературѣ, можно, конечно, спорить. Разъ въ нихъ нѣтъ значительныхъ южно-русскихъ особенностей, они съ равнымъ правомъ относятся и къ общей русской письменности.

Если замѣтка лѣтописи подъ 1289 годовъ о книгахъ, пожертвованныхъ въ церкви княземъ Владимиромъ Васильковичемъ, можетъ имѣть отношеніе къ южно-русскимъ книгамъ вообще, то уже никакого отношенія не имѣетъ къ этимъ книгамъ переведенный съ греческаго индексъ истинныхъ и ложныхъ книгъ Изборника 1073 года (стр. 18), переведеннаго для болгарскаго царя Симеона. Замѣтимъ еще, что въ словахъ «о книгахъ которую подобаетъ чести»,—ошибка. Говоря объ извѣстїи панновской легенды о встрѣчѣ Константина-Кирилла съ русскими въ Корсуни и книгахъ «русскими письмены», авторъ вполне довѣряетъ извѣстію (стр. 29), должно быть, не зная того, что вставка объ этомъ находится только въ позднихъ спискахъ, что она, несомнѣнно, русскаго происхожденія, и т. д., не зная всей научной литературы объ этомъ вопросѣ. И прекрасную оцѣнку указанному извѣстію даетъ та самая русская статья, очень нерѣдкая въ спискахъ, которую С. Ефремовъ знаетъ по креховской палеѣ: что «грамота русская явилася Богомъ дана въ Корсунѣ русину», что «грамота русская никимъ же явлена, но токмо самимъ Богомъ», и т. д., т. е. вся тенденціозность извѣстія здѣсь вылилась уже въ такую именно форму, какой не рѣшался придать ему составитель вставки. На нее можно смотрѣть, какъ на очень цѣнный памятникъ русскаго національнаго самосознанія XV—XVI вѣковъ—и только. И если можно говорить, что «наши прадѣды имѣли свою литературу передъ христіанствомъ», или же что «они могли имѣть ее, то во всякомъ случаѣ здѣсь ни при чемъ указанное позднее и скорѣе сѣверно-русское извѣстіе о «русскахъ книгахъ» въ Корсуни.

Первый, древнѣйшій періодъ южно-русской литературы, періодъ «княжескій», изложенъ у С. Ефремова кратко, красиво, мѣстами съ подъемомъ. Болѣе подробнымъ становится изложеніе по мѣрѣ приближенія къ XIX вѣку. Обращаютъ на себя вниманіе отдѣлы о кievской схоластикѣ, Иванѣ Вышенскомъ, полемическая литература, школьная драма, вирши и вся глава о народной поэзіи (стр. 137—175). Большіе отдѣлы посвящены Котляревскому, Шевченку, шестидесятымъ годамъ и національному возрожденію въ Галиціи. Изъ новѣйшихъ беллетристовъ удачны вышли характеристики творчества Франка, Старицкаго, Ивана Левицкаго, Мирного, Гринченка, Леси Украинки, Коцюбинскаго, Стефаника, Винниченка, Олеся и другихъ. Вообще весь отдѣлъ о

современной украинской литературы написанъ съ рѣдкимъ знаніемъ сферы и интимныхъ чертъ писателей, съ трогательной любовью и красивыми публицистическими экскурсами. Онъ будетъ интересенъ для многихъ, особенно—если появится переводъ на русскій литературный языкъ.

Книга украшена портретами писателей, написана изящно, снабжена литературой предмета и указателемъ.

А. И.—чъ.

Описаніе рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской академіи наукъ. I. Рукописи. Томъ I (I. Книги священнаго писанія и II. Книги богослужебныя). Составили В. И. Срезневскій и Ѳ. И. Покровскій. Спб. 1911. Стр. XVI—525. Цѣна 3 рубля.

Въ послѣднее время выработался новый планъ описанія славяно-русскихъ рукописей. Краткость и сжатость доведена здѣсь до минимума; все лишнее, всякія подробности отбрасываются. Передается лишь самая суть, только самое характерное для даннаго памятника, и т. д. И все-таки такое описаніе не типичный инвентарь, часто не дающій понятія о рукописи или части ея, статьѣ, записи, орнаментѣ и т. д. При всей сжатости и всякаго рода сокращеніяхъ, новый типъ описанія рукописей даетъ очень много и нерѣдко избавляетъ изслѣдователя отъ необходимости обращаться къ описанной рукописи за какой-нибудь мелочью. А это именно то, что должно выполнять идеальное описаніе.

Типъ такого именно описанія—впервые въ полной послѣдовательности проведенъ былъ въ капитальномъ описаніи рукописей, хранящихся въ архивѣ синода, А. Никольскаго. Недостатки названной работы—исключительно въ мелочахъ, а вся система описанія стоитъ на должной высотѣ. Очень близка къ нему по общему характеру и болѣе усовершенствована, съ точки зрѣнія требованій учено-библиографической, работа В. И. Срезневскаго и Ѳ. И. Покровскаго, давшихъ прекрасное описаніе рукописей академіи наукъ. Благодаря разнообразію шрифтовъ и тому, что заглавіе каждой новой статьи въ рукописи занимаетъ особую строку,—настолько удачно выдѣляется все, что можетъ и что должно броситься въ глаза, что не трудно въ очень короткое время познакомиться съ содержаніемъ сотенъ интересныхъ и важныхъ книгъ, вошедшихъ въ первый томъ «Описанія».

А что все собраніе представляетъ безусловный интересъ, видно изъ перечня отдѣльныхъ коллекцій, поступавшихъ въ академическую бібліотеку въ разное время. Всѣхъ рукописей—554, изъ нихъ 68 пергаментныхъ (большей частью отрывки: такъ называемые «финляндскіе» и изъ собранія покойнаго слависта П. Сырку). Въ первый томъ входитъ описаніе рукописей «всѣхъ коллекцій академической бібліотеки и всѣхъ отдѣльныхъ ея приобрѣтеній, начиная съ собранія царевичей Петра и Іоанна Алексѣевичей, царевны Софіи Алексѣевны, царевича Алексѣя Петровича и кончая приобрѣтеніями 1908 года. Не внесены въ описаніе: коллекція еп. Порфирія Успенскаго, какъ имѣющая уже подробное печатное описаніе, и собраніе столбцовъ и грамотъ, которымъ предположено дать самостоятельный каталогъ».

До 1899 года рукописями академическая библиотечка была въ сущности очень небогата, и въ изслѣдованіяхъ по славянской и русской филологіи рѣдко попадались ссылки на собраніе академіи наукъ. Собраніе стало увеличиваться главнымъ образомъ за послѣднія десять лѣтъ. Кромѣ того, къ настоящему времени устарѣли и печатныя свѣдѣнія о рукописяхъ основнаго собранія. «За все время существованія академіи было напечатано два каталога рукописей,— говоритъ В. И. Срезневскій.—Первый перечень былъ выпущенъ въ свѣтъ въ 1722 году, въ четвертой части общаго каталога академической библиотечки: «*Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars quarta, quae continet libros philosophicos*», etc. (стр. 873—907) подъ заглавіемъ: «*Libri Rutheno idiomae conscripti*» въ двухъ частяхъ: «*Libri theologici manuscripti*» и «*Libri civiles manuscripti*». Этотъ перечень рукописей былъ напечатанъ (по всей вѣроятности, въ томъ же 1742 году) въ переводѣ на русскій языкъ, съ нѣкоторыми дополненіями и отчасти сокращеніями, при спискѣ русскихъ книгъ библиотечки («Россійскія печатныя книги, находящіяся въ Императорской библиотекѣ»); подъ заглавіемъ «Россійскія рукописныя книги. Камера W, шкаль 20, 21, 22». Каталогъ въ этомъ перечнѣ распадается на три отдѣла: «Раздѣленіе I. Книги рукописныя церковныя». «Раздѣленіе II. Книги гражданскія рукописныя различнаго содержанія» и «Раздѣленіе III. Книги рукописныя, до Россійской исторіи подлежащія». Къ тремъ отдѣламъ относятся три алфавитныхъ указателя. Составителемъ этого перваго каталога академическихъ рукописей, вѣроятно, слѣдуетъ считать служившаго при библиотекѣ академіи наукъ I. Брема».

Составленный библиотечкаремъ П. И. Соколовымъ списокъ академическихъ рукописей въ 1818 году состоитъ изъ двухъ выпусковъ: «Каталогъ обстоятельный Россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ Россійской Исторіи и Географіи принадлежащимъ и въ Академической Библиотекѣ находящимся, по приказанію Господина Президента Императорской Академіи Наукъ Сергія Семеновича вновь сдѣланный статскимъ совѣтникомъ Соколовымъ. 1818 года» и «Каталогъ обстоятельный Россійскимъ рукописнымъ книгамъ Священнаго писанія, поучительнымъ, служебнымъ и до церковной исторіи касающимся, въ Библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ хранящимся, по приказанію Господина Президента оной Академіи Сергія Семеновича Уварова вновь сдѣланный Статскимъ Совѣтникомъ Соколовымъ 1818 года». Остальные каталоги, относящіеся къ болѣе позднему времени, носятъ болѣе случайный характеръ.

По времени написанія, небольшое число рукописей, описанныхъ въ первомъ томѣ, относятся къ XI—XIV вѣкамъ. Число ихъ растетъ съ каждымъ слѣдующимъ столѣтіемъ, и больше всего падаетъ на XVI вѣкъ (153 номера).

Среди богослужебныхъ рукописей разбросано немало литературныхъ произведеній. Изъ нихъ назовемъ сказанія о приходѣ на Русь Андрея Первозваннаго, слова Кирилла Туровскаго, Максима Грека, житія русскихъ и южнославянскихъ святыхъ, сказанія объ обрѣтеніи мощей русскихъ святыхъ, объ исходѣ души изъ тѣла, и др., апокрифы о Макаріи Египетскомъ, о распятіи Христовомъ, о 12 пятницахъ, посланіе ап. Павла къ лаодикійцамъ, апокрифическія молитвы отъ трясовицы, семи отроковъ. молитва архистратигу Михаилу и т. д.

Прекрасный библиографъ, очень свѣдущій по части древней письменности, достойный сынъ знаменитаго палеографа И. И. Срезневскаго, В. И. Срезневскій обнаружилъ въ новой работѣ массу опыта, знаній и пониманія задачъ идеальнаго описанія рукописей. Недостатки, ошибки—очень рѣдки. Мы обратили вниманіе на слѣдующее. Особыя богослужебныя пѣснопѣнія Григорія Синаита называются послѣдовательно «припѣвами» (стр. 100, 101, 102, 105 и др.), въ то время, какъ въ рукописяхъ—обычный терминъ «припѣла» (и не припѣлы), какъ обозначено въ другихъ мѣстахъ книги, относительно подобныхъ пѣснопѣній другихъ авторовъ). На стр. 213 находимъ едва ли вѣрное предположеніе о времени написанія рукописи, и буквы ф ф х п не означаютъ 1680 годъ. Примѣры сложенія буквъ—цыфръ дѣйствительно встрѣчаются въ старинной письменности, но не замѣняютъ такихъ простыхъ буквъ—цыфръ, какъ а (1000). Кромѣ того, противъ такого пониманія буквъ говоритъ, съ одной стороны, необычное лѣтоисчисленіе отъ Рождества Христова, съ другой—отсутствіе надъ ними титлъ.

Очень дѣльно, безъ лишнихъ подробностей, съ полнымъ знаніемъ дѣла описаны синодики и церковныя уставы. Для специалистовъ нетрудно опредѣлить, на основаніи этихъ описаній, редакціи каждой рукописи. Полной похвалы заслуживаетъ указатель, въ полномъ смыслѣ слова «объяснительный», именной и предметный. Въ указателѣ собраны даже всѣ свѣдѣнія объ орнаментахъ, миниатюрахъ, пергаментныхъ рукописяхъ, о тайнописи, о поддѣльныхъ рукописяхъ и т. д. Словомъ, описаніе академическихъ рукописей В. И. Срезневскаго и Ѳ. И. Покровскаго должно послужить образцомъ для подобныхъ работъ.

А. Я.

Сочиненія Пушкина. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Т. III. (1833—1837) Изданіе импер. академіи наукъ. Стр. XV+473. Ц. 1 р. 50 коп. Спб. 1911.

Какъ объективно ни было бы творчество художника, его личность обнаруживается въ той или другой степени въ произведеніяхъ, по нимъ можно получить извѣстное представленіе о творцѣ. Но представленіе это не будетъ полнымъ, вполне яснымъ, рельефнымъ: вѣдь, литературные образцы—не прямое отраженіе личности автора, они—продукты художественнаго воспріятія, проходятъ черезъ призму художественной мысли. Степень отраженія личности писателя въ его произведеніяхъ зависитъ отъ степени субъективнаго элемента въ нихъ. Но нерѣдко даже въ самомъ субъективномъ творествѣ личность художника не отражается во всей полнотѣ, во всѣхъ деталяхъ, не проявляются всѣ грани души, обнаруживаются только извѣстныя душевныя стороны, только извѣстныя переживанія.

И поэтому, если мы поставимъ себѣ цѣлью составить возможно болѣе яркое и полное представленіе о личности писателя, мы не можемъ ограничиться однимъ лишь творчествомъ, но должны обратиться еще къ письмамъ. Какъ болѣе непосредственное отраженіе личности писателя, чѣмъ творчество, письма являются важнымъ матеріаломъ для характеристики психики, внутренняго міра, душевнаго настроенія, міросозерцанія писателя. Въ письмахъ личность отра-

жается непосредственно, чѣмъ въ творествѣ, нерѣдко обнаруживаются интимныя стороны внутренняго міра, мысли, которыми дѣлился писатель только со своими близкими, не высказывая въ своихъ произведеніяхъ. Наконецъ, самый тонъ писемъ, отношенія къ лицамъ, которымъ адресованы письма, даютъ не мало характерныхъ черточекъ для обрисовки личности писателя. Въ письмахъ мы видимъ его въ сферѣ обыденной жизни, житейскихъ отношеній, какъ члена опредѣленной среды. И очень часто знакомство съ обыденной жизнью писателя даетъ цѣнный матеріалъ для пониманія его творчества. О большомъ значеніи писемъ, какъ біографическаго матеріала, конечно, лишнее и говорить.

Теперь опубликованы письма многихъ нашихъ писателей, и всѣ эти письма, уже не говоря о томъ, что даютъ богатый біографическій матеріалъ, являются очень цѣнными для обрисовки ихъ личности, внутренняго міра, міросозерцанія и психики. Это нужно сказать о письмахъ Жуковскаго, Гоголя, Бѣлинскаго, Кольцова, Некрасова, Добролюбова, Тургенева, Гончарова, А. Толстого, Л. Толстого, Эртеля, Вл. Соловьева, Чехова и др.

Но, несомнѣнно, по своей цѣнности и значенію на первое мѣсто должны быть поставлены письма Пушкина. Если въ творествѣ личность поэта выразилась очень ярко, то еще ярче въ письмахъ. Буквально нельзя узнать всего поэта, получить о немъ полное представленіе, не прочитавъ его писемъ: въ нихъ онъ выступаетъ чрезвычайно ярко, какъ живой, со всѣми свои чертами, необычайной многогранностью своей духовной природы, со всею экспансивностью, со всѣми волненіями метущейся и чуткой души. Но не только въ этомъ, но и въ чисто литературномъ отношеніи письма Пушкина очень цѣнны: они—блестящія страницы Пушкинско́й художественной прозы.

Собраніе писемъ Пушкина прилагалось неоднократно ко многимъ изданіямъ сочиненій поэта. Но даже въ лучшихъ изданіяхъ—подъ редакціей г. Ефремова и г. Морозова собрана только небольшая часть писемъ поэта.

Въ виду всего этого большимъ литературнымъ фактомъ является изданіе академіей наукъ всѣхъ опубликованныхъ до самаго послѣдняго времени писемъ поэта. Редакція была поручена В. И. Сaitову, выпустившему уже прекрасное, съ цѣннѣйшими примѣчаніями изданіе—переписку кн. Вяземскаго съ Тургеневымъ—«Остафьевскій архивъ». Если это изданіе являлось крупнѣйшей заслугой В. И. Сaitова, то теперь прибавилась еще большая заслуга—прекрасное изданіе писемъ Пушкина.

Редакторъ очень серьезно отнесся къ своей задачѣ и выполнилъ ее блестяще, съ замѣчательной тщательностью. В. И. Сaitовъ не только собралъ всѣ извѣстныя до послѣдняго времени письма Пушкина, что само по себѣ является заслугой, такъ какъ требуетъ большой эрудиціи въ обширной области Пушкинско́й литературы, но и выполнилъ работу вполне научно, примѣнивъ тѣ научныя методы, которые выдвинуты теперь въ области изслѣдованія текста. Каждое письмо В. И. Сaitовъ самымъ тщательнымъ образомъ провѣрилъ по рукописямъ, давъ точную Пушкинскую транскрипцію, что имѣетъ большое значеніе для изученія языка и стилия поэта. Затѣмъ большимъ достоинствомъ изданія является помѣщеніе, на ряду съ бѣловиками писемъ, черловиковъ, такъ какъ сравненіе двухъ редакцій письма, особенно такихъ, какъ письма къ такимъ ли-

цамъ, какъ шефъ жандармовъ Бенкендорфъ,—даетъ много цѣннаго для обрисовки личности поэта. Наконецъ, чрезвычайно удачна мысль редактора помѣстить на ряду съ письмами Пушкина сохранившіяся письма къ нему. Сохранилось въ общемъ немного писемъ къ Пушкину, но и то, что находится въ изданіи, значительно облегчаетъ уясненіе писемъ Пушкина. Крупной заслугой является также установленіе В. И. Саитовымъ датъ цѣлага ряда писемъ. Къ всему этому редакторъ выполнилъ трудную, сложную и кропотливую работу въ довольно короткое время. Недавно появился послѣдній, третій томъ.

Такимъ образомъ, наконецъ-то мы получили прекрасное и полное изданіе такого цѣннаго сокровища, какъ письма поэта. Въ заключеніе пожелаемъ редактору такого же удачнаго выполненія другой взятой на себя задачи — составленія примѣчаній къ письмамъ. Къ сожалѣнію, въ виду сложности этого едва ли мы можемъ ожидать появленія примѣчаній въ скоромъ времени.

А. Г. Фокинъ.

**Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Подъ редакціей Э. Л. Радлова.
Спб. Т. II. 1909. VIII+367 стр.—Томъ III. Спб. 1911. 337 стр.**

Третьимъ томомъ закончилось предпринятое Э. Л. Радловымъ изданіе писемъ знаменитаго русскаго философа. Хотя Соловьевъ и ссылается въ одномъ мѣстѣ на свою письмофобію, но писемъ послѣ него осталось все же немало. Э. Л. Радловъ, одинъ изъ близкихъ друзей философа, приложилъ особенныя старанія къ тому, чтобы собрать все изъ его переписки, что можно опубликовать уже въ настоящее время. Но и изъ подобнаго рода писемъ получить всего не удалось. Особенно трудно разыскивать заграничныя письма Соловьева, хотя часть ихъ все же нашла себѣ мѣсто въ первомъ и третьемъ томахъ. Нѣтъ писемъ къ Л. М. Лопатину, носящихъ слишкомъ интимный характеръ, не всѣ напечатаны письма къ Н. Я. Гроту, Л. Н. Толстому, князю С. Н. Трубецкому, князю А. Д. Оболенскому, М. М. Стасюлевичу, В. Л. Величко, Ю. Н. Милютину. У кого-нибудь должны найтись письма къ Каткову, съ которымъ Соловьевъ былъ вначалѣ въ хорошихъ отношеніяхъ. Можно думать что и съ Побѣдоносцевымъ у философа тоже была переписка. По крайней мѣрѣ, Побѣдоносцевъ возлагалъ на Соловьева большія надежды и первоначально даже покровительствовалъ ему. Правда, продолжалось это недолго, и изъ покровителя Побѣдоносцевъ сдѣлался яростнымъ гонителемъ философа. Когда въ 1889 году депутація отъ московскаго психологическаго общества, съ Н. Я. Гротомъ во главѣ, явилась къ покойному оберъ-прокурору и просила помочь въ полученіи разрѣшенія на изданіе безцензурнаго журнала «Вопросы философіи и психологіи», Побѣдоносцевъ выразилъ сочувствіе этому начинанію, но, узнавъ, что въ числѣ предполагаемыхъ сотрудниковъ журнала значится и Соловьевъ, сказалъ: «зачѣмъ вы берете этого буйвола?»

Благодаря такому отношенію Побѣдоносцева, цензура проявляла особую бдительность къ Соловьеву, и нѣкоторая боязнь передъ цензурой составляетъ

одинъ изъ видныхъ мотивовъ его писемъ. Какія бы нелѣпости ни выдѣлывала цензура, Побѣдоносцеву это, повидимому, только доставляло удовольствіе. Какъ видно изъ писемъ къ генералу А. А. Кирѣеву, Побѣдоносцевъ остался глухъ къ заявленіямъ объ этихъ нелѣпостяхъ даже со стороны очень вліятельныхъ людей. Своего апогея цензурныя гоненія достигли въ 1891 году, когда Соловьевъ выступилъ въ московскомъ психологическомъ обществѣ съ докладомъ «О причинахъ упадка средневѣковаго міросозерцанія». Ему такъ и не пришлось увидѣть свѣтъ при жизни Соловьева. Въ напечатанныхъ письмахъ этотъ эпизодъ освѣщенъ не вполне.

Жалобы на цензуру, жалобы на неисправность почты, жалобы на болѣзнь, жалобы на безденежье—обычные мотивы писемъ Соловьева. Совершенно особую группу составляютъ письма къ Е. К. Селявиной, которая долго считалась его невѣстой. Сквозь густую дымку лирическихъ изліяній здѣсь уже очерчивается будущій провозвѣстникъ и носитель положительнаго всеединства. Въ идейномъ отношеніи важны письма къ Гецу, касающіяся еврейскаго вопроса, письма къ генералу Кирѣеву и къ Мартынову и Пирлингу—о соединеніи церковью, къ князю Д. Н. Цертелеву—о спиритизмѣ, къ Л. Н. Толстому и Н. Θ. Ѳедорову—о воскресеніи Христа. Н. Θ. Ѳедорова Соловьевъ не разъ называетъ учителемъ и утѣшителемъ. Они во многихъ нравственныхъ качествахъ были похожи другъ на друга.

Соловьевъ въ шутку говоритъ про себя, что онъ представляетъ живой примѣръ единства противорѣчій. Этотъ мистикъ, аскетъ и философъ, занимающійся высокими матеріями и заходящій нерѣдко въ непролазныя дебри метафизики, совершенно неожиданно для читателя оказывается остроумнымъ собесѣдникомъ. Почти всѣ его письма брызжутъ блесками остроумія и нерѣдко сопровождаются экспромтомъ. Мало кто знаетъ, что Соловьевъ одно время имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ извѣстному псевдониму графа Алексиса Жасминава и даже выступалъ въ «Новомъ Времени» отдѣльно съ шуточными стихотвореніями подъ псевдонимомъ князя Эспера Гедіотропова. Эти стихотворенія вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ такомъ же родѣ помѣщены въ вышедшихъ томахъ «Писемъ».

Значительное большинство писемъ появляется впервые въ печати и только часть писемъ третьяго тома перепечатана изъ другихъ изданій. Почти половину этого тома занимаютъ также или статьи Соловьева, хотя не бывшія въ печати, или появившіяся въ періодическихъ изданіяхъ, но не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій. Здѣсь же помѣщена повѣсть Соловьева «На зарѣ туманной юности» и шуточная трагедія «Бѣлая лилія» въ духѣ Кузьмы Пруtkова.

Чтеніе писемъ Соловьева доставляетъ истинное наслажденіе. Чистый доходъ отъ изданія ихъ предназначается на стипендію имени философа.

Я. К.

І. «Въ память Л. Н. Толстого». Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ подь редакціей Юрія Битовта. Исполненъ и изданъ художественной фототипіей К. А. Фишера. М. 1911. Ц. 3-го выпуска 10 руб. II. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 г.). Вып. II изд. П. П. Сойкина.

Толстовская иконографія и біографическіе матеріалы, посвященные покойному великому писателю русской земли, выходятъ въ свѣтъ все въ большемъ и большемъ числѣ и являютъ доказательство, что наконецъ-то русское общество начинаетъ цѣнить и достойно памятовать своихъ великихъ людей. Если вспомнить въ этомъ отношеніи судьбу творчества Пушкина, Гоголя, Лермонтова вслѣдъ за ихъ кончиною и сравнить ее съ тѣмъ, что мы видимъ примѣнительно къ Л. Н. Толстому, то должны неминуемо признать, что въ русскомъ самосознаніи произошла громадная эволюція въ положительную сторону и мы стали, если не въ уровень, то, во всякомъ случаѣ, близки къ западно-европейскимъ народамъ въ смыслѣ признанія культурныхъ заслугъ нашихъ великихъ людей. Выпуски альбомовъ, заглавія которыхъ приведены выше, являются нѣкоторымъ подтвержденіемъ сказаннаго.

Извѣстная московская фирма К. А. Фишера издала нынѣ свой альбомъ изображеній Л. Н. Толстого и о Толстомъ большого in quarto формата хорошей и плотной бумаги. Такого рода изданіе иллюстрацій всей жизни великаго чловѣка въ доступныхъ размѣрахъ и проникновенія въ нее—явленіе новое въ русской жизни и остается лишь пожелать, чтобы начинаніе фирмы Фишера встрѣтило у насъ надлежащую поддержку и оцѣнку. Весь матеріаль расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) гербъ и предки Толстого; 2) Л. Н. Толстой въ фотографическихъ снимкахъ: а) Л. Н. Толстой въ разные эпохи своей жизни и разные моменты своей дѣятельности; б) семья; в) группы; 3) Л. Н. Толстой на смертномъ одрѣ и погребеніе его; 4) друзья его, мыслители и писатели, особенно имъ любимые; 5) періодическая печать въ дни восьмидесятилѣтія и смерти; 6) толстовская коллекція (собраніе императорскаго російскаго историческаго музея); 7) виды Ясной Поляны и другихъ мѣстностей, такъ или иначе соприкасающихся съ Толстымъ: а) село Долгое, тульская гимназія, казанскій университетъ, домъ въ Москвѣ, Гаспра, Оптина пустынь, Шамардино, Остапово; б) Ясная Поляна. Фотографическіе снимки и рисунки художниковъ; 8) Толстой въ изображеніяхъ художниковъ: а) литографіи, гравюры, офорты и другія произведенія печатнаго станка, б) живопись, рисунки, акварель и проч., в) скульптура, г) медали. 9) Иллюстраціи къ произведеніямъ Толстого: а) театральныя произведенія на сценахъ, б) иллюстраціи къ произведеніямъ Толстого и о Толстомъ, в) обложки и заглавные листы художественныхъ изданій Толстого и о Толстомъ; 10) открытыя письма; 11) автографы и снимки съ новыхъ и рѣдкихъ его произведеній; 12) карикатуры.

Таковъ обширнѣйшій матеріаль, вошедшій въ изданіе, коего вышло уже всѣ три выпуска обнимающіе собою свыше 1100 разнообразныхъ снимковъ, расположенныхъ на 120 листахъ. Большая часть этого матеріала почерпнута изъ коллекцій библиографа Ю. Битовта, свыше пятнадцати лѣтъ собиравшаго все относящееся къ Толстому, и исчерпываетъ почти все имѣющееся въ обра-

щені о Толстомъ. Недостающее, и весьма небольшое (всего пять листовъ), взято изъ сокровищницъ историческаго музея, а также кое-что изъ коллекціи М. М. Баювича, а по части корректуры изъ собранія И. Ф. Масапова. Редакція альбома и объяснительный къ нему текстъ составлены г. Битовтомъ

Фирма Фишера пользуется настолько прочною репутаціей, что о технической сторонѣ не приходится много распространяться: въ предѣлахъ возможнаго и назначенной цѣны сдѣлано все зависящее; жаль только, что не подъ всѣми изображеніями можно прочесть объяснительный текстъ, такъ онъ мелокъ и неразборчивъ въ фототипическомъ воспроизведеніи. Что касается внутренняго содержанія, то, конечно, тутъ возможны нѣкоторыя замѣчанія и, главнымъ образомъ, сводящаяся къ тому, что не слишкомъ ли расширена программа издательства и подчасъ не элементомъ ли случайности и ненадобности отмѣчены нѣкоторыя части плана? Что значить, на примѣръ, мѣстности, «такъ или иначе соприкасающіяся съ Толстымъ»? или «писатели, имъ особенно любимые»? Въ первомъ случаѣ, можно думать, издатели должны быть или особенно скупы, или безъ особенной надобности слишкомъ щедры. Жизнь и творчество Толстого были такъ широки, что для опредѣленія «мѣстностей», съ которыми онъ такъ или иначе (?) соприкасался, требуется, въ интересахъ полноты дѣла, ужъ слишкомъ много матеріала, въ противномъ случаѣ этотъ отдѣлъ будетъ отличаться или случайностью, или субъективизмомъ. То же можно сказать и о любимыхъ писателяхъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ слишкомъ неустойчивымъ произвольнымъ началомъ. Но какъ бы то ни было, наше маленькое замѣчаніе не мѣшаетъ намъ быть благодарными фирмѣ К. А. Фишера, въ короткое время справившейся такъ удачно съ дѣломъ крупнаго культурнаго значенія и создавшей нашему писателю своего рода приличный памятникъ.

Подвигается понемпогу и предпріятіе П. П. Сойкина по изданію иллюстрированной біографіи Л. Н. Толстого, начатой еще при его жизни и просмотрѣнной (неизвѣстно только, до какого періода жизни) самимъ покойнымъ писателемъ. О первомъ выпускѣ въ свое время мы уже говорили; настоящей—второй—заканчивается XIX главой, обнимающей собою свѣтскую жизнь Л. Н. съ ея кутежами, картами, цыганами и заканчивающейся первыми его шагами по пути богоискательства. Представивъ эти страницы изъ жизни будущаго автора «Войны и Мира», составители его біографіи, называя его «Буддою русскаго дворянства», отмѣчаютъ, что въ тотъ періодъ въ немъ таинственно и загадочно переплелись характеры всѣхъ его трехъ братьевъ. «Въ раннемъ дѣтствѣ,—говорятъ они,—весь во власти Николая Николаевича, въ Казани онъ подражаетъ «красивому» и «гордому» Сергѣю Николаевичу, наконецъ, въ Москвѣ, вернувшись къ церкви, онъ идетъ по путямъ религіознаго Дмитрія Николаевича, по тѣмъ самымъ путямъ, которые, наслѣженные братомъ, онъ отвергалъ въ Казань». Біографія подвигается медленно; можно сказать, съ фактической стороны она въ началѣ, а потому говорить о ней, по сравненіи съ аналогичными работами другихъ авторовъ, преждевременно. Просмотръ самимъ Толстымъ и его супругою отпечатанныхъ листовъ ручается за ея фактическую полноту и достовѣрность—этимъ пока ограничимся. Что касается иллюстраціонной части, то, какъ по отношенію перваго выпуска, такъ и по отношенію настоящаго, мы остаемся при томъ мнѣніи, что напрасно

издатель даст волю художникам по части фантазирования. Г-жа Самокишъ-Судковская, что и говорить, художница талантливая и ея даромъ можно пользоваться въ рамкахъ и предѣлахъ реальныхъ рисунковъ, потребныхъ для такихъ работъ, какова настоящая—биографическая. Но совершенно непонятно, зачѣмъ въ достовѣрной биографіи только что сошедшаго съ жизненной сцены писателя вставлять рисунки фантастическаго характера. Идетъ, напримеръ, въ текстѣ рѣчь о кутежахъ Толстого—и вотъ изображеніе закутившаго Толстого готово; говорятъ биографы объ увлеченіи нашего писателя женщинами—г-жа Самокишъ спѣшитъ съ рисункомъ объ искушеніяхъ юнаго Толстого прекрасными видѣніями. Такого рода способъ иллюстрированія серьезныхъ работъ грубъ, аляповатъ и смѣшенъ. Что годится для ходкихъ иллюстрированныхъ романовъ и повѣстей, непригодно для изданій, посвященныхъ такой серьезной темѣ, какъ биографія Толстого. Фантастическія иллюстраціи ее только опошляютъ и вносятъ тотъ непригодный элементъ, который можетъ свести все дѣло на спекуляцію, рассчитанную на невзыскательный вкусъ потребителей. За Толстого и его память это обидно.

В. Г.

**А. В. Амфитеатровъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ I. Династія при смерти. Книгоиздательское товарищество «Просвѣщеніе». Спб. 1911.
Стр. XXXIII + 460. Цѣна 1 р. 50 коп.**

Передъ нами начало большого труда, предпринятаго еще около пятнадцати лѣтъ тому назадъ и рассчитаннаго на четыре тома. Какъ извѣстно огромному большинству нашей читающей публики, подъ «звѣремъ изъ бездны» г. Амфитеатровъ разумѣетъ Нерона, послѣдняго государя изъ Юліо-Клавдіанской династіи. Въ вышедшемъ пока первомъ томѣ авторъ разсматриваетъ родословіе и наслѣдственность Нерона, его дѣтство и воспитаніе, усыновленіе Клавдіемъ, вступленіе на престолъ и первые шаги правленія. Конечно, этого содержанія слишкомъ мало для 450 страницъ убористаго шрифта, и г. Амфитеатровъ вставляетъ въ свое изложеніе болѣе или менѣе тѣсно связанныя съ основной темой экскурсы, а именно: объ арвальскихъ братьяхъ, адвокатурѣ, секулярныхъ играхъ, рабахъ и рабствѣ, врачахъ, астрологіи, развитіи принципата. Кромѣ того, приведены пересказъ сатиры на смерть императора Клавдія, родословныя таблицы и списокъ главнѣйшихъ книгъ, прочитанныхъ авторомъ для своей темы. Нѣкоторые изъ этихъ экскурсовъ, или, по мѣткому сравненію г. Амфитеатрова, «подмалевковъ» къ основному сюжету, были уже даны имъ въ книгѣ «Антики» (1909). Весьма умѣстенъ былъ бы здѣсь же и этюдъ о Сенекѣ, напечатанный въ третьей книгѣ «Современника», но, вѣроятно, авторъ предназначаетъ его для одного изъ слѣдующихъ томовъ. Общій характеръ изложенія данъ авторомъ со словъ знаменитаго Моммзена, написавшаго г. Амфитеатрову приблизительно (подлинное письмо затерялось) слѣдующее: «До 1848 года публицистика шла на поводу у исторіи. Послѣ 1848 года исторія пошла на поводу у публицистики. А въ XX вѣкѣ онѣ сольются... Историкъ будетъ признаваться постолку, поскольку его знаніе можетъ дать публицистикѣ источ-

ники и фундаменты идей». Сообразно съ этимъ, съ самага начала работы, по мѣрѣ изученія классиковъ, говоритъ г. Амфитеатровъ, его, «публициста по профессіи, смущали параллели вѣчно старыхъ и вѣчно новыхъ общественныхъ и бытовыхъ явленій»... Дѣйствительно, врядь ли можно найти другое сочиненіе изъ области древней исторіи, гдѣ подобный параллелизмъ между античнымъ и новымъ міромъ, кажется, съ тяжелой руки Моммзена и пущенный впервые въ оборотъ, былъ бы доведенъ до подобныхъ геркулесовыхъ столбовъ. И, разумѣется, далеко не вездѣ эти сравненія могутъ быть признаны удачными и даже вѣрными. Такъ, полемизируя съ нѣмецкимъ историкомъ Шиллеромъ по вопросу о личности отца Нерона, принадлежавшаго къ коллегіи арвальскихъ братьевъ, авторъ говоритъ (стр. 64): «какая же мистическая корпорація не молится за своихъ умершихъ членовъ?» Но всѣ безъ исключенія усопшіе, по вѣрованію древнихъ, отправлялись въ подземное царство, и молитвы за нихъ не принесли бы никакого смягченія ихъ участи. Особенно много этихъ параллелей съ современностью въ главѣ о рабствѣ, которое постоянно сравнивается съ нашимъ крѣпостнымъ правомъ. Какъ ни проста, на первый взглядъ, эта аналогія, она все же имѣетъ много и противъ себя; такова прежде всего національная общность у нашихъ крѣпостныхъ со своими господами, чего не было у античнаго раба. Эти безпрестанныя параллели съ современностью свидѣтельствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о колоссальной начитанности и освѣдомленности г. Амфитеатрова въ нашей исторіи и особенно литературѣ. На ряду съ этимъ видно, что и вообще для обработки своей темы авторъ читалъ очень много, можно сказать, все, что ни попадалось ему подъ руку. Но скитальческая жизнь г. Амфитеатрова и его длительное пребываніе за границей не всегда позволяли ему отдѣлать въ этомъ чтеніи пшеницу отъ плевеловъ, а съ другой стороны—заставили его оставить безъ вниманія нѣчто существенное для его темы и изъ области нашей литературы по классической филологіи. Особенно жаль, что ему, по-видимому, остались неизвѣстными образцовый переводъ сатиры на смерть Клавдія проф. И. И. Холодняка и статья проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго объ астрологіи. Если первая изъ этихъ работъ напечатана въ малоизвѣстномъ широкому кругу читателей «Филологическомъ Обзорѣніи» (прил. къ XVI т. за 1899 г.), то вторая помѣщена была первоначально въ такомъ общедоступномъ журналѣ, какъ «Вѣстникъ Европы», 1901, кн. 10 и 11 (перепечатано съ измѣненіями и исправленіями въ III т. «Изъ жизни идей». Спб. 1907). Знакомство съ первой изъ этихъ работъ значительно облегчило бы г. Амфитеатрову его работу по пересказу труднаго текста сатиры тѣмъ болѣе, что съ лучшимъ латинскимъ изданіемъ ея (Бюхелера) онъ, очевидно, знакомъ только изъ вторыхъ рукъ. Къ сожалѣнію, точныя указанія на источники и пособія въ работѣ отсутствуютъ почти вовсе. До какой степени не любитъ ссылокъ г. Амфитеатровъ, показываетъ то обстоятельство, что напечатанныя отдѣльно отъ текста примѣчанія къ сатирѣ на смерть Клавдія перенумерованы, но въ самомъ текстѣ сатиры цифровыя ссылки на нихъ все же отсутствуютъ. Продолжительная, но спорадическая работа надъ текстомъ книги не могла, разумѣется, выгодно отразиться на ея композиціи, что, впрочемъ, отмѣтилъ и самъ авторъ. Такъ, одинъ и тотъ же текстъ римскаго поэта цитируется то въ прозаическомъ, то въ поэтическомъ

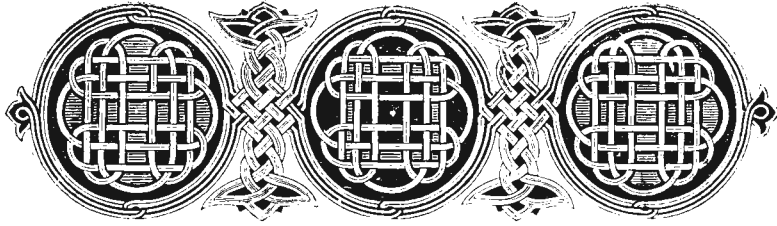
переводъ; одно и то же имя собственное приводится то въ одной формѣ, то въ другой. Есть, конечно, и мелкіе неточности и недосмотры. Напримѣръ, сына триумвира Антонія звали не Юлій, а Юль; на стр. 40, въ родословіи Домиціевъ, пропущенъ прадѣдъ Нерона, консуль тридцать второго года до Рождества Христова. Вообще, эту генеалогію автору хорошо было бы свѣрить съ новымъ изданіемъ энциклопедіи Паули. Битва при Фарсалѣ была не 6-го іюня 708 г., а 9-го августа 706 г. Марціалъ никогда не передавалъ почной бесѣды Гектора и Андромахи. Если г. Амфитеатровъ, ссылаясь на Плавта, говоритъ (стр. 179), что «римскій рабъ имѣетъ о своемъ хозяинѣ весьма жалкое понятіе», то, конечно, это сужденіе очень односторонне, ибо Плавтъ слѣдуетъ греческимъ оригиналамъ. Въ противовѣсъ такому взгляду можно замѣтить, что авторы пьесъ изъ римской жизни (такъ называемыхъ *fabulae togatae*) никогда не смѣли изобразить раба болѣе умнымъ, чѣмъ господинъ. Христіанскій писатель Сальвианъ былъ не поэтомъ, а прозаикомъ. Последнее изданіе трактата Фирмика Матеріа вышло не въ 1551, а въ 1897 г. Наконецъ, напрасно дѣлаетъ г. Амфитеатровъ упрекъ римлянамъ, что «они, въ интересахъ частнаго быта, даже ватерклозета не придумали» (стр. 147). Мнѣнія археологовъ на этотъ счетъ нѣсколько иныя, см. Guattani, Monumenti inediti di Roma (1785), стр. VI, и особ. Dictionnaire des antiquités par Daremberg et Saglio III, 2, стр. 991. Если внимательный читатель найдетъ въ книгѣ много и другихъ мѣстъ, которыя заставятъ его пожелать провѣрить выводы автора, то, съ другой стороны, думаю, всякій, кто возьметъ въ руки настоящее изслѣдованіе, не пожелаетъ разстаться съ нимъ, пока не прочтетъ его до конца: такъ живо и интересно оно написано.

А. М.—нъ.

Рейнакъ, Соломонъ. Орфей. Всеобщая исторія религіи. Переводъ съ седьмого французскаго изданія. Парижъ. 1911. Стр. XVIII + 542.

На русскомъ языкѣ очень мало изслѣдованій, посвященныхъ исторіи религіи. Изъ публикацій послѣдняго времени можно отмѣтить книгу г. Глаголева, это начало большого труда, но очень хорошее начало, и книга вполне удовлетворяетъ запросамъ специалистовъ, интересующихся исторіей религіи. Въ концѣ прошлаго года вышла книга проф. Клитина, «Исторія религіи», т. I. Этотъ трудъ очень большой и написанъ для специалистовъ. Между тѣмъ потребность въ книгѣ, которая удовлетворяла бы какъ любознательности интеллигентнаго читателя, такъ и запросамъ учащихся въ высшей школѣ для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей религіи, слишкомъ велика. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что у насъ ни въ какой другой отрасли знанія не чувствуется такого громаднаго пробѣла, скажемъ откровенно невѣжества, какъ въ области исторіи религіи. Поэтому нельзя не привѣтствовать анонимнаго перевода извѣстной книги С. Рейнака, которая давно приобрѣла солидную репутацію въ ученomъ мѣрѣ серьезностью, свѣжестью и изяществомъ изложенія. Книга настолько извѣстна, что не нуждается въ рекомендаціи. Русскій переводъ, изданный въ Парижѣ, долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Но высокая цѣна книги едва ли сдѣлаетъ ее популярной въ широкихъ слояхъ.

С. Аваліани.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РА Н Ц У З С К І Й театрѣ во время первой имперіи.—Французскій историкъ Ланзакъ де-Лабори въ своемъ повомъ трудѣ «Парижъ во время Наполеона» ¹⁾ цѣлый седьмой томъ посвятилъ театру. Какъ извѣстно, во время государственнаго переворота многіе артисты со сцены попали въ тюрьму. Выйдя оттуда, они снова собрались, благодаря заботамъ Франсуа Нефшато, и послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ они наконецъ дали 30 мая 1799 г. «Cid» и «Ecole des Femmes» въ залѣ Пале-Рояля.

Въ ту эпоху спектакли начинались въ семь часовъ и оканчивались около десяти. Иногда случалось, что въ послѣдній моментъ отбѣняли пьесы по случаю болѣзней актеровъ, порою смутно объясненныхъ. Время отъ времени въ годовомъ отчетѣ часто попадали и такія причины, какъ «утомленіе». Послѣдняя причина особенно часто случалась во «Французскомъ театрѣ». 6 октября 1800 г. сразу 14 актеровъ оказались больными и въ регистрѣ было занесено, что «подобной вещи, быть можетъ, никогда не видѣли со времени существованія комедіи». Хотя трупна была большая, но въ 1800 г. за неимѣніемъ актрисы женскую роль Панопы въ «Phèdre» пришлось играть мужчинѣ.

Актерскій трудъ оплачивался, очевидно, не очень щедро, и каждый день въ газетахъ появлялась вѣсть о скандальныхъ исчезновеніяхъ того или другого актера въ поискахъ добавочныхъ денегъ и славы въ какомъ-нибудь департаментѣ. Иногда актрисы уѣзжали подъ предлогомъ посѣщенія умирающаго отца, какъ было съ m^{lle} Жоржъ. Этотъ печальный предлогъ не мѣшалъ ей ежедневно играть въ Амьенѣ.

¹⁾ Paris sous Napoléon. Par Lanza de Laborie. Le théâtre sous le Premier Empire.

Театръ посѣщался публикой сначала неохотно. Когда онъ былъ закрытъ—она выражала неудовольствіе, а когда открытъ, публики едва набиралось. Заль освѣщался блестяще, сцена же находилась во мракѣ, несмотря на рампу. Реформа костюма, начатая при Лекэнъ и м-ль Клэронъ, благодаря Давиду и Тальмъ, была почти сдѣлана, т. е., говорить авторъ, каска Ромула въ картинѣ сабинянокъ украшала и Ахилла и Цинну. Впрочемъ, старая мода еще имѣла своихъ сторонниковъ, по мнѣнію которыхъ, одинъ костюмъ могъ служить для разныхъ ролей. Для комедій Мольера были введены странныя традиции: стариковъ играли въ костюмѣ Людовика XIII, первыя роли—Людовика XV, а женщинъ и дѣтей—въ современныхъ туалетахъ. Правда, что комедія держалась на второмъ планѣ, ибо Наполеонъ любилъ трагедіи.

Съ этого времени актеры становятся персонажами въ глазахъ публики, и она начинаетъ интересоваться ими. «Это уже не шуты и скоморохи,—писалъ Жоффрау:—а дѣятельные граждане, которые обогащаются, увеселяя себя, и играютъ комедію уже не какъ профессиональные актеры, но какъ любители». вмѣстѣ съ тѣмъ появился обычай ихъ расхваливать въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, расхваливали не только талантъ шестнадцатилѣтней дебютантки, но и ея душу и гений и т. д. Читатель посвящался даже въ интимныя причины, по которымъ юная актриса, какъ ей ни было досадно, должна была покинуть сцену на нѣсколько мѣсяцевъ. Это сердило старика Жоффрау, и онъ ворчалъ: «Прежде не было такого обычая печатать въ газетахъ о разрѣшеніи отъ бремени фрейлинъ Мельпомены».

Возрастъ актрисъ той эпохи былъ иной, чѣмъ теперь. Въ то время дебютантками являлись очень юныя актрисы. Дѣвица Дегарсенъ четырнадцати лѣтъ появилась въ роли вдовы Андромахи, г-жа Жоржъ—шестнадцати лѣтъ въ роли Клитемнестры, г-жа Мельяръ—шестнадцати лѣтъ съ половиной въ роли Эрміоны, г-жа Гросъ пятнадцати съ половиной—какъ разъ на половину моложе возрастомъ теперешнихъ парижскихъ дебютантокъ.

Публика того времени проявляла болѣе страстности и была менѣе сдержана, чѣмъ въ наше время. О достоинствахъ актрисы спорили съ большей горячностью, чѣмъ о формѣ правительства, и на приемъ актрисы прилагали болѣе стараній, чѣмъ для конституціи. «Особенную страстность проявила парижская публика во время ссоры г-жи Жоржъ, и г-жи Дюшенуа. Появленіе въ публикѣ шестнадцатилѣтней красавицы Жоржъ, еще даже не вступившей на сцену, встрѣчалось иногда рукоплесканіями. Когда же она вступила на сцену, и 4-го декабря ее увидѣлъ первый консулъ, то всѣ замѣтили, какое она произвела на него впечатлѣніе, и онъ охотно сталъ посѣщать театръ. 22-го декабря она впервые играла роль Эмили и когда произнесла: «Если я прельстила Цинну, я прельщу многихъ другихъ», заль задрожалъ отъ рукоплесканій и ей пришлось трижды возобновлять фразу. Она покраснѣла—и «въ этотъ вечеръ она болѣе ни въ чемъ не отказывала первому консулу».

Въ борьбѣ г-жи Жоржъ и г-жи Дюшенуа публика принимала горячее участіе. Въ частной жизни г-жа Дюшенуа отличалась некрасивой наружностью: смуглая, высокая, худая, она на сценѣ измѣнялась, и у нея проявлялся мелодичный и патетическій голосъ, а ея наружность становилась трогательна.

Г-жа Жоржъ играла королеву, а она принцессу. Но потомъ г-жа Жоржъ пожелала тоже играть роли принцессъ, и это вызвало споръ, окончившійся тѣмъ, что онѣ обѣ играли попеременно эти роли и остальные главныя. Все-таки поклонники той и другой продолжали шумѣть. Г-жа Дюшенуа играла Роксану влюбленной, а г-жа Жоржъ султаншей, и каждый разъ сторонники шумѣли, и въ залѣ происходила нѣмая игра посредствомъ кулаковъ и пинковъ.

Какъ извѣстно, Жоржъ затѣмъ уѣхала въ Петербургъ. Весною 1808 г., говорить Ланзакъ де-Лабори, русскій дипломатъ уговорилъ г-жу Жоржъ послѣдовать за нимъ въ его страну и не только обѣщаль жениться на ней, но сдѣлать ее фавориткой Александра I.

Что касается репертуара, то съ нимъ было немало хлопотъ. Приходилось считаться и съ одобреніемъ Наполеона, и съ характеромъ современниковъ, и съ событіями того времени. Все это вмѣстѣ взятое снова выдвинуло заброшеннаго Корнеля. Во время созданія новой имперіи «Сиппа» сдѣлался пьесою дня. «Ногасе», котораго во время революціи сократили до четырехъ дѣйствій, ибо пятое прославляло тирана Тулла, былъ возстановленъ цѣликомъ. Расинъ въ то время, по общему признанію, считался мастеромъ трагической поэзіи, и каждый образованный человѣкъ зналъ его на память. «Athalie», по желанію Наполеона, была снова поставлена, но только послѣ его коронованія. Пьеса его очень заинтересовала, но онъ позволилъ ее поставить въ Парижѣ только послѣ того, какъ утвердилъ за собой тронъ аустерлицкой побѣдой.

Съ весны 1800 первый консулъ извѣстилъ антрепренеровъ театровъ, что для старинныхъ пьесъ требуется одинаковая цензура, какъ и для новыхъ. Постановка старинной, классической пьесы обставлялась такими же затрудненіями и требовала разрѣшенія. Когда давали «Athalie», то цензоръ тщательно вычеркнулъ все, что могло касаться смерти Вурбоновъ и вѣрности королямъ. Комическій репертуаръ былъ изгнанъ, а Мольера играли, когда не было ничего другого; онъ совсѣмъ не дѣлалъ сбора. Зато Мариво и Бомарше были въ большомъ спросѣ.

Публика упрекала актеровъ, что они скупились на новыя пьесы, хотя съ 1803—1805 было поставлено семьдесятъ пять пьесъ. Ихъ постановка обставлялась сложными церемоніями: пьесу представляли въ комитетъ чтеній, который принималъ ее или браковалъ. Но этого было недостаточно, предстояли новыя затрудненія съ постановкой на сцену. Иногда дѣло тормозилось тѣмъ, что пьесу находили принятой по слабости, считали ее дурной, не рѣшались ставить на сцену. Такая пьеса служила тормозомъ для тѣхъ, которые слѣдовали за нею. Кромѣ того, требовалось получить еще отъ правительства два разрѣшенія. Запретъ на пьесу накладывался не только при малѣйшемъ намекѣ на правительство, но даже если имя лакея въ пьесѣ было Дюбуа, какъ и префекта полиціи, то пьесу запрещали. Точно также нельзя было критиковать англійскую политику, какъ было съ «Struensée» Дювала вскорѣ послѣ Амьенскаго мира. Иногда приходилось мѣнять названія городовъ, какъ, на примѣръ, въ пьесѣ Брифо, который долженъ былъ измѣнить въ своей трагедіи «Don Sanche» Барселону на Вавилонъ, а изъ дона-Санхо сдѣлать Нина II. Но и это не помогло: превратившаяся изъ испанской въ вавилонскую, пьеса все-таки раздражала

Наполеона, видѣвшаго ее по возвращеніи изъ Лейпцига, и онъ потребовалъ ее исправить. Все, что касалось стараго режима, изгонялось. Всѣ монархическіе титулы виконтовъ, маркизовъ замѣнились наполеоновскими. Случалось нерѣдко, что пьесы, одобренныя цензорами, воспрещались Наполеономъ. Такъ было съ «Edouard en Ecosse» Дюваля. А причина запрета была та, что прежніе эмигранты ей рукоплескали. Авторъ такъ былъ испуганъ этимъ запретомъ, что бѣжалъ въ Россію. Въ пьесѣ «Mort de Dugesclin» публика возмутилась тѣмъ, что слышала слово «bijoux». Терминъ «bijoux», по замѣчанію Жоффруа, слишкомъ безцеремонный и низкій: благороднѣе сказать «diamants». Даже родъ трагической смерти не допускался безъ разбора. Герой одной драмы, поставленной въ «Одеонѣ», умеръ отъ аневризма, и Жоффруа написалъ резолюцію, что герою полагается умирать «единственно отъ огнестрѣльной раны или нанесенной стальнымъ оружіемъ, а также отъ отравленнаго напитка, приготовленнаго самимъ героемъ или другимъ лицомъ».

При такихъ условіяхъ и трагедіи являлись блѣдными. Слѣдующую резолюцію положилъ Жоффруа для трагедіи Мазуайе «Thésée», продержавшейся на афишѣ нѣсколько недѣль: «Это мудрая композиція и благоразумно скучная: надъ ней совсѣмъ нельзя смѣяться, но, слушая ее, можно заснуть».

Сама публика требовала этихъ осложненій. Напримѣръ, въ пьесѣ Рио «Don Pèdre» попадаетъ слѣдующая фраза: король и солдатъ оспаривали любовь крестьянской дѣвушки, и солдатъ говорить королю: «Если Испанія ваша, то Фелиси моя». Публика съ перваго момента развеселилась, а потомъ рассердилась—и пришлось опустить занавѣсъ. Даже присутствіе Наполеона и покровительство Жозефины не спасло пьесы и не помѣшало публикѣ выражать свое неудовольствіе. Только три пьесы пользовались у публики успѣхомъ: «Templiers» въ 1805 г., «Nestor» въ 1809 и «Ninus II» въ 1813. Первая пьеса въ духѣ Вольтера.

Въ 1809 г. одинъ журналъ указывалъ, что въ теченіе десяти лѣтъ «Французскій театръ» далъ только двѣ пьесы. И это вполнѣ возможно: вкусъ публики былъ такой капризный. Требовались пьесы въ стихахъ; при этомъ надо было согласовать время и мѣсто, иначе публика партера поднимала скандалъ. Однажды она жестоко освистала пьесу за то, что дѣйствіе происходило въ двухъ сосѣднихъ домахъ. Кромѣ того, автору предстояло рѣшать трудную задачу: изображать только тѣ пороки, которые вызывали насмѣшку, и восхвалять добродѣтель. «Безусловно желаютъ видѣть добродѣтель на сценѣ,—писалъ Жоффруа:—надо же, чтобы она гдѣ-нибудь была». 5 марта 1803 г. во «Французскомъ театрѣ» была поставлена пьеса, въ которой одинъ полковникъ держалъ пари, что въ 24 часа заставитъ молодую вдовушку полюбить себя. Публика этимъ возмутилась и потребовала опустить занавѣсъ. Соблазненная дѣвушка тоже не допускалась для сюжета, одинаково какъ невѣрность замужней женщины, говорила критика, ибо «виновная жена неприлична и антитеатральна». Взрывъ ревности допускался лишь между влюбленными, а не между супругами: послѣднее было «тривіально, гнушено или холодно». Разводъ тоже былъ изгнанъ со сцены. Новоиспеченные богачи не выносили лицедрѣтъ на сценѣ картину банкротства или какіе-нибудь пороки, приписываемые богатымъ: они допуска-

лись лишь у людей бѣдныхъ. Эгоизмъ также не имѣлъ доступа на сценѣ, требовалась только благотворительность.

Во время имперіи существовалъ только одинъ родъ комедіи—бытовой, по ихъ рѣдко давали на сценѣ «Французскаго театра», гдѣ царствовали литературныя комедіи, фальшивыя и холодныя до невозможности. Онѣ то продолжали традиціи XVIII вѣка, рисуя уже исчезнувшіе нравы, то отвлеченности и условныя характеры

— Н о в ы я п и с ь м а г-жи К р ю д е н е р ь.—Въ одномъ изъ сентябрьскихъ «Figaro»¹⁾ помѣщены письма нашей соотечественницы г-жи Крюденеръ къ г-жѣ Сталь, до сихъ поръ хранившіяся въ архивѣ Коппэ и написанныя въ 1808—9 годахъ. Они относятся къ той эпохѣ ея жизни, когда она находилась на перепутьи двухъ дорогъ: земной и небесной. Однако врата въ мірское царство уже не такъ широко предъ ней раскрывались, и ей ничего не оставалось, какъ слегка пріотворять врата въ царство небесное. Этотъ шагъ она ускорила, когда скончался ея мужъ вдали отъ нея и ее стало мучить угрызеніе совѣсти за свое поведеніе относительно его. Къ этому прибавилось еще одно происшествіе, которое произвело на нее сильное впечатлѣніе. Однажды она увидѣла въ окно направлявшагося къ ней одного изъ своихъ влюбленныхъ, который вдругъ упалъ и на ея глазахъ скончался на улицѣ отъ апоплектического удара. Мы говоримъ—одинъ изъ влюбленныхъ, потому что г-жа Крюденеръ любила хвататься количествомъ жертвъ, павшихъ изъ-за несчастной любви къ ней, о чемъ писала г-жа Сталь Камиллу Жордану.

Въ 1808—9 г. у г-жи Сталь въ Коппэ собиралось блестящее общество, среди котораго была и г-жа Крюденеръ. Настроеніе г-жи Сталь было грустное: за четыре года передъ тѣмъ у нея скончался отецъ, и она пришла въ отчаяніе, перешедшее въ религіозное настроеніе. Отъ природы экспансивная и довѣрчивая, она при встрѣчѣ съ г-жею Крюденеръ повѣдала ей все, чѣмъ волновался ея внутренній міръ. Послѣ своего отъѣзда изъ Коппэ г-жа Крюденеръ прислала ей письмо изъ Лозанны, 8 октября 1808 г. Въ началѣ письма она говоритъ, сколько рѣшимости потребовалось ей, чтобы проѣхать мимо Коппэ, не заѣхавъ туда, и поздравляла себя, что познакомилась съ ней и могла судить о ней сама, а не по репутаціи, созданной обществомъ. Затѣмъ г-жа Крюденеръ переходитъ въ утѣшительный тонъ. Въ этихъ письмахъ выражается переживаніе обѣими женщинами критическаго момента. Г-жи Крюденеръ сама упивается утѣшеніями и старается утѣшить г-жу Сталь, направляя ее по той же дорогѣ—къ небу. Она спрашиваетъ, что имъ теперь остается среди столькихъ разочарованій? Собственный опытъ. Что ихъ утѣшить? Шагъ, сдѣланный ими. Если мы поднялись въ высь, если мы гораздо свободнѣе дышимъ, если нашъ взоръ устремляется къ звѣздамъ, мы быстро совсѣмъ забываемъ все жужжаніе и шумъ, происходящіе подъ нашими ногами.

Но какъ ни хорошо смотрѣть на звѣзды, одиночество все-таки пугаетъ бывшую красавицу. Какъ она ни говоритъ, что человѣкъ такъ величественъ

¹⁾ M-me de Staël et m-me Krudener. Gorrespondance inédite. Par gomme d'Haussonville. «Figaro». Supplément Littéraire. 16 Septembre 1911.

среди несчастій, что ему будетъ недостаточно самое великолѣпное счастье, о какомъ онъ только можетъ мечтать и какого онъ только можетъ добиться на землѣ,—но все-таки ей необходимо близкое существо. Это существо доброе, у котораго нѣтъ ея слабостей, неизмѣнное существо, неистощимое, неизмѣримо глубоко любящее, въ которомъ можно отдохнуть,—и она устремляется къ Богу. Онъ одинъ можетъ дать великіе отвѣты на великіе вопросы. О, какъ сладко найти бездну любви, чудесь милосердія, доброты, когда отворачиваешься съ жалостью отъ бездны несчастій, гдѣ люди приходятъ соединять свои безумія, пороки, презрѣнныя волненія, печальную радость. Еще нѣсколько минутъ, и ничто васъ болѣе не удовлетворитъ. Кто хотя только одинъ моментъ слушалъ Бога, не можетъ находить удовольствіе, слушая людей. Остальное все житейское и утомляетъ.

«Мы были дѣти,—продолжаетъ она:—и все ребяческое намъ годилось. Умъ служить намъ для скрыванія нашей глубокой скуки: это палліативъ, къ которому мы прибѣгаемъ, чтобы провести нѣсколько часовъ въ день, чтобы сойтись съ Другими: извлечь отъ нихъ нѣсколько искръ, а также изъ себя. Но намъ нуженъ свѣтъ; намъ нуженъ жаръ—а умъ ничего этого намъ не даетъ. Мы становимся слишкомъ величественны, когда замѣчаемъ наше величіе, чтобы намъ не потребовалось что-нибудь говорящее о нашемъ внутреннемъ мірѣ. Тамъ именно жизнь. А когда мы думаемъ, что она внѣ насъ, что мы сами ищемъ ее внѣ Бога и насъ самихъ,—это значить, что мы еще мертвы, какъ сказала апостоль. Всѣ, кто говоритъ о внѣшнемъ человѣкѣ,—ничтожество. Повсюду вы найдете измѣны и ошибки. Ни духовныя лица, ни философы, ни ученые, какъ и невѣжды, никто не успокоитъ насъ, пока не войдетъ самъ въ эту великую тайну. Только тотъ, кто находится съ Богомъ въ самомъ центрѣ всей истины, дѣлающей невидимой эту великую церковь, не раздѣляемую ни однимъ культомъ, не явится предъ вами раздѣненнымъ».

Это письмо г-жи Крюденеръ, чрезвычайно длинное, все проникнуто тѣмъ настроеніемъ, которое ее охватило въ эту эпоху. Она стремилась навѣять такое же настроеніе на г-жу Сталь и привлечь ее въ свой лагерь. «Я хотѣла бы видѣть васъ столь же счастливой, какъ и сама; поэтому позвольте, чтобы мой голосъ достигъ васъ и былъ услышанъ вами, когда я скажу, что часто онъ молился о васъ,—писала она.—Я хотѣла бы видѣть васъ въ иной вселенной, существующей здѣсь, но скрытой отъ вашего зора. Мы не воображаемъ, какія существуютъ чудеса, которыя хотятъ, чтобы ихъ узнали».

Покинувъ Швейцарію, г-жа Крюденеръ вторично направилась въ Эльзасъ, гдѣ она подпала подъ вліяніе пастора Фонтэня—интригана, который ее долго обманывалъ. Но она находила прелесть любить тѣхъ, кто ее не любилъ; чрезъ это она думала нравиться Тому, Который—весь любовь. Отсюда она отправилась въ Вюртембергъ и съ того момента вступила на путь тѣхъ странностей, которыя заставляли ее вести жизнь пророчицы. Она задалась цѣлью обратить на этотъ путь и г-жу Сталь «Г-жа Сталь чувствуетъ себя далеко отъ пристани,—писала она одному изъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ.—Она искренна и правдива. Боюсь, какъ бы она не замѣтила, что надъ нею хотятъ «работать»; тогда ничего не выйдетъ. Пусть все идетъ само собою; надо молиться; на это

надо время; я далека отъ мысли, чтобы ее соблазнять. Одинъ Богъ можетъ ее взять; она отъ него не уйдетъ».

Г-жа Крюденеръ продолжала свою «работу» надъ душою г-жи Сталь и 16 марта 1809 г. она писала ей очень длинное письмо, сама сомнѣваясь, найдется ли у той время читать его. Хотя письма г-жи Сталь не помѣщены, но изъ словъ г-жи Крюденеръ видно, что французская романистка испугалась условий той жизни, на которую готовила ее русская иллюминатка. «Вы говорите, что вамъ невозможно жить въ одиночествѣ. Вы не поняли меня, если думаете, что я совѣтовала вамъ именно это. Я сама жила бы среди самаго большого общества, если бы считала, что хорошо дѣлаю, хотя находила бы, что это стѣсняетъ мою склонность; но ничто не обязываетъ меня не слѣдовать моей любви къ покою; къ этому примѣшивается много лѣности. Я люблю одиночество, но никому его не совѣтую. Вы говорите, что еще не можете «вѣрить» и у васъ много причинъ для сомнѣній. Безумно думать, что разсужденіями можно убѣдить и даже среди самыхъ почтенныхъ людей я нахожу иногда этотъ сектантскій духъ, эту склонность заковывать человѣческій умъ методами и формами, что оскорбляетъ и возмущаетъ всѣхъ, у кого въ душѣ есть нѣчто пространное. Самъ Богъ, который все, что есть самое лучшее, самое нѣжное и самое деликатное, уважаетъ свободу человѣка, если можно такъ выразиться. Онъ ни чему не принуждаетъ, Онъ предлагаетъ вѣрить, а чрезъ это предаться Ему, ибо Онъ можетъ прійти въ общеніе лишь съ тѣмъ, кто хочетъ къ Нему приблизиться».

Г-жа Сталь въ эту эпоху переживала тѣ же внутреннія бури, какъ и г-жа Крюденеръ. Она не только сама молилась, чтобы онѣ стихли, но даже просила и г-жу Крюденеръ молиться о ней, и та отвѣчала ей: «Вѣрьте, я всего болѣе хотѣла бы исполнить то, о чемъ вы просите меня, и горячо помолиться, чтобы вы были настолько счастливы, насколько горячи мои пожеланія».

Когда г-жа Крюденеръ писала это письмо, она уже вполне вступила на путь пророчествъ и ясновидѣній. Она повсюду возила съ собою Марію Куммеринъ, съ которой ее сблизилъ Фонтэнъ. Пророчество этой женщины не понравилось королю вюртембергскому, и онъ ее арестовалъ въ домѣ г-жи Крюденеръ, у которой она жила. Когда русская иллюминатка попыталась протестовать противъ этого ареста, то ее просили покинуть страну въ 24 часа. Г-жа Сталь тотчасъ же предложила ей гостепримство, но она поблагодарила ее въ третьемъ письмѣ и отвѣтила: «Я такъ счастлива и спокойна, что землѣ нечѣмъ меня волновать, болѣе». Ей очень хотѣлось пріѣхать въ Коппэ и поговорить съ г-жою Сталь, но для этого было много препятствій. Все письмо наполнено фразами о небесномъ, о вѣрѣ, о любви «Я какъ дикарь, который мечтаетъ, смотря на облака, но я далеко отбросила отъ себя цивилизацію, которой онъ не знаетъ». Письмо заканчивается смиреннымъ тономъ: «Если совершенствуюсь, быть можетъ, это дастъ желаніе узнать, какъ я до этого дошла. Тогда я отвращу отъ себя взоры и укажу на этого Великаго Работника, который пожелалъ дать мнѣ невзрачное орудіе, а нѣсколько гармоничныхъ звуковъ заставляетъ найти автора гармоніи».

Это послѣднее изъ трехъ писемъ, оказавшихся въ Коппэ, и напечатанный ихъ академикъ графъ Ассонвилль не знаетъ, продолжалась ли переписка между авторами «Delphs'ne» и «Valérie».

— Кое-что о б ѣ японцахъ.—Загадочная душа японцевъ служить притягательной силой для современныхъ писателей. Они стремятся проникнуть въ ея тайники и узнать, что въ ней скрывается такого, чего у насъ нѣтъ, и не найдется ли чего-нибудь общаго съ душой остальныхъ народовъ. Понять сокровенное міровоззрѣніе японцевъ и отыскать, чѣмъ оно отличается отъ нашихъ понятій—вотъ что интересуется западныхъ писателей, смѣнившихъ прежде презрительное отношеніе къ «желтымъ макакамъ» на живое любопытство. Хотя уже лѣтъ тридцать литература о б ѣ Японіи стала обогащаться и теперь она все болѣе разрастается на всѣхъ языкахъ, но наиболѣе глубоко проникнуть въ душу японцевъ удалось англо-японскому писателю Лефкадіо Херну. Странная, непостоянная судьба этого полугрека-полуирландца забросила его въ Японію, гдѣ онъ натурализовался и женился на японкѣ. Его жена, Сетцу Койцуми, происходитъ изъ разорившейся семьи самураевъ, занимавшихъ мѣсто въ рядахъ японской знати. Послѣ многихъ скитаній по б ѣлу-свѣту (Лефкадіо Хернъ побывалъ и въ Америкѣ) онъ наконецъ попадаетъ въ Японію. Толкаемый грубой рукой жизни, покинутый еще въ дѣтскомъ возрастѣ матерью, перенесшій различныя превратности судьбы, онъ встрѣтилъ въ Японіи ласку, привѣтъ, любовь, и она стала его второй родиной. Неудивительно, что послѣ столькихъ невзгодъ въ Японіи ему все казалось освѣщеннымъ розовымъ свѣтомъ. Онъ засталъ ее въ моментъ, когда прежній феодальный строй умиралъ и его замѣнилъ ненавистный ему модернизмъ. Разказы жены о быломъ, прославлявшіе старую феодальную Японію, заставили Херна смотрѣть на новую родину ея глазами. Впрочемъ, по свидѣтельству одного изъ его прежнихъ учениковъ, японца (Хернъ занималъ кафедру профессора англійской литературы въ токійскомъ университетѣ), онъ вѣрно схватилъ психологію японской души.

Наблюдать японскую душу—задача не изъ легкихъ. Обыкновенно у всѣхъ народовъ при сильныхъ волненіяхъ душевныя движенія вырываются наружу, а это явленіе у японцевъ трудно схватить. По словамъ Херна, чѣмъ волненіе, охватившее японца, сильнѣе, тѣмъ онъ становится сдержаннѣе—и такъ бываетъ съ отдѣльнымъ индивидуумомъ и съ цѣлой націей. Какое различіе между японской душой и европейской? Всего краснорѣчивѣе отвѣтъ можетъ дать слѣдующая бесѣда Лефкадіо Херна съ однимъ юнымъ японцемъ, только что вступившимъ въ ряды арміи и собиравшимся на войну. Узнавъ отъ него, что одинъ ихъ общій знакомый, у котораго уже есть дѣти, отправился на войну, Хернъ замѣтилъ, что его семья, должно быть, страшно встревожена. «Но она не беспокоится,—отвѣтилъ японецъ:—умереть во время сраженія—почетное дѣло, и правительство придетъ на помощь семьѣ того, кто будетъ убитъ. Наши офицеры не боятся. Только вотъ печально умирать, когда нѣтъ сына».—«Неужели?»—спросилъ Хернъ. «А на Западѣ развѣ иначе?»—«По-нашему, напротивъ, печально умирать, когда есть дѣти», отвѣтилъ Хернъ.—«Но отчего?» спросилъ японецъ?

Хернъ объяснилъ, что умирающаго тревожитъ судьба этихъ дѣтей. «Не такъ обстоитъ у нашихъ офицеровъ,—сказалъ японецъ.—Родные позаботятся о ребенкѣ, а правительство будетъ выплачивать на содержаніе дѣтей пенсію. По-

тому отцу нечего беспокоиться. Но печально умирать, у кого нѣтъ дѣтей. Хернъ думалъ, что это печально для жены и родныхъ, но японецъ пояснилъ, что для самого мужа. «Сынъ наследуетъ, — продолжалъ японецъ: — сынъ поддерживаетъ фамилію, сынъ приноситъ жертвы». — «Жертвы мертвымъ?» переспросилъ Хернъ. «Да. Попяли вы теперь?» — «Я понялъ фактъ, — возразилъ Хернъ: — но не чувство. Развѣ у военныхъ еще существуетъ это вѣрованіе?» — «Конечно; развѣ на Западѣ нѣтъ подобнаго?» Хернъ объяснилъ, что такое вѣрованіе было у древнихъ грековъ и римлянъ, но въ настоящее время его не придерживаются. Греки думали, что духъ предковъ жилъ въ домѣ, принималъ жертвы и покровительствовалъ семьѣ. «Отчасти мы знаемъ, почему у нихъ были подобныя идеи, — сказалъ Хернъ: — но не знаемъ, что именно они чувствовали, потому что мы не можемъ понять чувствъ, которыхъ мы никогда не испытывали. По этой же причинѣ я не могу отдать отчетъ въ настоящихъ чувствахъ японца по отношенію къ мертвымъ». — «Такъ вы думаете, что смерть конепъ всему?» спросилъ японецъ. «Это не объясненіе моему затрудненію. Нѣкоторыя чувства наследуются и, быть можетъ, и нѣкоторыя идеи. Ваши мысли относительно мертвыхъ и долга живыхъ по отношенію къ нимъ радикально отличаются отъ западныхъ». Японецъ объяснилъ, что они не думаютъ о смерти, какъ о полномъ разлученіи, а думаютъ объ умершемъ, какъ бы онъ былъ съ ними. Они съ нимъ говорятъ ежедневно. По ихъ понятіямъ, душа въ одно и то же время находится и въ Мейдо и въ различныхъ другихъ мѣстахъ. Они считаютъ ее разомъ и одной и множествомъ. — «Мы думаемъ о ней, какъ о личности, а не какъ о субстанціи, — замѣтилъ японецъ: — мы думаемъ о ней, какъ о чемъ-то, что можетъ быть разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, движеніе воздуха». — «Или электричество», замѣтилъ Хернъ. «Да!» подтвердилъ японецъ. «Дѣйствительно ли вы думаете о смерти, какъ о жизни, какъ о какомъ-то свѣтѣ?» спросилъ его Хернъ. «О, да!» — отвѣтилъ улыбаясь японецъ. — «Мы думаемъ, что послѣ смерти мы будемъ еще съ нашей семьей. Мы еще увидимъ нашихъ родныхъ и друзей. Мы будемъ жить въ мірѣ и видѣть свѣтъ, какъ теперь. Поэтому у кого есть сынъ, тотъ можетъ спокойно умереть». — «Не потому ли, что его сынъ будетъ приносить жертвы нищей и виномъ, безъ которыхъ душа покойнаго будетъ страдать?» спросилъ Хернъ. «Не только поэтому. Есть поважнѣе долгъ, чѣмъ приносить жертвы. Всякому человѣку послѣ его смерти необходимо, чтобы кто-нибудь его любилъ. Теперь вы меня понимаете?» Хернъ отвѣтилъ, что его слова понятны ему такъ же, какъ и фактъ вѣрованія, но онъ никакъ не можетъ понять чувство. «Я не могу думать, — сказалъ Хернъ: — что любовь живыхъ сдѣлаетъ меня счастливымъ послѣ моей смерти. Я даже не могу сознательно вообразить никакой любви послѣ смерти. А вы отправляетесь такъ далеко сражаться, не сожалѣете ли вы, что у васъ нѣтъ сына?» — «Я нѣтъ: я самый младшій сынъ, и мои родители еще сильны, мой братъ заботится о нихъ. Если меня убьютъ, въ моемъ очагѣ многіе меня любятъ, мои братья, сестры и ребятишки. Для нашего брата солдата — иное дѣло; мы почти всѣ очень молоды».

Такія жертвы мертвымъ приносятся сто лѣтъ. Потомъ души уже не бываютъ вмѣстѣ съ живыми, а становятся «ками», т. е. полубогами и имъ поклоняются съ припошениемъ жертвъ въ извѣстные дни. Воины, убитые на войнѣ, почитаются,

как боги, и даже микадо имъ поклоняется. Пепель сожженныхъ тѣлъ убитыхъ воиновъ пересылается на родину, насколько это возможно во время большого сраженія. «Весь народъ будетъ насъ любить и обожать!»—«Японецъ произнесъ «пасъ»,—говоритъ Херинъ:—какъ будто сама судьба предназначила ихъ къ смерти».

Все это—вѣрованіе и культъ героевъ напоминали Херну грековъ и Гомера. У японцевъ есть такое святилище, расположенное въ области Ю, гдѣ они поклоняются духамъ героевъ. Оно находится въ уединенномъ мѣстѣ, среди холмовъ, и окружено очень высокими деревьями. Всегда тамъ царствуетъ мракъ, прохлада и тишина. И вотъ какъ этотъ японецъ выразилъ чувства, какія испытываютъ японскіе воины предъ алтаремъ этого храма. Въ одну изъ военныхъ экскурсій въ послѣдніе годы его школьной жизни онъ съ товарищами отправился къ этому храму. «Мы выровнялись передъ жертвенникомъ: никто не говорилъ. Затѣмъ въ священной пещерѣ раздались звуки трубы, какъ бы призывъ къ сраженію. Мы протянули наше оружіе. И слезы навернулись у меня на глазахъ—я не знаю почему. Я взглянулъ на моихъ спутниковъ и увидѣлъ, что они испытываютъ то же чувство. Быть можетъ, вы меня не поймете. Вы иностранецъ. Но у насъ есть маленькая поэма, написанная очень давно Сайджіо Хоти, который въ молодости былъ воиномъ, и въ ней говорится: «Что такое случилось? Я не могу ни угадать, ни объяснить. Я только знаю, что каждый разъ, какъ я нахожусь у жертвенника, у меня льются слезы благодарности». Это чувство не только патриотизмъ, а чисто рыцарское и вообще нравственный обликъ японца выходитъ изъ-подъ пера Лефкадіо Херна самымъ заманчивымъ и замѣтно отличающимся отъ нашего. Самообладаніе, самоотреченіе, вѣрность, патриотизмъ—вотъ путеводная звѣзда японца, отъ природы впечатлительнаго, отличающагося живой чуткостью и восхитительнымъ вкусомъ. Его самообладаніе удивительно, онъ изучаетъ свою улыбку, которая у него появляется въ самыя критическія минуты и среди страданій. И это самообладаніе вырабатывается, чему способствуетъ бушидо. Бушидо—это нравственный кодексъ владѣть собою, своими чувствами. Какъ-то одинъ японецъ спросилъ адмирала Того, какъ надо себя вести, и услышалъ лаконическій отвѣтъ: «Надо собою владѣть». Тотъ улыбаясь отвѣтилъ: «Значитъ, надо дѣлать то, чему насъ учили съ пяти лѣтъ!» Очевидно, бушидо приноситъ большую пользу японцу, вырабатывая изъ него полнаго господина своихъ чувствъ, а слѣдовательно и дѣйствій, если общество военного просвѣщенія и лига нравственнаго просвѣщенія Шіуданъ съ января мѣсяца рѣшили распространить его, издавая въ этомъ направленіи новый журналъ «Яматодамаши» (японскій духъ) Сотрудниками его состоятъ адмиралъ Того, генералъ виконтъ Терауччи и генералъ Ноги. Направленіе этого журнала: веденіе человѣчества къ истинному счастью посредствомъ соблюденія бушидо.

Японское бушидо и сами японцы нашли себѣ большого врага въ лицѣ французскаго профессора исторіи и географіи Лабру, только что напечатавшаго свой трудъ «Японскій империализмъ» и посѣтившаго во время своего кругосвѣтнаго путешествія Японію. «Нѣкій Нитобе популяризовалъ подъ названіемъ «бушидо» не знаю какую-то тамъ рыцарскую мораль,—говоритъ Лабру,—составленную изъ принужденности, тщеславія и мести, и утверждаетъ, что заповѣди бушидо—самихъ самураевъ. Но Нитобе доказали, что его исторія только романъ, а

его бушидо лишь мозаика правилъ, заимствованныхъ у средневѣковаго Запада, что великіе люди Японіи часто представляютъ собою фигуры наемныхъ вояновъ и много есть бандитовъ, какъ Ионштеумэ, Бенекей или Хидеюши, мощи котораго они боготворятъ. Вотъ вамъ Венсенъ де-Поль, Ренанъ и Пастеръ Японіи.

Лабру указываетъ на узость ихъ патріотизма и совѣтъ не рыцарскую ненависть къ иностранцамъ. «Adversus hostem aeterna auctoritas esto»—девизъ древняго Рима,—по его словамъ, можетъ служить эпиграфомъ къ исторіи современной Японіи. Дикая ксенофобія—вотъ существенная пружина японской души. Съ того момента, когда при крикахъ: «Почитайте императора и гоните иностранцевъ!»—произошла революція 1868 г., во всей политикѣ Восходящаго Солнца отразилась эта ксенофобія. При всѣхъ обстоятельствахъ проявлялось чувство абсолютнаго націонализма, который «всегда нами руководитъ», какъ выразился въ своей конференціи въ Парижѣ 24 мая 1908 г. японскій профессоръ Ріутаро Такимуро. Всякій японецъ дышитъ ненавистью и презрѣніемъ къ иностранцу, «къ этому человѣку съ красными волосами». Конечно, японцы официально это не высказываютъ и въ официальномъ органѣ «Японское Время» печатаютъ иное: «Всѣ иностранцы,—говорится тамъ,—знающіе Японію, замѣтили, что съ тѣхъ поръ, какъ Японія вступила на путь современной цивилизаціи, мы исповѣдуемъ настоящее обожаніе Запада. Иногда мы чувствуемъ себя униженными, но принимаемъ это униженіе, какъ горькую пилюлю, благоприятную нашему возвышенію. Мы всегда питали уваженіе къ Западу».

Но это лишь официальные слова; факты говорятъ иное. Возьмите любую японскую газету или журналъ, и вы встрѣтите массу оскорбленій по адресу иностранцевъ. Даже президентъ кеіогиджикускаго университета г. Камада выразился, что французы дошли до послѣдняго градуса безнравственности. Въ «Таію» напечатано, что Берлинъ не что иное, какъ большой увеселительный домъ, а начальникъ таможенъ въ Юкогамѣ Хоши Тору называлъ королеву Викторію «бабенкой».

Стоитъ войти въ любую лавку, говоритъ Лабру, и купецъ приметъ васъ съ очень любезной улыбкой. Онъ перенесетъ свои руки на колѣни, шумно вздохнетъ, вбирая свои слюни, согласно японскому ритуалу учтивости, прошепчетъ по вашему адресу классическое: «Konnitshi oua danna san, ikagua de gazarimaska... tcho...», т. е. желаю вамъ добрый день господинъ... болванъ. А затѣмъ какъ ни въ чемъ ни бывало примется продавать свои товары по самой высокой цѣнѣ.

Пойдете ли вы по улицѣ Токио, за вами вскорѣ погонится стая мальчишекъ и, указывая на васъ пальцемъ, начнутъ продѣлывать непристойныя движенія и посылать вамъ проклятія и слѣдующія фразы: «На васъ надѣто пальто, чтобы скрыть ваши рваные лохмотья. На васъ надѣта шлала, чтобы скрыть вашъ плѣшивый черепъ. Вы носите накладные воротники, чтобы скрыть вашу золотуху. Вы носите лорнетъ, чтобы скрыть ваши гноящіеся глаза». И всѣ эти оскорбленія, наносимыя ненавистныхъ «кетоджинамъ» (европейцамъ), происходятъ на глазахъ родителей, школьныхъ учителей и полиціи.

Впрочемъ, японцы неофициальные и не скрываютъ своихъ чувствъ къ европейцамъ, и если Лабру относится къ нимъ пристрастно, то вотъ еще бесѣда

критика изъ «Academy» съ художникомъ и авторомъ труда «Японскій артистъ въ Лондонѣ», японцемъ Юшіа Маркино. Коснувшись въ разговорѣ англійской націи, японецъ высказалъ, что изъ англичанъ онъ уважаетъ высшій классъ и народъ, признаетъ его естественнымъ, добрымъ и вообще очень учтивымъ. Зато средній классъ, по его мнѣнію, глупъ, алченъ и лицемеренъ, и онъ ненавидитъ его. Тогда англійскій критикъ замѣтилъ, что онъ, должно быть, не любитъ американцевъ, у которыхъ тѣ же недостатки, что и у средняго класса, а также у купцовъ въ Англіи, да еще усугубленные отсутствіемъ благородства, бѣдностью, страданіями, незнаемъ долга чести, что имѣется у англійскихъ аристократовъ. «Въ Америкѣ лицемеріе, христіанское лицемеріе—хуже, чѣмъ въ Англіи!»—воскликнулъ японецъ.—Когда я сказалъ, что я не христіанинъ, то отъ меня отвернулись, какъ отъ падали. Это невѣжественный и безсознательный народъ».

По его мнѣнію, французы и итальянцы все-таки лучше, однако онъ считаетъ ихъ по способностямъ ниже японца. Они учтивы, любезны и обязательны, но не столь способны, какъ японцы. «Видите ли,—пояснилъ онъ:—я не понимаю ихъ языка. Мнѣ кажется, что они достигли извѣстнаго градуса способностей, но не переступаютъ его. Можно сказать, что они не могутъ подняться выше. Съ другой стороны, сѣверные европейцы вообще менѣе способны: лучшіе среди нихъ вы, англичане, какъ кажется, не имѣете границъ вашимъ способностямъ. Южныя расы не кажутся способными стать выше разума; между тѣмъ по ту сторону разума есть громадная область. Я всегда доволенъ,—продолжалъ японецъ,—встрѣтить иностранцевъ. Для меня они новая интересная вещь. Затѣмъ я всегда надѣюсь, что они лучше меня, какъ боги, и я научусь у нихъ многому. Душа вырастаетъ, когда находится въ общеніи съ высшими существами. Не такъ ли?» И его глаза жадно устремились на англичанина. «Вы, должно быть, часто разочаровываетесь?» спросилъ тотъ. «О, дѣйствительно, часто! Люди вообще глупы, полны предразсудковъ, скучны, но я всегда надѣюсь. Поистинѣ—надежда—жизнь». Не болѣе симпатіи завоевали себѣ у японца европейскія женщины, исключая англичанокъ, и вотъ по какой причинѣ. Англичанки, по его словамъ, очаровательны, красивы и добры, хотя нѣсколько рѣзки на первый взглядъ. «Зачѣмъ же вы тогда называете ихъ очаровательными?» спросилъ англичанинъ. «Я вамъ сейчасъ объясню,—отвѣтилъ японецъ.—Француженки и итальянки всегда женственны, всегда сохраняютъ сознаніе своего пола, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Но не можете же вы восхищаться всѣми женщинами и любить ихъ всѣхъ. Иногда вамъ хочется, чтобы женщина была вашимъ другомъ. Ну, такъ вы можете быть другомъ англичанки и ничѣмъ болѣе, она не будетъ думать о другихъ отношеніяхъ; такіе друзья у меня есть въ Японіи среди женъ и дочерей моихъ друзей. Эти пріятныя отношенія, повидимому, рѣдкость во Франціи и Италіи».

Въ Японіи тоже появились новыя женщины, которыя не хотятъ болѣе оставаться въ замкнутомъ семейномъ очагѣ: онѣ стремятся быть свободными и управлять.—«У насъ есть теперь молодые люди, которые хотятъ быть западниками,—сказалъ японецъ:— не носятъ одежды своихъ предковъ и ходятъ, что ружье выше шпаги самураевъ. Да, и у насъ есть странные люди!

Въ Японіи происходитъ броженье, но все начинаеть выясняться: благодаря войнѣ, мы болѣе не застѣчивы безъ причины».

Когда коснулся вопросъ относительно христіанъ, Юшіа Маркино такъ выразилъ свое мнѣніе: «Когда мы изучаемъ другую расу и другой языкъ,—сказалъ онъ:—мы сначала находимъ, что заключается въ нихъ, а затѣмъ также, что заключается въ насъ самихъ. Лефкадіо Херпъ не японецъ: онъ также христіанинъ», сказалъ онъ съ презрѣніемъ. «Вы насъ всѣхъ принимаете за христіанъ?» спросилъ англичанинъ. «Всѣхъ,—отвѣтилъ японецъ, крайне выразительно пожавъ плечами:—всѣ англичане болѣе или менѣе христіане; которые изъ нихъ не раздѣляютъ этой вѣры, почитаютъ ее. Вы говорите всѣ на одномъ жаргонѣ. Для васъ мѣръ только черный и бѣлый, дурной или хорошій. Но не такимъ онъ долженъ быть для артиста и мыслящаго существа. Мы идемъ по ту сторону добра и зла, что не означаетъ ребяческихъ словъ безъ всякаго значенія. Я изучалъ христіанство четыре долгихъ года. О, я искренно пробовалъ стать христіаниномъ; но это было для меня совершенно невозможно. Это не кажется мнѣ рационально, но глупо. Нѣтъ, это не было рационально».

Англичанинъ выразилъ ему, что минуту назадъ онъ говорилъ о превосходствѣ расъ, которыя такъ легко переступаютъ за границы разума, поэтому зачѣмъ же порицать христіанство, которое дѣйствуетъ такъ же. Оно не противорѣчить разуму, но переступаетъ его границы, какъ культъ предковъ въ Японіи, вѣрованіе, что ихъ духъ порицаетъ трусость, эгоистическія чувства и совѣтуетъ высокіе поступки и презрѣніе къ смерти. «Это безусловно вѣрно,—отвѣтилъ японецъ:—но такъ какъ я японецъ, то эта вѣра кажется мнѣ переходящей границы разсудка въ благородномъ смыслѣ, тогда какъ христіанство кажется мнѣ переходящимъ ихъ въ грубомъ смыслѣ».—«Что скажете вы о вашемъ чувствѣ чести, вашемъ бушидо?»—«Бушидо великолѣпно, оно даетъ намъ чувство чести, презрѣніе къ результату, отвагу переносить все и осмѣливаться на все до самой смерти включительно и по ту сторону, бушидо—душа Японіи!»—«Но вы сами то захотѣли же сражаться и убивать русскихъ. Они тоже честные люди, и вы начали войну нѣсколько несправедливо, не предупредивъ ихъ», замѣтилъ англичанинъ. «Сражающійся долженъ драться», возразилъ японецъ, пожимая плечами. «Очевидно,—замѣчаетъ англійскій критикъ,—нравственная точка зрѣнія японца заставила его оставаться равнодушнымъ».—«Но зачѣмъ же драться съ тѣми, кто не выражаетъ къ вамъ ненависти?» спросилъ онъ. «Я къ вамъ не питаю ненависти, но могу васъ убить. Жизнь ничего не стоитъ! Что же такого въ смерти? Презрѣніе къ страданіямъ и къ смерти—вотъ что значить бушидо: это душа японцевъ. Это также переступаетъ границу разсудка: не правда ли? Развѣ это тоже не по ту сторону добра и зла?..» Эта бесѣда произвела на англійскаго критика сильное впечатлѣніе, и онъ вывелъ заключеніе, что предупрежденіе Японіи другимъ народамъ громадное нравственное событіе въ свѣтъ со времени прішествія Христа.

Это предупрежденіе не лишнее: «горькая пилюля», подносимая европейцами Японіи, о которой говорилось въ «Японскомъ Времени», произвела на организмъ Японіи благотворное дѣйствіе. Профессоръ Лабру въ своемъ трудѣ говоритъ: «Въ военномъ отношеніи японскій имперіализмъ отличается отъ англійскаго не

только могущественнымъ флотомъ, но и одной изъ первыхъ континентальныхъ армій въ свѣтѣ. Благодаря этимъ двумъ рычагамъ, обезпеченъ былъ ихъ успѣхъ въ войнѣ съ Россіей. Онъ былъ и скорѣе ирѣшительнѣе, чѣмъ вмѣшательство британскихъ наемныхъ войскъ въ Индію или Африкѣ. Что касается американскаго имперіализма, то сухопутныя войска, на которыя онъ можетъ разчитывать, численностью и устойчивостью еще менѣе значительны, чѣмъ англійскія.

«Въ колониальномъ отношеніи японскій имперіализмъ превосходитъ всѣ страны, имѣя японскія колоніи сгруппированными вблизи метрополи. Колониальное депо, дѣйствующее съ 1910 года, находясь въ Токио, помѣщается въ самомъ центрѣ своего поля дѣйствія. Обмѣнъ товарами между ними необыкновенно возросъ. Наконецъ, этотъ поясъ острововъ, или почти острововъ, образуетъ какъ бы кордонъ передовыхъ постовъ, охраняющихъ флангъ метрополи; гарантируетъ ей безопасность отъ постороннихъ предпріятій. Такимъ образомъ, Японія въ колониальномъ отношеніи находится въ болѣе привилегированномъ положеніи, чѣмъ Америка на Филиппинахъ, Англія въ Индіи, Франція въ Индо-Китаѣ и Германія у герерросовъ.

«Въ экономическомъ отношеніи японскій имперіализмъ, конечно, не можетъ соперничать съ своими конкурентами относительно промышленнаго производства, но Японія многимъ превосходитъ Американскіе Штаты вмѣстимостью торговыхъ судовъ. Кромѣ того, ни въ одной странѣ столь быстро не развилась торговля, какъ въ Японіи. Въ восемь лѣтъ она болѣе чѣмъ удвоилась (съ 1907—1909 годовъ), съ 1122 милліоновъ франковъ до 2389 милліоновъ. Правда, въ слѣдующіе года нѣсколько уменьшилась вслѣдствіе уменьшенія ввоза, впрочемъ, благоприятно для баланса страны. За двадцать послѣднихъ лѣтъ ея внѣшняя торговля увеличилась, какъ ни въ одной странѣ.

«Въ демографическомъ отношеніи японскій имперіализмъ находится въ полномъ противорѣчьи съ Соединенными Штатами. Послѣдніе выросли вслѣдствіе иммиграціи, Японія же выросла вслѣдствіе эмиграціи. Духъ японскихъ эмигрантовъ иной, чѣмъ англійскихъ или нѣмецкихъ. Японскій эмигрантъ никогда не поддается иностранному вліянію и вездѣ остается японцемъ. Въ какой бы странѣ ни былъ японецъ, онъ всегда располагается какъ бы лагеремъ у своихъ хозяевъ въ непріятельской странѣ. Опьяненные славой своей матери родины, пятьсотъ тысячъ японцевъ служатъ усердными агентами для поддержанія и распространенія величія японскаго Даи.

«При такомъ положеніи войска, колоній, судоходства и эмигрантовъ японскій имперіализмъ чудно вооруженъ, чтобы сдѣлаться опасной захватывающей силой современнаго міра. Для такого имперіализма всѣ мѣры хороши, лишь бы были дѣйствительны. Для своего вліянія японцы такъ пробиваютъ тропинку: сначала они готовятъ почву, а это состоитъ въ томъ, что на сцену прежде всего выступаютъ проститутки, затѣмъ гейши, всякаго рода доносчики и содержатели игорныхъ и веселыхъ домиковъ. Это первыя ласточки. Затѣмъ появляются москательщики, торговцы косметическими товарами, лавочники, бонзы и т. д. За ними агенты навигаціонныхъ и эмиграціонныхъ компаній, торговые коммисіонеры, представители банковъ. Офіціальныя делегаты устанавливаютъ порядокъ въ этомъ японскомъ муравейникѣ; собираютъ справки, завязываютъ связи съ представителями страны, гдѣ они оперируютъ.

«Японцы то проявляют себя защитниками пророка, то учениками Будды. Въ Ватиканъ они посылаютъ чрезвычайнаго уполномоченнаго, въ другомъ мѣстѣ они улыбаются свободомыслящимъ. Враждебные политикѣ въ тонѣ китайскаго вліянія, японцы тѣмъ не менѣ проложили себѣ путь по берегу Тихаго океана, въ Новой Японіи, какъ и въ Калифорніи, «второй японской имперіи», по выраженію профессора Абэ Изо. Въ официальныхъ кругахъ Японіи Красный Крестъ собираетъ многочисленныхъ сторонниковъ, и на глазахъ европейцевъ японскія сестры милосердія ухаживали за русскими ранеными, но въ то же время японцы изгоняютъ айносовъ, истребляютъ формозцевъ и преслѣдуютъ корейцевъ. Японцы говорятъ о правосудии и правѣ, но начинаютъ войну съ Китаемъ и Россіей, не объявивъ ее, а когда Китай въ спорѣ изъ-за желѣзнодорожной линіи Антунгъ и Факумень предложилъ прибѣгнуть къ интернаціональному посредничеству, они отвѣтили ультиматумомъ. Коварство и насиліе— вотъ два полюса. между которыми очень часто колеблется японскій имперіализмъ; *fides japonica*—оазисъ, а сила—вершина».

Авторъ отрицательно относится къ чрезмѣрному приросту народонаселенія Японіи, какъ почти единственной причинѣ японскаго территоріальнаго распространенія; увеличеніе народонаселенія Японіи, по его мнѣнію, преувеличено. Въ Россіи, Германіи и Австріи народонаселеніе гораздо больше увеличивается. Точно также онъ не вѣритъ, что это народонаселеніе не можетъ найти земледѣльческихъ или промышленныхъ ресурсовъ, достаточныхъ для прокормленія, и это не причина для эмиграціи японцевъ. Ихъ привлекаетъ высокая плата. Правительству эмиграція выгодна, она избавляетъ его отъ безпокойнаго элемента, населяетъ колоніи и подготавливаетъ почву къ будущимъ приобрѣтеніямъ.

Экономическая дѣятельность Японіи все возрастаетъ, и японцамъ приходится искать новаго сбыта товара. Изъ этого положенія возможны всякіе конфликты. Лабру сомнѣвается, что въ Японіи возможенъ демократическій режимъ: она слишкомъ пропитана феодализмомъ, и правительство крѣпко держитъ въ рукахъ послушныя массы.

Насколько Лефкадіо Хернъ симпатизируетъ Японіи, правда, прежней, настолько французскій профессоръ относится къ ней съ предубѣжденіемъ. Одно очевидно, что японцы являютъ единственный въ исторіи примѣръ самозащиты: съ какимъ живымъ любопытствомъ они слѣдятъ за цивилизаціей, съ жадностью хотятъ ее поглотить, чудесно и быстро усваиваютъ, не давая ей себя захватить. Они живутъ европейскою мыслью, оставляя свою неприкосновенной, съ мыслью, что въ одинъ прекрасный день они сбросятъ всѣ лохмотья цивилизаціи и снова явятся японцами.

— Французская критика о русскомъ искусствѣ. Въ началѣ іюня въ парижскомъ «Театрѣ искусствъ» была поставлена въ переводѣ на французскій языкъ пьеса нашего соотечественника Дымова «Niou». Парижане съ любопытствомъ отнеслись къ этому произведенію и остались не то что разочарованы, но въ недоумѣніи, а критика отнеслась къ ней довольно сурово. Критикъ «Revue Bleue» ¹⁾ отмѣчаетъ, какъ главную ея особенность,

¹⁾ «Revue Bleue». Théâtre des Arts. «Niou» de Ossip Dymof. 3 Juin 1911.

что она совершенно русская, захватывающая по реальности, претендующая на философию, наивную, слишком искусственную и доходящую до такой крайности, что иногда она напоминает пародию. Въ общемъ, по его признанію, пьеса Дымова—любопытное произведеніе. Она сразу даетъ непосредственное впечатлѣніе о людяхъ и обо всемъ происходящемъ въ Россіи. Авторъ, по мнѣнію критика, задумалъ сложный типъ, гдѣ проявляется вся неуравновѣшенность и крайности русской души. Онъ, повидимому, на самомъ дѣлѣ думаетъ, что въ самомъ простомъ чувствѣ, какъ любовь, онъ открылъ тайну жизни, міра и судьбы. Впрочемъ, эта наивность не совсѣмъ неблагоприятна для искусства,—говоритъ критикъ,—которое если и теряетъ отъ этого мастерство, изящество и мѣру, то выигрываетъ болѣе въ силѣ и выраженіи.

Критикъ признаетъ, что русскій реализмъ живой, сильный и смачный и чаще всего неистоцимо-плодовитый и Дымовъ его собралъ въ рѣдкую эссенцію. Нѣкоторыя изъ его девяти картинъ даже вызываютъ досаду своей краткостью, контрастомъ между тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое авторъ хочетъ намъ внушить, и скромными средствами, которыя онъ употребилъ. Положительно, тонкое искусство, которое каждый зритель отдѣльно, быть можетъ, способенъ былъ бы смаковать, но которое уже устарѣло для театра и рискуетъ показаться пародіей. Вторая картина отчасти производитъ это впечатлѣніе. Шестая картина еще болѣе обнаруживаетъ этотъ недостатокъ и прибавляетъ оттѣнокъ символизма. «Ниоц» далеко не легкая, забавная искусственная пьеса, а между тѣмъ у зрителей появляется улыбка. Она полна значенія, важности, искренности. Авторъ хотѣлъ, чтобы она была серьезна, какъ мысль, и трагическая, какъ сама жизнь; но этого ему не удалось добиться. Постановка почти символическая, и особенно замѣчательно исполненіе г-жи Кальфъ, Дюрекаля (Мужъ) и Гастона Северина (Опъ).

Русскимъ композиторамъ тоже приходится выдерживать натискъ французской критики, впрочемъ, не всѣмъ, а лишь западникамъ. Музыкальный критикъ «La Revue Hebdomadaire» въ музыкальной хроникѣ посвящаетъ имъ пространную статью подъ заглавіемъ «Разграниченіе русской музыки». Какъ мы уже говорили, въ этомъ сезонѣ парижане лицезрѣли двѣ русскія труппы: одну въ театрѣ Шатлэ, другую въ театрѣ Сарры Бернаръ. «Каждый разъ,—говоритъ онъ,—какъ въ театрѣ Сарры Бернаръ играли передъ на половицу пустымъ заломъ докучливую «Русалку» Даргомыжскаго, напыщеннаго «Демона» Рубинштейна, вялаго «Онѣгина» и приторную «Пиковую Даму» Чайковскаго, то у скучающей публики возникалъ вопросъ: кого здѣсь обманываютъ? Даргомыжскій, Рубинштейнъ, Чайковскій—не русскіе музыканты, г-жа Сѣдова—не русская танцовщица! И публика отправлялась въ домъ напротивъ (Шатлэ), гдѣ играли настоящія русскія произведенія. Но и здѣсь ее ожидало разочарованіе, такъ какъ музыка исполнялась иностранныхъ авторовъ, подъ мотивы которой танцовали Карсавина и Нижинскій.

Дѣло въ томъ, что первое знакомство парижанъ съ русской музыкой произошло на чисто русской почвѣ. Ламурэ познакомилъ парижанъ съ «Анчаромъ» и «Шехеразадой» Римскаго-Корсакова, съ Балакиревымъ и Бородинымъ. Произведенія этихъ композиторовъ ихъ поразили своей мелодіей, новизной и пестротой.

Капризный ритмъ, не столь прямоугольный, какъ западный, нѣсколько дикій порывъ и сверкающій тембръ открыли передъ французами, по выраженію критика, сокровища Голконды. Французы до наивности восторгались этой русской музыкой, и эти три оперы они приняли за исключительный типъ русской музыки. Они думали, что вся русская музыка должна имѣть такія свободныя формы, такую ритмическую фантазію, такую странную мелодію, такой сверкающій, отливчатый тембръ.

Въ сущности критикъ находитъ, что эта музыка гораздо менѣе была русская, чѣмъ это казалось, и французы смѣшивали два термина: «русская» и «славянская». Эпическій элементъ игралъ въ ней очень второстепенную роль, какъ во французскомъ декоративномъ искусствѣ XVIII вѣка играла роль китайщина. Весь ея блескъ былъ вывезенъ съ Кавказа, изъ Персіи, Азіи, Аравіи и съ Дальняго Востока. Русская музыка въ XIX вѣкѣ раздѣлялась между двумя тенденціями, что замѣтно было даже въ самой исторіи русской имперіи. Иногда казалось, что Россія какъ будто хотѣла ввести европейскую цивилизацію въ Азію, а иногда—открыть двери нашей старой Европы для азіатской цивилизаціи. Игла ея компаса колебалась между Берлиномъ и Тегераномъ. Такъ же было и съ ея композиторами: въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ наряжали свою музыку въ украшенія, заимствованныя у Азіи, другіе, и большинство, отправлялись въ лейпцигскую консерваторію. Въ этой школѣ, прямо или косвенно, большинство русскихъ музыкантовъ научилось банальному и однообразному стилю, гдѣ весь личный рельефъ уравнивается, гдѣ весь національный колоритъ исчезаетъ, всѣ неожиданныя красоты формы, мелодіи, ритма и тембра, которыя такъ очаровали французовъ при первомъ знакомствѣ съ русскими композиторами. «Анчаръ», «Шехеразада», «Тамару» критикъ считаетъ азіатскимъ искусствомъ, завезеннымъ въ Москву, какъ азіатскіе товары могутъ быть завезены въ Нижній-Новгородъ. Напротивъ, «подслащенные» оперы Кюи, Рубинштейна, Чайковского носятъ марку: «Made in Germany».

«За первыми, говорить критикъ, мы охотно хотимъ признать качество «русскихъ», за вторыми мы отказываемся признать его. Въ искусствѣ каждой страны имѣются произведенія, поражающія своею своеобразностью, и есть такія, знать которыхъ не представляетъ никакого интереса для другой страны, потому что они могутъ быть сфабрикованы въ ней же самой. Къ первой категоріи относятся Римскій-Корсаковъ, Бородинъ и Балакиревъ и «Борисъ Годуновъ» Мусорскаго. Во второмъ останутся блѣдныя оперы Даргомыжскаго, Чайковского и Рубинштейна, надобныя французской публикѣ въ театрѣ Сарры Бернаръ и которыя могутъ одинаково интересовать и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и русскихъ. Вотъ почему французы не признаютъ за ними названія «русскихъ».

Тѣ произведенія, которыя признаны за исключительно русскія, критикъ называетъ менѣе славянскими, а скорѣе кавказскими, персидскими и азіатскими—«Анчаръ», «Тамара» и «Шехеразада», тогда какъ «Русалка», «Опѣгинъ» и «Пиковая дама»—извлечены изъ чисто русскихъ легендъ.

Въ русскомъ музыкальномъ искусствѣ французскій критикъ признаетъ не присущую ему природу, но роль, какую оно играетъ въ культурѣ и воспитаніи французскаго вкуса. Эта роль согласуется съ географическимъ положеніемъ

Россіи, европейской двери на азіатскій востокъ. Русская музыка, такъ сказать, фильтруетъ для французской потребности элементы азіатскаго искусства сравнительно съ нашимъ вкусомъ. Ея миссія—давать произведенія, какъ произведенія ея музыкантовъ-колористовъ, такова задача русскаго искусства.

Что же касается ея музыкантовъ-формалистовъ, воспитанныхъ въ Лейпцигѣ, то они, по словамъ критика, совсѣмъ не интересуютъ французовъ, потому что если они хотятъ познакомиться съ нѣмецкимъ искусствомъ и мыслью, то обратятся непосредственно къ этой странѣ, а не черезъ Москву. «Вотъ въ какой мѣрѣ французской публикѣ разрѣшено считать русской единственную музыку, будь она славянская или азіатская, именно ту, которая походитъ на первыя русскія произведенія, ослѣпившія французовъ, и въ такой мѣрѣ ей разрѣшено объявить, что русскій сезонъ въ театрѣ Сарры Бернаръ былъ не русскій».

Зато представленіе «Петрушки» критикъ называетъ чисто русскимъ спектаклемъ. «Нарцисъ» Черепнина тоже не менѣе русскій, хотя эта легенда принадлежитъ всѣмъ странамъ.

«Спектръ розы» извлеченъ изъ Теофиля Готье Жаномъ Люи Водуайе, а публика, выходя изъ театра, говорила: «И притомъ русская музыка такъ прелестна!» Въ концѣ концовъ, по словамъ язвительнаго критика, Аннунціо будетъ завтра русскимъ, потому что его сотрудникомъ въ «Martyre de Saint Sebastien» былъ Вагнеръ.

Какъ ни брюзжитъ сердитый критикъ, но все-таки въ концѣ концовъ долженъ сознаться, что русское искусство, живое и смачное, съ первоклассными декорациями, какіе показали русскіе, принесло свои плоды и пробудило французовъ. Уже г. Равель составилъ балетъ «Daphnis et Chloée», Дюказъ написалъ для Трухановой «Périe», Рейноль Ганъ—«Dieu Bleu». Всѣ эти произведенія, говоритъ критикъ, написанныя во Франціи, все-таки будутъ имѣть въ своихъ венахъ нѣсколько капель русской крови, потому что ихъ вдохновило декоративное искусство Вагнера и хореографическое Фокина и Нижинскаго.

— О т о с ю д у.—«Revue des traditions populaires» даетъ любопытное прееваніе о смерти человѣка, не имѣющее ничего общаго съ Библіей. Въ бельгійскомъ Конго живетъ народъ банхиланги, у которыхъ существуетъ слѣдующая легенда. Однажды Богъ сказалъ солнцу: «Вотъ тебѣ малафусская тыква (въ видѣ сосуда), отнеси ее туда (и онъ указалъ пальцемъ на западь). Даю тебѣ одинъ день на это путешествіе. Но если ты хочешь сдѣлаться безсмертнымъ, не дотрогивайся до напитка, который я тебѣ довѣрилъ». Почти то же самое сказалъ онъ и лунѣ, давъ ей немного болѣе времени для выполнения его порученія. Солнце и луна точно исполнили приказаніе Бога. Тогда человѣкъ изъ честолюбія сталъ просить у Бога позволеніе совершить такое же путешествіе. Богъ ему позволилъ, и въ одно прекрасное утро человѣкъ покинулъ востокъ въ сопровожденіи своей собаки. Собака возбудила въ немъ злой духъ, и онъ выпилъ весь напитокъ изъ тыквы прежде, чѣмъ достигъ востока. Тотчасъ же небесная твердь стала чернѣе кожи раба. Богъ принялся бранить человѣка и сказалъ ему: «Никогда ты не будешь жить долго, солнце же и луна никогда не умрутъ». И собака была изгнана изъ страны банхиланговъ, и банхиланги никогда болѣе не пьютъ изъ малафусской тыквы...

— Въ Норвегій пынѣшимъ лѣтомъ состоялся конгрессъ трезвенниковъ въ Ставангарѣ, гдѣ собрались многочисленныя массы студентовъ. Среди произнесенныхъ рѣчей одна особенно обратила на себя вниманіе публики. Ее произнесъ датскій студентъ, противъ ожиданія вознесшій Бахуса въ покровители молодежи, и назначилъ его патрономъ конгресса. Только невѣжество и забывчивость, сказалъ онъ, могли сдѣлать изъ этого почтеннаго бога—пьяницу, излюбленнаго рюмоплетами для пѣсенокъ и комическихъ оперъ. Прежде, когда его называли Діонисомъ, греки поклонялись ему, какъ символу задремавшей весны и силы, которыя пробуждаются въ природѣ при каждомъ новомъ сезонѣ. Его атрибутами не были ни виноградная лоза, ни кисть винограда, но плющъ. Молодые люди чествовали Діониса во время его праздника невинными танцами и пѣснями до того дня, когда замѣтили, что опьянѣніе возбуждаетъ тѣ же самыя чувства, что и діонисовскія развлечения. Съ этихъ поръ идея первобытнаго міа мало-по-малу измѣнилась. Діонисъ подъ новымъ именемъ Бахуса спустился во второразрядныя божества. Онъ разслабъ, изнѣжился, сдѣлался пузаномъ, весельчакомъ, всегда пьянымъ, однимъ словомъ, богомъ дурной компаніи, потерявшимъ всякое право на уваженіе. У него ничего болѣе не было общаго съ благороднымъ сыномъ Зевса и Семелы, съ тѣмъ любимымъ сыномъ, котораго богъ королей вскормилъ и носилъ въ своемъ бедрѣ.

— Кстати о трезвенникахъ. Недавно скончалась Карри Насонъ, прославившая своей борьбой противъ пьянства особенно въ 1900 г. Убѣжденный врагъ пьянства, она боролась съ этимъ зломъ по-своему. Вооруженная киркой, эта женщина проникала въ кабаки Канзаса и безъ лишнихъ словъ, размахивая направо и налево, уничтожала все, что попадало подъ руку: зеркала, стекла и ряды бутылокъ. Когда она кончала расправу, то можно было сказать, что по лавкѣ прошелъ циклонъ. Арестованная нѣсколько разъ, по жалобѣ своихъ жертвъ, владѣльцевъ винныхъ лавокъ, она сама защищалась, ссылаясь на статью закона. Дѣйствительно, законъ Канзаса запрещалъ продажу алкогольных напитковъ, но онъ не примѣнялся и разными, болѣе или менѣе гениальными уловками его обходили. Однако онъ существовалъ, и Карри Насонъ стояла на своемъ, что кабаки были не дозволены, и каждый честный гражданинъ имѣлъ право и даже долженъ былъ ихъ уничтожать. Ея доводы часто производили свое дѣйствіе на судей—и они ее оправдывали. Она продолжала проповѣдывать трезвость и привлекала многихъ женщинъ на свою сторону. Цѣлый батальонъ женщинъ, вооруженныхъ подобно ей кирками, распространился по городамъ и деревнямъ, разрушая и уничтожая всѣ винныя склады. Мужчины мстили женщинамъ, грабя церкви, и Канзасъ нѣкоторое время переживалъ ужасы террора. Съ годами пылъ этого апостола трезвости утихъ, и она проповѣдывала, уже не прибѣгая къ воинственнымъ пріемамъ.

— Въ Mercy Hospital, въ Чикаго, доктору Патрику О'Донеллю къ концѣ іюля удалось сдѣлать, какъ онъ утверждаетъ, фотографическій снимокъ съ «жизненной искры» въ тотъ моментъ, какъ она покидала тѣло умирающаго. Еще до этого опыта докторъ О'Донелль долго изучалъ электрическія радіоактивныя флюиды, выдѣляемые изъ человѣческаго тѣла, существованіе которыхъ, по его увѣренію, открыто въ Лондонѣ докторомъ Кильнеромъ, бывшимъ

когда-то его сотоварищем. Отличаясь ловкостью и умѣньемъ въ управленіи лучами X, онъ часто удивлялъ своихъ коллегъ въ Чикаго, доказывая, что человѣческая радиоактивность можетъ быть сдѣлана видимой. Американскія газеты посвящаютъ его послѣднему открытію серьезныя статьи и увѣряютъ, что это открытіе можетъ побѣдить самые невѣрующіе умы.

— Въ «Heimgarten» помѣщена серія писемъ Шпильгагена къ поэту Розеггеру отъ 1897—1909 гг. Среди нихъ особенно трогательно письмо, гдѣ нѣмецкій романистъ оплакиваетъ смерть своей жены, умершей въ началѣ 1900 г. «Тысячу разъ благодарю васъ за ваше послѣднее такое сердечное письмо. Вамъ такъ хочется прійти мнѣ на помощь. Но для меня болѣе нѣтъ помощи. Когда семьдесятъ одинъ годъ, природа потеряла свою собственную силу исцѣленія. Рана сочится, быть можетъ, медленно, но вѣрно. Когда вы потеряли любимую женщину вашей юности, то въ вашемъ мозгу жила мощная творческая мысль, которая должна родить цѣлый міръ. Вы не умѣли и не могли извлечь оттуда никакого мотива для утѣшенія. Между тѣмъ утѣшеніе пришло въ работѣ, безъ которой вы не могли обойтись, ибо она вамъ необходима, какъ дыханіе. По чѣмъ можетъ быть работа для меня? Я выполнилъ работу, предназначенную мнѣ судьбою: она позади меня. И я усталъ, такъ усталъ. Когда я объ этомъ хорошо подумаю, то я давно усталъ. Я работалъ только для нея, потому что я изъ честолюбія хотѣлъ создать комфортабельную домашнюю жизнь, окруженную скромной роскошью.

«Теперь, когда ея болѣе не существуетъ, я прогуливаюсь по пустымъ комнатамъ, украшать которыя доставляло ей радость,—какое для меня все это имѣетъ значеніе? На мои глаза—это только хламъ.

«Но литература... Избави меня Богъ. Я не хотѣлъ бы болѣе о ней слышать. Она мнѣ противна, какъ блюдо, которымъ пресытился. Пусть другіе, являющіеся проголодавшимися къ завтраку, наслаждаются имъ. Я охотно уступлю имъ мѣсто. А они только этого, и ждутъ и наиболѣе голодные поступаютъ, какъ будто мое мѣсто уже пусто. Я не могу ихъ за это порицать. Въ молодые годы я не иначе поступилъ бы—не лучше. Къ этому прибавлю еще одну вещь. Тотъ, кто прожилъ столько, сколько пришлось мнѣ прожить тотъ, кто извѣдалъ страшную горечь существованія, тотъ, кто, наконецъ, знаетъ, съ какой холодной грубостью, съ какой острой жестокостью дѣйствительная жизнь можетъ васъ поразить въ самое сердце и ранить его—тому такъ называемая поэзія, которую вообще считали отраженіемъ дѣйствительности, покажется бѣглою игрою китайскихъ тѣней на стѣнѣ. И, зная, наконецъ, въ дѣйствительности жизнь, продолжать искусственную игру тѣней... мнѣ это кажется нелѣпнымъ, недостойнымъ... осквернительнымъ богохульствомъ».

— «Nouvelliste d'Alsace Lorraine» рисуетъ, до какой степени доходитъ германскій націонализмъ. Нѣмцы не только преслѣдуютъ въ Эльзасѣ французскій языкъ, но еще додумались до болѣе сильной мѣры для сохраненія германскаго духа. До сихъ поръ химики всего свѣта жили въ согласіи и говорили всѣ на одинаковомъ научномъ языкѣ. Однимъ словомъ, по выраженію этого журнала, ихъ языкъ былъ своего рода эсперанто, изобрѣтенный ранѣе Заменгоффа. Но вдругъ съ 1910 г. этотъ миръ и согласіе въ ученомъ кружкѣ нарушились.

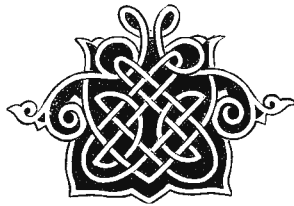
Сильная партія Deutscher Sprachverein вздумала очистить нѣмецкій языкъ отъ иностраннаго вліянія. Подъ руку ей попала какъ разъ научная область, именно химія, и она принялась за передѣлку словъ. Само слово химія краткое, совершенно интернаціональное и почти одинаковое на всѣхъ европейскихъ языкахъ, эта партія замѣнила чисто нѣмецкимъ длиннымъ Scheide-und-Fuegekunst, т. е. искусство составленія и разложенія, а химикъ сдѣлался Scheide und Fuegekunstler, «атомы» и «молекулы» превратились въ «Kleinchen» и «Kleinchengruppe». Oxydieren, reduzieren, nitriren замѣнились словами: versauerstoffen, entsauerstoffen, verstickstoffen. Такимъ образомъ, иронизировать «Nouvelliste d'Alsace Lorraine» успѣхи нѣмецкой химіи теперь вполне обезпечены.

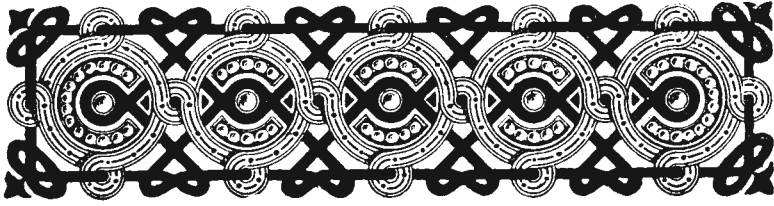
— «Ragione» на своихъ страницахъ помѣстило письма Франческо Криспи, которыя свидѣтельствуютъ, что министръ короля Гумберта совсѣмъ не желалъ войны съ Менеликомъ, какъ увѣряли его враги, особенно послѣ пораженія при Адуѣ. Эти документы послужатъ будущему биографу Криспи матеріаломъ для освѣщенія его роли въ войнѣ съ Абиссиніей. Изъ нихъ видно, что Криспи увлекся болѣе, чѣмъ онъ того желалъ, и его агенты обманули его. Онъ находилъ, что Эритрея можетъ, спустя много лѣтъ, какъ будетъ приведена въ порядокъ, сдѣлаться источникомъ богатствъ. Поэтому онъ хотѣлъ обезпечить выходъ въ сосѣднюю Эіюпію. Желаніе Криспи было, чтобы итальянцы въ большомъ количествѣ эмигрировали въ Абиссинію и находились тамъ подъ покровительствомъ Менелика. «Но,—объявилъ онъ въ своихъ инструкціяхъ графу Антонелли,—итальянское правительство не хочетъ и не претендуетъ налагать ярмо, что, впрочемъ, и противорѣчитъ принципамъ, на которыхъ основано и скрѣплено наше единство. Итальянское правительство хочетъ быть основнымъ элементомъ, жизненнымъ, необходимымъ, чтобы дать жизнь этому зачатку организма, развить его и заставить цвѣсти. Необходимо при каждомъ случаѣ возставать противъ всѣхъ причинъ, по которымъ императоръ можетъ опасаться нашей задачи, которая будетъ и должна быть единственно и исключительно экономической».

Въ томъ же духѣ онъ далъ инструкціи капитану Камперіо: «Эритрея безъ Эіюпіи не имѣетъ смысла. Эіюпія должна быть поглощена не оружіемъ, но политикой проникновенія посредствомъ торговли, земледѣльчества. По-моему, всякое другое средство должно быть безусловно исключено».

Въ письмѣ къ одному другу, имя котораго «Ragione» не называетъ, Криспи выражаетъ неудовольствіе трактатомъ, заключеннымъ графомъ Антонелли съ Менеликомъ. «Политическое управленіе, какое я подразумѣваю и думаю ввести въ колоніяхъ,—проникновеніе, но не силой, а миролюбиво, состоящее изъ убѣжденій и вліянія. Необходимо внимательно изучить страну, и не только съ военной точки зрѣнія, но особенно съ экономической. Можно было бы привлечь императора въ кругъ нашихъ идей и тогда будетъ время расширить сферу нашей дѣятельности». Въ одномъ изъ писемъ 20 декабря 1895 г. онъ телеграфируетъ генералу Баратьери, что «правительство не думаетъ вести политику завоеваній, но распространенія». Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ декабремъ 1895 г., Криспи сообщаетъ одному своему сицилійскому другу: «Изъ хорошихъ официальныхъ и офиціозныхъ источниковъ до меня доходятъ точныя извѣстія,

закрывающія продѣлки нашихъ враговъ среди приближенныхъ Менелика. Они доставляютъ ему оружіе и обучаютъ солдатъ. Безполезно требовать отъ Баратьери болѣе того, что онъ сдѣлалъ теперь. Ты знаешь, мои идеи были совершенно инныя. Я отдалъ приказъ, чтобы остановились въ ограниченной зонѣ, тщательно выбранной. Меня тревожитъ мысль, что я могу прослыть за человѣка не обдумывающаго серьезно, тогда какъ я не пожертвовалъ ни однимъ человѣкомъ, ни одной копеекой для территориальнаго завоеванія въ этой области. Нашъ планъ былъ совершенно иной, гораздо искуснѣе и громаднѣе, потому что онъ добивался единственнаго—сдѣлать изъ Эіопіи обѣтованную землю для нашей экономической дѣятельности. Единственно такого рода завоеванія для меня важны и привлекательны».

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТІЕ въ Кіевѣ памятника императору Александру II и педагогическаго музея имени наследника цесаревича Алексѣя Николаевича. Въ Кіевѣ при торжественной обстановкѣ въ высочайшемъ присутствіи открытъ памятникъ царю-Освободителю. Въ полукругѣ, на колоннѣ центральная бронзовая статуя императора, величественная, съ царственнымъ выраженіемъ лица; подъ статуей въ нижней части всей центральной группы сидитъ Россія въ видѣ молодой женщины въ національномъ костюмѣ, съ кокошникомъ на головѣ, окруженная народомъ; на углахъ полукруга, въ постаментахъ, выступаютъ бронзовыя аллегорическія фигуры правосудія и милосердія. На гранитной части памятника, подъ двуглавымъ орломъ, надпись: «Царю-Освободителю», а внизу, на цоколѣ памятника, съ окончаніемъ: «Благодарный Юго-Западный край». Два бронзовыхъ канделябра по бокамъ. Передъ памятникомъ газонъ съ цвѣтами и фонтаномъ. Памятникъ поставленъ на мѣстѣ бывшей часовни при входѣ въ садъ купеческаго собранія; исполненъ памятникъ по премированному проекту итальянскаго скульптора, члена римской академіи изящныхъ искусствъ св. Луки, профессора Эттора Ксименеса. Работы по устройству фундамента вель Алешинъ за 11,000 руб., а г. Ярошинскій пожертвовалъ на 11,000 р. весь необходимый для памятника гранитъ и болѣе 2,000 р. деньгами. Терещенко пожертвовалъ 25,000 р. Въ общемъ пожертвованій было на 160,000 руб. Къ царскому же пріѣзду окончены и освящены педагогическій музей имени наследника цесаревича, посѣщенный царской семьей. Это прекрасное зданіе—последнее украшеніе Кіева, вообще теперь богатаго красивыми постройками. Фонъ строенія бѣлый. Большой бронзовый орелъ укрѣпленъ надъ центромъ зданія, и подъ нимъ над-

пись: «На благое просвѣщеніе русскаго народа», а на портикѣ надпись: «Педагогическій музей цесаревича Алексѣя». Верхъ зданія вѣнчаетъ металлическій остекленный куполь. Строилъ музей и проектировалъ кievлянинъ, гражданскій инженеръ П. О. Алешинъ. Все зданіе въ стилѣ ампиръ. Къ фронтоу ведетъ лѣстница изъ гранитныхъ монолитовъ (отъ 300 до 500 пудовъ) и пандуръ для вѣзда. Съ главнаго фасада два боковыхъ входа специально для бібліотеки и канцеляріи. Фризъ всѣхъ фасадовъ на протяженіи 150 аршинъ украшенъ высѣченными барельефами, выражающими идею просвѣщенія. Барельефы исполнены по моделямъ петербургскихъ скульпторовъ Козлова и Дитриха. Рисунки одобрены комиссіей профессоровъ. Въ стилѣ ампиръ выполнена и вся внутренняя отдѣлка зданія. Въ полукруглыхъ просторныхъ сѣняхъ широкая лѣстница вверхъ, съ канделябрами по бокамъ; въ боковыхъ крылахъ сѣней—вѣшалки. Въ музей помѣщаются: большой залъ собраній съ рядами комнатъ; возлѣ него читальный залъ и кабинеты—просторные и свѣтлые; затѣмъ аудитория для лекцій устроена амфитеатромъ въ два яруса, со сценой, вмѣщаетъ 650 слушателей, оборудована изящной мебелью изъ краснаго дерева; освѣщается сверху. Къ сценѣ примыкаютъ справа большой физическій кабинетъ, слѣва—собственно залы музея. Подъ вторымъ ярусомъ аудитории, соответствующимъ третьему этажу зданія, кольцеобразное фойе, гдѣ будутъ находиться витрины музея. Въ третьемъ этажѣ идутъ три большихъ залы для выставокъ, одна съ площадью въ 65 кв. саж. Желѣзная рѣшетка съ золочеными на столбикахъ орлами идетъ отъ зданія музея по обѣ стороны Владимирской улицы. По бокамъ главнаго подъзда разбиты клумбы цвѣтовъ. Такое учрежденіе, какъ музей цесаревича, единственное въ Россіи, создано Могилевцевымъ и стоило болѣе полумилліона.

Открытіе памятника императору Александру II въ Иваново-Вознесенскѣ.

Во второй половинѣ августа въ пригородномъ селѣ Преображенскомъ (Рылиха) состоялось открытіе памятника Царю-Освободителю. Памятникъ сооруженъ на добровольныя средства мѣстныхъ крестьянъ и нѣкоторыхъ гражданъ гор. Иваново-Вознесенска въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. На торжествѣ открытія былъ начальникъ губерніи И. Н. Сазоновъ въ сопровожденіи губернскихъ и мѣстныхъ властей, членъ государственнаго совѣта Н. А. Ясюнинскій, мануфактуръ-совѣтникъ П. И. Дербелевъ, представители учебныхъ заведеній и различныхъ правительственныхъ учреждений города Иваново-Вознесенска, учащіеся и масса рабочаго, фабричнаго народа. Передъ молебномъ священникъ Орловъ въ простой сердечной рѣчи выяснилъ тысячной толпѣ значеніе реформъ царя-Освободителя: «политыя кровью царя-мученика, отъ глубоко пошли въ нѣдра народной жизни, развиваясь, совершенствуясь и расширяя свои границы». Послѣ молебна старшина Ивановской волости Л. И. Мѣшалинъ сказалъ рѣчь, какъ сложилась и пала крѣпостная зависимость въ Россіи. По исполненіи краткой литіи, при пѣніи «Вѣчная память» пелена, скрывавшая памятникъ, пала, и взорамъ присутствовавшихъ предсталъ памятникъ-бюстъ незабвеннаго царя-Освободителя на высококомъ массивномъ постаментѣ, на одной сторонѣ котораго надпись: «царю-Освободителю отъ благодарныхъ крестьянъ Ивановской волости»; на другой сторонѣ—заключительныя слова

высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года: «Осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ». Памятникъ окруженъ желѣзною рѣшеткой, декорированъ національными флагами и цвѣтами. Представитель отъ крестьянъ М. В. Журавлевъ сказалъ воодушевленную рѣчь о послѣдствіяхъ великой реформы 1861 года, которая, по его словамъ, завершилась нынѣ въ благополучное царствованіе Императора Николая Александровича. Громовое ура, подхваченное многотысячною толпой, огласило село отъ края до края. Оркестръ музыки исполнилъ народный гимнъ. Присутствовавшіе просили начальника губерніи повергнуть къ стопамъ Государя Императора выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ.

Въ академіи наукъ. Первое послѣ лѣтнихъ каникулъ общее собраніе членовъ академіи наукъ 6-го сентября открылось рѣчью академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, посвященной памяти почетнаго академика В. О. Ключевскаго. Собраніе почтило память В. О. вставаніемъ. Некрологъ о В. О. Ключевскомъ постановлено напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Извѣстій» академіи наукъ. Затѣмъ было доложено, что послѣдовало разрѣшеніе объ отпускѣ изъ 10-милліоннаго фонда на непредвидѣнныя нужды 5,000 руб. на пріобрѣтеніе для Пушкинскаго дома бібліотеки и историко-литературнаго архива проф. П. А. Плетнева, друга А. С. Пушкина. Въ архивѣ находятся интересныя письма Пушкина, Тургенева, Гоголя, Салтыкова, Некрасова и др. Письма эти, кромѣ писемъ Пушкина, нигдѣ еще не были опубликованы. Собраніе далѣе утвердило выработанную комиссіей программу празднованія 200-лѣтняго юбилея со дня рожденія М. В. Ломоносова. 7 ноября, наканунѣ юбилея, въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ погребено тѣло Ломоносова, будетъ отслужена панихида. Торжественное собраніе академіи, на которое приглашаются представители ученыхъ обществъ, университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, состоится 8 ноября въ залѣ Дворянскаго собранія. Съ докладами о М. В. Ломоносовѣ выступятъ акад. П. И. Вальденъ, проф. Меншуткинъ и Шиповскій. Въ день юбилея выйдутъ издаваемые академіей наукъ 4 сборника, посвященные Ломоносову. Сюда войдутъ біографія Ломоносова, его научныя статьи, статьи объ его научныхъ трудахъ и бібліографія о Ломоносовѣ. Предполагается также устроить небольшую Ломоносовскую выставку. По случаю юбилея академія объявляетъ всероссійскую подписку на сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Петербургѣ памятника М. В. Ломоносову.

Историко-этнографическій музей княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. Музей этотъ возникъ почти случайно. Въ 1898 г. княгиня Тенишева рѣшила строить близъ Смоленска, въ селѣ Фленовѣ церковь. Но ей хотѣлось убрать эту церковь «намоленными вещами» и выдержать ее въ стилѣ русской старины. Въ поискахъ этой церковной старины, въ собираніи «намоленныхъ», старинныхъ мотивовъ принялъ живое участіе теперешній хранитель этого музея И. Ф. Барцевскій. Такъ стала пріобрѣтаться утварь, иконы, врата, и скоро этой церковной стариной наполнились двѣ тѣсныхъ комнаты дома. Только въ 1904 году приступили къ постройкѣ специальнаго зданія для музея въ Смоленскѣ, и только тогда началось собираніе вещей какъ для музея. Въ 1905 году изъ боязни погрома собранныя вещи увезли изъ Талашкина въ Парижъ, но послѣ ихъ снова пере-

везли въ Смоленскъ. Теперь все собранное въ небольшія залы характернаго зданія музея передано въ вѣдѣніе московскаго археологическаго института. Этотъ музей представляетъ большой интересъ особенно въ сравненіи съ другими русскими губернскими, а частью и уѣздными частными и общественными хранилищами такого рода. Войдя въ него и осмотрѣвъ нѣсколько сплошь заставленныхъ залъ, ясно чувствуешь, что это—хранилище всяческихъ предметовъ русской исчезающей жизни. Въ немъ собрано много замѣчательныхъ свидѣтельствъ домашняго быта, старинныхъ обрядовъ, замѣчательныхъ вещей съ историко-культурной, съ историко-бытовой и этнографической точекъ зрѣнія. Здѣсь и рукописи, и грамоты, и утварь, и костюмы, и мебель дворянская и крестьянская, теперешнія вышивки и старинная посуда. Но музей интересенъ еще какъ хранилище всего замѣчательнаго въ народномъ художественномъ творествѣ и жизни не только для Смоленскаго края. Почти по всемъ стѣнамъ музея набита деревянная рѣзба съ избъ, съ рубокъ, съ барокъ, выкружки изъ входовъ въ сѣверныя избы, сани, возокъ, фризы, наличники. И все это большею частью изъ Нижегородской, Владимирской, Костромской, Ярославской губерній и рѣдко съ сѣвера, съ сѣверныхъ рѣкъ, а больше съ Волги. Въ первыхъ же нижнихъ залахъ—коллекція набивныхъ досокъ для рисунковъ по холсту. Эти деревянные набойки почти исчезли изъ художественнаго крестьянскаго обихода. Въ расположеніи предметовъ порядка нѣтъ: рядомъ со старинными квасниками очень интересной поливы—вериги, свадебныя купеческія шкатулки николаевскаго времени, русскія и слѣцкія коллекціи поясовъ, ряски, кокошники съ китайскимъ жемчугомъ, съ перламутромъ, платки, фаты, покрывала, кружева бѣлыя и цвѣтныя, коллекціи пуговицъ со сканью, съ чернью, съ горошкомъ, съ камнями, китайки, суконники изъ фіолетовыхъ суконъ, портовые саяны, сукмана изъ краснаго сукна, черныя сорококлины съ желтымъ галуномъ на переди, антраки, ферязи. И каждая такая вещь—художественно сработанная, интересная и въ бытовомъ, и въ историческомъ, и очень часто въ художественномъ отношеніи. И тутъ же среди этихъ художественныхъ образцовъ прекрасныхъ старинныхъ кружевъ—куклы, спитыя изъ тряпокъ для крестьянскихъ дѣтей, продающіяся на смоленскихъ базарахъ, пара деревянныхъ башмаковъ изъ-за Днѣпра. Очень хороши два шкалика: одинъ—петровскаго времени, другой—елизаветинскаго. На дверцахъ изображены аллегорически прикованные порывы страстей и пылающая истина. На дверцахъ другого шкалика аллегорически въ краскахъ домашній живописецъ изобразилъ чтеніе и размышленіе, и, наконецъ, еще пара сюжетовъ на томъ же бюро въ видѣ шкапа: человекъ, не видящій въ своемъ глазу бревна и видящій соломинку у другого. Кое-гдѣ разставлена интересная старинная мебель, клавикорды 1791 г. (Moscau. Johann Stumpff) и англійскія клавикорды 1785 г. Табакерки, косоплетки, зеркальца, миниатюры, нѣкоторые интересные въ бытовомъ отношеніи документы, какъ, напр., лейбъ-компанская грамота, паспорта недорослямъ до явки въ полкъ объ рожденіи. Большой отдѣлъ оставляетъ утварь и домашнія вещи помимо костюмовъ и нарядовъ. Скрыни, ларцы, ендовы, ковши, серебряная чеканная посуда, фарфоръ англійскій и русскій, русскіе и голландскіе изразцы разныхъ заводовъ XVIII вѣка,—это все наполняетъ витрины, шкапы и столы музея. Боль-

шой отдѣлъ занимають предметы художественной церковной утвари, выносные слюдяные фонари, кандила, врата, иконы, божницы. Наконецъ, показано многое отъ раскопокъ гнѣздовскаго городища и березниковскаго могильника. Особый интересъ представляютъ родовые знаки съ человѣкоподобными изображеніями и тамъ же найденный божокъ, можетъ быть, символъ животворящей силы природы. Этотъ небольшой музей расположенъ за Молоховскими воротами, какъ разъ за частью наиболѣе сохранившейся живописнѣйшей смоленской стѣны, и направляющіеся къ нему издалека посѣтителі не пожалѣютъ затраченнаго времени и вниманія.

«Уголокъ» Н. Г. Чернышевскаго въ академіи наукъ. Въ обширномъ книгохранилищѣ императорской академіи наукъ, въ рукописномъ отдѣлѣ, находящемся въ завѣдываніи ученаго бібліотекаря В. И. Срезневскаго, отведенъ уголокъ, въ которомъ сосредоточено все, что связано съ именемъ Н. Г. Чернышевскаго. Уголокъ этотъ устроенъ сыномъ покойнаго писателя М. Н. Чернышевскимъ, который принесъ сюда все, что собиралъ долгими годами. Здѣсь собраны подлинныя рукописи статей, романовъ и переводовъ Н. Г., его обширная переписка, изъ которой только часть появилась въ печати, а часть еще ждетъ своего разбора, вся литература о Н. Г. и многія книги, которыя онъ читалъ до и во время своей ссылки. Обращаютъ на себя особое вниманіе два тома «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» Бокля, на англійскомъ языкѣ, испещренныя многочисленными замѣчаніями Чернышевскаго, еще не бывшими въ печати. Какъ видно изъ приложенной къ «Исторіи» записки академика А. Н. Пыпина, эти двѣ рѣдкія книги, побывавшія съ писателемъ и въ далекой Сибири, были какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ предложены А. Н. за 300 руб. Не располагая такими деньгами, А. Н. не могъ ихъ приобрести. Но въ 1890 году онъ получилъ ихъ безвозмездно при особомъ письмѣ отъ И. И. Петрункевича. Въ своемъ письмѣ И. И. Петрункевичъ сообщилъ, что книги переданы въ его распоряженіе г-жой М. и что онъ считаетъ нужнымъ, въ интересахъ русской литературы, передать ихъ А. Н. Пыпину, какъ близкому къ Чернышевскому человѣку и историку русской общественности. Повидимому, оба тома «Исторіи» Бокля были отобрааны у Н. Г. еще въ 1868 г., когда его перевозили изъ Александровскаго завода (поселеніе близъ Нерчинска), гдѣ ему жилось довольно свободно, въ Вилюйскъ, гдѣ за каждымъ шагомъ писателя былъ установленъ строгій надзоръ. Отъ А. Н. Пыпина книги перешли къ М. Н. Чернышевскому. Другая книга съ помѣтками Н. Г.—англійскій романъ Дж. Эллиотъ «Ромола»—приобрѣтена была В. В. Водовозовымъ случайно у букиниста за 10 коп. Въ шкапу Чернышевскаго, поставленномъ въ бібліотекѣ академіи, кромѣ разныхъ литературныхъ матеріаловъ, есть многія вещи, принадлежавшія покойному писателю. Тутъ находятся чернильница, которую пользовался Н. Г. еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, серебряная ложка, которой покойный, по словамъ его сына, ѣлъ кашу въ Сибири въ теченіе 20 лѣтъ; стаканъ, который служилъ Н. Г., какъ говоритъ надпись на немъ, 40 лѣтъ; мѣдная доска, на которой выгравировано: «Николай Гавриловичъ Чернышевскій», и которая была прибита въ свое время на дверяхъ его квартиры въ Петербургъ; картонка съ надписью, снятая съ дверей редакціи «Современника»: «Н. Г. Чернышевскій принимаетъ по четвергамъ отъ 3 до 4

часовъ», портсигаръ съ тремя папиросами, оставшимися отъ Н. Г. Все это создаетъ живую картину, рисуешь обстановку, въ которой жилъ и писалъ Н. Г. Чернышевскій. Среди немногихъ портретовъ писателя, выставленныхъ въ «уголокъ», есть два еще малоизвѣстныхъ. Одинъ изъ нихъ относится къ 1853 г., когда Чернышевскій жилъ въ Саратовѣ, а другой къ 1871 г., когда писателя везли изъ Александровскаго поселенія въ Вилуйскъ (на этомъ портретѣ Н. Г. снятъ безъ очковъ). Н. Г. имѣлъ свѣтло-русые волосы, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ двѣ пряди волосъ Н. Г., сохранившіяся до сихъ поръ. Одна прядь была сръзана въ день ссылки писателя въ Сибирь—20 мая 1864 года, а другая въ день смерти его—17 октября 1889 г. Эти пряди волосъ супруга писателя Ольга Сократовна, еще и нынѣ здравствующая (ей 78 лѣтъ), передала для «уголка». Далѣе мы тутъ видимъ вѣеръ, который Н. Г. приобрѣлъ для своей жены въ Парижѣ, будучи тамъ на обратномъ пути изъ Лондона, куда онъ ѣздилъ къ Герцену объясняться по поводу нападокъ «Колокола» на Добролюбова, бархатный альбомъ О. С., въ которомъ имѣются многочисленныя автографы извѣстныхъ писателей, въ томъ числѣ самого Чернышевскаго, Некрасова, Шевченка (также рисунки послѣдняго), бѣлыя «подвѣнечныя» перчатки четы Чернышевскихъ и др. Тутъ же выставлены шахматы, съ которыми Н. Г. не разставался всю свою жизнь, и маленькія «пасьянсныя» карты, которыми онъ развлекался въ минуты досуга. Изъ обстановки, которая принадлежала Н. Г., когда онъ жилъ въ Петербургѣ, въ 1862 г., съ его арестомъ и заключеніемъ въ Петропавловскую крѣпость многое было распродано, многое перешло къ знакомымъ писателя или пропало. Сыну писателя, М. Н. Чернышевскому, стоило большихъ усилій разыскать многія вещи. Теперь всѣ эти вещи переданы въ «уголокъ».

Приобрѣтеніе дома Л. Н. Толстого. Въ приобретаемомъ московскимъ городскимъ управленіемъ домѣ графини С. А. Толстой въ Хамовникахъ, гдѣ жилъ Л. Н. Толстой начиная съ 1882 г., будетъ находиться вся обстановка кабинета Л. Н., его письменный столъ, находящійся въ настоящее время въ историческомъ музеѣ, кровать съ матрацомъ, на которомъ онъ спалъ въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, и тумбочка около его кровати. Остальную мебель гр. Толстая, «вслѣдствіе переменившихся обстоятельствъ», оставляетъ въ своемъ владѣніи. Въ приобретаемомъ отъ гр. Толстой домѣ городская управа проектируетъ устроить нѣсколько общественныхъ учреждений, связанныхъ съ именемъ Л. Н. Толстого.

50-лѣтіе художественной дѣятельности проф. П. П. Чистякова. 3-го сентября исполнилось 50-лѣтіе художественной дѣятельности дѣйствительнаго члена академіи художествъ, проф. Павла Петровича Чистякова. П. П. родился 23-го іюня 1832 г. въ селѣ Прудахъ Весьегонскаго уѣзда Тверской губ. До 9 лѣтъ онъ учился дома, а затѣмъ въ бѣжецкомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ учителемъ рисованія былъ И. А. Пылаевъ. Въ 1849 г. П. П. поступилъ въ академію художествъ ученикомъ проф. П. В. Басина. Съ 1854 г. по 1858 г. онъ получилъ всѣ четыре серебряныя медали за разныя работы. Въ 1860 г. П. П. былъ награжденъ малой золотой медалью за картину «Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ», и въ 1861 г.—большой золотой медалью за программную работу «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбѣ Василія II Темнаго въ 1433 г. срываетъ съ князя Ва-

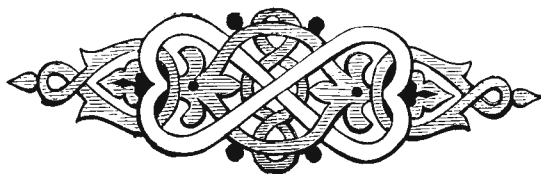
силія Косого поясъ, нѣкогда принадлежавшій Дмитрію Донскому». Медаль эта была присуждена П. П. 3-го сентября 1861 г. Къ этому дню приравнивается и юбилей П. П. Въ январѣ 1862 г. П. П. отправился для усовершенствованія за границу. За границей онъ въ качествѣ пенсионера академіи художествъ пробылъ шесть лѣтъ. Въ Парижѣ имъ была написана картина «Французъ передъ зеркаломъ», а въ Римѣ—картина «Послѣднія минуты Мессалины, жены императора Клавдія». Еще до своего отъѣзда въ Россію П. П. написалъ голову итальянки, картину «Римскій нищій» (находится въ Румянцовскомъ музеѣ) и много этюдовъ съ натуры. Въ 1872 г. П. П. получилъ званіе академика. Въ томъ же году онъ былъ избранъ профессоромъ академіи. Преподавательская дѣятельность юбиляра продолжалась до 1890 г. Его учениками, между прочимъ, были такіе художники, какъ М. А. Врубель, В. В. Сѣровъ, В. Д. Полѣновъ, Д. Н. Кардовскій, Г. Г. Мясоедовъ, Н. А. Бруни и многія др. Съ 1890 г. П. П. Чистяковъ завѣдуетъ мозаичнымъ отдѣленіемъ академіи. Въ 1893 г. онъ получилъ званіе дѣйствительнаго члена академіи художествъ и, спустя нѣкоторое время, былъ избранъ въ совѣтъ академіи. Въ мозаичномъ отдѣленіи въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ подъ руководствомъ П. П. Чистякова были закончены четыре евангелиста для Исаакіевскаго собора, четыре громадныя мозаики страданій Спасителя: «Се Человѣкъ», «Несеніе креста», «Лобзаніе Іуды» и «Вичеваніе». Мозаики эти будутъ помѣщены въ Исаакіевскомъ соборѣ подъ евангелистами. Въ отдѣленіи въ настоящее время заканчиваются мозаики большихъ картинъ покойнаго профессора Нефа: «Рождество Пресвятой Богородицы», «Введеніе во храмъ», «Сшествіе Св. Духа» и «Вознесеніе» и художника Майкова—«Тайная вечеря». Подъ наблюденіемъ П. П. велись также мозаичныя работы для храма Воскресенія Христова и варшавскаго собора. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до начала текущаго года юбиляръ руководилъ бывшей мастерской И. Е. Рѣпина. Произведенія П. П. появлялись на всемірныхъ выставкахъ въ Лондонѣ (1872 г.) и Парижѣ (1878 г.) и на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ. Извѣстная его картина «Бояринъ» находится въ Третьяковской галереѣ. Чествованіе юбиляра состоялось на его квартирѣ въ Царскомъ Селѣ. Для принесенія поздравленій явились представители академіи художествъ, профессора высшаго художественнаго училища, служащіе мозаичнаго отдѣленія, бывшіе его ученики и др. Академія художествъ прислала юбиляру привѣтственный адресъ. Привѣтственныя телеграммы П. П. получены отъ многихъ бывшихъ своихъ учениковъ. П. П. награжденъ по случаю юбилея орденомъ св. Анны 1-й степени.

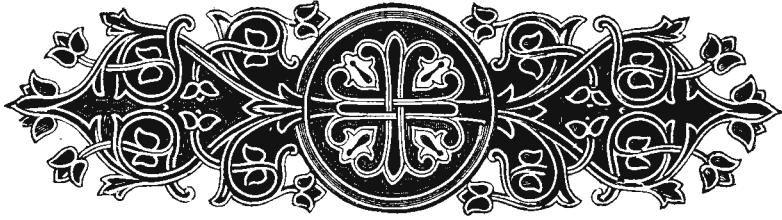
Крестъ князя Пожарскаго. Въ шести верстахъ отъ Коврова находится село Троицкое-Пожарское; это—родовая вотчина князей Стародубскихъ, а затѣмъ Пожарскихъ. Въ мѣстный храмъ села Троицкаго извѣстный герой по прекращенію смутнаго времени князь Д. М. Пожарскій приложилъ дорогой крестъ, взятый имъ у поляковъ послѣ побѣды надъ ними въ 1612 году. Крестъ, несомнѣнно, польскаго происхожденія: форма его именно такая, какая была въ употребленіи у католиковъ среднихъ вѣковъ. Объ этомъ говорятъ и изображенія по бокамъ второго поперечника: направо солнца, а налѣво полумѣсяца, какъ символы побѣды солнца правды надъ тьмою магометанства. Обратная сто-

рона креста имѣть изображеніе Ченстоховской иконы Божіей Матери. Крестъ длиною 12 вершковъ, а ширина $7\frac{1}{2}$ вершковъ. На недавнемъ XV всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ снимокъ съ этого креста былъ предъявленъ извѣстному профессору И. А. Шляпкину и признанъ послѣднимъ за польскій крестъ отъ XV или XVI вѣка.

Вышіе курсы въ зданіи біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта въ Петербургѣ. Въ сентябрѣ наступилъ второй годъ существованія высшихъ курсовъ (пока исключительно для женщинъ) при спб. біологической лабораторіи Лесгафта. Тѣ, кто слышалъ лекціи въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, уже знаютъ особенности преподаванія въ немъ. Курсы эти имѣютъ цѣлью, между прочимъ, устранить важный пробѣлъ современныхъ высшихъ школъ, дающихъ только узко-спеціальныя знанія, безъ объединяющаго ихъ общаго высшаго образованія. Придавая чрезвычайно важное значеніе этому общему высшему образованію, въ смыслѣ философіи объединеннаго знанія, учредители высшихъ курсовъ имени П. Ф. Лесгафта ввели въ учебный планъ особый «общеобразовательный» факультетъ, съ двухлѣтней программой. Лишь по окончаніи этого факультета слушатели могутъ поступить на одно изъ четырехъ спеціальныхъ отдѣленій: естественно-историческое, географическое, гуманитарное и педагогическое. Минимумъ пребыванія на нихъ—два года, объемъ преподаванія—университетскій. Въ настоящее время на общеобразовательномъ факультетѣ читаются (или будутъ читаться на слѣдующихъ семестрахъ): 1) Математика, проф. Бауманъ и Каргинъ. 2) Физика, проф. Борманъ, Юффе, Алтуховъ, Титовъ. 3) Химія, проф. Байковъ, Мальчевскій. 4) Минералогія, проф. Федоровъ. 5) Космографія и метеорологія, проф. Клоссовскій. 6) Астрономія, Н. А. Морозовъ. 7) Геологія, акад. Чернышевъ, Преображенскій. 8) Анатомія и гистологія, А. Красуская, В. Бутыркинъ. 9) Зоологія, С. Метальниковъ, К. Давыдовъ, Алтухова. 10) Физиологія, проф. Павловъ, Ухтомскій. 11) Ботаника, акад. Бородинъ, Рихтеръ, Зинова. 12) Бактеріологія, Омелянскій. 13) Философія, Н. Лосскій. 14) Психологія, И. И. Лапшинъ. 15) Сравнительная психологія, проф. Вагнеръ. 16) Политическая экономія, проф. Туганъ-Барановскій. 17) Энциклопедія права, проф. Петражицкій. 18) Государственное право, проф. Гессенъ. 19) Русская исторія, В. И. Семевскій. 20) Всеобщая исторія, проф. Тарле. 21) Всеобщая литература, Коганъ. 22) Соціологія, М. М. Ковалевскій и К. М. Тахтаревъ. 23) Введеніе въ философію религіи, А. Мейеръ. 24) Исторія музыки, проф. А. Каль. 25) Рисованіе, проф. В. Матѣ. 26) Гимнастика по методу Лесгафта, С. Познеръ и С. Теренина. Важное мѣсто въ программѣ курсовъ отводится практическимъ занятіямъ по всеъмъ отраслямъ знаній. Обладая прекраснымъ музеемъ, учебными кабинетами и библіотекой, курсы въ послѣднее время ощущали большой недостатокъ въ отсутствіи астрономической станціи (вышки). Въ настоящее время на устройство станціи неизвѣстнымъ лицомъ пожертвованы необходимыя средства, и осенью вышка будетъ готова, что дастъ возможность слушательницамъ второго семестра заниматься практически астрономіей. На первый семестръ курсовъ поступаетъ много прошеній и, вѣроятно, всѣхъ желающихъ не удастся удовлетворить, за

недостаткомъ помѣщенія, а потому попечительный совѣтъ разрабатываетъ вопросъ о расширеніи помѣщенія курсовъ. Начало занятій—въ сентябрѣ. Плата за слушаніе лекцій—75 руб. въ годъ. Прошенія и справки—Сиб. Англійскій, 32, въ канцеляріи высшихъ курсовъ въ зданіи біологической лабораторіи. Личныя объясненія—тамъ же, по понедѣльн. и пятн., отъ 5 до 6 ч. в. Не имѣющія свидѣтельствъ сред. учеб. заведеній принимаются вольнослушательницами. Обязанности директора курсовъ принялъ на себя проф. М. М. Ковалевскій, предсѣдатель попечительнаго совѣта курсовъ—П. В. Дмитріевъ.

НЕКРОЛОГИ.

АРХІЕПИСКОПЪ ТИХОНЪ. 29-го іюня скончался восьмидесятилѣтнимъ старцемъ высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ иркутскій и верхоленскій. Почившій святитель, въ мѣрѣ Михайль Михайловичъ Донебинъ, изъ духовнаго званія, родился 8-го ноября 1831 года въ рязанской епархіи и учился въ мѣстной семинаріи; по окончаніи курса онъ былъ рукоположенъ 7-го марта 1853 года во священника ко Входу-Іерусалимской церкви города Рязани, но скоро овдовѣлъ и съ 1857 года поступилъ въ петербургскую духовную академію. По окончаніи академическаго курса молодой кандидатъ богословія 14-го сентября 1861 г. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Тихона и началъ духовно-педагогическую службу: онъ состоялъ преподавателемъ (1861—1863 гг.) и инспекторомъ (1863—1871 гг.) въ новгородской, а затѣмъ, возведенный въ архимандриты, ректоромъ (1871—1882 гг.) въ кавказской семинаріи. Хиротонисанный во епископа сарапульскаго (18 іюля 1882 г.), покойный состоялъ викаріемъ вятской епархіи (1882—1886 гг.), потомъ переведенъ на архіерейскую кафедру въ Енисейскъ (1886—1892 гг.) и, наконецъ, назначенъ иркутскимъ архіепископомъ (1892—1911 гг.). Памятникомъ духовно-просвѣтительной дѣятельности почившаго іерарха осталось изданное имъ «Собраніе рѣчей и проповѣдей». (Некрологъ его см.: «Московск. Вѣдом.», 1911 г., № 150).

† **Аргутинскій-Долгоруковъ, П. М.** Въ Рива скончался ординарный профессоръ казанскаго университета по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, князь Петръ Михайловичъ Аргутинскій-Долгоруковъ. Покойный родился въ 1854 г., образованіе получилъ въ дерптскомъ университетѣ и въ 1878 г. защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Врачебную дѣятельность онъ началъ въ петербургскомъ Николаевскомъ госпиталѣ, затѣмъ служилъ врачомъ въ

89-мъ Вѣломорскомъ полку. Въ Казани князь П. М. имѣлъ обширную врачебную практику и пользовался заслуженной популярностью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12737).

† **Барсовъ, П. И.** 12-го августа послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался директоръ петербургской одинадцатой гимназіи, д. с. с. Петръ Ивановичъ Барсовъ. Покойный, сынъ протоіерея, родился 10-го января 1855 г. въ городѣ Вѣлозерскѣ, гдѣ отецъ его былъ настоятелемъ одной изъ церквей. По окончаніи новгородской духовной семинаріи П. И. поступилъ въ петербургскій историко-филологическій институтъ, который окончилъ въ 1878 году и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ вологодскую гимназію. Въ 1889 г. покойный былъ переведенъ инспекторомъ архангельской гимназіи, а въ 1891 г. назначенъ на ту же должность въ спб. 1-ю гимназію. Въ 1895 г. П. И. былъ переведенъ на должность инспектора 1-й спб. прогимназіи, преобразованной вполнѣдствіи въ 1899 г., благодаря его энергіи и стараніямъ, въ 11-ю гимназію, въ которой покойный оставался директоромъ до конца своей жизни. Въ 1894 и 1895 гг. П. И. Барсовъ принималъ близкое участіе въ особой комиссіи при спб. учебномъ округѣ по вопросу о наилучшихъ способахъ преподаванія латинскаго языка; результатомъ трудовъ комиссіи появились «Очерки римскихъ древностей», въ которыхъ перу покойнаго принадлежитъ цѣлый отдѣлъ. Завѣтною мечтою покойнаго было построить специально приспособленное для учебныхъ цѣлей зданіе для ввѣренной ему гимназіи. Умеръ П. И. наканунѣ осуществленія своей мечты, когда на постройку зданія были уже отпущены необходимыя средства. Беззавѣтная преданность своему дѣлу, безграничная любовь къ ученикамъ, рѣдкія обстоятельность и аккуратность въ службѣ были отличительными чертами покойнаго, невольно вызывавшими глубокое уваженіе къ нему всѣхъ близко знавшихъ покойнаго. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12.723).

† **Бурдесъ, Б. П.** Умеръ послѣ тяжелыхъ и долгихъ страданій (злокачественная опухоль печени) журналистъ, корреспондентъ и переводчикъ Борисъ Павловичъ Бурдесъ. Покойный, послѣ ряда лѣтъ газетной работы по политическому отдѣлу въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданіяхъ, въ «Лучѣ» (ред. Чуйко) и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», вступилъ, десять лѣтъ тому назадъ, въ составъ редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей»; здѣсь онъ написалъ множество передовыхъ статей, преимущественно по вопросамъ иностранной политики, въ которой онъ считался специалистомъ. Хорошо знакомый съ жизнью на Западѣ, говорившій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, Б. П. Бурдесъ около двухъ лѣтъ прожилъ въ Берлинѣ въ качествѣ корреспондента «Виржевыхъ Вѣдомостей», и въ этой роли показалъ себя очень отзывчивымъ и искуснымъ журналистомъ. Въ Петербургѣ покойный всегда вращался въ средѣ людей искусства, литературы, религіи и философіи. Между прочимъ имъ переведены «Грезы духовидца» Канта и написанъ рядъ статей о Ренанѣ, Ибсенѣ, Гете, Дидро, Екатеринѣ II и проч. Въ послѣдніе годы энергія этого не стараго еще человѣка—ему было около пятидесяти лѣтъ—очень ослабѣла, послѣдніе же мѣсяцы были какъ бы длительной агоніей, мучительными и непрерывными страданіями.

† **Гютине, А. П.** Въ мѣстечкѣ Лобаново по Невѣ скончался воспитатель императорскаго училища правовѣдѣнія Августъ Петровичъ Гютине. Покойный прибылъ въ Россію изъ Франціи въ началѣ семидесятыхъ годовъ и былъ приглашенъ преподавать французскій языкъ въ петербургской третьей классической гимназіи. Вскорѣ сталъ преподавать французскій языкъ и словесность въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, и съ того времени его педагогическая дѣятельность было тѣсно связана съ жизнью училища. Преподавая французскій языкъ около сорока лѣтъ, онъ одновременно былъ класснымъ воспитателемъ и дѣятельно заботился о воспитаніи ввѣреннаго его ближайшимъ заботамъ юношества. Подъ его руководствомъ получили воспитаніе нѣсколько поколѣній правовѣдцовъ, и всѣ они сохранили о своемъ бывшемъ воспитателѣ прекрасныя воспоминанія. Покойный принималъ также дѣятельное участіе во французскомъ благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12725).

† **Изенбергъ, К. В.** 19-го августа скончался авторъ памятника погибшимъ морякамъ миноносца «Стерегущій», скульпторъ Константинъ Васильевичъ Изенбергъ. Покойный сынъ военнаго врача, участника русско-турецкой войны. Окончивъ художественную среднюю школу, К. В. Изенбергъ вступилъ въ число студентовъ академіи художествъ. Пробывъ въ академіи свыше двухъ лѣтъ, покойный оставилъ ее, увлекшись иллюстраціями для журналовъ и художественныхъ изданій русскихъ классиковъ. Ему, между прочимъ, принадлежатъ иллюстраціи къ поэмѣ Лермонтова «Демонъ». Иллюстраціи выдвинули покойнаго изъ ряда молодыхъ художниковъ. Въ 1904 г. артистка Яворская заказала ему нѣсколько декорацій для своего театра въ Петербургѣ. Въ этотъ періодъ Изенбергъ занялся скульптурой и, вскорѣ по окончаніи русско-японской войны, сдѣлалъ эскизъ памятника погибшимъ морякамъ миноносца «Стерегущій». Эскизъ былъ выставленъ на одной изъ петербургскихъ художественныхъ выставокъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе высокопоставленныхъ лицъ. К. В. Изенбергу было предложено увеличить эскизъ, а затѣмъ ему былъ данъ заказъ на памятникъ. Недавно этотъ памятникъ открытъ въ Александровскомъ паркѣ. К. В. Изенбергъ за этотъ памятникъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени. Кромѣ того, ему былъ обѣщанъ заказъ на памятникъ адмиралу Макарову. К. В. являлся однимъ изъ организаторовъ лондонской выставки картинъ русскихъ художниковъ, которая была открыта лѣтомъ текущаго года. Мѣсяцъ тому назадъ въ Лондонѣ К. В. Изенбергъ, проходя по улицѣ, поскользнулся и ушибъ колѣно. Онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Въ первыхъ числахъ августа покойный пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ принималъ ближайшее участіе въ работахъ по открытію царскосельской выставки. Между тѣмъ на ушибленномъ колѣнѣ образовалась опухоль, которая время отъ времени безпокоила покойнаго. 13-го августа утромъ К. В. почувствовалъ себя плохо и вынужденъ былъ лечь въ постель. Были приглашены профессоръ Вельяминовъ и врачъ Обуховской больницы Соловьевъ, которые нашли положеніе больного серьезнымъ. Опухоль оказалась злокачественной, и 19-го августа К. В. скончался отъ зараженія крови. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1911 г., № 227).

† **Кетриць, М. Д.** 9-го августа скончалась въ Петербургѣ послѣ тяжелой болѣзни Марія Дмитріевна Кетриць, урожденная Паттеръ. Обладая съ дѣтства замѣчательнымъ музыкальнымъ слухомъ, она уже десяти лѣтъ играла въ концертахъ. Она окончила курсъ петербургской консерваторіи съ большою серебряною медалью въ 1870 гг. по классу профессора Г. Г. Кросса, играла въ то время въ Петербургѣ въ дворянскомъ собраніи, въ симфоническихъ концертахъ: es dur-ный концертъ Ф. Листа, es dur-ный концертъ Бетховена, играла трио въ квартетныхъ вечерахъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества съ профессоромъ Ауэромъ и К. Ю. Давыдовымъ. Она занималась также у Ѳ. Лештицкаго и Франца Листа въ Веймарѣ. Затѣмъ она участвовала постоянно во множествѣ концертовъ и музыкальныхъ вечеровъ. Она владѣла и композиторскимъ талантомъ и написала съ десятокъ мелодекламацій, очень правившихся публикѣ, на слова изъ Пушкина («Послѣдняя туча», «Вѣсы», «Пиръ во время чумы»), Некрасова («Зеленый шумъ» и «Прости»), Гоголя («Чудень Днѣпръ»), Мицкевича («Долой съ очей!»), Бальмонта («Ночные цвѣты») и другіе. Она участвовала въ вечерахъ музыкальнаго кружка женскаго взаимно-благотворительнаго общества. Будучи однимъ изъ учредителей консерваторіи при петербургскомъ народномъ университетѣ, она принадлежала въ ней къ числу преподавательницъ по классу фортепіано. Она была не только замѣчательною солисткою, но и превосходною аккомпаниаторшею. Въ свою пользу М. Д. никогда не играла, а исключительно съ благотворительною цѣлью и въ пользу различныхъ учреждений, въ народныхъ чтеніяхъ и т. п. Вообще это была даровитая художественная натура и настоящая артистка. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1911 г., № 12.721).

† **Мазуровская, М. В.** Въ Варшавѣ скончалась даровитая артистка М. В. Мазуровская, по мужу Волкова, хорошо извѣстная польскимъ и русскимъ театрамъ. Дочь знаменитой польской артистки Мазуровской, покойная, подъ руководствомъ своей матери, рано начала свою сценическую дѣятельность, Наружность, выразительная дикція и голосъ, богатая виѣшнія данныя сразу выдвинули юную артистку. Пользуясь большимъ успѣхомъ на польской сценѣ, М. В. удачно выступала и на русской, которую считала своей родной. Двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ покойная артистка впервые появилась въ Петербургѣ и быстро завоевала симпатіи публики тонкимъ исполненіемъ такихъ ролей, какъ Марія Стюартъ, Маргарита Готье, Магда. Въ ея игрѣ, помимо дарованія, было видно то умѣніе въ мѣру и кстати пользоваться сценической техникой, которое дается лишь хорошей школой. Полюбивъ русскій театръ, М. В. положила много труда и терпѣнія на то, чтобы избавиться отъ польскаго акцента, и, дѣйствительно, сдѣлала его почти незамѣтнымъ. Лѣтъ десять назадъ М. В. Мазуровская перешла на роли *grande dame*, и въ нихъ, какъ и во всемъ, за что она бралась, она выказала свой талантъ и придавала необыкновенную рельефность и бытовымъ, и историческимъ, и комическимъ типамъ. Въ послѣдніе годы она ѣздила на гастроли въ провинцію и занималась преподаваніемъ любимаго искусства, которому отдала всю жизнь. М. В. была преподавательницей въ театральній школѣ имени А. С. Суворина, учила выразительному чтенію и практической разработкѣ ролей. Ученики школы съ большой грустью

и теплой благодарностью вспомнить о своей прекрасной учительницѣ, направившей ихъ первые робкіе шаги на сценическомъ поприщѣ. Умерла хорошая актриса, отличная преподавательница, любимая и уважаемая и учащими, и и учащимися. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1911 г. № 12.704).

† **Миклашевскій, А. Н.** Скончался профессоръ политической экономіи въ юрьевскомъ университетѣ Александръ Николаевичъ Миклашевскій. Покойный происходилъ изъ семьи, давшей нѣсколькихъ видныхъ дѣятелей въ области науки и общественной дѣятельности. Старшій братъ А. Н., теперь уже скончавшійся, Иванъ Николаевичъ, тоже былъ экономистомъ, профессоромъ харьковскаго университета, извѣстнымъ цѣлымъ рядомъ своихъ работъ, преимущественно по хозяйственной исторіи Россіи; другой братъ, Николай Николаевичъ, тоже покойный, общественный дѣятель, выдающійся земецъ и потомъ членъ первой государственной думы. А. Н. родился въ 1864 году, образованіе свое получилъ въ московскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ. Въ 1895 году онъ защитилъ свою магистерскую диссертацию «Деньги, опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго обращенія». Читаніе лекцій покойный А. Н. началъ также въ московскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, и оттуда перешелъ профессоромъ въ Юрьевъ. А. Н. принадлежитъ много цѣнныхъ работъ по политической экономіи и вопросамъ экономической политики, таковы его названная уже диссертация, «Исторія политической экономіи», «Обмѣнъ и экономическая политика», «Стачки и социальный вопросъ», «Арбитражъ и соглашеніе въ промышленныхъ спорахъ», «Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи», «Денежный вопросъ въ литературѣ и явленіяхъ дѣйствительныхъ формъ». Кромѣ того, ему принадлежитъ и рядъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1911 г., № 199).

† **Милоскій, С. Н.** 13-го августа въ припадкѣ душевной болѣзни покончилъ съ собой, выбросившись изъ окна, Сергѣй Николаевичъ Милоскій, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Елеонскій». Покойный происходилъ изъ духовнаго званія и по окончаніи кievской духовной академіи въ 1885 г. посвятилъ себя духовно-учебной дѣятельности, проходя послѣдовательно должности учителя лысковскаго духовнаго училища, помощника смотрителя арзамасскаго училища, смотрителя починскаго училища, инспектора вятской семинаріи и наконецъ смотрителя сарапульскаго училища. Тѣ немногіе досуги, которые оставались у покойнаго отъ исполненія сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей начальника учебнаго заведенія, онъ отдавалъ литературѣ, гдѣ ему удалось сдѣлать себѣ имя разсказами изъ быта духовенства. Разсказы эти печатались въ «Русскомъ Богатствѣ», «Нивѣ», «Современномъ Мирѣ» и другихъ журналахъ, а затѣмъ были выпущены и отдѣльнымъ изданіемъ. Ближайшее начальство довольно косо смотрѣло на литературные труды Милоскаго, въ которыхъ онъ изображалъ современныя теченія въ духовенствѣ, и покойному незадолго до смерти пришлось переименовать свой ставшій уже популярнымъ, но раскрытый псевдонимъ, и послѣднія его произведенія, печатавшіяся въ приложеніяхъ къ «Современному Слову», носили подпись «Н. Шихановъ». (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12726).

† **Смирнова, Е. П.** П. Скончалась одна из немногих оставшихся от славных первых выпусков петербургской консерватории; преподавательница петербургскаго театрального училища, Екатерина Павловна Смирнова, урожденная Логинова. Свое музыкальное образование покойная начала и закончила исключительно у А. Г. Рубинштейна в течение четырех лѣтъ, поступивъ къ нему въ классъ безъ всякой подготовки. Однокашниками ея по классу А. Г. были: извѣстная концертантка М. В. Терминская, затѣмъ А. П. Соколовская, проф. Кроссъ и друг., современниками же ея по консерватории— П. И. Чайковскій, Лавровская, Ирецкая, Ларошъ и друг. Окончивъ консерваторію съ дипломомъ на званіе свободнаго художника, Е. П. посвятила себя всецѣло педагогической дѣятельности. Начала она ее въ Москвѣ, въ пансіонѣ Дюмушель, извѣстномъ въ то время, какъ лучший, затѣмъ продолжала въ Петербургѣ. Помимо частныхъ уроковъ, состояла въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ преподавательницей фортепіанной игры въ театральномъ училищѣ, гдѣ она сумѣла развить у учениковъ балета пониманіе музыки и ритмическое чувство, столь для нихъ необходимыя. Въ театральномъ училищѣ и среди множества частныхъ учениковъ Е. П. была глубоко цѣнима, любима и уважаема, какъ педагогъ-художникъ въ широкомъ значеніи этого слова, не только учившій музыкѣ, но воспитывавшій нравственно молодежь. Она была рѣдкой души человѣкъ, и ея примѣръ не могъ не дѣйствовать на чуткія молодыя души. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1911 г., № 12740).

† **Смирновъ, Н. К.** 18-го августа скончался пресвитеръ собора императорскаго Зимняго дворца Николай Константиновичъ Смирновъ. Покойный родился 2 мая 1841 года въ тульской епархіи. По окончаніи курса въ петербургской духовной академіи въ 1865 году, былъ въ теченіе четырехъ лѣтъ преподавателемъ физико-математическихъ наукъ въ рязанской духовной семинаріи. Въ 1869 г. принялъ священный санъ и былъ опредѣленъ священникомъ къ церкви московскаго придворнаго Верхоспасскаго собора, откуда черезъ годъ перемѣщенъ былъ въ гатчинскую придворную церковь. Послѣ девятилѣтняго служенія въ Гатчинѣ о. Николай былъ назначенъ пресвитеромъ большаго собора императорскаго Зимняго дворца, гдѣ и оставался до кончины. Въ теченіе своей свыше сорокалѣтней службы въ придворно-духовномъ вѣдомствѣ покойный исполнялъ не мало церковно-административныхъ должностей, состоя членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ дома призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, временно завѣдующимъ и саккеларіемъ придворнаго духовенства, секретаремъ общества вспоможенія студентамъ петербургской духовной академіи и проч. Покойный отличался глубокой религіозностью, мягкостью и душевностью, и за эти качества удостоился высокой чести быть въ теченіе двадцати лѣтъ духовникомъ великаго князя Алексѣя Александровича. О. Николай не чуждъ былъ и литературы. Его перу принадлежить нѣсколько трудовъ церковнаго и историческаго характера: «Ливонскій орденъ и его значеніе», «Высокопресвященный Димитрій Муретовъ—біографическій очеркъ», «Перенесеніе съ о. Мальты гатчинскихъ святынъ» и проч. За свою усердную службу покойный имѣлъ всѣ ордена до св. Анны 1-й степени включительно и много высочайше пожалованныхъ драгоцѣнныхъ крестовъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12729).

† **Князь Цертелевъ, Д. Н.** Известный русскій поэтъ и публицистъ князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ скончался 15-го августа. Почившій, сынъ князя Николая Андреевича Цертелева, «перваго собирателя народныхъ русскихъ пѣсень» (1790—1869 гг.), родился въ 1852 году въ селѣ Смальковѣ (Пензенской губ., Саранскаго уѣзда). Годы ранняго дѣтства онъ провелъ въ родной деревнѣ, на просторѣ черноземной полосы Россіи, а затѣмъ ему пришлось воспитываться за границей. По возвращеніи на родину покойный поступилъ съ 1866 г. въ 5-ю московскую гимназію, по окончаніи курса въ которой, съ 1870 г., зачислился въ студенты московскаго университета по юридическому факультету. Выпущенный изъ университета въ 1874 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента, князь Д. Н. осенью того же года отправился за границу вмѣстѣ съ знаменитымъ поэтомъ гр. А. К. Толстымъ. Заинтересованный особенно философскими вопросами, онъ болѣе долгое время пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ близко познакомился съ такими учеными, какъ Фрауэнштедтъ, Гартманъ и Гельмгольцъ, а оттуда проѣхалъ въ Парижъ съ тою же научною цѣлью. Этою первою заграничною поѣздкою была положена твердая основа для послѣдующихъ философскихъ трудовъ молодого автора. Въ 1878 году, на лѣтнее время, онъ снова отправился за границу и, прослушавъ курсъ лекцій въ лейпцигскомъ университетѣ, представилъ научную диссертацию: «О теоріи познанія Шопенгауэра», за которую и былъ удостоенъ степени доктора философіи. Между тѣмъ близкое общеніе съ гр. А. К. Толстымъ было благопріятно и въ томъ отношеніи, что уже прославленный авторъ «Князя Серебрянаго», знаменитой драматической трилогіи, и многихъ превосходныхъ стихотвореній, незадолго до своей кончины (29 сентября 1875 г.) побудилъ своего юнаго друга отдать въ печать первые опыты его поэтическаго дарованія. Такою пробой въ «служеніи музамъ» явилось стихотвореніе князя: «Ямщикъ заснулъ, мы ѣдемъ шагомъ»..., напечатанное въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1875 г., кн. 7, стр. 288). Этимъ произведеніемъ поэтъ открылъ длинную вереницу своихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, которыя послѣдовательно печатались въ «Пчелѣ» (1875—1876 гг.), «Вѣстникѣ Европы» (1877—1904 гг.), «Русской Мысли» (1886 г.), «Нивѣ» (1887—1888 гг.), «Русскомъ Обзорѣніи» (1890—1898 гг.), въ сборникъ «Починъ» (1895 г.) и въ «Книжкахъ Недѣли» (съ 1900 г.), но, главнымъ образомъ, на протяженіи тридцати лѣтъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1875—1905 гг.). Изъ этого многочисленнаго ряда своихъ поэтическихъ произведеній онъ со строгимъ выборомъ составилъ три изящныя книжки и издалъ ихъ подъ простымъ заглавіемъ: «Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева». Первая изъ нихъ, посвященная памяти гр. А. К. Толстого, заключала въ себѣ произведенія 1875—1882 гг. (Спб. 1883 г., 176 стр.); вторая же, удостоенная похвальнаго отзыва при девятомъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1893 г., содержала въ себѣ избранныя стихотворенія 1883—1891 гг. (Спб., 1892 г., 170 стр.); третья же представляла собой второе изданіе предыдущей книжки, дополненное многими позднѣйшими произведеніями 1892—1901 гг. (Спб., 1902 г., 266 стр.). На ряду съ такою оживленною дѣятельностью въ области поэзіи, начиная съ 1878 года, то есть вслѣдъ за вышеупомянутымъ трактатомъ на степень доктора, шли непрерывныя работы князя Д. Н. Цертелева и надъ многими научными вопросами, преимущественно по

философiи. Къ нимъ относились: «Границы религiи, философiи и естествознанiя» три чтенiя въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенiя (М., 1879 г., 48 стр.), «Философiя Шопенгауэра» (Спб., 1880 г.), «Спиритизмъ съ точки зрѣнiя философiи», «Медиумизмъ и границы возможнаго» (Спб., 1884 г.), «Современный пессимизмъ въ Германiи» (М., 1885 г. VI+277 стр.), «Нравственная философiя гр. Л. Н. Толстого» (М., 1889 г., 140 стр.; второе изданiе: Спб., 1898 г.), «Эстетика Шопенгауэра» (Спб., 1890 г., 48 стр.), «Эристика, или искусство спорить», изъ Шопенгауэра (Спб., 1893 г.), «Пространство и время, какъ формы явленiй» (М., 1894 годъ), «Критика вырожденiя и вырожденiе критики» (М., 1897 г.), «Свобода воли и причинность» (1898 г.), «Шарль Фурье» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя», 1901 г., кн. 12), «Идея цѣнности» (тамъ же, 1902 г., кн. 9) и мног. друг. Изъ подобныхъ же научныхъ задачъ, поднятыхъ за послѣднее время, особенно интересовалъ покойнаго вопросъ о точномъ изслѣдованiи законовъ аэронавтики, и онъ уже нѣсколько разъ отдавалъ свое перо на рѣшенiе этого любопытнаго вопроса, какъ показываютъ слѣдующiя его статьи: «Воздухоплаванiе и управляемые азростаты» («Русское Обозрѣнiе» 1892 г., кн. 5), «Изъ исторiи воздухоплаванiя» («Московскiя Вѣдомости» 1894 г., №№ 141—177), «Логика воздухоплаванiя и летанiя» («Русскiй Вѣстникъ» 1898 г., кн. 9—10). Но поэтическими произведенiями и научными трудами далеко не исчерпывалась литературная дѣятельность кн. Д. Н. Цертелева. Много лѣтъ онъ работалъ и на публицистическомъ поприщѣ. Интересы мѣстнаго самоуправления и суда, дворянскiй, крестьянскiй, сельско-хозяйственный и даже польскiй вопросы, печать и школа, русское представительство и государственная дума,—все это подробно разсматривалось имъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», а затѣмъ выходило отдѣльными брошюрами. Къ занятiямъ современными публицистическими вопросами невольно побуждали покойнаго частая жизнь его въ деревнѣ и служебная дѣятельность, давшия ему много опыта и интересныхъ наблюденiй. Такъ, съ 1877 по 1880 гг. онъ состоялъ предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей Спасскаго уѣзда (Тамбовской губ.), затѣмъ въ теченiе 1880—1882 гг. служилъ по министерству финансовъ, а потомъ занималъ мѣсто спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Этому же содѣйствовало и близкое отношенiе князя къ нѣкоторымъ органамъ печати. Напримѣръ, за его подписью вышли четыре книжки «Русскаго Вѣстника» (1887 г., №№ 7—10), гдѣ потомъ онъ былъ членомъ редакцiи; затѣмъ онъ состоялъ редакторомъ журнала «Русское Обозрѣнiе» (съ 1890 г. до второй половины 1892 г.) и вторымъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» (съ ноября 1895 до октября 1896 г.); наконецъ, живое участiе покойный принималъ въ недавнемъ «особомъ совѣщанiи по дѣламъ печати». Въ послѣднiе годы жизни кн. Д. Н. Цертелевъ, кромѣ переводовъ, напримѣръ, «Фауста» Гете и оригинальныхъ стихотворенiй, уже рѣдко выступалъ въ периодической печати съ новыми большими трудами, ограничиваясь «отрывками» изъ своихъ мемуаровъ. Такъ, на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» ему принадлежали «Воспомянанiя о гр. А. К. Толстомъ» (1905 г., № 273) и «Воспомянанiя объ Ив. Ал. Гончаровѣ» (1910 г., № 154). (Некрологъ его: «Московскiя Вѣдомости» 1911 г., № 187).

† **Шевелевъ, Н. А.** Въ Царскомъ Селѣ скончался въ ночь на 20 августа дѣйствительный тайный совѣтникъ, докторъ медицины Никаноръ Антоновичъ Шевелевъ. Покойный пользовался большою извѣстностью въ Царскомъ Селѣ, гдѣ была сосредоточена его врачебная дѣятельность въ послѣднія тридцать лѣтъ его жизни. Н. А. родился 22 декабря 1839 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи въ 1864 г. со званіемъ лекаря онъ былъ причисленъ къ первому военно-сухопутному госпиталю и вскорѣ назначенъ врачомъ царскосельскаго военнаго госпиталя. Черезъ четыре года защитилъ диссертацию «О вліяніи нѣкоторыхъ условій при отравленіи стрихниномъ» на степень доктора медицины и въ 1869 г. былъ назначенъ врачомъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка. Въ составѣ полка онъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій съ турками въ 1877—1878 гг. Его врачебная дѣятельность въ этотъ боевой періодъ отмѣчена орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами. Въ 1881 г. покойный перевелся на должность старшаго врача лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, и съ этого времени почти не разставался съ Царскимъ Селомъ, гдѣ впоследствии былъ директоромъ царскосельскаго дѣтскаго пріюта. Какъ врачъ, Н. А. имѣлъ большую практику и считался однимъ изъ лучшихъ мѣстныхъ врачей. Онъ опубликовалъ нѣсколько статей и замѣтокъ изъ своихъ врачебныхъ наблюденій. Изъ нихъ назовемъ его интересную статью: «Къ вопросу о пищѣ больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ», напечатанную въ 1879 г. во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12732).

— Если бы я долженъ былъ убить васъ, Лаверньеръ, то вы были бы уже на томъ свѣтѣ. Я васъ предупредилъ, слѣдовательно, я хотѣлъ васъ пощадить. Но, если у васъ есть голова на плечахъ, не вернитесь около насъ. Вамъ извѣстно, гдѣ пайти меня въ случаѣ, если вамъ нужно будетъ что-нибудь мнѣ сообщить. Будьте осторожны и не воображайте, будто за вами никто не слѣдитъ. Если вы сыщикъ, какъ многіе думаютъ, то вы погибли, если вздумаете заниматься роялистами. Каждому жизнь дорога. Поэтому займитесь лучше якобинцами. Прощайте, Лаверньеръ. Простите, что я васъ такъ напугалъ.

— Но я не прошу вамъ вашихъ подозрѣній. Я такъ любилъ васъ!

— Благодарю васъ. Лучше любите меня издали.

Съ этими словами Валори большими шагами пошелъ назадъ по набережной. Браконно въ задумчивости слѣдилъ за нимъ глазами, потомъ покачалъ головою и сказалъ:

— Ну, теперь мнѣ надо устроить наблюдение въ магазинѣ «Bonnet Bleu». Займемся прекраснымъ Санъ-Режаномъ. Съ другими, очевидно, дѣлать нечего.

Тѣ, кого хотѣлось подловить Браконно, сидѣли въ это время въ маленькой комнатѣ, нахотившейся сзади конторы хозяина гостиницы «Красный Левъ». Она освѣщалась только фонаремъ сверху. Пять человѣкъ сидѣли вокругъ стола, заваленнаго бумагами, и тихо говорили между собою. Тутъ былъ прежде всего Жоржъ, который ради большей свободы снялъ съ себя камзолъ и могъ такимъ образомъ расправить свои широкія плечи, затѣмъ Гидъ де-Невилль и Санъ-Режанъ и наконецъ маркизь де-Полиньякъ и Косте де-Санъ-Викторъ. Аббатъ Валори, не стуча въ дверь, нажалъ потайную пружину въ стѣнѣ, и дверь безшумно открылась.

— Ну?—спросилъ его Невилль.

— Онъ удралъ, совершенно перепуганный. Не думаю, чтобы онъ вернулся. Конечно, лучше было бы пробить ему голову. Но Санъ-Викторъ не хотѣлъ этого. Нужно непременно пайти для себя другое помѣщеніе. Послѣ обѣда Фуше будетъ уже знать, что здѣсь произошло, и подоцлеть къ намъ другого агента. Я знаю небольшой домъ въ улицѣ Дракона, въ кварталѣ Августинцевъ. Тамъ живетъ одна модистка, по имени Виргинія Грандо. Она всецѣло намъ предана. Въ ея квартирѣ, въ простѣнкѣ за кухней сдѣланъ тайникъ футовъ въ девять. Его и не отыщешь. Даже обитатели этого дома не подозрѣваютъ о его существованіи. Въ немъ жили въ теченіе шести мѣсяцевъ аббатъ Эджевортъ, духовникъ короля-мученика, и епископъ Карбоньерскій. И вышли оттуда цѣлы и невредимы. Я предлагаю Жоржу, Гиду и Санъ-Режану съ сегодняшняго дня переселиться туда.

— Мы объ этомъ поговоримъ потомъ,— грубовато сказалъ Жоржъ.— Нужно прежде всего на что-нибудь рѣшиться. Бона-

партъ очень рѣшительно конфисковала Францію въ свою пользу. Всѣ наши надежды на соглашеніе рухнули. Нужно, стало быть, дѣйствовать. Что же мы предпримемъ?

— Рѣшить вопросъ можно только однимъ способомъ,—отвѣчала Санъ-Режанъ.—Нужно отдѣлаться отъ перваго консула.

— То есть убить его,—добавилъ Полншьякъ.

Водворилось молчаніе. Дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ о побѣдителяхъ при Риволи, Арколѣ и при пирамидахъ. Несмотря на свою энергію, заговорщики невольно были подавлены этимъ человекомъ. Но Жоржъ былъ не робкаго десятка. Онъ нахмурилъ свои густыя брови и сказалъ:

— Какимъ же образомъ вы хотите его убить? Есть нѣсколько способовъ дѣйствовать. Одинъ изъ насъ можетъ напасть на него съ пистолетомъ или съ кинжаломъ и убить его. Откровенно говоря, я вовсе не стою за этотъ способъ. Въ этомъ актѣ есть что-то жалкое. Онъ не производитъ сильнаго впечатлѣнія казни; въ немъ нѣтъ благородства борьбы. Наконецъ, можно вѣдь и промахнуться. И тогда наступитъ катастрофа. Лучше не дѣлать ничего такого, что связано съ рискомъ неудачи. Какъ было бы досадно, если бъ онъ былъ только раненъ! Популярность его отъ этого только увеличится. Нѣтъ! На него нужно напасть, обезпечивъ себѣ всѣ шансы побѣды надъ нимъ и надъ его сторонниками. Я хотѣлъ бы стать самъ во главѣ этого предпріятія.

— Послушайте, Жоржъ. Какимъ образомъ вы взялись бы за дѣло?—спросилъ Гидъ де-Невилль, облокотиваясь на столъ, какъ бы для того, чтобы слушать его еще внимательнѣе.

— А вотъ какъ. Я выйду изъ Бретани въ Парижъ небольшими отрядами человекъ тридцать моихъ королевскихъ стрѣлковъ. Они придутъ разными дорогами подъ видомъ разпочковъ, рабочихъ, извозчиковъ. Въ это время я успѣю застѣть мундирами консульской гвардіи. Подъ предлогомъ ремонта для версальскаго гарнизона я закуплю лошадей въ достаточномъ числѣ и буду держать ихъ у вѣрнаго человека недалеко отъ Парижа, положимъ въ Монружѣ. Затѣмъ я дождусь поѣздки перваго консула въ Сепъ-Клу и устрою ему засаду. Карету Бонапарта сопровождаютъ всегда не болѣе двѣнадцати человекъ. Я заѣду впередъ и буду ждать на большой дорогѣ. Благодаря мундирамъ, я могу на нихъ напасть и дать по нимъ залпъ прежде, чѣмъ они успѣютъ опомниться. Съ саблей въ рукѣ я вызову Бонапарта. И пусть Богъ рѣшаетъ между нами. Увѣренъ, что его жизнь будетъ въ моихъ рукахъ.

— Это очень рыцарскій планъ,—сказала Косте.—Но съ такимъ человекомъ нужно послать къ чорту всякое рыцарство. Ему такъ везетъ, Жоржъ, что онъ навѣрно ускользнетъ отъ васъ. Можетъ быть, около него окажется его зять Мюратъ, который схватится съ вами, и чортъ знаетъ, кто тутъ уцѣлѣетъ. Этотъ повѣса обмѣнивался

въ Египтѣ ударами съ самыми знаменитыми мамелюками, и ихъ ятаганы оказались не такъ остры, какъ его сабля. Нѣтъ! нѣтъ! Нужно придумать что-нибудь болѣе практичное и болѣе вѣрное. Стычка или единичное нападеніе слишкомъ мало обезпечиваютъ успѣхъ. Васъ могутъ выдать. Наконецъ, вмѣсто взвода карету можетъ сопровождать цѣлый эскадронъ. Васъ могутъ окружить жандармами прежде, чѣмъ вы объ этомъ догадаетесь. Между тридцатью, которые будутъ участвовать въ нападеніи, всегда можетъ найтись одинъ пеловкій или даже измѣнникъ...

— Я отвѣчаю за своихъ людей!—воскликнулъ Кадудаль.

— Когда они въ Бретани и дерутся въ открытомъ бою. Но въ Парижѣ, въ роли заговорщиковъ, гдѣ столько соблазну—женщины, игра... Лучше ручайтесь за себя, Жоржъ, а не за другихъ.

— Въ такомъ случаѣ что же дѣлать?

— Я знаю, что дѣлать,—сказалъ Санъ-Режанъ.—Мнѣ извѣстенъ одинъ снарядъ, очень любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простой. Онъ состоитъ изъ маленькаго боченка, наполненнаго сотней фунтовъ пороху и двумя сотнями фунтовъ дроби и пуль. Снарядъ помещаютъ на ручную телѣжку, чтобы установить его тамъ, гдѣ нужно. Въ отверстіе боченка вставляется ружейное дуло, и, если нажать на собачку, произойдетъ взрывъ. Если въ это время генераль Бонапартъ будетъ проѣзжать мимо въ каретѣ или верхомъ, онъ исчезнетъ такъ, какъ и подобаетъ такого рода герою—въ громѣ и молніи, среди треска и блеска!

— Недурно задумано,—улыбаясь сказалъ Гидъ де-Невилль.—Нашъ другъ Санъ-Режанъ—весьма изобрѣтательный фейерверкеръ.

— Каждому свое, господа,—сказалъ молодой человѣкъ.—Это не мое изобрѣтеніе. Его сдѣлалъ нѣкій Шевалье. Въ текущемъ мѣсяцѣ узнала объ этомъ и полиція. Вышеупомянутый революціонеръ Шевалье гнѣтъ теперь гдѣ-то въ застѣнкѣ, но его боченокъ съ порохомъ къ услугамъ каждаго, кто пожелаетъ имъ воспользоваться.

— И кто пожелаетъ рисковать своей жизнью,—ворчливо добавилъ Жоржъ.

— Поэтому я попрошу васъ поручить исполненіе этого плана мнѣ,—сказалъ Сенъ-Режанъ.

Кадудаль задрожалъ. Щеки его тряслись. Онъ сжалъ кулаки и уперъ ихъ въ свои массивные бока.

— Блянусь св. Анной, товарищъ!—воскликнулъ онъ:—вы славный малый. Мнѣ не нравится ваша манера дѣйствовать, но, признаюсь, вы храбрець изъ храбрецовъ. Итакъ, господа, вотъ два предложенія, которыя намъ нужно обсудить—мое и Санъ-Режана. Которое вамъ больше нравится?

— Предложеніе Санъ-Режана,—рѣшительно объявилъ Косте.—Тутъ такіе шансы на успѣхъ, что нечего и колебаться!

Гидъ, Полиньякъ и Валори кивкомъ головы выразили свое согласіе.

— Итакъ, господа, предложеніе принято,—сказалъ Полиньякъ.— Чтобы облегчить дѣло нашему другу, намъ остается только демонстративно выѣхать изъ Парижа.

— Вы, Жоржъ, отправитесь въ Бретань, вы, Гидъ, въ Англію, къ принципамъ, а вы, Валори, поѣдете въ Германію. Самъ я долженъ быть въ Руанѣ, гдѣ у меня есть дѣла. Увидѣвъ, что мы разъѣхались, полиція успокоится, ослабитъ свой надзоръ, и тогда Сашъ-Режанъ получитъ возможность дѣйствовать свободнѣе. Какъ же вы думаете приняться за дѣло, Сашъ-Режанъ?

— Господа, я прошу васъ предоставить мнѣ полную свободу дѣйствій. Мнѣ понадобятся два или три помощника. Но они до послѣдняго момента не будутъ знать, въ чемъ дѣло. Я могу быть увѣренъ только въ той тайнѣ, которую хранишь про себя. Въ настоящее время я думаю также уѣхать изъ Парижа. Я возвращусь, когда настанетъ время.

— Какъ же мы будемъ получать свѣдѣнія о васъ?

— Вы не будете ихъ получать вовсе. Вы услышите только грохотъ взрыва, который и дастъ вамъ знать обо мнѣ.

— Поцѣдуемся,—сказалъ Кадуваль.—Сомнительно, чтобы намъ пришлось еще увидаться. Поручите себя Богу, а я поручу вашу судьбу королю.

Онъ прижалъ молодого человѣка къ своей широкой груди и обнялъ его. Потомъ всѣ шестеро пожали другъ другу руку и одинъ за другимъ вышли изъ потайной комнаты гостиницы «Красный Левъ».

VII.

Ганноверскій павильонъ является однимъ изъ красивѣйшихъ зданій въ стилѣ XVIII вѣка. Построенный маршаломъ Ришелье по окончаніи войны съ Германіей, этотъ павильонъ получилъ въ народѣ названіе Ганноверскаго, которое было дано ему въ насмѣшку. Подозрѣвали, что герцогъ построилъ его на деньги, награбленныя имъ во время войны въ Ганноверѣ. Несмотря на то, что дворецъ Ришелье былъ разрушенъ по постановленію конвента, круглый павильонъ уцѣлѣлъ и съ тѣхъ поръ сталъ отдаваться внаймы устроителямъ общественныхъ баловъ. Послѣ термидора въ этомъ Ганноверскомъ павильонѣ собиралось все парижское общество, которое слишкомъ долго было лишено всякихъ удовольствій. Тамъ устраивались такъ называемые балы жертвъ. Дѣти лицъ, погибшихъ на эшафотѣ или просто убитыхъ, являлись на балъ съ изображеніемъ тѣхъ ранъ, отъ которыхъ скончались ихъ родители. У высокой дамы, родители которой были гильотинированы, во-

кругъ шеи видѣлась узкая красная полоска. Франтъ, отецъ котораго былъ убитъ въ Вандеѣ пулей или штыкомъ, изображалъ на своей одеждѣ кровавое отверстіе, пробитое свинцомъ или сталью. Многіе являлись въ жилетахъ изъ человѣческой кожи, которая сохраняла еще слѣды полученныхъ ранъ. Это было жестокой способъ возбудить реакцію и вызвать мщеніе, который привелъ въ концѣ концовъ къ страшной бойнѣ у церкви Св. Рока. Но во время консульства, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья, парижское общество думало уже только о развлеченіяхъ безъ всякихъ заднихъ мыслей и объ удовольствіяхъ безъ всякихъ принужденій.

Балы въ Гайнверскомъ павильонѣ особенно привлекали буржуазію, которая отдыхала здѣсь послѣ столькихъ превратностей судьбы. «Невѣроятные» соперничали здѣсь въ шегольствѣ и галантности съ офицерами побѣдоносной арміи. Молодые люди высшаго полета не брезговали ухаживать здѣсь изъ всѣхъ силъ.

Около десяти часовъ вечера супруги Лербуръ вошли въ галерею нижняго этажа. Великолѣнное платье Эмилиі изъ индійской кисеи было подхвачено выше талии шелковымъ синимъ поясомъ. На ея обнаженной шеѣ красовалось ожерелье изъ камней, прелестная головка была причесана наподобіе гречанки. Ея появленіе произвело сенсацію въ толпѣ, черезъ которую ей нужно было пройти. Ея мужъ, въ голубомъ камзолѣ и бѣломъ жилетѣ, съ довольнымъ видомъ шелъ сзади нея.

Танцевали очень оживленно. Эмилиа сразу замѣтила группу женщинъ, среди которыхъ были и ея знакомыя. Она направилась къ нимъ и стала искать два мѣста, которыя ей сейчасъ же были уступлены двумя франтами. Въ этой группѣ царила м-ме Летурнеръ, мужъ которой соперничалъ съ Бьеннэ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, поставлявшимъ вещи первому консулу. Тутъ же находились гражданки Лемелье, жена крупнаго интендантскаго поставщика, и Бенсарридъ, мужъ который служилъ главнымъ казначеемъ арміи. Цѣлый штабъ молодыхъ людей увивался около гражданки Жюно, отличавшейся столько же красивымъ лицомъ и бѣлокурыми волосами, сколько острымъ и насмѣшливымъ умомъ. Появилась наконецъ и креолка м-ме Гамелэнъ, которую вель подъ руку блестящій Монтронъ. На одно мгновеніе во время перерыва танцевъ мелькнуло развѣвающееся платье и бѣломраморныя плечи м-ме Тальенъ, окруженной тучей поклонниковъ.

Но толпа танцующихъ снова хлынула въ залъ, и «богородица термидора» скрылась изъ глазъ, увлекая за собой своихъ кавалеровъ.

Едва Эмилиа успѣла сѣсть, какъ Лербуръ вскричалъ:

— А, вотъ и гражданка Деклеръ!...

Блестя молодостью, Санъ-Режанъ съ улыбкой двигался къ Эмилиі, чтобы поздороваться съ нею. вмѣстѣ съ нимъ шелъ какой-то

господишь довольно заурядной наружности, но одѣтый очень богато, который обращался съ нимъ довольно фамиллярно.

— Представь меня, Леклеръ, твоимъ друзьямъ,—сказалъ онъ угрюмо.

Санъ-Режанъ, пожавъ руку Эмилии и Лербуру, далъ пройти впередъ своему спутнику.

— Гражданинъ Лимоэлапъ... мой землякъ... я его встрѣтилъ здѣсь въ залѣ, гдѣ совсѣмъ не ожидалъ его найти, ибо онъ охотнѣе занимается игрой, чѣмъ танцами.

— Я здѣсь случайно... Но я чрезвычайно радъ, что пришелъ сюда, такъ какъ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вами.—Отвѣсивъ поклонъ Эмилии, онъ обернулся къ ея мужу.—У меня здѣсь назначено свиданіе съ этимъ плутомъ Фену, правительственнымъ комиссаромъ, который сумѣлъ такъ ловко ограбить Неаполитанское королевство послѣ его завоеванія. У него со мной счеты... И самъ чортъ его не заставитъ свести ихъ со мною...

— Деньги легче брать, чѣмъ отдавать,—смѣясь замѣтилъ Лербуръ.

Оркестръ заигралъ какой-то танецъ. Санъ-Режанъ предложилъ руку Эмилии, и оба присоединились къ танцующимъ.

— Чортъ возьми, гражданинъ,—сказалъ Лимоэлапъ:—тутъ такая толпа. Пойдемте лучше въ буфетъ. Тамъ не такъ жарко и можно освѣжиться на свободѣ.

Эмилиа и Санъ-Режанъ, танцуя, оказались на другомъ концѣ зала. На порогѣ длинной галереи, превращенной въ зимній садъ, они остановились. Тамъ разбросанными группами сидѣли франты съ своими дамами, которыя, удалившись отъ шума праздника, могли спокойно предаваться здѣсь кокетству. Сюда уединялись и парочки, подъ вѣтви экзотическихъ деревьевъ, въ свѣжую атмосферу растений, въ глубину бесѣдокъ изъ кустовъ, которыя скрывали ихъ отъ непрошеннаго любопытства.

Санъ-Режанъ и его дама медленно вошли въ садъ и, не давая себѣ труда оглядѣться, направились къ маленькой круглой бесѣдкѣ около мраморнаго бассейна, въ который бѣжала вода, струившаяся изъ пасти дельфина.

Ихъ отдѣляла отъ другихъ непроницаемая зеленая стѣна.

Увидя, что они совершенно одни, они сѣли. Санъ-Режанъ взялъ Эмилию за руку, которую она не отнимала, и поднесъ ее къ губамъ. Лицо молодой женщины было грустно. Она спросила, какъ бы подчиняясь овладѣвшей ею мысли:

— Это правда, что вы завтра ѣдете?

— Да, такъ нужно. Мои дѣла требуютъ этого.

— Ваши дѣла? У васъ дѣйствительно есть какія-нибудь дѣла?

— Конечно. Необходимо слѣдить за ними внимательно. Но я уѣду не надолго.

— На сколько?

— На недѣлю.

Улыбка снова появилась на губахъ m-me Лербуръ.

— И вы опять прїѣдете и поселитесь въ Парижъ?

— Да.

— И мы будемъ видаться въ «Bonnet Blanc»?

— Непремѣнно. Я вѣдь долженъ отдать отчетъ вашему мужу относительно порученій, которыя онъ мнѣ далъ.

Она съ псевдовольствіемъ покачала головой.

— Не смѣйте обращаться со мной, какъ съ глупенькой, которая не понимаетъ того, что видитъ. Неужели вы надѣетесь убѣдить меня, что вы дѣйствительно торговецъ шелкомъ и бархатомъ? Вы кавалеръ де-Санъ-Режанъ...

— Нѣтъ, я Викторъ Леклеръ, другъ г-на Лербура. Вашъ мужъ не допустилъ бы къ своему столу Санъ-Режана. Ему оказалъ услугу странствующій торговецъ, который и въ будущемъ можетъ быть ему полезенъ. Онъ никогда не узнаетъ, что Викторъ Леклеръ...

— Но вѣдь я-то знаю Санъ-Режана и вовсе не увѣрена въ его намѣреніяхъ послѣ того, какъ онъ переодѣлся буржуа. Это наводитъ на мысль о политикѣ. Ради Бога дайте мнѣ слово, что вы не будете рисковать жизнью въ какой-нибудь политической авантюрѣ.

— Какая вы странная!—сказала Сень-Режанъ, глядя на нее съ такою нѣжностью, что она невольно опустила глаза.—Я надѣлъ другую личину, конечно, только для того, чтобы проникнуть къ вамъ. Вы одна заставили меня это сдѣлать.

— А это странное вмѣшательство m-me Бонапартъ въ тотъ вечеръ, когда она отпустила меня и мужа, а васъ оставила, чтобы, представить первому консулу... Это не было условлено заранее?

— Не могу отрицать, что у меня есть связи съ правительствомъ и что Бонапартъ иногда входитъ со мной въ сношенія. Но это должно только успокоить васъ. Если я являюсь довѣреннымъ лицомъ у перваго консула... то мнѣ нечего бояться. Наоборотъ!

— Все это очень опасно для меня. Простая женщина, какъ я, едва ли можетъ все это понять. И если вы меня обманываете...

— Могу ли я васъ обманывать, Эмилія! Что же вы думаете обо мнѣ? Когда я говорю, что люблю васъ, то каждое слово идетъ прямо отъ сердца...

— Когда вы это говорите, я считаю васъ чистосердечнымъ... Ни вашъ голосъ, ни вашъ взглядъ не могутъ лгать. Но не то было минутой тому назадъ. Тутъ уже замѣтна хитрость, уклончивость, которая меня испугала.

— Прошу васъ, не мучьте себя понапрасну Эмилія... Не старайтесь допытаться до того, что составляетъ тайну моей жизни. Между нами долженъ быть только вопросъ о любви. Ничто не можетъ отвлечь моего сердца отъ васъ. Довольствуйтесь тѣмъ наилуч-

шимъ, что я могу вамъ отдать, и удѣлите мнѣ за это хоть немного сочувствія.

Глаза Эмилии были полны слезъ.

— Неблагодарный! Развѣ вы не замѣчаете, что я и такъ слишкомъ слаба съ вами. Вашими союзниками въ борьбѣ со мной служатъ воспоминанія молодости. Когда я васъ увидѣла, мнѣ показалось, что я опять въ моей родной Бретани съ моими родителями, среди друзей, которыхъ я потеряла. Вы привязали меня къ себѣ цѣпью моихъ собственныхъ мыслей... Если я теперь слушаю ваши слова, то не думайте, что я пуста и легкомысленна. До сего времени я была равнодушна къ ухаживаніямъ и ни за что на свѣтѣ не согласилась бы, чтобы на моего мужа пала какая-нибудь тѣнь. Но судьба толкнула васъ мнѣ навстрѣчу, и во мнѣ поднялось доселѣ незнакомое чувство—пріятное и мучительное одновременно. Что теперь со мной будетъ? Порою мнѣ кажется, что я уже не принадлежу себѣ самой и отдана вамъ. Прошу васъ, скажитесь надо мной, не заставляйте меня страдать...

— Великій Боже!—воскликнулъ Санъ-Режанъ,—не бойтесь меня. Каждое біеніе моего сердца принадлежитъ вамъ.

— Я увѣрена, что вы не заставите меня страдать нарочно. Я увѣрена въ васъ. Но событія, въ которыхъ вы замѣшаны, удручаютъ меня. Вотъ чего я боюсь.

— Нѣтъ, вы знаете только Виктора Леклера. Если Санъ-Режанъ будетъ въ чемъ-либо замѣшанъ, онъ не скомпрометируетъ и не впутаетъ васъ.

— Но за васъ я боюсь больше, чѣмъ за себя.

Санъ-Режанъ наклонился къ ней. Сидя подѣ платаномъ, вѣтки котораго склонялись почти до земли, они были укрыты отъ постороннихъ глазъ. Музыка изъ залы доносилась, какъ отдаленная мелодія. Санъ-Режанъ тихо привлекъ къ себѣ Эмилию, и они обмѣнялись поцѣлуемъ.

Молодая женщина первая пришла въ себя и вырвалась изъ объятій Санъ-Режана.

— Мы съ ума сошли! Нужно вернуться въ залъ. Наше отсутствіе, можетъ быть, уже замѣчено...

Они поднялись. На другомъ концѣ зимняго сада раздался громкій смѣхъ. То были молодые офицеры, окружавшіе m-me Гамелэнъ, которая слушала ихъ, играя своимъ вѣеромъ, въ центрѣ котораго было придѣлано зеркальце. Санъ-Режанъ и его спутница тихо прошли подѣ руку мимо нихъ и, выйдя въ залу, смѣшались съ толпою танцующихъ.

Лербуръ сидѣлъ и разговаривалъ со своими знакомыми. Увидя жену, онъ улыбнулся и спросилъ весело:

— Хорошо танцевали?

— Мы только прошли по заламъ,—отвѣчала Эмилиа.

Санъ-Режанъ поклонился ей и отошелъ въ сторону. Онъ смотрѣлъ на нее въ опьянѣннiи отъ ея красоты и изящества. Какая разница между мрачными, кровавыми мыслями, которыя носились въ его умѣ, и мечтой любви, которая только что зародилась! Какъ будто для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть эту разницу, къ нему подошелъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ представилъ подь именемъ Лимоэлана. Была мнута, когда онъ оказался между своей прелестной возлюбленной и этимъ подозрительнымъ знакомцемъ. Пораженный этимъ контрастомъ, онъ провелъ рукой по лбу. Но рѣшимость его не поколебалась и, поклонившись еще разъ Эмилии, онъ взялъ Лимоэлана подь руку и отошелъ съ нимъ въ сторону.

Въ буфетѣ почти никого не было. Они усѣлись за круглымъ столикомъ съ мраморной доской и спросили себѣ мороженаго. Продащица за конторкою была совершенно поглощена разговорами съ маленькимъ старичкомъ, тѣмъ самымъ, къ которому Германсія и Зоя изъ «Bonnet Bleu» относились съ такимъ вниманiемъ. Онъ, повидимому, не замѣтилъ появленiя новыхъ посѣтителей. Онъ повернулся къ нимъ спиной и продолжалъ любезничать съ кассиршей.

— Я отправилъ сегодня вечеромъ Жоржа,—тихо сказалъ Лимоэланъ, наклонившись къ самому уху Санъ-Режана.—Мы съ Пико проводили его до Монружа. Тамъ уже ждала его смѣна лошадей. Черезъ четыре дня онъ будетъ уже въ Ваннѣ. Здѣсь онъ оставилъ только меня и Карбона для исполненiя твоихъ приказанiй. Ты намъ скажешь, что ты будешь дѣлать...

— Теперь пока нѣтъ. Намъ нужно исчезнуть и скрыться изъ глазъ. Полиція гоняется за нами по пятамъ. Лаверньеръ, который пытался пробраться въ нашъ секретный комитетъ при помощи Косте, изобличенъ Валори. Это агентъ Фуше, который, впрочемъ, точить зубы на полицію перваго консула и на чиновниковъ Дюбуа... Подь личиною Лаверньера удалось открыть Ферюссака, того самаго, который занимался шпионствомъ на югѣ, выслѣживая членовъ общества Еху. Если бы хорошенько порыться, то вмѣсто Ферюссака оказался какой-нибудь другой агентъ полициі... Нужно остерегаться всѣхъ и никогда не посылать другъ другу писемъ даже подь условными клчками.

— Ты говоришь великолѣпно,—сказалъ Лимоэланъ.—Нужно остерегаться не одной полициі, но и любовныхъ увлеченiй. Женщины, изволите ли видѣть, бываютъ не менѣе опасны, чѣмъ сыщики!.. И ты хорошо сдѣлаешь, если воспользуешься моимъ совѣтомъ.

— На что ты намекаешь?

— Очень просто. Берегись прелестной гражданки, около которой я тебя сейчасъ видѣлъ...

— Это бретонка, изъ знатной семьи. Она неспособна на измѣну.

— Вотъ какъ губять себя люди! Недовѣріе—это первая статья въ кодексѣ заговорщиковъ. Въ особенности слѣдуетъ беречься женщинъ. Первая же женщина и погубила первого человѣка. По злобѣ, или такъ, но женщины были причиною того, что падали головы всѣхъ вождей партіи, которые поддавались на ихъ соблазны. Послушай, другъ мой, отойди отъ этой красивой женщины, или же откажись отъ политики и живи исключительно для любви.

— Ну, успокой свои страхи! Впрочемъ, завтра я уѣзжаю изъ Парижа и мнѣ будетъ, значить, не до любви. У меня есть порученія отъ принцевъ для роялистскихъ комитетовъ юга. Кромѣ того, я хочу сдѣлать путешествіе по провинціи. Никому другому, кромѣ тебя, неизвѣстно, зачѣмъ я отправляюсь. Лербуръ увѣренъ, что я ѣду за шелками и бархатомъ, и поручилъ мнѣ сдѣлать для него закупки въ Лионѣ. Впрочемъ, во время моего пребыванія въ Лионѣ даже самый искусный сыщикъ не замѣтитъ за мной ничего подозрительнаго: я буду выдаться только съ фабрикантами. Ну, а теперь идемъ отсюда. Мнѣ нужно еще повидаться съ Карбономъ у меня въ гостиницѣ.

Съ этими словами онъ всталъ. Лимоэланъ постучалъ о столъ серебряной монетой и потребовалъ счетъ.

— Я пойду съ тобой до гостиницы «Красный Левъ».

— Какъ хочешь. Я только прошусь съ m-me Лербуръ и затѣмъ я къ твоимъ услугамъ.

Они прошли черезъ залу для танцевъ и приблизились къ группѣ, гдѣ царилъ Эмилиа. За нею ухаживалъ красавецъ полковникъ Дорсенъ, одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ арміи, но лицо молодой женщины было озабочено. Возвращеніе Санъ-Режана прогнало это выраженіе. Молодой человѣкъ издали смотрѣлъ на ту, которую онъ такъ любилъ. Увидѣвъ настойчивое ухаживанье военныхъ, онъ только улыбнулся. Она надула губки, какъ бы говоря: «Видите, какой назойливости вы предоставляете меня». Насмѣшливымъ взглядомъ онъ указалъ ей на ея мужа, сидѣвшаго рядомъ съ нею. M-me Лербуръ только слегка пожала своими бѣлыми плечами. Въ ея взглядѣ выражалось пренебреженіе:—простакъ! развѣ онъ можетъ что-нибудь замѣтить?

Санъ-Режанъ рѣшился подойти. Дорсенъ смѣялъ съ ногъ до головы выскочку, который осмѣливался мѣшать ему, но встрѣтилъ въ отвѣтъ такой твердый и смѣлый взглядъ, что невольно поубавилъ своей развязности.

— Желаю вамъ весело провести вечеръ, гражданинъ Лербуръ,—сказалъ Санъ-Режанъ.—А съ вами, гражданка, я на нѣкоторое время прошусь,—прибавилъ онъ, наклоняясь къ Эмилиа.—Какъ только вернусь, сейчасъ же постараюсь побывать у васъ. Мнѣ нужно будетъ отдать отчетъ вашему мужу относительно порученій?

— Какъ прїѣдете въ Ліонъ, сейчасъ же напишите мнѣ и сообщите вашъ адресъ,—сказаль Лербуръ.—Можеть быть, мнѣ понадобится навести тамъ кое-какія справки, а, можеть быть, и дать вамъ еще какое-нибудь порученіе.

— Конечно, конечно.

Онъ пожалъ руку мужу и поцѣловаль ручку жены, съ манерами настоящаго аристократа и, поклонившись еще разъ, вышелъ изъ залы.

— Эти приказчики—удивительный народъ!—началь Дорсень ядовито.—Они выпускають на себя такой видъ, который напоминаетъ о прежнемъ режимѣ!

— Что прикажете дѣлать, полковникъ,—добродушно сказаль Лербуръ.—Теперь все пошло наыворотъ. Маленькіе люди имѣють видъ большихъ сенъоровъ, а люди наиболѣе значительные кажутся ничтожествомъ. Надо къ этому привыкать.

— Мы покажемъ всѣмъ имъ свое мѣсто!—вскричаль полковникъ, встряхивая своими завитыми, какъ у женщинъ, локонами.—Блескомъ своихъ побѣдъ армія затмивъ все и займетъ первое мѣсто. Видите ли, гражданинъ Лербуръ,—первый консулъ это, конечно, хорошо, но этого еще недостаточно. Намъ нужно пожизненнаго консула, а то и императора.

— Тихе, тихе, полковникъ!—боязливо зашепталъ Лербуръ.—Что, если бы насъ услышали!

— Кто осмѣлится намъ противиться? Якобинецъ Моро или роялистъ Пишегрю! Насъ въ арміи, по крайней мѣрѣ, тридцать тысячъ такихъ, какъ я, и все мы готовы прокричать громко то же, что я вамъ только что сказаль. Брюмеръ показаль, что мы больше не позволимъ водить себя за носъ разнымъ адвокатамъ. Чортъ бы взяль всехъ этихъ идеологовъ! Намъ больше незачѣмъ ломать голову: у насъ есть Бонапартъ!

Онъ ловко повернулся на каблучкахъ и наклонился къ Эмилиіи.

— Не соблаговолите ли пройти со мною туръ контрданса?

— Благодарю васъ, полковникъ, но я устала, и мы сейчасъ уѣзжаемъ.

— Еще бы! Франтъ-то ужъ уѣхаль!—проворчаль сквозь зубы полковникъ.—Ей теперь тутъ нечего дѣлать, а мужъ и не подозрѣваетъ.

Онъ поклонился т-те Лербуръ и присоединился къ другой группѣ.

Санъ-Режанъ и Лимозанъ шли вмѣстѣ по улицѣ Портъ-Масонъ. Дойдя до улицы св. Августина, они углубились въ извилистые переулки Бюттъ де-Мулэнь. Вдругъ Санъ-Режанъ, безпрестанно оглядывавшійся, на минуту остановился и сказаль своему спутнику:

— За нами слѣдятъ. Сдѣлай видъ, что ты этого не замѣчаешь, и пойдемъ скорѣе.

Они оба были молоды и проворны. Сдѣлавъ сотню быстрыхъ шаговъ, они скрылись изъ глазъ преслѣдователей и, повернувъ въ улицу св. Анны, исчезли въ темнотѣ большихъ воротъ. Черезъ нѣсколько секундъ сзади послышались осторожные шаги, и какой-то человѣкъ, не замѣчая ихъ, быстро прошелъ мимо и исчезъ въ сумракѣ.

— Не худо, по-моему, принять нѣкоторыя предосторожности,— сказалъ Лимоэланъ.— Ты поступишь благоразумнѣе, если не покажешься больше въ гостиницѣ «Краснаго Льва». За нами гонится полиція. Но какая?

— Конечно, полиція этого проклятаго Фуше. Онъ ведетъ тайныя сношенія не только съ нашими друзьями, но даже и съ принцами. Онъ такъ хорошо умѣетъ притворяться измѣнникомъ, что каждый воображаетъ, что онъ готовъ измѣнить въ его пользу. На самомъ же дѣлѣ этотъ каналья работаетъ только для самого себя. Будетъ удивительно, если онъ не будетъ когда-нибудь разстрѣлянъ и не погибнетъ, получивъ двѣнадцать пуль въ животъ. Первый консулъ ненавидитъ его...

— Это ренегатъ, царевубійца, самый гнусный изъ всѣхъ людей...

— Отвратительная личность. Но за него все.

— Его даже любятъ.

— Не все коту масленница.

Они дошли до дворца Тюильри.

— Замѣть эту мѣстность,—сказалъ Санъ-Режанъ своему спутнику.—Когда Бонапартъ выѣзжаетъ изъ дворца, онъ всегда пересѣкаетъ эту площадь. Рѣшительному человѣку очень легко, скрывшись за уголъ улицы Роганъ, выстрѣлить въ карету перваго консула въ упоръ, и если бъ у него пистолеть былъ заряженъ хорошей щепоткой пуль, напримѣръ... Что ты объ этомъ скажешь?

— Мысль недурна!

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, когда я возвращусь изъ предстоящаго путешествія, другъ мой. Съ этого дня не худо будетъ, если ты иной разъ пройдеши по этой площади. Надо измѣрить разстояніе, изучить окрестность. Слѣдуетъ также присмотрѣться къ близлежащимъ лавкамъ и навести справки насчетъ ихъ хозяевъ. Надо все предвидѣть и все разсчитать, когда рискуешь жизнью, стремясь уничтожить столь опаснаго врага...

— Ладно,—отвѣчалъ Лимоэланъ, бросивъ на него твердый взглядъ.—Ты можешь вполне положиться на меня. А теперь разстанемся. Тебѣ незачѣмъ давать больше мнѣ какія-либо указанія.

Они пожали другъ другу руку. Санъ-Режанъ пошелъ по направленію къ Пале-Роялю, а Лимоэланъ исчезъ въ темнотѣ мелкихъ переулковъ.

Едва успѣли они разойтись, какъ въ темнотѣ показалась изъ-за угла тѣнь, которая подвигалась впередъ съ большою осторожностью.

То былъ старый франтъ, мелькавшій на балу въ Гапшверскомъ павильонѣ, и ухаживавшій за Германсией и Зоей въ магазинѣ «Bonnet Bleu». Теперь свѣтъ фонаря освѣтилъ его фигуру. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся Санъ-Режану и бормоталъ про себя:

— О чемъ они говорили, оглядывая эту площадь? Ахъ, если бы я могъ ихъ слышать!

И онъ снова пустился въ дорогу, держась отъ Санъ-Режана шаговъ на сто. Слѣдить за нимъ было легко, молодой человекъ не скрывался и шелъ прямо къ себѣ въ улицу Сухого Дерева.

Было уже около двухъ часовъ ночи, когда онъ добрался до гостиницы «Красный Левъ». Въ домѣ царилъ мракъ и безмолвие. Санъ-Режанъ вошелъ въ будку сторожа, который спалъ съ сжатými кулаками. На половину потухшая лампа стояла на столѣ. Не будя его, Санъ-Режанъ взялъ свой ключъ, свѣчку и поднялся къ себѣ.

Сыщикъ, вполне увѣренный въ томъ, что теперь онъ легко можетъ захватить его завтра утромъ, пошелъ дальше по улицѣ Сухого Дерева, и, достигнувъ площади Дофина, вошелъ въ домъ, принадлежавшій нѣкому Браконно. Поднявшись по лѣстницѣ, онъ открылъ дверь, вошелъ въ свою комнату, гдѣ производилъсь переодѣванія, и, снявъ свой костюмъ, сѣлъ верхомъ на стулъ, снялъ парикъ, вытеръ на лицѣ краски и предсталъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Затѣмъ онъ прошелъ въ столовую, порылся въ буфетѣ, отыскалъ тамъ кусокъ телятины, хлѣбъ и бутылку вина. Усѣвшись спокойно за столъ, онъ принялся ужинать, словно истый буржуа, вернувшійся изъ театра.

Онъ ѣлъ очень медленно и, казалось, былъ погруженъ въ глубокія думы. Затѣмъ, насытившись, онъ закурилъ трубку и усѣлся въ кресло. Выкуривъ трубку, онъ сказалъ:

— Ну, на сегодня довольно. Завтра виднѣе будетъ.

И вскорѣ отправился въ спальню и легъ спать.

При первыхъ проблескахъ дня гражданинъ Браконно уже проснулся. Онъ имѣлъ способность просыпаться тогда, когда хотѣлъ. Онъ вскочилъ съ постели и открылъ ставни. Свѣжій утреннй вѣтерокъ пахнулъ въ его худое смуглое лицо съ коротко остриженными волосами. Это была его настоящая физиономія, которую знали лишь очень немногіе. Затѣмъ онъ прошелъ въ свой кабинетъ и черезъ четверть часа вышелъ оттуда въ образѣ краснощекаго буржуа, котораго мы уже видѣли у министра полиціи. Онъ прошелъ черезъ столовую и прихожую и черезъ отверстіе, незамѣтно продѣланное во входной двери, осмотрѣлъ лѣстницу, желая удостовѣриться, не караулитъ ли его кто-нибудь на лѣстницѣ.

Все было тихо и пустынно. Онъ вышелъ и быстрыми шагами направился къ гостиницѣ «Красный Левъ». Войдя въ контору, онъ спросилъ съ сильнымъ провансальскимъ акцентомъ:

— Гражданинъ Леклеръ дома?

— Гражданинъ Леклеръ не живетъ здѣсь,—отвѣчалъ хозяинъ гостиницы.

— Съ которыхъ же поръ?

— Со вчерашняго дня.

— Переѣхалъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ уѣхалъ изъ Париска.

— Куда?

— Въ Лионъ по своимъ дѣламъ.

— А когда онъ вернется?

— Онъ этого не говорилъ. Но, вѣроятно, не скоро, такъ какъ онъ расплатился совсѣмъ и забралъ все свои вещи.

— Въ такомъ случаѣ, гдѣ же мнѣ его найти?

— Пишите ему сюда. Мы перешлемъ ему письмо въ Лионъ.

— А, значитъ, у васъ есть его адресъ?

— Да, только онъ просилъ насъ не сообщать его никому, скрываясь отъ кредиторовъ.

— А, плутяга!

— Что прикажете дѣлать, гражданинъ. Человѣкъ онъ молодой, любитель всякихъ удовольствій, ну, вотъ и тратитъ больше, чѣмъ у него въ кошелькѣ. Приходится прибѣгать къ займамъ.

— Скверная привычка!

— Конечно, но адреса своего онъ насъ просилъ не сообщать.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ, я ему напишу. До свиданія, гражданинъ.

Онъ отправился дальше. Онъ былъ сбивъ съ толку. Быстрота, съ которою Санъ-Режанъ скрылся отъ его преслѣдованія, являлась въ его глазахъ доказательствомъ того, что преслѣдуемый принималъ тоже мѣры предосторожности и держался на сторожѣ. Очевидно, Валери предупредилъ его, чтобы онъ не очень довѣрялъ ему. Но если роялисты знали Лаверньера, то Браконно былъ имъ неизвѣстенъ. Въ своемъ новомъ видѣ агентъ Фуше не боялся, что его узнаютъ. Онъ шелъ по улицамъ, думая о своей неудачѣ и возлагая, какъ истый полицейскій, все надежды на счастливый случай.

Словно увлекаемый какимъ-то тайнымъ инстинктомъ, онъ очутился передъ транспортной конторой, носившей названіе Большой конторы. Нагруженный дилижансъ уже готовился тронуться въ путь. Багажъ былъ уже уложенъ, а пассажиры, столпившись около распорядителя, раздававшего номера мѣстъ, прощались съ родственниками и друзьями, пришедшими ихъ проводить.

— Гражданинъ Леклеръ!—громко выкрикнулъ распорядитель.

Такъ какъ отвѣта не было, онъ крикнулъ опять:

— Гражданинъ Леклеръ здѣсь?

— Онъ уже сидитъ,—отвѣчалъ голосъ изъ глубины дилижанса.

— Хорошо,—проворчалъ распорядитель.—Но садитесь раньше переклички нельзя. Мѣста могутъ выбирать тѣ, кто записался раньше.

— Но никто не жалуется!—отвѣчалъ тотъ же голосъ.

Распорядитель, обратившись къ кондуктору, принялся пересчитывать вещи, сданные въ багажъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то дернулъ его за рукавъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собою краснощегаго человѣка.

— Что вамъ угодно, гражданинъ?

— Мѣсто наверху, если можно.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Шалонъ.

— Есть мѣсто рядомъ съ кучеромъ?

— Запишите его за мной.

— На чье имя?

— На имя Эвариста Немулэна, торговца винами, живущаго домъ № 17 по улицѣ Санъ-Викторъ.

— Влѣзайте. Багажа съ вами нѣтъ?

— Багажъ будетъ отправленъ послѣ.

Полицейскій быстро вспрыгнулъ наверхъ, успѣвъ бросить взглядъ внутрь кареты и замѣтивъ Санъ-Режана, который сидѣлъ въ углу у входной двери. Благословляя судьбу, которая навела его на потерянный было слѣдъ, онъ схватилъ рогъ и, притворяясь, будто не умѣетъ съ нимъ обращаться, издалъ звукъ, которымъ обыкновенно дается знать о томъ, что дилижансъ отправляется.

— Вотъ чудакъ-то!—заливаясь смѣхомъ, сказалъ кучеръ.

Приставивъ рогъ къ губамъ, онъ, словно эхо, отвѣтилъ Эваристу Немулэну. Тяжелый экипажъ зашевелился и, гремя гайками, тронулся по мостовой.

Санъ-Режанъ, сидѣвшій рядомъ съ пожилой дамой и напротивъ пѣхотнаго офицера, не узналъ въ только что прибывшемъ пассажирѣ агента, представленного къ нему Фуше.

Погрузившись въ дремоту, онъ видѣлъ передъ собою Эмилию. Ему было грустно, что приходится уѣзжать въ то время, когда онъ былъ бы счастливъ остаться возлѣ той, которую онъ такъ любилъ. Сначала онъ сблизился съ нею съ заднею мыслью, съ цѣлями чисто политическими. Но теперь ихъ замѣнила искренняя, все возраставшая страсть. Теперь онъ уже не былъ только политическимъ заговорщикомъ, который пользовался домашнимъ очагомъ Лербуровъ для того, чтобы удобнѣе было скрывать свои интриги. Теперь это былъ влюбленный, для котораго все счастье—быть около любимой женщины.

Она овладѣла имъ благодаря своей красотѣ и властному голосу ихъ общаго происхожденія. Какъ и онъ, она происходила изъ знатной семьи. Она раздѣляла его идеи и стремленія. Революціонный режимъ, исправленный вмѣшательствомъ Бонапарта и державшійся благодаря общей усталости, казался ей въ сравненіи съ монархіей чѣмъ-то недостаточнымъ. Она не могла забыть жестокостей Карье

въ Нантѣ: массовыхъ разстрѣловъ, потопленій. Въ ея памяти звучали еще воинственные крики шуановъ Стоффе и де-ла Рошжак-лена, страшнымъ потокомъ наводнившихъ площадь Буффе. Она помнила, при какихъ жестокихъ обстоятельствахъ она согласилась выйти замужъ за Лербура. И, раздѣляя чувства своего земляка, котораго судьба послала ей навстрѣчу, она стала раздѣлять и его любовь. Она не могла скрыть этого отъ него. И въ эту раннюю часть, подвигаясь по дорогѣ въ Лионъ въ дилижансѣ, влекомомъ пятью лошадьми, онъ зналъ, что Эмилиа въ своей комнатѣ на улицѣ Сентъ-Оноре думаетъ о немъ.

До самаго Вильнева Санъ-Режанъ ѣхалъ въ какомъ-то забытьѣ. Тамъ по длинному и крутому берегу дилижансъ сталъ двигаться медленнѣе. Чтобы облегчить лошадей, кучеръ слѣзъ съ козелъ. Эваристъ Немулэнъ послѣдовалъ его примѣру. Пассажиры, сидѣвшіе внутри дилижанса, выразили желаніе поразмять себѣ ноги. Воспользовавшись тѣмъ, что лошади остановились, чтобы немного передохнуть, Санъ-Режанъ и офицеръ вышли изъ дилижанса на пыльную дорогу.

Стояла чудная, свѣжая погода. По ясному небу, словно стадо барашковъ, бѣжали облака. Ити по травѣ было очень пріятно. Путники тронулись. Къ нимъ присоединился и мнимый торговецъ винами.

— Нужно будетъ позавтракать на этомъ холмѣ,—началъ онъ.— У меня еще маковой росинки во рту не было, а это нездорово глотать натошакъ утренній воздухъ. Я думаю, вы не отказались бы проглотить чашку кофе съ тартинками, пока будутъ перепрыгать лошадей, а?

— Въ нашемъ распоряженіи будетъ четверть часа.

— Если хорошенько распорядиться, этого будетъ довольно!

— А къ обѣду мы будемъ въ Мелонѣ, надѣюсь?

И съ занскивающимъ видомъ онъ посмотрѣлъ на Санъ-Режана, который продолжалъ держаться съ нимъ холодно.

— Но прежде, чѣмъ попасть въ Мелонъ,—началъ опять мнимый виноторговецъ:—нужно еще проѣхать Льерсентъ, гдѣ недѣли двѣ тому назадъ ограбили почту, шедшую изъ Лиона.

— Не бойтесь ничего!—сказалъ офицеръ.—Если негодян, ограбившіе почту, только осмѣлятся показаться, то имъ будетъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Мои пистолеты со мной.

— Ой, ой! Надѣюсь, они не заряжены?—вскричалъ Немулэнъ, притворяясь испуганнымъ.—Нѣтъ ничего опаснѣе для сосѣдей и нечего безвреднѣе для грабителей, чѣмъ эти пистолеты!

— Что жъ, вы сомнѣваетесь въ моей храбрости?—вскричалъ офицеръ, вращая глазами.

— Вовсе нѣтъ! Боже, меня сохрани! Но когда стрѣляютъ изъ пистолетовъ, пули летятъ, куда имъ вздумается... И чаще всего въ сторону, а не впередъ... Впрочемъ, если господамъ грабителямъ

вздумается напасть на дилижансъ въ Сенарскомъ лѣсу, то намъ придется только улыбаться имъ.

— Нужно защищаться не на животъ, а на смерть.

— Кондукторъ!—вскричалъ Немулэнъ:—отберите сію минуту оружіе у этого господина. Онъ насъ всѣхъ погубить! Защищайся! Неужели вы говорите это серьезно? Судите сами, господа!

Говоря такъ, онъ обратился прямо къ Санъ-Режану, такъ что тому не было никакой возможности уклониться отъ отвѣта.

— Я полагаю, что господинъ офицеръ говорилъ, какъ полагается храброму человѣку. Во всякомъ случаѣ, я раздѣляю высказанное имъ мнѣніе,—отвѣчалъ Санъ-Режанъ.

— Вы хотите, кажется, сказать, что я не принадлежу къ храбымъ людямъ?—возразилъ мнимый виноторговецъ, поднимаясь на кончики носковъ.

— Я ничего не желаю этимъ сказать, сударь,—равнодушно отвѣчалъ Санъ-Режанъ.—Вы спрашиваете меня, а я отвѣчаю. Бросимъ этотъ разговоръ! Онъ меня не интересуеть.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю дѣло?

— Это не секретъ. Кондукторъ можетъ вамъ сообщить это. Мое имя введено въ списокъ пассажировъ. Впрочемъ, я могу вамъ сообщить его самъ: Викторъ Леклеръ, торговецъ шелковыми товарами и бархатомъ.

— А, какъ это кстати!—воскликнулъ Немулэнъ, на лицѣ котораго выразилось полное удовольствіе:—мы съ вами, такъ сказать, соратники! А я торговецъ виномъ. Вотъ вамъ моя рука, пожмите ее, гражданинъ, и пусть воцарится согласіе между нами! Я нѣсколько суетливъ, но у меня доброе сердце.

Съ этими словами онъ протянулъ Санъ-Режану свою широкую руку, въ которую тотъ съ отвращеніемъ вложилъ свои пальцы.

— Вотъ такъ! Теперь пора садиться въ дилижансъ. Лошади уже отдохнули. Ну, кучеръ, отпусти вожжи и поскачемъ!

И онъ на губахъ изобразилъ рожокъ кондуктора. Во время перемѣны лошадей въ Вильневѣ онъ чрезвычайно ухаживалъ за дамами и предложилъ угостить ихъ бріошами. Хотя онъ казался нѣсколько навязчивымъ, но тѣмъ не менѣе всѣ съ нимъ перезнакомились. Онъ все уговаривалъ Санъ-Режана пересѣсть къ нему и занять мѣсто возлѣ кучера.

— Оттуда великолѣпный видъ, вотъ увидите.

Но молодой человѣкъ, вѣжливо извиняясь, отклонилъ его предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что во время переѣзда ему надо будетъ пересмотрѣть свою записную книжку съ порученіями и что, такимъ образомъ, до самаго Монтора онъ будетъ занятъ.

Въ Мелонѣ во время ужина черезчуръ сангвиническій темпераментъ торговца виномъ сдѣлалъ его всеобщимъ посмѣшищемъ. Когда наступила ночь, пассажиры предложили Немулэну потѣ-

ниться и удѣлить ему мѣстечко внутри омнибуса, чтобы онъ могъ укрыться въ немъ отъ ночного холода. Тотъ охотно принялъ предложеніе и втиснулся между старой дамой и Санъ-Режаномъ, благо оба они были худощавы.

Дальнѣйшее приключеніе прошло безъ всякихъ приключеній. Изъ Шалона Немулэнъ и Санъ-Режанъ двинулся дальше по водѣ. Когда они прибыли въ Лионъ, можно было подумать, что это самыя близкіе друзья.

VIII.

На самомъ дѣлѣ Санъ-Режанъ и не подумалъ отказываться отъ своей сдержанности. Онъ не позволялъ своему спутнику проникнуть въ свои тайны и больше, чѣмъ когда-либо, игралъ роль Виктора Леклера, торговца шелковыми товарами. Напрасно Немулэнъ дѣлалъ къ нему разные подходы: Санъ-Режанъ началъ уже подозрѣвать его настоящую роль.

Какъ только они прибыли въ Фонтенбло, явился полицейскій комиссаръ, чтобы осмотрѣть багажъ дилжанса. Ему донесли, что подъ видомъ этого багажа пересылается на югъ транспортъ оружія. Онъ потребовалъ у всѣхъ пассажировъ паспорта. Пока производился этотъ осмотръ, Немулэнъ, какъ будто случайно, находился на дворѣ гостиницы. Только что комиссаръ вышелъ, какъ Немулэнъ появился въ комнатѣ, разразился бранью по адресу комиссара, который, по его словамъ, крайне грубо потребовалъ отъ него на дворѣ предъявить ему свои бумаги. Но у него есть средство осадить этого господина: консуль Камбасаресъ—его землякъ!

Очень трудно было его успокоить, такъ что хозяину пришлось даже выставить ему бутылочку бордо, чтобы вызвать опять улыбку на его скривившіяся отъ раздраженія губы.

Санъ-Режанъ, наблюдавшій издали ссору торговца съ комиссаромъ, замѣтилъ, что, напротивъ, между ними все обошлось очень мирно. Комиссаръ, казалось, больше отвѣчалъ, чѣмъ спрашивалъ. Съ этого момента Немулэнъ окончательно сталъ ему подозрительнымъ, несмотря на то, что всю дорогу продавалъ вина и на каждой станціи предлагалъ содержателямъ свои услуги.

По приѣздѣ въ Лионъ Немулэнъ сказалъ своему спутнику:

— Если вы не знаете, гдѣ остановиться, то я могу вамъ рекомендовать гостиницу «Единорогъ» на площади Бротто. Это какъ разъ въ центрѣ города. Я тамъ всегда останавливаюсь, когда бываю въ Лионѣ. Тамъ меня принимаютъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Санъ-Режану захотѣлось посмотрѣть, до чего можетъ дойти наглость Немулэна, и такъ какъ ему было все равно, гдѣ остановиться, то онъ рѣшилъ послѣдовать данному совѣту.

Къ величайшему своему удивленію, онъ увидѣлъ, что Немулэнъ сказалъ правду, что его, дѣйствительно, хорошо знали въ гости-

ницѣ «Единорогъ» и что онъ поставлялъ туда вино, которое не переставалъ расхваливать. Недовѣріе его стало понемногу ослабѣвать. Но онъ былъ родомъ изъ Бретани и не легко мѣнялся въ своихъ чувствахъ. Онъ продолжалъ наблюдать за Немулэномъ, который становился все оживленнѣе, и сталъ прислушиваться къ изліяніямъ своего дорожнаго товарища. Этотъ послѣдній неожиданно измѣнилъ тонъ и пустился въ такія откровенности, которыя глубоко изумили Санъ-Режана.

— Послушайте, Леклеръ, — въ первый же вечеръ сказалъ Немулэнь, когда они пообедали и пили кофе. — Мы теперь одни съ вами, и меня мучить совѣсть за то, что я былъ съ вами недостаточно откровененъ. Я упрекаю себя, зачѣмъ я завезъ васъ въ эту гостиницу «Единорогъ». Я имѣлъ въ виду удовольствіе, которое мнѣ доставляетъ ваше присутствіе, и совершенно упустилъ изъ виду васъ самого. А между тѣмъ это можетъ васъ скомпрометировать.

— Какъ? Что такое? — вскричалъ Санъ-Режанъ.

— Это, знаете, вещь очень щекотливая и мнѣ трудно вамъ это высказать. Не спрашивайте меня. Будьте довольны тѣмъ, что я съ вами такъ откровененъ. Забирайте свои вещи и переѣзжайте скорѣе въ гостиницу гдѣ-нибудь на другомъ концѣ города. Лучше будетъ, если васъ не будутъ видѣть со мною.

— Но почему же?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не спрашивайте! Сдѣлайте то, что я вамъ совѣтую. Этимъ совѣтомъ я далъ вамъ доказательство моей преданности.

— Я очень этимъ тронутъ, но тѣмъ не менѣе не понимаю ничего. Что вы банкротъ, что ли, или фальшивый монетчикъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мое доброе имя не запачкано ничѣмъ!

— Ужъ не принимаете ли вы участіе въ какомъ-нибудь заговорѣ?

Немулэнь молчалъ, устремивъ на Санъ-Режана испытующій взглядъ. Онъ видѣлъ, что тотъ удивленъ.

— А если бы и такъ? — сказалъ онъ, внезапно заволновавшись. — Что жъ, неужели бы вы стали избѣгать меня? Какого вы образа мыслей, Леклеръ? Вы за революцію, которая воплотилась въ этомъ проклятомъ Бонапартѣ? Или, быть можетъ, вы желаете prince?

При этихъ словахъ Санъ-Режанъ застылъ въ безстрастіи. Теперь онъ могъ сказать увѣренно: его дорожный товарищъ не что иное, какъ провокаторъ, который играетъ съ нимъ опасную игру. Все поведеніе, выходы и разглагольствованія Немулэна теперь стали для него ясны. Онъ понялъ, однако, что если онъ его оставить сейчасъ же, или будетъ принимать противъ него мѣры предосторожности, то онъ только укрѣпитъ въ провокаторѣ подозрѣнія, которыхъ, быть можетъ, у него пока еще нѣтъ. Поэтому онъ отвѣтилъ съ притворнымъ ужасомъ:

— О чемъ вы говорите? Какого я образа мыслей? У меня одинъ образъ мыслей: заработать побольше денегъ, перебраться въ Парижъ и поскорѣ опереться самому. Конечно, революція и происки революціонеровъ мнѣ не по сердцу, такъ какъ они тормозятъ дѣло. Но когда приходится высказываться за ту или другую партію, тутъ я очень остороженъ. Но, гражданинъ Немулэнъ, какимъ образомъ вы могли впутаться въ политическія авантюры? Я убѣжденъ теперъ, что вы плетете какую-то шптригу противъ правительства.

— Тише!—шепнулъ Немулэнъ.—Ну, да, я пріѣхалъ, чтобы повидаться съ роялистами юга. Я начну съ Ліона, гдѣ у меня есть надежные друзья среди простого народа. Съ большими господами въ родѣ Поммадеровъ, Керси, Санъ-Орановъ мнѣ дѣло имѣть не приходится.

Санъ-Режанъ вздрогнулъ. Немулэнъ назвалъ ему какъ разъ трехъ главарей роялистовъ, къ которымъ ему были даны порученія изъ Парижа.

— Я работаю здѣсь между ткачами,—продолжалъ мнимый Немулэнъ.—Это хорошій матеріалъ для возстанія. Подготавливая его, я рискую своей шкурой. Но я не хотѣлъ бы рисковать вашей... если только у васъ у самого нѣтъ причины...

И онъ снова посмотрѣлъ на Санъ-Режана, какъ бы вызывая его на полную откровенность, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ этого.

— Очень совѣтую вамъ,—продолжалъ Санъ-Режанъ:—образумьтесь, пока не поздно. Вы погубите себя! Какія у васъ могутъ быть надежды! Боретесь противъ правительства перваго консула, который опирается на свои двадцать побѣдъ и всеобщее удивленіе? Объ этомъ нечего и думать! Лучше продавайте свое вино и не впутывайтесь въ другія дѣла... Никто васъ не поблагодаритъ за вашу самоотверженность. Принцы—народъ очень неблагодарный.

— Нѣтъ! Я поклялся умереть за нихъ! Прощайте, Леклеръ! Я не хочу завлекать васъ въ мои замыслы. Если вы отсюда не переѣдете, то я переѣду. Я хочу дать вамъ доказательство своей дружбы и честности.

Нѣсколько минутъ онъ продолжалъ еще говорить на эту тему. Немулэнъ пустился опять въ откровенности, изъ которыхъ Санъ-Режанъ убѣдился, что если онъ знаетъ отдѣльныхъ роялистовъ, то организація партіи ему неизвѣстна. Свѣдѣнія относительно видныхъ роялистскихъ дѣятелей въ Ліонѣ, которыми онъ располагалъ, онъ могъ почерпнуть отъ мѣстной полиціи. Видимо, это былъ человѣкъ очень опасный, который велъ большую игру. Разстаться съ нимъ сразу значило бы развязать ему руки и дать ему возможность шпионить безъ всякихъ помѣхъ. Лучше будетъ придерживаться прежняго образа дѣйствій, играть простака и быть насторожѣ. Съ такимъ спутникомъ нужно бояться всего. Санъ-Режанъ всегда

послать при себѣ оружіе, а его сила и ловкость служили для него достаточной защитой противъ внезапнаго нападенія.

Самымъ аккуратнымъ образомъ онъ началъ посѣщать всѣ шелковыя фабрики. Порученія, которыя ему далъ Лербуръ, были теперь весьма кстати. Они давали ему возможность возвращаться въ гостиницу съ кучей всякихъ образчиковъ и рассказывать о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ за день.

Немулэнъ, знавшій точно, съ кѣмъ имѣеть дѣло, удивлялся его хладнокровію, выдержкѣ и ловкости. Онъ даже почувствовалъ къ молодому человѣку настоящее уваженіе. Ему было пріятно, что онъ нашелъ себѣ достойнаго партнера. Ему было также неловко, что въ этой игрѣ на его сторонѣ столько преимуществъ: онъ видѣлъ игру насквозь, но воображалъ, что Санъ-Режанъ еще не подозреваетъ о томъ, кто онъ такой въ дѣйствительности.

Чтобы имѣть возможность дѣйствовать навѣрно, Немулэнъ, по пріѣздѣ въ Лионъ, немедленно далъ знать о себѣ главному полицейскому комиссару. Въ гостиницу былъ командированъ особый агентъ, который подъ видомъ служителя былъ всегда къ его услугамъ. Такимъ образомъ, Санъ-Режанъ не могъ сдѣлать ни одного шага безъ того, чтобы за нимъ не слѣдили.

Наступилъ уже третій день послѣ пріѣзда, но въ его поведеніи не было рѣшительно ничего подозрительнаго. Онъ рано вставалъ и рано ложился.

Но вотъ однажды вечеромъ онъ одѣлся гораздо наряднѣе, чѣмъ обыкновенно. Немулэнъ, съ которымъ онъ обѣдалъ, былъ очень удивленъ этой переменой. Тогда молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ объявилъ, что у него назначено свиданіе съ одной очень красивой купчихой, мужъ которой былъ въ отсутствіи.

— А, злодѣй!—вскричалъ его собесѣдникъ.—А вы не боитесь какихъ-нибудь непріятныхъ встрѣчъ? Хотите, я буду васъ сопровождать? Это далеко отсюда?

— Я не могу вамъ ничего сказать. Извините. Это очень щекотливый вопросъ...

— Правда, правда. Идите, Фоблазъ, и наставьте фабриканту рога, которыхъ онъ заслуживаетъ. А я завалюсь спать и буду ждать съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня, когда, надѣюсь, вы расскажете мнѣ о вашихъ приключеніяхъ.

Они еще болтали до девяти часовъ, потомъ Немулэнъ отправился по лѣстницѣ въ свою комнату, а Санъ-Режанъ вышелъ на площадь Бротто.

Ночь была очень темная. Едва молодой человѣкъ успѣлъ сдѣлать сотню шаговъ, какъ отъ угла дома отдѣлилась какая-то фигура и, прижимаясь къ стѣнамъ, принялась за нимъ слѣдить. Черезъ минуту по его слѣдамъ шель уже и самъ Немулэнъ, переодѣвшійся рабочимъ.

Санъ-Режанъ, дѣйствительно, шель къ купцу, но, конечно, не ради любовныхъ приключеній. Въ этотъ вечеръ должно было состояться собраніе роялистскихъ вожаковъ. Это собраніе было организовано съ величайшей осторожностью, въ виду бдительнаго надзора, предметомъ котораго былъ Санъ-Режанъ. Мужъ дамы, о которой упоминалъ Санъ-Режанъ, дѣйствительно, уѣхалъ изъ Ліона, чтобы сбить съ толку полицію, а жена въ его отсутствіе должна была принять Санъ-Режана и его сообщниковъ. Чтобы обмануть полицію, купецъ согласился рискнуть своей репутаціей и прослыть обманутымъ.

Когда хозяйка дома ввела къ себѣ Санъ-Режана, у нея въ комнатѣ позади магазина уже сидѣли въ полутемнотѣ маркизъ де-Санъ-Оранъ, графъ де-Поммадеръ и кавалеръ де-Керси.

Наскоро поздоровавшись, всѣ четверо обмѣнялись новостями и сообщили другъ другу свѣдѣнія о настроеніи населенія. Видя, что они въ курсѣ всѣхъ рѣшеній парижскаго комитета, Санъ-Режанъ просилъ ихъ быть наготовѣ на случай необходимости поднять возстаніе въ провинціи и захватить общественную власть.

— Вы вдругъ услышите, что тиранъ палъ,—сказалъ онъ.—Вы должны немедленно провозгласить короля и выкинуть бѣлое знамя. Вы, Керси, явитесь къ войску въ качествѣ намѣстника короля. Вотъ вамъ порученіе. Вы, Поммадеръ, должны овладѣть префектурой. Санъ-Оранъ займетъ казначейство. Таковъ приказъ...

— Но нельзя ли узнать теперь же, что предполагается произвести?—спросилъ де-Керси.

— Невозможно! До послѣдняго мгновенія движеніе должно совершаться въ тайнѣ, и объ немъ будутъ знать только тѣ, кто приметъ въ немъ участіе. Вѣсть объ этомъ упадетъ, какъ снѣгъ на голову. Будьте наготовѣ и дѣйствуйте осторожно. Вамъ нужно войти въ сношеніе съ нашими друзьями въ Авиньонѣ и Марселѣ. Они должны выступить одновременно съ нами.

— Этимъ займусь я,—сказалъ Санъ-Оранъ.

— У васъ есть средства на необходимые расходы?

— Мы ихъ раздобудемъ, когда понадобится. Молодцы наши работаютъ на большихъ дорогахъ. Въ данное время они около Дижона и Гренобля. Они грабятъ казенную почту и загребаютъ казенныя денежки. Но всѣ эти деньги идутъ въ Бретань, на уплату солдатамъ Жоржа.

— Недавно, кажется, остановили г. Санъ-Эрмина?

— Да, скверное дѣло. Нашихъ друзей выдали, и они теперь подъ карауломъ. Но мы не теряемъ надежду ихъ освободить. Гильотина устроена не для нихъ.

— Тѣ изъ насъ, которымъ пришлось взойти на эшафотъ, облагородили его!—сказалъ Санъ-Режанъ.—Неважно, если мы сложимъ свои головы, лишь бы раздавить революцію. Бонапартъ, самъ по

себѣ, гораздо опаснѣе, чѣмъ весь конвентъ. Въ немъ сосредоточена разрушительная сила Дантона, Робеспьера и Марата. Мы съ Гидомъ и Жоржемъ видѣли его вблизи въ аудіенціи, которую онъ намъ соизволилъ дать! Его гложетъ страшное честолюбіе. Чтобы осуществить свою мечту, онъ готовъ растоптать все¹ человѣчество. Если онъ восторжествуетъ, я предвижу бойню и всеобщее разореніе. Кровь потечетъ ручьями.

— Лучше, чтобы потекла его!

Едва раздались эти слова, какъ вбѣжала хозяйка, перепуганная и почти лишившаяся голоса. Они принялись осыпать ее вопросами. Она объяснила, что всѣ выходы изъ дома заняты какими-то людьми и что сейчасъ, безъ сомнѣнія, явится сюда полиція.

— Не тревожьтесь, — сказали маркизъ де-Санъ-Оранъ. — Мы выйдемъ черезъ потайной ходъ, который выходитъ въ сарай вашего сосѣда, а оттуда на набережную въ ста шагахъ отсюда. Невѣроятно, чтобы кто-нибудь сталъ слѣдить за этимъ выходомъ. Онъ извѣстенъ только намъ однимъ. Санъ-Режанъ останется съ вами и черезъ часъ выйдетъ отсюда черезъ дверь лавки.

Быстро пожавъ руку молодому человѣку, трое собесѣдниковъ безшумно исчезли черезъ потайной выходъ и, пройдя до сосѣдняго двора, вышли изъ сарая и вошли въ полутемную пивную лавку, а отсюда, тщательно осмотрѣвшись кругомъ, незамѣтно выбрались на улицу. Здѣсь они разстались и быстро исчезли въ темнотѣ.

Оставшись съ женой торговца, Санъ-Режанъ старался ее успокоить. Онъ объяснилъ ей, что единственная опасность, которой она подвергалась, былъ бы одновременный арестъ у нея его самого, Санъ-Орана, Керси и Поммадера. Но если даже полиція и явится теперь, то обмыскъ не дастъ никакихъ результатовъ и не навлечетъ никакой опасности ни на нее, ни на ея мужа. Ее могутъ только заподозрѣть въ близкихъ отношеніяхъ къ комиссіонеру ея мужа, Леклеру. Она такъ красива, галантно прибавилъ при этомъ Санъ-Режанъ, что такое объясненіе могло бы показаться весьма правдоподобнымъ. Онъ взялъ ее за руку, которая была холодна, какъ ледъ, и понялъ, что она не слушаетъ его и что ея вниманіе поглощено шумомъ, доносившимся снаружи.

Такимъ образомъ прошелъ почти цѣлый часъ. Казалось, страхи бѣдной женщины не оправдаются. Санъ-Оранъ, Поммадеръ и Керси, безъ сомнѣнія, лежали уже у себя въ постели, когда Санъ-Режанъ рѣшился наконецъ выйти. Но тѣ, которые наблюдали на улицѣ, очевидно, также потеряли терпѣніе: въ дверь два раза сильно постучали, и какой-то голосъ крикнулъ:

— Отворите!

— Будьте осторожны! — сказали Санъ-Режанъ. — Теперь-то намъ и нужно сыграть каждому свою роль. Вы должны показать видъ, будто вы думаете, что это внезапно вернулся вашъ мужъ. Минуту

поговорите черезъ дверь, а потомъ откройте... А я выскочу въ окно.

— Вы ушибетесь!

— Нѣтъ. Положитесь на меня. Поднимемся въ мезонинъ.

Пока съ улицы несея шумъ и крикъ, они вошли въ спальню дамы. И жена купца громко спросила оттуда:

— Кто тамъ? Это ты, мой другъ?

— Да,—смѣло отвѣтилъ стучавшій.

— Я сейчасъ сойду. Потерпи минутку. Я совершенно не ожидала, что ты вернешься...

— Догадываюсь,—отвѣчалъ стучавшій снизу.

Минуту спустя, засовы были отодвинуты, дверь открылась, и въ комнату быстро вошелъ какой-то человѣкъ. Свѣтъ лампы, которую держала хозяйка, падалъ прямо на него.

— Это не мужъ!—крикнула она и быстро потушила лампу.

Въ этотъ моментъ Санъ-Режанъ, держась руками за рѣшетку балкона, прыгнулъ на улицу. Только что онъ поднялся, какъ три человѣка бросились на него съ крикомъ.

— Вотъ онъ, вяжите его!

— Нельзя ли потише!—сказалъ Санъ-Режанъ, нанося ближайшему ударъ прямо въ лицо. Тотъ крикнулъ «ахъ!» и упалъ. Два другіе выхватили пистолеты и прицѣлились въ молодого человѣка. Онъ стремительно бросился на нихъ, крича:

— Чортъ возьми! Я не зналъ, что въ Ліонѣ по ночамъ грабятъ.

Оба выстрѣла не попали въ него. Онъ вырвался отъ нападающихъ, нанеся одному изъ нихъ сильный ударъ въ животъ ногой и прежде, чѣмъ оба успѣли прійти въ себя отъ неожиданности, Санъ-Режанъ былъ уже далеко отъ нихъ.

«Чортъ возьми! Неужели это штука Немулэна?—спрашивалъ онъ себя, продолжая бѣжать.—Я ему одному сказалъ, что уйду сегодня вечеромъ. Но вѣдь онъ не зналъ, куда я иду. Положимъ, онъ могъ ити за мной. Ну, если ты сыгралъ со мной эту штуку, то я, милый мой, расплачусь съ тобой. Неужели онъ принималъ участіе въ сегодняшней экспедиціи? Если это такъ, то я не найду его дома и его комната будетъ пуста. Но, можетъ быть, онъ устроилъ все это при помощи здѣшнихъ агентовъ? Впрочемъ, мы это скоро увидимъ».

Вернувшись въ гостиницу «Единорогъ», онъ вошелъ прямо въ комнату хозяина, взявъ ключъ отъ своей комнаты и съ безпечнымъ видомъ сказалъ:

— Прекрасная ночь! А гражданинъ Немулэнъ уже вернулся?

— Что вы! Онъ уже десятый сонъ теперь видитъ!

«Отлично,—подумалъ про себя Санъ-Режанъ.—Хозяинъ, очевидно, съ нимъ заодно. Но я хочу посмотрѣть самъ».

— Спокойной ночи, гражданинъ. У меня просто глаза спяются.

Поднявшись въ первый этажъ, онъ остановился передъ дверью Немулэна и постучалъ. Отвѣта не было. Онъ постучалъ вторично.

— Кто тутъ?—раздался голосъ спресонокъ. — Что надо? Который часъ?

— Это я, Викторъ Леклеръ. Одиннадцать часовъ. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Послышалось какое-то восклицаніе и топотъ ногъ. Потомъ дверь открылась, и передъ Санъ-Режаномъ предсталъ гражданинъ Немулэнь въ одной рубашкѣ, въ ночномъ колпакѣ, на половину скрывавшемъ его лицо, и со свѣчкою въ рукахъ.

— Войдите, сосѣдь... Съ вами случилось что-нибудь? Вы не обидитесь, если я опять лягу...

Съ этими словами онъ поставилъ свѣчку на камниѣ, подальше отъ кровати, такъ что его лицо оставалось въ тѣни, и, забившись подъ одѣяло, спросилъ:

— Свиданіе не состоялось?

— Наоборотъ! Но вообразите себѣ, вернулся мужъ!

— Мужъ?

— Да. Въ самый интересный моментъ это чучело стало стучать въ дверь. Жена, конечно, потеряла голову... Она спустилась внизъ... а я тѣмъ временемъ успѣлъ одѣться...

— Какъ, вы ужъ были въ постели?

— Какъ видите! Только что я приготовился спуститься съ балкона, какъ мужъ вошелъ въ лавку. Я приноровился, спрыгнулъ на улицу и хотѣлъ было пуститься бѣжать, какъ вдругъ на меня бросились три человѣка, которыхъ разставилъ на улицѣ мужъ.

— Ловушка, стало быть?

— Похоже на то! Къ счастью, мнѣ удалось вырваться изъ когтей этихъ разбойниковъ... Онъ стрѣляли въ меня два раза.

— И вы отвѣтили тѣмъ же?

— Вовсе нѣтъ! Мнѣ вовсе не хотѣлось привлекать вниманіе полиціи, которая забрала бы меня и этихъ разбойниковъ. Я отбился ударами кулака, вотъ и все. Что вы на это скажете?

— Чортъ возьми! А вы увѣрены, что это дѣйствительно былъ мужъ?

— А кто же, какъ не онъ?

— А если это была полиція?

— Полиція? Да зачѣмъ же она здѣсь? Какое ей дѣло до меня?

— Вы помните, что я вамъ сказалъ вчера. Ужъ не являетесь ли вы въ данномъ случаѣ жертвой нашей дружбы? Нужно отсюда убираться, завтра же утромъ. Мы, очевидно, не можемъ рассчитывать здѣсь на безопасность. Вамъ уже устроили ловушку. Мужъ, если только это былъ онъ, дѣйствовалъ, очевидно, въ согласіи съ полицейскимъ комиссаромъ. Бѣжимъ, Леклеръ, пока еще не поздно!

— Чортъ возьми! Бѣгите сами, Немулэпъ, если вамъ это правится. Мнѣ нечего бояться. Я еще не кончилъ всѣхъ своихъ дѣлъ и останусь здѣсь. Если вы беспокоитесь, то уѣзжайте.

— Да, я уѣду, завтра же утромъ уѣду. Прощайте, другъ мой, будьте увѣрены, что я васъ не забуду. Когда вернетесь въ Парижъ и, можетъ быть, захотите повидаться со мной, то всегда найдете меня въ пять часовъ въ ресторанѣ «Турецкій Диванъ».

— До свиданія. Желаю вамъ счастливаго пути.

Они пожалли другъ другу руки. Санъ-Режанъ отправился въ свою комнату, быстро улегся и заснулъ. Онъ обладалъ неустрашимымъ сердцемъ и относился ко всему со свойственной молодости беззаботностью.

А въ это время Немулэпъ, облокотившись на изголовье, думалъ:

«Этотъ человѣкъ очень силенъ и ловокъ и намъ не легко будетъ управиться съ нимъ. Я готовъ даже усомниться въ томъ, дѣйствительно ли онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлью заговора, или же просто по своимъ дѣламъ. У меня нѣтъ никакихъ указаній, никакихъ доказательствъ. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что онъ виновенъ. Но зато противъ него есть предположенія, и еще какія! Онъ носитъ чужое имя, причастенъ къ партіи принцевъ и вмѣстѣ съ Гидомъ и Жоржемъ былъ ихъ посланцемъ къ первому консулу. Почему онъ называетъ себя Викторомъ Леклеромъ? Не замѣшана ли тутъ любовь? Можетъ быть, все это онъ дѣлаетъ только для того, чтобы снискать довѣріе Лербура, чтобы имѣть возможность у него на глазахъ поддерживать связь съ его женой? Въ обычное время это было бы вполне вѣроятно, но теперь, когда настало царство интригъ и заговоровъ, этого не можетъ быть. Санъ-Режанъ, очевидно, участвуетъ въ заговорѣ и явился сюда для того, чтобы сговориться съ вожаками роялистовъ на югѣ. Поэтому мнѣ нужно отдѣлиться отъ него. Онъ мнѣ, очевидно, не довѣряетъ. Разсказъ о своей неудачѣ, съ которымъ онъ явился ко мнѣ, конечно, разсчитанъ на то, чтобы отвести мнѣ глаза. А, можетъ быть, онъ не прочь былъ бы узнать, не принималъ ли я самъ участіе въ этой экспедиціи. Этотъ молодой человѣкъ надѣленъ всѣми качествами вождя заговорщиковъ. Онъ не теряетъ головы. И не вернись я изъ предосторожности пораньше, онъ накрылъ бы меня, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Съ такимъ блестящимъ противникомъ пріятно сыграть партію. Ну, пока что, а теперь будемъ спать!»

Онъ заперъ дверь, улегся опять въ постель и потушилъ свѣчку. Въ шесть часовъ утра, расплатившись по счету, онъ уже уѣхалъ изъ гостиницы «Единорогъ». Но, выѣхавъ изъ гостиницы утромъ въ качествѣ проѣзжаго, онъ въ тотъ же вечеръ вернулся въ нее обратно въ качествѣ слуги. Какъ разъ кстати хозяинъ поссорился съ однимъ изъ служителей, который и былъ уволенъ, а на его мѣсто взяли дру-

гой—неуклюжий нормандец съ тяжелой походкой и медленной рѣчью, которому было поручено убирать комнаты.

Съ этого дня Санъ-Режанъ и новый служитель, котораго звали Ипполитомъ, постоянно сталкивались. Не довѣряя никому столько же по принципу, сколько въ силу необходимости, молодой человекъ укралкой наблюдалъ за новымъ слугою, который тщательно, но неторопливо мель полтъ въ коридорѣ. То былъ грузный малый съ кошной бѣлокурыхъ волосъ на головѣ, съ загнившими отъ сидра зубами: Въ ушахъ у него росли волосы.

Санъ-Режанъ пробовалъ заговаривать съ нимъ, но онъ давалъ на чистѣйшемъ норманскомъ діалектѣ весьма уклончивые отвѣты. Онъ казался довольно дурашливымъ и во всякомъ случаѣ былъ такъ непохожъ на Немулэна, что невозможно было и предположить, что это одно и то же лицо. Новый слуга былъ вершка на четыре выше Немулэна, и голосъ у него былъ совсѣмъ другой.

Впрочемъ, Санъ-Режанъ рѣшилъ заниматься только торговыми дѣлами и, чувствуя себя безопаснѣе, чѣмъ когда-либо, принялся въ качествѣ Викторѣ Леклера бѣгать по фабрикамъ и магазинамъ и набирать образчиковъ, которыми скоро завалилъ всю свою комнату.

Онъ написалъ Лербуру письмо, которое самъ передалъ Ипполиту съ просьбой снести его на почту. Несмотря на приложенную сургучную печать, письмо было, конечно, вскрыто этимъ вѣрнымъ служителемъ и оказалось совершенно невиннаго содержанія. Леклеръ хвалился нѣкоторыми выгодными закупками, которыя ему удалось сдѣлать, сообщалъ о томъ, что шелковая промышленность мало-помалу начинаетъ опять оживать, и писалъ, что на слѣдующей недѣлѣ онъ вернется въ Парижъ. Если бы только Ипполитъ могъ освободиться отъ даннаго ему порученія, не вызывая подозрѣній Санъ-Режана, онъ давно бы былъ уже въ Парижѣ. Онъ чувствовалъ себя бесполезнымъ въ Лионѣ, гдѣ за Санъ-Режаномъ могли въ достаточной мѣрѣ наблюдать и мѣстные агенты. Но чувство долга взяло въ немъ верхъ и онъ продолжалъ скучать подъ личиною Ипполита съ его рыжеватымъ парикомъ и въ башмакахъ съ каблуками въ четверть аршина.

Онъ обыкновенно проводилъ свое время въ мечтахъ о томъ, какъ онъ захватитъ Санъ-Режана на мѣстѣ преступленія. Но для того, чтобы выслѣдить его, приходилось дожидаться, пока онъ вернется въ Парижъ. Онъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что бретонецъ исподтишка ведетъ политическую интригу, и его охватывала холодная ярость при мысли о томъ, что, несмотря на всѣ средства, которыми онъ располагаетъ, несмотря на то, что личность противника и его сообщники ему отлично извѣстны, этотъ противникъ все-таки остается не разгаданнымъ. Онъ этого страдало его профессиональное самолюбіе. Вѣдь съ самой первой ихъ встрѣчи въ гостиницѣ «Чер-

ный Конь», едва вступивъ въ предѣлы Франціи, Санъ-Режанъ словно шутя не переставалъ дразнить страшнаго ищейку, который шелъ по его слѣдамъ.

Невольно Браконно задавалъ самъ себѣ вопросъ, какія свѣдѣнія онъ можетъ сообщить Фуше, когда, пріѣхавъ въ Парижъ, явится къ своему начальнику. Онъ зналъ, что тотъ отличается грубостью, что онъ эгоистъ, отъ котораго нечего ждать снисходительности, что онъ способенъ безъ всякаго сожалѣнія пожертвовать агентомъ, которому не удалось исполнить его порученія. А пожертвовать агентомъ въ данномъ случаѣ значило на всю жизнь бросить его въ самыя низины жизни или же подставить его подъ выстрѣлъ во время какого-нибудь обыска. Съ сыщиками не церемонились, объ нихъ не беспокоились и ихъ не искали. Это былъ социальный соръ, исчезновеніе котораго рѣшительно никого не беспокоило.

Работа его подходила уже къ концу, такъ какъ Леклеръ писалъ о скоромъ возвращеніи, и Браконно возымѣлъ надежду, что какой-нибудь счастливый случай разомъ вознаградитъ его за всѣ неудачи.

На имя Санъ-Режана пришло письмо. Вскрывъ его при помощи полицейскихъ пріемовъ, Ипполитъ увидѣлъ, что оно было отъ Лербура. Торговецъ разсыпался въ совѣтахъ и указаніяхъ, давалъ ему новыя порученія и увѣрялъ въ своей вѣрности. Все это не имѣло никакого значенія, но внизу письма стояло нѣсколько строкъ, написанныхъ мелкимъ красивымъ почеркомъ. Очевидно, письмо было передано Эмилиі для того, чтобы его запечатать. Въ этихъ-то строкахъ оказалась цѣнная находка.

Съ неподдѣльной радостью сыщикъ прочелъ слѣдующее: «Я не перестаю думать о васъ со времени вашего отвѣта. Къ этому меня принуждаетъ мой мужъ, который только и говоритъ, что о вашей поѣздкѣ и о тѣхъ результатахъ, которыхъ онъ отъ нея ожидаетъ. Меня же больше всего интересуеъ ваше возвращеніе. Не откладывайте его слишкомъ долго, если хоть что-нибудь чувствуете къ вашей Эмилиі».

— Ага!—воскликнулъ мнимый Ипполитъ.—Вотъ слабое мѣсто нашего молодца. Онъ любить и любимъ. Аксиома такая: влюбленный заговорщикъ равенъ погибшему человѣку. Теперь я буду держать его въ рукахъ при помощи прекрасной m-me Лербуръ. Если только я еще не стану глупцомъ, мой патронъ будетъ получать новости, какъ только состоится это столь желаемое возвращеніе.

И, подогрѣвъ сургучъ, онъ снова запечаталъ письмо и, положивъ его на столъ въ комнатѣ Санъ-Режана, отправился по своимъ дѣламъ.

Два дня спустя гражданинъ Леклеръ взялъ себѣ мѣсто въ дилижансѣ, отходившемъ въ Санъ-Этьенъ, уложилъ свои вещи и приказалъ Ипполиту отвезти ихъ на телѣжкѣ къ конторѣ omnibu-

совъ, за что наградила его монетой въ двадцать су. Расплатившись засимъ съ хозяиномъ, Санъ-Режанъ весело покинулъ гостиницу «Единорогъ» и прекрасный городъ Ліонъ.

Исполить, послѣ его отъѣзда снова превратившійся въ Браконно, рѣшился на отчаянное средство. Быстрымъ шагомъ направился онъ къ дому маркиза де-Поммадеръ и попросилъ принять его. Его пригласили въ залъ, отдѣланный стариннымъ дубомъ, гдѣ хозяинъ имѣлъ обыкновение принимать тѣхъ, кто желалъ его видѣть. Браконно принялся осматривать фамильные портреты.

Изъ этого созерцанія его вывелъ маркизь, изумленный этимъ визитомъ. Обернувшись на его покашливанія, посѣтитель отвѣсилъ ему низкій поклонъ съ видомъ глубокаго уваженія.

— Позвольте вамъ представиться, г. маркизь. Меня послалъ къ вамъ Викторъ Леклеръ...

Де-Поммадеръ поднялъ глаза къ потолку, какъ бы стараясь что-то припомнить.

— Викторъ Леклеръ?—удивленно спросилъ онъ.—Не знаю такого. Кто это такой?

— Можетъ быть, г. маркизь скорѣе вспомнить, если я скажу, что Викторъ Леклеръ это Санъ-Режанъ?

— Санъ-Режанъ? Позвольте. Это Санъ-Режанъ изъ Бретани? Старинный дворянскій родъ. Но и Виктора Леклера и Санъ-Режана я совершенно не знаю. Гдѣ онъ?

— Онъ былъ на этихъ дняхъ въ Ліонѣ и поручилъ мнѣ передать вамъ, г. маркизь, что онъ очень сожалѣетъ о томъ, что долженъ былъ уѣхать изъ города, не повидавшись еще разъ съ вами. Виной этому приключеніе въ тотъ вечеръ...

— Милостивый государь,—возразилъ маркизь:—все, что вы мнѣ рассказываете, какая-то абракадабра для меня. Я ничего не понимаю. Я ничего не знаю ни о приключеніи, о которомъ вы упомянули, ни объ его героѣ... Вы увѣрены, что кто-нибудь не сыгралъ съ вами шутки?

— Увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, вамъ самому вздумалось позабавиться на мой счетъ?

— Я этого никогда не посмѣлъ бы, г. маркизь!

— Совѣтую вамъ этого и не дѣлать, ибо не въ моемъ характерѣ терпѣть подобныя вещи.

Съ этими словами маркизь, выпрямившись и пристально глядя на Браконно, двинулся на него съ такимъ грознымъ видомъ, что агентъ Фуше поспѣшилъ ретироваться. Въ передней онъ замѣтилъ лакея шести футовъ ростомъ. Такіе старые служакки, когда обращаются къ ихъ преданности, бываютъ очень грубы съ посторонними.

— Г. маркизъ,—сталь извиняться Браконно,—мнѣ очень при-
скорбно, что я доставилъ вамъ неприятность... Повѣрьте, что я
очень чту...

— До свиданія! И если вы встрѣтите этого Леклера, то пришлите
его ко мнѣ: я его отдѣлаю!

И онъ быстро захлопнулъ дверь за Браконно.

«Вотъ смѣлые люди,—размышлялъ дорогой обезкураженный
сыщикъ.—Тутъ такъ и бьетъ въ носъ заговоромъ. Ну-съ, установимъ
наблюденіе за этимъ очагомъ реакціи, а сами возвратимся поскорѣе

Парижъ. Мой патронъ сумѣетъ заставить маркиза снять свою
личину!»

Онъ вернулся къ себѣ въ гостищцу, а на другой день уже ѣхалъ
въ Шалонъ.

IX.

Викторъ Леклеръ, держа въ рукахъ образчики, рассказывалъ
Лербуру о своей поѣздкѣ въ его кабинетъ при магазинѣ «Bonnet
Vieil». Эмилія сидѣла тутъ же на турецкомъ диванѣ, слегка опершись
на мягкія бархатныя подушки. Полузакрывъ глаза, какъ будто дѣ-
ловыя разговоры обоихъ собесѣдниковъ дѣйствовали на нее
усыпляюще, она изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ глядѣла на мо-
лодого человѣка, котораго она любила. Ей не было ни малѣйшей
надобности стѣсняться. Ея мужъ сидѣлъ около своей конторки спи-
ной къ ней. Викторъ Леклеръ, стоя около камина, безпрестанно за-
глядывалъ въ листъ, исцещренный записями и цифрами. Онъ какъ
будто занимался только Лербуромъ, а между тѣмъ его взглядъ былъ
устремленъ на Эмилію. Онъ пріѣхалъ только наканунѣ и явился
къ Лербуру сюрпризомъ. Съ самаго утра онъ говорилъ только о раз-
ныхъ шелковыхъ издѣліяхъ, не переставая бросать на Эмилію пла-
менные взгляды.

— Да вы драгоценный человѣкъ,—сказалъ хозяинъ.—Закупки,
которыя вы сдѣлали для меня, чрезвычайно выгодны. У васъ столько
же вкуса, сколько ловкости. Просто прелесть, что вы закупили укра-
шеній для мундировъ. Генераль Мюратъ все жалуется на бѣдность
кавалерійской формы. Теперь онъ подпрыгнетъ отъ радости... Знаете,
Леклеръ, вы заработали хорошія деньги на этихъ порученіяхъ...

Тѣмъ легла на лицо молодого человѣка. Ему, видимо, было крайне
непріятно брать деньги отъ мужа Эмиліи.

— Мы сочтемся съ вами потомъ, гражданинъ Лербуръ,—сказалъ
онъ.—Надѣюсь, это для васъ безразлично. У меня теперь денегъ
довольно. Такъ какъ я веду кочующій образъ жизни, то даже не
знаю, куда мнѣ дѣвать то, что вы хотите мнѣ теперь дать.

— Пусть будетъ по-вашему, мой другъ, но расчесть дружбы не
портить. Я рассчитаю, сколько вамъ приходится за комиссію, и вся
сумма будетъ храниться у меня до вашего востребованія.

— Великолѣпно! Я собираюсь опять уѣхать на нѣсколько недѣль. Мы сосчитаемся, когда я вернусь.

— Какъ? Вы собираетесь уѣзжать?—спросила m-me Лербуръ.

— Да, гражданка,—отвѣтилъ Леклеръ.—Это мое занятіе—кататься по вѣсьмъ дорогамъ Франціи. Только что приѣхалъ съ юга, поѣзжай на сѣверъ. Теперь мнѣ придется съѣздить во Фландрію за кружевами.

— И долго вы будете въ отсутствіи?

— Не могу вамъ точно сказать... Изъ Фландріи, можетъ быть, проѣду въ Кельнъ и Майнцъ. Вслѣдствіе войны Германія давно была закрыта для насъ, а тамъ, навѣрно, можно сдѣлать дѣла...

— Какъ вы энергичны!—со вздохомъ промолвила Эмилиа.

— Онъ правъ! Въ его годы молодой человѣкъ долженъ работать, какъ слѣдуетъ. Онъ составитъ себѣ состояніе, и мы женимъ его на какой-нибудь хорошенькой дѣвицѣ, которая принесетъ ему въ приданое благоустроенный домъ. У меня есть знакомые, которые не прочь бы имѣть зятя такого славнаго характера и красивой наружности, какъ Леклеръ.

— Что ты вмѣшиваешься не въ свое дѣло?—замѣтила его жена измѣнившимся голосомъ.—Тебѣ нужно было бы сначала разспросить г. Леклера, что онъ самъ намѣренъ дѣлать, а ты хочешь располагать имъ по-своему...

— Да я вовсе не думаю еще жениться!—смѣясь, вскричалъ молодой человѣкъ.—У меня нѣтъ для этого времени.

— А, можетъ быть, завелась какаѣ-нибудь любовишка, которая мѣшаетъ вамъ это сдѣлать?

— Да вѣдь я вѣчно въ разъѣздахъ! Какимъ же образомъ я могъ бы привязаться къ кому-нибудь? Нѣтъ, гражданинъ Лербуръ, я свободенъ, какъ воздухъ, и женщина, которой я скажу: я васъ люблю,—можетъ этому вполне повѣрить.

При этомъ ясномъ намекѣ Эмилиа улыбулась и спрятала свое вспыхнувшее лицо. Лербуръ, попрежнему занятый только своими коммерческими соображеніями, собралъ образчики, разбросанные на столѣ и стульяхъ, и, повернувшись къ молодому человѣку, сказалъ:

— Скажите, Леклеръ, вы можете подождать четверть часа? Я хочу сдѣлать списокъ моихъ заказовъ и передать его вамъ. Было бы хорошо, если бы вы отправили письмо въ Ліонъ сегодня же...

— Хорошо. Я пошлю письмо и подожду здѣсь, пока вы не кончите.

— Моя жена составитъ вамъ компанію,—прибавилъ Лербуръ съ видомъ такой добродушной довѣрчивости, что Эмилиа не могла удержаться отъ улыбки.

Санъ-Режанъ и бровью не повелъ. Лербуръ тяжелыми шагами уже спускался по витой лѣстницѣ, которая вела въ магазинъ.

Едва онъ скрылся изъ глазъ, Санъ-Режанъ бросился къ Эмилиі и, ставъ передъ ней на колѣни, взявъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ.

Полулежа на оттоманкѣ, молодая женщина съ чувствомъ тайнаго удовлетворенія смотрѣла на молодого человѣка, склонившагося у ея ногъ и не выпускавшаго ея руки. Наконецъ она вздохнула и стала ласкать кончиками своихъ тонкихъ пальцевъ щеку, уши и волосы того, кого она любила.

— Будьте благоразумны!—произнесла она, поднимаясь.—Я не отнимала у васъ руки, чтобы вознаградить васъ за долгую разлуку, но ничѣмъ не слѣдуетъ злоупотреблять.

— Эмилиа! вы жестоки,—сказалъ Санъ-Режанъ, вставая.—Вашъ мужъ великодушнѣе васъ: онъ хочетъ заплатить мнѣ за мои труды.

Она не отвѣтила на этотъ упрекъ и, глядя на молодого человѣка, сказала съ безпокойствомъ, котораго и не старалась скрыть:

— Это правда, что вы опять уѣзжаете?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я остаюсь здѣсь. Но вашъ мужъ не долженъ меня видѣть въ теченіе нѣкотораго времени. Если онъ будетъ знать, что я въ Парижѣ, то будетъ удивляться, почему я не являюсь къ вамъ. Необходимо, чтобы онъ былъ увѣренъ, будто я уѣхалъ.

— А какъ же я увижусь съ вами?

— Это зависить отъ васъ.

— Какимъ образомъ?

— Съ будущей недѣли я буду жить въ очень укромномъ уголкѣ, гдѣ мнѣ нечего бояться нескромностей и шпионства. Вы можете прійти туда.

Эмилиа съ ужасомъ махнула рукой.

— Неужели вы этого хотите?

Она улыбнулся и тихо сказалъ:

— Я только и мечтаю объ этомъ. Со времени моего отъѣзда изъ Ліона я только и жду того часа, когда можно будетъ остаться съ вами вдвоемъ.

— Позвольте, часъ, котораго вы такъ страстно ждали, теперь наступилъ для васъ.

— Да, но сколько стѣсненій! За нами слѣдитъ весь персоналъ вашихъ служащихъ, которые не дальше сосѣдней комнаты и которые могутъ ежеминутно насъ захватить врасплохъ. Наконецъ, вашъ мужъ ушелъ не болѣе, какъ на четверть часа, и его отдѣляетъ отъ насъ только одинъ этажъ. Нѣтъ, Эмилиа, не въ такой обстановкѣ мечтаю я васъ увидѣть вновь. Эта холодная встрѣча, когда я едва могу обнаружить свою нѣжность, не тотъ часъ, за который я готовъ рискнуть своей жизнью.

— Замолчите,—сказала Эмилиа, закрывая ему ротъ своей бѣлой ручкой:—вы въ бреду!

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

Богословіе.

ЗОСИМОВСКІЙ, З. Есть ли у русскихъ религія? Спб. 1911. Ц. 2 р.

Философія, психологія, логика.

ВЕЙНИНГЕРЪ, О. Польз и характеръ. Принципіальное исследование. М. 1911. Ц. 2 р.
ГИЛЬТИ, К., проф. Воспитаніе души, воли и характера. Перев. съ нѣм. Ал. Маркова. 2-е изд. В. И. Губинскаго. Спб. Ц. 15 к.
ЗАКРЖЕВСКІЙ, А. Сверхчеловѣкъ надъ бедной. Религія подвига. Л. Толстой. Мистика жизни и смерти (Ж. Роденбахъ и Б. Зайцевъ). Психологія самоубійства. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р.
СИКОРСКІЙ, И. А., проф. Всеобщая психологія съ физиогномикой въ иллюстрированомъ изложеніи. Изд. 2-е, дополн., съ 303 рис. Кіевъ. 1912. Ц. 5 р. 50 к.
ФАНЕРЪ, Г. Практическое руководство ономантической астрологіи. М. 1911. Ц. 50 к.
ШОПЕНГАУЕРЪ, АРТУРЪ. Метафизика любви. Перев. съ нѣм. Изд. 3-е. Спб. Ц. 15 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

КОГАНЪ, П. Хрестоматія по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. I. М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
МАСАНОВЪ, ИВ. ФИЛИП. Русскіе сатирико-юмористическіе журналы. (Библиографическое описаніе). Выпускъ 1-й. I. Вельсчакъ. (1858—1859 гг.).—II Искра. (1859—1873 гг.). Изд. подъ ред. А. В. Смирнова. Съ прилож. 2 портретовъ и 65 рис. Владимиръ на Клязьмѣ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
ПОПОВЪ, Г. Филологія языка и литературы. Методологическій очеркъ. Кіевъ. 1911. Ц. 80 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АЛЬМАНАХИ «Сатира и Юморъ». В. 1. Казань. 1911. Ц. 10 к.
АННУНЦІО, Г. Собраніе сочиненій. Т. 9. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
АРТЕМЬЕВЪ, В. Архаровцы и другіе рассказы. Книга вторая. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.
ГЕ, Г. Г. Сборникъ пьесъ. Томъ II. Спб. 1911. Ц. 2 р.
ГЮЙ-ДЕ-МОПАСАНЪ. Полное собраніе истор. вѣстн., октябрь 1911 г., т. СХХVI. 1/226

- ние сочиненій. Т. 22. На водѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ДАНТЕ А.ЛИГЬЕРИ. Божественная комедія. Перев. В. В. Чуйко, со вступит. стат. о жизни и произведеніяхъ автора. Съ портретомъ Данте и 68 рис. 2-е изд. В. П. Губинскаго. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЖЕРОМЪ, К. Избранные рассказы. Кн. 1-я. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- МАЧТЕТЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Ц. 1 р.
- МЕНДЕСЪ, К. Первая женщина. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Женщина ребенокъ. Романъ. Ц. 2 р.
- МИХАЭЛИСЪ, К. Собрание сочиненій. Т. 4. Лунной ночью. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ОНСЕВЭДЪ, Веселый путешественникъ по всему свѣту и полусвѣту. Спб. Ц. 1 р.
- РКЛИЦКІЙ, М. Въ лѣсной глуши и другіе очерки и рассказы. Полтава. 1911. Ц. 1 р.
- САФИРЪ, М. Избранные рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- СРОКОВСКІЙ, М. Анахронисты. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- СЮЛПИ-ПРИДОМЪ въ переводахъ Андреевскаго, Анненскаго, Апухтина, К. Р., Ладженскаго, Михаловскаго, Плещеева, Позвякова, Тхоржевскаго, Хвостова, Чюминой, Эллисъ, Энгельгардтъ, Якубовича. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ТВЭНЪ, М. ТОМЪ СОЙЕРЪ. РАЗСКАЗНО ГЕКОМЪ ФИННОМЪ. СЫЩИКЪ-ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ. ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА. Спб. 1911. Г. Ц. 1 р.
- Собрание сочиненій. Т. 2. Американскій претендентъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АРСЕНЬЕВЪ, Ю. О геральдическихъ знаменахъ въ связи съ вопросомъ о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- БОЖЕРЯНОВЪ, И. Памятка двухсотлѣтія Прускаго похода. 1711—1911. Ц. 20 коп.
- ОБЩЕСТВЕННОЕ движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Книга 7-я. Т. 4. Ч. 2-я. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- САВОСТИНЪ, И. Великая отечественная война. Къ 100-лѣтнему юбилею. 1812—1912. М. 1911. Ц. 35 к.
- СЕЛЯНИНОВЪ, А. Тайная сила маонства. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БРЮНЕЛЛИ, П. «Уголовный защитникъ». Практическое пособие при веденіи уголовныхъ дѣлъ и защиты на судѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- В.—ТЪ, Я. Къ экзамену по исторіи римскаго права. М. 1911. Ц. 25 к.
- ГОРБАЧЕВЪ, И. Фирменные договоры. Торговые дома и паевыя товарищества. М. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- ЛУКОМСКІЙ, С. Духовныя завѣщанія. Популярное руководство съ образцами, формами и законоположеніями. М. 1911. Ц. 1 р. 35 к.
- Нотариальная практика. Сборникъ образцовъ, актовъ, договоровъ и формъ нотар. дѣлопрояв. М. 1911. Ц. 2 р. 30 к.
- ПОПОВИЧЪ, П. Оправданіе давности и давность владѣнія въ древне-римскомъ гражданскомъ правѣ. Варшава. 1911. Ц. 75 коп.
- ПАКИДОВЪ, С. Высочайше утвержденный 29 мая 1911 года, одобренный Госуд. Совѣтомъ и Госуд. Думой новый законъ о землеустройствѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ТВЕРДОХЛѢБОВЪ, В. Городское обложение и оцѣнка недвижимыхъ имуществъ. Одесса. 1911. Ц. 15 к.
- ШЕНВИЦЪ, Ф. Кодексъ Наполеона, его характеръ и причины распространенія. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ЮРАШЕВСКІЙ, К. Уголовное уложеніе. Томъ 15-й. Съ разъясненіями. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Искусство.

- АРХИТЕКТУРНАЯ МОСКВА. Ежегодникъ. Редакція: Н. Г. Шебуева и Э. Леви. Выпускъ первый. Современная архитектура. М. 1911. Ц. 2 р.

Естествознаніе и математика.

- АСТАФЬЕВЪ, В. Новый принципъ летанія. Нормальный принципъ полета птицъ. Этюдъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ВОЛОХИНЪ, П. Трисекція угла. Краткій очеркъ одной изъ трехъ знаменитыхъ геометрическихъ задачъ на построеніе древнихъ и новыхъ геометровъ. Съ 21 черт. Одесса. 1911. Ц. 25 к.
- ГРОТЪ, П. Введеніе въ химическую кристаллографію. Одесса. 1911. Ц. 80 к.
- ЛЕВИНЪ, Э. Новая теорія физическихъ явленій безъ электроновъ. Одесса. Ц. 75 к.
- МИЛОБЕНДЗКІЙ, О. Школа качественного анализа. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
- ЭЙФЕЛЬ. Спротивленіе воздуха. Ч. I. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ГАССЕРТЪ, К. Исслѣдованіе полирныхъ странъ. Съ 2 картами. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- КОЗЛОВЪ, П. Русскій путешественникъ въ Центральной Авіи и мертвый городъ Хара-Хото. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЛАГОВЪ, Н. Парижъ, его обычаи и порядки, развлечения и прогулки, достопримечательности окрестностей и другія мѣста. Спб. 1911. Ц. 2 р.

РУСАНОВЪ, Н. Ближній Востокъ. Изъ поѣздки въ Святую землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ завед. города Саратова. Ч. I. 1911. Ц. 75 к.

Языковѣдѣніе.

ДАГБАШАНЪ, А. Полный армяно-русскій словарь. 4 вып. Тифлисъ. 1911. Ц. 6 р.

стота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики. Спб. 1911. Ц. 1 р. 70 к.

ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Правильность и чи-

Сельское хозяйство и домоводство.

КЕРСНОВСКІЙ, А. Искусственныя удобрения, ихъ рациональное примѣненіе, согласно новѣйшимъ даннымъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

вления къ выгонкѣ нѣкоторыхъ раннихъ цвѣтовъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
ПОЛОСУХИНА, А. Земляника и уходъ за нею. Спб. 1911. Ц. 7 к.

МИХАЙЛОВЪ, А. Практическія наста-

Торговля и промышленность. Счетоводство.

КОЛЕБАНІЕ КУРСОВЪ всѣхъ процентныхъ бумагъ, котировующихся на петербургской биржѣ за послѣдніи семь лѣтъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СМЕТАНИНЪ, С. Теорія и техника счетоводства. I. Курсъ начальный. Казань. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БОГОЛЬПОВЪ, М. Гальванопластина и гальваностегія. Никелированіе, золоченіе, серебреніе и проч. М. 1911. Ц. 1 р.

РАЗБОРНАЯ МОДЕЛЬ паравоза-компоундъ изъ 181 разъемныхъ частей въ краскахъ. Изд. Г. В. Гольстена. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

БОРЗЕНКО, К. Законы и правила о паровыхъ котлахъ. Справочная книга для владѣльцевъ паровыхъ котловъ, завѣдывающихъ и лицъ правительственнаго и частнаго за паровыми котлами надзора. Спб. 1911. Ц. 1 р. 40 к.

СЛОВИКОВСКІЙ, И. Простѣйшій способъ расчета подъемной силы товарнаго поѣзда въ зависимости отъ числа въ немъ вагонныхъ осей. Спб. 1911. Ц. 75 к.

БОРОВИЧЪ, Л. А., инж.-тех. Безпроводочный телеграфъ и его устройство. Съ 59 фиг. Брянскъ. 1911. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ аэропланы. Описание всѣхъ системъ съ рис. 1911. Ц. 10 к.

ВИНДА, В. Нефтеносные и водоносные горизонты Майкопскаго нефтянаго района. Екатеринбургъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ТАТЭНЪ, В. Теорія и практика авіаціи. Киевъ. 1911. Ц. 2 р.

ГОРОХОВЪ, А. Летательная машина будущаго, движимая вытекающими въ атмосферу газообразными продуктами горѣнія. Ц. 25 к.

ШМИДТЪ, Г. Записная и справочная книжка для фотографирующихъ. Спб. Ц. 60 к.

— 250 отвѣтовъ на фотографическіе вопросы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ВРЕДЕНЪ, Р. Практическое руководство по военно-полевой хирургіи. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ПАГЕНШТЕХЕРЪ, д-ръ. Ревматизмъ и подагра. Гигиена, діета и леченіе. Съ рис. Перев. съ нѣм. Спб. Ц. 25 к.

ЛАНДА, Д. Учебникъ и настольная книга для дрогистовъ. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ШВАРЦМАНЪ, Я. Очеркъ функциональной діагностики сердца. Одесса. 1911. Ц. 60 к.

Военное и морское дѣло.

ТАКЪ ГОВОРИЛЪ НАПОЛЕОНЪ. Вып. 2-й. Тифлисъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БАЗАНОВЪ, П. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

НЕЧАЕВЪ, А. В., ТРЕТЬЯКОВЪ, Д. К. Учебникъ природовѣдѣнія для высшихъ классовъ средн. учебн. завед. Часть I. Неживая природа. Съ 121 рис. Изд. «Образованіе». Спб. 1911. Ц. 60 к.

— Дополнительныя статьи по алгебрѣ и геометріи. Спб. 1911. Ц. 85 к.

ВАГНЕРЪ, Ю. Н., ЗАЛЕНСКІЙ, В. Р.,

1/2*

- Тоже. Часть II. Растенія. Съ 132 рис. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- Тоже. Часть III. Человѣкъ и животныя. Съ 90 рис. и 3 табл. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ВАСИЛЕВСКИЙ, Ф. Ученическія сочиненія. Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій. В. 1, 2. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ВЕЙХЕЛЬТЪ, К. Книга по русской исторіи для начальныхъ школъ. Ц. 55 к.
- ВЕНТВОРТЪ и РИДЪ. Начальная ариеметика. Вып. 1-й для учителей. Перев. подъ ред. и съ дополн. В. Р. Мрочека. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- ДОБРЫЕ ЗАВѢТЫ русскому юношеству. На память о царскомъ смотрѣ военнаго строя гимнастическихъ дружинъ гражданскихъ учебныхъ заведеній и пребываніи ихъ въ Петербургѣ съ 22 по 30 июля 1911 г. Изд. Спб. отдѣла Всероссийскаго Национальнаго Союза. Спб. 1911. Ц. 25 к.
- ЕГУРНОВЪ, И. Малоспособность учащихся дѣтей и приемы борьбы съ нею. Педагогическія очерки для родителей и воспитателей. Одесса. 1911. Ц. 60 к.
- ЗАЧИНЯЕВЪ, А. Психологическая система обученія. Букварекъ. Спб. Ц. 8 к.
- КЛИМЕНТОВЪ, А. Методика преподаванія родного языка. Изд. 2. Одесса. Ц. 1 р.
- КОЛАЧЕВЪ, С. Учебное пособие по коммерціи для торговыхъ школъ и торговыхъ промышленныхъ курсовъ. Уфа. 1911. Ц. 75 к.
- КЮРЗЕНЪ, М. Систематическій курсъ ариеметики для среднихъ учебныхъ завед. муж. и женск. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ЛЮНГИНОВЪ, А. Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учителей. Одесса. 1911. Ц. 35 к.
- ЛЯМИНЪ, А. Прямолинейная тригонометрія для средне-учебныхъ заведеній. М. 1911. Ц. 60 к.
- МАЗОРЪ, И. Постатейный словарь къ учебнику французскаго языка А. Русси. Ч. 3-я. Кіевъ. 1911. Ц. 30 к.
- МАЙКОВЪ, В. Николай Васильевичъ Гоголь. Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- МИРЛЕСЪ, А. Темникъ-хрестоматія. Важнѣйшія темы. Ч. 2-я. Изд. 2. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- МИРОЛЮБОВЪ, А. Законъ Божій для начальныхъ школъ. М. 1911. Ц. 30 к.
- МЭННЪ и ТВИССЪ. Учебникъ физики для средней школы. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
- НАЗИМОВЪ, С. и ЯЦКО, И. Русское потѣшное войско. Исторія его происхожденія и развитія. Теорія и практика дѣла въ наши дни. М. 1911. Ц. 75 к.
- ОЛЬХОВСКИЙ, В. А. Курсъ алгебры, требуемый на конкурсныхъ испытаніяхъ при поступленіи въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- РОШАЛЬ, Э. Обзоръ темъ съ планами. Ч. I. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- РЯБЧЕНКО, А. Е. Книжка «потѣшнаго». За вѣру, царя и отечество. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- Памятка «потѣшнаго». Спб. 1911. Ц. 15 к.
- СЕМЕНОВЪ, А. К. Планы и сочиненія. XVI—XVIII стол. Курсъ VI класса гимназій. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- СЕМЕНОВЪ, М. Этимологія русскаго языка. М. 1911. Ц. 30 к.
- Исторія и теорія русской словесности. М. 1911. Ц. 75 к.
- СОЗОНОВЪ, С. и ВЕРХОВСКИЙ, В. Элементарный курсъ химіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- СТРУВЕ, Ю. Курсъ русской грамматики. Ч. II. Синтаксисъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- СЫРОМЯТНИКОВЪ, А. Сборникъ дѣйствующихъ распоряженій Мин. Нар. Пр. о врачѣ начальнаго народнаго училища. Одесса. 1911. Ц. 10 к.
- Тоже, о попечителѣ начальнаго народнаго училища. Ц. 20 к.
- Тоже, о почетныхъ блюстителяхъ приходскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. 20 к.
- Примѣрные программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства Мин. Нар. Пр. Ц. 20 к.
- Волѣны и тѣлесныя недостатки, препятствующіе поступленію въ учебн. заведенія. Ц. 10 к.
- ШУМИЛОВСКИЙ, Л. Курсъ правописанія. Вып. 1. Спб. 1911. Ц. 70 к.
- ЩУСЕВЪ, С. Сельско-хозяйственная наука и высшая школа. Москва. 1911. Ц. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ВУЛЬФСОНЪ, Э. Чехія и Моравія. М. 1911. Ц. 40 к.
- НЕЧАЕВЪ, А. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Великій круговоротъ. М. 1911. Ц. 25 к.
- ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Въ смертельной опасности и др. рассказы. Съ 13 рис. Спб. 1911. Ц. 65 к.

Спортъ, охота и игры.

- ТЮЛЬЦАНОВЪ, А. Выборы, приобрѣтеніе, содержаніе, дрессировка и натаска легавой. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Справочныя книги.

- АВДЪБЕНКО, И. Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Одесская выставка. Придѣлостровскіе курорты. 1911. Ц. 40 к.
- ВЕСЬ ОМСКЪ. Справочный указатель на 1911 г. Ц. 1 р.
- ВОРОТИНЦЕВЪ, Н. Спутникъ конкурсантовъ и поступающихъ въ высшія учебныя заведенія безъ конкурса. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ВСЯ ДОНСКАЯ ОБЛАСТЬ и Сѣверный Кавказъ. На 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ДОБКЕВИЧЪ, Л. Пособіе чинамъ полиціи какъ быстро производить дознанія и составлять протоколы. М. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Программы и правила испытаній на первый классный чинъ гражданской службы. Киевъ. 1911. Ц. 30 к.

МАТУШКЕВИЧЪ, Л. Счетно-ревизионный конспект-справочникъ для чиновъ железнодорожныхъ строительныхъ контролей и управлений. Спб. 1911. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

ОРЛОВСКАЯ, Е. Крымъ. М. 1911. Ц. 75 к.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ календарь-справочникъ на 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 10 к.

СПРАВОЧНАЯ книга «Вѣстника Знанія» на 1911 годъ, съ путеводителемъ по Петербургу, Спб. Ц. въ пер. 1 р.

ЯЛТА и ближайшія окрестности. Путеводитель-справочникъ. Ялта. Ц. 30 к.

Періодическія изданія.

«ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Ежемѣсячный журналъ. 1911. Августъ. Спб. Ц. 60 к.

«ВѢСТНИКЪ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ». 1911 г., № 11. Іюнь. Спб. Ц. 60 к.

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ». Художественно-литературный и политическій журналъ. Спб. 1911. № 32. Ц. 20 к.

ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера. 1911. № 14. Ц. 25 к.

«НАША ОХОТА». Журналъ, посвященный охотѣ ружейной, псовой и рыболовству. 1911. № 14. Спб. Ц. 25 к.

«ОКРАИНЫ РОССИИ». 1911. №№ 29—30. Ц. 20 к.

«ОСА». Юмористическій журналъ. 1911. № 31. Москва. Ц. 10 к.

«СВОБОДНЫМЪ ХУДОЖЕСТВАМЪ».

Журналъ. 1911. Іюль. Ц. 1 р. 25 к.

«СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ». Ежемѣсячный журналъ. Іюнь и Іюль. 1911. Спб. Ц. по 1 р.

«ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО». 1911. №№ 30 и 32. Спб. П. кажд. № 20 к.

«ХУТОРЪ». Практический сельскохозяйственный журналъ. № 8. 1911. Спб. Ц. 30 к.

«ЭКОНОМИСТЪ РОССИИ». 1911. №№ 29—31. Ц. кажд. № 20 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.)

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. Б. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей**. Въ переплетѣ **36 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтфортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское гѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА СОБРАНИЕ
НЕИЗДАННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ
ПРОИЗВЕДЕНІИ
Л. Н. ТОЛСТОГО.
ИЗДАНИЕ АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Слѣдую указаніямъ, даннымъ ЛЬВОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ТОЛСТЫМЪ, дочь его, Александра Львовна, предприняла изданіе оставшихся послѣ него, еще не бывшихъ въ печати, его художественныхъ произведеній.

Чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ издательницею согласно воли ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА.

Въ это изданіе войдутъ слѣдующія повѣсти, драмы и неоконченныя произведенія:

ХАДЖИ-МУРАТЬ.—ОТЕЦЪ СЕРГІЙ.—ДЬЯВОЛЪ.—ФАЛЬШИВЫЙ КУПОНЪ.—ПОСЛѢ БАЛА.—ЧТО Я ВИДѢЛЪ ВО СНѢ.—АЛЕША ГОРШОКЪ.—ЖИВОЙ ТРУПЪ.—ХОДЫНКА.—ОТЪ НЕЙ ВСѢ КАЧЕСТВА.—ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.—НѢТЬ ВЪ МІРѢ ВИНОВАТЫХЪ.—КТО УБІЙЦЫ?—ЗАПИСКИ ѲЕДОРА КУЗЬМИЧА—ВСТУПЛЕНІЕ КЪ ИСТОРИИ МАТЕРИ.—ДѢТСКАЯ МУДРОСТЬ.—ОТЕЦЪ ВАСИЛІЙ и нѣкоторыя другія произведенія.

Изданіе это выйдетъ въ свѣтъ по подпискѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и будетъ состоять изъ трехъ изящныхъ томовъ большого формата, на лучшей бумагѣ, съ портретами и автографами Л. Н. Толстого.

I томъ выйдетъ 7 ноября 1911 года, II—2 декабря 1911 года и III—5 января 1912 года.

**Цѣна за три тома ШЕСТЬ руб.,
съ пересылкой 6 руб. 50 коп.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 руб.** и при полученіи I тома—остальные **3 руб.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Кузнецкій Мостъ, домъ кн. Гагарина, кв. 5, контора изданій А. Л. Толстой, и во всѣхъ главныхъ книжн. магазинахъ.

Открыта подписка на

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА ТОЛСТОВСКАГО МУЗЕЯ

ВЫХОДИТЬ 10 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

С.-Петербургъ, Толстовскій музей, Вас. Остр., 1 линия, д. № 24, кв. 8.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Россіи съ пересылкой на годъ	4 руб. — коп.
» » » » » полгода	2 » — »
За границей » » годъ	5 » — »
» » » » » полгода	2 » 50 »
За отдѣльный номеръ 50 коп.	За перемѣну адреса 20 коп.

Въ журналѣ, помимо официальныхъ документовъ, исходящихъ отъ общихъ собраній, комиссій и совѣта общества, знакомящихъ съ ходомъ работъ Музея, по мѣрѣ возможности будутъ печататься еще до сего времени не опубликованныя произведенія Л. Н. Толстого, а также статьи, воспоминанія, дневники и пр., такъ или иначе связанные съ личностью и дѣятельностью Л. Н. Толстого. Кромѣ того, въ «Извѣстіяхъ» возможно полно будетъ регистрироваться текущая, русская и иностранная, библиографія, касающаяся Л. Н. Толстого. Каждый номеръ «Извѣстій» будетъ иллюстрированъ нѣсколькими снимками.

Только что вышель № 1 (іюль) „Извѣстій“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.— Письма (13) Л. Н. Толстого къ М. В. Алехину.— Предисловіе и примѣчанія къ нимъ Влад. Бончъ-Бруевича.— Толстовскій Музей (Докладъ, прочитанный на первомъ общемъ собраніи Московскаго отдѣленія Общества Толстовскаго музея) П. И. Бирюкова.— Четыре фотографическихъ снимка двухъ залъ Музея.— Къ рисункамъ.— Памяти Владимира Михайловича Воинова, Мих. Стаховича.— Письмо В. М. Воинова къ Л. О. Пастернаку.— Портретъ В. М. Воинова.— Къ портрету В. М. Воинова.— Опись книгъ, портретовъ и разныхъ вещей, переданныхъ въ даръ Толстовскому Музею Владимиромъ и Олегомъ Воиновыми.— Хроника.— Свѣдѣнія для отправляющихся въ Ясную Поляну отъ московскаго отдѣленія Общества Толстовскаго Музея.— Библиографія.— Книги, поступившія въ редакцію.— Уставъ О-ва Толстовскаго Музея.— Протоколъ общаго собранія Общества Толстовскаго Музея 27-го марта 1911 г.— Отчетъ Совѣта Общества Толстовскаго Музея Годичному Общему Собранію 1 мая 1911 года о дѣятельности Общества за 1910—11 г.— Отчетъ казначея за 1910—11 годъ.— Смѣта Общества Толстовскаго Музея за 1911—12 г.— Докладъ Ревизіонной Комиссіи.— Отчетъ Ревизіонной Комиссіи.— Списокъ приобрѣтеннаго Музеемъ ко дню его открытія до 1 мая 1911 г.— Списокъ пожертвованій, поступившихъ къ открытію Музея до 1 мая 1911 г.— Списокъ членовъ Общества.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ „Извѣстій Общества Толстовскаго Музея“, Петербургъ, Толстовскій Музей, Вас. Остр., 1 линия, д. № 24, кв. 8, и во всѣхъ главн. книжныхъ магаз. Издатель: *О-во Толстовскаго Музея*. Редакторъ: *Влад. Бончъ-Бруевичъ*.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1912 году
(ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1912 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать два года (1881—1911).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
НОЯБРЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1911 г

	ст
I. Кольчевская водчина. Романъ. Часть третья. XVIII—XXIII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштеть.	401
II. Записки Н. К. Беркута: IV—VII. (Продолженіе).	449
III. Растрата. I—XXIV. П. П. Гвѣдича.	478
IV. Изъ воспоминаній о К. А. Скальковскомъ. В. Б. Бертенсона	511
V. Помраченіе высокопреосвященнаго Иринаея. И. И. Яеинскаго. . .	530
VI. Русское министерство въ Болгаріи, (Временъ Александра Баттенбергскаго). А. Н. Щеглова.	552
VII. Люди недавняго прошлаго. V—VI. (Продолженіе). В. А. Тихонова.	591
VIII. Первое сентября 1911 года. (Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина). А. С. Панкратова.	613
IX. Мятѣжь на Западномъ Кавказѣ. (Картинки кавказской революціи). Г. А. Затеряннаго.	640
X. Забытый классикъ. (Матеріалы для біографіи И. А. Гончарова). С. Шпицера.	679
XI. Памяти В. О. Ключевскаго. (Изъ воспоминаній его слушателя). А. А. Танкова.	692
XII. Плюшкинскій музей. В. А. Алексеѣва.	697
иллюстрація: Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ.	
XIII. Эпоха мира и успокоенія, (Историческіе очерки). (Продолженіе). VI. Ликвидация революціонныхъ сообществъ. Б. Б. Глинскаго:	704
иллюстраціи: 1) Николай Евгеньевичъ Сухановъ.—2) Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ.—3) Валонъ Александръ Павловичъ Штромбергъ.—4) Николай Даниловичъ Похитоновъ.	
XIV. На родинѣ Ломоносова. V—XI. (Окончаніе). И. П. Ювачева.	739
иллюстраціи: 1) Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства (направо) внутри Успенскаго монастыря.—2) Выйшій архіерейскій корпусъ въ Успенскомъ монастырѣ.—3) Предполагаемый портретъ принцессы Анны Леопольдовны.—4) Предполагаемый портретъ одной изъ дочерей Анны Леопольдовны.—5) Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства съ южной стороны.—6) Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.—7) Гробницы холмогорскихъ архіепископовъ въ Преображенскомъ соборѣ.	

(См. слѣд. стран.)

XV. Критика и библиографія. 763

1) М. Ключковъ. Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911. П. В. Верховского — 2) Н. Е. Волковъ. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III. 1881—1894 г. Спб. 1910. Вит. Ткачуна. — 3) Сборникъ статей по архивовѣдѣнію, подъ редакціей А. И. Зубарева. Т. I ч. 1 и 2. Спб. 1911. А. Б. — 4) Труды московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Т. I. Москва. 1911. М. И-ва. — 5) Протоіерей А. П. Поповъ. Младшій Григоровичъ. Новооткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка. Кронштадтъ. 1911. С. — 6) І. А. Любичъ-Копуровъ. Партизаны 1812 г. Москва. 1911. А. Иф. — 7) Р. Габаевъ. Документъ о русскихъ знаменахъ и прочихъ войсковыхъ регаліяхъ начала XIX вѣка. (1803—1815 гг.). Опытъ историко-иконографическаго описанія. Спб. 1911. Его же. Вязоваго годовина Отечественной войны и инженерныя войска. Спб. 1911. В. Р-ва. — 8) Подковникъ Н. П. Поликарповъ, дѣйств. чл. императорскаго русскаго военно-историческаго общества. «Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26 августа 1812 г. при селѣ Воронинѣ. Вып. I. Военныя дѣйствія 1-й и 2-й Западной арміи на большой Московско-Смоленской дорогѣ съ 9-го по 17-ое августа 1812 года». М. 1911. В. В. — 9) Е. Орловскій. Гродненская старина. Часть I. Городъ Гродна. Съ гравюрами. Гродна. 1910. В. Р-ва. — 10) Московское общество народныхъ университетовъ. Господство права. Левція П. Г. Виноградова, профессора московскаго и оксфордскаго университетовъ. Москва. 1911. Пант. — 11) В. В. Майковъ. Книжка писцовая по Новгороду Великому конца XVI вѣка. Спб. 1911. В. Р-ва. — 12) Д-ръ Столь (ль?) Что необходимо знать каждому мальчику. Перев. съ англійскаго Е. Назвашидзе. Спб. 1911. Р. Сементовскаго. — 13) А. Измайловъ. Литературный Олимпъ. Характеристики, встрѣчи, портреты, автографы. М. 1911. Н. Л. — 14) Русская карикатура. I. В. Ф. Тимъ, сост. В. А. Верещагинъ. Спб. 1911. Г-ъ. — 15) Графъ Павелъ Шереметевъ. Карамзинъ въ Остафьевѣ. 1811—1911. М. 1911. Л. — 16) В. В. Розановъ. Темный ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Его же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Б. В-скаго. — 17) П. Е. Васильковскій. Чудеса животнаго міра. (Зоология для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школахъ. Съ 185 рисунками. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. М-о. — 18) Г. Штейдингъ. Памятники античнаго искусства. Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. А. М-на. — 19) Ивану Михайловичу Гревсу ученика. Спб. 1911. П. Б. — 20) Большой всемірный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей Э. Ю. Петря и Ю. М. Шокальскаго. Спб. л. — 21) Александръ Венуа. Путеводитель по картинной галереѣ императорскаго Эрмитажа. Спб. 1911. М-о.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 792

1) Новинки по археологіи. — 2) Эволюція донъ-Жуана. — 3) Бое-что о Россіи. — 4) Вильгельмъ—главнокомандующій арміей.

XVII. Смѣсь. 814

1) Присужденіе премій митрополита Макарія. — 2) Открытіе Толстовской выставки. — 3) Вяземскій комитетъ по увѣковѣченію памяти Отечественной войны. — 4) Чествованіе профессора А. И. Введенскаго. — 5) Юбилей издателя и редактора «Петербургской Газеты», С. Н. Худекова и А. К. Гермонюса. — 6) Архивъ князя А. Д. Меншикова. — 7) Къ постановкѣ памятника императрицѣ Маріи Феодоровнѣ въ Павловскѣ.

XVIII. Некрологи. 825

1) Вѣляевъ, В. И. — 2) Левшинъ, Л. Л. — 3) Носовъ, Л. І. — 4) Розановъ, Н. І. (протоіерей). — 5) Соболевъ, А. Н. — 6) князь Трубецкой, П. Н.

Приложенія: 1) Пориретъ Константина Аполлоновича Скальковскаго. — 2) Смерть консулу. (Pour tuer Bonaparte). Историческій романъ Жоржа Ону. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

КОНСТАНТИНЪ АПОЛЛОНОВИЧЪ СКАЛЬКОВСКІЙ

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА¹⁾.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVIII.

Тихая, синяя ночь свой покровъ,
Затканный блесками звѣздныхъ міровъ,
Надъ усталой землей развернула,
«Спи!» ей шепнула.

И, покой со вселенной дѣля,
Задремала покорно земля,
Огнѣмъли лѣса и поляны,
Спятъ океаны...

(Изъ «Бѣлыхъ инокнѣ». М. К.).

НОВА началось осеннее ненастье. Дождь съ изморосью размигчалъ почву и портилъ дороги. Собщеніе съ Горскомъ поддерживать было трудно. Колеса и лошади увязали въ грязи, и комья глины облѣпляли ноги пѣшеходовъ.

Въ такую погоду всего охотнѣе сидится дома. Тетя Саша, отбывъ утренній удой, садилась за хозяйственные счеты въ кабинетъ, а Лиза въ своей комнатѣ за книжки. Музыку она совсѣмъ забросила и не пѣла, ссылаясь на сипоту.

Съ Яшневымъ они видѣлись очень часто. При больницѣ у него была небольшая квартирка, гдѣ онъ почивалъ, а къ обѣду приходилъ въ старую усадьбу. Тети Саша привыкла къ нему, а Кирилловна въ немъ просто души не чаяла, особенно послѣ того, какъ онъ вылечилъ ее отъ отека ногъ. Но страннымъ образомъ ни та, ни другая не смотрѣли на него, какъ на возможнаго жениха для Лизы.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 5.

Сама Лиза такъ умѣла теперь сдерживать себя, что даже самому злонамѣренному глазу не удалось бы открыть ни малѣйшей перемѣны въ ея лицѣ, когда онъ пожималъ ея руку или неожиданно входилъ въ комнату. Слѣдить за собою Лиза стала послѣ второго же визита къ Мартыновой, къ которой зашла, чтобы условиться насчетъ занятій съ ея дочкой.

Марья Антиповна даже прослезилась.

— Господи, какая вы хорошая! Голубушка, да я въ ножки поклониться вамъ готова, а только отпустить къ вамъ Союю не могу. Она у меня за помощницу. Сама я на кухнѣ, а она съ малышами. Все-таки дѣвочки, на солдата оставлять не годится. Будь мальчики — другое бы дѣло, а дѣвочекъ нехорошо.

Лиза согласилась пріѣзжать разъ въ недѣлю съ ночевкою, чтобы въ эти два дня репетировать все задаваемое на недѣлю, и отъ Мартыновыхъ прошла къ Аннѣ Павловнѣ сговориться съ нею насчетъ еженедѣльнаго ночлега.

Та встрѣтила ее съ распростертыми объятіями.

— А я, дуся, думала, вы на меня за Яшнева дуетесь.

— Что такое?

— Зачѣмъ я тогда на балу при дамахъ о немъ помянула... Я даже съ Левкевичемъ изъ-за васъ поссорилась.

— Ничего не понимаю!

— Боже, какая вы скрытная! но напрасно. Пусть вы меня въ свои сердечныя дѣла не хотите посвящать, но ваши глаза такъ выразительны, что я все, все угадала, да и не одна я. Полковница говорила мнѣ послѣ бала, что, будь вы ея родственница, она не позволила бы молодому человѣку такъ явно завлекать васъ.

— Но, слава Богу, я не баронесса фонъ-Маусъ, и это ея не касается.

Заводить послѣ такого разговора рѣчь о ночевкѣ Лизѣ не хотѣлось, и, холодно простившись съ инспекторшей, она вернулась къ Мартыновой. Та живо устроила дѣло. У домовою хозяйки оказалась свободная комната, и Лиза ее тутъ же наняла на всю зиму. И Александръ Николаевичъ, можетъ быть, когда ночевать придется, такъ оно и кстати.

Къ ея великому изумленію, взятыя ею на себя обязанности никакого сочувствія у Яшнева не встрѣтили.

— Лишняя обуза. Охота вамъ. Это такое болото сплетенъ, вся наша военщина. Увидите, что, кромѣ чернѣйшей неблагодарности, ничего не дождетесь.

— Да я никакой благодарности и не хочу, я просто взялась за эти уроки, что совершенно за программу спокойна и знаю ее. Пусть, по вашимъ понятіямъ, это все требуха, но безъ нея дѣвочки на казенный счетъ не примуть.

— Конечно, первое условіе всякаго бюрократическаго учрежденія слѣное повиновеніе существующей ерундѣ. Ну, желаю успѣха...

И то, что Лиза, невзирая на погоду и слякоть, ѣздила аккуратно по средамъ на занятія, злило его. Дѣвчонка съ норовомъ... а время шло. Пора было бы приняться за оборудованіе подвала, но Лиза словно начинала ускользать изъ рукъ, и онъ не зналъ, какъ подступиться къ ней съ этимъ вопросомъ.

Хотя она читала не отрываясь все, что онъ давалъ ей, хотя Дашева высылала аккуратно лекціи и списки рекомендуемыхъ на курсахъ сочиненій авторитетовъ, но вся эта новая ученость плохо укладывалась въ ея головѣ. Писарева, разрушавшаго свѣтлый міръ, созданный Гриневымъ, она прямо возненавидѣла.

«Господи, вотъ несчастный человѣкъ! Ему была недоступна никакая красота? Онъ былъ или слѣпымъ, или настолько озлобленнымъ, что ему доставляло удовольствіе, какъ дѣтямъ, ломать все прекрасное съ досады».

Дарвинъ смущалъ ее, и она не разъ, краснѣя, захлопывала его «Происхожденіе видовъ». Былъ что-то въ его ученіи, отъ чего на душѣ становилось гадко и стыдно, точно ее раздѣвали въ присутствіи постороннихъ. «Фу, какая я еще глупая! Это остатокъ институтства. Вѣдь и Дашева поминаетъ Дарвина въ своемъ спискѣ...»

Часто въ эти ненастные дни тетя Саша звала ее почитать ей вслухъ. Лиза попробовала читать Бокля, но послѣ первыхъ же двухъ страницъ Александра Николаевна откровенно зѣвнула.

— Скучно, Лизанька! нѣтъ ли чего поинтереснѣе? Какого-нибудь романа, что ли? Вонъ въ «Нивѣ» хорошій въ прошломъ году шель!

— Тетечка,—смѣялась въ отвѣтъ Лиза:—это все такой шаблонъ, впередъ знаешь, чѣмъ кончится. Я терпѣть ихъ не могу.

Тетя Саша вздыхала.

— Да, вы теперь другія. Насъ за ваши умныя книжки звали бы синими чулками. Вы точно профессора,—о чемъ говорить съ вами даже не знаешь. Придетъ Василій Игнатьевичъ, вмѣсто того, чтобы поѣтъ да поиграть ему, вы съ нимъ философствуете. Какъ не надоѣсть,—не пойму!

По средамъ Лизу обыкновенно сопровождала Кирилловна, которая всякій разъ забѣгала провѣдать въ казармахъ «дѣтушекъ», т. е. тѣхъ солдатиковъ, которые проработали три недѣли въ Колычевѣ. Каждый разъ она привозила имъ домашнихъ гостинцевъ, и каждый разъ также на долю Мартыновыхъ перепало кое-что изъ колычевской кладовой или маслобойни. Тетя Саша посылала дѣтямъ то варенья, то смоквы, то битой птицы или кадочку масла, а Лиза привозила всякихъ печеній и крендельковъ. Александра Николаевна сама надумалась пополнить тощій дѣтскій гардеробъ

и усердно перешивала и перекраивала свои старые наряды на юбочки и платица четырех «мартышекъ», какъ звалъ штабсъ-капитанъ своихъ дочекъ. Самъ онъ въ присутствіи Лизы подтягивался, былъ воздержаннѣе къ вину, и на поблекшихъ губахъ Марьи Антиповны все чаще мелькала довольная улыбка, а на душѣ у молодой дѣвушки становилось все спокойнѣе и радостнѣе отъ сознанія, что ея жизнь проходить не безъ пользы.

Эти занятія, конечно, не остались тайною въ уѣздномъ городкѣ.

Полковница хоть и поджимала губы, но въ душѣ одобряла Лизу, зато обѣ львицы называли ее за глаза не иначе, какъ «губернанкой». Анна Павловна относилась также критически:

«Не дѣло свѣтской дѣвушкѣ съ ребятами возиться, точно какой-нибудь замарашкѣ!»

Очевидно, въ эти минуты всѣ высокія слова о женской самостоятельности и равноправіи испарялись изъ-подъ пышнаго шиньона инспекторши.

Лиза ни на кого не обращала вниманія, и это бѣсило кумушекъ. Съ Яшневымъ ихъ больше никогда вмѣстѣ не видали, знали, что онъ часто бываетъ въ усадьбѣ, и со дня на день ожидали помолвки или какого-нибудь скандала, но проходили дни, летѣли недѣли, и все оставалось по старому.

4-го ноября въ петербургской Петропавловской крѣпости на лѣвомъ бастіонѣ Іоанновскаго рavelина снова были воздвигнуты двѣ висѣлицы. Когда подвели къ нимъ осужденныхъ, и палачъ накинулъ саванъ на перваго, второй въ послѣдній разъ обвелъ взглядомъ мутное небо мутнаго, безцвѣтнаго зимняго дня, и вдругъ ему вспомнилось другое утро, лѣтнее, золотое, съ перламутровыми бликами на волнахъ канала, съ тихой и нѣжной женской пѣсней, лившейся изъ открытаго окна. И снова тотъ схваченный тогда мотивъ запѣлъ въ душѣ и стало такъ жаль, такъ безумно жаль своей молодой обреченной на немедленный конецъ жизни...

А мотивъ этотъ звучалъ въ это же утро за тысячи верстъ отъ сырого, туманнаго Петербурга, въ старомъ домикѣ въ старой усадьбѣ...

Лиза, кончивъ свои вокализы, вдругъ расплѣлась.

«Vous savez bien, que je vous aime...»

Вспомнился ей ея любимый *santiqùe*, но не образъ Христа возникъ передъ умственнымъ взоромъ. Черные, полуприкрытые тяжелыми вѣками глаза снова заглянули ей въ самое сердце, и страстью челоуѣческой, сладкой, грѣховной забилося оно. Голосъ вдругъ окрѣпъ, и мощныя, какъ звуки серебряныхъ трубъ монастырскаго органа, полились послѣдующія строфы причастнаго стиха.

Тетя Саша, отдававшая въ сосѣдней комнатѣ хозяйственныя распоряженія Кирилловнѣ, остановилась на полусловѣ, точно очарованная.

- Что это ты пѣла, Лизочка?—спросила она, когда та смолкла.
- Кантику перваго причастія, развѣ ты ее не узнала?
- Ты такъ ее спѣла, что я ее приняла за старинную любовную балладу.

Лиза сконфузилась... Да, она любила, любила съ каждымъ днемъ крѣпче и беззавѣтнѣе. И то, что онъ бывалъ почти ежедневно и ни словомъ не заикался о своемъ чувствѣ, даже не выражая его теперь крѣпкимъ пожатіемъ руки, начинало тревожить ее. Ей хотѣлось изъ его яркихъ губъ слышать подтвержденіе своихъ догадокъ, до боли хотѣлось его поцѣлуя и ласки. Она винила себя за излишнюю сдержанность и показную холодность.

День шель, какъ всѣ будніе дни. Тетя Саша занялась коровникомъ. Лиза, окончивъ гаммы и экзерсизы, сыграла на фисгармоніи свою любимую ораторію Генделя, строго молитвенное настроеніе которой имѣло свойство успокаивать нервы, а потомъ сѣла за книжки, чтобы приготовиться къ уроку у Мартыновой, но ей не работалось. Въ десятый разъ переворачивала она ту же страницу, подзубривая нѣмецкую грамматику,—это были только буквы и слова безъ всякой связи и смысла.

Настали раннія сумерки, когда на блѣдномъ, зимнемъ небѣ блекнуть послѣднія краски, когда снѣгъ за окномъ принимаетъ темносиніе и фіолетовые тона, а черезъ сѣть черныхъ, оголенныхъ вѣтвей начинаютъ зажигаться первыя робкія звѣзды.

Лиза подошла къ заколоченной на зиму двери террасы и стала пристально вглядываться въ аллею. Между черными стволами двигалась знакомая фигура.

— До свиданья, Лизокъ, я ухожу къ батюшкѣ,—раздался за ея спиной голосъ тетки.

— Куда ты, тетя? Вонъ идетъ Василій Игнатьевичъ.

— Что дѣлать! прими его сегодня одна. Я обѣщала. Матушкѣ опять хуже.—И Александра Николаевна вышла.

Черезъ пять минутъ Яшневъ уже здоровался съ Лизой.

Она велѣла подать закуску и чай. Отъ ѣды онъ отказался, но чай пришелся кстати.

— А знаете, я очень радъ, что застаю васъ одну, безъ тетушки,—сказалъ онъ, едва затворилась дверь за Таней.—Мнѣ надо серьезно переговорить съ вами.

У Лизы захолонуло сердце.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы очень рѣшительный человекъ и на васъ можно вполне положиться. Въ этомъ я давно убѣдился. Если бы я обратился къ вамъ съ просьбой, требующей абсолютной тайны, согласились бы вы исполнить ее?

— Это зависитъ отъ того, кого эта тайна касается.

— Касается меня, моихъ ученыхъ изслѣдованій. Видите ли для моихъ занятій мнѣ необходимы опыты.

— Вивисекціи?—перебила Лиза.— Неужели правда, что вы мучите несчастныхъ котятъ?

— И котятъ, и кроликовъ, и крысъ, и собакъ, и лягушекъ, чтобы на ихъ страданіяхъ научиться, какъ облегчать страданія людей. Да, мучу! Но, кромѣ того, я занимаюсь и химіей и опытами надъ новѣйшими примѣненіями ея въ той же медицинѣ. И вотъ для этихъ цѣлей мнѣ необходимо получить ключъ отъ подвала, изъ котораго вышла бы идеальная опытная лабораторія.

— Но для чего же дѣлать изъ этого тайну? Вамъ довольно сказать слово, и тетя Саша предоставитъ его всецѣло въ ваше распоряженіе.

— А глаза любопытствующихъ? вашей дворни, напримѣръ? Я бы предпочелъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Топить и заниматься буду по ночамъ. Днемъ некогда, да къ тому же мнѣ требуется полная тишина.

Онъ крутилъ бороду и пристально смотрѣлъ на Лизу. Она подняла голову.

— Вы все-таки лучше разрѣшите мнѣ сообщить объ этомъ тетѣ. Только ей одной. Она умѣетъ молчать.

Яшневъ пожалъ плечами.

— Если бы была какая-нибудь возможность, я самъ предпочелъ бы дѣйствовать откровенно, но именно этого нельзя. Впрочемъ, я не настаиваю. Васъ, какъ я вижу, затрудняетъ исполненіе столь странной, по-вашему, просьбы. Что жъ дѣлать! Я подыщу другое помѣщеніе. Я обратился къ вамъ потому, что надѣялся на вашу отзывчивость. Я думалъ, что вы, которая такъ хорошо понимаете всѣхъ другихъ и спѣшите имъ на помощь, откликнитесь и на мою бѣду и выручите меня,—въ больницѣ уголка лишняго нѣтъ, и мои занятія уже порядочно оттого пострадали.

Лиза встала и вышла. Черезъ минуту она вернулась съ ключомъ.

— Вотъ!—протянула она его Яшневу.

Но онъ вмѣстѣ съ ключомъ взялъ и ея руку и поцѣловалъ.

— Спасибо, моя хорошая, моя славная...

Лиза закрыла глаза и поблѣднѣла. Чьи-то губы подъ слегка коловшимися усами прижались къ ея полуоткрытому рту. И вдругъ тотъ утренній порывъ, безумная, неудержимая потребность мужской ласки заставила ее обвить руками и покрыть поцѣлуями эту милую, курчавую голову.

— Наконецъ... наконецъ-то!.. Какъ удивится тетя!..—очнулась она.

Онъ обнялъ ее за талію.

— Милая, милая... только не это! только не банальное, ужасное жениховство. Я его не вынесу. Я врагъ всякихъ условностей,

этой глупой свѣтскости и неизбежной обрядности. Мнѣ страшно при одной мысли о выставленіи себя на показъ въ такомъ интимномъ дѣлѣ, и я еще разъ прошу, нѣтъ, даже не прошу, а требую абсолютной тайны до поры, до времени. Во-первыхъ, — о немедленномъ супружествѣ и рѣчи пока быть не можетъ. Намъ придется подождать не менѣе года, и мало ли кто другой можетъ понравиться и оказаться болѣе выгодной и подходящей партіей...

— Не смѣйте, не обижайте меня... — зажала ему Лиза ротъ рукою. — Для меня нѣтъ и быть не можетъ другого. А насчетъ тайны... о, Боже мой! да развѣ я стремлюсь къ публичности? Я только по-святила бы въ мое счастье тетю...

— Нѣтъ, родная! я прошу, принести мнѣ эту жертву. Такъ гораздо свободнѣе и лучше. А видѣться мы будемъ, видѣться и узнавать другъ друга. Я знаю, я требую многого, но я тоже знаю, на какую самоотверженность, на какія жертвы способна любящая дѣвушка... А ты вѣдь любишь меня?

— Вася... Вася... — шептали дрожащія губы, и сѣрые глаза темнѣли подъ его поцѣлуями.

Съ этихъ поръ для Лизы началась новая жизнь. Откуда взялась у нея удивительная способность притворства? Она прониклась убѣжденіемъ, что тайна не ея, что она поручена ей и если она выдастъ ее взглядомъ или словомъ, то стубитъ свое счастье и утратитъ навѣки довѣріе дорогого ей человѣка. И она со спокойной совѣстью шутила съ домашними, ѣздила на уроки и не только танцевала на полковыхъ вечерахъ, но даже участвовала въ спектакляхъ и концертахъ, позволяя ухаживать за собою всей горской молодежи съ Левкевичемъ во главѣ.

У двоихъ изъ нихъ ухаживанье это приняло серьезный оборотъ. Это были Степанъ Шемаевъ и Флинтъ.

Степаша вдругъ остепенился. Онъ началъ не на шутку готовиться на аттестатъ реального училища и проводилъ дни и ночи надъ учебниками.

— Ишь ты, въ ученые записался! — охала маменька. — Да брось ты. Куда твоей дурацкой головѣ. Все равно толку не будетъ.

Тятенька, напротивъ, даже гордился имъ. Самъ онъ былъ не силенъ въ грамотѣ, но числился тѣмъ не менѣе въ 600 тысячахъ.

Миронъ отсталъ отъ брата и, махнувъ рукою, ходилъ одинъ на купеческія вечеринки, закатываясь оттуда съ пріятелями на конецъ города въ заѣзжимыя арфісткамъ и хористкамъ, а Степаша зубрилъ и ломалъ голову надъ теоремами и хронологіей. Онъ мечталъ, сдать экзамень, отбыть воинскую повинность и поступить въ Москвѣ въ коммерческую академію или уѣхать на практику въ Лондонъ и Парижъ, чтобы хоть какъ-нибудь приблизиться по образованію къ Лизѣ.

— Эхъ, чѣмъ судьба не шутить! и за нашего брата графини выходили!..

Флинтъ тоже вдругъ измѣнился. Его давно уже не удовлетворяла сѣренькая жизнь армейскаго офицера. Способный и серьезно подготовленный, онъ по окончаніи училища не выбралъ гвардейской вакансіи только изъ-за недостатка средствъ. По отцу онъ принадлежалъ къ обѣднѣвшему остзейскому дворянству, но по матери былъ православный, и ей-то поручикъ съ нѣмецкимъ лицомъ и нѣмецкой фамиліей былъ обязанъ своимъ русскимъ духомъ и любовью къ Россіи. Яшневъ чуюлъ въ немъ врага и не рѣшался на порученную ему организацію военной пропаганды въ Горскѣ. Онъ зналъ, что отъ этихъ зоркихъ сѣрыхъ глазъ уберечься трудно. За послѣдніе мѣсяцы Флинтъ все рѣже показывался и у Адриановыхъ и въ товарищескомъ кругу. Онъ усердно готовился въ академію и мечталъ о Лизѣ, какъ о будущей женѣ. Ни онъ, ни Степаша ни пропускали ни одной среды у Мартыновыхъ.

Уложивъ дѣвочекъ въ спальнѣ, а сына Тишу за буфетомъ во второй комнатѣ, которая служить и столовой, и гостиной, и кабинетомъ штабсъ-капитану, Марья Антиповна устраиваетъ чай съ привезенными изъ Колычева гостинцами. Ярко горитъ дешевенькая лампа подъ бѣлымъ колпакомъ. Паръ отъ самовара бросаетъ прозрачныя тѣни на грошевые обои и выцвѣтшія фотографіи. Окна, до половины затянута ситцевыми занавѣсками, чернѣютъ своими верхними стеклами, а черезъ нихъ морозная зимняя ночь заглядываетъ въ уютную, согрѣтую тепломъ и женскими голосами комнату. Лиза подъ аккомпаниментъ штабсъ-капитанской гитары спѣла нѣсколько романсовъ и слушаетъ теперь разглагольствованія Степаша и Флинта о нигилистахъ.

«Въ сущности, всѣ вы милые и хорошіе люди,—думаетъ она, обводя присутствующихъ любовнымъ взглядомъ:—и я сама люблю васъ за то, что вы такъ хорошо говорите о Россіи и государѣ. Да, да! я согласна съ вами, намъ тоже надо сплотиться, чтобы отстаивать его отъ тѣхъ темныхъ силъ...»

— Господи,—вдругъ говоритъ она вслухъ:—какъ это они могутъ жить на свѣтѣ, глядѣть на все прекрасное вокругъ, двигаться, говорить, съ такими страшными мыслями на умѣ, съ такими тайнами на душѣ?

И тутъ же умолкаетъ, спрашивая себя: «вѣдь живу же я со своими никому изъ присутствующихъ, да что я,—самой тетѣ Сашѣ невѣдомыми мыслями? Но въ нихъ ничего дурнаго нѣтъ. Это не моя тайна, и если я блюду ее, то ради только его... моего яркаго свѣточа, моего ненагляднаго умника. Пусть я не согласна съ его любимыми книжками, но онѣ все-таки не остались безъ вліянія на мое развитіе, онѣ дали толчокъ моему мышленію и озарили многое, скрытое отъ меня до тѣхъ поръ».

И она съ улыбкой слѣдитъ за рѣчью увлекшагося Флинта, и радуется, что всѣ пересыпанные въ ней термины, «умныя слова», какъ звали ихъ въ институтѣ, вполнѣ доступны и усвоены ею.

«Да, да! Всѣ вы милые,—и Флинтъ, и Степаша, и Левкевичъ, и Мартыновы, но онъ—онъ неизмѣримо лучше всѣхъ... И какъ жаль, что его нѣтъ здѣсь въ эту минуту около меня...»

Сколько разъ ни просила она Яшнева зайти на эти средовыя бесѣды, тотъ упорно отказывался.

— Къ чему? Я ненавижу этихъ пошлыхъ, будничныхъ людей, ихъ избитые разговоры съ готовыми выраженіями, всю эту провинціальную обывательщину. И удивляюсь, какъ можно выносить ихъ!

— Я не только выношу, я люблю ихъ. Они всѣ, право, очень и очень милые люди. За что ты ихъ такъ презираешь? Какихъ же любишь ты?...

Сіяетъ на небѣ серебряный мѣсяцъ. То закатится за набѣжавшую тучку и позолотитъ ея затѣйливыя кружевные края, то выплыветъ снова и стоитъ, какъ побѣдитель, въ радужномъ вѣщѣ. Сіяетъ надъ тихимъ, утонувшимъ въ сугробахъ городомъ и надъ одинокой усадьбой, гдѣ въ старомъ подвалѣ молодой ученый что-то толчетъ въ ступкахъ и переливаетъ въ ретортахъ. Лизѣ строго запрещено входить туда, и она покорно обходитъ его теперь мимо, и только, ложась спать, раздвинетъ занавѣску и креститъ сквозь окно ту сторону сада, гдѣ невидимо ни для кого работаетъ возлюбленный. А мѣсячный лучъ, тщетно пытаюсь заглянуть въ низкія окна, уже бѣжитъ дальше, блеститъ по стальнымъ рельсамъ мимо заиндевелыхъ сторожевыхъ будокъ и одѣтыхъ парчею полей и горитъ надъ далекой и шумной столицей, надъ людными улицами съ широкими тротуарами. Онъ заглядываетъ въ лица пѣшеходовъ. Вотъ блеснулъ и загорѣлся на мигъ въ глазахъ дѣвушки въ скромной надетой на лобъ шапочкѣ.

Заложивъ руки въ рукава своей не модной, поношенной шубки, идетъ эта дѣвушка мѣрнымъ, ровнымъ шагомъ съ Песковъ на Садовую. Тамъ сегодня рѣшительное засѣданіе. За тѣ двѣ ноябрьскія висѣлицы на Иоанновскомъ бастионѣ прольется наконецъ кровь того, кого точно оберегаетъ невидимая сила. Вѣдь легко сказать: въ какой-нибудь годъ съ небольшимъ шесть покушеній—и никакихъ результатовъ, ни одной царапины даже! Что мѣшаетъ? Кто препятствуетъ? Почему въ роковую минуту то осѣчка, то неисправность проводовъ, то измѣненіе маршрута?... При жизни императрицы, говорили, она своей горячей вѣрой и молитвою спасала царственного супруга. Положимъ, это обычное низменное суевѣріе, но послѣ смерти эта лѣтняя неудача съ динамитомъ у Каменнаго моста! Сплошная глупость, подумаешь, изъ-за чего: у Тетерки, у главнаго участника, не было часовъ, простыхъ, грошовыхъ, которые за какіе-нибудь три-четыре рубля можно приобрести въ любой кассѣ

ссудь. И никто не догадался, и вышло запозданіе непростительное и непоправимое. Кто же виновать? Неужели онъ, тотъ, кому она всецѣло отдала себя, чью власть признала надъ собою не только какъ заговорщица, она—Софія Перовская, для которой до сихъ поръ все мужчины были лишь товарищами, а теперь...

И она рисуеъ себѣ нервное лицо и властный взглядъ, и суровый диктаторскій голосъ. Нѣтъ для него людей и нѣтъ ихъ страданій. Все это несостоящіе вниманія пустяки. Сегодня Прѣсняковъ, Гольдштейнъ, завтра Михайловъ, Оловенникова, при чемъ тутъ имена? Что значать люди передъ идеей и дѣломъ? Это тѣ же лягушки, крысы и кролики, страданія которыхъ необходимы для вивисектора. И если нужна будетъ ея жизнь и его жизнь, ни она, ни онъ не задумаются ни на секунду. Это жертва для общаго блага, для далекой и все-таки неизбѣжной цѣли, которой они добьются цѣною какой угодно и въ какомъ угодно количествѣ пролитой крови, пока не прольется та, нужная имъ для успѣха ихъ дѣла, царская кровь...

И дѣвушка улыбается. Ей вспомнились вдругъ нѣкоторыя подробности изъ недавняго прошлаго. Вотъ она выноситъ икону на пожаръ—подумаешь: она и икона!—чтобы якобы отстоять сосѣдній домъ, гдѣ находится ихъ конспиративная квартира. Не дай Богъ, ворвутся пожарные, и подкопъ подъ николаевскимъ полотномъ откроется... Вотъ, перешагнувъ черезъ спящихъ у ея двери жандармовъ, она, уже арестованная, скрывается и, разыгравъ любимую роль безтолковой бабы, садится безъ билета на поѣздъ и добирается благополучно до Петербурга... Ахъ,—она чуть снова не сказала: Боже мой!—какъ обрадовались ей тамъ, какъ сверкнули черные глаза «Тараса», когда она неожиданно явилась въ товарищескомъ кружкѣ.

И дѣвушка идетъ и улыбается свѣтлому мѣсяцу и яркому снѣгу, и на сердцѣ ея поютъ тѣ же струны безпредѣльной женской любви, какъ за многія сотни верстъ у другой русской дѣвушки, тоже готовой отдать душу за сочлена грознаго тайнаго сообщества, за такого же аггела злого, подпольнаго, но ей невѣдомаго царства.

XIX.

Что-то надвинулось черное,—
Горе ль? вечерняя ль тьма?
Карканье злое, задорное
Все не идетъ изъ ума...

«Наканунъ». М. К.).

Прошло почти три мѣсяца. Былъ тихій морозный день конца января. Передъ тѣмъ стояла оттепель, но теперь снова повернуло на морозъ. Снѣгъ осѣлъ, уплотнился. Жемчужной бахромой свисала капель съ крышъ, и солнце весело блестяло въ алмазныхъ

блесткахъ и румянило иней на вѣтвяхъ. Садъ, словно очарованный, въ пушистомъ, розоватомъ уборѣ манилъ въ причудливую чашу, разукрашенную волшебствомъ зимы.

Лиза уже больше недѣли не видалась съ Яшневымъ и недоумѣвала, что съ нимъ.

— Въ округѣ, вѣрно,—говорила тетя Саша въ отвѣтъ Кирилловнѣ, вновь жаловавшейся на ноги.

— Пойду въ больницу, навѣщу Прохора!—рѣшила Лиза.—Можетъ быть, тамъ разузнаю, гдѣ Василій Игнатьевичъ.

Ей собрали пакетъ изъ чая, сахара и булокъ, и она быстро пошла по аллеѣ къ селу.

До переселенія Яшнева въ Кольчево въ саду расчищали только главную аллею, по которой и гуляла иногда Сотова, но теперь, для сокращенія пути, разметалась и поперечная, и по ней ходили въ церковь, удивляясь, какъ это раньше до того не додумывались.

«Приду, ему сейчасъ же доложить, онъ непременно придетъ самъ!» думала Лиза и ласково отвѣчала на поклоны встрѣчныхъ мужиковъ, возившихъ лѣсъ, и ребятишекъ въ армякахъ и зипунахъ съ чужого плеча.

Она вошла въ сѣни больницы и спросила «слабую» палату. Теперь эта постройка «Хранца Карлыча» не пустовала. Наоборотъ, мѣсть иногда не хватало, и похвалиться чистотою воздуха помещеніе не могло, но Лиза смѣло открыла дверь въ комнату, уставленную рядами коекъ, и присѣла около Прохора, разбитаго уже второй мѣсяць параличомъ. Къ ней подошелъ фельдшеръ.

«Опять новый!—подумала Лиза:—какъ они тутъ часто мѣняются»—и вслухъ спросила:

— Гдѣ докторъ? Мнѣ надобно видѣть его.

— Его уже четвертый день нѣтъ. Онъ поѣхалъ въ объѣздъ, и мы сами ждемъ его.

«Страпно!—мелькнуло у нея въ умѣ.—Это въ первый разъ, что онъ не предупредилъ меня».

— Такъ ужъ вы побалуйте старичка,—продолжала она:—заварите ему чайку лишній разъ!—и она хотѣла сунуть двугривенный въ руку фельдшера, но тотъ вдругъ пожалъ ея собственную руку, и монета звякнула объ полъ. Лиза страшно сконфузилась, но не менѣе былъ сконфуженъ и человѣкъ въ бѣломъ халатѣ.

— Помилуйте-съ,—бормоталъ онъ:—у насъ этого не полагается.

Гибкимъ движеніемъ поднялъ онъ деньги и вручилъ барышнѣ. «Какой онъ деликатный! совсѣмъ не похожъ на фельдшера...»

Она встала, простилась съ Прохоромъ и, кивнувъ ему еще разъ издали головою, вышла. Фельдшеръ распахнулъ передъ нею двери и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ.

«Что жъ, у него губа не дура!—думалъ онъ:—настоящая королева!..»

А Лиза шла не оглядываясь. Неужели онъ уѣхалъ въ округъ, не простясь, не сказавшись?.. Калитка хлопнула и пропустила ее въ аллею. Черезъ высокій, образовавшійся при расчисткѣ валъ была видна протоптанная тропинка.

«Куда это!» подумала дѣвушка. Домой возвращаться не хотѣлось, и она пошла по слѣду между высокими наметенными сугробами и очутилась у подвала. Кругомъ все было затянато бѣлой пеленой, изъ-подъ которой только мѣстами торчали запыленные и неемъ сучки и вѣтви кустовъ. Полное безмолвіе царило кругомъ. И вдругъ, вѣрно, спугнутая ею, снялись откуда-то двѣ вороны и, размахивая тяжелыми черными крыльями, съ рѣзкимъ и злымъ карканьемъ закружились надъ французскимъ садомъ.

Лиза вздрогнула и хотѣла повернуть обратно, но въ это время за дверью подвала послышался шумъ. Точно передвигали что-то тяжелое.

«Онъ тутъ! онъ занимается, и, чтобы его не отрывали и не мѣшали, онъ велѣлъ говорить, что уѣхалъ...»

Потребность видѣть его немедленно, сейчасъ же, сію же минуту услышать дорогой голосъ, взглянуть въ милые властные глаза была неодолима, и дѣвушка постучалась.

— Кто тамъ? Ѳедька, ты? чего тебѣ, лѣшій, не сидится?—раздался незнакомый голосъ, и дверь распахнулась.

На порогѣ стоялъ чужой, облаченный въ рабочую блузу юноша. Оба опѣшили.

— Эй, чего ты двери открылъ? Вѣдь сквозить чертовски...— прозвучалъ сердитый баритонъ Яшнева, и онъ самъ въ такой же блузѣ показался въ коридорчикѣ.

— Лиза... Лизавета Ивановна!.. Какими судьбами?..

Лиза молчала и старалась улыбнуться. Яшневъ открылъ дверь въ Евграфову комнату.

— Войдите сюда... осторожниѣ! не зацѣпитесь...

На полу въ коридорѣ стояли какіе-то ящики. Пахло свинцомъ и сѣрой.

— Что это такое? Кто эти люди?—спросила Лиза, очутившись съ глазу на глазъ съ возлюбленнымъ.

На Яшнева падалъ свѣтъ изъ полузанесеннаго снѣгомъ подвального окна. Лицо его было покрыто какой-то сѣрой пылью. Онъ вытеръ его сырымъ полотенцемъ, висѣвшимъ тутъ же, и пытливо впился въ поднимавшіеся къ нему вопросительно дѣвичьи глаза. Въ душную атмосферу плохо провѣтриваемаго помѣщенія она внесла съ собою точно струю другой жизни, и когда скинула шубу и шапочку, отъ нея пахло ея любимыми духами «Kiss me quick». Она, улыбаясь, исподлобья глядѣла на него, а онъ невольно залюбовался ею, ея женственностью, несмотря на нѣсколько крупную фигуру.

За эти три мѣсяца ихъ сближенія ея вліяніе на него, къ его собственному удивленію, возрастало съ каждымъ днемъ. Случайныя встрѣчи наединѣ были нечасты и кратки. Они обмѣнивались рѣдкими ласками и поцѣлуями, но зато онъ почти ежедневно бывалъ въ сѣромъ домикѣ въ присутствіи Александры Николаевны. Лиза пѣла и играла ему, и тетя Саша заслушивалась этой одухотворенной музыки. Но когда молодые люди начинали спорить, «мудрствовать», она не вступала въ ихъ разговоръ. Ея мысль не успѣвала слѣдить за нитью ихъ бесѣды, и она предавалась собственнымъ размышленіямъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе чувствовалъ Яшневъ къ Лизѣ не одно физическое влеченіе, до сихъ поръ имъ только допускавшееся подъ именемъ любви. Онъ скучалъ, если долго не видѣлъ ея. Ему хотѣлось вѣчно слышать ея голосъ, и онъ уже не чувствовалъ прежней власти надъ нею. Она была совсѣмъ другая, чѣмъ онъ воображалъ ее сперва. Въ ней психика преобладала надъ физикой, какъ выражались въ его мірѣ. И именно дорогъ былъ ея полный контрастъ съ тѣми, другими женщинами, съ которыми онъ до сихъ поръ встрѣчался, легко сходилъ и также просто разрывалъ, когда онъ начинали надобѣдать своей распущенностью и ухарствомъ, своимъ отрицаніемъ всякихъ женскихъ достоинствъ, сохраняя при этомъ все женскіе недостатки — беспомощность, растерянность и сварливость, эту женскую способность мелочныхъ дразгъ и попрековъ, неряшливость внѣшнюю и внутреннюю. И то, что отъ ея чистаго ума съ затаенной религіозностью, отъ ея культа царской власти отскакивала вся его пропаганда, все попытки сбить ее съ рутинной дороги и заставить итти по новому пути на поклоненіе новымъ богамъ, — какъ ни странно, придавало ей особую цѣнность въ его глазахъ.

Она возвращала ему его книги и, краснѣя до слезъ, сознавалась, что не доросла до нихъ, что онѣ слишкомъ умны для нея. Напрасно онъ спорилъ, убѣждалъ, горячился. Она оставалась при своемъ.

— Ужасная вы институтка, до смѣшного, до абсурда! — говорилъ онъ, выходя изъ себя.

А она, обдавая его лучистымъ свѣтомъ своихъ правдивыхъ глазъ, отвѣчала:

— А вотъ въ институтѣ даже учителя находили, что во мнѣ мало институтства... Только, по-моему, какъ я вѣрю и думаю — такъ много легче жить на свѣтѣ, чѣмъ по этимъ книгамъ. А ужъ относительно царя... О, если бы вы знали, какое это чудное чувство и какъ искренно я сожалею тѣхъ, кто не испытываетъ его...

И у него все меньше хватало духа разубѣждать ее. Это было хуже всякой вивисекціи, и все его намѣренія бросить съ нею телячьи нѣжности и начать дѣйствовать такъ, какъ привыкли въ томъ, его мірѣ, рушились въ ея присутствіи.

Очутившись теперь наединѣ съ нею послѣ цѣлой недѣли разлуки, послѣ цѣлаго ряда бессонныхъ ночей, онъ страшно ей обрадовался. Его нервы были распатаны. Напряженное состояніе при усиленной работѣ надъ доставленнымъ ему изъ Петербурга для провѣрки новымъ ядовитымъ составомъ сразу перешло въ размягченность физическую и душевную. Ему стоило протянуть руку, чтобы привлечь къ себѣ молодую довѣрчивую дѣвушку, и онъ протянулъ и привлекъ ее.

— Милая... милая... милая... Зачѣмъ ты пришла? я такъ радъ!.. Вѣдь я умолялъ тебя не приходить сюда...—шептали его губы, прижимаясь къ ея улыбающемуся рту.

— Ахъ, если бъ ты зналъ, какъ я соскучилась по тебѣ! Что ты тутъ работаешь? Кто эти люди?

Онъ заглянулъ ей въ самую глубь зрачковъ.

«Сказать или не сказать? Была не была!..»

— Это мои товарищи по работѣ, люди моей вѣры и моихъ убѣжденій...

— Какихъ?—она осторожно расправляла его усы.

— Тѣхъ, которыхъ держусь я, которыхъ мнѣ бы такъ хотѣлось привить и тебѣ,—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея ладонь.

— Но я упрямая, безтолковая институтка? Да?

— Да! которая мучить меня, лишаетъ меня величайшаго счастья на свѣтѣ.

— Какого счастья?

Она глядѣла тревожно, словно вдругъ насторожившись. Ея тревога сообщалась и ему. За стѣной послышался шумъ. Онъ прислушался.

— Кто эти товарищи? Какъ они сюда попали и въ чемъ тебѣ помогаютъ?—переспросила она.

Мысль, что тамъ въ двухъ шагахъ за тонкой комнатной переборкой лежитъ страшная смѣсь, способная при малѣйшей неосторожности разнести эти своды и стѣны, изувѣчить это живое, дивное тѣло, теплоту котораго онъ чувствовалъ сквозь ткань ея платья, обдала его варомъ. Онъ вздрогнулъ.

«Нервная баба!» выругалъ онъ себя мысленно, но все-таки всталъ и, сдѣлавъ надъ собою усилие, отошелъ къ противоположной стѣнѣ. Онъ машинально искалъ на себѣ портсигаръ и спички. Ни того, ни другого не было. Курить въ подвалѣ не полагалось, и они, онъ и тѣ двое пріѣзжихъ, выходили курить на воздухъ, и курево держали въ наружной выемкѣ въ стѣнѣ за дверью. Его тянуло къ папиросѣ.

— Пойдемъ! ты напрасно пришла!—сказалъ онъ вдругъ измѣнившимся тономъ.

Лиза глядѣла на него въ недоумѣніи.

— Уходи же скорѣй! я говорю тебѣ, уходи!—почти крикнулъ онъ.

Лиза встала.

— Прости! я не знала, что мѣшаю...

Она надѣла шапочку. Онъ трясущимися руками подавалъ ей шубку и съ искаженнымъ лицомъ открылъ дверь.

— Иди скорѣй... я провожу тебя... ты напрасно приходила...

У выхода онъ замѣшкался, доставая папиросы, и догналъ ее уже на тропинкѣ между сугробами. Они шли точно по снѣговой траншеѣ.

— Лиза, никогда, слышишь ли, никогда не смѣй приходиться сюда! Я запрещаю.

Она шла, закусивъ губу, готовая расплакаться отъ чувства внезапной незаслуженной обиды. Онъ выгналъ ее, выгналъ, какъ любопытную, назойливую дѣвчонку... Черезъ минуту она пересилила себя.

— Все-таки я попрошу объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло?

Она остановилась и обернулась къ нему лицомъ. Онъ съ наслажденіемъ затягивался дымомъ папиросы.

— Прежде всего въ томъ, что я не ручаюсь за себя. Ты слишкомъ соблазнительна, и твоя близость лишаетъ меня разсудка. Другое дѣло, если бы ты была согласна на свободную любовь и на вытекающій изъ нея единственный бракъ, который я признаю.

— Какая любовь? Какой бракъ?—Она вся замерла, не понимая, думая, что плохо разслышала слова Яшнева.

Онъ докурить и бросилъ окурокъ.

— Я говорю о любви, лишенной предразсудковъ, которая на вашемъ языкѣ именуется гражданскимъ бракомъ. Я предлагаю тебѣ этотъ бракъ, чуждый цѣпей и лицемѣрія, гдѣ обѣ стороны сохраняютъ полную свободу и самостоятельность. Мы оба мучимся. Я самъ томлюсь по твоимъ ласкамъ и поцѣлуюмъ... а жизнь уходитъ, и никто не поручится, что мы когда-нибудь пожалѣемъ о потерянныхъ напрасно дняхъ. Конечно, если окажутся послѣдствія, никто не помѣшаетъ намъ продѣлать и комедію церковнаго брака, но пока это совершенно лишнее...

Лиза широко раскрытыми глазами глядѣла на него.

— Что? Что ты сказалъ?... За кого же ты принимаешь меня?... Боже мой... Боже мой!

Она закрыла лицо руками и вдругъ рѣшительно, безъ оглядки пошла впередъ.

— Лиза!—кликнулъ онъ ее. Она ускорила шагъ.—Лиза! постой! куда ты?

Она была уже на верхушкѣ снѣжнаго вала. Она не замѣчала, что плакала и что слезы застывали на ея щекахъ. Онъ догналъ и, схвативъ за руку, не пускалъ ее.

— Боже мой, Боже мой!—вырвалось у него бессознательно.— Что я надѣлалъ. Слушай... постой... я ничего не сказалъ... если хочешь, все останется по старому... я пошутилъ...

Ихъ фигуры ясно вырисовывались на фонѣ снѣжнаго сада. Вдали ѣхали сани, но они ихъ не видѣли. Сильнымъ движеніемъ высвободила она руку.

— Такъ не шутятъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Все кончено... такъ нельзя... Я не могу... Я каюсь, каюсь, что пришла... Оставьте... оставьте меня...

Она сбѣжала съ вала. А онъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она шла по старой аллеѣ къ старому дому нервнымъ, все ускоряющимся шагомъ.

«Надо догнать ее...»

— Куда ты, чортъ тебя дери, запропастился?—раздался голосъ изъ траншеи.—Скоро стемнѣтъ, а ты время на амуры тратишь! Спички у тебя?—Это былъ Фроловъ.—А молодець дѣвка! сама явилась. Да ты ее что-то больно скоро спровадилъ.—Онъ гадко усмѣхнулся.

— Молчи, осель!

Яшневъ сжалъ кулаки и, едва пересиливъ себя, крупными шагами вернулся въ подваль.

— Ну, что жъ, по-моему готово!—обратился онъ къ другому товарищу, разсматривавшему какой-то темный цилиндрический предметъ.—Сегодня и испробуемъ.

— Гдѣ? не тутъ же! надо мѣсто подходящее выбрать,—возразилъ Фроловъ.

— Мало ли его кругомъ. У меня ужъ полянка намѣчена. Вы сидите тутъ, а я мужика подряжу, якобы на волчью ночную охоту. Кстати этихъ кавалеровъ и попугаемъ, а то больно воютъ часто.

Онъ снова вполнѣ владѣлъ собою и только избѣгалъ взгляда Фролова.

— Ладно,—отвѣтилъ тотъ.—А потомъ я съ Кондратомъ типографію оборудую и хожу въ Питеръ. Тамъ, небойсь, обрадуются...

— Погоди... взорветъ ли...

— Непремѣнно!—возразилъ, улыбаясь, молчавшій до тѣхъ поръ юноша.—Я ужъ вижу. Недаромъ Техникъ васъ такъ хвалилъ. И чего вы въ эту глушь забрались? Ёхали бы съ нами!

— Васъ тамъ и безъ меня довольно. Тутъ сподручнѣе. Я вѣдь не активистъ,—я только аптекарскій гезелъ...

... Лиза вернулась домой сама не своя. Ужасный, циничный смыслъ предложенія Яшнева терзалъ ее.

«Такъ вотъ какъ онъ на меня смотритъ!.. жить съ нимъ...»

Она мучительно вспыхнула, произнося эти слова про себя.

«Сама, сама виновата! Нечего было итти и стучаться къ нему. Онъ же запрещалъ, предупреждалъ... онъ зналъ себя... а я сама навязалась, и онъ въ правѣ, какъ всякій мужчина, оскорбить такую дѣвушку, которая вѣшается имъ на шею... Да по его понятіямъ онъ и не думалъ оскорблять... люди его толка смотрятъ на бракъ по

Дарвину... По дѣломъ, по дѣломъ!..» злобно шептала она, вѣшая въ передней шубку на вѣшалку.

А жить надо было. Надо было садиться за обѣдъ, слушать тетку и отвѣчать на ея разспросы о Прохорѣ.

— Что же, Василиій Игнатьевичъ въ объѣздѣ?—спросила Александра Николаевна.

Лиза отвѣтила: «да!» а въ душѣ твердила: «подлая, подлая, обманщица и лгунья! Тетѣ Сашѣ я вру въ глаза...»

Она не выдержала, вскочила и, припавъ къ ея плечу, разрыдалась.

— Что съ тобой, дѣвочка? что съ тобою?—встревожилась та.— Это ты, вѣрно, глядя на Прохора, разстроилась? Полно, онъ, можетъ быть, еще поправится. Вѣдь недаромъ про Василя Игнатьевича мужики говорятъ, что онъ не докторъ, а чудодѣй... А я, Лизокъ, что тебѣ разсказать хочу. Подумай, съ чѣмъ ко мнѣ давеча Кирилловна подѣбхала! угадай, новость тебя касается.

Лиза печально покачала головой.

— Не можешь? Въ Горскѣ носятя слухи, что весною тебя Степанъ Шемаевъ сватать собирается. Что ты на это скажешь?

Но Лиза только вздохнула въ отвѣтъ...

Цѣлый вечеръ она сидѣла у тети Саши.

«Сказать ей все, или не сказать? Нѣтъ, я дала слово молчать. Пусть онъ человѣкъ дурныхъ принциповъ,—я не доносчица».

Особенно нѣжно распростившись съ Александрой Николаевной на ночь, она ушла къ себѣ... Легла... сна не было. Она прислушивалась къ безмолвной тишинѣ. Зимняя звѣздная ночь глядѣла къ ней въ щелку занавѣсокъ. Она знала,—ихъ были мириады теперь на небѣ, но ея звѣзда сорвалась тогда въ августѣ и закатилась навѣки. Счастье, короткое и неполное, прошло и не вернется... Не вернутся ихъ разговоры и мимолетныя горячія ласки... Сердце ныло. Сама виновата... сама...—и она напряженно всматривалась въ чащу снѣжнаго сада, за которой таился старый подвалъ, гдѣ онъ работалъ теперь съ людьми своего толка...

А въ это время товарищи вмѣстѣ съ Яшневымъ шагали по Кожинскому лѣсу. Осторожно несъ Фроловъ свой узелокъ.

— Скоро ли? у меня рука затекаетъ.

— Давай мнѣ,—вызвался юноша.—Я понесу оба.

Въ своемъ короткомъ дубленомъ полушубкѣ съ пестро вышитой оторочкой и высокихъ валенкахъ, съ выбивавшимися свѣтлыми кудрями изъ-подъ сѣрой мерлушковой шапки, онъ смахивалъ на Ваню изъ «Жизни за царя». Яшневъ любовался его красивымъ, еще безбородымъ лицомъ съ едва пробивавшимися усиками, съ большими карими глазами. Самъ онъ шелъ съ ружьемъ черезъ плечо и несъ другое наперевѣсь. За поясомъ у него въ мѣшкѣ болтался

маленькій «приманный» поросенокъ. Всѣ аксессуары волчьей ночной охоты были соблюдены въ точности.

— Напрасно мы сани такъ далеко оставили,—продолжалъ брюзжать Фроловъ.

— Ничего, моціонъ полезень. Мы восемь сутокъ просидѣли взаперти.—возразилъ врачъ.

Черезъ полчаса они добрались до цѣли. Это была небольшая полянка. Яшневь скинулъ ружья и бросилъ поросенка подъ дерево.

— Какъ на грѣхъ, ни одного «лупуса»... Ничего... подберуть... Погоди! дай разрядить ружье.

— Послѣ!—отозвался юноша.—Сперва попробуемъ снаряды, а тамъ отсалютуемъ обоими сразу, если выйдетъ успѣшно.

— Ну, ладно! Коли это васъ потѣшитъ.

На небѣ взошелъ мѣсяцъ. Звѣзды поблѣднѣли и померкли, зато тучки такъ и загорались и, проплывая вблизи мѣсячнаго сіянія, сверкали золотомъ по краямъ. Деревья, разубранныя инеемъ, стояли бѣлой, замороженной толпою. Ели казались гигантскими шатрами. Иногда пушистый комъ срывался съ вершинной вѣтки и, не долетѣвъ до земли, разсыпался алмазными блестками. Было такъ тихо, что хрустящіе по снѣгу шаги казались гулками.

— Начинать. что ли?—спросилъ Фроловъ.

— Начнемъ,—отвѣтилъ Яшневь.—Ну, Кондрать, валяй! Только осторожнѣе, братъ, чтобъ ни тебя, ни насъ не задѣло. Кидай, какъ можешь. дальше!

Фроловъ съ Яшневымъ отошли къ опушкѣ.

Кондрать быстрыми, упругими шагами отбѣжалъ отъ нихъ въ противоположную сторону и занесъ правую руку съ узелкомъ назадъ. Черезъ минуту раздался взрывъ... Лѣсъ ахнулъ въ отвѣтъ. Эхо перекаатилось по окрестности и снова замерло. Снѣгъ взвился столбомъ и крутился въ мертвомъ недвижномъ воздухѣ.

— Важно!—крякнулъ одобрительно Фроловъ.

Кондрать молчалъ и восторженно глядѣлъ на Яшнева. Снова хрустя по снѣгу, они двинулись втроемъ впередъ къ мѣсту взрыва.

— Вы... вы гений!—прошепталъ взволнованный юноша и незамѣтно для Фролова пожалъ обѣими руками руку врача. Тотъ отвѣтилъ ему улыбкой.

— Въ Петербургѣ, когда мы пробовали, у насъ ничего не вышло, а это!.. О, если бы меня выбрали теперь въ метальщики!

— Ну, братъ! и поопытнѣе тебя найдутся,—процѣдилъ Фроловъ:—слишкомъ много чести.

Яшневь разглядывалъ глубокую взрывшую снѣгъ и землю воронку съ вывороченными комьями мха и прошлогодней сѣдой травы.

— По-моему, Техникъ въ одномъ только ошибался: надо вставлять не одну, а двѣ трубки съ сѣрной кислотой—и вертикаль-

ную, и горизонтальную, для обезпеченія взрыва по всѣмъ направленіямъ, какъ бы снарядъ ни упалъ. Остальное у него все вѣрно и, какъ всегда, научно обосновано. Раствореніе нитроглицерина въ прроксилинѣ, онъ самъ убѣдился, вещь легкая. Все это на мѣстѣ оборудовать не трудно. Мое дѣло—гремучій студень. Но и его лучше бы тамъ же заготовить. Способъ, рекомендуемый изъ-за границы, какъ вы видѣли, я тщательно провѣрилъ, и Николаю Ивановичу самому не трудно будетъ заготовить смѣсь въ нужномъ количествѣ. Если же не удастся почему-нибудь, пусть сообщитъ, я не отказываюсь, но береженаго—судьба бережетъ, и подвергать такіе препараты случайностямъ перевозки—рискъ для самой пользы успѣха. Ну-съ, для вѣрности испробуемъ и второй снарядъ. Этотъ послабѣе. Фроловъ, бросай-ка ты... Твой чередъ!..

— Нѣтъ, слуга покорный! пусть Кондратъ упражняется, а я покритикую.

Вторично отбѣжалъ юноша въ сторону и закинулъ назадъ руку съ бѣлымъ узелкомъ. Раздался новый взрывъ. Снова ахнулъ лѣсъ и отвѣтило эхо, но столбъ снѣжной пыли крутился вблизи Кондрата, и онъ самъ лежалъ распростертый на снѣгу, по которому были разбросаны какія-то темныя пятна.

— Чортъ знаетъ, что такое!—выругался Фроловъ:—что съ нимъ?

Яшневъ наклонился надъ раненымъ. Изъ правой руки его ручьемъ била кровь. Кисть была на половину оторвана и болталась на лохмотьяхъ мускуловъ и кожи. Безбородое лицо было тоже сплошь залито кровью. Юноша лежалъ, какъ трупъ, безъ стона, безъ сознанія.

Врачъ схватилъ горсть снѣга и вытеръ это только что бывшее столь прекраснымъ, юношески румянымъ лицо съ живыми карими глазами. Теперь оно было сплошь покрыто сеадинами съ черными, словно обожженными краями. Носовымъ платкомъ стянулъ онъ изувѣченную руку повыше локтя и сорвалъ съ себя теплый шарфъ.

— Держи!—крикнулъ онъ Фролову:—а я забинтую.

Но тотъ стоялъ, шатаясь, какъ пьяный, и стучалъ зубами. Видъ ранъ и крови вызывалъ у него всегда дурноту...

— Баба!—злобно, съ ненавистью прошипѣлъ Яшневъ и, придерживая одинъ конецъ шарфа зубами, сталъ бинтовать изуродованную конечность.—Слушай ты, будь хоть на что-нибудь годенъ, бѣги за санями, пусть подѣдутъ сюда. Скажи, что ружье разорвало. Да не сбейся, иди по слѣду.

XX.

Съ койки уносить его лихорадка
 Словно на крыльяхъ въ покинутый домъ.
 Хатой родной обернулась палатка,
 Милыя лица тѣснятся кругомъ.

(Въ «Красномъ Крестѣ». М. К.).

Черезъ часъ къ больницѣ подъѣхали деревенскія сани. Раненаго внесли и уложили въ спальнѣ доктора. Онъ все еще не приходилъ въ себя. Яшневъ написалъ записку и послалъ къ отцу въ городъ. Предстояла ампутація, но одинъ онъ дѣлать ее не рѣшался. Сидя у постели Кондрата, онъ глазъ не отрывалъ отъ его забинтованной головы. Случай съ нимъ являлся большой помѣхой. Опыты хотя и были почти окончены, но разрывъ второго снаряда былъ не изслѣдованъ, и почему онъ разорвался такъ близко,—былъ ли виною метальщикъ, или капсуль,—Яшневъ рѣшить не могъ. Провѣрить себя снова?—но безъ Кондрата, который былъ несравненно дѣльнѣе Фролова, и думать нечего было возобновлять работу... Типографія тоже стояла не разобранныя. Раскупоренъ былъ только ящикъ съ прокламаціями, но о распространеніи ихъ въ уѣздѣ пока рѣчи быть не могло. Надо было выждать конца намѣченной цѣли.

«Федьку притяну!» рѣшилъ онъ.

Федька былъ тотъ самый фельдшеръ, который такимъ подозрительнымъ показался вчера Лизѣ и скрывался отъ полиціи, занявъ временно вакантную должность въ колычевской больницѣ. «Пусть повозится пока, а мнѣ необходима еще одна провѣрка. Онъ все-таки лучше Фролова. Вмѣстѣ кое-какъ справимся... Только какъ съ этимъ несчастнымъ быть? Тутъ нуженъ неусыпный уходъ... Экій бѣдняга! Поди и двадцати лѣтъ досчитаться еще не успѣлъ. Какъ бы устроить его?»

«Лиза!..—мелькнуло въ умѣ.—Она бы не задумываясь приняла на себя эту заботу... Но вспомнилась утренняя сцена. Къ ней больше ходу не было. А если все-таки толкнуться и попытаться? Не къ ней прямо, а къ Александрѣ Николаевнѣ?» И онъ уже рисовалъ себѣ, какъ было бы хорошо для всѣхъ, если бы обитательницы сѣраго дома взяли на свое попеченіе бѣднаго Кондрата.

Уже разсвѣло, когда пріѣхалъ старикъ-докторъ.

— Въ чемъ дѣло, сынку?—обратился онъ къ Василю Игнатьевичу.—Кого ты тутъ кромсать порѣшилъ?

— Слушай, фатенька, дѣло не шуточное и требуетъ абсолютной тайны.

— Да что это, женщина согрѣшившая?

— Не женщина, а вьюнышъ двадцатилѣтній. Видишь ли, для всѣхъ другихъ,—у него ружье на волчьей охотѣ разорвало, ну, а

тебѣ я прямо сознаюсь: мы тутъ кое-какіе опыты химическіе производили. Ему руку почти оторвало, обѣ кости расколоты. Думаю чикнуть кисть...

— Какой же тутъ разговоръ? Хочешь жизнь спасать, о рукѣ думать не приходится.

Осмотрѣвъ раненаго, Игнатій Львовичъ окинулъ сына пытливымъ взглядомъ.

— Чѣмъ?—спросилъ онъ, указывая на ссадины.— $H_2 SO_4$? не безъ того?

Тотъ кивнулъ головою.

— Что жъ это за опыты?.. съ запалами, что ли?

— Не твое дѣло, старина! Ты врачъ и твое дѣло врачевать тѣло, а не терзать допросами чужую душу.

Игнатій Львовичъ молча совершалъ ампутацію, но сердце его было полно подозрѣній на сына. Онъ отлично чувалъ, что этотъ малецъ, уже въ дѣтствѣ любившій точить поварскіе ножи и присутствовать при рѣзніи на птичникѣ, мягкостью души не отличался, но чтобы сынъ могъ заниматься заготовкой взрывчатыхъ веществъ съ преступными дѣлями, ему въ голову не приходило, хотя его революціонныя идеи и не были тайной для него. Онъ внимательно осмотрѣлъ обѣ комнаты, служившія квартиркой, но ничего сколько-нибудь подозрительнаго не нашель.

«Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ попачкались немного и недостаточно осторожничали», рѣшилъ онъ и, когда Василій Игнатъевичъ сталъ жаловаться на недосугъ и невозможность удѣлять больному достаточно времени и намекнулъ на колычевскихъ помѣщицъ, старикъ самъ вызвался сходить въ сѣрый домъ.

Черезъ полчаса Александра Николаевна была уже у постели Кондрата. Тотъ очнулся и недоумѣлымъ взглядомъ осматривался кругомъ. Надъ нимъ склонялся лысый и сѣдой старикъ въ очкахъ, а рядомъ стояла полная дама съ такой доброотою въ каждой чертѣ, что онъ сразу полюбилъ ее.

— Кто вы?.. гдѣ я?..

— У хорошихъ людей и въ хорошихъ рукахъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Не лучше ли перенести его къ намъ?—предложила шопотомъ Александра Николаевна Василю Игнатъевичу.—Кабинетъ у насъ совершенно свободенъ, и мы съ Кирилловной и Лизой отлично бы могли походить за вашимъ товарищемъ.

Яшневъ былъ тронутъ. Но что скажетъ Лиза? Узнаетъ ли она этого юношу, котораго мелькомъ видѣла вчера? Какъ отнесется къ его ежедневнымъ посѣщеніямъ? Ему было теперь страшно досадно за вчерашнюю выходку. Дѣвушка приняла эти слова за личное оскорбленіе, несмываемое и незабываемое, и для нея будутъ пыткой встрѣчи съ нимъ... Нѣтъ, надо вывернуться, надо снова заслу-

жить довѣріе и заставить ее простить. Потерять ее навсегда?.. Ни за что! онъ найдетъ выходъ. Онъ готовъ на формальное предложеніе, на ненавистную комедію церковнаго брака. Пусть это будетъ искупительной жертвой его счастья, но онъ не откажется отъ Лизы, не уступитъ ее никому.

А женская ласка и забота необходимы Кондрату. Подобно многимъ ампутированнымъ, онъ еще и не подозрѣваетъ о своемъ увѣчи. Какъ приметъ онъ извѣстіе объ утраченной рукѣ? Какъ примирится съ такимъ оборотомъ дѣла? И «слой» вивисекторъ съ глубокой жалостью смотрѣлъ на забинтованную конечность и корилъ себя, зачѣмъ самъ предложилъ пробу этого второго снаряда.

Вернувшись домой, Александра Николаевна тотчасъ же распорядилась приготовить комнату для больного. Лиза поблѣднѣла. Руку оторвало на охотѣ?.. Если оторвало у другого, такъ же легко могло бы оторвать и у него. И она вообразила себѣ истекающаго кровью Яшнева. Нѣтъ... нѣтъ! Слава Богу, онъ цѣлъ и невредимъ. Но если его товарища перенесутъ сейчасъ къ нимъ, то вѣдь и онъ придетъ вмѣстѣ. Онъ будетъ, конечно, навѣщать больного, имъ придется неизбежно встрѣтиться, подать другъ другу руку?.. Господи! Господи! какъ же такъ?.. И она, не находя отвѣта, старалась заглушить хлопотами свою тревогу и дѣятельно помогала Кириловнѣ стлать постель въ зеленомъ кабинетѣ.

Со всевозможными предосторожностями несли раненаго. Мужики шли въ ногу. Носилки свернули черезъ галитку въ аллею, и Кондратъ, прикрытый одѣялами и шубой Игнатія Львовича, смотрѣлъ въ мельгавшее между оголенными вѣтками небо и ничего не понималъ, что съ нимъ, гдѣ онъ. Ему казалось, что онъ плыветъ по рѣкѣ, и шаги людей были плескомъ мѣрно ударявшихся въ его лодку волнъ, которыя баюкали и укачивали его. У воротъ столпилась дворня и, сочувственно вздыхая, провожала взглядами носилки...

— Роденькій ты нашъ!—встрѣтила его на крыльцѣ Кириловна:—и какъ это тебя угораздило!

Лиза была въ передней. Она, не поднимая глазъ, отвѣтила на поклонъ Яшнева, но руки ему не протянула. Ей стоило большой работы надъ собою, чтобы не разрыдаться. Кондрата она сразу узнала по его каримъ глазамъ, и глубокая жалость къ только вчера еще цвѣтущему, теперь искалѣченному юношѣхватила ее за душу. Доктора и фельдшеръ устроили больного. Александра Николаевна подсунула подъ голову пышно взбитую подушку.

— Ну, вотъ и отлично! Вы тутъ будете, юноша, что у Христа за пазухой... Такъ, такъ! боярышня Нарышкина, это дѣло. Кушайте, юноша! Эта особа не дастъ вамъ умереть съ голоду.

Какимъ-то особеннымъ тепломъ пахнуло въ душу молодого человѣка отъ новой обстановки. Даже боль въ ампутированной рукѣ утихла. Съ жадностью выпилъ онъ теплый бульонъ, поданный Ки-

рилловой въ большой старинной чашкѣ. Послѣдніе дни они въ подвалѣ питались всухомятку, изрѣдка согрѣваясь чаемъ, и теперь онъ почувствовалъ себя ребенкомъ, окруженнымъ баловствомъ домашнихъ и, сладко потянувшись подъ свѣжей тонкой простыней, закрылъ глаза и крѣпко заснулъ.

Наступили тихіе, однообразные дни. Утро смѣняло ночь, вечеръ—день. Въ комнатѣ больного дежурили по очереди четыре женскихъ фигуры, и онъ ясно, даже съ закрытыми глазами, различалъ ихъ руки теперь. Мягкіе пальцы Александры Николаевны съ материнской заботливостью осторожно накладывали шелковистыя ветошки на израненный лобъ. У Кприлловны рука была жестче и тверже. У Тани—робкая и нерѣшительная. Но больше всего онъ любилъ руки той, четвертой женщины, необыкновенно точныя и ловкія. Онъ улыбался Лизѣ, какъ старый знакомый, но гдѣ и когда видѣлъ ее—вспомнить не могъ. Онъ былъ безконечно слабъ и большею частью лежалъ въ забытьѣ.

Вѣсть о несчастѣ на волчьей охотѣ достигла Горска очень скоро, и досужіе языки, конечно, раззвонились въ полное удовольствіе. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, разорвало не одно, а два ружья, и у Кондрата были ампутированы обѣ руки по самымъ плечи. Больше всего интересовались, кто онъ. Никто не видѣлъ этихъ товарищей Яшнева и никто не зналъ, какъ и откуда они очутились на охотѣ. Адрианова первая рѣшилась непременно все разузнать самолично и съѣздить въ Колычево. Узнавъ объ этомъ, слѣдомъ устремилась полковница съ обѣими львицами, и въ одинъ пасмурный февральскій полдень въ гостиной стараго дома оказался цѣлый раутъ. Но посѣтительницы отъ хозяевъ ничего не добились. Узнали только, что раненаго зовутъ Кондратіемъ Виссаріоновичемъ Чермакомъ и что ему 18 лѣтъ. Двери въ кабинетъ были плотно закрыты и повидать интереснаго субъекта, даже предложивъ себя въ сестры милосердія, такъ и не удалось.

А онъ все чаще приходилъ въ себя. Дѣтски-любопытными глазами осматривался онъ въ этой до мельчайшихъ подробностей знакомой теперь комнатѣ съ бархатистыми зелеными обоями и такой же триповой мебелью краснаго дерева, съ мягкимъ пушистымъ ковромъ и бликами игравшаго на всемъ зимняго, низкаго солнца. На стѣнахъ висѣли портреты и фотографическія группы, гдѣ всегда повторялось все то же лицо съ чиновничьими бакенбардами и гладко зачесанными височками. Можно было даже прослѣдить, какъ постепенно сѣдѣли эти бакенбарды, какъ рѣдѣли височки и какъ все важнѣе съ годами становилась осанка и фізіономія на группахъ, гдѣ фигура занимала все болѣе центральное положеніе. И это лицо странно волновало и раздражало его.

— Кто это?—спросилъ онъ однажды у Лизы.

— Мой дядя, Семень Михайловичъ Сотовъ. Это его кабинетъ, и здѣсь все осталось нетронутымъ со времени его смерти.

— Онъ умеръ... Какъ странно болятъ у меня сегодня пальцы на забинтованной рукѣ, особенно указательный, — прибавилъ онъ.

Лиза вздохнула.

«Болятъ пальцы на отрѣзанной рукѣ... Бѣдный, бѣдный мальчикъ! какъ приметъ онъ извѣстіе, что сталъ калѣжкой?..»

— Сядьте ближе ко мнѣ. Мнѣ хочется видѣть васъ, мнѣ сегодня много, много лучше.

Лиза собрала свои мотки и сѣла къ постели больного.

— Я не знаю, хорошо ли разговаривать вамъ.

— Я буду молчать, только не уходите.

Она сидѣла и вышивала, а онъ слѣдилъ за ея иголкой и за цвѣтной шерстинкой, укладывавшейся крестиками по канвѣ. Полное сознание еще не возвращалось. Контузія отозвалась на мозговой дѣятельности, и Кондратъ не отдавалъ себѣ отчета, почему онъ боленъ и что привело его въ эту обстановку. Теперь было просто физически хорошо и покойно. Прошлое, болѣе отдаленное, вспоминалось ярко, но все недавнее скрывала какая-то плотная, непроницаемая пелена. И комнатѣ этой въ прошломъ не находилось мѣста, но Лиза была знакома.

— А вы кто такая?—спросилъ онъ снова.

Лиза улыбнулась и назвала себя.

Онъ пристально всматривался въ нее.

— Вы не гимназистка у—ской гимназіи?

— Нѣтъ, я N—ская институтка.

— Но я васъ видѣлъ... Когда?..

Лиза не знала, что отвѣчать, и изъ осторожности молчала.

— Я знаю навѣрно, что видѣлъ. Вы были въ бобровой шапочкѣ... Конечно, вы шутите... Мы вмѣстѣ катались на конькахъ въ У.

— А вы откуда?

— Да, я родился и выросъ около У. Это очень древній городъ. У насъ тамъ домъ, а рядомъ въ уѣздѣ имѣнье.

Лиза опустила вышиванье.

— У васъ есть родители?

— Да, и мать, и отецъ. У меня еще три брата и три сестры. Сперва идемъ мы, четыре брата... я младшій... потомъ сестры... Мы очень дружны съ Соней... между нами всего годъ разницы... Вы развѣ не знаете Соню? она такая серьезная... Ее еще звали въ гимназіи Рыжикомъ.

— Нѣтъ, я не знаю вашей сестры.

— Не знаете!.. я думалъ, вы ее помните... Соню Ершову. Софью Яковлевну Ершову... У насъ еще домъ на Воскресенской улицѣ... сѣрый съ зеленой крышей и съ бѣлыми столбиками подъ окнами... Неужели не помните?.. Вѣдь мы же катались... Гдѣ... Ахъ, Боже мой! отчего я ничего сообразить не могу!

— Вамъ не надо такъ много разговаривать... Это вредно... Спите лучше...

— Закройте мнѣ рукою глаза. У васъ такія добрыя, славныя руки... Отъ нихъ сейчасъ легче становится.

Она положила ему руку на глаза, и онъ заснулъ.

«Кто онъ? Если его сестра Ершова, почему же его фамилія Чермакъ? Или они отъ разныхъ отцовъ? Разспросить Яшнева?..» Нѣтъ, они встрѣчались, какъ посторонніе, между ними было все кончено навѣки, и ни въ какіе разговоры она съ нимъ ни за что не вступитъ. При постороннихъ она холодно протягивала ему руку, а онъ тотчасъ же выпускалъ ея неподвижные пальцы, не смѣя пожать и задерживать ихъ въ своей рукѣ,—наединѣ она ограничивалась небрежнымъ кивкомъ головы и тотчасъ же выходила изъ комнаты.

По средамъ она продолжала ѣздить къ Мартыновымъ, но теперь уже одна, чтобы не отрывать другихъ отъ дежурства у больного. Вечеромъ у штабсъ-капитана собиралась прежняя компанія, но Лиза не пѣла и не шутила. Ея мысли оставались въ зеленомъ колычевскомъ кабинетѣ, и она знала, что Кондрать хотя и въ надежныхъ рукахъ, но чувствуетъ и сознаетъ ея отсутствіе.

XXI.

Ночь пришла. На небѣ звѣзды заблистали,
И на дно проникли свѣтлые лучи,
Въ сердцѣ сокрушенномъ умерли печали,
И воскресли грезы, ярки, горячи...

(Изъ «Пѣсенъ забытой усальбы». М. К.).

Съ нѣкоторыхъ поръ Флинтъ сталъ еще внимательнѣе и предупредительнѣе къ Лизѣ и являлся раньше всѣхъ къ чаю. Однажды онъ засталъ ее одну въ гостиной Марьи Антиповны. Соня кончила урокъ, остальныхъ не было дома. Лиза сидѣла у окна, перелистывая старые журналы. Поручикъ подошелъ къ ней.

— А знаете, вы сильно похудѣли! Вѣрно, ночныя бдѣнія даютъ себя знать. Скажите, вамъ нисколько не страшно сидѣть возлѣ больного по ночамъ?

— Нисколько! Мнѣ безумно жаль его. Если бы вы видѣли, какъ онъ изуродованъ. А онъ былъ такой красивый.

— Развѣ вы его раньше видѣли?—спросилъ онъ съ изумленіемъ. Лиза потупилась.

— Нѣтъ, я такъ предполагаю.

Флинтъ прищурился.

— А все-таки я нахожу, что Яшневъ довольно безцеремонный господинъ. Навязать вамъ въ домъ такого больного. Товарищъ его,—такъ и возился бы съ нимъ самъ. Вы-то при чемъ?

— Какъ при чемъ? Въ больницѣ мѣста нѣтъ, а у него—ходить некому. Въ земскихъ больницахъ персоналъ едва со своими больными справляется. Какъ же было не предложить свои услуги? Это было болѣе чѣмъ естественно. У насъ и комната и руки свободныи есть.

Онъ вдругъ взялъ ея руку и благоговѣнно поцѣловаль.

Лиза вспыхнула.

— Что вы дѣлаете?

— То, что долженъ дѣлать каждый,—какъ къ святынь, прикладываясь къ рукамъ русскихъ дѣвушекъ, которыя всюду поспѣвають на помощь. Это я еще на войнѣ испыталъ, меня такія же дѣвичьи руки выхаживали, когда я во Фратештахъ въ госпиталѣ въ тифѣ лежалъ. А потомъ, когда я выздоровѣлъ и на ноги всталъ, ихъ уже червь могильный вмѣсто моихъ точилъ. Такъ я имъ своего долга и не заплатилъ.—Онъ отошелъ къ другому окну.—Вотъ видите ли, много я женщинъ знаю, со многими болтаю, а ни одной вотъ этой моей тайны душевной не открывалъ, а вамъ такъ и тянетъ душу распахнуть. Ужъ очень вы хорошая.

Онъ замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что, если не взять себя сразу въ руки, онъ объяснится въ любви Лизѣ, а дѣлать это теперь передъ академіей считалъ невозможнымъ. Не Лизѣ быть женою армейскаго поручика. И, справляясь съ собою, онъ старался не глядѣть въ ея сторону.

— Полноте,—раздался голосъ Лизы.—Это все такіе пустяки, говорить не о чемъ. Если ужъ на то пошло, мнѣ ужасно хотѣлось бы сдѣлать что-нибудь особенное... совершить какой-нибудь подвигъ.

Флинтъ улыбнулся.

— Быть второй Іоанной д'Аркъ? Спасти отечество и самой сгорѣть на кострѣ? Нѣтъ, время такихъ подвиговъ миновало. По-моему, истинное геройство вовсе не въ томъ, чтобы совершить что-нибудь выдающееся, за что неминуемо тотчасъ же воспослѣдуетъ и награда въ видѣ безсмертной славы, а вотъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ дѣлать безо всякой рисовки все, что требуетъ этотъ день и часъ, не гнушаясь мелочностью дѣла. Если бы каждая женщина умѣла откликнуться на каждый обращаемый къ ней за помощью взглядъ,—о, Боже мой! да на землѣ бы рай насталъ, тотъ рай, къ которому весь вѣкъ стремятся люди и достичь не умѣютъ. И знаете, за что я такъ люблю Россію? У насъ больше всего такихъ женщинъ, и какъ бы тяжело намъ, русскимъ, ни приходилось, но съ ними мы можемъ смѣло смотрѣть бѣдѣ въ лицо,—онѣ отстоятъ насъ, онѣ душу свою отдадутъ за дѣло безъ лишнихъ словъ и громкихъ фразъ.

Лиза сидѣла, опустивъ голову.

«Да, этотъ любить женщинъ по другому. У него не повернулся бы языкъ обратиться ко мнѣ съ тѣми, ужасными словами. Если бы онъ вдругъ, вотъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе стать его женою,

что бы я отвѣтила?.. Конечно, да!.. а тотъ... о, какъ бы онъ былъ отмщенъ...»

Но дверь открылась, и въ комнату вошла Марья Антиповна, и Лиза стала помогать ей хозяйничать...

Когда, вернувшись на другой день въ Колычево, она вошла къ Кондрату, тотъ встрѣтилъ ее капризнымъ тономъ:

— Вы уѣзжали, и мнѣ сразу сдѣлалось хуже. У меня невыносимо болить указательный палець. Скоро ли мнѣ перебинтуютъ руку?..

Руку ему бинтовали уже не однажды, но съ нимъ каждый разъ дѣлалось дурно. Доктора были со своей докторской точки зрѣнія въ восторгѣ отъ операціи. Грануляція шла быстро, и распады тканей не вызывали лихорадки, но мозговья явленія внушали опасенія, и ручаться за полное возвращеніе сознанія не было возможности.

Это очень озабочивало Василия Игнатьевича. Что станется съ несчастнымъ искалѣченнымъ и слабоумнымъ юношей? Куда дѣтъ, куда пристроить его? Никакихъ ближайшихъ подробностей объ немъ онъ не зналъ и поручилъ Фролову навести справки въ комитетѣ. Но пока оттуда отвѣта не приходило.

Зато больной становился съ каждымъ днемъ откровеннѣе съ Лизой. Онъ рассказывалъ объ У., о своемъ дѣтствѣ въ имѣніи «Большіе Мхи», о матери, объ отцѣ, о сестрахъ, о гимназіи, но тутъ нить воспоминаній вдругъ обрывалась. Сразу начинала болѣть голова и клонило ко сну. Точно первы извѣстнаго мозгового центра наотрѣзъ отказывались служить. Лизѣ все это казалось очень страннымъ, но разспрашивать сама она не смѣла, боясь за его покой.

Съ другими женщинами Кондратъ былъ очень вѣжливъ, но молчаливъ, и когда на смѣну Лизы входилъ кто-нибудь изъ нихъ, онъ закрывалъ глаза и сразу притворялся спящимъ. Лиза все чаще брала на себя дежурство и рѣдко пользовалась отдыхомъ и свѣжимъ воздухомъ.

Жизнь ея вся сосредоточилась въ этой комнатѣ. Она все болѣе привязывалась къ своему больному, и то, что совершалось за стѣнами зеленого кабинета, казалось далекимъ и совершенно чужимъ и неинтереснымъ.

Наступила и прошла масленица съ шумными катаньями по деревенской улицѣ, съ перезвонами колокольчиковъ и бубенцовъ, съ визгомъ ребятъ и дѣвушекъ, слетавшихъ на салазкахъ по косягу на ледяную гладь Оболони, и съ блиннымъ чадомъ изъ всѣхъ трубъ и дверей, но Лиза даже не замѣтила ея. Въ прощенное воскресенье въ четыре часа дня ударилъ первый великопостный колоколъ къ вечернѣ.

«Говѣть?»...

Тетя Саша всегда говѣла на первой недѣлѣ, но Лиза рѣшила отложить говѣнье. Мысль говорить на исповѣди о своихъ ду-

шевныхъ дѣлахъ съ о. Никаноромъ страшила ее, а скрыть ихъ— она считала противнымъ церковнымъ догматамъ. Она вспомнила своего институтскаго духовника, даже того католическаго аббата, съ этими было бы легче, они бы поняли, но о. Никаноръ...—и она дала себѣ отсрочку.

«Авось успокоюсь и соберусь съ духомъ на Страстной».

Вернувшись въ субботу отъ причастія, Александра Николаевна настояла, чтобы Лиза вышла провѣтриться.

— Такъ нельзя! посмотри, на что ты похожа. Иди и прогуляйся, а то долго ли свалиться...

Лиза сложила свое вышиванье и покорно вышла. Въ старой аллеѣ липы стояли недвижно, и ихъ темные, дуплистые стволы, словно траурныя колонны, рѣзко чернѣли на бѣломъ фонѣ лужаекъ. На душѣ было холодно и пусто, но Лиза упорно увѣряла себя, что это пустыки. Она впервые послѣ разрыва съ Яшневымъ шла по знакомой дорогѣ, по которой тогда бѣжала отъ него въ слезахъ, и ей опять казалось, что въ жизни ея прошла новая вѣчность.

Послѣднее время она сильно работала надъ собою.

Съ того разговора съ Флинтомъ она нарочно была съ нимъ любезнѣе и сердечнѣе. Она искренно хотѣла забыть Яшнева и приучала себя къ мысли, что «то кончено и отлично, Флинтъ гораздо лучше, добрѣе и болѣе подходящая партія», и она разспрашивала его о родныхъ и объ академіи, а у поручика все веселѣе блистали стальные глаза и все успѣшнѣе шла подготовка къ экзаменамъ. Марья Антиповна замѣчала все и сочувствовала такому обороту дѣла. Конечно, изъ академінъ дорога отличная, не то что армейская захолустная карьера. И мысль, что Лиза нашла счастье въ ея домѣ, тѣшила и радовала добрую женщину.

Лиза шла по аллеѣ, опустивъ голову, поглощенная мыслями... Сердце все-таки не хотѣло сдаваться... «Флинтъ, собственно фонъ-Флинтъ. И вспомнилась полковница, урожденная «фонъ-Маусъ». Почему эти нѣмецкія фамилія такъ рѣжутъ ухо? и было жаль своей русской... Колычева... звучно и красиво... А фонъ-Флинтъ...

— Это счастливый случай, и я его не упускаю,—раздалось надъ ея ухомъ.

Лиза отпрянула. Яшневъ нагналъ ее незамѣтно и шелъ теперь рядомъ.

— Я давно ждалъ его. Намъ надо объясниться.

— Въ чемъ? Между нами все кончено.

Она хотѣла пройти мимо, но онъ не отставалъ.

— Нѣтъ, неправда. Не кончено, а только начинается. Я умоляю выслушать меня... Въ тотъ день я былъ сумасшедшимъ, я восемь ночей не спалъ, работая въ отравленномъ воздухѣ, и повторяю: тѣ слова говорилъ не я, а мой переработавшійся мозгъ, мои перетянутые нервы. Я ихъ беру назадъ. Я умоляю забыть ихъ и считать никогда не говоренными.

— Онъ говорилъ сгѣшно и обрывисто, точно боясь, что не успѣеть высказаться. Лиза упорно смотрѣла подъ ноги.

— Ни забыть, ни считать ихъ не говоренными вами я не могу. Вы ихъ сказали, сказали послѣ того, какъ я довѣрчиво пришла къ вамъ. Значить, вы сознавали, что хотѣли сказать, и считали возможнымъ обратиться съ ними ко мнѣ именно въ ту минуту. Я васъ не виню, я одна виновата. Вы смотрите на женщину съ этой вамъ присутствующей точки зрѣнія, я ее не понимаю и считаю для себя... она остановилась,—унизительной и недопустимой. Поэтому говорить мы другъ съ другомъ можемъ только на разныхъ языкахъ... и я прошу: оставьте меня!

— Лиза, я и умоляю простить мнѣ, что заставилъ пережить тебя это униженіе. Я готовъ чѣмъ хочешь загладить эту обиду. Я сейчасъ же, если ты согласна простить и примириться, иду къ Александрѣ Николаевнѣ просить официально твоей руки... Милая... милая... милая... кому нужны эти наши страданія, когда въ нашихъ рукахъ наше счастье? Дорогая, пойми! У меня свои взгляды, у тебя—твоя. Развѣ не можемъ мы жить вмѣстѣ, взаимно ихъ уважая? Со своей стороны я согласенъ на всевозможныя уступки. Ты знаешь, я никогда не скрывалъ отъ тебя ни своего невѣрія, ни своей не любви ко всѣмъ обрядностямъ, считая ихъ жалкимъ лицемѣриемъ и комедіей, которой слабые люди обманываютъ себя, не дерзая трезво глядѣть на жизнь, но ради тебя я готовъ вѣнчаться съ трезвономъ и архіереями, только бѣ имѣть послѣ того право считать тебя своею. Для меня лично всѣ эти хожденія вокругъ аналоя подъ Исаія ликуй! не играютъ никакой роли. И безъ нихъ моя связь съ тобою была бы достаточно крѣпка, свята и нерушима, но это нужно для тебя, и я больше не протестую. Лиза, дай же мнѣ право загладить мою вину... Скажи, что ты меня простила, и разрѣши сейчасъ же пойти и переговорить съ твоей теткой.

Лиза стояла, все также не поднимая глазъ. Голова слегка кружилась, и сердце стучало, какъ тогда въ темной кладовой. Онъ снова былъ такъ близко... «Чего же надо мнѣ?.. онъ согласенъ, онъ готовъ вѣнчаться въ церкви... Стоитъ сказать одно слово, и то счастье, которое я считала утраченнымъ, снова вернется... А Флинтъ?..»

Яшневъ нагнулся къ ней и, взявъ за руку, притянулъ къ себѣ.

— Лиза!...

Все спуталось и исчезло. Розовое ли облако зимняго дня алѣло сквозь кружевной узоръ оголенной липовой аллеи, или же розовымъ свѣтомъ была залита жизнь?..

— Пойдемъ къ тетѣ...

Они вошли вдвоемъ подъ руку. Тетя Саша сидѣла въ своей спальнѣ. Она увидѣла ихъ изъ окна идущими по аллеѣ, и въ первый разъ мысль, что онъ можетъ стать Лизинимъ женихомъ, пришла ей въ голову.

Не успѣла она еще дать себѣ отчета, хорошо ли это,—они уже стояли оба подлѣ нея.

— Только объ одномъ умоляю тебя, тетя, не говори никому. Мы оба не хотимъ гласности, не хотимъ официальныхъ поздравленій. Дай намъ освоиться съ нашимъ счастьемъ.

Тетя Саша молчала. По обычаю нужно было бы встать, снять образъ со стѣны и благословить жениха съ невѣстой. Но Лиза, пѣлуя ей руки, просила: «подожди! подожди!» Ей самой страшно стало. Ей казалось кощунствомъ это благословеніе...

— Я потомъ объясню все!—шепнула она теткѣ на ухо.

— Относительно приданого...—начала та.

Яшнева передернуло.

— Нѣтъ, нѣтъ! меня этотъ вопросъ вовсе не интересуеть. Я прошу не подымать его.

Александра Николаевна совсѣмъ растерялась.

— Господи, да что жъ это такое! Да вы оба сумасшедшіе! Да развѣ у людей такъ дѣлается?

Лиза, плача и смѣясь, обнимала ее.

— Да, да! теточка... Мы оба сумасшедшіе... мы оба съ ума сошли отъ счастья...

Вечеромъ она въ первый разъ за это время сѣла къ роялю.

— Можно? Больного не тревожить?—спросила она жениха.

— Конечно, нѣтъ! Можетъ только благотворно повліять...

«Vous savez bien que je vous aime...»

Василій Игнатьевичъ оцѣпенѣлъ. Гдѣ онъ слышалъ этотъ мотивъ?... Лиза никогда его при немъ не пѣла, боясь выдать себя теткѣ послѣ ея замѣчанія, но теперь она себѣ дала полную волю и вложила въ него всю душу, все бившееся неизъяснимымъ блаженствомъ сердце.

При первыхъ же звукахъ пѣнья Кондрать востепенулся.

— Откройте дверь!—приказалъ онъ дежурившей Танѣ.

Черезъ переднюю звуки полились въ зеленый кабинетъ. Они нѣжили слухъ, они били по струнамъ души, полные горячей страсти, безудержнаго ликования и радости жизни...

Кондрать съ удивленіемъ озирался кругомъ.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ Таню.

— У генеральши Сотовой,—отвѣтила растерявшаяся горничная.

— Генеральши Сотовой?... я ея не знаю. Какъ я попалъ къ ней?

— Васъ на охотѣ ружье поранило.

Кондрать наморщился.

— Ружье? Какое ружье?

Въ эту минуту изъ гостиной донесся голосъ Яшнева, умолявшій Лизу повторить кантику.

— Яшневъ!—крикнулъ Кондратъ.

Лиза, Василий Игнатьевичъ, тетя Саша бросились къ нему. Онъ сидѣлъ на постели. Повязка сползла, и всѣ поджившія, покрытыя струпами раны обнажились.

— Что такое? что вамъ, Кондратій Виссаріоновичъ?

— Гдѣ я? Почему я забинтованъ? Гдѣ Фроловъ? Вы его услали въ Петербургъ? Отчего я остался? Вѣдь меня ждутъ...

— Уходите,—шепнулъ Яшневъ Сотовой,—и уведите Лизу. Намъ надо съ нимъ остаться вдвоемъ.

XXII.

А тѣ звуки растутъ и растутъ,
Призывая на Божескій судъ,
Гдѣ не страшны ни смѣхъ, ни угрозы,
Гдѣ сосчитаны стоны и слезы.

(«Колоколь». М. К.).

Въ эту ночь Яшневъ самъ остался дежурить у Кондрата. Тетя Саша, отсчитывая усердные поклоны «за рабу Божию дѣвицу Елизавету и нареченнаго жениха ея, раба Божія Василя», слышала изъ смежной съ кабинетомъ образной, что они бесѣдовали вполголоса. Рабъ Божій Василий уговаривалъ больного, какъ пьянка, а тотъ твердилъ: «Ужасно! ужасно! Но ради дѣла нужны жертвы, и я готовъ утѣшаться хоть этимъ».

Сотова зажала уши, чтобы не слушать невольно чужихъ разговоровъ и, поправивъ пискоро нагорѣвшую свѣтильню въ лампадкѣ, заторопилась въ спальню. Лиза въ ночномъ халатикѣ сидѣла у нея на кровати.

— Что тебѣ, Лизокъ?—спросила тетка.

— Тетя, я такъ счастлива! Мнѣ хочется поговорить съ тобою. Лягь скорѣе, такъ удобнѣе. Вотъ въ чемъ дѣло,—продолжала она, когда Александра Николаевна натянула на себя свое стеганое еще въ Горкахъ одѣяло:—ты знаешь, тетя, вѣдь Василий Игнатьевичъ,—она стѣснялась звать жениха при теткѣ уменьшительнымъ именемъ,—невѣрующій. Но это ничего, тетя? Да?

— Охъ, Лизанька! всѣ мужчины невѣрующіе. Покойный дядя Simon только и дѣлалъ всю жизнь, что надъ попами издѣвался. Такъ это принято у нихъ. Въ душѣ они совсѣмъ другіе. Небойсь, какъ плохо становилось, самъ въ Петербургъ къ Спасителю ѣздилъ и на домъ тѣхъ же поповъ звалъ молебны пѣть. Это у нихъ только наружное, а вѣрять они въ душѣ не меньше нашего.

— Нѣтъ, Василій Игнатьевичъ и въ душѣ не вѣрить. Но я знаю, меня онъ переубѣждать не станетъ. Я на этой же недѣлѣ говѣть хочу.

— Когда же свадьба ваша, Лизанька? Объясни ты толкомъ. Почему это вы порѣшили помолвку втайнѣ держать? Что же это за странности непонятныя?

— Ахъ, тетя, право, такъ лучше. Онъ ненавидитъ сплетни и толки. Его будутъ раздражать визиты и неизбѣжные разговоры. Онъ говорилъ, что перспектива официальнаго жениховства прямо страшитъ его. Зачѣмъ же подвергать его непріятностямъ лишнее время?

— Такъ-то такъ! но вѣдь нужно же подумать о приданомъ, надо же запасти бѣлье, платья... Наконецъ, квартиру пріискать. Гдѣ же вы жить будете?

— Да тутъ же съ тобою, тетя! Неужели ты думаешь, я соглашусь жить врозь. Или я уже тебѣ надоѣсть успѣла? Вѣдь и его служба здѣсь же въ двухъ шагахъ при больницѣ, такъ чего же удобнѣе. И знаешь, именно потому, что все такъ чудесно складывается, я вижу, что это судьба... Тетя, скажи: а тебѣ онъ нравится?

Александра Николаевна вздохнула. Нѣтъ, онъ ей не нравился, т. е. не самъ по себѣ, а какъ мужъ Лизы. Почему? она себѣ объяснить не могла, но чтобы не огорчать милой дѣточки, такъ довѣрчиво прижимавшейся къ ея плечу, такъ задушевно заглядывавшей ей въ глаза, она ее поцѣловала и отвѣтила:

— Очень.

Лиза чуть не задушила ее поцѣлуями.

— Ну, иди спать, дружокъ!

Она еще разъ перекрестила племянницу и отпустила ее.

Лиза передъ сномъ молилась передъ своимъ образомъ Смоленской Божьей Матери, озареннымъ снпимъ огонькомъ лампадки.

«Господи, благодарю Тебя за посылаемое мнѣ, недостойной рабѣ Твоей, столь великое счастье! А я, Господи, постараюсь обратить къ Тебѣ его сердце. Научи же меня великой мудростью Твоею, чѣмъ поколебать его, чѣмъ рушить его сомнѣнія, чѣмъ убѣдить его мятежный разумъ! Да озарится онъ свѣтомъ правды Твоей, да расцвѣтетъ въ душѣ его вѣра въ Тебя, всеблагой и всевѣдущій!»

И, перекрестивъ подушку, она легла.

— Милый, милый!—шептали губы, улыбаясь.—И я могла думать, чтобы промѣнять его на Флинта.. Развѣ можно сравнивать ихъ?...

Когда на другой день, подойдя постѣ обѣдни ко кресту, Лиза сообщила отцу Никанору о своемъ намѣреніи говѣть на слѣдующей недѣлѣ, священникъ благословилъ ее и сказалъ:

— Отлично, поговѣйте, барышня, въ нашей убогой церкви. Вы тамъ въ институтѣ привыкли къ благолѣпной обстановкѣ, а Богъ

одинъ вездѣ, и молиться Ему и безъ пѣвчихъ и концертовъ можно, и подвига въ такой молитвѣ гораздо больше будетъ.

Лиза была тронута.

«Онъ правъ. Вѣдь Богъ создалъ не только одно прекрасное... Нѣтъ, Онъ все создалъ прекрасно, и это мы сами не умѣемъ смотрѣть на все съ должной стороны».

Она медленно шла домой по аллеѣ. Вдругъ сзади раздались быстрые шаги. Ее догонялъ Яшневъ. Видъ у него былъ нѣсколько разстроенный.

— Я сейчасъ изъ подвала. Тамъ, видимо, былъ кто-то. Замокъ испорченъ, ключъ не дѣйствуетъ. Я не знаю, какъ быть.

— Надо позвать слесаря. Вотъ старикъ Агаѳонъ—отличный слесарь. Хочешь, я пошлю за нимъ?

— Но тогда все откроется. Придется сознаться, что я всю зиму пользовался помѣщеніемъ.

— Чего жъ тутъ страшнаго? Скажемъ тетѣ. Я ей покаюсь, что вы, милостивый государь, уже не со вчерашняго дня мой избранныкъ—и все. Полно, милый! Стоить ли волноваться и такими пустяками портить наши блаженные дни?

Онъ улыбнулся ей и вдругъ порывисто обнялъ и поцѣловалъ.

— Тише, сумасшедшій! могутъ увидѣть!

— Ну, эта публика,—онъ ударилъ палкой по дуплисту стволу старой липы,—не пасъ первыхъ наблюдаетъ и не выдастъ. Могу себѣ вообразить, чего, чего за свою долгую жизнь онъ не навидался и не наслушался...

Они шли рядомъ. Яшневъ сообщилъ Лизѣ, что теперь Чермакъ уже знаетъ о своемъ увѣчьи.

Лиза усмѣхнулась.

— Миѣ кажется, что это не его имя. Его фамилія не Чермакъ, а Ершовъ и онъ родомъ изъ У... Онъ самъ говорилъ миѣ, что его родители Ершovy и отецъ его какой-то отставной чиновникъ.

Яшневъ насторожился.

— Ну, это онъ говорилъ въ бреду?

«Надо будетъ этотъ вопросъ выяснитъ, однако», подумалъ онъ про себя.

— Какъ же принялъ онъ страшную новость?

— Говоря твоимъ языкомъ,—съ покорностью воли Провидѣнія.

— Несчастный! что будетъ онъ дѣлать теперь?

— И не такіе катѣжки живутъ! Конечно, о медицинской карьерѣ думать ему больше нечего...

— Онъ готовился въ медики? Значитъ, онъ пріѣзжалъ къ тебѣ, чтобы посоветоваться?...

Яшнева озарила мысль.

— Да, и поработать въ лабораторіи, что для всякаго готовящагося къ медицинѣ страшно важно... Ну, да, вѣдь, есть и другія дороги... Какъ-нибудь устроится. Поживемъ—увидимъ.

Когда Лиза принесла повинную относительно своего самоуправства съ подваломъ, Александра Николаевна даже не пожурила ее.

«Что жъ, дѣло ихъ молодое. Они другіе, чѣмъ мы были въ наше время. Я отъ тетушки скрыть не сумѣла бы, да и мимо бы ходить боялась...» и, вздохнувъ, она велѣла позвать слесаря.

А Лиза вышла смѣнить Кирилловну у Кондрата. Больной принялъ ее сдержанно.

— Вамъ лучше? — спросила она, оправляя сползшее одѣяло.

— Не знаю. Это безразлично теперь.

— Зачѣмъ говорите вы такъ?

— А вы развѣ не знаете, что у меня отнята правая рука? Правая рука, — повторилъ онъ и стиснулъ зубы. — Какая насмѣшка! Въ двадцать лѣтъ уже стать ни къ чорту негоднымъ.

Лиза молчала, не находя, чѣмъ его успокоить.

— Вотъ вы молчите, вы даже слова не умѣете найти мнѣ въ утѣшеніе! — злобно бросилъ онъ ей.

— Что же сказать мнѣ!... Надо утѣшать себя, что такія несчастія нерѣдки, они могутъ случиться съ каждымъ на охотѣ, особенно ночью... Лучше было не ѣздить на нее.

— На охоту? — онъ иронически осклабился. — О, это такая увлекательная вещь подобная охота! Выслѣдить, приманить, а потомъ затравить звѣря, какъ лютейшаго, злѣйшаго врага своего. Что жъ, я готовъ не жаловаться, я готовъ дать ампутировать и вторую руку, только бы услышать, что нашлись другіе счастливички, которымъ удалось то, ради чего я лишился куска костей и мяса. Нѣтъ, видѣть звѣря, истекающаго кровью, кто всю жизнь не только самъ, но и чьи предки только и дѣлали, что пили чужую, людскую кровь — это такое блаженство, ради котораго ничего не жаль!

Лиза удивленно слушала его.

— Да, вѣдь, это... это какая-то кровожадность!

— А съ его стороны не кровожадность? Милліоны голодающихъ, изможденныхъ людей ради тысячи какой-нибудь не сытыхъ просто, а пресыщенныхъ.

— Кого? волковъ?

— Да, да! волковъ! потому что имени людей они не стоятъ. Они понятія не имѣютъ, что такое человѣкъ настоящій, живущій трудомъ, бѣдствующій, когда они сами утопаютъ въ роскоши.

«Онъ бредитъ, вѣрно», подумала Лиза и приложила руку къ его лбу съ поджившими черными ссадинами.

— Да, поддержите такъ руку, я по крайней мѣрѣ не вижу этого противнаго лица.

— Какого?

— Того человекъ съ бакенбардами. Это тоже волкъ.

— Богъ съ вами! дядя Simon былъ самымъ мирнымъ чиновникомъ, ничего волчяго въ немъ не было.

— Напротивъ, онъ высасывалъ народную кровь не только вѣкъ свой, но и послѣ смерти продолжаетъ пить ее. Вѣдь, тетка ваша, вѣрно, получаетъ громадную пенсію, подите. еще съ арендой вдобавокъ?

Лиза сдвинула брови и сняла руку съ его лба.

— Это никого не касается, это жалуетъ государемъ.

— Какой убѣдительный аргументъ, подумаешь!—процѣдилъ онъ.

— Значить, и я, по-вашему, кровопійца, потому что живу у тети и пользуюсь ея пенсіей тоже?

— Конечно!

— И ваши родители тоже?—не унималась потерявшая равновѣсіе дѣвушка:—вы, вѣдь, мнѣ рассказывали, что вашъ отецъ на пенсіи.

— Когда я это говорилъ вамъ?—вспокоился больной.—Ничего подобнаго! Мой отецъ никогда чиновникомъ не былъ и быть не могъ. Онъ мѣщанинъ и нажился на подрядахъ. И я ушелъ отъ него, чтобы не ѣсть этого хлѣба, пропитаннаго народною кровью... Я навѣки порвалъ съ семьєю, гдѣ мои идеи величались богохульными, возбуждали однѣ насмѣшки, перешедшія въ притѣсненія, гдѣ не падалась ни человѣческая личность, ни достоинство. Я бросилъ этихъ затѣлыхъ людшекъ и ушелъ.

— Куда?—спросила Лиза. Это былъ новый этапъ его біографіи, до котораго онъ еще не доходилъ, и ей хотѣлось знать и конецъ. Но Кондрать оборвалъ разговоръ и отвернулся къ стѣнѣ.

— Оставьте меня... я хочу спать...

Она осталась и сѣла къ окну. Вышивать не хотѣлось.

«Станный онъ все-таки! Надо все рассказать Васѣ».

Къ обѣду пріѣхали Флинтъ и Шемаевъ. Поручикъ вошелъ съ торжествующей улыбкой, ожидая ласковаго приема отъ дѣвушки, дарившей его послѣднее время все большимъ вниманіемъ, но она вышла только къ обѣду и вела себѣ крайне сдержанно. Раза два онъ поймалъ ея взглядъ, устремленный на Яшнева, и видѣлъ, какъ тотъ улыбнулся ей подъ своими черными, слегка завитыми усами... «Что-то неладное!.. Они словно хорошо спѣлись!» и онъ сталъ еще наблюдательнѣе. Сразу послѣ кофе Яшневъ ушелъ. Онъ торопился въ подвалъ. И разговоръ началъ обрываться, точно Лиза тяготилась имъ.

А она дѣйствительно чувствовала себя неловко. «Какъ могла я даже ставить ихъ на одну доску! Флинтъ настоящій истуканъ... то ли дѣло глаза моего Васи, его бездонныя, черныя очи...» И чтобы не стѣснять себя разговорами, она сѣла за рояль и запѣла:

«Очи черныя, очи страсныя...»

Весь вечеръ она не вставала изъ-за рояля и пѣла и играла все, что ее просили. И оба ея поклонника замирали отъ восторга, слушая ее, но въ душѣ у Флинта сверлилъ червякъ. Степаша, ревновавшій и къ нему, и къ Яшневу, унывался теперь музыкой. Вѣдь, слушать ее никому не воспрещается. Дверь къ Кондрату была прикрыта. Уже поданъ былъ самоваръ, когда вдругъ въ передней раздался голосъ Пгнатія Львовича, прїѣзда котораго никто за музыкой не замѣтилъ.

— Слышали, господа, какой ужасъ!—кричалъ онъ изъ передней, отряхая снѣгъ съ шапки:—государя убили!...

— Господи, съ нами крестная сила!

Александра Николаевна вышла въ переднюю и, крестясь, такъ и опустилась на стулъ. Лиза поблѣднѣла. Кирилловна, подавшая самоваръ, высунула голову изъ столовой и всплеснула руками.

— Откуда вы знаете?—спросилъ Флинтъ, тоже входя.

— Мы винтили у Адриановыхъ, когда принесли депешу полковому командиру. Бомбой на Екатерининскомъ каналѣ, во второмъ часу дня сегодня, и его величество, не приходи въ себя, скончался въ Зимнемъ дворцѣ въ три съ четвертью часа.

— Да кто же этотъ злодѣй?—вырвалось у Шемаева.

— Кто! конечно, изъ нигилистовъ. Какой вопросъ!

Всѣ прошли обратно въ гостиную. Лиза, облокотясь на рояль, плакала навзрыдь. У Александры Николаевны такъ и текли слезы, но она даже не вытирала ихъ.

— Есть какія-нибудь подробности?

— Пока никакихъ. Командиръ послалъ запросъ въ главный штабъ со срочнымъ отвѣтомъ, но при мнѣ его еще не приходило.

— Надо ѣхать!—сказалъ Флинтъ.—О, Господи! неужели не переловятъ и не передуютъ всѣхъ этихъ злодѣевъ!

Они простились и вышли со Степашей въ переднюю. Тамъ было темно. Пока поручикъ разыскивалъ свою саблю и пальто, дверь изъ кабинета отворилась. На порогѣ стояла бѣлая фигура съ наброшенной на плечи простыней. Таня, смѣнившая Лизу, исчезла со своего поста и въ числѣ прочей дворни слушала на кухнѣ разглагольствованія фельдшера Ивана, съ которымъ прибылъ старикъ Яшневъ, и больной съ трудомъ самъ сползъ съ постели и ощупью добрался до двери. Онъ давеча ясно разобралъ слова: «государя убили», и теперь ему захотѣлось еще разъ услышать подтвержденіе ихъ. Флинтъ невольно отшатнулся при его появленіи.

— Кого убили?—раздался надтреснутый голосъ.

Степаша шарахнулся въ сторону.

— Съ нами крестная сила! Кто это?

— Кого убили?—повторилъ больной.

Флинтъ зажегъ спичку. Ярко освѣтилъ красный огонекъ обезображенное лицо, гдѣ шрамы казались клеймами.

— Царь-Освободитель палъ отъ руки убійцы!—глухо, точно сдерживая рыданіе, вымолвить Степаша.

— Не я!.. Не я!...—вырвалось изъ безкровныхъ губъ калѣки, и, не выдержавъ, онъ во весь ростъ грохнулся на полъ.

Произошелъ переполохъ. Сбѣжались люди. Лиза, вся заплаканная, съ мокрымъ платкомъ въ рукѣ, суетилась тутъ же. Больного подняли и уложили. Игнатій Львовичъ хлопоталъ надъ нимъ съ помощью Ивана.

Во время суеты снова отворилась входная дверь, и въ переднюю прошла высокая, вся занесенная снѣгомъ фигура отца Никанора.

— Правда ли,—раздался его голосъ:—убили? Государя убили?—обратился онъ къ проходившей Лизѣ.

Она кивнула головою и, прислонившись лицомъ къ притолкѣ, еще безутѣшнѣй зарыдала въ отвѣтъ. Священникъ перекрестился широкимъ крестомъ.

— Упокой, Господи, душу новопреставленнаго раба Твоего...

— Раздѣньтесь, батюшка! присядьте!—предложила Александра Николаевна.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, если правда, такъ въ церковь поспѣшу лучше. Панихиду справить надо. Покаралъ насъ грѣшныхъ Господь. За наши злодѣянія опять пролилась невинная кровь праведника!..—и, смахнувъ слезу, онъ низко поклонился пояснымъ поклономъ и вышелъ.

Метель разыгрывалась. Снѣжные вихри бѣжали по дорогѣ, сметая новые гребни на сугробы, заваливая ухабины и пронизывая холодомъ встрѣчнаго. Какъ острыми иглами, жгли кожу отдѣльныя снѣжинки, и горячія слезы, катившіяся противъ воли изъ глазъ, застывали крупными жемчужинами на бородѣ деревенскаго попа. А онъ, ничего не замѣчая, двигался впередъ. У избытки понамаря, того самаго Ѳомки, который помогалъ когда-то дѣду Ѳеодотичу звонить на похоронахъ Арсенія Михайловича, онъ постучался въ окошко.

Опустилось стекло.

— Кто тамъ?—раздался сердито сильный басокъ, но, узнавъ фигуру священника, Ѳомка тотчасъ же слащаво поправился:

— Ахъ, это вы, ваше преподобіе! милости просимъ, пожалуйста!

— Самъ ты лучше въ церковь пожалуй. Бери фонарь и ударъ похоронный: царя убили.

Черезъ четверть часа со старой колычевской колокольни пронесся первый протяжный звонъ и слился, рыдая, съ завываніемъ снѣжнаго бурана. Гулко прозвучалъ онъ по всей далекой окрестности. Въ каждой избѣ, въ каждой лачугѣ дрогнули сердца... Руки поднялись для крестнаго знаменія: набать? пожаръ?...

Нѣтъ! за первымъ ударомъ раздался второй, еще протяжнѣе, еще печальнѣе, еще зловѣщѣе.

— Умеръ кто-то!..

Душа заняла острой болью, чуждую неминуемую. Змѣя-тоска засосала подъ ложечкой, и съ недобримъ предчувствіемъ, кутаясь наскоро въ шипуны и подушубки, повалились по зимней ночной улицѣ народъ въ свой ветхій храмъ... А тамъ по срединѣ уже стоялъ низкій черный простоль со вновь затепленнымъ сорокоуостомъ, и тихо мерцали въ сумракѣ лампы у блеклыхъ иконъ. Въ черныхъ ризахъ вышли изъ алтаря священнослужители, и, еле сдерживая рыданія, обратился отецъ Никаноръ къ толпѣ:

— Царь нашъ батюшка, освободившій васъ двадцать лѣтъ назадъ отъ помѣщичьей власти, палъ въ городѣ Санктъ-Петербургѣ сегодня, во второмъ часу дня отъ руки злодѣйской. Помолимся же, братіе, за упокой его ангельской души, пріявшей нынѣ взаимнѣ царскаго вѣнецъ терновый! Да упокоитъ ее Господь Вседержитель въ селеняхъ праведныхъ и да отвратитъ Онъ лицо Свое отъ каждаго, чье сердце не содрогнется отъ ужаса за совершившееся!

Громкія рыданія были отвѣтомъ. Замелькали, забѣгали огоньки по рядамъ богомольцевъ, и, какъ одинъ человекъ, упали все на колѣни. Въ этой толпѣ были и Степаша, и Флинтъ, и Александра Николаевна съ Лизой. Тщетно, отрывая мокрый платокъ отъ заплаканныхъ докрасна глазъ, искала она взглядомъ жениха,—его въ церкви не было.

Когда похоронный перезвонъ пролился въ темноту зимней ночи, онъ долетѣлъ и до подвала, гдѣ Яшневъ прибиралъ свои реторты и ступки, остававшіяся еще запачканными послѣ отъѣзда обоихъ членовъ «народной воли». Типографскій станокъ, шрифтъ и формы стояли не распакованными. Уѣхавшіе должны были сообщить о результатахъ работъ въ Петербургѣ и прислать нужныхъ людей для оборудованія тайной типографіи и печатанія новыхъ прокламаций, такъ какъ Яшневъ наотрѣзъ отказался устроить это на свой рискъ и страхъ и ждалъ отвѣта изъ комитета. Ударъ колокола оторвалъ его отъ работы.

— Что за притча? Это не набать... звонъ не частый... напротивъ... Что случилось?

Онъ накинулъ пальто, залеръ подвалъ и поспѣшилъ въ село. Оно точно вымерло, зато церковь такъ и горѣла огнями, и ея окна ярко свѣтились сквозь падавшіе хлопья въ окружающей темнотѣ. Онъ позвонилъ у больницы.

— Что случилось?—спросилъ онъ у впустившего его сторожа.

— Государя... уби-ли...—отвѣчала тотъ, отирая ладонью слезы.

Сквозь запертыя двери палаты слышались оханья и всхлипы больныхъ. Яшневъ взялъ по привычкѣ за дверную скобу, чтобы сдѣлать вечерній обходъ, и вдругъ повернулся на каблучкахъ и быстро, точно убѣгая отъ кого-то, прошелъ къ себѣ.

Онъ прижался лбомъ къ холодному стеклу окна, выходявшаго на церковь...

«Свершилось! свершилось!» Но не радостью билось сердце, и не съ ликованіемъ побѣды смотрѣли въ темную ночь черные райки... Что-то зловѣщее, грозно-скорбное глядѣло оттуда въ отвѣтъ и нагоняло дрожь и тоску, и насторожившаяся, испуганная душа замирала отъ страннаго трепета...

XXIII.

Визжитъ пила, вторитъ рубанку.
Кудрями ниспадають стружки.
На гробъ, готовый спозаранку,
Оборкой обошьютъ подушки...
Пусть жизнь и грезы отлетѣли,
Но подъ глазетовымъ покровомъ
Лежить въ послѣдней онъ постели
Съ загадкой на лицѣ суровомъ...

(Изъ «Пѣснь забытой усадьбы». М. К.).

Шемаевскій иноходецъ шелъ ровнымъ шагомъ, слегка переваливаясь съ боку на бокъ. Сани, несмотря на сугробы, летѣли стрѣлою по накату дороги. Оба сѣдока молчали. Башлыкъ Флинта закрывалъ почти вплотную его лицо, но Степаша даже не поднялъ воротника и подставлялъ нарочно вѣтру богатырскую грудь. Оба думали свою думу, но у обоихъ она была объ одномъ и томъ же.

Именно потому, что за послѣдніе мѣсяцы крамола словно поухлила и притаилась, сегодняшняя катастрофа казалась тѣмъ неожиданныѣе и ужаснѣе. У Адриановыхъ, гдѣ всегда знали самыя повѣйшіе слухи и новости изъ высшихъ сферъ, съ которыми старуха Родионова умѣла ловко сохранять связи, громко говорили о предстоящихъ реформахъ, задуманныхъ государемъ для успокоенія смуты. На ушко даже произносили слово «конституціонная форма правленія», — а вслухъ болтали о какихъ-то комиссіяхъ, которыя наподобіе редакціонныхъ въ шестидесятыхъ годахъ внесутъ новый строй въ политическую жизнь нашей родины. Но отъ Горска смута казалась за тридевять земель. И, возвращаясь въ этотъ памятный вечеръ изъ Колычева, оба молодыхъ человѣка испытывали одинаково тревожное чувство. Изъ суммы общихъ только что пережитыхъ впечатлѣній вдругъ одинаково рельефно для обоихъ выплылъ образъ калѣки въ темной передней и его вопль: «не я! не я!» И оба послѣ долгаго молчанія сразу задали другъ другу вопросъ: «Кто этотъ субъектъ?»..

— Да, я васъ хотѣлъ спросить, — сказала Степаша: — вы образованнѣе меня и больше на свѣтѣ живали, — какъ это ружье, неужели, разорвавшись, могло такъ искалѣчить человѣка и руку оторвать? Развѣ на войнѣ такое случалось?

Флинтъ пожалъ плечами.

— На моихъ глазахъ не случилось, но я допускаю,—если оно разорвалось на куски...

— А чего онъ завопилъ: не я! не я!..

— Кто его знаетъ... Можетъ быть, въ бреду.

— Не знаю почему, а чуеться,—наживуть колычевскія барыни бѣду съ нимъ. И откуда этотъ пріятель докторскій взялся? Чего онъ имъ-то его навязалъ? Надо бы Лизаветѣ Ивановнѣ шепнуть, чтобы поосторожнѣе была...

— Елизаветѣ Ивановнѣ шепчи теперь, не шепчи,—толку не будетъ,—горько усмѣхнулся Флинтъ:—ей и свѣту въ окнѣ только отъ Яшнева.

— Вы думаете?...—Степаша туго натянулъ вожжи, и иноходецъ зашатался еще быстрѣе.—А коли бы за этимъ голубчикомъ надзоръ бы учинить, мнѣ чуеться, многое за нимъ бы открылось, о чемъ никто и не подозреваетъ... Не спроста онъ на панихиду-то не пожаловалъ. Какъ въ такой день, въ такой часъ въ церковь не прійти? Ты тамъ, какъ хочешь, въ Бога не вѣруй, а чтобы за невинно убіеннаго царя не захотѣтъ креста положить, это, батюшка мой, явно себя къ злодѣямъ сопричислить и всѣмъ показать, что, моль, и я ихъ поля ягода...

Яшневъ упорно не ходилъ на ежедневныя панихиды,—тѣмъ усерднѣе была Лиза. Свое говѣнье она снова отложила до Страстной, потому что свѣтлый день причастія не вязался съ ея душевнымъ настроеніемъ. По ея предложенію составилъ даже наконецъ небольшой церковный хоръ изъ нѣсколькихъ парней и мальчиковъ и когда впервые на одной изъ панихидъ раздалось тихое и стройное «аминь»... всѣ колычевцы какъ-то особенно умиленно опустили на колѣни и руки сосредоточеннѣе и медленнѣе начинали класть привычныя кресты. О. Никаноръ всякій разъ во время кажденія привѣтствовалъ Лизу отдѣльнымъ поклономъ, а она со слезами на глазахъ подавала камертонъ.

Даже и на эту панихиду Яшневъ не показался, несмотря на просьбы и убѣжденія невѣсты. Онъ отговаривался состояніемъ Кондрата, у котораго дѣйствительно проводилъ всякую свободную минуту. При своемъ паденіи раненый ушибъ большую руку, и у него снова началось безсознательное состояніе и жаръ.

Между тѣмъ газеты приносили все новыя свѣдѣнія о ходѣ слѣдствія. Ихъ жадно читали. О. Никаноръ, получивъ «Голосъ» изъ помѣщичьяго дома, читалъ его вслухъ желающимъ слушать, а потомъ передавалъ грамотеямъ на селѣ. Самымъ бойкимъ изъ нихъ былъ слесарь Агафонъ, когда-то претерпѣвшій лошадиную обиду отъ Романа. Онъ исполнилъ свое давнишнее желаніе и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Петербургѣ, сильно импонируя теперь своимъ односельчанамъ разказами о томъ, какъ «строилъ Литейный мостъ.

и ходилъ по дну рѣчному въ воздушномъ колоколѣ». Грамотѣ онъ выучился на больничной койкѣ. Рядомъ съ нимъ лежалъ товарищъ по его же артели, взявшійся просвѣтить темнаго человѣка членъ «Земли и Воли», и въ рукахъ Агаѳона перебивала и «Сказка о четырехъ братьяхъ», и «Хитрая механика», и прочія брошюры запретной литературы, но страннымъ образомъ бывшего бунтаря тянуло не къ нимъ, а къ священному писанію. Ему грамота казалась такимъ высокимъ и таинственнымъ даромъ, который грѣшно растрачивать на вещи земныя, какъ на уравненіе богатства и передѣлъ земли, и онъ съ пренебреженіемъ возвращать книги своему просвѣтителю. «Это про господь, а не про насъ. Намъ не годится о такихъ пустякахъ читать, мы еще и Божьяго-то не читали».

Совершившееся теперь злодѣяніе окончательно озлобило его противъ этихъ непрощенныхъ благодѣтелей, и онъ карающе обзывалъ ихъ стрикунстами и крамольниками, совершенно забывая, что отъ нихъ слышалъ подтвержденіе своимъ прежнимъ бунтарскимъ мыслямъ, будто помѣщики обѣли мужика и несправедливо пользуются землею, папоенной потомъ и кровью мужицкой... Но теперь эта пролитая ими царская кровь, запекавшаяся на булыжникахъ набережной Екатерининскаго канала, пекупила въ страданія мужицкія и несправедливости помѣщичьи. Мужикъ и баринъ были квиты, и были одни злодѣи на свѣтѣ,—тѣ люди, вышедшіе и изъ мужицкой, и изъ барской среды, у которыхъ поднялась рука на царя-мученика, и не было казни, достойной для нихъ... Такъ думали въ избахъ села Колычева, и это же повторялось и въ малиновой гостиной стараго помѣщичьяго дома, гдѣ кроткое, незлобивое сердце Сотовой было ожесточено.

— Пусть всѣхъ переловятъ и перевѣшаютъ! Туда имъ и дорога...

Лиза сдвигала тоже темныя брови и утвердительно кивала головою. За эти дни она перебирала всѣ свои институтскія воспоминанія о посѣщеніяхъ государя. Она снова рисовала себѣ веселыя шпалеры бѣлыхъ пелеринокъ и сотни дѣтскихъ и дѣвичьихъ лицъ съ восторженно сіявшими глазами... Боже, какъ замирало сердце, когда эти глаза случайно встрѣчались взоромъ съ царскими, кроткими и все-таки повелительными очами! Особенно ярко воскресала традиціонная поѣздка 1-го іюля въ загородный дворецъ. Какъ удачно попала она тогда въ послѣднюю минуту въ царскій шарабанъ, одна изъ всего ихъ института, и очутилась рядомъ съ государемъ. Какъ ласково улыбнулся онъ ей и похвалилъ за ловкость... А потомъ 19-го февраля, въ день двадцатипятилѣтія его царствованія этотъ громадный соединенный хоръ воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній, спѣвшій въ Бѣломъ залѣ Зимняго дворца кантату, сочиненную принцемъ Ольденбургскимъ:

Царь-отецъ благословенный,
Лепту ты прими дѣтей...

Какъ билось ея сердце, когда государь съ милостивой улыбкой разсматриваль и хвалиль поднесенный ему вышитый коверъ, гдѣ и ея руками былъ исполненъ одинъ зеленый листъ.

Въ мартѣ онъ пріѣзжалъ «благодарить» ихъ. До выходныхъ «парадныхъ» дверей провожали его обыкновенно дѣти и по традиціи подавали ему сами шинель. Но на этотъ разъ сопровождавшій государя лейбъ-казакъ сурово отстранялъ ихъ отъ сѣраго знакомаго одѣянія съ бобровымъ воротникомъ, и царскій черныи сетеръ Медоръ сердито ворчалъ, когда онѣ пытались все-таки подойти поближе. Завидѣвъ спускавшагося по лѣстницѣ императора подъ руку съ начальницей, Лиза отчаяннымъ голосомъ, сама потомъ удивляясь своей храбрости, крикнула: «Ваше императорское величество! Вашъ казакъ намъ шинели не даетъ!»

— Отдай!—приказаль улыбаясь императоръ, и онѣ съ кѣмъ-то втроемъ, стоя на ступляхъ, подали ее ему на плечи.

Государь вынулъ изъ кармана платокъ и показаль его воспитанницамъ. «Вотъ этотъ платокъ мнѣ вышивали въ вашемъ институтѣ, и я его всегда бралъ на охоту, а теперь посмотрите, на что онъ похожъ!»

Платокъ сносился и по срединѣ въ батистѣ зіяла прорѣха.

Черезъ мѣсяць былъ готовъ новый, съ тѣми же четырьмя звѣрями по угламъ, и Лиза едѣлала свою порцію стежковъ въ хвостѣ пушистой лисицы...

Все это были мелочи, но для дѣтской души онѣ служили источникомъ счастья. Онѣ не только скрашивали монотонную институтскую жизнь, но придавали ей новый смыслъ.

Дѣти чувствовали себя дѣйствительно на царскомъ попеченіи и цѣнили воспитаніе, получаемое на царскія деньги. Отъ своего инспектора онѣ знали, что нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ роскошныхъ заведеній, гдѣ получаютъ даромъ пріютъ и образованіе столько дѣвушекъ, и какъ ни тягостна бывала подчасъ дисциплина казенныхъ стѣнъ, но, выходя изъ нихъ, душа сохраняла совершенно особое умиленно-теплое чувство къ государю и ко всей его семьѣ. И теперь Лиза еще болѣе ярко и остро испытывала его.

Ей очень хотѣлось побесѣдовать объ этомъ съ женихомъ, но она его почти не видала. Кондрату становилось все хуже. Онъ не приходилъ въ себя и снова бредилъ. Но теперь бредъ его повернулъ съ прежняго пункта. Теперь онъ постоянно твердилъ о разныхъ химическихъ составахъ, произносилъ сложныя формулы и т. д. Ни Таня, ни Кирилловна, ни даже тетя Сапа не слѣдили за его рѣчами, но Лиза, оставаясь у его изголовья, вслушивалась невольно въ эти казавшіяся по первому впечатлѣнію бессмысленными фразы, а онѣ выходили довольно связными наставленіями о приготовленіи нитроглицерина и пироксилина и о снаряженіи бомбъ...

Въ первый же разъ, когда они остались въ Яшневымъ наединѣ, Лиза спросила жениха: «Почему Кондратъ бредитъ химіей?»

— Онъ находится подъ впечатлѣніемъ петербургскаго извѣстія, и мозгъ его работаетъ снова только въ одномъ этомъ направленіи.

Въ гостиной было свѣжо, и Лиза прошла въ свою комнату за платкомъ. Яшневъ послѣдовалъ за нею.

— Можно войти?

— Пожалуйста! вѣдь ты еще ни разу не былъ у меня.

Онъ вошелъ и сѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Тебѣ нравится моя комната?

Онъ оглядѣлся.

— Да, очень мило!..

Но это прозвучало весьма холодно.

Лиза внимательно посмотрѣла на него. Онъ сильно похудѣлъ за послѣднее время. Подъ глазами легли черноватые тѣни отъ бессонныхъ ночей. Тяжелыя вѣки устало закрывали райки. У Лизы даже сердце упало. «Боже мой, какъ онъ измѣнился! Какъ же я раньше этого не замѣчала?»

Она подошла къ нему и, взявъ обѣими руками милую курчавую голову, повернула къ свѣту и заглянула ему въ глаза:

— Вася, что съ тобой? Ты боленъ?

Вся тревога женской беззаветно любящей души вылилась въ ея вопросѣ, въ этомъ жадно устремленномъ на него взглядѣ. Онъ обнялъ ее за талию и прижался къ ней.

— Нѣтъ, я здоровъ.

— Но ты чѣмъ-то озабоченъ? Чѣмъ? сказки мнѣ? Мы вмѣстѣ обдумаемъ и обсудимъ, какъ помочь дѣлу?

— Помочь нельзя... у Кондрата гангрена, и я послалъ за фатеромъ.

Онъ всталъ и обошелъ комнату.

— Какъ у тебя уютно здѣсь!

— Да, я люблю свой уголокъ. Я рѣшила и послѣ нашей свадьбы устроить тутъ нашу спальню.

Она вся вспыхнула. Въ первый разъ она говорила о будущемъ гнѣздѣ. Онъ какими-то отсутствующими глазами смотрѣлъ передъ собой.

— Здѣсь... развѣ мы будемъ жить здѣсь?

— А то гдѣ же? У тебя въ твоей квартиркѣ тѣсно, а отсюда всего два шага до больницы. Тетя отдастъ тебѣ подъ кабинетъ мезонинъ, тамъ двѣ комнаты, и ты можешь туда перенести и лабораторію... Конечно, старый кабинетъ былъ бы удобнѣе, но онъ принадлежалъ дядѣ Simon, и тетя дорожитъ каждой вещью. Видишь, какъ я хорошо все придумала. Да ты не слушаешь меня! Куда ты смотришь такъ?.. Ахъ, на портретъ бѣднаго государя. Я получила его изъ его собственныхъ рукъ. Правится тебѣ рамка?

Она сняла ее со стѣны и подала ему, но онъ не взялъ ее въ руки.

— Я вижу и такъ... очень хорошо!

Лиза благоговѣйно поднесла портретъ къ губамъ. Двѣ крупныя слезы выкатились у нея изъ глазъ и брызнули на стекло. Она отерла ихъ платкомъ.

— Смотри, точно портретъ самъ заплакалъ! Ахъ, Вася, Вася! Какіе ужасные люди должны быть эти убійцы! Вѣдь чтобы совершить такое преступленіе, сколько времени надо было обдумывать и подготавливать его! Я увѣрена, что это дѣлали не сами тѣ, кто бросалъ бомбы... Эти попались, а тѣ, навѣрно, гдѣ-нибудь скрываются, и, по-моему, они еще хуже... Но каково имъ?.. я думаю, они теперь раскаиваются, что пошли на такое дѣло. Какъ ты полагаешь?

Его вѣки только еще усталѣе прикрыли райки. Онъ досталъ портсигаръ.

— Можно курить у тебя? или перейдемъ въ гостиную?..

Лизинъ вопросъ остался безъ отвѣта.

Къ обѣду прибылъ Игнатій Львовичъ. Онъ тотчасъ же прошелъ къ Кондрату. Ужасные ожоги были обнажены. Больной спалъ.

— Пусть себѣ спитъ... будить не къ чему.

Старому врачу было ясно, что спасенія быть не могло и, осматривая черезъ полтора часа жалкій обрубокъ недавней мускулистой руки, онъ убѣдился, что его предположеніе вѣрно. Гангрена шла быстро. Начиналось зараженіе крови и красныя зловѣщія полосы ползли по предплечью.

— Летальный исходъ!—пробормоталъ онъ.

— А если повторить ампутацію?

— Отхватить по самое плечо?.. Сдается, это будетъ только напраснымъ излишнимъ мученьемъ.

— Врачъ до послѣдней минуты не долженъ терять надежды, пока не испытаетъ всѣ средства! Неужели мнѣ напоминать это тебѣ, фатенька?

— Тогда зови Ивана.

Пасмурный день быстро темнѣлъ. Пришлось зажечь огонь. Хотя лампы собрали со всего дома, но доктора все-таки находили, что свѣта недостаточно.

— Непремѣнно надо кого-нибудь поставить со свѣчами у изголовья...

Но кого? оба фельдшера требовались при врачахъ. Персонала свободнаго въ больницѣ не было. Попросить кого-нибудь изъ дворни? Русскіе слуги боятся крови и инструментовъ... Яшневъ вышелъ и черезъ двѣ минуты вернулся съ Лизой. Она храбро взялась выручить изъ бѣды.

— Обморока не будетъ?—спросилъ Игнатій Львовичъ:—истерики не зададите?

Она покачала головою—нѣтъ, но губы ея немного побѣлѣли.

— Въ такомъ случаѣ надѣньте передникъ и повяжите голову полотенцемъ, возьмите подсвѣчники и станьте сюда. Если страшно станетъ, можете закрыть глаза, но прошу не шевелиться и молчать.

Больной лежалъ подь хлороформомъ. Маска изъ марли была уже снята, но отъ воздуха, напоеннаго сладковатымъ запахомъ, замирало сердце. Кругомъ все было затушено простынями, и клеска лежала на постели, спускаясь въ тазъ.

Началась операція. Лиза храбро держала свои подсвѣчники, а сердце точно поднималось въ груди и билось подь самымъ горломъ, и дышать становилось все труднѣе и труднѣе. Она видѣла жалкій обрубокъ человѣческой конечности, перетянутый бинтомъ у самаго плеча, видѣла, какъ блеснулъ ножъ въ смуглой старческой рукѣ, какъ отдѣлилась кожа, а за нею мускулы и показалась кровь, какъ тотчасъ же повисли на жилахъ пинцеты и заработала съ легкимъ сотрясеніемъ острая, тонкая пила. Черезъ двѣ минуты,— а можетъ быть и черезъ два часа, Лиза опредѣлить бы не могла,— фельдшеръ опускалъ въ тазъ какой-то кусокъ мяса... Она закрыла глаза, и когда снова открыла ихъ, больной уже лежалъ забинтованный, и Василий Игнатьевичъ держалъ у его лица банку съ эопромъ. Фельдшеромъ не было.

Кондратъ обвелъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и вдругъ остановилъ его въ упоръ на Яшневѣ.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ очень явственно и раздѣльно:— если бы стеклянную трубку съ $H_2 SO_4$ не вкладывать въ каучуковый футляръ, а просто обернуть ватой, она бы билась во всякомъ направленіи, какъ бы ни упалъ снарядъ... Надо непременно подать эту мысль. Технику... тому... Николаю Ивановичу... Конечно, при переноскѣ снаряда потребуются еще больше осторожности, но зато эффектъ будетъ вѣрный... А чтобы проводы легче воспламенялись, не жалѣть сурьмы...

Онъ закрылъ вѣки и впалъ въ безмятежность... Игнатій Львовичъ, словно пораженный громомъ, не сводилъ съ него глазъ.

Лиза вдругъ побѣлѣла. Какой-то острый лучъ блеснулъ въ ея мозгу, и она, какъ подкошенная, опустилась на полъ. Подсвѣчники покатались по ковру, и свѣчи потухли...

Василій Игнатьевичъ бросился къ ней. Онъ нагнулся надъ ея мертвеннымъ лицомъ и, забывъ присутствіе отца, прижался губами къ судорожно сведенному рту.

— Лиза... Лиза...—молилъ онъ вполголоса.

Она черезъ минуту открыла глаза.

— Ничего... милый... это пройдетъ... но я ничего не понимаю.

— И не надо... Фатенька, дай валерьянки...

Игнатій Львовичъ подать рюмку. Лиза выпила и потомъ, вдругъ вся вспыхнувъ, разомъ поднялась на ноги. Старикъ серьезно поверхъ очковъ смотрѣлъ на нее и на сына.

Тотъ кусаль губы, словно собираясь съ духомъ.

— Ну, да!—выговорилъ онъ черезъ минуту:—можешь меня поздравить. Она обѣщала стать моею женой.

— Вотъ какъ! Это для меня ново...

Старикъ отошелъ къ больному и нагнулся надъ нимъ.

Синеватая тѣни пробѣгали по клейменому лицу. Черты сводила мелкая и частая судорога.

— Этому плохо...—вымолвилъ онъ:—да оно и лучше. Останься съ нимъ!—приказаль онъ сыну:—а барышню я провожу въ постельку.

Онъ властно взявъ Лизину руку и, продѣвъ подъ свою, довелъ ее до ея комнаты и позвонилъ Таню.

— Мы измучили васъ!—простите... Это вѣчная докторская привычка не соразмѣрять силъ сестеръ милосердія съ нашими. Вотъ такъ!.. лежите недвижно и дайте успокоиться нервамъ, они вамъ еще потребуются.

Къ утру Кондрата не стало. До послѣдней минуты оба врача не отходили отъ его постели. Оба, каждый по-своему, боялись, чтобы вырывавшіяся у него отдѣльныя фразы не долетѣли до посторонняго слуха. Когда онъ вытянулся и тѣло его приняло послѣднее неподвижное положеніе, Игнатій Львовичъ накрылъ его съ головою простыней и перекрестилъ. Василій вздрогнулъ и отвернулся къ окну, глядя на запесенный уже таявшимъ снѣгомъ дворъ. На его плечо опустилась смуглая, морщинистая рука.

— Кто онъ?

— Не знаю.

— Паспортъ у него есть?

— Не знаю.

— Гдѣ его одежда?

— У меня на квартирѣ.

— Пойдемъ. Это надо выяснитъ немедленно... Вообще я долженъ поговорить съ тобою. Понимаешь ли ты, чѣмъ, какими неприятыми осложненіями грозитъ эта смерть вотъ этому самому дому, вотъ этой самой дѣвушкѣ, которая, къ великому своему горю, имѣла несчастіе полюбить тебя?—спрашиваль старикъ, идя рядомъ съ сыномъ по пустынному саду.

Талый снѣгъ размякалъ подъ ихъ шагами. Узенькіе ручейки бѣжали по краямъ аллеи. Въ вѣтвяхъ щебетали и дрались воробьи, и черныя галки ссорились около старыхъ гнѣздъ.

— Да,—продолжалъ онъ:—почему судьба привела именно тебя ей на дорогу, а не Лешу, если ужъ она должна была увлечься кѣмъ-нибудь изъ обоихъ васъ, столь похожихъ по внѣшности? Зачѣмъ пришлось какъ разъ ему законтраковать себя на три года именно теперь, и почему не удалось даже пріѣхать проститься со мною? Кто знаетъ, будь судьба милостивѣе, молодому сердцу не предстояло бы пережить все то, что предстоитъ нынѣ.

— Что такое? я тебя, фатка, не понимаю.

Отец усмѣхнулся.

— Но я-то хорошо тебя понимаю, и не только тебя, но и еще очень многое. И знай,—хоть ты и плоть отъ плоти моей, хоть и душу свою я за тебя отдать бываль готовъ, но противъ чести и совѣсти даже ради тебя не пойду.

Онъ обернулся и указаль на старый домъ, сквозившій черезъ оголенную чашу сада.

— Ее ты мнѣ оставишь въ покоѣ... Она не для тебя.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—отвѣтилъ сынъ... и вдругъ у него прозвучали въ ухахъ слова, слышанныя въ дѣтствѣ въ боскетной у подножія дивной статуи: «Нетрожь... нельзя... она дорогая»... Да, да!... дорогая, и онъ никогда никому ее ни за какія блага въ мѣрѣ не уступитъ. Его черные райки вызывающе сверкнули подъ тяжелыми вѣками...

Въ карманѣ полушубка Кондрата отыскался бумажникъ, а въ немъ и выданный изъ N-ской мѣщанской управы видъ на имя мѣщанскаго сына Кондратія Виссаріонова Чермака для проживанія во всѣхъ городахъ Россійской имперіи. Прописанъ онъ былъ въ городѣ С.-Петербургѣ, во 2-мъ участкѣ Литейной части. Все обстояло въ порядкѣ.

— Какъ видишь, опасенія твои были болѣе чѣмъ напрасны,—насмѣшливо вымолвилъ сынъ.

Старикъ пожалъ плечами.

— Очень радъ! но все-таки я остаюсь при своемъ убѣжденіи: этотъ N—скій мѣщанинъ былъ близокъ съ кружкомъ царевійцевъ и умеръ не отъ несчастнаго случая на охотѣ,—въ чемъ ты и самъ мнѣ сознался,—но отъ разрывнаго снаряда. И если этотъ снарядъ былъ взорванъ здѣсь и въ твоемъ присутствіи, то и ты принималъ въ его изготовленіи благосклонное и дѣятельное участіе... Я не берусь указать адресъ вашей лабораторіи,—онъ поправилъ очки,—но что она гдѣ-нибудь въ этихъ краяхъ,—не сомнѣваюсь, хотя квартирка твоя и виѣ подозрѣній... Конечно, при вашей кружковской дисциплинѣ вы умѣете отречься отъ самыхъ очевидныхъ уликъ, да я и не собираюсь тебя допытывать. Это дѣло твоей совѣсти. Но дѣло моей—оберечь и предостеречь невинную дѣвушку, которая готова отдать себя явному, или нѣтъ—тайному, что во много разъ хуже,—злодѣю, и я до этого не допущу. Я предупрежу ея тетку...

— Отецъ, ты не сдѣлаешь этого! Я умоляю тебя... Пойми,—она все для меня, и я для нея—тоже.

— Я еще разъ повторяю: это мой долгъ, моя священнѣйшая обязанность. Я самъ буду еще худшимъ преступникомъ, если, зная о твоемъ преступленіи, скрою отъ нея истину. Она слишкомъ чиста, слишкомъ далека отъ вашихъ коверканныхъ воззрѣній, чтобы примириться съ ними.

— Ошибаешься! она многое знает, многое читала...

— И ты былъ, само собой разумѣется, ея просвѣтителемъ?— онъ поблѣднѣлъ.—А!.. значить, все по программѣ?

— То есть?

— То есть—сперва книжки, разговоры, а тамъ и...—онъ остановился.—Неужели же ты и на это пошелъ?

— На что—на это?

— На то, чтобы соблазнить и лишить ее чести, какъ это у васъ водится и принято? Развѣ есть для васъ что-нибудь запретное и святое, стоящее пощадъ?

Яшневъ опустилъ голову. «Выходъ!—мелькнула мысль.—Этотъ старый шутъ дѣйствительно способенъ испортить все дѣло,—пойдетъ и донесетъ теткѣ». У него даже потемнѣло въ глазахъ. Онъ откинулъ волосы и отошелъ къ окну по привычкѣ.

— Ну да, если хочешь—по программѣ. Но дальше-то не по моей, а по ея. Наша свадьба назначена въ Омниное воскресенье, на Красную Горку, что ли, по-вашему? И тетка ея объ этомъ знаетъ. Тебѣ я говорить пока не хотѣлъ,—почему?.. ей-ей, не знаю. Но если ты теперь отправишься въ ихъ домъ съ докладомъ, ты, какъ видишь, окажешь весьма сомнительную услугу молодой дѣвушкѣ, о чести которой такъ горячо хлопочешь. Неужели,—продолжалъ онъ съ иронической улыбкой,—я ради себя иду къ попамъ? Мнѣ сдается, что, дѣлая это, я именно исполняю «долгъ чести», какъ это именуется въ кодексѣ вашихъ столбовыхъ изреченій?

Игнатій Львовичъ весь осунулся.

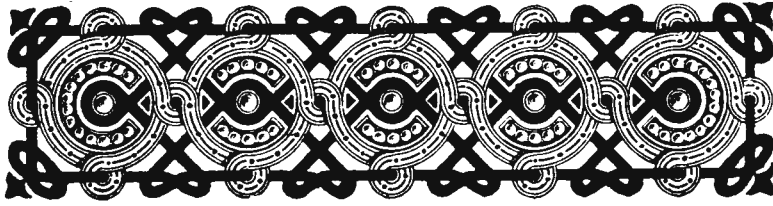
— Дочь своей матери!—тихо вырвалось у него.—Недалеко лблочко отъ яблони откатилось.

Онъ махнулъ по-старчески рукою и сталъ протирать стекла очковъ, устремивъ куда-то вдаль свои темные зрачки...

М. Г. Веселкова-Кильштеть.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. К. БЕРКУТА ¹⁾.

IV.

Мои обязанности по отношенію къ скурыгинскимъ крестьянамъ и мой конкурентъ знахарь Гущенко. — Случай съ мальчикомъ. — Гости Васильчиковыхъ. — Аристократы-профессора, художники. — Обѣдъ въ присутствіи Н. В. Гоголя. — Первое благотворительное общество въ Москвѣ. — Купцы-жертвователи. — Моя дѣятельность въ благотворительномъ обществѣ. — Мой отчетъ.

КУРЫГИНСКІЕ крестьяне собственно обязаны были работать около усадьбы, и приказчикъ наблюдалъ, чтобы они являлись исправно. Допускались исключенія только для больныхъ. Если таковые были въ наличности, то на мнѣ лежала обязанность оказать имъ пособіе. Для этого въ моемъ распоряженіи находился кабріолетъ, въ которомъ мы и отправлялись всегда съ Александрой Ивановной, такъ какъ она была большая филантропка и любила медицинское дѣло.

Всѣ крестьяне принадлежали къ сектѣ раскольниковъ, отличались дикостью, изувѣрствомъ. Они вѣровали въ сосѣдняго знахаря Гущенкова, очень умнаго мужика, бывшаго у прежняго барина дворовымъ. Гущенко имѣлъ свою хорошо устроенную усадьбу, довольно при ней земли и луговъ. Всѣ работы у него отбывали признательные пациенты, хромые и кривые.

Я же у крестьянъ считался баринкомъ и чернокнижникомъ.

Какъ ни старался я сойтись съ колдуномъ Гущенковымъ, мнѣ это не удалось. «Какой я вамъ, сударь, совѣтникъ. Я просто помогаю

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 46.

съ молитвою кое-какими травками да корешками.... Чему вамъ у меня поучаться».... А между тѣмъ говорили, что онъ и портить бабъ, и лечить ихъ отъ порчи.

Васильчикова очень желала, чтобы крестьяне пользовались у меня, даже понуждала ихъ къ тому на первое лѣто, но напрасно: за 20, даже за 50 верстъ прїѣзжали ко мнѣ больные, а скурыгинцы упорствовали. Только со второго лѣта выказали они мнѣ свое довѣріе, и въ послѣднее лѣто Гущенковъ потерялъ свой престижъ, хотя московскія купчихи и продолжали прїѣзжать къ нему за со-вѣтомъ съ выпивкой, чаемъ и денежной благостыней.

Я помню такой случай. Крестьянскій мальчикъ, сынъ доста-точного мужика, отданный въ учебу къ кузнецу, наканунѣ Ильина дня (ярмарка въ Скурыгинѣ) тайкомъ ушелъ изъ кузницы и тайкомъ забрался на сѣноваль отцовскій, гдѣ и заснулъ. Въ домѣ никто не замѣтилъ его проказъ. Въ самый день праздника гости его отца, вкусивши земныхъ благъ, отправились уснуть на сѣноваль, и одинъ изъ нихъ попалъ въ промежутокъ между стѣной и сѣномъ. Тутъ онъ ошупалъ мертвое тѣло, которое оказалось принадлежностью маль-чика. Мы сидѣли за обѣдомъ, было довольно много гостей; человекъ что-то сказалъ генеральшѣ, а она подошла ко мнѣ и предложила сейчасъ же поѣхать съ нею въ деревню для осмотра тѣла.

Ярмарка была въ полномъ разгарѣ; пѣсни, гармоника, общій гулъ—смѣшались съ зазываньями торговцевъ; публика въ боль-шинствѣ пролагала себѣ дорогу зигзагами. У избы, въ которой былъ «упокійникъ», стояла густая толпа народа, обсуждавшая диковинный случай. Навстрѣчу выбѣжали исправникъ и становой. На лавкѣ подъ образами лежалъ мальчикъ лѣтъ 12—14, въ головахъ у него теплилась восковая свѣча. Мать что-то причитала, отецъ, мрачно озираясь, смотрѣлъ кругомъ. Предстояло рѣшеніе вопроса: нѣтъ ли признаковъ жизни? Послѣ долгаго изслѣдованія, отъ ко-торого то и дѣло отвлекали просьбы окружающихъ не тревожить «упокійника», я услышалъ весьма слабые и медленные толчки сердца. Принялись растирать, оживлять мнимо-умершаго, и послѣ долгихъ стараній онъ открылъ глаза, съ радостью выпилъ нѣсколько глот-ковъ холодной воды, и къ вечеру уже ходилъ по избѣ съ болью головы.

Я настаивалъ поставить ему пиявки за уши, но отецъ не пожелалъ. Мальчикъ, благодаря солнечному удару и не оконченному леченію, остался на всю жизнь дурачкомъ. Впослѣдствіи даже начитавшій надъ нимъ дьячокъ никакъ не могъ избавить своего паціента отъ тупости. Этотъ и нѣкоторые другіе случаи познакомили меня съ закоснѣлостью раскольниковъ, ихъ невѣжествомъ, грубостью и семейнымъ деспотизмомъ. Долгое время спустя, я убѣдился, что недалеко отъ старовѣровъ жили и наши московскіе купцы-расколь-

ники, по внешности европейцы, а по внутреннему содержанию гнилое дупло въ древѣ религій.

Изъ гостей, бывавшихъ въ деревнѣ у Васильчиковыхъ, я видаль одинъ разъ Ю. Ѡ. Самарина, Д. Н. Свербѣева съ какими-то молодыми Валуевыми, сосѣда Бреверна, какого-то офицера Нейдгардта, семейство Васильчиковыхъ изъ Лопасни да одинъ разъ Гежелинскаго.

Въ Москвѣ жизнь Васильчиковыхъ принимала ужь иной характеръ; тутъ не допускалось ни малѣйшей простоты, никакого сближенія этого ограниченнаго аристократическаго кружка съ другими кружками, тоже претендующими на качество сливокъ, но второго или третьяго сорта.

Общество наше состояло изъ семейства князя Щербатова (бывшій генераль-губернаторъ), княгини Долгоруковой (она была урожденная графиня Орлова-Давыдова), семейства Е. и М. Н. Голицыныхъ, семейства Ю. Ѡ. Самарина и, кажется, все тутъ. Но зато пастежь были открыты двери представителямъ науки, литературы и искусства. На обѣдахъ и на вечерахъ тутъ можно было встрѣтить Грановскаго, изъ молодыхъ Кавелина, Каткова, Соловьева и другихъ; изъ литераторовъ я видаль Сушкова, Ф. Глинку съ женою, изрѣдка М. П. Погодина, К. Аксакова. Ю. Самарина, князя П. Долгорукова (эмигранта), графа В. Соллогуба, Н. В. Гоголя и другихъ; изъ художниковъ Айвазовскаго, нѣкоторыхъ здѣшнихъ академиковъ, артистовъ Щепкина и Самарина. Я припоминаю одного учителя гимназіи, историка, который часто бываль на обѣдахъ и увѣрять, что всякій разъ онъ уходилъ голоднымъ, потому что въ продолженіе всего обѣда прекрасно рассказываль о роскоши Лукулла, а мы слушали и кушали.

Послѣ обѣда все выходили въ гостиную; часть публики разсуживалась на кругломъ патѣ по серединѣ комнаты, часть же по кресламъ и кушеткамъ; хозяйка усаживалась на маленькомъ диванѣ и, прислушиваясь къ болтовнѣ, благодушно дремала. Непремѣнно кто-нибудь говорилъ что-нибудь полезное и высококравственное, пригодное для дѣтей. Генераль послѣ обѣда удалялся къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ до клуба раскладываль безконечный пасьянсъ и пилъ кофе.

Одинъ обѣдъ живо сохранился въ моеѣ памяти; на немъ присутствовали: князь П. Долгорукій, издатель газеты «Будущность», графъ Вл. Соллогубъ, Ф. Глинка и Н. В. Гоголь, только что возвратившійся изъ-за границы и начавшій печатаніе своихъ писемъ къ друзьямъ. Всѣмъ болѣе или менѣе было знакомо письмо Вѣлинскаго къ Гоголю по поводу «Переписки съ друзьями», и все знали, какое тяжелое впечатлѣніе произвело это письмо на Гоголя. Онъ возвратился мрачнымъ мистикомъ, меланхоликомъ, физически и нравственно разбитымъ. Такимъ я видѣль его тутъ; это было почти за годъ до его смерти. Графъ Вл. Соллогубъ за обѣдомъ много

трещаль, много говорил о только что вышедшем его «Тарантасѣ». Гоголь же не принималъ никакого участія въ разговорѣ, изрѣдка произносилъ отвѣты на вопросы; мало или почти ничего не ѣлъ и рѣдко отводилъ глаза отъ тарелки. Онъ выглядывалъ аскетомъ, противъ воли попавшимъ въ непривычную ему среду мірскаго тщеславія. Наконецъ графу Соллогубу удалось-таки раскатать Гоголя, котораго онъ спросилъ:

— А видѣлъ ли ты «Тарантасъ»?

— Видѣлъ.

— Что же, одобряешь?

— Я видѣлъ его прежде вчернѣ, когда онъ у тебя еще стоялъ въ сараѣ. Тогда онъ мнѣ больше нравился.

Должно быть, графъ Соллогубъ понялъ, что «Тарантасъ» въ прежнемъ видѣ еще не носилъ того характера тенденціозности, какой онъ получилъ послѣ передѣлки.

Какъ предсѣдательница благотворительнаго общества, перваго въ Москвѣ, Васильчикова была чрезвычайно ревностна, ей удалось привлечь много купцовъ, этихъ дойныхъ коровъ, покупающихъ за большіе капиталы грошвые брелоки. Такъ, при мнѣ одинъ нивоваръ Д., распивавшій у генеральши Карлгофъ чай, за двумя чашками чаю былъ такъ ею принужденъ къ пожертвованіямъ.

— Вотъ нашъ благодѣтельница кой-то,—отрекомендовала мнѣ его генеральша.—Онъ пожертвовалъ на мой пріютъ 3000 рублей. Кто кромѣ русскихъ, способенъ такъ щедро помогать доброму дѣлу?

— Помилуйте-съ, ваше превосходительство, мы всегда съ нашимъ удовольствіемъ.

— Вотъ теперь я покойна; главное, что необходимо, исправлено. Ну, а тамъ останутся кое-какіе пустяки, и мы какъ-нибудь справимся. Крыша, говорятъ, худа. Ну, да это большой суммы не требуетъ.

— А примѣрно?—спрашиваетъ Д.

— Говорятъ, 500—600 рублей.

Купецъ разстегнулъ три-четыре пуговицы своего длиннаго сюртука, досталъ оттуда увѣсистый бумажникъ и отсчиталъ требуемую сумму.

— Прошу получить.

— Что вы, что вы? Вы и такъ ужъ щедро.... нѣтъ, пожалуйста, мнѣ совѣстно... Ахъ, не знаю, какъ васъ благодарить.

Она схватила купца за обѣ руки, и тотъ ужъ былъ готовъ расцѣловать генеральшу; но, кажется, этому помѣшала его объемистая фигура.

По уходѣ Д. я улынулся.

— Ловко же вы обдѣлываете ваши дѣла и мастерски умѣете дѣлать добро.

Генеральша благосклонно погрозила мнѣ пальчикомъ и съ умилениемъ произнесла:

— Охъ, если бѣ вы знали, какіе у насъ добрые купцы.

— Еще бы не знать, довольно и того, что сейчасъ видѣлъ.

Я не удержался отъ смѣху, она мнѣ вторила.

Теперь не столько барыни, сколько ихъ секретари располагаютъ къ добрымъ дѣламъ, и за ихъ безкорыстіе Господь награждаетъ ихъ доходными домами и украшаетъ и земными почестями.

Меня втянули въ агенты благотворительнаго общества. Я долженъ былъ по списку разыскивать бѣдныхъ, просившихъ о помощи дамскій комитетъ. Бѣдность есть понятіе относительное, смотря по тому, кто о ней судить: просящій или дающій. По этому списку я долженъ былъ собрать обстоятельныя свѣдѣнія: о лѣтахъ, здоровьи, родѣ жизни, обстановкѣ, не имѣется ли предметовъ роскоши, о причинѣ бѣдности и о томъ, какъ и чѣмъ помочь. Свѣдѣнія, мною собранныя, были самыя точныя. Это были маленькія повѣсти, маленькія драмы. Въ результатѣ вышло по моему предположенію: у тѣхъ помѣстить куда-нибудь дѣтей, у того отца въ богадѣльню, этому помочь въ уплатѣ небольшого долга, сдѣланнаго по причинѣ болѣзни и неимѣнія мѣста, тому столько-то денегъ, другому меньше, третьему больше... Къ предметамъ роскоши слѣдовало отнести чайникъ съ отбитымъ носомъ и тому подобное. Зачѣмъ пить чай, когда нѣтъ куска хлѣба, держать кошку, когда самому нечего ѣсть? А денежные суммы опредѣлялись мною въ пособіе не менѣе 2000 рублей на 17 семействъ просившихъ.

— Помилуйте, откуда же у насъ такія средства? Развѣ можно такъ щедро распорядиться благотворительными капиталами?— послышались дамскіе голоса.

Васильчикова замѣтила мнѣ, что мой отчетъ сдѣланъ образцово, что его нельзя слушать безъ живого интереса, такъ онъ знакомитъ съ дѣйствительностью. Но въ самомъ дѣлѣ онѣ не могутъ дѣлать такія щедрыя раздачи.

Я отвѣчалъ, что судить о средствахъ общества я не могу, ихъ не знаю, но исполнилъ данное мнѣ порученіе совѣмъ добросовѣстно.

Тѣмъ и закончилась моя дѣятельность по дамскому комитету.

Однако я удостоенъ былъ чести присутствовать на собраніи для выслушанія годового отчета. Обстановка была блестящая. Лакеи въ штиблетахъ разносили гостямъ чай съ петифуромъ; кавалеры стояли группами, дамы сидѣли на этаблисментѣ. Васильчикова ходила отъ одной группы къ другой и съ довольнымъ лицомъ, потирая руки, обратилась къ одному присутствовавшему:

— Ну, посмотримъ,—сказала она:—что намъ удалось сдѣлать!

— Результатъ блестящій,—отвѣчалъ тотъ:—я сейчасъ слышалъ отъ секретаря (Драшусова).

— Право? Ахъ, какъ я была бы рада. Какъ мы этого достигли?

— Очень просто. По крайней мѣрѣ на треть бѣдныхъ въ Москвѣ меньше.

— На треть? Однако это очень хорошо.

— Чего же лучше.

— Какъ это случилось?

— Прежде всякій бѣдному подавалъ, теперь посылаетъ къ вашему обществу, а оно отказывается, и бѣдному ничего не остается, какъ умирать съ голоду.

Генеральша покраснѣла и отошла въ другую сторону.

Трехлѣтнее пребываніе мое въ этомъ почтенномъ домѣ оставило по себѣ на всю жизнь мою благодарное воспоминаніе. Если тутъ жилось не такъ привольно, безопасно и свободно, какъ у Сухово-Кобылиныхъ, то, несомнѣнно, я вынесъ изъ дома Васильчиковыхъ много полезнаго для себя. Это была вторая для меня школа, въ которой молодая натура подчиняется по необходимости къ старой выдержкѣ въ словахъ и дѣйствіяхъ и пріучается къ порядку не только виѣшнему, но и внутреннему. Можно было во многомъ не соглашаться съ Александрой Ивановной, легкомысленно вмѣстѣ съ другими упрекать ее въ эгоизмъ и надменномъ отношеніи къ другимъ, въ гордості; но нельзя не преклониться передъ этою крупною, выдававшюся между другими женскою личностію, строго слѣдовавшюю во всемъ высокимъ, нравственнымъ принципамъ. Если я въ моихъ воспоминаніяхъ позволяю себѣ указать на нѣкоторыя смѣшныя стороны, подмѣченныя въ А. И., то эти смѣшныя стороны отражали въ ней лишь ту эпоху и частію условія, при которыхъ она выросла и воспиталась.

V.

Предложеніе Иноземцева поступить къ нему ассистентомъ.—Перемѣна условій жизни.—Поступленіе врачомъ въ дворянскій институтъ.—Д-ръ Матюшенковъ.—Характеристика Иноземцева.—Отношеніе къ нему Пирогова, отношеніе Иноземцева къ Пирогову.—Анекдотъ о врачѣ, прикомандированномъ къ Пирогову.—Объѣдъ Пирогову.—Случай въ клиникѣ.—Иноземцевъ, какъ профессоръ, клиницистъ и человѣкъ:

Во время пребыванія моего въ домѣ Васильчиковыхъ я ежедневно посѣщалъ лекціи Э. И. Иноземцева, которому я обязанъ на всю жизнь первою поданною имъ мнѣ помощью, и еще болѣе сблизился съ нимъ и пользовался его гостепріимствомъ. Однажды, бесѣдуя со мною, онъ спросилъ меня, соглашусь ли я взять мѣсто его ассистента при хирургической клиникѣ? Отвѣтъ былъ утвердительный: я принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Правда, клиника сулила не болѣе 230 р. жалованья при готовой квартирѣ, и переходъ отъ 2000 р. съ комфортабельнымъ экипажемъ, отличнымъ столомъ казался очень рѣзокъ и нѣсколько смущалъ перспективную пспы-

танной во время студенчества голодовки. Но желаніе приблизиться къ университету и укрѣпить свои знанія взяло верхъ.

— Итакъ, если согласны, — сказали Иноземцевъ:—то поспѣшите подать прошеніе въ университетъ, потому что при мнѣ освобождается мѣсто ассистента. Нужно пользоваться присутствіемъ въ Москвѣ графа Уварова (министра народнаго просвѣщенія) и отсутствіемъ графа Строганова (попечителя).

Я подалъ прошеніе; университетское правленіе подѣ влияніемъ Иноземцева немедленно направило его на утвержденіе министра, а этотъ тутъ же помѣтилъ: «согласенъ». Мнѣ отвели квартиру въ каменномъ домѣ, я понынѣ сохранившемся на Неглинной ¹⁾. Устроившись на живую руку въ октябрѣ 1846 г. съ маленькимъ своимъ хозяйствомъ, я началъ службу. Пока въ клиникѣ я питался наукой, въ квартирѣ меня ожидали очень непрехотливыя щи съ кашей и биткомъ. Пришлось отвыкать отъ прежняго и привыкать къ новому режиму, когда-то ужъ испытанному.

Мало-по-малу публика начала меня узнавать и посѣщать со своими недугами. Но что это была за публика! Мастеровые да мастерицы съ Кузнецкаго моста. А если приходилось отпрапляться къ кому-нибудь изъ нихъ на домъ, то совершая свой скорбный путь пѣшкомъ и не помышляя о гонорарѣ. Только все Бога молятъ—и на томъ спасибо. Но районъ моей дѣятельности увеличивался со дня на день; уже необходимо было держать извозчика съ пролеткой въ одну лошадь, потомъ припрягли къ ней и пристяжную, и я уже едва успѣвалъ кончать свои дѣла въ свободные отъ службы промежутки.

Въ іюнѣ 1847 г. меня прикомандировали врачомъ при дворянскомъ институтѣ; итого я получалъ казеннаго содержанія уже 460 р. А дворянскій институтъ былъ весьма лакомымъ кусочкомъ для практическаго врача, такъ какъ въ немъ воспитывались дѣти исключительно дворянскаго сословія и врачъ приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ сильными міра сего, пріобрѣталъ извѣстность въ этомъ кругу. Дворянскій институтъ помѣщался на Знаменкѣ, въ Пашковомъ домѣ. Директоромъ состоялъ профессоръ А. И. Чивилевъ, добросовѣстнѣйшій, неутомимый труженикъ и скромный начальникъ.

Въ клиникѣ мнѣ было поручено женское отдѣленіе, а при мужскомъ былъ раньше еще меня поступившій А. Н. Бекетовъ (впослѣдствіи профессоръ казанской хирургической клиники).

Въ терапевтической клиникѣ были: К. Я. Младзіевскій ²⁾ и А. А. Реблихъ, въ акушерской Н. П. Николаевъ (бывшій потомъ

¹⁾ Въ настоящее время на мѣстѣ его государственный банкъ.

²⁾ Отецъ профессора въ настоящее время математическаго факультета Б. К. Младзіевскаго.

адьюнктомъ) и Зедергольмъ (кажется, получившій мѣсто инспектора вятской врачебной управы).

Мои товарищи встрѣтили меня непривѣтливо: имъ казалось страннымъ, что я предпочелъ клиническую службу выгодной частной обстановкѣ. За глаза они меня величали «маркизомъ» по моимъ будто бы аристократическимъ манерамъ. Однако впоследствии мыладились, хотя я все-таки чувствовалъ себя непрочно привязаннымъ къ матеріалу, состоявшему изъ однородныхъ элементовъ.

У Иноземцева адьюнкта не было, но частнымъ образомъ de facto И. П. Матюшенковъ исправлялъ эту должность, потому что пользовался широкими полномочіями и исключительнымъ довѣріемъ Иноземцева.

Въ сущности Матюшенковъ былъ простой, немудреный, добрый хохоль, не очень глубоко свѣдущій въ медицинѣ, но освоившійся съ его грубоватыми манерами и признать его тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться, оказывалось труднымъ. Эта фальшь въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ quasi-адьюнкту, университетомъ не признанному, ставила ассистентовъ въ невозможное положеніе. Мой товарищъ Бекетовъ, невоздержанный по молодости на языкъ и рано увѣровавшій въ свои достоинства, терпѣлъ очень часто отъ Иноземцева за разныя ребяческія выходки; мнѣ же приходилось держаться строгаго нейтралитета.

Теперь давно уже настало время для оцѣнки Иноземцева, какъ человѣка вообще, какъ ученаго и какъ учителя. Пироговъ въ своихъ запискахъ выдвигаетъ его личность, но въ какомъ видѣ? При каждомъ словѣ его объ Иноземцевѣ у него выступаетъ у рта пѣна; слышны непримиримая злоба, личная ненависть, и такой, безспорно, великій человѣкъ, какъ Пироговъ, не можетъ даже лежать покойно въ своей могилѣ, пока не броситъ изъ нея грязью въ лицо противнику. Такъ уживаются иногда въ человѣкѣ величіе и мелочность. Пироговъ, любившій по разнымъ случаямъ приводить цитаты изъ классиковъ, забылъ всѣмъ извѣстное изреченіе: «de mortuis...» Мало того: вонзая ножъ въ свою жертву, онъ самодовольно пишетъ истекающею изъ нея кровью свидѣтельство о своемъ безсердечіи. Если правда, что совѣсть Пирогова, какъ онъ сознается, нерѣдко смущалась отъ вивисекціи, то какъ же она могла быть покойна при глумленіи подъ нравственными, имъ открываемыми несовершенствами далеко не рядового общественнаго дѣятеля, честно сошедшаго съ земного поприща.

Сравнить между собою Иноземцева и Пирогова можно и нельзя. Первый, какъ человѣкъ, отличался гуманными качествами: онъ былъ добръ, сострадателенъ, не корыстолюбивъ, не тщеславенъ, высоко-честенъ и патриотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. О Пироговѣ нельзя сказать того же, зная его прижизненную дѣятельность, прочитавши его посмертныя записки и зная его космополи-

тизмъ. Самъ авторъ записокъ признается, что онъ былъ невѣрующимъ, но впослѣдствіи, силою разума, былъ доведенъ до признанія того, что принимается по вѣрѣ.

Былъ ли Иноземцевъ, строго соблюдавшій правила церкви, искренно вѣрующимъ—этого никто не знаетъ, но дѣлами своими онъ заявилъ себя ревностнымъ послѣдователемъ ученія Спасителя. Кто не зналъ объ отношеніяхъ Иноземцева къ ближнему, о всегдашней его готовности помочь бѣдному больному и совѣтомъ и своими средствами, тотъ не зналъ Иноземцева. Немного оставилъ Иноземцевъ послѣ себя сокровищъ, тогда какъ нынѣшніе «авторитеты», вращаясь въ болѣе тѣсномъ кругу дѣятельности, легко успѣваютъ нажить весьма крупныя состоянія. Какимъ безумнымъ бредомъ идеалиста показалась бы теперь его рѣчь, обращенная къ своимъ слушателямъ при окончаніи курса. «Вы вступаете,—такъ приблизительно говорилъ онъ,—на поприще, къ которому готовились подъ нашимъ руководствомъ. Вы должны прилагать запасъ вашихъ знаній къ требованіямъ помощи отъ больного человѣка. При первыхъ же самостоятельныхъ шагахъ ваша совѣсть шепнетъ вамъ, что, какъ ни трудились вы въ стѣнахъ университета, ваши знанія скудны. Помните это первое внушеніе и не забывайте его во всю вашу жизнь. Вы здѣсь только подготовлялись къ тому, что требуетъ постояннаго, непрерывнаго и добросовѣстнаго изученія. Горе тому, кто съ увѣренностью въ своемъ всезнаніи легкомысленно относится къ своему дѣлу. Не оставляйте книгъ, въ которыхъ вы, конечно, будете почерпать много пользы; но еще съ большимъ вниманіемъ читайте открытую передъ вами книгу и старайтесь понимать ея смыслъ, эта книга—больной человѣкъ. Вы обязаны одинаково служить какъ богатому, такъ и бѣдному: не отказывайте первому въ вашей помощи, но, принимая отъ нихъ гонораръ, не смотрите на его цѣнность, ибо степень вашего вниманія должна согласоваться не съ величиною платы, а съ важностью болѣзни».

Такія ли напутственныя рѣчи произносятся теперь съ кафедръ? Мы могли, къ прискорбію, убѣдиться, что слова Иноземцева, давно сказанныя, были бы жестокою сатирой для современнаго авторитета.

Совсѣмъ не такъ отзывался публично Иноземцевъ о Пироговѣ. Не касаясь нравственныхъ качествъ своего товарища, онъ говорилъ съ глубокимъ уваженіемъ о Пироговѣ, какъ о блестящемъ свѣтилѣ и неутомимомъ труженикѣ, двигавшемъ хирургию, преклонялся передъ его заслуженнымъ авторитетомъ, признавалъ его человѣкомъ, обладающимъ глубокимъ умомъ и всестороннею, обширною образованностью, рѣдкою у насъ устойчивостью въ трудѣ и вполне достойнымъ занимать самое видное мѣсто въ плеядѣ знаменитѣйшихъ современныхъ хирурговъ..... Стало быть, Иноземцевъ не питалъ зависти къ славѣ Пирогова. Но какая же причина озлобленія

Пирогова противъ Иноземцева? Авторъ записокъ объясняетъ ее такими мелочными недоразумѣніями, въ которыхъ онъ самъ повиненъ. Пироговъ и Иноземцевъ вмѣстѣ работали въ Дерптѣ подъ руководствомъ профессора Мейера. Иноземцевъ съ перваго появленія въ домѣ Мейера, какъ говоритъ Пироговъ, сталъ въ самыя лучшія отношенія къ семейству профессора. Это возбудило въ Пироговѣ зависть. Иноземцевъ былъ живой, общительный и симпатичный человѣкъ, а не ученый аскетъ, спрятавшійся въ свою раковину отъ людского общества. Далѣе: Иноземцевъ при одинаковыхъ съ Пироговымъ денежныхъ средствахъ умѣлъ и прилично одѣться, и жить безъ лишеній, не нуждаться, напримѣръ, въ чаѣ и сахарѣ, который, какъ самъ Пироговъ признается, онъ воровалъ у Иноземцева. Какими, однако, мелочами занимался великій человѣкъ: если онъ публично признается въ своей слабости къ чужой собственности, то можно ли простить ему посягательство на честное имя и заслуги задолго умершаго до него товарища? Иноземцевъ, дѣйствительно, умѣлъ и одѣваться и жить порядочнымъ человѣкомъ, но виновенъ ли онъ въ томъ, что Пироговъ одѣвался неряшливо и не умѣлъ прилично держать свое тѣло, въ которомъ жилъ великій умъ? Я помню его фигуру, странную, непривлекательную, съ косыми глазами, выглядывавшими исподлобья; одѣтъ онъ былъ въ какое-то подобіе засаленнаго сюртука, обувь въ боты съ собачьимъ мѣхомъ и перевязанныя бечевками. Въ такомъ видѣ являлся онъ ежедневно въ клинику въ продолженіе почти двухнедѣльнаго своего пребыванія въ Москвѣ, по возвращеніи съ Кавказа въ 1847 г. Иноземцевъ будто бы перебилъ у Пирогова кафедру въ московскомъ университетѣ, которую онъ желалъ. Но какъ это случилось? Очень просто. Иноземцевъ располагалъ къ себѣ людей, съ которыми соприкасался и отъ которыхъ зависѣло назначеніе, тогда какъ Пироговъ съ людьми не имѣлъ ничего общаго по своему характеру и по одностороннему увлеченію изучаемымъ имъ дѣломъ. Какая же тутъ могла быть интрига? Кому изъ насъ не случалось бывать въ хорошихъ отношеніяхъ, пока жизнь не сведетъ такъ близко, что представится много случаевъ коротко узнать другъ друга и разойтись навсегда въ разныя стороны. Оба сожителя шли по одной и той же дорогѣ и уже въ самомъ началѣ ея они смотрѣли въ разныя стороны.

До чего велико было озлобленіе Пирогова противъ Иноземцева еще при его жизни, видно изъ слѣдующаго разсказа почтеннаго и весьма извѣстнаго въ Москвѣ врача. Этотъ врачъ во время Крымской войны былъ прикомандированъ въ ассистенты къ Пирогову. На вопросъ, гдѣ этотъ врачъ учился, онъ имѣлъ неосторожность сказать: въ московскомъ университетѣ. Этого было достаточно для того, чтобы знаменитый хирургъ, обозвавши Иноземцева какъ-то безцеремонно, задалъ такой окрикъ, какой неумѣстенъ даже по

отношеніи къ послѣднему фельдшеру. Оскорбленный, со слезами на глазахъ, врачъ выпросилъ у своего начальства уволить его отъ Пирогова и дать ему другую командировку. Такъ тускнѣютъ и блестящія свѣтила отъ прирожденныхъ пятенъ, означающихъ недобрый качества души.

А я очень хорошо помню обѣдъ, данный Иноземцевымъ Пирогову по возвращеніи послѣдняго изъ крымской экспедиціи съ ассистентомъ Ниммертомъ. Къ этому обѣду съѣхались всѣ медицинскіе корифеи и многіе сколько-нибудь извѣстные врачи Москвы. Былъ также французскій врачъ Контуръ и два шведскихъ, присланныхъ въ Москву для изученія холеры и методовъ ея леченія. За обѣдомъ и послѣ него общество было очень одушевлено. Какъ это и можно было ожидать отъ извѣстнаго своимъ радушіемъ хозяина, прекрасный тостъ сказалъ Иноземцевъ чтимому гостю, изобразивъ его непобѣдимымъ героемъ науки, выказавшимъ столько невозмутимаго спокойствія при производствѣ операций подъ перекрестнымъ огнемъ непріятели (подъ Дарго). Пироговъ испытывалъ вліяніе этеризаціи на больныхъ и на теченіе ранъ у оперированныхъ. Онъ привезъ съ собой цѣлый трактатъ о своихъ наблюденіяхъ, потомъ напечатанный. Пироговъ и за обѣдомъ и послѣ него сохранялъ свей обычный индифферентизмъ, какъ будто онъ присутствовалъ противъ воли.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ произвелъ въ клиникѣ и въ разныхъ больницахъ много литотомій (съ своимъ Беклеровскимъ ножомъ), но успѣхомъ похвалиться не пришлось. Между прочимъ былъ одинъ весьма прискорбный случай въ клиникѣ. Подлежали операциіи два мальчика. Первому сдѣлалъ литотомію Ниммертъ, второму Бекетовъ по московскому способу. Хотѣлось молодому хирургу удивить быстротою и ловкостью, но по вскрытіи литотомомъ пузыря и введеніи въ него щипцовъ, онъ сконфузился: нѣтъ камня, хотя онъ былъ вызондированъ до операциіи. Пироговъ взялъ у Бекетова щипцы и громко замѣтилъ: «да вы не вошли въ пузырь...» и вынулъ камень. И тотъ и другой случай кончились за теками.

Иноземцевъ, какъ клиницистъ, обладалъ рѣдкими способностями: складная, живая рѣчь дышала силою убѣжденія, отличалась ясностью и строго-логическою послѣдовательностью. При изслѣдованіи больного въ амбулаторіи онъ проводилъ студента черезъ анатомію, физиологію, терапію, хирургию и фармакологию и путемъ исключенія приводилъ къ опредѣленію болѣзни. Еще подробнѣе производилось это у постели больного. Окруженный со всѣхъ сторонъ плотною массою врачей и студентовъ, Иноземцевъ рѣзко выдѣлялся своимъ выразительнымъ, типичнымъ лицомъ и живою, въ высшей степени подвижною мимикой. Дѣятельность Иноземцева была изумительна. Съ 8 часовъ

утра его домашняя амбулаторія наполнялась массой больныхъ, которые распредѣлялись между его домашними ассистентами. Въ 11 часовъ онъ отправлялся на практику, а въ 12 часовъ являлся въ клинику и оставался до 2-хъ часовъ. Отобѣдавъ въ 7 часовъ пополудни, онъ опять уѣзжаетъ изъ дому въ 8 часовъ и, навѣстивъ одного-двухъ больныхъ, спѣшитъ въ анатомическій театръ для упражненія со студентами въ топографической анатоміи, оставаясь тамъ до полуночи. Требования публики, обращавшейся къ нему, были такъ многочисленны, что онъ не могъ иначе удовлетворить ее, какъ назначая для наблюденія за леченіемъ одного изъ ассистентовъ своей амбулаторіи, получившихъ кличку «молодцовъ». Тогда такой порядокъ былъ весьма неприятною новинкою для практическихъ врачей, а теперь это не диковинка, и изъ этихъ созвѣздіи большихъ свѣтилъ образовался цѣлый млечный путь молодцовъ иного закала. Какъ ни противны были молодцы Иноземцева для своихъ собратій, но они не отличались волчьимъ аппетитомъ современной плеяды: тѣ лечили и бѣдныхъ и достаточныхъ людей, эти предоставляютъ бѣднякамъ довольствоваться естественнымъ ходомъ болѣзни или отправляются въ больницу.

Иноземцевъ не разставался со своими университетскими слушателями и всегда былъ готовъ служить совѣтомъ всякому врачу, если онъ обращался къ профессору, хотя бы изъ самаго отдаленнаго края.

«Друзья мои, — говорилъ онъ: — пока я живъ, я буду служить вамъ словомъ и дѣломъ. Но не мѣшаетъ вамъ подумать, что мы смертны; во имя вашей же общей пользы необходимо найти лицо безсмертное. Это возможно, если вы образуете коллективное учрежденіе, общество, состоящее изъ многихъ лицъ, но управляемое единымъ умомъ и единою цѣлью».

Вотъ то зерно, изъ котораго образовалось въ Москвѣ «общество русскихъ врачей ¹⁾».

Я не буду подробно касаться этого общества, у него есть своя исторія.

Не слѣдовало бы говорить объ Иноземцевѣ въ его домашнемъ быту, но я позволю себѣ вскользь упомянуть о томъ, что врачипрактики всячески изощрялись въ поруганіи его чести и добраго имени. Говорили, что онъ ведетъ жизнь разгульную, нетрезвую и т. п. Онъ самъ, смѣясь, повторялъ эти слухи и прибавлялъ: «надѣюсь, друзья мои истощились и едва ли способны придумать что-нибудь новое. Упрекали его—кто въ алчности къ деньгамъ, кто—въ томъ, что онъ расточаетъ свое состояніе и тѣмъ разоряетъ лѣтей».

¹⁾ Учредителемъ и долгое время предсѣдателемъ его былъ Н. К. Беркутъ.

«Все, что имѣю,—говорилъ онъ:—все это пріобрѣтено моими трудами, и я воленъ располагать моимъ добромъ. Сыну я не оставляю послѣ себя милліоновъ, но съ тѣмъ, что отъ меня останется, онъ можетъ начать свою дорогу безъ лишеній. А если сынъ мой будетъ скуденъ разумомъ, то какое бы богатство я ни приготовилъ ему, онъ его не удержитъ».

Практика Иноземцева была обширна, но все унаслѣдованное его сыномъ едва ли превысило 100 т. р., цѣня въ этомъ и домъ.

VI.

Слухи о холерѣ.—Двѣ партіи среди врачей: контагіонисты и антиконтагіонисты.—Оверъ и Иноземцевъ.—Блужданія врачей.—Разныя явленія, сопровождающія появленіе холеры.—Ужасное начало эпидеміи.—Погода 1848 г.—Способъ леченія Иноземцева.—Наблюденія надъ погодой и заболѣваніями.—Вліяніе настроенія на воспріимчивость къ болѣзни.—Случай съ дворникомъ.—Результатъ діеты.—Реформа дворянскаго института.—Экзамень и диссертація.

Я поступилъ въ клинику незадолго до того времени, когда Москва находилась подъ вліяніемъ угнетающаго страха: ожидали холеру, прошедшую уже Серпуховъ и появившуюся въ Подольскѣ. Я еще мальчишкой слышалъ много страшныхъ разсказовъ о московской эпидеміи 1830 г. Въ нашемъ Дмитровскѣ все тогда обстояло благополучно, потому, вѣроятно, что начальствомъ были своевременно приняты мѣры, а именно около московской и кievской заставъ дымились кучки навозу, черезъ которые обязательно должны были перепрыгивать обозные извозчики, ѣхавшіе изъ Москвы. Насъ это очень занимало, а полицейскому сторожу доставляло доходу по копейкѣ съ акробата. Старые практики, знакомые уже прежде съ ожидаемой гостьей, дѣлились на двѣ партіи: контагіонистовъ и антиконтагіонистовъ, спорили между собою, доказывали вѣрность своего мнѣнія фактами, но въ способѣ леченія были согласны. Мы, молодежь, прислушивались и не знали, во что вѣрить.

Оверъ принадлежалъ къ контагіонистамъ, Иноземцевъ—къ противникамъ заразительности; первый думалъ уничтожить въ больницѣ заразное начало куреніемъ сѣры и порохомъ (стрѣлялъ, какъ говорили студенты), второй совѣтовалъ давать сильныя возбуждающія внутрь и дѣйствовать ими наружно. Контагіонисты стояли за разобщеніе больныхъ, за карантинъ, противники находили эту мѣру бесполезной и въ коммерческомъ отношеніи крайне убыточной. Холерная эпидемія отражала свой характеръ на всѣхъ случайныхъ во время ея болѣзняхъ. Такъ, въ первыхъ числахъ сентября 1847 г. около моей клиники подняли человѣка (нѣмца) съ корчей и рвотой. Въ вечеру онъ умеръ, а на другой день его вскрыли судебно-медицинскимъ порядкомъ, въ присутствіи профессора Севрука и другихъ,

а также полицеймейстера. Оказалось, что причиной смерти была лопнувшая аневризма брюшной аорты, слѣдовательно, этотъ первый случай холерою не признанъ. Черезъ двѣ недѣли въ женскомъ отдѣленіи хирургической клиники у меня занемогла ночью холерными припадками назначенная уже къ выпискѣ послѣ операціи молодая здоровая дѣвушка. Я поставилъ моксу, приказалъ растереть ее спиртомъ, внутрь назначилъ валеріану съ опіемъ. Она выздоровѣла и записана случаемъ спорадическимъ. Но вскорѣ затѣмъ начали поступать настоящіе холерные болѣлые, и число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось прогрессивно.

Все блужданіе врачей происходило, конечно, отъ незнанія сущности болѣзненнаго процесса и его причинъ. Полагали, что въ воздухѣ есть масса незримыхъ паразитовъ, въ родѣ микроскопическихъ мошекъ, которыми при вдыханіи кровь наша заражается (птомаины). Это казалось многимъ правдоподобно, потому что во время холеры стояла сухость въ воздухѣ, на стѣнахъ каменныхъ домовъ ютилось множество червей, на деревьяхъ масса гусеницъ и сверхъ того роями летали мошки съ бѣловатыми блестящими крылышками. Недаромъ Рулье задавался вопросомъ: куда дѣвалась городская ласточка? Ея не было во время холеры, — потому ли, что не было для нея любимыхъ насѣкомыхъ, или потому, что появились вредныя для ласточекъ другія? Такъ какъ холера шла по теченію большихъ рѣкъ и заходила на болѣе или менѣе значительныя разстоянія во впадающіе въ нихъ рѣчные притоки, то и предполагали, что вода составляетъ главную среду заразы. Это въ извѣстной мѣрѣ подтверждается тѣмъ, что тогда, какъ жители побережья занемогали холерой, сосѣди ихъ, удаленные отъ рѣки и получавшіе воду изъ колодезь, не подвергались ей. Говорили, что холера ползетъ, какъ змѣя, по низменнымъ мѣстамъ и никакъ не поднимается на возвышенности. Въ самомъ дѣлѣ, это предположеніе подтверждается многочисленными фактами.

Я, между прочимъ, могу по своему опыту указать на то, что въ дворянскомъ институтѣ, помѣщавшемся на горѣ въ Пашковомъ домѣ (Знаменка) изъ многочисленныхъ его обитателей ни одинъ не занемогъ холерой; но не менѣе интересно то, что когда эпидемія въ городѣ усиливалась, въ дворянскомъ институтѣ усиливались кожные лихорадочныя болѣзни: краснуха, корь, вѣтреница и легкіе случаи скарлатины. Кромѣ рѣкъ, движенію холеры помогали и обыкновенныя, особенно большіе пути сообщенія. Напримѣръ, она шла медленно отъ Тулы до Серпухова, потомъ до Подольска, шла «на долгихъ». Но замѣчательно опять и такое явленіе: по большому, напримѣръ, тракту отъ Москвы до Сергіевскаго посада, въ двухъ деревняхъ одна сторона поражалась съ необыкновенною силой, такъ что въ избахъ этой стороны, вымершей поголовно, были заколочены окна, тогда какъ на противоположной сторонѣ больныхъ

не было. Я привожу это, какъ матеріаль, служившій базисомъ для возраженія противъ заразительности холеры.

Тогда, конечно, не было и въ мысляхъ искать существенную причину зараженія въ колебаніяхъ подпочвенной воды или въ экскрементахъ больныхъ. Нѣкоторые, однако, и тогда высказывали предположеніе, что болѣзненные изверженія способствовали распространенію болѣзни. Антиконтрагонисты приводили противъ этого тотъ фактъ, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, почти не было случая занемоганія между отходниками, вывозившими испраженія первобытнымъ способомъ и жившими на мѣстѣ ихъ свалки. Контрагонисты предполагали, что, такъ какъ холера поражаетъ главнѣйшимъ образомъ чернорабочихъ и бѣдныхъ, живущихъ въ тѣсныхъ, скученныхъ помѣщеніяхъ, то причина заключается въ порчѣ воздуха.

Противники, фактами же, указывали на то, что многія лица и мѣста, извѣстныя своими антигигіеническими условіями, были пощажены эпидеміею, напримѣръ, сапожники и производители рукавицъ въ Зарядьѣ. Однимъ словомъ, бродя въ потемкахъ, не знали, какъ выбраться изъ лабиринта. Болѣзнь, издѣваясь надъ тщетною попыткою врачей уяснить непостижимое, шла своей дорогой, оставляя на ней неисчислимыя жертвы. Первые шаги ея были ужасны: почти никто не выздоравливалъ. Но и она какъ будто начинала устывать и во второмъ своемъ періодѣ довольствовалась только половиной жертвъ, а въ третьемъ періодѣ, если не всё, то значительнѣйшая часть выздоравливала, послѣ менѣе напряженныхъ припадковъ болѣзни.

Кажется, Баумгартенъ замѣтилъ, что чѣмъ сильнѣе развивается эпидемія, тѣмъ слабѣе получается электрическая искра и слабѣе притягательная сила магнита; это и въ Москвѣ подтверждалось наблюденіями профессора Севрука и адъюнкта Гивартовскаго. Вотъ почему въ клиникѣ нѣкоторыхъ больныхъ разобщали съ земнымъ и воздушнымъ электричествомъ, покрывая ихъ шелковыми одѣялами и подводя стеклянныя подставки подъ ножки кроватей. Но и эти больные такъ же умирали, какъ другіе.

Мы ежедневно справлялись съ барометромъ и термометромъ, съ направленіемъ вѣтровъ и только приходили къ гадательныхъ предположеніямъ. А между тѣмъ клиника съ каждымъ днемъ все больше наполнялась, и дошло до того, что больныхъ клали всюду, гдѣ оставалось малѣйшее мѣсто; мы бродили, какъ мухи, въ области смерти, утомленные и безсильные въ борьбѣ съ великимъ бѣдствіемъ. Въ часовнѣ приходилось ежедневно вскрывать отъ 20 до 30 труповъ; вскрытія были обязательны для ассистентовъ въ тѣхъ видахъ, чтобы избѣжать поводовъ къ возбужденію со стороны суда подозрѣній о неестественной смерти. Замѣчательно, что съ сентября 1847 г. погода ясная, безоблачная и тихая продолжалась во все

время до 10-го, кажется, января 1848 года. Морозы постепенно увеличивались и въ январѣ дошли до 35°. Мостовая давала въ разныхъ мѣстахъ глубокія трещины, простиравшіяся даже на каменные дома. Атмосфера была до того сгущена, что красный дискъ солнца едва былъ замѣтенъ. Мы ѣздили по безснѣжной, обмерзшей мостовой на колесахъ почти до 6-го декабря 1848 г., до перваго снѣгу. По прежнему повѣрью, казалось бы, тутъ-то и конецъ заразнаго началу, если бы оно обладало какою-нибудь жизнедѣятельностью. А между тѣмъ съ усиленіемъ морозовъ и густоты атмосферы пропорціонально усиливалась и напряженность эпидеміи, которая нѣсколько ослабѣла съ выпаденіемъ снѣга и пониженіемъ температуры.

Иноземцевъ, когда-то страшный гуморалистъ, за нѣсколько времени до появленія холеры, именно за 2—3 года, совершенно измѣнилъ свой прежній методъ по убѣжденію, что характеръ болѣзней (геній) измѣнился въ нервно-астенической. Онъ преподавалъ, что холера есть продуктъ страданія узловой нервной системы, есть своего рода злокачественное перемежающееся *maligna*¹⁾ (?) и горе тому, кто не спрячетъ своего любимаго ланцета и не откажется отъ среднихъ солей. (А были и такіе, которые въ этомъ видѣли вѣрное средство спасенія). Онъ далъ намъ такую инструкцію: какъ только въ его клиникѣ у больного обнаружались холерные припадки, поставить подъ ложечку моксу, внутрь давать сильныя возбуждающія и согрѣвающія (воронежскій эликсиръ) и сильно растирать все тѣло раздражающими спиртами. Какъ предохранительное, должно давать вино, мясную пищу, отнюдь не позволять сырыхъ плодовъ и овощей, холодныхъ и прохлаждающихъ напитковъ. Контагіонисты дѣлали то же: валеріана, опій,—результатъ былъ одинаковъ: въ первую треть смертность равнялась 90%, во вторую 25%, а въ послѣднюю 0%. Потому-то и прославленнымъ каплямъ удавалось помогать тогда, когда все помогало.

Въ настоящее время медицина гордо подняла голову, полагая, что она открыла секретъ въ коховской запятой. Но мнѣ кажется, что запятая, найденная въ благополучное время (положимъ, Кохъ нашель ее у дѣйствительно пораженнаго азіатскою холерою, а нѣкоторые нашли ее и въ *cholera nostra*), окажется такимъ же знакомъ вопросительнымъ, какъ и прежде. Кохъ утверждаетъ, что запятая въ сухомъ видѣ безвредна, но при извѣстной степени влажности губительна. Мы, напротивъ, замѣчали, что при высокомъ стояніи барометра и крайне низкой температурѣ холера усиливалась и въ количествѣ и въ ея напряженности, съ повышеніемъ же температуры и появленіемъ влаги ослаблялась. То же я замѣтилъ,—вѣроятно, и другіе тоже,—въ 1855 г., въ концѣ августа. Въ Москвѣ въ

¹⁾ Неразборчиво.

теченіе лѣта появлялись отдѣльные случаи холеры, которые и признавались спорадическими. Лѣто было жаркое, и воздушная температура, усиливаясь съ каждымъ днемъ, дошла до удушающей. Атмосфера, густая, мгlistая, какъ бы съ примѣсью гари, едва позволяла разглядѣть багровый дискъ солнца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ случаи заболѣванія холерой стали появляться чаще, такъ что я въ одну ночь былъ вызванъ три раза къ больнымъ, оказавшимся умирающими. Это было 21-го августа, кажется. Возвращаясь домой около часу дня, въ то время, какъ я у своего подъѣзда ждалъ открытія двери, надо мною внезапно разразился оглушающій ударъ, сопровождаемый нѣсколькими крупными каплями дождя, затѣмъ пошелъ ливень... и на другой день ни въ одну больницу больныхъ холерою не поступило. Еще случай. Въ 1853 г. я переѣхалъ съ семействомъ въ Сокольники 15-го апрѣля; температура на солнцѣ стояла 30° слишкомъ; яблони были въ полномъ цвѣту. 10-го іюня былъ морозъ, погубившій мои распустившіеся цвѣты, а съ 12-го начались почти непрерывныя грозы въ теченіе двухъ недѣль, и появились тяжкіе случаи холеры, хотя и немногочисленные. Словомъ, можно сколько угодно разсуждать въ кабинетѣ, придумывать самыя замысловатыя объясненія причинъ холеры, указывая на нихъ съ микроскопомъ; но самыя факты такъ противорѣчивы, что если, помилуй Богъ, насъ снова постигнетъ это бѣдствіе, мы вынуждены будемъ сознаться, что мы только то вѣрно знаемъ, что ничего не понимаемъ.

А какъ объяснить при помощи запятой то явленіе, что во время эпидеміи всѣ въ большей или меньшей степени ощущали какое-то неопредѣленное чувство боли подѣ ложкой, урчанія въ кишкахъ, дурное настроеніе духа, люди нервныя страдали бессонницей. Не было ли это въ зависимости отъ многихъ факторовъ въ совокупности (и магнитъ, и электричество, и сухость и влажность атмосферы). Не была ли это готовая канва, на которой всякая случайная причина быстро воспроизводила мрачныя узоры (простуда, усталость, испугъ, огорченіе, переполненіе желудка сырымъ, неудобоваримыми овощами, плодами и т. п.). А дѣйствительно занемогали холерой и умирали отъ нея отъ внезапной встрѣчи съ холернымъ больнымъ, чего всячески старались избѣгать. Подѣ моей квартирой жилъ дворникъ Петръ Ивановичъ, отличный и быстрый старикъ-солдатъ. Дочь свою онъ выдалъ за солдата при часовнѣ, огрубѣвшаго въ своей профессіи до утраты всякаго подобія человѣка. Этотъ солдатъ пустился въ коммерцію, а именно: такъ какъ гроба вздорожали и казенный подрядчикъ съ затрудненіемъ доставлялъ требуемое количество, находя это для себя убыточнымъ, то Филиппъ (такъ его звали) предложилъ продавать подрядчику гроба отъ похороненныхъ покойниковъ. Вечеромъ онъ укладывалъ 6—8 гробовъ и болѣе на казенныя дроги съ впряженной парой, накидывалъ

черное покрывало и отвозилъ на кладбище, гдѣ сваливъ покойниковъ въ общую могилу, гроба отъ нихъ везъ назадъ. Въ глухую осень уговорилъ онъ своего тестя войти въ долю и ѣздить вмѣстѣ на кладбище. Соблазнился старикъ и поѣхалъ. Но когда онъ возвращался полемъ, Петръ Ивановичъ ужаснулся содѣяннаго, ноябрьскій вѣтеръ съ визгомъ и воемъ порывисто подымалъ покровъ надъ краденными гробами и хлесталъ по головѣ и по спинѣ добраго старика.... Добравшись домой, П. И. не могъ долго опомниться: лихорадка его немилосердно трясла, а затѣмъ и обнаружались припадки холеры. На первый разъ удалось ему помочь. Но черезъ недѣлю (онъ уже не ѣздилъ на кладбище) холерные припадки у него снова обнаружались съ большей силой. Его помѣстили въ клинику, гдѣ онъ передъ смертью признался въ своей провинности.

Я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что задолго до появленія холеры уже замѣтны предвѣстники ея появленія, которое, какъ эпидемію, можно признать высшею степенью развитія господствовавшаго характера болѣзней.

Въ 1844 г., во время пребыванія моего въ подмосковномъ имѣніи Васильчиковыхъ, появилось много лихорадокъ, что я объяснялъ спускомъ обширнаго пруда для его очистки. Лихорадки уступали при очень умѣренныхъ дозахъ хинина. Въ 1844 г. лѣтомъ появились желудочно-кишечные катары въ обширномъ районѣ, холерина и легкія формы дизентеріи. Въ 1845 г. лѣтомъ холерина дошла до степени спорадической холеры и усилилась дизентерія, которой не избѣжалъ и я. Хотя припадки дизентеріи у меня и окончились, но я долго не могъ привести въ порядокъ свои пищеварительные органы, ѣлъ безъ аппетита и страдалъ мучительной бессонницей въ продолженіе зимы и весны 1845 г. по іюнь 1846 года. Это состояніе продолжалось и при поступленіи моемъ въ клинику. Нервность, слабость, неопредѣленное чувство страха и въ то же время усиленная дѣятельность, которой требовала моя служба,—видимо, оказывали на меня очень дурное вліяніе. Между тѣмъ всѣ готовились встрѣтить холеру, всюду и въ публикѣ и между врачами только и было разговору, что о ней. Эти разговоры тяжело дѣйствовали на душу. Иноземцевъ проповѣдывалъ свой противохолерный режимъ, совершенно несогласный съ моимъ, обычнымъ: я любилъ фрукты и зелень, не пилъ никакого вина, предпочиталъ молочное мясному, а онъ настаивалъ на мясѣ, на винѣ и пугалъ пагубнымъ вліяніемъ сырыхъ плодовъ, овощей и т. д. Послѣдствіемъ такого режима былъ мучительный катаръ и полное отвращеніе отъ пищи, а потомъ и періодическое возвращеніе дизентеріи; въ концѣ концовъ я до такой степени разстроилъ свое здоровье, такъ упали силы и вѣра въ возможность существованія, что я рѣшился разстаться съ клиникой въ октябрѣ 1848 г. и удержалъ за собою мѣсто только въ дворянскомъ институтѣ, потомъ преобразованномъ въ 4-ю гимназію.

Я вышелъ въ ожиданіи смерти, отказавшись отъ обѣщаннаго мнѣ закрѣпощенія при университетѣ, а между тѣмъ въ 1851 году — женился.

Не могу не упомянуть о достойномъ уваженія Ал. Ив. Оверѣ, какъ человѣкѣ и способномъ профессорѣ и какъ обѣ извѣстнѣйшимъ въ Москвѣ практикѣ. Живой и, несомнѣнно, талантливый, французъ по рожденію и темпераменту, Оверъ обладалъ врожденною способностью хорошаго діагноста. Дѣйствительно, это былъ художникъ, умѣвшій схватывать существенныя черты болѣзни, не гоняясь за второстепенными мелочами. Къ сожалѣнію, онъ остановился на полудорогѣ и рано убѣдился въ тщетѣ внимательнаго слѣдованія за прогрессомъ науки. Славился онъ не менѣе, пожалуй, болѣе, какъ операторъ, но, несмотря на его «Selecta», роскошно изданныя имъ, онъ бралъ отвагой скорѣе, чѣмъ знаніемъ хирургіи, далеко не понятною на практикѣ.

Послѣ своей смерти онъ оставилъ очень крупное состояніе, приобрѣтенное не медицинской практикой, хотя она и была очень обширна, но полученное по милости 2—3 его признательныхъ пациентовъ, отказавшихъ ему по духовному завѣщанію деньги и имѣніе.

Я говорилъ о Чивилевѣ, бывшемъ директоромъ дворянскаго института. Институтъ по своему составу служащихъ и по средствамъ къ образованію вполне соответствовалъ своему назначенію и пользовался справедливою извѣстностью. Однако въ іюль 1849 г. императоръ Николай I повелѣлъ закрыть его въ 24 часа и всѣхъ служащихъ, въ томъ числѣ и меня, оставить за штатомъ. Что было причиною его распоряженія, осталось неизвѣстнымъ. Говорятъ, что ему, при послѣднемъ его посѣщеніи института, непріятно было среди воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона встрѣтить нѣкоторыя фамиліи, красовавшіяся на золотыхъ доскахъ и скомпрометированныя 14-го декабря. Во всякомъ случаѣ для директора и служащихъ ударъ былъ слишкомъ жестокъ по своей неожиданности.

Дворяне, говорятъ, ходатайствовали о преобразованіи института въ 4-ю гимназію, съ благороднымъ пансіономъ, думая, что это новое названіе не помѣшаетъ удовлетворенію сословныхъ вождедѣній. Дѣйствительно, изъ Петербурга былъ присланъ И. И. Давыдовъ (бывшій профессоръ московскаго университета) для открытія гимназіи. Зная меня лично и видя мою фамилію въ спискѣ упраздненныхъ, онъ предложилъ мнѣ занять мѣсто врача при пансіонѣ этой гимназіи, а переведенный въ нее изъ Твери директоромъ Н. М. Коншинъ предложилъ и готовую квартиру. Конечно, я охотно принялъ и то и другое и вступилъ въ должность въ сентябрѣ 1849 г.

Въ этомъ же 1849 г. я держалъ экзамень на доктора медицины и, окончивъ его благополучно, началъ писать мудреную диссертацію «о гнойномъ худосочіи». Эту тему навязалъ мнѣ Ипоземцевъ,

говоря, что отъ бывшаго ассистента слѣдуетъ требовать не только исполненія формальности, а работы дѣльной и самостоятельной. Въ этомъ вся ошибка. Тема для диссертациі была неисчерпаема, потому что охватывала собою и громадную литературу, можно сказать, всю исторію медицины съ ея различными эпохами и воззрѣніями, и современное состояніе химіи и микроскопіи. Зарывшись въ массѣ книгъ, привыкая въ то же время къ микроскопическимъ изслѣдованіямъ и изучая химическіе анализы, я остановился на теоріи, приписывавшей все гнойному шаріку, на основаніи многочисленныхъ опытовъ вливанія гноя въ кровь животныхъ... Я писалъ, все писалъ, дошелъ до точки. Слѣдовало, однако, перевести диссертацию на латинскій языкъ, а переводами диссертаций на латинскій языкъ занимался почти одинъ Молнаръ, иногда лекторъ латинскаго языка Фелькель. По избитой вѣсми дорогѣ я обратился къ Молнару, онъ взялъ мою диссертацию и уѣхалъ на три мѣсяца въ деревню на отдыхъ, а когда я навѣдался къ переводчику узнать о судьбѣ моего дѣтища, то онъ возвратилъ мнѣ его, признаваясь, что новая, неизвѣстная ему терминологія, при большомъ размѣрѣ диссертациі, заставляеть его отказаться; я оставилъ на время эту работу, надѣясь на готовность Фелькеля, который тоже наотрѣзъ отказался. Время уходило незамѣтно среди моихъ практическихъ занятій, единственнаго средства для существованія. И вдругъ, о ужасъ, явился Вирховъ, этотъ смѣлый реформаторъ, опрокинувшій, казалось, непоколебимую гуморальную патологію Рокитанскаго и измѣнившій въ корнѣ ученіе о гнойномъ худосочіи. Приходилось или снова начинать, примѣняясь къ новымъ воззрѣніямъ, или старое передѣлывать въ соотвѣтствовавшемъ имъ духѣ. Ни на то, ни на другое у меня не было возможности. Тутъ же и разрѣшеніе вышло писать и защищать диссертацию по-русски. Такъ я и остался докторантомъ или офицеромъ безъ шпаги. Это обстоятельство много мѣшало моему свободному движенію впередъ, особенно при полученіи виднаго мѣста, на что представлялось много случаевъ. Главное—самое важное, теоретическій и практический экзамень сдалъ, и оставалось лишь исполнить формальность: защищеніе диссертациі. Но пришлось доживать недодѣланнымъ человѣкомъ.

VII.

Попечитель Голохвостовъ.—Его характеръ.—Знакомство съ Чижовымъ.—Характеристика его.—Отношенія къ императору Николаю II.—Занятія Чижова шелководствомъ.—Изданіе «Вѣстника Промышленности».—Постройка Московско-Ярославской желѣзной дороги.—Купеческій банкъ.—Чижовъ въ частной жизни.—4-ая гимназія.—Назимовъ.—Командировка.—Бахметевъ, его разсѣянность.

Послѣ Строганова мѣсто попечителя занялъ Д. П. Голохвостовъ. Наружность его, довольно благообразная, важная, подобающая лорду, имѣла въ себѣ что-то внушительное для мелкихъ его под-

чиненныхъ. Самъ онъ по существу своему былъ чиновникъ и формалистъ. По жребію, брошенному между ассистентами, мнѣ пришлось отправиться къ нему съ поздравленіемъ въ первый день Пасхи, т. е. записаться въ спискѣ за себя и всѣхъ пятерыхъ моихъ товарищей. Надѣвши сверхъ виць-мундира шинель и трехугольную шляпу, я подкатилъ къ подъѣзду его дома (на Тверскомъ бульварѣ, на дворѣ) на парной пролеткѣ. Ввернувши въ руку швейцара трехрублевую бумажку, я уже началъ вырисовывать мою фамилію, какъ раздался голосъ съ верхней площадки лѣстницы, спрашивавшій швейцара:

— Кто пріѣхалъ?

— Чиновникъ, ваше превосходительство.

— Проси.

Сунувши трехуголку въ руки швейцара, я пошелъ по лѣстницѣ и уже совѣмъ почти приблизился къ начальнику, какъ онъ опять спросилъ швейцара:

— Да тамъ кто-то пріѣхалъ въ мундирѣ, въ шляпѣ...

— Это я, ваше превосходительство; не предполагая имѣть честь лично представиться вашему превосходительству, я надѣлъ полуформу...

— Хороша полуформа: фракъ и трехугольная шляпа! Ну, во-первыхъ: Христось воскресе! А потомъ извольте замѣтить, что вы начинаете службу съ того, что обманываете начальство.

Битый часъ, если не больше, онъ ходилъ со мною по залѣ и читалъ мнѣ нотацию.

Другой случай: при чтеніи годичнаго отчета расходовъ по клиникѣ онъ удосуужился найти передержку въ полкурицы. На порцію для больного полагается половина курицы для супа, а въ ежедневныхъ рапортичкахъ, утверждаемыхъ подписью ассистентовъ, оказалась лишняя порція. Кѣмъ же эта ошибка сдѣлана? Никто изъ насъ ее за собою не признаетъ, да и доказать невозможно, кто ошибся.

Мучалъ онъ насъ двѣ недѣли, вызывая то того, то другого на исповѣдь. Эта пытка до того надоѣла, что одинъ изъ насъ неосторожно вызвался заплатить за двѣ курицы, лишь бы покончить дѣло. Но это-то и раздуло пламя: нескончаемыя проповѣди о государственныхъ интересахъ, о куриномъ принципѣ и т. д. Чѣмъ и какъ это дѣло кончилось—не знаю.

Д. П. Голохвастовъ имѣлъ двѣ причины пользоваться громкою извѣстностью: первую и главную—онъ обязанъ знаменитому своему рысаку Бычку, не имѣвшему соперника, вторую—въ литературѣ изданіемъ «Домостроя», сочиненія попа Сильвестра.

Въ 1849 г. я познакомился съ Ѳ. В. Чижовымъ. Проѣзжая черезъ Москву въ Кіевъ вскорѣ послѣ освобожденія его изъ-подъ жандармскаго ареста, онъ навѣстилъ своего пріятеля С. и, узнавъ, что онъ у меня (такъ какъ мы съ С. готовились къ докторскому экзамену), явился въ мою квартиру. Ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ

и въ головѣ засѣла небольшая просѣдь. Это случайное знакомство упрочилось и продолжалось до самой его смерти.

Личность **Ө. В. Чижова** въ высшей степени замѣчательна и она должна обрисоваться въ его посмертныхъ запискахъ, которыя онъ завѣщалъ огласить не ранѣе, какъ черезъ 40 лѣтъ послѣ его смерти. Я не отважился бы писать его біографію; для этого нужно короткое знакомство со всѣми обстоятельствами его общественной жизни, нужно знать всѣ подробности его личныхъ отношеній къ разнымъ весьма крупнымъ и сильнымъ государственнымъ дѣятелямъ, литераторамъ, художникамъ. Я скажу нѣсколько словъ о томъ, что я отъ него слышалъ, и какимъ я его зналъ при нашихъ взаимныхъ сердечныхъ отношеніяхъ.

Петербургскій университетъ послалъ молодого адъюнкта математики за границу съ ученою цѣлью. Цѣль эта попала на второй планъ, и онъ отдался изученію исторіи живописи. Письма его по этому предмету, напечатанныя, дали ему скромныя средства, съ которыми онъ и пробавлялся въ чужихъ краяхъ, гдѣ встрѣтился и близко сошелся съ Гоголемъ, **В. А. Жуковскимъ**, знаменитымъ живописцемъ **Ивановымъ** и многими извѣстѣйшими славянофилами. Отъ живописи онъ перешелъ къ изученію славянскихъ народностей, сблизился съ лучшими его представителями. Онъ скоро пріобрѣлъ популярность между славянами, и Австрія, зорко слѣдившая за **Чижовымъ**, признала его самымъ опаснымъ для нея панславистомъ. Особенно не нравилась ей его дружба съ нашимъ вѣнскимъ священникомъ **Раевскимъ**. Долго Австрія терпѣла, но наконецъ не выдержала и просила императора **Николая** убрать этого опаснаго человѣка, могущаго нарушить добрыя отношенія между державами. Императоръ снизошелъ къ просьбѣ Австріи, и несчастнаго **Чижова** подъ конвоемъ жандармовъ повезли къ **Дубельту** на допросъ. Государь пожелалъ предложить **Чижову** нѣсколько вопросовъ для рѣшенія и требовалъ, чтобы отвѣты были доставлены ему. Отвѣты были составлены откровенно и смѣло. Государь потребовалъ къ себѣ **Чижова** и выразилъ свое одобреніе отвѣтамъ, прибавивъ, что онъ лично ничего не имѣетъ противъ него, но вынужденъ былъ рѣшиться на такую крутую мѣру единственно для успокоенія своего друга, австрійскаго императора. На вопросъ: кто онъ и какія его средства?—**Чижовъ** отвѣтилъ: русскій дворянинъ, **Костромской губерніи**, имѣетъ что-то около 5—6 душъ, наслѣдованныхъ имъ вмѣстѣ съ двумя сестрами. До сихъ поръ единственнымъ средствомъ для него были литературныя работы.

— Продолжай свои литературныя занятія, — сказалъ императоръ:—но я буду твоимъ цензоромъ.

Чижовъ, высказавши, что онъ не рѣшится отнимать у государя времени, дорогого для Россіи, просилъ, какъ милости, дать ему займообразно небольшую сумму на покупку земли гдѣ-нибудь на

югѣ, для занятія хозяйствомъ. Деньги, чуть ли не 3000 р., были отпущены, и съ этимъ-то капиталомъ онъ и стремился въ Кіевъ черезъ Москву.

Около Кіева купилъ онъ маленькій участокъ, устроилъ шелководничья плантаціи, на которыхъ разводилъ и разматывалъ коконы. Бывшій генераль-губернаторъ Бибииковъ подозрительно взглянулъ на эту затѣю и учинилъ подъ нимъ негласный надзоръ. Тамошніе помѣщики тоже дивились не мало, недоумѣвая, къ чему бы вела эта затѣя. Стали они навѣдываться къ чудачу (а тогда нѣкоторыхъ занималъ вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ) и мало-по-малу убѣдились, что этотъ чудакъ въ высшей степени интересенъ. У Чицова не было отбою отъ гостей; собирались у него трактовать уже не объ однихъ коконахъ, но о разныхъ предметахъ, въ знаніи которыхъ виденъ былъ его выдающійся умъ, многостороннее образованіе; характеръ же онъ проявлялъ сильный, энергичный. Эти сходбища сильно беспокоили Бибиикова, который по временамъ накрывалъ черезъ своихъ агентовъ мирнаго поселянина, заглядывалъ въ его бумаги и ничего не находилъ компрометирующаго.

Такъ это продолжалось до 50-го года. Въ этомъ году министръ финансовъ Рейтернъ и Катковъ подняли литературный вопросъ о покровительственной системѣ и доказывали, что для блага Россіи необходима отмѣна пошлинъ. Это обстоятельство какъ обухомъ обрушилось на наше благодумствовавшее во снѣ купечество. Какъ быть? Что возразить? И кто бы былъ на это способенъ? Шиповъ или Кошелевъ, временно приписанные къ купечеству, признали единственнымъ способомъ бороться съ новыми вѣяніями изданіе спеціальнаго журнала, въ которомъ должны были отстаиваться преимущества охранительной системы. Редакторомъ журнала предложили избрать Чицова. Чицовъ принялъ эту должность и жалованье въ 3000 р. въ годъ (всѣ расходы по изданію лежали на купечествѣ), пригласилъ въ сотрудники профессора политической экономіи Бабста и началъ издавать «Вѣстникъ Промышленности».

Этотъ «Вѣстникъ» повелъ горячую полемику съ защитниками свободной торговли, и въ пылу ея Чицовъ сдерживался только Бибииковымъ.

Мало-по-малу «Вѣстнику» удалось обезоружить противниковъ, и отмѣна пошлинъ не состоялась. Въ этомъ же журналѣ убѣдительно доказывалось, сколько крупныхъ ошибокъ сдѣлало правительство при дарованіи желѣзнодорожныхъ концессій, особенно французской компаніи. «Вѣстникъ» доказывалъ, что въ Россіи можно строить дороги въ половину дешевле. Въ доказательство того они представляли свой, составленный при участіи инженера Дельвига, проектъ для Московско-Ярославской желѣзной дороги.

По полученіи разрѣшенія общество Московско-Ярославской дороги немедленно приступило къ его сооруженію и исполнило его скоро и дешево. Вотъ первый толчокъ, данный Чижовымъ московскому купеческому обществу, которое онъ уже успѣлъ подчинить своему сильному вліянію.

Тогда онъ началъ убѣждать купечество учредить московскій купеческій банкъ. Это дѣло обѣщало прекрасную будущность учрежденію, что и оправдалось.

«Вѣстникъ» по минованіи въ немъ надобности захворалъ и превратился въ «Акціонера», издававшагося недолго при газетѣ И. С. Аксакова.

Общество Московско-Ярославской желѣзной дороги избрало Чижова управляющимъ, снабдивъ его для этого извѣстнымъ количествомъ акцій. По открытіи купеческаго банка Чижовъ былъ избранъ его управляющимъ. Поработавши, кажется, около трехъ лѣтъ въ купеческомъ банкѣ, Чижовъ отказался отъ званія управляющаго и рекомендовалъ на свое мѣсто Бабста.

Я не знаю, что произошло между Чижовымъ и Бабстомъ, но первый былъ недоволенъ своимъ замѣстителемъ и рѣшился учредить банкъ взаимнаго кредита. И это дѣло, ввѣренное его управленію, пошло очень успѣшно.

Когда Курскую желѣзную дорогу пожелало пріобрѣсти какое-то иностранное общество, Чижовъ подбилъ московскихъ купцовъ не допускать къ намъ чужихъ хозяевъ и для покупки этой дороги предложилъ свои соображенія, которыя дали возможность московскому обществу пріобрѣсти дорогу на условіяхъ крайне выгодныхъ. Его избрали управляющимъ Курской дороги, съ сохраненіемъ прежняго званія и по Московско-Ярославской. Отъ банка взаимнаго кредита онъ отказался, уступивъ мѣсто управляющаго И. С. Аксакову. Неугомонный будильникъ общественнаго застоя обратилъ вниманіе купечества на Бѣломорскій край и уговорилъ его организовать общество для ловли рыбы. Предпріятіе на первыхъ порахъ не обѣщало никакихъ выгодъ. Мы смѣялись надъ Чижовымъ, который своихъ 150 тысячъ рублей стравилъ селедкамъ.

— Нужно смотрѣть подальше того, что у насъ подъ носомъ,— говорилъ онъ.—Какъ ни шатко это дѣло въ началѣ, оно имѣетъ свою несомнѣнную будущность и государственное значеніе. Акціи этого общества начинаютъ давать, какъ говорили, четыре процента и обѣщаютъ больше.

Узкоколейной Вологодской дорогой думалъ Чижовъ связать сѣверныя окраины съ центромъ Россіи. Что изъ этого будетъ и какъ идетъ это дѣло, я теперь не знаю. Вотъ Чижовъ, какъ замѣчательный общественный дѣятель, съ его неустанной энергіей, съ крѣпкимъ умомъ и горячею вѣрою въ будущее Россіи! А какъ мало у насъ такихъ людей, иниціаторовъ. Едва ли это не единственный

у насъ дѣлецъ, который безусловно составилъ крупное состояніе свыше милліона и завѣщаль его на устройство технического училища въ Костромѣ, его родинѣ.

Домашняя жизнь Чижова была необыкновенно проста, даже велась съ большимъ расчетомъ. Онъ довольствовался скромною квартирой, самымъ неприхотливымъ столомъ, не особенно обращалъ вниманіе на свою подержанную обстановку холостого помѣщенія, и мы замѣчали ему, что не мѣшало бы всероссійскому управляющему разныхъ выгодныхъ предпріятій хотя бы обить мебель новой клеенкой. Только за три съ небольшимъ года до смерти рѣшился онъ купить домъ на Садовой, гдѣ и умеръ.

Съ друзьями Чижовъ былъ всегда милъ, простъ, занимателенъ; рассказы его о прошломъ, о многихъ извѣстныхъ личностяхъ, съ которыми онъ сохранилъ сердечныя связи, о пребываніи въ славянскихъ земляхъ особенно, были въ высшей степени интересны. Съ купцами и служащими по желѣзнымъ дорогамъ онъ былъ строгъ, но справедливъ. Купцы его боялись, если онъ по какому-нибудь случаю долженъ былъ имъ причитать нотацію. Онъ былъ вспыльчивъ. По управленію желѣзными дорогами онъ не допускалъ никакого кумовства, дружбы и послабленій, отчего могло бы пострадать дѣло. Если бы даже его родственникъ пожелалъ при его посредствѣ получить мѣсто, конечно, сколько-нибудь удобное, онъ отвѣчалъ: «Я согласенъ, но необходимо начать службу съ кондуктора, а дальнѣйшее повышеніе будетъ зависѣть отъ васъ, т. е. вашихъ способностей, усердія и исправности. Чтобы служить дѣлу, необходимо изучить его отъ альфы до омеги». Иногда, да и нерѣдко, онъ выказывалъ странности. Такъ, напримѣръ, я отъ него слышалъ слѣдующее: отправился онъ осматривать строящуюся узкоколейную дорогу и нашелъ кой-какія упущенія въ сооружеіи сторожекъ и прочее. Послѣ распеканціи и окриковъ возвращается онъ на станцію и, желая успокоиться отъ волненій, приказалъ сторожу запереть себя въ кабинетъ на ключъ и ни его не выпускать и никого не пускать къ нему въ продолженіе часа. Въ то же время онъ приказалъ немедленно позвать къ себѣ подрядчика. Подрядчикъ явился, но сторожъ его не впускаетъ. Чижовъ требуетъ отпереть дверь, но сторожъ отказывается, отвѣчая, что еще часъ не прошелъ. Какъ ни горячился Чижовъ, но сторожъ стоялъ на своемъ. По прошествіи часа дверь отперли, и затворникъ накинудся было на молодца.

— Какъ же я смѣю не слушаться вашего приказанія! Вы приказали себя закрыть и никого не впускать, а когда заперъ, потребовали подрядчика. Что-нибудь одно: слушаться перваго или втораго приказанія.

Чижовъ далъ ему награду за твердость характера.

Во время послѣдней турецкой войны былъ сооруженъ въ Петербургѣ санитарный поѣздъ императрицы. Дали знать въ Москву, что было бы очень пріятно, если бы управляющіе здѣшнихъ дорогъ предложили свою готовность приготовить такіе же поѣзда на свой счетъ. Генераль-губернаторъ, говоря объ этомъ со мною, какъ съ медицинскимъ инспекторомъ и членомъ Краснаго Креста, сказалъ, что нѣкоторые, лично извѣстные ему управляющіе желѣзныхъ дорогъ изъявили ему на это свое согласіе.

— Кто управляетъ Ярославской дорогой?—спросилъ онъ меня:— и знакомы ли вы съ нимъ?

— Чижовъ, и я знакомъ съ нимъ.

Тогда генераль-губернаторъ поручилъ мнѣ переговорить съ Чижовымъ объ этомъ и передать ему отвѣтъ.

Я поѣхалъ къ Чижову и предложилъ ему лично повидаться съ генераломъ-губернаторомъ. На другой день послѣ этого свиданія я узналъ отвѣтъ Чижова:

— Дорога мнѣ не принадлежитъ, я только управляю дѣлами общества. Такъ какъ общество—мой хозяинъ, то я соберу акціонеровъ и предложу вопросъ на ихъ рѣшеніе. Полагаю, что общество сочувственно отнесется къ этому предложенію, но пока оно меня не уполномочило,—я не могу дать никакого отвѣта.

Таковъ былъ Чижовъ, какъ блюститель вѣрренныхъ ему общественныхъ интересовъ.

Я дорожилъ расположеніемъ ко мнѣ Чижова, которое весьма часто выражалось даже съ особенной нѣжностью. Раздѣляя съ моими пріятелями мнѣніе о моей необычайной деликатности, онъ, не стѣняясь многочисленнымъ и совершенно незнакомымъ мнѣ обществомъ, старался поймать и поцѣловать мою руку. Это была его обычная шутка со мною, и при этомъ онъ предлагалъ и другимъ сдѣлать то же, если они сознаютъ себя достойными. Но нерѣдко мнѣ приходилось выслушивать и нравоученія по поводу, какъ онъ выражался, моей малохарактерности. «Деликатность хороша,—говаривалъ онъ:—если она не мѣшаетъ итти къ намѣченной цѣли; но если уступать дорогу всякому встрѣчному, если не преодолевать препятствій, то далеко не уйти. Слѣдуетъ быть послѣдовательнымъ во всемъ, даже въ житейскихъ мелочахъ». При этомъ онъ привелъ мнѣ такой примѣръ.

Проснулся онъ ночью: не спится, голова работаетъ, мысли пробѣгаютъ одна за другою. Но вотъ хорошая мысль, и нужно ее запомнить. Подходить къ письменному столу, чтобы записать на память, а чернилъ нѣтъ. Звонить Егора (его слуга, ветеранъ), и является онъ заспанный, сердитый.—Егоръ, дай чернилъ!—Въ чернильницѣ ни капли, на окнахъ, какъ ни шарилъ Егоръ, не оказалось ни одной чернильной стеклянки.—Чернилъ нѣтъ,—говоритъ слуга.

— Егоръ, дай чернилъ,—продолжаетъ Чижовъ. Слуга ставитъ у двери и сурово смотритъ на барина.

— Егоръ, дай чернилъ, дай чернилъ, дай чернилъ!—настаиваетъ Чижовъ, приплясывая чуть не вприсядку.

Егоръ, махнувши рукой, уходитъ и черезъ 3—5 минутъ возвращается съ чернилами. Вотъ какъ нужно настойчиво итти къ предполагаемой цѣли.

4-ая гимназія открылась съ совершенно новымъ персоналомъ учителей и всѣхъ служащихъ. Въ числѣ надзирателей были Н. С. Тихонравовъ (впослѣдствіи ректоръ университета) и П. Д. Шестаковъ (бывшій попечитель казанскаго университета). Я близко сошелся съ учителемъ русской словесности Гааяринымъ, весьма и справедливо любимымъ и уважаемымъ воспитанниками (онъ еще живъ и занимаетъ весьма видный постъ и говорить о немъ я не считаю себя въ правѣ) ¹⁾. Съ назначеніемъ В. И. Назимова попечителемъ университета (послѣ Голохвастова) началось передвиженіе народовъ: мѣста директоровъ гимназій онъ раздавалъ или своимъ сослуживцамъ по штабу, или хорошимъ знакомымъ.

Такъ, въ первую гимназію назначенъ былъ Шпейеръ (бывшій инспекторъ студентовъ), во 2-ю вмѣсто дѣльнаго Клепфера полковникъ Гогель, въ 3-ю чиновникъ особыхъ порученій при Назимовѣ князь Ширинскій-Шахматовъ, въ 4-ю полковникъ штаба Рейхель.

Не оставили въ покоѣ и меня. На третій день послѣ моей женитьбы я получаю приказъ отъ Назимова: немедленно отправиться во 2-ю гимназію для излеченія воспитанниковъ, занемогшихъ злокачественной скарлатиной, и для принятія мѣръ противъ дальнѣйшаго распространенія болѣзни. Это было весною 1851 года, въ самую распутицу, и мнѣ нужно было ежедневно дѣлать конецъ въ 5 верстъ въ саняхъ по камню. Оказалось, что при этой гимназій есть свой врачъ Роггенбаумъ, гомеопатъ, но уволенный по болѣзни впредь до окончанія срока на выслугу пенсіи; мое мѣсто предназначалось доктору Ш., близкому къ дому Назимова, а я на мѣсто Роггенбаума.

Послѣ пятидесятидневнаго странствованія на Разгуляй, избившаго мой бока немилосердно, я рѣшился лично просить попечителя о моемъ увольненіи отъ командировки. Обойдя всѣхъ присутствовавшихъ въ пріемной дамъ и разныхъ офицеровъ, генераль подошелъ ко мнѣ: «Вамъ что?» Я объяснилъ и готовился вручить ему докладную записку: «Знать ничего не хочу, не только на Разгуляй—командирую въ Севастополь и въ 24 часа обязанъ уѣхать».

Попробовалъ я его урезонить тѣмъ, что я получилъ командировку на третій день женитьбы, что не назначено разъѣздныхъ денегъ и я терплю, физически отъ ежедневныхъ поѣздокъ вдаль по настоящей дорогѣ. «Вамъ отведутъ въ гимназій комнату, и вы будете занимать ее до наступленія полнаго благополучія».

¹⁾ Это писано въ 80-хъ годахъ.

Два мѣсяца я вытерпѣлъ, но, благодаря Бога, больные выздоровѣли, а новыхъ не появлялось. Въ это время въ 4-ой гимназiи появилась корь, но я не посѣщаль больницу подѣ предлогомъ, что могу занести скарлатину. Однако черезъ нѣсколько дней по просьбѣ барона Рейхеля я отправился съ нимъ къ Назимову, имѣя при себѣ 4 бумаги: 1) рапортъ о благополучномъ окончанiи командировки, 2) рапортъ о появленiи въ 4-й гимназiи кори и о мѣрахъ къ ея прекращенiю, 3) прошенiе о дозволенiи мнѣ совмѣстной службы въ московскомъ воспитательномъ домѣ (по приглашенiю главнаго доктора Блументаля) и 4) прошенiе объ увольненiи меня въ отпускъ на вакантное время.

На первый рапортъ попечитель поблагодарилъ и въ то же время отвѣтилъ, что онъ меня переводить во 2-ю гимназiю для водворенiя порядка въ тамошней больницѣ, отпускъ на вакантное время разрѣшилъ. Когда дѣло дошло до кори въ 4-ой гимназiи, то онъ замѣтилъ барону Рейхелю, что при надлежащемъ надзорѣ этого не должно быть. Баронъ указаль на меня.

— А вы что смотрите? Это ваше дѣло.

Я отвѣчалъ, что гимназiя заведенiе открытое и приходящiе ученики могутъ вносить съ собой разныя болѣзни; да и въ закрытыхъ заведенiяхъ часто случаются заразныя болѣзни, которыя могутъ входить и черезъ двери и черезъ фортки оконъ. Возраженiй съ его стороны не послѣдовало, и я рѣшился просить его объ оставленiи меня при 4-й гимназiи вмѣсто перевода во 2-ю. Такъ какъ онъ не уступаль, то я высказаль намѣренiе подать въ отставку. Съ тѣмъ я и уѣхаль въ деревню.

Слишкомъ три мѣсяца прожилъ я въ деревнѣ и, возвратясь оттуда, узналъ, что меня оставили при 4-й гимназiи по просьбѣ родителей, довольныхъ мною.

Назимовъ скоро получилъ назначенiе на должность виленскаго генераль-губернатора. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ знакомиль Е. П. Ковалевскаго, своего замѣстителя, съ учебными заведенiями. Подъѣзжая къ 4-й гимназiи, онъ при выходѣ изъ экипажа поскользнулся и упаль у самаго подъѣзда. Слѣдомъ за нимъ прiѣхаль и я.

— Поскорѣе, поскорѣе къ Владимиру Ивановичу,—обратился ко мнѣ баронъ Рейхель:—генераль расшибся.....

— А кстати, докторъ. Посмотрите, не повредиль ли я чего себѣ при паденiи?

Я осмотрѣлъ и доложилъ, что все обстоитъ благополучно. Тутъ былъ и Ковалевскiй. Назимовъ не отпускаль меня отъ себя: мы заѣзжали въ 1-ю гимназiю и лазили по подмосткамъ на строившiйся храмъ Спасителя. Я уже хотѣлъ уѣхать отъ подъѣзда его квартиры, какъ онъ представиль меня своей женѣ и, прощалься, высказаль сожалѣнiе, что поздно со мною познакомилься. Забылъ онъ въ простотѣ души, что мы были знакомы и прежде.

Въ 4-й гимназіи былъ данъ прощальный вечеръ Назимову со спектаклемъ. Играли «Не въ свои сани не садись». Не въ бровь, а прямо въ глазъ!

За Назимовымъ слѣдовали: Е. П. Ковалевскій, Д. Н. Бахметевъ и Н. В. Исаковъ. Присутствія перваго и послѣдняго я не замѣчалъ, но съ Бахметевымъ пришлось познакомиться очень оригинально.

Извѣстный всей Москвѣ своими истинно-христіанскими добродѣтелями по отношенію къ ближнему, простой, всегда и для всѣхъ доступный, баринъ по крови, состоянію и положенію, но смиренный, Бахметевъ былъ очень разсѣянъ, любилъ и самъ полечить и побесѣдовать съ врачами.

Однажды я получаю отъ него форменное приглашеніе явиться къ нему тогда-то утромъ, къ девяти часамъ.

Живя отъ него черезъ три дома, я пришелъ какъ разъ во время. Спрашиваю швейцара:

— Принимаетъ генераль?

— Едва ли,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ патріархальною простотою: — небось еще не вышли. Вчера мы поздненько улеглись, потому что гости были, ну, и въ карточки поиграли.

— А вы по какому дѣлу? проситель?

— Нѣтъ, онъ мнѣ назначилъ сегодня къ нему побывать.

— Ну, такъ ступайте въ пріемную, тамъ ждутъ просители.

Въ пріемной было нѣсколько дамъ и гимназистовъ, два старика, три-четыре студента.

Попечитель вышелъ и прямо направился къ дамамъ, потомъ къ старикамъ, студентамъ и наконецъ ко мнѣ.

Я отрекомендовался по должности и сказалъ, что ему угодно было вызвать меня...

— Ваша фамилія? Что-то не помню. Да по какому дѣлу?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Подождите.

Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, вѣроятно, просмотрѣть свою памятную книжку.

Минуть черезъ десять вышелъ.

— Не знаю, зачѣмъ я желалъ васъ видѣть. Да вы далеко ли живете?

— Недалеко отъ васъ, въ сосѣднемъ переулкѣ.

— А, это хорошо. Такъ приходите вечеркомъ, когда вамъ свободно, мы побесѣдуемъ съ вами; я вѣдь люблю бесѣдовать съ врачами.

Я, однако, не воспользовался приглашеніемъ этого добрѣйшаго и почтеннѣйшаго человѣка.

Н. К. Беркутъ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАСТРАТА.

ВЪ ГОРОДѢ *** въ самый Новый годъ пропалъ возъ калачей.

Событіе это, съ виду довольно маловажное, тѣмъ не менѣе всколыхнуло весь городъ. Калачи были жертвованные. Сердобольные купцы и купчихи для Новаго года рѣшили полакомить арестантовъ. Правда, часть, даже большая, жертвованныхъ калачей была достаточно черства, но богобоязненные коммерсанты рѣшили, что «даровому коноу неча въ зубы смотрѣть», и что по другой поговоркѣ «нужда заставитъ калачики ѣсть». Последняя поговорка была московская, сложившаяся вѣками, такъ какъ въ «Яму» у Иверскихъ воротъ, куда арестантовъ водили по всему городу на веревкѣ, — всегда по воскресеньямъ присылали зачерствѣлыхъ калачей.

Хотя весь возъ, какъ оказалось впоследствии, стоилъ едва-едва пять рублей, — и то больше изъ уваженія къ начальству, — тѣмъ не менѣе купцы подняли переполохъ. Въ то время купечество еще ходило попросту, въ кафтанахъ чуть не до полу и въ сапогахъ бутылками, за границу лѣчиться не ѣздило, а дочки, выйдя замужъ, покупали для визитовъ розовую шляпку съ незабудками. Даже глава N-скаго купечества отъ собратьевъ своихъ отличался развѣ двѣнадцатирублевымъ сукномъ на сибиркѣ да тѣмъ, что иногда волосы ему жена-старуха мазала пыляевской помадой вмѣсто деревяннаго или коровьяго масла. Да еще, кромѣ бабки-повитухи да бани, въ случаѣ болѣзни пріѣзжалъ къ нимъ полковой лѣкаръ Существенный и ставилъ на больныя мѣста либо банки, либо пивки, судя по вкусу больного.

Вотъ этотъ самый именитый коммерсантъ нацѣпилъ на шею второго числа три золотыя медали и отправился къ губернатору.

— Хищеніе, ваше превосходительство, достигло предѣловъ невѣроятныхъ!—сказаль онъ, послѣ обычнаго поздравленія.

Губернаторъ не удивился,—онъ только пошевелиль бровями.

— А вы изъ чего это заключаете?

— На калачи и тѣ польстились.

Губернаторъ въ первый разъ слышалъ, что хищеніе могло дойти до калачей.

Онъ попросилъ коммерсанта сѣсть и проговорилъ:

— Изъяснитесь опредѣленнѣе.

Коммерсантъ изъяснился. Губернаторъ терпѣть не могъ всякихъ исторій, а потому замѣтилъ:

— Вы не по той дорогѣ.

— На прямой, ваше превосходительство.

— Нѣтъ. Арестанты въ вѣдѣніи министерства юстиціи.

— Да возъ до министерства юстиціи не дошелъ.

— Не дошелъ, вы говорите?

— Такъ точно. Онъ пропаль на дорогѣ. То есть это касается министерства внутреннихъ дѣлъ.

Губернаторъ вскипѣлъ.

— На улицѣ?

Онъ позвонилъ.

— Вчера на улицѣ пропаль возъ калачей,—сказаль онъ вошедшему чиновнику особыхъ порученій и посмотрѣлъ на него такъ, точно тотъ былъ виновникомъ этой пропажи.—Чтобы воръ былъ найденъ. Сейчасъ же нарядить строжайшее слѣдствіе. Въ двадцать четыре часа все дѣло должно быть кончено.

II

Но прошло не только двадцать четыре часа, но двадцать четыре дня, а вора не нашли. Ни саней, ни лошадей, ни возчика, ни грабителя,—ничего не нашлось. Очевидно, между слѣдователемъ и преступленіемъ стоялъ какой-то лѣшій, который всѣхъ сбиваль съ пути. Началось все по хорошему. Калачи пожертвовали и доставили, за что жертвователей благодарили. А затѣмъ калачи пропали.

— Гдѣ жъ они?—не отставаль губернаторъ.—Чтобы были найдены!

Пробовали находить калачи, но губернаторъ, потыкавъ въ нихъ перстомъ, говорилъ:

— Это свѣжіе. Мнѣ нужны тѣ.

истор. вѣстн.», и ябрь 1911 г., т. сxxvi.

6

Тогда ему доставили окаменѣлости, вродѣ тѣхъ хлѣбцовъ, что были найдены въ Помпѣѣ. Но губернаторъ, осѣненный наитіемъ, воскликнулъ:

— Это не тѣ!

И отослалъ обратно.

Было четыре засѣданія у полицеймейстера. Изыскивали способы.

— На каждого купца наложу доставить по три воза калачей!— пародировалъ полицеймейстеръ гоголевскаго городничаго.

Ничто не помогало. Возъ съ калачами пропалъ безслѣдно. По этому поводу преподаватель исторіи Лычиковъ говорилъ:

— У Карла Лысаго былъ врачъ Седеккія. Онъ на глазахъ всего двора проглотилъ возъ сѣна съ лошадьми.

— Эка штука!—возражали ему:—нашъ брандмейстеръ глотаетъ сразу по нѣскольку возовъ сѣна, и съ лошадьми и съ телѣтой! Нашли чѣмъ удивить.

Однажды какъ будто явился просвѣтъ. На окраинѣ города, въ кабацѣ, пьяный мужикъ сказалъ:

— А калачи-то за пять рублей продали. Да потомъ мнѣ десятку дали, чтобъ молчалъ, когда каша заварилась.

Цѣловальникъ былъ человѣкъ ревностный и опытный, а потому пьяный мужикъ немедля очутился въ полиціи. Но къ утру онъ отъ перепоя умеръ, ни сказавъ ни слова. О случаѣ доложили губернатору.

— Допросить родственниковъ!—распорядился онъ.

Жену умершаго посадили и сняли допросъ. Она уперлась:

— Знать ничего не знаю.

Ее пугнули. Но она все твердила:

— Точно десять рублей онъ пропилъ, но откуда эти десять рублей были—мнѣ неизвѣстно.

Мракъ сгущался. Калачи окутывались какимъ-то мистическимъ флеромъ.

Губернаторъ потерялъ сонъ и аппетитъ.

Однажды, воротясь съ бала дворянскаго собранія, онъ увидѣлъ на своемъ столѣ запечатанное письмо. Кто его принесъ и кто положилъ на столъ,—тоже осталось тайной.

Въ письмѣ значилось:

«Ваше превосходительство!

«Если вы желаете проникнуть въ покрытую туманомъ исторію калачей, то ассигнуйте на сіе открытіе сто рублей. Виновный—лицо вамъ близкое—будетъ обнаружено, что представитъ для васъ своего рода сюрпризъ. Вы никакъ не думаете, кто виновникъ...»

Опять періодъ, облеченный мракомъ. Ничего не извѣстно: далъ ли губернаторъ сто рублей, или нѣтъ, получилъ ли онъ сообщеніе

о ворѣ, или нѣтъ, но очень видное лицо въ губерніи—**Феофилактъ Петровичъ Бамбученко**—внезапно подалъ въ отставку и даже совсѣмъ покинулъ ***

III.

Бамбученко былъ человѣкъ средняго роста, плотный, служившій въ кавалеріи и отличный знатокъ лошадей. Какъ и почему онъ оказался на столь видной должности въ губерніи,—остается такой же загадкой, какъ все загадочно въ этой исторіи. Впрочемъ, такихъ загадокъ на Руси безконечное множество. Почему иной кавалеристъ занимаетъ видный постъ—одному Господу Богу извѣстно: жена ли тому причиной, начальникъ ли его по полку, получившій высшія должности,—такъ это и остается невыясненнымъ вовѣки. Въ полку вышла какая-то исторія. **Бамбученко** долженъ былъ изъ полка выйти. Казалось бы, ниже и хуже и быть нельзя,—а вдругъ онъ получилъ завидное положеніе и мѣсто!

Исторія съ калачами... Иные умы какъ-то связывали одно съ другимъ. Но прямыхъ данныхъ на это нѣтъ. **Бамбученко** внезапно подалъ въ отставку и внезапно уѣхалъ изъ ***. На его мѣсто было назначено другое лицо, а **Феофилактъ Петровичъ** исчезъ безслѣдно съ горизонта.

Но это явленіе было только кажущимся. Онъ скоро выплылъ, да еще какъ!

Жена ли его въ томъ причиной—видная, полная дама, родственниками которой былъ нашпигованъ весь Петербургъ, или его бывший начальникъ, тянувшій на высокій постъ, но только **Марья Ивановна** поѣхала къ **Марьѣ Петровнѣ**, **Марья Петровна** къ **Марьѣ Константиновнѣ**, **Марья Константиновна** доложила «самой», и пошла писать столица.

Мѣсяцевъ черезъ десять послѣ отъѣзда **Бамбученка** изъ ***, одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, тоже своего рода шишка, воротясь изъ Петербурга, рассказывалъ:

- Ну-съ, а я между прочимъ былъ у нашего калачника.
- Какого калачника?
- Одинъ у насъ калачникъ: **Бамбученко**.

Это наименованіе впервые было произнесено въ ***, да такъ навѣки и осталось.

- Ну, что же?—спрашивали рассказчика.

— Что же! Квартира не квартира, подъѣздъ не подъѣздъ. Такъ сказать—дворецъ.

- Да неужто?

— Хамы раззолоченные. При входѣ колонны: цѣлые десятки. Вазы, чортъ ихъ дери, не то мраморныя, не то кто тамъ знаетъ какія. У самого кабинетъ и въ ширину, и въ длину, и въ высоту,—какія-то

сады Семирамиды. Самъ ходитъ во фракѣ со звѣздой и бровками подрыгиваетъ. Всѣ передъ нимъ на вытяжку, а онъ въ креслахъ сидитъ за столомъ развалиясь и приказываетъ: «что бы это, говорить, такъ, а это, говорить, этакъ...» Изумительно!

— Принялъ васъ?

— Принялъ. Объятія отверзъ, заключилъ меня въ нихъ и прослезился. Лучшее, говорить, воспоминаніе моей жизни—это пребываніе въ вашемъ городѣ.

— Такъ и сказалъ?

— Если хотите, Спаса со стѣны сниму. Вытеръ слѣзы платкомъ съ короной и повторяетъ: «Никогда этого я не забуду. Ни одного, говорить, темнаго или даже сѣроваго воспоминанія. Все свѣтло, ярко и радостно. Въ глубинѣ, говорить, души...—вотъ не помню, въ глубинѣ чего, въ глубинѣ ли души, или въ глубинѣ сердца,—я затаилъ эти святія воспоминанія...» И опять отеръ слѣзы и опять заключилъ меня въ объятія. А лакей входитъ и докладываетъ: «ваше превосходительство, ея превосходительство приказали доложить, что кушать подано». Онъ беретъ меня за руку и трепещущимъ голосомъ говоритъ: «пойдемте, жена будетъ очень рада».

IV.

— И вы пошли?

— Пошелъ. Что за столовая! Соборъ, а не столовая. Надъ столомъ люстра семиствольная, стѣны всѣ въ рѣзбѣ, а по стѣнамъ все серебро дѣдовское.

— Дѣдовское! Да, вѣдь, здѣсь его не было?

— Знаю, что не было, самъ знаю, а тамъ вдругъ явилось. Кубки такіе, чаны цѣлые. Барышни, дочки ихнія, сразу выросли. Прежде французили, а теперь по отечественному совсѣмъ забыли. Во время обѣда три пакета съ печатями принесли: одинъ отъ такого лица, что въ умѣ коробить. А онъ небрежно распечаталъ и говоритъ хаму: «отнеси въ мой кабинетъ и положи на столъ».

— Сама что?

— Сама тоже на десять градусовъ выше стала. Ходитъ такъ торжественно, сразу даже не узнала, хотя я дважды въ недѣлю здѣсь у нихъ обѣдалъ. Здравствуйте, говорить, Ѳедоръ Николаевичъ...

— Никифоровичъ?—поправили его.

— Знаю, что Никифоровичъ, но въ Петербургѣ такія имена и отчества не приняты. Поэтому она весь обѣдъ звала меня Николаевичемъ.

— Вы откликались?

— Возможно ли не откликаться, ежели онъ вельможей теперь сталъ?

— Ужъ будто вельможей?

— Натурально. Ежели къ нему столь высокопоставленныя особы прѣзжаютъ, что сказать страшно.

Федоръ Николаевичъ оглянулся.

— Два раза былъ я у него, и разъ о прибытіи такого лица доложили, что самъ мнѣ сказалъ: «уходите по добру-по здорову, вамъ здѣсь не мѣсто!» Я кинулся прочь, въ коридорѣ встрѣтился, къ стѣнѣ прижался и ждалъ, покуда прослѣдуютъ...

— Скажите!—покачивая голосами, завидовали ему.

Феофилактъ Петровичъ, въ самомъ дѣлѣ, устроился въ Петербургѣ недурно. У насъ на Руси нѣтъ мѣсть, а есть люди. Кажется со стороны, мѣсто не первосортное, а сидеть умный человѣкъ, и пойдетъ про него говоръ по всему округу. Хоть и скверный—да пойдетъ. Смотришь, мѣсто-то изъ второсортнаго первосортнымъ смотреть. Потомъ смѣнять—либо повышенье дадутъ, либо сошлютъ куда, посадятъ на это мѣсто замухрышку и конецъ: нѣтъ больше ни поста, ни человѣка: такъ, пустое какое-то мѣсто, даже лужица вмѣсто сановника,—одна слякоть.

При занятіи такихъ мѣсть первымъ дѣломъ нужна смѣлость. Смѣлости этой было не занимать стать у Бамбученка, или у его супруги. Первымъ дѣломъ онъ заявилъ:

— Квартира прекрасная пустуетъ по фасаду.

Квартира эта была совсѣмъ не по должности, но этого не сообразили и отдали ее Феофилакту Петровичу. Тогда онъ нагналъ цѣлое полчище обойщиковъ, закупилъ матерій и началъ отдѣлывать. Впрочемъ, онъ не только не покупалъ матерій, но иногда спрашивалъ жену:

— А почему аршинъ драпировокъ, что у меня въ кабинетѣ?

На это она отвѣчала:

— А я почему знаю! Отобрала въ магазинѣ и велѣла сдать обойщику. Сколько слѣдуетъ, заплатятъ. Вѣдь не на свой же счетъ мы отдѣлываемъ,—здѣсь двѣнадцать аршинъ высоты въ стѣнахъ, уйма цѣлая пойдетъ!

Марья Ивановна обладала вкусомъ, и казенными деньгами не стѣснялась. Она только спросила, сколько можно затратить на отдѣлку. Ей отвѣчали:

— Сколько потребуется.

Ей потребовалось очень много. Когда подали счетъ, у Феофилакты Петровича даже глаза выкатились изъ орбитъ. Но, опытный въ такихъ дѣлахъ, онъ сказалъ:

— Выписать половину. Вторую половину въ будущемъ году. Пусть ждуть—и такъ поставлено больше, чѣмъ вдвое.

V.

То, что Теофилакту Петровичу сдали не по должности квартиру, сразу подняло его шансы въ министерствѣ. Къ нему сразу стали относиться съ почтеніемъ. До него квартиру занималъ нѣкій графъ, гораздо болѣе его значившій и имѣвшій высшее положеніе. Но, какъ онъ только въѣхалъ въ его квартиру, такъ, по старой привычкѣ, къ нему чиновники обнаружили то же почтеніе, что и къ графу. Словомъ, одно переселеніе его въ старья внушавшія уваженія стѣны подняло его престижъ.

Разъ, когда они уже устроились, когда звѣзда Бамбученка все ближе и ближе подвигалась къ зениту, супруга его потребовала у него полчаса аудіенціи. Онъ, чувствовавшій къ женѣ родъ нѣкотораго страха, конечно, согласился. Онъ заперъ двери кабинета и просилъ ее садиться. Она сѣла и сразу приступила къ интересовавшему ее вопросу.

— Твое положеніе теперь упрочено,—сказала она.—Своимъ положеніемъ ты обязанъ мнѣ.

Онъ пошевелилъ бровями, что означало согласіе съ ея словами и въ то же время недовольство. Такъ своими длинными усами шевелить жукъ, когда недоволенъ какимъ-нибудь предметомъ.

— Ты вознесенъ судьбою,—продолжала она:—получилъ генеральскій чинъ и, вѣроятно, въ дальнѣйшемъ получишь еще больше.

Онъ опять пошевелилъ бровями, но уже безъ тѣни недовольства, а въ предвкушеніи будущихъ наградъ.

— Между тѣмъ наши дуры растутъ.

Онъ понялъ, что дѣло идетъ объ ихъ дочеряхъ, и поправилъ жену:

— Вѣрнѣе—выросли.

— Вѣрнѣе,—согласилась она.—Въ кого онѣ вышли рожамъ, неизвѣстно. Я въ молодости, кажется, была не такая, какъ онѣ...

— Еще бы!...—пробурчалъ онъ.

— Ты тоже, какъ я помню, былъ ничего, мужчина терпимый. Онѣ же—прямо неприличны.

— Да, рыловаты,—подтвердилъ онъ.

— Что же? Онѣ должны оставаться на рукахъ у насъ?—спросила она.

Онъ никогда не задавалъ себѣ такого вопроса и потому, зашнувшись, только проговорилъ:

— Да-а...

Марья Ивановна нѣсколько секундъ помолчала, ожидая, пока мысль, брошенная ею мужу, всосется въ его организмъ.

— Есть два выхода,—сказала она.

— Какіе?—спросилъ онъ, поднимая брови.

— Первый... Ты можешь доставлять мѣста?

- Еще бы!
 - По твоему представленію всякаго утвердить?
 - Всякаго.
 - Надо на мѣста назначать только холостыхъ. Старый способъ, но вѣрный.
 - Но если хорошій человѣкъ семейный? — слабо протестовалъ онъ.
 - И холостые бываютъ хорошіе. Даже чаще.
 - Бываютъ,—согласился онъ.
 - Въ приданое дать можно казенную квартиру, повышеніе по службѣ, награду.
 - Можно.
 - Или если не дать, то обѣщать.
 - Если не дать, то обѣщать,—подтвердилъ онъ.
 - Значить, ты это будешь имѣть въ виду?
 - Буду.
 - Ну, теперь другой выходъ.
- Онъ уставился на нее.

VI.

- Съ другимъ выходомъ не всеъ бываютъ согласны. У тебя много ли сверхсмѣтныхъ суммъ?
 - Тысячъ десять въ годъ.
 - Только?
 - Только.
- Она задумалась.
- Немного.
 - Тысячи три непременно изъ нихъ уйдетъ,—говорилъ онъ.— Интервьюерамъ... кой-кого вообще надо смазать.
 - А жалованья только десять?
 - Десять. Квартира, отопленіе, освѣщеніе... Ремонтъ.
 - Это вздоръ.
 - Тоже тысячъ десять.
 - Мы ихъ не видимъ. Онѣ кругомъ идутъ, мимо насъ.
- Онъ вздохнулъ.
- Мимо,—подтвердилъ онъ.
 - Сколько всей прислуги во всеъ твоихъ учрежденіяхъ?—спросила она.
 - Человѣкъ двѣсти, даже больше.
 - По три рубля въ мѣсяць съ каждаго, шестьсотъ рублей ежемѣсячно,—сказала она.
- Онъ широко открылъ глаза.
- Подъ какимъ же предлогомъ?—спросилъ онъ.

— Предлогъ можно всегда найти. Законные вычеты на основаніи такого-то положенія. Не хотятъ служить, пусть уходятъ вонъ.

Оеофилактъ Петровичъ почесалъ въ затылкѣ.

— Ремонтъ большой?—спросила она.

— При мнѣ еще ни разу не было.

— А при графѣ?

— Тысячъ на тридцать въ годъ.

— Половина можетъ прилинуть.

— Куда?

Сунруга показала себѣ на ладони.

— Ужъ и половина!

— Навѣрно. Я говорила съ Марьей Дмитриевной. Она говоритъ, что иначе служить не стоитъ. Надо только, чтобъ поставка шла не черезъ смотрителя зданій, а черезъ тебя.

— Чтобы свой глазъ былъ?

— Да, а то смотритель такъ хашнетъ... Да, повѣрь, онъ себя не забудетъ.

— Не забудетъ,—согласился онъ.

— Но все же лучше, чтобъ былъ человекъ свой.

— Смотритель?

— Смотритель. А то вдружь донесетъ. Надо своего сперва.

— Да опутать?—радостно сообразилъ онъ.

— Недурно и опутать,—проговорила она.—Такъ выйдетъ тысячь до сорока въ годъ, а при казенной квартирѣ это ужъ деньги.

— Да, это деньги,—согласился онъ.

— Если лѣтъ десять такъ протянуть... Вѣдь контроля надъ тобой никакого? Ревизіи тоже?

— Никакого. Я же самъ могу отчеты составлять.

— Ну, и потрудись... для семьи.

Онъ опять вздохнулъ.

— Надо потрудиться,—сказалъ онъ.

— Осмотрись, не торойась звѣсь все,—продолжала она.— Если былъ къ нашему благу уходи изъ ***, не всегда же это можетъ случиться. Жива Марья Дмитриевна—все хорошо, умри она—къ кому обратиться?

— А ты заведи связи сама, и новыя,—посоветовалъ мужъ

— Я бы тебѣ не советовала меня учить,—замѣтила Марья Ивановна:—что мнѣ дѣлать, я лучше тебя знаю.

VII.

Бамбученко началъ осматриваться.

Разъ, вернувшись съ доклада, онъ послалъ за управляющимъ. Тотъ сейчасъ же явился.

Лицо Бамбученка было мрачно. Напускная ли это была мрачность, или дѣйствительная, для управляющаго была тайна.

— Мнѣ намылили голову за перерасходы,—заявилъ онъ.

Управляющій удивился.

— Перерасходъ? Перерасхода не было.

— Знаю, что не было. Но мнѣ сказано: перерасходъ. Нужна экономія.

— Такое учрежденіе, какъ наше, съ экономіей несомвѣстимо,—замѣтилъ управляющій.—Мы не мелочная лавочка.

— Мы съ вами не имѣемъ право разсуждать,—ехидно замѣтилъ Бамбученко.—Сказано, чтобъ сократить расходы, значитъ сократить.

Наступила минута тягостнаго молчанія.

— Сколько всѣхъ служащихъ нижнихъ чиновъ?

— Двѣсти тридцать два.

— Надо сократить. Сто семьдесятъ пять довольно.

— Пожалуй, мало.

— Подайте докладную записку. Потомъ—что такое ассенизаціонный обозъ пятнадцать тысячъ? Почему?

— Графъ завелъ свой собственный. Лошади, бочки, люди.

— Наши?

— Да.

— Въ порядкѣ?

— Большомъ.

— Надо осмотрѣть.

Онъ сдѣлалъ крючокъ противъ помѣтки объ ассенизаціи.

— Экономія—палка о двухъ концахъ,—вдругъ сказали управляющій.

— То есть?

— То есть, если мы не израсходуемъ отпускаемыхъ намъ суммъ, такъ въ слѣдующемъ году намъ отпустить меньше.

— Вы думаете?

— Навѣрно.

Бамбученко повѣдалъ это немедленно женѣ. То его поразила внезапнымъ сообщеніемъ.

— Знаешь, надо этого управляющаго уволить, а взять своего человѣка.

— Какого своего?

— Да хоть Жоржа.

— Онъ не готовъ къ этой должности и человѣкъ легкомысленный.

— Онъ мой двоюродный племянникъ.

— Тѣмъ хуже.

— Я бы тебя попросила такъ не выразаться,—замѣтила она.— Хотя я знаю, что ты моей родни не жалуешь, но все же попросила бы тебя быть болѣе сдержаннымъ.

— Тутъ дѣло не въ томъ, твои это или мои родные, а въ томъ, что это родные.

— Что же?

— Косо посмотрятъ.

— Всѣ такъ дѣлаютъ.

— Косо и смотрятъ.

— Тогда бы всѣхъ перекосило.

— Во всякомъ случаѣ, надо немного подождать, не сразу.

— Кто тебѣ говорить «сразу». Но Жоржа я все же предупрежу, чтобы онъ ничего прочнаго не бралъ.

VIII.

Черезъ нѣсколько времени она спросила у мужа:

— А ты думаешь, гдѣ мы будемъ лѣто?

— Какая-то казенная дача есть, я еще не видѣлъ,—отвѣтилъ онъ.

Она сдѣлала гримасу.

— Фи! Надо ѣхать въ свое имѣнье.

Онъ опять выкатилъ глаза.

— Да развѣ у насъ есть?

— Надо, чтобы было,—возразила она.

— Откуда же?

— Надо купить.

— Да, вѣдь, порядочное имѣние больше ста тысячъ стоитъ.

— Ну, такъ что же? Купимъ въ кредитъ, на вексель, съ переводомъ долга. Чистыми деньгами дадимъ тысячу пятнадцать.

— И пятнадцать нѣтъ...

— Достанемъ.

Одинъ философъ сказалъ, что стоитъ только захотѣть, и всего можно достигнуть. Марья Ивановна доказала справедливость этого положенія. Она стала выискивать имѣнье. Сперва она начала съ земельныхъ банковъ, но ничего путнаго тамъ не нашлось. Потомъ она остановилась на Финляндіи, которая, во-первыхъ, была подъ бокомъ, а, во-вторыхъ, одинъ русскій инженеръ не зналъ, какъ сбыть свое имѣнье.

— За треть цѣны вамъ отдамъ, съ долгосрочной уплатой, возьмите его отъ меня ради всего святого.

Марья Ивановна надѣла шляпу, которая наиболѣе шла къ ея лицу, взяла дочку, которая была поменѣе безобразна, и отправилась съ сизоносимъ толстымъ, сѣдымъ инженеромъ въ Финляндію, по дорогѣ, только что тогда открытой. Инженеръ былъ очень богатъ—онъ только что выстроилъ три моста и у него денегъ было столько, что ихъ некуда было дѣвать. Онъ все время курилъ папи-

росы, и у него между бровей была та вертикальная складка, которая обозначает вѣчно-пьющаго человѣка.

— Выпилъ я шампанскаго цѣлый прудъ,—говорилъ онъ.— Теперь раза три въ годъ такъ пальцы на ногѣ подагра дергаетъ, что волкомъ вою. Могу сказать, что не наследственное, а благопріобрѣтенное.

Онъ смѣялся какимъ-то хриплымъ басомъ, весьма щедрымъ къ его щетинистымъ щекамъ. Сѣрые глаза его пропадали, а огромное чрево колыхалось, какъ море во время шквала. Дочка Марья Ивановны смотрѣла на него не то съ отвращеніемъ, не то съ трепетомъ. Сама Марья Ивановна, напротивъ того, была очень любезна съ инженеромъ.

— Вы говорите—сколько десятинъ?

— У нихъ гектары, а не десятины,—говорилъ, заливаясь смѣхомъ, инженеръ.—У насъ—Гекторы—собаки, а у нихъ десятины. Марья Ивановна тоже смѣялась.

— Скажите, гектары?—говорила она.—И много ихъ?

— Двадцать или двадцать пять.

— Боже мой сколько!

— Лѣсъ, то есть не лѣсъ, а паркъ. Дорожки, скамейки, бесѣдки,—словомъ, вся чертовщина. Скалы, мохъ сѣдой, гранить, песокъ...

— Скажите!

— Все это моимъ предшественникомъ заведено, барономъ Кексдорфомъ. Да я туда тысячь пятнадцать всадилъ. Рѣшеточки, цвѣтнички, дьяволь въ ступѣ,—храмы разные. У меня сынъ студентъ бѣлоподкладочникъ,—тамъ онъ три храма построилъ: «дружбы, любви и отдохновенія»—нарочно, знаете, съ амурами, факелами, горящими сердцами. У насъ съ женой три сына, четыре дочери, у всѣхъ товарищи и подруги. Лѣтомъ такой, извините, карамболь подымали, что—смотришь—къ осени три свадьбы обязательно надо сладить!

Намека барышня не поняла, но имѣніе заглазно ей стало нравиться.

IX.

Имѣнье называлось «Геркуланумъ». Почему Геркуланумъ — Богъ вѣсть. Оно лежало на трехъ островахъ, длинной полосой тянувшихся посреди длиннаго пролива. Поэтому путешественники перешли съ маленькаго парохода на крохотный паровой катеръ, который болѣе двѣнадцати человѣкъ не вмѣщалъ и принадлежалъ инженеру. Хмурый чухонецъ поздоровался съ хозяиномъ и сказалъ:

— Тавно не пили!

— Да, давно не былъ,—отвѣчаетъ инженеръ и прибавилъ:—все благополучно?

— Се. Се плагополучно. На островъ никто не пойдетъ.

Винтъ завертѣлся, и они поплыли. Инженеръ сѣлъ на руль.

— Равѣе, тутъ камень,—предупредить чухонецъ.

— Да тутъ не было камня,—сказалъ инженеръ.

— Ресде не пиль, а теперь есть.

— Что же его нарочно навалили?

— Нѣтъ. Вода низка.

— Отчего же она низка?

— Нѣга симой ного пило.

— Снѣгу много было? Отъ этого вода низка.

— Та.

Домъ былъ построенъ не то въ стилѣ итальянской виллы, не то въ русскомъ. По крайней мѣрѣ правая его половина напоминала Италію, а лѣвая—Каменный островъ.

— Какъ это оригинально,—замѣтила Марья Ивановна.

— Это я башню съ пѣтухами и полотенцами придѣлалъ,—похвастался инженеръ.—Говорять, не въ стилѣ. А кто посмотритъ, тотъ и захохочетъ. Только это и надо.

Они вышли на берегъ. Была ранняя весна. Кое-гдѣ наливались почки, но паркъ, еще безлиственный, прозрачный, убѣгалъ къ сѣверу. Между еще оголенныхъ стволовъ кое-гдѣ мелькали приземистыя постройки храмовъ любви. Широкія дорожки, еще полныя прошлогоднимъ пескомъ, терялись вдаль. Кое-гдѣ, какъ тающій ноздреватый сахаръ, лежалъ еще снѣгъ. По свѣтло-голубому, зеленоватому небу плыли круглыя весеннія, пушистыя облака. Воздухъ былъ чистый и стеклянный.

Марья Ивановна съ инженеромъ пошли осматривать домъ, службы, паркъ и луга. Сашенька—такъ звали барышню—присѣла на камень. Дѣтство и Волга припоминались ей. Припоминались ей далекая весна и легкое платье, и солнце, и дѣтскіе башмаки, и птицы на пескѣ, и тающій снѣгъ, и легкій живительный воздухъ. Припоминалось ей, какъ съ сестрами она сбѣгала къ водѣ, и какъ онѣ подолгу лежали на пескѣ на солнцѣ и смотрѣли на далекіе пригороды, на вереницы барокъ. Такъ отчетливо, ясно раздавался въ воздухѣ далекій свистокъ. Гдѣ-то дымъ и паръ—не то отъ костра, не то отъ паровоза, а можетъ быть, отъ фабрики или отъ пожара подымался съ того берега. На нее пахнуло свободой, раннимъ дѣтствомъ, ширью и воздухомъ.

И тяжелымъ призракомъ сталъ передъ нею холодный, огромной сѣверный городъ. Гранитные берега, приземистые сфинксы, златоглавый Исаакій, бронзовый Петръ, колонны дворцовъ, рѣка, что свѣтлѣе Волги, длинная перспектива Невскаго,—и вѣчная, вѣчная ловля жениховъ. Каждый молодой мужчина, каждый по-

явившійся въ ихъ домѣ, каждый прохожій на улицѣ казался имъ женихомъ. Онѣ ненавидѣли другъ друга, говорили другъ другу шишки, колкости, спали въ одной комнатѣ, завидовали другъ другу. Онѣ показывали другъ другу шен, говорили, у кого лучше. Разсматривали другъ у друга уши, волосы, глаза, руки—и ревновали другъ друга къ каждому мужинѣ...

X.

А Марья Ивановна ходить по дому и роцѣ. Ея голосъ и сильный смѣхъ инженера слышатся то тамъ, то тутъ. То наверху они, въ башнѣ съ пѣтухами и рѣзными полотенцами смотрять въ бинокль, огромный морской бинокль—на озѣра. То въ курятникѣ клокчутъ при видѣ ихъ куры и пугливо жмутся въ глубину, только пѣтухъ гордо стоитъ на одной ногѣ и, поворачивая къ нимъ то одинъ, то другой глазъ, что-то про себя бормочетъ, точно спрашиваетъ:

— Что такое? Кто такіе? Зачѣмъ? Почему?

Марья Ивановна все осматриваетъ досконально. Она развязываетъ покрывки у стульевъ и дивановъ и смотритъ, цѣла ли матерія. Она заглядываетъ въ чуланы и видитъ сложенные въ порядкѣ портьеры. Она видитъ въ столахъ не только бумагу, но даже револьверы. Она видитъ на стѣнахъ висящія ружья въ чехлахъ и книги въ шкапахъ—и она спрашиваетъ у хозяина:

— Вы со всей обстановкой продаете?

Онъ машетъ рукой.

— Конечно, со всей. Здѣсь вывезти и привезти дороже, чѣмъ купить заново. Я даромъ отдаю всю обстановку,—какъ припекъ къ имѣнью.

Онъ хохочетъ, кашляетъ и хрипитъ. Она хохочетъ тоже и говоритъ:

— Сколько вы зря бросаете капиталовъ!

Она осматриваетъ парники, и садовникъ имъ говоритъ:

— Тутъ ветоськовъ тысячъ пять.

— А я думаю больше,—говоритъ инженеръ:—больше, чѣмъ пять тысячъ цвѣтовъ.

Онъ показываетъ насосъ, что подымаетъ воду для орошенія цвѣтника и огорода изъ озера кверху. Онъ показываетъ оранжерею, домикъ дворника, прачечную съ большимъ американскимъ каткомъ, шведскимъ прессомъ, замѣняющимъ глаженіе,—цѣлый сарай съ всевозможными лопатами, метлами, скребками, кирками. Потомъ онъ ведетъ ее къ водѣ и показываетъ спущенныя уже на воду шлюпки, только что выкрашенныя, сіяющія бѣлизной и красной ватеръ-линей. Въ паркѣ онъ показываетъ храмъ любви, гдѣ на потолокѣ чухонскимъ художникомъ изображены летающіе амурь, прицѣлившіеся въ посѣтителей, среди густыхъ облаковъ, напоминаю-

щихъ узлы съ грязнымъ бѣльемъ. Амуры всѣ съ синеватымъ тѣломъ и съ толстыми розовыми щеками. Глаза у нихъ роскошныя, голубыя, — у одного глазъ стерся и образовалось бѣльмо, но онъ и бѣльмомъ цѣлится въ Марью Ивановну.

Инженеръ ведетъ свою гостью изъ одного храма въ другой. Онъ, хохоча, показываетъ на безносую Фемиду, какъ-то затесавшуюся въ видѣ статуи въ садъ, но при этомъ еще на желѣзной дорогѣ безвозвратно утерявшую носъ. Онъ показываетъ мѣсто для крокета, площадку для лаунъ-тенниса.

— Всѣ препараты есть въ домѣ подъ лѣстницей, — сообщилъ онъ.

Они ходятъ по парку. Дорожки проведены версты четыре, и есть мѣста, гдѣ можно заблудиться. Но инженеръ въ три года изучилъ хорошо мѣстность и говорить только:

— Теперь направо, теперь налево.

XI.

Марья Ивановна въ восторгѣ. Марья Ивановна хочетъ во что бы то ни стало пріобрѣсти «Геркуланумъ». Инженеръ пьетъ изъ граненаго графина прошлогоднюю финскую водку. Закуски, привезенныя съ собой, аппетитно разставлены на кругломъ столѣ въ столовой. Марья Ивановна съ дочкой сидятъ по сторонамъ. Марья Ивановна устала, но Сашенька ожила какъ-то душой. Окна открыты. Самоваръ разбрасываетъ на обѣ стороны клубы пара. Жена дворника хорошо говоритъ по-русски и услужливо суетъ вокругъ.

— Все въ порядкѣ, все въ порядкѣ! — повторяетъ Марья Ивановна.

— Хоть завтра переѣзжайте, — подтверждаетъ инженеръ.

— А лошадей здѣсь нѣтъ? — спрашиваетъ Сашенька.

— На томъ берегу я на десять лѣтъ заарендовалъ сарай, построилъ конюшни и кузницу. Тамъ живетъ лѣтомъ кучеръ, есть сѣдла и экипажи. Вотъ лошадей и кучера я не продаю...

И онъ чего-то опять смѣется, откидываясь назадъ и показывая желтые зубы.

Но зато какъ онъ храпѣлъ на обратномъ пути! Отъ дневного оживленія и финской водки его охватилъ сонъ. Въ ту пору вагоны были темныя, и уныло горѣли тамъ кое-гдѣ свѣчи, даже въ первомъ классѣ. Вагонъ стучалъ, трясся, шторы колыхались, искры летѣли мимо стеколъ. Марья Ивановна тоже заснула, а Сашенька смотрѣла въ темноту своими желтенькими тараканьими глазками и ей казалось, что снова вернулось дѣтство, и щеки, какъ и прежде, горятъ отъ солнца и вѣтра.

Дѣло покупки сладилось очень скоро. Инженеръ даже не назначалъ цѣны, — онъ сказалъ:

— Вы только избавьте меня отъ него.

И его избавили. Дали ему тринадцать тысячъ одновременно, а на остальные семнадцать какіе-то векселя, — послѣдній даже лѣтъ на восемь, если даже не больше.

Марья Ивановна всѣмъ говорила:

— Вы прїѣзжайте къ намъ въ имѣнье, въ Финляндію. Сперва по желѣзной дорогѣ, потомъ на пароходѣ.

А дочка думала:

«Да, попадись только къ намъ лѣтомъ, уже мы не вышустимъ. Недаромъ инженеръ всѣхъ дочерей въ «Геркуланумѣ» замужъ выдалъ и теперь за ненадобностью имѣнье продаетъ».

Закипѣла работа. Бамбученко самъ съѣздилъ со старшей дочерью, особой практичной и положительной, и, осмотрѣвъ имѣнье, нашель, что все въ порядкѣ и что ему въ руки достался кладъ. Марья Ивановна помогла.

— Въ ассенизаціонномъ обозѣ такія у насъ лошади, что ихъ въ коляску закладывать можно. Я думаю, для обоза можно купить рублей по тридцати лошадей, а этихъ отправить въ «Геркуланумъ».

Такъ и сдѣлали.

Двадцать паръ тяжелыхъ мѣдныхъ дверныхъ ручекъ было куплено для перемѣны въ казенной квартирѣ Бамбученка. Но когда пришелъ слесарь, ему заявили:

— До осени: что зря весной ставить.

А осенью онѣ куда-то пропали. Генеральша махнула рукой и сказала:

— Пускай остаются старья.

ХП.

Но главной реформой со стороны Маріи Ивановны было то, что прежній управляющій полетѣль, и вмѣсто его былъ назначень Жоржъ.

Жоржъ былъ необычайно высокъ и гибокъ. Подобно всѣмъ высокимъ людямъ, онъ обладалъ крохотной головенкой и руками длинными, какъ у орангутанга. Онъ гладко причесывался, волосокъ къ волоску, съ необычайно правильнымъ проборомъ, мѣнялъ два раза въ день бѣлье и смотрѣлъ въ глаза тому, кто съ нимъ говорилъ, стараясь лучше усвоить рѣчь собесѣдника. Онъ то смотрѣлъ на губы, то на глаза, то опять на глаза, то на губы. Потомъ онъ медленно поворачивалъ мысль и вдругъ говорилъ:

— Да! Я понялъ.

Въ сущности онъ ничего не понялъ, но этого и не надо было. Чѣмъ менѣе понятны канцелярскія отношенія, тѣмъ лучше. Иногда, получивъ соответствующую бумагу и прочтя ее дважды, сановникъ ничего не разбереть и, передавая ближайшему помощнику, скажетъ:

— Велите дѣлопроизводителю сейчасъ же отвѣтить.

Дѣлопроизводитель тоже прочтетъ разъ пятокъ и позоветъ самаго исполнительнаго чиновника.

— Велѣно сейчасъ же отвѣтить. Пишите не медля и принесите мнѣ для подписи.

Черезъ часъ онъ подписываетъ бумагу:

«Получивъ изъ министерства *** отношеніе за № *** отъ такого-то числа, министерство имѣетъ честь отвѣтить, что, принимая во вниманія статьи такія-то, такія-то и такія-то и имѣя свѣдѣнія о дѣлахъ переустройства и ревизіи Набалдашниковскаго округа, считаетъ необходимымъ собрать дополнительныя справки касательно тѣхъ вопросовъ, которые предложены вами».

И дѣло оттягивается на два года.

Жоржъ въ точности понялъ канцелярское хитросплетеніе, и иногда по ночамъ придумывалъ фразы, которыхъ никто не могъ разобрать, но которыя какъ будто имѣли смыслъ. Иногда онъ вклеивалъ ихъ въ «отношенія» и получалось слѣдующее.

«Вполнѣ сочувствуя означеннымъ мѣропріятіямъ и имѣя готовность всѣми силами поддержать его, тѣмъ не менѣе, соображаясь съ современными обстоятельствами, приходится совершенно отклонить»...

Еще туманнѣе и безграмотнѣе была фраза:

«Не откажите, ваше превосходительство, учинить согласно указаніямъ закона и притомъ въ непродолжительномъ времени, дабы не было уклоненія злонамѣреннаго, какового можно ожидать, судя по случаямъ предыдущимъ, когда исполненіе закона оказывалось запоздавшимъ или за смертію лица отвѣтственнаго или по другимъ подобнымъ причинамъ...»

Составивъ такой періодъ, Жоржъ долго имъ любовался и потиралъ руки, несмотря на то, что по слогу эти отношенія нѣсколько напоминали рѣчь «О чистотѣ російскаго языка, произнесенную черезъ профессора элоквенціи Тредіаковскаго въ тельчей кожѣ».

Жоржъ работалъ съ успѣхомъ. Работалъ энергично. Почему на него посыпались милости: чины и ордена. Онъ радостно вѣшалъ ихъ на себя и долго любовался собою въ зеркало, находя, что эти ордена ему къ лицу, и что онъ точно для нихъ созданъ, какъ и они точно созданы для него.

Но тутъ произошло одно неожиданное и непріятное обстоятельство: внезапно умерла madame Вамбученко.

XIII.

Умерла она, какъ принято умирать въ Петербургѣ, — совершенно неожиданно. Зачѣмъ-то она поѣхала за границу, когда и въ Петербургѣ была чудная погода. Проживъ на Ривьерѣ недѣли три,

надышавшись озоном моря и горячим воздухом юга, она торжественно вернулась со дочерью на сѣверъ. Была мокреть, грязь, холода. У нея сразу явился бронхитъ.

— Если наливать въ горячій стаканъ холодную воду, онъ лопнетъ,—сказалъ докторъ.—Если ѣхать на югъ, такъ ѣхать отъ сѣверной гадости и возвращаться на лѣто. А ѣхать въ тепло и возвращаться къ холоду—легкомысленно.

Врачъ былъ знаменитостью и потому говорилъ поучительнымъ тономъ. Онъ уложилъ больную въ кровать,—а черезъ пять дней она умерла. Впрочемъ знаменитость за два дня сказалъ:

— Дѣло швахъ.

И предупредилъ самого Бамбученка:

— Вы будьте готовы ко всему.

Бамбученко всегда ко всему былъ готовъ. Поэтому онъ похоронилъ жену торжественно, сдѣлалъ большія траурныя объявленія и печатно поблагодарилъ за вниманіе родственниковъ и знакомыхъ, точно дѣло шло объ его юбилеѣ

Ни дочери, ни онъ никакого особаго горя не обнаружили, хотя всѣ три дочкы тотчасъ сблачили въ трауръ и рѣшили, что не снимутъ годъ, такъ какъ черный цвѣтъ имъ шель. Болѣе всѣхъ былъ, несмотря на свой ростъ и маленькую головку, опечаленъ Жоржъ. Онъ шель на кладбище понурясь и вздыхая и все повторялъ:

— Да, со всякимъ это можетъ быть.

Философы и богословы говорятъ, что душа человѣка безсмертна; особенно это выказывается во вліяніи человѣка послѣ смерти. Смерть Маріи Ивановны доказала это. Тѣло ея тлѣло въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а духъ носился надъ мужемъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что онъ не самъ дошелъ до своего благосостоянія, а внушила это ему она, и что по кончинѣ ея онъ только идетъ по намѣченному пути; но ему стало свободнѣе, и свободнѣе съ двухъ сторонъ.

Одна сторона—въ квартирѣ не было Маріи Ивановны. Не было опухолки, что болѣе четверти вѣка сидѣла на одномъ мѣстѣ. Онъ ходилъ по комнатамъ, смотрѣлъ на высокіе потолки, на панораму города, развертывающуюся въ окнахъ, и думалъ:

— Неужели Марія Ивановна не возвратится?

Иногда ему казалось, что онъ слышитъ ея шаги. Порою ему слышался ея голосъ, но онъ успѣвалъ призвать на помощь сознание, и галлюцинація проходила. Онъ читалъ, что есть такіе мужья, что плачутъ, если жены ихъ умираютъ, но ему казались они такими странными, больными идіотами. Онъ почему-то только напѣвалъ старую пѣсенку:

Eh! gail gail de profundis
Ma femme
A rendu l'âmel

Eh! gai! gai! de profundis
Qu'elle aille en paradis!

Эту пѣсенку когда-то онъ слышалъ въ Парижѣ: ее пѣлъ въ цилиндрѣ и черныхъ перчаткахъ нарумяненный господинъ съ баками. Когда онъ подиѣвалъ «Eh, gai! gai!» публика смѣялась, а онъ уморительно прыгалъ и всѣми своимъ существомъ показывалъ восторгъ, что жена его отправилась de profundis.

Бамбученко не помнилъ стиховъ, помнилъ только, что господинъ въ цилиндрѣ повторялъ ихъ дважды, и зрители особенно хотали, когда онъ пѣлъ:

Dieu,—faut-il lui survivre?
Me faut-il la pleurer?
Non, non—je veux la suivre...
Pour la voir enterrer...

Вторая сторона... вторая была тоже очень серьезна.

XIV.

Со смертью Марьи Ивановны вдругъ поблекъ Жоржъ. Онъ сплнялъ, какъ парижанка во время дождя на скачкахъ, когда волосы ея, подвитые утромъ, развиваются, повисаютъ по лицу мокрыми прядями, а со щекъ и бровей сходитъ краска. Ростъ Жоржа сталъ какъ будто меньше, въ глазахъ не было прежней увѣренности, онъ сталъ болѣе туго понимать самыя обыкновенныя вещи. Онъ какъ будто избѣгалъ Бамбученка и въ то же время сталъ къ нему почтительнѣе. Это былъ человѣкъ, потерявшій почву подъ ногами.

— Вы какъ-то разсѣяны, Жоржъ?—спрашивалъ Бамбученко.

— Да, я разсѣянъ.

— За послѣднее время?

— Да, за послѣднее время.

— Почему?

— Я грущу о тетѣ. Это незамѣнимая потеря.

Бамбученко не возражалъ, но значительно сжималъ губы.

Однажды ночью ему пришла блистательная мысль. У него была бессонница, и вдругъ пришло въ голову:

— А что если Жоржа фукнуть?

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Кто его могъ остановить?

Онъ даже вскочилъ съ кровати, прошелся по комнатѣ и, стоя по срединѣ, спросилъ еще разъ:

— Кто?

Все молчало и притихло. Онъ махнулъ рукой по воздуху и проговорилъ трагически:

— Никто! Никто! Никто!

Онъ заснулъ, убаюканный превосходной идеей.

Пробудился онъ въ пріятномъ расположеніи духа, но сразу не могъ вспомнить, что вчера было пріятнаго. Потомъ вспомнилъ, сталъ быстро одѣваться и соображать, какъ обставить «конвенансѣ».

Думалъ онъ дня три, наконецъ придумать.

На слѣдующемъ докладѣ онъ сказалъ:

— Я еще сокращу бюджетъ будущаго года.

На его слова было выражено удивленіе.

— Какимъ образомъ?

— Будетъ упразднена должность управляющаго концеляріей.

— А кто же будетъ управлять?

— Его помощникъ и я.

— Почему же это сокращеніе бюджета?

— Шесть тысячъ жалованья и квартира.

— А вы управитесь одни?

— Конечно, управлюсь. Должность эта заведена тѣми, кто не хотѣлъ ничего дѣлать.

— А вашъ родственникъ?

— Онъ человекъ способный. Найдеть другое мѣсто. Нельзя же потому, что онъ мнѣ родственникъ, не соблюдать казенныхъ интересовъ?

Лицо задумалось.

— Съ августа, — началъ онъ, — очищается мѣсто Витюгова. Жалованья на двѣ тысячи больше. Орденъ можно ему дать.

— Превосходно. Такъ ему и сказать позволите?

— Такъ и скажите.

Жоржъ былъ фукнуть. Теперь Бамбученко могъ дѣйствовать на просторѣ.

XV.

Сестра Маріи Ивановны, жившая въ Москвѣ и пріѣхавшая на похороны сестры, попробовала было занять ея мѣсто.

— Какъ же дочери останутся безъ присмотра? — спросила она.

— Безъ какого присмотра? Онъ развѣ маленькія?

— Тѣмъ хуже. За дѣвушками нуженъ присмотръ.

— Теперь? Въ наше время?

— Именно въ наше время.

— Никогда. Ихъ надо предоставить самимъ себѣ. Марья Ивановна потому вышла за меня замужъ, что дѣйствовала по собственной инициативѣ, вопреки желанія родителей.

— Я помню.

— Ну, вотъ. Дочки пойдутъ по ея слѣдамъ.

— И вы ихъ оставите на свободѣ?

— На полной.

Дѣвицы, женскимъ чутьемъ понявшія, о чемъ будетъ говорить тетка съ отцомъ, подслушали и пришли въ восторгъ.

— Папа—прелесть!—говорили онѣ.

— Восторгъ, а не отецъ!

Старшая сразу забрала въ руки хозяйство, и сдѣлалась образцовой ключницей. Она знала цѣны припасамъ, и когда отецъ предложилъ ей выдавать на кухню то же, что и покойницѣ, сказала:

— Зачѣмъ такъ много? Насъ теперь однимъ человѣкомъ меньше.

И отъ расхода всегда оставалось рублей пятьдесятъ-семьдесятъ въ мѣсяцъ. Бамбученко былъ въ восторгѣ.

— Ты гениальна!—говорилъ онъ.

— Я твоя дочь,—отвѣчала она.

Бамбученко развернулся во всю, особенно когда къ августу ушелъ Жоржъ. Никто болѣе не мѣшалъ ему. Онъ сдѣлалъ подсчетъ доходамъ и даже захлебнулся. Онъ не могъ себя представить, что цифра была столь внушительна. Онъ на себя взялъ все подряды, ремонты, поставки, постройки, передѣлки,—началъ все ломать. Дѣятельность закипѣла, онъ цѣлые дни ходилъ на работы, волновался, кричалъ, жаловался,—и золото сыпалось и сыпалось въ его карманы.

На его щекахъ появилась пріятная чичиковская атласистость. Онъ сталъ еще болѣе подходить на мордашку. Его стали уважать какъ-то еще болѣе. Еще чаще стали называть «ваше превосходительство», и еще чаще стали прибѣгать къ его помощи.

Онъ былъ любезенъ, внимателенъ, помогаль другимъ, чѣмъ могъ, сколько могъ. Онъ былъ доступенъ, каждый пріемный день у него была цѣлая уйма посѣтителей. Онъ со всеми былъ предупредителенъ и всѣхъ очаровываль. По городу говорили:

— Ахъ, какой чудесный человѣкъ Бамбученко.

И онъ былъ въ самомъ дѣлѣ чудесный. Какъ пушистый котикъ, онъ ласково мурлыкаль, протягиваль лапку, выгибаль спинку, сыпаль отъ восторга искры, хлопоталь, ѣздилъ, писалъ. Заносчивъ онъ былъ только съ подчиненными, и то только съ тѣми, которые ему почему-нибудь не нравились. Его боялись только тѣ, кого онъ не любилъ. Но съ кѣмъ онъ былъ друженъ, для тѣхъ онъ былъ незамѣнимъ. Даже иногда кутнуть былъ не прочь и въ холостой компаніи рассказываль такіе анекдоты, что иной пожилой капитанъ краснѣль отъ нихъ, несмотря на забытую привычку краснѣть...

Поставщики имъ, кажется, тоже были довольны.

— Съ нимъ жить можно!—говорили они.

— Почему?

— Человѣкъ понимающій. Это не то, что запустить лапу и сколько зацѣпить, столько и возьметъ: онъ съ пониманьемъ.

XVI.

Каждый коллекционер непременно маньякъ. Онъ любитъ свое собраніе въ ущербъ всему другому, если даже онъ собираетъ старыя подошвы или бывшія въ употребленіи марки. Онъ думаетъ, что и его знакомые раздѣляютъ его пристрастіе и также любятъ тѣ предметы, которые любитъ онъ. При этомъ всѣ собиратели думаютъ, что они приносятъ пользу человѣчеству. Иной усердно собираетъ всякое оружіе лопарей; другой—индѣйскія трубки; третій—ниневійскіе кирпичи; четвертый—носовые платки великихъ людей. Когда встрѣчается подобный же маньякъ и спрашиваетъ у знакомыхъ:

— Куда мнѣ обратиться по вопросу носовыхъ платковъ Виктора Гюго?

— О, къ Никифору Никифоровичу!—съ благоговѣніемъ отвѣчаютъ ему.—У него изумительная коллекція, отъ платка Маріи-Антуанетты до платка Режанъ.

— И подлинныя?—интересуется маньякъ.

— Разумѣется, подлинныя, съ вензелями. Иные засморканные, онъ ихъ даже не моетъ.

— Ради Бога, гдѣ живетъ Никифоръ Никифоровичъ?

Когда сойдутся два такіе коллекціонера, они спорятъ, говорятъ, возмущаются, иногда приходятъ въ восторгъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

— Это платокъ не фельдмаршала Кутузова.

— То есть какъ?

— Такъ. У Кутузова была графская корона надъ буквой, а тутъ нѣтъ.

— Это платокъ, когда еще онъ не былъ графомъ. Вотъ рядомъ—его графская корона.

— Въ Вѣнѣ у барона Тейфель я видѣлъ платокъ Фридриха Великаго.

— Что же?

— Изумительно. Я снялъ съ него фотографію, непременно покажу вамъ.

— Можетъ быть, можно у васъ купить?

— Что?

— Фотографію эту.

— Я издаю книгу «Носовые платки великихъ людей»,—тамъ будетъ и этотъ снимокъ.

— А какъ цѣна?

— Тридцать рублей за экземпляръ. Вѣдь это изданіе на любителей—всего триста экземпляровъ. Я большое предисловіе написалъ. Я ставлю вопросъ: куда дѣваются платки послѣ смерти великихъ лю-

дей? Они куда-то пропадаютъ. Сюртуки, жилеты, галстуки, сапоги— продаютъ татарамъ, или вообще старьевщикамъ. Но платки?

— Не говорите, я самъ объ этомъ думалъ.

— Напримѣръ, я не видѣлъ ни одного платка Аракчеева, хотя знаю, что онъ душилъ ихъ не духами, а амбре. Обыкновеннымъ комнатнымъ амбре, которымъ у него душили въ Грузиѣ.

— Странно. У меня есть свѣдѣніе, что онъ прыскалъ на себя и на платокъ о-де-колонъ.

— Какимъ о-де-колонъ?

— Мари Фарина.

— Это совершенно невѣрное сообщеніе: онъ душился только амбре. Я былъ знакомъ съ девяностолѣтней его двоюродной сестрою: она отлично помнитъ, что онъ душился амбре. Я писалъ объ этомъ дважды: въ тысяча восемьсотъ девяносто первомъ году въ журналѣ «Пыль и плѣсень» и въ журналѣ «Прахъ Минувшаго» въ тысяча восемьсотъ девяносто третьемъ году.

— Я помню вторую замѣтку и возражалъ вамъ въ журналѣ «Глѣнные Останки». Объ этомъ тоже говорится въ моемъ изданіи.

Бьетъ и часъ, и два, и три, а маньяки все спорятъ, и лица ихъ багровѣютъ все больше и больше.

XVII.

Есть коллекціонеры двухъ родовъ: одни отдаются своей страсти до изступленія и, любуясь ею, находятъ, что она единственная въ мірѣ. Другіе коллекціонируютъ въ силу того соображенія, что надо же чѣмъ-нибудь заниматься, и какъ въ живомъ организмѣ начинаютъ образовываться каменистыя отложенія, наслаиваясь другъ на друга, такъ и коллекція, начатая случайно, начинаетъ расти. Чѣмъ человѣкъ ревнивѣе относится къ своей задачѣ, тѣмъ онъ болѣе усиливается запихнуть себя и свое собраніе въ крохотную ячейку. То увѣряетъ, что онъ собираетъ итальянскія картины только эпохи 1400—1405 годовъ, а годы 1399 и 1406 его уже не интересуютъ. То, пріобрѣтя случайно на аукціонѣ коллекцію зубочистокъ, уже за маленькую шведскую спичку платятъ десятигодовой доходъ мужика, чтобы только пополнить собраніе. Но отличительная черта— всѣ охотно дѣлятся своими пріобрѣтеніями съ посѣтителеми, то есть наивно имъ показываютъ.

Исключеніе составляютъ тѣ, кто собираютъ деньги и при томъ скупы. Они каждый вечеръ пересчитываютъ свои текущіе расходы, и приходы и радостно замѣчаютъ, что послѣдняя статья увеличивается. День, другой, десятый, недѣля, годъ. Доходъ все повышается, и въ концѣ концовъ человѣкъ дѣлается собирателемъ, собирателемъ денегъ.

На что бы ни упалъ его взглядъ, онъ первымъ дѣломъ думаетъ: — А какую пользу можно изъ этого извлечь?

Сначала все идетъ въ большихъ размѣрахъ. Выдается триста тысячъ, изъ трехсотъ крадется тридцать. Выдается двадцать тысячъ субсидій, — пять куда-то прилипаетъ. Потомъ начинаютъ довольствоваться двумя рублями, но въ десять лѣтъ изъ этихъ двухъ рублей вырастаютъ десятки тысячъ. Собиратель потираетъ руки.

— И, вѣдь, какъ это просто. Какъ это раньше не догадывались?

Но догадывались куда раньше его: воровали и прежде не меньше, чѣмъ теперь, но о воровствѣ не такъ было слышно, потому что объ этомъ меньше не писали.

Послѣ смерти жены Бамбученко превратился въ коллекціонера. Онъ при ней началъ собираніе и теперь оставалось только продолжать.

И онъ продолжалъ. Голова его поднималась все выше и выше. Губы его все довольнѣе улыбались. Въ походкѣ почувствовался капиталистъ. Человѣчество опускалось передъ нимъ все ниже, а онъ, точно на воздушномъ кораблѣ, все выше и выше поднимался надъ землею. Земля колоссальной воронкой чернѣла внизу, какіе-то мошки-люди ползли и копошились на ней, а онъ, полный силы и презрѣнія, взиралъ на этихъ мошекъ.

— Этакія тли! — говорилъ онъ, смотря черезъ окно или проѣзжая по улицѣ, — и каждый изъ нихъ, и этотъ чиновникъ съ портфелемъ, и дворникъ, что скалываетъ грязный ледъ, и мальчишка, что надѣлъ на голову корзину, — воображаютъ, что они тоже люди.

Онъ плотнѣе заворачивался въ свою ильковую шубу и пряталъ въ нее носъ, хотя была оттепель. У него образовалась привычка прятать носъ въ мѣхъ, и онъ не могъ отъ нея отдѣлаться. Онъ точно не хотѣлъ дышать тѣмъ же уличнымъ воздухомъ, что и прочіе люди, и хотѣлъ быть даже тутъ какимъ-то полубогомъ.

Но при этомъ полубогъ, всегда невидимкой, проносился по улицамъ: онъ не хотѣлъ, чтобы замѣчали его и его закладку.

XVIII.

Дѣла Бамбученка достигли апогея.

Лѣтомъ въ Финляндіи давались празднества за празднествами. Что-то феерическое, напоминавшее вѣкъ Екатерины, было въ этихъ празднествахъ. Съ деревьевъ не убирались въ концѣ лѣта проволоки, и, когда ночи становились темнѣе, издали островъ утопалъ въ гирляндахъ цвѣтныхъ огней, не наглыхъ, а темно-красныхъ, оранжевыхъ, синихъ и зеленыхъ. Гирлянды эти уцѣплялись за сосны, затеривались въ травѣ, висѣли, какъ разноцвѣтныя звѣздныя вязи, на гранитныхъ утесахъ.

Пароходикъ, пыхтя и тарахтя, ждалъ пассажировъ. Они спускались къ нему, прыгали со смѣхомъ на валкое дно и неслись по тихой поверхности воды къ далекой пристани. Тамъ лаяли собаки, виляли хвостами, когда узнавали знакомыхъ. Барышни махали зонтиками, платками, улыбались, цѣловались съ барынями звонко. Ихъ пискливые голоса разносились по чистому воздуху и заставляли птицъ отлетать вглубь острова.

— А мы васъ все смотрѣли.

— Пароходъ опоздалъ.

— Да, да!

Сокрушенное покачиванье головами.

— Отчего онъ опоздалъ?

— Поѣздъ позже пришелъ.

Опять крики, крики соболѣзнованія.

— Опоздалъ поѣздъ! Отчего же онъ опоздалъ?

— Не знаю. Въ Теріокахъ очень долго стояли.

— Почти на четверть часа?

— Почти на цѣлыхъ четверть часа!

Младшая дочка, Идочка, своенравная, съ пухлыми губами, на смѣшливо замѣчала:

— Онъ каждое воскресенье опаздываетъ!

Слышались восклицанія:

— Неужели каждое воскресенье! Это ужасно!

Всѣ соглашались, что это ужасно.

На вершигѣ тридцати ступеней гостей встрѣчалъ хозяинъ. Онъ былъ въ легкой шелковой парѣ и восклицалъ:

— Наконецъ-то! А мы васъ ждали, ждали! Съ утра пароходъ топимъ.

Онъ по русскому обычаю лобызался съ мужчинами, дамамъ лобызалъ ручки, а молодымъ кавалерамъ, которые могли быть женихами дочерямъ, онъ говорилъ:

— Не стѣсняйтесь, главное, вы не стѣсняйтесь.

И всѣ шли въ домъ. На верандѣ тихо шевелились драпировки. Редиска розовѣла. Масло холодное, среди кусочковъ льда, подъ потнымъ отъ холода колпакомъ. Сельди, анчоусы, балыкъ, салями— все нерѣзанное—манили аппетитъ. Въ граненыхъ графинахъ сверкали, золотились и зеленѣли на солнцѣ водки. Настурціи на веревкахъ колыхались и заглядывали на веранду. Небо было такъ чисто, вода такъ голуба и прозрачна. Собаки такъ смотрѣли въ глаза, такъ виляли хвостами, такъ тыкались мокрыми носами всѣмъ въ руки!

— Хотите—до обѣда полчаса осталось—паркъ осмотрѣть?—предлагали дѣвицы.

— Съ удовольствіемъ,—говорила молодежь, колеблясь межъ свѣжими редисками и увядшими дѣвицами.

— Сперва по маленькой!—предлагалъ хозяинъ.

И всѣ пропустили по двѣ маленькихъ и шли осматривать паркъ.

XIX.

У сестеръ заранѣе были намѣчены жертвы. Поэтому только первыя пять минутъ всѣ шли вмѣстѣ, а потомъ разсыпались попарно. Обращали вниманіе на воду и на небо, на дорожки. Молодой человекъ, съ уныніемъ глядя на дѣвицу, думалъ:

— Чортъ! кажется, попался.

Его вели дальше и дальше, показывали скамейку, стоящую на любимомъ мѣстѣ папаша, а обреченный думалъ:

«Впрочемъ, у папаша, кажется, денегъ куры не клюютъ. Наворовалъ гибель».

Отъ такого соображенія солнце свѣтлѣло, зелень шелестѣла ласковѣе, птицы оживленнѣе перепархивали.

— А это любимое мѣсто папаша!

— А часто папаша въ городъ ѣздитъ?

— Каждую недѣлю на сутки, иногда на полторы.

«Чортъ возьми, своя рука владыка,—думалось пріѣзжимъ.— А намъ, грѣшнымъ, четыре раза въ недѣлю надо».

— А это храмъ любви.

— Отчего же любовь безъ одного уха?

— Отломили.

— Хорошо, что ухо,—возражалъ остроумный правовѣдъ:—а могла бы лишиться и нос... Или любовь въ большинствѣ случаевъ остается съ носомъ!

— Ой, какъ старо!—замѣчала дѣвица; дѣйствительно, она уже гдѣтъ пять подъ рядъ слышала все одно и то же, съ вариантами.

Правовѣдъ конфузливо умолкалъ и нѣкоторое время шелъ молча.

— Вотъ храмъ дружбы,—замѣчала дѣва.

— А, дружбы,—оживлялся правовѣдъ и оглядывался, къ чему бы привязаться. Но гладко окрашенныя стѣны и розы на потолкѣ не давали нищя его остроумію.

— Почему здѣсь мебели нѣтъ?—спрашивалъ онъ наконецъ.

— Не знаю.

— Или дружба не нуждается въ ней?—не отставалъ юнецъ:—любовь лучше: тамъ стоятъ двѣ софы.

Гостей вели дальше и дальше. Показывали пригорки, полянки, лѣса, ручейки,

— Позвольте, да это кому же принадлежитъ?—спрашивалъ гость.

— Папаша,—слышался наивный отвѣтъ.

«А послѣ его смерти кому?» хотѣлъ справиться «женихъ», но не рѣшился.

— Если папаша продастъ,—слышался какъ бы подсказанный свыше отвѣтъ:—за это имѣніе дадутъ тысячъ двѣсти.

— Неужели двѣсти?

— Не менѣе.

— Отличная вилла...

«Три дочери, отецъ, — воображалъ гость. — Если на четыре части раздѣлить — по пятидесяти... Это одна вилла».

И онъ вслухъ повторять:

— Отличное имѣнье!

Къ концу лѣта сѣверныя ночи становились все темнѣе. Имѣнны дочери Мэри были сигналомъ къ началу фейерверковъ, и фейерверки всыхивали еженедѣльно по воскресеньямъ. Къ темному далекому небу летѣли ракеты, звѣзды разсыпались и таяли сказочно въ воздухъ; огненные колеса вертѣлись, фыркая и треща. Толпа визжала и ахала. Даже сумрачныя чухны, собравшись на другомъ берегу, замѣчали по-русски, такъ какъ передъ русскимъ фейерверкомъ по-фински они говорить не хотѣли:

— Каситѣ, осень судсно!

Чѣмъ темнѣе становились ночи, тѣмъ барышни становились пугливѣе и тѣмъ крѣпче жали руки кавалерамъ. Онѣ смѣлы становились только у себя въ комнатѣ, ложась спать, и говорили:

— Кажется, съ Долбневымъ что-то выйдетъ.

При чемъ лица были значительны, и между бровей ложились морщины заботы.

Папа по понедѣльникамъ ѣздилъ на службу. Случайно или нарочно быть избранъ этотъ день, или обстоятельства сами подсказали, что именно понедѣльникъ, а не какой другой день долженъ быть избранъ для этого — неизвѣстно. Но вечеромъ въ воскресенье, когда дѣлались распоряженія въ восемь часовъ утра разбудить спящихъ и приготовить самоваръ, онъ говорилъ жертвамъ, которыя были намѣчены дочерьями:

— Зачѣмъ вамъ ѣхать? Въ понедѣльникъ у васъ пѣтъ службы, а я во вторникъ вернусь. Въ среду и поѣдете.

Жертвы оказывали слабое сопротивленіе, но ихъ насильно укладывали и не пускали.

Когда въ понедѣльникъ они просыпались, солнце было уже высоко и будущій тестъ подъѣзжалъ уже къ городу. Они выходили на террасу, и къ нимъ выплывали воздушныя сифиды, значительно поглядывая на нихъ. Душистый кофе благоухалъ. Толстыя пѣнки на вскипяченныяхъ сливкахъ толстой корою заволакивали молочникъ. Сердце билось въ какомъ-то смущеніи, въ какомъ-то предчувствіи.

Истома жаркаго дня располагала къ лѣни. У младшей сестры была мигрень, и она лежала. Но старшія двѣ со своими жертвами цѣлый день пропадали въ паркѣ. Онѣ лежали на травѣ, кусали зубками вѣтки, смѣялись, плакали, бѣгали, просили ихъ поймать и для этого бѣжали впередъ. Иногда велись бесѣды

- Вы любите сѣверную природу?—спрашивалъ онъ.
 — Люблю,—слыпался отвѣтъ.—Люблю. Особенно осень. Ахъ, какъ здѣсь хорошо осенью.
 — Хорошо?
 — Изумительно хорошо. Какіе стоятъ кровавые клены, какія золотыя березы! Какъ летять листья, точно бабочки. Какой воздухъ, землистый, пріятный.
 — Я тоже люблю осень.
 — Пріѣзжайте сюда къ намъ, возьмите отпускъ. Здѣсь такое спокойствіе, такое умиротвореніе чувства.
 — Я пріѣду,—говорила размятченная жертва.
 И руки какъ-то порывисто жали другъ друга иѣмымъ, но красно-рѣчивымъ пожатіемъ.

XXI.

Разъ Людмила, такъ звали среднюю сестру, была грустна. Отецъ уѣхалъ на службу, и очень хорошей молодой человѣкъ, по фамиліи Ченьжниковъ, хдшилъ съ ней по парку. Онъ былъ или неопытенъ, или она ему совсѣмъ не нравилась. Они сѣли на берегу. Иѣкоторое время сидѣли они молча. Вдругъ она упала пичкомъ на землю и стала биться въ рыданіяхъ.

Когда она закрывала лицо руками, она дѣлалась очень интересной. Вся фигурка ея, тоненькая, гибкая, казалась отъ рыданій такой удрученной. Онъ смотрѣлъ на ея затылокъ съ вьющимися золотыми волосами и все повторялъ:

— Не надо, не надо... Ну, право... Ну, чего вы...

Она все плакала. Онъ осмѣлился взять ее за плечи; онъ приподнялъ головку ея съ земли, но никакъ не могъ отнять отъ лица руки.

— Чего вы? Чего вы?—повторялъ онъ.

— Вы думаете, мнѣ легко?—спросила она.

— А что же...

— Или вы ничего не видите, или...

Она вдругъ встала. Лицо ея пылало, хотя ни слезъ, ни истерки не было замѣтно на немъ.

— Или что?...—спросилъ онъ.

— Я люблю васъ,—вдругъ воскликнула она.

Онъ стоялъ, совсѣмъ растерянный, не зная, что надо сказать. Она шагнула къ нему, обвила его плечи руками и шепнула:

— Ты хочешь, чтобъ я первая сказала?

Онъ не зналъ, радоваться ему, или нѣтъ. Безпомощно опустивъ руки, онъ смотрѣлъ на ея проборъ. Изъ недоумѣнія вывела его младшая сестра, Зоя, показавшаяся въ концѣ дорожки. Она воскликнула: «ахъ!» тоже закрыла лицо руками и скрылась.

— Кто-то насъ видѣлъ?—спросила Людмила.

— Не знаю,—пролепеталъ онъ.

— Пустите!—сказала она.

Онъ ее не держалъ. Она поэтому легко вырвалась изъ его объятій и побѣжала къ дому.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Былъ часъ. Конечно, если дать зелененькую бумажку чухонцу, онъ сейчасъ отвезетъ на пароходикѣ или на маленькой шлюпкѣ на ту сторону озера, а чемоданъ съ вещами,— ну его къ чорту!

Онъ смѣло пошелъ къ огороду. Тамъ никого не было. У парниковъ тоже никого. Онъ заглянулъ въ красный домикъ, тамъ только звенѣли мухи и шуршали тараканы. Наконецъ онъ встрѣтилъ жену садовника Хелену.

— Вашъ мужъ гдѣ?

Она показала на тотъ берегъ пальцемъ.

Онъ какъ-то присвистнулъ и пошелъ искать лодокъ.

Лодки были притянуты къ берегу, но не имѣли весель.

— Что если вплавь? Я хорошо плаваю,—подумалъ онъ, но планъ этотъ тотчасъ былъ оставленъ.

— Подколесникъ выпрыгнулъ изъ окна, когда надо было ѣхать къ вѣнцу,—сообразилъ онъ.

Онъ сталъ ходить по острову забрался на самую отдаленную, почти дикую его часть. Онъ бросился въ траву и началъ смотрѣть на небо.

Небо было глубоко, сине. По нему тихо, сле замѣтно плыли бѣлыя кучевыя облака...

— Плывутъ, плывутъ, точно ничего и не случилось,—въ отчаяннн подумалъ онъ.

Онъ перебиралъ въ головѣ все, что говорить въ пользу того, что произошло сегодня. Но, какъ нарочно, въ голову лѣзъ всякій вздоръ и въ мозгахъ усиленно било:

— Женихъ, жешихъ, женихъ!

XXII.

Онъ казался себѣ заживо замурованнымъ въ какомъ-то склепѣ. Глаза стали смыкаться. Вѣки смежились, и онъ заснулъ.

Проснулся онъ отъ чьего-то прикосновенія. Какъ отъ прикосновенія гада онъ отпрянулъ: это была она.

— Ты испугался?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ и быстро всталъ.

— Пора обѣдать,—сказала она.

Онъ взглянулъ на часы, было безъ пяти четыре.

— Уже?—почти про себя спросилъ онъ.

Они пошли по аллеѣ опять молча. Она изрѣдка радостно **взглядывала** на него.

— Сестра меня поздравила, — сказала она: — я ей отвѣтила, что рано.

— Рано? — переспросилъ онъ.

— Поздравлять рано, — объяснила она.

Они опять пошли молча.

— Ты будешь говорить съ отцомъ?

«По поводу чего?» хотѣлъ задать онъ глухой вопросъ, но вмѣсто этого отвѣтилъ:

— Буду.

Но потомъ онъ поправился.

— То есть я не знаю... сегодня ли...

— Онъ завтра пріѣдетъ къ обѣду.

— Миѣ надо на службу, — мрачно сказалъ онъ.

Она нѣжно взяла его за локоть и взглянула въ глаза.

— Останься. Что служба! — шепнула она.

Внутренно онъ согласился, что при такихъ обстоятельствахъ не говорить о службѣ. Но онъ все же стоялъ на своемъ и сказалъ:

— Я не предупредилъ.

— Предупреди, пошли телеграмму.

Она все нѣжнѣе держала его за локоть. Она ему вдругъ показалась хорошенькой, и какое-то чувство, новое, но нехорошее, шевельнулось въ немъ. Онъ только одно уловилъ въ этомъ чувствѣ вопросъ: «А сколько за ней приданого?»

Онъ не спросилъ ее объ этомъ, даже обинякомъ. Они пришли къ обѣду уже четверть пятого. Старшая сестра посмотрѣла на Людмилу подозрительно, а Зоя, довольно нагло для девятнадцатилѣтней дѣвочки, — на него.

— Прогулялись? — спросила язвительно Мэри.

— Отъ часа до четырехъ я былъ одинъ, — сказалъ онъ.

— Спать. Я его нашла спящимъ.

Онъ густо покраснѣлъ.

— А я утромъ видѣла васъ обоихъ очень бодрствующими, — сказала Зоя.

Старшая сестра посмотрѣла на младшую.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Они цѣловались.

Мэри посмотрѣла на Людмилу и Челыжнкова, повернулась и, не говоря ни слова, вышла.

Зоя кинулась вслѣдъ за ней.

— Можетъ быть, Мэри, миѣ показалось, — кричала она ей вслѣдъ.

Но Мэри не обернулась.

— Какъ же быть? — спросила Людмила, когда прошло и пять и десять минутъ, а Мэри не возвращалась.

— Я умываю руки, — сказала съ невиннымъ видомъ Зоя.

— Что же дѣлать?—спросила ее Людмила.

— Пойди къ ней ты и объясни все.

Младшая прошла за сестрой. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ вернулись. Мэри, пожавъ руку Чепыжникова, сказала:

— Поздравляю.

Онъ молча поклонился. Сдѣлка была заключена.

XXIII.

Итакъ, первой вышла замужъ средняя—Людмила. Это такъ поразило старшую сестру, что она приняла рядъ самыхъ чрезвычайныхъ мѣръ и чрезъ полгода тоже была объявлена невѣстой, а чрезъ семь мѣсяцевъ стала madame Тербышева.

Тербышевъ былъ бѣлокурый, мозглявый молодой человекъ лѣтъ тридцати. Онъ занутился въ долги, чуть ли не проигралъ въ карты казенныя деньги. Мэри объ этомъ узнала. Узнала и цифру долга—всего четыре тысячи. Но и четыре тысячи деньги, когда взять ихъ негдѣ.

Она пришла къ отцу и спросила:

— Ты сколько даешь за мной?

Онъ пугливо на нее уставился.

— Судя по человѣку,—сказалъ онъ.—Хотѣлось бы ничего не дать.

— Ты за сестрой дать десять тысячъ?

— Дать.

— Можешь дать мнѣ столько же?

— А у тебя есть кто на примѣтъ?—спросилъ онъ.

— Три тысячи мнѣ надо сейчасъ.

— Сейчасъ?

— Завтра, къ обѣду. Надо рисковать.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Хорошо,—медленно сказалъ онъ:—риски. Я всегда рисковалъ.

Она рискнула. Три тысячи перешли въ холодныя и мокрыя руки Тербышева. Долги были уплачены. Черезъ пять дней онъ, трепеща, сдѣлалъ предложеніе. Впрочемъ, кажется, она его заставила сдѣлать. По крайней мѣрѣ онъ, по своей привычкѣ пришептывая и слегка заикаясь, сказалъ:

— Я до-о-лженъ сдѣлать это быть. По-о-тому, что она меня спасла отъ петли. Кромѣ не-е-етли, мнѣ выхода не было?

— Или жениться?—спрашивали его.

— Въ бла...бла... благодарность,—объяснилъ онъ.

Она его сейчасъ же послѣ судьбы забрала въ руки, даже до свадьбы. Онъ сталъ иначе причесываться и постоянно вытирать руки. Его это не только не тяготило, но онъ говорилъ:

— У нея вку...вкуусь...

Что хотѣлъ онъ сказать, съ точностью нельзя было опредѣлить, но, кажется, онъ былъ счастливѣе въ бракѣ, чѣмъ Чепыжниковъ.

Однажды Чепыжниковъ спросилъ тестя:

— А какъ вы думаете поступить съ «Геркуланомъ», когда Зоя выйдетъ замужъ?

— Буду въ немъ жить попрежнему,—отвѣтилъ онъ.

— А дочерямъ что же?

— Все имъ послѣ моей смерти.

— Да, вы человекъ крѣпкій,—замѣтилъ Чепыжниковъ.

— Крѣпкій,—подтвердилъ тесть.

XXIV.

Онъ вздохнулъ легко, когда осталась только одна дочь. Онъ продолжалъ собирать певшіе доходы, и казна его преумножалась. Имѣнье онъ выкупилъ совсѣмъ, а послѣднихъ нѣсколько тысячъ совсѣмъ не заплатилъ, такъ какъ инженеръ умеръ и въ послѣдней уплатѣ расшеку, по словамъ Бамбученко, не успѣлъ выдать. Такъ какъ наследники были люди богатые, то махнули рукой. А когда Бамбученко обижено сказалъ:

— Я могу второй разъ заплатить,—то ему стали жать руки и увѣрять, что не надо. Тогда онъ воспользовавшись свободной строкой, въ расходной книгѣ написалъ:

«Остальные по счетамъ въ счетъ уплаты за Геркуланумъ столько-то».

И, захлопывая книгу, онъ, улыбаясь, подумалъ:

«Вотъ и нажился неожиданно!»

Въ тотъ же вечеръ онъ встрѣтился на раутѣ у одного министра съ коммерціи совѣтникомъ милліонеромъ Колышкинымъ. Колышкинъ, колыхая чревомъ, сожалѣлъ, что четыре мѣсяца тому назадъ чуть не умеръ его братъ, тоже милліонеръ, пріѣхавшій сюда съ юга, заболѣвшій отъ невской воды.

Вдругъ Бамбученко взялъ его за пуговицу.

— Вы завтра свободны?—спросилъ онъ.

Коммерціи совѣтникъ сказалъ, что свободенъ.

— Заѣзжайте ко мнѣ между двѣнадцатью и часомъ. Я хочу поговорить съ вами о предиріятіи, которое уже давно копошится у меня въ головѣ.

На другой день въ началѣ перваго часа лакей въ превосходно выглаженной рубашкѣ впустилъ Колышкина въ огромный кабинетъ Бамбученка. Въ кабинетѣ клубился снѣгъ ароматнаго дыма—это Бамбученко, лежа на кушеткѣ, курилъ контрабандную сигару. У него было все контрабандное: и сигары, и мадера, и ли-

керы,—все чѣмъ онъ угощалъ знакомыхъ, пріятелей; даже драпировки, скатертп и ковры онъ какъ-то ухитрился получать безъ таможенныхъ пошлинъ.

Онъ пожалъ руку посетителю, предложилъ сигару и гильотину на нее, а потомъ, взявъ подъ локоть, началъ водить по тонкимъ коврамъ кабинета.

— Вѣдь у васъ много денегъ?—сразу приступилъ онъ.

Цѣлый рядъ мыслей, точно зарницы, мелькнулъ въ головѣ Колышкина: зачѣмъ и почему его объ этомъ спрашиваютъ? Но онъ старался выдержать характеръ и отвѣтилъ:

— Капиталы найдутся.

— Но лишнихъ тысячъ сто-двѣсти не мѣшаетъ?—глядя ему въ лицо, спросилъ Вамбученко.—Ну, такъ слушайте.

И онъ началъ излагать ему свой проектъ.

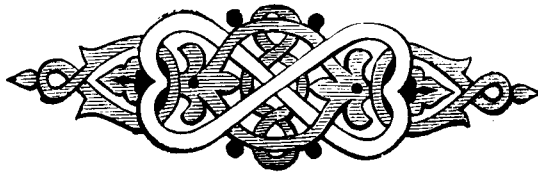
— Вѣдь, это, батенька, — закончилъ онъ, похлопывая его по коблѣмъ:—затративъ сначала двадцать-тридцать тысячъ, черезъ два года получить въ десять разъ больше.

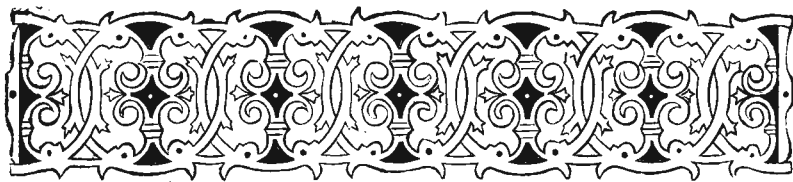
Колышкинъ, соблюдая коммерческое хладнокровіе, протянулъ руку по направленію бронзовой группы, стоявшей у окна и изображавшей Амура и Пенгею, и сказалъ:

— Недурно сработано.

П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О К. А. СКАЛЬКОВСКОМЪ.

Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ не особенно много. Больше лицъ, нежели головъ; а душъ еще менѣе.

Н. Карамзинъ.

Самъ чортъ не разбереть, отчего у насъ подвигаются тѣ, которые идутъ назадъ.

М. Лермонтовъ.

КОРОПОСТИЖНО скончался 8-го мая 1906 года Константинъ Аполлоновичъ Скальковский.

Это былъ человекъ, безспорно, выдающійся, въ высшей степени талантливый, государственнаго ума и образованія.

Я не собираюсь писать его біографію ¹⁾. Не стану поэтому говорить детально ни про его выдающійся умъ, рѣдкое его образованіе, ни про блестящее его остроуміе, ни про громадную его почитанность, ни про необыкновенную его память.

Это не входитъ въ мою задачу.

Я даже не коснусь мало-мальски связной характеристики его книжной и разнообразной литературно-публицистической и административной дѣятельности.

Мое желаніе скромнѣе: напомнить о Скальковскомъ сотнямъ, если не тысячамъ его почитателей, напомнить хотя бы отрывочно, хотя бы въ общихъ чертахъ...

¹⁾ Его некрологъ см. «Истор. Вѣстн.» 1906 г. № 6.
«Истор. вѣстн.», ноябрь 1911 г., т. сxxvii.

И если такая задача мнѣ удастся, я буду считать себя удовлетвореннымъ.

Надобно вообще удивляться, какъ могъ современниками въ самое короткое время быть забытымъ такой богато одаренный человекъ?!

Вѣдь, кромѣ краткой характеристики его дѣятельности и обычныхъ некрологовъ, напечатанныхъ почти во всѣхъ русскихъ газетахъ, въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, съ печатными воспоминаніями о немъ выступили только А. А. Плещеевъ («Историческій Вѣстникъ», 1906 г.) и Е. Н. Васильевъ, бывший вице-директоръ горнаго департамента («Горный Журналъ», 1906 г.), очень тепло и близко къ истинѣ отнесшіеся къ покойному...

Связанный съ нимъ, главнымъ образомъ, узами 35-лѣтней дружбы, лѣтъ 20 проводившій съ нимъ почти полдня и отчасти вслѣдствіе этого невольно обязанный ему даже своимъ собственнымъ развитіемъ, я зналъ Константина Аполлоновича превосходно, почему и считаю своимъ священнымъ долгомъ въ наше время безлюдья напомнить современникамъ объ этомъ выдающемся и превосходномъ человекѣ. Это мой литературный дружескій вѣнокъ на его могилу.

Хотячее мнѣніе о Скальковскомъ, какъ о грубомъ циникѣ, было сушая неправда.

Настоящихъ, дѣйствительныхъ враговъ у него не было, но зато завидовавшихъ ему людей, завидовавшихъ его таланту—было не мало.

Единственнымъ его серьезнымъ врагомъ былъ, собственно говоря, онъ самъ.

При всякихъ, хотя малѣйшихъ неудачахъ въ жизни, служебныхъ треніяхъ или непріятныхъ съ нимъ событіяхъ, какъ, напримѣръ, случайныхъ потеряхъ на биржѣ, Скальковскій, несмотря на весь свой скептицизмъ, начиналъ жаловаться, рассказывалъ направо и налѣво объ этихъ неудачахъ, при чемъ подчасъ накладывалъ на людей, по его мнѣнію, якобы виновныхъ въ этомъ, такія густыя краски, такъ неосторожно объ нихъ отзывался, что ничтожный самъ по себѣ случай вырасталъ подъ влияніемъ кривотолковъ, рассказовъ друзей и враговъ въ цѣлый инцидентъ и большею частью не въ пользу Константина Аполлоновича.

Выходило ли у Константина Аполлоновича, напримѣръ, въ какой-нибудь комиссіи или по службѣ разногласіе съ кѣмъ-нибудь изъ высшихъ міра сего, разногласіе, въ которомъ Скальковскій былъ сто разъ правъ, онъ на другой день, не стѣняясь, объявлялъ всѣмъ и каждому, что такой-то, по его мнѣнію, тупица, идіотъ и такъ далѣе.

И все это, по своему обыкновению, громко, сидя въ ресторанѣ Кюба за завтракомъ или разговаривая въ антрактахъ со своими сосѣдями по балету!

Поругавъ слегка какого-нибудь близкаго ему человѣка или любимаго родственника и совершенно позабывъ объ этомъ, Скальковский съ прежнимъ добродушіемъ вступалъ съ обиженнымъ въ бесѣду...

— А ты почему меня на дняхъ выругалъ?—спрашиваетъ оповѣщенный объ этомъ близкій пріятель или любимый родственникъ.

— Я?—удивлялся обыкновенно Константинъ Аполлоновичъ.— Развѣ я тебя ругалъ? Да я и не думалъ. Мало ли что я говорилъ! Гдѣ же мнѣ помнить всякую ерунду!

При этомъ онъ съ свойственнымъ ему юморомъ тутъ же вновь отдѣлывалъ котораго-нибудь изъ общихъ знакомыхъ, съ которымъ онъ, какъ оказывается вдобавокъ, вчера вмѣстѣ завтракалъ.

Несмотря на такого рода странности, которыя вредили только ему самому, на его, повторяю, кажущуюся грубость нельзя было сердиться. Нужно было такъ же хорошо знать Скальковского, какъ я, чтобы сказать безошибочно, какой въ дѣйствительности рѣдкой доброты и сердечности былъ этотъ человѣкъ, какъ у него подъ видомъ кажущагося цинизма, кажущейся грубости, несомнѣнно, искрилось доброжелательство, желаніе помочь всѣмъ и каждому, даже людямъ, совершенно его не знавшимъ.

Константинъ Аполлоновичъ былъ человѣкъ вполне благородный, сознательно никогда никому не сдѣлавшій зла, ни подъ кого не подкапывавшійся.

Зоилы и тѣ господа, которые старательно заматали хвостикомъ слѣды своего собственного карьеризма и походовъ, въ особенности часто, даже по временамъ съ пѣною у рта, ругали Константина Аполлоновича за его оппортунизмъ, за его якобы несерьезную жизнь, за злой языкъ и не столько за его увлеченіе женщинами, сколько, главнымъ образомъ, за безсердечность и за его презрительное къ нимъ отношеніе—и такъ далѣе, и такъ далѣе...

А знаютъ ли эти господа, какъ въ дѣйствительности относился именно этотъ циникъ къ женщинамъ?

Говорятъ, когда начнешь ухаживать за женщиною, точно горюхъ берешь; бросилъ—и деревни не видать!

Мужчины за рѣдкими исключеніями всѣ таковы—по крайней мѣрѣ по словамъ женщинъ...

Но Константинъ Аполлоновичъ таковымъ никогда не былъ.

Хотя онъ, какъ и самъ говорилъ мнѣ неоднократно, «безумныхъ» тратъ не любилъ, но бросить женщину на произволъ судьбы, съ которой онъ жилъ, даже когда онъ не видѣлъ съ ея стороны ни-

какой къ себѣ привязанности, оскорбить ее—на это онъ не былъ способенъ...

Съ женщинами Константинъ Аполлоновичъ былъ вообще очень мягокъ и легко къ нимъ привязывался.

Не онъ, вопреки ходячему мнѣнію, ихъ бросалъ, а онѣ всего чаще сами покидали его... разумѣется, устроившись получше хотя онъ и съ такими женщинами былъ всегда щедръ.

Только въ случаяхъ полного несходства характеровъ, или же, напримѣръ, «особаго» мнѣнія какой-нибудь прельстившей его французской гражданки, что сожительство (collage) легче нести даже не... втроемъ, а пятеромъ, только тогда Константинъ Аполлоновичъ, окончательно разсердившись, разставался съ нею.

При малѣйшемъ, однако, раскаяніи провинившейся, славянская натура Скальковскаго брала верхъ, и тогда этотъ знаменитый сердецвѣдъ и знатокъ женщинъ (по своей добротѣ прощавшій имъ всякую пакость, съ нимъ содѣянную) дѣлался снова другомъ стократно обманывавшей его женщины...

Въ особенности трудно было ему покончить съ одною особою, которая въ свое время въ Парижѣ во всѣхъ отношеніяхъ его ужасно эксплуатировала. Судя по письмамъ ко мнѣ Константина Аполлоновича, онъ съ нею расходился разъ 20, изъ нихъ, какъ онъ самъ однажды остроумно замѣтилъ, пять разъ окончательно!

Мнѣ, его душеприказчику, приводившему всѣ его дѣла въ порядокъ, исполнившему его посмертную волю, привелось въ первую голову исполнить тѣ пункты его духовнаго завѣщанія, изъ которыхъ вообщю видно было настоящее отношеніе Скальковскаго къ женщинамъ, даже къ такимъ, которыхъ онъ зналъ только въ дни своей молодости.

Много ли найдется въ этомъ смыслѣ подражателей у Константина Аполлоновича, въ особенности среди его ругателей?

А между тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ прослылъ циникомъ, прослылъ человѣкомъ грубымъ, безсердечнымъ и съ этимъ прозвищемъ сошелъ въ могилу...

Въ доказательство того, что Константинъ Аполлоновичъ былъ человѣкъ вообще добрый и сердечный, приведу одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ.

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ я обыкновенно часа въ 4 заходилъ въ горный департаментъ, чтобы вмѣстѣ съ Скальковскимъ идти въ сельско-хозяйственное собраніе обѣдать.

Надобно знать, что бюрократической жилки и соединенной съ нею важности у Константина Аполлоновича вовсе не было. Это былъ человѣкъ цѣльный, живой, удивительный работникъ, не рутинеръ и, главное, совсѣмъ не чиновникъ. Доступъ къ нему былъ открытъ для всѣхъ и каждаго и во всякую данную минуту, если, разумѣется, у него въ это время никого не было съ докладомъ.

Въ бытность Константина Аполлоновича уже директоромъ горнаго департамента входитъ однажды въ моемъ присутствіи одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ департамента.

— Вамъ что?—по обыкновенію какъ бы не совсѣмъ любезнымъ голосомъ спрашиваетъ Константинъ Аполлоновичъ.

— Я сейчасъ получилъ извѣстіе о смерти моей матери. Вы знаете, что я человѣкъ немущій, а потому пришелъ просить у вашего превосходительства пособіе на похороны.

— Какое тамъ пособіе!—раскричался Скальковскій.—Я вамъ только недавно выдалъ пособіе на крестины! Да что казна, по-вашему, богадѣльня, что ли?—продолжалъ кричать Скальковскій.

Чиновникъ опѣшилъ.

— А сколько вамъ нужно?—подумавъ, спросилъ Константинъ Аполлоновичъ.

— Рублей 100,—слегка дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ чиновникъ.

— Сто рублей!?!—снова заоралъ на него Скальковскій.—Какія къ чорту похороны вы сдѣлаете на 100 рублей?.. Ступайте и скажите экзекутору, что я велѣлъ вамъ выдать 200 рублей. Только помните: чтобы я васъ не скоро снова увидѣлъ съ подобнаго рода просьбами!

Про его доброту, между прочимъ, говоритъ Е. Н. Васильевъ, бывший вице-директоръ горнаго департамента.

По его словамъ, Скальковскій приходилъ на помощь въ затруднительныхъ случаяхъ очень многимъ лицамъ, но при этомъ не только не любилъ, чтобы это дѣлалось извѣстнымъ, но, напротивъ, какъ бы стыдясь проявленій своихъ великодушныхъ порывовъ и добрыхъ чувствъ, всячески скрывалъ ихъ, а если это не удавалось, то прилагалъ всѣ усилія, чтобы объяснить ихъ простою случайностью или минутнымъ капризомъ...

Много ветхихъ старушекъ-вдовъ чиновниковъ, служившихъ по горному вѣдомству, получали отъ него ежемѣсячное пособіе въ 3—5 рублей; выдавались имъ нерѣдко довольно крупныя единовременныя субсидіи, иногда какъ бы въ долгъ, но завѣдомо безъ отдачи, при чемъ, однакоже, вспомоствованія эти дѣлались извѣстными лишь очень немногимъ и только случайно, а не отъ него самого. Насколько тщательно Константинъ Аполлоновичъ избѣгалъ ихъ оглашенія, лучше всего доказывается тѣмъ, что, даже заносъ въ записную книжку подобнаго рода расходы, онъ изъ года въ годъ отмѣчалъ ихъ подъ своеобразною рубрикою: «украли... столько-то»!

Припоминается, со словъ Е. Н. Васильева, еще такой случай.

Одинъ изъ знавшихъ Константина Аполлоновича лишь по наслышкѣ сослуживцевъ его по министерству, и при томъ самъ занимавшій довольно видную должность по другому департаменту, имѣлъ надобность обратиться съ ходатайствомъ объ оказаніи его

сыну, учившемуся въ горномъ институтѣ, какой-то льготы, обусловленной вполне уважительными причинами.

Съ этою цѣлью онъ пришелъ къ одному изъ служащихъ въ горномъ департаментѣ, который посоветовалъ ему немедленно же пойти и попросить по этому дѣлу Константина Аполлоновича (въ то время директора департамента), такъ какъ на слѣдующій день послѣдній долженъ былъ докладывать министру подобныя же дѣла объ учащихъ въ горномъ институтѣ. Но на это проситель категорически заявилъ, что рѣшительно не можетъ послѣдовать данному совѣту, при чемъ, на недоумѣвающий вопросъ, объяснилъ, что онъ «человѣкъ большой и крайне нервный, и потому совершенно не въ состояніи подвергать себя рѣзкостямъ и разносамъ Скальковскаго». Но такъ какъ иного выхода не представлялось, то послѣ долгихъ колебаній онъ все же рѣшился на такую, какъ ему казалось, жертву ради своего сына и потому направился въ кабинетъ Константина Аполлоновича.

Когда онъ оттуда вышелъ, то знавшій его съ усмѣшкою спросилъ: цѣль ли онъ и невредимъ ли? На вопросъ этотъ тотъ пресерьезно отвѣчалъ: «Знаете ли, хотя Скальковскій и не подалъ мнѣ рѣшительно никакихъ надеждъ въ моемъ дѣлѣ, но я все же очень радъ и тому, что онъ меня, по крайней мѣрѣ, не выругалъ».

Каково же было его удивленіе, когда ровно черезъ день онъ получилъ официальное увѣдомленіе, что просьба его уважена, и, въ особенности, когда онъ достовѣрно узналъ, что этимъ онъ всецѣло обязанъ Константину Аполлоновичу...

Въ порывѣ радости и восторга онъ тотчасъ же снова заѣхалъ въ горный департаментъ съ тѣмъ, чтобы немедленно лично выразить Константину Аполлоновичу свою душевную признательность. Но знакомый посоветовалъ ему лучше сдѣлать это при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ, а не идти сейчасъ же съ изліяніемъ своихъ чувствъ, такъ какъ Скальковскій на этотъ разъ уже навѣрно его обругаетъ.

Нѣкоторая рѣзкость въ обращеніи, въ манерѣ говорить, подчасъ въ небрежной подачѣ руки и прочее—вовсе не говорили въ пользу того, что Скальковскій былъ заносчивъ по своей природѣ. Напротивъ, именно у него никогда не было ни малѣйшей заносчивости передъ низшими, какъ никогда не было и признаковъ преклоненія передъ высшими. Для него говорить съ любою мелкотою или съ министромъ—было рѣшительно все равно.

Вѣроятно, какъ *profession de foi*, онъ, уже будучи директоромъ горнаго департамента, написалъ въ альбомъ одному любителю автографовъ среди другихъ собственноручно написанныхъ весьма рѣдкихъ слѣдующее: «Нѣтъ противнѣе вида, какъ видъ своего начальства!»

Скальковскій былъ завзятый противникъ женитьбы.

Повліяло на такой складъ его мыслей, повидному, слѣдующее происшествіе, которое отбило у него охоту обзавестись семьею и навсегда оставило замѣтную горечь по отношенію ко всѣмъ женщинамъ вообще.

Дѣло въ томъ, что какъ-то лѣтъ 30 тому назадъ (еще въ дни моего студенчества) я получилъ отъ Константина Аполлоновича лаконическую записку: «Ты со мною сегодня вечеромъ ѣдешь секундантомъ въ Каменецъ-Подольскую губернію, вызывать одного подлеца на дуэль».

Слетать въ медико-хирургическую академію и получить отпускъ было дѣломъ получаса. Во мгѣ, видимо, не погасли еще мои боевыя способности послѣ моей поѣздки въ Сербію добровольцемъ, и я былъ въ восторгѣ отъ предложенія Константина Аполлоновича.

Въ назначенное время я былъ на Николаевскомъ вокзалѣ. Къ отходу курьерскаго поѣзда тамъ уже собрались: Константинъ Аполлоновичъ и въ качествѣ второго секунданта отставной лейтенантъ флота Максимовъ, въ то время корреспондентъ и сотрудникъ «Новаго Времени». Было подано шампанское, и Скальковскій объявилъ намъ, что ѣдетъ въ деревню вызывать на поединокъ нѣкогого господина, отбившаго у него подъ самымъ носомъ невѣсту. Затѣмъ въ дорогѣ окончательно выяснились подробности и причины дуэли.

Константинъ Аполлоновичъ уже года два ухаживалъ за одною дѣвицею, умною и красивою. Такъ какъ она вмѣстѣ съ своею матерью почти полгода жила въ своемъ имѣніи въ Каменецъ-Подольской губерніи, то Скальковскій раза два въ годъ ѣздилъ ихъ навѣщать. Въ послѣдній свой пріѣздъ къ нимъ Константинъ Аполлоновичъ наконецъ сдѣлалъ своей Жаннѣ Ш. (такъ звалась дѣвица) предложеніе (хотя, какъ я уже говорилъ, женитьбы онъ вообще боялся какъ огня). Согласіе было дано, и Константинъ Аполлоновичъ, видимо, счастливый, вернулся въ Петербургъ. Переписывался онъ со своею невѣстою ежедневно, какъ вдругъ въ одно прекрасное или, наоборотъ, для него счастливое утро Константинъ Аполлоновичъ получилъ отъ прелестной Жанны слѣдующее письмо:

«Въ то время, мой дорогой Костя,—писала она,—когда ты будешь читать мое письмо, я уже буду обвѣнчана съ докторомъ такимъ-то»—и точка.

P. S. «Надѣюсь, ты на меня не сердись?»

Это письмо страшно взволновало и обидѣло Константина Аполлоновича и было моментальною причиною нашей поѣздки и приглашенія Максимова и меня секундантами.

Въ день отъѣзда нашего изъ Петербурга Скальковскій послалъ на югъ еще одному доктору К., въ свою очередь, уже нѣсколько лѣтъ ухаживавшему за дѣвицею Жанной Ш. и ничего не знавшему о помолвкѣ Константина Аполлоновича, телеграмму, въ которой передалъ ему суть дѣла съ просьбою присоединиться къ намъ для

совмѣстныхъ непріятельскихъ дѣйствій противъ злосчастнаго доктора Н.

Имѣніе госпожи Ш. находилось, кажется, въ 10 верстахъ отъ какой-то маленькой станціи южныхъ дорогъ.

За нѣсколько часовъ до нашего прибытія на эту станцію къ намъ присоединился докторъ К. (извѣщенный Константиномъ Аполлоновичемъ телеграммою) съ товарищемъ, возшими громаднѣйшій ящикъ съ пистолетами...

Надобно кстати выяснитъ и то обстоятельство, что Жанна Ш. почтенному доктору К., тоже въ нее по уши влюбленному, въ свою очередь, раньше, чѣмъ Скальковскому, обѣщала выйти за него замужъ, если онъ съѣздитъ... въ Японію (это 30 лѣтъ назадъ!), куда докторъ К. послушно и отправился.

Въ описываемую эпоху влюбленный эскулапъ только что вернулся изъ Японіи, пробывъ въ путешествіи, кажется, около года!

Пріѣзжаемъ мы всѣ въ имѣніе. Былъ уже одиннадцатый часъ вечера. Лошадей намъ выслать на вокзалъ не кто иной, какъ братъ дѣвicy Ш., враждовавшій и съ нею, и со своею матерью и жившій неподалеку отъ нихъ въ собственномъ имѣніи.

Долго мы тщетно стучали. Наконецъ намъ открыли парадныя двери, и мы всѣ, предводительствуемые Константиномъ Аполлоновичемъ, знавшимъ тамъ всѣ ходы и выходы, ввалились въ гостиную.

Сначала къ намъ вышла старуха-мать г-жи Ш. Она оказалась очень умною женщиною. По-наполеоновски раздѣлила насъ по группамъ, попросивъ насъ не говорить всѣмъ сразу. Такимъ образомъ, успокоивъ насъ, она съ легкостью опровергла всѣ наши пункты обвиненія противъ ея дочери и въ особенности противъ ни въ чемъ, по ея мнѣнію, неповиннаго зятя.

Вдругъ дверь отворилась, и показалась она.

Высокаго роста, стройная, съ распущенными длиннѣйшими волнистыми волосами, Жанна Ш. оказалась дѣйствительною красавицею.

Надо было видѣть тогда Константина Аполлоновича!

Куда дѣвалась его прыть, его бойкое, остроумное, подчасъ грубоватое слово? Онъ сразу размякъ. Тогда Жанна, какъ женщина, тотчасъ же замѣтившая, какое впечатлѣніе она произвела не только на Константина Аполлоновича, но и на всѣхъ насъ, начала тихо, тихо говорить...

И въ то же время слезы, крупныя слезы такъ и лились у нея изъ мазь...

Говорила, что она ни въ чемъ не считаетъ себя виновною, ни по отношенію къ Скальковскому, ни по отношенію къ доктору К., что чудовищно устраивать чуть ли не разбойничье нападеніе на ея мужа (кстати сказать, скрывшагося куда-то) и такъ далѣе.

Результатомъ было то, что Константинъ Аполлоновичъ окончательно растаялъ, рѣшивъ послать къ чорту всю имъ затѣянную дуэль.

Такъ какъ Скальковскій привыкъ съ очень раннихъ лѣтъ вести правильную жизнь, ѣсть и пить во-время и такъ какъ время ужь было позднее, то, забывъ, съ какими онъ намѣреніями ворвался въ домъ г-жи Ш., обратясь къ вошедшей въ залу экономкѣ, спросилъ ее: «а что же скоро ли намъ дадутъ чаю?».

Когда мы всё вернулись по домамъ, Скальковскій не удержался и отправилъ изъ Петербурга своей бывшей невѣстѣ письмо, полное укоризны и сарказмовъ.

«Неудивительно,—писалъ онъ ей:—что вы должны были выйти замужъ за своего мужа?! Вѣдь не даромъ, когда вы ходили съ нимъ какъ-то гулять, у васъ весь задъ былъ покрытъ репейниками!..»

А все-таки Скальковскій долго-долго вспоминалъ свою Жанну и вмѣстѣ съ нею неудачную свою женитьбу.

Теперь, когда почти всё главные персонажи этой интимной и не совсемъ трагической исторіи уже перемерли, едва ли можно сѣтовать на меня за передачу въ печати вышеприведеннаго разсказа.

Скальковскому, судя по его характеру, любившему быструю смѣну лицъ, впечатлѣній, вѣчно куда-то мчавшемуся, не терпѣвшему, особенно въ молодые годы, долго засиживаться на одномъ мѣстѣ, быть можетъ, дѣйствительно не слѣдовало жениться... Ему, знатоку женщинъ, такъ много о нихъ писавшему, исколесившему чуть ли по полміра, неужели не было извѣстно, что женщины любятъ, какъ сказалъ еще Гёте, авантюры, а еще больше... авантюристовъ?!

Потребность непременно высказать въ остроумной формѣ, что въ данномъ случаѣ занимало Константина Аполлоновича,—было выше его силъ. И онъ говорилъ поэтому, не считаясь ни съ тѣмъ, кого касается его остроуміе, ни съ тѣмъ, не можетъ ли показаться оно затронутому имъ лицу обиднымъ.

Это главнымъ образомъ и создало Скальковскому массу враговъ. Но никогда Константинъ Аполлоновичъ не говорилъ съ нарочитою цѣлью кого-нибудь обидѣть или съ желаніемъ нарочито выставить человѣка въ смѣшномъ видѣ.

Такъ, наиримѣръ, извѣстно, что однимъ изъ большихъ пріятелей и почитателей Константина Аполлоновича былъ извѣстный адвокатъ, писатель и поэтъ С. А. Андреевскій. И вотъ однажды за обѣдомъ въ сельскомъ клубѣ С. А. Андреевскій произносилъ въ кругу обѣдавшихъ и внимавшихъ ему блестящее слово по поводу громкаго процесса, который онъ недавно велъ, упомянувъ при этомъ, что подсудимый, военный писарь Ивановъ, убившій ни съ того ни съ сего свою невѣсту, вмѣстѣ съ тѣмъ въ Ригѣ ежедневно посѣщаль публичные дома только для проповѣди тамошнимъ дѣвицамъ морали. Андреевскій на этомъ мѣстѣ поневолѣ долженъ былъ на время умолкнуть, такъ какъ Константинъ Аполлоновичъ перебилъ его рѣчь словами: «Вотъ вамъ, С. А., случай, для дачи показаній въ пользу вашего сверхписаря пригласить изъ Риги въ Петербургъ весь пансіонъ безъ древнихъ языковъ»

Добродушный С. А. Андреевскій не только не разсердился на Скальковскаго, но даже первый размѣялся его остроумію.

Но не всегда такого рода остроуміе Константина Аполлоновича доставляло удовольствіе лицамъ, пошавшимъ ему на язычекъ.

Большею частью на его сарказмы злились и даже очень.

Приведу одинъ такой примѣръ. Однажды, вскорѣ послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 года Константинъ Аполлоновичъ, который тогда съ такимъ блескомъ велъ въ «Новомъ Времени», кстати сказать, имъ же впервые заведенный отдѣлъ «Среди газетъ и журналовъ», сидѣлъ въ редакціи.

Вмѣстѣ съ Константиномъ Аполлоновичемъ сидѣло еще нѣсколько лицъ.

Ораторствовалъ въ этомъ кружкѣ В. И. Н—ъ-Д—ко, въ то время уже извѣстный писатель, только что вернувшійся изъ Болгаріи, гдѣ онъ состоялъ военнымъ корреспондентомъ.

Надоѣли ли всѣ рассказы Н—а-Д—ка (а этотъ послѣдній былъ настолько многорѣчивъ, насколько талантливъ), или просто Скальковскому пришла на мысль какая-то блестящая идея, только вдругъ Константинъ Аполлоновичъ, просматривавшій объявленія «Новаго Времени», прочелъ спокойнымъ тономъ:

— «Вернувшійся съ войны ищеть мѣсто швейцара». Н—чь—это не вы?

Можно себѣ представить, какой душѣ было вылить словами Скальковскаго на голову Н—а-Д—ка и какъ тотъ обозлился.

Константинъ Аполлоновичъ, слова ради, не шадилъ даже родныхъ, конечно, тоже шутя. Когда въ 1878 году его сестра, извѣстная пѣвица, вышла замужъ за моего брата, Скальковскій уѣхалъ въ кругосвѣтное путешествіе.

По возвращеніи онъ не преминулъ ей сообщить, что и въ путешествіи онъ все время слѣдилъ по «Новому Времени» (всюду слѣдовавшему за нимъ по пятамъ), нѣтъ ли траурнаго объявленія на первой страницѣ о томъ, что братъ мой съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ объ ея кончинѣ, послѣдовавшей отъ родовъ!

Что Константинъ Аполлоновичъ не стѣснялся съ отвѣтами даже министрамъ, видно изъ слѣдующаго эпизода:

Въ 1891 году тогдашній министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Островскій сильно колебался, назначить ли ему директоромъ горнаго департамента Константина Аполлоновича, хотя тотъ уже въ то время чуть ли не 13-й годъ занималъ въ томъ же департаментѣ мѣсто вице-директора.

Не имѣя другихъ подходящихъ кандидатовъ, Островскій обратился за совѣтомъ къ министру финансовъ Вышнеградскому.

— Мнѣ кажется, — сказалъ ему Михаилъ Николаевичъ: — Скальковскій человекъ несерьезный. Онъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣ-

пійамъ, слишкомъ большой театраль. Къ тому же своимъ острымъ языкомъ онъ наживаетъ себѣ слишкомъ много враговъ.

Вышнеградскій, близко познакомившійся съ Скальковскимъ въ засѣданіяхъ знаменитой тарифной комиссіи и тогда же оцѣнившій его громадныя способности, отвѣтилъ Островскому такъ:

— Ничего, что Скальковскій острякъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень умный и знающій человекъ. Хуже было бы, если бы вы взяли остряка, но неуча. Замѣьте, только та бритва хорошо бреетъ, которая остра!

Когда назначеніе Скальковскаго состоялось, въ отвѣтъ на намекъ Островскаго относительно балета Константинъ Аполлоновичъ съ отбѣнкомъ неудовольствія сказалъ ему слѣдующее:

— Вы, ваше высокопревосходительство, повидимому, только и знаете, что про мою книгу «О балетѣ». А между тѣмъ, кромѣ этой книги, я авторъ цѣлага ряда весьма серьезныхъ, научныхъ трудовъ!..

Большой любитель путешествій, между прочимъ ѣздившій вокругъ свѣта, побывавшій въ Индіи, Египтѣ, Аравіи, Марокко, исколесившій Соединенные Штаты Сѣверной Америки, не говоря уже объ Европѣ, гдѣ не было уголка, котораго бы онъ не посѣтилъ много разъ, Скальковскій не терялъ во время этихъ путешествій даромъ времени.

Такъ, во время своего кругосвѣтнаго путешествія онъ на пароходѣ читалъ «Исторію Государства Россійскаго».

Кто теперь можетъ похвастать, что совершилъ такой подвигъ?

Константинъ Аполлоновичъ оставилъ массу произведеній.

Часть изъ нихъ, то въ видѣ описаній съ дороги, то въ видѣ фельетоновъ или передовыхъ статей, главнымъ образомъ финансовыхъ и политическихъ, или критическихъ статей о театрѣ, балетѣ и пр., онъ помѣщалъ въ «Новомъ Времени», а еще раньше въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Малая часть этихъ статей была имъ издана отдѣльно; нѣкоторыя изъ его книгъ имѣли большой успѣхъ и выдержали по нѣсколько изданій.

Серьезные же труды по исторіи, политикѣ, торговлѣ и финансовымъ вопросамъ въ періодической печати не были раньше напечатаны и появились впервые въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

Привожу перечень, хотя и не совсѣмъ полный, напечатанныхъ и изданныхъ отдѣльно сочиненій Константина Аполлоновича.

Неизданныхъ, но напечатанныхъ газетныхъ статей было, навѣрно, вдвое больше.

1) «Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ».

2) «Современная Россія». Въ двухъ томахъ. 3 изданія.

3) «Наши государственные и общественные дѣятели». 2 изданія.

4) «Русскій торговый флотъ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ».

- 5) «Суэцкій каналъ и его значеніе для русской торговли».
 - 6) «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ».
 - 7) «Les ministres des finances de la Russie» (издано въ Парижѣ).
 - 8) «Всероссійская мануфактурная выставка».
 - 9) «Стоитъ ли поощрять русскую промышленность?»
 - 10) «Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и за границею».
 - 11) «Горное законодательство въ Соединенныхъ Штатахъ».
 - 12) «Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ».
 - 13) «Путевыя впечатлѣнія. По Кавказу, Турціи, Сербскимъ землямъ и Соединеннымъ Штатамъ». 2 изданія.
 - 14) «Путевыя впечатлѣнія. Въ Португаліи, Австріи, Франціи и Италіи».
 - 15) «Путевыя впечатлѣнія. Въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи».
 - 16) «У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія въ Швеціи, Даніи и Бельгіи».
 - 17) «Новыя путевыя впечатлѣнія. Въ Испаніи, Марокко, Англии и Франціи».
 - 18) «Въ Парижѣ». 4 изданія.
 - 19) «Танцы и балетъ и ихъ мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ». 2 изданія.
 - 20) «Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мысли русскихъ о самихъ себѣ». 3 изданія.
 - 21) «О женщинахъ. Мысли старыя и новыя». 11 изданій.
 - 22) «Въ театральномъ мірѣ. Воспоминанія, наблюденія и размышленія».
 - 23) «Тамъ и сямъ. Забѣтки и воспоминанія».
 - 24) «Сатирическіе очерки и воспоминанія».
 - 25) «Очерки и фантазіи».
 - 26) «Новая книга. Публицистика, экономическіе вопросы, путевыя впечатлѣнія».
 - 27) «За годъ. Воспоминанія, историческіе очерки, публицистика, путевыя впечатлѣнія».
 - 28) Воспоминанія молодости (по морю житейскому 1843—1869).
- Можно съ положительностью сказать (кто дастъ себѣ трудъ прочесть со вниманіемъ большую часть произведеній Скальковскаго), что, помимо полученнаго удовольствія, умственный горизонтъ того (если это только человекъ вполне откровенный) долженъ былъ непременно расширяться—до того искусно и умѣло были собраны и сгруппированы Скальковскимъ въ этихъ сочиненіяхъ всякія свѣдѣнія по части политики, географіи, исторіи, художества и т. д...
- Что касается капитальныхъ его произведеній, напримѣръ, «Внѣшняя политика Россіи» или «Современная Россія», то каждая страница

ихъ, указывающая на обширность эрудиціи автора, развѣ не могла бы послужить канвою для отдѣльнаго изслѣдованія, развѣ не могла бы доказать лишній разъ, сколько знаній, любви къ дѣлу и труда положилъ на ихъ составленіе Константинъ Аполлоновичъ?

Объ его удивительной всесторонней начитанности остались у меня въ памяти нѣсколько эпизодовъ. Для характеристики привожу и ихъ.

Какъ-то въ одно изъ воскресеній пріѣхалъ обѣдать къ моему брату Константинъ Аполлоновичъ и засталъ тамъ П. М. Лессара, тогда совѣтника нашего посольства въ Лондонѣ. Какъ извѣстно, Лессаръ былъ не присяжнымъ дипломатомъ, а инженеромъ путей сообщенія, только недавно перемѣнившимъ профессію.

За обѣдомъ зашелъ случайно разговоръ о Панамскомъ каналѣ.

Говорилось о трудностяхъ прорытія, о страшныхъ земляныхъ работахъ, объ опасности затопленія, приводились цифры выемокъ и т. д., причемъ, главнымъ образомъ, говорилъ Лессаръ, разумѣется, въ качествѣ знатока.

Скальковскій далъ Лессару кончить и потомъ опровергъ фактически большую часть приведенныхъ имъ цифръ, главнымъ образомъ касавшихся именно выемокъ, земляныхъ работъ!

Какъ оказалось впоследствии, Скальковскій былъ правъ.

Другой случай.

Въ обществѣ морскихъ врачей въ Петербургѣ читался какъ-то весьма интересный докладъ о санитарномъ состояніи мадагаскарской экспедиціи французовъ.

Спеціальное изданіе, которымъ воспользовался докладчикъ, вышло въ Парижѣ и только на дняхъ было получено въ Петербургѣ.

На другой день послѣ прочтенія доклада захожу я къ Константину Аполлоновичу поговорить о томъ, о семъ.

Припомнилъ я и вчерашній докладъ.

— А вотъ, — началъ я, — вчера одинъ морской врачъ читалъ намъ выдержки изъ французскаго санитарнаго отчета по только что окончившейся мадагаскарской экспедиціи.

— Да, отчетъ этотъ весьма поучителенъ, — перебилъ меня Скальковскій. — Судя по этому отчету, въ этой экспедиціи погибъ отъ брюшнаго тифа весь 200-й полкъ.

При этомъ Константинъ Аполлоновичъ привелъ такія детали отчета, что я только развелъ руками. И это по вопросу спеціальному, никакого отношенія къ Скальковскому не имѣвшему...

Еще случай.

Сидѣли мы за обѣдомъ въ сельско-хозяйственномъ клубѣ. Шелъ общій разговоръ. Случайно въ эту минуту въ столовой не было ни одного юриста.

Одинъ изъ членовъ клуба упомянулъ фамилію англичанина Филимора и спросилъ: не знаетъ ли кто-нибудь, когда этотъ юристъ жилъ и что онъ написалъ?

Мы краснорѣчиво помолчали.

Только одинъ Константинъ Аполлоновичъ сумѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, назвавъ, когда Филиморъ умеръ, и указавъ на его важнѣйшее изслѣдованіе по международному праву.

Не только я, слѣдившій за Скальковскимъ, но и десятки другихъ лицъ могли, навѣрно, привести однородные примѣры, указывающіе на выдающуюся память (хронологію онъ зналъ поразительно) и разнообразнѣйшую начитанность Константина Аполлоновича.

И такого-то человѣка, какъ неоднократно говорилъ К. Д. Сушницъ, профессоръ химіи горнаго института (товарищъ Константина Аполлоновича), хотѣли исключить изъ горнаго корпуса—за неспособность!

Память у Скальковскаго была дѣйствительно феноменальная. Что онъ разъ прочелъ, то прочно на вѣки вѣчные укладывалось въ его головѣ. А прочелъ онъ просто непостижимое количество разнообразныхъ книгъ по вопросамъ философіи, религіи, искусства, исторіи, театра и пр.

Объ его громадныя библіотеки (здѣсь и въ Парижѣ) были наполнены книгами, которыя всѣ были имъ прочитаны и испещрены собственноручными замѣчаніями. Недаромъ люди, хорошо знавшіе Константина Аполлоновича, считали его энциклопедистомъ.

И на это прозвище онъ имѣлъ законное, несомнѣнное право.

Въ послѣдніе годы жизни Скальковскаго, когда я неоднократно гостилъ у него въ Парижѣ, въ его уютномъ отелѣ въ «rue Alphonse de Neuville», даже тогда я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ юношескимъ жаромъ онъ читалъ все его интересующее (а что его только не интересовало!) и какихъ только разнообразнѣйшихъ книгъ онъ не пріобрѣталъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ).

Читалъ онъ съ одинаковою легкостью и французскія книги. Французскій языкъ онъ зналъ основательно и хотя говорилъ на немъ не особенно хорошо, въ смыслѣ выговора, но очень бойко.

Въ 1901 году праздновался 40-лѣтній юбилей писательства Константина Аполлоновича.

Громадный залъ ресторана Кюба, гдѣ давался ему по этому случаю обѣдъ, едва могъ вмѣстить всѣхъ почитателей его таланта. Тутъ были представители литературы, высшаго чиновнаго міра, финансисты, артисты русскаго и французскаго театровъ и, конечно, представители и особенно представительницы любимаго имъ балета. Присутствовалъ на обѣдѣ, между прочимъ, тогдашній товарищъ министра путей сообщенія, профессоръ, нынѣ сенаторъ и членъ государственнаго совѣта, симпатичнѣйшій В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ (къ слову сказать, въ свое время прекрасный пѣвецъ). Подъ

нялся съ своего мѣста и онъ и произнесъ весьма привѣтливую рѣчь въ честь юбиляра.

Скальковскій тотчасъ же на нее отвѣтилъ и, о ужасъ, обращаясь къ Мясоѣдову-Иванову, вмѣсто того, чтобы назвать его Викторомъ Андреевичемъ, ошибся, назвавъ его другимъ именемъ...

Кто-то изъ сосѣдей Константина Аполлоновича шепнулъ ему про неловкость, имъ содѣянную.

Вскорѣ послѣ В. А. Мясоѣдова-Иванова Скальковскому сказала также нѣсколько сочувственныхъ словъ В. А. Никитина, прекрасная танцовщица, теперь уже давно сошедшая со сцены.

Отвѣтилъ и ей Скальковскій, назвавъ ее совершенно правильно— Варварою Александровной.

— Изъ этого одного, господа, вы можете убѣдиться,—заключилъ свою рѣчь Константинъ Аполлоновичъ:—что я имена танцовщицъ помню гораздо лучше, чѣмъ имена государственныхъ людей!

Скальковскій былъ во всѣхъ отношеніяхъ удивительно аккуратный человѣкъ. Вставалъ онъ всегда въ одно время—въ 8 часовъ, ложился или, по крайней мѣрѣ, старался быть въ постели между 11 и 12 часами ночи за рѣдкими исключеніями, что относилось цѣликомъ къ Петербургу, гдѣ такая аккуратность была немислима.

Съ 8 часовъ утра и до 12 онъ посвящалъ работѣ и чтенію газетъ. Потомъ онъ отправлялся завтракать. Стола онъ не держалъ ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ; дома онъ пилъ только утренній кофе.

Послѣ завтрака Скальковскій отправлялся на службу, или въ праздникъ, вернувшись домой, читалъ, отвѣчалъ на письма или снова занимался. Въ 5 часовъ онъ шелъ въ сельско-хозяйственный клубъ обѣдать. Послѣ обѣда, зайдя еще разъ домой, онъ переодѣвался непременно во фракъ или смокингъ и ѣхалъ въ театръ.

И такъ изо дня въ день. Разнообразіе вносилось только, смотря по тому, была ли это зима, или лѣто. Лѣтомъ Константинъ Аполлоновичъ почти всегда куда-нибудь уѣзжалъ, то на воды, то въ путешествіе и т. д.

Несмотря на службу, громадную литературную дѣятельность, на ежедневную возню съ типографіями (Скальковскій самъ всегда просматривалъ корректуры собственныхъ статей, печатаемыхъ въ «Новомъ Времени», и издаваемыхъ имъ своихъ трудовъ), несмотря на массу переписки, завтраки и обѣды внѣ дома, посѣщеніе театровъ, онъ такъ умѣло пользовался временемъ, такъ быстро работалъ, что находилъ время еще поскучать!

Послѣ каждой какой-нибудь хлесткой статьи въ «Новомъ Времени» или изданія какой-нибудь своей книги Скальковскій получалъ много писемъ, не только за полную подписью ихъ авторовъ, по и анонимныхъ...

Къ счастью, вторыхъ, чаще всего наполненныхъ только бранью и по этому одному совершенно бездоказательныхъ, было гораздо меньше, чѣмъ первыхъ.

Въ особенности часто писали женщины, вступаясь за обиженныхъ статьями Константина Аполлоновича мужчинъ. Надо имъ отдать справедливость, что въ общемъ они писали и толковѣе и глубже самихъ господъ мужчинъ...

И если анонимныя письма, подчасъ болѣе ругательныя, чѣмъ содержательныя, доставляли Константину Аполлоновичу рядъ невеселыхъ минутъ, то зато письма не анонимныя, въ которыхъ Скальковскому вѣнялась въ заслугу его литературная дѣятельность, истинная любовь къ Россіи, несмотря на наведенную имъ жестокую критику всего того, что у насъ тогда дѣлалось, такія письма, какъ я говорю, приносили ему громадное нравственное удовлетвореніе.

У Константина Аполлоновича была похвальная или непохвальная привычка хранить, еще со дня окончанія имъ курса, всѣ письма, когда-либо ему написанныя, вплоть до мало значащихъ записочекъ.

Вся эта корреспонденція въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ (по годамъ) хранилась въ его парижскомъ домѣ.

По смерти Скальковскаго я два года подъ рядъ ѣздилъ въ Парижъ и буквально дѣльные дни разбирался въ этихъ горахъ переписки.

Всѣ письма интимнаго характера я, разумѣется, сжегъ. Но часть писемъ людей государственныхъ и литераторовъ, каюсь, сохранилъ, разумѣется, въ назиданіе потомству...

Скальковскій не былъ честолюбивъ въ банальномъ смыслѣ слова.

Честолюбіе ради честолюбія ему вовсе не было знакомо.

Но честолюбіе ради достиженія высокой служебной карьеры, не только какъ награда за его выдающіяся способности, но главнымъ образомъ неключительно для проведенія идей, полезныхъ для Россіи, такое честолюбіе дѣйствительно манило его къ себѣ. Такое честолюбіе было ему не чуждо...

Административная карьера Константина Аполлоновича прервалась сразу.

Когда замѣнившій М. Н. Островскаго новый министръ государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ заявилъ ему какъ-то, что о кандидатурѣ на постъ министра торговли, чего Скальковскій добивался, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ государь этого не желаетъ, онъ рѣшилъ тогда безповоротно выйти въ отставку.

Не исполнивъ свое рѣшеніе и ликвидируя затѣмъ свои дѣла, въ виду переѣзда изъ Петербурга на постоянное житіе въ Парижъ, Скальковскій чуть ли не за 3—4 часа до отхода Nord Express задумалъ продать весь свой чиновничій гардеробъ, вплоть до станиславской и анницкой звѣзды. Тутъ, однако, съ Константиномъ Аполлоновичемъ случилось маленькое происшествіе, которое могло

разстроить или, по крайней мѣрѣ, отдалить его столь желанный переѣздъ въ Парижъ и, пожалуй, на долгое время...

Когда подъ вліяніемъ сильнѣйшаго желанія поскорѣе отряхнуть прахъ отъ своихъ ногъ, въ смыслѣ служебномъ, къ Скальковскому была введена какая-то скупщица старыхъ вещей, еврейка, — онъ тутъ же продалъ ей, разумѣется, за безцѣнокъ, мундиръ и виць-мундиры горнаго вѣдомства, теперь ставшіе ему ненавистными...

Даже «ленты» звѣздъ Станислава и Анны не были пощажены и пошли туда же...

— Вотъ, возьмите кстати въ придачу и этотъ пистолеть, — сказали покупщицѣ Константинъ Аполлоновичъ.

Какъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ Скальковскій, этотъ пистолеть, заряженный больше 30 лѣтъ назадъ, о чемъ онъ совершенно забылъ, былъ имъ взятъ съ собою при командировкѣ въ Киргизскую степь.

— Пистолеть не заряженъ, — сказалъ Скальковскій еврейкѣ.

Съ этими словами онъ навелъ дуло пистолета по ея направленію.

Внезапно раздался выстрѣлъ, и пуля, пролетѣвъ на волосокъ отъ страшно перепугавшейся, моментально свалившейся на землю и кричавшей благимъ матомъ старухи, влетѣла въ противоположную стѣну!..

Что касается его политическихъ убѣжденій, то Скальковскій, строго говоря, не принадлежалъ ни къ какой партіи.

Только «польза Россіи» была единственною его руководящею партією. Несомнѣнно одно: Скальковскій былъ прогрессистъ въ благородномъ смыслѣ слова.

Для иллюстраціи моихъ словъ стоитъ только привести сказанное имъ въ его «Маленькой хрестоматіи для взрослыхъ», гдѣ въ предисловіи Скальковскій съ болью спрашиваетъ: отчего мы такъ отстали? Отчего послѣ тысячелѣтней государственной жизни мы все еще стоимъ какими-то недорослями? Почему учрежденія, которыя оказались пригодными даже для антилскихъ негровъ и для японцевъ, не говоря уже о разныхъ «братушкахъ», кажутся для насъ еще чѣмъ-то преждевременнымъ?

Зная Россію какъ свои пять пальцевъ, зная ея недостатки, Скальковскій по этому одному не могъ стать въ ряды ни одной изъ господствующихъ партій.

Россію онъ понималъ по-своему... Въ связи съ этимъ и обстоятельнымъ знакомствомъ съ политическою жизнью не только Россіи, но и Западной Европы и Америки, Константинъ Аполлоновичъ не могъ опредѣленно пристать ни даже къ умѣренно-правымъ, такъ какъ не соглашался съ нѣкоторыми ихъ принципами, но и не могъ примириться съ партією 17-го октября, ни съ лѣвыми партіями, хотя иногда, но зато совершенно открыто, примыкалъ къ доводамъ послѣднихъ...

Въ этомъ случаѣ Константинъ Аполлоновичъ нисколько не подходилъ на тѣхъ либераловъ, которые, по словамъ А. Хомякова, «напоминають собачку, лающую на васъ и въ то же время умильно машущую хвостомъ!»

Вотъ почему въ высшихъ сферахъ Скальковскому не довѣряли и, къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ близко къ 1905 году (еще до объявленія «свободы»), считали лѣвымъ.

Все это, разумѣется, сильно мѣшало возвращенію Скальковскаго на государственную службу и соединенному съ этимъ административному его возвышенію, о чемъ тогда шли усиленные толки.

Мнѣ, напримѣръ, твердо извѣстно, что еще за полчаса до смерти Константинъ Аполлоновичъ писалъ въ этомъ смыслѣ одному извѣстному государственному дѣятелю, излагая свою политическую программу (недоконченное письмо это нашли у него на письменномъ столѣ), и только смерть, никого не ждущая, не позволила Скальковскому свершить то, что онъ могъ еще сдѣлать на пользу все той же любимой, но вѣчно разносимой имъ Россіи!

Передъ окончательнымъ отъѣздомъ Константина Аполлоновича въ Парижъ чинами горнаго совѣта, горнаго ученаго комитета, геологическаго комитета, горнаго департамента и горнаго института, а также представителями горнозаводской промышленности давался Скальковскому обѣдъ.

На этомъ обѣдѣ, можно сказать впервые, Константину Аполлоновичу воздали должное.

Помимо поднесенія ему сослуживцами и товарищами золотой медали (фактъ, говорящій самъ за себя), всѣ ораторы высказывали глубокое, сердечное сожалѣніе разставанію съ нимъ.

Удивлялись правительству, не постаравшемуся удержать у себя на службѣ такого талантливаго человѣка, полнаго знаній, силъ и энергій...

Инженеромъ В. Ө. Голубевымъ была сказана рѣчь, въ которой указывалось, что перечисленіе заслугъ, оказанныхъ горному вѣдомству К. А. Скальковскимъ, поставило бы его, оратора, въ затруднительное положеніе: ему бы тогда пришлось переименовать все сдѣланное по горному дѣлу за послѣднія 15 лѣтъ!

Защита же К. А. Скальковскаго правъ русской заводской промышленности на русскіе заказы, борьба противъ фритредерства (которую онъ велъ чуть ли не со школьной скамьи) должна была, по словамъ того же оратора, поставить заслуги Константина Аполлоновича еще болѣе высоко...

«Пьемъ за здравіе Скальковскаго, еще бѣ директора таковскаго!» Такъ гласила прочитанная на этомъ обѣдѣ риемованная депеша, посланная ему какими-то горными дѣятелями.

Вся тогдашняя пресса въ одинъ голосъ отозвалась объ уходѣ Константина Аполлоновича съ сожалѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ орга-

нахъ прекратилось даже обычное насчетъ Скальковскаго зубо-скальство.

Однимъ словомъ, чувствовалось нелицепріятное сожалѣніе о томъ, что уходитъ человѣкъ въ высшей степени талантливый, человѣкъ еще нужный Россіи.

Даже такой не любившій Скальковскаго органъ, какъ «Гражданинъ», съ редакторомъ котораго, княземъ Мещерскимъ, у Константина Аполлоновича, какъ сотрудника «Новаго Времени», были хроническіе счеты, и тотъ о немъ высказался слѣдующимъ образомъ («Гражданинъ», 7-го апрѣля 1896 года, № 28):

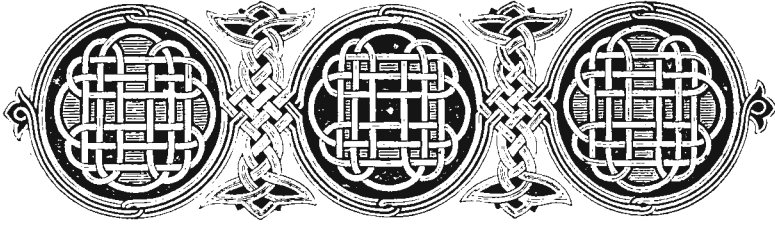
«Крупная петербургская фигура, говорятъ, покидаетъ нашу столицу. Фигура эта всѣмъ извѣстный и, отчего не сказать, знаменитый К. А. Скальковскій. Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ и видныхъ типовъ русской природы, изъ тѣхъ типовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, какъ можетъ быть разнообразна, своенравна и причудлива русская натура, когда она даровита. Не то, чтобы протекція была его добрымъ гениемъ—у него главная протекція былъ онъ самъ; не то, чтобы одно счастье его двигало, совсѣмъ нѣтъ, онъ двигался потому, что многое изъ того, что онъ дѣлалъ не во-время, между прочимъ, спустя рукава, оказывалось удачно сдѣланнымъ; даровитость, умъ, ловкость, извѣстная смѣлость, все смѣшивалось въ немъ воедино и все работало, все кипѣло, все творило, а въ концѣ концовъ, право, вы не найдете человѣка ни въ сюртукѣ, ни въ юбкѣ, кто бы не зналъ, что такое Скальковскій!»

На этомъ свои воспоминанія о К. А. Скальковскомъ я кончаю...

Если бы такихъ людей, какъ Константинъ Аполлоновичъ, искренно любившій россію и сердечно за нее болѣвшій, было побольше, то мудрая фраза М. П. Погодина, что «намъ недостаетъ только твердости, постоянства, сознанія собственнаго достоинства, смѣлости, внимательности къ общему дѣлу, которое не есть «наше дѣло», а наше» (чѣмъ Скальковскій обладалъ въ полной мѣрѣ)—сдѣлалась бы анахронизмомъ!

В. Б. Бертенсонъ.

ПОМРАЧЕНІЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ИРИНЕЯ.

I.

ВОНЧАЛСЯ въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія въ Иркутскѣ архіепископъ Михаилъ.

О смерти Михаила оберъ-прокуроръ князь Мещерскій доложилъ императору Николаю, который написалъ на докладѣ:

«Весьма жаль. Избрать твердаго и благонадежнаго и перевести въ Иркутскъ».

Синодъ рѣшилъ назначить въ Иркутскъ пензенскаго епископа Ириней съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Преосвященный Ириней былъ весьма обрадованъ назначеніемъ.

— Размысли,—говорилъ онъ своему пензенскому келейнику, собираясь въ дорогу: — какую епархію я получилъ, простирающуюся отъ Китая до Ледовитаго океана и заключающую въ себѣ и Камчатку, и сѣверо-американскіе острова съ разнообразнѣйшимъ населеніемъ... Немногіе, весьма немногіе русскіе святители столь распространялись, а годы мои еще не большіе.

Въ самомъ дѣлѣ, Иринейу было только 38 лѣтъ; у него было красивое, серьезное лицо, и глаза, слегка прищуренные, смотрѣли вдаль съ проникновеніемъ.

Всю дорогу, получивъ большія подъемныя, архіепископъ Ириней читалъ въ возкѣ и въ каретѣ церковно-историческія сочиненія и на станціяхъ сравнивалъ, по имѣвшемуся у него съ собой геогра-

фическому атласу, область своей епархіи съ папскимъ «распространеніемъ».

«Всеконачо, — думаль онъ: — папѣ подлежить значительнѣйшая часть міра, хотя онъ и еретикъ».

Ему это было грустно.

«Но все же, — утѣшалъ онъ себя, глядя на карту Сибири: — духовному владычеству моему подлежать тоже многія страны, и ни одинъ нашъ митрополитъ такъ не распространяется. Почитай, я второй послѣ папы, если измѣрять значеніе моей власти квадратными милями. Много квадратныхъ миль. Не сосчитать».

Владыка по дорогѣ раздавалъ благословенія направо и налево, и они даже его утомили. Въ городахъ и въ мѣстечкахъ его встрѣчали съ колокольнымъ звономъ, а въ иныхъ встрѣча не была сдѣлана, и это повергало его въ угрюмость.

Какъ только онъ очутился въ своемъ духовномъ царствѣ, священники стали бухаться ему въ ноги.

Пространства, правда, были громадныя, но, къ сожалѣнію, священниковъ было невеликое число, и видъ они имѣли какой-то дикій.

Утомленный путешествіемъ, Иринея пріѣхаль въ Иркутскъ ранней весной.

Архіерейскія палаты, которыя онъ занялъ, показались ему недостаточно отвѣчающими его сану. Онъ указаль, что нужно переделать и какъ распределить комнаты.

Сокративъ время отдыха, принялъ духовенство и всѣхъ консисторскихъ чиновниковъ.

Кафедральный соборъ онъ засталъ запущеннымъ, какъ бы обветшалымъ, закопченнымъ и запыленнымъ.

Діаконъ, возглашая «испола эти деспота», послѣ «испола» громко икнулъ на весь храмъ, а протоіерей Никифоръ въ отвѣтъ вполголоса, но такъ, что услышали предстоящіе, сказалъ:

— Воздержись, діаконе, опять завелъ свою музыку.

Архіепископъ тутъ же, въ алтарѣ, сдѣлаль строгій выговоръ священнослужителямъ.

Оскорбительнымъ показалось Иринею, что въ соборѣ присутствовалъ только гражданскій губернаторъ Цейдлеръ, а генералъ-губернаторъ Лавинскій не явился.

— Ихъ высокопревосходительство, Александръ Степановичъ, — доложено было архіерею: — предпочитаютъ Воскресенскую церковь.

II.

Наканунѣ 25-го іюня, когда праздновалось рожденіе государя, пріѣхаль къ архіерею губернаторъ Цейдлеръ съ визитомъ въ мундирѣ и въ бѣлыхъ панталонахъ и сказалъ тономъ сообщенія:

— А завтра будетъ высокаторжественный молебенъ о здравіи государя императора въ Воскресенской церкви въ присутствіи генераль-губернатора и всей мѣстной администраціи—то какое на этотъ счетъ будетъ распоряженіе вашего высокопреосвященства?

Ириной посмотрѣлъ на губернатора спокойнымъ пытливымъ взглядомъ.

— До сихъ поръ не знаю вашего генераль-губернатора,—сказалъ онъ.—Видѣлъ мелькомъ въ соборѣ, и то на мгновеніе... А у меня онъ не былъ... Я же здѣсь есть представитель духовной власти, которая какъ бы всегда почиталась вышею.

Губернаторъ, въ свою очередь, пыливо посмотрѣлъ на архіерея и спросилъ:

— Въ какомъ же смыслѣ я могъ бы доложить о рѣшеніи вашего высокопреосвященства его высокопревосходительству?

— А впрочемъ,—подумавъ, съ легкой улыбкой произнесъ Ириной:—въ Воскресенской церкви завтра готовъ отслужить и, быть можетъ, ближе познакомлюсь съ его высокопревосходительствомъ.. Но кажется мнѣ, что высокомѣрень...

— Александръ Степановичъ,—отвѣчалъ Цейдлеръ:—конечно, какъ облеченный великой властью и довѣріемъ государя императора, озабоченъ сохраненіемъ къ себѣ уваженія, какъ отъ него того требуетъ его служебный долгъ, но онъ милѣйшая личность.

И, чтобы переменить разговоръ, спросилъ:

— А какое впечатлѣніе произвелъ на ваше высокопреосвященство нашъ Иркутскъ?

— Иркутскъ городъ болѣе прекрасный, чѣмъ я допускалъ въ мысляхъ,—отвѣчалъ Ириной:—и церковей много, но распущено духовенство до чрезвычайности. Придется быть весьма взыскательнымъ. Покойный Михаилъ, очевидно, небреговаль. Не дальше, какъ третьяго дня священникъ Крестовоздвиженскій внезапно умеръ на улицѣ, и были свидѣтели, что у него выходящій изо рта спиртъ самопроизвольно загорѣлся; и хотя я немедленно приказалъ отнести къ гражданской власти для разслѣдованія, но доселѣ не получилъ никакого о томъ извѣщенія.

— Я сдѣлаю съ своей стороны настояніе,—пообѣщалъ губернаторъ.—Что же до меня, то представляется мало вѣроятнымъ,—осторожно прибавилъ онъ,—самовозгораніе священника Крестовоздвиженскаго, несмотря на то, что дѣйствительно пьяница онъ былъ горчайшій, и полиціи съ нимъ приходилось часто имѣть непріятныя столкновенія. Такъ, въ одномъ вертепѣ онъ послѣдовательно каждую недѣлю въ теченіе всей послѣдней зимы билъ окна.

— Отъ моей консисторіи пахнетъ трупомъ,—пожаловался затѣмъ Ириной губернатору.

— Секретарь принимаетъ благодарности,—снисходительно сказалъ Цейдлеръ.—Увы, взятки—наше старинное зло.

— Мало сказать—«увы», ваше превосходительство,—строга произнесъ высокопреосвященный.—Я рѣшилъ вырвать сіе зло съ корнемъ. Немного дѣль я пересмотрѣль, а ужаснулся. Дѣти бьютъ своихъ родителей и отъ консисторіи объявляются невинными. Поповны, до вступленія по указанію консисторскихъ воротилъ въ бракъ, уже растлѣваются... И штатскіе хороши, сколько я замѣтилъ. Погибають отъ винопитія, мздомствують и разбойничаютъ... Безстыдство и сожженіе совѣсти повсемѣстное... Не хочу о семъ больше говорить. Посмотримъ, что дальше будетъ.

Губернаторъ опять постарался переимѣнить разговоръ:

— А какъ вашему высокопреосвященству пришло по вкусу наши сибирскія рыбы?

— Самъ-то я человекъ горячій,—пошутилъ Ириней, прищуривши глаза:—и рыбы не люблю за ея хладнокровіе, а, впрочемъ, ѣмъ для поддержанія существованія. Преимущественно же питаюсь растительной пищею.

Губернаторъ наконецъ откланялся.

III.

На другой день въ Воскресенской церкви собрался весь цвѣтъ иркутскаго чиновничества и купечества. Генераль-губернаторъ, залитый золотомъ и звѣздами, стоялъ на очень высокомъ мѣстѣ, окруженный нарядными дамами и свитой, тоже въ звѣздахъ и въ лентахъ, и смотрѣлъ на богослуженіе, какъ внезапно спустившійся съ облаковъ небесный воинъ. Солея была значительно ниже губернаторскаго возвышенія, а также и амвошь. Ириней съ трудомъ сдержалъ себя, когда увидѣлъ такое уничиженіе своего высокаго сана.

Въ алтарѣ онъ предъ священствующими воскликнулъ:

— Сѣдалище и со ступенями.—Еще я замѣтилъ, ему кадятъ по какому-то новому уставу... Господи, прости меня грѣшнаго!—возведя очи горѣ, вдохновенно произнесъ Ириней.

Въ роскошномъ облаченіи, въ панагін, переливавшейся драгоценными камнями, въ брильянтахъ и въ золотѣ, въ парчѣ, въ шелкахъ, въ блистающей митрѣ и съ сверкающимъ жезломъ совершалъ преосвященный Ириней богослуженіе; но когда его облачали и въ другіе моменты, онъ все скашивалъ глаза на генераль-губернатора Лавинскаго, и перья треуголки, которую тотъ держалъ въ рукахъ, внушали владыкѣ какое-то острое чувство, похожее на святую ненависть, одушевляющую нѣкогда мирликійскаго чудотворца въ его столкновеніяхъ съ градоначальникомъ.

Особенная честь, которую воздавали священнодѣйствующіе его высокопревосходительству, заключалась въ томъ, что они соборнѣ выстраивались передъ троподобнымъ сѣдалищемъ генераль-губер-

натора и, низко кланяясь, кадили ему всё разомъ, а онъ отвѣчалъ пріятнымъ склоненіемъ головы.

Увидавши кажденіе, Ириной постучалъ даже посохомъ по полу и, жестомъ подозвавъ, строго нахмурилъ брови и бросилъ священнодѣйствующимъ вполголоса:

— Человѣкопоклонники.

Выговоръ былъ услышанъ генераль-губернаторомъ, и, считая себя обиженнымъ, онъ не подошелъ къ кресту. Свѣтская и духовная власть явно не сошлись характерами.

Послѣ молебна былъ, какъ водится, на площади разводъ, а высокопреосвященный Ириной торопливо удалился къ себѣ и немедленно приказалъ донести въ святѣйшій синодъ о сѣдалищѣ со ступенями, самовольно устроенномъ для себя въ Воскресенской церкви генераль-губернаторомъ Лавинскимъ.

Цейдлеръ посѣтилъ архіерея.

Ириной строго взглянулъ на Цейдлера.

— Нехорошо,—сказалъ онъ.—Не подобаетъ.

— Но, ваше высокопреосвященство,—оправдывался губернаторъ:—развѣ вамъ не извѣстно, что нѣсть власть, аще не отъ Бога.

— Но если вы знаете такъ хорошо тексты, то должны были бы знать, что ему же честь—честь и ему же дань—дань.

— Александръ Степановичъ, какъ генераль-губернаторъ, является въ нашемъ краѣ представителемъ особы государя императора.

— Съ симъ не могу согласиться,—возразилъ Ириной.—Государь есть военный санъ. Долженъ также сообщить къ свѣдѣнію вашего превосходительства, что даже и особа государя императора подобнымъ образомъ не обкуривается во время богослуженія священнодѣйствующими.

Сдѣлалъ замѣчаніе архіепископъ особенно о возвышеніи, которое его возмутило.

— А большую обиду также,—продолжалъ онъ;—учинили мнѣ пѣвчіе. Съ позволенія сказать, это уже не православное пѣніе, а соблазнительное римско-католическое, и недостаетъ только танцовщицъ, чтобы окончательно превратить храмъ Божій въ увеселительное мѣсто.

— Ваше высокопреосвященство.

— Я все сказалъ.

Въ тотъ день въ городскомъ саду было гулянье. Играла музыка. Народъ валилъ толпами. Было много разряженныхъ чиновницъ, купчихъ, мѣщанокъ. На главной аллеѣ, луча сѣмечки, показалась фигура въ широкополой шляпѣ на затылкѣ и въ разстегнутой рясѣ, изъ-подъ которой выставлялся впередъ громадный животъ, опоясанный по подряснику широкимъ гаруснымъ поясомъ—по зеленому полю въ красныхъ розахъ.

— Эй, ко мнѣ, лебедушки, молодушки!—кричала странная фигура.

Женщины шарахались въ сторону.

— Отець Никифоръ. Соборный протоіерей.

— Жажду объятій съ достойнѣйшею!—кричалъ о. Никифоръ и вдругъ погнался за толстой купчихой. Она упала, онъ тоже упалъ. Мужъ освободилъ купчиху, а протоіерея пнулъ ногою. Отець Никифоръ приподнялся, опять упалъ и разразился сквернословіемъ. Его окружила веселая толпа.

— Что такое тамъ?—спрашивали въ заднихъ рядахъ.

— А слышь, отецъ Никифоръ чорту молебствуетъ.

Появились квартальные при шпагахъ въ красныхъ воротникахъ и въ ботфортахъ и сами присоединились къ любопытствующимъ. О. Никифоръ былъ подобенъ какой-то скворноизвергающей мельницѣ. Цѣлый часъ изрыгалъ онъ ругательства, пока не успокоился, не улегся поудобнѣе и не заснулъ на землѣ.

Вспавшись же, о. Никифоръ отправился еще въ собраніе и сдѣлалъ тамъ нападеніе на дамъ, послѣ чего былъ выведенъ казаками.

Губернаторъ Цейдлеръ послалъ коменданта Покровскаго доложить Иринею о подвигахъ о. Никифора.

— Отъ служенія въ каедральномъ соборѣ протоіерея Никифора Парнякова удалить—гнѣвно распорядился архіерей.

Черезъ нѣкоторое время Ириней говорилъ Цейдлеру, который поддерживалъ съ нимъ полуофициальныя, полудружескія отношенія:

— А не думалъ я, что придется мнѣ погрязать въ столь непріятной и мелкой борьбѣ,—я окруженъ порокомъ. Ректоръ семинаріи оказался еще большимъ чудовищемъ, чѣмъ каедральный протоіерей. Не говорю уже о томъ, что онъ имѣетъ страсть пересѣкать пополамъ семинаристовъ, подвергая ихъ тяжкимъ истязаніямъ на воздухѣхъ... Тьфу, срамота, не могу всего рассказать. Прямо неизъяснимые ужасы.

Осенью жаловался Ириней губернатору:

— Чудовище-то, ректоръ семинаріи, пятнадцать тысячъ при-таилъ, и не могу отъ него вытребовать ихъ. Училищная комиссія адресовала на мое имя для построенія въ Иркутскѣ училища, а онъ ихъ царашнулъ. И нынѣ съ чиновниками губернскаго правленія и самую кабацкою подлостью гдѣ попало куролесить и съ непотребными особами время проводить.

— Ваше высокопреосвященство, наши иркутскіе нравы, дѣйствительно, ужасны,—говорилъ на это губернаторъ.—Но все относительно. Въ студеномъ краѣ нашемъ, гдѣ температура доходитъ чуть не до шестидесяти градусовъ, только и возможно поддерживать равновѣсіе значительнымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ, а отсюда порождается пристрастіе къ нимъ. Откровенно признаюсь вашему высокопреосвященству—самъ пью.

— Но, однакоже, не до положенія ризъ.

— Таковыхъ не имѣю,—пошутилъ губернаторъ.—Разумѣется, я умѣю себя сдерживать. Но и предшественникъ вашъ, покойный Михаилъ, вкушалъ и даже иногда сверхъ уровня. Что же касается денегъ, то онѣ найдутся, ибо Сибирь богата. «Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами»... Помните, ваше высокопреосвященство?

— Генераль-губернаторскую солею слѣдовало бы разобрать,—сказалъ между прочимъ преосвященный Ириней.

— Въ Воскресенской церкви?

— Такъ.

— Ваше высокопреосвященство, не смѣю обременять васъ никакими совѣтами и даже дружескими представленіями, но полагаю, что это было бы лишнее, такъ какъ и безъ того, борясь съ пьянствомъ, со взятками и съ развратомъ, какъ среди штатскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, вы уже вооружили противъ себя общество.

— Я вооружилъ противъ себя общество?—живо вскричалъ Ириней.—Неужели же общество все состоитъ изъ пьяницъ, воровъ и разбойниковъ?

Губернаторъ не отвѣтилъ на вопросъ архіерея, но сказалъ:

— Сильная рука, на которую вы опирались бы въ предпринятой вами борьбѣ, для васъ прямо необходима.

— Единая десница, на которую опираюсь—Его пресвятая воля,—набожно сказалъ архіерей и показалъ на образа.

IV.

Стояла иркутская зима.

Вечеромъ доложилъ келейникъ владыкѣ, что на архіерейской кухнѣ находятся двѣ молодыя монахини, со слезами умоляющія принять ихъ и выслушать, такъ какъ онѣ бѣжали изъ обители отъ великаго соблазна.

— Изъ какой обители?

— Изъ здѣшняго иркутскаго женскаго монастыря.

Владыка пилъ чай.

Вошли монахини и повалились ему въ ноги съ плачемъ.

— Въ чемъ ваше дѣло и какая ко мнѣ надобность?—спросилъ Ириней, стараясь придать голосу кротость.

— Владыка!—стали вопить монахини одна за другой:—въ нашей обители мерзость заустѣнія и наша игуменья Иларія одержима бѣсами, а самый-то главный бѣсъ—ея братъ, который весь монастырь забралъ въ руки, нещадно его грабитъ и опустошаетъ, а молодыхъ монахинь и послушницъ безчеститъ и по средамъ, и по пятницамъ, и съ субботы на воскресенье.

Монахини вопили и припадали къ землѣ, но, мало-по-малу успокоенныя, онѣ рассказали о порядкахъ въ обители всѣ подробности, и новые «неизъяснимые ужасы» узналъ владыка. Монахинь били, истязали, если онѣ не покорствовали брату игуменю, извѣстному иркутскому богачу Баснину, который подъ видомъ благотворительности обратилъ его въ свою доходную статью: золотилъ иконостасъ и купола, а монастырскія деньги забиралъ себѣ. Въ запойные же дни прѣзжалъ съ гостями-забуддыгами и требовалъ къ себѣ монахинь.

Иринея горячо принялся за дѣло, въ особенности, когда узналъ, что Баснину потворствуетъ Лавинскій; и игуменю Иларію удалили отъ управленія монастыремъ.

— Не могу терпѣть,—говорилъ Иринея.—Будучи столь распространень, что какъ бы второе мѣсто послѣ папы римскаго занимаю, полагаю себя сосудомъ, который нарочно избранъ и поставленъ на борьбу съ пьянствомъ, развратомъ, беззаконіемъ и высокомеріемъ.

Уже осенью Иринея пробовалъ объѣзжать епархію, но вскорѣ вернулся, такъ какъ приходы отстояли другъ отъ друга на сотни верстъ, и, чтобы объѣхать всю территорію, подлежащую его духовной власти, надо было употребить нѣсколько лѣтъ. Конечно, лестно было, что—такая необъятная епархія; но необъятное необъятно, и архіепископъ, невольно удерживая въ своемъ воспоминаніи музыку колокольнаго звона, съ которымъ встрѣчали его въ сибирскихъ городахъ, ближайшихъ къ Иркутску, вернулся домой—наступили ранніе морозы, и осень сразу превратилась въ лютую зиму. Архіерей отложилъ до весны прерванный объѣздъ епархіи, а зимніе мѣсяцы рѣшилъ посвятить борьбѣ съ иркутскими пороками, умноженію своего духовнаго вліянія на развращенное общество, укрѣпленію Богомъ дарованной ему власти надъ душами человѣческими и сокрушенію роговъ генераль-губернаторской гордыни, которую онъ почиталъ сугубымъ смертнымъ грѣхомъ.

Когда онъ входилъ въ консисторію, всѣ чиновники трепетали передъ нимъ. Онъ выхватывалъ дѣла наугадъ изъ консисторскихъ шкаповъ, разсматривалъ у себя и уже на другой день разносилъ мздоимцевъ и злодѣлателей. Они только отмалчивались и кланялись, но ненависть ихъ къ строгому архіепископу росла съ каждымъ днемъ.

Одинъ только членъ консисторіи протоіерей Канарскій относился къ преосвященному Иринею хотя и съ трепетомъ, но съ любовью и преданностью. На видъ это былъ очень смиренный человѣкъ съ добрыми глазами, худой и русавый, весь въ веснушкахъ, но таившій въ душѣ негодованіе и озлобленіе; и ему была извѣстна вся лѣтопись мѣстныхъ безобразій и черныхъ дѣлъ, чѣмъ онъ и дѣлился съ архіепископомъ въ свободныя минуты.

V.

Архіерей сталъ поучать иркутское общество въ проповѣдяхъ и громилъ взятки, произволь, развратъ, предавалъ проклятію блудниковъ и мздоимцевъ и не стѣснялся называть важнѣйшихъ лицъ по именамъ, уличая ихъ въ тяжкихъ грѣхахъ; Баснина онъ особенно не стѣснялся поносить словами гнѣва, и такъ какъ всему Иркутску было извѣстно, что богачъ отъ времени до времени принимаетъ у себя генераль-губернатора и водить съ нимъ хлѣбъ-соль, то архіерейскія разоблаченія падали въ иркутское общество, какъ огненные стрѣлы, и его высокопревосходительство Александръ Степановичъ провелъ не одну безсонную ночь, косвенно допекаемый его высокопреосвященствомъ.

Для того же, чтобы сбить рога съ генераль-губернаторской гордыни, преосвященный Ириней устремилъ особенное вниманіе на возвышеніе, на которомъ красовался Александръ Степановичъ Лавинскій, и Воскресенскую церковь рѣшили сдѣлать полемъ преславной борьбы своей съ свѣтской властью. Такъ какъ рабочіе, получившіе приказаніе отъ архіерея разрушить мѣсто, на другой же день, получивъ противоположное приказаніе отъ генераль-губернатора, вновь возвели его, то Ириней, собственноручно измѣривъ «генераль-губернаторскую солею», повелѣлъ поднять свой амвонъ на нѣсколько вершковъ выше.

Въ ближайшій высокаторжественный день иркутское аристократическое общество увидѣло любопытное зрѣлище. Генераль-губернаторъ съ треуголкой, украшенной прелестными перьями и залитый золотомъ и орденами, со всѣмъ своимъ блестящимъ синклитомъ оказался ниже архіерея, который скромно и какъ бы весело возвышался надъ нимъ, кротко совершая богослуженіе и даже ни разу не взглянувъ въ сторону генераль-губернатора.

Александръ Степановичъ не могъ стерпѣть такой обиды. На первый день Рождества всѣ присутствовавшіе въ храмѣ увидѣли, что мѣсто его уже возвышалось надъ архіерейскимъ, и преосвященный Ириней на этотъ разъ металъ молніеносные взгляды на генераль-губернатора, который, напротивъ, былъ въ чудесномъ настроеніи духа и набожно, хотя, конечно, съ сохраненіемъ своего достоинства, крестился на иконостасъ.

Но зато на новый годъ торжествовалъ Ириней. Рабочіе ночью, несмотря на великій праздникъ, подняли амвонъ ровно на четверть аршина, такъ что во время богослуженія преосвященный уже возвышался надъ генераль-губернаторомъ, и духовная власть заняла подобающее ей мѣсто. Кромѣ того, въ поясѣ, на которомъ покоится куполь, были выставлены темностекольные окна, синія и красныя, и замѣнены свѣтлыми и, повидимому, другого размѣра, такъ что,

по случаю солнечной погоды, яркій свѣтъ упалъ прямо на величавую фигуру Иринея и явилъ его во всемъ блескѣ его славы. Митра его испускала нестерпимый блескъ и лучилась наподобіе главы Моисея.

Генераль-губернаторъ даже поблѣднѣлъ и съ половины обѣдни уѣхалъ домой подъ предлогомъ нездоровья.

Соблюдая обычай, къ архіерею должны были бы поѣхать на чай и на завтракъ высшіе губернскіе чины, но все такъ устрашились возможности навлечь на себя гнѣвъ генераль-губернатора послѣ этой явной побѣды духовной власти надъ свѣтскою, что дерзнули посѣтить Иринея лишь немногіе и въ томъ числѣ прокуроръ, ибо прокуроры въ николаевское время считали себя независимымъ словомъ.

— Какъ вы величаво вознеслись, ваше преосвященство,—сказалъ онъ за завтракомъ.

Архіерей, вкусивъ семги, произнесъ:

— А развѣ было замѣтно?

Прокуроръ на это сказалъ:

— Не могу представить себѣ, какія дальнѣйшія фазы приметъ сей споръ Генриха IV съ Григоріемъ VII.

— А что, и вамъ пришло въ голову сравненіе съ папой?—спросилъ Иринея и сейчасъ же добавилъ:

— Нѣтъ, куда же намъ. Хотя долженъ сказать, что распространеніе епархій, ввѣренной мнѣ Промысломъ, довольно значительное и превосходить по пространству всю Европу, и даже не двукратно ли.

Губернаторъ Цейдлеръ, подойдя подъ благословеніе къ архіерею, задержалъ его руку въ своей.

— Не сообщите ли мнѣ какой-нибудь пріятной новости?—благодарно спросилъ Иринея.

— Я очень радъ былъ бы сообщить вашему высокопреосвященству новость, но какую же?

Видь у губернатора былъ озабоченный, и глаза его тревожно блѣгли.

— Его высокопреосвященство,—сказалъ насмѣшливо прокуроръ:—не прочь былъ бы узнать отъ васъ, что его высокопревосходительство грядетъ вслѣдъ за вами къ нему на завтракъ.

Цейдлеръ промолчалъ.

— Дѣйствительно, прискорбно мнѣ, что я доселѣ не удостоился увидѣть у себя за скромной трапезой своей господина Лавинскаго,—сказалъ Иринея, прищуривъ глаза.—А сегодня можно было бы соблюсти хотя бы приличіе... Долженствовало засвидѣтельствовать отношеніе свѣтской власти къ духовной, какъ подобаетъ, и тѣмъ явить примѣръ развращенному обществу.

— А интересно знать,—спросилъ прокуроръ:—можно ли еще будеть хоть на вершокъ поднять генераль-губернаторское мѣсто?

— Нельзя,—съ увѣренностью отвѣчалъ архіерей:—помѣшаютъ капители и иконы, которыхъ невозможно заслонить, не нарушая святости храма.

— А доколѣ амвонъ можетъ возвышаться?

— До люстры еще далеко,—отвѣтствовалъ архіерей съ дальновидной улыбкой на устахъ.

— Жаль, что иконы помѣшаютъ,—легкомысленно заключилъ прокуроръ.

VI.

Тѣмъ не менѣе на Богоявленіе иконы были сняты и развѣшены по стѣнамъ, а вмѣсто нихъ прибиты были новыя, принесенныя изъ другихъ церквей, меньшаго размѣра, такъ что генераль-губернаторское мѣсто оказалось возможнымъ поднять еще на одну ступень.

Увидѣвъ беспорядокъ, архіерей обвелъ строгими глазами стѣны храма и прервалъ служеніе.

Онъ медленно сошелъ съ амвона и удалился въ алтарь, залившись слезами.

Такое чрезвычайное происшествіе повергло въ ужасъ всѣхъ предстоящихъ. Но, облеченный высокою властью, Александръ Степановичъ Лавинскій не растерялся. Онъ отвѣсилъ набожный поклонъ иконостасу, обѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Впрочемъ, вполголоса произнесъ, такъ что всѣ услышали:

— Архіерей съ ума сошелъ.

Послѣ чего наконецъ спустился со ступенекъ своего возвышенія, обитато коврами, и истекъ изъ церкви вмѣстѣ со всѣмъ блестящимъ синклитомъ и лучшими гражданами Иркутска.

Преосвященный Ириней съ презрѣніемъ отнесся къ возведенной на него клеветѣ, что будто онъ лишился способности благоразумно управлять своими поступками, и въ теченіе цѣлаго ряда богослуженій, совершенныхъ имъ въ послѣдующіе мѣсяцы, исключительно уже въ кафедральномъ соборѣ, отличался большею, чѣмъ когда-либо исправностью, внимательностью ко всѣмъ церковнымъ правиламъ и неописуемымъ величіемъ.

Генераль-губернаторъ на архіерейскихъ богослуженіяхъ, естественно, больше не присутствовалъ.

Весною Ириней предполагалъ возобновить объѣздъ епархіи, но встрѣтилось препятствіе со стороны широко разлившихся рѣкъ, а затѣмъ онъ вступилъ въ борьбу съ другомъ преслѣдуемаго имъ богача Васнина, съ нѣкимъ Григорьевымъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, который былъ сосланъ въ Сибирь за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій и, имѣя выгравированную мѣдную доску, пользовался привилегіей печатать ею антимины для иркутскихъ церквей. Несмотря на всѣ представленія Иринея, свѣтская власть молчала от-

носителю Григорьеву, и это заставляло преосвященнаго писать доношенія въ Петербургъ, которыя, въ свою очередь, оставались тщетными. Бывало, оберъ-прокуроръ, князь Мещерскій, всегда отвѣчалъ на письма и представленія Иринея, нынѣ же безмолствовалъ. Кромѣ того, занимала преосвященнаго Иринея еще борьба съ хоромъ пѣвчихъ, заведенныхъ генераль-губернаторомъ Лавинскимъ. Ириной отъ времени до времени бросалъ стрѣлы въ «римско-католическую оперу», какъ онъ называлъ хоръ Лавинскаго въ своихъ краткихъ, но сильныхъ проповѣдяхъ и ученіяхъ.

VII.

Преосвященный обдумывалъ планъ новой кампаніи. Приближенному протоіерею Канарскому онъ открылъ:

— Повѣстки буду разсылать съ требованіемъ неукоснительной явки свѣтскихъ властей въ каѳедральный соборъ, а то весьма распустились, и надо заставить уважать духовную власть, такъ что начну отлучать отъ церкви и запрещать—отъ Лавинскаго же намѣренъ потребовать удостовѣренія, не римскій ли онъ католикъ. А затѣмъ государю представлю о необходимости назначенія на генераль-губернаторскія мѣста не токмо русскихъ, но и православныхъ сановниковъ.

Ириной не подозрѣвалъ, что надъ его головой собралась уже гроза. Генераль-губернаторъ, а можетъ и другое лицо—весьма возможно, что насмѣшливый прокуроръ—сообщилъ въ Петербургъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ государю Николаю Павловичу о помраченіи разума архіепископа Иринея, и тогда оберъ-прокуроръ князь Мещерскій предложилъ синоду въ концѣ юня 1831 г.:

«По дошедшимъ до государя императора свѣдѣніямъ о безпорядкахъ, происшедшихъ въ иркутской епархіи во время управленія оною архіепископа Иринея, и о предосудительныхъ его дѣйствіяхъ, по коимъ полагать должно, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, его величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: удалить его немедленно отъ управленія епархіею и запереть въ монастырь по усмотрѣнію св. синода съ назначеніемъ ему содержанія».

Надлежало бы, конечно, разслѣдовать дѣло и испытать умственные способности архіерея, но синодъ былъ всегда покорнымъ слугою свѣтской власти; въ этомъ отношеніи онъ не раздѣлялъ взглядовъ архіепископа Иринея и до небснаго свода коллективной главой своей не стремился достигать; а посему 9 іюля подписалъ постановленіе, по которому архіепископъ Ириной удаленъ былъ отъ управленія епархіею съ воспрещеніемъ ему священнослуженія; и ему назначено было пребываніе въ вологодской епархіи, въ Спасо-

Прилуцкомъ монастырѣ, подъ бдительнымъ надзоромъ мѣстной духовной власти.

24 сентября 1831 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, къ великой радости своей, получилъ отъ оберъ-прокурора св. синода конфирмованный государемъ докладъ объ удаленіи архіепископа Ириней и о препровожденіи его въ Спасо-Прилуцкій монастырь съ нарочнымъ чиновникомъ.

Не замедлено было потребовать отъ преосвященнаго Ириней сдачи казенныхъ суммъ въ вѣдѣніе духовной консисторіи, которая, узнавъ объ удаленіи Ириней, отпраздновала это событіе вкупѣ съ ректоромъ и профессорами мѣстной семинаріи грандіознымъ пнѣнствомъ, къ которому присоединился, въ предвидѣніи возстановленія своихъ правъ, и бывший каедральный протоіерей Никифоръ Парняковъ.

VIII.

Сначала Ириней принялъ ударъ судьбы съ кротостью. Онъ возвелъ только глаза горѣ. Даже попросилъ лично губернатора Цейдлера исправить въ мѣстномъ ремесленномъ домѣ его экипажъ для предстоящаго дальняго путешествія. Это было немедленно исполнено. Но, можетъ быть, созерцаніе географической карты, которому предавался преосвященный въ ожиданіи отъѣзда, постепенно настроило его на другой ладъ.

— Столь обширная епархія—величайшая въ мірѣ, вторая послѣ папской распространенности, двукратная Европа — и изъежится отъ меня... по какому праву?

20 сентября, утромъ въ 8 часовъ, генераль-губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій Голубовъ прибылъ къ преосвященному въ домъ.

Доложивъ о себѣ и будучи принятъ Иринеемъ, онъ подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Имѣю честь сообщить вашему высокопреосвященству, что я назначенъ сопутствовать вамъ до Вологды, — вѣжливо сказалъ онъ.

— Принимаю слова твои въ видѣ принужденія, — грозно отвѣчалъ Ириней.

— Ваше высокопреосвященство, я здѣсь по долгу службы.

— Но ты намѣренъ меня схватить.

— Ваше высокопреосвященство, я не знаю, что сказать въ отвѣтъ на такой вопросъ. Развѣ не вѣдомо вамъ, что имѣется указъ святѣйшаго синода и на ваше мѣсто уже назначенъ архіерей Мелетій.

— Такъ если назначенъ, я долженъ сдать ему соборъ и всѣ принадлежности. Но помимо всего нахожу, — гнѣвно прищуривъ глаза, произнесъ Ириней: — что присланный указъ насчетъ смѣны меня есть подложный.

— Почему же, ваше высокопреосвященство, сомнѣваетесь?

— Поелику всѣ именныя указы должны быть печатныя. Наконецъ,—закричалъ архіерей, страшно ободренный высказаннымъ предположеніемъ своимъ:—никакого архіерея Мелетія на мое мѣсто не назначено, враки. Отвѣчать будешь.

Онъ потрясъ пальцами передъ лицомъ Голубова.

— Жестоко отвѣтишь. Лишать тебя чиновъ и мундира.

Голубовъ впалъ въ растерянность, а архіерей быстро повернулся, удалился въ другую комнату, надѣлъ на себя аннинскую звѣзду и брилльянтовую панатію и снова вернулся къ Голубову съ крикомъ:

— Отдать себя гражданскому начальству я не желаю. Еще Лавинскій у меня наплачется. Босикомъ заставлю его стоять въ передней.

Стремительно вышелъ Иринея изъ дому, а Голубовъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ваше высокопреосвященство. Я явился вовсе не для того, чтобы схватить васъ. Наконецъ, назначьте сами день. Даю вамъ слово, что время отравленія вашего непринужденно.

— Оставь меня!—возопилъ архіепископъ и, сильно схвативъ Голубова за руку, потряхнулъ его.—Оставь!

Голубовъ не отставалъ.

Тогда Иринея схватилъ его за мундирный воротникъ и потрясъ. На дворѣ онъ схватилъ его за шпагу, подвелъ къ часовому, который стоялъ у собора, и приказалъ:

— Задержать.

На дворъ выскочили казначей и разные служители.

— Задержать!—величественно приказывалъ архіерей.—Арестовать его! Послать за часовыми!

Онъ говорилъ грозно, убѣдительно, какъ отъ Бога власть имѣющій. Ему повиновались, и пришли еще часовые.

— Отвести его на гауптвахту!—распорядился архіерей.

Голубовъ испуганно обратился къ казначею:

— Защитите меня, пожалуйста. Развѣ не видите, что происходитъ. И не пускайте его на улицу.

И дѣйствительно, казначей, изъ уваженія къ свѣтской власти, взвѣсивъ обстоятельства, пытался было задержать архіерея, но подоспѣли часовые, за которыми сбѣгалъ какой-то церковникъ, и простые люди. Иринея обратился къ нимъ:

— Вотъ пришелъ дѣлать надо мной насиліе, а я прошу вашей защиты.

Люди окружили Голубова. Онъ отдалъ свою шпагу и сказалъ:

— Считаю бесполезнымъ сопротивляться.

— Ведите его,—приказалъ архіерей.

Голубовъ подъ конвоемъ вышелъ вмѣстѣ съ архіереемъ изъ соборнаго дома.

— На гауптвахту!—командоваль Ириней.

У московскаго плагбаума стояли солдаты. Архіерей, брильянтовая панагія котораго горѣла, какъ малое солнце, обратился къ нимъ:

— Православные воины, защитите... Помогите одолѣть князя тьмы.

Солдаты присоединились къ шествію. Къ солдатамъ присоединился народъ. Архіепископъ шель впереди, предводительствуя скопищемъ. Глаза его горѣли гнѣвомъ. Онъ размахивалъ руками, былъ блѣденъ и страшенъ. Всѣмъ встрѣчнымъ объяснялъ:

— Слушайте, сей чиновникъ хотѣлъ меня схватить, а заговоръ такой: не допустить меня къ сдачѣ собора, зарѣзать въ дорогѣ и объявить потомъ, что я въ помѣшательствѣ зарѣзался самъ.

Простыя бабы, видя архіерея въ такомъ возбужденіи и впереди толпы, съ воемъ подбѣгали къ нему, цѣловали его руки и увеличивали собою отрядъ.

Такъ прибылъ преосвященный Ириней на главную гауптвахту. Его встрѣтилъ съ недоумѣніемъ на лицѣ плацъ-майоръ.

Всѣ вступили въ кордегардію.

— Задержать его!—приказалъ архіерей.

Но плацъ-майоръ освободилъ Голубова, который немедленно отправился къ генераль-губернатору.

Со всѣхъ улицъ и площадей сбѣгался народъ. Толпа увеличилась до внушительныхъ размѣровъ.

— Боюсь, какъ бы еще беспорядковъ какихъ не вышло,—сказалъ плацъ-майоръ дежурному офицеру и велѣлъ вызвать карауль.

Солдаты выступили и выстроились около главной гауптвахты. Ириней сталъ ходить вдоль рядовъ и громко говорить:

— Указъ объ устраненіи меня есть ложный и поддѣльный. Если бъ онъ былъ дѣйствительный, то онъ былъ бы напечатанъ, а непечатнымъ указамъ вѣрить не должно, и вы не вѣрьте. Братцы, призываю васъ къ себѣ на помощь. Пойдите за святителя. А я вмѣстѣ съ вами готовъ умереть. Если вы меня избавите отъ преслѣдующихъ и выручите, то поступите во имя Бога, его императорскаго величества, религіи и закона.

Изъ глазъ его брызнули слезы. Архіерей пришелъ въ изступленіе.

— Духъ Святой владѣть мною!—обратился онъ съ громовымъ словомъ къ народу, собравшемуся на площади, и поднялъ руки къ небу.

— Внемлите. Обращаюсь къ вамъ. Не дайте меня въ обиду. Выручите. Меня хотять посадить въ тюрьму и зарѣзать. Никакого указа никогда не было. Все это обманъ и подлогъ. И нѣтъ такого даже архіепископа Мелетія. Ложный и вздорный слухъ, которому не слѣдуетъ вѣрить. А напротивъ, необходимо сейчасъ же отправить молебствіе о новорожденномъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

IX.

Прискакаль генераль-губернаторъ Лавинскій въ полной парадной формѣ. Перья развѣвались на его треуголкѣ. Онъ сбросиль шинель на руки камердинера и вышелъ изъ коляски.

— Ваше высокопреосвященство, — утонченно-вѣжливо обратился онъ къ архіепископу:—успокойтесь. Отнесите къ волѣ государя императора съ надлежащей внимательностью.

— Я внимателенъ къ волѣ государя императора!—закричалъ Ириней.—Но не вижу ея выраженія.

— Пожалуйста, возвратитесь домой и не представляйте для войска и для народа соблазнительнаго зрѣлища. А я вамъ объясню лично; и изъ письма князя Мещерскаго, которое я получилъ и руку котораго вы знаете, вы удостовѣритесь, что указъ не подложный.

— Друзья,—съ усмѣшкой обратился Ириней къ солдатамъ:— не вѣрю, и вы не вѣрьте. Ибо князь тѣмъ хитеръ и ловокъ въ разставленіи сѣтей для погубленія святителей Божіихъ!

Лавинскій не позволиль себѣ ни малѣйшаго грубаго слова. Лицо его сіяло скорѣе кротостью и нѣжностью. Онъ уговариваль архіерея и нѣсколько разъ старался взять его за руку, но Ириней вырываль руку.

— Знаю, кому обязанъ я репутаціей безумца. Но государь не можетъ нарушить законъ, и безъ изслѣдованія никого нельзя посадить въ сумасшедшій домъ. Благодать Божія почіетъ на мнѣ, и сила Вышняго оградитъ меня отъ моихъ враговъ, и ложь ихъ и обманъ обнаружатся.

— Ваше высокопреосвященство, увѣряю васъ,—кратко продолжалъ убѣждать его Лавинскій, идя съ нимъ рядомъ:—васъ повелѣно только смѣстить, а освидѣтельствванія для этого никакого не требуется. И повелѣно васъ содержать въ монастырѣ, а не въ больницѣ. Все мы непосредственно зависимъ отъ нашего справедливейшаго и всемилостивѣйшаго государя.

— Однакоже о новорожденномъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ молебствія не было,—укоризненно произнесъ архіепископъ.

— Молебствіе будетъ, и о семъ вы не беспокоитесь. А ежели народъ сдѣлается свидѣтелемъ вашего униженія, то событіе это для меня будетъ очень прискорбно, между тѣмъ какъ я принужденъ буду, въ крайнемъ случаѣ, употребить силу для водворенія васъ въ архіерейскомъ домѣ.

Ириней устремиль взглядъ на небеса и по нѣкоторомъ размышленіи внезапно успокоился, какъ бы получивъ совѣтъ свыше, и сказалъ:

— Арестуйте меня, да сбудется воля Господня, но не иначе, какъ чрезъ коменданта, ибо гражданской власти не довѣряю.

Съ гауптвахты послали чиновника за комендантомъ, который немедленно прибылъ. Самъ генераль-губернаторъ изъявилъ желаніе сопровождать архіерея. Генераль-губернаторская коляска слѣдовала издали. Лавинскій, комендантъ и нѣсколько чиновниковъ окружили архипастыря и такъ шли съ нимъ до архіерейскаго дома. Ириной потребовалъ еще, чтобы солдаты провожали его.

— Иначе не пойду, — объявилъ онъ. — Ввѣряю себя вамъ, христолюбивые воины, и увѣщаваю васъ избавить меня отъ отсылки, ибо еще разъ свидѣтельствую Богомъ живымъ, что указы обо мнѣ суть подложные и что я есть настоящій архіепископъ иркутскій, а Мелетія никакого не будетъ; если же и будетъ, то самозванецъ.

Генераль-губернаторъ и всѣ чиновники молчали. Ириной хотя и протестовалъ и оставался при своемъ мнѣніи о подложности указа, но становился все спокойнѣе, и Лавинскій кротко приказалъ коменданту поставить ко всѣмъ выходамъ архіерейскаго дома караульныхъ.

— Никого не впускать къ преосвященному Ириною, — приказалъ онъ: — кромѣ духовныхъ лицъ и врача, и объявить ему именемъ его величества, что въ этомъ положеніи онъ долженъ оставаться до воспослѣдованія высочайшаго разрѣшенія.

Ириной какъ бы покорился. Но душа его томилась и искала распространенія. Навѣстилъ его врачъ.

Генераль-губернаторъ спросилъ у врача послѣ визита его къ архіерею:

— Продолжаетъ ли обнаруживать признаки помѣшательства?
 Пѣтъ, ваше высокопревосходительство, никакихъ признаковъ помѣшательства онъ не обнаруживаетъ, — отвѣчалъ врачъ.

— А что онъ говоритъ объ указахъ?

— Не перестаетъ твердить о подложности ихъ.

Х.

Генераль-губернаторъ послалъ всеподданнѣйшій докладъ съ курьеромъ въ Петербургъ съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ происшедшихъ событій. вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія государя, какъ дальше поступить.

Черезъ недѣлю Цейдлеръ вмѣстѣ съ комендантомъ генераломъ Покровскимъ посѣтили Ириной.

Онъ вышелъ къ нимъ въ черномъ одѣяніи и въ брильянтовой панаги. Глаза его смотрѣли привѣтливо изъ-подъ клобука.

— Какъ поживаете, господа! — ласково спросилъ онъ.

— Слава Богу, — отвѣчали гости: — вашими молитвами живемъ и здравствуемъ.

— А позволите узнать о вашемъ здоровьѣ?—спросилъ Цейдлеръ.

— О семь прошу не спрашивать,—горячо произнесъ архіерей.— Я знаю, къ чему вы сіе клоните. Нѣтъ, я здоровъ и даже черезчуръ здоровъ, потому что я вижу всѣ ваши самыя тайныя помышленія. Вы хотите сдѣлать намекъ, что я придаю большое значеніе непечатности указа, якобы отрѣшающаго меня отъ мѣста въ такое время, когда я только что началъ знакомиться съ епархіей и приносить нѣкоторую пользу паствѣ, обличая пороки, въ которыхъ она погрязаетъ—какъ-то: развратъ, маловѣріе и гордыню. А извѣстно ли вамъ, ваше превосходительство, о томъ, что возмущенія, бывшія въ царствованіе императрицы Екатерины блаженныя памяти, всѣ происходили отъ ложныхъ указовъ, почему письменнымъ и не приказано было вѣрить, что доселѣ не отмѣнено.

— Ваше высокопреосвященство,—возразилъ губернаторъ:— относится это къ дѣламъ, которыя во всемъ государствѣ должны быть извѣстны, а дѣла, къ лицамъ или одной части принадлежащія, исполняются по письменному указу.

— Позвольте мнѣ на сіе замѣтить,—горячо вскричалъ архіепископъ:—что о назначеніи моемъ въ иркутскую епархію послѣдоваль печатный докладъ святѣйшаго синода.

— Для циркулярнаго свѣдѣнія и разсылки въ другія епархіи,—пояснилъ губернаторъ.

— Софизмы!—возопилъ Иринея.—Пустые софизмы, господа.

— Ваше высокопреосвященство, развѣ вы искренно не вѣрите въ подлинность указа?—спросилъ губернаторъ съ улыбкой.

Преосвященный Иринея прищурилъ глазъ и тихонько засмѣялся.

— Черезъ разныя хитрости мнѣ надо было вывѣдать расположеніе умовъ.

— Черезъ какія же?

— Еще высокопреосвященный патріархъ константинопольскій, при свиданіи со мною, говорилъ обо мнѣ, что рѣдко такой хитрости найти можно,—похвастался архіерей.

Цейдлеръ вопросительно посмотрѣлъ на генерала Покровскаго, который слегка вздохнулъ.

— Получивъ указъ святѣйшаго синода на мое имя,—продолжалъ признаваться Иринея:—я, господа, семь дней удерживалъ его безъ огласки и съ того времени старался знакомить солдатъ съ своей особой, для чего подъ видомъ прогулки выходилъ къ стоявшимъ у собора и у московскаго шлагбаума часовымъ и караульнымъ и разговаривалъ съ ними и готовилъ ихъ къ тому, что ежели мнѣ нужна будетъ защита войска, то чтобъ они уже знали, что изъявленіе готовности моею къ отъезду было только хитрость. А когда начали почищать экипажъ мой въ ремесленномъ домѣ, то единственно съ тою цѣлью объ этомъ мое было ходатайство, чтобы всѣ каторжане узнали о готовящемся моемъ отъездѣ и пришли бы въ волненіе.

— Не понимаю, ваше высокопреосвященство. Если неотглашеніе указа было только хитростью, то, значить, вы уже имѣли въ немъ увѣренность, какъ о подлинномъ.

— Ничуть, а ясно для меня только стало существованіе противъ меня глубокихъ интригъ, питаемыхъ моею борьбою съ мѣстными пороками и преимущественно съ гордынею.

Комендантъ сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, никто къ выѣзду теперь ваше высокопреосвященство принуждать не будетъ, доколѣ изъ Петербурга не пріѣдетъ довѣренная особа.

— Э-э-э!—весело вскричалъ архіепископъ.—Да можно нарядить какого угодно обманщика въ генеральскій мундиръ и обвѣщать его орденами для того только, чтобы выманить меня изъ Иркутска и тогда умертвить. Никакая сила не выведетъ меня отсюда, и князь тьмы не восторжествуетъ надъ служителемъ Божиимъ, доколѣ не будетъ предъявленъ печатный указъ.

Архіепископъ сидѣлъ на диванѣ, а гости на стульяхъ. Наконецъ они поднялись и стали прощаться. Ириной, когда Цейдлеръ слегка наклонился передъ нимъ, прося благословенія, вдругъ упалъ на колѣни и протянулъ руки къ ногамъ губернатора.

— Вы ко мнѣ расположены!—вскричалъ онъ.—Спасите меня и выпутайте изъ сего дѣла, какъ и я избавилъ нѣкогда одного губернатора съ его семействомъ изъ великой бѣды!

Крайне смущенный, Цейдлеръ старался поднять архіерея. Когда же онъ поднялъ его и не поцѣловалъ какъ бы печально протянутой руки Ирины, то архіерей пришелъ въ негодованіе.

— А, впрочемъ, не вѣрю въ вашу дружбу,—гнѣвно заявилъ онъ:—и будетъ время, отольются волку овечьи слезки. Кто съ архимандритомъ Иларіемъ, чудовищнымъ ректоромъ семинаріи, хотѣлъ скрыть отъ меня пятнадцать тысячъ и извинять климатическими условіями его развращенность? Клянусь, все будетъ выведено.

— Не шутите ли вы, ваше высокопреосвященство?—пожавъ плечами, сказалъ губернаторъ.—Вы меня просто оскорбляете.

— Извините меня, если я васъ оскорбилъ. Я ни больше, ни меньше, какъ только смиренный инокъ, являющій собою незамѣтную точку на огромномъ лицѣ вѣреннаго мнѣ промысломъ Божиимъ епархіальнаго распространенія, какъ я вамъ уже неоднократно докладывалъ, двукратно превышающаго Европу. Что же касается секретаря, который разослалъ уже подложный указъ священникамъ, то онъ будетъ наказанъ кнутомъ. Всѣ же преданные іереи и протоіереи получаютъ отъ меня рясы и богатые пояса. Все сіе дѣло будетъ пересмотрѣно, и горе тѣмъ, которые въ трудную для меня минуту не протянули мнѣ руки. А мѣста я не потеряю.

— Отъ всей души желаю вамъ всего хорошаго,—уклончиво проговорилъ Цейдлеръ.

Генераль-майоръ Покровскій поклонился.

— А главное,—закричала Иринея:—на гауптвахту меня больше взять нельзя. Народъ и войска вступятся за меня, ибо есть мѣра долготерпѣнія и не до краевъ наполняется сосудъ беззаконія.

— Васъ никто на гауптвахту не бралъ.

— Какъ не бралъ? А чиновникъ Голубовъ, о чемъ ясно засвидѣтельствуетъ весь городъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ распространился слухъ, что генераль-губернаторъ приказалъ посадить архіерея на гауптвахту, но что солдаты пригрозили возмущеніемъ и толпа хотѣла разнести все зданіе, если бъ это совершилось, такъ что Лавинскій принужденъ былъ дать чрезвычайнымъ событіямъ другую окраску.

— Съ меня панагію хотѣлъ сорвать,—заявилъ Иринея губернатору о Голубовѣ.

Какъ разъ пришелъ протоіерей Капарскій. Онъ, какъ уже упомянуто, служилъ членомъ консисторіи, былъ однимъ изъ немногихъ людей, сочувствовавшихъ радикальнымъ реформамъ преосвященнаго, и въ короткое время весь предался ему съ необыкновенной страстностью.

— Отецъ протоіерей,—обратился къ нему преосвященный:—ты былъ свидѣтелемъ, какъ меня тащилъ Голубовъ на гауптвахту?

Протоіерей Капарскій поправилъ шаперный крестъ, поклонился генераламъ и сказалъ:

— Дѣйствительно, стоялъ у окна и видѣлъ непристойное отношеніе къ архіепастырю, о чемъ уже я и донесъ святѣйшему синоду.

— Факты о другомъ свидѣлствуютъ, батюшка,—сердито возразилъ Цейдлеръ.

— Весь народъ видѣлъ и слышалъ,—сказалъ Иринея:—для чего же я просилъ его заступничества и такового добился!?

Съ тяжелымъ сердцемъ разстались генералы съ преосвященнымъ Иринеемъ.

ХІ.

Все время до пріѣзда изъ Петербурга флигель-адъютанта, гвардіи поручика Гогеля—въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—Иринея находился подъ арестомъ и даже вся его переписка подвергалась предварительному разсмотрѣнію.

Гогель привезъ высочайшій рескриптъ на имя генераль-губернатора, тайнаго совѣтника Лавинскаго, и въ немъ повелѣвалось предъявить архіепископу Иринею царскую волю объ отправленіи его изъ Иркутска до мѣста назначенія подъ надзоромъ жандармскаго подполковника Брянцапинова.

Въ концѣ ноября генераль-губернаторъ пригласилъ гражданскаго губернатора, коменданта, царскаго флигель-адъютанта и жандармскаго подполковника—и всѣ они отправились къ Иринею.

Величественно вышелъ архіепископъ изъ спальни и выслушалъ высочайшее предназначеніе.

— Отсутствіе печатныхъ указовъ оставляетъ меня все же въ нѣкоторомъ сомнѣніи,—началь онъ:—и, кромѣ того, считаю необходимымъ изъяснить безпокойство насчетъ сохраненія жизни моей въ столь отдаленномъ путешествіи.

Лавинскій строго замѣтилъ:

— Прошу преосвященнаго Иринея прекратить подобныя разсужденія.

— Пусть подтвердятъ сіи,—сказалъ архіепископъ, указавши на Гогеля и Брянчанинова.

— Жизни вашей не угрожаетъ ни малѣйшая опасность,—заявили офицеры.

Иринею умолкъ.

Объ отправленіи Иринея изъ Иркутска, которое совершилось 26-го числа, въ первомъ часу по полуночи, Лавинскій донесъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ.

«При семь случаѣ со стороны его, архіепископа, никакихъ новыхъ сопротивленій не произошло, а равно и спокойствіе здѣшнихъ жителей мѣрами, принятыми мною по общему соглашенію съ флигель-адъютантомъ Гогелемъ, вполне сохранено. Между тѣмъ опредѣленный на мѣсто Иринея архіепископъ Мелетій прибылъ въ Иркутскъ 8-го ноября и въ управленіе епархіей вступилъ».

Вслѣдъ затѣмъ въ иркутскую епархію было прислано пятьсотъ печатныхъ экземпляровъ о смѣщеніи архіепископа Иринея, которые повелѣлъ изготovitъ императоръ Николай для отвращенія всякихъ превратныхъ толковъ между жителями иркутской епархіи, причѣмъ было объявлено о разстройствѣ умственныхъ способностей архіепископа Иринея.

Указы эти не были, однако, розданы Лавинскимъ. «Со дня учиненнаго поступка по день выѣзда преосвященнаго Иринея всѣ иркутскіе жители, удостовѣрившись совершенно въ предосудительности дѣйствій его, а наконецъ и вступленіе преосвященнаго Мелетія въ управленіе епархіей окончательно всѣхъ успокоило; то послѣ сего,—доносилъ Лавинскій въ Петербургъ,—не имѣя болѣе причинъ опасаться какихъ-либо послѣдствій и не находя нужнымъ изъ уваженія и почтительности въ архіепископскому сану выпускать въ народъ доставленные ко мнѣ печатные указы, я рѣшился уничтожить оныя и нынѣ же то исполнилъ».

Препровожденный въ Вологду, архіепископъ Иринею былъ помѣщенъ въ сырыя и мрачныя кельи. Въ декабрѣ 1831 г. онъ былъ освидѣтельствованъ врачами въ особомъ присутствіи и «касательно

умственныхъ его способностей было разсуждаемо и сдѣлано по общему всѣхъ мнѣнію заключеніе, что въ архіепископѣ Иринеѣ никакого разстройство умственныхъ способностей не замѣчается». Вскорѣ онъ заболѣлъ ревматизмомъ, и положеніе его въ Прилуцкомъ монастырѣ было достаточно тяжелое. Когда его спрашивали, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ:

— Я тамъ, гдѣ меня поставило Провидѣніе, ибо никто какъ Богъ распространяетъ и сокращаетъ.

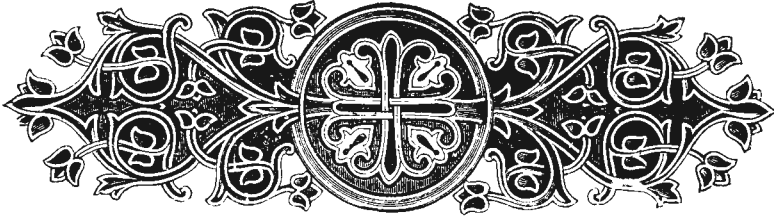
Отъ нечего дѣлать онъ сталъ заниматься врачеваніемъ и вразумилъ поручика Богданова, который былъ ересеначальникомъ тамбовскихъ молоканъ и сосланъ въ Вологду, обратиться къ православной церкви. За это ему было разрѣшено выѣзжать въ Вологду и совершать тамъ богослуженія. Въ 1848 г. архіепископъ Иринея былъ переведенъ въ ярославскій Толгскій монастырь съ правомъ управленія обителью, гдѣ онъ, когда переѣхалъ, ввелъ строгую иноческую жизнь. За два года до смерти онъ приготовилъ для себя дубовый гробъ и могилу. Вырывъ себѣ могилу, Иринея произнесъ:

— Вотъ я и распространился.

На стоящемъ надъ нимъ могильномъ памятникѣ надписано: «Высокопреосвященный архіепископъ Иринея. Родился 1783 года, января 25-го. Скончался 1864 года въ маѣ 18-го числа, въ 4 часа ввечеру».

І. Ясинскій.

РУССКОЕ МИНИСТЕРСТВО ВЪ БОЛГАРИИ.

(Время Александра Баттенбергскаго).

I.

ВЕСНОЮ 1882 года болгарскій князь Александръ обратился къ императору Александру III съ просьбою дать ему двухъ русскихъ генераловъ для занятія постовъ министра-президента, съ портфелемъ министра внутреннихъ дѣлъ, и военного министра освобожденнаго Россіей княжества. Просьба эта была обоснована тѣмъ обстоятельствомъ, что князю Александру трудно справиться съ организаціей Болгаріи безъ помощи опытныхъ русскихъ сотрудниковъ. Выборъ государя, внявшаго просьбѣ болгарскаго князя, палъ на двухъ молодыхъ генераловъ генеральнаго штаба Леонида Николаевича Соболева¹⁾ и барона Александра Васильевича Каульбарса, изъ коихъ первый былъ назначенъ министромъ-президентомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, а второй военнымъ министромъ Болгарскаго княжества.

Передъ отъѣздомъ къ новому назначенію генераль Соболевъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ качествѣ секретаря. Заинтересованный тѣмъ, что творится въ созданномъ Россіею Болгарскомъ

¹⁾ Во время послѣдней русско-турецкой войны Л. Н. Соболевъ состоялъ ближайшимъ помощникомъ князя Черкаскаго по организаціи гражданскаго управленія Болгаріи.

молодомъ княжествѣ, я принялъ предложеніе Соболева и тотчасъ же выѣхалъ въ Софію, взявъ трехмѣсячный отпускъ изъ перваго департамента сената, гдѣ служилъ тогда; отпускъ этотъ превратился затѣмъ въ безсрочную командировку съ причисленіемъ меня къ нашему министерству юстиціи.

Въ Софію я пріѣхалъ 21-го іюля вечеромъ. Въ поискахъ за квартирою Соболева я натолкнулся на него самого, гулявшего съ С. В. Арсеньевымъ и А. В. Неклюдовымъ, секретарями нашего дипломатическаго агентства въ Болгаріи. Они повели меня показывать городъ, хотя и небольшой, но принимавшій уже европейскій видъ. Я невольно дивился, что въ столь короткое время турецкій городишка превратился въ приличную маленькую столицу, съ хорошими улицами, красивыми домами и изящнымъ дворцомъ, окруженнымъ хорошимъ садомъ. По дорогѣ мы зашли въ мечеть — остатокъ турецкаго владычества, — а, выходя изъ нея, натолкнулись на полкъ, возвращавшійся съ ученья. Солдаты, на видъ словно наши, идутъ бодро, поютъ какую-то знакомую удалую пѣсню... Прислушиваемся, звучатъ родныя слова: «Черная галка, бѣлая полянка... Чего не ночуешь дома»...

Словомъ, я сразу окунулся въ какую-то смѣсь западно-европейскаго, турецкаго и чисто-русскаго вліяній. Это первое впечатлѣніе глубоко запало мнѣ въ душу и, озираясь на минувшіе съ тѣхъ поръ двадцать девять лѣтъ, сдается мнѣ, что Болгарія и понынѣ является собой еще не окончательно перебродившую смѣсь этихъ трехъ столь разнородныхъ вліяній. Трудно вѣдь переварить осадокъ турецкаго ига, русскія дрожжи и западную культуру.... Не легко создать изъ всего этого свой собственныи здоровый государственный организмъ.

Первые дни пребыванія моего въ Софіи прошли словно въ туманѣ: разговоры о конституціи и звуки русскіихъ пѣсней, отлично исполняемыхъ оркестромъ румынскихъ цыганъ, толки о консерваторахъ, либералахъ и пикники дипломатическаго корпуса, потомъ безконечныя визиты.... все это сливалось въ какой-то хаосъ... Мало-помалу выяснялось, однако, что въ Болгаріи не усматривается политическихъ партій въ строгомъ смыслѣ этого слова, а есть извѣстныя лица, которыя группируютъ вокругъ себя послѣдователей; идутъ не за принципомъ, а за вождемъ, который часто изъ-за выгоды мѣняетъ свои убѣжденія.

Въ концѣ іюля Соболевъ выѣхалъ въ Варну, гдѣ находился тогда князь Александръ, и взялъ меня съ собою.

Въ это время въ Софіи не было еще желѣзной дороги, и намъ пришлось ѣхать на лошадахъ до Ломъ-Паланки, оттуда на паромѣ по Дунаю до Рушукъ и затѣмъ уже по единственной тогда желѣзнодорожной вѣтви княжества въ Варну, куда мы прибыли 2-го августа. На вокзалѣ Соболева ожидалъ флигель-адъютантъ

князя капитанъ Ползиковъ съ экипажемъ, запряженнымъ четверкою великолѣпныхъ лошадей à la Daumont. Князь Александръ былъ большой любитель лошадей, выѣзды его отличались роскошью и изяществомъ. Ползиковъ передалъ Соболеву приглашеніе князя остановиться у него въ окрестностяхъ Варны, въ заброшенномъ монастырѣ, изъ келій котораго его высочество устроилъ себѣ лѣтнее пребываніе.

Я остановился въ городѣ, представлявшемъ собою невзрачную смѣсь чего-то quasi-европейскаго съ старо-турецкимъ. На другое утро я отправился въ монастырь для представленія князю Александру и по дорогѣ любовался живописнымъ видомъ приморскаго побережья. Остатки монастыря невзрачны; низенькое одноэтажное строеніе съ небольшою часовнею, но видъ оттуда на бухту и на море великолѣпный. Пройдя въ «келью» Соболева, я встрѣтилъ тамъ князя Александра, которому тутъ же и былъ представленъ. Онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе; высокій, изящный, стройный, лицо красивое, въ глазахъ свѣтится умъ; въ обращеніи простъ и привѣтливъ. Сказавъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, князь пригласилъ меня обѣдать.

Послѣ обѣда князь подошелъ ко мнѣ и довольно долго разговаривалъ, сказавъ между прочимъ, что радъ видѣть русскаго на службѣ въ Болгаріи, ибо очень дорожить тѣмъ, чтобы Россія и Болгарія «ne fassent qu'un».

Затѣмъ князь направился къ караулу; проиграли зорю, солдатъ прочелъ «Отче нашъ», и музыка грянула «Коль славень нашъ Господь», а потомъ «Боже, Царя храни».

Подъ сводомъ уѣяннаго миллиардами звѣздъ южнаго неба торжественно лились звуки родного гимна... И тепло становилось на душѣ, въ этихъ звукахъ чуялась мощь нашей матушки Россіи. Да, тѣ самыя мѣста, что такъ недавно были игрушкою въ рукахъ турокъ, тихо, спокойно внимаютъ звукамъ русскаго гимна...

На другой день Соболевъ уѣхалъ въ Россію за семействомъ, подѣлившись со мною предварительно общими основаніями, которыя онъ рѣшилъ положить въ управленіе княжествомъ. Отмѣчу ихъ вкратцѣ:

- 1) Строго стоять на почвѣ законности и права.
- 2) Не склоняться на сторону ни консерваторовъ, ни либераловъ, ибо обѣ эти партіи немногаго здѣсь стоятъ, да и не существуютъ въ строгомъ смыслѣ.
- 3) Не душить прессу, а давать ей высказываться.
- 4) Воздерживать князя отъ увлеченія чрезвычайными полномочіями и склонять его къ конституціонному образу правленія, добиваясь созыва народнаго собранія.
- 5) Поддерживать, елико возможно, политическую и экономическую связь между Болгаріею и Россіею, нисколько не нарушая,

однако, независимости княжества, которое должно выработаться въ самостоятельное, крѣпкое государство, при дружескомъ содѣйствіи Россіи.

Подъ такой программой я готовъ былъ подписаться обѣими руками и со всеѣмъ пыломъ ранней юности принялся служить ей по мѣрѣ силъ.

Проводивъ Соболева въ Россію, куда онъ отправился на самое короткое время, я поѣхалъ по Болгаріи для ознакомленія со страной и ея административными учреждениями.

Въ Руцукѣ я встрѣтился съ будущимъ болгарскимъ диктаторомъ—Стамбуловымъ. Тогда онъ былъ однимъ изъ главарей либеральнаго движенія и, занимаясь адвокатурою, громилъ правительство и на словахъ и въ печати. Узнавъ, что я въ Руцукѣ, онъ пришелъ ко мнѣ и долго бесѣдовалъ, стараясь выяснитъ будущее отношеніе генерала Соболева къ болгарскимъ дѣламъ. Я, съ своей стороны, внимательно присматривался къ этому недоужинному человѣку, тогда уже завоевавшему себѣ исключительное положеніе среди вожаковъ общественнаго мнѣнія въ княжествѣ. Небольшого роста, коренастый, съ умными, но злыми глазами на упрямомъ, некрасивомъ лицѣ, Стамбуловъ не производилъ пріятнаго впечатлѣнія. Но въ этомъ крѣпшишѣ чувствовалась сила и непреклонная воля добиться своего.

Онъ сказалъ мнѣ, что князю Александру необходимы теперь русскіе министры, что иначе ему не на что опереться, ибо болгары его ненавидятъ; вотъ отчего онъ и ухаживаетъ за Соболевымъ и военнымъ министромъ, барономъ Александромъ Васильевичемъ Каульбарсомъ. Съ другой стороны, болгары, еще неопытные въ дѣлахъ управленія страной, готовы примириться съ временнымъ вмѣшательствомъ русскихъ, но это должно быть только временно и для водворенія въ странѣ законнаго, конституціоннаго порядка, а затѣмъ надо оставить болгаръ самимъ справляться съ своими дѣлами.

Я согласился съ этими соображеніями и сказалъ, что, насколько мнѣ извѣстно, Россія и не думаетъ превращать Болгарію въ свою провинцію, а только желаетъ помочь ей разобраться въ своихъ дѣлахъ и твердо стать на ноги самостоятельнаго государства.

Стамбуловъ подозрительно посмотрѣлъ на меня, но тѣмъ не менѣе просилъ передать, что не будетъ мѣшать Соболеву въ достиженіи этой цѣли.

Надо отдать справедливость Стамбулову, что онъ сдержалъ это обѣщаніе и за все время пребыванія у власти русскаго министерства въ Болгаріи не выступалъ противъ него активно.

Изъ Руцука я направился въ Тырново—центръ болгарскихъ либераловъ того времени. Побывалъ тутъ у митрополита Климента, слышавшаго вожакомъ свободомыслящихъ. Владыка встрѣтилъ меня

любезно, но сдержанно; ему было тогда лѣтъ сорокъ; красивое умное лицо дышало энергіею. Разговоръ нашъ велся по-русски, такъ какъ Климентъ воспитывался въ одесской семинаріи, а затѣмъ въ кievской духовной академіи, и отлично владѣлъ русскимъ языкомъ.

Сначала разговоръ не клеился; Климентъ больше молчалъ, видимо, мнѣ не довѣряя, но мало-по-малу разговорился. На замѣчаніе мое, что болгарская интеллигенція недовѣрчиво относится къ русскимъ, митрополитъ Климентъ сказалъ:

— Да, но вина въ этомъ русскихъ, равно какъ и въ томъ, что у насъ расплодился политическія партіи. Исторія это скажетъ. Вспомните, что дѣлали здѣсь русскіе представители. Начнемъ съ тырновскаго народнаго собранія. Когда вырабатывалась конституція, Лукьяновъ однимъ говорилъ, что слѣдуетъ провести такой-то параграфъ, а черезъ нѣкоторое время другимъ говорилъ совершенно противоположное. Обѣ стороны думали, что дѣйствуютъ, сообразуясь со взглядами русскаго правительства, переданными имъ компетентнымъ лицомъ, и шли напроломъ.... Отсюда борьба. Затѣмъ возьмите дѣятельность русскаго дипломатическаго агента Давыдова; онъ открыто заявлялъ всѣмъ и каждому, что съ тырновскою конституціею Болгарія далеко не уѣдетъ, что ее нужно измѣнить.... Его смѣняетъ Кумани, который утверждаетъ напротивъ: конституцію далъ вамъ государь, и вы должны ее оберегать. Появляется затѣмъ Хитрово, производитъ переворотъ, ибо, конечно, онъ его произвелъ: не заявляй онъ всѣмъ и мнѣ лично, между прочимъ, что это воля государя императора, никогда бы его не было... Ну, а послѣ переворота Хитрово сталъ его осуждать.

«И вотъ такимъ образомъ русскіе толкали Болгарію то въ одну, то въ другую сторону. Появилось въ силу этого броженіе, расплодился партіи, никто не зналъ ужъ, наконецъ, чему вѣрить, куда итти.....

«Теперь генералу Соболеву предстоитъ твердою рукою направить Болгарію на истинный путь законности и огражденія личныхъ правъ каждаго гражданина, безразлично, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. Надо, чтобы знали, что происками, интригами, доносами ничего не добьешься; что каждое нарушение обязанностей карается, что правительство, не колеблясь, твердо идетъ по разъ намѣченному пути.

«Вотъ задача Соболева. Трудна она, что и говорить, но будемъ надѣяться, что ему удастся ее выполнить».

На замѣчаніе мое, что болгарину исполнить эту программу въ настоящее время невозможно, ибо всѣ они слишкомъ пристрастны; получая министерскій портфель, тотчасъ же приступаютъ не къ дѣлу, а къ раздачѣ мѣстъ роднымъ, знакомымъ, пріятелямъ, выгоняя всѣхъ прежнихъ служащихъ, которые, само собою, усиливаютъ ряды недовольныхъ,—митрополитъ сказалъ:

— Да, а разъ посаженному такому пріятелю министр-болгаринъ не смѣлъ и сдѣлать замѣчанія, ибо онъ тотчасъ же отвѣчалъ угрозою перейти въ другую партію. Вотъ, если генералу Соболеву удастся настоящимъ образомъ справиться съ оставленнымъ ему незавиднымъ наслѣдіемъ, о, тогда, не находя себѣ пищи, наши quasi-политическія партіи утеряютъ значеніе и не будутъ мѣшать правильному развитію нашего государственнаго организма.

Простившись съ владыкой, я подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ его здравыхъ, откровенныхъ словъ занесъ ихъ въ свой дневникъ почти дословно.

Изъ Тырнова я направился черезъ Габрово на Шипку поклониться праху павшихъ героевъ и посмотрѣть это мѣсто славы и горя русскаго народа.

Габровскій околийскій начальникъ Найденовъ оказался бывшимъ ополченцемъ, пережившимъ 11-е и 12-е августа 1877 года на Шипкѣ, когда все болгарское ополченіе было бы уничтожено турками, приди 4-й стрѣлковый батальонъ на полчаса позже.

Рано утромъ 13-го августа поскакали мы съ Найденовымъ по Габровскому шоссе, но недолго пришлось скакать,—начался подъемъ на переваль; мы поѣхали шагомъ. Мой спутникъ подробно рассказывалъ мнѣ про шипкинское сѣдѣніе. Дорога становится круче, видна небольшая хижина, гдѣ жилъ Радецкій, за нею полянка, усѣянная могилами; здѣсь помѣщался лазаретъ. Взбираемся выше по шоссе; влѣво извивается секретная дорога, по которой подходили наши войска. Вотъ, наконецъ, площадка, гдѣ происходила пять лѣтъ тому назадъ главная свалка и рѣзня. Нужно быть здѣсь, чтобы понять весь ужасъ того дня... Гора святого Николая врѣзывается между двухъ отроговъ Балканъ; подѣ горой та площадка, на которой происходила рѣзня. Былъ моментъ, когда несчастные ополченцы, отстаивая этотъ передовой постъ всей шипкинской обороны, изнемогали подѣ натискомъ турокъ. Но Богъ спасъ ихъ. Подоспѣли наши стрѣлки, смяли, отбросили непріятели и выручили своихъ братьевъ-болгаръ, братьевъ по происхожденію и беззавѣтной храбрости.

На самой вершинѣ св. Николая поставленъ памятникъ съ надписью о днѣ перваго взятія нами Шипки, а также окончательнаго разбитія турецкой шипкинской арміи. На памятникѣ вырѣзаны имена Гурко, Радецкаго, Святополкъ-Мирскаго и Скобелева.

Съ вершины горы св. Николая открывается чудный видъ на необъятную даль.... И странно—воспоминанія ли дѣйствовали, или чтò, но душу охватывало какое-то торжественно-свѣтлое чувство. Не было этого ощущенія чего-то демоническаго въ природѣ, чтò поразило меня, нѣсколько дней передъ тѣмъ, на Берковацкомъ перевалѣ.

Стоялъ я на Балканахъ, кругомъ тишина мертвая, а пять лѣтъ назадъ здѣсь царили смерть и ужасъ... Судьбѣ угодно было, чтобы

въ годовщину славнаго отбитія Шипки русскій помолился надъ прахомъ павшихъ героевъ-братьевъ.

Какая-то тихая грусть охватила душу, мы молча поѣхали назадъ, но уже не прежнею дорогою, а горною тропинкою, чтобы попасть въ монастырь Богородицы. Тропинка извивалась надъ самымъ обрывомъ, то по каменистому грунту, то по какой-то слякоти, размытой горнымъ потокомъ; лошади, фыркая, скользили, оступались, но все-таки благополучно добрались до монастыря. Онъ расположенъ на самомъ краю скалы, выдавшейся надъ обрывомъ, кругомъ горы, покрытыя чудною растительностью, внизу ущелье, въ которое, клокоча и пѣнясь, врывается горный потокъ.

Церковь монастырская небольшая, но красивая; полъ въ ней сдѣланъ изъ мѣстнаго мрамора. Около церкви входъ въ естественный гротъ, тянущійся на нѣсколько верстъ; сверху и со стѣнъ этого подземелья капаетъ вода, по преданію—цѣлбная; сюда стекается масса богомольцевъ.

Изъ монастыря поѣхали мы опять по горной тропинкѣ и, не доѣзжая до Габрова версты двѣ, завернули въ устраивавшуюся тогда первую въ Болгаріи паровую бумагопрядильную фабрику. Тамъ я познакомился съ инициаторомъ этого дѣла, учителемъ математики габровской мужской реальной гимназіи. Онъ сообщил мнѣ, между прочимъ, что въ гимназіи уже теперь насчитывается 400 учениковъ, хотя открыто только 6 классовъ. И это въ захолустьномъ, провинціальномъ углу Болгаріи! Такъ велико стремленіе болгаръ къ образованію.

Изъ Габрова я направился въ Плевну. Со мною ѣхалъ ловчинскій воинскій начальникъ, капитанъ русской службы Вапкевичъ, который былъ подъ Плевной во время войны. Спутникъ мой рассказывалъ мнѣ разныя подробности осады Плевны и указывалъ по дорогѣ расположеніе нашихъ и румынскихъ войскъ, ведшихъ кровавую борьбу съ турками за обладаніе Плевной.

У насъ среди широкой публики почему-то принято считать Плевну ничтожною позиціею, такъ трудно доставшеюся намъ только благодаря гениальности защитника ея Османа-паши. Въ дѣйствительности же Плевна лежитъ въ лоцинѣ, окруженной значительными высотами, командующими надъ всей окрестностью. Высоты эти, охватывающія городъ словно кольцомъ, были въ рукахъ турокъ. Создалась, такимъ образомъ, естественная крѣпость, которую Османъ-паша искусно вооружилъ и талантливо охранялъ.

Разспрашивалъ я въ Плевнѣ мѣстныхъ жителей про Осману-пашу; всѣ въ одинъ голосъ очень хорошо о немъ отзываются; за все время осады турки не тронули ни одного болгарскаго жителя, вслѣдствіе того, что Османъ отдалъ слѣдующій приказъ: за одного убитаго болгарина будетъ повѣшено десять турокъ.

Изъ Плевны я выѣхалъ на Орханіе черезъ тотъ самый мостъ на Видѣ, по которому полчища Османа двигались 28-го ноября 1877 года съ тщетною надеждою прорваться сквозь наши и румынскія войска.

Вернувшись въ Софію, я засталъ уже тамъ генерала Соболева и сообщилъ ему вынесенныя изъ поѣздки по княжеству впечатлѣнія, сводившіяся къ слѣдующему.

Страна невелика, конечно, но обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Простой народъ чудный, честный, въ высшей степени трудолюбивый, беззавѣтно преданный и глубоко благодарный Россіи, притомъ развитой; болѣе 50 процентовъ грамотныхъ, многіе знаютъ языки: французскій, англійскій, рѣже нѣмецкій. Словомъ, въ этомъ отношеніи я былъ просто пораженъ, глядя на эту массу народныхъ школъ, разсѣянныхъ по всему княжеству, на всеобщее стремленіе болгаръ къ образованію. Администрація и суды безусловно плохи, подъ гнетомъ политиканствующей, безпринципной «интеллигенціи», отовсюду понаѣхавшей въ освобожденную нами Болгарію.

II.

На первыхъ же шагахъ своей дѣятельности въ Болгаріи генералу Соболеву и его сотрудникамъ пришлось столкнуться съ труднѣйшей задачей, а именно: примирить стремленія князя Александра къ неограниченному образу правленія съ необходимостью возстановить въ странѣ законный, конституціонный строй, такъ рѣзко нарушенный годъ передъ тѣмъ систовскимъ великимъ народнымъ собраніемъ, которое дало князю особыя полномочія, сводившія на нѣтъ всю тырновскую конституцію.

Дѣло еще осложнялось тѣмъ, что князь Александръ, чувствуя всю шаткость своего положенія въ Болгаріи, возмущенной его диктаторскими замашками, призвалъ себѣ на помощь русскихъ генераловъ, именно для того, чтобы обезпечить себѣ полную свободу дѣйствій за ихъ спиною, а тѣ, разобравъ, въ чемъ суть, не могли, конечно, примириться съ этой ролью жандармовъ при нѣмецкомъ принцѣ, стремившемся поработить только что освобожденный цѣною русской крови братскій намъ народъ.

Съ другой стороны, не выбродившія еще общественно-политическій строй Болгаріи, дѣлавшей первые шаги своей государственной жизни, не давалъ возможности опереться на какую-нибудь разумно организованную народную силу, твердо идущую не за партійными крикунами, а за знаменемъ свободы, законности и правды.

При такихъ условіяхъ почти сразу образовались два лагеря: въ одномъ князь и его приспѣшники, въ другомъ русскіе министры того же князя и ихъ сотрудники; а между этими лагерями толпа

всевозможныхъ политикановъ, которые перебѣгали, смотря по обстоятельствамъ, то на одну, то на другую сторону.

Ясно, что все это не предвѣщало ничего хорошаго для княжества, сдѣлавшагося ареною всевозможныхъ политическихъ экспериментовъ.

Не теряя, однако, надежды на успѣхъ, генераль Соболевъ всячески старался примирить непримиримое и выяснить себѣ тотъ путь, по которому слѣдуетъ вести молодое славянское государство, сразу попавшее въ тяжелую передѣлку. Онъ обратился между прочимъ за совѣтомъ къ И. С. Аксакову, который письмомъ изъ Москвы отъ 5-го октября 1882 года отвѣтилъ ему такъ:

«Многоуважаемый

Леонидъ Николаевичъ.

«Какъ я сожалѣю, что мы не видались. Свиданія не замѣнить письмомъ. Ужасно сожалѣть о томъ и М. А. Хитрово. Признаться сказать, не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ,—такъ я живо понимаю, какъ вамъ должно быть подчасъ тяжело. Крупная ошибка легла въ основаніе всего современнаго усложненія дѣлъ: княземъ новосозданнаго славянскаго государства назначень вѣмецкій принцъ. Онъ предметъ вѣчнаго недовѣрія, вѣчнаго подозрѣнія, онъ неспособенъ питать симпатію къ своему народу, отождествиться съ нимъ. Какъ тутъ быть? Ошибку эту поправить невозможно, не подымая общаго европейскаго переполоха. Да наконецъ удаленіе князя—это былъ бы скверный прецедентъ для дальнѣйшей политической жизни Болгаріи. Слѣдовательно, нужно установить какъ-нибудь сносный *modus vivendi*. Можетъ быть, я ошибаюсь, но въ Болгаріи мѣсто теперь вовсе не для юридическихъ, даже не политическихъ задачъ, а для дѣятельности внутренне-дипломатической, для вліянія нравственнаго.

«Положеніе князя фальшиво и крайне неудобно для личнаго молодого самолюбія: онъ *весь* зависитъ отъ Россіи, а между тѣмъ хочетъ значить самъ по себѣ, да и долженъ бы значить. Сознать себя чужой креатурою тяжело, а на дѣлѣ оно такъ и есть. Русскій дипломатическій агентъ, русскій министръ въ Болгаріи (состоящій и на русской императорской службѣ) его *губернеры и дядьки de facto*, а *de jure*—первый только представитель русскаго протектората, второй—княжій слуга. Такая двойственная роль требуетъ необычайнаго такта; нужно управлять княземъ, не давая ему этого чувствовать. Этого искусства, можетъ быть, и не достало моему пріятелю Хитрово. Нужно бы, напримѣръ, заставить князя удалить трехъ непопулярныхъ министровъ, но, конечно, нужно его къ этому привести соображеніемъ его личныхъ интересовъ. Конечно, это легко говорить, сидя здѣсь въ Москвѣ, и самъ бы я для этой роли не го-

дился, но мнѣ кажется, что вся задача въ томъ, чтобы, самому ступевываясь за княземъ, управлять его именемъ странюю. Затѣмъ нужно бы убѣдить князя позаботиться о популярности въ простомъ народѣ, что очень легко: стоитъ только попутешествовать, тамъ окрестить, тутъ сосватать, тамъ переночевать въ избѣ и т. д. Всѣ эти пустяки у славянскихъ народовъ, живущихъ «по душѣ» и любящихъ пуще всего «душа человѣка», много значать.

«Вопросъ юридическій, который вы мнѣ задали, съ приложеніемъ разныхъ матеріаловъ, очень хорошо обсужденъ Хитрово въ прилагаемой его запискѣ. Я, вмѣстѣ съ Хитрово, не думаю, чтобы ученое, теоретическое рѣшеніе что-нибудь значило въ политическомъ спорѣ. Не юридическая совѣсть тутъ замѣшана, а политическія страсти. Успокоятся ли умы оттого, что юридическая правда гласить то-то и то-то? Теперь авторитетовъ права въ Москвѣ нѣтъ, и университетъ нашъ въ настоящее минуту довольно плохъ. Рѣши профессоръ московскаго университета Ковалевскій въ его пользу,—это не убѣдитъ никакихъ либераловъ. Мнѣ казалось бы, что нужно поставить вопросъ *на почву политической необходимости*,—въ виду внѣшней опасности, грозящей странѣ отъ всякихъ внутреннихъ смуть, и склонить обѣ стороны на компромиссъ.

«Быль здѣсь Молловъ и отражалъ въ себѣ общее, высказываемое либералами опасеніе, что князь *предаетъ* Болгарію Австріи. Опасеніе это немисливо, потому что достаточно неудовольствія не только русскаго двора, но русской прессы, чтобы скомпрометировать окончательно власть князя, чтобы сдѣлать его дальнѣйшее пребываніе въ Болгаріи невозможнымъ. Да наконецъ ни болгарская армія, которая есть часть русской, ни Россія никогда такого предательства не допустить. Мнѣ кажется, отъ князя, его образа дѣйствій, его такта вполнѣ зависитъ разсѣять это несправедливое подозрѣніе. Я и лично говорилъ князю, когда видѣлъ его въ Москвѣ, что переворотъ, совершенный имъ, долженъ быть оправданъ благотворною дѣятельностью власти, надо, чтобы народъ почувствовалъ добро отъ усиленія полномочій князя, а теперь ничего подобнаго не видно. Вообще въ немъ много гордости нѣмецкаго принца, феодала, рыцаря, который продолжаетъ носить въ себѣ типъ завоевателя, говорить тѣмъ, кто ниже его, «ег» въ третьемъ лицѣ и составляетъ совершенную противоположность славянину, который имѣетъ привычку даже подчиненному говорить «братецъ»... Отъ князя не струится доброты и простоты, столь дорогихъ славянской душѣ. Нельзя ли все это ему внушить?

«Затѣмъ мнѣ казалось бы необходимымъ принять относительно болгарскаго общества и интеллигенціи нѣкоторыя нравственно-гигиеническія мѣры. Маленькіе государственные, особенно конституціонные организмы представляютъ ту опасность, что всѣ заражаются *властолубіемъ*, всѣ занимаются *политиканствомъ* и, какъ

въ уѣздномъ городишкѣ Россіи, все становится предметомъ сплетенъ и пересудовъ; изъ мухи дѣлають слона,—происходятъ бури въ стаканѣ воды. Необходимо было бы дать иное направленіе общественной мысли, отвлечь ее къ другимъ интересамъ. Нужно бы создать разныя общества *неполитическія*: историческое, археологическое (Болгарія усѣяна памятниками и внутри земли), поощренія болгарской словесности, поощренія народному труду, географическое, статистическое. Въ Болгаріи нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода, горныя богатства Болгаріи остаются непочатыми... потому что всѣ полѣзли въ чиновники, всѣ чають быть министрами, всѣхъ поглотила политика... Нужно бы установить преміи, награды, привилегіи и другіе способы поощренія для предпримчивости промышленной. А то *ничего, кромѣ политики*. И вотъ въ этомъ стаканѣ воды вѣчная буря. Вотъ въ чемъ зло конституціи для маленькихъ, еще не развившихся организмовъ. То же видимъ мы и въ Сербіи.

«Повторяю, мое мнѣніе въ томъ, что въ Болгаріи, какъ и во всякой славянской странѣ, дѣло не въ политическихъ учрежденіяхъ, не въ формахъ, а въ томъ духѣ добра и благоволенія, которымъ должна бы быть одушевлена власть... Чувствую, что письмо мое нисколько васъ не удовлетворитъ, да я и самъ вижу, что оно неполно, мысль выражена неясно, второпяхъ, но дѣлать нечего, посылаю его такъ, какъ оно есть, потому что не хочу пропустить okazji: ѣдутъ регенты пѣвческихъ хоровъ по вызову Теохарова.

«Искренно васъ уважающій и преданный Ив. Аксаковъ».

Къ письму этому была приложена нижеслѣдующая записка только что оставившаго свой постъ нашего дипломатическаго агента въ Болгаріи, М. А. Хитрово:

«Если судить о переворотѣ, происшедшемъ въ прошломъ году въ Болгаріи, съ одной только документальной стороны, то никакого юридическаго недоразумѣнія тутъ быть не можетъ; выводы газеты «Свѣтлина» окажутся совершенно вѣрными и неопровержимыми. Дѣйствительно:

«1) Какъ санъ-стефанскій, такъ и берлинскій договоры, создавшіе нынѣшнюю Болгарію, постановили, что органическій уставъ страны долженъ быть выработанъ собраніемъ нотаблей до избранія князя. Таковой органическій уставъ и былъ выработанъ тырновскимъ великимъ народнымъ собраніемъ, и, слѣдовательно, уставъ этотъ и составляетъ въ области международнаго права основной актъ условій существованія Болгаріи, какъ самостоятельной политической единицы. Органическій уставъ этотъ, одобренный Европою, вошелъ въ законную силу до избранія перваго князя. Принцъ Александръ Баттенбергскій, бывъ избранъ первымъ княземъ, принималъ торжественную присягу на вѣрность этому органическому уставу, который и составляетъ единственный актъ, опредѣляющій его отношенія къ странѣ, его избравшей.

«2) Въ самомъ этомъ ограниченномъ уставѣ предусмотрено, что всякое измѣненіе въ ономъ можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ великимъ народнымъ собраніемъ, созваннымъ на законномъ основаніи.

«3) Рѣшившись собрать великое народное собраніе, въ случаевъ, предусмотрѣнныхъ органическимъ уставомъ, для испрошенія у него *нѣкоторыхъ временныхъ* полномочій, князь Александръ принужденъ былъ обусловить это собраніе своимъ отреченіемъ.

«4) Сущность тѣхъ *нѣкоторыхъ временныхъ* полномочій, которыя онъ испрашивалъ, опредѣляется прокламаціею князя отъ 27-го апрѣля 1881 года и тремя пунктами его предложеній, принятыми систовскимъ великимъ собраніемъ 1-го іюля 1881 года.

«5) Во всѣхъ актахъ своихъ князь спрашиваетъ для себя *опредѣленныхъ* полномочій лишь для устроенія администраціи въ странѣ и усовершенствованія судоустройства, постоянно оговариваясь, что онъ не имѣетъ намѣренія ни посягать на какіе-либо основные принципы органическаго устава, ни ограничивать въ чемъ-либо частныя и политическія права гражданъ, принадлежація имъ въ силу сего устава. Манифестъ князя отъ 1-го іюля 1881 г. и рѣчи его при открытіи и закрытіи систовскаго собранія не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія.

«Такова въ сжатыхъ словахъ сущность документальной стороны дѣла. Здѣсь было бы неумѣстно перечислять всѣ тѣ факты, которыми проявило себя правительство со времени принятія систовскимъ собраніемъ предложеній князя и которые, находясь въ явномъ противорѣчій съ сущностью полномочій, ему предоставленныхъ, столь пагубно способствовали развитію и усиленію оппозиціи въ странѣ.

«Изъ бѣлаго взгляда на документальную сторону дѣла явствуетъ, что въ этомъ отношеніи никакого *юридическаго недоразумѣнія* быть не можетъ. Недоразумѣніе это надо искать не здѣсь; оно кроется въ противорѣчій между буквою актовъ, исходившихъ отъ князя, и тѣми внутренними его побужденіями и желаніями, которыя выраженія въ сихъ актахъ не нашли. Князь дѣйствительно желалъ получить неограниченныя полномочія и, слѣдовательно, въ сущности совершенно пріостановить дѣйствіе органическаго устава. Вотъ тутъ-то начало недоразумѣній между княземъ и тѣми органами, которые предприняли осуществленіе задуманнаго имъ переворота. Высказать вполне сокровенныя свои желанія князь никогда не рѣшался, да и не могъ. И теперь приходится ему сознаться, что, затѣя весь этотъ *неосуществимый* переворотъ, онъ достигъ вовсе не того, чего добивался. Сознаніе это для самолюбія князя слишкомъ тягостно, отсюда весь этотъ опасный кризисъ, который переживаетъ въ настоящее время напрасно взволнованное юное княжество.

«Вотъ все, что можно сказать о юридической сторонѣ вопроса. Несравненно для насъ существеннѣйшею и серьезнѣйшею представляется сторона его политическая. Конечно, мы могли бы вовсе не стѣсняться юридическими соображеніями и поддерживать князя во что бы то ни стало. Но въ правѣ ли мы это дѣлать, въ виду нашихъ собственныхъ *русскихъ* интересовъ? Должны ли мы потворствовать сокровеннымъ дѣлямъ князя, насилуя страну и попирая права созданнаго нами народа, права, нами же за нимъ признанныя? Выгодно ли это для насъ въ политическомъ отношеніи?»

«На это можно отвѣчать слѣдующими соображеніями:

1) Намѣреніе произвести переворотъ (*coup d'état*) въ смыслѣ уничтоженія или измѣненія органическаго устава князь Александръ началъ обнаруживать чуть ли не со дня вступленія своего на престоль. Императорскій кабинетъ постоянно оспаривалъ дѣлесообразность такого переворота и предостерегалъ князя противъ принятія такого рѣшенія. Если императорскій кабинетъ и признавалъ пользу нѣкоторыхъ измѣненій въ органическомъ уставѣ, то онъ допускалъ достиженіе сихъ измѣненій не иначе, какъ путемъ легальнымъ, указаннымъ въ самомъ уставѣ, избѣгая всякихъ потрясеній, столь опасныхъ для юнаго, не окрѣпшаго политическаго организма. Въ этомъ смыслѣ направлялось постоянно нравственное вліяніе, оказываемое нами на рѣшенія князя Александра.

«Совершившійся въ прошломъ году политическій переворотъ въ Болгаріи былъ для императорскаго кабинета совершенною неожиданностью. Насилуя нашу волю, князь подѣйствовалъ на насъ аргументомъ совершившагося факта и, поставя дилемму между переворотомъ или своимъ отреченіемъ, заставилъ насъ оказать себѣ самую серьезную и отвѣтственную поддержку въ критическую минуту. Императорское правительство въ данномъ случаѣ нашлось вынужденнымъ оказать князю нравственную поддержку, желая по возможности не принимать на себя отвѣтственности ни за осуществленіе переворота, ни за послѣдствія онаго. Съ особеннымъ же сочувствіемъ императорское правительство отнеслось къ нѣкоторымъ либеральнымъ актамъ князя: къ рѣчамъ его при открытіи и закрытіи сисовскаго собранія, къ манифесту его отъ 1-го іюля и къ первоначальному проекту устава державнаго совѣта. Императорское правительство вполнѣ одобряло программу дѣйствій въ духѣ сихъ актовъ.

2) При осуществленіи задуманнаго переворота князь встрѣтилъ полное сочувствіе и одобреніе со стороны правительствъ германскаго и австро-венгерскаго.

«Едва ли не съ полной достовѣрностью можно сказать намъ, что именно изъ *Вьны* князя наталкивали на насильственный переворотъ. Прокламація князя отъ 27-го апрѣля была встрѣчена всею австро-венгерскою прессою съ какимъ-то энтузіазмомъ. Съ прибытіемъ же

въ Болгарію новаго русскаго дипломатическаго агента и съ переходомъ на него первенствующей роли, вдругъ во мнѣніяхъ этой прессы произошелъ радикальный переворотъ, она повернула круто на сторону погранныхъ народныхъ правъ и стала осыпать князя бранью. Затѣмъ, испугавшись вступленія самого князя, подъ вліяніемъ русскаго представителя, на путь болѣе либеральный—примиренія внутреннихъ партій, австро-венгерская пресса снова перемѣнила фронтъ и явилась ревностною защитницею княжеской власти, будто бы потрясаемой либералами, якобы покровительствуемыми русскимъ агентомъ. Весьма знаменательны эти безпрестанные и единодушные, какъ бы по данному сигналу, перевороты въ австро-венгерской прессѣ въ отношеніи къ событіямъ въ Болгаріи въ промежутокъ времени отъ начала совершившагося въ княжествѣ политическаго переворота до послѣдняго путешествія князя Александра въ Россію.

«3) Число сторонниковъ политическаго переворота въ Болгаріи, съ самаго начала весьма незначительное, нынѣ сократилось до нуля. Въ оппозиціи можно считать чуть ли не всю интеллигенцію страны. Лично князь не имѣлъ никакой популярности и не пользуется никакимъ довѣріемъ. Избранъ онъ былъ лишь по рекомендаціи Россіи и держится исключительно Россіею. При избраніи его Болгарія видѣла въ немъ лишь племянника въ Возѣ почившаго государя императора и вначалѣ смѣшала его неизвѣстную еще личность въ своихъ чувствахъ благоговѣнія съ обожаемымъ образомъ царя-Освободителя. Впослѣдствіи князь въ отношеніи къ себѣ подорвалъ эти чувства. Если до сихъ поръ оппозиція остается въ предѣлахъ легальности, если что-либо ее сдерживаетъ, то это единственно безпрекословное преклоненіе всей страны передъ авторитетомъ русскаго правительства, чувства восторженной до сихъ поръ преданности и благодарности, питаемая болгарскимъ народомъ къ его освободительницѣ—Россіи. И самъ князь, и его германскіе и австрійскіе совѣтники очень хорошо понимаютъ, что удержаться ему на болгарскомъ престолѣ, безпрестанно и безцеремонно возстановляя противъ себя общественное мнѣніе, немисливо безъ дѣятельной поддержки Россіею. Поддерживать же князя въ этихъ обстоятельствахъ, поддерживать его новый режимъ и стремленія наперекоръ мнѣніямъ и желаніямъ громаднаго большинства мы можемъ, очевидно, лишь въ ущербъ нашимъ собственнымъ интересамъ и нашимъ симпатіямъ въ странѣ. А этого-то именно врагамъ нашимъ и нужно; имъ нужна Болгарія обезсиленная, съ оскудѣвающими чувствами приверженности и довѣрія къ Россіи.

«4) Опытъ до сихъ поръ показалъ, что все, что происходило въ Болгаріи подъ контролемъ народнаго представительства, клонилось всегда къ огражденію страны отъ иностранныхъ вліяній. Народные представители всегда оказывались преисполненными чувствами опасенія передъ Западомъ, преимущественно передъ Австро-Венгріею

«Народное представительство въ Болгаріи всегда ревностно отстаивало принципы, согласные съ нашими политическими интересами, и поддерживало существенныя и нравственныя связи съ Россією, въ которыхъ видѣло лучшее огражденіе отъ интригъ Австро-Венгріи и Германіи. Напротивъ, почти всѣ мѣры, которыя удалось провести приверженцамъ княжескаго переворота, подъ режимомъ предоставленныхъ ему полномочій, явно направлены къ обезличенію страны и къ водворенію въ ней того западнаго обаянія, тѣхъ иностранныхъ вліяній, которыхъ водвореніе мы въ свое время допустили въ другихъ земляхъ единовѣрнаго намъ Востока, ранѣе Болгаріи освобожденныхъ нашимъ оружіемъ. Не странно ли, что все это можетъ осуществиться лишь подъ условіемъ нашего содѣйствія и что въ содѣйствіи этомъ мы не отказываемъ.

«Едва ли настоящая записка пуждается въ заключеніяхъ.

«Москва, 25 сентября 1882 года».

Получивъ эти два документа, Соболевъ сообщилъ ихъ мнѣ и разрѣшилъ занести ихъ содержаніе въ мои записки.

Крайне характерное письмо Аксакова, отражавшее расплывчатый взглядъ стараго славянофильства на наши задачи въ Болгаріи, не давало, конечно, никакой руководящей нити къ успѣшному проходу сквозь лабиринтъ столь спутанной въ то время русско-болгарской политики.

Что же касается приложенной къ этому письму записки М. А. Хитрово, то она послужила только доказательствомъ, что и самъ наборникъ,—какъ упорно утверждали болгаре,—переворота рѣшительно отрицаетъ его цѣлесообразность, рекомендуя Россіи опираться въ Болгаріи не на княжескія «полномочія», а на волю народныхъ представителей.

Хотя этой запиской и разрушалась создавшаяся въ княжествѣ легенда, что М. А. Хитрово, какъ представитель Россіи, стремился вновь поработить освобожденный Россією народъ, отдавъ его на произволъ князя Александра и его западныхъ совѣтниковъ, тѣмъ не менѣе нельзя было предать ее гласности, такъ какъ она являлась документомъ вполне довѣрительнымъ, могущимъ, въ случаѣ огласки, окончательно испортить наши отношенія къ принцу Александру Баттенбергскому, съ которымъ приходилось, волею-неволею, считаться, какъ съ законнымъ правителемъ Болгаріи.

III.

Въ откликѣ изъ Москвы Соболевъ увидѣлъ новое доказательство правоты своего взгляда, что необходимо исправить допущенныя ошибки и вернуть Болгарію на легальный конституціонный путь, вырвавъ ее изъ когтей князя и его приспѣшниковъ.

Сдѣлать это, однако, было очень трудно, ибо въ княжествѣ царилъ полный развалъ, не на что было опереться. И либералы, и консерваторы безобразничали во всю, нисколько не считаясь съ пуждами народа, а только стремясь тѣмъ или инымъ путемъ захватить въ свои руки власть и сопряженныя съ нею выгоды. Пресса, которую Соболевъ попробовалъ поосвободить, дошла до удивительной наглости, заплевывая всѣ правительственныя мѣропріятія и обливая грязью главу государства. Либеральный органъ «Свѣтлина» дошелъ наконецъ до того, что ругалъ князя чуть не площадными словами.

Пришлось обуздать газеты, и «Свѣтлина» была пріостановлена на четыре мѣсяца, съ предаіемъ ея редактора Помянова суду. По этому поводу Соболевъ, который былъ въ это время нездоровъ, отправилъ меня съ докладомъ къ князю Александру.

Явившись къ князю, я тотчасъ былъ имъ принятъ и оставался у него съ докладомъ около часа. Пріостановку «Свѣтлины» онъ исполнилъ, разумѣется, одобрилъ, причемъ выразилъ мысль, что черезъ четыре мѣсяца газета эта не будетъ опасна, ибо къ тому времени, конечно, будетъ изданъ новый законъ о печати, который радикальнымъ образомъ оградитъ какъ его, такъ и всѣхъ отъ опасности быть оклеветаннымъ и обруганнымъ.

Затѣмъ въ разговорѣ князь проводилъ чрезвычайно оригинальную, чтобы не сказать болѣе, мысль: по его мнѣнію, слѣдуетъ закрыть не только «Свѣтлину», но и «Болгарскій Гласъ», и всѣ другія газеты, а основать взамѣнъ ихъ одинъ большой правительственный органъ, въ которомъ обязаны были бы писать чиновники...

По его мнѣнію, ошибаются тѣ, которые предполагаютъ, что пресса не вліяетъ (?) на массу, что газетъ не читаетъ народъ.

— Въ томъ, что газеты читаетъ народъ,—продолжалъ князь,—я убѣдился лично. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ я разговаривалъ съ селянами, спрашивая, какъ имъ живется.

— Да ничего, хорошо,—былъ отвѣтъ селяка:—только ты вотъ выгони Начовича.

— За что же?

— Какъ за что! Онъ наше болгарское золото, наши парички цѣлыми колами отправляетъ за границу къ швабамъ.

— Кто же это вамъ сказалъ?

— Какъ кто! Развѣ ты не читаешь газетъ? Тамъ все это написано.

— Нѣтъ, положительно,—закончилъ князь,—въ маленькомъ государствѣ не должно быть много газетъ; довольно одной, правительственной, какъ это было въ Сербіи при Ристичѣ.

Затѣмъ разговоръ коснулся судебныхъ учрежденій княжества.

— Суды наши въ ужасномъ состояніи,—сказалъ князь:—что тамъ творится, нельзя себѣ и представить... Вотъ почему я и хло-

почу о скорѣйшемъ составленіи новыхъ законовъ судопроизводства. Говорятъ, что новыми законами уничтожатся прежніе русскіе... Это неправда—они просто будутъ улучшены; вѣдь и русскіе судебные порядки не самородки, а заимствованы съ Запада. То же, что перешло къ намъ, даже не русское, а что-то среднее, имѣющее всѣ недостатки русскаго судебного законодательства, но не имѣющее его хорошихъ сторонъ.

— Представьте вы себѣ, что даже я не могу себя оградить судебнымъ порядкомъ отъ самыхъ наглыхъ нападокъ. Года полтора тому назадъ какой-то Петковъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сочинилъ самый наглый про меня пасквиль, гдѣ называлъ меня воромъ, мошенникомъ и проч. въ томъ же духѣ; отпечаталъ этотъ пасквиль и расклеилъ по городу, между прочимъ и на моемъ дворцѣ. Я вызвалъ къ себѣ министра юстиціи Теохарова и заявилъ ему мое требованіе, чтобы Петковъ былъ судимъ немедленно; но министръ отвѣтилъ мнѣ, что это дѣло прокурора и что онъ не имѣетъ права ему предписывать!.. И вообразите себѣ, этотъ Петковъ 15 дней разгуливалъ на свободѣ и при встрѣчѣ со мною просто смѣялся мнѣ въ лицо. Наконецъ это мнѣ надоѣло, и я приказалъ возбудить дѣло противъ прокурора, который, видимо, не желалъ принимать никакихъ мѣръ къ обузданію человѣка, позволившаго себѣ называть воромъ главу государства. Тогда прокуроръ, какъ русско-поданный, прибѣгъ къ защитѣ русской дипломатической власти и объявилъ, что болгарское правительство не имѣетъ права ничего съ нимъ сдѣлать!.. Это уже вывело меня изъ терпѣнія; я призвалъ Хитрово и объявилъ ему, что не желаю имѣть у себя въ княжествѣ этого прокурора. Онъ былъ удаленъ... А дѣло все-таки и до сихъ поръ не разсматривалось,—Петковъ все еще не осужденъ. Вотъ вамъ судебные порядки, что господствуютъ у насъ.

На замѣчаніе мое, что у насъ министръ юстиціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-прокуроръ и, слѣдовательно, имѣетъ право предписывать прокурорскому надзору, князь сказалъ:

— Я и говорю, что все хорошее русскаго судоустройства у насъ не заимствовано, а взяты только дурныя его стороны. Министръ юстиціи, напримѣръ, сдѣланъ просто какимъ-то писаремъ. Мнѣ все равно, откуда будетъ заимствовано болгарское судоустройство,—лишь бы оно было хорошо.

Я сказалъ на это, что для того, чтобы суды были хороши, недостаточно только хорошихъ законовъ, нужны знающіе и опытные юристы, а для этого необходимо, чтобы лица судебного вѣдомства проходили извѣстную градацію и никоимъ образомъ не назначались сразу на высшія, отвѣтственные должности, какъ это часто теперь дѣлается въ княжествѣ.

— Я самъ того же мнѣнія,—сказалъ князь:—но не такъ думаютъ болгары. Вотъ вамъ примѣръ: этотъ самый Помяновъ,

теперешній редакторъ «Свѣтлицы», окончивъ курсъ, какъ стипендіатъ правительства, получилъ сразу мѣсто члена апелляціоннаго суда. Я былъ противъ этого, полагая, что онъ долженъ былъ начать съ окружнаго суда; но представьте себѣ мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого назначенія является ко мнѣ Помяновъ и объявляетъ, размахивая руками, что онъ подастъ въ отставку, если я не дамъ ему члена кассационнаго суда! Я спрашиваю его тогда: съ какихъ поръ стипендіаты правительства ставятъ условія главѣ государства?—Какъ угодно, отвѣчаетъ этотъ господинъ, но только я подаю въ отставку, если не дадите мѣста члена кассации. Это меня такъ возмутило, что я ему говорю: извольте сейчасъ же убираться изъ моего кабинета *et caverent à terre!*..

Доложивъ еще нѣсколько текущихъ дѣлъ, я откланялся, причѣмъ князь и на прощанье все жаловался на болгаръ.

Нельзя не признать, что подданные его высочества порядочно-таки допекали его, а все же напрасно князь не стѣсняясь ругалъ ихъ не только съ глазу на глазъ съ иностранцами, но и въ присутствіи своихъ адъютантовъ, которые смотрѣли при этомъ на него съ затаенною ненавистью. Чужой своему народу, онъ долженъ былъ болѣе щадить его самолюбіе, если желалъ завоевать себѣ въ странѣ прочное положеніе.

Не буду останавливаться на подробностяхъ упорной борьбы между русскими министрами въ Болгаріи, стремившимися, по мѣрѣ силъ, водворить въ княжествѣ законный порядокъ, и горстью честолюбцевъ-болгаръ, окружавшихъ князя съ упорнымъ намѣреніемъ злоупотреблять властью въ свою пользу и въ ущербъ народа. Отмѣчу лишь крупные факты изъ этихъ повседневныхъ стычекъ, завершившихся въ концѣ концовъ неудачей Соболева и его сотрудниковъ попытаться наладить внутренній строй юнаго государства.

Послѣ долгихъ препирательствъ съ княземъ Александромъ и его приспѣшниками, желавшими править страню безъ всякаго народнаго представительства, Соболеву удалось-таки добиться созыва народнаго собранія, которое и открылось 10 декабря 1882 года. Сессія прошла довольно мирно, хотя подъ конецъ ея стало очевиднымъ, что почти все депутаты являются креатурами господъ Начовича, Грекова и Стоилова, главарей «консерваторовъ», или, вѣрнѣе, реакціонеровъ. Креатуры эти по указкѣ своихъ вожаконъ старались всячески вывести изъ терпѣнія Соболева и Каульбарса, но послѣдніе выдержали характеръ и въ концѣ концовъ удалось закончить сессию безъ особаго скандала. Только въ самомъ концѣ произошелъ инцидентъ, чуть было не повлекшій за собою отставки генерала барона Каульбарса. Народное собраніе высказалось противъ существованія корпуса драгунъ (жандармы) подъ начальствомъ военнаго министра, требуя перевода его въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Цѣль этого маневра была очевидна: реакціонерамъ хотѣлось устроить такъ, чтобы драгуны вышли изъ-подъ команды военныхъ властей и поступили въ полное распоряженіе окружныхъ управителей (губернаторовъ) и околийскихъ начальниковъ (исправниковъ), которые могли бы безконтрольно употреблять ихъ на разныя агитаціи, особенно при выборахъ.

Какъ ни доказывалъ народному собранію генералъ Каульбарсъ, что военному вѣдомству драгуны необходимы, какъ боевая сила, хорошо знакомая съ мѣстностью, — депутаты твердо стояли на своемъ и въ концѣ концовъ отказались вотировать потребный на содержаніе драгунъ кредитъ.

Каульбарсъ подалъ въ отставку, но князь не принялъ ея, не утвердилъ рѣшенія палаты депутатовъ, потребовалъ, чтобы драгуны попрежнему оставались въ вѣдѣніи военнаго министерства и поручилъ совѣту министровъ изыскать на то средства, — что и было исполнено, хотя гг. Начовичъ, Грековъ и Стоиловъ, то есть министры финансовъ, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, сначала сильно этому воспротивились и даже грозили отставкою; въ концѣ же кощовъ смирились.

Недолго, однако, пришлось имъ оставаться въ кабинетѣ генерала Соболева; вскорѣ произошло событіе, которое положило конецъ ихъ пребыванію у власти.

IV.

Въ ночь съ 24-го на 25-е февраля 1885 года софійскій митрополитъ Мелетій былъ высланъ по приказанію министра иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій Стоилова въ Рилскій монастырь, причемъ ему не дали даже времени взять съ собою хотя бы самыя необходимыя вещи. Произошло это безъ вѣдома министра-президента Соболева и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Митрополитъ Мелетій давно уже не нравился такъ называемымъ «консерваторамъ», стоявшимъ у власти, и они сильно желали замѣнить его своимъ партизаномъ, рущукскимъ митрополитомъ Григоріемъ, находя, что этотъ хитрый политиканъ будетъ имъ очень полезенъ въ столицѣ княжества. Между тѣмъ къ Мелетію не за что было придратъся; служилъ онъ вѣрою и правдою, въ политику не вмѣшивался и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Тогда господа консерваторы припомнили, что еще до освобожденія Болгаріи Мелетій, состоя софійскимъ митрополитомъ, былъ арестованъ турецкими властями за слишкомъ, по ихъ мнѣнію, горячую защиту своей паствы отъ произвола турокъ, а затѣмъ лишенъ епархіи и высланъ въ Константинополь. Пробывъ тамъ цѣлый годъ, ему удалось въ ноябрѣ 1877 года бѣжать въ Болгарію и вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ вступить въ Софію, а затѣмъ вновь занять кафедру

митрополита въ столицѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига княжества. Ни экзархъ, ни болгарскій синодъ не протестовали тогда противъ возвращенія Мелетія къ своей паствѣ, и онъ мирно священствовалъ пять лѣтъ, всѣми признаваемый за законнаго софійскаго митрополита. Но на шестомъ году его управленія епархіей господа Стоиловъ и К^о вспомнили, что къ Мелетію можно придраться за самовольное его, якобы, возвращеніе на митрополитскую кафедру въ Софіи и подбили экзарха покарать его за это ссылкой въ монастырь.

Генераль Соболевъ, съ удивленіемъ узнавъ о такомъ рѣшеніи экзарха, просилъ министра исповѣданій Стоилова, въ случаѣ, если бы владыка запротестовалъ, ничего не предпринимать по отношенію къ нему безъ соотвѣтствующаго постановленія совѣта министровъ. Князь Александръ вполне одобрилъ взглядъ генерала Соболева и полагалъ, какъ послѣдній, что въ случаѣ неисполненія митрополитомъ Мелетіемъ рѣшенія экзарха слѣдуетъ, не прибѣгая ни къ какому насилію надъ нимъ, сообщить о семъ его блаженству на зависящее распоряженіе. Каково же было удивленіе, когда на другой день, то есть 25-го февраля, вся Софія узнала, что владыка въ ночь высланъ, причемъ Стоиловъ требовалъ сначала отъ градоначальника Карновича драгунъ для конвоированія митрополита, а затѣмъ, когда тотъ, имѣя точныя инструкціи своего министра не предпринимать никакихъ насильственныхъ мѣръ по отношенію къ митрополиту Мелетію, отказалъ,—тотъ же Стоиловъ приказалъ окружному управителю (губернатору) Волчанову послать для этой цѣли свою конную стражу. Волчановъ исполнилъ это, не извѣстивъ даже о семъ свое прямое начальство, то есть генерала Соболева.

Узнавъ о такомъ безобразномъ самоуправствѣ Стоилова, министр-президентъ, съ одобренія князя Александра, послалъ меня догнать митрополита и приостановить его высылку впредь до выясненія этого темнаго дѣла. Со мною же посланъ былъ прокуроръ софійскаго окружнаго суда Осетровъ для производства надлежащаго дознанія. Мелетія мы нагнали въ городѣ Дупницѣ, на полдорогѣ къ Рилскому монастырю. Митрополитъ остановился тамъ для отдыха въ монастырской гостиницѣ, подъ надзоромъ пяти драгунъ съ фельдфебелемъ во главѣ.

Изъ допроса драгунскаго фельдфебеля выяснилось, что онъ посланъ софійскимъ губернаторомъ Волчановымъ съ устнымъ предписаніемъ доставить митрополита Мелетія въ Рилскій монастырь, причемъ ему приказано было наблюдать за тѣмъ, чтобы по дорогѣ владыка ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Фельдфебелю даны были два пакета для передачи настоятелю Рилскаго монастыря—одинъ отъ руцукскаго митрополита Григорія, а другой отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій, причемъ предписано было взять отъ означеннаго настоятеля удостовѣреніе въ томъ, что митрополитъ доставленъ по назначенію.

Указанные выше пакеты фельдфебель, вслѣдствіе телеграфическаго предписанія губернатора Волчанова, отправилъ обратно въ Софію.

Руководствуясь предписаніемъ генерала Соболева ограждать спокойствіе митрополита Мелетія, я тотчасъ же приказалъ фельдфебелю оставить монастырскую гостиницу и со всѣми своими друзьями немедленно отправиться обратно въ Софію.

Снявъ такимъ образомъ назначенный безъ вѣдома генерала Соболева полицейскій надзоръ, крайне оскорбившій митрополита, я вмѣстѣ съ прокуроромъ приступилъ къ подробнымъ разспросамъ владыки объ обстоятельствахъ высылки его изъ Софіи.

Митрополитъ, котораго мы застали очень удрученнымъ, сообщилъ намъ, что поздно вечеромъ 24-го февраля къ нему явились два чиновника министерства исповѣданій и именемъ князя Александра приказали тотчасъ собираться въ путь и не позже, какъ черезъ 4 часа, выѣхать въ Рилскій монастырь, причемъ прочли письмо Стоилова, въ которомъ говорилось, что все это дѣлается во исполненіе рѣшенія экзарха лишить Мелетія кафедръ и заточить на 6 мѣсяцевъ въ Рилскій монастырь, въ наказаніе за побѣгъ его въ 1877 году изъ Царьграда, въ Софію.

На всѣ просьбы митрополита Мелетія дать ему время собраться и спокойно выѣхать черезъ два дня въ Рилскій монастырь представители министерства исповѣданій отвѣтили владыкѣ, что имъ приказано немедленно выслать его изъ Софіи и они не могутъ отступить отъ этого повелѣнія, даннаго именемъ его высочества князя Александра.

Тогда митрополитъ Мелетій, видя, что сопротивляться бесполезно, бросилъ весь свой домъ на произволь судьбы и ночью выѣхалъ изъ Софіи.

Разсказывая намъ, какъ его выслалъ Стоиловъ изъ Софіи, престарѣлый и больной митрополитъ Мелетій добавилъ со слезами на глазахъ:

— Даже турки въ былое время, когда Болгарія изнывала подъ оттоманскимъ игомъ, не обращались со мною такъ жестоко и грубо. Теперь же отъ своихъ согражданъ приходится терпѣть не только гоненіе, но прямо истязаніе... Гдѣ же мнѣ, больному старику, вынести зимнее путешествіе въ Рилскій монастырь; въ горахъ придется ѣхать верхомъ, а я отъ остраго приступа ревматизма и по комнатѣ-то еле брожу. Такая ссылка равносильна смертному приговору. Нѣтъ, турки были милосерднѣе и когда высылали меня, то все-таки считались съ моимъ саномъ и не гнали меня какъ разбойника. А теперь свои хотятъ меня доконать за то, что, занимаясь только своимъ дѣломъ, не помогаю имъ въ политическихъ интригахъ. Это ужасно!

Успокоивъ, какъ могъ, бѣднаго митрополита и завѣривъ его, что Соболевъ сдѣлаеть все возможное для облегченія его участи, я выѣхалъ въ Софію, гдѣ, по порученію министра-президента, представилъ князю Александру подробный докладъ о всемъ этомъ грустномъ дѣлѣ.

На докладѣ князь сказалъ мнѣ:

— Я глубоко возмущенъ продѣлкой Стоилова и вполне понимаю, что генераль Соболевъ не желаетъ служить съ нимъ вмѣстѣ. Стоиловъ тоже заявилъ мнѣ, что не можетъ работать совместно съ Соболевымъ. Выборъ мой, конечно, уже сдѣланъ. Я уволилъ Стоилова, а вслѣдъ за нимъ подали въ отставку Начовичъ и Грековъ, которыхъ я тоже отпустилъ на всѣ четыре стороны. Они думали запугать меня коллективной отставкой и выжить Соболева, но это не удалось.

— Представьте себѣ,—продолжалъ князь Александръ:—что Грековъ, подавая въ отставку, заявилъ мнѣ слѣдующее: народное собраніе въ будущую сессію выразить генераламъ Соболеву и Каульбарсу недовѣріе и имъ придется уйти. Къ кому вы тогда обратитесь? Волею-неволею къ намъ, но мы, то есть Начовичъ, Стоиловъ и я, торжественно объявляемъ, что только тогда примемъ портфели, когда васъ уже не будетъ въ Болгаріи.

Думается мнѣ, однако, что князь съ пылкостью воображенія, которая была ему свойственна, преувеличилъ рѣзкость Грекова, дабы вселить въ своихъ русскихъ министрахъ убѣжденіе, что ему приходится даже жертвовать своимъ самолюбіемъ и выслушивать дерзости отъ болгаръ, лишь бы только сохранить сотрудничество присланныхъ ему императоромъ Александромъ III совѣтниковъ.

Послѣдующія событія и тотъ фактъ, что князь продолжалъ видаться съ Грековымъ и послѣ его отставки, подтверждаютъ, казалось бы, что его высочество велъ тогда двойную игру, выставляя себя передъ болгарскими политическими дѣятелями жертвою русскаго произвола, а передъ русскими своими министрами страдальцемъ отъ грубости и дерзости болгаръ.

Какъ бы то ни было, князь Александръ, уволивъ Начовича, Грекова и Стоилова, поручилъ генералу Соболеву составить новый кабинетъ, который въ началѣ марта 1883 года и образовался въ такомъ составѣ:

Генераль Соболевъ, министръ-президентъ, съ портфелемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Генераль баронъ Каульбарсъ—военный министръ.

Князь М. И. Хилковъ—министръ путей сообщенія.

Бурмовъ—министръ финансовъ.

Кириакъ Цанковъ—министръ иностранныхъ дѣлъ.

Агура—министръ народнаго просвѣщенія.

Теохаровъ—министръ юстиціи.

Министерство это было дѣловое, безпартійное, причѣмъ отличалось тѣмъ, что было составлено изъ трехъ русскихъ людей (Соболевъ, Каульбарсъ, Хилковъ), двухъ болгаръ, не только воспитывавшихся въ Россіи, но и долго тамъ служившихъ (Бурмовъ, Теохаровъ) и, наконецъ, двухъ безцвѣтныхъ, но вполне преданныхъ Россіи болгарскихъ второстепенныхъ дѣятелей (Агура и Кириакъ Цанковъ).

Такой кабинетъ не имѣлъ глубокихъ корней въ странѣ, и въ этомъ была его слабость.

Среди новыхъ чиновъ министерства самымъ выдающимся былъ князь М. И. Хилковъ, долго занимавшій впослѣдствіи постъ министра путей сообщенія въ Россіи. Попалъ онъ въ Болгарію по просьбѣ генерала Соболева и сразу завоевалъ себѣ всеобщія симпатіи, а своею энергіею и всестороннимъ знаніемъ дѣла поставилъ себя такъ, что сдѣлался необходимымъ въ княжествѣ и остался тамъ нѣсколько лѣтъ даже послѣ ухода съ болгарской службы всѣхъ русскихъ дѣятелей.

Обновленному кабинету Соболева на первыхъ же порахъ пришлось улаживать дѣло митрополита Мелетія.

Только что уволенные въ отставку министры Начовичъ, Грековъ и Стопловъ начали усиленно интриговать въ томъ смыслѣ, чтобы экзархъ не позволялъ Мелетію вернуться въ Софію хотя бы на нѣсколько дней для устройства личныхъ дѣлъ. Душой всей этой интриги оказался руцукскій митрополитъ Григорій, которому очень хотѣлось замѣститъ Мелетія въ Софіи и быть, такимъ образомъ, поближе къ центру и интригамъ своихъ друзей.

Экзарху при посредствѣ митрополита Григорія, который уже успѣлъ занять софійскую кафедру, сообщали, что Соболевъ стремится нарушить постановленіе синода и хочетъ снова возвратитъ Мелетія въ Софію. На самомъ же дѣлѣ Соболевъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла болгарскаго синода, но возсталъ только противъ совершенно незаконнаго и неприличнаго способа приведенія въ исполненіе рѣшенія синода по отношенію къ митрополиту Мелетію.

Какъ бы то ни было, экзархъ, подстрекаемый митрополитомъ Григоріемъ, упорствовалъ и, не взирая на просьбы князя Александра, не внемля разъясненіямъ нашего посла въ Константинополь А. И. Нелидова, — не соглашался разрѣшить Мелетію вернуться на нѣсколько дней въ Софію и требовалъ, чтобы онъ немедленно ѣхалъ изъ Дупницы въ Рилскій монастырь.

Видя, что письменными переговорами ничего не добьются, Соболевъ послалъ меня въ Константинополь для словеснаго доклада всего дѣла экзарху Иосифу.

Въ Царьградѣ я нашелъ наше посольство весьма озабоченнымъ конфликтомъ между экзархомъ и генераломъ Соболевымъ. А. И.

Нелидовъ сказалъ мнѣ, что объ уступкѣ со стороны экзарха и думать нечего, ибо у него только что былъ посланный его блаженства съ заявленіемъ, что Соболевъ будетъ отлученъ отъ церкви (!?), если не исполнить немедленно рѣшенія синода по дѣлу Мелетія. Экзархъ просилъ при этомъ Нелидова повліять на Соболева въ желательномъ для синода смыслѣ.

— Я,—продолжалъ А. И. Нелидовъ,—выпроводилъ посланнаго, сказавъ ему, что разъ я просилъ болгарскій синодъ отъ имени князя Александра и генерала Соболева позволить Мелетію вернуться въ Софію и моя просьба не была уважена, то не могу, конечно, быть адвокатомъ синода.

— Да, дѣло плохо, успѣха быть не можетъ. Вы хлопочите только, чтобы не было полного разрыва между церковью и свѣтскою властью Болгаріи, ибо тогда и Россія попадетъ въ очень неловкое положеніе. Дѣло это и такъ уже вызвало много шума. Государь очень интересуется имъ; меня Гирсъ бомбардируетъ запросами, а я, къ сожалѣнію, ничего утѣшительнаго сообщить ему не могу.

Я сказалъ Нелидову, что экзархъ пользуется репутаціей человека не только умнаго, но и справедливаго, а потому я не теряю надежды отстоять правое дѣло, представленное его блаженству въ извращенномъ, очевидно, видѣ.

— Говорить я буду не голословно,—продолжалъ я:—а опираясь на привезенные мною документы, ясно доказывающіе, что Соболевъ ни одной минуты не вмѣшивался въ рѣшеніе синода, но, какъ глава правительства, онъ обязанъ былъ воспротивиться грубому и самоуправному приведенію въ исполненіе этого рѣшенія. Соболевъ только это и сдѣлалъ, а господа Стоиловъ и К^о стараются выставить его какимъ-то врагомъ церкви. Пусть же выслушаетъ экзархъ и другую сторону; тогда правда, думаю я, восторжествуетъ.

— Ну, желаю вамъ успѣха, но сомнѣваюсь въ немъ,—закончилъ нашу бесѣду посоль.

Отъ А. И. Нелидова я, въ сопровожденіи перваго драгомана нашего посольства И. А. Иванова, отправился къ экзарху Іосифу. Его блаженство встрѣтилъ меня очень сухо и сразу началъ сердито нападать на Соболева, обвиняя его въ грубомъ вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла. Я молча выслушалъ горячую филиппику экзарха и затѣмъ спокойно сказалъ, что все это было бы дѣйствительно ужасно со стороны генерала Соболева, если бы соотвѣтствовало дѣйствительности.

— Что вы хотите этимъ сказать?—воскликнулъ Іосифъ.

— То, что ваше блаженство введены въ заблужденіе невѣрными донесеніями людей, которымъ выгодно поселить раздоръ между вами и русскими, работающими на пользу Болгаріи. Если

дозволите, я разсмотрю съ вами взведенныя на Соболева обвиненія и докажу ихъ неосновательность.

Экзархъ согласился, но сказалъ, что теперъ онъ слишкомъ взволнованъ, чтобы вести дальнѣйшіе переговоры, и просить меня пріѣхать къ нему на другой день утромъ.

На другой день я пріѣхалъ уже одинъ, безъ драгомана посольства, и начался наши долгія бесѣды съ экзархомъ, гдѣ я, опираясь на письменное показаніе митрополита Мелетія, на протоколь прокурорскаго дознанія, на письменныя предписанія и телеграммы Соболева, шагъ за шагомъ прослѣдилъ всю нить той злой интриги, которая такъ пышно расцвѣла вокругъ этого дѣла. Его блаженство мало-по-малу успокаивался и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что Соболевъ правъ.

Созванъ былъ синодъ, который, выслушавъ мои разъясненія, постановилъ:

1) Дозволить митрополиту Мелетію вернуться въ Софію на 10 дней для устройства своихъ дѣлъ.

2) Разрѣшить ему по истеченіи означенныхъ 10 дней поселиться тамъ, гдѣ самъ пожелаетъ ¹⁾.

Въ заключеніе экзархъ обнялъ меня, горячо благодарилъ за разъясненія, «открывшія ему глаза на темное дѣло», и просилъ передать Соболеву «самый задушевный привѣтъ и глубокую благодарность за охрану достоинства церкви».

Такъ благополучно закончился этотъ нашумѣвшій инцидентъ, которымъ враги Соболева собирались сломить ему шею. Имъ это не удалось главнымъ образомъ потому, что экзархъ Іосифъ оказался не только тонкимъ политикомъ, но и въ высшей степени порядочнымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ мужество сознать свою ошибку и, негодуя на тѣхъ, кто вовлекъ его въ нее, посмѣшиль заглядить, какъ могъ, несправедливость по отношенію къ митрополиту Мелетію. Этотъ высокочтимый іерархъ и нынѣ стоитъ во главѣ болгарской церкви, съ непоколебимой твердостью и замѣчательнымъ тактомъ вынося на своихъ плечахъ всю щекотливо-сложную обузу церковно-политическихъ отношеній между Турціей и Болгаріей.

Мы остались съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, и въ бытность мою, 14 лѣтъ спустя, первымъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополь я неоднократно дивился тому такту, съ которымъ экзархъ Іосифъ умѣлъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ осложненій, нисколько не теряя своего достоинства главы

¹⁾ Митрополитъ Мелетій выбралъ мѣстомъ своего жительства Кюстендиль, гдѣ у него былъ свой собственный небольшой уголокъ съ домомъ и садомъ. Тамъ онъ и жилъ на покой до конца дней своихъ.

болгарской церкви и не упуская случая возстановить вполне корректныя сношенія со вчерашними противниками.

Когда я пришелъ сообщить нашему послу о результатахъ возложеннаго на меня порученія, А. И. Нелидовъ не только не омрачился тѣмъ, что казавшееся ему безнадежнымъ дѣло выиграно безъ всякаго участія посольства, но и протелеграфировалъ объ этомъ Н. К. Гирсу, приписывая мнѣ успѣшное завершеніе конфликта между болгарскимъ синодомъ и министерствомъ генерала Соболева.

Такое безпристрастіе и нежеланіе всякій успѣхъ приписывать себѣ рѣдко встрѣчаются у руководителей нашей виѣшной политики. Не даромъ А. И. Нелидовъ до конца жизни сохранилъ репутацію талантливаго дипломата, горячо отстаивавшаго не свои личные интересы, а успѣхъ Россіи въ международной жизни.

Двѣ недѣли, проведенныя мною въ Константинополѣ, всѣ цѣликомъ прошли въ дѣловыхъ переговорахъ и небольшомъ отдыхѣ въ посольской средѣ, гдѣ всѣ, начиная съ гостепріимной семьи посла и кончая молодежью, отнеслись ко мнѣ крайне радушно. Многимъ обязаць я въ этомъ отношеніи моему школьному товарищу Юрію Сергѣевичу Карцову, который, хотя и былъ только третьимъ секретаремъ посольства, но являлся бурнымъ, увлекательнымъ лидеромъ нашего дипломатическаго представительства на берегахъ Босфора.

Осмотрѣть всѣ красоты Царьграда не было времени. Надо было торопиться обратно въ Софію, куда я и выѣхалъ 21-го марта 1883 года.

V.

Вернувшись въ Софію, я засталъ въ княжествѣ сильное броженіе. Съ одной стороны, сыпались на имя Соболева адреса, телеграммы и письма, въ которыхъ высказывалась благодарность за освобожденіе Болгаріи отъ такихъ правителей, какъ Грековъ, Начовичъ и Стоиловъ: съ другой—эти отставные министры не дремали и рассылали по странѣ посланія съ заявленіями, что князь Александръ скрѣпя сердце разстался съ ними и надѣется въ самомъ непродолжительномъ времени снова призвать ихъ къ власти. При этомъ разъяснялось, что князь вскорѣ поѣдетъ на коронацію императора Александра III и тамъ упроситъ его величество отозвать изъ Болгаріи русскихъ генераловъ.

Послѣдующія событія показали, что эти господа дѣйствовали въ данномъ направленіи не безъ вѣдома и одобренія князя Александра.

Положеніе осложнялось еще неладами Соболева и Каульбарса съ Арсенѣвымъ, управлявшимъ нашимъ дипломатическимъ агентствомъ въ Болгаріи. Этому начинавшему тогда свою карьеру дипломату претило играть незамѣтную роль, и онъ неустанно критиковалъ дѣйствія кабинета Соболева, нисколько не скрывая сего отъ

болгарь. Отставленные отъ власти «консерваторы» старались всячески использовать такой несуразный разладъ между дипломатическимъ представителемъ Россіи и русскими же дѣятелями, присланными въ Болгарію для проведенія въ жизнь взглядовъ императорскаго правительства на политическія и экономическія задачи княжества.

Это печальное недоразумѣніе вскорѣ, однако, прекратилось: Н. К. Гирсъ предложилъ Арсеньеву не вести политики, несогласной со взглядами русскихъ министровъ въ Болгаріи, а черезъ нѣсколько недѣль и вовсе убралъ его изъ Софіи.

Между тѣмъ съ Соболевымъ князь Александръ продолжалъ лицемѣрно любезничать. Обнималъ, увѣрялъ въ вѣчной преданности, въ томъ, что если Соболевъ уйдетъ, то и онъ оставитъ престолъ... Скрытый мотивъ всѣхъ этихъ любезностей не замедлил обнаружиться. Князю нужно было, чтобы Соболевъ выхлопоталъ для него въ Россіи крупный денежный подарокъ, и онъ упорно ежедневно просилъ его о томъ, утверждая, что безъ нашей денежной поддержки онъ не сможетъ жениться, а жениться надо, чтобы укрѣпить династію въ Болгаріи.

Итакъ, игра шла въ темную. Соболева князь увѣрялъ въ любви и преданности, а подъ рукой интриговалъ противъ него же съ такъ называемыми «консерваторами», рассчитывая, очевидно, использовать сначала Соболева, а затѣмъ вернуться къ своимъ старымъ друзьямъ, уже приготовившимъ цѣлый планъ ловкой эксплуатаціи Болгаріи путемъ желѣзнодорожныхъ концессій.

Вотъ эта страсть въ интригамъ, это постоянное стремленіе обмануть то тѣхъ, то другихъ—и погубили въ концѣ концовъ князя Александра, лишивъ его и поддержки Россіи, и вліянія на болгарь.

Мало-по-малу «хитрая политика» князя Александра выяснялась, и генералъ Соболевъ рѣшилъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Россіи по случаю коронаціи, чтобы совершенно откровенно и по возможности подробно доложить государю о положеніи дѣлъ въ Болгаріи и о необходимости положить предѣлы полномочіямъ князя Александра.

Готовясь къ отъѣзду въ Россію, Л. Н. Соболевъ выработалъ, совместно съ барономъ А. В. Каульбарсомъ, основы предстоящей дальнѣйшей дѣятельности русскаго министерства въ Болгаріи. Оба генерала рѣшили при этомъ твердо стоять на своей программѣ и если императорское правительство не одобритъ ее—просить объ отозваніи изъ Болгаріи.

Вслѣдъ за тѣмъ составлена была нижеслѣдующая записка для представленія императорскому правительству:

«§ IV берлинскаго трактата гласитъ:

«Une assemblée de notables de la Bulgarie, convoquée a Tirnovo. elaborera avant l'élection du prince le règlement organique de la Principauté».

«Въ силу этого постановленія конгресса, императорскій русскій комиссаръ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, 10-го февраля 1879 года созвалъ представителей Болгарскаго княжества для выработки органическаго устава. Собранію представленъ былъ на разсмотрѣніе проектъ органическаго устава, выработаннаго въ Россіи, но оно не приняло его и составило уставъ совершенно иного характера, устанавливающій въ княжествѣ на другой день полного рабства одинъ изъ самыхъ либеральныхъ режимовъ. Князь по этому уставу являлся какимъ-то аксесуаромъ, отнюдь не играющимъ активной роли въ организаціи страны. Вся власть въ этомъ отношеніи передана была въ руки народнаго собранія. Тотъ же уставъ провозглашалъ полную свободу прессы, митинговъ, устройства всевозможныхъ политическихъ обществъ. Словомъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ примѣненъ былъ принципъ: *Le roi règne, mais ne gouverne pas.*

«Народъ въ лицѣ своихъ представителей являлся и организаторомъ страны, и законодателемъ, словомъ, вершителемъ всего и вся.

«Но гдѣ же у него могла выработаться опытность въ организаціи нарождающагося государства, въ законодательствѣ? Откуда могъ появиться политическій тактъ, умѣнье распознать, что полезно и что вредно княжеству?

«Очевидно, что всего этого народу, только что освободившемуся изъ-подъ пятистлѣтняго ига, не доставало.

«Крупная ошибка, сдѣланная при выработкѣ органическаго устава, сказалась на первыхъ же порахъ. Страна, требовавшая усиленныхъ и разумныхъ трудовъ по устройству всѣхъ органовъ государственной жизни, оказалась ввергнутой въ пучину интригъ; образовались партіи, раздиравшія одна другую; въ народномъ собраніи вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ,—ругались; никакой руководящей идеи въ управленіи страной не было; никто не трудился надъ выработкою необходимыхъ законовъ, да и не могъ этого дѣлать въ общемъ сумбурѣ, царившемъ въ странѣ; пресса тоже оказалась вполне разнузданной и проповѣдывала такія идеи, такіе принципы, допустить которые немыслимо въ сколько-нибудь управляемой странѣ.

«Народъ отъ всего этого страдалъ... На его надежды, на его законные запросы хорошаго суда, огражденія правъ личности и имущества—никто не обращалъ вниманія, царилъ какой-то хаосъ, въ которомъ хорошо было только многочисленнымъ любителямъ ловить рыбу въ мутной водѣ, которые послѣ освобожденія Болгаріи понаѣхали туда со всѣхъ сторонъ, вспомнивъ только тогда, что они по происхожденію болгары. Эти господа, проведя всю жизнь или въ Константинополѣ, или въ Румыніи, или въ Вѣнѣ, мало заботились о родинѣ, которую вспомнили только, когда тамъ открылось широкое поле для удовлетворенія ихъ личныхъ интересовъ.

«Не будучи въ силахъ справиться съ царящимъ въ странѣ сумбуромъ, князь Александръ задумалъ положить конецъ тырновской конституціи.

«Этимъ моментомъ воспользовалась партія болгаръ-западниковъ, стремившихся забрать все въ свои руки для проведенія сулившихъ большія выгоды дѣлъ, какъ-то: постройка шоссе и желѣзныхъ дорогъ, выкупъ Руссукско-Варненской желѣзной дороги, и прочее...

«Вожакъ этой партіи убѣдили князя Александра въ томъ, что исходъ изъ затруднительнаго положенія одинъ: взять на 7 лѣтъ полномочія, приостанавливающія на это время дѣйствіе тырновской конституціи.

«И вотъ 1-го іюля 1881 года совершается вторая крупная ошибка въ государственной жизни вновь созданнаго Болгарскаго княжества. вмѣсто того, чтобы созвать великое народное собраніе для измѣненія тырновской конституціи, оказавшейся на практикѣ несостоятельной,—то же собраніе созывается (въ Систовѣ) для обсужденія слѣдующихъ требованій князя Александра:

I.

«Болгарскому князю Александру I даются чрезвычайныя полномочія на 7 лѣтъ.

«На основаніи сего его высочество можетъ издавать указы, коими создаются новыя учрежденія, вводитъ улучшенія во всѣ отрасли внутренняго управленія и обезпечивать правительству возможность правильнаго отправленія имъ своихъ обязанностей.

II.

«Сессія нынѣшняго (1881 года) народнаго собранія отмѣняется. Бюджетъ, вотированный на текущій годъ, имѣетъ силу и на будущій.

III.

«Его высочество князь Александръ I имѣетъ право до истеченія семилѣтняго срока созвать великое народное собраніе съ единственною и нарочитою цѣлью—пересмотрѣть конституцію на основаніи созданныхъ учрежденій и добытаго опыта».

«Систовское великое народное собраніе приняло эти три пункта. На другой день князь Александръ издалъ манифестъ, въ которомъ благодарилъ народъ за довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что «права народа, признанныя конституціею, остаются и впредь основою нашего общественнаго права».

Такимъ образомъ, съ одной стороны, брались полномочія, а съ другой—заявлялось, что права народа, признанныя конституціею, остаются въ полной силѣ. Манифестъ 2-го іюля 1881 года обращалъ въ ноль взятые княземъ наканунѣ полномочія, ибо для чего же и могли они быть взяты, какъ не для коренной переработки тырновской конституціи, предоставлявшей народу слишкомъ большія права, которыя, какъ оказалось на практикѣ, могли только разстроить, а не устроить государство.

«Благодаря этому манифесту, князь Александръ съ перваго шага поставленъ былъ въ ложное положеніе. Никакого базиса у государственной машины не оказалось. Тырновская конституція была уничтожена полномочіями 1-го іюля, а полномочія эти манифестомъ 2-го іюля. Князю не на что было легально опереться; все то, что при другихъ условіяхъ было бы признано законнымъ и полезнымъ, теперь считалось незаконнымъ попраніемъ народныхъ правъ.

«Торжествовали только вожаки западниковъ, которые, совершенно игнорируя манифестъ 2-го іюля, поспѣшили захватить въ свои руки все и вся,—не даромъ же они провели полномочія и даже затратили на это сравнительно большія суммы денегъ.

«Начался терроръ именемъ князя; все то, что такъ или иначе стояло на дорогѣ, ссылали, заточали, предавали суду, предписывая вмѣстѣ съ тѣмъ годами держать подъ слѣдствіемъ. А между тѣмъ хищеніе росло и процвѣтало. Началась постройка совсѣмъ ненужныхъ шоссе; такъ, на примѣръ, на Ломское шоссе, ведущее къ Австріи и теряющее всякое значеніе для Болгаріи при постройкѣ желѣзной дороги, затрачены милліоны, ибо одинъ километръ обходился въ 270 тысячъ франковъ; составленъ былъ проектъ постройки желѣзной дороги на Ломъ-Паланку или Рахово (австрійское направленіе); завелись переговоры о выкупѣ Варво-Руссукской желѣзной дороги, причемъ дѣло уже было почти слажено за 50 милліоновъ франковъ, тогда какъ максимумъ стоимости этой линіи—30 милліоновъ франковъ. Примѣру воротили слѣдовали и креатуры,—всякій тащилъ съ несчастной Болгаріи что могъ.

«Въ народѣ поднялся ропотъ, начались безпорядки.

«Князь Александръ, убѣдившись, наконецъ, что далѣе итти такъ дѣло не можетъ, обратился къ Россіи съ просьбою дать двухъ русскихъ генераловъ для занятія въ Болгаріи постовъ министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго министра. Просьба его была уважена.

«Страна, увидавъ во главѣ правительства русскихъ людей, успокоилась.

«Вожакъ властвовавшей партіи западниковъ-австрофиловъ полагали первое время, что за спиною русскихъ генераловъ имъ легче будетъ проводить свои дѣла, но ошиблись въ расчетѣ.

«Громаднымъ непроизводительнымъ затратамъ на ненужныя постройки положенъ былъ конецъ, почти оконченное дѣло по выкупу Варно-Рущукской желѣзной дороги было приостановлено, составленный проектъ желѣзной дороги къ Австріи не принятъ и замѣненъ другимъ (Софія—Систово), терроръ, произволъ надъ личностью и имуществомъ болгаръ—прекратились.

«Страна вздохнула свободнѣе, наступило затишье.

«Такимъ оборотомъ дѣла не могла, конечно, быть довольна партія, бывшая дотолѣ всеильной,—она сознавала, что всѣ планы ея рушатся, и начала глухую борьбу противъ русскихъ.

«Борьба эта окончилась, однако, поражениемъ вожаковъ партіи,—3-го марта 1883 года гг. Грековъ, Стоиловъ и Начовичъ принуждены были выйти изъ состава софійскаго кабинета.

«Народъ громко заявилъ свою радость по этому поводу. Со всѣхъ сторонъ посыпались адреса, депутаціи, телеграммы, заявлявшіе глубокую благодарность за освобожденіе страны отъ тирановъ, эксплуататоровъ и полное довѣріе русскимъ дѣятелямъ въ Болгаріи. Но во всѣхъ этихъ заявленіяхъ проскальзывала надежда, что съ падениемъ создателей ненормальнаго положенія, въ которомъ находилось княжество съ 1-го іюля 1881 года, восходитъ новая заря для страны, что Россія, сдѣлавъ первый шагъ къ упорядоченію основъ государственной жизни Болгаріи, не остановится на этомъ, а создастъ такой фундаментъ, который далъ бы наконецъ княжескому правительству необходимую законную силу, а странѣ возможность мирно и спокойно развиваться.

«Вся Болгарія этого ждетъ отъ Россіи, отъ ея всеильнаго здѣсь слова, и если надежды ея не сбудутся, если княжеское правительство будетъ слѣдовать по тому же ложному пути,—то можно смѣло предсказать сильное, роковое, быть можетъ, броженіе... Ко власти принуждены будутъ призвать тѣхъ же, ненавистныхъ народу, павшихъ министровъ; они путемъ террора, насилія задушатъ на время всякое проявленіе народной воли и воспользуются этимъ, чтобы запутать Болгарію въ австро-германскихъ сѣтяхъ.

«Итакъ, для огражденія интересовъ Болгаріи, какъ самостоятельнаго славянскаго государства, необходимо положить конецъ княжескимъ полномочіямъ и вернуть страну къ нормальной жизни подъ охраною цѣлесообразнаго органическаго устава.

«Для сего слѣдуетъ, на основаніи III-го пункта данныхъ князю Александру полномочій, созвать великое народное собраніе для пересмотра тырновской конституціи въ духѣ добытаго опыта и созданныхъ новыхъ законовъ.

«Болгарскому правительству слѣдуетъ выступить въ этомъ собраніи съ готовымъ проектомъ новаго органическаго устава, который, ограждая законныя права народа, установилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ прочную и сильную власть, могущую твердою рукою на-

править неопытный еще народъ по дорогѣ культуры и экономическаго развитія.

«Есть полное основаніе думать, что болгарскій народъ, испытавъ на себѣ всѣ злыя послѣдствія слишкомъ радикальной конституціи, смѣненной безконтрольнымъ своевластіемъ князя,—съ восторгомъ приметъ такой органической уставъ, который обуздаетъ какъ чрезмѣрное народовластіе, такъ и произволъ княжескаго правительства».

Памятная записка эта легла въ основу тѣхъ представленій, которыя генераль Соболевъ сдѣлалъ императорскому правительству за время пребыванія своего въ Россіи по случаю коронаціи императора Александра III.

VI.

Въ Москвѣ, во время коронационныхъ празднествъ, обнаружился полный разладъ между княземъ Александромъ и его первымъ министромъ генераломъ Соболевымъ.

Его высочество, убѣдившись, что Соболевъ не идетъ у него въ поводу, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы дискредитировать его въ глазахъ государя и императорскаго правительства. Пущены были въ ходъ всѣ родственныя связи князя Александра съ нашимъ императорскимъ домомъ для того, чтобы добиться отозванія изъ Болгаріи генерала Соболева и замѣны его другимъ какимъ-нибудь, болѣе покладистымъ русскимъ дѣятелемъ. Избалованный прежними успѣхами своихъ интригъ при нашемъ дворѣ, князь Александръ все еще вѣрилъ, что ему удастся поставить на своемъ.

Тѣмъ временемъ генераль Соболевъ подробно ознакомилъ императорское правительство съ ходомъ дѣлъ въ Болгаріи и, съ документами въ рукахъ, раскрылъ всю печальную картину произвола, воцарившагося тамъ со дня замѣны конституціи княжескими полномочіями. вмѣстѣ съ тѣмъ Соболевъ изложилъ свою программу восстановления законнаго порядка въ княжествѣ и откровенно заявилъ, что, въ случаѣ неодобренія его взглядовъ, онъ вынужденъ будетъ покинуть свой постъ.

Встрѣтивъ сочувствіе и поддержку Н. К. Гирса, равно какъ И. А. Зиновьева, являвшагося тогда, въ качествѣ начальника азіатскаго департамента, ближайшимъ и вліятельнымъ помощникомъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, генераль Соболевъ получилъ аудіенцію у императора Александра III, который, милостиво выслушавъ подробный докладъ его, изволилъ одобрить предположенныя мѣры къ узаконенію государственной жизни Болгаріи.

Съ этого момента всѣ старанія князя Александра вернуть себѣ довѣріе императора Александра III оказались тщетными.

Коронаціонныя торжества закончились для князя Александра печально. Его перестали ласкать при дворѣ, а пожалованіе Влади-

мира 1-й степени вмѣсто ожидавшагося имъ Андрея Первозваннаго ясно показало, что онъ пересталъ быть царскимъ баловнемъ. Въ то же время Н. К. Гирсъ въ дѣловыхъ переговорахъ своихъ съ болгарскимъ княземъ категорически заявилъ ему, что, по мнѣнію императорскаго правительства, съ «полномочіями» надо покончить и вернуть Болгарію на конституціонный путь, проведя черезъ великое народное собраніе соотвѣтствующій требованіямъ времени органической уставъ. Его высочеству было вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что лучшимъ для сего исполнителемъ является безпартийный кабинетъ Соболева. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ князю Александру, что во главѣ императорскаго дипломатическаго агентства въ Софіи будетъ временно поставленъ нашъ посланникъ въ Бразиліи А. С. Ионинъ, хорошо знакомый по прежней своей службѣ съ дѣлами балканскихъ славянъ и потому могущій своими доброжелательными совѣтами помочь князю вывести Болгарію на торный путь мирнаго преуспѣянія.

Выслушавъ всѣ эти наставленія, шедшія совѣмъ въ разрѣзъ съ его личными вождедѣніями, князь Александръ выѣхалъ изъ Москвы раздраженнымъ и разочарованнымъ. Передъ отъѣздомъ онъ просилъ Соболева не торопиться въ Софію, такъ какъ и самъ думаетъ сначала провести недѣли три на водахъ въ Германіи. Соболевъ поблагодарилъ князя за это любезное разрѣшеніе воспользоваться небольшимъ отдыхомъ, но, плохо вѣря князю и опасаясь какого-нибудь подвоха, рѣшилъ остаться въ Россіи не болѣе двухъ недѣль, а меня, сопровождавшаго его въ Москву, немедленно отправить въ Софію для своевременнаго и подробнаго сообщенія генералу барону А. В. Каульбарсу, оставшемуся тамъ регентомъ, обо всемъ, что рѣшено было императорскимъ правительствомъ.

Предусмотрительность эта оказалась бесполезной. Едва успѣлъ я пріѣхать въ Софію и доложить генералу Каульбарсу все мнѣ порученное, какъ туда же прибылъ князь Александръ, обманувъ такимъ образомъ Соболева относительно срока своего возвращенія въ Болгарію. Стало очевиднымъ, что онъ просто желалъ пріѣхать въ Софію раньше своего перваго министра и воспользоваться его отсутствіемъ для подготовки почвы къ его сверженію. Дѣйствительно, князь Александръ тотчасъ же приступилъ къ интригамъ противъ Соболева, начавъ съ попытки очернить его въ глазахъ барона Каульбарса, который послѣ перваго же свиданія съ его высочествомъ зашелъ ко мнѣ крайне взволнованный и повелъ такую рѣчь:

— Былъ я сейчасъ у князя, и онъ безстыдно увѣрялъ меня, что Соболевъ все время бранилъ меня въ Москвѣ и хлопоталъ о моемъ отозваніи, а онъ, князь Александръ, заступался и еле-еле отстоялъ меня. Я разумѣется, слишкомъ уважаю моего стараго товарища и

друга Соболева, чтобы повѣрить этому, но долженъ признаться, что мерзкая сплетня князя меня разстроила.

— Ну, знаете, это возмутительно,—отвѣтилъ я Каульбарсу:—въ Москвѣ происходило какъ разъ обратное: князь ругалъ васъ, а Соболевъ защищалъ... Позвольте мнѣ отправиться къ князю и, сославшись на то, что вы мнѣ передали, выяснитъ источникъ такого гнуснаго навѣта на отсутствующаго Соболева.

Каульбарсъ тотчасъ же согласился на мое предложеніе, и на слѣдующее утро я былъ принятъ княземъ Александромъ.

Принеся его высочеству поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Софію, я сказалъ:

— Дозвольте мнѣ, ваше высочество, выяснитъ одно крайне изумившее меня недоразумѣніе. Баронъ Каульбарсъ передалъ мнѣ, что вы изволили вынести впечатлѣніе, будто генералъ Соболевъ жаловался въ Москвѣ на него и хлопоталъ объ его отозваніи изъ Болгаріи. Я все время былъ въ Москвѣ при Соболевѣ и хорошо знаю, что онъ, напротивъ, горячо отстаивалъ барона Каульбарса, когда на сего послѣдняго нападали враги всѣхъ русскихъ въ нашемъ княжествѣ. Смѣю поэтому завѣрить ваше высочество, что переданные вами барону Каульбарсу слухи не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Очевидно, кто-то ввелъ васъ, на этотъ разъ, въ заблужденіе. Я такъ и сказалъ вашему военному министру и явился доложить о семъ вашему высочеству.

Князь Александръ покраснѣлъ, но тотчасъ же отвѣтилъ мнѣ:

— Я никогда не говорилъ ничего подобнаго генералу Каульбарсу. Тутъ какое-то недоразумѣніе. Вы знаете, какъ я уважаю вашего зятя ¹⁾ и, конечно, не стану вооружать противъ него барона Каульбарса пересказомъ какихъ-то нелѣпыхъ сплетенъ.

Князь разсыпался затѣмъ въ похвалахъ и Соболеву, и Каульбарсу, и всѣмъ ихъ сотрудникамъ и, отпуская меня, еще разъ сказалъ, что считаетъ весь этотъ инцидентъ плодомъ какого-то недоразумѣнія.

Я передалъ нашъ разговоръ къ княземъ генералу Каульбарсу, и мы вмѣстѣ съ нимъ пожалѣли, что взысканный судьбою принцъ Баттенбергскій роняетъ себя мелкими интригами и отминою лживостью.

Какъ бы то ни было, попытка князя Александра посорить генерала Соболева съ его коллегой барономъ Каульбарсомъ не удалась, и онъ принялся интриговать среди болгаръ въ смыслѣ удаленія изъ Болгаріи русскихъ дѣятелей.

Въ началѣ іюня вернулся въ Софію генералъ Соболевъ, а вскорѣ туда же прибылъ А. С. Іонинъ и сталъ во главѣ нашего дипломатическаго представительства въ княжествѣ Болгарскомъ.

¹⁾ Генералъ Соболевъ женатъ на моей сестрѣ.

VII.

Съ прїѣздомъ А. С. Юнина въ Софію начался послѣдній актъ распри князя Александра съ его русскими министрами.

Новый представитель Россіи въ Болгаріи явился туда съ ореоломъ многолѣтняго соратника и друга князя Николая Черногорскаго, при которомъ онъ долго состоялъ нашимъ министромъ-резидентомъ, юнцаки дѣля съ господаремъ легендарно-славной Черной Горы и радости и печали. Самъ страстный поборникъ интересовъ славянства на Балканахъ, А. С. Юнинъ, подъ вліяніемъ пылкаго, но въ высшей степени простого въ обиходѣ, хотя и хитроумнаго, повелителя черногорскихъ орловъ, приобрѣлъ складку совсѣмъ не европейски утонченнаго дипломата, а искушеннаго въ бояхъ воеводы, рубящаго съ плеча, лишь бы дѣло было правое, да товарищи вѣрные...

Не такого надо было совѣтника изнѣженному ласками судьбы, легкомысленно-лживому повелителю возрождавшагося Болгарскаго государства... Конфликтъ между прямымъ, честнымъ, порою грубымъ Юнинымъ и двуличнымъ княземъ Александромъ не замедлил развернуться во всю ширь безграничной взаимной антипатіи. Не даромъ князь Николай Черногорскій предупреждалъ объ этомъ своего болгарскаго коллегу еще въ Москвѣ на коронаціи. Говорю это со словъ господаря Черной Горы, при которомъ мнѣ довелось состоять министромъ-резидентомъ много лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій.

Въ одну изъ долгихъ бесѣдъ, которыми въ ту пору щедро дарилъ меня чарующій своимъ умомъ, блестящей эрудиціей и какой-то величавой простотой, князь Николай,—у насъ зашла рѣчь о Болгаріи и ея первомъ повелителѣ принцѣ Александрѣ Баттенбергскомъ.

— Я помню его въ Москвѣ на коронаціи,—сказалъ мнѣ мой августѣйшій собесѣдникъ:—онъ какъ-то спросилъ меня, хорошъ ли будетъ Юнинъ въ качествѣ представителя Россіи въ Болгаріи. Я отвѣтилъ:

«— Юнинъ мой другъ, и мы съ нимъ жили душа въ душу, но съ вами онъ не поладить.

«— Почему?—обиженно спросилъ меня князь Александръ.

«— Да такъ, ужъ очень разные вы люди.

«Я не хотѣлъ объяснять ему, что Юнинъ опростился у меня въ Черногоріи, а нѣмецкому принцу нуженъ дипломатъ, золотящій пилюли».

Отзывъ тонкаго знатока людей оказался пророческимъ.

Итакъ, появленіе А. С. Юнина въ Софіи сразу сдернуло ту дымку, которая прикрывала еще взаимоотношенія враждующихъ сторонъ, и событія пошли боевымъ темпомъ.

На первой же аудіенці Іоницъ заявилъ князю Александру, что, по мнѣнію императорскаго правительства, ему пора покончить съ полномочіями и, выработавъ новую конституцію, водворить наконецъ въ Болгаріи порядокъ.

Князь былъ озадаченъ такимъ рѣшительнымъ заявленіемъ и злобно отвѣтилъ, что не раздѣляетъ этого взгляда, а затѣмъ началъ нападать на Соболева, увѣряя, что вся бѣда въ его слишкомъ либеральномъ направленіи.

— Уберите Соболева, и все пойдетъ отлично, безъ всякой конституціи,—сказалъ между прочимъ князь.

Тутъ Іонинъ вскипѣлъ и, какъ самъ передавалъ мнѣ, заявилъ князю, что это невѣрно.

— Такъ это недовѣріе къ моимъ словамъ!—воскликнулъ князь.

— Это защита русскихъ генераловъ,—отвѣтилъ Іонинъ.—Вы сами ихъ выпрашиваете у государя, а затѣмъ выбрасываете ихъ за бортъ, ничѣмъ не стѣсняясь. Такъ нельзя, пора перестать шутить съ русскими дѣятелями, безкорыстно и разумно служащими братской Болгаріи.

Первая дѣловая бесѣда Іонина съ княземъ продолжалась три часа и все въ томъ же обоюднораздраженномъ тонѣ. Въ концѣ концовъ его высочество, не сдаваясь на доводы русскаго представителя, просилъ дать ему нѣсколько дней на размышленіе.

Такъ и ушелъ Іонинъ отъ князя, ничего не добившись положительнаго.

Послѣ этого свиданія, состоявшагося 12-го августа 1883 года, князь Александръ сказался больнымъ и не принималъ ни своихъ русскихъ министровъ, ни Іонина, а съ вожаками болгарскихъ политическихъ партій завелъ оживленныя сношенія, добываясь ихъ примиренія, подъ условіемъ удаленія кабинета генерала Соболева и замѣны его смѣшаннымъ министерствомъ изъ представителей всѣхъ партій съ Драганомъ Цанковымъ во главѣ.

Княжескія старанія эти, однако, плохо удавались, такъ какъ консерваторы на все соглашались, но требовали удаленія генераловъ Соболева и Каульбарса, а либералы твердо стояли на томъ, чтобы русскіе министры оставались во главѣ болгарскаго правительства, по крайней мѣрѣ до созыва великаго народнаго собранія и возобновленія въ княжествѣ конституціоннаго образа правленія.

Наконецъ князь Александръ, извѣрившись въ успѣхъ прямого сопротивленія требованіямъ Россіи, встрѣчавшимъ полное сочувствіе почти всѣхъ болгаръ, объявилъ Іонину, что согласенъ исполнить желаніе императорскаго правительства, а для сего издастъ манифестъ, въ которомъ объявитъ, что рѣшилъ отказаться отъ полномочій и созвать великое народное собраніе для выработки новаго органическаго устава.

30-го августа появился этотъ манифестъ и встрѣченъ былъ все-народнымъ ликованіемъ. Легче вздохнули и русскіе дѣятели въ Болгаріи съ Ионинимъ во главѣ, полагая, что князь Александръ наконецъ образумился.

Но не такъ думалъ молодой правитель Болгаріи. Видя, что все равно полномочія у него вырваны, онъ рѣшилъ обходнымъ путемъ избавиться отъ Соболева и Каульбарса, воспользовавшись для этого властолюбіемъ и тщеславіемъ главы либеральной партіи—Драгана Цанкова. Призвавъ его къ себѣ, князь предложилъ ему немедленно составить коалиціонное министерство безъ участія въ немъ русскихъ генераловъ, причемъ заявилъ, что готовъ въ такомъ случаѣ немедленно возстановить тырновскую конституцію, не созывая великаго народнаго собранія для выработки новаго органическаго устава.

Цанковъ, польщенный перспективой тотчасъ же стать у кормила правленія, согласился на предложеніе князя.

Консерваторы, желая добиться прежде всего устраненія русскихъ отъ завѣдыванія болгарскими дѣлами, тоже пошли на предложенный княземъ Александромъ компромиссъ.

Словомъ, за спиною русскихъ дѣятелей въ Болгаріи на другой день послѣ того, какъ они добились, повидимому, торжества своихъ стараній планомѣрно установить въ княжествѣ законный порядокъ,—соглашеніе князя Александра съ вожаками партій переворачивало все вверхъ дномъ, открывая въ Болгаріи новую эру бурныхъ осложненій и партійныхъ интригъ.

Какъ бы то ни было, русскому министерству пришлось считаться съ совершившимся фактомъ и подать въ отставку.

Ионинъ, несмотря на всю свою горячность, тоже положилъ оружіе, видя, что дальнѣйшее активное вмѣшательство въ болгарскую смуту завело бы Россію слишкомъ далеко.

6-го сентября появился манифестъ князя о возстановленіи тырновской конституціи, а на другой день составленъ былъ новый кабинетъ съ Драганомъ Цанковымъ во главѣ, причемъ въ составъ его вошли три либерала и три консерватора.

Общественное мнѣніе Болгаріи, смущенное неожиданною отставкою безпартійнаго русскаго министерства, являвшагося гарантіей водворенія умѣреннаго представительнаго образа правленія, согласно манифеста князя отъ 30-го августа, встрѣтило недружелюбно новый поворотъ князя къ партійной политикѣ на почвѣ тырновской конституціи. И въ газетахъ и на митингахъ громко заявлялось, что нельзя довѣрять князю, который на протяженіи одной недѣли два раза круто мѣняетъ ходъ государственной жизни Болгаріи. Кричали, что Цанковъ измѣнникъ, разъ онъ способствуетъ устраненію отъ власти тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые обуздывали стремленія князя къ произволу. Въ честь Соболева и Каульбарса устраивались обѣды, факельныя шествія, а проводы ихъ носили

самый сердечный, трогательный по своей задушевности характеръ. Толпы народа и безконечная вереница экипажей съ представителями мѣстнаго общества провожали ихъ далеко за городъ, оглашая воздухъ громкими возгласами: «до свиданія».

Такъ закончилось кратковременное существованіе русскаго министерства въ Болгаріи. Ему не удалось добиться коренного упрядоченія внутренней жизни страны и полной реорганизации строя княжества на правовыхъ основахъ. Къ тому много было причинъ, изъ коихъ первая—упорное противодѣйствіе князя Александра. Затѣмъ нельзя не признать, что въ самомъ характерѣ миссіи генераловъ Соболева и Каульбарса лежалъ залогъ неуспѣха... Трудно, вѣдь, иностранцамъ успѣшно властвовать въ чужой странѣ, гдѣ на каждомъ шагу имъ приходится сталкиваться съ завистью и уязвленнымъ самолюбіемъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, считающихъ себя обойденными въ угоду иностранцамъ. Пусть эти иностранцы будутъ братьями по крови—все равно... въ глазахъ мѣстной интеллигенціи они все же чужіе люди, отбивающіе у нея и почетъ, и власть. На этой почвѣ легко возникаетъ недовѣріе, а затѣмъ и крайняя подозрительность, создающая цѣлыя легенды о тайныхъ замыслахъ государственныхъ дѣятелей.

Не даромъ, вѣдь, въ Болгаріи сложилась одно время басня о томъ, что Россія стремится превратить княжество въ задупайскую свою провинцію. И этой нелѣпости, пущенной въ ходъ нашими врагами, вѣрили, несмотря на всѣ факты, ясно доказывавшіе наше безкорыстное благожелательство Болгаріи и самую активную ей помощь на пути къ самостоятельной государственной жизни.

Кромѣ того, русскіе министры въ Болгаріи, а также и А. С. Ионинъ не обладали, быть можетъ, достаточною гибкостью, умѣніемъ мягко прибрать къ рукамъ князя Александра и заставить его итти по намѣченному Россіей пути, отнюдь не задѣвая его самолюбія. Дѣйствуя по-военному и по-юнацки, они возбудили его противъ себя, но не подчинили своей волѣ.

Трудно, конечно, гадать о томъ, что было бы сдѣлано другими, болѣе тонкими дипломатами на мѣстѣ Ионина, Соболева и Каульбарса, но думается мнѣ, что Россіи вообще не слѣдовало активно вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Болгаріи.

Весь дальнѣйшій ходъ нашихъ сношеній съ Болгаріей какъ бы подтверждаетъ это. Дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока мы не отрѣшились окончательно отъ желанія активно вмѣшиваться въ государственную жизнь княжества, русско-болгарскія отношенія были очень плохи и дошли даже до полного разрыва дипломатическихъ сношеній; но какъ только мы перешли къ политикѣ невмѣшательства во внутреннія дѣла Болгаріи, такъ между Россіей и освобожденной ею страной установились самыя сердечныя, истинно-дружескія отношенія. Бываютъ, конечно, всегда возможныя недо-

разумѣнія и теперь, но они чрезвычайно быстро сглаживаются, не оставляя ни малѣйшаго слѣда на крѣпкой связи, существующей между освободительницей Россіей и Болгаріей, освобожденной не только отъ турецкаго ига, но и отъ русской опеки.

Я лично могъ убѣдиться въ этомъ въ бытность мою, четыре года тому назадъ, посланникомъ при нынѣ царствующемъ Фердинандѣ I, такъ успѣшно замѣнившемъ князя Александра на болгарскомъ престолѣ.

Какъ бы то ни было, нельзя, однако, не признать за кабинетомъ генерала Соболева той заслуги, что онъ вырвалъ у князя Александра пресловутыя полномочія и вернулъ Болгарію на конституціонный путь.

Болгары это помнятъ и цѣнятъ; не даромъ выбрали они Л. Н. Соболева почетнымъ гражданиномъ города Софіи.

А. Н. Щегловъ.

ЛЮДИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ¹⁾.

V.

Ксенія Николаевна.

ЕПЕРЬ, чтобы покончить съ «дѣлами семейными», упомяну еще объ одномъ нашемъ маленькомъ, незамѣтномъ героѣ.

Съ производствомъ въ офицеры я почувствовалъ, что во мнѣ произошла большая перемѣна: изъ юноши я превратился въ мужчину, правда, еще очень юнаго, но все-таки—мужчину. Изъ «опекаемаго птенца» я сталъ равноправнымъ гражданиномъ нашего общества и мнѣ самымъ естественнымъ образомъ захотѣлось и людей посмотреть, и себя показать въ новомъ, такъ сказать, преобразенномъ видѣ.

Получивъ съ производствомъ болѣе или менѣе продолжительный отпускъ, я счелъ нужнымъ сдѣлать визиты всѣмъ моимъ роднымъ и близкимъ знакомымъ.

Родня наша вся группировалась въ Потрясимовѣ или въ Потрясимовской губерніи; нѣкоторая, небольшая, правда, часть ея жила верстахъ въ пятистахъ отъ насъ, въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ.

«Отзвонивъ» въ родномъ гнѣздѣ, я поѣхалъ и туда, чтобы похвастаться моимъ новенькимъ мундиромъ. Тамошнихъ родствен-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 106.
«истор. вѣстн.», ноябрь 1911 г., т. сxxvi.

никовъ я зналъ очень мало—большинство изъ нихъ даже и въ лицо не помнилъ, такъ какъ встрѣчался съ ними въ раннемъ дѣтствѣ, да и то мелькомъ.

Къ числу таковыхъ принадлежала и старшая сестра Сергѣя Николаевича и Гриши, вдова капитана, Ксенія Николаевна Л-ская. Дома у насъ про нее говорили, какъ про женщину замѣчательную, характера твердаго и ума самороднаго. Она была много старше своихъ братьевъ—лѣтъ на двадцать съ чѣмъ-то—и была ихъ сестрою сводною: единокровною, но не единоутробною, и родилась, еще когда отецъ ихъ былъ въ первомъ бракѣ, тогда какъ Сергѣй и Гриша родились отъ второго брака ихъ отца.

Въ домѣ у насъ висѣлъ ея небольшой акварельный портретъ работы извѣстнаго основателя арзамасской школы живописи Ступина. Изображена она на немъ была еще дѣвушкой лѣтъ шестнадцати, свѣженькой, пожалуй, довольно миловидной, но врядъ ли красивой. Высокій и совершенно открытый крутой лобъ какъ-то не шелъ къ юному, дѣвичьему личику.

Теперь же ей было уже лѣтъ пятьдесятъ, но въ представленіи моемъ сильно врѣзались юныя черты портрета Ступинской работы, и я упорно таковой себѣ ее и представлялъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, явившись къ ней въ С., я встрѣтилъ высокую, полную, почти величественную женщину, правда, съ тѣмъ же большимъ, крупнымъ лбомъ, но теперь уже, наоборотъ, не портившимъ, но скорѣе скрашивавшимъ лицо этой матроны. О красотѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, но величавость осанки и необычайно спокойная, увѣренная манера держать себя совершенно замѣняли ее.

— Здравствуй, братъ. Очень рада съ тобой познакомиться,—проговорила Ксенія Николаевна, протягивая мнѣ большую и сильную руку.

А затѣмъ, вѣроятно, поймавъ мое движеніе поцѣловать эту руку, она приподняла мнѣ голову и тепло, чисто по родственному поцѣловала меня прямо въ губы.

Узнавъ, что я остановился въ гостиницѣ, Ксенія Николаевна улыбулась и сказала:

— Ну, это ужъ вотъ совершенно напрасно: въ моемъ домѣ всегда найдется для тебя и комната, и привѣтъ.

Я, было, хотѣлъ что-то возразить, но она, продолжая улыбаться, закончила:

— И повѣрь, свобода твоя ничѣмъ не будетъ стѣснена. Можешь уходить, куда тебѣ вздумается, и возвращаться, когда будетъ угодно. Контроля надъ тобой не будетъ.

Черезъ часъ я уже перебрался въ домъ къ сестрѣ и за все время почти двухнедѣльнаго моего пребыванія у нея не имѣлъ ни малѣйшаго повода раскаиваться въ этомъ. Дѣйствительно, свобода моя

не только ничѣмъ не стѣснялась, напротивъ, я замѣчалъ какую-то щепетильную заботливость о ней. Мнѣ было объявлено только, что обѣдаютъ здѣсь въ три, а ужинаютъ въ десять, но это нисколько не обязывало меня являться именно къ этому сроку, такъ какъ обѣдъ или ужинъ будутъ всегда готовы для меня.

Ксенія Николаевна Л-ская жила на одной изъ лучшихъ улицъ города, въ собственномъ, правда, небольшомъ, но уютномъ и даже, пожалуй, комфортабельномъ особнякѣ. Семьи у нея не было, но домочадцевъ имѣлось довольно порядочное количество: какихъ-то двѣ барышни-воспитанницы, какихъ-то три старушки на покой и, наконецъ, дама среднихъ лѣтъ, кажется, компаньонка Ксеніи Николаевны.

Въ городѣ С. кухня моя была очень популярна. Она была почитательницей какого-то дѣтскаго пріюта, предсѣдательницей какого-то благотворительнаго кружка и вообще очень живымъ и дѣятельнымъ членомъ губернскаго общества. Благодаря этому, я въ домѣ ея завелъ нѣсколько интересныхъ знакомствъ и прогостилъ въ С. вмѣсто предполагаемыхъ трехъ дней что-то около двухъ недѣль. Я видѣлъ то уваженіе, съ которымъ относились къ моей сестрѣ самые видные губернскіе тузы, до губернатора включительно, и, признаться, немало гордился этимъ.

Я видѣлъ ту искреннюю, неподдѣльную любовь, которая неудержимо прорывалась къ ней со стороны опекаемыхъ ею пріютецкихъ сиротъ, и это радовало мое сердце. А, главное, я не замѣчалъ ни малѣйшаго отбѣнка сентиментализма, а тѣмъ болѣе какой-либо угодлиности въ ея отношеніяхъ къ людямъ всѣхъ ступеней и ранговъ. Это привело къ тому, что я въ самый короткій срокъ началъ любить и уважать эту вполне достойную женщину.

Когда же однажды, проведя съ ней цѣлый вечеръ вдвоемъ, я выслушалъ простой, совершенно безыскусственный рассказъ объ ея прошлой жизни, и то и другое чувство такъ выросло и окрѣпли въ душѣ моей, что я и до сихъ поръ вспоминаю о Ксеніи Николаевнѣ съ чувствомъ почтительнаго умиленія.

Постараюсь передать этотъ рассказъ, если не точно ея словами, то такъ же просто и безыскусственно.

— Ты, навѣрное, Костя, видѣлъ не разъ въ кабинетѣ твоего отца мой портретъ, писанный Ступинымъ, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ,—такъ рассказывала она мнѣ однажды вечеромъ, сидя въ своемъ уютномъ кабинетикѣ, закутанная въ теплую шаль (ей въ этотъ день что-то нездоровилось).—Портретъ очень удаченъ. Да, я именно была такая.... некрасивая.

«Воспитаніе мое было самое кисейное, образованіе сводилось почти къ нулю. Какое образованіе тогда было въ купеческихъ семьяхъ? Еще въ нашей лучше, чѣмъ въ другихъ: музыкѣ, по крайней мѣрѣ, учили. Но мнѣ музыка-то именно и не давалась.

Вообще у меня никаких талантов не было. Пробовалъ Ступинъ, онъ былъ другомъ нашей семьи,—къ рисованію меня пріохотить, но и тутъ неудача. Вообще бездарность полная.

«Но унывать мнѣ особенно не приходилось. Въ семьѣ мнѣ жилось тепло, мачеха моя, мать Сережи и Гриши, относилась ко мнѣ прекрасно, добрая она была женщина, на рѣдкость добрая, даже, пожалуй, и черезчуръ, какъ потомъ на дѣлѣ оказалось. А главное, приданое за мной числилось большое, такъ что, несмотря на мою некрасивость, ничто не угрожало мнѣ засидѣться въ старыхъ дѣбахъ. И я, дѣйствительно, не засидѣлась и на семнадцатомъ году уже выскочила замужъ и выскочила неудачно. Да, очень неудачно.

«Въ тотъ годъ къ намъ въ Потрясимовъ за какія-то непопозволительныя шалости былъ переведенъ изъ Петербурга молодой, что называется, блестящій гвардейскій офицеръ, Сергѣй Дмитріевичъ Л-скій. Понимаешь, изъ гвардіи да въ гарнизонъ! Даже протекція его отца, въ то время всесильнаго временщика А-ева, не спасла молодого человѣка отъ ссылки. Тебя, можетъ быть, удивляетъ, что отецъ и сынъ носили разныя фамиліи? Но дѣло въ томъ, что Л-скій былъ не законный сынъ А-ева, а то, что называется, «плодъ любви». Его мать, какая-то сантиментальная смоляночка, находившаяся подъ опекой А-ева и сдѣлавшаяся его любовницей, при первыхъ же признакахъ грядущаго материнства была выдана замужъ за какого-то покладистаго дворянина Л-скаго. Но, тѣмъ не менѣе, А-евъ горячо любилъ своего сына, тѣмъ болѣе, что другихъ, законныхъ дѣтей у него не было. И юноша, прикрываясь вліяніемъ своего натурального отца, велъ жизнь самую распущенную и достучался до того, что, несмотря на всѣ протекціи, махнули его, голубчика, изъ гвардіи да въ гарнизонъ и въ гарнизонъ именно къ намъ, въ Потрясимовъ.

«Л-скій былъ красивъ, очень красивъ, ловокъ и даже свой гарнизонный мундиръ умѣлъ носить съ большимъ блескомъ. И, явившись къ намъ въ городъ, сразу пустилъ всѣмъ пыль въ глаза. Несмотря на опальное положеніе, онъ и здѣсь не оставилъ своихъ шалостей и довелъ до того, что чаша терпѣнія его родителя наконецъ переполнилась, и онъ объявилъ своему необузданному сыну категорическое: довольно! Отрекаюсь отъ тебя! Живи, какъ знаешь, а на меня больше не рассчитывай!—И круто прекратилъ ему высылку даже всякихъ пособій. Обходись, дескать, однимъ жалованіемъ. Вотъ и все.

«Ну, когда и теперь гвардейскому офицеру и балованному дитяткѣ на одно жалованье просуществовать почти невозможно, тогда ужъ объ этомъ и думать нечего было. Сергѣй хорошо зналъ упрямый нравъ своего отца и не на шутку задумался: какъ, дескать, вывернуться изъ этого пренепріятнѣйшаго положенія?

«Ну, а у такихъ людей, ты знаешь, всегда одинъ вывертъ: женитьба на богатой. Сталь наводитъ справки, кто здѣсь невѣсты съ приданымъ? Указали на меня.

«И вотъ, не теряя времени, является онъ къ намъ прямо съ визитомъ. Отецъ мой, покойникъ, былъ человѣкъ умный, сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло, и встрѣтилъ этого искателя довольно-таки сухо и настолько даже сухо, что ни на визитъ ему не отвѣтилъ, да и на дальнѣйшихъ его посѣщеніяхъ особенно не настаивалъ. Оно, можетъ быть, на этомъ и кончилось бы, да подоспѣла тутъ Ирбитская ярмарка, и пришлось отцу туда уѣхать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Л-скій объ этомъ пронюхалъ и зачастилъ; что ни день, то у насъ!

«Молодому, остроумному, ловкому твардейцу долго ли было вскружить голову такой глупой провинціальной дѣвчонкѣ, какой была тогда я? Да что про меня говорить? Даже и мачеха моя, Анна Матвѣвна, отъ него безъ ума была. Не подумай дурного!.. Даже всѣ чады и домочадцы въ восхищеніи отъ него находились. Да и дѣйствительно: пріѣдетъ въ нашъ скучный купеческій домъ и сразу все вверхъ дномъ поставитъ, на фортепьянахъ играетъ, танцуетъ, хохочетъ и насъ всѣхъ веселитъ! Ну, не человѣкъ, а прямо душа общества.

«И вдругъ, сразу ко мнѣ: «Кисынька, я васъ люблю!» Я такъ и обомлѣла! Вѣдь и мечтать о такомъ счастьѣ не смѣла я. Дурнушка! Необразованная! И вдругъ—сразу такой принцъ заморскій!

«А онъ: «Кисынька, если вы моей любви не раздѣлите, жестокая пуля прерветъ дни моего существованія».—«Ахъ, что вы! Не говорите такихъ ужасей!» А сама плачу, заливаюсь, не то отъ радости, не то со страху». Даю вамъ, говоритъ, два дня сроку: или будьте моей женой, или приходите ко мнѣ на похороны». И ушелъ.

«Я къ мачехѣ. Ну, и та ревѣтъ начала, добра ужъ больно была да довѣрчива. «Ахъ, Ксенюшка, говоритъ, неужели мы такого человѣка погубимъ?» И вотъ двое сутокъ мы съ ней молились да плакали; плакали да молились. Въ концѣ концовъ спрашиваетъ она меня: «да ты-то любишь ли его?» А я такъ рѣкой и разливаюсь, и говорить не могу. «Любишь ли?» настаиваетъ она.

«— Люблю-бл-ю!—прохлюпала я сквозь слезы и къ ней на грудь упала.

«Ну, а черезъ день и свадьба «увозомъ» состоялась... А черезъ два и папенька изъ Ирбита вернулся. Упали мы передъ нимъ съ моимъ супругомъ на колѣни, такъ и такъ, дескать, не прикажите казнить, прикажите миловать!

«Поблѣднѣлъ старикъ, покачнулся, за голову рукой себя схватилъ, потомъ вздохнулъ глубоко, взялъ изъ кіота образъ и благословилъ насъ: человѣкъ былъ сдержанный, да и сразу понялъ, что совершено великое зло, но уже не можешь.

«А дня черезъ три, не болѣе, въ щегольскомъ возкѣ лихо катили мы съ супругомъ въ Питеръ. Уѣхалъ онъ не спросясь и даже отпуска не взялъ. Ласковъ и нѣженъ онъ со мною въ тѣ дни былъ, но нѣтъ, нѣтъ да и спросить:

«— Скажи, Кисынька, говорили мнѣ, что за тобой двѣсти тысячъ приданого, а отецъ твой выдалъ всего пятьдесятъ. Отчего это такъ?»

«— Не знаю, говорю, Сережа, ей-Богу, не знаю!

«И вправду не знала. Впослѣдствіи только догадалась, отчего это такъ вышло.

«Пріѣхали въ Петербургъ. Остановились, помню, на Конюшенной, въ Демутовой гостиницѣ. И помѣщеніе большое заняли, комнату пять или шесть,—не менѣе.

«Какъ пріѣхали, такъ моя супруга сейчасъ же пріодѣлся и къ своему отцу, А-еву, съ повинной отправился. Я ужъ тогда всю его исторію знала, дорогой онъ мнѣ рассказалъ. Вернулся поздно вечеромъ.

«— Что, говорю, Сережа?

«— Да ничего, говоритъ, утѣшительнаго нѣтъ. Отецъ мой про тебя и слышать не хочетъ. Мésalliance, говоритъ, nepозволительный да и при томъ приданое ничтожное. Ну, хоть бы, говоритъ, деньги большія взялъ, а то изъ-за какихъ-то жалкихъ пятидесяти тысячъ погубилъ себя.

«И говоритъ это мнѣ мужъ такъ грубо и прямо въ глаза. Ну, и, конечно, залилась это я сейчасъ же слезами да и шутка ли? Ясно вѣдь вижу, что человѣка погубила!

«На другой день онъ опять съ утра исчезъ, да ужъ и не до вечера, а прямо-таки до поздней ночи. И куда всѣ его ласковыя слова сразу дѣлись? Звѣрь звѣремъ на меня смотритъ: «погубительница, дескать, ты моя!» На третій день у насъ гости собрались. Пиръ пошелъ горой, въ карты сѣли играть. Но меня онъ гостямъ не показываетъ и не знакомитъ ни съ кѣмъ. Сижу я въ своей спальнѣ и заливаюсь, плачу. Что, дескать, я надѣлала? Такого блестящаго человѣка погубила!

«И на слѣдующій день гости... Да такъ и пошло каждый день. А я все въ спальнѣ сижу и даже на улицу ни разу не выглянула.

«А муженекъ мой—грозишь тучи.

«— Денегъ, говоритъ, мнѣ нужно! Слышишь ли ты? Денегъ! Пойми ты, говоритъ, что безъ денегъ здѣсь жить нельзя! Напиши, говоритъ, ты своему «тятенькѣ» (понимаешь, «тятеньку» съ про- ній пускаетъ), чтобъ онъ мнѣ хоть еще пятьдесятъ тысячъ выслалъ, да только немедленно! А не то!..

«Да такъ страшно на меня посмотрѣлъ, что у меня сердце холопуло.

«И на утро же я мачехѣ—отцу не рѣшилась—обо всемъ написала, изложила ей всѣ обстоятельства: и какъ изъ-за меня человекъ погибаетъ, и какъ его за этотъ *mésalliance* всѣ корятъ. Мужу письмо показала.

«Стихъ на время. То есть ласки ужъ прежней не было, но упреки его какъ-то прекратились.

«А недѣли черезъ три является къ намъ какой-то почтенный купецъ и вручаетъ моему мужу пятьдесятъ тысячъ рублей.

«— Отъ тестя отъ вашего, говорить, у меня съ нимъ дѣла, такъ вотъ онъ просилъ меня вамъ эту сумму выплатить.

«Сергѣй Дмитриевичъ деньги пересчиталъ, въ портфель сунулъ, даже «спасибо» не сказалъ:

«— Хорошо, говорить, напишите, что получилъ.

«— Расписочку,—говорить купецъ,—позвольте!

«— Ахъ, расписочку? Ну, вотъ вамъ, извольте и расписочку!

«И написалъ что-то такое на клочкѣ бумаги и купцу черезъ плечо передалъ.

«И пошли это у насъ гости опять, карты... А я опять въ спальнѣ сижу до плачу. Разъ, впрочемъ, въ сумеркахъ такъ меня немного по улицѣ прокатилъ. Да ничего я моими запухшими отъ слезъ глазами и не видала.

«Потомъ пропадать изъ дому началъ на сутки и на двое. Пьяный сталъ возвращаться... И вотъ, разъ такъ, въ пьяномъ-то видѣ—что таить? дѣло ужъ прошлое—ударилъ меня. По лицу ударилъ. Попросту пощечину далъ. За что? Да ни за что, такъ, подъ руку подвернулась.

«Дома меня никогда никто пальцемъ не тронулъ. Страшно мнѣ это показалось. Всю ночь я плакала да молилась Царицѣ Небесной, а онъ, пьяный, тутъ же рядомъ храпитъ на постели. А на утро хоть бы извинился! Ничуть! Словно такъ и слѣдовало.

«И вотъ съ этого дня такую ужъ онъ повадку взялъ: какъ пріѣдетъ пьяный, такъ и жди колотушекъ. Да, билъ онъ меня, да еще такъ ли? Погоди! Самое страшное-то впереди будетъ.

«Ну, а я что? Да что—плачу да молюсь, вотъ и вся моя жалоба. Спросишь, почему я не ушла отъ него? А что, если я тебѣ скажу, что любила я его, да еще какъ любила-то! Души въ немъ не чаяла, а себя все недостойной его считала. Пропадетъ онъ на сутки, на двое, а у меня все сердце изболить.

«Ну, а вотъ въ одинъ страшный день, на четвертыя сутки его отлучки, является ко мнѣ какой-то молоденькій офицеръ и заявляеть, робко такъ и, видимо, меня щадя, что съ мужемъ моимъ большое несчастье случилось: дрался онъ на дуэли, своего противника убилъ и теперъ подъ арестомъ находится и проситъ меня, чтобы я его сейчасъ же навѣстила.

«Трепетными руками и вся дрожа отъ ужаса, наскоро одѣлась я и съ этимъ же офицеромъ поѣхала къ мужу на гаунтвахту. Думала встрѣтить его раздавленнымъ, убитымъ, ничуть не бывало: веселый, смѣется и даже, кажется, слегка подъ хмелькомъ.

«— Вотъ, говорить, Ксенія, одного негодяя я на тотъ свѣтъ отправилъ, а меня, вѣроятно, за это отправятъ на Кавказъ. Готовься!

«Ну, и стала я готовиться. Отцу съ мачехой написала. Папенька черезъ того же купца десять тысячъ мнѣ перевели, но съ наставленіемъ, чтобъ я объ этихъ деньгахъ мужу отнюдь ничего не сказывала, а чтобъ берегла ихъ про свои нужды. Мое же рѣшеніе слѣдовать за мужемъ вполне одобрилъ, потому что «что Богъ соединилъ — человѣкъ разлучать не можетъ!»

«Но развѣ могла я скрыть что-нибудь отъ Сергѣя? При первомъ же свиданіи рассказала я ему объ этихъ десяти тысячахъ. Одобрилъ.

«— Что жъ, говорить, это хорошо. Деньги намъ теперь нужны будутъ. Только маловато немного!

«Судили моего мужа. Оказалось, что онъ на дуэли себя не со всѣмъ порядочно велъ. Осудили. Разжаловали въ рядовые и отправили на Кавказъ. Поѣхала и я за нимъ. Великая сила деньги, Костя! Вотъ онъ и разжалованный, и въ сѣрой солдатской шинели, а за деньги ему вездѣ почетъ и уваженіе. Но только и сорилъ же онъ ими очертя голову. Картежъ шелъ непрерывный. А какъ изсякнуть деньги, сейчасъ ко мнѣ:

«— Пиши отцу съ матерью, пусть высылаютъ! А не то...

«Знала уже я хорошо теперь, что значить это грозное «не то»... Писала. Высылала. И покупала я на эти деньги его мимолетныя ласки....

«А тутъ-то вотъ у меня еще не то радость, не то горе приспѣло: родился ребенокъ, дочка, Аннушкой назвала. Правду надо сказать, хоть и рѣдко, но видѣла я въ то время и людское сочувствіе. Но отъ кого? Отъ людей самыхъ простыхъ: или отъ солдатъ, или отъ замухрыстыхъ армейскихъ офицеровъ.

«Года два такъ я солдаткой и прожила. Побоевъ сколько я за это время вынесла! Денегъ сколько отъ отца выклянчила — и не считать!

«Но вотъ мелькнуло на минутку солнышко на небѣ: мужъ мой въ какой-то стычкѣ съ чеченцами отличился и былъ за это произведенъ въ офицеры. Ну, понадобились новыя средства, якобы на обмундировку. А какая тамъ обмундировка? Все на карты да пьянство уходило. Думала я, что онъ съ производствомъ хоть по-добрѣетъ немного, куда тебѣ! Еще хуже сталъ. Никогда я особой красотой не отличалась, а тутъ отъ горя да надругательства и вся моя молодая свѣжесть преждевременно увяла.

«Сталъ онъ себѣ любовницъ изъ казачекъ заводить... И вотъ тутъ-то, Костя, узнала я, что адъ и на землѣ бываетъ! До чего онъ

въ истязаніяхъ надо мной изощрялся, такъ этого и рассказать нельзя! Довольно съ тебя будетъ, если я скажу, что онъ меня арканомъ за шею къ хвосту своей вьючной лошади привязывалъ, самъ сзади ѣхалъ и пагайкой подгонялъ... Многіе изъ нашихъ офицеровъ съ нимъ даже за это не кланялись, руки ему не подавали... Ну, а другіе ничего! Мирволили! Деньги, милый! Деньги! Чего деньги не сдѣлають?!

«Кромѣ того, очень онъ храбрымъ офицеромъ считался. Ну, да и еще всѣ знали, кому онъ сыномъ приходится!.. Ты, можетъ, опять спросишь, отчего я его тогда не бросила и не ушла? Ахъ, Костя, Костя! Много тому причинъ было, по теперешнему моему взгляду, можетъ быть, и глупыхъ, но тогда мнѣ казалось—непреодолимымъ. И въ первую голову—была моя гордость: нѣтъ, думаю, сама на себя ярмо возложила, ну, такъ и носи! Во-вторыхъ, ребенокъ. Боялась я, что онъ, при своихъ связяхъ, оттягаеть его у меня, чѣмъ онъ постоянно и грозилъ мнѣ. Ну, а въ-третьихъ—любила!... Да, Костя! Все еще любила... Загадочна душа женщины! Властна надъ ней любовь! И на какую пытку наша сестра изъ-за нея не пойдетъ!...

«Но чаша испытанія моего еще не кончилась. Сообщила мнѣ мачеха, что дѣла моего отца сразу и круто пошатнулись. Узналъ объ этомъ мужъ, такъ и взвылъ:

— Да я тебя, нищую, въ гробъ заколочу! Да я тебя...

«Но тутъ и на него гроза пришла: умеръ его отецъ. И, Боже мой, какъ все круто измѣнилось! Люди, которые прежде у него заискивали и прямо-таки побирались возлѣ него, теперь стали относиться къ нему почти съ презрѣніемъ. Не мирволило больше начальство, не лебезили товарищи.

«Ну, думала, хоть это, можетъ быть, смирить его!

«Ничуть не бывало: еще болѣе озвѣрѣлъ. Пить сталъ совѣмъ безъ просыпу и могъ бы изъ полка вылетѣть, да безумною храбростью своей держался: въ самыя отчаянныя мѣста ходилъ и какъ-то ему все это, въ пьяномъ даже угарѣ, удавалось. И чины ему шли, и опять онъ быстро до капитана дослужился.

«Но что я, Костя, за это время переживала—этого и рассказать нельзя!

«Требовать денегъ отъ родителей я уже наотрѣзъ отказалась. Вѣдь больше двухсотъ тысячъ слопалъ онъ въ какихъ-нибудь десять лѣтъ! А у меня дома два брата росли, нужно было отцу послѣднія крохи и для нихъ приберечь. Правда, былъ у меня богатый дядя, твой отецъ, но гордость моя не позволяла мнѣ уже ни къ кому больше за подачками обращаться и, насколько могла, я безропотно несла мой крестъ.

«Да ты знаешь, Костя, я и впрямь на крестъ была! Да, да, милый! Жилъ тогда мой мужъ прямо-таки открыто съ одной ка-

зачкой, хотя въ домѣ у насъ она прислугой числилась; подъ стать ему, такая же звѣрь-баба была и пьяница. Вдвоемъ они истязали меня... надѣясь муками принудить къ обычному клянчанью у родныхъ денегъ.

«И вотъ разъ напились они оба чихирю безъ мѣры, стали отъ меня требовать, чтобы я сейчасъ же отцу письмо писала. Но я словно окостенѣла.

«— Нѣтъ, говорю, не стану.

«— Не станешь?

«— Не стану!

«— Такъ я убью тебя, подлую!

«— Убей! Но рѣшеніе мое неизмѣнно!

«— Ну, это мы посмотримъ! Что ты на крестъ заговоришь?

«И вдругъ сгрѣбъ меня и поволокъ во дворъ.

— Аѳимья,—кричитъ онъ своей казачкѣ.—Молотокъ и гвозди тащи.

«А была у насъ во дворѣ дверь въ конюшню, а на ней, не то для прочности, не то для красоты два бруска наколочены были въ видѣ, такъ, андреевскаго креста. Подволокъ онъ меня къ этой двери, а пьяная Аѳимья уже тутъ съ молоткомъ и гвоздями...

«Что со мной сдѣлалось, я и не знаю: словно заживо умерла. Не кричу и не сопротивляюсь и только одно думаю: «приму крестную смерть, и Господь меня помилуетъ!»

«Схватилъ онъ одну мою руку, прижалъ ее къ брусу, приставилъ гвоздь и... два страшныхъ крика одновременно огласили весь дворъ: видѣла я, какъ съ улицы, въ калиткѣ, появилась моя семилѣтняя дочка Аннушка. И неистово взвизгнулъ ребенокъ!... Чей второй вопль былъ—не знаю. Должно быть, мой собственный.

— Какъ? не удержался я и тоже вскрикнуть.

«— Да, Костя. Вотъ, смотри!—тихо отвѣтила сестра и протянула ко мнѣ лѣвую руку: на ладони былъ рубецъ отъ стараго шрама, на тыльной сторонѣ—другой, поменьше.

«— Когда я очнулась, я была уже въ лазаретѣ. Доктора хлопотали надо мной: перевязку дѣлали.

«— Гдѣ мужъ?—былъ мой первый вопросъ.

«Замаялись, ничего не отвѣтили. Я настаивать стала.

«— Да ничего,—говорятъ,—успокойтесь! Подъ арестомъ сидить.

«— Какъ, говорю, спасли меня?

«— Да денщикъ изъ кухни выскочилъ на вашъ крикъ, ну, и отбилъ васъ.

«Рана своимъ чередомъ, но отъ перенесенныхъ волненій со мной въ тотъ же день что-то вродѣ горячки началось и недѣли двѣ такъ въ бреду да безпамятствѣ пролежала я въ лазаретѣ. А пришла въ себя, сейчасъ же и про дочку спросила,—не про мужа ужъ, а про ребенка.

«— Ничего, говорятъ, она пока у командира полка живетъ, и полковница за нею, какъ родная мать, присматриваетъ.

«— Покажите, говорю, мнѣ ее.

«— А вотъ, поокрѣпнете немного, тогда и покажемъ.

«Дня черезъ три опять пристаю:

«— Приведите ко мнѣ мою дѣвочку! Теперь ужъ я себя совсѣмъ хорошо чувствую.

«И дѣйствительно, быстро я поправляться начала. И такъ на пятый, на шестой день послѣ того, какъ ко мнѣ сознаніе вернулось, привели ко мнѣ и Аничку.

«Вышла ко мнѣ моя дѣвочка, блѣдненькая и худенькая, какъ всегда, и съ крикомъ: «мамочка!» бросилась на шею. А я смотрю и только одно повторяю:

«— Это что же? Что же такое?

«Ни полковница, пришедшая вмѣстѣ съ моей дочкой, ни докторъ, стоявшій тутъ же, видимо, словъ моихъ не понимаютъ.

«— Отчего на дѣвочкѣ черное платье?—холодѣя отъ какого-то предчувствія, спрашиваю я.

«Спохватились тутъ они, да ужъ поздно.

«— Умеръ,—спрашиваю,—отецъ ея?

«Молчать.

«— Говорите правду, не бойтесь! Я ко всему готова.

«— Умеръ,—шепчетъ полковница.—А трауръ сшила я ей, да вотъ, идя сюда, и забыли перемѣнить. Мы-то присмотрѣлись... и не сообразили сразу.

«— Ничего, говорю, пусть носитъ!

«И поцѣловала и перекрестила свою дочку.

«— Только теперь ужъ я безъ нея оставаться не могу. Не разлучайте насъ.

«— Хорошо,—соглашается полковница. Васъ можно теперь отсюда въ нашъ домъ перенести.

«Перенесли. Комнату такую свѣтленькую отвели мнѣ. И дочка со мной.

«Лежу, поправляюсь, а про мужа ничего не спрашиваю, да и не думаю даже, т. е. стараюсь не думать. Умеръ, ну, значить, Божья воля. А какъ умеръ, отчего, не все ли ужъ равно? Не поможешь!

«Аничка ко мнѣ пристаётъ:

«— Отчего папа умеръ?

«— Богъ призвалъ,—отвѣчала я.—А ты молись за него.

«Но въ домѣ полковника, въ числѣ прислуги, жила старуха одна. За мной ухаживать была приставлена. Ну, вотъ она-то мнѣ все и разболтала. И узнала, Костя, я вещи страшныя.

«Когда Аничка и я тогда на дворѣ обѣ разомъ вскрикнули, выскочилъ изъ кухни денщикъ мужнинъ, Егоръ, и бросился онъ ко мнѣ на помощь. Первымъ дѣломъ гвоздь изъ руки моей вырвалъ

и когда я, какъ мѣшокъ, на землю осунулась, завязалась у него съ его бариномъ борьба. И мужъ-то мой былъ силенъ, да и пьяная Афимья ему помогала. И когда на крики ихъ изъ сосѣднихъ дворовъ народъ сбѣжался, лежалъ денщикъ уже бездыханнымъ трупомъ: тѣмъ же молоткомъ, что меня распиналъ, мужъ и Егору високъ раздробилъ.

«Собравшійся народъ обезоружилъ звѣря, связалъ и вмѣстѣ съ его сообщницей на гауптвахту потащилъ. А тутъ начальство явилось и насъ съ Егоромъ подобрали: его въ покойницкую, меня въ лазаретъ.

«А когда на утро пришли въ камеру къ мужу, то нашли его повѣсившимся.

«И вотъ странно, Костя: какъ только я обо всемъ объ этомъ узнала, сразу какъ ножомъ отрѣзало: никакого чувства во мнѣ къ нему не осталось: ни любви, ни ненависти. И одно только я поняла ясно, что и вся любовь-то моя къ нему была чувствомъ постыднымъ, позорнымъ...

«Дочку я всегда заставляла молиться объ отцѣ; сама же уже не знаю: грѣхъ это или не грѣхъ—даже и молиться не могла. Начну повторять: «Прости, Господи, раба Твоего Сергія», и чувствую, что на губахъ только эти слова мои и никакого имъ отголоска въ сердцѣ нѣтъ. Ну, и перестану.

«Черезъ мѣсяць я уже совершенно здорова была. Написала роднымъ моимъ, что вотъ, дескать, овдовѣла я, но безъ всякихъ подробностей.

«Собрала я всѣ мои пожитки, распродала все, что могла—набралось у меня рублей около четырехсотъ, и поѣхала я съ моей Аничкой въ Россію новую жизнь начинать.

«И потянуло меня прежде всего почему-то въ Москву.

«Въ Харьковѣ, на почтовой станціи, познакомилась я съ одной почтенной дамой, Татьяной Васильевной Отнивцевой, дай Богъ ей вѣчную память! Оказалось, она тоже въ Москву ѣдетъ. И поѣхали мы съ ней вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ—тогда желѣзная дорога только еще строилась. И такимъ сердечнымъ человѣкомъ оказалась эта Татьяна Васильевна, что я передъ нею всю мою душу раскрыла:

— Что же вы теперь, родная моя, дѣлать думаете?

— Работать, говорю, Татьяна Васильевна. Роднымъ моимъ я больше уже на шею не сяду.

— А какое же вы дѣло знаете? Къ чему вы себя примѣнить можете?

— Никакого, говорю, я дѣла не знаю, но научиться, полагаю, всему могу.

«Мнѣ тогда вѣдь еще полныхъ тридцати лѣтъ не было.

— Одобряю, говорить, я ваше рѣшеніе и энергію вашу хвалю и въ Москвѣ чѣмъ могу—помогу.

«Приѣхали въ Москву, вмѣстѣ въ Челышевскомъ подворьѣ остановились и стали мнѣ дѣла искать.

«И сразу мнѣ тутъ судьба улыбулась: къ французенкѣ-портнихѣ меня Татьяна Васильевна въ ученіе устроила. Ну, Костя, и работала же я тогда!

«Да, забыла тебѣ сказать: въ тотъ годъ какъ разъ, незадолго до смерти мужа моего, умеръ и мой отецъ, Николай Максимовичъ, и умеръ почти совсѣмъ разореннымъ. Братевъ моихъ твой отецъ къ себѣ взялъ, я же отъ всякой помощи отказалась.

«Ну, работаю я у моей французенки, живу съ дочуркой скромно-хонько,—отъ дороги-то у меня еще рублей триста оставалось, а по тогдашнему времени это были деньги немалыя. Скромно года полтора на нихъ прожить можно было.

«Учусь и, видимо, большіе успѣхи дѣлаю, потому что моя хозяйка, мадамъ Шармеруа очень мною довольна и въ свободное время еще приватно французскимъ языкомъ со мной заниматься стала.

«Прошло такъ мѣсяцевъ семь-восемь, собралась она въ Парижъ ѣхать: каждый годъ она туда по своимъ дѣламъ на мѣсяцъ ѣздила. И вдругъ, предлагаетъ мнѣ ей на этотъ разъ сопутствовать, при чемъ всѣ расходы на себя беретъ.

«Обрадовалась, конечно, я и говорить нечего—какъ, потому что въ нашемъ портняжномъ дѣлѣ Парижъ—своего рода Мекка. Одно затрудненіе: на кого дочку оставить? Но и тутъ добрая Татьяна Васильевна выручила: призрѣла мою Аничку, а я съ мадамъ Шармеруа въ Парижъ укатила.

«Великую мнѣ пользу эта поѣздка принесла!

«Вернулась я оттуда уже съ большими свѣдѣніями, и къ концу года мадамъ Шармеруа мнѣ жалованье положила, правда, сначала небольшое, но надо же было чѣмъ-нибудь ей за ученіе да за Парижъ отплатить. Работала, работала, работала я, Костя, съ утра до ночи. И представь себѣ, что трудъ этотъ не только не истощалъ меня, напротивъ—крѣпнуть я стала. Что значить организмъ-то здоровый былъ!

«И дѣвочка моя растетъ и крѣпнетъ, и учится хорошо. Только одно горе вижу: наружностью не въ отца, а въ мать выдалась: такая же некрасивая. Ну, что жъ, думаю,—приучу ее къ труду да къ самостоятельности и съ такой наружностью проживетъ!

«Прошелъ годъ. Опять мадамъ Шармеруа въ Парижъ собралась и снова меня съ собой зоветъ. Поѣхала. А по возвращеніи опять прибавка жалованья и на этотъ разъ уже довольно солидная.

«Въ этотъ годъ какъ разъ твой отецъ меня посѣтилъ и сталъ было меня сманивать въ Потрясимовъ къ нему ѣхать, у него въ семьѣ жить.

«— Нѣтъ, говорю, я еще не на ногахъ, не тверда, а у меня дочь на рукахъ.

«— Да помилуй, говорить, я тебѣ готовъ чѣмъ угодно помочь!

«— Братьямъ моимъ, говорю, помогите, покамѣстъ они дѣти, а я и сама управлюсь.

«Къ концу третьяго года мадамъ Шармеруа расхворалась, а ей какъ разъ нужно къ этому времени въ Парижъ ѣхать. Вотъ она и говорить мнѣ: «Chere amie, выручайте! Съѣздите за меня».

«Подумала я немного и согласилась: къ этому времени я уже бойко и по-французски говорила, да и въ дѣлѣ понаторѣла порядочно.

«А вернувшись, уже совсѣмъ правой рукой у моей хозяйки стала.

«И такъ работали мы съ ней еще года три. И случилось тутъ горе: умерла моя старуха-француженка. Явились какіе-то наслѣдники и все дѣло ликвидировали. Но я уже была на ногахъ.

«Опять Татьяна Васильевна подоспѣла и говорить:

«— Вотъ что, говорить, родная моя: есть у меня маленькій капиталецъ. Возьмите его изъ процентовъ и начинайте свое дѣло. Я, говорить, вамъ вѣрю.

«Подумала я, согласилась. Только одно условіе Татьяна Васильевна ставить, чтобъ дѣло начинать не въ Москвѣ, а въ ея родномъ городѣ С.—она, вѣдь, родомъ-то отсюда была, съ нашего Поволжья. Что же, думаю, и это ладно. Въ Москвѣ-то, пожалуй, съ маленькими деньгами дѣла и не поднимешь!

«Поѣхали мы съ ней въ С. и открыла я здѣсь мастерскую. Сначала скромненько, но скоро «слава» объ ученицѣ знаменитой Шармеруа разнеслась по всему Поволжью. И дѣла наши пошли необычайно удачно.

«А тутъ и моя Аничка растеть да крѣпнеть, и вижу я, что хорошую преемницу въ ней себѣ найду. Пусть хоть она и дворянка Л—ская, ну, да вѣдь честное дѣло не позорить!

«И стало наше дѣло расти да шириться. Капиталь, вложенный въ дѣло Татьяной Васильевной, утроился. Да и у меня уже хорошія средства собрались. Скоро фирма моя не только по Волгѣ, но и далеко въ Заволжѣ знаменита стала. Да что я тебѣ скажу. Даже изъ Москвы заказчицы были, потому это лучшихъ закройщицъ отъ Шармеруа я къ себѣ пригласила. А сама въ Парижъ уже не разъ, а два раза въ году ѣзжу. Прекрасно дѣла идутъ!

«Купила я для себя вотъ этотъ домикъ-особнячокъ. Мастерская-то помѣщалась въ домѣ рядомъ, но такъ разрослась, что мнѣ тамъ уже тѣсно стало.

«Но какъ на безоблачное небо тучи находятъ, такъ и въ жизни человѣка—горе чередуется со счастьемъ. Заболѣла наша Татьяна Васильевна и 16-го марта 18** года—скончалась. Съ горькими сле-

зами хоронили мы ее, а вмѣстѣ съ нами, казалось, рыдала и сама природа. Такого непогожаго дня я и не запомню: ревѣль вѣтеръ, хлесталъ холодный дождь, а до кладбища у насъ далеко.

«Вернулись мы оттуда совсѣмъ разбитые и горемъ, и усталостью. Вернулись, и ужь не помню, какъ день провели, — а ночью съ Аничкой жаръ начался. Къ утру хуже. Врачи прѣѣхали — говорятъ, на похоронахъ, вѣроятно, простудилась. Что за болѣзнь, еще опредѣлить нельзя, но сдается такъ, что воспаленіе легкихъ.

«А черезъ восемь дней изъ моего дома вынесли и второй гробъ. Умерла моя дѣвочка... умерла моя радость!...

«Скончалась она за два дня до своего рожденія, когда ей должно было двадцать лѣтъ исполниться.

«Вотъ, Костя, съ этимъ и моя жизнь кончилась, т. е. личная жизнь.

«Прошло недѣли двѣ, пришла я въ себя, стала дѣла устраивать. Вспомнили, что послѣ старухи Татьяны Васильевны Огнивцевой духовное завѣщаніе осталось. Вскрыли. Оказалось, что весь свой капиталъ завѣщала она дочери моей, Аннѣ. Задумалась я надъ этимъ, а на другой день уже рѣшила: капиталъ этотъ, прибавивъ еще и отъ себя, сколько понадобится, употребить на устройство дѣтскаго сиротскаго пріюта.

«И вотъ такимъ образомъ возникъ въ нашемъ городѣ «Аннинскій пріютъ въ память Татьяны Васильевны Огнивцевой». Оба дорогихъ для меня имени сочела я въ этомъ названіи.

«Ну, а затѣмъ стала думать, что дѣлать мнѣ съ мастерской? Закрыть? Но вѣдь этимъ шестьдесятъ ртовъ безъ хлѣба оставить! И вотъ рѣшила я до поры до времени продолжать и продолжала не мало, не много, какъ еще лѣтъ десять. И шло оно все удачнѣе и удачнѣе.

«Но въ концѣ концовъ почувствовала и я усталость и стала къ ликвидаціи готовиться. И ликвидировала, только не дѣло, а самое себя. Дѣло же продолжается и, можетъ быть, ты видѣлъ вывѣску на Казанской улицѣ: «Модная мастерская товарищества ученицъ Ксеніи Николаевны Л-ской». Ну, такъ это вотъ мои ученицы и работаютъ. Онѣ же и есть мои преемницы. И дѣло ведутъ сообща.

«И чудесно ведутъ. Тамъ пять-шесть такихъ мастерицъ есть, что просто прелесть! Я нерѣдко заглядываю къ нимъ и душой радуюсь.

«— Ну, а сама уже теперь, старуха, живу на покоѣ, — заключила Ксенія Николаевна и замолчала.

«На покоѣ, — думалъ я, — попечительница и руководительница «Аннинскаго дѣтскаго пріюта»; предсѣдательница благотворительнаго общества; женщина, съ утра и до ночи осаждаемая всякими просителями; женщина, только что закончившая кипучую дѣятельность по борьбѣ съ пронесшейся по всему Поволжью холерой, женщина, только что ставшая во главѣ областного комитета по-

мощи освобожденію славянъ изъ-подъ турецкаго ига—хорошъ покой!
Нечего сказать!»

И я долго съ любовью и уваженіемъ смотрѣлъ на эту женщину, близкую мнѣ по крови, какъ видѣлъ я, недосыгаемую мнѣ по духу.

Она сама прервала паузу.

— А что, Костя, не съѣздить ли намъ завтра въ монастырь и не отслужить ли панихидку по моимъ дорогимъ покойникамъ? Помянемъ вмѣстѣ съ ними и бѣднаго, милаго Гришу.

Я, въ знакъ согласья, поклонилъ голову.

VI.

Нашъ полкъ.

Освѣжившись отпускомъ, явился я наконецъ въ свой полкъ, и началась для меня жизнь, полная новыхъ впечатлѣній. Съ товарищами я какъ-то быстро и хорошо сошелся. Дружно приняли они меня въ свою семью, хотя и семья эта, надо сказать, была довольна-таки разношерстна.

Въ тѣ годы въ армейскихъ полкахъ было, что называется, «всякаго жита по лопатѣ». Уживались вмѣстѣ и родовитые, но разорившіеся дворянчики, и богатенькіе купеческіе сынки—въ гвардію не дерзавшіе—и интеллигентные люди изъ разночинцевъ. Попадались даже—правда, рѣдко—люди съ университетскимъ образованіемъ: Было немало и семинаровъ, т. е. юнѣшей духовнаго происхожденія, окончившихъ курсъ въ семинаріи. Этихъ почему-то въ пасмѣшку звали «образованными». Были офицеры и изъ «сдаточныхъ», т. е. выслужившихся изъ нижнихъ чиновъ.

А благодаря всему этому, наблюдалось большое разнообразіе типовъ и немало чудачковъ.

Дворянчики какъ бы наиболѣе соотвѣтствовали представленію объ офицерѣ, т. е. старались себя держать корректно, кутили—когда были деньги—«на гвардейскій манеръ», много говорили о «чести мундира», дѣлали долги, неохотно ихъ платили, къ солдату относились покровительственно, но весьма сверху внизъ и давали наибольшій процентъ такъ называемыхъ «героевъ мирнаго времени».

Купеческіе сынки были самый безалаберный народъ и, пожалуй, самый пренепріятный: «отъ своихъ отстали и къ чужимъ не пристали». Тяготѣли больше къ дворянчикамъ. Тоже говорили о «чести мундира», но полагали эту честь, кажется, главнымъ образомъ, въ цѣнности его, т. е. чѣмъ дороже сукно, тѣмъ мундиръ и честнѣе. Кутили во всю, но корректности соблюдать не умѣли. Въ отношеніяхъ къ солдату были крайне неровны: то доходили до жестокостей, то распускались до неопозволительныхъ размѣровъ.

Офицеры изъ семинаровъ были народъ тихій, немножко угрюмый, съ солдатомъ просты, жили скромно. Остальной офицерской братіи какъ-то чуждались. Главными ихъ недостатками были два: первый—пили много и именно пили, а не кутили, мрачно, замкнуто, у себя на квартирѣ, водку съ соленымъ огурцомъ на закуску; второй—когда нѣкоторые изъ нихъ пробирались къ должностямъ хозяйственнымъ, проявляли духъ любостыжанія. Особой любовью въ общей военной семьѣ не пользовались. Да и начальство ихъ не очень цѣнило, такъ какъ изъ нихъ рѣдко выходили хорошіе фронтовики. Все это объясняется тѣмъ, что въ военную среду семинарія выдѣляла сорта невысокіе, такъ какъ все, что было тамъ повыше, уходило въ міръ гражданскій, если не чувствовало особаго призванія къ священнослужительской дѣятельности.

Офицеры изъ сдаточныхъ... О нихъ много говорить не приходится. Типъ офицера-бурбона многократно уже изображенъ въ нашей литературѣ. Это или робкій, забитый старикъ, или звѣрь-начальникъ, вымѣщающій на своихъ подчиненныхъ перенесенныя имъ самимъ униженія. Конечно, бывали и счастливыя исключенія.

Про офицеровъ изъ интеллигенціи можно сказать еще менѣе. Интеллигентный человѣкъ вездѣ и во всякой дѣятельности одинаковъ—онъ интеллигентенъ. Этимъ все сказано.

Вотъ приблизительно главные виды, изъ которыхъ складывалась тогдашняя офицерская семья, съ уклоненіями, конечно, во всѣ стороны.

Мнѣ посчастливилось въ полку не закабалиться ни въ одинъ изъ кружковъ. Были у меня пріатели и изъ дворянъ, были и среди интеллигентныхъ; даже кое съ кѣмъ изъ семинаровъ я дружилъ. Только какъ-то къ купчикамъ меня не тянуло. Ну, конечно, и съ бурбонами сойтись я не могъ. Но во всякомъ случаѣ зажилъ я среди новыхъ товаищей хорошо и весело. Передъ нѣкоторыми благоговѣлъ, нѣкоторымъ подражалъ, другихъ уважалъ, а иныхъ просто полюбилъ. Благоговѣлъ я, разумѣется, передъ «героями». А было у насъ таковыхъ въ полку нѣсколько человѣкъ: иные таковыми казались, а иные таковыми оказались, т. е. иные были героями только мирнаго времени, а другіе проявили свое геройство и на не заставившей себя долго ждать войнѣ. А были и такіе, на которыхъ въ мирное время-то никто и вниманія не обращалъ, война же ихъ въ первые ряды выдвинула.

Очень видную роль въ нашемъ полку игралъ поручикъ Александръ Васильевичъ Кречетовъ. Замѣтная это была фигура во всѣхъ отношеніяхъ. Высокій, статный, съ большими хохлацкими рыжеватыми усами, хмурыми бровями, всегда гладко выстриженъ и чисто выбритъ. Одѣтъ строго по формѣ, съ начальствомъ грубоватъ и искателенъ—знаете, есть такой особый видъ лести: человѣкъ, какъ будто вамъ и грубить, а вы на него не сердитесь.

И мало того, не сердитесь, но вамъ даже пріятно его слушать. Приходить, напрімѣрь, къ вамъ и говорить:

— Эхъ, вы, говорить, увалень!

Какъ увалень! Это начальство-то!? Ну, конечно, сейчасъ въ обиду.

— Да такъ и увалень! Съ вашими-то способностями! Съ вашей-то свѣтлой головой да занимать такое скромное положеніе! когда какой-нибудь Х.—(это вашъ соперникъ)—круглый невѣжда, бездарность, пустой шаркунъ, въ гору лѣзетъ! А почему? Благодарство васъ забло! Помилуйте, какъ я могу! Это неблагородно, самого себя восхвалять! Какъ я могу, напрімѣрь, заявить, что такое-то дѣло слѣдуетъ мнѣ поручить, а не Х.? Мнѣ это мое самолюбіе не позволяетъ! Ну, а это еще вопросъ, что благороднѣе—поступиться ли немного своимъ самолюбіемъ, или уступить прекрасное дѣло такому жалкому карьеристу, какъ Х.

Ну, а вы какъ разъ въ это время и собирались «немножко самолюбіемъ поступиться» да Х. пожку подставить. Конечно, тогда слова такого «грубійна» вамъ какъ елей на сердце. А онъ еще тутъ:

— Вы, говорить, меня простите, если я что невпопадъ сказалъ—(чего ужъ невпопадъ!)—я солдатъ! Тѣмъ пріяники не писаны! У меня что на умѣ, то и на языкѣ.

Ну, и все въ такомъ же родѣ.

Да и товарищи, слыша, какъ Кречетовъ съ начальствомъ объясняется, думаютъ про себя:

— Н-да, этотъ не струсить никого! Всѣмъ правду въ глаза рѣжетъ!

А съ товарищами Кречетовъ еще «правдивѣе». Тутъ его душа нараспашку прямо до грубости доходить.

— Эхъ, батенька! Вамъ бы кадиломъ кадить, а не ротой командовать!—говорилъ онъ какому-нибудь «образованному» изъ семинаристовъ.—Что-съ? Вы, кажется, мной недоволенъ? Весь къ вашимъ услугамъ, хоть черезъ носовой платокъ! Вѣдь не скажу же я этого про Завитновскаго (изъ аристократовъ-дворянъ). Офицеръ, какъ офицеръ: и малый лихой, и службу знаетъ. Или даже про Золотарева (богатый купчикъ). Этотъ хоть и мѣшокъ съ саломъ, но военный духъ въ немъ чувствуется... Ну, впрочемъ, я антимонію разводить не люблю! Давай, лучше выпьемъ!—хлопаетъ онъ семинариста по плечу и идетъ съ нимъ къ буфету.—И ты, братъ, тоже человѣкъ не безъ достоинства! «Спотыкаловку» рѣжешь не хуже нашего брата, настоящаго солдата!

И пьетъ, много пьетъ! Шумить, кулакомъ стучить, усы чертомъ закручиваетъ, но головы какъ-то не теряетъ. Чуть скандалъ—его ужъ нѣтъ! Онъ уже раньше вышелъ!

И вотъ товарищи его не то любятъ, не то побаиваются. Храбрый человѣкъ! И говорить нечего!

Вотъ солдаты, такъ тѣ прямо трысугея передъ нимъ. Жестокъ онъ съ ними. Командуетъ онъ второй стрѣлковой ротой, и рота его одна изъ лучшихъ въ полку. Правда, въ ней нѣтъ той спокойной увѣренности, какъ, напримѣръ, въ ротѣ капитана Солнцева, этого корректнѣйшаго и благороднѣйшаго офицера, нѣтъ той милой веселости, какъ въ ротѣ поручика Калитина, но зато дисциплина!.. Доведена до совершенства. И безотвѣтность—тоже.

Какія онъ только вещи со своей ротой ни продѣлываетъ! Разъ, напримѣръ, велъ онъ роту съ ученія въ казармы по городу. Въ одномъ мѣстѣ улицы поворотъ подъ прямымъ угломъ былъ. Ему бы надо было скомандовать: «Правое плечо впередъ», а онъ идетъ сбоку, молчитъ, какъ бы ничего не замѣчая. Дошли люди до каменнаго забора чьего-то дома и замялись. А онъ какъ рявкнетъ:

— Что, говорить, вы, такіе-сякіе? Развѣ я вамъ командовалъ «на мѣстѣ?» Впередъ, курицины дѣти!

И стали люди другъ дружку на плечи подсаживать да черезъ заборъ лѣзть. Въ чей-то барскій садъ попали. Переполохъ тамъ подняли такой—не дай Богъ! Цвѣты, куртины—все перетоптали! Выскочилъ хозяинъ дома въ садъ, барыни какія-то на террасѣ появились, крикъ, визгъ, переполохъ!..

— Господинъ офицеръ! Какъ вы смѣете?—заоралъ было домо-владѣлецъ.

— Что?—рявкнулъ на него Кречетовъ.—Вы со мной такъ не разговаривайте! Если вамъ это не нравится, такъ извольте моему начальству жаловаться, а со мной—ни слова!

А барыни съ террасы:

— Ахъ, какая наглость! Ахъ, какая дерзость!

Кречетовъ только въ усы усмѣхнулся да скомандовалъ своей ротѣ:

— Ну-ка, ребята! запѣвай «Черную галку»!

А эту самую «Черную галку» въ ротѣ Кречетова такъ неприлично пѣли, что отъ стыда даже собаки въ подворотни прятались.

Дамъ съ террасы, конечно, какъ помеломъ смело. Ну, а нашъ поручикъ только этого эффекта, видимо, и ожидалъ. Скомандовалъ своей ротѣ обратно черезъ заборъ перелѣзть и повелъ ее дальше въ казармы.

Дѣло началось. До командующаго войсками доходило. Ну, да замяли какъ-то. Однако въ полку между товарищами мнѣнія объ этомъ поступкѣ раздѣлились: одна часть чуть не въ восторгѣ была; другая, съ капитаномъ Солнцевымъ во главѣ, рѣзко высказывалась противъ необузданнаго поручика.

— Чистоплюи!—презрительно отозвался о нихъ Кречетовъ въ кругу своихъ единомышленниковъ.

Другой разъ рота его на маневрахъ дошла до берега большой, судоходной рѣки. И тоже ни команды «стой», ни «на мѣстѣ»—не

послышалось, и солдаты, помня данный имъ урокъ, прямо поперли въ воду. Сначала шли, потомъ поплыли во всей амуниціи, и только когда фельдфебель доложилъ Кречетову, что двое уже захлебнулись, онъ командовалъ:

—Кругомъ, маршъ!

И рота обратно къ берегу поплыла, волоча съ собой двухъ захлебнувшихся, къ счастью, вскорѣ пришедшихъ въ себя.

И на этотъ разъ дѣло замяли. И опять нѣкоторые восторгались удивительной дисциплиной второй стрѣлковой роты.

Да, дисциплина у нихъ была, дѣйствительно, невѣроятная! И трепетали люди передъ своимъ грознымъ командиромъ да и передъ не менѣе свирѣпымъ помощникомъ его, фельдфебелемъ Чакрыгинымъ.

Но вотъ что странно: трепетать-го трепетали, а тѣмъ не менѣе передъ другими ротами своимъ лихимъ командиромъ хвастались.

— Нашъ-отъ, орелъ!—говорили они.—Небось, и начальству спуску не даетъ. Попробуй-ка, тронь его! Онъ тебѣ отрѣжетъ! Юлить, братъ, небось, не станеть! Прямо на чистоту! Ну, и то сказать, мордобойца онъ! Ругатель! Но зато солдата подъ судъ не отдасть! Самъ, братъ, въ лучшемъ видѣ расправится. Или Ивану Митричу поручить, фельдфебелю, значить! Но больше все самъ! Нашей мордой не брезгаетъ! Лупить, да еще съ присказкой: вотъ тебѣ, говорить, такой-сякой, въ Харьковскую губернію, Рыльскій уѣздъ, въ деревню Зубаловку, что на рѣкѣ Деснѣ.

Да, духъ крѣпостного права сильно еще вѣялъ тогда и въ нашей арміи. Дѣйствительно, Кречетовъ рѣдко кого отдавалъ подъ судъ, но зато билъ, билъ безмѣрно. И всегда такъ ловко умѣлъ вести, что до начальства это какъ будто и не доходило.

Конечно, далеко не вся рота была довольна такимъ «отеческимъ» отношеніемъ своего командира. Были и протестанты. Въ нѣдрахъ ея чувствовалось и глухое раздраженіе, но такое глухое, что оно и до нашего товарищескаго кружка почти не доходило.

Обострялось оно иногда, впрочемъ, и до порядочныхъ размѣровъ, и случалось это всегда на почвѣ экономической, когда фельдфебель Иванъ Митричъ, что называется, Бога забывалъ и начиналъ и безъ того горемыку-солдата еще какъ липку обдирать.

Ну, что жъ, и тутъ Кречетовъ умѣлъ вывернуться: на фельдфебеля прикрикнетъ, пригрозитъ его, не въ примѣръ прочимъ, подъ судъ отдать, а самъ какую-нибудь такую лихую штучку выкинетъ, что и у самихъ злоязычныхъ отъ восторга въ гортани всякій ропоть замретъ. Умѣлъ поручикъ Кречетовъ во-время этакія штучки выкидывать. Умѣлъ во-время и побаловать солдата, впрочемъ, всегда потакая его самымъ дурнымъ инстинктамъ.

Въ городѣ, среди, такъ сказать, гражданскаго элемента, Кречетовъ пользовался довольно нелестной репутаціей. Но такъ какъ

всѣ знали, что онъ бреттеръ, задира и забіяка, то и тутъ дѣлали *bonne mine au mauvais jeu*, приглашали его къ себѣ и во всемъ уступали, то есть выслушивали его дерзости, которыя онъ называлъ «правдой-маткой», переносили его пьяныя выходки и примирялись съ его казарменнымъ остроуміемъ.

— Что дѣлать!—говорили про него.—Человѣкъ, можетъ быть, невоспитанный, немного самомнящій, но зато—лихой офицеръ! А теперь, когда у насъ война на носу, такими людьми дорожить надо.

И дорожили. И начальство дорожило, да и среди товарищѣй не мало было у него горячихъ поклонниковъ.

— Нашъ первый кандидатъ на георгіевскаго кавалера,—говорили они про него.

А самъ кандидатъ, пьянствуя въ офицерскомъ клубѣ, особенно усердно поддерживалъ это убѣжденіе среди юныхъ подпоручиковъ и прапорщиковъ.

— Э! чортъ возьми!—ораторствовалъ онъ въ кругу своихъ собутыльниковъ.—Надоѣло это кислое житіе! Хоть бы скорѣе насъ на турка послали! Набилъ бы я имъ, гололобымъ, морду по первое число! Да гнѣтъ! въ самомъ дѣлѣ! Развѣ это жизнь? Солдатъ плѣснетъ, штыки заржавѣли, знамена тлѣютъ! Душа въ бой рвется! Эй, Золотаревъ! Мѣшокъ! Ставь еще шампанскаго!

И толстый прапорщикъ изъ купеческихъ сынковъ, въ восторгѣ, что имъ не гнушается такой признанный герой, какъ Александръ Васильевичъ Кречетовъ, кричитъ своимъ пискливымъ голосомъ:

— Эй, буфетчикъ! Заморозъ еще полдюжины!

Кречетовъ рѣдко пьетъ на свой счетъ. Возлѣ него всегда толпа восторженныхъ поклонниковъ, рвущихся наперерывъ одинъ передъ другимъ, иной даже изъ послѣднихъ средствъ, чтобъ только угостить своего кумира.

Но когда Кречетовъ пьетъ, то наиболѣе благоразумные элементы сторонятся подальше отъ его компаніи, гдѣ всегда попахиваетъ возможностью скандала. Кречетовъ нагло задираетъ, подвертывающихся ему подъ руку людей; говоритъ дерзости, и все это ему съ рукъ сходить... Впрочемъ, можетъ быть, потому, что онъ отлично знаетъ: *кого* можно задрать и *какъ* можно задрать. И въ полку есть лица, съ которыми Кречетовъ остороженъ или, какъ онъ самъ говоритъ, которыхъ онъ «игнорируетъ».

Въ первую голову, конечно, стоитъ капитанъ Солнцева, держащійся всегда немного въ сторонѣ отъ развеселыхъ компаній, человѣкъ вполнѣ трезвый и даже не съ одной военной точки зрѣнія—приличный. А вторымъ... вотъ тутъ для насъ всѣхъ было что-то необъяснимое. Былъ у насъ въ полку офицеръ, странный офицеръ. Прямо можно сказать—несуразный офицеръ, подпоручикъ Бондаревъ.

Лѣнивыѣ только развѣ не подшучивалъ и не подтрунивалъ надъ нимъ. И ко всѣмъ этимъ подшучиваніямъ и подтруниваніямъ относился онъ съ невозмутимымъ, прямо-таки олимпійскимъ спокойствіемъ. Рѣдко кто даже его называлъ настоящимъ его именемъ или фамиліей, развѣ только въ официальныхъ сношеніяхъ. Слылъ у насъ онъ подъ кличкой «Спартакъ». И до такой степени и самъ онъ да и всѣ къ этой кличкѣ привыкли, что многіе даже порой забывали, какъ его въ самомъ дѣлѣ зовутъ. Самые юные прапорщики, даже портупей-юнкера, принятые въ офицерскую среду, и въ глаза и за глаза звали его «Спартакъ» и не иначе.

Даже разъ нашъ командиръ полка настолько спутался, что на ученіи крикнулъ ему:

— Поручикъ Спартакъ! Дистанцію невѣрно держите!

И вотъ къ этому-то добродушнѣйшему и невозмутимѣйшему офицеру нашъ герой Кречетовъ относился съ какой-то необычайной осторожностью. Правда, онъ избѣгалъ его, гдѣ только могъ, но въ официальныхъ случаяхъ былъ всегда очень сдержанъ, называлъ его не иначе, какъ подпоручикъ Бондаревъ, а иногда даже и «Авксентій Илліодоровичъ», твердо помня его мудреное имя и отчество.

Спартакъ, какъ и капитанъ Солнцевъ, никогда не участвовалъ въ кутежахъ поручика Кречетова.

В. А. Тихоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА.

(Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина).

I.

КИЕВСКИЙ городской театр — мѣсто служенія искусству — сдѣлался ареной кроваваго дѣла. Кажется, впервые террористы выбрали театр для совершенія убійства. Нѣтъ болѣе неудобнаго мѣста для ихъ цѣлей, какъ театр. Прежде всего никакой надежды на спасеніе у убійцы возникнуть не можетъ. Около министровъ, на которыхъ болѣе всего охотятся революціонеры, не бываетъ въ театрѣ разношерстной толпы, въ которой можно бы затеряться. Первый рядъ, въ которомъ обычно сидятъ министры на парадныхъ спектакляхъ, всегда въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ и у всѣхъ на виду. Подойти къ первому ряду трудно, такъ какъ всегда можно ждать, что проходъ охраняется. Наконецъ выбѣжать некуда — кругомъ нѣсколько полицейскихъ цѣпей. Что касается кievскаго событія, то тамъ дѣло еще болѣе усложнялось, такъ какъ на спектаклѣ присутствовали Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми. Значитъ, охрана была усилена.

И все-таки кровавое дѣло совершилось. Охрана не только не спасла, но была введена въ заблужденіе ловкимъ убійцей и охраняла высокопоставленныхъ лицъ отъ всѣхъ, кромѣ самого убійцы.

Дѣло было обставлено такъ, что въ театр на парадный спектакль пройти было очень трудно. Спектакль устраивался городомъ. Билеты были расписаны между видными и всѣмъ извѣстными

людьми: чиновниками, дворянами и общественными дѣятелями. И многіе даже изъ такихъ извѣстныхъ людей не получили права входа въ театръ, такъ какъ число мѣстъ было ограничено. Часть билетовъ разошлась между думцами, часть между видными кіевлянами: польскими магнатами, состоящими въ придворныхъ должностяхъ или вообще близкими по своимъ симпатіямъ къ русскому двору, чиновниками, дворянами и военными начальниками. Часть предоставлялась въ пользованіе пріѣхавшихъ съ Государемъ и вообще на кіевскія торжества людей. Кромѣ придворныхъ и министровъ съ ихъ приближенными чиновниками, въ Кіевъ съѣхались со всего Юго-Западнаго края губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянства, новые земскіе дѣятели и начальники военныхъ частей. Наконецъ нельзя было отказать въ билетахъ членамъ кіевскихъ монархическихъ организацій, которые на торжествахъ вообще играли очень видную роль и которымъ вездѣ отводились лучшія мѣста. Къ длинному списку обязательныхъ гостей управа для фона прибавила горсточку учащихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, отведя имъ часть галерки. Наконецъ, полиція и жандармерія имѣла въ театрѣ видное количество своихъ представителей; жандармскій мундиръ можно было встрѣтить въ антрактахъ: въ фойе, въ буфетѣ, въ коридорахъ.

Дня за два до перваго сентября я былъ въ городской управѣ и просилъ дать мнѣ билетъ, какъ представителю одной московской газеты. Чиновникъ махнулъ въ отвѣтъ рукой:

— Куда тамъ! Генераламъ отказываемъ...

Это не было преувеличеніемъ. Уже послѣ злополучнаго спектакля я случайно разговорился съ однимъ путейскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ жаловался и негодовалъ:

— Мнѣ не дали билета, а Богрову дали...

По одному этому можно судить о составѣ посѣтителей параднаго спектакля. Тамъ были отборныя лица. Поэтому ни у кого и мысли не могло возникнуть о возможности какихъ-нибудь революціонныхъ эксцессовъ въ такой парадной обстановкѣ. Террористу немислимо было пройти туда.

Припоминая разные моменты кіевскихъ торжествъ, можно сказать, что убійцамъ представлялось много гораздо болѣе удобныхъ положеній, чѣмъ театръ. Начиная съ 29-го августа Государь съ августѣйшей семьей и министры ежедневно бывали среди толпы. Всякій знаетъ, что переодѣтые сыщики и полицейскіе, сдерживающіе толпу, — фикція, какъ охрана. Какъ могутъ они предотвратить несчастье, когда неизвѣстная и разнокалиберная толпа находится въ 3—4 шагахъ отъ высокопоставленныхъ лицъ? Къ тому же часто Государь и за нимъ всѣ экипажи ѣхали тихо. Помню одинъ моментъ: въ первый же день по пріѣздѣ въ Кіевъ Государь Императоръ съ августѣйшей семьей и министрами направились изъ дворца

въ Кіево-Печерскую лавру. Народу было тьма. Конные жандармы еле сдерживали толпу въ переулкахъ, прилегающихъ къ Александровской и Никольской улицамъ. Но кое-гдѣ, особенно близко къ лаврѣ, были перерывы, гдѣ на тротуарѣ не было толпы, а стояло 2—3 ряда зрителей. Я пошелъ въ одинъ изъ этотъ перерывовъ. Здѣсь было пусто. Тихо замедленной рысью проѣхала мимо насъ процессія. Такихъ моментовъ было много. Толпа была такъ близка къ Государю и министрамъ, что иногда становилось страшно. Купеческій садъ вечеромъ 31-го августа представлялъ уже совсѣмъ удобную позицію для покушенія. Представьте себѣ шеститысячную толпу въ постоянномъ движеніи при очень тускломъ освѣщеніи. Ночь была темная. Сейчасъ же за линіей сада зіялъ черный обрывъ, въ который можно прыгнуть и исчезнуть. Тамъ уже всякіе слѣды терялись. Убійца могъ просто даже скрыться въ толпѣ. Былъ одинъ моментъ, когда толпа бросилась къ обрыву смотрѣть иллюминацію Труханова острова, смяла и уничтожила цвѣтники. Тутъ въ этой суматохѣ было уже очень легко исчезнуть. До чего трудно было въ этотъ вечеръ предохранить купеческій садъ, въ которомъ были высокіе гости, отъ сомнительныхъ людей, можно судить по такому случаю. Мы, корреспонденты газетъ, стояли около Царскаго шалаша и замѣтили, что въ толпѣ трется какой-то человекъ въ мѣщанскомъ картузѣ и пиджакѣ. Всмотрѣлись: и костюмъ, и движенія обличали въ немъ очень подозрительнаго человека. Замѣтила полиція и его отвела въ участокъ. Явился вопросъ: какъ онъ вошелъ въ садъ? Да просто, гораздо проще, чѣмъ всѣ мы, къ которымъ предъявили требованіе показать билетъ. Онъ влѣзъ со стороны обрыва въ садъ. Поздно вечеромъ намъ передали, что нѣкоторые изъ фрачниковъ лишились своихъ часовъ: Видимо, работала цѣлая шайка мошенниковъ, которая не вся же цѣлкомъ влѣзла по откосу. Можно думать, что часть этой шайки вошла въ садъ и на законномъ основаніи. На такомъ же основаніи могъ проникнуть туда и террористъ. Послѣ оказалось, что Богровъ былъ въ саду, и только какая-то случайность помѣшала ему совершить свое кровавое дѣло здѣсь..

Наконецъ, что касается П. А. Столыпина, то по приѣздѣ въ Кіевъ онъ въ первые дни безстрашно ходилъ пѣшкомъ безъ охраны по Институтской улицѣ: изъ генераль-губернаторскаго дома, гдѣ жилъ, въ отдѣленіе государственнаго банка, гдѣ остановился В. Н. Коковцовъ.

Однако судьбѣ угодно было допустить убійство въ томъ мѣстѣ, гдѣ менѣе всего можно было ждать его. Это склоняетъ меня къ мысли, что покушеніе Богрова было случайно, безъ заранее выработаннаго плана. А удалось оно только благодаря крайней оплошности охраны и благопріятному для убійцы стеченію обстоятельствъ, въ силу котораго никто не задержалъ Богрова, когда онъ подхо-

диль къ министру: между тѣмъ ему надо было пройти длинные ряды стульевъ отъ поперечнаго прохода до третьяго ряда.

Билета не имѣли, кромѣ меня, многіе изъ моихъ коллегъ. Лишь два сотрудника мѣстныхъ газетъ сумѣли, благодаря связямъ въ городской управѣ, достать билеты заблаговременно. Но у насъ, безбилетныхъ, оставалась надежда на придворную цензуру, къ которой мы были, такъ сказать, приписаны. Придворная цензура состояла изъ трехъ чиновниковъ: д. с. с. Н. И. Оприца и двухъ его помощниковъ П. Н. Петрова и А. В. Суслова. Всѣ они съ рѣдкой любезностью, мягкостью и добросердечіемъ относились къ намъ. Мы были увѣрены, что намъ, имѣющимъ уже разрѣшительный билетъ отъ императорскаго двора и товарища министра Курлова, генералъ Н. И. Оприцъ не откажетъ въ просьбѣ провести въ театръ. Наканунѣ онъ провелъ насъ въ купеческій садъ. Но когда я обратился къ нему съ просьбой считать меня кандидатомъ въ театръ, онъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Не знаю какъ... Трудно...

Онъ, видимо, учитывалъ то положеніе, когда въ небольшой сравнительно театръ нужно было помѣстить массу народа. Я уже отчаялся папастъ и приготовился провести вечеръ дома, но одинъ изъ коллегъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ:

— Приходите передъ спектаклемъ сюда, и мы упросимъ Николая Ильича провести насъ.

Въ 8 часовъ вечера 1-го сентября мы собрались въ помещеніи цензуры. Корреспондентовъ, желающихъ пойти, оказалось человекъ пять. Остальные, основательно предполагая, что «тамъ ничего особеннаго не будетъ», захотѣли отдохнуть вечеромъ. Но, какъ выяснилось послѣ, отдыхать имъ не пришлось. Н. И. Оприцъ обрадовалъ насъ, сказавъ, что въ театрѣ для насъ оставлено нѣсколько мѣстъ.

Когда мы подошли къ театру, площадь была уже совершенно очищена отъ народа, который густой толпой стоялъ по тротуарамъ большой Владимирской и Фундуклеевской улицъ. Кругомъ цѣпь городовыхъ, околоточныхъ и помощниковъ приставовъ. Топтались на своихъ мѣстахъ конные жандармы. Мы шли вдвоемъ съ корреспондентомъ «Колокола» Н. Н. Балабухой. Его форменный видъ, медали и кокарда были такъ внушительны, что насъ пропустили черезъ цѣпь полиціи безъ опроса и удостовѣренія нашей личности.

Подошли къ театру. Около дверей стояло нѣсколько группъ. Нѣсколько людей въ цилиндрахъ кого-то, видимо, ждали. Помню, впереди стоялъ высокій, бритый молодой человекъ въ пенснэ и пальто, лицомъ онъ былъ обращенъ къ лѣвому боковому входу. Послѣ, когда было совершено покушеніе и я впервые увидѣлъ Богрова, когда онъ бѣжалъ къ выходу, — мнѣ показалось, что

ожидавший кого-то молодой человек имѣлъ съ убійцею большое сходство..

Въ дверяхъ стояло двое жандармскихъ офицеровъ. Они контролировали билеты. Я замѣтилъ, контроль былъ строгій. «Безпокойли» не только неизвѣстныхъ ффрачниковъ, но и сѣдыхъ генераловъ въ звѣздахъ и орденахъ и ихъ пожилыхъ, расфранченныхъ дамъ. Всѣ покорно вынимали билеты и показывали ихъ контролерамъ. Мы подождали, пока подъѣдутъ чины придворной цензуры. По ихъ словесной просьбѣ, обращенной къ контролерамъ, насъ всѣхъ пропустили въ театръ.

Въ коридорахъ толпились мундиры и кители. Болѣе всего было кителей. Мы, ффрачники, были въ замѣтномъ меньшинствѣ. Раздѣлись и прошли въ ложу бельэтажа, назначенную намъ. Оказалось, что эта ложа занята семьей антрепренера Брыкина. Наши мѣста были сзади ихъ кресель. Всего насъ, корреспондентовъ, было въ ложѣ шесть человекъ: В. А. Прокофьевъ отъ «Новаго Времени», Н. Н. Балабуха отъ «Колокола», г. Клепацкій, отъ «Россіи», г. Высотскій отъ «Рижскаго Вѣстника», Е. М. Бабецкій отъ «Южнаго Края» и я. Кое-какъ размѣстились. Ложа была мало удобна для того, чтобы смотрѣть изъ нея на сцену, но зато весь партеръ и, главное, первые ряды его были у насъ на виду, а Царская ложа была прямо противъ насъ.

Театръ весь былъ бѣлый отъ бѣлыхъ платьевъ женщинъ и кителей. Въ партерѣ я насчиталъ только около 20 ффрачниковъ и почти всѣ они были расположены сзади, за исключеніемъ петербургскаго городского головы Глазунова, мѣсто котораго было въ третьемъ ряду недалеко отъ кресла П. А. Столыпина.

Минуть за десять до пріѣзда Государя въ залѣ появились министры. Вошелъ Кассо, Сухомлиновъ, Саблеръ. Наконецъ прошелъ къ своему креслу председатель совѣта министровъ. Взоры всѣхъ были устремлены на него. Онъ сталъ лицомъ къ публикѣ. Его румяное лицо было ясно и, повидимому, спокойно. Никому въ залѣ не приходило въ голову, что черезъ полтора часа этотъ большой, сильный человекъ будетъ сидѣть въ креслѣ блѣдный, съ закрытыми отъ слабости глазами. Министръ разговаривалъ о чемъ-то съ подошедшимъ къ нему Кассо. Потомъ бесѣдовалъ съ какимъ-то полнымъ молодымъ администраторомъ. Раскланивался съ Глазуновымъ и другими лицами. Однимъ изъ послѣднихъ вошелъ въ залъ В. Н. Коковцовъ и прошелъ въ противоположную отъ кресла П. А. Столыпина сторону перваго ряда, ближе къ нашей ложѣ.

Наконецъ, около 9 часовъ пріѣхалъ Государь съ двумя августѣйшими дочерьми: Ольгой и Татьяной. Государь сѣлъ въ выступѣ генераль-губернаторской ложи и былъ весь открытъ театру. Около него, также на виду у зрителей, сѣли августѣйшія княжны. Намъ

было видно, что въ глубинѣ Царской ложи рядомъ съ Государемъ занялъ мѣсто болгарскій княжичъ Борисъ Тырновскій, а за нимъ великіе князья Андрей Владимировичъ и Сергѣй Михайловичъ. Одинъ изъ великихъ князей положилъ на барьерѣ передъ Государемъ афишу, которую Царь уже въ темнотѣ долго разсматривалъ и читалъ и затѣмъ передалъ дочерямъ.

Послѣ троекратнаго гимна начался первый актъ «Сказки о Царѣ Салтанѣ». Постановка была прекрасная, голоса также недурны. Играли г-жа Воронежъ, которую выписали специально для этой пьесы изъ Одессы, гг. Улукановъ, Орѣшкевичъ, Томскій (Кочуровъ) и др. Я видѣлъ, какъ Столыпинъ во время перваго дѣйствія раза два взглянулъ на Государя. Казалось, что его мало интересуетъ сцена, а тревожить или просто занимаетъ что-то другое. Но лицо его попрежнему оставалось внѣшне спокойно. Кончился актъ. Всѣ встали. Государь просидѣлъ на мѣстѣ минуту и затѣмъ вышелъ въ свое фойе. Туда же направились и великія княжны. П. А. Столыпинъ оставался на мѣстѣ. Около него образовалась группа. Сзади его кресла, но въ третьемъ ряду, я увидалъ его великорослаго адъютанта-гѣлохранителя г. Есаулова.

Такъ же прошелъ и второй актъ, послѣ котораго всѣ присутствовавшіе въ Царской ложѣ ушли въ свое фойе. П. А. Столыпинъ всталъ, повернулся лицомъ къ публикѣ и оперся на барьеръ. Около него стояли военный министръ Сухомлиновъ и шталмейстеръ графъ Потоцкій. Первые ряды на большое протяженіе были пусты. Было одиннадцать съ половиною часовъ. Оставалось 12 минутъ до окончанія спектакля: послѣ этого послѣдняго антракта должна была пройти только небольшая картина.

Я вышелъ въ коридоръ, прошелся и когда опять поровнялся съ своей ложей, то услышалъ два одинъ за другимъ послѣдовавшихъ сухихъ, но рѣзкихъ треска. Первая моя мысль была такова: «Что-то лопнуло. Электрическій приборъ какой-нибудь?». Всѣ были страшно далеки отъ мысли о покушеніи. Какой-то офицеръ пробѣжалъ мимо и проговорилъ: «Это шампанское». Но Н. Н. Балабуха, выбѣжавшій, кажется, изъ буфета, сказалъ: «выстрѣлы». Мы бросились въ свою ложу. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. У меня въ это время промелькнула мысль: «не самоубійство ли?». Потомъ эту мысль вытѣснила другая: «если покушеніе, то понятно на кого»... Послѣ, когда всѣ дѣлились своими впечатлѣніями, я узналъ, что у всѣхъ была эта послѣдняя мысль.

Наша ложа была пуста. Прежде всего до меня донеслось восклицаніе дамы, сидящей за роялемъ въ оркестрѣ:

— Государь живъ!

Общее напряженіе послѣ этихъ словъ немного упало. Одновременно послышался чей-то пронзительный, видимо, женскій крикъ. Кто-то, должно быть, упалъ въ обморокъ. Мы посмотрѣли внизъ и

замерли. П. А. Столыпинъ стоялъ блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, лицомъ уже къ сценѣ и лѣнивымъ, вѣрнѣе, больнымъ длительнымъ движеніемъ снималъ съ себя китель. Когда снялъ и передалъ кому-то изъ группы, его окружавшей, я увидалъ на его бѣломъ жилетѣ немного повыше праваго кармана красное пятно величиной въ мѣдный пятакъ. Затѣмъ раненый повернулъ лицо къ Государевой ложѣ, которая была пуста, и лѣвой рукой сдѣлалъ по направленію къ ней жестъ. Этотъ жестъ я видѣлъ отчетливо. Онъ или успокаивалъ, или, вѣрнѣе всего, предостерегалъ:

— Не ходите сюда.

Послѣ этого онъ сѣлъ въ кресло, вытянулъ какъ-то неестественно ноги и уронилъ голову на грудь. Видимо, онъ сталъ слабѣть. Въ моей памяти запечатлѣлась одна подробность: кто-то въ военной формѣ быстро подошелъ изнутри Царской ложи къ ея барьеру, заглянулъ въ залъ и такъ же быстро удалился вглубь. Кто—я не могъ упомянуть.

Одновременно съ пораненіемъ министра я увидалъ другую картину. Какой-то высокій молодой человѣкъ, мнѣ показалось, бѣлокурый, съ закинутыми назадъ волосами, очень блѣдный, сильнымъ движеніемъ рукъ отбросилъ отъ себя двухъ военныхъ, пытавшихся его схватить, обернулся на мигъ лицомъ къ намъ и кинулся къ правому выходу, но сейчасъ же былъ схваченъ и сбитъ съ ногъ. Человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ, военныхъ, камергеровъ, «союзниковъ» набросилось на него. Убійцу уже не было видно, онъ лежалъ на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновникъ, стоя въ ложѣ Потоцкихъ около выхода, обнажилъ шпагу. Блеснуло лезвіе и опустилось на убійцу. Этотъ же чиновникъ выскочилъ изъ ложи на спину или на грудь его и сталъ топтать. Въ эту страшную минуту театръ жилъ страшною жизнью. Сверху изъ ложъ изступленно кричали:

— Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками. У мужчинъ оказалось болѣе благоразумія. На крикъ «убить» они отвѣчали:

— Зачѣмъ убивать? На судъ. Оставьте его.

У меня осталась въ памяти такая картина. Рядомъ съ нами была ложа извѣстнаго кіевского администратора. Тамъ стояли двѣ женщины и кричали: «убить». Я видѣлъ ихъ изступленные лица. А онъ урезонивалъ.

— Что вы! Что вы! Развѣ можно?

Среди яростныхъ криковъ толпы, избивающей убійцу, вдругъ выдѣлился одинъ хриплый голосъ:

— Гимнъ.

Но его не поддержали. Нашъ сосѣдъ по ложѣ закричалъ:

— Не надо... Министръ еще въ залѣ.

Потомъ избитаго убійцу толпа выволокла изъ зала. Я его больше не видалъ. Перевелъ глаза на Столыпина. Онъ сидѣлъ, склонившись на бокъ, закрывъ глаза. Его поддерживали. Въ газетахъ писали, что послѣ выстрѣловъ находившіяся вблизи премьера лица побѣждали отъ него прочь. Это невѣрно. Всѣ остались здѣсь и окружили раненаго. Его подняли человѣкъ восемь и, насколько можно осторожно, вынесли изъ зала. Этотъ переносъ, видимо, усилилъ боль, — гримасы блѣднаго лица выдавали мучительныя страданія. Министръ сжалъ зубы, чтобы не стонать и не кричать.

Процессія съ раненымъ еще не вышла изъ зала, какъ въ ложѣ появился Государь. Открыли занавѣсъ. Вся труппа въ костюмахъ, во главѣ съ антрепренеромъ Брыкинымъ и режиссеромъ Гецевичемъ, стояла на сценѣ. Запѣли гимнъ. Вмѣстѣ съ артистками запѣлъ весь театръ. Подъемъ былъ необычайный. Нѣкоторыя артистки стояли на сценѣ на колѣняхъ и протягивали руки къ Государю. Государь кланялся. Театръ кричалъ «ура». Гимнъ былъ повторенъ три раза. Когда Государь ушелъ, кто-то на верхахъ запѣлъ «Спаси, Господи». Его поддерживали артисты и весь театръ. Молитву пропѣли три раза.

Государь съ августѣйшими дочерьми сейчасъ же уѣхалъ во дворецъ. Спектакль не былъ доконченъ. Всѣ стали разѣзжаться. П. А. Столыпина вынесли въ тотъ же выходъ, въ который выволокли и убійцу. Раненаго положили на маленькій малиновый диванчикъ, стоявшій недалеко отъ кассы. Здѣсь профессора Рейнъ и Оболонскій остановили ему кровь. Затѣмъ въ каретѣ скорой медицинской помощи больного увезли въ хирургическую лечебницу Маковскихъ. Передаютъ, когда карета скорой помощи, вызванная по телефону, ѣхала въ театръ, ее не хотѣли пропустить сквозь полицейскую цѣпь, требовали пропускъ. Но кучеръ стегнулъ лошадей, и карета проѣхала безъ пропуска.

Въ коридорѣ убійцу вырвали изъ рукъ разъяренной толпы, арестовали и препроводили въ буфетъ генераль-губернаторской ложи, гдѣ сняли съ него первое показаніе. Лицо изъ театральной администраціи, видѣвшее его въ этотъ моментъ, рассказывало мнѣ, что хотя Богровъ и былъ сильно избитъ (у него оказалась сѣченая ранка на лбу, выбиты два зуба, шишка отъ бинокля, которымъ кто-то ударилъ его изъ ложи, боль подъ ложечкой, растерзанный костюмъ), но все-таки былъ въ сознаніи, держалъ себя спокойно, даже вызывающе, попросилъ папироску.

Допрашивалъ его судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко и товарищъ прокурора Слѣпушкинъ при прокурорѣ судебной палаты Чаплинскомъ и при другихъ чинахъ судебного вѣдомства. Убійца назвалъ себя Дмитріемъ Григорьевичемъ Богровымъ. Онъ еврей, помощникъ присяжнаго повѣреннаго киевскаго округа, 27 лѣтъ. Два года какъ окончилъ университетъ.

Въ карманѣ его былъ найденъ театральнй билетъ № 406 въ восемнадцатомъ ряду партера, выданный кievскимъ охраннымъ отдѣленіемъ. Богровъ самъ писалъ свое показаніе. Писалъ долго. Допросъ кончился въ пять часовъ утра. Затѣмъ на убійцу надѣли наручники. Онъ протестовалъ:

— Мнѣ же больно,—сказалъ онъ.

Но на протестъ не обратили вниманія.

Какъ бы не довѣря одному наручнику, Богрову скрутили руки веревками, посадили въ карету и отвезли въ крѣпость Косой капонирь, находящуюся гдѣ-то около Печерской лавры.

По дорогѣ въ крѣпость Богровъ обратился къ одному изъ сопровождавшихъ его полицейскихъ съ просьбой дать ему папиросу.

— Вся эта исторія меня страшно взволновала, я до сихъ поръ не могу очнуться,—сказалъ онъ.

Но вернемся немного назадъ. Мы, корреспонденты, задержались въ своей ложѣ и обсуждали событіе. Въ ложу пришелъ взволнованный антрепренеръ Брыкинъ. Обращаясь къ своей женѣ, онъ съ горечью замѣтилъ:

— Нужно же ему именно въ театрѣ...

Онъ затратилъ много энергіи на постановку спектакля, такъ долго готовился къ нему, и все это пошло прахомъ. Выстрѣлъ Богрова уничтожилъ всѣ хорошія впечатлѣнія отъ пьесы.

Потомъ мы стали расходиться. Въ коридорахъ и въ фойе оставались еще группы, обсуждавшія злобу вечера. Я подошелъ къ одной группѣ. Старый, сѣдой чиновникъ въ чинѣ генерала говорилъ:

— Гдѣ же была охрана?

Въ это время еще не было извѣстно, что Богровъ прошелъ въ театръ по билету охранныаго отдѣленія. Чиновнику отвѣчали:

— Эхъ, охрана! Наша охрана...

— Гдѣ же былъ тѣлохранитель Столыпина?

— Въ коридорѣ.

Дѣйствительно, г. Есаулова не было въ тотъ моментъ въ залѣ. Послѣ я бесѣдовалъ съ докторомъ Маковскимъ, который сообщилъ,— не знаю, съ чьихъ словъ,—что тѣлохранитель по окончаніи второго акта былъ посланъ П. А. Столыпинымъ приготовить автомобиль, такъ какъ министръ хотѣлъ однимъ изъ первыхъ сейчасъ же послѣ третьяго акта уѣхать изъ театра домой. Начальникъ охранныаго отдѣленія Кулябко послѣ передавалъ, что автомобиль министра былъ приготовленъ и дожидался его у подъѣзда, поэтому незачѣмъ было посылать адъютанта готовить его.

Объ охранѣ во всѣхъ группахъ говорили съ ожесточеніемъ и негодованіемъ.

— Вѣдь при такой халатности и не Столыпина можно было убить...

— Да, не было ничего легче...

Нѣкоторые задавали вопросъ:

— Какъ могло случиться, что въ театрѣ, наполненный отборными въ смыслѣ благонадежности лицами, попасть революціонеръ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ сталъ извѣстенъ только на другой день.

Въ другой группѣ шелъ такой разговоръ:

— Кто стрѣлялъ?

— Какой-то Богровъ, здѣшній адвокатъ. Его сейчасъ опозналъ одинъ бывший въ театрѣ членъ суда...

— Кто онъ, русскій?

— Нѣтъ, еврей...

Полковникъ, стоявшій около, облегченно произнесъ:

— Славу Богу, что не русскій...

И перекрестился.

Онъ забылъ, видимо, что у насъ были Рысаковъ, Желябовъ, Перовская, Каляевъ, Сазоновъ, Карповичъ...

Тутъ въ разговорѣ выяснилась одна подробность. Нѣкоторые думали, что выстрѣлъ былъ произведенъ со сцены.

Мы вышли изъ театра и пошли сначала пѣшкомъ въ помещеніе цензуры. Кіевъ, видимо, уже зналъ о печальномъ событіи. На улицахъ составлялись группы и даже стояли толпы, гдѣ передавались подробности покушенія. Слышались мрачныя предсказанія:

— Погрома не избѣжать...

II.

Утромъ 2-го сентября Кіевъ проснулся въ очень тревожномъ настроеніи. Сейчасъ же выяснилось опредѣленно, что убійца еврей. Его многіе знали, знали отца его и всю семью.

Отецъ Богрова извѣстный въ городѣ присяжный повѣренный, членъ дворянскаго клуба и предсѣдатель старшинъ въ еврейскомъ клубѣ. Извѣстенъ онъ былъ Кіеву и какъ счастливый игрокъ въ азартныя игры. Собственно говоря, онъ и жилъ въ послѣднее время картами, практику же забросилъ. Его состояніе оцѣнивалось до милліона. Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ фортуна стала измѣнять ему. Во время поѣздки въ Петербургъ онъ проигралъ въ одномъ изъ клубовъ болѣе ста тысячъ рублей. Съ этого момента онъ потерялъ хладнокровіе, сталъ играть безъ выдержки и вскорѣ проигралъ почти всѣ деньги, нажитыя за нѣсколько лѣтъ удачной игры. Выстроенный имъ на Бибииковскомъ бульварѣ громаднѣйшій домъ пришлось заложить.

Самого убійцу также знали, какъ молодого человѣка, почти не занимавшагося адвокатурой, но увлекающагося азартными играми, тотализаторомъ и спортомъ. Впрочемъ, увлеченіе его не

носило широкаго масштаба, не было безпардоннымъ. Онъ проигрывалъ небольшія деньги. О революціонной дѣятельности его никто не зналъ. Тѣмъ менѣе могъ кто-нибудь знать объ его связи съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Но всѣ эти подробности отошли въ сторону передъ главнымъ: «Богровъ еврей». Уже въ ночь покушенія много евреевъ, насѣхъ собравшихся, покинули Кіевъ. Въ томъ, что сегодня или въ крайнемъ случаѣ послѣ 6-го сентября, когда Государь уѣдетъ изъ Кіева, неминуемъ погромъ, никто не сомнѣвался. На биржѣ началась паника. Я былъ въ тотъ день у биржевого нотаріуса. Онъ сказалъ:

— Платежи по вексямъ поступаютъ туго. Нѣкоторые изъ евреевъ приходятъ и говорятъ, что отъ уплаты они воздерживаются, такъ какъ не надѣются, что завтра не будутъ разорены.

Событія всего дня развивались какъ разъ въ сторону погрома. Утромъ начали служить вездѣ молебны о выздоровленіи раненаго министра. Въ Софійскомъ соборѣ такой молебенъ состоялся въ два часа дня. Послѣ богослуженія толпа изъ членовъ монархическихъ организацій человекъ въ полтора съ пѣніемъ «Спаси, Господи», собралась во дворѣ собора. Среди нихъ появились большіе портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Начались бурныя, зажигательныя рѣчи. Ораторы открыто и страстно призывали къ погрому. Въ особенности много и сильно въ этомъ направленіи говорилъ студентъ Голубевъ отъ имени «союза Михаила Архангела». За нимъ взялъ слово одинъ старикъ въ бѣлой парусиновой поддевкѣ, съ широкой трехцвѣтной національной лентой черезъ плечо и со значкомъ союза русскаго народа. Онъ говорилъ:

— Православные. Ничего не предпринимайте до 6-го числа. Мы оскорбимъ этимъ Царя-батюшку...

Полиція первое время была совершенно безсильна. Она ограничилась сначала тѣмъ, что никого изъ постороннихъ не пускала въ двери собора. Но съ толпой манифестантовъ подѣлать ничего не могла. Кіевской полиціи тутъ не было, была московская. Я встрѣтился на площади съ однимъ знакомымъ по Москвѣ помощникомъ пристава. Онъ былъ въ отчаяніи.

— Положительно не знаю, что дѣлать. У нихъ планъ: эта толпа пойдетъ отсюда къ Крещатику, а другая направляется сейчасъ съ Подола на Крещатикъ. Тамъ они соединятся и начнутъ громить. Погрома не избѣжать. Послушайте, что они говорятъ!

Толпа со двора Софійскаго собора направилась съ пѣніемъ и рѣчами на Софійскую площадь. Здѣсь у памятника Богдану Хмельницкому она задержалась на минуту. Помощникъ пристава опять хотѣлъ было убѣдить манифестантовъ разойтись. Но толпа направилась къ Михайловской площади. Я пошелъ съ ней. Толпа мани-

фестантовъ была, въ сущности, очень небольшая, больше было зѣвакъ и любопытныхъ. Около памятника св. Ольги, на которомъ въ то время еще было надѣто полотно, такъ какъ памятникъ не былъ освященъ, толпу постигла неудача. Московская полиція поняла, что надо дѣйствовать смѣло, иначе быть большой бѣдѣ. Помощникъ пристава выбралъ трехъ «агитаторовъ», среди которыхъ очутился студентъ Голубевъ, и арестовалъ ихъ. Портреты были отобраны. Толпа зашумѣла было, стала грозить, что донесетъ начальству, но... все-таки разошлась. Въ это время другую толпу, шедшую съ Подола, разсѣяли казаки. Послѣ стало извѣстно, что члены монархическихъ организацій обращались съ жалобой на полицію почему-то къ оберъ-прокурору В. К. Саблеру.

Любопытно, что, когда главари манифестаціи были арестованы, нѣкоторые жители подошли къ полицейскимъ офицерамъ и благодарили ихъ.

— За что же? Мы исполнили нашу обязанность,—удивились тѣ.

Тревога, конечно, не улеглась.

Утромъ состоялось экстренное собраніе городской думы. Это собраніе въ Кіевѣ названо «историческимъ». Открывая засѣданіе, городской голова, между прочимъ, сказалъ:

— Всѣ мѣры, которыя мы, представители города, приняли для безопасности высокихъ особъ, были по силѣ нашей возможности. Если и произошло прискорбное событіе, то не по винѣ городского управленія. Преступникъ былъ допущенъ другимъ административнымъ учрежденіемъ, которому, по распоряженію губернатора, мы передали нѣсколько билетовъ.

Это поразило всѣхъ страшно. Лидеръ кіевскихъ думскихъ націоналистовъ гласный Іозефи предложилъ головѣ опредѣленно и точно отвѣтить:

— Какъ Богровъ попалъ въ театр?

Голова отвѣтилъ:

— Къ намъ обратилась администрація съ просьбой выдать 10 билетовъ для чиновъ охраны. Вотъ въ этой книгѣ (показываетъ книгу) есть расписка въ полученіи этихъ билетовъ начальникомъ охраннаго отдѣленія подполковникомъ Кулябкомъ.

Всѣ стали смотрѣть книгу. Дѣйствительно, богровскій билетъ (кресло № 406) былъ выданъ охранному отдѣленію. Тогда г. Іозефи предложилъ, чтобы не потерялись слѣды и доказательства, сфотографировать мѣсто въ книгѣ съ распиской, чтобы открыто заявить всѣмъ, что городское управленіе въ этомъ страшномъ событіи ни при чемъ. Это предложеніе было принято собраніемъ и утверждено губернаторомъ. вмѣстѣ съ этимъ г. Іозефи обратился къ гласнымъ съ такой рѣчью:

— Если охрана такъ неудовлетворительна, то будемъ ходатайствовать о разрѣшеніи намъ, гласнымъ, взять на себя охрану

высокихъ гостей нашего города, хотя бы для этого намъ пришлось дежурить по ночамъ.

И это постановленіе было принято и утверждено.

Кромѣ того, было постановлено всеѣмъ поѣхать и расписаться въ книгѣ соболѣзнованій и повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества свои вѣрноподданническія чувства. Тутъ же гласные рѣшили назвать Малую Владимирскую улицу—«Столыпинской», приобрести лечебницу Маковскихъ и назвать ее также «Столыпинской». Это «историческое» засѣданіе породило еще больше тревоги въ народѣ. Вечерняя газета опредѣленно сообщила, что Богровъ былъ охранникъ, разъѣздной агентъ охраннаго отдѣленія. Все обвиняли во всемъ Кулябка за лишнее довѣріе и за слѣпоту, которая не позволила ему разгадать въ Богровѣ террориста. Въ концѣ дня стало извѣстно, что Богровъ получилъ билетъ, какъ агентъ охраны, что онъ будто бы былъ приставленъ г. Кулябкомъ къ особѣ министра для охраны.

Вечеромъ городъ совершенно измѣнилъ свою фیزیономію. Не было видно не только массъ народа, какъ это было наканунѣ, но и небольшихъ группъ. Встрѣчались одиночные прохожіе, спѣшившіе домой съ выраженіемъ испуга и озабоченности на лицахъ. Какъ разъ въ 11 часовъ вечера Государь уѣхалъ въ Овручъ, и по городу расползлись слухи, что сегодня ночью надо ждать погрома. Городъ, еще вчера сіявшій электричествомъ, теперь былъ погруженъ въ темноту, вполнѣ гармонировавшую съ уныніемъ, овладѣвшимъ жителями. Блестѣла огнями лишь арка при вѣздѣ во дворецъ да два-три дома по Александровской улицѣ. Казалось, что хозяева этихъ домовъ позабыли потушить фонари. Главная бойкая улица Крещатики была совершенно пуста.

Толпа народа стояла лишь въ одномъ пунктѣ города—на углу Большой Подвальной и Малой Владимирской. Проѣздъ по Малой Владимирской былъ запрещенъ, тутъ черезъ улицу былъ протянутъ канатъ, стоялъ нарядъ городовыхъ и конные жандармы. Набросана кругомъ солома, чтобы ослабить стукъ колесъ. Толпа стояла въ безмолвіи, лоя вѣсти, которыя изрѣдка приносились людьми, посѣщавшими лечебницу.

Въ первый день была большая надежда на выздоровленіе раненаго министра. Около постели больного собралось до 15 кievскихъ врачей. Среди нихъ нѣсколько профессоровъ: деканъ медицинскаго факультета Н. Н. Оболонскій, Яновскій, Рейнтъ, Волковичъ и др. Консилиумомъ было установлено, что рана въ груди представляла собою отверстіе въ области шестого межребернаго промежутка кнутри отъ сосковой линіи. Выходнаго отверстія не было. Сзади пуля прощупывалась подъ 12 ребромъ на три пальца отъ линіи остистыхъ отростковъ позвонковъ. Вторая рана сквозная въ кисть правой руки. Я забылъ въ свое время упомянуть, что эта

вторая пуля, прострѣливъ руку министра, попала въ ногу перваго скрипача оркестра Антона Берглера. Раненый музыкантъ долго, но тщетно кричалъ: «Помогите!» На него никто не обращалъ вниманія: одни думали, что онъ призываетъ на помощь П. А. Столыпину, другіе, — что съ нимъ истерика. Только спустя полчаса онъ былъ доставленъ въ Тарасовскую больницу. Рана Берглера оказалась неопасной.

Владѣлецъ лечебницы докторъ Маковскій, съ которымъ я тогда бесѣдовалъ, рассказывалъ, что врачи съ перваго момента раздѣлились на оптимистовъ и пессимистовъ. На другой день пріѣхалъ извѣстный петербургскій хирургъ профессоръ Цейдлеръ. Онъ опредѣленно сталъ на сторону оптимистовъ. Ослушавъ больного, онъ вышелъ въ комнату, гдѣ собрались врачи, и сказалъ:

— Ручаюсь, что больной выздоровѣетъ.

Но, напримѣръ, Маковскій, по его словамъ, уже въ первый день ставилъ 65 противъ выздоровленія и 35 за выздоровленіе. А за день до смерти ставилъ уже 95 противъ. Онъ сообщалъ, что врачи съ перваго момента опредѣлили прострѣлъ печени. Между тѣмъ, въ официальныхъ бюллетеняхъ о печени говорилось, что врачи не установили точно прострѣлъ печени. По вскрытіи, какъ рассказывалъ мнѣ профессоръ Оболенскій, вскрывавшій трупъ, оказалось, что печень не только прострѣлена, но разможжена, такъ какъ пуля, ударившись о владимирскій орденъ, расплющилась и вошла въ организмъ какъ разрывная. Любопытно, что врачи въ первый день говорили о благодѣтельной роли владимирскаго креста. Онъ, дескать, ослабилъ силу раненія. Но оказалось какъ разъ наоборотъ.

Раненый министръ по дорогѣ въ лечебницу стоналъ, жаловался на боль, просилъ телеграфировать женѣ, чтобы она не беспокоилась. «Что суждено, тому не миновать», говорилъ онъ. Когда его привезли въ лечебницу, онъ крѣпко держалъ рукой раненую грудь. Врачи разрѣзали на немъ жилетъ и рубашку и отвели руку.

Министръ думалъ, что онъ сейчасъ умретъ. Пріобщился св. тайнъ. Но обнаруживалъ при этомъ рѣдкое присутствіе духа. Онъ уже не стоналъ отъ нестерпимыхъ болей, сдерживался. Въ самую тяжелую минуту, когда лежалъ на операціонномъ столѣ, онъ вспомнилъ о раненомъ музыкантѣ и спросилъ объ его здоровьѣ. «Славу Богу», сказалъ онъ, когда услышалъ, что рана музыканта не опасна. Вообще, по отзывамъ врачей, министръ былъ рѣдкій, исключительный больной. Докторъ Маковскій говорилъ мнѣ, что за 16 лѣтъ практики онъ встрѣтилъ перваго такого дисциплинированнаго больного. Министръ былъ послушный, терпѣливый, деликатный больной. Обычно же больные капризны. Онъ иногда говорилъ: «Какъ мнѣ совѣстно, сколько хлопотъ и убытковъ я вамъ принесъ». Ни стоновъ, ни жалобъ мы отъ него не слышали. Иногда только онъ говорилъ: «Больно». Или: «Тоска меня одолѣваетъ».

Послѣ перваго осмотра и перевязки ранъ больного ему прописали абсолютный покой. Къ нему никого не пускали изъ постороннихъ за все время его болѣзни. На другой день пріѣхала его супруга Ольга Борисовна, она не отходила отъ его постели. Да дежурилъ врачъ, безъ котораго больной боялся оставаться. Исключеніе было сдѣлано только для В. Н. Коковцова, который исполнялъ обязанности предсѣдателя совѣта министровъ и, конечно, не могъ миновать указаній и руководства П. А. Столыпина. Онъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ раненымъ. Третьяго сентября въ седьмомъ часу вечера Государь Императоръ по пріѣздѣ изъ Овруча прямо съ вокзала направился въ лечебницу. Врачи не были противъ того, чтобы Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Но О. Б. Столыпина, съ которой Государь милостиво бесѣдовалъ наединѣ, видимо, высказала опасеніе, что бесѣда можетъ отразиться на здоровьѣ больного. Поэтому Государь, высказавъ соболѣзнованіе Ольгѣ Борисовнѣ и разспросивъ о состояніи здоровья раненаго, изволилъ отбыть во дворецъ. Въ «Кіевлянинѣ» тогда была напечатано, что О. Б. Столыпина въ разговорѣ съ Государемъ сказала:

— Сусанины, Ваше Величество, не перевелись на Руси.

Я уже сказалъ, что въ первый день у врачей была надежда на выздоровленіе. Самъ больной также одно время вѣрилъ въ то, что останется жить. Но это продолжалось недолго. А. А. Столыпинъ мнѣ передавалъ, что больной все время чувствовалъ, что умираетъ.

— «Смерть незамѣтно подкрадывается ко мнѣ», говорилъ онъ. Братъ не вѣрилъ никакимъ увѣреніямъ врачей. Они успокаивали его, говорили, что недѣли черезъ двѣ онъ встанетъ, а онъ не вѣрилъ и говорилъ: «Нѣтъ, я чувствую, что умираю». Самообладаніе онъ сохранилъ удивительное. Только во снѣ прорывались стоны, все же остальное время онъ молчалъ, терпѣливо перенося муки.

III.

3-го сентября положеніе больного было неопредѣленнымъ. Нѣ-которымъ врачамъ оно внушило надежду на выздоровленіе. Боли и тошнота какъ будто стали меньше. Температура была все время нормальная. Ожидали, что вечеръ 4-го сентября опредѣлитъ положеніе.

Но воскресенье 4-го сентября отняло у всѣхъ всякую надежду на выздоровленіе. Для врачей съ утра уже было ясно, что министръ умираетъ. Но публика еще не знала объ этомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали дневнаго бюллетеня и, когда онъ появился, стали расхватывать его у газетчиковъ. Содержаніе его было печальное.

Ночью въ состояніи здоровья раненаго П. А. Столыпина наступило ухудшеніе. Появились признаки мѣстнаго воспаленія брюшины въ зависимости отъ кровоизліянія подъ грудобрюшной преградой. Температура въ 6 час. утра—36,6. Пульсъ 80. Дыханіе 26—28. Въ 8 ч. утра температура—37, пульсъ—104, дыханіе 24—26. Въ 10 час. утра сдѣлана перевязка. Рана найдена въ хорошемъ состояніи. Пуля извлечена, причемъ врачи прибѣгли къ мѣстному обезболиванію. Раненый перенесъ операцію удовлетворительно.

Всѣ обратили вниманіе на то, что пулю, которую сначала было рѣшено не вынимать, теперь послѣшнo вынули. Значить, существуетъ опасность. Вечеромъ наступило рѣзкое ухудшеніе: при пониженной температурѣ пульсъ 140. Ухудшеніе вызвано, какъ полагали, внутреннимъ кровоизліяніемъ. Послѣ покушенія раненіе сопровождалось незначительнымъ кровоизліяніемъ. Теперь, думали, кровь вмѣсто выхода наружу скопилась между печенью и діафрагмою. Въ такихъ случаяхъ спасеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если сердце хорошо работаетъ. Но сердце у П. А. Столыпина оказалось слабое: онъ былъ малокровенъ. Скопившаяся кровь стала поэтому разлагаться...

Далѣе приходили вѣсти одна другой печальнѣе. Говорили объ ослабленіи дѣятельности сердца. На биржѣ 5-го сентября мнѣ передали, что у больного началась гангрена. Толпа около лечебницы вырастала и жадно ловила всѣ слухи. Съ пяти часовъ вечера 5-го сентября въ публикѣ уже создалась увѣренность, что министр умираетъ. Хотя, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, толпа была на границѣ между тѣмъ, чтобы повѣрить и не повѣрить этому. Помню, часовъ въ 6 вечера, когда уже не оставалось надежды, кто-то пустилъ слухъ:

— Сейчасъ больной попросилъ бульону и много его съѣлъ...

Всѣ сразу повѣрили этому.

— Славу Богу,—говорили нѣкоторые:—а насъ пугали смертью.

Но такой самообманъ продолжался недолго. Скоро изъ лечебницы вышелъ докторъ Аѳанасьевъ и сказалъ:

— Агонія. Послѣднія минуты...

За нимъ проѣхалъ генераль-губернаторъ **Ө. Ө. Треповъ** и передалъ:

— Агонія. Врядъ ли переживетъ ночь.

Около 8 часовъ вечера вдругъ распространился слухъ: «Министръ уже умеръ, но это скрываютъ отъ насъ». Кто-то замѣтилъ на это:

— Но какой смыслъ скрывать?

— Мало ли что...

Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что есть какой-то смыслъ скрыть смерть П. А. Столыпина.

Въ 8 часовъ вечера изъ лечебницы вышелъ кievскій городской голова Н. Н. Дьяковъ и передалъ:

— Сердце перестаетъ работать, но... быть можетъ, при помощи камфары и удастся возстановить его дѣятельность.

Какъ ни странно, но это нерадостное «быть можетъ» тоже вселило въ толпу надежду.

Потомъ былъ долгій томительный перерывъ, когда не было никакихъ извѣстій изъ лечебницы. Помню, часовъ въ 9, когда еще министръ былъ живъ, какая-то дама въ черномъ, долго стоявшая въ толпѣ, вдругъ начала громко рыдать:

— Онъ умеръ,—говорила она:—а я такъ вѣрила, что онъ будетъ жить.

Ее увели.

Въ 10 часовъ вечера, когда на постели лежалъ уже трупъ министра, толпа еще не знала о смерти, но уже стала догадываться.

— Смотрите,—сказалъ кто-то:—вонъ прошли домой священникъ съ причетникомъ... значить...

— А вонъ сестры милосердія пошли домой съ вещами... больше, значить, дѣлать тамъ нечего.

Стали часто подъѣзжать фаэтоны и привозить разныхъ сановниковъ. Это также бросилось въ глаза и сочтено было за знакъ смерти. Наконецъ одно обстоятельство окончательно увѣрило всѣхъ, что министра не стало: къ канату подъѣхалъ кто-то на автомобилѣ, поговорилъ съ стоявшимъ тамъ полицейскимъ чиновникомъ, тотъ приказалъ спустить канатъ, и автомобиль, тяжело сопя и громыхая, подъѣхалъ къ самому крыльцу. Всѣмъ стало ясно, что соблюдать тишину уже незачѣмъ. Минуть черезъ пять бородастый околоточный, сдерживавшій толпу, объявилъ:

— Минуть двадцать какъ скончался.

Многіе перекрестились. Толпа стала рѣдѣть.

Министръ умеръ 5-го сентября, въ 9 часовъ 53 минуты вечера на рукахъ жены, отъ него не отходившей. Его глаза остановились на ней и такъ замерли. Подошелъ врачъ и закрылъ ихъ. О послѣднихъ минутахъ мнѣ рассказывалъ братъ покойнаго, извѣстный журналистъ А. А. Столыпинъ:

— Когда началось умираніе,—сказалъ онъ:—ему давали морфій, чтобы затемнить сознаніе. Но замѣчательно—сознаніе было и не уничтожалось. Между тѣмъ дозы были большія. Среди мукъ онъ бредилъ. У него въ мозгу запечатлѣлась какая-то бумага, которую надо подписать, которую подписывать ему не хотѣлось, или было тяжело подписывать. Онъ говорилъ: «Нуужели надо подписать?.. Ну, хорошо, подпишу»... Потомъ онъ сказалъ: «Перо». Ему подали ручку безъ пера. Онъ сказалъ: «Кто же даетъ ручку безъ пера?»... Тогда дали ему ручку съ перомъ, и онъ подписалъ

на стѣнѣ¹⁾ свою фамилію. Передъ смертью онъ сказалъ вдругъ: «Зажгите всѣ огни... свѣта... свѣта... Поднимите меня выше... выше...»—и замолкъ.

Въ виду того, что признаки разложенія начали быстро развиваться, прокурорскій надзоръ и судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ нашли нужнымъ произвести вскрытіе тѣла покойнаго въ ночь смерти.

Вотъ выдержка изъ протокола вскрытія:

«Найдено: животь сильно вздутъ, напряженъ. Легкія всюду проходимы для воздуха, очень блѣдны, почти безъ крови. Сердце въ полтора раза больше противъ нормы, сильно обложено жиромъ; мышечныя стѣнки, особенно лѣваго желудочка, утолщены, блѣдны, съ желтоватою пятнистостью; вѣнечные сосуды сердца склерозированы. На брюшной поверхности кишекъ, особенно толстыхъ, свѣжія небольшія фибриновые отложения. Почки сильно обложены жиромъ, очень велики; вещество ихъ очень блѣдно, безъ кровно; вокругъ почечныхъ лоханокъ сильное отложение жира. Селезенка увеличена. Печень сильно увеличена; вещество ея блѣдное, малокровное. Пулевой каналъ черезъ всѣ стѣнки вещества. Стѣнки канала разможены... Всѣ измѣненія указываютъ, что огнестрѣльное раненіе было безусловно смертельнымъ, а обнаруженныя при вскрытіи измѣненія болѣзненнаго характера органовъ могли лишь только ускорить смертельный исходъ».

Докторъ И. С. Маковскій говорилъ мнѣ:

— Вскрытіе блестяще подтвердило нашъ діагнозъ, поэтому совѣсть наша спокойна. Оказалось, что П. А. Столыпинъ и безъ пораненій былъ бы недолговѣченъ. У него былъ порокъ сердца, перерожденная печень и склерозъ почек...

Покойный передъ смертью завѣщалъ своей супругѣ похоронить его въ Кіевѣ. 6-го сентября, въ два часа дня его прахъ былъ торжественно перенесенъ въ лавру и поставленъ въ трапезную церковь. Мѣсто для склепа было отведено, согласно высочайшаго разрѣшенія, рядомъ съ могилой Кочубея и Искры. Тамъ министръ и былъ похороненъ 9-го сентября. Могила его утопала въ безчисленныхъ вѣнкахъ

IV.

Когда стало извѣстно, что Богровъ былъ сотрудникомъ охраны и прошелъ въ театръ по билету охраннаго отдѣленія, кіевское общество было страшно возмущено. На другой день послѣ покушенія

¹⁾ Видимо, подписалъ въ воздухѣ, такъ какъ на обѣихъ сторонахъ отъ умирающаго не было стѣнъ, къ стѣнѣ онъ лежалъ головой.

начальнику охраннаго отдѣленія Кулябку, распорядившемуся при проѣздѣ Государя, крикнули изъ толпы:

— Долой провокаторовъ!

Кричали правые, которые, помимо прочихъ соображеній, не могли простить ему, что онъ пользовался услугами еврея. Г. Кулябка понялъ, что ему небезопасно появляться на улицѣ. Онъ пересталъ выходить изъ дома, подалъ рапортъ о болѣзни и передалъ отдѣленіе своему помощнику Самохвалову.

Въ газетахъ и въ обществѣ появились слухи одинъ чудовищнѣе другого. Имя Богрова было неразрывно связано съ именемъ Кулябка. Говорили все, что только можно говорить въ случаяхъ, въ которыхъ трудно разобраться. Самъ раненый министръ объ убійцѣ сказалъ только такую фразу:

— Какой онъ былъ блѣдный, когда подбѣгалъ ко мнѣ. Онъ, несомнѣнно, думалъ, что совершаетъ геройскій поступокъ.

А. А. Столыпинъ объяснялъ убійство такъ. На вопросъ, зналъ ли покойный о томъ, что на него готовится покушеніе въ театрѣ, а что для его охраны посланъ Богровъ, Александръ Аркадьевичъ отвѣтилъ:

— Не зналъ, никто не сказалъ объ этомъ ни ему, ни его адъютанту. Да и не могъ сказать, такъ какъ слетѣлъ бы съ мѣста. Вѣдь министръ категорически запретилъ назначать «сотрудниковъ» для охраны. «Сотрудниковъ» дозволялъ употреблять только для раскрытія плановъ революціонеровъ. А Богровъ былъ сотрудникомъ.

— Кто же зналъ о томъ, что онъ назначенъ для охраны?

— Знали о Богровѣ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ, Веригинъ и начальникъ охраннаго отдѣленія Кулябка. Курловъ не только зналъ объ этомъ, но Богровъ былъ посланъ для охраны съ его вѣдома. Это былъ сговоръ трехъ лицъ, циническое издѣвательство надъ министромъ...

Родственникъ покойнаго сенаторъ Нейдгартъ сказалъ, когда зашла рѣчь о вскрытіи тѣла:

— Что тутъ вскрывать? Его поразила охранная пуля.

Многіе думали даже болѣе опредѣленнѣе: Богровъ игрушка въ рукахъ людей охраны, которымъ нужно было покушеніе для своихъ цѣлей... Но, вѣроятно, все это являлось плодомъ раздраженія, результатомъ минуты. Болѣе правдоподобно, что провокаторъ-охранникъ Богровъ попалъ въ руки революціонеровъ. Они изблнчили его въ провокаціи и потребовали реабилитаціи, иначе же грозили смертью. Конечно, тутъ возможно такое разсужденіе: «Богрову невозможно было надѣяться на спасеніе отъ петли, если онъ убьетъ министра, и, наоборотъ, онъ могъ такъ же легко скрыться отъ пули революціонеровъ, какъ скрылся Азефъ». Но, во-первыхъ, какъ видно, Богровъ послѣ убійства надѣялся избѣжать петли, онъ думалъ, что будетъ отданъ суду судебной палаты, а, во-вторыхъ, когда человѣкъ

запутается въ такой двойной страшной игрѣ, тутъ трудно отъ него ждать какой-нибудь логики. Богровъ шель уже съ закрытыми глазами. То, что онъ былъ именно охранникъ, а не революціонеръ, ярко говорить его «плодовитая» охранная дѣятельность. Человѣкъ нѣсколько лѣтъ только и дѣлалъ, что отправлялъ своихъ товарищей на каторгу и подводилъ къ висѣлицѣ. Передаютъ, что повѣшено пять человѣкъ изъ выданныхъ Богровымъ. Революціонеръ не исполнилъ бы «работы» такъ «чисто», какъ это дѣлалъ Богровъ.

Но вернемся къ кievской дѣйствительности. О подполковникѣ Кулябкѣ писали, что онъ вооружилъ Богрова казеннымъ револьверомъ. Въ кievскихъ газетахъ я читалъ, что Кулябко внезапно исчезъ, что онъ сошелъ съ ума и даже застрѣлился. Но оказалось, что все это хотя и говорило о настроеніи кievлянъ, но не было похоже на правду. Кулябко окружилъ охранное отдѣленіе конными и пѣшими жандармами на случай нападеній правыхъ и просто отсиживался. 8-го сентября я обратился къ нему по телефону съ слѣдующей просьбой:

— Не будете ли вы любезны, въ виду разнорѣчивыхъ слуховъ о васъ и вашей роли въ дѣлѣ покушенія, описать мнѣ подробно, какъ было дѣло?

Онъ отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, я не имѣю права отъ своего лица выступать въ печати...

Все-таки мнѣ дали возможность познакомиться съ позиціей охраннаго отдѣленія въ богровскомъ дѣлѣ. Я явился вечеромъ въ охранку, былъ во избѣжаніе «недоразумѣній» обысканъ, и затѣмъ выслушалъ такой рассказъ.

Дмитрій Богровъ состоялъ съ 1906 года (онъ былъ въ то время студентомъ второго курса) «секретнымъ сотрудникомъ» кievскаго охраннаго отдѣленія. Работалъ онъ чудно. Онъ шель по «анархистамъ». Благодаря ему, въ Кіевѣ не было партійной революціонной дѣятельности, а были лишь единичныя выступленія. Активной работы Богровъ не несъ: онъ былъ теоретикъ, т. е. его дѣятельность состояла въ доносахъ. Онъ былъ замѣчательно точенъ въ своихъ доносеніяхъ. Черезъ него шла вся переписка изъ тюрьмы. Не было ни одного его свѣдѣнія, которое бы не подтвердилось. Исключительно благодаря ему, разгромлены партіи анархистовъ-индивидуалистовъ, южныхъ интернаціональных анархистовъ, выданы полиціи такія звѣзды анархизма, какъ Таратура, разгромлена группа максималистовъ въ Кіевѣ, Воронежѣ и Борисоглѣбскѣ. Благодаря Богрову, найдены у нихъ лабораторіи бомбъ и снаряды. Богровъ широко пользовался своими громадными связями и знакомствами среди интеллигенціи. Благодаря ему, многіе теперь отбываютъ каторгу; нѣкоторые кончили жизнь на висѣлицѣ.

Работалъ Богровъ въ Кіевѣ до половины 1910 года. По окончаніи университета онъ уѣхалъ въ Петербургъ, и кіевское охранное отдѣленіе не видало и не слыхало о немъ ничего до 26-го августа 1911 года. Въ этотъ день онъ явился къ подполковнику Кулябко и сообщилъ, что имѣеть свѣдѣнія относительно готовящагося совершиться террористическаго акта и желаетъ передать эти свѣдѣнія подполковнику Кулябку, какъ своему бывшему начальнику.

Богровъ рассказалъ Кулябку слѣдующее.

Лѣтомъ 1910 года изъ Парижа въ Петербургъ пріѣхала дама. Она привезла партійную революціонную переписку и деньги для передачи какому-то неизвѣстному Богрову лицу черезъ Кальмановича и Егора Егоровича Лазарева. Видѣться лично съ Лазаревымъ дама не могла, такъ какъ его не было тогда въ Петербургѣ. Поэтому Кальмановичъ просилъ Богрова быть вмѣсто Лазарева посредникомъ. Богровъ завязалъ знакомство съ неизвѣстнымъ, который назывался «Николаевымъ Яковлевичемъ». Они разговорились. «Николай Яковлевичъ» выяснялъ убѣжденія Богрова, собиралъ о немъ справки. Видимо, «Николай Яковлевичъ» остался при убѣжденіи, что Богровъ революціонеръ. Потомъ они разстались. Богровъ уѣхалъ на дачу въ Потоки, близъ Кременчуга, и тамъ въ концѣ іюня получилъ отъ «Николая Яковлевича» письмо, въ которомъ тотъ спрашивалъ Богрова, не измѣнилъ ли онъ своихъ революціонныхъ убѣжденій. Богровъ отвѣтилъ, что не измѣнилъ. Въ концѣ іюля «Николай Яковлевичъ» пріѣхалъ въ Потоки и сказалъ: «У насъ есть дѣло. Въ Кіевѣ намъ нужна безопасная квартира». Богровъ обѣщаль помочь въ отысканіи квартиры. «Николай Яковлевичъ» просилъ достать моторную лодку чтобы на ней пріѣхать въ Кіевъ, такъ какъ съ поѣздамъ и на пароходѣ ѣхать теперь, въ виду сильной охраны передъ пріѣздомъ Государя въ Кіевъ небезопасно. Богровъ отвѣтилъ: «Моторная лодка дорога...»—«Николай Яковлевичъ» возразилъ: «Пустяки, деньги есть».

Все это Богровъ подробно рассказалъ подполковнику Кулябку и просилъ указаній, что дѣлать. Кулябко сказалъ:

— Ни квартиры, ни лодки имъ не давайте. Какъ-нибудь отвертитесь отъ нихъ, сворите.

Богровъ объяснилъ Кулябку, что, какъ онъ понялъ изъ словъ «Николая Яковлевича», идетъ рѣчь о покушеніи на П. А. Столышнина и министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо.

— Кулябко, — продолжалъ мой собесѣдникъ, — доложилъ объ этомъ сообщеніи начальству. Онъ докладывалъ письменно о готовящемся покушеніи товарищу министра внутреннихъ дѣлъ П. Г. Курлову и устно — кіевскому генераль-губернатору Ѳ. Ѳ. Трепову и дворцовому коменданту. Знали объ этомъ также П. А. Столышнинъ, его адъютантъ Есауловъ и всѣ другіе. Ѳ. Ѳ. Треповъ на этомъ основаніи просилъ П. А. Столышнина сидѣть дома и не выѣзжать.

До 31-го августа Кулябко не видалъ Богрова. Утромъ въ этотъ день Богровъ по телефону сообщилъ ему, что «Николай Яковлевичъ» прїѣхалъ въ Кіевъ и остановился у него. Тогда Кулябко доложилъ объ этомъ начальнику всей охраны полковнику Спиридовичу и вице-директору департамента полиціи Веригину. Они позвали къ себѣ Богрова, и тотъ имъ разсказалъ все, что разсказывалъ подполковнику Кулябку. Тогда Богрову даны были указанія не принимать никакого активнаго участія. П. Г. Курловъ о готовящемся покушеніи докладывалъ П. А. Столыпину, Веригинъ—министру Л. А. Кассо. Тогда же были заведены для обоихъ министровъ автомобили, и въ помѣщеніи генераль-губернаторскаго дома, гдѣ жилъ П. А. Столыпинъ, была поставлена явная охрана, хотя такой охраны П. А. Столыпинъ не любилъ. Приказано было также никого изъ неизвѣстныхъ охранѣ лицъ не пускать въ домъ.

Богровъ сообщилъ 31-го августа, что у «Николая Яковлевича» два револьвера, а у прїѣхавшей съ нимъ дѣвицы «Нины Александровны» бомба. Этой дѣвицы онъ не видѣлъ, но она, по словамъ Богрова, скрывалась въ Кіевѣ. «Николай Яковлевичъ» потребовалъ у Богрова, чтобы онъ изучилъ примѣты П. А. Столыпина, разузналъ, кто его охраняетъ и какъ можно къ нему подойти. «Николай Яковлевичъ» потребовалъ, чтобы для этой цѣли Богровъ пошелъ въ садъ купческаго собранія, гдѣ долженъ былъ присутствовать П. А. Столыпинъ. Богровъ говорилъ Кулябку, что у него дилемма: или итти въ купческій садъ, или порвать связь съ террористами. «Сказать, что пойду, но не пойти — значитъ родить подозрѣніе, такъ какъ они, несомнѣнно, установили за мной перекрестную слѣжку». Тогда Кулябко далъ Богрову билетъ въ садъ купческаго собранія.

Послѣ Богровъ разсказалъ Кулябку, что примѣты П. А. Столыпина онъ имъ не сообщилъ, сославшись на массу народа и тѣсноту, мѣшавшія ему подойти къ премьеръ-министру. Тогда революціонеры сказали ему, чтобы онъ изучилъ эти примѣты въ театрѣ. «Мнѣ, значитъ,—говорилъ Богровъ,—нуженъ билетъ въ театръ, ибо и въ театрѣ за мною будетъ установлена перекрестная слѣжка».

Кулябко былъ увѣренъ, что террористы могутъ имѣть связи въ кіевскомъ обществѣ и пройти въ театръ, получивъ билетъ черезъ городское управленіе. Поэтому онъ спросилъ Богрова, какъ онъ объяснить имъ полученіе билета въ театръ. Богровъ отвѣтилъ: «Я сказалъ «Николаю Яковлевичу», что у меня есть любовница Регина, женщина, принадлежащая къ высшему кіевскому обществу, и что черезъ ея посредство я и достану билетъ». У Кулябка не возникло и вопроса объ опасности, такъ какъ онъ не могъ не повѣрить Богрову, работавшему у него три года. Передъ нимъ стоялъ другой вопросъ: провалится Богровъ въ глазахъ революціонеровъ, или нѣтъ? Кулябко хотѣлось захватить всѣхъ заговорщиковъ поближе къ совершенію террористическаго акта и не упустить

ихъ. Онъ обѣщаль Богрову дать билетъ въ театръ и послать ему билетъ въ семь часовъ вечера.

Передъ самымъ спектаклемъ Кулябко спросилъ Богрова по телефону: не перерѣшили ли они?—Богровъ отвѣтилъ: «Нѣтъ».

Богровъ, по словамъ моего собесѣдника, былъ допущенъ въ театръ не для охраны П. А. Столыпина, а въ цѣляхъ провокаціи и захвата террористовъ. Кулябко не слыхалъ отъ Богрова, что въ театрѣ будетъ произведено самое покушеніе. Богровъ передалъ ему, что въ театрѣ будетъ произведено только изученіе примѣтъ П. А. Столыпина и условій охраны.

Когда Богровъ пришелъ въ театръ, Кулябко отозвалъ его въ сторону и сказалъ:

— Меня волнуетъ вопросъ, не удралъ бы «Николай Яковлевичъ» въ ваше отсутствіе. Съѣздите домой, посмотрите, тамъ ли онъ. Скажите, что вы забыли дома перчатки.

За домомъ Богрова, гдѣ сидѣлъ Николай Яковлевичъ, хотя и былъ установленъ тайный надзоръ, но внѣшній, снаружи, а такъ какъ «Николай Яковлевичъ» не выходилъ, то никто изъ слѣдящихъ за домомъ не видалъ его.

Богровъ поѣхалъ во время перваго антракта домой и, вернувшись, сказалъ, что «Николай Яковлевичъ» сидитъ и ужинаетъ. Богровъ прибавилъ, что онъ самъ не заходилъ къ себѣ на квартиру, а спросилъ у швейцара о томъ, что дѣлается наверху.

Когда кончилось второе дѣйствіе, Кулябко опять отозвалъ Богрова въ сторону и сказалъ: «Боюсь, что мы проворонимъ «Николая Яковлевича». Поѣзжайте домой и держите его при себѣ. Не отпускайте ни на шагъ».

Богровъ пошелъ къ вѣшалкѣ одѣваться. Кулябко пропустилъ его впередъ, потомъ подошелъ къ П. Г. Курлову, искавшему его.

— Нужно замѣтить,—говоритъ мой собесѣдникъ,—что П. А. Столыпинъ зналъ обо всемъ этомъ подробно. Онъ пріѣхалъ въ театръ къ общему подъѣзду въ цѣляхъ конспираціи и, когда вошелъ, спросилъ Кулябка: Нѣтъ ли чего у васъ новаго?... Кулябко отвѣтилъ П. А. Столыпину: «Нѣтъ, пока сидитъ дома».

Послѣ втораго дѣйствія П. А. Столыпинъ просилъ П. Г. Курлова спросить у Кулябка, «какъ обстоитъ дѣло».

П. Г. Курловъ и Н. Н. Кулябко зашли въ телефонную комнату и стали разговаривать. Въ это время послышались выстрѣлы и шумъ. П. Г. Курловъ сказалъ: «Театръ рухнулъ».

Подбѣжавъ къ правому выходу изъ зала, они увидели лежавшаго на полу избитаго Богрова.

Кулябко послѣ этого не видалъ больше Богрова. Онъ просилъ въ эту ночь судебныхъ властей дозволить ему допросить Богрова, такъ какъ былъ увѣренъ, что тотъ выдастъ ему соучастниковъ, но ему не позволили.

Богровъ на допросѣ заявилъ судебнымъ властямъ, что онъ выдумалъ всю эту исторію съ «Николаемъ Яковлевичемъ». Несмотря на все это, подполковникъ Кулябко до сихъ поръ считаетъ, что все рассказанное ему Богровымъ была правда.

Покушеніе Богрова на убійство П. А. Столыпина, повидимому, имѣетъ связь со случаемъ, происшедшимъ 26-го августа 1911 года.

Еще 23-го августа подполковнику Кулябку донесли, что въ Кіевѣ, по Караваевской улицѣ, въ домѣ № 7, проживаетъ нелегальный. Онъ хочетъ переправиться за границу: если его арестовать, то ему не миновать каторги. Кулябко установилъ за этимъ домомъ наблюдение, и 26-го августа арестовалъ это лицо. Когда послѣдняго привели въ приемную охраннаго отдѣленія, то онъ тотчасъ же выхватилъ револьверъ и пустилъ себѣ пулю въ високъ. Его звали Александромъ Юдинымъ. Арестована и находится теперь въ заключеніи его замужняя сестра, Марія Муравьева.

Кулябко думаетъ, что объ арестѣ Юдина знали Богровъ. Юдинъ, по мнѣнію Кулябка, былъ однимъ изъ членовъ группы террористовъ, подготовлявшихъ покушеніе на П. А. Столыпина. Террористы могли заподозрѣть Богрова въ провокаціи, предложить ему дилемму: «Или убей Столыпина, или мы убьемъ тебя».

Я спросилъ, гдѣ былъ адъютантъ П. А. Столыпина въ моментъ покушенія. Мой собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Въ коридорѣ. Онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ въ это время.

Кулябко, заявилъ мой собесѣдникъ, никуда не исчезалъ, не покушался на свою жизнь, такъ какъ считаетъ себя чистымъ. Онъ говоритъ, что преступленія не совершилъ, оставался на почвѣ министерскихъ циркуляровъ. Его можно обвинять въ оплошности, но нужно принять во вниманіе, что, во-первыхъ, онъ не могъ не вѣрить Богрову; во-вторыхъ, онъ страшно нервно былъ напряженъ, готовился къ пріѣзду Государя, не спалъ ночей, не раздѣвался даже ночью; въ-третьихъ, наконецъ, обо всемъ докладывалъ вышему начальству. Сейчасъ онъ устранился отъ дѣлъ охраны, подавъ рапортъ о болѣзни. Какъ только кончится судъ, Кулябко подастъ въ отставку, такъ какъ противъ него вооружены общество и, главное, правые, которые были всегда за него горой.

Послѣ покушенія на П. А. Столыпина былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Богрова. «Николая Яковлевича», о которомъ выше шла рѣчь, тамъ не нашли. Арестовали лишь швейцара и тетку Дмитрія Богрова. Прислуга показала, что какой-то господинъ заходилъ къ Богрову въ день покушенія.

На вопросъ, чѣмъ объяснить, что Богровъ служилъ въ охранномъ отдѣленіи, мой собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Богровъ не былъ революціонеромъ. Онъ осмѣивалъ революціонеровъ, ненавидѣлъ ихъ. Но онъ матеріально нуждался, такъ какъ отецъ его скупо. Богровъ получалъ у насъ въ охранѣ 100—

200 рублей въ мѣсяцъ. Онъ былъ большой трусъ и особенно боялся, какъ бы его кievскіе знакомые и пріятели не узнали, что онъ провокаторъ. Эта мысль сильно тревожила его.

Слѣдствіе разбереть, гдѣ здѣсь «ложь во спасеніе» и гдѣ правда. Сидя въ охранномъ отдѣленіи, я былъ свидѣтелемъ, какъ пришелъ кто-то изъ Косого капонира и позвалъ г. Кулябка «завтра на судъ надъ Богровымъ».

Богрова, какъ извѣстно, судили 9-го сентября, сейчасъ же, какъ только опустили прахъ П. А. Столыпина въ могилу. Присудили къ смертной казни черезъ повѣшеніе и въ ночь на 11-е сентября привели приговоръ въ исполненіе на Лысой горѣ.

V.

Ожиданіе погрома было настолько интенсивно, особенно въ первые дни послѣ покушенія, что на тревогу въ населеніи обратили вниманіе власти. 3-го сентября одна изъ кievскихъ газетъ отъ имени исполняющаго обязанности предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова объявила кievскому населенію, что властью приняты всѣ мѣры къ недопущенію какихъ бы то ни было безпорядковъ. Послѣ оказалось, что В. Н. Коковцовъ ни съ однимъ сотрудникомъ этой газеты не бесѣдовалъ по этому поводу и никого не уполномочивалъ что-либо объявлять. Заявленіе это все-таки произвело впечатлѣніе и немного успокоило евреевъ, хотя и не остановило ихъ бѣгства. Евреи попрежнему уѣзжали, хотя и не такими массами, какъ 2-го и 3-го сентября. Уѣхало уже около 12 тысячъ человѣкъ, конечно, богатыхъ людей, бѣдность оставалась въ Кіевѣ. Ломбарды были завалены вещами евреевъ, которые закладывали дорогія вещи за безцѣнокъ, лишь бы обезопасить ихъ отъ грабежа. На Подолѣ тѣ евреи, которымъ надо было въ эти дни платить аренду за лавки, отказывались отъ уплаты. «Подождите, — говорили они, — можетъ быть, насъ разорять». Торговцы-евреи, имѣющіе дѣло съ Лодзью, просили лодзинскихъ фабрикантовъ не отправлять имъ товаровъ въ Кіевъ. Какъ и въ первые дни, уплата по векселямъ шла туго. Поэтому банки предписали нотариусамъ не протестовать срочныхъ векселей до 9-го сентября.

Казаки разбѣжали по Подолу и прекращали всякія попятки къ манифестаціи. Монархисты собрались было на Владимирской горкѣ, но были разсѣяны. Они открыто объявляли, что погромъ начнется 12-го сентября. 5-го сентября, въ воскресенье, послѣ освященія памятника св. Ольги они опять собрались на Софійской площади и съ пѣніемъ «Спаси, Господи», направились къ зданію городской думы. Здѣсь они пытались говорить рѣчи, но были снова разсѣяны. Безъ всякихъ результатовъ осталась и зажигательная статья нѣкоего г. Глобачева, напечатанная въ «Двуглавогъ Орлѣ» и заканчивающаяся словами: «Бей тревогу, черносотенецъ».

Особенное впечатлѣніе произвелъ слѣдующій фактъ. Кіевскій полицеймейстеръ полковникъ Скалонъ призвалъ къ себѣ вожаковъ монархическихъ организацій и твердо заявилъ имъ, что никакихъ эксцессовъ онъ не допуститъ. Монархисты пробовали было возражать, что они не могутъ сдержатъ гнѣвъ народа, но полицеймейстеръ вновь заявилъ, что не допуститъ погрома. Немного спустя въ помѣщеніи службы сборовъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ арестованъ счетоводъ Николай Галкинъ, состоящій председателемъ монархической организаціи «Двуглавый Орелъ». Арестъ Галкина находился въ связи съ погромной агитаціей. Также былъ арестованъ береговой босякъ, возбуждавшій рабочихъ къ устройству погрома.

Съ своей стороны, губернаторъ А. Ф. Гирсъ пригласилъ населеніе къ строгому охраненію порядка.

Но особенно сильное вліяніе на успокоеніе произвело объявленіе генераль-губернатора Ѳ. Ѳ. Трепова, въ которомъ онъ сообщилъ:

«Государь, отъѣзжая изъ Кіева, повелѣлъ мнѣ объявить населенію города и всего Юго-Западнаго края непреклонную свою волю. Его Величество воспрещаетъ толпѣ, обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ проявленіе своеволія, могущаго вызвать безпорядокъ, дабы пребываніе его въ древнемъ Кіевѣ, на берегахъ днѣпровскихъ и на Волыни не было вновь ничѣмъ омрачено. Державная воля Государя для всѣхъ священна... Питаю увѣренность, что никто не дерзнетъ нарушить порядокъ въ предѣлахъ края, осчастливленнаго пребываніемъ возлюбленнаго Самодержца».

Кромѣ того, Ѳ. Ѳ. Треповъ, пригласивъ къ себѣ представителей кіевскихъ правыхъ организацій, категорически заявилъ имъ, что не допуститъ никакихъ безпорядковъ.

Все это подѣйствовало на вожаковъ монархическихъ организацій. Въ экстренномъ засѣданіи городской думы лидеръ правыхъ, гласный В. Г. Іозефи, заявилъ: «Мы должны сдѣлать все, чтобы внести успокоеніе. Мы должны подчеркнуть, что этотъ способъ (погромъ) считаемъ противорѣчащимъ совѣсти и здравому смыслу. Я счелъ нужнымъ поднять этотъ вопросъ именно какъ представитель правой группы, такъ какъ молва связываетъ эти слухи съ правыми организаціями. Я заявляю, что на собраніи правыхъ организацій было твердо рѣшено не допускать какихъ бы то ни было манифестацій, чтобы не дать этимъ поводъ для насильственныхъ выступленій. Покойный министръ являлся борцомъ за законность и порядокъ, и незаконное выступленіе будетъ кощунствомъ надъ памятью Столышина».

Председатель кіевского отдѣла союза русскаго народа Постный обратился къ десятникамъ и сотникамъ дружины союза съ предписаніемъ принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы не были допущены нападенія на евреевъ, и предупреждать таковыя всѣми

возможным мѣрами, дабы имя «союза русскаго народа» не было запятнано. Кроме того, Постный просилъ дружинниковъ въ виду крайне тревожнаго времени быть какъ можно корректнѣе, выполнять всѣ требованія полиціи и не вступать съ нею въ пререканія.

Послѣ этого разные отдѣлы и подотдѣлы «союзовъ» стали присылать въ редакціи газетъ заявленія, что они далеки отъ нарушеній порядка.

Спокойствіе все-таки не сразу возстановилось. Виною этому были хулиганы, которые ходили вечеромъ и даже днемъ и избивали евреевъ. Такъ, послѣ панихиды по П. А. Столыпинѣ въ Владимирскомъ соборѣ толпа челоуѣкъ въ 20 камень ранила въ голову студента-еврея. Эта же толпа, когда шла по Александровской улицѣ, набросилась на еврея-приказчика Островскаго. Кто-то изъ толпы распоролъ ему ножомъ животъ. Приказчикъ умеръ въ больницѣ. Около 10 часовъ вечера 6-го сентября на людной Большой Владимирской улицѣ, близъ редакціи газеты «Кіевская Мысль», толпа неизвѣстныхъ напала на интеллигентнаго еврея и, панеся ему тупымъ орудіемъ тяжелую рану въ голову, разбѣжалась. Были и другіе случаи нападеній, но они скоро прекратились.

Похороны министра прошли въ строгомъ порядкѣ. Послѣ похоронъ въ ближайшее время также не было попытокъ къ погромамъ. Уѣхавшіе евреи вернулись въ Кіевъ. Жизнь вошла въ свою колею.

А. С. Панкратовъ.

МЯТЕЖЪ НА ЗАПАДНОМЪ КАВКАЗЪ.

(Картинки кавказской революціи).

I.

Гурійская республика.

ЕВОЛЮЦІОННОЕ движеніе, охватившее Кавказскій край въ 1905 году, особенно рѣзко проявилось на Западномъ Кавказѣ. Почти въ каждомъ населенномъ пунктѣ Кутанской губерніи (въ составъ которой входятъ бывшія Гурія, Имеретія и Мингрелія) образовались особые революціонные комитеты, поставившіе цѣлью своей дѣятельности насильственное ниспроверженіе существующаго въ Россійской имперіи образа правленія и общественнаго строя, освобожденіе отъ русскаго владычества и учрежденіе демократической республики.

Революціонные агитаторы открыто призывали населеніе не платить никакихъ податей, не являться къ отбыванію воинской повинности, бойкотировать назначенныхъ правительствомъ должностныхъ лицъ, запасаться оружіемъ и быть ежеминутно готовымъ къ вооруженному возстанію. Агитація сразу же встрѣтила громадное сочувствіе въ населеніи, безъ колебанія перешедшемъ на сторону революціи. Организовавъ склады оружія и боевыхъ припасовъ путемъ выписки ихъ въ крупныхъ размѣрахъ изъ-за границы и отобранія у «реакціонеровъ», а также имѣя въ своемъ распоряженіи большіе запасы разрывныхъ снарядовъ,

члены революціонныхъ организацій нападали на сельскія и городскія учрежденія, уничтожали въ нихъ дѣлопроизводство, смѣщали должностныхъ лицъ, чинили судъ и расправу надъ населеніемъ, причѣмъ неподчиненіе рѣшеніямъ революціоннаго трибунала влекло за собою для ослушниковъ въ качествѣ обыкновенной мѣры убійство, — организовывали и поддерживали всевозможныя забастовки, требовали у населенія денежныхъ взносовъ на революціонныя дѣла, мстя смертью не подчиняющимся этимъ требованіямъ, производили вооруженныя нападенія на казначейства и желѣзнодорожныя поѣзда, въ которыхъ перевозилась денежная почта, съ цѣлью похищенія бывшихъ тамъ денегъ, нападали на команды полицейской стражи и посты воинскихъ частей, обезоруживъ однажды и взявъ въ плѣнъ двѣ роты Тенгинскаго полка.

Всѣ многочисленныя проявленія дѣятельности революціонныхъ организацій сопровождались убійствами, временами отчаянно смѣлыми; разумѣется, зачастую отправлялись на тотъ свѣтъ ни въ чемъ не повинные люди. Независимо отъ этого, революціонеры, опьяненные своими блестящими успѣхами, безнаказанно убивали нежелательныхъ имъ должностныхъ лицъ, «слугъ ненавистнаго русскаго правительства», да и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не только дѣйствіемъ, но даже словомъ или намекомъ выражалъ свое несочувствіе дѣлу революціи. Вліяніе разнообразныхъ революціонныхъ выступленій на мѣстное населеніе было неотразимо. Дикая, косная, кровожадная масса захлебывалась человѣческой кровью и сдѣлалась мало-по-малу хозяиномъ положенія. Только по прибытіи такъ называемыхъ карательныхъ отрядовъ разгорѣвшійся мятежъ началъ итти на пониженіе; но съ приходомъ войскъ дѣятельность революціонныхъ комитетовъ не прекратилась, а приняла скрытый характеръ, причѣмъ особенную услугу революціонерамъ въ дѣлѣ распропагандинія ихъ идей оказывали организованныя комитетамъ тайныя типографіи, непрерывно выпускавшія всякаго рода воззванія. Дѣятели революціи, увидавъ, что преклонившее свои буйныя головы предъ мощной военной силой населеніе начинаетъ склоняться къ повиновенію, учащенно совершали убійства должностныхъ лицъ, оставшихся вѣрными своему долгу, и тѣхъ частныхъ лицъ, которыя дерзали такъ или иначе изобличать бунтарей.

При такихъ условіяхъ борьба съ революціоннымъ движеніемъ становилась крайне затруднительной. Съ одной стороны, населеніе частью запуганное и разоренное революціонерами, частью сочувствовавшее бунту, отказывалось давать администраціи какія-либо свѣдѣнія и укрывало главарей мятежа; съ другой стороны, администрація и военное начальство считали немислимымъ оставлять безнаказанными совершенныя революціонерами неслыханныя по своей дерзости и кровожадности преступленія, прибѣгая къ арестамъ, высылкамъ, экзекуціямъ, сожженіямъ революціонныхъ

гнѣздъ и т. п. Когда известная часть государства охватывается возстаніемъ, когда дружнымъ натискомъ дѣлаются попытки отторгнуть одну изъ частей имперіи, естественно, что нормальныя условія жизни не могутъ не быть нарушенными.

Во главѣ революціоннаго движенія стоялъ Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи—бывшая Гурія. Броженіе въ Озургетскомъ уѣздѣ замѣчалось еще въ 1902 году, но исключительно на почвѣ недовольства крестьянъ помѣщиками и арендаторами; броженіе это, подъ вліяніемъ политическихъ агитаторовъ, усиливалось, разрасталось, видоизмѣнялось и въ 1905 году приняло формы настоящей революціи, остраго противоправительственнаго движенія. Движеніе это поддерживалось и, между прочимъ, проявлялось въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: въ распространеніи революціонныхъ идей по деревнямъ путемъ устной пропаганды на митингахъ и снабженія всѣхъ грамотныхъ прокламаціями и брошюрами революціоннаго содержанія; въ захватѣ помѣщичьихъ земель и отказѣ платить аренду; въ устройствѣ забастовокъ и стачекъ служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ; въ бойкотѣ и убійствахъ должностныхъ и частныхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ несочувствіи движенію; въ бойкотѣ правительственныхъ учрежденій, особенно полиціи и суда, причемъ коронный судъ былъ замѣненъ «народнымъ судомъ», дѣйствовавшимъ подъ руководствомъ революціонныхъ организацій; въ созданіи своихъ административныхъ учрежденій и исполнительныхъ органовъ народоправства; въ захватѣ правительственныхъ школъ; въ подготовкѣ возстанія противъ правительства посредствомъ вооруженія народа и образованія боевыхъ дружинъ и «красныхъ сотенъ», въ которыя зачислялись всѣ способные носить оружіе; въ производствѣ денежныхъ сборовъ по 20 копеекъ съ человѣка въ мѣсяцъ и установленіи отдѣльнаго налога на вооруженіе и содержаніе революціоннаго войска, въ приобрѣтеніи оружія всякими способами (вплоть до нападенія съ цѣлью отобранія оружія на частныхъ лицъ, чиновъ полиціи и пр.) и, наконецъ, въ борьбѣ съ правительственными войсками.

Руководство революціоннымъ движеніемъ въ Озургетскомъ уѣздѣ первоначально исходило отъ «батумскаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», а затѣмъ, въ началѣ 1905 года, изъ батумскаго комитета выдѣлился особый комитетъ, принявшій названіе «гурійскаго», который перешелъ въ городъ Озургеты, объединивъ дѣятельность всѣхъ своихъ членовъ и полновластно управляя всѣмъ революціоннымъ Озургетскимъ уѣздомъ. Въ Гуріи господствовала исключительно соціалъ-демократическая партія, фракціи меньшевиковъ. Гурійскій комитетъ, клубъ котораго помѣщался въ озургетскомъ городскомъ клубѣ, представляя центральный руководящій органъ партіи, сперва согласовался съ общимъ ходомъ революціоннаго движенія въ Россіи и послѣдовательно

проводилъ программу «россійской социаль-демократической рабочей партіи», какъ она была выработана на второй конференціи социаль-демократическихъ рабочихъ организацій. Исполнительные органы гурійскаго комитета были таковы: «десятскіе», избравшіеся десятью жителями даннаго селенія или города, и «сотскіе», избравшіеся десятью десятскими; нѣсколько сельскихъ обществъ составляли «районъ», имѣвшій своего особаго «районнаго представителя». Въ Озургетскомъ уѣздѣ такихъ районовъ было семь. Кромѣ того, имѣлись и функционировали особыя мѣстныя и районныя «организаціи», нѣчто высшее, чѣмъ «районъ»; наиболѣе дѣятельными организаціями считались чохатаурская и ланхутская.

Въ качествѣ вспомогательнаго учрежденія при гурійскомъ комитетѣ состоялъ «военный штабъ», на обязанности котораго лежало непосредственное завѣдываніе боевыми силами комитета, а также разработка плановъ самозащиты и нападенія. Штабъ хранилъ и распредѣлялъ между сотнями и дружинами оружіе и боевые припасы. Революціонный военный штабъ помѣщался въ Озургетахъ, въ домѣ Ноя Чигогидзе. Въ распоряженіи комитета постоянно находилась особая «группа террористовъ», проще говоря—палачей, исполнявшая смертныя приговоры комитета и получавшая за каждаго «казненнаго» особое вознагражденіе. У комитета имѣлся также сформированный штабомъ большой «санитарный отрядъ», всегда готовый послѣдовать на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Революціонная дѣятельность гурійскаго комитета достигла особаго развитія въ періодъ съ октября 1905 года до половины января 1906 года, когда, благодаря желѣзнодорожной и почтово-телеграфной забастовкамъ, дѣятельность правительственныхъ органовъ была окончательно парализована.

Отмѣчу наиболѣе важныя выступленія. Въ мѣстечкѣ Чохатаури революціонеры скопомъ напали на участковое полицейское управленіе и почтовое отдѣленіе; во время нападенія убитъ одинъ стражникъ, ранены двое, а участковый начальникъ и два стражника уведены въ плѣнъ; отобрано въ управленіи 10 винтовокъ, 12 охотничьихъ ружей, револьверы и все мало-мальски цѣнное имущество. Узнавъ о нападеніи, озургетскій уѣздный начальникъ Лазаренко съ сотней казаковъ 2-го пластунскаго батальона и командой стражниковъ отправился въ Чохатаури. Возвращаясь оттуда, въ ночь съ 20-го на 21-е октября 1905 года, экспедиціонный отрядъ подвергся нападенію красносотенцевъ и дружинниковъ на Насакеральскомъ перевалѣ. Нападеніе началось въ темнотѣ ружейными залпами и бросаніемъ разрывныхъ снарядовъ. Завязался настоящій бой, продолжавшійся все 21-е октября, причемъ отрядъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; бой прекратился 22-го октября въ виду прибытія на мѣсто сраженія другой сотни казаковъ изъ Озургеть, оповѣщенной прорвавшимися охотниками-пластунами, изъ которыхъ трое

были по пути схвачены, раздѣты догола, ограблены и затѣмъ убиты. Надъ трупами убитыхъ, а также надъ тяжело раненымъ стражникомъ Рѣшетовымъ революціонеры совершили звѣрскія надруганія. Отрядъ понесъ крупныя потери: убито 6 казаковъ и 2 стражника, ранено 13 казаковъ, безъ вѣсти пропало 5 стражниковъ. Убито 8 лошадей, захвачено 15 лошадей. Нападавшихъ было не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Вся покатошь горы, гдѣ революціонеры устроили засаду, была заранѣе испещрена траншеями и стрѣлковыми ровниками, а въ лѣсу прорублены просѣки для обстрѣла дороги, по которой двигался отрядъ. Нападеніе, какъ строго установлено неопровержимыми данными, совершено по рѣшенію «гурійскаго комитета»; хотя между членами комитета произошло разногласіе и нѣкоторые находили, что идти въ бой пока рано, но большинство постановило «истребить отрядъ», пославъ для этого красныя сотни и добровольцевъ.

Когда изъ Озургетскаго уѣзда батальонъ пластуновъ ушелъ, вооруженная толпа подъ начальствомъ наиболѣе опытныхъ дружинниковъ совершила нападеніе на озургетское уѣздное управленіе, отобравъ отъ помѣщавшихся тамъ стражниковъ 25 казенныхъ берданокъ и захвативъ изъ архива управленія различное оружіе, хранившееся въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ по разнымъ судебнымъ дѣламъ. За этимъ нападеніемъ послѣдоваль рядъ другихъ нападеній на то же уѣздное управленіе, причемъ оружіе и цѣнныя вещи отбирались, а дѣла и документы предавались огню и вообще уничтожались на глазахъ ликующей толпы. Кромѣ отобраннаго оружія у полицейской стражи, изъ уѣзднаго управленія забрано 58 ружей разныхъ системъ, 9 берданокъ, 82 револьвера, 22 книжала и 6 пашекъ.

Гурійскій комитетъ фактически правилъ всей Гуріей; безъ его согласія никто не смѣлъ сдѣлать лишняго шагу по улицѣ. Въ Озургетахъ и во всѣхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ Озургетскаго уѣзда были расклеены слѣдующія объявленія:

«Граждане! Въ Гуріи существуетъ военно-революціонный штабъ, на обязанности котораго лежитъ сформированіе гурійскихъ боевыхъ дружинъ и руководство ими на случай того или иного революціоннаго выступленія. Военно-революціонный штабъ строго соблюдаетъ военно-революціонную дисциплину. Нѣкоторые боевые дружинники дѣйствуютъ, совмѣстно съ посторонними лицами, прямо по-хулигански и похищаютъ все, что попадетъ въ руки; поэтому военный штабъ симъ объявляетъ, что: 1) строго воспрещаются такіе поступки, 2) строго воспрещается частнымъ лицамъ носить оружіе въ городѣ Озургеты, 3) воспрещаются всякаго рода торговля и обмѣнъ военнымъ оружіемъ и матеріалами безъ разрѣшенія штаба, 4) военный штабъ временно назначаетъ патрули по городу и 5) виновныя лица будутъ предаваться военному суду.—Гурійскій революціонный воен-

ный штабъ. 6-го декабря 1905 года. Типографія гурійскаго комитета».

По инициативѣ комитета, въ Озургетахъ на городской площади и въ городскомъ саду былъ устроенъ рядъ народныхъ митинговъ, на которыхъ неизмѣнно присутствовали въ полномъ боевомъ вооруженіи красныя сотни съ красными знаменами; на знаменахъ выдѣлялись слѣдующія надписи: «Долой самодержавіе», «Да здравствуетъ республика». Различные ораторы произносили рѣчи, призывая къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя путемъ общаго вооруженнаго возстанія. Наибольшимъ многолюдствомъ отличались митинги въ Озургетахъ 6-го декабря 1905 года и 9-го января 1906 года въ селеніи Шемокмеди, гдѣ обсуждался планъ боя съ правительственными войсками на Насакеральскомъ перевалѣ.

Ловкимъ маневромъ комитета было устраненіе въ концѣ ноября 1905 года всего состава озургетскаго городского самоуправленія. Комитетъ устроилъ новые выборы, разумѣется, на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, для чего дружинники произвели перепись всего городского населенія. Избранными оказались сплошь революціонеры, которые не замедлили экспроприровать помѣщеніе городского управленія, все дѣлопроизводство, кассу и прочее.

По дислокаціи, утвержденной военно-революціоннымъ штабомъ, были посланы въ разные мѣста Кутаисской губерніи и смежной съ нею Тифлисской (Нотанеби, Самтреди, Михайлово, Гори, Тифлисъ и др.) отряды красносотенцевъ для вооруженной поддержки революціоннаго движенія и для недопущенія посылки въ Кутаисскую губернію правительственныхъ войскъ. На станціи Нотанеби, отъ которой идетъ шоссе въ Озургеты, съ 15-го ноября 1905 года находилась «въ боевой готовности» многочисленная команда боевыхъ дружинниковъ, защищавшая озургетское шоссе, на самомъ же шоссе были устроены баррикады, а полотно желѣзной дороги въ сторону Батума было разобрано. По желѣзнодорожному телеграфу шель усиленный обмѣнъ депешъ между революціонерами. Вотъ для образца двѣ довольно характерныя телеграммы:

1) «Нашихъ ратниковъ изъ Гуріи не отпускать. Будьте всѣ наготовѣ. По сигналу—въ бой».

2) «Правительство стало на явный путь репрессій. Держаться невозможно. Забастовка снята нами. Ваши силы не нужны».

Забирая мало-по-малу все въ свои руки, гурійскій комитетъ хозяйничалъ во всѣхъ отрасляхъ административнаго и общественнаго управленія. По плану комитета организовались училищныя бюро, съ особыми училищными совѣтами для мужского и женскаго училищъ въ Озургетахъ. Комитетъ назначилъ своего инспектора народныхъ училищъ.

Добываніе оружія шло усиленнымъ темпомъ. Изъ штаба пластунскаго батальона комитетъ съ разрѣшенія кутанскаго губернатора Старосельскаго забралъ около 300 ружей, ранѣе отобранныхъ отъ населенія. Произведено нападеніе на воинскій поѣздъ между станціями Супса и Джуматы, причемъ дружинники взяли 128 казенныхъ револьверовъ.

Познакомимъ теперь читателя съ наиболѣе видными дѣятелями гурійской революціи. Большинство изъ нихъ схвачены и уже приговорены судомъ къ различнымъ наказаніямъ; меньшинству удалось скрыться. Бѣглецы въ острый періодъ подавленія возстанія скрывались внѣ Гуріи, частью даже за границей, но потомъ начали постепенно возвращаться на родину, пользуясь столь широко распространеннымъ на Кавказѣ укрывательствомъ со стороны населенія.

Центральнымъ лицомъ всего революціоннаго движенія въ Гуріи и главаремъ гурійскаго революціоннаго комитета былъ итѣкій Венія Чхиквишвили, гурійскій дворянинъ 26-ти лѣтъ, предѣдатель комитета. Въ народѣ его называли сперва «царь Гуріи», а затѣмъ «президентъ гурійской республики». Распоряженіямъ Веніи повиновались безирекословно, такъ какъ ослушниковъ онъ безпощадно наказывалъ. Вліяніе Чхиквишвили распространялось не только на уѣздъ, но и на предѣлы желѣзной дороги; напримѣръ, стоило сказать ему по желѣзнодорожному телефону о желаніи куда-нибудь поѣхать, какъ къ его услугамъ подавался изъ Батума или со станціи Самтредіи особый поѣздъ, несмотря на то, что въ то время желѣзная дорога бастовала. Ходилъ Чхиквишвили всегда въ сопровожденіи особыхъ вооруженныхъ тѣлохранителей (изъ числа «отряда террористовъ» или красносотенцевъ), и всѣ снимали шапки и почтительно передъ нимъ разступались. Когда какой-то мелкій правительственный чиновникъ не снялъ шапки, а только кивнулъ головой, Венія велѣлъ арестовать грубіяна на двое сутокъ. Чхиквишвили быстро усвоилъ языкъ подпольныхъ брошюръ и, обладая къ тому же способностью говорить съ паѳосомъ и безъ запинки, признавался гурійцами чудеснымъ «ораторомъ». На всѣхъ митингахъ Чхиквишвили обязательно говорилъ рѣчи, повторяя каждый разъ, что закрѣпить республику «на демократическихъ началахъ» нужно во что бы то ни стало, хотя бы путемъ всеобщаго вооруженнаго возстанія. На одномъ митингѣ, имѣвшемъ рѣшительный характеръ, Чхиквишвили говорилъ:

«Вы не думайте, что свобода достанется легко. Быть можетъ, намъ придется бороться съ оружіемъ въ рукахъ и проливать кровь. Но все-таки мы должны итти своимъ путемъ и только тогда добьемся свободы. Долой позорное правительство и да здравствуетъ республика».

Послѣ 17-го октября Чхиквишвили сказалъ:

«Правительства больше не существуетъ. Всѣ общанія, данныя умирающимъ самодержавіемъ, только обманъ. Пусть насъ перебьютъ, но зато дѣти наши воспользуются свободой. Наши сосѣди русскіе возстали, въ Петербургѣ и Москвѣ уже республика; возстанемъ и мы, братья гурийцы. Всѣ вѣрные правительству чиновники будутъ перевѣшены вотъ на этихъ деревьяхъ. Если же солдаты и казаки не перестанутъ хулиганствовать, то нашъ штабъ принужденъ будетъ отвѣчать имъ тѣмъ же».

6-го января 1906 года на станціи Нотанеби, гдѣ собрались красносотенцы, Чхиквишвили задумалъ испытать боевую готовность красной сотни и съ этою цѣлью произвелъ маневръ, приказавъ части своихъ дружинниковъ обстрѣлять красносотенцевъ изъ желѣзнодорожной будки со стороны Батума. Раздался залпъ; красносотенцы, предположивъ, что это наступаютъ казаки, побросали свои бердашки и въ паническомъ страхѣ пустились бѣжать, а Чхиквишвили, самъ сбитый съ толку и смущенный криками народа: «Казаки наступаютъ! Спасайтесь!»—но телеграфу потребовалъ изъ Озургеть «подкрѣпленій»; черезъ два часа бѣглымъ шагомъ явились «подкрѣпленія» подъ начальствомъ нѣкоторыхъ членовъ комитета. Когда недоразумѣніе объяснилось, Чхиквишвили былъ сильно огорченъ и «поставилъ штабу на видъ» слабую подготовку красной сотни. Когда черезъ три дня разнесся слухъ о прибытіи правительственныхъ войскъ, Чхиквишвили, сѣвъ на коня, направился съ боевой дружиной въ Нотанеби для организаціи «отпора». Весь декабрь 1905 года Чхиквишвили, подъ вліяніемъ свѣдѣній изъ Тифлиса, что готовится посылка въ Гурію большого карательнаго отряда подъ начальствомъ генерала Алиханова, имя котораго наводило ужасъ на революціонеровъ, разъѣзжалъ по деревнямъ и селеніямъ, требуя, чтобы молодежь, вся безъ исключенія, становилась въ ряды красныхъ сотенъ. Впослѣдствіи найдена была телеграфная переписка между Чхиквишвили и различными членами комитета. Вотъ кое-что изъ этой переписки. Телеграмма Чхиквишвили изъ Самтреди:

«Нотанеби. Стачечное бюро. Соберите членовъ бюро и штабъ для обсужденія одного важнаго вопроса. Вопросъ этотъ вчера былъ предложенъ намъ самтредійскимъ штабомъ. Пріѣду черезъ два часа. Венія».

Телеграмма Чхиквишвили изъ Озургеть:

«Нотанеби. Делегатамъ. Не давать пластунамъ ни аробъ, ни поѣзда, не держать паровозовъ близъ Нотанеби. Венія».

Телеграмма Чхиквишвили изъ Самтреди на имя Іосифа Гогоберидзе:

«Изъ Озургеть пластуны отправляются въ Батумъ. Сообщить объ этомъ батумской организаціи и принять извѣстныя мѣры».

Телеграмма на имя Чхиквишвили изъ Квирплъ:

«Правительственные войска разбиты. Много плѣнныхъ. Мое предложение—дѣйствовать сообразно съ этимъ извѣстіемъ.

Телеграмма Чхиквишвили въ Озургеты:

«Соціально-демократической организаціи. Мобилизуйте силы. Победа за нами. Ждите сообщеній».

Вотъ какими телеграммами обмѣнивались революціонеры по казенному телеграфу казенныхъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ!

Бенія Чхиквишвили, рекомендовавшійся суду во время разбирательства дѣла объ озургетской республикѣ «агитаторомъ по призванію», являлся главнымъ дѣятелемъ и по устраненію озургетскаго городского управленія, съ замѣной его «временнымъ парламентомъ». На выборахъ предсѣдателемъ этого «временнаго парламента» былъ избранъ, конечно, Чхиквишвили, получившій изъ 970 голосовъ (по числу участвовавшихъ въ выборахъ) 958 голосовъ. Во время желѣзнодорожной забастовки Чхиквишвили требовалъ періодически присыла въ Нотанеби товарныхъ поѣздовъ съ керосиномъ и пищевыми продуктами «для продовольствія гражданъ Озургетъ». Когда въ Гурію явился экспедиціонный отрядъ подъ начальствомъ полковника Крылова и когда революціонныя банды были разгромлены, президентъ гурійской республики Бенія Чхиквишвили бѣжалъ; однако ечастливая звѣзда «агитатора по призванію» уже закатилась: полицейскіе агенты близъ Харькова поймали бѣглеца и подъ сильнымъ конвоемъ отправили на Кавказъ. Сперва Чхиквишвили совержался въ кутаисской тюрьмѣ, потомъ въ батумской, а затѣмъ его отправили въ Одессу, гдѣ и слушалось все дѣло объ озургетской республикѣ.

Несторъ Еркомайшвили былъ начальникомъ тѣлохранителей «президента» и старшимъ командиромъ красносотенцевъ. Во время сраженія на Насакеральскомъ перевалѣ Еркомайшвили, распорядившійся бросаніемъ въ казаковъ бомбъ и другихъ разрывныхъ снарядовъ, упалъ съ лошади и сильно расшибся. Семень Глонти завѣдывалъ «торговою частью» въ Озургетахъ и считался представителемъ парикмахерскаго цеха въ мѣстной соціально-демократической организаціи; онъ распорядился стачками и забастовками. Ближайшимъ помощникомъ Глонти былъ Антонъ Ломджарія; въ качествѣ «сотскаго» отъ торговцевъ, онъ опредѣлялъ время открытія и закрытія лавокъ, провѣрялъ вѣсы, налагалъ на провинившихся лавочниковъ взысканія, извѣщалъ торговцевъ о времени и мѣстѣ устраиваемыхъ комитетомъ митинговъ. Сергѣй Сургуладзе, считающійся представителемъ земохетскаго общества, собиралъ съ населенія деньги на приобрѣтеніе оружія и вербовалъ изъ сельской молодежи боевыхъ дружинниковъ. Моисей Тугуши, начальникъ боевой дружины, исполнялъ одновременно обязанность предсѣдателя революціоннаго суда чести; засѣданія этого суда происходили у Тугуши на дому. Арестъ Тугуши далъ возможность раскрыть всю организа-

цію гурійскаго комитета, такъ какъ при обыскѣ у Тугуши былъ найденъ полный подробный списокъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ активное участіе въ революціонномъ движеніи въ Озургетскомъ уѣздѣ. Пармень Тотибадзе и Александръ Имедайшвили считались выдающимися членами боевой дружины; первый, кромѣ того, состоялъ «сотскимъ» по городу Озургеты. Террористъ Ражденъ Хомерики специализировался на отбираниі оружія у частныхъ и должностныхъ лицъ; онъ распоряжался нападеніемъ террористовъ на озургетскій мировой отдѣлъ и озургетское уѣздное управленіе. Діомидъ Шилакадзе, являясь однимъ изъ видныхъ дѣятелей социаль-демократической партіи, состоялъ районнымъ представителемъ шемок-медскаго общества и членомъ гурійскаго комитета. Шилакадзе, передъ вступленіемъ въ ряды революціонеровъ, былъ священникомъ, но затѣмъ снялъ съ себя священнической санъ. Онъ произносилъ на митингахъ зажигательныя рѣчи, заканчивая ихъ одной и той же фразой:

«Республика! за тебя отдамъ жизнь свою!»

Шилакадзе, входя въ составъ революціоннаго бюро для завѣдыванія озургетскимъ городскимъ училищемъ, распоряжался назначеніемъ и увольненіемъ учебнаго персонала, денежною и учебною частью. Одновременно онъ завѣдывалъ сельскими школами шемок-медскаго района. Онъ же занималъ мѣсто секретаря въ организованномъ бюро для выработки порядка производства выборовъ на должности по городскому управленію. Георгій Мамулайшвили, вмѣстѣ съ другими членами комитета, завѣдывалъ «социаль-демократическимъ клубомъ», устроеннымъ въ захваченномъ комитетомъ помѣщеніи въ домѣ Чигогидзе, гдѣ происходили собранія членовъ комитета, помѣщался партійный судъ, устраивались публичныя собранія и прочее; онъ же принималъ участіе въ наблюденіи за торговлей въ Озургетахъ, штрафуя торговцевъ. Сирма Тоточава, ротный командиръ красносотенцевъ, Кириллъ Ломадзе, Михаилъ Тумановъ, Исаакъ Сабашвили, Иванъ и Дмитрій Гогитидзе и Георгій Шилакадзе—вотъ еще ближайшіе «помощники» Беніи Чхиквишвили. Начальникомъ военнаго штаба гурійскаго комитета былъ Григорій Думбадзе, а помощникомъ начальника—его однофамилецъ, Владимиръ Думбадзе.

Остается сказать еще о двухъ, выдававшихся своею энергіею и распорядительностью. Одинъ изъ этихъ двухъ—Георгій Чогошвили, врачъ, считавшійся среди гурійцевъ «вполнѣ интеллигентнымъ». Чогошвили былъ наиболѣе образованнымъ и фанатичнымъ изъ всѣхъ гурійскихъ товарищей. Работалъ онъ, что называется, во всю, не покладая рукъ. По порученію комитета ѣздилъ въ Одессу для приобрѣтенія оружія и боевыхъ припасовъ, собравъ съ жителей Озургетскаго уѣзда на покупку довольно крупную сумму денегъ. Во время нападенія на казаковъ на Насакеральскомъ перевалѣ

Чогошвили, по приглашенію соціально-демократической партіи, вызжалъ въ селеніе Шемокмеди въ качествѣ «санитарнаго врача» для оказанія помощи раненымъ; 6-го января 1906 года онъ выступилъ во главѣ отряда красной сотни изъ Озургеть въ Нотанеби для поддержки нотанебскаго отряда, имѣвшаго порученіе «дать отпоръ правительственнымъ войскамъ». Этотъ «интеллигентный товарищъ» состоялъ членомъ революціоннаго училищнаго бюро и коноводомъ-гласнымъ революціоннаго озургетскаго парламента. Сопратникъ Чогошвили, Мишо Ахаладзе, отличался какъ предсѣдатель парламента, почти единогласно избранный революціоннымъ голосованіемъ въ городскіе старосты; Ахаладзе первымъ дѣломъ приказалъ протоіерею Думбадзе, настоятелю городского собора въ Озургетахъ, не произносить во время богослуженія имени русскаго царя и не молиться за императорскій домъ, пригрозивъ за ослушаніе убійствомъ.

Вотъ вся эта группа, во главѣ съ Беніей Чхиквишвили, и являлась вершительницей судебъ всей Гуріи. Она фактически управляла всѣмъ населеніемъ и на ея совѣсти цѣлыя рѣки пролитой человѣческой крови.

Въ половинѣ января 1906 года, когда карательные отряды возстановили русское управленіе и правительственную власть, часть «гурійскихъ освободителей» была арестована, часть бѣжала. Населеніе, увидавъ, что революціонеры потерпѣли пораженіе, перемѣнило фронтъ. Но мятежь не угасъ. Явились фанатичные продолжатели «освободительнаго дѣла». Весь 1906 и весь 1907 гг. то здѣсь, то тамъ продолжались революціонныя вспышки, однако 1905 годъ повториться не могъ. Надежда на то, что правительственныя войска перейдутъ на сторону революціонеровъ, лопнула при первомъ же столкновеніи съ суровой дѣйствительностью. Жители деревень и мелкихъ мѣстечекъ, обезсиленные диктатурой комитета и крупными поборами «на революціонныя нужды», мало-по-малу теряли симпатію къ товарищамъ, хотя все же упорно отказывались давать судебнымъ и административнымъ властямъ какія-либо указанія, отговариваясь незнаніемъ и непричастностью къ революціоннымъ выступленіямъ. Въ скоромъ времени революціонеры отомстили за проигранное дѣло, осыпавъ бомбами въ Кутаисѣ храбраго генерала Максуда Алиханова. Алихановъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, но ненадолго: за нимъ зорко слѣдили и въ концѣ концовъ убили въ городѣ Александрополѣ.

Гурійцы-товарищи рѣшили, что, кромѣ Алиханова, достоинъ смерти и другой опасный врагъ ихъ—озургетскій уѣздный начальникъ капитанъ Ермоловъ. Служба Ермолова въ Озургетскомъ уѣздѣ началась еще въ разгаръ революціи. Въ 1906 году Ермоловъ съ сотней казаковъ 2-го кубанскаго пластунскаго батальона, вошедшаго въ составъ гурійскаго экспедиціоннаго отряда генерала Алиханова,

принялъ замѣтное участіе въ подавленіи вооруженнаго возстанія въ Гуріи. Въ октябрѣ 1906 года его назначили уѣзднымъ начальникомъ. Когда гурійскій комитетъ, чтобы выручить бывшихъ своихъ членовъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по дѣлу о революціонномъ движеніи въ Озургетскомъ уѣздѣ, началъ убивать наиболѣе опасныхъ для нихъ свидѣтелей, напримѣръ, прапорщика Глonti, дворянина Квашали, купца Шарашанидзе, юнкера Мгеладзе, старшину Васадзе, Мелитона Готуа, купца Чанишвили, Самсона Готуа, объѣздчика Тропаидзе, то военный совѣтъ рѣшилъ безпощадно уничтожать гнѣзда террористовъ. Ермоловъ, путемъ хотя и крутыхъ, но вызывавшихся опасностью положенія мѣръ, добился того, что ланчхутское, лихаурское и озургетское общества выдали правительству многихъ активныхъ участниковъ мятежа. Въ отместку за это гурійскій комитетъ постановилъ казнить Ермолова. 5-го августа 1907 года въ Батумѣ Ермоловъ и его жена, пріѣхавшіе на нѣсколько дней изъ Озургетъ, подверглись нападенію банды террористовъ, которые бросили въ нихъ бомбу и ранили ихъ обоихъ. Ермоловъ, защищаясь, во время схватки убилъ одного и двоихъ ранилъ; подѣхавшіе на помощь казаки Хоперскаго полка задержали двухъ изъ нападавшихъ: террористовъ Тиконидзе и Арошидзе. Раненый Ермоловъ былъ помѣщенъ на излеченіе въ батумскій военный госпиталь. 8-го августа Ермоловъ получилъ свѣдѣнія, что гурійскій комитетъ рѣшилъ при помощи подкупа освободить арестованныхъ Тиконидзе и Арошидзе; Ермоловъ немедленно обратился къ батумскому губернатору съ просьбой принять мѣры къ предотвращенію побѣга. «Всѣ мѣры приняты», — получилъ Ермоловъ отвѣтъ, и тѣмъ не менѣе спустя нѣкоторое время оба бомбиста благополучно убѣжали изъ батумской тюрьмы при содѣйствіи одновременно съ ними бѣжавшаго тюремнаго надзирателя Козловскаго. Тиконидзе впослѣдствіи былъ пойманъ, судимъ военнымъ судомъ и по приговору суда повѣшенъ.

Узнавъ затѣмъ, что гурійскій революціонный комитетъ рѣшилъ убить Ермолова во что бы то ни стало или въ госпиталѣ, или по возвращеніи изъ Батума въ Озургетъ, послѣдній сначала добился того, что, по распоряженію командира 1-го пластунаго батальона, къ дверямъ палаты въ госпиталѣ, въ которой лежалъ раненый, были назначены часовые казаки, а затѣмъ, по выздоровленіи, ночью, переодѣвшись въ форму часового, стоявшаго у дверей, онъ незамѣтно вышелъ изъ госпиталя въ сопровожденіи десяти пластуновъ, дошелъ пѣшкомъ до желѣзнодорожной платформы «Зеленый Мысъ», въ 7-ми верстахъ отъ Батума, откуда въ поѣздѣ пріѣхалъ на станцію Нотанеби, гдѣ тотчасъ же арестовалъ подкарауливавшихъ его террористовъ. Не убивъ Ермолова 5-го августа, комитетъ повторилъ свою попытку, подославъ съ этою цѣлью террориста Барамидзе, котораго удалось во время схватить и арестовать.

Возвратился Ермоловъ въ Озургеты 18-го августа; вечеромъ того же числа прапорщикъ милиціи Беридзе сообщилъ Ермолову, что убить его, Ермолова, комитетъ поручилъ безстрашному бомбисту Коціи Жгенти и что Жгенти уже прїѣхалъ въ Озургеты и скрывается въ домѣ Ефима Донадзе. По порученію Ермолова Беридзе въ сопровожденіи стражниковъ отправился въ домъ Донадзе, но едва всё они подошли къ дому, какъ оттуда послѣдовалъ рядъ револьверныхъ выстрѣловъ. Вскорѣ къ этому дому прибылъ и самъ Ермоловъ; въ это время въ нижнемъ этажѣ раздался глухой взрывъ, а изъ оконъ снова началась пальба. Въ домѣ Донадзе группировались бомбисты и террористы. Ермолову ничего не оставалось дѣлать, какъ съжечь это революціонное гнѣздо, что тутъ же и было исполнено. Домъ загорѣлся, и когда огонь дошелъ до нижняго этажа, то стали раздаваться многочисленныя взрывы разной силы отъ взрывающихся сложенныхъ тамъ бомбъ и патроновъ. Скрывавшійся Коція Жгенти и другіе террористы при началѣ пожара убѣжали. Передъ сожженіемъ дома Ермоловъ трижды кричалъ:

— Выходите! сдавайтесь, или я сожгу домъ.

Но окрики Ермолова остались безплодными, и каждый разъ въ отвѣтъ на нихъ раздавались выстрѣлы. Домъ Донадзе и владѣлецъ дома давно уже были на примѣтѣ. Во-первыхъ, въ острый періодъ революціоннаго движенія 1905—1906 гг. Ефимъ Донадзе, ставъ во главѣ движенія, принялъ на себя обязанности кассира социал-демократической организаціи, сынъ же его Григорій вступилъ въ ряды гурійскихъ террористовъ; во-вторыхъ, Ефимъ Донадзе передалъ свой домъ въ распоряженіе гурійскаго комитета, и въ этомъ домѣ члены комитета, собираясь для обсужденія текущихъ дѣлъ «эртобы», неоднократно приговаривали къ смерти людей, оставшихся вѣрными русскому правительству. Нижній этажъ дома служилъ складомъ бомбъ и оружія и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонной тюрьмой; здѣсь, среди другихъ, содержались: схваченный комитетомъ жандармскій унтеръ-офицеръ Зубковъ, впоследствии убитый, и прапорщикъ Мгеладзе, которому революціонеры-палачи въ теченіе семи дней давали вмѣсто хлѣба солому. Въ 1907 году гурійскій комитетъ, засѣдая въ домѣ Донадзе, приговорилъ къ смерти стражника Мгеладзе, пронизавъ его тремя пулями; на мѣстѣ преступленія начальникъ озургетскаго отряда генералъ Толмачевъ лично задержалъ одного изъ палачей. Въ февралѣ 1908 года Ермоловъ, рѣшивъ оставить Гурію, гдѣ его рано или поздно непременно убили бы, буквально бѣжалъ, такъ какъ его повсюду подкарауливали революціонеры.

Затѣянное Веніей Чхиквишвили дѣло съ гурійской республикой печально окончилось и для инициатора, и для ближайшихъ участниковъ, но революціонныя сѣмена, обильно посеянные въ 1905 г., не заглохли и дали надежныя всходы. Во всякомъ случаѣ, можно

сказать съ увѣренностью, что Гурія еще не разъ будетъ ареной серьезной политической борьбы; это необходимо имѣть въ виду настоящимъ и будущимъ правителямъ Кавказа.

II.

Мингрельская, имеретинская и сванская республики.

Въ Озургетскомъ уѣздѣ, какъ я сказалъ раньше, «дѣйствовали исключительно социаль-демократы. Въ Зугдидскомъ уѣздѣ той же Кутаисской губерніи картина была нѣсколько иная. Во второй половинѣ 1905 года, т. е. въ то время, когда Озургетскій уѣздъ (Гурія) уже былъ охваченъ возстаніемъ, въ Зугдидскомъ уѣздѣ, гдѣ кореннымъ населеніемъ являются мингрельцы, образовались двѣ революціонныя организаціи: социалистовъ-федералистовъ и социаль-демократовъ. Во главѣ первой стояли Василий Алшибая (впослѣдствіи убитый), Мелитонъ Гобечія, Александръ Чхетія, Спиридонъ Кейдія, князь Мушни Дадіани, Петръ Кейдія и Михаилъ Какулія во второй организаціи видную роль играли Павелъ Акобія, Леонидъ Шенгелія, Аполлонъ Нодія, Соломонъ Аланія, Антонъ Кодарія, Константинъ Наракидзе, Владимиръ Жванія, Александръ Чикава и др. Сначала обѣ организаціи дѣйствовали тайно, ограничивъ свою дѣятельность распространеніемъ среди населенія революціонныхъ воззваній и брошюръ и стараясь путемъ устной пропаганды поддерживать въ крестьянахъ враждебное отношеніе къ помѣщикамъ и властямъ; но послѣ 17-го октября 1905 года дѣятельность партій сразу рѣзко измѣнилась, принявъ характеръ открытаго возстанія противъ правительства съ цѣлью замѣны существующаго государственнаго строя демократической республикой.

21-го октября, по окончаніи обѣдни въ мѣстной церкви въ Зугдидахъ, представители социаль-демократической организаціи студентъ Леонидъ Шенгелія и Павелъ Акобія потребовали отъ священника отслужить панихиду по князя С. Н. Трубецкомъ, что и было безпрекословно исполнено; затѣмъ Павелъ Акобія, взойдя на возвышеніе, устроенное въ оградѣ церкви, поднялъ красный флагъ и произнесъ предъ собравшейся громаднѣйшей толпой рѣчь, призывая народъ къ вооруженному возстанію. Затѣмъ студентъ Леонидъ Шенгелія съ той же импровизированной кафедры обратился къ толпѣ съ разъясненіемъ «момента», окончивъ призывомъ «прогнать правительство и учредить республику». Послѣ этого Акобія снова поднялъ красный флагъ, и началось первое революціонное шествіе по Зугдидамъ; изъ домовъ выходили жители и примыкали къ демонстрантамъ. крича: «да здравствуетъ республика!»

15-го ноября утром мѣстные торговцы получили «объявление грузинской социаль-федералистической революціонной партіи», въ которомъ говорилось, что въ двѣнадцать часовъ дня въ зугдидской городской церкви будетъ отслужена панихида по убитомъ звѣрскимъ правительствомъ въ Одессѣ молодомъ ученомъ (!! Саввѣ Клдіашвили и что по этому поводу «зугдидская организація проситъ всѣхъ товарищей и горожанъ почтить прахъ боровшагося за свободу и закрыть на одинъ часъ магазины». На объявленіи была печать «мингрельскаго комитета грузинской социаль-федералистической революціонной партіи». Населеніе Зугдидъ безпрекословно подчинилось просьбѣ комитета: къ полудню всѣ магазины были закрыты, и тысячная толпа собралась въ мѣстной церкви, гдѣ нарочно пріѣхавшимъ изъ Кутаиса священникомъ Іоанномъ Бобохидзе соборнѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ была отслужена панихида по «предательски убитомъ борцѣ рабѣ Божиѣмъ Саввѣ». Предъ началомъ панихиды священникъ Бобохидзе, взойдя на амвонъ съ крестомъ въ рукахъ, произнесъ предъ народомъ зажигательную рѣчь. Послѣ панихиды въ той же церкви были произнесены мѣстными жителями Васиіемъ Алшибая и Мелитономъ Гобечія рѣчи, въ которыхъ народъ призывался низвергнуть русское правительство и учредить республику. Панихида по невѣдомомъ «ученомъ» послужила поводомъ къ объединенію федералистовъ и социаль-демократовъ.

Руководители обѣихъ революціонныхъ организацій захватили въ Зугдиддахъ въ полное свое распоряженіе зданіе мѣстнаго мирового отдѣла, прогнавъ судью, и зданіе городского училища, гдѣ устроили свои клубы. Выступая на устраиваемыхъ въ этихъ клубахъ митингахъ и появляясь также на сходкахъ крестьянъ въ различныхъ селеніяхъ Зугдидскаго уѣзда, руководители и члены организацій направляли всю свою дѣятельность къ тому, чтобы подготовить все населеніе къ открытому возстанію. Всѣ селенія были подѣлены между революціонными «ораторами»: Зугдиды достались Павлу Акобія, Леониду Шенгелія, Спиридону Норакидзе, Гобечія, Кейдія, Чхетія и Калулія, селенія Кахати и Оцарце—Спиридону Норакидзе, селеніе Корцхали—Соломону Аланія и Александру Чикава, селеніе Чхороцку и сачи-джавское сельское общество—Александру Чикава, селеніе Цаленджиха—Василю Гетія и др., селеніе Хорша—Константину Норакидзе и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ для активной борьбы съ правительствомъ и войсками и для охраны членовъ организацій были набраны дружинники, изъ которыхъ сформировались боевыя дружины подъ названіемъ «красныхъ сотенъ». Дружинники приводили въ исполненіе всѣ распоряженія организацій, вплоть до убійствъ включительно. Деньги на содержаніе и вооруженіе дружины собирались членами организацій съ населенія. Нѣкоторые члены, свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ, приняли на себя командованіе красными сотнями, исправно обучая

дружинниковъ военному искусству. Новыя сельскія должностныя лица,—старыя почти всё были прогнаны,—назначенныя революціонными организаціями, собирали въ своихъ обществахъ для революціонныхъ цѣлей по пятнадцати копеекъ въ мѣсяцъ съ каждаго дыма (семьи) и, кромѣ того, вооружали красную сотню ружьями, производили свой революціонный судъ надъ провинившимися сельчанами, созывали сходки для пропагандистовъ и пр.

Съ постепеннымъ отозваніемъ войскъ изъ Зугдидскаго уѣзда (для чего въ революціонное время войска *отзывались*—друзья порядка положительно не понимали, да и понять невозможно!) дѣятельность революціонныхъ организацій, какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе усилилась и главнымъ образомъ проявлялась въ массовыхъ нападеніяхъ на правительственныя учрежденія съ цѣлью захвата для революціонныхъ цѣлей оружія. 2-го декабря, около двухъ часовъ дня, вокругъ мѣстечка Хоши, Редуткальскаго полицейскаго участка, раздались учащенные ружейные выстрѣлы; одновременно въ помѣщеніе хопійскаго пристава князя Чиковани вошла группа террористовъ съ извѣстнымъ Лаврентіемъ Есванджія во главѣ, и заявили, что они присланы прибывшими въ мѣстность Хоши съ боевой дружиной членами соціаль-демократической организаціи за оружіемъ, имѣющимся въ участковомъ управленіи. Моментально были обезоружены урядникъ и восемь полицейскихъ стражниковъ, а приставъ отдалъ свой револьверъ. Затѣмъ, на глазахъ пристава дружинники привели на базаръ обезоруженнаго стражника Шемотаву и начали издѣваться надъ нимъ, заставляя ползать на колѣняхъ по землѣ и ѣсть грязь за то, что онъ при обезоруженіи «оказалъ сопротивленіе». Въ то же время, пока приставъ любовался глумленіемъ надъ несчастнымъ Шемотавой, вооруженные красносотенцы явились на квартиру пристава и приказали выдать найденные ими двѣнадцать револьверовъ и бурку. Подоспѣвшему приставу было объявлено, что «комитетъ» подвергаетъ его на первый разъ домашнему аресту; приставили «карауль», и приставъ просидѣлъ подъ арестомъ два дня. 5-го декабря, около часа ночи въ Зугдидахъ громадная толпа вооруженныхъ дружинниковъ окружила помѣщеніе уѣзднаго резерва закавказской полицейской стражи; стоявшій на дежурствѣ дневальный былъ обезоруженъ. Одинъ изъ дружинниковъ, держа въ рукахъ бомбу, предложилъ стражникамъ безъ всякаго сопротивленія выдать находившееся въ резервѣ казенное оружіе.

— Не выдадите—всѣхъ взорвемъ бомбами на воздухъ!—властно заявилъ дружинникъ.

Стражники не сопротивлялись, и дружинники взяли сорокъ четыре винтовки и три тысячи восемьсотъ патроновъ къ нимъ, а затѣмъ не спѣша удалились.

6-го декабря, около шести часов вечера, въ Зугдидлахъ же, въ помещеніе зугдидскаго уѣзднаго полицейскаго управленія вошли красносотенцы и взяли хранившіеся тамъ револьверы и берданки. Черезъ часъ - другой отрядъ красносотенцевъ, предводительствуемый Аполлономъ Нодія и Антономъ Кодарія, окружилъ квартиру исправляющаго должность уѣзднаго начальника Согорова и, обыскавъ въ присутствіи Согорова всѣ комнаты, унесъ найденные одинъ револьверъ и четыре берданки. Въ тотъ же день Нодія пришелъ на квартиру участковаго пристава Кварацхелія и заявилъ, что его прислалъ комитетъ за оружіемъ. Кварацхелія отдалъ три револьвера. 7-го декабря, въ одиннадцать часовъ утра, когда въ зугдидскомъ уѣздномъ управленіи сидѣли исправляющій должность уѣзднаго начальника Согорова, секретарь Дгебуадзе, дѣлопроизводитель Маглакелидзе, приставъ Джиджихія и другіе чиновники, явилась толпа дружинниковъ подъ предводительствомъ Константина Норакидзе.

— Мы требуемъ выдачи остальнаго оружія, не отданнаго намъ вчера!—объявилъ Норакидзе.

— Вашего требованія я исполнить при всемъ желаніи (!) не могу!—отвѣтилъ Согоровъ.

— Да намъ вашего согласія и не нужно. Сила за нами,—по одному моему зову явятся сотни. Товарищи, идемъ въ комнату, гдѣ хранятся вещественныя доказательства!

Толпа вошла въ указанную комнату и опустошила ее дочиста, забравъ не только все оружіе и патроны, но даже нѣсколько тысячъ пустыхъ гильзъ. Изъ уѣзднаго управленія дружинники пошли въ зданіе мирового отдѣла, взявъ изъ камеръ слѣдователей перваго и втораго участка хранившіеся тамъ револьверы.

Того же 7-го декабря изъ Зугдидъ ушла послѣдняя полусотня казаковъ Хоперскаго полка. Едва казаки ушли, какъ тысячная толпа народа, руководимая членами социаль-демократической организаціи, подошла къ зугдидск ой тюрьмѣ и потребовала отъ заведывающаго тюрьмой «пустить народъ въ тюрьму». Войдя въ тюрьму, вооруженные дружинники отобрали отъ тюремныхъ надзирателей ключи отъ арестантскихъ камеръ и выпустили изъ тюрьмы, при крикахъ: «долой самодержавіе! да здравствуетъ республика!» восемь арестантовъ. На другой день въ тюрьму явился Аполлонъ Нодія съ отрядомъ дружинниковъ и выпустилъ на свободу подслѣдственнаго арестанта Лобадзе, а 9-го декабря былъ освобожденъ и послѣдній арестантъ Елизбаръ Камуларія.

— Теперь тюрьма свободна и ожидаетъ господъ русскихъ чиновниковъ!—острилъ Нодія.

Послѣ всего происшедшаго во всемъ Зугдидскомъ уѣздѣ правительственныя власти были окончательно устранены и все управленіе уѣздомъ фактически перешло къ членамъ революціон-

наго комитета. Царила полная анархія. Число красносотенцевъ и дружинниковъ ежедневно возрастало, такъ что оружія не хватало. И вотъ, 29-го декабря изъ приморскаго мѣстечка Анаклія, черезъ селеніе Исарати Самурзаканскаго участка Сухумскаго округа, былъ доставленъ въ Зугдиды на арбахъ транспортъ полученныхъ изъ-за границы и выгруженныхъ въ различныхъ приморскихъ пунктахъ магазинныхъ оружей швейцарскаго образца. Кавказскимъ агентомъ, поставлявшимъ изъ-за границы революціонерамъ оружіе, былъ грузинъ Деканозовъ, имѣвшій тѣсныя связи въ Финляндіи. Транспортъ сопровождали: двадцать конвойныхъ, красносотенцевъ, и толпа народа во главѣ съ членами организаціи грузинскихъ социаль-демократовъ. Въ полдень члены организаціи раздавали народу привезенныя ружья и патроны, записывая всѣхъ получившихъ оружіе въ боевую дружину и стбिरая отъ нихъ расписки въ полученіи. Оставшуюся часть ружей сложили въ канцеляріи участковаго пристава; черезъ два дня и эта часть была роздана дружинникамъ обѣихъ организацій. Окончательно сформированныя и прекрасно вооруженныя дружины 1-го января 1906 года были отправлены изъ Зугдидъ, подъ начальствомъ студента Леонида Шенгелія, Антона Кодарія и Василія Гетія, въ Самтреді, большую узловую станцію Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, для встрѣчи правительственныхъ войскъ и боя съ ними.

Въ половинѣ января, въ виду появленія въ Кутанской губерніи карательныхъ отрядовъ, отобравшихъ отъ революціонеровъ захваченную желѣзную дорогу и приближавшихся въ Зугдидскому уѣзду, главные дѣятели мингрельскаго комитета бѣжали изъ уѣзда. Пришли войска—и правительственныя власти вновь вступили въ управленіе мятежной Мингреліей, оказавшейся въ мятежѣ далеко не столь стойкой, какъ сосѣдняя Гурія. Одинъ изъ «героевъ» зугдидской революціи Павелъ Акобія былъ арестованъ въ Тифлисѣ только 5-го марта 1909 года и на вопросъ властей, что онъ дѣлалъ и на какія средства жилъ, отвѣтилъ:

— Занимался литературнымъ трудомъ.

Впослѣдствіи оказалось, что Акобія дѣйствительно сотрудничалъ въ не такъ давно прекратившейся маленькой грузинской газеткѣ, отличавшейся малою грамотностью, но большимъ задоромъ.

Революція въ Рачинскомъ уѣздѣ зародилась и продолжалась такъ же, какъ и въ остальныхъ уголкахъ Кутанской губерніи. Здѣсь орудовала, какъ въ Гуріи, исключительно социаль-демократическая партія со своими обычными «красносотенцами», «дружинниками» и др. Чутко прислушиваясь къ тому, что дѣлается у сосѣдей, рачинцы къ концу года набрались смѣлости и рѣшили выполнить подготовлявшееся крупное революціонное выступленіе.

Утромъ 31-го декабря 1905 года въ центрѣ Рачинскаго уѣзда, мѣстечкѣ Они, по постановленію имеретинскаго революціоннаго

комитета, имеретинская боевая дружина, раздѣлившись на четыре отряда и выстроившись у дома Георгія Лобжанидзе, гдѣ помѣщался клубъ социаль-демократической организаціи, направилась къ зданіямъ казначейства, мирового отдѣла, почтово-телеграфной конторы и уѣзднаго управленія и вооруженной силой захватила всѣ эти правительственные учрежденія, забравъ всѣ деньги и мало-мальски цѣнное казенное имущество. Первымъ было захвачено казначейство. Около одиннадцати часовъ утра красносотенцы, во главѣ которыхъ находились Бакрадзе, Джохадзе, Георгій Лобжанидзе, Джапаридзе, Гургенидзе и Коберидзе, вошли въ казначейство; обезоруживъ стражниковъ и занявъ всѣ выходы, дружинники потребовали отъ казначея Науменка выдачи ключей отъ кладовой. Получивъ ключи и приставивъ къ казначею карауль, дружинники вошли въ кладовую и принялись выносить оттуда денежные сумки и ящики, а затѣмъ предложили служащимъ забрать свои вещи и уходить по-добру по-здорову, объявивъ въ торжественной формѣ о переходѣ казначейства въ вѣдѣніе революціонной организаціи, замѣнившей низвергнутое русское правительство. Когда всѣ ушли, Симонъ Джапаридзе, приставивъ къ наружнымъ дверямъ карауль, заперъ зданіе казначейства и ключи положилъ къ себѣ въ карманъ. На другой день Науменко вмѣстѣ съ бухгалтеромъ составили «донесеніе» начальству и послали его въ Кутаисъ съ нарочнымъ; письмо это все же было перехвачено членами революціонной организаціи, которая послала двухъ дружинниковъ арестовать «измѣнника». Науменко былъ арестованъ и доставленъ въ селеніе Тола, въ сорока верстахъ отъ Оні, гдѣ надъ намъ тотчасъ же состоялся революціонный судъ. Члены суда ограничились «строгимъ внушеніемъ» и предупреденіемъ, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго подсудимый будетъ разстрѣлянъ. По подсчету, въ казначействѣ было всего 429 р. 28 к. деньгами.

Съ мировымъ отдѣломъ расправились тоже довольно скоро. Когда въ помѣщеніе отдѣла вошли революціонеры, находившіяся тамъ секретарь выбѣжалъ на улицу, несмотря на то, что у всѣхъ выходовъ стояли караульные дружинники, и хотѣлъ предупредить мирового судью Добровольскаго, но того уже успѣли арестовать и вели подъ конвоемъ въ мировой отдѣлъ. Въ отдѣлѣ Бакрадзе и Яшвили заявили арестованному, что революціонная организація требуетъ ключи. Требованіе было безпрекословно исполнено. Бакрадзе сдѣлалъ Добровольскому замѣчаніе за то, что, несмотря на переходъ власти отъ правительства къ социаль-демократамъ, Добровольскій продолжалъ считать себя мировымъ судьей! Дружинники, подъ руководствомъ Томарадзе и другихъ членовъ комитета, выгнали вонъ всѣхъ служащихъ, забрали изъ кассы деньги, заперли зданіе мирового отдѣла и, поставивъ караульныхъ, удалились съ криками: «Да здравствуетъ республика!»

Въ уѣздномъ управленіи революціонеры изломали всю мебель, а документы, книги и разныя дѣла выбрасывали съ балкона на площадь, гдѣ былъ разложенъ костеръ, и все это торжественно сжигалось. Въ воинскомъ присутствіи дружинники забрали призывныя списки и казенныя печати.

6-го января 1906 года комитетъ устроилъ грандіозный митингъ. Революціонеръ Коберидзе съ балкона зданія уѣзднаго управленія обратился къ народу съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ:

— Не вѣрьте, что на уѣздъ двигаются правительственныя войска. Правительство низвержено, а войска перешли на сторону народа. Никого въ уѣздъ мы не пустимъ. Да здравствуетъ республика! Не вѣрьте вздорнымъ слухамъ и никого не бойтесь. Самодержавіе пало. Кавказъ свободенъ. Пролетаріи, соединяйтесь... Все передъ нами пало ницъ. Впередъ, свободныя имеретинны!

При приближеніи карательныхъ отрядовъ главари мятежа, какъ и вездѣ, убѣжали, а населеніе, бросившись передъ командирами воинскихъ частей на колѣни, молило о пощадѣ.

Въ Лечхумскомъ уѣздѣ броженіе среди народа особенно чувствовалось въ Цагеряхъ въ ноябрѣ 1905 года, а когда въ началѣ декабря ушли оттуда войска и были уволены стражники, начались нападенія на оставшіяся беззащитными правительственныя учрежденія. Съ каждымъ днемъ тревожное настроеніе все увеличивалось. 30-го декабря въ селеніи Орбели, отстоящемъ отъ Цагерей въ девяти верстахъ, появился вполне сформированный, прекрасно вооруженный отрядъ, подъ предводительствомъ Сосипатра Асатіани, Платона Ахвледіани и Георгія Шапидзе. Предводители «красной арміи» (какъ называли они отрядъ) предложили жителямъ селенія Орбели присоединиться и идти сначала въ Цагери, чтобы разгромить правительственныя учрежденія, уничтожить имущество, дѣла и документы, а затѣмъ двинуться въ Кутаисъ, гдѣ ихъ ожидаетъ «товарищъ Ладо Старосельскій», бывший правительственный губернаторъ Кутаисской губерніи, а теперь глава революціонныхъ организацій и президентъ Кутаисской республики.

Усиленная орбельцами красная армія, придя въ Цагери 31-го декабря утромъ, раздѣлилась на три отряда, которые пошли къ зданіямъ уѣзднаго управленія, мирового отдѣла и почтово-телеграфной конторы. Отдѣльная небольшая группа направилась въ квартиры слѣдователя Кежерадзе и мирового судьи Попова, гдѣ жившіе у нихъ помощникъ уѣзднаго начальника Бакрадзе и сванетскій приставъ Яценко были арестованы. Глава красной арміи Асатіани объяснилъ Бакрадзе, что арестъ имѣетъ цѣлью обмѣнъ плѣнниками въ дальнѣйшей борьбѣ красной арміи съ правительственными войсками. Асатіани тутъ же объявилъ слѣдователю Кежерадзе:

— Революціонное правительство увольняетъ васъ отъ занимаемой должности. Въ вашихъ услугахъ мы больше не нуждаемся.

Первый отрядъ арміи, которымъ командовалъ самъ Асатіани, безъ сопротивленія занялъ уѣздное управленіе. Войдя въ присутственную комнату, Асатіани «открылъ дѣйствія арміи» выстрѣломъ въ портретъ Государя, а затѣмъ приказалъ выносить всѣ дѣла и документы во дворъ и сжечь ихъ. Въ мировомъ отдѣлѣ тоже всѣ дѣла были сожжены. Мировой судья Поповъ, взявъ съ собой нотаріуса Купрашвили, подойдя къ отдѣлу, обратился къ мятежникамъ съ увѣщаніемъ; въ отвѣтъ на это Гнго Чикваидзе сорвалъ съ судьи фуражку, оторвалъ съ нея кокарду и крикнулъ:

— Шапку долой передъ социаль-демократами!

Закончивъ разгромъ уѣзднаго управленія и мирового отдѣла, мятежники, разгромивъ поутно камеру судебного пристава и архивъ нотаріуса, направились къ почтово-телеграфному отдѣленію, гдѣ хозяйничалъ третій отрядъ красной арміи. Соединенные отряды съ воодушевленіемъ принялись ломать и жечь все находившееся. Мятежники въ нѣсколько минутъ опорожнили денежный сундукъ, расхитивъ деньги, марки и вексельные бланки. Портреты Государя были уничтожены во всѣхъ учрежденіяхъ.

Не обошлось безъ курьеза. Когда мятежники подбѣжали къ телеграфному аппарату и хотѣли уничтожить его, находчивый сторожъ аппаратной Георгій Чхетіани закричалъ:

— Назадъ! Не трогайте, иначе аппаратъ взорвется и всѣхъ убьетъ!

Мятежники со страхомъ ринулись назадъ и больше къ аппарату не подходили!

Послѣ разгрома правительственныхъ учрежденій красная армія нестройной массой принялась на площади производить между собой дѣлежъ похищеннаго имущества. Около четырехъ часовъ дня сидѣвшему, по распоряженію революціонеровъ, подъ стражей сванетскому приставу Яценку было прислано требованіе явиться на площадь. Яценко былъ привезенъ подъ усиленнымъ конвоемъ. Закончивъ на глазахъ Яценка денежные расчеты, мятежники объявили, что теперь они рѣшаютъ судьбу арестованнаго. Началось совѣщаніе, но окончательное рѣшеніе отложили въ виду наступавшей темноты, Яценко было отпущенъ домой съ обязательствомъ явиться на слѣдующее утро къ главарямъ арміи. Затѣмъ вся армія разошлась въ разныя стороны. Освободили изъ-подъ ареста и помощника уѣзднаго начальника Бакрадзе, приказавъ ему подъ угрозой смерти никуда не отлучаться изъ Цагерей. На слѣдующій день, 1-го января, революціонный судъ постановилъ: «впредь до рѣшенія дѣла отдать подсудимаго Яценка на поруки», а черезъ нѣсколько дней Бакрадзе получилъ отъ Асатіани письмо съ извѣщеніемъ, что онъ, Бакрадзе, по приказанію «центрального штаба», освобождается изъ-подъ ареста. Въ концѣ января, когда начали подходить правительственныя войска, красная армія вмѣстѣ со своими главарями исчезла и больше ужъ не появлялась.

Мятѣжное броженіе, принявшее столь серьезныя размѣры, проникло даже въ малодоступный горный уголокъ Кутаисской губерніи, такъ называемую «Вольную Сванетію»—крайній сѣверный пунктъ губерніи, въ теченіе почти девяти мѣсяцевъ въ году отрѣзанный отъ другихъ мѣстностей снѣжными завалами и ледниками.

Жители Нижней, Средней и Верхней (крайней сѣверной) Сванетіи, вслѣдствіе особыхъ географическихъ и этнографическихъ условій, находятся на самой низкой ступени духовнаго развитія, не усвоивъ даже самыхъ элементарныхъ понятій о гражданственности и культурѣ. Обычнымъ занятіемъ свановъ является звѣриный промыселъ, отчасти лѣсной; только на незначительныхъ клочкахъ земли возможно земледѣліе. Если въ Сванетіи и бывали до 1905 года массовыя волненія, то они являлись результатомъ вражды отдѣльныхъ крупныхъ помѣщиковъ-князей или же сосѣднихъ селеній; населеніе, вооруженное кремневыми ружьями, улаживало распри непремѣнно пролитіемъ крови, не зная удержа страстей и не считаясь съ требованіями закона. Лишь самая микроскопическая часть свановъ, уходя на зимнее время для заработковъ отхожими промыслами, приносила своимъ сородичамъ вѣсти о томъ, что дѣлалось внѣ Сванетіи, въ другихъ уѣздахъ Кутаисской губерніи. Вотъ этими-то кочевниками и были занесены въ Вольную Сванетію лѣтомъ 1905 года слухи о томъ, что «люди» перестали признавать начальство и помѣщиковъ, не хотятъ платить никакихъ податей и давать повобранцевъ, а желаютъ управлять сами, безъ чиновниковъ, что у грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ и мингрельцевъ царствуетъ «эртоба» (единство), что народъ завелъ своихъ собственныхъ солдатъ и что вмѣсто царя и начальства теперь «соціаль-демократы». Рассказы эти чрезвычайно заинтересовали свановъ, которые стали между собой истолковывать понятіе о свободѣ, какъ возможность дѣлать все, что угодно, никому ничего не платить и забрать все имущество у помѣщиковъ.

Смутнымъ настроеніемъ дикаго народа прежде всего воспользовались въ личныхъ своихъ интересахъ князь Тенгизъ Дадешкелиани и крестьянинъ Давидъ Хвинтелани. Дадешкелиани, двадцатичетырехлѣтній молодой человекъ, стремился къ осуществленію своей мечты—отнять отъ князя Татархана Дадешкелиани земли бечойскаго сельскаго общества, перешедшія къ Татархану по высочайшему повелѣнію, чѣмъ Тенгизъ считалъ себя кровно обиженнымъ. Хвинтелани, двадцативосьмилѣтній полудикарь, спалъ и видѣлъ, какъ бы отомстить единственному представителю власти въ Сванетіи приставу Кишіани за то, что Кишіани преслѣдовалъ Бекая, брата Давида Хвинтелани, разбойника и убійцу, наводившаго своими дѣяніями ужасъ на мирную часть населенія. Но мало-по-малу личные интересы князя Тенгиза и Давида, съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціоннаго движенія, отходили на задній планъ. И князь

Тенгизъ Дадешкеліани и Давидъ Хвинтелани, какъ азартные игроки, увлеклись, революціонная волна ихъ захлестнула. Когда къ осени 1905 года въ Вольную Сванетію стали доходить слухи, что царя уже нѣтъ, что правительство пало, что народъ, избивая полицію и уничтожая помѣщиковъ, самъ управляетъ всѣмъ Кавказомъ и уже присягнулъ на вѣрность «эртобѣ», устанавливая повсюду народовластіе, князь Тенгизъ, священникъ ипарскаго сельскаго общества отецъ Михайлъ Супаташвили и учитель ипарской школы Левагъ Джакобіа стали во главѣ разраставшагося движенія и начали собирать митинги, проповѣдая народу непригодность существующаго строя и увѣряя дикарей-слушателей, что царя не нужно, что министры и чиновники забираютъ въ свою пользу народное богатство, что помѣщики—кровопійцы и платятъ имъ аренду не слѣдуетъ, что народъ долженъ дѣлать лишь то, что хочетъ.

Сваны, подъ вліяніемъ неслыханныхъ никогда рѣчей, охотно присягали на вѣрность «эртобѣ»; къ присягѣ ихъ приводилъ отецъ Михайлъ и другіе священники. По примѣру сосѣднихъ революціонныхъ организацій была сформирована народная боевая дружина, которая приводила въ исполненіе всѣ распоряженія сванскаго революціоннаго комитета, главой котораго считался князь Тенгизъ. Кто почему-либо отказывался принять присягу—того штрафовали. На вооруженіе и содержаніе боевой дружины взыскивалось съ каждаго дыма (семьи) по двадцать копеекъ въ мѣсяць; деньги передавались князю Тенгизу въ его полное распоряженіе. Князь Тенгизъ грозилъ смертью послушникамъ и разыгрывалъ второго озургетскаго Венію Чхиквишвили. Комитетъ организовалъ народное судилище, творившее судъ и расправу и приноравливавшееся къ понятіямъ народа. Напримѣръ, убійство считалось не особенно важнымъ преступленіемъ и каралось только штрафомъ не свыше пятидесяти рублей. Въмѣсто должностныхъ лицъ сельскихъ управленій комитетъ назначилъ сотскихъ и десятскихъ. Самъ Дадешкеліани назвалъ себя «цармомадкенель» (районный представитель).

Народныя волненія, перевернувшія до основанія всю жизнь свановъ, наиболѣе остро выразились въ родномъ князю Тенгизу-Дадешкеліани селеніи Мазеръ и охватили ипарское, кольское, ушкульское, мулахское, местійское, еперцкое и бегойское сельскія общества, гдѣ неустанно агитировали князь Тенгизъ, Джакобіа и выписанные ими два студента-агитатора, грузины, услѣвшие потомъ скрыться и оставшіеся неизвѣстными. Комитетъ соорудилъ большое красное знамя со слѣдующею надписью: «Дзирсь Николай! Гоумарджось эртоба!» (Долой Николая, да здравствуетъ единство). Несмотря на то, что князь Тенгизъ выписалъ чрезъ Зугдиды транспортъ оружія для вооруженія боевой дружины, полученныхъ ружей не хватило, и комитетъ, при помощи дружинниковъ, занялся отобраніемъ оружія у пристава, полицейскихъ стражниковъ

и караульныхъ, находившихся въ распоряженіи пристава. «Разоруженіе» было произведено быстро и безпрепятственно. Приставъ просидѣлъ четыре дня подъ арестомъ, но какимъ-то чудомъ остался живъ.

Конецъ сванской республики одинаковъ со всѣми остальными: приходъ карательнаго отряда, бѣгство главарей, въ послѣдствіи пойманныхъ и арестованныхъ, раскаяніе населенія, боявшагося репрессивныхъ мѣръ, и т. п. Въ настоящее время въ Вольной сванетіи ни о какихъ революціонныхъ выступленіяхъ нѣтъ и помину, хотя сваны попрежнему неизмѣнно остаются такими же дикарями, какими были въ злополучномъ 1905 году.

III.

Портовые города и анархисты-коммунисты.

Въ наиболѣе крупныхъ портовыхъ городахъ Западнаго Кавказа—Поти, Сухумѣ, Батумѣ и Новороссійскѣ—мятежъ нашелъ особенно благоприятную почву; масса пришлыхъ чернорабочихъ, сидѣвшихъ безъ заработка, не нуждалась въ искусной агитаціи, представляя собою именно тотъ горючій матеріалъ, который былъ необходимъ пропагандистамъ. Озлобленность, недовольство положеніемъ и голодовка толкали прелетаріатъ подъ революціонныя знамена, развертываемыя соціально-демократической организаціей. По первому же зову ряды боевыхъ революціонныхъ дружинъ пополнялись безработнымъ людомъ, готовымъ, какъ выразился въ Сухумѣ на митингѣ одинъ ораторъ-рабочій, продаться «не то что социалисту, а хоть самому чорту».

Въ Поті еще въ концѣ 1904 года, подъ вліяніемъ экономическаго кризиса, среди чернорабочихъ и наемной прислуги разныхъ отраслей хозяйства начались волненія на почвѣ «требованій» улучшенія экономическаго быта. Требования поддерживались различными забастовками, неизмѣнно оканчивавшимися успѣхомъ забастовщиковъ. Успѣхъ, разумѣется, разжигалъ аппетиты. Этими обстоятельствами тотчасъ стали пользоваться въ широкой степени лица, принадлежавшія къ тайному сообществу, поставившему цѣлью своей дѣятельности замѣну существующаго государственнаго и общественнаго строя народовластіемъ. Сообщество это, функционировавшее въ Поті съ начала девятисотыхъ годовъ, путемъ устной пропаганды на тайныхъ сходкахъ и распространенія зажигательныхъ прокламацій отъ имени россійской соціально-демократической партіи призывало народъ къ активной борьбѣ, къ ниспроверженію правительства и къ созданію соціальной жизни на новыхъ основаніяхъ. Толкая на единоборство съ «капиталомъ» и «буржуазіей»,

члены революціонной организаціи, играя на слабыхъ стрункахъ толпы и обѣщая въ будущемъ каждому бѣдняку золотыя горы, систематически вели народъ къ убѣжденію въ непригодности монархическаго режима и деморализировали массу.

Манифестъ 17-го октября 1905 года потійскіе агитаторы намѣренно истолковали въ смыслѣ безнаказанности открытой противоправительственной пропаганды и, видя растерянность мѣстной правительственной власти, сконфуженно ретировавшейся при первомъ же появленіи въ Поті краснаго флага, сразу вышли изъ подполья на улицу. Новизна митинговъ, демонстративныхъ шествій по городу съ революціонными пѣснями и пр. одурманила пролетарскія головы. Незамѣтный, молчаливый, полуоборванный чернорабочій почувствовалъ себя господиномъ. На одномъ изъ митинговъ одинъ изъ ораторовъ къ концѣ своей рѣчи съ паѳосомъ воскликнуть:

— Нѣтъ царя, нѣтъ чиновниковъ, нѣтъ налоговъ, нѣтъ собственности. Клянитесь на вѣрность демократической республикѣ!

— Клянемся!—заревѣла тысячная толпа.

Образовался потійскій революціонный комитетъ, начавшій дѣйствовать по одному и тому же шаблону. Въ пользу комитета и боевой дружины были установлены особые денежные сборы. Открыли свои дѣйствія, подъ именемъ народнаго суда, революціонныя судилища, разбирающія всякаго рода гражданскія и уголовныя дѣла. Для охраны города и для сбора принудительныхъ «пожертвованій» были учреждены должности десятскихъ, сотскихъ, районныхъ представителей и т. п., а въ цѣляхъ террора и для охраны главарей движенія быстро сформировался отрядъ террористовъ. Боевая дружина, довольно многочисленная, создавалась въ теченіе недѣли и предназначалась для вооруженной борьбы съ правительственными войсками.

Но одно смущало новоиспеченныхъ республиканцевъ: дружинниковъ масса, число желающихъ поступить въ дружину все растетъ, а оружія мало, да и то, что имѣется, въ большинствѣ стараго образца, неусовершенствованное. Однако главари комитета позаботились и объ этомъ, они не дремали, но не о всѣхъ своихъ замыслахъ и планахъ оповѣщали единомышленниковъ, боясь, что какой-нибудь словоохотливый полупьяный «республиканецъ» разболтаетъ и испортитъ все дѣло, а то, чего добраго, и «донесетъ» первому попавшемуся околоточному. Въ ночь на 13-е ноября командиръ потійскаго отряда черноморской бригады пограничной стражи Кречетовъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что въ потійскомъ портѣ громадная толпа выгружаетъ транспортъ оружія и переноситъ его въ городъ. Кречетовъ послалъ нѣсколько нижнихъ чиновъ занять мѣста по дорогѣ изъ порта въ городъ. Едва пограничные солдаты подошли къ мосту, какъ ихъ встрѣтили пули. Завязалась перестрѣлка. На мѣсто проише-

ствія прискакала сотня казаковъ, которая оцѣпила пакгаузъ Русскаго общества пароходства и торговли; пакгаузъ, несмотря на нерабочее время, былъ открытъ и освѣщенъ, и отсюда слышался громкій говоръ и трескъ разламываемыхъ деревянныхъ ящичковъ. Увидавъ казаковъ, нѣкоторые изъ находившихся въ пакгаузѣ успѣли убѣжать и даже взять съ собой нѣсколько ящичковъ. У пакгауза (случайно или умышленно—неизвѣстно) стоялъ товарный поѣздъ, быстро отошедшій въ городъ съ бѣглецами и унесенными ящичками. Войдя въ пакгаузъ, Кречетовъ и казаки увидѣли цѣлую груду ящичковъ, частью цѣлыхъ, частью разбитыхъ и уже опустошенныхъ. Въ ящичкахъ находились ружья усовершенствованной швейцарской системы, штыки къ нимъ и боевые патроны. Какъ оказалось, поздно ночью къ берегу пристало заграничное судно, которое, при помощи ожидавшей его прихода толпы, предводительствуемой членами комитета, и выгрузило ящички, а затѣмъ ушло въ море. Всего въ пакгаузѣ оказалось сто четырнадцать ящичковъ, изъ которыхъ тридцать одинъ съ ружьями и пять ящичковъ съ патронами были къ приходу казаковъ уже разобраны. Всего въ эту ночь задержано: около восьмисотъ ружей, пятьдесятъ восемь ящичковъ съ патронами и шестьсотъ штыковъ. Кречетовъ узналъ, что оружіе выгружалось еще съ какого-то баркаса, который, при началѣ перестрѣлки, быстро ушелъ въ море, не кончивъ выгрузки. Кречетовъ съ командой пустился на маленькомъ портовомъ пароходѣ «Ріонъ» на розыски таинственнаго баркаса и въ трехъ верстахъ отъ Анаклии, въ открытомъ морѣ, догналъ и арестовалъ баркасъ «Маргатина», съ грузомъ оружія и экипажемъ, состоявшимъ изъ семи мингрельцевъ. Въ баркасѣ найдено 1,200 ружей швейцарскаго образца и около 220.000 боевыхъ патроновъ.

Несмотря на такую неудачу, комитетъ не унывалъ и продолжалъ дѣйствовать настолько успѣшно, что весь городъ Потти перешелъ въ полное владѣніе и распоряженіе революціонно настроенной толпы. Террористическіе акты красной сотни, не знавшей пощады, сдѣлали то, что полиція забастовала, судъ пересталъ функционировать, правительственныя учрежденія фактически перестали существовать. Когда почта, телеграфъ, желѣзная дорога и пароходы тоже забастовали—наступилъ самый острый періодъ революціи съ демонстраціями, захватомъ городскихъ школъ и тюрьмы, попыткой упразднить городскую управу и проч.

Главаремъ потійской революціонной организаціи былъ студентъ Викторъ Тевзая. Онъ фактически распоряжался рѣшительно всѣмъ, и безъ него ни одинъ изъ членовъ комитета не смѣлъ сдѣлать лишняго шага, сказать лишняго слова. Тевзая завѣдывалъ всѣми отраслями «республиканскаго» хозяйства. Какъ ораторъ на митингахъ, онъ пользовался сумасшедшимъ успѣхомъ у толпы, безпрекословно подчинявшейся этому юношѣ-фанатику. Ближайшими помощниками Тевзая считались: Кишвардій Кекелидзе, гуріецъ

среднихъ лѣтъ, двадцатидвухлѣтній Ясонъ Чихладзе и девятнадцатилѣтній Викторъ Каландарашвили. Изъ нихъ Кекелидзе предсѣдательствовалъ въ революціонномъ народномъ судѣ.

Прекрасную характеристику тогдашняго поведенія потійской администраціи и городскихъ дѣятелей сдѣлали въ своихъ показаніяхъ на судѣ Антонъ Жгенти и Каландарашвили. Первый, отрицая свою виновность и участіе въ мятежѣ, сознался лишь въ томъ, что *по порученію замѣстителя потійскаго городского головы* собиралъ съ населенія деньги въ пользу гурійцевъ, пострадавшихъ отъ дѣйствій правительственныхъ воинскихъ отрядовъ! А второй заявилъ, что онъ состоялъ членомъ социаль-демократическаго клуба, существовавшего въ *Поти съ вѣдома властей* и насчитывавшаго болѣе ста членовъ, и что въ клубѣ этомъ онъ, произнося рѣчи по примѣру прочихъ членовъ, развивалъ социаль-демократическіе принципы, но эти рѣчи по содержанию своему не выходили изъ предѣловъ дозволеннаго, такъ какъ его ни разу не останавливали присутствовавшіе на митингахъ *представители администраціи*.

Къ концу января потійская республика лопнула, какъ мыльный пузырь. Кто успѣлъ бѣжать, кто былъ арестованъ. Арестъ губернатора Старосельскаго и вице-губернатора Кишпидзе произвелъ глубокое впечатлѣніе на потійскихъ товарищей. Среди рабочаго люда волненіе, однако, продолжалось довольно долго, но уже не принимало прежней остроты.

Въ Сухумѣ и Сухумскомъ округѣ проявленіе народнаго броженія было менѣе рѣзко, такъ какъ абхазцы—коренное населеніе—въ большинствѣ парализовали своею относительною лояльностью попытки агитаторовъ. Все же и здѣсь происходили довольно значительныя волненія, при чемъ главную роль игралъ пришлый элементъ.

Распоряжалась революціонными актами неизмѣнно социаль-демократическая организація, составившая, какъ и вездѣ на Западномъ Кавказѣ, свой комитетъ, но не было «души» дѣла, главнаго организатора, сумѣвшаго подчинить себѣ всѣхъ сочувствовавшихъ революціи. Послѣ 17-го октября 1905 года начались всевозможные «митинги», «народныя собранія» и проч., на которыхъ ораторы проповѣдывали непригодность существующаго государственнаго строя, необходимость «народу» прервать всякія сношенія съ правительствомъ, не платить государственныхъ налоговъ, бойкотировать коронный судъ... Монархія-де пала, нужно учредить республику на демократическихъ началахъ; когда не будетъ существовать «капитализма» и собственности—равноправные граждане начнутъ самоуправляться, положивъ въ основу самоуправления все то, что для блага человечества предлагается социаль-демократами.

Сухумская правительственная власть, и вообще-то слабая своею малочисленностью, сдалась быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Забастовки,

демонстративныя шествія, митинги, а также усилившіеся разбои и грабежи, поощряемые социаль-демократическимъ комитетомъ, получавшимъ, какъ это установлено, извѣстный процентъ «на революцію», сразу ослабили функціи правительственныхъ учреждений. Комитетъ не имѣлъ опредѣленнаго помѣщенія, а собирался гдѣ придется, чаще всего въ артистическомъ городскомъ кружкѣ. Комитетъ установилъ денежныя сборы, явные и тайные, съ жителей и на собираемыя деньги содержалъ боевую дружину; имъ же былъ учрежденъ революціонный народный судъ, разбиравшій гражданскіе счеты между отдѣльными лицами и судившій за уголовныя дѣянія. Революціонный судъ имѣлъ свою тюрьму, куда сажалъ осужденныхъ. Впослѣдствіи выяснилось, что «судъ» разобралъ около двадцати дѣлъ. Предъ этимъ судомъ, въ числѣ другихъ, предстали: извѣстный разбойникъ Герасимъ Кегурія, скрывавшійся отъ законныхъ властей, и сухумскій приставъ Скориковъ. Кегурія былъ оправданъ, а Скориковъ приговоренъ «къ тюремному заключенію». Скорикова арестовалъ членъ комитета Дмитрій Шонія, явившійся съ дружинниками 20-го ноября на пароходъ, на которомъ приставъ, видимо, собирался совѣмъ уѣхать изъ Сухума; Шонія, прежде всего, приказалъ Скорикову отдать револьверъ, а затѣмъ подъ конвоемъ дружинниковъ отправилъ его прямо въ революціонный судъ, гдѣ собрались члены этого суда и ожидали привода подсудимаго.

Въ томъ же ноябрѣ 1905 г., по настоянію одного изъ главарей комитета, сухумскаго адвоката, выкращеннаго еврея, былъ объявленъ бойкотъ сухумской городской думѣ, дума эта была признана «незаконной», и комитетъ организовалъ новыя городскіе выборы съ всеобщей, тайной, прямой подачей голосовъ. Затѣмъ, по постановленію комитета, революціонеръ Самсонъ Марганадзе, бывший сторожъ сухумскаго мирового отдѣла, явился въ этотъ отдѣлъ и предъявилъ требованіе закрыть выѣздную сессію кутаисскаго окружнаго суда «въ знакъ траура по павшимъ борцамъ за свободу». Требованіе бывшаго сторожа, а въ то время члена социаль-демократическаго комитета, было исполнено. Одновременно членъ комитета Горделадзе закрылъ на одинъ день, тоже «въ знакъ траура», сухумское казначейство. Всѣ учебныя заведенія въ городѣ, по требованію социаль-демократовъ, закрылись. Комитетъ, нуждаясь въ притокѣ денегъ, организовалъ и удачно выполнилъ ограбленія Драндскаго монастыря и санаторіума Смецкаго.

Среди «дѣятелей» сухумской революціи обращала на себя особое вниманіе мѣстная учительница, по мужу грузинка, родомъ еврейка. Эта особа вела пропаганду среди школьниковъ, убѣждая дѣтей «итти за народомъ въ борьбѣ съ правительствомъ».

Революціонная вакханалія въ Сухумѣ продолжалась вплоть до разгрома генераломъ Алихановымъ и его ближайшими помощниками

кутанской, гурійской, мингрельской, имеретинской и других республикъ. Увидавъ, что правительственная власть восстановлена во всей Кутанской губерніи и Батумской области, сухумскіе революціонеры быстро переимѣнили фронтъ и начали передъ слѣдственной властью откращиваться отъ того, чему, казалось, такъ искренно, горячо служили.

Возстановленіе порядка въ Сухумѣ не стоило правительству большихъ трудовъ; но, къ сожалѣнію, на систематическое «огрузиниваніе» этого чуднаго уголка управленіе кавказскимъ намѣстничествомъ не обратило должнаго вниманія, и на смѣну социаль-демократовъ появились грузинскіе федералисты, начавшіе не на шутку «хозяйничать». И только годъ тому назадъ и это гнѣздо было разрушено.

О революціи въ Новороссійскѣ и Батумѣ я уже говорилъ подробно въ моемъ очеркѣ «Кавказскій бунтъ» («Историческій Вѣстникъ», май, 1910 г.). Теперь, для полноты картины тяжелаго времени, пережитаго портовыми городами, остановлюсь только на дѣятельности такъ называемыхъ «анархистовъ-коммунистовъ», продолжавшихъ довольно долго держать въ страхѣ многихъ состоятельныхъ людей, еле оправившихся отъ остраго періода бунта.

Когда социаль-демократическіе комитеты частью распались, частью опять спрятались въ подполье, громадное количество боевыхъ дружинниковъ, лишившихся и жалованья, и «заработковъ», расплодилось по всеѣмъ городамъ Закавказскаго края. Привычка къ насилію, къ легкому способу добыванія денегъ сдѣлала то, что все эти «дружинники», въ большинствѣ мальчуганы, пренебрежительно относящіеся къ честному труду, оказались выброшенными за бортъ. Къ тому же за каждыиъ рядъ преступленій, стало быть, нужно скрываться, жить нелегально, иначе очутишься въ тюрьмѣ. Что дѣлать? И отставные дружинники начали заниматься вымогательствами, превратившись въ «анархистовъ-коммунистовъ» и оправдывавая шантажъ и грабежъ политическими убѣжденіями (!), требованіями «партіи».

Создатели партіи анархистовъ-коммунистовъ избрали партійнымъ центромъ Тифлисъ, откуда уже разсылали «членовъ-организаторовъ» по градамъ и весямъ Закавказья. Въ Тифлисъ орудовали «орлы» партіи, а мелкая сошка посылалась, главнымъ образомъ, въ портовые города Западнаго Кавказа, преимущественно въ Батумъ и Поти.

Начиная съ мая мѣсяца 1906 г., тифлисскіе анархисты, желая организовать въ Батумѣ среди своихъ единомышленниковъ и бывшихъ товарищей-боевиковъ самостоятельную группу, нѣсколько разъ посѣщали съ этой цѣлью Батумъ. Потрясенный революціей городъ далъ благопріятную почву, а тифлисскіе организаторы разбили батумскихъ членовъ на разныя группы, причисливъ однихъ

къ группѣ «Черный Воронъ», другихъ къ группѣ «Интернаціональ», третьихъ къ «Ласточкѣ», четвертыхъ къ «Общинѣ» и проч. Но «товарищи» не приняли въ соображеніе, во-первыхъ, того, что власть уже опомнилась и, подкрѣпленная свѣжими силами, начала проявлять спавшую въ разгаръ революціи энергію, и, во-вторыхъ, что пугать людей не такъ легко, какъ въ 1905 году. И вотъ въ Батумѣ цѣлый рядъ вновь испеченныхъ «анархистовъ-коммунистовъ» попался, такъ сказать, на зарѣ своего служенія «партіи». 21-го іюля 1906 года на вокзалѣ станціи Батумъ жандармская полиція арестовала прѣбывающаго съ поѣздомъ Василя Гугушвили, привезшаго съ собой тюки прокламацій, восхваляющихъ коммуны, нѣсколько рукописей, въ томъ числѣ призывъ рабочихъ на грабежъ богатыхъ людей, нѣсколько пудовъ грузинскаго и русскаго шрифтовъ, ручной типографскій станокъ, гремучій студень, динамитъ, книгу для сбора пожертвованій, озаглавленную «Организаціонной расходной книжкой», печати «Чернаго Ворона», «Интернаціоналя», «Ласточки», «Общины» и др. группъ и, наконецъ, бланки всѣхъ группъ, на которыхъ былъ напечатанъ слѣдующій текстъ:

«М. Г. Группа анархистовъ-коммунистовъ требуетъ съ васъ... рублей и дѣлаетъ предупрежденіе, что если наши товарищи будутъ арестованы по вашей винѣ и если вами не будутъ выданы деньги, то вы будете убиты». Подписи разныя: «Тифлисская группа Черный Воронъ», «Батумская группа Ласточка», «Группа Община», «Интернаціональ», «Батумскій анархистско-коммунистическій рабочій кружокъ» и др.

26 іюля въ контору Роберта Эггерта, считающуюся въ Батумѣ довольно состоятельной, явился молодой грузинъ и передалъ письмо, а самъ остался ожидать отвѣта. Въ письмѣ было требованіе денегъ. «Коммуниста» арестовали; онъ оказался Варлаамомъ Бердзенишвили, шестнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ. 5-го августа арестовали Германа Имнайшвили, который несъ къ купчихѣ Вольфзонъ требованіе уплатить группѣ «Черный Воронъ» 100 рублей. У этого Имнайшвили нашли въ карманѣ письмо отъ рядовыхъ минной роты Сарапкина и Веревкина, высланныхъ изъ Батума за безпорядокъ въ Карсскую крѣпость; въ письмѣ, адресованномъ «товарищамъ анархистамъ» и писанномъ, по неграмотности сосланныхъ, какимъ-то В. О., выражается благодарность за присланныя для сосланныхъ саперовъ, минеровъ и артиллеристовъ бѣлье и деньги, сообщается кое-что изъ жизни сосланныхъ и добавляется «просьба сообщить новости о ходѣ работы анархистовъ-коммунистовъ».

Имнайшвили при арестѣ объявилъ:

— По убѣжденіямъ я социаль-демократъ и состою членомъ этой партіи, стремящейся къ учрежденію демократической республики...

Послѣ ареста трехъ товарищей анархисты-коммунисты притихли, но ненадолго. Уже весной 1907 года пошли гулять по Батуму раз-

личные письма съ требованіемъ денегъ, а къ лѣту дѣятельность «анархистовъ» усилилась. Въ маѣ мѣсяцѣ представители «батумскаго синдиката анархистовъ-коммунистовъ» «Интернаціональ» начали разносить письма къ батумскимъ купцамъ, съ адресами: «Паразиту кунцу (такому-то)». Представители принесли такія письма купцамъ Энкилевичу, Сабаеву, Куцури и др. То же происходило и въ Поти: письма получили Рубонъ, братья Авгерипо, Катырджанъ, Скаржинскій и др., и все отъ того же батумскаго «Интернаціоналя», при чемъ подаватели писемъ прибавляли на словахъ:

— Не дашь денегъ, паразитъ,—убьемъ!..

Смѣлость и дерзость вымогателей, которые не посылали, а лично разносили свои письма, многихъ изумляла, но никто не рѣшался схватить смѣльчака-«товарища». Однако полиція не дремала, и главари «Интернаціоналя» и другихъ группъ вскорѣ попались. 13-го іюля 1907 года потійская полиція узнала, что въ домѣ нѣкоего Вахтапа Каплатадзе скрываются два анархиста-коммуниста, которые имѣютъ оружіе и изготовляютъ разрывные снаряды, намѣреваясь ограбить какое-либо кредитное учрежденіе. При обыскѣ дома Каплатадзе почью полиція нашла въ одной комнатѣ спавшихъ на полу двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ назвалъ себя Іосифомъ Брегвадзе, а другой Борисомъ Хорошухинымъ. Въ каминѣ найдены три готовыхъ къ метанію разрывныхъ снаряда, а въ корзинѣ прокламаціи, паспортные бланки, печать «Интернаціоналя» и двѣ квитанціи въ полученіи «партіей» сданныхъ ея агентами денегъ. Брегвадзе и Хорошухинъ заявили, что оба они—анархисты-коммунисты. Въ Хорошухинѣ почти всѣ перечисленные выше купцы признали именно того молодого человѣка, который являлся за деньгами съ угрожающими письмами. При арестѣ Хорошухинъ сказалъ солдатамъ-караульнымъ:

— Я пожалѣлъ старика Каплатадзе, старуху и ихъ сына, а то всѣхъ бы, да и себя въ томъ числѣ, взорвалъ на воздухъ!

Въ октябрѣ въ Поти же былъ схваченъ и арестованъ тоже одинъ изъ главарей партіи анархистовъ-коммунистовъ, Леонидъ Хунцарія. Эта тройка—Брегвадзе, Хорошухинъ и Хунцарія, какъ впоследствии оказалось, дѣйствовали по директивамъ «тифлискаго союза» не только въ Батумѣ и Поти, но и въ другихъ портовыхъ городахъ Западнаго Кавказа, разъѣзжая на пароходахъ, курсирующихъ между черноморскими портами Кавказскаго побережья.

Въ настоящее время анархисты-коммунисты, до сей поры оперирующіе на взбаламученномъ Кавказѣ, перемѣнили тактику: отъ письменныхъ вымогательствъ они перешли къ «взятію въ плѣнъ». Намѣченная жертва схватывается на улицѣ, увозится въ какую-нибудь трущобу, куда и воронъ костей не заносить, а затѣмъ отъ родныхъ «цѣлненнаго» требуется выкупъ. Похитители, чувствуя, что нынче времена иныя, довольно податливы и охотно идутъ на

компромиссъ: берутъ по полтиннику, а то и меньше, съ cadaго рубля запрошенной суммы.

Отмѣчу еще, что кавказскіе «отставные дружинники» сыграли немаловажную роль въ успѣхахъ Саттаръ-Хана въ Персіи. Часть ихъ, ищущая непремѣнно сильныхъ ощущеній, не удовольствовавшись положеніемъ «анархиста-коммуниста вымогателя» и послѣ разгрома революціи 1905—1906 г.г. постепенно перекочевала въ Персію, гдѣ и стала въ ряды саттаръ-ханскихъ фидаеевъ. Теперь нѣкоторые вернулись, но большинство осѣло на персидской землѣ.

IV.

Почтово-телеграфная и желѣзнодорожная забастовки.

Революціонное время изобиловало волненіями не только среди крестьянъ и рабочихъ, но и среди служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Служилый людъ, охваченный имѣвшими безумный успѣхъ революціонными теченіями, настойчиво добивался улучшенія своего экономическаго положенія. Начались предьявленія всевозможныхъ «требованій». Ходячее мнѣніе было таково: потребовать—значить получить. Требования поддерживались забастовками, всегда достигавшими цѣли. Революціоннымъ организаціямъ это было на руку; они являлись умѣлыми подстрекателями. Каждая забастовка представляла комитетамъ фактическую возможность увеличить прогрессивно множившееся число «недовольныхъ» современнымъ положеніемъ вещей и показать администраціи бессиліе правительства въ борьбѣ съ «народной волей» и «народной мощью». Начавшаяся 15-го ноября всероссійская почтово-телеграфная забастовка, а затѣмъ подоспѣвшая всеобщая желѣзнодорожная забастовка имѣли громадное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ кавказской революціи. Только эти двѣ забастовки и создали возможность захвата революціонерами Закавказскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и процвѣтанія въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ различныхъ кавказскихъ республикъ.

Почтово-телеграфная забастовка на Западномъ Кавказѣ протекла довольно мирно. Тутъ не замѣчалось такой остроты, какъ, напримѣръ, въ Тифлисѣ, гдѣ въ концѣ концовъ почтово-телеграфные чиновники окончательно подчинились мѣстнымъ революціоннымъ партіямъ, галдѣли на митингахъ и ходили на помочахъ социалъ-демократовъ. Западный Кавказъ «примкнулъ» къ почтово-телеграфной забастовкѣ благодаря такимъ обстоятельствамъ, предотвратить которыя было невозможно даже при полномъ желаніи не бастовать. Центръ Западнаго Кавказа губернской городъ Кутаисъ можно считать типичнымъ показателемъ, какъ и почему бастовали западно-кавказскіе почтово-телеграфные чиновники.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, возникновеніе и ходъ кутаисской забастовки. Въ первыхъ числахъ ноября (1905 г.) въ кутаисской почтово-телеграфной конторѣ начали получаться по телеграфу записки изъ Москвы и Тифлиса съ предложеніемъ чиновникамъ «организоваться» и столковаться относительно предъявленія требованій начальству объ улучшеніи быта почтово-телеграфнаго работника. Записки эти на первыхъ порахъ не имѣли особаго успѣха среди чиновниковъ, но когда въ газетахъ стали періодически появляться статьи и замѣтки о томъ, что чины почтово-телеграфнаго вѣдомства учреждаютъ всероссійскій союзъ для улучшенія своего положенія, а изъ Москвы по телеграфу пришло извѣстіе, что союзъ уже образованъ, служащіе кутаисской почтово-телеграфной конторы, увлеченные возможностью, какъ имъ казалось, окончательно и благопріятно разрѣшить рядъ наболѣвшихъ вопросовъ, принялись устраивать собранія и совѣщанія для разработки и дополненія тѣхъ пунктовъ «требованій», которыя были ими получены изъ «московскаго центрального бюро почтово-телеграфнаго союза». Требования эти сводились, въ главныхъ чертахъ, къ увеличенію жалованья (на 50 процентовъ) и штатовъ и къ уменьшенію срока службы для полученія пенсіи и рабочаго времени. На собраніяхъ выбирались предсѣдатели, мѣнявшіеся настолько часто, что порой въ одномъ и томъ же совѣщаніи предсѣдательствовали поочередно два-три челоуѣка.

Въ это же время въ печати и въ народѣ усиленно циркулировали слухи о возможности почтово-телеграфной забастовки. По примѣру другихъ почтово-телеграфныхъ конторъ, отъ кутаисской конторы, съ вѣдома высшаго почтово-телеграфнаго начальства, были отправлены въ Москву на «всероссійскій сѣздъ делегатовъ почтово-телеграфныхъ учреждений» инженеръ Курабцевъ и чиновникъ Кверквеладзе, получивъ отъ начальника почтово-телеграфнаго округа отпускъ и денежное пособіе. Кавказскимъ делегатамъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ въ Тифлисѣ были устроены торжественные проводы.

Слухи о забастовкѣ оправдались: 15-го ноября вечеромъ Тифлисъ прервалъ телеграфное сообщеніе съ Кутаисомъ и одновременно перестали работать батумская, сухумская и потійская конторы. Чиновники кутаисской конторы, вмѣстѣ со своимъ начальникомъ Рябчинскимъ, не оставляли аппаратной до утра и всѣми способами пытались вызывать по аппаратамъ сосѣднія учрежденія, которыя упорно молчали. Почта въ тотъ же вечеръ была принята на станціи Ріонъ съ поѣзда жандармами, перевезена въ Кутаисъ и разобрана. Кутаисскіе соціаль-демократы, разумѣется, не дремали: они приняли самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы почтово-телеграфная забастовка въ Кутаисѣ была фактически «выполнена». Кутаисскій

комитетъ съ этою цѣлью имѣлъ зоркое наблюденіе надъ чиновниками, отрядивъ «для надзора» и угрозъ наиболѣе распорядительныхъ красносотенцевъ. 16-го ноября вечеромъ, когда въ аппаратной находился начальникъ конторы Рябчинскій, съ улицы постучали въ окно и приказали Рябчинскому немедленно удалиться. Противъ конторы дружинники, съ револьверами наготовѣ, учредили наблюдательный постъ, чтобы никто изъ чиновниковъ не смѣлъ войти. Въ самый день начала забастовки начальнику конторы было прислано отъ «кутанскаго комитета социалистовъ-революціонеровъ» письмо, за печатью комитета, съ требованіемъ бастовать; большинство чиновниковъ отъ того же комитета получили предупрежденія не ходить на службу.

Чиновники, живя въ сгущенной атмосферѣ террора и находясь еще подъ впечатлѣніемъ звѣрскаго убійства революціонерами помощника начальника станціи Кутансъ Кузнецова изъ-за того, что Кузнецовъ не принималъ участія въ желѣзнодорожной октябрьской забастовкѣ (продолжавшейся двадцать пять дней—съ 15 октября по 10 ноября), не имѣя никакой защиты со стороны властей, *volens volens* бастовали. Телеграфные проводы какъ въ сторону Тифлиса, такъ и въ сторону Поти и Батума были порваны; попытки исправить поврежденія наталкивались на вооруженный отпоръ революціонныхъ организацій. Начавшаяся въ скоромъ времени всеобщая желѣзнодорожная забастовка, перешедшая въ захватъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ революціонерами, устранила возможность какихъ бы то ни было сообщеній въ кутаисскомъ районѣ.

Прибытіе въ кутаисскую почтово-телеграфную контору отряда саперовъ ничѣмъ не измѣнило положенія; саперы находились все время въ бездѣйствіи вслѣдствіе невозможности сообщаться съ сосѣдними конторами и станціями и бесполезности исправленія телеграфныхъ проводовъ вблизи Кутаиса. На уговоры начальника кутаисской конторы чиновники, сами бѣдствовавшіе отъ забастовки, отвѣчали, что они всѣ сейчасъ же стали бы на работу, если бы имъ была гарантирована безопасность, если бы ихъ оберегли отъ угрозъ темныхъ революціонныхъ силъ, хозяйничавшихъ въ городѣ и прекратившихъ функціи всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений. Съ дальнѣйшимъ ходомъ забастовки предъ большинствомъ семейныхъ необезпеченныхъ чиновниковъ поднялся грозный призракъ голодовки, и вотъ они, тайкомъ отъ революціонныхъ соглядатаевъ, стали собираться на квартирахъ сослуживцевъ для изысканія средствъ прокормить себя и свои семьи. Разумѣется, и среди кутаисскихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, какъ и вообще среди всѣхъ чиновниковъ на Кавказѣ, были и сочувствовавшіе мятежу, примыкавшіе къ социаль-демократамъ, социаль-революціонерамъ и социалистамъ-федералистамъ; эти «сочувствовавшіе» играли въ руку «товарищамъ» и пустились очертя голову въ «поли-

тику». Но, по малочисленности своей, они одни, безъ помощи организацій, ничего не могли бы подѣлать.

27-го декабря начальникъ конторы объявилъ циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о томъ, что всѣ почтово-телеграфныя чины, которые не пожелаютъ черезъ два дня стать на работу, будутъ уволены. Увидавъ, какой печальный оборотъ принимаетъ забастовка, сулившая рѣзки медовыя и берега кисельные, чиновники тотчасъ же подали коллективное заявленіе, что они немедленно стануть на работу, если администрація гарантируетъ имъ личную неприкосновенность и оградить ихъ жизнь отъ посягательства революціонныхъ организацій. 3-го января въ контору, куда собрались чиновники, явился губернаторъ и обѣщаль защиту, содѣйствіе и поддержку, а 4-го января весь составъ чиновниковъ и низшихъ служащихъ съ утра былъ на своихъ мѣстахъ. Послѣдовавшее за этимъ исправленіе поврежденныхъ телеграфныхъ линій, достигнутое при помощи войскъ, а затѣмъ пораженіе революціонеровъ и окончаніе желѣзнодорожной забастовки прекратили и почтово-телеграфную забастовку.

Революціонныя организаціи, увидавъ, что ихъ власти приходитъ конецъ, постѣшили, для реабилитаціи своей пошатнувшейся силы, выпустить прокламаціи, гласившія, что, якобы, «по рѣшенію комитета с.-д. р. п. почтово-телеграфная забастовка оканчивается». Такой же характеръ носила почтово-телеграфная забастовка и въ другихъ городахъ Западнаго Кавказа. Почтово-телеграфнымъ чиновникамъ она послужила хорошимъ урокомъ для будущаго; даже всесильные въ то время революціонеры не помогли и, когда самимъ пришлось круто, бросили бѣдняковъ-чиновниковъ на произволъ судьбы!

Совершенно иную форму приняла желѣзнодорожная забастовка; тутъ и кровь лилась, и расхищалось народное благосостояніе. Желѣзнодорожная забастовка—дѣтище социалистовъ разныхъ отгѣнковъ; они вскормили это дѣтище и подчинили его всецѣло себѣ.

8-го декабря 1905 года изъ Тифлиса «конференціей делегатовъ служащихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ» была отправлена по всѣмъ станціямъ на имя начальниковъ станцій, начальниковъ депо и выборныхъ отъ служащихъ слѣдующая телеграмма:

«Конференція делегатовъ отъ служащихъ Закавказскихъ дорогъ, вслѣдствіе предложенія двадцати девяти дорогъ присоединиться къ объявленію всеобщей политической забастовки, постановила примкнуть къ всеобщей россійской забастовкѣ съ 12 час. ночи на 10-е декабря. Бюро конференціи просить товарищей-телеграфистовъ оставлять для дежурства на станціи по одному телеграфисту для пропуска поѣздовъ. Совмѣстно съ товарищемъ по движенію пропускать поѣзда, назначенные стачечнымъ бюро для организаціонныхъ сношеній. Всѣ поѣзда, застигнутые въ пути на малыхъ станціяхъ,

должны доходить до сортировочныхъ станцій, за исключеніемъ пассажирскихъ поѣздовъ, которыхъ не выпускать изъ Тифлиса, а застигнутые на малыхъ станціяхъ пропускать до Тифлиса, Баку и Батума.—Бюро конференціи».

Копія этой телеграммы была сообщена тифлисскому бюро социаль-демократической рабочей партіи. Послѣ полученія телеграммы Закавказскія казенныя желѣзныя дороги въ полночь на 10-е декабря забастовали по всѣмъ службамъ, и всякое движеніе, какъ пассажирское, такъ и товарное, а также операціи по отправкѣ и приему грузовъ были тогда же прекращены. Желѣзнодорожной забастовкой руководили въ Тифлисѣ. Мало-по-малу социаль-демократы захватили желѣзную дорогу въ свои руки; былъ назначенъ свой начальникъ дорогъ, свои начальники службъ и проч.

Не буду повторять общей картины,—она извѣстна читателямъ изъ моего очерка «Кавказскій бунтъ». Сколько крови пролито—жутко вспомнить! Всѣ станціи постепенно подверглись расхищенію и разгрому. Въ критическій моментъ Сурамскій тоннель былъ забитъ испорченными паровозами, совершенно отрѣзавъ Восточное Закавказье и Тифлисъ отъ Западнаго Кавказа. Войскамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отбирать отъ революціонеровъ каждую версту дороги.

На Западномъ Кавказѣ желѣзнодорожная забастовка охватывала участки Варварино — Самтреди, Самтреди — Поты, Самтреди — Батумъ, Ріонъ — Кутаисъ, Кутаисъ — Чиатуры — Тквибулы. Полная желѣзнодорожная забастовка продлилась до 7-го января 1906 года, когда революціонеры были окончательно вышиблены и разсѣяны.

Первая проба желѣзнодорожной забастовки была произведена 15-го октября 1905 г. Забастовка продолжалась до 10-го ноября 1905 г. и показала, что партія социаль-демократовъ на желѣзныхъ дорогахъ главенствовала, что три четверти служащихъ или принадлежали къ этой партіи, или ей сочувствовали, что въ желѣзнодорожныхъ служащихъ революція имѣетъ надежную опору.

Стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ въ районѣ Западнаго Кавказа возникла и протекала слѣдующимъ образомъ. Ко времени образованія профессиональнаго желѣзнодорожнаго союза, когда отъ каждой изъ службъ дороги были выбраны особые представители, на станціи Батумъ, Поты и Кутаисъ началъ часто наѣзжать изъ Тифлиса запасный ревизоръ движенія С., собиравшій служащихъ по линіи на митинги и горячо убѣждавшій ихъ въ непригодности существующаго государственнаго строя—главнаго виновника всѣхъ бѣдствій—и въ необходимости общими силами бороться съ правительствомъ. Могучимъ орудіемъ борьбы, по мнѣнію С., явилась бы всеобщая забастовка. С. приблизительно говорилъ слѣдующее:

— Товарищи! пора покончить со старымъ правительствомъ и со старымъ строемъ. При старомъ строѣ народъ находился подѣ

сильнымъ гнетомъ,—теперь необходимо вести борьбу для достиженія полной свободы. Предлагаю всѣмъ, въ особенности кляузнымъ (!! русскимъ, примкнуть къ всеобщей забастовкѣ. Путемъ забастовки, товарищи, мы добьемся свободы. Нужно избавить народъ отъ гнета, свергнуть правительство и учредить народное правленіе. Правительство насъ грабитъ, высасываетъ изъ насъ кровь. Забастуемъ, а если и эта мѣра не поможетъ—мы всѣ должны вооружиться и вступить въ открытую борьбу. Не надо намъ и никакихъ сословныхъ подраздѣленій—всѣ мы равны.

С., по происхожденію крестьянинъ, говорилъ увлекательно и сѣялъ сѣмена, давшія въ скоромъ времени пышныя всходы. Такія же рѣчи произносила объѣзжавшая всѣ главныя станціи женщина, успѣвшая во время разгрома революціонеровъ скрыться и такъ и оставшаяся неизвѣстной. На станціи Батумъ главными поджигателями служащихъ были надсмотрщикъ телеграфа, два конторщика и слесарь; на станціи Поти—представитель городской социаль-демократической организаціи студентъ Викторъ Тевзая, о которомъ выше я уже говорилъ подробно; на станціи Кутаисъ—бывшій начальникъ станціи, представитель кутаисскаго «комитета» и три мелкихъ служащихъ.

Зажигательныя рѣчи и пропаганда идеи о политическомъ характерѣ забастовки имѣли грандіозный успѣхъ среди большинства малообразованныхъ, невѣжественныхъ служащихъ и рабочихъ, помимо заманчивыхъ надеждъ быть свободнымъ, обеспеченнымъ и мало работать, еще и потому, что кругомъ царило революціонное броженіе, правительственная власть ступевалась, агенты тайныхъ сообществъ дѣйствовали самовластно и всѣхъ, кто не раздѣлялъ убѣжденій «товарищей» и не желалъ, осуждая насилія, самъ свѣлаться насильникомъ, убивали. На Западномъ Кавказѣ агитаторы подготавливали почву. И когда получилась цитированная выше телеграмма отъ «бюро конференціи», машина сразу стала. Въ день начатія забастовки всѣ районы крупныхъ западно-кавказскихъ станціи запестрѣли красными флагами. Всюду неслись крики: «Да здравствуетъ свобода! долѣй самодержавіе!»

По предложенію мѣстныхъ революціонныхъ организацій, въ виду общности цѣлей и задачъ, въ главныхъ желѣзнодорожныхъ пунктахъ Западнаго Кавказа забастовавшими служащими были организованы стачечныя бюро, члены которыхъ избирались на митингахъ прямымъ, равнымъ, тайнымъ голосованіемъ. Руководство выборами принимали на себя члены городскихъ революціонныхъ комитетовъ. Обязанности каждаго члена стачечнаго бюро регламентировались общимъ собраніемъ членовъ. Нѣкоторымъ поручались исключительно полицейскія функціи въ данномъ районѣ, нѣкоторымъ—судебныя; одни должны были собирать въ кассу бюро деньги со служащихъ, обложенныхъ опредѣленнымъ налогомъ на

организацію желѣзнодорожныхъ боевыхъ дружинъ, вооруженіе ихъ и содержаніе, другіе завѣдывали отдѣльными красными сотнями и вмѣстѣ со своей сотней отбирали оружіе у желѣзнодорожной полиціи и частныхъ лицъ; третьи обязаны были посѣщать городскіе митинги и сообщать бюро все, что говорилось и происходило; нѣкоторые специально занимались отправленіемъ и пріемомъ такъ называемыхъ делегатскихъ поѣздовъ, на которые иногда допускалась и «публика» за высокую плату; нѣкоторые завѣдывали снабженіемъ провіантомъ служащихъ на линіи.

Желѣзнодорожныя стачечныя бюро дѣйствовали рука объ руку съ революціонными «комитетами». Напримѣръ, общими силами бюро и комитета въ Батумѣ передъ столкновеніемъ народа съ правительственными войсками строились баррикады на улицахъ, причемъ въ дѣло были употреблены вагоны съ товарной станціи; въ Батумѣ же, 30-го ноября, толпой народа и желѣзнодорожныхъ служащихъ, подъ предводительствомъ членовъ бюро и членовъ комитета, совершено нападеніе на складъ оружія на товарной станціи, при чемъ все оружіе разобрано нападавшими. По приговору революціонеровъ убитъ начальникъ депо. Въ потійскомъ районѣ бюро сперва объявило бойкотъ начальнику станціи Кузьминскому, дорожному мастеру Іованновичу, артельщику Солоухину и сторожу Савельеву, а затѣмъ уволило всѣхъ ихъ со службы и замѣнило другими. Въ кутаисскомъ районѣ напали на цейхгаузъ, канцелярію и квартиру начальника желѣзнодорожной полиціи, забравъ берданки, револьверы и патроны; на станціи Шорапанъ судили революціоннымъ судомъ за «провокацію» и приговорили къ высылкѣ жандармскаго унтеръ-офицера. Въ декабрѣ со станціи Кутаисъ былъ отправленъ со стачечнымъ поѣздомъ на станцію Тквибулы большой отрядъ красносотенцевъ, совершившій тамъ нападеніе на роту пѣхотнаго Бессарабскаго полка. При слухахъ о выходѣ изъ Тифлиса въ Кутаисскую губернію большого карательнаго отряда, въ Сурамскомъ тоннелѣ, чтобы загородить путь, стачечники взорвали паровозъ № 112, системы Ферли, взятый изъ депо станціи Михайлово.

Желѣзнодорожныя стачечныя бюро сносились другъ съ другомъ по желѣзнодорожному телеграфу, передавая, «для свѣдѣнія и пріятія мѣръ», всѣ новости о ходѣ революціоннаго движенія въ Кутаисской губерніи и Батумской области, о передвиженіяхъ карательныхъ отрядовъ правительственныхъ войскъ, за которыми, какъ заявляли стачечники, «ведется неослабное наблюденіе», и пр. Кромѣ делегатскихъ поѣздовъ, въ движеніи находились и особые поѣзда съ запасными нижними чинами, окончившими службу на Кавказѣ и отправлявшимися на родину. Забастовщики отлично понимали, что отказать запаснымъ въ отправкѣ и вызвать ихъ недовольство было для революціонныхъ организацій очень рискованнымъ, потому что запасные нижніе чины—сила не малая. Да и комитетскіе главари прекрасно сообразили, что запасные, доста-

точно деморализованные текущими событиями, по возвращении в свои деревни явятся желательным горючим материалом.

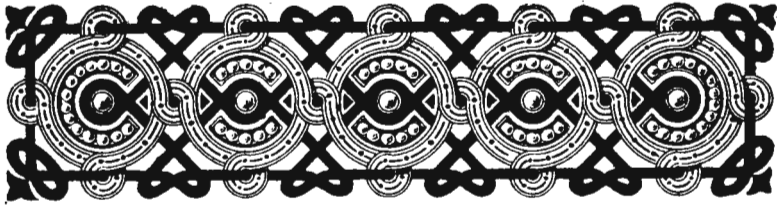
Стачечные бюро, поощряемые и подкрепленные революционерами, в чадѹ успѣха изображали какое-то временное правительство. Нѣкоторыя изъ бюро не разъ обращались къ правительству съ различными требованіями; самтредійское бюро, напримѣръ, послало по телеграфу кавказскому намѣстнику графу Воронцову-Дашкову «требованія»: прекратить «военныя дѣйствія», удалить изъ Кутаисской губерніи казаковъ, снять осадное положеніе и т. п., грозя въ противномъ случаѣ «принятіемъ мѣръ со своей стороны».

Желѣзнодорожная забастовка на Западномъ Кавказѣ носила чисто политическій характеръ и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не подоспѣли высланные изъ Тифлиса карательные отряды, разбившіе революціонеровъ, возстановившіе законную власть и движеніе на Закавказскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ и исправившіе поврежденную желѣзнодорожную линію. 7-го января 1906 года мирная часть населенія была избавлена отъ революціоннаго рабства. Войскамъ-освободителямъ устраивались оваціи,—и дѣйствительно: русскій солдатъ показалъ себя настоящимъ героемъ. Острый періодъ революціи, казалось, прошелъ. Но впереди наступала глухая борьба, кропотливая подпольная работа агитаторовъ, продолжающаяся и до нашихъ дней.

Вспоминая пережитое и мысленно обозрѣвая черную годину вооруженнаго возстанія на Западномъ Кавказѣ, невольно останавливаешься на организаціонныхъ способностяхъ всѣхъ этихъ «комитетовъ», «бюро», «районныхъ организацій» и проч. Революціонная волна вынесла на берегъ людей незаурядныхъ, каковыми являются, напримѣръ, Бенія Чхиквишвили и Викторъ Тевзая. Фанатики идеи, они сумѣли дисциплинировать разношерстную толпу, ставшую подъ революціонное знамя, и подчинить ее своему вліянію. Слово Беніи или Тевзая являлось закономъ. И на ряду со строгой дисциплиной, предусмотрительностью и недюжинными способностями главарей революціи 1905 года приходилось наблюдать полную дезорганизованность, неумѣлость и трусость агентовъ правительственной власти. Только войска положили конецъ вакханаліи, дошедшей до того, что приходилось арестовывать и отправлять подъ конвоемъ самихъ губернаторовъ (Старосельскій).

Что ждетъ Кавказъ въ будущемъ—сказать трудно... Но какъ хотѣлось бы, чтобы этотъ прекрасный край скорѣе дошелъ до той желанной поры, когда мирный трудъ и благодѣтельная культура столкнутъ его съ проселочныхъ извилинъ на широкій прямой путь экономическаго и умственнаго расцвѣта.

Затерянный.

ЗАБЫТЫЙ КЛАССИКЪ.

(Материалы для биографіи И. А. Гончарова),

ВЪ СЕНТЯБРѢ текущего года исполнилось двадцать лѣтъ, какъ скончался знаменитый И. А. Гончаровъ. Характерно, что русское общество ему какъ бы мститъ за то, что Гончаровъ его окрестилъ «обломовщиной»...

Однако мечь ужъ больно длительная...

Куда-то загнана память русскаго корифея. Его забыли.

Теперь «по случаю» двадцатилѣтія со дня кончины хоть вспомнимъ автора «Обломова».

Мнѣ удалось бесѣдовать съ очень близкой знакомой Ивана Александровича Гончарова—вдовой Александрой Ивановной Т-тъ, у которой въ продолженіе многихъ лѣтъ (около 30-ти) жилъ знаменитый русскій романистъ.

Когда я заявилъ Александрѣ Ивановнѣ, что желалъ бы просить ея личныхъ воспоминаній о покойномъ И. А., она сразу оживилась и начала подробно рассказывать про покойнаго писателя.

— Знаете, меня болѣе всего удивляетъ то, что никто изъ писателей нашихъ, которыхъ и я лично знала, не былъ такъ скоро забытъ, какъ покойный Гончаровъ... Ну, совсѣмъ ничего о немъ не пишутъ, не вспоминаютъ, и поэтому мнѣ, очень близко знавшей И. А., уважавшей его еще съ молодыхъ лѣтъ, особенно больно это сознавать... Не знаю, развѣ ужъ И. А. не заслужилъ этого. Нѣтъ, я вамъ скажу, что литераторы—очень черствый народъ...

Она немного помолчала.

— Когда опустили въ могилу прахъ Гончарова, то даже и тогда не нашлось ни одного изъ многочисленныхъ присутствовавшихъ здѣсь литераторовъ, кто бы произнесъ надгробную рѣчь... При жизни его цѣнили, а послѣ смерти забыли... И вотъ похороненъ И. А. уже 20 лѣтъ, а памятника нѣтъ. Видно, не заслужилъ его... Такъ и стоитъ тотъ деревянный крестъ, который поставили на его могилѣ въ день погребенія...

Т-ть рассказываетъ, что передъ смертью Гончаровъ просилъ ее и вынѣ уже покойнаго М. М. Стасюлевича, чтобы его похоронили въ Александро-Невской лаврѣ, чтобы прахъ его покоился гдѣ-нибудь на возвышенности, у обрыва...

Когда Гончаровъ умеръ, М. М. Стасюлевичъ и А. Ѳ. Кони отправились покупать мѣсто для могилы покойнаго. Дѣйствительно, могила автора романа «Обрывъ» находится на берегу кладбищенскаго озера (истокъ Обводнаго канала), который спускается къ водѣ довольно крутымъ обрывомъ.

Послѣ погребенія прошло уже ровно 20 лѣтъ. Купленное мѣсто для могилы Гончарова оказалось очень узенькимъ, и въ то время, какъ вокругъ могилъ другихъ писателей имѣется, помимо памятниковъ, значительное свободное мѣсто, для И. А. устроили какой-то тѣсный шкапчикъ. При этомъ маленькое мѣсто для Гончарова отведено было въ центрѣ другихъ перекрещивающихся могилъ съ массивными монументами, и неудивительно, что вокругъ могилы И. А. страшная тѣснота.

Черезъ нѣкоторое время Т-ть начала хлопотать: на свои средства прикупила мѣсто для расширенія могилы, по ея же настоянію глубокий гробъ оттуда былъ вынуть, стѣнки могилы обложены камнемъ, цементированы и, такимъ образомъ, хоть на извѣстное время могила была обезпечена отъ разрушенія. Теперь тамъ просторно и есть свободное мѣсто для памятника.

— Никто, кромѣ меня,—рассказываетъ Т-ть,—и панихиды не справляетъ въ день кончины И. А., а когда была десятая годовщина со дня его смерти, мнѣ еще приходилось просить разрѣшенія исправить могилу и огородить ее желѣзной рѣшеткой.

— А что, Александра Ивановна, имѣются ли у васъ письма или какія-нибудь неизданныя рукописи Гончарова?

— Нѣтъ, этого у меня нѣтъ, ничего нѣтъ. Знаю только, что И. А. незадолго передъ смертью написалъ рассказъ. Названіе его мнѣ неизвѣстно. Онъ не докончилъ его, да и начало было необработано. Содержаніе его и я не знаю, потому что иногда другія свои произведенія онъ писалъ подъ диктовку, а этотъ рассказъ писалъ самъ. И. А., помнится, говорилъ мнѣ, что рассказъ этотъ ему не нравится, поэтому онъ его оставилъ и не докончилъ, а послѣ смерти Стасюлевичъ передалъ его для храненія въ императорскую публичную бібліотеку. Потомъ у него еще былъ готовый небольшой раз-

сказъ подъ названіемъ «Уха». Я знаю его содержаніе. Онъ не вошелъ въ полное собраніе сочиненій, изданное Марксомъ.

Условіе съ А. Ф. Марксомъ заключала я, и когда сдавала въ «Ниву» для печатанія всѣ сочиненія И. А., то рассказъ этотъ, прочитанный А. Ф. Кони и другими извѣстными литераторами, да и, кажется, самимъ Марксомъ, былъ забракованъ, ибо совѣмъ не былъ похожъ на другія произведенія Гончарова. Его такъ и рѣшили не печатать. Помню, когда покойный читалъ мнѣ этотъ рассказъ, то и ему онъ не нравился. И. А. послѣ этого и запряталъ «Уху» въ свои бумаги. Лучшіе свои романы И. А. писалъ за границей, а когда пріѣзжалъ оттуда, то читалъ ихъ намъ. Должна вамъ кстати добавить, что И. А. еще тогда не совѣмъ оправился отъ перваго удара, когда писалъ тотъ неудачный рассказъ безъ названія...

— А его содержаніе вамъ извѣстно?

— О, нѣтъ, ничего не могу вамъ сказать, потому что предсмертное желаніе И. А. было, чтобы не печатать послѣ его смерти неизданныя и не предназначенныя имъ къ печати произведенія, и чтобы уничтожена была его вся частная переписка. Онъ ужъ очень не желалъ, чтобы все это сдѣлалось достояніемъ общества... Конечно, это относится и къ рассказу «Уха». Читали вы, понятно, его «Нарушеніе воли»?... Ну, вотъ поэтому и не могу отвѣтить на вашъ вопросъ. Кстати, однажды, переходя со мною съ Моховой улицы на Симеоновскую, Гончаровъ, остановившись около витрины одного книжнаго магазина, замѣтилъ изданныя отдѣльной книжкой писема И. С. Тургенева, и тутъ-то онъ вознегодовалъ и возмущался, почему интимная жизнь писателя, по его мнѣнію, неинтересная и никому ненужная, становится извѣстной публикѣ. Долго Гончаровъ объ этомъ тогда говорилъ и все никакъ не могъ забыть безцеремонности издателей...

Между прочимъ, за два года до смерти, т. е. въ 1889 году, въ «Вѣстникѣ Европы» Гончаровъ помѣстилъ памятное всѣмъ литературно-духовное завѣщаніе подъ заглавіемъ «Нарушеніе воли»... Оно заканчивается такими словами:

«Пусть порядочные люди исполнять послѣднюю волю писателя и не печатаютъ ничего, что я самъ не напечаталъ при жизни и чего не назначалъ печатать по смерти. У меня и нѣтъ въ запасѣ никакихъ бумагъ для печати. Это исполненіе моей воли и будетъ мнѣ наградою за труды и лучшимъ вѣнкомъ на мою могилу».

Затѣмъ Т-тъ рассказывала:

— Въ 1888 году съ Гончаровымъ случился второй сильный апоплектический ударъ. Думала, что пришелъ уже конецъ. Послала я за врачами, но никого И. А. къ себѣ не допускалъ, кромѣ одного доктора Даниловича, котораго очень уважалъ и цѣнилъ. Опасность была велика. Пришлось устроить консультацію. Былъ здѣсь еще и другой докторъ—Боткинъ.

— Гончаровъ не выдержитъ,—сказаль онъ мнѣ:—самое большое онъ продержится еще двѣ недѣли...

— Я, невзирая на это, продолжала свой тщательный уходъ за И. А., принимала какія только возможно было мѣры, и каково было, спустя долгое время, удивленіе Боткина, а главное, его неловкость предо мною, когда И. А., несмотря на его преклонный возрастъ, оправился и прожилъ еще 3 года послѣ этой тяжкой болѣзни, закончившейся тогда потерею праваго глаза...

Въ послѣднее время Гончаровъ переживаль много страданій отъ глазной болѣзни. Онъ боялся повторенія удара, не мало угрожавшаго его зрѣнію. Вообще же правый глазъ былъ тогда у Гончарова въ большой опасности. Замѣчательно, что въ Петербургѣ не нашлось хорошаго окулиста, который бы могъ поставить правильный діагнозъ. Разнорѣчивыя мнѣнія и микстуры петербургскихъ врачей ни къ чему не приводили и осложняли только процессъ болѣзни. Положеніе становилось совсѣмъ безвыходнымъ и ничего не оставалось дѣлать, какъ поѣхать въ Ригу къ извѣстному врачу. Гончаровъ и Т-тъ пріѣхали туда и явились къ популярному рижскому окулисту Мандельштаму. Тотъ приложилъ всѣ старанія и сожалѣлъ, что петербургскіе врачи далеко не облегчили серьезности положенія праваго глаза. Онъ сталъ примѣнять различныя средства и затѣмъ все-таки пришлось прибѣгнуть къ операціи, во время которой Гончаровъ испытываль такія тяжкія боли, что не могъ удержаться отъ стоновъ. Клали примочки и пробовали всевозможныя средства, но тутъ ужъ стала проявляться опасность за участь лѣваго глаза, состояніе котораго было до того серьезно, что наконецъ Мандельштамъ рѣшилъ произвести вытечку больнаго глаза. Опять пошли въ ходъ медикаменты. Боли все же не оставляли Гончарова, и глазное яблоко, въ видѣ страшнаго нарыва, стало выпирать изъ орбиты.

Прошли мучительныя двѣ недѣли, сопровождавшіяся неимоверными страданіями и обильнымъ слезотеченіемъ, покуда, наконецъ, глазъ совсѣмъ не вытекъ. Мандельштамъ свободнѣе вздохнулъ, ибо онъ все время терялся и не зналъ, какое примѣнить средство. Немного легче стало Гончарову, и послѣ вытечки глаза, по предписанію окулиста, 24 часа онъ находился въ темной комнатѣ, куда по исходѣ этого срока постепенно стали пропускать свѣтъ.

Переживъ много страданій и убѣдившись, по увѣренію Мандельштама, что опасность за участь лѣваго глаза уже миновала, Гончаровъ изъ Риги переѣхаль отдохнуть въ курортъ Дуббельнъ, Лифляндской губерніи, находящійся въ 18 верстахъ отъ города. Мѣстность здѣсь прекрасная. Безконечныя, покрытыя сосной дюны и большіе хвойные лѣса, въ которыхъ утопаютъ виллы и дачи, и, главное, здоровый воздухъ возстановливають силы Гончарова, и онъ даже принимается за работу.

Лѣтомъ въ Дуббельнѣ и въ сосѣднія живописныя окрестности Карлсбадъ и Бильдерлинггофъ съѣзжается обыкновенно много дачниковъ, среди которыхъ преобладаетъ интеллигенція. Узнали, что на курортѣ проживаетъ знаменитый авторъ «Обломова», «Обыкновенной исторіи» и «Обрыва». И одного слуха было достаточно, чтобы началось обычное паломничество. По этому поводу приведемъ два курьеза.

Однажды послѣ обѣда Гончаровъ прилежъ отдохнуть. Преданная Т-ть строго оберегала покой писателя, и если кто-либо являлся во время его отдыха, она выдумывала различные предлоги, и пришельцу приходилось ретироваться. И вотъ во время такого отдыха къ Гончарову является какой-то военный. Т-ть выходитъ къ нему на крыльцо.

— Нельзя ли повидать господина Гончарова? Мнѣ онъ нуженъ по дѣлу...

Т-ть объявляетъ ему, что, къ сожалѣнію, Гончарова сейчасъ дома нѣтъ. Тотъ, раздосадованный, уходитъ. Приходитъ онъ въ другой разъ и опять не въ урочное время. Снова его встрѣчаетъ Т-ть.

— А что, матушка, нельзя ли попросить сюда Александру Ивановну, мнѣ она нужна на пару словъ.

Александрой Ивановной звали ту же Т-ть, и тутъ же военный всунулъ ей въ руку 30 коп. Т-ть наотрѣзъ заявила, что Александры Ивановны нѣтъ, она уѣхала по дѣлу, а если онъ желаетъ, какъ она помнитъ, видѣть Ивана Александровича, то сегодня И. А. очень боленъ и къ нему нельзя допустить.

— А деньги, пожалуйста, возьмите обратно,—обидчиво заявила сконфуженная Т-ть.

Военный взялъ обратно деньги: онъ совѣмъ опѣшиль, озлобился на неудачу и, потерявъ уже всякую надежду увидѣть Гончарова, безнадежно пошелъ домой.

Въ другой разъ приходитъ элегантно одѣтый молодой человекъ и развязно заявляетъ Т-ть, что ему очень нужно видѣть Гончарова, и, главное, немедленно. Случилось такъ, что въ тотъ день Гончаровъ себя хорошо чувствовалъ и теперь не отдыхалъ.

Выходитъ И. А. къ просителю.

— Чѣмъ могу быть полезнымъ?

— Здравствуйте, Гончаровъ!.. Но мнѣ больше ничего не нужно... онъ секунду неподвижно стоялъ на мѣстѣ, выпучивъ глаза на писателя, потомъ вдругъ машинально повернулся, быстро зашагалъ прочь съ крыльца и очутился на улицѣ. Гончаровъ стоялъ въ недоумѣніи. Т-ть тоже.

Еще за три года до смерти И. А. Гончарова знаменитаго романиста наказалъ неумолимый рокъ—онъ переживалъ тяжкія муки перваго удара, предрекашаго его недалекій конецъ.

Болѣзненная старость уже побудила Гончарова написать завѣщаніе и окончательно оформить свою посмертную волю.

Первый ударъ, однако, не оказался роковымъ, и уже въ послѣдствіи, совсѣмъ оправившись отъ этого тяжелаго испытанія, Гончаровъ задумался надъ вопросомъ, что станется съ его перепиской и бумагами послѣ смерти, если еще при жизни произошелъ тотъ печальный случай, о которомъ, по нѣкоторымъ причинамъ, мы находимъ неудобнымъ здѣсь упомянуть.

И вотъ пришелъ часъ уничтоженія. Этотъ печальный случай (семейнаго характера) побудилъ Гончарова дать въ жертву камину большую переписку, массу замѣтокъ, черновиковъ, отрывковъ и рукописей, которые щедро были преданы огню.

— Однажды, — рассказываетъ Т-тъ, — это было зимою, какъ разъ послѣ той болѣзни. Много лѣтъ жили мы и И. А. на Моховой улицѣ. Топился вечеромъ каминъ, у котораго мы вмѣстѣ сидѣли. Вдругъ, смотрю, И. А. встаетъ, подходитъ къ письменному столу, достаетъ всю свою огромную переписку и проситъ меня помочь ему палить письма — бросать ихъ въ каминъ. Долго мы тогда сидѣли, подбрасывая письма въ огонь, а каминъ все топился, ярко освѣщая вспыхивающимъ пламенемъ нашу комнату. Такимъ образомъ много, очень много бумагъ было тогда сожжено.

Среди уничтоженныхъ рукописей и писемъ былъ и неизвѣстный рассказъ Гончарова «Подсѣжникъ». Это произведеніе написано много ранѣ «Обыкновенной исторіи», оно было едва ли не первымъ выступленіемъ Гончарова на поприще литературы, когда онъ считался своимъ челювѣкомъ въ домѣ художника-академика Николая Аполлоновича Майкова.

Гончаровъ преподавалъ русскую литературу 14-лѣтнему сыну Майкова — Аполлону (въ послѣдствіи извѣстный поэтъ). Около Майкова-отца сгруппировались молодые художники и писатели. Майковъ задумалъ издавать рукописный сборникъ съ рисунками, исполнявшимися имъ собственноручно. Молодые писатели приглашались сдавать свои произведенія для сборника.

Не совсѣмъ охотно пошелъ на это Гончаровъ.

По свойственнымъ ему застѣнчивости и скромности, онъ никакъ не рѣшался дать для сборника свое произведеніе, потому что ходилъ первыя работы еще недостаточно зрѣлыми и отдѣланными.

Однако онъ наконецъ согласился дать для сборника свой «Подсѣжникъ». Въ точности не установлено, сдѣлалось ли это раннее произведеніе Гончарова достояніемъ, повидимому, не совсѣмъ широкаго круга читателей рукописнаго сборника, или же нѣтъ, а извѣстно только, что «Подсѣжникъ» много лѣтъ былъ у Николая Майкова, вернушаго въ послѣдствіи этотъ рассказъ Гончарову, а затѣмъ настоящее неизвѣстное произведеніе долго находилось среди бумагъ романиста.

Во время моей бесѣды съ Т-тъ въ гостиную вошла средняго роста миловидная женщина, лѣтъ 35—37.

— А вотъ это моя дочь, Елена Карловна,—представила ее мнѣ старушка.—Она подѣ диктовку И. А. писала его послѣдніе три очерка, когда онъ лѣтѣмъ отдыхалъ на дачѣ въ Петергофѣ.

Минуту продолжалось молчаніе.

— Еще должна вамъ замѣтить, что И. А. не очень-то любилъ своихъ товарищей-литераторовъ. Онъ ихъ чуждался и часто даже избѣгалъ. А писатели бывали у него рѣдко. Когда Тургеневъ возвращался изъ-за границы, онъ постоянно навѣщалъ И. А.

— Бывали у насъ еще Писемскій, Салтыковъ, Аполлонъ Майковъ, Григоровичъ и другіе. Съ Григоровичемъ И. А. въ послѣдніе годы своей жизни почему-то находился во враждебныхъ отношеніяхъ и отдалъ мнѣ приказаніе «не принимать его»...

— Случилась еще такая исторія. Однажды ливня лилъ дождь. Одинъ довольно извѣстный писатель-народникъ проходилъ въ это время по Моховой улицѣ безъ зонтика. Онъ промокъ до послѣдней нитки. Вспомнилъ онъ, что вблизи квартира Гончарова. И вотъ стремительно прибѣжалъ къ намъ.

Входитъ. Въ прихожей встрѣчаетъ меня.

— Ради Бога, Александра Ивановна, пріютите... На дворѣ страшный дождь...

— Но вы знайте, что Иванъ Александровичъ теперь что-то не въ духѣ... Онъ сильно разстроень...

— Ничего, я посижу въ вашей спальнѣ.

— Ладно.

Пошли въ спальню, разговорились. Спустя нѣкоторое время раздаются шаги Гончарова. Что тутъ дѣлать?

— Я спрячусь,—взволнованно говоритъ этотъ писатель.

— Куда? Куда?

— Да я, право, не знаю куда... Да вотъ хотя бы подъ этотъ столъ, накрытый скатертью...

И вотъ этотъ писатель, не считаясь съ тѣмъ, что Гончаровъ почти открыто его недолюбливалъ и, совершенно игнорируя неловкость положенія Т-тъ и то, что онъ самъ былъ въ тягость, категорически рѣшилъ оставаться къ квартирѣ Гончарова, пока дождь прекратится.

Ничего другого не оставалось дѣлать. И вотъ онъ, скорчившись, просидѣлъ подѣ круглымъ столомъ, покамѣсть въ этой комнатѣ находился И. А.

Этотъ случай звучитъ чуть ли не какъ анекдотъ, однако это достовѣрный фактъ.

Александра Ивановна задумалась.

Вся обстановка квартиры г-жи Т-тъ почти сохранилась еще со временъ Гончарова. Мебель, столы, лампы, шкапы, стулья,

картины—все это перешло по смерти Гончарова къ Т-тъ. У нея же три мягкихъ кресла стариннаго фасона, съ оригинальными инкрустаціями. Принадлежали эти кресла раньше Некрасову, который продалъ нѣкоторую часть своей обстановки Гончарову. Здѣсь въ гостиной находятся интересные предметы, прежде принадлежавшіе Гончарову. Въ углу комнаты стоитъ на высокой подставкѣ хорошій гипсовый бюстъ покойнаго писателя. Этотъ бюстъ принадлежитъ къ числу лучшихъ скульптурныхъ изображеній Гончарова. Онъ исполненъ скульпторомъ Л. А. Бернштамомъ. Художникъ его лѣпилъ въ 1883 году, будучи еще вольнослушателемъ академіи художествъ, на квартирѣ И. А.

Кстати сказать, Гончаровъ всегда жаловался, что ни одному художнику, ни одному фотографу не удалось снять съ него хорошаго портрета. Существуютъ еще два бюста: одинъ въ семьѣ душеприказчика Гончарова—М. М. Стасюлевича, другой—у его издателя Глазунова.

На стѣнѣ виситъ въ золоченой рамѣ одинъ превосходный портретъ Гончарова, писанный масляными красками художникомъ Майковымъ, другой—небольшой фотографическій, въ рамкѣ, къ которой сверху прикрѣплена маленькая миртовая вѣтка, и третій—тоже небольшой великолѣпный силуэтный портретъ тушью художницы Бэмъ. Изображенъ на немъ рабочій кабинетъ писателя, а въ креслѣ въ профиль сидитъ Гончаровъ. Этотъ портретъ замѣчательной работы.

Въ этой же комнатѣ двѣ стѣны увѣшены принадлежавшими Гончарову небольшими картинами, писанными цвѣтными карандашами. Тутъ очаровательные ландшафты Японіи и различные виды, повидимому, изъ путешествій И. А. Эти картины въ тонкихъ, позолоченныхъ, овальныхъ, стариннаго стиля рамкахъ. Тутъ же на стѣнѣ коллекція мелкихъ картинъ, на которыхъ видѣются подь стекломъ почти живыя разноцвѣтныя бабочки, рыбы и какія-то растенія. Въ противоположномъ углу комнаты, на подставкѣ, въ видѣ шкапчика стоитъ единственная миниатюрная модель памятника И. А. Крылову, въ Лѣтнемъ саду, работы барона Клодта. Это подарокъ Гончарову отъ самого знаменитаго скульптора, а И. А., въ свою очередь, позже подарилъ его Т-тъ. Въ сосѣдней комнатѣ, въ золоченыхъ рамахъ, висятъ три старинныя картины масляными красками. Одна «На сѣнокосѣ»—оригиналь Маковского, другая—копія съ картины Рафаэля «Вакханка», третья—также копія «Головки» Тиціана.

Письменный столъ Гончарова и часы «Марейнка», показывающіе времена года, переданы были еще М. М. Стасюлевичемъ въ московскій историческій музей. Часы эти, по словамъ Александры Ивановны, образцоваго художественнаго выполненія и удивительной работы, преподнесены были Гончарову группою русскихъ пи-

сателю въ день двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности. Надъ циферблатомъ этихъ часовъ изображена «Марѣинька» (одна изъ героинь «Обрыва») и лавровый вѣнокъ.

Старинное плотное рабочее кресло Гончарова, прежде принадлежавшее Некрасову, а также ручку, чернильницу и причудливую вазочку съ письменнаго стола Т-ть принесла въ даръ проживающей въ Петербургѣ семьѣ графа Ламздорфа-Галагана, съ которой Гончаровъ былъ въ большой дружбѣ. Кстати отмѣчу, что въ настоящее время кресло, ручка и чернильница Гончарова пожертвованы семьей графа Ламздорфа-Галагана въ коллегію Павла Галагана въ Кіевѣ (средне-учебное заведеніе, основанное членомъ государственнаго совѣта Г. П. Галаганомъ, почетнымъ попечителемъ котораго теперь состоитъ внукъ основателя графъ Сергѣй Константиновичъ Ламздорфъ-Галаганъ).

Эти вещи находятся въ особомъ музеѣ при коллегіи.

Семью графа Ламздорфа-Галагана Гончарова любилъ и цѣнилъ и, пожалуй, это единственный домъ, куда онъ былъ вхожъ. Гончаровъ въ этомъ домѣ былъ свой человѣкъ и о немъ до сихъ поръ сохранились здѣсь наилучшія воспоминанія.

Недавно мнѣ рассказывалъ графъ Павелъ Константиновичъ Ламздорфъ-Галаганъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, касающихся той поры, когда Гончаровъ бывалъ въ ихъ домѣ на Фонтанкѣ. Тогда еще графъ Павелъ Константиновичъ былъ совсемъ молодой. Ихъ было три брата въ отцовскомъ домѣ. Гончаровъ посѣщалъ семью разъ въ недѣлю.

Вопреки неправильно установившемуся о немъ мнѣнію, онъ въ интересномъ для него обществѣ бывалъ здѣсь чрезвычайно общителенъ со всѣми, любилъ молодыхъ графовъ и рѣдко ихъ называлъ по имени, прибѣгая для этой надобности къ шуткамъ. Такъ, самаго младшаго сына графа Гончаровъ называлъ «Пятачкомъ», средняго— «Гривеникомъ», а старшаго— «Пятиалтыннымъ»...

Гончаровъ ихъ всегда ласкалъ, а имъ нравились «дядюшкины» прозвища.

Несмотря на ту замкнутую жизнь, какую велъ Гончаровъ и на его равнодушіе ко всему и ко всѣмъ, здѣсь, въ графскомъ домѣ, во время семейныхъ собесѣдованій онъ живо вступалъ въ бесѣду или споръ и проводилъ всегда свою мысль стройно, ярко и образно.

Это былъ замѣчательно тонкій, умный и интересный діалектикъ и въ то же время удивительный художникъ пера. Рѣдко эти оба качества такъ гармонично сочетаются въ одномъ лицѣ.

Подчасъ кажется страннымъ, что, будучи по характеру «настоящимъ» петербуржцемъ, Гончаровъ въ то же время глубоко ненавидѣлъ Петербургъ. Онъ не любилъ петербургскихъ тумановъ, дождей, слюкоти, гнилой зимы— онъ всегда тосковалъ по яркому солнцу, по согрѣвающему, радостному солнцу...

Подаромъ графы однажды были удивлены, когда Гончаровъ какъ-то въ студеный зимній вечеръ явился сюда съ замерзшимъ писемъ на усахъ и бородѣ. Онъ вошелъ въ домъ и съ какой-то нескрываеваемой злобой процитироваль слова поэта:

Скука, холодъ и гранить...

Послѣ этихъ словъ Гончаровъ засѣлъ въ какой-то уголокъ и, молча пробывъ здѣсь цѣлый вечеръ, едва не простившись, ушелъ домой.

Съ графиней Екатериной Павловной Ламздорфъ-Галатанъ Гончаровъ былъ особенно друженъ.

Ихъ соединяла общность мировоззрѣній и вкусовъ. До сихъ поръ графиня сохранила десятка два писемъ, полученныхъ ею отъ Гончарова въ бытность его за границей. Всѣ эти довольно пространныя посланія носятъ личный характеръ.

Ярый врагъ посягательства на онубликованіе частныхъ писемъ писателей, Гончаровъ еще тогда взялъ съ графини «честное слово», чтобы эти письма не попали въ чужія руки, или, главнымъ образомъ, на печатный станокъ...

Мало того: Гончаровъ еще этимъ не ограничился. Незадолго передъ своею смертью въ одномъ изъ писемъ къ графинѣ онъ прямо такъ и пишетъ:

«Если даже и послѣ моей смерти кто-нибудь изъ постороннихъ узнаеть содержаніе писемъ къ вамъ, то это заставитъ меня перевернуться въ гробу...»

Графиня до сихъ поръ свято чтитъ «завѣщаніе» Гончарова: всѣ его письма собраны у нея въ большомъ закрытомъ конвертѣ, на которомъ надписаны вышеприведенныя слова Гончарова.

— Часто, очень часто думаю я объ Иванѣ Александровичѣ, почти не проходитъ дня,—съ грустью говоритъ Т-ть.—Память о немъ не можетъ во мнѣ никогда сгладиться. Мы были очень близки другъ къ другу. Около тридцати лѣтъ мы знали и настолько, что И. А. всегда въ шутку то называль меня няней, то мамочкой, то хозяйкой... Мы другъ въ другѣ души не чаяли...

Вообще Гончаровъ, по словамъ слишкомъ хорошо его знавшей Т-ть, былъ необычайно скромный, обособленный и даже съ приходившими къ нему друзьями бываль не только деликатенъ, но подчасъ и холоденъ. Никогда онъ не посвящаль ихъ въ интимныя стороны своей жизни. Письма онъ всегда писалъ холодныя, безъ паэоса: скорѣе они носили дѣловой характеръ, нежели дружескій, и особливо не любилъ онъ въ своихъ посланіяхъ изливать свою душу или сообщать, что онъ предпринимаетъ или что выходитъ изъ-подъ его пера. Однимъ словомъ, Гончаровъ былъ совсѣмъ замкнутъ и это, однако, не мѣшало ему дѣлать свои удивительныя художественныя наблюденія.

Существует вполне достоверная версия, что в молодости у Гончарова был какой-то роман, окончившийся неудачей. Вот с чем он, повидимому, не мог примириться, и это побудило его остаться в одиночестве.

Но помимо этого случая — вообще о женитьбе знаменитый писатель и не подумывал, потому что по природе своей он был почти до болезненности мнительный, недоверчивый, не допускал, чтобы посторонний человек мог исполнить его поручение так, чтобы он остался доволен. По его мнению, это считалось невыполнимым, и, только благодаря своему всестороннему и тонкому уму, он рассудил, что ему с его натурой совершенно невозможно будет ужиться с другим человеком, хотя бы с женою. Ему казалось, что его настоящих желаний никто не поймет и, следовательно, поэтому надо навсегда оставить мысль о женитьбе.

Вот почему, всю свою жизнь будучи аскетом и домоседом, Гончаров так и умер семидесятидевятилетним холостяком.

Я полюбопытствовал сходить в Александро-Невскую лавру, на Никольское кладбище, где покоится прах знаменитого русского романиста.

Гончаров и здесь одиночек. Благодаря исключительно заботам Т-ть, могила Ивана Александровича обнесена железной решеткой, вделанной в каменный фундамент. Деревянный крест уже значительно подался назад и сиротливо задумался над своею участью. К кресту прикреплены дощечка и фонарик, в котором горит неугасимая лампадка.

Высокий холмик на могиле усыян цветами, а узкая дорожка между холмиком и решеткой аккуратно усыпана песком. Рядом стоит скамейка и металлический футляр, в котором еще хорошо сохранился венок «отъ командира и офицеровъ фрегата «Паллада», на котором Гончаров совершил кругосветное плавание.

Чувствуется, что чья-то старательная рука ухаживает за могилой. Кто знает, может, если бы не старушка Александра Ивановна Т-ть, то могила безсмертного автора «Обломова», «Обрыва» и «Обыкновенной истории» была бы совершенно заброшена.

В биографиях И. А. Гончарова неоднократно упоминается, что Обломова Гончаров писал с себя, и что все мирозерцание Обломова, все поступки и характерные черты его натуры — не что иное, как мирозерцание, поступки и характерные черты самого Гончарова. Это верно потому, что сам Гончаров признал это, как рассказала мне А. И. Т-ть. И признал он это однажды при следующем случае.

Это было около 1883 года. Гончаровъ какъ-то сидѣлъ у книгопродавца Вольфа, съ которымъ онъ былъ знакомъ. Въ это время въ лавку заходитъ господинъ и спрашиваетъ у Вольфа, нельзя ли получить романъ Гончарова «Обломовъ»...

На вопросъ покупателя Вольфъ отвѣчаетъ, что сейчасъ уже нѣтъ романа въ продажѣ.

— А почему?—спрашиваетъ тотъ.

— А потому, что все второе изданіе разошлось безъ остатка, а третьяго пока не печатаютъ...

— Вотъ какъ... Жаль, что не печатаютъ... Говорятъ, это ужъ очень интересный романъ...

Вольфъ недоумѣвающе разводитъ руками, давая этимъ понять, что не его вина въ томъ, что третье изданіе не печатается.

Гончаровъ сидѣлъ и молчалъ. Кстати, первыя два изданія «Обломова» разошлись такъ быстро, что на этотъ разъ въ магазинѣ не оказалось ни одного экземпляра романа. Гончаровъ же не рѣшался выпускать третье изданіе.

Покупатель, сожалея, уходитъ.

По выходѣ послѣдняго изъ магазина, Вольфъ обратился къ Гончарову съ вопросомъ, почему онъ не заботится о выходѣ третьяго изданія «Обломова».

Гончаровъ отвѣтилъ, что еще пока онъ не думаетъ объ этомъ.

Тогда Вольфъ ему замѣтилъ:

— Долженъ вамъ сказать, И. А., что вы прямо-таки настоящій Обломовъ, какого вы описали...

И посыпались на Гончарова изъ устъ книгопродавца попреки и обвиненія за халатность и непрактичность.

Тогда Гончаровъ минуту помолчалъ, затѣмъ, пристально взглянувъ Вольфу въ лицо, сказалъ:

— Да, вы совершенно правы... Я—Обломовъ, и Обломовъ это я. Вы не ошибаетесь. Съ себя я и рисовалъ Обломова...

Гончаровъ вышелъ изъ магазина.

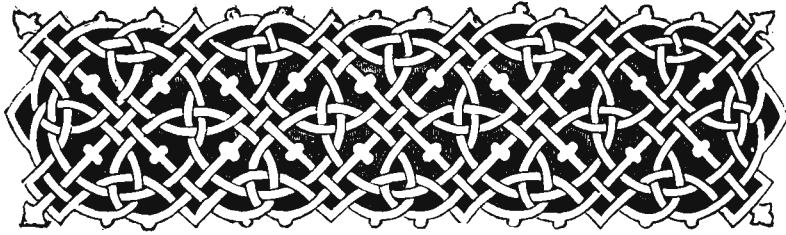
Еще я узналъ любопытныя данныя о томъ, кто послужилъ для Гончарова прототипами Марюшки и Вѣрочки въ «Обрывѣ». Оказывается, Гончаровъ обезсмертилъ своихъ двухъ племянницъ.

Въ Симбирскѣ сестра Гончарова вышла замужъ за нѣкоего Кермалова, у нихъ были двѣ дочери. Одна была серьезная и умная, нѣжная и мечтательная, съ тонкой душевной организаціей. Другая была провинціалочка средняго ума, беззаботная хохотунья и страстная любительница домашнихъ птицъ: куръ, гусей, утокъ, голубей, которыхъ она нѣсколь коразъ въ день кормила на отцовскомъ птичьемъ дворѣ, испытывая при этомъ огромное удовольствіе...

Гончаровъ однажды рассказывалъ, что картины природы во всѣхъ его произведеніяхъ онъ бралъ съ натуры въ живописной Симбирской губерніи. Всѣ превосходныя описанія русской природы въ чарующемъ по красотѣ художественной передачи отрывкѣ «Сонъ Обломова», а также отдѣльные отрывки изъ «Обрыва» и другихъ его романовъ, по яркости красокъ едва ли уступающіе тургеневскимъ шедеврамъ, оказываются, нашли свою родину, Симбирскую губернію, гдѣ и родился Гончаровъ и подъ впечатлѣніемъ которой онъ много лѣтъ находился.

Семень Шпицеръ.

ПАМЯТИ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

(Изъ воспоминаній его слушателя).

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ мѣсяцѣ исполняется полгода со времени кончины профессора московскаго университета В. О. Ключевскаго. Это обстоятельство побуждаетъ меня, какъ бывшаго слушателя его перваго курса въ университетѣ, сказать нѣсколько словъ о тѣхъ интересныхъ фактахъ, которые сопровождали вступленіе Ключевскаго въ число доцентовъ историко-филологическаго факультета. Я думаю, что моя замѣтка окажется далеко нелишней для будущаго біографа Василія Осиповича въ виду того, что хотя послѣ смерти его въ періодическихъ изданіяхъ появилось много статей о нашемъ замѣчательномъ историкѣ, но добрая половина ихъ даетъ очень мало фактовъ изъ его жизни и дѣятельности, ограничиваясь общими похвалами ему, какъ ученому и профессору.

Въ 1879 году окончательно прекратилъ чтеніе лекцій С. М. Соловьевъ, вскорѣ послѣ этого заболѣвшій тяжкимъ недугомъ, который унесъ его въ могилу. Для университета, нашего факультета и въ особенности для насъ, студентовъ, представлялся чрезвычайно важнымъ вопросъ: кто же займетъ мѣсто такого колосса исторической науки, какимъ былъ С. М., кто будетъ тотъ дерзновенный, который рѣшится появиться на кафедрѣ, съ которой слышалось могучее слово великаго знатока русской исторіи? Этотъ вопросъ занималъ вниманіе нашихъ профессоровъ, волновалъ студенческіе кружки, интересовавшіеся тѣмъ или другимъ его разрѣшеніемъ, проникъ въ печать... Московскія газеты помѣстили статьи нѣкоторыхъ изъ уни-

верситетских профессоръ, въ которыхъ указывалось на необходимость осмотрительности для историко-филологическаго факультета въ дѣлѣ замѣщенія кѣедры по русской исторіи. Статьи были псевдонимныя, но нашъ кружокъ студентовъ зналъ, кто именно ихъ авторы. Наконецъ въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ газеты «Голосъ», издававшейся въ Петербургѣ, появилась большая, также псевдонимная статья, принадлежавшая, какъ мнѣ хорошо было извѣстно, перу любимаго и уважаемаго студентами профессора всеобщей литературы Н. И. Стороженка. Въ этой статьѣ проводилась та мысль, что для нашего факультета является важнѣйшею необходимостью найти и пригласить выдающуюся ученую силу на покрытую славой Соловьева свободную кѣедру. Въ статьѣ было замѣчено, что и студенты ждутъ отъ своихъ руководителей того же.

Нечего и говорить, что появлявшіяся статьи читались и обсуждались заинтересованными студентами, несомнѣнно, волнуя ихъ въ извѣстномъ направленіи. Московская интеллигенція и ея представители также, какъ говорится, за живое были задѣты вопросомъ: быть или не быть на кѣедрѣ русской исторіи какой-либо знаменитости? Нужно здѣсь сказать, что въ данный періодъ времени въ средѣ профессоровъ этой науки въ провинціальныхъ университетахъ крупныхъ именъ не было, а что касается Петербурга, то на переходъ отсюда въ Москву виднаго ученаго и думать было нечего.

Какъ бы то ни было дѣло, но съ начала 1879—1880 академическаго года лекцій вмѣсто покойнаго С. М. не читалъ никто, и предполагали даже, что онѣ не будутъ совсѣмъ читаемы. Среди университетскихъ слушателей особенно имѣла значеніе та мысль, что вполне достойнымъ преемникомъ Соловьева можетъ быть только Н. И. Костомаровъ. Раздавались голоса о томъ, что если на кѣедру вступить какая-либо посредственность, то ее никто и слушать и признавать за профессора не станетъ.

Итакъ, все были въ ожиданіи. Вдругъ пронесся слухъ о томъ, что доцентомъ по русской исторіи приглашается доцентъ московской духовной академіи В. О. Ключевскій, личность котораго, какъ ученаго и преподавателя была очень мало извѣстна намъ. Не знаю, какъ въ профессорскихъ сферахъ, а для насъ слухъ о Ключевскомъ былъ неожиданнымъ и неутѣшительнымъ сюрпризомъ. Кто и что онъ такое? Навели справки объ его ученыхъ трудахъ, оказалось, что ихъ очень немного, да, кромѣ того, главнѣйшій изъ нихъ: «Житія святыхъ, какъ историческій источникъ» носилъ исторіографическій характеръ и какъ-то отзывался церковностью. Самое преподаваніе Ключевского въ духовной академіи для университетскихъ студентовъ второй половины бурныхъ семидесятыхъ годовъ было большимъ минусомъ. Кто зналъ изъ насъ, а кто и не зналъ, что В. О. окончилъ курсъ университета, что онъ университетскій магистръ, а не—академическій. И вотъ въ короткое время противъ

него создалоcь предубѣжденіе; волненіе и безпокойство умовъ росло и дѣлало почву тревожной. Нѣкоторыя горячія головы уже предлагали протестовать противъ приглашенія Ключевскаго и называли имена двухъ-трехъ выдающихся приватъ-доцентовъ, которые отказались отъ каѳедры по русской исторіи, считая для себя затруднительнымъ и неудобнымъ стать преемниками творца «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»...

Я въ то время былъ очень близокъ съ профессоромъ исторіи церкви А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ, такъ какъ мы были земляки, и нерѣдко приходилось мнѣ бывать у него запросто. Помню, какъ я былъ изумленъ, когда на мои сомнѣнія относительно Ключевскаго А. М. сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Мнѣ извѣстны толки студентовъ, они долетаютъ до В. О. Ключевскаго, онъ хочетъ отказаться отъ приглашенія его въ нашу среду. И знаете, какъ это будетъ прискорбно, какъ придется пожалѣть отъ этомъ.

А. М. Иванцовъ-Платоновъ подробно мнѣ разсказалъ о тѣхъ научныхъ и лекторскихъ данныхъ, которыми всецѣло обладалъ В. О.

Впослѣдствіи онъ ту же мысль развивалъ и передъ знакомыми студентами. Противъ же предубѣжденія нѣкоторыхъ относительно преподавателей духовной академіи онъ приводилъ въ примѣръ профессора петербургскаго университета протоіерея Горчакова, профессора каноническаго права въ московскомъ университетѣ Павлова и др. Въ высшей степени интересенъ тотъ фактъ, что А. М. провиденціально высказалъ мнѣ, что Ключевскій будетъ достойнѣйшимъ замѣстителемъ своего великаго учителя, проявитъ замѣчательныя качества лектора и сдѣлается «импонирующимъ студентамъ» профессоромъ.

Былъ назначенъ день первой лекціи Ключевскаго. Для нея была отведена одна изъ самыхъ большихъ аудиторій такъ называемаго новаго зданія университета — «словесная вверху»¹⁾. Въ средѣ студентовъ установилось то мнѣніе, что надо выслушать первую лекцію приглашеннаго къ намъ доцента, а потомъ уже выразить свой взглядъ на него. Если лекція окажется удовлетворяющей нашимъ ожиданіямъ, то отнестись къ ней съ одобреніемъ, если же нѣтъ, то освистать дебютанта и протестовать противъ его приглашенія.

А удовлетворить запросамъ студентовъ того времени было не-легко. Въ описываемое мною время въ московскомъ университетѣ

¹⁾ Нужно сказать, что прежнее время аудитории въ московскомъ университетѣ не назывались по номерамъ, а имѣли каждая свое особое названіе, напр., «словесная внизу», «юридическая — третій этажъ», «математическая большая», «гербаріумъ» и т. под. Въ послѣдней изъ названныхъ нами аудиторій никакого собранія засушенныхъ растений не было, а слушали лекціи студенты классическаго отдѣленія филологическаго факультета.

было блестящее собраніе чудныхъ профессоровъ-лекторовъ, властителей студенческихъ не только думъ, но и грезъ. Чупровъ, М. Ковалевскій, Буслевъ, Муромцевъ, Стороженко, Виноградовъ, Янжуль, Шаховъ, Миллеръ, Герье, Иванцовъ-Платоновъ, Павловъ и другіе увлекали своихъ слушателей неподобнымъ чтеніемъ лекцій и проводимыми въ нихъ научными и прогрессивными идеями. На историко-филологическомъ, а тѣмъ болѣе юридическомъ факультетѣ почти не было такихъ профессоровъ, которыхъ неинтересно было бы слушать. Нечего и говорить, что В. О. Ключевскій волея-неволей долженъ былъ выдержать сравненіе съ названными нами и другими свѣтилами науки и профессорства. По настроенію студентовъ видно было, что ему предстоитъ выдержать большой искусь.

Шумно было въ назначенное для лекціи Ключевского время въ «словесной вверху» аудиторіи. Кого только здѣсь не было! И наши студенты, и профессора, и представители московской интеллигенціи, и духовныя лица, нѣкоторые въ магистерскихъ крестахъ, и студенты духовной академіи, и одинъ изъ ея профессоровъ.

Ни разу за все время моего пребыванія въ университетѣ не было передъ вступительной лекціей такого напряженнаго ожиданія, такого прилива лихорадочнаго волненія. Ректоръ университета едва нашель себѣ мѣсто, а нѣкоторые изъ профессоровъ стояли—такое множество слушателей собралось въ аудиторію.

Наконецъ торопливой походкой, слегка прихрамывая, вошелъ В. О. Ключевскій, худой, согбенный, невзрачный, съ потупленными взорами,—прямая противоположность патріарху русской исторической науки С. М. Соловьеву, который всходилъ на кафедру, окидывая аудиторію орлинымъ взоромъ, лицо котораго сіяло лучами вдохновенія. Только что Ключевскій сѣлъ въ кресло, какъ прежде всего со стороны профессоровъ раздались рукоплесканія, къ которымъ присоединились и многіе изъ студентовъ и постороннихъ лицъ. Они не отличались оживленностью и громозвучностью, но, казалось, должны были ободрить Василія Осиповича. Я не спускалъ съ него глазъ, и что же увидѣлъ? Ключевскій взялъ въ руки стаканъ, наполнилъ его до краевъ водою изъ стоявшаго на кафедрѣ графина и сдѣлалъ добрый глотокъ воды. Апплодисменты усилились, вниманіе къ лектору возросло до послѣдней степени напряженія. А Ключевскій опять взялся за стаканъ и допилъ изъ него воду до дна. Я прямо-таки остолбенѣлъ при видѣ этого, но какъ разъ въ данное мгновеніе В. О. далъ знакъ, что онъ станетъ говорить, и когда моментально все стихло, началъ свою вдохновенную лекцію,

— Милостивые государи!—сказалъ онъ:—съ величайшею радостью, вступивъ въ эту аудиторію, услышалъ я ваши рукоплесканія, которыя всецѣло отношу къ свѣтлой и незабвенной памяти нашего великаго и славнаго учителя С. М. Соловьева, здѣсь своимъ гениальнымъ словомъ заставлявшаго книгъ нашъ умъ и трепетать

наше сердце при изученіи жгучаго для всѣхъ насъ предмета—родной исторіи. Съ какимъ непередаваемымъ чувствомъ благодарности я и всѣ мои товарищи съ этихъ скамей провожали единодушными аплодисментами того исполина русской исторической науки, духъ котораго витаетъ въ нашей средѣ... Къ нему, къ Сергѣю Михайловичу, пусть прежде всего несутся стремленія нашей души...

Въ это мгновеніе аудиторія огласилась громовыми раскатами аплодисментовъ и восторженными кликами, въ которыхъ ясно слышалось, что Ключевскій побѣждаетъ свою аудиторію и по первому, такъ сказать, абцугу завоевываетъ ея симпатіи.

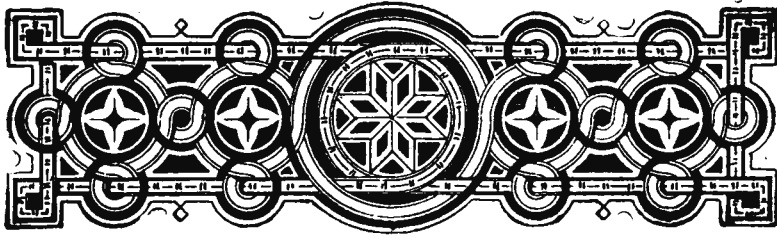
Продолжая свою рѣчь, В. О. искусно предложилъ вниманію своихъ слушателей самыя интересныя, самыя задушевныя воспоминанія о Соловьевѣ, затѣмъ рельефно выразилъ ту мысль, что онъ будетъ вѣрнымъ хранителемъ его историческихъ завѣтовъ, что въ полномъ и непоколебимомъ единеніи съ нами онъ будетъ продолжать дѣло Соловьева. Мастерски была составлена и сказана намъ рѣчь В. О. Такъ какъ лекція должна была продолжаться полтора часа, то Ключевскій, окончивъ свое «слово» въ честь Соловьева, началъ лекцію о преемникахъ Петра Великаго, такъ какъ въ предшествующемъ году С. М. закончилъ свой курсъ лекціями именно о Петрѣ. Слушая лекцію, всѣ студенты, настроенные противъ Ключевскогого, убѣдились въ томъ, какую могучую профессорскую силу заключаетъ въ себѣ этотъ доцентъ духовной академіи, и что онъ можетъ выдержать сравненіе съ лучшими нашими наставниками. Побѣда В. О. была полной и непререкаемой. Оваціи въ честь этой побѣды продолжительны и бурны.

— Знаете, кто болѣе всего радъ успѣху Ключевскогого,—воскликнулъ А. М. Иванцовъ-Платоновъ, когда я ему передалъ о коренномъ переворотѣ въ настроеніи студентовъ:—я радъ! Съ трудомъ я убѣдилъ В. О. не отказываться изъ-за слуховъ, шедшихъ изъ университета, отъ приглашенія. И знаете, за кого я радъ? За университетъ, пріобрѣтшій выдающагося профессора. А что онъ не безъ терній, но прочно занялъ по праву принадлежащее ему мѣсто, я не огорчаюсь: тѣмъ больше ему чести и славы!

Вотъ какимъ образомъ покойному Ключевскому пришлось вступить въ ряды университетскихъ профессоровъ.

А. Танковъ.

ПЛЮШКИНСКІЙ МУЗЕЙ.

I.

УДѢБА Плюшкинскаго музея, которымъ усиленно занималась въ послѣднее время наша періодическая печать, все еще не рѣшена.

Я хорошо зналъ покойнаго собирателя, одного изъ тѣхъ самородковъ, которые, къ счастью, еще не перевелись у насъ.

Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ вышелъ изъ богатой купеческой семьи и родился 7-го февраля 1837 г. въ городѣ Валдаѣ. Замѣтивъ выдающіяся способности сына, отецъ Федора Михайловича рѣшилъ дать ему образованіе, но неожиданная смерть отца въ 1848 году, отъ холеры, разбила всѣ эти мечты, и образованіе маленькаго Федя ограничилось курсомъ городского училища.

Семья Плюшкиныхъ вела большія торговыя дѣла въ Новгородѣ, Валдаѣ, Псковѣ, Дерптѣ, Ригѣ и даже съ Индіей. Казалось, Федору Михайловичу было обезпечено безбѣдное существованіе, но его и родныхъ постигъ второй ударъ. Поручившись своимъ имуществомъ за одного крупнаго поставщика на армію во время Крымской войны, они, по милости этого поставщика, не выполнившаго своихъ обязательствъ, потеряли все свое состояніе. Они разорились, и Федору Михайловичу пришлось вступать въ жизнь при очень тяжелыхъ условіяхъ; но его недюжинныя способности и трудолюбіе выручили его, — торговлей онъ сравнительно быстро нажилъ крупное состояніе, началъ въ 1859 году собственное тор-

говое дѣло во Псковѣ и затѣмъ сталъ собирать свой извѣстный музей, равнаго которому изъ частныхъ собраний немного въ Россіи.

По богатству и цѣнности предметовъ съ Плюшкинскимъ музеемъ можетъ поспорить развѣ собраніе П. И. Щукина. Вообще же коллекція Ѳедора Михайловича считается третьей у насъ и одиннадцатой въ Европѣ. Пользовался когда-то большой извѣстностью и музей В. С. Передольскаго въ Новгородѣ, теперь окончательно заброшенный его наслѣдникомъ, но это музей другого типа.

II.

Какъ это часто бываетъ, Ѳедоръ Михайловичъ занимался коллекціонированіемъ сперва въ часы досуга, но постепенно этотъ, если можно такъ выразиться, побочный интересъ сдѣлался главнымъ дѣломъ его жизни, и онъ не измѣнялъ ему до самой смерти.

Псковъ, гдѣ покойный археологъ прожилъ безвыѣздно болѣе шестидесяти лѣтъ, сохранилъ многое изъ своей прошлой исторической жизни. Полуразвалившаяся теперь городская стѣна XIII вѣка, видѣвшая и выдержавшая со славой приступы грознаго Баторія, еще не разрушалась варварски городскимъ управленіемъ, которое позже засыпало ея щебнемъ городскіе ухабы. Остатки древнихъ укрѣпленій, Довмонтава башня съ великолѣпнымъ видомъ на Великую, поэтическая Кислинская башня, множество церквей строгой старинной архитектуры, неумирающія легенды о великомъ прошломъ,—все это, взятое вмѣстѣ, не могло не произвести глубокаго впечатлѣнія на любителя старины.

И я лично чувствовалъ особенную «слабость» къ Пскову и часто ѣздилъ туда, лѣтъ тридцать тому назадъ, спастись отъ столичной суеты и «житейской суеты». Въ настоящее время городъ растетъ и богатѣетъ—и постепенно, но вѣрно теряетъ свой старинный обликъ.

Но Ѳедоръ Михайловичъ засталъ еще старину въ ея чистомъ видѣ и многое могъ спасти отъ расхищенія и уничтоженія. Этого никогда не должна забывать русская археологія, которой предстатели, какъ мнѣ передавалъ самъ Ѳедоръ Михайловичъ, первое время свысока относились къ собирателю, не имѣвшему ученаго значка, но, въ противоположность его носителямъ, мало говорившему и много дѣлавшему.

III.

Первою коллекціей музея были монеты. Въ основаніе ея легло нѣсколько древнихъ русскихъ кладовъ, которые были найдены въ окрестностяхъ Пскова. Постепенно нумизматическій отдѣлъ расширялся, и въ него вошли русскія монеты отъ Владиміра Святого до

Оедоръ Михайловичъ Пюшкннъ.

нашихъ дней. Тутъ вы видите нековскія «деньги» и всѣ тѣ рѣдкости въ области монетнаго дѣла, которыми въ правѣ гордиться любое не только частное, но и государственное собраніе. Вотъ золотыя и серебряныя монеты царя Владислава Жигмонтовича, рубли царя Димитрія Іоанновича, такъ называемаго Самозванца, варварской чеканки рубль Емельяна Пугачева и его медали «за храбрость», рубли несчастнаго Іоанна Антоновича и императора Константина Павловича.

У Плюшкина есть и такой рубль! А я знавалъ одного любителя, который проѣхалъ въ цѣпкахъ за Константиновскимъ рублемъ болѣе четырехъ тысячъ вѣрствъ, совершилъ чисто фессирическое путешествіе... но рубля такъ-таки и не добылъ: какой-то другой страстный коллекціонеръ успѣлъ перехватить его!

Естественнымъ дополненіемъ къ собранію русскихъ монетъ служить коллекція старинныхъ иностранныхъ монетъ и, въ заключеніе, «монеты» изъ фарфора и раковинъ, т. е. простые денежные знаки.

Годъ отъ года увеличиваясь, Плюшкинскій милицъ-кабинетъ ко дню смерти его владѣльца заключалъ въ себѣ болѣе ста тысячъ экземпляровъ монетъ всевозможныхъ государствъ. Какое аналогичное частное собраніе у насъ можетъ похвастаться этою цифрой? По разнообразію типовъ и богатству, псковское собраніе монетъ превышаетъ даже знаменитую коллекцію Эрмитажа.

IV.

Затѣмъ вниманіе Федора Михайловича возбудила русская церковная археологія.

И въ данномъ случаѣ создалась коллекція рѣдкихъ богослужебныхъ книгъ, иконъ древняго, до-никоновскаго письма, — въ томъ числѣ образа, принадлежавшіе стариннымъ псковскимъ фамиліямъ, и икона, составлявшая собственность небезызвѣстной Настасьи Минкиной, любовницы Аракчеева, — старинныхъ евангелій, церковныхъ облаченій и т. п., опять-таки не уступающая богатѣйшимъ изъ нашихъ монастырскихъ древлехранилищъ.

Но Плюшкинымъ собраны во множествѣ предметы, которые относятся и къ христіанскимъ культамъ, и къ сектантству, между прочимъ къ масонству.

Собраніе вещей, относящихся къ масонству, поражаетъ своимъ богатствомъ. Здѣсь собраны масонскіе передники, ленты, значки, кубки, перстень масонскаго гроттмейстера, молотки и прочія принадлежности масонскаго ритуала. Изъ вещей — немало принадлежавшихъ лично императору Павлу. Въ Плюшкинскомъ музеѣ вы найдете также и литературу по исторіи секты вольныхъ каменщиковъ и, кромѣ того, имѣющія отношеніе къ ней рукописи.

Я знаю масонскую коллекцію Румянцовскаго музея, но въ ней нѣтъ той постепенности, что можно видѣть въ собраніи Плюшкина, хотя по числу предметовъ московская коллекція, кажется, не уступаетъ псковской.

Я говорю «кажется», такъ какъ москвичи все еще не додумались до того, чтобы выстроить на свой счетъ новый музей, гдѣ могли бы свободно размѣстить сокровища Румянцовскаго палаца, руководствуясь извѣстною системой, и показать свой товаръ публикѣ «лицомъ», а то въ нынѣшнемъ храмѣ науки на Знаменкѣ трудно дышать.

V.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ своего музея Федоръ Михайловичъ собралъ все, что имѣеть дѣйствительное отношеніе къ старинному укладу нашей жизни, и, кромѣ того, богатое собраніе серебряной посуды и столоваго фарфора.

Очень педурна коллекція севрскаго фарфора, фарфора Аракчеева, хрустали, принадлежавшаго коронованнымъ особамъ, камней, кошелековъ, привязныхъ кармановъ, налокъ и кастетовъ, вѣрововъ, жемчужныхъ кокошниковъ, табакерокъ, жалованныхъ Екатериною II; есть кружка и палка Петра Великаго, находки помпейскія и египетскія.

Существуетъ даже маленькій спеціальный, занимающій всего одну витрину «ротическій» отдѣлъ.

Въ отличное собраніе китайскихъ и японскихъ вещей вошли частью предметы изъ извѣстной коллекціи князя Лобанова-Ростовскаго.

Есть въ музеѣ и картины знаменитыхъ мастеровъ, изъ русскихъ—Вережанинъ, Боровиковскій, Венеціановъ, Айвазовскій, Маковский, Шишкинъ и другіе, изъ иностранныхъ—Грѣзъ, Пуссенъ, Тенверъ, Сальваторъ Роза, Буше; гравюры, нѣсколько сотъ миниатюръ, старинныя лубочныя русскія картинки, собраніе драгоценныхъ перстней, колець, серегъ, ожерелій развѣшанныхъ и разставленныхъ по шкапамъ.

Любители найдутъ въ Плюшкинскомъ музеѣ и коллекцію старинныхъ часовъ, начиная отъ высокихъ столовыхъ и кончая миниатюрными золотыми хронометрами.

Много мѣста отведено въ собраніи Федора Михайловича и старинному оружію, вообще военному дѣлу; тутъ находятся всевозможные образцы вооруженія, начиная отъ каменныхъ топоровъ и луковъ и кончая различными образцами обмундированія, княжескій нагрудникъ, памятные медали, ордена и знаки отличія, рукописи и т. п.

Обращаетъ на себя вниманіе оригинальная коллекція, относящаяся до Отечественной войны,—здѣсь, между прочимъ, находится знамя Наполеона и нѣсколько его «орловъ»—и единственное въ своемъ родѣ собраніе вислыхъ печатей временъ Псковскаго княжества.

Изъ рукописей и автографовъ упомянемъ подлинники Пушкина, вмѣстѣ съ матеріалами для его біографіи, Гоголя, Суворова,—изъ вещей, принадлежавшихъ генералиссимусу, слѣдуетъ отмѣтить его фарфоръ, люстру и табакерку, пожалованную ему Екатериной II,—рукописныя книги до-никоновскаго времени, раскольничья литература, книги раскольниковъ, много старопечатныхъ изданій и цѣнныхъ книгъ съ иллюстраціями. Изъ грамотъ интересна послан-

ная Юванномъ Грознымъ о взысканіи по полтинѣ съ плѣни въ пользу новгородскаго владыки.

Какъ это ни странно, среди богатѣйшаго собранія Ѳедора Михайловича не было... знаковъ для мѣтки преступниковъ — предметовъ, которые можно было безъ особаго труда найти въ любомъ губернскомъ правленіи. Въ одну изъ нашихъ встрѣчъ покойный археологъ «заказалъ» мнѣ приобрести для его музея эти знаки. Мнѣ удалось исполнить желаніе Ѳедора Михайловича, — въ Сибири я досталъ интересовавшія его вещи, но до мѣста онѣ не дошли: ихъ у меня украли дорогой случайные «любители старины»...

Къ сожалѣнію, печатнаго каталога сокровищъ Плюшкинскаго музея не существуетъ. Его рукописи начали было описывать въ одной изъ псковскихъ газетъ мѣстный археологъ, покойный толкае, Василевъ, но не кончили.

VI.

Сорокъ два года составлялся Плюшкинскій музей. Въ концѣ концовъ помѣщеніе для него стало тѣснымъ, хотя коллекціи были размѣщены въ восьми комнатахъ того дома, гдѣ жилъ хозяинъ и гдѣ былъ и его магазинъ. Часть вещей приходилось развѣшивать, за недостаткомъ мѣста, на дверяхъ.

И профессора, и художники, и археологи-спеціалисты, и просто любители пріѣзжали во Псковъ посмотреть музей, и всѣхъ ихъ радушно встрѣчалъ хозяинъ, лицомъ походившій больше на чиновника, чѣмъ на купца. Оторвавшись отъ прилавка, онъ поднимался въ верхній этажъ своего дома и, подводя гостей къ наиболѣе интереснымъ предметамъ своего собранія, рассказывалъ имъ ихъ исторію, въ своемъ увлеченіи уклоняясь въ сторону, — черта, свойственная многимъ собирателямъ. Изумительная память соединялась въ Ѳедорѣ Михайловичѣ съ горячею любовью къ родной старинѣ.

Визиты пріѣзжихъ льстили ему. Вѣрнѣй, онъ гордился ими и старательно собиралъ все, что только появлялось печатнаго объ его любимомъ дѣтищѣ. Льстили ему и тѣ фотографіи, которыми его дарили высочайшія особы, нерѣдко заглядывавшія во Псковъ изъ за Плюшкинскаго собранія.

Умеръ Ѳедоръ Михайловичъ 24 апрѣля 1911 года во Псковѣ, на 75-мъ году жизни, оставивъ добрую память о себѣ и какъ благотворитель, и какъ общественный дѣятель.

Застарѣлая болѣзнь легкихъ и сердца заставляла его довольно часто прихварывать. Въ августѣ прошлаго года къ этимъ недугамъ присоединилась каменная болѣзнь, которою Ѳедоръ Михайловичъ страдалъ, повидимому, давно, но незамѣтно. Ея припадки стали, наконецъ, проявляться въ столь грозной формѣ, что потребовалась немедленная операція. Она была благополучно произведе-

дена въ одной изъ петербургскихъ больницъ, но организмъ семидесятилѣтняго старца не могъ, къ сожалѣнiю, справиться съ послѣдствiями болѣзни.

Вернувшись во Псковъ, Осдоръ Михайловичъ уже не покидалъ своей квартиры, но, несмотря на недомоганiе, въ свѣтлые промежутки попрежнему показывалъ свои собранiя многочисленнымъ посѣтителямъ, каждый разъ тратя на это три-четыре часа времени, конечно, не безъ вреда для себя.

Долго боролся организмъ покойнаго съ болѣзнию, пока новое осложненiе — воспаленiе почечныхъ лаханокъ — не свело Осдора Михайловича въ могилу. Онъ скончался тихо, безъ ропота и страданiй, въ кругу своей многочисленной семьи.

Смерть не щадитъ нашихъ собирателей — давно ли умерли В. С. Передольскiй, П. Я. Дашковъ!

Если правительство дѣйствительно намѣрено приобрести собранiе Плюшкина для музея императора Александра III, хотѣлось бы думать, что часть вещей, имѣющихъ прямое отношенiе къ Псковскому краю, отдадутъ, въ такомъ случаѣ, псковскому музею въ Поганкиныхъ палатахъ. Это было бы не только разумно, но и справедливо.

Странные люди эти коллекціонеры, находящіе интересъ въ изученiи какого-то «прошлаго», въ собиранiи его годъ отъ году исчезающихъ памятниковъ! Вокругъ нихъ — одиноко стоящихъ — гудитъ толпа, которой нѣтъ дѣла ни до чего подобнаго, толпа, съ холодною разсудительностью думающая лишь о практической пользѣ и смѣющаяся въ душѣ надъ непрактичными собирателями.

— Мы съ вами собираемъ монеты, — говорилъ мнѣ когда-то въ дружеской, съ глазу на глазъ, бесѣдѣ одинъ изъ очень извѣстныхъ нашихъ нумизматовъ, нынѣ покойный: — а наши дѣти станутъ собирать развѣ кредитныя бумажки.

И онъ еще при жизни продалъ за безцѣнокъ свою великолѣпнѣйшую коллекцію монетъ такому же любителю, какъ онъ самъ.

Кто изъ тѣхъ двухъ полюсовъ — отцовъ и дѣтей — дѣйствительно достоинъ смѣха, еще вопросъ...

В. А. Алексѣевъ.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VI. Ликвидация революціонныхъ сообществъ.

I.

МЕБОЛЬШОЙ періодъ, обнимавшій собою годы 1882—1884, можетъ быть по всей справедливости разсматриваемъ какъ періодъ полного торжества правительства надъ остатками революціонныхъ организацій, сохранившихся послѣ 1-го марта 1881 года и имѣвшихъ непосредственное, органическое единеніе съ первоначальнымъ ядромъ партіи «народной воли», какъ она сформировалась послѣ воронежскаго и липецкаго съѣздовъ. Дѣятельность Судейкина и его ближайшихъ агентовъ и сподвижниковъ, какъ до сближенія его съ Дегаевымъ, такъ и послѣ этого сближенія, можно сказать, легла въ основу этого торжества и помогла въ сравнительно короткій срокъ ликвидировать большую часть народовольческихъ начинаній и организацій, гдѣ скрывалась въ тѣ годы наибольшая опасность для тогдашняго государственнаго строя. Особенное значеніе этого торжества покоилось въ возможности выяснить революціонное движеніе въ арміи и флотѣ, привести въ извѣстность почти всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ военно-морскихъ революціонныхъ сообществъ.

-) Продолженіе, См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХVI, стр. 255.

и ликвидировать ихъ, не давъ имъ возможности развиться въ широкое движеніе, напоминающее хотя бы отчасти движеніе въ войскахъ начала XIX столѣтія. Если революціонная пропаганда и терроръ являли собою вообще большую опасность для государственнаго строя и его представителей, то тѣмъ сильнѣе эта опасность могла явиться въ случаѣ развитія этихъ элементовъ въ военной средѣ, служащей, какъ извѣстно, фундаментомъ государственной власти, ея безопасности и мощи. Поэтому естественно, что сюда должно было быть обращено сугубое вниманіе какъ обороняющейся стороны, т. е. правительства, такъ и стороны наступающей, т. е. революціонной партіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ нѣчто любопытное, уже въ свое время наблюдавшееся въ русской исторіи, а именно: въ то время, когда въ военной средѣ явно оформлялось определенное оппозиціонное движеніе, это ускользало отъ взоровъ контролирующей правительственной инстанціи, а это движеніе вмѣстѣ съ тѣмъ начинало охватывать собою все большее и большее число представителей арміи и флота. Такого рода явленіе имѣло мѣсто въ періодъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I; точно также въ зачаточной формѣ, которую мы обрисуемъ далѣе, случилось это и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. И вотъ, когда со стороны власти въ данномъ случаѣ проявляется явное попустительство, боевые активныя элементы террора, какъ партіи, обращаютъ на военную среду особенно тщательное вниманіе и спѣшатъ использовать ее въ своихъ организационно-революціонныхъ дѣляхъ. Исполнительный комитетъ партіи «народной воли» проникаетъ въ военную среду и завязываетъ здѣсь прочныя связи, организуя во многихъ центрахъ Россіи кружки изъ военной молодежи въ дѣляхъ подготовленія изъ нея такихъ дѣятелей революціи, которые, опираясь на вѣрныя ихъ командѣ воинскія части, могли бы съ оружіемъ въ рукахъ содѣйствовать намѣченному государственному перевороту. Дѣятельности въ такомъ направленіи былъ положенъ предѣлъ именно Судейкинымъ послѣ его сближенія съ Дегаевымъ. Эти военные кружки, повидимому, не входили въ общій планъ дѣйствій Судейкина и выработанный имъ провокаторскій методъ не былъ имъ примѣненъ по отношенію военной среды въ той степени, какъ это онъ практиковалъ въ иныхъ социальныхъ сферахъ. Поэтому и военная революціонная организація, основаніе которой было положено Желябовымъ, не получила полнаго своего развитія и была затуплена почти въ началѣ своего формированія, не успѣвъ оказать партіи террора даже небольшой части тѣхъ услугъ, которыя намѣчалась. Тѣмъ не менѣе кое-что революціонной молодежью было сдѣлано, почему въ интересахъ полноты нашихъ очерковъ мы и считаемъ нужнымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ любопытныхъ страницахъ отечественной жизни, не вдаваясь

въ данномъ случаѣ въ подробности, не лишеныя своего рода интереса, но имѣющія эпизодическій, такъ сказать, характеръ.

Мы на протяженіи нашихъ очерковъ уже неоднократно упомянули о нѣкоторыхъ военныхъ, какъ бывшихъ, такъ и состоящихъ на дѣйствительной службѣ, которымъ суждено было играть въ революціонномъ движеніи болѣе или менѣе крупную роль. Къ числу такихъ военныхъ (мы не касаемся здѣсь декабристовъ) должны быть отнесены: П. Л. Лавровъ, князь Кропоткинъ, Н. В. Шелгуновъ, Рогачевъ, С. Н. Кривенко, Кривчинскій К. М. Станюковичъ, Сухановъ, Юрковскій и другіе, изъ коихъ въ особенности Лаврову и князю Кропоткину пришлось силою обстоятельствъ и личныхъ индивидуальныхъ чертъ занять въ исторіи нашего революціоннаго движенія особо выдающееся мѣсто. Но участіе всѣхъ вышеназванныхъ лицъ въ движеніи было единичное, не состоящее въ непосредственной связи съ какими-нибудь опредѣленными организаціями, если не считать за организацію извѣстнаго настроенія въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напри- мѣръ, въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ Рогачевъ, посвятившій себя еще въ семидесятыхъ годахъ мирной социалистической пропагандѣ и «хожденію въ народъ», или Кравчинскій, убійца генерала Мезенцева. Иная картина рисуется намъ, когда мы знакомимся съ народовольцами изъ военной среды въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Какъ повѣдалъ Э. А. Серебряковъ въ своей историко-біографической исповѣди «Революціонеры во флотѣ» ¹⁾, стремленіе учащейся молодежи изъ морского корпуса войти въ соприкосновеніе съ революціонной средой относится еще къ 1871 году. Лицомъ, оказавшимъ въ данномъ случаѣ вліяніе на товарищескую среду, былъ кадетъ морского корпуса Луцкій, который и попытался сорганизовать своихъ однокурсниковъ въ сообщество, преслѣдующее явно революціонныя цѣли и находящееся въ связи съ однородными сообществами въ другихъ военныхъ училищахъ. Луцкій началъ давать своимъ товарищамъ предварительно книги для чтенія, какъ, напри- мѣръ, Лассаля, имѣя въ виду поднятіе ихъ умственного развитія до степени способности къ воспріятію революціонныхъ доктринъ. Такъ, ознакомивъ, напри- мѣръ, Серебрякова съ «запретной» въ корпусѣ (тогда еще училищѣ) литературой и убѣдившись, что первоначальная цѣль достигнута, уже рѣшительно поставилъ ему вопросъ: «А согласились ли бы вы принять участіе въ тайномъ обществѣ для подготовленія государственнаго переворота?» Когда онъ замѣтилъ, что вопрошаемый колеблется и не даетъ еще яснаго отчета, что отъ него требуется, то, по словамъ Серебрякова, Луцкій сталъ рассказывать ему, что «бывшіе недавно исключенные воспитанники нашего училища Лутохинъ, Чириковъ и Юрковскій (впослѣдствіи Сашка ниже-

¹⁾ «Былое» 1907 г., № 2 и 4.

нерь) устроили собраніе знакомыхъ имъ воспитанниковъ, на которомъ они и объявили, что организовалось тайное общество съ цѣлью ниспроверженія правительства и существующаго порядка, для того, чтобы освободить народъ отъ угнетателей, устроить лучшіе порядки въ Россіи и вывести народъ изъ его тяжелаго и бѣдственнаго положенія, какъ это было во время великой французской революціи. Это общество, по словамъ Луцкаго, рѣшило, между прочимъ, привлечь къ своему дѣлу воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, что уже есть кружки въ артиллерійскомъ и инженерномъ, Павловскомъ и Константиновскомъ училищахъ, что въ самомъ морскомъ училищѣ, въ первой и во второй ротяхъ уже образо-

Николай Евгеньевичъ Сухановъ.

вались кружки, а теперь организуется кружокъ въ ротѣ, гдѣ состоятъ Серебряковъ; что цѣль образованія послѣдняго кружка—устройство общихъ чтеній, самообразованія, пропаганды, привлеченіе новыхъ членовъ для общества и т. п., что каждый членъ кружка дѣлаетъ ежемѣсячные взносы, которые постулають въ кассу общества, что дѣлами общества завѣдуютъ представители отъ всѣхъ кружковъ, которые собираются разъ въ недѣлю для обсуждения текущихъ дѣлъ, для рѣшенія же болѣе важныхъ вопросовъ созываются общія собранія изъ всѣхъ членовъ общества».

Когда Серебряковъ далъ свое согласіе на конспирацію, онъ былъ введенъ въ кружокъ. Объ этомъ своемъ посвященіи въ рыцари отъ революціи онъ повѣствуетъ такъ: «Мы каждый вечеръ устраивали общія чтенія въ ротѣ, на которыя приходили, кромѣ насъ, и другіе товарищи послушать, такъ что собиралось человѣкъ пятнадцать-

двадцать. Читались Лассаль, «Положеніе рабочаго класса», Флеровскій, Чернышевскій и прочіе. Пояснялъ прочитанное Луцкій, вызывая и направляя дебаты. Помимо общихъ чтеній, мы подъ руководствомъ того же Луцкаго составили небольшую бібліотеку и всѣ принялись усердно за чтеніе. Густава Эмара и Майнъ-Рида замѣнили книги по естественнымъ наукамъ и исторіи, а изъ беллетристики Эркманъ-Шатрианъ, Михайловъ и другіе. Мы также мечтали оставить училище и поступить въ университетъ. Но политическая сторона нашего дѣла представлялась намъ въ какомъ-то романтическомъ туманѣ. Мы каждый день послѣ обѣда собирались въ ротномъ арсеналѣ пить свой чай и въ это время вели бесѣды о будущей революціи, которая представлялась въ видѣ организованныхъ возстаній, битвъ съ тиранами, оканчивающихся побѣдой и общимъ благополучіемъ, но никто изъ насъ не представлялъ себѣ, да и не задумывался надъ тѣмъ, на чемъ будетъ основано и въ чемъ будетъ состоять это всеобщее благо, ради котораго будемъ воевать. Въ нашихъ бесѣдахъ ни разу не было произнесено слово «соціализмъ», — очевидно, нашъ вождь и наставникъ Луцкій самъ его еще никогда не слыхалъ. На собраніе делегатовъ Луцкій ходилъ по субботамъ (день отпуска изъ училища), беря съ собою иногда Паскевича, и въ понедѣльникъ передавалъ намъ о томъ, что тамъ происходило. У меня остались въ памяти изъ его разсказовъ только два эпизода: на одномъ изъ первыхъ собраній былъ поставленъ вопросъ: «итти къ революціи мирнымъ или бурнымъ путемъ?» Наши делегаты, конечно, были за «бурный», за что и получили наше полное одобреніе. Какая же революція безъ сраженія? Это было бы намъ совершенно непонятно... Но самымъ торжественнымъ для насъ днемъ было общее собраніе членовъ общества. Мы его ждали съ нетерпѣніемъ и волненіемъ!.. Квартира, въ которую я попалъ, была большая — комнаты въ четыре. Въ первой былъ столъ, стулья и скамьи. На столѣ стояли самоваръ, стаканы и огромная корзина съ сухарями. Въ это время тамъ было всего человѣка четыре... Очевидно, я пришелъ однимъ изъ первыхъ. Войдя, я сѣлъ на одну изъ скамеекъ; бородачъ, меня впустившій, уже болѣе меня не занималъ, остальные продолжали свой разговоръ, не обративъ вниманіе на мой приходъ, и я сѣлъ одинъ въ этой незнакомой мнѣ обстановкѣ. не зная, что дѣлать, въ томительномъ ожиданіи. Мало-по-малу началъ собираться народъ, пришли и мои товарищи, всего собралось человѣкъ до восьмидесяти, въ томъ числѣ одинъ артиллерійскій офицеръ; но изъ военныхъ училищъ были только наши, другіе почему-то не могли прійти. Скоро начались дебаты, но мы не только не принимали въ нихъ участія, но даже плохо понимали, въ чемъ дѣло. Тамъ толковалось о какихъ-то кружкахъ и партіяхъ, обсуждали вопросъ возможности ихъ соединенія, ссылались на интернаціональ, и все это пересыпалось цитатами, терминами и т. п.; по-

видимому, тамъ были члены не только нашего, но и другихъ обществъ, и обсуждался вопросъ объ ихъ соединеніи. Мы сидѣли молча и отъ нечего дѣлать пили чай и усердно ѣли сухари...»

Вотъ тотъ юношескій прологъ къ драмѣ, жертвами которой черезъ десятокъ лѣтъ стали Сухановъ, самъ Серебряковъ, Штромбергъ и другіе, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе. Пока же отмѣтимъ, что революціонной пропагандѣ среди молодежи въ ея коллективномъ проявленіи скоро положенъ былъ конецъ. Въ самомъ морскомъ училищѣ нашлись не сочувствующіе открывшемуся въ стѣнахъ заведенія движенію и начальству послѣдоваль доносъ со стороны послѣднихъ. Результатомъ были многочисленные аресты какъ въ этомъ училищѣ, такъ и въ прочихъ военныхъ. «Въ первую минуту наше начальство было страшно перепугано и отнеслось къ намъ весьма сурово, — говоритъ Серебряковъ. — Намъ грозили военнымъ судомъ, ссылкой, каторжными работами, а при нашемъ отказѣ дѣлать показанія грозили, что отправятъ насъ въ Третье Отдѣленіе, а что, дескать, тамъ съ нами церемониться не будутъ и примѣнятъ къ намъ тѣлесныя наказанія и пытку. Но всѣ эти угрозы мало на насъ дѣйствовали, и мы были очень сдержанны въ своихъ показаніяхъ нашему начальству, чѣмъ приводили его въ немалое бѣшенство. Но скоро все это измѣнилось: насъ потребовалъ къ себѣ тогдашній морской министръ, вице-адмиралъ Краббе».

Въ политику могущественнаго тогда представителя морского вѣдомства не входило создавать изъ всего происшествія крупный политическій инцидентъ, и онъ, пользуясь своимъ безграничнымъ вліяніемъ при дворѣ Александра II, легко потушилъ всю исторію, придавъ ей характеръ мальчишескихъ заблужденій и настоявъ на примѣненіи къ провинившимся домашнихъ дисциплинарныхъ мѣръ взысканія. Спасая репутацію ввѣреннаго ему морского училища, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ спасъ воспитанниковъ и прочихъ учебныхъ заведеній. Но эта первоначальная буря не осталась безъ дальнѣйшихъ политическихъ послѣдствій и черезъ нѣсколько лѣтъ принесла опредѣленные результаты.

II.

Большая часть тѣхъ, кого спасъ адмиралъ Краббе и которые на зарѣ своей юности стали жертвами революціонной пропаганды, съ годами отошли далеко отъ увлеченій молодости, впоследствии дослужились до высокихъ чиновъ, а нѣкоторые изъ числа моряковъ уже въ наши дни отдали свои жизни служенію родинѣ въ приснопамятномъ Цусимскомъ бою. Но нѣкоторые и въ дальнѣйшемъ оставались подъ вліяніемъ революціоннаго гипноза, продолжали косвенно приходить въ соприкосновеніе съ оппозиціонной средой и находить откликъ своимъ мыслямъ и порывамъ, заложеннымъ

въ нихъ еще въ періодъ дѣтскихъ революціонныхъ мечтаній, въ нелегальной и вообще противоправительственной литературѣ. Однако нѣкоторый періодъ времени офицерство и представители революціонной доктрины оставались въ отчужденіи другъ отъ друга. Вспоминая эти отношенія до 1879 года, все тотъ же Э. А. Серебряковъ говоритъ: «Революціонеры того времени не задавались цѣлью политическаго переворота и не признавали политической борьбы. Это былъ періодъ хожденія въ народъ и «земли и воли», а потому они не интересовались пропагандой среди войска и въ общемъ революціонные и радикальные кружки относились съ предубѣжденіемъ къ офицерской средѣ и мало знали ее. Офицерство, со своей стороны, совершенно не понимало революціонеровъ того времени и относилось къ нимъ съ не меньшимъ предубѣжденіемъ. Даже для болѣе образованнаго и оппозиціонно настроеннаго офицерства было совершенно чуждо господствовавшее тогда въ революціонной средѣ почти анархическое міровоззрѣніе. Да и трудно было бы оставаться на службѣ при этомъ міровоззрѣніи. Зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Не легко было оставаться на службѣ и государственнику, враждебно настроенному противъ правительства, но тамъ было объясненіе, была цѣль и нѣкоторое право, опиравшееся на формулу: «служба государству, а не правительству». У революціонера же того времени не было ни смысла, ни оправданія для продолженія службы, а потому совершенно понятно, что тѣ сравнительно рѣдкіе офицеры, которые проникались господствовавшимъ тогда ученіемъ, спѣшили оставить службу и уйти въ ту среду, которая стремилась провести это ученіе въ жизнь. Въ общемъ же офицеры, какихъ бы политическихъ воззрѣній ни держались, въ большинствѣ случаевъ всегда государственники. Среди нихъ попадались люди, любившіе народъ, готовые сочувствовать всякимъ политическимъ и экономическимъ реформамъ, которыя могли бы вывести народъ изъ его печальнаго униженнаго положенія. Были среди нихъ и люди, понимавшіе, что тогдашній политическій строй былъ вреденъ для страны, и которые отнеслись бы сочувственно къ измѣненію его даже насильственнымъ путемъ. Но не только господствовавшій въ то время анархизмъ, но и социализмъ былъ вполнѣ чужды для нихъ». Такъ продолжалось до начала русско-турецкой войны, когда поднявшаяся волна патріотизма увлекла за собою даже политическую оппозицію, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ представителей ея, даже изъ среды «землевольтцевъ» и пропагандистовъ, оказались въ рядахъ добровольцевъ. Про офицерство не приходится и говорить—все помыслы военной среды сосредоточились на Балканскомъ полуостровѣ. Но къ концу 1878 года волна патріотизма спала. По словамъ Серебрякова, «война съ Турціей раскрыла глаза на печальную картину русскихъ порядковъ. Особенно сильно сказалось это на офицерахъ, бывшихъ свидѣтелями того, какъ несчастные солдаты, выносившіе

на своихъ плечахъ всю тяжесть войны, питались гнилымъ хлѣбомъ съ известкой, ходили безъ подошвъ, оставались безъ медицинской помощи, и не потому, что въ Россіи не было средствъ накормить своихъ солдатъ, а потому, что казнокрадство во время войны достигло размѣровъ открытаго дневного грабежа и никакіе протесты, никакія усилія и хлопоты порядочныхъ офицеровъ не могли помочь горю... Само собою офицерство, оскорбленное въ своемъ патріотизмѣ, въ своей любви къ народу и солдату и обиженное лично, обратило свое вниманіе на изысканіе причинъ подобнаго положенія вещей.

Михаилъ Юльевичъ Ашенбреннеръ.

Само собою, взоры офицеровъ обратились въ сторону оппозиціи и революціонеровъ, и они скупали нелегальную литературу въ Румыніи. Но офицеры нашли мало серьезныхъ и подходящихъ книгъ, а много всякаго хлама, благодаря тому, что аферисты изъ румынскихъ книготорговцевъ, въ виду огромнаго спроса на нелегальную литературу, скупили устарѣвшія и неудачныя произведенія, цѣлые годы валявшіяся на чердакахъ въ Цюрихѣ, Женевѣ и у берлинскихъ книгоиздательскихъ фирмъ, и наводнили ими Бухарестъ и другіе города Румыніи, гдѣ они свободно могли продаваться. Только Драгомановъ написалъ двѣ-три брошюры на злобу дня, а революціонеры, по всей вѣроятности, продолжали игнорировать армію, какъ цѣлое,

и не воспользовались удобнымъ моментомъ, не постарались дать отвѣты на вопросы, интересовавшіе офицерскія массы, взволнованная видимыми ими на войнѣ послѣдствіями неурядицы, царствовавшей тогда въ Россіи, такъ что десятки чудовъ литературы, вывезенные изъ Румыніи офицерами, мало помогли разобратъся въ волновавшихъ ихъ вопросахъ, и революціонеры для нихъ были такъ же чужды и непонятны, какъ и раньше. А офицерство въ то время было настроено очень оппозиціонно: съ одной стороны—война, съ другой—все усиливавшійся и усиливавшійся приливъ молодыхъ силъ, прошедшихъ школу въ реформированныхъ Милютинымъ военно-учебныхъ заведеніяхъ,—нарушили рутину офицерской среды и заставили ее интересоваться внѣшнимъ міромъ. Мало-по-малу повсюду—и въ арміи и во флотѣ—возросъ интересъ къ политическимъ и философскимъ наукамъ: гдѣ въ одиночку, гдѣ цѣлыми кружками офицеры занялись серьезнымъ чтеніемъ: кое-гдѣ полковныя бібліотеки стали пополняться хорошо подобранными книгами, и спросъ на нелегальную литературу все возрасталъ и возрасталъ, и понемногу офицеры стали ознакомляться съ революціонными взглядами того времени. У насъ, въ Кронштадтѣ, нелегальная литература среди молодого офицерства циркулировала довольно свободно. Кое-гдѣ во флотѣ, арміи и артиллеріи начали образовываться кружки, но революціонеры еще не входили въ серьезные сношенія съ офицерствомъ. Революціонно настроенные офицеры тоже не очень довѣрчиво относились къ способу и плану дѣйствій тогдашнихъ революціонеровъ, да къ тому же еще неясно понимали различіе программъ существовавшихъ тогда партій... Серьезныя сношенія революціонныхъ партій съ офицерствомъ начались въ 1879-мъ году. Послѣ раскола общества «земли и воли» на двѣ фракціи: партію «народной воли» и «черный передѣлъ», первую изъ этихъ фракцій ясно былъ поставленъ вопросъ о необходимости политической борьбы и даже допустимости политическаго заговора, а слѣдовательно необходимость содѣйствія арміи немедленно же выяснилась для революціонеровъ. Въ Кронштадтѣ первый партійный революціонный кружокъ создали черно-передѣльцы. Это былъ кружокъ молодыхъ мичмановъ, которые занимались пропагандой среди матросовъ съ цѣлью приготовить изъ нихъ будущихъ пропагандистовъ въ деревнѣ. Повидимому, пропаганда шла довольно успѣшно—такъ, по рассказамъ одного изъ участниковъ этого кружка, они организовали по передѣльческой программѣ отъ 80 до 100 человекъ матросовъ. Но такъ какъ черно-передѣльская программа не ставила своей задачей непосредственную политическую борьбу, то она и не могла имѣть успѣха среди офицерства, и черезъ сравнительно короткое время этотъ кружокъ распался и большая часть членовъ примкнула къ намъ. Около того же времени образовался и артиллерійскій кружокъ среди офицеровъ кронштадтской крѣпостной ар-

тиллеріи... Впослѣдствіи этотъ кружокъ примкнулъ къ партіи «народной воли». Около того же времени кое-гдѣ на югѣ и въ центрѣ Россіи революціонеры завязали болѣе или менѣе серьезныя связи съ офицерствомъ, но настоящими основателями военной организаціи были Желябовъ и Сухановъ».

Сухановъ былъ однимъ изъ тѣхъ воспитанниковъ морского училища, которые состояли членами кружка саморазвитія. По окончаніи курса произведенный въ офицеры, онъ служилъ въ сибирской флотиліи и на дальневосточной окраинѣ имѣлъ случай сблизиться съ сосланными туда политическими преступниками, ознакомиться съ ихъ автобіографіями и проникнуться ихъ политическими исповѣданіями. Служба во флотѣ на окраинѣ поставила его лицомъ къ лицу со многими злоупотребленіями, прочно установившимся въ морской практикѣ того времени, что имѣло немалое вліяніе на сложившіяся еще въ юношескомъ возрастѣ его симпатіи къ представителямъ общественнаго протеста, сближеніе съ ссыльными утвердило его въ этихъ симпатіяхъ, а знакомство съ Желябовымъ въ Петербургѣ, когда онъ сюда вернулся и съ нимъ здѣсь у однихъ своихъ родственниковъ встрѣтился, создало изъ него безповоротно типъ боевого народовольца, примкнувшаго страстно и вполне сознательно ко всѣмъ крайностямъ революціонной доктрины.

Сухановъ успѣшилъ познакомить Желябова и другого члена исполнительнаго комитета «народной воли» Колодкевича съ своими товарищами, наиболѣе представлявшими благоприятную среду для воспріятія революціонныхъ идей, и вотъ черезъ нѣкоторое время военный революціонный кружокъ, вступившій въ качествѣ определенной организаціи съ выработаннымъ статутомъ въ составъ партіи, былъ готовъ. Серебряковъ, присутствовавшій на собраніи, гдѣ Желябовъ произнесъ свою зажигательную рѣчь къ офицерамъ, имѣвшую рѣшающее значеніе на образованіе кружка, такъ передаетъ свое впечатлѣніе и отъ этой рѣчи, и отъ всего конспиративнаго засѣданія въ Кронштадтѣ: «На нѣкоторыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ на моихъ товарищей и на меня, этотъ вечеръ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Мы и ранѣе были болѣе чѣмъ оппозиціонно настроены, и многое изъ того, что говорилъ ораторъ, отвѣчало нашему настроенію и было извѣстно намъ. На насъ произвела особенно сильное впечатлѣніе личность говорившаго, его вѣра и убѣжденность, а главнымъ образомъ ясное, точное пониманіе и послѣдовательное, логическое изложеніе плана и способа борьбы съ господствующимъ въ Россіи режимомъ и ихъ возможность и осуществимость. Ранѣе у насъ было недовѣріе къ революціоннымъ партіямъ и революціонной борьбѣ, главнымъ образомъ потому, что мы не вѣрили въ силу партій, будучи убѣждены, что онѣ не имѣютъ ясныхъ опредѣленныхъ программъ и состоятъ главнымъ образомъ изъ зеленой молодежи и энтузіастовъ. Въ этомъ убѣжденіи поддерживало

насъ и то обстоятельство, что, сталкиваясь послѣдніе годы съ революціонерами, мы встрѣчали лицъ, которыя не могли намъ ясно показать, чего они хотятъ и какимъ образомъ могутъ добиться своей цѣли. Послѣ встрѣчи съ Желябовымъ и Колодквичемъ наши мнѣнія о революціонерахъ рѣзко измѣнились. Въ нихъ мы встрѣтили не только умныхъ, но и сильныхъ людей съ яснымъ политическимъ пониманіемъ. Такой же переворотъ въ нашихъ взглядахъ произвела программа партіи «народной воли». Въ ней вопросы учредительнаго собранія и націонализаціи земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему міровоззрѣнію». Наличіе въ народовольческой программѣ элемента террора на первыхъ порахъ послужило тормозомъ къ вступленію офицеровъ немедленно въ составъ противоправительственной партіи, но когда къ распропагандированнымъ военнымъ присталъ баронъ А. П. Штромбергъ, то дѣло пошло скорѣе на ладъ, и осенью 1880 г. военно-революціонная «конституція» была уже составлена по настоянію Суханова. Во главу этой конституціи была поставлена слѣдующая декларация: «Будучи убѣждены, что прогрессъ и счастье народа, а слѣдовательно и всей Россіи не могутъ быть достигнуты безъ соціально-политическаго переворота, и признавая, что программа партіи «народной воли» вполне соответствуетъ нашему взгляду на лучшей способъ достиженія возможно быстраго переворота, мы присоединяемся къ партіи «народной воли» и объявляемъ, что отнынѣ первенствующей цѣлью нашей жизни будетъ работа въ пользу вышесказаннаго переворота въ рядахъ партіи «народной воли» и что всю личную нашу жизнь мы подчиняемъ этой цѣли».

«Обязательства, которыя мы взяли на себя, были гораздо обширнѣе, чѣмъ мы раньше предполагали взять на первый разъ, и это произошло, благодаря вліянію Суханова—свидѣтельствуетъ Серебряковъ. Мы не хотѣли сразу брать большихъ обязательствъ не потому, что желаніе содѣйствовать партіи было у насъ недостаточнымъ, а частью по неувѣренности въ полномъ соответствіи организаціи партіи, которая была намъ въ то время мало извѣстна, частью же потому, что нелегко было сразу превратиться изъ простыхъ офицеровъ въ настоящихъ заговорщиковъ. Но такъ сильно вліялъ Н. Е. Сухановъ своей цѣльностью и нравственной чистотой, что ему трудно было возражать... Но мы точно установили, что будемъ заниматься только военной организаціей и что тѣ изъ товарищей, которые захотѣли бы принять участіе въ боевой (кромѣ вооруженнаго возстанія) и террористической дѣятельности, должны выйти изъ военной организаціи. Мы установили также, что если партіи понадобятся тѣ или другія услуги нашихъ товарищей, то они могутъ оказывать ихъ по взаимному соглашенію, а не обязательно».

III.

Дальнѣйшій ходъ событій, по показаніемъ Серебрякова, былъ таковъ. «Въ ближайшее воскресенье мы вчетверомъ или впятеромъ... поѣхали къ Суханову. Тамъ мы застали большую компанію; кромѣ Суханова и его сестры, у него были: Софья Львовна Перовская, называвшаяся тогда Софьей Павловной, Вѣра Николаевна Фигнеръ, Желябовъ и Колодкевичъ, а потомъ пришелъ нашъ старый товарищъ, недавно вышущенный изъ тюрьмы, В. В. Луцкій со своей женой. Когда мы пришли, шелъ оживленный разговоръ о черно-

Баронъ Александръ Павловичъ Штрюмбергъ.

передѣльцахъ. Мы приняли въ немъ участіе, стараясь выяснить себѣ непонятную для насъ, повичковъ въ партійныхъ розняхъ, острую враждебность между двумя такими родственными народническими фракціями. «Если деревенщики признають,—говорили мы,—главнымъ образомъ работу въ деревнѣ, то пусть и работаютъ вѣдь вы тоже признаете ее весьма важной, хотя въ настоящее время и не главной. Ваша же городская работа и политическая борьба ихъ работѣ мѣшать не могутъ, почему же вмѣсто товарищескихъ споровъ такая острая вражда? Намъ на это отвѣчали, что не только ничего не имѣли бы противъ работы деревенщиковъ въ деревнѣ, если они могутъ тамъ работать, а были бы даже рады ей; но дѣло въ томъ, что въ городахъ много деревенщиковъ и они всегда ведутъ враждебную агитацію противъ «пародной воли»... По окончаніи этихъ разговоровъ Желябовъ и Колодкевичъ пригласили насъ въ отдѣльную

комнату, гдѣ и передали намъ отъ имени исполнительнаго комитета, что наши условія приняты—и мы съ этого дня состоимъ членами партіи. Они также просили насъ выбрать одного изъ нашихъ товарищей для предполагаемаго центрального военнаго кружка, который долженъ былъ состоять изъ представителей кружковъ и двухъ членовъ исполнительнаго комитета. При этомъ они намъ заявили, что въ настоящее время представителями исполнительнаго комитета въ центральномъ кружкѣ назначены они—Желябовъ и Колодкевичъ.

«По возвращеніи въ Кронштадтъ мы окончательно составили нашъ, такъ называемый, морской кружокъ. Въ первое время онъ состоялъ изъ лейтенантовъ Штромберга, З—на, Г—ва, Г—га и меня, мичмана Юнга и двухъ штурманскихъ офицеровъ—К—ча и П—ва. Организовавъ кружокъ, мы приступили къ выбору нашего представителя. Вопросъ для насъ очень нетрудный: мы были старые товарищи, взаимно довѣрившіе другъ другу и не имѣвшіе другъ отъ друга тайнъ, намъ было все равно, кого послать представителемъ, и мы рѣшили выбрать Штромберга, какъ болѣе свободнаго, болѣе преданнаго партіи и имѣвшаго большія знакомства среди ея членовъ. Мы спросили Штромберга, согласенъ ли онъ, онъ согласился, и дѣло было кончено.

«Кронштадтскій артиллерійскій кружокъ, состоявшій изъ 8—9 человекъ, послалъ своимъ представителемъ подпоручика Папина. Петербургскіе артиллерійскіе академики, человекъ 5—6,—штабсъ-капитана Похитонова, инженеры—капитана К. Кромъ этихъ четырехъ представителей, вошли въ центральный кружокъ Сухановъ, артиллерійскій поручикъ Рогачевъ, имѣвшій большія связи среди офицеровъ въ Западномъ краѣ, отставной артиллерійскій штабсъ-капитанъ Дегаевъ и два члена комитета—Желябовъ и Колодкевичъ. Изъ этихъ лицъ и составилъ первый центральный военный кружокъ, при чемъ было рѣшено, что это не будетъ окончательнымъ военнымъ центромъ партіи, а послужитъ только временнымъ объединительнымъ центромъ, пока не разовьется военная организація, и что затѣмъ уже, сообразно силамъ и составу организаціи, будетъ созданъ соответствующій центръ, которому и уступить свое мѣсто центральный кружокъ».

Объ организаціи военно-революціонныхъ кружковъ и по преимуществу въ провинціи сохранилъ также любопытныя воспоминанія другой видный дѣятель этихъ организацій, подполковникъ М. Ю. Ашенбреннеръ, сподвижникъ по Туркестану Скобелева, боевой офицеръ и впоследствии шпигельбуржецъ, на долю котораго выпало немало организаціонной работы по порученію исполнительнаго комитета партіи «народной воли». Въ своихъ воспоминаніяхъ «Военная организація партіи «народной воли»¹⁾, онъ рисуетъ дѣло такъ:

¹⁾ «Былое», 1906 г., № 6.

«Въ концѣ 1880 года сложилась первая военная группа, которая и стала затѣмъ центральной. Учредителями были Рогачевъ, Сухановъ, Штромбергъ, Желябовъ и Колодкевичъ; послѣдніе двое, какъ делегаты исполнительнаго комитета партіи «народной воли». Центральная группа поставила своей цѣлью организацію строго централизованной военно-революціонной партіи для борьбы за политическое и экономическое освобожденіе народа, во главѣ которой ставилась автономная по своимъ специальнымъ задачамъ центральная группа. Члены центральной группы назначались исполнительнымъ комитетомъ, программа котораго признавалась основной статьей кружкового устава; поему-то назначеніемъ военной организаціи было активное содѣйствіе партіи «народной воли» въ революціонной борьбѣ съ существующимъ политическимъ и экономическимъ строемъ.

«Въ началѣ 1881 года, если не ошибаюсь, въ составъ центральной группы вступили Дегаевъ, Буцевичъ, потомъ Похитоновъ. Весною 1881 года Сухановъ и Штромбергъ были арестованы, а въ составъ центрального кружка вступили Серебряковъ, Папинъ и Завалишинъ, а въ началѣ 1883 года—Ашенбреннеръ.

«Пропаганда была настолько дѣйствительна, а почва такъ благодарна, что повсюду стали складываться кружки: въ Кронштадтѣ—морскіе, артиллерійскій, армейскій, въ Петербургѣ—въ военныхъ академіяхъ (только не въ академіи генеральнаго штаба) и военныхъ училищахъ. Если не ошибаюсь, первый кружокъ былъ основанъ Рогачевымъ въ Гельсингфорсѣ; затѣмъ Рогачевъ и одинъ морякъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ; а скорѣ появились кружки въ центральныхъ губерніяхъ, по Волгѣ и на Кавказѣ. Ближайшіе къ центру кружки находились съ нимъ въ болѣе тѣсной связи; остальные, кажется, складывались самостоятельными, и программы ихъ были разнообразны, что, я думаю, больше зависѣло отъ ихъ удаленности отъ центра, чѣмъ отъ личнаго состава.

«Первоначальная программа южныхъ кружковъ была очень эффектна, но мало состоятельна по существу. Эту программу можно формулировать, какъ дружественный нейтралитетъ въ пользу народа, протестантовъ, демонстрантовъ и возставшихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ кружковыя программы были весьма разнообразны, начиная отъ программы самообразованія до террористической. Вездѣ въ кружкахъ въ первый, подготовительный періодъ ихъ существованія чувствовалась необходимость въ пополненіи и систематизаціи своихъ познаній. На югѣ велись бесѣды по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, излагали по мѣрѣ силъ и возможности ученія Прудона, Луи Блана, Лассаля, Родбертуса, Маркса, катедеръ-соціалистовъ и др. Пропаганда между сослуживцами была весьма успѣшна. Къ сложившемуся ядру будущаго кружка одно-

родные элементы притягивались одни силою, такъ сказать, химическаго сродства, то есть въ силу единства убѣжденія и согласія воли, другіе просто примѣшивались механически. Эти послѣдніе элементы ассоціировались не по сходству, а, такъ сказать, по смежности. Такая готовность вступить въ связь внѣ ассимиляціи съ цѣлымъ объясняется служебнымъ сотрудничествомъ, школьными связями, личной дружбой и товариществомъ.

«Военная партія, взятая въ цѣломъ, выдѣлила нѣсколькихъ даровитыхъ организаторовъ. Талантливымъ организаторомъ былъ Буцевичъ, хорошимъ, по моему мнѣнію, былъ Рогачевъ. Были очень способные и неутомимые пропагандисты; хорошихъ же конспираторовъ, какъ мнѣ кажется, было немного. Военная община— это большая открытая семья. Около кружковыхъ офицеровъ группировались люди, связанные съ ними разными узами, люди, которыхъ включить въ кружокъ было невозможно. Между такими встрѣчались люди, сочувствовавшіе, но преданные платонически. Они оказывали иногда большія услуги и въ критическій моментъ могли быть увлечены.

«Пропганда велась сначала осторожно, а потомъ слишкомъ смѣло и открыто. Въ одномъ южномъ кружкѣ собирались у семейнаго товарища, связаннаго съ кружкомъ личной дружбой. Тамъ, послѣ ужина, за стаканомъ вина, въ компаніи съ двумя-тремя случайными гостями, свободно обсуждались текуція въ Россіи дѣла, а зачастую раздавались и мятежныя рѣчи. Но такія бесѣды проходили по крайней мѣрѣ въ закрытомъ помѣщеніи. Въ лагерное время нерѣдко ходили ужинать въ одну ливную на большой и людной улицѣ. На улицу выходила веранда, обитая дикимъ виноградомъ. Тутъ стояли столики. Столики сдвигались, и послѣ ужина приступали сначала къ спокойному обсужденію, которое зачастую заканчивалось горячимъ призывомъ къ возмущенію.

«Численный составъ кружковъ на югѣ, достигнувъ извѣстнаго предѣла (около 10 чел.), не возрасталъ болѣе. Временными членами въ двухъ пѣхотныхъ кружкахъ состояли строевые офицеры посторонняго вѣдомства; предполагалось, что по возвращеніи въ свои части они станутъ ядромъ новыхъ кружковъ. Кромѣ того, завязывались связи съ нѣкоторыми артиллерійскими частями въ ближайшей мѣстности. Южный же морской кружокъ вырасталъ не по днямъ, а по часамъ, такъ что привялъ неудобные въ конспиративномъ отношеніи размѣры; но къ предложенію раздѣлиться на части моряки отнеслись несочувственно. Въ декабрѣ 1881 г., пріѣхавъ на югъ лейтенантъ Александръ Викентьевичъ Буцевичъ, и отъ него мы узнали о возникновеніи повсюду военныхъ революціонныхъ кружковъ и о существованіи центральной группы. Познакомившись съ нашей программой, онъ нашелъ ее недостаточной. Мы защищали свою программу, но онъ указывалъ на ея несостоя-

тельность и доказывать, что, по смыслу своего существованія, военная организація должна носить боевой характеръ; что ея назначеніе—активное содѣйствіе партіи «народной воли» и ея задача—готовиться къ военному мятежу. Ему возражали, что увлечь за собою единичныхъ солдатъ не трудно; но возмутить цѣлыя роты, батальоны, батареи возможно только при общемъ народномъ возстаніи, что тогда даже и недостаточная подготовка не помѣшаетъ:

Николай Данилович Похитоновъ.

а общее народное возстаніе—праздная мечта; что революціонное движеніе въ Россіи до сихъ поръ не имѣло массоваго характера, а являлось въ видѣ частичныхъ мятежныхъ протестовъ; а потому единая практически осуществимая и достаточная задача наша—подготовить сначала отдѣльныя части, затѣмъ (какъ предѣльное требованіе) цѣлыя гарнизоны къ тому, чтобы они не подымали оружія противъ народа и народныхъ защитниковъ ни въ какомъ случаѣ. Эта программа—минимумъ, и она исполнима, если не во всемъ объемѣ, то частично. Онъ же говорилъ, что наша программа-минимумъ праздная мечта, что смѣшно говорить о подготовкѣ армій и гарнизоновъ, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Бываютъ такіе моменты въ общественной жизни, когда нужно открыто и безповоротно стать на ту или другую сторону, а не оставаться благороднымъ свидѣ-

телемъ, такъ сказать, между молотомъ и наковальней; подготовить одну-двѣ роты, батарею, эскадронъ къ открытому возмущенію легче, чѣмъ осуществить наши неопредѣленные и обширные замыслы. Одна рота, открыто ставшая на сторону возмутившихся, можетъ принести неисчислимые услуги: напр., захватить арсеналы и передать оружіе инсургентамъ, захватить пушки, пороховые погреба, обезоружить цѣлыя части, арестовать энергичныхъ распорядителей усмиренія, освободить политическихъ заключенныхъ. Не надо забывать также, что въ подготовительномъ періодѣ у офицера есть свои техническія задачи: напр., изучить топографію будущаго театра дѣйствія, составить планы на разные случаи и т. д.

«Въ результатѣ этихъ совѣщаній было присоединеніе двухъ армейскихъ кружковъ, а затѣмъ и морского кружка къ партіи «народной воли». Кружковые программы двухъ первыхъ кружковъ были измѣнены такъ: задача кружковъ—активная поддержка протестующихъ и возставшихъ; главенство исполнительнаго комитета партіи «народной воли»; непосредственное подчиненіе по спеціальнымъ дѣламъ автономному военному центральному кружку; обязательство явиться въ распоряженіе военного центра по первому требованію. Этому параграфу, составлявшему существенную часть программы новаго типа почти вездѣ, Буцевичъ придавалъ особенную важность; только на югѣ морской кружокъ не усвоилъ этой послѣдней статьи. Истинный ея смыслъ извѣстенъ былъ только Буцевичу и мнѣ. Буцевичъ имѣлъ въ виду очень смѣлыя и остроумныя предпріятія, но они требовали нѣкоторой подготовки, по сему подробности до поры до времени и составляли тайну. Этотъ параграфъ кружки принимали не особенно охотно, и не потому, что офицеры боялись взять на себя непонятное и опасное обязательство, а потому, что оно предполагало непосильные денежные расходы и отставку. Потомъ я узналъ, что недостатокъ въ деньгахъ и служилъ камнемъ преткновенія для осуществленія такихъ плановъ.

«Весною 1882 г. сложился морской кружокъ. Онъ состоялъ въ тѣсной связи съ армейскимъ, и не разъ армейцы принимали участіе въ его совѣщаніяхъ. Такъ, были установлены правильные денежные сборы; армейцы устроили у себя конспиративную квартиру. На общемъ собраніи морского и армейскаго кружковъ былъ поставленъ вопросъ о пропагандѣ среди солдатъ и получилъ оригинальное рѣшеніе: признали цѣлесообразнымъ поручить пропаганду рабочимъ и обратились съ просьбой къ В. Н. Фигнеръ, прѣздомъ посѣтившей насъ, прислать двухъ подходящихъ рабочихъ для пропаганды въ двухъ городахъ. Офицеры должны были намѣчать и указывать рабочимъ болѣе надежныхъ и способныхъ людей, оберегать свиданія солдатъ съ рабочими, выручать солдатъ отъ всякихъ домашнихъ и внѣшнихъ напастей и повышать по возможности ихъ служебное положеніе и т. д. Пропаганда шла довольно

усибишно, особенно между моряками. Офицеры предполагали открыться солдатамъ по окончаніи подготовительной работы, незадолго до рѣшительныхъ дѣйствій; но солдаты оказались наблюдательнѣе, чѣмъ мы думали, и безъ труда отличали своихъ офицеровъ. Наконецъ явилась возможность испытать свою готовность, и составленъ былъ планъ освободить политическую заключенную. Два солдата и одинъ офицеръ взялись за это дѣло. Ключи послѣ вечерней зари находились у караульнаго начальника; но, чтобы спасти офицера отъ большой отвѣтственности, этими ключами рѣшено было не пользоваться, а по слѣпкамъ подобрать другіе ключи, а чтобы отклонить отвѣтственность отъ часового, его должна была угостить заключенная пирожкомъ съ минимальной дозой усыпительнаго. Все было готово. Недоставало паспорта для другого часового, который собирался бѣжать, заметая, такимъ образомъ, всѣ слѣды; недоставало также экипажа для побѣга. Экипажъ и паспорта взяли въ назначенному дню не военные, но опоздали; а между тѣмъ такая комбинація караульнаго наряда, когда встрѣчаются всѣ три исполнителя, случалась довольно рѣдко. Заключенную перевезли въ другой городъ, и, такимъ образомъ, испытаніе нашей зрѣлости вышло неудачное.

«Въ началѣ 1882 г. Бугевичъ уѣхалъ на сѣверъ, а лѣтомъ мы узнали объ его арестѣ, и такимъ образомъ порвалась связь съ центральнымъ кружкомъ. Наша изолированность и оторванность отъ центра и другихъ кружковъ намъ стала невыносима—это было самое больное мѣсто наше—и нѣсколько человекъ отправились въ разныя стороны на поиски. Эта экспедиція была отчасти удачна. Центрального кружка не пашли; въ одномъ мѣстѣ я по оплошности перепуталъ рекомендаціи, и меня приняли за весьма подозрительную личность; но на обратномъ пути, въ одномъ большомъ городѣ я познакомился съ организованнымъ кружкомъ, исторія и программа котораго были почти тождественны съ нашей. Съ этимъ кружкомъ мы условились оставаться въ постоянной и тѣсной связи и для этого обмѣниваться почаще визитами, что и было исполнено. Въ этомъ городѣ существовало еще нѣсколько неорганизованныхъ группъ, находившихся въ первой стадіи развитія и переживавшихъ періодъ бурнаго броженія. Я думаю, что вслѣдствіе оторванности отъ центра имъ приходилось оцущью выработать свою программу, хотя между ними, какъ я слышалъ, были очень способные люди. Въ ноябрѣ на югъ пріѣхалъ членъ исполнительнаго комитета Дегаевъ съ рекомендаціей, которой я долженъ былъ повиноваться. Онъ пожелалъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла у военныхъ и просилъ меня познакомить его съ выдающимися лицами изъ нашей среды. Я пригласилъ четырехъ офицеровъ. Треть изъ нихъ онъ предложилъ заняться организаціей террористическихъ предпріятій; но выборъ былъ неудаченъ въ томъ отношеніи, что одинъ изъ нихъ

уѣзжалъ въ академію, другіе, люди семейные, были много должны въ офицерскій капиталъ и потому оставить службу не могли; а мы, въ видахъ огражденія юной военной организаціи отъ провала, уже постановили, что офицеръ, принимающій участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ, обязанъ выйти изъ военной организаціи. Мнѣ лично онъ отъ Вѣры Николаевны предложилъ оставить службу и явиться въ распоряженіе центрального кружка. Я взялъ годовой отпускъ и отправился, заѣхавъ по пути къ Похитонову и Вѣрѣ Николаевнѣ. Въ центральномъ кружкѣ меня спросили: какъ я понимаю свое новое назначеніе? Я просилъ возложить на меня постоянные объѣзды между кружками съ цѣлью сведенія разнообразныхъ программъ къ единой—центрального кружка. Такъ и было рѣшено; но мнѣ предложили предварительно познакомиться съ высшими военными учебными заведеніями. Съ нѣсколькими академистами я познакомился. А когда по петербургскимъ дѣламъ мнѣ дали въ помощники очень способнаго и энергичнаго артиллерійскаго офицера Степурина, я сдалъ ему дѣла въ Петербургѣ и сдѣлалъ свой первый и послѣдній объѣздъ по Россіи. Тогда центральный кружокъ предполагалъ издавать военный журналъ, и мнѣ поручили, кромѣ согласованія кружковыхъ программъ, намѣтить корреспондентовъ, получить въ одномъ городѣ деньги, оповѣстить о предстоящемъ съѣздѣ и выбрать удобный для съѣзда пунктъ. Отчасти все это было сдѣлано. Но денегъ я не успѣлъ получить. Въ Смоленскѣ, куда я заѣхалъ отдохнуть, я былъ арестованъ».

IV.

Приведенныя показанія рисуютъ отдѣльные моменты изъ жизни и возникновенія военно-революціонныхъ организацій. Послѣ того, какъ правительству удалось арестовать Суханова, Колодкевича, Штромберга, а послѣ предательства Дегаева—Вѣру Фигнеръ, Ашенбреннера и прочихъ дѣятелей этихъ организацій, таковыя обрисовывались въ достаточной полнотѣ, и въ дознаніи по сему предмету, относящемуся къ 1883 г., исторія всего дѣла рисуется въ слѣдующей областной послѣдовательности¹⁾. Здѣсь мы читаемъ:

Начало народовольческой организаціи среди военныхъ должно быть отнесено къ веснѣ 1880 г., когда, по инициативѣ и подъ руководствомъ старыхъ членовъ партіи «народной воли» Желябова и Колодкевича, возникъ въ Петербургѣ «центральный, или главный, военный кружокъ», въ который, кромѣ вышеозначенныхъ лицъ, вошли членами: Сухановъ, Штромбергъ и Рогачевъ. Тогда же былъ выработанъ уставъ этого кружка, черновой набросокъ котораго

¹⁾ «Былое», 1906 г., № 8.

быть найденъ въ числѣ бумагъ Колодкевича, при задержаніи послѣдняго 14-го января 1881 года.

Уставъ этотъ гласитъ:

1) Центральный военный кружокъ, имѣя своею цѣлью полное политическое и экономическое освобожденіе народа, исполнѣя раздѣляетъ программу партіи «народной воли», отпечатанную въ третьемъ номерѣ ея органа.

2) Состъ вляя развѣтвленіе существующей революціонной организаціи, кружокъ, какъ специально военный, ставитъ себѣ задачи: а) организовать въ войскѣ силу для активной борьбы съ правительствомъ и б) парализовать остальную часть войска, почему-либо неспособную къ активной борьбѣ.

3) Въ предѣлахъ программы, центральный кружокъ безусловно подчиняется рѣшенію исполнительнаго комитета, оставляя за собой право совѣщательнаго голоса: а) при начертаніи политики партіи на слѣдующій періодъ, б) во всѣхъ случаяхъ, когда исполненіе возлагается на военную организацію.

Примѣчаніе. Отдѣльные члены военной организаціи имѣютъ право самостоятельно, безъ совѣщанія съ кружкомъ, принять предложеніе исполнительнаго комитета.

4) При измѣненіи программы военная организація имѣетъ рѣшающую голосъ.

5) Условіи вступленія въ центральный кружокъ: сознательный и дѣятельный социалистъ-революціонеръ.

6) Для приѣма въ члены требуется единогласное рѣшеніе кружка и согласіе исполнительнаго комитета.

7) Членъ обязывается ставить интересы партіи выше всѣхъ другихъ.

8) Рѣшенія кружка постановляются большинствомъ трети голосовъ.

9) Выходъ члена центрального кружка изъ организаціи партіи безусловно воспрещается.

10) Выходъ его изъ центрального военного кружка допускается лишь съ согласія исполнительнаго комитета и единогласнаго рѣшенія самаго кружка.

11) Агенты исполнительнаго комитета могутъ входить въ центральный кружокъ: а) какъ постоянные его члены со всѣми правами и обязанностями члена кружка и б) какъ временно прикомандированные съ голосомъ совѣщательнымъ по текущимъ дѣламъ кружка и голосомъ рѣшающимъ за исполнительный комитетъ.

12) Рѣшеніе кружка во всѣхъ дѣлахъ для члена обязательно.

13) Центральный военный кружокъ вѣдаетъ денежныя средства всей военной организаціи. Всѣ поступления отъ военной организаціи идутъ въ центральный кружокъ, при чемъ семьдесятъ пять процентовъ передаются въ исполнительный комитетъ, а двадцать пять процентовъ остаются въ самостоятельное распоряженіе центрального кружка.

14) Центральный кружокъ избираетъ кассира, ведущаго отчетность.

15) Члены центрального военного кружка въ сношеніяхъ съ кружкомъ военной организаціи именуется «агентами центрального кружка».

Для обсужденія способовъ приведенія въ исполненіе предположенной этимъ уставомъ военной организаціи члены центрального военного кружка собирались регулярно по два раза въ недѣлю на квартирѣ Суханова, куда также, по вечерамъ, иногда были пригла-

шасмы нѣкоторые изъ товарищей этого послѣдняго, передъ которыми Сухановъ и Желябовъ, въ страстныхъ рѣчахъ, увлекавшихъ слушателей, развивали свои взгляды на современное экономическое положеніе и указывали на необходимость борьбы для того, чтобы устранить лежащій, по ихъ словамъ, на обществѣ правительственный гнетъ, говорили объ обязанностяхъ образованныхъ классовъ прійти на помощь простому народу и въ концѣ концовъ, доказывали, что слѣдуетъ соединиться съ партией «народной воли» въ виду безусловной справедливости преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Путемъ подобныхъ собраній мало-по-малу устанавливалась связь посѣщавшихъ квартиры Суханова и Люстига офицеровъ съ членами террористической шайки, которые зимою 1880—1881 г. съѣхались въ Петербургъ въ полномъ составѣ. Офицеры эти были: Завалишинъ, Александръ Прокофьевъ, Гласко, Серебряковъ, Дружининъ, Папинъ, Чижевъ, Рогачевъ, Похитоновъ и нѣкоторые другіе.

Первая военная группа создавалась въ концѣ 1880 г. и получила названіе центральной, въ составъ ея вошли: лейтенанты Сухановъ и Штромбергъ съ военной стороны, Желябовъ и Колодкевичъ—со стороны исполнительнаго комитета. Члены группы занялись разработкой «устава военного центрального кружка».

Все они послужили кадромъ для незамедлившихъ, къ осени того же года, образоваться отдѣльныхъ военныхъ кружковъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ.

Въ Петербургѣ, по инициативѣ Дегаева и Папина, къ концу 1880 г. были образованы кружки: въ артиллерійской академіи, въ который въ числѣ прочихъ вошли: Похитоновъ, Николаевъ, Дубинскій; въ Константиновскомъ военномъ училищѣ—изъ Котова, Эліавы, Губаревича-Радобильскаго и др., и, наконецъ, оберъ-фейерверкерскій, основанный при посредствѣ оберъ-фейерверкера Богородскаго въ средѣ служившихъ на пороховыхъ заводахъ оберъ-фейерверкеровъ. Въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ же образовался кружокъ изъ офицеровъ разныхъ частей войскъ, извѣстный подъ именемъ «Сборнаго», къ коему принадлежали тотъ же Похитоновъ, Рогачевъ, Дмитрій Чижевъ, Константинъ Степуринъ и другіе.

Въ Кронштадтѣ къ тому же времени уже существовалъ самостоятельно образованный кружокъ изъ морскихъ офицеровъ и гардемаринновъ, группировавшихся около мичмана Дружинина и собиравшихся въ его квартирѣ. Къ кружку этому, получившему свое начало еще въ 1878 году въ морскомъ училищѣ, въ то время, когда въ немъ обучались нѣкоторые изъ его членовъ, принадлежали, кромѣ Дружинина и его сожителей Скворцова и Балка, мичманъ Вырубовъ и воспитанникъ морского технического училища Иванъ Петровъ, а также унтеръ-офицеръ Потихонинъ, оружейный мастеръ Вальтерсдорфъ и слесарь, отставной унтеръ-офицеръ Федоровъ.

Кружокъ этотъ, не имѣвшій еще пока связи съ центральнымъ военнымъ кружкомъ, занимался, подъ руководствомъ Дружинина, чтеніемъ революціонныхъ изданій, которыя привозились изъ Петербурга мичманомъ Булановымъ и Лавровымъ, и дѣятельною пропагандою между нижними чинами, слѣды которой уже усматривались изъ прежнихъ дознаній (дѣло Стемпневскаго и друг.). Впослѣдствіи, за выходомъ Дружинина, перенесшаго въ 1881 году свою дѣятельность въ среду центрального военного кружка, первоначальный кронштадтскій кружокъ соединился съ тѣмъ сообществомъ, которое, будучи извѣстно подъ именемъ «кронштадтскаго морского кружка», было образовано зимою 1880 года Сухановымъ и Штромбергомъ.

Первый составъ этого кружка былъ слѣдующій: Штромбергъ, Карабановичъ, Серебряковъ и Завалишинъ. Впослѣдствіи къ нему примкнули лейтенанты: Разумовъ, Гласко, Добротворскій, мичманъ Скворцовъ, подпоручикъ Александръ Прокофьевъ и другія лица.

Тотчасъ же по образованіи этого кружка лица, входившія первоначально въ его составъ, поѣхали въ одна изъ воскресеній въ Петербургъ и здѣсь были Сухановымъ представлены Желябову и Колодзевичу, какъ членамъ исполнительнаго комитета, познакомившимъ ихъ тогда же съ различными фракціями революціонной партіи («чернаго передѣла», «народной воли» и партіи «набата») и объяснившимъ существующую между ними разницу во взглядахъ.

Дѣятельность кронштадтскаго морского кружка на первое время ограничивалась еходками, бывавшими разъ въ недѣлю на общей квартирѣ Завалишина, Штромберга и Суханова, на которыхъ былъ выработанъ уставъ, впослѣдствіи, однако, забракованный Сухановымъ, предложившимъ кружку принять составленную имъ программу, на что все члены изъявили свое согласіе. Насколько въ кружкѣ Дружинина подготовкѣ и пропагандѣ путемъ чтенія революціонныхъ изданій придавалось большое значеніе, настолько же во вновь образованномъ морскомъ кружкѣ это признавалось излишнимъ, такъ какъ, по мнѣнію постояннаго оратора кружка Серебрякова, «дѣло и безъ чтенія представляется яснымъ, какъ день». Вслѣдствіе этого члены кружка стали тяготиться отсутствіемъ всякой дѣятельности, и центральному военному кружку представилась необходимость занять ихъ различными порученіями, которыя передавались изъ Петербурга при посредствѣ Суханова и Штромберга. Въ этихъ видахъ Разумову было предоставлено отвезти въ Москву запрещенныя изданія, что онъ и исполнилъ, совершивъ поѣздку на средства, полученныя имъ отъ своего кружка. Завалишину Сухановъ поручилъ доставить нѣсколько запаловъ, четыре штуки которыхъ тотъ получилъ безъ всякихъ затрудненій въ миномъ классѣ, гдѣ онъ обучался въ то время. Въ началѣ 1881 г. Карабановичъ былъ командированъ въ Петербургъ на засѣданіе центрального военного кружка, на которомъ Желябовъ сообщалъ

о положеніи военной революціонной организаціи, говоря, что къ ней принадлежит много гвардейскихъ офицеровъ, академиковъ, а также лицъ съ солиднымъ положеніемъ, то есть батальонныхъ и полковыхъ командировъ; на этомъ же собраніи было говорено о готовившемся въ то время покушеніи на жизнь государя императора, на которое Желябовъ указывалъ, какъ на средство для возбужденія къ всеобщему возстанію. Наконецъ, пріѣхавъ въ Кронштадтъ, Сухановъ обсуждалъ съ членами морского кружка планы освобожденія государственныхъ преступниковъ изъ Петропавловской крѣпости и ограбленія кронштадтскаго банка, не приведенные въ исполненіе влѣдствіе признанной членами кружка рискованности означенныхъ предпріятій. Въ началѣ февраля Штрюмбергъ передалъ морскому кружку, что партія сильно нуждается въ деньгахъ и проситъ помощи; тогда кружокъ, кассиромъ котораго состоялъ Серебряковъ, собралъ и передалъ Штрюмбергу 600 рублей, изъ числа коихъ 100 рублей были внесены Завалишинымъ, 200 рублей — Штрюмбергомъ и 300 рублей остальными членами.

Въ день 1-го марта 1881 г. изъ числа членовъ кронштадтскаго кружка въ квартирѣ Суханова въ Петербургѣ находились Завалишинъ и Штрюмбергъ, при бытности коихъ къ Суханову приходила Перовская и со слезами говорила, что партія должна употребить всё средства для освобожденія Желябова.

Около половины того же мѣсяца Сухановъ предложилъ морскому кружку завести гектографъ, на которомъ были отпечатаны рѣчь профессора Соловьева и воззваніе по поводу событія 1-го марта. Въ этой работѣ принимали участіе Завалишинъ, Серебряковъ, Разумовъ, Штрюмбергъ и Скворцовъ. Вскорѣ послѣ этого Завалишинъ и Штрюмбергъ, вмѣстѣ съ Грачевскимъ и Сухановымъ, приняли участіе въ очищеніи квартиры Вѣры Фигнеръ отъ находившихся въ ней типографіи и запаса динамита, при чемъ первая была отвезена на квартиру Суханова, а динамитъ опущенъ въ отхожее мѣсто. Остальныя вещи Фигнеръ, заключавшіяся въ революціонныхъ изданіяхъ и разномъ оружіи, были перевезены Сухановымъ и Грачевскимъ. На другой же день по очищеніи квартиры въ нее явилась полиція.

На Страстной недѣлѣ того же года Сухановъ и Фигнеръ пріѣхали въ Кронштадтъ, при чемъ послѣдняя поселилась на квартирѣ, занимавшейся Завалишинымъ и Штрюмбергомъ, гдѣ все время ея пребыванія до 2-го дня Пасхи собирались члены морского кружка и происходило чтеніе разныхъ книгъ и статей, указываемыхъ и объяснявшихся Вѣрою Фигнеръ; бесѣды съ нею, по собственному сознанію членовъ кружка, произвели на нихъ сильное впечатлѣніе. Такъ продолжалось до конца апрѣля, когда послѣдовала ареста Гласко и Штрюмберга, и большинство остальныхъ членовъ кружка отправилось на разныхъ судахъ въ море.

Дѣятельность двухъ прочихъ военныхъ кружковъ въ Кронштадтѣ, извѣстныхъ подъ именами «артиллерійскаго» и «пѣхотнаго», до конца 1881 года ограничивалась исключительно вербовкою новыхъ членовъ путемъ пропаганды между военными ¹⁾.

Эти военные кружки не принимали дѣятельнаго участія въ приготовленіяхъ къ убійству, совершенному 1-го марта, но нѣкоторые офицеры были посвящены въ тайну царевубійственнаго замысла, между ними Рогачевъ, предупрежденный о томъ Желябовымъ.

Уже тогда офицеры, члены центральной группы, пользовались служебными своими командировками для распространенія преступныхъ ученій въ частяхъ войскъ, расположенныхъ вѣдъ Петербурга. Рогачевъ сознался, что въ февралѣ, 1881 года, будучи отправленъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ по службѣ въ Гельсингфорсъ, онъ получилъ отъ Перовской и Желябова рекомендаціи къ разнымъ лицамъ въ этомъ городѣ и образовалъ тамъ мѣстный военный кружокъ. Изъ числа участниковъ его онъ называлъ лишь Шенелева, но можно предположить, что именно этотъ кружокъ, основанный Рогачевымъ, сгруппировался впоследствии около Сикорскаго.

V.

Послѣ 1-го марта центральный военный кружокъ продолжалъ свою дѣятельность, такъ какъ произведенные тогда аресты не коснулись ея членовъ, за исключеніемъ Суханова, Штромберга и Детаева. Наканунѣ ареста Суханова онъ предложилъ морскому кружку взять у него типографію и перевезти въ Кронштадтъ, что и было исполнено Завалишнымъ и Штромбергомъ; типографія была сдана на храненіе Александру Прокофьеву, и впоследствии Грачевскій прѣзжалъ въ Кронштадтъ учить моряковъ печатному дѣлу; эта типографія впоследствии, по указанію Детаева, переслана Прокофьевымъ въ Одессу; въ самый же день ареста Суханова, 28-го апрѣля, Рогачевъ вынесъ изъ его квартиры когда-то хранившееся у Желябова имущество сообщества: разные документы, динамитъ, снаряды, типографскія принадлежности и т. п. Отнеся эти вещи къ себѣ, онъ отправился на вокзалъ Балтійской желѣзной дороги предупредить нѣкоторыхъ кронштадтскихъ моряковъ, имѣвшихъ въ тотъ же день прибыть къ Суханову, но опоздать къ поѣзду и извѣстить Штромберга объ арестѣ Суханова въ условленныхъ выраженіяхъ по телеграфу.

¹⁾ Извѣстны изъ членовъ артиллерійскаго кружка: поручикъ с.-петербургской крѣпостной артиллеріи Борисъ Павловичъ Налимовъ, штабсъ-капитанъ кронштадтской крѣпостной артиллеріи Михаилъ Ивановичъ Ивановъ и упомянутый выше Константинъ Степуринъ, а изъ пѣхотнаго—также названные выше офицеры: подпоручикъ 145-го Новочеркасскаго полка Губаревичъ-Радобильскій и подпоручикъ 148-го Каспійскаго—Котовъ.

Весною 1881 года мѣстомъ сходакъ центрального кружка служила квартира на Кирочной улицѣ, въ которой поселились Рогачевъ и Похитоновъ. Но обстоятельства не были благопріятны для пропаганды въ столицѣ. Штромбергъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Дегаевъ, выпущенный на свободу, выдержавъ переходный экзаменъ на IV курсъ въ институтѣ путей сообщенія, отправился на инженерныя работы въ Архангельскую губернію; Буцевичъ получилъ служебную командировку въ Николаевъ; Рогачевъ поѣхалъ къ мѣсту своего служенія въ Вилькомирь, гдѣ была расположена 29-я артиллерійская бригада; наконецъ, Дружининъ оказался скомпрометированнымъ сношеніями своими съ двумя матросами въ Кронштадтѣ, у которыхъ найдены были запрещенныя изданія. Хотя произведенный у него обыскъ и не далъ результатовъ, но онъ былъ тогда уже уволенъ отъ должности экипажного адъютанта.

Къ тому же и наиболѣе выдающіеся члены руководящаго террористическаго кружка, направлявшіе центральную военную группу, вынуждены были въ то время оставить Петербургъ. Дѣятельность послѣдней оживилась снова лишь по возвращеніи сюда въ концѣ лѣта Савелія Златопольскаго, а вскорѣ затѣмъ и Дегаева. Офицеры стали опять собираться у Похитонова, переѣхавшаго на новую квартиру, по Захарьевской улицѣ. Златопольскій, какъ показываетъ Пашинъ, въ радужныхъ краскахъ описывалъ имъ положеніе сообщества. Тогда же появились и воззванія, обращенныя исполнительнымъ комитетомъ «къ офицерамъ русской арміи» отъ 24-го августа и «къ всѣмъ казачьимъ войскамъ» отъ 3-го сентября. Въ половинѣ декабря привлеченъ Похитоновъ къ дознанію о врачѣ Мартыновѣ, въ квартирѣ котораго онъ былъ задержанъ, что побудило его, по освобожденіи изъ-подъ стражи, отстраниться на время отъ участія въ дѣятельности центрального военного кружка. Члены послѣдняго перестали сходиться у него на квартирѣ и собранія свои перенесли въ Кронштадтъ, въ квартиру Серебрякова.

Тамъ, въ концѣ декабря, возвратившіеся въ Петербургъ Корба и Буцевичъ сообщили имъ о результатахъ своей пронагаторской дѣятельности, первая на Кавказѣ, а второй въ Одессѣ и Николаевѣ. Извѣстіе объ образованіи кружковъ въ трехъ армейскихъ лѣхотныхъ полкахъ: Мингрельскомъ, Люблинскомъ и Прагскомъ (кружокъ морскихъ офицеровъ въ Николаевѣ возникъ нѣсколько позже, а именно лѣтомъ 1882 года), снова воскресило надежды центральной военной группы на успѣхъ и побудило ее съ новымъ усердіемъ возобновить свои преступныя дѣйствія. Начало 1882 года было временемъ ревностѣйшаго проявленія дѣятельности этого сообщества для привлеченія въ ряды свои наибольшаго числа состоящихъ на дѣйствительной службѣ офицеровъ. Руководимое Буцевичемъ, оно рѣшило отправить спеціальныхъ военныхъ организа-

торовъ во всё концы Россіи. Составлены были шифрованные книжки со списками офицеровъ, считавшихся расположенными къ вступленію въ партію. Офицеры, уже примкнувшіе къ ней, снабжали организаторовъ рекомендаціями къ своимъ товарищамъ.

Однимъ изъ такихъ организаторовъ былъ Рогачевъ. Вызванный Буцевичемъ и заручившись двухмѣсячнымъ отпускомъ, онъ въ январѣ прибылъ въ Петербургъ и, получивъ наставленіе центральной военной группы, отправился «вводить военную организацію» въ Сѣверо-Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Онъ поѣхалъ туда черезъ Москву, Орель, Смоленскъ, Витебскъ, посѣтилъ Динабургъ, Ригу, Митаву, Либаву, Вильну и Минскъ ¹⁾.

Чтобы имѣть возможность побывать во всѣхъ названныхъ городахъ, онъ фиктивно заболѣлъ въ Динабургѣ и, пославъ официальное свидѣтельство о болѣзни въ 28-ю артиллерійскую бригаду, продолжалъ свой путь. Такъ какъ, по военнымъ правиламъ, заболѣвшій офицеръ долженъ быть свидѣтельствуемъ черезъ каждые десять дней, то ему пришлось нѣсколько разъ возвращаться въ Динабургъ, что не представляло затрудненія, ибо большая часть посѣщенныхъ имъ мѣстностей отстоитъ не болѣе одного дня ѣзды отъ Динабурга по желѣзной дорогѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ Рогачевъ отдалъ отчетъ въ своей поѣздкѣ не общему собранію центрального военного кружка, а лишь нѣкоторымъ его членамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ сообщества. По словамъ Рогачева, предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: всюду положено было имъ начало мѣстнымъ военнымъ кружкамъ, собрано множество указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ партію, выяснилось также, что многіе офицеры интересуются дѣлами сообщества и предъявляютъ требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій.

Какъ бы то ни было, центральный военный кружокъ, продолжая собираться въ Кронштадтѣ у Серебрякова, занимался текущею революціонною политикою, которая заключалась, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи въ умахъ членовъ военной организаціи мысли о возможности и необходимости инсurreкціи во имя осуществленія цѣлей партіи «народной воли». Еще въ апрѣлѣ 1881 года, на одномъ изъ засѣданій центрального кружка, Сухановъ произнесъ рѣчь, въ которой утверждалъ, что послѣднія событія доказали, что дѣла партіи идутъ хорошо, и что въ виду этого она можетъ черезъ годъ сдѣлать попытку произвести инсurreкціонное движеніе. Подъ этимъ движеніемъ разумѣлось не производство демонстрацій, вродѣ бывшей въ 1876 году на Казанской площади, а, напротивъ,

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что поѣздка Рогачева въ Сѣверо-Западный край совпадаетъ съ пребываніемъ въ Вильнѣ Грачевскаго, съ заведеніемъ тамъ тайной типографіи и вообще съ попытками ввести въ этомъ краѣ народовольческую организацію.

вооруженное возстаніе всей партіи въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда будетъ нѣкоторая надежда на успѣхъ, и возможно будетъ, хотя временно, прекратить дѣйствіе правительственной власти и популяризовать требованія и цѣли партіи путемъ печатнаго слова, при посредствѣ захваченныхъ типографій, воззваній на сходкахъ и площадяхъ. Въ видахъ практическаго осуществленія подобнаго движенія признавалось крайнею необходимостью заняться подготовительными работами, какъ-то: собираніемъ различныхъ свѣдѣній, приготовленіемъ складовъ, изученіемъ мѣстностей будущаго возстанія и пр., по главное—упроченіемъ революціонной военной организаціи. Для этой цѣли рѣшено было учредить въ главныхъ городахъ имперіи военные окружные центры, которые служили бы въ отношеніи мѣстныхъ кружковъ даннаго края тѣмъ же, чѣмъ центральный военный кружокъ долженъ быть для всей Россіи. Во главѣ кружка долженъ быть стоять представитель центральной группы, вѣдающій и направляющій всѣ дѣла мѣстныхъ кружковъ. Границы округовъ точно не обозначались, но размѣры ихъ зависѣли отъ многихъ условій, между прочимъ: 1) отъ количества желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ въ данной мѣстности; 2) отъ числа войскъ, въ ней расположенныхъ; 3) отъ величины городовъ. Такъ, наиримѣръ, въ районъ виленскаго округа должны были входить: Вильна, Динабургъ, Витебскъ, Рига, Митава, Либава, Ковно и Минскъ. Окружнымъ представителямъ предполагалось подчинить всѣ мѣстные кружки, которые должны были доносить имъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, о привлеченіи новыхъ членовъ, о побѣдкахъ офицеровъ въ отпуски или по казеннымъ надобностямъ. Офицеровъ этихъ окружныхъ представитель имѣлъ снабжать разными указаніями и рекомендаціями въ города, расположенные по пути. Такими представителями центра были назначены: Рогачевъ въ виленскомъ округѣ и Ангенбреллеръ, основатель одесскаго и николаевскаго кружковъ, — въ Новороссійскомъ краѣ. Въ февралѣ 1882 года центральный военный кружокъ выработалъ образцовый уставъ частнаго офицерскаго кружка и инструкцію для чиновъ такого кружка ¹⁾. Кромѣ того, центральный кружокъ намѣревался пред-

1) *Уставъ*. 1. Кружокъ (или дружина, товарищество, братство) воильтъ раздѣляетъ программу партіи «народной воли», напечатанную въ третьемъ номерѣ газеты «Народная Воля».

2) Кружокъ имѣетъ въ виду испроверженіе существующаго государственнаго устройства въ Россіи вооруженною рукою и замѣну его прочною конституціею, какую признаетъ справедливою пародъ во всей совокупности его классовъ.

3) Кружокъ, входя въ составъ пародовольческой партіи, принимаетъ на себя обязательства передъ ней, то есть въ мирное время обязывается выполнять всѣ порученія, какія только имѣетъ передать партія черезъ посредство своего агента, за изъятіемъ... (того-то и того-то: здѣсь каждому частному или младшему кружку предоставляется право заблаговременно оговорить, отъ какихъ дѣяній онъ отказывается,—

принять издание специального революционного органа для военных (редакцию предполагалось ввести Цашину, а средства должны были получиться от Буцевича), завести для того собственную типографию, установить постоянные и регулярные командировки своих членов в местные кружки, наконец, достигнуть возможности перемещать офицеров сообразно требованиям партии. Для приведения всех этих мер в исполнение требовались значитель-

дбаний, кои не могут быть выполняемы или кои он не желал бы принимать на себя); в военное же время обязывается исполнять все поручения без изъятия.

4) Кружок становится свободным от данных перед партией обязательств в случае изменения программы партии.

5) Для сношений с партией кружок избирает представителя из числа своих членов.

6) Ръшение кружка по большинству голосов обязательно для его члена.

7) Кружок составляется из лиц близко знакомых, преимущественно сослуживцев.

8) Прием нового члена производится по единогласному ръшению всех членов, если нтъ препятствій от центра военной организации.

9) Выход из кружка допускается в мирное время с обязательством хранить в тайне известное о революционном дѣлѣ.

10) С открытiем военных дѣйствiй, о чемъ будетъ объявлено агентомъ партии, выход из кружка воспрещается безусловно, и выход будетъ считаться ея предательствомъ.

11) Предательство карается смертью.

12) Кружок заботится о привлеченiи возможно большаго числа сторонниковъ народовольческой партии, поэтому ведетъ пропаганду путемъ печатнаго и устнаго слова.

13) Кружок устриваетъ библиотечку партийныхъ изданiй и тенденціозныхъ книгъ.

14) Для могущихъ встрѣтиться общепартийныхъ надобностей, а также въ виду кружковыхъ нуждъ и взаимной помощи (въ случаѣ, напримѣръ, ареста одного изъ членовъ) кружокъ имѣетъ кассу.

15) Для веденiя счетовъ избирается кассиръ, а для храненiя и завѣдыванiя книгами—библиотекаръ.

Инструкция. 1) Кружку вмѣняется въ обязанность собирать подробныя и точныя свѣдѣнiя о расположенiи пороховыхъ погребовъ, оружейныхъ складовъ и складовъ съ различными боевыми запасами, узнавать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся различные склады съ вещевыми запасами военного снаряженiя.

2) Кружку вмѣняется въ обязанность ознакомиться съ мѣстоположенiемъ части въ тактическомъ отношенiи и по возможности также довѣдать въ тактическомъ отношенiи пункты близлежащей мѣстности.

3) Кружокъ содѣйствуетъ способнымъ изъ своихъ членовъ занять важныя въ служебномъ отношенiи должности адъютанта, казначея, завѣдывающаго оруженiемъ и т. п.

4) Для революционной пропаганды среди офицеровъ и поддержки революціоннаго настроенiя своихъ членовъ кружокъ назначаетъ собранiя, устраиваетъ совмѣстныя чтенiя тенденціозныхъ книгъ, равно и партийныхъ изданiй.

5) Въ видахъ привлеченiя новыхъ сторонниковъ партии, кружку рекомендуется устраивать либеральные салоны (говорильни), легко доступныя для офицеровъ части, кои могутъ подавать надежду на такое привлеченiе.

6) Кружокъ изыскиваетъ способы завязать сношенiя съ влiятельными лицами города, мѣстности, дабы, на случай дѣйствiя вооруженною рукою, воспользоваться ихъ помощiю или ослабить ихъ противодѣйствiе.

ныя суммы, и центральный военный кружокъ обратился за ними къ исполнительному комитету. Но исполнительный комитетъ, сильно поколебленный задержаніемъ Богдановича и Савелія Златопольскаго, весною 1882 года окончательно распался послѣ июньскихъ арестовъ, предавшихъ въ руки правосудія Грачевскаго и его ближайшихъ сообщниковъ и вызвавшихъ бѣгство Тихомирова и Баранниковой за границу. Тогда же арестованъ и Будевичъ, глава и руководитель центрального военного кружка, который съ этого времени можетъ считаться прекратившимъ свою преступную дѣятельность. Осенью того же года роль его покушался принять на себя одинъ изъ членовъ кружка артиллерійской академіи штабсъ-капитанъ Кунаевъ, старавшійся собрать разрозненные революціонные элементы въ средѣ военныхъ въ Петербургѣ,—но безуспѣшно, какъ онъ самъ потомъ сообщалъ членамъ морского кружка, съ которыми видѣлся въ прїѣздъ свой въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Кронштадтѣ. Вѣрѣ Фигнеръ также не удалось вовлечь въ свои разрушительные замыслы офицеровъ, остававшихся на службѣ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, и пришлось обратиться къ содѣйствію лицъ, ранѣе выбывшихъ изъ центрального военного кружка, а также членовъ мѣстныхъ военныхъ кружковъ, образованныхъ въ разныхъ городахъ, преимущественно на югѣ Россіи.

Переходя къ изложенію свѣдѣній, добытыхъ дознаніемъ о кружкахъ этой послѣдней категоріи, слѣдуетъ замѣтить, что первымъ

7) Кружокъ обращаетъ особенное вниманіе на добываніе денежныхъ средствъ, для чего употребляетъ всѣ закономъ дозволенные средства, напримѣръ, торговлю и т. п. Равнымъ образомъ, принимаетъ даренія лицъ, кои принадлежать къ партіи, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не могутъ, но отъ матеріальной поддержки ея не отказываются.

8) Для испытанія лицъ, вновь привлекаемыхъ къ партіи, кружокъ можетъ дать имъ небольшія порученія революціоннаго характера.

9) Кассиромъ кружка рекомендуется выбирать лицо болѣе или менѣе состоятельное и по своему характеру предпочитающее уединенную жизнь.

10) Библіотека должна помѣщаться у лица, имѣющаго собственную квартиру или домъ, преимущественно у лица, не ведущаго пропаганды.

11) Библіотека можетъ быть общею для нѣсколькихъ кружковъ.

12) Кружковыя собранія не должны имѣть мѣсто у кассира или библіотекаря.

13) Говорильни могутъ быть у лица, не принадлежащаго къ кружку.

14) Пароли надо знать наизусть.

15) Шифрованную переписку надо уничтожать немедленно по минованіи надобности или владѣлецъ такой переписки долженъ переписывать ее по собственному, ему одному извѣстному паролю.

16) Объ исполненіи революціоннаго порученія членъ сообщаетъ лишь одному представителю или агенту партіи, смотря по тому, отъ кого принялъ порученіе.

17) Члены различныхъ кружковъ не должны знать другъ друга. Сношенія могутъ поддерживаться только черезъ представителей.

18) Списываться членамъ кружковъ, въ случаѣ разлуки, рекомендуется лишь по неотложнымъ дѣламъ партіи и частной переписки избѣгать.

изъ нихъ по времени былъ кружокъ Мингрельскаго полка, основанный Анною Корба въ Тифлисѣ весною 1881 года.

Одновременно съ отправленіемъ Корба на Кавказъ, а именно въ началѣ апрѣля 1881 года, Вѣра Фигнеръ была послана въ Одессу для веденія мѣстныхъ революціонныхъ дѣлъ въ качествѣ агента исполнительнаго комитета. Она не должна была заниматься сама пропагандою въ войскахъ, но лишь подготовить ее пріобрѣтеніемъ связей между офицерами. Организациею мѣстныхъ кружковъ въ Одессѣ и сосѣднихъ городахъ долженъ былъ заняться Сухановъ, намѣревавшійся взять для того продолжительный отпускъ; когда же онъ былъ задержанъ, то вожаки сообщества рѣшили поручить это дѣло Буцевичу, получившему отъ министерства путей сообщенія служебную командировку въ Николаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ провести все лѣто.

Прибывъ въ Одессу, Фигнеръ воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы черезъ Дмитрія Петрова познакомиться съ двумя офицерами расположеннаго въ Одессѣ 59-го пѣхотнаго Люблинскаго полка: Болеславомъ Крайскимъ и Федоромъ Стратановичемъ, а также, чтобы возобновить знакомство съ подполковникомъ того же полка, откомандированнымъ въ 58-й пѣхотный Прагскій полкъ, стоящій въ Николаевѣ, Михаиломъ Ашенбреннеромъ.

Въ началѣ іюня, по пути въ Николаевъ, Буцевичъ заѣхалъ въ Одессу и привезъ къ Фигнеръ письмо отъ исполнительнаго комитета, приглашавшаго ее сообщить Буцевичу всѣ имѣющіяся у нея свѣдѣнія о военныхъ, познакомить его съ тѣми изъ нихъ, которыхъ считаетъ пригодными для цѣлей партіи, вообще оказать ему полное содѣйствіе въ возложенномъ на него дѣлѣ.

Фигнеръ предложила Буцевичу свести его съ нѣкоторыми изъ одесскихъ офицеровъ, но онъ не могъ оставаться на этотъ разъ въ Одессѣ долѣе одного дня и ограничился тѣмъ, что взялъ у нея рекомендательное письмо въ Николаевъ къ Ашенбреннеру.

Михаилъ Ашенбреннеръ, одинъ изъ старыхъ штабсъ-офицеровъ полка, командиръ батальона, украшенный боевыми отличіями, полученными имъ во время долголѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, пользовался значительнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ полковыхъ товарищей, которыхъ привлекалъ къ себѣ частью превосходствомъ своего развитія надъ малосвѣдущими молодыми офицерами, дружескимъ съ нимъ обращеніемъ, увлекательностью своей рѣчи, частью же разгульнымъ образомъ жизни, общими съ ними пирушками и попойками. Вліяніемъ этимъ онъ воспользовался, чтобы проповѣдывать имъ социалистическія ученія сначала на отвлеченной почвѣ науки, потомъ мало-по-малу переходя на почву революціонную и проповѣдуя ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя путемъ народнаго возстанія.

Такого рода бесѣды Ашенбрэннера съ товарищами происходили большею частью за кутежами въ общей квартирѣ, занимаемой имъ съ казначеемъ полка, капитаномъ Николаемъ Маймескуловымъ и штабсъ-капитаномъ Адольфомъ Мицкевичемъ. Участіе въ нихъ принимали и другіе офицеры Прагскаго полка: капитанъ Петръ Зайчевскій, штабсъ-капитанъ Николай Талапинцовъ, подпоручики: Николай Кирьяковъ, Иванъ Успенскій. Но вскорѣ признано было нужнымъ завести для сходокъ особую конспиративную квартиру, которая и была устроена въ помѣщеніи, занимаемомъ сообща Кирьяковымъ и Успенскимъ.

Такимъ образомъ была подготовлена почва въ Николаевѣ ко времени прибытія Буцевича, въ половинѣ іюня 1881 года. При его участіи и подъ его руководствомъ всѣ вышеназванные офицеры рѣшились образовать изъ себя мѣстный военный кружокъ съ опредѣленною программю. Она была выработана на одномъ изъ собраній, происходившихъ въ квартирѣ Кирьякова и Успенскаго. Въ ней было сказано, что кружокъ раздѣляетъ программу такъ называемаго исполнительнаго комитета «народной воли»; устанавливалась степень подчиненности кружка центру; опредѣлялся способъ разрѣшенія возникавшихъ въ кружкѣ вопросовъ, а также предложеній центра большинствомъ двухъ третей голосовъ; ограничивалось число членовъ кружка; возлагалась на нихъ обязанность соглашаться на переводъ по службѣ, сообразно требованіямъ центра, и вообще являться по первому призыву его въ мѣсто, назначенное для произведенія возстанія. Съ членовъ кружка назначенъ былъ постоянный сборъ въ размѣрѣ 3 рублей въ мѣсяцъ, которые и удерживались казначеемъ Маймескуловымъ изъ причитающагося имъ жалованья.

Въ теченіе лѣта 1881 года члены кружка часто собирались на сходки, читали запрещенныя изданія, обсуждали разные вопросы, между прочимъ объ освобожденіи содержавшейся въ тюремномъ замкѣ государственной преступницы Фанни Морейнисъ. Два раза посѣтила ихъ и Вѣра Фигнеръ, проѣзжавшая чрезъ Николаевъ, отправляясь въ сентябрѣ 1881 года въ Москву на совѣщаніе съ вожаками главнаго террористическаго кружка, а также возвращаясь оттуда въ Одессу. Цѣлью ея было между прочимъ встрѣтиться съ Буцевичемъ, но первый разъ она не застала его въ Николаевѣ, такъ какъ онъ уѣхалъ въ городъ Вознесенскъ на работы. Она остановилась на квартирѣ Зои Ге, слушательницы акушерскихъ курсовъ, куда и послалъ Ашенбрэннеръ Талапинцова провести ее на конспиративную квартиру офицеровъ. Кружокъ собрался въ полномъ составѣ привѣтствовать гостью, которую Ашенбрэннеръ представилъ подъ именемъ «Елены Ивановой». Разговоръ велся въ духѣ революціонномъ, при чемъ говорили больше Ашенбрэннеръ и Вѣра Фигнеръ. Она интересовалась узнать настроеніе общества офицеровъ Прагскаго полка и произвела на нихъ большое впечатлѣніе красивою своею наружностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

На возвратномъ пути изъ Москвы Вѣра Фигнеръ остановилась въ Николаевѣ у Леонида Голикова, одного изъ подсудимыхъ бывшаго нечаевского процесса, привлекавшагося съ тѣхъ поръ къ дѣльному ряду дознаній о социальнореволюціонной пропагандѣ и занимавшему должность секретаря николаевской земской управы. Онъ, хотя и былъ знакомъ съ Ашенбреннеромъ и Мицкевичемъ и даже, по всей вѣроятности, доставлялъ имъ запрещенныя изданія, но велъ себя крайне осторожно и никогда не показывался на собраніяхъ офицеровъ Прагскаго полка.

И въ этотъ прїѣздъ Вѣра Фигнеръ посѣтила сходку военнаго кружка, на которой присутствовали и Буцевичъ. Обсуждался вопросъ о возбужденіи возстанія. Высказывалось мнѣніе, что, смотря по силамъ партіи, его слѣдуетъ начать либо въ одной мѣстности, либо въ двухъ, или въ нѣсколькихъ одновременно; что для этого нужно предварительно стянуть въ эти мѣстности боевыя силы общества двумя способами: 1) постепенными переводами въ намѣченные пункты членовъ организаціи, 2) одновременнымъ нашествіемъ въ назначенную минуту значительнаго числа людей рѣшительныхъ и солидарныхъ между собою. Вѣра Фигнеръ сначала читала письмо, писанное изъ Сибири политическимъ ссыльнымъ и описывающее тяжелое положеніе находящихся тамъ государственныхъ преступниковъ. Затѣмъ она стала упрекать Ашенбреннера въ бездѣйствіи, говоря, что партія возлагала на него большія надежды, и что самъ онъ обѣщаль еще въ Одессѣ дѣйствовать энергично, а въ дѣйствительности не сдѣлалъ ничего, ибо, по мнѣнію ея, наемъ конспиративной квартиры и собранія на ней нельзя еще считать дѣломъ. Она замѣтила, что въ Харьковѣ еще не заведено офицерскихъ кружковъ и что полезно было бы перевести туда на службу Талапиндова или Кирьякова, поручивъ имъ заняться образованіемъ такихъ кружковъ.

Дѣйствительно вскорѣ послѣ того Талапиндовъ ѣздилъ въ Харьковъ по своимъ дѣламъ. Рекомендаціями въ этотъ городъ снабдилъ его находившійся въ то время въ Николаевѣ хорунжій 7-го казачьяго полка Матвѣй Оомицъ, съ которымъ познакомилъ его Ашенбреннеръ, какъ съ социальнореволюціоннымъ дѣятелемъ. Оомицъ далъ Талапиндову письмо къ проживавшей въ Харьковѣ слушательницѣ акушерскихъ курсовъ Матвѣевой, которая, въ свою очередь, познакомила его съ Георгіемъ Кервили, французскимъ подданнымъ и резервнымъ офицеромъ французской службы, владельцемъ въ Харьковѣ книжнаго магазина и слушателемъ мѣстнаго ветеринарнаго института. Кервили выразилъ согласіе заняться пропагандою среди офицеровъ расположенныхъ въ Харьковѣ частей войскъ, но самъ Талапиндовъ, возвратясь въ Николаевъ, рассказывалъ, что трудно что-либо подѣлать съ харьковскими офицерами, хотя между ними и есть сочувствующіе.

Между тѣмъ Буцевичъ по окончаніи работъ комиссіи техниковъ, въ которой онъ состоялъ членомъ, въ декабрѣ 1881 года оставилъ Николаевъ и отправился черезъ Одессу въ Петербургъ. Въ Одессѣ онъ оставался нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ занялся организаціею мѣстнаго военнаго кружка изъ офицеровъ Люблинскаго полка. Прежде всего онъ познакомился съ Крайскимъ въ квартирѣ Дмитрія Петрова. Онъ объявилъ ему, что считаетъ недостаточнымъ праздное сочувствіе соціально-революционнымъ дѣламъ, что необходимо выразить его на дѣлѣ, что военные могутъ принять участіе въ революціонной дѣятельности въ формѣ кружковъ на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ кружковъ, составленныхъ «на самомъ, такъ сказать, безобидномъ основаніи», будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя со временемъ болѣе серьезныя обстоятельства, что кружокъ можетъ состоять сначала изъ самаго малаго числа лицъ и что число это съ теченіемъ времени, при развитіи дѣятельности увеличится.

Убѣжденный этими доводами, Крайскій взялъ на себя устройство сходки. На ней присутствовали, кромѣ его самого, товарищи его по Люблинскому полку, поручики Павелъ Телье, Михаилъ Каменскій и Ирнархъ Мураневичъ. Буцевичъ изложилъ имъ программу исполнительнаго комитета «народной воли», и всѣ они, за исключеніемъ Мураневича, выразили согласіе примкнуть къ ея организаціи, составивъ изъ себя особый мѣстный кружокъ, въ число членовъ котораго былъ включенъ и отсутствовавшій Стратановичъ, заранѣе выразившій на то свое согласіе. Подобно николаевскому военному кружку, кружокъ Люблинскаго полка обязывался увеличивать число своихъ членовъ путемъ пропаганды между офицерами. Каждый членъ долженъ былъ ежемѣсячно дѣлать въ кассу кружка денежный взносъ, въ произвольномъ размѣрѣ, на могущія возникнуть общія надобности. Представителемъ кружка назначенъ былъ Крайскій. На обязанности его лежало храненіе взносовъ, сношеніе со штатскими, веденіе перенписки. Уѣзжая изъ Одессы, Буцевичъ показалъ Крайскому употребленіе шифра, снабдилъ его цѣнными календарями и пригласилъ писать ему о дѣлахъ кружка, адресуя письма въ Кронштадтъ на имя подпоручика кронштадтской крѣпостной артиллеріи Алексѣя Прокофьева. Самъ Буцевичъ дважды писалъ Крайскому изъ Петербурга: тотчасъ по пріѣздѣ, согласно условію, лишь для пробы, спрашивая, нѣтъ ли чего-нибудь новаго и не прибыло ли членовъ въ кружокъ, и, лѣтомъ 1882 года, незадолго до ареста, съ просьбою сообщить подробности о задержаніи въ Одессѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Въ теченіе всего 1882 года дѣятельность одесскаго военнаго кружка не выразилась ни въ чемъ существенномъ. Ежемѣсячные членскіе взносы не превышали одного рубля, а за все время существованія кружка ихъ поступило не болѣе 60 рублей. Офицеры хотя и собирались на общей квартирѣ, но никакихъ вопросовъ не

обсуждали, а ограничивались чтеніемъ соціалистическихъ книгъ, какъ-то: «Капитала» Маркса, «Сущности соціализма» Шеффле и т. п. Не было даже сдѣлано попытки распространить пропаганду на другіе полки, расположенные въ Одессѣ и окрестностяхъ.

Зато въ Николаевѣ Ашенбреннеру удалось образовать второй военный кружокъ изъ служившихъ въ этомъ городѣ морскихъ офицеровъ.

Весною 1882 года онъ познакомился съ прапорщикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Иваномъ Ювачевымъ и, убѣдившись въ его сочувствіи соціально-революціоннымъ цѣлямъ, посвятилъ его въ тайну военной организаціи и предложилъ ему составить мѣстный кружокъ изъ товарищей своихъ по флоту. Ювачевъ согласился и пригласилъ къ участию въ кружкѣ мичмановъ Александра Аванасьева и Николая Толмачева. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Владимиръ Бубновъ, лейтенантъ Дмитрій Скаловскій и Сергѣй Янушевскій.

Николаевскій кружокъ морскихъ офицеровъ былъ образованъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и кружки Прагскаго и Люблинскаго полковъ. Члены его признали себя солидарными съ программой исполнительнаго комитета, а кружокъ свой—составною частью военной организаціи народовольческаго общества. И здѣсь были установлены ежемѣсячные денежные взносы, періодическія сходки, но послѣднія собирались на не особой квартирѣ, а частью у Ювачева, частью въ различныхъ ресторанахъ. Кружокъ испытывалъ большой недостатокъ въ деньгахъ, а потому въ средѣ его возникла мысль ограбить николаевское отдѣленіе государственнаго банка, но она не вышла изъ области предположенія, за совершенною невозможностью привести такое предпріятіе въ исполненіе.

Всѣ вышепоименованныя военные мѣстные кружки не имѣли между собою тѣснаго общенія. Несмотря, однако, на разрозненность, слѣдуетъ признать, что они были устроены по одному образцу и руководствовались одинаковыми правилами. Назначеніе ихъ было привлечь на сторону замышляемаго народовольческимъ сообществомъ возстанія какъ можно больше офицеровъ, состоящихъ на службѣ. Но, возлагая на cadaго члена обязанность пропагандировать въ средѣ товарищей, основатели и руководители кружковъ строго воспрещали офицерамъ распространять пропаганду на нижнихъ чиновъ, какъ въ пѣхотныхъ полкахъ, такъ и во флотѣ. Офицеры должны были лишь намѣчать, каждый въ своей части, солдатъ и матросовъ, наиболѣе способныхъ къ воспріятію соціально-революціонныхъ ученій, и дальнѣйшее ихъ развращеніе предполагалось возложить на особыхъ пропагандистовъ изъ примкнувшихъ къ сообществу рабочихъ. Сами офицеры, члены кружковъ, не должны были участвовать въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ сообщества, пока состояли на службѣ. Наиболѣе пригодные для та-

кихъ предпріятій и приглашенные къ участию въ нихъ офицеры обязывались предварительно выйти въ отставку и перейти на нелегальное положеніе.

Какъ видно изъ настоящаго дознанія, военные кружки не успѣли получить того расцвѣта, который долженъ былъ отдать въ ихъ обладаніе правительственную власть и черезъ то самое дать имъ возможность совершить вооруженной силою чаемый партіей «народной воли» государственный переворотъ. Кипучая дѣятельность Судейкина, шедшаго энергично по стопамъ революціонеровъ, въ теченіе трехлѣтняго періода распутала весь клубокъ заговора и нашла всѣ относящіяся сюда концы. Просматривая хронику арестовъ за тотъ періодъ, мы видимъ, что въ главнѣйшихъ своихъ моментахъ, имѣя въ виду вытекшіе отсюда процессы, она развертывалась слѣдующимъ образомъ и въ слѣдующемъ порядкѣ:

1881 г. 28 апрѣля былъ арестованъ въ Петербургѣ Сухановъ; 1882 г.—арестованы въ Москвѣ Стефановичъ, Булановъ, Калужный, Златопольскій, Юр. Богдановичъ (Кобозевъ), захвачена типографія «народной воли», гдѣ печаталась, между прочимъ, прокламація «Къ офицерамъ». Въ Петербургѣ тогда же разоблачены сношенія Нечаева изъ Петропавловской крѣпости черезъ Богородскаго съ волею, арестованы—Грачевскій, Буцевичъ, Корба, майоръ Тихоцкій; взята динамитная мастерская «народной воли» и арестованы Прибылевъ, Гросманы, Юшковъ. Въ Одессѣ взята типографія «народной воли», арестованы Свитычъ (вообще въ тотъ годъ жандармскимъ генераломъ Стрѣльниковымъ арестовано свыше 95 чел.), Спандопи, Суровцевъ. Равнымъ образомъ произведены были многочисленные аресты во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Въ 1883 г., главнымъ образомъ благодаря Дегаеву, арестованы въ Одессѣ и другихъ городахъ—Ашенбреннеръ, Рогачевъ, Штромбергъ, Папинъ, Ювачевъ, Тихановичъ, Похитоновъ, Крайскій, Стратоновичъ, Серебряковъ и другіе офицеры, а также Вѣра Фигнеръ, Людмила Волькенштейнъ и др.; въ Петербургѣ взята типографія Шебалиныхъ и Дегаева и т. д. Изъ большинства этихъ арестованныхъ въ связи со всею ихъ дѣятельностью въ совокупности составилъ тотъ кадръ обвиняемыхъ, которые предстали передъ правосудіемъ по большимъ процессамъ такъ называемыхъ «Двадцати» (1882 г.), «Семнадцати» (1883 г.), «Четырнадцати» (1884 г.). Этими главнѣйшими процессами были ликвидированы всѣ преступныя сообщества, какъ таковыя непосредственно вытекли изъ первоначальной террористической программы, установленной на липецкомъ и воронежскомъ съѣздахъ, и могущія быть разсматриваемы финальнымъ аккордомъ въ дѣятельности партіи «народной воли».

Б. Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НА РОДИНѢ ЛОМОНССОВА ¹⁾.

V.

Женскій Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.—Архіерейскій домъ.—Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства.—Осмотръ монастыря.—Оставшіеся признаки старины.—Монастырскія церкви.—Покои Анны Леопольдовны и ея дочерей.—Схимницы.—Большая учительница.—Загадочный тайникъ.—Ограда монастыря.

ВЪ КОТОРЫЕ памятники старины даютъ намъ ясныя указанія, что въ Холмогорахъ, или, вѣрнѣе, въ Колмогорахъ, существовалъ женскій монастырь еще въ XVII вѣкѣ. Но онъ не одинъ разъ мѣнялъ свое мѣсто, пока въ 1802 году монахини не переселились въ бывшій архіерейскій домъ, рядомъ съ холмогорскимъ соборомъ. Теперь, кажется, онъ крѣпко усѣлился въ историческомъ зданіи, и за сто слишкомъ лѣтъ не мало сдѣлали новыхъ построекъ.

Въ исторіи города Холмогоръ надо отмѣтить, какъ одно изъ весьма важныхъ событій, прибытіе въ 1682 г. перваго архіепископа новоучрежденной холмогорской и важеской епархіи Аванасія. Этотъ выдающійся архіерей оставилъ по себѣ два главныхъ памятника въ городѣ: величественный Преображенскій соборъ и знаменитый впоследствии архіерейскій домъ.

Двухъэтажный корпусъ, составлявшій собственно архіерейскій домъ, построенъ былъ въ 1688 г. «Надъ вратами» его была устро-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 318.

ена крестовая церковь св. Іакова Богобрата. При архіереѣ Варнавѣ (съ 1712 по 1730 г.) къ главному корпусу архіерейскаго дома построена была новая крестовая церковь во имя зачатія св. Анны, составляющая нынѣ Успенскую церковь монастыря, а Іаковлевская церковь была разобрана ¹⁾.

26 октября 1744 г. присланный изъ Петербурга курьеръ именемъ императрицы объявилъ епископу Варсонофію, что архіерейскій домъ отнынѣ поступаетъ въ казенное вѣдомство, и чтобы онъ, преосвященный, немедленно выѣхалъ изъ него со своимъ штатомъ. Въ такое глухое осеннее время епископъ не рискнулъ переѣхать въ Архангельскъ, а пока поселился на время въ небольшомъ деревянномъ домѣ, выстроенномъ имъ за Михеевскимъ озеромъ для лѣтняго пребыванія.

Теперь мы знаемъ, а тогда составляло глубокую тайну,—этотъ домъ предназначался для семейства брауншвейгскаго принца Антона-Ульриха. Несчастные заключенные томились здѣсь 36 лѣтъ. Съ отъѣздомъ въ Ютландію дѣтей, пережившихъ своихъ родителей, эта тюрьма-церковь была отдана (15 марта 1781 г.) во владѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Въ ней помѣстили мореходную школу, а церковь зачатія св. Анны закрыли. Но это продолжалось недолго. Въ 1798 г., въ то же роковое для этого дома 26-е октября, снова онъ поступаетъ въ духовное вѣдомство, а въ 1802 г. помѣщается въ немъ Успенскій женскій монастырь.

Съ разрѣшенія игуменья я осмотрѣлъ и снаружи и внутри Холмогорскій монастырь довольно подробно. Онъ представляетъ собою неправильный четырехугольникъ, занимающій до 2000 кв. сажень. Главныя ворота («Святые») съ востока, со стороны Преображенскаго собора, вторыя, ведущія къ монастырской гостиницѣ—съ запада. Южною стороною обитель выходитъ къ Михеевскому озеру. За нимъ видны монастырскіе огороды и поля. Въ юго-восточной части монастырскаго двора находится бывшій архіерейскій домъ, послужившій тюрьмою для семейства Анны Леопольдовны. Несмотря на передѣлки, фасадъ зданія, обращенный къ внутреннему монастырскому двору, сохранилъ еще нѣкоторыя древнія лѣпныя украшенія на стѣнахъ. По нимъ можно судить, что входъ въ зданіе былъ съ сѣверной стороны во второмъ этажѣ. Къ нему примыкала лѣстница съ крыльцомъ. Въ настоящее время этотъ входъ съ лѣпными арками передѣланъ въ окно, лѣстница и крыльцо разобраны, а входную дверь устроили съ западной стороны въ первомъ этажѣ. Остались лѣпныя украшенія (наличники) и на нѣкоторыхъ окнахъ.

Съ южной стороны слишкомъ двухсотлѣтнее зданіе подпирается двумя высокими контрфорсами.

¹⁾ См. А. Өирсовъ. «Описаніе Холмогорскаго монастыря». Арханг. 1894.

Въ верхнемъ этажѣ восточнаго края зданія — Успенская церковь. Рядомъ съ нею большой залъ, служащій теперь продолженіемъ церкви. Въ правомъ углу его устроены придѣлы св. Николая. Въ небольшой комнатѣ съ лѣвой стороны отъ зала — другой придѣлъ во имя Тихвинской иконы Божіей Матери. Все остальное помѣщеніе верхняго этажа занято кельями монахинь.

Въ основаніи своемъ Успенская церковь представляетъ правильный четырехугольникъ, выдающійся къ востоку однимъ алтарнымъ полукружіемъ. Длина церкви вмѣстѣ съ алтаремъ около 8 сажень, а ширина — около пяти. Стѣны ея соединяются въ четырехгранный стрѣльчатый сводъ съ довольно обширнымъ на немъ куполомъ, освѣщаемымъ восемью окнами.

Въ стѣнахъ десять оконъ, изъ нихъ алтарное — въ формѣ креста. Желѣзная крыша покрашена зеленою краскою, а глава украшена позолоченными звѣздами. Надъ придѣльными храмами также устроены небольшіе куполы.

Большой залъ, связывающій собою три упомянутые придѣла собственно одной церкви, и служилъ для Брауншвейгскаго семейства главною комнатою. Онъ слабо освѣщается небольшими окнами, выходящими на южную сторону.

Слѣдующая за заломъ комната сохранила видъ старинной архитектуры съ каменными сводами. Въ ней живетъ въ настоящее время пребывающая на покоѣ ослѣпшая игуменья Успенскаго монастыря Серафима, а въ былое время эта историческая комната служила помѣщеніемъ Анны Леопольдовны и ея дочерей. Не очень давно здѣсь висѣли два портрета, писанныхъ масляными красками, сохранившихся отъ времени пребыванія здѣсь Брауншвейгскаго семейства. Въ настоящее время они перенесены въ кельи игуменьи Ангелины.

Проходя рядъ другихъ келій, я встрѣтилъ почтенныхъ схимницъ (всѣхъ ихъ въ здѣшнемъ монастырѣ пять) въ черныхъ шапочкахъ съ нашитыми на нихъ бѣлыми крестами.

Всѣ остальные кельи имѣли также сводчатые потолки. Внутреннія и наружныя стѣны поражали своею толщиною — до полутора аршина! Когда-то въ окнахъ зданія были толстыя желѣзныя рѣшетки. Какъ бы на память, сохранилась такая рѣшетка старинной работы только въ одной кельѣ, гдѣ я засталъ молодую дѣвушку, учительницу, страдавшую буйными припадками. Мнѣ случилось быть невольнымъ свидѣтелемъ нѣжной встрѣчи ея съ игуменьею. Учительница сильно обрадовалась, увидя свою любимую матушку, и ласково прильнула къ ней.

Въ нижнемъ этажѣ также помѣщались кельи монахинь и профессорная. Близъ каменной лѣстницы, соединяющей нижній этажъ съ верхнимъ, имѣется древній «тайничекъ», возбуждающій разныя догадки. Этотъ каменный мѣшокъ не великъ: шага три длиною и

два шириною. На высотѣ цѣлой сажени—кирпичная арка, а нѣсколько выше—сложена другая арка павстрѣчу первой. Въ верхней аркѣ тайника сдѣлано прямоугольное отверстіе, размѣромъ не болѣе квадратнаго аршина. Такъ какъ это окошечко было на высотѣ болѣе 1½ сажени, то оно дало поводъ нѣкоторымъ догадываться, что здѣсь была темница для секретныхъ узниковъ во времена правленія архіереевъ. Но другіе полагаютъ, что этотъ тайничекъ не что иное, какъ кладовая архіерея, гдѣ хранилась его казна.

Въ книгѣ В. Верюжскаго («Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій»). Сиб. 1908 г.) дана архіерею такая характеристика: «Аѳанасій не стѣснялся прибѣгать и къ физическому наказанію провинившихся, какъ, наиримѣръ, — битью шелепами, сажанью на цѣпь и т. п. Въ исключительныхъ случаяхъ практиковалось даже вѣчное монастырское заточеніе (въ Соловкахъ). Для раскольниковъ при домѣ архіерейскомъ существовала особая тюрьма, куда нѣкоторые заключались, повидимому, на довольно продолжительный срокъ». Въ 1690 г. Аѳанасій приказалъ схватить промышленниковъ Воскресенскаго монастыря и «посадить въ чепъ и въ тюрьму бросить, гдѣ сидятъ раскольники». Въ «Виноградѣ Россійскомъ» говорится, что стрѣльцы, привезя раскольника Андроника въ Холмогоры къ Аѳанасію, бросили его «въ темницу тѣсну и удавну, архіерею тако разсудившу и приказавшу».

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что заточеніе въ каменныхъ мѣшкахъ практиковалось въ архіерейскомъ домѣ; но сохранившійся до нашего времени тайникъ, мнѣ кажется, служилъ при архіепископѣ Аѳанасіи не какъ тюрьма, а только какъ потаенное мѣсто для храненія наиболѣе цѣнныхъ вещей. Окошко тайника выходитъ къ заднимъ кельямъ второго этажа; а въ описаніи имущества архіерея, сдѣланномъ въ началѣ 1703 года воеводой Ржевскимъ съ присланнымъ изъ Москвы стольникомъ Андреемъ Вешняковымъ, сдѣлано такое указаніе: «Да въ задней кельѣ сысканы два тайника, одинъ въ переднемъ углу въ стѣнѣ, другой межъ дверей казенной палаты и келейныхъ дверей подъ поломъ, выкладень кирпичемъ и покрытъ двумя досками желѣзными, и насыпано пескомъ и намощено бѣлымъ камнемъ, а по осмотру въ нихъ ничего нѣтъ».

Въ настоящее время черезъ тайникъ внизу сдѣланы два узкихъ прохода. Въ толстой кирпичной кладкѣ стѣнъ его одинъ проходъ пробить на памяти матери Ангелины. Когда сдѣланъ другой—она не знаетъ.

Сохранились свѣдѣнія, что Брауншвейгскому семейству разрѣшено было кататься на лодкѣ по Михеевскому озеру, омывающему южную сторону архіерейскаго дома, поэтому надо предположить, что ограда или тынъ вокругъ мѣста заключенія принцессы и ея дѣтей охватывалъ и это озеро. Теперь устроена каменная ограда монастыря

Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства (направо) внутри Успенскаго монастыря.

съ двухъ сторонъ: съ восточной стороны, гдѣ имѣются главныя ворота, съ Свято-Духовскою церковью надъ ними, и съ сѣверной, то-есть со стороны обширнаго дуга, отдѣляющаго монастырь отъ города.

VI.

Пребываніе Брауншвейгскаго семейства въ Холмогорахъ. — Опасенія императрицы Елизаветы. — Перѣздъ изъ Рененбурга въ Холмогоры. — Содержаніе семейства Антона-Ульриха. — Тяжелая жизнь охранителей. — Конецъ холмогорской ссылки. — Судьба принца Іоанна Антоновича.

Объ условіяхъ жизни Брауншвейгскаго семейства въ Холмогорахъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія по донесеніямъ офицеровъ, приставленныхъ къ высокимъ узникамъ, и по указамъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II.

Легко и скоро 25-го ноября 1741 г. завладѣвъ престоломъ, Елизавета Петровна въ сущности повторила то, что было сдѣлано годъ тому назадъ Анной Леопольдовной по отношенію къ другому правителю Россійскаго государства — герцогу Бирону. Естественно, что у императрицы могли явиться опасенія быть въ свою очередь арестованной. Разказываютъ, государыня страдала безсонницею. Чаше и чаще стала ей грезиться роковая ночь для Брауншвейгскаго семейства. Елизавета то и дѣло мѣняла свою опочивальню. Послѣ 9-ти часовъ вечера запрещено было ѣздить мимо оконъ ея дворца. Понятно, что императрица въ такомъ состояніи легко поддавалась совѣту — запрягать Анну Леопольдовну и ея дѣтей на острова Бѣлаго моря, въ крѣпкія стѣны Соловецкаго монастыря. Въ оправданіе своихъ поступковъ Елизавета въ манифестѣ 20-го августа 1743 г. между прочимъ объявила народу:

«...Они желали возвести въ здѣшнее правленіе попрежнему принцессу Анну съ сыномъ ея, которые къ тому никакого законнаго права никогда не имѣли и имѣть не могутъ...»

Ночью 29-го августа 1744 года майоръ Миллеръ отправился съ низложеннымъ императоромъ, младенцемъ Іоанномъ, изъ Рененбурга Рязанской губерніи въ Соловецкій монастырь.

Въ слѣдующую ночь выѣхалъ по тому же направленію баронъ Н. А. Корфъ съ остальнымъ семействомъ. Отъ принцессы тогда отпяти ея любимицу, фрейлину Юлію Менгденъ, и оставили ее въ Рененбургѣ. Черезъ два слишкомъ мѣсяца, 9-го ноября, таинственный поѣздъ прибылъ въ Холмогоры. Сердобольный Корфъ, ссылаясь на прекращеніе навигаціи, просилъ разрѣшенія провести эту зиму семейству Антона-Ульриха въ Холмогорахъ. Императрица согласилась и 5-го декабря послала ему отвѣтъ. Между прочимъ, она разрѣшила для совершенія богослуженія допустить чернаго священника съ дьячкомъ и пономаремъ, но такъ, чтобы ни они извѣстныхъ персонъ, ни персоны ихъ видѣть и говорить съ ними не могли.

Баронъ Корфъ оставался съ ними въ Холмогорахъ всю зиму. При немъ же 19-го марта 1745 г. принцесса разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвала Петромъ. Баронъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ императрицу. Весною полученъ былъ отвѣтъ, съ разрѣшеніемъ не ѣхать въ Соловецкій монастырь, а остаться въ Холмогорахъ на постоянное жительство, подъ присмотромъ майора Гурьева. Баронъ Корфъ отзывался въ Петербургъ, куда онъ и отправился въ половинѣ іюня 1745 года. Въ слѣдующемъ году, съ рожденіемъ третьяго сына Алексѣя, Анна Леопольдовна заболѣла родильною горячкою и въ первыхъ числахъ марта скончалась.

Антонъ-Ульрихъ остался съ тремя сыновьями и двумя дочерьми. Изъ нихъ Іоаннъ содержался отдѣльно отъ своего отца подъ особымъ карауломъ. Къ нему ходилъ только лейбъ-гвардіи капитанъ Вындомскій.

Секретныхъ узниковъ тщательно оберегали отъ любопытства мѣстныхъ обывателей. Рядомъ съ архіерейскимъ домомъ, въ которомъ жилъ Антонъ-Ульрихъ со своимъ семействомъ, находится соборъ. Его огородили высокимъ заборомъ, чтобы богомольцы не могли видѣть, что происходитъ на архіерейскомъ дворѣ. Для наблюденія за фамиліей назначена была военная команда во главѣ съ офицеромъ. Послѣ Гурьева, отозваннаго въ Петербургъ въ 1746 г., оставался начальникомъ команды капитанъ Вындомскій. Для услугъ высокимъ узникамъ всегда при нихъ находились нѣсколько человекъ изъ простаго званія. Изъ постороннихъ только архангельскому губернатору разрѣшено было время отъ времени навѣщать узниковъ и освѣдомляться объ ихъ состояніи. При нихъ находились еще фрейлина Бина Менгденъ, сестра Юліи Менгденъ, и лекаръ Манзей.

На содержаніе ссыльныхъ ежегодно отпускалось отъ 10 до 15 тысячъ рублей. Но, кромѣ этихъ денегъ, иногда имъ посылались разные подарки. Такъ, въ 1747 г. принцъ Антонъ получилъ гданской водки и венгерскаго вина.

Такъ какъ военная команда и прислуга узниковъ не могли выходить за ограду архіерейскаго дома, то можно себѣ представить, что происходило въ этой замкнутой средѣ. Изъ донесеній офицеровъ можно усмотрѣть, что жизнь окружающихъ Брауншвейгское семейство наполнена непрестанными ссорами и драками. Нѣкоторые изъ солдатъ или убѣгали отъ невыносимо-тяжелой службѣ, или кончали самоубійствомъ. Не лучше была жизнь и офицеровъ. Они постоянно ссорились между собою и доносили другъ на друга. Женамъ ихъ не разрѣшалось жить въ Холмогорахъ. Только впоследствии исключеніе сдѣлано для жены полковника Миллера. Ей разрѣшено было жить въ оградѣ архіерейскаго дома, но зато воспрещенъ былъ выходъ оттуда. Миллеръ долженъ былъ послать въ Петербургъ планъ дома и двора, чтобы показать, что жена

его никакъ не можетъ изъ своей половины видѣть извѣстную персону. Тѣмъ не менѣ именно женѣ полковника Миллера и приписываютъ, что принцъ Иоаннъ узналъ о своемъ высокомъ происхожденіи и научился грамотѣ.

Съ воцареніемъ Екатерины II все оставалось попрежнему. Впрочемъ, она послала А. И. Бибикова къ Антону-Ульриху съ предложеніемъ: не пожелаетъ ли онъ выѣхать за границу одинъ, безъ дѣтей? Екатерина II, очевидно, не менѣ Елизаветы боялась претендентовъ на російскій престолъ.

Принцъ Антонъ не согласился покинуть своихъ дѣтей и оставался съ ними въ Холмогорахъ до самой смерти. Всего онъ провелъ въ архангельской ссылкѣ 30 лѣтъ. Подъ конецъ своей грустной жизни, бѣдный принцъ потерялъ зрѣніе.

Лишь въ 1780 году Екатерина II осмѣлилась, наконецъ, отпустить дѣтей принца Антона за границу. Она написала письмо въ Данію вдовствовавшей королевѣ Юліанѣ-Маріи, родной сестрѣ принца Антона, — не возьметъ ли она къ себѣ дѣтей ея брата. Королева съ радостью согласилась. Для нихъ было куплено два дома въ городѣ Горзенѣ внутри Ютландіи. Въ то время старшей дочери принца Антона, Екатеринѣ, было 38 лѣтъ, Елизаветѣ — 36, Петру — 35 и Алексѣю — 34.

Что касается принца Иоанна, бывшаго російскаго императора, то судьба его была еще тяжелѣе, чѣмъ у холмогорскихъ сестеръ и братьевъ. До пятнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ Холмогорахъ подъ особымъ карауломъ. Долѣе держать Иоанна въ Архангельской губерніи находили опаснымъ, и потому перевезли его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тамъ онъ пробылъ еще восемь лѣтъ въ тяжеломъ заточеніи, пока не былъ убитъ своими же офицерами-приставниками въ 1764 году.

VII.

Монастырскія преданія о семействѣ Антона-Ульриха. — Портреты Анны Леопольдовны и ея дѣтей. — Фотографированіе портретовъ. — Любезность игуменіи монастыря. — Кто написалъ портреты? — Орденскіе знаки Анны Леопольдовны.

— Разскажите, матушка, что вы слышали о бывшихъ узникахъ вашего монастыря, — спрашиваю я игуменью Ангелину.

— Я очень мало знаю, — скромно отвѣтила матушка. — Если вамъ угодно услышать о здѣшнихъ преданіяхъ, то я позову соборнаго діакона, отца Василия Өирсова. Онъ считается знатокомъ здѣшней старины. А пока онъ придетъ, я вамъ покажу два портрета, сохранившихся со времени пребыванія царственныхъ узниковъ въ Холмогорахъ. Мы ихъ бережемъ, какъ священную память о высокихъ страдальцахъ.

Еще при входѣ въ гостиную игуменьи я обратилъ вниманіе на изображеніе императора Иоанна Антоновича (Изданіе К. А. Бороз-

Бывшій архіерейскій корпусъ въ Успенскомъ монастырѣ.

дина. Хромофотографія Штадлеръ и Паттинотъ въ Петербургѣ), висѣвшее въ рамкѣ на видномъ мѣстѣ. Рядомъ съ нимъ два женскихъ портрета. Вотъ ихъ-то матушка Ангелина приказала снять со стѣны и обтереть на нихъ рамы.

Одинъ портретъ длиною вершковъ двѣнадцать, шириною около полъ-аршина; другой покороче вершка на три. Оба писаны на холстѣ масляными красками. Сверху грубо покрыты лакомъ.

— Вотъ этотъ портретъ,—указываетъ матушка на изображеніе женщины въ парадномъ платьѣ, съ голубою лентою черезъ плечо и съ краснымъ орденомъ на груди,—самой правительницы Анны Леопольдовны, а другой, поменьше, одной изъ ея дочерей, кажется, Елизаветы. Кто ихъ писалъ? Неизвѣстно. Предполагають; что обѣ дочери занимались на досугѣ живописью.

Принцесса Елизавета (если только имѣли въ виду ее изобразить) написана въ розовомъ платьѣ, съ небольшимъ поворотомъ головы.

Я попросилъ любезную игуменью разрѣшить мнѣ сдѣлать фотографическіе снимки съ портретовъ и пригласилъ для этого здѣшняго любителя-фотографа А. М. Агарева.

Надо было видѣть, съ какимъ участиемъ, съ какою поспѣшностью стала приготавливать матушка портреты для фотографированія! Къ чести холмогорскаго монастыря долженъ я отмѣтить готовность и всѣхъ его обитателей прійти на помощь пріѣзжему изслѣдователю старины. Нерѣдко случается, что даже въ губернскихъ городахъ центральной Россіи матушки таятъ завѣщанную имъ старину подъ семью замками. Не очень давно, на примѣръ, былъ случай, какъ одному тайному совѣтнику, заслуженному профессору и очень извѣстному ученому, специально командированному въ г. К., отказала матушка въ осмотрѣ своего монастыря. Пришлось ему прибѣгнуть къ посредничеству губернатора.

Оба портрета осторожно вынули изъ рамъ и долго устанавливали ихъ въ самой большой и свѣтлой кельѣ монастыря, ища такого положенія, чтобы лакъ портретовъ не отсвѣчивалъ.

Мѣстный фотографъ оказался мастеромъ своего дѣла. Онъ довольно удачно переснялъ оба портрета, несмотря на нѣкоторыя неудобства. Кстати, я попросилъ его снять фотографію общаго вида монастыря и въ частности—фасадъ зданія, послужившаго мѣстомъ заключенія для семейства Антона-Ульриха.

Относительно портретовъ Анны Леопольдовны и ея дочери, кромѣ неполныхъ и неясныхъ преданій въ монастырѣ, я не могъ найти другихъ положительныхъ свѣдѣній ¹⁾

¹⁾ А. Ойрсовъ въ своемъ «Историческомъ описаніи Холмогорскаго монастыря», Архангельскъ, 1894 года, также говоритъ, что одинъ портретъ Анны Леопольдовны, а другой—ея дочери Елизаветы.

Предполагаемый портрет принцессы Анны Леоновны.

Никаких надписей, никаких признаков—когда и кто писалъ эти портреты. Задняя сторона холста густо покрыта, какъ мнѣ казалось, бѣлилами. Не скрываютъ ли онѣ какихъ-либо надписей? Характеръ письма, краски, холстъ,—все это говоритъ за то, что портреты написаны однимъ лицомъ. Если допустить, что они написаны одной изъ дочерей Антона-Ульриха, то портретъ Анны Леоновны сдѣланъ не съ натуры, потому что, когда умирала бывшая правительница Россійскаго государства, старшей ея дочери

Екатеринѣ было всего *пять* лѣтъ. Слѣдовательно, Екатерина могла писать портретъ своей матери только съ другого портрета.

Если отнести оба портрета къ одному и тому же времени, то возрастъ принцессы Елизаветы на портретѣ долженъ указывать годъ написанія ихъ.

Сколько же лѣтъ можно дать дѣвушкамъ, написанной на портретѣ? Я показывалъ многимъ лицамъ фотографію съ него, и они опредѣляли различно, въ предѣлахъ отъ пяти до семнадцати лѣтъ, то-есть указывали по расчисленію годы 1748—1760, если допустить на портретѣ изображеніе принцессы Елизаветы.

Есть основаніе предполагать, что въ данномъ случаѣ художникомъ могъ явиться одинъ изъ врачей, находившихся при Брауншвейгскомъ семействѣ въ Холмогорахъ. Сначала назначенъ былъ къ семейству Антона-Ульриха штабъ-лекаръ Манзей, послѣдовавшій съ нимъ изъ Рененбурга въ Холмогоры. По смерти Манзеля въ 1746 г., присланъ изъ Москвы лекаръ Кожевщиковъ. Упоминается также лекаръ Бошнякъ.

Есть еще догадка. Это изображеніе женщины, съ голубою лентою черезъ плечо и съ краснымъ орденомъ на груди, не есть ли копія съ портрета Анны Леопольдовны, написаннаго въ то время, когда она была еще правительницею Россійскаго государства? Но эти орденскіе знаки не должны смущать и того, кто думаетъ, что этотъ портретъ написанъ во время ссылки Анны Леопольдовны, такъ какъ императрица Елизавета оставила принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ орденъ св. Екатерины. Извѣстно еще, что, будучи правительницею, принцесса возложила на себя орденъ св. Андрея Первозваннаго, имѣющій голубую ленту. Наконецъ, возможно допустить, что у Анны Леопольдовны могъ быть знакъ ордена св. Анны, учрежденнаго въ 1735 г. владѣтельнымъ герцогомъ Шлезвигъ-Гольштинскимъ, Карломъ-Фридрихомъ, отцомъ императора Петра III, въ память своей супруги Анны Петровны (дочери Петра Великаго) и въ честь императрицы Анны Иоанновны. Красноватый знакъ ордена на монастырскомъ портретѣ Анны Леопольдовны имѣетъ большое сходство съ стариннымъ изображеніемъ ордена св. Анны, находящимся въ археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ ¹⁾.

Итакъ, относительно голубой ленты, одѣтой черезъ правое плечо, нѣтъ сомнѣнія: это орденъ св. Андрея Первозваннаго. Относительно же орденскаго знака я слышалъ два мнѣнія: одни стоятъ за орденъ св. Екатерины, другіе—за орденъ св. Анны. Лично я склоняюсь къ послѣднему мнѣнію.

¹⁾ Гольштинскій орденъ св. Анны включенъ въ число русскіихъ орденовъ лишь 5-го апрѣля 1797 года.

VIII.

Монастырская запись о Брауншвейгскомъ семействѣ.—Архіерейскій домъ.—Сомнительное сказаніе о погребеніи принцессы въ Холмогорахъ.—Перевезеніе тѣла Анны Леопольдовны въ Петербургъ.—Мѣсто погребенія принца Антона-Ульриха.— Мореходная школа въ мѣстопребываніи узниковъ.—О дѣтяхъ принца Антона-Ульриха.

Въ архивѣ холмогорскаго Успенскаго монастыря хранится запись о Брауншвейгскомъ семействѣ. Какихъ-либо новыхъ интересныхъ данныхъ она не даетъ. Тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыми пропусками общезвѣстныхъ мѣстъ, я считаю нужнымъ опубликовать эту запись. Вотъ ея текстъ:

«Каменный домъ съ церквами, гдѣ нынѣ живетъ настоятельница монастыря, игуменія Агнія съ сестрами, построены при архіепископѣ Аванасіи въ 1684 году. Въ немъ жили до 1744 года архіереи, управлявшіе Архангельскою епархіею, имѣвшіе въ то время свое мѣсто пребыванія не въ городѣ Архангельскѣ, какъ нынѣ, а въ гор. Холмогорахъ. Въ 1744 году, при архіепископѣ Варсонофій, сей домъ отошелъ въ казенное вѣдомство и былъ употребленъ для жилища несчастнымъ высокимъ ссылнымъ...

«... Великая княгиня Анна Леопольдовна скончалась здѣсь отъ родовъ, 7 марта 1746 года, и была погребена въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы. Впослѣдствіи гробъ былъ вырытъ и перевезенъ въ С.-Петербургъ».

Здѣсь я долженъ прервать передачу монастырской записи и обратить вниманіе на случайное совпаденіе имени церкви «Зачатіе св. Анны» и имени Анны Леопольдовны, проведеншей при ней послѣдніе годы своей жизни. Церковь св. Анны существовала при архіерейскомъ домѣ задолго до прибытія сюда Брауншвейгскаго семейства. Точнѣе сказать: эта церковь была освящена во имя зачатія св. Анны (9 декабря 1718 г.), когда только что родилась Анна Леопольдовна (7 декабря 1718 г.). Съ учрежденіемъ монастыря церковь была освящена во имя Успенія Божіей Матери. Вотъ въ этой-то церкви, по холмогорскому преданію, и была погребена правительница Анна Леопольдовна.

Даты прошлыхъ событій забыты. Осталось въ памяти народа, что церковь названа во имя ангела-хранителя Анны Леопольдовны. Отсюда понятно, что здѣшніе обыватели могли связать и мѣсто погребенія Анны Леопольдовны съ этою же церковью. Когда, съ отъѣздомъ дѣтей Анны Леопольдовны въ Ютландію, упразднили церковь зачатія св. Анны, то иконостасъ ея былъ переданъ въ сельскую церковь Ракульскаго прихода. Къ счастью, на немъ были сдѣланы хронологическія замѣтки, которыя точно устанавливаютъ исторію Зачатіевской церкви.

Но является вопросъ: была ли погребена Анна Леопольдовна въ Холмогорахъ?

Императрица Елизавета Петровна еще барону Корффу сдѣлала распоряженіе, что въ случаѣ смерти принцессы наспиритованное тѣло ея немедленно везти въ С.-Петербургъ. Анна Леопольдовна скончалась 7-го марта, и 18-го марта ея тѣло уже было привезено въ столицу. Если принять во вниманіе состояніе дорогъ въ мартѣ мѣсяцѣ и разстояніе отъ Холмогоръ до Петербурга (около 1000 верстѣ), то девять дней—небольшой промежутокъ времени для перевозки останковъ принцессы. Надо еще удивляться той быстротѣ (по 100 слишкомъ верстѣ въ сутки!), съ которою везли ихъ. Поэтому вопросъ о временномъ погребеніи Анны Леопольдовны возбуждаетъ большое сомнѣніе.

Но будемъ читать далѣе монастырскую записъ:

«Принцъ (Антонъ-Ульрихъ) умеръ здѣсь же въ 1776 году; похороненъ съ наружной лѣвѣй стороны той же церкви ¹⁾. Рабочіе, рывши для построенія круговой каменной ограды монастыря, рассказывали, что будто бы нашли въ землѣ тѣло въ парадномъ платьѣ и голубой лентѣ. Ежели это правда, то надо полагать, что это было тѣло Антона-Ульриха, коего мѣсто погребенія съ точностью неизвѣстно. Дѣти же ихъ, находившіяся здѣсь, по ходатайству дворовъ прусскаго, датскаго и брауншвейгскаго, въ 1780 году, получивъ доношеніе отъ императрицы Екатерины II оставить ссылку и удалиться за границу, моремъ уѣхали въ Ютландію и поселились въ Горзенсѣ. Комнаты, кои они занимали, съ 1802 г. обращены въ кельи настоятельницы (монастыря); и одна изъ комнатъ (зало)—въ теплую церковь во имя св. Николая. Этотъ домъ, по отбытіи изгнанниковъ, въ 1781 году, былъ отданъ для государственной мореходной школы; а въ 1802 г. она была выведена, и зданіе, по исправленіи, передано въ веденіе женскаго Успенскаго монастыря. Антонъ-Ульрихъ 3 іюля 1739 г. женился на родной племянницѣ нашей государыни ²⁾, принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ...»

«... Ребенокъ, бывшій императоръ (Іоаннъ III Антоновичъ), съ семействомъ своимъ былъ сосланъ въ Рижскую крѣпость, оттуда перевезенъ въ Депаментъ (Дюнамюнде), потомъ въ Орапѣнбургъ (Раненбургъ), наконецъ разлученъ съ прочими и одинъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ 5-го августа 1765 года умерщвленъ офицерами, боявшимися, чтобы его не спасли изъ заточенія ³⁾.

¹⁾ А. Ойрсовъ говоритъ, что принцъ былъ погребенъ по сѣверную сторону Зачатіевской церкви, но гдѣ—точно неизвѣстно. По другимъ свѣдѣніямъ, ослѣпшій принцъ Антонъ умеръ 4 мая 1774 г.

²⁾ Императрицы Анны Іоанновны.

³⁾ Дата невѣрна. Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ въ Шлиссельбургѣ 5-го іюля 1764 года.

Предполагаемый портретъ одной изъ дочерей Анны Леопольдовны.

«... Принцъ Антонъ былъ единственный наставникъ и учитель своихъ дѣтей, проведенныхъ спокойно остатокъ своей жизни въ Горзенскѣ, гдѣ они пользовались довольно значительною пенсіею отъ російскаго двора, имѣли при себѣ домовую греческую церковь, ежедневно отправляли церковную службу, говорили по-русски, а по-нѣмецки мало, были весьма набожны, дружны между собою и вообще одарены хорошими свойствами, особенно принцесса Екатерина. Сія запись писана 1849 года, ноября 15 дня, съ дозволенія г. настоятельницы. Составлена мичманомъ 6-го флотскаго экипажа Петромъ Васильевымъ изъ историческихъ фактовъ, выписокъ, слышанныхъ имъ разсказовъ и преданій».

23*

IX.

Рожденіе принца Алексѣя.—Смерть Анны Леопольдовны.—Секретное предписаніе на случай смерти.—Перевозка тѣла принцессы.—Благовѣщенская церковь—усыпальница царственныхъ особъ.—Погребеніе Анны Леопольдовны.—Ея могила въ настоящее время.

Для освѣщенія монастырской записи я считаю нужнымъ привести здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи Анны Леопольдовны изъ сохранившихся историческихъ документовъ.

27-го февраля 1746 г. у Анны Леопольдовны родился третій сынъ—Алексѣй. Послѣ родовъ она заболѣла «великою горячкою» и вскорѣ скончалась, имѣя отъ роду всего 28 лѣтъ. Вѣроятно, извѣстія изъ Холмогоръ о рожденіи принцевъ не очень были пріятны императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Получивъ донесеніе о рожденіи послѣдняго принца Алексѣя, она «изволила, прочитавъ оный рапортъ, разодрать». Изъ приказовъ офицерамъ при Брауншвейгской фамиліи видно, что правительство тщательно скрывало отъ публики рожденіе принцевъ у Анны Леопольдовны.

Тѣло покойной принцессы было отправлено въ Петербургъ, въ сопровожденіи оберъ-офицера.

Еще раньше барону Корфу была дана секретная бумага за подписью императрицы: «Ежели по волѣ Божіей случится иногда изъ извѣстныхъ персонъ кому смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ, или принцу Іоанну, то, учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положи въ спиртъ, тотчасъ то мертвое тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ... и сіе содержать въ крѣпкомъ секретѣ, чтобъ о томъ никто другіе не вѣдали, а какъ оттуда поѣдете, то объявите о томъ маіору Гурьеву словесно, а сію цыдулу съ собою къ намъ привести».

Императрица Елизавета рѣшила устроить погребеніе принцессы публично и торжественно, чтобы у народа не осталось сомнѣнія въ смерти бывшей правительницы Россійскаго государства. 14-го марта петербургскому архіепископу было приказано очистить въ Александро-Невскомъ монастырѣ покой для тѣла принцессы. Рѣшено было хоронить Анну Леопольдовну съ тѣмъ же церемоналомъ, съ которымъ хоронили въ 1733 году мать ея, герцогиню Мекленбургскую Екатерину Іоанновну (дочь царя Іоанна Алексѣевича). 18-го марта было привезено тѣло принцессы, но погребеніе было назначено на 27-е марта, чтобы могли всѣ, кто пожелаетъ, проститься съ ней. При гробѣ стояли оберъ-офицеры съ аллебардами.

По лѣвую сторону воротъ Александро-Невскаго монастыря, въ сѣверо-восточномъ углу находится каменный двухъэтажный храмъ съ двумя престолами. Въ верхней церкви, до постройки новаго

собора при Екатеринѣ II, находилась рака съ мощами св. Александра Невскаго, а нижняя, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, была усыпальницей царственныхъ особъ. Вотъ здѣсь нашла себѣ могилу и Анна Леопольдовна, рядомъ съ своею матерью Екатериною Иоанновною, герцогинею Мекленбургскою, и бабушкой, царицей Параскевой Θεодоровной, женой царя Иоанна Алексѣевича. Могила бабушки противъ царскихъ дверей, а въ головахъ у ней могила Анны Леопольдовны. Мать ея противъ образа Благовѣщенія. Съ другой стороны, противъ образа Спасителя, нашли себѣ мѣсто упокоенія сестра Петра Великаго, Наталія Алексѣевна, и его мало-

Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства съ южной стороны.

лѣтній сынъ Петръ Петровичъ. Послѣдніе два гроба перенесены изъ лаврской церкви Воскресенія Лазаря въ 1723 году.

Надъ могилою Анны Леопольдовны, какъ и надъ могилами окружающихъ ее царственныхъ особъ, лежитъ каменная плита, въ аршинъ шириною и $1\frac{3}{4}$ аршина длиною, съ слѣдующею надписью:

«Правительница Анна Леопольдовна принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская. Родилась 1718 года, декабря 7-го дня. Скончалась 1746 года марта 8-го дня».

В. Поваляевъ въ своемъ очеркѣ «Судьба Брауншвейгской фамиліи въ Россіи» («Русскій Вѣстникъ», 1866 г., № 7) смерть Анны Леопольдовны относитъ къ 6-му марта. Въ «Описи дѣламъ по секретной коллегіи, хранящимся у д. с. с. Морючникова», упоминается о рапортѣ майора Гурьева: «отъ 7-го марта, о кончинѣ того числа принцессы Анны, и по исправленіи, объ отправленіи тѣла ея въ Санкт-петербургъ». Изъ трехъ разныхъ датъ смерти Анны Леопольдовны,

полагаю, наиболѣе вѣрная—7-го марта, а не 8-го, какъ указано на плитѣ.

По другую сторону иконостаса церкви, то-есть въ алтарѣ, погребены великая княжна Анна Петровна, дочь Петра III, и великая княгиня Наталія Алексѣевна († 1776 г.), первая супруга Павла I. Могильныя плиты на всѣхъ упомянутыхъ гробницахъ имѣютъ одинъ размѣръ и одинакій характеръ надписей, а потому можно предположить, что онѣ надписаны одновременно и не раньше царствованія Екатерины II.

Въ «Описи дѣламъ по секретной коллегіи» упоминается о большомъ числѣ бумагъ, относящихся къ погребенію принцессы. Въ нихъ встрѣчаются разныя данныя о «дачахъ духовнымъ персонамъ», о факелахъ при погребеніи, о черномъ бархатѣ съ позументомъ на покрывку амвона, о прибавкѣ «для народа» караула, объ обѣденномъ столѣ для генералитета и дамъ, о томъ, что издержано было на погребеніе 2882 рубля 28½ коп. и проч.

Изъ писемъ современниковъ мы знаемъ, что императрица Елизавета сама распоряжалась похоронами принцессы и при погребеніи плакала.

Во всенародномъ объявленіи о смерти принцессы было написано, что она «скончалась огневицею».

Въ настоящее время могила Анны Леопольдовны сокрыта отъ людскихъ глазъ подъ красноватымъ ковромъ, протянутымъ поперекъ соеи черезъ царскія двери къ престолу. Если любопытный изслѣдователь обратится за указаніемъ къ описанію Александро-Невской лавры, то и тамъ онъ не найдетъ ни малѣйшаго намека о могилѣ Анны Леопольдовны ¹⁾.

Х.

Отзывъ о принцессѣ Елизаветѣ.—Ея болѣзнь.—Выдающіяся способности.—Просьбы холмогорскихъ узниковъ.—Отправленіе ихъ въ Данію.—Горзень—послѣднее мѣсто-пробываніе Брауншвейгскаго семейства.—Характеристика принцессы Екатерины.—«Мореходцы».—Любопытство холмогорскихъ жителей.

Авторъ монастырской записи выдѣляетъ изъ двухъ сестеръ принцессу Екатерину. Не ошибка ли это? Генераль-аншефъ А. И. Бибииковъ особенно восхищался разумомъ и дарованіями не старшей принцессы, Екатерины, а младшей—Елизаветы. Генераль-губернаторъ Сѣвернаго края Мельгуновъ также выдѣляетъ въ своемъ донесеніи младшую сестру Елизавету.

¹⁾ См. «Александро-Невская лавра». Пр. А. С. Спб. 1897 г. и другое изданіе самой лавры въ 1903 г. Въ этихъ книгахъ перечислены всѣ могилы знаменитыхъ людей, погребенныхъ въ Благовѣщенской церкви, но объ Аннѣ Леопольдовнѣ ни одного слова. Не нашелъ ни малѣйшаго намека о могилѣ принцессы и въ 3-мъ изданіи типографіи Фесенка: «Александро-Невская лавра». Одесса, 1901 года.

«Меньшей сестрѣ Елизаветѣ, — пишетъ онъ императрицѣ Екатеринѣ II, — 36 лѣтъ. Отъ паденія съ каменной лѣстницы, съ самой верхней ступени донизу, на десятомъ году возраста, она расшибла голову, отчего часто подвержена головной боли, а особенно—въ перемѣнныя погоды и ненастье. Для предупрежденія боли сдѣланъ ей на правой рукѣ фонтанель. Она подвержена также частымъ припадкамъ по слабости желудка. Ростомъ и лицомъ похожа на мать. *Словоохотливостію, обхожденіемъ и разумомъ Елизавета далеко превосходитъ братьевъ своихъ и сестру.* Всѣ они ей повинуются и

Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.

исполняютъ все, что она ни прикажетъ. Въ 1777 году отъ приключившейся ей горячки и другихъ женскихъ немощей, она была нѣсколько мѣсяцевъ въ помѣшательствѣ, но послѣ оправилась и теперь въ совершенномъ умѣ. Выговоръ ея, такъ какъ и братьевъ, соответствуетъ нарѣчію того мѣста, гдѣ она родилась и выросла».

Извѣстно еще, что Елизавета просила прислать имъ портного, который бы умѣлъ паряжать ихъ въ наряды, присылаемые имъ императрицею. Просила еще прибавить жалованья прислугѣ, позволить проѣзжаться по ближайшимъ лугамъ, видѣться и говорить съ женами находящихся при нихъ офицеровъ.

Когда Мельгуновъ, провозжая дѣтей Антона-Ульриха въ Данію, просилъ ихъ не слѣдовать чьимъ-нибудь наущеніямъ и не выходить изъ воли императрицы, Елизавета за всѣхъ отвѣтила: «Богъ насъ накажетъ, если мы забудемъ милости нашей матери. Мы вѣчно будемъ рабы ея величества и никогда изъ воли ея не выступимъ».

Ночью съ 26-го на 27-е іюня 1780 года дѣтей Антона-Ульриха—Екатерины, Елизавету, Петра и Алексѣя—посадили на рѣчное судно и отправили изъ Холмогоръ въ Новодвинскую крѣпость. Ихъ сопровождали плиссельбургскій комендантъ полковникъ Циглеръ, священникъ съ церковникомъ, лекаръ и вдова лифляндскаго ландрата Лиліенфельдъ съ ея двумя дочерьми. Въ крѣпости они провели цѣлый день. Затѣмъ ихъ перевели на военный фрегатъ «Полярная Звѣзда» подъ командою капитана 1 ранга Арсеньева. Ночью съ 29-го на 30-е іюня фрегатъ снялся съ якоря и вышелъ изъ Двинской губы. Непогода задержала плаваніе фрегата, и лишь 10-го сентября они пришли въ Бергенъ, гдѣ пересѣли на датскій военный корабль. Въ Аальборгѣ Брауншвейгское семейство высадилось и сухимъ путемъ отправилось въ городъ Горзенсъ, куда и прибыло благополучно 13 октября 1780 г. Каждому члену семьи Антона-Ульриха императрица Екатерина II назначила пожизненную пенсію въ 8000 рублей. Изъ нихъ раньше всѣхъ (20-го октября 1782 г.) умерла принцесса Елизавета, а позже всѣхъ (9-го апрѣля 1807 года)—Екатерина.

О старшей сестрѣ Екатеринѣ извѣстно, что она еще въ молодости потеряла слухъ и была косноязычна. Характеръ у ней былъ кроткій и веселый,—какъ донесено было императрицѣ. Принцесса Екатерина, родившись въ 1741 году, когда ея мать была еще правительницею Россійскаго государства, ребенкомъ перенесла всѣ передвиженія ея семейства, испытала ссылку и холмогорскую тюрьму, была свидѣтельницею страданій своихъ братьевъ и сестеръ и послѣднею изъ всего несчастнаго семейства отошла въ вѣчность на 66-мъ году своей жизни.

Слуги Брауншвейгскаго семейства, подъ именемъ «мореходцевъ», были закрѣпощены на вѣчное жительство въ Холмогорахъ. Полную свободу они получили лишь въ царствованіе Александра II.

Пока живы были Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ, холмогорскіе жители не могли знать, кто такіе были секретные узники. Но, очевидно, любопытство разжигало ихъ вывѣдать государственную тайну. Вблизи къ оградѣ никого не подпускаютъ. Пріѣзжаютъ изъ Петербурга важные офицеры и генералы. Не поцеремонились и съ епископомъ: приказали ему немедленно очистить архіерейскій домъ. Сами охранители были какъ заключенные...

Сохранилось преданіе, что одинъ крестьянинъ рискнулъ ночью пробраться черезъ ограду и съ южной стороны корпуса заглянулъ въ окно большого зала. Тамъ прохаживался изъ угла въ уголь высокій мужчина. И только.

Впослѣдствіи, когда на престолѣ была Екатерина II, дѣтямъ Антона-Ульриха предоставлено было болѣе свободы. Тогда-то городскіе обыватели Холмогоръ узнали, кого скрываетъ ограда архіерейскаго дома.

XI.

О. діаконъ Василій Өирсовъ.—Архангельскій музей древностей.—Подробная опись холмогорскаго собора.—Дарственная чаша.—Капитанъ Выцдомскій.—Церковь Двѣнадцати апостоловъ.—Брильянтовый двуглавый орелъ на иконѣ.—Розыски алмазныхъ вещей у Анны Леопольдовны.—Фрейлина Юлія Менгденъ.—Ожиданія отъ о. В. Өирсова.

Наканунѣ праздника, послѣ всенощной, діаконъ В. Өирсовъ познакомилъ меня со всѣмъ клиромъ Спаса-Преображенскаго собора. Но самымъ интереснымъ человѣкомъ, конечно, былъ онъ самъ. Это настоящій хранитель и любитель древностей.

Въ Архангельской епархіи былъ крайне печальный случай. По примѣру другихъ губерній, вздумалось и въ городѣ Архангельскѣ

Гробницы холмогорскихъ архіепископовъ въ Преображенскомъ соборѣ.

устроить музей древностей. А Сѣверный край богатъ древностями. Лѣса и болота защищали города и села отъ нашествія татаръ. И если бы тамъ въ старину строились церкви каменные, мы имѣли бы образчики глубокой древности. Къ сожалѣнію, жители лѣсовъ тогда строили деревянные дома и церкви, которые сами по себѣ недолговѣчны, да и свирѣпый врагъ—пожаръ—не мало истребилъ ихъ. Все-таки кое-гдѣ осталось что-нибудь отъ древнихъ временъ, особенно гдѣ находились каменные церкви. Въ этомъ отношеніи Холмогоры были счастливѣе другихъ городовъ. Обширный каменный соборъ XVII вѣка сберегъ множество интересныхъ вещей въ

археологическомъ отношеніи. И вотъ, несмотря на слабые протесты, забрали изъ него часть древнихъ вещей въ архангельскій музей. Собрали наиболѣе интересное и изъ другихъ городовъ и селъ. И все это сгорѣло. То, что не уничтожило время, не истребили татары и пожары, уничтожено въ одинъ часъ огнемъ по непростительной небрежности.

Въ настоящее время опять завели при архангельскомъ монастырѣ «древлехранилище». Опять стали собирать остатки старины по церквамъ Сѣвернаго края. Но тутъ крѣпко сталъ на защиту холмогорскихъ древностей о. Василій Опрсовъ. Занимая подчиненное положеніе, онъ отлично понималъ, что на его убѣжденія могутъ не обратить вниманія въ Архангельскѣ. Тогда о. діаконъ придумываетъ всероссійскій контроль остаткамъ старины Спасо-Преображенскаго собора. Всѣ старинныя вещи онъ занесъ съ соответствующимъ номеромъ въ опись, съ самымъ подробнымъ описаніемъ, придерживаясь терминологіи первоначальныхъ описей. Вышла объемистая книга, написанная мелкимъ почеркомъ. Но онъ этимъ не ограничился. Чтобы не было какой-либо подмѣны, онъ списываетъ нѣсколько копій съ описи Спасо-Преображенскаго собора и разсылаетъ ихъ въ разныя учено-археологическія общества.

— Теперь,—замѣчаетъ о. діаконъ,—если что и возьмутъ, такъ всѣ будутъ знать, что эта вещь находилась въ холмогорскомъ соборѣ и имѣетъ подробное описаніе.

На выдержку о. Василій прочелъ мнѣ нѣсколько строкъ изъ объемистой тетради, любовно подчеркивая древнія выраженія.

Мы обошли весь величественный соборъ, подымались и на хоры надъ алтаремъ, гдѣ когда-то помѣщался хоръ пѣвчихъ во время богослуженія. Осмотрѣли рядъ гробницъ холмогорскихъ іерарховъ. Надъ каждой гробницей на стѣнѣ храма повѣшенъ портретъ усопшаго владыки.

Первый архіепископъ Аѳанасій изображенъ безбородымъ. Одни свидѣтельствуютъ, что у него отъ природы не было бороды, другіе объясняютъ, что на знаменитомъ въ исторіи русской церкви собраніи православныхъ и раскольниковъ въ московской Грановитой палатѣ, 5 іюня 1682 года, Никита, по прозванію «Пустосвятъ», набросился на архіепископа Аѳанасія и вырвалъ у него половину бороды. Это обстоятельство заставило архіерея брить и другую половину. Но у Саввы Романова, очевидца этого собранія (см. «Лѣтоп. русской литературы». Изд. Тихонравова), архіепископъ Аѳанасій названъ «пустобородымъ», а про Никиту записано только: «...отведе его (Аѳанасія) мало рукою». Эта дерзость протоппа сильно возмутила царевну Софію Алексѣевну. Вскорѣ, какъ извѣстно, Никита былъ казненъ «главы отсѣченіемъ».

— Есть ли у васъ какіе-либо памятники пребыванія въ Холмогорахъ семейства Анны Леопольдовны?—спрашиваю у отца діакона.

— Собственно прямыхъ указаній у насъ нѣтъ; но можно положить, что нѣкоторые предметы имѣють то или другое отношеніе къ царственному семейству.

О. діаконъ досталъ металлическую чашу и прочелъ, что было написано о ней въ старинной описи 1761 года, на 22 листѣ:

«Положилъ 1752 г. неизвѣстной команды Максимъ Вындонскій».

— Это опредѣленіе—«неизвѣстной команды» и дата—1752 г. даютъ основаніе предполагать, что Вындонскій—одинъ изъ охранителей заключеннаго семейства.

Извѣстно, что 27-го іюля 1744 г. вышелъ указъ—приготовить для Брауншвейгской фамиліи покои въ Соловецкомъ монастырѣ, а капитану-поручику Вындомскому было приказано озаботиться поставкою подводъ до города Архангельска. Затѣмъ тоже извѣстно, что послѣ смерти Анны Леопольдовны приказано было ходить къ принцу Антону-Ульриху только одному лейбъ-гвардіи капитану Вындомскому. И вотъ 6-го мая 1746 года майоръ Гурьевъ передалъ «персоны», команду и деньги капитану Вындомскому. Вѣроятно, этотъ Вындомскій и оставилъ по себѣ въ соборѣ память въ видѣ этой металлической чаши, или, какъ она записана, «покала» (бокаль).

— Но это память одного изъ охранителей высокихъ узниковъ. У насъ есть еще вещи, которыя непосредственно связаны съ памятью Брауншвейгскаго семейства. Хотя тоже надо оговориться: положительныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ и тутъ нѣтъ. Все въ области догадокъ. Но вотъ судите сами.

О Василій повелъ меня въ небольшую церковь Двѣнадцати Апостоловъ, выстроенную на соборной площадкѣ. Преданіе говоритъ, что эта низенькая церковь, болѣе похожая на жилой домъ, сложена наказанными попами, діаконами и дьячками. Въ ней находится чтимая здѣсь икона Грузинской Божіей Матери, покрытая фольгой и украшенная жемчугомъ ¹⁾. На вѣнчикѣ Божіей Матери сверкаютъ своими брилліантами красивая брошь въ видѣ двуглаваго орла, а ниже ея—маленькая, тоже брилліантовая, корона.

— Россійскій гербъ и корона,—поясняетъ о. діаконъ,—по всей вѣроятности, есть даръ или самой Анны Леопольдовны, или одной изъ дочерей ея.

Возможно, что у Анны Леопольдовны въ Холмогорахъ хранились брилліанты. Послѣ той страшной ночи для Брауншвейгскаго семейства, съ 24-го на 25-е ноября 1741 г., кода Елизавета Петровна арестовала правительницу Россійскаго государства, розыски относительно алмазныхъ вещей тянулись нѣсколько лѣтъ до пріѣзда несчастной фа-

¹⁾ Въ «задней кельѣ» архіерейскаго дома, гдѣ обыкновенно спалъ преосвященный Аванасій, находилась икона Пресвятыя Богородицы Грузинскія. Она, какъ «общественная», была назначена въ соборную церковь ко гробу архіерея. Не эта ли самая икона перенесена въ церковь Двѣнадцати Апостоловъ?

миліи въ Холмогоры. Барону Корфу предписано было допросить принцессу Анну Леопольдовну: «кому розданы ею алмазныя вещи, изъ которыхъ многія не оказываются?» На этомъ указѣ императрица Елизавета собственноручно приписала: «А если она (принцесса) запыраться станеть, что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жулію разыскивать (то-есть пытатъ любимую фрейлину принцессы Юлію Менгденъ), то ежели ея жаль, то она ея до такого мученія не допустила».

Фрейлину Юлію Менгденъ много разъ допрашивали объ алмазныхъ вещахъ. Ей не позволили сопровождать принцессу на сѣверъ; но отъ пытки, по настоянію вице-канцлера Бестужева, она была освобождена.

Императрица Елизавета оставила Аннѣ Леопольдовнѣ орденъ св. Екатерины. Слѣдовательно, брильянты могли быть у Анны Леопольдовны и въ ссылкѣ.

О. діаконъ высказалъ свои догадки относительно нѣкоторыхъ другихъ вещей и записей, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ пребыванію Брауншвейгской фамиліи въ Архангельской губерніи. Я просилъ его обо всемъ этомъ сдѣлать отдѣльное описаніе и помѣстить его въ одномъ изъ столичныхъ журналахъ. Но, кажется, до сихъ поръ этого о. Василій еще не сдѣлалъ.

Ив. Ювачевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Ключковъ. Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911. Стр. VI+435. Цѣна не обозначена.

ВАКЪ справедливо замѣчаетъ авторъ въ своемъ предисловіи, «исторія населенія Россіи является однимъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ нашей древности», капитальнѣйшихъ потому, что безъ спеціальнаго изученія исторіи населенія, составляющаго основу государства, невозможно полно и правильно понять исторію послѣдняго. Прошлое населеніе Россіи неоднократно привлекало къ себѣ вниманіе ученыхъ, и для древняго и московскаго періодовъ мы располагаемъ основательной научной литературой. Напротивъ, населеніе Россіи въ эпоху Петра Великаго до сихъ поръ не было спеціально изслѣдовано. Между тѣмъ эта эпоха заслуживаетъ особенно серьезнаго вниманія, потому что, какъ многое другое, такъ и юридическое положеніе и даже бытъ населенія претерпѣли въ царствованіе Петра Великаго рѣзкія перемѣны. Ко времени Петра назрѣли для Руси крупнѣйшія задачи, уклониться отъ разрѣшенія которыхъ было невозможно. Разрѣшеніе же ихъ требовало народныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, которыя должно было дать то же населеніе. Вопросы о томъ, какъ сильно было русское населеніе по своей численности и платежеспособности, чтобы вынести на своихъ плечахъ эпоху петровскихъ реформъ и превращеніе государства Московскаго въ міровую европейскую державу, и какъ отразилась эта тяжелая и отвѣтственная эпоха на положеніи самого населенія, являются поэтому вопросами первостепенной важности. Матеріаломъ, бросающимъ на нихъ свѣтъ, могутъ

служить переписи конца XVII и начала XVIII вѣковъ, включая и первую ревизію. Автора разсматриваемой книги, какъ видно изъ его предисловія, интересовала собственно послѣдняя, причемъ онъ намѣревался прослѣдить ея вліяніе на судьбу тяглаго населенія. «Но ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ убѣдило (его), что раньше ревизіи должны быть изучены переписи дворовъ и населенія за конецъ XVII и начало XVIII вѣковъ, которыя существеннымъ образомъ опредѣлили реформу податного обложенія, произведенную Петромъ I, самый ходъ подушной переписи и тѣ послѣдствія, которыя она имѣла. Этой первой задачѣ, т. е. изученію переписей до ревизіи и характеристикъ населенія по нимъ, и посвященъ настоящій томъ» (IV).

Въ виду сказаннаго книга распадается на 8 главъ и содержитъ въ себѣ слѣдующее.

Въ главѣ I дается очеркъ описей отъ 1678 до 1710 г. (стр. 1—19); въ главѣ II излагается исторія переписи 1710 года и ея итоги (стр. 20—70); въ главѣ III выясняется, какая убыль населенія, такъ называемая «пустота», была обнаружена послѣдней переписью (стр. 71—83). Оказывается, что «по всѣмъ губерніямъ убыль населенія одноименнаго названія достигла почти 20%, значить $\frac{1}{5}$ числа дворовъ послѣдней переписи XVII вѣка оказалась съ 1710 г. запустѣвшей» (стр. 79). Авторъ думаетъ смягчить печальный смыслъ этого открытія гѣмъ соображеніемъ, что одновременно съ переписью сенатомъ стали прибавляться къ тяглому населенію дворы однодворцевъ въ Киевской губерніи и дворы служилыхъ людей полковой и городской службы, копейщиковъ и другихъ званій въ Азовской губерніи, въ виду чего убыль по переписи 1710 года можетъ быть исчислена только въ 14,6%. Далѣе этого цифра понижается даже до 6,6% (стр. 79). Однако, думается намъ, эти оптимистическія вычисленія требуютъ осторожнаго къ себѣ отношенія въ виду того, что «пустота» можетъ имѣть значеніе какъ для государства, пуждающагося въ аккуратномъ и достаточномъ поступленіи доходовъ, такъ и для самого плательщика ихъ, податное бремя котораго нисколько не уменьшалось отъ того, что оно возлагалось вновь на новыя категоріи лицъ. Если же экономическое и финансовое благосостояніе плательщика считать, какъ это и слѣдуетъ, имѣющимъ государственный интересъ, то отсюда вытекаетъ, что никакія комбинаціи не могли устранить грозной сущности дѣла—колоссальной убыли русскаго населенія въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Самъ авторъ непосредственно далѣе говоритъ, что обнаруженная пустота «съ каждымъ годомъ все увеличивалась» (стр. 79), при чемъ въ 1715—1716 г. приближалась къ одной трети числа дворовъ старой переписи (стр. 83). Значеніе этого обстоятельства для русской исторіи громадно. Оно показываетъ прежде всего, какого колоссальнаго напряженія стоила Россіи ея эпоха петровскихъ реформъ, сдѣлавшихъ ее міровою державой. Оно помогаетъ, далѣе, вѣрнѣе оцѣнить степень успѣшности культурнаго роста Россіи за послѣдніе два вѣка, когда Россія, несмотря на обѣднѣніе и разореніе своего населенія, отъ которыхъ и доселѣ оно едва ли вполне оправилось, догнала народы Западной Европы, ранѣе ея выступившіе на историческое поприще и унаслѣдовавшіе плоды классической греко-римской культуры. Кромѣ того, то же наблюденіе объясняетъ многое въ нашей внутренней политикѣ XVIII вѣка, между прочимъ,

въ вопросѣ объ отношеніи правительства къ населеннымъ имѣніямъ церковныхъ учреждений, разрѣшившемся секуляризацией 1764 года. Очевидно, считаясь съ финансовымъ истощеніемъ тягловаго населенія, правительство не прочь было подкрѣпить свои ресурсы на счетъ церковныхъ богатствъ.

Возвращаемся къ книгѣ. Удостоверивъ убыль, авторъ задается выясненіемъ причинъ «пустоты» и посвящаетъ этому рядъ живыхъ картинъ, ярко написанныхъ словами первоисточниковъ на стр. 83—253 (глава IV). Эти страницы полны глубокой печали. Причины пустоты г. Ключковъ группируетъ по слѣдующимъ рубрикамъ. Государственныя повинности: ратная, работная, квартирная и подводная (стр. 85—161), государственные сборы, сборы провіанта и фуража, сборы денежные. Роль администраціи при сборахъ, ея злоупотребленія (стр. 161—200). Помѣщичьи сборы и повинности (стр. 200—205). Народныя бѣдствія: нашествія враговъ и бунты, грабежи и разбои, эпидемическія болѣзни, пожары и неурожай. Бѣгство населенія (стр. 205—236). Утайка дворовъ при переписи 1710 года (стр. 236—256). Изъ этихъ очерковъ видно, что тяглые люди того времени несли на себѣ, кажется, всевозможные платежи и повинности и государству и помѣщикамъ и, кромѣ того, страдали отъ злоупотребленій администраціи и разныхъ бѣдствій. Отсюда—бѣгство населенія и утайка дворовъ. Останавливаясь на послѣдней, авторъ вновь находитъ основаніе къ оптимизму и заявляетъ (вступая, повидимому, въ противорѣчіе съ самимъ собою (стр. 83, конецъ главы III), что «показанія переписныхъ книгъ 1710 года о 20% убыли дворовъ сравнительно съ книгами 1678 г. не соответствуютъ реальному положенію вещей. Если число дворовъ и убыло, то уже никакъ не больше 10%, а населеніе и того меньше. Весьма возможно даже, что количество населенія къ 1710 году сравнительно съ 1678 годомъ не уменьшилось. «Пустота» же въ 20% и выше была явленіемъ мѣстнымъ, а иногда и фиктивнымъ» (стр. 256). Не оспаривая точности этихъ вычисленій, замѣтимъ все-таки, что общая печальная картина состоянія населенія въ началѣ XVIII вѣка едва ли отъ этого просвѣтлѣетъ. Дѣло въ томъ, что абсолютная общая цифра количества населенія еще не можетъ свидѣтельствовать объ его финансовомъ и экономическомъ благосостояніи. Что населеніе разорялось и бѣднѣло отъ множества поборовъ и повинностей, доказываетъ самъ авторъ въ вышеуказанныхъ очеркахъ. Къ этому надо прибавить, что военныя дѣйствія Россіи со Швеціей и Турціей уносили въ могилу и множество жизней, число которыхъ, если и восполнялось, то новорожденными младенцами, которые могли стать плательщиками еще только черезъ 15—20 лѣтъ. Отсюда, кажется, слѣдуетъ, что фактъ наличія «пустоты», и пустоты не малой, остается трудно опровержимымъ.

Глава V (стр. 256—318) говоритъ объ отношеніи правительства къ «пустотѣ» и о мѣрахъ его къ ея уменьшенію. Отношеніе это просто. Перепись 1710 года, какова бы она ни была, обнаружила убыль податныхъ единицъ, и была потому невыгодна. Поэтому «правительство не вводило въ дѣйствіе переписи 1710 года» (стр. 275) и, намѣтивъ рядъ мѣръ къ устраненію пустоты, рѣшило въ 1715 году предпринять новую перепись. Къ ней и переходитъ авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о частныхъ переписяхъ съ 1711 по 1715 г. (стр. 298—318).

Такимъ образомъ, въ главѣ VI дается очеркъ исторіи ландратской переписи. Чтобы уяснить причину порученія производства переписи ландратамъ и ея особенностей, г. Ключковъ останавливается сначала на учрежденіи ландратовъ и кругѣ дѣль, имъ порученныхъ (стр. 318—341). Эти страницы интересны и для исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи. За ними дается самый очеркъ исторіи ландратской переписи (стр. 341—352). Затѣмъ детально изслѣдуется ландратская перепись въ губерніяхъ и ея итоги—глава VII (стр. 352—425), причѣмъ авторъ вновь приходитъ къ выводу, что «пустоту преувеличивали: она была мѣстной, къ тому же часто фиктивной», такъ что можно сказать съ Петромъ, что «пустоты нѣтъ» (стр. 422). Здѣсь подчеркивается и то, что обнаруженная ландратами несходственность переписи 1710 года съ дѣйствительностью убѣдила правительство въ необходимости измѣненія самой системы обложенія, проекты реформы которой обозрѣваются авторомъ въ послѣдней VIII главѣ (стр. 425—435). Такимъ образомъ, читатель присутствуетъ при самомъ зачатіи подушной подати, просуществовавшей до нашихъ дней (отмѣнена въ 1887 году).

Сдѣланный краткій обзоръ книги г. Ключкова показываетъ, какую массою : рхивнаго статистическаго матеріала долженъ былъ располагать авторъ для своихъ самостоятельныхъ и независимыхъ выводовъ. И дѣйствительно, его книга написана сплошь по документамъ, причѣмъ выводы исторической литературы, поскольку они подтверждаютъ или оспариваютъ взгляды г. Ключкова, только иногда имъ указываются. Обыкновенно дѣлается, и то въ примѣчаніи, лишь общій перечень главнѣйшихъ трудовъ, относящихся къ темѣ, трактуемой въ данной главѣ. И это дѣлаетъ г. Ключковъ вполне сознательно. Въ предисловіи (стр. IV) онъ пишетъ: «долженъ оговориться также, что при изложеніи предмета я не пытался приводить мнѣнія другихъ изслѣдователей и не входилъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, въ полемику при разногласіяхъ, полагая, что приведенный въ книгѣ матеріалъ будетъ говорить самъ за себя и дастъ возможность читателю, знающему историческую литературу, опредѣлить, въ чемъ я расхожусь съ предшествующими изслѣдователями и насколько правъ въ своихъ выводахъ».

Такой образъ дѣйствія автора нельзя одобрить. Каждая новая книга, независимо отъ того, что она такъ или иначе рекомендуетъ своего автора, должна быть шагомъ впередъ, новымъ вкладомъ въ научную литературу того вопроса, которому она посвящена. Поэтому уже въ самой себѣ она должна заключать всѣ данныя для указанія того, что въ ней ново и что въ ней является прогрессомъ науки. Она должна заключать ихъ потому, что самому автору легче, чѣмъ кому-либо другому, подчеркнуть, въ чемъ его матеріалы подтверждаютъ старые выводы, въ чемъ видоизмѣняютъ или опровергаютъ ихъ. Возлагать выполнение этой работы на читателя нѣтъ никакихъ основаній. Это значитъ совершенно напрасно затруднять прогрессъ науки.

Къ числу недостатковъ книги надо отнести слишкомъ крупное дѣленіе на главы, вслѣдствіе чего иногда трудно слѣдить за развитіемъ мысли и доказательствъ автора, не вполне отчетливое отдѣленіе передаваемого содержанія матеріаловъ отъ окончательныхъ выводовъ самого автора, отсутствіе общаго заключенія и указателей.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что этотъ I томъ, обнаруживающій въ авторѣ уже опытнаго историка, умѣющаго легко и свободно разбираться съ массѣ документальнаго матеріала, какъ онъ самъ сознается, есть не что иное, какъ введеніе къ болѣе капитальной и, можетъ быть, болѣе содержательной въ отношеніи характеристики населенія Россіи при Петрѣ Великомъ его работѣ о первой ревизіи и ея вліяніи на судьбу тяглаго населенія. Съ удовольствіемъ будемъ ожидать ея скораго выхода въ свѣтъ.

П. В. Верховской.

Н. Е. Волковъ. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III. 1881—1894 г. Спб. 1910. Стр. IX+372. Цѣна 3 р. 50 к.

Означенное изданіе авторъ рекомендуетъ, между прочимъ, слѣдующими словами: «предлагаемый очеркъ, въ которомъ собраны всѣ выдающіеся законодательные акты, представляетъ изъ себя систематически документальное освѣщеніе достопамятнаго періода нашей исторической жизни и будетъ служить подспорьемъ для будущаго историка славнаго царствованія».

Въ свою очередь, и мы можемъ подтвердить, что настоящее изданіе является не только простымъ подспорьемъ, но и весьма цѣннымъ источникомъ для ознакомленія и изученія эпохи царствованія Александра III, называемой авторомъ эпохой «народной политики». Онъ называетъ эпоху эту такъ потому, что съ самаго начала царствованія императора Александра III политика эта выразилась въ спокойномъ подъемѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны.

Первыя мѣропріятія и первые законодательные акты были направлены, главнымъ образомъ, къ развитію дѣла экономическаго устроенія многомилліоннаго крестьянства въ Россіи. Такъ, на примѣръ, были значительно понижены выкупные платежи, отменена подушная подать, была организована продовольственная помощь сельскому населенію, которая до этого не имѣла правильной постановки и зависѣла отъ взгляда мѣстной администраціи. Великимъ дѣломъ является созданіе крестьянскаго поземельнаго банка (1882 г.) для облегченія крестьянамъ покупки земли. Значеніе этого банка въ экономической жизни крестьянъ слишкомъ извѣстно, чтобы говорить объ этомъ. При императорѣ Александрѣ III учреждена правильная организація переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другія. Потребность въ изданіи закона, разрѣшающаго переселеніе, чувствовалась еще издавна. Крестьянскіе надѣлы, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, дробились, и, благодаря этому, занятіе земледѣліемъ для значительнаго числа крестьянъ стало весьма затруднительнымъ. Выходомъ изъ создавагося положенія являлось переселеніе на свободныя казенныя земли. Съ изданіемъ помянутаго закона началось усиленное переселеніе, при чемъ за періодъ времени съ 1881 по 1894 г. всего водворилось на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи и Сибири 94,488 душъ (изъ нихъ 68,805—въ Европейской Россіи и 25,683 въ Сибири) съ отводомъ имъ въ пользованіе 826,861 десятина земли.

Въ царствованіи императора Александра III было обращено вниманіе на дѣло народнаго образованія: рядъ актовъ въ этомъ направленіи предусматри-

валъ развитіе профессиональныхъ и низшихъ школъ; были учреждены при промышленныхъ заведеніяхъ и фабрикахъ особыя школы для малолѣтнихъ рабочихъ, при чемъ одновременно былъ изданъ законъ, согласно которому владѣльцы фабрикъ подъ угрозой штрафа обязаны были оставлять подросткамъ достаточно времени для посѣщенія школъ (не менѣе 3 часовъ въ день).

Въ финансовой области слѣдуетъ отмѣтить такую крупную реформу, какъ казенная продажа питей (1894 г.). Въ этой области, въ общемъ, было достигнуто сокращеніе дефицита и это способствовало поднятію цѣны рубля.

По административной части—послѣдовало преобразование крестьянскихъ учреждений, образованъ институтъ земскихъ начальниковъ (1889 г.) и обнародовано новое городовое положеніе (1892 г.). Учреждена фабричная инспекція для защиты интересовъ рабочихъ. Кстати, въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить законъ, регламентирующий трудъ малолѣтнихъ рабочихъ; по этому закону, дѣти въ возрастѣ 12—15 лѣтъ могли привлекаться къ работѣ на фабрикахъ не болѣе 8 часовъ въ сутки. Вскорѣ же послѣдовало воспрещеніе ночныхъ работъ на фабрикахъ подросткамъ и женщинамъ (1890 г.). Въ области вѣншей политики также всесторонне проявилась сильная личность императора Александра III. Политика эта отличалась миролюбіемъ, но, тѣмъ не менѣе, какъ констатируетъ г. Волковъ, «Россія была освобождена не только изъ-подъ опеки тройственного союза, но умѣла прочно оградить политическое равновѣсіе Европы отъ насильственныхъ посягательствъ на него со стороны средне-европейскихъ державъ».

Въ общемъ, эпоха 1881—1894 г. освѣщена г. Волковымъ съ возможной полнотой и безпристрастіемъ, что еще болѣе увеличиваетъ цѣнность его труда, который, по своему достоинству какъ бы является дополненіемъ къ извѣстному труду профессора С. М. Середонина по исторіи законодательной дѣятельности государства подъ заглавіемъ «Очерки дѣятельности комитета министровъ за 100 лѣтъ».

Къ книгѣ г. Волкова приложенъ прекрасно выполненный портретъ императора Александра III.

Вит. Ткачукъ.

Сборникъ статей по архивовѣдѣнію, издаваемый подъ редакціей А. И. Зубарева. Т. I ч. I и 2. Спб. 1911. Стр. 250 + 136. Цѣна 3 руб. за обѣ части.

«Цѣль настоящаго изданія,—гласитъ предисловіе,—съ одной стороны дать учебное пособіе по архивовѣдѣнію слушателямъ археологическихъ институтовъ, а съ другой—необходимое руководство архиваріусамъ... стремящимся... познакомиться съ исторіей архивнаго дѣла въ Россіи, съ теоріей устройства архивовъ и въ особенности съ практическими приемами для болѣе успѣшнаго приведенія въ порядокъ архивнаго матеріала». Короче говоря, сборникъ г. Зубарева стремится быть практическимъ руководствомъ по архивному дѣлу.

Нельзя, конечно, не привѣтствовать подобнаго изданія. Насколько намъ извѣстно, у насъ въ Россіи нѣтъ ни одного руководства въ этой области и появленіе сборника съ указанными выше цѣлями было бы теперь тѣмъ болѣе желательнымъ, что, порастерявъ немало драгоценныхъ документовъ, наши архивы, кажется, встрепенулись и начинаютъ приводить себя въ порядокъ,

а между тѣмъ далеко не всѣ лица, которымъ приходится завѣдывать архивами, имѣютъ возможность прослѣдовать курсъ архивовѣдѣнія въ одномъ изъ нашихъ двухъ археологическихъ институтовъ.

Задавшись благою цѣлью, редакция сборника, къ сожалѣнію, не сумѣла, на нашъ взглядъ, ее осуществить. Редакція, повидимому, не дала себѣ труда тщательно обдумать планъ предпринятаго изданія. Въмѣсто того, чтобы представить читателю свѣжія свѣдѣнія о числѣ архивовъ въ Россіи, объ ихъ положеніи, дать научное описаніе наиболѣе обширныхъ изъ нихъ и благоустроенныхъ, наконецъ привести рядъ статей чисто техническаго характера (и, стало быть, самыхъ важныхъ для того круга читателей, для которыхъ назначался сборникъ), обильно черпая эти свѣдѣнія изъ лучшихъ иностранныхъ руководствъ, редакция предпочла перепечатать въ свой сборникъ все, что когда-либо печаталось въ журналахъ и сборникахъ о русскихъ архивахъ. Получилась какая-то странная энциклопедія, въ первой части которой перепечатана извѣстная статья Калачова о русскихъ архивахъ, насчитывающая себѣ уже пятый десятокъ лѣтъ, затѣмъ воспроизведены вновь рѣшительно никому не нужные журналы высочайше утвержденной комиссіи объ устройствѣ архивовъ, работавшей въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, затѣмъ идетъ большая и опять-таки очень устарѣвшая статья Оглобина о провинціальныхъ архивахъ въ XVII вѣкѣ, главнымъ образомъ излагающая содержаніе разныхъ историческихъ документовъ, видѣнныхъ авторомъ, и потому годная скорѣе для какого-нибудь историческаго сборника, а никакъ не для руководства по архивовѣдѣнію.

Ближе къ дѣлу составлена вторая часть перваго тома. Тутъ мы находимъ прежде всего отчетъ о поѣздкѣ за границу инженеръ-архитектора Маевского, совершенной неизвѣстно когда, ибо редакция, сообщивъ въ предисловіи къ первому тому, что статья эта перепечатывается изъ второй книжки сборника археологическаго института, не считаетъ нужнымъ сообщить о времени написанія статьи для тѣхъ читателей, у кого нѣтъ подъ руками сборника археологическаго института. На нашъ взглядъ, статья Маевского наиболѣе цѣнна, ибо даетъ кое-какія практическія свѣдѣнія, иллюстрируемые рисунками архивной и библиотечной обстановки осматрѣнныхъ имъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Ганноверѣ и Лондонѣ архивовъ, а кстати и библиотекъ. Вторая статья—опять время Калачова—принадлежитъ перу бывшаго директора королевскихъ баварскихъ архивовъ фонъ-Легера и касается состоянія баварскихъ архивовъ. Самая свѣжая статья—это отчетъ московскаго историка Ю. В. Готье, осматривавшаго въ 1898 году стоколѣмскій государственнй архивъ. Но и эта статья, какъ указываетъ въ примѣчаніи самъ авторъ, сильно отстала, такъ какъ за 12 лѣтъ въ Швеціи сдѣланы огромныя улучшенія въ архивномъ дѣлѣ.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ выводу, что сборникъ г. Зубарева даетъ матеріалъ или устарѣвшій, или не относящійся прямо къ темѣ.

При такихъ условіяхъ полезность этого изданія, какъ учебнаго руководства, болѣе чѣмъ сомнительна.

А. Б.

Труды московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Т. I. М. 1911. Стр. XXXVIII + 313. Цѣна 4 руб.

Первый томъ «Трудовъ» московскаго отдѣла военно-историческаго общества посвященъ печатанію древнѣйшаго письменнаго памятника Москвы, имѣющаго военно-историческое значеніе, каковымъ является «Росписной списокъ» Москвы 1638 г.

«Росписные списки» XVII вѣка представляли собой болѣе или менѣе полное описаніе всего, что находилось въ городѣ, въ смыслѣ его боевой готовности на случай приступа непріятели. Въ нихъ обычно указывалось, сколько было въ данномъ городѣ башень, орудій, ядеръ, пищалей, пороху, свинцоваго и прочаго запаса; переписывались поименно все жители, а также сообщалось, кто и съ какимъ оружіемъ долженъ былъ явиться на стѣну для защиты города отъ враговъ. Росписныхъ списковъ подъ разными названіями дошло до насъ много. Древнѣйшіе изъ нихъ восходятъ къ самому началу второй четверти XVII в. (болѣе ранніе истреблены въ Москвѣ пожаромъ 1626 г.) и описываютъ города: Путивль, Кострому, Новгородъ, Псковъ, Тверь и другіе. Но для Москвы росписной списокъ 1638 г.—самый древній. Для его составленія была образована особая коммисія, такъ называемый «приказъ боярина кн. А. Ю. Сицкаго», при которомъ находились дьякъ, 14 служилыхъ людей и подьячіе, которые разосланы были въ разные концы столицы и описали ее, повидимому, не всю: опредѣлить точно, что было описано, а что осталось, редакторъ не рѣшился въ виду дефектности самой рукописи, благодаря чему трудно опредѣлить, что именно осталось не описаннымъ и что утеряно. Недостаётъ же описанія Кремля, почти всего Замоскворѣчья, мѣстности за Крымскимъ бродомъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣсть.

Этотъ росписной списокъ любопытенъ также въ томъ отношеніи, что онъ относится къ тому же времени, къ какому принадлежитъ извѣстный планъ Москвы, приложенный къ сочиненію А. Олеарія «Описаніе путешествія въ Московію», благодаря чему получается возможность точнѣе опредѣлять положеніе слободъ, улицъ, урочищъ и названій и сравнивать съ современнымъ планомъ Москвы.

По подсчету И. С. Бѣляева, редактировавшаго изданіе памятника, всѣхъ московскихъ дворовъ въ росписномъ списокѣ 1638 г. оказалось 7672 двора, въ нихъ было 10,787 взрослыхъ мужчинъ (числа женщинъ и дѣтей въ списокѣ не указано); самый дворъ заключалъ въ себѣ болѣею частью одинъ домъ или избу, рѣдко два-три. Въ списокъ занесены лишь постоянные жители Москвы, населеніе же, временно находившееся въ городѣ, въ списокъ не заносилось. Всего постоянныхъ обывателей (взрослыхъ мужск. пола) со стрѣльцами и солдатами, по предположенію редактора, должно быть около 30,000 человѣкъ.

Число дворовъ въ 1638 г. И. С. Бѣляевъ сопоставляетъ съ числомъ зданій въ 1811 г., когда числилось въ Москвѣ, по отчету оберъ-полицеймейстера Ивашкина, каменныхъ 2567 зданій и деревянныхъ 6,584, а всего 9151, и заключаетъ, что «новыя постройки болѣею частью возводились на старыхъ мѣстахъ,

увеличивалось лишь число их на одномъ и томъ же дворѣ, равно размѣръ зданій и густота населенія двора».

По своему специальному составу только четверть всѣхъ московскихъ обывателей (сверхъ стрѣльцовъ и солдатъ) принадлежала служилымъ классамъ, всю же остальную ихъ массу составляли посадскіе, крестьяне, разночинцы, вообще народъ, занятія котораго видны изъ самаго названія отдѣльныхъ группъ. Наибольше многочисленны были группы, обслуживавшія своимъ трудомъ домашній обиходъ тогдашняго москвича. То были: плотники, сапожники, портные, кузнецы, калачники, скорняки, шапочники, извозчики, пирожники и др. Были люди рѣдкой профессіи: вандышники (торговцы снятками), гусельники, зеркальники, ирошники (ирха—кожа овечья или козья), накрачи (мастера музыкальнаго инструмента въ родѣ бубень), пичужники (птичники и собиратели раковинъ), сарафанники, хазовникъ (суконный мастеръ), цинный мастеръ (по глинѣ и фаянсу) и проч. Преобладаніе простого народа въ населеніи Москвы указываетъ на то, что сдѣланное нѣкогда сравненіе Москвы съ большой деревней не было произвольнымъ и въ значительной мѣрѣ соответствовало фактическому положенію.

Что касается военнаго значенія росписнаго списка, то здѣсь попадаются указанія о цѣлыхъ полкахъ иноземнаго строя: драгунскомъ, солдатскомъ и рейтарскомъ. Населеніе же Москвы должно было въ случаѣ появленія непріятеля у ея стѣнъ выходить съ оружіемъ въ рукахъ на стѣну для защиты города. Въ росписномъ спискѣ указывается, кто съ какимъ оружіемъ долженъ явиться. Въ итогѣ оказывается, болѣе 50% москвичей должны были быть вооружены пищалями, около 25% рогатинами, копьями, бердышами, мушкетами, пистоллями, а о 25% нѣтъ никакого указанія на оружіе. Не только служилые чины призывались къ оружію, но и посадскіе, и даже духовенство (по крайней мѣрѣ одинъ изъ 14 писцовъ и его призвалъ къ отбыванію воинской повинности); въ росписномъ спискѣ встрѣчаются такія мѣста: «попъ Григорій Тимофеевъ, быть ему съ рогатиною; дв. дьякона Якова Степанова, быть ему съ рогатиною».

Текстъ памятника изданъ по возможности съ палеографической точностью, воспроизведены всѣ особенности его, что даетъ возможность судить объ особенностяхъ говора, современнаго памятнику. Въ концѣ указатели, личный, географическій и предметный. Кромѣ, того воспроизведены: 1) планъ Москвы 1634 г. изъ книги Олеарія и 2) нѣсколько листовъ подлинной рукописи росписнаго списка; тексту памятника предпослано предисловіе, въ которомъ подводятся итоги тщательнаго изученія редакторомъ памятника и объясняются приемы его изданія.

Изъ вышеизложеннаго, полагаемъ, видно, какъ богато содержаніе росписнаго списка и какъ важно было издать истлѣвающей памятникъ съ такой точностью и внимательностью, съ которыми онъ воспроизведенъ редакторомъ И. С. Бѣляевымъ. Можно только пожелать, чтобы московскій отдѣлъ русскаго военно-историческаго общества продолжалъ свою издательскую дѣятельность, удачно начатую воспроизведеніемъ такого важнаго памятника, какимъ является росписной списокъ Москвы 1638 г.

М. К.—въ.

Протоіерей А. П. Поповъ. Младшій Григоровичъ. Новооткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка. Кронштадтъ. 1911.

Кронштадтскій протоіерей отецъ А. П. Поповъ, занимаясь разысканіями для спеціальной научной задачи въ архивахъ нашего отечества, открылъ еще неизвѣстнаго наукѣ русскаго паломника XVIII вѣка, іеромонаха полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, впоследствии архимандрита и настоятеля посольской церкви въ Константинополь. Архимандритъ Леонтій предпринялъ путешествіе по святымъ мѣстамъ Востока въ 1763 году и оставилъ описаніе его въ тринадцати томахъ, изъ которыхъ девять книгъ хранятся нынѣ въ библиотекѣ бывшаго азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, томы десятый—дванадцатый затерялись, а тринадцатый томъ находится въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Описаніе заканчивается 1803 годомъ. По способу описанія и манерѣ изложенія, по количеству предметовъ, затронутыхъ въ описаніи, по художественному во многихъ мѣстахъ изложенію и по тому юмору, которымъ отличаются весьма многія страницы памятника трудъ архимандрита Леонтія можетъ занять близкое мѣсто къ знаменитымъ «Странствованіямъ» Василя Григоровича-Барскаго, обнимающаго 1723—1747 года его путешествія по Востоку. Можно даже установить внутреннюю генетическую связь между паломническимъ трудомъ архимандрита Леонтія и Василя Григоровича-Барскаго. Архимандритъ Леонтій во многихъ мѣстахъ своего описанія упоминаетъ о Василя Григоровичѣ-Барскомъ, какъ о старшемъ своемъ братѣ, какъ о предшественникѣ и учителѣ по путешествію, себя же называетъ младшимъ его братомъ, Младшимъ Григоровичемъ и даже описаніе свое называетъ «Младшій Григоровичъ». Последнее наименованіе и должно быть усвоено вновь открытому паломнику XVIII вѣка.

Архимандритъ Леонтій, предпринявшій свое путешествіе въ 1763 году, былъ на Афонѣ, въ Египтѣ, на Синаѣ и въ Иерусалимѣ. Въ 1766 году, на обратномъ пути въ Россію онъ остановился въ Константинополь и здѣсь, вследствие болѣзни русскаго іеромонаха при нашей миссіи, былъ приглашенъ къ исполненію его обязанностей, а потомъ, при содѣйствіи кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, былъ назначенъ для постояннаго служенія при русской миссіи. Во время первой русско-турецкой войны, предпринятой императрицей Екатериною Великою, архимандритъ Леонтій вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ посольствомъ былъ засаженъ турками въ Семибашенный замокъ, а послѣ освобожденія отправился черезъ Молдавію въ Россію. Въ Константинополь онъ возвратился вмѣстѣ съ посольствомъ въ 1776 году. Во время второй екатерининской русско-турецкой войны архимандритъ Леонтій долженъ былъ вторично отправиться въ Россію—черезъ Триестъ, Вѣну, Краковъ и т. д. При посольствѣ архимандритъ Леонтій оставался до 1799 года, когда вследствие болѣзни вышелъ въ отставку и получилъ пенсію. Но онъ остался жить въ Константинополь, гдѣ и скончался въ 1807 году.

Архимандритъ Леонтій былъ очень образованнымъ для своего времени человекомъ. Онъ зналъ языки французскій, итальянскій, греческій и турецкій, былъ начитанъ въ богословской литературѣ, много путешествовалъ по Востоку,

и долго здѣсь жилъ, былъ наблюдателенъ, отличался особымъ природнымъ умомъ и вообще былъ достаточно подготовленъ къ литературной работѣ. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ очень цѣннымъ представляется «Младшій Григоровичъ».

Протоіерей А. П. Поповъ, ознакомивъ своихъ читателей съ біографіей вновь открытаго русскаго паломника XVIII вѣка, сообщивъ и оглавленіе девяти томовъ его паломническаго труда, сказалъ о немъ, какъ паломникъ-писатель, и представилъ нѣсколько извлеченій изъ его произведеній. Всѣ сообщенныя отцомъ А. П. Поповымъ данныя о Младшемъ Григоровичѣ представляютъ немалый интересъ, хотя и не имѣютъ полноты и законченности и не содержатъ вполне отчетливой характеристики его, какъ писателя-паломника. Во всякомъ случаѣ протоіерей А. П. Поповъ оказалъ большую услугу, обративъ вниманіе ученыхъ на неизвѣстное паломническое произведеніе. Изданіе труда Младшаго Григоровича и опредѣленіе принадлежащаго ему въ средѣ русскихъ паломниковъ мѣста составляютъ ближайшую частную задачу отечественной науки.

С.

І. А. Любичъ-Кошуровъ. Партизаны 1812 г. Изданіе книгоиздательства «Заря». Москва 1911. Стр. 166. Ц. 85 коп.

Къ наступающему столѣтію «Отечественной войны» наша отечественная литература обогащается массой изданій, посвященныхъ событіямъ 1812 года, выясненію ихъ значенія для внутренней исторіи Россіи и разработкѣ матеріаловъ, касающихся великой эпохи, ознаменовавшейся такимъ подъемомъ патріотическаго духа русскаго народа. Появленіе новыхъ книгъ объ этой эпохѣ нельзя не привѣтствовать, такъ какъ не все еще сказано о борьбѣ, окончившейся торжествомъ Россіи и русскаго народа и крахомъ завоевателя міра.

На ряду съ солидными работами появляются произведенія и рыночнаго свойства, рассчитанныя на неприхотливаго читателя.

Книга, заглавіе которой мы выше выписали, издана фирмой, выпустившей до сихъ поръ много переводовъ беллетристическихъ произведеній польскихъ и иностранныхъ писателей, и составлена авторомъ, небезызвѣстнымъ въ дѣтской литературѣ. Г. Любичъ-Кошуровъ излагаетъ эпизодъ изъ Отечественной войны. Героємъ его разсказа является мальчикъ-кузнецъ Мишка, вовлеченный въ водоворотъ событій 1812 года и очутившійся, виною судьбы, въ отрядѣ извѣстнаго партизана Дениса Давыдова.

Само собою разумѣется, что Мишка являетъ чудеса храбрости, пробирается сквозь строй непріятельскихъ войскъ съ важными документами, убивая попутно направо и налево французовъ и т. д. Вымышленные факты и фигуры перемежаются съ дѣйствительными, и для читателя не ясно, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается вымыселъ. Но и вымыселъ долженъ быть правдоподобенъ, а въ этомъ отношеніи г. Любичъ-Кошуровъ не всегда соблюдаетъ чувство мѣры. У него фигурируетъ, между прочимъ, еще одинъ герой, описанный имъ во вкусѣ Ринальдо-Ринальдини и другихъ героевъ Понсонъ-дю-Тюрайля, Евгенія Сю, Габорио и др. Это Федька Натрускинъ, прозванный «Соловьемъ-разбойникомъ».

Мишка и Оедька спасаются въ колокольнѣ, которую французы поровнять взять приступомъ, а это не только имъ не удается, но немало ихъ легло костью у колокольни. «Соловей-разбойникъ» у своихъ господъ служилъ въ доѣзжачихъ, ходилъ тоже и съ ружьемъ и обладалъ такимъ чутьемъ, что при удачномъ выстрѣлѣ могъ различать и слышать (?), какъ ударяетъ дробь въ звѣря или птицу.

«Соловей-разбойникъ», подстерегая французовъ, прятался на деревья или даже залѣзалъ въ дупла. А стрѣлялъ онъ изъ «арбалета», которымъ бьютъ рыбу. Однимъ словомъ, не человекъ, а настоящий дьяволъ...

Для того, чтобы послѣ автора «Войны и мира» выступать съ художественными произведеніями о событіяхъ 1812 года, надо имѣть крупный талантъ. Одной смѣлости и пылкой фантазіи недостаточно...

При отсутствіи художественнаго таланта лучше всего ограничиваться изложеніемъ въ болѣе или менѣе литературной формѣ тѣхъ эпизодовъ изъ партизанской войны, которыми изобилуетъ хроника 1812 года, не прибѣгая къ вымысламъ. А то, читая «Партизановъ» г. Любича-Кошурова, получаешь впечатлѣніе, что это пишетъ современникъ, который самъ видѣлъ и слышалъ описываемое имъ.

Когда чуть ли не половина Россіи была завоевана Наполеономъ, началась другая война, которой великій полководецъ не предвидѣлъ: война съ народомъ, который причинялъ большія безпокойства французамъ, сжигалъ занятые селенія и фуражъ, подстрѣливалъ отдѣльныя команды изъ своихъ засадъ. Плохо приходилось французамъ отъ мужиковъ, и подвиги этихъ послѣднихъ могли бы послужить г. Любичу-Кошурову благодатнымъ матеріаломъ для книги «Партизаны 1812 г.», причѣмъ незачѣмъ было бы прибѣгать къ прикрасамъ и вымысламъ...

А. Кф.

Г. Габаевъ. Документъ о русскихъ знаменахъ и прочихъ войсковыхъ регаліяхъ начала XIX вѣка. (1803—1815 гг.). Опытъ историко-иконографическаго описанія. Спб. 1911. Стр. 42.—Его же. Вѣковая годовщина Отечественной войны и инженерныя войска. Спб. 1911. Стр. 12.

Г. С. Габаеву недавно удалось отыскать въ интендантскомъ музеѣ любопытный документъ, озаглавленный такъ: «Знамена царствованія императора Александра I. Рукописная книга съ рисунками». Издавая его впервые, со всѣми подробными примѣчаніями, г. Габаевъ говоритъ: «документъ этотъ заполняетъ важный пробѣлъ въ первоисточникахъ о знаменахъ XIX вѣка, являясь связующимъ звеномъ между прекрасными таблицами знаменъ царствованія императора Павла I и безцѣнными рисунками знаменъ съ 1814 г., съ помѣтками о Высочайшемъ утвержденіи, хранящимися въ интендантскомъ музеѣ. На страницахъ описываемаго первоисточника изображены почти всѣ войсковыя регаліи 1803—1814 гг.»... Представляя собою по внѣшности нѣчто въ родѣ иллюстрированнаго исходящаго журнала знаменамъ, штандартамъ и трубамъ, жалованнымъ въ 1803 по 1815 гг., онъ «составленъ лицомъ, близко стоявшимъ къ дѣлу изготовленія и рассылки знаменъ и другихъ регалій, а потому

эскизность рисунков искупается осведомленностью составителя, сумѣвшего въ своихъ нѣсколькихъ схематическихъ рисункахъ выдвинуть существенное или для даннаго рисунка типичное».

Тщательно изданныя и объясненныя «Знамена царствованія императора Александра I», несомнѣнно, привнесутъ свою долю новыхъ и точныхъ свѣдѣній въ общую исторію Отечественной войны, равно какъ и другая работа г. Габеева—«Вѣковая годовщина Отечественной войны и инженерныя войска», основанная на точныхъ архивныхъ и печатныхъ справкахъ.

В. Р—въ.

Полковникъ Н. П. Поликарповъ, дѣйств. чл. императорскаго русскаго военно-историческаго общества. «Забытыя и не описанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26 августа 1812 года при селѣ Бородинѣ. Выпускъ I. Боевыя дѣйствія 1-й и 2-й Западной армій на большой Московско-Смоленской дорогѣ съ 9-го по 17-ое августа 1812 года». Изданіе Л. Лукьянова. М. 1911. 55 стр. текста и карта. Цѣна 50 к.

Настоящая брошюра представляетъ значительный интересъ и цѣнность для исторіи Отечественной войны 1812 года, такъ какъ составлена на основаніи первоисточниковъ, передаваемыхъ мѣстами текстуально и притомъ съ точнымъ указаніемъ, откуда данныя взяты, что удостоверяетъ вполне вѣрность этихъ никѣмъ неизвѣданныхъ источниковъ московскаго отдѣленія архива главнаго штаба. Помѣщенные въ брошюрѣ вѣдѣнія освѣщаютъ дѣйствія князя Кутузова, предшествующія славному дню Бородинскаго сраженія. Эти дѣйствія поучительны для военнаго міра, какъ образцы разносторонняго примѣненія военнаго искусства противъ врага малочисленнымъ противникомъ.

Къ брошюрѣ приложены: списки раненыхъ, имена которыхъ должны при предстоящемъ исправленіи пополнить ряды героевъ, занесенныхъ на мраморныя плиты храма Христа Спасителя въ Москвѣ; перечень потерь войсковыхъ частей, участницъ описанныхъ дѣйствій, что очень дорого для полковыхъ историковъ, сравнительный указатель наименованій частей-участницъ въ 1812 и 1911 году.

В. Ѳ.

Е. Орловскій. Гродненская старина. Часть I. Городъ Гродна. Съ гравюрами. Гродна. 1910. Стр. 2 нен. + 341 + 2 нен. Цѣна 1 руб.

Авторъ вышеназванной работы, мѣстный педагогъ Е. Ф. Орловскій, уже болѣе двадцати лѣтъ занимается собираніемъ матеріаловъ по исторіи Гродны и Гродненской губерніи и много разъ печаталъ результаты своихъ изысканій въ мѣстныхъ изданіяхъ. Въ настоящее время онъ представилъ довольно полную и даже, можно сказать, единственную исторію Гродны. Исчерпавъ по возможности всѣ факты внѣшней и политической исторіи,—въ этомъ случаѣ ему иногда приходилось охватывать и весь районъ Гродненской губерніи,—Е. Ф. Орловскій много сообщаетъ данныхъ по внутреннему устройству города и въ

особенности о состояніи тамошнихъ образовательныхъ учреждений. Судя по обилію ссылокъ на источники и пособія, можно смѣло сказать, что автору хорошо извѣстна литература по затрогиваемымъ имъ вопросамъ. Все содержаніе его книжки распределено на двадцать пять главъ. Первыхъ три главы посвящены изложенію геологическаго прошлаго Гродненскаго уѣзда, археологіи края, основанію самаго города Гродны и его первоначальной исторіи до конца XIV вѣка. Въ слѣдующихъ восьми главахъ излагается исторія города за XV—XVII вѣка; XVIII вѣку отведено семь главъ; наконецъ XIX вѣку—остальные семь главъ, и только въ заключительной главѣ говорится о послѣднихъ событіяхъ царствованія Николая II, конечно, въ конспективномъ видѣ. Въ заключеніе авторъ приводитъ слѣдующія и до настоящаго времени точно неизвѣстныя статистическія данныя о Гроднѣ. «Въ 1908 г. въ Гроднѣ было жителей: мужчинъ—25,889, а женщинъ—25,303, всего 51,192 человекъ; прибавляя сюда военныхъ, расквартированныхъ въ народѣ—16,800, всего окажется 67,992 человекъ. (По переписи 1897 г.—46,919). По вѣроисповѣданіямъ населеніе это распределѣется такъ: православныхъ—8,573, римско-католиковъ—10,708, протестантовъ—437, евреевъ—31,173 и магометанъ—229. Бюджетъ Гродны въ 1910 г. составляетъ 261,978 рублей земскихъ сборовъ и налога съ недвижимыхъ имуществъ—62,140 рублей (въ 1909 г.).»

Къ своему очерку г. Орловскій приложилъ четыре фотопиннографіи: общій видъ Гродны въ 1567 г., два вида стараго замка (съ древнихъ мозаикъ XVII вѣка) и видъ новаго замка, собственно лишь «Главныя ворота новаго замка», въ которомъ состоялся молчаливый сеймъ 1793 г. (теперь тамъ военный лазаретъ). Изъ этихъ видовъ лишь первый появлялся въ печати; остальные же три напечатаны впервые.

Написана книжка живымъ литературнымъ языкомъ и, несомнѣнно, должна возбудить въ себѣ интересъ не только специалистовъ, но и всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ богатой событіями исторіей города Гродны.

В. Р—въ.

Московское общество народныхъ университетовъ. Господство права. Лекція П. Г. Виноградова, профессора московскаго и оксфордскаго университетовъ. Москва. 1911. Стр. 35.

Популярная лекція профессора Виноградова даетъ блестящую апологію права, въ чувствѣ котораго, по словамъ автора, соединяются двѣ великія идеи—личнаго достоинства и долга. Такъ какъ Англія и Соединенные Штаты Америки безусловно классическія правовыя страны, то немудрено, что именно онѣ привлекли вниманіе талантливаго лектора. Одинаково хорошо освѣдомленный какъ въ исторіи, такъ и въ юриспруденціи, профессоръ Виноградовъ сумѣлъ придать своей лекціи живой конкретный характеръ. Безъ тѣни пустословія и безъ всякой риторики, за которыми обыкновенно такъ успѣшно скрывается невѣжество, онъ показываетъ читателямъ цѣль историческихъ фактовъ и интересныхъ бытовыхъ примѣровъ, ярко выясняющихъ роль права въ государственной жизни. Совершенно исключительное практическое значеніе получили

идей права въ Соединенныхъ Штатахъ. Извѣстно, какую огромную роль играютъ тамъ суды въ системѣ государственнаго управленія. Постановленія законодательныхъ палатъ, утвержденныя главой исполнительной власти, не имѣютъ въ Америкѣ обычнаго окончательнаго и рѣшающаго значенія: имъ еще суждено пройти въ судахъ «горнило юридической провѣрки». Хотя въ Англии судебная власть и не господствуетъ надъ исполнительной и законодательной, но тамъ суды могутъ широко толковать и дополнять законы. Въ виду нынѣшняго обостренія вопроса о реформѣ второй англійской палаты любопытно вспомнить, что еще въ серединѣ минувшаго вѣка была сдѣлана робкая попытка тихо и незамѣтно разрѣшить этотъ большой вопросъ. Въ 1856 году королева Викторія пожаловала юристу Парку титулъ лорда, но только пожизненно. Пройди это пожалованіе незамѣтно, этимъ самымъ былъ бы созданъ прецедентъ, пробивающій первую брешь въ лордской наследственности. Но на бѣду въ дѣло вмѣшалось право, которое, въ лицѣ верховнаго судилища, живо похоронило эту попытку реформы. Въ данномъ случаѣ право стало поперекъ разрѣшенія насущной жизненной задачи. И въ практикѣ культурныхъ государствъ это, конечно, случай далеко не единственный. Въ Америкѣ, напримѣръ, выражаемое рѣшеніями судовъ право положительно мѣшаетъ соціальному законодательству. Чтобы добиться праздничнаго отдыха приказчиковъ и охраны фабричнаго труда женщинъ и малолѣтнихъ, пришлось обойти право и разсматривать всѣ эти мѣропріятія не какъ законы, а въ качествѣ распоряженій полиціи благоустройства и народнаго здравія. Но какъ ни тяжелы иногда бываютъ конфликты между формальнымъ, мертвымъ правомъ и живой жизнью, во всякомъ случаѣ безконечно счастливы государства со строго выраженнымъ и послѣдовательно проводимымъ правовымъ принципомъ. Вмѣстѣ съ авторомъ можно пожелать, чтобы въ ихъ число скорѣе вошла и наша измученная родина. Сдѣйствовать этому—дѣло высоко-патріотическое, требующее огромныхъ совмѣстныхъ усилій всѣхъ сословій, классовъ и ранговъ русскаго народа.

Пант.

В. В. Майковъ. Книжка писцовая по Новгороду Великому конца XVI вѣка. Спб. 1911. Стр. XLVIII+307. Цѣна не обозначена.

Къ пятнадцатому всероссійскому археологическому съѣзду въ Новгородѣ императорская археологическая комиссія постановила издать полностью писцовую книгу по Великому Новгороду 1583—1584 годовъ и исполненіе этого постановленія поручила В. В. Майкову. Названная писцовая книга была уже въ пользованіи у А. Г. Ильинскаго, и даже часть ея, наиболѣе сохранившуюся, а именно описи концовъ Загородскаго и Горнчарскаго, напечаталъ въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи, издаваемомъ с.-петербургскимъ археологическимъ институтомъ» (выпуски XVII и XVIII) П. Л. Гусевъ. Это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о цѣнности и обилии сообщаемаго въ писцовой книгѣ матеріала, что еще болѣе доказать въ своемъ обширномъ предисловіи В. В. Майковъ, изложившій довольно подробно содержаніе книги. Издана она по рукописи, принадлежавшей императорской академіи наукъ и заключающей въ себѣ

четыреста сорокъ три листа, въ четверку; къ сожалѣнію, въ этой рукописи—копіи съ оригинала, относящейся къ 1588—1589 годамъ, недостаетъ ни начала, ни конца и много истлѣвшихъ отъ сырости листовъ. Послѣ текста писцовой книги приложенъ алфавитный указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ и четыре снимка съ отдѣльныхъ листовъ рукописи. Изданіе выполнено весьма добросовѣстно и составляетъ вкладъ въ историческую литературу о древнемъ Новгородѣ.

В. Р—въ.

Д-ръ Столь (ль?) Что необходимо знать каждому мальчику. Перев. съ англійскаго Е. Накашидзе. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Читатель, слѣдящій за злободневными вопросами, уже догадался, что собственно надо знать каждому мальчику. Конечно, половую жизнь и притомъ во всѣхъ деталяхъ. Американскій пасторъ, д-ръ Столь, довѣрилъ всѣ эти детали не бумагѣ (это было бы слишкомъ старо и избито), а фонографу, и теперь каждый мальчикъ, купивъ соответствующіе цилиндрики, можетъ прослушать лекціи или проповѣди о половой жизни, или же, если онъ такъ отсталъ, что у него нѣтъ фонографа,—прочетъ ихъ въ книгѣ, громкое заглавіе которой мы только что выписали. Начинаетъ, однако, докторъ Столь не съ половой жизни, а съ самого себя. На фототипіи лучезарный ликъ д-ра Столя прорываетъ и освѣщаетъ земной шаръ; о докторѣ Столѣ восторженно отзываются всесвѣтныя знаменитости, портреты которыхъ въ благодарность за эту маленькую услугу тутъ же помѣщены; книга д-ра Столя, какъ мы узнаемъ, разошлась въ миллионахъ экземпляровъ по всему земному шару и притомъ—о чемъ торжественно свидѣтельствуютъ факсимиле одной изъ ея страницъ—на всевозможныхъ языкахъ. Словомъ, немислимо сомнѣваться въ поразительныхъ достоинствахъ книги, и всякій, внявъ этой грандіозной, чисто-американской рекламѣ, конечно, поспѣшитъ пріобрѣсти книгу д-ра Столя, имя котораго отнынѣ достойно занять мѣсто рядомъ хотя бы съ именемъ Эдисона.

Реклама эта можетъ имѣть нѣкоторый успѣхъ въ Россіи, такъ какъ у насъ встрѣчаются родители, въ самомъ дѣлѣ вѣрящіе, что лучшее средство предохранить дѣтей отъ преждевременнаго пробужденія половой жизни заключается въ преждевременномъ ихъ ознакомленіи съ нею. Надо, однако, отмѣтить, что даже горячіе сторонники этого взгляда, въ томъ числѣ и самъ американскій пасторъ, останавливаются на полпути: они знакомятъ дѣтей съ тѣмъ, какъ «папа-растеніе» оплодотворяетъ «маму-растеніе», но не рѣшаются демонстрировать дѣтямъ, какъ «папа-самецъ» оплодотворяетъ «маму-самку», а тѣмъ менѣе какъ настоящій папа оплодотворяетъ настоящую маму. Такимъ образомъ, одинъ изъ основныхъ вопросовъ половой жизни все-таки остается для дѣтей изъятымъ изъ обращенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся теорія какъ будто хромаетъ. Да и какъ ознакомить дѣтей съ теорією размноженія, когда она еще и для насъ самихъ составляетъ великую тайну? Зерно, пролежавшее тысячулѣтія въ египетскихъ пирамидахъ, попавъ въ надлежавшую среду, даетъ ростокъ. Это ли не чудо? Такихъ примѣровъ можно привести много. Къ тому же сообщать дѣтямъ свѣдѣнія о половой жизни могутъ только родители и воспита-

тели. Они лучше всего сумѣютъ выбрать надлежащій моментъ и надлежащую форму, сообразуясь съ индивидуальными особенностями каждаго ребенка или подростка, потому что индивидуализація тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, необходима. Книги же мало дѣлу помогутъ, особенно, если онѣ составлены такъ неумѣло, какъ книга американскаго пастора.

Даже знаменитости, на благопріятные отзывы которыхъ онъ ссылается, высказываютъ ему не мало горькихъ истинъ. Такъ, одинъ педагогъ говоритъ, что книгу д-ра Столя никакъ нельзя дать въ руки дѣтямъ, а развѣ только воспитателямъ. Другой утверждаетъ, что въ книгѣ встрѣчаются мѣста просто бессмысленныя. Дѣйствительно, что поймутъ дѣти, напримѣръ, въ слѣдующей абракадабрѣ: «Мы не краснѣемъ и намъ не кажется нечистымъ чудная мудрость и могущество Божіе при созданіи Адама и Евы. Если мы надлежащимъ образомъ задумаемся въ чудесный и таинственный способъ, благодаря которому родились Каинъ и Авель и ихъ дѣти, изо дня въ день изъ года въ годъ, и теперь также создаются новыя поколѣнія, идущія замѣнять своихъ умирающихъ и исчезающихъ родителей, то мы и тутъ не будемъ краснѣть». Вся книга пересыпана текстами изъ священнаго писанія и производитъ впечатлѣніе богословскаго трактата. Эти тексты прикрываютъ скользкость основной темы, но ими въ сущности ничего не разъясняется. Авторъ договаривается до того, что, рекомендуя мальчикамъ чистоту, совѣтуетъ имъ въ ваннѣ «хорошо поднимать крайнюю плоть», но «совершать это съ религіознымъ чувствомъ». Или же онъ говоритъ: «Я увѣренъ, что ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ по настоящему изучать человѣческое тѣло, не думая о воспроизводительной системѣ, какъ о Святомъ Святыхъ». Это уже звучитъ кощунственно. Затѣмъ, рекомендуя разныя всѣмъ извѣстныя средства противъ тайныхъ пороковъ, онъ отъ себя уже, словно правовѣрный еврей, совѣтуетъ прибѣгать къ обрѣзанію и никогда не ѣсть свинины. Если прибавить къ этому, что переводъ неудовлетворителенъ, что на каждомъ шагѣ встрѣчаются обороты въ родѣ слѣдующаго: «При приведеніи въ исполненіе своего намѣренія, которому ни время, ни многочисленныя и многообразныя обязанности не могли помѣшать и остановить», или такія несообразности: человѣкъ «строить большія пушки и канонерскія лодки (почему канонерскія лодки, утратившія теперь боевое значеніе?), уничтожая ими своихъ ближнихъ», — то мы поймемъ, почему книга д-ра Столя, несмотря на предпосылаемую ей грандіозную рекламу, совершенно несостоятельна.

Р. Сементковскій.

**А. Измайловъ. Литературный Олимпъ. Характеристики, встрѣчи, портреты
автографы. М. 1911. Стр. VII+472. Цѣна 1 р. 50 н.**

Неустанно изъ года въ годъ слѣдя за всѣмъ крупнымъ и за всѣмъ пезначительнымъ, что появляется въ литературѣ, и удѣляя вниманіе всякому новому литературному явленію, критикъ возвелъ на Олимпъ русской литературы рядомъ съ ея безспорными вождями, какъ Толстой и Чеховъ, изъ-подъ вліянія которыхъ она еще не вышла и не скоро выйдетъ, и среднія величины, вроде Саліаса или Всеволода Соловьева. Дѣло, однако, не въ заглавіи книги, которое

авторъ пытается оправдать указаніемъ, что и у посетителей менѣ замѣтныхъ именъ «былъ свой часъ настоящаго успѣха» и что за «всеми ими неотрицаема своя доля просвѣтительнаго вліянія»; г. Измайловъ, конечно, понимаетъ, что успѣхъ книги не рѣшаетъ вопроса объ ея литературной цѣнности, и не можетъ не знать, что обстоятельства, на которое онъ ссылается, слишкомъ недостаточно для того, чтобы установить связь между Толстымъ и Чеховымъ съ одной стороны, Салиасомъ и Всеволодомъ Соловьевымъ съ другой. На книгу г. Измайлова слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сборникъ отдѣльныхъ, общей мыслью не связанныхъ, но неизмѣнно хранящихъ отпечатокъ ясной и вполне определенной литературной личности автора, статей о нѣсколькихъ писателяхъ. Онѣ посвящены четыремъ названнымъ писателямъ и еще шести: Леониду Андрееву, Куприну, Ѳ. Сологубу, Ясинскому, Горькому и Брюсову, и лучшая изъ нихъ о Чеховѣ. Главная черта писательскаго темперамента Измайлова—спокойствіе и достоинство: онъ не стучитъ лбомъ передъ тѣмъ, что ему по душѣ, и не вѣшаетъ собакъ на томъ, что ему не нравится. Онъ не бѣжитъ въ припрыжку за колесницей всякаго новаго вѣянія и не поклоняется традиціямъ прошлаго за то только, что онѣ традиціи прошлаго, а всегда умѣетъ сохранить безпристрастіе трезваго наблюдателя и судьи. Его характеристики не рѣзки, но зато справедливы, не ярки, но зато вѣрны, и онъ умѣетъ убѣждать гораздо сильнѣе, чѣмъ патентованные курители оиміама или не въ мѣру сердитые сокрушители. Измайловъ не только критикъ, но и присяжный лѣтописецъ литературы; его правдиво и точно переданныя бесѣды съ писателями не менѣ поучительны, чѣмъ его отзывы. «Добру и злу внимая равнодушно», онъ прилежно заноситъ въ свою лѣтопись и вѣщее слово мудреца, и напыщенный вздоръ педанта; въ его книгѣ, помимо общихъ оцѣнокъ, сохраняются интересные факты, которыми воспользуется будущій историкъ литературы. Разумѣется, у Измайлова есть свои симпатіи, которыхъ читатель можетъ не раздѣлять, но онъ не зачислился въ партійную службу, служа одной литературѣ какъ каковой. Вся система его теоретическихъ воззрѣній и эстетическихъ вкусовъ, въ связи съ отмѣченными сторонами его темперамента, дѣлаетъ его критику, поскольку это вообще возможно для критики, нелживымъ зеркаломъ современной литературы. Вотъ почему его статьи читаются съ интересомъ и пользою, а если въ нихъ нѣтъ широкихъ обобщеній, если онъ не пытается пророчествовать и не обольщаетъ себя и читателей ослѣпительными догадками, то это только приноситъ честь его добросовѣстности и осторожности.

Н. Л.

Русская карикатура. I. В. Ф. Тиммъ. Сост. В. А. Верещагинымъ. Спб. 1911. Съ 74 рис. Ц. 3 р. 50 к.

В. А. Верещагинъ, извѣстный своими художественными трудами, теперь собирается издать серію характеристикъ русскихъ карикатуристовъ. Для начала онъ остановился на извѣстномъ иллюстраторѣ В. Ф. Тиммѣ, издававшемъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія «Русскій Художественный Листокъ».

Первый выпуск этой серии изданъ хорошо, а списокъ художественныхъ рисунковъ Тимма, помѣщенный въ концѣ книжки, служить важнымъ подспорьемъ для любителей, такъ какъ является единственнымъ въ своемъ родѣ.

Но едва ли можно согласиться съ г. Верещагинымъ—почему свою серію онъ началъ именно съ этого художника. Тиммъ—первымъ дѣломъ талантливый иллюстраторъ, превосходно владѣющій литографскимъ карандашомъ, сыгравшій крупную художественную роль въ свое время. Его «Листокъ» не потерялъ значенія и до сихъ поръ; полная коллекція «Листка» до сихъ поръ продается по 200 р., если она въ порядкѣ и снабжена текстомъ. Многіе типы Тимма, его рисунки изъ эпохи Крымской войны до сихъ поръ считаютъ несравненными въ своемъ родѣ. Какъ иллюстраторъ-наблюдатель, онъ стоитъ очень высоко, и не даромъ «Illustration» пригласила его своимъ постояннымъ сотрудникомъ-корреспондентомъ.

Но какъ карикатуриста, Тимма надо считать далеко не въ первыхъ рядахъ. Въ его карикатурахъ и шаржированныхъ рисункахъ мало самостоятельности и слишкомъ много подражанія западнымъ художникамъ. Безъ подписи многія его карикатуры сѣры и блѣдны, а плоха та карикатура, которая нуждается въ объясненіи. Гойя тѣмъ и великъ, что его гротески хороши безъ всякихъ подписей. Художникъ долженъ въ каждомъ штрихѣ быть «кривымъ зеркаломъ» натуры. Таковъ былъ недавно умершій Карандашъ (Пуаре). Съ этой точки зрѣнія, Тиммъ значительно слабѣе Фодотова, Лебедева, Микѣшина, не говоря уже о карикатуристахъ начала XIX вѣка, которые разсѣяли свои произведенія по многочисленнымъ альбомамъ коллекционеровъ. Можно не любить нѣмецкаго карикатуриста Буша, считать его юморъ цирковой клоунадой, но нельзя не отдать справедливость его наблюдательности, умѣнюю подмѣтить массу житейскихъ мелочей и передать ихъ двумя-тремя штрихами. Быть можетъ, мало смѣшного въ томъ, что деревенскіе шалуны крючкомъ отъ удочки стаскиваютъ парикъ съ лысой головы старика, или что пьяный буришъ попадаетъ въ кадку съ опарой; но, оставивъ въ сторонѣ тяжелую нѣмецкую гримасу, мы не можемъ отказать въ карикатурномъ талантѣ художника. А какая въ сущности карикатурность въ томъ рисункѣ изъ «Листка для свѣтскихъ людей», гдѣ жена ругаетъ своего мужа (никакъ не отставного унтеръ-офицера, какъ думаетъ г. Верещагинъ, а по крайней мѣрѣ майора) за то, что онъ позвалъ неожиданно гостей къ обѣду?

Составитель прилагаетъ въ книгѣ и образцы иллюстрацій Тимма. Какъ типичный образецъ, онъ беретъ «Балаганы на Адмиралтейской площади» изъ «Художественнаго Листка» 1858 года. Опять-такъ выборъ этотъ едва ли удаченъ: нѣмецъ-художникъ, остзеецъ по происхожденію, спуталъ два гулянья: масленичное и пасхальное; отличительной чертой перваго всегда были ледяныя горы, а на Святой—были карусели. У Тимма же изображены карусели на масленицѣ, что является анахронизмомъ.

Но зато великолѣпна копія съ картины Тимма «Мароканецъ». Видно во всемъ слѣпое подражаніе французскимъ художникамъ начала XIX вѣка, и картина ничѣмъ не хуже работъ братьевъ Верне, а по грамотности рисунка куда выше работъ нашего перваго «баталиста» Орловскаго.

Баль въ академіи очень напоминает манеру Зичи, но Зичи былъ изящнѣе Тимма и еще лучше его зналъ рисунокъ и владѣлъ формой.

Будемъ ждать дальнѣйшихъ выпусковъ труда Верещагина,—онъ во всякомъ случаѣ интересенъ, и ему нельзя не пожелать успѣха.

Г—ъ.

**Графъ Павелъ Шереметевъ. Карамзинъ въ Остафьевѣ. 1811—1911. М. 1911.
Стр. 103.**

По «Остафьевскому архиву князей Вяземскихъ» все́мъ интересующимся литературной и общекультурной исторіей XIX вѣка знакомо имя села Остафьева, Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь много лѣтъ жилъ князь П. А. Вяземскій, здѣсь Карамзинъ писалъ «Исторію Государства Россійскаго», здѣсь бывали Пушкинъ и Жуковскій. Теперь оно принадлежитъ семьѣ графовъ Шереметевыхъ, которая заботливо охраняетъ это замѣчательное дворянское гнѣздо, поддерживая въ неприкосновенности «Карамзинскую комнату», бывшую кабинетомъ историка, «Карамзинскую аллею», «Карамзинскую рошу»; въ «Карамзинской комнатѣ» стоитъ письменный столъ Пушкина. Женившись на княжнѣ Е. А. Вяземской, сестрѣ извѣстнаго впоследствии писателя, Карамзинъ сталъ проводить лѣтніе мѣсяца въ Остафьевѣ, потомъ не разъ живалъ въ немъ подолгу, и здѣсь, въ идиллическомъ деревенскомъ уединеніи, особенно успѣшно подвигался его капитальный трудъ. 18-го іюля настоящаго года въ Остафьевѣ открытъ памятникъ Карамзину, который собирался поставить еще покойный владѣлецъ села князь П. П. Вяземскій, и къ этому дню и издана краткая, но обстоятельная исторія отношеній Карамзина къ Остафьеву и семьѣ Вяземскихъ.

Л.

В. В. Розановъ. Темный ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Цѣна 2 руб. 50 коп. Его же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Двѣ названныя книги г. Розанова трактуютъ одну и ту же тему и по первоначальному плану автора должны были составить одну книгу «Въ темныхъ религіозныхъ лучахъ»: книга эта уничтожена, и въ видѣ двухъ книгъ мы имѣемъ два уцѣлѣвшіе острова отъ исчезнувшаго материка.

Не только во всей русской, но и во всемирной литературѣ ничто нельзя поставить рядомъ съ ними по значенію. Особенно книги г. Розанова должны были бы взволновать, потрясти до глубины души все́хъ официальныхъ стражей христіанства: имъ бросается здѣсь такой вызовъ, равнаго которому по силѣ и полнотѣ отрицанія они не слышали ни отъ Цельса, ни отъ Ницше.

Уже много лѣтъ г. Розанова неотступно занимаютъ двѣ проблемы—христіанская проблема и проблема пола, брака. Въ послѣднемъ своемъ литературномъ трудѣ онъ объединилъ двѣ проблемы—примѣнилъ физиологію пола къ объясненію христіанства, и на этомъ пути создалъ оригинальнѣйшую идею, которая заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Христіанство для г. Розанова есть религія смерти, и оно враждебно всякой религіи рожденія, т. е. всему язычеству и особенно еврейству. Наиболѣе характеристичной стороною христіанства онъ считаетъ монашество. Въ монашествѣ и въ немъ единственно христіанство получило себѣ крылья, поэзію, полетъ, свободу и философію. Монашеское христіанство отвергаетъ всякую индивидуальную собственность, личное счастье, личную выразительность, индивидуализацію челоуѣка, все, въ чемъ проявляется жизнь и особенно рожденіе; напротивъ, идеаль его—святость смерти, святость мощей. Христіанство есть мистическая пѣснь переходу изъ земного житія, всегда и непремѣнно грѣшнаго, въ вѣчную жизнь—тамъ. Это есть величайшій пессимизмъ и глубочайшее отрицаніе земли и земного, стихій планетныхъ, лунныхъ, солнечныхъ, но въ основѣ всего—родительскихъ, рождающихъ. Лицо діавола становится совершенно ясно, читаемо для насъ въ церковномъ ученіи: это—вся дѣторождающая система, весь очеркъ дѣтородныхъ силъ, качествъ, формъ, движеній, органовъ, пожеланій, возжелтнній. Область діавола—ниже пояса, какъ область духа, Бога—выше его. Вотъ раздѣленіе, метафизика, космологія христіанства. Отсюда монашество, какъ идеаль христіанскій, и, напротивъ,—семья, родители, братья, сестры, супружеская спальня и дѣтская комната, игры ребенка и пѣсни матери надъ дитятею, трудъ отца для прокормленія дѣтей и, наконецъ, эти грѣшныя животныя, которыя только ѣдятъ и множатся—все это есть область сатаны, чертежъ діавола, узоръ его возлѣ челоуѣка, только, повидимому, сладкій и прекрасный, ибо онъ предназначенъ уловлять падшаго челоуѣка въ свои сѣти. Христіанство смотритъ на жизнь, какъ на безконечную непоборимую скорбь и непрерывный неодолимый грѣхъ. Монашество г. Розановъ сцѣпляетъ неразрывно, какъ неминуемая ступени или звенья, со всѣми проявленіями религіознаго самоистребленія,—и на пути этого доведенія духа религіи до его выпуклыхъ проявленій онъ улавливаетъ психологію христіанства. Въ челоуѣческой душѣ, говоритъ онъ, есть вѣчныя переживанія, требующія, чтобы имъ отвѣчали въ религіи скорбные мотивы. Религія радости, бѣлая, свѣтлая—рѣжетъ скорбящаго челоуѣка: не находя мѣста въ ней—онъ не находитъ уже никакого мѣста, ему остается уйти, умереть, наложить руки на себя. Религія скорби, мрака и даже наказаній, муки—ему роднѣе, его утѣшаетъ: онъ вдругъ находитъ «свое» тамъ, свои чувствованія, переживанія, но возведенныя въ перлъ созданія (историческое творчество церкви черной, монашества),—находитъ себѣ мѣсто, живетъ, поправляется, «воскресаетъ», хоть для старости, хоть для остатка дней. Точка прилѣпленія христіанства къ міру дается тайной смерти. Смерть—вотъ высшая скорбь и высшая сладость. Она вѣнчаетъ скорби, а въ скорбяхъ истома таинственной эстетики. Трагедія трагедій...

Итакъ, монашество—цвѣтокъ христіанства, его сердцевина. Но что такое само монашество, въ чемъ его метафизическіе корни? Монастырь—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Розановъ—есть какъ бы Альпы христіанства, а острая игла этихъ Альпъ—тенденція людей третьяго пола, половая аномалія, уранизмъ. Здѣсь онъ видитъ корень, фізіологическій корень всего «духовнаго». Нѣтъ жажды. Гладь существованія не возмущена. Никогда такой не вызоветъ «на дуэль», не оскорбится, и ужъ всего менѣе оскорбитъ. Сократъ, сказавшій,

«истор. вѣстн.», ноябрь 1911 г., т. сxxvii.

25

что онъ легче перенесетъ обиду, чѣмъ нанесетъ ее—тутъ, въ этихъ гранкахъ, какъ и міровое: «Боже, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ». Вообще выступаетъ начало прощенія, кротости, міровое «непротивленіе злу». Платонъ Каратаевъ—тутъ же, около Сократа, какъ и Спиноза, мирно писавшій трактаты и наблюдавшій жизнь пауковъ. Все—выразители мірового «не хочу», «не хочется». Созерцательность страшно выросла, энергія страшно упала, почти на нуль (Аміель, Маркъ Аврелій). Мечты длинны, безконечны. Все существованіе—кружевное, паутинное, точно солнышко здѣсь не играетъ. Въ характерѣ много дуннаго, ибѣжнаго, мечтательнаго; для жизни, для дѣлъ—безплоднаго, но удивительно плодороднаго для культуры, для цивилизаціи. Именно—паутина, и именно кружево, съ длинными нитями изъ себя, завязывающимися совѣмъ. Въ характерѣ людей этихъ есть что-то меланхолическое, даже при ясности и спокойствіи вида и жизни; меланхолическое безотчетно и безпричинно—«міровая скорбь»—*Weltschmerz*—здѣсь коренится, въ этомъ таинственномъ «не хочу» организма. Здѣсь цвѣтутъ науки и философія. Явленіе \pm полового вождѣлнія, содомія, хотя бы только духовная содомія—оно-то и лежитъ малымъ горчичнымъ зерномъ, изъ котораго выросло дерево, затѣнившее вѣтвями своими цѣлую землю, и отъ плодовъ котораго духовно питаются всѣ народы... Кто слагалъ дивныя обращенія къ Богу? Они, содомиты. Кто выработалъ съ дивнымъ вкусомъ всѣ ритуалы? Они. Кто выработалъ всю необозримую каплю нашей религіозности? Они. Водораздѣлъ между $+$ пола и $-$ пола проникаетъ челвѣка до глубины костей, до самой малой артеріи, объемлетъ мозгъ его, зрѣніе его, слухъ его, обоняніе его. У духовнаго содомита это все—уже другое, нежели у размножающагося, у многодѣтнаго существа. Глазъ у содомита—другой! Рукопожатіе—другое! Улыбка—совѣмъ иная! Обращеніе къ Богу людей, такъ или иначе аномальныхъ въ полѣ, въ большей или меньшей степени аномальныхъ, не могущихъ вести нормальную семейную жизнь, не могущихъ нормально супружесковать,—и образовало весь аскетизмъ, какъ древній, такъ и новый, такъ языческій, такъ и христіанскій. Только въ то время, какъ въ другихъ религіяхъ онъ занимаетъ уголокъ, образовываетъ цвѣточекъ,—христіанство собственно состоитъ все изъ него одного...

Такова теорія г. Розанова. Судить объ ней нужно разнo съ двухъ разныхъ сторонъ. Каждая теорія должна строго соответствовать кругу объясняемыхъ фактовъ, должна быть ни шире, ни уже этого круга. Съ этой стороны нужно сказать, что теорія г. Розанова уже того круга фактовъ, на объясненіе которыхъ претендуетъ. Г. Розановъ хочетъ объяснить своей теоріей все христіанство, но его теорія обнимаетъ лишь аскетизмъ. Онъ предполагаетъ тождество между христіанствомъ и аскетизмомъ, но это предположеніе виситъ на воздухѣ. Христіанство есть религія любви, аскетизмъ есть религія ненависти къ жизни: между ними нѣтъ тождества,—и это тѣмъ болѣе, что аскетическая ненависть къ жизни извѣстна и внѣ христіанства (Платонъ, Филонъ, Плотинъ) и въ язычествѣ достигаетъ силы, не уступающей христіанскому аскетизму (буддизмъ). Какъ это ни странно, но самъ г. Розановъ, свидѣтельствуя противъ себя, высказывается противъ отождествленія христіанства и аскетизма. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: «*оδσα*»измъ, для котораго монашество есть ранняя фаза, зародышевое

состояніе, это—земля, почва Россіи или Элады, и тутъ ни «любовь къ ближнему», ни Христось не играютъ никакой роли». И въ другомъ мѣстѣ: «въ сложеніе христіанства и судьбу его вошли съ могущественнымъ вліяніемъ такіе факторы, о какихъ даже упоминанія Христось не дѣлалъ». Уже изъ учебниковъ извѣстно, что монашескимъ христіанство стало лишь съ теченіемъ времени, что такимъ оно не было въ своей «утренній часъ». И апіорно легко понять, что христіанствомъ должны были воспользоваться «по-своему» всѣ люди съ вывихнутой душой, выбитые изъ нормы, всѣ эти «грѣшники, убійцы, содомиты». Пришли и воспользовались, облекли аскетическимъ покровомъ все христіанство, загуманили весь христіанскій воздухъ, овладѣли всѣми душами, сдѣлались господствующею силою, просто церковною властью. Все это такъ, но вѣдь пришли же они къ тому, что не ими создано, овладѣли чужимъ, окарикатурили бывшее до нихъ,—и это до того вѣрно, что въ минуты откровенности они уже громко вопіють: «Что все любовь да любовь! Не въ любви дѣло, а въ святомъ эгоизмѣ»,—показываютъ коготки изъ мягкихъ лапокъ. Прямо сказать: монахи не любятъ Христа и не любятъ евангелія. На мѣсто Христа они поставили монашескую церковь, свою власть, евангеліе замѣнили «аскетическою письменностью». Г. Розановъ въ свое оправданіе указываетъ на то, что переходъ этотъ совершился незамѣтно. «Какимъ образомъ христіанство, столь къ человѣку благожелательное, однако пришло къ инквизиціи? Явно, что здѣсь скрыта цѣль «флюксій», «переменныхъ безконечно малыхъ величинъ», «дифференціаловъ»: ибо вѣдь перелома изъ да въ нѣтъ, перелома въ убѣжденіяхъ, въ вѣрѣ, въ идеалахъ мы при этомъ нигдѣ не наблюдаемъ! Въ этомъ-то все и дѣло, что разлома нѣтъ!.. Инквизиція вошла въ церковь «дифференціалами», а не простымъ «дѣленіемъ и умноженіемъ», не ариѳметическими дѣйствіями. Если бы она пришла «дѣленіемъ», произошла бы реформація: и тогда никакого вопроса не было бы, зачѣмъ было бы писать этой книги». Г. Розановъ отсюда заключаетъ, что въ инквизиціи обнаружилась нѣкоторая сокровенная суть христіанства, такъ что кардиналы инквизиціи были признаны всѣми за подлинныхъ служителей христіанства. «Въ кардиналовъ вошли нѣкоторыя «флюксіи», темные незамѣтные лучи подлинно христіанства же». Но ужели г. Розановъ забылъ, когда писалъ эти строки, что именно такъ и распозаается всякая карикатура: начинается она всегда съ «да» и доводитъ его незамѣтно до «нѣтъ». Это есть подлинный образъ дѣйствій всѣхъ фальсификаторовъ. И развѣ не къ этой фальсификаціи относятся грустныя евангельскія предчувствія, что придетъ врагъ ночью, незамѣтно, и броситъ на ниву, засѣянную Сыномъ Человѣческимъ, иныя сѣмена, и взойдутъ злаки, сначала очень похожіе на пшеницу,—только поздно, когда созреютъ, они окажутся плевелами, исчадіями вѣчнаго отца лжи, вѣчнаго фальсификатора, всемірнаго карикатуриста, искажителя? Подлинно ли, что г. Розановъ трактуетъ о тонкостяхъ христіанства, о томъ въ христіанствѣ, до чего нужно докапываться, что нужно вырывать изъ-подъ наружнаго мусора? Не имѣетъ ли онъ дѣло съ грубою стороною христіанской церкви? Такимъ именно грубымъ фактомъ и является монашество, наполнившее всю христіанскую видимость и прикрывшее своими хламидами подлинное христіанство.

Но иначе нужно оцѣнить трудъ г. Розанова съ другой стороны, какъ теорію тѣхъ фактовъ, которымъ она соотвѣтствуетъ, какъ теорію аскетическаго мистицизма. Съ этой стороны, теорію г. Розанова нужно признать цѣннымъ приобретениемъ науки. Всякій мистицизмъ нужно считать всецѣло объясненнымъ лишь въ томъ случаѣ, если подъ него подводится патологическій фундаментъ. Физиологія есть метафизика мистицизма: это тезисъ, твердо установленный въ современной наукѣ. Эту задачу по отношенію къ аскетическому мистицизму и выполнилъ, блестяще выполнилъ г. Розановъ. Почему мистицизмъ есть то, что онъ есть, почему онъ долженъ быть этимъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, откуда его пѣснопѣнія, идеалы, идеи, міровоззрѣніе, все это теперь ясно. Рѣчи о совершенствѣ, котораго человекъ достигаетъ силою воли, постояннымъ упражненіемъ, во имя извѣстныхъ идей,—о такомъ совершенствѣ, что въ немъ погасаетъ всякая похоть, что онъ становится ангеломъ во плоти,—всѣ эти рѣчи—пустая болтовня. Дѣло иначе обстоитъ. Это совершенство истиннаго монаха не результатъ его подвиговъ, а исходный пунктъ всей его психики: оно коренится въ его организаціи, которая не позволяетъ ему иначе думать, иначе чувствовать. Если же аскетизмъ не имѣетъ такой физиологической основы, если онъ оказывается головнымъ идеаломъ, то вся жизнь такого монаха является, съ одной стороны, сплошнымъ мученіемъ, насиліемъ надъ собою, а съ другой стороны—непрерывнымъ и неизбѣжнымъ лицемѣріемъ. Проповѣдь аскетическихъ идеаловъ есть не что иное, какъ навязываніе слушателямъ въ качествѣ идеала—того, что въ проповѣдникѣ есть лишь естественное свойство: въ видѣ долга на однихъ налагается то, что естественно и иначе быть не можетъ въ другихъ. Уродство немногихъ служить идеаломъ для всѣхъ. Ужаснѣйшая фантазмагорія.

Г. Розановъ считаетъ аскетизмъ грѣхомъ, единственнымъ грѣхомъ. Но онъ отдастъ ему справедливость, усвояя ему талантливость и культурное творчество, необычайную производительность въ поэзіи и философіи. Мы знаемъ эти пѣснопѣнія: грустныя, щемящія сердце, болѣзненно-сладкія, опьяняющія, отравляющія. Мы знаемъ эту философію съ ея причудливыми образами, съ ея трансцендентными хитросплетеніями, съ ея туманными рѣчами и хитрыми логическими фокусами, которые столь обаятельны для толпы. Мы знаемъ эту культуру съ ея культомъ «божественной» дружбы, духовно-содомитскаго союза, съ вѣчнымъ копаніемъ въ душѣ, съ бесплоднымъ самоуглубленіемъ, съ откровеніемъ помысловъ, старчествомъ и проч. Всему этому творчеству можно было бы сказать: fiat!—если бы оно не сопровождалось ужаснѣйшимъ властолюбіемъ, если бы эта небесная философія и поэзія не вмѣшивались въ наши земные интересы, не давили нашу земную жизнь, не создавали для нея законодательства, не строили для нея Прокрустова ложа. И напоминаетъ отзывъ Канта: «Если сложить вмѣстѣ всѣ выгоды и невыгоды, могущія достаться на долю того, кто организованъ не только для видимаго міра, но въ извѣстной степени и для невидимаго, то подарокъ подобнаго рода кажется мнѣ равнымъ тому, которымъ Юнона наградила Терезія, ослѣпивъ его для того, чтобы ему можно было дать за то даръ прорицанія. Ибо наглядное познаніе другого міра можетъ быть здѣсь достигнуто только съ утратою нѣкоторыхъ свойствъ того ума, который требуется для настоящаго міра. Я не знаю, свободны ли совершенно отъ этого

тяжелаго условія даже тѣ философы, которые такъ прилежно и сосредоточенно обращаютъ свои метафизическія стекла къ тѣмъ отдаленнымъ странамъ и потомъ рассказываютъ о нихъ разныя чудеса; я по крайней мѣрѣ не завидую имъ въ ихъ открытіяхъ; однако я боюсь, чтобы какой-нибудь здравомыслящій, по не особенно галантный человѣкъ не сказалъ имъ того же самаго, что кучеръ Тиходе-Браге отвѣтилъ своему господину, когда тотъ въ ночное время думалъ найти путь по звѣздамъ: «Добрый баринъ, на небѣ вы, можетъ быть, кой-что смыслите, по здѣсь на землѣ вы совсѣмъ дуракъ». Роль такого-то здравомыслящаго, но не особенно галантнаго человѣка—по отношенію къ монашеской церковной власти и выполнилъ г. Розановъ. Свобода земной жизни и особенно брачныхъ отношеній отъ аскетическаго руководительства и законодательства—таковъ практическій выводъ изъ книгъ г. Розанова, выводъ необычайной важности.

Книгамъ В. В. Розанова нужно пожелать самаго широкаго распространенія. Ихъ долженъ прочитать простой обыватель—мужчина и женщина, ихъ должны прочитать наши законодатели, онѣ должны быть настольными книгами у всѣхъ интересующихся религіознымъ вопросомъ, но особенно желательно слышать отзывъ о нихъ со стороны ученаго монашества и присяжныхъ бого-слововъ.

В. В—скій.

П. Е. Васильковскій. Чудеса животнаго міра. (Зоологія для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ. Съ 185 рисунками В. Кунерта, Г. Мютцеля, И. Шишкина, Ф. Шпехта и др. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Стр. 428.

Почти до послѣдняго времени уроки естествовѣдѣнія вмѣстѣ съ сухой математикой и безжизненными греками и латынью составляли въ нашей школѣ едва ли не самыя скучныя и утомительныя учебныя предметы, построенныя сплошь на зазубриваніи всевозможныхъ формулъ, спряженій, позвонковъ, видовъ, тычинокъ, пестиковъ и т. п. Развить въ учащихся любознательность, научить ихъ всматриваться въ окружающій міръ, наблюдать и изучать его, пробудить любовь къ живой природѣ,—объ этомъ тогда мало думали. Съ отвращеніемъ и тупой болью въ головѣ все зазубривалось, выучивалось, сдавались кое-какъ экзамены, получали дипломы, медали и вступали въ жизнь, совершенно не зная и не понимая окружающаго живого міра, о которомъ ничего не говорилъ толстый казенный учебникъ. Конечно, существовали отдѣльныя книги, красиво и увлекательно знакомившія съ природой, но книгъ такихъ было и не такъ много, и не всѣмъ онѣ были доступны и понятны. Въ послѣднее время въ учебной и популярной литературѣ очень замѣтно стремленіе дать простое живое и доступное чтеніе интересующимся природой учащимся и широкой публикѣ. Первое и почетное мѣсто въ этомъ, безусловно, должно быть отведено извѣстному неумолимому популяризатору природовѣдѣнія профессору Дм. Н. Кайгородову.

Къ этому же роду литературы принадлежитъ и разсматриваемая нами книга г. Васильковскаго, представляющая собою попытку просто, живо и общепонятно рассказать о наиболѣе замѣчательныхъ представителяхъ животнаго царства. Воздерживаясь отъ общепринятой системы и классификаціи, главной

цѣлью своихъ описаній авторъ поставилъ «дать легкое, доступное дѣтямъ всѣхъ возрастовъ чтеніе по зоологіи». Изъ семидесяти восьми статей, находящихся въ книгѣ, одиннадцать принадлежатъ другимъ авторамъ-натуралистамъ, напимѣрь: Разину, Богданову, Аксакову и прочимъ. Основная идея, красной нитью проходящая по всей книгѣ, особенно ярко выражена въ первой статьѣ «Наши учителя». Авторъ очень картинно и живо объясняетъ своему юному читателю, какую громадную пользу приносить человѣку изученіе и наблюденіе за животными. «Гордые и не въ мѣру высокаго о себѣ мнѣнія,—говоритъ авторъ,—мы кричимъ: «нами открыто это, нами изобрѣтено то», а если присмотрѣться внимательнѣе къ нашимъ открытіямъ, если хорошенько поискать, нѣтъ ли того же самаго у другихъ животныхъ, то весьма часто окажется, что мы «открываемъ» давно уже извѣстное тѣмъ или инымъ дѣтямъ природы. Вотъ и сейчасъ, готовясь завоевать воздухъ и «изобрѣтая» всевозможные летательные аппараты, развѣ мы не учимся у птицъ, насѣкомыхъ, иныхъ летающихъ животныхъ? Развѣ наши «изобрѣтенія» не являются подражаніемъ тому, что давным-давно уже существуетъ въ природѣ? То же самое было и при покореніи водной стихіи. Плавать на водѣ и подъ водой научили насъ рыбы и ластоногія животныя, строеніе тѣла которыхъ послужило намъ образцомъ для постройки разнаго типа лодокъ и пароходовъ». «Основы архитектуры», земледѣлія и скотоводства,—продолжаетъ далѣе авторъ,—тоже извѣстны не только человѣку, но и многимъ другимъ животнымъ, и притомъ были извѣстны имъ гораздо раньше, чѣмъ людямъ. Человѣкъ только развилъ, усовершенствовалъ эти области труда, но не выдумалъ, не «изобрѣлъ» ихъ, какъ нѣчто новое, небывалое на землѣ. То же самое можно сказать и о прядильномъ, ткацкомъ, портняжномъ, гончарномъ, бумажномъ и цѣломъ рядѣ другихъ ремеселъ и производствъ». И затѣмъ далѣе въ своихъ послѣдующихъ разсказахъ авторъ знакомитъ читателя со всевозможными птичками-«портнихами», «ткачами», «горшечниками», съ «изумительными прядильщиками», съ «прирожденными инженерами»-бобрами, съ птицами-«чистильщиками», съ рыбами-«воздухоплатателями», съ «замѣчательными хирургами», съ различными «изумительными архитекторами», «производителями красокъ», «фабрикантами жемчуга» и т. д. и т. п.

Эти разсказы г. Васильковскаго представляютъ собою очень занимательное, живое и понятное чтеніе. Книга богато иллюстрирована, снабжена двумя указателями и издана изящно и не слишкомъ дорого.

М—о.

Г. Штейдингъ. Памятники античнаго искусства. Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911. 66 табл.+24 стр. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Съ недавняго сравнительно времени въ Германіи начали обращать большое вниманіе на развитіе эстетическаго вкуса у учащагося юношества. Съ этой цѣлью тамъ изданъ былъ цѣлый рядъ разнаго рода атласовъ, воспроизводящихъ преимущественно предметы античнаго искусства, какъ наиболѣе доступнаго пониманію отроческаго возраста. Это похвальное стремленіе къ

развитію эстетики въ средней школѣ мало-по-малу прививается и у насъ. Но, къ сожалѣнію, у насъ почти вовсе нѣтъ доступныхъ руководствъ, дающихъ снимки съ античныхъ памятниковъ и облегчающихъ ихъ пониманіе. За неимѣніемъ оригинальныхъ трудовъ, приходится сначала пользоваться переводными. Взятый съ этой цѣлью атласъ Г. Штейдинга принадлежитъ къ наиболѣе удобнымъ и практичнымъ какъ по умѣлому подбору рисунковъ, такъ и по толково и научно составленному тексту. Здѣсь можно найти не только памятники античнаго искусства въ тѣсномъ смыслѣ этого послѣднаго слова, но и изображеніе предметовъ общественаго и частнаго быта древности. Переводъ какъ подписей подъ рисунками, такъ и объяснительнаго текста къ нимъ исполненъ весьма тщательно. Обращаютъ на себя вниманіе только нѣкоторыя весьма незначительныя неточности, какъ, напр., базилика Юлія (вм. Юліева), знамя легіона, взятое при Карре (вм. Каррахъ, Карры—городъ въ Мессопотаміи). Затѣмъ въ подписяхъ подъ рисунками извѣстный городъ, засыпанный Везувіемъ, обозначается вездѣ въ единственномъ числѣ «Помпея», а въ объяснительномъ текстѣ—во множественномъ «Помпеи», что болѣе правильно. Наконецъ, авторъ, имѣвшій въ виду, разумѣется, нѣмецкую школу, гдѣ языкъ древнихъ эллиновъ изучается весьма усердно, оставилъ безъ перевода нѣкоторые греческіе термины. Нашему переводчику слѣдовало бы быть пощедрѣе на русскую передачу этихъ словъ. Въ общемъ же надо надѣяться, что русская обработка книги Штейдинга пріобрѣтетъ себѣ значительное распространеніе въ нашей средней школѣ, такъ какъ она этого вполне заслуживаетъ.

А. М—въ.

Ивану Михайловичу Гревсу ученики. Спб. 1911.

Профессоръ И. М. Гревсъ отпраздновалъ двадцатипятилѣтній юбилей своей педагогической и ученой дѣятельности, и благодарные ученики и ученицы поднесли ему по этому поводу сборникъ статей по всеобщей исторіи. Это спеціальныя статьи о ближ. Августинѣ, св. Францискѣ, магнатахъ Римской имперіи, цехахъ во Флоренціи и т. п. Изъ нихъ видно, что молодые ученые прошли хорошую школу. Ближе къ нашей современной дѣйствительности составленный г. Гершбергомъ очеркъ положенія евреевъ въ Меровингской Галліи. Евреи и въ то время не пользовались любовью администраціи и мѣстнаго населенія. Они подвергались притѣсненіямъ какъ со стороны безконтрольно правившихъ въ своихъ епархіяхъ мѣстныхъ епископовъ, такъ и со стороны свѣтскихъ правителей. Галльская церковь и король Хильдебертъ въ VI вѣкѣ запретили евреямъ показываться на улицахъ въ послѣдніе дни Страстной недѣли, такъ какъ появленіе евреевъ въ эти дни на улицѣ считалось издѣвательствомъ надъ христіанами. Запрещалось евреямъ владѣть христіанскими рабами. Случались погромы и въ то отдаленное отъ насъ время. Ученицы профессора Гревса не отстаютъ отъ его учениковъ, изъ 14 статей пять написаны бывшими слушательницами высшихъ курсовъ, и очень пріятно видѣть, что ученныя женщины вполне овладѣли латинскимъ языкомъ и правильнымъ историческимъ методомъ.

П. В.

Большой всемірный настольный атласъ Маркса, надъ редакціей Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное изданіе 1909 года. Спб. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. 1910.

Это единственное у насъ изданіе, начатое покойнымъ профессоромъ Петри и завершенное другимъ извѣстнымъ географомъ, Ю. М. Шокальскимъ, недавно появилось во второй разъ (первое изданіе было въ 1905 г.) въ новомъ, улучшенномъ видѣ, съ весьма существенными дополненіями и измѣненіями, соотвѣтствующими послѣднимъ даннымъ науки и политико-экономическимъ событіямъ послѣдняго пятилѣтія. При участіи специалиста по славяновѣдѣнію Н. В. Ястребова заново переработаны карты тѣхъ частей Западной Европы, гдѣ живутъ славянскія народности, и этнографическая карта Европы; дана новая карта Палестины; передѣлана вся карта Россіи, на 16 листахъ. Цѣлый рядъ ученыхъ специалистовъ участвовалъ въ этой почтенной работѣ. Въ атласѣ 62 главныя и 160 дополнительныхъ картъ, занимающихъ 55 таблицъ in folio. Климатическія карты снабжены пояснительной статьей профессоромъ В. Беббера и В. Кеппена. Бумага превосходная, безчисленныя надписи очень четки, номенклатура и транскрипція именъ приведены къ возможному единству. Объ обилии вошедшаго въ атласъ матеріала можно судить по тщательно составленному алфавитному указателю, который занимаетъ 148 страницъ въ листъ по шести столбцовъ мелкаго шрифта (болѣе 120 тысячъ именъ). Великолѣпный атласъ, заключенный въ красивый и, главное, прочный переплетъ, что для справочныхъ изданій вообще не послѣднее дѣло,—необходимъ въ школахъ и въ кабинетѣ дѣлового и образованнаго человѣка. Л.

Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галереѣ императорскаго Эрмитажа. Изданіе общины святой Евгеніи. Спб. 1911. Стр. 446—135. Цѣна не обозначена.

Общиной святой Евгеніи, изданія которой уже неоднократно отмѣчались на страницахъ «Историческаго Вѣстника», недавно выпущенъ въ свѣтъ путеводитель по Эрмитажу, составленный г. Александромъ Бенуа. Начинается книга съ краткой исторіи возникновенія Эрмитажа при императрицѣ Екатеринѣ II, повелѣвшей въ 1765 году архитектору Валленъ-де-Ламоту построить рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ отдѣльный павильонъ, до сихъ поръ еще носящій названіе Ламотова. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе картинъ Эрмитажа. Весь художественный матеріалъ, съ которымъ авторъ знакомитъ посѣтителя Эрмитажа, расположенъ по исторической системѣ, какъ наиболѣе удобной въ данномъ случаѣ. Все описаніе раздѣлено на восемь главъ, по числу школъ: итальянская живопись, испанская школа, французская школа, англійская школа, нидерландская живопись, до отдѣленія Голландіи отъ Фландріи (XV и XVI в.), фламандская школа, голландская живопись и нѣмецкая школа. Книга читается легко, съ интересомъ и представляетъ собою цѣлую исторію

живописи, очень богато и изящно иллюстрированную, хотя не без пропусковъ, такъ какъ нѣкоторые художники въ Эрмитажѣ не представлены, напримѣръ, Леонардо-да-Винчи. Къ книгѣ приложенъ каталогъ находящихся въ Эрмитажѣ картинъ, при чемъ наиболѣе замѣчательныя произведенія выдѣлены курсивомъ. Много помогаетъ пользоваться этимъ прекраснымъ путеводителемъ приложенный въ концѣ книги алфавитный указатель художниковъ и небольшой планъ Эрмитажа. Затѣмъ нужно отмѣтить, что той же общиной святой Евгени отпечатаны на открытыхъ письмахъ всѣ наиболѣе выдающіяся картины и скульптуры Эрмитажа; списокъ этихъ открытыхъ писемъ занимаетъ почти десять страницъ настоящей книги.

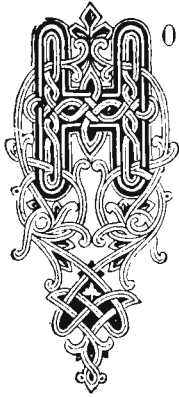
Вообще появленіе такого толковаго и полнаго путеводителя слѣдуетъ только привѣтствовать. По изящной внѣшности книга тоже заслуживаетъ всякой похвалы.

М—о.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О ВИНКИ по археологіи.—Въ текущемъ году Франція едва ли не успѣшнѣ другихъ государствъ работала въ области археологіи. Изъ отчетовъ, доставленныхъ парижскому институту, видно, сколько неожиданныхъ сюрпризовъ получило археологическое общество за 1910—11 гг., благодаря работамъ французскихъ археологовъ, въ изобиліи обогатившихъ національные музеи блестящими предметами искусства, среди которыхъ есть новинки, подобно которымъ еще ни разу не попадались въ руки археологовъ. Особенный интересъ возбуждаютъ доклады трехъ археологовъ: «воскресителя» древняго Египта Масперо, «изобрѣтателя» Антиной Гюйе и г. Мэрлена, директора тунисскихъ древностей.

Уже нѣсколько лѣтъ Масперо энергично работаетъ надъ возрожденіемъ древняго Египта въ его прежнемъ видѣ. Подъ наблюдениемъ этого упорнаго археолога, нѣсколько его помощниковъ производятъ тамъ раскопки, которыя въ 1910—1911 гг. дали особенно блестящіе результаты. Достиженіе ихъ, правда, сопряжено съ большими затратами въ виду того, что при отрытіи одного храма пришлось сносить цѣлые кварталы и уплачивать за каждый домъ, находившійся надъ этимъ храмомъ. Точно также фасадъ открытаго имъ абидосскаго храма былъ замаскированъ дюжиною современныхъ домовъ, которые необходимо было снести. Но результаты раскопокъ настолько блестящи, что не стоитъ разговаривать о затратахъ.

Масперо уже не только ознакомился съ бытомъ древнихъ египтянъ, но даже составилъ себѣ понятіе объ ихъ психологіи. Изъ массы писемъ, добытыхъ изъ раскопокъ и уже расшифрованныхъ археологами, онъ нарисовалъ себѣ психологію древнихъ египтянъ и помѣстилъ объ этомъ предметѣ статью въ «Hebdo Débats». Изъ нея между прочимъ видно, что современные

египтяне сохранили многія черты характера своихъ предковъ. Современный египтянинъ по темпераменту—насмѣшникъ. Никто лучше его не сумѣетъ подмѣтить и схватить смѣшныя стороны своего ближняго или начальства и опредѣлить ихъ двумя-тремя словами. Впрочемъ, египтянинъ не оставляетъ въ покоѣ и себя лично: бѣды и несчастья, свалившіяся на него, чаще всего не производятъ на него сильнаго впечатлѣнія и только возбуждаютъ въ немъ вдохновеніе иронизировать на свой счетъ съ тою же насмѣшливостью.

Но иронія египтянъ тяжелая, ей не хватаетъ тонкости: она легко переходитъ въ грубость и даже непристойность. Поэтому изъ двадцати случаевъ окажется десять, когда точно перевести эту иронию совершенно невозможно: бумага не выдержитъ и сторить со стыда. И эти черты современные египтяне унаследовали отъ своихъ далекихъ гіероглифическихъ предковъ.

Послѣдніе далеко не были личностями скучными и унылыми, какъ многіе представляютъ ихъ себѣ, посмотрѣвъ на мумій въ музеяхъ. Они такъ же любили, смѣялись и были веселы, какъ любой свѣтскій человѣкъ, но ихъ веселость проявлялась рѣзко и доходила до сальностей и гривуазностей. Сцены празднествъ, какія представлены на найденныхъ памятникахъ, не уступаютъ по оживленію кермессамъ, изображеннымъ на картинахъ фламандскихъ художниковъ. Египетская толпа также оживленно жестикулируетъ, смѣшнитъ и дерется и съ тою же сердечной радостью. А такъ какъ каждый барельефъ сопровождается надписью съ комментаріями, то при умѣнн прочесть ее иногда получается полная иллюзія, какъ будто слышишь эхо этихъ разговоровъ. Рѣчи египтянъ намъ теперь не показались бы заслуживающими смѣха; онѣ даже вызвали бы сомнѣніе, что и въ прошломъ едва ли казались смѣшными, если бы мы не вспомнили, насколько быстро испаряется смыслъ одного языка, переходя изъ одного вѣка въ другой. А между тѣмъ сатира одна изъ литературныхъ формъ, чаще всего примѣнявшаяся писателями Мемфиса или Өивъ. Она не щадила никого, исключая фараона; ни одинъ классъ общества не могъ отъ нея уберечься. Любители расхваливать, но очень честолюбивые, ревнующіе одинъ другого, египтяне при первомъ же словѣ, вызвавшемъ сомнѣніе, схватывались и быстро переходили отъ любезностей къ колкостямъ, отъ колкостей къ оскорбленіямъ. Какъ образецъ подобной черты характера древнихъ египтянъ, Масперо приводитъ переводъ одного изъ найденныхъ папирусовъ. Это письмо какого-то писца, по имени Хараи, къ другу и собрату, тоже писцу, Аменофису. Чѣмъ провинился предъ своимъ пріателемъ Хараи—неизвѣстно: быть можетъ, дальнѣйшія расконки дадутъ недостающій матеріалъ для выясненія этой причины. Но пока Масперо предполагаетъ, что отношенія между пріятелями испортились съ того момента, какъ Аменофисъ выразилъ товарищу, что ни во что не ставитъ его таланта. Онъ обращается къ помощи шести друзей въ самыхъ длинныхъ и многословныхъ эпитетахъ изъ 14 параграфовъ. Самъ Хараи иного мнѣнія о своемъ талантѣ, и когда дѣло дошло до перечисленія его качествъ, то онъ избыточно ими награждалъ себя безъ ложной скромности. Не утонченный ли онъ писатель, умѣренный въ словопреніяхъ, рѣчи котораго улаживаютъ всѣхъ, кто ихъ слышитъ, знатокъ литературы, для котораго нѣтъ ничего неизвѣстнаго, самый могучій боецъ на работѣ Музы, слуга Гермеса въ библіотекѣ древнихъ

письмень, мастеръ въ классѣ литературы? Тщетно искали бы ему подобнаго, когда бы дѣло шло о томъ, чтобы быстро исписать чистый свитокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принуждены были бы признать, что онъ молодъ, воспитанъ и очарователенъ. Когда онъ объясняетъ трудности хроникъ, какъ будто онъ самъ ихъ составлялъ, то все, что сходитъ съ его губъ, медоточиво, и сердце отъ этого утѣшается, какъ отъ эликсира. Онъ получилъ письмо Аменофиса въ минуту досуга, и оно показалось ему въ высшей степени несправедливымъ. Такъ, Аменофисъ называетъ его «сломанной, безсильной рукой», что онъ ничего не знаетъ, что какой онъ писецъ и имя писца, примѣненное къ нему, — холодное, пустое и безсодержательное. И подобное оскорбленіе остается ненаказаннымъ. «Я тебя отдѣлаю, такой-сякой, письмомъ оригинальнымъ отъ самаго заголовка до конечной фразы и которое будетъ содержать лишь мои собственныя слова, мое личное произведеніе, сдѣланное безъ посторонней помощи. Клянусь амулетомъ Тота, я его составилъ самъ, не призывая, какъ ты, писцовъ для поправокъ». Письмо заканчивается угрозой затопить его отборными выраженіями.

Но изъ письма Аменофиса къ Хараи извѣстно лишь то, о чемъ послѣдній упомянулъ, и лишь по тону его письма можно себѣ представить, въ какомъ тонѣ было письмо перваго. Зато копія съ письма Хараи, которое онъ обѣщалъ послать, хранится въ британскомъ музеѣ. Оно начинается съ любезностей, но по мѣрѣ того, какъ писецъ горячился, хладнокровный тонъ исчезалъ. «Можно подумать, — говоритъ Масперо: — что слышишь современника Бальзака или Вуатюра».

Египтяне были чувствительны къ ироніи, но археологи еще недостаточно знакомы съ тонкостями ихъ языка, чтобы понять всю ея прелесть. Къ тому же сатира ихъ менѣе интересуется въ настоящее время, чѣмъ картины египетской жизни, которыми она наполнена.

Археологъ Геѣе за этотъ годъ собралъ хорошую жатву на раскопкахъ Антинои. Къ сожалѣнію, найденные имъ предметы разбросаны по разнымъ провинціальнымъ музеямъ, поэтому для будущаго историка, который пожелаетъ изучить исторію этой далекой цивилизаціи, великолѣпной, богатой идеями и плодотворной своимъ влияніемъ, предстоитъ объѣзжать всю Францію, чтобы собрать всѣ элементы для ея изученія. Между тѣмъ коллекція, собранная Геѣе, имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и микенская, находящаяся въ національномъ музеѣ Аѣинъ.

Главная его находка въ настоящемъ году — любопытная мумія, называемая имъ *Dame Papegyries de violence*, жрица празднества въ честь насилія. Теперь это страшная, старая, черная или по крайней мѣрѣ коричневая мумія съ одутловатыми щеками и открытымъ ртомъ. Въ свое время она была жрицей празднества, которыя справлялись въ эпоху, когда лѣто убивало весну. Это былъ праздникъ неистовствъ, насилія, свирѣпости, и эта главная жрица участвовала при свирѣпой, безумной, мистической церемоніи, неистойвой и въ то время знаменательной. Она символизировала своей мимикой и обрядами суроваго ритуала жару теплаго времени года. Въ гробницѣ ея лицо было покрыто маской, по которой можно было узнать моду, современную императрицѣ Сабинѣ. На ней надѣто платьѣ изъ цвѣтовъ, о какомъ говорится въ древнихъ книгахъ. Это настоящее цвѣточное платьѣ очень красиво. Матерія, изъ котораго оно сдѣ-

лано, состоятъ изъ плетешковъ растеній, которыя окружаютъ цвѣтущія вѣтки, спускающіяся до самыхъ ногъ. Цвѣты выступаютъ рельефно изъ этой матеріи.

Кромѣ этой муміи, Гейе собралъ дѣтскія игрушки, живопись восковыми красками, состоящую изъ портретовъ, и алебастровыя маски. Каждый изъ портретовъ носить свой индивидуальный характеръ, и сходство съ оригиналами очевидно. Маски раскрашены и являются настоящимъ призракомъ цѣлой челоувѣческой толпы. Особенно одна изъ нихъ чудно хороша и относится къ третьему вѣку нашей эры. Она сдѣлана въ древне-греческомъ стилѣ и изображаетъ молодую дѣвушку съ эмалевыми глазами, вдѣланными въ алебастръ. Блестящіе черные глаза, благодаря отраженію свѣта, положительно чаруютъ зрителя. Кромѣ перечисленныхъ сокровищъ, Гейе нашелъ еще тканья матеріи, кисею, вышивки, украшенія изъ древнихъ символовъ, раскрашенную посуду, похоронные свѣтильники, домашнюю утварь, предметы изъ хрупкаго и драгоценнаго стекла.

Большіе успѣхи сдѣлали французы не только въ подземныхъ работахъ, но и въ подводныхъ. Послѣднія поднесли имъ неожиданный сюрпризъ, обогатившій французскіе музеи неоцѣнимыми сокровищами. Еще въ 1907 г. на тунисскомъ берегу около трехъ миль отъ Махдіи, между Сусомъ и Сфаксомъ, искатели губокъ нашли обломки англичнаго корабля. Эта находка вызвала со стороны директора тунисскихъ древностей г. Мерлена энергичныя мѣры для розыска самаго погибшаго судна. Старанія этого археолога увѣнчались полнымъ успѣхомъ даже сверхъ всякаго ожиданія. На днѣ моря оказались сокровища, которыя хранились тамъ двѣ тысячи лѣтъ. Эти неоцѣнимыя залежи древностей касаются не только области изящнаго искусства, но и социальной исторіи Рима, что еще болѣе усиливаетъ интересъ. То, что обрѣли на днѣ морскомъ французскіе археологи, превышаетъ всякія ожиданія: это настоящій неожиданный источникъ художественныхъ сокровищъ, которымъ нѣтъ цѣны.

Но прежде, чѣмъ перечислять, въ чемъ заключаются эти сокровища, передадимъ кое-какія свѣдѣнія, которыя даетъ одинъ изъ членовъ парижскаго института Марсель Дьелафуа объ эпохѣ, когда этотъ корабль спокойно плавалъ. По общему предположенію археологовъ, погибшій корабль одинъ изъ тѣхъ, которые въ началѣ перваго вѣка нашей эры доставляли отъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, т. е. изъ Аѳинъ въ Римъ, всю роскошь, какую только могло доставить художественное искусство того времени. Съ тѣхъ поръ, какъ римскіе легіоны одержали верхъ надъ греческими фалангами и Греція превратилась въ римскую провинцію, цивилизація побѣжденныхъ воцарилась въ странѣ побѣдителей. Соприкосновеніе съ утонченнымъ греческимъ обществомъ отразилось на нравахъ римлянъ, и разбогатѣвшіе римляне во всемъ стали подражать грекамъ. Онѣ принялись изучать ихъ языкъ, копировать ихъ моды, и римскій домъ въ концѣ республики мало отличался отъ греческаго. Его украшали предметами роскоши греческаго происхожденія: колоннами, статуями, мебелью, картинами, — всѣмъ, что можно было захватить у побѣжденныхъ.

Но этого не хватало на всѣхъ римлянъ, и потому стали появляться въ изобиліи поддѣлки и копіи. Сами римскіе художники вдохновлялись работами

греческих, и их произведенія замѣняли погибающія модели. При такихъ условіяхъ поддѣлка смѣшивалась съ подлинниками, но греческое искусство при своемъ могучемъ прошломъ получило такую жизненную силу, что не только украшало самъ Римъ, но при его посредничествѣ проникло въ цивилизованную жизнь Запада и господствовало надъ нимъ еще болѣе двухъ вѣковъ.

Между тѣмъ начало вѣкового періода, увѣчавшагося рожденіемъ Христа, не было счастливо для римлянъ. Постоянное оспариваніе власти все болѣе осложняло положеніе, и общественное мнѣніе высказывало, что революція— неизбежна. Цезарь выполнилъ это предсказаніе. Съ этихъ поръ эллинизмъ снова расцвѣлъ въ Италіи. Теперь римское общество совершенно преобразовалось. Женщины покинули свои гинекеи, вышли изъ тѣни на свѣтъ. Онѣ стали появляться въ одеждахъ, плотно облегавшихъ ихъ тѣло нескромными складками, и въ драгоценныхъ украшеніяхъ греческой работы. Каждая изящная женщина окружала себя обожателями, создавая себѣ какъ бы маленькій дворъ. Весь ея штатъ обожателей только и думалъ объ одномъ — правиться ей. Празднества слѣдовали за празднествами, непрерывно расхваливаемые хроникерами, и такъ проходила зима. А когда наступалъ лѣтній сезонъ, красавицы съ поклонниками продолжали свои галантныя походы на очаровательныхъ берегахъ Пуццола или Байи. Для удовлетворенія властныхъ капризовъ модныхъ красавицъ и согласно вкусамъ куртизановъ, вырастали пышные, роскошные дворцы и виллы. Но Боже упаси, чтобы римляне заказали мебель и архитектурныя украшенія зданій не въ Атикѣ: такихъ смѣльчаковъ всѣ засмѣяли бы. Зная ихъ богатство и привычку къ безумнымъ тратамъ, многочисленные маклера по самой высокой цѣнѣ закупали для нихъ предметы роскоши и искусства въ Эладѣ и ея колоніяхъ и отправляли оттуда корабли, полные предметовъ роскоши. И вотъ одинъ изъ такихъ кораблей погибъ. Откуда онъ вышелъ, пока точно нельзя опредѣлить, но, быть можетъ, изъ Аоніи. По богатству и рѣдкой красотѣ находящихся на немъ предметовъ, нѣкоторые археологи думали, не является ли онъ одной изъ священныхъ галлерей, стоявшихъ на якорѣ въ Пирей. Куда онъ намѣренъ былъ пристать? Въ Сициліи, Байяхъ или въ устьѣ Тибра—тоже загадка. Извѣстно только, что, захваченный бурей, увлеченный вѣтромъ по теченію, онъ пошелъ ко дну. Несмотря на положеніе корабля, нельзя думать, что онъ направлялся къ африканскимъ колоніямъ. Думали также, что отданный внаимы Юбѣ II, властелину Мавританіи, онъ направлялся въ Цезарею. Но этого также нельзя утверждать: до сихъ поръ не видно, чтобы помѣщенія были украшены съ большою роскошью. Что касается даты, то, повидимому, она соответствуетъ періоду процвѣтанія, который слѣдовалъ за торжествомъ Цезаря. На это многое указываютъ особенно надписи, вывезенныя изъ святилищъ послѣ взятія Пирея Суллой — 186 до Р. Х., затѣмъ свѣтильникъ, стиль котораго уже извѣстенъ и относится къ сѣдой старинѣ.

Пока археологамъ такъ и не удалось точно опредѣлить, къ какой именно эпохѣ относится этотъ корабль, но зато въ песокъ и подъ иломъ они нашли настоящія залежи древностей. Тамъ оказалось около шестидесяти колоннъ изъ бѣлаго мрамора, мраморныя статуи, канделябры, монументальныя чаши, напоминающія вазы Боргезе въ Луврѣ, слитки олова, бронзы, мебель, якорный штокъ

вѣсомъ въ 628 килограммовъ. Вскорѣ водолазы убѣдились, что изслѣдована только палуба корабля. Когда они изслѣдовали его кузовъ, то увидѣли, что тамъ находятся рѣдкой красоты произведенія искусства. Тѣмъ болѣе они драгоценны, что хотя не всѣ оригиналы, а есть и копіи, но онѣ греческаго происхожденія. Такимъ образомъ, въ этихъ залежахъ древностей Франція приобрѣла чудныя безцѣнныя сокровища, которыя теперь отправлены въ тунисскій музей Алаун.

По словамъ Дьелафуа, «нѣтъ словъ описать ихъ прелесть». Среди нихъ особенно выдѣляется бронзовая статуя Эроса вышиной въ 1 метръ 40 сант. Вторая, Гермесъ Діонисій — метръ вышиной. Слишкомъ долго пересчитывать всѣ находки, но всѣ эти предметы прекрасно сохранились и только покрыты иломъ и раковинами, отъ которыхъ ихъ легко освободить; тогда они предстанутъ во всей своей царственной красѣ. Уже всѣ витрины двухъ залъ переполнены этими находками, но это не мѣшаетъ продолжать работы, хотя съ большими затрудненіями въ виду 40 метровъ глубины, песчаныхъ заносовъ, а также ила. Однако археологи рѣшили извлечь все до послѣдней вещи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, на счастье немногія, — пострадали и обломки будутъ навсегда потеряны, если во время ихъ не извлекутъ.

Еще одинъ любопытный докладъ археолога Соломона Рейнаха, хорошо изучившаго большинство не цивилизованныхъ народовъ въ Африкѣ, обѣихъ Америкахъ, Оксаніи и особенно въ Австраліи. Онъ сдѣлалъ одно наблюденіе, интересное для европейцевъ. Среди дикихъ народовъ существуетъ оригинальный и быть можетъ, полезный для европейцевъ обычай: тещи и зятя не должны ни смотрѣть другъ на друга, ни разговаривать, ни приближаться другъ къ другу. Если случайно они встрѣчаются на тропинкѣ, то зять долженъ повернуться спиною къ тещѣ и закрыть лицо руками, а теща, съ своей стороны, мало того что скрыться за кустарникомъ, но еще повернуться спиною къ зятю. Этотъ странный обычай, появившійся въ Америкѣ съ XVII вѣка, различно объяснялся, но всѣ эти объясненія Рейнахъ считаетъ недостаточными и предлагаетъ новую гипотезу. По его словамъ, если зять живетъ съ тещей хорошо, онъ считаетъ ее «матерью», что для первобытнаго народа казалось бы, будто онъ женился на сестрѣ, а это въ глазахъ дикарей преступленіе, которое ничѣмъ не загладишь. Рейнахъ думалъ, что не имѣетъ ли этотъ обычай чего-нибудь общаго съ непріятною ролью, какую отводятъ тещамъ въ современныхъ пьесахъ и вообще въ старыхъ цивилизаціяхъ Европы и Азіи. Но при встрѣчѣ съ однимъ англійскимъ авторомъ, тоже занимавшимся этимъ вопросомъ, узналъ, что этотъ обычай ничего не имѣетъ общаго съ европейскимъ предубѣжденіемъ.

— Эволюція донъ-Жуана. — Въ то время, какъ въ Россіи подъ вліяніемъ «Живого Трупа» Л. Н. Толстого газеты и общество серьезно обсуждаютъ вопросъ о женщинѣ съ изюминкой, — на Западѣ уже давно рѣшена судьба Донъ-Жуана, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и женщины съ изюминкой. Такимъ образомъ, еще одной легендой стало меньше; суровая исторія безпощадно налагаетъ свою руку на фантазію, требуя удостовѣренія въ подлинности даже у воображаемыхъ героевъ. Ни одна легендарная личность не привлекала къ себѣ столько вниманія, какъ донъ-Жуанъ, имя котораго многихъ плѣняло. Три вѣка европейская литература безъ устали сочиняла о немъ ле-

генды, и вот теперь у донъ-Жуана нѣтъ болѣе легенды: ее разбилъ недавно вышедшій трудъ г. Жандарма де-Бевотта¹⁾. Но, «le roi est mort—vive le roi!»—легендарный донъ-Жуанъ умеръ, а на мѣстѣ его очутился другой донъ-Жуанъ—безсмертный, имѣющій свою исторію, представитель каждаго общества, каждой страны, каждаго вѣка—всемирный донъ-Жуанъ. Если онъ лишился легенды, то у него теперь есть своя исторія, на которую онъ имѣетъ полное право, такъ какъ переживалъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ извѣстную эволюцію, «тащилъ за собой цѣлый современный міръ», какъ сказалъ Сень-Бевъ. И этотъ міръ шель за нимъ, видя въ немъ свое собственное изображеніе, тайну собственной судьбы.

Легенда о донъ-Жуанѣ создалась въ началѣ XVII вѣка не случайно. Ея позднее появленіе въ литературѣ объясняется тѣмъ, что въ дѣйствительности этой личности совсѣмъ не существовало. Какъ ни странно покажется на первый взглядъ, но его первымъ историкомъ былъ испанскій монахъ Тирсо-де-Молина¹⁾ (Габріэль Телець), написавшій съ поучительной цѣлью драму: «Burlador de Sevilla y convidado de piedra». («Севильскій обманщикъ и каменный гость»). Но для классическихъ лѣтъ этотъ герой индивидуализма, испугавшій своимъ вольнодумствомъ и возмущеніемъ противъ религіозныхъ и социальныхъ принужденій, былъ новой опасностью. Первые совсѣмъ не предшествовали христіанству, хранили такую силу въ средніе вѣка; вторыя такъ тѣсно и естественно держали въ рукахъ античный городъ и такъ долго оставались всемогущими, что никому не могла прийти въ голову мысль извлечь изъ самого себя свои принципы поведения, жить согласно собственному желанію и слѣдовать своимъ склонностямъ. Требовалось два условія, чтобы вызвать появленіе развратника—христіанская идея грѣха и современный индивидуализмъ, который освобождаетъ грѣшника. Требовалось еще общество, которое не допускало бы извѣстной распущенности, но уже не имѣло въ себѣ достаточно силъ помѣшать ей. Эти условія вполнѣ осуществились въ Испаніи XVII вѣка и особенно въ Андалузіи, бывшей послѣднимъ полемъ сраженія двухъ расъ и двухъ религій и гдѣ больше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, воспламенялись живыя энергіи, исходящія изъ борьбы ради завоеванія земли и побѣды вѣры. «Эта земля,—говоритъ Бевоттъ,—мать Кортесовъ, Пизаровъ и столькоихъ конкистадоровъ съ вѣрующей душой и сильными страстями, казалось, предназначалась родить басню, гдѣ смѣшивались бы глубокое религіозное чувство, необузданность страстей и необычайность приключеній. Тирсо-де-Молина имѣлъ намѣреніе предупредить общество объ этой опасности и отвратить ее. Для него донъ-Жуанъ опасная сила, распространитель порока, ослушникъ. Онъ угрожалъ обществу, законамъ и догматамъ. Онъ является возмутителемъ беззаконной любви противъ законной, свободной мысли противъ дисциплины и вѣры.

Тирсо-де-Молина предполагалъ извлечь изъ этого примѣра урокъ и считывалъ преподавать его обществу въ виду начавшагося распространяться

¹⁾ La Légende de Don Juan, son évolution dans la littérature. Par. G. Gendarme de Bévoitte. Paris. 1911,

порока послѣ открытія Новаго Свѣта и внезапнаго благоденствія государства. Быть можетъ, это было отчасти и противъ духа независимости, порожденнаго реформой. Но его первый типъ донъ-Жуана былъ лишь пылкимъ сыномъ конквистадоровъ, кабаллеро съ кипучей кровью, съ живымъ страстями, пренебрегавшій указаніями Бога. За это, подъ конецъ своей недостойной жизни, онъ долженъ былъ поплатиться. Онъ раскаялся, но было слишкомъ поздно: «Уже нѣтъ болѣе времени,—отвѣтила ему статуя:—за содѣянное расплачиваются...» Поэтому первый донъ-Жуанъ—урокъ морали въ оболочкѣ богословскаго заключенія по отношеніи вѣры и дѣяній въ актѣ спасенія, которые составляли развязку и самую причину пьесы.

Такъ родился донъ-Жуанъ и началъ свое путешествіе по Европѣ. Во Францію онъ явился черезъ Италію; здѣсь съ нимъ произошла метаморфоза: онъ сбросилъ свой религіозный характеръ и ввелъ комическій элементъ. Въ «Севильскомъ обманщикѣ» было болѣе излишествъ, чѣмъ порока; итальянскій же герой по жестокосердію и грубой страсти принадлежалъ странѣ, которая отъ XIV по XVI вѣкъ была обѣтованной землею сладострастной, коварной любви, и часто кровожадной. Сохранилась только одна пьеса, написанная подъ вдохновеніемъ легенды донъ-Жуана,—Чиконьони. Эта смѣсь трагедіи, комедіи фееріи, безъ сомнѣнія, не имѣла другого намѣренія, какъ служить увеселеніемъ и была болѣе или менѣе гениальной смѣсью комическаго и чудеснаго.

Такъ произошла первая эволюція донъ-Жуана. Изъ Италіи онъ попадаетъ во Францію; здѣсь онъ уже окончательно теряетъ свой религіозный характеръ и принимаетъ чисто человѣческій обликъ и болѣе всемірный. Съ Мольеромъ сверхъестественный элементъ становится лишь тяжеловѣснымъ багажомъ, который пьеса еще таскаетъ за собою. Какъ всѣ классическіе писатели, Мольеръ ради развитія того, что дѣйствуетъ на разумъ, рисуетъ главнѣйше чувство и правы и пренебрегаетъ всѣмъ, что дѣйствуетъ на воображеніе. Съ этого момента похождения донъ-Жуана стали служить для выраженія различныхъ проявленій любви и жизни въ разные времена и въ различныхъ странахъ.

Слѣдовательно, Мольеръ первый заставилъ смотрѣть на легенду во всемірномъ значеніи—и это обезпечило ея судьбу. Среди всѣхъ классиковъ своего времени онъ достигъ истины человѣчества, благодаря самой точной наблюдательности надъ обществомъ, въ которомъ онъ жилъ. Онъ взялъ развратниковъ и фривольныхъ обманщиковъ не въ частности, а въ совокупности. Донъ-Жуанъ не является однимъ изъ нихъ, а олицетворяетъ всѣхъ. Весь его замыселъ находится въ словахъ Сганарелля: «Вельможа злой человѣкъ—ужасная вещь». Поэтому, чтобы понять донъ-Жуана Мольера, надо видѣть въ немъ «вельможу, злого человѣка».

Эпоха и обстоятельства играютъ значительную роль въ сложномъ характерѣ донъ-Жуана, но три неизмѣнныя основы оставались всегда: побѣда надъ женщиной—для него важное дѣло, удовольствія—его законъ, невѣрность—его идеалъ. Его нравственная распущенность увеличивалась еще болѣе интеллектуальной распущенностью, въ чемъ онъ находить свой принципъ и свое оправданіе. Донъ-Жуанъ одинаково уничтожалъ религію и мораль, потому что

онъ его стѣсняли. Онъ находилъ гораздо удобнѣе для себя извлечь изъ самого себя правила поведенія. Дикій эгоизмъ, любовь къ себѣ и презрѣніе къ другимъ—вотъ весь смыслъ его философіи. Но она не является результатомъ его долгихъ размышленій. Онъ вѣрить, что «дважды два—четыре», и этой вѣры достаточно для его узкаго, ограниченнаго, позитивнаго ума. Его отрицанія—не доктрина и онъ не въ правѣ прикрывать свое поведеніе системой. Въ XVII в. были настоящіе интеллектуальные «вольнодумцы»: Гассенди, Шаппель и Дебарро. Какъ извѣстно, первый былъ учителемъ Мольера, а оба послѣдніе были его друзьями. Ихъ идеи поэтому не могли ему не нравиться, и если онъ нападалъ на «вельможу безбожника и развратника», то потому, что онъ не былъ искреннимъ вольнодумцемъ. Его безвѣріе лишь маска злости и если бы потребовалъ его интересъ, то онъ взялъ бы маску религіи. Лицемѣріе у него становится высшей утонченностью, и донъ-Жуанъ иными путями присоединяется къ Тартюфу.

Съ тѣхъ поръ личность донъ-Жуана глубоко укоренилась въ жизни, и ей придана человѣческая реальность. Онъ сдѣлался для своихъ толкователей—«случаемъ передавать свои личныя чувства, мечты, разочарованія или тенденціи и доктрины своего вѣка». Донъ-Жуанъ становится разомъ и ихъ мыслетолкователемъ, и окружающей ихъ анонимной толпы. Онъ олицетворяетъ каждый годъ, каждая расы и каждый нравы своихъ современниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ величіе и низость ихъ идеаловъ. Въ XVIII вѣкѣ донъ-Жуанъ былъ едва извѣстенъ во Франціи. Въ этотъ вольнодумный вѣкъ вольнодумецъ не представлялъ ничего новаго, и донъ-Жуанъ интересовалъ лишь сложностью своего разврата и утонченностью своей порочности. Онъ уже болѣе не вольнодумецъ, а просто распутникъ. Для обрисовки его достаточно было Лакло, а не Мольера. Это обстоятельство Мольеръ предвидѣлъ и какъ бы заранѣе объявилъ объ этой метаморфозѣ: его герой уже является порою диллетантомъ порока. Когда въ третьемъ актѣ Эльвира возвращается и, дойдя до самой высшей вершины любви, не имѣть другого желанія, какъ спасти невѣрнаго,—ея томный видъ, небрежность туалета, сами слезы для этого развратника новое обольщеніе, которое будитъ въ немъ желаніе: это уже не донъ-Жуанъ, а Вальмонъ.

Донъ-Жуанъ появляется съ романтизмомъ, но онъ такъ же измѣнился, какъ само общество. Это превращеніе произошло въ Германіи подъ вліяніемъ легенды о Фаустѣ. Ихъ близость была естественна. «Въ обоихъ случаяхъ,—говоритъ Бевоттъ,—дѣло шло о душѣ, проклятой за то, что она требовала отъ жизни наслажденій, которыхъ та не позволяла, и за желаніе проникнуть въ чувственную или въ умственную области по ту сторону границы, предписанной Богомъ. Фаустъ и донъ-Жуанъ оба были увлечены въ адъ за двойное преступленіе: тѣлесное и духовное. Они оба прегрѣшили изъ духа противленія и гордости; они намѣревались подняться выше закона и избавиться отъ общихъ правилъ; они хотѣли достигнуть абсолютнаго—одинъ въ наукѣ, другой въ сладострастіи. Соединить обоихъ вмѣстѣ пытался нѣмецъ Фогтъ въ своемъ «Die Ruinen am Rhein». Своего героя онъ называлъ Фаустомъ, пока тотъ требовалъ отъ науки счастья, и донъ-Жуаномъ, когда онъ искалъ его въ сладострастіи; они олицетворяли подъ этими двумя именами духа зла въ его различныхъ интеллектуальныхъ и чувственныхъ проявленіяхъ.

Въ метаморфозѣ донъ-Жуана идеализмъ великихъ нѣмецкихъ поэтовъ имѣлъ свою долю. Предъ поэтическимъ и смѣлымъ умозрѣніемъ Шеллинга и Гегеля что стало съ грубымъ матеріализмомъ севильскаго обманщика, какимъ онъ является въ испанской драмѣ или комедіи Мольера? Какъ они не могутъ дать ему знаній, такъ чувственность не можетъ дать ему счастья. Сенсуализмъ оказался несостоятельнымъ,—и обезоруженный донъ-Жуанъ впадаетъ въ горькій скептицизмъ. Но не надолго. Онъ вскорѣ снова съ гордостью его вернулъ, какъ освобожденіе свободной мысли, смѣлаго ума, искренняго сердца.

Новую метаморфозу донъ-Жуана произвели Гофманъ и Байронъ. «До тѣхъ поръ сластолюбецъ,—говоритъ Бевоттъ,—служилъ для преслѣдованія однихъ физическихъ наслажденій; съ этихъ поръ его не увлекаетъ болѣе любовь къ удовольствіямъ; безконечное желаніе приводитъ его къ сношеніямъ съ сверхъестественнымъ. Его обманы, измѣны становятся побѣдой, одержанной надъ банальностью буржуазной любви. Онъ одерживаетъ побѣды уже не насиліемъ, не ложными обѣщаніями брака: отъ него брызжетъ искра, которая улавливаетъ сердце предназначенной женщины. Его нравственная распущенность доводитъ его до преступленія: теперь ревнивый демонъ разставляетъ ему ловушки въ его высокихъ стремленіяхъ. Таковъ этотъ донъ-Жуанъ: онъ выше, прекраснѣе и поэтичнѣе».

На зарѣ романтизма Байронъ придалъ донъ-Жуану свою неистовую фантазію, свой порывъ, свое злопамятство, свои насмѣшки, язвительность. Законная любовь осмѣяна, и донъ-Жуанъ отъ нея отказывается. Соціальныя условія, которыя онъ нарушаетъ ради своихъ страстей, представлены, какъ тиранія противъ природы. Его вольнодумство уже не послушаніе, не нарушеніе нравственности, а гордая независимость свободной души.

Вообще романтизмъ опозитивировалъ, преобразовалъ, прославилъ и обѣлилъ донъ-Жуана; но подъ этимъ ореоломъ онъ сталъ безсильнымъ и несчастнымъ. Новыя времена должны были искать новаго идеала—и донъ-Жуанъ опять подвергается новой метаморфозѣ.

Но какъ ни превращали донъ-Жуана, все-таки настоящій донъ-Жуанъ жилъ, главнымъ образомъ, для любви и жертвовалъ для нея всею: дружбою, почестями, честолюбіемъ. Романтизмъ сдѣлалъ изъ донъ-Жуана сына вѣка, но вскорѣ онъ является апостоломъ новаго духа. Съ этихъ поръ онъ отражаетъ многообразность и непослѣдовательность системъ и вѣрованій. Каждая теорія придаетъ донъ-жуанству свою формулу. Въ такомъ безпорядкѣ и среди столькихъ личныхъ понятій, изъ которыхъ не видно болѣе дѣйствительности, реальная школа снова дѣлаетъ изъ донъ-Жуана объективную личность, изображеніе грубаго, алчнаго и порочнаго общества. Но этотъ безсовѣстный честолюбецъ, одинаково падкій на погоню за почестями и богатствомъ, какъ на охоту за удовольствіями, уже не имѣетъ права называться донъ-Жуаномъ. Послѣ распутнаго донъ-Жуана классическихъ лѣтъ, послѣ донъ-Жуана романтика, мечтателя, экзальтированнаго и сентиментальнаго является донъ-Жуанъ сверхъчеловѣкъ, нишеанецъ, нашъ современникъ, весь поглощенный соціальными предубѣжденіями, охваченный гордостью и одержимый планами будущаго. Эта метаморфоза связана съ перемѣною въ идеяхъ современнаго общества.

Современный донъ-Жуанъ пока еще только романтикъ, но съ глубокимъ и горькимъ чувствомъ несчастій настоящей жизни, съ горячимъ желаніемъ усовершенствованія и прогресса, печальный и разубѣжденный, какъ прежніе романтики, утомленный жизнью, потерпѣвшій неудачу въ своихъ мечтахъ о лучшемъ обществѣ, потому что онъ грѣшилъ изъ гордости, ироніи и скептицизма. Духъ критики убилъ въ немъ всѣ иллюзіи и силу вѣры въ добро. Но онъ лучше своей жизни, онъ выше своего паденія, онъ носитъ въ себѣ безсиленною—величіе будущаго человѣчества. Онъ вдохновлялся абсолютнымъ и если его смерть была пораженіемъ, то ему обеспечено милосердіе Бога. Для такого человѣка любовь уже не является цѣлымъ абсолютнымъ: она не конецъ всего и даже не конецъ его самого. Вскорѣ новый донъ-Жуанъ будетъ видѣть въ ней лишь средство прибавленія душъ къ своей душѣ и увеличенія себя. Онъ на дорогѣ къ ниществу и, быть можетъ, всего вѣрнѣе, онъ достигнетъ его отказомъ отъ любви. И этотъ сюрпризъ запасаетъ намъ англійскій донъ-Жуанъ. Влюбленному во всѣхъ женщинъ, неутомимому обольстителю, севильскому обманщику наследуетъ хладнокровный англо-саксонецъ. Эта метаморфоза произошла съ донъ-Жуаномъ, рѣшившимъ не растрчивать свою жизненную энергію на бесполезное сладострастіе. Эта новая эволюція всемірной литературы, наиболѣе любопытная и наиболѣе знаменательная, происходила въ одномъ изъ драматическихъ произведеній Бернарда Шоу: «Man and Superman».

Взглядъ Шоу чисто англійскій, и онъ уже проявлялся у Байрона. Въ поэмѣ Байрона, гдѣ видны слѣды его неудачной супружеской жизни, донъ-Жуанъ не обольститель, напротивъ, онъ—обманутый. «Впредь,—говоритъ Ж. Бевоттъ,—эгоистическое существо и лжець будетъ женщина. Она дѣлаетъ авансы, на которые отвѣчаетъ донъ-Жуанъ. Тогда какъ въ примитивной легендѣ жертвой была она, неопытная и безъ всякой защиты отъ развратника,—у Байрона она дѣлается очень опытной и опасной, и противъ нея мужчина долженъ защищаться. Вообще у Бернара Шоу выдѣляется идея ненависти одного пола къ другому и ихъ вѣчная борьба, какъ это встрѣчается у Байрона. Герой пьесы Шоу, честный, искренній человѣкъ, идеалистъ, который стремится рѣшить вопросъ: «какое мѣсто среди другихъ существъ занимаетъ человѣкъ и какая таинственная цѣль человѣческаго существованія?» Онъ ищетъ въ воспитаніи личнаго «я», осуществленія высшей цѣли, къ которой стремится всемірная жизнь. Онъ еще далекъ отъ желанія побѣдить женщину, онъ избѣгаетъ ея, боится. Это она преслѣдуетъ его и подчиняетъ. И эта переменна ролей соотвѣтствуетъ, какъ замѣчаетъ Бевоттъ, революціи нравовъ. Испанецъ XVII вѣка велъ во многихъ отношеніяхъ восточную жизнь. За женщиной былъ надзоръ; она повиновалась, была боязлива. Теперешняя женщина, особенно англичанка, живетъ незамкнутой жизнью: она независима и побѣдительница. Внѣшне поработенная мужчиной, лишенная политическихъ правъ и многихъ гражданскихъ, женщина въ дѣйствительности госпожа своего господина. Между нею и имъ, между требованіями жены и матери и вдохновеніемъ поэта и артиста существуетъ конфликтъ. Вопреки мечтателямъ, которые славили въ женщинѣ великую и прекрасную вдохновительницу, герой Шоу видитъ въ ней оковы для пружины мужского генія. Если мужчина не вырвется изъ-подъ ея ига—конецъ его

созидательной силѣ. Донъ-Жуанъ отъ этого освободился непостоянствомъ. Настоящій донъ-Жуанъ избавится отъ того же воздержаніемъ. Но герой Шоу будетъ настоящимъ, лишь когда станетъ властнымъ донъ-Жуаномъ. Побѣда будетъ возможна только въ тотъ день, когда вѣку Разума преемникомъ будетъ вѣкъ Воли. Въ ожиданіи торжествуетъ злая сила, и герой пьесы Шоу, несмотря на тщетное сопротивленіе, въ концѣ концовъ уступаетъ женщинѣ, ея уловкамъ и противъ воли соглашается на ней жениться. Вотъ какова послѣдняя метаморфоза донъ-Жуана.

Эту эволюцію легенды понять не трудно. Донъ-Жуанъ въ теченіе трехъ вѣковъ олицетворялъ независимость человѣка въ преслѣдованіи своего идеала. Этотъ идеалъ измѣнился: сначала онъ былъ—удовольствіе, затѣмъ—мечта, потомъ—дѣятельность. Исторія донъ-Жуана—это сама исторія современнаго индивидуализма: его рожденіе въ обществѣ, гдѣ онъ появился какъ опасность, какъ зло, его печальная побѣда и разочарованіе на развалинахъ этого общества, его самонадѣянность и его значеніе среди анархіи, сдѣлавшейся невыносимой, и среди усилій, чаще всего непрерывныхъ. Метаморфозы донъ-Жуана соотвѣтствуютъ общей эволюціи всего общества или, вѣрнѣе, идеи.

Конечно, донъ-Жуанъ есть испанскій, французскій, итальянскій, нѣмецкій и т. д., но главное и прежде всего донъ-Жуанъ классическій, донъ-Жуанъ романтическій и донъ-Жуанъ социальный. Какъ бы ни были различны представленія одной страны о другой, они сближаются чрезъ эти общія черты, которыя позволяютъ разсматривать вмѣстѣ донъ-Жуана Тирсо и Мольера, Байрона, Мюссе и Бернара Шоу. Донъ-Жуанъ теперь лишь олицетвореніе силы, которая преобразовалась съ самимъ обществомъ, то оборачиваясь противъ существующаго порядка, который его угнетаетъ, то служа будущему порядку, который стремится осуществить и который обезпечиваетъ ему свободу дѣйствія. Съ этихъ поръ не легенда останавливаетъ наше вниманіе, а характеръ. Намъ не интересуютъ ни фабула, ни приключеніе, а психологія. Донъ-Жуанъ уже болѣе не вѣчный искатель любви; энергія сверхчеловѣка, какимъ онъ сдѣлался, освободила его отъ этого порабощенія. Его стремленія стали возвышеннѣе, болѣе соотвѣтствующими гордости своей независимостью и чувству свободы. Такимъ образомъ, севильскій обманщикъ, вольнодумецъ XVII вѣка, возмутитель и насмѣшникъ Байрона посредствомъ эволюціи общества сдѣлался социальнымъ героемъ новыхъ временъ.

— Кое-что о Россіи.—Въ послѣднее время французскіе журналы не изобиловали статьями о Россіи, и только въ «Revue Bleue» помѣщена статья «Отъ Москвы до Шанхая», гдѣ отведено небольшое мѣсто Россіи. Авторъ статьи Э. Дюкотэ предпринялъ путешествіе чрезъ Россію въ Шанхай и даетъ краткій отчетъ о пережитыхъ имъ впечатлѣніяхъ. Но онъ предпринялъ эту поѣздку безъ всякой опредѣленной цѣли, поэтому и въ его статьяхъ нельзя искать серьезной оцѣнки всего видѣннаго, тѣмъ болѣе о Россіи, и приходится довольствоваться лишь летучими замѣтками, записанными имъ безъ всякой системы.

¹⁾ De Moscou à Shanchai. Par. Ed. Ducoté, «Revue Bleue». 23—30 Septembre, 7 Octobre 1911.

Дюкотэ отправился в путь 2-го сентября 1909 года, по его признанию, в самомъ скверномъ расположеніи духа, когда-либо имъ испытанномъ. Сибирская желѣзная дорога пугала его воображеніе. Еще наканунѣ ему угрожали столькими неудобствами, утомленіемъ и разными напастями, что еще немного, и, по его словамъ, онъ отказался бы отъ этого путешествія. Въ Курскъ поѣздъ пришелъ ночью, и, благодаря этому, стачія произвела на него неблагоприятное впечатлѣніе, по его замѣчанію, какъ всѣ большія станціи ночью, которыя видишь нервными и тревожными глазами. Онъ уже готовъ былъ проклинать желаніе взглянуть на Дальній Востокъ, въ такую даль увлекшее его безъ всякой надобности.

Дюкотэ чувствовалъ себя въ жалкомъ положеніи быть добычей желѣзнодорожныхъ служащихъ, изъ которыхъ никто его не понималъ. «Но, согласно принятому въ странѣ обычаю, они упорно попрошайничали, замѣчаютъ французъ, то заботясь о судьбѣ моего багажа, приговореннаго, какъ меня милостиво предупреждали, быть украденнымъ или затеряннымъ въ дорогѣ. Куда дѣвался мой энтузіазмъ послѣднихъ дней? Я искренно думалъ въ тотъ моментъ, что лучшее путешествіе—это сборы, когда волнуешься надъ атласомъ, спутниками и фотографіями».

Но это непріятное настроеніе вскорѣ прошло, когда онъ увидѣлъ, что съ нимъ ничего не приключилось непріятнаго въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Онъ даже сталъ смѣяться надъ своей тревогой. «Эта ужасная сибирская желѣзная дорога походить на всѣ скорые поѣзда интернаціональной компаниі спальныхъ вагоновъ, какіе ходятъ по Европѣ», говоритъ онъ. По его словамъ, «русская даже лучше: отдѣленія просторнѣе, гдѣ можно съ достаточнымъ удобствомъ существовать, рестораны содержатся хорошо, и кухня, повидимому, порядочная». Однимъ словомъ, французскій путешественникъ утѣшился. Но, очевидно, несмотря на атласы и спутники, онъ считалъ весь путь отъ Москвы сибирскимъ.

Мѣстность отъ самой Москвы не понравилась ему. Осенняя пора много способствовала этому впечатлѣнію. «Отъ самой Москвы равнина за равниной,—пишетъ онъ.—Рожь, безконечно покрывающая эту провинцію, была сжата, и теперь это была лишь пустыня. Гдѣ могутъ жить люди, посѣявшие и сжавшіе эти безконечныя пространства?» спрашиваетъ онъ себя. Иногда во дорогѣ проѣдетъ тарантасъ или вереница телѣгъ въ сопровожденіи мужиковъ въ красныхъ рубахахъ. И единственно эти рубахи вносятъ живую поту въ сожженный солнцемъ пейзажъ. Никакого другаго проявленія жизни. Несмотря на сентябрь (конечно, новаго стиля), стояла убійственная жара, и французъ въ изобиліи пилъ фруктовый квасъ; но этотъ напитокъ мало утолялъ жажду. «Поѣздъ шель такъ плавно, что я не терялъ случая задремать на мѣстѣ». На послѣднее обстоятельство въ одномъ отношеніи онъ смотрѣлъ снисходительно: эта медленность обезпечивала противъ утомленія и поѣзда-молніи онъ не могъ бы вынести двѣ недѣли. Его развлекали попадавшіяся станціи, гдѣ толпился всякаго рода народъ. «Такая смѣсь языковъ,—говоритъ онъ о пассажирахъ своего поѣзда:—никакой поѣздъ такъ не заслуживаетъ названія международнаго, какъ нашъ. Тутъ и шведская семья, и американскій зубной врачъ изъ

Тянь-Тзина, и швейцарскіе купцы изъ Токогамы, англійскіе и нѣмецкіе миссіонеры обоихъ половъ, и купцы, проводившіе время въ Шотландіи или Черномъ Лѣсѣ, а теперь возвращающіеся въ Китай, русскіе офицеры, японскіе студенты, возвращающіеся изъ берлинскаго университета, одна бельгійская дама, одинъ мальтіецъ и одинъ филиппинецъ. Хотѣлось бы мнѣ, —говоритъ Дюкотэ, —обойти молчаніемъ трехъ барышень съ осипшими голосами, съ усталыми физиономіями, быть землякомъ которыхъ мнѣ дѣлало мало чести со стороны всѣхъ этихъ иностранцевъ». Его сосѣдь, нѣмецъ, уже давно живущій въ Китаѣ, объявилъ, что эти французженки думаютъ открыть въ Харбинѣ магазинъ модъ.

Однообразная природа Россіи совершенно измѣнилась при вѣздѣ въ Азію. Здѣсь гористая мѣстность и озера напоминали Дюкотэ Швейцарію. Но вскорѣ началась степь и болота, покрытыя очень плохой растительностью, и, несмотря на солнечные лучи, французскій путешественникъ нигдѣ не испытывалъ такого впечатлѣнія крайняго сѣвера, какъ здѣсь.

Но вотъ станція Обь. День былъ воскресный, и на платформѣ собралось много молодежи обоого пола. «Священникъ съ женской прической», «перетянутые офицера» прогуливались среди чиновниковъ въ фуражкахъ. «Сколько мундировъ! —восклицаетъ Дюкотэ. —Часто спрашиваешь себя въ Россіи, что это за личности съ золотыми галунами на всѣхъ швахъ: генералы или желѣзнодорожные служащіе?»

Француза изумила способность русскихъ офицеровъ поглощать въ большомъ количествѣ спиртные напитки. «За обѣдомъ они проглатывали вмѣстѣ водку, и бордо, и пиво, и бенедиктинъ, и шампанское. При видѣ его изумленія ему рассказали, что нѣкоторымъ изъ нихъ бываетъ не подъ силу выносить жизнь въ отдаленныхъ гарнизонахъ и они, чтобы убить безконечную зиму, прибѣгаютъ къ странному развлеченію. Оно называется «путешествовать». Уговариваются относительно маршрута, на примѣръ, Иркутскъ—Владивостокъ и собираются на банкетъ. Само собою разумѣется, что приглашенные оканчиваютъ тѣмъ, что засыпаютъ подъ столомъ. Въ опредѣленные промежутки времени ординарцы объявляютъ о первой станціи. Всѣ просыпаются и принимаются за ѣду и вино, и опьянѣніе снова охватываетъ всѣхъ. И такъ, переѣзжая изъ города въ городъ, они достигаютъ опредѣленнаго пункта. «Насколько исторія заслуживаетъ довѣрія, не знаю, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, —говоритъ онъ, —она ничуть не кажется невѣроятной».

7-го сентября къ вечеру поѣздъ переѣхалъ Енисей—«громадную рѣку, спускающуюся съ отдаленныхъ горъ и катящую свои грифельныя воды далеко на сѣверъ». Промышленный Красноярскъ съ его зданіями, фабриками и деревянными лачугами подъ багровымъ небомъ, покрытымъ тучами, представлялъ трагическое зрѣлище. Но затѣмъ путешественникъ снова очутился среди лѣсовъ и теперь былъ бы радъ даже степи, настолько тайга казалась ему монотонной. «За этими стѣнами деревьевъ не хватало неба и воздуха! —говоритъ онъ. —Температура значительно упала, особенно это было замѣтно послѣ перенесенной жары».

Въ пять часовъ утра была переменѣна поѣзда. Ночь стояла морозная. Поѣздъ, въ который предстояло перейти, стоялъ рядомъ изъ двери въ дверь. Безпокой-

ство съ пересадкою вознаграждалось надеждой перейти въ свѣжее, чистое отдѣленіе. Пользуясь двухчасовой остановкой, пассажиры направились въ буфетъ, и французъ удивился, когда увидѣлъ въ витринахъ французскіе романы. Иркутскъ съ своими бѣлыми домами и раззолоченными колокольнями церковей напомнилъ ему Востокъ, какъ и вообще всѣ русскіе города. Но особенно произвело на него впечатлѣніе Байкальское озеро. «Мы слѣдовали по рѣкѣ до ея устья,—говоритъ онъ.—Непомѣрная, какъ всѣ сибирскія рѣки, загроможденная большими островами, покрытыми мхами, она бѣжитъ у самыхъ корней деревьевъ, все болѣе расширяясь. И вотъ открывается море: это Байкаль». Въ прекрасный сентябрьскій день Байкаль появился предъ Дюкотэ въ совершенно неожиданномъ видѣ Средиземнаго моря. Нѣжная атмосфера смягчала подавляющее впечатлѣніе громаднхъ горъ, которыя его ограничивали своими почти вертикальными стѣнами. Его синія воды, чудно прозрачныя, тихонько бились о песчаный берегъ. Высоко въ небесахъ за первыми скалистыми массами обрисовывались и блестяли среди легкихъ облачковъ бѣлыя вершины.

На станціи Байкаль нѣкоторые пассажиры вооружились кодаками и думали сдѣлать снимки съ громаднаго ледорѣзнаго парохода. Но вмѣшались русскіе жандармы и объявили, что это запрещено. Одинъ молодой англичанинъ не хотѣлъ повиноваться этому запрещенію, однако долженъ былъ все-таки отказаться отъ своей мысли подъ угрозой конфискаціи аппарата. «Чѣмъ наши кодаки нарушили безопасность имперіи?—спрашиваетъ Дюкотэ.—Развѣ не продаютъ на всѣхъ станціяхъ фотографическіе виды Байкала? Но мы въ странѣ, гдѣ безпричинныя придирки даютъ себя чувствовать иностранцу такъ же сильно, какъ и гражданамъ, которые совсѣмъ здѣсь не свободны, ужъ не упоминаю о невыносимой формалистикѣ визировать паспорта. Что касается фотографіи, я зналъ, что ея здѣсь не выносятъ, и долженъ былъ при переѣздѣ границы подчиниться осмотру моего кодака. Говорятъ, что и японцы не менѣе щепетильны насчетъ этого. Тѣмъ хуже для нихъ».

Далѣе мѣстность становилась голая. Ночью 10-го сентября поѣздъ былъ уже въ Китаѣ. Но этого можно было и не знать, настолько сохранился на линіи русскій духъ. Станціи всѣ деревянныя, избы сохраняютъ ту же внѣшность, какъ и въ Россіи. Китайцы, являющіеся на станцію въ качествѣ нищихъ или съ ящиками и утками, которыхъ предлагаютъ купить повару, живутъ далеко и кажутся здѣсь иностранцами. Отъ Манчжуріи, пограничной станціи, при поѣздѣ находится военная охрана. Въ срединѣ каждаго вагона стоитъ часовой. Какъ оказывается, предосторожность, которая вызывала смѣхъ путешественниковъ, была не лишняя, такъ какъ въ поѣздъ былъ брошенъ большого размѣра камень. Опасность, въ которую сначала вѣрили на половину, все-таки оживила монотонность путешествія.

Но вотъ и Харбинъ, гдѣ Дюкотэ мечталъ отдохнуть на неподвижной постели. «Никогда я не забуду Харбина,—говоритъ французскій путешественникъ.—Освѣщенная электрическими фонарями станція въ модернъ-стиль производила иллюзію цивилизованнаго міра. Тѣмъ не менѣе могло показаться изумительнымъ, что, несмотря на прибытіе такого значительнаго поѣзда, какъ нашъ, дебаркадеръ былъ пустынный. Большая часть пассажировъ, направлявшихся

въ Китай, выходила здѣсь. Они оказывались на мостовой съ своимъ багажомъ и глазами искали отсутствующихъ носильщиковъ. Наконецъ появился швейцаръ гостиницы и сообщилъ убійственное для всѣхъ извѣстiе, что гостиница переполнена и другiя, должно быть, тоже, развѣ только случайно найдется мѣсто въ «Grand Hôtel».

Жаловаться было некогда, и французъ подозвалъ носильщика въ бѣломъ передникѣ, какъ у «брата милосердiя», который удостоился появиться, и они вышли со станци въ полную темноту. Пока укладывали его чемоданы, онъ увидѣлъ своихъ землячекъ: ихъ встрѣчала дама, профессiя которой была слишкомъ очевидна, но сожалѣть объ ихъ судьбѣ было некогда, и онъ пустился въ путь. Слѣдя за экипажемъ съ вещами, тащившимся по мостовой, которой нѣтъ имени, они шли пѣшкомъ, попадая то въ грязь, то въ болото до самой гостиницы. Этотъ «Grand Hôtel» походилъ на самую мизерную гостиницу какого-нибудь департамента во Франци. Но ни въ одной изъ нихъ въ этотъ позднiй часъ не раздавался такой страшный шумъ, какъ здѣсь. Пианино гремѣло, заглушаемое гуломъ голосовъ и смѣха. Хозяинъ гостиницы, окруженный приходящими гостями, не обратилъ никакого вниманiя на вновь прибывшихъ, и французъ съ трудомъ добился отъ него отвѣта: «Все полно!» Ужасъ очутиться ночью на улицахъ Харбина сдѣлалъ Дюкотэ «краснорѣчивымъ». Тогда хозяинъ вспомнилъ, что у него осталась комната, за которую онъ спросилъ такую цѣну, что это показалось французу просто шантажомъ. Несмотря на отвѣтъ, что комната нѣтъ, остальные пассажиры были также помѣщены. Въ комнатѣ на троихъ было двѣ походныхъ кровати. Грязь на всемъ—невообразимая, вызывающая у иностранныхъ путешественниковъ тошноту. По стѣнамъ, покрытымъ масляной краской, ползали насѣкомыя. Снизу доносился невообразимый шумъ. Вмѣсто отдыха путешественники провели ночь безъ сна.

На утро при солнечномъ свѣтѣ Харбинъ не походилъ на тотъ злополучный городъ, какимъ онъ показался Дюкотэ наканунѣ. Не взирая на трясины, гдѣ построена станция, и на окрестности, изрытыя дождевыми потоками, Харбинъ показался ему хорошо построеннымъ во всей красотѣ свѣжаго, новаго города. «Онъ дѣйствительно новый городъ,—говоритъ Дюкотэ,—но уже приходящiй въ упадокъ. Война сломала его пружину. Много красивыхъ построекъ осталось не достроенными, другiя стоятъ пустыя. Вѣлый соборъ съ золотымъ куполомъ царитъ надъ «недоноскомъ».

На станци, крайне оживленной, французъ почувствовалъ себя въ новомъ мiрѣ. Русскiе мундиры смѣшивались съ синей полотняной одеждой китайцевъ. Большинство пассажировъ—китайцы.

Послѣдняя часть пути отъ Харбина до Пекина была сложная и самая тяжелая для французскаго путешественника. Приходилось пользоваться тремя линiями, русской, японской и китайской, и при каждой перемѣнѣ брать новый билетъ, вынимать изъ вагона свой багажъ и снова сдавать, что чрезвычайно осложнялось незнанiемъ языковъ, необходимостью мѣнять по курсу деньги и привыкнуть ими пользоваться.

Поездъ тащился, какъ черепаха, но на станцияхъ было очень оживленно. Въ Куанъ-Чень-Дзе происходила невѣроятная толкотня, но зато путешествен-

ники были вознаграждены и поражены, когда вошли въ новый поѣздъ. Ни одинъ *train de luxe* въ Европѣ не можетъ соперничать съ тѣмъ, что они увидѣли на японской линіи. Красное дерево и блестящая металлическая отдѣлка вагоновъ сверкали, залитыя электрическимъ свѣтомъ. Повсюду царилъ чистота и лакировка, какъ на яхтѣ. Разница между русской и японской линіей была слишкомъ поразительна. «Выйдя изъ пыльнаго омнибуса, — говоритъ Дюкотэ, — насъ брало искушеніе сказать себѣ, что мы покинули варварство и Манчжурія ничего не потеряла, ускользнувъ отъ русскаго вліянія. Это-то именно и хотѣли доказать хитрые гномы-побѣдители. Цѣлые пакеты открытокъ раздавались пассажиромъ, чтобы они распространяли свое благопріятное впечатлѣніе по всѣмъ уголкамъ свѣта».

На всѣхъ станціяхъ, очень маленькихъ, кокетливо украшенныхъ кустарниками и цвѣтами, царятъ та же чистота и порядокъ. Здѣсь нѣтъ ни шума, ни толкотни. Желѣзнодорожные служащіе освѣщаютъ путь большими бумажными фонарями, но это не портитъ впечатлѣнія. Единственно, что раздражало Дюкотэ, — постоянный перезвонъ на станціяхъ, какъ принято на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Въ два часа ночи поѣздъ пришелъ на станцію Мукденъ, гдѣ предстояло пересѣсть на китайской линіи въ новые вагоны съ жесткими диванами и распротиться съ японскимъ комфортомъ. Дюкотэ почувствовалъ снова непріятное настроеніе. «Болѣе трехсотъ часовъ, какъ мы покинули Москву, а теперь дѣл идетъ о минутахъ, — говоритъ онъ: — и впервые время кажется мнѣ такимъ длиннымъ». Единственное вознагражденіе за эту скуку онъ получилъ отъ небывалаго зрѣлища внезапно наступившей ночи. Ни природа, ни образы никогда не представляли ничего подобнаго. Ночь наступила внезапно. Вся земля почернѣла. Никакого плана. Высокія горы служили какъ бы прямымъ продолженіемъ долины. Небо пожелтѣло, перегородилось слоемъ чернильнаго свѣта, и на его фонѣ выдѣлялся неровный абрисъ горныхъ хребтовъ. У подножія этой темной массы желтой полосой сверкала вода. Эффектъ былъ настолько странный, что поражалъ невыразимой красотой.

Но вотъ и Пекинъ съ крышами своихъ пагодъ, выглядывающихъ изъ зелени. Въ поѣздѣ ѣхалъ какой-то важный мандаринъ, поэтому ему устроили торжественную встрѣчу, съ музыкою, отрядомъ солдатъ съ желтымъ знаменемъ и учениками военной школы въ бѣлоснѣжныхъ полотняныхъ мундирахъ съ бумажными розами въ петлицахъ. Въ Пекинѣ Дюкотэ помѣстился въ чистомъ комфортабельномъ «*Hôtel des Wagons Lits*», гдѣ все было прекрасно, исключая необходимаго для европейца комфорта — за неимѣніемъ сточныхъ трубъ.

Дюкотэ подробно описываетъ Пекинъ съ его восточной роскошью, рядомъ съ которой ютятся грязь и грубость. Онъ видѣлъ слишкомъ много храмовъ, чтобы останавливаться на ихъ описаніи. Да и самъ онъ интересовался болѣе уличной жизнью. Она настолько жива, колоритна и богата обиліемъ зрѣлищъ, что мертвая старина уступаетъ ей мѣсто. Правда, улицы Пекина не очень удобны для пѣшехода, особенно европейца, который слишкомъ обращаетъ на себя вниманіе толпы. Но Дюкотэ не замѣчалъ на лицахъ китайцевъ ненависти къ европейцамъ и ничего особенно оскорбительнаго въ веселомъ выраженіи ихъ

лица. «Конечно,—замѣчаетъ онъ,—я не говорю о лицахъ извѣстнаго направленія, которыя скорѣе выказываютъ равнодушіе». Ему пришлось видѣть китайскую толпу на ярмаркѣ, устроенной въ оградѣ заброшеннаго храма, и онъ увѣряетъ, что не знаетъ ничего забавнѣе и поучительнѣе этого зрѣлища народной жизни. Многіе китайцы прогуливались съ своими птицами, какъ европейцы съ собаками. Его особенно поражала дружба китайца къ птицамъ. Одни несутъ клѣтку, другіе жердочки, на которыхъ сидятъ птицы, привязанныя ниточкой за ножку. На порогѣ кабачковъ они обращаются съ рѣчами къ своимъ птицамъ, которыхъ тутъ же привѣшиваютъ въ клѣткахъ. Вообще китайская толпа средняго класса кажется смирной, и благодушной. Правда, что порой онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно среди этой полуодѣтой толпы, какъ одинокій иностранецъ, судьба котораго зависитъ отъ одного слова, отъ одного жеста. «Чувствуется,—говоритъ онъ,—что исчезнешь въ короткое время, такъ сказать, не оставивъ слѣда».

На улицахъ движеніе самое оживленное. Коляску съ бѣлыми сторками и съ лакеемъ на запяткахъ, похожимъ на обезьяну, пересѣкаетъ тачка водовоза. Въ двухъ шагахъ отъ публичной клоаки гробовщикъ разставилъ свои гробы, барабанъ и прочія похоронныя принадлежности—всѣ громаднаго размѣра. Цѣлыя толпы осаждаютъ водосемъ. На тротуарахъ парикмахеры занимаются своимъ ремесломъ. За прилавками красивыхъ лавокъ, рядомъ съ которыми ютятся лачуги, продаютъ товаръ до пояса обнаженные приказчики. На улицахъ встрѣчается преимущественно мужской элементъ, но вниманіе привлекаетъ женскій. Въ пестрыхъ нарядахъ, съ головными уборами, украшенными цвѣтами, и грубо наруганныя, женщины хотя и привлекаютъ вниманіе, но «рѣдко беретъ васъ искушеніе находить ихъ хорошенькими». Однако ихъ нельзя упрекать, по его признанію, за недостатокъ характера. Нѣкоторыя молодыя китайки обладаютъ миловидностью куколь, ихъ пеловкая походка калѣкъ гармонируетъ съ такой внѣшностью. Наиболѣе красивыми женщинами можно считать манчжурокъ; но ихъ длинныя лица съ рѣзкими чертами, часто покрытыми оспой, не отличаются миловидностью. Большинство разряженныхъ дамъ, съ устами, подобно вишнѣ, которыхъ Дюкотэ встрѣчалъ въ торговомъ кварталѣ, были женщины, профессію которыхъ его проводникъ объяснилъ «очень выразительнымъ французскимъ терминомъ».

Описывая знаменитую пекинскую обсерваторію Дюкотэ, замѣчаетъ, что китайскіе астрономы до сихъ поръ пользуются инструментами XIII вѣка—временъ первыхъ монгольскихъ императоровъ. Эти инструменты замѣчательны по своей чудной бронзовой отдѣлкѣ, но, конечно, не представляютъ большой цѣнности для научныхъ наблюденій. Тамъ имѣются другіе, замѣненные иезуитами четыреста лѣтъ спустя, которые помѣщены на самой вышинѣ башни. Посѣщеніе европейскихъ варваровъ отразилось на обсерваторіи: въ 1902 году нѣмцы вывезли оттуда въ Берлинъ два старинныхъ инструмента.

Возвращаясь изъ обсерваторіи, Дюкотэ увидѣлъ у одного дома странныя украшенія, возбудившія его любопытство. Дверь дома была задрапирована бѣлой матеріей, у дверей стояли носилки и знамена, раскрашенныя красной краской, и большой барабанъ, при которомъ находились китайцы въ зеленыхъ

кафтанахъ. Всѣ эти принадлежности были приготовлены для похоронъ жены одного мандарина. Дюкотэ, увидя на дворѣ дома странныя украшенія, приблизился, чтобы ихъ разсмотрѣть. Сопровождавшій его проводникъ переговорилъ съ членами этой семьи, одѣтыми въ бѣлыя траурныя одежды, и французу разрѣшили остаться нѣсколько минутъ на порогѣ дома. Отсюда онъ могъ видѣть цѣлую выставку самыхъ нелѣпыхъ предметовъ. Тутъ были и букеты, и манекены изъ раскрашенной бумаги, а также изъ мха. На подмосткахъ предъ домомъ были разставлены въ палаткахъ птицы, цвѣтушіе кустарники, экипажъ, кукла (вѣроятно, двойникъ покойницы) и прочія вещи, не поддающіяся описанію. Все это было настолько ребячески наивно, что только изумленіе обезоружило его желаніе расхототаться. Въ это время къ дому подъѣхалъ толстый мандаринъ, и одинъ изъ китайцевъ въ зеленомъ кафтанѣ ударилъ по большому ящику. Изъ дома отвѣтили ударомъ въ гонгъ, и вся семья вышла навстрѣчу гостю.

Лѣтній дворецъ, постоянно служившій предметомъ солдатскихъ неистовствъ, гдѣ европейцы вели себя, какъ варвары, поразилъ Дюкотэ своей феерической декорацией. «Передо мной сразу открылся весь Китай, хрупкій, драгоценный, какъ его фарфоръ, странный и поэтический», говоритъ Дюкотэ. Такое изобиліе фантазіи дурно поддается описанію, и нить воспоминаній путается среди такого живописнаго беспорядка. Но самая чудная вещь во дворцѣ—большое озеро. Италия не осуществила бы болѣе волшебной поэмы мрамора и воды. Иностраннымъ путешественникамъ предоставляютъ помѣщеніе для завтрака. Но голодные шумные туристы произвели на Дюкотэ впечатлѣніе варваровъ.

Изъ Пекина въ Шанхай по Голубой рѣкѣ Дюкотэ отправился черезъ Ханкоу 21-го сентября, въ десять часовъ утра. Эту желѣзнодорожную линію строило франко-бельгійское общество, но впоследствии ее выкупилъ Китай. Поездъ катилъ быстро, но грязь въ спальныхъ вагонахъ и вагонахъ-ресторанахъ портитъ удовольствіе найти современный комфортъ въ самомъ сердцѣ старой имперіи. Цѣлый день предъ глазами были однообразныя зрѣлища. Китайцы народъ земледѣльческій, и Дюкотэ не видѣлъ клочка не обработанной земли. Станціи еще болѣе шумныя, чѣмъ въ сѣверномъ Пекинѣ. Все, что съестъ голоднаго, искалѣченнаго, уродливаго въ странѣ, все это собирается на станціяхъ; издавая жалобныя вопли. Стоитъ адекій гамъ. Къ этому присоединяются возгласы торговцевъ фруктами. Ночью нищѣ вопятъ еще немилосерднѣе. И чѣмъ дальше, тѣмъ ужаснѣе представлялось зрѣлище нищеты и отвратительнаго уродства. Сухія жары Пекина смѣнились невозможной влажной тропической жарой.

Ханкоу не представляетъ собой ничего замѣчательнаго, и пѣшеходу некогда смотрѣть по сторонамъ, а приходится думать о томъ, чтобы не поскользнуться на грязныхъ улицахъ. Главное значеніе города это быстрота, съ какой въ немъ развивается торговля, особенно нѣмецкая. Но въ общемъ это забавный городокъ. Главная его красота состоитъ изъ широкой рѣки Янгъ-Тце, которая даже послѣ сибирскихъ рѣкъ поразила Дюкотэ своей грандіозностью, послѣднія въ сравненіи съ нею показались ему простыми ручьями. Улицы города идутъ параллельно, и названія ихъ написаны на русскомъ, французскомъ, англійскомъ языкахъ согласно кварталу.

Совсѣмъ иное представляетъ Шанхай. Это очень красивый городъ, почти европейскій. Здѣсь уже не встрѣчаются рядомъ съ блестящими магазинами бѣдныя лачужки. Все здѣсь богато и начищено. Самая блестящая часть—торговый кварталъ Fooschow Road всегда оживлена и представляетъ разнообразное зрѣлище вѣчнаго праздника. Цѣлые этажи большинства домовъ заняты подъ чайными домами. На балконахъ сидятъ нарядныя и накрашенныя дѣвицы. Ночью это впечатлѣніе вѣчнаго праздника еще болѣе бросается въ глаза: освѣщенные магазины открыты; шумъ удваивается, электрическій свѣтъ ослѣпляетъ, балконы переполняются людьми, и всѣ городскія куртизанки сидятъ какъ на выставкѣ.

Въ театрѣ скамьи заняты исключительно мужскимъ элементомъ, но на балконахъ находятся дамы нѣсколько сомнительнаго поведенія съ папиросами въ зубахъ. Китайскіе артисты и музыка привели въ такое раздраженіе Дюкотэ, что онъ не зналъ, какъ выбраться изъ театра.

Въ заключеніе своего путешествія онъ познакомился съ русскимъ капитаномъ. «Капитанъ не даромъ русскій,—говоритъ Дюкотэ,—всего сорокъ восемь часовъ, какъ мы съ нимъ познакомились, а онъ съ мною обращался какъ съ другомъ. Онъ обожаетъ Францію и французовъ, и въ доказательство своей симпатіи припоминаетъ фразы, которыя когда-то онъ заучивалъ въ школѣ. Онъ все стонетъ, что не знаетъ больше ничего по-французски, обѣщаетъ пополнить этотъ пробѣлъ и пріѣхать во Францію». Но въ ожиданіи они объяснялись на такомъ же скверномъ англійскомъ языкѣ. Они случайно встрѣтились на пароходѣ и съ того момента не разставались. Русскій капитанъ уговорилъ француза посѣтить мѣста удовольствій. «Надо обладать юнымъ умомъ моряка, чтобы находить развлечения въ этихъ мѣстахъ,—говоритъ французъ.—Капитанъ веселился такъ чистосердечно, что увлекъ и меня». Французъ никакъ не могъ его успокоить, пока они не посѣтили мѣста увеселеній всѣхъ національностей. Когда изъ любви къ Франціи русскій капитанъ пожелалъ посѣтить французскій чайный домъ, то кучеръ отвезъ ихъ къ одесскимъ дамамъ «вполнѣ отталкивающаго типа, изъ лапъ которыхъ едва вырвался русскій капитанъ, уже отчасти избавившійся отъ винныхъ паровъ».

Этимъ оканчивается свое путешествіе Дюкотэ, мало высказавшій свое впечатлѣніе о Россіи.

— Вильгельмъ—главнокомандующій арміей.—Возникшій конфликтъ между Германіей и Франціей, взволновавшій одинаково французовъ и нѣмцевъ, поднялъ на свѣтъ вопросъ: кто будетъ главнокомандующимъ нѣмецкой арміей? Послѣ дружественнаго свиданія монарховъ въ Кронштадтѣ на политическомъ горизонтѣ показались тучки. И вотъ императоръ Вильгельмъ въ дружескомъ кружкѣ сказалъ, что если вспыхнетъ война, то онъ самъ поведетъ войска противъ Франціи, а нѣкій Х.—противъ Россіи.

Это замѣчаніе, конечно, разнесли по Берлину, и многіе серьезные нѣмцы въ то время порядочно встревожились. Теперь появились между Франціей и Германіей натянутыя отношенія, эти слова пришли всѣмъ на память и вызвали, естественно, тревогу. Анонимный авторъ въ «Zukunft» высказываетъ, насколько опасно было бы такое положеніе дѣла.

Уже со времени войны Фридриха-Вильгельма III и необходимаго увеличения армии, со времени этой эпохи, ни одинъ государь изъ Гогенцолернскаго дома лично и полновластно не царствовалъ на полѣ сраженія. Прежняя диктаторская власть была замѣнена начальниками главнаго штаба и командующими арміей. Впослѣдствіи Мольтке завладѣлъ этой территоріей. Его авторитетъ былъ настолько неприкосновененъ, что король Вильгельмъ уже шестидесяти четырехъ лѣтъ предоставилъ этому гениальному человѣку полную свободу дѣйствій, какая была дана Бисмарку въ политикѣ.

Но теперь какъ будетъ обстоять дѣло?—задаетъ вопросъ авторъ.

Согласно военному уставу, въ случаѣ войны вся армія подчиняется императору. Тѣмъ не менѣе спрашивается: въ какой мѣрѣ онъ воспользуется высшей властью приказывать и руководить? На это раздаются различные отвѣты со стороны генераловъ; что касается самого Вильгельма, то онъ воздерживается дать открыто отвѣтъ.

«Но,—говоритъ авторъ,—вообще думаютъ, что Вильгельмъ сильно желаетъ раздѣлить активно руководство войною. Съ этой цѣлью онъ съ жаромъ изучалъ труды своего великаго прадѣда, а также и Бонапарта. Слѣдовательно, этотъ вопросъ оспаривается не безъ тайной тревоги въ высшихъ военныхъ сферахъ. Всѣхъ интересуетъ и беспокоитъ вопросъ, въ какой степени онъ предоставитъ военному совѣту и генераламъ, подчиненнымъ ему, независимость дѣйствій.

Вильгельмъ много читалъ по военному дѣлу. Онъ сторонникъ тактики Фридриха, и Дебригтъ давалъ ему много разъ испробовать силы на этой почвѣ, но трудно судить о стратегіи по книгамъ, говоритъ авторъ. Вильгельмъ питаетъ склонность къ современнымъ идеямъ, что видно изъ того, какъ онъ въ общемъ принимаетъ предложенія реформъ со стороны отвѣтственныхъ генераловъ, но тѣмъ не менѣе военные, которые, быть можетъ, будутъ призваны въ качествѣ командующихъ арміей, высказываютъ слѣдующее мнѣніе.

Хотя императоръ и обладалъ бы качествами, необходимыми для главы центральной власти, отъ которой должно исходить единство взглядовъ для цѣлаго организма арміи, но непредвидѣнное личное вмѣшательство, что очень возможно, въ виду импульсивной натуры Вильгельма, можетъ повести къ замѣшательству и, быть можетъ, къ роковому обороту событий.

Германскаго императора считаютъ чисто военнымъ отъ природы, которымъ руководить мысль всегда держать наточеннымъ мечъ имперіи. Конечно, онъ также ясно чувствуетъ, въ чемъ нуждается армія и безъ чего она не можетъ обойтись. Но чтобы хладнокровно отмѣтить мѣсто для каждаго элемента на шахматной доскѣ «Франція» или «Россія», чтобы вести стратегическій ходъ, какъ умѣлъ это дѣлать старый мастеръ Мольтке,—нуженъ созидательный гений, который изъ личнаго запаса непрестанно извлекалъ бы новыя комбинаціи или который умѣлъ бы пользоваться каждымъ свѣдѣніемъ относительно положенія данной минуты. При своихъ разнообразныхъ талантахъ императоръ не обладаетъ такой натурой. Это ему не въ упрекъ: не все же дается одному человѣку...

Такое мнѣніе можно оспаривать, замѣчаетъ авторъ статьи, но это тѣмъ болѣе возможно, что императоръ уже давно желаетъ играть видную роль

также въ политикѣ. Но въ дипломатіи опрометчивость можетъ быть исправлена осмотрительной дипломатіей: въ войнѣ же катастрофа часто бываетъ выкупомъ за совершенную ошибку.

Затѣмъ авторъ поднимаетъ вопросъ, кому можно было бы поручить командование арміей въ случаѣ войны. Но еще важнѣе: какіе генералы будутъ находиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ императоромъ? На это никто не можетъ дать положительнаго отвѣта. Начальникъ главнаго штаба—фонъ-Мольке? графъ Шлиффенъ? графъ Геселеръ?—но онъ очень старъ. Баронъ фонъ-деръ Гольцъ?

Въ заключеніе авторъ говоритъ: «Опытная критика отвратила императора отъ сильной кавалерійской атаки. Армія его знаетъ, и онъ знаетъ армію. Онъ не ограничить слишкомъ тѣсно права отдѣльныхъ начальниковъ принимать рѣшенія. Это уже не пылко-стремительный молодой человѣкъ, и опасенія, что онъ можетъ съ лучшимъ намѣреніемъ предписывать свою волю въ войнѣ отвѣтственнымъ людямъ—оскорбленіе сѣдьющему императору, который поблѣлъ подъ военнымъ «мундиромъ».

Несмотря на послѣднее успокоеніе, вся статья дышитъ недовѣріемъ къ военному гению Вильгельма, и нѣмцы опасаются, что Вильгельмъ поведетъ ихъ самъ въ сраженіе, и хотѣли бы побудить его дать имъ болѣе опытнаго главнокомандующаго.

С М Ъ С Ъ.

РИСУЖДЕНИЕ премій митрополита Макарія. Въ часъ дня 19-го сентября въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ подъ предѣдательствомъ вице-президента ея П. В. Никитина состоялось публичное засѣданіе, на которомъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ былъ прочитанъ отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи академіей Макарьевскихъ премій. На соисканіе послѣднихъ по физико-математическому отдѣленію было представлено пятью лицами пять сочиненій, для разсмотрѣнія которыхъ была назначена коммисія подъ предѣдательствомъ непремѣннаго секретаря изъ академикомъ: П. Я. Сонины, М. А. Рыкачева, Ѳ. И. Чернышева и И. П. Павлова. Послѣдняя, ознакомившись съ сочиненіями, присудила лишь почетные отзывы двумъ слѣдующимъ трудамъ: 1) А. А. Ивановскій, «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи». Москва. 1904 г. и 2) Л. И. Цимбаленко, «Землечерпательныя работы министерства путей сообщенія въ 1902—1905 гг.». Спб. 1908. По обычаю присуждены золотыя медали рецензентамъ: заслуженному профессору военно-медицинской академіи И. Э. Шавловскому и инженеру С. П. Максимову.

Открытіе Толстовской выставки. Громадный интересъ Москвы къ Толстовской выставкѣ ярко сказался въ день открытія 10-го октября. Хотя доступъ на выставку былъ лишь для приглашенныхъ лицъ, обширныя залы историческаго музея, гостепріимно пріютившаго этотъ коллективный памятникъ Льву Толстому, были совершенно переполнены. Къ часу, когда было назначено открытіе выставки, въ залахъ трудно двигаться, — такъ великъ наплывъ публики. Особенно тѣсно въ первой, круглой залѣ, украшенной четырьмя портретами предковъ Толстого и бюстами Рѣпина и Ге: здѣсь столпились до ста человѣкъ въ ожиданіи рѣчи представителя выставочнаго комитета М. А. Стаховича. Въ началѣ 2-го часа, когда пріѣхали представители городского обществен-

паго управленія, городской голова Н. И. Гучковъ и членъ управы В. Н. Григорьевъ, М. А. Стаховичъ обратился къ присутствовавшимъ съ небольшою рѣчью, которая и была какъ бы объявленіемъ выставки открытой. «Мы, устроители выставки,—началь г. Стаховичъ,—стремились напомнить своимъ современникамъ, помочь имъ представить себѣ, какъ жилъ еще недавно среди насъ великій Толстой. Это явленіе гордости и славы нашей родины, это явленіе лучшаго вклада русскаго народа въ духовную сокровищницу человѣчества должно было, по ея первороднымъ правамъ, объявиться именно въ Москвѣ. Мы ей поклонились, и она насъ пріютила». Затѣмъ ораторъ отъ имени комитета, устраивавшаго выставку, принесъ благодарность историческому музею, который былъ въ этой выставкѣ «и хозяинъ, и работникъ», Румянцовскому музею, предоставившему для публичнаго обозрѣнія безцѣпныя сокровища своего книгохранилища, городскому головѣ, какъ старшему гражданину Москвы. «Мы особенно радуемся,—сказалъ М. А. Стаховичъ, обращаясь къ городскому головѣ:—что наша завѣтная цѣль, созданіе Толстовскаго музея, повидимому, не чужда задачамъ городской коммисіи по увѣковѣченію памяти Толстого». Затѣмъ г. Стаховичъ благодарилъ московскую печать, «эту часто ворчливую, всегда перегруженную работой хлопотунью», съ которой комитетъ сжился за время устройства выставки. «Ей самой было отрадно среди кроваваго чада, этого трагическаго безумія послѣднихъ шести недѣль общественной жизни погружаться въ міръ возвышенной любви, возвышающей духъ мысли и глубокой религіозности». «Если осматривающіе выставку почувствуютъ,—закончилъ ораторъ свое слово,—что было бы больно, если бы все, въ этихъ залахъ собранное, расплылось и съ годами растратилось, что необходимо созданіе Толстовскаго музея и что мѣстомъ этого музея должна быть Москва,—мы достигли своей задачи». Городской голова, отвѣчая коротко на привѣтствіе, сказалъ, что московская дума, какъ онъ совершенно увѣренъ, и впредь «всегда будетъ итти впереди того движенія, которое своимъ источникомъ имѣетъ благороднѣйшее чувство—благодарность къ своему великому писателю». М. А. Стаховичъ предложилъ затѣмъ гостямъ приступить къ осмотру выставки. Публика разбилась на нѣсколько большихъ группъ и начала осмотръ экспонатовъ подъ руководствомъ организаторовъ выставки. Одной группѣ давалъ объясненія М. А. Стаховичъ, другой—П. И. Бирюковъ, третьей—И. И. Поповъ. Кромѣ того, давали объясненія И. Л. Толстой, С. Л. Толстой, Л. О. Пастернакъ, Н. М. Кишкинъ и нѣкоторые другіе. Осмотръ детальный былъ весьма затрудненъ громаднымъ количествомъ публики. Къ нѣкоторымъ витринамъ не было доступа,—такъ были онѣ окружены. Несмотря на переполненность залъ и затрудненность осмотра, уже сразу ясно обозначились главные выставочные центры, тѣ ея части, къ которымъ особенно сильно влечется вниманіе осматривающихъ. Таковы прежде всего двѣ витрины съ толстовскими рукописями и корректурами,—тѣ витрины, гдѣ осматривающій какъ бы вводится въ самую лабораторію толстовскаго творчества, видитъ его работу надъ «Войной и миромъ», «Анной Карениной», «Воскресеніемъ», «Живымъ трупомъ», нѣкоторыми другими произведеніями широкой популярности. Вторымъ центромъ является витрина со многими

вещами домашняго обихода Льва Толстого. Эти вещи—точно мостикъ между читателемъ и домашней жизнью писателя. Къ нимъ всегда влечется интересъ и любопытство большой публики, особенно, когда онѣ принадлежать такому великану, какъ Толстой. Наконецъ, привлекала сильно вниманіе послѣдняя выставочная комната, которая посвящена кончинѣ Толстого и въ которой—маски, снятыя съ умершаго писателя, изображенія его въ гробу, фотографіи, воспроизводящія различные моменты его похоронъ. Такъ обозначились въ первый день центры вниманія и интереса публики. Среди присутствовавшихъ на открытіи—многочисленные представители Москвы литературной, научной, артистической, художественной. Кромѣ городского головы и члена управы г. Григорьева, нѣсколько представителей городской думы, А. Д. Алферовъ, Н. И. Астровъ и др., бывшій московскій городской голова кн. В. М. Голицынъ, бывшій ректоръ московскаго университета А. А. Мануиловъ, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ С. А. Чаплыгинъ, профессора Д. Н. Анучинъ, А. А. Кизеветтеръ, Р. О. Брандъ, нѣкоторые другіе; директора московскихъ музеевъ, директоръ школы живописи и зодчества князь А. Е. Львовъ, директора гимназій, предсѣдатель правленія университета Шанявскаго Н. В. Давыдовъ, депутатъ третьей Думы В. А. Маклаковъ; многіе общественные дѣятели, академики Н. Н. Златовратскій и И. А. Бунинъ, писатели В. В. Вересаевъ, В. Я. Брюсовъ, Н. И. Тимковскій, Н. Д. Телешевъ и др., профессоръ университета въ Лиллѣ Лирондель, художники В. А. Сѣровъ, С. А. Виноградовъ, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ; музыканты А. Б. Гольденвейзеръ и др.; артисты московскихъ театровъ. Изъ семьи Толстыхъ два сына, С. Л. и И. Л. Толстые. Много толстовцевъ. Всего за день на вернисажѣ перебивало приблизительно человекъ 800. Къ открытію послѣлъ каталогъ выставки. Онъ заключенъ въ блѣдно-зеленаго цвѣта обложку, сдѣланную по рисунку Л. О. Пастернака, съ портретами Льва Толстого 1848 и 1910 гг. Вчера каталогъ не продавался, а раздавался бесплатно. Большинство вмѣсто платы жертвовало на фондъ Толстовскаго музея. Собрано этими пожертвованіями свыше 500 рублей. Приемомъ пожертвованій завѣдывали артистки О. Л. Книпперъ, В. В. Барановская, Н. А. Камаровская, В. Л. Юрнева, а также г-жи Браиловская, Владимірова, Гальберштадтъ, Сотникова, Юонъ. Графиня Софья Андреевна, графы Левъ и Андрей Львовичи прислали комитету выставки телеграммы. Особенно тепла депеша Т. Л. Сухотиной: «Не могу выразить, какъ мнѣ больно, что я не могу присутствовать на открытіи выставки и что не могла быть болѣе полезной дорогому дѣлу. Привѣтствую всѣхъ участниковъ и прошу принять мою усиленную благодарность за ихъ участіе въ ней, которое вызываетъ во мнѣ чувство сердечной дружеской связи со всѣми ими».

Вяземскій комитетъ по увѣковѣченію памяти Отечественной войны. Въ мартѣ 1910 г. при вяземской городской думѣ былъ организованъ особый комитетъ по увѣковѣченію памяти Отечественной войны, предсѣдателемъ коего избрана Е. Н. Клетнова, вице-предсѣдателями городской голова Г. В. Строгановъ и генераль В. П. Мезенцовъ, секретаремъ преподаватель гимназіи

Д. М. Сокольскій, а по переходѣ его въ Москву—В. Э. Корицкій; помощниками ихъ Н. И. Крашенинниковъ и А. Н. Руженцовъ; казначеємъ ктиторъ Богородицкой церкви С. Д. Рогожинъ. Означенный комитетъ весьма быстро пополнился членами, какъ изъ числа мѣстныхъ гласныхъ, такъ равно коммерсантовъ и гражданъ города Вязьмы, а также помѣстныхъ владѣльцевъ. Была разработана весьма обстоятельная программа дѣятельности, заинтересовавшая и сосѣдніе уѣзды, въ особенности Юхновскій, откуда также записались въ члены много лицъ. Пока за все время своего существованія комитетъ имѣлъ 8 засѣданій. Изъ постановленій, сдѣланныхъ на этихъ засѣданіяхъ, слѣдуетъ отмѣтить нижеслѣдующія. Днемъ празднованія для гор. Вязьмы, какъ въ годовщину столѣтія, такъ затѣмъ и ежегодно считать 22 октября—день окончательнаго освобожденія города отъ непріятельскихъ войскъ. Храмомъ-памятникомъ этихъ событій считать Богородицкую церковь, бывшую какъ разъ въ центрѣ боя 22-го октября и изображенную на картинѣ Гессе, написанной по повелѣнію императора Николая Павловича. На внутренихъ пилонахъ этого храма поставить коммеморативныя доски съ именами павшихъ защитниковъ города. Въ упраздненной каменной часовнѣ у воротъ храма устроить музей, куда собирать всякія вещи, оружіе, картины, рукописи и проч., относящіяся къ 1812 г. Въ данное время храмъ этотъ, очень красивый внутри, съ бѣлымъ, золотой рѣзьбой украшеннымъ иконостасомъ въ стилѣ ренессансъ, съ нѣсколькими картинами итальянскаго художника Скотти, работавшаго въ селѣ Дучинѣ г.г. Мещерскихъ, тогда Паниныхъ (въ началѣ XIX в.), отдѣляется наново снаружи радѣніемъ ктитора Рогожина и настоятеля своего о. Николая Руженцова. Отдѣлка выдерживается согласно изображенію на картинѣ Гессе¹⁾. Разработка празднованія 22-го октября поручена особымъ комиссіямъ: духовной—во главѣ съ архимандритомъ Предтеченскаго монастыря о. Діописіемъ и свѣтской—во главѣ съ директоромъ мѣстной гимназіи И. С. Строгановымъ. Обработка собраннаго письменнаго матеріала, каковой уже имѣется въ достаточномъ числѣ, а также усердно собираемыхъ и записываемыхъ устныхъ преданій возложена на Е. Н. Клетнову, при чемъ печатать его въ видѣ отдѣльнаго «Вяземскаго сборника» выразила согласіе смоленская ученая архивная комиссія. Далѣе рѣшено нѣсколько улицъ переименовать, давъ имъ наименованія героевъ 1812 г. (Милорадовича, Сеславина и т. д.). Но самымъ существеннымъ постановленіемъ вяземскаго комитета является единогласно одобренный думой проектъ замѣнить ветхіе деревянные торговые ряды противъ Богородицкой церкви новыми каменными въ

¹⁾ Изображеніе Богородицкаго храма, сдѣлано г. Гессе, вѣроятно, совпадаетъ съ тѣмъ, каковъ онъ былъ во время исполненія картины, т. е. въ 30-хъ годахъ, т. к. исторически, т. е. по отношенію къ 1812 г., это изображеніе совершенно невѣрно, ибо, согласно мѣстныхъ лѣтописей, подтвержденныхъ преданіями, алтарь этого храма, имѣя деревянную перекрышку, сгорѣлъ еще во время наступленія Наполеона 17-го августа, когда казаки, по приказанію Коновницина, зажгли близкій къ храму деревянный мостъ черезъ р. Вязьму. Храмъ былъ окончательно реставрированъ лишь въ 1818 году, а потому во время боя алтарь оставался разрушеннымъ. (См. мѣстн. церк. лѣт. и части. лѣт. Кузнецова, прив. въ «Отзв. От. войны». Е. Н. Клетновой).

стиль empire, увѣнчавъ таковыя двумя помѣщеніями: 1) для общественной библіотеки-читальни, 2) для областного музея съ отдѣлами: кустарно-этнографическимъ, историко-археологическимъ и естественно-историческимъ, и таковыя ряды наименовать рядами 1812 года, а въ виду выраженаго Перновскимъ полкомъ желанія ознаменовать свое геройское дѣло 22-го октября при изгнаніи французовъ устройствомъ памятника на той же торговой площади—выдѣлить передъ этими рядами подобающее мѣсто памятнику, согласовавъ все сооруженіе въ одно стройное цѣлое. Означенное сооруженіе предполагается воздвигнуть лѣтомъ 1912 г. съ тѣмъ, чтобы оно было закончено къ октябрю. Кромѣ вышеприведенныхъ постановленій, многими членами комитета доставляются: оружіе, картины и вещи, а равно собираются матеріалы, относящіяся къ эпохѣ 1812 года. Произведены также раскопки и изслѣдованія многихъ, приписываемыхъ французамъ кургановъ съ цѣлью регистраціи «братскихъ могилъ» (въ Литвиновѣ, Стапицахъ, на Русяткѣ подъ самымъ городомъ и въ Копеневѣ), давшихъ много интереснаго археологическаго матеріала въ видѣ погребеній IX—X в., и только изслѣдованіе «костища» въ селѣ Семлевѣ, при работахъ, предпринятыхъ членами комитета по порученію и на средства московскаго кружка ревнителей памяти Отечественной войны, случайно натолкнуло на погребеніе нѣсколькихъ, по всей вѣроятности, убитыхъ непріятельскихъ всадниковъ съ конями, зарытыхъ вмѣстѣ съ ними въ ямѣ обгорѣвшаго овина посреди теперешняго большака. Оттуда было извлечено 7 человѣческихъ череповъ (ранѣе вымыто ливнями около 12), каковыя собраны и вмѣстѣ съ костями переданы для храненія мѣстному священнику, такъ какъ вяземскій комитетъ предполагаетъ погребсти ихъ на лужайкѣ противъ церкви и надъ ними водрузить изъ валуновъ небольшой памятникъ, снабдивъ его коммеморативной доской, такъ какъ село Семлево является мѣстомъ не только остановки Наполеона (въ ночь съ 21-го на 22-е октября), но также и весьма значительнаго аррьергарднаго боя 15-го августа, когда наши войска геройски дрались цѣлый день и не допустили Мюрата занять Семлево, но отбросили его войска влѣво за Осьму. Въ этомъ костищѣ было найдено нѣсколько кожаныхъ и металлическихъ вещей, относящихся до военной и конской амуниціи, остатки зеленого сукна и тканей, обломки дорожныхъ флаговъ и т. д.. Предстоящимъ Рождествомъ комитетъ предполагаетъ устроить совмѣстно съ образующимся въ Вязьмѣ «обществомъ изслѣдованія и содѣйствія развитію родного края» выставку всевозможныхъ предметовъ, относящихся къ эпохѣ 1812 г., на каковую Перновскій полкъ любезно обѣщаль прислать свои вещи. Выставку предметовъ эпохи 1812 года постановлено продлить въ теченіе всего года, открывая ее для обозрѣнія по праздникамъ и въ каникулярное время. Одновременно съ симъ комитетъ озабоченъ устройствомъ помѣщеній для могущихъ посѣтить Вязьму экскурсантовъ въ теченіе будущаго лѣта. Пока не будетъ окончательно выработанъ въ Петербургѣ общій планъ торжествъ и опредѣлены высочайшіе пріѣзды, до тѣхъ поръ вяземскій комитетъ призванъ заниматься своими чисто мѣстными вопросами, конечно, сообщая о всѣхъ своихъ работахъ междуведомственной комиссіи. Работы эти слѣдующія: 1) Собираніе, и притомъ самое тщательное, всякихъ памятниковъ 1812

года: вещественныхъ, письменныхъ и устныхъ, каковыя должны быть подробно и точно зарегистрированы. а) Вещественные памятники должны поступать въ мѣстный музей, который, согласно высказанному въ собраніи предложенію, желательно возможно скорѣе основать и открыть въ одной изъ пустующихъ часовенъ Богородицкой церкви, избранной для Вязмы храмомъ-памятникомъ 1812 года. Съ тѣхъ вещей, каковыя почему-либо не могутъ поступить въ этотъ музей, желательно снять рисунки, фотографіи, или, въ крайности, подробно ихъ описать. Кромѣ того, слѣдовало бы собрать снимки со всѣхъ домовъ, церквей, зданій и мѣстностей, связанныхъ чѣмъ-либо съ памятью 1812 года. б) Письменные памятники желательно приобретать въ подлинникахъ, а за невозможностью—снимать съ нихъ точныя копии. Всякіе неизданные документы могутъ быть препровождены для изданія въ видѣ отдѣльнаго сборника вяземскаго комитета въ смоленскую ученую архивную комиссію, каковой отпущено императорской археологической комиссіей 500 рублей, специально на изданіе матеріаловъ по 1812 году. в) Устные памятники должны быть тщательно записаны, причѣмъ надо памятовать, что въ данное время цѣннымъ является не только какой-либо непреложный историческій фактъ, но и всякое, самое легендарное, даже невѣроятное преданіе, ибо въ данномъ случаѣ мы будемъ знакомиться съ тѣмъ психологическимъ впечатлѣніемъ, какое оставила въ народѣ изучаемая нами эпоха. Весьма важно также собрать такъ называемыя семейныя преданія какъ среди городскихъ, такъ и равно среди уѣздныхъ жителей, пѣсни, пословицы, прибаутки, шутки, словомъ, рѣшительно все, гдѣ упоминается 1812 годъ или его дѣятели. 2) Затѣмъ слѣдуетъ зарегистрировать всѣ мѣстности, церкви, зданія, дома, связанные чѣмъ-либо съ 1812 годомъ, выяснить на основаніи имѣющихся историческихъ документовъ ихъ дѣйствительное участіе въ событіяхъ и тогда уже отмѣчать таковыя коммеморативными досками. 3) Зарегистрировать и обследовать всѣ существующія подъ Вязмой, а также въ селахъ и селеніяхъ или близъ таковыхъ, въ поляхъ и лѣсахъ—словомъ, вездѣ, гдѣ существуютъ, «братскія» или такъ называемыя въ народѣ «французскія могилы», и относительно ихъ войти въ сношеніе съ тѣми учрежденіями и войсковыми частями, которыя ими интересуются, для охраны ихъ и постановки памятниковъ. 4) Зарегистрировать всѣ и точно выяснить частныя могилы участниковъ 1812 года, освидѣтельствовать ихъ сохранность, войти также и о нихъ въ сношеніе съ войсковыми частями, съ потомками и вообще, по возможности, озаботиться о приведеніи ихъ въ достойный порядокъ. 5) Зарегистрировать, по возможности, всѣхъ мѣстныхъ уроженцевъ—участниковъ 1812 года, какъ путемъ мѣстныхъ разысканій и опросовъ, такъ равно въ архивахъ войсковыхъ частей, къ которымъ они могли быть причислены, въ спискахъ, губернскихъ архивахъ и проч. мѣстахъ. 6) Весьма желательными явились бы также работы въ видѣ копій, выписокъ, даже просто указаній, сдѣланныхъ въ архивахъ, по изданнымъ и неизданнымъ документамъ, относящимся вообще къ Смоленской губ., а въ особенности къ Вязмѣ и ея уѣзду. 7) Засимъ ближайшей задачей комитета должно быть послѣднее содѣйствіе справками, хлопотами и проч. всякимъ учрежденіямъ и организаціямъ, обществамъ и пр., посвященнымъ памяти Отечественной войны или ея героевъ, вхо-

дить съ предложеніями по такому увѣковѣченію во все правительственныя и мѣстныя управленія. 8) Войти въ сношеніе со всеми комитетами и организаціями, работающими по вопросамъ 1812 года. 9) Путемъ широкой гласности о своей дѣятельности, путемъ воззваній, чтеній, бесѣдъ и проч. знакомить и привлекать къ сотрудничеству мѣстное населеніе относительно эпохи Отечественной войны. 10) Озаботиться изысканіемъ средствъ и приведеніемъ въ исполненіе сдѣланнаго постановленія о постановкѣ досокъ съ именами павшихъ подъ Бязьмой въ бояхъ 16-го августа и 22-го октября на внутреннихъ пилонахъ Богородицкой церкви, избранной для Вязьмы храмомъ-памятникомъ 1812 года. 11) Разработать программу ежегоднаго чествованія памяти Отечественной войны, начиная съ торжества церковнаго и кончая народнымъ гуляньемъ, приурочивъ ее къ 22-му октября—ко дню побѣдоноснаго боя подъ Вязьмой. 12) Затѣмъ, по выясненіи программы всероссійскихъ торжествъ, выработать участіе въ нихъ Вязьмы. 12) Наконецъ, по завершеніи своей дѣятельности, войти въ подлежащія правительственныя учрежденія съ представленіемъ о лицахъ, оказавшихъ тѣмъ или инымъ путемъ свои услуги какъ настоящему комитету, такъ и равно и увѣковѣченію памяти великой эпохи, работать для изученія и прославленія коей намъ столь счастливо выпало на долю.

Чествованіе профессора А. И. Введенскаго. 18-го сентября съ большою задумчивостью происходило чествованіе профессора московской духовной академіи Алексѣя Ивановича Введенскаго по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его учено-преподавательской дѣятельности. Будучи организовано по почину бывшихъ слушателей юбиляра съ преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, во главѣ, оно состоялось съ благословенія московскаго первосвященника въ Чудовомъ монастырѣ. Юбилейному торжеству предшествовало богослуженіе въ Алексѣевскомъ храмѣ обители. Послѣ богослуженія все собравшіяся на чествованіе вмѣстѣ съ А. И. Введенскимъ перешли изъ храма въ парадныя комнаты митрополичьихъ покоевъ Чудова монастыря, куда прибылъ вскорѣ и преосвященный Анастасій. Собраніе оказалось довольно многолюднымъ. Послѣ молитвы началось принесеніе привѣтствій. Священникъ Марѳо-Маріинской обители милосердія Е. К. Синадскій передалъ привѣтствіе профессору Введенскому отъ августѣйшаго почетнаго члена московской духовной академіи великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны, причемъ ея императорскому высочеству благоудно было прислать юбиляру образокъ святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, освященный на его мошахъ 4-го сентября, съ собственноручною подписью великой княгини. Высокое вниманіе ея высочества глубоко тронуло юбиляра. Высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій, находившійся въ этотъ день въ Коломнѣ, прислалъ слѣдующую привѣтственную телеграмму: «Сердечно привѣтствую васъ, дорогой Алексѣй Ивановичъ, съ юбилейнымъ торжествомъ и усердно молю Всевышняго, да продлитъ Онъ вашу многоплодную, разнородную и благоплодную дѣятельность еще на многіе годы. Митрополитъ Владимиръ». Далѣе отъ лица многочисленныхъ учениковъ юбиляра выступилъ настоятель Князе-Владимирскаго храма при епархіальномъ домѣ, священникъ Г. И. Добронравовъ, прочитавшій обширный привѣтственный адресъ, заключенный

въ цѣнную папку художественной работы, на серебряной доскѣ которой помѣщены портреты философовъ Сократа и Канта и хорошо удавшійся видъ московской духовной академіи. Помимо инициаловъ юбиляра и юбилейной даты, выгравированы на доскѣ наименованія главныхъ ученыхъ трудовъ г. Введенскаго и надпись: «Дорогому учителю А. И. Введенскому отъ признательныхъ учениковъ, бывшихъ питомцевъ московской духовной академіи». Въ обширномъ адресѣ бывшіе ученики, между прочимъ, отмѣтили, что юбиляръ въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ «шелъ съ лампадой свѣта Христова и при сіяніи этого свѣта велъ своихъ слушателей по темнымъ извилинамъ философскихъ проблемъ; всякая философская система разсматривалась имъ сквозь призму Евангелія и оцѣнивалась съ точки зрѣнія ея пригодности для нравственнаго усовершенствованія человѣка и человѣчества». Говоря о громадномъ вліяніи лекцій А. И. Введенскаго на его всегда многочисленную аудиторію, ученики заявляютъ, что юбиляръ всегда и вездѣ, на каѳедрѣ и въ частной бесѣдѣ, оставался однимъ и тѣмъ же—вдумчивымъ философомъ и истиннымъ христіаниномъ-учителемъ. Какъ видимый знакъ своей любви и расположенія, бывшіе ученики просили своего любимаго учителя принять отъ нихъ св. икону-складень съ изображеніями Покрова Богоматери, святителя Алексія и преподобнаго Сергія Радонежскаго. Цѣнный складень художественной работы Мѣшкова, богато украшенный эмалью, былъ поднесенъ юбиляру преосвященнымъ Анастасіемъ. Затѣмъ было прочитано привѣтствіе отъ преосвященнаго Трифона, епископа дмитровскаго. Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Арсеній при тепломъ привѣтственномъ словѣ поднесъ юбиляру отъ обители икону святителя Алексія, чудотворца всея Россіи. Далѣе выступилъ іеромонахъ Ионафанъ съ привѣтомъ отъ Троице-Сергіевой лавры, въ стѣнахъ которой находится московская духовная академія. Лавра прислала въ благословіе юбиляру образъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Профессоръ А. И. Введенскій горячо благодарилъ всѣхъ за привѣтствія и подношенія и со свойственною ему скромностію сказалъ, что заслуги его почитателями преувеличены. Въ устроенномъ торжествѣ онъ получаетъ отраду, что его юбилей послужилъ поводомъ къ объединенію, въ которомъ мы такъ нуждаемся и о которомъ сильно тоскуемъ. Трудно стоять одному человѣку. Ему необходимы нравственное сочувствіе и ободреніе, которыя обновляютъ силы для дальнѣйшей работы и поддерживаютъ въ жизненной борьбѣ. Затѣмъ въ сосѣднемъ большомъ залѣ состоялась трапеза въ честь юбиляра, прошедшая въ оживленной бесѣдѣ и сопровождавшаяся тостами и рѣчами. Кромѣ того, на имя юбиляра въ тотъ день получено было множество письменныхъ и телеграфическихъ поздравленій. Юбилейное торжество положило основаніе учрежденію при московской духовной академіи преміи имени профессора А. И. Введенскаго за лучшія студенческія сочиненія по систематической философіи и логикѣ. Взносы на премію принимаются священникомъ Г. И. Добронравовымъ (епархіальный домъ).

Юбилей издателя и редактора «Петербургской Газеты» С. Н. Худенкова и А. К. Гермониуса. Въ литературномъ мірѣ тихо и чисто по семейному сотруд-

ники «Петербургской Газеты» праздновали 6-го октября въ помѣщеніи редакціи двадцатипятилѣтній юбилей Альберта Карловича Гермоніуса, какъ сотрудника газеты, такъ и многократнаго ея редактора. Прекрасный знатокъ городского хозяйства, онъ былъ всегда на стражѣ обывательскихъ интересовъ, посвящая себя самымъ животрепещущимъ вопросамъ и нуждамъ столичной жизни. Присутствовавшій на его юбилей издатель газеты, С. Н. Худковъ, отмѣтилъ въ немъ необыкновенное трудолюбіе и умѣнье удержать при газетѣ талантливыхъ сотрудниковъ. Послѣдніе, въ свою очередь, помянули въ своихъ рѣчахъ всегдашнюю внимательность юбиляра къ ихъ нуждамъ, когда онъ былъ редакторомъ газеты, всегдашнюю справедливость и деликатность въ многочисленныхъ редакціонныхъ недоразумѣніяхъ. Въ своемъ отвѣтѣ юбиляръ благодарилъ товарищей за ихъ добрыя ему пожеланія, признавъ, что онъ исключительно имъ обязанъ тѣмъ, что сжился съ газетой и ея работниками. Юбиляру поднесены цѣнные подарки. Черезъ нѣсколько дней, 9-го октября, въ домѣ издателя газеты праздновался сорокалѣтній юбилей издательской дѣятельности Сергѣя Николаевича Худкова. Юбиляръ родился въ дворянской семьѣ Рязанской губерціи, въ 1837-мъ году; учился въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ и потомъ поступилъ на военную службу, оставивъ ее въ чинѣ майора. Въ 60-хъ годахъ онъ выступилъ на литературное поприще съ разсказами изъ военного быта и статьями о театрѣ. Впослѣдствіи онъ написалъ нѣсколько драмъ («Петербургскіе когти» и др.) и романовъ. Въ «Петербургской Газетѣ», подъ псевдонимомъ Жало, онъ писалъ по вопросамъ внутренней жизни города, состоя много лѣтъ гласнымъ петербургской думы. Сорокалѣтіе своей издательской и литературной дѣятельности юбиляръ отпраздновалъ въ кругу родныхъ и близкихъ ему товарищей по изданію. Онъ скромно отрицалъ въ своей рѣчи литературныя за собой заслуги по газетѣ и приписывалъ ея распространенность и успѣхъ всецѣло какъ крупнымъ именамъ—Н. А. Лейкину, Н. С. Лѣскову, Д. Д. Минаеву, Иванову-Классику, Жукову, такъ и множеству часто безвѣстныхъ передовиковъ и репортеровъ. «Я радуюсь,—произнесъ онъ—тому, что мнѣ суждено было прожить долгіе годы жизни и, вмѣстѣ съ ними, дождаться сорокалѣтія издаваемой мною газеты. Не литературныя свои заслуги, а свое многолѣтіе я праздную, и мнѣ дороги привѣтствія товарищей просто потому, что въ мои годы человѣкъ хочетъ жить ласкою... Разумѣется, присутствовавшіе на юбилей, какъ писатели, такъ и многіе артисты и художники въ отвѣтныхъ рѣчахъ отмѣтили въ юбилярѣ и его несомнѣнное значеніе въ самой распространенной въ столицѣ газетѣ, гдѣ онъ самъ много работалъ, умѣя привлечь къ себѣ талантливыхъ сотрудниковъ, и, переутомившись, передалъ газету вполне подготовленному къ ея редактированію своему сыну, Н. С. Худкову.

Архивъ князя А. Д. Меншикова. Въ послѣднее время вновь заинтересовались архивомъ свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меншикова, заключающимъ въ себѣ богатѣйшіе еще не использованные матеріалы по исторіи царствованія Петра I и Екатерины I, а отчасти и Петра II. Архивъ, заключенный въ 36 ящикахъ,

сохраняетъ я въ рукописномъ отдѣлѣ императорской академіи наукъ, куда онъ поступилъ еще въ концѣ XVIII вѣка изъ Петропавловской крѣпости. Въ крѣпость же всѣ бумаги и обширная переписка князя Меншикова попали послѣ ссылки его со всею семьею въ Березовъ, когда все его имущество было конфисковано и отобрано въ казну. Академія наукъ дѣлала неоднократныя попытки привести меншиковскій архивъ въ порядокъ, систематизировать его и издать. Но эти попытки требовали не только затраты огромнаго труда, но и большихъ денежныхъ средствъ (нѣсколько десятковъ тысячъ руб.). Поэтому начатыя еще академикомъ А. А. Куникомъ работы пріостановились и только въ послѣднее время была ассигнована сумма для изданія первыхъ десяти печатныхъ листовъ изъ архива князя Меншикова, систематизированныхъ ученымъ бібліотекаремъ академіи В. И. Срезневскимъ. Онъ же и составилъ карточный каталогъ къ архиву. Изъ этого каталога видно, что въ архивѣ имѣются такіе цѣнные документы, какъ подлинныя письма Петра I и его собственноручныя резолюціи и помѣтки на бумагахъ по дѣламъ административнымъ, военнымъ, дипломатическимъ и др., значительное количество писемъ царевны Натальи Алексѣевны (сестры Петра I), императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя Петровича, графа Шереметева, Репнина, Брюсса, Нарышкина и другихъ современниковъ и приближенныхъ Петра I. Особый отдѣлъ въ архивѣ князя Меншикова составляютъ весьма цѣнныя бумаги и письма Мазепы, которыя были захвачены Меншиковымъ въ Батуринѣ, послѣ измѣны Мазепы. Особенно обращаютъ на себя вниманіе отчасти уже ислѣвшія подлинныя 17 царскихъ грамотъ къ Мазепѣ съ государственною печатью и приложенными къ нимъ копіями XVIII вѣка. Этими и другими матеріалами, которые еще недавно только были разысканы въ обширныхъ книгохранилищахъ академіи послѣ ея ремонта, наши историки еще мало воспользовались; матеріалы эти ждутъ еще своихъ изслѣдователей.

Къ постановкѣ памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскѣ.

Дѣло сооруженія въ павловскомъ паркѣ памятника создательницѣ Павловска значительно подвинулось за этотъ годъ при высокомъ покровительствѣ и участливомъ руководствѣ августѣйшаго хозяина Павловска великаго князя Константина Константиновича. Комиссіей утверждены проекты архитектурный и скульптурный (проф. В. А. Беклемишева), окончательно установлено мѣсто будущаго памятника, и привлеченныя къ дѣлу художественныя силы приступаютъ уже къ исполненію своей задачи. Счастливая находка въ дворцовомъ архивѣ интереснаго проекта бесѣдки «Pavillon Marie» знаменитаго архитектора Росси, повидимому, предназначавшейся именно для увѣковѣченія памяти императрицы Маріи Ѳеодоровны въ павловскомъ паркѣ и замѣчательно гармонирующей по стилю и красотѣ съ другими художественными его постройками, не могла не измѣнить первоначальнаго плана постановки памятника-статуи. Комиссія рѣшила воспользоваться прекраснымъ проектомъ Росси и соединить его красивый павильонъ съ изящнымъ скульптурнымъ изображеніемъ императрицы, т. е. помѣстить въ бесѣдкѣ по проекту Росси сидячую статую государыни работы В. А. Беклемишева. Исполненная минувшей весной въ общихъ контурахъ наскоро изъ дерева и глины, но въ натуральную величину модель всего сооруженія на самомъ

мѣстѣ памятника (на площадкѣ бывшей сѣтки, около дворца) какъ нельзя болѣе оправдала ожиданія комиссіи и удостоилась высокаго одобренія. Вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ художественныя открытки съ изображеніемъ какъ проекта павильона Росси, такъ и эскиза статуи императрицы. Изъ помѣщаемого тутъ же сообщенія комиссіи видно, что приблизительная стоимость всего памятника составитъ не менѣе 30,000 руб., между тѣмъ какъ въ наличности имѣется собраннаго капитала лишь 22,181 р. Такимъ образомъ, недостающую сумму предстоитъ еще собрать, и комиссія питаетъ надежду, что она будетъ скорѣ пополнена тѣми, кто дѣйствительно любитъ Павловскъ и его чудный паркъ, кто умѣетъ цѣнить искусство и красоту и кому симпатична и дорога идея этого давно напрашивающагося достойнаго монумента той, которая столько потрудила для созданія и украшенія этого прелестнаго и уютнаго уголка. Подписка на памятникъ продолжается и взносы могутъ быть направляемы къ предсѣдателю комиссіи К. Я. Гроту (Воскресенская набер., № 22), къ управляющему гор. Павловскомъ Э. Э. Герингу, или въ контору «Новаго Времени», любезно изъявившую готовность принимать взносы на этотъ предметъ.

НЕКРОЛОГИ.

БЛЯЕВЪ, В. И. 4-го сентября, въ 8 час. утра, скончался отъ нефрита почкъ докторъ ботаники, попечитель варшавскаго учебнаго округа, проф. В. И. Бляевъ, на 56 году своей жизни. Происходя изъ потомственныхъ дворянъ Московской губерніи, почившій окончилъ курсъ въ частной московской гимназіи Ф. И. Креймана и въ 1874 году поступилъ на естественный факультетъ московскаго университета. Начало семидесятыхъ годовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія ознаменовано необычайнымъ подъемомъ интереса къ естественнымъ наукамъ. Окончивъ университетъ съ золотой медалью и съ званіемъ кандидата, В. И. былъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ магистерскому экзамену. И уже въ 1884 году магистерская диссертация молодого ученаго «Объ антеридіяхъ и антерозоидахъ у разноспоровыхъ плауновыхъ» обратила вниманіе ученаго міра и новыми методами изслѣдованія и новыми научными выводами, съ несомнѣнной очевидностью показавшими, что имѣвшіяся до сихъ поръ въ этой области наблюденія заключали въ себѣ несомнѣнныя ошибки. По защитѣ диссертации, молодой магистръ направляется въ Страсбургъ къ проф. де-Бару, создавшему многочисленную школу славныхъ ботаниковъ. Тутъ, по собственнымъ словамъ почившаго, онъ впервые вынесъ представленіе о томъ, какъ надо работать и какъ надо пользоваться временемъ. И съ сентября 1884 до 1901 года всю силу своего живого труда и энергіи В. И. безраздѣльно посвятилъ ученой и учебной дѣятельности въ императорскомъ варшавскомъ университетѣ и управленію варшавскимъ помологическимъ садомъ, гдѣ только благодаря почившему была устроена образцовая школа садоводства. Перу почившаго принадлежитъ цѣлый рядъ выдающихся сочиненій. Его докторская диссертация «О мужскихъ заросткахъ водяныхъ папоротниковъ» была блестяще защищена въ 1891 году въ петербургскомъ университетѣ. Работы «О строеніи и развитіи антерозоидовъ», «О каріокинезѣ у растений» и другія привѣтствовались не только у насъ въ Россіи, но и за границей, гдѣ

их переводили и печатали въ извѣстныхъ ботаническихъ журналахъ. Кромѣ специальныхъ работъ, В. И. было опубликовано нѣсколько изслѣдованій по вопросамъ ботаники болѣе общаго содержанія. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ изъ ботанической лабораторіи варшавскаго университета вышло 60 сообщеній и работъ его и его учениковъ по разнымъ вопросамъ морфологіи, анатоміи и физиологіи растений и въ области помологіи. И несомнѣнно, если бы почившій не перешелъ на административный постъ директора съ 1901 года въ Новоалександрійскій институтъ, а съ 1902 года—попечителя кievскаго и наконецъ варшавскаго округа, онъ создалъ бы себѣ большое научное имя, такъ какъ еще въ прошломъ году на съѣздѣ ботаниковъ всего міра въ Берлинѣ по случаю открытія императорскаго ботаническаго сада, по предложенію почтеннаго его директора, съѣздъ устроилъ овацію маститому В. И., несмотря на то, что его ученая дѣятельность была прервана чуть ли не 10 лѣтъ назадъ. При особенно тяжелыхъ условіяхъ протекала административная дѣятельность почившаго. Нарожденіе неслыханной смуты, японская война и наконецъ годы «кроваваго тумана» невольно сообщили боевой характеръ всей школьной политикѣ на западной окраинѣ. В. И. пришлось первому выдержать на себѣ удары школьной революціи, требовавшей польской школы—низшей, средней и высшей въ Привислинскомъ краѣ. Когда кровавый бойкотъ разразился надъ государственной школой, когда польскіе націонализаторы школы добивались осуществленія своей завѣтной мечты при помощи браунинговъ и бомбъ, когда десятками и сотнями падали сраженными честные труженики на нивѣ просвѣщенія, В. И. сумѣлъ поддержать порой падающій духъ у своихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ. И всѣмъ намъ, русскимъ, памятны его слова, обращенныя къ польскимъ націонализаторамъ: «Здѣсь должна быть и будетъ русская государственная школа съ русскимъ государственнымъ языкомъ преподаванія». А бѣдныхъ, терроризованныхъ русскихъ учителей начальной школы, избиваемыхъ и изгнанныхъ, онъ ободрялъ словами: «Пока въ Варшавѣ русскій попечитель, будете и вы», но В. И. приходилось нерѣдко вести еще болѣе тяжелую и, несомнѣнно, болѣе горькую борьбу съ центральнымъ вѣдомствомъ, засыпавшимъ его проектами націонализаціи школы снизу и доверху и всячески старавшимся избавиться отъ неудобнаго попечителя, то предлагая ему выйти въ отставку, то почетный переводъ въ другой округъ. Но дорого стоила В. И. эта борьба: государственную школу онъ отстоялъ на наиболѣе угрожаемомъ передовомъ посту, но крѣпкое свое здоровье окончательно подорвалъ и, несмотря на прекращеніе бойкота, несмотря на помощь и поддержку П. А. Столыпина и его кабинета, В. И. угасалъ на нашихъ глазахъ. И онъ самъ сознавалъ, что онъ умираетъ. Вѣсть о смерти В. И. повергла въ печаль русское общество въ Варшавѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12776).

† **Левшинъ, Л. Л.** 23-го сентября въ Москвѣ скончался отъ болѣзни сердца 69-ти лѣтъ заслуженный ординарный профессоръ московскаго университета по кафедрѣ госпитальной хирургіи Левъ Львовичъ Левшинъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1842 году и специальное образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи, при которой и защитилъ докторскую диссертацию. Въ 1867 г. въ званіи лекаря Л. Л. причисленъ былъ къ военно-сухопутному госпиталю и съ 1872 года состоялъ младшимъ врачомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго

полка. Въ 1874 году Л. Л., согласно избранію совѣта казанскаго университета, утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ названнаго университета по кафедрѣ теоретической хирургіи и въ 1877 году по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ дѣйствующую армию въ качествѣ консультанта по хирургіи. По окончаніи войны Л. Л. возвратился въ Казань, гдѣ и возобновилъ свою профессорскую дѣятельность. Съ 1885 года онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ, состоялъ и. д. декана медицинскаго факультета и съ 1893 года перевелся въ московскій университетъ по кафедрѣ госпитальной хирургіи; въ 1899 году получилъ званіе заслуженнаго профессора. Л. Л. написанъ рядъ статей въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», «Врачѣ»; отдѣльное его сочиненіе—«Основы хирургіи». Сейчасъ находится въ печати трудъ покойнаго «Хирургія въ неотложныхъ случаяхъ», который долженъ былъ вскорѣ выйти въ свѣтъ. По инициативѣ покойнаго и при матеріальной поддержкѣ Морозовыхъ устроенъ былъ въ Москвѣ при университетскихъ клиникахъ «институтъ для изученія способовъ леченія раковыхъ опухолей», директоромъ котораго онъ и состоялъ. Л. Л. болѣлъ недолго. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 219).

† **Носовъ, Л. І.** 27-го сентября, въ 11 час. утра скончался отъ воспаленія легкихъ на 64 году отъ рожденія помощникъ главнаго попечителя императорскаго Человѣколюбиваго общества, сенаторъ, тайный совѣтникъ Леонидъ Іоакимовичъ Носовъ. Покойный, по происхожденію изъ потомственныхъ дворянъ Казанской губерніи, родился въ 1848 году. По окончаніи курса наукъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ поступилъ на службу въ сенатъ въ 1870 г. и здѣсь послѣдовательно занималъ должности въ третьемъ департаментѣ до оберъ-секретаря включительно; съ 1880 г. начинается рядъ его служебныхъ командировокъ по производству ревизій различныхъ учрежденій: сначала въ Оренбургъ—для ревизіи соединенной палаты прокурорскаго надзора, мировыхъ судей и сѣзда, потомъ въ качествѣ старшаго чиновника при сенаторѣ Половцовѣ, назначенномъ по высочайшему повелѣнію для производства общей ревизіи по губерніямъ Кіевской и Черниговской. Въ 1882 г. Л. І. назначенъ состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ и въ томъ же году командированъ къ исполненію обязанностей помощника оберъ-прокурора въ третьемъ департаментѣ. Въ 1885 г. послѣдовало назначеніе Л. І. членомъ виленской судебной палаты, а въ 1887 г. онъ былъ переведенъ на такую же должность въ петербургскую судебную палату. Прохожденіе этой должности сопряжено было съ командировками въ разныя мѣстности имперіи для ревизіи судебныхъ установленій. Въ 1891 г. Л. І. назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго касационнаго департамента, въ 1893 г. членомъ консультации при министерствѣ юстиціи, въ 1894 г. предсѣдателемъ департамента виленской судебной палаты и въ 1897 г. предсѣдателемъ въ петербургскую судебную палату. Наконецъ, въ 1901 году Л. І. назначенъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ благотворительной дѣятельности императорскаго Человѣколюбиваго общества Л. І. участвовалъ съ 1903 г., когда былъ назначенъ членомъ совѣта общества, при чемъ особому попеченію Л. І. было ввѣрено подвѣдомственное Человѣколюбивому обществу попечительство для сбора пожертво-

ваній на ремесленное образованіе бѣдныхъ дѣтей. Съ 1906 г. Л. І. состоитъ помощникомъ главнаго попечителя. Въ пятилѣтній періодъ ближайшаго завѣдыванія Л. І. учрежденіями и дѣлами Человѣколюбиваго общества къ вѣдомству его присоединено вновь 10 благотворительныхъ учреждений, въ томъ числѣ кіевское общество лечебницъ для хронически-больныхъ дѣтей и др., а капиталы общества увеличились на 3.000,000 р. Кромѣ заботъ объ улучшеніи финансоваго благосостоянія общества, Л. І. проявилъ замѣчательную энергію и къ внутреннему упорядоченію и усовершенствованію жизни подвѣдомственныхъ обществу учреждений, не только петербургскихъ, но и иногородныхъ, которыя онъ посѣщаль, совершая каждый годъ поѣздки для обозрѣнія благотворительныхъ учреждений. Жертвою одной изъ такихъ поѣздокъ, предпринятой въ Москву 24-го сентября, покойный и сталъ, такъ какъ простудился и получилъ воспаленіе легкихъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12768.

† **Розановъ, Н. І., протоіерей**¹⁾. 7-го октября скончался одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей столицы, настоятель Воскресенскаго всѣхъ учебныхъ заведеній Смольнаго собора, митрофорный протоіерей, Николай Ивановичъ Розановъ. Покойный происходилъ изъ чисто священнической семьи, былъ сыномъ, внукомъ и правнукомъ іерейскимъ и потомкомъ священника, отказавшагося присягнуть Пугачеву и за то имъ казеннаго. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу истинный пастырь православной церкви, кроткій, смиренный, милосердный и непоколебимый, къ которому за помощью и на исповѣдь шли бѣдные и богатые, не зная отказа ни въ поддержкѣ матерьяльной, ни въ утѣшеніи духовномъ. Свою твердой вѣрою онъ укрѣплялъ колеблющихся и за полувѣковое служеніе вернулъ церкви не одну готовую отпасть душу, смягчилъ не одно ожесточавшееся жизнью сердце. Это былъ священникъ-педогогъ, и отсюда его значеніе въ нашъ бѣдный истинными воспитателями по призванію вѣкъ. Всю свою священническую жизнь онъ провелъ среди учениковъ и ученицъ и пользовался большою и искреннею ихъ любовью и привязанностью, помня каждого и каждую и встрѣчая ихъ кроткой, ласковой улыбкой, какъ настоящихъ своихъ дѣтей. О. Николай родился 6-го мая 1831 г. въ селѣ Дмитріевкѣ Аткарскаго уѣзда Саратовской губ. Окончивъ въ 1857 г. магистромъ слб. духовную семинарію, онъ оставался при ней въ качествѣ наставника и профессора до 1863 г., исполняя съ 1860 г. совмѣстно и обязанности священника при вновь открытой Покровской общинѣ сестеръ милосердія, по личному приглашенію великой княгини Александры Петровны. 14-го декабря 1863 г. онъ былъ переведенъ на должность священника и законоучителя въ Николаевскій сиротскій институтъ, гдѣ и прослужилъ почти 17 лѣтъ до 20-го мая 1880 г., навсегда сохранивъ съ этимъ заведеніемъ самыя теплыя отношенія, не пропуская ни разу храмового праздника 1-го октября и отзываясь на всѣ нужды бывшихъ воспитанницъ сиротъ. Кромѣ того, съ 1867 г. онъ состоялъ законоучителемъ и при Маринской женской гимназіи. Въ 1880 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ слб. духовной семинаріи, а въ 1889 г. настоятелемъ Воскресенскаго собора всѣхъ

¹⁾ Сообщено М. Г. Веселковой-Кильштетъ.

учебныхъ заведеній. Работая въ качествѣ помощника наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія по заведеніямъ вѣдомства императрицы Маріи въ цѣломъ рядѣ комиссій по законоученію, онъ въ 1909 г. на 1-мъ всероссійскомъ законоучительскомъ съѣздѣ выступилъ съ обстоятельнымъ и смѣлымъ докладомъ о пересмотрѣ пространнаго катехизиса митрополита Филарета для большей доступности его, какъ учебника въ средней школѣ. Вопросъ этотъ представленъ на разсмотрѣніе св. синода. За свою долготѣльную службу покойный имѣлъ всѣ награды до митры и ордена Александра Невскаго включительно, хотя не искалъ и не добивался ихъ никогда. Съ тѣмъ же смиреніемъ отнесся онъ и къ предполагавшемуся его полувѣковому юбилею, прося газетнымъ письмомъ обойти его молчаніемъ и считая за этимъ днемъ право лишь на два слова: *memento mori*... но его почитатели и духовныя дѣти ознаменовали 50-лѣтіе его священнослуженія двумя добрыми начинаніями: стипендіей при 10-мъ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ и сборомъ на бесплатную комнату въ лѣтнемъ убѣжищѣ для бывшихъ воспитаницъ Николаевскаго сиротскаго института. Не прошло, однакожь, и 10-ти мѣсяцевъ съ этого юбилея, какъ дѣйствительно не стало этого истиннаго добраго пастыря, говорившаго, но, къ сожалѣнію, не печатавшаго свои идущія къ сердцу проповѣди. И церковь, и паства понесли тяжелую, для многихъ незамѣнимую утрату.

† **Соболевъ, А. Н.** 17-го октября скончался экстраординарный профессоръ императорскаго лѣсного института и одинъ изъ редакторовъ «Извѣстій» этого института Алексѣй Николаевичъ Соболевъ. Покойный занималъ кафедру частнаго лѣсоводства и въ области лѣсоустройства и практическаго лѣсоразведенія считался однимъ изъ видныхъ знатоковъ. Онъ родился въ небогатой семьѣ земскаго врача 15-го марта 1871 г. и по окончаніи тульской гимназіи поступилъ въ лѣсной институтъ. Свою службу началъ помощникомъ лѣсничаго и преподавателемъ школы при крапивненскомъ лѣсничествѣ Тульской губ., гдѣ продолжалъ и свое самообразование подъ руководствомъ своего ближайшаго начальника и друга А. П. Молчанова. Вскорѣ былъ командированъ за границу на казенный счетъ для изученія лѣсного дѣла въ западныхъ государствахъ. По возвращеніи былъ приглашенъ въ 1903 г. совѣтомъ лѣсного института читать лѣсоводство. Занимаясь съ того времени профессурой, А. Н. не переставалъ работать въ лѣсу по практическому лѣсоразведенію, занимался лѣсоустройствомъ во многихъ крупныхъ имѣніяхъ и руководилъ практическими занятіями студентовъ во время лѣтнихъ каникулъ. Своей специальности покойный отдавался съ любовью, съ самоотверженіемъ, не щадя своихъ силъ и здоровья. Ему принадлежить рядъ научныхъ трудовъ по лѣсоразведенію и лѣсоустройству, изданныхъ отдѣльно или напечатанныхъ преимущественно въ «Извѣстіяхъ» лѣснаго института. Въ послѣдній разъ онъ занемогъ въ лѣсу Псковской губ. и, вернувшись домой, уже не оправился, сойдя въ могилу въ расцвѣтѣ знаній и энергіи сорокалѣтняго возраста. (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12789).

† **Трубецкой, князь П. Н. П. Н.** родился въ Москвѣ въ 1858 г. Окончивъ юридическій факультетъ московскаго университета со степенью кандидата правъ, князь отказался отъ государственной службы, предпочтя ей службу обществен-

ную, по выборамъ. 1884 г. засталъ его кандидатомъ на должность московскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Вскорѣ же князь былъ назначенъ предсѣдателемъ московскаго съѣзда мировыхъ судей, а черезъ пять лѣтъ московское дворянство избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ. Въ этой должности онъ оставался беззмѣнно до послѣднихъ выборовъ, т. е. до 1908 г. Какъ глава московскаго дворянства, кн. Трубецкой съ честью и достоинствомъ несъ свои трудныя обязанности. Онъ сумѣлъ привлечь дворянству массу пожертвованій и создать новую сѣть благотворительныхъ учреждений. При немъ былъ преобразованъ Петровско-Александровскій пансіонъ-пріютъ, для котораго построено роскошное зданіе. При немъ построены дворянскій домъ призрѣнія имени Казакова, богадѣльня имени Оболонской, дѣтскій пріютъ имени наслѣдника цесаревича и его августѣйшей невѣсты и рядъ другихъ благотворительныхъ учреждений. Князь П. Н. упорядочилъ хозяйство московскаго дворянства и его выморочные капиталы. Онъ всегда выдвигалъ на первый планъ необходимость обезпечить образованіе дворянскимъ дѣтямъ и мечталъ о созданіи специальной гимназій въ деревенской обстановкѣ для дѣтей дворянъ. Весьма видную роль игралъ князь П. Н. въ общедворянской организаціи для оказанія помощи раненымъ въ японской войнѣ. Онъ же первый выдвинулъ вопросъ о съѣздахъ губернскихъ предводителей дворянства, давшихъ возможность дворянству всей Россіи объединиться и сговориться по всемъ вопросамъ. Всеми памятные еще выступленія П. Н. въ 1905 г. относительно необходимости коренныхъ реформъ въ Россіи. Эти выступленія, поставившія его на лѣвое крыло московскаго дворянства, вызвали расколъ съ большинствомъ, почему послѣ избранія его въ государственный совѣтъ онъ отказался отъ должности губернскаго предводителя. Трубецкой умѣлъ собирать около себя людей, сплачивать ихъ и заставлять работать, и врядъ ли до него на креслѣ московскаго предводителя дворянства былъ болѣе безстрастный, болѣе ровный, болѣе справедливый руководитель преніями какъ въ губернскомъ дворянскомъ собраніи, такъ и въ губернскомъ земствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ оставилъ по себѣ безукоризненную память человѣка, который никогда не оказывалъ никакого давленія, не составлялъ партій, не искалъ никакихъ цѣлей, легко разбирался въ самыя трудныя минуты. Князь П. Н. помимо своей общественной и государственной дѣятельности въ государственномъ совѣтѣ, которая у всѣхъ на виду за послѣднія пять лѣтъ, былъ еще и крупнымъ сельскимъ хозяиномъ, владѣльцемъ значительныхъ имѣній въ Херсонской губерніи, гдѣ онъ проявилъ себѣ новаторомъ въ области веденія сельскаго хозяйства. Онъ завелъ виноградарство въ районѣ, гдѣ его никогда не было, ввелъ крупное овцеводство и хлѣбопашество. Онъ пользовался такими симпатіями и уваженіемъ среди своихъ крестьянъ, что въ самое ужасное время въ 1905 г., когда кругомъ грабили и жгли, крестьяне сами охраняли имущество Трубецкого. П. Н. былъ также въ широкомъ смыслѣ земскій человѣкъ. Онъ любилъ земство и мечталъ вернуться въ московское земство въ качествѣ гласнаго. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г., № 12776).

— Да, я брежу, когда я думаю о васъ. Да и какъ мнѣ быть спокойнымъ, когда я говорю съ вами? Я принадлежу вамъ всецѣло, и всѣ фибры моего тѣла содрогаются при вашемъ прикосновеніи. А вы остаетесь холодны, какъ ледъ, около меня.

— Вы такъ думаете? — не безъ кокетства возразила она.—Какого же приѣма вы ждете отъ меня? Неужели вы воображаете, что я брошусь вамъ на шею? За кого же вы меня принимаете?

— Эмилиа, я не могу больше выносить этого, если вы не будете принадлежать мнѣ всецѣло. Не заставляйте меня страдать, если вы меня любите. Мнѣ, можетъ быть, остается жить около васъ всего нѣсколько часовъ. Не отнимайте же у меня счастья?

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросила молодая женщина, блѣднѣя.—Боже мой! Я такъ и знала, что вы опять пустились въ какую-нибудь опасную авантюру. Вы утверждаете, что любите меня, а между тѣмъ ваши заботы направлены на что-то другое: вы все занимаетесь вашей ужасной политикой. Неужели я должна уступить мѣсто этой соперницѣ? Нѣтъ, сударь, вы не добьетесь ничего отъ меня такъ же, какъ и я не могла добиться отъ васъ обѣщанія не рисковать своей жизнью въ какой-нибудь преступной затѣѣ!

— Неужели бретонка можетъ говорить такимъ образомъ? Да притомъ еще роялистка! Неужели вы забыли доблесть вашихъ родныхъ? Всѣ ваши умерли за то, во что они вѣрили, а вы хотите, чтобы я отказался отъ ихъ дѣла? Но вы должны любить меня уже за одно то, что я хочу отомстить за нихъ.

— Но вы затѣваете безумную борьбу! Бороться съ Бонапартомъ! Но вѣдь это значило бы бороться съ судьбой. Развѣ вы не видите, что самъ богъ войны руководить этимъ человѣкомъ! Онъ уничтожить васъ, какъ уничтожилъ всѣхъ, кто осмѣливался нападать на него.

— Такъ какъ онъ силенъ, то нужно, слѣдовательно, гнуть передъ нимъ спину? Не вѣчно же ему будетъ везти. Это чудовище слѣдуетъ уничтожить, пока еще онъ не успѣлъ истребить все чело-вѣчество!

Онъ провелъ рукой по своему поблѣднѣвшему лбу и, тряхнувъ головой, сказалъ съ улыбкой:

— Какая нелѣпость! Намъ остается только нѣсколько секундъ, чтобы перемолвиться нѣсколькими словами о своей любви, а мы тратимъ ихъ на разговоры объ этомъ корсиканцѣ. Я могъ бы упрекнуть васъ, Эмилиа, въ томъ...

— Садитесь около меня.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею на оттоманку. Они были такъ близко другъ къ другу, что тонкіе духи, которыми было надушено платье Эмилиа, покрыли Санъ-Режана, какъ облакомъ. Тихонько онъ обнялъ ее рукой за тонкую талию и быстро сталъ ее цѣловать.

— Ты придешь? — трепещущимъ голосомъ спросилъ Санъ-Режанъ.

Она не отвѣчала, но по глазамъ видно было, что она согласна.

— Мы можемъ укрыться у одной модистки, которая живетъ въ улицѣ Дракона. Ея квартира такъ устроена, что для насъ нѣтъ никакой опасности. Я дамъ вамъ точный адресъ и сообщу пароль. Я переѣду туда черезъ три дня. Для виду мнѣ нужно будетъ исчезнуть изъ Парижа, но я вернусь обратно переодѣтымъ и неузнаваемымъ.

— Какъ я боюсь всего этого! Но какъ же я могу прийти къ вамъ? Меня узнаютъ, за мной будутъ слѣдить и такимъ образомъ откроютъ и васъ!

— Все будетъ тщательно подготовлено заранее! Вы не подвергнетесь никакой опасности, положитесь на меня.

Лѣстница загудѣла отъ тяжелыхъ шаговъ Лербура, и они быстро отскочили другъ отъ друга. Лербуръ появился съ листомъ въ рукѣ.

— Вотъ списокъ вещей, которыя мнѣ нужны, и дѣны. Смотрите, не потеряйте.

Санъ-Режанъ, не посмотрѣвъ, сложилъ бумажку и сунулъ ее въ свой внутренній карманъ. Взявъ шляпу и палку, которыя онъ при входѣ положилъ на столъ, онъ поклонился т-те Лербуръ и сказалъ:

— Извините, гражданка. Я долженъ васъ покинуть. У меня сегодня еще много дѣла, а завтра я уже опять двинусь въ путь. Обѣщаю прислать гражданину Лербуру кружева, если только найду достойныя васъ, и прошу его поднести вамъ ихъ отъ меня.

— Ну, Леклеръ, безъ глупостей!—съ добродушнымъ ворчаніемъ замѣтилъ Лербуръ.—Молодой человѣкъ долженъ быть экономнымъ. Не забудьте, пожалуйста, относительно фризскихъ суконъ. Это вещь солидная. А въ особенности пишите намъ о себѣ.

— Это не такъ легко. Впрочемъ, я постараюсь, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

Поклонившись еще разъ Эмилии, онъ вмѣстѣ съ Лербуромъ спустился въ магазинъ.

Тамъ уже сидѣлъ старинный покупатель Германсіи и Зои, рассматривая галстуки и перчатки и обмѣниваясь съ продавщицами старомодными любезностями.

Санъ-Режанъ прошелъ мимо него, разговаривая съ Лербуромъ:

— Не рассчитывайте получить отъ меня письмо изъ Германіи раньше, какъ черезъ двѣ недѣли... Я вернусь черезъ Страсбургъ и Эльзасъ. Если вамъ нужны будутъ бутылка-другая киршвасеру, то я могу вамъ ихъ прислать.

— Великолѣпно! Мы разопьемъ ихъ вмѣстѣ! До свиданія!

Они пожали другъ другу руки, и Санъ-Режанъ спокойно направился по улицѣ Сентъ-Оноре. Дойдя до улицы Сухого Дерева,

онъ вошелъ въ гостиницу «Красный Левъ», гдѣ отважно остановился, вернувшись въ Парижъ.

Браконно былъ такъ сбить съ толку этимъ отсутствіемъ предосторожностей, что на него напало даже сомнѣніе, и онъ сталъ себя спрашивать, ужъ не отказался ли дѣйствительно молодой человѣкъ отъ своихъ плановъ, чтобы наслаждаться любовью прекрасной Эмилии вмѣсто того, чтобы злоумышлять противъ перваго консула.

Но затѣмъ, подумавъ хорошенько, онъ сказалъ себѣ, что эта видимая невинность не что иное, какъ самая тонкая хитрость. Послѣ этого онъ съ большимъ, чѣмъ когда-либо, вниманіемъ принялся слѣдить за мнимымъ Викторомъ Леклеромъ. Фуше, которому онъ доложилъ о своихъ походахъ, повидимому, былъ не совсѣмъ доволенъ его образомъ дѣйствій относительно маркиза де-Поммадера.

— Вы падѣлаете мнѣ непріятностей во дворцѣ,—сказалъ онъ.— М-ме Бонапартъ больше, чѣмъ когда-либо, ухаживаетъ теперь за знатною. Дни не проходитъ, чтобы она не вернула какого-нибудь знатнаго эмигранта, который возвращается во Францію для того, чтобы усиливать броженіе, вести интриги и фронттировать противъ правительства. Сень-Жерменское предмѣстье появилось опять: вернулись Монморанси, Нарбонны, Мортмары... Увѣряю васъ, что если бы самъ графъ д'Артуа попросилъ разрѣшенія вернуться подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не является наслѣдникомъ престола, то ему немедленно вернули бы его Багателль и просили бы не стѣсняться и завести тамъ свой собственный дворъ... Этотъ Поммадеръ, конечно, будетъ жаловаться, и Бонапартъ грубо обливить мнѣ, что мнѣ лучше заниматься филадельфами и происками генерала Моро, чѣмъ аристократами.

— Но, гражданинъ-министръ, генераль Моро, хотя и не принимаетъ участіе въ заговорахъ, однако въ сильной оппозиціи къ правительству консуловъ. У него есть партія въ сенатѣ. Да и половина арміи ему предана. Онъ, вѣроятно, раскаивается въ томъ, что принялъ участіе въ движеніи въ брюмерѣ. Наконецъ онъ окруженъ женщинами, его теща и жена даютъ ему плохіе совѣты...

— Ну развѣ это поводъ для того, чтобы подозрѣвать его въ заговорѣ противъ правительства! человѣкъ, столъ доблестный, какъ онъ... Но онъ просто бѣльмо на глазу перваго консула.

— И особенно Жозефины...

— Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! И съ мужчинами-то трудно управляться, но если ввяжутся женщины!

— Въ ваши намѣренія, я полагаю, не входитъ, чтобы я прекратилъ свои наблюденія за Санъ-Режаномъ?

— Конечно, не входитъ! Это агентъ Жоржа въ Парижѣ. Это правая рука шуановъ въ данное время. Санъ-Викторъ уѣхалъ въ Англію... ну, и пусть онъ тамъ остается. Это тоже очень

опасный человекъ. Но не спускайте глазъ съ Санъ-Режана и его друзей.

— А какъ насчетъ Лербура?

Фуше перелистала дѣло, лежавшее передъ нимъ на столѣ.

— Нѣтъ, Лербура оставьте въ покоѣ. Это простакъ, который думаетъ только о своихъ торговыхъ дѣлахъ. Но есть еще нѣкій Лимоэланъ, котораго не разъ видали съ Санъ-Режаномъ и о которомъ я имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія... Онъ, повидимому, исчезъ изъ Парижа. Его нужно разыскать. Его послѣднее имя было Бюскаль.

— Хорошо, я справлюсь на почтѣ и предупрежу насчетъ его черный кабинетъ.

— Ахъ, вотъ еще что. Хорошо, что вспомнилъ. Вы зайдете въ № 113 Пале-Рояля и предупредите Лекюйе, что если у него еще разъ повторится такой скандалъ, какъ вчера, то я прикажу закрыть его заведеніе. Шайка мошенниковъ потушила люстры въ залѣ, гдѣ играли въ фараонъ, и въ темнотѣ ограбила деньги банка и игроковъ. До денегъ банка мнѣ дѣла нѣтъ, но деньги игроковъ должны быть въ безопасности. Эти люди пришли въ Пале-Рояль для того, чтобы играть, а вовсе не для того, чтобы быть ограбленными.

— Но Лекюйе возмѣстятъ все... даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ было взято грабителями...

— Это такъ. Но нельзя мириться съ тѣмъ, что для игроковъ есть опасность...

— Гражданинъ-министръ, въ двадцать четыре часа я могу арестовать людей, которые выкинули эту штуку...

— Вамъ они извѣстны?

— Ихъ пять. Двое погасили люстры. Это нѣкіе Сержанъ и Вильпуа, оба они изъ полиціи Тюильрійскаго дворца. Трое другихъ профессиональные игроки, проигравшіеся въ настоящее время. Это кавалеръ де-ля-Руллеръ и нѣкіе Лебукъ и де-Фори. Не слѣдуетъ ли отправить ихъ въ тюрьму?

Глаза Фуше совсѣмъ ушли подъ красныя, мигающія вѣки. Тонкая улыбка скользнула по его губамъ.

— Трехъ послѣднихъ оставьте въ покоѣ. Но спаайте двухъ первыхъ, которые составляютъ специальную полицію перваго консула, и пришлите мнѣ рапортъ.

— Все будетъ исполнено сегодня же вечеромъ.

Фуше выдвинулъ ящикъ, досталъ оттуда горсть золота и, подавая Браконно, сказалъ:

— Вотъ вамъ на расходы.

Онъ отпустилъ его кивкомъ головы и погрузился опять въ свои дѣла.

Санъ-Режанъ вернулся въ гостиницу «Красный Левъ» только для того, чтобы удовлетворить любопытство полицейскихъ, кото-

рые—онъ это чувствовалъ — окружали его со всѣхъ сторонъ. Въ ожиданіи момента, когда можно будетъ воспользоваться удачнымъ случаемъ для того, чтобы перемѣнить свое жилище, онъ все время сидѣлъ въ своей комнатѣ. Лежа на диванѣ, онъ весь уходилъ въ мечты. О чемъ онъ мечталъ? Отчасти о страшномъ дѣлѣ, которое ему предстояло исполнить, но главнымъ образомъ объ Эмилии, поцѣлуи, которой еще горѣли на его губахъ. Онъ любилъ впервые въ жизни и любилъ страстно.

Въ полузабытѣ онъ видѣлъ молодую женщину, сидѣвшую на оттоманкѣ, и нѣжно улыбался ей. Она любила его больше, чѣмъ онъ могъ требовать, и ея взглядъ говорилъ больше, чѣмъ слова.

Какъ въ смутномъ снѣ показался ему образъ Эмилии, которая улыбалась, словно желая его ободрить. Вдругъ въ его воображеніи предсталъ тяжелый силуэтъ Жоржа. Съ карабиномъ на плечѣ онъ велъ свои отряды въ атаку противъ летучихъ колоннъ, которыми была усѣяна Бретань. То были послѣдніе борцы противъ революціи, послѣ смерти которыхъ дѣло короля погибнетъ окончательно. Преслѣдуемые по пятамъ, встрѣчая всюду измѣну, почти не имѣя оружія, они сражались одинъ противъ ста, ведя партизанскую войну, устраивая засады на опушкахъ лѣса, словно разбойники.

И этихъ-то послѣднихъ бойцовъ онъ готовится оставить! Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Онъ сразу пришелъ въ себя и, устыдившись малодушія, которому онъ позволилъ увлечь себя въ мечтахъ,—рѣшилъ отдать на службу этимъ преданнымъ соратникамъ все свое мужество и преданность.

Въ эту минуту кто-то постучалъ три раза въ дверь, дѣлая условные промежутки. Санъ-Режанъ открылъ дверь. Передъ нимъ стоялъ Лимоэланъ, переодѣтый рабочимъ. Лицо его было выпачкано извѣсткой.

Онъ вошелъ въ комнату, опустился на стулъ и, увидавъ на каминѣ стаканъ съ водой, дотянулся до него рукой и залпомъ выпилъ.

— Ухъ! Вотъ славно! Минуту тому назадъ, чтобы не выдать себя, я былъ принужденъ выпить съ товарищами вина, которое обожгло мнѣ горло... Ну, другъ мой, вы вернулись? Какъ наши дѣла?

— Намъ предстоитъ исполнить нашъ замыселъ. Часъ насталъ.

— Ну, тогда нечего колебаться. Вамъ нужно переѣхать изъ этой гостиницы. Черезъ нѣсколько времени вы должны исчезнуть отсюда.

— Но я не могу показаться на улицѣ. За мной сейчасъ же вырастаетъ сыщикъ.

— Я втерся въ число рабочихъ, которые покрываютъ черепицей крышу гостиницы, и такимъ образомъ имѣю возможность входить сюда и выходить обратно... Я пилъ съ агентами Фуше. Они засѣли въ кофейнѣ, которая находится на углу этой улицы.

— Отлично. Мы сдѣлаемъ вотъ что. Принесите мнѣ завтра, около этого же времени, рабочее платье, совершенно такое же, какое носятъ ваши товарищи. Я его надѣну сверхъ своего... Вы дадите мнѣ также колпакъ, который поможетъ мнѣ скрыть лицо, и ящикъ съ известью. Такимъ образомъ, я могу выйти отсюда совершенно спокойно и больше сюда не вернусь.

— Вы отправитесь прямо на улицу Дракона къ модисткѣ Грандо, которая приметъ васъ, какъ только вы скажете два слова: Провансъ и Артуа. Но знаете что? Зачѣмъ намъ ждать до завтра? Отправляйтесь сейчасъ же... Мы съ вами одинаковаго роста... Я дамъ вамъ панталоны, куртку и колпакъ... Ящикъ съ известкой въ двухъ шагахъ отсюда... замажете себѣ лицо, чтобы васъ могли принять за меня, и...

— А какъ же вы?

— Я займу ваше мѣсто и переодѣнусь Санъ-Режаномъ... Я выйду первымъ, чтобы увлечь за собой свору ищеекъ. А вы, пользуясь этимъ, выйдете безъ всякой опасности и отправитесь, куда нужно. Черезъ часъ будетъ уже совершенно темно. Вы спуститесь къ берегу Сены и пойдете по Новому мосту. Ящикъ и одежду вы можете бросить въ рѣку и, превратившись опять въ гражданина Леклера, доберетесь до нашего убѣжища въ улицѣ Дракона. Завтра мы съ вами тамъ увидимся. Ну, идетъ?

— Вотъ дѣйствительно прекрасный случай! Надо имъ воспользоваться.

Они обмѣнялись костюмами. Санъ-Режанъ натянулъ сверхъ своего платья блузу и панталоны Лимоэлана и надѣлъ на ноги его грубые, грязные башмаки. Свои ботинки онъ положилъ въ карманъ, а складную шляпу скрылъ подъ жилетомъ... Затѣмъ однимъ движеніемъ руки онъ включилъ себѣ волосы и мазнулъ лицо свѣжей известью. Выйдя въ коридоръ, онъ выскочилъ черезъ окно на подмостки и взвалилъ на плечи дюжину пустыхъ мѣшковъ, поставивъ при этомъ на голову ящикъ съ известкой. По лѣсенкѣ онъ спустился на улицу, остановился около телѣжки съ матеріалами и, бросивъ свои мѣшки и ящикъ, съ усталымъ видомъ присѣлъ на нее, потягиваясь съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ немного отдохнуть. Потомъ вдругъ вскочилъ, какъ будто что-то вспомнивъ, и сдѣлалъ шаговъ двадцать по направленію къ набережной. Тамъ онъ остановился и осмотрѣлся: погони не было. Успокоенный, онъ сейчасъ же тронулся въ дальнѣйшій путь и скоро исчезъ изъ виду.

А въ это время полицейскіе агенты, увлекшись игрой въ карты, не слѣдили даже за Лимоэланомъ, такъ что оба сообщника безъ всякихъ помѣхъ удалились каждый въ свою сторону.

На Новомъ мосту Санъ-Режанъ связалъ въ узелъ свое рабочее платье и понесъ его съ собой, рассчитывая, что оно можетъ еще пригодиться. Дойдя до улицы Дракона, онъ остановился и сталъ раз-

сматривать домъ подъ № 35. Онъ былъ въ два этажа. Въ нижнемъ этажѣ на окнахъ виднѣлись аптекарскія склянки, на второмъ этажѣ висѣла вывѣска: «Виргинія Грандо. Моды и наряды». Еще выше были мансарды. Распахнутыя ворота, запиравшіяся и на день на засовъ, вели въ полутемный, довольно вонючій дворъ. Санъ-Режанъ толкнулъ ворота. Раздался звонокъ, на который, однако, никто не вышелъ. Онъ вошелъ во дворъ, нащелъ ощупью узкую лѣстницу, слабо освѣщавшуюся свѣтомъ, падавшимъ сверху на первыя ступеньки. Медленно поднявшись во второй этажъ, онъ остановился около коричневой двери, на которой было написано тоже, что и на вывѣскѣ: «Виргинія Грандо. Моды и платья», и позвонилъ.

За дверьми послышались медленные шаги. Наконецъ дверь отворилась, и показалась женщина въ чепцѣ и синемъ передникѣ.

— Что угодно гражданину?—спросила она съ удивленнымъ видомъ.

— Я желалъ бы видѣть гражданку Грандо.

— Насчетъ шляпы?

— Да,—отвѣчала съ улыбкой Санъ-Режанъ,—насчетъ шляпы.

Старуха пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ, заперла за Санъ-Режаномъ дверь и ввела его въ небольшую комнату, которая была заставлена столами съ красовавшимися на нихъ моделями.

Черезъ минуту вошла худая и блѣдная женщина лѣтъ тридцати и чрезвычайно внимательно посмотрѣла на Санъ-Режана.

— Имѣю честь говорить съ гражданкой Грандо?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, гражданинъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ поручено сказать вамъ: Провансъ и Аргуа.

При этихъ словахъ выраженіе лица модистки перемѣнилось и потеряло свою замкнутость.

— А, такъ это васъ-то я ожидаю уже цѣлую недѣлю. Очень хорошо, что вы пришли поздно вечеромъ. Мои мастерицы уже разошлись и не будутъ знать о вашемъ присутствіи. Что же касается старухи Матюрэнь, то вы вполне можете положиться на ея преданность. Я васъ сейчасъ познакомлю. Матюрэнь, пойди сюда.

Старуха появилась снова. Она сдѣлала гримасу и сказала, ворча себѣ подъ носъ:

— Что жъ вы будете дѣлать шляпу этому господину, что ли?

— Мы должны его скрыть.

— Это, значить, одинъ изъ нашихъ господъ?

— Да, Матюрэнь. Его прислалъ къ намъ Жоржъ.

— Въ такомъ случаѣ, добро пожаловать,—почтительно сказала старуха.—Но для того, чтобы наши мастерицы ничего не провѣдали, господинъ долженъ согласиться сидѣть цѣлый день въ тайникѣ, гдѣ былъ епископъ.

— О, обо мнѣ не беспокойтесь,—сказала Санъ-Режанъ.—Я привыкъ прятаться. Наконецъ, на войнѣ все приходилось терпѣть.

— Вамъ не придется терпѣть лишения,—возразила Виргинія.— Нужно будетъ только оставаться взаперти цѣлый день. Пойдемте, я покажу вамъ ваше убѣжище.

Съ этими словами содержательница модной мастерской направилась по коридору въ кухню. Тамъ она открыла стѣнной шкапъ, на полкахъ котораго красовались посуда и провизія, кофе, сахаръ, мука. Около одной полки она надавила пальцемъ на стѣну. Послышался скрипъ, и задняя часть шкапа перевернулась. За нимъ открылся входъ въ потайную комнату футовъ шести въ длину и футовъ девяти въ ширину. Тамъ стояла кровать, шкапъ, столъ и два кресла. Свѣтъ проникалъ черезъ узкое оконцо, выходившее на внутренній дворикъ, откуда казалось, будто оно выходитъ въ кухню. Только глазъ опытнаго архитектора могъ бы замѣтить, что оно пробито въ самой толстой части стѣны. Самый тайникъ находился не въ квартирѣ Грандо, а представлялъ собою выступъ, захватывающій часть сосѣдняго дома. Это хитроумное приспособленіе, которое можно было устроить только благодаря тому, что оба дома принадлежали одному и тому же хозяину, сослужило роялистамъ хорошую службу во время террора. Первымъ жилъ здѣсь монсиньоръ де-Карбоньеръ. Съ этого времени тайникъ и сталъ называться «тайникомъ епископа». Впослѣдствіи онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ не мало лицъ, приговоренныхъ къ изгнанію, и ни разу не навлекъ на квартиру какихъ-либо подозрѣній.

— У васъ тутъ будутъ книги и бумага. Словомъ, будетъ чѣмъ развлекаться. Не слѣдуетъ только съ шумомъ ходить. Хотя стѣна достаточна толста, но все-таки сосѣди могутъ, пожалуй, услышать. Моей кухни вамъ бояться нечего. Вы будете запираетесь здѣсь на день, а ночью, если вамъ нужно, можете выходить.

— И если кто-нибудь ко мнѣ придетъ...

— Тогда пусть скажетъ мнѣ пароль, и я все устрою, что нужно.

— Могу я увѣдомить одно лицо, что я въ полной безопасности?

— Матюрэнъ или я отнесемъ письмо, если вы позволите.

— Не знаю, какъ васъ и благодарить!

Санъ-Режанъ пустился благодарить модистку съ такимъ жаромъ, что та даже размѣялась.

— Ахъ, вы повѣса,—сказала она, грозя ему пальцемъ.—Ужъ, конечно, не мужчину вы спѣшите предупредить. А вы еще хотите, чтобы мы васъ укрывали!

— Изъ-за этой особы не можетъ быть ни малѣйшей опасности!— съ живостью вскричала Санъ-Режанъ.—Она скорѣе погибнетъ, чѣмъ навлечетъ на насъ подозрѣніе. Наконецъ, развѣ она не можетъ прійти въ модную мастерскую? Да и вы сами развѣ не можете отправиться къ ней купить у нея лентъ, шелковыхъ матерій и бархата?

Виргинія Грандо стала опять серьезной и твердо сказала:

— Хорошо, на одно свиданіе я согласна. Но не на два, прошу васъ. Мы не должны приносить въ жертву нашимъ прихотямъ интересы нашей партіи. Я уже оказала большія услуги нашимъ друзьямъ и хотѣла бы оказывать ихъ и на будущее время. А для этого единственное средство не выдавать существованія нашего тайника и не подводить подъ арестъ ни себя, ни меня. Итакъ, вы должны сообразоваться съ нашими совѣтами, или же оставить насъ въ покоѣ. Поняли?

— Понялъ.

— Отлично. Вы, вѣроятно, еще не ужинали. Тогда позвольте познакомиться съ вами поближе за столомъ.

Виргинія Грандо была родомъ изъ Бретани. Ея отецъ, правая рука Шаретта, былъ взятъ въ плѣнъ въ Шаботери и вмѣстѣ съ главой шуановъ разстрѣлянъ. Услуги, которыя эта особа оказала роялистской партіи, были неисчислимы. Графъ Прованскій самъ писалъ ей изъ Митавы, благодаря ее за ея преданность, и поручилъ Гиду де-Невиллю лично передать ей его слова: «Если бы я могъ жаловать титулъ герцогини, какъ я жалую титулъ герцога, то, конечно, достойнѣйшей была бы *madame* Грандо».

Полиція знала, что въ Парижѣ есть агентъ принцевъ, который является связующимъ звеномъ между Англійей, Вандеей и югомъ. Но ей никакъ не удавалось разыскать этого агента. Тайна модной мастерской на улицѣ Дракона хранилась крѣпко, и объ ней знали только люди вполне благонадежные.

Лимоэланъ приходился родственникомъ Виргиніи и былъ посвященъ въ ея сношенія съ эмигрантами. Не будь этого дальняго родства, подобной фигуры никогда не было бы около Виргиніи Грандо.

Лимоэланъ явился въ улицу Дракона на другой же день. На этотъ разъ онъ былъ неузнаваемъ: онъ переодѣлся такъ, что даже самый опытный глазъ не могъ узнать его. У него была фizioномія настоящаго пьяницы, красная и помятая, глаза слезились, изъ всѣхъ поръ словно просачивался алкоголь. Одѣтый въ весьма заношенную куртку краснаго бархата, онъ тащилъ инструменты для набивки тюфяковъ, а на плечѣ раму, на которую натягиваются для чистки кружева и тюль. Мѣсяца два тому назадъ онъ поселился въ мансардѣ рядомъ съ мастерской, которую подъ самой крышей занимала Матюрэнъ. Въ околоткѣ, гдѣ ему уже пришлось поправить матрасовъ сорокъ, онъ сталъ извѣстенъ среди мальчишекъ подъ именемъ дяди Жюля. Онъ притворялся вѣчно выпившимъ и говорилъ съ сильнымъ шиккардійскимъ акцентомъ. Сначала полиція слѣдила за нимъ. Но дядя Жюль казался такимъ глупымъ, что подозрѣнія противъ него были усыплены и агентъ Дюбуа даже помогаль ему добираться до дому, когда онъ ужъ черзчуръ шатался и колотился объ стѣны. У него былъ только одинъ другъ—Франсуа,

привратникъ одной женской общины. Перебивая въ общинѣ матрасы и потому пользуясь свободнымъ доступомъ туда, дядя Жюль каждый вечеръ отпраплялся на часъ или на два къ нему въ контору съ разрѣшенія начальницы общины m-lle Сисэ.

Община, служившая убѣжищемъ дамамъ и дѣвницамъ благороднаго происхожденія, раскрывала также свои двери и монахинямъ изъ провинціи, которымъ случалось проѣзжать черезъ Парижъ. Не проходило дня, чтобы комнаты для проѣзжающихъ не были заняты.

На самомъ же дѣлѣ вотъ что происходило среди молчаливыхъ стѣнъ этого убѣжища. Всѣ проѣзжавшія монахини были роялистскими агентами, которые передавали инструкціи во всѣ отдѣлы своей партіи. Привратникъ Франсуа былъ не кто иной, какъ Жанъ Карбонъ, шуанъ, который отказался подчиниться соглашенію 1796 года и, поселившись въ Парижѣ, продолжалъ служить дѣлу короля, поддерживая при помощи Лимоэлана сношенія съ Виргиніей Грандо и жожаками партіи.

Такимъ образомъ, всѣ приказанія, шедшія изъ Англии, всякія посылки, направлявшіяся черезъ Бретань на югъ,—всѣ онѣ стекались въ эту общину Нотръ Дамъ-де-Шанъ. Дядя Жюль и Франсуа были агентами, на обязанности которыхъ лежало передавать новости, шедшія изъ разныхъ очаговъ возстанія.

Въ тотъ самый день, когда Санъ-Режанъ переселился въ улицу Дракона, дядя Жюль и Франсуа, сидя въ обычной комнаткѣ за стаканами вина, до котораго они, впрочемъ, не дотрагивались, вели тихій разговоръ между собою.

— Настала наконецъ часъ,—говорилъ Лимоэланъ:—когда можно будетъ привести въ исполненіе планъ, который Санъ-Режанъ предложилъ комитету и который былъ имъ принятъ. Въ общемъ, онъ чрезвычайно простъ. Нужно раздобыть телѣжку и лошадь, боченокъ съ порохомъ и старое ружье. Телѣжку и лошадь должны добыть ты, чтобы нѣкоторое время онѣ не пропадали даромъ...

— У меня есть и то и другое подъ рукою. На этой телѣжкѣ каждую недѣлю ѣздятъ въ Шевилльи за овощами въ огородъ, который принадлежитъ нашей общинѣ.

— Ты не обдумалъ дѣла, какъ слѣдуетъ,—возразилъ Лимоэланъ.— Что если телѣжку и лошадь узнаютъ? Полиція нагрянетъ сюда и арестуетъ всѣхъ сестеръ общины, какъ соучастницъ! Тутъ такое дѣло, что и головы можно лишиться! Мы не имѣемъ никакого права впутывать въ это столь опасное предпріятіе этихъ благородныхъ дамъ.... Надо раздобыть такую телѣжку, которую нельзя было бы признать, если даже отъ нея останется большою кусокъ. Въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись безъ лошади. Неужели мы не въ состояніи вдвоемъ отвезти эту телѣжку на указанное мѣсто?

— Нѣтъ, такъ будетъ опасно. Я знаю, у одного садовника изъ Вожирара есть телѣжка и старая лошадь, которыя я попрошу продать мнѣ. За хорошую плату онъ, безъ сомнѣнія, согласится, и мы ихъ возьмемъ отъ него, когда явится надобность. Этотъ человекъ насъ не выдастъ. Я увѣренъ въ немъ. Такимъ образомъ, ничто не можетъ насъ скомпрометировать. За двадцать эку будетъ устроено все.

— Что касается боченка съ порохомъ и ружья, то объ этомъ позаботится Санъ-Режанъ. Снарядъ будетъ изготовленъ имъ вполне. Останется только положить его на телѣжку...

— А когда же будемъ дѣйствовать?

— Нужно будетъ подождать удобнаго случая. Санъ-Режанъ подготавливаетъ благопріятный моментъ и предупредить насъ, когда настанетъ время.

Такимъ-то образомъ эти три человека безъ колебаній приготовлялись уничтожить героя, на котораго Франція возлагала все свои надежды. Пока дворцовая полиція и агенты Дюбуа, желая снискать благоволеніе перваго консула, не спускали глазъ съ якобинцевъ, которые держались спокойно, и сыпали доносами на филаделфовъ, которые расплывались въ безконечныхъ теоретическихъ словопреніяхъ, тѣ, которыхъ только и боялся Фуше, были наканунѣ своего страшнаго покушенія.

Напрасно прождавъ цѣлыхъ два дня у гостиницы «Красный Левъ», Браконно, тщетно поджидавшій выхода Санъ-Режана, долженъ былъ сознаться, что агенты полиціи, которыхъ онъ приставилъ слѣдить за юнымъ роялистомъ, остались въ дуракахъ и что ему нужно начинать съ другого конца, съ магазина подъ вывѣскою «Bonnet Bleu», чтобы снова поймать оборвавшуюся нить. Браконно былъ увѣренъ, что если онъ станетъ слѣдовать по пятамъ за Эмилией Лербуръ, то такимъ путемъ онъ дойдетъ и до Санъ-Режана.

Чтобы обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ, Браконно поселился на улицѣ Сентъ-Оноре, въ трехъ шагахъ отъ вывѣски «Bonnet Bleu» и, злобствуя на Санъ-Режана, думалъ о расшатѣ съ нимъ, которая неминуемо должна наступить.

На третій день послѣ того, какъ Санъ-Режанъ прибылъ въ улицу Дракона, въ магазинъ Лербура вошла около четырехъ часовъ дня какая-то женщина съ картономъ, который обыкновенно носятъ модистки, продѣвая руку черезъ ремень верхней крышки. Въ магазинъ ее направили во второй этажъ. Здѣсь молодая женщина дѣятельно раскладывала вмѣстѣ съ мужемъ разныя шелковыя ткани, чтобы составить для покупателей богатый выборъ. Лербуръ подошелъ къ покупательницѣ и спросилъ, чѣмъ онъ можетъ ей служить.

— Гражданинъ, я зашла сюда на всякій случай предложить вашей женѣ, не выберетъ ли она у меня кружева... Это распродажа по случаю, недорого, для такого дома, какъ вашъ, это будетъ сущая бездѣлица....

— Ну, посмотримъ,—сказаль Лербуръ, которому польстили послѣднія слова.—Но позвольте, вѣдь это кружева съ священническихъ стихарей. Чортъ возьми! Великолѣпная вещь! Вотъ покровы съ престола... Откуда это у васъ?

— Я не могу вамъ этого сказать. Все это продается за двѣ тысячи четыреста ливровъ... Если вамъ это подойдетъ, то берите, а мнѣ дайте дньги. Это крайняя цѣна, и я даже не беру за комиссію.

— Какой же вамъ интересъ въ этой продажѣ?

— Я хочу оказать услугу владѣльцамъ этихъ кружевъ и купить за это подешевле лентъ, которыя мнѣ нужны для моей мастерской... Конечно, вы не захотите остаться въ долгу передо мной?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчала Лербуръ. Быстро осмотрѣвъ товаръ, который ему предлагали, онъ убѣдился, что кружева стоили по крайней мѣрѣ вчетверо дороже.—Я сейчасъ принесу вамъ деньги изъ своей кассы. Нашимъ продавщицамъ незачѣмъ знать объ этой покупкѣ.

Онъ спустился внизъ, оставивъ Эмилию вдвоемъ съ продавщицей. Быстро выхвативъ изъ-за лифа плотно сложенный кусочекъ бумаги, послѣдняя протянула ее молодой женщиной, говоря:

— Прочтите, когда вы будете одна. Отъ Виктора Леклера.

Эмилиа сильно покраснѣла. Одинъ моментъ она даже колебалась. Но послышались шаги поднимающагося по лѣстницѣ мужа, и она быстро спрятала письмо въ карманъ.

— Вотъ вамъ деньги, гражданка,—сказаль Лербуръ.—Счета вамъ, конечно, не нужно. Если у васъ опять будетъ случай въ родѣ этого, то не забудьте обо мнѣ...

Модистка взяла мѣшочекъ съ золотомъ, который ей протягиваль Лербуръ, и положила его въ свой ридикюль. Затѣмъ она поклонилась т-те Лербуръ и сказала:

— А теперь покажите, что у васъ есть самаго моднаго изъ лентъ.

— Пожалуйте внизъ, гражданка, я самъ проведу васъ въ отдѣленіе лентъ и шелковыхъ товаровъ.

Они сошли внизъ по узенькой лѣстницѣ, и Эмилиа осталась одна.

Ей очень хотѣлось прочесть скорѣе письмо, которое она ощупывала въ карманѣ кончиками пальцевъ! Развѣ можно противиться желанію поскорѣе узнать, что подѣлываетъ Санъ-Режанъ, гдѣ онъ и есть ли надежда увидѣться съ нимъ.

Письмо было не длинно:

«Если вы меня любите и хотите видѣть, приходите на другой день въ улицу Дракона, домъ № 35, къ содержательницѣ модной мастерской Виргиніи Грандо, которая передастъ вамъ это письмо. Вамъ нечего бояться. Вы можете меня осчастливить. Викторъ».

Прочтя это письмо, Эмилиа сдѣлала то, что должна была бы сдѣлать сначала: она сожгла бумажку на свѣчѣ и пепель бросила

въ каминъ. Послѣ этого она погрузилась въ думы. И эта женщина, которая приносила кружева, была хозяйкой Санъ-Режана. Она старалась припомнить ея лицо. Ей было лѣтъ сорокъ, если не больше, она была очень некрасива и, безъ сомнѣнія, не могла быть соперницей. Это обстоятельство расположило къ ней Эмилию. Отправиться въ улицу Дракона и зайти тамъ въ модную мастерскую—было дѣломъ самымъ естественнымъ, которое никакъ не могло навлечь на Эмилию какихъ-либо подозрѣній. Что касается до нея, то выборъ убѣжища былъ очень практиченъ и остроуменъ. Оставалось узнать, гдѣ и какимъ образомъ они могутъ видѣться.

Она рѣшила попытаться видѣть Санъ-Режана на другой же день. Со времени его исчезновенія Эмилиа Лербуръ выходила изъ дому всего только разъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ Тюильрійскаго парка на террасѣ Фейльяновъ.

Браконно начиналъ приходить въ отчаяніе, видя, что его выслѣживаніе остается безъ результата. Вотъ отчего полицейскій агентъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда Эмилиа на другой день около трехъ часовъ появилась на порогѣ своего магазина.

Молодая женщина направилась къ Пале-Роялю. Тамъ она взяла извозчика, который быстро покатилъ по направленію къ Сенъ-Браконно долженъ былъ ускорить шагъ, чтобы не потерять изъ виду экипажа среди запутаннаго лабиринта улицъ и переулковъ. Около монетнаго двора онъ, дѣйствительно, потерялъ было его изъ глазъ, но вдругъ замѣтилъ его опять на набережной Гранъ-Огюстенъ. Когда Эмилиа вышла изъ экипажа на улицѣ Дракона, Браконно сдва могъ перевести духъ.

Къ удивленію своему, онъ увидаль, что Эмилиа вошла въ одинъ изъ дворовъ, приказавъ своему извозчику ее ждать. Онъ внимательно осмотрѣлъ домъ, но не нашель въ немъ ничего особеннаго. Вывѣска модной мастерской навела его на мысль, что онъ гнался, быть можетъ, совершенно напрасно, но, подумавъ немного, онъ нашель страннымъ, что м-ше Лербуръ ѣдетъ въ мастерскую, которая находится такъ далеко и отличается весьма скромнымъ видомъ. Имѣя обширныя торговыя связи, она могла бы въ этомъ случаѣ пользоваться услугами лучшихъ парижскихъ фирмъ. Онъ постоянно твердилъ себѣ, что въ полицейскомъ дѣлѣ всегда нужно прицѣпляться къ тому, что представляется невѣроятнымъ.

Онъ рѣшилъ хорошенько разузнать, какія дѣла есть у м-ше Лербуръ въ домѣ № 35 по улицѣ Дракона, и, вооружившись терпѣніемъ, сталъ ждать.

Поднявшись во второй этажъ, Эмилиа позвонила у дверей Виргиніи Грандо. Ее встрѣтила старуха Матюрень и провела въ комнату, гдѣ примѣривались шляпы. Тамъ ее встрѣтила Виргинія. Изъ мастерской, отдѣлявшейся отъ этой комнаты только тонкой перегородкой, слышны были голоса мастерицъ. Виргинія позвала

старшую изъ нихъ и сказала, чтобы она помѣрила на мнѣмъ заказчицѣ шляпу, которую она заканчивала. Модистка предложила еще нѣсколько моделей и послѣ обсужденія, продолжавшагося съ четверть часа, выборъ заказчицы остановился на прелестной шляпѣ, которую она пожелала взять съ собой.

Едва мастерица вернулась въ мастерскую, какъ Виргинія повлекла свою покупательницу по темному коридору въ кухню, отворила шкапъ и толкнула молодую женщину въ тайникъ, говоря.

— Я вамъ разрѣшаю остаться здѣсь только четверть часа. Остаться дольше было бы опасно.

Она отворила дверь, и влюбленные остались съ глазу на глазъ. Они были какъ бы отдѣлены отъ всего міра. Это обстоятельство вмѣсто того, чтобы подбодрить Санъ-Режана, заставило его, наоборотъ, оробѣть. Онъ подошелъ къ Эмилиіи, взявъ ее за руку и, подведя ее къ одному изъ двухъ стульевъ, составлявшихъ мебельровку тайника, сѣлъ около нея.

— Такъ вотъ гдѣ вы живете теперь—печально сказала Эмилиіа.

— Мнѣ знакомы убѣжища еще менѣе пріятныя и спокойныя. Подземные тайники Морбигана, гдѣ мы прятались, словно кролики, часто не имѣя пищи, не смѣя зажечь огня, были не лучше. Это ужъ такова обстановка войны... Если мы возьмемъ верхъ, наша жалкая участь перемѣнится.

— Если вы возьмете верхъ! Ахъ, Санъ-Режанъ, ваша затѣя безразсудна! Какъ вы надѣетесь ее осуществить, одинъ, затерянный въ этомъ Парижѣ, преслѣдуемый и угрожаемый. И противъ кого же? Противъ этого побѣдоноснаго Бонапарта!

— Не будемъ говорить о моихъ затѣяхъ, дорогая Эмилиіа! Не будемъ отравлять этой жестокой политикой тѣ нѣсколько минутъ, которыя намъ остается провести вмѣстѣ... Вы не забыли бѣднаго Санъ-Режана, вы ангель! Я затерянъ, какъ вы сейчасъ сказали, въ этомъ огромномъ Парижѣ, и вамъ стоило только перестать думать обо мнѣ, чтобы быть опять спокойной и обрѣсти чистую совѣсть. Я причиняю вамъ беспокойство. Простите меня за это и освѣтите вашей улыбкой это печальное убѣжище.

— Это очень неблагоразумно съ моей стороны, что я пришла сюда. Но я слишкомъ страдала, не видя васъ и не зная, гдѣ вы и что вы дѣлаете. Вы приобрѣли какое-то странное вліяніе на мою волю, такъ что я могу теперь желать только того, чего желаете вы. При мысли, что вамъ угрожаетъ какая-нибудь опасность, я вся дрожу.

Взглядъ Санъ-Режана сталъ еще ласковѣе, рука нѣжно пожимала ручку Эмилиіи. Наклонившись къ самому ея уху, онъ прошепталъ:

— Если вы желаете только того, чего желаю и я, то оставьте мнѣ чудное воспоминаніе, которое будетъ скрашивать мое одиночество...

Она покраснѣла и стала защищаться.

— Я могу провести съ вами всего нѣсколько минутъ, будьте довольны тѣмъ, что вы можете получить сегодня... Наконецъ, сейчасъ можетъ вернуться эта женщина. Она можетъ насъ застать. О, Сень-Режанъ!

Онъ схватилъ ее въ свои объятія. Охватившій его пылъ молодости дѣлалъ его неотразимымъ. Она уже готова была уступить его желаніямъ, какъ вдругъ за дверью послышался легкій стукъ, быстро вернувшій ее къ дѣйствительности. Она вырвалась изъ объятій Сень-Режана и, дрожа отъ желаній и страха, стала умолять его.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Только не теперь, другой разъ... умоляю васъ...

— А если раньше схватятъ или убьютъ?

Съ крикомъ боли она бросилась опять въ его объятія. Онъ могъ теперь убѣдиться, насколько она его любила. Она уже не колебалась, когда ей приходилось выбирать между счастьемъ своимъ и счастьемъ любовника. Радость охватила Санъ-Режана. И, успокаивая Эмилию, онъ говорилъ:

— Не бойтесь за меня. Я здѣсь въ полной безопасности. Вы можете опять прийти сюда, чтобы оцѣнить мою преданность. Я хочу быть вашимъ послушнымъ рабомъ. Вы можете наградить меня, когда вамъ будетъ угодно.

За благоразуміе она дала ему въ награду долгій поцѣлуй. Влѣдныя, какъ бы въ экстазѣ, они, не отводя глазъ, смотрѣли другъ на друга.

— Вы дадите мнѣ такую награду, которая заставляетъ васъ торжествовать надо мной,—со вздохомъ сказала молодой человекъ и, быстро проведя рукой по лбу, продолжала:—Скажите, Эмилиа, какимъ образомъ вы пришли сюда? Не замѣтили вы ничего подозрительнаго около этого дома? За вами никто не слѣдилъ?

— Кто же могъ за мной слѣдить? Мой мужъ ни о чемъ не догадывается, а я пришла къ модисткѣ. Извозчикъ, который меня привезъ сюда, дожидается у воротъ. Я повезу съ собою шляпу. Какъ нарочно, ее нужно будетъ кое-гдѣ поправить, и черезъ два дня я сама привезу ее опять.

— Черезъ два дня!—радостно вскричалъ Санъ-Режанъ.

— Я останусь здѣсь дольше, и чтобы мой визитъ не показался очень продолжительнымъ тѣмъ, кто вздумалъ бы слѣдить за мной, я приду сюда пѣшкомъ, какъ бы совершая прогулку. Теперь я знаю, куда идти, и все это будетъ очень просто...

— О, Эмилиа! Вы такъ самоотверженны!

— Такъ неблагоразумна! Но развѣ это было бы существованіе, если бъ мы хоть капельку не были неблагоразумны? Такое безрадостное и плоское существованіе не стоило бы и влачить. Ну, а теперь разстанемся до скораго свиданія.

И въ тиши маленькой комнатки они поцѣловались еще разъ. Санъ-Режанъ стукнулъ о замаскированную дверь. Черезъ минуту она открылась, и Виргинія, не промолвивъ ни слова, увела m-me Лербуръ.

Послѣдняя отыскала на улицѣ свой экипажъ и велѣла извозчику, дремавшему на козлахъ, везти себя въ Пале-Рояль, къ тому самому мѣсту, откуда она наняла его.

Браконно, стоявшій на другой сторонѣ улицы и какъ будто разсматривавшій крышу дома, старался не упустить ни одного слова, ни одного жеста Эмилии. Онъ видѣлъ, что она вышла совершенно спокойно, держа въ рукахъ картонку со шляпой. Для всякаго другого было бы очевидно, что молодая женщина была здѣсь по самому обыкновенному для женщины дѣлу. Но Браконно, потерявъ изъ виду Санъ-Режана, принципиально рѣшилъ, что всё передвиженія молодой женщины непременно должны клониться къ тому, чтобы искать сближенія съ ея любовникомъ. Онъ понималъ, что въ этомъ посѣщеніи улицы Дракона былъ замѣшанъ Санъ-Режанъ и что съ этого времени необходимо установить наблюденіе за этимъ домомъ въ улицѣ Дракона и за самой Виргиніей Грандо.

Прежде всего слѣдовало разузнать все объ аптекарѣ, жившемъ въ первомъ этажѣ. Было девяносто шансовъ изъ ста, что это окажется ненужнымъ. Но сыщикъ зналъ, что онъ имѣеть дѣло съ противникомъ весьма серьезнымъ и чрезвычайно ловкимъ, и потому онъ не хотѣлъ пренебрегать ничѣмъ.

Онъ вошелъ въ аптеку и принялся изучать аптекаря, который вышелъ къ нему. То былъ невысокаго роста человекъ лѣтъ пятидесяти, лысый, грязный и, видимо, болѣзненный. Браконно потребовалъ унцію александрійскаго листа. Аптекарь улыбнулся и докторальнымъ тономъ сказалъ:

— Слабительное—прекрасное предохранительное средство во всѣ времена года, особенно весною... Александрійскій листъ сильное средство и оно дѣйствуетъ гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, ревень.

Пока онъ отвѣшивалъ листья въ небольшой бумажный картузь, Браконно съ безпечнымъ видомъ мѣрилъ глазами стѣны, рассчитывалъ про себя толщину стѣнъ, успѣлъ бросить взглядъ въ аптечную лабораторію, которая выходила на дворъ и была очень скудно освѣщена.

— Мышей у васъ не водится?—спросилъ онъ аптекаря.

— Ну, извините. Они просто измучили насъ, меня и жену.

— А, вы женаты? А гдѣ же вы живете?

— Въ третьемъ этажѣ у насъ три комнаты, окнами на улицу. Это почти мансарды, но очень удобныя. Въ этомъ этажѣ живетъ только матрасникъ, дядя Жюль, а внизу гражданка Грандо. Но мыши...

— А, гражданка Грандо! Это модистка изъ второго этажа? Красивая особа, у которой есть любовникъ, красивый смуглый и ловкій малый... Онъ вернулся изъ поѣздки дня два тому назадъ...

При этихъ словахъ на лицѣ аптекаря появилось выраженіе крайняго изумленія.

— Гражданка Грандо—красивая особа. Гражданка Грандо и любовникъ! Вы шутите, гражданинъ... Или, можетъ быть, вы смѣшиваете ее съ одной изъ ея мастерницъ. Тамъ есть двѣ-три смазливья дѣвчонки, у которыхъ, возможно, нѣтъ недостатка въ поклонникахъ. Но никогда, положительно никогда не осмѣлились бы онѣ привести сюда своихъ любовниковъ. Госпожа Грандо немедленно вышвырнула бы ихъ за дверь!

— Но неужели же Виргинія Грандо такой драконъ добродѣтели, что ни одинъ мужчина не рѣшится перешагнуть черезъ ея пороги?

— Не говорите глупостей,—возразилъ аптекаръ.—Она, конечно, принимаетъ своихъ заказчиковъ и приметъ и васъ, если вы захотите что-нибудь заказать у нея. Но она рѣшительно не позволитъ, чтобы къ ней приходили для какихъ-нибудь иныхъ цѣлей. Нѣтъ! Вотъ вамъ александрійскій листъ, гражданинъ. Пять су. А насчетъ мышей, если вамъ нужно средство противъ нихъ, я могу вамъ рекомендовать «Смерть мышамъ» Дюваллона. Это средство у меня дѣйствительно изумительно. Это мышьякъ съ фосфоромъ...

— Хорошо, я посмотрю,—сказалъ Браконно, подавая аптекарю монету въ пять су. Онъ уже зналъ все, что хотѣлъ, и теперь старался поскорѣе уйти отсюда. А между тѣмъ аптекаръ, увлекшись истребленіемъ мышей, никакъ не хотѣлъ отпустить своего слушателя.

— Приходите взглянуть,—продолжалъ онъ:—какъ я дѣйствую этой приманкой въ моихъ чулакахъ.

Браконно, восхищенный тѣмъ, что ему представляется случай осмотрѣть квартиру во всѣхъ подробностяхъ, послѣдовалъ за аптекаремъ въ комнату сзади аптеки, въ которой на потолокъ висѣло нѣсколько связокъ лекарственныхъ травъ. Онъ заглянулъ даже на дворикъ, который отдѣлялъ соседній домъ. Онъ долго смотрѣлъ на его фасадъ. Глаза его остановились какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился тайникъ Санъ-Режана. Изъ окна второго этажа кто-то весело спрашивалъ:

— Ну, дядя Висмутъ, какъ здоровье? Вы еще не отравились вашими товарами?

— А, плутовка! Приходите покупать у меня травъ, когда простудитесь,—смѣясь, отвѣчалъ аптекаръ.—Это одна изъ мастерницъ гражданки Грандо,—прибавилъ онъ.—Онѣ зовутъ меня дядей Висмутомъ. Это никому не вредитъ, а ихъ забавляетъ.

Съ каждымъ мгновеніемъ подозрѣніе Браконно дѣлалось слабѣе и слабѣе. Этотъ уголокъ провинціи въ Парижѣ не годился

бы для смѣлаго бойца, который, по подозрѣніямъ Браконно, скрывался здѣсь. Но что же, однако, дѣлала здѣсь m-me Лербуръ? Онъ рѣшился не уходить отсюда сейчасъ же, а продолжать свои наблюденія.

Простившись съ аптекаремъ и замѣтивъ одного изъ своихъ агентовъ, который ходилъ передъ винною лавкой, онъ подзвалъ его къ себѣ и далъ ему самыя точныя указанія, какъ слѣдить за этимъ домомъ. Онъ рассуждалъ такъ: если Санъ-Режанъ скрывается въ улицѣ Дракона, то гражданка Лербуръ явится сюда еще разъ. «На этотъ разъ я уже не буду колебаться,—думалъ Браконно:—я отправлю кого-либо изъ агентовъ на ближайшій полицейскій постъ, опѣплю домъ и произведу самый тщательный обыскъ. Тогда я застану Эмилию Лербуръ или у Виргиніи Грандо, или же въ убѣжищѣ Санъ-Режана. Такъ или иначе, по я долженъ что-нибудь раскрыть».

Вечеромъ Санъ-Режанъ выходилъ дважды: ему хотѣлось повидаться съ Лимоэланомъ у привратника общины. Агенты Браконно не узнали его, хотя слѣдили за нимъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ имѣлъ видъ служителя изъ мастерской Грандо. Но Браконно, получивъ объ этомъ свѣдѣнія и зная, что другихъ мужчинъ, кромѣ аптекаря и дяди Жюля, въ домѣ нѣтъ, сейчасъ же заподозрѣлъ, что это выпелъ Санъ-Режанъ. Онъ сталъ слѣдить самъ, проводилъ своего ночного гуляку, который показался ему толще и выше Санъ-Режана, до самой общины и сталъ ждать. Но Лимоэланъ замѣтилъ его и узналъ.

— За тобой гонится сыщикъ, дорогой мой,—сказалъ шуанъ.— Или я ошибаюсь, или это пресловутый Лаверньеръ, которому не удалось, благодаря вмѣшательству Валори, проникнуть на за-сѣданіе комитета въ гостиницѣ «Красный Левъ».

— Если это Лаверньеръ, то это также и Немулэнъ, который сопровождалъ меня все время, пока я былъ въ разъѣздахъ на югѣ, и который создалъ для меня большія затрудненія въ Ліонѣ. Нужно, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ него, такъ какъ онъ чрезвычайно опасенъ.

— А какъ ты примешься за него?

— Самымъ простымъ образомъ. Простившись съ тобой, я пойду по глухимъ мѣстамъ, которыя тянутся къ Вожпирару. Если онъ отстанетъ отъ меня, я вернусь въ свое убѣжище. Если же онъ будетъ идти за мной, я обернусь, подойду къ нему, и мы объяснимся. Мои пистолеты со мной.

— Ты его убьешь?

— Въ честномъ бою. Убивать изъ-за угла я не умѣю. Если у него есть оружіе, а оно должно у него быть, то шансы у насъ будутъ равны. Если же у него оружія нѣтъ, то я дамъ ему одинъ изъ моихъ пистолетовъ и прикажу защищаться...

— Напрасныя церемоніи!—промолвилъ Лимоэланъ, усмѣхнувшись. — Завтра съ твоимъ боченкомъ пороха ты рискуешь убить, можетъ быть, двадцать жандармовъ или тѣлохранителей Бонапарта, а теперь боишься казнить шпіона, который готовъ, къ величайшей своей радости, подвести тебя подъ топоръ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это довольно глупо, — сказала Санъ-Режанъ. — Но нельзя себя передѣлать. Воспламеняя снарядъ, я буду знать, что подвергаю опасности и свою жизнь. Въ этомъ случаѣ, какъ на войнѣ... Но хладнокровно застрѣлить человѣка, даже не предостерегиши его... Нѣтъ, такъ не годится.

— Будь ты на мѣстѣ Брута, ты не убилъ бы Цезаря...

— Я предпочелъ бы убить его при Фарсалѣ.

— Отлично. Когда же мы рѣшимся нанести ударъ?

— Можешь ты раздобыть телѣжку?

— Черезъ часъ она у меня будетъ.

— Боченокъ съ порохомъ и заряженное ружье находятся въ гостиницѣ «Красный Левъ».

— Остается, стало быть, найти удобный случай.

— Онъ скоро представится. Въ газетахъ объявлено, что 3-го нивоза, то-есть послѣзавтра, въ театрѣ Оперы состоится торжественное исполненіе новой ораторіи Гайдна «Сотвореніе міра». Говорятъ, что будутъ присутствовать первый консулъ, м-те Бонапартъ и весь маленькій дворъ Тюильри!

— Слѣдовательно...

— Путь Бонапарта до самой оперы—прослѣженъ. Онъ поѣдетъ по улицѣ Санъ-Никезъ, а затѣмъ по улицѣ де-ла-Луа. Нашъ снарядъ надо поставить на улицѣ Санъ-Никезъ, за угломъ палѣво. Карета должна проѣхать мимо. Невозможно, чтобы ее не разнесло вдребезги...

— Я тоже стою за уголъ улицы Санъ-Никезъ. Тутъ разрушительное дѣйствіе взрыва будетъ меньше, чѣмъ въ улицѣ де-ла-Луа, гдѣ можетъ столпиться много зѣвакъ.

— Да и, кромѣ того, полиція, безъ всякаго сомнѣнія, не дастъ намъ поставить тутъ боченокъ.

— Конечно. Что же должны дѣлать мы, Карбонъ и я?

— Привезти мнѣ телѣжку къ гостиницѣ «Красный Левъ». Тамъ мы зарядимъ, какъ слѣдуетъ, боченокъ и поѣдемъ въ улицу Санъ-Никезъ. Дѣло будетъ къ ночи, и темнота будетъ намъ на руку.

— А пока тебѣ нужно освободиться отъ этого шпіона.

— Это я сдѣлаю сегодня же ночью. Обо всемъ мы переговорили?

— Да, кажется.

— Телѣжку привезите ко мнѣ послѣзавтра къ пяти часамъ. И если меня не будетъ тамъ,—надо все предвидѣть,—то спросите ащикъ и ружье у хозяина гостиницы и дѣйствуйте вмѣсто меня.

- Какъ, тебя не будетъ тамъ?
- Но меня вѣдь могутъ убить или арестовать.
- Хорошо.

Санъ-Режанъ поднялся и, вынувъ изъ кармана пару пистолетовъ, тщательно осмотрѣлъ у нихъ затравку. Затѣмъ, пожавъ руку своему другу, онъ вышелъ на дворъ, а оттуда на улицу. Браконно шель за нимъ по пятамъ. Онъ былъ нѣсколько удивленъ, увидя, что человѣкъ, за которымъ онъ слѣдилъ и котораго, не смотря на несходную внѣшность, онъ принималъ за Санъ-Режана, повернулся спиной къ Парижу и пошелъ по полямъ, по направленію къ Вожирару. Онъ отличался храбростью и не поколебался пойти за этимъ человѣкомъ слѣдомъ. Онъ только отпустилъ его на нѣсколько шаговъ впередъ, ибо такъ было легче прятаться какъ на пустыряхъ, такъ и въ извилистыхъ переулкахъ города. Впрочемъ, принятыя имъ мѣры предосторожности оказались излишними. Черезъ четверть часа преслѣдуемый, несомнѣнно, долженъ былъ замѣтить, что за нимъ слѣдятъ. Однако онъ, видимо, не придавъ этому обстоятельству никакого значенія и шель по срединѣ дороги все прямо, не останавливаясь. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пустыри были огорожены со всѣхъ сторонъ задворками и гдѣ не было видно уже ни одной хижины огородника, онъ вдругъ повернулъ въ сторону и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ къ Монружу, остановился, сѣлъ на землю и сталъ ждать.

Полицейскому не хотѣлось отставать въ храбрости. Онъ продолжалъ итти прямо на человѣка, который сидѣлъ на землѣ. Подойдя къ нему, онъ снялъ шляпу и сказалъ:

- Здравствуйте, господинъ Санъ-Режанъ.
- Мое почтеніе, господинъ Немулэнъ, — отвѣтилъ роялисть.
- Вотъ это ловко! Это я люблю!

— Ловко, что касается меня, — промолвилъ Санъ-Режанъ. — Но для васъ это вовсе не такъ ловко. Вы тотъ самый Немулэнъ, который былъ со мною въ Ліонѣ. Для аббата Валори вы Лаверньеръ. Безъ сомнѣнія, вы воплощаете еще много лицъ, но настоящаго имени и настоящей физіономіи вашей мы не знаемъ. Что касается имени, то едва ли я когда-нибудь его узнаю, а вотъ настоящую физіономію, несмотря на бѣлила, румяна, несмотря на парикъ и гуттаперчевыя шарики за щеками, я постараюсь разсмотрѣть хорошенько...

- Это какимъ же образомъ?
- Убивъ васъ, господинъ Немулэнъ.

Полицейскій отшатнулъ назадъ и сталъ подальше. Санъ-Режанъ медленно поднялся съ земли, сталъ посрединѣ дороги и, вынимая изъ кармана пистолеты, сказалъ:

— Я водилъ хлѣбъ-соль съ Немулэномъ. Хотя вы и мало почтенный человѣкъ, занимаясь такимъ ремесломъ, тѣмъ не менѣе я

неспособенъ прямо пустить вамъ пулю въ голову, не предоставивъ вамъ возможности защищаться. Поэтому отсчитайте столько шаговъ, сколько найдете нужнымъ, и по знаку, который я дамъ, идите на меня и стрѣляйте. Не щадите меня. Это было бы глупо. Я стрѣляю отлично и постараюсь васъ убить.

— Господинъ Санъ-Режанъ, вы ставите меня въ очень трудное положеніе. Я вовсе не намѣренъ не только убить васъ, но даже ранить васъ. Я долженъ сдѣлать не это. Мнѣ нужно только удостовѣриться въ вашей личности.

— Вотъ поэтому-то я и отошелъ подальше отъ Парижа, гдѣ у васъ на каждомъ шагу помощники. Но какимъ образомъ вы можете арестовать меня здѣсь?

— Господинъ Санъ-Режанъ, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы добиться этого. Вы уже не пойдете спать сегодня къ гражданкѣ Градо. Я долженъ, кромѣ того, знать, что такое вы замышляете съ привратникомъ знакомой вамъ обители... Вѣроятно, вы не откажетесь объяснить это гражданину Фуше.

— Ого, да вы знаете слишкомъ много,—сказалъ Санъ-Режанъ съ холодной рѣшимостью.—Вы слишкомъ неосторожны со мной. Берите одинъ изъ пистолетовъ и защищайтесь, или же, клянусь Богомъ, я застрѣлю васъ, какъ бѣшеную собаку.

— Прежде, чѣмъ сердиться, лучше выслушайте меня, господинъ Санъ-Режанъ. Я не хочу вамъ зла, это я уже вамъ доказалъ. Я могъ бы очень побезпокоить гражданку Лербуръ, но я этого не сдѣлалъ. Мнѣ прискорбно видѣть, что такой милый молодой человѣкъ вдался въ такую жизнь, связался съ Жоржемъ и его шайкой!.. Бросьте все это, уѣзжайте отсюда, и даю вамъ слово, я буду помогать вашему бѣгству.

— А за моей спиной вы арестуете другихъ, и я окажусь измѣнникомъ того дѣла, которому я далъ клятву служить до тѣхъ поръ, пока оно не восторжествуетъ. Довольно! Вы оскорбляете меня! Вы попали въ страшное положеніе, Немулэнъ, и вы можете изъ него выйти, лишь убивъ меня.

— Вы принуждаете меня къ этому. Дѣлаю это съ большой неохотой.

Онъ вынулъ изъ кармана пистолеть и тщательно зарядилъ его. Затѣмъ онъ отмѣрилъ разстояніе въ тридцать шаговъ между собою и Санъ-Режаномъ.

Зимняя ночь была очень темна. Начинался мелкій дождикъ. Стоя посреди дороги лицомъ къ лицу, они едва могли разглядѣть другъ друга.

— Берегитесь, Немулэнъ!—вскричалъ Санъ-Режанъ и, поднявъ пистолеть, онъ рѣшительно пошелъ на полицейскаго, который стоялъ неподвижно посреди дороги. Санъ-Режанъ подошелъ къ нему почти на десять шаговъ. Немулэнъ надѣялся, что онъ выстрѣлитъ

и промахнется, и тогда можно будетъ его арестовать. Но Санъ-Режанъ, очевидно, не желалъ поддаваться такой тактикѣ. Онъ остановился и хладнокровно прицѣлился въ Немулэна. Тогда тотъ, въ свою очередь, рѣшился предупредить противника и выстрѣлилъ. Пуля пробила воротникъ камзола Санъ-Режана.

Немедленно раздался и выстрѣлъ роялиста. Немулэнъ, пораженный прямо въ грудь, упалъ ничкомъ на дорогу.

— Ты самъ хотѣлъ этого!—сказалъ Санъ-Режанъ.

Онъ подошелъ къ сыщику, который барахтался въ лужѣ крови, перевернулъ его на спину и, сорвавъ парикъ, увидѣлъ, что его настоящее лицо было почти то, которое онъ видѣлъ у него въ роли Немулэна. Не желая, чтобы его раздавили телѣги огородниковъ, которыя цѣлую ночь тянулись по дорогѣ, подвозя нищу Парижу, онъ оттащилъ его на край дороги. Разряженный пистолеть сыщика онъ положилъ около него. Убѣдившись, что тотъ мертвъ, онъ промолвилъ:

— Миръ праху твоему.

И бодрымъ шагомъ пошелъ по направленію къ Парижу.

XI.

Фуше былъ углубленъ въ чтеніе утреннихъ донесеній, какъ вдругъ вошелъ, даже не постучавъ въ дверь, юный Вилье, одинъ изъ его секретарей, и таинственно сказалъ своему патрону:

— Агентъ номеръ седьмой желаетъ видѣть гражданина-министра по дѣлу чрезвычайной важности.

Фуше, не отрываясь отъ бумагъ, отвѣчалъ глухимъ голосомъ, въ которомъ какъ будто звучало равнодушіе:

— Пусть войдетъ.

Агентъ вошелъ. То былъ мужчина колоссальнаго роста, съ лицомъ, заросшимъ черными волосами чуть не до самыхъ бровей. Это былъ типъ агентовъ-исполнителей. Для переодѣванія и выслѣживанія онъ не годился, такъ какъ его крупная фигура и рѣзкія черты лица выдали бы его тотчасъ же. Его дѣломъ было выломать дверь, избить зачинщиковъ. Словомъ, то былъ настоящій сторожевой песъ, дикій и свирѣпый.

Фуше, взглянувъ на него, разомъ оцѣнилъ его мощную мускулатуру и спросилъ:

— Въ чемъ дѣло, Суффларъ?

Подобно Бонапарту, Фуше обладалъ памятью на лица и имена, которая позволяла ему всегда узнавать всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

— Гражданинъ-министръ, сегодня ночью убили Браконно...

— Гдѣ?

— Около Вожирара.

— Какимъ образомъ?

- У него пуля въ груди.
- Кто?
- Неизвѣстно. Онъ отправился одинъ для важныхъ наблюденій и далъ только приказъ: наблюдать за домомъ нумеръ тридцать пять по улицѣ Дракона и за всѣми, кто изъ этого дома выходитъ.
- Онъ умеръ уже?
- Нѣтъ еще. Но онъ уже при смерти. Въ сознание не приходилъ.
- Гдѣ онъ?
- Въ больницѣ Милосердія.
- Кто около него?
- Клеманъ.
- Пусть онъ не отходитъ отъ него и сейчасъ же дасть мнѣ знать, если онъ придетъ въ себя и можно будетъ съ нимъ объясниться, хотя бы знаками... Я приѣду къ нему... Кто его привезъ туда?
- Его нашли огородники изъ Монружа. Прислали за мною, и я прибѣжалъ сейчасъ же вмѣстѣ въ Клеманомъ.
- И такимъ образомъ оставили свой наблюдательный пунктъ?
- Совершенно вѣрно, гражданинъ-министръ.
- Нужно было идти туда одному и оставить Клемана на улицѣ Дракона. Успѣлъ вамъ Браконно объяснить, въ чемъ дѣло?
- Да, гражданинъ-министръ. Онъ подозрѣвалъ, что одинъ изъ соучастниковъ Жоржа, нѣкій Санъ-Режанъ, скрывается у модистки въ означенномъ домѣ.
- Только подозрѣвалъ?
- Для Браконно подозрѣніе и увѣренность одно и то же.
- Да. Если онъ умретъ, я потеряю въ немъ полезнаго агента.
- Очень можетъ быть, что его и убилъ этотъ Санъ-Режанъ. Браконно разстался съ нами, очевидно, только для того, чтобы выслѣдить этого проклятаго роялиста.
- Имѣете еще что-нибудь сообщить мнѣ особенное?
- Больше ничего, гражданинъ-министръ.
- Хорошо. Впредь до новаго приказанія оставьте въ покоѣ домъ нумеръ тридцать пять по улицѣ Дракона.
- Слушаю, гражданинъ-министръ.
- Можете уходить.

Разспрашивая Суффлара, Фуше прицель къ убѣжденію, что Браконно, не особенно полагаясь на профессиональную ловкость своихъ агентовъ, не сообщилъ ему подробныхъ свѣдѣній о дѣлѣ, которымъ онъ былъ занятъ самъ, Дѣло, очевидно, шло о заговорѣ роялистовъ. Но какъ разобраться во мракѣ всякихъ интригъ, когда нѣтъ налицо того, кто держалъ въ рукахъ путеводную нить? Фуше думалъ такъ: «Такъ какъ этотъ дуракъ Дюбуа увѣренъ, что все это волнуются якобинцы, то мы еще посмотримъ, какимъ образомъ его полиція возмѣститъ теперь потерю, которую понесла моя. Если Санъ-Режанъ, отдѣлавшись отъ Браконно, скрывается въ

домъ номеръ тридцать пять по улицѣ Дракона, то, не чувствуя теперь никого сзади себя, онъ вернется туда и выдастъ себя и мнѣ ничего не будетъ стоить схватить его, когда это мнѣ понадобится.

Такимъ образомъ, благодаря соперничеству обѣихъ полицій, вызванному предвзятой мыслью Бонапарта о поискахъ якобинцевъ, въ поискахъ Сапа-Режана наступило нѣкоторое ослабленіе и какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда слѣдовало бы усилить наблюденіе.

Фуше, котораго столько разъ обвиняли въ томъ, что онъ не разъ измѣнялъ Бонапарту и принималъ участіе въ заговорахъ противъ его враговъ, подвергъ его во время этихъ двухъ дней перваго и втораго числа нивоза такой опасности, какой онъ еще никогда не подвергался. Планъ Санъ-Режана и Ламозлана, который чрезвычайно трудно было осуществить, когда Браконно и его агенты не отходили отъ дома номеръ тридцать пять въ улицѣ Дракона, теперь можно было выполнить очень легко, такъ какъ оба соумышленника, которымъ помогалъ еще Карбонъ, имѣли полную свободу дѣйствій.

Вернувшись около полуночи въ Парижъ, Сапъ-Режанъ осторожно направился въ улицу Дракона. Сначала онъ прошелъ улицу Юшеттъ и, прислонившись къ углу дому, внимательно осмотрѣлъ домъ номеръ тридцать пять. Тамъ отчетливо видна была огромная фигура Суффлара, который сидѣлъ на тумбочкѣ около вѣноторговли.

«Что мнѣ дѣлать?—говоритъ самъ себѣ Санъ-Режанъ.—Вернуться домой и тамъ ждать, какое дѣйствіе произведетъ исчезновеніе Немулэна, или же лучше отложить свое возвращеніе, когда вся организація шпіонства будетъ разстроена его смертью? Пойду лучше въ гостиницу «Красный Левъ», гдѣ меня не будутъ искать.

Онъ перешелъ Сену и направился по улицѣ «Сухаго Дерева». Хозяинъ гостиницы сейчасъ же узналъ его и ввелъ его въ ту самую маленькую комнатку, гдѣ происходило собраніе роялистовъ. Тамъ Санъ-Режанъ бросился въ кресло и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Браконно былъ найденъ спустя три часа послѣ поединка съ Санъ-Режаномъ рабочими, которые шли въ каменоломни, примыкавшія со стороны Монружа къ парижскимъ катакомбамъ. Испуганные зрѣлищемъ лежащаго въ лужѣ крови человѣка, они побѣжали на ближайшій полицейскій постъ около заставы, принесли оттуда носилки и взвалили на него убитаго. Когда его обыскали, то по бумагамъ оказалось, что это агентъ полиціи. Сейчасъ же былъ отправленъ нарочный въ министерство, но по дорогѣ, по несчастной случайности, онъ встрѣтилъ Клемана, одного изъ двухъ подчиненныхъ Браконно, который только что смѣнился съ дежурства. Тотъ побѣжалъ предупредить Суффлара. Затѣмъ оба въ волненіи бросились бѣжать къ Вожирару, гдѣ около заставы и нашли своего начальника. Браконно былъ еще живъ.

Если бь Санъ-Режанъ, вмѣсто того, чтобы переносить Браконно на откосъ дороги, хладнокровно выстрѣдилъ бы ему еще разъ въ ухо, то онъ устранилъ бы на будущее время всякую опасность для себя и для своихъ соучастниковъ. Но Санъ-Режанъ былъ солдатъ и не могъ прикончить раненаго. Ему было непріятно нанести Браконно смертельный ударъ. Это была первая ошибка. Вторая заключалась въ томъ, что онъ не похитилъ у него его бумаги и такимъ образомъ отнялъ у себя возможность выиграть то время, которое пошло бы на установленіе личности убитаго. Правда, то обстоятельство что Суффларъ и Клеманъ оба перестали слѣдить за квартирой Виргиніи Грандо уравнивало эти ошибки. Кромѣ того, рѣшеніе, которое принялъ Фуше—оставить въ покоѣ Санъ-Режана, чтобы внушить ему мысль, будто за нимъ не слѣдятъ, давало заговорщикамъ огромное преимущество.

Войдя на другой день утромъ въ улицу Дракона, Санъ-Режанъ замѣтилъ, что на тротуарѣ никого не было и входъ былъ свободенъ. Ни одного сыщика не было видно. Онъ поднялся къ Виргиніи Грандо, которая находилась въ сильномъ безпокойствѣ. Онъ постарался успокоить ее, но не сказалъ ни слова о томъ, что произошло съ нимъ ночью. Плотнo позавтракавъ, онъ бросился въ постель, чтобы хорошенько отдохнуть отъ усталости.

Вечеромъ онъ пошелъ въ общину и разсказалъ Лимоэлану свою встрѣчу съ Браконно. Онъ далъ ему слово, что покушеніе должно произойти непременно завтра, и сказалъ, что около пяти часовъ онъ будетъ ждать его на углу возлѣ Французскаго института. Карбонъ долженъ былъ помочь Лимоэлану отвезти телѣжку. За снарядомъ, который хранился въ погребѣ гостиницы «Красный Левъ», они должны были отправиться все вътроемъ.

Они разстались. Санъ-Режанъ, не чувствуя себя стѣненнымъ въ движеніяхъ, возвратился съ видомъ фланера въ улицу Дракона и, улегшись въ кровать, сталъ думать о завтрашнемъ днѣ, когда къ нему должна пріѣхать Эмилиа.

Хотя Санъ-Режанъ и Лимоэланъ принимали всевозможныя предосторожности, хотя ихъ замыселъ хранился въ полной тайнѣ, такъ какъ только они двое и знали, что предстояло дѣлать, такъ что даже третій ихъ сообщникъ, Карбонъ, былъ не въ курсѣ дѣла, тѣмъ не менѣе среди лицъ, окружавшихъ перваго консула, стали распространяться тревожные слухи.

Шевалье, избрѣвшій снарядъ, которымъ воспользовался Санъ-Режанъ, былъ заключенъ въ тюрьму. Его судили и, конечно, признали виновнымъ. Тѣмъ не менѣе все говорили, что образовался новый заговоръ, который долженъ разразиться третьяго нивоза въ самой залѣ театра Оперы. Нѣкоторые утверждали, что театръ будетъ взорванъ. Обезпокоенная Жозефина просила Бонапарта никуда не выходить въ этотъ день. Первый консулъ чувствовалъ

себя переутомленнымъ отъ множества работы. Онъ сдался на доводы жены и съ утра объявилъ, что ораторію могутъ исполнить и безъ него. Да и музыка Гайдна нагоняла на него усиленную скуку. Онъ былъ равнодушенъ къ произведеніямъ, которыя не давали его фантазіи картины психологическаго развитія, влекшаго за собой трагическую коллизію. Поэтому онъ былъ убѣжденъ, что этотъ вечеръ онъ останется дома, и велѣлъ позвать къ себѣ генераловъ Бессьера и Ланна, чтобы поговорить съ первымъ о ремонтѣ кавалеріи, а со вторымъ о формированіи армейскихъ корпусовъ, которые онъ хотѣлъ измѣнить.

Фуше, котораго также позвали въ Тюильрійскій дворецъ, былъ принятъ очень сухо.

— Ваши якобинцы продолжаютъ волноваться. Говорятъ о какомъ-то заговорѣ. Они уже хотѣли меня убить при помощи Аренье... Теперь они опять принимаются за старое...

— Генераль, могу васъ увѣрить, что вы плохо освѣдомлены. Причиной всеобщаго безпокойства являются соучастники Жоржа. Ихъ замыслы несомнѣнны. Они только что убили одного изъ лучшихъ моихъ агентовъ, который гнался за ними по слѣдамъ. Но слѣдъ будетъ найденъ сегодня же, и мы уже не потеряемъ его...

— А я вамъ говорю, что мнѣ угрожаютъ приверженцы террора. Вы ихъ защищаете, конечно, ибо это ваши старые друзья. Можеть быть, вы даже ихъ боитесь.

Фуше улыбнулся едва замѣтно. Онъ, закрывъ свои тусклые глаза и возразилъ глухимъ голосомъ:

— Генераль, у меня нѣтъ друзей среди людей, которые грозятъ разрушить безопасность государства. Я боюсь только одного— какъ бы васъ не прогнѣвать.

Бонапартъ одобрительно кивнулъ головой и отпустилъ своего министра полиціи. Но онъ не принялъ во вниманіе каприза своей сестры Каролины и Гортензіи Богарне. Онѣ обѣ явились днемъ и стали жаловаться на то, что онъ отмѣнилъ вечеръ въ оперѣ. Гортензія, сама прекрасная музыкантша, надулась на зятя.

Бонапартъ, чрезвычайно благодушный въ кругу своей семьи, уступилъ и, уцепивъ за ухо свояченицу, сказалъ:

— Ну, хорошо. Неужели вамъ такъ досадно, что вы не услышите этой важной ораторіи? Заранѣе предсказываю вамъ обѣимъ, что будетъ очень скучно.

— Тогда вы можете уѣхать, не дожидаясь конца, а мы останемся въ ложѣ съ моей матерью и m-me Мюратъ.

— Хорошо, посмотримъ. Я не могу обѣщать вамъ ничего до вечера.

— Ну, слава Богу. По крайней мѣрѣ, вы теперь уже не отказываетесь.

Въ это самое время Санъ-Режанъ съ нетерпѣніемъ дожидался прїѣзда Эмилии Лербуръ. Онъ долго думалъ ночью. Онъ зналъ, что идетъ на смерть и что только чудомъ можетъ отъ нея спастись. Это свиданіе было для него тѣмъ дороже, что оно было послѣднимъ.

Когда послышался глухой шумъ, которымъ сопровождалось отодвиганіе двери въ тайникъ, сердце молодого человѣка забилося до того, что онъ почти задыхался. Въ отверстіи двери мелькнула какая-то фигура, зашелестѣло шелковое платье и пахнуло духами. Затѣмъ дверь закрылась, и любовники упали въ объятія другъ друга. Они молча застыли въ этой позѣ. Потомъ Эмилія быстро сбросила шляпу на столъ, сняла перчатки и повлекла Санъ-Режана къ маленькому окну, какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть на его лицѣ выраженіе радости и вмѣстѣ съ тѣмъ тоски.

Онъ снова привлекъ ее къ себѣ. Въ этомъ опьянѣніи прошло около часу.

— Боже мой!—вдругъ вскрикнула Эмилія. — Я должна уже вѣзжать. Что-то готовить намъ завтрашній день?

— Я такъ счастливъ, что опять полонъ надеждами. Я счастливо избѣгну опасностей, которымъ я подвергнусь, и мы еще увидимся. Небо не захочетъ разлучить насъ навсегда.

— Послушай! Мнѣ кажется, я чувствовала бы себя спокойнѣе, если бы знала, что ты затѣваешь. Скажи мнѣ!

— Нѣтъ, это невозможно. Но, ради Бога, не выходи нигуда сегодня вечеромъ, когда станетъ темнѣе...

— Но темнѣть начинаетъ уже съ пяти часовъ. Неужели въ Парижѣ будутъ безпорядки. Неужели будутъ сражаться?

— Не спрашивай меня! Запрись въ своей комнатѣ и, что бы тебѣ ни послышалось, не выходи.

— Не могу ли я тебѣ помочь чѣмъ-нибудь? Если ты подвергаешься опасности, а я могу помочь тебѣ ее избѣгнуть...

— Не думай объ этомъ.

— Вспомни, что у насъ въ домѣ подъ нашими комнатами есть помѣщенія, изъ которыхъ одно не занято. Тамъ ты могъ бы укрыться на цѣлый мѣсяць, и никто бы не узналъ...

— Никогда! Я могъ бы такимъ образомъ выдать себя.

— Но если это необходимо!.. Если ты пошалъ въ бѣду...

— Всегда можно выпутаться изъ нея, покончивъ съ собой.

— Не говори этого! Ты приводишь меня въ отчаяніе! Что я сдѣлала, за что я такъ страдаю?

— Ты страдаешь не болѣе, чѣмъ наши сторонники, павшіе жертвой въ теченіе этихъ десяти лѣтъ. Не удивляйся, что я рискую своей жизнью, не плачь, если я ею пожертвую. Но сохрани вѣжкую память о томъ, кого ты любила. И что бы я ни сдѣлалъ, какое бы обвиненіе ни воздвигали противъ меня, въ какихъ бы преступленіяхъ ни обвиняли меня, что, несмотря на все это, мою

память, ибо ты можешь быть увѣрена, что я дѣйствовалъ, только защищая Бога и короля.

При этихъ словахъ, похожихъ на предсмертную молитву и на послѣднее завѣщаніе Санъ-Режана, Эмилиа залилась слезами. Она не могла примириться съ мыслью, что ей придется потерять своего возлюбленнаго. Она крѣпко прижалась къ нему и ощупывала его трепещущими руками, какъ бы пробуя угадать, куда его поразитъ роковой ударъ. Онъ тихонько уговаривалъ ее, словно ребенка, и цѣловалъ ее, какъ бы желая успокоить ее этой лаской.

— Ну, поцѣлуй меня еще разъ и уходи.

Они обнялись, и Санъ-Режанъ, отворивъ дверь тайника, выпустилъ ее отъ себя.

Было уже около половины пятаго. Онъ немного подождать, но затѣмъ, удостовѣрившись, что она удалилась, надѣлъ на себя костюмъ рабочаго и сталъ неузнаваемъ. Рыжеватая бородка скрывала нижнюю часть его лица. На головѣ появился колапакъ изъ кроличьей шкуры. Онъ засунулъ свои пистолеты въ жилетъ и съ обычными предосторожностями вышелъ въ кухню Виргиніи Грандо. Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ и быстро шелъ къ тому мѣсту, гдѣ условился встрѣтиться съ Лимоэланомъ и Карбономъ.

Было уже очень темно. Онъ пошелъ вдоль набережной, перешелъ Сену черезъ Новый мостъ и, удостовѣрившись, что за нимъ никто не слѣдитъ, спокойно дошелъ до гостиницы «Красный Левъ».

Карбонъ и Лимоэланъ были уже тамъ. Передъ дверью гостиницы стояла телѣжка, запряженная бѣлой лошадежкой. Въ ней лежалъ Карбонъ, положивъ подъ голову пустые мѣшки. Лимоэланъ, сидя на краю тротуара, спокойно курилъ свою трубку. И того, и другого нельзя было узнать.

— Франсуа, вино еще не положено на телѣжку?—хриплымъ голосомъ спросилъ Санъ-Режанъ.—Чего же ты зѣваешь, мой милый? Ну, живо! Намъ ждуть!

Лимоэланъ всталъ съ тротуара, хлопнулъ Карбона по ногѣ и вскричалъ:

— Эй, ты, соня! посмотри за телѣжкой, я пойду въ подвалъ за боченкомъ.

При этихъ словахъ на другой сторонѣ улицы какой-то чело-вѣкъ отдѣлился отъ стѣны и съ видомъ ротозѣя сталъ ходить около повозки. Санъ-Режанъ узналъ Суффлара по его громадной фигурѣ.

— Миѣ кажется, что будетъ дождикъ,—смѣло заговорилъ онъ съ нимъ.—Вино, пожалуй, подмочить, а хозяинъ будетъ говорить, что я нарочно подлилъ въ него воды.

Онъ громко захохоталъ и посмотрѣлъ на агента, который качалъ головой. Потомъ онъ подошелъ къ Лимоэлану и сказалъ:

— Тутъ кругомъ сыщики. При первой же попыткѣ этого гиганта вмѣшаться въ наше дѣло я разможу ему голову.

— Позволь мнѣ устроить все. Надо сначала попытаться провесты его. Если другого средства не будетъ, тогда мы убьемъ его. Но это надо будетъ сдѣлать въ гостиницѣ, чтобы не было шума. Дѣло-то ужъ наше хорошо задумано, и было бы жаль отъ него отказаться.

Они спустились въ небольшой погребъ, гдѣ среди бочекъ съ виномъ и водкой стоялъ и боченокъ съ порохомъ. Санъ-Режанъ, которому хозяинъ далъ ключъ, открылъ дверь и смѣло зажегъ восковую свѣчу. Онъ осмотрѣлъ боченокъ, узналъ его и подкапиль его къ лѣстницѣ. Затѣмъ онъ облюбовалъ другой боченокъ съ виномъ и тоже вынесъ его изъ погреба.

— Что ты хочешь съ нимъ дѣлать?—спросилъ Лимоэланъ.

— А вотъ увидишь. Помоги поднять этотъ боченокъ съ виномъ.

Съ большими усилиями они выкатили на лѣстницу сначала боченокъ съ виномъ, а потомъ съ порохомъ. Затѣмъ взяли каждый въ телѣжку и вывезли на нихъ бочки на улицу.

— Вотъ винцо!—сказалъ Санъ-Режанъ своимъ хриплымъ голосомъ.—А что если бъ его попробовать?

Говоря такъ, онъ взглянулъ на Карбона.

— Съ моей стороны отказа не будетъ. И я попросилъ бы стаканчикъ.

— Это придастъ намъ жизни! При помощи буравчика мы живо это устроимъ и угостимъ себя на славу!

— Ну, валяй! Поднимай бочки на телѣжку!

И онъ взялся съ Лимоэланомъ за боченокъ съ порохомъ. Карбонъ обратился къ Суффлару, который, видимо, былъ заинтересованъ происходившимъ, и сказалъ:

— Помоги-ка, товарищъ!

Геркулесъ взялъ боченокъ обѣими руками и положить его на повозку, позади боченка съ порохомъ.

— Ладно будетъ теперь!—промолвилъ онъ съ грубымъ смѣхомъ.

— Зато вы не откажетесь, товарищъ, выпить съ нами.

При помощи ножа онъ отломилъ на краю боченка кусокъ стѣнки, потомъ сдѣлалъ дырку около края и, придерживая вино пальцемъ, сказалъ:

— Кушайте на здоровье, гражданшъ.

Суффларъ нагнулся. Вино полилось ему прямо въ ротъ. Увѣрившись въ содержаніи боченка, онъ думалъ теперь только о томъ, какъ бы полакомиться. Отнивъ порядочное количество, онъ уступилъ свое мѣсто Лимоэлану и Карбону. Санъ-Режанъ отказался отъ своей очереди и вернулся въ гостиницу, чтобы захватить оттуда ружейный стволъ, при помощи котораго онъ долженъ былъ взорвать боченокъ. Стволъ этотъ онъ спряталъ въ прорѣзанный карманъ панталонъ. Пожавъ руку хозяину и обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, онъ вышелъ на улицу.

Карбонъ и Лимоэланъ дружески болтали съ Суффларомъ.

«Если бъ Немулэнъ не былъ вчера убитъ мною,—подумаль Санъ-Режанъ,—и если бъ онъ былъ здѣсь вмѣсто этого дурака, мы понались бы всѣ трое. Но, слава Богу, мы отдѣлались отъ этого Немулэна».

Онъ ударилъ по плечу Лимоэлана и сказалъ:

— Ну, задѣлали опять боченокъ? Отлично. Ну, теперъ ѣдемъ къ Бастиліи.

— А, вы направляетесь къ Бастиліи?—спросилъ Суффларъ.

— Да, къ одному мебельному торговцу изъ Сантъ-Антуанскаго предмѣстья. Ну, ребята, ѣдемъ.

Онъ ударилъ хлыстомъ по тощей лошаденкѣ, и повозка, на которой возсѣдалъ Карбонъ, тронулась по направленію къ Бастиліи. Санъ-Режанъ и Лимоэланъ шли рядомъ съ ней. Суффларъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ довольно равнодушно и опять принялся слѣдить за гостинницей «Красный Левъ». Въ концѣ улицы «Сухого Дерева» повозка вмѣсто того, чтобы свернуть налѣво, направилась къ Пале-Роялю. Вечеръ былъ темный, а фонари свѣтили плохо, и полицейскій агентъ не замѣтилъ ничего.

Между тѣмъ первый консулъ, проработавъ цѣлый день съ Камбасаресомъ, принялъ на четверть часа архитектора Висконти.

За часъ до обѣда опять явились Жозефина и Гортензія освѣδο-миться относительно его намѣреній. Онъ принялъ ихъ очень добро-душно:

— Итакъ, вы ѣдете на представленіе? Приходится подчиниться вашему желанію. Женщинами гораздо труднѣе управлять, чѣмъ мужчинами. Прикажите приготовить парадныя кареты. Я поѣду съ Ланномъ и Бессеромъ, которыхъ я пригласилъ сегодня вечеромъ къ себѣ. Они будутъ въ восторгѣ.

Такимъ образомъ, настойчивыя просьбы домашнихъ Бонапарта обезпечивали успѣхъ покушенія, подготовлявшася ролястами. Въ тотъ самый моментъ, когда первый консулъ окончательно рѣшился ѣхать въ театръ, повозка Санъ-Режана въѣзжала въ улицу Санъ-Никезъ. Тутъ каждый закоулокъ былъ уже тщательно изученъ его сообщниками, и успѣхъ казался обезпеченнымъ. Путь отъ Тюильри до оперы шелъ отъ площади Каруселей черезъ улицы Санъ-Никезъ, Шартръ и де-ла-Туа. На углу улицы Шартръ находился небольшой ресторанъ, въ которомъ было удобно скрыть повозку. Здѣсь Санъ-Режанъ, по знаку Лимоэлана, стоявшаго на углу улицы Санъ-Никезъ со стороны площади Каруселей, имѣлъ возможность приготовить свой снарядъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда карета первого консула въѣзжала въ улицу Шартръ.

Казалось невозможнымъ, чтобы на такомъ близкомъ разстояніи карета, лошади и конвой не были разнесены вдребезги силою взрыва. Санъ-Режанъ самъ жертвовалъ жизнью. У него оставалась

только одна очень слабая, почти несбыточная надежда уцѣлѣть отъ взрыва: въ десяти шагахъ отъ повозки находилась въ нижнемъ этажѣ какая-то лавка, родъ подвала. Если Санъ-Режанъ однимъ прыжкомъ очутится около этой лавки и влетитъ въ открытую дверь, то, можетъ быть, онъ и избѣгнетъ смерти. И Санъ-Режанъ точно взвѣсилъ этотъ единственный шансъ. Стремясь спастись отъ гибели, онъ думалъ не о себѣ, а объ Эмилиі.

Онъ наскоро сообщилъ Лимоэлану свой планъ. Было уже семь часовъ. На улицахъ почти никого не было. Въ этотъ темный и холодный декабрьскій вечеръ жители Парижа рано забрались къ себѣ и грѣлись у огня, въ ожиданіи ужина.

Лимоэланъ, соблюдая предосторожности, сталъ на углу улицы Санъ-Никезъ. Карбонъ наблюдалъ за площадью Каруселей. Санъ-Режанъ остановилъ свою повозку на углу улицы Шартръ, покрылъ свою бѣлую лошадь пустымъ мѣшкомъ и пропустилъ ружейный стволъ въ боченокъ съ порохомъ. Чтобы произвести взрывъ, ему нужно было только спустить курокъ. Съ полнымъ хладнокровіемъ онъ сѣлъ на тумбу и сталъ ждать. Онъ слышалъ, какъ въ лавкѣ сзади него пѣлъ какой-то ребенокъ.

Было уже четверть дѣвятого, когда вдругъ послышался топотъ лошадей. По улицѣ Санъ-Никезъ промчался рысью, направляясь къ Тюильри, взводъ кавалеріи. На шумъ вышло изъ дома нѣсколько человѣкъ. Пѣвшій пѣсенку ребенокъ, оказавшійся дочкой лавочника, также появился, остановился около повозки, осматривая съ любопытствомъ бѣлую лошадь. Но ее позвали, и она опять скрылась въ лавкѣ.

Прошло еще съ четверть часа. Нѣсколько прохожихъ остановились у повозки. Одинъ изъ нихъ спросилъ Санъ-Режана:

— Ёдетъ первый консулъ? Это его конвой проѣхалъ здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ? Въ газетахъ было напечатано сегодня утромъ, что онъ поѣдетъ въ оперу.

— Не знаю,—отвѣчалъ Санъ-Режанъ, который готовъ былъ отдать все на свѣтъ, лишь бы улица была пуста.

— Отсюда будетъ хорошо видно, какъ онъ поѣдетъ.

— На площади Каруселей будетъ еще виднѣе.

— Вы правы, гражданинъ. Ну, идемъ на площадь Каруселей.

Санъ-Режанъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Но оставалось еще нѣсколько любопытныхъ и маленькая дѣвочка, которая снова вышла изъ лавки. Ставъ около морды лошади, она тихонько ласкала ее.

— Уходи отсюда,—сказалъ ей Санъ-Режанъ.—Не трогай лошадь, она кусается.

— Неправда, она меня лизнула,—смѣясь отвѣчала дѣвочка.

— Все равно, уходи. Тебѣ тутъ не мѣсто.

— А вамъ развѣ мѣсто?—возразилъ ребенокъ.

Въ это время послышался стукъ колеса, и Лимоэланъ махнулъ рукою, давая знать, какъ было условлено, что кортежъ двинулся въ путь.

— Да уйдешь ли ты отсюда?—яростно вскричалъ Санъ-Режанъ, желая отогнать дѣвочку, но та, какъ будто испугавшись его свирѣпаго вида, не трогалась съ мѣста. Онъ подбѣжалъ къ ней и хотѣлъ ее отбросить, но дѣвочка вырвалась у него и стала кричать: «мама! мама!»

Въ улицѣ Шартръ уже показались два всадника консульскаго коивоя, ѣхавшіе впереди кареты.

— Ну, если тебѣ хочется умереть, такъ умирай!—сказалъ про себя Санъ-Режанъ.

Карета приближалась довольно быстро. Санъ-Режанъ нажалъ на спускъ курка и быстро отскочилъ въ сторону. Отъ страшнаго взрыва дрогнула вся окрестность. Стекла посыпались на мостовую изъ всѣхъ оконъ. Въ дыму и пламени съ жалобными криками барахталось на землѣ человекъ двадцать прохожихъ. Около кареты лежали подъ лошадьми два конвойца. Отъ повозки, бѣлой лошади и маленькой дѣвочки остались только безформенные куски.

Драма разыгралась въ теченіе одной минуты.

Карета перваго консула только выѣзжала въ улицу Шартръ. У окна ея показалось энергичное лицо генерала Ланна. Его сверкающій взоръ быстро охватилъ положеніе вещей. Громкимъ голосомъ, какъ въ битвѣ, онъ приказалъ кучеру:

— Галопомъ!

Кучеръ пустилъ лошадей, конвой плотнѣе сомкнулся около кареты, и все исчезло.

Сохранивъ полное спокойствіе, какъ при Маренго, Бонапартъ спросилъ:

— Что случилось, Ланнъ?

— Генералъ, стрѣляли изъ пушки въ вашу карету.

— Едва ли. Я бы услышать свистъ картечи.

— Во всякомъ случаѣ хотѣли васъ убить.

Нисколько не волнуясь за себя, Бонапартъ сказалъ:

— Будьте добры, взгляните, не случилось ли чего съ моей женой.

Бессьеръ выскочилъ изъ окна и съ своимъ гасконскимъ акцентомъ сказалъ:

— Карета м-ше Бонапартъ слѣдуетъ вполнѣ благополучно.

— Ыдемъ въ оперу. Тамъ узнаемъ подробности.

Санъ-Режанъ, усилившій отпрыгнуть въ лавку, черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ себя. Оглушенный взрывомъ, онъ сначала лежалъ на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ это подвальное помѣщеніе. Вставъ на ноги, онъ почувствовалъ страшную боль въ правой рукѣ. Глаза его были красны и распухли отъ ядовитыхъ газовъ, появившихся при взрывѣ. Онъ осмотрѣлъ свою руку. Рукавъ камзола

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книги) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРЬ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Философія, психологія, логика.

ЕЗЕРСКИЙ, О. Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. Спб. 1911. Ц. 20 к.	МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимная отношенія и положеніе, занимаемое въ совр. культурн. жизни. Т. 2. В. 1. и 2. Спб. Ц. 1 р.
БЕРГСОНЪ, А. Матерія и память. Исследование объ отношеніи тѣла къ духу. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.	МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимная отношенія и положенія. Вып. 16—18. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
БОЛДУИНЪ, Д. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и челоѣческаго рода. Методы и процессы. Ч. I. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.	ПРОБЛЕМА личности и современное сознаніе. Ат. Москва. 1911. Ц. 15 к.
ДЮБУА, П. Самовоспитаніе. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.	РОЖКОВЪ, Н. Основы научной философіи. 1911. Ц. 60 к.
ЛАЗУРСКИЙ, А. Программа исследования личности. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 20 к.	ЭБВИНГГАУСЪ, Г. Основы психологіи. Т. I. В. 2-й. Ц. 2 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЗАМАКОПСЪ, Э. Власко Пбаньесъ. Критико-библиографическій очеркъ. Москва. 1912. Ц. 50 к.	— Комическія оперетты XVIII вѣка. Одесса. Ц. 50 к.
КНЯЗЕВЪ, Г. О Чеховѣ. Литературный очеркъ. Спб. 1911. Ц. 35 к.	ОСТРОГОРСКИЙ, В. Художникъ русской пьесы А. В. Кольцовъ. Ц. 40 к.
КОГАНЪ, П. Учебникъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Ч. I. Москва. 1912. Ц. 1 р.	УЛЬЯНОВЪ, Н. Указатель журнальной литературы. В. I. Съ 1906—1910 г. Ц. 90 к.
МОЧУЛЬСКИЙ, В. Эволюція критико-литературныхъ взглядовъ В. Г. Бѣлинскаго. Одесса. 1911. Ц. 25 к.	ШЛОСБЕРГЪ, А. Начало періодической печати въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АДАНЪ, П. Василии и Софії. Романъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.	— Восемьдесятитри. Романъ. Т. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
АМФИТЕАТРОВЪ, А. Марья Луiseва. Повѣсть. Спб. Ц. 1 р. 50 к.	АНШИНЪ, С. Деревенскіе рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

«ИСТОП. ВЪСТН.», ноябрь, 1911 г., т. сxxvi.

1/28

- БАЛЬМОНТЪ, К. Собрание сочиненій. Т. 3. Страшные рассказы. Ц. 2 р.
— Полное собрание стиховъ. Томъ 6-й. Фешны сказки, Злыя чары. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- БЛАВАТСКАЯ, Е. Изъ пещеръ и дербей Индостана. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- ВИЛЛИ. Великосвѣтскія интриги. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ГАМАЮНЪ. Литературный сборникъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 58 к.
- ГНѢДИЧЪ, П. Сочиненія. Т. 6. Черный туманъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ двадцатомъ вѣкѣ. Повѣсти и рассказы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ГОЛЬДЕБАЕВЪ. Рассказы. Томъ 3. 1911. Ц. 1 р.
- ГЮГО, В. Трудяшки моря. Романъ. Ц. 45 к.
- ДРАГЕЙМЪ, Г. Это жизнь. Рассказы. Т. 1-й. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ЗОЛА, Э. Западн. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ИБАНЬЕСЪ, Б. Пережитокъ прошлаго. Романъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- КОКОВЦЕВЪ, Д. Вѣчный потокъ. Вторая книга стиховъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- КОЛЬЦЕВЪ, А. В. Полное собрание сочиненій. 3-е доп. изд. Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1911. Ц. 90 к., въ перл. 1 р. 20 к.
- КОНАНЪ-ДОПЪ, А. Приключенія Найгеля Лоринга. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- КУПРИНЪ, А. Рассказы. Т. 7-й. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛАУРЪ, Р. Безумный порывъ. Драма въ 3 д. Ц. 75 к.
- ЛЕВИТОВЪ, А. Собрание сочиненій. Т. 3-й. Ц. 1 р.
- ЛИХТЕНБЕРЖЪ, А. Маленькій король. Романъ. Ц. 1 р.
- ЛОНДОНЪ, Д. Собрание сочиненій. Т. 3. Морской волкъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- МАЙСТРАХЪ, В. Рассказы. Т. 1. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- МЕРЕЖКОВСКІИ, В. Полное собрание сочиненій. Т. 6. Спб. Ц. за все изданіе 18 р.
- МИХАЭЛИСЪ, К. Судья. Романъ. Ц. 1 р.
- НАДСОНЪ, С. Стихотворенія. Изд. 25-е. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. Гроза. Романъ для юношества. Ц. 1 р. 50 к.
- НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. Хлѣба и зрѣлищ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- НИКИТИНЪ, Н. Торжества въ Ясной Полянѣ. Спб. Ц. 50 к.
- ПУШКИНЪ, Полное собрание сочиненій, подъ ред. Венгерова. Томъ 5-й. Спб. Ц. 8 р.
- ПОДЪЯЧЕВЪ, С. Рассказы. Т. 1-й. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- РЕМИ-де-ГРМОНЪ. Радости любви. Романъ. Ц. 1 р.
- РОСЛАВЛЕВЪ, А. Рассказы. Кн. 1. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- РАУДЗЕ, В. Внутрь Онѣгина. Томанъ. Стихотворенія. Т. 1. Ц. 1 р. 25 к.
- СЕРАО, М. После прощанія. Томанъ. Ц. 1 р.
- СВЪВЕРЯНИНЪ, П. Ручьи въ лиліяхъ. Поэзы. Ц. 50 к.
- ТАНЪ, В. Собрание сочиненій. Т. 9. Передвинутая душа. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ТОЛШТЕМСКІИ, Х. Въ мірѣ ясна. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- УЭЛЬСЪ, Г. Первые люди на лунѣ. Ц. 50 к.
- ФОРМОНЪ, М. Побѣда любви. Романъ. Ц. 1 р.
- ФРЕНСЕНЪ, Г. Обѣтованная земля. Ц. 1 р. 50 к.
- ШАПИРЪ, О. Безъ любви. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ШЕВЧЕНКО, Т. Твори. Томъ другой. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭБЕРСЪ, Г. Я живу, Стихи. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АРСЕНЬЕВЪ, Ю. О геральдическихъ знаменахъ въ связи съ вопросомъ о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи. Спб. 1911. Ц. 1 руб.
- БОРОДИНЪ, М. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- БРОДСКІИ, Л. Священникъ Оеодосій Левитскій и его сочиненія. Лодисенныи императору Александру Первому. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ВАЛШШЕВСКІИ, К. Петръ Великій. Москва. 1912. Ц. 3 р. 50 к.
- ВЛАСЬЕВЪ, Р. Родъ Волынскихъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ДРЕВНЕ-РУССКАЯ книжка Святаго Равноапостольнаго ОЛЬГА. (Вопросъ о крещеніи ея). Киевъ. 1911. Ц. 1 р.
- ИЗВѢСТІЯ Русскаго Генеалогическаго Общества. Вып. 4-й. Ц. 3 р.
- КРУГЛИКОВЪ-ГРЕЧАНЪ, П. М. Княгиня Ольга. Научно-популярный очеркъ. Киевъ. 1911. Ц. 30 к.
- ЛУППОВЪ, П. Христіанство у вотяговъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Исслѣдованіе. Вятка. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
- МИНИАТЮРЫ греческаго минологія XI вѣка № 183 Московской Синодальной Библиотеки. Изданіе Д. Я. Тренева. Описание рукописи Н. П. Попова. Москва. 1911. Ц. 10 р.
- НЕТУШИЛЪ, П. Обзоръ римской имперіи. Харьковъ. 1912. Ц. 3 р. 25 к.
- НОВОМБЕРГСКІИ, Н. Слово и дѣло государевы. (Процессы до изданія уложенія Алексѣя Михайловича 1649 г.). Томъ 1-й. Москва. 1911. Ц. 3 р.
- ПАМЯТИ Ивана Петровича Корнилова. 1811—1911. Ц. 30 к.
- РАГОЗИНА, А. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- РОССІЙСКІИ ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ. 1613—1913. Въ портретахъ. Ц. 20 к.
- РУССКІИ БІОГРАФИЧЕСКІИ СЛОВАРЬ. Шебановъ—Шюцъ. Спб. 1911. Ц. 5 р.
- СБОРНИКЪ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. 5. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- СІВЕРСЪ, А. Родословіе Озеровыхъ. 1911. Ц. 2 р.
- СТЕФАНОВИЧЪ, Д. О Стоглавѣ. Его происхождение, редакция и составъ. Къ исторіи памятниковъ древне-русскаго церковнаго права. Ц. 2 р.
- ТАРАШЪ ГИНЪ, О. Годъ русской славы. (Незабвенный 1812 годъ). Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ТРОИЦКІИ, Д. Двѣнадцатый годъ. Ц. 75 к.

ТРУДЫ Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 28. Саратовъ. 1911. Ц. 1911. Ц. 75 к.

ФАУСЕКЪ, В. Великій гражданинъ Александръ Ивановичъ Герценъ и его

участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Харьковъ. 1911. Ц. 30 к.

ЯКОВЛЕВЪ, П. Воспоминанія нижняго чина о русско-японской войнѣ. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АНТОНОВЪ, А. Практическое руководство для кандидата на судебныя должности по производству предварительнаго слѣдствія. Ц. 1 р.

АШИКЪ, В. Финансовые результаты эксплуатаціи русской желѣзнодорожной сѣти за послѣднее трехлѣтіе. 1911. Ц. 5 р.

БОГАТЪ-РЕВЪ, А. Повторительный курсъ международного права. Составлено по Мартенсу, Эйхельману, Листу и Казанскому. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.

БОНЧЪ-БРУЕВИЧЪ, М. Армейскія дѣла. Сборникъ статей. 1905—1910 г. Ц. 2 р.

БРЮНЕЛЛИ, П. «Ходатай по дѣламъ». Сборникъ формъ и образцовъ бумагъ для руководства лицамъ, ходатайствующимъ въ административныхъ учрежденіяхъ по дѣламъ сословныхъ, о воинской повинности по принесенію прошеній по Высочайшее имя и по землеустроительнымъ дѣламъ о выходѣ изъ общины по закону 14 июня 1910 г., Спб. 1911. Ц. 1 р.

БРЮНЕЛЛИ, П. Молодой адвокатъ. Настольная справочная книга для начинающихъ адвокатовъ, присяжныхъ стряпчихъ и част. повѣренныхъ. Спб. Спб. 1911. Ц. 2 р. 75 к.

ВОЛГИНЪ, В. Судьбы англійскаго крестьянства. Москва. 1911. Ц. 15 к.

ГЕБГАРДЪ, Г. Исторія кооперативнаго движенія въ Финляндіи. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ГОРОХОВЪ, Д. Общественное значеніе причины дѣтской смертности и борьба съ нею. М. 1911. Ц. 20 к.

ДМИТРИЕВЪ, В. Критическія изслѣдованія о потребленіи алкоголя въ Россіи. М. 1911. Ц. 3 р.

ЕВДОКИМОВА, А. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.

ЖЕЛЪЗНОВЪ, В. Очерки политической экономіи. Ц. 3 р. 50 к.

КАУФМАНЪ, Р. Финансовое хозяйство органовъ мѣстнаго самоуправленія въ

Англии, Франціи, и Пруссіи. Т. 2-й. Ц. 4 р.

КОЛЫЧЕВЪ, А. Взаимное земское страхование. Сборникъ узаконеній судебныхъ и административныхъ распоряженій. Спб. 1911. Ц. 60 к.

КОЛЫЧЕВЪ, А. Кассационная практика Правительствующаго Сената по городскимъ и земскимъ дѣламъ. Систем. сводъ рѣшеній. Ц. 5 р.

КУЛИШЕРЪ, І. Политическая экономія. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КУРЧИНСКІИ, М. Городеиіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ЛИПРАНДИ, А. Германія въ Россіи. Харьковъ. 1911. Ц. 80 к.

МІЛЮКОВЪ, П. Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій. Спб. 1911. Ц. 60 к.

О КООПЕРАЦИИ, съ предисловіемъ В. Тотоміанца. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ОКУНЕВЪ, Н. Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отчетъ за 1910 годъ. Спб. Ц. 1 р.

ПУРИШКЕВИЧЪ, В. Ареопагъ. Страница жизни современнаго русскаго университета. Спб. Ц. 15 к.

РѢШЕНІЯ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1909 годъ. Ц. 2 р.

— То же за 1910 годъ. Цѣна 50 к.

СБОРНИКЪ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи съ конца 1906 г. по июль 1909 г. Вып. 1-й, по 1-января 1908 г. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Отчетъ М. Н. Галкина-Враскаго. Т. 1. Продовольственная кампанія 1905—6 г. 5 т. Ц. 3 р.

ЭКГАРДЪ, Торгово-промышленная Германія. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ЯЩЕРИЦЫНЪ, П. Новый законъ о землеустройствѣ. Саратовъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Искусство.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ Рѣпина, Шишкина, Маковского, Айвазовскаго, Верещагина и другихъ русскихъ художниковъ. Ц. по 60 к.

ВАГНЕРЪ, Р. Бетховенъ. 1911. Ц. 1 р.

ГАЛЛЕРЕЙ графа Н. А. Кушелева-Безбородко. Т. 5. Текстъ М. М. Дальневича. Спб. Ц. 20 к.

ГЕНИКА, Р. Шуманъ и его фортепیانное творчество. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ГРАБАРЪ, И. Исторія русскаго искусства. По подпискѣ, вышелъ выпускъ 11-й.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ. 1911. Вып. 4-й. Спб. Ц. 1 р.

СТАСОВЪ, В. Листъ. Шуманъ и Берлиозъ въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ФИНДЕЙЗЕНЪ, Н. Рихардъ Вагнеръ, его жизнь и музыкальное творчество. Ч. 1, 2. Ц. 60 к.

ФУКСЪ, Э. Исторія правовъ. Т. 1. Реценсансъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.

Естествознаніе и математика.

АДАМОВЪ, А. Сборникъ задачъ по высшей математикѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 40 к.

АРНОЛЬДИ, В. По островамъ Малайскаго архипелага. Впечатленія и наблю-

денія натуралиста. Москва. 1911. Ц. 1 р. 80 к.

БИЛЬТИЦЪ, Г. и В. Упраженія по неорганической химіи. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

- БИЛЬГИЦЪ**, Экспериментальное введение въ неорганическую химию. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- BLONDIOT**, Введение въ изучение термодинамики. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ДИНГЕЛЬДЮП**, ФР. СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО ПРИЛОЖЕНІЮ ДИФФЕРЕНЦІАЛЬНАГО И ИНТЕГРАЛЬНАГО ИСЧИСЛЕНІЯ. ЧАСТЬ I-Я. ДИФФЕРЕНЦІАЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНІЕ. СЪ 99 РИСУНКАМИ. СПБ. 1911. Ц. 2 Р.
- ИВИНСКІЙ**, Г. Матеріалы къ гидрогеологическому изученію Саратовской губ. Саратовъ. 1911. Ц. 60 к.
- КОЗЫРЕВЪ**, А. Гидрогеологическое описаніе Южной части Акмолинской области. Спб. 1911. Ц. 5 р.
- Къ вопросу о гидрологіи Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи. 1911. Ц. 1 р.
- ЛОВЕЛЪ**, П. Марь и жизнь на немъ. Одесса. 1911. Ц. 2 р.
- МЕЦЕ**, О и **КНУТЪ**, Н. Жизнь и строеніе двѣтца. Ц. 1 р. 25 к.
- МОРСКАЯ СВИНКА**, Ч. I. Анатоміи. Изд. Комиссіи кролиководства. М. 1911. Ц. 1 р.
- ОСНОВЪ**, П. Введение къ изученію органической химіи. X. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
- ПАЧОСКІЙ**, I. Основные черты развитія флоры Юго-Западной Россіи. Херсонъ. 1910. Ц. 2 р.
- РЪЗНИЧЕНКО**, В. Очеркъ почвъ и растительности Северо-Восточной части Зайскасаго плоскогорія и обихихъ природныхъ условій края. Спб. 1911. Д. Ц. 1 р. 50 к.
- ФАБРЪ**, Жизнь насѣкомыхъ. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ДУВЯНСКІЙ**, В. На Эльбрусъ по Бакасану. Изъ путевыхъ воспоминаній участника восхожденія на западную вершину Эльбруса 3 августа 1908 г. Пятигорскъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Языковѣдѣніе.

- НѢМЕЦКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ**, составленъ подъ редакціей К. О. Тиандера. Вып. 2-й. Спб. Ц. 1 р.
- МАКАРОВЪ**, Н. и **ШЕЕРЕРЪ**, В. Полный русско-нѣмецкій словарь съ примѣненіемъ новой общепринятой нѣмецкой орфографіи. Спб. 1911. Ц. 5 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БРУНСТЪ**, В. Обработка почвы. Ц. 8 коп.
- ВЕБЕРЪ**, К. Корзиночное производство и культура корзиночной ивы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ВОСКРЕСЕНСКІЙ**, В. Гдѣ и какъ легче и дешевле достать денегъ на улучшеніе сельскаго хозяйства, ремесла или промысла. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ГИНРИХСОНЪ**, А. Культура болѣе употребительныхъ лекарственныхъ растений хорою растущихъ въ Россіи, и ихъ примѣненіе къ медицинѣ. Ц. 3 р. 75 к.
- ДРОЗДОВЪ**, В. Почва, ея свойства и пропосажденіе. Москва. 1911. Ц. 50 к.
- ИЛЬИНЪ**, Н. и **ВИШНЕВСКІЙ**, В. Практическія свѣдѣнія для землемѣровъ и помощниковъ землемѣровъ землеустроительныхъ комиссій, съ образцами формъ разныхъ дѣловыхъ бумагъ, чертежей и плановъ. Изд. 2-е, дополн. и исправл. 1911. Ц. 1 р.
- КИРСАНОВЪ**, Д. Самый выгодный севооборотъ. Москва. 1911. Ц. 8 к.
- КИЧУНОВЪ**, Н. Смородина, крыжовникъ, ежевика, американск. крупноплодная клюква и другія полезныя ягодныя растенія и ихъ культура. Спб. Ц. 50 к.
- КУЛЕШОВЪ**, П. Коневодство. Спб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
- ПАНФИЛОВЪ**, Е. Какъ выбрать и установить плугъ. Ц. 15 к.
- РАЙКОВСКІЙ**, В. Устройство доходной пасѣки. Совѣты начинающимъ пчеловодамъ. Ц. 20 к.
- Промысловое пчеловодство. Ц. 1 р.
- ШВЕЦОВЪ**, К. Промышленный огорожд. Москва. 1911. Ц. 20 к.
- ШТЕЙНБЕРГЪ**, П. Практическое огородничество. Ц. 75 к.
- УСОВЪ**, В. Культура болотъ ихъ, осушеніе, луговоедство и полевое хозяйство на нихъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 80 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- АЛЕКСѢВСКАЯ**, А. Спящая Россія—спранный кошелекъ и русская угленпромышленность. Обзоръ литературы о каменныхъ угляхъ Европейской и Азиатской Россіи (Изданіе землемѣра Е. П. Вишневаго). Спб. 1911. Ц. 80 к.
- БЛАТОВЪ**, Н. Коммерческая корреспонденція. Ц. 1 р. 50 к.
- БОГАЛѢНОВЪ**, М. и **СОБОЛЕВЪ**, М. Очерки русско-монгольской торговли, съ прил. 22 фотографій и картой Монголіи. Томскъ. 1911. Ц. 4 р.
- ГОРБАЧЕВЪ**, И. И. Коммерческая корреспонденція и ея юридическое значеніе. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ИСТОРИЯ** торговли и промышленности въ Россіи. Т. I, в. 4. Страховыя учрежденія. Ц. 70 к.

КЕЙЛЬ, П. Венидикъ Котруды изъ Рагузы. Очеркъ изъ исторіи бухгалтеріи. Могилевъ губ. 1912. Ц. 50 к.

КУЗЬМЕШКО, Д. Сборникъ правилъ счетоводства и бухгалтеріи массоваго и счетнаго порядка для учебныхъ заведеній

Мин. Нар. Просв. и другихъ вѣдомствъ. Москва, 1911. Ц. въ перепл. 5 р. 50 к.

ПЛОХОТЕНКО, А. Генеральная тема счетоводства по двойной итальянской системѣ. Москва, 1911. Ц. 2 р.

СПРАВОЧНИКЪ по хлѣбной торговлѣ. Сиб. 1911. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АДРИАНОВЪ, Н. Самоучитель фотографа. Руководство современной фотографіи. Ч. 3. Репродукционная фотографія. Ц. 1 р. 52 к.

БАТОВСКІЙ, С. Альбомъ и номенклатура практически необходимаго оборудования депо и мастерскихъ русскихъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ инструментовъ, подручныхъ приспособленіями и предметами обстановки. Вып. 1. Оборудование депо. Рига. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ГАЛУНОВЪ, М. Наши сельско-хозяйственные постройки. Жилые дома, дома для рабочихъ, ледники, бани, прачечныя и пр. Съ 19 табл., рис. и черт. Ц. 1 р. 50 к.

ДУДРЕВИЧЪ, О. Желѣзнодорожная пневматическая водоснабженія съ децентрализацией напора. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЖУКОВЪ, М. Морскія турбины. Вып. 1. й и 3-й. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ЛЕВИНСКІЙ, Я. Руководство по ткачеству. Ц. 1 р.

ЛИПСКИЙ, А. Современное рафинадное производство. Киевъ. 1911. Ц. 2 р.

РАШКОВИЧЪ, С. Стерилизация нечистой воды ультра-фиолетовыми лучами. Спб. 1911. Ц. 80 к.

ШЕВЛЯГИНЪ, Н. Практика испытанія бумаги, съ прилож. краткаго очерка способовъ испытанія сырыхъ матеріаловъ шпечбумажины. производства. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

ШЕРШОВЪ, А. Практика кораблестроенія. Устройство, проектирование, постройка и ремонтъ современныхъ военныхъ и коммерческихъ судовъ. Ч. 1. Устройство корабля. Спб. 1912. Ц. 4 р. 50 к.

ЩЕЛКОВЪ, А. Краткій курсъ землеустройства для желѣзнодорожныхъ техникумовъ. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БОБРОВЪ, А. Очеркъ борьбы съ туберкулезомъ въ Россіи. Одесса, 1911. Ц. 90 к.

ГОСЪ, В. Сифилисъ и реакція Wassermann'a въ освѣщеніи ферментной теории иммунитета. Спб. 1911. Ц. 30 к.

ГРАУЭРМАНЪ, Г. Беременность. Ц. 30 к.

ЗВЪРЖХОВСКІЙ, Ф. Основы дентитри. Руководство для врачей и студентовъ. Вып. II. Строеніе, развитіе и прорѣзываніе зубовъ. 1911. Ц. 3 р.

ЗЕРЕНИНЪ, В. Тормозитическіи поврежденія у дѣтей. Ц. 10 к.

ИГНАТЬЕВЪ, В. Дѣтства, орточество и юность и ихъ особенности, влияющія на заляваемость и смертность дѣтей. Ц. 20 к.

КАПЕЛЬ, В. Общественное воспитаніе въ свѣтѣ гигиены. Алкоголизмъ и школа. Москва. 1911. Ц. 30 к.

LANGE, K. Техника Вассермановской реакціи и клиническое примѣненіе ея для

диагностики и терапіи сифилиса. Одесса. 1911. Ц. 60 к.

MULLER, P. Техника серодиагностическихъ методовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 35 к.

NEUSSEL, E. Грудная жаба. Москва. 1911. Ц. 40 к.

ТАРАСЕВИЧЪ, Л. Значеніе инфекціи для дѣтскаго возраста. Москва. 1912. Ц. 15 к.

ТЕЙХМАНЪ, Э. Наслѣдственность. Ц. 50 к.

— Половое безполовое размноженіе. Ц. 50 к.

ТЮФФЪЕ, Т. и ДЕСФОССЪ, П. Малая хирургія, 1911. Ц. 1 р. 80 к.

ЧЕТВЕРИКОВЪ, О. Заразные болѣзни дѣтскаго возраста. Ц. 15 к.

ШВЕЙЦЕРЪ, Р. Гигиена грудного ребенка. Книга для матерей и нянь. Москва. 1911. Ц. 30 к.

ШТЕРНБЕРГЪ, В. Столъ и діета больного. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

ЭЛЛИСЪ, Г. Автоэротизмъ. Для врачей и юристовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Военное и морское дѣло.

ВЫРЖИКОВСКІЙ, В. Настольная справочная книжка по вещевому довольствію армии. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ДРУЖИНИНЪ, К. Воинскій духъ. Ц. 25 к.

ЛУПОЛОВЪ, А. Справочная книжка для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. 2 части. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АНТОНОВЪ, Н. Храмъ Божій и церковныя службы. Учебникъ богослуженія для средней школы. Изд. 2-е, дополн., съ 270 рисунками. Спб. 1912. Ц. 1 р. 40 к.

BRENDEL, I. Fibel nach der gemischten Schreiblesemethode und erstes Lesebuch für Volksschulen. 1 Teil. 2 Auflage. Pr.-is geb. 25 Kop, 1911 г.

- Illustriertes deutsches Lesebuch für Volksschulen und Vorbereitungsklassen. 2 Theil (2-tes Schuljahr). Saratow. 1911. Preis geb. 45 Kop.
- ВОЙТИНСКИЙ, С. Собрание вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометрии для средн. учебн. заведений. Вып. 3. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ДЕМКОВЪ, М. Начальная народная школа, ея исторія, дидактика и методика. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ДИ-СЕНЬИ, Н. Курсъ прямолинейной тригонометрии. Изд. 3. Ц. 1 р. 25 к.
- ДЦЯ И МИРЪ. 24 темы, разработанныя для дѣтскаго сада и школы Гертрудой Паппенгеймъ и другимъ дѣтскими садовницами. Ц. 40 к.
- ЕВСЪЕВЪ, П. Методика обученія чтенію. Ц. 70 к.
- ЕФІМЕНКО, А. Элементарный учебникъ русской исторіи. 1911. Ц. въ перепл. 90 к.
- ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ. Школьное чтеніе въ лицахъ съ иллістраціями, въ шести картинахъ. Ц. 20 к.
- ЗАЧИНЯЕВЪ, А. Психологическая система обученія. Происх. коренныхъ словъ съ буквой ъ. Три свѣтныя таблицы (синія и красныя). Цѣна за три таблицы 60 к.
- ЗВЯГИНЦЕВЪ, Е. Вѣна и трудъ людей. Книга для класснаго чтенія по исторіи и отечествовѣднію. Москва. 1911. Ц. 70 к.
- ЦЕЛЮСТРОПОВАННЫЙ очеркъ. Школа Левинской. Опытъ совмѣстнаго воспитанія. Спб. 1911. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ЛЕНДРИКСОНЪ, Ф. Учебникъ физики для средней школы. Выпускъ 2-й. Тепловая и лучистая энергія. Ученіе о движеніи и силахъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- КИСТЯКОВСКИЙ, В. Учебникъ экологической географіи. Россія сравнительно съ важнѣйшими государствами міа. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- КОЗЛОВЪ, В. Атласъ схемъ и анатоміи позвоночныхъ. Млекопитающія. Ц. 40 к.
- Атласъ схематическихъ ретиционныхъ картъ по географіи Европы. Ц. 55 к.
- КОРИКЪ, Г. Обзоръ памятниковъ русской словесности. С. Т. Аксаковъ. Д. В. Григоровичъ. А. Н. Островскій. Ц. 40 к.
- П. С. Тургеневъ. Ц. 40 к. А. Н. Островскій. Ц. 80 к. Ломоносовъ. Ц. 45 к. Фонвизинъ. Дерябинъ. Ц. 60 к.
- Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ и Батюшковъ. Ц. 60 к. Жуковский, В. Ц. 1 р. Грибоедовъ, А. Ц. 65 к.
- КОРИФЕЙ английской литературы, № 2. Dickens Ch. The cricket on the hearth. Ц. 70 к.
- ЛАВРЕНТЬЕВЪ, Д. Христоматія по законовѣднію. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- МЕНКОВИЧЪ, П. Курсъ стереометріи съ стереоскопъ. Ц. 5 р.
- МИРЛЕСЪ, А. Темы ученическихъ сочиненій. Библиографическій указатель. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.
- МИРОНОСИЦКИЙ, П. Словечко, Книжка для обученія грамотѣ. М. 1912. Ц. 20 к.
- Тоже для учителя. Ц. 20 к.
- ЮСЕВИЧЪ, А. Стереометрія въ стереоскопѣ. Дополненіи. Серия 2-я. Цѣна съ 34 стереограммами. Ц. 3 р. 50 к. Н
- Серия 3-я. Кристаллографія въ стереоскопѣ. Симметрія кристалловъ. Ц. 5 р.
- МИРГОВСКИЙ, М. Сборникъ узаконеній и распорядженій по мужскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ Вѣдомства Минист. Народн. Просвѣщенія. Москва. М. 1911. Ц. въ перепл. 8 р.
- НЕЧАЕВЪ, А. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Работа рѣкъ и ручьевъ. Ц. 30 к.
- Тоже. Работа льда. Ц. 25 к.
- ПАНОВЪ, и СОКОЛОВЪ. Наибольше легкій путь къ обученію грамотѣ и вестороннему развитію. Москва. 1911. Ц. 65 к.
- ПАША-ЕРП, А. Полное руководство къ изученію неправильныхъ глаголовъ французскаго языка. Одесса. 1911. Ц. 60 к.
- ПРАКТИЧЕСКАЯ грамматика. Ч. 3. Краткій курсъ этимологіи и синтаксиса. Составили: Ананшинъ, Гусаконъ, Макаровъ и др. Москва. 1912. Ц. 25 к.
- ПЬ.ТЬНЕВЪ, А. Элементарная грамматика русскаго языка для младшихъ классовъ средн. уч. завед. Спб. 1911. Ц. 90 к.
- РАЗСКАЗЫ изъ Священной исторіи Вѣтхаго Завета. Съ картинками. Годъ 2. Ц. 15 к.
- РОДНИКОВЪ, В. Какъ выработать убѣжденія. Памяти Н. И. Пирогова. М. 1911. Ц. 10 к.
- Очерки по исторіи русскаго педагогич. Кіевъ. 1911. Изд. 2-е. Ц. 70 к.
- САТАРОВЪ, В. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Синтаксисъ. Вып. 3-й. Ц. 15 к.
- Рисованіе по клѣткамъ. В. 1. Ц. 30 к.
- Тоже. Вып. 2-й и 3-й. Ц. кажда. вып. 15 к.
- СОКОЛОВЪ, Н. и ПАНОВЪ, В. Третья книга послѣ буквара. Ц. 50 к.
- СОХА, С. Русскій букварь для польскихъ дѣтей. Ц. 20 к.
- Школьный товарищъ. Книга для обученія русскому языку въ школахъ. Ч. 2.
- ТЕРНАВЦЕВЪ, В. Наука слова. Первая книга для занятій роднымъ языкомъ. Ц. 30 к.
- ТРОЙНОВСКИЙ, И. Курсъ природовѣднія. Ч. 1. 1911. Ц. 80 к.
- ФАРМАКОВСКИЙ, В. Педагогика дѣла. Теорія и практика трудового обученія въ школѣ. Одесса. 1911. Ц. 75 к.
- ХВОРОСТАНСКИЙ, К. Кратскій курсъ естественной исторіи. Ч. 3. Строеіе челоуѣческаго тѣла и знакомство съ міромъ животныхъ. 1911. Ц. 75 к.
- ЦИГЛЕРЪ, Т. Исторія педагогики. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧЕРЕМШАНСКИЙ, Ф. Что должна сказать мать своей дочери и отецъ сыну до шестнадцати лѣтъ. Хвалыньскъ. 1911. Ц. 50 к.
- ЧУРАКОВЪ, В. и БРЕНДЕЛЬ, И. Четыре времени года. Матеріалы для нагляднаго преподаванія по картинкамъ. Саратовъ. 1911. Ц. 54 к.
- ШКОЛА ЕВИЦКОЙ. 1900—1911. Ц. 1 р.

Книги для дѣтей и юношества.

- ГОТОРНЪ, Н. Книга чудесъ. Сказки для дѣтей Тэнгльуда. (Изъ мифологіи). Съ 20 рис. Спб. 1911. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.
- СЫСОЕВА, Е. Исторія маленькой дѣвочки. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. Изд. годъ 27-й.

(Подписной годъ считается съ 1 ноября

1911 г. по 1 ноября 1912 г.)

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Редакторъ Ф. С. ГРУЗДЕВЪ.

Издатель П. П. СОЙНИНЪ.

52 №№ ЖУРН., въ ящич. цѣтн. обложкахъ, 2.000 столбц. больш. формата, съ рисунки и чертеж., свыше

Въ теченіе года помѣщается около 1000 обстоятельныхъ, практическихъ, общедоступныхъ статей по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Большая часть статей иллюстрирована.

Отдѣлъ ОТВѢТОВЪ, даваемыхъ бесплатно подписчикамъ, поставленъ такъ широко, какъ ни въ одномъ другомъ сельско-хозяйств. журналѣ. За 26 лѣтъ существованія журнала „Сельскій Хозяинъ“ дано свыше 23.000 обстоятельныхъ ответовъ.

12 книгъ ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО около 800 стран. большаго формата.

СПЕЦИАЛЬНАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ХУТОРЯНЪ.

Кромѣ цѣлаго ряда статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, изложенныхъ простымъ, понятнымъ и для начинающихъ хозяевъ языкомъ, въ «Хуторскомъ Хозяйствѣ» помѣщаются обзоры всего лучшаго изъ другихъ сельско-хозяйственныхъ журналовъ. Такимъ образомъ, по истеченіи года, книги эти составляютъ полную энциклопедію практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ быту хуторянина.

5 ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

1) Крупный рогатый скотъ. Профессора М. И. Придорогина.	3) Разведеніе и содержаніе домашней птицы. А. А. Бѣглова.
2) Воздѣлываніе масличныхъ растений. Д. В. Федорова.	4) Выборъ и уходъ за нефт. и керос. двигателями. К. И. Дебу.
5) Кожевенное производство. И. П. Кривоцова.	

— Все руководства снабжены многочисленными рисунками. —

Альбомъ. Устройство РАЦИОНАЛЬНАГО ОТОПЛЕНІЯ И КЛАДКА ПЕЧЕЙ. Гражданскаго инженера С. Е. Зарина. Съ подробнымъ описаніемъ кладки русской, голландскихъ и утермаркскихъ печей, каминовъ, кухонныхъ очаговъ и т. п. и 85 таблицами рисунковъ печей.

3 книги особ. прилож.: 1) Новое въ сельск. хозяйствѣ.

(Обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ области сельск. хоз.). Сост. Б. Н. Усовскій.

2 и 3) Коренныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ (меліораци).

— Обширный трудъ въ 2-хъ томахъ, большаго формата, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главные отдѣлы:

1) Мѣстныя улучшенія почвы (удаленіе камней, навозка земель, известкованіе и мергелеваніе почвы, обработка залежи, перелогъ и т. п.).	4) Культура болотъ и торфяниковъ.
2) Раздѣлка пустырей, верещатниковъ и лѣсныхъ пространствъ.	5) Орошеніе и обводненіе полей и луговъ.
3) Осушка низинныхъ мѣстъ. Дренажъ.	6) Способы задержанія зимней влаги на поляхъ.
	7) Орошеніе садовъ и огородовъ.
	8) Укрѣпл. и облѣсеніе летучихъ песковъ.
	9) Борьба съ оврагами.

КАЛЕНДАРЬ Сельск. Хоз. на 1912 г. въ изящномъ переплетѣ.

Кромѣ всевозможныхъ справочныхъ свѣдѣній, въ календарѣ будутъ помѣщены адреса хозяйствъ, гдѣ можно покупать скотъ, сѣмена, птицу, посадочный матеріалъ и т. п.

БЕЗПЛАТНЫЕ ОТВѢТЫ. * СѢМЕНА — НОВИНКИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ЖУРНАЛЪ „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“ со всеми прилож. **6 РУБ.**

ва годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая 3 рубля.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1912 г.
(23-й г. изд.)
Подписки годъ
считается съ
1-го ноября
1911 г. по 1-е
ноября 1912 г.

«Природа и Люди»

Журналъ «Природа и Люди» Изд. Нар. Пров. доу-
щенъ въ учт. библиот. высшихъ учебн. завед., въ учен.-библ. средн. учебн. зав. и гор. учил., въ общ. нар. чт. и библ.

52 №№ художественно-иллюстрированного журнала.
Романы, повѣсти и рассказы. Живописныя путешествія. Описанія чудесъ природы. Диковныя животн. и растит. мира. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія Открытїи и изобрѣтенїя. Спортъ, новости по авїацїи, задачи на премїи и т. п.
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1.

40 книгъ 8.000 страницъ.
БОГАТО иллюстрированного
ПОЛНОГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ
вѣснотнаго французскаго писателя

А. ДЮМА

Подъ редакціей П. В. Быкова.
Едва ли существуетъ уголокъ цивилизованнаго мира, гдѣ бы не знали и не любили этого короля французскихъ романовъ. Предпринятое нами новое изданіе сочин. А. Дюма является первымъ полнымъ русскимъ изданіемъ.
Настоящее изданіе является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что заключаетъ въ себя болѣе

1.000 иллюстрацій.

40 книгъ полнаго собранія романовъ Александра Дюма (первая половина) будутъ заключать въ себя слѣдующія произведенія:

- Тайный заговоръ. — Ущелье дьявола. — Графъ Монте-Кристо. — Приключенїя Жюна Девиса. — Три мушкетера. — Давать дѣть слуху. — Виконтъ де Бражелонъ. — Женская война. — Черный топазъ или плѣнникъ Левенштейнскаго замка. — За королеву (Шевалье д'Арманталь). — Ожерелье королевы. — Ажъ Питу. — Тысяча и одинъ призракъ. — Калібрійскіе бандиты. — Незвѣста республиканца. — Вѣрность до гроба. — Путешествіе Пайо. — Мюратъ. — Петръ Жестокій. — Приключенїя капитана Марлона.

Остальныя 40 кн. пом. собр. сочиненїя А. Дюма будутъ даны въ 1913-мъ году

Абонементъ № 2

24 книги ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВ. СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ 4.800 стр. знаменитаго писателя моряка

КАПИТАНА МАРРИСТА

Морской офицеръ. — Королевскія собственности. — Приключ. Якова Вѣрнаго. — Иафетъ въ поискахъ отца. — Три яхты. — Мичманъ Мом. — Многосказочн. паша. — Браконьеръ. — Корабль-призракъ. — Приключенїя собаки. — Кораблекрушеніе въ Великомъ океанѣ. — Сто лѣтъ назадъ. — Приключ. въ Африкѣ. — Канадскіе поселенцы. — Приключенїя Вюла въ Калифорнїи и Техасѣ. — Маленькій дикарь. — Приключенїя Симпла. — Пиратъ и друг.

12 книгъ ХУДОЖЕСТВ. ЛИТЕРАТУР. 2.600 ст. = ЕЖЕМЪСЯЧНИКА =

МІРЬ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

Въ изящныхъ книгахъ «Мира Приключенїй» помѣщаются только новѣйшія произведенія русской и иностранной литературы.

Въ 1912 г. будутъ помѣщены, между проч., слѣд. произведенїя:

- Въ горахъ Даури. Ром. изъ жизни русскихъ золототрокателей. П. Владкаир. — Шакалы пустыни. М. Перукинд. — Кавачьи могилы. Ф. Тютчева. — Отрава. М. Алазайева. — Бенита, ром. Р. Халарда. — Аэропланъ-приндѣлье, ром. Поля д'Ивуа. — Башня молчанїя. В. Пушда. — Золотыя слитки. М. Пембертона. — Корабль сокровищъ. О. Холла. — Напергонки съ солнцемъ. Л. Мидъ и друг.

5 книгъ РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВ. 400 иллюстр. = СОЧИНЕНІЯ =

ЗЕМЛЯ ДО ПЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА

профессора *И. Вальтера*

Абонементъ № 3.

12 книгъ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ около СОЧИНЕНІЙ 2.500 стр. ГЕНИАЛЬНОГО КРИТИКА

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

съ портретомъ автора и биогр. очеркомъ.
Н. А. Добролюбовъ принадлежитъ къ тѣмъ любимѣйш. судьбамъ, произведенїя которыхъ на многие десятилетїи и сотни лѣтъ переживаютъ своихъ творцовъ, не утрачивая современности. Его сочиненїя должны быть настольными книгами каждаго интеллигентнаго читателя.

6 книгъ БОГАТО-ИЛЛЮСТР. 680 страницъ больш. форм. = ИСТОРИИ =

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Сочин. всемірно повѣстн. профессора русской исторїи *А. Т. Брикнера*.

Сочиненіе профессора Брикнера представляетъ громадный вкладъ въ литературу, общенный по достоинству и у насъ, и за границей.

5 книгъ ИЛЛЮСТРИРОВАН. 400 иллюстр. = СОЧИНЕНІЯ =

ЗЕМЛЯ ДО ПЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА

профессора *И. Вальтера*.

Живописная исторїя земли и жизни на землѣ, начиная съ туманной дали съдой древности и до появленїя на землѣ перваго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 52 №№ журнала «ПРИРОДА И ЛЮДИ» съ бесплатными приложенїемъ одною изъ трехъ абонементовъ (по выбору г.г. подписчиковъ)

6 РУБ. ВЪ ГОДЪ

безъ доставки и пересылки

7 РУБ. ВЪ ГОДЪ

съ доставкой и пересылкой

*РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальные. Или въ теченїе первыхъ 7 мѣсяцевъ, съ ноября, по 1 р.

ЖЕЛАЮЩЕ МОГУТЪ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, **СВЕРХЪ ТОМУ** получить по своему выбору, любую приложенїя изъ другихъ абонементовъ, но за особую доплату, а именно: Соч. капитана Маррїста за доплату 3 р. 20 к. «Миръ Приключенїй» за 1 р. 80 к. «Земля до появленїя человѣка» за 1 р. 60 к. Соч. Н. А. Добролюбова за 2 руб. 80 коп. «Исторїя Петра Великаго» за 2 руб. 40 коп. Соч. А. Дюма за 5 руб. 20 коп.

РАЗСРОЧКА ЗА ДОПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ допускается, при выпискѣ на сумму до 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля; при выпискѣ на сумму болѣе 3 рублей, слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д. Изд. П. П. Сойкинъ.

Всѣ вновь подписавшіеся на журналъ «Природа и Люди» немедленно получаютъ всѣ вышедшіе №№ и приложенїя. Подписной годъ считается съ 1 ноября. № 1 журнала выйдетъ 3 ноября.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ДЕКАБРЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1911 г

	СТРАН.
I. Кольчевская вотчина. Романъ. Часть третья. XXIV—XXX. (Окончаніе). М. Г. Веселовой-Кильштетъ	831
II. Записки Н. К. Беркута . VIII—X. (Окончаніе).	876
III. Растрата. XXV—XXXIX: (Окончаніе). П. П. Гнѣдича	906
IV. На чужбинѣ. Г. Т. Сѣверцева-Полилова	929
V. Люди недавняго прошлаго. VII—VIII. (Окончаніе). В. А. Тихонова	975
VI. Похожденія революціонера-экспроприатора Савицкаго. А. А. Сигова	1002
иллюстрація: Разбойникъ Савицкій.	
VII. Ночь въ участкѣ. М. К. Фишера	1035
VIII. Суворовъ въ Кобринѣ. (Исторія и преданія). В. А. Алексѣева	1045
Иллюстраціи: 1) Ичѣніе «Губерніа», гдѣ жилъ Суворовъ. — 2) Домъ и прудъ въ имѣніи «Губерніа».	
IX. Русскій Гагенбекъ. В. К. Анфилова	1077
Иллюстраціи: 1) Осипъ Емельяновичъ Неживовъ. — 2) О. Е. Неживовъ со шкуръ ми звѣрей. — 3) Помощники Неживова. — 4) Выкормка дѣтенышей дивныхъ архаровъ.	
X. Новый управляющій архивомъ министерства юстиціи въ Москвѣ. Н. Е-ва	1087
XI. Андрей Александровичъ Титовъ. (Некрологъ). В. Е. Рудакова	1089
иллюстрація: Андрей Александровичъ Титовъ.	
XII. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). VI. Ликвидация революціонныхъ сообществъ. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго	1096
Иллюстрація: Вѣра Николаевна Фигнеръ.	
XIII. Очерки Самаркандской области. Е. Н. Павловскаго	1118
Иллюстраціи: 1) Домъ богатаго узбека въ Самаркандѣ. Видъ со двора — 2) Улица базара близъ мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ — 3) Лавка ибидныхъ издѣлій въ Самаркандѣ. — 4) Проповѣдникъ на ригистанѣ въ Самаркандѣ. — 5) Мѣсная лавка въ Самаркандѣ. — 6) Точильный станокъ кузнеца въ «железныхъ рядахъ» Самаркандѣ. — 7) Мадрасса Ширъ-даръ на ригистанѣ Самаркандѣ. — 8) Мадрасса Улугъ-бекъ на ригистанѣ Самаркандѣ. — 9) Входъ въ мечеть Шахи-зинда. Самаркандѣ. — 10) Внутренность мечети Шахи-зинда въ Самаркандѣ. — 11) Мадрасса Хоразми (слѣпыхъ) въ Самаркандѣ. — 12) Моленье узбековъ въ мечети Хаджа-Ахраръ. Самаркандѣ. — 13) Начальная школа (мактабъ) въ кишлакѣ (деревнѣ) Багъ-балавъ близъ Самаркандѣ.	
XIV. Ломоносовскіе дни.	1143

(См. слѣд. стран.)

XV. Критика и библиографія. 1155

1) Происхождение самообъятной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образования Русскаго государства. Ч. I, вып. 1—III. Исторія Русскаго государства и православной церкви. Ч. II, вып. I—II. Составлено Т. П. Мятлевой. Слб. 1911. Посвящается его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Алексію Николаевичу. Книга ученымъ комитетомъ признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученыхъ библиотекъ и безплатныхъ народныхъ читальнъ. К. Мудряшова.—2) О предсобоорномъ присутствіи. С. П. Сахарова, подъ редак. профессора М. Е. Красножана. Юрьевъ. 1910. Профессора М. Красножана.—3) Н. П. Лихачевъ. Хожденіе святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова по лицевымъ рукописямъ XV и XVI вѣковъ. Слб. 1911. А. Я.—4) Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 г.г.). Т. II. Обзоръ истории гимназіи. Ч. I. Кіевское главное народное училище. (1789—1809). Кіевская гимназія (1809—1836). Кіевская первая гимназія (1836—1864). Кіевъ. 1911. Томе Т. III. Обзоръ истории гимназіи. Ч. II. Кіевская первая гимназія (1854—1880). Воспоминанія о первой кievской гимназіи А. И. Руца, Н. А. Вунге и Н. П. Забугина. Историческій очеркъ Св.-Николаевской церкви кievской первой гимназіи. Кіевъ. 1911. В. Рудакова.—5) Проф. Д. И. Вагалѣй. Очерки изъ русской истории. Т. I. Статьи по истории просвѣщенія. Харьковъ. 1911. м. н.—6) В. В. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники; С. Ф. Литвинцевъ, Маленькія русскія исторіи; Н. Н. Головинъ, Моя первая русская исторія; А. Е. Заринъ, Князь Теряевъ-Расстригинъ; Л. Чарская, Великій императоръ и маленькій папъ, Царскій гнѣвъ, Газавать; Луи Русселе, Герой-барабанчикъ; Габріэль, Косталь-индѣецъ. Слб. 1911. м. Г.—7) С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Слб. 1911. А. Фаресова.—8) Собраніе сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе подъ редак. Иванова-Разумника. 4 сб. 1911.—Собраніе сочиненія В. Г. Бѣлинскаго Подъ редак. Н. Д. Носкова. Слб. 1911. А. Фомина.—9) «Пѣсни забытой усадьбы» М. Г. Веселковой-Кильшметъ. Слб. 1911. Б. Г.—10) К. Леонтьевъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной пустыни въ 1890 году. М. 1911. м. л.—11) Александръ Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бѣдны. Историческое сочиненіе въ четырехъ томахъ. Томъ второй. Золотое пятилѣтіе. Слб. 1911. А. м.—на.—12) О правѣ на существованіе. Соціально-философскія этюды проф. московскаго университета П. И. Новгородцева и проф. слб. университета І. А. Покровскаго. Слб. 1911. А. мф.—13) Библиотека для самообразованія. Иллюстрированная серия. Карлъ Федеръ. Данте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасской, подъ редак. М. Н. Розанова. Москва. 1911. Памт.—14) Н. Никольскій. Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1911. Памт.—15) Граціанскій, П. Парижскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Казань. 1911. П. Б.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1184

1) Новое о тильзитскомъ свиданіи.—2) Рауль Гинсбургъ, какъ герой и дипломат.—3) Театральное дѣло на Западѣ въ 1911 г.—4) Конгрессы и юбилеи.

XVII. Смѣсь. 1204

1) Столѣтіе общества любителей россійской словесности.—2) Столѣтіе Александровскаго лицей.—3) Присужденіе премій А. С. Пушкина въ академіи наукъ.—4) Въ литературномъ фондѣ.—5) Увѣковѣченіе памяти Ломоносова.—6) Открытіе французскаго института въ Петербургѣ.—7) Открытіе памятника Никитину.—8) Музей имени великаго князя Михаила Николаевича.—9) Къ юбилею профессора І. И. Витольда.—10) Чествованіе А. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.—11) Чествованіе профессора П. П. Чистикова.—12) 40-лѣтіе научно-общественной дѣятельности А. П. Вашилова.

XVIII. Некрологи. 1214

1) Фояъ-Гойнингенъ-Гюне, баронъ А. Ф.—2) Ермолаевъ, М. С.—3) Козубскій, Е. И.—4) Кокосовъ, В. Я.—5) Котельниковъ, М. Г.—6) Крыловъ, Н. А.—7) Лугининъ, Р. Ф.—8) Мясоедовъ-Ивановъ, В. А.—9) Притыкинъ, М. Я.—10) Терещенко, А. Н.—11) Степановъ, А. П.—12) Строиловъ, С. С.—13) Юзефовичъ, В. М.—14) Яевнъ, Л. Ю.

XIX. Замѣтки и поправки. 1227

Къ статьѣ «Выраги памяти». Кирсанова.

Приложенія: 1) Портретъ Николая Кононовича Беркута.—2) Смерть консулу. (Pour tuer Bonaparte). Историческій романъ Жоржа Оду. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова, (Окончаніе).—3) Указатели: I) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1911 г., и II) рисунковъ, помещенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1911 с.

При этой книжкѣ прилагаются: 1) иногороднымъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на журналъ «Нива» 1912 г. и о другихъ изданіяхъ т-ва А. Ф. Марксъ и 2) городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девриень—«Книги-подарки».

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО ТОМА

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1911 года).

	СТРАН.
Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ: (Съ отдѣльн. нумер., октябрь)	1—22
Колычевская вотчина. Романъ. Часть третья. (Окончаніе). М. Г. Веселко-вой-Кильштетъ	5, 401, 831
Записки Н. К. Беркута	46, 449, 876
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	91
Люди недавняго прошлаго. В. А. Тихонова	106, 591, 975
По жребію. (Разсказъ). М. А. Руневича	134
Брызги памяти. Е. В. Корша	152
После «смущенія». (Деревенскія впечатлѣнія). (Окончаніе). С. С. Гусева Слово-Глаголь	170
Пиратъ-визязь. (Историко-біографическій очеркъ). С. А. Качіони	195
иллюстраціи: 1) Ламбро Дингріевичъ Качіони. — 2) Ангеліна Качіони.	
Въ черемшанскихъ скитахъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Н. Н. Оглоблина	213
Эпизодъ изъ біографіи В. Г. Бѣлинскаго. М. А. О—ва	226
Къ характеристикѣ П. С. Ванновскаго. С. И. Ярославцева	232
По поводу двухъ монографій В. О. Ключевскаго. Д. А. Корсакова	236
Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). V. Провокація и ея жертвы Г. П. Судейкинъ и С. П. Дегаевъ. VI. Ликвидация революціонныхъ сообществъ. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго	255, 704, 1096
иллюстраціи: 1) Правительственное объявленіе о розыскѣ С. П. Дегаева.—2) Николай Евгеньевичъ Сухановъ.—3) Михайлъ Юльевичъ Ашенбреннеръ.—4) Баронъ Александръ Павловичъ Штромбергъ.—4) Николай Давидовичъ Похитоновъ.—5) Вѣра Николаевна Фигнеръ.	
Среди кобзарей и лирниковъ. В. В. Данилова	301
иллюстраціи: 1) Кобзарь Терентій Пархоменко.—2) Лирникъ съ поводомъ.—3) Кобзари въ дорогѣ.	

«Истор. вѣсти», декабрь 1911 г., т. СХХVI.

На родинѣ Ломоносова. И. П. Ювачева.	313, 739
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.—2) Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.—3) Набережная въ Холмогорахъ.—4) Училище въ память Ломоносова на мѣстѣ его родины.—5) Типы поморовъ Архангельской губерні.—6) Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства (направо) внутри Успенскаго монастыря.—7) Бывшій архіерейскій корнусъ въ Успенскомъ монастырѣ.—8) Предполагаемый портретъ принцессы Анны Леопольдовны.—9) Предполагаемый портретъ одной изъ дочерей Анны Леопольдовны.—10) Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства съ южной стороны.—11) Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.—12) Гробницы холмогорскихъ архіепископовъ въ Преображенскомъ соборѣ.	
Растрата. П. П. Гнѣдича.	478, 906
Изъ воспоминаній о К. А. Скальковскомъ. В. Б. Бертенсона.	511
Помраченіе высокопреосвященнаго Иринѣя. І. І. Ясинскаго.	530
Русское министерство въ Болгаріи. (Время Александра Баттенбергскаго). А. Н. Щеглова.	552
Первое сентября 1911 года. (Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина). А. С. Панкратова.	613
Мятежъ на Западномъ Кавказѣ. (Картинки кавказской революціи). Г. А. Загеряннаго.	640
Забытый классикъ. (Матеріалы для біографіи И. А. Гончарова). С. Шпицера.	679
Памяти В. О. Ключевского. (Изъ воспоминаній его слушателя). А. А. Танкова.	692
Плюшкинскій музей. В. А. Алексѣева.	697
<i>иллюстрація:</i> Федоръ Михайловичъ Плюшкинъ.	
На чужбинѣ. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	929
Похожденія революціонера-экспропріатора Савицкаго. А. А. Сигова.	1002
<i>иллюстраціи:</i> Разбойникъ Савицкій.	
Ночь въ участкѣ. М. Н. Фишера.	1035
Суворовъ въ Кобринѣ. (Исторія и преданія). В. А. Алексѣева.	1045
<i>иллюстраціи:</i> 1) Имѣніе «Губернія», гдѣ жилъ Суворовъ.—2) Домъ и прудъ въ имѣніи «Губернія».	
Русскій Гагенбекъ. В. К. Анфилова.	1076
<i>иллюстраціи:</i> 1) Осипъ Емельяновичъ Неживовъ.—2) О. Е. Неживовъ со шкурами звѣрей.—3) Помощники Неживова.—4) Выкормка дѣтенышей дикихъ архаровъ.	
Новый управляющій архивомъ министерства юстиціи въ Москвѣ. Н. Е-ва.	1087
Андрей Александровичъ Титовъ. (Некрологъ). В. Е. Руданова.	1089
<i>иллюстраціи:</i> 1) Андрей Александровичъ Титовъ.	

Очерки Самаркандской области. Е. Н. Павловского. 1118

Иллюстрації: 1) Домъ богатого узбека въ Самаркандѣ. Видъ со двора— 2) Улица базара близъ мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ.—3) Лавка мѣдныхъ издѣлій въ Самаркандѣ.—4) Провѣдникъ на ригистанѣ въ Самаркандѣ.—5) Мясная лавка въ Самаркандѣ.—6) Точильный станокъ кузнеца въ «жѣлзныхъ рядахъ» Самарканда.—7) Мадрасса Ширъ-даръ на ригистанѣ Самарканда.—8) Мадрасса Улугъ-бекъ на ригистанѣ Самарканда.—9) Входъ въ мечеть Шахи-зинда. Самаркандѣ.—10) Внутренность мечети Шахи-зинда въ Самаркандѣ.—11) Мадрасса Хоразми (слѣпыхъ) въ Самаркандѣ.—12) Моленье узбековъ въ мечети Хаджа-Ахраръ. Самаркандѣ.—13) Начальная школа (мактабъ) въ вишлабѣ (деревнѣ) Баги-балаянъ близъ Самарканда.

Ломоносовскіе дни. 1143

Критика и биб. біографія 333, 763, 1155

1) П. Н. Лупповъ. Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Изслѣдованіе. Вятка. 1911. с.—2) Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 г.г.). Томъ I. Именные списки и біографіи должностныхъ лицъ и воспитанниковъ гимназіи. Кіевъ. 1911. в. Р.—ва.—3) Священникъ Θεодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Первому. Матеріалы къ исторіи исповѣданія въ началѣ XIX вѣка. Сообщилъ Л. К. Бродскій. Спб. 1911. ан. Титова.—4) Годъ Русской Славы, 1812—1912 г. Составилъ Ѳ. А. Таращигинъ. Подъ редакціей Ѳ. А. Витберга. Съ картою, портретами дѣятелей и рисунками. Спб. 1911. л. н.—5) Ан. Титова. Повѣсть о Щиглѣ (Новгородское сказаніе). Съ 19 рисунками. Москва. 1911. А. К—ова.—6) Мемуары графини Головиной (1766—1821 г.). Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Панудогло. Москва. 1911. А. Б.—7) Спутникъ по древнему Пскову. Любителямъ старины. Съ 58 рисунками и 4 планами. Составилъ Н. Ѳ. Окуличъ-Казаринъ. Псковъ. 1911. в. Рудакова.—8) М. В. Аксеновъ. Сенаторъ Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій (1796—1866). Опытъ описанія его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ силуэта и автографа. Смоленскъ. 1910. д. Б—ва.—9) А. М. Ловягинъ. Обзоръніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. По программѣ V класса гимназій и реальныхъ училищъ. Съ приложеніемъ на 11 таблицахъ 34 картъ и картограммъ и 6 диаграммъ, составленныхъ барономъ Н. Н. Торнау. Спб. 1911. в. Р—ва.—10) Матеріалы по археологіи Россіи. Мельгуновскій кладъ 1763 г. Съ 5 таблицами и 14 рисунками. Спб. 1911. А. Миронова.—11) Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елизаветы Ивановны Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911. н. Лернера.—12) Сергій Ефремовъ. Исторія украинскаго письменства. Спб. 1911. А. И—ча.—13) Описаніе рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской академіи наукъ. I. Рукописи. Томъ I (I. Книги священнаго писанія и II. Книги богослужебныя). Составили В. И. Срезневскій и Ѳ. И. Покровскій. Спб. 1911. А. я.—14) Сочиненія Пушкина. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Савтова. Томъ III. (1833—1837). Спб. 1911. А. Г. Фомина.—15) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. Томъ II. 1909. Томъ III. 1911. я. н.—16) I. «Въ память Л. Н. Толстого». Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ подъ редакціей Юрія Витовта. М. 1911. П. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 г.) изд. П. П. Сойкина. Вып. II. Б. г.—17) А. В. Амфитратовъ. Звѣрь изъ бѣдны. Т. I. Династія при смерти Спб. 1911. А. м—на.—18) Рейнакъ, Соломонъ. Орфей. Всеобщая исторія религіи. Переводъ съ седьмого французскаго изданія. Парижъ. 1911. с. Авалиани.—19) М. Ключковъ. Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911. п. в. Верховскаго.—20) Н. Е. Волковъ. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III. 1881—1894 г. Спб. 1910. вит. Тмачума.—21) Сборникъ статей по архивовѣдѣнію, подъ

1/2*

редакціей А. И. Зубарева. Т. I ч. 1 и 2. Спб. 1911. А. Б.—22) Труды московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Т. I. Москва. 1911. м. к—ва.—23) Протоіерей А. П. Поповъ. Младшій Григорійчъ. Новооткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка. Бронштадтъ. 1911. С.—24) Г. А. Любичъ-Копуровъ. Партизаны 1812 г. Москва. 1911. А. кф.—25) Р. Габаевъ. Документъ о русскихъ знаменахъ и прочихъ войскowychъ регаліяхъ начала XIX вѣка. (1803—1815 гг.). Опытъ историко-иконографическаго описанія. Спб. 1911. Его же. Вѣковая годовщина Отечественной войны и инженерныя войска. Спб. 1911. В. Р—ва.—26) Полковникъ Н. П. Поликарповъ, дѣйств. чл. императорскаго русскаго военно-историческаго общества. «Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26 августа 1812 г. при селѣ Бородинѣ. Вып. I. Боевыя дѣйствія 1-й и 2-й Западной арміи на большой Московско-Смоленской дорогѣ съ 9-го по 17-ое августа 1812 года». М. 1911. В. о.—27) Е. Орловскій. Гродненская старина. Часть I. Городъ Гродна. Съ гравюрами. Гродна. 1910. В. Р—ва.—28) Московское общество народныхъ университетовъ. Господство права. Лекція П. Г. Виноградова, профессора московскаго и оксфордскаго университетовъ. Москва. 1911. Пант.—29) В. В. Майковъ. Книжка писцовая по Новгороду Великому конца XVI вѣка. Спб. 1911. В. Р—ва.—30) Д-ръ Столь (ль?) Что необходимо знать каждому мальчику. Перев. съ англійскаго Е. Навалпидзе. Спб. 1911. Р. Сементіовскаго.—31) А. Измайловъ. Литературный Олимпъ. Характеристики, встрѣчи, портреты, автографы. М. 1911. н. л.—32) Русская карикатура. I. В. Ф. Тимъ, сост. В. А. Верещагинъ. Спб. 1911. г—ъ.—33) Графъ Павелъ Шереметевъ. Карамзинъ въ Остафьевѣ. 1811—1911. М. 1911. л.—34) В. В. Розановъ. Темный ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Его же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Б. В—снаго.—35) Ю. Е. Васильевскій. Чудеса животнаго міра. (Зоологія для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школь. Съ 185 рисунками. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. м—о.—36) Г. Штейдингъ. Памятники античнаго искусства. Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. А. м—на.—37) Ивану Михайловичу Гревсу ученики. Спб. 1911. п. б.—38) Большой всемірный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей Э. Ю. Петри и Ю. М. Шовальскаго. Спб. л.—39) Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галерей императорскаго Эрмитажа. Спб. 1911. м—о.—40) Происхожденіе самотытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія Русскаго государства. Ч. I, вып. I—III. Исторія русскаго государства и православной церкви. Ч. II, вып. I—II. Составлено Т. П. Мятлею. Спб. 1911. Посвящается его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Алексѣю Николаевичу. Книга ученыхъ комитетомъ признана заслуживающей вниманія при исполненіи ученическихъ бібліотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ. И. Кудряшова.—41) О предсобрномъ присутствіи. С. П. Сахарова, подъ редакц. профессора М. Е. Красножена. Юрьевъ. Профессора М. Красножена.—42) Н. П. Лихачевъ. Хожденіе святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, по лцевымъ рукописямъ XV и XVI вѣковъ. Спб. 1911. А. я.—43) Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 гг.). Т. II. Обзоръ исторіи гимназіи. Ч. I. Кіевское главное народное училище. (1783—1809). Кіевская гимназія (1809—1836). Кіевская первая гимназія. (1836—1864). Кіевъ. 1911. Тоже Т. III. Обзоръ исторіи гимназіи. Ч. II. Кіевская первая гимназія. (1864—1880). Воспоминанія о первой кievской гимназіи А. И. Рубца, Н. А. Вунге и Н. П. Забугина. Историческія очерки Св. Николаевской церкви кievской первой гимназіи. Кіевъ. 1911. В. Руданова.—44) Проф. Д. И. Вагалъ. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911. м. н.—45) Б. В. Гланскій, Царскія дѣти и ихъ наставники; С. Ф. Латвинцевъ, Маленькій русскій историкъ; Н. Н. Голвинъ, Моя первая русская исторія; А. Е. Заринъ, Князь Терневъ-Риспояхинъ; Л. Чарская, Великій императоръ и маленький пажъ, Царскій гавѣвъ, Газанатъ; Луи Русселе, Герой-барабанщикъ; Габріэль, Косталь-нядѣецъ. Спб. 1911. м. г.—46) С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Си-

бири. Спб. 1911. А. Фаресова.—47) Собрание сочинений В. Г. Билинского в трех томах. Юбилейное издание под редак. Иванова-Разумника. Спб. 1911. Собрание сочинений В. Г. Билинского. Под редак. Н. Д. Пискова. Спб. 1911. А. Фомина.—48) «Песни забытой усальбы» М. Г. Веселковой-Кильштетт. Спб. 1911. Б. Г.—49) К. Леонтьевъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной пустыни въ 1890 году. М. 1911. н. л.—50) Александръ Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны. Историческое сочинение въ четырехъ томахъ: Томъ второй. Золотое пятилѣтіе. Спб. 1911. А. М.—на.—51) О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды проф. московскаго университета П. И. Новгородцева и проф. слб. университета І. А. Покровскаго. Спб. 1911. А. юф.—52) Библиотека для самообразования. Иллюстрированная серія. Карлъ Федернъ. Дѣте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасской подъ редак. М. Н. Розанова. Москва. 1911. Пант.—53) Н. Никольскій. Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1911. Пант.—54) Граціанскій И. Наружскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Казань. 1911. п. б.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 361, 792, 1184

1) Французскій театръ во время первой имперіи.—2) Новая письма г-жи Крюденеръ.—3) Кое-что объ японцахъ.—4) Французская критика о русскомъ искусствѣ.—5) Отосюду.—6) Новинки по археологіи.—7) Эволюція донъ-Жуана.—8) Кое-что о Россіи.—9) Вилгельмъ—главнокомандующій арміей.—10) Новое о тильзитскомъ свиданіи.—11) Рауль Гинсбургъ, кавъ герой и дипломатъ.—12) Театральное дѣло на Западѣ въ 1911 г.—13) Конгрессы и юбилеи.

Смѣсь. 383, 814, 1204

1) Открытіе въ Кіевѣ памятника императору Александру II и педагогическаго музея имени наследника цесаревича Алексія Николаевича. 2) Открытіе памятника императору Александру II въ Иваново-Вознесенскѣ.—3) Въ академіи наукъ.—4) Историко-этнографическій музей княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ.—5) «Уголокъ» Н. Г. Чернышевскаго въ академіи наукъ.—6) Приобрѣтеніе дома Л. Н. Толстого.—7) 50-лѣтіе художественной дѣятельности проф. П. П. Чистякова.—8) Крестъ князя Пожарскаго.—9) Высшіе курсы въ зданіи біологической лабораторіи П. Ф. Лесафта въ Петербургѣ.—10) Присужденіе премій митрополита Макарія.—11) Открытіе Толстовской выставки.—12) Вяземскій комитетъ по увѣковѣченію памяти Отечественной войны.—13) Чествованіе профессора А. И. Введенскаго.—14) Юбилей издателя и редактора «Петербургской Газеты». С. Н. Худекова и А. К. Гермонюса.—15) Архивъ князя А. Д. Меншикова.—16) Къ постановкѣ памятника императрицѣ Маріи Феодоровнѣ въ Павловскѣ.—17) Столѣтіе общества любителей россійской словесности.—18) Столѣтіе Александровскаго лицей.—19) Присужденіе преміи А. С. Пушкина въ академіи наукъ.—20) Въ литературномъ фондѣ.—21) Увѣковѣченіе памяти Ломоносова.—22) Открытіе французскаго института въ Петербургѣ.—23) Открытіе памятника Никитину.—24) Музей имени великаго князя Михаила Николаевича.—25) Къ юбилею профессора І. И. Витли.—26) Чествованіе А. П. Семенова-Танъ-Шанскаго.—27) Чествованіе профессора П. П. Чистякова.—28) 40-лѣтіе научно-общественной дѣятельности А. П. Вашилова.

Некрологи. 392, 825, 1214

1) Архіепископъ Тихонъ.—2) Аргутинскій-Долгоруковъ, князь П. М.—3) Варсовъ, П. И.—4) Вурдестъ, Б. П.—5) Гютине, А. П.—6) Изенбергъ, К. В.—7) Катрицъ, М. Д.—8) Мазуровская, М. В.—9) Миклашевскій, А. Н.—10) Мядовскій, С. Н.—11) Смирнова, Е. П.—12) Смирновъ, Н. К.—13) Князь Цертелевъ, Д. Н.—14) Шевелевъ, Н. А.—15) Вьяневъ, В. И.—16) Левшинъ, Л. Л.—17) Носовъ, Л. Г.—18) Розановъ, П. Г. (протоіерей).—19) Соболевъ, А. Н.—20) князь Трубецкой, П. Н.—21) Фонъ-Гайннгейтъ-Гюне, баронъ А. Ф.—22) Ермолаевъ, М. С.—23) Козубскій, Е. Н.—24) Ко-

косовъ, В. Р.—25) Ботельниковъ, М. Г. — 26) Брыловъ, Н. А. — 27) Лугининъ, В. Ф.—28) Мясоѣдовъ-Ивановъ, В. А.—29) Притыкинъ, М. Я.—30) Терещенко, А. Н.—31) Степановъ, А. Н.—32) Строиловъ, С. С.—33) Юзефовичъ, В. М.—34) Явейнъ, Л. Ю.

Замѣтки и поправки. 1227
 Къ статьѣ «Брызги памяти». **Ирсанова.**

Приложенія: Портреты: 1) Петра Аркадьевича Столыпина.—2) Константина Аполлоновича Скальковскаго.—3) Николая Кононовича Беркута.—4) Смерть консулу. (Pour tuer Bonaparte). Историческій романъ Жоржа Ону: Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.—5) Указатели: I) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1911 г., и II) рисунковъ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1911 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
 сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
 ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ
 (изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей.** Въ переплетѣ **36 рублей.** Пересылка по разстоянію.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

КНИГА.

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

М. Г. Веселковой Кильштеть

„Пьски забытой усадьбы“

Сборникъ стихотвореній ц. 1 р.

Продается во веѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Ея-же „Стихи и пьесы“ (изд. 1906 г.), ц. 2 р.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-й.

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журналъ по образцу большихъ заграничныхъ иллюстр. цій

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и моды.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизни. Европы. Парижъ. Берлинъ. Петербургъ. Вѣна. Римъ. и т. д. — Придворный и парламентскій бытъ. — Дипломатическій міръ. — Европейскіе университеты. — Женское движеніе. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествія, романы, повѣсти. — Міръ изящнаго. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистокъ и красавицъ, рисунки, сцены. — Веселые наброски, юмористика. — Театры и моды. — Особый отдѣлъ: изъ міа таинственнаго, необычайнаго явленій, загадки бытія. — Міръ духовъ. **картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.**

Галерея Картинъ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читателей.

2 преміи ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ **2 преміи.**
въ 1912 году.

«ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ».

(Художественные рассказы и интимныя признанія свѣтской женщины).

«ЕВРОПЕЙСКІЕ КУРОРТЫ»

1. **Карлсбадъ.** Художественное описаніе И. Н. Потапенко съ изящными иллюстраціями и подробнымъ справочнымъ отдѣломъ для русской публики.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей **4 руб.**, на полгода **2 руб.** Заграницу **6 руб.** въ годъ (съ преміей).

Особенно роскошныя (зеленые) экземпляры **6 руб.** въ годъ (съ преміей).

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи „Европейской Жизни“: С.-Петербургъ, Невскій просп. № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1912 году
(ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1912 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать два года (1881—1911).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

НИКОЛАЙ КОНОНОВИЧЪ БЕРКУТЪ

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА¹⁾.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIV.

Шумно сегодня въ гостиной нарядной,
Звуками музыки зала полна.
Здѣсь въ образной тишина,
Кротокъ не меркнувшій отблескъ лампадный.
Слезы сверкнули на ризѣ старинной?
Нѣтъ! Это жемчугъ, алмазы, эмаль,—
Радости, муки, печаль
Тѣхъ, что когда-то смѣялись въ гостиной.

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.)

ОНДРАТА похоронили по церковному обряду въ оградѣ колычевской церкви. Хотя гробъ и былъ открытъ, но на лицѣ покойника лежалъ бѣлый платокъ, и подходившіе для послѣдняго цѣлованія крестьяне такъ и не могли разглядѣть его заклеянныхъ ожогами чертъ.

Игнатій Львовичъ уѣхалъ еще до похоронъ въ городъ. Лизу поразило и очень огорчило, что онъ ни словомъ не привѣтствовалъ ее, какъ будущую невѣстку.

«Вѣрно, нашъ бракъ ему не по душѣ. Почему? Вѣдь до сихъ поръ я, кажется, всегда пользовалась его симпатіей. Или онъ боится за сына и ревнуетъ его ко мнѣ? Или сердится, что Вася, не спросясь его, сдѣлалъ предложеніе?»

Когда она высказала свои сомнѣнія жениху, онъ какъ-то особенно нѣжно, словно виновато, поцѣловалъ ей руку.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 401.

— Не обращай на фатера вниманія, онъ иногда невмѣняемъ. Ему, видишь ли, непременно хотѣлось видѣть тебя за братомъ.

— Почему?—удивилась Лиза.—Не все ли ему равно?

— Онъ считаетъ его болѣе пригоднымъ для семейной жизни, а я, по его мнѣнію, непременно составлю твое несчастье, у меня вѣдь очень тяжелый характеръ.

— Не замѣчаю!..

Настало Благовѣщенье. Былъ чисто весенній, яркій и теплый день. Послѣ обѣдни все Колычево высыпало на успѣвшую уже просохнуть улицу. На завалинкахъ разряженные дѣвушки кликали весну и пѣли хоромъ:

Благослови, Боже,
Весну кликати,
Зиму провожати!
Лѣта дожждатися!

Вылети, сизая галочка!
Вынеси золотые ключики,
Замкни зимоньку студеную,
Отомкни намъ лѣто красное...

И словно въ отвѣтъ падали съ голубого неба золотые ключи-лучи, и звенѣли пѣснями жаворонковъ надъ просыхающимъ полями, а имъ навстрѣчу ребята выпускали изъ клѣтокъ зимовавшихъ чижей и зябликовъ и нарочно наканунѣ изловленныхъ воробьевъ...

О недавнихъ похоронахъ не было и помину. Умеръ человѣкъ, зарыли, и никому на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было больше дѣла до него. Только за постной кулебякой у о. Никанора шла о немъ беседа и даже не о немъ, а объ его паспортѣ, не мѣшаетъ, дескать, переслать его на мѣсто выдачи. Урядникъ, запивавшій рябиновкой каждый кусокъ, вызвался передать его исправнику. Не разглядывая, онъ спряталъ бумагу въ карманъ.

— Вотъ и отлично. Почему знать? Можетъ, и не бобыль былъ. Все свои узнаютъ, а то еще кто за него, какъ за живого, молится, пожалуй... Чего грѣхъ на душу брать!

До свадьбы оставалось уже меньше мѣсяца, и тетя Саша рѣшила, что откладывать дольше объявленіе помолвки не слѣдуетъ. Лиза вопросительно взглянула на Яшневъ.

— Что же, разъ вы находите такъ лучше, я дольше спорить не стану. Можетъ быть, и мнѣ самому будетъ легче, а то эта вѣчная боязнь не проговориться, не выдать себя—крайне тягостна.

Лиза просіяла. Именно теперь, когда кончился страшный кошмаръ ежечаснаго ожиданія смерти, когда были пережиты похоронныя хлопоты, когда не нужно было ходить больше на цыпочкахъ и говорить вполголоса, чтобы не тревожить раненаго, ей хотѣлось вздохнуть полной грудью и отдаться своему молодому счастью.

Тетя Саша улыбнулась.

— Ну, вот и отлично! Тогда ужъ разрѣшите мнѣ устроить все по-человѣчески, а то у меня все время на сердцѣ кошки скребли. Вамъ все равно, а Лизѣ безъ благословенія не годится.

Она прошла въ образную и вернулась оттуда со старинной иконой трехъ святыхъ, Гурія, Самона и Авива, покровителей брачной жизни, и позвонила Таню и Кирилловну.

— Поздравьте нареченныхъ!—умиленно произнесла она, осѣнивъ Лизу и Василя Игнатьевича этимъ образомъ, которымъ осѣнила ее самое старуха Гречихина, когда Семень Михайловичъ пріѣхалъ съ формальнымъ предложеніемъ.

Вѣсть о сватовствѣ доктора разнеслась по селу. Всѣ вдругъ повеселѣли и стали судить-рядить. Многіе, конечно, увѣряли, что уже его предвидѣли.

— Вмѣстѣ за больнымъ ухаживали, это онъ ихъ, упокойничекъ, и соединилъ.

Михалка, прослышавъ новость, ехидно улыбнулся.

— На то и шло... Недаромъ его навѣщала...—но, вдругъ спохватившись, примолкъ.

Ему было не до того. Онъ хлопоталъ о постройкѣ винокурни и ссориться съ усадьбой расчета не было. Напротивъ, онъ всю зиму усиленно ухаживалъ за Александрой Николаевной и цѣнь на ея продукты не сбавлялъ, такъ что она по своей добротѣ забыла даже свою осеннюю непріятность. Согласія на вырубку арендуемой имъ части парка она однако не давала, и Михалкѣ приходилось строиться на собственной землѣ. Это сильно стѣсняло его грандіозные замыслы, но онъ не терялъ надежды переубѣдить «Сотиху» и возвести за кулигою не только винокурню, но и спирто-очистительный заводъ, отъ котораго его чуткій носъ впередъ обонялъ вмѣстѣ съ виннымъ духомъ и немалую выгоду.

Когда новость о помолвкѣ Лизы и Яшнева достигла Горска, тамъ взволновались. Полковныя дамы намѣчали ей Левкевича, Адрианова — Флинта, полковница вступила въ таинственную переписку съ однимъ изъ кузеновъ, безземельныхъ бароновъ фонъ-Маусъ, страстныхъ агрономовъ въ душѣ, и прочила его въ женихи будущей владѣлицѣ Колычева, и вдругъ—такой аффронтъ... Степаша покидалъ въ печку физика Краевича и задачникъ Евтушевскаго, слѣдомъ полетѣлъ и Малининъ съ Буренинымъ, а вмѣсто нихъ на письменномъ столѣ появилась четвертная съ домашней перцовкой. Къ вечеру Мирошѣ удалось-таки затащить его на Московскую улицу, въ таинственно завѣшанную комнату, гдѣ самъ онъ провелъ столько незабвенныхъ часовъ подъ аккомпаниментъ гитары съ ярко-зеленой лентой на ручкѣ.

Зато Флинтъ окончательно забаррикадировалъ двери отъ товарищей и ушелъ съ головою въ зубрежку. Мысль, что Лиза достается

Яшневу, сводила его съ ума. Онъ чуялъ, что такъ или иначе молодой врачъ прикосновененъ къ партіи «народной воли», или «какъ ихъ тамъ этихъ дьяволовъ величаютъ», и какъ открыть ей глаза, какъ удержать отъ этого брака, не зналъ. Никакихъ явныхъ доказательствъ у него въ рукахъ не было. Кондрать былъ похороненъ, и его слова: «не я... не я...» ничего не объясняли... Онъ хотѣлъ писать ей, просить десять минутъ разговора наединѣ,—но приходилось ссылаться только на собственные догадки и подозрѣнія, а что онъ въ глазахъ влюбленной невѣсты не имѣли бы никакого вѣса,—было болѣе чѣмъ ясно...

Въ первую же среду онъ прошелъ къ Мартыновымъ. Лиза была оживлена, весела, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ явно избѣгала его взгляда и разговора, что подступа къ ней не было. Она сама винила себя въ душѣ, зачѣмъ подала было надежду молодому человѣку, однако пускаться въ объясненія считала неудобнымъ.

Флинтъ не досидѣлъ даже до чая и, сославшись на спѣшную работу, наскоро простился. Съ этихъ поръ къ Марьѣ Антиповнѣ онъ ужъ не показывался, да и Лиза о немъ не разспрашивала.

Молодая дѣвушка была теперь настолько поглощена приготовлениями къ предстоящей свадьбѣ, столько было разговоровъ, вопросовъ, покупокъ и хлопотъ, что она не читала «Голоса» и не слѣдила за процессомъ царубійцы. Ей казалось только, что въ то время, когда она такъ безгранично счастлива, когда весь міръ словно слился въ блаженно-весеннюю улыбку съ голубымъ небомъ и золотымъ солнцемъ, казни быть не можетъ и не будетъ,—и эта мысль умиляла ее. «Пусть они величайшіе грѣшники, новые Искаріоты,—но ихъ надо простить... И ихъ, конечно, помилуютъ, и это смягчитъ души другихъ, неразъсканныхъ, невѣдомыхъ и приведетъ ихъ къ раскаянію»...

Яшневъ молчалъ. Онъ переживалъ тяжелые дни. Имена Желябова и Кибальчича были ему незнакомы, онъ и не могъ знать ихъ. Настоящія фамиліи главарей были извѣстны лишь весьма немногимъ, но людей этихъ онъ зналъ, не разъ встрѣчался съ ними, раздѣлялъ ихъ взгляды и вѣру и преклонялся передъ ихъ готовностью жертвовать идеѣ всѣмъ и всѣми,—другими и собою. Онъ былъ удрученъ теперь и ихъ судьбою и проигрышемъ дорогого ему дѣла, но ни слова не говорилъ съ Лизой. Онъ боялся ея, боялся выдать, насколько близки ему эти люди.

На ея категорической вопросъ: неужели ихъ повѣсятъ?—онъ усмѣхнулся.

— Непремѣнно! иначе быть не можетъ! Это вполне логично. Такъ и надо!

Лиза даже отшатнулась.

— И если бы ты былъ въ числѣ судей, ты бы не заступился?

— Нѣтъ! щадить враговъ глупо и безцѣльно. Это та же война, а на войнѣ другъ друга не щадятъ.

— Вася... это жестоко!

Онъ поцѣловаль ея, и вдругъ волна безумной радости бытія охватила его. Онъ свободенъ, свободенъ! Ни одна нить, связывавшая его съ этими обреченными на казнь «Тарасомъ» и «Техникомъ», не захвачена, и его личное счастье, обладаніе этой чудной дѣвушкой съ темнѣющими подъ его поцѣлуями сѣрыми глазами, близится съ каждой минутой.

«Что жъ, каждому свое, и въ инстинктѣ самосохраненія я столь же мало виноватъ, какъ въ самой принадлежности человѣка къ міру животному». Онъ весело потрянулъ кудрями и перевелъ разговоръ на обивку новой мебели въ своемъ кабинетѣ, зная, что доставить этимъ интересомъ къ будущему гнѣзду удовольствіе Лизѣ.

Когда возникъ вопросъ о шаферахъ, Лиза заявила, что непременно желаетъ позвать Шемаева и Флинта. Яшневъ согласился на Левкевича и Коровкина, потому что ему было рѣшительно все равно, кто будетъ «вывихивать себѣ руки, держа надъ нимъ вѣнецъ». Адрианову пригласили ему въ посаженные матери.

Получивъ приглашеніе, Степаша затопаль ногами.

— Ни за что! ни за что! да это издѣвка!—вопилъ онъ, стуча по столу кулакомъ, такъ что рюмки и стаканы звенѣли, точно со страху, на подносѣ. Но Миронъ налилъ ихъ снова до краевъ.

— Чего ты, аль взаправду рехнулся? А ты имъ докажи, что тебѣ вовсе наплевать!.. Еще подумаютъ да надсмѣхаться стануть, что вотъ, молъ, какъ тебя разобидѣли. Нѣтъ, шалишь! Садись и отпиши: благодарю, молъ, за честь, и глазомъ не моргни, чтобъ, значить, ни ей, ни тому невдомекъ, что тебя обошли. Полно, братъ! Еще и не такая отыщется!.. Валяй за ея здоровье...

Флинтъ тоже готовъ былъ отказаться, но, раздумавъ, отвѣтилъ холодно-вѣжливымъ письмомъ, что охотно принимаетъ приглашеніе и «польщенъ» имъ.

XXV.

Близъ древней церкви есть могила;
Дубовый крестъ на ней истлѣлъ,
И черезъ ветхія перила
Желтѣеть ярко четотѣль.
Но въ окна церкви льется пѣнье,
Звучать священныя слова,
Что вамъ не страшна смерть ни тлѣнье,
Что память вѣчная жива.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.)

Въ Вербное воскресенье вся компанія шаферовъ съ Адриановыми отправилась въ Колычево поздравить нареченныхъ.

Лиза была воплощеніемъ счастья. У Флинта сердце падало каждый разъ, когда онъ ловилъ тотъ упоенный взоръ, которымъ она

смотрѣла на жениха, а несчастный Степаша глоталъ слезы, усиленно запивая ихъ всѣмъ, что стояло на столѣ, мѣшая наливки и шипучки, сантуринское и лафитъ, квасъ и домашнюю брагу.

Разговоръ, конечно, коснулся совершившейся наканунѣ казни.

— Все-таки жаль ихъ...—сказала Лиза:—я до послѣдней минуты ждала помилованья... Я думала, судьи будутъ добрѣе.

Яшневъ молча каталъ шарикъ изъ хлѣба.

— Ну, нѣтъ!—возразилъ Флинтъ.—Мы еще, слава Богу, не всѣ потеряли разумъ, не всѣ подпали подъ власть этого лжеученія, всецѣло основаннаго на софизмахъ, чтобы падить людей, цѣль которыхъ лить кровь, прикрывая свое личное честолюбіе громкими словами «любовь къ родинѣ». Какъ ни кричали они на судѣ о подвигахъ самопожертвованія,—цѣли у нихъ были самыя узкія и эгоистическія...

Яшневъ въ упоръ посмотрѣлъ на поручика.

— Въ чемъ же тутъ эгоизмъ?

— Въ чемъ? Въ фанатической настойчивости, во что бы то ни стало, доказать свою правоту и виновность, или, вѣрнѣе, ослѣпленность другихъ, хотя этихъ другихъ милліоны.

— Но если, по ихъ убѣжденіямъ, эти милліоны въ новыхъ условіяхъ, при новомъ строѣ жизни были бы въ милліонъ разъ счастливѣе?

— Что это за «новый строй»? и кому онъ нуженъ?

— Нуженъ каждому, кто хочетъ открыто исповѣдывать свои убѣжденія, свою вѣру. За что теперь приходится гнить въ казематахъ...

Александра Николаевна собиралась вмѣшаться, она боялась всякихъ споровъ, но Флинтъ, сидѣвшій рядомъ, быстро уловилъ ея движеніе. Въ его интересахъ было дать высказаться Яшневу, и онъ нарочно собирался разжечь и подзадорить его, чтобы открыть Лизѣ глаза. Она сидѣла неподвижно, не пропуская ни слова, и ободренный поручикъ набросился снова на противника.

— Ну, и слава Богу, пусть себѣ гніютъ, но гніютъ-то не за исповѣдыванія, а проповѣдыванія, и это огромная разница. Моей вѣры личной никто и не коснется, если я не смущаю другого, не подрываю жизни общества, прочно и вѣками сложившагося.

— Прочно?.. Вотъ въ томъ-то и суть, что не прочно, что стоитъ явиться, какъ вы выражаетесь, любому фанатику, и прочные вѣковые устои начинаютъ прямо ходуномъ ходить, пока не обрушатся. И тогда люди въ недоумѣніи озираются и спрашиваютъ: какъ это мы жили на такихъ гнилыхъ подпоркахъ? какъ давно не свалились въ болото предрасудковъ и не задохлись въ тинѣ лицемѣрія?..

— Тина лицемѣрія... болото предрасудковъ... Подумаешь, какія страшныя слова... Ну, а на той сторонѣ нѣтъ лицемѣрія,

нѣтъ предразсудковъ?.. Развѣ не есть уже предразсудокъ, что человекъ не смѣетъ имѣть предразсудковъ? Развѣ не лицемѣріе, будто человекъ имѣетъ право вѣровать, какъ хочетъ? Это вы, батенька, невиннымъ и неопытнымъ дѣвочкамъ очки втирайте своимъ отсутствіемъ лицемѣрія и предразсудковъ!..

Лиза вспыхнула.

— Мнѣ кажется, Василій Игнатьевичъ тутъ ни при чемъ, онъ говорилъ не о себѣ... Мнѣ вотъ тоже жаль этихъ казенныхъ, хотя я вовсе не сторонница ихъ ученія, избави меня Богъ! Но все-таки было бы лучше, если бы ихъ пожалѣли.

— А они, по-вашему, жалѣть умѣютъ?.. Хотите, я расскажу вамъ, какъ они жалостливы и милостивы, какъ сѣраведливы и вѣротерпимы?..

Яшневъ прищурился.

— Что же, съ чужихъ словъ говорить легко, да вѣдь мало убѣдительно.

Флинтъ злорадно усмѣхнулся.

— Ошибаетесь, я говорю по собственному опыту изъ пережитаго лично мною... У насъ въ ротѣ вольноопредѣляющійся былъ. Подозрительнымъ онъ мнѣ сразу показался, я съ него рѣшилъ не спускать глазъ. Оказывается, я не ошибся. Онъ собирался пропагандой между солдатами заняться, да сразу попался, фельдфебель мнѣ тутъ же донесъ. Я его притянулъ, какъ на духу, во всемъ покаяться заставилъ и всѣ его брошюры тутъ же при немъ въ печкѣ сжегъ. Мальчишка былъ, хотъ и двадцать второй годъ ему значилось, но больше семнадцати дать нельзя было.

— Что же вы потомъ съ нимъ сдѣлали?—спросила Сотова.

— Да ничего. Годъ онъ служилъ въ полку, а я какъ нянька по пятамъ за нимъ ходилъ, и никто ни о чемъ не догадывался, потому что я ему слово далъ, ради его матери, пощадить его, если онъ ничѣмъ дальнѣйшимъ себя не скомпрометируетъ. Уходя изъ полка, онъ со слезами благодарилъ меня, и отъ матери тоже я благодарственное письмо получилъ, что не сгубилъ ея молокососа: потому все это было одно напускное. И все-таки не сдобровалъ молодець. Поступилъ, отбывъ повинность, въ медико-хирургическую академію. Тамъ нашлись прежніе его пріятели, обвинили въ ренегатствѣ, узнавъ о перемѣнѣ его взглядовъ и настроенія, и въ одинъ прекрасный день его нашли застрѣлившимся.

— Можетъ быть, застрѣленнымъ?—спросила Адрианова.

— Нѣтъ, самъ застрѣлился!—принудили... такъ спокойнѣе, для нихъ. Онъ мнѣ по почтѣ письмо прислалъ, умоляя приготовить и утѣшить мать... Вотъ вамъ образчикъ понятій этихъ людей о личной свободѣ, о правѣ каждаго исповѣдывать открыто свою вѣру.

— Ужъ не техникъ ли этотъ, Николай Ивановичъ... какъ его?—ну! Кибальчичъ, что ли, его къ тому принудилъ, вѣдь онъ тоже изъ медиковъ былъ?—заявилъ осоловѣвшій Степаша.

Эти слова ударили Лизу по сердцу. Гдѣ она раньше слыхала? о техникѣ Николаѣ Ивановичѣ? Да, да... отъ Кондрата... Онъ бредилъ имъ послѣ операціи...

— А вы его не знали?—спросила Яшнева Анна Павловна.

— Кого?

— Да этого злодѣя Кибальчича?

— Нѣтъ, не зналъ!—отрекся Яшневъ.

Лиза облегченно вздохнула. Ну, да, конечно, не могъ же отвѣчать ей женихъ за случайныя знакомства: Кондратъ зналъ Кибальчича. Это другое дѣло.

— А правда, что они всѣ подѣ чужими именами живутъ?—спросила Александра Николаевна.

— Да развѣ вы процесса не читали? Чуть не у каждаго по нѣсколько паспортовъ было, и тотъ же Кибальчичъ подѣ именемъ Ланского жилъ. Вѣдь имъ вѣчно скрываться надо...

— Господи, что это за жизнь тогда! Вѣдь это ни шагу, ни минуты нѣтъ спокойной! Какъ можно жить такъ? Неужели такой жизнью соблазниться можно?

— Къ сожалѣнію... и не одни юноши соблазняются, а масса молодыхъ дѣвушекъ. Вѣдь эти герои умѣютъ такъ говорить, такъ увлекать, что неопытныя души въ нихъ, какъ въ Бога, вѣрять начинаютъ и, только связавъ свою судьбу съ этими волками въ овечьей шкурѣ, начинаютъ понимать, кому принесли въ жертву себя, свою душу и тѣло...

Намекъ былъ довольно прозрачный. Лиза вспыхнула и смѣрила Флинта гордымъ взглядомъ.

— Положимъ,—поправилъ Петръ Петровичъ:—не имъ,—я застаюся всегда за дамскій полъ,—а идеѣ, хотя весьма, къ сожалѣнію, ложной, и мнѣ очень и очень жаль, что всѣ эти молодыя жизни пропадаютъ безрезультатно.

Александра Николаевна вздохнула.

— Да, когда подумаешь, сколько добраго могло бы выйти, положи они эти свои силы и способности на настоящее хорошее дѣло, а теперь кто изъ народа имъ, царубійцамъ, повѣритъ!

И, сложивъ салфетку, она поднялась изъ-за стола.

Адрианова обняла Лизу за талію.

— Знаете, дуся, кто вамъ жениха напророчилъ?—спросила она нѣжно.

— Кто?

— Климушинъ, помните, тотъ мѣщанинъ, который вамъ сказалъ: радуйся, невѣста неневѣстная! Вы сразу, какъ вернулись съ гулянья, съ Василиемъ Игнатьевичемъ и познакомились. Правда, какъ странно?

— Да, да... удивительно странно.

«Пусть Флинтъ осуждаетъ меня, — думала Лиза, раздѣваясь въ тотъ же вечеръ. — Адрианова права: это моя судьба, и я сумѣю переработать Васину душу, несмотря на его невѣріе, на его сочувствіе тѣмъ людямъ. Вѣдь удалось же мнѣ заставить его признать церковный бракъ, и такъ будетъ и дальше. Не я поддамся его ученію, а онъ... Я заставлю его уйти подальше отъ этихъ ужасныхъ людей, я сумѣю защитить его отъ ихъ мести».

Сидя на постели, она расчесывала на ночь свою густую темную косу и вспоминала весь обѣденный разговоръ, и вдругъ ея рука съ гребенкой упала на колѣни. «У нихъ по нѣсколько паспортовъ, — вспомнила она слова Флинта. — Значить, у нихъ принято жить подь чужимъ именемъ? А Вася живетъ подь своимъ! вотъ и доказательство, что онъ не изъ нихъ... А Кондрать, который зналъ Кибальчича, изъ нихъ. Это теперь ясно... Онъ самъ говорилъ, что его сестру зовутъ Ершовой... Онъ просто жилъ по фальшивому виду... И не только жилъ, но и похоронень... Вѣдь на крестѣ стоитъ «Кондратій Чермакъ». А что если написать въ У., спросить его сестру, о которой онъ столько рассказывалъ: есть ли у нея такой братъ и гдѣ онъ?..»

Въ чистый понедѣльникъ Лиза начала говѣть. Она съ умиле-ніемъ вошла въ церковь, рѣшивъ забрать себя въ руки и не замѣчать никакихъ недочетовъ деревенскаго богослуженія. Но увы, ни молиться, ни сосредотчиться не было никакой возможности. Взадъ и впередъ, усиленно и дѣловито стуча сапогами, сновали деревенскіе мальчуганы. Это былъ ихъ праздникъ. Къ Пасхѣ церковь приводилась въ порядокъ. Мылись окна и двери, чистились подсвѣчники и лампы, для чего на паперти стояли докрасна накаленные жаровни, около которыхъ и вытапливался весь накопившійся за годъ воскъ. Тутъ же стояло разведенное мѣловое молоко, и вычищенная на совѣсть утварь вносилась шумно, съ блескомъ и трескомъ въ церковь, а ей на смѣну шла съ не меньшей суетою другая, и слова евангелія и богослуженія терялись и пропадали для богомольцевъ. И Лиза снова съ грустью вспоминала институтское говѣніе, стройное пѣніе и безмолвную тишину о́благо храма.

По окончаніи службы она прошла на могилу Кондрата. Этотъ крестъ начиналъ все больше и больше смущать ее. Нѣтъ, нѣтъ! тотъ, кто лежитъ подь нимъ, не Кондратій Чермакъ. Это тоже сынъ убитой горемъ матери, какъ тотъ вольноопредѣляющійся Флинта. И она, вѣрно, тоже томится въ неизвѣстности въ томъ сѣверномъ древнемъ городкѣ, про который онъ ей рассказывалъ, и кто знаетъ, въ эти великіе дни Страстной недѣли какія молитвы возсылаются ею о здравіи и спасеніи блуднаго сына?

И Лизѣ рисовались и эта мать, и сестры, и отецъ въ церкви далекаго уѣзднаго города, еще, вѣроятно, занесеннаго снѣгомъ, и

ого къ свѣчки у темнаго образа въ старинномъ окладѣ, которая догораетъ какъ разъ, можетъ быть, въ эту минуту поставленная матерью за здравіе живого раба Божія Кондратія...

Ласковый весенній вѣтерокъ пахнулъ ей въ лицо. На ближнемъ кустѣ еще оголенной черемухи раздалась звенящая долгая трель зяблика, полная свѣтлой радости, и вдругъ оборвалась. Птица, замѣтивъ Лизу, испугалась и, быстро замахавъ пестрыми полосатыми крыльями, отлетѣла въ сторону. Лиза вздрогнула.

«Написать или не надо? Какъ жаль, что Вася уѣхалъ въ округъ и я не могу съ нимъ посоветоваться! Можетъ быть, лучше пусть тамъ въ У. думаютъ, что ихъ сынъ живъ. А если они знаютъ, съ кѣмъ онъ дружилъ? если подозрѣваютъ, что онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ казненными, что и его ожидаетъ та же участь? Что если при каждомъ новомъ арестѣ сердце ихъ обливается кровью, и они, зная, что у него какой-нибудь фальшивый паспортъ, думаютъ: это онъ... Развѣ, какъ ни горько будетъ извѣстіе объ его смерти, не явится оно и утѣшеніемъ? Развѣ не легче имъ будетъ узнать, что онъ умеръ отъ несчастія на охотѣ, окруженный дружескимъ участіемъ и заботливымъ уходомъ, чѣмъ рисовать его себѣ въ саванѣ на висѣлицѣ?..»

И, придя домой, она написала письмо въ городъ У., на Воскресенскую улицу, Софіи Яковлевнѣ Ершовой въ собственный домъ и отправила его на почту съ Арестіемъ, который ѣхалъ въ городъ за предпраздничными покупками.

XXVI.

Торжествомъ напоенъ,
Въ небесахъ разливается звонъ,
И по мертвой землѣ отдалось:
«Христось... Христось... Христось»...
— Воскресь!.. воскресь!.. воскресь!..
Отвѣчаетъ проснувшійся лѣсъ..

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Лиза была особенно радужно настроена. Василий Игнатьевичъ вернулся въ субботу и по ея настоянію пошелъ съ ней на заутреню.

Онъ все еще чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею за наброшенную на нее тѣнь въ глазахъ отца, и хотя старикъ сразу послѣ похоронъ Кондрата официально пріѣхалъ поздравить ее, но былъ весьма сдержанъ и бывалъ въ Колычевѣ неохотно. Сыну онъ вручилъ двѣ тысячи на обзаведеніе, но тотъ отклонилъ ихъ.

Тѣмъ нѣжнѣе обращался молодой человекъ съ Лизой

«Не все ли равно? пойду, — рѣшилъ онъ, — разъ ей удовольствіе», и, снисходительно улыбувшись, онъ согласился.

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ на паскальной службѣ, — онъ сказать бы не могъ.

Во времена оны, когда онъ еще жилъ въ Горскѣ у отца вмѣстѣ съ братомъ, его самого захватывала всегда предпраздничная суета. Онъ любилъ запахъ окорока въ печкѣ и куличей, красилъ яйца и протиралъ сквозь сито творогъ. Онъ охотно шелъ къ 12 евангеліямъ и возвращался съ бережно укрываемой свѣчей, отъ которой на весь годъ зажигалась неугасимая лампадка передъ благословенной иконой его покойной матери. Онъ любилъ ходить на выносъ плащаницы и на утреннее погребеніе и съ замираніемъ сердца ждалъ перваго «Христосъ воскресе», а послѣ розговѣнъ встрѣчалъ непременно восходъ солнца, чтобы убѣдиться, какъ оно играетъ, вставаячи въ Свѣтлое Воскресенье. И его заспаннымъ глазамъ казалось тогда дѣйствительно, что, показываясь надъ крышами уѣзднаго городка, солнце играло, то опускалось, то снова выплывало и обдавало землю горячими и яркими весенними лучами... Но это было давно, и съ тѣхъ поръ все стерлось и поблекло, и было все равно— встаетъ ли солнце, или идетъ снѣгъ на Пасху.

И теперь, пока шелъ онъ рядомъ съ Лизой, сразу за духовенствомъ въ праздничныхъ газетовыхъ ризахъ, въ крестномъ ходѣ вокругъ стараго храма, по усыпанной пескомъ и ельникомъ дорогѣ, онъ едва сдерживалъ презрительную гримасу, глядя на ряды наскоро сколоченныхъ столовъ, гдѣ на расшитыхъ полотенцахъ красовались куличи, пасхи и яйца, ждавшіе освѣщенія. «Какая ненужная и чисто языческая обрядность! Къ чему эта снѣдь? При чемъ эти булки, эти горки творога и имя Христа? Не все ли равно, съѣсть бѣлое или окрашенное старыми тряпками яйцо?»

А люди благоговѣйно крестились кругомъ, и старыя бабушки со своими адъютантами, суетливыми мальчишками, не сводили глазъ съ хоругвей и иконъ, съ красной восковой свѣчи о. Никанора, и на старыхъ и юныхъ лицахъ, озаренныхъ трепетными огоньками собственныхъ тоненькихъ свѣчекъ, сіяли радость и торжество.

И Лиза сіяла тоже какой-то особенной внутренней радостью. Когда крестный ходъ остановился и передъ запертыми дверями храма о. Никаноръ съ дьякономъ и нѣсколькими осипшимъ дьячкомъ пропѣли «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», она, оставивъ жениха, замѣшалась въ толпу, и оттуда грянуло ликующее, стройное «и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!» обученнаго ею маленькаго хора. И кругомъ стало еще радостнѣе и свѣтлѣе. Ярko горѣли плошки и смоляныя бочки, и темное небо искрилось и переливалось весенними звѣздами, и старый колоколъ гудѣлъ торжественно, а мелкіе, съ «Ивановной» включительно, звонко и дробно ему подпѣвали и призывали всю спящую окрестность принять участіе въ великомъ свѣтломъ праздникѣ. Неслышно на призывъ выходили изъ земли былинки. Соки подымались по корнямъ кустовъ и деревьевъ, и подъ корою бѣлыхъ, серебрившихся въ темнотѣ апрѣльской ночи березъ бродили сладкія струйки.

«Христось воскресе! Христось воскресе!» раздавалось въ блиставшей огнями церкви. Блеклые образа сверкали въ отвѣтъ вычищенными вѣнчиками, ярко алѣли мужскія рубахи и, какъ крупные желтые цвѣты, колыхались концы жаркихъ пунцовокъ, которыми дѣвушки, вопреки городской модѣ, повязали-таки свои расчесанныя, напомаженные головы.

Лиза съ сіяющими глазами повернулась къ жениху.

— Христось воскресе!—прозвучалъ вызывающе ея низкій милый голосъ, и онъ, поддавшись невольно его обаянію, радостно улынулся.

Какъ оно вырвалось, онъ самъ не зналъ, но онъ отвѣтилъ:

— Воистину воскресе!—и осторожно трижды поцѣловался сперва съ невѣстой, а потомъ съ зардѣвшейся не хуже Лизы Александрой Николаевной, и на душѣ было по-дѣтски весело, словно тамъ, играя, взошло лучезарное солнце...

А у Лизы улыбка не сходила съ губъ... «Милый, милый!—думала она, слушая евангеліе о томъ, какъ «вначалѣ было Слово, и Слово было у Бога»:—я тоже найду слово и проложу въ его сердцѣ новую дорогу къ тому слову, чтобы Оно вѣчно пребывало съ нимъ... Онъ станетъ снова вѣрующимъ. Вѣдь если его отецъ религіозный, значить и его воспитывали въ вѣрѣ, и его атеизмъ—вліяніе книгъ и товарищей. Посмотримъ, кто изъ насъ окажется на дѣлѣ сильнѣе...»

На третій день праздника Яшнева снова вызвали въ округъ, а черезъ часъ послѣ его отъѣзда привезли изъ города почту. Среди многихъ поздравленій вспомнившихъ наконецъ объ ея существованіи подругъ лежало одно съ незнакомымъ почеркомъ и штемпелемъ У.

Лиза поблѣднѣла и, забравъ свою корреспонденцію, ушла къ себѣ въ комнату.

«Милостивая Государыня! Я не знаю, кто вы, но что вы человекъ хорошій, вижу изъ вашего обращенія ко мнѣ и рѣшаюсь быть съ вами вполне откровенной.

«Да, у насъ былъ братъ, но не Кондратій, а Дмитрій, и мы, т. е. я лично, были съ нимъ очень и очень дружны съ дѣтскихъ лѣтъ. Къ великому несчастію и моему, и еще больше своему, съ седьмого класса гимназіи онъ подпалъ подъ сильное вліяніе своего товарища, страшнаго негодяя, котораго до тѣхъ поръ самъ первый осуждалъ. Онъ началъ плохо учиться, пересталъ ходить въ церковь, а дома сдѣлался грубъ съ отцомъ. Поминутно выходили непріятности и сцены, и въ одинъ прекрасный день онъ не вернулся вовсе изъ гимназіи. Напрасно наводили справки, ни его, ни этого товарища его въ городѣ не оказалось, и съ тѣхъ поръ ихъ обоихъ никогда больше никто изъ насъ не видалъ. Уходя, онъ, оказалось, забралъ изъ письменнаго стола отца всѣ его наличныя деньги и оставилъ слѣдующую приблизительно записку: «Я не воръ, я взялъ то, что принадлежитъ не вамъ,

а всему русскому народу, который платит эти деньги за вашъ ему совершенно не нужный трудъ, отнимая ихъ у своихъ нищихъ и голодныхъ дѣтей. Я верну эти деньги не вамъ, а ему, и верну ихъ сторицею. Не пытайтесь искать меня,—вы все равно не разыщете меня никогда. Я не вашъ и быть вашимъ не желаю».

«Я не знаю, есть ли у васъ братья и сестры, но вы поймете, что испытали мы всѣ. О матери нашей я не говорю. Митино имя больше у насъ въ домѣ не поминается. Отецъ запретилъ произносить его. Мы убѣждены, что онъ примкнулъ къ нигилистамъ, и съ ужасомъ и трепетомъ слѣдимъ съ прошлаго года за газетами, боясь прочесть его имя въ числѣ арестованныхъ или казненныхъ... Если вы что-нибудь о немъ знаете, какъ бы ни было оно страшно,—напишите смѣло. Хуже того, что нами передумано и перечувствовано, оно все-таки быть не можетъ. Мать изныла. Еще недавно это была бодрая женщина и дѣятельная хозяйка, а теперь почти старуха... На всякій случай прилагаю Митину фотографію. Если она окажется схожей съ тѣмъ, кого вы разумѣете, сомнѣній быть не можетъ.

«Я умоляю васъ, отвѣйте сразу, въ чемъ дѣло и почему вы обратились ко мнѣ и откуда узнали о моемъ существованіи. Впередъ благодарная вамъ

Софія Ершова».

Лиза стала разглядывать карточку. Это былъ, несомнѣнно, Кондрать, но не изувѣченный и перевязанный, за которымъ она ухаживала съ любовью и состраданіемъ. Такимъ онъ въ сущности только мелькнулъ передъ нею тогда, открывъ ей дверь въ подвалъ. Однако она успѣла хорошо его разсмотрѣть, и его лицо, особенно каріе быстрые глаза врѣзались ей въ память. Теперь она сопоставляла отрывки изъ его бреда съ тѣмъ, что стояло въ письмѣ. Очевидно, онъ ушелъ изъ дома, презирая отца-чиновника, считая его такимъ же народнымъ кровопійцей, какъ и дядю Simon. «Волкомъ» называлъ онъ его... Говоря про охоту, онъ разумѣлъ травлю всѣхъ властью облеченныхъ лицъ... Конечно, онъ недаромъ поминалъ и Кибальчича, который, вѣроятно, покровительствовалъ ему... Можетъ быть, кто-нибудь изъ товарищей и указалъ ему на Васю, и онъ пріѣхалъ готовиться подъ его руководствомъ въ академію... Да вѣдь Вася же и говорилъ это... Можетъ быть, онъ и самъ знаетъ, кто Кондрать, но по-мужски считаетъ подлостью выдать его... Конечно, и это естественно, и съ мужской точки зрѣнія иначе и быть не можетъ. «Господи, какой онъ хорошій! какой добрый! Сколько въ немъ благородства, скрытаго великодушія и рыцарства... Милый... милый... милый»...

И Лиза тотчасъ же сѣла за отвѣтъ въ У.

Все, что можетъ вложить чуткое дѣвичье сердце для смягченія горечи извѣстія о смерти дорогого другимъ человѣка, дышало изъ ея теплыхъ и нѣсколько наивныхъ строкъ.

Она описывала несчастный случай на охотѣ, какимъ онъ рисовался ей самой, болѣзнь Кондрата, его разговоры съ нею, тѣ, гдѣ онъ рассказывалъ ей съ такой любовью о родномъ домѣ и родной семьѣ; говорила про то, что никогда ихъ братъ не оставался въ одиночествѣ, а былъ постоянно окруженъ лаской и заботой и пользовался самоотверженнымъ уходомъ врачей, «моего жениха и его папаши», что онъ пріѣхалъ готовиться подъ ихъ руководствомъ въ медико-хирургическую академію, и совершенно умалчивала о подозрѣніяхъ, которыя возникли у нея при произнесенной имъ въ бреду кличкѣ Кибальчича.

Письмо кончалось описаніемъ похоронъ и могилы несчастнаго страдальца. «Къ сожалѣнію, — прибавляла Лиза, — жилъ онъ по чужому паспорту, но въ этомъ винить его не надо. Свидѣтельства отъ гимназическаго начальства онъ не имѣлъ, а теперь такъ строго насчетъ видовъ на жительство, что необходимо поневолѣ было имѣть хоть какой-нибудь. Что дѣлать! Примиритесь поневолѣ, если на его крестѣ написано не его имя, но я обѣщаю вамъ устроить такъ, чтобы здѣшній священникъ поминалъ его подъ его собственнымъ, и буду и сама молиться за упокой раба Божія Дмитрія».

Она нѣсколько разъ вытирала слезы, дописывая послѣднія строки, но ей казалось, что въ далекомъ и ставшемъ ей неожиданно близкимъ У. онѣ принесутъ утѣшеніе несчастнымъ родителямъ и его братьямъ и сестрамъ. И она запечатала конвертъ и снова вручила письмо Арефію для немедленной отправки, а сама, накинувъ шарфъ и пелеринку, взяла пучокъ уже-зазеленѣвшей въ стаканѣ священной вербы и крашеное яйцо и направилась на кладбище.

— Куда ты? — окликнула ее гулявшая по аллеѣ тетка.

— На могилку Кондрата, теточка! Мнѣ хочется похристоваться съ нимъ.

Почему-то ей казалось неудобнымъ и ненужнымъ посвящать Александру Николаевну въ свою тайну. Эта тайна — тайна усопшаго, и ея не слѣдуетъ касаться. Мало ли какъ посмотреть тетя Саша на причастность Мити Ершова къ революціонерамъ. Какъ ни громадна вина его, но онъ спитъ теперь вѣчнымъ сномъ, съ разрѣшительной грамотой въ уцѣлѣвшей рукѣ, и если священникъ данной ему отъ Бога властью отпустилъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія, не людямъ беречь чужую память и возбуждать надъ свѣжей могилой кривые толки и нареканія, въ которыхъ мертвый оправдаться не въ состояніи.

Хотя погода стояла и свѣжая, но уже пробивалась молодая трава. Жаворонки такъ и звенѣли надъ лугами. Зяблики и скворцы пѣли въ наливавшихся почками вѣтвяхъ свои весеннія переливчатая трели.

Солнце золотило кресты на старыхъ церковныхъ куполахъ и золотомъ горѣло въ молодой душѣ: «скоро, скоро я войду подъ нихъ»

для того, чтобы выйти счастливой женою безконечно любимаго человека на счастливую лучезарную жизнь...»

Лиза рисовала себѣ утреннее вѣнчаніе въ старой знакомой церкви, разубранной ради торжества вѣтвями съ первыми, чуть зеленѣющими листочками, и было что-то высоко умиленное въ этой картинѣ... Да, да... Какъ ни противился Вася, но если заутрениа произвела на него видимое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе будетъ онъ растроганъ обрядомъ вѣнчанія... А тамъ... Она улыбнулась. Тихія, сладкія грезы зарослись передъ ея затуманеннымъ взглядомъ, грезы дѣвичьей души, гдѣ рядомъ съ чертами любимаго человека рисуются чьи-то маленькія свѣтлокудряыя головки,—ангеловъ ли у подножья Сикстинской Мадонны, или будущихъ собственныхъ дѣтей? Кто отвѣтитъ? Какая дѣвушка сознается?

Но яркимъ румянцемъ, розовой зарею новой жизни горитъ въ предчувствіи неизвѣданнаго счастья дѣвичье лицо въ эти тихія, свѣтлыя минуты одиноко грезящей, невинной души...

Да это было настоящее и полное торжество, это Лизино вѣнчаніе на Красную Горку!

Сама природа словно захотѣла принять участіе въ немъ, и солнце взошло, играя, какъ на Пасхѣ. Когда кольчевская барышня, выходя изъ обновленной старой коляски, ступила атласнымъ башмачкомъ на настилъ свѣжей травы, набросанной на паперти, яркіе лучи брызнули изъ-за набѣжавшаго было облака такъ горячо, такъ золотисто, что окутанный бѣлой тюлевой фатою дѣвичій обликъ оказался весь пронизаннымъ лучезарнымъ сіяньемъ.

Яшневъ ждалъ у аналоя. Онъ только наканунѣ вернулся изъ округа и, по настоянію о. Никанора, долженъ былъ сразу исповѣдаться и причаститься, потому что иначе вѣнчаться было нельзя. Все это онъ продѣлалъ крайне неохотно и небрежно и теперь, стоя въ ожиданіи невѣсты на виду глазѣвшей толпы, чувствовалъ себя, какъ на жаровнѣ. Запоздай Лиза, кажется, еще на пять минутъ, женихъ непременно сбѣжалъ бы.

Но она вошла подъ руку съ полковымъ командиромъ, своимъ посаженнымъ отцомъ, и въ сопровожденіи шаферовъ и Мартыновой съ дочерью... Пѣвчіе, выписанные изъ Горска, грянули: «Гряди, голубице!».. Онъ взглянулъ на нее, на ея обращенные къ образамъ, словно молящія о помощи глаза, и волна безумнаго счастья захлестнула его съ головой.

«Чортъ съ ними!..—если нужно имъ, пусть себѣ ломаютъ комедію, потерпѣтъ недолго!»

И хотя онъ дѣйствительно «лба ни разу не перекрестилъ», какъ передавали потомъ, но вытерпѣлъ весь искусь до конца, изрѣдка косясь на стоявшую рядомъ дѣвушку въ облакѣ старинныхъ, многоцѣпныхъ кружевъ подъ бѣлой, прозрачной дымкой подвѣчнаго вуаля.

Тетя Саша настояла, чтобы Лиза вѣнчалась во всѣхъ фамильныхъ драгоценностяхъ, изъ которыхъ одна была въ высшей степени своеобразна и передавалась изъ рода въ родъ по женской линіи. Это былъ вѣнокъ изъ померанцевыхъ жемчужныхъ цвѣтовъ и золотыхъ листиковъ, залитыхъ ярко-зеленой эмалью.

Когда его увидала пріѣхавшая одѣвать невѣсту Марья Антиповна, она такъ и разахалась...

— Ахъ! ахъ! къ чему? вѣдь жемчугъ подь вѣнцомъ приноситъ несчастье! ахъ, лучше бы не надо! вѣдь жемчугъ—слезы!..

Но тетя Саша, испытавшая на себѣ могущество родового талисмана, сняла сама вѣнокъ съ вѣнчальнаго образа и надѣла его на головку племянницы, приколовъ крупными бриллиантовыми шпиль камн.

Какъ ни ратовали Яшневь съ Лизой за самую скромную свадьбу, по она на славу вышла пышной. Съѣхался чуть ли не весь Горскъ, и Александра Николаевна не ударила въ грязь лицомъ. На селѣ у крестьянъ шелъ тоже пиръ горой. «Пусть вспоминають,—думала Сотова, отдавая приказаніе Арефію хорошенько угостить крестьянъ:—меня не станетъ—къ нимъ лучше относиться будутъ». И она чисто по-барски тряхнула стариной, и на деревенской улицѣ шло разливанное море; молодухи и дѣвушки даже, совершенно ужъ по былому, явились на барскій дворъ величать молодыхъ, и Лиза цѣловалась съ каждой и угощала ихъ вишневкой, а Яшневь одаривалъ деньгами...

Вопреки первоначальному плану, помѣщеніе новобрачныхъ было устроено въ мезонинѣ, а кабинетъ Семена Михайловича перенесли въ бывшую Лизину комнату, чтобы уступить тотъ, въ которомъ помѣщался Кондрать, «новому барину».

— Такъ удобнѣе!—рѣшила тетя Саша.—Все какъ никакъ вы будете сами по себѣ. У тебя будетъ свой будуаръ рядомъ со спальней, захотите—сойдете, нѣтъ—можете кушать наверху, ѣду и туда подадутъ, а у него свой уголокъ внизу, въ сторонѣ, и больнымъ удобнѣе, чѣмъ по лѣстницѣ лазить, и ходъ прямо изъ передней... Такимъ образомъ ни я васъ, ни вы меня стѣснять не будете. А тамъ къ зимѣ можно будетъ и кое-что надстроить.

Пока она только прибавила балкончикъ надъ хмелевой террасой, и у Лизы получился собственный уголокъ мечтаній на свѣжемъ воздухѣ.

Когда разъѣхались послѣдніе гости и за косогоромъ затихъ перезвонъ колокольчиковъ, новобрачные стояли вдвоемъ надъ старымъ цвѣтникомъ, и древнія дуплистыя липы протягивали къ нимъ свои еще не распустившіяся, нѣмые вѣтви, словно безмолвствуя о грядущей судьбѣ двухъ неразрывно связанныхъ жизней.

XXVII.

Ни коня, ни лани не взято съ собою...
 «Господишь, сказала ласково жена,
 «Я тебя обула; быть твоей рабою
 «Вѣрною до смерти я тебѣ должна.
 «Я тебѣ клялася вѣчною любовью!
 «Заколи жь на жертву ты меня богамъ.
 «Пусть они мою утолятса кровью,
 «А тебя побѣдно вынесутъ къ брегамъ»...

(«Киви». М. К.).

Прошла недѣля. Какъ она прошла, что дѣлалось въ это время не только на бѣломъ свѣтѣ, но и въ этихъ двухъ шагахъ отъ нея,— Лиза не знала и отвѣтить не сумѣла бы. Все скрывалось за какимъ-то розовымъ туманомъ, и стыдливый и счастливый румянецъ сходились, словно зори на небѣ, на ея взволнованномъ лицѣ. Надо было говорить мужу «ты» въ присутствіи постороннихъ, и стыдно было смотрѣть на нихъ, и тетя Саша какъ-то особенно любовно ласкала прижимавшуюся къ ея мягкому плечу головку вдругъ выросшей и ставшей дамой ея еще недавней «дѣточки».

Въ углу новой розовой спальни,—голубая мебель стояла въ будуарѣ рядомъ,—сверкала вѣнчальная икона въ жемчужномъ вѣнкѣ и словно охраняла эмалевыми листочками святость вновь заложеннаго семейнаго очага, а за окнами распускались другіе свѣжіе и душистые листочки на кустахъ и деревьяхъ и цвѣли въ рабаткахъ цвѣтника раздобытые Митей къ свадьбѣ гіацинты и нарциссы.

Несмотря на медовые дни, Яшневъ не бросалъ больницы. Онъ съ утра отправлялся въ село и оставался въ амбулаторіи иногда до трехъ-четыреохъ часовъ, такъ что Лиза туда посылала ему завтракъ. Ей доставляло совершенно особое удовольствіе мазать бутерброды и аппетитно укладывать въ корзину, точно въ далекомъ-далекомъ дѣтствѣ, когда она съ помощью Жюли готовила въ Ниццѣ обѣды своимъ кукламъ.

Молодой врачъ, принимая и обходя больныхъ, былъ попрежнему внимателенъ. Онъ такъ же ловко и осторожно накладывалъ перевязки и терпѣливо выслушивалъ длинныя бабьи повѣствованія о разныхъ болѣстяхъ, но фельдшеръ, не смѣнявшійся послѣ «Оедьки», замѣчалъ, что глаза у него поблескивали и шутилъ онъ даже, чего прежде не бывало. Жизнь, счастье, молодость—брали свое. Непривычная комфортабельная обстановка, вопреки ожиданіямъ и убѣжденію объ ея ненужности и стѣснительности, на дѣлѣ ничуть не тяготила, напротивъ! Сидя въ удобномъ, мягкомъ креслѣ, въ новомъ кабинетѣ, съ Лизой на колѣняхъ, онъ даже замѣчалъ въ себѣ никогда раньше не подозрѣваемая буржуйскія наклонности.

2*

«Воображаю, что бы сказали они! Ничего, пусть! потѣшимся пока, а тамъ я все-таки передѣлаю ее по-своему Съ ней надо дѣйствовать исподволь»... И каждое утро, уходя въ больницу, онъ съ удовольствіемъ думалъ о возвращеніи въ свое гнѣздо!

Въ одинъ изъ такихъ дней на колычевскій дворъ въѣхалъ почтовый тарантасъ. Кирилловна, заслонивъ отъ солнца рукою глаза, тщето всматривалась въ пріѣзжихъ.

Это были двѣ дамы въ черномъ, старая и молодая, но обѣихъ она рѣшительно никогда въ жизни не видала.

«Полно! къ намъ ли? не ошиблись ли?»

— Вамъ кого, сударыни?—въжливо обратилась она къ гостямъ.

— Елизавету Ивановну Колычеву,—отвѣтила младшая.

— А, молодую барыню!—Кирилловна особенно гордо вымолвила это.—Сейчасъ я доложу имъ. Пожалуйте!

И, впусивъ обѣихъ въ переднюю, серной взбѣжала на лѣсенку.

— Лизанька-матушка! гости къ тебѣ...

Лиза тотчасъ же сошла.

— Софія Ершова, а это мама моя, Екатерина Дмитриевна. Мы рѣшили сами пріѣхать помолиться на могилѣ брата, укажите намъ ее, пожалуйста.

Лиза растерялась. Ей и въ голову не приходило, что кто-нибудь изъ У. соберется въ Колычево за тысячу слишкомъ верстъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! войдите пожалуйста, оправьтесь!—заторопилась она.

На голоса вышла тетя Саша. Лиза окончательно потеряла голову.

— Я мать того молодого человѣка...—начала старушка и вдругъ разрыдалась.

— Какого молодого человѣка?—спросила, ничего не соображая, Александра Николаевна.

— За которымъ вы такъ самоотверженно ухаживали во время его болѣзни,—докончила дочь.

— Кондратія Виссаріоновича?

— Ахъ, нѣтъ! это не его имя. Его звали Дмитріемъ, Дмитріемъ Яковлевичемъ Ершовымъ!—и молодая дѣвушка, конфузясь и путаясь, стала объяснять грустную исторію покойнаго брата.

Тетя Саша слушала ее со слезами на добрыхъ голубыхъ, слегка выпуклыхъ глазахъ. Ей до боли было жаль обѣихъ, особенно мать, которая сидѣла, сгорбившись въ три погибели, безучастно, словно отсутствуя.

Когда дѣвушка кончила рассказъ, старуха обратила къ Сотовой выпѣтшее, обрюзгшее лицо.

— Шестеро ихъ у меня осталось,—выговорили словно черезъ силу залекшіяся и безкровныя губы:—но я объ нихъ теперь ни се-

кунды не думаю, а тотъ, что ушелъ, и какъ только ушелъ еще живой отъ насъ, сердце мое съ собою унесъ. Такъ вотъ вынулъ и унесъ, и нѣтъ безъ него мнѣ ни свѣту, ни жизни. Чего, чего я не передумала, не перестрадала за эти два года... но чтобы онъ даже отъ имени своего, ради тѣхъ людей, отрекся и подь чужимъ жильемъ, — въ голову не приходило. А онъ и умеръ, и похороненъ, какъ чужой, и нѣтъ теперъ власти на свѣтѣ, которая бы мнѣ сына, хоть мертвого, вернула... Развѣ дадутъ мнѣ на крестѣ, что онъ Ершовъ, мужа моего Якова Степановича Ершова сынъ, написать? Развѣ согласится священникъ его на панихидѣ надмогильной рабомъ Божиимъ Дмитриемъ помянуть?.. Никогда и ни за что!... Кто же виновать? Господи, кто виновать?... Да будь они прокляты, трижды, сотни, тысячи разъ прокляты эти злодѣи, эти звѣри, эти изверги окаянныя, что отъ матерей дѣтей родныхъ отнимають... Пусть судьба покараетъ ихъ не въ нихъ самихъ, а вотъ въ дѣтяхъ ихъ, чтобы они поняли, познали, почувствовали, каково мнѣ!.. Злодѣи! злодѣи!..

Съ ней началась истерика. Лиза и тетя Саша забѣгали, захлопотали. Уложивъ ее на диванъ, Лиза стала на колѣни и терла ей виски одеколономъ и махала платкомъ въ сморщенное, жалкое, залитое слезами лицо. Дочь ея тихо плакала, положивъ голову на сложенные на спинкѣ стула руки въ черныхъ поношенныхъ перчаткахъ. Александра Николаевна гладила ее молча по плечу, не зная, что бы сказать въ утѣшеніе. А въ дверяхъ стоялъ Яшневъ. Онъ ничего не понималъ, но не смѣлъ окликнуть жену и распросить, въ чемъ дѣло. Тетя Саша первая оглянулась и сдѣлала ему знакъ подойти и помочь старушкѣ.

Едва врачъ взялъ ее за руку, она вдругъ очнулась и испуганно уставилась на него.

— Кто это? Кто это?

— Мой мужъ, — отвѣчала Лиза: — другъ вашего сына.

— Другъ?.. другъ... изъ тѣхъ?.. не хочу!.. не хочу!.. Будь онъ проклятъ! проклятъ! трижды проклятъ!.. — и въ новой истерикѣ она упала на подушки дивана.

Лиза отшатнулась. Эти выкрики ударили ее по сердцу.

«Проклятъ? Вася проклятъ? за то, что такъ самоотверженно ходилъ за ея сыномъ!» Она въ ужасѣ глядѣла на мужа, а онъ, не выпуская руки несчастной, властно и спокойно говорилъ:

— Успокойтесь! я вамъ говорю и прошу, успокойтесь!

И словно его приказаніе было неотклонимо, бывшаяся въ рыданьяхъ женщина начала понемногу затихать.

— Это мать и сестра Кондрата! — шепнула ему Лиза.

Яшневъ кивнулъ головою.

— Я догадался.

Младшая Ершова отерла слезы и, не отрывая глазъ, теперь смотрѣла на него.

— Не сердитесь на маму,—тихо сказала она:—не принимайте къ сердцу ея слова! Она во всякомъ новомъ человѣкѣ видитъ врага, т. е. соблазнителя Мити... Скажите, вы хорошо знали его? Ваша невѣста,—впрочемъ, кажется, вы теперь уже повѣнчаны,—ваша жена писала мнѣ, что вы пріютили его у себя, чтобы помочь ему готовиться къ экзаменамъ?

Яшневъ поднялъ вопросительно брови.

— Кто писалъ вамъ?

— Я,—отвѣтила, краснѣя, Лиза.

— Вотъ какъ?—Это для меня ново.

По тому, какъ онъ вынулъ портсигаръ и чиркнулъ спичку, она видѣла, что мужъ недоволенъ ею.

«Онъ сердится? за что?»..

Онъ дѣйствительно былъ встревоженъ. Эта свалившаяся, какъ снѣгъ на голову, родня покойника, память и впечатлѣніе отъ смерти котораго начинала наконецъ понемногу затихать, являлась крайне некстати. Чортъ знаетъ, какіе опять поднимутся разговоры и толки! Онъ и то боялся, узнавъ, что паспортъ былъ отосланъ на мнимую родину этого юноши, какъ бы не вышло какого-либо камуфлета, но пока оттуда никакихъ подозрительныхъ запросовъ не поступало,—это онъ точно зналъ черезъ своихъ въ полиціи людей, и вдругъ пожалуйте, такой сюрпризъ. И чего Лизѣ писать понадобилось, да еще не предупредивъ его? Это еще что за таинственность!

А мать, уже слегка успокоившаяся, твердила о панихидѣ, о томъ, что она, вопреки мужа, спѣшила помолиться, какъ слѣдуетъ, на его могилкѣ «за раба Божія Дмитрія».

Вотъ не хватало! Да она сразу науськаетъ всю полицію. Аресты послѣ 1-го марта не только не прекратились, напротивъ, раскрываются все новыя и новыя нити и хватаютъ и виноватыхъ, и правыхъ, всякаго, кого только можно заподозрѣть въ прикосновенности къ уже арестованнымъ. Нѣтъ, надо сразу положить конецъ этимъ сентиментальностямъ, и онъ, дымя папиросой, спросилъ:

— Откуда же вы вынесли убѣжденіе, что умершій былъ непременно вашимъ сыномъ, сударыня?

— Какъ откуда? Да ваша собственная жена подтвердила, что узнаетъ его по фотографіи. Моя дочь нарочно послала ей карточку.

— Отчего же ты мнѣ не показала ее?

— Тогда тебя не было, а потомъ я, право, забыла.

Онъ видѣлъ по глазамъ Лизы, что она не лжетъ.

— А все-таки интересно взглянуть! Нужно сказать вамъ, сударыня, что жена моя видѣла Кондратія Виссаріоновича только мелькомъ. Разорвавшееся на охотѣ потомъ ружье такъ обожгло его, что всѣ черты измѣнились, и я самъ съ трудомъ узнавалъ его.

— А вы давно познакомились съ братомъ?—спросила Сонечка.

Яшневъ не смущаясь отвѣтилъ:

— Не очень!—Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ моимъ товарищемъ погостить и поохотиться. Принеси же эту карточку,—обратился онъ къ Лизѣ.

Тетя Саша молчала. Все казалось ей непонятнымъ и страннымъ. Какъ и откуда могла знать Лиза адресъ и писать совершенно незнакомымъ людямъ, а когда написала, почему держала отъ нея втайнѣ и не только отъ нея, но и отъ Василя Игнатьевича?..

Положеніе было очень натянутое, и только ушедшая въ свое горе мать не чувствовала, или, вѣрнѣе, не сознавала его.

Принявъ отъ Лизы фотографію, Яшневъ отошелъ къ окну. Съ перваго же взгляда онъ узналъ такъ называемаго Кондрата, и досада его еще выросла. Чортъ знаетъ, что такое! Что тутъ дѣлать?

— Знаете,—обратился онъ къ пріѣзжимъ:—или это очень давнишняя карточка, или мой товарищъ былъ не вашимъ сыномъ. Я сходства не нахожу.

Лиза обомлѣла.

— Какъ? помилуй, Вася... Я сразу признала.

— Что ты могла признать,—нетерпѣливо перебилъ онъ:—когда ты его до этого несчастнаго случая почти въ глаза не видала. Пусть Александра Николаевна посмотритъ,—развѣ эта карточка сколько-нибудь похожа...

Александра Николаевна взяла портретъ и сразу вернула.

— Я судить не могу.

— А я могу!—разгорячилась Лиза:—я видала его тогда въ подвалѣ и отлично его разсмотрѣла и запомнила...

Она чуть не плакала. Ей было обидно, что мужъ не вѣритъ ей.

— Помнишь тогда, когда ты работалъ съ ними обоими и я пришла къ тебѣ?

Лиза не видѣла, какъ тетя Саша привстала и снова сѣла. Ей неудержимо хотѣлось оправдаться и, не стѣсняясь болѣе присутствіемъ Ершовыхъ, она рассказала всю исторію съ перепиской, всѣ свои подозрѣнія и весь бредъ больного. Яшневъ нѣсколько разъ пытался остановить ее, но она, словно закусивъ удила, спѣшила со своимъ рассказомъ.

— Господи, я вѣдь не хотѣла ничего дурного, напротивъ, я готова хоть сейчасъ идти къ о. Никанору и, какъ на духу, все сказать ему, только бы онъ отслужилъ панихиду, какъ слѣдуетъ.

— Такъ тебѣ этотъ попъ и повѣритъ!—язвительно ввернулъ мужъ.—Ты можешь увѣрять и говорить, что тебѣ угодно, а я категорически отрицаю всякое сходство оригинала этой фотографіи съ моимъ товарищемъ Кондратіемъ Чермакомъ и весьма сожалѣю, что моя жена, благодаря своей необдуманности, потревожила совершенно незнакомыхъ людей.

— Да откуда же онъ зналъ тогда всѣ эти подробности,—допытывалась, чуть не плача, Лиза.—Какъ могъ рассказывать такъ, если самъ не былъ Ершовымъ?

— Откуда? Слышалъ когда-нибудь отъ дѣйствительнаго Ершова, а потомъ, какъ попугай, повторялъ въ бреду. При мозговыхъ потрясеніяхъ и не такіе еще удивительные случаи въ клиникахъ наблюдать приходилось... Да, а когда онъ приходилъ окончательно въ себя, что же, онъ подтверждалъ тебѣ свои рассказы?

— Нѣтъ... напротивъ...—вспомнила Лиза:—онъ увѣрялъ, что онъ сынъ подрядчика...

— Ну, такъ подумай сама, что это все значить?...

— Такъ, значить,—раздался тихій голосъ:—мы пріѣхали напрасно? Значить, быть можетъ, сынъ мой... мой Митя еще и живъ?.. Живъ!..

Она крикнула это «живъ». Это былъ торжествующій вопль самки, у которой было отняли дѣтеныша и издали снова показали его, поманили надеждой вернуть того, кто считался навѣки и безнадежно утраченнымъ. И вотъ явилась надежда, возродилась мечта о возможности разыскать и возвратить къ себѣ блуднаго сына, и если онъ живъ, то и ей, матери, еще стоило жить.

Яшневъ даже вздрогнулъ. «Э! чортъ съ ней! пусть надѣется!» Но по мѣрѣ того, какъ прояснялось и словно расцвѣтало на глазахъ у всѣхъ лицо старухи Ершовой, Лизины черты все больше вытягивались и обострялись. Выраженіе дѣлалось жестче, губы сжимались плотнѣе. Видимо, она боролась съ собою, чтобы не расплакаться. Наконецъ она не выдержала и встала.

— Я очень и очень извиняюсь передъ вами,—обратилась она къ младшей Ершовой:—что моя необдуманность явилась невольной причиной вашего путешествія... Я была убѣждена, что покойникъ былъ вашимъ братомъ. Простите меня, если можете... Мнѣ нехорошо...

Она вышла изъ комнаты и поднялась въ мезонинъ.

Александрѣ Николаевнѣ было очень не по себѣ, но со свойственнымъ ей гостепрѣимствомъ и воспитанностью она задержала своихъ случайныхъ гостей, накормила и напоила ихъ.

Старушка ожила окончательно и разболталась о домѣ и семьѣ, весьма зажиточной, «которой ни по чемъ и расходы по такому неожиданному-негаданному пикнику»... «Вѣдь я даже деньги привезла, чтобы расплатиться съ вами за хлопоты и похороны», говорила она весело, но дочь молчала. Она, сама не зная почему, твердо вѣрила Лизѣ. Ей она пришлась по сердцу, и было теперь больно, что изъ-за нихъ молодая женщина попала въ неловкое положеніе. Она готова была пойти разыскать ее, но Лиза даже не сошла къ обѣду, и Таня принесла обратно нетронутыя кушанья.

Дѣвушку неудержимо тянуло на эту неизвѣстную могилу, но она не смѣла и зайкнуться о томъ, глядя на развеселившуюся и разомъ помолодѣвшую мать.

Как ни оставляла Александра Николаевна ночевать Ершовыхъ, но старушка торопилась домой въ обратный путь...

— Поди, мой старикъ-то какъ обрадуется! Почитай, не хуже меня! Теперь и имя Митино самъ поминать начнетъ. Вы передайте вашей супругѣ,—обратилась она къ Яшневу:—что я нисколько на нее не сѣтую... Напротивъ, она, сама того не подозрѣвая, сердце отца къ сыну обратила, а ради этого и не за тысячу верстъ съѣздить можно.

Когда онѣ сѣли наконецъ въ свой тарантасъ и отдохнувшія почтовые лошади свернули за ворота, Яшневъ вздохнулъ отъ души и поднялся къ женѣ.

Александра Николаевна посмотрѣла ему вслѣдъ и тоже вздохнула, но это не былъ вздохъ облегченія,—это былъ первый вздохъ забившагося тревожнымъ предчувствіемъ стараго, любящаго сердца.

— Ну, гора съ плечъ!—говорилъ Яшневъ, шагая изъ угла въ въ уголь по будуару жены. Онѣ подошелъ и хотѣлъ поцѣловать ее, но Лиза отвела его рукой.

— Не надо! я лгунья...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—не лгунья, а крайне легкомысленная особа. Какъ можно было вступать въ эту переписку, не предупредивъ меня?

— То-есть?..

— То-есть... Да неужели ты не понимаешь, въ чемъ дѣло? Тебѣ будетъ очень пріятно, если меня арестуютъ?

— Тебя? за что?

— За сношенія съ человѣкомъ нелегальнымъ, жившимъ по чужому и, можетъ быть, даже фальшивому виду.

— Значить, Чермакъ?..

— Не Чермакъ, а какъ его тамъ—Дмитрій, что ли? Ершовъ, и присланная тебѣ фотографія его собственная.

— Я не понимаю, какъ же могъ ты...

— Отрицать истину и опровергать твои слова? Шкуру спасая, душа моя, собственную шкуру свою, вотъ эту самую, и ты, какъ преданная и любящая жена, не поставишь, надѣюсь, въ вину мнѣ, что ради ея спасенія я изобразилъ тебя не совсѣмъ въ выгодномъ для тебя свѣтѣ.

— Но если тебѣ не было жаль меня, какъ же не пожалѣлъ ты несчастной матери и сестры?

— Это ты не пожалѣла ихъ, а не я... Да ты развѣ не видала, какъ ожила старуха при мысли, что ты даромъ потревожила ихъ? Да, я думаю, она теперь ногъ отъ счастья подъ собою не чувствуетъ, полагая, что ея сокровище еще гдѣ-нибудь околачивается на бѣломъ свѣтѣ. Воображаю, какой сорокою трещитъ она теперь всю эту обратную дорогу!..

Лиза промолчала. Она не въ состояніи была ни размышлять, ни думать. Она чувствовала въ сердцѣ почти физическую боль

отъ этой первой супружеской обиды. Розовый туманъ понемногу разсѣивался, и изъ-за него рисовалась сѣренькая, будняя жизнь...

Старуха Ершова дѣйствительно всю дорогу до Горска трещала сорокой. Дочь иногда подавала отрывистыя реплики, но зато ямщикъ съ любопытствомъ слушалъ возбужденно лившуюся рѣчь. Многое было ему не совсѣмъ ясно, но главное онъ схватилъ: эти барыни ѣздили поклониться могилкѣ того барина, котораго ранило ружьемъ на охотѣ, думая, что это сынъ старухи, а онъ оказался чужимъ. Впрочемъ, онъ ясно слышалъ, какъ та, помоложе, сказала: «А я все-таки еще не увѣрена. А вдругъ это Митя, а не Чермакъ?..».

На другой день этотъ же самый ямщикъ везъ домой Михайла Демьяновича, неожиданно вернушагося изъ Москвы. Дѣло съ Со-тихой все еще не улаживалось и приходилось строить не усовершенствованный спиртоочистительный, обѣщавшій громадную наживу, заводъ, а только одну обыкновенную винокурню, и Михалка былъ не въ духѣ. Но ямщикъ Яшка былъ знакомый и балагуръ, и они дорогой разболтались, и тотъ разказалъ, какой приключился со вчерашними барынями случай, какъ онѣ чуть не отслужили па-нихиду не по своему, а по чужому.

Михайло Демьяновичъ очень этимъ происшествіемъ заинтере-совался и выспросилъ Яшку во всѣхъ подробностяхъ.

Черезъ три дня на родину Чермака летѣла казенная бумага съ печатью и со строгимъ приказомъ обстоятельно провѣрить возвращенный изъ Колычева паспортъ умершаго при ампутаціи правой руки мѣщанскаго сына Кондратія Виссаріоновича Чермака за номеромъ такимъ-то.

XXVIII.

Горе и кручина помutilи мысли,
Шагъ,—и прудъ въ объятыхъ сердце схоронилъ.
Оттого такъ грустно вѣтви тамъ повисли,
Папоротникъ перья до земли склонилъ.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Старый садъ давно одѣлся новой листвою, и узорныя тѣневые пятна и золотые просвѣты опять пестрили песокъ аллеѣ. Мягко шелестѣли молодые шелковистые листы липъ. Пчелы еще не вились и не гудѣли въ ихъ чащѣ, но зато пѣночки, малиновки и чижи такъ и заливались и щебетали наперебой свои лучшія пѣсни.

Словно весь этотъ вѣковой паркъ звенѣлъ и пѣлъ тысячами го-лосовъ о радости, о счастьи, объ уютѣ родныхъ гнѣздъ, о новыхъ зародившихся подъ его сѣнью жизняхъ, которыя сумѣютъ, въ свою очередь, основать новыя семьи и продолжить до скончанія вѣковъ

самый смысл земного существованія съ тихими грезами и свѣтлыми надеждами.

Лиза бродила по саду. Единственный и неизмѣнный спутникъ ея Сократъ носился между деревьями, спугивая трясогузоль и горихвостокъ. Тетя Саша была въ полѣ, а мужа она только что проводила въ округъ и ждала его къ вечеру слѣдующаго дня. Она шла, собирая ландыши, въ изобиліи росшіе на тѣнистыхъ частяхъ лужаекъ, и незамѣтно для себя очутилась у подвала... Сократъ нюхаль усиленно чей-то слѣдъ и вдругъ съ неистовымъ лаемъ бросился къ двери. Замокъ былъ снятъ. Очевидно, въ подвалѣ былъ кто-то... Лиза отозвала собаку.

— Кушь!—приказала она Сократу. Онъ легъ, протянувъ морду на переднія лапы, но не спускалъ съ двери глазъ и глухо ворчалъ.

«Кто бы это могъ быть?—думала молодая женщина.—Неужели Вася?.. Нѣтъ, не онъ. Ему тамъ дѣлать нечего, его лабораторія вѣдь въ прежней квартирѣ при больницѣ... Сократъ чувствуетъ чужого,—вонъ какъ у него шерсть дыбомъ стоитъ...»

Прошло нѣсколько минутъ. Дверь осторожно открылась, и изъ нея, точно нюхая воздухъ, выставилась бѣлобрысая голова съ острой рыжеватой бородой клиномъ. За головою показалось и туловище въ розовой ситцевой рубахѣ и синемъ жилетѣ, на которомъ болталась золотая цѣпь съ печаткой, такъ и сверкнувшая на солнцѣ. Лиза сразу узнала Михалку. Она плотно держала Сократа за ошейникъ, и онъ, весь дрожа, сидѣлъ, какъ вкопанный.

Михалка не могъ видѣть ея изъ-за пышной заросли донника, но она сама отлично видѣла его сквозь вѣтви и внимательно слѣдила за всякимъ его движеніемъ. Оглядѣвшись хорошенько, онъ бережно положилъ на землю свей коломанковый картузь, точно боясь рассыпать его содержимое, и сталъ навѣшивать замокъ. Въ эту минуту Сократъ вырвался-таки изъ Лизиныхъ рукъ и, бросившись съ скака на скупщика, схватилъ его за грудь. Тотъ закричалъ благимъ матомъ, но Лиза уже шла на выручку.

Рысы глаза Михалки такъ и забѣгали,—онъ попался впросакъ.

Напрасно старался онъ сторвать водолоза отъ своей жилетки, онъ крѣпко впился въ сукно зубами, и никакіе окрики хозяйки не дѣйствовали! Только когда она взяла разъяреннаго пса за ошейникъ, тотъ выпустилъ жертву.

Лиза заглянула въ картузь. Онъ весь былъ наполненъ какими-то странными на видъ кусочками, то блестящаго, то матоваго свинца.

— Что это такое?—спросила она.—Откуда вы это взяли?

— Это-съ... я въ подвалѣ нашель,—неувѣренно выговорилъ Михалка.

— Какъ и зачѣмъ вы туда попали?

— Помилуйте-съ, такъ... мимо шелъ... вижу, замочекъ качается, я попробоваль—не запертъ... я и вошелъ... Все-таки любопытно, столько лѣтъ не бываль...

— Но это-то зачѣмъ взяли?

— Такъ-съ, на забаву дѣткамъ... если угодно-съ, я верну! Вотъ извольте! Куда только высыпать прикажете?

Онъ оглядѣлся, сорвалъ большой листъ лопуха и высыпаль на него свинець. Лиза взяла одинъ изъ кусочковъ въ руки. На немъ стояла какая-то опрокинутая точно буква или іероглифъ.

— Что это такое?—спросила она опять.

Михалка усмѣхнулся, и его зеленые глазки такъ и завертѣлись.

— Это-съ? вѣроятно, ничего важнаго... я дома показать хотѣль.

— Да откуда вы взяли этотъ свинець?

— Изъ ящика... ихъ тамъ нѣсколько штукъ стоитъ. Желаете взглянуть? Развѣ вы не видали? Я полагаль-съ, вы тамъ нерѣдко у супруга бываете, — и онъ прищурился и тихо добавилъ: — я однажды зимою еще, домой ѣдучи, съ дороги видѣль, какъ вы сюда итти изволили... Какъ разъ въ тотъ день, какъ упокойничка потомъ ночью ружье ранило... Коли вы женишка тутъ навѣщать изволили, такъ неужто у супруга не гащивали?.. Я думаль, онъ уже давно васъ во всѣ свои тайности посвятить соизволилъ.

— Какія тайности?—вспыхнула Лиза.

Михалка успѣль окончательно оправиться и напаялил на бекрень картузь, что сразу дало ему особенно нахальный видъ.

— Разныя-съ... тутъ вотъ зимой у нихъ что-то готовилось, по ночамъ труба дымила, да огонь горѣль, передъ самымъ это несчастьемъ, значить, было... Ну, а теперь бумажки эти да печатки... Счастливо оставаться!—добавилъ онъ и хотѣль уйти.

— Стойте!—остановила его Лиза. Сократъ тоже снова насторожилъ уши.—Объясните толкомъ, на что вы намекаете.

Она чувствовала, что вся кровь сперва ударила ей въ щеки, а потомъ отлила къ сердцу, и она стала бѣлѣе своего батистоваго платья. Михалка покосился на водолаза, а потомъ съ кривой и гадкой усмѣшкой воззрился на нее.

— Да неужто на самомъ дѣлѣ вамъ ничего неизвѣстно-съ?.. Странно,—отъ крали такой секретъ имѣть-съ!.. Я бы на мѣстѣ супруга вашего вамъ бы давно всю душу и сердце наизнанку вывернулъ, потому коли бы мнѣ бѣда грозила, чтобы, значить, и вы со мною на край свѣта итти бы должны были.

Глаза Лизы такъ и сверкнули подъ плотно сдвинувшимися бровями.

— Прошу васъ оставить вашъ тонъ и эти загадки и отвѣчать прямо. Вы въ чемъ-то подозрѣваете Василія Игнатьевича, и я, какъ его жена, требую, чтобы вы сказали сейчасъ же: въ чемъ?

— Много будете знать, скоро, барынька моя, состаритесь. Ну-съ, а вамъ лучше подольше молодой да красавицей оставаться.

Еще какъ красота-то въ жизни пригодится. Я первый охотъ до нея. Прошу запомнить.

— Молчите! какъ вы смѣете? Я запрещаю вамъ!..

— Али собачку опять натравите? Такъ за это и отвѣтить можно. А коли правду знать хотите, тоже лучше рѣчи такія со мною оставьте да ручку пожалуйте... Я ручку-то со всёмъ своимъ удовольствіемъ поцѣлую, да не ручку одну, а и щечки, и губки алыя... и такъ и быть кусочекъ великаго секрета супруга вашего открою, чтобы знать вамъ, чьей женою стать изволили, чье дитя подъ сердцемъ, еще того сами пока не вѣдаючи, уже, пожалуй, зачали...

— Молчи, мерзавецъ!—вырвалось у Лизы.—Негодяй, хамъ! Какъ ты смѣешь!

Она вся тряслась.

— Полно, сударыня! я хамъ, да не измѣнникъ русскій, а вы вотъ и дочка и внучка измѣнницкая, да и замужемъ за крамольникомъ находитесь... Счастливо оставаться!..

Онъ быстро повернулся на своихъ подкованныхъ каблукахъ и скрылся изъ виду, а Лиза какъ стояла, такъ и упала на траву. Она очнулась оттого, что что-то влажное и теплое коснулось ея щеки. Это Сократъ съ жалобнымъ скуленіемъ лизалъ ее въ лицо. Она обняла вѣрнаго пса за шею и горько разрыдалась. Острое до физической боли чувство обиды сжимало грудь, и слезы лились, не принося облегченія. Гадливость, женскій стыдъ, негодованіе — такъ и кипѣли, но вдругъ слезы разомъ высохли, рыданія смолкли... «Крамольникъ,—пронеслось въ головѣ.—Крамольникъ... бумажки, печати?.. Что это значить?..»

Она сжала голову ладонями и встала, шатаясь. Въ травѣ что-то блеснуло. Это былъ тотъ кусочекъ свинца, который она только что разглядывала. Она подняла его и надавила на руку выпуклый іероглифъ. На тѣлѣ ясно отпечаталась буква ж. Она взяла съ листа лопуха еще нѣсколько кусочковъ, и каждый выдавилъ другую букву. Ясно—это былъ шрифтъ для печатанія. Губы сжались еще тѣснѣе. Со щекъ снова сошла вся краска, но она рѣшительно направилась къ двери. Замокъ не былъ запертъ и легко открылся.

Лиза спустилась въ подвалъ. На полу въ коридорѣ стояли ящики. Это были тѣ самые, которые она видѣла зимою. Тогда Василій Игнатьевичъ еще остерегалъ ее, чтобы она о нихъ не запнулась... Съ одного доски были сняты, и онъ до краевъ былъ наполненъ свинцовыми буквами. Тайная типографія!..

Она хотѣла пройти въ кухню за молоткомъ или чѣмъ-нибудь тяжелымъ, чтобы отколотить, какъ ей казалось, плотную крышку слѣдующаго, но едва она попробовала отогнуть одну ея изъ досокъ, крышка сама откинулась. Ящикъ былъ наполненъ какими-то бумагами. Лиза прочла одну, и странное впечатлѣніе точно отъ чего-то

дьявольскаго, преступнаго зашевелилось въ душѣ. Это были прокламаціи.

«Я читаю то, за что вѣшаютъ людей, писавшихъ это, и арестовываютъ тѣхъ, кто читаетъ и вѣритъ написанному. Какъ это сюда попало? Кто напечаталъ эти листки?» «Крамольники!» прозвучало въ ушахъ, и разомъ все стало ясно... Къ нимъ, къ крамольникамъ, принадлежалъ и онъ. Мужъ, этотъ человѣкъ, на котораго она молилась, которому прощала все, подъ впечатлѣніемъ чьихъ ласкъ исчезъ послѣдній слѣдъ еще столь недавно нанесенной имъ же обиды. Въ пылу страсти она снова прижималась къ нему, осыпала поцѣлуями его милыя, сильныя руки, руки, которыя, можетъ быть, печатали вотъ эти самыя воззванія къ бунту противъ царя, къ мятежу и убійствамъ?.. Господи! да что жъ это такое?

Она прислонилась къ стѣнѣ. Михалка все зналъ... Очевидно, онъ давно, всю зиму уже подглядывалъ и слѣдилъ. Онъ донесетъ, навѣрно, донесетъ... и шрифтъ забралъ, чтобы имѣть—какъ это называется? да, да... вещественное доказательство... и явится полиція, и всѣхъ арестуютъ. Лиза даже похолодѣла... Арестуютъ... кого? Его, мужа... и ее... и тетю Сашу... Развѣ стануть разбирать?.. Боже, Боже мой!.. Нѣтъ, надо принять мѣры, надо скрыть всѣ слѣды... Какъ?..

Черезъ десять минутъ ея ловкіе, гибкіе пальцы уже выбирали изъ ящика шрифтъ и складывали въ разостланннй на полу носовой платокъ. Лиза связала его въ узелокъ и попробовала поднять,—онъ былъ очень тяжелъ. Она отбавила буквъ и осторожно, держа обѣими руками платокъ за углы, вынесла изъ подвала. Ей пришлось вернуться много разъ... она не сумѣла бы сказать, сколько. Вода расходилась кругами. Лебедь, ожидая подачки, плавалъ у самаго берега, пытался каждый разъ схватить быстро опускавшіеся на дно свѣтящіеся кусочки свинца, и разочарованно махалъ крыльями, словно бѣлыми распущенными по вѣтру парусами, а она все уходила и возвращалась, не замѣчая его, методично, машинально, пока послѣдняя литая буква не скрылась въ тинѣ.

Она собрала и возвращенныя Михалкой, всѣ аккуратно до единой, и сбросила ихъ тоже въ воду, а потомъ вернулась въ подвалъ. Ея лицо, руки и платье были черны отъ свинцовой пыли, но она этого не замѣчала. Сильнымъ и напряженнымъ движеніемъ сгребла она бумаги изъ ящика съ прокламаціями и набила ими топку плиты, потомъ отыскала спички и подожгла. Забѣгали огоньки. Листки скручивались, чернѣли, а она все втискивала новыя, пока ящикъ не опустѣлъ. Оставалось еще два съ частями станка и формами. Лиза попыталась оторвать доски отъ крышекъ, но онѣ не подавались. Она обошла подвалъ. Въ одной изъ комнатъ стояли какія-то ступки и реторты. Она осматривалась, ища глазами предметъ, способный замѣнить молотокъ, и, отыскавъ тяжелый пестикъ, при-

нялась имъ отколачивать гвозди. Работа подвигалась медленно, но она съ удивительной настойчивостью продолжала свое дѣло. Всѣ металлическія части станка, несмотря на тяжесть, она перетаскала въ прудъ, а деревянныя и доски отъ ящиковъ сунула подъ плиту, и наконецъ послѣдняя щепка превратилась въ уголья, сторѣло все, что могло горѣть... Отъ грозныхъ уликъ ничего не осталось...

Лиза еще разъ обошла всѣ уголки. Въ кухнѣ нашла вѣнникъ. Она подмеда полъ и, собравъ соръ до послѣдней щепотки, бросила тоже въ печку.

— Все, кажется?..

Она прошла въ лабораторію. Стояли какія-то жестянки, банки... понюхала... Острый запахъ сѣры и еще чего-то... Можетъ быть, тоже какая-нибудь улика?.. Она собрала въ подолъ тюника все, что стояло на столахъ, вынесла и сбросила въ воду... Потомъ вернулась, и ступки, колбы и реторты тоже были брошены слѣдомъ... на всякій случай... Если онъ прокламаціи печаталъ, Богъ его знаетъ, что онъ тутъ готовилъ, и вдругъ... глаза широко открылись... Кондрать... они вмѣстѣ вѣдь тутъ работали... его раны... оторванная рука... Господи... да вѣдь это?..

Ружье тутъ ни при чемъ, онъ пострадалъ при опытахъ... Кибальчичъ... онъ бредилъ Кибальчичемъ... онъ говорилъ о бомбахъ, рассказывалъ, какъ начинать ихъ... капсули... латунныя трубки... каучуковый чехоль... Они ихъ готовили сами... тутъ, вотъ тутъ, въ этомъ подвалѣ, когда она къ нимъ постучалась... Вѣдь Яшневъ и не скрывалъ, что Кондрать былъ не одинъ. Она сама слышала ихъ голоса... Быть можетъ, самъ Кибальчичъ былъ тутъ...

Сердце почти не билось. Разсудокъ ясно, остро, усиленно работалъ, а въ душѣ было такъ холодно, пусто, пусто до жуткости... Крамольникъ...

Все поведеніе Василія Игнатьевича съ самой минуты несчастія съ Кондратомъ вспомнилось ей. Она понимала и объясняла теперь каждый моментъ, толковала каждое слово, анализировала каждое выраженіе обоихъ.

«Не я!» вскрикнулъ раненый, узнавъ о катастрофѣ съ государемъ?.. Да, не отъ его оторванной руки палецъ царь-Освободитель... но въ этомъ убійствѣ близкое, непосредственное участіе принималъ и онъ... и ея мужъ... Сомнѣній не оставалось никакихъ...

Въ душѣ холодъ и пустота усиливались. Лизу начинала бить нервная дрожь, но она справилась съ нею и еще разъ оглядѣлась. Все было пусто и прибрано, ни отъ типографіи, ни отъ лабораторіи никакихъ слѣдовъ. Она собрала послѣднія силы, поднялась по ступенькамъ, захлопнула за собою дверь въ подвалъ и навѣсила замокъ. Онъ замыкался механически, но открыть его можно было лишь съ помощью ключа, и если Михалка попалъ въ подвалъ, то у него долженъ быть имѣться поддѣльный ключъ...

Лиза медленно прошла на мраморныя ступени, чтобы провѣрить, не осталось ли оброненной ею буквы или пузырька,—ничего. Вода лежала темнымъ зеркаломъ. Со дна вставали длинныя травы и неподвижно тянулись къ поверхности. Бездонной казалась глубина. Точно этимъ змѣвиднымъ травамъ не было начала, и онѣ росли изъ невѣдомой пучины, неизмѣримой, безмолвной и таинственной...

Только одинъ шагъ... Вода разойдется кругами, дойдетъ до камышей, снова вернется... Все будетъ кончено... она сомкнется надъ ея головою навѣки... Нѣтъ!.. бросятся искать, закинуть сѣти, невода, трупъ выловятъ, доищутся причины, доищутся слѣдовъ... можетъ быть, зацѣпять букву или реторту, и все раскроется, и тетя Саша... Она снова вздрогнула, вообразивъ весь позоръ и ужасъ, которые упадутъ на имя, на милую, сѣдую голову этой невинной, беззавѣтно любившей ее женщины... А горе, ея горе? какъ перенесеть она его одинокая, всѣми, конечно, покинутая?..

Какъ ни тяжела, ни ужасна будетъ съ этихъ поръ ея, Лизина собственная жизнь, но она должна и будетъ жить для той, кто замѣнилъ ей и мать, и отца...

Она побрела домой. Сократъ съ радостнымъ лаемъ снова носился между деревьями. Крутомъ благоухалъ старый садъ. Ландыши и фіалки выглядывали изъ сочной травы. Одуванчики золотили лужайки, и пчелы, и бабочки, и жуки, сверкая крыльями, носились надъ ними. Вдали заливался соловей и откликалась кукушка,—но Лиза ничего не видѣла, не слышала. Жизнь оборвалась и потеряла смыслъ. Жена крамольника съ залитыми царской кровью руками... ни онъ, ни она не имѣли въ сущности права жить на бѣломъ свѣтѣ... И какъ могъ онъ, зная за собою такую вину, вѣнчаться съ нею?.. Вѣдь если у нея родится ребенокъ,—онъ, о которомъ втайнѣ она молила Бога, будетъ потомкомъг осударственного преступника, правнукъ измѣнника, дитя крамольника... Ужасно, ужасно!.. И никто не остановилъ, никто не открылъ ей во-время глаза?.. Тетя,—но развѣ она знала?.. Его отецъ?..—отчего онъ такъ холодно отнесся къ ней, когда она стала объявленной невѣстой?.. Онъ зналъ, можетъ быть, и думалъ, что и она знала и все-таки шла за его преступнаго сына... Почему Степаша, Флинтъ, которые такъ любили ее, молчали и даже согласились быть шаферами... Нѣтъ, они не молчали, они не разъ намекали, но она не хотѣла сама слушать, не вѣрила и сердилась на нихъ и заступалась за Яшнева...

XXIX.

И не смерть, такъ что же, съ долей своей горькой
Свыкалась бы ты развѣ? Иль кляла бы часъ,
Гдѣ на небѣ счастье занималось зорькой,
Да въ ненастныхъ тучахъ свѣтлый лучъ погасъ.
(«Горькая». М. К.).

Придя домой, Лиза ужаснулась на свое платье... Оно было запачкано и разорвано... Не все ли равно?.. Нѣтъ, нельзя сказать

никому, гдѣ она была... Она сочинить что-нибудь, скажетъ на Сократа, что онъ ее уронилъ въ канаву... и она позвонила Таню и небрежно сказала:

— Дай мнѣ переодѣться, посмотри, какъ Сократъ меня отдѣлалъ!

— Ахъ, онъ негодяй такой! Новое платье...—но фразы Таня не докончила.

Молодая барыня вдругъ зашаталась и, ухватившись за спинку супружеской кровати, едва удержалась на ногахъ. Ее знобило, и зубы громко стучали. Приванная на помощь Кирилловна помогла раздѣть и уложить ее.

— Что это съ тобою, матушка? Эхъ, барина-то нашего нѣту!—начала было причитать старушка, но Лиза закрыла глаза.

— Я хочу спать... оставьте меня...

Обѣ вышли.

«Неужто, Господи, такъ скоро?» подумала Кирилловна и, придя въ свою каморку, съ молитвою зажгла свѣчку передъ образомъ Знаменья Божьей Матери и положила поклонъ за «рабу Божию Елизавету и грядущее чадо ея»...

Насталъ вечеръ, и прошла ночь. Наступило утро. Усадьба проснулась и зажила повседневною жизнью, а въ розовой спальнѣ на нарядной кровати лежала безъ сна молодая женщина и широко раскрытыми глазами глядѣла передъ собою.

«Господи! зачѣмъ Ты не посылаешь мнѣ смерти! Зачѣмъ не далъ вчера силы броситься самой въ ту воду, гдѣ я скоронила слѣды его преступленія!»

Тетя Саша вошла, поздоровалась, пощупала лобъ, поцѣловала и вздохнула...

— Ты лучше полежи.

— Полежу, тетя...—И она закрыла глаза. Тетка тихо вышла...

Около полудня въ переднюю вошелъ Михалка.

— Куда лѣзешь?—встрѣтила его Кирилловна.

— Нельзя ли барынѣ молодой доложить.

— Нельзя. Онѣ нездоровы.

— Скажите, очень, молю, надо. И для болѣзни ихней даже лучше будетъ. Прошу непременно принять.

— Говорять тебѣ, нельзя.

— Да вы имъ только скажите,—вчерашняго, молю, касается.

— Чего вчерашняго?—насторожилась Кирилловна, вспомнивъ объ испорченномъ новомъ платьѣ.

— Идите, Наталья Кирилловна, доложите, потому время не терпитъ.

— Выгони ты его, матушка, въ шею!—посоветовала Кирилловна вмѣсто доклада Лизѣ.

Но та вся побѣлѣла и все-таки приказала позвать его. Она сидѣла въ капотѣ на диванѣ и, слыша его шаги по лѣстницѣ, думала: «Пусть

я не боюсь его... онъ ничѣмъ меня больше обидѣть не можетъ, но онъ что-то знаетъ, чего я еще, быть можетъ, не знаю, а я хочу знать все».

— Просимъ прощенія!—началь Михалка:—по дѣлу! Не бойтесь,—прибавилъ онъ, замѣтивъ тотъ жестъ отвращенія, съ которымъ Лиза невольно отодвинулась въ уголъ дивана:—я васъ не трону... А только если вы желаете, чтобъ секретъ супруга вашего другимъ не открылся, я васъ пришелъ попросить: уговорите тетеньку подписать вотъ этотъ контрактъ.

— Какой контрактъ? Что такое?

— На землю эту, что я въ аренду взялъ и рубить деревья не смѣю. Потому она мнѣ до крайности нужна. Вамъ, судырыня, слово сказать стоитъ, и я человѣкомъ богатымъ стану, а въ благодарность, вотъ вамъ крестъ,—онъ перекрестился на образъ въ жемчужномъ вѣнкѣ,—я не займусь о подвалѣ и навѣки о немъ позабуду... Иначе...—онъ остановился.

— Что иначе?—надменно подхватила Лиза.

— Да вотъ бумажечку одну, что вчера изъ ящика у меня, да печаточекъ нѣсколько, что въ карманѣ нашлись, кому слѣдуетъ покажу, и тогда какъ бы супругу вашему сибирскихъ рудничковъ дальнихъ подъ землею увидать не пришлось бы!

Лиза молчала. Слово «шантажъ» было ей незнакомо, но она понимала, что Михалка, пользуясь обстоятельствами, вступаетъ съ нею въ торгъ и хочетъ дать ей какую-то взятку; она нажала кнопку звонка.

— Выведи этого кавалера,—приказала она появившейся на зовъ Танѣ,—и чтобы мнѣ впредь о немъ не докладывали...

Михалка повернулся на каблукахъ.

— Мое почтеніе-съ! запомнимъ-съ!

Онъ сѣлъ въ свою одноколку и покатилъ за ворота.

Лизѣ было все равно. Пусть грозитъ.

Она сидѣла и ждала все напряженнѣе, все сосредоточеннѣе, и какъ прошли новые часы, какъ пережила она ихъ,—но они прошли, и они были пережиты, и ни разу въ теченіе ихъ не шевельнулось въ душѣ намека на возможность оправданія, извиненія только вчера еще любимаго человѣка... Наконецъ, уже къ вечеру раздался на дворѣ шумъ колесъ, хлопнула дверь внизу, и изъ прихожей послышался знакомый и столь недавно милый и дорогой голосъ:

— А молодая барыня дома?

— Онѣ второй день нездоровы и не выходятъ, —отвѣтилъ голосъ Тани, и тотчасъ же по лѣстницѣ застучали быстрые, энергичные шаги.

Дверь открылась, въ прорѣзѣ показалась статная фигура. Сіяя улыбкой, съ особенно бѣлыми на пыльномъ лицѣ зубами и съ

загорѣвшимся радостью взглядомъ, Яшневу шелъ къ женѣ и хотѣлъ обнять ее, но она отстранилась.

— Не надо... оставь!

— Что съ тобою? что за капризы?.. Ничего не понимаю!

— Поймешь... Приведи себя въ порядокъ, отдохни. Мнѣ надо объясниться съ тобою серьезно и на чистоту. Я подожду. Время терпѣть.

Она говорила очень ровно, не повышая тона, но его безапелляционность показалась мужу странной.

— Сцена?.. что жь, изволь! Но въ такомъ случаѣ разрѣши мнѣ подкрѣпиться сперва. Я не ѣлъ съ утра.

— Сдѣлай одолженіе. Въ столовой, вѣроятно, уже все приготовлено.

Онъ взглянулъ на нее исподлобья, вымылся, переодѣлся и сошелъ внизъ. Прошло еще полчаса. Она не шевелилась. Настали сумерки. Розовые тоны обоевъ и обивки переходили въ сѣрые. У образа догорала лампадка, и потрескивала фитиль. Въ окно врывались обрывки гдѣ-то далеко въ чащѣ сада лившейся пѣсни соловья, и майскій жукъ гудя пролетѣлъ нѣсколько разъ мимо. Липы не шелестѣли, словно замеревъ на мѣстѣ... Снова раздалась его шаги, но не торопливые, а тяжелые, точно онъ нарочно замедлялъ ихъ, оттягивая неприятное объясненіе.

— Въ чемъ дѣло?—началъ онъ, усѣвшись поудобнѣе въ кресло и закуривая новую папиросу.

— Я была въ подвалѣ... я знаю все...

— Что это «все»?—прищурился онъ.

— Что ты и твои товарищи печатали прокламаціи и готовили тѣ самыя бомбы, которыми былъ убитъ императоръ.

— Вотъ какъ! Это для меня новость!—онъ даже какъ-то весело, какъ ей показалось, усмѣхнулся.—Значить, по-твоему, бомбы были приготовлены здѣсь въ Колычевѣ, а потомъ перевезены въ Петербургъ? Какая гениальная идея!.. и какая удивительная, наивная неосторожность съ моей стороны. Вѣдь бомбы могли разорваться по дорогѣ? И въ такой дикой глупости ты достаиваешь обвинять меня... Извини, пожалуйста, я не идиотъ.

Онъ иронически поклонился.

— Конечно, я не техникъ, не химикъ, я никогда не видала, какъ изготавливаются эти снаряды, я не знаю,—можно ли перевозить ихъ, но что ты и бывшіе съ тобой товарищи принимали дѣятельное участіе въ подготовленіи убійства 1-го марта, это я знаю навѣрно, и ты меня не разубѣдишь.

— Что же дальше?

— Дальше... дальше то, что послѣ этого быть твоею женою я не могу, да и не хочу.

Это было сказано все тѣмъ же спокойнымъ и твердымъ голосомъ, точно самая обыкновенная фраза. Онъ снова усмѣхнулся.

— Вотъ какъ. Какъ же ты это сдѣлаешь? Велишь выгнать меня изъ этой комнаты, изъ этого дома?

— Я сама уѣду... ты можешь остаться!

— Ну, это дудки! Уѣхать безъ моего разрѣшенія ты не можешь. Отдѣльнаго паспорта у тебя нѣтъ и безъ моего согласія тебѣ его не выдадутъ. Поэтому совѣтую тебѣ успокоиться.

— Да я и не волнуюсь,—вставила она.

— Тѣмъ лучше; но если я ради тебя пошелъ на церковную комедію, то вовсе не для того, чтобы ты же черезъ какой-нибудь мѣсяць съ небольшимъ бросила меня сама. Мы съ тобою ходили подъ Исаія ликуй и связаны неразрывно, и куда бы ты ни уѣхала, въ моей власти вытребовать тебя обратно отовсюду. Тебя вернуть и отправять ко мнѣ, коли я того пожелаю, по этапу... Такъ-то, душа моя!.. Вотъ тебѣ сразу и обратная сторона медали въ законномъ бракѣ. Въ томъ, другомъ, гражданскомъ, который я тогда предлагалъ тебѣ, обѣ стороны сохраняютъ самостоятельность и свободу дѣйствій, а здѣсь... Но ты сама потребовала аналой и вѣнцы, поэтому и кайся... Я твой законный, вѣнчаный мужъ, и отъ правъ своихъ на тебя отказываться не намѣренъ.

— А я тебѣ повторяю,—я ихъ надъ собою не признаю больше, и никакой законъ не можетъ принудить меня считать себя женою цареубійцы.

Онъ поблѣднѣлъ.

—А! значить, ты порѣшила донести на меня, если ссылаешься на свою правоту передъ закономъ? Но, во-первыхъ, позволь узнать мнѣ, на чемъ основаны твои обвиненія? Я не имѣю еще до сихъ поръ чести знать, какимъ образомъ ты дошла до своего убѣжденія, что мужъ твой преступникъ. На чемъ построены этотъ выводъ?

— Въ подвалѣ была устроена типографія... Я сама видѣла шрифтъ и прокламаціи. Да и не я одна.

— Кто же сопутствовалъ тебѣ въ столь любознательныхъ поискахъ и помогъ выслѣдить меня?

— Скупщикъ Михайло Евграфовъ. Онъ дѣйствительно давно уже выслѣживалъ тебя и попался мнѣ на мѣстѣ преступленія. Я уничтожила всѣ слѣды. Шрифтъ, твои банки и посуда изъ лабораторіи выброшены въ прудъ, ящики и прокламаціи сожжены... Слѣдовъ нѣтъ.

Онъ давно уже всталъ и, заложивъ руки въ карманы, ходилъ изъ угла въ уголъ. Лиза смотрѣла на него, какъ на совершенно посторонняго человѣка. «Неужели онъ былъ когда-нибудь моимъ мужемъ, и я любила его? Когда же это было?..»

— Кто помогалъ тебѣ?—остановился онъ передъ нею

— Никто! я сдѣлала все сама...

— Одна? одна?..—его глаза странно расширились, она никогда не видала ихъ такими большими. Улыбки уже не было, но губы какъ-то кривились.—И послѣ этого ты будешь увѣрять меня, что не жена мнѣ больше, что готова оттолкнуть меня?.. Ну, да! да! я...—онъ чуть не сознался, не подтвердилъ, что ея подозрѣнія основательны, но спохватился.—Лиза!.. То, что сдѣлала ты, могла сдѣлать только любящая, безгранично преданная жена... Лиза...

Она небрежнымъ движеніемъ отстранила его.

— Ты жестоко ошибаешься... Любви къ тебѣ у меня не осталось... ни... ни...—она подыскивала слова,—нисколько. Я даже не могу себѣ представить, что я тебя, убійцу государя, любила... Нѣтъ, нѣтъ! Это былъ не ты, а кто-то другой, какимъ я воображала тебя. Теперь это все равно... И то, что я сдѣлала, я сдѣлала вовсе не для тебя, а для тети Саши, ради нея, нея одной я таскала эти тяжести и жгла руки... и надѣюсь, все уничтожено до тла... А что до тебя,—ты для меня не существуешь, да никогда и не существоваешь... Повторяю, тебя я любить не могла бы и ни за что твоею женою стать не согласилась бы. Вотъ и все... Нѣтъ! я еще хотѣла сказать что-то...

Она схватилась за лобъ.

— Лиза... Лиза...

Онъ съ влажными, словно уже начинавшими плакать глазами протянулъ къ ней обѣ руки, но она вскочила и взялась за скобку двери.

— Не подходи... оставь меня. Я повторяю,—я больше не жена тебѣ. Я ухожу отъ тебѣ, и если ты вздумаешь требовать меня обратно,—я все расскажу на чистоту, и мнѣ повѣрять. Да! вотъ что еще: потрудись сегодня же заявить тетѣ, что мое здоровье требуетъ спеціального леченія, назначь какой-нибудь курортъ. Убѣди ее передать хозяйство Арефію, и мы уѣдемъ, и тамъ я ей все открою... Я въ первую минуту хотѣла покончить съ собою, но духу не хватило... Ты долженъ понять, да и не можешь не видѣть, что я не шучу. А теперь прошу тебя,—уйди!.. Я больше не могу...

И во весь ростъ она грохнулась на коверъ, который съ такимъ удовольствіемъ подбирала къ обивкѣ, устраивая вмѣстѣ съ тетей Сашей едва шесть недѣль назадъ свое новое гнѣздо.

На шумъ сбѣжались. Яшневу самъ поднялъ жену и перенесъ на кровать. Заныхавшаяся Кирилловна терла ей виски, а Таня разувала ея ледяныя ноги. Тетя Саша смотрѣла укоризненно на Яшневу, а онъ совершенно растерялся. Испытавъ тщетно всѣ средства привести Лизу въ сознаніе, онъ попросилъ послать въ городъ за отцомъ. Митя взялся доставить записку и, сломя голову, поскокаль верхомъ въ Горскъ.

XXX.

Это что бѣлѣть? пыльный
 Саванъ стараго чехла,
 Или призракъ замогильный
 Всталъ, кивая изъ угла?
 Лучъ потухъ... узоры таютъ,
 И средь жуткой тишины
 Въ мертвомъ воздухѣ витаютъ
 Потревоженные сны...

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Всю ночь Игнатій Львовичъ не отходилъ отъ Лизы.

Тетя Саша, встревоженная, осунувшаяся, не прилегла ни на минуту. Ей непонятно было состояніе племянницы, которая пришла на время въ себя и упорно отворачивалась отъ мужа. «Поссорились! Вѣрно, онъ Лизаньку не на шутку обидѣлъ». И вспоминалась собственная замужняя жизнь безъ вспышекъ и сценъ, ровная, спокойная, какъ долгій лѣтній безоблачный день, медленно склонявшійся къ такому же безмятежному закату.

Молодой супругъ ночевалъ у себя въ кабинетѣ, но онъ тоже не ложился. Онъ тщательно разбиралъ бумаги и многое бросалъ въ затопленный имъ собственноручно каминъ. Извѣстіе о наблюденіяхъ Михалки встревожило его, и онъ счелъ благоразумнѣе уничтожить всякія улики,—онъ усмѣхнулся,—не ради себя, а ради старухи?!. На сердцѣ было странно пусто и особенно легко, точно его вовсе не было, но мысль работала отчетливо. Онъ раза два подымался въ мезонинъ и прислушивался, но изъ спальни не доносилось ни звука. Открыть дверь онъ не рѣшался, она скрипѣла. «Опять забыли смазать», вспомнилъ онъ съ досадою и снова спустился, стараясь не слышно ступать въ своихъ мягкихъ туфляхъ. Въ каминѣ бумаги догорѣли, превратившись въ пепель. На черныхъ обрывкахъ бѣлѣли отдѣльныя слова и буквы, онъ разбилъ ихъ кочергою и подлил спирту изъ бутылки. Пламя вспыхнуло и взвилось синимъ языкомъ, унося въ трубу послѣдніе слѣды пепла. Все сколько-нибудь опасное было уничтожено безслѣдно...

«Ну, а дальше?—спросилъ онъ себя.—Дальше, болѣзнь Лизы... разлука... жизнь безъ нея... Какая жизнь? Больница... разъѣзды по округу... дома—наука, опыты... Вѣдь жилъ же онъ такъ до сихъ поръ, ну, и будетъ жить снова... Наконецъ, и то дѣло, ради котораго онъ ею осужденъ, развѣ оно кончено? Развѣ цѣль достигнута? Развѣ эти казни казнили идею?.. Никогда!.. И если судьба берегла пока его, то онъ не въ правѣ теперь, когда порѣдѣли ряды борцовъ, отказываться отъ служенія тому, за что погибли другіе. Пряча концы въ воду, онъ берегаетъ не просто свою яшневскую шкуру. Нѣтъ! онъ въ душѣ своей берегаетъ тѣ завѣты, которые,

выждавъ немного, слѣдуетъ передать другимъ, новымъ борцамъ, потому что они найдутся и разыщутъ старыхъ, уцѣлѣвшихъ, и придутъ къ нимъ, какъ къ пророкамъ, и скажутъ: научите насъ, и мы научимъ другихъ!.. Нѣтъ! идея жива, и ради нея надо жить и беречь свою жизнь».

Быль четвертый часть утра, и солнце уже встало, и верхушки старыхъ липъ уже были пронизаны золотистыми снопами лучей, и цѣлые хоры птичьихъ голосовъ неслись изъ обрызганной рососою чащи привѣтомъ новому, радостному, Богомъ посланному дню, когда у воротъ съ облупленными каменными столбами остановились два тарантаса.

Пастухъ, выгоняя стадо, только что приложилъ длинную помятую трубу къ губамъ, чтобы проиграть мозолистыми пальцами на клапанахъ утреннюю обычную руладу, но разинулъ ротъ отъ удивленія и не издалъ ни звука.

— Эй, малый! вели-ка отпереть крыльцо и разбуди людей. Мы по дѣлу!—крикнулъ ему бравый жандармскій офицеръ.

Работникъ бросился къ кухнѣ и постучался въ окошко Кирилловны. Она полураздѣтая выбѣжала на дворъ и остолбенѣла. Передъ домомъ стояли незнакомые люди съ портфелями подъ мышкой и военные въ полной формѣ.

— Потрудитесь впустить насъ. Мы по дѣлу!

Дверь распахнулась. Яшневу, заслышавъ шумъ, самъ открылъ ее.

— Вы лекарь горскаго уѣзднаго земства Василій Игнатьевичъ Яшневъ?—обратился къ нему высокій и худощавый товарищъ прокурора съ золотымъ пенснѣ на горбатомъ носу.

— Да.

— Потрудитесь провести насъ въ вашу комнату.

— Пожалуйста.

Онъ провелъ ихъ въ кабинетъ.

— Въ чемъ дѣло? Какое мнѣ предъявляется обвиненіе?

— Вы объ этомъ немедленно узнаете. Господинъ ротмистръ, приступите къ обыску, тѣмъ временемъ я буду допрашивать господина Яшнева.

Пока шелъ допросъ, ротмистръ съ помощью двухъ жандармовъ занялся обыскомъ. Все было перерыто и перевернуто вверхъ дномъ. Письма и литографированныя записки, брошюры, книги были опечатаны. Ящички письменнаго стола, шкапы и даже ножки стульевъ и кресель усердно, точно на докторскомъ приемѣ, выстукивались и осматривались въ поискахъ за секретными помѣщеніями для обличительныхъ документовъ. Ножичкомъ подпарывалась обивка, но, кромѣ волоса и пружинъ, ни въ спинкахъ, ни въ сидѣніяхъ ничего не оказывалось. Усердный унтеръ даже за зеркало каминное заглянулъ и вытащилъ съ торжествомъ какой-то клочокъ бумажки, оказавшійся счетомъ «порт-

ного изъ Парижа» на Московской улицѣ города Горска за передѣлку старой шубы Семена Михайловича въ полученіи денегъ «съ Полна», въ чемъ расписался по довѣренности «осиини Гайловъ». Опытный глазъ полицейскаго былъ разочарованъ результатами: ничего сколько-нибудь компрометирующаго не оказывалось.

— Вы обвиняетесь,—говорилъ между тѣмъ товарищъ прокурора хозяину досматриваемыхъ вещей:—что вмѣстѣ съ двумя пріѣзжими неизвѣстными лицами, которыхъ вы называли своими товарищами, изготовляли и печатали вотъ эти прокламаціи?

Онъ вынулъ и, не выпуская изъ рукъ, показалъ одинъ изъ захваченныхъ третьяго дня Михалкою листковъ. Яшневу усмѣхнулся.

— Обвиненіе, ни на чемъ не основанное,—ни я, ни мои товарищи предъявленнаго вами листка не печатали.

— Однако шрифтъ у васъ былъ. Вотъ эти самыя буквы хранились у васъ. Узнаете ихъ?

Онъ показалъ спрятанные Михалкой кусочки свинца.

— Нѣтъ, я ихъ не знаю.

— Понятые тутъ,—обратился товарищъ прокурора къ ретмистру.

Жандармскій унтеръ-офицеръ выглянулъ въ дверь и отчеканилъ:

— Такъ точно!

— Потрудитесь указать намъ дорогу въ то помѣщеніе, гдѣ у васъ хранятся ящики съ этими вещами.

Яшневу пожалъ плечами.

— Никакихъ вещей у меня, подобныхъ предъявленнымъ сейчасъ, не хранится и никакихъ ящиковъ нѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ я прошу указать мнѣ дорогу въ это помѣщеніе.

— Въ какое? Я не понимаю. У меня есть казенная квартира въ двѣ комнаты при больницѣ, и я охотно укажу туда дорогу.

— Это не при больницѣ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, это уцѣлѣвшій отъ пожара этажъ или подвалъ прежняго барскаго дома.

— Ахъ, это! Но тамъ ничего нѣтъ. Зимой я тамъ устроилъ себѣ было опытную лабораторію, думая заниматься фармакологіей и виссекціей, но оказалось неудобно, темно, и теперь съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ, я перенесъ свои пожитки въ квартиру при больницѣ. Ничего не имѣю противъ... Пожалуйте.

Онъ надѣлъ шляпу и сапоги и вышелъ черезъ гостиную на хмелевую террасу. Оба дюжихъ жандарма, словно два тѣлохранителя, пошли съ нимъ рядомъ, а товарищъ прокурора, ретмистръ и понятые сзади. Наверху слышали ихъ шаги и бряцанье оружія, и произошелъ переполохъ. Александра Николаевна, накинувъ наскоро платокъ и ровно ничего не понимая, смотрѣла съ новаго балкона вслѣдъ

странной процессіи, пока та не скрылась подъ низкими вѣтвями прадѣдовской аллеи. «Господи! да что жъ это такое!»

Въ понятыхъ былъ Михалка. Онъ торжествовалъ заранѣе, но вида не показывалъ. Яшневь презрительно сощурился, замѣтивъ его. Онъ тоже въ душѣ торжествовалъ, вѣря заявленію Лизы, что улики уничтожены. Вторымъ понятымъ былъ Агаѳонъ. Онъ исправлялъ замокъ зимою и недоумѣвалъ, въ чемъ теперь дѣло. Быть такъ сказать, заодно со всѣмъ начальствомъ противъ доктора ему не нравилось. Яшнева крестьяне высоко цѣнили и за искусство его, и за обхождение съ пациентами, и за самоотверженный, безкорыстный уходъ въ трудныхъ случаяхъ, и старій бунтарь отъ души сожалѣлъ «барина», попавшагося въ неприятную исторію, и всецѣло былъ на его сторонѣ. «Навѣты одни... быть ничего такого не можетъ... не похожъ на таковскихъ... на стрикулистовъ длинногривыхъ!.. Я ли на нихъ не посмотрѣлся!»

Когда Яшневь открывалъ замокъ, у него мелькнула мысль: а что, если Лиза чего-нибудь не замѣтила? не прибрала или обронила?..

Спустились, — коридоръ былъ пустъ, ящики исчезли.

— Вотъ тутъ была моя лабораторія.

Онъ провелъ самъ власти въ комнату, гдѣ помѣщались его реторты и колбы. Столы и полки были пусты. Нигдѣ ничего.

Каждая комната, каждый уголокъ были обшарены. Всякая табуретка и столъ обслѣдованы. Только подъ плитою чернѣли угольки, покрытые пепломъ.

— Вы что-нибудь тутъ готовили? — спросилъ товарищъ прокурора, оправляя пѣсенъ. — Откуда эти угли.

— Нѣтъ, готовить не готовилъ, а раза два топилъ для тепла, — спокойно отвѣчалъ врачъ. — Да ни къ чему, слишкомъ холодно все-таки было. Я повторяю, я перенесъ свою лабораторію въ больницу.

Михалка такъ и ерзалъ отъ удивленія. Что за навожденіе? Куда же дѣвались тѣ три ящика со свинцомъ и ящикъ съ прокламаціями? Онъ въ тотъ же вечеръ... какое! даже не вечеръ, а черезъ три-четыре часа, разставшись съ Лизой, учредилъ самый тщательный надзоръ за подваломъ. Какъ можно было незамѣтно унести такую тяжесть?

Товарищъ прокурора былъ взволнованъ.

— Мы, едастся мнѣ, сѣли въ лужу съ этимъ подваломъ. Повидимому, это былъ опять ложный слѣдъ, — шепнулъ онъ ротмистру.

— А эта дверь куда? — спросилъ тотъ вмѣсто возраженія.

Яшневь пожалъ плечами.

— Сказать не могу. Я знаю, что еще осенью работавшая въ усадьбѣ воинская команда пыталась открыть ее, но не сумѣла.

У Михалки екнуло сердце. Неужели попали-таки туда и туда перетащили ящики? Эта дверь снилась ему и во снѣ. Она вела, по

его воспоминаніямъ, во вторую половину подвала, и за ней находилась обширная кладовая, куда складывались вещи изъ барскихъ покоевъ, считавшіяся временно лишними или просто изъятыми изъ употребленія.

Когда всё усилія открыть ее снова оказались тщетными, на сцену появилось топоры и ломы. Ухнуло желѣзо и вонзилось въ облупленные филенки. Ломы, подведенные подъ низы, довершили дѣло, и съ грохотомъ упалъ деревянный щитъ, много лѣтъ охранявшій забытое помѣщеніе. Жандармъ заглянулъ первый въ черное отверстіе и такъ и понятился.

— Съ нами крестная сила!

Группа привидѣній стояла въ дальнемъ углу. Другія отдѣльныя выглядывали изъ-за нагроможденныхъ ящиковъ. Они стояли неподвижныя, бѣлыя, словно ожидая смѣльчака, который отважится переступить порогъ ихъ царства, чтобы броситься и придушить его.

Власти сами, видимо, струхнули, но Михалка просунулъ между ними бѣлобрысую голову и митомъ разрѣшилъ всё сомнѣнія.

— Не извольте сумѣваться,—это статуи...

Дѣйствительно, эти были статуи изъ французскаго сада. Ихъ всегда убирали сюда на зиму. Нимфы съ кувшинами и цвѣтами, амуръ съ колчаномъ и стрѣлами, боги, богини и фавны съ удивленіемъ глядѣли на людей, словно припоминали, что видѣли имъ подобныхъ когда-то, но успѣли забыть о самомъ ихъ существованіи.

А въ темнотѣ засвѣтились огарки. Люди, при красноватомъ, невѣрномъ миганіи огоньковъ, въ сырости и могильномъ холодѣ вскрывали одинъ за другимъ нагроможденные другъ на друга скользкіе сундуки. Но, вмѣсто шрифта и прокламацій, то находился тщательно упакованный богемскій хрусталь, и товарищъ прокурора съ разгорѣвшимся взоромъ знатока щелкалъ по витымъ и шлифованнымъ ножкамъ бокаловъ и наслаждался издаваемымъ ими нѣжнымъ пѣвучимъ звономъ, то извлекались на свѣтъ французскіе фоліанты, то полуистлѣвшіе обрывки парчи и бархата... Картины, прислоненныя къ стѣнамъ, были сплошь покрыты плѣсенью, но когда услужливая рука стирала ее, изъ чернаго фона рѣзко выступала или дивная оголенная ножка, или шлемъ съ пушистымъ перомъ, или кусокъ пейзажа, блиставшій лазурью южнаго неба.

Подняли, наконецъ, крышку послѣдняго сундука, и всё съ любопытствомъ столпились вокругъ! Въ немъ оказалась цѣлая коллекція серебряныхъ кое-какъ убранныхъ вещей, потемнѣвшихъ отъ многолѣтней сырости. То было семейное серебро Колычевыхъ, слитковъ котораго напрасно искалъ бѣлоголовый правнукъ Еграфы, разрывая желѣзной палкой мусоръ пожараща. Теперь онъ таращилъ глаза, сисясь понять, какъ попало оно сюда изъ шкала голландской столовой, гдѣ хранилось подъ узорнымъ и хитрымъ

замкомъ за стѣнками тяжелаго, какъ желѣзо, моренаго дуба... Это было дѣло рукъ пана Романа. Старикъ въ страхѣ пожара, бродя по дому, сносилъ все, что ему казалось поцѣпнѣе, въ подвалъ педь каменные своды. Они ему рисовались безопаснѣе штукатуренныхъ подь мраморъ стѣнъ жилыхъ этажей. Благодаря ему, канделябры и кубки, вазы и корзины, столовые и чайные сервизы, приобрѣтенные въ теченіе десятковъ лѣтъ, носившіе вензеля чуть не всего стариннаго рода, уцѣлѣли въ сохранности.

Представитель прокуратуры настолько увлекся, что совершенно забылъ цѣль и причину, приведшія его въ подвалъ. Онъ смаковалъ каждый орнаментъ и фасонъ, а протиснувшійся ближе всѣхъ къ нему Михалка съ разбѣгавшимися рысьими глазами прикидывалъ въ умѣ, сколько бы можно было получить съ Александры Николаевны и Лизы по закону за указанную цѣпную находку. Другіе тоже бродили по кладовой, разглядывая сокровища и щупая матерію на составленной сюда старой мебели, разукрашенной бронзой и фарфоровыми медальонами.

О Яшнеvē всѣ позабыли. Захоти онъ,—бѣжать было бы болѣе чѣмъ легко. Но онъ о побѣгѣ не думалъ. Глядя на этихъ увлекавшихся чужими богатствами людей, онъ стоялъ равнодушно въ той старой кладовой, гдѣ провелъ впервые наединѣ съ Лизой цѣлые два часа, гдѣ зародилась ихъ любовь, а вмѣстѣ и мысль о лабораторіи... и странная апатія все болѣе и болѣе охватывала его. Что изъ того, если уничтожены улики? Прошлаго не вернешь. Лиза, ушла изъ-подъ его власти... Пусть обѣляетъ его правосудіе и слѣдствіе,—у нея доказательства были въ рукахъ, она видѣла ихъ собственными глазами, сама уничтожала... любовь ея утрачена и никогда не вернется... Если бы даже онъ измѣнилъ всѣмъ прежнимъ убѣжденіямъ, перешелъ въ ея вѣру,—онъ для нея былъ и останется цареубійцей... И жизнь ради идеи, та жизнь, которая ему до обыска представлялась нужной, вдругъ въ этой темной комнатѣ показалась теперь безъ любимой женщины прямо невозможной и безцѣльной, и страстно и безумно хотѣлось вернуть тѣ стольеще недавніе медовые дни въ собственномъ, новомъ, нарядномъ и уютномъ гнѣздѣ, подь крышей Колычевскаго дома... А если бы взять въ посредницы Александру Николаевну?... И онъ приободрился...

Первымъ пришелъ въ себя ротмистръ...

— Мнѣ кажется, обыскъ можетъ считаться законченнымъ?.. Брр... однакожь и холодно тутъ...

— Да, да!—спохватился товарищъ прокурора.—Потрудитесь внести въ протоколъ, что, несмотря на полученные свѣдѣнія, никакихъ уликъ, ничего возбуждающаго подозрѣнія при самомъ тщательномъ осмотрѣ и обслѣдованіи указаннаго помѣщенія найдено не было. А ужъ мы ли не были аккуратны?..

Онъ съ важною снялъ и снова вздѣлъ пенснэ на свой горбатый носъ и обвелъ въ послѣдній разъ огорченно-восхищеннымъ взглядомъ соблазнительную для его коллекціонерскаго сердца кладовую. Идя рядомъ съ Яшневымъ по аллеѣ, онъ предлагалъ ему не имѣющіе значенія вопросы, а самъ обдумывалъ, какъ бы это устроить такъ, чтобы откупить у владѣльца хоть какую-нибудь бездѣлку изъ найденныхъ рѣдкостей?

Подвалъ былъ снова запертъ, но ротмистръ нашелъ нужнымъ приложить и печати.

Тѣмъ временемъ старый домъ проснулся и прибирался. Александра Николаевна велѣла подать самоваръ и послала въ кабинетъ стаканы съ чаемъ...

Но Лиза снова лежала въ забытіи, точно въ тяжеломъ, свинцовомъ снѣ, съ черными кругами подъ закрытыми рѣсницами, а у ея постели, закинувъ на спинку кресла лысую голову, дежурилъ ея свекоръ и съ грустью и укоромъ глядѣлъ на это застывшее, напряженное лицо.

Что произошло между ними? Въ чемъ дѣло? Неужели это она донесла, и обыскъ у его сына дѣло ея мести? За что?.. Вѣдь знала же она, за кого идетъ... Василій говорилъ тогда, что ей извѣстно многое... И чѣмъ это кончится? Что ждетъ его «мальца»?.. Поселеніе, каторга, а, можетъ быть, и того хуже... И старое отцовское сердце болѣло, и онъ ненавидѣлъ эту свою невѣстку, стубившую мужа...

За дверью послышался шорохъ. Щелка осторожно раздвинулась, и костлявая рука со скорченными, какъ у птицы, когтистыми пальцами поманила его. Это была Кирилловна.

— Ничего не нашли... Только говорятъ, все пропавшее колычевское серебро на много тысячъ отыскалось,—шепнула она, когда онъ вышелъ къ ней.—Обманулся рыжій дьяволь-то!

— Какой рыжій дьяволь?—спросилъ, недоумѣвая и ничего не соображая, врачъ.

— Да Евграфовъ, потому это по его, подлеца, доносу, вороны-то слетѣлись... Эхъ, шугнуть-то ихъ я не успѣла...

Игнатій Львовичъ перекрестился... Хоть одно съ плечъ: не она...

Въ кабинетѣ шелъ допросъ съ очной ставкой. Яшневу только пожималъ плечами и отрицалъ всякую причастность къ типографіи, гдѣ печатались предъявленные Михалкой прокламаціи, и онъ не лгалъ. Типографія не была оборудована и такъ и стояла нераспакованная, а прокламаціи были изъ Петербурга. Михалка стоялъ на своемъ и ссылался на Лизу, но о допросѣ ея рѣчи не могло быть: власти сами поднялись осторожно наверхъ и послѣ категорическаго заявленія мрачнаго доктора вернулись съ извиненіями обратно.

Дѣло для Яшнева, повидимому, оборачивалось крайне благоприятно, но жандармскій ротмистръ настаивалъ тѣмъ не менѣе на

арестъ, который былъ заранѣе предрѣшенъ. Наканунѣ изъ N-ской губерніи пришло увѣдомленіе, что возвращенный паспортъ Чермака былъ найденъ подложнымъ, а что настоящій мѣщанскій сынъ Кондратій Виссаріоновичъ Чермакъ проживаетъ безвыѣздно, нѣянувя, на родинѣ уже шестой десятокъ лѣтъ. Въ городъ У. было послано другое увѣдомленіе частнаго характера на имя Софіи Яковлевны Ершовой, обращавшейся въ ту же N-скую управу за справкой. Поэтому освобожденіе Василя Игнатьевича, какъ человѣка, имѣвшаго сношенія съ неизвѣстнымъ лицомъ, проживавшимъ по подложному виду, не представлялось допустимымъ.

Подъ охраною тѣхъ же жандармовъ Яшневъ сѣлъ въ тарантасъ. Никто не вышелъ проводить его. Въ образной тетя Саша рыдала, положивъ голову на аналой. Кирилловна причитала въ своей каморкѣ. Дворовые испуганно глядѣли изъ оконъ людскихъ, и только Сократъ и Кара съ лаемъ выбѣжали за ворота, стараясь ухватить за морды все прибавлявшихъ ходу лошадей...

А наверху лежала въ нарядной спальнѣ блѣдная, суровая женщина. Сознаніе къ ней только что вернулось, но въ душѣ не было ничего.

Жесткимъ, страннымъ взглядомъ смотрѣла она на темный ликъ стариннаго письма, украшенный жемчужнымъ вѣнкомъ съ эмалевыми листочками. Ни теплоты, ни вѣры не было въ сердцѣ. То, что не могли сдѣлать проповѣди ученыхъ, ихъ философскія догмы, — сдѣлала рука хама. Она разрушила всѣ сокровища женственности и благородной природы, стерла навѣки филигранно-нѣжный рисунокъ жизненной сказки о благодти Божеской и добротѣ человѣческой...

Міръ пусть. Бога нѣтъ и не было...

Иначе—какъ же допустилъ бы Онъ весь этотъ ужасъ крушенія?..

.....

Э П И Л О Г Ъ.

Скоро, скоро
 Лебедь бѣлый
 Тщетно ринется впередъ
 И безъ воли, безъ простора
 Объ усадьбѣ опустѣлой
 Пѣснь предсмертную споетъ.

(Пѣсь «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Прошло пять лѣтъ.

Смѣняются дни и ночи. Смѣняются времена года. Цвѣтутъ и отцвѣтають липы. Старый сѣрый домъ стоитъ пустой и заколоченный.

Гдѣ-то далеко, далеко на теплыхъ заграничныхъ водахъ доживаютъ двѣ женщины свою жизнь. Усадьба и все Колычево давно на арендѣ у Арефія. Онъ самъ живетъ тутъ же въ перестроенномъ людскомъ флигелѣ. Изрѣдка его сынъ Митя получаетъ письма отъ «бауныки», сообщающей о здоровьи Александры Николаевны и Лизаветы Ивановны, а также о «дочкѣ ихней ангелочкѣ Марусичкѣ», но никогда въ этихъ безграмотныхъ строкахъ и рѣчи нѣтъ о возвращеніи въ родное гнѣздо.

А рядомъ за высокимъ вновь выстроеннымъ досчатымъ заборомъ уже виднѣется нѣчто новое. Стоять лѣса съ деревяннымъ осмиконечнымъ крестомъ и елкою на одномъ изъ высокихъ шестовъ.

Изъ бывшей усадьбы вольноотпущеннаго двороваго человѣка господъ Колычевыхъ, Евграфа Птичкина, выросла цѣлая слободка вокругъ уже успѣвшей обвѣтриться и прокоптиться деревянной винокурни, и нынѣ воздвигается наконецъ предметъ столькихъ мечтаній—каменный ректификаціонный заводъ по послѣднимъ словамъ техники.

Контрактъ на запущенную часть парка подписанъ наконецъ по настоянію Арефія. Не все ли равно Александрѣ Николаевнѣ теперь?.. Самаго имѣнія она не продаетъ, потому что оно давно, еще наканунѣ Лизиной свадьбы было закрѣплено ею по дарственной записи за племянницей. Михалка далъ дѣйствительно выгодную цѣну, и Сашенька со вздохомъ подписала бумагу. Въ Колычево она, вѣроятно, вернется только мертвая.

Объ этомъ она поставила условіе въ своемъ завѣщаніи и знаетъ, что Лиза, какъ ни тяжело ей будетъ, исполнить ея послѣднюю волю и положить ея старыя косточки рядомъ съ дорогою могилою ея ненагляднаго Simon...

.....
Мно-о-гая лѣ-та! Мно-о-гая лѣ-та! Мно-о-о-о-га-а-я-а лѣ-е-е-та!
доносится въ старую, уже заросшую муравою липовую аллею черезъ высокій заборъ у пруда съ дремлющимъ въ чащѣ камыша и бѣлокрыльника одинокимъ лебедемъ...

Молебенъ конченъ. Михалка съ важнымъ видомъ замазываетъ лопаточкой цементъ вокругъ доски въ фундаментѣ новаго корпуса, куда только что положилъ горсть серебряныхъ рублей. Рабочіе на подмосткахъ ждутъ конца закладки и раздачи груды кумачевыхъ рубахъ и своей порціи водки изъ прикаченной со старой винокурни бочки. Мужички, съ Агаономъ, дожившимъ до исполненія завѣтной мечты «не трястись за каждымъ шкаликомъ въ городъ», косятся на раскинутые столы со снѣдью.

Все это къ вечеру будетъ пьяно до озорства, но пока весело, торжественно и празднично. И всѣхъ торжественнѣе, всѣхъ праздничнѣе самъ хозяинъ.

— Скоро и домикъ каменный себѣ воздвигнете!—льститъ ему колычевскій староста.

Зеленые глазки Михалки косятся на бугоръ за прудомъ.

— Воздвигну, только не тутъ. Больно безпокойно рядомъ-то... Поодаль откуплю.

— Чаво бы лучше,—продолжаетъ льстець:—на старомъ бы мѣстѣ, на бугорочкѣ томъ...

— Ладно,—отвѣчаетъ хозяинъ, замѣтивъ, что его мысли разгаданы.—Самъ найду, гдѣ лучше... Эй, подходи, ребята!—кричить онъ рабочимъ.

Рубахи розданы, водка льется...

— Качай! качай!.. На руки хозяина!..

И Михалку подбрасываютъ десятки ему подчиненныхъ рукъ.

.....

— Вѣчная память! Вѣчная память!.. Вѣчная память!..

Въ промерзлую землю опущенъ простой сосновый гробъ. Сѣрые комья падаютъ, стуча о крышку. Сѣверное лѣтнее солнце печально глядитъ на бугорокъ безъ креста, безъ камня, безъ имени затерянной навѣки въ пустынномъ краѣ могилы...

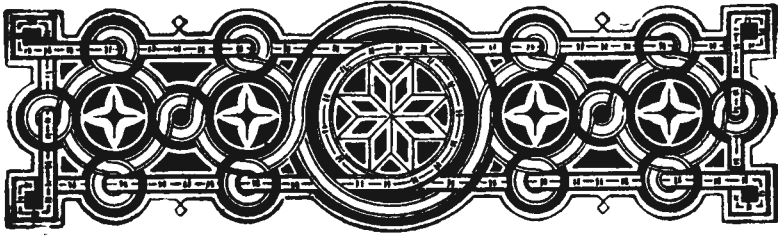
Жизнь кончена... молодая еще, но тяжелая жизнь государственнаго преступника Василя Яшнева въ ссылкѣ, въ суровомъ климатѣ, среди угрюмыхъ, пришибленныхъ людей...

.....

А старый, запущенный садъ звенить, поеть, цвѣтеть, благоухаетъ, и листья бросаютъ на земля узорныя пятна. Золотою стрѣлою падаетъ сквозь ихъ душистую чащу полуденный лучъ и горитъ то на душистомъ стволѣ, то на зелени дерна. На лужайкѣ въ высокой травѣ мелькаютъ ромашки, колокольчики, златоцвѣты, и розовый щавель кажется прозрачнымъ противъ солнца, какъ много, много лѣтъ назадъ въ богатой и людной когда-то и нынѣ забытой усадьбѣ.

М. Веселкова-Нильштеть.

ЗАПИСКИ Н. К. БЕРКУТА ¹⁾.

VIII.

Генераль-губернаторъ П. А. Тучковъ.—Предложеніе служить въ тюремной больницѣ.—Поступленіе туда врачомъ.—Осмотръ больницы.—Ужасная обстановка ея.—Квартиры служителей.—Бродяги.—Женщины-бродяги.—Сынъ непомнящихъ родства.—Рѣшеніе министра Замятина.

СЛУЖБА въ дворянскомъ институтѣ для практикующаго врача была выгодна въ томъ отношеніи, что она доставляла ему много случаевъ для сближенія съ лучшими дворянскими домами. Вскорѣ по вступленіи моемъ въ институтъ районъ моей медицинской практики такъ увеличился, что не доставало времени удовлетворять новыя требованія. Я во многихъ уже домахъ снискалъ полное довѣріе и расположеніе, и эти старыя связи остаются прочными и до настоящихъ дней. Въ числѣ такихъ признательныхъ паціентовъ былъ князь М., зять покойнаго московскаго военнаго генерала-губернатора П. А. Тучкова. Частыя встрѣчи у князя сблизили меня съ П. А. (онъ тогда еще не былъ генераль-губернаторомъ), и я былъ не лишнимъ гостемъ въ этомъ почтенномъ домѣ. Самъ Тучковъ не любилъ блестящаго общества, въ которомъ ему надлежало занимать самое видное мѣсто и по образованію, и по историческимъ заслугамъ его фамиліи; онъ предпочиталъ тихую, спокойную семей-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 449.

ную жизнь и пользовался ею вполне. Супруга его, Елизавета Ивановна, очень умная, добрая женщина и нежная мать, во всем согласовалась с волею и наклонностями своего любимого мужа. Дети их наследовали от родителей ту же доброту, скромность и простоту, отличались безусловною преданностью и глубоким почтением к родителям, равно как и крепкою взаимною сердечностью между собою.

П. А. можно было видеть окруженного своею семьею, к которой так охотно присоединялось небольшое число искренно любивших его и преданных ему родных и знакомых. В этом маленьком, интимном кружке П. А. был откровенен, весел, даже забавен со своими безобидными остротами, шутил, набрасывал карикатуры, одним словом, был нараспашку.

Мне самому привелось слышать упреки Тучкову в лени, в недостатке энергии, которая будто бы должна быть свойственна администратору, наконец в его нерасположении к увеселению общества, как *conditio, sine qua non* для генерал-губернатора. Но нельзя же называть ленью его предпочтение семейной жизни пустой светской болтовней. Нужно помнить, что Тучков, после короткого междуцарствия (граф Стrogанов), наследовал место графа Закревского, который, правда, сильно проявлял свою энергию, только в смысле весьма нежелательном для обывателей столицы. Благодушный император Александр II сознавал, что время Закревских миновало безвозвратно. Что касается увеселений общества, то П. А. делал все вменяемое в обязанность его положением, он давал прекрасные официальные обеды и рауты, устраивал балы, и кто бывал на этих собраниях, тоже не может упрекнуть хозяина в недостатке внимания, радушия и хлебосольства.

Бог знает, как думал П. А. об этих обязательствах, но едва ли ему нужно было отводить у публики глаза от того, в чем Москва нуждалась больше. Он не способен был показывать кулак, под которым легко скрывается и царствует зло, но еще меньше шла к нему роль лисицы, ловко увертывающейся от преследования своим пушистым хвостом и прикрывающей им свои проказы. Тучков не искал подобно другим грошевой популярности; это был человек высокой чести, безукоризненной чистоты, добрый, великодушный и скромный блюститель вверенного ему государем дела.

Тучков предложил мне занять открывшуюся вакансию главного доктора тюремной больницы в Москвѣ. Я очень хорошо знал, во-первых, что на такие места назначаются врачи с высшим, украшенные разными регалиями, а мне, не болѣе как коллежскому ассесору, неудобно быть начальником лиц, болѣе менѣе послуживших и тоже украшенных знаками отличія, во-вторых,

итти въ тюрьму, да еще добровольно, не согласовалось съ моимъ вкусомъ. И безъ того, часто проѣзжая мимо тюремнаго замка черезъ Бутырскую заставу въ паркъ, я съ невольнымъ страхомъ смотрѣлъ на его высокія каменные стѣны съ суровыми башнями и впадалъ въ мрачныя размышленія о безотраднѣйшей участи томившихся въ этомъ каменномъ мѣшкѣ людей, лишенныхъ свободы.

Только изверги, неисправимые злодѣи, совершенно утратившіе подобіе человѣка, могутъ быть, казалось мнѣ, обречены на такую жизнь, и въ моемъ воображеніи рисовались закованные въ тяжелыя цѣпи, загнанные въ темное подземелье съ его холодной сыростью. Послѣ нѣсколькихъ напоминаній П. А. объ его предложеніи и моихъ отказовъ я получилъ какъ-то отъ него официальное приглашеніе явиться къ назначенному часу для личныхъ объясненій съ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Меня удивила эта неожиданная формальность, но нельзя было не явиться.

Тучковъ съ напускною сдержанностью повторилъ мнѣ чуть не въ пятый разъ свое предложеніе, но уже не какъ Павелъ Алексѣевичъ, а какъ генераль-губернаторъ, и требовалъ, чтобы я подалъ сейчасъ же прошеніе, въ противномъ случаѣ, онъ предоставленной ему властью, не соображаясь съ моей волей, командируетъ меня, исправляющимъ должность. Всѣ мои доводы ни къ чему не привели, и я тутъ же подписалъ заготовленное въ канцеляріи прошеніе, которое немедленно и было отправлено министру графу В. Д. Ланскому, при особомъ письмѣ Тучкова. Когда эта исторія была окончена, П. А. заговорилъ со мною обычнымъ языкомъ:

— Я желаю поручить эту должность вамъ потому, что я васъ очень хорошо знаю, и вы убѣдитесь сами, что я имѣю на это законную причину: съ вашей помощью я легче разберусь въ томъ темномъ царствѣ, которое нуждается во многихъ улучшеніяхъ.

Прошелъ мѣсяць-другой, но о моемъ опредѣленіи не было ни слуху, ни духу, и мнѣ это было очень на руку: авось, молъ, чаща минуетъ. Но въ мартѣ 1860 г. правитель канцеляріи П. М. Радзевичъ извѣстилъ меня, что утвержденіе мое состоялось и я могу предварительно ознакомиться съ будущими моими обязанностями и мѣстомъ службы.

Я явился въ концѣ марта, на другой день официального увѣдомленія меня объ утвержденіи не главнымъ докторомъ, какъ было сказано въ прошеніи, а старшимъ врачомъ тюремной больницы, на мѣсто уволеннаго статскаго совѣтника Г.

Казалось бы, и дѣлу конецъ; но съ представленіемъ меня къ слѣдующему чину встрѣтилось законное препятствіе: министерство дало знать, что должность моя въ штатѣ не состоитъ и правъ не даетъ никакихъ. Напрасно комитетъ замѣтилъ департаменту, что такихъ препятствій не встрѣчалось съ моимъ предшественникомъ, получавшимъ кресты и чины до статскаго совѣтника включительно,

по министерство, снисходительное къ Г., держалось по отношенію ко мнѣ строго на почвѣ закона. Таковы у насъ порядки на Руси. Мнѣ служба вообще не везла, хотя я и пользовался всегда расположеніемъ ко мнѣ ближайшаго начальства. По закону я имѣлъ право за двадцать лѣтъ исполненной службы, продолжая ее, получать половину пенсіи въ прибавку къ жалованью. Представленные мною въ разныя времена ординаторы получали ее безпрепятственно, но когда дошла очередь до меня, то я получилъ полпенсіи только черезъ три года и это потому только, что я частнымъ образомъ обращался въ Питеръ съ напоминаніемъ о моей просьбѣ и исписалъ прощальныя бумаги. Дали съ извиненіемъ, что не знали, по какой именно статьѣ можно удовлетворить меня.

Видно, въ Петербургѣ усматривали въ сводѣ законовъ для каждаго особую статью.

Впослѣдствіи, это уже при генераль-губернаторѣ князѣ Владимирѣ Андреевичѣ Долгорукомъ, то же повторилось и съ чиномъ статскаго совѣтника; дали, но послѣ усиленныхъ ходатайствъ за меня.

Послѣ первой кудачи съ моимъ чинопроизводствомъ Тучковъ поручилъ мнѣ составить штаты для тюремной и полицейской больницы, состоявшихъ въ вѣдѣніи тюремнаго комитета.

Это копотливое дѣло потребовало очень много труда и времени, но оно дало мнѣ удобный случай подробно ознакомиться съ тѣмъ хаосомъ, изъ котораго образовался тюремный комитетъ и изъ котораго онъ еще не совсѣмъ вышелъ въ то время. Это будетъ видно изъ дальнѣйшаго моего разказа. Штаты, составленные мною, высочайше утверждены въ мартѣ 1862 г., и я утвержденъ въ іюль того же года старшимъ врачомъ. Положеніе врачей и всего служебнаго персонала нѣсколько улучшилось въ матеріальномъ отношеніи, а въ нравственномъ вывело ихъ изъ того приниженнаго и постыднаго рабства, въ которомъ все чиновное подчинялось безпрекословно *ндраву* директора такъ называемаго хозяйственнаго отдѣленія, состоявшаго изъ трехъ купцовъ, безупречныхъ блюстителей казеннаго интереса. Каковъ былъ порядокъ, какіе служили люди и какы были эти блюстители, видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Утромъ въ концѣ марта, когда природа весело праздновала наступленіе весны и все пробудилось къ жизни, я подъѣхалъ къ страшной могилѣ, въ которой томились живые люди... Съ замирающимъ сердцемъ подошелъ я къ калиткѣ, продѣланной въ тяжелыхъ воротахъ круглой башни. Въ дырѣ калитки появились сначала глаза привратника, послѣ же моего отвѣта на запросъ стража: кто я, куда и зачѣмъ?—тяжелыя ворота со скрипомъ распахнулись настежь, и я попалъ на площадку еще съ двумя воротами; одни вели прямо въ замокъ, другія—налѣво ко двору, на которомъ былъ больничный корпусъ. Лѣвыя ворота тоже какъ бы самі собою

распахнулись и снова за мною захлопнулись. Сердце упало: казалось, для меня уже нѣтъ отступленія назадъ.

На крыльцѣ больницы стояло нѣсколько служителей, тотчасъ же скрывшихся при видѣ бѣжавшаго впереди меня сторожа безъ фуражки. Всѣ окна корпуса были снабжены солидными желѣзными рѣшетками. Около угловъ его прохаживались часовые съ ружьями.

Я остановился на минуту на площадкѣ крыльца и взглянулъ внизъ въ глубокий каменный ровъ глубиною въ 6 или болѣе, а шириною въ 3 слишкомъ аршина. Въ этотъ ровъ изъ подвального этажа больницы выходили окна, тоже съ рѣшетками, и изъ нихъ несло благоуханіе квасу, шей и проч.

— Что здѣсь въ подвальномъ этажѣ?—спросилъ я.

— Кухня, казармы и квартиры служащихъ, ваше превосходительство,—бойко отвѣчалъ сторожъ.

Въ конторѣ больницы, въ первой комнатѣ стоялъ мартъ служителя, а у окна за столомъ строчили два писца; во второй, болѣе просторной стоялъ по срединѣ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ уставленными кругомъ креслами; между оконъ, въ каменной стѣнѣ былъ вдѣланъ отличный хронометръ, на маятникѣ котораго была вырѣзана надпись: *Itque, reditque*.

На стѣнѣ, у главы стола портретъ государя, у другой стѣны мягкой, съ рваною клеенкой диванъ, надъ которымъ висѣло распisanіе порцій; сбоку, у окна сидѣлъ бухгалтеръ, а около него стеклянный шкапъ съ дѣлами, украшенный сверху гипсовымъ бюстомъ доктора Гааза.

Бѣжавшій впопыхахъ старичокъ, лѣтъ за семьдесятъ, съ владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ, заявилъ себя дежурнымъ врачомъ и спросилъ меня: кто я и по какому случаю? Я отрекомендовался старшимъ его товарищемъ по службѣ.

Нужно было видѣть, какъ измѣнилась вся его фигура въ виду начальства: губы тряслись, и руки никакъ не могли застегнуть фракъ на пуговицы.

Скоро вѣсть о моемъ прибытіи разнеслась по всему замку, и явилась вся администрація его и больницы, а также прибѣжали и другіе два врача изъ своихъ сосѣднихъ квартиръ.

Сдѣлавъ первое знакомство съ будущими сослуживцами, я отложилъ осмотръ больницы до другого раза; врачей же просилъ къ себѣ на квартиру на слѣдующій день, чтобы познакомить меня со всѣмъ тѣмъ, что нужно вѣдать въ моемъ положеніи.

Домашняя моя бесѣда съ врачами (пріѣхали два, а третій дежурилъ) сразу убѣдила меня, что они такъ обезличены и придавлены начальствомъ (а кто въ тюремномъ комитетѣ не начальство?), что не смѣютъ и думать о своемъ личномъ достоинствѣ. Отъ нихъ я ничего не могъ добиться: такъ они боялись проронить хотя одно слово, могущее дойти до какого-нибудь Тита Титовича, купца-

директора, который одним властным мизинцем (Vos ego) приводилъ въ движеніе многосложную машину тюремнаго комитета. И эти три раба работали въ больницѣ съ 300 человекъ и болѣе больныхъ, тогда какъ по закону слѣдовало имѣть шестерыхъ, т. е. по одному на 50 больныхъ. Жаловаться некому, а пикнуть: «Цыцъ!» въ отвѣтъ, и съ голоду поколѣешь.

Тутъ только я почувствовалъ, что и врачи, не легко прошедшіе черезъ университетскія ворота, стоятъ во мнѣніи высшаго начальства въ томъ же униженномъ положеніи, какъ и вся приказная челядь, которой не коснулся своей дубинкою преобразователь Россіи. Да еще прибавили потомъ злополучную 3-ю статью, которую при всякомъ случаѣ тыкало въ лицо благодуществующее начальство.

Пришлось узнавать все самому. Трудно описать то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня видъ палатъ въ 1-мъ этажѣ губернской больницы. Низенькія, едва три аршина въ вышину, комнаты съ небольшими рѣшетчатыми окнами, со стѣнами, почернѣвшими отъ копоти ночниковъ съ коноплянымъ масломъ, съ тѣсно уставленными, грязными постелями, съ несоотвѣтственнымъ съ размѣромъ палатъ числомъ больныхъ, съ характерными фізіономіями и съ невозможно-удушливою, вонючею атмосферою отъ разныхъ мазей и припарокъ— все это въ совокупности мало способствовало врачамъ для должнаго изслѣдованія больныхъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, читая надписи болѣзней на доскахъ, видишь, какое господствуетъ страшное смѣшеніе воедино самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Тутъ въ каждой палатѣ по одному или по два маниака, по 2—3 эпилептика, тутъ и куча скорбутныхъ, и тифозныхъ, и несовершеннолѣтніе отъ 10 до 15 лѣтъ между взрослыми...

Словомъ, медицинскій винегредъ подъ тюремнымъ соусомъ.

Одна изъ крайнихъ палатъ отличалась отъ другихъ большею чистотою и просторомъ: въ ней стояло только шесть коекъ съ перинами вмѣсто соломенныхъ матрасовъ, чистыми подушками и разноцвѣтными байковыми одѣялами; на столикахъ, вмѣсто трехъ-четырехфунтовыхъ оловянныхъ кружекъ графины съ водой, чайные приборы; больные же были одѣты въ красивые халаты. На мой вопросъ смотрителю: почему допущена такая привилегія?—смотритель отвѣчалъ, что все это или дворяне, или изъ купеческаго сословія. Это общество составляли полковникъ С., штабъ-ротмистръ Ф., два конториста Ш. и Д., одинъ купецъ Н. и индѣецъ Войкадріо (знаменитое дѣло объ убитомъ индѣйцѣ недавно было напечатано, какъ убѣдительный примѣръ безобразія старыхъ судовъ), невинно обреченный на долгое заключеніе.

Во второмъ этажѣ палаты были свѣтлѣе, выше и раздѣлялись онѣ между собою широкимъ коридоромъ; но та же тѣснота и неопрятность. Подходя къ крайней палатѣ, я услыхалъ бряканіе кандаловъ;

это была палата каторжниковъ, въ которой трое были въ кандалахъ, остальные безъ нихъ. Больные, по требованію врача, расковывались въ больницѣ, но убѣжавшіе изъ Сибири каторжники и снова пойманные были въ кандалахъ. Каторжники эти были уже наказанные шпицрутенами и доставленные съ мѣста экзекуціи на леченіе; они оставались въ больницѣ до излеченія, а затѣмъ передавались въ пересыльный замокъ, откуда шли въ назначенное мѣсто.

Точно такое же смѣшеніе болѣзней и возрастовъ было и здѣсь.

Между первымъ и вторымъ этажомъ, въ антресоляхъ, въ самомъ центрѣ больницы находилась квартира смотрителя, который часто выдерживалъ осадное положеніе отъ нападенія арестантовъ.

Другую, меньшую половину антресолей занимали три *секретные* номера, или одиночныя заключенія. Эти номера, назначенные собственно для содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ, длиною въ 3 аршина, шириною въ 2 съ небольшимъ, слабо освѣщенные небольшимъ рѣшетчатымъ окномъ, поражали непривычнаго къ тюремной обстановкѣ своимъ полумракомъ и невыносимымъ зловоніемъ отъ стоявшей тутъ же параша. Подслѣдственныхъ арестантовъ бывало по 10—12 человекъ, а номеровъ всего 3. Можно себѣ представить, что это было за содержаніе, нисколько не соответствовавшее своей цѣли—разобщенію, а назначаемое лишь буквально по требованію суда.

Женское отдѣленіе было сравнительно сносно, потому что не было такъ многолюдно, какъ мужское, и содержалось болѣе опрятно.

Пересыльная больница, устроенная во дворѣ пересыльнаго замка, состояла изъ двухъ одноэтажныхъ деревянныхъ, ветхихъ корпусовъ: мужского и женскаго. По крайней мѣрѣ треть находившихся въ больницѣ составляли старики и старухи, неспособные къ отправленію на мѣсто назначенія. И почти всѣ эти престарѣлыя личности были сектанты: скопцы, молокане, духоборы и проч.

Для пересыльныхъ больныхъ назначалось не болѣе 3 мѣсяцевъ на леченіе въ больницѣ, но дольше этого срока они могли быть удержаны не иначе, какъ по распоряженію губернскаго правленія, которое ихъ освидѣтельствуетъ.

Пересыльная больница была въ такомъ же неопрятномъ видѣ, какъ и губернская. По установленному правилу, больница запиралась въ 6 часовъ вечера и въ нее нельзя было проникнуть даже врачу, если бъ онъ былъ необходимъ, иначе какъ съ унтеръ-офицеромъ караула. Сидѣлки и служители наравнѣ съ арестантами должны были выдерживать это заключеніе.

Отвратителенъ былъ видъ тюремной больницы, но еще хуже помѣщеніе мелкихъ чиновниковъ, конторы, фармацевтовъ и служителей. Всѣ они были загнаны въ подвальный этажъ, окна котораго упирались въ противоположную стѣну глубокаго рва, окружавшаго больницу. Полное отсутствіе свѣта, невозможнаго качества воздухъ,

насыщаемый мепфляческими газами отъ постоянно неисправнаго содержанія проходившихъ отъ ватерклозетовъ трубъ, часто расплавившихся и изливавшихъ жидкія нечистоты по кирпичному полу подвального коридора, — вотъ та готовая квартира, о которой мечтали эти бѣдные чиновники, получавшіе грошвые оклады. И не по какой-либо винѣ или преступленію люди выносятъ это испытаніе, а по причинѣ бѣдности, которая заставляеть ихъ добровольно итти въ тюрьму и довольствоваться содержаніемъ несравненно худшимъ, чѣмъ то, какимъ пользуются преслупники, попавшіе въ тюрьму вопреки ихъ волѣ.

Долго не могъ я привыкнуть, да и невозможно привыкнуть, къ тому безобразію, которое властвовало въ тюремной больницѣ во всемъ, что попадалось на глаза. Къ тяжелому впечатлѣнію, выносимому при всякомъ посѣщеніи этого убѣжища физической и нравственной скорби, прибавлялись и приходили на память рассказы о дерзостяхъ и насиліяхъ, какимъ подвергались со стороны заключенныхъ врачи и другія лица, почему-либо не полюбившіяся имъ. Такъ, мнѣ говорили, что предмѣстникъ мой, обходившій больничныя палаты съ цѣлою свитою фельдшеровъ и служителей, нерѣдко былъ оскорбляемъ бранью, а два раза въ него пускали оловянными кружками, вѣсомъ по крайней мѣрѣ въ три фунта вѣсомъ. На первый разъ и мнѣ казалось, что такія случайности неизбежны при нахожденіи въ каждой палатѣ одного или двухъ дѣйствительно умалишенныхъ или притворныхъ; другимъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ этому явленію, могло быть значительное число бродягъ, т. е. людей, скрывающихъ свое имя, мѣсто жительства, родъ прежнихъ занятій и проч. Кто онъ, никто не знаетъ, а, можетъ быть, подъ строгимъ incognito скрывается страшный злодѣй, совершившій нѣсколько убійствъ; можетъ быть, это ни въ чемъ неповинный любитель скитальческой жизни или бѣжавшій при крѣпостномъ правѣ дворовый, или бѣглый солдатъ, не желающій съ возвращеніемъ въ полкъ отвѣдать шпицрутеновъ и т. п.

А бродягъ, въ то время содержавшихся въ замкѣ, не менѣе трети всего числа заключенныхъ. Вотъ эти-то лица, *отпльтыя*, по выраженію арестантовъ, особенно отличались своимъ своеволіемъ.

Бродяга, обыкновенно Иванъ—означено на больничной доскѣ, за немногими исключеніями, представлялъ собою типъ здороваго, развязнаго и сильнаго человѣка среднихъ лѣтъ, преимущественно съ сѣрыми, лукавыми глазами. Онъ освоился уже со своимъ положеніемъ и чувствуетъ себя, какъ дома. Въ больницу онъ попадаетъ дѣйствительно по болѣзни и, если случится ему умереть, то онъ (если не утратилъ еще вѣры въ будущую жизнь и онъ откроеть на духу свое настоящее имя) унесеть съ собою въ могилу свою заповѣдную тайну.

Иногда въ бродягѣ обнаруживаются всѣ признаки его прежней профессіи. Такъ, мнѣ случалось не разъ, подходя къ бродягамъ,

замѣчать въ нихъ солдатскую выправку. На вопросъ: ты кто?—онъ, бойко поставивъ руки по швамъ и прямо глядя въ глаза, отвѣтитъ: «Иванъ, не помнящій отчества». — «Ты изъ солдатъ?» — «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство». — «Врешь, я вижу, что солдатъ; давно въ бѣгахъ?» — «Не могу знать». — «Да вѣдь я не прокуроръ и не сыщикъ. Солдатъ?» — «Такъ точно. Столько-то лѣтъ бѣгаю». — «Небось, жена есть, дѣти?» — «Есть жена и дѣвочка» (или сынъ). — «Отчего же ты не объявишься солдатомъ? Тебя бы, пожалуй, простили, ты бы вотъ такъ же признался, какъ мнѣ». — «Въ чемъ мнѣ признаваться? Я ничего не говорилъ; у меня ни роду, ни племени, никого нѣту; я какъ есть—бродяга».

Цѣль, достигаемая бродягами, очень проста: какое бы ни совершилъ онъ преступленіе, онъ принимаетъ званіе бродяги, предварительно сдѣлавши нѣсколько фальшивыхъ указаній на свою принадлежность къ какому-нибудь селенію или городу; его взадъ и впередъ пересылаютъ по этапу, и наконецъ, утомленный долгими путешествіями, онъ заявляетъ себя бродягой.

Держать его въ тюрьмѣ два или три года (высидки), затѣмъ, если способенъ, отдають въ военную службу, а если неспособенъ, то при части, въ полиціи, отсчитываютъ тридцать розогъ и ссылають на поселеніе, откуда онъ зачастую снова возвращается въ тюрьму на высидку, затѣмъ получаетъ тридцать розогъ и снова посылается на поселеніе.

Давно служащіе при тюрьмѣ сторожа и смотритель, если бродяга засидѣлся прочно на мѣстѣ, узнавали по нѣкоторымъ примѣтамъ прежняго своего нахлѣбника, но заявить объ этомъ не могли по недостаточнымъ основаніямъ.

Всѣ бродяги, какъ я сказалъ, звали себя Иванами, и такихъ Ивановъ сидѣло болѣе 1000 человекъ. Вышла такая резолюція: Ивана (а какого, про то знаетъ начальство замка), оказавшагося неспособнымъ къ военной службѣ, препроводить въ такую-то часть для наказанія 30 ударами розогъ, а затѣмъ перевести въ пересыльный замокъ для ссылки на поселеніе съ первой отходящей партіей. Кандидатъ на полученіе розогъ, нѣсколько смущенный, встрѣчается въ кухнѣ съ другимъ такимъ же Иваномъ и объясняетъ, что завтра ему предстоитъ порка.

— Что жъ, не хочется?

— Еще бы.

— А что дашь, если я пойду за тебя?

Сторговались, наиримѣръ, за 3 рубля. Нанявшійся отправляется въ часть: ему читають резолюцію, укладываютъ и отсчитываютъ число ударовъ, а онъ, лежа, ведетъ вслухъ свой счетъ. 30 ударовъ дано, а будочники держатъ его за руки и за ноги. Чиновникъ читаетъ: а за буйство, учиненное имъ во время нахождения въ тюрьмѣ, по такому-то распоряженію, дать ему еще 30 ударовъ.

— Ваше благородіе, помилосердуйте: я рядился только на 30 ударовъ.

Такой случай только открылъ давно существовавшій между бродягами договорный обычай. Я приведу еще болѣе рѣзкій случай бродяжничества.

Въ одномъ селѣ во время ярмарки подвыпившіе мужики учинили драку, въ которой участвовалъ и дьячокъ; драка окончилась убійствомъ одного крестьянина. На другой день вѣсть о результатѣ вчерашней драки такъ напугала дьячка, что онъ скрылся. Дьячиха послѣ долгихъ и тщетныхъ розысковъ пришла въ отчаяніе: либо потопъ гдѣ, либо волки съѣли. Такъ и привыкла она къ этой мысли. Проходятъ три-четыре года, нѣтъ слуха о пропавшемъ, какъ вдругъ случайно односельчанинъ, попавшій въ пьяномъ видѣ въ кутузку, встрѣчаетъ странника, тоже заарестованнаго, и узнаетъ въ немъ дьячка... Радость мужика была неописанная.

— Сидоръ Ивановичъ, голубчикъ, и не чаялъ я тебя встрѣтить. А вѣдь супруга твоя, сердечная, тужила, тужила, да такъ и рѣшила, что, знать, тебя волки съѣли...

— Какой я Сидоръ Ивановичъ? Нѣтъ у меня ни роду, ни племени...

— Да какъ же, — пристаесть мужикъ: — я вѣдь тебя доподлинно знаю, и какъ только ослобонюсь, безпремѣнно отпишу, что ты въ живности и здравіи находишься.

Заявилъ о своей находкѣ мужичокъ и частному приставу. Засадили дьячка въ острогъ; выписали жену и сельскаго старосту. Какъ только увидѣла дьячиха мужа, бросилась къ нему съ плачемъ и причитаньями. Бровью не повель Сидоръ Ивановичъ, ни въ чемъ себя не выдалъ.

— Но вѣдь жена же она твоя, — сказала слѣдователь: — а вотъ и староста утверждаетъ то же.

— У меня отродясь никакой жены не было, сызмалѣтства, сколько себя помню, скитался я по лѣсамъ дремучимъ, питался ягодами да кореньями, кормился по святымъ мѣстамъ и пустынямъ, молился въ храмахъ и жилъ Христовой милостыней. А тутъ, вишь, какая-то безумная баба мужа своего ищетъ. Возьмите ее отъ меня, ваше благородіе. Знать ее не знаю, старосты этого не вѣдаю.

Такъ и остался онъ бродягой, получилъ 30 розогъ и отправился на поселеніе.

Между женщинами были тоже бродяги, только гораздо рѣже. Этотъ контингентъ набирался изъ женъ, не смогшихъ вытерпѣть семейной каторги, женъ, бѣжавшихъ отъ побоевъ жестокихъ своихъ мужей. Одна изъ такихъ бродягъ сошлась тоже съ бродягой и имъ какъ-то долго удавалось прожить въ однѣхъ и тѣхъ же тюрьмахъ и часто между собою видѣться. Когда они попали въ московскій замокъ, то при арестанткѣ уже находился мальчикъ лѣтъ 10. По

резолуціи влюбленная парочка должна была отправиться въ Сибирь, а мальчикъ передавался на попеченіе дамскаго комитета въ пріютъ для дѣтей сосланныхъ на поселеніе. Эта разлука оказалась жестокою, но неизбѣжнымъ ударомъ для родителей. Убитые горемъ отецъ и мать бросились къ ногамъ одной изъ дамъ тюремнаго комитета, моля о возможности взять съ собою сына.

Въ это время прибылъ въ Москву министръ юстиціи Замятинъ, и во время его посѣщенія тюремнаго замка дама-благотворительница со слезами на глазахъ, подводя мальчика въ чистенькой рубашкѣ, просила, какъ милости, исполнить просьбу родителей. Замятинъ замѣтилъ, что просители не могутъ считать себя законными родителями, что они не имѣютъ никакого званія и даже имя ихъ неизвѣстно. Какое же они дадутъ званіе ребенку?

Ребенокъ былъ оставленъ; парочка бродягъ пошла на поселеніе.

Ознакомившись съ настоящимъ положеніемъ больницъ, или вѣрнѣе, съ ихъ вопіющими недостатками и убѣдясь послѣ нѣсколькихъ посѣщеній въ настоятельной необходимости коренныхъ реформъ, я изложилъ свои соображенія въ памятной запискѣ, поданной Тучкову. Но такъ какъ мои соображенія касались существенныхъ причинъ, лежавшихъ въ устройствѣ самаго комитета и заведеннаго порядка, скорѣе безпорядка, то я предвкусалъ множество неизбѣжныхъ затрудненій для ихъ осуществленія. А потому, имѣя въ виду приступить къ составленію штатовъ для тюремной и полицейской больницъ, какъ мнѣ предлагалъ вице-президентъ тюремнаго комитета П. А. Тучковъ, я принялся прежде всего за пересмотръ большого архива, который далъ богатый и интересный матеріалъ для составленія исторіи комитета. Я не берусь за составленіе этой исторіи, но буду касаться нѣкоторыхъ ея сторонъ по отношенію къ больницамъ.

IX.

Тюремный комитетъ.—Докторъ Гаазъ.—Его вліяніе, отношеніе къ нему.—Анекдоты про наго.—Пересыльный замокъ.—Медицинская часть въ больницѣ.—Устройство Гаазовской больницы для безпріютныхъ.—Порядки въ хозяйственномъ комитетѣ.—Борьба съ ними.—Реформы штатовъ больницъ.—Положеніе въ комитетѣ.—Поляки-ссылные.—Ихъ происки.—Случай съ г. В.

Тюремный комитетъ основанъ въ Москвѣ въ 1828 году. Президентомъ его считается министръ внутреннихъ дѣлъ (въ Петербургѣ), въ Москвѣ полагается вице-президентъ, которыми вначалѣ были: военный генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, митрополитъ Филаретъ, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ и гражданскій губернаторъ. Собранія директоровъ комитета (добровольно принимающихъ на себя это званіе по сочувствію къ доброму дѣлу и съ обязательствомъ ежегодно вносить 15 рублей) происходили у Д. В. Голицына. Цѣль устава простая: способствовать улучшенію нрав-

ственного и физического быта заключенныхъ. По уставу, комитетъ пользовался обширнымъ полномочіемъ, и въ этихъ видахъ казна отпускала на содержаніе арестантовъ болѣе чѣмъ достаточныя суммы, экономія отъ которыхъ поступала въ запасную кассу тюремнаго комитета. Этотъ запасъ при моемъ вступленіи превышалъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, и главнымъ для него источникомъ были больницы, такъ какъ на суточное содержаніе больныхъ приходилось не менѣе 50 копеекъ, а расходовалось не болѣе половины. Но, несмотря на то, что запасъ составилъ почти исключительно отъ больничныхъ суммъ, сами больницы терпѣли крайнюю нужду въ существенно необходимомъ.

Главную дѣйствующую пружину въ тюремномъ комитетѣ былъ, безспорно, директоръ его, докторъ Гаазъ, Ѳедоръ Петровичъ, пользовавшійся широкою извѣстностью замѣчательнаго филантропа вообще и спеціально по отношенію къ узникамъ.

Мнѣ привелось встрѣтить его два-три раза вскорѣ послѣ моего выхода изъ университета: въ первый разъ я видѣлъ его въ домѣ князя Д., выходящимъ изъ собранія евангелическаго общества, котораго онъ состоялъ членомъ, второй разъ въ клиникѣ во время пребыванія въ Москвѣ Пирогова. Гаазъ былъ уже на склонѣ своихъ лѣтъ; плотная его фигура, средняго роста, одѣтая въ неизмѣнный черный фракъ при жабо, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, представлялась еще уцѣлѣвшимъ памятникомъ минувшаго столѣтія; на круглой большой головѣ его блестѣлъ рыжеватый парикъ; сѣрые зрачки задумчивыхъ глазъ выглядывали изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей, говорилъ онъ басомъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе при встрѣчѣ обниматься и цѣловаться; ему все равно было, цѣлуетъ онъ пріятеля, коллегу или какую-нибудь изъ тюремныхъ старухъ, съ которыми онъ цѣловался въ дни Пасхи.

Ѳ. П. Гаазъ, какъ я слышалъ, по приѣздѣ въ Россію пользовался большою практикою, преимущественно въ высшихъ слояхъ московскаго общества и разъѣзжалъ въ каретѣ четверкою, цугомъ. Но практика почему-то не далась ему, и онъ сдѣлался членомъ въ разныхъ обществахъ, задавшихъ высоко-нравственными цѣлями, между прочимъ сдѣлался предсѣдателемъ общества воздержанія отъ вина. Въ Москвѣ говорили, что онъ былъ генералъ ордена іезуитовъ, но на проронившаго какое-нибудь слово не въ его пользу все обрушивалось за неосторожность; глубоко внѣдрилось всеобщее убѣжденіе въ высокихъ нравственныхъ качествахъ доктора Гааза. Даже много лѣтъ спустя читалось великимъ грѣхомъ произносить имя умершаго уже Ѳ. П. Гааза безъ глубокаго благоговѣнія.

Немудрено, что въ то время, когда тюремный комитетъ только приступалъ къ рѣшенію своей задачи, участіе Ѳ. П. Гааза признавалось необходимымъ и всякое слово, сказанное имъ въ собраніи комитета, священнымъ.

Вице-президенты князь Д. В. Голицынъ, митрополитъ Филаретъ, а за нимъ и князь С. М. Голицынъ признавали Гааза головою и сердцемъ возникшаго учрежденія. Было время, когда оригинальность была почему-то необходима для выраженія исключительныхъ правъ на вниманіе къ такимъ чудакамъ.

Приведу нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности доктора Гааза.

Онъ предлагаетъ комитету, напоминаетъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, просить, умоляетъ на колѣняхъ устроить въ губернской больницѣ вмѣсто обыкновенныхъ ретиратовъ—ватерклозеты. Ходатайство его было, наконецъ, уважено. Тогда онъ просить, какъ милости, чтобы князь Дм. Вл. Голицынъ осчастливилъ больницу своимъ посѣщеніемъ. Князь пріѣхалъ, обошелъ палаты и былъ введенъ въ небольшой кабинетъ, гдѣ Гаазъ предложилъ ему по русскому обычаю откушать чашку чаю. Чай подали, и князь, выпивъ его, поспѣшилъ уйти. Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи комитета Гаазъ благодарилъ за устройство ватерклозетовъ и привелъ въ свидѣтели князя, что теперь не ощущается ни малѣйшаго запаха, потому что его сіятельство, кушая чай, не ощущалъ дурного запаха. Другому бы это не прошло, но князь не обидѣлся.

Другой случай. Гаазъ, считая арестантовъ несчастными и чуть ли даже ни въ чемъ не повинными существами, просилъ комитетъ устроить двѣ или три голубятни, дабы предъ глазами заключенныхъ всегда былъ примѣръ голубиной чистоты и кротости. На содержаніе этихъ птицъ не требовалось никакой ассигновки, потому что заключенные не съѣдали всего казеннаго хлѣба и онъ въ видѣ сухарей собирался служителями для продажи. Разрѣшили это ходатайство, и я засталъ еще одну ветхую голубятню, но пустую, такъ какъ голуби предпочли обширный чердакъ больницы.

Гаазъ считалъ не лишнимъ напоминать арестантамъ о страшномъ судѣ. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ комитету завести въ замкѣ пѣтуха, смущающаго грѣшниковъ своимъ крикомъ. Черезъ годъ онъ слезно просилъ допустить курицу, ибо «не хорошо жить одному». Но въ годичномъ отчетѣ содержаніе этой семьи обошлось едва ли дешевле содержанія смотрителя. Можно принять это за басню, но это фактъ.

Гаазъ относился съ отеческою нѣжностью къ заключеннымъ; имъ онъ все прощалъ и только изрѣдка рѣшался имъ замѣтить, что ихъ жалобы или претензіи на кого-нибудь изъ служащихъ неосновательны. Обыкновенно онъ держалъ сторону арестантовъ, всячески имъ потворствовалъ и распекалъ врачей и другихъ служащихъ, напоминая имъ о христіанскомъ всепрощеніи. Гаазъ былъ человѣкъ очень умный и серьезный, но въ юродствѣ умъ его выражался иногда очень своеобразно.

Такъ, напримѣръ, подъѣзжая къ воротамъ замка, видитъ онъ двухъ женщинъ: пригорюнившуюся старуху и молодую бабенку,

прислонившуюся къ калиткѣ. Узнавъ отъ нихъ, что онѣ пришли навѣстить, первая сына, а вторая своего мужа, Гаазъ спросилъ:

— А гдѣ онъ содержится?

— Въ больницѣ, родимый.

Онъ вводитъ ихъ въ пріемную больницы и спрашиваетъ дежурнаго унтеръ-офицера: въ какой палатѣ находится NN?

— Въ каторжной, ваше превосходительство.

— А за что онъ наказанъ?—спрашиваетъ Гаазъ старуху.

— Да онъ убилъ моего муженька, значить, своего отца.

Привели молодца, красиваго парня. По крестьянскому обычаю, онъ кивнулъ головой матери и женѣ.

— Нѣтъ, не такъ,—замѣтилъ Гаазъ:—ты поцѣлуй свою жену, а потомъ поклонись своей родной матушкѣ въ ноги, и скажи, что ты больше этого дѣлать не будешь.

Старый фельдшеръ разсказалъ мнѣ про Гааза анекдотъ такого рода. Заходитъ Гаазъ на квартиру смотрителя больницы и видитъ на одномъ окнѣ ведерную бутылъ съ настоемъ на разныхъ травахъ.

— Что это у васъ?

— Настойка желудочная, ваше превосходительство.

— А какая славная, какой цвѣтъ прекрасный! А вкусна?

— Не пробовалъ, а рекомендовали, говорятъ пользительна.

— Дайте-ка мнѣ рецептъ, я попробую приготовить; не дорого ли стоитъ?

— Если вашему превосходительству угодно, я могу уступить

— Если не жалко, я буду очень благодаренъ.

Смотритель обѣщалъ прислать, но Гаазъ приказалъ солдату вынести бутылъ на дворъ. По его приказанію, явились два арестанта съ полѣвьями и съ сокрушеніемъ сердца расколотили посуду, увлаживъ дворъ цѣлебною настойкой. Онъ поступилъ какъ президентъ общества воздержанія.

Другой винный случай въ родѣ невинной забавы.

Пріѣхалъ онъ къ моей хорошей знакомой, почтенной старушкѣ, которая чтила его, какъ святого, въ день ея именинъ. На столѣ фигурировала душистая кулебяка, окруженная разнообразными закусками, настойками и винами. Радость старухи была неописанная, потому что появленіе Гааза она считала хорошимъ предзнаменованіемъ. Дѣло было осенью, когда померзшая мостовая прикрылась первымъ снѣжкомъ. Гаазъ, потирая руки, подошелъ къ столу и началъ приглядываться къ заманчивой выпивкѣ.

— Скушай, батюшка, дорогой гость Федоръ Петровичъ.

— Да, да, съѣмъ кулебяки. А водочки можно?

Та схватила за рябиновку и хотѣла уже наливать ему рюмку, какъ онъ удержалъ ее и спросилъ:

— А могу я взять себѣ весь графинчикъ?

Старушка обрадовалась, а Федоръ Петровичъ вышелъ на крыльцо, вылилъ водку и возвратилъ ей пустую посуду.

— Благодарю,—сказалъ онъ:—отрѣжьте-ка мнѣ кулебяки, я ее возьму съ собой для арестантовъ.

Пересыльный замокъ при Гаазѣ находился на Воробьевыхъ горахъ, и въ него рѣдко кто заглядывалъ. Тамъ Гаазъ могъ не стѣсняться и широко примѣнялъ свою снисходительность и христіанскіе взгляды къ узникамъ. Они пользовались его добротою и нерѣдко подъ предлогомъ болѣзни записывались въ больницу очень подолгу и были даже случаи побѣговъ тяжкихъ преступниковъ. Но и эти случайности сходили съ рукъ, благодаря крѣпкому положенію Гааза въ комитетѣ и заступничеству сильныхъ міра. Но при графѣ Закревскомъ его независимость была поколеблена и назначена комиссія для ревизіи пересыльнаго замка. Съ Воробьевыхъ горъ всѣ строенія пересыльнаго замка были переведены къ Бутырской заставѣ и, окруженныя частоколомъ, составили дополнительную часть общаго замка. Это произвела на Гааза удручающее впечатлѣніе, и онъ недолго пережилъ свое горе.

Что же происходило въ то время въ больницахъ? Какъ медицинскія учрежденія, онѣ стояли на ступени первобытнаго своего состоянія, ни на шагъ не подвигаясь впередъ; старыя, обветшалыя формы леченія, старыя пріемы, ржавый арсеналъ хирургическихъ пособій и неряшливые предметы перевязочные, аппараты, всѣ вмѣстѣ какъ бы утверждали, что и въ медицинѣ, какъ и въ дѣлахъ вѣры, есть своего рода ревностные поклонники старины и застоя. Въ хирургическихъ шкапахъ я нашелъ разные дареные инструменты, какъ, на примѣръ, аппаратъ для спасенія утопленниковъ (въ тюрьмѣ-то!), какіе-то тоже дареные ножи, въ родѣ тѣхъ, какими строгаютъ лучинку, какіе-то окаменѣлые пластыри и т. п. И ни одного лекарственнаго или фельдшерскаго набора; ланцеты точились кое-какъ самими фельдшерами. Зато въ нѣсколькихъ экземплярахъ хранились ящики съ клеймами для татуировки бродягъ (Б) и каторжниковъ (К. А. Т.). При мнѣ еще, хотя не долго бродягъ отмѣчали клеймомъ на плечѣ, и этимъ спеціально занимался одинъ фельдшеръ.

Я сказалъ, что въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ подолгу заживались арестанты; между ними накопилося за нѣсколько лѣтъ много старцевъ, уже неспособныхъ къ отправкѣ. Занимали они мѣста много, но куда ихъ дѣвать? Гаазъ узналъ, что есть какой-то выморочный домъ, не имѣющій хозяина. Сталъ онъ добиваться, чтобы этотъ домъ присвоилъ себѣ тюремный комитетъ. Удалось. Сюда же были выведены ветхіе старики и старухи, и тамъ же помѣстился Гаазъ. Это Гаазовская больница (теперь ошибочно нѣкоторые думаютъ, что она потому зовется Гаазовскою, что съ 1861 года освѣщена газомъ). Къ больницѣ былъ приставленъ военный караулъ. Впоследствии, незадолго до моего вступленія, караулъ былъ снятъ,

и она отошла въ вѣдѣніе полиціи и назвалась «больницей полицейской», а прежде звалась еще «больницей для безпріютныхъ». Полиція посылала въ эту больницу поднятыхъ на улицахъ, изувѣченныхъ, умалишенныхъ, отдаваемыхъ на попеченіе по недостатку мѣста въ другихъ больничныхъ учрежденіяхъ.

Хотя съ отмѣною караула въ полицейской больницѣ больше не помѣщались лишенные свободы, но она продолжала пользоваться тѣми же матеріальными выгодами, какія предоставлены тюремнымъ больницамъ по уставу комитета.

Теперь полицейская больница преобразована въ больницу императора Александра и управляется на новыхъ основаніяхъ.

Я узналъ изъ документовъ конторы больницы, что всѣ ея законныя требованія удовлетворяются по волѣ хозяйственнаго комитета (состоявшаго изъ трехъ директоровъ-купцовъ и одного штатскаго генерала) или въ половину, или вовсе не удовлетворяются, что удовлетвореніе ихъ дѣлается, какъ снисхожденіе, милость, между тѣмъ, какъ отпускаемыя на больницу суммы на содержаніе, леченіе, пищевое довольство, жалованье всѣмъ служащимъ, превышаютъ вдвое, если не болѣе, дѣйствительную стоимость и ежегодно отчисляются въ запасный капиталъ тюремнаго комитета, достигшій въ то время 400,000 рублей. Этотъ капиталъ образовался единственно изъ экономіи отъ больничныхъ суммъ.

Вся тяжесть труда при такихъ обстоятельствахъ ложится на служащихъ при тюремной больницѣ. Три врача, занятые двойнымъ числомъ больныхъ сверхъ положеннаго закономъ; вдобавокъ съ очереднымъ дежурствомъ, выбивались изъ силъ, вознаграждались крупными скуднаго содержанія, тогда какъ экономическій запасъ больницы росъ съ каждымъ годомъ. При нищенскомъ жалованьи и нерасположеніи публики лечиться у «острожныхъ» врачей, семейное положеніе ихъ было нищенски-бѣдственно, и развѣ, развѣ какой-нибудь разжирѣвшій директоръ-самодуръ соблаговолитъ бросить подачку, равную наградѣ, выпрошенную имъ у тюремнаго комитета. Понятно, что чиновники больницы при встрѣчѣ съ такими директорами за версту снимали шапку и раболѣпно слѣдовали за важнымъ человѣкомъ, увѣшаннымъ всевозможными крестами. Я никогда не забуду одну изъ такихъ личностей воротилъ, въ рукахъ которыхъ были всѣ бразды правленія тюремнаго комитета. Этотъ П. подозрительно осматривалъ всякаго служащаго, предполагая въ немъ грабителя казны; грубость его по отношенію къ служащимъ не имѣла предѣла. Этотъ ревностный блюститель казеннаго добра пользовался особымъ довѣріемъ тюремнаго комитета, который, какъ и всѣ коллегіальныя учрежденія, собирается во имя высокой цѣли, определенной уставомъ, одинъ-два раза въ мѣсяцъ, для послѣобѣденнаго отдохновенія, а при такомъ индифферентизмѣ первая почетная роль предоставлялась крикунамъ. Эти благотворители трудились не даромъ.

Такъ, напримѣръ, предъявленные на торгахъ подрядчиками цѣны на дрова, холстъ, сукно и прочее казались имъ не подходящими, и они принимали на себя хозяйственнымъ образомъ доставить копейкой-двумя дешевле. Комитетъ встаетъ и благодарить. Одинъ и ставитъ дрова, а двое провѣряютъ, другой сукно, третій холстъ и провѣряютъ другъ друга. Рука руку моетъ и обѣ чисты.

Я откровенно указалъ Тучкову на это зло, какъ существенную причину безотраднaго положенія больницъ и служащихъ. Поводомъ къ этому былъ особенный случай. Хозяйственный комитетъ сдѣлалъ замѣчаніе, что больница много расходуетъ дровъ. Я просилъ контору сдѣлать выписку, сколько дровъ было доставлено и кто принималъ, и получилъ отвѣтъ, что дрова доставлялись въ отведенный для нихъ дворъ не мѣрою, а возами, и выдача записывалась въ расходы хозяйственнымъ комитетомъ; тогда я заявилъ, что не буду утверждать своей подписью внесенное въ отчетъ количество отпущенныхъ для больницы дровъ, пока ихъ не будутъ сдавать мѣрою пріемщику при больницѣ. Мое требованіе было исполнено, и количество дровъ оказалось почти на половину меньше прежняго. Такъ поступалъ я и по другимъ поставкамъ.

Послѣ моего опредѣленія оказалось весьма странное недоразумѣніе; я назначенъ былъ Тучковымъ на мѣсто главнаго доктора, когда-то принадлежавшее доктору Гаазу, но въ штатахъ для тюремной больницы, составленныхъ комитетомъ и никѣмъ не утвержденныхъ, эта должность была поручена доктору Гаазу безъ всякаго жалованья. Послѣ смерти доктора Гааза комитетъ не считалъ никого способнымъ замѣстить покойнаго, и формальное веденіе больницы было предоставлено старшему ординатору, на мѣсто котораго я и поступилъ. Мой предшественникъ вышелъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Анны 2-ой степени. Когда же меня за выслугу лѣтъ представили къ слѣдующему чину, то медицинскій департаментъ отказалъ на томъ основаніи, что должность старшаго врача по штатамъ не полагается и, слѣдовательно, на нее назначенный и утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ права на представленіе. Это озадачило не столько меня, сколько Тучкова: почему одинъ можетъ пользоваться тѣмъ, что другому закономъ воспрещается?

Такъ какъ Гаазъ въ качествѣ директора комитета жалованья не получалъ, но пользовался готовою квартирою, то и я просилъ Тучкова устроить меня на одинаковыхъ съ докторомъ Гаазомъ условіяхъ; онъ поручилъ мнѣ составить штаты для тюремной и полицейской больницы.

Докторъ Гаазъ былъ очень нѣженъ съ арестантами и потворствовалъ имъ, а въ случаѣ жалобъ на кого-нибудь изъ служащихъ всегда становился на сторону «несчастнаго». Вѣжавшіе изъ Сибири спрашивали: а живъ ли еще чудакъ докторъ Гаазъ?

Я помню, съ какимъ уваженіемъ относился всегда митрополитъ Филаретъ къ покойному своему сподвижнику по комитету.

Осторожно, не относясь критически къ прошлому, проводилъ я намѣченную мною программу для перестройки запущеннаго зданія больницы и вывѣтриванья изъ него духа безурядицы и своеволия.

Однажды я отказался принять доставленные мнѣ инструменты; это показалось неслыханной дерзостью, но тѣмъ не менѣе, по совѣту штатскаго генерала, изъ двухъ лучшихъ магазиновъ доставлено было на мой выборъ требуемое. Только термометры купилъ одинъ изъ директоровъ по сходной цѣнѣ; я повѣсилъ ихъ на веревкѣ, протянутой отъ одной стѣны до другой. Каково же было удивленіе директора, когда я указалъ на ихъ невѣрность: на одномъ ртуť стояла на 0 градусовъ, на другомъ на 3 градусахъ, на третьемъ на 20 градусахъ. И термометры дозволено было пріобрѣсти въ лучшихъ магазинахъ и провѣренные.

По порученію Тучкова составленные мною штаты для тюремной и полицейской больницъ удостоились высочайшаго утвержденія въ 1862 году. Число штатныхъ врачей увеличено согласно врачебному уставу и допущено нѣсколько сверхштатныхъ, опредѣлены должности по классамъ для всѣхъ служащихъ. Что же касается жалованья и содержанія, то размѣръ его предоставленъ былъ комитету сообразно его удобствамъ. Но такъ какъ средства комитета могутъ сегодня казаться удовлетворительными, а завтра недостаточными, и размѣръ жалованья поэтому будетъ измѣняться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и норма для опредѣленной пенсіи, то я просилъ утвердить для пенсіи окончательную неизмѣнную цифру жалованья и постановилъ выдавать въ половинномъ съ нимъ размѣрѣ квартирныя; дополнительныя же суммы служащимъ могутъ быть отпускаемы въ видѣ временныхъ наградъ. Представленіе о служащихъ въ больницѣ къ знакамъ отличія и денежнымъ наградамъ предоставлено было старшему врачу. Какъ-то туто и не на много повысилъ комитетъ содержаніе, но во всякомъ случаѣ положеніе служащихъ стало болѣе законнымъ и менѣе зависимымъ отъ личнаго произвола директора.

Мало-по-малу мнѣ пришлось занять крѣпкую позицію въ собраніяхъ комитета, и мои ходатайства уже не встрѣчали отказа, скорѣе всѣ способствовали ихъ утвержденію. Конечно, такой позиціей вначалѣ я былъ обязанъ поддержкѣ лично расположеннаго по мнѣ П. А. Тучкова, но послѣ его смерти, со вступленіемъ на его мѣсто М. А. Афросимова и потомъ князя В. А. Долгорукова, авторитетъ мой въ комитетѣ держался уже самъ собой. Всѣ вице-президенты Тюремнаго комитета (Тучковъ, митрополитъ Филаретъ, епископъ Леонидъ, А. А. Потаповъ и послѣдующіе за ними) охотно соглашались съ моими представленіями и помогали итти дѣлу успѣшно.

Разобраться въ хаосѣ тюремнаго комитета не легко было, такъ какъ приходилось лавировать между разными властями, борющимися между собою за свои права и преимущества въ одномъ и томъ же мѣстѣ; тутъ и полицейская, и административная, и духовная, и медицинская, и судебная, и губернаторская и проч. власти, помимо тюремнаго комитета, находящіяся въ неизбѣжныхъ и постоянныхъ пререканіяхъ.

Польскій мятежъ 1864 г. окончательно убѣдилъ меня въ томъ, какъ многосложно и безтолково сооружена наша административная машина; она состоитъ изъ какихъ-то удѣльныхъ княжествъ, находящихся въ постоянныхъ междуусобицахъ и, вмѣсто того, чтобы служить одному общему дѣлу, всѣми мѣрами старающихся помѣшать другъ другу.

Такъ, напримѣръ, во время пересылки черезъ Москву партій съ польскими арестантами (политическими преступниками), между которыми находилось много вельможныхъ пановъ, разнаго ранга и возраста, лишенныхъ всѣхъ правъ и снабженныхъ поэтому каторжными кандалами, я былъ *конфиденціально* предупрежденъ не принимать ихъ въ больницу безъ крайней надобности. Поступленіе ихъ въ больницу способствовало ихъ задержанію въ Москвѣ и служило поводомъ ходатайствовать о разныхъ льготахъ и даже доставать случаи къ побѣгу (такіе случаи бывали). Ходатаевъ за нихъ находилось не мало даже въ самой администраціи, русской по вѣрѣ, происхожденію и безукоризненному патріотизму. Конфиденціально же предупредилъ я объ этомъ и врачей въ больницахъ. Но, несмотря на то, что мы строго слѣдовали внушенію, административныя лица, дѣлавшія предупрежденія, сами собственною властью назначали въ больницу такихъ арестантовъ, которые были совершенно здоровы. Попавши въ больницу, эти личности устраивались тутъ надолго и пользовались многими преимуществами, недоступными «быдлу». Имъ позволялось и куренье табаку, какъ утѣшеніе въ заточеніи, и исключительныя порціи, имъ извинялось всякое свое нравіе.

Выписать изъ больницы, признать здоровыхъ здоровыми казалось администраціи притѣсненіемъ.

При одномъ моемъ посѣщеніи пересыльной больницы, въ которой преимущественно помѣщались польскіе арестанты, я замѣтилъ смотрителю, что въ ней сильно накурено. Онъ отвѣтилъ, что дозволено курить такимъ-то. Я просилъ показать мнѣ письменное разрѣшеніе, но такъ какъ разрѣшеніе было дано на словахъ, то я замѣтилъ, что, пока не будетъ письменнаго разрѣшенія, я куренія не разрѣшаю. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы быть, если бъ въ деревянномъ корпусѣ больницы произошелъ пожаръ? При соломенныхъ тюфякахъ, при томъ, что больницы запираются снаружи конвойнымъ съ 6 ч. послѣ обѣда? Конечно, отвѣчалъ бы не тотъ, кто раз-

рѣшили, а старшій врачъ и смотритель за допущеніе безпорядковъ.

На другой день отправляюсь къ администратору и прошу его дать смотрителю письменное разрѣшеніе, дабы отвѣтственность за возможную случайность не ложилась на начальство больницы. Администраторъ моимъ требованіемъ былъ смущенъ, недоволенъ, повидимому, но куренье не разрѣшилъ.

Поляки обладаютъ замѣчательной способностью улавливать въ свои сѣти людей, для нихъ нужныхъ; для этого они пускаютъ въ ходъ самую утонченную любезность, заискиванье, укрощеніе своего самолюбія до уничтоженія его, лишь бы достигнуть цѣли.

Въ благопріятныхъ обстоятельствахъ они падменны, неприступны и мстятъ за всякую испытанную ими неудачу. Я помню одинъ такой случай. Нѣкто Х., отставной полковникъ, заядлый полякъ, проситъ меня насколько навѣстить больную даму. Я былъ очень занятъ и просилъ извиненія за отказъ; но онъ неотступно приставалъ. Я поѣхалъ и нашелъ молодую даму, красавицу въ полномъ смыслѣ этого слова, въ кокетливо оправленной постели, въ щегольскомъ пеньюарѣ. На полу лежали упакованные чемоданы, на столѣ стояли флаконы и изящныя бездѣлушки, по стѣнамъ висѣли портреты красивыхъ мужчинъ въ польскихъ костюмахъ. Полковникъ представилъ меня ей, рекомендуя ее компатріоткой. Умоляющій, нѣжный взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ, устремленный на меня, могъ бы смутить человѣка, менѣе подозрительнаго. Я нашелъ эту даму совершенно здоровой и выразилъ свое изумленіе.

— Но я жестоко страдаю,—проговорила она съ польскимъ акцентомъ, слегка морща бѣлизну своего красиваго лба:—меня лечили, но не могли помочь.

Жаловалась она на какую-то неопредѣленную боль въ груди, въ существованіе которой я не вѣрилъ.

— Если ужъ вы непременно требуете моей помощи, то извольте, я пропишу вамъ мазь, но не думаю, чтобы я помогъ вамъ больше, чѣмъ мои предшественники.

Фамилія дамы была В-ская. Черезъ день полковникъ опять проситъ меня къ мнимой больной, увѣряя, что моя мазь оказала чудо. Дама была довольна моей мазью и отблагодарила меня за мои посѣщенія необычнымъ гонораромъ. Черезъ двѣ недѣли, обходя пересыльную тюрьму, я на доскѣ одного больного замѣтилъ фамилію В-скаго, и припомнилъ, что мнимая больная носила ту же фамилію. Арестантъ былъ шестидесяти лѣтъ, лишенный очень крупнаго чина и отправленный въ каторжныя работы. Тутъ только я понялъ, почему В-ская такъ настойчиво требовала моей помощи и такъ щедро меня отблагодарила.

Но ея маневръ не удался, и я держался строго конфиденціального предложенія и настоялъ на выпискѣ тоже мнимаго больного,

разсчитывавшаго на мое снисхожденіе. Пана отправили къ мѣсту назначенія, а съ дороги онъ прислалъ анонимный доносъ о разныхъ моихъ преступленіяхъ по должности. Вице-президентъ Араповъ предъявилъ мнѣ это письмо, адресованное на имя князя Долгорукова, и просилъ моихъ объясненій. Выразивши свое удивленіе тому, что анонимнымъ письмомъ дѣятельность служащаго лица можетъ одобряться или порицаться, что начальству ближе судить о ней, я далъ письменное объясненіе, заставившее Арапова извиниться передо мною. Меня обвиняли въ томъ, что я краду провизію, казенное бѣлье, дурно обхожусь съ больными, не забочусь объ ихъ леченіи и порядкѣ въ больницѣ и т. д. и что смертность велика, больные идутъ въ больницу неохотно. Въ объясненіи своемъ я сказалъ, что вице-президенту болѣе, чѣмъ кому-либо другому, должно быть извѣстно, что провизію доставляютъ подрядчики смотрителю и получаютъ деньги отъ тюремнаго комитета, что бѣлье доставляется дамскимъ комитетомъ, больные относятся ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ и признательностью за мои о нихъ попеченія; смертность же, напротивъ, ничтожна по сравненію съ другими больницами, что начальство объясняетъ это излишнимъ потворствомъ арестантамъ, что арестанты желаютъ попасть въ больницу и выписать ихъ оттуда бываетъ не легко...

Мнѣ пришлось бы привести множество примѣровъ польской интриги, какою ознаменовался 1863 и половина 1864 г., но довольно, если скажу, что въ этотъ періодъ положеніе мое было самое тяжелое: приходилось, слѣдуя долгу совѣсти и службы, бороться съ разными теченіями чувства, возбужденнаго злополучными политическими преступниками. Партіи ссыльныхъ арестантовъ были размѣщены въ Тверской части, въ Титовскихъ казармахъ и на Колымажномъ дворѣ; то тамъ, то тутъ подавались заявленія о болѣзни, мнѣ приходилось ежедневно бросаться изъ одного конца города въ другой для повѣрки этихъ заявленій. Наша высокопоставленная публика и многіе администраторы проявляли особое милосердіе къ несчастнымъ и задавали отвѣтственнымъ лицамъ нелегкія задачи...

Х.

Неудача съ реформой инструкціи. — Отношеніе къ вице-президентамъ тюремнаго комитета. — Митрополитъ Филаретъ. — Интересное засѣданіе тюремнаго комитета. — Дѣло Леонтьевой. — Резолюція митрополита. Посѣщеніе Нового послѣ 20 лѣтъ. — Печальный видъ усадьбы. — Разсказъ старика о судьбѣ владѣльцевъ. — Ихъ жизнь въ Москвѣ. — Кончина. — Заключеніе.

Какъ ни старался я провести составленный мною проектъ инструкціи для тюремной больницы, но мнѣ это не удалось. Необходимо было, по моему мнѣнію, сдѣлать наибольшее размежеваніе между властью смотрителя губернскаго замка и полномочіями

смотрителя больницы. Казалось бы всего естественнѣе признать, что больница, составляющая часть цѣлаго (губернскаго замка) находится въ подчиненіи смотрителя замка только внѣ ея предѣловъ, внутреннее же ихъ дисциплинарное состояніе должно сообразоваться съ требованіями лечебнаго учрежденія, имѣющаго въ старшемъ врачѣ своего представителя. Но полиція не любитъ поступаться своею властью, напротивъ, она старается забрать себѣ и то, чего не подобаеть.

Я кончилъ свою службу благополучно, миновавъ всѣ мели и подводные камни. Служебное положеніе у насъ зависитъ исключительно отъ личныхъ отношеній къ начальству: благоволить власть—и дѣло идетъ, хотя черезъ пень колоду, а при неблаговоленіи никакая сила не удержится на законномъ основаніи, особенно при несчастномъ пунктѣ третьемъ. Не могу пожаловаться на свою судьбу: благоволеніе личное ко мнѣ начальства переходило наслѣдственно отъ одного генераль-губернатора къ другому, и установившійся еще при П. А. мой авторитетъ оставался несокрушимымъ до конца службы. Но кто могъ поручиться за будущее, зависящее не столько отъ насъ самихъ, сколько отъ переменъ декораций. Я предпочелъ отойти съ миромъ и честью.

Какъ ни мрачна картина воспоминаній о тюремномъ комитетѣ и его учрежденіяхъ, подвергавшихся безпрестанно неожиданнымъ реформамъ, благодаря досужимъ ревнителямъ воображаемыхъ ими улучшеній, и какъ ни тяжело было разобраться отвѣтственному лицу въ этой путаницѣ, но память моя съ признательностью сохраняетъ имена многихъ изъ дѣятелей тюремнаго комитета, облегчавшихъ мое положеніе. Кромѣ П. А. Тучкова, я пользовался довѣріемъ и несомнѣннымъ расположеніемъ ко мнѣ: митрополита Филарета, преосвященнаго Леонида, А. А. Потапова, графа Крейца, главныхъ представителей судебной власти, большинства директоровъ комитета и правителя его дѣлъ А. В. Тимашева.

При Тучковѣ и Афросимовѣ тюремный комитетъ собирался преимущественно у митрополита, и тутъ рѣшались дѣла особенно важныя по существу; въ случаяхъ его болѣзни или недосуга собранія были у преосвященнаго Леонида. Митрополитъ, какъ старѣйшій членъ (кажется, одинъ изъ учредителей) московскаго тюремнаго комитета, съ особеннымъ вниманіемъ выслушивалъ докладъ и, послѣ общаго обсужденія, давалъ резолюцію. Маленькій, худой, съ умными, пронизательными (прозорливыми) глазами, выходилъ онъ въ своемъ бѣломъ клобукѣ въ залъ засѣданія.

Всѣ присутствовавшіе (обыкновенно собранія были полны), начиная съ духовенства, шли къ нему навстрѣчу, чтобы получить благословеніе. Усѣвшись посрединѣ стола противъ докладчика и связавши свой клобукъ, митрополитъ внимательно слушалъ чтеніе доклада, прося нерѣдко повторить фразу. Здѣсь обыкновенно присутство-

вали епископъ Леонидъ, губернаторъ, губернский прокуроръ, начальники административныхъ учреждений и множество директоровъ изъ именитыхъ дворянъ и купцовъ. Пока митрополитъ слушалъ правителя дѣлъ и всѣ хранили глубокое молчаніе, нѣкоторые директора изъ знати предавались мирному сну, изрѣдка и сдержанно всхрапывая и тѣмъ привлекая на себя вниманіе председателя. Н. Г. Рюминъ, баронъ Бревернъ и председатель казенной палаты Вульфъ постоянно спали въ комитетѣ. Всѣ дѣла, такъ называемыя хозяйственныя, рѣшались или у преосвященнаго Леонида, или у губернатора (князя Оболенскаго), у митрополита же обсуждались особо важныя дѣла и нерѣдко въ присутствіи военного генераль-губернатора.

Я помню одно изъ интереснѣйшихъ засѣданій, въ которомъ митрополитъ читалъ свое мнѣніе по поводу предложенія президента тюремнаго комитета (министра внутреннихъ дѣлъ Валуева). Президентъ прислалъ военному генераль-губернатору предложеніе, сдѣланное кѣмъ-то въ Петербургѣ: для нравственнаго улучшенія арестантовъ раздавались книги духовно-нравственнаго содержанія, но это не приводило къ цѣли, какъ показалъ опытъ; не лучше ли въ этихъ видахъ допустить чтеніе избранныхъ книгъ свѣтскаго содержанія? Далѣе, такъ какъ заключенные въ тюрьму принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ, разнятся по своему образованію, развитію, многіе свободно владѣютъ иностранными языками, обладаютъ даже литературными способностями, то не сообразнѣе ли съ пользою, вмѣсто того, чтобы воспрещать имъ чтеніе газетъ и періодическихъ изданій, не позволять имѣть бумагу и прочія принадлежности для письма, — разрѣшить чтеніе, переводы и составленіе литературныхъ статей и т. п.

П. А. Тучковъ просилъ митрополита обсудить это предложеніе и представить отвѣтъ президенту. Вотъ этотъ-то отвѣтъ и былъ заслушанъ. Митрополитъ съ логическою послѣдовательностью доказалъ непригодность предложенія: «если чтеніе нравственно-религіозныхъ книгъ не приводитъ къ желанной цѣли, если Библия и Евангеліе не улучшаютъ нравственно арестантовъ, то трудно предположить, что чтеніе свѣтскихъ книгъ воздѣйствуетъ лучше, чѣмъ слово Божіе». При почти такомъ возраженіи, онъ коснулся исторіи тюремнаго комитета, какъ старѣйшій членъ его въ Москвѣ, и доказывалъ, что филантропическое учрежденіе можетъ успѣшно достигать и достигало прежде своей цѣли только при той независимости, какая дана была ему уставомъ. Къ несчастью, съ нѣкотораго времени изъ независимаго учрежденія онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ исполнительнаго отдѣленія. Комитетъ связанъ бюрократическими порядками и не онъ уже судья того, что полезно для нравственнаго и матеріальнаго быта арестантовъ, а канцелярія президента. Въ видахъ вспомошествованія цѣлямъ тюремнаго ко-

митета, отпускаются из казны достаточныя средства, чтобы сдѣлать не мало добраго. Средства эти прямо назначены на улучшеніе быта арестантовъ, но тогда-то мы получили предписаніе изъ суммъ, отпускаемыхъ для арестантовъ, столько-то присылать на усиленіе средствъ канцеляріи президента, мы посылали. И это требованіе мы исполняли, хотя сознавали, что несправедливо отнимать у арестантовъ и отдавать чиновникамъ... и т. д.

Когда митрополитъ прочиталъ свое мнѣніе и спросилъ присутствующихъ, какъ они его находятъ и не сдѣлаютъ ли какихъ замѣчаній, то все собраніе молчало. Онъ повторилъ свой вопросъ, обращаясь прежде всего къ духовенству (которое молча встало и молча низко поклонилось), потомъ къ дремлющей знати (то же молчаніе и тотъ же поклонъ), наконецъ къ степенному купечеству, изъ котораго одинъ замѣтилъ владыкъ: «можетъ ли быть дурно, что вы напишете, ваше высокопреосвященство?»

Тогда митрополитъ сложилъ бумагу свою около себя и приказалъ докладчику внести въ протоколъ: «московскій тюремный комитетъ, выслушавъ предложеніе президента, принялъ его къ свѣдѣнію». Обращаясь затѣмъ къ собранію, онъ прибавилъ: «Я составилъ это мнѣніе по просьбѣ Павла Алексѣевича и сообщилъ вамъ его содержаніе, полагая, что вы примете участіе въ его обсужденіи; но вы себя какъ бы устроили отъ этого. Вы такіе же равнодушныя члены, какъ и я, съ тою лишь разницею, что я по званію моему состою предѣдательствующимъ; вопросъ касается не меня лично, а тюремнаго комитета».

Сохранилась ли гдѣ эта бумага, неизвѣстно, но она имѣетъ важное значеніе въ исторіи тюремнаго комитета.

Помимо комитетскихъ засѣданій, мнѣ пришлось быть у митрополита по особому, тоже служебному дѣлу.

При поступленіи моемъ въ должность старшаго врача тюремной больницы я нашелъ въ губернской, именно въ числѣ интересныхъ личностей, нѣкую Леонтьеву, барыню, какъ говорятъ, владѣвшую 300—400 душами крѣпостныхъ. Эта Леонтьева, вдова, имѣя дѣтей, вошла въ близкія отношенія съ княземъ Х. и очень желала выйти за него замужъ. Препятствіемъ съ его стороны являлось присутствіе дѣтей. Желая устранить это препятствіе, Леонтьева рѣшила тѣмъ или инымъ способомъ отъ нихъ избавиться. Говорятъ, что одинъ или двое послѣ неосторожнаго ухода за ними во время болѣзни умерли. Оставался одинъ сынъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати-двѣнадцати, и Леонтьева не щадила его, подвергая побоямъ, голоду, запирая въ чуланы и т. п. Кто-то донесъ объ ея жестокостяхъ съ сыномъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ мальчика, покрытаго синяками, вытащили изъ какого-то шкапа и законнымъ порядкомъ помѣстили его въ дворянскій институтъ, въ которомъ я былъ врачомъ, а самое Леонтьеву отдали подъ судъ. Какъ ни допрашивали ее, она не сознавалась въ умышленномъ истязаніи мальчика и утверждала, что она, какъ

мать, не имѣя никакого законнаго руководства для воспитанія дѣтей, дѣлала все возможное, чтобы исправить ихъ нравственные недостатки; можетъ быть, она поступала и жестоко, какъ кажется другимъ, но она не знала другихъ мѣръ и дѣйствовала такъ съ добрымъ намѣреніемъ. Добровольнаго признанія не было, но многое говорило противъ нея. Духовный судъ назначилъ ее на извѣстный срокъ въ одинъ изъ отдаленныхъ женскихъ монастырей, путь къ которому лежалъ черезъ Серпуховъ.

Достигши этого города, Леонтьева заявила, что она больна, ѣхать дальше не можетъ, и послала къ митрополиту прошеніе отбыть срокъ, опредѣленный ей, въ серпуховскомъ женскомъ монастырѣ. Митрополитъ разрѣшилъ, но не прошло двухъ недѣль, какъ игуменья слезно просила владыку избавить монастырь отъ Леонтьевой, перемутившей инокинью. Филаретъ рѣшилъ: такъ какъ Леонтьева ѣхать къ первоначальному мѣсту назначенія не можетъ по болѣзни, болѣзнь же требуетъ постоянной медицинской помощи, а въ серпуховскомъ монастырѣ оставлять ее на долгое время находить неудобнымъ, то назначить помѣщеніе для г-жи Леонтьевой въ московской тюремной больницѣ, гдѣ она будетъ имѣть и постоянную медицинскую помощь, и духовныхъ лицъ для увѣщанія, и церковь для исполненія христіанскихъ обязанностей.

Леонтьева этимъ сюрпризомъ была, конечно, очень недовольна, но измѣнить волю митрополита нельзя. Тутъ же въ больницѣ она и продѣлывала свою волю, насколько ей позволялъ отдѣльный ея номеръ. Малѣйшее снисхожденіе къ ней вызывало новыя, безконечныя требованія; каждый день она требовала меня къ себѣ и жаловалась то на сидѣлку, не во время подавшую ей самоваръ, то на повара, пересушившаго горошекъ къ котлетамъ, и т. п.

Срокъ ея высидки оканчивался, и я ждалъ съ нетерпѣніемъ ея освобожденія. Но каково было мое изумленіе, когда на другой день послѣ исполнившагося срока она мнѣ сказала, что вчера приходилъ тюремный священникъ объявить ей объ окончаніи срока, но такъ какъ она во время своего содержанія христіанскихъ обязанностей не исполняла, въ церкви никогда не бывала, постовъ не соблюдала и съ нимъ обходилась неподобающимъ образомъ для его сана, то митрополитъ разрѣшить ей выпускъ изъ тюрьмы въ томъ только случаѣ, когда она признается въ своемъ злоумышленномъ намѣреніи извести сына. Конечно, Леонтьева обошлась на этотъ разъ со священникомъ еще хуже, чѣмъ прежде. Она справедливо объясняла, что находится въ неволѣ только по подозрѣнію въ злоумышленіи, въ чемъ она себя виноватой не признавала. «Неужели я такая дура, чтобы, просидѣвъ не мало времени, еще признаться и вмѣсто свободы получить паспортъ въ Сибирь?»

Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, я обратился за совѣтомъ къ Тучкову, какъ быть. Онъ посоветовалъ отправиться къ митрополиту.

Я явился и просилъ Парѳенія, келейника, доложить мою фамилію. Когда я началъ рѣчь о Леонтьевой и сталъ просить объ ея освобожденіи, онъ поправилъ на головѣ черную скуфью съ золотымъ крестомъ и, устремивъ на меня свои глаза, спросилъ:

— А какое имѣеть отношеніе затворница духовнаго вѣдомства къ медицинѣ?

— Самое близкое, ваше высокопреосвященство, такъ какъ она по поводу болѣзни помѣщена въ завѣдваемую мною больницу. Я прошу объ ея освобожденіи, потому что мы освободились бы отъ больной, не подлежащей никакимъ ограничительнымъ мѣрамъ.

— Ну, это мое дѣло, — заключилъ онъ: — и я не отмѣню ея заключенія, пока не найду это благовременнымъ.

Я сообщилъ Тучкову отвѣтъ Филарета, и онъ уговорилъ меня опять отправиться къ нему, но уже съ просьбой отъ военнаго генераль-губернатора.

Приемная митрополита была полна посѣтителей, когда я пріѣхалъ. Тутъ были и архимандриты, игумены, игуменьи, много священниковъ, генераловъ и разные просители. Я просилъ Парѳенія доложить митрополиту о моемъ пріѣздѣ по порученію военнаго генераль-губернатора. Едва вышелъ Парѳеній, какъ дверь изъ гостиной отворилась и показалась фигурка митрополита.

— Вы отъ Павла Алексѣевича? Милости просимъ.

Я повторилъ мою просьбу, но уже отъ военнаго генераль-губернатора.

— Ахъ, виновать, виновать. Передайте Павлу Алексѣевичу, что я захлопотался и совсѣмъ забылъ объ ея дѣлѣ.

Я былъ три дня до этого.

Позвонилъ.

— Позовите Николая Ивановича.

Это былъ его секретарь.

— Приготовьте для подписи бумаги объ освобожденіи Леонтьевой.

Это было наканунѣ Благовѣщенія.

Въ заключеніе.

Черезъ два слишкомъ лѣта послѣ моего выѣзда изъ Краснаго мнѣ привелось снова попасть въ него совершенно случайно. Проѣзжая по новооткрытой желѣзной дорогѣ я встрѣтился съ З., жившимъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Сухово-Кобылиными, и отъ него узналъ, что отъ слѣдующей станціи Новое будетъ не болѣе, какъ въ шестнадцать верстахъ. Я рѣшился взглянуть еще разъ на покойную колыбель первой моей молодости.

Дорога шла по мѣстности, которую я, какъ бывалый охотникъ, зналъ вдоль и поперекъ. Но теперь вмѣсто темной уймы или непроходимаго еловаго лѣса, изъ котораго бывало не выгонишь зарвав-

шихся гончихъ, тутъ была болотистая равнина, усѣянная пнями отъ срубленныхъ деревьевъ и кочками, между которыми торчали кое-гдѣ молодыя березки и приземистые можжевельники, а надъ нимъ разстилалась пелена вечерняго тумана. Было около семи часовъ вечера въ концѣ августа.

— Никакъ это Новое виднѣется впереди?—спросилъ я возницу, ожидая отвѣта съ замираніемъ сердца.

— Оно и есть,—флегматически отвѣтилъ ямщикъ и хлестнулъ по пристяжнымъ. Ближе и ближе сталъ выдвигаться изъ тумана массивный господскій домъ, бѣлая, какъ и прежде, сельская церковь и длинные бѣлѣющіе пояса прежней каменной ограды господскаго двора... Ни сада, ни прелестной березовой рощи съ ея длинными зелеными кудрями, повисшими надъ дорогою, ни затѣйливыхъ мостиковъ, бесѣдокъ, купальни... ничего не было видно... все сокрушено было безшабашной алчностью современнаго кулака... Вотъ и тотъ когда-то роскошный, широкій мостъ, по которому отважно летѣли одинъ за другимъ грузные рыдваны гостей на своихъ четверикахъ; но и этотъ красавецъ устарѣлъ и еле держался на подпоркахъ. Я пошелъ по мосту съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ приближаются къ дорогой могилѣ... Рѣка, какъ прежде, полноводная, съ шумомъ ворочаетъ по-старому мельничныя колеса. Прояснившаяся къ вечеру небо позолотило послѣднимъ лучомъ заходящаго солнца и церковь, и потемнѣвшую массу господскаго дома съ обвалившейся на половину крыши, кое-гдѣ поросшей молодыми березками. Въ уцѣлѣвшихъ мѣстахъ стеблакъ оконъ играетъ красноватый отблескъ солнечнаго луча...

Не видно и слѣда прежнихъ скотныхъ, птичныхъ, бани, больницы и конторы; вырубленъ роскошный березовый проспектъ, по которому въ лѣтніе вечера проѣзжали рысаковъ... Всюду густой и высокій бурьянъ и кучи мусора... Каменная ограда кое-гдѣ уцѣлѣла, но барскихъ затѣйливыхъ воротъ уже не было и слѣдовъ; сохранился только одинъ людской каменный флигель съ покосившимся крылечкомъ, на которомъ сидѣла одинокая фигура старика... Парадные двери барскаго дома были заколочены крестообразно досками... Дворъ заросъ травой, и только къ уцѣлѣвшему флигелю шла отъ воротъ еле протоптанная дорожка.

Я подошелъ къ старику, погруженному въ глубокую думу, и узналъ въ немъ Спиридона, завѣдывавшаго строительною частью и наблюдавшаго за правильной топкою печей...

— Здравствуй, Спиридонъ!

Старикъ всталъ, застегнулъ свой поношенный нанковый сюртукъ и, пристально вглядываясь въ мое лицо, повидимому, не зная, на кого подумать.

— Что, не узнаешь?—спросилъ я его.

— Баринъ знакомый... да никакъ... аль угадалъ?

Невозможно описать радостное изумление Спиридона, которое преобразило его съ моимъ появленіемъ. Какъ, какими судьбами, ахъ, да женатъ ли я, есть ли дѣти? — осаждалъ меня старикъ вопросами, утирая то и дѣло падавшія изъ глазъ слезы. Отъ него я узналъ, что онъ одинъ остался доживать свой вѣкъ на родинѣ, а прочіе дворовые либо на погостѣ успокоились, либо разбрелись по разнымъ сторонамъ...

— Еще есть одинъ вашъ знакомый, отецъ Василій. Какъ онъ радъ будетъ—и Боже сохрани!

Мы отправились къ моему куму, священнику отцу Василю. Онъ тоже постарѣлъ.

— Батюшка, благословите,—проговорилъ старикъ, подходя къ рукѣ священника, читавшаго у окна какую-то книгу.—А посмотрите, какого дорогого гостя я къ вамъ привелъ.

Священникъ долго смотрѣлъ на меня и наконецъ узналъ... Прибѣжала моя кума, закипѣлъ самоваръ, и пошла бесѣда о старомъ житѣ-бытѣ. Священникъ былъ добрый, умный и деликатный человекъ, какихъ трудненько и днемъ съ фонаремъ отыскать въ нашемъ духовенствѣ. Я согласился раздѣлить его радушную трапезу и остался ночевать въ его чистенькой и уютной квартирѣ. Но бесѣда наша была такъ интересна, что мы и не думали спать. Разсказъ Спиридона о томъ, что произошло съ селомъ Новымъ и его владѣльцами, не могъ не занимать меня.

— Прошло эдакъ три года послѣ васъ, какъ баринъ порѣшилъ дать свободу своимъ крестьянамъ. Передать родовое имѣнье барынѣ, вишь, нельзя по закону, а у ней своего ничего нѣту. Вотъ и созвалъ снова баринъ старшинъ и объявилъ имъ: хочу, молъ, я васъ счастливыми сдѣлать, а вы за меня Бога будете молить. Имѣнье я мое заложу и деньги изъ опекунскаго получу, а вы доплатите мнѣ столько, чтобы на каждую душу пришлось мнѣ по пятисотъ рублей ассигнаціями получить, а землю нарѣжу на каждую душу по четыре десятины... Вы будете вольными людьми, а я оставлю за собой усадьбу, какъ она есть, и Лазовскій хуторъ, и мы съ супругой будемъ тутъ пребывать и на ваше счастье радоваться, глядя на васъ... Старшины поклонились, а Власъ,—небось, помните?—всталъ и говоритъ: «Великую милость вы намъ даете, отецъ нашъ родной, но откелева намъ взять лишекъ для оплаты остальной суммы?»—«Какъ откуда?»—говоритъ баринъ: — у васъ въ Питерѣ есть односельчане богатые, одинъ мясомъ торгуетъ на двадцать тысячъ, у другого фабрика съ оборотомъ въ пятьдесятъ тысячъ, а тамъ еще много найдется... Деньги, молъ, дадутъ они не на вѣтеръ, землей обезпечены. А если чего не дохватитъ, то дамъ вамъ еще Ярышкину пустошь». Думали, думали да и порѣшили на томъ... Просили барина прибавить Лазовскій хуторъ, но онъ оставилъ его за собою.

«Ну, покончивши это благое дѣло, отслужили, какъ слѣдуетъ, молебствіе и стали разверстывать по своему расчету. А вышло такъ, что вмѣсто одного барина вышло четыре или пять и ужъ такихъ-то, избави Богъ... На господь, бывало, ропщуть, а попадись мужикъ въ лапы своему брату богатому,—избави Господи! Шкуру спустить, да и нутро твое все выворотить.

«А баринъ живетъ годъ, живетъ другой и мало видитъ благодарности отъ своихъ прежнихъ крестьянъ. Нынче лошадей да коровъ, аль гусей напустятъ въ господскій садъ, тамъ цвѣты помнуть, кусты поломають и не вѣсть что натворять. Подводы нужны, сѣна, дровъ ли привезти,—несообразнуюц ѣну запрашиваютъ. Баринъ, бывало, имъ въ попрекъ слово, а они супротивъ того ему вдвое... А пуще всего порѣшили міромъ за садомъ господскимъ кабакъ открыть... Бился, бился сердечный баринъ, да и рѣшилъ отъ грѣха убраться изъ своего насиженнаго гнѣзда... Сколько слезъ онъ пролилъ, отѣзжаючи, и-ахъ! Одначе и крестьяне опосля опомнились и поняли, что больно его обидѣли...

«Ну, сударь мой, переѣхали они такимъ манеромъ въ Москву. А жизнь въ ней не въ примѣръ дороже супротивъ здѣшней; тутъ и теленочекъ поеный свой, и поросеночекъ, и яичко—все свое, а въ Москвѣ все за большія деньги надо купить... Да что? Солому, уголь, даже воду и то даромъ не даютъ; подавай за все чистую монету... Ну, а наши господа, дай имъ Богъ царство небесное, не привыкли себѣ въ чемъ ни на есть отказывать и жили, какъ и прежде жилось: обѣды хорошіе, вина всякаго вдоволь, прислуга, экипажи въ порядкѣ; никому никакой прижимки не было, а гости кажинный день, да все знатные, а угощенье большихъ денегъ стоить. И стали они мало-по-малу изъ капитала трогать, а капиталъ что ледъ: погрѣй маленько и потечеть. Барина параличъ расшибъ; помаялся онъ года два, да и померъ, а барыня послѣ его смерти пошла жить въ женскій монастырь, не то что въ монахини, а просто такъ, для своего спокойствія...

«Добрая барыня, царство ей небесное, ангельская ея душа, а злые люди, какъ трутни: охочи до чужого меду. Сначала одинъ знакомый баринъ взялся ей келью построить, да и пристроилъ тридцать тысячъ; а тамъ то одному, то другому поможетъ, то займы дасть... и осталась, сердечная, ни съ чѣмъ. Если бы, кажись, пожила еще годокъ, то и самой привелось бы просить у другихъ помощи. Хорошіе господа, бывало, угovarивали ее побережъ копеечку на черный день...

«— Эхъ,—говорить голубушка,—на мой вѣкъ хватить, а вѣкъ мой не дологъ; пусть добромъ помянуть.

— Такъ вотъ и извелся нашъ родъ и ничего отъ него не осталось, кромѣ запустѣнія. Все было хорошо, а теперь жутко глядѣтъ на барскій домъ: словно сторожемъ я остался для него, чтобы не рас-

тащили до послѣдняго камешка... А вѣдь вы, сударь, помните, каково жилось тутъ и сколько людей по милости барской кормилось и нужды не знало.

— Да кому же принадлежитъ усадьба?

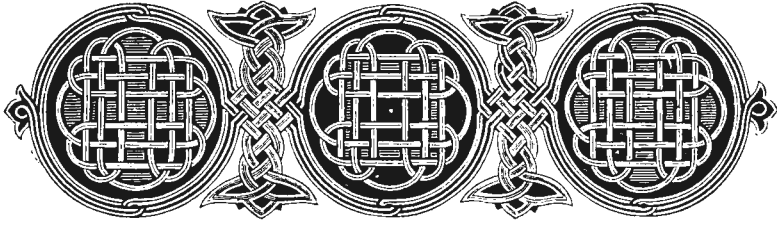
— Купилъ т-скій купецъ вмѣстѣ съ Лазовскимъ хуторомъ. Лѣсъ и садъ и все прочее вырубилъ и вывезъ, барскіе покои засыпаны овсомъ, которымъ онъ торгуетъ. Мнѣ позволилъ доживать вѣкъ въ моей лачужкѣ, этого и довольно; кормлюсь кое-какъ по милости господь; дай Богъ имъ царство небесное, надѣлилъ насъ по пяти десятинъ. А я землицу-то отдалъ въ картому мужичку, чуть не даромъ, а самъ кое-что работаю...

— Да,—закончилъ нашу бесѣду отецъ Василій,—человѣкъ яко трава, яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтеть...

Я оставилъ своихъ собесѣдниковъ на другой день утромъ и, забравшись въ глубину тарантаса, погрузился въ размышленія о судьбѣ человѣческой...

Н. К. Беркутъ.

РАСТРАТА¹⁾.

XXV.

ВЪСЯЦА черезъ три на Невскомъ появилась внушительная вывѣска: «Колышкинъ, Бамбученко и К^о». Буквы были небольшого размѣра, но подъ ними крупнѣйшими буквами было начертано: «Нентолинъ». Болѣе милліона объяснительныхъ и зазывательныхъ объявленій разослано было по разнымъ городамъ Россійской имперіи, и торговля бутылками, которыми были уставлены четыре окна «центрального склада», повидимому, шла удачно. По крайней мѣрѣ Колышкинъ только помахивалъ головой и теръ свой животъ пухлой рукой въ веснушкахъ, когда его объ этомъ спрашивали.

Почти одновременно съ открытіемъ склада младшая дочь Бамбученка переселилась въ Москву къ теткѣ. Отецъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобъ лишиться и этой послѣдней опоры. Но передъ отъѣздомъ позвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и, посадивъ въ кресло у письменнаго стола, сказалъ:

— Тетка твоя богата, то есть относительно. Можетъ и прожить сама, и тебя содержать. Но одолжаться ей ты, моя дочь, не должна. Твои сестры при выходѣ замужъ получали приданое; ты теперь уходишь отъ меня, и я считаю долгомъ выдать тебѣ твою часть.

Въ глазахъ ея затеплился огонекъ, который можно было назвать скорѣе радостнымъ, чѣмъ печальнымъ. Отецъ продолжалъ:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 478.

— Деньги, что я тебѣ дамъ, ты куда-нибудь положишь, только не на текущій счетъ въ банкъ.

— Отчего?—удивленно спросила дѣвушка.

— Могутъ отобрать.

— Кто?

Ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и продолжалъ:

— Главное—никому не говори, кто бы ни спросилъ, что деньги эти отъ меня. Купи на нихъ ренты или какихъ другихъ бумагъ, посоветуйся со знающими людьми. Если отдашь деньги на сохраненіе теткѣ, возьми съ нея расписку. Дружба дружбой, а табачокъ врозь. Документы всегда необходимо имѣть,—всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Умру я, умреть она, умрешь ты, а документикъ останется. Для суда это первое дѣло.

— Для какого суда?—недоумѣвая, спросила дочь.

— Для всякаго,—отвѣтилъ отецъ.—У насъ въ Петербургѣ есть такой каменный на Литейномъ; есть въ Москвѣ и другихъ городахъ.

Онъ открылъ столъ и подалъ ей пакетъ, запечатанный печатью, на которой былъ изображенъ фамилный гербъ Бамбученка.

— Ты потомъ посмотришь,—сказалъ онъ ей:—сколько тутъ и что тутъ есть.

— Расписку надо?—спросила она.

Онъ засмѣялся, всталъ, погладилъ ее по головѣ и проговорилъ:

— Глупышь ты.

Она подняла на него глаза.

— Почему глупышь?

— Я тебѣ говорю, чтобы ты никому не сообщала, что деньги получила отъ меня, а ты говоришь о распискѣ.

— Развѣ эти деньги краденныя?—наивно спросила она.

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Что за вздоръ,—проговорилъ онъ:—почему это тебѣ пришло въ голову?

— Такъ,—возразила она.

И разговоръ между отцомъ и дочерью прекратился.

XXVI.

Бамбученко по натурѣ не былъ аферистомъ, но его какъ-то тянуло все въ новыя и новыя предпріятія. Когда послѣдняя дочь уѣхала отъ него, онъ точно покатился внизъ съ ледяной горы. Остановиться было невозможно. Шумный городъ кипѣлъ вокругъ него. Засѣданія, завтраки, мундиры, покачиванья на мягкихъ шинахъ кареты, опера, Кюба, иногда даже француженки,—все это слилось въ пестрый хаосъ событій, впечатлѣній и иногда какъ будто преступленій. Онъ былъ охваченъ тѣснымъ кольцомъ выдуманной, неестественной жизни, ему некогда было оглянуться на себя и на

то, что онъ дѣлаетъ. Порою ему казалось, что это все что-то не то, что тотъ идеаль, который ему мерещился вдали, все дальше и дальше, а онъ путается въ какомъ-то непроходимомъ лѣсу.

Дочери, зятя отощли куда-то въ сторону, знакомыхъ онъ видѣлъ постольку, поскольку они нуждались въ немъ, то, что называется кругомъ знакомствъ, этого у него не было. Даже разъ въ годъ онъ за границу ѣздилъ какъ-то машинально: машинально заключалъ какія-то сдѣлки, которыя едва ли были выгодны для казны, и возвращался назадъ, такъ же машинально принимаясь за прежнюю административную дѣятельность. «Геркуланумъ» процвѣталъ; и безъ дочерей продолжались иллюминаціи и фейерверки. Русская народная мудрость говоритъ: было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ Бамбученку во второй половинѣ лѣта ѣздили все падкіе на даровое угощеніе и тѣ, кто нуждался въ немъ. Празднества приняла нѣсколько иной, болѣе свободный характеръ. Въ лѣсу чаще слышались пѣсни, нерѣдко фривольнаго характера, а за обѣдомъ и ужиномъ начали появляться какія-то сомнительныя дамы.

Если бы покойная Марья Ивановна видѣла это!

XXVIII.

Низкіе обрывки облаковъ неслись надъ Петербургомъ. Дулъ западный вѣтеръ. Ночь была черная, сырая, холодная. Газъ въ фонаряхъ беспомощно метался. Изрѣдка косою дождикъ вспрыскивалъ прохожихъ и проѣзжихъ.

Въ квартирѣ Бамбученка, обширной казенной квартирѣ, было непривѣтливо и мрачно. Огромный каминъ топился въ его кабинетѣ. Только столъ былъ освѣщенъ лампой съ зеленымъ абажуромъ. Остальная комната уходила во мракъ. Тѣни отъ картинъ, статуй и стульевъ танцевали по стѣнамъ, когда пламя отъ углей разгоралось и то вызывало изъ мрака какія-то странныя формы, то опять заставляло ихъ пропадать въ темнотѣ. Иногда стекла звякали отъ капель дождя, слезами катившагося вездѣ извилистыми струйками. Порою били каменные часы, то отзванивая тоненькимъ голосомъ половину, то десять, одиннадцать, двѣнадцать разъ ударяя подъ рядъ.

Бамбученко ходилъ по кабинету, мѣряя его шагами по діагонали. Сердце его какъ-то странно, непривычно сжималось. Какое-то безпричинное ожиданіе охватывало его. Иногда онъ останавливался у окна и всматривался въ темноту. Гудѣлъ вѣтеръ; стучалъ дождь. Было тихо. Прислуга уже улеглась, — онъ сказалъ, что ему никто не нуженъ,

Онъ останавливался у камина, чтобы подбросить угля. Машинально, тупо смотрѣлъ онъ на красноватое пламя, листьями и цѣлыми пучками подымавшееся кверху. Потомъ онъ снова начиналъ

ходить, снова подходилъ къ окну, къ письменному столу, къ рабочимъ столамъ, которыхъ было въ кабинетѣ четыре.

На письменномъ столѣ стоялъ портретъ покойной жены въ широкой плюшевой рамѣ. Она когда-то подарила его ему въ именины, нарочно снявшись у Бергамаско. Она смотрѣла прямо на зрителя своимъ чернымъ ввинчивающимся взглядомъ, плотно сжавъ губы, и что-то схожее съ леди Макбетъ показалось ему. Онъ взялъ раму въ обѣ руки, поднесъ къ лампѣ, долго смотрѣлъ на портретъ, потомъ вдругъ швырнулъ его далеко въ уголь. Стекло разбилось, задѣвъ о какую-то тумбу, а онъ опять сталъ ходить изъ угла въ уголь.

Онъ уже третью ночь все ждалъ кого-то до трехъ часовъ, и все на что-то надѣялся. У него уже было заготовлено прошеніе о заграничномъ отпускѣ, но онъ медлил. Вчетверо сложенное прошеніе лежало въ столѣ, и число подачи его не было проставлено. Чего-то онъ ждалъ, хотя здравый смыслъ говорилъ, что ждать нечего.

Къ ночи ему хотѣлось каждый день увидѣть зятя. Каждую ночь ему хотѣлось исполнить его просьбу и дать ему тѣ деньги, что онъ проситъ. Но наступало утро, и ночные страхи уходили вмѣстѣ съ темнотою. Бамбученко былъ такъ же гладко выбритъ, такъ же ходилъ, высоко поднимая голову:

Вдругъ его чуткое ухо различило грохотъ подѣзжавшихъ экипажей. Онъ остановился среди комнаты, прислушался, потомъ подошелъ къ входнымъ дверямъ и дважды повернулъ ключъ.

Гдѣ-то вдали зазвенѣлъ колокольчикъ. Стукнула одна дверь, другая. Послышались смутные голоса. Сердце забилося порывисто, мучительно. Онъ прошелъ въ спальню, что была рядомъ съ кабинетомъ, и вмѣсто тужурки надѣлъ халатъ.

Кто-то тихо постучалъ въ дверь кабинета, попробовавъ предварительно, заперта она или нѣтъ. Онъ, шагая громче обыкновеннаго, подошелъ и спросилъ:

— Кто тамъ.

— Нѣсколько человѣкъ приѣхало... Говорить, слѣдователь... Просить ваше превосходительство видѣть.

— Скажите, завтра утромъ, я легъ уже,—отвѣтилъ его превосходительство, чувствуя, что ноги и руки его холодѣютъ.

— Слушаю-съ,—раздалось изъ-за двери, и шаги удалились.

Бамбученко секунды три помедлилъ. Потомъ быстро подошелъ къ шифоньеркѣ, отворилъ ее, вынулъ три пачки и швырнулъ въ огонь первую.

Онъ почти на цыпочкахъ подошелъ къ камину и, стараясь не звякнуть, сталъ поправлять щипцами бумаги и двигать ихъ въ самый жаръ. Руки ли его дрожали, или бумага была огнеупорной, но пачка, листовъ въ пять, долго не загоралась. Наконецъ она вспыхнула, и пламя поднялось высоко, бѣло-золотистое, веселое.

Въ двери опять стукнули.

— Они просятъ сейчасъ,—раздался голосъ.

— Что?—спросилъ Бамбученко, желая выиграть время.

Лакей повторилъ.

— Хорошо, я сейчасъ одѣнусь. Поставь на случай самоваръ, чтобъ чай былъ.

И, торопливо сбросивъ туфли, онъ бросилъ въ огонь и остальные пачки. Потомъ, взявъ туфли въ руки, онъ тихо прошелъ въ спальню. А за дверью кабинета уже раздавались сдержанные голоса и шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

Онъ быстро одѣлся, причесался, подошелъ къ камину. Тамъ бумаги догорали. Онъ началъ поправлять и стукнулъ кочергой о рѣшетку. Потомъ онъ подбросилъ еще углей, уже не стѣсняясь шумомъ, увидѣвъ, что догорѣло все,—и пошелъ къ дверямъ.

Онъ отперъ ихъ. Въ сосѣдней комнатѣ было нѣсколько человѣкъ, совершенно незнакомыхъ. Еще молодой человѣкъ, высокій, блондинъ, съ портфелемъ, подошелъ къ нему и, вѣжливо извинившись, подалъ ему бумагу.

— Я получилъ приказъ,—сказалъ онъ.

Онъ взглянулъ на предписаніе произвести обыскъ у тайнаго совѣтника Бамбученка. Предписаніе выдано было слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ.

— Вы по особо важнымъ дѣламъ слѣдователь?—спросилъ онъ высокаго человѣка.

— Я,—скромно отвѣтилъ онъ.

— Быть можетъ, не только важнаго, но и никакого дѣла вы у меня не найдете. Пожалуйте.

Онъ показалъ рукою на кабинетъ.

— Эти господа тоже войдутъ.

— Да, я попрошу,—отвѣтилъ слѣдователь.

Невѣдомыя лица вступили въ кабинетъ. Слово слѣдователь прямо посмотрѣлъ на каминъ.

— Вы ужь легли, ваше превосходительство?—спросилъ онъ.

— Да, ложился.

— А каминъ?

— Каминъ горитъ всю ночь. Иначе здѣсь сыро.

Слѣдователь оглянулся и подошелъ къ столу.

— Вы отперете мнѣ средній ящикъ?—спросилъ онъ.

— Всѣ открыты. Направо тутъ револьверъ,—онъ заряженъ, будьте осторожныѣ.

— О, я очень остороженъ,—отвѣтилъ слѣдователь и, вынувъ всѣ бумаги изъ ящика, оставилъ тамъ револьверъ и задвинулъ его.

XXVIII.

Слѣдователь не торопясь просматривалъ бумагу за бумагой, записку за запиской. Онъ все раскладывалъ на двѣ кучки. Одна обратно шла въ столъ, другая, по мѣрѣ накопленія, туго перевязывалась его помощникомъ веревками накрестъ.

Выдвинувъ всѣ ящики, Бамбученко сталъ опять ходить по кабинету, заложа руки въ карманы. Онъ искоса видѣлъ, какъ одинъ изъ неожиданныхъ гостей внимательно смотрѣлъ что-то въ каминѣ и раза два къ нему наклонялся. Достоинство не позволило хозяину обратиться съ вопросомъ, и онъ только глубже и глубже запускалъ руки въ карманы.

Ему позволили, опять-таки очень вѣжливо, ходить по всей квартирѣ и дѣлать, что ему угодно. Онъ прошелъ къ лакею и отрывисто сказалъ:

— Чая не надо.

Прислуга, перепуганная, заспанная, слонялась въ недоумѣніи. Въ кухнѣ была кухарка изъ второго этажа. Бамбученко спросилъ: «Ты зачѣмъ?»—Но ему не отвѣтили. Онъ посмотрѣлъ на лѣстницу. Тамъ, несмотря на позднее время, горѣлъ огонь, и было оживленіе. Какіе-то голоса, какой-то разговоръ былъ у швейцара съ кѣмъ-то.

— Точно на Пасхѣ,—подумалъ онъ и усмѣхнулся.

Онъ вернулся въ кабинетъ. Слѣдователь окончилъ осмотръ стола и двухъ шифоньерокъ.

— Я не нахожу телеграммъ, ваше превосходительство,—сказалъ онъ.

— Какіхъ телеграммъ?—спросилъ Бамбученко.

— Отвѣтныхъ изъ Парижа и Ниццы.

Тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Я телеграммъ никогда не храню,—сказалъ онъ.

— Но двѣ тутъ,—уклончиво возразилъ слѣдователь,—и совершенно незначительныхъ. Впрочемъ, это все равно: мнѣ онѣ ни на что не нужны. Эта въ спальню дверь?

— Да...

— Чековья книжки и банковскіе документы тамъ?

Бамбученко молча открылъ потайной ящикъ шифоньерки и сказалъ:

— Вотъ.

Глаза слѣдователя точно расширились. Но взглядъ сейчасъ же потухъ.

— Благодарю васъ, онѣ не нужны. Тутъ двадцать съ небольшимъ тысячъ?—спросилъ онъ.

Бамбученко засмѣялся.

— А вы ужъ справились?—сказалъ онъ.

Слѣдователь ничего не отвѣтилъ и просилъ позволенія перейти въ спальню.

— Если я не позволю вамъ, вы вѣдь все равно войдете?—шутливо спросилъ Бамбученко.

— Все равно,—скромно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

И они перешли, опять не торопясь, въ сосѣднюю комнату, гдѣ было темно, но была постлана постель, и ночная рубашка лежала поверхъ отогнутого одѣяла. Рубашка лежала ничкомъ, поперекъ не тронутой постели, какъ это дѣлаютъ въ хорошихъ парижскихъ отеляхъ и какъ выучилъ свою прислугу Бамбученко. Онъ съ ненавистью посмотрѣлъ на распластанную сорочку и увидѣлъ, какъ приставъ и невѣдомые люди стали всюду смотрѣть и подъ кроватью, и въ шифоньеркахъ, и въ шкапахъ, гдѣ лежало его бѣлье.

XXIX.

Иногда къ его щекамъ прилиwała краска. Ему казалось постыднымъ и гнуснымъ, что у него въ квартирѣ все перебираютъ—какими-то чужими, посторонними, можетъ быть, нечистыми руками. Но онъ успокаивалъ себя, что въ таможенѣ также рылись какіе-то невѣдомые господа, когда онъ переѣзжалъ въ вагонѣ изъ государства въ государство, и вагонъ равномерно покачивался, и Марья Ивановна требовала, чтобы онъ шелъ въ таможену и объяснялся по поводу багажа. Онъ вспомнилъ, какъ, переѣзжая границу Голландіи, онъ, по требованію жены, говорилъ съ голландцами, и какъ они не понимали его, а онъ ихъ,—и какъ они смѣялись, и какъ и имъ и ему было весело.

Теперь... Теперь совсѣмъ невесело. Онъ сановникъ. Онъ извѣстное, онъ уважаемое лицо въ Петербургѣ. И вдругъ какой-то чиновникъ, какія-то невѣдомыя лица ночью приходятъ въ его квартиру и начинаютъ ртыся...

Кровь поднималась къ головѣ, стучала въ его виски. Онъ сжималъ свои руки, точно собирался кого бить. Но совѣсть шептала ему:

— Да вѣдь ты ждалъ ихъ!

Они не могли не прійти. Онъ ихъ ждалъ давно. Ему не жаль было тѣхъ сожженныхъ денегъ, тѣхъ многихъ тысячъ, что сгорѣли сейчасъ въ огнѣ, чортъ съ ними, зачѣмъ онѣ... Да и его ли это деньги?

Ему было жалко всего прежняго. Всего того, съ чѣмъ онъ сроднился въ теченіе тринадцати лѣтъ,—того почета, той силы, того «престижа», который, несомнѣнно, былъ.

Онъ шелъ по безконечнымъ коридорамъ и видѣлъ, какъ кланяются ему, какъ ловятъ его взглядъ, его улыбку. Какъ, проходя, онъ даритъ вниманіе,—взглядъ, слово, тому, другому,—и тѣ счастливы его взглядомъ, его словомъ...

Все это прошло. Это прошло, какъ дымъ,—какъ все, что проходитъ въ жизни. Прошло, дымъ осѣлъ или разсѣялся, и впереди—тусклое, будничное прозябаніе.

Праздникъ жизни кануль, исчезъ. Гдѣ онъ?

Нѣтъ праздника. Ниже и ниже тучи. Дышать нечѣмъ. Какъ бы онъ хотѣлъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, тѣмъ воздухомъ, что дышитъ простой рыбакъ... Тамъ, далеко, въ Финляндіи, спокойно рѣжетъ волны плохая, еле сколоченная лодка... Парусъ низко наклонился подъ водой. Далекое свиститъ паровозъ...

Проснуться бы, проснуться...

Но люди все роются въ бумагахъ. Что-то шопотомъ говорятъ другъ другу и перевязываютъ бечевками пачку за пачкой.

Какой-то старикъ укладываетъ пачки въ мѣшокъ. Его глаза, стеклянные, мутные, ничего не выражаютъ, кромѣ исполненія долга...

Бамбученку хотѣлось бы въ это время быть на улицѣ. Какъ король Лиръ, онъ готовъ въ бурю бѣгать по степи, призывать молніи на свою голову... Да, на свою голову призывать молніи—это счастье... Какое счастье, если Регина не приметъ отца, а Гонерилья—та насмѣшливо отнесется къ старческому бреду... О, какое это счастье!..

Несчастье, когда въ домѣ роется слѣдователь. Часы бьютъ. Бьютъ, отмѣчая пройденное время. Они ударили и три и четыре. Имъ нѣтъ дѣла до того, уходитъ жизнь, или нѣтъ. Они будутъ также бить и стучать направо и налево маятникомъ, когда онъ умретъ и когда гробъ съ его тѣломъ будетъ стоять посреди комнаты.

Какой комнаты?

Этой? Но онъ послѣдніе дни въ этой комнатѣ. Гдѣ онъ будетъ? Неизвѣстно. Гдѣ будетъ стоять его гробъ?

Тамъ, за Ураломъ тянется безконечная степь. Можетъ быть, не степь, а равнина. Онъ вспоминаетъ уроки географіи. Онъ вспоминаетъ карты. Тамъ, за Ураломъ, все покрыто сплошной зеленой краской на картахъ... Что такое зеленая краска? Почему зеленая? Трава? Или зелень вообще, лѣса?

Если бы проснуться!

XXX.

Бьетъ тоненькимъ дискантомъ четыре.

Лица у тѣхъ, кто обыскиваетъ, какъ-то осунулись, поблѣднѣли. Приставъ ничего не говорить... Въ мѣшокъ опускаютъ послѣднюю связку.

— Вы кончили? — спрашиваетъ машинально хозяинъ.

— Да, я кончилъ, — отвѣчаетъ незванный гость, и прибавляетъ: — Конечно, вы никуда не собираетесь уѣхать?

Бамбученко вздрагиваетъ.

— Уѣхать? — спрашиваетъ онъ.

— Да, уѣхать. Я просилъ бы васъ... Впрочемъ, подъ своимъ паспортомъ вамъ нельзя будетъ выѣхать...

Бамбученко кажется, что чиновникъ подчеркнулъ слова «подъ своимъ паспортомъ». Онъ смѣется и спрашиваетъ:

— А подъ чужимъ?

Слѣдователь пожимаетъ плечами.

— Арестуютъ сейчасъ, или нѣтъ?—думаетъ Бамбученко.

Но люди уходятъ. Заспанный лакей отворяетъ передъ ними двери. Они идутъ, стуча сапогами, галошами.

Бамбученко стоитъ одинъ по срединѣ комнаты. Одинъ, какъ предъ началомъ обыска.

— Одинъ?—не вѣритъ онъ себѣ.

Тишина. Никого нѣтъ. Каминъ все еще догораетъ. Все еще послѣдніе огни ползаютъ то тамъ, то тутъ.

— Не арестовали?—опять спрашиваетъ Бамбученко воздухъ.

Ему никто не отвѣчаетъ. Но онъ чувствуетъ, что онъ не арестованъ. И каминъ, и шифоньерки, и картины, и статуи—все на мѣстахъ...

Но столъ? Ящикъ выдвинуть на половину. Кое-гдѣ на полу двѣ-три бумажки...

— Значитъ, только отсрочка?

Онъ со смѣхомъ ложится поперекъ постели. Одѣтый, въ башмакахъ, онъ ложится и хохочетъ. Внутри его что-то скачетъ, прыгаетъ, какой-то дьяволенокъ.

И онъ повторяетъ:

— Дьяволенокъ, дьяволенокъ, дьяволенокъ!

Смерть, болѣзнь, страданіе—все можно перенести. Но ему, здоровому, сильному человѣку, быть опозореннымъ, изгнаннымъ изъ квартиры, великолѣпной огромной квартиры, за которую онъ столько лѣтъ ничего не платилъ...

Сердце ноетъ... Онъ лежитъ на постели, и сердце ноетъ.

Онъ думаетъ, что завтра всѣ служащіе будутъ опускать глаза, чтобъ не встрѣчаться съ его взглядомъ. Такъ всѣ будутъ сконфужены. А онъ или напуститъ на себя бодрость, или будетъ сконфуженъ больше всѣхъ.

Бьетъ пять часовъ.

Какой-то шумъ и стукъ колесъ опять доносится до него.

Онъ подходит къ окну. Смутные силуэты отъѣзжающихъ экипажей мелькаютъ въ сумеркахъ приближающагося разсвѣта.

Только теперь? Но они часъ какъ вышли отъ него. Почему же только теперь?

Онъ улыбается, улыбается безпричинно, потираетъ руки. Машинально раздвѣается и ложится. Густыя занавѣси скрываютъ и стекла и улицу. Въ каминѣ послѣднія вспышки огня. Все умерло, все затихло. Темно и мрачно, какъ въ настоящей могилѣ.

XXXI.

Утромъ—едва пробило девять—Бамбученко проснулся. Первое его сознание: хорошо или дурно? Хуже, чѣмъ вчера, или лучше?

Быль обыскъ. Все обшарили и увезли. Тамъ, въ бумагахъ, ничего нѣтъ рѣзкаго, обвиняющаго его. Если бы что-нибудь было,—его бы арестовали. Но онъ дома.

Вѣтеръ утихъ. Солнце низкое, не лѣтнее сіяло, жадно освѣщая крыши, трубы, трамваи. Въ Финляндіи теперь почти всѣ деревья оголены, на нѣкоторыхъ сучьяхъ только держится почернѣвшій, скоробленный листъ и трепещеть и бьется, и готовъ каждую минуту оторваться отъ вѣтви и полетѣть мотылькомъ по вѣтру и упасть на землю. Его затопчуть прохожіе, сверху все покроется пушистымъ саваномъ снѣга.

Все умираетъ.

Онъ одѣлся, выбрился. Вышелъ въ столовую. Часы показывали половину десятаго.

— Хорошо, что дочерей нѣтъ,—подумалъ онъ.

— Вчера почти до утра въ канцеляріи обыскъ былъ,—хмуро доложилъ лакей.

Бамбученко вздрогнулъ.

— Въ канцеляріи?

— Два мѣшка увезли. Вызывали господина Недохарчина.

Бамбученко повелъ глазами.

— Что же онъ?—машинально спросилъ онъ.

— Они ужъ сегодня заходили. Въ девять часовъ.

— Позови его ко мнѣ.

Опять что-то нахлынуло на него. Темная, какая-то невѣдомая туча. Что-то зловѣщее стало впереди и грозило ему.

Черезъ пять минутъ явился Недохарчинъ. Онъ какъ-то опухъ за ночь и не смотрѣлъ прямо.

— Чаю хотите?—спросилъ Бамбученко.

— Нѣтъ, ничего въ горло не идетъ,—отвѣтилъ дѣлопроизводитель.

Бамбученко засмѣялся.

— Послѣ вчерашняго обыска?—спросилъ онъ.

Дѣлопроизводитель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да, послѣ вчерашняго,—сказалъ онъ.

— Теперь всюду ревизіи,—спокойно возразилъ начальникъ:—есть изъ-за чего беспокоиться! Вѣдь ваша совѣсть чиста?

Недохарчинъ помедлилъ, точно что обдумывая, а затѣмъ сказалъ:

— Чиста.

— Такъ что же съ вами могутъ сдѣлать?

Недохарчинъ опять помедлилъ, потомъ, опустивъ глаза книзу, проговорилъ.

— Въ книгѣ... въ шнуровой книгѣ сверхсмѣтныхъ расходовъ, что вы требовали къ себѣ на прошлой недѣлѣ...

Бамбученко насторожился,

— Что же?

— Вы ничего не изволили замѣтить?

Брови Бамбученка запрыгали:

— Ничего,—выжидательно сказалъ онъ.

— Тамъ одна страница совершенно вырвана.

— А-а!—удивился начальникъ.

— За іюнь. Слѣдователь прямо раскрылъ на этомъ мѣстѣ.

— Ну, и что же?

— И спросилъ меня, зналъ ли я объ этомъ.

— А вы что сказали?

— Я сказалъ, что не зналъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: кто-нибудь да знаетъ.

Онъ помолчалъ.

— Въ понедѣльникъ, двѣ недѣли назадъ, она была,—вдругъ прибавилъ онъ.

— Вы увѣрены?

— Да.

Бамбученко пристально посмотрѣлъ на него.

— Другими словами, вы хотите сказать, что страница была въ книгѣ до того, какъ книга была у меня?—спросилъ онъ.—Значить, ее вырвалъ, эту страницу, я?

— Я этого не сказалъ,—холодно, но заикаясь, сказалъ Недохарчинъ.

— Но скажете?

Недохарчинъ поднялъ смѣло глаза на начальника.

— Скажу, если кто спроситъ,—скажу.

XXXII.

Они долго смотрѣли другъ на друга молча.

— У меня жена и двое дѣтей,—проговорилъ Недохарчинъ.

— Вы ни въ какомъ случаѣ не пострадаете,—увѣренно сказалъ Бамбученко.

Недохарчинъ снова поднялъ на него глаза.

— Не скажете,—иронически замѣтилъ онъ.—Прокуроръ можетъ быть и другого мнѣнія.

— То есть?

— За недонесеніе. Вы отвѣчаете, ваше превосходительство, за меня, а я за васъ.

— Никто другъ за друга не отвѣчаетъ. Если бы всѣ отвѣчали другъ за друга—Россія лишилась бы и честныхъ и нечестныхъ чиновниковъ.

Недохарчинъ барабанилъ пальцами по своимъ колѣнямъ и ничего не отвѣтилъ.

— Всѣ книги увезли?

— Всѣ. Сегодня къ вечеру или завтра утромъ нѣкоторыя вернуться, нѣкоторыя оставлятъ... Сегодня присутствія вѣдь нѣту.

Бамбученко наморщилъ лобъ.

— Развѣ нѣтъ?

— Сегодня воскресенье.

— Да, воскресенье, — вспомнилъ онъ.

— А о другихъ книгахъ слѣдователь спрашивалъ? — поинтересовался онъ.

— Спрашивалъ, — неохотно отвѣтилъ дѣлопроизводитель.

— Обо всѣхъ?

— Обо всѣхъ. Спрашивалъ, какъ идетъ дѣлопроизводство. Онъ, должно быть, человѣкъ освѣдомленный. По тому, что онъ прямо началъ смотрѣть книгу съ 24 августа, — я понялъ, что былъ доносъ.

— На кого? — спросилъ Бамбученко.

— На наше учрежденіе, — уклонился Недохарчинъ.

— А чѣмъ замѣчательно 24 августа?

— Поданы счета за весенній ремонтъ.

— А-а! — опять сказала Бамбученко.

— Онъ спросилъ, — продолжалъ Недохарчинъ: — гдѣ старыя ручки отъ двадцати трехъ дверей и зачѣмъ понадобилось старинныя, массивныя замѣнять жиденскими современными.

— А вы что сказали?

— Сказалъ, что не знаю гдѣ, такъ какъ это было до моего служенія. А если нужно, я узнаю.

— Какъ же вы узнаете?

— Какъ-нибудь.

— Не трудитесь, — я знаю. Онѣ у меня въ имѣннѣ, въ Финляндіи.

И за нихъ заплачено.

— Какъ за ломъ? — догадался Недохарчинъ.

— Какъ за ломъ, — цинично подтвердилъ начальникъ.

— Хорошо, что хоть что-нибудь заплачено, — еще циничнѣе замѣтилъ подчиненный.

— Заплачено по оцѣнкѣ, сдѣланной экспертами, — замѣтилъ мимоходомъ Бамбученко.

— Да и экспертовъ можно привлечь къ суду, — сказалъ Недохарчинъ.

Въ тонѣ его голоса, въ манерѣ говорить было что-то новое, дерзкое, вызывающее. Въ другое время Бамбученко сдѣлалъ бы ему замѣчаніе. Теперь онъ его не сдѣлалъ.

— Я бы ушелъ отсюда въ другое вѣдомство, — заговорилъ Недохарчинъ: — но это невозможно. Разъ началось слѣдствіе, нельзя уходить съ мѣста: дать возможность толковать о томъ и о другомъ.

Бамбученко всталъ и, подойдя къ окну, сталъ смотрѣть.

— Я уѣду на два мѣсяца за границу,—сказалъ онъ.

— Не пустять,—послышалось хладнокровное замѣчаніе.

Онъ круто повернулся.

— Кто не пустить.

Недохарчинъ какъ-то неопредѣленно повелъ глазами.

— Тѣ, что вчера обыскъ дѣлали. Съ меня ужъ подписку взяли о невыѣздѣ.

— Съ меня не брали.

— Возьмутъ.

— Вы знаете,—князь за границей. Мнѣ надо поговорить съ нимъ.

— Скажутъ, можно подождать его возвращенія.

— Онъ вернется къ новому году.

— Послѣ новаго года и поговорите.

Бамбученко въ упоръ подошелъ къ чиновнику.

— Вы не отдаете отчета въ томъ, что говорите.

Недохарчинъ поднялся съ мѣста.

— Эхъ, ваше превосходительство,—сказалъ онъ:—я на семь лѣтъ старше васъ,—я ужъ сѣдь...

Онъ не договорилъ и махнулъ рукой.

— По-вашему, насъ отдадутъ подъ судъ?—насмѣшливо спросилъ Бамбученко.

— Вы сами знаете.

— Самъ.

— Конечно, отдадутъ. Честнаго человѣка всегда можно отдать по подозрѣнію, а...

Онъ остановился..

— Продолжайте,—кого,—улыбаясь, сказалъ Бамбученко:—а нечестнаго и Богъ велѣлъ?

Недохарчинъ молчалъ.

— Что же вы молчите?—спросилъ Бамбученко.

— Позвольте мнѣ итти,—проговорилъ дѣлопроизводитель.

Бамбученко покачалъ головой.

— Вы, сѣдой человѣкъ, и отъ обыска, что вчера здѣсь былъ, упали духомъ!—проговорилъ онъ.—Изъ-за одного подозрѣнія вы готовы чуть не на самоубійство.

— Это не подозрѣніе,—глухо отвѣтилъ Недохарчинъ.

— А что же?

— Я все знаю,—еще тише проговорилъ онъ.

Глаза ихъ опять встрѣтились.

— Что все?—поднявъ голову, спросилъ Бамбученко.

— Все. Три года я слѣжу за вами.

— И я граблю?

Дѣлопроизводитель ничего не сказалъ, но наклонилъ голову.

— Гдѣ же деньги? Гдѣ все награбленное мною.

Недохарчинъ пожалъ плечами.

— Почему я знаю! можетъ быть, отдали, скрыли... Можетъ быть, сожгли. По лицу вашему, должно быть, сожгли. Васъ всего передернуло отъ этого слова.

— Плохой вы психологъ,—проговорилъ Бамбученко.

— И вы тоже плохой,—сказалъ Недохарчинъ.

Бамбученко показалъ на дверь.

— Вы можете итти,—сказалъ онъ.

Недохарчинъ еще разъ наклонилъ голову и вышелъ.

XXXIII.

Цѣлый день Бамбученко не выходилъ изъ дома. Но онъ обошелъ все свое вѣдомство. Когда онъ шелъ по лѣстницамъ, курьеры, сторожа и швейцары, какъ всегда, снимали фуражки, но ему казалось, что лицо ихъ говорило:

— Плохо, братъ, плохо!

Онъ старался быть такимъ, какъ всегда: ни строже, ни ласковѣе,—какъ будто ничего не случилось. Онъ даже хотѣлъ спуститься въ подвалъ, гдѣ жили плотники,—но поймалъ себя на томъ, что прежде никогда тамъ не былъ, и теперь будетъ похоже на то, что это слѣдствіе вчерашняго обыска.

Едва онъ кончилъ обѣдъ, на который онъ по телефону пригласилъ одного литератора, болѣе извѣстнаго за разносителя вѣстей по городу и салопницу, чѣмъ какъ писатель,—какъ ему подали карточку. Онъ мимоходомъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— Извините, *mon très cher*,—но я долженъ принять этого господина по дѣламъ службы. Пройдите въ библіотеку.

Бородатый, красивый мужчина, тоже нестарый, ходилъ по кабинету.

— Я на одну минуту,—предупредилъ онъ:—не желая васъ беспокоить и терять времени, я самъ заѣхалъ къ вамъ.

Онъ порылся въ портфель и проговорилъ:

— Тутъ двадцать шесть вопросовъ, которые насъ интересуютъ. Не откажите къ завтраму на нихъ отвѣтить.

Онъ подаль бумагу, гдѣ пишущей машиной былъ поставленъ рядъ вопросовъ.

— Будьте добры,—повторилъ онъ.—Завтра я зайду къ вамъ часовъ въ одиннадцать утра: къ этому времени, вѣроятно, будутъ готовы и отвѣты.

Бамбученко бѣгло просмотрѣлъ опросные пункты.

— Если успѣю,—приготовлю,—сказалъ онъ.

— Я буду имѣть удовольствіе застать васъ дома?—спросилъ гость.

— Да, я буду дома.

— Вѣдь вы никуда не собираетесь?

Вдругъ Бамбученко осѣнило: днемъ онъ послалъ въ Парижъ князю телеграмму, что необходимо съ нимъ повидаться. Очевидно, широкобородому содержаніе депеши извѣстно.

— Напротивъ, я ѣду къ князю въ Парижъ,—отвѣтилъ онъ.

— Попросилъ бы васъ дней шесть подождать,—просительно заговорилъ гость.—Вы очень нужны для разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ.

Бамбученко ничего не отвѣтилъ и поклономъ далъ знать, что аудіенція кончена. Гость такъ же почтительно поклонился и вышелъ.

— Кто такой?—спросилъ литераторъ, потягивая ликеръ.

— По дѣламъ службы. Чортъ его знаетъ,—забылъ фамилію,—небрежно отвѣтилъ Бамбученко, бросаясь въ кресло.—Проклятая должность: и въ праздники не оставляютъ въ покоѣ...

Литераторъ, вытянувъ изъ рюмки послѣднія капли, сказалъ:

— А чудесная у васъ казенная квартира, одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Какая вышина потолковъ:

— Что квартира!—небрежно отвѣтилъ Бамбученко.—Мнѣ такъ здѣсь все надоѣло, что я собираюсь на покой.

— Что вы!—заволновался литераторъ.—Да мы пропадемъ безъ васъ.

— Пропадете.

— Россія пропадетъ. Вы создали, переформировали учрежденіе, и вдругъ уходите! Да нѣтъ—вы шутите.

Онъ потрепалъ его по ногѣ.

— Не уходите,—посоветовалъ онъ:—если не хотите всеобщей гибели.

— Усталъ,—лѣниво проговорилъ Бамбученко.

— Вы человѣкъ еще не старый, и устали! Я и слышать не хочу,—понимаете?

Онъ налилъ себѣ еще рюмку ликера, и проглотилъ залпомъ, какъ водку.

XXXIV.

На утро опросный листъ взяли. Бамбученко сказался больнымъ и не вышелъ.

Прошелъ день, другой. Онъ послалъ за заграничнымъ паспортомъ, такъ какъ отъ князя пришелъ отвѣтъ:

«Жду вашего приѣзда».

Задержки не было, паспортъ немедля былъ выданъ.

Собраться было недолго. Онъ всемъ распорядился. Сердце его забило усиленную дробь, когда онъ встрѣтилъ въ Вержболовъ знакомаго жандарма. Но жандармъ почтительно ему козырнулъ,

почтительно освѣдомился о здоровьѣ и даже въ Эйдкуненѣ устроилъ ему до Берлина отдѣльное нѣмецкое купе.

Онъ вздохнулъ свободнѣе, когда поѣздъ покатился по гладкой равнинѣ, обгоняя птицъ и колыхаясь въ обѣ стороны отъ быстрого хода. Онъ зналъ, что если дѣло начнется, его воротятъ. Но пока— онъ свободенъ.

И онъ смотрѣлъ на бѣжавшіе ему навстрѣчу поля и лѣса, на аккуратные домики земледѣльцевъ, на вертѣвшія крыльями мельницы, на далекое дымчатое море. Сознаніе свободы охватывало его. Онъ чувствовалъ, что пока онъ полновластный гражданинъ, и наслаждался этимъ ощущеніемъ. Онъ гулялъ по песку платформъ, тамъ, гдѣ поѣздъ стоялъ двѣ-три минуты, и наслаждался, какъ дитя, свѣтомъ, тепломъ и не вездѣ еще облетѣвшюю зеленью.

Въ Берлинѣ ему пришло въ голову остаться. Оттуда поѣдетъ въ Дрезденъ, изъ Дрездена въ Мюнхенъ, потомъ въ Италію.

Но его воротятъ... Кто его не знаетъ?

Его знаютъ всѣ. Знаютъ кондуктора, метръ-д'отели, шефы гостиниць.

Если бы онъ былъ политическій дѣятель, другое бы дѣло...

Онъ на два дня остановился въ отелѣ, въ какомъ-то дальнемъ, но комфортабельномъ, съ топкими коврами на лѣстницахъ. На другой день онъ пошелъ въ Національный музей и до закрытія бродилъ по заламъ, и все думалъ:

«Вѣдь это въ послѣдній разъ».

Онъ побрелъ въ Тиргартенъ, онъ зашелъ въ Брэмовскій аква-риумъ, и тамъ тоже повторялъ:

«Это въ послѣдній разъ».

Еще день. Онъ въ Парижѣ. Онъ зналъ, гдѣ князь, но не пошелъ къ нему сразу. Онъ съ утра бродилъ по улицамъ Парижа. Шелъ по улицѣ Бляншъ кверху, доходилъ до Монмартра, потомъ спускался внизъ. Его электрическіе вагоны везли по какимъ-то бульварамъ, и Парижъ звенѣлъ, кричалъ и шумѣлъ вокругъ него. Онъ сидѣлъ наверху трамвая,—чего бы никогда не позволилъ въ Петербургѣ,— и все смотрѣлъ и смотрѣлъ съ восторгомъ на снующую толпу.

То онъ отправлялся на кладбище Лазаря и бродилъ тамъ между могилъ, то на другой конецъ, за арку Звѣзды—и тамъ таскался по новымъ улицамъ. То онъ заходилъ въ Лувръ и долго сидѣлъ предъ Венерой Милосской, опять повторяя:

«Въ послѣдній разъ».

Онъ не чувствовалъ утомленія, онъ не чувствовалъ ни усталости, ни разстоянія. Онъ машинально ходилъ, ѣлъ, смотрѣлъ на все окружающее, ложился спать и, какъ припѣвомъ, повторялъ вѣчно:

«Это въ послѣдній разъ».

Однажды, раньше пообѣдавъ, онъ тихо шелъ о лѣвому берегу **Сены** отъ Эйфелевой башни къ Нотръ-Дамъ, разсѣянно, но оживленно

поглядывая вокругъ. Клейкіе молодые листья деревьевъ только что распустились отъ теплаго весенняго дождя и, слабо шурша, впервые смотрѣли на голубовато-сѣрое небо, слегка окрашенное золотистымъ пурпуромъ на западѣ. Потомъ онъ повернулъ въ переулочекъ направо и дошелъ узкой улицей до «Одеона». Къ театру подъѣзжали карета за каретой, и изъ нихъ выпрыгивали костлявыя, разряженныя англичанки въ сопровожденіи безукоризненно выбритыхъ и безукоризненно одѣтыхъ англичанъ. Бамбученко вспомнилъ, что онъ давно не былъ въ «Одеонѣ», взялъ билетъ и пошелъ за другими въ партеръ. Отъ зрительнаго зала вѣяло чѣмъ-то казеннымъ. Все по-департаментски, сухо и казенно было и на сценѣ. Давали какую-то пьесу изъ quasi-античной жизни, актеры и актрисы ходили, обмотавъ на ногахъ трико золотыми шнурами отъ сандалій. Выдуманность и ложь одеждъ и зданій никому не кидалась въ глаза, и публика была довольна «роскошной» постановкой. У Бамбученка въ головѣ все путалось, передъ глазами стояли круги, во рту былъ противный вкусъ...

Онъ вышелъ изъ театра. Лилъ дождь, онъ сѣлъ въ первую попавшуюся карету и поѣхалъ домой въ гостиницу. Подковы лошади звонко стучали по мокрымъ камнямъ, еще звонче щелкалъ бичъ извозчика и болью отдавался въ его головѣ.

«Я, кажется, заболѣваю», пронеслось у него въ мозгу.

Ночью у него былъ тревожный сонъ, какіе-то кошмары. Рядомъ за дверью плакалъ всю ночь грудной ребенокъ и мѣшалъ ему спать. Онъ зналъ, что по его коридору размѣстилась цѣлая семья, пріѣхавшая съ юга. Утромъ онъ заявилъ раздраженно въ конторѣ, что оставаться больше въ номерѣ не можетъ. Его спокойно выслушали и перевели въ комнату на бульваръ, взявши за это восемью франками въ день дорожке. Едва перенесли въ новое помѣщеніе его вещи, какъ лакей, постучавъ въ дверь, подалъ ему карточку, на которой было напечатано:

«Prince Korostow». Онъ припоминалъ, кто такой Коростовъ, и велѣлъ просить.

Вошелъ молодой челоуѣкъ лѣтъ двадцати пяти, черный, гладко причесанный, съ синеватымъ боковымъ проборомъ, жгучими глазами и маленькими, слегка закрученными усиками.

— Мы, кажется, знакомы, — полуконфузливо сказалъ онъ.

— Знакомы, — подтвердилъ Бамбученко, припоминая, гдѣ онъ съ нимъ видѣлся, и просилъ садиться.

— Хорошенькій номеръ, — сказалъ, князь, весело оглядывая комнату и останавливая взглядъ на фонарѣ Louis XV.

Бамбученко ничего не отвѣтилъ.

— Я васъ потревожилъ по дѣлу, — продолжалъ Коростовъ.

Бамбученко вздрогнулъ и вопросительно посмотрѣлъ на гостя.

— Вы когда въ Петербургъ? — спросилъ тотъ.

Бамбученко еще раз пристально взглянул на него.

— Еще не скоро, — сквозь зубы отвѣтил онъ.

— А васъ тамъ ждуть, — внезапно сказалъ гость. — Болѣе того: даже просятъ возможно скорѣе пріѣхать... По какому-то дѣлу.

— Мнѣ никто ничего не писалъ и не телеграфировалъ, — замѣтилъ сквозь зубы Бамбученко, и прибавилъ послѣ паузы: — хорошо, я поѣду завтра.

Коростовъ поднялъ на него глаза.

— А не сегодня? — спросилъ онъ.

— Почему такая торопливость, — замѣтилъ Бамбученко.

Коростовъ ничего не сказалъ и сталъ прощаться.

— Такъ завтра, — спросилъ онъ. — Завтра безъ десяти два идетъ экспрессъ.

— Да, — неохотно отвѣтилъ хозяинъ, пожимая ему руку.

XXXV.

«Началось», подумалъ Бамбученко, когда двери затворились за незваннымъ гостемъ. Онъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ, какъ катились мокрѣя отъ дождя каретки и какъ блестѣли ихъ лакированныя крышки. Потомъ онъ не торопясь надѣлъ пальто и галоши, взялъ зонтикъ и пошелъ въ контору международныхъ вагоновъ.

«Если билетовъ не будетъ, завтра не поѣду», рѣшилъ онъ.

Но купе нашлось. Онъ вышелъ изъ конторы и не торопясь пошелъ вверхъ по бульвару.

«Въ послѣдній разъ», повторялъ онъ фразу, много разъ сказанную и дома, и здѣсь, и шелъ все впередъ, глядя на толпу, на витрины магазиновъ, на циферблаты часовъ. Въ какомъ-то ресторанѣ онъ обѣдалъ. Въ какомъ — онъ не помнитъ; пришелъ домой, едва зажглись фонари. Впереди предстоялъ длинный и скучный вечеръ, безъ близкихъ, безъ друзей, безъ знакомыхъ.

Но онъ еще на свободѣ: онъ могъ итти, куда хотѣлъ.

На другой день на вокзалѣ ему показалось, что какой-то молодой человѣкъ въ черномъ котелкѣ и коричневомъ пальто будто бы слѣдитъ за нимъ. Какія-то дамы съ букетами провожали русскаго сановника, котораго онъ зналъ и съ которымъ не только раскланялся, но и пожалъ руку. Бамбученко все казалось, что онъ не уѣдетъ, но стрѣлки все ближе подходили къ назначенному сроку, и шефъ предложилъ садиться, паровозъ свистнулъ, и грязный закопченный Парижъ сталъ убѣгать назадъ. Съ обѣихъ сторонъ вагона поднялись зеленѣя стѣны откосовъ, а городъ все дальше и дальше уходилъ къ югу. Вдали показалась башня Эйфеля. Новый соборъ мелькнулъ послѣдній разъ, и все исчезло въ грохотѣ, дыму и частой сѣткѣ въ который уже разъ сегодня начавшагося дождя.

Была ранняя весна, но въ вагонахъ, особенно въ столовой, жарко и душно. Послѣзавтра онъ въ Петербургѣ, еще полтора дня свободы.

А поѣздъ все мчится впередъ, сперва на сѣверъ, потомъ на сѣверо-востокъ. Вотъ и конецъ Франціи, вотъ смѣющаяся и ликующая Бельгія, уже покрытая сумракомъ надвигающейся ночи, французскій говоръ на станціи смѣняется нѣмецкимъ. Вотъ огромный кѣльнскій вокзалъ; вотъ безконечный мостъ черезъ Рейнъ,— вотъ настоящая Германія...

Онъ проснулся въ восьмомъ часу, когда поѣздъ подходилъ къ Берлину. Несмотря на раннее время и на праздникъ, въ Тиргартенскомъ паркѣ уже мелькали кавалькады мужчинъ и дамъ. Всадники ловко сидѣли на блестящихъ на солнцѣ, вычищенныхъ лошадяхъ; Бамбученко такъ потянуло къ нимъ въ паркъ: какъ бы онъ хотѣлъ сказать съ ними галопомъ, дышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ...

Онъ думалъ, что въ Вержболовѣ его ждутъ, но жандармскій ротмистръ такъ же сдѣлалъ ему подъ козырекъ и, какъ всегда, былъ любезенъ и предупредителенъ.

Въ Петербургѣ его встрѣтилъ лакей съ его каретой.

— Все благополучно? — стараясь придать голосу безпечность, спросилъ онъ.

— Все-съ,—угрюмо отвѣтилъ лакей.—Вчера какой-то пакетъ принесли и сказали, что очень нужно,—внезапно прибавилъ онъ.

— Гдѣ же онъ?—пытливо спросилъ Бамбученко.

— У васъ на столѣ.

Карета катилась по петербургскимъ улицамъ, грязнымъ и убогимъ, какъ ему показалось. На столѣ дѣйствительно оказалось письмо, писанное незнакомымъ почеркомъ, съ просьбой позвонить по телефону номеръ такой-то и сообщить, когда у него будетъ часа два свободнаго времени для необходимаго разговора съ такимъ-то слѣдователемъ. Онъ сейчасъ же подошелъ къ телефону, позвонилъ, сказалъ, что только что пріѣхалъ, но что завтра, въ одиннадцать часовъ онъ совершенно свободенъ. Завтра праздникъ, лучше послѣзавтра.

XXXVI.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ то, чего ожидалъ Бамбученко, совершилось. Онъ въ тюрьмѣ.

Комната, въ которой онъ сидитъ, отдѣльная. Ему позволено читать, писать сколько угодно. Безъ него, пока онъ былъ за границей, было три или четыре допроса у его дѣлопроизводителя. Всѣ обличающія его бумаги находятся въ судѣ. Какимъ-то чудомъ (Бамбученку казалось, что онъ самъ его бросилъ въ огонь) вырванный изъ шнуровой книги листъ тоже находится при дѣлѣ. Черезъ небольшое стекло окна видна весенняя зелень деревьевъ, та весен-

няя зелень, которую онъ недѣлю назадъ видѣлъ еще въ Парижѣ. Въ камерѣ душно почти такъ же, какъ и въ купе вагона. Ночью въ вагонѣ на жесткомъ международномъ тюфякѣ его встряхивало и вызывало сонъ, быть можетъ, и принудительный. Здѣсь все тихо, все темно и нѣтъ сна съ вечера до утра.

Томительно, однообразно тянутся дни, недѣли. Онъ проситъ объ одномъ: скорѣе, скорѣе его судить... Вотъ ближе, ближе этотъ судный день.

Вотъ онъ и насталъ. Вотъ онъ, сѣдой, сгорбившійся старикъ, и возлѣ него солдаты съ саблями наголо. Онъ идетъ понурясь по коридору. Вотъ онъ входитъ въ роковую залу... Сколько знакомыхъ лицъ въ публикѣ... И товарищи его по министерству, и подчиненные, и начальство,—все тутъ. Ихъ чередъ еще не насталъ... Онъ одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ...

26-мъ или 27-мъ пунктомъ обвинительнаго акта было установлено, что Бамбученко подлежитъ отвѣтственности за продажу простой воды, которой приписывалъ цѣлебное значеніе и, продавая ее по высокой цѣнѣ, вводилъ тѣмъ въ обманъ довѣрчивую публику.

На вопросъ суда, признаетъ ли онъ себя виновнымъ по этому пункту, подсудимый, уже освоившійся съ залой суда, иронически сказалъ:

— Мнѣ кажется, данный вопросъ предложенъ неправильно. Могу ли я признать себя виновнымъ въ томъ, что выпилъ стаканъ чаю?

Его попросили быть очень сдержаннымъ въ выраженіяхъ, но онъ не унимался:

— Въ такомъ случаѣ можно предъявить обвиненіе къ тѣмъ, кто продаетъ виши, нарзанъ, Франца-Иосифа и т. д.,—говорилъ онъ.—Могутъ ли эти продавцы утверждать, что ихъ воды производятъ тотъ эффектъ, который отъ нихъ ожидаетъ покупатель? Если же нѣтъ, то развѣ нельзя судить продавцовъ за мошенничество? Репутація нашей воды менѣе установлена медицинскими коллегіями, чѣмъ виши, а, можетъ быть, невская вода болѣе дѣйствительна? Во всякомъ случаѣ, вреда отъ этого пошла никому не приключилось.

— Однако, свидѣтель Колышкинъ, на деньги котораго вы открыли контору,—замѣтилъ прокуроръ,—утверждаетъ, что его братъ чуть не умеръ отъ этой воды.

— Отъ невской изъ-подъ крана,—поправилъ Бамбученко:—ужь вы и привлекайте къ отвѣтственности водопроводное общество, а не меня.

— Дѣлаю вамъ новое замѣчаніе,—сказалъ предсѣдатель.—Прокурорскій надзоръ безъ васъ знаетъ, кого слѣдуетъ привлекать къ суду, кого нѣтъ.

Бамбученко вообще ни по одному пункту не призналъ себя виновнымъ, утверждая, что на его мѣстѣ другой бы поступилъ въ десять разъ хуже, что это все дѣла семейныя, что изъ казны онъ не

взялъ ни одного гроша и что весь судъ надъ нимъ сплошное недоразумѣніе.

— Какое же недоразумѣніе,—возмутился предсѣдатель.—Слѣдствіе установило, что изъ шнуровыхъ книгъ вырывались листы, что казенное имущество перевозилось къ вамъ въ финляндское имѣніе, что даже казенныя лошади туда попадали.

И предсѣдатель иронически посмотрѣлъ на высокопоставленное лицо, сидѣвшее въ креслахъ впереди публики. Но лицо ничего своей мимикой не выразило и осталось неизвѣстнымъ, кому оно болѣе симпатизируетъ: предсѣдателю, или подсудимому.

Судебное слѣдствіе нигдѣ не нашло никакихъ денегъ. Съ трудомъ, по разнымъ банкамъ и учрежденіямъ, было собрано около двадцати тысячъ. Продажа «Геркуланума» еще больше не оправдала надежды, и охотниковъ покупать его совсѣмъ не находилось. Одни говорили: «далеко», другіе: «слишкомъ сѣверно», трети: «дорого», хотя, надо правду сказать, цѣна, за которую шло имѣніе, едва представляла третью его стоимости. Даже тѣ, кто могъ бы изъ этой покупки сдѣлать выгодную аферу, точно куда провалились. Тѣ, кто восхищались дешевизной и красотой «Геркуланума» во времена оны, изъявляя желаніе тотчасъ купить его, разбѣжались со страха во всѣ стороны. Бамбученко замѣтилъ, что недавніе его пріятели, ѣвшіе и пившіе у него, заискивавшіе передъ нимъ и говорившіе при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ комплименты, теперь на судѣ всѣ давали какія-то двусмысленныя показанія, а иные прямо намекали на то, что Бамбученко воровалъ, что они объ этомъ слышали съ разныхъ сторонъ, но молчали потому, что ихъ дѣло было сторона, да и мало ли всякаго вздора болтаютъ по городу. Одинъ свидѣтель Подхвостниковъ, которому Бамбученко сдѣлалъ дѣйствительно незаконную льготу, нагло отрекся отъ своего подстрекательства и все свалилъ на подсудимаго, говоря, что это Бамбученко предложилъ ему такую комбинацію.

Когда же предсѣдатель спросилъ его, заплатилъ ли онъ что за эту комбинацію подсудимому, онъ нахмурилъ брови, задумался и проговорилъ съ усиленіемъ:

— Теперь хорошенько не припомню.

Бамбученко погрозилъ ему со скамьи подсудимыхъ кулакомъ, за что еще разъ получилъ замѣчаніе отъ предсѣдательствующаго.

Бамбученку было предоставлено послѣднее слово.

Къ послѣднему слову онъ, очевидно, давно готовился и уже много разъ повторялъ его у себя въ камерѣ. Онъ слегка оперся о спинку скамьи защитниковъ и спокойно, почти дерзко взглянувъ на публику и судей, началъ:

— Абсолютной истины нѣтъ. Сколько людей, столько и взглядовъ на предметъ, я вижу господина предсѣдателя—съ его лѣвой стороны, а господина прокурора—съ его правой, все въ зависимости

отъ угла зрѣнія. Я вижу въ публикѣ почти три четверти моихъ, прежнихъ знакомыхъ, даже друзей, имъ интересно посмотрѣть какъ Бамбученко, прежній блестящій Бамбучейко, котораго видѣли въ лентѣ и со звѣздою, вдругъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ и обросъ бѣлой бородой. По-моему, это нисколько не интересно и вызываетъ скорѣе удивленіе и жалость, но они другого мнѣнія—ихъ дѣло. То же самое и касательно моихъ мнимыхъ преступленій. Что такое преступленіе? Это проявленіе злой воли, направленное противъ ближняго. Совершенно ли хоть одно подобное дѣяніе мною? Кому я сдѣлалъ зло? Кого унижилъ, ограбилъ, распаталъ какіе основы и устои, поколебалъ чьи имена и авторитеты? Пускалъ ли я по міру людей, дѣлалъ ли ихъ несчастными? Нѣтъ, нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Какая-то страница, вырванная изъ шнуровой книги... если бы я вырвалъ ее съ цѣлю скрыть какое-то преступленіе, то сжегъ бы ее, а не положилъ бы ее въ столъ, откуда судебный слѣдователь ее съ радостью вытащилъ и пришилъ къ дѣлу. Преступленіе только тамъ, гдѣ есть зло, а какое же зло, повторяю, я сдѣлалъ и кому? Если съ точки зрѣнія законности, съ точки зрѣнія юристовъ совершены мною преступленія—пусть! Я готовъ подчиниться всякому рѣшенію суда и готовъ понести всякую заслуженную мною, по его мнѣнію, кару, но я прямо говорю: совѣсть моя остается чиста передъ Богомъ и людьми, ибо ни одного проступка я не совершилъ.

Онъ поклонился и сѣлъ на скамью. Послѣднее слово имѣло большое значеніе для рѣшенія суда: Бамбученка не сослали на каторгу, какъ того многіе ожидали.

XXXVII.

Бамбученко живетъ на поселеніи.

Его домикъ стоитъ на холмѣ и оттуда видно верстъ на сорокъ кругомъ.

Дочери считаютъ своимъ долгомъ посылать ему до пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, и онъ живетъ безбѣдно.

За садикомъ онъ разбилъ хорошій огородъ. Ученый садовникъ изъ нѣмцевъ научилъ его, какъ надо ходить за нимъ, и у него растутъ не только картофель, капуста, горохъ и морковь, но устроены и парники и имѣется десятка два грядокъ французской земляники, чему завидуютъ всѣ сосѣди.

Когда случайные гости раза два въ годъ заглядываютъ къ нему и, глядя на его сѣдую бороду, спрашиваютъ: «Примирились ли вы съ этой жизнью?» онъ, хитро улыбаясь, замѣчаетъ:

— Ужъ ежели старецъ Кузьмичъ Благословенный въ нѣдрахъ Сибири жизнь покончилъ, то мнѣ и Богъ велѣлъ. Вотъ,—продолжаетъ онъ:—обвиняли меня въ растратѣ якобы казенныхъ денегъ.

а гдѣ же эти деньги? Если бы было у меня сто тысячъ да спряталь бы я ихъ, такъ ли я жилъ бы? Пятнадцать лѣтъ прошло со времени суда, а я все въ черномъ тѣлѣ, мнѣ ужъ за семьдесятъ, а я и въ дождь и въ вѣдро все въ огородѣ копаюсь...

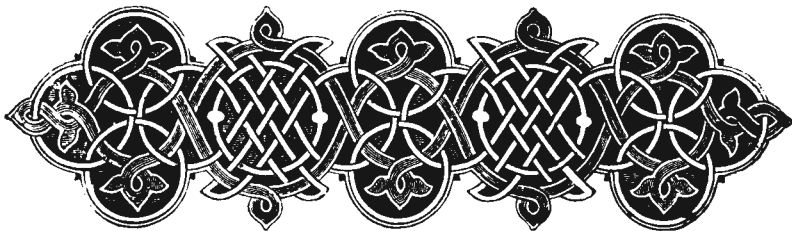
Вечеромъ онъ сидитъ на завалинкѣ своей избенки и смотритъ въ большой морской бинокль, какъ по сѣрой лентѣ убѣгающей къ западу дороги скачутъ тройки и четверки почтовыхъ экипажей и какъ пыль высокими столбами несется за ними, золотясь въ лучахъ догорающаго солнца. Онъ видитъ въ бинокль, какъ у проѣзжихъ сверкаютъ на фуражкахъ кокарды, а на иныхъ—даже различаеъ околыши.

— Вотъ не попались,—думаетъ онъ:—могли попасться, а не попались, а я почему-то попался. Что я сдѣлалъ? Казенные замки отъ дверей въ свое имѣніе переправилъ и по два рубля за замокъ въ казну заплатилъ? Кто же этого не дѣлаеъ? Да еще не платятъ ничего. Что я на обозныхъ лошадяхъ ѣздилъ, что на семьдесятъ рублей водопроводныхъ трубъ въ Финляндію переправилъ,—такъ за это въ Сибирь? Здѣсь подъ снѣгомъ и умирать старику. Что я изъ любви къ ближнему выдавалъ удостовѣренія въ томъ, что такой-то столько тысячъ долженъ въ этомъ году получить отъ насъ? Да денегъ-то я ему не выдавалъ, и когда онъ квитанцію возвращалъ—уничтожалъ ее. Виновать ли я, что онъ училъ эту квитанцію въ банкирской конторѣ? Вѣдь не я, а онъ же выкупалъ ее, чтобъ возвратитъ мнѣ. Что сторожа показали, будто они не все жалованье получали?.. Ужъ будто всѣ сторожа цѣликомъ свое жалованье получаютъ. Вотъ этотъ усатый съ кокардой, что на рыжемъ четверикѣ катитъ, небось не три лошади, а цѣлый табунъ въ свое имѣніе переправилъ! Въ казенный сундукъ свою лапу запускалъ ежедневно, однако на свободѣ катитъ, да еще прогоны получаеъ? А этотъ худенькій, можетъ, онъ и не король ничего, а сколько сотенъ тысячъ убытка казнѣ принесъ своимъ дурацкимъ управленіемъ, а между тѣмъ и чины, и ордена, и ленты, все получилъ, ни разу не попался! Случай! А могъ бы я еще послужитъ и не хуже всѣхъ тѣхъ, что служатъ, и вороваль бы меньше, чѣмъ они.

И онъ грустно задумывается, и солнце прощальными лучами золотитъ скорбную фигуру старика въ темномъ халатѣ, прикурнувшаго на скрипучей завалинкѣ...

П. П. Гнѣдичъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

I.

УСТОЙ, залихватый благовѣсть дрожаль въ морозномъ воздухѣ зимняго вечера. На другой день былъ какой-то большой праздникъ.

Авелевъ, тщательно переодѣтый, въ парикѣ, съ приклеенной большой темной бородой, боязливо оглядываясь по сторонамъ, сошелъ съ извозчичьихъ санокъ, расплатился съ возницей, неловко взвалилъ на плечо старый мѣшокъ изъ-подъ муки, въ которомъ былъ небрежно завязанъ плотничій «штрументъ», и, мягко шурша подшитымъ подборомъ непривычныхъ для него валенокъ, быстро поднялся по ступенямъ лѣстницы въ зданіе вокзала.

Все внутри его еще трепетало, понятная боязнь, что за нимъ слѣдятъ и стоитъ только ему выйти на перронъ, какъ его сейчасъ же арестуютъ, заставляла его ускорять шаги, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что ноги ему не повинуются, онѣ казались налитыми свинцомъ...

Но на понураго парня въ старенькомъ тулупѣ, въ деревенской, когда-то лисьей, вытертой шапкѣ, изъ которой торчала мѣстамп вата, никто не обращалъ вниманія. Его два раза толкнули носильщики-финны, тащившіе багажъ, а молодцоватый жандармъ, стоявшій у окошечка кассы второго класса, даже сурово ему крикнулъ:

— Проходи дальше, чего тутъ толчешься, еще неравно мѣшкомъ своимъ барыню какую задѣнешь!

Это замѣчаніе жандарма точно окрылило Авелева, онъ быстрѣе зашуршалъ валенками, выбрался на платформу и прошелъ къ стоявшему направо поѣзду въ Або.

Недалеко отъ паровоза, у одного изъ вагоновъ третьяго класса его ожидала жена Анна, также переодѣтая простой бабой. Сразу ее онъ не призналъ: большой шерстяной платокъ плотно окутывалъ ея голову, полузакрывая нижнюю часть лица, плохонькій полушубокъ и стоптанныя валенки до неузнаваемости измѣнили наружность Анны.

Она растерянно смотрѣла вдоль платформы, томясь отъ ожиданія и страха; у нея были билеты, предварительно взятые другимъ, въ головѣ у нея трепетала боязливая мысль: что она будетъ дѣлать, если мужъ не придетъ, если его схватятъ?

Она все-таки втащила въ вагонъ большой мѣшокъ съ необходимыми вещами, но сама вышла снова на платформу и съ мучительнымъ ожиданіемъ вглядывалась въ убѣгающія далеко доски пола, на которыя падали отъ электрическаго освѣщенія рѣзкія тѣни столбовъ. Звонко прогудѣла мѣдь перваго звонка. Молодая женщина вздрогнула, ея взоръ еще больше обострился, но, кромѣ багажныхъ кондукторовъ да какой-то прогуливавшейся, весело болтавшей молодой парочки, въ этой отдаленной части платформы никого не было.

Время ожиданія казалось для Анны нестерпимо долгимъ, но когда ея зоркіе глаза уловили еще вдалекѣ согбенную фигуру щуплаго мужичка, сердце ея забилося еще сильнѣе, блѣдное лицо залилось густой краской, она невольно готова была броситься навстрѣчу къ мужу, но осторожность удержала ее. Онъ тоже замѣтилъ ее и пошелъ скорѣе.

Подойдя къ ней вплотную и убѣдившись, что вокругъ нихъ никого нѣтъ, Авелевъ все-таки шопотомъ сказалъ Аннѣ:

— Кажется, не замѣтили, проскользнулъ!

Мужъ и жена вошли въ пустой еще вагонъ, освѣщенный стоячей калильно-керосиновой лампой, и сѣли предупредительно за дверью въ углу.

Въ вагонъ старой конструкціи было довольно прохладно, печку только что растопили, повидимому, его прицѣпили къ поѣзду прямо съ запаснаго пути, окна были сплошь покрыты затѣйливыми морозными узорами; съ платформы ничего не было видно внутри вагона.

Если кто и слѣдилъ, то снаружи ничего не могъ замѣтить. Это обстоятельство немного успокоило супруговъ. Говорили они между собою короткими тихими фразами, точно опасаясь, что даже черезъ деревянныя стѣнки вагоновъ или черезъ двойное стекло ихъ могутъ подслушать.

— Билеты у меня,—торопливо сказала Анна:—паспортъ съ тобою?

— Здѣсь,—отвѣчалъ онъ, невольно, по привычкѣ, опуская руку за полу плотно застегнутаго тулупа, но, вспомнивъ, что это не обычный его костюмъ, пальто, сталъ шарить въ толстыхъ суконныхъ штанахъ.

— Не позабудь, если понадобится сказать имя, что ты Флегонтъ Васильевъ, крестьянинъ Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда...

— Знаю, знаю, наизусть выдолбилъ,—прервалъ ее мужъ:—а ты Марья Евсѣева, моя жена?

Молодая женщина кивнула утвердительно головой и испуганно обернулась, слышавъ, что дверь скрипнула.

Въ вагонъ вошелъ истопникъ и, подойдя къ чугункѣ, принялся старательно мѣшать разгорѣвшіяся дрова длинной кочергой. Отъ открытой печечной дверцы потянулась теплая струя, вагонъ нагрѣвался, верхняя часть оконныхъ стеколъ очищалась отъ наледи.

Истопникъ, окончивъ работу, медленно направился къ выходу, мимоходомъ повернувъ къ сидѣвшимъ суровое, типичное лицо финна.

Невольная робость снова овладѣла бѣглецами, пугливое воображеніе сейчасъ же нарисовало имъ появленіе жандарма, арестъ.

Они растерянно ожидали, не смѣя даже разговаривать, и, когда дверь снова скрипнула, у бѣглецовъ тоскливо замерло сердце.

Въ вагонъ вошла полная женщина въ мѣховой ротондѣ, съ множествомъ корзинокъ и пакетовъ; часть ихъ она втащила сама, но еще больше принесъ носильщикъ.

Не замѣчая сидящихъ за дверями супруговъ, она довольно проговорила:

— Ни души! Вотъ благодать-то!—но, оглядѣвшись и замѣтивъ Авелевыхъ, презрительно процѣдила сквозь зубы:

— Мужичье! Успѣли ужъ залѣзть!

Это замѣчаніе пассажирки снова успокоило Петра Игнатьевича. Носильщикъ, размѣстивъ на полкахъ вещи, получилъ деньги и ушелъ, толстая пассажирка сѣла далеко отъ супруговъ, спиною къ нимъ. Гдѣ-то за окномъ раздался притушенный разстояніемъ оберъ-кондукторскій свистокъ, и поѣздъ плавно тронулся...

У бѣглецовъ екнуло невольно сердце, имъ удалось благополучно миновать первую преграду, но впереди было ихъ еще немало.

До Бѣлоострова супруги все еще не могли успокоиться, имъ казалось, что именно здѣсь конецъ ихъ благополучно начавшемуся бѣгству.

Уставшіе, пережившіе немало волненій за день нервы требовали отдыха, покоя. Авелевъ, убаюкиваемый мѣрнымъ постукиваніемъ вагона на стыкахъ рельсовъ, начиналъ уже нѣсколько разъ дремать, но заботливая Анна будила его.

— Послѣ Бѣлоострова будемъ спать, а теперь поддержишь, Петруша,—шептала она, искоса посматривая на толстую даму, аппетитно поглощавшую одинъ апельсинъ за другимъ.

— Валкассари — Бѣлоостровъ! — предупредительно сообщилъ, проходя по вагону, кондукторъ.

Въ три минуты стоянки никто не явился, чтобы арестовать бѣглецовъ, и они, съ облегченнымъ сердцемъ, улеглись спать. Спутница ихъ еще долго сосала апельсины, наконецъ и она успокоилась.

II.

Чуть брезжило въ окно вагона зимнее утро, когда проснулась Анна. Она сразу не могла сообразить, гдѣ находится, изумленно поглядывала на несвойственный ей костюмъ, находившійся на ней, но сейчасъ же память вернула ей все, что произошло вчера.

Молодая женщина пытливо осмотрѣлась; вчерашней толстухи не было, вмѣсто нея въ вагонѣ находилось нѣсколько финновъ, о чемъ-то оживленно между собою разговаривавшихъ; взглядъ ея перекинулся на крѣпко спавшаго мужа. Вчерашнее необычайное волненіе сказалось на немъ, онъ проспалъ всю ночь и даже теперь не обнаруживалъ желанія проснуться.

Анна оправилась, умылась и, не желая будить мужа, сѣла на прежнее мѣсто и стала думать.

Мысли ея складывались логически, не по вчерашнему, когда она не могла отдать себѣ ни въ чемъ отчета.

Вся картина неудачнаго покушенія проходила передъ нею точно въ умственномъ кинематографѣ. Вотъ она, вся трепеща отъ страха за мужа, холодѣя отъ ужаса передъ ожидаемой сценою убійства, прячется за угломъ дома, не сводитъ глазъ съ Петра, съ бомбой въ рукахъ, готовая кинуть послѣднюю по данному знаку...

Сигналь поданъ, разрушительный снарядъ падаетъ на мостовую, брошенный неопытною, трепещущей рукою...

Анна инстинктивно зажмурилась, но взрыва не послѣдовало. Не разбилась ли внутри снаряда стеклянная трубочка съ гремучею ртутью, плохо ли онъ былъ заряженъ, но бомба не разорвалась. По счастливой случайности первое время даже не обратили вниманія на минувшую страшную опасность, и это дало возможность скрыться покушавшимся, въ томъ числѣ и бросившему снарядъ мужу Анны, но не прошло и десяти минутъ, какъ все обнаружилось; полиція, сыщики, всѣ были поставлены на ноги, медлить было нельзя.

Благополучно избѣжавшимъ ареста супругамъ была предоставлена товарищами возможность къ бѣгству и даже намѣченъ путь черезъ сѣверно-западную Финляндію въ Швецію и дальше въ Парижъ, гдѣ они оба будутъ въ безопасности...

— Сто рюска сеншина, куда ѣхаль?—сразу вырвалъ изъ мыслей Анну осипшій мужской голосъ.

Она вздрогнула и обернулась.

Позади ея, опершись обоими локтями на спинку сидѣнья, стоялъ рослый, еще не старый финнъ; его бѣлясые глаза тупо устремились на русскую.

Анна колебалась, отвѣтить ему или промолчать, но почему-то рѣшилась отвѣтить, чтобы не возбудить, на всякій случай, подозрѣнія.

— Въ Улеборгѣ, голубчикъ, съ мужемъ ѣду,—неумѣло поддѣлываясь подъ говоръ простолюдинки, проговорила Авелева:—мужъ-отъ мой по плотничьему дѣлу ходитъ...

— Тукъ-такъ! Тукъ-такъ! —подражая стуку топора, промолвилъ финнъ:—русски плотничикъ работалъ лучше финскій плотничикъ, карѣе...—Работать пусть въ Россіа, не надо у финскій плотничикъ хлѣба брать!—прибавилъ онъ и укоризненно покачалъ головой.

— Мы оттуда въ Швецію поѣдемъ, не будемъ финскимъ рабочимъ мѣшать,—поправила Анна, замѣчая неудовольствіе собесѣдника.

— А-о, въ Свенска русски плотничикъ нужна,—согласился послѣдній, закурилъ трубочку и, отойдя къ товарищамъ, принялся имъ что-то рассказывать по-фински.

Анна Андреевна сообразила, что онъ говоритъ про нее и ея мужа.

— Скоро Тойюля!—сказалъ по-фински и перевелъ о-русски вошедшій въ вагонъ кондукторъ:—на Улеборгѣ надо пересаживаться.

Анна стала будить мужа.

Петръ Игнатьевичъ испуганно вскопчилъ и забормоталъ:

— Что, что, гдѣ?..

— Ничего, ничего, успокойся!—прошептала жена, кидая боязливый взглядъ на сидѣвшихъ на другой сторонѣ вагона финновъ:—сейчасъ пересадка.

Авелевъ засуетился, бессознательно забывая положенный имъ подъ скамейку мѣшокъ съ плотничьимъ инструментомъ. Зоркіе глаза говорившаго раньше съ Анною финна замѣтили оставленный мѣшокъ, и онъ крикнулъ вдогонку выходявшему изъ вагона русскому:

— Русски плотничикъ забываетъ мѣшокъ!

Петръ Игнатьевичъ спохватился и, стараясь не выдать овладѣвшаго имъ смущенія, вернулся, поднялъ мѣшокъ на плечи и, молча поклонившись финну, вышелъ на платформу станціи, гдѣ его ожидала обезпокоенная Анна.

Улеборгскій поѣздъ уже стоялъ, они пересѣли въ него. Какъ и вчера, въ вагонѣ было очень мало пассажировъ.

Только въ первый разъ послѣ бѣгства изъ Петербурга супруги вздохнули свободно. Вчерашнее покушеніе, окончившееся такъ благополучно, тяжелый кошмаръ необходимаго убійства остались по-

зади нихъ далеко. Ни самому Петру Игнатъевичу, ни Аннѣ почему-то не хотѣлось вспоминать объ этомъ, хотя бы теперь...

Смотря на этихъ скромныхъ молодыхъ людей, съ открытымъ, дѣтски-наивнымъ взглядомъ, трудно было предположить, что еще только нѣсколько часовъ назадъ они пошли на убійство человѣка.

Пользуясь одиночествомъ въ вагонѣ, всѣ пассажиры котораго вышли на одной изъ попутныхъ станцій, они говорили много, вспоминали о прошломъ, какъ-то неловко перескакивая на вчерашнее, строили планы о будущемъ, тамъ, въ той сторонѣ, гдѣ все имъ было чуждо, незнакомо...

— Не пропадемъ и тамъ, Аня,—стараясь быть увѣреннымъ и подержать бодрость въ женѣ, говорилъ Авелевъ.

— Разумѣется.—соглашалась съ нимъ она, чуткимъ ухомъ любящей женщины улавливая въ его словахъ тонъ сомнѣнія:—будемъ учиться, работать и...

Авелевъ насторожился, въ душѣ у него тоскливо заняло.

— И когда-нибудь, можетъ быть, вернемся на родину...—трепетно, точно не довѣряя самому себѣ, докончилъ онъ женину мысль.

Анна молча наклонила голову. Имъ обоемъ въ эту минуту она стала такъ дорога, такъ мила. Страстное желаніе вернуться обратно туда, гдѣ все было имъ родно, близко, дорого, овладѣло обоими супругами. Они молча переживали это невольное чувство тяготѣнія къ родной землѣ, искоренить которое удастся только рѣдкому, а въ особенности русскому, болѣзненно любящему свой родной уголь.

Анна первая овладѣла собою и, перебивая настойчивыя мысли, стала говорить мужу о Франціи, куда они сейчасъ отправлялись.

— Только бы тебѣ удалось устроиться въ Парижѣ, обо мнѣ не безпокойся, я найду себѣ занятіе, сложа руки сидѣть не буду.

Въ тихомъ, пріятномъ голосѣ этой блѣдной маленькой женщины чувствовалась энергія и увѣренность въ себѣ. Петръ Игнатъевичъ былъ совершенно другого характера; въ его мечтательныхъ голубоватыхъ глазахъ, во всей его щупловатой, некрупной фигурѣ проглядывала чисто славянская лѣнь, мечтательность, расплывчатость мысли, неумѣнье согласовать слово съ дѣломъ. Авелева можно было увлечь, подбить на подвигъ, онъ быстро загорался, точно передъ нимъ откидывалась какая-то завѣса и онъ провидѣлъ будущее, но восторженность его быстро проходила, краски тускнѣли, огни потухали, чисто славянская натура брала вверхъ, мечтательность властно затемняла реальную жизнь, въ мысляхъ его начинали вырастать грандіозные, фантастическіе планы, не имѣющіе подъ собою основанія, дѣтски наивные, совершенно несбыточные. Заправиламъ партіи былъ ясенъ весь духовный міръ Авелева, и когда на него палежребій бросить бомбу, увѣренность у всѣхъ, что покушеніе удастся, отсутствовала. Надѣялись только, что Анна, тоже вѣрно оцѣнен-

ная ими, придастъ бодрости слабохарактерному мужу въ послѣднюю минуту.

Но въ неудачѣ покушенія винить Петра Игнатьевича было нельзя: онъ, хотя и робко, но исполнилъ опасное порученіе...

Короткій день угасаль, на безконечномъ снѣжномъ покровѣ отразилась багровая краска заката. Стали ложиться сумрачныя тѣни вечера, въ домикахъ, раскинутыхъ около желѣзнодорожнаго полотна, вспыхнули огоньки. Поѣздъ шель медленно, но уже за Таммерфорсомъ началъ тащиться, точно не желая прибавлять ходу для малочисленныхъ пассажировъ. Однообразный, долгій путь началъ утомлять бѣглецовъ. Они задремали подь мѣрное постукиваніе колесъ. Аккуратный кондукторъ разбудилъ ихъ около станціи Сенэюки, откуда шла небольшая вѣтка въ Николайштадтъ, но, осмотрѣвъ вторично билеты пассажировъ, спокойно сказалъ:

— Не пересадитесь!

III.

Снова потянулся долгій, скучный путь, но, несмотря на неизбѣжную скуку, онъ принесъ еще болѣе успокоенія супругамъ. Они были теперь увѣрены, что бѣгству ихъ никто не помѣшаетъ и перебраться черезъ пограничную черту имъ удастся вполнѣ благополучно.

Утромъ они прибыли въ Улеборгъ, до Торнео пришлось ѣхать еще медленнѣе, мѣстами путь былъ занесенъ снѣгомъ, поѣздъ прибылъ туда только ночью.

Авелевымъ пришлось переночевать въ какой-то плохонькой равинтолѣ, не то гостиницѣ, не то трактирѣ, ночью переходить черезъ границу было опасно.

Задержка взволновала впечатлительнаго Петра Игнатьевича, ему уже началъ мерещиться неизбѣжный арестъ, успокоившіеся за время дороги нервы снова натянулись, онъ не могъ заснуть всю ночь и еще далеко до разсвѣта разбудилъ жену.

— Вставай, Аня, попытаемся проскользнуть пораньше. въ темнотѣ не такъ замѣтно, — тревожно сказалъ онъ ей.

Разоспавшаяся Анна Андреевна тщетно старалась его успокоить, мужъ настаивалъ на немедленномъ отправленіи. Съ трудомъ удалось ей уговорить его подождать хотя утра.

Петръ Игнатьевичъ успокоился, плохо проведенная ночь сказала, и онъ невольно заснулъ. Было ужъ поздно, зимнее блѣдное солнце заглянуло въ окно комнаты, когда онъ проснулся и изумленно посмотрѣлъ на незнакомую обстановку. Жены не было въ комнатѣ, она хлопотала, чтобы заварить чай.

Солнечный день прогналъ тяжелое настроеніе ночи. Всѣ опасенія Авелева исчезли, и, когда Анна вернулась съ кофейникомъ, въ кото-

ромъ былъ заваренъ чай, Петръ Игнатьевичъ встрѣтилъ ее веселыи восклицаніемъ, забывая о ночныхъ страхахъ:

— Ну, Аня, теперь мы почти въ безопасности, бояться, кажется, намъ уже печево!

Жена чуть замѣтно улыбулась, припоминая еще недавнія слова мужа, но благоразумно не напомнила ему о нихъ.

— Напьемся чаю, да и поидемъ,—замѣтила она.

— Ты права, времени терять намъ нельзя,—согласился Авелевъ:— какъ ты думаешь, не оставитъ ли эту декорацію здѣсь?—презрительно указывая на мѣшокъ съ инструментами, прибавилъ онъ.

— Какъ ты хочешь, но мнѣ кажется, что именно благодаря имъ, намъ и удастся проскользнуть черезъ границу,—осторожно возразила Анна.

— И въ этомъ случаѣ ты права, мастеровому больше довѣрія,—согласился мужъ:—онъ ищетъ себѣ кусокъ хлѣба вездѣ.

Расплатившись въ равинтолѣ, супруги собрались и пошли къ узкому пограничному мосточку, отдѣляющему финляндское Торнео отъ шведской Хапаранды.

Морозъ за ночь усилился. Градусникъ, висѣвшій у дверей ратуши, мимо которой имъ пришлось проходить, показывалъ тридцать два градуса по Цельзію, но вѣтра не было; морозъ холодилъ лицо, но не жалилъ, какъ при вѣтрѣ.

— Береги пось,—шутливо замѣтилъ женѣ Петръ Игнатьевичъ, къ которому возвратилось шутливое настроеніе.

Пограничный жандармъ, тоже иззябшій, небрежно оглянуль бѣглецовъ и, убѣдившись, что это обычный русакъ-рабочій съ женою, не сталъ даже спрашивать пропускного свидѣтельства, ограничиваясь только вопросомъ:

— На недѣлю?

Авелевъ смутился, онъ не предвидѣлъ подобнаго вопроса, но Анна бойко отвѣтила вмѣсто него;

— На недѣлю, а то може и раньше вернемся, сколько дѣла будетъ!

— Ну, ладно, ступайте, обратно какъ поидете, тогда и посмотрю ваше свидѣтельство!—и онъ махнулъ караульнымъ, чтобы они пропустили.

Измученные легкостью пропуска, супруги не заставили себя просить и быстро перешли мостикъ.

Осторожная Анна, желая выдержать весь характеръ русской, въ поясъ поклонилась пропустившему ихъ жандарму и только тогда догнала мужа, ушедшаго впередъ нея.

— Чего ты тамъ замѣшталась?—спросилъ ее насмѣшливо Авелевъ:—прощаться съ родиной. что ли, надумала?

Анна промолчала, ей почему-то показался неумѣстнымъ вопросъ мужа.

Они шли по чужой землѣ, родина осталась за ними, впереди высились чистенькіе домики шведскаго городка.

Въ Хапарандѣ никто не обращалъ вниманія на русскихъ, у каждаго было своего дѣла достаточно.

— Ну, а теперь какъ мы поѣдемъ дальше?—спросилъ потерявшійся Петръ Игнатьевичъ, никогда не бывавшій до сихъ поръ за границей и не знавшій, какъ быть; къ тому же онъ не зналъ никакого языка, кромѣ русскаго.

Анна Андреевна быстро нашлась. На плохомъ нѣмецкомъ языкѣ она сумѣла объяснить въ маленькой гостиницѣ и разузнать о дальнѣйшемъ пути.

Предупредительная хозяйка любезно ей все рассказала.

— Jasso! Чтобы добраться до Стокгольма, вамъ нужно ѣхать на Лулео, но желѣзной дороги у насъ туда нѣтъ, придется воспользоваться оленями. Но почему вы не плыли изъ Або прямо на пароходѣ?—спросила любопытная фру Грэнъ.

— Пароходы не ходятъ, морѣ замерзло,—придумала Авелева.

— Jasso!—покачавъ головой, согласилась шведка:—тогда вамъ лучше всего ѣхать на оленяхъ. Вашъ мужъ будетъ работать въ Стокгольмѣ?—продолжала она свои разспросы.

Несмотря на свое любопытство, она оказалась очень полезной русскимъ, указала имъ, гдѣ достать нарты съ оленями и что заплатить за проѣздъ.

Перемѣнить костюмъ бѣглецы рѣшили только въ Стокгольмѣ; до столицы Швеции имъ предстоялъ не близкій путь, а для зимнихъ холодовъ крестьянскіе полушубки сослужили имъ обонимъ немалую службу.

Рѣзвые олени быстро, скорѣе, чѣмъ лошадь, довели ихъ до городка Лулео, а оттуда рельсовый путь открывалъ имъ весь міръ.

IV.

Въ Берлинѣ, гдѣ супруги должны были остановиться, согласно врученному имъ маршруту, они нашли на почтѣ на условное имя письмо.

Въ немъ описывалось о послѣдствіяхъ неудачнаго покушенія, сообщалось нѣсколько предупрежденій и слѣдующій планъ дѣйствій.

— Ѣхать прямо въ Парижъ мы не должны, сперва необходимо прожить нѣсколько времени въ Бретани, а ужъ потомъ пріѣхать туда,—объяснилъ мужъ Аннѣ:—къ тому времени для меня будетъ приготовлено мѣсто на заводѣ.

Предстоялъ еще почти цѣлый мѣсяцъ скитаній и невозможность правильно работать, но разъ это было необходимо партіи, приходилось покориться!

Хотя молодость охотно довѣряетъ всѣмъ обѣщаніямъ, но у Анны, не мало переиспытавшей въ жизни, невольно возникли сомнѣнія:

— Хорошо, если это такъ и будетъ, а если...

Но сомнѣніямъ не могло быть мѣста, разъ дѣло идейное и денежные средства партіи за послѣднее время значительно увеличились.

Остающихся у супруговъ денегъ могло хватить еще недѣли на три, даже на мѣсяць, а затѣмъ?

«Партія поможетъ!» выводилась логичная связь съ предыдущимъ, но сердце попрежнему ныло, просыпалось невольное сомнѣніе, обрывалась знакомая тропинка на опасномъ, высокомъ обрывѣ.

Вмѣсто Бретани супруги остановились въ Пикардіи, въ небольшой деревушкѣ около Амьена. Тихій уголокъ понравился имъ обоимъ, но зарабатывать тамъ было нечего, тѣмъ болѣе имъ, иностранцамъ, не знавшимъ самой страны, условій ея жизни и языка.

Время катилось быстро.

Во время невольнаго досуга оба русскіе старательно изучали французскій языкъ, имъ предстояло провести здѣсь немалое время. Въ то время, какъ Анна Андреевна быстро и сравнительно съ небольшимъ трудомъ освоилась съ чуждымъ для нея нарѣчіемъ, самому Авелеву оно давалось не легко, ему приходилось осиливать его долго, онъ плохо его усваивалъ.

Настало время для переѣзда въ Парижъ.

Супруги поселились въ дешевой меблированной комнаткѣ за Мон-мартромъ. Оттуда Авелеву были ближе ходить на электротехническій заводъ, куда ему помогли поступить.

— А какъ же быть съ наукой?—недоумѣвающе спрашивалъ онъ жену.

— Подожди, не все сразу, Петруша, попривыкни, поработаай здѣсь, послѣ увидимъ, какъ быть.

Хозяйка комнатъ была съ ними очень любезна и предупредительна, ей почему-то всѣ русскіе представлялись непременно богачами.

— О, прекрасно понимаю, отчего они не хотятъ тратить больше денегъ!—увѣренно качая головой, говорила м-мъ Тревизъ своей пріятельницѣ-лавочницѣ, дѣлая при этомъ таинственное лицо и досказывая почему.

Сосѣдка не возражала, ей было все равно, всѣ заботы лавочницы сосредоточивались только на барышѣ отъ ея торговли, мысли постоянно были заняты, какъ у большинства французозъ: какъ бы побольше съэкономить денегъ и отложить въ сберегательную кассу.

Хозянку немного изумляло только, почему ея жилецъ поступилъ на заводъ простымъ рабочимъ, но и это она объяснила по-своему: «Онъ хочетъ выучиться на практикѣ, вѣроятно, онъ инженеръ».

Потянулись однообразные рабочіе дни. Петръ Игнатьевичъ, не привыкшій къ усиленной систематической работѣ, уставалъ и то-

мился. Временная энергія у него исчезла, онъ скучаль о безалаберной жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, тамъ никто не заставляль его заниматься, работать, когда онъ не хотѣль, деньги на урокахъ зарабатывались сравнительно легко, здѣсь же трудъ былъ чисто физическій, непривычный, педантичные французы не любили платить даромъ денегъ, строго наблюдая, чтобы оплачиваемое ими время было употреблено съ пользою для нихъ. Петръ Игнатьевичъ тщательно скрываль отъ жены первое время свое недовольство, но хорошо изучившая его Анна читала на его лицѣ всѣ впечатлѣнія, все настроеніе мужа. Она предчувствовала, что такъ долго продолжаться не можетъ, онъ не выдержитъ чуждаго ему труда и покинетъ заводъ...

V.

Авелевъ вернулся съ работы сумрачный, раньше обычного времени. Изумленная его приходомъ Анна пытливо взглянула на молчавшаго мужа, терпѣливо ожидая, что онъ скажетъ.

— Сегодня я вернулся раньше...—смущенно уронилъ Петръ Игнатьевичъ.

Анна чуть замѣтно вздрогнула, ее поразилъ упавшій голосъ мужа, но она удержалась отъ разспросовъ.

Авелевъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, нервно потирая руки, разсѣянно посмотрѣль въ окно на тихую, узкую улицу, взбѣгавшую еще выше въ гору и, обернувшись къ женѣ, неестественно громко, точно желая ободрить самого себя, сказалъ:

— Я совсѣмъ ушелъ съ завода, Анна.

Молодая женщина ожидала этого. Стараясь быть спокойной, она оторвала глаза отъ шитья и дѣланно-бодрымъ взглядомъ посмотрѣла на мужа.

— Ушелъ? Но почему же?

— Видишь, это трудно будетъ тебѣ объяснить!—торопливо проговорилъ Авелевъ, тщательно избѣгая смотрѣть на жену:—они... они странно относились ко всей моей работѣ, мастеръ каждый разъ, осматривая ее, покачиваль головою и, показывая ее старшему, пожималь плечами...

—Но на это ты, Петя, не могъ обижаться, ты вѣдь самъ пони маешь, что для тебя подобная дѣятельность совершенно нова, ты мало съ нею знакомъ...

— Но пойми же, меня возмущали эти усмѣшки, подобное нетоварищеское отношеніе!—прерваль ее мужъ.

— Какой же ты для нихъ товарищъ, ты... ты...—замялась Анна.

Переставшій ходить по комнатѣ Петръ Игнатьевичъ усталъ на нее.

— Что я?—спросилъ онъ и въ голосъ его почувствовалось раздраженіе.

— Ты для нихъ только рабочая сила,—стараясь мягче выразиться, отвѣтила Анна:—можетъ быть, потомъ, спустя извѣстное время, они сочтутъ тебя своимъ товарищемъ, но теперь ты для нихъ лишній человѣкъ, мѣшающій другому ихъ товарищу, мѣсто котораго ты занялъ.

Петръ Игнатьевичъ понурилъ голову, въ словахъ жены онъ слышалъ правду.

— Что же теперь дѣлать?—глухо спросилъ онъ, съ какой-то ненавистью поглядывая на свой костюмъ французскаго рабочаго, которымъ онъ поспѣшилъ заpastись:—не итти же опять на заводъ умаливать, чтобы взяли обратно!

— Итти туда не стоитъ, все равно не возьмутъ, ты для нихъ непригоденъ...

— Такъ что же тогда дѣлать?

— Во-первыхъ, не унывать отъ первой неудачи, а затѣмъ хлопотать, искать другого заработка.

— Зарботка! Легко сказать, я и языка порядочно не знаю... Сходить къ нашимъ, что ли?

— Разумѣется, иди, черезъ нихъ же ты получишь эту работу, они помогутъ тебѣ найти и другую.

Авелевъ снова накинулъ дешевенькій плащъ на плечи и, окрыленный надеждой, отправился къ указаннымъ ему партіей лицамъ.

Анна Андреевна, послѣ ухода мужа, снова принялась за работу.

Руки ея работали машинально, мысли молодой женщины были далеко отсюда, на лбу обнаружилась складка заботы, брови сдвинулись. Ей почему-то не вѣрилось, что партія долго будетъ поддерживать ея мужа; за послѣднее время она убѣдилась, что имъ почти не интересовались, и только въ виду того, что на него выпалъ жребій, помогли бѣжать и здѣсь, въ Парижѣ, доставили на заводѣ мѣсто...

«А, впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, онъ имъ нуженъ, поддержать,—тихо высказалась ея мысль:—куда-нибудь приткнуться на мѣсто...»

Въ дверь тихо постучали.

— Войдите!—изумленно сказала Анна, не поднимая головы отъ работы.

Въ комнату вошла квартирная хозяйка.

— Я къ вамъ забѣжала на минутку, мадамъ,—непріятно зазвучалъ въ ушахъ квартирантки ея рѣзкій голосъ:—я сейчасъ встрѣтила на улицѣ вашего мужа и хотѣла васъ спросить: ужъ не заболѣлъ ли онъ, что такъ рано вернулся домой?—допытывалась любопытная французейка.

— Нѣтъ, благодарю васъ, онъ совершенно здоровъ,—сдерживая себя, отвѣтила Авелева:—ему нужно было сходить сегодня по одному дѣлу, онъ и вернулся раньше.

— Ну, да, разумѣется, можетъ манкировать, онъ вѣдь работаетъ не ради заработка...

Еще съ большимъ изумленіемъ посмотрѣла на посетительницу Анна, ее поразило это замѣчаніе.

— Не для заработка? Такъ для чего же иначе?

Француженка какъ-то особенно улыбнулась, сдѣлала увѣренный жестъ рукою и шутливо промолвила:

— Я ничего не говорю, но мадамъ разрѣшить мнѣ думать иначе.

— Какъ вамъ угодно, мадамъ Тревизъ, но я все-таки должна вамъ сказать, что вы ошибаетесь.

— Не будемте объ этомъ говорить, мадамъ,—умоляюще-вѣжливымъ тономъ сказала хозяйка и, быстро сорвавшись со стула, съ легкимъ поклономъ исчезла за дверью.

Авелева снова задумалась, она поняла, что хозяйка считаетъ ихъ за богатыхъ, и сегодняшняя непріятность съ мужемъ еще больше обострила ея мысли. Уже нѣсколько дней Анна чувствовала какое-то недомоганіе, до сихъ поръ никогда ею не испытанное, ей сталъ противенъ салатъ и прочая зелень, такъ обильно входящая въ обѣденный обиходъ французовъ. Мысль ея стала работать сильнѣе...

— Неужели?—еле слышно прошептала она и, хотя въ комнатѣ, кромѣ нея, никого не было, невольно покраснѣла. Она чувствовала себя счастливой, но какое-то острое ощущеніе непріятности, страха заставляло тускнѣть и уменьшаться эту радость. Анну, противъ ея воли, смущало неизвѣстное будущее, неувѣренность въ работоспособности Петра Игнатьевича...

Энергичнымъ движеніемъ головы она пыталась откинуть всѣ эти безпокойныя мысли, сомнѣнія и снова принялась за шитье.

Только часа черезъ два пришелъ домой Авелевъ. До помѣщенія «нашихъ» было не близко, да къ тому же и застать не всегда возможно. Петръ Игнатьевичъ вернулся веселымъ, успокоеннымъ.

Анна тревожно посмотрѣла на него.

— Ну, что? Удалось что-нибудь устроить?

— Все наладилось, какъ нельзя лучше! Обѣщали найти мнѣ, другое, болѣе мнѣ свойственное занятіе, предлагали взять денегъ...

— И ты взялъ?

Авелевъ пожалъ презрительно плечами.

— За кого ты меня принимаешь! Разумѣется, отказался.

Анна невольно отшатнулась отъ мужа.

— Отказался! Но ты забылъ, что у насъ остались гроши, подходить конецъ недѣли, нужно платить хозяйкѣ, къ тому же... къ тому же...

Невольно смутилась она и густо покраснѣла, но, преодолевъ ложный стыдъ, твердо проговорила:

— Я беременна!

Петръ Игнатьевичъ, ошеломленный этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, стоялъ молча передъ женою, его охватили самыя разнообразныя чувства. Быть отцомъ была его давнишняя мечта, но теперь, когда положеніе ихъ было до невозможности шаткое, необезпеченное, ему сразу представилась вся трудность, тяжесть, которыя падуть на нихъ обоихъ; но радость такъ же, какъ и у Анны, преодолѣла второе чувство, и онъ дрожащимъ голосомъ прошепталъ:

— Аня, дорогая моя, если бы ты знала, какую радость ты доставила мнѣ этимъ.

Анна Андреевна встрепенулась. Слова мужа невольно ее ободрили, будущее не стало казаться ей такимъ мрачнымъ, какъ раньше, она начинала въ него вѣрить.

VI.

Авелевъ получилъ занятіе чертежника у одного изъ сочувствующихъ революціонному движенію инженера. Работа была не изъ сложныхъ и, благодаря этому, оплачивалась довольно скудно; жить на этотъ заработокъ супругамъ было не легко, въ особенности въ ожиданіи прибавленія семьи и сопряженныхъ съ этимъ случаемъ неожиданныхъ расходовъ, но все-таки жилось и дышалось.

— Какъ я сожалею, Петя, что сейчасъ я не могу помогать тебѣ, — не разъ повторяла Анна: — но какъ только все это окончится, будемъ зарабатывать оба.

Чертежная работа была ближе Авелеву, чѣмъ занятія на заводѣ, гдѣ ему приходилось трудиться чисто физически и дѣлать то, къ чему онъ не привыкъ и никогда не работалъ.

Инженеръ платилъ немного и неравномѣрно, нерѣдко работы у него не было и тогда супругамъ приходилось плохо, помощи ниоткуда не было. Авелевъ падалъ духомъ, онъ не жаловался, не нылъ, но на лицѣ у него читалось такое отчаяніе, что женѣ приходилось утѣшать его, какъ малаго ребенка.

Весну кое-какъ пробились. Позадолжали и тамъ и сямъ; хозяйка на первую задержку платежа не обратила особаго вниманія, она продолжала еще думать, что русскіе жильцы обладаютъ хорошими средствами.

«Вѣроятно, они еще не получили денегъ изъ дому, — разсуждала французенка: — я замѣчаю, что они не любятъ много тратить, оттого и живутъ такъ скудно», и рѣшила терпѣливо ожидать.

Наступили второй и третій платежи, мадамъ Тревизъ все еще надѣялась, вѣрила въ созданное ея пылкимъ воображеніемъ фантастическое богатство русскихъ.

Анна Андреевна каждый разъ смущенно просила «обождать съ деньгами», на что хозяйка съ неизбежной любезной улыбкой отвѣчала:

— О, мадамъ, охотно, я вполне понимаю, деньги изъ Россіи могли опоздать!

Изумленная подобными отвѣтами о какомъ-то денежномъ полученіи изъ Россіи, Авелева не пыталась ей возражать во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Четвертая недѣля приближалась къ концу, но извѣщенія изъ банка или съ почты, что ожидаемая ею деньги пришли въ Парижъ, русскими не получалось, мадамъ Тревизъ почувствовала безпокойство, ея иллюзіи исчезали.

— Можетъ быть, у нихъ и дѣйствительно ничего нѣтъ, —ворчала хозяйка:—нужно принять мѣры, чтобы не кормить даромъ этихъ нищихъ!

Все сразу перемѣнилось, порціи за обѣдомъ сократились до неузнаваемости, въ утреннемъ кофе было больше воды, чѣмъ молока, Аннѣ частенько приходилось выслушивать ѣдкія замѣчанія хозяйки, что вся провизія теперь не дешева, но существуютъ люди, не понимающіе, что даромъ прожить нельзя, немало на свѣтѣ обманщиковъ, выдающихъ себя за богачей, а въ дѣйствительности они нищіе...

— Петя, намъ нужно во что бы то ни стало разсчитаться съ хозяйкой, —нервно сказала мужу Анна, когда онъ возвратился домой:—право, я не въ силахъ больше выносить ея издѣвательства!

— Чѣмъ же мы ей заплатимъ?—уныло отвѣтилъ мужъ:—ты сама знаешь, у насъ нѣтъ денегъ.

— Нѣтъ денегъ, я это знаю! Заложимъ все, что можно, и отдадимъ ей!

Ненасытный зѣвъ закладчика поглотилъ жалкій гардеробъ русскихъ. Уплатили кое-что мадамъ Тревизъ, до полного расчета съ нею еще многого не хватало. Работы у инженера становилось все меньше и меньше, заработокъ упалъ до пустяковъ.

Авелевъ нѣсколько разъ ходилъ къ «нашимъ», получалъ кое-когда нѣсколько франковъ, но и эти подачки прекратились.

— Вы молоды, можете работать, приспособиться гдѣ-нибудь!—услышалъ онъ рѣзкій отвѣтъ.

— Я больше не пойду туда!—возмущенно говорилъ онъ Аннѣ.

— Не нужно, не ходи, —стараясь быть спокойной, согласилась она съ нимъ, но мысль «что же дальше дѣлать?» не давала ей покоя.

Инженеръ куда-то уѣхалъ на лѣто изъ Парижа, съ его отъѣздомъ исчезъ и послѣдній жалкій заработокъ. Хозяйка уже прямо напоминала, что даромъ она держать ихъ не намѣрена.

— Если не можете платить, уѣзжайте за городъ, тамъ жить дешевле, можетъ быть, найдете и какое-нибудь занятіе!

Авелева слушала со вниманіемъ французенку, она соображала, что послѣдняя права, жизнь внѣ Парижа много дешевле: но чѣмъ можетъ тамъ заняться ея мужъ? Опять поступить на заводъ? Другое занятіе, болѣе интеллигентное, за городомъ трудно найти.

— Что жъ, переѣдемъ!—съ какимъ-то безразличіемъ согласился Петръ Игнатьевичъ, ему было все равно, неудачи послѣдняго мѣсяца очень повліяли на скоро надающаго духомъ Авелева:—но у насъ почти ничего нѣтъ!

Анна не возражала, она искала выхода изъ тяжелатаго положенія. Найти его было не легко, пришлось поневолѣ обратиться за совѣтомъ къ знакомой лавочницѣ.

— Если вашъ мужъ не боится и не брезгаетъ физической работой, я могу указать ему кое-что, на чемъ онъ можетъ зарабатывать...—неувѣренно отвѣтила послѣдняя.

— Нисколько, онъ готовъ приняться за любой трудъ.

— Въ такомъ случаѣ я поговорю съ огородникомъ, доставляющимъ мнѣ ежедневно раннимъ утромъ овощи. Ему, кажется, нуженъ былъ работникъ, придите завтра, я дамъ вамъ отвѣтъ.

Анна Андреевна не хотѣла раньше ничего говорить мужу, жалкая соломинка, за которую она хотѣла ухватиться, могла обломиться и повергнуть его въ еще болѣе отчаяніе.

— Вы счастливая,—еще издали крикнула ей лавочница, когда на другой день она пришла за отвѣтомъ:—огородникъ не прочь взять къ себѣ вашего мужа.

Анна невольно вздрогнула, она не ожидала благоприятнаго отвѣта.

— Разумѣется, много онъ не можетъ предложить, не зная, пригоденъ ли вашъ супругъ для подобнаго рода труда.

«Хотя бы столько-нибудь пока, чтобы хватило намъ обоимъ на жизнь!» хотѣла отвѣтить Анна, но во время удержалась и спросила:

— А сколько именно?

— Да пятнадцать франковъ въ недѣлю, его ѣда; вы тоже пригодитесь для огорода,—пропальвать грядки не мужская работа, лѣтомъ кормить людей ему не трудно, зелени своей много!

Наскоро поблагодаривъ сердобольную лавочницу, Анна вернулась домой, чтобы поскорѣе сообщить мужу о найденной работѣ.

VII.

Хотя работа у огородника была не изъ легкихъ, хозяинъ не любилъ, чтобы работники оставались безъ дѣла, но Авелевъ не тяготился своимъ положеніемъ. Анна тоже работала, но съ каждымъ днемъ ей становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, беременность сказывалась.

Петръ Игнатьевичъ работалъ днемъ вмѣстѣ съ двумя другими работниками около земли, поднималъ заступомъ старья, уже опустошенныя грядки, поливалъ новую рассаду, садилъ ее, а къ вечеру, собравъ спѣлую зелень, укладывалъ въ большой фургоны, отвозимый самимъ хозяиномъ каждую ночь въ городъ на продажу. Физическій трудъ и чистый загородный воздухъ укрѣпили слабое здорověе русскаго. Для житья супруговъ хозяинъ отвелъ небольшую комнатку, скорѣе каморку подъ самой крышею на чердакѣ своего домика, лѣтомъ и этого было вполне достаточно.

Занятому цѣлыми днями работой, — только въ воскресенье до пяти часовъ давался работникамъ отдыхъ, — утомленному Авелеву некогда было думать о будущемъ, усталость брала свое и, вернувшись послѣ ужина въ свою каморку, Петръ Игнатьевичъ сразу засыпалъ. За него думала Анна; заботливая женщина уже теперь соображала, какого рода трудъ выпадетъ на ихъ долю, когда съ началомъ осени огородникъ расчитаетъ до весны своихъ рабочихъ; онъ могъ остаться на осень и зиму одинъ.

Куда итти тогда? Гдѣ искать работы?

Осенью они уже будутъ втроемъ, родится ребенокъ, онъ внесетъ безпорядокъ въ ихъ трудовую жизнь, отниметъ у нея время. Положимъ, и теперь скоро она не будетъ въ состояніи работать, ну, а затѣмъ...

Но у маленькой, слабой по виду женщины имѣлся большой запасъ энергіи, она никогда не падала духомъ, какъ Петръ Игнатьевичъ, увѣренность ее не покидала.

Стоя на колѣняхъ между грядками, терпѣливо выпалывая сорную траву, она постоянно работала мыслью, въ головѣ строились всевозможные планы, предположенія. Всѣ эти правильно разбитыя по линіи гряды, покрытыя волнами разныхъ оттѣнковъ зелени, таинственная, строго размѣренная творческая дѣятельность природы, послѣдовательность во времени — невольно успокаивали Анну, она сопоставляла съ ростомъ растений человѣческую жизнь и выводила немало заключеній изъ этого сравненія. У Анны выработывался особый философическій взглядъ на все, впечатлительная натура женщины сказывалась во всемъ.

Въ самомъ концѣ лѣта у нея родился ребенокъ-мальчикъ и, благодаря его появленію на свѣтъ Божій, русскіе прожили на огородѣ лишнихъ двѣ недѣли, хотя работа около земли значительно сократилась.

Авелеву уменьшили жалованье, и хозяинъ предупредилъ его, что не нуждается больше въ его работѣ.

— Весною опять приходите, я охотно возьму васъ, Пьеръ, — сказалъ ему огородникъ.

Да и въ легко устроенной каморкѣ на чердакѣ чувствовался холодъ, нужно было перебраться въ городъ.

Анна совершенно оправилась, супруги снова переѣхали въ Парижъ. Заработанныхъ небольшихъ денегъ имъ не могло хватить надолго. Нужно было искать новой работы, но въ громадномъ городѣ оказалось немало голодныхъ ртовъ и безъ нихъ, работы для Петра Игнатьевича не находилось, хотя онъ обрыскалъ вездѣ, гдѣ только имѣлся на нее даже малѣйшій намекъ.

Къ «нашимъ» онъ больше не пошелъ, по послѣднему приему онъ понялъ, что его выбросили за бортъ, какъ совершенно ненужнаго для партіи человѣка; приходилось надѣяться только на самого себя.

Неудача преслѣдовала русскаго: ни мѣста, ни какого-либо занятія для него не отыскивалось, а денегъ почти ничего не оставалось.

— Разъ тебѣ не удастся, попытаюсь я въ такомъ случаѣ,—сказала мужу Анна и отправилась къ той же благодѣтельница лавочницѣ, благодаря которой они прожили безбѣдно все лѣто.

— Обратитесь къ вашему бывшему патрону, онъ имѣетъ возможность найти именно для васъ мѣсто,—сказала лавочница:—у него берутъ зелень нѣкоторыя изъ заведеній Бульонъ Дюваль, а тамъ иногда имѣются мѣста для женщинъ.

Старикъ Дюфо охотно пришелъ на помощь къ своей недавней работницѣ: мѣсто для нея въ одной изъ дювальскихъ столовыхъ нашлось только по просьбѣ старика-огородника.

Работа прислужницы въ столовой не изъ особо трудныхъ, но приходилось отсутствовать изъ дома до поздняго вечера.

Авелевъ горячо возражалъ, ему было стыдно, что жена работаетъ, тогда какъ онъ самъ сидитъ безъ дѣла.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ поступить въ университетъ,—замѣтила жена:—какъ студенту тебѣ будетъ легче найти какое-нибудь занятіе.

Петру Игнатьевичу улыбнулась эта мысль, но онъ все-таки еще колебался.

— Ну, а ребенокъ какъ же, кто съ нимъ останется?—спросилъ онъ нерѣшительно.

Задумалась на минуту и Анна.

— Онъ еще такой маленькій, что всегда можно придумать, какъ съ нимъ быть,—промолвила она.

Освоиться съ новыми обязанностями прислужницы Авелевой удалось не сразу. Дѣло требовало навыка, ловкости, быстроты исполненія; прошло недѣли двѣ, пока она привыкла и не путалась, разнося требуемыя кушанья посѣтителемъ, которыми въ обѣденное время, отъ полудни до двухъ часовъ, была переполнена дювальская столовая.

Нужно было все предусмотрѣть, не просчитать, выдавая сдачу, не ошибиться, назначая вѣрную цѣну за кушанье, вино, кофе...

Первое время Анну смущалъ *pour boire* (на чай), неизбежно даваемый ей поѣтителями, но скоро она къ этому привыкла и, говоря «мерси», спокойно опускала мѣдяки въ карманъ темно-коричневаго, форменнаго платья.

За время своего пребыванія во Франціи Анна Андреевна недурно усвоила французскій языкъ, новыя подруги ея относились къ ней хорошо, онѣ видѣли въ ней такую же труженицу, какъ и онѣ сами.

Съ ребенкомъ все устроилось. До ухода въ университетъ, куда Петръ Игнатьевичъ поступилъ, онъ оставался съ нимъ дома, а затѣмъ несъ его послѣ двухъ часовъ къ матери. Въ это время она кормила его и передавала снова возвращавшемуся черезъ три-четыре часа домой мужу.

Анна Андреевна мало-по-малу привыкла къ своему новому занятію, зарабатываемыя ею деньги давали возможность скромно существовать, но самъ Авелевъ томился этой жизнью, его самолюбіе страдало, что онъ ничего не зарабатываетъ и существуетъ на жининъ заработокъ.

VIII.

Прошло больше двухъ лѣтъ, какъ русскіе поселились въ Парижѣ-Нелегко жилось имъ на чужбинѣ, перебивались страшно, заработка Анны Андреевны не всегда хватало, въ особенности, когда ей, въ виду вторичной беременности, пришлось временно оставить службу въ столовой Дюваля.

Петръ Игнатьевичъ зарабатывалъ очень мало кое-когда поручаемыми ему чертежами, переводами. Съ партіей онъ окончательно разошелся, они совершенно позабыли объ его существованіи. Съ русской колоніей онъ не поддерживалъ сношеній, онъ чуждался земляковъ, ему почему-то было стыдно сознаться передъ ними, что жена его служить подавальщицей у Дюваля. Да теперь ему было некогда для знакомствъ съ кѣмъ-либо, рожденіе второго сына отнимало у Авелева все его свободное время, особенно когда Анна возвратилась къ своимъ занятіямъ въ столовой.

Анна не разъ предлагала ему отдать обоихъ дѣтей въ деревню къ крестьянамъ на выкормленіе, какъ это принято во многихъ богатыхъ французскихъ семьяхъ, но Петръ Игнатьевичъ ни за что не соглашался.

— Никогда не довѣрю я чужимъ людямъ своихъ дѣтей. Я сумѣю управиться и съ двумя.

Въ немъ таился хорошій отецъ; онъ самъ мылъ ихъ въ ванночкѣ, слѣдилъ за каждымъ ребенкомъ, какъ самая заботливая мать, такъ что въ этомъ отношеніи Анна Андреевна могла вполне положиться на мужа.

— Какъ хочешь, но мнѣ кажется, что дѣти связываютъ тебѣ руки, ты не можешь аккуратно посѣщать лекціи не имѣешь возможности подыскать для себя занятіе...

Слова жены запали въ память Авелева. Какъ-то вечеромъ, когда усталая Анна вернулась домой изъ столовой, онъ сказалъ ей:

— А я сегодня сдѣлалъ публикацію въ «Фигаро», предлагаю уроки русскаго языка.

Жена съ изумленіемъ посмотрѣла на него и не спѣша отвѣтила:

— Что жъ, это хорошо, но въ такомъ случаѣ ты долженъ согласиться на мое предложеніе и отправить дѣтей въ деревню.

— Нѣтъ, это не понадобится, я предлагаю уроки здѣсь, у себя.

— Едва ли удастся тебя получить подобные уроки, очень сомнѣваюсь: въ Парижѣ, если берутъ уроки, то требуютъ, чтобы учителя сами приходили къ ученику.

— Ну, тамъ увидимъ.

Предположенія Анны оказались справедливыми: три письма, присланныя въ отвѣтъ на публикацію, ясно говорили объ урокахъ внѣ дома.

Авелевъ смущенно поглядывалъ на собиравшуюся уходить жену.

— Ты видишь, что я была права. Что ты намѣренъ отвѣтить на эти письма?

— Я откажусь!—порывисто проговорилъ Петръ Игнатьевичъ.

Анна отрицательно качнула головой.

— Напрасно, мой совѣтъ сходить ко всѣмъ тремъ и переговорить, ты самъ тогда увидишь, насколько подойдутъ тебѣ эти предложенія.

— Пожалуй, ты права, отчего не попытаться,—быстро измѣнилъ свое рѣшеніе Авелевъ.—Какъ только я управлюсь съ дѣтьми, я поручу ихъ нашей хозяйкѣ и схожу.

Въ отдаленный кварталъ, гдѣ они теперь жили, едва ли кто, желающій заниматься по-русски, рѣшился бы пріѣзжать.

Послѣ завтрака Петръ Игнатьевичъ отправился по полученнымъ письмамъ. Первый желающій братъ уроки русскаго языка оказался комми-вожатеръ, предполагавшимъ ѣхать въ Россію для распространенія какихъ-то фабричныхъ производствъ. Онъ желалъ усвоить въ нѣсколько уроковъ необходимыя для разговора по своей специальности фразы по-русски, но предложилъ такую ничтожную плату, что Петръ Игнатьевичъ обиженно отвѣтилъ:

— За предложенное вами вознагражденіе вамъ не найти учителя.

— О, въ такомъ случаѣ я обойдусь и безъ вашего варварскаго языка; я увѣренъ, что спрость на мои товары будетъ очень ходкій, мнѣ достаточно французскаго языка!—безпечно отвѣтилъ странствующій приказчикъ.

Второй ученикъ тоже оказался не серьезнымъ; это былъ переводчикъ книгъ съ разныхъ языковъ, почему-то предполагавшій, что

изучить русскій языкъ не представляетъ никакой трудности. Условія платежа тутъ тоже были крайне жалкія.

Авелевъ, разочарованный неудачею у первыхъ двухъ, раздумывалъ уже: стоитъ ли ему являться на третье предложеніе, но, взглянувъ мимоходомъ на узкій, атласный конвертъ, заключавшій корректно написанное по-французски красивымъ узкимъ почеркомъ письмо, приглашавшее явиться для переговоровъ въ одинъ изъ самыхъ дорогихъ отелей, сразу рѣшился и быстро зашагалъ туда.

IX.

Аристократически выдрессированный лакей въ гетрахъ, едва только онъ показалъ письмо, сейчасъ же, не роняя своего олимпійскаго величія и достоинства, повелъ русскаго по длинному коридору, неслышно ступая по пушистой дорожкѣ. Въ одну изъ дверей бельэтажа онъ осторожно постучалъ и только, когда услышалъ слабый отвѣтъ изнутри, осторожно вошелъ, оставивъ своего спутника ожидать въ коридорѣ.

— *Madame la comtesse vous attend!* (графиня васъ ожидаетъ),— вѣжливо, но сухо сообщилъ онъ русскому. Пропустивъ его въ комнату, онъ предупредительно закрылъ за нимъ дверь и самъ удалился.

Авелевъ нерѣшительно стоялъ въ передней, не зная, куда ему итти.

— *Entrez, m-g* (войдите мосье),— услышалъ онъ голосъ франтовато разодѣтой горничной.

Онъ былъ безъ пальто: стояли первые дни теплой весны. Въ большой комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, никого не было; спущенная шелковая дверная портьера слабо колебалась, за нею кто-то стоялъ.

«Осматриваютъ, каковъ я!» невольно подумалъ Петръ Игнатьевичъ.

Ожидать долго не пришлось. Красный шелкъ портьеры былъ откинутъ бѣлою, узкою женскою рукою, въ комнату вошла высокая, стройная, еще далеко не старая блондинка, одѣтая въ просто сшитый, но дорогой костюмъ. Ея блѣдно-сѣрые большіе глаза холодно установились на Авелева, породистое лицо со здоровымъ румянцемъ ничего не выражало.

— Вы предлагаете уроки русскаго языка?—спокойнымъ, увѣреннымъ голосомъ спросила она по-французски русскаго, не приглашая его сѣсть, и, выждавъ его отвѣтъ, продолжала тѣмъ же тономъ:

— Мнѣ нуженъ учитель для моихъ двухъ boys,—почему-то вставила она англійское слово:—они почти не говорятъ по-русски, Разумѣется, безъ этого языка они могли бы совершенно обойтись,

но имъ, вѣроятно, придется все-таки служить въ Россіи, то...— оборвала она полупрезрительнымъ тономъ и снова окинула холоднымъ взглядомъ стоявшаго передъ нею Авелева.

Точно торопясь покончить съ неприятнымъ вопросомъ, она, снова сказала:

— Мои условія: ежедневно занятія по два часа, часъ отдѣльно для разговора во время прогулки съ ними, остальное время принадлежитъ всецѣло вамъ, вы можете заниматься чѣмъ угодно, но только не пить до безобразія, какъ всѣ русскіе!—закончила она, и презрительный тонъ снова прорѣзалъ ея выдержанную рѣчь.

Авелевъ не зналъ, разсердился ли ему на эту важную барыню и отвѣтить ей рѣзкостью, прервать разговоръ съ нею и уйти, но невольное любопытство заставило Петра Игнатьевича сдержать себя и молча продолжать ее выслушивать.

— Я забыла еще васъ предупредить, что мы подолгу не живемъ на одномъ мѣстѣ, черезъ полторы-двѣ недѣли мы переѣзжаемъ въ Аркашонъ, а въ серединѣ лѣта въ Энгельбергъ въ Швейцарію, затѣмъ на осень уѣзжаемъ въ Ниццу, въ Парижъ вернемся только въ мартѣ будущаго года. Вы будете получать четыреста франковъ въ мѣсяць, *tous compris* (за все), проѣздъ по желѣзной дорогѣ и подарки.

Возмущенный ея тономъ Петръ Игнатьевичъ вторично хотѣлъ уже уйти, но его остановилъ голосъ собесѣдницы:

— Если у васъ имѣется *collage*, можетъ быть, дѣти, я ничего не имѣю противъ этого; вы будете жить отдѣльно отъ насъ. Контрактъ на два года, деньги если желаете, по четвертямъ впередъ.

Авелева, давно не видѣвшаго въ рукахъ такой крупной суммы, какъ тысяча двѣсти франковъ, невольно охватило желаніе сдѣлаться ихъ обладателемъ. Точно во снѣ, плохо сознавая, что дѣлаетъ, онъ порывисто отвѣтилъ:

— Я согласенъ на ваше предложеніе.

— Хорошо, вы мнѣ подходите, я признаю людей, которые соглашаются сразу! Зайдите завтра, я велю приготовить условіе, вы его подпишите и получите слѣдующія вамъ деньги.

Величественная дама снова скрылась за портьерой, Авелевъ, точно пришибленный, вышелъ въ коридоръ и, не помня какимъ образомъ, спустился внизъ.

Имъ овладѣло странное чувство двойственности: съ одной стороны, онъ хорошо сознавалъ, что, заработавъ въ мѣсяць такую сумму, какъ четыреста франковъ на всемъ готовомъ, онъ давалъ возможность Аннѣ вполне отдаться дѣтямъ и бросить ея службу у Дюваля, но въ то же время онъ самъ не могъ больше заниматься въ университетѣ и продавалъ свою свободу на цѣлые два года.

«Что скажетъ Анна,—неволью приходило ему въ голову, когда онъ возвращался домой:—не станеть ли она презирать меня, что я согласился?»

Онъ побоялся зайти къ ней въ столовую и, волнуясь, ожидалъ, когда она возвратится домой, чтобы сообщить эту неожиданную для нея новость.

Временный перерывъ занятій въ университетѣ можно было наверстать, усиленно занимаясь во время ихъ, слѣдующаго пребыванія въ Парижѣ, но контрактъ, контрактъ, это цѣль, сковывающая его свободу...

Онъ уложилъ дѣтей и, оставшись одинъ, нервно ходилъ по комнатѣ, ожидая возвращенія жены.

X.

Анна почти не изумилась, когда онъ ей сообщилъ о своемъ соглашеніи, лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, брови сдвинулись, молодая женщина тщательно обдумывала всѣ послѣдствія этого соглашенія и молчала.

— Ну, что, что ты скажешь? Каково твое мнѣніе?—торопилъ ее отвѣчать мужъ. Онъ страдалъ, не зная ея мнѣнія, пугался, какъ всѣ безхарактерные люди, возможностью ея порицанія.

— Мое мнѣніе, что ты поступилъ вполне разумно, подобные случаи бываютъ не часто, ими надо воспользоваться,—сознательно взвѣсивая каждое слово, проговорила наконецъ Анна.

— Ты меня ободряешь, ты находишь, что я поступилъ благо разумно?—оживленно спросилъ Петръ Игнатьевичъ.

— Да, это было лучшее, это удача! Въ теченіе этого времени я откажусь у Дювала, но заранѣе предупредивъ администрацію; это дастъ мнѣ возможность получить въ ихъ учрежденіяхъ, въ случаѣ надобности, опять мѣсто, но только, Петруша, пока ты не согласишься условія, отказываться отъ мѣста я не буду. Старайся же все выяснитъ завтра же,—предупредила Анна мужа.

Нервно настроенный Авелевъ плохо проспалъ ночь и нетерпѣливо ожидалъ назначеннаго часа, чтобы итти въ отель.

Конецъ весны уже чувствовался, деревья на бульварахъ покрылись плотною листвою, днемъ стало жарко, отъѣздъ парижанъ на курорты и на морскія купанья уже начинался. Парижъ пустѣлъ съ каждымъ днемъ. Но это было замѣтно только для человѣка, близко знающаго этотъ гигантъ-городъ; на бульварахъ попрежнему шумѣла разнородная толпа, хотя въ ней не было видно примелькавшихся лицъ.

Авелевъ быстро дошелъ до знакомаго уже ему отеля. Въ громадномъ вестибюлѣ стоялъ высокій, не старый еще мужчина, корректно одѣтый, и говорилъ что-то швейцару, почтительно его слушавшему.

Появленіе русскаго заставило говорившаго посмотрѣть на него, точно онъ ожидалъ именно Авелева.

— Вы русскій студентъ, приходившій вчера къ моей женѣ?— твердо спросилъ онъ его по-русски.

— Я,—изумленный неожиданнымъ вопросомъ, отвѣтилъ Петръ Игнатьевичъ.

— Я васъ ожидалъ и сейчасъ говорилъ о васъ портѣе. Ко мнѣ подниматься не стоить, мы все покончимъ здѣсь, въ колторѣ портѣе. Войдемте,—прибавилъ онъ внушительно.

Авелевъ вошелъ за нимъ.

— Вотъ условіе и копія, прочитайте и, если согласны, впишите ваше имя и распишитесь, что получили тысячу двѣсти франковъ за три мѣсяца впередъ.

Авелевъ пробѣжалъ глазами бумагу, написано было все, о чемъ онъ вчера условился. Онъ взялъ перо и нервно подписался.

Высокій господинъ прочиталъ черезъ его плечо подпись.

— Авелевъ... я гдѣ-то слышалъ эту фамилію! Да, да, разумѣется, припоминаю! Вы нелегальный, впрочемъ, для меня это все равно, въ Россію мы поѣдемъ еще не скоро. Мое имя графъ Издорскій,—сухо прибавилъ онъ, чуть замѣтно приподнимая на головѣ шляпу, но не подаль руки. Петръ Игнатьевичъ молча поклонился.

— Уроки начнутся послѣзавтра, прошу быть аккуратнымъ и приходите ровно въ назначенный часъ. Пока вы ограничитесь только преподаваніемъ, прогулку съ мальчиками для разговора по-русски вы будете совершать въ Аркашонѣ. Вотъ деньги,—вынулъ онъ изъ бумажника двѣ ассигнаціи по пятисотъ франковъ и протянулъ Авелеву:—а еще двѣсти вамъ уплатить портѣе, у меня нѣтъ съ собою мелкихъ денегъ.—И, отдавъ приказаніе послѣднему, онъ молча наклонилъ голову и быстро вышелъ на улицу.

Авелевъ проводилъ его растеряннымъ взглядомъ и пошелъ къ выходу, но голосъ швейцара: «M-r, vous avez oublié l'argent!» (господинъ, вы забыли деньги)—заставилъ его вздрогнуть и вернуться, чтобы получить деньги.

Подавленный какимъ-то нравственнымъ гнетомъ, точно неожиданно на него свалившимся, Авелевъ медленно возвращался домой; ему казалось, что онъ продался въ какое-то рабство, надѣлъ себѣ на шею ярмо...

Онъ былъ какъ въ угарѣ; все произошло такъ внезапно, быстро, нужно было привести жизнь въ новое русло, ликвидировать все, что до сихъ поръ было средствомъ для существованія, и браться снова за уроки, отъ которыхъ Петръ Игнатьевичъ отсталъ за послѣдніе три года, а главное—забросить университетскія занятія на долгое время.

«А если онъ не понравится своему новому патрону, а въ особенности его супругѣ, что тогда?» невольно приходило въ голову Авелеву.

Анна ожидала его прихода, она отпросилась сегодня изъ столовой.

- Ну, что?—коротко спросила она мужа.
 Петръ Игнатьевичъ молча вынулъ полученныя деньги и показалъ ей.
 — Подписаль...—сумрачно проговорилъ онъ, и на лицѣ его промелькнула тѣнь безпокойства. Жена уловила ее.
 — Ты разстроился, Петя, не понимаю почему?
 — Нѣтъ, такъ, какое-то сомнѣніе.
 — Сомнѣніе? О чемъ? Обо мнѣ, о дѣтяхъ?
 — Нисколько, вы поѣдете со мною, графъ оплачиваетъ также проѣздъ семьи. Я только боюсь, буду ли я для нихъ пригоденъ, какъ учитель?
 — Меня изумляетъ твое сомнѣніе, ты же вѣдь училъ дѣтей раньше, не новичокъ въ педагогикѣ!
 — Училъ, но что жъ изъ этого, тутъ можетъ быть вопросъ поставленъ иначе...
 — А, понимаю, ты предполагаешь, что тебя заставятъ перемѣнить твой возрѣнія, да?
 Мужъ молча наклонилъ голову.
 — Ты это замѣтишь съ первыхъ же уроковъ. Во всякомъ случаѣ мы не будемъ тратить этихъ денегъ, чтобы имѣть возможность ихъ всегда вернуть обратно,—замѣтила Анна.

ХІ.

Петръ Игнатьевичъ во-время явился на первый урокъ; тотъ же лакей въ гетрахъ проводилъ его до помѣщенія Издорскихъ и передалъ горничной; та, въ свою очередь, проводила новаго учителя въ большую комнату, гдѣ уже находились два мальчика съ англичаниномъ-гувернеромъ.

Всѣ трое были одѣты въ полосатыя фуфайки, съ голыми руками и занимались гимнастикой на турникѣ и кольцахъ.

— А-о!—встрѣтилъ восклицаніемъ англичанинъ Авелева и на плохомъ французскомъ языкѣ познакомилъ его съ мальчиками:—
 Count Никола, Count Джэкъ!

Худощавая, мускулистая фигура британца оставалась неподвижна, только голова чуть замѣтно наклонилась, блеснуль аккуратно сдѣланный проборъ свѣтло-рыжихъ волосъ.

Мальчики съ сдержаннымъ любопытствомъ посмотрѣли на своего новаго преподавателя, молча поклонились ему и протянули руки.

— Надѣюсь, что мы съ вами будемъ друзьями,—проговорилъ Петръ Игнатьевичъ стереотипную фразу и смутился. Онъ понялъ, насколько она здѣсь непригодна: какая же дружба можетъ существовать между людьми, совершенно чуждыми другъ другу?

Начался урокъ, англичанинъ-воспитатель остался на немъ присутствовать. Онъ надѣлъ куртку, закурилъ свою пайпъ и, усѣвшись

удобнѣе съ ногами на подоконникъ, сталъ глубокомысленно курить, прищуривъ глаза.

Оба молодые графа говорили плохо по-русски, часто вставляя въ разговоръ цѣлыя англійскія фразы.

Тщетно старался Авелевъ указать имъ неудобство подобнаго смѣшенія, младшій графчикъ упорно повторялъ:

— Я не могу говорить не такъ!

Старшій же, насмѣшливо улыбаясь, говорилъ:

— Я нельзя!

Петръ Игнатьевичъ растерялся, онъ не зналъ, что дѣлать съ подобными учениками.

Читать по-русски они умѣли, но съ ужаснѣйшимъ произношеніемъ, такъ что трудно было разобрать смыслъ.

Къ концу урока въ классную зашелъ вернувшійся съ прогулки графъ. Онъ крѣпко пожалъ руку англичанину, продолжавшему сидѣть, не перемѣняя позы, на окнѣ, и рѣзко по-русски сказалъ Авелеву:

— Здравствуйте!

Затѣмъ сталъ разговаривать съ сыновьями по-англійски, не обращая вниманія на учителя.

— Мнѣ они сказали, что имъ трудно дается русскій языкъ, но вы не беспокойтесь, они исполняютъ все, что вы имъ покажете!— снова обратился графъ къ русскому:—они понимаютъ, что это для нихъ необходимо! На сегодня урокъ оконченъ, завтра прошу явиться такъ же аккуратно!

Онъ опять поклонился Авелеву, давая этимъ ему понять, что тотъ можетъ уходить.

Петръ Игнатьевичъ, раскланявшись общимъ поклономъ, вышелъ изъ классной; въ ней опять раздались отрывистыя восклицанія англичанина, гимнастическая тренировка продолжалась, командовалъ что-то и самъ отецъ.

Недовольство первымъ урокомъ отразилось на Авелевѣ, онъ вернулся домой разстроеннымъ, его смущали его новые ученики, англичанинъ-воспитатель, вся обстановка занятій. Ему казалось, что изученіе русскаго языка молодыми графами являлось для нихъ крайне нежелательнымъ дѣломъ, заниматься которымъ ихъ принуждало случайное обстоятельство—будущая служба въ Россіи, которой они едва ли принесутъ какую-нибудь пользу, совершенно ей чуждые, нисколько ею не интересующіеся.

Съ тѣмъ же чувствомъ отвращенія къ новому занятію отправился Авелевъ на другой день на урокъ. Подѣлиться своими впечатлѣніями съ женою ему не удалось,—она была дежурною въ столовой и пришла домой усталая поздно вечеромъ.

Какъ и вчера, оба мальчика ожидали его въ классной, но англичанина не было.

— Нашъ тьюторъ пошелъ съ папа на лошадь, — плохо объяснилъ по-русски младшій изъ нихъ, Яковъ Валерьяновичъ. Онъ былъ бойчѣе старшаго брата и пытался говорить по-русски.

Петръ Игнатъевичъ поправилъ его, объяснивъ, какъ нужно сказать. Мальчикъ охотно повторилъ, старшій Николай прошепталъ то же.

Начался урокъ.

Авелевъ чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ вчера, и охотно занимался съ учениками, они слушали его внимательно, тщательнo стараясь произносить фразу правильно по-русски. Было ли это послѣдствіемъ вчерашняго строгаго наказа отца, или же они сами желали выучиться языку, все-таки родному для нихъ, но даже послѣ второго урока Петръ Игнатъевичъ замѣтилъ небольшой успѣхъ въ познаніяхъ своихъ учениковъ.

Уроки продолжались ежедневно, но ни англичанинъ, ни самъ графъ никогда больше на нихъ не присутствовали. Это развязывало руки Авелеву; оставаясь съ одними мальчиками, онъ чувствовалъ себя свободнѣе, съ любовью отдавался дѣлу преподаванія, но при первомъ же желаніи ближе сойтись со своими учениками онъ потерпѣлъ неудачу. Старшій, Николай, обдалъ его презрительно-холоднымъ взглядомъ, а Яковъ, когда онъ добродушно похлопалъ его по плечу, говоря:

— Отлично, молодецъ! — негодуяще процѣдилъ по-англійски:

— Молодецъ! That-s dump! (какъ это глупо!)

Учитель смутился, онъ не зналъ, отвѣтить ли ему на высоко-мѣрную выходку мальчика выговоромъ, или сдѣлать видъ, что онъ не понялъ сказанной имъ англійской фразы. Онъ предпочелъ послѣднее и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ прерванный урокъ.

ХІІ.

Авелевъ вполнѣ освоился съ характеромъ своихъ уроковъ у Издорскихъ, онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности учителя, интересуясь ими постольку, поскольку они были полезны для успѣха его учениковъ, особаго же желанія и стремленія ускорить, расширить познанія послѣднихъ у него не было послѣ того, какъ онъ замѣтилъ, насколько онъ для нихъ чуждъ.

Приближалось время отъѣзда изъ Парижа. Издорскій былъ педантиченъ до мелочности, все было у него точно назначено, обусловлено, предусмотрѣно — день, часъ отъѣзда.

— Прошу васъ быть на вокзалѣ за пять минутъ до отхода, — предупредилъ онъ учителя: — билеты возьмите сами, потомъ сообщите, сколько вамъ слѣдуетъ за нихъ, я уплачу. Но если вамъ почему-либо неудобно ѣхать въ это время, прошу выѣхать не позже слѣдующаго дня.

Послѣднее предложеніе очень обрадовало Петра Игнатьевича: отдѣльное путешествіе отъ графской семьи давало ему возможность провести лишній день въ Парижѣ, устроить всѣ свои дѣла и выѣхать вмѣстѣ съ женой и дѣтьми.

За три дня до отъѣзда Анна Андреевна покинула столовую Дювала. Она смѣло смотрѣла на будущее и поддерживала растеряшагося отъ предстоящаго переѣзда мужа. Петръ Игнатьевичъ былъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ каждая переменна, каждое измѣненіе жизненнаго пути являлось чѣмъ-то нежелательнымъ, невѣдомымъ...

— Къ чему намъ ѣхать во второмъ классѣ, переѣздь дневной, мы можемъ хорошо устроиться и въ вагонѣ третьяго, — сказала ему экономная Анна.

Авелевъ не сталъ ей возражать. Въ Аркашонѣ сезонъ еще не начинался, имъ удалось найти сравнительно недорогое помѣщеніе, Издорскіе поселились въ лучшемъ отелѣ «Регина-Форэ».

Петру Игнатьевичу приходилось дѣлать до ихъ отеля прогулку черезъ весь городъ, часы уроковъ были здѣсь измѣнены на болѣе ранніе, въ девять утра онъ уже долженъ былъ находиться на занятіяхъ. Мальчики вставали въ семь утра, купались со своимъ тьюторомъ въ морѣ и послѣ утренняго ленча занимались съ Авелевымъ. Послѣ урока, согласно желанію педанта-графа, они гуляли съ учителемъ для упражненія въ русскомъ языкѣ. Несмотря на ежедневное болѣе частое общеніе Петра Игнатьевича съ мальчиками, отношенія ихъ къ учителю остались такія же, какъ и въ Парижѣ: строго корректные молодые графы внимательно выслушивали всѣ его замѣчанія, точно исполняли ихъ, не дѣлая никакихъ возраженій, не обнаруживая любопытства относительно чего-либо русскаго, не спрашивая ни о чемъ учителя.

Они вѣжливо говорили ему по-русски «здравствуйте», слабо пожимали протянутую имъ руку и выжидательно поглядывали на Петра Игнатьевича. Младшій, Яковъ, сдѣлалъ больше успѣховъ и правильнѣе говорилъ по-русски, Николаю же никакъ не давались шипящіе звуки и твердый выговоръ на букву «ы».

Когда Авелевъ невольно улыбался, слушая его «я пригнулъ, я билъ», въ глазахъ мальчика мелькало презрительное выраженіе, казалось невольно, что онъ ненавидитъ этотъ чуждый и трудный для него языкъ. При первыхъ словахъ англичанина, застывшее, дѣланное выраженіе на лицахъ мальчиковъ, несвойственное ихъ возрасту, сразу исчезало, они становились дѣтьми, хотя и выдержанными въ извѣстныхъ границахъ свѣтскаго воспитанія. Просыпался смѣхъ, они начинали шалить, тьюторъ-англичанинъ былъ имъ ближе, роднѣе, чѣмъ какой-то русскій студентъ, только въ силу обстоятельство соприкасавшійся съ ихъ жизнью.

Но, несмотря на всю холодность къ нему учениковъ, Авелевъ никогда не слышалъ отъ нихъ возраженія, дерзкой выходки, они исполняли всё его указанія, ему не приходилось имъ высказывать даже выговора за небрежно или плохо приготовленный урокъ.

Строгая, педантичная система свѣтскихъ приличій, необходимость исполнить, что отъ нихъ требуетъ отецъ, отлично сознававшій ихъ пользу, можетъ быть, уже съ этого возраста вкоренившаяся въ нихъ гордость, будущій ихъ девизъ «noblesse oblige» заставили маленькихъ Издорскихъ быть такими выдержанными.

Авелевъ привыкъ къ подобнымъ отношеніямъ къ нему его учениковъ, хотя не разъ невольная обида отъ сознанія, что они считаютъ русскаго учителя чѣмъ-то вродѣ прислуги, готова была заставить его отказаться отъ занятій въ семьѣ графа и вернуться въ Парижъ. Заключенное условіе легко было разрушить, вернуть деньги представлялось болѣе труднымъ; послѣднее обстоятельство и мысль о томъ, какъ трудно будетъ отыскать новое занятіе или мѣсто, удерживали Петра Игнатевича отъ отказа. Расплывчатая славянская натура русскаго, присущая ей лѣнность, стремленіе къ покою—тоже помогали въ этомъ случаѣ, и Авелевъ остался въ Аркашонѣ.

— Завтра урока не будетъ, Джэка рожденне,—заявилъ учителю графъ, вернувшись съ прогулки:—но обыденное promenade de conversation (прогулка для разговоровъ) останется.

Поклонившись учителю, онъ хотѣлъ уходить изъ классной, но, что-то быстро сообразивъ, рѣзко сказалъ:

— Promenade будетъ послѣ lunch, прошу васъ также прійти къ нему!

Авелевъ колебался, отклонить ли ему столь странное приглашеніе, но ничего не отвѣтилъ.

Графъ, не обративъ вниманія на его молчаніе, ушелъ. На спокойныхъ лицахъ его сыновей Петръ Игнатевичъ не могъ прочесть, какъ относятся они къ этому приглашенію.

— Ты непременно долженъ быть на этомъ завтракѣ,—посоветовала ему Анна, когда онъ сообщилъ ей о неожиданномъ приглашеніи:—это дастъ тебѣ возможность если не сблизиться съ дѣтьми, то все-таки лучше приглядѣться къ ихъ домашней жизни, къ условіямъ ея.

Указаніе жены показалось ему справедливымъ, онъ рѣшилъ пойти.

Завтракали у Издорскихъ ровно въ полдень; для знатныхъ постояльцевъ столъ сервировался всегда отдѣльно, на маленькой террасѣ, выходящей на заливъ.

Учитель, приученный являться аккуратно на уроки, пришелъ во время. На террасѣ встрѣтила его графиня, слабымъ наклономъ головы поздоровавшаяся съ нимъ. Она была одѣта въ сиреневую индійскую кисею, красиво облегающую ея стройную высокую фи-

гуру. Бѣлокुरые волосы ея были украшены полураспустившейся вѣткой сирени, такую же она приколола и на груди.

Кромѣ нея и Авелева. на верандѣ никого не было; вѣжливость требовала, чтобы она заговорила съ учителемъ.

— Вы довольны Аркашономъ?—спросила она хорошимъ русскимъ языкомъ.

Петръ Игнатьевичъ невольно смутился этимъ открытіемъ и еле слышно прошепталъ:

— Очень...

На сухощавомъ лицѣ графини промелькнула улыбка, она поняла причину смущенія учителя, оно льстило ей невольно.

— Вы, вѣроятно, предполагали, что я не говорю по-русски? Напротивъ, какъ видите, и, кажется, недурно?

— Превосходно,—могъ только отвѣтить Петръ Игнатьевичъ:—въ особенности для...

— Иностранки, хотите вы сказать?—спова улыбнулась хозяйка:—вы ошибаетесь, я чистокровная русская, родилась близъ Москвы, тамъ въ институтѣ и воспитывалась,—невольно разговорилась она,—скорѣе графъ, мой мужъ, не совсѣмъ русскій, хотя онъ самъ и его предки служили въ Россіи довольно долго, но онъ родился въ Англій, тамъ и воспитывался, всѣ его симпатіи къ этой странѣ.

— Теперь мнѣ понятна англійская система воспитанія вашихъ дѣтей,—не удержался отъ замѣчанія Авелевъ и сейчасъ же смутился.

— Вы правы, но я ей не сочувствую, мнѣ ближе французскій методъ, даже... наше безалаберное русское воспитаніе!—невольно вылилось у ней.

Еще недавно почти враждебно настроенный къ этой чопорной, недоступной аристократкѣ, Авелевъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и плакать отъ радости.

Замуравленная гдѣ-то тамъ глубоко, глубоко, затаенная въ потемкахъ свѣтскихъ приличій, условностей, изъ-за боязни показаться смѣшною, отсталюю, прославиться кисло-сладкимъ патріотизмомъ, душа русской женщины случайно вырвалась наружу. Протеста противъ напоснаго, чуждаго для ея самосознанія налетѣ, навязаннаго ей иного культа жизни русская женщина не могла сдержать. Въ другое время, въ присутствіи мужа, все это осталось бы глубоко спрятаннымъ, графиня не рѣшилась бы ради извѣстныхъ традиціонныхъ условностей высказать что-либо подобное. Даже и теперь, замѣтивъ восторженно-изумленный взглядъ учителя, она сейчасъ же сообразила свою непонятную опрометчивость и прежнимъ холодно-спокойнымъ тономъ замѣтила:

— Да и я когда-то увлекалась грезами о всеславянской идеѣ, но... но теперь ясно вижу, насколько все это фантастично, несбыточно...

Авелевъ хотѣлъ ей возразить, но на веранду вошла небольшого роста, полная молодая шатенка, графиня сдѣлала нѣсколько шаговъ къ ней навстрѣчу и въ оживленной болтовнѣ постаралась показать видъ, что забыла о присутствіи учителя, и только, когда гостя чуть замѣтно указала ей глазами на послѣдняго, она обернулась къ Авелеву и небрежно бросила по-французски:

— *M-r le maître de la langue russe* (учитель русскаго языка), — умышленно не называя его фамиліи.

Представленіе вышло жалкимъ, принужденнымъ.

На веранду шумно вбѣжали оба мальчика съ англичаниномъ, они весело съ нимъ разговаривали, но, замѣтивъ, сидѣвшаго у балюстрады Авелева, сразу притихли и вѣжливо съ нимъ поздоровались. Вскорѣ явился и самъ графъ, тщательно одѣтый въ свѣтлый костюмъ, съ слегка увядшимъ бутонъ лиліи въ петлицѣ, что вызвало ядовитое замѣчаніе гостыи:

— *Toujours chevalier de lys royale?* (всегда кавалеръ королевской лиліи).

Графиня насмѣшливо улыбулась глазами и поспѣшила отвѣтить за мужа:

— Онъ постояненъ и въ роялизмѣ и въ любви!

Графъ хладнокровно перенесъ насмѣшку и, приглашая присутствующихъ сѣсть за столъ, увѣренно сказалъ:

— Да, Клодъ права, я не мѣняю ни убѣжденій, ни привязанностей.

Потянулся скучный, дѣланный завтракъ, люди говорили обо всемъ, что совершенно ихъ не интересовало, скрывая свои настоящія мысли, точно онѣ были для нихъ совершенно чужими.

На этотъ разъ Издорскій измѣнилъ назначенную имъ программу, обычная прогулка дѣтей съ учителемъ не состоялась. Послѣ завтрака всѣ отправились въ большомъ автомобилѣ на прогулку по окрестностямъ. Петра Игнатьевича приглашали тоже ѣхать вмѣстѣ, но приглашеніе звучало только условной вѣжливостью, и онъ предпочелъ отказаться и пошелъ домой.

XIII.

Старшій ребенокъ Анны уже хорошо говорилъ, младшій же еще не могъ ходить. Молодая мать цѣлый день была занята дѣтьми, теперь она наперстывала ущербъ материнства, который ей приходилось волею-неволею переносить, когда она служила у Дюваля. Забота о насущномъ хлѣбѣ была временно забыта, заработка мужа было достаточно для нихъ вполне, даже оставались кое-какія крохи, увѣренность, что въ теченіе двухъ лѣтъ у нихъ обезпечено безбѣдное существованіе, совершенно измѣнила теченіе мыслей молодой женщины. Настроеніе ея духа, понятная раздражитель-

ность—все исчезло. Анна Андреевна даже пополнила и съ любопытствомъ слушала мужа, когда онъ возвращался отъ Издорскихъ. Ее интересовала вся эта семья, ея аристократическій складъ жизни, великосвѣтскіе нравы...

Она была очень довольна, что мужъ не поѣхалъ кататься въ автомобилѣ. Забравъ обоихъ ребятъ, они отправились къ морскому берегу въ сторону отъ города.

Въ это время года здѣсь было еще пустынно, настоящій сезонъ еще не начался, да къ тому же и во время его публика предпочитала больше пляжъ, лежавшій у самаго города. Авелевы сѣли на прибрежные камни, дѣти же барахтались въ пескѣ недалеко отъ матери, не спускавшей съ нихъ глазъ. Петръ Игнатьевичъ, надвинувъ шляпу на глаза отъ ослѣпительнаго блеска солнца, молча приглушивался къ равномерному звуку прибоя океанской волны, онъ успокаивалъ его, ему не хотѣлось говорить. Анна тоже молчала, она находилась въ состояніи полного покоя. Шуршаніе по песку резиновыхъ шинъ и глухое «тѣф-тѣфъ» автомобиля вырвали супруговъ изъ сладкой дремоты, они невольно обернулись и посмотрѣли на медленно проѣзжавшій мимо нихъ экипажъ. Въ немъ помѣщалась семья Издорскихъ съ воспитателемъ-англичаниномъ и молодой гостьей, завтракавшей съ Авелевымъ. Сидѣвшіе въ автомобилѣ тоже обратили вниманіе на учителя и его семью, графиня машинально поднесла къ глазамъ лорнетъ и пристально посмотрѣла на русскихъ.

— Графиня красива, — оцѣнила Издорскую Анна: — она мнѣ показала даже симпатичною, но какою-то не сразу замѣтной симпатіей.

— А самъ графъ? — спросилъ мужъ.

— Ну, о немъ двухъ мнѣній быть не можетъ: эгоистъ, корректный педантъ съ сухимъ сердцемъ, боящійся малѣйшаго ложнаго шага. Не правда ли, сознайся, Петя, я не ошиблась, вѣдь онъ таковъ?

— Пожалуй, ты права, онъ не изъ пріятныхъ людей, мнѣ очень жаль, что дѣти всецѣло находятся подъ его вліяніемъ: своею недюжинною силой воли онъ выраститъ изъ нихъ людей еще посуше его самого, если мать ихъ во-время не одумается и не возьметъ ихъ воспитанія въ свои руки.

— Ты такъ думаешь?

— Не только думаю, но вполне увѣренъ, — горячо подтвердилъ мужъ и рассказалъ Аннѣ про сегодняшній случай.

— Ты меня заинтересовалъ этой женщиной, узнать ея внутреннее я, освобожденное отъ всѣхъ этихъ условныхъ оболочекъ, я очень бы хотѣла, — задумчиво прошептала Анна.

— Ну, это тебѣ никогда не удастся: она слишкомъ скрытна и осторожна...

Автомобиль давно уже исчезъ за береговымъ изгибомъ, прибой попережнему шумѣлъ, дѣти играли на пескѣ, кругомъ было безлюдно.

XIV.

Первая половина лѣта близилась къ концу, въ первыхъ числахъ іюля семья Издорскихъ перебиралась, по заведенному обычаю, въ горы, въ Энгельбергъ, убѣгая изъ томительно душнаго Аркашена.

У графа все заранѣе было предусмотрено, рассчитано, день, часъ отъѣзда; о прибытіи въ Энгельбергъ былъ увѣдомленъ владѣлецъ лучшаго изъ отелей, «Террасъ-Паласъ»; оставалось сѣсть въ поѣздъ и ѣхать.

Авелевы уѣхали только вечеромъ съ другимъ, болѣе дешевымъ поѣздомъ.

Энгельбергъ обыкновенно переполненъ и лѣтомъ и зимою англійскими туристами, предпочитающими его другимъ альпійскимъ курортамъ, благодаря всевозможнымъ отраслямъ спорта, процвѣтающимъ здѣсь:

Для великосвѣтскаго спортсмена Издорскаго Энгельбергъ тоже являлся желаннымъ альпійскимъ уголкомъ, гдѣ онъ, находясь въ близкой для него англійской аристократической средѣ, могъ проводить время, занимаясь спортомъ.

Предусмотрительные швейцарцы устроили здѣсь все, что можетъ интересовать настоящаго британца, начиная отъ хоккея и кончая найнъ-пинсомъ (особаго рода кегли).

Въ Энгельбергѣ всѣ отели, дорогіе и дешевые, были переполнены, Авелевымъ пришлось поселиться у крестьянъ въ небольшомъ домикѣ въ концѣ мѣстечка. Послѣ простора океана въ Аркашонѣ, Анна чувствовала себя здѣсь заключенной въ какую-то громадную темницу. Кругомъ стояли на стражѣ высокіе горные массивы, кольцо ихъ замыкалъ Энгельбергъ, защищая его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ; съ внѣшнимъ міромъ онъ связанъ только маленькой электрической вѣткой и, благодаря своей сравнительной отчужденности, любимъ англичанами.

Дѣйствительно, здѣсь почти круглый годъ звучитъ англійская рѣчь, слышатся всевозможные спортивные восклицанія и термины.

Уроки съ мальчиками не начинались нѣсколько дней послѣ приѣзда, графъ все время гулялъ съ ними по окрестностямъ и самъ все имъ показывалъ.

Петръ Игнатьевичъ, довольный отчасти этимъ перерывомъ, не настаивалъ на немедленныхъ занятіяхъ, онъ могъ проводить время со своей семьей. Купанье въ морѣ принесло его дѣтямъ пользу, они очень окрѣпли, да и сама Анна Андреевна оправилась послѣ утомительной работы у Дюваля и нездороваго воздуха громаднаго города, на блѣдномъ лицѣ ея появилась краска.

Занимаемый ими домикъ стоялъ у самаго подъема въ горный проходъ. Супруги уходили недалеко отъ дома на горную лужайку

и тамъ располагались съ дѣтьми, Петръ Игнатьевичъ читалъ, жена шла, дѣти играли на травѣ.

— Здравствуйте,—услышалъ Авелевъ женскій голосъ надъ собою, онъ поднялъ голову и замѣтилъ стоящую на горной тропинкѣ графиню. Она внимательно смотрѣла на Анну, тоже обернувшуюся къ ней лицомъ. Легкое платье изъ бѣлаго батиста, простая прическа дѣлали ее гораздо моложе ея лѣтъ, она походила на одну изъ англійскихъ миссъ, которыми кишѣло мѣстечко.

Графиня, замѣтивъ наблюдательный взглядъ Анны, перевела глаза на ея мужа и какъ-то сухо замѣтила:

— Какъ удачно, что я васъ встрѣтила, графъ хотѣлъ за вами посылать, завтра начнутся уроки у мальчиковъ, приходите ровно въ десять, какъ въ Аркашонѣ.—И, неопредѣленно кивнувъ головой, она быстро скрылась за выступомъ скалы.

Непонятное смущеніе овладѣло Авелевымъ. Стараясь не смотрѣть на жену, онъ снова взялся за книгу.

— Загадочная женщина,—сказала Анна послѣ минутнаго молчанія:—какъ, по твоему мнѣнію, Петя?

Авелевъ, не поднимая глазъ отъ книги, дѣланно проговорилъ:

— Право, не знаю, всѣ онѣ изъ этой среды похожи одна на другую, важныя, недоступныя...

— А мнѣ кажется, что эта женщина вовсе не такова, какой хочеть казаться.

— Ты думаешь?—неискренно бросилъ мужъ.

— Увѣрена! Женское чувство подсказываетъ мнѣ, что она томится условностями этой среды, въ которую попала. Благодаря имъ, ей пришлось замуровать свое «я», свои чувства и строго исполнять все то, что ей предписано характернымъ кодексомъ этой среды. О, если бы она могла побороть себя и смѣло отрѣшиться отъ этого гнета, ты не узналъ бы этой женщины! Помнишь, ты мнѣ рассказывалъ, какъ она случайно высказалась тебѣ? Я не забыла этого случая, думала о немъ неоднократно, и теперь, наблюдая за ней, я еще больше убѣдилась, что мои предположенія справедливы!

— Тѣмъ лучше, мнѣ, право, совсѣмъ неинтересно дѣлать о графинѣ выводъ; для насъ она совершенно чуждый челоуѣкъ, съ которымъ случай привелъ столкнуться,—нервно проговорилъ Авелевъ и снова погрузился въ чтеніе.

На лицѣ Анны появилось изумленіе, она ничего не отвѣтила мужу и, поднявшись, подошла къ игравшимъ дѣтямъ.

XV.

Возвращаясь на другой день съ урока, Авелевъ встрѣтилъ графиню въ небольшомъ цвѣтникѣ передъ зданіемъ отеля. Она полулежала въ *chaise-longue* и читала книгу.

— Господинъ учитель,—неожиданно окликнула она, когда онъ, поклонившись, прошелъ мимо:—прошу васъ на минутку!

Петръ Игнатьевичъ подошелъ къ ней.

— Вы, навѣрно, предполагаете, что я плохая мать, такъ какъ никогда не спрашиваю васъ объ успѣхахъ моихъ мальчиковъ,—промолвила она съ улыбкой:—потому-то я и остановила васъ. Скажите мнѣ откровенно, насколько они успѣли за это время?

Разсѣянный вопросъ графини не согласовался съ ея пытливымъ взглядомъ, устремленнымъ ею на учителя.

— Они сдѣлали недурные успѣхи, въ особенности Яковъ Валерьяновичъ...—смущенно отвѣтилъ Авелевъ.

— Джэкъ!—перебила его графиня:—онъ всегда былъ способнѣе Ники, впрочемъ... Сколько вы лѣтъ женаты?...—неожиданно спросила она.

Авелевъ еще больше смутился и пропенталь:

— Четыре года...

— Женились по любви?—допытывалась собесѣдница.

Петръ Игнатьевичъ не зналъ, что ему отвѣтить. Слишкомъ странны были эти вопросы, тѣмъ болѣе женщины, съ которой ему приходилось разговаривать всего только въ третій разъ.

Графиня поняла его смущеніе и пришла на помощь.

— Мои вопросы, не правда ли, кажутся вамъ слишкомъ оригинальными? Но въ дѣйствительности они вполне понятны; вчера я встрѣтила васъ съ вашей женою, неволью обратила на нее вниманіе, сопоставила васъ обоихъ и хотѣла рѣшить сама только что заданный мною вамъ вопросъ...

— И рѣшили?—неволью вырвалось у Авелева. Смущеніе его исчезло, онъ наблюдалъ за собесѣдницей, пристально изучая ея красивое лицо.

— Н... нѣтъ,—протянула графиня:—не рѣшила, потому и спросила васъ.

Глаза ея насмѣшливо улыбались, точно вызывая на откровенность.

Онъ стоялъ возлѣ ея chaise longue поблѣднѣвшій, растерянный, не зная, что отвѣтить.

— По любви!—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ наконецъ.

— Представьте себѣ, я тоже думала, такіе люди, какъ вы, иначе и не могутъ поступить, счастливые!—съ чуть уловнымъ вздохомъ сожалѣнія промолвила она.

Она устремила глаза на вершину горнаго хребта, тянувагося противъ отеля, задумалась и не замѣтила, какъ книжка изъ ея руки упала на песокъ дорожки. Петръ Игнатьевичъ молча поднялъ ее и положилъ на стоявшій рядомъ стулъ. Графиня вздрогнула и снова перевела взглядъ на него.

— Надѣюсь, что вы не обидѣлись на меня за мой вопросъ?

Авелевъ пожалъ плечами.

— Нисколько, графиня...

Онъ назвалъ ее такъ въ первый разъ.

Она замѣтила это и съ живостью спросила:

— Кстати, какъ ваше имя? Я такая разсѣянная, что забываю васъ объ этомъ спросить.

Авелевъ сказалъ.

— Будемте друзьями, намъ нужно многое о чемъ поговорить, у насъ у обоихъ почти одни и тѣ же интересы, я мать моихъ мальчиковъ,—она хотѣла сказать по привычкѣ: boys, но удержалась:—вы ихъ учитель, да, да, понимаю, вы хотите возразить, что не вамъ поручено ихъ воспитаніе, но наши обязанности въ отношеніи ихъ сходятся, не правда ли?

Она поднялась со стула и протянула ему свою узкую породистую руку. Авелевъ, всегда враждебно относившійся къ условіямъ свѣтской жизни, безсознательно поцѣловалъ ее и тихо шель за графиней по аллеѣ до самой веранды.

— Валерій такъ занятъ спортомъ, что рѣдко бываетъ дома, мы встрѣчаемся съ нимъ только за столомъ. Заходите сюда въ садъ послѣ урока, я люблю этотъ прелестный уголокъ, мы поговоримъ,—замѣтила она ему, поднимаясь на террасу отеля.

XVI.

Всегда дѣлившійся съ женою своими впечатлѣніями Петръ Игнатьевичъ, возвратясь домой, на этотъ разъ умолчалъ о разговорѣ съ Издорской; онъ вовсе не желалъ скрывать это отъ Анны, но ему было стыдно сознаться ей, что свободомыслящій человѣкъ, какъ мальчикъ, выболталъ этой аристократкѣ о своихъ чувствахъ къ Аннѣ; затѣмъ поцѣлуй руки графини смутилъ его еще больше. Авелеву не хотѣлось даже вспоминать о сегодняшней бесѣдѣ съ Издорской.

Еще не доходя до дому, онъ вымылъ тщательно лицо и руки у каменнаго водоема при дорогѣ, точно онѣ были чѣмъ-то заражены.

Но, несмотря на всѣ старанія позабыть о графинѣ, Авелевъ не могъ выбросить ее изъ головы, всѣ ея движенія, улыбка, пронизательный взглядъ темно-сѣрыхъ глазъ Издорской, ея голосъ не покидали его мысли.

— Не знаешь ли ты, Петя, какъ имя графини?—вырвалъ его изъ мечтанія вопросъ жены.

Онъ хотѣлъ сдержаться и не выдать волненія, еще сильнѣе овладѣвшаго имъ при этомъ напоминаніи, и, обернувшись лицомъ къ Аннѣ, стараясь быть спокойнымъ, шутливо отвѣтилъ:

— Не знаю, да какъ мнѣ, наймиту, и знать имя хозяйки! А почему ты спросила?

— Случайно я нашла на верхней тропинкѣ, около того мѣста, помнишь, гдѣ мы вчера ее встрѣтили, платокъ съ мѣткой, вотъ онъ, посмотри, не ея ли?

Пальцы учителя нервно дрогнули, ощутивъ тонкую ткань дорогого батиста; перебирая края, онъ замѣтилъ красиво вышитую мѣтку—К. И., хитро переплетенныя, и невольно вспомнилъ, какъ графъ называлъ при немъ жену.

— Клошъ!—безсознательно прошептали его губы.

— Клошъ, Клавдія!—отозвалась Анна:—какой ты чудакъ, знаешь, какъ ее зовутъ, и не говоришь. Разумѣется, это ея платокъ, вотъ и графская корона.

Странное желаніе отнять, вырвать этотъ бѣлый лоскутъ изъ рукъ жены, унести, спрятать куда-нибудь подальше, какъ уносить собака поправившуюся ей кость, овладѣло Авелевымъ.

— Когда завтра ты пойдешь къ нимъ на урокъ, передай платокъ графинѣ, онъ дорогой,—проговорила Анна, снова передавая мужу взятый ею платокъ.

Петръ Игнатьевичъ хотѣлъ сунуть его въ карманъ, но прежде бережно сложилъ его и только тогда спряталъ.

Анна засмѣялась.

— Точно святыню какую спряталъ, безцѣнное сокровище!

Да, для Авелева, вопреки волѣ, разсудку, этотъ батистовый лоскутъ казался въ эту минуту какимъ-то талисманомъ, незримымъ звеномъ съ той недоступной для него женщиной, выкинуть изъ памяти которую онъ напрасно старался.

— Только смотри, не позабудь, это пустякъ, но возвратить платокъ необходимо!—напоминала ему жена.

Почти ежедневно послѣ уроковъ, когда мальчики отправлялись съ англичаниномъ и съ отцомъ играть въ гольфъ или лаунъ-тенисъ, Петръ Игнатьевичъ находилъ графиню въ саду читающей въ шэзъ-лонгѣ.

Между ними завязывалась оживленная бесѣда, вначалѣ говорили о воспитаніи дѣтей, но затѣмъ разговоръ переходилъ на Россію, на ея положеніе, говорили объ ея настоящемъ, будущемъ. Они оживлялись въ то время, оба далекіе теперь отъ родины, своеобразно ее любящіе, страдающіе по ней, совершенно чуждые одинъ другому по положенію, по взглядамъ и все-таки близкіе чисто русскою тоскою по родной землѣ, по странѣ, которую могутъ цѣнить, понять только сами русскіе.

— У меня къ вамъ просьба, Петръ Игнатьевичъ, называйте меня просто Клавдія Борисовна, это мнѣ ближе, дороже, къ этому имени я привыкла съ дѣтства!—замѣтила графиня учителю.

Случайно забывшій въ отелѣ свою ракетку и вернувшійся за нею графъ былъ непріятно изумленъ неожиданной для него бесѣдой графини съ Авелевымъ.

Не подавая вида, онъ молча прошелъ мимо, но графиня остановила его:

— Мы разговаривали, Валерій, съ м-г Авелевымъ о различныхъ системахъ воспитанія...

— И что же, за которой изъ нихъ вы нашли преимущество?— чуть сдвигая брови, твердо спросилъ графъ, одѣтый въ бѣлый, приспособленный для спорта, настоящій англійскій костюмъ:— я увѣренъ, что та система, которую я примѣняю къ воспитанію моихъ дѣтей, самая рациональная, единственно правильная!

Его голосъ звучалъ рѣзко, онъ не ожидалъ себѣ возраженій.

— Позвольте, графъ, а наша русская...— пытался возразить Петръ Игнатьевичъ.

Издорскій презрительно улыбнулся.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, развѣ существуетъ вообще какая-нибудь система въ этой дикой, безалаберной странѣ?— вызывающе сказалъ онъ.

— Но сами вы вѣдь русскій?

— Къ сожалѣнію, да, но имъ все-таки не считаю себя, молодые годы проведены въ Англии, я вполне солидаренъ съ взглядами и условіями жизни этой великой націи.

Напрасно старалась сдержать себя графиня, русская кровь сказала, національное чувство вырвалось.

— Но если вы, Валерій, себя не считаете русскимъ, то я и мои дѣти, мы русскіе!— негодуяще проговорила молодая женщина.

— Себя вы можете рекламировать какъ вамъ угодно, хоть поклонницею ислама, но за моихъ дѣтей отвѣчаю я,—они по всѣмъ своимъ стремленіямъ и чувствамъ—англичане!—холодно-насмѣшливо сказалъ Издорскій и, приподнявъ мягкую кепку на головѣ, степенно пошелъ по аллеѣ къ отелю.

Смущенные его вызывающимъ тономъ, графиня и Авелевъ молчали.

— Мнѣ придется отказаться отъ уроковъ съ вашими дѣтьми,— уныло проговорилъ учитель.

— О, вовсе нѣтъ! Вы не знаете графа; только ради того, что вы съ нимъ несогласны во мнѣніяхъ, онъ не позволитъ себѣ отказать васъ, для этого онъ слишкомъ джентльменъ. Онъ васъ цѣнитъ, какъ прекраснаго преподавателя... Къ тому же вы хорошо понимаете, что причины слишкомъ ничтожны для разрыва и... не увидите!

Авелевъ самъ понималъ, что разойтись теперь съ семейю Издорскихъ онъ не въ состояніи.

XVII.

О непріятномъ препирательствѣ съ графомъ Петръ Игнатьевичъ сообщилъ женѣ, значительно смягчивъ обстоятельства дѣла, и объяснилъ встрѣчу съ графиней какъ случайную.

Не возражая, выслушала его Анна; ея чуткость подсказывала ей, что мужъ что-то отъ нея скрываетъ.

— Значить, намъ придется уѣхать отсюда?—пытливо глядя на мужа, спросила она:—ты расходишься съ нимъ?

— Вовсе нѣтъ, принципиально мы съ нимъ не согласны, но это не помѣшаетъ моимъ занятіямъ съ его сыновьями!

— Петя, я тебя не узнаю; давно ли у тебя слово не расходилось съ дѣломъ, а теперь ты идешь на компромиссъ, ты поступаешь своими принципами...

Авелевъ густо покраснѣлъ, онъ чувствовалъ справедливость замѣчанія жены.

— Ты должна мнѣ это извинить, ради тебя самой, ради дѣтей...— оправдывался мужъ.

Анна не возражала, ей была непонятна такая странная переѣна съ мужемъ. Еще недавно ярый противникъ всего, что насилуетъ волю, кладезь ярмо на самостоятельность, онъ, возмущаясь противъ эгоистическихъ взглядовъ Издорскаго, точно мальчикъ, не только не возражалъ ему, но даже соглашался остаться у него почтительнымъ исполнителемъ его предначертаній...

«Странная переѣна!—неволью составилъ логическій выводъ у Анны:—но почему, какая тутъ причина?» Загадка для нея была тѣмъ болѣе трудная, что, сопоставивъ еще недавнія воззрѣнія мужа съ теперешнимъ, она все болѣе убѣждалась, что они переѣнились до неузнаваемости.

Анна никогда не останавливалась на полдорогѣ, она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока все не представлялось для нея яснѣ Божьяго дня. Она рѣшилась ждть и наблюдать.

Состояніе духа Петра Игнатьевича оставалось тревожнымъ, его внутреннее «я» продолжало бороться съ обстоятельствами, такъ властно заставившими его измѣнить своимъ воззрѣніямъ и пойти на постыдное для него соглашеніе съ противными для него взглядами Издорскаго. Онъ не разъ спрашивалъ: почему это такъ случилось? Но, тщетно ожидая отвѣта, осторожно обходилъ логичный выводъ, прямо вытекающій изъ предыдущаго.

Петръ Игнатьевичъ, точно страусъ, прячущій голову подъ крыло во время опасности, старался не давать себѣ отчета и не вспоминать, что главная причина его преступной слабости—возрождающееся чувство къ женщинѣ...

Уроки продолжались попрежнему, мальчики ничѣмъ не проявляли къ учителю какой-либо неприязни или неудовольствія, тактичный отецъ не далъ имъ даже намека о своемъ разногласіи съ ихъ учителемъ, напротивъ того, когда англичанинъ-воспитатель былъ спѣшно вызванъ въ Англію къ умирающему отцу, Издорскій поручилъ дѣтей Авелеву.

Послѣдній совершалъ съ ними далекія прогулки и даже нѣсколько разъ заходилъ съ ними къ себѣ домой, гдѣ интересующаяся всѣмъ Анна скорѣе мужа сошлась съ мальчиками.

— Нашъ тьюторъ обѣщалъ намъ прогулку въ Графенортъ, но не могъ исполнить своего обѣщанія,—сообщилъ какъ-то младшій изъ мальчиковъ учителю:—папа такъ занятъ теперь матчемъ въ гольфъ, что не можетъ съ нами пойти...

Этого замѣчанія было вполне достаточно, чтобы Петръ Игнатьевичъ сейчасъ же согласился и въ ближайшій день отправился въ Графенортъ съ своими учениками.

Нужно было спуститься по направленію къ Стансстату; дорога шла почти вдоль рельсовъ электрической желѣзной дороги, около крутыхъ обрывовъ и пропастей.

Изъ-подъ альпенштоковъ, взятыхъ ими съ собою для удобства подъема на горы и спуска съ нихъ, катились камни, съ шумомъ падая въ пропасть.

Дѣти шли быстро, весело разговаривая съ Петромъ Игнатьевичемъ.

Не доходя до половины пути, пройдя Грюневальдъ, пѣшеходная тропа отдѣлилась отъ рельсовъ и крутыми зигзагами начала спускаться.

Расшалившіяся дѣти быстро бѣжали внизъ, стараясь перегнать другъ друга.

Въ одномъ мѣстѣ дорогу пересѣкъ бойкій ручей, догнавшій шумливую рѣчку Аа и желавшій, несмотря на всѣ препятствія, встрѣчаемыя на пути, съ нею слиться.

Въ стремительномъ бѣгѣ внизъ по дорогѣ старшій изъ молодыхъ графовъ не замѣтилъ этого ручья и упалъ въ его быстрый потокъ, сейчасъ же подхватившій его; бурливыя волны повлекли его по камнямъ...

Авелевъ испуганно вскрикнулъ и спрыгнулъ въ ручей. Вода доходила ему только до колѣнъ, но стремительный горный потокъ не давалъ возможности удержаться на мѣстѣ.

Перепрыгивая по камнямъ, Петръ Игнатьевичъ съ трудомъ добрался до застрявшаго между двумя большими камнями мальчика.

Крѣпко обхвативъ камень одной рукой, стараясь устоять противъ силы несущейся воды, онъ другой рукой вытащилъ ребенка на берегъ. Смѣтливый Джэкъ, въ это время добѣжавшій до нихъ, помогъ вытащить брата на берегъ. Ника былъ безъ чувствъ, его сильно побило по камнямъ и если бы случайно онъ не застрялъ между ними, его нельзя было бы спасти.

Приходилось возвращаться обратно; до деревни Грюневальдъ Авелевъ несъ мальчика на рукахъ, самъ идти онъ не былъ въ состояніи. Дорога все время поднималась въ гору.

Здѣсь удалось найти телѣжку и добраться до Энгельберга.

XVIII.

Несчастный случай съ Ники нельзя было предусмотрѣть; если и былъ кто виноватъ, то только онъ самъ, но тѣмъ не менѣе графъ ѣдко замѣтилъ:

— Вотъ яркій примѣръ русской небрежности и недосмотра, съ мистеромъ Свитомъ этого никогда бы не случилось.

Эгоистическое замѣчаніе мужа возмутило графиню.

— Мнѣ странно это слышать отъ васъ, Валерій; мы обязаны благодарить м-ра Авелева за спасеніе нашего сына, а не порицать его.

— Благодарить? За что? За то, что онъ исполнилъ обязанности каждаго человѣка! Смѣшно, за это не благодарять.

Совсѣмъ иначе отнесся къ своему учителю самъ Ники, отношенія между ними сразу перемѣнились; въ душѣ мальчика зародилось къ нему новое чувство, оно сразу смело тотъ высокоумный насмѣшливый тонъ, привитый ему отцомъ. Ники понялъ, что, спасая его, Петръ Игнатьевичъ жертвовалъ самимъ собою, и чувствовалъ это самопожертвованіе.

Перемѣнилъ отношеніе къ учителю и Джэкъ. Оба брата любили другъ друга, спасеніе старшаго повліяло и на этого мальчика; смѣтливый, вдумчивый Джэкъ сталъ внимательнѣе присматриваться къ учителю, и то, что ему было непонятно, отчасти смѣшно въ послѣднемъ, стало теперь ясно, объяснимо.

Вся напускная холодность, свѣтское равнодушіе исчезло у Клавдіи Борисовны, случай съ сыномъ точно заставилъ ее проснуться и, оглядѣвшись, убѣдиться въ бесполезности всей этой декорации, которою такъ заботливо окружаетъ себя высшій кругъ. Жизнь сказала свое слово, пробилась, нашла настоящее русло, искусственный панцырь не могъ выдержать, «душа жива», материнское чувство проявилось, графиня Издорская поняла, что свѣтскія условности, приличія говорятъ одно, а жизнь властно диктуетъ другое...

Холодныя традиціи «свѣта» отодвинулись назадъ, мѣсто ихъ заступила дѣйствительность, жизненная проза, случай...

Авелевъ за послѣднее время настолько сжился съ семьей Издорскихъ, привязался къ мальчикамъ, въ свою очередь, полюбившимъ своего учителя, что объ уходѣ его не могло быть и разговора, да и самъ Петръ Игнатьевичъ объ этомъ не думалъ.

Анна, сочувственно отнесшаяся къ спасенію мальчика, снова перемѣнила мнѣніе о своемъ мужѣ, въ которомъ уже начинала сомнѣваться.

XIX.

Несчастный случай съ сыномъ еще больше сблизилъ графиню съ Авелевымъ. Ежедневныя бесѣды ихъ въ садикѣ передъ отелемъ продолжались, разговоръ, вначалѣ имѣвшій предметомъ воспитаніе дѣтей, съ каждымъ днемъ принималъ болѣе широкій характеръ. Говорили и о современномъ положеніи, о политикѣ; Петръ Игнатьевичъ въ минуту откровенности рассказывалъ внимательно слушавшей его собесѣдницѣ о причинѣ своего побѣга изъ Россіи: о неудачномъ покушеніи, о томъ жалкомъ существованіи, которое ему пришлось влечить на чужбинѣ.

— Да, я слышала объ этой исторіи,—задумчиво замѣтила графиня,—и вполне понимаю васъ. Молодости извинительны увлеченія, въ эти годы не разсуждаешь о послѣдствіяхъ, забываешь о многомъ, о чемъ не слѣдовало бы забывать! Это было лѣтъ пять-шесть?

— Да, мнѣ шель тогда двадцать первый годъ...

— Ну, а теперь, согласились бы вы повторить то же самое?—спросила она. Въ голосѣ ея слышалось безпокойство.—Если не хотите отвѣтить правду—не отвѣчайте совсѣмъ!

Учитель замялся.

— Только правду, я желаю знать откровенный отвѣтъ.

— Мнѣ трудно отвѣтить вамъ совершенно точно, Клавдія Борисовна, но... но...

Она посмотрѣла на него внимательно.

— Едва ли бы я снова рѣшился на это,—съ трудомъ проговорилъ Авелевъ; чувствовалась недосказанность въ его словахъ.

— Вы все-таки не высказали причины, что могло бы удержать васъ отъ этого,—допытывалась Издорская, нервно перебирая пальцами платокъ:—чѣмъ объясните перемѣну вашихъ воззрѣній?

Авелевъ потупился.

— Воззрѣнія свои я не перемѣнилъ, было бы нечестно измѣнять тому, во что вѣрилъ такъ горячо, беззавѣтно, но взглядъ мой на проведеніе ихъ въ жизнь теперь уже не тотъ... Я убѣдился, что физическое насиліе, террористическіе акты, убійства, вызовутъ, въ свою очередь, и со стороны нашихъ противниковъ жестокія репрессіи, при ожесточеніи той и другой стороны немислимъ никакой прогрессъ, скорое разрѣшеніе наболѣвшихъ нашихъ родныхъ, чисто русскихъ невозможно...

— Съ этимъ я согласна вполне, хотя бы съ вами находимся въ совершенно противоположныхъ лагеряхъ, и цѣню ваше рѣшеніе, но мнѣ почему-то кажется, что къ нему вы пришли не однимъ только отрицаніемъ насилія.

Она остановилась, точно ожидая съ его стороны возраженія, но Авелевъ молчалъ.

— У васъ семья, вы вспомнили о ней, вотъ главное, что теперь васъ удерживаетъ,—увѣренно сказала Издорская.

Петръ Игнатьевичъ поднялъ голову, точно желая убѣдиться, шутить ли надъ нимъ графиня, или говорить серьезно.

— Вы любите настолько сильно вашу семью, что никогда не рѣшились бы ею пожертвовать!—торжествующе продолжала графиня, вызывая его на отвѣтъ.

Авелевъ молчалъ, но замѣтно было, что онъ взволнованъ.

— Спасая Ники, вы могли сами погибнуть, но тѣмъ не менѣе вы не думали въ эту минуту о вашей семьѣ—значить вы ею жертвовали?

— Да, безсознательно, ради спасенія погибающаго.

— А если вспомнили бы о ней въ ту минуту, вы не рѣшились бы на это самопожертвованіе?

— Нѣтъ, рѣшился бы...

— И только ради спасенія погибающаго?—тихо спросила молодая женщина, приподнимаясь въ креслѣ и наклоняясь къ Авелеву такъ близко, что онъ ощутилъ тонкій запахъ иксоры, несшійся отъ ея платья.

Петръ Игнатьевичъ чувствовалъ себя загипнотизированнымъ ея близостью, онъ не въ силахъ былъ оторвать глазъ отъ этой обаятельной женщины, манившей его загадочной улыбкой, страннымъ блескомъ ея большихъ сѣрыхъ глазъ, выхолненнымъ чуднымъ тѣломъ... Издорская ожидала его отвѣта, но онъ молчалъ, не зная, что онъ долженъ ей сказать. Недовольство скользнуло по лицу графини, она лѣниво откинулась снова назадъ въ кресло, небрежно промолвивъ:

— Не хотите отвѣтить—значить, не имѣете ко мнѣ довѣрія! Впрочемъ, успѣемъ еще объ этомъ поговорить!

Она быстро поднялась съ кресла и, отодвинувъ его съ шумомъ ногою, пошла по аллеѣ не къ зданію отеля, какъ всегда, но въ другую сторону, гдѣ въ концѣ сада начиналась тропинка, вившаяся въ гору.

Издорская не сказала ни слова Авелеву, не пригласила его хотя движеніемъ головы, но онъ чувствовалъ ея призывъ и покорно шель за нею.

XX.

Узкая тропа не позволяла имъ итти рядомъ; крѣпкіе кусты, стлавшіеся чуть не по землѣ, росли по обѣимъ ея сторонамъ, оставляя проходъ только для одного. Они молча взбирались все выше, подъ ногами ихъ раскинулось горное ущелье, въ которомъ лежалъ Энгельбергъ, впереди высилась горная цѣпь Альповъ, посреди которыхъ серебрился снѣжной головою могучій Титлисъ; солнце,

перешедшее уже полдень, начинало отбрасывать на горныхъ массивахъ его исполинскую тѣнь.

Тропинка разбѣжалась по сторонамъ, окаймляя небольшую лужайку.

— Сядемте здѣсь,—услышала Авелевъ голосъ графини, опускавшейся на траву. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею.

Кругомъ было безлюдно; гдѣ-то далеко надъ ихъ головами пропѣлъ незатѣйливую горную мелодію длинный пастушескій рогъ, звукъ слабымъ отголоскомъ долго гудѣлъ въ прозрачномъ воздухѣ, сливаясь съ гармоническимъ побрякиваніемъ пасущагося въ горныхъ тѣснинахъ стада.

— Какъ здѣсь чудно!—вырвалось невольно у Петра Игнатьевича:—далеко отъ всѣхъ... внѣ міра!

— А про меня забыли,—хотѣла шуткой отозваться Издорская, но она прозвучала грустно и оборвалась. Авелевъ не разспрашивалъ свою спутницу о причинѣ, онъ понималъ, она была ему ясна.

Они молчали, точно не зная, о чемъ сказать другъ другу.

Звукъ рожка угасъ, затерялось за скалами и бряцаніе мѣди, заснуль вѣтерокъ...

Стало безмолвно, тихо... совсѣмъ тихо, точно живой звукъ навсегда исчезъ...

Чуть хрустнулъ крѣпкій стебелекъ какого-то растенія...

Авелевъ обернулся, посмотрѣлъ на нее; облокотившись на руку, она полулежала на травѣ. Ихъ взгляды встрѣтились, какъ-то странно, воровски, вспыхнули на мгновенье... что-то хищное, звѣриное засвѣтилось въ сразу потемнѣвшихъ зрачкахъ Издорской. Она старалась погасить этотъ жадный огонекъ, но это ей не удавалось. Сила воли слабѣла, подпиравшая голову рука, совсѣмъ блѣдная отъ отлившей крови, рѣзкимъ бѣлымъ пятномъ выдѣлялась на зеленомъ коврѣ лужайки и чуть замѣтно дрожала.

— Вы такъ и не отвѣтили мнѣ на мой послѣдній вопросъ?—какимъ-то чужимъ голосомъ спросила Клавдія Борисовна.

Авелевъ вздрогнулъ, онъ не узналъ ея голоса, точно говорилъ кто-то другой, а не графиня. Не пытаясь избѣгнуть обаянія ея взгляда, ничего не сознавая, что съ нимъ происходитъ, гдѣ онъ находится, поработенный внезапно схватившимъ его порывомъ страсти, онъ готовъ былъ броситься къ этой женщинѣ по первому ея призыву, но чуть замѣтному движенію ея раскрывшихся губъ, властному блеску глазъ...

.....
«Господинъ Авелевъ! Весь мой планъ воспитанія моихъ дѣтей здѣсь, за границею, благодаря неожиданнымъ обстоятельствамъ, совершенно измѣнился. Мы сегодня же ѣдемъ черезъ Вѣну въ Россію. Вполнѣ признавая ту большую пользу, которую вы принесли моимъ дѣтямъ, очень сожалею, что вамъ нельзя ѣхать съ нами

вмѣстѣ и продолжать ваши съ ними занятія, но тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ выполнить всѣ условія нашего съ вами условія. Получите всю сумму, слѣдующую вамъ по срокъ этого условія: семь тысячъ двѣсти франковъ, выдайте посланному расписку. Готовый къ услугамъ графъ В. Издорскій»,— читаль изумленный Петръ Игнатьевичъ письмо, доставленное ему на другое утро вмѣстѣ съ чекомъ на одинъ изъ банковъ комиссіонеромъ изъ отеля.

— Графиня и дѣти еще здѣсь?—спросилъ онъ посланнаго по какому-то странному теченію мысли.

— Они уѣхали вмѣстѣ съ господиномъ графомъ еще вчера вечеромъ на автомобилѣ въ Альтдорфъ, тамъ пересядутъ на миланскій экспрессъ,—вѣжливо отвѣтить посланный.

Пораженный неожиданнымъ отъѣздомъ Издорскихъ, Авелевъ безсознательно подписалъ расписку и, не обращая вниманія на комиссіонера, ожидавшаго получить отъ него хорошій тринкгельдъ, прижался лицомъ къ косяку двери, съ мучительной тоскою переживая точно на яву вчерашнее,—тихія слезы беззвучно текли по его лицу. Онъ чувствовалъ себя нервно разбитымъ, уничтоженнымъ; полученное письмо говорило о какой-то драмѣ въ семьѣ Издорскихъ.

Что-то подсказывало ему, что причиной послѣдняго была Клавдія Борисовна, холоднымъ разсудкомъ сразу навсегда перерубившая запутавшійся узелъ.

Вернувшаяся съ утренняго базара Анна изумленно посмотрѣла на плачущаго мужа. Она не стала его спрашивать, а, замѣтивъ лежащее на столѣ распечатанное письмо и чекъ, быстро пробѣжала глазами первое. Изумленіе ея сразу исчезло, она подошла къ мужу, положила на его плечо руку и мягко сказала:

— Къ чему такъ волноваться, Петя, нашлось вѣдь это мѣсто, найдется и другое, къ тому же Издорскіе поступили съ тобою честно и заплатили хорошо за такое короткое время.

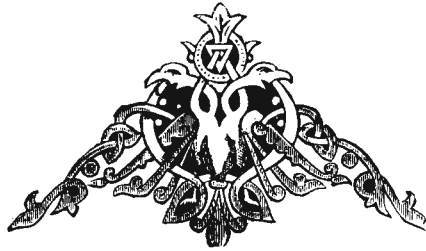
— Да, поступили честно, заплатили хорошо за такое короткое время,—съ горькой ироніей повторилъ ея слова Авелевъ, грустно устремляя взглядъ на теряющуюся далеко на горномъ подъемѣ сѣрую полосу дороги.

.....
Слабохарактерность Авелева скоро сказалась. По возвращеніи въ Парижъ, куда супруги черезъ нѣсколько дней снова переселились, круговоротъ кипучей жизни столицы міра сразу захватилъ его. На этотъ разъ ему не приходилось боязливо думать о завтрашнемъ днѣ; полученныя отъ Издорскихъ деньги принесли Авелеву временное успокоеніе. Онъ опять возобновилъ свои прерванныя занятія въ Сорбоннѣ, что не помѣшало ему сочувственно отнестись къ проекту практической Анны устроить на эти деньги меблированныя комнаты съ домашнимъ столомъ.

Кажется, эта затѣя Анны оказалась удачною, она настолько умѣло ведетъ все дѣло, что имъ хватаетъ не только на все, но практическая женщина еще откладываетъ въ банкъ ежемѣсячно небольшія сбереженія.

О минутномъ капризѣ богатой аристократки Петръ Игнатьевичъ не любитъ вспоминать, но почему-то каждый разъ, когда Анна въ разговорѣ съ мужемъ случайно назоветъ имя Клавдіи Борисовны, у Авелева болѣзненно сжимается сердце, хотя онъ не можетъ отдать себѣ отчета, является ли здѣсь причиною обиженное самолюбіе, или другое чувство...

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ЛЮДИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ¹⁾.

VII.

Спартакъ.

ВЧЕНЬ высокій, худой, съ впалой грудью, сутуловатый, подпоручикъ Бондаревъ всей своей фигурой такъ мало напоминалъ офицера, что казалось даже, что самый мундиръ на немъ съ чужого плеча.

И дѣйствительно, то онъ явится въ какомъ-то непомѣрно мѣшковатомъ кителѣ, то въ сюртукѣ съ такими короткими рукавами, что его большія, жилистыя руки чуть не по локоть торчатъ наружу. Увѣряли, что нашъ военный портной Ереминъ сбывалъ подпоручику Бондареву исключительно только неудавшіяся на другихъ офицеровъ вещи. Впрочемъ, сбыть этотъ отнюдь не могъ быть великъ, такъ какъ подпоручикъ донашивалъ свой гардеробъ до послѣдней крайности. «до шестого замѣчанія», какъ говорили у насъ. Сначала ротный командиръ ему раза три замѣтитъ, что слѣдовало бы ему поприличнѣе одѣваться; затѣмъ батальонный раза два поставитъ на видъ, что:

— Это на васъ, собственно говоря, не мундиръ-съ, а какая-то бабья кацавейка-съ! Курамъ на смѣхъ-съ!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 591.

Спартакъ все терпитъ, пока наконецъ самъ командиръ полка на него не накричитъ и ногами не натопаеть.

— Срамъ! Стыдъ! Позоръ! Срамите полкъ! Извольте себѣ сейчасъ же построить новую одежду!

Тогда уже Спартакъ уныло бредеть къ портному Еремину и говорить:

— Давай что-нибудь!

— Да и постричься вамъ слѣдуетъ-съ! Волосы, какъ у дьякона!— напутствуетъ еще его командиръ полка.

Положимъ, «волосы, какъ у дьякона»—это большая утрировка; такой длинной шевелюры Спартакъ никогда не носилъ, но, дѣйствительно, его буровато-сѣрые космы на головѣ отрастали какъ-то необычайно быстро и держались всегда въ большомъ безпорядкѣ. Зато на лицѣ у него почти ничего не росло, если не считать густого вихра на бородавкѣ у самаго подбородка.

Да и лицо у Спартака было самое не офицерское: длинное, худощавое, смуглое, съ очень похожей на пергаментъ кожей, почти совершенно безбровое, но зато съ большими, добродушными, свѣтло-сѣрыми глазами.

Спартакъ глядѣлъ... нѣтъ, вѣриѣ, старался глядѣть всегда очень сурово. Былъ угрюмъ и молчаливъ, но зато, застигнутый врасплохъ какой-нибудь веселой шуткой, сначала закусывалъ губу, потомъ «прыскалъ», а затѣмъ уже раздражался гомерическимъ хохотомъ, причеиъ неуклюже махалъ руками и хватался ими за голову. Разсмѣшить Спартака было для многихъ изъ насъ истиннымъ удовольствіемъ: онъ хохоталъ долго, неудержимо и не то чтобы заразительно, а какъ-то ужъ больно смѣшно. И всѣ окружающіе его начинали тоже хохотать, но не надъ тѣмъ, что разсмѣшило Спартака, а надъ нимъ самимъ, надъ его манерой смѣяться.

Но особенно смѣшливымъ назвать его было нельзя. И никто бы заранѣе не могъ сказать, что именно разсмѣшить его. Иногда самый забористый анекдотъ, особенно изъ такъ называемыхъ «клубничныхъ», онъ выслушаетъ молча, да только рукой махнетъ, а то еще и сплюнетъ съ омерзѣніемъ и не безъ удивленія поглядываетъ на другихъ, хватающихся, что называется, за животы отъ пикантнаго словечка. Другой же разъ какая-нибудь незамысловатая шутка или немудреная солдатская острота разсмѣшить... да нѣтъ, не разсмѣшить, а именно «расхохочеть» его чуть не на цѣлый часъ. Но зато повтореніе одной и той же шутки или остроты уже никогда не достигаетъ того же результата. Онъ даже иногда нахмурится и этимъ какъ бы скажетъ:

— Ну, высмѣялись и—довольно!

Спартакъ принадлежалъ къ числу офицеровъ бѣдныхъ, т. е. изъ дому онъ, кажется, никогда ничего не получалъ и перебивался на одно свое маленькое жалованіе, и перебивался крайне неумѣло, то есть сидѣлъ всегда безъ денегъ.

Изъ документовъ его, впрочемъ, было извѣстно, что онъ дворянинъ и даже потомственный дворянинъ, но «образованія домашняго». Про свой домъ и про своихъ домашнихъ онъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ. Впрочемъ, однажды сдѣлалъ исключеніе для своего единственнаго и интимнаго друга, прапорщика Терехова. Онъ ни съ того, ни съ сего показалъ ему старенькую, заношенную фотографическую карточку, на которой была изображена скромно одѣтая, среднихъ лѣтъ женщина съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Это вотъ моя мать, а это—я,—сказалъ онъ при этомъ.

Но когда Тереховъ сталъ внимательно разсматривать карточку, онъ почти вырвалъ ее изъ его рукъ и, буркнувъ:

— Ну, однако, ерунда!—сунулъ ее обратно въ ящикъ стола.

Какъ строевикъ, Спартакъ былъ ниже всякой критики. Не проходило ни одного батальоннаго или полковаго ученія, чтобы онъ не получалъ замѣчанія: или не въ ногу идетъ, или дистанцію неправильно держитъ. Но зато онъ отлично занимался въ ротной школѣ. Не только не краснорѣчивый, но прямо не умѣющій связать пары фразъ въ кругу своихъ товарищей, онъ превосходно объяснялся съ солдатами и особенно съ рекрутами. Словно отрывая и шлепая фразы, всегда очень коротенькія и какъ будто между собой не связанныя, онъ достигалъ прекраснѣйшихъ результатовъ: солдаты его внимательно слушали и чудесно понимали. И рота поручика Калитина, гдѣ Спартакъ былъ субалтернъ-офицеромъ, всегда отличалась «по словесности» и давала наименьшій процентъ «неспособныхъ».

Среди солдатъ у Спартака тоже была своя кличка и, казалось, самая что ни на есть не подходящая. Они прозвали его «голубемъ», а почему—трудно было объяснить это. Но «голубь» такъ же крѣпко привился подпоручику Бондареву среди нижнихъ чиновъ всего полка, какъ и «Спартакъ» среди офицерства. Ну, чѣмъ могъ напоминать этотъ длинный, несуразный, хмурый офицеръ ловкаго, граціознаго, вѣчно воркующаго голубя—непонятно! Навѣрное, тутъ былъ иной какой-нибудь скрытый смыслъ!

Прозвище же «Спартакъ» было гораздо болѣе обосновано. Авксентій Иллѣодоровичъ Бондаревъ, вѣроятно, еще получая «домашнее образованіе», проникнулся глубокимъ и неизмѣннымъ уваженіемъ къ обитателямъ древней Спарты и всѣми силами старался подражать имъ въ своей интимной жизни.

И вотъ, однажды, припертый къ стѣнѣ разспросами товарищей, почему онъ ведетъ такой спартакскій образъ жизни, во всемъ себѣ отказываетъ, онъ совершенно серьезно отвѣтилъ:

— Потому что, по убѣжденіямъ моимъ, я—Спартакъ!

Взрывъ гомерическаго хохота былъ отвѣтомъ ему на это заявленіе. Растерявшійся подпоручикъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на смѣющихся и, когда кто-то изъ товарищей, желая вывести его изъ

неловкаго положенія, сталъ объяснять ему, что «Спартакъ» и «спартанецъ» совсѣмъ не одно и то же, и сталъ даже знакомить его съ личностью самого Спартака, подпоручикъ нахмурился и, буркнувъ:

— Наплевать! Все равно—Спартакъ или спартанецъ!—ушелъ изъ собранія.

И вотъ съ тѣхъ поръ такъ и стали его называть всѣ—«Спартакъ», и онъ преспокойно отзывался на это прозвище, отнюдь на него не обижаясь.

А образъ жизни Спартакъ велъ, дѣйствительно, довольно-таки оригинальный. Квартира его состояла всего изъ одной комнаты и кухни, впрочемъ, представляя собою настоящій особнякъ, переделанный врядъ ли не изъ какой-нибудь старенькой баньки.

Въ комнатѣ жилъ самъ Спартакъ; въ кухнѣ же ночевалъ его денщикъ, Антоша. И именно ночевалъ, потому что цѣлые дни онъ проводилъ гдѣ-то внѣ дома: то волочасъ за сосѣдскими горничными, то гоняя голубей съ сыномъ мелочнаго лавочника. Къ барину же своему онъ навѣдывался весьма рѣдко. Антоша былъ веселый малый и зубоскалъ и, конечно, ему было скучно со своимъ угрюмымъ подпоручикомъ, требовавшимъ отъ него при этомъ такъ мало услугъ, что, не развлекайся Антоша на сторонѣ, онъ бы съ тоски пропалъ.

Да даже трудно сказать, какихъ именно услугъ отъ него баринъ и требовалъ? Чаю Спартакъ не пилъ; пищу готовилъ себѣ самъ; въ лавочку никуда денщика не посылалъ, такъ что если Антоша догадается иногда барину сапоги да платье почистить, или еще комнату подмести, то и слава Богу!

День свой Спартакъ проводилъ слѣдующимъ образомъ: просыпался онъ рано утромъ, по крайней мѣрѣ за часъ до того времени, когда надо въ казарму идти. Шелъ самъ во дворъ и наливалъ изъ бочки ведро воды. Приносилъ къ себѣ въ сѣнцы и весь «ополаскивался», потомъ ходилъ голый взадъ и впередъ и «просыхалъ». Обтираться простыней или даже полотенцемъ онъ считалъ почему-то излшшимъ.

Затѣмъ самъ, въ кухнѣ на таганчикѣ, варилъ свой утренній завтракъ. И странный же былъ этотъ завтракъ! Состоялъ онъ всегда изъ одной и той же неизмѣнной «чайной похлебки», а похлебка эта приготовлялась по слѣдующему рецепту: небольшой кусокъ кирпичнаго чаю, кусокъ бараньяго сала, одна луковица, нѣсколько крупинокъ перцу и соль. Все это заливалось водой и кипятилось съ полчаса. Съ похлебкой съѣдался порядочный ломоть ржаного солдатскаго хлѣба.

Затѣмъ Спартакъ, не взирая ни на погоду, ни на время года, надѣвалъ всегда одно и то же лѣтнее пальто, фуражку блиномъ и шелъ въ казарму или на плацъ, на ученье.

Послѣ ученья Спартакъ шелъ къ себѣ и варилъ похлебку на обѣдъ. Эта похлебка была еще страннѣе и сложнѣе: въ нее входили

и баранье сало, и кислая капуста, и картошка, и бычья печенка, ну, конечно, и лукъ, и перецъ. Послѣ этого Спартакъ ложился спать и спалъ до вечернихъ занятій, послѣ которыхъ, возвратившись домой, онъ варилъ себѣ похлебку на ужинъ изъ какихъ-нибудь крупъ, ну, и, конечно, неизмѣннаго бараньяго сала съ лукомъ.

А затѣмъ Спартакъ принимался за чтеніе и читалъ онъ далеко за полночь, такъ что въ общей сложности, вмѣстѣ съ послѣобѣденнымъ сномъ, Спартакъ спалъ не болѣе шести часовъ въ сутки.

Въ гости онъ никуда не ходилъ; въ военное собраніе заглядывалъ только, когда тамъ были какія-нибудь спеціальныя занятія, напри- мѣръ, рѣшеніе тактическихъ задачъ, лекціи или что-нибудь вродѣ этого.

Два раза въ недѣлю ходилъ онъ въ одну изъ городскихъ библи- отекъ, чтобы обмѣнять книжки для чтенія. Больше всего любилъ онъ читать сочиненія по исторіи и географіи; военными науками интересовался, но не особенно. Беллетристику тоже читалъ неохотно, особенно послѣ одного случая.

Прочелъ онъ въ одномъ изъ романовъ, кажется, Гребенки, что запорожцы варили для себя какой-то «крѣпкій борщъ». Онъ вы- писалъ изъ этого романа рецептъ борща и отправился на другой день на базаръ за продуктами. Въ рецептѣ значилось: «брали они (то есть запорожцы) соленого леща; заливали его квартой уксусу, клали въ котель стручковаго перцу и варили до густоты». И вотъ, когда Спартакъ, сваривъ этотъ борщъ «до густоты», принялся было за ѣду, то съ первыхъ же двухъ-трехъ ложекъ ему перекосило все лицо, да и дыханіе въ горлѣ сперло.

Съ трудомъ отпившись холодной водой отъ этого кушанья, Спартакъ плюнулъ и, сказавъ:

— А въ этихъ романахъ всегда все наврано!—рѣшилъ больше не читать беллетристики.

Рѣдко кто навѣщалъ угрюмаго подпоручика и то развѣ по дѣлу. Товарищи знали, что у Спартака ни выпивки, ни закуски, кромѣ какой-нибудь «чортовой похлебки», никогда не имѣется. Даже вмѣсто чаю онъ пилъ холодную воду. Папиросой отъ него не раз- добудешься, такъ какъ Спартакъ не курилъ.

При такомъ скромномъ образѣ жизни, при такихъ расходахъ, доведенныхъ до минимума, — Спартакъ за квартиру платилъ шесть рублей, да и похлебки его не ахти какъ дорого стоили, — казалось бы, ему и жалованія своего не прожить, а между тѣмъ къ каждому двадцатому числу въ карманѣ у Спартака не оставалось ни гроша.

Куда же это онъ дѣвалъ деньги? Этому не зналъ никто до самаго дня выступленія нашего полка на войну. Но объ этомъ еще рѣчь впереди. Забѣгать не будемъ.

Со своимъ ротнымъ командиромъ Спартакъ уживался чудесно. Веселый, жизнерадостный и добродушный поручикъ Калитинъ лю-

билъ своего чудаковатаго субалтерна, часто зазывалъ его къ себѣ пообѣдать. Спартакъ неизмѣнно благодарилъ и неизмѣнно отказывался.

— Благодарю. Неудобно. У меня дома похлебка,—бурчалъ онъ.
И жилъ совершеннымъ одиночкой.

Но вотъ въ нашемъ полку появился новый офицеръ, тихій, невѣроятно скромный, застѣнчивый даже, прапорщикъ Тереховъ. Его прибытію предшествовали небольшія біографическія свѣдѣнія о немъ. Говорили, что Тереховъ совсѣмъ изъ «простыхъ», прямо-таки изъ крестьянскихъ дѣтей; самоучкой выучился грамотѣ, поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ полковъ; самъ подготовилъ себя къ экзамену въ окружное юнкерское училище, скромно окончилъ его и скромно прибылъ въ нашъ армейскій полкъ, отбывъ свое портуней-юнкерство въ другомъ полку, впрочемъ, той же дивизіи.

Прапорщикомъ Тереховымъ, этимъ «автодидактомъ», какъ любили тогда повторять модное словечко, интересовались у насъ не долго: очень ужъ онъ былъ простъ и незатѣйливъ. Его прошлая суровая жизнь наложила на него свой отпечатокъ, развивъ въ немъ не самоувѣренность, какъ бы слѣдовало это ожидать, а именно застѣнчивость, какъ ужъ я это упомянулъ.

И вотъ къ этому-то скромному офицеру вдругъ потянулся сердцемъ нашъ странный Спартакъ. На пятый или на шестой день знакомства, не болѣе,—они служили въ двухъ смежныхъ ротахъ,—Спартакъ вдругъ пригласилъ прапорщика Терехова къ себѣ!

— Приходите вечеромъ... будемъ говорить...—коротко буркнулъ онъ.

— Хорошо, приду,—также коротко согласился Тереховъ.

Но Спартакъ, подумавъ немного, нашель еще нужнымъ прибавить

— У меня чаю нѣтъ.

— И не надо,—лаконизмомъ на лаконизмъ отвѣтилъ прапорщикъ.

Впослѣдствіи, когда съ этимъ Тереховымъ меня связывали самыя искреннія узы дружбы, онъ мнѣ много рассказывалъ про интимную жизнь Спартака. И вотъ, на основаніи этихъ рассказовъ, я могу теперь возстановить исторію ихъ перваго знакомства и затѣмъ дальнѣйшаго сближенія.

Тереховъ пришелъ къ Спартаку въ слѣдующій же за приглашеніемъ вечеръ. Пройдя большой дворъ, весь застроенный домами, флигелями и службами, онъ гдѣ-то въ самой глубинѣ его разыскалъ крошечную хибарку съ двумя окнами и одной дверью, которую при его приближеніи отперъ ему самъ Спартакъ. Онъ ввелъ его въ маленькія, темныя сѣнцы съ предупрежденіемъ.

— Осторожно! Тутъ ледъ! Обливаюсь по утрамъ. Замерзаетъ.

Затѣмъ они прошли крошечную кухню и наконецъ вступили въ комнату самого Спартака, тоже большими размѣрами не отлича-

шуюся. Комната эта слабо освѣщалась маленькой керосиновой лампой подь зеленымъ бумажнымъ абажуромъ.

Тереховъ снялъ пальто, повѣсилъ на указанный ему Спартакъ гвоздь и сталъ осматриваться: куда бы сѣсть?

— На кровать,—указаль ему Спартакъ.—Табуретка одна. Я самъ на ней.

И Тереховъ опустился на это по истинѣ спартанское ложе, до того оно было жестко, что, казалось, кромѣ тоненькаго байковаго одѣяла, на немъ ничего другого и не было.

Спартакъ сѣлъ на табуретку и не то, чтобы сторбился, а словно перегнулся вдвое.

— Вы читаете?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Читаю,—отвѣтилъ Тереховъ.

— Я тоже читаю. Много. Исторію и географію. Романы не читаю. Въ нихъ все враки.

Тереховъ тоже былъ большимъ любителемъ чтенія и, несмотря на свое простое происхожденіе, оказался гораздо болѣе начитаннымъ, чѣмъ Спартакъ. Начитанность Терехова очень обрадовала Спартака.

— Это хорошо, что вы такъ много. Будемъ читать вмѣстѣ. Вы мнѣ объясните, что не пойму. Я читаю медленно. Прочту страницу и потомъ думаю. Всю страницу про себя вспоминаю. Вдвоемъ это лучше. Давайте сейчасъ читать?

— Что жъ, давайте,—согласился Тереховъ.

У Спартака оказалось довольно много книгъ, но всѣ онѣ были или знакомы уже Терехову, или мало интересны. Впрочемъ, нашлась какая-то тощая брошюрка, содержащая въ себѣ чью-то монографію. И они принялись за нее.

Сначала началъ читать Спартакъ, и, къ немалому удивленію Терехова, этотъ человѣкъ, такъ плохо говорившій, читаль очень недурно.

— Я люблю читать вслухъ,—пояснилъ онъ.—Я и одинъ всегда вслухъ.

Прочитавъ страницы двѣ, онъ вдругъ остановился и спросилъ:

— Понятно?

— Да чего жъ тутъ можетъ быть непонятнаго? Все понятно.

— То-то! И мнѣ сегодня почему-то понятнѣе,—какъ бы удивляясь, замѣтилъ Спартакъ и продолжалъ чтеніе, впрочемъ, довольно часто прерывая и прося объяснить что-нибудь непонятное.

Тереховъ объяснялъ, какъ умѣлъ.

Когда брошюрка была прочитана до половины, Спартакъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Теперь вы читайте. А я буду похлебку варить.

И вмѣстѣ съ лампой они перешли въ кухню.

— А гдѣ же вашъ денщикъ?—спросилъ Тереховъ.

— Не знаю. Денщикъ—это ерунда! Вообще, не надо, чтобъ денщики. Вздоръ. Каждый самъ,—пояснилъ Спартакъ и принялся варить похлебку съ крупой.

А Тереховъ продолжалъ чтеніе.

— А у меня водки нѣтъ,—среди самой стряпни вдругъ заявилъ хозяинъ.

— И не надо,—отвѣтилъ гость.

Когда похлебка была готова, Спартакъ отрѣзалъ два ломтя хлѣба, взялъ двѣ ложки,—одну свою, другую денщикью. Впрочемъ, совершенно одинаковыя,—и, сунувъ послѣднюю Терехову, сказалъ:

— Давайте ѣсть.

И они молча принялись за похлебку.

— Черезъ шесть дней у меня будетъ водка,—вдругъ заявилъ Спартакъ.

— Почему именно черезъ шесть дней?—удивился Тереховъ.

— Потому что такъ срокъ.

— Срокъ?

— Да. Я разъ въ мѣсяцъ пью водку. Бутылку. И потомъ не пью.

— Долго не пьете?

— Говорю, мѣсяцъ.

— И цѣлую бутылку выпиваете?

— Цѣлую. Когда денщикъ—даю ему одну рюмку. Одна рюмка въ бутылкѣ лишняя. Когда нѣтъ денщика, я ее выливаю.

— Почему лишняя?

— Такъ. Знаю... А вы водку пьете?

— Пью,—отвѣтилъ Тереховъ.

— Когда?

— Какъ когда? Когда придется.

— Надо разъ въ мѣсяцъ. Одну бутылку. Вамъ можно больше. У васъ шире плечи. Вамъ полторы бутылки.

— Много!

— Нѣтъ, ничего. Впрочемъ, хорошо и бутылку.

Покончили съ похлебкой. Дочитали и брошюру. Разговоръ какъ-то не наклевался. Тереховъ взялся за фуражку.

— Приходите завтра читать,—сказалъ Спартакъ.

— Хорошо, приду,—согласился Тереховъ.—Только позвольте мнѣ принести свою книжку.

— Романъ?

— Нѣтъ. Сочиненіе Спенсера.

— Не слыхалъ. Приносите.

На другой вечеръ чтеніе уже приняло совершенно иной характеръ. Спартакъ прочитывалъ всего съ десятокъ строкъ и, повернувшись къ Терехову, говорилъ:

— Объясняйте.

И надо было видѣть то жадное вниманіе, съ которымъ онъ слушаль эти объясненія. Онъ до такой степени увлекся, что чуть не позабылъ про свою похлебку. А провожая Терехова, твердилъ съ горящими глазами:

— Это хорошо. Это лучше. Приходи завтра непременно.

Это нечаянно сорвавшееся «ты» какъ-то еще болѣе ихъ сблизило, и на слѣдующій день чтеніе возобновилось.

Но вотъ насталь и шестой день, когда Спартаку *нужно было* пить водку. Еще наканунѣ онъ сказалъ Терехову:

— Приходи завтра. Будемъ варить спартацкую черную похлебку и водка.

— Хорошо,—сказаль Тереховъ.—Только позволъ мнѣ водку свою принести.

— Для себя—принеси. У меня есть. Бутылка.

Тереховъ принесъ не только бутылку водки, но и немудреную закуску, именно: соленыхъ огурцовъ и нѣсколько штукъ воблы.

— Зачѣмъ это?—сказаль Спартакъ.—Сегодня «черная похлебка». Разъ въ мѣсяць.

Въ этотъ вечеръ чтенія не было. Приготовление спартацкой похлебки отняло много времени. Но зато не прерывались горячіе разговоры по поводу прочитаннаго за предшествующіе пять дней.

На этотъ разъ денщикъ Антоша тоже вертѣлся въ кухнѣ, дѣлая видъ, что помогаетъ барину, и въ то же время не скрывая плутовской улыбки, какъ бы говорившей:

— Ну, вотъ, посмотримъ, какъ эта похлебка гостя твоего ошарашить.

И дѣйствительно—ошарашила! Тереховъ съ трудомъ могъ проглотить только одну ложку.

— Это что жъ такое?—спросиль онъ, едва сдерживаясь, чтобъ не сплунуть.

— Бычья кровь съ перцемъ, съ лукомъ, съ солью,—объяснилъ хозяинъ.

— Да неужто же спартаццы такую ѣли?

— Такую. Такъ въ книжкахъ написано.

— Однако!

— Это еще ничего. Запорожскій «крѣпкій борщъ»—строже,—говориль Спартакъ, добросовѣстно уписывая свое варево.

Тереховъ вспомнилъ о принесенныхъ имъ закускахъ и съ удовольствіемъ принялся за огурцы и воблу.

Водку пили они каждый изъ своей бутылки, при чемъ денщику Антошѣ было удѣлено на этотъ разъ двѣ рюмки: одна отъ барина, другая отъ гостя.

Выпивъ ихъ и закусивъ предложеннымъ ему огурцомъ, онъ поблагодариль и проворно исчезъ изъ кухни. А товарищи выпивали не торопясь и вели все болѣе и болѣе оживляющуюся бесѣду.

— Жить надо по-спартански!—настаивалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, братъ, теперь этого нельзя,—говорилъ гость.

— Почему?

— Да потому что социальныя условія не тѣ.

— Какія?

— Социальныя, то есть общественныя.

— Ахъ, да, понимаю. Стало быть, по Спенсеру надо? А мнѣ, вотъ, спартанцы больше нравятся.

— Мало ли что нравятся, да прошлаго не воскресишь!

— А если захотѣть?

— Да тутъ изъ одного хотѣнья ничего не выйдетъ.

— Почему?

И Тереховъ принимался подробно объяснять, почему нельзя воскресить прошлаго.

— Да, это ты вѣрно,—соглашался Спартакъ и добавлялъ:— А жаль!

— Да собственно говоря и жалѣть-то нечего,—говорилъ прапорщикъ.

— Почему?—допытывался подпоручикъ.

И опять прапорщику приходилось объяснять, почему собственно жалѣть нечего.

Къ концу вечера Тереховъ ужъ говорилъ одинъ. Спартакъ же только слушалъ, переспрашивалъ, возражалъ, но большею частью соглашался и время отъ времени выпивалъ рюмку водки.

А когда онъ выпилъ послѣднюю, то вдругъ весело улыбнулся и сказалъ:

— А водка съ разговорами лучше. Черезъ мѣсяцъ будемъ опять.

И оба они растались совсѣмъ почти трезвые, несмотря на то, что выпили по цѣлой бутылкѣ водки.

Со слѣдующаго же дня чтенія ихъ возобновились. Читали они и Спенсера, и Михайловскаго, и Шелгунова, и все, что появлялось въ прогрессивныхъ журналахъ того времени. И дружба ихъ крѣпла все болѣе и болѣе, такъ что въ военномъ собраніи даже кто-то сказалъ:

— А у насъ теперь въ полку не одинъ Спартакъ, а цѣлыхъ пара.

Но замѣчаніе это прошло какъ-то безслѣдно: никто не поддержалъ его. При этомъ тутъ же многіе замѣтили про себя, что тихому и скромному прапорщику Терехову не только не присвоено еще никакой клички, но и никто ни разу еще не рѣшился подтрунить надъ нимъ.

Надъ Спартакомъ же не подшучивалъ развѣ только лѣнливый.

Однажды—это уже было передъ весной, незадолго до выступления нашего полка изъ Потрясимова, въ военномъ собраніи произошло маленькое, но обратившее всеобщее вниманіе событіе. Въ

этотъ вечеръ тамъ была назначена лекція одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба, не помню уже теперь, на какую тему, но, должно быть, не на особенно интересную, потому что офицерство собиралось очень вяло, да и то въ большинство застревало въ столовой, гдѣ въ этотъ день еще съ самаго обѣда бражничалъ со своей компаніей поручикъ Кречетовъ.

Помимо неизмѣнно сопутствовавшего ему богатенькаго прапорщика Золотарева, въ этой компаніи находился и новый сателитъ Кречетова, недавно прибывшій къ намъ изъ другой дивизіи, совсѣмъ молоденькій, но изъ раннихъ, прапорщикъ Парчинскій.

Этотъ безусый юноша всѣми силами старался подражать нашему неоспоримому герою: корчилъ изъ себя какого-то «Бурцева-ерузабіяку», волочился за женщинами, пилъ, игралъ въ карты—деньжонки, видимо, у него водились—и не по чину муштровалъ солдатъ. А какъ говорить пословица, «рыбакъ рыбака видитъ издалека», Кречетовъ сразу оцѣнилъ подражателя и принялъ его на свое лоно.

Парчинскій тоже начиналъ уже показывать коготки и «задирать» кого можно и пока еще, конечно, съ оглядкой. Онъ, въ подражаніе своему кумиру, сразу отмѣтилъ, какъ «чужихъ», Спартака и Терехова. Но по юности ли своей, или по глупости, не сумѣлъ удержаться въ должныхъ границахъ.

И вотъ, какъ разъ въ этотъ самый день, когда была назначена лекція, Парчинскій выпилъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и закусилъ удила. Поддакивая во всемъ Кречетову, онъ съ задоромъ молодого пѣтушка обрывалъ всѣхъ прочихъ собутыльниковъ. И эти прочіе, изъ угодливости передъ его покровителемъ, спускали этому заносчивому мальчишкѣ, переводя все на «милыя шутки».

Но вотъ въ дверяхъ столовой появилась высокая, несуразная фигура Спартака, съ его длинными, отросшими волосами и въ сюртукѣ какъ бы съ чужого плеча. За нимъ, скромно опустивъ голову, шель приземистый и коренастый Тереховъ. Они уже почти миновали столовую и подходили къ дверямъ зала, гдѣ должна была состояться лекція, когда зарвавшійся Парчинскій громко крикнулъ:

— А какіе уроды эти наши философствующіе идіо...

Кречетовъ рѣзко и сильно дернулъ его за руку, но было уже поздно.

Круто повернувшись на своихъ длинныхъ ногахъ, Спартакъ не торопясь, но какъ-то непреодолимо зашагалъ къ столу, гдѣ сидѣла подгулявшая компанія. Тереховъ шель за нимъ. Спартакъ, даже не взглянувъ на прапорщика Парчинскаго, направился прямо къ Кречетову.

Остановившись передъ почему-то поднявшимся съ мѣста поручикомъ и устремивъ на него дѣйствительно на этотъ разъ строгіе глаза, Спартакъ спокойно прѣзаясь только два слова:

— Вы опять?

И всѣ присутствующіе ясно видѣли, какъ нашъ непобѣдимый герой поблѣднѣлъ, словно полотно.

— Вѣдь, это же не я!..—растерянно забормоталъ онъ.

— Все равно. Съ вами. Помните.

И, проговоривъ эти слова, Спартакъ повернулся и въ сопровожденіи Терехова снова зашагалъ къ двери въ залу.

Пьяная компанія какъ-то сразу притихла. Наступило неловкое молчаніе. Пронеслось словечко «дуэль».

Кречетовъ всталъ изъ-за стола и, бросивъ Золотареву коротенькое:

— Расплатись!—наскоро распрощался со своими собутыльниками и уѣхалъ изъ собранія въ сопровожденіи Парчинскаго.

Спартакъ же съ Тереховымъ спокойно сидѣли въ залѣ и слушали лекцію, какъ будто ничего и не произошло.

Однако къ концу вечера уже всѣ офицеры нашего полка знали, что между поручикомъ Кречетовымъ и подпоручикомъ Бондаревымъ произошло какое-то столкновеніе, которое не останется безъ серьезныхъ послѣдствій. Слова Спартака: «вы опять?» и «помните», завязли у всѣхъ въ ушахъ. И блѣдность Кречетова при этой сценѣ многихъ поразила, да и хмурое спокойствіе Спартака.

Про главнаго же виновника всего этого столкновенія, прапорщика Парчинскаго, всѣ словно позабыли, по крайней мѣрѣ никто не упоминалъ его фамиліи.

Нашъ полковой адъютантъ нашель нужнымъ довести все это до свѣдѣнія командира полка, и тотчасъ же по окончаніи лекціи было приказано, несмотря на поздній часъ, вызвать на квартиру къ полковнику всѣхъ четырехъ офицеровъ, то есть Спартака съ Тереховымъ и Кречетова съ Парчинскимъ. Первые двое явились; вторыхъ нигдѣ не могли разыскать.

— Васъ оскорбили?—обратился полковникъ къ вошедшимъ къ нему въ кабинетъ офицерамъ.

— Да, господинъ полковникъ,—за обоихъ отвѣтилъ Спартакъ

— Чѣмъ?

— Позвольте объ этомъ умолчать.

Командиръ прикусилъ губы и, подумавъ немного, продолжалъ:

— Какъ же вы намѣрены поступить?

— Я вызову на дуэль прапорщика Парчинскаго,—тихо отвѣтилъ Тереховъ.

— А я убью поручика Кречетова,—спокойно сказалъ Спартакъ.

— То есть какъ убьете?—удивился полковникъ.—На дуэли?

— Нѣтъ, дуэли я не признаю. Я его просто убью.

— То есть какъ такъ—просто?

— А такъ. Приду къ нему и убью.

— Но вы не имѣете на это право! Это преступленіе!

— Нѣтъ, не преступленіе. Потому что онъ самъ мнѣ далъ это право.
 — Какъ далъ? Когда?
 — Семь лѣтъ тому назадъ.
 — Но позвольте! Семь лѣтъ тому назадъ вы еще не были на военной службѣ. Не были въ нашемъ полку! Гдѣ же вы могли съ нимъ встрѣчаться?

— Мы одного уѣзда. Сосѣди.
 — Ахъ, вотъ что-о!—протянулъ полковникъ.—Ну-съ, дальше.
 — Дальше—ничего.
 — То есть какъ... ничего? При какихъ же обстоятельствахъ Кречетовъ далъ вамъ право его убить?

— При очень гнусныхъ.
 — Но позвольте! Я тутъ ничего не понимаю.
 — Вамъ, господинъ полковникъ, тутъ и не нужно ничего понимать.

— Позвольте! Вы забываетесь!—вспылилъ полковникъ.—Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите!

— Нѣтъ, господинъ полковникъ, я говорю съ моимъ командиромъ полка, которому совсѣмъ не нужно знать, при какихъ обстоятельствахъ прапорщикъ Кречетовъ,—онъ тогда былъ прапорщикъ, а я былъ вольный, то есть штатскій,—сказалъ мнѣ право... то есть не сказалъ, а далъ...его убить... И теперь я это право имѣю право... исполнить.

Связная рѣчь была положительно не по силамъ лаконическому подпоручику.

— Я васъ арестую!—крикнулъ полковникъ, видимо, теряя терпѣніе.—Что вы бредите?

— Тогда я его послѣ ареста,—невозмутимо заявилъ Спартакъ.

— Я не выпущу васъ изъ-подъ ареста, пока вы не выбросите эту дурь изъ головы!

— Этого нельзя, господинъ полковникъ.

— Чего нельзя?

— Выбросить изъ головы.

Прапорщикъ Тереховъ не выдержалъ и улыбнулся.

— А вы чего улыбаются?—накинулся на него уже совершенно вышедшій изъ терпѣнія командиръ.—Вы тоже хотите подъ арестъ? Я васъ тоже арестую!

— Слушаю, господинъ полковникъ,—совершенно спокойно отвѣтилъ Тереховъ.

И это спокойствіе уже совсѣмъ взорвало нашего не въ мѣру вспыльчиваго командира!

— А! «Слушаю!» Я вамъ покажу, какъ я слушаю! Я вамъ покажу! Вы тамъ философствуете! Не потерплю въ моемъ полку философіи! Не потерплю-съ! Я васъ подтяну! Вы тамъ вдвоемъ водку пьете...

— Разъ въ мѣсяцъ и «черная похлебка»,—невозмутимо, но отнюдь не имѣя въ виду издѣваться надъ своимъ командиромъ, пояснилъ Спартакъ.

— Какая тамъ чортова похлебка?!—ревѣлъ командиръ.

— Спартанская, господинъ полковникъ.

Отвѣтъ былъ такъ неожиданъ и несообразенъ, что грозный начальникъ даже растерялся и, сразу спустивъ тонъ, недоумѣло спросилъ:

— Спартанская? Не понимаю. Какая такая спартанская?

— Изъ бычьей крови, бараньяго сала, луку и перцу, господинъ полковникъ,—обстоятельно доложилъ Спартакъ.

— Чортъ знаетъ что такое! Что вы тутъ бормочете? Ничего не понимаю! Да вы здоровы?

— Покорно благодарю, господинъ полковникъ. Здоровъ.

Полковникъ фыркнулъ въ усы и зашагалъ взадъ и впередъ по кабинету. Онъ долго молчалъ и молча нѣсколько разъ взглядывалъ на стоявшихъ въ невозмутимомъ ожиданіи двухъ офицеровъ. Наконецъ, остановившись передъ ними, заговорилъ почти спокойно (нашъ командиръ былъ вспыльчивъ, да отходчивъ):

— Однако, господа, надо же это чѣмъ-нибудь кончить!

Офицеры молчали.

— Ну, вотъ вы,—обратился полковникъ къ Терехову,—хотите вызвать на дуэль прапорщика Парчинскаго?

— Такъ точно, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ Тереховъ.

— Но я этого не могу позволить! Дуэли запрещены закономъ. Васъ отдадутъ подъ судъ! И вы будете строжайше наказаны.

— Я знаю это, господинъ полковникъ.

— И готовы понести кару?

— Готовъ, господинъ полковникъ.

Полковникъ снова фыркнулъ въ усы и зашагалъ по кабинету.

— Ну, а вы, вы, вы!—забурлилъ онъ опять, останавливаясь передъ Спартакомъ.—Вы прямо-таки что-то ужъ несообразное гордите! Вы просто-напросто хотите убить!

— Такъ точно, господинъ полковникъ, убить.

— Ну, вотъ извольте видѣть! Убить! Ну, какъ вамъ объяснить, наконецъ, что этого нельзя? Ну, наконецъ, онъ самъ васъ можетъ убить.

— Нѣтъ, не можетъ, господинъ полковникъ.

— Почему не можетъ?

— Потому что я не давалъ ему на это права.

— А онъ вамъ далъ?

— Далъ.

— Да при какихъ же обстоятельствахъ?

— При очень гнусныхъ.

— Да наконецъ это сказка про бѣлаго бычка!—опять выходя изъ терпѣнія, уже кричалъ командирь.—«Даль право». При какихъ обстоятельствахъ?—«При гнусныхъ». Ничего не пойму!

— Позвольте, господинъ полковникъ, мнѣ отвѣтить за моего товарища?—заговорилъ Тереховъ и, обратившись къ Спартаку, спросилъ:—Ты позволишь?

— Позволю, только не все.

— Ну, говорите хоть вы,—согласился полковникъ, устало опускаясь въ кресла и предлагая сѣсть своимъ офицерамъ.

— Семейства Кречетовыхъ и Бондаревыхъ не только живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, но даже находятся между собой, правда, въ очень отдаленномъ, родствѣ,—началь Тереховъ.

— Въ свойствѣ,—поправилъ Спартакъ.

— И съ самаго дѣтства Авксентію Иллѣодоровичу приходилось переносить отъ Кречетова всякаго рода насмѣшки, издѣвательства и даже истязанія.

— Этого не надо,—буркнулъ насушившійся подпоручикъ.

— Конечно, это было возможно,—продолжалъ Тереховъ, не обращая вниманія на его замѣчаніе,—благодаря болѣе или менѣе значительной разницѣ между ними въ годахъ. Но вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

— Семь.

— Да, именно семь лѣтъ тому назадъ, когда Авксентій Иллѣодоровичъ сталъ уже юношей, Кречетовъ опять посѣтилъ свою семью и думалъ было возобновить и свои нападки на безотвѣтнаго прежде...

— Лишнее,—перебилъ его Спартакъ и, сбиваясь и путаясь, уже заговорилъ самъ.—Однимъ словомъ, очень просто: Кречетовъ прѣхалъ и, какъ всегда, сейчасъ же мерзости. Я ему сказалъ: «довольно». Онъ—смѣялся. Потомъ... сдѣлалъ очень большую мерзость. Такую, что я имѣлъ право его убить. Всякій бы имѣлъ право убить. И я имѣлъ бы право. Но онъ... очень просилъ... и говорилъ, что ему хочется жить. Я понялъ, что жить хочется... Мнѣ стало жаль... Нѣтъ, не жаль. Это вздоръ. Мнѣ стало не надо его убить. Скверно. Тогда онъ говорилъ, что никогда не забудетъ. И если хоть когда-нибудь онъ... сдѣлаеть... такую гадость... то я имѣю право его убить. Вотъ.

— Развѣ онъ сдѣлалъ теперь такую же гадость?—спросилъ командиръ полка.

— Нѣтъ. Но, кромѣ того, онъ сказалъ, что если когда-нибудь отъ него или черезъ него получу хоть малѣйшее оскорбленіе, то имѣю право его убить. Вотъ и все.

— Но позвольте! Если я не ошибаюсь,—мнѣ по крайней мѣрѣ такъ докладывалъ мой адъютантъ,—оскорбленіе вамъ нанесъ не не поручикъ Кречетовъ, а прапорщикъ Парчинскій.

— Это все равно. Это черезъ него. Я отлично понимаю. Вотъ, я теперь вамъ все сказалъ, господинъ полковникъ, и вы сами отлично видите, что я его долженъ убить.

— Во-первыхъ, вы мнѣ сказали далеко не все; но даже если бы и *все*, тѣмъ не менѣе я настаиваю, что никто и никого не имѣетъ права убивать. Ну, вотъ я еще понимаю прапорщика Терехова, который желаетъ дуэли. Это, хотя и запрещено закономъ, но это благородно, по-офицерски. Но—убивать! Это ужъ чортъ знаетъ что такое!.. Но вотъ что, господа! Въ виду того, что я не выслушалъ еще противной стороны и свидѣтелей, а потому не имѣю возможности высказаться болѣе или менѣе опредѣленно по этому дѣлу, я васъ пока обоимъ оставлю на свободѣ, до завтрашняго дня. Слышите? До завтрашняго дня! Но я беру съ васъ слово, что до завтрашняго же дня вы не предпримете никакихъ шаговъ и оставите пока вашихъ оскорбителей въ покоѣ.

— Господинъ полковникъ,—твердо заговорилъ Тереховъ,—вызовъ на дуэль долженъ послѣдовать не позже, какъ черезъ двадцать четыре часа послѣ полученія оскорбленія.

— Двадцать четыре часа истекутъ только завтра, въ девять часовъ вечера. Я же не позже полудня скажу вамъ мое рѣшеніе. Даете мнѣ слово воздержаться до этого времени?

— Даю,—сказалъ Тереховъ.

— Ну, а вы?—обратился полковникъ къ Спартаку.

— Не могу дать,—отвѣтилъ тотъ рѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ арестую.

— Слушаю-съ.

И Спартакъ былъ арестованъ.

Но на утро, еще задолго до полудня, оба товарища снова встрѣтились въ кабинетѣ командира полка. Старикъ былъ, видимо, чѣмъ-то сильно озабоченъ. Лицо его было блѣдно и казалось даже нѣсколько осунувшимся.

— Ахъ! да, это вы,—заговорилъ онъ, какъ бы отрываясь отъ какой-то мысли.—Еще вчера ночью мнѣ удалось поговорить съ Кречетовымъ и съ Парчинскимъ. Они оба готовы принести передъ вами извиненія—письменные... или... въ присутствіи свидѣтелей. Согласны вы отказать отъ вашего вызова, прапорщикъ Тереховъ?

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ.—Я въ такихъ случаяхъ извиненія не понимаю и не принимаю.

— Вотъ какъ? почти строго проговорилъ полковникъ и затѣмъ, обратившись къ Спартаку, проговорилъ:

— Ну, а вы?

— Я долженъ его убить. Семь лѣтъ тому назадъ онъ далъ мнѣ право, а я далъ себѣ слово.

Полковникъ нахмурился и послѣ довольно продолжительнаго молчанія заговорилъ съ молодыми офицерами совѣмъ уже инымъ, какимъ-то интимнымъ тономъ.

— Ну, вот что я вамъ скажу, господа. Ваши противники и держали себя и говорили совсѣмъ не такъ, какъ вы. Какъ—я объ этомъ рассказывать не стану. Во всякомъ случаѣ, благодаря этой исторіи, я ближе познакомился и съ ними, и съ вами. И вотъ теперь могу объявить вамъ, но до поры до времени подъ строжайшимъ секретомъ, одну очень отрадную для всякаго офицера новость. Не сегодня—завтра, ну, однимъ словомъ, совсѣмъ-совсѣмъ на дняхъ Турціи будетъ объявлена война. Это извѣстіе я получилъ не болѣе, какъ за часъ до вашего прихода. Нашъ полкъ, конечно, будетъ двинуть на театръ военныхъ дѣйствій. Свѣдѣнія получены мною официально. И съ сегодняшняго же дня я приступаю къ экстренной подготовкѣ. Такъ подумайте сами: время ли теперь, когда каждый офицеръ будетъ, что называется, на счету, какъ защитникъ отечества, сводить свои личные счета? Когда дорогъ каждый штыкъ, каково же будетъ для полка утратить цѣлыхъ четырехъ офицеровъ?

Спартакъ быстро поднялся съ мѣста и, слегка заикаясь, проговорилъ:

— Господинъ полковникъ, я не трону Кречетова.

Тереховъ, болѣе спокойнымъ тономъ, добавилъ:

— Свой вызовъ я откладываю до окончанія кампаніи.

— Ну, вотъ это благородно, господа!—проговорилъ командиръ полка и, тоже вставъ съ мѣста, обнялъ по очереди и того, и другого офицера.

— Ну, однако, чтобы покончить это дѣло съ честью для васъ,—сказалъ онъ,—я думаю все-таки, что вы примете извиненіе этихъ... господъ.

— Мнѣ никакихъ извиненій не надо. Извиненія—ерунда,—заявилъ Спартакъ.

— Въ виду того, что дуэль только откладывается...—началъ было Тереховъ.

Но командиръ обнялъ его за талію и, дружески потрепавъ другой рукой по плечу, сказалъ:

— Ну, откуда такая кровожадность? Простите этого мальчишку. Кто знаетъ, изъ него, можетъ быть, еще выйдетъ отличный боевой офицеръ.

— Слушаю, господинъ полковникъ,—подумавъ немного, сказалъ Тереховъ:—я откажусь отъ своего вызова, если изъ него выйдетъ хорошій боевой офицеръ.

— А въ себѣ вы вполне увѣрены?—серьезно спросилъ полковникъ.

И вдругъ всегда спокойное, сѣроватое лицо молодого офицера покрылось яркой краской стыда. Онъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко.

— Я постараюсь, господинъ полковникъ,—глухимъ и слегка дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ.—А отъ вызова я отказываюсь во всякомъ случаѣ.

VIII

Боевое крещеніе.

Черезъ мѣсяць городъ Потрясимовъ провожалъ уже нашъ полкъ на войну. Все было честь-честью: и напутственный молебень отслужили, и прощальный обѣдъ устроили: для нижнихъ чиновъ въ казармахъ, для офицеровъ въ дворянскомъ собраніи. Лилось вино рѣкою, говорились рѣчи. Въ каждой почти изъ нихъ упоминалась наша «родная матушка Волга». Въ приволжскихъ городахъ ни одна рѣчь не можетъ обойтись безъ упоминанія объ ней, такъ горячо любятъ волгари свою рѣку-кормилицу.

Конечно, и въ данномъ случаѣ не обошлось безъ Волги. И это дало поводъ одному мѣстному остряку, порядочно уже подвыпившему, сказать тутъ же стихотворный экспромтъ. Поплескивая изъ бокала виномъ и покачиваясь, прочиталъ онъ хриплымъ голосомъ:

Ахъ, Волга, Волга, Волга!
Течешь ты долго, долго
И плещешь безъ умолку.
Да что же въ этомъ толку?

Экспромтъ былъ принятъ двояко: нѣкоторые прямо-таки его не поняли, а нѣкоторые, сдѣлавшіе видъ, что понимаютъ, даже обидѣлись.

Какъ бы то ни было, но остряка вскорѣ удалили изъ залы собранія, впрочемъ, надо правду сказать, послѣ этого экспромта онъ уже перегрузился окончательно и «далъ кренъ» въ 90 градусовъ.

На другой день полкъ выступалъ въ походъ. Съ полгорода собралось на берегу рѣки Волги у пароходной пристани. Простой народъ провожалъ солдатъ, губернское общество—господь офицеровъ.

На этихъ проводахъ ясно сказывалось, кто въ какомъ кругу вращался. «Сливки» города провожали капитана Солнцева. Административныя власти—командира полка; «дамы»—странныя, сомнительныя, что называется, «эти дамы», съ подведенными глазами и нарумяненными щеками,—поручика Кречетова.

— Дамы моего общества,—рекомендовалъ онъ ихъ, называя очень уменьшительными именами «Катекъ», «Варекъ» и «Зинокъ».

Юныя барышни и молоденькія барыньки—постоянныя посѣтительницы танцевальныхъ вечеровъ въ военномъ собраніи—вертѣлись возлѣ молодыхъ офицеровъ, къ числу которыхъ надо было отнести и прапорщика Парчинскаго, хотя сей послѣдній удѣлялъ не мало вниманія и «этимъ дамамъ» изъ «общества поручика Кречетова».

Прапорщика Терехова провожала горячая молодежь студенческаго пошиба. Провожали и Спартака.

И вотъ тутъ-то стало всёмъ ясно, почему этому, болѣе чѣмъ скромному въ своихъ потребностяхъ офицеру едва-едва хватало его офицерскаго жалованья. Не вѣсть откуда выплыли какія-то убогія старушки, сиротки-дѣти, женщины, обремененныя семействами, и всё эти бѣдные люди, не скрывая слезъ, провожали своего благодѣтеля.

Да, кто бы могъ думать, что бѣдняга Спартакъ умудрялся еще быть и «благодѣтелемъ?»

Угрюмый подпоручикъ, видимо, былъ страшно сконфужень этими проводами и прямо-таки отбивался отъ провожавшихъ.

— Что за ерунда? Вотъ! Ничего подобнаго! На кой чортъ?—бормоталъ онъ, стараясь укрыться куда-нибудь отъ причитавшей возлѣ него небольшой группы какихъ-то странныхъ, затрапезныхъ людей.

Но, вѣрно, шила въ мѣшкѣ не утаишь и вопреки пословицѣ, что худая слава бѣжить, а добрая лежитъ, по всему полку извѣстно стало и объ этихъ проводахъ, и о тайныхъ дѣяніяхъ сердечнаго офицера.

— Голубь!—говорили солдаты.—Голубь и есть!

— А нашъ-то, Спартакъ-то! Каковъ? Кто бы могъ подумать!—пересуживали офицеры.

И это еще болѣе раздражало Спартака.

— Чуть! Ерунда! Ничего подобнаго!—бормоталъ онъ, когда къ нему приставали съ распросами.

Но вотъ, наконецъ, проводы окончились, и громадный пароходъ помчалъ насъ «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», по весеннему разливу.

Дорога была веселая. Вездѣ встрѣчи, вездѣ проводы, вездѣ угощенія. Но чѣмъ ближе приближались мы къ театру военныхъ дѣйствій, тѣмъ рѣзче мѣнялось настроеніе среди насъ самихъ. Неукротимый герой, поручикъ Кречетовъ, становился все тише и тише и все замѣтнѣе заискивалъ въ расположеніи своей роты.

Еще за мѣсяцъ до выступленія у насъ въ полку стали циркулировать какіе-то странные слухи. Говорили, что Кречетову *не одобровать* и если его пощадить турецкая пуля, то съ нимъ покончатъ свои же солдаты въ отместку за его жестокое съ ними обращеніе въ мирное время. Благоразумная часть офицеровъ, конечно, этому не вѣрила, утверждая, что русскій солдатъ на такое гнусное преступленіе никогда не пойдетъ. Бывалые, опытные офицеры приводили даже тому примѣры, какъ роты покорно шли за своими не въ мѣру жестокими командирами. Но находились и такія пылкія головы, которыя приводили и примѣры противоположныя, смущая этимъ колеблющихся, а главнымъ образомъ самого поручика Кречетова, до котораго толки эти, конечно, долетали и который, увы! кажется, вполне имъ вѣрилъ.

Но какъ бы то ни было, рота лихача-поручика, рота «перваго кандидата на георгиевскій крестъ», считавшаяся самой дисциплинированной въ полку на мирной стоянкѣ, еще на походѣ оказалась наиболѣе деморализованной.

А Кречетовъ все болѣе и болѣе робѣлъ и терялся. Въ угоду солдатамъ, онъ еще на походѣ смѣнилъ своего жестокаго фельдфебеля Чекрыгина, назначивъ на его мѣсто наиболѣе популярнаго въ ротѣ унтеръ-офицера Гнѣдаша. Но и это не помогало. Несмотря на все это, вторая стрѣлковая рота вела себя непозволительно, и Кречетовъ то и дѣло получалъ замѣчанія то отъ батальоннаго командира, то отъ самого командира полка. И эти непривычныя для него замѣчанія обезкураживали его все болѣе и болѣе. И, не дойдя еще до театра военныхъ дѣйствій, нашъ герой мирнаго времени уже совершенно слинялъ.

Къ немалому изумленію моему, да, можетъ быть, и другихъ офицеровъ, еще вчерашній сателитъ Кречетова и его вѣрный подражатель, прапорщикъ Парчинскій, держался бодро. Но отношенія его къ поручику Кречетову рѣзко измѣнились: изъ дружескихъ они сдѣлались сухо официальными—Парчинскій не забывалъ, что Кречетовъ старше его въ чинѣ,—но и только.

Когда же самъ Кречетовъ пробовалъ попрежнему интимничать, Парчинскій холодно уклонялся. Зато онъ лебезилъ теперь передъ капитаномъ Солнцевымъ, впрочемъ, безъ всякаго результата.

Спартакъ и Тереховъ держались, какъ и въ мирное время, тихо и уединенно и даже на походѣ читали свои книжки и вели бесѣды. Правда, похлебокъ Спартакъ уже больше теперь не варилъ, а довольствовался изъ ротнаго котла, внося въ роту свой пай.

Но вотъ достигли мы и театра военныхъ дѣйствій. Полкъ прибылъ въ образцовомъ порядкѣ и на смотру заслужилъ похвалу главнокомандующаго. Въ виду того, что люди дошли бодрыми и свѣжими намъ отдыхать долго не дали и на третій же день пустили въ «дѣло», правда, еще незначительное, но все-таки не безъ раненыхъ и убитыхъ.

Въ этомъ дѣлѣ у насъ отличился только одинъ офицеръ, именно прапорщикъ Тереховъ. Онъ командовалъ охотниками и произвелъ очень удачную вылазку. Еще на походѣ было замѣчено, что командиръ полка какъ-то особенно отличаетъ его, а также и Спартака.

Замѣтили тоже, что прапорщикъ Парчинскій, что называется, изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы отличиться, самъ просить опасныхъ порученій, но когда ему одно изъ таковыхъ было дано, онъ что-то напуталъ: не то по неумѣлости, не то по недостатку настоящаго мужества.

— Нечего было и напрашиваться, если...—сухо замѣтилъ ему командиръ полка, почему-то не договоривъ всей фразы.

Недѣли черезъ двѣ послѣ нашего прибытія на театръ войны нашему полку выпала серьезная и отвѣтственная задача.

Еще до вступленія въ дѣло командиръ вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и вкратцѣ познакомилъ насъ съ этой задачей.

— Вы понимаете, господа,—заклочилъ онъ:—что дѣло намъ предстоитъ большое и серьезное. Не осрамите же полка, не осрамите русскихъ знаменъ. Это—нашъ экзамень. Слѣдуетъ его выдержать блестяще!

И полкъ, дѣйствительно, блестяще выдержалъ этотъ экзамень и намъ бы оставалось только ликовать да радоваться, если бы не одно, правда, маленькое, но досадное пятнышко на общемъ фонѣ. И положилъ это пятнышко не кто иной, какъ поручикъ Кречетовъ.

Еще при самомъ началѣ боя онъ вдругъ оказался раненымъ.

— Ранень?—удивлялись офицеры.—Что за странность? Да до насъ еще и пули, кажется, не долетали.

— Ну, бываетъ иногда. Шальная залетитъ. А тамъ у нихъ, у стрѣлковъ, перестрѣлка, кажется, уже завязывалась,—говорили миротворцы, въ глубинѣ души чувствуя тоже что-то неладное.

А черезъ часъ уже всему составу нашихъ офицеровъ была извѣстна исторія этого пораненія.

— Мерзавецъ!—говорили нѣкоторые.—Негодяй! Самъ себѣ лѣвую руку прострѣлил! Трусишка!

— Но позвольте, а какъ же это можно установить, что самъ себѣ,—спрашивали другіе.

— А нашъ старикъ докторъ Трефоловъ, какъ взглянулъ на перевязочномъ пунктѣ на его рану, такъ и сказалъ: «А вы бы, говорить, поручикъ, на ладонь-то хоть бы мокренъкій носовой платочекъ себѣ наложили»,—разсказывалъ какой-то офицеръ, только что прибывшій съ перевязочнаго пункта.

— То есть какъ носовой платочекъ? Что значить «носвой платочекъ»?—послышались вопросы.

— А такъ-съ. Ладонь-то у Кречетова оказалась обожженной и даже въ пороховой копоти. Ясно, значить, что онъ стрѣлялъ себѣ въ упоръ.

— Ну, а платочекъ тутъ все-таки при чемъ же?—какъ-то особенно допытывался прапорщикъ Парчинскій.

— Да очень ясно: если бы между дуломъ револьвера и ладонью лежалъ мокрый носовой платокъ, не было бы ни ожога, ни копоти.

— А-а!

Странная вещь! Это «а-а», раздумчиво произнесенное прапорщикомъ Парчинскимъ, произвело какое-то неприятное впечатлѣніе. Нѣкоторые переглянулись, а нѣкоторые, отходя отъ группы,—говорили другъ другу.

— Ну, какъ бы теперь и этотъ фендрикъ себѣ руку не прострѣлил?

— Съ платочкомъ?

— Да, ужъ теперь не безъ того.

Чтобъ покончить съ поручикомъ Кречетовымъ, я долженъ сказать, что отъ судьбы онъ все-таки не ушелъ. Легкая рана его вдругъ неожиданно осложнилась антоновымъ огнемъ. Отрѣзали руку, но и это не помогло, и Кречетовъ—умеръ.

Командующимъ второй стрѣлковой ротой былъ назначенъ, къ удивленію всего полка, подпоручикъ Бондаревъ, то есть Спартакъ и, къ еще большому удивленію, этотъ горе-офицеръ на всѣхъ сматрахъ и парадахъ, на войнѣ оказался отличнымъ командиромъ.

Солдаты твердили:

— Отъ звѣря, да прямо къ голубю! Эко чудо!

Не буду описывать шагъ за шагомъ дѣйствія нашего полка. Остановлюсь только на дѣятельности моихъ маленькихъ героевъ.

Парчинскій—отличился. Отличился какъ-то ярко, крикливо, при взятіи турецкой крѣпости; получилъ офицерскій георгіевскій крестъ, но... да! этихъ «но» тутъ насчитывалось очень много. Во-первыхъ, онъ безъ толку жертвовалъ жизнью своихъ людей; во-вторыхъ, нарушилъ всякую субординацію, и, минуя свое непосредственное начальство, самъ поскакалъ къ начальству высшему и доложилъ о взятіи имъ форта, за что и былъ поздравленъ георгіевскимъ кавалеромъ.

Затѣмъ... Ну, тутъ уже приходится переходить въ область сплетни, хотя, впрочемъ, не даромъ же, вѣдь, говорится, что гласъ народа—гласъ Божій, а народъ—въ данномъ случаѣ солдаты—шутукали, что на фортъ велъ ихъ совсѣмъ не Парчинскій, а другой, убитый при штурмѣ офицеръ, а Парчинскій только воспользовался его дѣломъ и поспѣшилъ отрапортовать о немъ начальству.

Послѣ этого онъ сейчасъ же получилъ какую-то видную командировку въ Россію и на театръ военныхъ дѣйствій болѣе не возвращался.

Впослѣдствіи, уже въ мирное время, изъ него выработался крайне непріятный офицеръ. Онъ во многомъ напоминалъ Кречетова, но былъ еще наглѣе его: георгіевскій крестъ и боевая репутація много способствовали этому. Жестокость его съ солдатами превосходила всякую мѣру; но эта же жестокость и стубила его. Онъ на смерть застѣкъ какого-то слабенькаго, штрафованнаго солдата, за что былъ отданъ подъ судъ и исключенъ изъ службы. Затѣмъ, кажется, вскорѣ послѣ этого спился и умеръ отъ чахотки.

Какъ уже я сказалъ выше, Спартакъ оказался очень хорошимъ боевымъ ротнымъ командиромъ. Солдаты въ немъ, что называется, души не чаяли. Личная храбрость его была внѣ всякаго сомнѣнія и если что ему иногда ставили въ укоръ, такъ это, можетъ быть, даже немного излишнее—конечно, съ военной точки зрѣнія—обереганіе солдатъ

— Отчего вы не прошли прямо съ ротой, а сдѣлали обходное движеніе? Вѣдь вы бы сколько времени выгадали?—спрашивали, напримѣръ, его.

— Да, но я могъ бы потерять много людей.

— Ну, батюшка, вѣдь на то и война, чтобы нести потери.

— Да, но... солдатъ такъ же дорогъ и на войнѣ, какъ и въ мирное время.

— Однако, сами-то вы прошли прямикомъ? А обходомъ роту-то велъ субалтернъ вашъ? Стало быть, рисковали? А, вѣдь, офицеръ дорогъ не менѣе солдата.

— Я такъ обязанъ былъ.

— Почему?

— Чтобы прийти раньше и ознакомиться съ позиціей.

Спартакъ вскорѣ былъ произведенъ въ чинъ поручика и былъ представленъ къ одному изъ почетнѣйшихъ боевыхъ орденовъ, Владимиру 4-й степени.

Въ это время у насъ по арміи пронеслась вѣсть о подвигѣ майора Эстляндскаго полка Горталова. Объ этомъ подвигѣ въ офицерскихъ кружкахъ судили и рядили во всѣ стороны: одни находили, что это излишнее рыцарство, что оставаться одному подъ разстрѣль турецкихъ пуль не было никакой нужды да и смысла; другіе, напротивъ, приходили въ восторгъ и говорили, что разъ майоръ Горталовъ далъ слово Скобелеву не покинуть позицію, онъ и не могъ ее покинуть.

— Даже тогда, когда у него увели всѣхъ людей?

— Даже и тогда.

— Даже и оставаясь бесполезно совершенно одинъ передъ турецкими батальонами?

— Даже.

Спартакъ на это коротко замѣтилъ:

— Благородно. Онъ далъ слово и сдержалъ его.

Увы! нашему бѣдному Спартаку не хватало оригинальности, и онъ погибъ почти совершенно такъ же, какъ и майоръ Горталовъ.

Въ одномъ изъ боевъ, гдѣ шансы переходили то на турецкую, то на нашу сторону, Спартаку удалось выбить турокъ—роты двѣ, кажется,—съ одной очень выгодной позиціи и занять ее со своей второй стрѣлковой ротой.

Нашъ командиръ полка, еще издали увидавъ это, прискакалъ на эту позицію и, приподнявъ фуражку, крикнулъ:

— Спасибо, вторая стрѣлковая! Спасибо, поручикъ Бондаревъ! Вы заняли прекрасную позицію! Смотрите, берегите же ее. Она очень дорога для насъ.

— Господинъ полковникъ!—нѣсколько аффектированно заговорилъ Спартакъ.—За себя я вамъ даю слово: живымъ отсюда не уйду безъ вашего приказанія!

Тѣнь майора Горталова, вѣроятно, въ это время витала перель нимь.

— Спасибо, голубчикъ! Держитесь!

И Спартакъ—держался.

Счастье перевалило опять на турецкую сторону. Они снова отбивали позицію за позиціей и тѣснили наши роты назадъ. Дошла очередь и до второй стрѣлковой. И стрѣлки оцетинились, готовые умереть «до послѣдняго».

Вдругъ Спартакъ увидаль, что его обходятъ съ фланга, что наши уже очистили всѣ позиціи вокругъ и что гибель его роты—неизбѣжна. Тогда онъ подозвалъ къ себѣ своего субалтернъ-офицера и сказалъ ему:

— Вотъ этимъ ущельемъ вы можете еще вывести роту въ безопасное мѣсто. Только скорѣй! Живо! Бѣгомъ!

— А вы, господинъ поручикъ?

— Я остаюсь здѣсь. Я далъ слово.

— Поручикъ, но... вѣдь, это бесполезно! Это даже смѣшно.

— Не бойтесь быть смѣшнымъ, когда надо быть честнымъ! А теперь—никакихъ разговоровъ! Торопитесь!

— Но Спартакъ! Милый!

— Я вашъ командиръ! И приказываю! Кто ослушается, убью на мѣстѣ! Бѣгомъ—маршъ!

И рота—отступила. Многіе солдаты, говорятъ, рыдали.

— Отчего же вы его не утащили насильно?—спрашивали потомъ субалтерна.

— Не посмѣли. Онъ былъ такъ властенъ въ эту минуту!

Когда въ тотъ же вечеръ всѣ позиціи снова были въ нашихъ рукахъ, Спартака нашли лежащимъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставила рота. Сюртукъ его былъ разстегнутъ, и вся бѣлая грудь рубашки сплошь залита кровью. Турки, убивъ его, однако, не позволили себѣ надругаться надъ его трупомъ. Видимо, они даже не позволили себѣ прикоснуться къ нему. Все на немъ было цѣло: и револьверъ неприкосновенно находился въ застегнутомъ кобурѣ; и дешевенькая шашка мирно покоилась въ ножнахъ.

Его хоронили съ честью тутъ же, на этомъ обгащенномъ его кровью холмѣ и при этомъ рассказывали, что со дня начала кампаніи и до самой своей смерти Спартакъ ни разу не выстрѣлилъ изъ револьвера и никого ни разу не рубнулъ своей шашкой. Къ немалому удивленію, она оказалась даже не «отпущенной». то есть совершенно тупой.

Миръ его праху!

Теперь мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Иванѣ Федоровичѣ Тереховѣ.

Уже въ половинѣ кампаніи весь нашъ полкъ гордился этимъ офицеромъ, и слава о немъ достигала до самыхъ высшихъ сферъ.

Все время онъ командовалъ охотниками и производилъ съ ними прямо-таки чудеса. Онъ уже былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, уже нѣсколько боевыхъ орденовъ украшали его грудь, ужъ солдаты прозвали его «нашимъ соколомъ», товарищи относились къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ, а Иванъ Ѳедоровичъ Тереховъ неизмѣнно оставался все тѣмъ же тихимъ, скромнымъ, даже застѣнчивымъ офицеромъ.

Онъ былъ молчаливъ, но отнюдь не чуждался товарищей и съ тихой, милой улыбкой любилъ послушать за стаканомъ чаю ихъ веселый разговоръ.

Послѣ смерти Спартака онъ ни съ кѣмъ близко больше не сходилъся.

Но вотъ настала и его часъ. Поручена ему была какая-то очень рискованная рекогносцировка. У насъ такъ и знали: гдѣ страшно, тамъ Тереховъ, но отнюдь не слѣдуетъ думать, что онъ самъ напрашивался куда бы то ни было. О, нѣтъ! Но какъ-то это ужъ само такъ выходило: всѣ самыя серьезныя порученія неизмѣнно выпадали на его долю.

И вотъ послѣднее свое порученіе онъ выполнилъ такъ, что привелъ даже въ изумленіе всѣхъ насъ, привыкшихъ уже не изумляться его подвигамъ.

Но, увы! Этотъ подвигъ былъ и концомъ его военной карьеры: осколкомъ гранаты ему раздробило лѣвую руку, а турецкая пуля пронизала навывлетъ животъ. Команда, сопровождавшая его, была почти вся перебита, а оставшіеся въ живыхъ—сплошь переранены. Терехова подобрали полумертвымъ.

Но богатырская натура его вынесла и ампутацію руки по самое плечо, и воспаленіе кишекъ, послѣдовавшее за пораненіемъ. Но, конечно, нечего и говорить, что возвратиться снова въ строй ему уже не пришлось. Его отправили внутрь Россіи для дальнѣйшаго леченія, и я на нѣсколько лѣтъ потерялъ его изъ виду, такъ какъ тотчасъ же по окончаніи кампаніи вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ.

Прошло лѣтъ десять по заключеніи мира. И вотъ однажды, вернувшись домой, я нашель у себя коротенькую записку:

«Былъ. Къ сожалѣнію, не засталъ. Зайду завтра. Тереховъ».

Откровенно говоря, я не сразу вспомнилъ, кто это такой—Тереховъ? Время вычеркиваетъ иногда изъ нашей памяти имена даже самыхъ милыхъ людей.

А когда на другой день ко мнѣ въ комнату вошелъ скромный, что называется, прилично одѣтый господинъ лѣтъ тридцати пяти, приземистый и коренастый, и взглянулъ на меня такимъ милымъ и добродушнымъ взглядомъ, то я вспомнилъ все сразу, вскрикнулъ и бросился обнимать моего полкового товарища. Его лѣвый пустой рукавъ штатскаго сюртука какъ-то безпомощно откинулся назадъ

Я сконфузился и растерянно спросилъ:

— Не сдѣлалъ ли я тебѣ больно?

— Нѣтъ, ничего. Рана уже давно зажила и я ее не чувствую. Вотъ только скверно, когда на отрѣзанной рукѣ ладонь зачешется или судорога пальцы сведетъ,—спокойно сказалъ онъ.

— То есть какъ на отрѣзанной рукѣ?—удивился я.

— Да такъ. Руки нѣтъ, а все ощущенія ея сохранились.

— И это неприятно?

— Даже очень.

Въ полку мы съ нимъ были на «вы», а тутъ какъ-то сами собой перешли на дружеское «ты», да такъ и остались до сихъ дней.

— А я, вѣдь, къ тебѣ по дѣлу, или, вѣрнѣе сказать, даже съ просьбой,—заговорилъ онъ, усаживаясь на кресло и ловко вынимая одной рукой изъ кармана портсигаръ, изъ портсигара папиросу и зажигая спичку.

— Пожалуйста! Пожалуйста, голубчикъ! Чѣмъ только могу!

— Дѣло въ томъ, что у меня въ Петербургѣ почти совсѣмъ еще нѣтъ знакомыхъ, а между тѣмъ мнѣ нуженъ шаферъ.

— Женишься?

— Да, женюсь. И устраиваюсь здѣсь.

— Поздравляю. Очень радъ.

— И я радъ и счастливъ,—со своей неизмѣнной кроткой улыбкой проговорилъ Тереховъ.

— А давно ли ты въ отставку?

— Да черезъ годъ послѣ войны. Мнѣ дали хорошій пенсіонъ. Вотъ за это,—онъ указалъ на пустой рукавъ,—и вотъ за это.

И тутъ я только замѣтилъ, что за лацканомъ его скюртука скромно прятался офицерскій георгіевскій крестъ.

— Помилуй, но твой подвигъ,—началъ было я.

Но Тереховъ ласково меня остановилъ:

— Ну, не будемъ говорить о моемъ подвигѣ. Есть темы гораздо болѣе интересныя для насъ.

Черезъ недѣлю мы его вѣнчали. А черезъ годъ—онъ уже былъ счастливымъ отцомъ.

И помню, разъ вечеромъ, послѣ обѣда—я обѣдалъ у него обязательно каждую недѣлю—мы сидѣли въ его кабинетѣ, и у меня какъ-то неволью вырвалась фраза:

— Я страшно радъ за тебя. И радъ, что столько счастья попало въ такія славныя, честныя руки.

А Тереховъ горько улыбнулся и помолчавъ, немного, сказалъ:

— Въ руки... Ахъ, мой другъ! Повѣришь ли, что я отдалъ бы все прошлое: и такъ называемый мой военный подвигъ, и тѣ почести, которыя мнѣ за него оказываютъ, и пенсію, которую я получаю, за... за... возможность обнять мою чудную жену—*объими* руками. Что, тебя это удивляетъ? Ты, кажется, даже не вѣришь мнѣ?

Да, но это вѣрно. Я не герой, и военные подвиги меня къ себѣ не манятъ. Помнишь Спартака? Вотъ тотъ былъ настоящій герой.

И у насъ завязался горячій споръ. Мы стали говорить, что такое истинный героизмъ, приводили примѣры, говорили о личной храбрости, вотъ такъ же, какъ мы только что передъ этимъ говорили здѣсь. Помню, обсуждали вопросъ: нужна ли она при современной техникѣ и культурѣ?

Не знаю, чѣмъ бы кончился нашъ споръ, затянувшійся до самой полночи, если бы жена Терехова не назрѣшила его коротенькой фразой:

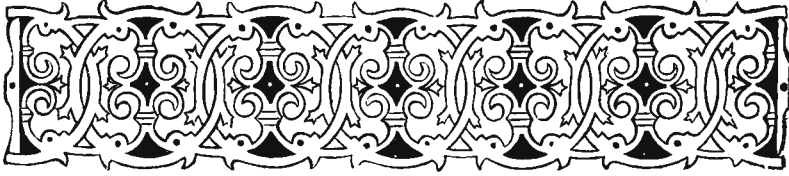
— Э, полноте!—сказала она.—Пока человѣкъ еще «организмъ», а не «механизмъ», личная храбрость всегда будетъ однимъ изъ лучшихъ его украшеній.

— Вотъ и все,—сказалъ невзрачный господинъ, поднимаясь со стула.—Конечно, я бы могъ рассказать вамъ еще и о другихъ герояхъ и привести примѣры иныхъ подвиговъ, но мнѣ кажется, что уже поздно.

Всѣ поблагодарили рассказчика, а радушная хозяйка попросила насъ въ столовую, къ ужину.

Влад. Тихоновъ.

ПОХОЖДЕНІЯ РЕВОЛЮЦІОНЕРА-ЭКСПРОПРІАТОРА САВИЦКАГО.

СРЕДИ лицъ, заставившихъ о себѣ не мало говорить въ революціонные 1904—5 годы, не послѣднее мѣсто занимаетъ знаменитый разбойникъ и экспроприаторъ Савицкій, своего рода Дубровскій нашего времени.

Революціонеръ-экспроприаторъ, разбойникъ-грабитель, анархистъ, человекъ слова и дѣла, защитникъ народа—молодой, идейный интеллигентъ, разочаровавшійся въ революціи и отчаявшійся въ жизни, этотъ несчастный осколокъ разбитой революціи представляетъ собою странную смѣсь и хорошихъ, и дурныхъ, и преступныхъ, и порою благородныхъ чувствъ, увлеченій и побужденій.

Савицкій—не одинъ. Ихъ многія сотни и тысячи повсюду и вездѣ. И среди интеллигенціи, и среди нашей учащейся молодежи, и среди рабочаго, безработнаго населенія, и среди оголтѣлаго, голоднаго, нищаго, безземельнаго крестьянства. Только одни изъ нихъ, болѣе энергичные, экспансивные, крѣпкіе, сильные, храбрые и дерзкіе волей и духомъ, отчаявшись, озлобившись и потерявъ свою вѣру, выбитые изъ своей колеи жизни и пострадавшіе за свои убѣжденія, пошли по его дорогѣ, ударившись въ разбой, грабежь, месть и экспроприаціи, другіе, болѣе миролюбивые, честные, мирные, кроткіе и слабые волей и духомъ, ища забвенія отъ отчаянія, горя, неудовлетворенности, тоски, кинулись во всё тяжкія: пьянство, развратъ, ханжество, мистику, богоисканія и половые увлеченія. И многіе изъ нихъ кончили свою несчастную исковерканную жизнь самоубійствомъ. И тамъ, и здѣсь—одинъ конецъ.

Такова печальная судьба многихъ недавнихъ героевъ революціи.

I.

Савицкій былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, сынъ незначительнаго уѣзднаго провинціального чиновника, юноша лѣтъ 17—18 не болѣе, когда вступилъ на свое революціонный путь. Родился онъ въ маленькомъ городкѣ Новозыбковѣ, Черниговской губерніи, на границѣ съ Могилевской,—мѣстѣ его будущихъ подвиговъ. Учился онъ тамъ же въ мѣстномъ реальномъ училищѣ, но не окончилъ его, будучи исключень изъ послѣдняго класса за свои революціонныя увлеченія и идеи.

По словамъ его бывшихъ товарищей-одноклассниковъ, это былъ очень умный, развитой и увлекающійся мальчикъ, но страшно вспыльчивый, дерзкій, своенравный и злой. Во всѣхъ ученическихъ шалостяхъ, проказахъ, выходкахъ и штукахъ онъ былъ всегда запѣвалой и впереди всѣхъ, что его выставляло въ невыгодномъ свѣтѣ въ глазахъ и мнѣніи училищнаго начальства. Онъ былъ у него всегда на послѣднемъ счету и на замѣчаніи; его даже неоднократно собирались исключить; и держался онъ въ школѣ, по словамъ учениковъ, только на ниточкѣ. Это, однако, писколько не мѣшало ему довольно хорошо учиться и переходить изъ класса въ классъ, до послѣдняго. Но школьная дисциплина, зубристка, рутина были всегда ненавистны ему, и его неугомонная, мятежная, кипучая, страстная и необузданная натура никакъ не мирилась съ ними. Уже и тогда, въ самомъ начальномъ періодѣ его школьнаго возраста, въ немъ стали обрисовываться и проглядывать ясно всѣ своеобразныя черты и стороны его характера: дерзость, своенравность, инициатива, пылкость, властность и настойчивое деспотическое желаніе всегда, вездѣ и во всемъ верховодить и командовать. Онъ не терпѣлъ, не выносилъ ни въ словахъ, ни на дѣлѣ противорѣчія и противодействія себѣ со стороны учениковъ и товарищей, дерзилъ своимъ класснымъ учителямъ, наставникамъ и всему прочему училищному начальству, быстро вспыхивалъ, озлоблялся, лѣзъ въ драку и старался убѣдить, доказать, показать кулаками.

Иногда же случалось и похуже. Такъ, однажды, сидя въ классѣ за партой на урокѣ ариметики, онъ, за что-то обозлившись на своего сосѣда, товарища-ученика, ударилъ его сильно ручкой съ перомъ, которымъ онъ въ это время рѣшалъ въ тетради задачи. Стальное остріе пера, какъ пика, глубоко вошло въ плечо, и раненый ученикъ закричалъ на весь классъ отъ страха и боли. Савицкаго чуть не исключили тогда. И только слезныя мольбы и просьбы его матери-вдовы, а главное настойчивыя просьбы и полное прощеніе со стороны пострадавшаго ученика оставили его на время въ училищѣ.

Въ другой разъ—онъ также, гуляя на дворѣ во время большой перемѣны классовъ, поссорился со своими учениками-товарищами

и, страшно обозлившись, вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и бросился на нихъ. Ученики тогда въ страхѣ разбѣжались отъ него въ разныя стороны. Къ счастью, никто не пострадалъ изъ нихъ, а потому все осталось шито и крыто, и начальство, конечно, не узнало ни о чемъ.

Однако всѣ ученики рѣшили съ тѣхъ поръ про себя, что съ Савицкимъ надо обходиться въ высшей степени осторожно, корректно и что имѣть съ нимъ дѣло опасно, такъ какъ онъ не спуститъ, не проститъ нанесеннаго ему оскорбленія и обиды. Это высоко подняло его репутацію и доставило ему уваженіе среди учениковъ въ училищѣ.

Школа, какъ и всѣ наши русскія школы, строго хранила свою автономію, свои неписанные обычаи, традиціи и законы, — а ученики ея жили своей обособленной жизнью, въ сторонѣ отъ училищнаго начальства и подъ надзоромъ своихъ родителей. А надзора-то этого за Савицкимъ какъ разъ и не было. И не этой школѣ было перевоспитать его. Она могла только лишь исключить его изъ училища, что и сдѣлала въ недалекомъ будущемъ.

Въ семьѣ Савицкаго тоже не было у него поддержки и примѣра, а про воспитаніе его и говорить уже нечего. Отецъ Савицкаго умеръ очень рано, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію; но матери его удалось вскорѣ потомъ получить мѣсто сидѣлицы въ казенной винной лавкѣ, и она употребляла всѣ слабыя силы и средства свои, чтобы вывести своихъ сиротъ-сыновей въ люди и дать имъ надлежащее образованіе.

Такимъ образомъ, маленькій Савицкій чуть не съ самаго ранняго возраста своего былъ предоставленъ самому себѣ и школѣ, такъ какъ матери его некогда было смотрѣть за нимъ, учить его и слѣдить за его образованіемъ и воспитаніемъ. У бѣдной малограмотной женщины было свое тяжелое и трудовое дѣло, не оставлявшее ей времени для досмотра и воспитанія дѣтей, а гувернантку или бонну нанять было не изъ чего. И маленькій Савицкій росъ и развивался самостоятельно и рано узналъ жизнь и всѣ ея невзгоды, тяготы, терніи, лишения. Это и отразилось потомъ на всей его жизни и дѣятельности.

На разныя безумныя, дерзкія шалости, проказы, выходки никто такъ способенъ не былъ, какъ онъ. Онъ былъ тутъ всегда первымъ зачинщикомъ, инициаторомъ, вождемъ и душою всякаго дѣла. Но часто уже эти мальчишескія шалости, проказы, выходки его выходили изъ ряда вонъ приличія и порядочности и носили некрасивый, безсердечный, злой и жестокий характеръ, выставя въ нехорошемъ видѣ и свѣтѣ душу мальчика.

Такъ, однажды лѣтомъ, на капикулахъ, Савицкій задумалъ и устроилъ одну злую и скверную штуку. Это было наканунѣ еврейской «страшной ночи», когда, по повѣрію народа, слетаетъ жидовскій чортъ Халунъ и хватаетъ еврейскія грѣшныя души. По ини-

цѣлитель и подстрекательству Савицкаго, его сотоварищи-ученики поймали гдѣ-то стараго, бородатаго, косматаго, жидовскаго козла съ огромными престащими рогами, ходившаго постоянно въ городскомъ еврейскомъ козлиномъ стадѣ. Они его выкра-сили, вымазали чернилами и сажей, какъ чорта, оплели ему причудливо соломой и сѣномъ рога, намазали морду, гриву и бороду фосфоромъ и привязали къ хвосту пустую жестянку съ камнями, а затѣмъ незамѣтно, тихонько, въ сумеркахъ, подъ вечеръ, вывели на главную еврейскую улицу города, гдѣ была синагога и куда въ то время собирался весь еврейскій народъ со свѣчами въ рукахъ, на ночную молитву и бдѣніе. Тутъ уже самъ затѣйщикъ наностѣдокъ собственноручно загналъ козлу подъ хвостъ еще вѣтку съ шипами чертополоха и выпустилъ это чудовище прямо въ толпу народа на улицу. И несчастный козель отчаянно зарѣвѣлъ отъ страха и боли, помчался во всю мочь по улицѣ, смѣшно брыкаясь, скача, блея и гремя жестянкой, а жестокіе шалуны, проказники-мальчишки, бѣжали за нимъ вслѣдъ и во все горло кричали: «Берегись! Чортъ! Жидовскій Халунъ-чортъ! Спасайся, кто можетъ!»

И евреи, завидя это зрѣлище еще издали, въ страхѣ и ужасѣ разбѣгались въ разныя стороны.

Еще болѣе неприличную, скверную штуку устроилъ онъ осенью— на праздникѣ еврейскихъ кущей. Въмѣстѣ съ нѣсколькими такими же отчаянными сорванцами-мальчишками онъ забрался на крышу сосѣдняго богатаго еврейскаго дома, подъ которой была выстроена по случаю праздниковъ новая куща-бесѣдка. И когда евреи-хозяева, возвратившись изъ синагоги домой, согласно своему библейскому обычаю, усѣлись подъ кущей за трапезу, скверные шалуны, проказники-мальчишки, окатили ихъ нечистотами сверху, какъ дождемъ.

Нѣчто подобное случилось и на Пасхѣ.

«Мы катали яйца на дворѣ у Савицкаго (разсказывалъ одинъ изъ его бывшихъ школьныхъ товарищей), и у насъ оказалось много тухлыхъ яицъ, которымъ не находилось примѣненія. Но тутъ у Савицкаго блеснула идея, и онъ намъ предложилъ, какъ всегда, одну веселую, забавную штуку: забраться всѣмъ на чердакъ и бросать оттуда изъ оконца въ цѣль, на пари, въ прохожихъ евреевъ тухлыми яйцами. Предложеніе это было съ восторгомъ всѣми нами единодушно принято. И тотчасъ всѣ забрался на чердакъ и стали у оконца терпѣливо-напряженно подкарауливать внизу на тротуарѣ улицы прохожихъ евреевъ. Честь начать первымъ выпала, конечно, самому главарю и инициатору Савицкому.

«— Окрестимъ сегодня пархатыхъ краснымъ яйцомъ, —весело засмѣявшись, сказалъ намъ онъ и, насторожившись у оконца съ яйцомъ, приготовился.

Въ этотъ самый моментъ, къ крайнему испугу и изумленію всѣхъ, на тротуарѣ улицы внизу показалась неожиданно знакомая фигура самаго сердитаго, строгаго и злобнаго учителя математики, по прозвищу «Каннъ», въ новомъ съ иголочки форменномъ пальто, фуражкѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и съ тросточкой въ рукѣ, которой онъ помахивалъ передъ собой, точно линейкой передъ учениками въ классѣ. Онъ, повидимому, куда-то направлялся съ визитомъ. И проказники-мальчишки ученики, завидя его еще издали, отъ страху присѣли и опѣшили. Только Савицкій одинъ несколько не растерялся при этомъ и самое большое тухлое гусиное яйцо полетѣло ненавистному учителю Канну въ голову.

Нечего и говорить, что послѣ такого подвига въ глазахъ своихъ товарищей-учениковъ Савицкій выросъ еще болѣе, а слава его распространилась далеко за предѣлы училища.

Перебить всѣ окна въ еврейскихъ домахъ изъ пращи и рогатки, учинить въ захолустной еврейской лавчонкѣ погромъ, опрокинуть на бѣгу корзину, лотокъ или столикъ у бѣдной торговки-еврейки или устроить у нея изъ яицъ въ корзину сырую яичницу, бросить въ еврейскій колодець дохлаго кота или щенка, или какой-либо другой гадости, падали, намазать губы свинымъ саломъ жиденку, подставить пожку еврейчику-школьнику или устроить въ компаніи товарищей настоящее глумленіе и избіеніе «хриstopродавца-жида»— были постоянными подвигами 12—13-лѣтняго ученика Савицкаго. Но самымъ любимымъ и увлекательнымъ дѣломъ его было подкарауливать еврейчиковъ-школьниковъ, возвращавшихся изъ хедера къ себѣ домой, и затѣивать съ ними настоящія битвы, сраженія. Набралъ себѣ шайку такихъ же отчаянныхъ сорванцевъ-мальчишекъ, онъ устраивалъ близъ хедера скрытую засаду, и, когда оттуда съ шумомъ, гамомъ, гвалтомъ и топотомъ на улицѣ показывалась толпа еврейчиковъ-школьниковъ, русскіе ученики-разбойники встрѣчали ихъ перестрѣлкой, снѣжками, камнями, а потомъ подъ предводительствомъ своего атамана-вождя шли храбро въ атаку—на кулачки. Битва обыкновенно оканчивалась всегда полнымъ пораженіемъ и бѣгствомъ евреевъ и побѣдою русскихъ.

II.

Самымъ любимымъ чтеніемъ и книгами Савицкаго въ эту школьную пору его жизни были главнымъ образомъ сочиненія Майнъ-Рида, Густава Эмара, Фенимора Купера и особенно—Рокамболя, а также и другихъ авторовъ разныхъ происшествій и приключеній на сушѣ и на морѣ. Онъ положительно увлекался и зачитывался ими до опьянѣнія. Мало того, онъ и въ жизни своей старался всегда, вездѣ и во всемъ подражать имъ и съ серьезной комичностью копировалъ своихъ любимыхъ героевъ передъ учениками въ классѣ.

Это былъ настоящій культъ искателя, разбойника, кондотьери, страшно любившаго природу и увлекавшагося ею.

Вмѣстѣ со своими товарищами онъ уходилъ на каникулахъ лѣтомъ въ поле и лѣсъ или катался на лодкѣ по рѣкѣ, охотился, стрѣлялъ, ловилъ сѣткой и удочкой раковъ, рыбу, собиралъ ягоды, грибы и растенія для своего гербарія, ловилъ насѣкомыхъ и бабочекъ для коллекціи и, какъ настоящій индѣецъ, курилъ у костра трубку мира.

Это на другихъ его товарищей-учениковъ дѣйствовало въ высшей степени обаятельно и заразительно, и маленькій ученикъ-реалистъ Савицкій легко находилъ себѣ учениковъ-сотоварищей въ своихъ дѣтскихъ играхъ и увлеченіяхъ, какъ потомъ уже извѣстный атаманъ и разбойникъ Савицкій легко находилъ себѣ разбойниковъ-сотрудниковъ и организовалъ свои разбойничьи шайки въ разныхъ мѣстахъ юго-западной Россіи.

Начитавшись потомъ про разныхъ удалыхъ разбойниковъ и лихихъ запорожцевъ Сѣчи, онъ сталъ не менѣе усердно восхищаться и подражать имъ и съ большимъ увлеченіемъ разыгрывалъ изъ себя то Пугачева, то Тараса Бульбу, то Стеньку Разина—самаго любимаго его героя.

И надо правду сказать, что на это онъ былъ великій актеръ, художникъ и мастеръ. И товарищи-одноклассники съ большимъ интересомъ, увлеченіемъ и восхищеніемъ слѣдили за его искусною игрою и декламаціей. Онъ и тогда уже умѣлъ гримироваться, какъ никто, принять надлежащую фигуру, мину, мимику, позу; изобразить, представить, выставить въ настоящемъ художественномъ и карикатурномъ видѣ всякое извѣстное ему лицо, предметъ, особу или передать какое-либо современное или давнее историческое событіе; прочесть стихи, литературное сочиненіе, драму и проч. въ своемъ собственномъ талантливомъ изображеніи, изложеніи и освѣщеніи. Его характерное, худощавое, нервное, подвижное лицо какъ нельзя лучше тогда передавало все настроенія, мысли и чувства души, а когда онъ говорилъ или читалъ публично на сценѣ, то глаза его сіяли настоящимъ талантомъ и вдохновеніемъ артиста, которому, къ сожалѣнію, не нашлось примѣненія, хотя, говорятъ, онъ игралъ не разъ и съ большимъ успѣхомъ на училищной и любительской сценахъ.

Но еще замѣчательнѣе были его карикатуры, пародіи и прозвища на свое училищное педагогическое начальство. Тутъ онъ былъ прямо виртуозенъ, и никто изъ учениковъ не могъ соперничать съ нимъ на этомъ поприщѣ. Его остроумныя, удачныя, мѣткія карикатуры, пародіи и прозвища своимъ класснымъ учителямъ, наставникамъ и всему прочему училищному начальству были гениальны, вѣчны и оставались за ними въ школѣ навсегда, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе учениковъ въ училищѣ. Они казались на-

столько характерны, типичны и вѣрны для данныхъ индивидуумовъ, что даже люди совершенно посторонніе, незнакомые и непосвященные на карикатурномъ изображеніи со смѣхомъ угадывали ихъ, а сами прозванные, случайно услышавъ свое прозвище, сразу догадывались и будто въ зеркалѣ видѣли свою особу.

Можно смѣло сказать, что сцена потеряла въ немъ великаго актера, художника, сатирика, а общество—выдающагося человѣка и дѣятеля. И Богъ знаетъ, куда бы онъ пошелъ и на какую бы высоту поднялся, если бы роковая судьба не свела его съ прямой дороги на преступную, гдѣ онъ въ короткій срокъ успѣлъ проявить все свои выдающіяся умственные способности, таланты и дарованія, сдѣлавшись даже и тутъ своего рода знаменитостью.

Учился Савицкій, говорятъ, замѣчательно, и память у него была тоже замѣчательная. Онъ никогда не зубрилъ и не училъ уроковъ, а только прочитывалъ ихъ разъ-два по книжкѣ и отвѣчалъ на другой день, къ изумленію всѣхъ, на пять, хотя преподаватели никогда не ставили ему настоящей отмѣтки, такъ какъ не видѣли въ немъ вниманія и прилежанія. Онъ быстро усваивалъ разсказанное и прочитанное въ классѣ, дополняя его своимъ воображеніемъ, и часто задавалъ такіе вопросы своимъ учителямъ, что они приходили въ смущеніе. Но по нѣкоторымъ предметамъ спеціальной зубристики онъ дѣйствительно учился неважно, но это только потому, что онъ ихъ не любилъ и никогда по нимъ не готовился. Говорятъ, что онъ еще съ первыхъ классовъ началъ писать стихи, и однажды написалъ такую поэмку («Фея весны»), что все ученики единогласно восторгались и хвалили ее, и даже самъ учитель русскаго языка и словесности снизошелъ и похвалилъ его, впрочемъ, безъ особеннаго поощренія. Но зато на другой день инспекторъ классовъ отбилъ у него всякую охоту заниматься бумагомараніемъ. Онъ тоже похвалилъ его за талантливость и посоветовалъ ему оставить эти глупости и пустяки, а лучше заняться какъ слѣдуетъ уроками и слѣдить за своимъ поведеніемъ. И муза Савицкаго съ тѣхъ поръ обратилась въ сатиру и памфлеты на свое училищное педагогическое начальство.

Съ возрастомъ и переходомъ въ старшіе классы характеръ Савицкаго замѣтно измѣнился. Онъ сталъ гораздо благоразумнѣе, серьезнѣе и сдержаннѣе, а отъ прежнихъ его мальчишескихъ шалостей, выходокъ и штукъ не осталось и слѣда, только одни лишь дѣтскія воспоминанія. Превъзвѣдъ его дѣтская рѣзвость, живость и легкомысліе теперь смѣнились у него серьезной, пытливой, настойчивой вдумчивостью, и только въ однихъ глазахъ свѣтилась ярко никогда неугасаемая страсть, а въ загадочно-зловѣщей глубинѣ ихъ мерцали искры неукротимой и дерзкой свободы. Онъ сталъ теперь серьезно и много читать и къ этому времени хорошо ознакомился съ разными русскими подпольными изданіями и крайними идейными революціонными теченіями. Въ его маленькій уѣздный

родной городокъ лѣтомъ наѣзжали изъ столицы и большихъ культурныхъ центровъ товарищи-студенты и разная учащаяся молодежь, которые и познакомили его со всѣми идеями, надеждами, планами и жизнью тогдашняго русскаго передового общества. И онъ самъ сталъ уже нетерпѣливо поджидать того счастливаго и скорого времени, когда онъ, наконецъ, окончивъ училище, уѣдетъ туда, далеко на сѣверъ—въ огромную, шумную сѣверную столицу, такъ ярко манившую его, такъ сильно привлекавшую его своей идейной и умственной жизнью.

III.

Въ это время уже началась послѣдняя несчастная японская война, а вмѣстѣ съ ней по всей Россіи открылось и тайное революціонное броженіе. Наступили кровавые, мятежные дни.

Послѣ несчастной, позорной войны вездѣ сразу начались забастовки, митинги, волненія. То тамъ, то здѣсь происходили аграрные беспорядки, военные мятежи, народные бунты и дѣльныя революціонныя возстанія. Молодежь глухо волновалась. Революція проникла и за стѣны училища. И, казалось, даже маленькія грудныя дѣти—и тѣ готовились забастовать въ семьѣ своихъ родителей.

Гимназисты, реалисты, студенты и прочіе школьники и школьницы, даже тѣ изъ нихъ, что еще недавно, всего годъ назадъ, передъ войной, ходили съ царскими портретами, національными флагами, съ гимномъ и патріотическими манифестаціями по городу, теперь выходили изъ школы толпой съ красными знаменами и флагами и марсельезой на революціонную дорогу.

Въ гимназіяхъ, училищахъ и школахъ прерывались занятія, а въ классахъ, вмѣсто уроковъ, устраивались митинги, собранія, гдѣ съ кафедръ, вмѣсто учителей, говорили шумные ораторы, проповѣдая революціонную науку. И ученики быстро усваивали ее: они подавали начальству петиціи, требовали изгнанія своихъ любимыхъ учителей и устраивали настоящія забастовки въ школѣ, по примѣру своихъ родителей и всей революціонной Россіи.

Старые учебники, книги теперь были заброшены, а вмѣсто нихъ появились вездѣ красныя, партійныя брошюрки, прокламаціи, листки и разныя революціонныя періодическія изданія. И ученики усердно читали и зубрили ихъ, какъ раньше никогда не зубрили уроковъ, а потомъ, выдержавъ экзамень, вмѣстѣ со взрослыми учителями, отцами, шли записываться въ мѣстныя революціонныя организаціи—комитеты, клубы и партіи.

Восторженная, пылкая молодежь шла безудержно и быстро впередъ, опрометью, прямо по наклонной плоскости къ безднѣ, а старшіе поощряли ее, сочувствовали ей и хвалили. Правительство же, растерявшееся и сконфуженное, безусловно молчало.

Савицкій, конечно, не остался въ сторонѣ отъ общаго увлеченія и дѣла. Онъ участвовалъ въ мѣстныхъ митингахъ и забастовкахъ рабочихъ; агитировалъ въ школѣ и говорилъ пламенные рѣчи и зажигательныя слова; читалъ и раздавалъ революціонную литературу среди своихъ товарищей-учениковъ; набиралъ членовъ и собиралъ деньги «на святое революціонное дѣло»; состоялъ членомъ въ мѣстномъ якобинскомъ клубѣ, избравшемъ своей главной квартирой одинъ городской ресторанъ К., и вмѣстѣ съ толпой молодежи участвовалъ въ крестныхъ ходахъ революціи.

Его инициатива, энергія, находчивость, умъ и умѣніе говорить съ массами и руководить и командовать ими, его немалый ораторскій талантъ, молодая, восторженная, увлекающая вѣра, беззаветная преданность общему дѣлу и готовность самому идти впередъ и жертвовать собою на всякіе подвиги, его личное обаяніе, любовь товарищей и всеобщія симпатіи къ нему—выдвинули его въ первый рядъ и сдѣлали его чуть не лидеромъ партіи въ училищѣ. Но это и поставило его въ опасное положеніе въ глазахъ и мнѣніи училищнаго начальства и мѣстной администраціи. И Савицкаго вдругъ, совершенно неожиданно, исключили изъ училища. Мало того, вслѣдъ за нимъ исключили и его младшаго брата, а потомъ уволили изъ винной лавки и его старушку-мать, которая осталась теперь безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Вся его жизнь была однимъ ударомъ разбита, а судьба погублена навсегда. Онъ оказался выброшеннымъ на неизвѣстную, туманную, тернистую дорогу, на которой не предвидѣлось ему теперь впереди уже ничего хорошаго, свѣтлаго въ будущемъ, кромѣ несчастій-тоски и отчаянія и всякихъ опасныхъ и ужасныхъ тревогъ, приключеній и страданій.

Страшное отчаяніе, ненависть, злоба охватили Савицкаго, и онъ поклялся жестоко отомстить. Говорятъ, что онъ тогда же сказалъ своимъ товарищамъ въ училищѣ:

— Они меня выбросили вонъ. Они всю мою жизнь погубили, разбили. Ну, и попомнятъ же, узнаютъ Савицкаго!

Эти загадочно-зловѣщія и многообѣщающія слова его скоро исполнились.

Его готовились арестовать и вмѣстѣ съ другими неблагонадежными и заподозрѣнными горожанами выслать.

Приходили два раза ночью за нимъ и караулили его у дома п училища, но онъ во-время успѣлъ схорониться у своихъ знакомыхъ товарищей. Больше ждать было бы опасно и нечего. Надо было рѣшиться—или идти въ ссылку, въ тюрьму, на каторгу, висѣлицу за свои увлеченія и идеи, или послушаться своего внутренняго убѣжденія-голоса и отдаться революціонному дѣлу.

И онъ съ головой бросился въ революцію.

Онъ искалъ себѣ свободы. Со страстной всепоглощающей энергіей онъ бросался изъ одного города въ другой, изъ одной мѣстности въ другую. Брался сразу, въ одно и то же время, за нѣсколько дѣлъ и, еще не окончивъ ихъ, уже задумывалъ и хватался за другое.

Въ Брянскѣ и Гомелѣ онъ участвуетъ на мѣстныхъ митингахъ и забастовкахъ рабочихъ. Агитируетъ въ толпѣ, набираетъ членовъ и собираетъ деньги. Въ Черниговѣ создаетъ якобинскій клубъ. Въ Могилевѣ подговариваетъ толпу идти на городскую тюрьму и освободить силою арестантовъ. То же самое устраиваетъ и въ Брянскѣ. А въ Минскѣ участвуетъ въ демонстраціи 1-го мая, окончившейся разстрѣлами и избіеніями евреевъ. Въ Вильнѣ организуетъ мѣстную революціонную социалистическую партію.

Въ ближайшихъ окрестныхъ мѣстечкахъ, деревняхъ и селахъ онъ агитируетъ тайно среди забитаго, невѣжественнаго, темнаго бѣлорускаго населенія, раздаетъ имъ бесплатно революціонную социалистическую литературу, оружіе, деньги, основываетъ среди нихъ мѣстные революціонные организаціи, комитеты, кружки, партіи и наконецъ—создаетъ боевыя дружины.

И вездѣ онъ дѣйствуетъ, гдѣ тайно, гдѣ явно, но нигдѣ не называя и не выдавая себя и оставаясь почти всегда неизвѣстнымъ и неуловимымъ для мѣстной полиціи. Съ евреями онъ говоритъ по-еврейски, съ поляками—по-польски, а съ бѣлорусскими мужиками—по-бѣлорусски, со своими ближайшими пособниками-товарищами—на особомъ конспиративномъ языкѣ. И нигдѣ онъ не стѣсняется ни партійной программой, ни дисциплиной, а дѣйствуетъ всегда и вездѣ по собственному усмотрѣнію. Къ мужикамъ онъ подлаживается подъ ихъ міровоззрѣнія, понятія, обычаи, традиціи и высказываетъ имъ ихъ тайныя задушевные мысли, мечты и желанія. Съ рабочими онъ говоритъ о великомъ пролетаріатѣ, о расцѣнкѣ, о 8-часовомъ днѣ и заработной платѣ, а съ молодой интеллигенціей—о социальной республикѣ. Съ евреями онъ мечтаетъ о демократической свободѣ и всеобщемъ равенствѣ людей, а съ поляками разсуждаетъ о Рѣчи Посполитой и автономіи. Одному фанатичному ксендзу (очень популярному среди своего приходскаго населенія) онъ внушаетъ мысль о созданіи демократическаго «Божьяго царства» всего міра по евангелію и подъ главенствомъ папы, а другому—сельскому попу—онъ говоритъ о патріархахъ, царѣ, соборѣ демократической церкви. И обоими пользуется для своихъ дѣлъ и по усмотрѣнію. И такъ онъ дѣйствуетъ всюду и вездѣ, работая одинъ за 10—20 человекъ. И, нигдѣ не оставаясь долго на одномъ мѣстѣ, наладивъ дѣло, подготовивъ его, уже бѣжитъ на другое мѣсто и берется за другое дѣло.

Смотришь—Савицкій устраиваетъ въ деревнѣ З...ѣ аграрныя беспорядки, крестьянскіе бунты и движеніе, а когда губернскія и уѣздныя власти прибыли съ казаками на мѣсто—его уже

и слѣдъ простылъ, и никто ни его, ни объ немъ ничего не знаетъ. А онъ орудуетъ уже подъ другой личиной, подъ другой кличкой и на другомъ мѣстѣ, часто за много десятковъ, сотенъ верстъ, въ другомъ уѣздѣ и даже губерніи. Отсюда онъ, скрываясь, переодѣтый исправникомъ, бѣжитъ въ городъ Энекъ, гдѣ поднимаетъ взбурдаженную имъ массу для освобожденія политическихъ арестантовъ изъ мѣстной тюрьмы. И, спасаясь отъ ареста, уѣзжаетъ неизвѣстно куда на пароходѣ. Въ одномъ мѣстѣ его даже ловятъ, арестуютъ и сильно избиваютъ мужики-старообрядцы, но ему удается вырваться изъ ихъ рукъ и спастись, притворившись мертвымъ.

И вездѣ онъ дѣйствуетъ по большей части совершенно одинъ, по своей собственной инициативѣ, на свой личный страхъ и совѣсть и на свою отвѣтственность, безъ всякаго указанія и помощи партіи, часто даже совсѣмъ безъ товарищей. Его энергичная, пылкая, властная и деспотическая натура не выносила партійной дисциплины и подначалія. Онъ самъ хотѣлъ верховодить и командовать всѣми, а не подчиняться генераламъ отъ революціи, которыхъ онъ къ тому же не уважалъ и которые были жалкими трусами, хоронившимися гдѣ-то въ сторонѣ, а другихъ посылавшими на смерть.

Нечего и говорить, что Савицкій съ самаго начала уже чуждался и гнушался революціонной партіи, а потомъ и совершенно съ нею порвалъ и сталъ самостоятельно дѣйствовать.

Старые, посѣдѣвшіе и многоопытные революціонеры-конспираторы и террористы удивлялись ему и отдавали должное, хотя и не любили его за слишкомъ большую самостоятельность, самомиѣніе, гордость, честолюбіе, властность и презрительное отношеніе и отчужденіе отъ партіи. Но они говорили, что «онъ родился настоящимъ бойцомъ, революціонеромъ-организаторомъ».

Недаромъ одинъ уѣздный старый исправникъ, хорошо знавшій съ малолѣтства Савицкаго, говорилъ, что «Савицкому заплатили бы многія тысячи, если бы онъ перешелъ на ихъ сторону. Ему бы, злодѣю, и цѣны не было бы. А онъ вмѣсто того, чтобы честно служить, пошелъ разбойничать на большую дорогу».

IV.

Когда освободительное движеніе пошло въ народѣ на убыль и правительству послѣ долгой борьбы удалось наконецъ разбить революцію, когда всѣ участники движенія были перестрѣяны, перевѣшаны, заключены въ крѣпость, въ тюрьму или сосланы въ Сибирь и на каторгу, а оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ бѣжали толпами за границу—Савицкій и тутъ уцѣлѣлъ. Онъ не ударился въ тихую мизантропію, меланхолію и брюзжаніе о разбитыхъ на-

деждахъ, погибшихъ идеалахъ и грустныхъ разочарованіяхъ, а со всею энергією, ненавистью, злобой и безумной отвагой пошелъ напроломъ и отдался своему новому страшному дѣлу. Онъ задумалъ воскресить революцію.

— Революція умерла, — говорилъ онъ: — да здравствуетъ революція!

Онъ набралъ себѣ кадры изъ разбитой и погибшей революціи, уцѣлѣвшихъ анархистовъ и экспроприаторовъ и пострадавшихъ, безработныхъ рабочихъ, такихъ же несчастныхъ, погибшихъ, озлобленныхъ и отчаявшихся людей, и сталъ организовывать изъ нихъ свои первыя шайки и банды.

Въ основу своей организаціи онъ положилъ анархистско-революціонную программу, боевую партизанскую тактику и суровую желѣзную дисциплину. Цѣль его была — революціонный терроризмъ имущества и жизни богатыхъ и властныхъ и развитіе партизанской революціонной народной борьбы съ правительствомъ и богатыми классами.

Мѣстомъ своей дѣятельности онъ избралъ для начала свою родину, знакомую ему и родную Черниговскую губернію, а потомъ, когда его партія сильно разрослась и ему стало тамъ тѣсно, онъ перенесъ свою дѣятельность и на сосѣднія губерніи и захватилъ чуть не весь юго-западъ Россіи.

Онъ раздѣлилъ тогда свой отрядъ на нѣсколько отдѣльныхъ и малочисленныхъ, но крѣпко связанныхъ между собою и центромъ самостоятельныхъ шаекъ, чтобы было удобнѣе и легче бороться и скрываться отъ властей и полиціи среди простого, крестьянскаго населенія и удачно совершать свои налеты. Самъ назначилъ имъ по своему выбору вполнѣ развитыхъ, отважныхъ и умныхъ отдѣльныхъ атамановъ-вождей для каждой шайки. И наконецъ далъ имъ общій уставъ и свою, выработанную сообща съ остальными вожаками партіи революціонную программу.

Этотъ уставъ и эта программа обнимаютъ собою всю жизнь, всю дѣятельность партіи и каждаго отдѣльнаго члена ея, руководятъ каждымъ поступкомъ и каждымъ шагомъ его, вводятъ всехъ въ хитроумныя конспиративныя комбинаціи и связываютъ ихъ желѣзной дисциплиной, съ нравственнымъ сознаніемъ товарищескаго долга своего и общей опасности среди окружающихъ враговъ.

Въ его уставѣ были, на примѣръ, такіе параграфы: 1) Никогда не употреблять спиртныхъ напитковъ до опьянѣнія. 2) Не заводить близкихъ связей съ женщинами. 3) Всякій членъ партіи разъ навсегда долженъ покончить и порвать всякія отношенія съ своими родными, знакомыми, близкими при поступленіи въ партію и никогда съ ними не имѣть никакого общенія. (Самъ Савицкій къ этому времени совершенно порвалъ и разошелся со своими родными

и близкими, которые порицали и ругали его, и всецѣло отдался своему дѣлу). 4) Быть всегда и вездѣ на чеку и держаться строгой конспираціи. 5) Всѣ члены-товарищи одной шайки должны всегда держаться крѣпко другъ друга и помогать одинъ другому, каждый долженъ слѣдить другъ за другомъ и удерживать товарищей отъ всякихъ опрометчивыхъ поступковъ и дѣйствій, тотчасъ донося обо всемъ своему атаману-вождю, а всѣ вмѣстѣ должны постоянно наблюдать за строгимъ и точнымъ исполненіемъ своего устава. 6) При малѣйшемъ же подозрѣніи предательства и провокаторства всякій членъ обязанъ тайно прослѣдить измѣнника и провокатора, и только послѣ того, какъ убѣдится въ этомъ, донести своему атаману-вождю и сообщить на судъ всей партіи. Въ случаѣ же явной измѣны, предательства и провокаторства всякій членъ имѣетъ право убить на мѣстѣ измѣнника, сообщивъ потомъ своему атаману-вождю и партіи. 7) Въ дѣлѣ всегда держаться крѣпко другъ друга, стоять грудью одинъ за одного и всѣ за всѣхъ и не выдавать своихъ товарищей. Никогда не оставлять на полѣ сраженія мертвыхъ и раненыхъ товарищей. Въ крайнія же, опасныя минуты погони и бѣгства забирать, если можно, всѣхъ легко раненыхъ, а смертельно и тяжело раненыхъ не оставлять живыми непріятелю и пристрѣливать ихъ на мѣстѣ, потому что все равно ихъ ждетъ смерть еще горшая—висѣлица. 8) Никогда не сдаваться врагамъ живымъ въ плѣнъ, ни на какихъ условіяхъ, а пускать себѣ, въ крайности, пулю въ голову, такъ какъ намъ все равно грозитъ смерть—висѣлица, да еще къ тому напрасныя мученія и страданія: допросъ, пытки, тюрьмы и судъ. Не надо давать этого торжества врагамъ нашимъ. И всегда твердо помнить это. 9) Въ плѣну и несчастіи всегда помнить свою клятву и никогда не забывать своихъ товарищей и своего дѣла. На судѣ, на допросѣ, дознаніяхъ—крѣпко молчать и молчать терпѣливо, молча перенося всѣ мученія, страданія, запугиванія и пытки; не вѣрить никакимъ посуламъ и обѣщаніямъ своихъ вѣроломныхъ, хитрыхъ, злѣйшихъ враговъ, никогда не называть своего настоящаго имени и своей конспиративной клички. И ни за что не выдавать своихъ товарищей и своего дѣла; но молча, съ достоинствомъ, храбро и гордо, съ высоко поднятой головой и презрѣніемъ ко всему спокойно пойти на висѣлицу. А еще лучше, не отдавая себя въ руки презрѣннаго палача и висѣлицы, добровольно самому въ тюрьмѣ покончить съ собою, до суда и расправы. Помните всѣ, что Савицкій никогда не сдается въ плѣнъ. 10) Никогда не проливать напрасно крови, а дѣйствовать больше страхомъ и совѣстью и употреблять оружіе только въ крайности—для защиты и обороны себя. Щадить по возможности населеніе и даже враговъ своихъ. 11) Помнить всегда твердо, что мы не простые разбойники-бандиты, какъ именуютъ насъ правительство и власти, а настоящіе партизаны-революціонеры и защитники народа.

А потому мы должны всегда и вездѣ стараться помогать простому народу и приобрѣтать сочувствіе, симпатіи и помощь его для своего дѣла. На этомъ зиждется вся наша программа и дѣло, которое не должно погибнуть никогда, до тѣхъ поръ, пока нашъ весь русскій народъ не будетъ счастливъ и свободенъ. 12) Внутреннее устройство организаціи Савицкаго поконится на автономномъ началѣ и свободномъ управленіи каждаго отдѣльныхъ шаекъ, крѣпко связанныхъ съ центромъ и подчиненныхъ своему главному атаману-вождю и отдѣльному атаману шайки суровой желѣзной дисциплиной. 13) Каждая отдѣльная партизанская шайка выбираетъ себя атамана-вождя изъ среды своихъ лучшихъ товарищей и представляетъ его на утвержденіе Савицкаго. Онъ управляетъ и командуетъ партией, сносится съ центромъ и исполняетъ все распоряженія, предписанія и планы его. 14) Все возникающія недоразумѣнія, ссоры, споры въ партіи рѣшаются совѣтомъ выборныхъ товарищей (двухъ или трехъ) подъ предѣдательствомъ своего атамана-вождя, которые и выносятъ рѣшеніе закрытымъ тайнымъ голосованіемъ, и оно исполняется партией свято и безапелляціонно. 15) Точно также все дѣла чести и проступки противъ дисциплины и нарушенія устава рѣшаются судомъ выборныхъ товарищей подъ предѣдательствомъ своего атамана-вождя, и исполняются немедленно партией. И только въ особо важныхъ случаяхъ рѣшенія товарищей представляются на усмотрѣніе центра. 16) Все партійныя дѣла рѣшаются сообща всеми товарищами, во главѣ со своимъ атаманомъ-вождемъ. Но разъ началось дѣло—вся партія безпрекословно подчиняется своему начальнику и исполняетъ его приказанія свято и нерушимо. Въ дѣлѣ онъ пользуется безграничною властью и имѣетъ право убить на мѣстѣ ослушника, измѣнника. Только послѣ дѣла партія можетъ разбирать все поступки и распоряженія своего вождя, и если они клонились къ вреду партіи, то можетъ даже смѣнить его и выбрать другого, сообщивъ конспиративно обо всемъ въ главный штабъ Савицкаго. 17) Все общія дѣла партіи и начальниковъ ихъ рѣшаются штабомъ Савицкаго и исполняются ими безпрекословно. 18) Все члены организаціи при поступленіи въ шайку даютъ смертную клятву въ присутствіи своихъ товарищей и своего атамана-вождя партіи строго исполнять все параграфы этого устава и безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ подъ страхомъ лишенія жизни.

Клятва эта давалась, говорятъ, на сложенномъ крестѣ на крестѣ оружіи—кинжалѣ и револьверѣ—въ присутствіи всей шайки. Разъ поступивъ въ партію, членъ уже не могъ никогда добровольно покинуть ее, не сдѣлавшись врагомъ, измѣнникомъ въ глазахъ своихъ товарищей. Тогда же при поступленіи новичку давалась конспиративная кличка, паспортъ, оружіе, деньги, и назначался ему атаманомъ-вождемъ дядька изъ среды самыхъ

старыхъ, умныхъ, опытныхъ и уважаемыхъ всѣми товарищами партіи для обученія новичка порядку, уставу и дѣлу. Этотъ товарищъ-дядька оставался уже навсегда старшимъ другомъ и братомъ вновь поступившему члену-товарищу. Онъ былъ для него наставникомъ, учителемъ, руководителемъ въ дѣлѣ и являлся за него защитникомъ-отвѣтчикомъ, ходатаемъ въ партіи. Такимъ образомъ, благодаря этому, между разными отдѣльными членами шайки создавалась крѣпкая порука, родственная связь и развивалось близкое товарищество, братство.

Самъ Савицкій оставилъ за собою только главное руководство партіей. Онъ выбралъ себѣ изъ своей же среды самыхъ энергичныхъ, способныхъ и умныхъ товарищей и устроилъ изъ нихъ возлѣ себя что-то въ родѣ главнаго штаба. Это и былъ главный центръ всей его организаціи.

Одинъ изъ нихъ, самый ближайшій его другъ и товарищъ, такой же даровитый, способный и умный молодой человекъ, бывший сельскій учитель Абрамовъ, былъ, такъ сказать, начальникомъ штаба, его правой рукою. Онъ и до сихъ поръ еще не разысканъ властями и скрывается неизвестно гдѣ. Говорятъ, скрылся за границу.

Двое другихъ его ближайшихъ товарищей и главныхъ членовъ шайки были такіе же молодые юноши: одинъ—еврей, бывший помощникъ провизора, а другой—интеллигентный и образованный крестьянинъ. Оба были впоследствии убиты вмѣстѣ съ Савицкимъ въ селѣ Красномъ Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи.

У каждаго отдѣльнаго атамана-вождя была своя особая конспиративная кличка, а настоящее его имя, происхожденіе было извѣстно только одному главарю—Савицкому. Онъ самъ изобрѣлъ свой особый конспиративный шрифтъ-азбуку, на которой и велась вся его партійная переписка и канцелярія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ научилъ своихъ товарищей пользоваться телефономъ, телеграфомъ и почтою для своихъ цѣлей и научилъ ихъ актерско-сыщичьему искусству, гримированію и переодеванію. Вездѣ и всюду, во всѣхъ городахъ, деревняхъ и селахъ онъ имѣлъ свои тайныя конспиративныя квартиры, пристанища и завелъ своихъ тайныхъ агентовъ среди простого сочувствовавшего ему населенія, которые и оповѣщали его обо всемъ, что творится въ ихъ мѣстности и предпринимается противъ его мѣстной полиціей. Они давали ему всѣ свѣдѣнія обо всѣхъ богатыхъ купцахъ, дворянахъ-помѣщикахъ и деревенскихъ кулакахъ въ ихъ окрестности и служили ему шпионами. Они поступали въ богатыхъ помѣщицъ экономъ-имѣнія и проч. рабочими, приказчиками и слугами, вывѣдывали, выглядывали, высматривали тамъ и потомъ обо всемъ сообщали тайно Савицкому, а затѣмъ въ одну прекрасную ночь впускали его шайку.

Мужики тоже, въ свою очередь, рады были тайно помочь ему, рады были натравить его на ненавистныхъ имъ богатѣевъ-дворянъ

и помѣщиковъ, на своихъ крѣпкихъ мужиковъ-кулаковъ и на свою мѣстную деревенскую полицію—стражниковъ, которыхъ они страшно ненавидятъ и боятся вмѣстѣ.

Это и помогало Савицкому удачно совершать свои налеты и хорониться отъ властей и полиціи, надъ которыми онъ еще имѣлъ дерзость насмѣхаться при случаѣ.

V.

Три года съ лишнимъ ловили Савицкого и все безуспѣшно, и только простой случай отдалъ наконецъ окровавленный трупъ его въ руки полиціи.

Мужики дѣйствительно любили его. Они тайно помогали ему и хранили его отъ властей и полиціи. Они называли его своимъ защитникомъ, заступникомъ и благодѣтелемъ, народнымъ героемъ и «нашимъ орломъ». И вліяніе его на бѣдные, немущіе, обездоленные классы населенія было прямо безгранично, а любовь и уваженіе къ нему среди нихъ доходили часто до восторженного обожанія. Онъ помогалъ имъ всѣми своими силами и средствами и даже больше: онъ отдавалъ разнымъ бѣднякамъ и мужикамъ всѣ свои экспроприированныя деньги до послѣдней копейки. То же самое онъ внушалъ и своимъ товарищамъ, чтобы они дѣлились съ народомъ. Онъ съ гордостью говорилъ, что къ его карману не прилипло ни одной народной копейки. И онъ совершенно искренно считалъ всѣ свои экспроприированныя деньги народными, присвоенными силой богатыми и правительствомъ и отобранными имъ обратно.

Онъ тайно помогалъ многимъ мужикамъ Могилевской и Черниговской губерній въ послѣдніе неурожайные, голодные годы, помогалъ имъ и въ отдѣльныхъ стихійныхъ и случайныхъ несчастіяхъ, бѣдствіяхъ, посылалъ погорѣльцамъ, недоимщикамъ на подати и давалъ часто бѣднякамъ-мужикамъ на корову, лошадь, хозяйство, аренду и землю. А безработныхъ и нищихъ пролетаріевъ спасалъ подчасъ отъ голодной смерти.

Все это, конечно, не оставалось безотвѣтно и безъ вліянія на народъ и на бѣдные немущіе классы. И они шли и поступали къ нему въ шайки, а которые не могли—тѣ тайно сочувствовали и помогали ему.

Съ другой стороны, онъ старался защищать народъ и помогать ему силой и своимъ вліяніемъ. Онъ посылалъ угрожающія письма мѣстнымъ властямъ и разнымъ крупнымъ и мелкимъ начальникамъ, особенно старательнымъ и усердствующимъ агентамъ полиціи и проч., а также мѣстнымъ помѣщикамъ и деревенскимъ кулакамъ, которые, пользуясь своей силой и властью, изъ наживы, усердія, службы драли кожу съ несчастнаго забитаго, голоднаго, нищаго мужика и притѣсняли населеніе. Въ такихъ случаяхъ онъ

дѣйствовали угрозами, запугиваніями, страхомъ на жестокихъ, богатыхъ и властныхъ, а если это не помогало, то онъ, несмотря ни на что, являлся всегда самъ и расправлялся тогда по-своему, хотя и рѣдко когда съ кровавымъ отбѣнкомъ, такъ какъ боялись его страшно и безъ того и знали хорошо уже, по примѣрамъ, что онъ слово свое держать твердо и крѣпко и исполняетъ рѣшительно, вѣрно.

Вліяніе его коснулось даже самыхъ заклятыхъ враговъ его.

Я самъ однажды слышалъ, какъ, пріѣхавъ изъ сосѣдняго уѣзда къ брату своему, стражникъ расхваливалъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ избѣ за столомъ Савицкаго.

— Хорошій человѣкъ. Хорошій, это вѣрно. Случается, даже нашимъ помогаетъ. Умеръ тутъ у насъ одинъ стражникъ, осталась его жена съ маленькими дѣтишками, въ чужой деревнѣ, въ чужой хатѣ. Мужики косятся, гонять вонъ. Итти некуда. Ъсть нечего. Всѣ злые, рады теперь пришибить, а помочь—никто не хочетъ. А онъ помогъ—прислалъ ей пятьдесятъ рублей. Вотъ какой хорошій, сердечный человѣкъ. Не глядя, что разбойникъ,—говорилъ стражникъ.

— Такъ зачѣмъ же вы ловите его?—спросилъ его братъ.

— Служба, братъ. Заставляютъ, ничего не подѣлаешь. Кто же его поидеть самъ-то ловить. Кому жизнь не мила,—отвѣтилъ стражникъ.

— Вонъ у насъ одинъ жандармъ ловилъ его, ретивый. Хотѣлъ премію заработать. Заработалъ. Самому сняли голову. Думалъ спастись—перевелся въ Забайкалье. Анъ его и тамъ убили. И премію не получили, и жизни своей рѣшился, а семья осталась безъ ничего. Вотъ и лови его,—разсказывалъ другой, желѣзнодорожный жандармъ, служащимъ.

Одинъ знакомый становой приставъ мнѣ тоже говорилъ тогда:

— Шлютъ изъ Петербурга безпрестанно предписанія губернатору: поймать во что бы то ни стало Савицкаго. Живымъ или мертвымъ. Упрекаютъ за бездѣйствіе власти. Нахлобучки исправникамъ. Исправники бѣсятся, летаютъ, какъ сумасшедшіе по уѣздамъ, ругаютъ насъ. А что мы можемъ сдѣлать, когда его хоронятъ мужики и населеніе помогаетъ ему, а не намъ? Не перероешь всего стана, всего уѣзда, всей губерніи. Сегодня ты его ищешь здѣсь, а завтра онъ уже на другомъ концѣ губерніи. Какъ ты его поймаешь? Я вонъ недавно съ мѣста послѣдней экспроприаціи пошелъ по слѣдамъ, забрался въ сосѣдній уѣздъ, а мнѣ и говорятъ: «Чего вы рыщете, батюшка, по чужимъ участкамъ. Мы сами знаемъ, что творится у насъ. Лучше смотрите за своимъ станомъ».—Да, что: сыщики пріѣзжали изъ столицы, да и тѣ не могли ничего подѣлать. Гдѣ ужъ намъ!

Савицкаго совершенно напрасно сравнивали съ другимъ разбойникомъ Лобовымъ, хозяйничавшимъ въ одно и то же время на Уралѣ. У Лобова не было ни таланта, ни ума, ни образованія Савицкаго. Лобовъ былъ простой мужикъ и гораздо болѣе разбойникъ, чѣмъ революціонеръ. И натура была гораздо болѣе мелкая и низкая съ сравненіи съ Савицкимъ.

Если ужъ сравнивать съ кѣмъ Савицкаго, то съ Нечаевымъ—знаменитымъ революціонеромъ-анархистомъ, создателемъ «Народной Расправы». По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, тенденціямъ, взглядамъ, по своему замѣчательному уму, талантливости, хитрости, ловкости, обаянію, по энергій и фанатизму своему—онъ ближе всего подходитъ къ Савицкому. Только Савицкій былъ натура гораздо болѣе благородная, идеальная, честная и великодушная. Да и дѣйствія его и поступки все были болѣе прямые и честные, чѣмъ темныя, шарлатанскія походженія мрачнаго Нечаева.

Еще раньше до него былъ знаменитый разбойникъ, народный герой—Алимъ Крымскій. Но тотъ былъ чловѣкъ совершенно другого рода, другого типа. Жилъ въ другое время и не обладалъ геніальностью, умомъ, талантами и образованіемъ Савицкаго. Это былъ разбойникъ-мусульманинъ и татарскій народный герой стараго николаевского времени, о которомъ еще и до сихъ поръ поютъ пѣсни и рассказываютъ легенды въ народѣ, а не современный революціонеръ-политикъ, экспроприаторъ. Но у обоихъ ихъ была одна и та же идея—защита простого народа отъ богатыхъ и властныхъ. Только Алимъ не задавался такими высокими идеями, мыслями, планами, не мечталъ о революціи, политикѣ, свободѣ своей страны и своего народа, а дѣйствовалъ и жилъ по простотѣ своей души и ума, не мудрствуя лукаво. Алимъ, послѣ многихъ лѣтъ своихъ походженій въ Крыму, попался наконецъ въ руки властей: былъ присужденъ къ тысячѣ шпицрутеновъ и вѣчной каторгѣ за свои дѣянія и умеръ въ Сибири, далеко отъ своей родины и своего любимаго народа, которому онъ принесъ добровольно въ жертву все—и свою жизнь, и свою честь, и все свое награбленное достоиніе.

Участь Савицкаго была, какъ увидимъ, тоже подобна его.

Во всехъ своихъ дѣйствіяхъ Савицкій, какъ уже сказано, держался тайной конспираціи, оставаясь часто неизвѣстнымъ для своихъ ближайшихъ товарищей и сотрудниковъ, особенно въ первое время, пока онъ совершенно не увѣрился въ ихъ вѣрности, преданности, обожаніи и дружбѣ и не пріобрѣлъ себѣ сочувствіе и симпатіи въ простомъ народѣ.

Задумывая какое-либо отчаянное, рискованное, опасное дѣло—новый налетъ—онъ до послѣдней минуты держалъ его въ тайнѣ и только, когда наступалъ моментъ дѣйствовать, онъ объяснял по-

дробно свой планъ своимъ ближайшимъ товарищамъ и распредѣлялъ между ними работу. Остальные же члены шайки даже не знали совѣтъ, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ вожди-товарищи. Самъ Савицкій составлялъ только планъ и давалъ наставленія своимъ ближайшимъ помощникамъ, а тѣ уже выполняли дѣло и доносили ему. Но часто онъ и самъ, только изъ одного молодечества и удалства, являлся на мѣсто и участвовалъ въ особенно рискованномъ и опасномъ дѣлѣ. А иногда и совершенно одинъ или съ кѣмъ-либо изъ своихъ ближайшихъ товарищей онъ отправлялся на особенно серьезную и опасную охоту и ловко продѣлывалъ дѣло, всегда проводя и падувая полицію и дерзко насмѣхаясь надъ ней.

Гдѣ онъ жилъ и какъ онъ жилъ?—объ этомъ никто и ничего не знаетъ. Но когда ему нужно было, онъ всегда являлся на мѣсто, среди своихъ товарищей и умѣлъ это обставить такъ конспиративно-тайно, incognito-артистически, что даже никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ его присутствія, если онъ, конечно, самъ не желалъ этого. Но еще искуснѣе ухитрялся продѣлывать это онъ, когда ему грозила серьезная опасность, засада, измѣна, или когда ему приходилось удирать и скрываться отъ настойчиво ищущей по его слѣдамъ полиціи.

Замѣчательно было и его необычайное самообладаніе, хладнокровіе и присутствіе духа при смертельной опасности. Онъ совершенно одинъ приходитъ въ большія многолюдныя и населенныя помѣщичьи усадьбы, имъ же самымъ предупрежденныя и потому строго охраняемыя рабочими, служащими, полиціей и стражниками. И совершенно спокойно и хладнокровно, совершивъ свое рискованное, опасное дѣло, уходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, часто даже никѣмъ не замѣченный и даже не подозрѣваемый. Онъ совершенно свободно проникаетъ туда переодѣтый и загримированный, вмѣстѣ со своими товарищами, которыхъ онъ подсылаетъ туда подъ видомъ рабочихъ, служащихъ и стражниковъ, которые ему заранѣе готовятъ все дѣло, а иногда онъ является, совершенно неожиданно, какъ слѣтъ на голову, одинъ, подъ чужой личиной, подъ видомъ начальства, власти, земскаго служащаго, родственника, гостя и даже самого помѣщика.

Окруженный со всѣхъ сторонъ въ усадьбѣ или деревнѣ полиціей и отрядами стражниковъ, онъ ухитряется проходить сквозь строй ихъ, черезъ цѣпь, у нихъ же подъ носомъ, никѣмъ не замѣченный и даже не подозрѣваемый, переодѣтый и загримированный то дряхлой старухой, то мужикомъ, то стражникомъ, то становымъ, земскимъ начальникомъ, урядникомъ, а то удираетъ на парѣ земскихъ лошадей, переодѣтый исправникомъ, который тутъ же его ищетъ и ловить на мѣстѣ, а поймать никакъ не можетъ.

Изъ-за пропаганды, славы и удалства—онъ постоянно играетъ, шутитъ съ властями. Насмѣхается надъ полиціей и играетъ въ

жмурки съ нею. То онъ посылаетъ насмѣшливо-серьезныя, дерзкія и протестующія письма губернаторамъ и исправникамъ. То вдругъ назначаетъ свиданіе мѣстной полиціи и властямъ, и когда они устраиваютъ на него облаву и засаду, ожидая его, онъ нарочно, съ какой-то прямо непонятной дерзкой храбростью и волшебной невидимкой, приходитъ туда, совершаетъ экспроприацію, оставляетъ свою визитную карточку и такъ же незамѣтно уходитъ, создавая себѣ новыя легенды, новую славу.

Осенью 1908 года я проѣзжалъ по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ до Гомеля и былъ пораженъ крайне небывалымъ и необыкновеннымъ зрѣлищемъ. На всемъ протяженіи линіи отъ Сновска до Гомеля стояли полиція и солдаты. На станціи вездѣ толпились отряды стражниковъ, становые, жандармы, урядники. На платформѣ—и у входа, и у выхода, и даже у семафоровъ, на путяхъ—они стояли во множествѣ, на чеку, вооруженные, провожая глазами всѣ проходящіе поѣзда и вагоны, и тревожно, пытливо, подозрительно-жутко засматривались на всѣхъ проходящихъ лицъ и проѣзжающихъ мимо пассажировъ.

Въ поѣздѣ тоже поминутно шныряли жандармы, становые, урядники, пристава и переодѣтые тайные сыщики, и всѣ они точно такъ же пытливо, настойчиво, пристально и недобѣрчиво-подозрительно всматривались во всѣхъ проѣзжающихъ пассажировъ, заглядывали имъ въ лица и глаза и окидывали своимъ взглядомъ ихъ багажъ и вагоны.

Я поразился необычайнымъ зрѣлищемъ. Ничего подобнаго у насъ не было до сихъ поръ, даже въ забастовку и революцію. «Навѣрное, ѣдетъ какое-либо высокое лицо изъ столичнаго свѣта», невольно подумалъ я.

Но тутъ мое недоумѣніе разрѣшилъ знакомый мѣстный желѣзнодорожный жандармъ, сѣвшій рядомъ со мною въ вагонѣ.

— Что это такое?—спросилъ я его, кивнувъ головою на стражниковъ.—Ѣдетъ кто-либо развѣ сюда?

— Это ловятъ Савицкого,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо, насмѣшливо сверкнувъ глазами. А потомъ уже, немного погодя, осторожно сказалъ, какъ бы отвѣчая на мои тайныя мысли:—Какъ же, поймашь его, такъ онъ и дастся легко тебѣ въ руки! Навѣрное, проскочилъ уже сквозь пальцы давно, а завтра вѣсточку отъ него вѣрно получимъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы его такъ просто и легко было поймать, не простой вѣдь разбойникъ. Четвертый годъ вѣдь бьемся съ нимъ и все безъ толку. Только все больше да больше падъ нами куражится да силы забираетъ. Ну, да придетъ время и случай такой—и самъ попадетъ,—какъ бы пророчески предсказалъ тогда жандармъ. И тутъ же онъ разсказалъ мнѣ всю суть исторіи.

Оказывается, Савицкій опять написалъ письмо губернатору, въ которомъ насмѣшливо-иронически извѣщалъ его превосходитель-

ство, что онъ уѣзжаетъ на время въ отпускъ за границу и покидаетъ его губернію. Даетъ передышку и отдыхъ его превосходительству. И при этомъ добавилъ, что если его хотятъ ловить, то пускай ловятъ. Онъ поѣдетъ по такой-то и такой-то дорогѣ.

Таково будто бы было, по слухамъ, содержаніе письма Савицкаго. И власти это приняли къ свѣдѣнію, что и доказывала вся эта суматоха и необычайное волненіе полиціи на желѣзной дорогѣ.

И тогда же въ поѣздѣ произошелъ невѣроятный курьезъ на глазахъ всѣхъ пассажировъ. Какой-то довольно высокій важный полицейскій чинъ (что-то въ родѣ исправника или помощника его) вздумалъ обходить вагоны со своими двумя стражниками. И вотъ, въ вагонѣ II класса привлекла его вниманіе фигура одного пассажира, которая показалась ему сразу въ высшей степени странной и подозрительной. Пассажиръ этотъ былъ небольшого роста, худощавъ и тонокъ, одѣтъ—въ черную форменную желѣзнодорожную тужурку и высокіе сапоги, а на головѣ его была форменная фуражка, изъ-подъ которой на затылокъ свѣшивалась богатая свѣтло-каштановая шевелюра. Ну, точно парикъ. Къ тому же ѣхалъ этотъ пассажиръ безъ багажа и все время стоялъ, обернувшись спиною, и смотрѣлъ въ окно, что было тоже въ высшей степени странно и подозрительно въ глазахъ полицейскаго чина. Онъ долго и пристально всматривался въ него.

«Совсѣмъ Савицкій. Настоящій, вылитый онъ», мелькала догадка, увѣренность. Полицейскій чинъ даже вспотѣлъ весь и затрясся отъ волненія. Руки его нервно дрожали, и пальцы сами ходили по кобуру, машинально доставая револьверъ. Еще минута—и онъ грозно мигнулъ своимъ насторожившимся стражникамъ, указавъ имъ молча глазами на подозрительную фигуру пассажира, все еще ничего не подозрѣвавшаго и продолжавшаго попрежнему стоять у окна и любоваться окрестностями, а затѣмъ бросился на него неожиданно сзади и схватилъ его за воротъ.

— Стой! Ни съ мѣста, а то убью!—закричалъ онъ, и стражники моментально схватили его за руки, а полицейскій чинъ приставилъ револьверъ къ лбу. И несчастнаго, обомлѣвшаго и чуть не умершаго отъ страха пассажира тотчасъ повлекли на станцію. А тамъ, при провѣркѣ, налицо, къ совершенному удивленію и конфузу полицейскаго чина, неуловимый и страшный разбойникъ, за голову котораго была обѣщана тысячная премія, оказался мирнымъ желѣзнодорожнымъ служащимъ (кажется, дорожнымъ мастеромъ), хорошо извѣстнымъ и начальству, и жандармской полиціи. Такъ и пришлось выпустить уже «нойманнаго Савицкаго» на свободу. А желѣзнодорожный служащій не заявлялъ на это претензіи, такъ какъ радъ уже былъ тому, что его выпустили живымъ и здоровымъ, отдѣлавшимся только однимъ страхомъ. И то слава Богу!

VI

Не только полиція и власти, но и мѣстное население было въ высшей степени заинтересовано въ этой ловлѣ Савицкаго. Кто отъ скуки, кто отъ страха, а кто изъ тайнаго сочувствія и восхищенія имъ слѣдили съ большимъ интересомъ за всѣми перипетіями этой неравной и страшной борьбы и чутко прислушивались ко всѣмъ этимъ разсказамъ и слухамъ, часто даже нелѣпымъ и просто легендарнымъ. Многіе даже бились на пари, спорили, ссорились и принимали такое близкое участіе, на словахъ и въ душѣ, какъ будто это дѣло было ихъ личное, кровное. Я тогда удивлялся этому: казалось, какъ будто большинство населенія—массы его—тайно радовалось, что нашелся наконецъ такой человѣкъ—протестантъ среди нихъ,—съ которымъ ничего не можетъ подѣлать правительство. Изъ-то послѣ страшныхъ погромовъ, усмиреній и смертныхъ казней.

Въ ловлѣ Савицкаго приняли участіе тогда даже мѣстные черносотенцы и доморощенные Шерлоки Холмсы, страшно желавшіе получить тысячную премію и заслужить громкую полицейскую славу. Но и ихъ постигла такая же неудача. Мало того, Савицкій еще горько насмѣялся надъ ними тогда. Они по цѣлымъ ночамъ и днямъ караулили его—и на платформѣ, и на станціи, и въ городѣ съ фотографическими карточками въ рукахъ, какъ настоящіе полицейскіе сыщики, вематриваясь во всѣхъ пассажировъ и зорко провожая всѣ вагоны. Однажды имъ какъ будто даже посчастливилось: въ одномъ инженеръ-путейцѣ, ужинавшемъ при проѣздѣ въ буфетѣ I класса, они узнали какъ будто Савицкаго и даже пригласили жандарма. Но по повѣркѣ документовъ онъ опять оказался начальникомъ дистанціи этой дороги, и жандармы, извинившись, конечно, отпустили его. А на другой день, говорятъ, самъ Савицкій прислалъ насмѣшливо-ироническое письмо своимъ врагамъ, извѣщая ихъ, чтобы они не беспокоились и не искали его напрасно, что онъ уже давно проѣхалъ за границу.

И дѣйствительно—скоро стало достовѣрно извѣстно, что Савицкій поѣхалъ за границу и объ немъ на время не стало ни слуху, ни духу. Даже шайки его перестали работать.

Зачѣмъ онъ ѣздилъ за границу тогда? Объ этомъ никому и ничего неизвѣстно. Можетъ быть, онъ хотѣлъ повидаться съ нашими вожаками революціи?

Но черезъ два мѣсяца онъ возвратился. И опять сталъ держать въ вѣчномъ страхѣ, въ вѣчномъ напряженіи и волненіи богатую буржуазію и полицію, а правительству доставлять безконечныя хлопоты и огорченія и насмѣхаться надъ ними.

А насколько велико было вліяніе его здѣсь и безпокойство, и страхъ передъ нимъ—это доказывается уже однимъ небольшимъ,

но весьма курьезнымъ и конфузнымъ инцидентомъ, случившимся въ Г....ѣ.

Въ городѣ, въ виду нападеній и экспроприаций Савицкаго, власти устроили вездѣ во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ (въ казначействѣ, на почтѣ, въ полиціи и проч.) электрическіе звонки, которые въ случаѣ тревоги и нападенія звонили бы сами автоматически во всѣхъ частяхъ, призывая на помощь полицію. И вотъ, однажды въ одномъ изъ учреждений (кажется, на почтѣ) испортился звонокъ и поднялъ тревогу по всему городу. Моментально въ городѣ произошелъ ужасный переполохъ, на улицахъ вездѣ поднялась суматоха, всѣ части пришли въ движеніе, въ толпѣ говорили, кричали, что «Савицкій появился въ городѣ и устроилъ новый палетъ, ограбилъ казначейство, почту, банки и проч.». Всѣ шумѣли, волновались и разногласили, не исключая и полиціи. Одни говорили увѣренно, твердо, что сами лично видѣли Савицкаго въ городѣ. Другіе подтверждали, что онъ ворвался въ казначейство, почту и унесъ громадныя суммы, перестрѣлялъ кучу полицейскихъ и служащихъ. А третьи заявляли, что поймали Савицкаго и уже ведутъ его. Короче—разговоромъ, толковомъ хватило бы на тысячи рассказовъ Нату Пинкертоу и Конанъ-Дойлю.

Смѣшно было смотрѣть и слушать, какъ нѣкоторые, особенно горячіе, ретивые полицейскіе чины волновались, шумѣли и бѣгали, а потомъ гордо говорили всѣмъ, что они участвовали въ поимкѣ Савицкаго. А одинъ такъ даже заявилъ, «что онъ самъ лично поймалъ Савицкаго, да тотъ отбился и удралъ отъ него».

Полицейскіе уже ждали награды. Но скоро, къ крайнему сожалѣнію и разочарованію ихъ, все это оказалось лишь буффонадой и маленькимъ развлеченіемъ въ городѣ.

Савицкій не былъ хладнокровнымъ убійцей, разбойникомъ. Онъ не жилъ ради убійства и грабежа. Пролитіе человѣческой крови и насильное отнятіе драгоценной человѣческой жизни не доставляли ему, какъ другимъ,—настоящимъ убійцамъ-разбойникамъ, звѣрямъ,—страстнаго удовольствія и наслажденія. Нѣтъ, наоборотъ. Онъ старался всегда, насколько это было возможно въ его опасномъ, страшномъ дѣлѣ, насколько позволяли ему обстоятельства, обходиться безъ убійства и пролитія человѣческой крови. Онъ и своимъ товарищамъ наказывалъ всегда, чтобы «они не проливали напрасно крови, не пачкали ею руки и не оставляли за собою убитыхъ и раненыхъ», оружіе пускали въ дѣло только въ крайности—для самозащиты и въ случаѣ нападенія на себя, а дѣйствовали главнымъ образомъ угрозами, внушеніемъ, страхомъ. И только, когда никакія угрозы, внушенія и увѣщанія не дѣйствуютъ, употребляютъ грубую физическую силу, и то, по возможности, безъ кровопролитія».

Савицкій не былъ жестокъ. Онъ часто даже щадилъ своихъ злѣйшихъ враговъ. И если кого онъ не щадилъ, то только полицію,

жандармовъ, стражниковъ и сыщиковъ, настойчиво преслѣдующихъ и ищущихъ его. Такъ, однажды онъ приказалъ своей шайкѣ разстрѣлять путевого сторожа желѣзной дороги за то, что тотъ сообщилъ полиціи и указалъ дорогу, по которой скрылись разбойники, не причинившіе ему ровно никакого вреда, а только отдохнувшіе у него немного въ будкѣ. Поэтому во всѣхъ его походженіяхъ вообще мало было крови и злодѣяній, а больше ума, ловкости, хитрости и дерзкой отваги. Поэтому во всѣхъ его экспропріаціяхъ было такъ мало пострадавшихъ, и онѣ носили больше характеръ удалства, протеста и славы.

Въ своихъ экспропріаціяхъ Савицкій ограничивался по большей части угрозами, внушеніями, страхомъ и дѣйствовалъ, такъ сказать, обаяніемъ своего имени. Ему часто приписывали и враги и друзья разныя преступленія, имъ не совершенныя, или совершенныя безъ его вѣдома. Еще чаще его именемъ прикрывались совершенно постороннія и чужія шайки. Но лично самому ему можно приписать лишь немного, и на душѣ его особенно ужасныхъ злодѣяній нѣтъ, какъ это можно было бы думать, судя по его славі и дѣятельности.

Онъ обыкновенно посылалъ письмо какому-нибудь богатому мѣстному помѣщику или кулаку съ требованіемъ представить въ такое-то мѣсто такую-то сумму, смотря по состоянію богача-помѣщика (обыкновенно отъ 500 до 1000 рублей и рѣдко когда больше), и, когда эта сумма не являлась въ назначенный день и мѣсто, онъ приходилъ тогда самъ и забиралъ деньги, несмотря ни на какія препятствія, преграды и охраны полиціи. Иногда его выдавали властямъ и устраивали ему настоящія засады въ имѣніи, но и въ такихъ случаяхъ онъ рѣдко когда мстилъ помѣщикамъ и ограничивался извѣстною суммою, которую другой въ одинъ вечеръ спустить легко и не пожалѣетъ нисколько.

Еще менѣе значенія имѣли для него деньги. Богатство не было для него цѣлью, и онъ никогда не стремился къ нему. Безспорно, что за четыре года своей дѣятельности онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, собрать большіе капиталы и уйти за границу, но онъ былъ бѣднѣе самаго послѣдняго изъ своихъ товарищей. Жилъ простой суровой жизнью, и всѣ свои экспропріированныя средства отдавалъ мужикамъ и бѣднякамъ до послѣдней копейки.

Въ своихъ экспропріаціяхъ онъ былъ честенъ и совѣстливъ (если только эти слова можно приложить къ нему). Были случаи, когда онъ по какимъ-либо соображеніямъ совѣмъ не бралъ даже денегъ и уходилъ, не взявъ ничего.

Объ этомъ ходитъ тоже не мало легендъ и рассказовъ. Я приведу здѣсь только болѣе достовѣрные и извѣстные случаи.

Разъ Савицкій послалъ письмо одному богатому, извѣстному помѣщику, нажившему свои капиталы праведными и неправедными путями, съ требованіемъ извѣстной суммы. Помѣщикъ добровольно

денегъ не дать, а письмо его отправилъ исправнику. Однако, несмотря на это, Савицкій въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ имѣніе и прямо въ кабинетъ, за письменнымъ столомъ котораго сидѣлъ помѣщикъ, и грозно потребовалъ съ него деньги. Но помѣщикъ просто одѣпенѣлъ передъ нимъ отъ ужаса и страха. Тогда Савицкій взялъ ключи, открылъ письменный столъ, досталъ деньги и самъ отсчиталъ назначенную себѣ сумму, а остальные положилъ назадъ, насмѣшливо-иронически замѣтивъ при этомъ омертвѣвшему помѣщику: «Вотъ, видишь. Я хоть и разбойникъ, да честный человекъ. А ты—мошенникъ, живодеръ. Дерешь живую кожу съ несчастнаго мужика. Кто же изъ насъ лучше?»

Въ другой разъ онъ тоже поздно вечеромъ забрался въ имѣніе. Хозяйина не было дома—онъ уѣхалъ куда-то по дѣламъ, а хозяйка, молодая помѣщица, уже ложилась спать вмѣстѣ со своимъ маленькимъ сыномъ. Услышавъ въ сосѣдней комнатѣ шумъ, она въ большомъ страхѣ выбѣжала къ Савицкому.

— Успокойтесь, сударыня, успокойтесь. Мы вамъ никакого вреда не сдѣлаемъ. Покажите только, гдѣ у васъ деньги, которыя вашъ мужъ получилъ за лѣсъ. Помните, мы ему писали полгода тому назадъ, а онъ заявилъ полиціи. Теперь мы сами пришли за назначенной суммой. Не бойтесь, больше не возьмемъ. И лучше сами скорѣе покажите,—говорилъ Савицкій. Пятилѣтняго мальчика, выскочившаго изъ спальни и тарачившаго въ испугѣ на него глаза, онъ даже приласкалъ и погладилъ по головкѣ. И мать, видя это, немного успокоилась—разбойники оказались не такъ страшны, какъ объ нихъ рассказывали.

Но дѣлать нечего, повела ихъ въ кабинетъ мужа, открыла ящикъ и показала имъ деньги.

— Вотъ все тутъ. Больше у насъ нѣтъ. И то мужъ продалъ лѣсъ, чтобы внести залогъ за имѣніе. Теперь мы совсѣмъ разорены и насъ продадутъ съ аукціоннаго торга,—говорила помѣщица, чуть не со слезами на глазахъ. А Савицкій стоялъ и считалъ деньги.

— Да, ровно 12 тысячъ.

И товарищи его молча стояли и смотрѣли.

Вдругъ Савицкій переглянулся съ ними, положилъ пачку денегъ на столъ и, кивнувъ своимъ товарищамъ, направился къ выходу, сказавъ на прощаніе: «спокойной ночи, извините, мадамъ». И разбойники ушли, оставивъ молодую помѣщицу, крайне удивленную и пораженную, одну съ деньгами на столѣ, изъ которыхъ разбойники не взяли ни одной копейки.

Сама помѣщица потомъ рассказывала съ восторгомъ объ этомъ многимъ знакомымъ.

Осенью 1908 года Савицкій орудовалъ въ Черниговской губерніи. Однажды въ самомъ городѣ Черниговѣ разбойники устроили налетъ на мѣстный богатый женскій монастырь. Въ монастырской

Разбойникъ Савицкій.

церкви только что отошла вечерня и разошелся народъ и монашки тоже по своимъ кельямъ, когда туда нагрянули разбойники цѣлой шайкой, во главѣ съ Савицкимъ. Въ церкви не оставалось уже никого, кромѣ матери-игуменьи, священника и нѣсколькихъ прислужницъ-монашекъ, которыя тоже уже собирались уходить, когда ихъ задержали разбойники. Мать-игуменья и монашки прямо обомлѣли со страху. Но старикъ-священникъ нисколько не растерялся при этомъ. И когда разбойники разбѣжались по церкви грабить драгоценности и деньги, а Савицкій одинъ остался посреди ея, то старичокъ-священникъ смѣло вышелъ къ нему и обратился съ настоящимъ обличеніемъ и проповѣдью.

— Какъ не стыдно, какъ не грѣхъ вамъ врываться въ храмъ Божій, разбойники. Какъ хватаетъ у васъ совѣсти грабить свято-татственно народную лепту. Ужь если вы пошли противъ закона и людей, то хоть побоялись бы Бога, пощадили бы храмъ Божій. А вы... Нѣтъ, вы въ тысячу разъ хуже самыхъ ужасныхъ разбойниковъ, грабителей, воровъ и убійць. По васъ давно плачетъ висѣлица. И всѣ ждутъ, не дождутся только, когда васъ повѣсятъ скоро.

— Да замолчи ты, попъ проклятый, наконецъ, а то я тебя тутъ же на мѣстѣ прикончу,—закричалъ на него Савицкій и навелъ на священника въ упоръ револьверъ.

Но безстрашный и храбрый священникъ и тутъ не испугался нисколько и не сдѣлалъ ни шагу назадъ подъ наведеннымъ въ упоръ на него револьверомъ, а попрежнему продолжалъ спокойно и громко свое обличительное и грозное слово, уже непосредственно прямо къ Савицкому.

— Я смерти не боюсь, и этимъ вы меня не испугаете нисколько, а только докажете лишній разъ, что вы есть разбойникъ, настоящій разбойникъ. Вы опозорили свою семью, свое имя, своихъ честныхъ родителей. Вы запятнали себя ужасными преступленіями, и вамъ нѣтъ на землѣ прощенія. Но если вы дѣйствительно не разбойники, а люди, если вы дѣйствительно, какъ выдаете себя, защитники народа, то вы не возьмете грѣха на душу: вы оставите храмъ Божій и не оскверните мѣсто, гдѣ молится народъ и куда онъ несетъ свою лепту изъ послѣдней народной копейки.

— Правда ваша, батюшка, правда!—сказалъ расчувствованный словами священника Савицкій.—Только позвольте вамъ не повѣрить относительно того, что вы сказали мнѣ объ народѣ и висѣлицѣ: что всѣ ждутъ, не дождутся, когда меня повѣсятъ на висѣлицѣ. И даю вамъ честное слово свое, что если бы я только узналъ,—если бы это правда была,—то я самъ тогда отдался бы добровольно властямъ въ руки.

Въ это время къ нему подошли товарищи и подали собранную въ платкѣ добычу.

— Тамъ еще осталась кружка съ деньгами. И въ алтарѣ еще не смотрѣли,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Не надо, оставить,—сказалъ Савицкій. И съ этими словами онъ опустилъ къ ногамъ священника платокъ съ добычей, а затѣмъ досталъ изъ кармана трехрублевку и сказалъ: «Это отъ меня на свѣчи. Такъ надо, товарищи», замѣтилъ онъ изумленнымъ разбойникамъ своимъ и вмѣстѣ съ ними вышелъ изъ храма. Уходя, разбойники не забыли плотно запереть двери храма и обрѣзать съ колокольни веревку во избѣжаніе погони за ними. И только заждавшаяся священника попадья прибѣжала черезъ часъ къ церкви, собрала народъ и выпустила его изъ храма ¹⁾.

¹⁾ Изъ мѣстныхъ газетныхъ сообщеній.

VII.

По мѣрѣ извѣстности его росла его отвага и сила, увѣренность въ себѣ и вѣра въ свое дѣло. Экспроприаціи его становились все чаще и чаще, а нападенія на полицію все дерзче и дерзче. Удача окрыляла, его шайки становились все многочисленнѣе и многочисленнѣе. Этому помогали безработица и репрессіи правительства. Массы рабочихъ, оставшихся безъ работы и хлѣба, шли къ нему и поступали въ его шайки.

Другой классъ—тоже весьма многочисленный—въ партіи Савицкаго составляли: забастовщики и революціонеры, выгнанные и никуда не принимаемые рабочіе, мастеровые, желѣзнодорожные служащіе и проч.

Были среди нихъ и весьма одаренные, высокоидейные, талантливые честные люди—подобно Савицкому,—которые пришли къ заключенію, что для нихъ нѣтъ мѣста въ жизни и не остается ничего, кромѣ страшной борьбы не на жизнь, а на смерть за свои идеалы и убѣжденія, за свое собственное жалкое существованіе.

Но были среди нихъ и такіе, которые шли только изъ одного молодечества, удали и буйства, изъ желанія, непобѣдимаго, страстнаго, пылкаго, испытать всѣ острыя жгучія чувства и наслажденія опасной борьбы—игры со смертью. Это были уже настоящіе люди висѣлицы. Настоящіе авантюристы-бродяги-меланхолики и разбойники-воины съ буйнымъ чувствомъ въ душѣ и презрѣніемъ къ жизни, часто надѣвшею и опротивѣвшею имъ. Ихъ неотразимо страшно привлекала борьба, игра съ опасностью, смертью.

Были и такіе, которые шли просто «такъ себѣ», попробовать, безъ всякой мысли и цѣли, что будетъ, или желая оказать дружескую услугу своимъ товарищамъ, по безхарактерности и слабости воли. А другіе даже разсуждали такъ: «Другіе идутъ, почему же мнѣ не идти, чѣмъ я хуже или лучше другихъ, умирающихъ на висѣлицѣ». И они шли добровольно на висѣлицу.

Были и настоящіе сумасшедшіе, фаталисты-фанатики, люди съ вытравленной душою и сердцемъ и безразличіемъ, презрѣніемъ ко всему, которымъ было все равно, «жить или умирать на висѣлицѣ».

Савицкій только удачно воспользовался всѣми этими благопріятствующими моментами и теченіями и привелъ всѣ эти разносторонніе и разнообразныя элементы къ одному знаменателю. Мало того, когда объ немъ по Россіи прогремѣла молва, какъ объ энергичномъ, неуловимомъ разбойникѣ, то къ нему стали тогда сами добровольно пристегиваться самыя разнообразныя разбойничьи экспроприаторскія шайки, до сихъ поръ совершенно свободно и отдѣльно орудовавшія въ разныхъ мѣстахъ необъятной Россіи. Это еще болѣе

подняло его духъ и значеніе и усилило его репутацію, отвагу, энергію.

И при такихъ окружающихъ условіяхъ онъ уже мечталъ наяву о партизанской революціи въ самодержавной Россіи. И ему грезились впереди лавры Гарибальди, Вашингтона, Боливара и проч. Примѣры Перси и Турціи были теперь налицо. Онъ говорилъ своимъ товарищамъ, что «добиться свободы можно только крѣпкой вооруженной, организованной народной силой и что надо прежде всего организовать эту партизанскую народную силу и тогда повести уже настоящую борьбу съ правительствомъ и буржуазными классами».

Такъ разсуждалъ Савицкій и такую политическую программу онъ проводилъ въ своей организаціи.

Но было уже поздно. И время было не то. И въ народѣ, и въ обществѣ, всюду замѣчался страшный упадокъ силъ, всеобщее разочарованіе, отрезвленіе и мрачный пессимизмъ. Оставшіяся на свободѣ, разбитыя революціонныя силы ушли въ себя и схоронились снова въ подпольѣ, эмигранты удрали опять за границу, а тамъ царилъ теперь настоящій развалъ и разложеніе въ партіяхъ. Въ этомъ убѣдился Савицкій самъ, съѣздивъ за границу, и снова вернулся назадъ, потерявъ всякое уваженіе и вѣру къ заправиламъ революціи и надежду заинтересовать революціонные круги своей программой и вызвать ихъ къ жизни.

Между тѣмъ въ Россіи и въ обществѣ, и въ передовыхъ интеллигентскихъ кругахъ появились новыя теченія и новыя увлеченія, ничего не имѣющія общаго съ политикой освобожденія. А правительственная политика успокоенія достигала своей цѣли все больше и больше, и наконецъ-таки совсѣмъ замирила.

Последнее время Савицкому приходилось все хуже и хуже. Страна была положительно наводнена стражниками, вездѣ встрѣчались сыщики, и за голову его была назначена правительствомъ большая премія.

При такихъ условіяхъ хорониться и скрываться отъ властей и полиціи становилось съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе. И не надо было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть нечальный скорый исходъ; но Савицкій тогда же заявилъ, что онъ не отдастся властямъ живымъ въ руки и что имъ не удастся привести его къ висѣлицѣ.

Весною 1909 года Савицкій заболѣлъ. Кто говоритъ, лихорадкой, кто — тифомъ. Постоянныя опасности, тревоги, лишенія совершенно изнурили его, и онъ принужденъ былъ остановиться на мѣстѣ и отдохнуть. Его ближайшіе товарищи не покидали его, и онъ вмѣстѣ съ ними устроился на одной изъ своихъ тайныхъ конспиративныхъ квартиръ-пристаищъ въ селеніи Крас-

номъ, Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи ¹⁾). Квартира эта представляла собою огромное гумно, въ которомъ было ловко устроено замаскированное тайное помѣщеніе. Гумно это принадлежало одному крестьянину, тайно сочувствовавшему и помогавшему Савицкому. Только онъ одинъ зналъ, да еще другой крестьянинъ, бывший на посылкахъ и помогавшій разбойникамъ, объ этомъ послѣднемъ тайномъ убѣжищѣ Савицкаго. Тутъ Савицкій и устроился въ послѣдніе дни своей жизни. Мрачное отчаяніе и безнадежная тоска не покидали его. Онъ предчувствовалъ свой конецъ и уже мысленно видѣлъ разверзтую подъ ногами пропасть, въ которую онъ долженъ былъ, несомнѣнно, свалиться. Другого конца и исхода теперь ему уже не было. Мрачный, больной, онъ лежалъ въ гумнѣ на полу на своемъ жалкомъ земляномъ ложѣ и перечитывалъ безъ конца «Разсказъ о семи повѣщенныхъ» Андреева.

— Нѣтъ, не отдамся живымъ имъ въ руки, — говорилъ онъ снова своимъ товарищамъ и опять принимался читать и думать и думать безъ конца. И невеселыя, мрачныя, тоскливыя, безнадежныя были его эти думы.

Таково было, будто бы, по разсказамъ и слухамъ, психическое состояніе въ тѣ дни Савицкаго.

Въ это время какъ разъ въ 20 верстахъ отъ Гомеля случилось убійство въ одномъ имѣніи стражника. Говорятъ, что этотъ стражникъ-кавказецъ былъ страшный разбойникъ и его убили изъ местн партизаны Савицкаго. Стражникъ этотъ вышелъ поздно вечеромъ изъ дома и закурилъ на крыльцѣ папирску и тотчасъ на огонекъ получилъ изъ-за угла пулю. Его хоронили съ большими почестями: хозяева-арендаторы имѣнія, евреи, заказали ему богатый гробъ и на свой счетъ отправили его тѣло на родину. Стражники и начальство провожали его.

Все это дало, такъ сказать, нити въ руки полиціи, и она вскорѣ выслѣдила Савицкаго. Прежде всего имъ попался крестьянинъ-сообщникъ, и они принялись допрашивать его.

Впереди заманчиво уже рисовались тысячная премія и разныя награды—посему стражники особенно энергично старались при допросахъ, производимыхъ, какъ говорятъ, съ «пристрастіемъ». Несчастный не выдержалъ и выдалъ тайное убѣжище Савицкаго. Въ ту же ночь (на 29-е апрѣля 1909 г.) отряды стражниковъ тихо окружили гумно, въ которомъ спали ничего не подозрѣвавшіе разбойники. Но Савицкій, повидимому, не спалъ. Подозрительный шумъ и шорохъ облавы тотчасъ привлекли его вниманіе. Но когда онъ выглянулъ наружу изъ своего убѣжища, то увидѣлъ, что дѣло было плохо и бѣжать было уже нельзя. Разбойники страшно всполошились; имъ предложили добровольно сдаться, но они на это

¹⁾ Въ 10-ти верстахъ отъ Гомеля.

предложеніе отвѣчали страшными ругательствами и выстрѣлами. А Савицкій, вылѣзшій на крышу, закричалъ: «лучше уходите сами. опричники, а то я васъ всѣхъ поодиночкѣ перестрѣляю». И началась ужасная перестрѣлка. У стражниковъ были винтовки, а у разбойниковъ револьверы. И только у одного Савицкаго былъ великолѣбный маузеръ съ прикладомъ и масса патроновъ. Одинъ храбрый старшій стражникъ вздумалъ было броситься впередъ въ атаку, но, не добѣжавъ гумна, упалъ мертвымъ. Тогда стражники отступили и, плотно оцѣпивъ гумно, стали обстрѣливать разбойниковъ. Но разбойники защищались отчаянно-храбро, и перестрѣлка продолжалась почти всю ночь. Только подъ утро исправникъ, видя, что изъ облавы выходить мало толку и что дѣло затягивается, рѣшился послать за военной силой, и изъ Гомеля выступили на помощь солдаты. Но они не дошли до мѣста и возвратились съ дороги назадъ, такъ какъ уже получено было извѣщеніе, что разбойники всѣ убиты.

Когда Савицкій увидалъ, что имъ приходитъ конецъ, рѣшилъ идти на «ура» и либо прорваться во что бы то ни стало всѣмъ, либо погибнуть на мѣстѣ. И разбойники съ отчаянной храбростью бросились впередъ и были сразу разстрѣляны; пули буквально изрѣшили ихъ.

Какъ только разнеслась вѣсть объ убійствѣ разбойниковъ, такъ тотчасъ на мѣсто происшествія прибыли изъ Гомеля мѣстные власти: товарищъ прокурора, полицеймейстеръ, исправникъ и проч. Изъ Могилева пріѣхали даже высшія губернскія власти во главѣ съ вице-губернаторомъ. Начался осмотръ, дознаніе, слѣдствіе. На мѣсто происшествія были приглашены лица, хорошо знавшія раньше Савицкаго, а также родственники его, для опознанія трупа и удостовѣренія личности. Являлось сомнѣніе въ личности убитаго Савицкаго, и многіе положительно не хотѣли вѣрить, что это дѣйствительно есть убитый Савицкій, а не какой-либо другой разбойникъ изъ шайки его. Но родственники Савицкаго не явились на мѣсто, а пріѣхалъ изъ Новозыбкова старый исправникъ, еще съ дѣтства знавшій Савицкаго, который и подтвердилъ, что убитый есть дѣйствительно Савицкій. Къ тому же доказательствомъ этого являлась старая, зажившая огнестрѣльная рана, отъ которой остался за ухомъ рубецъ. Въ карманѣ убитаго было найдено нѣсколько мелкихъ карманныхъ вещей, записная книжка и масса газетныхъ вырѣзокъ о Савицкомъ, а при немъ хорошій револьверъ Маузера съ небольшимъ прикладомъ и масса—цѣлый поясъ—патроновъ. Денегъ и особенно цѣнныхъ вещей не оказалось. Одѣтъ убитый былъ въ короткую теплую куртку и высокіе сапоги, точно такъ же, какъ и два другихъ убитыхъ его товарища-разбойника, только у нихъ вмѣсто маузера были въ рукахъ браунинги. Въ такомъ положеніи всѣ три убитыхъ разбойника были сняты фотографомъ.

На гумнѣ, въ послѣднемъ ихъ жилищѣ, были найдены: небольшіе запасы пищи, начатая бутылка водки и принадлежности для гримированія и маскированія, а также книги и среди нихъ— «Разсказъ о семи повѣшенныхъ» (Андреева), который, повидимому, незадолго до своей смерти читалъ здѣсь Савицкій. Кромѣ того, нѣсколько бутылочекъ и баночекъ съ разными лекарствами, которыми, повидимому, лечился больной Савицкій, и пустыя крынки изъ-подъ молока, которое ему тайно доставлялъ крестьянинъ.

Не было больше никакого сомнѣнія, что убитый дѣйствительно Савицкій. Однако, несмотря на это, многіе еще долгое время не хотѣли вѣрить тому, а другіе еще и по сіе время продолжаютъ утверждать, что убитый былъ не Савицкій, а кто-то другой изъ шайки его и что самому Савицкому удалось во-время бѣжать и скрыться за границу вмѣстѣ со своимъ другомъ-товарищемъ Абрамовымъ, который, говорятъ, будто бы, былъ вмѣстѣ съ нимъ тогда, но успѣлъ во время удраги и скрыться отъ полиціи. Такимъ образомъ, появилась легенда, что Савицкій живъ и что онъ вернется въ свое время, когда это нужно будетъ ему. И мужики въ особенности крѣпко вѣрятъ въ эту легенду и вспоминаютъ Савицкаго, когда имъ приходится тяжело и плохо.

Въ теченіе трехъ дней постоянно приходили и наѣзжали въ Красное массы народа, какъ изъ города, такъ и изъ окрестностей его, и власти допускали къ осмотру убитыхъ для большаго удостовѣренія и опознанія публики. Пріѣзжали на мѣсто корреспонденты и фотографы и помѣщали отчеты въ мѣстныхъ газетахъ. Въ городѣ было распространено много портретовъ убитыхъ Савицкаго съ товарищами его, и публика раскупала охотно на память. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ стояли во весь ростъ портреты Савицкаго. Даже было выпущено нѣсколько сотъ экземпляровъ открытыхъ писемъ съ портретами его и надписью внизу: «Герой Савицкій», которую потомъ пришлось затушевать черною краской, въ виду цензурныхъ неудобствъ.

Впечатлѣніе, произведенное на публику убійствомъ Савицкаго, было необычайное. Почти всѣ сожалѣли его, а многіе, близко знавшіе его, даже совершенно искренно горевали и плакали. Мнѣ самому не разъ и не отъ одного приходилось слышать тогда:

— Жалко парня. Пускай бы еще немного погулялъ. Вѣдь изъ насъ онъ тутъ никого не трогалъ.

Дома, среди своихъ интимныхъ друзей, обыватели говорили еще болѣе откровенно.

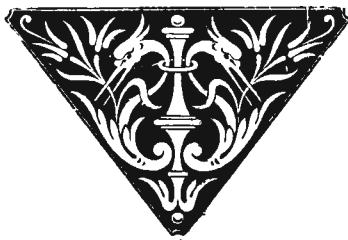
Даже мѣстныя власти, какъ будто, прониклись этимъ общимъ впечатлѣніемъ. Они заказали гробъ Савицкому и похоронили его.

Стражники получили награду: имъ обѣщана была премія за голову Савицкаго. Да и мѣстная полицейская власть не осталась безъ вознагражденія.

Въ партіи Савицкаго товарищи печально помянули его. И съ тѣхъ поръ его разбросанныя шайки стали называть себя «дѣтьми и внуками Савицкаго».

Но голова погибла. И вскорѣ они стали попадать въ руки полиціи. Не было руководителя, и партія его стала разлагаться и гибнуть. Такимъ образомъ, уже 17-го ноября 1909 г. въ минскомъ военно-окружномъ судѣ предстали шайки Савицкаго, носившія названіе «внуковъ Савицкаго», и орудовавшія въ Полѣсѣѣ.

А. Сиговъ.

НОЧЬ ВЪ УЧАСТКѢ.

ВЛО было въ 1909 году. Варенька Д., хорошенькая жизнерадостная блондинка, владѣлица очень маленькаго хуторка, пріѣхала повеселиться въ Москву. Разъ, это было 18-го сентября вечеромъ, вышла она изъ театра на ярко освѣщенную площадь и направилась къ мѣсту остановки трамваевъ, намѣреваясь съ № 23 отправиться домой; но напрасно вглядывалась она въ красивые вагоны, шипя и стуча появлявшіеся на плацу, ни одинъ этого нумера не носилъ.

«Навѣрное, можно доѣхать и съ другимъ», размышляла Варенька, но съ какимъ? Она Москву знала плохо, а рейсы московскихъ трамваевъ и того хуже.

Двѣ прилично одѣтыя женщины, появившіяся невдалекѣ, привлекли ея вниманіе.

— Скажите пожалуйста, когда пройдетъ трамвай № 23?—обратилась она къ нимъ съ довѣрчивостью провинціалки.

— Не знаемъ, мы сами его поджидаемъ—отвѣтила одна изъ нихъ.

— Я вамъ говорю, что онъ ходитъ только до одиннадцати; пойдите пѣшкомъ,—сказала другая.

— Что же мнѣ дѣлать?—произнесла Варенька въ минорномъ тонѣ.

— Вамъ куда?

— На Остоженку.

— Пойдемте съ нами.

Вареньку вдругъ объяло недовѣріе.

— Благодарю васъ, я лучше возьму извозчика,—сказала она.

— Ну, какъ хотите!—и они разстались.

«Дѣлать нечего, видно, приходится раскошелиться», вздохнула Варенька.

— Вамъ, сударыня, нужно извозчика?—спросилъ ее съ вѣжливымъ поклономъ высокій полный господинъ въ цилиндрѣ и щегольскихъ перчаткахъ.

— Да.

— Такъ ѣдемте вмѣстѣ.

— Благодарю, мнѣ провожатыхъ не нужно.

— Помилуйте, что же тутъ такого! Остоженка довольно далеко отсюда; вмѣстѣ удобнѣе, и, наконецъ, расходъ, если это васъ стѣсняетъ, можно нести пополамъ.

— Отстаньте, пожалуйста, у меня достаточно средствъ, чтобы обойтись безъ посторонней помощи.

— Очень жаль!—Господинъ, разочарованный, зашагалъ по площади, помахивая тросточкой и насвистывая романсъ.

Молодая дѣвушка снова осталась одна, ломая себѣ голову, какъ бы нанять извозчика подешевле, такъ какъ въ карманѣ имѣлось всего сорокъ копеекъ, да и въ квартирѣ немного. Кидая пытливыя взгляды въ длинные коридоры примыкавшихъ къ площади улицъ, она нерѣшительно топталась по ярко освѣщенному плацу, не зная, въ которую сторону идти, чтобы заолучить недорогого возницу.

— Сударыня, вы кого высматриваете—извозчика?—окликнулъ ее средняго роста прилично одѣтый господинъ съ рыжими усами и бородкой «козелкомъ».

— Вамъ какое дѣло!

— Фу ты, какая строптивая! А вы будьте помягче, прокатимся вмѣстѣ.

— Говорю вамъ, отстаньте! Эй, извозчикъ!—крикнула она, завидя недалеко ѣхавшія по улицѣ дрожки. Кучеръ встрепенулся, задергалъ вожжами, замахалъ кнутомъ и помчался на зовъ во всю прыть своей Россинанта.

— Вотъ и отлично, по крайней мѣрѣ мнѣ звать не придется; а что вмѣстѣ поѣдемъ, такъ это я уже рѣшилъ,—не унимался неотвязчивый господинъ.

— Да отстанете ли вы, наконецъ, нахаль!—вскипѣла Варенька.

— Ого! вотъ мы какъ умѣемъ! позвольте вашу ручку.

— Прочь!...—и Варенька, въ страшномъ волненіи наступая на свое платье, кинулась на подосѣвшія дрожки.—Остоженка, Троицкій переулочекъ,—прерывающимся голосомъ говорила она извозчику.

— Не смѣй двигаться!—строго приказалъ рыжій господинъ.

— Какъ вы смѣете, я городского позову,—пригрозила Варенька.

— Я и самъ позову;—дерзко уемѣхнулся онъ, поднося къ губамъ свистокъ.

Раздался пронзительный свистокъ, невозмутимо стоявшій городской оживился, большими шагами перешелъ площадь и, внушительный въ своемъ вооруженіи, предсталъ передъ вызвавшимъ его господиномъ.

— Веди ее въ участокъ, вотъ записка къ приставу, — приказалъ тотъ, успѣвшій въ это время набросать нѣсколько строкъ на вырванномъ изъ записной книжки листкѣ.

— Какъ! Куда?! — удивилась Варенька.

— Въ участокъ, — съ ехидной улыбкой отвѣтилъ рыжій господинъ.

— Зачѣмъ я пойду въ участокъ, что я тамъ буду дѣлать? Что за безобразіе! — возмутилась Варенька.

— Иди, иди, не разговаривай, — прибавилъ городской, дотрогиваясь до ея плеча. — Позову товарища, хуже будетъ — вдвоемъ потащимъ.

— Счастливаго пути! — крикнулъ насмѣшливо рыжій господинъ, усаживаясь въ пролетку.

— Я не пойду въ участокъ, я ничего дурного не дѣлала, — протестовала Варенька.

— Не наше дѣло тамъ частный разбереть. Сыщикъ тебя арестоваль.

— Боже мой! за что!

— За хорошія дѣла; должно, пристава къ прохожимъ.

— Я — къ прохожимъ! Дворянка, помѣщица! Твой сыщикъ съ ума сошелъ. Впрочемъ, пойдемъ, пойдемъ, частный скорѣе васъ пойметъ, что такихъ, какъ я, не арестуютъ, — и въ надеждѣ, что вся эта путаница скоро разъяснится, Варенька бодро зашагала рядомъ съ городовымъ.

Однако, когда они вошли въ непривѣтливое зданіе городской части и глазамъ ея открылся темный, длинный коридоръ, Вареньку охватила робость.

— Я одна не пойду, ни за что не пойду туда, — твердила она, съ ужасомъ вглядываясь въ чернѣющій тоннель.

— Я тутъ, тутъ, не бойся, ничего тебѣ не будетъ, — добродушно успокаивалъ городской.

— Господи, за что мнѣ такое наказаніе?! — невольно вырвалось у Вареньки, и она расплакалась.

— Ну, чего ты, чего! Къ чему такъ убиваться, — опять утѣшалъ городской: — мало ли такихъ случаевъ бываетъ. Цѣла будешь, не плачь.

Комната, въ которую ввели молодую дѣвушку, была грязна, низка и съ крайне скудной обстановкой; околоточный сидѣлъ у письменнаго стола и что-то писалъ.

— Кого тамъ привели? — спросилъ онъ отрывисто, продолжая быстро строчить по бумагѣ.

— Вотъ тутъ съ театральной площади взяли,—отвѣтилъ городской, подходя къ тому и передавая записку сыщика.

Околоточный со вздохомъ отодвинулъ бумагу, взявъ записку, прочелъ, пристально взглянулъ на Вареньку и, пробурчавъ: «Ничего не понимаю», снова пробѣжалъ глазами записку.

— Ну-съ, подойдите,—обратился онъ къ ней.—Вы кто такая?

— Дворянка Тульской губерніи, помѣщица.

— По какому случаю въ Москвѣ?—и такъ далѣе, однимъ словомъ, форменный допросъ, какимъ онъ всегда бываетъ, когда имѣешь дѣло съ судомъ или полиціей.

— Теперь я могу идти?—спросила Варенька, когда любопытство околоточнаго было вполнѣ удовлетворено.

— Это видно будетъ завтра.

— Какъ такъ завтра? Кажется, я уже сказала все.

— Но вѣрно ли вы показали—вотъ вопросъ!—усмѣхнулся околоточный.—Отведите ее за рѣшетку,—приказалъ онъ городскому.

— Не пойду я за рѣшетку, ни за что не пойду,—снова запротестовала Варенька.

— Идите, сударыня, идите, не опасайтесь, тамъ одиѣ женщины, да и мы тутъ.

— Ну, пойдемъ, не артачься; все равно не поможетъ,—совѣтовалъ городской и повелъ ее въ узкую длинную комнату безъ оконъ, безъ стола, съ лавками вдоль стѣнъ и грязной керосиновой лампой въ каменной нишѣ, напоминавшей окно. Въ комнатѣ было двѣ женщины, изъ которыхъ одна, растянувшись вдоль лавки, мирно спала, другая же, стройная женщина лѣтъ 30—35, со впалой грудью и лихорадочно блестящими глазами, сидѣла, сторбившись, въ углу.

— А, вотъ къ намъ и товарку привели,—произнесла она, повертывая къ Варенькѣ свое худое, но все еще красивое лицо и оглядывая ее съ головы до ногъ.—Ну, садись, рассказывай, какъ попалась,—и она подвинулась еще ближе къ углу, указывая молодой дѣвушкѣ мѣсто около себя. Та сѣла и, обрадованная, что можетъ передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе, рассказала о томъ, что съ ней случилось.

— Чудно на свѣтѣ жить!—вздыхнула женщина, участливо выслушавъ ее:—вѣдь и я ни за что сижу.

— Такъ къ чему же придрались?

— Гость подстроилъ. Пришелъ это ко мнѣ гость, ну, и подарилъ семь рублей да и сталъ надо мною издѣваться.... Ну, не вытерпѣла я, отпоръ дала, онъ обозлился, да и крикнулъ городского. «Обокрала», говорить. Ну, и забрали, пятый день подъ арестомъ!—Она вздохнула и закашлялась.—Ты грамотная?—спросила она, помолчавъ.

— Да.

— Такъ напиши письмо Митрошкѣ. Дома у менъ въ коробкѣ пзъ-подъ ваксы лежитъ полтинникъ; а коробочка-то подъ комодомъ; такъ пусть возьметъ и придетъ меня выручить.

— Кто такой этотъ Митрошка?

— Мой котъ.

— Это что такое?—удивилась Варенька.

— Сожитель мой,—пояснила женщина.—Намъ иначе никакъ нельзя; потому если вечеромъ иду по улицѣ и меня собираются арестовать, онъ сейчасъ же подходитъ къ городовому и говоритъ: «не тронь, это сожительница моя».

— Стало-быть, этотъ человекъ о васъ заботится?

— Извѣстное дѣло.

— Къ чему же вамъ тогда заниматься этимъ ужаснымъ промысломъ, вѣдь есть же человекъ, который васъ можетъ оберечь отъ нужды.

— Ты что же это, милая, смѣешься, что ли, надо мной, или не знаешь нашего положенія? Развѣ коты когда нашу сестру кормятъ? Какъ же, держи карманъ! Все то, что и добываешь, все ему отдаешь, а другой еще, когда мало, еще и по загривку наладеть. Такъ-то!

— Безобразіе какое!—возмутилась Варенька:—съ такими людьми и знаться не стоитъ.

— А жить-то какъ?! Эхъ, милая, милая,—вздохнула женщина:—нѣтъ хлѣба—горѣлой коркѣ радъ! Митрошка-то мой, каковъ ни на есть, все же когда приласкаетъ, когда пожалѣетъ, а другіе что—съ собаками лучше обходятся, чѣмъ съ нами! Да, къ примѣру сказать, тотъ гость, что меня сюда засадилъ: перво-на-перво сталъ онъ какъ будто меня жалѣть. Брось, говоритъ, Поля, эту жисть, я тебѣ, гриць, мастерскую открою, тебѣ лучше будетъ. Я-то уши и развѣсила, слава Те, Господи, думаю, выискался добрый человекъ, заживу, наконецъ, и я, какъ всѣ добрые люди живутъ.... а онъ,—чтобы ему ни дна, ни покрышки!—мпѣ ровно голодной собакѣ мясомъ передъ носомъ поводитъ, а тамъ и сталъ глумиться.... сталъ глумиться.... на что я прощаю...—она не договорила и съ ожесточеніемъ плюнула на полъ.—Такъ ты Митрошкѣ напишешь?—спросила она, помолчавъ.

— Съ удовольствіемъ, лишь бы достать бумагу, чернила и перо.

— А это сейчасъ.

Женщина стала усиленно звать сторожа и, когда тотъ явился, выпросила у него все нужное безъ труда.

Ставъ на колѣни передъ лавкой, поближе къ лампѣ, Варенька принялась за письмо, но не успѣла она его кончить, какъ дверь ихъ клѣтки отворилась и городской, впустивъ трехъ женщинъ, снова закрылъ ее за ними.

Новыя арестантки, очень нарядныя, очень хорошенькія, вначалѣ держали себя тихо, какъ бы подавленные своимъ заключеніемъ,

но черезъ нѣсколько минутъ живой темпераментъ взялъ свое: женщины заволновались и заговорили, браня полицію и рассказывая, какъ ихъ арестовали. Особенно беспокоилась одна изъ нихъ, на диво хорошенькая брюнетка съ тонкими нѣжными чертами и большими синими глазами.

— Дѣвицы, скажите, неужто жъ такъ-таки въ больницу на осмотръ и поведутъ и желтый билетъ дадутъ?—со страхомъ спрашивала она.

— Ужъ это какъ водится! и этого самаго альбома тебѣ не миновать,—увѣренно отвѣтила ей полная красивая блондинка 18—19 лѣтъ.

— Ну, тогда я прямо изъ больницы и въ рѣку!—воскликнула брюнетка.

— Вотъ дура! Съ чего?

— Какъ съ чего? Теперь по крайности всѣ знаютъ, что я портниха.

— Ужъ не работой ли живешь!—насмѣшливо бросила блондинка.

— Работой не работой, а все же какъ будто не хуже людей; а тогда что?—Шлюшка! Неотребная тварь! Всякъ съ тобою, что съ паршивой собакой: въ рожу плюнуть, ногой пихнуть, и не будетъ ни управы, ни защиты.... Нѣтъ, я такой жизни не вынесу.... утоплюсь, непременно утоплюсь!—твердила въ отчаяннѣи брюнетка.

— Теперь плачь, не плачь, а видно—ау, свѣтъ! Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ,—замѣтила блондинка.

— Тебѣ-то когда еще будетъ, а меня-то завтра отлупить хозяйка, какъ сидорову козу, и то, видишь, не плачу—наставительно замѣтило прелестное бѣлокурое созданіе 15—16 лѣтъ.

— Богъ мой! за что?—удивилась Варенька.

— За то, что разиня,—отвѣтила за нее смѣясь блондинка.—Хозяйка послала ее походить, а она не только что гостя не привела, а вонъ и самое арестовали.

— Да, въ нашемъ ремеслѣ колотушки не диковинка: и хозяйка бьетъ, и гость гвозданетъ, и городской иной разъ такъ залѣпить, что искры изъ глазъ посыплотся. Что подѣлаешь!—вздохнула бѣлокурая и потушилась.

— Но вѣдь эта жизнь не лучше каторги!—воскликнула Варенька.—Зачѣмъ вы только выбрали ее? Всѣ вы такія молоденькія, такія хорошенькія; могли бы замужъ выйти, да еще съ выборомъ, отъ жениховъ, навѣрное, не было бы отбоя.

— Да, женихи!—протянула съ горькой усмѣшкой брюнетка.—А черезъ кого мы погибаемъ, какъ не черезъ нихъ! Думаете, у меня жениха не было?—обратилась она къ Варенькѣ.—Посмотрѣли бы еще какой: съ лица картинка писаная; страховымъ агентомъ служилъ, а потуда о свадьбѣ и говорилъ, пока не обезчестилъ, а тамъ уѣхалъ на родину и прощай не сказалъ!...

— Мой-то и того чище,—подхватила блондинка: пока не подавалась, удавиться собирался, а какъ наградила ребенкомъ и пришла я къ нему о свадьбѣ напомнить, такъ приказалъ своему лакею съ лѣстницы спустить! Вотъ они женихи-то каковы!—зло разсмѣялась она.

— Вы, вѣрно, на очень плохихъ напали, мало ли хорошихъ,—возразила Варенька.

— Хорошихъ? Нѣтъ ихъ хорошихъ!—воскликнула запальчивая блондинка:—всѣ мужчины подлецы, мерзавцы! Обирать ихъ надо, болѣзнями награждать.

— За воровство можно попасть въ тюрьму.

— Не попадешь, какъ вдвоемъ будешь гостя принимать: одна занимайся съ нимъ, другая его въ это время обирай.

— Я такъ-то третьяго дня у одного 25 рублей слизнула, и не почувствовала!—похвалилась бѣлокурая.

— Хорошо, дѣвушка, хорошо,—одобрила блондинка:—они насъ не жалѣютъ, не жалѣй и ихъ, подлецовъ!

— Ахъ, Господи, дома-то теперь, небось, меня ужинать ждуть!—вдохнула брюнетка:—а ужинъ-то такой вк-у-снѣй!—протянула она.

— Кто же тамъ васъ ждетъ?—полюбопытствовала Варенька.

— Товарка; мы вдвоемъ живемъ, по 25 рублей съ человѣка платимъ. Комната большая, мебель бархатная, коверъ во весь полъ; постель какая! кажись—потонешь. Господи, неужели не выпустятъ; здѣсь и лечь-то негдѣ, на лавкѣ всѣ бока заночуютъ.

— Заночуютъ, не заночуютъ, а, видно, протягивайся,—добродушно подтрунила блондинка:—а то завтра у тебя силъ не хватитъ до больницы дойти.

— Охъ, провались ты со своей больницей! Что каркаешь, какъ ворона,—разсердилась брюнетка.

— Вотъ тебѣ и каркаю, посмотри, если не выйдетъ по-моему: такъ всѣхъ насъ шестерыхъ туда и погонять!

— Позвольте, да меня-то зачѣмъ?—испугалась Варенька.

— Нѣтъ, милая, не отвертисься,—засмѣялась блондинка:—съ нами вмѣстѣ сидишь, съ нами вмѣстѣ и пойдешь. Дадутъ тебѣ тамъ альбомъ и отпустятъ на всѣ четыре стороны.

Варенька похолодѣла: въ эту минуту осмотрѣвъ въ больницѣ казался ей самымъ ужаснымъ, что съ ней могло случиться, и она, подобно брюнеткѣ, готова была плакать навзрыдь.

Женщины, между тѣмъ, безъ умолку болтали, рассказывая случаи изъ своей практики, поучая другъ друга, какъ выгоднѣе заниматься этой профессіей; наконецъ мало-по-малу говоръ сталъ утихать, усталость брала свое, и, мирясь съ твердостью лавки, онѣ одна за другой вытягивались на ней и, повздыхавъ немного, засыпали.

Пробовала и Варенька вздремнуть, прислонясь къ стѣнѣ, но безпокойство не позволило ей забыться, и она съ тоской оглядывала узкое, грязное помѣщеніе, длинныя лавки и лежавшія на нихъ фигуры, тускло освѣщенныя лампой съ закопченнымъ стекломъ.

Такъ прошла ночь. На утро сторожь перевелъ ихъ въ другое помѣщеніе.

— Ну-ка, овцы, овцы, идите скорѣе,—добродушно говорилъ онъ, пропуская ихъ въ дверь.

Новая квартира оказалась небольшою каморкой безъ всякой мебели, получавшей свѣтъ изъ отверстія, продѣланнаго въ помѣщеніе городского; однако ночныя феи, уже освоившіяся съ своимъ положеніемъ, не унывали: у которой-то изъ нихъ нашлись деньги, городской былъ отряженъ за водкой и колбасой, женщины вышили, закусили и, отбросивъ всякій стыдъ, стали вести себя крайне цинично, затрогивая за стѣной помѣщавшихся городскихъ. Варенька глядѣла на нихъ широко открытыми глазами, не въ состояніи себѣ усвоить, что нѣчто подобное можетъ твориться на бѣломъ свѣтѣ. Часа черезъ два дверь ихъ общей темницы снова открылась.

— Эй, ты, сыскная, иди сюда!—окликнулъ ее вошедшій городской.

Вареньку вывели на улицу, поставили между двумя типичными оборванцами, грязными, небритыми, съ опорками вмѣсто сапогъ и въ лохмотьяхъ неопредѣленнаго цвѣта на тѣлѣ, и повели по улицѣ подъ эскортомъ двухъ городскихъ.

— Глянь-ка, глянь-ка, мадаму ведутъ!—доносились до слуха Вареньки голоса изъ сновавшаго взадъ и впередъ народа.

— Послушайте, я ужъ лучше пойду позади васъ,—мнѣ такъ стыдно!—взмолилась она къ городovýmъ.

— Нѣтъ, мадамъ, нельзя. А ты думаешь, намъ не стыдно?—отвѣтили ей.

— Тогда пустите хоть по тротуару.

— Ну, инъ да ладно! ступай.—согласились, наконецъ, городовые и направили своихъ плѣнниковъ на тротуаръ.

Варенька все же чувствовала себя лучше.

«Между людьми не такъ замѣтно, съ кѣмъ я иду», утѣшала она себя. Однако радость ея была непродолжительна. Едва вышли они на Тверскую улицу, какъ одинъ изъ городскихъ сдѣлалъ знакъ своему товарищу, и арестантовъ перевели форсированнымъ маршемъ на середину улицы: вдали показалась пара сѣрыхъ полицеймейстера. Варенька рада была, когда наконецъ передъ ней открылась дверь сыскаго отдѣленія. Громадная комната съ каменнымъ поломъ и лавками вдоль стѣнъ была мрачна и такъ холодна, что молодая дѣвушка забралась на одну изъ этихъ лавокъ съ ногами и, усѣвшись по-турецки, болѣе успокоенная за свою участь, чѣмъ ночью, стала разговаривать съ жандармами.

— Скажите, пожалуйста, за что сюда приводятъ?—допытывалась она.

Ея товарищи по путешествію громко фыркнули.

— Ишь, невинная, не знаетъ, за что приводятъ!—иронизировали они:—небось, часы съ кого стащила, либо въ карманъ залѣзла.

— Да ты, собственно, мадамъ, въ какомъ театрѣ была, что слушала—оперу или драму?—обратились они къ ней.

— Драму.

— А тутъ послушаешь оперу: какъ закатятъ двадцать горячихъ, такъ-то взвоешь, забудешь, какъ на театральной площади людей обирать.

Стоявшая въ сторонкѣ группа городскихъ поглядывала съ недоумѣніемъ на Вареньку.

— Нѣтъ, ребята, за что жъ ее привели? Такого случая не было, чтобы съ театральной брали,—долетать до нея голосъ одного изъ нихъ.

— Сыщикъ арестовалъ, стало есть за что!—отвѣчали ему.

Оборванная старушка, по виду нищенка, сидѣвшая сгорбившись на лавкѣ, придвинулась ближе къ Варенькѣ.

— Ты, милая, за что собственно? За воровство?—спросила она.

— Сама не знаю.

Жулики снова фыркнули и, покачивая головами, резонно стали разсуждать о томъ, что сыщикъ зря не задержитъ.

Въ дверяхъ канцеляріи показался полицейскій, и Вареньку вызвали къ добросу. Въ большой комнатѣ, отдѣленные отъ публики рѣшеткой, сидѣли: приставъ, писцы и знакомый уже Варенькѣ сыщикъ.

— Говори, эта?—обратился къ нему приставъ.

— Эта, эта самая,—подобострастно отвѣтилъ тотъ.

— Ты что же намъ своей карточки не представила?—спросилъ ее приставъ.

— Какой карточки? Какъ вы смѣете со мной такъ говорить?—вспыхнула Варенька.

— А какъ же съ тобой?—дерзко кинулъ ей молодой писарь.

— Повѣжливѣе.

— Если желаете, мы вамъ разрѣшеніе дадимъ,—усмѣхнулся приставъ.

— За кого вы меня принимаете?—снова вспыхнула дѣвушка.— У васъ есть допросъ, сдѣланный околоточнымъ, я это подтверждаю и требую, чтобы вы немедленно справились тамъ, гдѣ прописанъ мой паспортъ.

— Въ такомъ случаѣ повторите ваши показанія.

Варенька снова разсказала все, какъ было; когда она дошла до словъ: «Да отстанете ли вы, нахаль!» сыщикъ встрепенулся «Ишь вретъ-то какъ, вретъ-то какъ!» воскликнулъ онъ въ негодованіи.

— Я не вру, спросите извозчика. Я этого требую,—твердо заявила Варенька.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, это лишнее,—возразилъ приставъ:—сидитесь, сударыня,—предложилъ онъ любезно и направился къ телефону.

Вареньку обступили сыщики, спрашивая, гдѣ она живетъ, откуда пріѣхала, сколько заплатила за билетъ до Москвы, очевидно, стараясь запутать ее въ отвѣтахъ. Такъ прошли добрыхъ полчаса: на глазахъ у Вареньки снимали допросъ и съ двухъ жуликовъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ нею, и со старушки, вытащившей у кого-то въ церкви носовой платокъ; приставъ еще не разъ подходилъ къ телефону.

— Можете итти,—обратился онъ наконецъ къ молодой дѣвушкѣ и снова занялся дѣлами, даже не подумавъ извиниться передъ ней за нанесенное ей оскорбленіе, а рыжій сыщикъ даже ехидно улыбнулся, окидывая ее нахальнымъ взглядомъ, и только сторожъ выказалъ ей тѣнь участія.

— Что жъ, всяко бываетъ: обознались какъ-нибудь, ошиблись,—сказалъ онъ, отворяя дверь.

М. К. Фишеръ.

СУВОРОВЪ ВЪ КОБРИНѢ.

(Исторія и преданія).

I.

ВЪ концѣ марта 1797 года. Къ стоявшему въ паркѣ недавно выстроенному господскому дому имѣнія Кобринскій Ключъ, приблизительно въ верстѣ отъ города Кобрина, подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ невзрачный, низенькаго роста старичокъ въ штатскомъ платьѣ. То былъ новый владѣлецъ имѣнія, гремѣвшій когда-то Суворовъ, вѣрой и правдой служившій матушкѣ Екатеринѣ, но не угодившій ея царственному преемнику, его будущему гонителю до гроба.

6-го ноября 1796 года скончалась благодѣтельница стараго фельдмаршала, а 6-го февраля слѣдующаго года, черезъ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ, высочайшимъ приказомъ его уволили отъ службы, безъ права ношенія мундира, — если и къ чьему-либо позору, то ужъ никакъ не его, Суворова. Вопреки пословицѣ, за царемъ служба пропала.

Теперь «бывшій» фельдмаршалъ ¹⁾ пріѣхалъ изъ Тульчина, чтобы поближе познакомиться со своимъ имѣніемъ, котораго онъ хорошо

¹⁾ Что для Павла Суворовъ пересталъ существовать, какъ фельдмаршалъ, несомнѣнно изъ впервые напечатаннаго нами въ полномъ видѣ («Варшавскій Военный Журналъ», 1904 г., июнь, стр. 451) указа императора, отъ 5-го августа 1797 года, исправляющему должность новгородскаго намѣтника П. П. Митусову. Здѣсь Павелъ, не обинуясь, называетъ Суворова «бывшимъ фельдмаршаломъ». Этотъ документъ печатался раньше неточно, въ силу цензурныхъ соображеній.

не зналъ, и выступить въ непривычной для него роли «мирнаго пахаря». Въ Кобринскомъ Ключѣ Суворовъ хотѣлъ провести и Пасху, которая въ 1797 году приходилась на 5-е апрѣля.

Баринъ привезъ съ собой и камердинера, котораго вѣжливость неволью обращала на себя вниманіе. Это былъ мужчина огромнаго роста и «чудной, шутовской фізіономіи человѣкъ», какъ отзывался о немъ знавшій его лично знаменитый митрополитъ Евгеній. Звали камердинера попросту Прошкой, а его настоящее имя было Прохоръ Ивановичъ Дубасовъ.

Страшный пьяница и грубіанъ, онъ, въ наказаніе, былъ не разъ высылаемъ бариномъ на житье въ кончанскую деревню. Суворову онъ былъ преданъ, и фельдмаршалъ платилъ ему тѣмъ же, называя его, въ письмахъ, своимъ «другомъ». Вдобавокъ, въ немъ говорило чувство благодарности, такъ какъ Прошка спасъ ему жизнь.

Очень привязавшись къ Дубасову, Суворовъ не рѣшался разстаться съ нимъ и бралъ его съ собой и во вторую польскую войну, и въ итальянскій походъ. Вскорѣ послѣ сраженія при Нови сардинскій король Карлъ-Эмануилъ прислалъ Дубасову двѣ серебряныя медали,—а по другимъ свѣдѣніямъ, даже низшую степень ордена Маврикія и Лазаря,—за его заботы о здоровьѣ Суворова. Для поднесенія Прошкѣ этихъ двухъ медалей, изъ которыхъ одна была съ соотвѣтствующею латинскою надписью, Суворовъ сочинилъ особый шутовской церемоніаль. Отъ австрійскаго императора Дубасовъ получилъ въ награду серебряную медаль.

Обязанности Прошки были подчасъ довольно, щекотливыя. Напримѣръ, если баринъ лѣнился вставать, камердинеру было приказано тянуть его за ногу; если Суворовъ начиналъ дремать послѣ обѣда, Дубасовъ подходилъ, безцеремонно толкалъ фельдмаршала въ бокъ и словами: «Пора, сударь, спать», напоминалъ барину, что послѣднему надо, какъ заведено, послѣ обѣда отправляться «на боковую». Онъ долженъ былъ толкать Суворова и тогда, когда тотъ черезчуръ увлекался разговорами или слишкомъ усердно налегалъ на какое-либо вкусное кушанье.

На Суворова Прошка имѣлъ очень большое вліяніе, вслѣдствіе чего многіе заискивали у него и его жены, которая заодно съ мужемъ отлично нагрѣвала себѣ руки. Самъ князь П. Р. Багратіонъ, здороваясь съ Дубасовымъ, не гнушался подавать ему руку.

При жизни фельдмаршалъ хотѣлъ дать вольную своему камердинеру и пять тысячъ рублей въ награду, но исполнить своего намѣренія не успѣлъ. Дубасовъ пережилъ своего барина и въ концѣ 1802 года, съ высочайшаго соизволенія, послѣ долгихъ хлопотъ и несмотря на противодѣйствіе вдовы генералиссимуса, былъ вмѣстѣ со всею своею семьей отпущенъ на волю княземъ Аркадіемъ Суворовымъ. При этомъ уплата денежнаго вознагражденія Прошкѣ была разсрочена на пять лѣтъ. Потомство его существуетъ до сихъ

поръ. Въ числѣ старинныхъ вещей, принадлежащихъ великому князю Георгію Михайловичу, находится кружка, подаренная Прохору Суворовымъ, съ надписью: «Пьяницѣ Прошкѣ». Отъ великаго князя Николая Михайловича я слышалъ, что эта кружка была приобрѣтена вмѣстѣ съ другими вещами отъ Д. В. Каншина, нынѣ покойнаго.

II.

Домъ, гдѣ остановились пріѣзжіе, былъ деревянный, невзыскательной архитектуры и скромныхъ размѣровъ—восемь сажень въ длину и четыре сажени въ ширину. Въ немъ было семь небольшихъ комнатъ. Пять изъ нихъ занялъ опальный фельдмаршалъ, одну онъ отдалъ Прохору, а седьмая комната предназначалась для гостей. Послѣдніе, впрочемъ, наѣзжали очень рѣдко, и то на короткое время,—боялись павлечь на себя подозрѣніе въ неблагонадежности.

Господскій домъ въ Кобринскомъ Ключѣ былъ окруженъ валомъ и стоялъ въ паркѣ одиноко: всѣ службы, по приказанію Суворова, были вынесены за черту сада. По сторонамъ воротъ парка красовались какія-то фигуры на высокихъ каменныхъ столбахъ.

III.

Постепенно Кобринъ сталъ наполняться бывшими товарищами фельдмаршала по службѣ. Часть ихъ пріѣхала раньше, часть—вмѣстѣ съ нимъ, часть—послѣ его прибытія. Имѣніе было очень большое, и главноуправляющему Кобринскимъ Ключомъ, Корницкому, нельзя было обойтись безъ помощниковъ.

Выйдя въ отставку и твердо рѣшивъ сдѣлаться «сельскимъ дворяниномъ», Суворовъ предложилъ семнадцати офицерамъ и штабъ-лекарю Бѣлопольскому подать въ отставку и отправиться съ нимъ въ Кобринскій Ключъ. Имъ обѣщали дать здѣсь мѣста и надѣлать деревнями и крестьянами, что позже вовлекло Суворова въ большія непріятности.

IV.

И свой графскій титулъ, и чуть не всѣ награды старый фельдмаршалъ взялъ «съ боя»,—служба не баловала его. Съ боя добылъ онъ и Кобринскій Ключъ.

Въ ночь на 4-ое сентября 1794 года Суворовъ напалъ врасплохъ на авангардъ польской арміи, которой командовалъ Сѣраковскій. Пройдя полями и огородами, находившимися въ концѣ нынѣшней Мѣщанской улицы Кобрина, казаки обрушились на сонныхъ поляковъ. Среди поднявшейся суматохи весь передовой отрядъ не-

пріятеля, около пятьсотъ человѣкъ, былъ или изрубленъ, или взятъ въ плѣнъ. Спаслись только немногіе поляки. Намъ досталось, кромѣ плѣнныхъ, триста лошадей и хорошо снабженный кобринскій провіантскій магазинъ. Потери русскихъ были ничтожны.

Блестящи были побѣды Суворова, но и награда за нихъ была царская: Екатерина умѣла воздавать по заслугамъ. Вторая польская война кончилась, и 18-го августа 1795 года побѣдитель Сѣраковскаго получилъ въ «полное и потомственное владѣніе» Кобринскій Ключъ, съ 1768 года—одно изъ такъ называемыхъ «столовыхъ» имѣній послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа. Имѣніе было богатое,—въ немъ считалось тогда почти семь тысячъ душъ одного мужскаго пола, а по другимъ извѣстіямъ—даже болѣе восьми тысячъ душъ. Это было дѣйствительно «цѣлое владѣніе», какъ называетъ его самъ Суворовъ въ одномъ письмѣ изъ Кобрина. Оно почти втрое превышало всѣ остальные имѣнья фельдмаршала. Въ собственность Суворова перешелъ и нынѣ исчезнувшій безслѣдно кобринскій замокъ, построенный въ XI—XII вѣкахъ, одновременно съ городомъ, пинскими князьями, теперь угасшими, потомками Изяслава.

V.

На своей новой, подневольной квартирѣ опальный Суворовъ повелъ прежній образъ жизни,—себя не баловалъ, чудилъ и, изъ-за своего несноснаго характера, сразу же послѣ пріѣзда показалъ себя совсѣмъ не «мирнымъ пахаремъ».

Кушанья за фельдмаршалскимъ столомъ подавались, какъ и раньше, самыя простыя и между ними—классическая гречневая каша, къ которой знаменитый хозяинъ питалъ особыя симпатіи. Для приготовленія его любимаго блюда въ господскомъ кобринскомъ домѣ была даже специально сложена русская печь. Эта печь была своего рода уникамъ,—одна на цѣлый тогдашній Кобринъ!

Не холилъ сіятельный хозяинъ и своего тѣла,—и въ холодные дни спалъ неизмѣнно возлѣ окна ¹⁾ и даже въ стужу купался въ маленькомъ прудѣ своего парка.

Гости, какъ мы замѣтили выше, не баловали Суворова. Да и тѣ единичныя лица, которыя навѣщали его въ изгнаніи, едва ли повторяли свой визитъ, изъ-за причудъ хозяина.

Разъ къ Суворову, говорить устное кобринское преданіе, пріѣхалъ нѣкій важный баринъ изъ Петербурга. Хозяинъ, какъ водится, угостилъ его водкой, послѣ чего визитеръ простился и уѣхалъ.

¹⁾ Какъ извѣстно, Суворовъ часто приказывалъ выставлять окна въ своемъ помѣщеніи даже зимою, говоря, что «не простудится».

На грѣхъ, фельдмаршалъ замѣтилъ, что уѣхавшій гость, наливъ водку, позабылъ закрыть бутылку. Разсердился Суворовъ и послалъ за своимъ «боснякомъ» Войтковскимъ. «Боснякъ» былъ чѣмъ-то въ родѣ гминнаго войта, или волостного старшины.

— Возьми самыхъ лучшихъ лошадей, догони гостя и верни, — приказалъ Войтковскому фельдмаршалъ.

Пятнадцать верстѣ отмахалъ боснякъ, пока догналъ виноватаго, уже у Крупчицъ, и привезъ свою добычу. Оригиналь-хозяинъ предложилъ плѣннику закрыть бутылку и тогда лишь разрѣшилъ ему отправиться во-свояси. Если онъ кого и пожалѣлъ при этомъ, такъ однѣхъ лошадей, которыя всѣ были въ мылѣ ¹⁾.

Не обошлось безъ столкновенія «мирнаго пахаря» и съ населеніемъ Кобрина.

По пріѣздѣ въ имѣніе, рассказываютъ кобринскіе старожилы, новый помѣщикъ потребовалъ черезъ президента, или городского голову, Ярмошевича, чтобы всѣ кобринскіе мѣщане шли на работу къ нему, Суворову. Ярмошевичъ на первый разъ, не протестуя, исполнилъ требованіе фельдмаршала, но, когда, чрезъ нѣсколько дней, послѣдній обратился съ тѣмъ же приказаніемъ, отказалъ.

— Кобринскіе мѣщане, — заявилъ онъ, — всегда были вольными.

Суворовъ вспылилъ и, захвативъ съ собой казаковъ, наказалъ «ослушника», послѣ чего всѣ мѣщане стали на работу.

Однако этимъ дѣломъ не кончилось.

Оскорбленный Ярмошевичъ выбралъ нѣсколькихъ кобринскихъ мѣщанъ, какъ депутатовъ, и вмѣстѣ съ ними отправился въ Петербургъ съ жалобой на обидчика.

Въ Петербургѣ приняли сторону пострадавшаго и послали Суворову указъ, освобождавшій кобринскихъ мѣщанъ отъ барщины.

Едва успѣлъ вернуться голова, какъ всѣ они, услышавъ о счастливомъ окончаніи его поѣздки, на радостяхъ бросили работу у помѣщика и разошлись по домамъ. Но правительство не хотѣло обижать Суворова и вознаградило его тѣмъ, что, освободивъ кобринскихъ мѣщанъ отъ барщины, взамѣнъ неправильно отошедшихъ къ фельдмаршалу городскихъ земель, дало ему нѣсколько сосѣднихъ деревень, земли бывшаго кобринскаго замка, домъ на Босняцкой улицѣ, въ городѣ, и экономическій амбаръ на берегу рѣки Муховца²⁾.

¹⁾ Заботливый и гуманный помѣщикъ, особенно въ тогдашнее время суроваго крѣпостничества, помѣщикъ, добрая память о которомъ до сихъ поръ еще живетъ среди потомковъ его бывшихъ крестьянъ, фельдмаршалъ очень любилъ и животныхъ. Въ Кончанскомъ онъ держалъ четырехъ лошадей, «за вѣрную службу въ отставку и на пенсію». Двухъ другихъ онъ разъ приказалъ заочно продать или лучше подарить крестьянамъ, но отнюдь не съ тѣмъ, «чтобы забыть». Но, если лошади очень стары, велѣно было ихъ оставить на пенсію и «изрѣдка проминать и проѣзжать, безъ малѣйшаго камуренія, а лѣтомъ пасти въ табунахъ».

VI.

Это преданіе требуетъ провѣрки и въ отношеніи поступка именно Суворова не выдерживаетъ критики.

Въ высочайшемъ указѣ о пожалованіи фельдмаршалу гродненскаго имѣнія городъ Кобринъ дѣйствительно не былъ упомянутъ. Рѣчь шла исключительно о Кобринскомъ Ключѣ. Не вошла въ число новыхъ суворовскихъ владѣній и такъ называемая Кобринская пуца. Обо всемъ этомъ князь Н. В. Репнинъ и сообщилъ 14-го сентября 1795 года фельдмаршалу, жившему тогда въ Варшавѣ.

Между тѣмъ Суворову, очень усердно заботившемуся объ увеличеніи своего состоянія вообще, хотѣлось заполучить и Кобринъ, и пуцу. Въ первомъ считалось тогда десять тысячъ человекъ шляхты и триста сорокъ душъ мѣщанъ. Крестьянъ-пахарей среди кобринскаго населенія не было ни одного.

Предварительно посланный Суворовымъ для осмотра земельных владѣній Кобринскаго Ключа служившій подъ его начальствомъ Николай Алексѣевичъ Балкъ, сынъ его стараго знакомаго и сосѣда по кончанскому имѣнію, сталъ на суворовскую точку зрѣнія, и 29-го сентября 1795 года Суворовъ, отвѣчая Репнину, пишетъ, между прочимъ: «Кобринъ, по мнѣнію моему, подлежать долженъ въ число другихъ, владѣнію моему высочайше пожалованныхъ» ¹⁾. Попутно онъ отстаиваетъ и свои права на Кобринскую пуцу.

Пока шла переписка Суворова съ Репнинымъ, и произошло, вѣроятно, столкновеніе съ кобринскими мѣщанами. Занятый въ Варшавѣ устройствомъ польскихъ дѣлъ, Суворовъ, конечно, не могъ прибѣгнуть, въ Кобринскомъ Ключѣ, къ помощи казаковъ, не говоря уже о томъ, что это не гармонировало съ его гуманною натурой. Да и какіе казаки могли быть въ распоряженіи отставнаго генерала?.. Такимъ образомъ, въ печальной кобринской исторіи имя Суворова необходимо замѣнить именемъ Балка или какого-либо другого лица, на примѣръ, того же Корицкаго.

VII.

Свои досуги изгнанникъ посвящалъ молитвѣ. Искренно религиозный, онъ выстроилъ неподалеку отъ господскаго дома въ Кобринскомъ Ключѣ небольшую часовню. Часто видѣли его и въ древней, сооруженной въ формѣ креста, Петропавловской церкви, которую онъ очень любилъ. Она была ближайшею къ его усадьбѣ, откуда когда-то велъ къ храму переулочъ, позже застроенный. Этимъ переулкомъ Суворовъ всегда ходилъ въ церковь.

¹⁾ Государственный архивъ. XI. 1. 119.

Однакожь ошибочно думать, что Петропавловская церковь сооружена Суворовымъ, — ей, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ лѣтъ. Когда она выстроена, неизвѣстно, но уже въ актахъ XVI вѣка она упоминается, какъ очень давно существующая «въ Кобрини, на городи».

Много видѣла она на своемъ долгомъ вѣку и бывала даже въ боевомъ огнѣ. Ея южная и частью восточная стѣны были сплошь унизаны пулями. Въ этотъ храмъ Суворовъ ходилъ, чтобы пѣть на клиросѣ, читать апостола — апостола онъ вообще не позволялъ читать никому другому — или звонить въ колокола. Долго еще хранился здѣсь и псалтирь съ драгоценной надписью: «По сей псалтири пѣлъ и читалъ Суворовъ». Теперь эта книга куда-то затерялась. Но, быть можетъ, она до сихъ поръ еще находится у кого-либо изъ кобринцевъ, постоянно бравшихъ ее для чтенія надъ покойниками ¹⁾. Зато уцѣлѣли двѣ очень древнія иконы апостоловъ Петра и Павла, западнаго писма. Онѣ сильно пострадали отъ времени, особенно изображеніе апостола Павла, но передъ ними молился Суворовъ, и, казалось бы, мѣсто имъ не на колокольнѣ стараго Петропавловскаго храма, а въ музеѣ имени генералиссимуса...

Несмотря на свои шестьдесятъ семь лѣтъ, фельдмаршалъ иногда поднимался на колокольню и самъ звонилъ въ колокола, на диво кобринцамъ.

— Такой большой начальникъ, а что дѣлаетъ! — разсуждали они, покачивая головами...

VIII.

Любовь къ благотворенію была однимъ изъ отличительныхъ свойствъ отзывчиваго сердца Суворова, и, какъ настоящій христіанинъ, онъ много помогалъ кобринскимъ бѣднякамъ, не отдѣляя христіанъ отъ евреевъ. Хорошая память о немъ до сихъ поръ еще не умерла и въ Кобринѣ. Когда онъ уѣхалъ, его провожали любовью и благословеніями, съ которыми соединялось чувство неподдѣльнаго сожалѣнія.

Великій старикъ любилъ сиживать на большомъ камнѣ, уцѣлѣвшемъ до нашего времени и носящемъ имя «Суворовскаго». Лежитъ этотъ камень въ основаніи старой колокольни. При ремонтѣ Петропавловскаго храма, въ 1862—1864 годахъ, вспомнили о дорогомъ всѣмъ русскимъ имени, и ни одна рука не поднялась на эту реликвию...

¹⁾ Въ Кобринѣ полковникомъ Ф. К. Харкевичемъ была отобрана у дьячка Павловича принадлежавшая Петропавловской церкви псалтирь печати 1774 года. Въ свое время г. Харкевичъ передалъ ее черезъ генераль-майора Н. А. Ходоровича въ штабъ варшавскаго военнаго округа. Эта ли именно книга была въ рукахъ фельдмаршала, сказать трудно. Быть можетъ, на ней дѣйствительно была вышеупомянутая надпись, но, къ сожалѣнію, переплетчикъ сильно обрѣзалъ книгу. Да и сами кобринцы не рѣшаются утверждать, что напѣ псалтирь «Суворовскій».

Задумавшись, сидѣлъ Суворовъ на камнѣ и мечталъ. Быть можетъ, въ его душѣ воскресали воспоминанія объ его славныхъ побѣдахъ, — о Рымникѣ, объ Измаилѣ, о Прагѣ. Онъ не подозрѣвалъ, что надъ его сѣдою головой собрались повья грозовыя тучи; что Петербургъ не забылъ строптивато изгнанника въ его глуши.

Въ столицѣ въ это время шла усиленная, чисто Павловская «чистка». Давались высочайшіе выговоры офицерамъ «за незнаніе своей должности», исключали изъ службы «за просрочку». 1-го апрѣля 1797 года генераль-отъ-кавалеріи графъ Валеріанъ Зубовъ получилъ выговоръ «за держанный совѣтъ по случаю выступленія войскъ изъ Персіи и за нелѣпой рапортъ». На слѣдующій день сдѣланъ выговоръ всѣмъ присутствовавшимъ въ военной коллегіи за невыдачу «нужнаго для обмундированія» многимъ полкамъ, при чемъ удержано жалованье виновныхъ. 6-го апрѣля сдѣланъ выговоръ гренадерской ротѣ Семеновскаго полка «за то, что дурна, и впредь приказано быть лучше», а черезъ пять дней получилъ выговоръ генераль-отъ-инфантеріи князь Долгоруковъ, «за недостатленіе арестантовъ и оплошность по своей должности» и т. д.

Единственной радостью для Суворова въ это время было письмо его любимицы, Наташи, гдѣ она извѣщала отца о рожденіи у нея, 5-го марта 1797 года, сына, его перваго внука ¹⁾).

«Графъ Николай Александровичъ, — отвѣчалъ фельдмаршалъ своему зятю 8-го апрѣля 1797 года: — Вы меня потѣшили тѣмъ, чего не имѣлъ близъ семидесяти лѣтъ! ²⁾. Читая, дрожалъ... Наташа! Привези графа Александра Николаевича ко мнѣ въ гости, и онъ пусть о томъ же попроситъ своего батюшку, твоего мужчину».

Такъ печально тянулись дни за днями, когда, 22-го апрѣля, черезъ мѣсяць послѣ пріѣзда Суворова въ Кобринскій Ключъ, пришелъ изъ Петербурга высочайшій приказъ. Привезъ его въ десять часовъ вечера отставной коллежскій ассесоръ Николевъ, вновь обнаружившій усердіе къ службѣ царской. Опальному фельдмаршалу было всемилостивѣйше повелѣно ѣхать изъ однихъ болотъ въ другія, изъ гродненскихъ въ новгородскія, поближе къ столицѣ.

IX.

Страшный переполохъ поднялся въ кобринскомъ господскомъ домѣ. Отъѣздъ Суворова въ Кончанское походилъ скорѣй на бѣгство. Фельдмаршалъ не успѣлъ, или, вѣрнѣе, не могъ ни сдѣлать распоряженій по имѣнію, которое, благодаря этому, быстро пришло въ разстройство, кончившееся форменнымъ разграбленіемъ его управляющими и ихъ прислѣшниками, ни даже застисъ деньгами,

¹⁾ Графъ Александръ Николаевичъ Зубовъ скончался 20-го ноября 1875 года.

²⁾ Славному дѣду новорожденнаго шель тогда уже 67-й годъ.

Имѣніе «Губернія», гдѣ жилъ Суворовъ.

наконецъ, ни захватить съ собой драгоценностей. Пришлось занять тысячу рублей у Корицкаго и оставить ему всѣ брильянты, стоившіе болѣе трехсотъ тысячъ рублей! Кромѣ нихъ, на рукахъ главноуправляющаго Кобринскимъ Ключомъ очутился и фельдмаршальскій жезлъ Суворова, и всѣ ордена, и брильянтовый эполетъ. Только въ июнѣ 1797 года все это привезъ въ Кончанское Красовскій, смѣнившій Корицкаго по управленію Кобринскимъ Ключомъ.

23-го апрѣля фельдмаршалъ ночью покинулъ свое гродненское имѣніе, и въ письмѣ Хвостову отъ 25-го апрѣля 1797 года Корицкій увѣдомляетъ объ этомъ племянника Суворова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «23-го числа, въ 10 часовъ пополудни, постигло насъ несчастіе, чрезъ отъѣздъ его сиятельства, съ нарочно присланнымъ, въ боровицкія его деревни»... ¹⁾.

Если Кобринъ былъ только опалой, Кончанское смѣло можно было назвать и опалой, и ссылкой.

Осчастливилъ Петербургъ своею милостью и тѣхъ офицеровъ, что пріѣхали въ Кобринъ къ Суворову. Послѣдній жилъ уже въ Кончанскомъ, когда, послѣ мѣсячнаго отсутствія, Николевъ снова нагрязнулъ въ Кобринскій Ключъ, арестовалъ всю бывшую «свиту» фельдмаршала, вида въ ней исключительно демонстрантовъ, и отвезъ въ кievскую крѣпость. Здѣсь ихъ, по высочайшему повелѣнію, разсадили было по казематамъ, но чрезъ нѣсколько времени отпустили по домамъ.

Х.

Прошло около двухъ лѣтъ. Суворовъ опять въ Кобринѣ. 3-го марта 1799 года онъ пріѣхалъ въ свое имѣніе, но уже другимъ человѣкомъ. Кончанская ссылка, смѣнившая кобринскую опалу, кончилась, и хворавшій и хандрившій отъ бездѣлья фельдмаршалъ ожилъ нравственно и физически. 6-го февраля 1799 года флигель-адъютантъ Толбухинъ вручилъ ему высочайшій рескриптъ о назначеніи его главнокомандующимъ союзными арміями, предназначенными для дѣйствій противъ Франціи.

На этотъ разъ Суворовъ останавливался въ Кобринскомъ Ключѣ очень недолго. 9-го марта онъ уже переѣхалъ въ Брестъ Литовскомъ тогдашнюю нашу границу. Князь Андрей Горчаковъ, въ письмѣ брату отъ 3-го марта 1799 года изъ Кобрина, объясняетъ причину остановки дяди-фельдмаршала: «*Nous nous sommes arrêtés pour quelques heures ici, par rapport à la voiture du maréchal, qu'il a été obligé de quitter en chemin, à cause du mauvais état des routes*» ²⁾. Только «нѣсколько часовъ», какъ это часто бываетъ, превратилось въ «нѣсколько дней».

¹⁾ «Суворовскій Сборникъ». X. 221.

²⁾ «Суворовскій Сборникъ». XI. 58.

Дальнѣйшая жизнь Суворова хорошо извѣстна,—славныя побѣды на поляхъ Италіи, знаменитый швейцарскій походъ, гнусное предательство «австрійскаго Гуды» и возвращеніе въ Россію съ зачаткомъ болѣзни, вскорѣ сведшей его въ могилу. 25-го января 1800 года, на пути въ Краковъ, онъ заболѣлъ «огневницей», или «фликтеной», какъ тогда говорили.

XI.

Въ началѣ февраля 1800 года Кобринъ встрѣчалъ князя Италійскаго, спѣшившаго изъ Кракова въ Кобринъ, «чтобъ быть на своей сторонѣ», какъ онъ писалъ 9-го февраля 1800 года графу Ѳ. В. Ростопчину ¹⁾. Съ нимъ былъ его младшій адъютантъ, баронъ А. В. Розень, участникъ кампаній италійской и швейцарской, сынъ его стараго пріятеля и боевого товарища, штабсъ-капитанъ С. X. Ставраковъ ²⁾, одинъ изъ офицеровъ, когда-то вмѣстѣ съ нимъ оставившихъ службу, небезызвѣстный Фуксъ, кропатель анекдотическихъ анекдотовъ о немъ, старшій адъютантъ полковникъ С. С. Кушниковъ, родной племянникъ Карамзина, князь П. Р. Багратионъ, его любимецъ, и другіе.

Суворовъ былъ совсѣмъ боленъ, худъ и блѣденъ, что не укрылось отъ глазъ кобринцевъ. По пріѣздѣ онъ слегъ въ постель, о чемъ и былъ немедленно увѣдомленъ эстафетой оберъ-прокуроръ Обольяниновъ.

Сильнѣйшій кашель не давалъ больному покоя. Его тѣло покрывалось сыпью и водяными волдырями, переходившими съ мѣста на мѣсто, пока они не бросились на ноги, главнымъ образомъ на сгибы ³⁾.

Отъ природы чрезвычайно чистоплотный, генералиссимусъ съ отвращеніемъ говорилъ о своемъ состояніи «Чистѣйшее мое многихъ смертныхъ тѣло во гноищѣ лежитъ», диктуетъ окъ 14-го февраля 1800 года въ письмѣ, адресованномъ графу Ѳ. В. Ростопчину.

Почти двѣ недѣли больной не принималъ никакой твердой пищи. «Даже малѣйшая крупица хлѣба мнѣ противнѣе ревеня», читаемъ мы въ письмѣ его, написанномъ двумя днями раньше и адресованномъ племяннику, князю Алексѣю Ивановичу Горчакову.

¹⁾ Государственный архивъ XX. 379. 338.

²⁾ Семень Христофоровичъ Ставраковъ (1764—1819), грекъ по происхожденію (собственно Ставраки), былъ далеко не дюжиною личностью. Участники Александровыхъ походовъ говорили, что «безъ Ставракова воевать нельзя», а одинъ изъ дѣятелей двѣнадцатаго года даже назвалъ его въ своихъ «Запискахъ»—«неизбѣжнымъ». Большая часть донесеній Суворова о военныхъ дѣйствіяхъ въ Италіи и Швейцаріи, а также его приказы написаны рукой Семена Христофоровича. Онъ умеръ въ чинѣ генераль-майора.

³⁾ Государственный архивъ, XX. 379. Л 338.

И самъ Суворовъ, и оруджавшіе его первоначально не сознавали, повидимому, серьезности его положенія. Баронъ А. В. Розень, въ отправленномъ на другой день по приѣздѣ Суворова въ Кобринъ письмѣ князю Алексѣю Ивановичу Горчакову, увѣряетъ, что болѣзнь дяди-князя «происходитъ отъ извѣстной вамъ его привычки, которую онъ теперь, по болѣзни, оставилъ», и что его болѣзнь «не опасна». Баронъ надѣется, что больной «дня черезъ три въ состояніи будетъ ѣхать», а нѣсколькими строками выше говорить, — очевидно, со словъ Суворова, — что послѣдній остановился въ Кобринѣ дня на четыре.

А пока что, кончанскому дворецкому Николаю Ярославцеву былъ посланъ приказъ, чтобы «исправить и топить покои, да чтобъ было пиво, медъ вареный, баня».

Но и Розень, и самъ генералиссимусъ оказались плохими про-роками.

Изъ-за своей непреодолимой антипатіи къ «латинской кухнѣ», больной лечился первоначально домашними средствами, пользуясь совѣтами своего фельдшера Наума. Съ горячкой, повидимому, хотѣли бороться голодовкой, «карантиномъ». Но температура стояла попрежнему очень высокая. Языкъ у больного совершенно пересохъ; поги сильно пухли, и изъ нихъ текла вода. Суворовъ могъ ходить лишь въ туфляхъ и мѣнялъ ихъ чуть не ежедневно, требуя при этомъ, чтобы туфли ему дѣлали теплыя и легкія. Тогда ихъ стали шить изъ самага мягкаго войлока, обшивая сафьяномъ.

Окружающимъ генералиссимуса волей-неволей приходилось мириться съ его поведеніемъ. «Вы знаете, каковъ онъ здоровой, а больной—вдвое таковъ», аттестуетъ его баронъ А. В. Розень въ вышеупомянутомъ письмѣ князю Алексѣю Ивановичу Горчакову, а Фукусъ пишетъ позже оберъ-прокурору П. Х. Обольянинову: «... я бы прѣблагополучнѣйшимъ себя почелъ, если бы могъ вызванъ быть изъ здѣшняго печальнаго мѣста»... ¹⁾. Общество знаменитаго, но больного и раздражительнаго, хозяина, несомнѣнно, тоже не развлекало его.

ХІІ.

Чувствуя себя все хуже и хуже, Суворовъ согласился, наконецъ, лечиться серьезно и пригласилъ къ себѣ кобринскаго доктора Кернисона и затѣмъ врачей, практиковавшихъ въ сосѣднемъ съ Кобриномъ мѣстечкѣ Тересполѣ и въ Брестъ-Литовскѣ. Въ заключеніе были вызваны въ мартѣ два военныхъ врача—отецъ извѣстной поэтессы Каролины Павловой К. А. Янишь, «инспекторъ врачебнаго искусства» и хирургъ Н. Нотбекъ.

¹⁾ Государственный архивъ. VII. 3. 378. Л. 66.

9-го февраля 1800 года генералиссимусъ дрожащею рукою сообщаетъ гр. Ростопчину, со словъ Кернисона: «Здѣсь я лекаря нашель. *Бнѣ мнѣ общаетъ исправить* (т. е. меня) *чрезъ недѣлю. Я бы согласился на отвѣ*» ¹⁾. Но черезъ три дня шлетъ тому же адресату строки, полныя отчаянія: «...къ вамъ мнѣ написать развѣ только: простите навѣки»... ²⁾

Изъ докторовъ больше, чѣмъ другимъ, довѣрялъ больной Августу Николаевичу Кернисону, мѣстному помѣщику, котораго, по его словамъ, нашель въ Кобринѣ «къ спасенію своему», который, вдобавокъ, относился къ своему пациенту необыкновенно заботливо и внимательно, не отходя отъ него ни днемъ, ни ночью, — въ противоположность другимъ врачамъ, только навѣщавшимъ больного и въ тотъ же день возвращавшимся домой, — такъ что растроганный Суворовъ письменно просилъ графа Ростопчина о всемилостивѣйшемъ награжденіи не имѣвшаго чина и нигдѣ не служившаго Кернисона чиномъ титулярнаго совѣтника «Дружба его меня радикально избавила отъ смерти», добавляетъ Суворовъ въ письмѣ графу 7 марта 1800 года ³⁾.

Улучшеніе болѣзни въ Петербургѣ приняли за выздоровленіе и сильно обрадовались. 16-го марта Ростопчинъ отвѣчалъ генералиссимусу: «Желалъ бы я весьма, чтобъ ваше сіятельство были сами очевиднымъ свидѣтелемъ радости нашей при полученіи извѣстія о выздоровленіи вашемъ. Боялись, что недостатокъ въ лекаряхъ оставитъ васъ на произволъ болѣзни, но, по счастію, предоставлено было почтенному г. Кернисону избавить отъ смерти безсмертнаго героя Россіи. Поздравьте г. Кернисона съ чиномъ».

Указъ о производствѣ Кернисона былъ подписанъ государемъ немедленно по полученіи письма Суворова, въ знакъ особенной милости къ нему.

ХІІІ.

Первые дни отчаянія смѣнились надеждой. Во второй половинѣ февраля въ Кобринскій Ключъ пріѣхалъ баронъ К. Я. Бюлеръ, со знаками ордена св. Губерта, пожалованнаго Суворову баварскимъ курфюрстомъ Максимилианомъ-Иосифомъ Больной очень обрадовался и отвѣчалъ курфюрету благодарственнымъ письмомъ. Того же 19-го февраля генералиссимусъ письменно благодарилъ и нашего представителя въ Мюнхенѣ барона А. Я. Бюлера, состоявшаго

¹⁾ Государственный архивъ XX. 379 л. 338.

²⁾ Государственный архивъ XX. 379 л. 339. Только подписано Суворовымъ.

³⁾ Государственный архивъ. XX. 379 л. 343. Тутъ же оригинальная подробность, что у Кернисона восемьдесятъ «дымовъ» и что за женой онъ беретъ столько же и «скелаетъ быть вольнымъ». Тутъ же и о Янинѣ и Нотбекѣ. Въ этомъ письмѣ Суворову принадлежитъ только подпись.

раньше дипломатическимъ чиновникомъ при Суворовѣ. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что продолжать путешествіе въ Петербургъ ему мѣшаетъ «довольно сильное нездоровье» (*une indisposition assez grave*), задерживающее его въ Кобринѣ ¹⁾. На слѣдующій день больной подписываетъ ордеръ генераль-отъ-инфантеріи М. И. Голенищеву-Кутузову ²⁾.

27-го февраля 1800 года начался Великій постъ. Чувствуя себя немного лучше, Суворовъ всталъ съ постели и рѣшилъ поститься. И на этотъ разъ онъ строго соблюдалъ церковные обряды. Трижды въ день его видѣли въ Петропавловской церкви. Онъ подиѣвалъ пѣвчимъ, выходилъ изъ себя, когда они сбивались, то и дѣло перебѣгалъ отъ одного клироса къ другому, билъ земные поклоны передъ мѣстными образами и читалъ апостола. Но ему уже приходилось сильно напрягать свой голосъ...

Улучшеніе оказалось непродолжительнымъ.

Вскорѣ Суворовъ почувствовалъ себя настолько плохо, что князь Багратионъ, еще находившійся при немъ, поскакалъ въ Петербургъ съ докладомъ государю о состояніи здоровья генералиссимуса, а 1-го марта 1800 года Фуксъ, сообщая отъ себя оберъ-прокурору Обольянинову, что болѣзнь Суворова прогрессируетъ и что генералиссимусъ, отказываясь принимать прописанныя ему лекарства и пищу (т. е. скоромную), замѣтно слабѣетъ, прибавляетъ, что «весьма бы великую подало ему отраду, если бы родственники его съ искуснымъ докторомъ сюда прибыли» ³⁾.

Болѣзнь какъ бы играла съ генералиссимусомъ, — то схватывала его, то снова выпускала изъ своихъ цѣпкихъ когтей.

XIV.

Вѣсти, привезенныя Багратиономъ, произвели на Павла сильное впечатлѣніе. Въ свой чередъ и полковникъ сардинской службы гр. Андзено, пріѣхавшій въ Петербургъ съ орденомъ Благовѣщенія для графа Ростопчина и по дорогѣ побывавшій въ Краковѣ, тоже разумѣется, не преминулъ сообщить фавориту императора о состояніи здоровья Суворова,

6-го марта прибыли въ Кобринскій Ключъ посланный императоромъ для леченія Суворова лейбъ-медикъ статскій совѣтникъ

¹⁾ Всѣ письма Суворова барону А. Я. Бюлеру впервые опубликованы нами въ книгѣ «Суворовъ-поэтъ». Спб. 1901. Стр. 39—61. Цитуемое письмо напечатано здѣсь вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ на стр. 55—58.

²⁾ Архивъ виленакаго генераль-губернатора. Дѣла о переводѣ изъ водной команды въ другую. 1800 г. Л. л. 790 и 803.

³⁾ Государственный архивъ. VII. З. 378. л. 67.

Е. Н. Вейкартъ ¹⁾ и Аркадій Суворовъ, выѣхавшій изъ столицы, по повелѣнію государя, для свиданія съ больнымъ отцомъ. Ему было приказано доносить Павлу о состояніи здоровья генералиссимуса. Съ Аркадіемъ Суворовымъ пріѣхалъ изъ Финляндіи и князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, но могъ пребыть въ Кобринѣ только три дня, а затѣмъ отбылъ на мѣсто службы.

Между тѣмъ больному снова стало лучше, и наканунѣ пріѣзда Вейкарта онъ уже могъ подписать свое письмо барону А. Я. Бюлеру. 7-го марта 1800 года и Фуксъ писалъ Оболяинову о Суворовѣ, что «теперь есть надежда, что съ помощью Божіею чрезъ двѣ недѣли можно ему будетъ предпринять путь въ С.-Петербургъ» ²⁾.

XV.

Ожившій немного больпой принялъ петербургскаго гостя такъ, что послѣдній чуть было немедленно не уѣхалъ во-свояси.

Генералиссимусъ заявилъ Вейкарту, что въ его леченіи не нуждается, такъ какъ у него есть свой лейбъ-медикъ фельдшеръ Наумъ, первый врачъ въ Европѣ. Вскорѣ, однако, болѣзнь примирала и сблизила ихъ, и, когда, провожая своего пациента изъ Кобринскаго Ключа въ столицу, Вейкартъ вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Вильну, Фуксъ видѣлъ, какъ онъ, рыдая, горячо молился на колѣнахъ предъ Распятіемъ о чудѣ, отчаявшись, что людское знаніе можетъ исцѣлить его «отца»...

Вейкартъ, какъ это говорится, привезъ съ собой здоровье. И пріѣздъ Аркадія, и—особенно—милостивый высочайшій рескриптъ, переданный генералиссимусу лейбъ-медикомъ, сильно обрадовали Суворова.

«Князь Александръ Васильевичъ,—читалъ онъ въ рескриптѣ, помѣченномъ 29-мъ февраля 1800 года и цѣликомъ написанномъ рукою государя,—съ крайнимъ сожалѣніемъ вижу Я изъ донесенія вашего отъ 20-го сего мѣсяца, что здоровье ваше продолжаетъ быть разстроеннымъ. Надѣюсь, что воздержность и терпѣніе ваше, а притомъ и докторъ Мой, возстановятъ васъ попрежнему и доставятъ Мнѣ скорѣе удовольствіе васъ видѣть здѣсь. Прощайте—до свиданія. Уповайте, яко и Я, на Бога. Вамъ благосклонный Павелъ» ³⁾.

¹⁾ Баварецъ Георгъ-Николай Вейкартъ (Weikard) (1756—1810), по-русски Егоръ Николаевичъ, родился въ Брюкенау. Старшій его братъ, авторъ желчныхъ и пристрастныхъ «Воспоминаній», лечилъ Ланскаго. Въ 1782 году Вейкартъ получилъ право практики въ Россіи, а спустя два года принять на нашу службу и назначенъ придворнымъ докторомъ. Младшій Вейкартъ былъ симпатичной личностью, но далеко не такимъ талантливымъ врачомъ, какъ его братъ, умершій въ 1803 году.

²⁾ Государственный архивъ. VII. 3. 378. л. 68.

³⁾ «Суворовскій сборникъ», III. л. 169.

XVI

Давно не чувствовалъ себя больной такъ хорошо. Это видно изъ того, что 7-го марта онъ могъ не только подписать нѣсколько писемъ, но и продиктовать Фуксу по-французски длинное письмо барону Гриму о послѣдней кампаніи ¹⁾. Письмо начинается характерною фразой: «Je retourne pas à pas de l'autre monde où m'avoit traîné l'inexorable flictena avec des grands martyres» (т. е.: шагъ за шагомъ я возвращаюсь съ того свѣта, куда меня влекла неумолимая фликтена, причинявая мнѣ сильныя мученія).

Почти одинаковыми выраженіями начинается письмо Наташѣ, безъ даты, но относящееся, конечно, къ тому же времени: «Я одной ногой изъ гроба выхожу».

Барону А. Я. Бюлеру Суворовъ писалъ 13-го марта о своемъ здоровьѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Je me flatte que Vous serez bien aise d'apprendre des bonnes nouvelles de ma santé qui d'après d'avis des médecins prend une meilleure tournure. Depuis que m-r le Colonel Kouchnikow, mon aide-de-camp, Vous en a informé, j'ai considérablement gagné. J'espère de quitter bientôt mes domaines de Kobryn pour me rendre à la capitale» (надѣюсь, вы съ радостью узнаете хорошія вѣсти о моемъ здоровьѣ, въ которомъ, по мнѣнію докторовъ, происходитъ поворотъ къ лучшему. Съ тѣхъ поръ, какъ мой адъютантъ, полковникъ Кушниковъ, говорилъ съ вами объ этомъ, я замѣтно поправился. Въ скоромъ времени надѣюсь покинуть свое кобринское помѣстье, чтобы ѣхать въ столицу) ¹⁾.

¹⁾ По словамъ Фукса (Исторія російско-австрійской кампаніи 1799 года. Спб. 1826. III. 654), онъ получилъ это письмо въ Кобринѣ отъ Суворова. Въ своемъ трудѣ (ibid., стр. 654—660) приводитъ его по-русски. Но уже Милютинъ («Исторія войны 1799 г.», III. 648, изд. 1857 г.), судя по слогу и нѣкоторымъ выраженіямъ въ письмѣ, заподозрѣлъ, что оригиналъ былъ написанъ по-французски. Его предположеніе подтвердилось, когда стало извѣстнымъ, что историкъ Михайловскій-Данилевскій получилъ въ свое время отъ князя М. С. Воронцова копию французскаго текста письма. Милютинъ могъ бы прибавить, что въ русскомъ переводѣ письмо было напечатано еще Сергѣемъ Глинкой, въ 1819 году, въ его «Жизни Суворова» (ч. II., стр. 213—219) и несомнѣнно— въ переводѣ, сдѣланномъ Фуксомъ. Однако ни Фуксъ, ни Милютинъ не указываютъ адресата. Правда, Глинка (ibid. стр. 211) говоритъ, будто письмо писано Суворовымъ Фуку, но было бы смѣшно и невѣроятно, если бъ генералиссимусъ писалъ Фуку, который жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кобринѣ подъ одною крышей! Въ военно-учебномъ архивѣ главнаго штаба (отдѣлъ I. № 227) мнѣ посчастливилось найти старинную копию нашего письма среди бумагъ, поступившихъ въ архивъ въ 1845 году, послѣ князя А. Н. Голицына, знаменитаго противника Фотія. Здѣсь адресатомъ названъ извѣстный баронъ Гриммъ, старый корреспондентъ императрицы Екатерины II и того же Суворова. Мнѣ кажется, послѣдній не писалъ письма, а только диктовалъ его Фуку, такъ какъ тогда, по нездоровью, могъ лишь подписывать письма. Затѣмъ, вѣроятно, письмо было отдано Фуку для надписанья нѣмецкаго адреса и отправки за границу.

¹⁾ В. Алексѣевъ. «Суворовъ-поэтъ». Спб. 1901. Стр. 60—61.

Домъ и прудъ въ имѣннн «Губерннн».

XVII.

Пользуясь передышкой, Суворовъ иногда вспоминалъ свои боевые подвиги и мечталъ о средствахъ къ успокоенію Европы. Но старость слишкомъ ужъ замѣтно давала знать о себѣ. Большой чувствовалъ, что износила его сила, и, поникнувъ своею сѣдою головой, говорилъ съ болью въ сердцѣ: «Нѣтъ, старъ я сталъ! Поѣду въ Петербургъ, увижу государя—и потомъ умирать въ деревню!..»

Но, страстно мечтая о ней, онъ, измученный физическими страданіями, на другой день послѣ приѣзда Вейкарта, между прочимъ, пишетъ своему племяннику Д. И. Хвостову: «Надлежитъ мнѣ Высочайшая милость, чтобъ для соблюденія моей жизни и крѣпости присвоены были мнѣ навсегда штабъ-лекаръ хорошій, съ его помощниками, къ нимъ—фельдшеръ и аптечка. И нынѣ бы я не умиралъ, если бъ прежде и всегда изъ нихъ кто при мнѣ находился. Но всѣ были при ихъ должностяхъ».

Мечтая объ отдѣльномъ «штабъ-лекарѣ» для себя, онъ пока что не переставалъ воевать съ лейбъ-медикомъ, не исполнялъ его предписаній, вступалъ съ нимъ въ пререканія. Вейкартъ, однакожъ, не сдавался и требовалъ, чтобы его пациентъ, прежде всего, теплѣе одѣвался и отказался бы отъ постной пищи.

— Ваше сіятельство не по лѣтамъ легко одѣваетесь и питаетесь, какъ простой солдатъ.—протестовалъ Вейкартъ.

— Мнѣ надобна деревенская изба, молитва, кашлица да квасъ,—возражалъ Суворовъ:—вѣдь я солдатъ!

— Вы генералиссимусъ!—не унимался докторъ.

— Правда, я генералиссимусъ,—отвѣчалъ больной:—да солдатъ-то съ меня примѣръ брать.

Несчастному Вейкарту Суворовъ положительно не давалъ покоя. Онъ тащилъ его съ собой въ православный храмъ, хотя лейбъ-медикъ былъ лютеранинъ, заставлялъ класть земные поклоны, ѣсть, по примѣру его пациента, самую простую постную пищу, не обращая вниманія ни на какія его отговорки, и въ заключеніе принуждалъ плохо объяснявшагося по-русски Вейкарта ломать языкъ, но отвѣчать на вопросы его, Суворова, непременно по-русски, даже тогда, когда самъ генералиссимусъ, по забывчивости, обращался къ своей жертвѣ по-нѣмецки. Состояніе здоровья Суворова было неопредѣленное, и его сынъ съ тонкостью дипломата доносилъ государю: «... болѣзнь генералиссимуса... по замѣчанію придворнаго медика, статскаго совѣтника Вейкарта, имѣетъ видъ наклонный больше къ лучшему, нежели къ худшему. Между тѣмъ слабость его чрезмѣрно велика». Но самъ Суворовъ 17-го марта спрашиваетъ Хвостова, не найдетъ ли онъ у себя въ какомъ углу или заголустѣ, въ кладовой или гдѣ-либо

въ другомъ мѣстѣ, аптечки, подаренной ему императрицей Екатериной. Однакожь онъ не открываетъ настоящей причины своей просьбы и прибавляетъ лишь: «Мнѣ она только надобна на память».

XVIII.

Стоя одной ногой въ могилѣ, онъ сознавалъ теперь свое опасное положеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ надѣяться на выздоровленіе. Больной тѣломъ, онъ попрежнему крѣпокъ духомъ. Въ этой душевной твердости черпалъ онъ терпѣніе во время своихъ жесточайшихъ физическихъ страданій, какъ, въ свою очередь, его темпераментъ, который онъ сохранилъ до конца дней своихъ, былъ когда-то источникомъ его побѣдъ. Благодаря той же твердости духа, онъ былъ полонъ горячей любви къ жизни и судорожно цѣплялся за нее, хотя въ послѣднее время она такъ часто становилась постылой для него. Старики живутъ обыкновенно прошедшимъ. Суворовъ, въ своей кобринской перепискѣ, — живетъ почти исключительно настоящимъ. Земныя страсти и желанія и теперь еще не умерли для больного.

Памятуя свои слова въ письмѣ Хвостову, отъ 16-го ноября 1799 года изъ Аугсбурга, что «деньгамъ попусту лежать не надлежитъ», онъ проситъ племянника устроить ему покупку деревни адмиральши Ельмановой, на рѣкѣ Мстѣ, и имѣнія Ровнаго, которое продавалъ А. А. Жеребцовъ, зять Зубовыхъ, мужъ известной впоследствии Ольги Зубовой. 8-го марта 1800 года Суворовъ, уже изъ Кобринна, опасно больной, опять строго наказываетъ Хвостову: «Деньги мои не держите отнюдь праздно, но тотчасъ покупайте деревни, безъ разбору, ближе Кончанскаго, каковы бы онѣ ни были, хотя и въ Сибири...» И рядомъ съ запущенной и разоренной деревней Ельмановой для него торговали благоустроенное и большое имѣніе Жеребцова...

Въ томъ же письмѣ онъ хлопочетъ и о даровыхъ деревняхъ, прибавляя: «Девятьсотъ душъ казенныхъ около Кончанскаго весьма бы были кстати».

Его интересуется также вопросъ, будетъ ли онъ получать отъ австрійскаго правительства пенсію за орденъ Маріи-Терезин, а въ письмѣ барону А. Я. Бюлеру, 6-го марта 1800 года, онъ удивляется, что курфюрстъ баварскій Максимилианъ-Иосифъ пожаловалъ орденъ Золотого Льва полковнику Поливанову¹⁾, котораго онъ, Суво-

¹⁾ Упомянутый здѣсь Николай Петровичъ Поливановъ (1771—1839) одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей своей фамиліи, участникъ штурма Измаила и Праги и швейцарскаго похода. По семейному преданію, за удачно кончившіеся переговоры съ баварскимъ правительствомъ о проходѣ нашихъ войскъ черезъ Баварію онъ получилъ отъ Максимилиана-Иосифа орденъ Золотого Льва 1 степени, который Суворовъ лично надѣлъ на него, но этотъ рассказъ не вѣренъ. Особенно отличился Поливановъ въ несчастномъ для насъ сраженіи при Цюрихѣ. Поѣхавъ въ непріа-

ровъ, знаетъ только «по дѣламъ службы» (*que je connois seulement par les rapports du service*)¹⁾.

Не даеть ему покоя и мысль, что «царское жалованье», три пушки изъ числа отбитыхъ у поляковъ подъ Брестомъ, подаренныя ему императрицей, все еще не отданы ему. Въ письмѣ того же 8-го марта онъ проситъ Хвостова, чтобы послѣдній доложилъ объ этомъ кому слѣдуетъ и затѣмъ отправилъ орудія въ Кончанское. Вообще, онъ лихорадочно торопитъ Хвостова, — ему хочется «Аркадію все чисто оставить». На доводы племянника онъ не обращаетъ вниманія, а требуетъ исполненія своихъ порученій, не считаясь съ неизбѣжными въ такихъ случаяхъ препятствіями на мѣстѣ. На комплименты по отношенію мнимо виноватаго адресата онъ не скупится и язвительно называетъ его «докторомъ философіи», хитрымъ настолько, что онъ «хочетъ чужими руками жаръ загребать», бранитъ его за «влажность» и т. п. Словомъ, передъ нами старый Суворовъ, знакомый намъ еще до Кобринна.

До самой гробовой доски онъ тотъ же честолюбецъ, какимъ мы видимъ его въ цвѣтушіе годы его жизни.

«Я бы закономерно желалъ быть иногда въ публикѣ въ иностранномъ (читай: австрійскомъ фельдмаршальскомъ) мундирѣ: великому императору это слава, что его подданной ихъ (царскія милости) достойно заслужилъ», читаемъ мы въ письмѣ генерал-лессимуса Хвостову отъ 8-го марта 1800 года. Онъ печалится, что неаполитанскій король «забылъ» дать ему орденъ св. Яннуарія²⁾, и думаетъ обратиться къ Карлу-Эмануилу чрезъ его посланника въ Петербургѣ, небезызвѣстнаго герцога де-Серра-Каприола, женатаго на русской и осѣвшаго у насъ, того самаго, который позже образовалъ въ Петербургѣ своего рода «подпольное министерство», куда сходились всѣ нити агитаціи, враждебной Наполеону. По словамъ Суворова, онъ еще въ Прагѣ въ 1799 году напоминалъ объ этомъ неаполитанскому посланнику въ Вѣнѣ, Сень-Галло, но послѣдній, вѣроятно, забылъ объ этомъ.

тельскій лагерь подъ видомъ парламентаря, онъ добился отъ Массены прекращенія огня французской артиллеріи. Непрiятель не стрѣлялъ цѣлые пять часовъ, благодаря чему двѣ тысячи нашихъ солдатъ, отрѣзанныхъ отъ главныхъ силъ, могли соединиться съ ними. «Vous me payerez ça de votre tête!» вскричалъ взбѣшенный Массена, разгадавъ хитрость Поливанова. «Que vaut ma tête quand l'armée est sauvée!» спокойно отвѣтилъ Поливановъ. Его арестовали, но затѣмъ освободили, и онъ могъ позаботиться о нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ Массеной. Чинъ полковника, золотое оружіе, орденъ св. Владимира и именной рескриптъ императора Павла съ выраженіемъ монаршаго благоволенія были наградой Поливанову за его подвиги. Въ войнахъ съ Наполеономъ Николай Петровичъ командовалъ ополченіемъ.

¹⁾ В. Алексѣвъ. «Суворовъ-поэтъ». Спб. 1901. Стр. 58—60.

²⁾ Этотъ орденъ въ настоящее время не существуетъ. Онъ носитъ имя замученнаго въ 305 году при Діоклетіанѣ—св. Яннуарія, епископа беневентскаго, патрона Неаполя. Учрежденъ въ 1738 году королемъ Обѣихъ Сицилій Карломъ VI, позже занимавшимъ испанскій пресоль подъ именемъ Карла III. Послѣ соединенія королевства Обѣихъ Сицилій съ Сардиніей, орденъ упраздненъ въ 1861 году.

Въ февралѣ 1799 года примирившійся съ фельдмаршаломъ императоръ Павелъ возложилъ на него большой крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Теперь, на основаніи кобринской переписки Суворова, несомнѣнно, что послѣдній остался недоволенъ пожалованіемъ ему простого креста, безъ брилльянтовъ!

ХІХ.

На ряду съ мыслями о земномъ, имъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ молитвенное настроеніе. Не довольствуясь усердною молитвой дома и въ церкви, онъ берется за перо и пишетъ на религиозно-философскія темы. Въ «Карабановскомъ Сборникѣ»¹⁾ сохранилась копія съ его толкованія десяти заповѣдей.

Приводимъ ее въ возможно полномъ видѣ: «Первая и вторая заповѣди—почтеніе Бога, Богоматери и святыхъ. Оно состоитъ въ избѣжаніи отъ грѣха. Источникъ его—ложь, сей товарищи—лесть, обманъ. Третья—изрекать имя Божіе со страхомъ. Четвертая—молитва. Пятая—почтеніе вышнихъ, шестая—убійство не однимъ тѣломъ, но (и) словомъ, мыслию и злонамѣреніемъ. Седьмая—кража не изъ одного кармана, но особливо въ картахъ, пашкахъ или обмѣнахъ. Восьмую разумѣть въ чистотѣ жизни. Юношамъ и народу отнюдь (и) званія не выговаривать, не только что спрашивать...²⁾ коль паче греческихъ грѣховъ, упоминаемыхъ въ молитвахъ къ причащенію, отнюдь не касаться, какъ у насъ ихъ нѣтъ, и что только служить къ незаконному направленію. Девятая—во лжи идетъ къ первой и второй, хотя значить только къ свидѣтельству. Десятая—кто знатнѣе идетъ къ интригамъ, а вообще народу—не желать и не искать ничего. Будь христіанинъ: Богъ самъ даетъ и знаетъ, что когда дать».

ХХ.

Если Вейкартъ и помогъ Суворову,—съ другой стороны, еще болѣе, по его признанію, помогли ему вѣсти изъ Петербурга, и онъ весело передавалъ о нихъ.

Глубоко растроганный милостивымъ участіемъ, которое проявилъ къ нему государь, больной безъ устали говорилъ о немъ. Мысленно онъ переносился въ столицу. Объ его тогдашнемъ

¹⁾ П. л. 204. У Петрушевскаго («Генералисимусъ князь Суворовъ». III. 349—350) текстъ приведенъ съ пропусками, которые, къ сожалѣнію, не могли быть восстановлены и нами, вслѣдствіе того, что копія снята весьма небрежно, лицомъ, повидимому, не вполне владѣвшимъ русскимъ языкомъ (Курисомъ?), и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ требуетъ исправленія.

²⁾ Дальше слѣдуютъ нѣсколько словъ, которыя, кажется, можно читать приблизительно такъ: тѣмъ надо удержаніе направляешь (?); тутъ и Аркадій.

настроеніи даетъ понятіе небольшой драматической отрывокъ — разговоръ между Харономъ, Фликтеной и Меркуріемъ ¹⁾.

Вотъ онъ.

Харонъ. Давно я тебя не видалъ, Фликтена!

[*Фликтена*]. Веду сюда смертнаго, достойнаго вѣчнаго покоя. Я его всѣми моими почестями насилу къ тому наклонила. Ротъ украсила ста бисерами ²⁾, главу — тремястами, грудь — тремястами, шею — двумястами перловъ, къ ложкѣ ³⁾ — двумястами бисерами, мышки — на каждой сторонѣ по полторы тысячи бусъ, руки — по полтора ста крупныхъ бусъ, кисти — по ста пятидесяти, жемчугу, спину — полтора тысячами, жемчугу, брюхо — тысячью пятьюстами крупными бусами, пахи — двумя тысячами крупнѣйшими бусами, такими же на каждой ляжкѣ по двѣ тысячи, подколки — по полтора ста перловъ, внутри — перелопачались три тысячи. Прочее пропускаю. Ничего нѣтъ пріятнѣе зрѣнію, какъ сіи вдругъ выходящія бусы, рядами, по пятисотъ, сливающимися въ одинъ каналъ блистающій ночью. И подъ ляжками сошла вся кожа. Я его подарила тремя горячками, въ которыхъ онъ по двѣнадцати сутокъ не могъ принимать пищи, а между ними — по полу-золотнику. Онъ ни сидѣлъ, ни стоялъ. Я пользовалась изъ него полуведромъ, несравненно солонѣе и горячѣе адской — водою!.. ⁴⁾.

Меркурій. Назадъ, немилосердная Фликтена! — Юпитеръ бралъ вѣсы Провидѣнія: *твоему смертному надлежитъ прежде отправить долгъ благодаренія его всемилостивѣйшему монарху и заслужить его несчетно изліянныя на него щедроты.*

Таковы заключительныя слова этого діалога, довольно наивнаго и неизячнаго съ литературной точки зрѣнія, но дающаго понятіе о томъ душевномъ настроеніи, которое переживалъ тогда ихъ авторъ.

XXI.

Онъ млѣлъ, представляя себѣ, какой пріемъ ждетъ его въ царской резиденціи, по пріѣздѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, честолюбивому старцу было отчего воспрянуть духомъ: его готовились принять, какъ настоящаго триумфатора, или еще болѣе — какъ коронованное лицо!

Въ Нарвѣ генералиссимусъ съ его свитой, согласно церемоніалу, пересаживается въ придворныя кареты ⁵⁾, въ Гат-

¹⁾ Карабановскій Сборникъ, II. 205. Тоже не совсѣмъ исправная копія.

²⁾ То есть волдырями.

³⁾ Къ ложечкѣ.

⁴⁾ То есть уриною.

⁵⁾ Золоченой бронзы чеканной работы металлическія украшенія одной изъ каретъ, специально предназначенной для торжественнаго вѣзда Суворова, хранятся въ Суворовскомъ музеѣ.

чинъ—его встрѣчаетъ флигель-адъютантъ съ милостивымъ рескриптомъ Павла. По пути шествія и даже за чертой столицы разставлены шналерами войска... Барабанный бой... крики «ура»... пушечная пальба... звонъ колоколовъ... На улицахъ публика должна выходить изъ экипажей, какъ то дѣлалось тогда при встрѣчѣ съ государемъ... Самъ Павелъ, такой строгій поклонникъ этикета, — неслыханное дѣло—объясняетъ, въ данномъ случаѣ, послѣдовать примѣру своихъ подданныхъ!.. Послѣ встрѣчи, триумфатора отвозятъ въ Зимній дворецъ, гдѣ ему отведено помѣщеніе... Торжество оканчивается вечеромъ, — блестящею иллюминаціей всего Петербурга... Суворовъ съ жадностью читалъ, что Ростопчинъ не можетъ дожидаться, когда ему удастся поцѣловать руку побѣдителя французовъ... Онъ ждетъ его съ остальными героями «отъ злодѣевъ, холода, голода, трудовъ и Тутута»...

15-го марта 1800 года Фуксъ сообщаетъ Оболянинову, что Суворовъ поправился, но только очень слабъ, однакожъ, по мнѣнію докторовъ, чрезъ восемь дней ему будетъ можно ѣхать въ столицу, «куда все желанія и моленія его стремятся» ¹⁾.

Возвращаясь къ мысли о готовящемся для него торжествѣ, Суворовъ пишетъ того же 15-го числа Хвостову, что остановится на ближайшей почтовой станціи къ Петербургу и переночуетъ. Здѣсь его должны встрѣтить Аркадій или князь Андрей Горчаковъ, «съ краткою обо всемъ запискою, для предувѣдомленій», т. е. съ докладомъ о томъ, какія приготовленія дѣлаются для его встрѣчи. Изъ болѣе ранняго письма тому же Хвостову, отъ 8-го марта, видно, что генералиссимусъ рассчитывалъ нѣсколько дней провести при дворѣ приблизительно до 23-го мая, до высочайшаго «шествія» изъ Петербурга въ Павловскъ, а затѣмъ отправиться прямо въ Кончанское, или же дожидаться Петрова дня, дня именинъ государя, «повергнуть себя къ высочайшимъ стопамъ» и уже изъ Павловска—въ ту же деревню... Онъ купитъ имѣніе Ельмановой, задастъ тамъ праздникъ, выстроитъ въ Кончанскомъ господскій каменный домъ и такую же церковь, взамѣнъ деревянныхъ, и доживетъ остатокъ дней среди природы, которую онъ такъ страстно любилъ, и тишины, которая дѣйствовала на него успокоительно, какъ на человѣка, не искалѣченнаго городской жизнью и ея вкусами. Для поѣздки въ новгородское имѣніе онъ намѣренъ предусмотрительно «себя снабдить хорошими дрожками и колясочкой»...

Дума о сынѣ тоже мучитъ его, и въ письмѣ Хвостову, отъ 17-го марта, онъ хлопочетъ о «бороблагословенномъ дѣлѣ», о «вождедѣльномъ бракѣ» Аркадія, разрѣшенномъ рескриптомъ государя Суворову отъ 14-го февраля 1800 года,—съ принцессой Курляндской, и, не чуя своей опалы и близкаго конца, изъясняетъ со-

¹⁾ Государственный архивъ. VII. 3. 378. л. 69.

гласіе имѣть своимъ адъютантомъ полковника Поливанова, который просилъ его объ этомъ.

Но его мечты все еще не переходили въ дѣйствительность, и онъ постепенно ушелъ въ себя. Свою комнату онъ покидалъ лишь изрѣдка, и то на короткое время, — когда пріѣзжали гости. Хозяинъ здоровался съ ними, приглашалъ къ столу и опять удалялся къ себѣ. Веселые званые обѣды, которые онъ задавалъ во время послѣдняго похода, за границей, особенно въ Прагѣ, отошли въ область преданія. Въ кобринскомъ господскомъ домѣ царили скука и тоска. Еще сильнѣе чувствовали ихъ здоровые — люди, окружавшіе больного. Изъ нихъ Фуксъ даже занемогъ.

XXII.

Еще 15-го марта несчастный «спасатель царей» отдавался радужнымъ мечтамъ, а чрезъ какіе-нибудь пять дней всѣ онѣ разсѣялись прахомъ! Суворова уже не было въ Кобринѣ, когда, 20-го марта 1800 года, императоръ Павелъ, унесшій съ собой въ могилу тайну новой опалы своего подданнаго, отдалъ знаменитый приказъ по арміи, лишній разъ доказывая свое непостоянство въ милостяхъ и въ гнѣвѣ. Не довольствуясь этимъ, Павелъ въ тотъ же день приказалъ отправить больному слѣдующій рескриптъ: «Господинъ генералиссимусъ, князь Италійской графъ Суворовъ-Рымникской. Дошло до свѣдѣнія Моего, что, во время командованія вами войсками за границую, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли «дежурнымъ», вопреки всѣхъ Моихъ установленій и высочайшаго устава, то, удивляясь оному, повелѣваю вамъ увѣдомить Меня, что васъ побудило сіе сдѣлать. Павелъ» ¹⁾.

Во всей всемірной исторіи найдешь мало примѣровъ такого трагизма, какой представляетъ собой судьба нашего величайшаго военнаго генія. И невольно приходятъ на умъ его саркастическія слова, что двѣ раны онъ получилъ на войнѣ, а пять — при дворѣ, и эти послѣднія гораздо мучительнѣе первыхъ...

XXIII.

15 марта Аркадій Суворовъ донесъ государю объ отцѣ, что «по увѣренью доктора, никакихъ опасныхъ слѣдствій не предвидится, и по восстановленіи силъ ему можно будетъ чрезъ восемь дней отправиться въ путь, это даже послужитъ къ поправленію его здоровья».

Пасха въ 1800 году приходилась на 8-ое апрѣля. Больной хотѣлъ встрѣтить ее въ кругу родныхъ и 7-го марта писалъ графу.

¹⁾ «Суворовскій Сборникъ». III. л. 171.

Ростопчину: «О Боже! если бь я поспѣлъ къ Святой недѣлѣ обლობызать освященнѣйшія» стоцы моего всемилостивѣйшаго монарха и отца» ¹⁾).

Во второй половинѣ марта Вейкартъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ больного, разрѣшилъ ему наконецъ отправиться въ столицу, но поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поѣздъ Суворова дѣлалъ не больше двадцати пяти верстъ въ сутки.

Для больного приготовили дормезь, разостлали въ немъ перину и положили на нее Суворова. Чтобы не беспокоить его встрѣчами и проводами, позаботились сдѣлать соответствующія распоряженія.

Уѣзжая, Суворовъ спросилъ, не забылъ ли онъ кого наградить, и, когда узналъ, что нѣкоторые не были представлены имъ къ наградамъ, потребовалъ, чтобы составили списокъ этихъ лицъ.

Въ «блаженномъ невѣдѣніи» генералиссимусъ покинулъ Кобринскій Ключъ, который въ послѣдній разъ видѣлъ своего многоградальнаго хозяина...

XXIV.

Свое кобринское имѣніе Суворовъ едва ли особенно любилъ, а позднѣйшія непріятности, соединенныя съ именемъ Кобрина, могли тѣмъ менѣе внушать ему симпатіи къ его гродненскимъ владѣніямъ. Вдобавокъ, ему, человѣку русскому до мозга костей, съ русскими недостатками и достоинствами, вѣроятно, тяжело жилось среди иновѣрнаго или, въ крайнемъ случаѣ, если и среди православнаго по исповѣданію, то въ значительной степени ополяченнаго населенія. Прошло какихъ-нибудь пять лѣтъ со времени пожалованія ему Кобринскаго Ключа, въ которомъ онъ, въ сущности, жилъ лишь наѣздомъ, а онъ уже начинаетъ тяготиться гродненскимъ имѣніемъ и думаетъ обмѣнять его на чисто русскія деревни внутри Россіи, хотя, съ другой стороны, жалѣетъ «его упустить для князя Аркадія». Но послѣднее чувство было, повидимому, не такъ сильно въ немъ, какъ первое. Въ письмѣ къ Хвостову, 8-го марта 1800 года, онъ передаетъ на его размышленіе вопросъ объ «обмѣнѣ Кобрина на русскія». Незадолго до кончины онъ поясняетъ тому же Хвостову, что «русскій князь—русскія и деревни надобно».

Наслѣдники генералиссимуса, какъ мы увидимъ ниже, менѣе всего задумывались надъ вопросомъ о судьбѣ Кобринскаго Ключа. Для нихъ не существовало національныхъ симпатій или антипатій; съ Кобриномъ ихъ не связывали никакія воспоминанія,—для нихъ

¹⁾ Государственный архивъ ХХ. 379 л. 343.
«Истор. вѣстн.», декабрь 1911 г., т. сxxvi.

на первомъ планѣ стоялъ вопросъ денежный, и, очутившись, по ироніи судьбы, наслѣдниками, они стали дѣйствовать именно въ этомъ направленіи.

XXV.

Прошло сто лѣтъ—и что осталось

отъ Кобринскаго Ключа, отъ суворовскаго дома, отъ Петропавловской церкви?..

На всѣ эти вопросы приходится дать грустные отвѣты.

Начнемъ съ кобринскаго имѣнія.

Часть его, около 1.650 десятинъ, владѣлецъ, еще при жизни, роздалъ своимъ приближеннымъ, другую часть—около 450 десятинъ—присвоилъ себѣ управлявшій Кобринскимъ Ключомъ коллежскій ассесоръ Тимоѣей Николаевичъ Красовскій, продувная личность. Остальныя земельныя владѣнія въ Кобринѣ перешли, по праву наслѣдованія, къ княгинѣ Варварѣ Ивановнѣ и ея сыну Аркадію Александровичу.

Изъ крестьянъ, 209 душъ роздалъ самъ Суворовъ, а 434 души мошенническимъ образомъ присвоилъ себѣ Корицкій.

Мать, не знавшій цѣны деньгамъ и жившій широко, «какъ магнатъ»,—по словамъ польскаго мемуариста Казтана Кожмяна, видѣвшаго его за границей во время нашего похода 1809 года противъ Австріи, слѣдовательно вскорѣ послѣ продажи Кобринскаго Ключа,—кутила, одинъ изъ безчисленныхъ прожигателей жизни, которые, къ сожалѣнію, никогда не переводятся, молодой Суворовъ (такъ называемый *Vijou*) во многомъ напоминалъ свою мать. Онъ и умеръ глупою смертью, изъ-за неумѣренной выпивки, послѣ бесполезно проведенной жизни, «утонулъ въ славѣ своего отца», въ водахъ Рымника, давшаго этому отцу титулъ графа Рымникскаго.

Вскорѣ послѣ кончины мужа княгиня Варвара Ивановна и ея сынъ начали распродавать совершенно разоренный къ тому времени Кобринскій Ключъ по частямъ. 7-го мая 1808 года Аркадій Суворовъ, сдѣлавшійся теперь, со смертью матери, единственнымъ хозяиномъ, уступилъ оставшіяся еще не проданными свои кобринскія владѣнія и десять сосѣднихъ деревень за 481,725 рублей ассигнаціями майору Густаву Гельвигу, приходившемуся, кажется, сродни покойному генералиссимусу ¹⁾. Наслѣдникъ титула и имени Суворова такъ и не догадался выговорить себѣ, при продажѣ, хотя бы отцовскую усадьбу въ Кобринскомъ Ключѣ!

Спустя одиннадцать лѣтъ всѣ земли бывшаго суворовскаго имѣнія перешли, по рѣшенію суда, въ собственность многочисленныхъ кредиторовъ Гельвита. За майоромъ осталась одна такъ на-

¹⁾ Не онъ ли командовалъ нашею артиллеріей при Рымникѣ, гдѣ, по словамъ Суворова, «расторопнымъ ея управленіемъ учинилъ побѣдъ знатной отвѣсъ?»

зывается «губернія», т. е. мѣстопробываніе главноуправляющаго имѣніемъ ¹⁾, другими словами—суворовскія постройки.

Въ настоящее время большая часть бывшихъ земель Кобринскаго Ключа находится, какъ бы въ насмѣшку, въ рукахъ поляковъ и, въ общемъ, принадлежитъ приблизительно сорока различнымъ собственникамъ, не считая крестьянскихъ надѣловъ.

Что касается суворовской усадьбы, ея дальнѣйшая судьба такова.

Въ 1858 году наслѣдники майора Гельвига, Шабельскіе, продали «губернію» профессору гражданскаго права сперва въ кievскомъ, а затѣмъ въ харьковскомъ университетахъ, Александру Николаевичу Мицкевичу ²⁾. Теперь эта часть Кобринскаго Ключа принадлежитъ подполковнику шестого драгунскаго Глуховскаго полка, Леонарду Альфонсовичу Зелинскому, женатому на М. А. Скворонской, родственницѣ профессора Мицкевича. Подполковнику Зелинскому досталось, вмѣстѣ съ бывшей главной усадьбой Суворова,— 248 десятинъ.

XXVI.

Еще не оправившись вполне отъ жестокаго плеврита, который я схватилъ въ Брестѣ, при посѣщеніи суворовскихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ по почину моего знакомаго, полковника Ф. К. Харкевича, я все-таки рѣшилъ осенью 1905 года осмотрѣть бывшую суворовскую усадьбу.

Къ ней ведетъ плохонькое шоссе, когда-то обсаженное великолѣпными пирамидальными тополями и начинающееся въ концѣ нынѣшней Суворовской улицы. Сперва она называлась Губернянскою, затѣмъ—Почтовой. Вполнѣ приличествующее названіе Суворовской дано ей только въ 1864 году, по распоряженію графа М. Н. Муравьева-Виленскаго.

Самъ Кобринъ, чрезъ который приходится итти по пути къ суворовской усадьбѣ,—маленькій и грязный, окруженный болотами, еврейскій уѣздный городишко, раскинувшійся по живописнымъ берегамъ Муховца. Ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ Кобринъ не замѣчательнъ. Онъ не сохранилъ ни одного историческаго памятника своей сѣдой, восьмисотлѣтней старины.

¹⁾ Въ свою очередь, управляющіе помѣщичьими имѣніями въ Западномъ краѣ назывались «губернаторами». Ихъ власть была огромная. Какъ представитель отсутствовавшаго пана, «губернаторъ» не только завѣдывалъ хозяйствомъ, но и имѣлъ право суда гражданскаго и уголовнаго надъ крестьянами управляемаго имѣнія. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ могъ даже подвергать виновныхъ смертной казни.

²⁾ Интересно, что даровитый ученый Александръ Мицкевичъ (1804—1871) принадлежалъ роднымъ братомъ знаменитому Адаму Мицкевичу.

Пожаръ 1905 года, истребившій въ немъ послѣдніе слѣды даже недалекаго прошлаго, только «способствовалъ его украшенію» и, прежде всего, Бобруйской, его главной улицы.

XXVII.

Вхожу въ бывшую суворовскую усадьбу, рекомендуюсь сидящему у открытаго окна господскаго дома нынѣшнему владѣльцу «губерніи» и прошу позволенія осмотрѣть прежнее суворовское пепелище. Тогда Л. А. Зелинскій—въ то время ротмистръ—выходитъ изъ дому и направляется ко мнѣ.

Встрѣчаетъ онъ меня не особенно привѣтливо или—сказать точнѣе—официально сухо. Его обращеніе дѣлается еще холоднѣе, когда я начинаю рассказывать о своихъ изысканіяхъ въ кобринскихъ архивахъ, полицейскомъ и городскомъ, освѣдомляться о документахъ, относящихся до владѣнія Кобринскимъ Ключомъ, спрашивать инквизиторски, сколько десятинъ земли въ имѣніи моего собесѣдника, отъ кого оно перешло къ нему, кто его сосѣдъ и т. п.

Тутъ ротмистръ не выдерживаетъ и, пристально взглядываясь въ меня, спрашиваетъ, наконецъ:

— Скажите, вы не адвокатъ?...

— О, нѣтъ!.. Но почему вы задаете мнѣ подобный вопросъ?..

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что недавно въ Кобринъ пріѣзжалъ одинъ изъ потомковъ Суворова, М., и навелъ у властей справки о моемъ имѣніи, на которое онъ, по слухамъ, заявляетъ претензіи.

Ледъ растаялъ, и хозяинъ любезно повелъ меня показывать свои владѣнія.

Вотъ небольшой, обнесенный жиденькимъ частоколомъ, англійскій садъ, — на глазъ, такъ десятины съ полторы—гдѣ, по преданію, любилъ прогуливаться опальный фельдмаршалъ... Вотъ нѣсколько вѣковыхъ, несомнѣнно, помнившихъ его липъ... Вотъ неправильной формы прудъ, маленькій, длиной въ пятьдесятъ, шириной въ двадцать пять шаговъ, гдѣ онъ часто купался... Вотъ скромный одноэтажный деревянный господскій домъ. Но, увы! этотъ домъ не имѣетъ ничего общаго съ именемъ знаменитаго изгнанника. Старинныя постройки, возведенныя когда-то по его приказанію, исчезли безъ слѣда и, къ стыду насъ, русскихъ, на нашихъ глазахъ!

Ихъ исторія печальна и, быть можетъ, поучительна, — только едва ли для моихъ соотечественниковъ. Развѣ мы умѣемъ беречь реликвию послѣ своихъ великихъ людей? Развѣ не извѣстна судьба домиковъ Пушкина въ Михайловскомъ, Лермонтова—въ Тарханахъ, избы Кутузова—въ Филяхъ, домика Петра Великаго—въ Новодвинской крѣпости и затѣмъ Архангельскѣ, наконецъ, домика того же Суворова—въ Кончанскомъ и т. д.?... Изреченіе

sic transit gloria mundi всего чаще и нагляднѣе оправдывается именно у насъ въ Россіи, на ея славныхъ именахъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ молнія истребила часть суворовскихъ построекъ въ Кобринскомъ Ключѣ, а самый домъ господскій, разоренный кобринскими евреями-арендаторами, Кроммеромъ и Палевскимъ, хищнически хозяйничавшими въ усадьбѣ около сорока лѣтъ, тогдашній владѣлецъ суворовской усадьбы, кѣлецкій архитекторъ Адамъ Скавронскій, тесть подполковника Зелинскаго, въ 1894 году приказалъ разобрать до основанія!.. Насъ, русскихъ, утѣшаютъ, что новый господскій домъ построенъ на мѣстѣ жилища Суворова и почти такихъ же размѣровъ и такой же архитектуры, какъ и старій... ¹⁾

Такъ исчезла въ господской усадьбѣ Кобринскаго Ключа память объ его геніальномъ владѣльцѣ.

Удѣлѣлъ одинъ Петропавловскій храмъ, столько разъ видѣвшій Суворова въ своихъ стѣнахъ; но и на эту реликвию занесли свою кощунственную руку люди, которымъ религія вообще и религіозныя побужденія въ частности служатъ развѣ ширмами.

XXVIII.

Прослѣдимъ новѣйшую исторію Петропавловской церкви.

Благополучно простоявъ нѣсколько столѣтій, она, во второй половинѣ прошлаго вѣка была признана опасной для совершенія въ ней богослуженія и закрыта. Въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1857 по 1862 гг., въ ней не совершалось службъ. Но кобринцы тосковали по своему старому храму. Съ большимъ трудомъ, по копейкамъ, они собрали около тысячи рублей и въ 1862 году приступили къ ремонту своей святыни, разобравъ ее. Однакожь всѣ старые строительные матеріалы, если они оказывались годными, употреблялись въ дѣло. Подъ церковь подвели каменный фундаментъ, сдѣлали на ней новую желѣзную крышу, два купола и новый иконостасъ; нѣкоторые образа замѣнили другими, а прочіе подновили. Въ результатѣ, реставрированный храмъ во многомъ пересталъ напоминать прежній, но остался суворовскимъ, такъ какъ сложенъ изъ того же «суворовскаго» матеріала...

Въ 1864 году ремонтъ Петропавловской церкви кончился, и ее открыли для совершенія въ ней богослуженія.

Такъ простояла она тридцать шесть лѣтъ. Какъ разъ къ столѣтнему юбилею кончины Суворова храмъ оказался «полусгнив-

¹⁾ Въ 1883 году Суворовскій домъ видѣлъ еще Старый Суздалецъ, къ великому сожалѣнію, не описавшій его («Развѣдчикъ», 1900 г., стр. 175). Не сохранилось рисунка или фотографіи стараго дома и у г. Зелинскаго, такъ какъ, по его словамъ, имѣніе перешло къ нему позже 1894 года. Наслѣдники же Палевскаго на мою аналогичную просьбу прислать фотографію или рисунокъ реликвиі ничего не отвѣтили мнѣ.

шимъ», и 3-го марта 1900 года приходское мѣстное попечительство представило гродненскому епархіальному начальству проектъ новаго храма, уже каменнаго! Инициаторомъ этого дѣла выступилъ не кто иной, какъ священникъ той же Петропавловской церкви, Константинъ Михайловскій, выхлопотавшій разрѣшеніе синода на разрушеніе шестисотлѣтняго памятника церковной старины. За «усердіе» отецъ Михайловскій добился перевода въ Гродну, поближе къ начальству, и сдѣланъ ключаремъ мѣстнаго военнаго Софійскаго собора. Какъ жаль, что онъ покинулъ Кобринь, не дождавшись освященія храма, создаемаго по его начину! Чужая воля грубо помѣшала осуществленію его завѣтной мысли...

Въ своей печатной, едва ли для кого убѣдительной, полемикѣ со мною отецъ Михайловскій немало фантазируетъ и увлекается. Ему грезится «новый величественный семиглавый суворовскій храмъ» въ Кобринѣ, на мѣстѣ скромной, незатѣйливой архитектуры, Петропавловской церкви. Онъ мечтаетъ воздвигнуть на огромной, но грязной и вонючей базарной площади Кобриннаго памятникъ Суворову, онъ съ чувствомъ удовлетворенія сообщаетъ, что пожертвованія на новый задуманный имъ храмъ поступали не только изъ Россіи, но и изъ Америки и даже съ острова Крита, не поясняя, что «американскія» пожертвованія—лепта русскихъ рабочихъ, отправившихся на заработки за границу, а гроши, полученные съ Крита,—скудные сбереженія нашихъ солдатиковъ, высланные ими во время печальной памяти оккупации Крита союзными войсками. На величественной семиглавый храмъ и памятникъ Суворову отецъ Михайловскій набралъ, однакоже, всего около сорока пяти тысячъ рублей.

Теперь является вопросъ: дѣйствительно ли нуженъ въ Кобринѣ новый православный храмъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Въ Кобринѣ, кромѣ Петропавловской церкви, есть еще Никольскій храмъ и, наконецъ, православный соборъ. Между тѣмъ доходы этихъ храмовъ вовсе не такъ значительны, а сами они далеко не такъ тѣсны, чтобы являлась необходимость въ сооруженіи новаго храма. Затѣмъ, по переписи 1897 года, на общее число жителей Кобриннаго—10.408 человекъ—православныхъ приходилось только 2.971 человекъ, а послѣ изданія манифеста 17-го апрѣля 1905 года число православныхъ, и безъ того небольшое, еще уменьшилось.

Далѣе, въ сущности, имѣетъ ли синодъ право разрушать *національный* памятникъ? Мнѣ кажется, суворовская церковь въ Кобринѣ—собственность русскаго народа, а не синода, и за разрѣшеніемъ на сломъ Петропавловскаго храма высшая духовная власть должна была бы обратиться къ властямъ свѣтскимъ, къ правительству.

Надѣяться на то, что суворовскую церковь спасутъ отъ грозящаго ей разрушенія наши ученые общества, — было бы верховъ наивности. Какое смутное понятіе имѣть объ этомъ многовѣковомъ историческомъ памятникѣ Западной Руси хотя бы московское археологическое общество, доказываетъ слѣдующій удивительный фактъ. Въ подписанномъ графиней Уваровой письмѣ ко мнѣ отъ 20-го января 1909 года за номеромъ сорокъ четвертымъ, московское археологическое общество проситъ меня сообщить подробности о церкви въ «селѣ» Кобринѣ. Общаніе названнаго общества сдѣлать что-нибудь для спасенія Петропавловской церкви было, повидимому, простою отпиской и изъ области посуловъ не вышло. По крайней мѣрѣ, о дальнѣйшихъ шагахъ московскаго археологическаго общества я никакого извѣщенія не получилъ, хотя затѣя отца Михайловскаго грубо нарушаетъ правила о сохраненіи памятниковъ старины.

Не вмѣшалась въ дѣло и академія художествъ, хотя въ ея уставѣ вполнѣ опредѣленно говорится, что *ни одна изъ старыхъ монументальныхъ построекъ не можетъ быть не только сломана но и раставрирована безъ ея согласія*, — какъ не сказала своего veto и академія военная, «хранительница завѣтовъ великаго Суворова». И остался я одинъ воинъ въ полѣ... Но, быть можетъ, въ это дѣло вмѣшается императорское русское военно-историческое общество...

Нѣтъ, ужъ если синодъ рѣшилъ отдать суворовскую церковь на сломъ за ея многовѣковыя вины, ее слѣдуетъ бережно перенести на другое мѣсто, перебрать бревна и, вновь сложивъ въ прежнемъ видѣ историческую реликвію, обнести ее футляромъ... Но не удивительное ли дѣло, что, послѣ перевода отца Михайловскаго въ Гродну, «полусгнившая» Петропавловская церковь продолжаетъ благополучно стоять болѣе десяти лѣтъ и, вѣроятно, продержится, «разсудку вопреки», еще не одинъ годъ?.. Отсюда не трудно прийти къ ясному, хоть и непріятному для нѣкоторыхъ господъ, выводу и, прежде всего, признаться, что и въ нашъ прозаическій и ученый вѣкъ возможны чудеса...

В. А. Алекѣевъ.

РУССКІЙ ГАГЕНБЕКЪ.

БЕЗПРЕДѢЛЬНАЯ мѣстность, раскинувшаяся между озеромъ Балхашемъ и горою Тянь-Шань, въ сѣверной своей части представляетъ обширную степь, черезъ которую стремится широкая рѣка Или со своими семью рукавами, давшими всей колоссальной области имя Семирѣченской. Къ озеру Балхашу тянется хребетъ Каратау, а къ югу отъ долины рѣки Или идутъ четыре меньшія цѣпи горъ Алатау, окружая гигантское озеро Иссыкъ-Куль; по южному берегу этого озера высится горная цѣпь Терскей-Алатау, а еще южнѣе отъ нея, на небольшой, но буйной рѣчушкѣ Нарынъ, находится укрѣпленіе Нарынское.... Весьма скромно населенный пунктъ среди колоссальной безлюдной пустыни...

Мѣстность чудная, волшебная, колоритная, съ рѣзкими изломами горныхъ контуровъ, съ ясными зеркалами громадныхъ бассейновъ воды, съ черно-зеленымъ бархатомъ лѣсныхъ зарослей пихтъ, съ изумрудно-лиловыми, взбугренными равнинами степей... И много свѣта, и еще больше красокъ, и непрерывныя смѣны ароматовъ, то теплыхъ и густыхъ, нѣжащихъ и пріятно дурманящихъ, то прохладныхъ и тонкихъ, бодрящихъ и освѣжающихъ...

Почти тридцать лѣтъ тому назадъ въ это укрѣпленіе Нарынское былъ заброшенъ рекрутскою повинностью нѣкій пермскій крестьянинъ, по имени Осипъ Неживовъ.

Несмотря на то, что мѣстность его родины также нельзя назвать вовсе не живописною, однако Неживовъ, попавъ въ Семирѣчье, положительно ошалѣлъ отъ подавляющихъ красотъ здѣшней при-

роды, но особенно его поразило и заняло безсчётное разнообразіе мѣстной фауны...

Страстный охотникъ, чудный стрѣлокъ, прирожденный натуралистъ ¹⁾, Неживовъ всё свои досуги тратилъ на скитанье по горамъ и дебрямъ роскошнаго края, то выслѣживая легкую сайгу, то под-

Осипъ Емельяновичъ Неживовъ.

стерегая хитрую рысь... Едва окончилась военная служба, Неживовъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать на родину, остался въ Нарынскомъ укрѣпленіи и весь сполна отдался любимому занятію...

¹⁾ Когда Неживову было едва 15 лѣтъ, черезъ его родную деревню проѣзжалъ въ одну изъ своихъ экскурсій гр. С. А. Строгановъ; онъ обратилъ вниманіе на этого деревенскаго мальчика, съ повышеннымъ интересомъ относившагося къ собиранію графомъ насѣкомыхъ и охотно помогавшаго ему въ этомъ. Графъ уговорилъ отца Неживова отпустить мальчика съ нимъ на далекую экскурсію и тотъ далъ свое согласіе. За все путешествіе графа мальчикъ былъ ближайшимъ помощникомъ его по собиранію и препарированію энтомологическихъ коллекцій и по набивкѣ чучель птицъ.

Его хатка наполнилась оленьими рогами, черепами, шкурами; по стѣнамъ висѣли клѣтки съ птицами, всюду стояли банки съ рыбами, съ водяными насѣкомыми, коробки и ящики съ жуками и гусеницами... На дворикѣ, въ разныхъ закуткахъ, сидѣли то лисята, то волчата; въ крохотныхъ загончикахъ толпились ягнята горныхъ козловъ, каменныхъ барановъ...

На всю эту живность находились покупатели даже и въ такой глуши, гдѣ поселился Неживовъ. Конечно, въ Нарынѣ русскихъ путешественниковъ почти не наѣзжало, но зато нерѣдко являлись туристы англійскіе, нѣмецкіе, бельгійскіе... Они-то и являлись главными покупателями. Эта, хотя и маленькая матеріальная поддержка еще болѣе окрыляла предприимчиваго пермяка: онъ заручился помощникомъ-киргизомъ и вдвоемъ началъ уже предпринимать болѣе отдаленныя экскурсіи въ горы, устраивая облавы на медвѣдей, на кабановъ....

Вокругъ его хатки выросталъ заправскій звѣринецъ. Въ грубахъ, но крѣпкихъ клѣткахъ были волки, ворчали рыси, визжали вепри... Въ клѣткахъ же сидѣли мощные орлы-бородачи, грифы, сины...

Проѣзжавшій черезъ Нарынѣ въ Кашгаръ зоологъ музея академіи наукъ г. Герцъ заинтересовался неживовскимъ звѣринцемъ, посѣтилъ и осматривалъ его и посоветовалъ его владѣльцу завязать сношенія со столицею и другими городами Россіи, гдѣ сбыть звѣрей будетъ обильнѣе, чѣмъ въ Нарынѣ...

И Неживовъ воспрянулъ духомъ, энергія его разгоралась все шире... Онъ рѣшился везти первый свой транспортъ звѣрей въ Нижній-Новгородъ, въ мѣстный звѣринецъ. Двухъ мараловъ, двухъ козуль, одного дикообраза и пару горныхъ индѣекъ онъ тамъ продалъ за... триста рублей, т. е. почти даромъ... Но эта удача его окрылила еще болѣе. Онъ обзавелся еще нѣсколькими помощниками и сталъ организовывать болѣе дальнія звѣроловныя экспедиціи; онъ уже охотился на барсовъ, на тигровъ и на другихъ крупныхъ животныхъ.

Слѣдующіе транспорты, уже значительно большіе, были направлены въ Петербургъ, затѣмъ въ Москву... Однако послѣ этого выяснилось, что въ Россіи продавать звѣрей больше некому... Неживовъ было приунылъ, но г. Баумвальдъ, бывший въ то время владѣлецъ Петербургскаго зоологическаго сада, порекомендовалъ ему везти звѣрей въ Берлинъ... Директоръ берлинскаго зоологическаго сада г. Гекъ принявъ Неживова съ распростертыми объятіями, купилъ по хорошей цѣнѣ всѣхъ его звѣрей и заказалъ новый транспортъ.

Первая удача за границей окончательно укрѣпила Неживова въ сознаніи пользы и выгоды избранной имъ дѣятельности, и его новыя экскурсіи дѣлались все шире, необъятная Семирѣченская область оказалась для него ужъ тѣсною: онъ уже снаряжаетъ звѣроловче-

скія поѣздки въ Монголію, въ Турфанъ, въ Кашгаръ, на Памиры, въ Тибетъ...

Въ настоящее время исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ момента сознательнаго учрежденія Неживовымъ его оригинальной дѣятельности. У нашего Гагенбека ¹⁾ въ Нарынѣ образовался своеобразный поселокъ: домъ для его многочисленной (онъ самъ-двѣ-

О. Е. Неживовъ съ шкурами звѣрей.

надцать!) семьи, хаты для значительнаго количества (до сорока человекъ) помощниковъ съ семьями, помѣшенія для роговъ, скелетовъ, шкуръ, чучель, многія клѣтки для дикихъ звѣрей, вольеры для громадныхъ птицъ, загоны для крупныхъ и мелкихъ травоядныхъ...

Помощники Неживова исключительно киргизы. Объясняется это тѣмъ, что дикіе звѣри, которыми промышляетъ нашъ пермякъ, далеко чуютъ присутствіе человека и привыкшаго употреблять

¹⁾ Гагенбекъ—всемирно-извѣстный звѣроловъ и звѣроторговецъ, поставляющій дикихъ звѣрей въ зоологическіе сады всего міра. Онъ организуетъ грандіозныя экспедиціи во всѣ части свѣта для охоты на львовъ, тигровъ, слоновъ и многихъ другихъ звѣрей.

вино и табакъ—особенно. Безусловно не пьющихъ и не курящихъ киргизовъ—большинство; кромѣ того, мѣстные киргизы, какъ полудикіе кочевники, отлично свыклись съ повадками дикихъ звѣрей и птицъ, прекрасно знаютъ мѣстность, неприхотливы и вообще являются незамѣнимымъ матеріаломъ для пособниковъ Неживову въ избранной имъ дѣятельности.

Всѣ помощники русскаго Гагенбека раздѣлены на спеціальные отряды, которые разъ навсегда вѣдаютъ только порученное имъ дѣло. Такъ, на примѣръ, среди нихъ есть отрядъ для охоты на тигровъ и другихъ крупныхъ хищниковъ, отрядъ для охоты на разныхъ травоядныхъ животныхъ, отрядъ для ловли грызуновъ, для поимки живыми дѣтенышей всевозможныхъ млекопитающихъ, отрядъ для ловли птицъ и собиранія ихъ яицъ, раковинъ, для выскиванія пресмыкающихся, гадовъ, насѣкомыхъ... Препарированіемъ чучель, шкуръ, скелетовъ, жуковъ и бабочекъ занимается всегда самъ Неживовъ, ухитряясь въ иной годъ приготовить для продажи, напр., бабочекъ до 50,000 штукъ!

Самою любимую охотою Неживова—является охота на тигра. Правда, она случается не слишкомъ часто, но зато въ ней Неживовъ участвуетъ непременно самъ, и гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы ни уѣхалъ, но разъ выслѣженъ тигръ, Неживова разыскиваютъ нарочные, ему даются телеграммы, и онъ, бросая все, стремится на излюбленную охоту...

А между тѣмъ охота эта производится совсѣмъ просто. Къ найденному звѣрю осторожно подступаютъ охотники, раздѣленные на двѣ цѣпи: первая состоитъ изъ лучшихъ стрѣлковъ и хладнокровныхъ людей... Живымъ взрослому тигра, конечно, взять трудно и его убиваютъ, но зато его котятъ берутъ непременно живыми; дома ихъ окружаютъ самымъ бдительнымъ вниманіемъ, выращиваютъ въ холѣ и покоѣ вплоть до полной смѣны зубовъ и только тогда уже продаютъ, какъ вполне свыкшихся съ неволею. Періодъ смѣны зубовъ у тигрятъ считается критическимъ: они часто погибаютъ въ это время... Если же выслѣженъ тигръ особенно сильный и свирѣпый, для его убоя примѣняется киргизскій способъ: выстраивается небольшая подвижная, рѣшетчатая юрта, легкая, но крѣпкая, безъ дверей. Четверо или трое охотниковъ забираются въ нее и такъ идутъ на тигра, двигая съ собою и юрту... Свирѣпое животное, увидѣвъ этихъ людей, словно заключенныхъ въ легкую клѣтку, отважно бросается на юрту, а охотники, не упуская секунды, стрѣляютъ ему прямо въ упоръ, или же поражаютъ его ударомъ ножа въ сердце—и то, и другое свободно производя подъ надежную защиту рѣшетки...

Барсовъ Неживовъ ловить живыми,—хотя и не хитро, но своеобразно. Въ мѣстности, посѣщаемой этими звѣрями, вырывается глубокая—до полуторы сажени—яма, рѣзко суженная кверху;

отверстіе ямы замаскировывается вѣтвями, травою и мхомъ, а надъ нимъ къ суку дерева привѣшивается убитая овца или коза. Кроважидный хищникъ, учуявъ снѣдь, бросается къ ней, разумѣется, тотчасъ же проваливается и попадаетъ въ растянутый въ ямѣ кожаный, кисетообразный мѣшокъ... Отъ тяжести барса «кисеть» затягивается и выльзти бѣдному звѣрю уже не представляется возможнымъ!...

Ловцы извлекаютъ изъ ямы мѣшокъ, но такъ какъ барсъ въ немъ все-таки не остается бездѣятельнымъ, а принимаетъ всяческія

Помощники Неживова.

усилія перекусать и перещарапать людей даже и черезъ крѣпкій мѣшокъ, пойманнаго звѣря ловко и быстро, поверхъ мѣшка, спеленывають наподобіе муміи и въ такомъ «обезвреженномъ» видѣ приторачиваютъ къ сѣдлу и везутъ, въ этомъ неудобномъ для него положеніи, нерѣдко верстъ 50—100...

Рысей, волковъ и другихъ многихъ звѣрей ловятъ почти такъ же; конечно, употребляютъ и спеціальныя ловушки, каковы сѣти и т. д.

Барановъ, козловъ, сайгъ, яковъ, лошадей Пржевальскаго и многихъ иныхъ травоядныхъ неживовскіе охотники преслѣдуютъ

верхомъ на коняхъ до полной усталости. Взрослыхъ животныхъ заарканиваютъ или загоняютъ въ заранѣе приготовленные загоны, дѣтеныши же обыкновенно долго не выдерживаютъ этой гонки, а стараются поскорѣе спрятаться въ кусты или траву, откуда ихъ и берутъ прямо руками...

Вообще маленькихъ ягнятъ горныхъ козловъ и каменныхъ барановъ, телятъ яковъ, жеребятъ «пржевалекъ», кулановъ Неживовъ ловить съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ взрослыхъ. Правда, ихъ приходится долго выкармливать, выхаживать, но зато выросшее въ неволѣ животное лучше переноситъ дальнѣйшую жизнь въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ...

Крупныхъ птицъ, какъ хищныхъ, такъ и водяныхъ, болотныхъ и другихъ, также добываютъ птенцами и уже довоспитываютъ въ клѣткахъ и специальныхъ вольерахъ. Впрочемъ, грифовъ, сиповъ и стервятниковъ ловятъ и взрослыми. Для этой цѣли гдѣ-нибудь въ степи бросаютъ въ обилии падаль, а кругомъ нея, по сторонамъ въ разныхъ направленіяхъ разставляютъ сѣти... Хищники слетаются и наѣдаются до такой степени, что бываютъ не въ состояніи подняться на воздухъ... Ловцы пользуются ихъ безпомощнымъ положеніемъ, загоняютъ ихъ въ сѣти, опутываютъ ими и легко овладѣваютъ обжорами...

Что русскій крестьянинъ Неживовъ по собственной инициативѣ сумѣлъ организовать, болѣе или менѣе фундаментально, первое въ Россіи заведеніе звѣроловства,—это, конечно, очень удивительно; но еще удивительнѣе, что онъ учредилъ и другое, также небывалое у насъ дѣло, которое и за границей-то едва лишь начинается,—дѣло это: звѣроводство.

Въ неживовскомъ звѣринцѣ на Нарынѣ превосходно плодятся и размножаются: красные волки, соболя, рыси, лисицы, даже барсы! О травоядныхъ животныхъ и говорить нечего—ихъ разведеніе не представляетъ большихъ трудностей...

Профессоръ Туэссаръ во Франціи, а А. В. Маркграфъ у насъ—уже неоднократно доказывали необходимость устройства звѣроводныхъ питомниковъ; оба они даже написали прекрасныя руководства по этому вопросу... И вотъ простой пермскій мужичокъ, задолго еще до ихъ просвѣщенныхъ совѣтовъ, основатель самостоятельно это сложное, тонкое дѣло, дающее почти безошибочно удачныя результаты!..

Нелегко дикаго звѣря поймать живымъ, еще тяжелѣе его вырастить изъ дѣтеныша въ неволѣ, очень трудно его разводить какъ домашнее животное!... Но какіе труды, какія усилія приходится употреблять, сколько нужно испытать опасеній, сколько израсходовать вниманія и хлопотъ, чтобы всѣхъ этихъ пойманныхъ или воспитанныхъ дома дорогихъ дикихъ звѣрей вывезти изъ глухихъ нѣдръ Азіи въ культурные центры Европы!..

Всѣ звѣри и птицы, подлежащія отправкѣ въ Европу, помѣщаются въ особые ящики-клетки, грубо, но прочно сложенные. Клетки эти ставятся на киргизскія арбы; на другія арбы грузятся ящики съ рогами, скелетами, чучелами, коллекціями яицъ и другимъ зоологическимъ матеріаломъ.

Такой караванъ въ нѣсколько аровъ изъ Нарына идетъ безпредѣльными степями, перекатывается черезъ многіе горные перевалы—

Выкормка дѣтенышей дикихъ архаровъ.

на высотѣ до 3500 метровъ—нѣкоторые съ вѣчными снѣгами и ледниками; приходится испытывать и жару, и снѣжные бураны... Такъ, напримѣръ, транспортъ перебирается черезъ горы Нура, Терской-Алатау, затѣмъ направляется на Токмакъ, Аулиеату, на Хамкентъ. До «ближайшей» линіи желѣзной дороги—въ Ташкентъ—тысяча верстъ!.. Этотъ путь осиливается отъ 24 до 28 дней.

Отъ Ташкента по желѣзной дорогѣ звѣри ѣдутъ на Перовскъ, Казалинскъ, Оренбургъ, Самару, Тулу, Смоленскъ, Брестъ, Варшаву, Калишъ и Германію... Эта дорога занимаетъ еще двадцать дней!

Если до Ташкента транспорты неживовскихъ звѣрей сопровождаютъ многими людьми подъ началомъ самого звѣролова, то отъ этого города и до самаго мѣста назначенія за границу— ихъ везетъ Неживовъ одинъ-одинешепекъ! По желѣзной дорогѣ весь путь въ продолженіе 20 дней онъ ухаживаетъ за своими плѣнниками, кормить, поить, чистить, лечить... А плѣнниковъ бываетъ въ каждомъ транспортѣ болѣе двухсотъ особей!..

Конечно, несмотря на самый бдительный уходъ, далеко не всѣ звѣри прибываютъ на мѣсто отправленія: въ пути немало ихъ погибаетъ!..

Очень интересны тѣ цѣны, по которымъ Неживовъ продаетъ свой «живой товаръ»...

Высшая цѣна, понятно, для рѣдчайшаго звѣря—тигра; онъ ходитъ отъ 1500 до 2000 р. За всю многолѣтнюю свою дѣятельность Неживовъ продалъ тигровъ не болѣе дюжины... Слѣдующія цѣны идутъ для барсовъ—отъ 300 до 500 руб. Однако въ такихъ же стоимостяхъ не мало еще звѣрей: напимѣръ, соболи, чернобурья лисицы, маралы (олени), архары (горные бараны), горные козлы, антилопы (сайги), лошади Пржевальскаго, бѣлые яки; отъ 100 до 200 руб. продаются рыси, красные волки, куланы, черные яки; отъ 50 до 100 рублей—медвѣди, соболи (худшій сортъ), Тяньшанскія козы (косули), орлы-бородачи; до 50 рублей можно купить черныхъ сурковъ, выдръ, болотныхъ кошекъ, антилопъ (джирановъ), нелікановъ, сѣрыхъ грифовъ; отъ 25—30 рублей—куницы, сѣрые волки, красныя лисицы, лѣсныя и каменные кошки, дикообразы, барсуки, черные грифы, каменные орлы, черные аисты, дрофы, журавли-красавы, горныя индѣйки (улары)...

Цѣны на скелеты и чучела уже значительно ниже: скелеты мараловъ—200—250 рублей, барсовъ, рысей, архаровъ, козловъ—50—100 р., чучела архаровъ и козловъ—20—50 р., орловъ и грифовъ—10—20 рублей и такъ далѣе.

Насѣкомыя отъ копейки до 3 р. штука, раковины отъ копейки до полтинника...

Любопытно, что приведенныя здѣсь цѣны относятся лишь для покупателей любителей и коммерсантовъ; для научныхъ же музеевъ, для университетовъ и вообще учебныхъ учреждений Неживовъ изъ промышленника превращается почти въ мецената и довольствуется лишь возмѣщеніемъ тѣхъ расходовъ, которые дѣйствительно понесены имъ при добываніи и доставкѣ тѣхъ или другихъ животныхъ...

Неживовъ отправляетъ въ годъ не болѣе двухъ транспортвъ, на 10—15 тысячъ рублей каждый.

Въ Россіи Неживова вовсе не знаютъ, да и не мудрено: сбытъ его звѣрей у насъ производится въ микроскопическихъ размѣрахъ! Зато за границей имя его извѣстно многимъ ученымъ учреждениямъ Германіи, Англіи, Франціи; его знаютъ почти всѣ существующіе

въ Европѣ лучшіе зоологическіе сады и музеи: вѣдь почти онъ одинъ поставляетъ дикихъ звѣрей Туркестанскаго края на всю Европу и даже малую часть Америки! Не сильно свѣдущій въ русской грамотѣ, О. Е. Неживовъ не знаетъ ни единого иностраннаго языка, однако, сопровождая свои транспорты лично, онъ за границей ведетъ свои дѣла лично же, конечно, пользуясь мѣстными переводчиками...

Въ Америку, во Францію, Англію, Италію и Австро-Венгрію онъ доставляетъ по $\frac{1}{10}$ на каждую страну всего вывозимаго товара; остальные же $\frac{5}{10}$ дѣликомъ идутъ въ Германію и въ Бреславль особенно, потому что изъ бреславльскаго зоологическаго сада идетъ перепродажа «товара» не только въ другіе города Германіи, но и въ другія государства Европы.

Всякій пріѣздъ Неживова за границу является для тамошнихъ любителей зоологій маленькимъ праздникомъ, ибо нашъ пермякъ почти всегда привозитъ что-нибудь особенно-интересное и уже обогатилъ немало научныхъ музеевъ и зоологическихъ садовъ рѣдкими экземплярами животныхъ. Его азартно интервьюируютъ корреспонденты естественно-научныхъ изданій, спеціальные журналы помѣщаютъ его портреты и біографіи, именуя его то «сибирскимъ тигреро», то «русскимъ Гагенбекомъ»... Увы! нѣкоторыми учеными мужами Неживовъ не всегда остается довольнымъ: одному нѣмецкому профессору онъ привезъ рѣдкихъ птичекъ... Профессоръ обрадовался, заявилъ, что видъ птичекъ еще не отмѣченъ наукою; онъ сейчасъ же его отмѣтилъ и назвалъ птичекъ... своимъ именемъ!.. Крупное четвероногое, до сихъ поръ носящее имя нѣкоего путешественника, какъ оказывается, впервые было предъявлено этому путешественнику Неживовымъ же..

У себя дома, въ Нарынѣ, Неживовъ устроилъ нѣчто вродѣ музея, гдѣ собралъ почти всѣхъ представителей мѣстной фауны— въ видѣ чучель, скелетовъ, заспиртованныхъ препаратовъ и т. п. Всѣ интересующіеся совершенно свободно допускаются въ этотъ музей, и самъ хозяинъ охотно даетъ необходимыя разъясненія...

Исключительная, напитанная опасными приключеніями жизнь О. Е. Неживова дѣйствительно интересна и значительна, и описаніе ея могло бы занять немалую книгу. Но самъ онъ такъ скромнень, что не любитъ распространяться о себѣ. Этотъ человекъ изучилъ громадный районъ Семирѣчья, какъ свою квартиру; но онъ знаетъ также и далекіе края, граничащіе съ нимъ... Козьи дорожки, звѣринныя тропы, мрачныя логова страшныхъ хищниковъ, всѣ захолустныя труппы—все вѣдомо ему и знакомо. Онъ лазалъ на недоступныя кручи, спускался въ бездонныя расщелины и сколько разъ онъ подвергался разнохарактернымъ опасностямъ! Съ тиграми, съ барсами шутки плохи; разсвирѣпѣвшіе сѣкачи (самцы-кабаны) также нерѣдко грозили Неживову если не смертью, то страшными

увѣчьями; цѣлыми сутками высиживалъ онъ на деревѣ въ лѣсномъ безлюдѣ, окруженный голодною стаею красныхъ волковъ... Нерѣдко онъ совсѣмъ считалъ себя погибшимъ въ горахъ, подъ снѣговыми оплывинами, или—засосаннымъ болотными трясинами... Но находчивость и ясная разсудительность всегда брали верхъ и выводили его изъ неминуемыхъ, казалось бы, бѣдъ!... Какъ глубоковѣрующій человѣкъ, Неживовъ во всѣхъ своихъ удачахъ видитъ особое къ нему милосердіе Господне...

Во всякомъ случаѣ О. Е. Неживовъ интересенъ какъ самородокъ, какъ чистый типъ русскаго человѣка, не переформованнаго чуждымъ ему образованіемъ, но вполне самобытно и сознательно отыскавшаго себѣ оригинальную дѣятельность, безусловно имѣющую немаловажное значеніе для культурнаго человѣчества!...

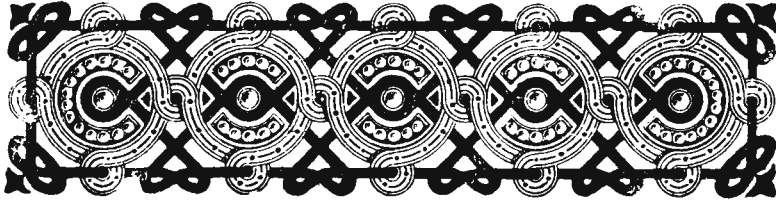
Безъ всякихъ стороннихъ поддержекъ, безъ казенныхъ субсидій онъ основалъ довольно солидное дѣло, которымъ живетъ и кормится, получая десятки тысячъ рублей почти исключительно заграничнымъ золотомъ!...

Какъ никакъ, а все же очень пріятно отмѣчать такіе типы! Есть у насъ Ермаки, Дежневы, Ашиновы и иные сильные люди, ищущіе новыхъ горизонтовъ и дѣлъ...

Развѣ не изъ ихъ компаніи и Неживовы?

Владимиръ Анфиловъ.

НОВЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ АРХИВОМЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1911 г. на эту должность назначень бывшій профессоръ по кафедрѣ русской исторіи въ варшавскомъ университетѣ Дмитрій Владимировичъ Цвѣтаевъ. По общимъ отзывамъ, это талантливый авторъ историческихъ сочиненій, превосходный лекторъ и большой ученый. Онъ читалъ русскую исторію на двухъ факультетахъ: историко-филологическомъ и юридическомъ. Его ученые труды и степени таковы: онъ, во-первыхъ, докторъ русской исторіи харьковскаго университета, затѣмъ магистръ петербургской духовной академіи. Изъ его научныхъ изслѣдованій важнѣйшія: «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи» (магистерская диссертация), «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій» (докторская диссертация); главный его трудъ послѣ диссертаций—«Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ». Его спеціальныя ученныя изысканія по русской исторіи весьма часто касались положенія и жизни въ Россіи иностранцевъ и инородцевъ не православнаго вѣроисповѣданія. Сюда относятся ученые труды: «Марья Владимировна и Магнусъ Датскій», «Протестантство въ Польшѣ и Литвѣ», «Вновь открытый законъ Петра Великаго о протестантахъ», «Протестантство въ Россіи во времена правленія Софьи», «Исторія сооруженія перваго костела въ Россіи», «Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ» и многіе другіе. По отзывамъ спеціалистовъ, всѣ эти труды признаны замѣчательными по тщательности изслѣдованія и обработки. Основные взгляды профессора

Цвѣтаева на русскую жизнь выражаются въ томъ, что Россія, какъ государство самостоятельное, есть охранительница европейской культуры и процвѣтанія жизни.

Ученныя соотношенія новаго управляющаго архивомъ министерства юстиціи слѣдующія: онъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества; предсѣдателемъ комиссіи историческихъ надписей въ Москвѣ при этомъ отдѣлѣ; почетнымъ членомъ московскаго археологическаго института и петербургской духовной академіи; дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, императорскаго московскаго археологическаго общества и многихъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ обществъ.

Его наградами служатъ: благодарность Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны за поднесенные ученые труды; кромѣ того, отъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны ему пожалованъ драгоцѣнный перстень; императорская академія наукъ присудила ему макарьевскую премію (за магистерскую диссертацию) и золотую уваровскую медаль (за ученую рецензію, составленную по порученію академіи); онъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и награжденъ орденомъ Станислава первой степени.

Д. В. Цвѣтаевъ замѣняетъ въ архивѣ скончавшагося профессора московскаго университета Дмитрія Яковлевича Самоквасова, крупнаго русскаго ученаго, извѣстнаго своими трудами (онъ собралъ богатую коллекцію археологическихъ предметовъ и написалъ много изслѣдованій и монографій). Какъ управляющій архивомъ министерства юстиціи, покойный Самоквасовъ, однако, не пользовался популярностью. Напротивъ, на него нападали за то, что онъ отвергнулъ систему научной разработки матеріаловъ архива своихъ предшественниковъ, составлялъ канцелярскія описи, для науки значенія не имѣющія. Самые труды Самоквасова по русской исторіи также встрѣчали немало упрековъ отъ спеціальной критики.

Такимъ образомъ, назначеніе Цвѣтаева, какъ ученаго несомнѣннаго и талантливаго, является благомъ для архива министерства юстиціи.

Н. Е-въ.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТИТОВЪ,

(Некрологъ).

ВСЕГДА дѣятельный, энергичный и живой не по годамъ, Андрей Александровичъ Титовъ еще въ «восьмомъ часу вечера 24-го октября, — читаемъ въ ярославской газетѣ «Голосъ», — присутствовалъ на засѣданіи епархіальнаго училищнаго совѣта, а черезъ два часа уже лежалъ бездыханнымъ, пораженный жестокимъ приступомъ грудной жабы, признаки которой наблюдались у него уже нѣсколько лѣтъ». А сынъ покойнаго въ письмѣ отъ 4-го октября мнѣ сообщаетъ: «Послѣдній день своей жизни А. А. писалъ, кажется, по поводу кнѣги Бродскаго о Левицкомъ ¹⁾. Онъ говорилъ мнѣ, что нашелъ еще новые матеріалы». Неудивительно, поэтому, что напечатанное въ «Новомъ Времени» (26-го октября, № 12795) извѣстіе объ его смерти должно было поразить своею неожиданностью весьма многочисленныхъ представителей какъ коммерческаго міра, такъ и представителей русской историко-археологической науки, среди которыхъ покойный былъ однимъ изъ усердныхъ и выдающихся дѣятелей.

А. А. Титовъ родился 16 октября 1844 года ²⁾, въ старинной купеческой семьѣ, производившей свои торговыя операціи въ родной Ярославской губерніи уже болѣе ста лѣтъ. Естественно, что и новому члену

¹⁾ Трудъ Л. К. Бродскаго носитъ заглавіе: «Священникъ Θεодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Первому. Матеріалы для исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка». О первомъ томѣ его покойный напечаталъ свой отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за нынѣшній годъ, № 10

²⁾ Эта дата заимствована изъ консисторскаго метрическаго свидѣтельства.

этой семьи, особенно по обычаямъ того времени, предстояло стать за прилавкомъ, для чего, конечно, не пужно было большого образования. Тотчасъ же по окончаніи частнаго учебнаго заведенія въ родномъ Ростовѣ онъ занялся коммерціей, продолжая унаследованную имъ отъ предковъ торговлю мануфактурнымъ, суконнымъ и пушнымъ товаромъ, и постепенно развилъ ее какъ въ родныхъ Ростовѣ и Ярославлѣ, такъ и на Нижегородской ярмаркѣ, до миллионныхъ оборотовъ. Въ 1883 году ему удалось основать въ Ростовѣ большой торговый домъ, подъ фирмою: «А. Титовъ и Ф. Малоземовъ», а черезъ тринадцать лѣтъ онъ, вмѣстѣ со своимъ родственникомъ И. А. Вахромѣевымъ, устраиваетъ товарищество ростовскаго цикорнаго производства, подъ фирмою: «И. Вахромѣевъ и компанія», безсмѣннымъ предсѣдателемъ правленія котораго состоялъ по день своей кончины. Товарищество это такъ быстро развило свою дѣятельность, что въ настоящее время имѣетъ въ Ростовѣ цикорную фабрику, паточный и саговый заводъ, при почти миллионномъ оборотѣ.

Весьма дѣятельное участіе принималъ А. А. Титовъ въ дѣлахъ Нижегородской ярмарки. Будучи безсмѣннымъ членомъ ярмарочнаго биржевого комитета въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, онъ зналъ ярмарку, по выраженію корреспондента нижегородской газеты «Волгарь», «какъ свой магазинъ: каждый уголокъ, каждую мелочь» и «имѣлъ большое вліяніе на всѣхъ ея руководителей», «всегда, при возбужденіи какого-нибудь новаго вопроса, спрашивавшихъ: «Нужно знать мнѣніе Титова». Отказываясь отъ не разъ предлагаемаго руководительства, по поводу котораго часто говаривалъ: «Зачѣмъ я буду надѣвать на себя цѣпи предсѣдательства, цѣпи официальныхъ сношеній? Сегодня надо присматриваться къ одному курсу, на будущій годъ къ другому. Нѣтъ, ужъ я лучше проживу безъ политики», — покойный, однако, охотно бралъ на себя завѣдываніе санитарнымъ и больничнымъ отдѣлами ярмарки и статистическимъ бюро и послѣдніе годы редактировалъ отчеты о ходѣ торговыхъ дѣлъ на ярмаркѣ.

Какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей ярмарки, А. А. Титовъ невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе купечества, которое находило въ немъ всегда готовый совѣтъ, участіе и даже содѣйствіе, и, несомнѣнно, долго не забудетъ своего «безпристрастнаго судью», какимъ часто избирался покойный.

Мягкость и доброта А. А. Титова распространялась и на всѣхъ его многочисленныхъ служащихъ, для которыхъ онъ при фирмѣ «А. Титовъ и Ф. Малоземовъ» учредилъ сберегательно-вспомогательную кассу; послѣдняя за семь лѣтъ своего существованія насчитываетъ уже до двѣнадцати тысячъ рублей сбереженій и представляетъ явленіе рѣдкое и весьма незаурядное не только для Ростова, но и для столичныхъ крупныхъ предпріятій.

Живая и энергичная натура Андрея Александровича не могла, конечно, довольствоваться одною коммерческою дѣятельностью; уже на двадцать пятомъ году отъ роду мы видимъ его въ роли общественаго дѣятеля, когда онъ былъ выбранъ въ 1869 году церковнымъ старостою при ростовской Всѣхсвятской церкви, каковымъ

Андрей Александровичъ Титовъ.

и состоялъ по 1884 годъ. Съ января 1870 года онъ—«дѣйствительный старшина» Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся; съ 1873 года—членъ попечительнаго совѣта ростовской Маринской женской прогимназiи; съ 1876 года—дѣйствительный членъ ярославскаго статистическаго комитета, въ составленiи «Трудовъ» котораго и въ ихъ редактированiи принималъ немалое участiе;

съ 1877 года—предсѣдатель нмъ же основаннаго ростовскаго городского общества взаимнаго отъ огня недвижимыхъ имуществъ страхованія; съ 1872 года—гласный ростовской, съ 1883 года и ярославской городской думы; съ 1884 года—церковный староста ростовскихъ кремлевскихъ церквей, для реставрированія которыхъ очень много потрудился и затратилъ немало собственныхъ средствъ; съ 1893 года—почетный мировой судья Ростовскаго уѣзда и попечитель церковно-приходской школы села Никольскаго, Ростовскаго уѣзда, гдѣ въ 1894 году построилъ на свои средства домъ для школы; съ 1897 года—членъ ростовскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта; съ 1905 года — почетный попечитель первой московской гимназій.

Столь широкая и продолжительная общественная дѣятельность покойнаго особенно благотворно отразилась на поднятіи народнаго просвѣщенія въ родномъ его краѣ, по особой его любви къ дѣтямъ, и на возстановленіи и сохраненіи святынь ростовскаго кремля: по его иниціативѣ и его стараніями и даже средствами были реставрированы почти всѣ старинныя церкви Ростова Великаго и возникъ извѣстный ростовскій музей церковныхъ древностей, въ которомъ долгое время онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя.

Одновременно съ этимъ покойный числился и на гражданской службѣ: съ 1884 года—какъ членъ-сотрудникъ императорской археографической комиссіи; съ 1899 года—какъ чиновникъ особыхъ порученій шестого класса при министрѣ народнаго просвѣщенія и съ 1905 года—какъ почетный попечитель первой московской гимназій. Въ 1906 году онъ былъ высочайше пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1910 году—званіемъ потомственнаго дворянина.

Какъ въ общественной своей дѣятельности, такъ и учено-литературной А. А. Титовъ больше всего поработалъ на пользу своего роднаго Ростовско-Ярославскаго края. Первою его печатною отдѣльною работою была записка о «Дѣятельности ростовскаго земства по охранѣ народнаго здравія, съ 1865 по 1867 г.» (Ярославль, 1876 г.), за которою послѣдовала подобная же работа о дѣятельности ростовскаго земства «по народному образованію» за тотъ же періодъ. Вслѣдъ за этимъ онъ напечаталъ цѣлый рядъ трудовъ, преимущественно статистическаго характера, о разныхъ видахъ промышленности Ростовскаго края, о скотоводствѣ, лѣсномъ хозяйствѣ, народномъ образованіи и т. п.

Въ концѣ 1878—1879 гг. Андрей Александровичъ познакомился съ предсѣдателемъ московскаго археологическаго общества, графомъ А. С. Уваровымъ, и это обстоятельство оказало на него рѣшающее вліяніе въ его послѣдующей литературной дѣятельности. Знаменитый археологъ открылъ ему прежде всего, какое драгоцѣнное на-

слѣдіе предковъ досталось намъ, русскимъ, въ Ростовѣ Великомъ, въ его историческомъ Кремлѣ, и затѣмъ посовѣтоваль заняться его изученіемъ и сохраненіемъ. Покойный «съ благоговѣніемъ» выслушивалъ эти наставленія и совѣты и всю жизнь непрерывно работалъ, осуществляя предначертанныя ему великимъ учителемъ задачи.

Въ 1884 году появился его первый болѣе крупный историко-археологическій трудъ: «Историческое обозрѣніе Ростова Великаго»; съ 1887 года стали выходить въ свѣтъ весьма содержательные выпуски «Ростовской и ярославской старины» (всего пять выпусковъ)¹⁾ и въ 1888 г.—«Ростовъ Великій. Древніе памятники и историческія святыни». Въ самое послѣднее время были изданы въ обновленномъ и дополненномъ видѣ—«Кремль Ростова Великаго» и «Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ». Эти труды на очень долгое время останутся единственными и лучшими пособиями для изученія ростовскихъ древностей.

Какъ бы уже посмертнымъ изданіемъ А. А. Титова является напечатанное въ только что вышедшей въ свѣтъ третьей книжкѣ «Чтеній» московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ—обширное «Дѣло» (1675—1676 гг.) объ архіепископѣ коломенскомъ Іосифѣ, изъ котораго открываются новыя біографическія данныя этого «упорнѣйшаго гонителя патріарха Никона».

Ростовская епархія и ростовскіе архипастыри имѣли въ покойномъ трудолюбиваго и обильнаго изслѣдователя и біографа: онъ составилъ цѣлый рядъ историческихъ очерковъ монастырей, издалъ немало хранящихся въ нихъ синодиковъ и другихъ книгъ и документовъ, составилъ описанія наиболѣе богатыхъ монастырскихъ сокровищницъ и съ достаточною подробностью освѣтилъ, на основаніи новыхъ документовъ, имъ же найденныхъ, жизнь и дѣятельность такихъ іерарховъ, какъ послѣдній ростовскій архіепископъ Арсеній (Верещагинъ); Іоасафъ Лазаревичъ, 7-й митрополитъ ростовскій; Самуиль Миславскій, Тихонъ Малышко и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составилъ цѣнные труды: «Тверскіе епископы» (1890) и «Рязанскіе епископы» (1890), и біографіи: епископа нижегородскаго Іереміи, епископа вологодскаго и владимирскаго Аѳанасія (Кандонди), епископа пензенскаго Иринаея (Нестеровича) и др.

Разыскивая всюду матеріалы по исторіи родного края, А. А. Титовъ, естественно, наталкивался на новые или малоизвѣстные источники, относящіеся къ исторіи другихъ частей обширной Россійской имперіи или имѣющіе общенсторическое значеніе. Таковыхъ историческихъ матеріаловъ имъ найдено и издано довольно много, но здѣсь мы назовемъ наиболѣе крупныя изъ нихъ: 1) «Дозорныя

¹⁾ Цитирую произведенія А. А. Титова, руководясь, главнымъ образомъ, печатнымъ указателемъ, изданнымъ въ 1891 г. и любезно пополненнымъ покойнымъ изслѣдователемъ, по моей просьбѣ, до 1910 года. Всего здѣсь указано около 190 отдѣльныхъ изданій.

книги о московскихъ раскольникахъ», 2) «Балахнинскіе акты XVII и XVIII вв.», 3) «Лѣтопись двинская», 4) «Лѣтопись велико-устюжская» (это изданіе удостоено особой высочайшей благодарности), 5) «Сибирь въ XVII вѣкѣ», 6) «Указы императрицы Екатерины II къ М. А. Яковлеву», 7) «Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря», 8) «Дневникъ профессора И. М. Снегирева», 9) «Послѣднія судьбы Польши. Дневникъ Пѣтковскаго 1794 года», 10) «Записки Станислава Немоевскаго. 1606—1608 гг.», 11) «Дневникъ Марины Мнишекъ. 1607—1608 гг.», 12) «Письма Фридриха II къ императору Петру III», 13) «Старинныя волости и станы въ Костромской сторонѣ», и др.

Унаслѣдовавъ еще отъ прадѣда и дѣда небольшую коллекцію старопечатныхъ книгъ и рукописныхъ сборниковъ, преимущественно богослужебнаго и церковно-историческаго характера, А. А. Титовъ особенно усердно принялся за собираніе рукописей съ 1878 г., тратя на это иногда значительныя средства. Покупая отдѣльные экземпляры у антикваріевъ-букинистовъ, онъ успѣлъ въ то же время пріобрѣсти полностью: 1) собраніе рукописей, бумагъ и переписку извѣстнаго ученаго и слависта, профессора московскаго университета О. М. Бодянскаго, 2) собраніе рукописей и бумагъ, а также и дневникъ цензора петербургской духовной цензуры архимандрита Сергія Назаретскаго, 3) бумаги и рукописи извѣстнаго писателя и расколовѣда, П. И. Мельникова (на основаніи послѣднихъ имъ составлень, между прочимъ, слѣдующій трудъ: «Религіозныя вѣрованія, домашній бытъ и обычаи мордвы Нижегородскаго уѣзда»), 4) рукописи и бумаги протоіерея Михаила Яковлевича Діева (письма послѣдняго къ И. М. Снегиреву имъ недавно были опубликованы), 5) очень многое изъ собраній П. В. Хлѣбникова, протоіерея Константина Спасскаго и др.

Составляя для себя столь богатую коллекцію рукописей, покойный археографъ оповѣщалъ о нихъ и ученыхъ изслѣдователей, печатая отдѣльными выпусками свой «Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей». Число этихъ рукописей достигло въ послѣднее время весьма значительной цифры—4,500 номеровъ. Все это цѣннѣйшее собраніе А. А. Титовъ еще въ 1900 году пожертвовалъ Императорской публичной библіотекѣ, куда и сдавалъ рукописи частями, по мѣрѣ изданія въ свѣтъ ихъ полного «Описанія», заказавъ при этомъ на собственный счетъ и шкапы для ихъ помѣщенія. Пока сдано въ библіотеку около 2000 номеровъ рукописей, съ ихъ «Описаніями», но какъ пойдетъ дѣло далѣе, сказать трудно. Вѣроятно, сынъ покойнаго ограничится передачей рукописей съ сообщеніемъ лишь отпечатанныхъ и корректурныхъ листовъ послѣдняго выпуска «Описанія», которое, надо думать, публичная библіотека найдетъ возможнымъ закончить и собственными силами, только врядъ ли скоро.

Нельзя отрицать, на нашъ взглядъ, и того, что А. А. Титовъ былъ дѣятельнымъ участникомъ въ собраніи рукописей его родственника И. А. Вахромѣва. Имъ составлены шесть томовъ «Описанія славяно-русскихъ рукописей, принадлежащихъ И. А. Вахромѣву». Не безъ его участія открылась въ 1889 году въ Ярославлѣ ученая архивная коммиссія, издавшая нѣсколько томовъ своихъ «Трудовъ» на средства И. А. Вахромѣва, изъ которыхъ первые два тома были редактированы А. А. Титовымъ.

Нечего и говорить, что покойный былъ желаннымъ сотрудникомъ цѣлага ряда историческихъ изданій, благодаря чему имъ помѣщено множество цѣнныхъ статей, матеріаловъ, замѣтокъ и отзывовъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Душеполезномъ Читеніи», «Христіанинѣ», «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія» и «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ». Желаннымъ и плодотворнымъ дѣятелемъ онъ былъ и на всероссійскихъ археологическихъ съѣздахъ и на областныхъ историко-археологическихъ, участники которыхъ хорошо помнятъ общительнаго, любезнаго и щедрого на раздачи своихъ послѣднихъ работъ сочлена и долго будутъ высказывать свои сожалѣнія о столь внезапной, преждевременной его утратѣ.

За свои учено-литературныя заслуги А. А. Титовъ былъ избранъ членомъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ: московскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи (1879), общества любителей древней письменности (1880), московскаго археологическаго общества (1880), петербургскаго русскаго археологическаго общества (1881), русскаго географическаго общества (1883), московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III и многихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій.

Въ заключеніе не могу не сказать, что покойный, соединяя въ себѣ коммерсанта, общественнаго дѣятеля и изслѣдователя старины, всюду являлся довольно крупной величиной. Въ послѣдней области онъ, какъ самоучка, смѣло можетъ почитаться младшимъ Забѣлинымъ и въ то же время однимъ изъ виднѣйшихъ мѣстныхъ историковъ, широкую любознательность которыхъ обыкновенно тормозитъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, чего, къ счастью, не испытывалъ историкъ Ростовской области.

В. Рудаковъ.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ¹⁾.

(Историческіе очерки).

VI. Ликвидация революціонныхъ сообществъ.

VI.

ОГЛАСНО обвинительному акту по процессу «Двадцати», нижеслѣдующія лица были привлечены по слѣдующимъ взводимымъ противъ нихъ обвиненіямъ:

1) Михайловъ—въ мартѣ 1879 года, въ Петербургѣ, участвовалъ съ другими лицами въ соглашеніи посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора и въ обсужденіи плана означеннаго злодѣянія, во исполненіе какового плана 2-го апрѣля 1879 года послѣдовало, завѣдомо для Михайлова, покушеніе на царевубійство, совершенное нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ.

2) Фроленко, Лебедева, Колодкевичъ и Меркуловъ—въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года, намѣреваясь, съ цѣлью посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора, заложить мину на 14-й верстѣ Одесской желѣзной дороги для взрыва динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать Его Императорское Величество, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

3) Якимова, Тетерка и Исаевъ—въ ноябрѣ 1879 года, близъ города Александровска Екатеринославской губерніи, съ тою же

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХVI, стр. 704.

преступною цѣлью вмѣстѣ съ другими лицами заложили подѣ полотномъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги мину, для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать въ Бозѣ почившій государь императоръ, послѣ чего, 18-го того же ноября, при переходѣ означеннаго поѣзда, соучастниками ихъ была сомкнута проведенная къ минѣ гальваническая цѣпь, причемъ, однакоже, по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, взрыва не послѣдовало.

4) Михайловъ, Аропчикъ, Исаевъ, Баранниковъ и Морозовъ съ тою же преступною цѣлью принимали вмѣстѣ съ другими лицами, участіе въ устройствѣ подкона и мины для взорванія динамитомъ полотна Московско-Курской желѣзной дороги близъ города Москвы, при слѣдованіи императорскаго поѣзда, во время какового слѣдованія, 19-го ноября 1879 года, и былъ произведенъ предположенный взрывъ, не причинившій, однакоже, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемыхъ не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ упомянутомъ поѣздѣ.

5) Исаевъ—съ тою же преступною цѣлью изготовилъ мину, которою, завѣдомо для него, 5-го февраля 1880 года былъ произведенъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ то время пребывалъ въ Бозѣ почившій государь императоръ, каковой взрывъ не достигъ, однакоже, по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ обвиняемаго, вышеуказанной цѣли.

6) Исаевъ, Якимова, Златопольскій и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, весной 1880 года, въ гор. Одессѣ, умысливъ вмѣстѣ съ другими лицами произвести взрывъ при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго государя императора по Итальянской улицѣ, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

7) Исаевъ, Михайловъ, Баранниковъ, Тетерка и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, лѣтомъ 1880 года, въ гор. Петербургѣ заложили подѣ Каменнымъ мостомъ, въ Екатерининскомъ каналѣ, мину для производства динамитомъ взрыва при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго государя императора чрезъ означенный мостъ.

8) Исаевъ, Колодкевичъ, Баранниковъ, Фроленко, Тригопи, Сухановъ, Емельяновъ, Меркуловъ, Лангансъ, Тычининъ, Якимова и Оловенникова,—согласившись между собою и съ другими лицами посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича, во исполненіе такового умысла, во 2-й половинѣ 1880 и въ 1-й половинѣ 1881 года: а) учредили постоянное наблюденіе за проѣздами Его Императорскаго Величества по улицамъ города Петербурга, послѣ чего: б) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой былъ проведенъ подкопъ подѣ означенную улицу, съ устроенною въ немъ миною, для производства взрыва при слѣдованіи Его Величества, и в) марта 1881 года, при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго государя императора

по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательныхъ взрывчатыхъ снаряда, изъ которыхъ взрывъ второго причинилъ государю императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою кончину Его Императорскаго Величества, причемъ изъ поименованныхъ обвиняемыхъ:

Тычининъ и Оловенникова участвовали, подъ руководствомъ нынѣ казенной государственной преступницы Софьи Перовской, въ вышеупомянутомъ паблюденіи за проѣздами Его Величества.

Якимова, подъ именемъ Кобозевой, была хозяйкой сырной лавки, изъ которой былъ проведенъ вышеозначенный подкопъ подъ улицу Малую Садовую;

Меркуловъ служилъ въ этой лавкѣ въ качествѣ приказчика, а также переносилъ въ нее разныя приспособленія для проведенія подкопа и устройства мины;

Колодкевичъ, Баранниковъ, Тригопи, Фроленко, Сухановъ и Лангансъ работали при проведеніи означеннаго подкопа, а Сухановъ, кромѣ того, изготовилъ зарядъ для взрыва устроенной въ томъ подвалѣ мины;

Лебедѣва участвовала въ снаряженіи упомянутаго заряда;

Сухановъ и Исаевъ участвовали въ изготовленіи вышеупомянутыхъ метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями царевубійства и, наконецъ,

Емельяновъ, вооруженный однимъ изъ такихъ метательныхъ снарядовъ, находился на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ совершенія этого злодѣянія, для принятія въ немъ непосредственнаго участія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866 года.

Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвинялись еще въ томъ, что, для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго сообщества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей»:

1) Баранниковъ—по предварительному соглашенію съ другими лицами участвовалъ 4-го августа 1878 года въ лишеніи жизни шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Мезенцова, причемъ, находясь на мѣстѣ совершенія этого преступленія, произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ сопровождавшаго покойнаго генерала Мезенцова отставнаго подполковника Макарова;

2) Терентьева—для доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, въ іюнѣ 1879 года, въ городѣ Херсонѣ, принимала участіе вмѣстѣ съ другими лицами въ тайномъ похищеніи изъ херсонскаго губернскаго казначейства казенныхъ денегъ на сумму болѣе полутора милліона рублей, причемъ для совершенія означенной кражи были произведены проломъ камен-

ной стѣны, подкопъ подъ зданіе казначейства и взломъ запоровъ у сундуковъ, въ которыхъ хранились деньги, и, наконецъ,

3) Фроленко, Лебедева, Фриденсонъ и Меркуловъ—для той же указанной въ предыдущемъ пунктѣ цѣли, умысливъ вмѣстѣ съ другими лицами похитить казенныя деньги изъ кишиневскаго губернскаго казначейства, въ декабрѣ 1880 и въ январѣ 1881 г. начали проводить подкопъ подъ зданіе означеннаго казначейства,

Вѣра Николаевна Фигнеръ.

но намѣренія своего, по не зависѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не успѣли привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак. угол. и испр. изд. 1866 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. Св. Зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ

Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Михайль Тригони, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клѣточниковъ, Михайль Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Айзикъ Арончикъ, Макаръ Тертерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова были преданы суду особаго присутствія правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Изъ участниковъ процесса Сухановъ былъ 2-го марта разстрѣлянъ; Михайловъ, Баранниковъ, Колодкевичъ, Тетерка, Клѣточниковъ, Лангансъ, Исаевъ—умерли въ 1883—84 гг. еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ; Терентьева погибла загадочной смертью тогда же въ Петропавловской крѣпости; Лебедева умерла въ 1889 г., не выходя съ каторги. Изъ переведенныхъ изъ Алексѣевского равелина въ Шлиссельбургскую крѣпость Арончикъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ 1888 г., и только трое—Морозовъ, Тригони, Фроленко—вышли на свободу въ 1905 г., т. е. послѣ 20 слишкомъ лѣтъ заточенія. Якимова и Фриденсонъ, отбывъ срокъ каторги, были освобождены. Златопольскій послѣ долгаго пребыванія на каторгѣ живеть теперь на поселеніи въ Читѣ, Люстигъ—въ Крыму, Емельяновъ, какъ «колонистъ», вышелъ съ каторги и живеть въ Сибири. Одинъ Меркуловъ не отбывалъ наказанія и прямо изъ тюрьмы попалъ на службу въ департаментъ полиціи. Привлекавшійся по этому дѣлу Тычининъ еще до суда умеръ въ домѣ предварительнаго заключенія, кажется, бросившись съ 4-го этажа, когда его вели на прогулку. Е. Оловенникова сошла съ ума и жива до сихъ поръ, Тырковъ тоже временно психически захворалъ, а потомъ на 20 лѣтъ административнымъ порядкомъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Согласно второму процессу «семнадцати», на скамѣ подсудимыхъ оказались слѣдующія лица:

1) Дворянинъ Псковской губерніи Юрій Николаевъ Богдановичъ, 33 лѣтъ; 2) елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михайль Ѳедоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калюжный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Минской губерніи, Антонъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ; 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александровна Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михайль Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственнаго почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Волынской

губерніи Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буцевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христина Григорьевна Гринбергъ), 24 лѣтъ и 17) дочь священника Прасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ; всѣ онѣ обвинялись въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именуемое себя «русскою соціально-революціонною партіею», имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность означеннаго сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и въ приготовленіяхъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же характера.

Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ нижеслѣдующія обвинялись въ томъ, что, дѣйствуя для достиженія вышеупомянутой преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) Телаловъ — а) зная о приготовлявшемся посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Лозово-Севастопольской желѣзной дороги близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, для успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣстивъ на квартиру другого лица земляной буравъ, завѣдомо для него, Телалова, долженствовавшій служить для заложения мины подъ полотно желѣзной дороги, и передалъ нынѣ казненному государственному преступнику Андрею Желябову чемоданъ съ динамитомъ, долженствовавшимъ завѣдомо для него, Телалова, служить для взрыва императорскаго поѣзда; б) послѣ совершенія 18-го ноября 1879 года описаннаго выше покушенія на царубійство подъ гор. Александровскомъ скрылъ въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы, завѣдомо для него, Телалова, служившіе для совершенія вышеозначеннаго покушенія.

2) Златопольскій — въ ноябрѣ 1879 года, зная о приготовлявшемся подъ гор. Москвою покушеніи на священную жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для содѣйствія успѣшному выполненію означеннаго преступнаго замысла передалъ одному изъ участниковъ онаго деньги въ количествѣ 300 рублей серебромъ.

3) Грачевскій — лѣтомъ 1880 года участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на царубійство посредствомъ взрыва въ Петербургѣ Каменнаго моста при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича.

4) Юрій Богдановичъ, Грачевскій и Ивановская — согласились между собою и съ другими лицами, нынѣ уже осужденными, посяг-

нуть на священную жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича посредствомъ а) взрыва полотна одной изъ улицъ столицы при проѣздѣ Его Императорскаго Величества и б) метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, при чемъ въ исполненіе такого умысла:

Богдановичъ нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ и провелъ изъ нея подъ означенную улицу подкопъ съ устроенною въ немъ миною, которая не была взорвана лишь потому, что въ назначенный для царевубійства день, 1-го марта 1881 года, государь императоръ изволилъ прослѣдовать не по Малой Садовой улицѣ, а по набережной Екатерининскаго канала, гдѣ вооруженные метательными снарядами единомышленники его, Богдановича, и причинили посредствомъ означенныхъ снарядовъ государю императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою мученическую кончину Его Императорскаго Величества;

Грачевскій—участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ изобрѣтеніи и изготовленіи метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, при посредствѣ которыхъ и было совершено злодѣяніе 1-го марта 1881 года;

Грачевскій и Ивановская—въ періодъ времени съ 6-го ноября 1880 г. по май 1881 г. были, подъ именемъ мѣщанъ Пришибинныхъ, хозяевами такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Малаго Царскосельскаго проспекта въ д. № 42—14, гдѣ хранились взрывчатые вещества и помѣщалась тайная типографія подпольнаго органа сообщества «Народная Воля», въ каковой типографіи 1-го марта 1881 г. и были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же числа злодѣянія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. изд. 1866 г.

Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвинялись еще въ томъ, что для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго сообщества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей»:

Клименко—согласившись вмѣстѣ съ другими лицами лишить жизни производившаго по высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ генераль-майора Стрѣльникова, даль часть денежныхъ средствъ, нужныхъ для совершенія означеннаго преступленія, при чемъ лично въ убійствѣ 18-го марта 1882 г. генераль-майора Стрѣльникова не участвовалъ;

Лисовская—въ видахъ доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ умыслила вмѣстѣ съ другими лицами похитить казенныя суммы изъ кишиневскаго губернскаго казначейства и для сего въ декабрѣ 1880 г. и въ январѣ 1881 г. участвовала въ проведеніи подкопа подъ зданіе означеннаго казна-

чейства, по намѣренія своего по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ не успѣла привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрены ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак.

Независимо отъ вышеизложенныхъ преступленій, обвинялись:

Стефановичъ—въ томъ, что а) въ 1877 г. организоваль среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда Киевской губерніи тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежащихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ для раздѣла таковыхъ земель между крестьянами и б) для осуществленія указаннаго въ предыдущемъ пунктѣ преступленія составилъ подложный, будто бы за подписаніемъ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича, манифестъ, который и употребилъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ вышеуказанное сообщество.

Означенныя преступленія предусмотрены ст. 318 и 291 улож. о нак.

Клименко—что, будучи сосланъ въ Сибирь на поселеніе по приговору кievскаго военно-окружнаго суда, бѣжалъ лѣтомъ 1881 г. изъ мѣста ссылки.

Преступленіе это предусмотрено 808 ст. т. XIV уст. о ссыльныхъ.

По вышеизложеннымъ обвиненіямъ, согласно высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2-й день февраля 1883 г., и на основаніи ст. 1031 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. св. зак. изд. 1876 г. по продолж. 1879 г. поименованные выше: Юрій Богдановичъ, Михаилъ Грачевскій, Савелій Златопольскій, Петръ Телаловъ, Прасковья Ивановская, Яковъ Стефановичъ, Александръ Буцевичъ, Антонъ Борейша, Александръ Прибылевъ, Ранса Прибылева, Марія Юшкова, Иванъ Калюжный, Надежда Смирницкая, Михаилъ Клименко, Антонина Лисовская, Анна Корба и Хася (она же Христина) Гринбергъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для осужденія дѣль о государственныхъ преступленіяхъ.

VII.

Особое присутствіе, судившее названныхъ подсудимыхъ, определѣло:

1) Подсудимыхъ: дворянина Юрія Богдановича, тридцати трехъ лѣтъ; мѣщанина Петра Телалова, двадцати девяти лѣтъ, мѣщанина Савелія Златопольскаго, двадцати пяти лѣтъ, сына дьякона Михаила Грачевскаго, тридцати трехъ лѣтъ, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Михаила Клименка, двадцати шести лѣтъ, и отставнаго лейтенанта флота Александра Буцевича, тридцати двухъ лѣтъ, на

основаніи 241, 242, 243, 251, 249, 1454, 152 ст. улож. о наказ. и 808 ст. уст. о ссыльн., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе; 2) сына священника Якова Стефановича, тридцати лѣтъ, и дочь священника Прасковью Ивановскую тридцати лѣтъ, на основаніи 241, 242, 243, 249, 251, 291, 318, 152, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы безъ срока: Стефановича—въ рудникахъ, а Ивановскую—на заводахъ; 3) жену потомственного почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анну Корба, двадцати восьми лѣтъ,—на основаніи 249, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на двадцать лѣтъ; 4) подсудимыхъ: крестьянина Антона Борейшу, двадцати четырехъ лѣтъ, мѣщанина Ивана Калюжнаго, двадцати четырехъ лѣтъ, ветеринарнаго врача Александра Прибылева, двадцати четырехъ лѣтъ, дворянку Антонину Лисовскую, двадцати четырехъ лѣтъ, дочь купца Хасю (Христину) Гринбергъ, двадцати четырехъ лѣтъ, дочь священника Надежду Смирницкую, тридцати лѣтъ, дочь священника Марію Юшкову, двадцати двухъ лѣтъ, и жену ветеринарнаго врача Раню Прибылеву, двадцати пяти лѣтъ, на основаніи 249, 1647, 152, 135, 114 и 73 ст. улож. о наказ., лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ, Борейшу, Калюжнаго и Прибылева въ рудникахъ, а Гринбергъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и Прибылеву—на заводахъ; 5) на основаніи уст. угол. суд. 945 ст. п. 1 настоящей приговоръ, въ отношеніи дворянъ Богдановича, Лисовской, Корба и отставнаго флота лейтенанта Буцевича, представить, чрезъ министра юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества на предметъ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, а Буцевича и лишенія ордена св. Станислава 3-й степени; 6) участь подсудимыхъ Борейши, Гринбергъ, Юшковой и Прибылевой, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ, на основаніи 153, 154 ст. улож. о наказ. и 775 ст. уст. уг. суд., повергнуть въ порядкѣ, указанномъ въ послѣдней статьѣ, на монаршее Его Императорскаго Величества милосердіе съ ходатайствомъ, не благоугодно ли будетъ его Императорскому Величеству повелѣть: Прибылеву сослать въ каторжныя работы на заводахъ на четыре года, а Борейшу, Гринбергъ и Юшкову сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ этихъ четырехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія; 7) возмѣщеніе судебныхъ по настоящему дѣлу издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990, 991, 992 и 993 ст. уст. угол. суд., обратить на всѣхъ вышепоименованныхъ виновныхъ, съ круговою ихъ друга за друга отвѣтственности; въ случаѣ же несостоятельности ихъ, принять, согласно 999 ст. того же устава, на счетъ казны, и 8) съ вещественными доказатель-

ствами по настоящему дѣлу поступить на основаніи 777 ст. уст. угол. судопроизводства.

Шестеро приговоренныхъ къ смертной казни прожили въ ожиданіи казни въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, и лишь 28-го мая смертная казнь была замѣнена имъ безсрочными каторжными работами. Нѣкоторые изъ остальныхъ осужденныхъ также получили незначительныя смягченія приговора, и лишь Стефановичу срокъ каторжныхъ работъ былъ уменьшенъ до четырехъ лѣтъ. Приговоренные къ смертной казни были заточены въ казематы, гдѣ *все безъ исключенія* и окончили дни свои: Телаловъ въ Алексѣевскомъ рavelншѣ, а Богдановичъ, Буцевичъ, Клименко, Грачевскій и Златопольскій въ Шлессельбургѣ. Изъ остальныхъ осужденныхъ покончили жизнь самоубійствомъ на Карѣ Калужный и Смирницкая. Тамъ же скончалась и Лисовская. Нѣтъ въ настоящее время въ живыхъ и Раисы Прибылевой.

По процессу «четыренадцати»: дворянка Филиппова-Фигнеръ, Чемодановъ, Волькенштейнъ, Немоловскій, Суровцевъ, Спандони-Басмаджи, Чуйковъ, Иваловъ, Апенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Штробергъ, Тихановичъ, Ювачевъ обвинялись въ принадлежности къ террористической фракціи русской социальнореволюціонной партіи, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, ради чего фракція, наименовавшая себя «партіей народной воли» совершила рядъ преступныхъ посягательствъ на жизнь почившаго императора Александра Николаевича, завершившихся страшнымъ злодѣяніемъ 1-го марта 1881 г., а равно совершила рядъ убійствъ и посягательствъ на высшихъ государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ и другихъ преступленій, повлекшихъ за собой нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Преступленіе это предусмотрено 249 ст. улож. о нак. угол. и исправит. Кромѣ того, Филиппова (она же В. Н. Фигнеръ) еще въ томъ: 1) что, зная о намѣреніи казеннаго государственнаго преступника Соловьева совершить посягательство на жизнь императора Александра Николаевича, принимала участіе въ обсужденіи задуманнаго Соловьевымъ плана, не донесла о томъ надлежащимъ властямъ, чѣмъ и дала возможность Соловьеву привести свой злодѣйскій умыселъ въ исполненіе 2-го апрѣля 1879 г., 2) что, зная о намѣреніи террористической фракціи совершить посягательство на жизнь императора Александра Николаевича, приняла участіе въ обсужденіи способовъ къ совершенію этого преступленія и, не донеся о задуманномъ злодѣяніи, дала возможность членамъ фракціи произвести взрывъ полотна на Московско-Курской желѣзной дороги, 3) что принимала участіе въ обсужденіи плана для преступнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое посягательство было приведено въ исполненіе

закладкою динамита подъ полотно желѣзной дороги возлѣ гор. Александровска и, если взрыва не послѣдовало 18-го ноября 1879 г., во время слѣдованія по сему пути императорскаго поѣзда, то лишь по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ злоумышленниковъ, ибо ими независимо отъ закладки динамита подъ полотно дороги сомкнута была гальваническая цѣпь для производства взрыва во время слѣдованія поѣзда; 4) что принимала участіе не только въ обсужденіи задуманнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое злодѣяніе фракція намѣревалась привести въ исполненіе возлѣ гор. Одессы во время слѣдованія весною 1880 г. императора въ Крымъ, но приняла и активное участіе въ приведеніи сего злодѣянія въ исполненіе, выразившееся въ томъ, что доставила въ Одессу динамитъ и другія принадлежности для устройства задуманнаго взрыва на Одесской желѣзной дорогѣ, а также и въ томъ, что способствовала государственному преступнику Фроленку получить мѣсто сторожа на участкѣ желѣзной дороги, прилегающемъ къ гор. Одесѣ, съ тою цѣлью, чтобы предоставить какъ ему, Фроленку, такъ и другимъ членамъ фракціи, прибывшимъ въ гор. Одессу для сего злодѣянія, болѣе легкій способъ къ устройству взрыва подъ полотномъ желѣзной дороги во время слѣдованія императорскаго поѣзда по участку дороги, находившемуся въ вѣдѣніи Фроленка; 5) что, узнавъ отъ прибывшихъ въ гор. Одессу казенной государственной преступницы Перовской и лишившаго себя жизни государственнаго преступника Николая Саблица о намѣреніяхъ произвести здѣсь посягательство осенью 1880 г. на жизнь государя, она приняла участіе какъ въ обсужденіи плана для совершенія сего злодѣянія, такъ равно въ работахъ, сдѣланныхъ для устройства подкопа изъ лавки, нанятой въ д. № 47 по Итальянской ул., съ цѣлью совершенія взрыва во время слѣдованія императорскаго экипажа отъ пристани къ станціи желѣзной дороги; 6) что въ началѣ 1881 г. принимала участіе въ обсужденіи плана для совершенія посягательства на жизнь императора и, когда было рѣшено нанять лавку въ д. Менгдена съ цѣлью проведенія изъ нея подкопа подъ Малую Садовую ул. для устройства взрыва при слѣдованіи государя императора, то она предложила избрать хозяиномъ лавки Богдановича, а по принятіи ея предложенія изготовила для него подложный видъ на имя Кобозева, а затѣмъ была въ упомянутой лавкѣ, имѣла надлежащія свѣдѣнія о ходѣ работъ; 7) что когда возникло сомнѣніе въ возможности произвести взрывъ на Малой Садовой ул. и вслѣдствіе сего рѣшено было 28-го февраля 1881 г. террористической фракціей совершить 1-го марта посягательство на жизнь государя посредствомъ метательныхъ снарядовъ, то она, тоже 28-го февраля и въ ночь съ этого числа на 1-го марта, въ квартирѣ, занятой ею и государственнымъ преступникомъ Исаевымъ, дозволила не только изготовлять метательные снаряды, но и сама

приняла въ изготовленіи ихъ участіе совмѣстно съ Исаевымъ, Сухановымъ и другими злоумышленниками, каковыми снарядами и было совершено злодѣяніе 1-го марта, имѣвшее послѣдствіемъ мученическую кончину царя-Освободителя; 8) что, видя въ энергичной дѣятельности генерала Стрѣльникова противодѣйствіе распространенію соціально-революціоннаго движенія на югѣ Россіи, предложила террористической фракціи лишить жизни генерала Стрѣльникова, а затѣмъ, по принятіи ея предложенія, отправилась въ Одессу, гдѣ, съ цѣлью успѣшнаго выполненія задуманнаго преступленія, собрала свѣдѣнія объ образѣ жизни Стрѣльникова, передала таковыя свѣдѣнія назначенному для совершенія убійства казненному преступнику Халтурину и снабдила его деньгами на предстоящіе расходы по приведенію въ исполненіе плана убійства.

Согласно судебному постановленію, Фигнеръ приговорена была къ вѣчной каторгѣ, которую и отбывала въ теченіе двадцати лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости; Чемодановъ былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь, Немоловскій приговоренъ къ каторгѣ (умеръ въ Шлиссельбургѣ), Суровцевъ, Спандони, Чуйковъ, Ивановъ, Людмила Волькенштейнъ, Ашенбреннеръ, Ювачевъ, Тихановичъ (умеръ въ Шлиссельбургѣ) были приговорены къ каторжнымъ работамъ, которыя и отбывали по большей части въ Шлиссельбургской крѣпости. Похитоновъ и Рогачевъ были казнены.

Такимъ образомъ, въ процессѣ «четырнадцати» и въ особенности въ осужденіи В. Н. Фигнеръ мы видимъ завершеніе длинной лѣтописи революціонныхъ и террористическихъ выступленій, начавшихся еще съ каракозовскаго выстрѣла и кончившихся убіеніемъ Стрѣльникова. Объ этомъ убійствѣ и связанномъ съ нимъ процессѣ а также о кievскомъ процессѣ «двѣнадцати» мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Въ 1884 г. эта лѣтопись была заключена, а новѣйшая лѣтопись включила въ свои страницы имена новыхъ дѣйствующихъ лицъ и отчасти нѣкоторыхъ изъ старыхъ дѣятелей «народной воли» и окрасилась новой окраскою. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой новѣйшей лѣтописи, о чемъ рѣчь у насъ пойдетъ въ серіи послѣдующихъ очерковъ подъ заглавіемъ «Періодъ твердой власти» и «Переходное время», намъ необходимо еще вернуться къ нѣкоторымъ вопросамъ, завершившимъ переломъ въ исторіи русской революціи, гдѣ были заложены основы любопытной вспомогательно-революціонной организаціи по иниціативѣ старыхъ народолюбцевъ, организаціи продолжающей свое существованіе и понынѣ.

VIII.

Такой вспомогательной организаціей, сыгравшей въ исторіи нашей революціи и всего такъ называемаго «освободительнаго» движенія крупную роль, было «общество Краснаго Креста

партіи народной воли». Полная исторія этого вспомогательнаго общества далеко еще не составлена, но тѣ достовѣрныя данныя ¹⁾, которыя сюда относятся, свидѣтельствуютъ, что начало организациі Краснаго Креста относится къ 1881 году. Партія «народной воли» придавала Красному Кресту чрезвычайно важное значеніе и энергично занялась его устройствомъ въ то самое время, когда ей приходилось одновременно вести рядъ другихъ предпріятій. Лѣтомъ этого года по порученію исполнительнаго комитета Ю. Н. Богдановичъ (Кобозевъ) взялъ на себя задачу организовать особый отдѣлъ Краснаго Креста для устройства побѣговъ изъ ссылки. Для этой цѣли онъ ѣздилъ въ Томскъ, а его ближайшій помощникъ И. В. Коллюжнѣй— въ Красноярскъ. Имъ помогали въ этой задачѣ Телаловъ, Грачевскій и др. Благодаря перехваченнымъ адресамъ въ Москвѣ, въ концѣ 1881 г. произведены были многочисленные аресты среди лицъ, привлеченныхъ въ Красный Крестъ. Тогда были арестованы Шварцъ, Юрасовъ и др.,—всего до 150 чел.

Осенью 1881 г. центральное управленіе Краснаго Креста «народной воли» обратилось къ П. Л. Лаврову съ письмомъ, гдѣ оно просило его совмѣстно съ В. И. Засуличъ быть представителями Краснаго Креста за границей. Вотъ это письмо:

«Многоуважаемый Петръ Лавровичъ!

«Центральное управленіе общества Краснаго Креста партіи народной воли, имѣющаго своею цѣлью защиту и нравственную поддержку лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти, въ виду наиболѣе широкаго осуществленія задачи общества, намѣрено распространить свою организацию не только въ Россіи, но и за границей. Зная васъ за человѣка, посвятившаго все свои силы тому же великому дѣлу, которому служимъ и мы, управленіе убѣждено, что вы не откажетесь принять участіе въ осуществленіи задачъ общества и при томъ всеобщемъ уваженіи и довѣрїи, которымъ вы пользуетесь, окажете ему тѣмъ существенную пользу. Управленіе просить васъ быть его представителемъ въ качествѣ уполномоченнаго агента и при вашемъ согласіи поручаетъ вамъ вмѣстѣ съ Вѣрою Ивановною Засуличъ организовать заграничный отдѣлъ общества.

«Для полнаго уясненія задачъ общества и руководства при организациі отдѣла прилагается уставъ. При этомъ управленіе находитъ нужнымъ присовокупить, что при составленіи устава имѣлась въ виду, главнымъ образомъ, организациа общества въ Россіи, но такъ какъ условія дѣятельности его за границею могутъ имѣть значительныя особенности, то и самый уставъ по отношенію къ за-

¹⁾ «Былое» 1906 г. № 3.

граничному отдѣлу подлежить измѣненію, поэтому управленіе покорнѣйше проситъ васъ внести въ него дополненія, какія вы найдете нужнымъ.

Центральное управленіе общ. Кр. Кр. народной воли.

«P.S. Письмо это, если вы сочтете нужнымъ, можетъ быть опубликовано въ заграничныхъ газетахъ».

П. Л. Лавровъ и В. И. Засуличъ приняли предложеніе, и 27-го декабря за ихъ именами было опубликовано на русскомъ и французскомъ языкѣ заявленіе «Отъ заграничнаго отдѣла общества Краснаго Креста народной воли», потомъ оно было перепечатано во многихъ иностранныхъ газетахъ, въ «Вольномъ Словѣ» и т. д. Подъ давленіемъ русскаго правительства, французскія власти выслали Лаврова въ началѣ 1882 г. изъ Франціи за эту попытку открыто организовать за границей отдѣлъ «тайнаго» русскаго общества «народной воли», и онъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ возможность вернуться изъ Лондона снова въ Парижъ; приказъ объ его высылкѣ, однако, никогда отмѣненъ не былъ.

Отчеты заграничнаго отдѣла печатались въ №№ 1—3 «Вѣстника Народной Воли». Осенью 1884 г. въ № 10 «Народной Воли» центральное управленіе Краснаго Креста заявило объ упраздненіи «заграничнаго отдѣла» и передачѣ его дѣлъ отдѣльнымъ своимъ заграничнымъ агентамъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 4-й, стр. 236). Съ тѣхъ поръ за границей, хотя не переставали существовать различныя организаціи для помощи ссыльнымъ, но въ составъ Краснаго Креста онѣ не входили.

Въ Россіи общество Краснаго Креста «народной воли» вскорѣ стало дѣйствовать подъ именемъ «общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ» или, просто, «Краснаго Креста»; дѣятельность Краснаго Креста, начавшаяся въ 1881 году, продолжается непрерывно до нашихъ дней. По свидѣтельству редакціи «Былого», «Краснымъ Крестомъ за время его дѣятельности оказана разнаго рода помощь многимъ-многимъ тысячамъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ и ихъ семьямъ. «Красному Кресту» оказывали содѣйствіе многочисленныя общественныя организаціи, какъ легальныя, такъ и нелегальныя. Такъ называемыя студенческія «землячества» отчисляли изъ своихъ средствъ въ пользу «Краснаго Креста» значительныя суммы, и многія студенческія вечеринки подъ разными легальными флагами спеціально устраивались именно для усиленія кассы этого общества. Съ баловъ въ Дворянскомъ собраніи, устраиваемыхъ учащеюся молодежью, и студенческихъ вечеринокъ въ кухмистерскихъ, изъ нарочито устраиваемыхъ лотерей непременно практиковалось отчисленіе въ пользу «политиковъ», безъ чего почти ни одно начинаніе такого порядка не проходило благополучно.

Авторъ настоящихъ очерковъ прекрасно помнитъ, какъ, устраивая одинъ изъ студенческихъ баловъ въ Дворянскомъ собраніи, кажется, въ 1884 или 1885 г.г., онъ былъ припертъ къ стѣнѣ заявленіемъ представителей «крайней лѣвой» студенчества, что если съ чистой выручки съ вечера не будетъ отчислено 10⁰/₀ въ пользу политическихъ ссыльныхъ, въ чемъ должна быть дана гарантія вліятельныхъ профессоровъ, то балъ будетъ сорванъ безпорядками и съ разныхъ мѣстъ зальныхъ хоръ въ публику будутъ брошены многочисленныя революціонныя воззванія и прокламаціи. Передъ такимъ натискомъ пришлось спасовать, и съ согласія двухъ авторитетныхъ профессоровъ было обѣщано исполненіе требованія, результатомъ чего была передача въ кассу «Краснаго Креста» суммы въ 300 рублей. Очевидно, администрація прекрасно была освѣдомлена обо всѣхъ этихъ отчисленіяхъ, почему она въ восьмидесятыхъ годахъ и относилась съ крайнимъ недоувѣріемъ и опаскою ко всякаго рода тогдашнимъ вечеринкамъ. Разрѣшая послѣднія, градоначальникъ Грессеръ ставилъ устроителямъ особыя условія, которыми ему давались гарантіи, что въ пользу политическаго «Краснаго Креста» не будетъ дѣлаемо ни отчисленій, ни особыхъ сборовъ. Но, конечно, эти условія не выполнялись, и при помощи разныхъ хитроумныхъ комбинацій сборы и отчисленія все же преисправно дѣлались.

Приводимъ здѣсь уставъ этого политическаго тайнаго благотворительнаго учрежденія.

Уставъ общества Краснаго Креста партіи «народной воли».

I.

§ 1. Общество Краснаго Креста есть спеціальнй отдѣлъ общей организаціи партіи «народной воли».

§ 2. *Цѣль его:* а) Матеріальная помощь (деньгами, платьемъ, доставленіемъ мѣстъ и т. п.) всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, и религіозныхъ ученій.

б) Нравственная помощь тѣмъ же лицамъ, посредствомъ защиты и возстановленія ихъ правъ путемъ словесной агитаціи въ обществѣ, легальной и нелегальной прессы и воздѣйствія на мѣстную и центральную администрацію.

в) Установленіе правильныхъ и постоянныхъ сношеній между ссыльными и заключенными.

и г) Организація побѣга и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

II.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 3. Общество Краснаго Креста составляется изъ постоянныхъ членовъ, испытываемыхъ и случайныхъ агентовъ.

§ 4. Постоянными членами могутъ быть только лица вполнѣ согласныя съ настоящимъ уставомъ и готовыя безусловно подчиняться ему.

§ 5. Приемъ постоянныхъ членовъ производится мѣстными отдѣлами и центральнымъ управленіемъ общества, причемъ вступающій членъ долженъ имѣть за себя поручительство двухъ постоянныхъ членовъ.

§ 6. Для вступленія членомъ нужно пробить испытуемымъ агентомъ не менѣ полугода.

§ 7. Всѣ члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всемъ, что касается общаго дѣла, членъ поступаетъ съ согласія административнаго отдѣла или центральнаго управленія, къ которымъ принадлежитъ, и по требованію ихъ обязанъ дать отчетъ о своей дѣятельности.

§ 9. Каждый членъ правообязанъ привлекать случайныхъ агентовъ, о чемъ немедленно сообщаетъ отдѣлу, для привлеченія же испытуемыхъ агентовъ должно быть и согласіе отдѣла.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организаціи.

§ 11. За всѣ проступки противъ организаціи членъ подлежитъ суду товарищей.

§ 12. Если по суду членъ будетъ исключенъ изъ общества, то постановленіе объ этомъ съ подробною мотивировкою передается въ исполнительный комитетъ.

§ 13. О выходѣ своемъ изъ общества или о переходѣ въ другой отдѣлъ членъ долженъ своевременно заявить *администраціи*, при чемъ ему ставятся опредѣленные обязательства, охраняющія цѣлость организаціи и дальнѣйшее успѣшное веденіе дѣла.

§ 14. Все имущество, переданное членомъ общества, по выходѣ его считается собственностью общества.

§ 15. *Испытуемыми агентами* могутъ быть лица, способныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ стать постоянными членами, но еще недостаточно извѣстныя мѣстному отдѣлу.

§ 16. Они могутъ быть посвящены во всѣ дѣла *мѣстнаго отдѣла*, но ни въ какомъ случаѣ не въ общія дѣла организаціи.

§ 17. Они, не имѣя права голоса въ общихъ дѣлахъ, не имѣютъ и строгихъ обязательствъ къ обществу, но *мѣстные отдѣлы* должны стремиться поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость.

§ 18. По прошествіи полугода испытуемые агенты могутъ быть приняты въ члены ¹⁾.

§ 19. *Случайными агентами* называются лица, привлеченныя для отдѣльныхъ дѣлъ и предпріятій членами на свой рискъ.

§ 20. Они не стоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ организаціи, и за всѣ ихъ поступки отвѣтственъ членъ, привлекшій ихъ къ дѣлу.

§ 21. Кромѣ спеціальнаго дѣла, къ которому они привлечены, имъ не должно быть ничего извѣстно объ организаціи, какъ и вообще всѣмъ постороннимъ лицамъ.

III.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

§ 22. Всѣ дѣла и учрежденія общества ведутся *мѣстными отдѣлами и центральнымъ управленіемъ*.

A. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЬ.

§ 23. Мѣстный отдѣлъ составляется изъ всего наличнаго числа членовъ данной мѣстности.

¹⁾ Срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ или увеличенъ по желанію отдѣла.

§ 24. Всѣми дѣлами мѣстнаго отдѣла завѣдует администрація, состоящая изъ трехъ членовъ и двухъ кандидатовъ, выбираемыхъ отдѣломъ безъ срока, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 25. Администраціи отдѣла подлежатъ всѣ дѣла мѣстной организаціи, а именно:

а) веденіе и завѣдываніе всѣми денежными средствами и всѣмъ имуществомъ (кассой, складами имущества, оружія и т. п.).

б) Устройство конспиративныхъ квартиръ, складовъ, притоновъ.

в) Заведеніе связей, полезныхъ для обезпеченія побѣговъ и сношеній и для защиты гонимыхъ отъ произвола мѣстной администраціи.

г) Храненіе всѣхъ имѣющихся въ отдѣлѣ свѣдѣній о проѣзжихъ и таскныхъ дорогахъ, населенныхъ мѣстахъ и лицахъ въ нихъ, могущихъ быть полезными дѣлу, о количествѣ и расположеніи мѣстныхъ войскъ, планы мѣстъ заключенія, этаповъ и проч.

д) Составленіе подробныхъ списковъ всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ съ обозначеніемъ ихъ біографій, средствъ къ жизни и отношенія ихъ къ революціонному дѣлу.

е) Распределеніе помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организація побѣговъ въ томъ случаѣ, если на это требуется затрата, превышающая смѣтную сумму не болѣе, какъ на 500 руб. единовременно и 1000 р. въ годъ. Въ случаяхъ болѣе сложныхъ должно быть спрошено согласіе центральнаго управленія ¹⁾.

з) Созывать отдѣлъ для приѣма новыхъ членовъ и другихъ экстренныхъ надобностей.

§ 26. Всѣ вопросы въ администраціи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 27. Совѣщанія администраціи происходятъ еженедѣльно.

§ 28. Два раза въ годъ администрація отдастъ подробный отчетъ наличному числу членовъ отдѣла, причемъ адреса, притоны и фамиліи могутъ не сообщаться.

§ 29. Для сношеній администраціи между собой ими устанавливается особый шифръ, сношенія же съ центромъ см. ниже.

§ 30. Всѣ имѣющіяся въ отдѣлѣ свѣдѣнія администрація передаетъ въ центръ по мѣрѣ ихъ накопленія.

§ 31. Два раза въ годъ: къ 1 января и къ 1 августа администрація представляетъ подробный отчетъ въ своей дѣятельности центру и подробную смѣту необходимыхъ для нея затратъ на текущее полугодіе.

§ 32. Касса отдѣла составляется изъ суммъ, отпускаемыхъ центромъ.

Б. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

§ 33. Центральное управленіе составляется не менѣе, какъ изъ пяти членовъ и не болѣе числа всѣхъ существующихъ отдѣловъ общества.

¹⁾ Прежде, чѣмъ оказать помощь въ побѣгѣ, отдѣлы и уполномоченный агентъ извѣщаютъ центръ о бѣгущихъ возможно подробнѣе, именно: имена и фамиліи, краткія біографіи и характеристика ихъ и ихъ намѣренія.

Въ видахъ цѣлостности организаціи и пользы революціонному дѣлу имъ не должна оказываться помощь до полученія отвѣта изъ центра.

При самомъ побѣгѣ отдѣлы и уполном. агентъ предупреждаютъ бѣгущихъ, что по прибытіи въ Россію имъ будетъ оказана помощь въ теченіе одного мѣсяца; въ это время они должны или примкнуть къ революціонной организаціи, или избрать себѣ родъ жизни.

§ 34. Члены центрального управления есть представители отдѣловъ, отъ каждаго по одному, и одинъ изъ членовъ сверхъ числа представителей назначается отъ исполнительнаго комитета.

§ 35. Каждому отдѣлу извѣстенъ только его представитель, полный же составъ центрального управления есть тайна, извѣстная только ему самому.

§ 36. Членъ центрального управления можетъ уволиться не иначе, какъ съ согласія центрального управления.

§ 37. Представитель отдѣла долженъ быть утвержденъ центромъ.

§ 38. Членъ центрального управления, назначенный исполнительнымъ комитетомъ, можетъ быть всегда отозванъ имъ, но на его мѣсто долженъ быть немедленно назначенъ новый.

§ 39. Всѣ дѣла и вопросы въ центрѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, и только исключеніе члена требуетъ двухъ третей.

§ 40. Для веденія своихъ дѣлъ центръ, кромѣ своихъ членовъ, можетъ имѣть неопредѣленное число запасныхъ агентовъ, избираемыхъ имъ самостоятельно.

§ 41. Запасный агентъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для вступленія постояннымъ членомъ.

§ 42. Вѣдѣнію центрального управления подлежатъ:

- а) Центральная касса.
- б) Центральный архивъ.
- в) Сношенія съ мѣстными отдѣлами и исполнительнымъ комитетомъ.
- г) Судъ надъ своими членами и запасными агентами.
- д) Веденіе всѣхъ предпріятій, учрежденій и связей, обеспечивающихъ цѣлость всей организаціи и успѣшность въ достиженіи общихъ задачъ ея.

§ 43. Центральная касса составляется: изъ имущества, внесеннаго всѣми членами общества, добровольныхъ сборовъ среди лицъ, сочувствующихъ его задачамъ, и временныхъ, случайныхъ взносовъ членовъ и постороннихъ лицъ.

§ 44. Два раза въ годъ, по полученіи отчетовъ изъ отдѣловъ, центральное управленіе составляетъ смѣту на всѣ необходимыя затраты общества, распределяетъ денежные расходы по отдѣламъ и, составивши такимъ образомъ денежный отчетъ и смѣту на текущее полугодіе, представляетъ въ исполнительный комитетъ.

§ 45. Разъ въ годъ центральное управленіе составляетъ подробный отчетъ въ дѣятельности всего общества, одинъ экземпляръ котораго передается въ исполнительный комитетъ, другіе съ нарочю посланнымъ агентомъ передаются всѣмъ мѣстнымъ отдѣламъ и уполномоченнымъ агентамъ.

§ 46. Въ центральномъ архивѣ хранятся всѣ свѣдѣнія, полученныя изъ отдѣловъ.

§ 47. Для сношенія съ отдѣлами и уполномоченными агентами центральное управленіе устанавливаетъ общій всему обществу шифръ.

§ 48. Центральное управленіе заботится объ увеличеніи денежныхъ средствъ общества, о цѣлости всей организаціи, о привлеченіи лицъ, могущихъ такъ или иначе быть полезными обществу (литературнымъ содѣйствіемъ, вліяніемъ на центральную администрацію и т. п.).

§ 49. Всѣ дѣла общества центральное управленіе ведетъ вполнѣ самостоятельно.

Уполномоченные агенты.

§ 50. Въ мѣстахъ, гдѣ за малочисленностью не можетъ быть организована мѣстный отдѣлъ, центральное управление ведетъ дѣло чрезъ уполномоченныхъ агентовъ, которыхъ избираетъ и назначаетъ самостоятельно.

§ 51. Правообязанности уполномоченныхъ агентовъ тѣ же, что и мѣстныхъ отдѣловъ (см. §§ 23—32) съ ограниченіемъ въ слѣдующемъ: они не имѣютъ права:

- а) принимать новыхъ членовъ;
- б) начинать самостоятельно дѣла освобожденія
- и в) расходовать выше смѣтной суммы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть спрошено согласіе центра.

§ 52. Уполномоченный агентъ не можетъ выйти изъ общества прежде, чѣмъ сдать всѣ свои дѣла назначенному на его мѣсто.

§ 53. Члены общества, притоны, шифры, имѣющіяся связи и самая организація общества составляютъ тайну его и обнаруженіе ея передъ посторонними есть преступленіе противъ организаціи.

IX.

Уставъ заграничнаго отдѣла Краснаго Креста «народной воли».

I.

Задачи его.

§ 1. Главная задача заграничнаго отдѣла общества состоитъ въ сборѣ денегъ и всякихъ пожертвованій для помощи лицамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ и пострадавшимъ въ Россіи за свободу мысли и совѣсти безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали. Оно также заботится о возбужденіи общественнаго мнѣнія Европы противъ русскаго деспотизма въ пользу русскаго революціонной партіи.

II.

Составъ общества:

§ 2. Заграничный отдѣлъ общества Краснаго Креста состоитъ изъ уполномоченныхъ агентовъ центральнаго управленія, изъ постоянныхъ членовъ и случайныхъ агентовъ.

§ 3. Уполномоченные агенты избираются центральнымъ управленіемъ изъ лицъ ему извѣстныхъ и отдавшихъ въ его полное распоряженіе.

§ 4. *Постоянными членами* могутъ быть лица, признающія этотъ уставъ и готовыя посвящать свои силы и время на достиженіе задачъ заграничнаго отдѣла общества Краснаго Креста.

§ 5. Первые два члена въ каждой мѣстности приглашаются уполномоченнымъ агентомъ этой мѣстности съ согласія остальныхъ уполномоченныхъ агентовъ, по соглашенію съ центральнымъ комитетомъ. Дальнѣйшій же пріемъ постоянныхъ членовъ совершается по единогласному рѣшенію уполномоченныхъ агентовъ и всѣхъ принятыхъ уже постоянныхъ членовъ общества.

§ 6. *Случайными агентами* называются лица, оказывающія тѣ или другія услуги обществу и временно занимающіяся его дѣлами. Они при-

влекаются уполномоченными агентами или постоянными членами на свой рискъ, не стоятъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ обществу и не имѣютъ голоса въ его дѣлахъ, за исключеніемъ того именно предпріятія, для котораго они привлечены; всѣ же дѣла общества, какъ и настоящій уставъ, не должны быть извѣстны ни имъ, ни кому другому изъ постороннихъ лицъ.

III.

Способы веденія дѣлъ общества. (Организація).

Обязанности лицъ, входящихъ въ составъ общества:

а) Уполномоченныхъ агентовъ:

§ 7. Уполномоченные агенты ведутъ сношенія заграничнаго отдѣла общества Краснаго Креста съ центральнымъ его управленіемъ, находящимся въ Россіи.

§ 8. У нихъ хранятся адреса и шифры для сношенія съ центральнымъ управленіемъ, безъ согласія котораго они не могутъ передавать ихъ другимъ членамъ.

§ 9. Они выдаютъ постояннымъ членамъ сборные листы за номеромъ и печатью заграничнаго отдѣла, также брошюры, фотографическія карточки и другія изданія общества для распродажи ихъ.

§ 10. Къ уполномоченнымъ агентамъ поступаютъ всѣ собранныя въ пользу русскаго Краснаго Креста суммы, которыя ими пересылаются въ Россію.

§ 11. Никакія публикаціи, заявленія и изданія отъ имени общества Краснаго Креста не должны совершаться безъ вѣдома уполномоченныхъ агентовъ, которые о таковыхъ въ важныхъ случаяхъ сносятся съ центральнымъ управленіемъ.

§ 12. Они сообщаютъ центральному управленію о приѣмѣ постоянныхъ членовъ, о выходѣ и исключеніи ихъ, а также должны наблюдать за точнымъ исполненіемъ настоящаго устава и отвѣтственны предъ центральнымъ управленіемъ за его нарушеніе.

§ 13. Удалиться отъ веденія дѣлъ уполномоченный агентъ можетъ только по согласію съ центральнымъ управленіемъ и по замѣщенію его новымъ.

б) Постоянныхъ членовъ:

§ 14. Постоянные члены содѣйствуютъ веденію всѣхъ дѣлъ заграничнаго отдѣла общества и во всемъ, касающемся общества, поступаютъ съ согласія собранія постоянныхъ членовъ и уполномоченныхъ агентовъ.

§ 15. Постоянные члены занимаются сборами пожертвованій по бланкамъ заграничнаго отдѣла, передавать которыя могутъ лишь тѣмъ случайнымъ агентамъ, за которыхъ вполнѣ увѣрены, что они по нимъ будутъ производить сборы и не стануть злоупотреблять ими, т. е. не передадутъ ихъ въ ненадежныя руки.

§ 16. Постоянные члены заботятся о продажѣ изданій общества (брошюрь, фотографическихъ карточекъ и проч.) и всячески способствуютъ примѣненію тѣхъ способовъ и путей, которые общество найдетъ полезнымъ практиковать для приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, или для возбужденія европейскаго сочувствія.

§ 17. Они должны стараться не допускать никакихъ сборовъ по бланкамъ не отъ общества и вообще никакихъ сборовъ отъ его имени, но въ сущности не для него, а также никакихъ публикацій и заявленій отъ имени, но безъ вѣдома и согласія общества.

§ 18. О своемъ выходѣ постоянные члены даютъ знать собранію членовъ и по выходѣ обязаны продолжать хранить тайну общества.

§ 19. За проступки противъ организаціи члены подлежатъ суду товарищей и могутъ быть исключены изъ состава общества по приговору двухъ третей его мѣстныхъ членовъ, о чемъ (§ 12) сообщается центральному управленію.

Собранія постоянныхъ членовъ.

§ 20. Собранія постоянныхъ членовъ происходятъ по мѣрѣ надобности и состоятъ изъ уполномоченныхъ агентовъ и постоянныхъ членовъ.

§ 21. На нихъ обсуждаются и рѣшаются способы веденія дѣлъ, подлежащихъ постояннымъ членамъ.

§ 22. На этихъ собраніяхъ постоянные члены даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и дѣятельности случайныхъ агентовъ, ими привлеченныхъ.

§ 23. Рѣшенія собранія постановляются простымъ большинствомъ.

ОБЩІЯ СОБРАНІЯ.

§ 24. Разъ въ три мѣсяца происходятъ общія собранія, на которыхъ, кромѣ уполномоченныхъ агентовъ и постоянныхъ членовъ, могутъ присутствовать и случайные агенты, а также *постоянные жертвователи*, т. е. лица, вносящія известную сумму въ опредѣленные сроки.

§ 25. На общихъ собраніяхъ уполномоченные агенты знакомятъ присутствующихъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ заграничнаго отдѣла. Какъ случайные агенты, такъ и постоянные жертвователи имѣютъ на нихъ право вносить предложенія на пользу общества и пользуются правомъ голоса.

Настоящій уставъ имѣетъ силу во всѣхъ своихъ пунктахъ лишь въ странахъ, гдѣ не можетъ существовать вполнѣ открыто и на законныхъ основаніяхъ общество, афилированное «Народной Волѣ», въ Англіи же и Америкѣ онъ допускаетъ значительныя видоизмѣненія.

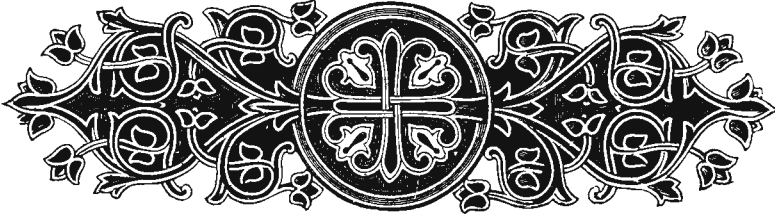
Какъ расходовались суммы этихъ политическихъ филантропическихъ организацій, какъ даже велики онѣ были и кто ими распоряжался, намъ невѣдомо. Нѣтъ сомнѣнія, что на этой почвѣ возникали немалыя злоупотребленія и разные приходимцы спекулировали за счетъ «политики», но это явленіе наблюдается, какъ известно, и въ официальныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и не можетъ быть отмѣчено, какъ специальная характерная черта всего учрежденія и идеи, въ него положенной. Когда намъ придется говорить въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ о бытѣ ссыльныхъ, о тюремныхъ и каторжныхъ режимахъ, мы увидимъ, что денежныя средства, направляемая сюда изъ благотворительныхъ политическихъ организацій вообще и «Краснаго Креста» въ частности, сыграли тамъ крупную, иногда почти рѣшающую роль.

Ликвидируя всѣ начинанія революціоннаго порядка, непосредственно связанныя съ основаніемъ партіи «народной воли», правительство, какъ и можно было навѣрное полагать, не было въ состояніи положить предѣла революціонно-политической филантропіи. Это было явленіемъ неувловимымъ, но тѣмъ не менѣе въ связи съ этимъ явленіемъ стояли многочисленные аресты и высылки,

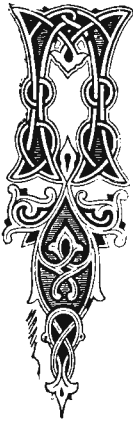
которыя густо заполняли собою ряды поселенцевъ Сибири и мѣсть «не столь отдаленныхъ».

Если не считать этой неудачи въ дѣятельности правительства въ его борьбѣ съ крамолою, то въ общемъ къ исходу первой половины восьмидесятихъ годовъ можно констатировать полную и рѣшительную побѣду власти надъ грозной партіей «народной воли». Въ промежутокъ времени трехъ лѣтъ партія оказалась разгромленной, представители ея частью казнены, частью замурованы въ казематы, частью загнаны въ тундры и крѣпости далекой Сибири, гдѣ и разыгрывались всевозможныя трагедіи, какъ, напримѣръ, знаменитая карійская. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Съ разгромомъ партіи въ государствѣ наступило нѣкоторое успокоеніе, которое позволило правительству императора Александра осуществить начала той политики, которая уже получила въ нашей исторической публицистикѣ наименованіе политики сильной и твердой власти. Этотъ періодъ сильной власти, выразителями которой были и самъ царь-Миротворецъ, и его главнѣйшіе сподвижники графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ, совпалъ съ эпохой успокоенія, обнялъ собою цѣлое десятилѣтіе и явился въ нашей отечественной исторіи преддверіемъ къ нѣкоторой переходной эпохѣ, послѣ чего вѣнценосному представителю дома Романовыхъ, благополучно царствующему Государю Императору удалось осуществить и провести въ жизнь тѣ начала, которыя положены были въ основу соглашения между землею и царской властью въ 1613 году, при вступленіи Михаила Ѳедоровича Романова на всероссійскій престоль, о чемъ мы говорили въ первой главѣ нашего труда «Борьба за конституцію». Царь и народъ ради строительства родной земли въ тѣсномъ единеніи сошлись, и то, что между ними было оговорено триста почти лѣтъ тому назадъ, начиная съ 17-го октября 1905 г., начинаетъ въ новой, соотвѣтствующей времени государственной формѣ, получать осуществленіе. Обширный трехсотлѣтній періодъ времени, полный частыхъ взаимныхъ непониманій, подчасъ кровавой борьбы, который мы въ главныхъ его моментахъ оглянули въ нашихъ историческихъ очеркахъ, на рубежѣ знаменательнаго юбилея царствующаго дома Романовыхъ, началъ заключаться именно тѣмъ согласіемъ и единеніемъ, котораго когда-то желали наши предки и безъ чего они не видѣли счастья своей родинѣ, ея мощи и славы. Къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, при которыхъ воспослѣдовало это единеніе, мы и приступимъ въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ, начавъ ихъ съ того періода, которой мы считаемъ преддверіемъ этого соглашения—съ періода «сильной власти» и съ «эпохи переходнаго времени».

Б. Глинскій.

ОЧЕРКИ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ.

ОПАДАЯ первый разъ въ среднеазиатскій городъ, невольно поражаешься унылымъ и пустыннымъ видомъ его улицъ, вьющихся между однообразными глиняными заборами (дувалами), въ которыхъ не видно никакихъ слѣдовъ жилья, кромѣ низенькихъ калитокъ. Но вотъ на нашу удачу изъ-за крутого поворота выѣзжаетъ не спѣша арба; лошадью править туземець-узбекъ, сидя на ней верхомъ и опираясь ногами въ оглобли. Нашъ возница и встрѣтившійся арбакешъ принимаютъ своевременно мѣры, чтобы благополучно разъѣхаться и не застрять въ этой улицѣ-щели. Арба тѣсно жметъ къ дувалу, заѣзжаетъ однимъ колесомъ на стѣну, и, сильно накрепившись, кое-какъ протискивается мимо насъ или, вѣрнѣе, надъ нами, и не спѣша продолжаетъ свой путь дальше. На улицѣ многого не увидишь. Изрѣдка пройдетъ узбекъ или закутанная съ ногъ до головы въ синій халатъ туземка, или наше неожиданное появленіе разгонитъ, какъ стаю воробьевъ, кучу дѣтишекъ, игравшихъ въ пыли дорожныхъ колея.

Къ вечеру, а также и въ базарные дни на улицахъ пооживленіе, но и усиленное движеніе не скрадываетъ унылости и неуютности этихъ голыхъ щелей, зигзагами прорѣзающихъ городъ и мѣстами превращающихъ его въ такой лабиринтъ, что оттуда не выйти самому безъ помощи провожатаго туземца.

Между тѣмъ по ту сторону этихъ мертвыхъ снаружи стѣнъ проходитъ добрая половина жизни узбека, другую половину онъ проводитъ на базарѣ.

Узенькая калитка—единственный свидѣтель жилья—ведетъ насъ во дворъ узбека, обнесенный со всѣхъ сторонъ постройками—домомъ и службами. Сооружаются онѣ чрезвычайно просто, благо главный строительный матеріалъ—глина—подъ ногами. Почва образована лессомъ, особымъ сортомъ глины, которая и употребляется для различныхъ сооружений. Изъ деревянныхъ жердей и

Домъ богатаго узбека въ Самаркандѣ. Видъ со двора.

балоковъ дѣлаютъ четырехугольный остовъ дома, промежутки закладываютъ лессовыми сырцовыми кирпичами, щели между ними замазываютъ тѣмъ же лессомъ, только жидко разведеннымъ, настилаютъ плоскую крышу, являющуюся въ то же время и потолкомъ, и домъ узбека готовъ. Фасадомъ своимъ онъ смотритъ во дворъ, спиною же на улицу, поэтому и непригляденъ видъ послѣднихъ, такъ какъ оконъ въ туземномъ домѣ не полагается, роль же ихъ

играють оклеенныя бумагой деревянныя рѣшетки надъ дверями, да и тѣ смотрятъ во дворъ. Несложно и внутреннее убранство туземнаго жилища. Потолокъ или расписанъ красками съ золотомъ, или покрытъ рѣзью, или сдѣланъ изъ некрашенныхъ балокъ, смотря по достатку хозяина. Глинобитный полъ покрытъ войлоками, коврами, въ стѣнахъ—алебастровыя ниши, замѣняющія наши шкалы; въ углу сложена куча ватныхъ одѣяль,—вотъ и вся обстановка.

Печей въ комнатахъ нѣтъ, а на случай зимнихъ стужъ пускаютъ въ ходъ особое приспособленіе. По срединѣ глинянаго пола каждой комнаты имѣется четырехугольная яма, въ которую во время холода насыпаютъ горячихъ углей; надъ ней ставятъ табуретъ и покрываютъ его большимъ ватнымъ одѣяломъ. Всякій, кто желаетъ погрѣться или лечь спать, забирается подъ одѣяло, ногами къ табурету и, когда такъ ляжетъ нѣсколько душъ, то получается картина, не лишенная нѣкоторой оригинальности.

Въ этой парадной половинѣ жилья узбека хозяинъ принимаетъ своихъ гостей, семья же его живетъ на другой половинѣ, куда доступъ постороннимъ мужчинамъ строго-настрога запрещенъ. Дворъ второй половины поменьше и погрязнѣе, въ домѣ много всякаго домашняго скарба, необходимаго въ хозяйствѣ; гдѣ-нибудь по близости дома устроена глинобитная печь, въ которой узбечка готовитъ пищу.

Значительную часть времени узбекъ проводитъ внѣ своего дома, чаще на базарахъ, такъ какъ базарная жизнь очень привлекаетъ туземцевъ.

Если мы, выйдя изъ дома узбека, направимся дальше по кривымъ улицамъ, то попадемъ въ концѣ концовъ въ оживленную часть города—на базаръ. Чередующіяся здѣсь съ площадями улицы шире, онѣ заняты различно устроенными туземными лавками. Последнія помѣщаются или въ небольшихъ домахъ, фасадомъ своимъ обращенныхъ на улицу, досчатая передняя стѣна ихъ разбирается и открываетъ лавку, полъ которой лежитъ выше уровня тротуара; или лавками заняты деревянныя будки, подпирающія одна другую и рядами тянущіяся по площади. Хозяинъ сидитъ на полу своего торговаго помѣщенія, кругомъ разложенъ и развѣшенъ товаръ, покупатель же обыкновенно остается на тротуарѣ и оттуда ведетъ торгъ съ продавцомъ.

Иногда встрѣчаются и такія лавки, въ которую не можетъ войти даже и самъ хозяинъ. Представьте себѣ въ глиняной стѣнѣ улицы шкапъ глубиною въ четверть или полъ-аршина, закрывающійся досками, вотъ и весь магазинъ, владѣлецъ котораго сидитъ въ немъ, свѣсивъ ноги на узкій тротуаръ и тѣмъ заставляя прохожихъ обходить себя.

Отличительной особенностью большинства среднеазиатских городовъ являются крытые базары. Это рядъ кварталовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое крышей, перекинутой надъ улицами. Пріятно бродить подъ тѣнью ихъ, укрываясь отъ 30—35° жары, и цѣлыя версты можно исходить по его укромнымъ закоулкамъ.

Улица базара близъ мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ.

Лавки крытыхъ базаровъ располагаются рядами по своимъ специальностямъ; рядъ аттари (родъ мелочныхъ торговцевъ), тюбитеекъ (шапочки), чалмъ, сапожный, халатовъ, посуды, мѣдныхъ издѣлій, войлоковъ, ковровъ, хлѣбный и т. д. Среди этихъ лавокъ часто встрѣчаются чайныя лавки (чай-хана) и харчевни (ашъ-хана).

Чай-хана для среднеазиатскаго туземца имѣетъ такое же значеніе, что и кофейня для турка. Здѣсь жители проводятъ свое свобод-

ное время, отдыхая за чаемъ. Тутъ узнаютъ они всякія новости, разносящіяся изъ устъ въ уста такъ же быстро, какъ и по телеграфу. Распространенію различныхъ извѣстій способствуютъ особые глашатаи, роль которыхъ исполняютъ туземцы, обладающіе зычными голосами. Разбѣгая верхомъ по базарамъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, они громогласно объявляютъ то, что поручено имъ нанимателемъ.

Харчевни, приготовляющія всякую туземную снѣдь, устроены курьезно. Главная ея часть—печь въ родѣ плиты, только гораздо длиннѣе. Необыкновенность устройства состоитъ въ томъ, что топки печи своими устьями открываются на улицу; когда же нужно подбросить дровъ, узбекъ идетъ на тротуаръ, гдѣ сложены полѣнья, беретъ ихъ и кладетъ въ печь, нисколько не стѣсняясь движеніемъ прохожихъ.

Центромъ базарной жизни каждаго города является главная площадь, называемая нарицательнымъ именемъ ригистанъ. Послѣ присоединенія Средней Азіи къ Россіи значеніе ригистана, какъ центральнаго мѣста общественно-политической жизни города упало, осталось только торговое.

А въ прежнее время жизнь кипѣла здѣсь ключомъ. Тутъ толпилась масса всякаго люда, узнавая новости и распоряженія своихъ властителей, слушая проповѣдь фанатиковъ-богослововъ; здѣсь совершались всенародно смертныя казни, справлялись праздники, окончанія войнъ; кипѣла торговля, были даже невольничьи рынки...

Вѣрную и сильную характеристику бухарскаго ригистана даетъ Е. Марковъ въ своей книгѣ «Россія въ Средней Азіи».

«Весь ригистанъ—одно сплошное лобное мѣсто, одинъ громадный эшафотъ. На немъ постоянно стояли висѣлицы съ повѣшенными и желѣзные кольца съ натканными на нихъ головами. А во дни войнъ Бухары съ киргизами, туркменами или коканцами тутъ же воздымались, какъ груды дешевыхъ арбузовъ, огромныя кучи гниющихъ череповъ—самые радостные для бухарца трофеи побѣды. Народъ такъ привыкъ къ ежедневному зрѣлищу убійствъ и казней, къ запаху человѣческой крови, что равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти давно знакомыя сцены и продолжалъ себѣ торговать, пить, ѣсть и весело болтать съ пріятелями, рядомъ съ какимъ-нибудь издыхающимъ оборванцемъ или обезглавленнымъ трупомъ».

Все-таки и теперь жизнь ригистана производитъ сильное впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, впервые погружившагося въ пеструю движущуюся толпу людей, живущихъ каждымъ нервомъ своего существа.

Посѣщая ригистанъ въ разные дни и часы, можно ознакомиться съ различными типами, достаточно ярко характеризующими особенности средне-азиатской жизни.

Подъ сѣнью гордо высящихся на площади громаднѣхъ мечетей ютятся ремесленники. Около арки помѣщаются цирюльники; каждому изъ нихъ немного нужно мѣста, такъ какъ всѣ необходимые инструменты укладываются у него за поясомъ, было бы гдѣ только сѣсть кліенту; а послѣдній не замедлитъ явиться, вѣдь правобѣрнымъ полагается брить голову и подбривать усы. Тутъ же на площади есть цирюльники рангомъ повыше, владѣльцы собственныхъ помѣщений, по своимъ размѣрамъ едва ли не превышающихъ доб-

Лавка мѣдныхъ издѣлій въ Самаркандѣ.

рую голубятню. Туземные цирюльники сохранили свою архаическую, принадлежавшую, повидимому, цирюльникамъ всего міра специальность—они пускаютъ кровь и, кромѣ того, очень ловко выматываютъ на палочку ршшту, червя, паразитирующаго подъ кожей туземцевъ.

Подъ сѣнью той же арки примостились сапожники, производящіе мелкія починки, пока ихъ заказчикъ въ ожиданіи толкается по площади. Тамъ и сямъ снуютъ разносчики воды, забирая ее въ протекающемъ по площади арыкѣ¹⁾; они на спинахъ таскаютъ полные бурдюки и поливаютъ изъ нихъ улицы.

На паперти мечети навѣрное привлечетъ ваше вниманіе группа туземцевъ, чинно разсѣвшихся четырехугольникомъ, оставивъ по срединѣ свободное пространство, въ углу котораго сидитъ почтенный

¹⁾ Арыкъ—оросительная канава.

узбекъ и, раскачиваясь впередъ и назадъ, читаетъ что-то своимъ слушателямъ. Это—чтець Корана. Поневолю обратишь вниманіе на такой порядокъ, поддерживаемый не усиліями полицейской власти, представленной узбекомъ-городовымъ, совсѣмъ затерявшимся среди пестрой толпы, а инстинктомъ туземцевъ, не измѣняющимъ себѣ даже и тогда, когда мѣсто монотоннаго чтеца занимаетъ туземный фокусникъ, приводящій своими немудрыми фокусами нетребовательную толпу въ дѣтскій восторгъ.

Въ другой день мѣсто фокусника занято проповѣдникомъ, съ жаромъ и жестикуляціей что-то говорящимъ толпѣ. Досадно на свое незнаніе языка, на то, что подобную картину приходится наблюдать только съ внѣшней стороны, не вникая въ ея смыслъ.

Самъ ригистанъ—это грандіозный обжорный рядъ со множествомъ чайныхъ лавокъ, харчевенъ, шашлычниковъ, немилосердно жарящихъ баранину, такъ что въ воздухѣ дымъ стоитъ коромысломъ, продавцовъ фруктовъ, овощей, хлѣба, сластей, разносчиковъ туземной пищи, которую покупатели ѣдятъ руками изъ той же посуды, въ которой ее продаютъ.

Въ толпѣ шныряютъ мальчики, предлагающіе за четверть копейки затянуться изъ кальяна, или проталкивается старикъ, за ту же ничтожную цѣну продающій холодную воду.

Среди общаго гула вырываются отдѣльные выкрики и не особенно стройное пѣніе кальяндарей—родъ монаховъ или дервишей. Въ базарные дни они приходятъ со своимъ начальникомъ на площадь и вторятъ пѣніемъ и движеніями его проповѣди. Толпа внимательно слушаетъ ихъ, и въ руки надрывающагося отъ крика проповѣдника въ изобиліи сыпятся таньги¹⁾.

Отойдѣмъ отъ этого шума и проберемъ въ болѣе тихую часть площади. На гостепрѣимной наперти мечети ютятся ловкіе дѣльцы, злоупотребляющіе довѣріемъ наивной толпы. Вы найдете здѣсь волхва, который, раскидывая костями или пользуясь какой-то книгой, даетъ, конечно, за соответствующую плату, совѣтъ, какъ поступить своему кліенту въ затруднительномъ для него случаѣ. Въ другомъ мѣстѣ передъ маленькимъ столикомъ сидитъ персь. Онъ вырѣзываетъ печати на арабскомъ, персидскомъ, узбекскомъ и французскомъ языкахъ, продаетъ бирюзу и при случаѣ лечитъ больныхъ универсальнымъ способомъ, простотѣ котораго можетъ позавидовать любой врачъ. Къ персу подходитъ узбекъ и жалуется на свою болѣзнь. Тотъ внимательно выслушиваетъ его и, не задумываясь, пишетъ что-то на клочкѣ бумаги, которую затѣмъ складываетъ и ждетъ молча. Пациентъ мнется, потомъ вынимаетъ деньги, за которыя и получаетъ цѣлебную бумажку съ наказомъ приложить ее къ больному мѣсту. Репутація такого «врача» никогда не поко-

¹⁾ Серебряная монета въ 15 коп.

Проповѣдникъ на ригистанѣ въ Самаркандѣ.

Мясная лавка въ Самаркандѣ.

леблется. Если больной выздоровѣлъ—очевидно, что его вылечилъ врачъ; если нѣтъ—врачъ здѣсь ни при чемъ, ибо такова воля Аллаха.

Но у туземцевъ есть и болѣе научная медицина, представляемая въ лицѣ табибовъ, большею частью владѣльцевъ и аптекъ, гдѣ они продаютъ своимъ больнымъ лекарства. И въ ихъ дѣятельности немало шарлатанства, но все же такое леченіе болѣе полезно, чѣмъ пользование цѣлебными бумажками перса-рѣзчика печатей. Нѣкоторые табибы получаютъ свое медицинское образованіе въ школахъ Бухары и Персіи, другіе же ограничиваются тѣмъ, что добываютъ какую-нибудь медицинскую книгу на персидскомъ языкѣ и, пользуясь ею, открываютъ свою практику.

Я познакомился съ однимъ табибомъ и видѣлъ у него много современныхъ персидскихъ книгъ медицинскаго содержанія. Этотъ врачъ гордился тѣмъ, что умѣлъ щупать пульсъ, хотя я подозреваю, что это дѣлалось только для позы при фотографированіи, такъ какъ при обычномъ приѣмѣ больныхъ онъ ни разу его не изслѣдовалъ.

Мѣстная жизнь поразительна тѣмъ, что здѣсь можно добыть пропитаніе сравнительно ничтожнымъ заработкомъ и очень мелкой спеціальностью. Разноска кальяна, холодной воды, приготовленіе камышевыхъ зубочистокъ (на копейку 2—4 штуки) и тому подобныя занятія даютъ средства къ жизни старикамъ, а иногда и здоровеннымъ лѣнтяямъ. Но на ряду съ такимъ легкимъ заработкомъ пропитанія, которое, къ слову сказать, дешево, рѣзкимъ контрастомъ бросается въ глаза тяжелая физическая работа при томительной жарѣ, работа изъ-за куска хлѣба, выпадающая на долю другихъ туземцевъ. Недалеко отъ самаркандскаго ригистана есть одинъ закоулокъ, называемый желѣзными рядами. Днемъ здѣсь стоитъ адскій шумъ, стукъ, визгъ, такъ какъ ряды эти состоятъ изъ кузницъ. Многимъ онѣ, конечно, отличаются отъ нашихъ, но одно существенное важное отличіе заслуживаетъ особаго вниманія. Въ этихъ кузницахъ, между прочимъ, готовятъ желѣзные серпы. Ихъ сначала выковываютъ, а потомъ обтачиваютъ на маленькихъ точильныхъ станкахъ. Колесо послѣдняго надѣто на ось ближе къ одному ея концу, а ось закрѣплена въ низкой стойкѣ. На свободную часть оси намотанъ длинный ремень, концы котораго оставлены свободными. Мастеръ съ серпомъ садится передъ станкомъ, который приводится въ движеніе помѣщающимся напротивъ помощникомъ, потягивающимъ рукою то за одинъ, то за другой конецъ ремня. Работа этого помощника и заключается главнымъ образомъ въ движеніи колеса, что при мѣстной жарѣ является работой трудной и утомительной; нерѣдко для облегченія узбекъ работаетъ безъ рубашки, давая возможность наблюдать игру мускуловъ его бронзоваго тѣла.

Въ этой кипучей жизни, слабое представлѣніе о которой я пытался дать, принимаютъ участіе только мужчины. Женщина совершенно изъята изъ общественной жизни. Среди оживленной толпы промелькнетъ иногда ея фигура, обезображенная синимъ халатомъ, наброшеннымъ на голову, рукава котораго спускаются до земли и на концахъ шиты другъ съ другомъ. Лицо закрыто черной сѣткой, сплетенной изъ конскихъ волосъ. Только въ подобномъ нарядѣ женщина и можетъ показаться на улицу.

Точильный станокъ кузнеца въ «желѣзныхъ рядахъ» Самарканда.

Закрываніе лица отъ постороннихъ мужчинъ есть обычай, но не требованіе закона, и въ горахъ Верхняго Зеравшана приходилось встрѣчаться съ различнымъ отношеніемъ женщинъ въ этомъ смыслѣ.

Бывали съ нами такіе случаи. Встрѣчаемъ на узкой дорогѣ горнаго жителя (таджика) съ семьей. Мужъ, завидя насъ, сводитъ съ осла жену, кладетъ ее подъ невысокій заборчикъ дороги и заслоняетъ ее отъ нашего взора. Въ другой разъ встрѣчаемъ менѣ ревнивую пару, и дѣло ограничивается тѣмъ, что таджичка отходитъ въ сторону и поворачивается къ намъ спиной. На слѣдующій день подобная же встрѣча, но женщина украдкой поглядываетъ на насъ

и, наконецъ, натолкнулись на такую смѣлую, что она не только не своротила съ дороги, но даже и не закрыла своего лица.

И въ городахъ не всѣ женщины ходятъ съ закрытыми лицами. Исключеніе составляютъ нищія и больныя проказой. Онѣ сидятъ по дорогѣ на выѣздахъ изъ города, близъ базарныхъ площадей, мечетей и собираютъ милостыню.

Интересно привести объективныя данныя, характеризующія отношеніе жены къ мужу, устанавливаемыя Кораномъ и шаріатомъ, религіозно-нравственнымъ уложеніемъ мусульманъ.

Коранъ разрѣшаетъ многоженство, говоря такъ: «женитесь на сиротахъ женскаго пола, какъ скоро онѣ нравятся вамъ,—на двухъ, на трехъ, на четырехъ, а если боитесь, что не можете равно быть правдивыми ко всѣмъ имъ, то только на одной... въ этомъ болѣе удобства не уклоняться отъ справедливости» (Коранъ 4, 3).

Каждая жена, по указанію шаріата, «имѣетъ право требовать отъ мужа пищу, платье, жилище, прислугу и деньги на расходы по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые въ употребленіи между прочими женщинами одного съ ней состоянія и званія».

«Полагается правиломъ, чтобы она (жена) не нуждалась въ необходимѣйшемъ, соображаясь всегда съ состояніемъ и званіемъ мужа и съ тѣми потребностями, которыми она всегда пользовалась» (шаріатъ).

Въ общемъ же «мужья стоятъ выше своихъ женъ, потому что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми и потому что они изъ своихъ имуществъ дѣлаютъ траты на нихъ» (Коранъ 4, 38).

Въ большинствѣ случаевъ узбеки имѣютъ одну жену, и, я думаю, причина тому не боязнь быть не одинаково справедливыми по отношенію ко всѣмъ женамъ, а соображенія матеріальнаго свойства—трудность содержанія лишнихъ членовъ семьи.

На ригистанѣ обычно находятся наиболѣе красивыя мечети, въ которыхъ помѣщаются туземныя высшія учебныя заведенія (мадрасса). Такъ, самаркандскій ригистанъ съ трехъ сторонъ окруженъ грандіозными мадрасса: Ширъ-даръ, Тилля-кари и Улугъ-бекъ. Я не буду упоминать про красоту и величіе перваго, увѣковѣченнаго Верещагинымъ на его картинѣ «Торжествуютъ». На ней изображенъ кусокъ ригистана съ Ширъ-даромъ по заднему плану, а передъ послѣднимъ рядъ кольевъ съ головами русскихъ солдатъ—иллюстрація, какъ нельзя лучше подходящая къ выше приведенной характеристикѣ ригистана Е. Маркова.

Мадрасса Улугъ-бекъ, стоящая напротивъ Ширъ-дара, интересна помимо величія зданія и личностью своего основателя. Оно воздвигнуто просвѣщенѣйшимъ эмиромъ Улугъ-бекомъ въ 1420 году, лично читавшимъ въ ней лекціи; четыре года спустя, онъ построилъ на берегу арыка Аб-и-Рахматъ на холмѣ Кухакъ астро-

Мадрасса Ширъ-даръ на ригистанъ Самаркандъ.

номическую обсерваторію, въ позапрошломъ году открытую мѣстнымъ археологомъ И. И. Вяткинымъ.

Туземный писатель Абу-Такиръ-Ходжа въ такихъ вычурныхъ выраженіяхъ описываетъ эту мадрасса: «о чудо! громада его (зданія) подобная горѣ твердо стоитъ, представляя остовъ, поддерживающій небеса. Величественный фасадъ его—по высотѣ двойня небесамъ. Отъ тяжести его (зданія) хребетъ земли приходитъ въ содроганіе. Могущественный Мастеръ карнизы (зданія) высочайшей степени высоты соединилъ въ одинъ образецъ съ сталактитовой работой небеснаго свода» (пер. И. Вяткина).

Основателя мадрасса постигла печальная участь. Сынъ его Абдуль-Лятифъ убилъ своего ученаго отца, но недолго провластвовалъ, такъ какъ и самъ черезъ полгода палъ отъ руки убійцы; голова его была отрѣзана и повѣшена на фронтонѣ мадрасса.

Отъ времени зданіе это, какъ и всё безъ исключенія памятники Средней Азій, сильно пострадало. Больше всего вреда причиняютъ частыя землетрясенія. Своды мадрасса и второй этажъ ея разрушены, отъ кафельной изразцовой облицовки фасада уцѣлѣли жалкіе остатки, свидѣтельствующіе о быломъ великолѣпнн этого зданія.

Къ его исторіи добавимъ, что въ іюнѣ 1868 года съ минаретовъ мадрасса стрѣляли по русскому отряду во время осады самаркандской цитадели, въ которой заперлась горсть русскихъ солдатъ.

Мадрасса строится обыкновенно по одному общему плану. Фасадъ зданія украшенъ аркой съ минаретами по бокамъ или безъ нихъ; несоразмѣрно маленькая дверь въ ней ведетъ на четырехугольный вымощенный дворъ, по срединѣ котораго имѣется небольшое кирпичное сооруженіе надъ колодцемъ—это «таарать-хана», служащее для омовеній. Со всѣхъ сторонъ дворъ окруженъ двумя этажами нишъ съ кельями («ходжра»), въ которыхъ живутъ обучающіеся здѣсь студенты. По срединѣ каждой стороны зданія, занятаго кельями, возвышается арка, размѣрами поменьше фасадной. Одна изъ нихъ предназначена для совершенія «намаза» (молитвы), подъ ними же читаетъ лекціи «мударисъ» (профессоръ), хотя для этой цѣли иногда служить и какая-нибудь большая келья.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ мадрасса.

Нѣкоторыя сооруженія отклоняются отъ подобнаго плана постройки. Исключеніе, на примѣръ, представляетъ мечеть Шахи-Зинда въ Самаркандѣ, при которой имѣется небольшое мадрасса.

Эта мечеть громадной лѣстницей-коридоромъ спускается по восточному склону пустыннаго урочища Афросіабъ, на которомъ во времена Александра Македонскаго находился городъ. Шахи-Зинда въ буквальномъ переводѣ значитъ живой царь. Съ этой мечетью связанъ рядъ преданій, объясняющихъ ея названіе. Воздвигнута эта мечеть въ честь двоюроднаго брата Магомета Куссамъ-Иль-Аббаса, насаждавшаго исламъ въ Трансоксаніи. Этотъ святой,

жившій въ пещерѣ на мѣстѣ теперешней мечети, помимо словесной проповѣди, пользовался также и мечомъ для обращенія непокорныхъ въ исламъ или уничтоженія ихъ.

Въ сочиненіи Абду-Рахмана «Ансабъ-нама» встрѣчаемъ такіа мѣста; «во вторую священную войну исламское войско одержало побѣду въ сраженіяхъ съ невѣрными и обратило ихъ въ бѣгство, завладѣло ихъ городами и подчинило ихъ. Всѣ невѣрные были осчастливлены приобщеніемъ къ исламу...»; «послѣ массы казней

Мадрасса Улугъ-бекъ на ригистанѣ Самарканда.

оставшееся населеніе мечомъ было обращено въ мусульманство» (перев. Ив. Вяткина).

Видя благіе результаты своей проповѣди, Куссамъ счелъ преслѣдуемую имъ цѣль достигнутой и однажды на глазахъ своихъ слушателей снялъ собственную голову съ плечъ и, держа ее въ рукахъ, удалился въ пещеру, гдѣ и будетъ оставаться до пришествія Іисуса Христа.

Такая легенда и послужила поводомъ къ названію мечети Шахи-Зинда—«живымъ царемъ».

Однако, какъ и о другихъ историческихъ личностяхъ отдаленныхъ вѣковъ, о Куссамѣ, точнѣе говоря о концѣ его жизни, существуютъ и другія преданія.

Въ томъ же сочиненіи Абду-Рахмана есть иныя версіи о кончинѣ Куссама. По одной ихъ нихъ, «тарсо» (христіане) напали на мусуль-

манъ, когда послѣдніе были на намазѣ и не могли оказать сопротивленія до его окончанія. На ряду съ другими былъ убитъ и Куссамъ. Однако авторъ оговаривается, что не всѣ историки придерживаются подобнаго взгляда. Одни полагаютъ, что «михрабъ» (возвышеніе въ мечети) раскололся подъ Куссамомъ и въ образовавшуюся щель святой благополучно успѣлъ скрыться; другіе утверждаютъ, что онъ, получивъ массу ранъ, бѣжалъ, достигъ колодца на Афросіабѣ и спрятался въ него.

Какъ бы то ни было, а болѣе распространеннымъ является мнѣніе, что Куссамъ скрылся подъ землю живымъ. Такому взгляду вполне соответствуетъ легенда, повѣствующая о временахъ Тамерлана, соорудившаго мечеть Шахи-Зинда въ половинѣ XIV столѣтія.

Возвратившись изъ одного удачнаго похода, «Желѣзный Хромецъ» сталъ совершать благодарственный «зіарать» (поклоненіе) на могилахъ почитаемыхъ святыхъ. Между прочимъ онъ пришелъ къ Шахи-зинда, гдѣ, стоя у колодца, куда скрылся Куссамъ-иль-Аббасъ, усомнился, дѣйствительно ли живъ этотъ святой. Присутствовавшіе богословы и старцы не могли разрѣшить сомнѣній своего властелина, который рѣшилъ все-таки добиться отвѣта на мучившій его вопросъ. Тамерланъ кликнулъ кличъ къ своему войску, вызывая желающаго спуститься за большое вознагражденіе въ колодець и разузнать, что такое тамъ дѣлается. Много было у него отчаянныхъ головорѣзовъ, но только одинъ, по имени Хида, дерзнулъ на такое святотатство, польстившись обѣщанными дарами, и спустился на дно колодца. Присмотрѣвшись къ темнотѣ, онъ увидѣлъ ходъ въ пещеру; войдя въ нее, Хида попалъ въ прекрасный дворець, по которому долго ходилъ; дивясь его сказочному убранству. Изъ дворца онъ вышелъ въ садъ и въ концѣ концовъ попалъ на лужайку, гдѣ было много народу въ бѣлыхъ и зеленыхъ одеждахъ, а вдали на возвышеніи сидѣли три почтенныхъ старца. Хида струсилъ, такъ какъ его присутствіе произвело нѣкоторое волненіе среди бывшихъ на лужайкѣ людей. Подойдя къ стоявшему вблизи человѣку, Хида полюбозытствовалъ, что это за народъ. Тотъ ему объяснилъ, что люди—это души умершихъ и еще не родившихся, а старцы на возвышеніи—пророки Куссамъ, Хызырь и Ильясъ. Куссаму доложили о прибытіи совершенно посторонняго человѣка. Разгнѣванный дерзкимъ посѣщеніемъ, пророкъ потребовалъ къ себѣ окончанію перетрусившаго Хиду, который, желая оправдаться въ глазахъ Куссама, прибѣгъ ко лжи, сказавъ, что Тамерланъ насильно заставилъ его сойти въ колодець. Не разсчитавъ Хида, что своею ложью, о которой пророкъ, конечно, тутъ же узналъ, еще больше повредитъ себѣ. Куссамъ положилъ такое наказаніе Тамерлану за его праздное любопытство: всю землю онъ завоюетъ, не овладѣетъ только Китаемъ; Хидѣ же при-

казаль молчать о видѣнномъ и слышанномъ подъ угрозой лишенія навсегда зрѣнія и перехода слѣпоты на все его потомство.

Ни живъ, ни мертвъ выбрался послѣдній изъ колодца на землю, гдѣ съ нетерпѣніемъ его ждалъ Тамерланъ. На всѣ разспросы Хида отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ; но трудно было удовлетворить такимъ отвѣтомъ хана, тѣмъ болѣе, что и внѣшній видъ Хида говорилъ о чемъ-то серьезномъ, имъ пережитомъ. Тамерланъ при-

Входъ въ мечеть Шахи-зинда. Самаркандъ.

грозилъ ему смертью за молчаніе. Зная, что у его повелителя отъ слова до дѣла было очень не далеко, Хида, очутившись между двухъ огней, принужденъ былъ открыть причину своего молчанія—боязнь ослѣпнуть. Однако это не остановило Тамерлана, и онъ приказалъ воину все рассказать, предлагая ему въ вознагражденіе за слѣпоту столько земли, сколько онъ объѣдетъ верхомъ на лошади за день, и обѣщая выстроить мадрасса Хоразми (мадрасса слѣпыхъ) для потомковъ Хида, гдѣ они могли бы изучать Коранъ.

Хидъ не было иного выхода, какъ согласиться на условія Тамерлана. На утро онъ сталъ объѣзжать землю, но, увлекшись

«истор. вѣстн.», декабрь 1911 г., т. сxxvi.

20

жадностью, не могъ сомкнуть къ закату солнца объѣзжаемаго имъ круга. На другой день онъ разсказалъ все, что видѣлъ, и тотчасъ же послѣ разсказа ослѣпъ.

Тамерланъ сдержалъ свое слово, и построилъ обѣщанную мадрасса. И теперь еще есть въ Самаркандѣ мадрасса Хоразми, гдѣ живутъ слѣпые и учатъ Коранъ; но дѣйствительно ли это мадрасса времени Тамерлана и то ли оно, про которое говорится въ приведенной легендѣ, мнѣ точно узнать не пришлось.

У туземцевъ Средней Азій, въ частности Самаркандской области много такъ называемыхъ мазаровъ, т. е. могилъ святыхъ. Внѣшними ихъ признаками являются конскій хвостъ и знамена (попросту куски различныхъ матерій), водруженные у каменной надгробной кладки.

Нѣкоторые мазары пользуются извѣстностью, далеко выходящей за предѣлы округа города или мѣста, гдѣ похороненъ святой. Съ другими мазарами, т. е. съ лицами, погребенными подъ ними, связаны различныя сказанія, неукоснительно передаваемые потомству. Напримѣръ, въ Самаркандѣ на кладбищѣ Джогарь-диза находится могила шейха Абдуль-Мансура Мотыриды, о которомъ, между прочимъ, упоминаетъ туземный писатель Абу-Такиръ-ходжа въ своемъ сочиненіи «Самарія». Шейхъ Мотырида обладалъ способностью творить чудеса. Такъ, онъ иногда ходилъ по кварталамъ еврейскаго города, и кричалъ: «покайтесь или умрите!» Кто не обращался по его призыву въ мусульманство, тотъ мгновенно умиралъ на мѣстѣ. Однажды онъ потрясъ въ мартѣ мѣсяцѣ на глазахъ своихъ слушателей абрикосовое дерево, и оно тотчасъ покрылось плодами. Этотъ святой отличался большимъ смиреніемъ и терпѣливо переносилъ тѣ побои, которыми награждала его не въ мѣру сварливая и свенравная жена.

И послѣ смерти «духовная помощь шейха въ удовлетвореніи желаній обращающихся съ молитвою извѣстна».

И теперь еще пользуется большимъ почитаніемъ мазаръ Куссамъ-ибнъ-Аббаса въ мечети Шахи-Зинда. «Государи прахомъ этого священнаго мѣста мазали глаза свои и открывали взоръ на лицо вѣчнаго царства и постоянного счастья. Опытномъ дознано, что каждый, кто безъ страха и нечистый, изъ дальнихъ или ближнихъ мѣстъ имѣлъ дерзость приближаться къ мазару, Всевышній Господь такого человѣка въ короткое время уничтожалъ, показывая снова чудеса сподвижниковъ Своего посланника» (Самарія, перев. И. Вяткина).

Не мало есть и никому не извѣстныхъ мазаровъ, часто возникающихъ безо всякаго повода, единственно по фантазій какого-нибудь узбека, вздумавшаго сложить изъ камней надгробіе, водрузить конскій хвостъ и кусокъ матеріи, создавая тѣмъ всѣ внѣшніе

Внутренность мечети Шахи-зинда въ Самаркандѣ.

атрибуты святого мѣста. Неудивительно, что ко многимъ маза-рамъ, въ особенности позднѣйшаго происхожденія, сами туземцы относятся довольно-таки скептически.

Въ каждой, даже глухой деревушкѣ Самаркандской области при мечети есть низшая туземная школа (мактабъ); въ городахъ же ихъ имѣется по нѣскольку, при чемъ помѣщаются онѣ обыкновенно при кварталныхъ мечетяхъ. Число такихъ школъ въ области за десятилѣтній періодъ (1896—1906 гг.) колебалось отъ 1300—2196 при 10363—17551 учащихся.

Въ мактабѣ, гдѣ занятія идутъ въ теченіе цѣлаго дня, дѣти знакомятся съ арабской азбукой, по усвоеніи которой вызубриваютъ такъ называемый абджадъ—слоги изъ гласныхъ буквъ, соединенныхъ другъ съ другомъ въ числовомъ отношеніи, и уже послѣ всего

этого приступаютъ къ чтенію Корана, что и составляетъ главную цѣль школы. За Кораномъ слѣдуетъ книга «чахоръ-китабъ», въ которой излагаются основы магометанскаго вѣроученія; по усвоеніи ея ученики прочитываютъ кое-что изъ персидскихъ поэтовъ Хафиза, Наваи и др. Помимо этихъ книжныхъ свѣдѣній, учитель преподаетъ и религіозно-практическія, напримѣръ, объ омовеніи, намазѣ (молитвѣ) и т. п.

Если ко всему прибавить срисовываніе арабскихъ буквъ, то этимъ исчерпывается программа мактаба.

Центръ тяжести всего обученія лежитъ въ достиженіи умѣнья читать Коранъ. Послѣдній написанъ на корейшитскомъ нарѣчій арабскаго языка съ примѣсью словъ еврейскихъ, греческихъ и сирийскихъ, не говоря уже о множествѣ грамматическихъ неправильностей, что, однако, не помѣшало Магомету провозгласить корейшитское нарѣчіе правильнымъ арабскимъ языкомъ. Переводъ Корана на другіе языки не принятъ, и мусульмане, въ частности жители Самаркандской области, пользуются арабскимъ текстомъ.

Дѣтямъ при чтеніи Корана не объясняютъ значенія арабскихъ словъ, да и самъ учитель въ большинствѣ случаевъ ихъ не понимаетъ. Благодаря этому, обученіе носить чисто механическій характеръ, чѣмъ, однако, нисколько не смущаются ни учащіе, ни учащіяся, такъ какъ самый процессъ чтенія Корана является уже дѣломъ богоугоднымъ, пониманія же его не требуется.

«Все значеніе школы заключается только въ томъ, что она одобряется обычаемъ и носить религіозный оттѣнокъ... Отдавать дѣтей въ школу такъ же одобряется, какъ ходить въ мечеть, раздавать милостыню и т. п., ибо за это будетъ награда на небесахъ. Ходить въ школу для мальчиковъ такъ же похвально, какъ для стариковъ сидѣть около мечети, ибо и то, и другое означаетъ ихъ приверженность къ религіи и хорошую нравственность».

Высшее образованіе туземцы получаютъ въ мадрасса, которыя можно приравнять нашимъ семинаріямъ или университетамъ. За тотъ же десятилѣтній періодъ количество ихъ колебалось отъ 84 до 91 при 1048—4776 учащихся. Мадрасса обыкновенно являются продуктомъ частной благотворительности. Если кто-нибудь желаетъ сдѣлать угодное религіи дѣло, то жертвуетъ движимое или недвижимое имущество съ тѣмъ, чтобы на доходъ съ него строилась и существовала мадрасса, нерѣдко получающая имя своего устройства. Пожертвованное имущество—вакуфъ—закрѣпляется своего рода нотаріальнымъ актомъ—вакуфной грамотой. На доходъ съ вакуфа поддерживается зданіе мадрасса, содержится профессоръ ея (мударисъ), получаютъ стипендіи студенты, живущіе въ томъ же помѣщеніи. Распоряженіе деньгами и всѣ хозяйственныя заботы сосредоточены въ рукахъ спеціальнаго лица—мутавалли, выборъ котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣляется вакуфодателемъ;

Мадрасса Хоразмй (слѣпыхъ) въ Самаркандѣ.

напримѣръ, послѣдній можетъ обусловить, чтобы мутавалли выбирался изъ его потомства или родственниковъ.

Въ мадрасса хозяйственная часть рѣзко отграничена отъ учебной, и мударисъ и мутавали не касаются сферъ дѣятельности другъ друга.

Курсъ начинается изученіемъ мусульманскаго катехизиса на персидскомъ языкѣ, потомъ переходятъ къ арабской грамматикѣ, послѣ которой студенту предстоитъ выборъ между двумя «факультетами» — общеобразовательнымъ и юридическимъ. Программа перваго обширна, въ кругъ наукъ его входятъ логика съ комментаріями, догматика, діалектика, метафизика съ космографіей, богословіе, свѣдѣнія о Коранѣ, каноническія преданія, комментаріи къ Корану и др.

На юридическомъ отдѣленіи изучаютъ религіозное и государственное право съ нѣкоторыми близкими къ нимъ науками.

О географіи, несмотря на существованіе въ Персіи болѣе или менѣе научно написанныхъ учебниковъ, преподаютъ фантастическія свѣдѣнія. Такъ, по словамъ Наливкина, о землѣ учатъ, что она есть плоскость, окруженная со всѣхъ сторонъ горами Кагъ, населенными сказочными существами—полулюдьми, полуптицами. Серьезно вѣрятъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ земли живутъ люди съ медвѣжьими головами и произрастаютъ деревья съ живыми скорпіонами вмѣсто плодовъ.

Интересно отмѣтить отношеніе къ математикѣ, носящей названіе фараизъ, т. е. наука о раздѣлѣ наслѣдства; ее изучаютъ примѣнительно къ наслѣдственному праву и дальше четырехъ начальныхъ дѣйствій не идутъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ та программа, которая проходитъ въ мадрасса. Нужно замѣтить, что науки эти изучаются (точнѣе сказать—вызубриваются) по одной въ опредѣленной послѣдовательности.

Образованіе, даваемое такою высшею школою, не оказываетъ никакого развивающаго дѣйствія на студента. Причина лежитъ въ томъ, что религія, налагая свою властную руку на различныя стороны жизни, парализуетъ прогрессъ мысли, предписывая держаться нормъ, установленныхъ для нея цѣлые вѣка тому назадъ. Ренанъ говоритъ, что «какъ религія, исламизмъ имѣетъ свои прекрасныя стороны, но, какъ разумъ человѣческій, исламизмъ принесть всѣмъ одинъ только вредъ... Теперь существенная черта мусульманина—это убѣжденіе, что пытливость бесполезна, противна благочестію. Съ этой точки зрѣнія богохульной является наука о природѣ, потому что она составляетъ какъ бы борьбу съ Богомъ; богохульной является и исторія, ибо, изучая времена до возникновенія исламизма, она можетъ воскресить старыя заблужденія».

Вѣковой застой мысли, подавленность и порабощенность ума религіей, воспріятіе кучи свѣдѣній безъ малѣйшей здоровой ихъ критики, убѣжденіе въ важности и непреложности получаемыхъ знаній, наконецъ отношеніе къ послѣднимъ, какъ къ единой истинѣ, все это въ совокупности кладетъ неизгладимый отпечатокъ на студента, начинившагося подобной наукой. Нѣкоторые изъ старожилловъ

Моленье узбековъ въ мечети Ходжа-Ахраръ. Самаркандъ.

Туркестанскаго края, постоянно сталкивающіеся по характеру своей службы съ узбеками, передавали мнѣ свое впечатлѣніе, что туземецъ, получившій высшее образованіе, казался болѣе тупымъ, чѣмъ совсѣмъ необразованный.

Что же сдѣлали русскіе въ дѣлѣ образованія, послѣ присоединенія края къ метрополиі. Исходя изъ взгляда, что «сліяніе, ассимиляція присоединеннаго края съ метрополіей здѣсь само собой

подразумѣваются» («Туркест. Вѣд.» 1895 г., № 1), прежде всего были сдѣланы попытки распространенія среди туземцевъ русскаго языка, элементарныхъ свѣдѣній по письму, чтенію и ариѳметикѣ. Для дѣтей открылись русско-туземныя школы, а для взрослыхъ при нихъ же и вечерніе курсы. Однако при возникновеніи этихъ школъ среди туземцевъ стали распространяться слухи, что школы устраиваютъ съ цѣлью брать туземцевъ въ солдаты и крестить ихъ дѣтей. Немудрено, что при такихъ условіяхъ школы посѣщались только дѣтьми лицъ должностныхъ да свыкшихся съ новыми условіями жизни нѣкоторыхъ городскихъ туземцевъ.

Для прекращенія слуховъ, ходившихъ между кореннымъ населеніемъ, генераль-губернаторъ Розенбахъ рѣшилъ прибавить къ программѣ школы преподаваніе мусульманскаго закона Божія туземцемъ же. Однако, несмотря на такое нововведеніе, туземныя школы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не внушали къ себѣ симпатій, благодаря своему слишкомъ форсированному открытію. Примѣръ тому даетъ Остроумовъ. Желаніе главнаго начальника края генераль-адъютанта Розенбаха провести возможно шире въ жизнь свой взглядъ на образованіе туземцевъ оказывало давленіе на администрацію, и одинъ уѣздный начальникъ проявилъ свое чрезмѣрное усердіе, открывая школы тамъ, гдѣ это было преждевременно. Школы эти были заполнены дѣтьми бѣдняковъ, нанятыми за деньги, а послѣднія собирались съ народа въ видѣ новой негласной подати «школь-пули». (Остроумовъ. Сарты. Стр. 184).

Въ другихъ мѣстахъ дѣтей собирали въ школу черезъ посредство волостныхъ управителей.

Конечно, такіе способы распространенія просвѣщенія среди мусульманъ едва ли могли вызвать къ себѣ симпатію, приверженность, стремленіе послѣднихъ, и нѣкоторыя изъ школъ, открытыхъ и поддерживаемыхъ способами, подобными вышеприведеннымъ, должны были въ скоромъ времени покончить свое кратковременное существованіе.

Индифферентное отношеніе жителей къ русско-туземной школѣ, конечно, было замѣчено администраціей, и послѣдняя вводила новыя мѣры воздѣйствія на туземцевъ, въ смыслѣ побужденія ихъ къ изученію русскаго языка. Генераль-губернаторъ Вревскій въ циркулярѣ 1891 года писалъ: «Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и почувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя общаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе среднеазиатской окраины съ русской народностью и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не при-

водитъ къ желательной цѣли: дѣти, поступаая въ ученіе не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему побужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства».

Въ видѣ мѣры воздѣйствія на туземцевъ въ желательномъ направленіи циркуляръ предписывалъ дальше избирать и назначать на всякія должности туземцевъ, знающихъ русскій языкъ, далѣе—употреблять русскій языкъ не только при отправленіи служебныхъ обязанностей, но и при другихъ занятіяхъ и службахъ.

Начальная школа (мактабъ) въ кишлакѣ (деревнѣ) Бачи-баянъ близъ Самарканда.

Обратимся къ нѣсколькимъ цифровымъ даннымъ, касающимся русско-туземнаго образованія края. Въ 1887 году во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края туземцевъ было 600 человекъ, въ 1901 г.,—2392 ¹⁾, за 14 лѣтъ количество учащихся увеличилось почти въ 4 раза. Въ Самаркандской же области въ 1887 году было 4 русско-туземныхъ школы съ 48 учащимися (учащихся въ туземныхъ школахъ было 23519), а въ 1906 году 12 школъ съ 330 учащимися и 263 слушателями вечернихъ курсовъ (учащихся въ туземныхъ заведеніяхъ было 18506—4776). За 17 лѣтъ цифры показываютъ нѣкоторый прогрессъ, но оборотная сторона этихъ данныхъ нѣсколько умаляетъ ихъ значеніе.

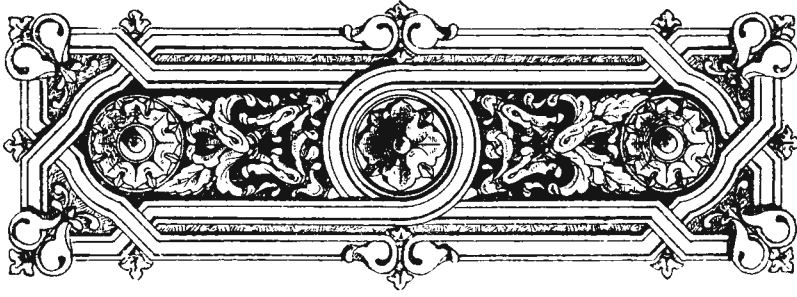
¹⁾ Количество же мусульманъ, учившихся въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, 79588.

Дѣло въ томъ, что по отзыву учебной инспекціи вечерніе курсы посѣщаются туземными неаккуратно и большинство послѣднихъ прекращаетъ занятія по приобрѣтеніи самыхъ ограниченныхъ познаній въ чтеніи и письмѣ. Такъ, въ 1897 году выбыло до приобрѣтенія достаточнаго навыка въ чтеніи и письмѣ 99 человекъ изъ числа 255, обучавшихся въ школахъ (137 чел.) и на курсахъ (118 чел.). Тормозятъ дѣло также и значительные пропуски уроковъ учащимися, напр., въ 1899 году 128 человекъ слушателей вечернихъ курсовъ пропустили 3594 урока.

Въ общемъ же дѣло русско-туземнаго образованія подвигается впередъ медленно, и, мнѣ кажется, Е. Марковъ, вполне правъ, говоря, что «мусульманство такъ радикально противоположно христіанству въ своихъ внутреннихъ стремленіяхъ, что соединить въ одной школѣ муллу и русскаго учителя—задача едва ли не безнадежная. Мулла и его священныя книги во всякомъ случаѣ одолѣютъ учителя и его азбуку. Мулла въ глазахъ учениковъ-сартовъ всегда будетъ главнымъ и настоящимъ учителемъ ихъ и единственнымъ хозяиномъ школы. Муллу поддерживаетъ и почитаетъ весь окружающій ихъ міръ, отцы и братья ихъ, а русскій учитель является жалкимъ, отъ всѣхъ отверженнымъ пришельцемъ, котораго терпятъ только изъ горькой необходимости подѣ страхомъ строгой кары».

Е. Н. Павловскій.

ЛОМОНОСОВСКІЕ ДНИ.

ЕСТВОВАНІЕ того русскаго гражданина, ученаго и поэта, который, согласно словамъ поэта, «по своей и Божьей волѣ сталь разумень и великъ», протекло почти во всѣхъ русскихъ просвѣтительныхъ, ученыхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ достаточно торжественно, и обликъ «архангельскаго мужика», Михаила Васильевича Ломоносова, выглянулъ на насъ изъ своей исторической дали рельефно и внушительно.

Въ день 8-го ноября, когда исполнилось двухсотлѣтіе со дня его рожденія, Россія поклонилась своему истинному національному герою, въ немъ вспомнила свою историческую славу и мощь и, обратившись къ его памяти, какъ бы громко воскликнула: да будетъ тебѣ слава во вѣки вѣковъ!

Слѣдя за тѣмъ, что по случаю двухсотлѣтняго юбилея Михаила Васильевича у насъ было сдѣлано, мы, согласно даннымъ газетной хроники и агентскихъ телеграммъ, постараемся воспроизвести здѣсь главнѣйшее, чѣмъ была отмѣчена его память въ тотъ день, остановившись на тѣхъ центрахъ, гдѣ преимущественно сосредоточились юбилейныя торжества.

На родинѣ его, въ Архангельскѣ, въ день 8-го ноября, ровно въ одиннадцать въ половиной часовъ дня раздался звонъ съ колокольни кафедральнаго собора. Въ храмъ прибыли начальникъ губерніи камергеръ Сосновскій, представители отдѣльныхъ вѣдомствъ

и городского самоуправления, волостные старшины, депутаціи отъ крестьянъ, ремесленниковъ, купечества, ученыхъ организацій, начальствующихъ, учащіе и учащіеся старшихъ классовъ всѣхъ учебныхъ заведеній города Архангельска. Передъ началомъ панихиды, которую совершилъ преосвященный епископъ Михей въ сослуженіи духовенства всѣхъ городскихъ церквей, настоятель собора заслуженный протоіерей Смирновъ произнесъ соотвѣтствующее торжеству слово и пригласилъ съ благодарностью вспомнить труды великаго земляка и помолиться о душѣ его. По окончаніи панихиды участники торжества вышли на Соборную площадь, для церемональнаго шествія къ памятнику Ломоносова. Назначенная на парадъ часть войскъ квартирующаго въ Архангельскѣ 198-го Александроневскаго полка со своимъ оркестромъ открыла шествіе, за войсками слѣдовала въ полной парадной формѣ, въ мѣдныхъ головныхъ уборахъ со знаменемъ и съ своимъ оркестромъ вольная пожарная дружина, затѣмъ шли начальникъ губерніи, представители администраціи, городского самоуправления, волостные старшины, депутаціи отъ крестьянъ, научныхъ обществъ, депутаціи отъ ремесленниковъ со своими цеховыми значками, далѣе длинной пестрой вереницей тянулись учащіеся приходскихъ и городскихъ школъ во главѣ съ начальствующимъ и учащимъ персоналомъ, за ними двигались воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній, гимназій, епархіальнаго училища, мужской Ломоносовской гимназіи, технического и мореходнаго училищъ, учительской семинаріи. Въ продолженіе шествія оркестръ игралъ Преображенскій маршъ. По прибытіи къ памятнику учащіеся великолѣпной живой лентой обогнули и окружили памятникъ безсмертнаго земляка. Отъ памятника справа выстроилась линія дѣтей городскихъ приходскихъ школъ, слѣва линія воспитанниковъ мужскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, учительской семинаріи. Впереди памятника, вдоль пересѣкающаго Ломоносовскую площадь Троицкаго проспекта, стали ряды учащихъ гражданскихъ заведеній: въ первой линіи реальное училище, вторая и первая женскія гимназіи, епархіальное училище, во второй линіи въ серединѣ, какъ разъ противъ памятника, воспитанники Ломоносовской гимназіи, справа отъ нихъ техники, слѣва—мореходы. Войска выстроились шпалерами вдоль Полицейской улицы и Троицкаго проспекта; около зданія присутственныхъ мѣстъ выстроилась вольная пожарная дружина, у самага памятника стали губернаторъ, предсѣдатель думской Ломоносовской комиссіи Суровцевъ, гласные думы, депутаціи, представители вѣдомствъ, разныхъ учрежденій, обществъ. Публика заняла всѣ свободныя мѣста на Ломоносовской площади. Какъ только участники шествія были размѣщены по своимъ мѣстамъ, оркестръ, все время игравшій Преображенскій маршъ, замолкъ. Тысячи глазъ со всей площади устремились къ памятнику, эффекто освѣ-

ценному электричествомъ. Въ это время гласный думы Александровъ взошелъ на ступени пьедестала памятника и, обнаживъ голову, съ чувствомъ прочелъ стихотвореніе Новикова, посвященное памяти юбиляра. Многотысячная толпа наградила чтеца дружными аплодисментами. Затѣмъ въ войскахъ послышалась команда «на молитву». Наступила торжественная минута. Раздались величественные звуки гимна «Коль славенъ», который исполнили соединенные оркестры, военный и пожарный. Всѣ обнажили головы. Началось возложеніе вѣнковъ. Первый серебряный вѣнокъ съ надписью: «Отцу русской науки и литературы, уроженцу Архангельскаго края 8 ноября 1711 года», возложенъ депутаціей городского самоуправления въ составѣ губернатора, директора Ломоносовской гимназіи Суровцева, гласнаго Александра. За вѣнкомъ города положили вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ: архангельское общество изученія русскаго Сѣвера, съ надписью на лентѣ національныхъ цвѣтовъ: «М. В. Ломоносову, гению русскаго Сѣвера», депутаціи крестьянъ, архангельскаго купечества, купеческаго общества съ надписями на лентахъ: «Великому земляку Ломоносову отъ архангельскихъ крестьянъ», отъ архангельскаго купеческаго общества. Затѣмъ начальникъ губерніи произнесъ рѣчь, охарактеризовавъ Ломоносова, какъ великаго патріота, и закончилъ пожеланіемъ драгоцѣннаго здравія возлюбленному Государю Императору и всей Царской семьѣ. Раздалось мощное, долго не смолкавшее «ура» и гимнъ «Боже, Царя храни», исполненный много разъ. Этимъ закончились юбилейныя торжества около памятника.

Архангельскъ принялъ нарядный видъ, погода благопріятствовала торжеству, всюду развѣвались національные флаги, красиво задекорированы флагами и изображеніями зданія, окружающія Ломоносовскую площадь, въ особенности губернскія присутственныя мѣста: городская дума, Ломоносовская гимназія. Съ ранняго утра раздавался праздничный звонъ во всѣхъ церквяхъ. Храмы переполнены молящимися. Служились молебны архистратигу Михаилу, покровителю города Архангельска.

Въ Москвѣ въ тотъ же день, 8-го ноября, въ церкви московскаго университета были совершены по великомъ русскомъ ученомъ заупокойная литургія и панихида. Заупокойное богослуженіе совершалъ профессоръ богословія протоіерей Н. И. Боголюбскій, произнесшій предъ началомъ панихиды слово, посвященное памяти М. В. Ломоносова. На богослуженіи присутствовали: попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, московскій губернаторъ свиты Его Величества генераль-майоръ В. Ѳ. Джунковскій, московскій градоначальникъ генераль-майоръ А. А. Адриановъ, ректоръ московскаго университета М. К. Любавскій, помощникъ ректора Э. Е. Лейсть, проректоръ А. И. Елистратовъ, деканы факультетовъ, профессеры и приватъ-

доценты, московскій городской голова Н. И. Гучковъ, членъ городской управы Г. А. Пузыревскій, директоръ народныхъ училищъ В. С. Новицкій, члены губернской земской управы А. Е. Грузиновъ и М. А. Нарожницкій, представители общества любителей російской словесности, гласные городской думы, депутаціи отъ городского народнаго университета, уѣзнаго земства и высшихъ женскихъ курсовъ, студенты и почитатели памяти М. В. Ломоносова.

Въ то время, какъ въ храмѣ шло еще заупокойное богослуженіе, къ Ломоносовскому памятнику въ скверъ новаго здания университета стали собираться учащіеся въ мужскихъ и женскихъ городскихъ школахъ со своими значками. Дѣти въ порядкѣ располагались кругомъ памятника. Участвовали школы, находящіяся на разстояніи версты отъ университетскаго здания, въ количествѣ до 1.500 человекъ, и четыре школы, которымъ присвоено имя Ломоносова. Здѣсь же на площадкѣ предъ новымъ зданіемъ университета собралось много студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ.

По окончаніи панихиды всѣ присутствовавшіе перешли изъ храма на площадку къ памятнику. Шли всѣ начальствующія лица, причемъ депутаціи несли вѣнки. Первою слѣдовала депутація отъ университета съ ректоромъ М. К. Любавскимъ во главѣ, который возложилъ лавровый вѣнокъ отъ московскаго университета съ надписью: «Великому Ломоносову»; затѣмъ слѣдовало возложеніе вѣнковъ: отъ московскаго городского управленія, отъ городского народнаго университета: «Первому русскому ученому, вышедшему изъ народа—первый городской народный университетъ»,—отъ московскаго губернскаго земства—«Везсмертному Ломоносову», отъ московскаго уѣзнаго земства—«Отцу русской науки и поэзіи», отъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ—«Великому русскому ученому» и отъ общества любителей російской словесности—«Памяти русскаго народнаго генія».

По возложеніи вѣнковъ депутаціи остановились у памятника, предъ которымъ затѣмъ продефилировали со своими значками всѣ явившіеся на торжество городскія школы. Теплый солнечный день, напоминавшій весеннюю погоду, вполне благопріятствовалъ торжеству.

Особою торжественностью отличалось чествованіе памяти Ломоносова въ Заиконоспасскомъ духовномъ училищѣ, на мѣстѣ котораго помѣщалась славяно-греко-латинская академія, гдѣ учился Ломоносовъ. Утромъ въ храмѣ Заиконоспасскаго монастыря была совершена преосвященнымъ Евѡиміемъ панихида по М. В. Ломоносовѣ въ присутствіи всего педагогическаго персонала и учащихся. Послѣ панихиды въ залѣ училища двумя преподавателями были

произнесены рѣчи о Ломоносовѣ, а хоръ учащихъ исполнилъ кантаты въ честь Ломоносова.

Вечеромъ въ томъ же храмѣ обители была отслужена панихида отъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, причемъ протопресвитеромъ Успенскаго собора Н. А. Любимовымъ было произнесено слово въ память чествуемаго ученаго. Затѣмъ въ актовомъ залѣ Заиконоспаскаго училища состоялось торжественное засѣданіе общества съ рѣчами, посвященными памяти Ломоносова; въ перерывѣ между чтеніями хоръ Ѡ. А. Иванова исполнилъ нѣсколько духовныхъ кантовъ начала XVIII столѣтія. Собраніе было многочисленное.

Какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ и начальныхъ училищахъ занятій въ этотъ день не было. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ одиннадцатомъ часу были отслужены панихиды по М. В. Ломоносовѣ, причемъ законоучители произносили рѣчи, посвященные памяти великаго русскаго ученаго. Послѣ панихиды въ актовыхъ залахъ состоялись чтенія о Ломоносовѣ. Учащимися читались стихотворенія, посвященные памяти Ломоносова, а также отрывки изъ произведеній перваго русскаго ученаго. Кромѣ того, учащимися исполнялись кантаты въ честь Ломоносова и другія музыкальныя произведенія, относящіяся къ памяти этого великаго человѣка. Ученикамъ старшихъ классовъ раздавались брошюры о Ломоносовѣ, а учащіеся младшаго возраста получили портреты М. В. Ломоносова.

Для учащихся въ городскихъ школахъ устраивались чтенія о Ломоносовѣ съ туманными картинами. Эти чтенія въ нѣкоторыхъ школахъ состоялись еще ранѣе юбилея. Городское управленіе раздало учащимся книжечки о Ломоносовѣ, его жизни и творчествѣ. Четыремъ городскимъ школамъ присвоено имя Ломоносова, а также первой городской бібліотекѣ-читальнѣ на Самотекѣ.

Панихиды по М. В. Ломоносовѣ были отслужены въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, а также вѣдомства учреждений императрицы Маріи, въ коммерческихъ школахъ и коммерческомъ институтѣ. Панихида была отслужена въ церкви Румянцовскаго музея въ присутствіи директора князя В. Д. Голицына и чиновъ музея. Были совершены панихиды въ нѣкоторыхъ храмахъ столицы.

Весьма многія учрежденія и общества отправили привѣтственные телеграммы императорской академіи наукъ, гдѣ особо торжественно чествовалась память М. В. Ломоносова.

Въ Петербургѣ юбилейное чествованіе памяти М. В. Ломоносова началось 7 ноября—наканунѣ дня его рожденія. По инициативѣ императорской академіи наукъ, въ главномъ соборѣ Александроневской лавры были отслужены обѣдня и панихида. Богослуженіе носило торжественный характеръ: служили преосвященные Сергій, епископъ финляндскій, викарные архіереи Веніаминъ и

Никандръ и многочисленное духовенство. Молящихся было довольно много. Тутъ были и военные, и дамы, и учащая молодежь, и профессора, и педагоги, простолюдины. Почтить память покойнаго юбиляра прибыли: августѣйшій президентъ академіи великій князь Константинъ Константиновичъ, вице-президентъ П. В. Никитинъ, непремѣнный секретарь С. Ѳ. Ольденбургъ, академики: кн. Б. Б. Голицынъ, А. П. Карпинсій, В. М. Истринъ и другіе академики и почти весь штатъ академіи.

По окончаніи обѣдни среди храма была отслужена торжественная панихида, послѣ которой все духовенство и всѣ молящіеся перешли на старое Лазаревское кладбище, въ глубинѣ котораго находится могила М. В. Ломоносова. Надъ мраморнымъ памятникомъ былъ раскинутъ полотняный шатеръ, обвитый гирляндами зелени. Здѣсь съ утра толпился народъ. Вокругъ могилы ученаго, среди древнихъ, покосившихся памятниковъ былъ насланъ временный помостъ. Тутъ, подъ сѣнью шатра помѣстились іерархи въ полномъ облаченіи, августѣйшій президентъ академіи и академики. Кругомъ стояла масса народу. Богослуженіе закончилось литією. Митрополничьимъ хоромъ была пропѣта «вѣчная память». Въ пѣніи принимала участіе и публика.

Послѣ литіи къ великому князю Константину Константиновичу подошла депутація крестьянъ Архангельской губерніи, прибывшая съ родины М. В. Ломоносова въ Петербургъ на празднованіе юбилея. Депутація благодарила августѣйшаго президента академіи за инициативу чествованія памяти ихъ великаго земляка. Въ составъ этой депутаціи вошли волостной старшина, учитель сельской школы и еще двое крестьянъ. Великій князь удостоилъ ихъ бесѣдою.

Въ самый день 8-го ноября во многихъ приходскихъ церквахъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ служились панихиды, послѣ которыхъ во многихъ высшихъ (университетъ, историко-филологическій институтъ), во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ состоялись торжественныя засѣданія и акты, гдѣ представители учащаго персонала напомнили и обрисовали передъ слушателями образъ великаго русскаго человѣка и гражданина.

Но главное, всероссійское, такъ сказать, торжество сосредоточилось въ залѣ Дворянскаго собранія, гдѣ академія наукъ въ память своего знаменитаго члена устроила грандіозное засѣданіе. Здѣсь, въ обширномъ помѣщеніи Дворянскаго собранія на эстрадѣ тѣснымъ кольцомъ размѣстились въ два ряда академики, адъюнкты и члены-корреспонденты, во главѣ съ августѣйшимъ президентомъ, вице-президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ академіи. За креслами для членовъ академіи наукъ расположились соединенные оркестры и хоры императорской оперы и императорскаго музыкаль-

наго общества. Съ лѣвой стороны эстрады, окруженный зеленью, красовался старинный портретъ М. В. Ломоносова:

Громадный залъ Дворянскаго собранія былъ переполненъ публикой. Въ партерѣ заняли мѣста представители науки, литературы и искусствъ, члены обѣихъ законодательныхъ палатъ, многочисленныя петербургскія и иногородныя делегаціи и др. Въ первыхъ рядахъ, между прочимъ, находились митрополиты—московскій Владимиръ и кіевскій Флавіанъ, министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, министръ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ, оберъ-прокуроръ св. синода В. К. Саблеръ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошеинъ, товарищи министра народнаго просвѣщенія баронъ Таубе и профессоръ Шевяковъ, товарищъ предсѣдателя государственной думы М. Я. Капустинъ и др. Въ царской ложѣ заняли мѣсто члены семьи августѣйшаго президента академіи наукъ. Хоры были отведены для учащихся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Ровно въ два часа дня августѣйшій президентъ академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, объявивъ торжественное засѣданіе открытымъ, сказалъ:

«Сегодня исполнилось двѣсти лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго ученаго М. В. Ломоносова. Императорская академія наукъ постановила отпраздновать этотъ день торжественнымъ собраніемъ, которое объявляю открытымъ. Государь Императоръ удостоилъ меня слѣдующей телеграммой:

«Присоединяюсь мысленно къ чествованію двухсотлѣтія со дня рожденія Ломоносова сегодняшнимъ торжественнымъ собраніемъ академіи наукъ.

НИКОЛАЙ».

Затѣмъ оркестры и хоры, подъ управленіемъ капельмейстера Маріинскаго театра Коутса, исполнили торжественную юбилейную кантату на слова почетнаго академика К. Р., переложенную на музыку почетнымъ членомъ академіи наукъ А. С. Тапѣевымъ. Кантата начинается словами:

Среди полночныхъ дикихъ скалъ
При блескѣ сѣверныхъ сіяній
Его томила жажда знаній
И свѣтъ науки привлекалъ...

Заканчивается она хвалою «великому человѣку».

Солистами выступали артисты императорскихъ театровъ г-жа Збруева и г. Большаковъ. Исполненіе кантаты было покрыто шумными аплодисментами. Первое слово было предоставлено профессору Б. М. Меншуткину. Прежде, чѣмъ говорить о трудахъ Ломоносова въ области естествознанія, ораторъ въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ наиболѣе выдающіеся моменты изъ жизни М. В. Между

прочимъ, онъ отмѣчаетъ арестъ Ломоносова, учинившаго «рядъ скандаловъ въ академіи, свидѣтельствовавшихъ о крайне враждебномъ отношеніи М. В. къ нѣмцамъ». За эти скандалы Ломоносову пришлось просидѣть подъ арестомъ около года. Арестъ этотъ имѣлъ на него благотворное вліяніе: онъ много занимался физикой и подготовилъ нѣсколько научныхъ диссертаций. Въ теченіе всей своей жизни Ломоносовъ стремился принести посильную помощь дѣлу просвѣщенія русскаго народа. Уже одного того, что сдѣлалъ онъ въ области физики и химіи, вполне достаточно,—продолжаетъ ораторъ,—чтобы назвать его однимъ изъ величайшихъ естествоиспытателей XVII вѣка. Эти двѣ науки М. В. разрабатывалъ систематически въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Но и другія области естествознанія, какъ, напримѣръ, метеорологія, астрономія, мореплаваніе, также интересуютъ его. Во всѣхъ этихъ областяхъ онъ поднимается высоко надъ уровнемъ среднихъ ученыхъ. Вообще Ломоносовъ былъ даровитымъ и разностороннимъ мыслителемъ, творцомъ плодотворныхъ идей, открывавшихъ новые широкіе горизонты. Свои мысли онъ развивалъ при помощи точныхъ приѣмовъ физики и математики, приѣмовъ, которые являются методами XIX столѣтія, но никакъ не XVIII, въ которомъ онъ жилъ, когда ихъ еще почти не примѣняли. Проф. Меншуткинъ приводитъ рядъ фактовъ, показывающихъ, насколько гений Ломоносова опередилъ свой вѣкъ, и въ немногихъ словахъ останавливается на «менѣе пріятныхъ сторонахъ его характера», на его «высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ», на пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ и т. д.

Рѣчь академика А. И. Соболевскаго на тему «Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка» прочелъ академикъ Н. А. Котляревскій. Въ рѣчи этой подчеркивается, что слава преобразователя русскаго литературнаго языка принадлежитъ М. В. Ломоносову независимо отъ Кантемира и Третьяковскаго и вообще отъ какихъ-либо предшественниковъ. Ломоносовъ поставилъ себѣ трудную задачу, онъ пожелалъ совмѣстить новизну и старину въ одно цѣлое, такъ, чтобы друзья старины не имѣли основанія сѣтовать о сокрушеніи этой старины, а друзья новизны не укоряли въ старомодности. Успѣхъ превзошелъ ожиданія, литературный языкъ старой Россіи замолкъ и уступилъ мѣсто своему преемнику. Честь преобразованія русскаго литературнаго языка всецѣло принадлежитъ Ломоносову. Его таланту мы обязаны, что преобразование было счастливо и совершилось быстро.

Съ большимъ вниманіемъ была выслушана рѣчь академика, профессора рижскаго политехническаго института П. И. Вальдена о Ломоносовѣ, какъ химикѣ. Какъ химикъ, Ломоносовъ обогащаетъ химическую науку новыми приѣмами мышленія и новыми методами изслѣдованія, а именно физическими,—онъ впервые самъ примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ эти новыя средства, опредѣляетъ

рамки и цѣль этой новой химіи и является стцомъ физической химіи. Помимо значенія Ломоносова въ исторіи развитія химіи вообще, онъ имѣеть еще частное значеніе. Ломоносовъ-химикъ не могъ быть узкимъ специалистомъ, онъ и не могъ сдѣлаться искуснымъ практикомъ, но онъ былъ великимъ популяризаторомъ и просвѣтителемъ. Онъ прокладывалъ путь къ демократизаціи и націонализаціи физики и химіи въ Россіи. Въ его взглядахъ и планахъ сказывалась не только его научная самостоятельность и творческая сила, но и его смѣлость и самоотверженность. Онъ глубоко вѣрилъ, что не практическая польза, не личныя выгоды, не грубая эмпирика должны побуждать настоящаго химика и составлять цѣль химіи.

Если сравнить гигантскую программу физико-химическихъ опытовъ Ломоносова съ современнымъ состояніемъ физической химіи, то насъ прямо поразитъ общность того, что было задумано Ломоносовымъ, съ тѣмъ, что было создано въ продолженіе полтора ста лѣтъ. Его взгляды настолько современные и изложеніе ихъ настолько свѣжо, что при чтеніи ихъ мы забываемъ, что полтора ста лѣтъ отдѣляютъ насъ, современныхъ физико-химиковъ, отъ «отца физической химіи».

Къ сожалѣнію, научная экспериментальная дѣятельность Ломоносова, какъ химика, продолжалась всего около шести лѣтъ, но и послѣ оставленія химической лабораторіи онъ часто проявляетъ свою любовь къ химіи. Какъ химико-романтикъ, Ломоносовъ былъ созданъ для того, чтобы совершить переворотъ въ физикѣ и химіи, однако судьба рѣшила иначе. вмѣсто отголоска, вмѣсто сотрудниковъ и учениковъ, онъ встрѣтилъ въ Россіи и на Западѣ непониманіе и молчаніе. Культурное состояніе Россіи не представляло настоящей почвы для такого реорганизатора науки, а западный ученый міръ относится вообще скептически къ русскому гению. Этимъ отчасти объясняется трагизмъ участи научныхъ трудовъ Ломоносова, не оставившихъ видимыхъ слѣдовъ въ физикѣ и химіи. Впрочемъ, онъ самъ предвидѣлъ судьбу своихъ трудовъ и, умирая, сказалъ: «Къ сожалѣнію, вижу, что мои благія намѣренія исчезнутъ вмѣсто со мной». Но теперь настало наконецъ время, когда химики Запада, вмѣстѣ съ химиками земли Русской, оцѣнятъ по заслугамъ труды Ломоносова и преклонятся передъ его великой тѣнью. Имя Ломоносова нынѣ стало символомъ, и наши ученые отъ него восприняли драгоцѣнное наслѣдство, вѣру въ собственныя творческія силы и каждую къ познанію законовъ природы.

Послѣднюю рѣчь произнесъ профессоръ В. В. Сиповскій на тему: «Литературная дѣятельность Ломоносова». Пословамъ оратора, въ исторіи русской литературы Ломоносовъ занимаетъ почетное мѣсто. XVIII вѣкъ создалъ ему такую прочную славу, что ее поколебать не могла критическая мысль XIX столѣтія, безошадная къ старымъ богамъ. Прошло уже болѣе 150 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началась

литературная дѣятельность Ломоносова, а свѣтлый образъ его по-прежнему неизблемо высится въ благодарной памяти потомковъ. Онъ сродни по духу тѣмъ дѣятелямъ европейскаго возрожденія, которыя брали жизнь всю безъ ограниченія. Радостно трудились они и бодро выносили борьбу. Могучими титанами изъ тьмы вѣковъ встають передъ нами эти носители свѣта, враги тьмы, апостолы прогресса. Они—учителя Ломоносова. Свое поэтическое вдохновеніе питалъ онъ поэзіей классицизма; критическое отношеніе къ родной старинѣ было подсказано ему этими врагами обскурантизма; свое преклоненіе передъ свободнымъ разумомъ онъ воспиталъ на философіи Лейбница, провозвѣстника новой жизни подъ вліяніемъ возрожденія и реформаціи. Онъ сумѣлъ всѣ свои способности развить широко и свободно и первый изъ русскихъ поэтовъ въ апофеозѣ представилъ чело вѣка. Ломоносовъ—первый нашъ гуманистъ, идеологъ и апостолъ новой жизни. Ломоносовъ стоитъ на прямомъ пути отъ Петра къ Пушкину. Оттого слава его неизблема.

Рѣчи ораторовъ были покрыты шумными аплодисментами.

Засимъ послѣдовали привѣтствія. Въ виду обилія депутацій, число которыхъ простиралось до двухсотъ, рѣшено было адресовъ и привѣтствій не читать; поэтому депутаты только продефилировали черезъ эстраду, передавая, при аплодисментахъ публики, пакки съ адресами августѣйшему президенту. Особенно бурныя рукоплесканія вызвали депутаціи отъ Ломоносовскаго волостного правленія, отъ архангельскаго городского общественаго управленія, отъ архангельскаго губернскаго статистическаго комитета, отъ общества взаимомощи уроженцевъ Архангельской губерніи, отъ всероссійскаго національнаго клуба и петербургскаго отдѣла всероссійскаго національнаго союза и отъ нѣсколькихъ другихъ учрежденій. Въ заключеніе августѣйшій президентъ прочелъ перечень привѣтствій, полученныхъ по телеграфу, также покрытый рукоплесканіями, и объявилъ торжественное собраніе закрытымъ. Празднество закончилось равно въ 5 часовъ вечера и оставило по себѣ глубоко впечатлѣніе.

Приводимъ здѣсь тексты нѣкоторыхъ наиболѣе заслуживающихъ вниманія привѣтственныхъ адресовъ, доставленныхъ московскими просвѣдительными учрежденіями:

Адресъ московскаго университета:

«Императорскій московскій университетъ въ двухсотлѣтіе многославнаго академика, гиганта мысли Ломоносова, посылаетъ императорской академіи наукъ, какъ наследницѣ его научнаго духа, глубоко прочувствованное привѣтствіе. Если память Ломоносова священна для всей Россіи, то особенно дорога она Москвѣ, гдѣ Ломоносовъ получилъ образованіе, какъ ученикъ заиконоспасскихъ школъ, и языкъ которой онъ выдвинулъ какъ литературный; въ частности же она дорога московскому университету, основанному по мысли Ломоносова. Предположивши, по мѣрѣ силы, отпраздновать ломоносовскую годовщину въ своихъ стѣнахъ,

въ ближайшую годовщину своего существованія, московскій университетъ, кромѣ того, съ радостью присоединится къ академическому все-россійскому торжеству».

Адресъ технического училища:

«Учебный комитетъ императорскаго московскаго технического училища привѣтствуетъ академію наукъ со днемъ чествованія памяти ея славнаго академика М. В. Ломоносова. Проникнувъ своимъ обширнымъ умомъ во всѣ отрасли знанія, Ломоносовъ способствовалъ зарожденію русской техники своими работами по физико-химіи, въ особенности въ области крашенія и приготовленія стекла и фарфора. Его бѣсть красуется передъ зданіемъ императорскаго московскаго университета, напоминая объ его участіи въ составленіи проекта открытія этого разсадника русской науки, спабдившаго многими профессорами и техническія школы. Теперь, когда къ дѣлу культурнаго развитія нашего отечества все болѣе и болѣе примыкають народныя силы, величайшій образъ русскаго ученаго изъ народа вселяетъ въ насъ надежду на успѣхъ этого развитія. Да послужить же онъ символомъ успѣха и для русскаго технического образованія».

Адресъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ:

«На зарѣ русскаго просвѣщенія выстаетъ образъ истиннаго апостола науки. Безгранично преданный ей, рьяный защитникъ «вольнаго философствованія», свободнаго знанія, вѣрившій, что «каждая наука имѣетъ равное участіе въ блаженствѣ нашемъ», и внесшій энергію и творческую силу во всѣ отрасли естествовѣдѣнія, объединенныя его философскою мыслью, истинно-вдохновенный, когда является пѣвцомъ природы, поэтому знанія,—публицистъ, народолюбець, творецъ высшаго образованія, стремившійся вызывать изъ «пѣдръ отечества» своихъ Платоновъ и Невтоповъ, онъ стать лучшимъ выразителемъ культурной энергіи своего народа. Проходитъ вѣкъ за вѣкомъ, но завѣты его во всей свободѣ ихъ благороднаго, гуманнаго содержанія сохраняють свое животворное вліяніе и ведутъ впередъ. Московскіе высшіе женскіе курсы, одно изъ учрежденій, вызванныхъ къ жизни и въ позднемъ потомствѣ живительнымъ починомъ великаго просвѣтителя, благоговѣнно преклоняются передъ его славной памятью».

Въ адресѣ совѣта сельско-хозяйственнаго института между прочимъ говорится:

«Имя перваго русскаго ученаго и перваго русскаго литератора съ благоговѣніемъ и благодарностью воспоминается всей Россіей. Русскій народъ можетъ съ гордостью праздновать день рожденія М. В. Ломоносова. Двѣсти лѣтъ тому назадъ съ нимъ родилась русская наука, а за истекшее время она выросла и возмужала. Мысли М. В. Ломоносова явили замѣчательную зрѣлость и остроту. Онъ приподнялъ передъ Россіей и Западомъ завѣсу будущаго и показалъ, какіе успѣхи ожидаютъ нашу родину на благодарномъ поприщѣ науки и литературы, какъ только появятся въ ней благоприятныя условія для проявленія талантовъ... Императорской академіи наукъ, какъ хранительницѣ русской науки и литературы,—заканчивается адресъ,—въ день воспоминанія объ ея знаменитомъ сочленѣ М. В. Ломоносовѣ—слава!»

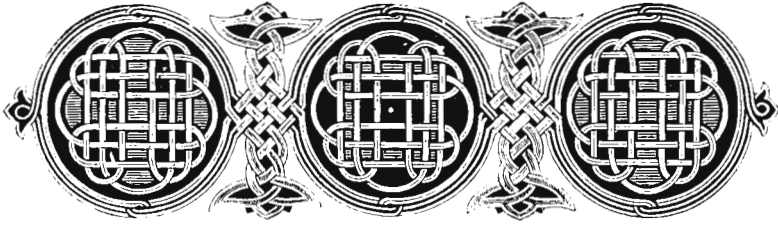
Московскій коммерческій институтъ въ своемъ адресѣ между прочимъ пишетъ:

«Великій Петръ и отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди». Ломоносовъ безсмертными твореціями своего всеобъемлющаго ума показалъ, что и наука русская готова прійти въ сравненіе съ прочими... Собственнымъ своимъ раченіемъ онъ явилъ неоспоримые для всей Россіи примѣры того, чего можетъ ожидать и отечество отъ нѣдръ своихъ. Императорская академія наукъ, чествуя память М. В. Ломоносова, да приметъ отъ почитателей ея знаменитаго сочлена горячее пожеланіе успѣшно и неукоснительно исполнять его завѣты, работая «для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы академіи».

Отмѣтимъ еще, что петербургскимъ городскимъ самоуправленіемъ постановлено: устроить училищный домъ имени М. В. Ломоносова, открыть четырехклассное мужское училище, учредить двѣ стипендіи въ академіи художествъ по отдѣлу мозаики и медальернаго искусства имени Ломоносова.

Поставленъ также вопросъ о постановкѣ въ районѣ Васильевскаго острова, близъ академіи наукъ, памятника М. В. Ломоносову и объ основаніи спеціальнаго высшаго ученаго учрежденія имени великаго русскаго человѣка.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Происхожденіе самобытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія Русскаго государства. Часть I, вып. I—III. Исторія Русскаго государства и православной церкви. Часть II, вып. I—II. Составлено Т. П. Мятлевой. Спб. 1911. Посвящается его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Алексѣю Николаевичу. Книга ученымъ комитетомъ признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

ВТОРЪ задался цѣлью написать книгу, которая, будучи популярной по изложенію и «строго-научной по содержанію», могла бы служить руководствомъ преимущественно для чтенія съ туманными картинами по исторіи русской страны и въ то же время являлась бы пособіемъ, пригоднымъ какъ для учащихся, такъ и для ознакомленія съ судьбами родины вообще всѣхъ русскихъ людей». Для выполненія этой задачи составительница черпаетъ свой матеріаль, главнымъ образомъ, изъ трудовъ Д. И. Иловайскаго, И. Е. Забѣлина, П. Полевого, профессора Хойновскаго и т. д., причемъ мѣстами дѣлаетъ прямыя выписки, приводя лишь ихъ въ необходимую между собою связь. Трудъ, такимъ образомъ, компилятивный, и цѣнность его заключается не въ оригинальности его, а въ популярности обработки, разнообразіи и полнотѣ историческаго матеріала и пригодности, въ качествѣ пособія, для цѣли, поставленной авторомъ. Книга раздѣлена на двѣ части. Въ первой разсказывается о памятникахъ старины, о предкахъ славянъ, ихъ сосѣдяхъ и первыхъ выступленіяхъ славянства на историческую арену до сношеній съ Византіей включительно. Вторая часть начинается съ княженія Олега, причемъ I выпускъ до-

водится до кончины Владимира Святого въ 1016 г., II выпускъ до 1125 г., смерти Владимира Мономаха, и III выпускъ—до убіенія Андрея Боголюбскаго въ 1175 году.

Авторомъ для составленія книги предѣлана весьма большая работа, затрачено много труда и использовано немало пособій; книга щедро снабжена указаніями на памятники народнаго творчества и, что особенно цѣнно, для иллюстраціи текста подобрано значительное количество рисунковъ (болѣе 500), изъ которыхъ нѣкоторые исполнены спеціально для даннаго изданія и являются собственностью составительницы.

Въ общемъ, этотъ трудъ явится полезнымъ руководствомъ для всякаго, кто пожелаетъ путемъ объяснительныхъ чтеній ознакомить мало подготовленнаго и необразованнаго слушателя съ прошлымъ нашего отечества; нѣкоторое значеніе это сочиненіе можетъ имѣть и въ качествѣ пособія для самообразования. Однако для дальнѣйшихъ изданій автору придется немало поработать надъ исправленіемъ и болѣе или менѣе крупныхъ частностей: на книгѣ замѣтны слѣды нѣсколько поспѣшной работы. Разные отдѣлы ся обработаны не одинаково тщательно и удачно. Стремясь съ возможно большей полнотой исчерпать матеріалъ, авторъ впадаетъ иногда въ крайность, удѣляя слишкомъ много вниманія народностямъ, игравшимъ эпизодическую роль въ судьбахъ славянства, и, наоборотъ, въ исторіи славянъ оставляетъ въ тѣни такія особенности, которыя имѣютъ существенное значеніе. При описаніи бытовой стороны славянъ изложеніе страдаетъ излишней краткостью; съ другой стороны, напр., эпоха княженія Олега, Игоря и Ольги выяснена полнѣе и лучше, чѣмъ время княженія Святослава, разсказъ о смерти котораго скомканъ, а значеніе города Переяславца не достаточно отмѣчено. Хорошо изложенъ отдѣлъ о начаткахъ письменности и образномъ письмѣ; жаль только, что авторъ не помѣстилъ въ текстѣ ни одного рисунка въ качествѣ иллюстраціи.

Что касается распредѣленія матеріала, то здѣсь желательно было бы большая стройность и выдержанность. Съ этой точки зрѣнія представляется непонятнымъ, почему, напримѣръ, въ главу объ Ярославѣ Мудромъ попалъ отрывокъ изъ исторіи Литвы съ описаніями типа лопарей, финновъ и даже самоѣдовъ (ч. II, в. II, стр. 26—39); въ главу о Владимирѣ-Мономахѣ—разсказъ о взятіи Иерусалима крестоносцами, и т. д. Въ ущербъ живости изложенія дѣйствуетъ также обычный для автора приемъ разбивать разсказъ о какомъ-либо событіи вставками сообщеній бытового или иного характера. Такъ, передавая эпизодъ объ избіеніи греками русскихъ купцовъ въ Царьградѣ,—эпизодъ, послужившій поводомъ къ войнѣ съ византіяцами, авторъ отвлекаетъ вниманіе читателя сообщеніями о томъ, какъ русскіе торговцы чинягъ лады при устьѣ Днѣпра и моются въ византійскихъ баняхъ (ч. I, в. III, стр. 57—61). Не придерживаясь какого-либо опредѣленнаго историческаго критерія, авторъ при оцѣнкѣ теорій, освѣщающихъ съ той или иной стороны развитіе историческаго процесса, выборъ между ними дѣлаетъ довольно случайно, отчего въ общее построеніе вносятся неизбѣжная пестрота.

Можно сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній болѣе частнаго характера. Труды Иловайскаго, Забѣлина и т. д. въ книгѣ названы «источниками», тогда какъ это

всего лишь «пособія», и эти два понятія слѣдуетъ между собою различать. Вопреки общепринятому написанію, все славянскія племена объединены подъ общимъ терминомъ «славяны», чѣмъ дается поводъ въ смѣшенію съ отдѣльнымъ племенемъ «словены». Сочраженія, приводимыя въ оправданіе такого словупотребленія, не убѣждаютъ читателя. Автору слѣдуетъ при дальнѣйшей обработкѣ обратить вниманіе на рядъ хотя и незначительныхъ, но многочисленныхъ недосмотровъ, явившихся результатомъ не вполне внимательнаго редактированія текста. Напримѣръ, «Медвѣдь-великанъ» былыхъ временъ назывался «пещернымъ» потому (?), что люди въ то время, не имѣя еще домовъ, жили въ пещерахъ» (ч. I, в. I, стр. 5). «Картина 22-я: звѣрская (?) варка мяса» (ibid., стр. 12). Рассказывая въ одномъ мѣстѣ про Валомира и Ванитара, составительница нѣсколькими страницами далѣе называетъ ихъ уже Валамиромъ и Винитаромъ, тогда какъ ясно, что это одни и тѣ же лица. Затѣмъ въ описаніи постройки гор. Саркела императоръ Теофилъ превратился въ Теофана (стр. 70, ч. I, в. III), и т. д. Все эти недочеты таковы, что ихъ легко избѣжать, и книга отъ этого замѣтно выиграетъ.

Еще одно замѣчаніе. Авторъ пишетъ: «Нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, ранѣе, чѣмъ Европа успѣла принять современныя намъ очертанія, многіе горныя ея хребты были окружены водой, залившей сушу послѣ потопа и, вообще, по разнымъ премудрымъ и неизмѣннымъ законамъ природы, установленнымъ для земли Господомъ Богомъ. Люди на нихъ тогда жили будто на островахъ, раздѣленные океаномъ и, находясь только между собою въ общеніи, себѣ усвоили тѣ особенности... которыми отличался потомъ одинъ народъ отъ другого... Когда обошли склоны Карпатъ, и воды, окружавшія европейскія горы, по волѣ Божіей, вошли въ свои берега, славяне... начали выселяться большими семьями или родами на нигдѣмъ еще не занятая, вновь открывшіяся изъ-подъ воды мѣста и тамъ устраивались. Такимъ образомъ, земледѣльческій этотъ народъ спокойно и мирно распространился во все стороны отъ Карпатскихъ горъ». Такого рода объясненіе нельзя признать научнымъ.

Что касается внѣшней стороны книги, то она издана изящно, на хорошей бумагѣ; рисунокъ на обложкѣ исполненъ въ древне-русскомъ стилѣ. Цѣна общедоступная.

К. Кудряшовъ.

О предсоборномъ присутствіи. С. П. Сахарова, подъ редакцію профессора М. Е. Красножена. Юрьевъ. 1910. Стр. 76.

Сочиненіе г. Сахарова заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ подготовительныхъ работъ къ созванію всероссійскаго собора (стр. 1—16) и подробное изложеніе дѣятельности перваго отдѣла предсоборнаго присутствія (стр. 16—76).

«Не радостно начался для нашего отечества XX вѣкъ»,—такъ начинается изложеніе интересной книги С. П. Сахарова. Не успѣли мы переступить порогъ поваго вѣка, не успѣли пережить возмущеніе и войну въ Китаѣ, не успѣли опомниться отъ цѣлаго ряда частичныхъ беспорядковъ, возникшихъ въ различныхъ слояхъ общества, какъ неожиданно, въ самомъ началѣ 1904 года, глупо потрясъ всю Россію громъ дальневосточной войны. Постепенный ходъ

военныхъ событій приносилъ намъ съ каждымъ днемъ только рядъ обидныхъ разочарованій и мучительныхъ сомнѣній въ собственной силѣ. Портъ-Артуръ, Лаоянь, Мукденъ, Цусима и, наконецъ, позорный для русскаго сердца Портсмутскій миръ—все это отдѣльные этапы тяжелой драмы, которую пришлось пережить многострадаальной Россіи.

Но впереди еще болѣе тяжелое испытаніе ждало нашу родину. Наступили черные дни революціи, когда общественная жизнь, какъ взбаламученное море, готова была бурной пѣной гнѣва и мести залить мирныя и тихія долины нашей родины, когда государство раздиралось внутренними смутами и въ этомъ общемъ стихійномъ раздорѣ люди теряли вѣру въ Бога и совѣсть, когда, казалось, тяжелое «лихолѣтѣе» готово было стереть съ лица земли нашу государственность, нашу вѣру и все то, чѣмъ росла и крѣпла Русь въ своей тысячелѣтней исторіи.

Столь роковое сдѣяніе неудачъ даже и слѣпцамъ раскрыло глаза на ихъ неслучайность... Явилась жгучая потребность въ безотлагательныхъ реформахъ всей нашей государственной и общественной жизни. Съ высоты престола неоднократно раздается слово «о необходимости усовершенствованія государственнаго порядка и осуществленія крупныхъ внутреннихъ преобразованій». Наконецъ, государственными актами 17-го апрѣля, 6-го августа и 17-го октября 1905 года Россія призывается на новый путь политической жизни. Начинается созидательная работа въ области государственнаго строительства съ участіемъ народныхъ представителей, которая продолжается до сего времени.

Такое преобразовательное направленіе общественно-государственной жизни неизбежно, въ силу тѣсной исторической связи между церковью и государствомъ, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось извѣстнымъ образомъ и на нашей церковной жизни. И здѣсь пробудилось сознаніе въ необходимости обновленія всего церковнаго строя.

Болѣе чѣмъ двухсотлѣтнее пребываніе нашей церкви «подъ сѣнью казенной опеки» (Вл. Соловьевъ), подъ расслабляющимъ покровомъ внѣшней полицейской охраны привело къ самымъ печальнымъ результатамъ. Бюрократизмъ, построенный на канцелярскихъ началахъ, съ безконечными отчетами и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ глубоко проникъ во всѣ сферы церковнаго управленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось полное раздѣленіе, какое-то взаимное отчужденіе, непониманіе между духовенствомъ и другими классами общества. Общество начало смотрѣть на дѣла церковныя, какъ на составляющія исключительно обязанность духовнаго сословія, и на церковь, на духовенство, какъ на какое-то особое вѣдомство, находящееся подъ покровительствомъ, подъ опекою и на службѣ государства. Духовенство же, оторванное отъ близкой жизни съ окружающимъ обществомъ, мало-по-малу стало замыкаться въ свои сословные интересы, равнодушно относиться къ потребностямъ и заблужденіямъ общества, надѣясь на полную безопасность и защиту со стороны свѣтской власти. Но особенно отсутствіе прочной духовной связи между духовенствомъ и народомъ сказалось со времени изданія указа 17-го апрѣля, который нарушилъ цѣльность складывавшейся вѣками системы взаимныхъ отношеній государства и церкви.

Спрашивается: какими же средствами можно уничтожить установившееся вѣками разъединеніе между пастырями и пасомыми, какъ пробудить, оживить и объединить спящія разрозненныя силы церкви, какъ устроить жизнь церкви, чтобы она была дѣйствительно обществомъ, союзомъ, у котораго всѣ члены живутъ въ тѣсномъ единеніи, одушевляются общими интересами?

Единственнымъ средствомъ, по мнѣнію автора, является возстановленіе въ нашей русской церкви древне-апостольскаго начала соборности, которое, по словамъ профессора Завитневича, въ жизни церкви есть то же, что движеніе крови въ живомъ организмѣ. Необходимо созваніе помѣстнаго собора.

Будемъ надѣяться, что г. Сахаровъ не оставитъ своего интереснаго труда безъ окончанія. М. Ж.

Н. П. Лихачевъ. Хожденіе святого апостола и евангелиста Іоанна Богослова, по лицевымъ рукописямъ XV и XVI вѣковъ. Спб. 1911. Изд. императорскаго общества любителей древней письменности и искусства. Стр. 53 + фототипическое воспроизведеніе рукописи + LXXXII таблицы. Цѣна 10 рублей.

Интересное въ литературномъ отношеніи, полное драматическихъ и трогательныхъ эпизодовъ, интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи и какъ матерьялъ для демонологіи, «Хожденіе» Іоанна Богослова пользовалось большою популярностью у старинныхъ русскихъ читателей. Списковъ дошло до насъ очень много, и немало изъ нихъ—съ миниатюрами. Часть ихъ издана была обществомъ любителей древней письменности раньше, подъ редакціей князя П. П. Вяземскаго, архимандрита Амфилохіа. Н. П. Лихачевъ приготовилъ полное изданіе рукописи «Хожденія» XV вѣка своего собранія, той же самой рукописи, изъ которой недавно имъ же издано лицевое житіе Бориса и Глѣба. Въ приложеніи воспроизведено восемьдесятъ три миниатюры изъ лицевого списка «Хожденія», принадлежащаго академіи наукъ второй половины XVI вѣка, остальные миниатюры выдающагося значенія, по мнѣнію издателя, не представляютъ

Интересъ послѣдней рукописи увеличивается еще тѣмъ, что она—изъ библиотеки царевны Наталіи Алексѣевны (1673—1716), была подарена ей мамой царевны боярыней княгиней Прасковьей Ивановной Ромодановской. Глубокій специалистъ въ области изученія филиграней, своимъ цѣннымъ изданіемъ и изслѣдованіемъ древнихъ бумажныхъ знаковъ составившій своего рода эпоху въ наукѣ славяно-русской палеографіи, Н. П. Лихачевъ и въ изученіи академической рукописи далъ новое образцовое изслѣдованіе ея знаковъ. Обыкновенно эту рукопись относили къ XVII вѣку; работа Н. П. Лихачева направлена къ тому, чтобы доказать большую древность рукописи, и доказательства очень убѣдительны. Изслѣдованіе приводитъ къ конечному выводу, что водяные знаки ея—тѣ же, какіе находимъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ первой половины царствованія Іоанна Грознаго, въ томъ числѣ въ такихъ книгахъ, какъ оба извѣстныхъ списка Никоновской лѣтописи (Патріаршіи и Оболенскаго). Дальнѣйшее изслѣдованіе касается сравненія иллюстрацій списковъ XV и

XVI вѣка по сюжетамъ (миніатюры, оказывается, совершенно независимы въ объѣмахъ рукописяхъ), съ цѣнными замѣчаніями о технической сторонѣ. Кромѣ того, объ рукописи даютъ и разные переводы.

Жаль, что изслѣдователь не установилъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, типовъ или редакцій этихъ переводовъ: намъ извѣстенъ рядъ фактовъ, когда историки искусства не обращали должнаго вниманія на тексты, а во многихъ мѣстахъ тексты давали нити для очень цѣнныхъ заключеній относительно происхожденія иллюстрацій. Наблюденія надъ миніатюрами, мелкія, на первый взглядъ порой и незначительныя, всегда важны у Н. П. Михачева. Изучая, напримѣръ, костюмы язычниковъ, волхвовъ и жрецовъ въ рукописи XV вѣка, изслѣдователь находитъ слѣды итальянскаго вліянія, а въ фигурахъ юношей на двухъ рисункахъ справедливо видитъ итальянскихъ щеголей XV вѣка. Это интересно тѣмъ болѣе, что общій характеръ иллюстрацій—обычный у насъ иконописный, общій тонъ композицій—чисто иконный. Естественный выводъ, что рисовальщикъ не просто копировалъ, а принадлежалъ къ числу рѣдкихъ мастеровъ, «знаменщиковъ».

Иного характера—миніатюры академической рукописи, характеризующей и иную эпоху. Двуперстное («именославное») сложеніе (изрѣдка трехперстное) въ изображеніяхъ Богослова заставляеть видѣть здѣсь во всякомъ случаѣ время дониконовское. Въ миніатюрахъ всей рукописи Н. П. Михачевъ наблюдаетъ «нѣкоторое освобожденіе отъ иконнаго шаблона». «При стремленіи дать возможно большее число иллюстрацій пришлось измышлять разнообразіе композицій. Знаменщикъ, несомнѣнно, опытный рисовальщикъ съ значительнымъ художественнымъ чутьемъ. Разнообразіе положеній человѣческихъ фигуръ, различныя очень обдуманныя положенія рукъ и ногъ, умѣніе выражать такимъ путемъ чувства радости, горя, изумленія, ужаса—положительно обращаютъ вниманіе при просматриваніи рукописи. Въ изображеніи зданій рисовальщикъ проявляетъ фантазію, отходить отъ иконныхъ «палатъ», но мы не можемъ уличить его даже въ знакомствѣ, напримѣръ, съ нюрнбергскою хроникою. Наоборотъ, изобилуютъ древніе одноглавыя храмы, изображенія которыхъ пропадаютъ на московскихъ иконахъ. Зато появляются причудливыя колонны, едва ли не взятая изъ деревяннаго русскаго зодчества. Вольно или неволью зарисовываются бытовые предметы (замѣтна, напримѣръ, руссификація въ изображеніи движенія бадья въ колодецѣ). На пятьдесятъ четвертой миніатюрѣ тщательно вырисованное сѣдло, очень высокое и съ высокой передней дугой, напоминаетъ сѣдла русской конницы—дѣтей боярскихъ. Въ костюмахъ мы найдемъ еще большую руссификацію. Длинные кафтаны съ длинными рукавами, московскія шапки нѣсколькихъ формъ—не рѣдкость. Отмѣтимъ одѣяніе бирюча на тридцать седьмой миніатюрѣ. Въ изображеніяхъ нѣкоторыхъ сценъ мы подмѣчаемъ реализмъ, но, повидимому, обоснованный на бывшихъ примѣрахъ. Блудъ Діонисовыхъ жрецовъ изображенъ съ необыкновенной тактичностью, а въ сценахъ крещенія рисовальщикъ позволилъ себѣ изобразить голую спину». Послѣднюю черту авторъ находитъ въ одной латинской рукописи XII вѣка. Другія наблюденія касаются восточнаго вліянія.

Цѣныше для иконографіи памятники, прекрасное воспроизведеніе ихъ фототипій, содержательное предисловіе, все это—крупный вкладъ Н. П. Лихачева въ изученіе древне-русскаго искусства. И мы въ правѣ ожидать отъ талантливаго изслѣдователя, всегда поражающаго своими глубокими знаніями, энергіей и единственной у насъ любовью къ наукѣ, обобщеній, которыя, несомнѣнно, увѣнчаютъ крупныя прежнія работы его характера аналитическаго.

А. Я.

Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 гг.) Томъ II. Обзоръ исторіи гимназіи. Часть I. Кievское главное народное училище. (1789—1809). Кievская гимназія (1809—1836). Кievская первая гимназія (1836—1854). Кievъ. 1911. Стр. XXXVIII + 542. Тоже. Томъ III. Обзоръ исторіи гимназіи. Часть II. Кievская первая гимназія (1854—1880). Воспоминанія о кievской первой гимназіи А. И. Рубца, Н. А. Бунге и Н. П. Забугина. Историческій очеркъ Св.-Николаевской церкви кievской первой гимназіи. Кievъ. 1911. Стр. VIII + 643. Цѣна каждаго тома 5 рублей.

По поводу выхода въ свѣтъ перваго тома «Столѣтія кievской первой гимназіи» мы имѣли уже случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Томъ этотъ заключалъ полные списки должностныхъ лицъ и воспитанниковъ, «біографическіе словари» тѣхъ и другихъ и рядъ «воспоминаній» о гимназіи бывшихъ воспитанниковъ и отчасти педагоговъ. Въ разсматриваемыхъ теперь томахъ «Столѣтія» находимъ «обзоръ исторіи гимназіи» отъ ея начала до конца 1880 года. Въ первомъ изъ нихъ, трудами нынѣшняго директора Н. В. Стороженка, представлена съ большими подробностями и извлеченіями изъ архивныхъ гимназическихъ документовъ сначала исторія кievскаго главнаго народнаго училища, а потомъ и кievской гимназіи до преобразования ея по уставу 8-го декабря 1828 года. Особенно подробно въ пяти главахъ остановился авторъ на исторіи учрежденія гимназіи и на первыхъ двухъ годахъ ея жизни. Въ двухъ послѣдующихъ главахъ Н. В. Стороженко излагаетъ исторію кievской гимназіи «во время дѣйствія устава 13-го октября 1811 года до выхода въ отставку ея перваго директора, Я. С. Мышковскаго» и затѣмъ отъ времени отставки послѣдняго «до преобразования по уставу 8-го декабря 1828 года». Время жизни гимназіи отъ 1829 до 1854 года изложено В. П. Клячинымъ въ двухъ главахъ. «Обзору исторіи гимназіи» во второмъ томѣ предпосланы «біографіи попечителей» или, вѣрнѣе, краткіе ихъ послужные списки съ біографическими данными, составленные А. О. Поспихилемъ.

Третій томъ «Столѣтія» посвященъ главнымъ образомъ обзору исторіи гимназіи во время двухъ особенно важныхъ въ жизни русскаго средней школы эпохъ—Пироговской и Толстовской. Первые три главы составлены И. М. Щербаковымъ, который изобразилъ состояніе гимназіи наканунѣ шестидесятихъ годовъ, въ годы попечительства Н. И. Пирогова и барона Николаи и во время постепеннаго введенія устава 19-го ноября 1864 года. Остальныя три главы принадлежатъ перу А. М. Рогозинскаго, описавшаго состояніе гимназіи при окончательномъ введеніи этого устава, преобразование гимназіи на основаніи

утвержденных 19-го июня и 30-го июля 1871 года измененій и дополненій въ уставѣ 19-го ноября 1864 года и, наконецъ, состояніе гимназій во второмъ пятилѣтїи семидесятихъ годовъ до 1880 г. въпочительно.

Въ дополненіе къ этому обзору помѣщены воспоминанія бывшихъ воспитанниковъ гимназій: А. П. Рубца, бывшаго профессора петербургской консерваторіи и композитора (за время съ 1853 по 1858 г.), и доктора химіи, профессора П. А. Вунге и профессора Н. П. Забутина (за время съ 1856 по 1861 гг.; послѣднія «воспоминанія» въ извлеченіи были уже напечатаны въ I томѣ «Столбтія») и историческій очеркъ находящейся при гимназій домовоі Св.-Николаевскоі церкви, составленный ея настоятелемъ, священникомъ А. В. Лобачевскимъ.

Къ тому и другому томамъ, изданнымъ съ вѣдѣній стороны даже изащю, благодаря просвѣщенному содѣйствію попечителя гимназій А. Н. Терещенка, приложены прекрасно выполненныя фототипіи: во второмъ томѣ—императоровъ Александра I и Николая I, князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, графа М. А. Милорадовича, графа А. С. Раевскаго, генералъ-губернатора Ѳ. Ѳ. Трепова и уставной грамоты императора Александра I; а въ третьемъ—императоровъ Александра II и Александра III, Н. И. Пирогова и И. С. Палиенка, зданія кievской первой гимназій, актовaго зала гимназій и домовоі церкви.

Несмотря на то, что преобразование кievскаго главнаго народнаго училища въ гимназій было произведено 5-го ноября 1809 года,—истиннымъ началомъ ея, какъ русскаго учебнаго заведенія, должно считать 13-е октября 1811 года, когда была подписана императоромъ Александромъ Павловичемъ грамота, даровавшая гимназій особый уставъ, предоставлявшій окончившимъ курсъ въ кievскоі гимназій значительныя преимущества. Грамота эта хранится въ гимназій «перушимо», «какъ драгоцѣннѣйшій реликвій». Однимъ изъ главныхъ устроителей гимназій слѣдуетъ признать ея перваго директора Якова Семеновича Мышковскаго, человѣка высоко образованнаго по своему времени, съ большимъ педагогическимъ тактомъ и обладавшаго необыкновенной энергіей и любовью къ избранному имъ дѣлу. При своемъ учрежденіи гимназій, со всѣми учебными заведеніями Киевскоі губерніи, была включена въ составъ вилнскаго учебнаго округа; въ 1818 году послѣдовало перечисленіе учебныхъ заведеній Киевскоі губерніи въ составъ харьковскаго учебнаго округа, и тогда же, по инициативѣ харьковскаго попечителя, официальную переписку стали впервые вести на русскомъ языкѣ. Самостоятельный кievскій учебный округъ былъ открытъ въ 1832 году. Благодаря уставной грамотѣ, кievская гимназій жила своею самообытною жизнью и пользовалась рядомъ привилегій; но это продолжалось только до введенія устава 8-го декабря 1828 года, которымъ и она была подчинена общимъ требованіямъ, наравнѣ со всѣми гимназій имперіи.

Несмотря на очень незначительный срокъ (съ іюля 1858 года до 13-го марта 1861 года), время управленія кievскимъ учебнымъ округомъ Николая Ивановича Пирогова, по справедливости, можетъ назваться Пироговскимъ періодомъ, не только для одной кievской первой гимназій, но и для русскихъ школъ вообще.

Вниманіе, съ которымъ относился Н. И. Пироговъ къ педагогическому дѣлу, и вліяніе его на исполнителей его предначертаній—педагоговъ—были исключительными и поразительными по своимъ благотворнымъ результатамъ.

Заступившій его постъ баронъ А. П. Николаи лишь продолжалъ его дѣло. Какъ по отношенію къ пиროговскому періоду, какъ и по отношенію къ толстовскому классицизму и его воспитательному режиму, читатель найдетъ въ третьемъ томѣ «Столбѣтя» богатый матеріалъ, основанный на документальныхъ данныхъ, рисующихъ положеніе нашихъ гимназій вообще, и за это слѣдуетъ воздать особую благодарность юбилейной комиссіи, потрудившейся надъ составленіемъ огромныхъ фоліантовъ. Жаль только, что повѣйшая исторія гимназій, въ силу понятныхъ причинъ, станетъ достояніемъ общества лишь черезъ нѣкоторый промежутокъ времени.

В. Рудаковъ.

Проф. Д. И. Багалъй. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911. Стр. 624 Ц. 3 руб.

Профессоръ Д. И. Багалъй извѣстенъ, какъ знатокъ областной исторіи. Будучи уроженцемъ юга, онъ всю свою литературную дѣятельность почти исключительно посвятилъ исторіи южно-русской окраины и характеристикѣ дѣятелей тѣхъ областей. Его перу принадлежатъ слѣдующія изслѣдованія: «Исторія Сѣверской земли», «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», «Опытъ исторіи харьковскаго университета» (два тома). Кроме того, профессоромъ Багалъемъ написано весьма много и крупныхъ и мелкихъ работъ по мѣстной исторіи, разбросанныхъ среди многочисленныхъ періодическихъ изданій. Харьковское историко-филологическое общество ко дню 30-лѣтія учено-преподавательской дѣятельности профессора Багалъя выпустило въ свѣтъ цѣлый обширный томъ, въ который вошли отдѣльныя статьи юбиляра. Этотъ томъ и является первымъ томомъ собранія сочиненій Д. И. Багалъя, за которымъ, по словамъ краткаго предисловія, послѣдуютъ при благоприятныхъ условіяхъ томы второй и третій, посвященные исторіи Малороссіи и Слободской Украины, а затѣмъ четвертый и пятый со статьями по древней и новой русской исторіи, а также по археологій и археографіи.

Въ первый томъ вошли слѣдующія статьи и замѣтки: 1) Г. С. Сковорода; 2) Два культурныхъ дѣятеля изъ среды харьковскаго духовенства (священникъ Василій Фотіевъ и Андрей Самборскій); 3) харьковскій городской голова Е. Е. Урюнинъ; 4) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина; 5) Поэтическіе опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ въ первыхъ годахъ XIX ст.; 6) Праздникъ просвѣщенія (17 января 1805 г.—день открытія харьковскаго университета); 7) Характеристика просвѣтительной дѣятельности харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія; ниже помѣщенъ рядъ статей изъ исторіи харьковскаго университета: а) Объ удаленіи профессора Шада; б) О біографическомъ словарѣ профессоровъ; в) Роль Каразина, Потоцкаго и Тимковскаго въ первоначальномъ устройствѣ университета; г) Изъ жизни университета въ началѣ XIX вѣка, д) въ 30-хъ годахъ, д) матеріалы для исторіи его; 8) И. С. Рязскій; 9) Профессоръ Т. Ѳ. Осиповскій; 10) Профессоръ Наки-де-Совиньи; 11) Г. П. Успенскій; 12) Е. М. Филомафитскій; 13) П. П. Гулакъ-Артемовскій; 14) Памяти профессора А. А. Потебни; 15) И. Ф. Вернетъ; 15) Историческія

повѣсти и статьи Г. О. Квитки и др. статьи и замѣтки, относящіяся къ харьковскимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ.

Изъ простаго перечисленія статей перваго тома видно, что въ него не вошли главнѣйшія работы профессора Багалѣя (за исключеніемъ статей, посвященныхъ харьковскому университету). Статьи же, помѣщенные въ немъ, имѣютъ главнымъ образомъ біографическій и историко-литературный характеръ, при томъ касаются дѣятелей мѣстныхъ, а потому этотъ томъ на общій интересъ со стороны широкаго круга читателей претендовать не можетъ. Но онъ все же полезенъ, какъ сборникъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ поврежденныхъ изданіяхъ, разыскать которыя трудно. Привѣтствуя появленіе перваго тома, мы съ большимъ интересомъ ждемъ выпуска дальнѣйшихъ томовъ сочиненій профессора Багалѣя.

М. К.

Б. Б. Глинскій, Царскія дѣти и ихъ наставники; С. Ф. Литвинцевъ, Маленькій русскій историкъ; Н. Н. Головинъ, Моя первая русская исторія; А. Е. Заринъ, Князь Теряевъ-Распояхинъ; Л. Чарская, Великій императоръ и маленькій пажъ, Царскій гнѣвъ, Газавать; Луи Русселе, Герой-барабанщикъ; Габріэль, Косталь-индѣецъ. Книги для юношества. Изданія т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911.

Въ концѣ года обыкновенно выпускается цѣлый рядъ книгъ для молодого поколѣнія разныхъ возрастовъ, при чемъ только часть этихъ книгъ историческаго содержанія. Въ настоящее время рѣдкій педагогъ не согласится, что чтеніе по исторіи, отечественной и всеобщей,—самое здоровое чтеніе для дѣтей и юношества. Давно признано, что историческіе сюжеты въ дѣтской литературѣ имѣютъ немаловажное воспитательное значеніе, а потому приходится сожалѣть, что наши писатели для подрастающаго поколѣнія такъ рѣдко и такъ случайно обращаются къ подобнымъ сюжетамъ.

Передъ нами сейчасъ нѣсколько такихъ книгъ, выпущенныхъ товариществомъ Вольфъ.

Первое мѣсто среди нихъ, безспорно, занимаетъ работа г. Глинскаго—«Царскія дѣти и ихъ наставники». Послѣ общаго обзора жизни и воспитанія дѣтей въ домѣ Романовыхъ авторъ останавливается на Петрѣ Великомъ, и передъ читателями проходитъ день за днемъ дѣтство и юность будущаго преобразователя Руси. На этомъ фонѣ ярко и выпукло выведены всѣ лица, такъ или иначе связанныя съ именемъ перваго русскаго императора. По такой же программѣ авторъ описываетъ молодые годы и послѣдующихъ поколѣній царствующаго дома, доходя до новѣйшихъ временъ нашей исторіи. Серьезность тона и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательность формы дѣлаютъ книгу г. Глинскаго интересной не только для молодого поколѣнія и оправдываютъ слова Блинскаго, что «только то сочиненіе хорошо и полезно для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравиться имъ не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, написанное для всѣхъ».

«Моя первая русская исторія» Н. Головина составлена изъ отдѣльныхъ коротенькихъ разсказовъ о наиболѣе значительныхъ дѣятеляхъ и моментахъ русской исторіи и приспособлена къ пониманію самыхъ маленькихъ дѣтей. Авторъ весьма удачно справился со своей задачей, и можно безошибочно утвер-

ждать, что даже только что научившийся читать ребенок усвоит твердо эту «русскую историю» и вынесет много хороших побуждений, главным образом любовь къ своей родинѣ.

Изъ отдѣльных же разсказовъ состоитъ «Маленькій русскій историкъ» С. Ф. Литвинцева, но разсказы эти гораздо полнѣе, обстоятельнѣе и тѣснѣе связаны между собой. Словомъ, приурочены къ болѣе зрѣлому возрасту. Прочитавъ оба томика «Историка», дѣти, несомнѣнно, окажутся вполне подготовленными къ изученію нашего прошлаго въ школѣ, гдѣ учебники по исторіи покажутся имъ хорошо знакомыми и совсѣмъ не страшными.

Остальные книги—историческая беллетристика, которой иными педагогами придется еще болѣе значенія, чѣмъ просто исторіи, такъ какъ беллетристика сглаживаетъ, смягчаетъ, дополняетъ и иллюстрируетъ тѣ свѣдѣнія, которые даетъ дѣтямъ школа и учебники. «Царскій гнѣвъ» и «Какъ велѣла царица» госпожи Чарской имѣютъ въ виду читателей младшаго возраста. Первая повѣсть изъ мрачныхъ временъ Ивана Грознаго, фономъ для второй послужилъ рядъ дѣйствительныхъ фактовъ изъ жизни родственниковъ Екатерины I. Обѣ написаны интересно и если нѣсколько грубнать противъ исторической правды, то все же даютъ болѣе или менѣе близкую къ дѣйствительности картину описываемыхъ событій, чего для ихъ читателя вполне достаточно. Другое дѣло повѣсть той же писательницы—«Газавать». Это безусловно талантливо написанная повѣсть для юношества, которая долго будетъ читаться, въ виду интереса и задушевности, вѣющихъ съ каждой страницы. Сюжетомъ для своей повѣсти госпожа Чарская взяла послѣдніе годы завоеванія Кавказа. Событія этой героической борьбы, полной удивительной самоотверженности русскихъ воиновъ, отъ генерала до солдата, и отчаянной храбрости горцевъ, отъ простаго узденя до главнаго вождя, настолько трогательно, тепло и живо запечатлѣны на страницахъ этой книги, что невольно переживаешь всѣ тревоги, всѣ надежды каждаго изъ героев. И это несмотря на массу небрежностей въ смыслѣ стиля, допущенныхъ авторомъ.

Повѣсть А. Зарина «Князь Теряевъ-Раснояхинъ» значительно суше предыдущаго произведенія, но зато рисуетъ гораздо болѣе важный періодъ нашей исторіи. Кромѣ того, авторъ строго придерживается историческаго хода событій и языкъ его простъ и чистъ. Въ общемъ это довольно интересное произведеніе, которое въ часъ досуга прочтеть съ удовольствіемъ и взрослый.

Остальные двѣ изъ лежащихъ передъ нами книгъ—переводныя. Въ одной находимъ романъ изъ исторіи борьбы мексиканцевъ за свободу, а въ другой—разсказъ о войнѣ американцевъ съ Англіей. Авторы книгъ извѣстные во Франціи писатели для юношества, и ихъ популярность уже свидѣтельствуютъ о качествѣ этихъ произведеній. Что же касается содержанія, то оно въ высшей степени увлекательно и поучительно, что является существеннѣйшимъ элементомъ въ дѣтской литературѣ.

Всѣ перечисленныя книги роскошно изданы и снабжены огромнымъ количествомъ великолѣпныхъ рисунковъ и снимками съ рѣдкихъ картинъ. Въ этомъ отношеніи отличается книга г. Глинскаго и «Первый русскій историкъ».

И. Г.

**С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Спб. 1911. Стр. 210.
Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Трудъ г. Патканова касается измѣненія численности первобытныхъ обитателей Сибири и освѣщаетъ вопросъ объ ихъ жизнеспособности. Существуетъ общераспространенное мнѣніе о вымираніи инородческихъ племенъ Сибири при столкновеніи съ культурой, а между тѣмъ г. Паткановъ говоритъ, что еще 65 лѣтъ тому назадъ извѣстный академикъ Беръ изъ сопоставленія прежнихъ статистическихъ данныхъ съ болѣе новыми выяснилъ, что инородческое населеніе Иркутской губерніи, включавшей въ себя въ то время также Якутскую и большую часть нынѣшней Забайкальской области, со времени первыхъ ревизій до VIII ревизіи (1835—9 гг.) значительно возросло, причемъ то же наблюдалось и въ другихъ административныхъ единицахъ страны. Изъ отдѣльныхъ народностей онъ болѣе остановился на якутахъ и бурятахъ и цифровыми данными доказалъ, что они значительно увеличились въ числѣ противъ прежняго.

Пользуясь переписями послѣднихъ лѣтъ, г. Паткановъ, въ свою очередь, говоритъ о каждой мѣстности Сибири, гдѣ населеніе увеличивалось и гдѣ замѣчается его убыль, стараясь найти тому и другому явленію соответственныя причины. Уменьшеніе народонаселенія онъ объясняетъ или неблагоприятными экономическими условіями, или эпидемическими болѣзнями (оспа, тифъ, дифтеритъ и т. д.). «Если,—цитируетъ онъ, между прочимъ, д-ра А. Мельникова о развитіи въ Туруханскомъ краѣ оспенной эпидеміи 1908 года,—принять во вниманіе отсутствіе среди инородцевъ, вопреки распространенному мнѣнію, сифилиса и ничтожную заболѣваемость такими болѣзнями, какъ малокровіе, рахитъ, цынга, легочныя хроническія формы, зависящими въ общемъ отъ условій плохого питанія, скученности, отсутствія свѣта, а съ другой стороны и тотъ фактъ, что, несмотря на рядъ неблагоприятныхъ условій, большинство инородцевъ, особенно сѣверо-восточныхъ, отличаются крѣпкимъ сложеніемъ и хорошимъ питаніемъ, очевидно, только благодаря обилію идеально хорошаго воздуха тундръ, подвижному образу жизни на воздухѣ и сравнительно хорошей пищѣ, то станетъ понятнымъ, что главнѣйшую причину ихъ вымиранія нужно искать въ заносимыхъ извнѣ эпидемическихъ болѣзняхъ, являющихся у нихъ роковыми и борьба съ которыми при существующей постановкѣ врачебной помощи по своимъ результатамъ равна нулю». Сверхъ того, другими причинами, неблагоприятно отражающимися на приростѣ населенія Сибири, г. Паткановъ считаетъ спиваніе его торгующими крестьянами, особенно при заключеніи съ нимъ торговыхъ сдѣлокъ, недостатокъ женщинъ, вслѣдствіе численнаго перевѣса у многихъ бродячихъ инородцевъ мужского пола надъ женскимъ, и вліяніе спирта. Гибель инородческаго населенія насильственнымъ путемъ, которая играла столь рѣшающую роль среди факторовъ вымиранія аборигеновъ Америки и Австраліи, въ Сибири имѣла несравненно меньшее значеніе и ограничилась почти лишь временемъ завоеванія страны.

Вообще, думаетъ г. Паткановъ, подъ вліяніемъ европейской культуры, вторгшейся въ эту дѣвственную страну сѣвера, жизненныя условія коренного

населенія измѣнились въ неблагопріятную сторону, и это вліяніе продолжаетъ свое дѣйствіе и понинѣ и, надо полагать, окончится полнымъ вымираніемъ однихъ и сліяніемъ съ русскими другихъ племенъ. Наиболѣе гибельнымъ это соприкосновеніе съ высшей культурой, естественно, по его мнѣнію, оказывается для безпечныхъ и по своему культурному развитію наиболѣе низко стоящихъ бродячихъ инородцевъ. Въ виду случайности ихъ заработковъ они могутъ существовать лишь при наличности кредита, который имъ оказываютъ мѣстные торгующіе крестьяне, но полная зависимость ихъ отъ послѣднихъ въ связи съ ихъ непредусмотрительностью имѣетъ послѣдствіемъ, что всѣ они обременены неоплатыми долгами и весьма бѣдны. Чѣмъ соприкосновеніе инородцевъ съ русскими тѣснѣе, тѣмъ сильнѣе они отъ этого страдаютъ, потому что, не говоря уже о другихъ невыгодныхъ для нихъ сторонахъ подобнаго общенія, они при своемъ настоящемъ развитіи совершенно не въ состояніи выдержать борьбу за существованіе съ своими лучше вооруженными и богаче одаренными сосѣдями. Въ особенности это касается рыболововъ по берегамъ крупныхъ рѣкъ (Оби, Иртышу, Енисею, Колымѣ и т. д.), живущихъ бокъ о бокъ и въ перемѣшку съ русскими крестьянами. Несмотря на то, что въ весьма многихъ случаяхъ эти инородцы являются хозяевами рыболовныхъ угодій, отдача которыхъ въ аренду даетъ имъ значительный доходъ, они, по большей части, представляютъ собою сплошной пролетаріатъ. Напротивъ, въ болѣе глухихъ частяхъ страны, гдѣ русскихъ очень мало и куда вслѣдствіе бездорожья доступъ весьма затрудненъ, инородцы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, живутъ сравнительно лучше, менѣе страдая отъ эксплоатаціи, спаиванія, соблазна и непосильной конкуренціи. Такимъ образомъ, живущіе при Енисеѣ инородцы не увеличиваются въ числѣ и частью вымираютъ, между тѣмъ какъ въ восточной половинѣ того же Туруханскаго края, въ бассейнахъ рѣкъ Пясины, Хатанги и Анабары, гдѣ мѣстныхъ русскихъ мало и куда непроходимыя болота, лѣса и возвышенности затрудняютъ доступъ крестьянамъ съ Енисея, инородцы самыхъ различныхъ племенъ прибываютъ въ числѣ.

Установивъ уменьшеніе численности бродячихъ инородцевъ по преимуществу при столкновеніи съ европейской культурой, авторъ задаетъ вопросъ о томъ, является ли это вымираніе, такъ сказать, роковымъ и стихійнымъ явленіемъ, измѣнить которое находится такъ же мало въ нашихъ силахъ, какъ мы не въ состояніи остановить поступательное движеніе прогресса и проникновеніе европейской культуры въ дебри и тундры далекаго сѣвера, или это явленіе не есть непремѣнное послѣдствіе столкновенія первобытныхъ племенъ съ высшей цивилизаціей? Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ въ практическомъ отношеніи. С. Бутурлинъ въ своемъ изслѣдованіи экономическаго быта обитателей сѣверо-восточной Сибири прямо заявляетъ, что «если бродячіе инородцы дѣйствительно вымираютъ, то и причины этого очевидны, временны и устранимы: причина та, что они столкнулись съ цивилизаціей, но цивилизаціей исключительно въ формѣ спирта, сифилиса, торговаго обмана, и съ государственной организаціей, исключительно въ формѣ требованія ясака».

Съ своей стороны, и г. Паткановъ высказывается въ пользу того, что борьба съ вырожденіемъ и угасаніемъ инородцевъ Сибири вполне возможна и при

известной энергии общаетъ дать хорошіе результаты: во-первыхъ, инородческое населеніе сѣвера вымираетъ не повсемѣстно, а лишь тамъ, гдѣ жизненные условія плохи, между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они лучше, какъ въ Турханскомъ краѣ и въ Камчаткѣ, оно показываетъ положительный приростъ. Во-вторыхъ, тѣ представители кореннаго населенія, которые во-время сумѣли приспособиться къ новымъ жизненнымъ условіямъ и до известной степени приобщиться къ новой культурѣ, не показываютъ ни вырожденія, ни уменьшенія въ числѣ. Факты показываютъ, что содѣйствіе коренному населенію къ переходу къ болѣе усовершенствованнымъ приемамъ пользования естественными благами можетъ предотвратить ихъ гибель. Но при этомъ надо одновременно заботиться и о поднятіи ихъ благосостоянія, потому что одного перехода къ земледѣльческой культурѣ, безъ соответствующаго улучшенія экономическаго положенія инородческаго населенія, во многихъ случаяхъ оказывается недостаточно для желаемой перемѣны. Примѣромъ могутъ служить барабинскіе татары и часть иркутскихъ бурятъ, которые, несмотря на осѣдную жизнь и на преобладающее занятіе сельскимъ хозяйствомъ, не отличаются жизнеспособностью.

Точно также, по мнѣнію г. Патканова, никакія блага цивилизаціи и никакіе высокіе заработки не спасутъ инородцевъ отъ голода, отъ лишеній и отъ вымирания, если они будутъ предоставлены сами себѣ при ихъ настоящемъ умственномъ кругозорѣ. За примѣрами не далеко ходить: крупныя суммы денегъ, выручаемыя нѣкоторыми осяками и самоѣдами отъ сдачи въ аренду ихъ рыболовныхъ угодій, нисколько не улучшаютъ ихъ экономическаго положенія, потому что эти суммы ими по большей части пропиваются. Такимъ же образомъ хорошіе заработки нѣкоторыхъ тунгусовъ позволяютъ имъ обзаводиться разными ненужными для нихъ предметами роскоши, но ихъ жизненная обстановка остается столь же жалкой и неприглядной, какъ и у другихъ дикарей, и голодъ не менѣе часто посѣщаетъ и ихъ грязныя жилища.

Такимъ образомъ, книга г. Патканова цѣнна не только научнымъ содержаниемъ по спорному вопросу о жизнеспособности сибирскихъ инородцевъ, но и цѣльностью программы для практической дѣятельности нашей государственной думы по нуждамъ Сибири. Начиная съ необходимости остановить хищническое расхищеніе природныхъ богатствъ страны (кедровыя шишки собираютъ, сваливая цѣлыя деревья и т. д.), упорядоченія промысловъ, организаціи для инородцевъ дешеваго кредита и устройства пунктовъ для вольной продажи необходимыхъ для нихъ предметовъ по сходнымъ цѣнамъ въ видахъ освобожденія ихъ отъ кабалы со стороны торговцевъ, авторъ усиленно настаиваетъ на поднятіи духовнаго просвѣтленія инородцевъ и правового положенія ихъ.

Законодатель найдетъ въ его книгѣ драгоценныя указанія для осуществленія означенныхъ мѣръ.

А. Фарсовъ.

Собрание сочинений В. Г. Бѣлинскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное издание подъ редакціей Иванова-Разумника. Стр. СХХІV+1040+1140+1017. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к. Собрание сочинений В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей Н. Д. Носкова. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Стр. ХХХІІ+1766. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 3 р.

Часто юбилеи нашихъ писателей, напримѣръ, столѣтній юбилей Пушкина въ 1899 г., вызывая появленіе массы новыхъ работъ, составляли эпоху въ изученіи писателей, вносили много цѣннаго въ изслѣдованіе ихъ жизни и дѣятельности.

Этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про исполнившійся недавно столѣтній юбилей со дня рожденія Бѣлинскаго: юбилейные дни очень немногое подвинули изученіе критика. Можно только указать пролитіе свѣта В. Е. Рудаковымъ въ вопросъ о днѣ рожденія Бѣлинскаго. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ вкладовъ, принесенныхъ юбилеемъ, является изданіе сочиненій критика подъ редакціей г. Иванова-Разумника.

Конечно, главнымъ условіемъ успѣшнаго изученія писателя является полное, тщательно провѣренное по первопечатнымъ источникамъ и рукописямъ, комментированное изданіе сочиненій. Въ виду этого крупнымъ вкладомъ въ изученіе Бѣлинскаго явилось начавшее выходить въ 1900 г. прекрасное изданіе сочиненій критика подъ редакціей С. А. Венгерова. Въ это изданіе вошло множество статей, не включенныхъ въ имѣвшееся ранѣе изданіе г. Солдатенкова. Кромѣ того, редакторъ впервые установилъ принадлежность перу Бѣлинскаго цѣлаго ряда статей. Кромѣ полноты, это изданіе представляетъ большую цѣнность, такъ какъ впервые редакторъ давалъ точный текстъ, провѣренный по первопечатнымъ источникамъ и рукописямъ. Наконецъ, цѣннымъ вкладомъ въ изученіе Бѣлинскаго являются очень цѣнные и обширныя, разросшіяся иногда въ цѣляхъ изслѣдованія примѣчанія къ изданію, составленныя съ громадной эрудиціей, присущей вообще С. А. Венгеру. Къ сожалѣнію, въ виду сложности поставленной имъ задачи, изданіе это подвигается тихо и до сихъ поръ вышелъ 9-й томъ, обнимающій статьи до 1846 года.

Такимъ образомъ, для чисто научнаго изученія, которое должно покоиться на изслѣдованіи всего написаннаго критикомъ, у насъ имѣется прекрасное изданіе, доведенное до 1846 года.

Но если для научнаго изданія необходимо абсолютно полное собраніе сочиненій, то для широкой публики и школы достаточно изданіе только наиболее важныхъ и характерныхъ статей. Для того, чтобы познакомиться съ личностью, міросозерцаніемъ критика этого вполне достаточно. Вообще говоря, необходимо существованіе, на ряду съ полнымъ изданіемъ для научнаго изслѣдованія, и хорошихъ неполныхъ популярныхъ изданій. Конечно, неполныя изданія имѣютъ цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если дѣйствительно выбрано все важное и характерное, достаточное для уясненія литературной фізіономіи и историко-литературнаго значенія писателя. Но этого нельзя сказать про имѣющіяся неполныя изданія сочиненій Бѣлинскаго: издатели выбирали случайный матеріалъ, безъ опредѣленія его цѣнности, выпускали по своему усмотрѣнію цѣлыя страницы изъ статей Бѣлинскаго, коверкали его. Изъ всѣхъ имѣвшихся до

сихъ поръ изданій наиболѣе заслуживало вниманія, являлось лучшимъ дешевое 4-го томное изданіе Ф. Θ. Павленкова. Цѣнность этому изданію особенно придавало помѣщенное въ немъ собраніе писемъ Бѣлинскаго, очень важныхъ для уясненія его личности и міросозерцанія. Это качество изданіе Ф. Θ. Павленкова не потеряло и до сихъ поръ, такъ какъ до настоящаго времени это собраніе писемъ остается хотя и не абсолютно, но наиболѣе полнымъ. По это изданіе, хотя, по сравненію съ другими, даетъ болѣе тщательный подборъ статей Бѣлинскаго, но съ этой стороны тоже не стоитъ на должной высотѣ. Затѣмъ и для неполнаго популярнаго изданія необходима провѣрка текста по первопечатнымъ источникамъ, но этой провѣрки въ изданіи Ф. Θ. Павленкова не было сдѣлано и оно не даетъ точнаго текста.

Изданіе подъ редакціей г. Иванова-Разумника является первымъ опытомъ дать неполное дешевое хорошее изданіе. И опытъ этотъ нужно признать очень удачнымъ. Редакторъ отнесся къ своей задачѣ, какъ къ настоящей научной работѣ. Г. Ивановъ-Разумникъ дѣйствительно далъ все важное и цѣнное для изученія Бѣлинскаго. Выборъ этого—дѣло очень трудное, и съ этой нелегкой задачей редакторъ справился прекрасно. Кромѣ этого выбора, редакторъ научно обработалъ текстъ. Вошедшія въ изданіе статьи до 1846 года г. Ивановъ-Разумникъ послѣ С. А. Венгерова снова свѣрилъ съ первоначальнымъ текстомъ, текстъ же статей 1846—1848 гг., которыя еще не вошли въ изданіе С. А. Венгерова, редакторъ впервые даетъ провѣренный съ первопечатными источниками.

Не это изданіе является не только хорошимъ, но и вкладомъ въ изученіе Бѣлинскаго. Кромѣ общаго очерка личности, міросозерцанія и литературной дѣятельности Бѣлинскаго, редакторъ передъ каждой статьёй критика даетъ вступительную свою замѣтку. Эти замѣтки, написанныя съ большой эрудиціей, очень цѣнны и даютъ богатый матеріалъ не только для пониманія широкой публикой Бѣлинскаго, но и для специально-научнаго изученія. Редакторъ имѣлъ полное право сказать про свое изданіе, что оно «является неразрывной, связной, единой книгой»; биографическій очеркъ, статьи, примѣчанія къ нимъ, вступительныя замѣтки—все это вмѣстѣ составляетъ одно неразрывное общее: всѣ три тома—одна цѣльная книга о Бѣлинскомъ».

При всѣхъ своихъ высокихъ достоинствахъ это изданіе чрезвычайно дешево: за три громадныхъ тома—3 р. 50 коп.

Такимъ образомъ, это изданіе—первая у насъ блестящая попытка дать дешевое, но научно и тщательно обработанное и редактированное изданіе наиболѣе важныхъ и цѣнныхъ сочиненій писателя, предназначенное для широкой публики и школы. Подобнаго изданія русскихъ писателей мы не имѣли до настоящаго времени, и поэтому его особенно надо привѣтствовать: пора въ широкую массу общества и школу пустить дешевыя хорошія изданія сочиненій нашихъ писателей; до сихъ поръ мы имѣли нѣсколько хорошихъ полныхъ изданій, но недоступныхъ массѣ по цѣнѣ, и широкая публика и школа пользовались макулатурой.

Неизмѣримо ниже стоитъ по сравненію съ этимъ изданіемъ, какъ по методу редакторской работы, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ изданіе сочиненій

Вѣлинскаго подь редакціей Н. Д. Носкова, выпущенное къ юбилею т-вомъ М. О. Вольфъ. Здѣсь нѣтъ такого обдуманнаго выбора статей, въ отношеніи текста нѣтъ той тщательной провѣрки по первоначальному источнику, какъ въ изданіи г. Иванова-Разумника. Затѣмъ здѣсь отсутствуетъ тотъ богатый и цѣнный комментарий, который данъ въ изданіи подь редакціей г. Иванова-Разумника. Въ методахъ редакторской работы на изданіи т-ва М. О. Вольфъ ярко выразился старый, уже отживающій взглядъ на характеръ редакторской работы, считающій, что достаточно выбрать статьи, снабдить ихъ компилятивными вступительнымъ очеркомъ, и все нужное уже сдѣлано. По сравненію съ имѣющимися уже неполными изданіями сочиненій Вѣлинскаго изданіе т-ва М. О. Вольфъ уступаетъ изданію Ф. Ѳ. Павленкова, которое дороже только 1 р. 25 коп.

А. Фоминовъ.

«Пѣсни забытой усадьбы» М. Г. Веселковой-Кильштеть. Спб. 1911. Стр. 93.
Цѣна 1 р.

Читатели «Историческаго Вѣстника» хорошо ознакомились въ текущемъ году съ достоинствами прозаическаго и поэтическаго пера г-жи Веселковой-Кильштеть. Всякая глава «Колычевской вотчины», съ которою мы въ настоящей книжкѣ съ грустью расстаемся, была снабжена эпиграфами изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы» подь таинственными литерами М. К., возбуждавшими любопытство читателей, вслѣдствіе чего они неоднократно обращались къ редакціи съ запросами: кто авторъ поэтическихъ, по большей части обвѣянныхъ нѣжною грустью строкъ этихъ пѣсенъ? Нынѣ любопытство вопрошающихъ удовлетворено: авторъ «пѣсенъ» то же лицо, что и авторъ «Колычевской вотчины». Нѣкоторыя изъ этихъ «пѣсенъ» появлялись въ свое время на столбцахъ приложений къ «Новому Времени», засимъ, дополненныя въ своемъ общемъ составѣ, онѣ составили преддверіе къ главамъ печатаемаго у насъ романа и своимъ содержаніемъ, своимъ настроеніемъ бросали на послѣдующее прозаическое изложеніе теплые лучи, тихій, ровно льющійся свѣтъ, порождавшій въ душахъ читателей особое настроеніе, которое подготавливало ихъ къ воспріятію слѣдующихъ за симъ впечатлѣній. Получалась особая гармонія между стихомъ и прозой, благодаря чему все произведеніе оказывалось окутаннымъ дымкою поэтичности, изъ-за которой выглядывалъ умный и симпатичный обликъ писательницы, пригвождавшей къ себѣ любовь и вниманіе читающей публики. Сами по себѣ на страницахъ газеты «Пѣсни», при всѣхъ ихъ достоинствахъ, пожалуй, не производили столь сильнаго впечатлѣнія, какъ нынѣ, сначала сослужившія свою эпиграфическую службу, а засимъ собранныя воедино, но отдѣльно отъ прозы, представленныя въ вышеозаглавленномъ сборникѣ.

Этотъ сборникъ, изящно, стильно изданный, въ духѣ изданій первой половины минувшаго столѣтія, добрый подарокъ знатокамъ литературы и любителямъ поэтическихъ произведеній. Онъ—не для толпы, которая здѣсь не найдетъ отвѣтовъ своимъ шумнымъ, буйнымъ требованіямъ; онъ—для избранныхъ, кому дорого прошедшее родной земли, кто любитъ тѣни минув-

шаго, кто въ прошломъ слышитъ таинственный шопоть, гдѣ чарующее, поэтическое, безконечно милое и дорогое переплетается воедино, шевелить лучшія струны сердца и вызываетъ тѣ святія слезы, въ коихъ человѣкъ находитъ себѣ очищеніе отъ пыли и суеты злободневнаго дня, въ тѣ часы, когда вокругъ него одинокаго «въ мертвомъ воздухѣ витають потревоженные тѣни».

Будеть ошибочно думать, что авторъ, какъ представитель въ нашей изящной стихотворной словесности душевнаго настроенія, простой пѣвецъ безъ думы, безъ цѣли, безъ соціальной и исторической перспективы. Всѣ эти элементы въ «пѣсняхъ» г-жи Кильштетъ налицо — ихъ нужно только уловить, схватить, такъ сказать, на лету, частію въ самыхъ стихахъ, частію между строкъ, частію въ томъ недоговоренномъ, что порою становится понятнѣ всякихъ громкихъ и пышныхъ словъ. Дворянская Россія у нея на первомъ видимомъ планѣ, но за нею вдумчивый читатель можетъ увидать всю нашу родину въ ея необъятномъ просторѣ, на которомъ и деревья явственнѣо умѣють шумѣть, трава шелестѣть, гдѣ и день и ночь говорятъ, каждый своимъ особымъ русскимъ языкомъ, и по которому такъ понятно, исторически понятно льется молитвенное пѣснопѣніе, несется церковный благовѣсть, твердящій о мирѣ, о вѣрѣ, о надеждѣ и любви, въ чемъ народъ находитъ себѣ утѣшеніе въ своихъ горестяхъ и невеселыхъ думахъ. Писательница говоритъ:

Лейтесь, дивныя слова,
Лейтесь по безбрежной шири!
Молятъ Господа о мирѣ
Каждымъ листикомъ трава,
Каждой вѣткой темный боръ,
Весь далекій просторъ.
Смолкъ молитвенный напѣвъ.
Звонъ гудитъ и замираетъ.
Солнце, землю отогрѣвъ,
Въ небѣ радостно играетъ.
Боже! дай счастливый день
Для родныхъ деревень!

Текущій годъ можетъ считаться счастливымъ годомъ для М. Г. Веселковой-Кильштетъ—и появленіе ея эпической «Колычевской вотчины», и выходъ въ свѣтъ ея по преимуществу элегическихъ «пѣсенъ», оба эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, создаютъ ей въ нашей литературѣ имя талантливой писательницы, разностороннее дарованіе которой сразу развернулось въ большую ширь, разстилающую передъ ней широкіе горизонты. Это возлагаетъ на нее и большія обязанности въ кругу того служенія русскому слову, которому она себя посвятила, и которое она, несомнѣнно, съ достоинствомъ понесетъ. Открывъ для нея свои страницы въ текущемъ году и, такимъ образомъ, до извѣстной степени содѣйствовавъ ея успѣху, редакція «Историческаго Вѣстника» съ особенной радостію привѣтствуетъ этотъ успѣхъ и громко свидѣтельствуетъ передъ своими читателями, что эти страницы и въ будущемъ останутся для писательницы открытыми, какъ желанной дорогой гостѣй. **В. Г.**

К. Леонтьевъ. О романахъ графа Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной пустыни въ 1890 году. М.: 1911. Стр. 152. Цѣна 1 р.

Странна судьба этого удивительнаго писателя! Въ философіи и исторіи онъ создалъ грандіозную и мудрую исторіософическую концепцію, въ публицистикѣ былъ горячимъ и безстрашнымъ бойцомъ за свои завѣтныя убѣжденія, въ беллетристикѣ выказалъ себя блестящимъ колористомъ и мастеромъ сочнаго и изящнаго стиля, въ критикѣ проявилъ глубину взглядовъ и мѣткость анализа,—и при всемъ этомъ никогда не былъ не только любимъ, не только популяренъ, но просто читаемъ. Его даже мало бранили; его изводили не открытой злобой (страшны были львиные удары этого могучаго борца), а просто систематическимъ замалчиваньемъ, едва ли вполнѣ сознательнымъ и преднамѣреннымъ. Его не выносилъ Достоевскій, «розовое» христіанство котораго Леонтьевъ горячо порицалъ и ядовито высмѣивалъ; его не любилъ Страховъ, благонамѣреннѣйшій С. Рачинскій, въ прилизанной душѣ котораго жила и всю ее заполняла копеечная истинка, какъ-то (и разъ навсегда) «отскочилъ, какъ ужаленный», отъ него. Такъ отъ него «отскочили» все, и отъ рожденія глухія, и имѣвшіе уши, чтобы слышать,—и Леонтьевъ остался одинъ и дни свои окончилъ въ духовномъ одиночествѣ, продолжающемся, безъ особой потери, сказать можно, до сегодня. Рядовой русскій интеллигентъ обыкновенно не знаетъ его даже по имени, смѣшивая его съ П. М. Леонтьевымъ, alter ego Каткова. А кто и знаетъ его, тотъ помнитъ только, что Константинъ Леонтьевъ былъ «реакціонеръ», что онъ подвизался въ «правой печати», что онъ «славилъ кнутъ», и еще кое-что въ томъ же родѣ. Леонтьевъ былъ, надо правду сказать, большой любитель «страшныхъ словъ»; крайніе выводы его не пугали, и, прямой и страстный, не любившій никакихъ осторожныхъ подходцевъ къ читателю, онъ формулировалъ ихъ рѣзко и съ картинной опредѣленностью. Русская литература давно приучила читателя скорбѣть о «каждой слезинкѣ замученнаго ребенка», а Леонтьевъ гнѣвно спрашивалъ: «какое мнѣ дѣло до страданій всего человѣчества?» Если бы русскій читатель вникъ въ его историческую теорію, онъ сумѣлъ бы отбросить эти крайнія «иллюстраціи», во всякомъ случаѣ не смутился бы ими и въ концѣ концовъ спросилъ бы этого «демоническаго» философа и публициста славами Пушкина: «знали ль вы до сей поры, что просто очень вы добры?» Но не привыкъ вдумываться русскій читатель, и вотъ одни, скандализованные не столько оставшеюся имъ чуждой сущью ученія Леонтьева, сколько его «страшными словами», просто отвернулись отъ него, а другіе, которымъ эти-то злыя слова по душѣ пришлись, назвали въ товарищи къ нему и еще больше отодвинули его фигуру отъ тѣхъ классовъ общества, къ которымъ обращалъ онъ свое слово и которые вѣщаютъ писателя признаніемъ и славою. Своеобразный «заговоръ молчанія» возникъ на долгіе годы около этого имени. А Леонтьевъ, какъ истый пророкъ, такъ страстно жаждалъ общенія съ читателями, и случайное приобрѣтеніе какой-нибудь одной читательской единицы, хоть самой незначительной, хоть одного слушателя, безконечно радовало его. Всю жизнь онъ мечталъ о серьезномъ вліяніи на общество и въ своихъ трогательно-нѣжныхъ и горькихъ жалобахъ на общественное невниманіе завидо-

валь вліянію не только Достоевскаго и Толстого, но даже... Писарева. Богъ знаетъ, не шевелилась ли въ его головѣ иной разъ досадно-ироническая мысль: «вотъ даже Скібичевскаго читають, а меня—нѣтъ»... Эти жалобы дѣлають величайшую честь бодрому оптимизму (въ ощущеніи) гениальнаго пессимиста (въ теоріи), который считалъ современное ему общество способнымъ къ усвоенію его идей. Приблизились къ Леонтьеву и полюбили его (а узнать его и не полюбить невозможно) только немногіе. Они подошли къ нему разными путями, каждый на свой ладъ, потому что ни одно изъ нашихъ общественныхъ и литературныхъ теченій не вобрало въ себя ни капли изъ идейнаго богатства Леонтьева; ничто никогда не указывало хоть узенькой тропинки къ этому замѣчательному явленію, стоящему въ сторонѣ отъ избитыхъ дорогъ нашей общественности и въ то же время столь жизненно-важному. Существуетъ небольшой кружокъ изучающихъ Леонтьева. «Какимъ образомъ вы узнали о немъ?» спросилъ меня одинъ изъ участниковъ этого кружка, и я не былъ удивленъ вопросомъ, потому что таково у насъ направленіе умовъ, что невозможно не знать хотя бы Мережковскаго и въ то же время очень легко не знать Николая Федорова или Леонтьева. Сочиненія его забыты въ старыхъ журналахъ и газетахъ, самыя капитальныя его книги давно не встрѣчаются въ продажѣ. Нѣтъ даже сносной библиографіи его сочиненій (да и о той больше всего позаботился онъ самъ), и благодаря этому К. М. Аггеевъ, написавшій интересную книгу объ отношеніи Леонтьева къ христіанству, не подозрѣвалъ о существованіи ближайшимъ образомъ относящейся къ данной темѣ автобіографической статьи Леонтьева («Мое обращеніе и жизнь на Св. Аѳонской горѣ», напечат. въ «Русск. Вѣстн.» 1900 г., сентябрь). Непобѣдимое отвращеніе къ Леонтьеву, объясняющееся одинаково и трусостью мысли, и страхомъ передъ несущимся съ его страницъ чистымъ воздухомъ высокой идеи, и просто рутиннымъ, «общепринятымъ» отношеніемъ къ этому имени, недавно сказалось въ любопытномъ фактѣ. Наслѣдники Леонтьева хотѣли подарить академіи наукъ свои издательскія права, а нѣсколько поклонниковъ Леонтьева—бесплатно принять на себя редакторскій и корректорскій трудъ, лишь бы академія издала собраніе его сочиненій (прошу замѣтить: не въ ихъ пользу, а въ пользу самой академіи). Что же академія? Отказалась, ссылаясь на «тяжесть» этихъ условій. Такъ относится академія, конкурирующая, притомъ довольно плохо, съ коммерческими издателями Лермонтова и Кольцова, къ русскому уму и гению, отъ котораго она сама себя «отставляетъ», впрочемъ, не въ первый и не въ послѣдній разъ.

Но для Леонтьева еще придетъ свой часъ и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ даже не особенно далекъ. Россія узнаетъ и полюбитъ его,—быть можетъ, послѣ того, какъ на него ей укажетъ воспримчивая, весьма интересующаяся, безконечно жадная къ идеямъ Европа. Покуда же—будемъ радоваться хоть тому, что его сочиненія начинаютъ переиздаваться. Будемъ привѣтствовать этотъ первый, послѣ многихъ лѣтъ, опытъ, хотя и не совсѣмъ удачный. Статья о Толстомъ—лучшая критико-публицистическая работа Леонтьева, но издателямъ не слѣдовало довольствоваться простой перепечаткой ея, съ нѣсколькими авторскими поправками, изъ стараго журнала («Русск. Вѣстн.» 1890 г.).

Леонтьевъ писалъ ее для тѣхъ, хотя немногихъ, читателей, которые уже сколько-нибудь знали и его, и его взгляды на Толстого, высказывавшіеся имъ раньше— въ «Гражданинѣ» 1883, 1888 и 1890 г.г., въ брошюрѣ «Наши новые христіане, Ѳ. М. Достоевскій и гр. Левъ Толстой», М., 1882 г.; не мѣшало бы также привести отзывы Леонтьева о Толстомъ изъ опубликованныхъ въ печати писемъ его къ В. В. Розанову, К. А. Губастову. Еще лучше было бы, если бы работа была приручена вдумчивому и знающему предмету редактору, который сумѣлъ бы въ сжатомъ и ясномъ изложеніи представить всю, правда, сложную систему философскихъ, историческихъ и литературныхъ воззрѣній Леонтьева; для выясненія послѣднихъ особенно важны его статьи и отзывы о Достоевскомъ. вмѣсто выдуманнаго, неуклюжаго заглавія и подзаголовка, на титульной страницѣ книги слѣдовало оставить красивое и содержательное названіе, которое далъ своему критическому этюду самъ Леонтьевъ—«Анализъ, стиль и вѣяніе». Но вниманіемъ Леонтьевъ никогда не былъ избалованъ, и мы искренно благодарны издателямъ и за этотъ починъ въ дѣлѣ ознакомленія съ великимъ мыслителемъ нынѣшняго читателя, который съ ихъ легкой руки, быть можетъ, отъ этого приложенія къ художественной литературѣ философскихъ идей Леонтьева обратится къ самому роднику его чистой и самобытной мысли,— и тогда Леонтьевъ засіяетъ въ исторіи русскаго слова и мышленія всей своей «волшебной-сладкой красотой», и въ его творческомъ ликѣ, который «былъ гнѣвъ, полонъ гордости ужасной, и весь дышитъ онъ силой неземной», потокомъ прозрѣть болѣе благородный ликъ самой Правды. Тогда оставятъ его тѣ, которые въ невѣжественномъ самообольщеніи считали его своимъ, и придутъ къ нему тѣ, къ кому, несмотря на свои ошибки и нѣкоторыя ложныя увлеченія, неизмѣнно обращалъ онъ свои вѣщіе глаголы. Н. Л.

Александръ Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны. Историческое сочиненіе въ четырехъ томахъ. Томъ второй. Золотое пятилѣтіе. Книгоиздательское товарищество «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Стр. Ц. 1 р. 50 к.

Второй томъ обширнаго труда г. Амфитеатрова блещетъ значительно большей оригинальностью, чѣмъ первый, но оригинальность эта, къ сожалѣнію, вызываетъ сильныя сомнѣнія въ своей правдивости. Для доказательства этого положенія обратимся прежде всего къ послѣдней (восьмой) главѣ: «Тацитъ или Поджіо Браччіолини?» Опираясь, главнымъ образомъ, на совершенно фантастическое сочиненіе французскаго ученаго Гошара (Hochart), авторъ приходитъ къ тому выводу, что историческіе труды Тацита подвергались сильной амплификаціи подъ перомъ извѣстнаго итальянскаго гуманиста Поджіо Браччіолини: «онъ выхватываетъ изъ текста II вѣка строчку, намекъ и превращаетъ ее въ романическій эпизодъ по рецепту вѣка XV» (стр. 422). Прежде всего замѣчу, что этотъ выводъ явился, повидимому, неожиданнымъ и для самого г. Амфитеатрова, такъ какъ нѣсколько раньше (стр. 228) онъ самъ же говоритъ о чарующемъ влияніи могучаго таланта Тацита. Не говорю уже о томъ, что, признавъ амплифи-

кацію Поджіо Браччіолини въ текстѣ Тацита и пользуясь все же имъ какъ источникомъ, авторъ значительно усложняетъ свою задачу историка. Затѣмъ, уличая Тацита въ противорѣчій и ошибкахъ, г. Амфитеатровъ не прочиталъ ни одного изъ новѣйшихъ комментариевъ къ римскому историку: ни Андрезена, ни Фюрно, ни даже Жакоба. Далѣе, скудные цитаты изъ сочиненій Тацита приводились и ранѣе открытія его рукописей Поджіо Браччіолини, о чемъ имѣются спеціальныя изслѣдованія. Г. Амфитеатровъ самъ указываетъ одно изъ нихъ (*de Nihilac, Vossace et Tacite*), но говоритъ, что ему не удалось найти этой работы. Какъ же отсюда выводъ? Къ крайнему изумленію, читаемъ (стр. 373): «въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка о Тацитѣ никто изъ образованныхъ людей не имѣлъ ни малѣйшаго понятія». А между тѣмъ, живя въ Италія, г. Амфитеатровъ не могъ, вѣроятно, не слышать о весьма распространенной брошюрѣ F. Ramogino, *Cornelio Tacito nella storia della coltura* (2-е изд. 1898 г.), чтеніе которой заставило бы его быть болѣе осмотрительнымъ въ своихъ выводахъ. Наконецъ, сочиненія Тацита сохранились въ древнихъ рукописяхъ. Эти рукописи имѣются съ 1902 г. въ фототипическомъ воспроизведеніи, доступномъ всякому, и никто изъ знатоковъ палеографіи не выразилъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ подлинности. Мало того, г. Амфитеатровъ, можетъ быть, не знаетъ, что въ одной изъ этихъ рукописей содержится текстъ знаменитаго романа Апулея «Золотой Оселъ». Или, можетъ быть, это тоже поддѣлка какого-нибудь гуманиста?

Столь же неудачна глава вторая, посвященная фавориткѣ Нерона Актѣ, гдѣ г. Амфитеатровъ касается личности родственника философа Сенеки, Серена, и, характеризуя его, приходитъ къ тому выводу, что это былъ античный предокъ Евгенія Онгина. Но бѣда въ томъ, что эта характеристика основана преимущественно на трактатѣ Сенеки «О спокойствіи души». Правда, г. Амфитеатровъ говоритъ, что этотъ трактатъ открывается «подлиннымъ письмомъ молодого человѣка». Но откуда извѣстна автору эта подлинность? Ее надо доказать, иначе г. Амфитеатрову никто не повѣритъ. И, покаместъ этого доказательства не приведено, ничто не препятствуетъ думать, что Сенека влагаетъ Серену свои собственныя мысли, на которыя потомъ самъ же отвѣчаетъ. А извѣстно, что въ подобныхъ діалогическихъ сочиненіяхъ насколько умно и совершенно главное (отвѣчающее) лицо, т. е. самъ авторъ, настолько же неудаченъ и иногда даже прямо неуменъ его воображаемый собесѣдникъ. И третье оригинальное предположеніе автора, что обычный рассказъ о смерти Агриппины недостоверенъ, можетъ вызвать много возраженій, оспариваніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста. При чтеніи этой главы можетъ возникнуть опасеніе, не подпадаетъ ли г. Амфитеатровъ подъ вліяніе извѣстнаго итальянскаго историка Ферреро, легкомысленное отношеніе котораго къ его источникамъ, и какъ разъ въ исторіи Агриппины, встрѣтило недавно суровый и должный отпоръ (въ статьѣ Фабіа въ «*Revue de Philologie*», 1911, кн. 2).

Живость изложенія и обиліе аналогій изъ современности попрежнему дѣлаютъ чтеніе книги очень интереснымъ, но распредѣленіе матеріала нельзя признать вездѣ удачнымъ: такъ, не всякому придетъ въ голову искать въ главѣ о Поппеѣ Сабинѣ, что такое была античная колонія. Въ заключеніе нельзя не привѣтствовать г. Амфитеатрова за то, что онъ отдаетъ должное такимъ почтен-

нымъ русскимъ трудамъ, какъ «Исслѣдованіе по исторіи развитія римской императорской власти» Э. Д. Гримма и «Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи» М. И. Ростовцева. А. М.—нѣ.

О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды профессора московскаго университета П. И. Новгородцева и профессора спб. университета І. А. Покровскаго. Спб. 1911. Стр. 48. Ц. 45 к.

Старая юридическая школа учила, что поддержка нуждающихся не можетъ быть задачей государства. «Этому требованію,—говоритъ Чичеринъ въ своемъ трудѣ «Собственность и государство».—можетъ удовлетворять уже не право, а иное начало—любовь... Право одно для всѣхъ; человѣколюбіе же имѣеть въ виду только извѣстную часть общества, нуждающуюся въ помощи».

Современная юридическая наука и законодательная практика держатся иного взгляда насчетъ поддержки государствомъ нуждающихся. И у насъ въ Россіи новому виду права—права на существованіе—суждено, быть можетъ, ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, получить ясное принципіальное признаніе и быть включеннымъ съ современную правовую декларацию.

Конкретнымъ юридическимъ выраженіемъ такого признанія должно явиться, по словамъ профессора П. И. Новгородцева, во-первыхъ, энергичное законодательство о рабочихъ, обезпеченіе ихъ на случай болѣзни, неспособности къ труду, старости, въ особенноти же принципіальное признаніе такъ называемаго права на трудъ; во-вторыхъ, широкое допущеніе профессиональныхъ союзовъ и, наконецъ, въ-третьихъ, обязательное общественное и государственное призрѣніе лицъ безпомощныхъ и неспособныхъ къ труду—проистекаетъ ли эта безпомощность отъ юнаго или старческаго возраста, болѣзни или другихъ источниковъ.

Что законодательство пошло навстрѣчу новому ученію о поддержкѣ государствомъ нуждающихся—свидѣтельствуютъ многочисленныя факты. Что такое фабричное законодательство, какъ не забота объ извѣстной части общества, нуждающейся въ помощи, забота, восполняющая недостатокъ средствъ въ неравной борьбѣ труда съ капиталомъ? А общественное призрѣніе или организациа государствомъ общественныхъ работъ для голодающихъ и другія формы помощи послѣднимъ?

Въ очеркѣ профессора Новгородцева мы не находимъ подробной юридической конструкціи «права на достойное человѣческое существованіе», но важно уже одно возбужденіе вопроса авторитетнымъ юристомъ.

Другой русскій ученый, профессоръ Покровскій, еще ранѣе профессора Новгородцева высказавшійся въ юридической печати по вопросу «о правѣ на существованіе», анализируя взгляды своего московскаго коллеги, дѣлаетъ нѣкоторыя существенныя оговорки.

Прежде всего профессоръ Покровскій не согласенъ съ опредѣленіемъ «право на достойное существованіе», ибо понятіе «достойнаго человѣческаго существованія»—чрезвычайно неопредѣленно и недостижимо. Рѣчь можетъ идти

объ обезпеченія такъ называемыхъ необходимыхъ и общепризнанныхъ условий существованія. Гарантію общепризнаннаго уровня потребностей и должно взять на себя государство.

Право на существованіе имѣютъ всѣ нетрудоспособные, трудоспособные, внаишіе въ критическое положеніе вслѣдствіе неурожая, отсутствія работы и тому подобныхъ, въ нормальномъ обществѣ временныхъ, причинъ. Когда государство въ состояніи предложить призрѣваемому соответствующую работу, его обязанность содержать его *eo ipso* прекращается.

По мнѣнію профессора Новгородцева, въ составъ права на существованіе входитъ и право на трудъ. Профессоръ Покровскій съ такимъ мнѣніемъ не согласенъ. Дать работу—это право государства, но не обязанность, неисполненіе которой влечетъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія: возмѣщеніе интереса, каковымъ является въ данномъ случаѣ заработная плата.

Такимъ образомъ, профессоръ Покровскій толкуетъ не такъ широко понятіе о правѣ на существованіе, какъ его московскій коллега. Впрочемъ, онъ въ другомъ мѣстѣ оговаривается, что не смотритъ на «право на существованіе», какъ на «копечный идеаль, какъ на вѣнецъ всѣхъ многотрудныхъ страданій человѣчества. Это лишь *minimum* того, что государство въ настоящій моментъ должно обезпечить человѣку.

Оба очерка, посвященные вопросу о правѣ на существованіе, имѣющему для насъ теперь животрепещущій интересъ при выпавшей на долю правительства заботѣ объ обезпеченіи населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній, отличаются строгою научностью, при доступномъ изложеніи. Они прочтутся не безъ пользы и всякимъ зауряднымъ читателемъ, не интересующимся спеціально вопросами права и экономики.

А. Кф.

Библиотека для самообразованія. Иллюстрированная серія. Карль Федернъ. Данте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасской, подъ редакціей М. Н. Розанова. Москва. 1911. Стр. XI—284. Цѣна 3 р. 75 коп.

Данте можетъ служить классическимъ примѣромъ банальной истины, что писатель—зеркало своего времени. Съ самыхъ первыхъ страницъ «Божественной Комедіи» мы начинаемъ погружаться въ самыя нѣдра средневѣковья. И если читатель не поспѣшитъ скорѣе выбраться изъ этой совершенно чуждой современному уму области, если онъ внимательно прочтетъ всю великую поэму, то въ результатъ такого чтенія окажется превосходное знакомство съ духомъ и дѣлами всей средневѣковой эры. Бѣда только въ томъ, что добросовѣстное штудированіе Данте является чуть ли не героическимъ подвигомъ. Федернъ въ своемъ предисловіи справедливо замѣчаетъ, что «всѣ намеки на событія того времени, всѣ неисчислимыя имена, благодаря которымъ для средневѣковаго читателя эта книга («Божеств. Ком.») дѣлалась богаче и жизненнѣй, для насъ, уже не знающихъ этихъ именъ, не понимающихъ намековъ, являются только препонами и мертвыми точками, затрудняющими и задерживающими чтеніе» (стр. IX). Но такого рода спотыканіе лениваго читателя на неиз-

вѣстныхъ именахъ и непонятныхъ намекахъ отнюдь не единственное препятствіе къ усвоенію великихъ твореній Данте. Другое препятствіе еще глубже и существеннѣй. Вся система понятій, весь духовный міръ средневѣковаго писателя и современнаго человѣка настолько различны, что послѣдній съ полнымъ недоумѣніемъ остановится надъ многими отрывками поэмъ Данте. Какъ въ сатиры Салтыкова нѣмецкій мальчишкѣ «хочеть, но не можетъ» понять русскаго мальчишка, такъ и современникъ, при всемъ своемъ хотѣніи, едва ли сможетъ самостоятельно добиться полнаго разумѣнія средневѣковой психики, поскольку она выражена въ «Божественной Комедіи». Поэтому читателю нашего времени необходимъ опытный и толковый проводникъ по твореніямъ Данте. Въ возрастѣ шестисотъ лѣтъ «Божественная Комедія» можетъ явиться передъ читателями только въ оправѣ пространныхъ примѣчаній, чуть ли не къ каждой ея строчкѣ. Но комментарий подобнаго рода, не уступающій по объему самому творенію, но справедливому замѣчанію Федерна, способенъ только «отпугнуть» отъ книги. И вотъ нѣмецкій авторъ дѣлаетъ попытку, безъ подстрочныхъ примѣчаній къ великому творенію, однимъ связнымъ общимъ введеніемъ помочь читателю понять Данте. Федернъ надѣется, что по прочтеніи его книги читателю «покажутся сами по себѣ понятными всѣ вещи, которыя занимали Данте, и даже если онъ (читатель) не знаетъ какого-нибудь имени или событія, на которыя встрѣчаются намеки въ поэмѣ, то пойметъ ихъ смыслъ, подобно тому, какъ мы въ нашихъ газетахъ и книгахъ объясняемъ себѣ неизвѣстные намъ событія и факты, приводя ихъ въ связь съ хорошо извѣстнымъ намъ міромъ» (стр. X). Эти надежды автора одновременно и очень скромны и безусловно самонадѣянны. Съ одной стороны, его книга безсилна освѣтить всѣ темныя мѣста у Данте, съ другой—она во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ простое введеніе къ чтенію «Божественной Комедіи». Карлейль писалъ о Данте, что въ его поэмѣ заговорили «десять безмолвствующихъ вѣковъ христіанства». Эти вѣка, при всемъ ихъ духовномъ своеобразіи и даже привлекательности, были такъ темны и настолько грубы, что оказывались безсильными въ яркой и художественной формѣ воплотить свои дѣла, мысли и надежды. Только послѣ того, какъ человѣческая личность попала въ сносныя условія, достигнувъ болѣе безопаснаго существованія, только послѣ того, какъ, съ одной стороны, началось развитіе матеріальной культуры, а съ другой—первые францисканцы освѣтили своимъ идеализмомъ и облагородили изувѣрскую средневѣковую религію, только тогда, на порогѣ ранняго Возрожденія, могъ появиться Данте и съ высоты своего генія оглянуться на протекшіе вѣка. Имъ, этимъ безмолвствующимъ вѣкамъ средневѣковья, этому основному источнику вдохновенія и творчества Данте, Федернъ посвящаетъ первую часть своей книги. Не давая послѣдовательной исторіи средневѣковья, онъ ярко и выпукло изображаетъ наиболѣе характерныя явленія эпохи (напримѣръ: глава V—Гогенштауфены, VIII—Схоластика, XII—Францисканцы и т. д.). Авторъ горячо любитъ погибшую античность и всей душой презираетъ раннее средневѣковье. Эти чувства вполнѣ понятны, но Федерну случается проявлять ихъ въ очень комичной формѣ. Въ древнемъ Римѣ было 867 общественныхъ бань, а, по образному выраженію Тэна, «le moyen age a vécu sur un fumier». Не ограничиваясь этимъ сопоставле-

пиемъ, Федернъ, забывъ, что въ благоустроенныхъ городахъ чуть ли не каждая квартира снабжена ваннами, пытаясь количествомъ римскихъ бань уязвить чистоплотность современныхъ вѣнцевъ, которые имѣютъ только 57 бань.

Вторая часть изслѣдованія содержитъ біографію Данте. Въ его жизни такъ много темныхъ періодовъ, столько неяснаго и спорнаго, что нѣтъ никакой возможности написать полную, яркую и послѣдовательную біографію поэта. Федернъ и не задается этой цѣлью. Онъ вводитъ читателя въ лабораторію изслѣдователя, гдѣ путемъ научныхъ споровъ, критики, повѣрки первоисточниковъ рождается историческая достовѣрность. За біографіей слѣдуетъ краткій обзоръ «Божественной Комедіи», а въ самомъ концѣ книги находимъ «дѣло» Данте—подлинныя приговоры объ его изгнаніи изъ Флоренціи. Авторское самоопредѣленіе обѣихъ частей своего труда, какъ простаго введенія къ чтенію Данте, врядъ ли примѣнимо къ условіямъ русскаго чтенія. Для подавляющаго большинства русскихъ читателей книга Федерна окажется очень полезной, но въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдованія, первая часть котораго представляетъ прекрасное руководство по исторіи среднихъ вѣковъ, а вторая—не менѣе удачное изслѣдованіе о личности Данте. Книга издана дорого, но роскошно, въ отличномъ переплетѣ, со множествомъ рисунковъ, многіе изъ которыхъ, впрочемъ, вышли довольно плохо. Врядъ ли удаченъ и ихъ выборъ: совершенно напрасно отодвинуты на второй планъ иллюстраціи эпохи и дано первенство фантазіямъ на темы изъ «Божественной Комедіи» **Пант.**

Н. Никольскій. Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. Изданіе т-ва «Міръ» Москва. 1911. Стр. VI+324. Цѣна 1 р. 50 к.

Западно-европейская историческая критика одинаково старательно и добросовѣстно занимается какъ Новымъ, такъ и Вѣтхимъ Заветомъ. Къ несчастью, всѣ замѣчательныя труды въ этой области долгое время не могли проникать въ Россію. Мы жили въ полной ортодоксальной тѣмѣ, почти ничего не зная о новѣйшихъ работахъ по библейской исторіи. Только въ такой нелѣпой обстановкѣ могла сложиться среди большой публики легенда о Ренанѣ, какъ о не превзойденномъ научномъ авторитетѣ по исторіи христіанства. Правда, тогда Ренана мало кому удавалось прочесть, но всѣ слышали о пресловутой «Жизни Иисуса» и фигура французскаго ученаго въ концѣ концовъ получила какой-то легендарный характеръ, стала страннѣйшимъ жупеломъ для однихъ и предметомъ остраго любопытства другихъ. Надо ли удивляться, что при такихъ условіяхъ издатели и переводчики, игнорируя новѣйшія критическія работы по исторіи христіанства, во многихъ отношеніяхъ превосходящія труды Ренана, съ самыхъ первыхъ дней свободъ занялись исключительно этимъ послѣднимъ. Хотя позднѣе начали появляться переводы другихъ критическихъ изслѣдованій, но въ общемъ русская освобожденная печать облюбовала почти исключительно труды по исторіи ново-завѣтной эпохи и въ этой области отдала явное предпочтеніе Ренану. Только теперь постепенно исправляется эта страшная односторонность. Почти одновременно съ двумя переводами древней исторіи евреевъ неизмѣл-

ного Ренана вышла книжка г. Никольскаго съ приведеннымъ выше названіемъ. Попытка автора дать «популярные очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи» должна заслуживать полнаго вниманія. Исторію Греціи, Рима, Западной Европы русскій читатель уже можетъ изучать не по малограмотнымъ переводамъ иностранныхъ историковъ, а по замѣчательнымъ трудамъ русскихъ ученыхъ (Карѣева, Гримма, Виноградова, Ковалевскаго, Ростовцева и др.). Оставалось только сломить гегемонію иностранщины въ области научной исторіи ветхо-и новозавѣтныхъ эпохъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ прежде всего привѣтствовать книжку г. Никольскаго. Кто, работая по еврейской исторіи въ огнѣ острой современной публицистики за и противъ евреевъ, остается въ предѣлахъ хотя бы самой элементарной объективности, тотъ уже дѣлаетъ большое научное дѣло. Этотъ искусь довольно успѣшно выдержанъ нашимъ авторомъ и въ этомъ второй большой плюсъ его труда. Видимо, симпатизируя евреямъ, г. Никольскій нигдѣ не принесъ въ жертву этой симпатіи научной правды, и будь наши свирѣпѣйшіе юдофобы людьми болѣе культурными, читающими книги, то изъ разбираемыхъ историческихъ разсказовъ они могли бы заимствовать много аргументовъ для обоснованія своего антисемитизма. Въ книгѣ г. Никольскаго семнадцать очерковъ. Главнѣйшій ихъ недостатокъ—вопющій догматизмъ изложенія, иногда до смѣшного напоминающій догматическій тонъ школьныхъ учебниковъ Ветхаго Завѣта. Конечно, въ популярной книгѣ нѣтъ никакой возможности каждый изложенный фактъ, каждую высказанную мысль подкрѣпить всѣмъ обычнымъ ученымъ аппаратомъ: входить въ разборъ каждаго слова первоисточника, комментировать и примирять научныя мнѣнія, полемизировать съ ними, дѣлать ссылки, цитировать. Но справедливо не обременяя всѣмъ этимъ текста, г. Никольскій непременно долженъ былъ предварительно показать своему читателю лабораторію исторической критики. Догматическому изложенію безусловно слѣдовало бы предпослать разсказъ, какъ изъ первыхъ наивныхъ сомнѣній выросла могучая современная историческая критика, какими колоссальными матеріалами она располагаетъ, какъ ими пользуется. Надо было на какомъ-нибудь отдѣльномъ примѣрѣ выяснитъ большой публикѣ, что пронизательность исторической критики отнюдь не ниже пронизательности ея любимаго героя Шерлока Холмса. И послѣ такого общаго введенія историческіе разсказы г. Никольскаго, несомнѣнно, только выиграли бы. Написаны они въ высшей степени популярно, и, попади «Древній Израиль» хоть въ руки малограмотному читателю, даже опъ безъ труда отъ начала до конца прочтетъ всю книгу. Но, предназначая свой трудъ для всей читающей Россіи, г. Никольскій совѣтъ не вникъ въ психологію широкаго круга читателей. Ученый историкъ можетъ считать баснословными веѣ библейскіе разсказы вплоть до завоеванія евреями Ханаана, но популярный писатель, дѣлая такую купюру въ Библіи, непременно долженъ постараться подробно обосновать ее. А на эту тему у г. Никольскаго есть только бѣглыя замѣчанія. Столь же бѣглыя фразы брошены и о Моисеѣ, тогда какъ, по нашему мнѣнію, выясненію исторической правды объ этомъ библейскомъ колосѣ слѣдовало бы посвятить отдѣльный очеркъ, который сразу же ввелъ бы неподготовленнаго читателя въ атмосферу научно-исторической критики. Прослѣдивъ вслѣдъ за авторомъ главнѣй-

шіе этапы еврейской исторіи отъ завосванія Ханаана до разрушенія Іерусалима Титомъ, читатель далеко не окажется удовлетвореннымъ. Своими очерками г. Никольскій разжегъ жажду научно провѣренной исторической правды, но не всегда смогъ удовлетворить ее въ полной мѣрѣ. Издана книга хорошо, съ прекрасно подобранными рисунками.

Пянт.

Граціанскій, Н. Парижскіе ремесленные цехи въ VIII—XIV столѣтіяхъ. Казань. 1911.

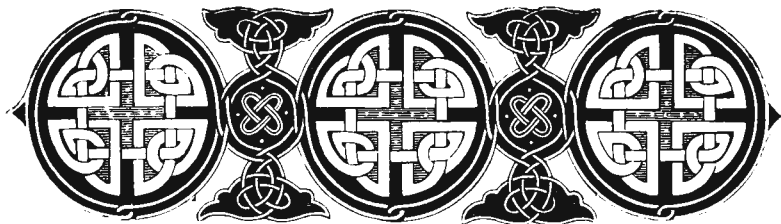
Исторія ремесленниковъ составляетъ интересную и до сихъ поръ недостаточно разработанную главу соціальной исторіи Европы. Въ русской литературѣ не считая популярной статьи П. В. Безобразова, по этому вопросу имѣется только нѣсколько главъ въ извѣстномъ сочиненіи М. М. Ковалевскаго объ экономическомъ ростѣ Европы, и молодой ученый хорошо сдѣлалъ, посвятивъ свой трудъ ремесленнымъ цехамъ. Специальная работа г. Граціанскаго написана такъ, что ее можетъ прочесть всякій интересующійся исторіей. Авторъ поставилъ себѣ задачей представить общую картину цехового устройства Парижа въ XIII—XIV столѣтіяхъ, то есть въ періодъ наивысшаго расцвѣта цеховой системы. Цеховая община того времени представляла, по словамъ Граціанскаго, дружную семью ремесленниковъ, проникнутыхъ сознаніемъ общности своихъ интересовъ. Цѣль ихъ соединенія—взаимная поддержка другъ друга, взаимопомощь. Этою цѣлью опредѣляется все внутреннее устройство ремесленной общины, прежде всего ея замкнутый характеръ. Нуждаясь въ постоянной поддержкѣ другъ друга, члены цеха обыкновенно группируются въ предѣлахъ одного и того же квартала, замыкаясь въ немъ какъ бы въ отдѣльной крѣпости. Ремесло отправляется въ маленькихъ невзрачныхъ мастерскихъ, снабженныхъ незамѣйливыми орудіями производства. Здѣсь работаютъ подъ руководствомъ мастера наемные подмастерья; здѣсь же проходятъ ученичество начинающіе ремесленники.

Невольно напрашивается вопросъ: когда жилось лучше рабочимъ—въ средніе вѣка или теперь? Г. Граціанскій высчиталъ, что лѣтній рабочій день продолжался 14 часовъ, но зато зимній всего 8 часовъ. Праздниковъ въ тѣ времена было гораздо больше, чѣмъ въ современной Европѣ, и, по словамъ автора, количество нерабочихъ дней опредѣляется круглою цифрою въ 105 сутокъ; оно было еще больше, г. Граціанскій не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что субботы и кануны праздниковъ считались полупраздниками и работали только полдня. Кругомъ въ недѣлю приходилось 2½ свободныхъ дня, и этимъ облегчалась продолжительность лѣтняго дня. Авторъ старался выяснитъ матеріальное благосостояніе парижскаго рабочаго, хотя сдѣлать это очень трудно за недостаткомъ данныхъ. О заработной платѣ намъ извѣстно довольно мало. Мы знаемъ, что кровельщикъ получалъ 1,50 франка въ день, маляръ 1,15 франка, каменщикъ 1 франкъ, плотникъ 0,77 франка. Г. Граціанскій беретъ среднюю цифру 1,15 франковъ, то есть плату маляра, и высчитываетъ, что цеховой подмастерье XIII вѣка получалъ 300 франковъ въ годъ, а совре-

менный французскій рабочій получаетъ 1020 франковъ. Но сдѣлать изъ этого выводъ, что благосостояніе современнаго рабочаго втрое выше противъ средне-вѣкового, было бы совершенно неправильно, а для того, чтобы сравнить матеріальное положеніе обоихъ рабочихъ, справедливо замѣчаетъ г. Граціанскій, необходимо знать стоимость жизненныхъ продуктовъ того и другого періода. Высчитавъ, сколько приходилось тратить въ средніе вѣка и сколько теперь, г. Граціанскій говоритъ, что матеріальное положеніе рабочаго XIII столѣтія было нѣсколько лучше положенія рабочаго XIX вѣка. Къ подобному же выводу приходитъ и французскій ученый Авенель. По его мнѣнію, въ періодъ времени отъ 1201 по 1250 г. рабочему жилось нѣсколько лучше, нежели рабочему XIX вѣка. Въ періодъ времени отъ 1250 по 1300 г. благосостояніе ихъ одинаково. Въ первой половинѣ XIV столѣтія матеріальное положеніе рабочаго нѣсколько улучшилось, во 2-й половинѣ этого столѣтія оно улучшается еще болѣе. Однако, замѣчаетъ г. Граціанскій, при сравненіи матеріальнаго благосостоянія рабочихъ XIII и XIV столѣтія недостаточно ограничиться этими вычисленіями, необходимо еще принять во вниманіе разницу ихъ жизненныхъ потребностей. Несомнѣнно, что рабочій средне-вѣковой Франціи имѣлъ гораздо менѣе потребностей, нежели французскій рабочій конца XIX столѣтія. По мѣрѣ того, какъ рабочій дѣлался болѣе интеллигентнымъ человѣкомъ, потребности его возрастали. Вотъ почему у него возникли такіе запросы, которые были совершенно неизвѣстны цеховому подмастерью. Это прежде всего запросы интеллектуальные. Ихъ удовлетвореніе требуетъ значительнаго досуга и значительныхъ денегъ. Отсутствие расходовъ на таковыя потребности въ матеріальномъ отношеніи является большимъ плюсомъ для цеховаго рабочаго. Итакъ, рабочій XIII—XIV столѣтія имѣлъ гораздо менѣе потребностей, нежели рабочій XIX столѣтія, и болѣе денежныхъ средствъ для ихъ удовлетворенія. Очевидно отсюда, что въ общемъ матеріальное положеніе перваго гораздо лучше матеріальнаго положенія послѣдняго.

Авторъ могъ бы прибавить къ этому еще одно соображеніе. Въ средніе вѣка рабочему жилось лучше въ томъ отношеніи, что ему гораздо легче было сдѣлаться хозяиномъ и работать за свой счетъ. Современный рабочій можетъ мечтать сдѣлаться мастеромъ, но никакъ не фабрикантомъ. Прежде было не то: завести мастерскую стоило сравнительно недорого; для этого не нужно было цѣлаго дома, достаточно было небольшого помѣщенія, гдѣ могли бы жить нѣсколько ремесленниковъ. Обзаведеніе тоже не требовало большихъ затратъ: машины, за которыя платятъ десятки тысячъ, не были еще изобрѣтены. Парижскій рабочій въ средніе вѣка не оставался всю жизнь въ зависимомъ положеніи, въ большинствѣ случаевъ ему удавалось устроить собственную мастерскую.

П. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О В О Е о тильзитскомъ свиданіи.—Въ Парижѣ только что вышли въ свѣтъ воспоминанія¹⁾ Луизы Прусской, жены князя Антонія Радзивиллъ, намѣстника великаго княжества Познанскаго, которыя обѣщаютъ много интереснаго.

Для русскихъ читателей представляетъ интересъ та часть мемуаровъ, гдѣ княгиня записывала подробности о роли Александра Павловича во время тильзитскаго свиданія. Въ этой части мемуаровъ рельефно выдѣляется плачевное, униженное положеніе Пруссіи, судьба которой была поставлена на карту, и отъ королевы зависѣло, чтобы эта карта была бита или не бита. Она была бы бита, но... зачѣмъ король вошелъ не четверть часа позже въ комнату, гдѣ бесѣдовали

Наполеонъ съ королевой—«тогда бы я все обѣщалъ королевѣ»,—сказалъ Наполеонъ. Судьба государства зависѣла не отъ умныхъ дипломатовъ, не отъ вмѣшательства Александра, а находилась въ рукахъ красивой женщины; хотя впоследствии Наполеонъ и увѣрялъ, что все дѣлается «ради Александра, а не красивыхъ глазъ королевы», но онъ говорилъ это, когда отрезвился. Всѣ надежды приближенныхъ возлагались на нее.

Послѣ Фриланскаго сраженія Беннигсенъ увѣдомилъ прусскаго короля о невозможности продолжать войну. Во всѣхъ докладахъ единодушно говорилось «не о слабости русской арміи, но о безпорядкахъ, о безусловныхъ недостаткахъ во всемъ, о капризахъ главнокомандующаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ объ упорномъ усердіи и преданности солдатъ». Между тѣмъ армія Толстого была не

¹⁾ Louise de Prusse, princesse Antoine Radziwill. A mes enfants 45 années de ma vie 1770—1815. Paris. 1911.

тронута, да еще прибьтъ новый отрядъ изъ 40000 подъ командой князя Лобанова; это дало королю надежду на рѣшительный шагъ со стороны Александра I—и онъ отправился въ Шавли. На другой день же послѣ отъѣзда было извѣстно, что великій князь Константинъ самъ вмѣшался въ переговоры между главнокомандующимъ и Мюратомъ. Несмотря на отказъ адъютанта Александра подписать письмо, гдѣ излагались переговоры о перемиріи, великій князь самовольно послалъ его въ деревушку Пиктупоень въ верстѣ отъ Тильзита.

Свиданіе Наполеона и Александра произошло въ павильонѣ, наскоро построенномъ на плоту, поставленномъ по этому случаю на Нѣманѣ. Они оба одновременно появились со своими свитами на берегу, сѣли въ ожидавшія ихъ лодки, и такъ произошло ихъ знакомство и завязался разговоръ.

Прусскій король, закутавшись въ простую гвардейскую шинель, прятался, смѣшившись съ толпою, и слѣдилъ за происходившимъ. Послѣ получасовой бесѣды Александръ и Наполеонъ вышли изъ лодокъ и направились въ одинъ павильонъ, свита же въ другой. Наполеонъ цѣлыхъ два часа говорилъ о положеніи дѣлъ до и послѣ войны, предпринятой безъ «всякой причины», онъ жаловался на поведеніе прусскаго короля относительно его и ссылался на то, какъ мало у него было намѣренія заводить войну, ибо, сказалъ онъ Александру, «въ тотъ моментъ въ мои планы не входило вести ее съ Пруссіей и ослаблять мои силы, я хотѣлъ ихъ примѣнить въ войнѣ, которую я замышлялъ противъ васъ».

Александръ защищалъ интересы своего союзника, совсѣмъ не желая отдѣлять ихъ отъ своихъ. Тогда Наполеонъ спросилъ его: «Но скажите, государь, какая причина можетъ васъ побуждать такъ участливо относиться къ этому королю и къ Пруссіи?» Разговоръ продолжался въ этомъ же тонѣ, лестномъ и учтивомъ по отношенію Александра, хотя Наполеонъ и не скрывалъ, какъ мало онъ расположенъ вмѣшивать прусскаго короля въ переговоры. Однако пришлось остановиться на этомъ, и свиданіе его съ прусскимъ королемъ въ присутствіи Александра было назначено на другой день, въ тотъ же часъ въ нейтральномъ Тильзитѣ, который рѣшено было раздѣлить на три части—для русскаго, французскаго и нѣмецкаго гарнизоновъ и главныхъ квартиръ. Александръ же рѣшился тамъ поселиться. При выходѣ изъ павильона они взаимно представили свою свиту, обнялись и, войдя въ лодки, поплыли по рѣкѣ при крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ!» обращенныхъ къ Наполеону. Александръ прежде всего направился къ королю, сдѣлалъ ему точный докладъ обо всемъ происшедшемъ и въ этомъ случаѣ далъ ему новое доказательство своего постоянства и привязанности.

На слѣдующій день, въ 11 часовъ императоръ въ коляскѣ заѣхалъ за королемъ и, сопровождаемые кавалергардами и нѣмецкими гвардейцами, они отправились къ берегу Нѣмана. Въ моментъ, когда отрядъ разступился, чтобы пропустить карету, они замѣтили на берегу французскую гвардію и Наполеона, уже готоваго сѣсть въ лодку. Произошла та же церемонія, что и наканунѣ, такъ же произошло знакомство, только съ королемъ Наполеонъ былъ холодно учтивъ. Было предложено войти въ павильоны, которые для этого свиданія, по приказанію Наполеона, были украшены листьями и цвѣтами. На одномъ красовалась

буква А на другомъ N. Инициаль же короля отсутствовалъ, какъ прямой намекъ. что это вниманіе Наполеона относилось не къ нему.

Часа полтора разговоръ шелъ совершенно о постороннемъ; все, что ихъ интересовало, обходилось молчаніемъ. Императоръ Александръ старался поддерживать разговоръ, и все вниманіе Наполеона относилось къ нему; съ прусскимъ же королемъ онъ обращался очень невнимательно. Въ моментъ отъѣзда Наполеонъ пригласилъ Александра въ тотъ же день на обѣдъ, не пригласивъ короля. Наконецъ появились свиты трехъ монарховъ. Король представилъ Наполеону сопровождавшихъ его генерала Лестока и фонъ-Клейста. Наполеонъ сказалъ генералу одно слово, а затѣмъ, не представивъ королю принца Мюрата, генераловъ Дюрока и Вертрана, уѣхалъ, оставивъ короля мало удовлетвореннымъ этой первой встрѣчей. Снова раздалися: «Vive l'Empereur» относившіеся къ Наполеону и «ура» русской арміи, относившееся къ Александру и королю.

По возвращеніи король нашель, что къ договору о перемиріи, о которомъ велъ переговоры Калькретъ, находившійся въ Тильзитѣ для ратификаціи, прибавлены самыя предательскія статьи и онъ не могъ его заключить. Король объявилъ, что онъ не хочетъ ничего измѣнить въ своихъ предложеніяхъ. Наконецъ дѣло устроилось письменно, какъ этого хотѣлъ Наполеонъ, и онъ согласился на требованіе короля. На слѣдующій день Александръ отправился въ Тильзитъ, осмотрѣлъ французское войско и ужиналъ у Наполеона. Разговоръ велся дѣловой. Наполеонъ нѣсколько разъ повторилъ, что скоро придется перемѣнить посланника и посредниковъ, ибо онъ чувствуетъ, насколько сильна власть Александра надъ его сердцемъ, что онъ можетъ заставить его забыть врученные ему интересы націи.

По заключеніи перемирія король принялъ приглашеніе пріѣхать въ Тильзитъ. Онъ нанялъ тамъ *ried á terre*, самъ же оставался жить въ Пиктупоненѣ, но въ тотъ же день пріѣхалъ въ Тильзитъ. Къ нему навстрѣчу выѣхалъ Мюратъ, но опоздалъ, за что предъ нимъ извинился. Затѣмъ онъ его проводилъ до дверей Наполеона, у котораго уже находился Александръ.

Послѣ смотра войска состоялся обѣдъ. За столомъ Александръ сидѣлъ въ срединѣ, справа отъ него король, слѣва Наполеонъ, а по бокамъ великій князь Константинъ и принцъ Мюратъ, напротивъ стоялъ Дюрокъ, прислуживавшій королю. Ни одного пажы, ни одного слуги не прислуживало за обѣдомъ, а вмѣсто нихъ все исполняли приближенные Наполеона со шпагами на боку и въ раззолоченныхъ по всѣмъ швамъ мундирахъ. Королю прислуживалъ Рустанъ.

Еще предъ обѣдомъ Наполеонъ, освѣдомляясь о королевѣ и ея больномъ ребенкѣ, прибавилъ: «Я знаю, королева меня ненавидитъ, но я надѣюсь, когда вы заключите со мною миръ, она тоже заключитъ свой». Король, не затрудняясь, отвѣтилъ: «Не королева обидѣла ваше величество!..» Послѣ супа Наполеонъ всталъ и вышилъ за здоровье «королевы Пруссіи».

Обѣдъ длился не болѣе трехъ четвертей часа. Послѣ него король немедленно удалился. Александръ же остался, и бесѣда его съ Наполеономъ затянулась далеко за полночь. Эти обстоятельства не измѣнили его непріязни къ барону Гарденбергу и генералу Рюхелю. Первый писалъ ко второму: «Я не теряю надежды увидѣть, что Пруссіи возвратятъ независимое политическое положеніе...»

Однако Гарденбергъ прибавляетъ: «Политическая система Россіи совершенно измѣнилась...»

О намѣреніяхъ императора никому не говорили; только шведскій посланникъ былъ призванъ къ королю, англійскому же министру и посланнику, присланному въ Тильзитъ съ намѣреніемъ узнать объ этомъ, ничего не говорили. Князь Чарторыйскій, графъ Страсановъ и Новосильцевъ остались въ Шавляхъ; «это заставляетъ предполагать, что они не участвовали въ этихъ событіяхъ», говоритъ княгиня.

Наполеонъ все отмащивался, и положеніе Пруссіи становилось критическимъ. Прусскіе дипломаты и придворные старательно готовили королеву на закланіе. Маршалъ Калькбергъ, находившійся въ Тильзитѣ со времени переговоровъ о перемиріи, писалъ королю, предупреждая его, что онъ знаетъ черезъ одну личность, близко стоящую при императорскомъ дворѣ, «какое удовольствіе доставить Наполеону пріѣздъ королевы въ Тильзитъ, и ея присутствіе могло бы принести много пользы». Огвѣтъ короля и королевы былъ одинаковый, что «она расположена пріѣхать, если будетъ полезна». Но императоръ Россіи объявилъ, въ моментъ своего пріѣзда, что присутствіе королевы, дамъ и вообще всякое развлеченіе ему было бы непріятно, когда онъ занятъ серьезными дѣлами. «Ея величество не пріѣдетъ до тѣхъ поръ, пока оба монарха не выразятъ своего желанія».

Обѣды смѣнялись свиданіями, но Наполеонъ попрежнему хранилъ молчаніе о событіяхъ и о своемъ намѣреніи относительно Пруссіи. Короли увѣрили, что его сдержанность, вызванная его затруднительнымъ положеніемъ, не нравится Наполеону, принимавшему это за недовѣріе и враждебность. Тогда король взялъ на себя сблизиться болѣе съ Наполеономъ и даже заговорить о планѣ перемирія и базѣ, на которыхъ онъ хотѣлъ бы его основать, но услышалъ уклончивые отвѣты, и между прочимъ Наполеонъ сказалъ ему: «Что касается Польши, ей надо дать короля, который не вызвалъ бы подозрѣній Австріи и Россіи». За обѣдомъ Наполеонъ говорилъ обо всемъ; иногда его вопросы ставили монарховъ въ затруднительное положеніе. «Уколько вамъ приносить налогъ на сахаръ?» напиримѣрь, спросилъ онъ Александра. «На сколько въ годъ вы продаете пушного товара и мѣховъ?» То онъ поднималъ религіозные вопросы и спрашивалъ, какъ священникъ допрашиваетъ оглашеннаго. Всѣ эти вопросы главнымъ образомъ относились къ Александру, королю рѣдко приходилось на нихъ отвѣчать. «Однако недавно, высказывая Александру при королѣ сожалѣніе, что предпринялъ эту войну, разстроившую всѣ его планы, Наполеонъ прибавилъ: «Что касается барона фонъ-Гарденберга, я смотрю на него, какъ на человѣка, давашаго мнѣ пощечину своимъ поведеніемъ съ г. де-ла-Форэ».

Талейранъ еще менѣе былъ расположенъ къ Пруссіи, чѣмъ Наполеонъ, и Рюхель увѣрялъ, что получилъ письмо, въ которомъ его увѣдомляли, что первымъ условіемъ перемирія будетъ уступка Франціи Польши и Силезіи, но король отъ этого отказался. Король ежедневно видѣлъ въ прихожей Наполеона то Гогенлоа, сбросившаго свой мундиръ, чтобы надѣть мундиръ адъютанта

принца Жерома, графа Красинскаго, то другихъ поляковъ и много прескныхъ прусскихъ офицеровъ.

1-го іюля должна была состояться первая конференція, и увѣрили, что для установленія перемирія достаточно недѣли; поэтому приближенные короля спѣшили скорѣе захватиться за королеву, какъ за якорь спасенія. «Сегодня, 3-го іюля, письма короля извѣщаютъ,—пишетъ княгиня:— что маршалъ Калькретъ не перестаетъ приставать къ нему относительно пріѣзда королевы. Онъ пишетъ ему, что многія видныя личности предупредили его, будто присутствіе королевы произведетъ хорошее впечатлѣніе. Онъ прибавляетъ, что однажды вечеромъ полураздѣтый Бертье, выходя отъ Наполеона, прошелъ къ Калькрету подъ предлогомъ дѣла, но въ сущности только затѣмъ, чтобы убѣдить его, что благоденствіе и существованіе Пруссіи зависятъ отъ пріѣзда королевы, которая своей привѣтливостью, нѣжностью и граціей сумѣетъ въ короткій срокъ привести дѣло къ благополучному концу, до чего посредники не могутъ довести. Зная, какъ желалъ Наполеонъ этого пріѣзда, Бертье самовольно объявилъ послѣднему, что «со стороны прусской партіи также желательно, чтобы королева посѣтила короля въ Пиктупоненъ, на что Наполеонъ, повидимому, очень довольный, отвѣтилъ: «А! тѣмъ лучше!» Это слово рѣшило все.

Наконецъ королева надумала пріѣхать въ Пиктупоненъ на пять-шесть дней. Однако она предупредила, что совсѣмъ не приметъ Наполеона, что онъ не переступитъ Нѣмана, а что она сама пойдетъ въ Тильзитъ, въ квартиру, которую король приготовилъ, какъ *piéd á terre*. Тамъ она приметъ Наполеона и, по всей вѣроятности, получитъ приглашеніе на обѣдъ или ужинъ. Гарденбергъ тоже настаивалъ на необходимости немедленнаго отъѣзда королевы. Дѣла, по его словамъ, разсматриваются съ такою спѣшностью, что есть видимое опасеніе, что всякое замедленіе можетъ быть пагубно. За послѣдніе дни настроеніе Наполеона смягчилось: онъ менѣе задавалъ вопросовъ и болѣе разговаривалъ, приводя въ восторгъ короля обширностью своихъ познаній и необъятностью своего генія. Онъ выражался съ такою точностью, ясностью, глубокимъ знаніемъ вещей, что оба государя восхищались имъ, потихоньку высказывая желаніе, чтобы онъ употребилъ на благополучіе и счастье міра всѣ свои способности, талантъ и геній, который до сихъ поръ былъ лишь бичомъ.

Бумаги, содержащія планъ міра, еще не появлялись. Каждый день маневрировали то русскія, то французскія войска. Мюратъ и великій князь Константинъ сдѣлались большими друзьями. Королева отправлялась въ путь въ сопровожденіи графини Фоссъ и графини Тауэнтцинъ и 4-го пріѣхала въ Пиктупоненъ. Первая новость, что она услышала, была отставка барона фонъ-Гарденберга, который самъ просилъ ея послѣ того, какъ Наполеонъ сказалъ, что онъ скорѣе будетъ продолжать сорокъ лѣтъ войну, чѣмъ его оставить во главѣ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Гольцъ добился портфеля. Талейранъ увѣрилъ его, что это назначеніе пріятно Наполеону.

5-го утромъ къ королевѣ явился Коленкуръ освѣдомиться о здоровьѣ, поздравить съ пріѣздомъ и выразить ей сожалѣніе императора, что онъ не можетъ посѣтить ее въ Пиктупоненъ, потому что Тильзитъ единственный нейтральный городъ и онъ не можетъ его оставить. Онъ желалъ бы знать, когда она туда пріѣ-

детъ, чтобы лично къ ней тогда явиться и попросить ее отобѣдать у него, въ какой она желаетъ часъ. Это свиданіе было назначено на другой день.

Между тѣмъ на первой конференціи появились бумаги Наполеона съ изложенными тамъ условіями мира; предложенія были ужасны: потеря провинцій по ту сторону Везера и Эльбы, Силезія и южная Пруссія для увеличенія владѣній короля Саксонскаго. «Императоръ Россіи велъ переговоры за насъ съ живымъ интересомъ. Партія великаго князя Константина съ каждымъ днемъ спискивала все болѣе довѣрія въ русской арміи, обрадованной миромъ, а еще болѣе окончаніемъ коалиціи съ Пруссіей,—пишетъ княгиня.—Совершенно предаются французской партіи; послѣдняя покорила Александра. Наполеонъ ему разомъ и льститъ и обманываетъ. Русскихъ искушаетъ дѣлежъ Турціи, и Александръ не задумается, давъ себя увлечь предупредительностью, вниманіемъ, отъ которыхъ онъ не можетъ прійти въ себя. Король менѣе пріятнаго характера, глубоко оскорбленный этимъ свиданіемъ, недостаточной заботливостью оказанной ему и особенно ожидаемой имъ участію, хранить свой сдержанный, холодный тонъ, что придастъ ему болѣе достоинства, чѣмъ его другу. Послѣдній самъ идетъ на рожонъ, тогда какъ король въ теченіе шести мѣсяцевъ дѣлаетъ все, чтобы этого избѣжать».

Наполеонъ приготовилъ для королевы въ Тильзитѣ небольшой домъ, украсивъ его со всею изысканностью, на какую способенъ былъ Тильзитъ. У дверей былъ поставленъ караулъ, и Наполеонъ, указывая на него Александру, сказалъ: «Ну, что, сердце вамъ ничего не подсказываетъ?» Однако королева рѣшилась остановиться въ квартирѣ мужа и 6-го, въ 4 часа въ парадномъ туалетѣ вѣхала въ каретѣ въ Тильзитъ, окруженная гвардейцами. Въ домѣ короля ее встрѣтилъ Александръ, оставшійся у нея на минуту. Черезъ десять минутъ Наполеонъ, окруженный маршалами и громадной свитой, прибылъ верхомъ и живо спрыгнулъ съ лошади. Увидя у дверей дома придворныхъ дамъ, онъ привѣтствовалъ ихъ и поспѣшно поднялся по лѣстницѣ, на верху которой его ожидала королева. «По счастью, она не была ни смущена, ни въ замѣшательствѣ,—говоритъ княгиня,—и замѣчательно красива». Беседа длилась около часа. Говорили о литературѣ, музыкѣ, искусствѣ и о дѣлѣ. Королеву подготовили къ ея роли и научили, чего ей добиваться. «Желали, чтобы королева поговорила съ нимъ о дѣлѣ, и указали ей приблизительно, на какихъ пунктахъ настаиваетъ король,—пишетъ княгиня. «Государь, я знаю, что вы обвиняете меня за то, что я вмѣшиваюсь въ политику!» сказала королева.—«Ахъ, сударыня, не вѣрьте!...—Нѣтъ, государь, я въ этомъ увѣрена и я должна вамъ разъяснить поступокъ, который я совершаю въ данный моментъ».—«Сударыня, не думайте, что я слушаю клеветническіе намеки».—«Государь, я супруга и мать и въ этомъ качествѣ я вручаю вамъ судьбу Пруссіи, страны, съ которой меня связываетъ столько узъ, гдѣ намъ дали столько трогательныхъ доказательствъ привязанности. Король хотѣлъ бы удержать провинцію Магдебургъ болѣе, чѣмъ какую-либо другую лѣваго берега Эльбы, который ваше императорское величество отнимаетъ отъ него въ своихъ первыхъ предложеніяхъ. Я же прибѣгаю къ вашему великодушному сердцу; я у него прошу, я отъ него ожидаю счастья».—«Вы будете въ восторгѣ, сударыня, снова вернуться въ Берлинъ?»—«Да, государь, но не при всякихъ условіяхъ. Отъ вашего

величества зависить, чтобы мы вернулись туда без горя и вамъ были бы обязаны нашей привязанностью и благодарностью». — «Сударыня, я буду, конечно, очень счастливъ... У васъ превосходное платье, гдѣ его дѣлали? Въ Бреславль? Въ Берлинъ? А крепь дѣлали тоже у васъ на фабрикахъ?» — «Нѣтъ, государь... По ваше величество не скажетъ мнѣ ни одного утѣшительнаго слова объ интересахъ, которые одни занимаютъ мое сердце въ данный моментъ, когда я падаюсь добиться отъ васъ болѣе счастливаго существованія для всего, что мнѣ дорого. Сердце вашего императорскаго величества слишкомъ благородно; оно присоединяетъ къ своимъ великимъ качествамъ слишкомъ высокой характеръ, чтобы быть нечувствительнымъ къ моему горю».

Наполеонъ слушалъ ее съ интересомъ. Королева увидѣла въ выраженіи его лица что-то мягкое и какую-то черту доброты въ его улыбкѣ, которая предвѣщала ей успѣхъ. Какъ вдругъ вошелъ король — и разговоръ прервался. «Король прусскій вошелъ кстати, приди онъ четверть часа позже, я общалъ бы все королевѣ!» — сказалъ онъ Александру. Эти слова придали королевѣ болѣе мужества и надежды.

Наполеонъ оказывалъ королевѣ всевозможное вниманіе и наговорилъ ей много лестнаго. Онъ пригласилъ ее обѣдать съ нимъ и она отправилась въ 8¹/₂ часовъ къ нему вмѣстѣ съ баронессой фонъ-Фоссъ. Послѣ обѣда разговоръ снова завязался дѣловой. Наконецъ императоръ ей сказалъ: «Но, сударыня, чего именно вы желаете? Вы скажите мнѣ ваши идеи». Тогда королева объяснила ему подробно желаніе короля, отъ какихъ провинцій онъ не хотѣлъ бы отказаться, причины главнаго интереса въ положеніи той или другой провинціи для коммерціи или ради потребностей Берлина. «По-моему, — нишетъ княгиня, — она слишкомъ вошла въ подробности; она должна была ограничиться вполне ролью, какую играла утромъ. Все, что она говорила, какъ жена и мать, должно было произвести впечатлѣніе, и я думаю, что она имѣла бы успѣхъ. Все, что ей поручили повторить вечеромъ, было не въ ея характерѣ, и она только проиграла».

Наполеонъ не далъ ей никакого положительнаго отвѣта, онъ оказалъ ей вниманіе, а когда она настойчиво остановилась на дѣлѣ, то онъ отвѣтилъ: «Сударыня, мнѣ всегда говорили, что вы вмѣшиваетесь въ политику и теперь по тому, что я слышалъ, я сожалею что, это не подходящий случай». — «Я думаю, что ошиблись относительно смысла этого комплимента, который приняли буквально», нишетъ княгиня. Послѣ отъѣзда королевы Наполеонъ сказалъ Александру: «Какая очаровательная женщина королева Пруссіи: ея душа соответствуетъ ея наружности. По чести вмѣсто того, чтобы отнимать у нея корону, брать искушеніе самому положить къ ея ногамъ корону». Эти слова переходили изъ устъ уста, всѣ льстили себя надеждой на благопріятный исходъ. Самъ Александръ пріѣхалъ къ королевской четѣ поздравить съ счастливымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ королевой, и выгодами, которыя изъ этого послѣдуютъ. Онъ оставилъ Наполеона съ Талейраномъ и льстилъ себя надеждой, что на другой день королеву снова пригласитъ Наполеонъ на обѣдъ и дѣло окончится самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Вмѣсто того Калькрету и Гольцу сообщили о приведеніи намѣреній Наполеона въ исполненіе на другой день утромъ. Королю были посланы самыя унизительныя условія: потеря провинцій между Эльбой

и Везеромъ, лѣваго берега Эльбы, саксонскихъ провинцій Силезіи и всѣхъ провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ трехъ дѣлежей Польши, оставляли королю лишь половину его владѣній. Этотъ ударъ былъ тѣмъ ужаснѣе, что еще наканунѣ было столько иллюзій. На всѣхъ лицахъ отпечаталось негодованіе и горе. На лицѣ королевы отразилось такое уныніе, что великій герцогъ Бергъ ее спросилъ: здорова ли она? На это отвѣчалъ король: «Ничего нѣтъ удивительнаго, что она испытываетъ страшное горе, которое причинилъ намъ императоръ недостойнымъ способомъ, съ какимъ велись переговоры». Тотъ поклялся, что ничего не зналъ, имѣлъ, какъ и всѣ, надежды самыя благоприятныя для Пруссіи. Королева сказала, что пріемъ императора ей также ихъ внушилъ, но онѣ длились короткое время. «Государю я казался мотивомъ и оружіемъ этой отвратительной войны, но повѣрьте, я совсѣмъ не принималъ участія въ томъ, что съ вами случилось, я совсѣмъ не честолюбивъ; счастливый въ Парижѣ, я ограничиваю свои желанія жить тамъ и совсѣмъ не быть принужденнымъ играть роль, для которой совсѣмъ не рожденъ. У императора великія качества, но для потомства это не все; ему надо еще показать сильный характеръ, и онъ совсѣмъ его не доказываетъ. Вѣрьте, государь, это зависитъ отъ васъ; еще есть время; наше счастье въ вашихъ рукахъ!» Въ этотъ моментъ королева садилась въ карету, она болѣе никогда не встрѣчалась съ Наполеономъ.

8-го король съ принцемъ Вильгельмомъ еще обѣдалъ у Наполеона вмѣстѣ съ Александромъ. Послѣдніе обмѣнялись орденами, которые украшали также ихъ свиты. Наполеонъ самъ прикрѣпилъ крестъ Почетнаго Легіона одному изъ преображенцевъ. Извѣстно было, что эта гвардія вполнѣ предана Беннигсену и великому князю Константину и партіи, которая принудила императора заключить миръ, то свидѣтельство этого благоволенія со стороны Наполеона показалось безразличнымъ зрителямъ. По обыкновенію король съ Наполеономъ были холодны и молчаливы. Александръ поддерживалъ разговоръ, и когда коснулись Франціи, то Наполеонъ вошелъ въ подробности администраціи. Онъ развилъ всѣ причины, которыя заставили его рѣшить ту или другую статью французской конституціи. «Но,—сказалъ онъ,—что восхитительно въ этой конституціи, это то, что она меня ни въ чемъ не стѣсняетъ и я всѣмъ располагаю и заставляю примѣнять ту же самую конституцію при исполненіи моихъ плановъ и желаній».

На первой же конференціи графа Гольца съ княземъ Талейраномъ послѣдній объявилъ, что Франціи нужно промежуточное государство между ней и Россіей, чтобы получать булавочные уколы, которые предшествуютъ пушечнымъ выстрѣламъ, но что въ этомъ отношеніи Саксонія болѣе подходитъ Россіи, чѣмъ Пруссія. Миръ съ Пруссіей былъ подписанъ. Восемь часовъ спустя послѣ отъѣзда Александра подписали перемиріе, съ подписаніемъ котораго спѣшилъ Наполеонъ, и хотя король цѣлыхъ пять дней отказывался, но кончилъ тѣмъ, что сдался передъ силой. На одномъ изъ послѣднихъ свиданій Наполеона и короля императоръ долго и пристально смотрѣлъ на него съ головы до пятъ, затѣмъ, посмотрѣвъ на его сѣрыя панталоны, сказалъ: «Вамъ нужно застегивать ежедневно всѣ эти пуговицы. Вы начинаете сверху или снизу?»

Наполеонъ лестно отзывался о русскихъ и до крайности ихъ расхваливалъ, говоря Александру: «Я особенно уважаю Россію, но зачѣмъ вы окружаете себя другими людьми, кромѣ русскихъ? Я совѣмъ не люблю этихъ эстляндцевъ. Отчего не давать ихъ мѣсть русскимъ?»—«Но, государь,—отвѣтилъ Александръ:—я думаю, что вы были бы такъ же удивлены, какъ я въ данный моментъ, если бы я вамъ сказалъ, что эльзасецъ не французъ». Однажды, придя къ Александру и не заставъ его, онъ отправился къ маршалу двора Толстому, котораго онъ очень отличалъ. Онъ вошелъ къ нему въ комнату и долго разговаривалъ съ нимъ о дѣлахъ. «Повторите же вашему императору, дорогой графъ, что все сдѣланное мною для Пруссіи я дѣлалъ изъ-за него, а ничуть не для глазъ королевы и еще менѣе короля».

Съ перваго же дня, какъ Александръ поселился въ Тильзитѣ, Наполеонъ сказалъ ему: «Я приду къ вамъ пить чай». Все было приготовлено, и Наполеонъ явился. Александръ налилъ ему чашку, но Наполеонъ къ пей не притронулся. На другой день то же самое. На третій день онъ спросилъ Наполеона: желаетъ ли онъ чаю?—«Да, черезъ часъ». Но онъ никогда его не пилъ.

Послѣ заключенія мира съ русскими генералъ Беннигсенъ не переставалъ говорить о сильной арміи, увѣряя, что она достигла 160.000 человекъ, готовыхъ сражаться, и что въ такой благоприятный часъ надо было потерять голову, чтобы заключить миръ. Онъ старался такимъ образомъ взвалить на Александра вину за переговоры. Говорятъ, что великій князь дошелъ до того, что напомнилъ брату смерть и родъ смерти отца, намекая этимъ, что онъ можетъ имѣть такую же участь.

— Рауль Гинсбургъ, какъ герой и дипломатъ.—Имя Рауля Гинсбурга, импрессаріо французской оперетки, хорошо знакомо веселящемуся Петербургу, но Гинсбургъ инициаторъ франко-русскаго союза, Гинсбургъ герой русско-турецкой войны—для многихъ новость. Едва ли кто изъ мирнаго населенія, не имѣвшаго общенія съ героями этой войны, могъ подозрѣвать, что въ комичной фигурѣ живчика-импрессаріо, богато одареннаго разнообразными талантами, таится столько храбрости и находчивости! А между тѣмъ, благодаря этимъ двумъ качествамъ, маленькій, юный студентъ-медикъ овладѣлъ Никополеми.

Вотъ какъ передаетъ въ «Figaro» этотъ любопытный эпизодъ контръ-адмиралъ Отфейль, со словъ Грамеца Варда, слышавшаго его изъ устъ полковника Розенбаума и генерала Кноринга.

16-го іюля, около четырехъ часовъ утра генералъ Крюденеръ прибылъ со своимъ главнымъ штабомъ и уже отдалъ приказъ итти въ большую атаку, чтобы овладѣть Никополемъ. Какъ вдругъ, къ общему изумленію, русскіе увидѣли на стѣнахъ Никополя бѣлый флагъ, а по дорогѣ приближавшагося къ нимъ турецкаго офицера. Это было парламентеръ, посланный объявить русскимъ, что крѣпость сдалась на капитуляцію.

Русскіе ничего не понимали, въ чемъ дѣло. Что случилось въ одну ночь?.. Еще наканунѣ турки сражались съ ожесточеніемъ, почему же сегодня вдругъ они сдаются, не сдѣлавъ послѣдняго усилія?

А дѣло было такъ. Находившійся при походномъ лазаретѣ четырнадцатилѣтній студентъ-медикъ Рауль Гинсбургъ, родившійся въ Букарештѣ во французской семьѣ, удачно провель за носъ турецкаго командующаго. Когда первый роты 18-го батальона очистили лѣвый флангъ, во главѣ отряда находился офицеръ, знавшій маленькаго Гинсбурга. Поэтому, увидѣвъ его, онъ закричалъ: «Ура, Рауль!»—«Ура, ура!» отвѣтили студентикъ и пошелъ рядомъ съ этимъ офицеромъ.

Вскорѣ шальная пуля сразила этого офицера. Однако отрядъ все-таки продолжалъ свой маршъ, но теперь во главѣ съ юнымъ студентикомъ, который вель его впередъ, несмотря ни на какия препятствія.

Когда около 11 час. вечера турки выступили изъ Никополя, отбивая атаку, Гинсбургъ очутился въ самомъ пеклѣ турецкой атаки среди солдатъ различныхъ полковъ. Ведя борьбу въ темнотѣ, онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальнаго русскаго войска, самое большее съ шестьдесятью солдатами. Когда турки бѣжали по направленію къ Никополю, Гинсбургъ въ погонѣ за ними, карабкаясь, достигъ брешни, чрезъ которую бѣглецы пролѣзли въ городъ.

Понавъ туда, онъ задумался о томъ, что ему теперь дѣлать? О возвращеніи обратно онъ и не помышлялъ ни одной секунды. Проникнуть далѣе съ горсточкой солдатъ было бы безуміемъ. И онъ рѣшилъ остаться съ шестьдесятью солдатами различныхъ полковъ 18-го, 20-го и 123-го данѣсколькими казаками. Размѣстивъ ихъ вокругъ брешни, Гинсбургъ ожидалъ разсвѣта, чтобы осмотрѣться. Было около полуночи. Только теперь юный студентикъ замѣтилъ, что раненъ въ лѣвую лопатку. Наскоро онъ сдѣлалъ себѣ перевязку изъ рубахи, которую одинъ солдатъ снялъ съ себя.

Этотъ ничтожный по количеству отрядъ, однако, послужилъ причиною преждевременной капитуляціи Никополя. Гассанъ-паша, узнавъ, что русскіе окружили брешь, предположилъ, что выходы изъ города заняты значительными русскими отрядами, и рѣшился на капитуляцію. На зарѣ одинъ изъ турецкихъ офицеровъ, говорившій по-французски, сталъ приближаться къ брешни съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ и остановился въ ста метрахъ. Гинсбургъ, страшно страдавшій отъ раны, кое-какъ собрался съ силами и пошелъ къ нему навстрѣчу. Когда онъ узналъ отъ него о предположеніи Гассана-паши, что русскіе овладѣли этой частью города и офицеръ проситъ провести его къ генералу, командующему арміей, то живо смекнулъ, что выказать парламентру, насколько мало количество его солдатъ, значить все испортить. Онъ поспѣшно указалъ ему русскую конницу, находившуюся у подножья укрѣпленія въ шестистахъ метровъ, сказавъ, что обратиться надо туда, «Что же касается меня, начальника поста,—прибавилъ Гинсбургъ, чтобы поскорѣе отвлечь вниманіе парламентаря отъ брешни:—то я получаю приказъ никого не допускать къ брешни».

Парламентарь отправился по указанію къ генералу, гдѣ обмѣнялся съ находившимися тамъ офицерами условіями. Послѣ этой церемоніи генералъ Крюденеръ въ сопровожденіи Толстого вступилъ въ Никополь чрезъ открытыя для нихъ городскія ворота среди громкихъ и радостныхъ возгласовъ, летѣвшихъ въ воздухѣ фуражекъ, залповъ пушекъ, и городъ сдался.

Солдаты, бывшіе съ Гинсбургомъ, забывъ объ усталости и пережитыхъ волненіяхъ, бросились въ самую середину. «Что же касается бѣднаго маленькаго героя,—говорить Отфейль:—то онъ съ трудомъ дотащился до лазарета, гдѣ наконецъ ему перевязали раны».

Когда въ концѣ 1878 г. окончилась война, Гинсбургъ снова отправился въ Парижъ для окончанія ученія, имѣя въ карманѣ зарабатываемое мѣсячное содержаніе въ 35 франковъ. Черезъ годъ адъютантъ румынскаго короля, майоръ Шина, встрѣтилъ мать Гинсбурга и объявилъ ей, что ея сына ищутъ въ Россіи. Молодой человекъ отправился туда, имѣя въ карманѣ 3 франка 6 сантимовъ да въ памяти заученное имъ «*La grève des forgerons*» Франсуа Коппэ, которое онъ научился декламировать, чтобы прокормиться—вотъ и весь его багажъ. Такимъ образомъ онъ добрался до Петербурга, переходя изъ города въ городъ и зарабатывая кое-какія деньги. Конечно, онъ могъ просить пособіе, но для этого онъ былъ слишкомъ гордъ и самолюбивъ, говоритъ Отфейль.

Наконецъ онъ добрался до Петербурга, но, къ несчастію, только что скончался Александръ II, Россія была въ глубокомъ траурѣ и просить высочайшей аудіенціи въ такое время было смѣшно и бесполезно. Что было ему дѣлать? Какъ заработать ему денегъ? Опять Гинсбургъ захватился за «*La grève des forgerons*». Наконецъ одно театральное агентство согласилось устроить его въ какое-то *café concert*. Но тутъ его ожидало разочарованіе: по случаю національнаго траура всѣ русскіе театры и *café concert* должны были прекратить на это время представленія. Бѣдные артисты не знали, какъ имъ выбраться на родину. и плакали отъ неудачи, но юный Гинсбургъ подбодрялъ ихъ: «Что вы дѣлаете изъ нашего французскаго достоинства?—говорилъ онъ.—Къ тому же иностранные театры разрѣшены: перестанемъ быть артистами *cafés concerts*, а примемся разучивать комедіи и оперетки, даже оперы».

За это предложеніе артисты захватились съ восторгомъ и принялись за работу. Они чудесно перешли на комедію, и подъ дирекціей семнадцатилѣтняго Гинсбурга появился въ Москвѣ первый французскій театръ. Черезъ два года онъ повезъ свою труппу въ Петербургъ.

Здѣсь великій князь Алексѣй Александровичъ сообщилъ объ этомъ императору. На другой же день Гинсбурга отвезли во дворецъ, гдѣ государь въ присутствіи великихъ князей Владимира и Алексѣя Александровичей далъ ему высочайшую аудіенцію.

— Такъ вотъ этотъ герой!—воскликнулъ своимъ густымъ голосомъ Александръ III и, приподнявъ Гинсбурга на воздухъ, какъ ребенка, спросилъ его:— что я могу для тебя сдѣлать, мое дитя?

Тогда Гинсбургъ со смѣлостью, должно быть, удивившей самихъ великихъ князей, отвѣтилъ:

— Протяните руку моей странѣ, государь, Франціи!

Такой неожиданный отвѣтъ не могъ не понравиться Александру III, и съ этихъ поръ великіе князья при всякомъ случаѣ выражали ему свое благоволеніе. Какъ оказывается, Гинсбургъ иногда служилъ посредникомъ между русскимъ и французскимъ посольствами. Но онъ велъ свою работу настолько конфиденціально, что многіе какъ будто о ней не знали. Попржежнему онъ руково-

диль своимъ театромъ и каждое лѣто прїѣзжалъ въ Петербургъ съ новыми и старыми этуалями опереточнаго неба. Государь удостоивалъ его аудіенціей, и великіе князья благоволили къ нему не только въ «память совершеннаго имъ поступка, но цѣня его гордый характеръ».

Въ 1891 г. появилась въ кронштадтскихъ водахъ французская эскадра во главѣ съ адмираломъ Жервѣ. Никто ни въ Россіи, ни во Франціи, исключая посвященныхъ въ это лицѣ, не могъ даже подозрѣвать, какія послѣдствія повлечетъ за собою такой визитъ. Гинсбургъ торжествовалъ.

Въ ноябрѣ 1898 г. въ Елисейскомъ дворцѣ былъ данъ обѣдъ gala въ честь великаго князя Владимира Александровича. Президентъ Феликсъ Форъ предложилъ тостъ за «Россію, друга и союзницу». На этотъ тостъ великій князь Владимиръ Александровичъ отвѣтилъ, прибавивъ: «Если сближеніе нашихъ обѣихъ странъ должно быть благотѣльно для мира, мы не должны забывать того, кто первый внушилъ намъ мысль объ этомъ сближеніи, и отъ имени его величества императора я прошу у васъ крестъ Почетнаго Легіона Раулю Гинсбургу».

Впрочемъ, эта награда уже была ранѣе рѣшена. Назначеніе было подписано по предложенію французскаго посланника въ Петербургѣ. Ночью великій князь Владимиръ Александровичъ прїѣхалъ къ Гинсбургу съ этой прїятной вѣстью и, разбудивъ его, надѣлъ ему на грудь брильянтовый крестъ.

Великіе князья сохранили навсегда къ Гинсбургу расположеніе и каждый разъ, какъ прїѣзжали въ Парижъ, приглашали къ себѣ Гинсбурга и бесѣдовали съ нимъ о былыхъ дняхъ.

Вотъ какъ подъ личиною веселаго живчика, импрессарио легкаго жанра таился герой и ловкій дипломатъ. Этотъ талантливый человекъ былъ бы еще замѣчательнѣе въ художественномъ отношеніи, если бы заранѣе получилъ надлежащую подготовку. «Мой мозгъ никому ничѣмъ не обязанъ, — говорилъ онъ о себѣ. — Все, что я дѣлаю, что я говорю, исходитъ единственно отъ одного Бога». Первые музыкальныя познанія онъ получилъ отъ русскаго барабанщика 18-го пѣхотнаго полка, который былъ съ нимъ товарищемъ въ лазаретѣ, гдѣ они оба находились по болѣзни. Съ тѣхъ поръ эти познанія настолько развились, что онъ, худо, или хорошо, написалъ цѣлую оперу «Иванъ Грозный».

— Театральное дѣло на Западѣ въ 1911 г.—Въ области литературы и театра въ минувшемъ году жизнь кипѣла ускореннымъ темпомъ: тамъ происходила борьба стараго съ новымъ—идеальнаго съ реальнымъ. Общество всѣхъ цивилизованныхъ странъ испугалось, подобно кокеткѣ, вдругъ увидавшей свое изображеніе со стороны чрезъ второе зеркало, гдѣ рельефно отразились всѣ недостатки ея красоты. И оно увидѣло себя со стороны, со сцены со всѣми своими уродливостями и недостатками, пороками, большими и маленькими грѣшками и заволновалось. Одна его часть малодушно рѣшила: «пусть существуютъ недостатки, только бы ихъ не замѣчали»; другая выразила страхъ, чтобы молодежь не заразилась этими пороками и уродливостями, особенно если они облечены въ красивую форму: мало ли существуетъ въ природѣ вещей, говорила она, о которыхъ цивилизованный человекъ не говоритъ вслухъ; третья обвинила во всемъ зеркало, что оно криво, говоря, что сами авторы

развратны и такими глазами смотрять на міръ. Только четвертая часть—реалисты—признала, что скрывать уродливости общества не слѣдуетъ: надо их искоренять. Она не испугалась ни сатиры, ни вреднаго вліянія на молодежь по той же причинѣ, что не приставлять же къ юной душѣ жандарма вмѣсто ангела хранителя: *voulait faire l'ange ce qui risquait de lui arriver!*—сказала еще Паскаль три вѣка тому назадъ.

Такое вліяніе происходило при каждой смѣнѣ поколѣній, и постоянно лица, вѣрные прежнему идеалу, никакъ не могли примириться со вновь нарождающимися взглядами, болѣе приспособленными къ новому поколѣнію. Но такого крика ужаса еще не раздавалось и такъ единодушно и одновременно во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра, какъ въ умирающемъ 1911 г. Протесты раздавались не только среди публики, но и среди литераторовъ-реалистовъ. Уже не говоря о Германіи, гдѣ то и дѣло налагались запрещенія на книги и пьесы, Италіи, гдѣ подвергались индексу цѣлыя серіи книгъ, и добрымъ католикамъ запрещали читать либеральныя газеты, Бельгія и Англія своеобразно рѣшились бороться съ реализмомъ. Онѣ прибѣгли не къ официальнымъ мѣрамъ, а принялись бороться собственными средствами. Съ этой цѣлью составились кружки, члены которыхъ сообщаютъ полиціи о каждой, по ихъ понятію, безнравственной или опасной книгѣ. Соревнованіе на этой почвѣ переступаетъ предѣлы и доходитъ до того, что добровольные нравочистители нашли опасными «Пѣснь пѣсней» Зудермана и «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго. Мало того, что переводъ тотчасъ же конфисковали, но даже нѣмецкій подлинникъ хотѣли арестовать, чтобы даже духу не было такой литературы. Этимъ пуританствомъ повѣяло и въ драматическомъ литературномъ мірѣ, несмотря на протесты части англійской критики. Послѣдняя находитъ, что цѣль театра—доставлять удовольствіе, пуританскій же духъ считаетъ подозрительнымъ все, что имѣетъ задачей лишь доставленіе удовольствія. Однако идеалисты-критики добились своего, и въ Англіи стали зорко слѣдить за выборомъ пьесъ.

Впрочемъ, пуританскій страхъ этихъ государствъ такъ не изумляетъ, какъ поражаетъ его появленіе во Франціи. Легкомысленные французы, какъ обыкновенно иностранцы привыкли считать ихъ всѣхъ безъ разбора, возмутились реализмомъ и подняли шумъ противъ безнравственности особенно театральнoй литературы. Съ половины минувшаго года то и дѣло появлялись протесты и поощрительныя статьи въ газетахъ. Бриссонъ возмущался и возставалъ въ «Temps» противъ безнравственности на сценѣ. Порто-Ришъ въ «Matin» говорилъ, что рисовать типы мошенниковъ и пройдохъ такъ же безнравственно, какъ и адюльтеръ. Капюсъ ему возражалъ: «безнравственно не то, что представлены на сценѣ возмутительныя вещи, а то, что ихъ называютъ красотой; не то, что покажутъ на сценѣ адюльтеръ, а то, что его назовутъ «правомъ»; не то, что покажутъ безпорядокъ, а то, что его назовутъ «порядкомъ». Его противникъ Порто-Ришъ соглашается, что мошенниковъ и пройдохъ можно изображать на сценѣ, но надо такъ ихъ очертить, чтобы было видно, насколько авторъ ихъ презираетъ и ничего не имѣетъ съ ними общаго. А. Вандермъ въ «Figaro» иронизировалъ надъ моралистами, которые ради морали забываютъ о стилѣ, о композиціи,

о движеніи, о жизненной правдѣ—и все это въ пользу морали. При такихъ условіяхъ въ пьесѣ не будетъ никакого движенія, ни столкновеній, ни сатиры.

Часть общества негодовала, что теперь на сценѣ только и видишь ненормальные типы: психопатовъ, невропатовъ и прочихъ болѣзненныхъ героевъ. На это обвиненіе отвѣчалъ въ краткой, но основательной статьѣ Апри Кистмэкеръ въ одномъ изъ нумеровъ «Figaro», доказывая, что эти явленія не продуктъ современныхъ писателей, а они существовали во все времяна. Театръ всегда пользовался умственными ненормальностями для сцены со времени Эврипида, давшего своего Геркулеса, самого религіознаго Эсхила, и за пять вѣковъ до Р. Хр. уже существовало безуміе на сценѣ въ «Эвменидахъ».

На конгрессѣ неврологовъ въ Греноблѣ г. Рэжи, профессоръ университета въ Бордо, обратилъ вниманіе ученыхъ на тотъ фактъ, что Шекспиръ былъ не только самымъ крупнымъ мастеромъ по части драматической психіатріи, но даже предвозвѣстникомъ ученой психіатріи, которую онъ снабдилъ поразительно цѣнными наблюденіями съ медицинской точки зрѣнія. Великій драматургъ возрожденія открылъ въ безуміи соприкосновеніе человѣческихъ страстей, которыя здѣсь все болѣе ожесточаются и доходятъ до припадка бреда (ревность Отелло, отцовская любовь Лира, сыновняя привязанность Гамлета, честолюбіе и угрызенія совѣсти Макбетовъ). И каждый изъ этихъ пароксизмовъ воспроизведенъ на сценѣ съ необыкновенной точностью и добросовѣстностью клиническихъ наблюденій нашего времени: Гамлетъ неврастенникъ, невропатъ, пессимистъ; леди Макбетъ, одержимая истерикой,—жертва почного сомнамбулизма; король Лиръ неоспоримый примѣръ остраго помѣшательства. Все они типически относятся, и безъ малѣйшей ошибки въ признакахъ, къ душевнымъ больнымъ, какихъ съ тѣхъ поръ наука внесла въ свои списки.

Болѣе того, профессоръ Рэжи спрашиваетъ себя: сказать ли бы современный психіатръ иначе и сказать ли бы онъ лучше врача, помогавшаго отцу Корделіи въ его кратковременной болѣзни?

Поэтому несправедливо упрекать современныхъ драматурговъ за выказываемое предпочтеніе къ ненормальнымъ личностямъ, если это предпочтеніе естественно связано съ драматическимъ искусствомъ и вся его сила была всегда въ прямомъ соответствіи съ возмѣвшимъ ее гениемъ.

Развѣ «Theatre» не аномальна? Самъ Мольеръ обогатилъ французскую традицію характеристичнымъ психозомъ—меланхоліей Альцеста. Ибо, безъ сомнѣнія, Альцестъ, очевидно, страдавшій дурнымъ пищевареніемъ, кончилъ бы самоубійствомъ свою необщительную жизнь. А Мольеръ былъ веселый авторъ! Поэтому надо прийти къ заключенію, что каждое произведеніе чрезъ то самое, что у него есть свой поэтъ, должно имѣть своего сумасшедшаго. Это не значитъ, что чѣмъ болѣе въ пьесѣ сумасшедшихъ, тѣмъ она болѣе вызываетъ смѣхъ. «Но мнѣ кажется,—прибавляетъ Кистмэкеръ:—чѣмъ ея сумасшедшіе безумнѣе, тѣмъ она болѣе возвышается до образцоваго произведенія». И въ подтвержденіе своего убѣжденія онъ приводитъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Вскорѣ признаютъ, что «Братья Карамазовы» составляютъ самую могучую фреску, какая когда-либо была написана во всей литературѣ болѣзненной наслѣдственности. И, поразмысливъ хорошенько, нашихъ сумасшедшихъ можно упрекнуть лишь въ томъ,

что они не достаточно безумны. Но есть безуміе, порождающее красоту, и безуміе, внушающее уродство.

Въ результатъ молодые авторы совсѣмъ не виноваты, что общество болѣное, что въ гостиныхъ между психопаткой и невропаткой непременно сидить безумный или мертвецъ! «Развѣ авторъ не имѣетъ права воспроизводить въ сатирическихъ произведеніяхъ то, что существуетъ въ дѣйствительности?»—спрашиваетъ другой сторонникъ реализма Станиславъ Ржевускій, давая отчетъ о драмѣ Къджинскаго «Нынѣшніе», поставленной на сценѣ варшавскаго «Rozmaitosci». Расхваливая талантъ автора, «изъ ряда вонъ выдающійся», онъ замѣчаетъ, что, разумѣется, на молодого автора со всѣхъ сторонъ посыпались упреки. Его обвиняли въ несправедливости, предвзятости и наглости натурализма. «Это вѣчное недоразумѣніе,—говоритъ Ржевускій.—Имѣетъ ли право драматургъ выбирать тягостный сюжетъ, антипатичныхъ личностей, заимствовать у природы или человѣческой судьбы элементъ знаменательности почти исключительно отрицательной внѣшности? Почему же нѣтъ? Особенно, если онъ не думаетъ обобщить результаты своихъ специальныхъ наблюдений и личныхъ предпочтеній. Преступленіе, мерзость, глупость, подлость—всѣ проявленія вѣчнаго зла, увы, еще свирѣпствуютъ и каждый моментъ напоминаютъ намъ о безспорномъ фактѣ своего существованія. Какой критикъ, другъ литературы, захотѣлъ бы уничтожить, напримѣръ, такое образцовое произведеніе, какъ «Cotbeaux» Бека—модель сатирической, колкой комедіи, эпопею соціальной жестокости, жертвы которой, ограбленныя, поруганныя, должны отказаться отъ всякой надежды и даже не имѣютъ права жаловаться. Молодые авторы не развратны, а въ нихъ звучатъ струны негодованія и возмущенія всѣмъ безобразнымъ, встрѣчающимся въ соціальной жизни, и они выступаютъ въ защиту прекраснаго.

Недовольство репертуаромъ въ концѣ года дошло до того, что къ критику «Revue Hebdomadaire» обратился одинъ изъ поклонниковъ старой школы съ просьбою на будущее время въ критикѣ новыхъ пьесъ указывать, что умаляетъ драматическое искусство и что его возвышаетъ. По его словамъ, теперешній театръ пересталъ быть естественнымъ. Въ него вмѣшалась свѣтская или апашская чувственность. «Наши сценическіе герои, повидимому, родились сами собой, безъ посторонней помощи,—говоритъ онъ въ заключеніе,—и если бы они вступили въ бракъ, у нихъ никогда не было бы дѣтей. Поэтому жизнь является для нихъ безъ всякихъ обязанностей: ею надо только пользоваться. Жизнь же, какъ мы знаемъ, гораздо сложнѣе и единственно занимательно то, что вводитъ въ борьбу женщинъ и мужчинъ, которымъ даровано сознаніе нравственности. Остальное не больше какъ, забава скотовъ».

Въ такомъ положеніи находилась драматическая литература въ 1911 г., вызывая повсюду жаркіе споры. А пока они шли, старые герои справили свой юбилей въ Парижѣ—пятидесятилѣтній «Braves Gens», а 12 мая брильянтовый юбилей шестидесятилѣтняго заслуженнаго актера Дьедоннэ, начавшаго свою сценическую карьеру по выходѣ изъ консерваторіи (въ 1851 г.) въ театрѣ Ambigu, котораго видалъ еще русскій императоръ Николай I.

Въ маѣ же и Германія отпраздновала семидесятилѣтній юбилей тоже стараго знакомаго москвичей и петербуржцевъ—Поссарта.

1911 г. внесъ въ исторію театра новую страничку—передвижной театр. До сихъ поръ существовали ярмарочные театрики въ палаткахъ, передвижныхъ фургонахъ, плавучіе и на открытомъ воздухѣ. Но то, что увидѣли парижане,— совершенная новинка. Это національный театръ Жемье, построенный двумя инженерами Феврѣ Моро, комфортабельно обставленный, со всѣми новѣйшими приспособленіями. Онъ состоитъ изъ громадной палатки непромокаемаго алансонскаго полотна въ пятьдесятъ шесть метровъ длины и двадцать четыре ширины. Ее поддерживаютъ желѣзные портики, соединенные желѣзными балками и стальной каркасъ. Въ ней вмѣщается сцена въ семь метровъ ширины и десять глубины, передъ которой расположены ложи. Зрительный залъ раздѣленъ на двѣ половины широкимъ проходомъ—одна для кресель, другая для скамеекъ, въ общемъ 1700 мѣстъ отъ пяти франковъ до франка 50 сантимовъ, что въ общемъ даетъ сбору до 6000 франковъ. Залъ, кокетливо украшенный широкими креслами, обитыми блѣдно-розовымъ бархатомъ, и скамьями, обитыми также бархатомъ цвѣта красной мѣди, блестяще освѣщается электричествомъ. Его доставляетъ собственная электрическая станція, сопровождающая театръ и перещеголявшая новинками по части освѣщенія даже парижскіе театры, какъ, напримѣръ, автоматическое регулированіе силы свѣта и уменьшеніе солнечнаго свѣта при изображеніи сумерекъ и ночи. Сцена освѣщается 13000 лампочками, а залъ 2500.

Инициаторъ этой новинки—инженеръ Жемье—находитъ недостаточнымъ одного подобнаго театра, но пока создалъ еще только два совершенно одинаковыхъ. Ихъ обслуживаютъ шестьдесятъ девять рабочихъ, которые, раскинувъ одну палатку, отправляются устраивать другую, пока идетъ представленіе въ первой. Для полнаго устройства палатки необходимо семнадцать часовъ. Артистовъ при театрѣ 26 человекъ, кромѣ музыкантовъ. Весь персоналъ и аксесуары перевозятся въ восьми повъздахъ изъ тридцати семи каретъ. Три изъ нихъ служатъ затѣмъ ложами для актеровъ, одна для администраціи театра, двѣ гениальной системы превращаются въ восемь изящныхъ ложей, двѣ для электрической станціи и органа, десять вагоновъ для перевозки палатки и ея металлическихъ частей, три для кресель, четыре для декораций, двѣ для мастерскихъ и кузницъ, одна lavatory, другая уборная, устроенная по послѣднему слову науки, одинъ вагонъ для контроля, одинъ для устройства бара и т. д. Все это тянутъ восемь локомотивовъ по дорогѣ въ Иль-де-Франсъ, Нормандію, Фландрію и т. д. Репертуаръ національнаго театра смѣшанный, близкій къ театру Антуана. Между прочимъ въ него входитъ и наша соотечественница «Анна Каренина». Классическимъ пьесамъ, какъ «Malade imaginaire», предшествуетъ пояснительная конференція Жюль Лемэтра, также какъ и «Barbier de Seville» съ конференціей Эмиля Фагэ, которую читаетъ самъ г. Жемье.

Труппа національнаго театра составлена изъ лучшихъ артистовъ, которые отъ этой новинки въ восторгѣ. Перемѣна впечатлѣній, лицъ, пейзажей, новая психологія толпы зрителей, новыя полезныя наблюденія, переживанія, незнакомыя въ обыденной осѣдлой театральной обстановкѣ,—все очень заманчиво и соблазнительно. Сначала артисты пользовались казенными каретами-вагонами,

но многіе изъ нихъ хотятъ обзавестись собственными изящными, гдѣ будутъ комнаты для друзей, которые пожелали бы ихъ сопровождать.

Но эта новинка не простая забава, и расчетъ Жемье руководился серьезной мыслью доставить жителямъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ провинцій возможность наслаждаться игрою лучшихъ актеровъ при блестящей парижской постановкѣ пьесъ. Во время своихъ турнэ лучшие актеры не могутъ дать достаточнаго количества спектаклей и ютятся часто въ тѣсномъ помѣщеніи, уже не говоря о скудости обстановки. Провинціалы же не всё имѣютъ средства на поѣздки въ Парижъ, поэтому эстетически не развиваются. И онѣ придумалъ національный театръ.

Германія тоже не отстаетъ въ заботахъ объ эстетическомъ развитіи народа, но до такой новинки не дошла: она главнымъ образомъ занята развитіемъ національнаго духа. Тамъ съ давнихъ поръ въ большомъ ходу представленія на открытомъ воздухѣ, и актерами является самъ народъ, какъ, напримѣръ, въ маленькомъ городкѣ Ландехутѣ въ долинѣ Изаръ каждое лѣто дается популярная народная пьеса «Свадебная церемонія въ 1475 г.» Въ Гмунденѣ на Майнѣ въ іюлѣ представляютъ рыцарскую драму.

Въ замкѣ Лихтенштейнѣ, окруженномъ ореоломъ легендъ, и въ живописномъ Гогентвигѣ даются историческія пьески и миѣы популярнаго народнаго поэта Рудольфа Лоренца. Въ старой деревнѣ Ратенбургѣ ежегодно въ началѣ лѣта ставятъ историческую пьесу «Meistertrunk» съ большимъ историческимъ шествіемъ.

Но никогда представленія на открытой сценѣ не имѣли такого успѣха, какъ въ 1911 г. Лѣтомъ въ окрестностяхъ Берлина были три главные центра народнаго развлечения. Въ Потсдамѣ на Браенхаусбергъ давалась большая драма «Старый Фрицъ» въ обстановкѣ, вполне напоминающей, даже теперь, всё привычки и вкусы Фридриха II. На открытой сценѣ Pichelswerder поэтъ Эбергардъ Конигъ переноситъ зрителя въ средніе вѣка въ своей большой драмѣ «Albrecht des Baer». Въ маленькомъ хорошенькомъ городкѣ Бернау въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ отъ Берлина дается пьеса, напоминающая религиозную борьбу въ XV вѣкѣ. Здѣсь главныя роли играютъ профессиональные артисты, хотя въ нихъ участвуютъ и жители. Вообще историческія пьесы, гдѣ прославляется націонализмъ,—преобладаютъ. Но первымъ инициаторомъ открытыхъ народныхъ театровъ въ обстановкѣ самой природы является заводчикъ Крупшъ близъ Вѣпы, съ цѣлью отвлечь народъ отъ пьянства и развить въ немъ эстетическій вкусъ. Въ его театрѣ, кромѣ профессиональныхъ актеровъ, часто играютъ сами рабочіе. Не имѣя времени на чтеніе, они знакомятся съ литературой черезъ театръ и, кромѣ того, не идутъ въ кабаčky, а проводятъ свои досуги за разутиваніемъ ролей и репетиціями.

Его примѣру послѣдовалъ эльзасецъ фабрикантъ Морисъ Потешэ, устроившій въ Бюзанѣ подобный театръ. Но у него болѣе широкая программа. Имъ руководила не единственно забота о трезвости рабочихъ, а формула Мишлэ, «чтобы сблизить людей и образовать рабочихъ, которые не имѣютъ время читать». Театръ, гдѣ самъ народъ играетъ для народа, какъ было въ Афинахъ и въ средневѣковыхъ мистеріяхъ, составляетъ самую практичную и существенную форму національнаго воспитанія. На его спектакли собираются студенты, ра-

бочіе и поселяне со всѣхъ окрестныхъ деревень. Но самое интересное—сближеніе этого фабриканта съ рабочими, которое невольно устраивается при разучиваніи ролей, благодаря чему рабочіе, по его словамъ, его друзья и съ ихъ стороны ни разу не было ему ни одной неприятности или забастовки.

1911 г. ознаменовался еще однимъ полезнымъ дѣломъ: въ Парижѣ основали убѣжище для лирическихъ артистовъ—драматическіе его уже имѣютъ. Для помѣщенія 60 пансіонеровъ былъ купленъ замокъ «Bis Orangis» со всѣми новѣйшими приспособленіями. При убѣжищѣ имѣются два врача, бібліотека и салонъ для актрисъ, для актеровъ тоже и, кромѣ того, бильярдъ. Пансіонеры могутъ выходить, когда хотятъ, и одѣваться по своему вкусу. Кромѣ того, каждому изъ нихъ выдается опредѣленная сумма денегъ.

— Конгрессы и юбилеи.—1911 годъ почти уже окончился—знаменательная дата, которая занесетъ въ исторію побѣдъ человѣческаго генія новую побѣду—надъ стихіей. Въ минувшемъ году отважные авіаторы совершили первые перелеты на далекія разстоянія. Правда, это стоило многихъ жертвъ—въ одинъ годъ болѣе ста человѣкъ, не считая французскаго военнаго министра Берто, убитаго упавшимъ монопланомъ авіатора Трэна 21-го мая въ Исси-ле-Мулино; но вѣдъ и Нептунъ требовалъ жертвъ. Зато какую чудную перспективу открываетъ эта побѣда—завоеваніе новыхъ невѣдомыхъ міровъ. Но когда еще придетъ это соблазнительное будущее, а пока и на нашей планетѣ интересно кипитъ жизнь во всѣхъ областяхъ человѣческаго существованія. Сама планета лихорадочно жила, вырвавшіяся наружу ея подземныя силы хотя не такъ безумно проявляли свои разрушительныя стремленія, какъ прошедшій годъ, но все-таки надѣлали немало бѣдъ и нанесли матеріальные убытки въ Италіи, Мексикѣ и Японіи, не считая болѣе мелкихъ несчастій. Кромѣ того, въ первой свирѣпствовали страшный циклонъ въ долинѣ Вальтелины, нанесшій не только убытки, но еще унесшій человѣческія жертвы. Къ стихійнымъ бѣдствіямъ прибавилась чума на Формозѣ и въ Китаѣ, не на шутку испугавшая европейцевъ и потребовавшая много человѣческихъ жертвъ. Къ этому прибавить грандіозные пожары, какъ до основанія уничтожившій японскій городъ Намагото и 2,000 домовъ, базаръ, главный штабъ въ Константинополѣ, крупныя катастрофы во французскомъ флотѣ, и картина получится оживленная.

Кипучая подземная жизнь будто наэлектризовала и людей. На политическомъ горизонтѣ жизнь кипѣла ключомъ: французы сражались въ Марокко, турки усмиряли албанцевъ, въ Персіи лилась кровь, и неподвижный Китай, проснувшійся еще въ 1910 году, не хочетъ болѣе засыпать, и революція тамъ не прекратилась. Итальянцы сражались и сражаются съ турками. Вездѣ борьба и всюду кровь. Въ одномъ мѣстѣ утихаетъ смута, въ другомъ просыпается: утихла въ Албаніи—проснулась въ Гаити, въ Мексикѣ, гдѣ была вызвана необходимостью удалить стараго президента Порфиріо Діаса, тридцать пять лѣтъ самодержавно царившаго тамъ, а въ Португаліи кучка роялистовъ попыталась водворить прежній порядокъ; однако молодая республика благополучно отпраздновала годовщину своего существованія и признана державами.

Дипломатическіе конфликты смѣнялись одинъ за другимъ: русско-китайскій, франко-нѣмецкій, франко-испанскій, англо-испанскій, русско-американ-

скій и русско-персидскій, по большей части окончившіеся соглашениями, вызывавшими тревожныя опасенія сосѣдей. Если къ этому прибавить министерскіе кризисы, смѣны и паденія кабинетовъ, то картина выходила оживленная.

Въ социальной жизни пульсъ бился лихорадочно. Повсюду боролись двѣ силы—старое съ новымъ: пацифизмъ и во всѣхъ государствахъ усиленное вооруженіе, папскій индексъ, епископскія запрещенія, цензурныя преслѣдованія и отдѣленіе церквей, прижиманіе слабыхъ, упорныя, кровопролитныя забастовки и протесты рабочихъ въ Германіи, Франціи, Италиі, Швеціи. Даже хладнокровные англичане волновались съ верхнихъ ступеней до подваловъ, и у нихъ происходили манифестации и беспорядки съ кровопролитіемъ. Даже у социалистовъ идетъ борьба интернаціонализма съ націонализмомъ. Все стремилось выйти изъ хаотическаго беспорядка въ стройное цѣлое, къ лучшему будущему.

Собранія, митинги, конгрессы смѣнялись одинъ другимъ. Изъ конгрессовъ наиболѣе отвѣчающимъ этимъ стремленіямъ были конгрессы расъ въ Лондонѣ, пацифизма, назначенъ въ Римѣ, и социалистовъ; кромѣ конгрессовъ печати, философіи, медицинскихъ, музыкальныхъ въ Римѣ, танцевъ—въ Вѣнѣ, было не мало спеціально научныхъ.

Для социалистовъ 1911 года былъ во всѣхъ отношеніяхъ исторической датой. Итальянскій король первый сдѣлалъ шагъ для сближенія съ ними. 24-го марта онъ потребовалъ въ Квириналь депутата социалиста Биссолати, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о министерскомъ кризисѣ, но, какъ извѣстно, 24-го марта Биссолати отказался отъ участія въ новомъ итальянскомъ министерствѣ. Вспыхнувшіе конфликты франко-германскій и турецко-итальянскій заставили обратить вниманіе на социалистовъ, на нихъ возлагали надежды и рассчитывали на ихъ вмѣшательство, и съ этою цѣлью къ нимъ обращался турецкій султанъ.

На берлинскомъ конгрессѣ 5-го сентября социалистовъ, участвовавшихъ въ количествѣ 400,000 человекъ, было принято предложеніе, вотируемое на открытомъ воздухѣ,—протестовать противъ войны. «Рабочій народъ,—говорилось тамъ,—собранный 5-го сентября, энергично протестуетъ противъ позорныхъ подстрекательствъ къ войнѣ, умножившей промышленныхъ капиталистовъ и фабрикантовъ пушекъ. Признано, что вся колониальная политика лишь слѣдствіе честолюбиваго имперіализма капиталистовъ, который дѣлаетъ болѣе озвѣрѣлыми побѣждающіе народы, разлагая ихъ. Поэтому рабочіе, собравшіеся на этомъ митингѣ, протестуютъ противъ авантюрнаго предпріятія. Они требуютъ, чтобы въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ совѣтовались съ представителями народа. Пролетаріи, собравшіеся на этомъ митингѣ, объявляютъ, что они употребятъ всѣ политическія и экономическія средства для обезпеченія мира. Рабочіе утверждаютъ, что, несмотря на воинственную пропаганду, проводимую заинтересованными лицами, они сумѣютъ вспомнить на будущихъ выборахъ о духѣ эксплуатаціи, выказываемомъ партіями и правительствомъ, опирающимся на нихъ».

Насколько медленно развивался социализмъ въ XIX вѣкѣ, настолько даже съ первыхъ годовъ XX вѣка онъ съ головокружительной быстротой прогрессируетъ. На интернаціональномъ конгрессѣ въ Амстердамѣ въ 1904 году участъ

вовали болгарскіе, аргентинскіе, японскіе социалисты, а въ 1910 году на международномъ коненгагенскомъ конгрессѣ появились еще новыя національности, и въ данный моментъ къ нимъ примкнули турки и китайцы. Изъ доклада на онскомъ конгрессѣ видно, что положеніе социалистовъ оказывается гораздо блестяще французскаго. Приходъ поднялся до милліона трехсотъ пятидесяти восьми марокъ противъ восьмисотъ триста пяти тысячъ. Въ партіи уже имѣется капиталъ въ 1 $\frac{1}{2}$ милліона марокъ. Никогда еще социалистская пресса не имѣла столько читателей, какъ въ 1911 году. Посредствомъ газетъ и пропаганды на фабрикахъ, въ мастерскихъ и заводахъ они умножили послѣдователей болѣе, чѣмъ на 100,000 человекъ, между тѣмъ какъ во Франціи социалисты не превышаютъ 60,000 человекъ, и капиталъ ихъ далеко уступаетъ капиталу нѣмецкихъ социалистовъ, хотя побѣдка Жореса въ Аргентину принесла пользу. Но зато въ парламентѣ французскіе социалисты вліятельнѣе. На онскомъ конгрессѣ социалистъ Гольдебрандъ высказалъ, что социалисты должны стоять за умиротвореніе, но не должны стать въ оппозицію съ рѣшеніемъ нѣмецкихъ дипломатовъ. Это заявленіе вызвало бурю негодованія, и его исключили изъ партіи. Социалистъ Бернштейнъ сначала въ августѣ напечаталъ въ «Vorwaerts» противъ войны, но со времени алжезирасской конференціи онъ порицалъ германское правительство, теперь же не хочетъ уступать правъ на Марокко. Бебель въ своей рѣчи при открытіи конгресса не протестовалъ противъ дѣйствій правительства посредствомъ забастовки, и новое вооруженіе страны принято какъ неизбѣжность.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪТІЕ общества любителей російской словесности. 22 октября общество любителей російской словесности, состоящее при московскомъ университетѣ, праздновало столѣтіе своего существованія. Уставъ общества былъ утвержденъ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ іюнь 1811 года, а первое собраніе учредителей въ составъ 19 лицъ, въ томъ числѣ 11 профессоровъ университета, состоялось 11 іюля того же года. Первоначальный, давно уже измѣненный, уставъ общества ставилъ ему такія задачи: «Распространять свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здоровой словесности и доставлять публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ на російскомъ языкѣ, разсмотрѣныя предварительно и прочитанныя на собраніи». Первый предсѣдатель общества былъ профессоръ минералогіи Антошъ Антоновичъ Антонскій-Прокоповичъ. Нашествіе французовъ съ пожаромъ Москвы прервало дѣятельность общества, которая возобновилась лишь въ 1815 году. Въ первые годы въ обществѣ царило значительное оживленіе. Съ начала двадцатыхъ годовъ стали обнаруживаться признаки упадка общества. Въ 1826 году А. А. Антонскій-Прокоповичъ отказался отъ званія предсѣдателя общества. Преемниками его были: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. А. Писаревъ, И. А. Двигубскій, М. Н. Загоскинъ и графъ С. Г. Строгановъ, при нихъ дѣятельность общества постепенно замирала. Въ концѣ 1829 года въ члены общества былъ избранъ А. С. Пушкинъ, вошедшій въ составъ общества вмѣстѣ съ Е. А. Баратынскимъ, Ѳ. В. Булгаринымъ и композиторомъ А. Н. Верстовскимъ. Былъ такой моментъ въ жизни общества, когда оно даже перестало выбирать должностныхъ лицъ, погрузившись окончательно въ летаргію. Снова къ жизни общество возродилось лишь въ концѣ пятидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія. 28-го мая

1858 года председателем общества был избран известный славянофил А. С. Хомяковъ. Съ его председательствомъ въ обществѣ связывается самая блестящая страница въ жизни и дѣятельности общества любителей россійской словесности. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ опять замѣчается значительный упадокъ въ дѣятельности общества. Послѣ А. С. Хомякова председателями общества состояли: М. П. Погодинъ, П. В. Калачовъ, А. И. Кошелевъ, И. С. Аксаковъ, Ѳ. И. Буслаевъ, С. А. Юрьевъ и Н. С. Тихонравовъ. При Юрьевѣ и Тихонравовѣ снова пробуждается дѣятельность общества. Важнымъ моментомъ въ жизни общества является открытіе памятника А. С. Пушкину и связанныя съ нимъ торжества съ знаменитою рѣчью Ѳ. М. Достоевскаго. Наоборотъ, тусклыми явились собранія общества по случаю открытія неудачнаго памятника Гоголю. Упадокъ дѣятельности общества въ послѣдніе годы обнаружился еще въ председательство Н. П. Стороженка и продолжается до настоящихъ дней. Нынѣ во главѣ общества стоитъ преподаватель русскаго языка А. Е. Грузинскій. За сто лѣтъ званіемъ почетнаго члена было удостоено 125 человекъ; дѣйствительными членами числится только 475 лицъ. За первый вѣкъ своего существованія общество дало русской литературѣ и наукѣ рядъ цѣнныхъ изданій; среди нихъ, кромѣ 20 томовъ «Трудовъ», семи книгъ «Сочиненій въ прозѣ и стихахъ», трехъ выпусковъ «Весѣдъ» и др., слѣдуетъ указать на изданіе «Словаря» Даля и «Пѣснь» Кирѣевскаго. Къ столѣтнему юбилею общество выпустило историческую записку, составленную Н. М. Мендельсономъ, и словарь членовъ общества, въ составленіи котораго главное участіе принималъ бывший долгое время секретаремъ общества Д. Д. Языковъ. Празднованіе юбилея началось публичнымъ собраніемъ въ актовомъ залѣ университета, который былъ полонъ. Собраніе открылось вступительнымъ словомъ А. Е. Грузинскаго, по предложенію котораго была почтена вставаніемъ память усопшихъ дѣятелей и членовъ общества. Затѣмъ г. Грузинскій ознакомилъ собраніе съ исторіей общества, послѣ чего начались привѣтствія. Отъ московскаго университета привѣтствіе было сказано ректоромъ М. К. Любавскимъ; далѣе слѣдовали привѣтствія: отъ разряда изящной словесности академіи наукъ, отъ московскаго городского управленія, отъ новороссійскаго и юрьевскаго университетовъ, отъ императорскихъ обществъ: исторіи и древностей россійскихъ, испытателей природы, археологическаго и любителей естествознанія, отъ психологическаго общества, отъ Румянцовскаго и историческаго музеевъ, отъ историческаго общества въ Петербургѣ, отъ юридическаго общества, отъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ общества драматическихъ писателей, отъ Малаго, Художественнаго и другихъ театровъ, отъ общества любителей художествъ и др. Были доложены нѣкоторыя изъ привѣтственныхъ телеграммъ. Потомъ А. П. Веселовскій подѣлился своими воспоминаніями изъ жизни общества. С. А. Венгеровъ произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ: «Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка». Вечеромъ въ богословской аудиторіи университета состоялось второе торжественное собраніе, на которомъ читались произведенія членовъ общества. По окончаніи этого собранія въ литературно-художественномъ кружкѣ состоялся банкетъ.

Столѣтіе Александровскаго лицея. Въ столѣтнюю годовщину лицея 19 октября собрались его бывшіе питомцы чуть не со всѣхъ концовъ Россіи, и почти въ полной наличности прибыли болѣе 800 человекъ, изъ нихъ старѣйшій В. А. Семёновъ, XX выпуска, почетный опекунъ московскаго присутствія. Присутствовали: попочитель лицея статсъ-секретарь Ермоловъ, члены совѣта лицея, члены государственнаго совѣта д. т. с. Кобеко, предѣлатель совѣта министровъ, министръ финансовъ, статсъ-секретарь Коковцовъ, оберъ-гофмейстеръ фонъ-Кауфманъ, министръ торговли и промышленности т. с. Тимашевъ, предѣлатель російскаго общества Краснаго Креста д. с. с. Ильинъ, сенаторъ князь П. Д. Голицынъ, т. с. Ольхинъ, директоръ лицея генераль Шильдеръ, инспекторъ генераль Варнекъ, члены конференціи, профессора и преподаватели; изъ старыхъ лицейцевъ члены государственнаго совѣта: Шиповъ, графъ Рейтеринъ, Полькентъ, Миклашевскій, Трубниковъ, графъ-Мусинъ-Пушкинъ, сенаторы Беллюстинъ, Биркинъ, Дедюлинъ, Максимовичъ, т. с. Н. А. и Г. А. Тройницкіе, почетный опекунъ Ермоловъ, членъ государственной думы Лерхе, генераль-лейтенантъ Воронинъ, флигель-адъютантъ Веселкинъ и пр.; больше всего, конечно, было молодежи, военной и штатской. Въ 10 час. началась въ церкви лицея литургія. Ее совершалъ преосвященный Никандръ, епископъ нарвскій, въ сослуженіи митрофорныхъ протоіереевъ, настоятеля Преображенскаго собора Голубева, церкви удѣловъ Вѣтвѣннскаго, лицейскихъ преподавателей отцовъ Слободскаго и Поспѣлова и др. За литургіей епископъ Никандръ посвятилъ въ санъ священника популярнаго діакона лицея Бенескриптова, 40 лѣтъ служившаго въ лицейской церкви. О. Бенескриптовъ останется и теперь при церкви вторымъ священникомъ. О. Слободской произнесъ прощальную проповѣдь. Послѣ литургіи совершено благодарственное молебствіе, которое пѣлъ хоръ воспитанниковъ, подъ управленіемъ новаго преподавателя артиста императорскихъ театровъ Сафонова. Изъ церкви, въ предшествіи пѣвчихъ, духовенство, во главѣ съ епископомъ, спустилось во второй этажъ, въ актовъ залъ, въ которомъ старые лицеисты поднесли въ даръ лицу бюсты императоровъ Александра I и нынѣ благополучно царствующаго Николая II. Бюстъ императора Александра I представляетъ копию съ оригинала въ Царскосельскомъ дворѣ, воспроизведенную съ высочайшаго разрѣшенія. Бюстъ Государя Императора удачно исполненъ скульптуромъ Кустодіевымъ; это первый еще бюстъ государя въ гусарскомъ мундирѣ. Преосвященный окропилъ святой водой сперва бюстъ Александра I, причѣмъ была пропѣта «вѣчная память», затѣмъ Государя Императора, и здѣсь протодіаконъ Косогорскій громогласно возгласилъ царское многолѣтіе; съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди твоя», процессія вернулась въ церковь. Актовъ залъ былъ наполненъ четырьмя линиями столовъ. За ними подъ звуки лицейскаго марша, композиціи лицейста LVI курса Румянцова, веселой, шумной толпой лицеисты, настоящіе и бывшіе, заняли мѣста. И сосѣдній залъ Пушкинскаго музея тоже заполненъ. По сигналу стихъ залъ, и всѣ хоромъ пропѣли молитву. Попочитель А. С. Ермоловъ провозгласилъ первый тостъ за Государя Императора. Могучее ура потрясло стѣны. Оркестръ военной музыки заигралъ «Боже, Царя храни», во всѣхъ залахъ запѣли, и этого мощный хоръ съ оркестромъ нѣсколько разъ повторилъ національный гимнъ. При

кликахъ «ура» и звукахъ шефскихъ маршей подняты бокалы за Государынь Императрицъ, наследника цесаревича. Попечитель предложилъ послать върно-подданническую телеграмму Государю Императору и прочиталъ текстъ ея, заканчивающійся выраженіемъ порыва итти на смерть за Царя и Родину. Вторая телеграмма была послана августѣйшей покровительницѣ лица, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Попечитель прочиталъ поздравительную телеграмму принца Александра Петровича Ольденбургскаго, его высочеству посланъ отвѣтъ; затѣмъ провозгласилъ тосты за митрополита Антонія и епископа Никандра при пѣніи «многая лѣта» и поднялъ бокалъ за благоденствіе лица. Оповѣщено было о массѣ телеграммъ, поступившихъ отъ старыхъ лицействъ, и въ числѣ ихъ горячее привѣтствіе отъ князя Д. П. Голицына. Директоръ провозгласилъ здравицы попечителю А. С. Ермолову и всѣмъ лицейстамъ и благодарилъ старыхъ лицействъ за ихъ даръ и пожелалъ «старой славы не убыть, новой добыть». Воспитаники I класса поднимали бокалы за инспектора и преподавательскій персоналъ и за старѣйшаго изъ лицействъ В. А. Семенова. Одушевленіе охватило всѣ столы. Жива традиція дружной лицейской семьи, воспѣтой Пушкинымъ, и вдохновила молодыхъ поэтовъ-лицействъ. Одинъ изъ нихъ, г. Тяжеловъ, LXIV курса, прочиталъ свои стихи; стихотвореніе другого лицейста, князя Черкаскаго, лежало отпечатаннымъ на приборахъ вмѣстѣ съ программами музыки и лицейскими брошюрами. Послѣ обѣда лицейсты устроили горячія оваціи своимъ директору и инспектору. И въ Пушкинскій, и въ лицейскій музеи старые лицейсты внесли массу даровъ, они не всѣ еще и выставлены; только что перестроили, но нужно еще будетъ приспособлять новый залъ. Списки всѣхъ приношеній разданы присутствовавшимъ.

Присужденіе преміи А. С. Пушкина въ ак адеміи наукъ. 19 октября въ публичномъ засѣданіи императорской академіи наукъ, подъ предѣдательствомъ академика А. А. Шахматова, состоялось присужденіе преміи имени А. С. Пушкина. На конкурсъ по соисканію преміи поступили произведенія 32 авторовъ: 24 оригинальныхъ сборника стихотвореній, 5 переводныхъ, 10 драматическихъ и 10 разнаго рода беллетристическихъ произведеній въ прозѣ. Изъ всего числа 49 поступившихъ сочиненій на конкурсъ могли быть приняты только 40, изъ числа которыхъ комиссіей по присужденію пушкинскихъ премій одобрены лишь стихотворенія, сонеты и рассказы А. М. Ѳедорова. Кромѣ членовъ академіи, приглашены были, въ качествѣ рецензентовъ, литераторы: В. П. Буренинъ-А. А. Измайловъ, Н. К. Кульманъ, П. Н. Невѣжинъ, П. А. Ровинскій, профессоръ Ф. И. Соболевскій, профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ и другіе. Отзывъ о произведеніяхъ А. М. Ѳедорова давалъ В. П. Буренинъ, который очень одобрительно отозвался объ авторѣ, какъ поэтѣ, беллетристѣ и драматургѣ. По отзыву рецензента, въ лирикѣ А. М. Ѳедорова можно указать на нѣсколько прекрасныхъ вещей, свидѣтельствующихъ не только о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи, но даже въ извѣстной степени и о самобытности его вдохновеній. Въ его созерцаніи и воспроизведеніи явленій природы сквозитъ порою настоящая искренность, теплота и задушевность, живо проявляется соотвѣтствіе между картинами явленій природы и внутреннимъ міромъ поэта. Какъ беллетристъ, А. М. Ѳедоровъ, по отзыву рецензента, проявляетъ талантъ живого рассказчика

Авторъ одаренъ, безъ сомнѣнія, большой наблюдательностью и картины дѣйствительности отражаетъ рельефно и реально. Беллетристическая техника автора признается болѣе выработанной, чѣмъ техника поэтическая. Изъ недостатковъ беллетриста рецензентъ обращаетъ вниманіе на то, что онъ и по сюжетамъ, и по разработкѣ деталей перѣдко уклоняется отъ правды и дѣйствительности, и тогда рассказы кажутся искусственными вымыслами. Уклоненіе отъ реальной правды ведетъ, естественно, къ отсутствію художественной простоты и искренности, къ растянутости, къ приемамъ, тону и тенденціямъ того мнимаго новаторства, которымъ такъ пропитана беллетристика послѣдняго времени. Между тѣмъ, тамъ, гдѣ авторъ вѣренъ безыскусственной правдѣ жизни и черпаетъ тему и подробности рассказовъ, очевидно, изъ пережитыхъ воспоминаній, онъ приближается къ настоящей художественности. Въ общемъ, рецензентъ признаетъ, что и въ своихъ поэтическихъ работахъ и въ беллетристическихъ А. М. Ѳедоровъ можетъ быть признанъ однимъ изъ замѣтныхъ талантовъ современной литературы. Комиссія по присужденію премій, согласившись съ заключеніемъ рецензента, присудила закрытой баллотировкой А. М. Ѳедорову почетный отзывъ имени А. С. Пушкина. Слѣдующій, 20-й Пушкинскій конкурсъ послѣдуетъ въ 1913 г. Срокомъ для принятія сочиненій на этотъ конкурсъ назначено 29 января 1912 г.

Въ литературномъ фондѣ. 30-го октября состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. Предсѣдательствовалъ Л. Ф. Пантелѣевъ. Открывая собраніе, предсѣдатель предложилъ почтить вставаніемъ память умершихъ членовъ фонда—М. Г. Котельникова, А. А. Кобычева и И. Л. Панкратова. Секретарь комитета литературнаго фонда И. И. Гуревичъ затѣмъ доложилъ собранію отчетъ о дѣятельности комитета за періодъ май—октябрь текущаго года. Отчетъ констатируетъ все возрастающую нужду среди пишущей братіи, что вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на ненормальное положеніе русской прессы. Комитетъ заваленъ безчисленными просьбами о пособіяхъ, и у него еле хватаетъ средствъ удовлетворять всѣхъ нуждающихся. За отчетный періодъ комитетъ сдѣлалъ 440 постановленій по различнымъ ходатайствамъ о денежной и неденежной помощи, выдалъ единовременныя пособія 102 лицамъ 2.939 руб. 75 коп., на похороны 7 лицамъ 328 руб., назначилъ 1,310 р. продолжительныхъ пособій 12 литераторамъ, безсрочныя ссуды на 1.775 руб. назначены 24 лицамъ, срочныя—11 литераторамъ на 1.927 руб., на воспитаніе и обученіе дѣтей 45 литераторовъ назначено 2.638 руб. 50 коп. и т. д. Всего удовлетворено 203 прошенія на 11.038 руб. 25 коп., а отклонено, по разнымъ мотивамъ, 77 просьбъ. По ходатайствамъ комитета, въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ сокращена плата за обученіе дѣтей писателей, въ другихъ предоставлены бесплатныя вакансіи стипендіатовъ фонда. Комитетъ фонда входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми редакціями журналовъ и газетъ по претензіямъ, предъявленнымъ къ нимъ пятью писателями. Н. Ѳ. Анненскій доложилъ отчетъ по казначейской части за время съ января по 15 октября текущаго года. За это время изъ кабинета Его Величества и отъ особъ императорской фамиліи поступило въ фондъ 1,150 руб., по завѣщанію П. Ф. Николаева—5,000 руб., членскихъ взносов—1.000 рублей, доходовъ отъ изданій фонда (сочиненія Надсона, Костомарова и др.)—

14,409 рублѣй, процентовъ отъ капиталовъ фонда постунило—30,684 рубля 86 коп., въ возвратъ срочныхъ ссудъ—2,084 рубля и т. д. Всего фондъ располагаетъ наличными 70,894 руб. 93 коп. и процент. бумагами на 805,025 руб. Общая сумма расхода за истекшій годъ (до 15 октября) составляетъ 68,311 руб. 8 коп., причемъ, по приблизительной смѣтѣ, до конца года потребуется еще на выдачу пенсій, пособій, воспитаніе дѣтей и т. д. 6.400 р. Кроме того, было доложено собранію, что по духовному завѣщанію профессора П. Ф. Андреевскаго литературный фондъ имѣетъ получить рукописи покойнаго писателя и билетъ внутренняго 5% займа, а В. В. Берви передалъ фонду права на свои сочиненія. Въ день юбилея артистовъ императорскихъ театровъ Р. Б. Апполонскаго и Г. В. Тартакова, участвовавшихъ въ вечерахъ, устраиваемыхъ литературнымъ фондомъ, комитетъ послалъ юбилярамъ привѣтственные телеграммы. Послѣ заслушанія и утвержденія собраніемъ отчетовъ были произведены выборы новыхъ членовъ фонда. Избраны: А. А. Вербицкая, Л. Ф. Грамматчикова-Кони (безъ баллотировки), П. А. Бунинъ, И. А. Кистяковскій, Н. А. Поповъ, И. А. Дынинъ, А. И. Фаресовъ и Л. М. Вольфъ.

Увѣковѣченіе памяти Ломоносова. Въ засѣданіи городской думы 19 октября, въ присутствіи представителей академіи наукъ академикомъ кн. В. В. Голицына, С. Ф. Ольденбурга, Ф. П. Чернышева и В. И. Вернадскаго разсматривался вопросъ объ увѣковѣченіи памяти М. В. Ломоносова. Академикъ Ф. П. Чернышевъ отъ имени академіи выступилъ съ предложеніемъ создать въ Петербургѣ Ломоносовскій институтъ, причемъ жертва города выразится лишь въ предоставленіи институту участка городской земли. Противъ этого предложенія въ принципѣ никто изъ гласныхъ не возражалъ, но большинство полагало, что вопросъ объ отводѣ земли участка не можетъ быть рѣшенъ немедленно и управѣ слѣдуетъ поручить совместно съ представителями академіи предварительно детально обсудить его. Въ этомъ смыслѣ и дано порученіе управѣ. Затѣмъ принято слѣдующее предложеніе комиссіи по народному образованію: 1) построить новый городской училищный домъ имени М. В. Ломоносова; 2) помѣстить портреты его во всѣхъ начальныхъ городскихъ школахъ; 3) наименовать его именемъ одно изъ 4-классныхъ мужскихъ городскихъ училищъ; 4) учредить двѣ стипендіи въ академіи художествъ по отдѣлу мозаики и медальоннаго искусства и 5) учредить рядъ стипендій въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кроме того, комиссіи по народному образованію поручено въ день празднованія юбилея устроить для учащихся въ городскихъ школахъ литературное утро, посвященное памяти Ломоносова. Управѣ предложено войти въ соглашеніе съ организационнымъ комитетомъ по устройству юбилейной выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время».

Открытіе французскаго института въ Петербургѣ. Въ большомъ залѣ географическаго общества 18 октября въ торжественномъ засѣданіи открытъ французскій институтъ. Открытіе собрало множество публики: дамъ, ученыхъ, офицеровъ, молодежи. Полностью присутствовало французское посольство, кромѣ посла, находящагося въ отпуску, пріѣхавшіе на торжество французы-профессора. Среди публики были: министръ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, замѣняющій министра иностранныхъ дѣлъ А. А. Нератовъ, товарищъ министра

народнаго просвѣщенія баронъ Таубе, попечитель петербургскаго учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ, главноуправляющій вѣдомствомъ учреждений Императрицы Маріи кн. Голицынъ, акад. Ольденбургъ, предѣдатель общества «Мира» проф. М. М. Ковалевскій, академикъ В. М. Бехтеревъ, членъ государственнаго совѣта М. А. Стаховичъ, члены государственной думы А. И. Гучковъ, П. П. Ефремовъ, японскій посольскій баронъ Мотоно. Засѣданіе открылъ въ половинѣ девятаго первый секретарь французскаго посольства г. Панафье привѣтствіемъ, обращеннымъ къ собравшимся. Онъ считаетъ, что открытіе института—симптомъ несомнѣнной дружбы, проявляемой обѣими странами. Министръ народнаго просвѣщенія Кассо на прекрасномъ французскомъ языкѣ произнесъ рѣчь о симпатичности задачъ новаго учрежденія, которое внесетъ много новаго во взаимныя отношенія обѣихъ государствъ, и пожелалъ институту успѣха въ дальнѣйшемъ развитіи. Предѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь В. П. Кокковцовъ и директоръ Александровскаго лицея ген.Шильдеръ прислали телеграммы съ привѣтствіями. На эстраду выступилъ ректоръ университета въ Паиси г. Адамъ и произнесъ рѣчь о пользѣ для французскаго общества ближайшаго изученія русской исторіи и литературы и знакомства съ русскимъ искусствомъ. Приватъ-доцентъ Лирондель сказалъ поэтическую рѣчь о чувствахъ молодой Франціи, учащихся и учащихся къ необъятной Россіи. Закончили первую часть вечера профессоръ Поль Бауйе и Рео рѣчами, гдѣ сообщили о цѣляхъ и задачахъ новаго института. Послѣ перерыва прочелъ свою лекцію «объ электричествѣ и медицинѣ» извѣстный ученый д'Арсонваль.

Открытіе памятника Никитину. Съ утра г. Воронежа на улицахъ большое движеніе народа; городъ убранъ флагами. Въ Троицкомъ соборѣ совершена заупокойная литургія и панихида, къ полудню Театральная площадь, гдѣ поставленъ памятникъ, и прилегающія улицы заполнены народомъ. Къ 12-ти часамъ прибыли гласные, представители общественныхъ учреждений, администраціи и депутаціи. И. д. городского головы Чмыховъ прочиталъ актъ объ открытіи памятника. Послѣ спуска занавѣса, закрывавшаго фигуру поэта Никитина, и освященія памятника музыка исполнила «Коль славень». Начался приемъ депутацій и возложеніе вѣнковъ; выдѣлялись: роскошный серебряный вѣнокъ отъ воронежскихъ купцовъ— «Поэту любви и печали, согражданину-купцу», отъ учебныхъ заведеній—«Печальнику горя народнаго, земляку-поэту», отъ ученицъ Маріинской гимназіи—«Пѣвцы умирають, пѣсни живутъ»; громадный вѣнокъ губернскаго земства—«Пѣвцу народнаго горя и нужды»; рабочихъ завода Столь—«Пѣвцу труда и народныхъ слезъ»; редакція «Воронежскаго Телеграфа», разныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, просвѣтительныхъ обществъ, учреждений, мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ, города Боброва, Кіева и другихъ. Получено болѣе 50 привѣтствій, въ томъ числѣ отъ министра народнаго просвѣщенія, университетовъ московскаго, казанскаго, кіевскаго и саратовскаго, отъ фракціи народной свободы, отъ воронежскихъ депутатовъ, студенческихъ землячествъ и т. д. На домѣ, гдѣ жилъ и умеръ Никитинъ, прибита доска. Затѣмъ въ городской думѣ состоялся банкетъ, а въ учебныхъ заведеніяхъ литературные вечера и утра, посвященные памяти Никитина. Состоялись литературно-вокальные вечера въ педагогическомъ собраніи и народномъ домѣ и тор-

жественное засѣданіе архивной комиссіи, привлекшіе массу разпородной публики. Исполнители произведеній Никитина щедро награждались апплодисментами. До поздней ночи накануне у памятника—густая толпа, въ день открытія—тоже; въ книжныхъ магазинахъ усиленный спросъ на сочиненія Никитина и на его портреты. Юбилейный праздникъ внесъ большое оживленіе; вездѣ преобладала средняя публика.

Музей имени великаго князя Михаила Николаевича. Волею августѣйшихъ дѣтей великаго князя Михаила Николаевича въ Ново-Михайловскомъ дворцѣ устроенъ богатый по составу и цѣнный въ историческомъ значеніи музей имени великаго князя. Количество собранныхъ въ немъ отдѣльныхъ предметовъ превышаетъ 5,000, являющихся свидѣтелями славной жизни и высокихъ государственныхъ заслугъ великаго князя. Обширная и разносторонняя государственная дѣятельность великаго князя Михаила Николаевича по свѣше полувѣковому управленію артиллеріей, по двадцатилѣтнему намѣстничеству на Кавказѣ и командованію арміей этого края, по предводительству подвигами доблестныхъ кавказскихъ войскъ въ русско-турецкую войну въ 1877—1878 гг., по руководству съ 1881 г. трудами государственнаго совѣта, по предсѣдательствованію въ Александровскомъ комитетѣ о раненыхъ и по другимъ высокимъ должностямъ была тѣсно и близко связана съ жизнью Россіи, и эта жизнь, несомнѣнно, нашла себѣ отраженіе въ собранныхъ для музея предметахъ. Съ соизволенія ихъ императорскихъ высочествъ музей имени великаго князя Михаила Николаевича будетъ открытъ для обозрѣнія по четвергамъ и воскресеньямъ отъ 11 часовъ до 2 часовъ дня. За полученіемъ разрѣшенія для осмотра слѣдуетъ обращаться въ управленіе дѣлами его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича (Милліонная, 19), накануне указанныхъ дней, отъ 2 до 4 часовъ дня. Для осмотра музея группами испрашивается особое разрѣшеніе.

Къ юбилею профессора І. И. Витоля. 5-го ноября чествовался профессоръ петербургской консерваторіи І. И. Витоль по случаю двадцатипятилѣтія его музыкально-композиторской дѣятельности. Въ этотъ день вечеромъ въ большомъ залѣ консерваторіи состоялся экстренный концертъ подъ управленіемъ А. К. Глазунова и г. Юзууса, причемъ концертная программа составлена изъ музыкальныхъ произведеній юбиляра. Профессоръ Витоль по происхожденію латышъ, родился въ 1863 году. Поступивъ въ петербургскую консерваторію, онъ изучалъ подъ руководствомъ профессоровъ Югансена и Римскаго-Корсакова теорію композиціи. Въ 1886 году окончилъ консерваторскій курсъ съ золотою медалью и былъ оставленъ при консерваторіи преподавателемъ теоріи и гармоніи. Съ того времени І. И. свою музыкальную главную дѣятельность посвятилъ консерваторіи, будучи съ 1901 года профессоромъ и съ 1908 года преемникомъ Н. А. Римскаго-Корсакова по руководству специальнымъ классомъ музыкальныхъ формъ. Кромѣ того, онъ съ 1891 года преподавалъ теорію въ петербургскомъ музыкальномъ училищѣ г. Боровки, съ 1897 года ведетъ отдѣлъ музыкальной критики газеты «St.-Petersburger Zeitung», въ 1907 года дирижировалъ нѣмецкимъ нѣвческимъ обществомъ «Liedertafel», съ 1908 года дирижируетъ въ латышскомъ нѣвческомъ обществѣ. Въ качествѣ композитора г. Витоль дебютировалъ фортепіанной сонатой b-moll, исполненной

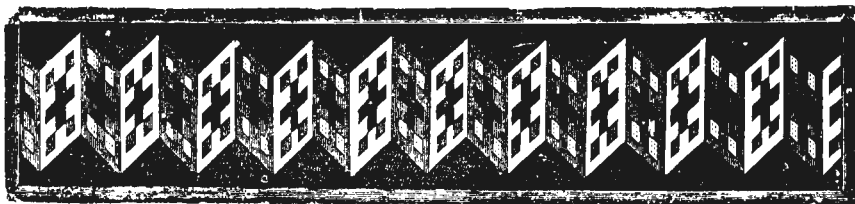
впервые въ русскомъ симфоническомъ концертѣ 5-го ноября 1886 года. Юбилею принадлежить множество музыкальныхъ произведеній, неоднократно отмѣченныхъ преміей имени Глинки. Онъ написалъ для оркестра симфоническую картину «Праздникъ Лиго», «Драматическую увертюру», сонату на латышскія пѣсни, увертюру къ латышской сказкѣ «Спиридисъ», для хора съ оркестромъ—балладу «Бeverинскій бардъ», «Пѣсню»; для камерной музыки струнный оркестръ и рядъ пьесъ для фортепiano, скрипки, виолончели, альта, около 40 романсовъ. Имъ издано 140 латышскихъ народныхъ пѣсенъ съ аккомпаниментомъ фортепiano, множество пѣсенъ и переложеній для смѣшаннаго и мужского хора.

Чествованіе А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Скромное свѣтлое торжество озарило во вторникъ 25-го октября семью П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Въ день 25-лѣтія своей научной дѣятельности сынъ его А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій былъ привѣтствованъ нѣсколькими депутациями и цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ лицъ. Отъ имени императорскаго русскаго географическаго общества его привѣтствовали: секретарь общества А. А. Достоевскій, предѣлитель отдѣла физической географіи генераль Ю. М. Шокальскій и почетный членъ общества, нашъ извѣстный путешественникъ полковникъ П. К. Козловъ; вслѣдъ затѣмъ депутация отъ русскаго энтомологическаго общества, въ лицѣ его почетнаго члена В. Ф. Ошанина, ученаго секретаря Г. Г. Якобсона и Н. Н. Аделунга, поднесла своему вице-президенту роскошный адресъ съ художественно исполненными виньетками изъ жизни насѣкомыхъ Средней Азіи—главной специальности юбиляра. Почетный членъ того же общества И. Я. Шевыревъ былъ представителемъ основанной имъ энтомологической лабораторіи при лѣсномъ департаментѣ. Специально прибывшій изъ Юрьева профессоръ Н. П. Кузнецовъ читалъ составленный въ весьма теплыхъ выраженіяхъ адресъ ботаниковъ юрьевскаго университета, въ которомъ особенно освѣщена была дѣятельность А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго въ дѣлѣ объединенія ботаниковъ и зоологовъ для разрѣшенія общихъ вопросовъ систематики и біогеографіи. Позже юбиляра привѣтствовали непремѣнный секретарь императорской академіи наукъ С. Ф. Ольденбургъ, академикъ Н. П. Бородинъ и многіе члены предѣлительствуемой А. П. біографической комиссіи императорскаго русскаго географическаго общества. Въ числѣ многочисленныхъ полученныхъ А. П. телеграммъ и писемъ были привѣтствія: отъ члена государственнаго совѣта А. Ф. Кони, вице-президента императорской академіи наукъ П. В. Никитина, зоологовъ московскаго университета во главѣ съ профессоромъ Г. А. Кожевниковымъ, академика А. П. Каринскаго, князя Э. Э. Ухтомскаго, профессора Н. А. Холодковскаго и мн. др.

Чествованіе профессора П. П. Чистякова. 4-го ноября учащіеся высшаго художественнаго училища чествовали профессора П. П. Чистякова по случаю исполнившагося недавно 50-лѣтія его художественной дѣятельности. Чествованіе происходило въ мастерской академіи, въ которой прибита доска въ память Г. Г. Шевченка. Въ мастерской были выставлены раннія художественныя произведенія юбиляра, находящіяся въ академическомъ музеѣ. Кромѣ учениковъ, въ чествованіи приняли участіе ректоръ В. А. Беклемишевъ, Д. Н. Кардовскій,

В. В. Матѣ, Н. А. Бруни, В. Е. Савинскій, Н. Н. Дубовской, И. Ф. Цюнглинскій и др. Чествованіе открылось чтеніемъ привѣтственнаго адреса, поднесеннаго П. П. Чистякову. «Подъ вашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ и просвѣщеннымъ руководствомъ,—говорится въ адресѣ,—развивались и пропѣвѣтали молодые таланты, служащіе въ настоящее время украшеніемъ родного искусства, которое во многомъ обязано вашему строгому и вмѣстѣ съ тѣмъ участливому отношенію». Затѣмъ привѣтствовали юбиляра представители мастерскихъ профессоровъ В. Е. Маковского, Д. Н. Кардовскаго и П. Н. Дубовскаго. Шумные аплодисменты вызвало привѣтствіе представителя мастерской В. Е. Савинскаго, состоявшей до недавняго времени подъ руководствомъ П. П. Чистякова. Отъ имени профессоровъ высшаго художественнаго училища привѣтственную рѣчь произнесъ ректоръ В. А. Беклемишевъ. Бывшіе ученики юбиляра прислали привѣтственную телеграмму.

40-лѣтіе научно-общественной дѣятельности А. П. Башилова. Недавно исполнилось 40-лѣтіе служебной дѣятельности петербургскаго нотаріуса А. П. Башилова. А. П. родился въ 1849 г. въ Петербургѣ. Образование получилъ въ Ларинской гимназіи и въ петербургскомъ университетѣ, который кончилъ въ 1871 г. По окончаніи курса служилъ съ сенатѣ и коммерческомъ судѣ и въ то же время былъ преподавателемъ коммерческихъ наукъ въ 1-мъ реальномъ училищѣ въ Петербургѣ и руководителемъ состоявшихъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія курсовъ по приготовленію преподавателей тѣхъ же наукъ. Съ 1880 года состоялось избраніе его присяжнымъ повѣреннымъ, избирался въ руководители конференціей помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, а съ 1900 г. былъ также и присяжнымъ переводчикомъ при петербургскомъ окружномъ судѣ по 1906 г., когда перешелъ въ нотаріусы. Съ 1875 г. служить въ петербургскомъ биржевомъ комитетѣ, исполняя обязанности юрисконсульта болѣе 30 лѣтъ и принимая участіе во всѣхъ законодательныхъ работахъ по урегулированію нашей торговли и промышленности. Въ 1885 и 1888 гг. участвовалъ въ международныхъ конгрессахъ по торговому праву въ Антверпенѣ и Брюсселѣ; принималъ также участіе въ тарифныхъ сѣздахъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, а въ послѣднее время и въ трудахъ высшей комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Съ 1883 по 1904 г. преподавалъ торговое право въ училищѣ правовѣдѣнія, читалъ также лекціи по гражданскому и торговому праву на женскихъ коммерческихъ курсахъ Ивашинцевой и на счетоводныхъ курсахъ Езерскаго. Кромѣ небольшихъ статей, замѣтокъ и рецензій, помѣщенныхъ въ разныхъ юридическихъ журналахъ, напечаталъ свои лекціи подъ заглавіемъ «Русское торговое право» (вып. 1. Спб. 1887 г.). Продолженіемъ этой книги служатъ статьи, напечатанныя въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» за 1894 г.—о торговыхъ товариществахъ и 1904 г.—о неформальныхъ товариществахъ и товариществахъ на паяхъ.

НЕКРОЛОГИ.

ОНЬ-ГОЙНИНГЕНЪ-ГЮНЕ, баронъ А. Ѳ. Скончавшійся 25 октября почетный опекунъ баронъ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-Гойнингенъ-Гюне былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ принца П. Г. Ольденбургскаго по его широкой благотворительной и просвѣтительной дѣятельности. По окончаніи курса въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія покойный — правовѣдъ IV выпуска — началъ службу въ сенатѣ, прошелъ тамъ рядъ должностей, былъ товарищемъ герольд-мейстера, затѣмъ перенесъ свою дѣятельность въ министерство государственныхъ имуществъ, управляя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ спб. палатой. Въ 60-хъ годахъ А. Ѳ. былъ симбирскимъ губернаторомъ. Наиболѣе широкое примѣненіе его трудоспособность и энергія нашли въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, въ которомъ покойный прослужилъ около 42 лѣтъ. Съ

1869 г. болѣе десяти лѣтъ онъ управлялъ дѣлами собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи и дѣятельно заботился не только о развитіи учебныхъ, воспитательныхъ и благотворительныхъ учреждений вѣдомства, но и объ изысканіи доходныхъ статей на ихъ содержаніе. Онъ былъ въ это время ближайшимъ исполнителемъ и нерѣдко вдохновителемъ просвѣтительныхъ начинаній покойнаго принца П. Г. Ольденбургскаго. Больницы, богадѣльни, пріюты вѣдомства тогдашнимъ своимъ благосостояніемъ обязаны многимъ покойному барону. Послѣднія почти тридцать лѣтъ онъ былъ почетнымъ опекуномъ спб. присутствія опекунскаго совѣта и въ качествѣ почетнаго опекуна состоялъ членомъ совѣта спб. училища ордена св. Екатерины (Екатерининскаго женскаго института), завѣдующимъ хозяйственной частью и попечителемъ дѣтской больницы принца П. Г. Ольденбургскаго. Какъ человекъ, покойный отличался необычайной мягкостью, сердечностью и до послѣд-

нихъ лѣтъ (скончался 87 лѣтъ отъ роду) сохранилъ замѣчательную бодрость и трудоспособность. Его полезная дѣятельность отмѣчена цѣлымъ рядомъ наградъ: рескриптомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, брильянтовымъ перстнемъ, золотой, брильянтами украшенной табакеркой съ портретомъ Его Величества Государя Императора Николая Александровича и др. Онъ имѣлъ также орденъ св. Андрея Первозваннаго, пожалованный ему на Пасху настоящаго года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г. № 12797).

† **Ермолаевъ, М. С.** 17 октября на 64 году жизни скончался въ Петербургѣ отъ воспаления легкихъ извѣстный земскій и кооперативный дѣятель и издатель журнала «Жизнь» Михаилъ Сергѣевичъ Ермолаевъ. Покойный долгое время состоялъ предсѣдателемъ петровской уѣздной земской управы, а затѣмъ и членомъ саратовской губернской земской управы. Будучи крупнымъ землевладѣльцемъ, онъ учредилъ въ селѣ Ключахъ одно изъ первыхъ крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Въ 1890—91 годахъ на средства покойнаго въ Петербургѣ издавался извѣстный ежемѣсячный журналъ «Жизнь» подъ редакціей В. А. Поссе. Въ концѣ 1906 года М. С. вмѣстѣ съ группой лицъ изъ интеллигенціи и рабочихъ учредилъ въ Петербургѣ потребительное общество подъ названіемъ «Трудовой союзъ», имѣвшій большое вліяніе на развитие кооперативнаго движенія въ Россіи. Покойный не жалѣлъ средствъ на «Трудовой союзъ» и купилъ для него за Невской заставой за 60 тысячъ рублей хорошо оборудованную хлѣбопекарню. Впослѣдствіи союзъ погибъ, вслѣдствіе неподготовленности трудовой массы къ новому въ Россіи дѣлу. Последніе годы покойный состоялъ предсѣдателемъ и казначеемъ 2-го отдѣла (сельскохозяйственная кооперація) петербургскаго отдѣленія комитета ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ. Безкорыстная и живая дѣятельность М. въ отдѣленіи комитета снискала ему любовь и уваженіе всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 288).

† **Козубскій, Е. И.** Чувствительную утрату ряды кавказовѣдцовъ понесли недавно въ лицѣ скончавшагося (30-го сентября) въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ извѣстнаго изслѣдователя Дагестана Е. И. Козубскаго. Болѣе тридцати лѣтъ онъ съ рѣдкимъ рвеніемъ и настойчивостью работалъ въ наименѣе изученной области Кавказа, посвятивъ всѣ свои силы историко-этнографическимъ изысканіямъ Дагестана. По окончаніи курса въ новороссійскомъ университетѣ неблагоприятно сложившіяся обстоятельства не позволили ему остаться въ Одессѣ для подготовки къ профессурѣ, и пришлось стать преподавателемъ исторіи въ темиръ-ханъ-шуринскомъ реальномъ училищѣ. Одновременно съ несеніемъ преподавательскихъ обязанностей онъ принимается за изслѣдованіе быта и исторіи Дагестана, выпуская одну за другой цѣнныя работы, результатъ непосредственнаго знакомства съ архивными сырыми матеріалами. Къ числу его изданій принадлежатъ: «Памятная книжка Дагестанской области 1895 г.», къ которой приложенъ кропотливый его «Опытъ бібліографіи Дагестанской области», ставшій съ дальнѣйшимъ своимъ продолженіемъ настольнымъ справочникомъ для всѣхъ изслѣдователей Дагестана; «Дагестанскій сборникъ», два огромныхъ тома 1902—1904 гг., составляющихъ, по словамъ одного рецензента, настоящую энциклопедію

края; «Исторія города Дербента», написанная по порученію дербентскаго городского самоуправления; «Исторія дагестанскаго коннаго полка» 1910 г. Помимо этихъ крупныхъ работъ, ему принадлежитъ множество газетныхъ и журнальныхъ статей (въ «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ» и др.). Неизмѣнно работая и по статистикѣ Дагестана въ качествѣ члена областного статистическаго комитета, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редактировалъ изданія названнаго комитета. Е. И. привлекался къ изслѣдованію различныхъ экономическихъ и административныхъ вопросовъ края. Онъ усердно поработалъ надъ подготовкой рѣшенія вопроса о ликвидаціи зависимыхъ отношеній въ Дагестанской области, участвовалъ въ совѣщаніи по земской реформѣ, а въ послѣднее время—въ разработкѣ матеріаловъ для предложенной сословной реформы въ Закавказьѣ. По смерти его остались цѣнные рукописные матеріалы по исторіи края. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 240).

† **Кокосовъ, В. Я.** 17-го октября въ Нижнемъ-Новгородѣ скончался врачъ-писатель Владимиръ Яковлевичъ Кокосовъ. Покойный, сынъ священника села Крестовскаго Камышловскаго уѣзда Пермской губерніи, родился 1-го іюля 1845 года. Съ 1851 по іюль 1861 года онъ учился въ пермской бурсѣ, при переходѣ изъ философскаго класса семинаріи въ богословскій былъ исключенъ по нерадѣнію къ ученію и неблагонадежности. Въ августѣ 1862 года онъ уѣхалъ въ казанскій университетъ, куда поступилъ вольнослушателемъ. Въ 1863 году переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сдалъ экзаменъ въ Ларинской гимназіи и поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ въ декабрѣ 1870 г. Какъ степендіатъ военнаго вѣдомства, В. Я. поступилъ на службу и попалъ въ Сибирь. 1-го марта 1872 года онъ былъ назначенъ врачомъ при карійскомъ казачьемъ батальонѣ и знаменитой карійской каторгѣ, а съ конца 1881 года служилъ въ городѣ Актѣ на монголо-манчжурской границѣ въ общей сложности 16 лѣтъ; въ промежуткѣ шесть лѣтъ онъ служилъ въ городѣ Читѣ. Только въ 1903 году, послѣ 33-хъ лѣтъ службы въ Сибири, онъ вернулся въ Европейскую Россію. По выходѣ въ 1907 году въ отставку онъ поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и кончилъ теперь свои многотрудные дни. Годы молодости, проведенные въ Казани и Петербургѣ, время 60-хъ годовъ наложили на него свою печать. Въ маѣ 1864 года онъ былъ свидѣтелемъ торговой казни надъ Чернышевскимъ. Черезъ 33 года службы на каторгѣ и въ полудикой глуши В. Я. пронесъ теплое сердце и свѣтлыя упованія молодости. Въ Актѣ съ 1900 г. онъ сталъ писать свои воспоминанія о карійской каторгѣ, печатавшіяся съ 1902 года въ «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ изданіяхъ. Эти воспоминанія, написанныя очень тепло, быстро создали ему нѣкоторую литературную извѣстность и въ 1907 году были изданы «Русскимъ Богатствомъ» подъ названіемъ «Разказы о карійской каторгѣ». Кромѣ названнаго журнала, покойный печаталъ разказы (преимущественно изъ воспоминаній) въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» «Нижегородскомъ Листкѣ», «Волгарѣ» и другихъ. Послѣднимъ его печатнымъ трудомъ былъ очеркъ «Палачъ», появившійся въ «Современникѣ» за текущій годъ. Въ Нижнемъ покойный пользовался большимъ уваженіемъ. Онъ состоялъ предсѣдателемъ родительскаго комитета одной изъ гимназій города и, несмотря на годы, усердно работалъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 241).

† **Котельниковъ, М. Г.** Скончался писатель и общественный дѣятель М. Г. Котельниковъ. Петербургъ мало и зналъ его. Здѣсь онъ, еще не старый человѣкъ, доживалъ свои дни, служа въ библиотекѣ государственной думы и работая, между прочимъ, въ повременной печати. Онъ весь принадлежалъ провинціи, ей отдалъ онъ великія силы своего ума и сердца. И не безслѣдно пройдетъ тамъ, въ глубинѣ Россіи, вѣсть объ его кончинѣ—много тамъ у него еще живыхъ соратниковъ, еще больше тѣхъ, кто помянуть его словомъ признательности. Питомецъ Михайловской артиллерійской академіи, она рано покинулъ военную службу и сталъ служить въ акцизномъ вѣдомствѣ, сперва въ Павловскѣ, Воронежской губерніи, потомъ въ Воронежѣ, а затѣмъ въ Харьковѣ, Самарѣ и Оренбургѣ. Это былъ человѣкъ, глубоко проникнутый общественными стремленіями, отдавшійся весь общественному дѣлу. Это было его основной чертой. Другой чертой было соотвѣтствіе поступковъ словамъ; смѣлый то былъ человѣкъ, съ высокими, мощными порывами. И когда потянули первыя струйки тепла, въ 1904 году, послѣ ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей, онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ конституціоннаго движенія. На банкетѣ 20 ноября онъ, будучи управляющимъ акцизными сборами въ Самарѣ, одинъ изъ первыхъ подписалъ заявленіе о созывѣ народныхъ представителей, и его подпись привлекла подписи многихъ колебавшихся. Въ 1905 году его перевели въ Оренбургъ, городъ глухой и для него чуждый, а въ 1906 году онъ покинулъ службу. Въ Самарѣ М. Г. участвовалъ во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ того времени. Особенно много работалъ онъ въ педагогическомъ обществѣ, гдѣ въ то время объединялись живыя силы Самары. И вездѣ онъ не только организовывалъ и привлекалъ рабочія силы, но и самъ трудился, не покладая рукъ, берясь за самое трудное. Въ Петербургѣ покойный немало потрудился въ комисіи по вопросу объ алкоголизмѣ; онъ дѣятельно подготавливалъ съѣздъ 1909 года по борьбѣ съ пьянствомъ, онъ выступалъ на немъ съ рядомъ докладовъ, онъ выпустилъ его труды. (Некрологъ см.: «Рѣчь», 1911 г., № 296).

† **Крыловъ, Н. А.** Въ Петербургѣ въ тихой и скромной обстановкѣ на восемьдесятъ второмъ году жизни скончался мировой посредникъ перваго призыва и старый земскій дѣятель Симбирской губерніи Николай Александровичъ Крыловъ. Н. А. происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Симбирской губерніи и началъ свою карьеру на военномъ поприщѣ. Скоро, однакоже, онъ бросаетъ военную службу, но въ Крымскую войну снова возвращается къ ней и участвуетъ въ оборонѣ финляндскаго побережья. Въ 1857 году онъ окончательно оставляетъ военную службу и всей душой отдается дѣятельности по крестьянской реформѣ и въ частности работамъ симбирскаго губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ. По введеніи перваго института мировыхъ посредниковъ Н. А. былъ выбранъ мировымъ посредникомъ Алатырскаго уѣзда Симбирской губерніи, а съ введеніемъ земства—предсѣдателемъ алатырской земской управы, гдѣ онъ много работалъ для народнаго образованія и устройства народнаго быта. Когда же былъ учрежденъ институтъ мировыхъ судей, его избираютъ мировымъ судьей и затѣмъ назначаютъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей все въ томъ же Алатырскомъ уѣздѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ

Н. А. покинул Симбирскую губернію и переселился въ Петербургъ. Свои воспоминанія о крестьянской реформѣ онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ». Работалъ онъ и въ «Новомъ Времени». Еще лѣтомъ текущаго года онъ помѣстилъ въ газетѣ нѣсколько небольшихъ статей. Н. А. жилъ болѣе чѣмъ скромно и весь излишекъ своихъ доходовъ отдавалъ на дѣла благотворительности. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12799).

† **Лугининъ, В. Ѳ.** Не стало еще одного изъ той славной кучки дѣятелей, благодаря кому такъ называемые шестидесятые годы выдѣляются свѣтлой полосой на темномъ фонѣ предшествовавшей и послѣдовавшей эпохъ. Получена телеграмма о смерти В. Ѳ. Лугинина, послѣдовавшей 13-го октября въ Парижѣ. Родился В. Ѳ. въ 1834 году въ Москвѣ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе. Поступить въ московскій университетъ В. Ѳ. не удалось вълѣдствіе введеннаго незадолго передъ тѣмъ общаго комплекта въ 300 человекъ, и онъ переехалъ въ Петербургъ, въ артиллерійское училище, гдѣ въ то время были такіе преподаватели, какъ Остроградскій и Ленцъ. Только что произведенный въ офицеры; В. Ѳ. устремился въ Севастополь. Поселившись въ Петербургѣ, онъ вращался въ либеральныхъ кружкахъ, что обратило на него вниманіе кого слѣдовало. Ему былъ запрещенъ вѣздъ въ столицы и предложено выбрать жительство въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ и уже въ видѣ особой милости разрѣшено поселиться въ Крыму, тогда еще глухомъ, мало посѣщаемомъ. Лугининъ поселился въ Никитскомъ саду, рассчитывая воспользоваться его лабораторіей. Здѣсь была сдѣлана, вѣроятно, первая его химическая работа по анализу крымскихъ винъ, до той поры почти не изслѣдованныхъ. Въ 1860 году ему удалось, наконецъ, выбраться за границу. Для молодого образованнаго русскаго, къ тому же интересующагося и наукой, и жизнью, Европа того времени представляла два притягательныхъ центра—Гейдельбергъ и Лондонъ; туда устремился и Лугининъ. Въ Гейдельбергъ онъ направился по стопамъ Менделѣева и своего коллеги артиллериста химика Шишкова; въ Лондонъ его влекло къ властителю думъ современной русской молодежи—къ Герцену. Въ Гейдельбергѣ онъ занимался у Бунзена, такъ какъ уже съ той поры ясно опредѣлились его вкусы въ направленіи физической химіи, въ то время мало обращавшей на себя вниманіе. Въ вакаціонное время онъ между прочимъ дѣлалъ опредѣленія съ недавно предложеннымъ Бунзеномъ и Роско фотографическимъ актинометромъ (съ княземъ Трубецкимъ на Lago Maggiore). Насколько успѣшны были его поѣздки въ Лондонъ, видно изъ того, что уже въ 1862 году онъ является довѣреннымъ посломъ отъ Герцена къ Тургеневу (въ Баденъ-Баденъ). Другимъ обстоятельствомъ, отмѣтившимъ пребываніе въ Гейдельбергѣ, была неудавшаяся попытка поступить волонтеромъ къ Гарибальди, замышлявшему тогда свой походъ на Римъ. Гейдельбергская русская колонія выбрала Лугинина своимъ делегатомъ; какъ артиллеристъ, онъ долженъ былъ явиться къ Гарибальди съ пушкой. Но у избравшихъ его не хватало денегъ, не было ихъ и у самого Лугинина. А событія не ждали: раненому подъ Аспромонте Гарибальди нуженъ былъ уже не артиллеристъ, а хирургъ, и вмѣсто Лугинина по просьбѣ той же гейдельбергской колоніи поѣхалъ Циреговъ. Послѣ Гей-

дельберга Лугининъ пробылъ нѣсколько времени въ Цюрихѣ, гдѣ слушалъ Клаузіуса. Вторая, самая дѣятельная эпоха его жизни связана съ Парижемъ; онъ работалъ сначала у Вюрца и у Реньо, пока, наконецъ, не сдѣлался ученикомъ, другомъ и сотрудникомъ Бертло. Въ термохиміи онъ нашелъ, наконецъ, область, наиболѣе для себя подходящую,—область примѣненія точныхъ физическихъ пріемовъ къ задачамъ химіи, въ чемъ отчасти сказалось и вліяніе Реньо. Къ термометру у В. Θ. была просто какая-то страсть. Возвращаясь изъ Парижа, онъ почти всегда бережно, чуть не въ рукахъ везъ съ собой какое-нибудь новое произведеніе Бодена, этого художника по части термометровъ. Дѣятельность Лугинина въ термохиміи, сначала совмѣстная съ Бертло, затѣмъ стала совершенно самостоятельной. Кромѣ многочисленныхъ специальныхъ мемуаровъ, онъ былъ авторомъ очень цѣннаго специалистами обширнаго трактата по калориметріи. Результатомъ совмѣстныхъ трудовъ съ Бертло была тѣсная дружба между учеными, и Бертло охотно пріѣзжалъ отдыхать къ Лугинину въ Бэ (въ долину Роны). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ явилась возможность вернуться въ Россію; онъ поселился въ Петербургѣ и устроилъ себѣ лабораторію. Но здѣсь ему пришлось жить недолго. Послѣ 1-го марта 1881 года пришлось бѣжать сначала въ Парижъ, потомъ въ 1889 году въ Москву, гдѣ по предложенію Столѣтова и Марковникова онъ получилъ почетное докторство. Здѣсь В. Θ. сначала пріютился въ лабораторіи Марковникова и Столѣтова, а потомъ, съ постройкой новаго института, получилъ хорошее помѣщеніе. Оборудовавъ его на свой счетъ дорогими приборами, В. Θ. подарилъ московскому университету едва ли не лучшую на свѣтѣ термохимическую лабораторію. Начавъ преподаваніе привать-доцентомъ, онъ былъ вскорѣ избранъ экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ и почетнымъ членомъ университета. Такъ проработалъ онъ до 1906 года, когда по требованію врачей уѣхалъ за границу, гдѣ жилъ зимой въ Парижѣ, а лѣтомъ на своей виллѣ въ Бэ. Несмотря на преклонный возрастъ и тяжкую болѣзнь, онъ при первой возможности пристраивался къ какой-нибудь лабораторіи и принимался за работу. Последнее его изслѣдованіе представлено въ парижскую академію нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 238).

† **Мясоѣдовъ-Ивановъ, В. А.** Не стало одного изъ виднѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ инженеровъ путей сообщенія, члена государственнаго совѣта Виктора Андреевича Мясоѣдова-Иванова. Онъ скончался 23-го октября, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу дѣятель, всецѣло посвятившій свой талантъ, свои знанія, энергію и здоровье желѣзнодорожному вѣдомству и хозяйству. Съ инженерно-желѣзнодорожной сферой его дѣятельность была тѣсно связана въ теченіе почти полувѣка, начавшись строительствомъ на Кавказѣ и закончившись широкими административными трудами и начинаніями въ качествѣ товарища министра путей сообщенія. При этомъ его служба отличалась не только замѣчательной интенсивностью въ примѣненіи его знаній и силъ, но и разнообразіемъ районовъ его дѣятельности. Гдѣ онъ только ни побывалъ: работалъ на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ и, наконецъ, сосредоточивъ главное пребываніе въ Петербургѣ, онъ по нѣсколько разъ въ годъ совершалъ путешествія, вызываемыя

долгомъ службы и желаніемъ лично ознакомиться на мѣстахъ съ ходомъ и состояніемъ желѣзнодорожнаго дѣла, съ тѣми терніями, которыя мѣшаютъ развитію этого дѣла и требуютъ искорененія. Замѣчательная подвижность была особенностью его энергичной натуры, также какъ и его постоянное стремленіе къ совершенствованію. Онъ любилъ желѣзнодорожное дѣло, сдѣлалъ много для его упорядоченія и процвѣтанія и до конца своей жизни не переставалъ интересоваться имъ. Назначенный 1-го января 1910 года членомъ государственнаго совѣта, онъ сохранилъ за собой кафедру эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ институтѣ путей сообщенія и предсѣдательство въ техническомъ отдѣлѣ собранія инженеро-путей сообщенія и попрежнему постоянно интересовался жизнью желѣзнодорожнаго вѣдомства. В. А. родился 23-го января 1841 года въ городѣ Рыльскѣ, въ помѣщичьей семьѣ. По окончаніи курса въ институтѣ инженеро-путей сообщенія девятнадцати лѣтъ, онъ началъ свою службу на Кавказѣ въ качествѣ производителя работъ на Военно-Грузинской дорогѣ и вскорѣ выдѣлился постройкой перваго въ Россіи желѣзно-арочнаго моста во Владикавказѣ черезъ Терекъ (Ольгинскій мостъ). Это замѣчательное по смѣлости замысла и легкости конструкціи сооруженіе выдвинуло дарованія покойнаго въ инженерной средѣ и подготовило ему послѣдующіе успѣхи. Въ 1863 году В. А. приспособлялъ Кубань къ пароходству и участвовалъ въ экспедиціи генерала Геймана противъ горцевъ Западнаго Кавказа. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ онъ перешелъ на службу по желѣзнымъ дорогамъ, устраивалъ пути сообщенія во вновь присоединенномъ Туркестанскомъ краѣ, служилъ въ разныхъ должностяхъ на Курско-Азовской желѣзной дорогѣ и съ 1872 года по 1889 годъ послѣдовательно управлялъ Курско-Кіевской, Курско-Харьково-Азовской, Воронежской и Орловско-Грязской желѣзными дорогами. Переведенный въ 1889 году въ Петербургъ членомъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, покойный получилъ возможность шире проявлять свою опытность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. По новой должности онъ предсѣдательствовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ по приему въ казну цѣлага ряда желѣзныхъ дорогъ, руководилъ коммерческимъ отдѣломъ управленія, предсѣдательствовалъ на желѣзнодорожныхъ сѣздахъ, въ тарифномъ совѣтѣ и въ совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Особенно цѣнными оказались труды комиссіи, работавшей подъ его предсѣдательствомъ по учрежденію органовъ для учета и распредѣленія состава желѣзныхъ дорогъ. Труды эти послужили основаніемъ къ учрежденію въ министерствѣ путей сообщенія отдѣла движенія, который далъ возможность центральнымъ учрежденіямъ министерства имѣть ясное представленіе о характерѣ и интенсивности желѣзнодорожнаго дѣла по всей русской сѣти и распредѣлить по ней правильно подвижной составъ. Кипучая дѣятельность покойнаго въ области техническо-административной не осталась чуждой и научной области. Для него, какъ перваго и лучшаго знатока желѣзнодорожнаго движенія, была основана въ 1892 году въ институтѣ путей сообщенія кафедра эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, и онъ, занимая эту кафедру, поднималъ вопросъ о передвиженіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ до степени научнаго интереса. Его живое изложеніе непопулярнаго предмета внесло свѣжую струю въ сухой курсъ желѣзнодорожной специальности и примирило

инженеровъ съ пренебрегаемой до тѣхъ поръ отраслю желѣзнодорожнаго хозяйства. Въ 1894 году В. А. блестяще защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ учрежденіи органовъ для учета и распредѣленія подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ», представленную имъ для полученія званія адъюнктъ-профессора и затѣмъ профессора. Какъ лекторъ, покойный всегда имѣлъ обширную аудиторію слушателей, многіе изъ которыхъ нынѣ уже на практикѣ примѣняютъ знанія, полученныя подъ его руководствомъ. Въ 1896 году В. А. былъ избранъ членомъ совѣта института. Будучи предсѣдателемъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ съ 1897 года по 1900 годъ, главнымъ инспекторомъ желѣзныхъ дорогъ и завѣдующимъ главной инспекціей водныхъ сообщеній и шоссе (съ 1895 г.), покойный обратилъ вниманіе на широкое развитіе техническихъ и желѣзнодорожныхъ училищъ, судо-сберегательныхъ кассъ, съ участіемъ всѣхъ служащихъ, до послѣднихъ рабочихъ, на устройство библиотекъ и т. п. Личное знакомство съ ходомъ дѣла у него было всегда на первомъ планѣ, и поэтому не было такого сколько-нибудь важнаго пункта русской желѣзнодорожной сѣти, гдѣ онъ не былъ бы для ревизіи, обзора новинокъ или для организаціи разнаго рода учрежденій, могущихъ улучшить какъ желѣзнодорожное дѣло, такъ и положеніе служащихъ. Имъ были выдвинуты разныя существенныя отрасли желѣзнодорожнаго дѣла и быта, остававшіяся прежеде въ тѣни. Одновременно онъ принималъ участіе въ совѣтахъ сельскохозяйственномъ и по желѣзнодорожнымъ дѣламъ въ качествѣ члена. Въ 1900 году покойный былъ приглашенъ бывшимъ тогда министромъ путей сообщенія княземъ М. И. Хилковымъ на постъ товарища министра вмѣсто генерала Н. П. Петрова. Съ этого года его дѣятельность расширилась, его техническія знанія и административная опытность нашли еще болѣе обширное примѣненіе. По должности товарища министра онъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ— и съ 1903 года въ особомъ комитетѣ по распредѣленію заказовъ подвижнаго состава и рельсовъ между заводами. Въ 1906 году по его инициативѣ были учреждены порайонные комитеты въ цѣляхъ регулированія перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ, съ участіемъ представителей заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ вѣдомствъ, земствъ и всѣхъ общественныхъ торговыхъ и промышленныхъ организацій. Эти возникшія по его идеѣ учрежденія, во время усиленныхъ перевозокъ, вызываемыхъ скопленіемъ грузовъ, нефтянымъ кризисомъ и другими причинами, успѣли уже доказать свою пользу и цѣлесообразность. Въ 1909 году В. А. былъ назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ въ должности, въ 1910 году членомъ государственнаго совѣта и присутствующимъ во второмъ департаментѣ общихъ дѣлъ. Его полезная и разносторонняя дѣятельность отмѣчена цѣлымъ рядомъ наградъ. Среди иностранныхъ орденовъ онъ имѣлъ орденъ Почетнаго Легіона Большаго Креста. Какъ человекъ, покойный отличался необычайной доступностью, отзывчивостью и сердечностью. Будучи дѣтелемъ широкаго кругозора, богатымъ инициативой, онъ цѣнилъ эти качества и въ другихъ. Въ практической жизни онъ интересовался всѣми вопросами, выдвигаемыми этой жизнью. Съ чисто юношескимъ интересомъ онъ относился къ помѣстному быту, стараясь и здѣсь подчинить науку служенію практическимъ потребностямъ и, какъ помѣщикъ, всегда заботился, чтобы потребности сельскаго хозяйства ши-

роко обслуживались желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Широко образованный, онъ былъ удивительно интереснымъ собесѣдникомъ, привлекая къ себѣ окружающихъ утонченной любезностью и доброжелательствомъ. Его обычная скромность оставляла его часто въ тѣни даже тамъ, гдѣ все было сдѣлано его талантомъ и трудами, но это не мѣшало ему работать съ прежней энергіей, потому что ему было дорого любимое дѣло. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 127941.).

† **Притыкинъ, М. Я.** Скончался неутомимый и даровитый работникъ. Жестокая петербургская осень, могущая свалить великана, прервала тяжелую жизнь Максима Яковлевича Притыкина, болѣзненного и измученного человѣка. Ему было всего 43 года. Не такъ давно вступилъ онъ въ семью русскихъ публицистовъ, не такъ давно стали мѣнѣе мучительными для него тиски невзгодъ и тяжелья условія жизни. Родился М. Я. въ Гомель, въ бѣдной еврейской семьѣ. Нужда, въ связи съ другими причинами, тормозила его движеніе на жизненномъ пути, заставляла его искать «какой-нибудь должности» въ то время, когда онъ всей душой рвался въ университетъ, къ источнику высшаго образованія. На тридцатомъ году жизни М. Я. осуществилъ свою давнишнюю мечту—сталъ «старымъ студентомъ» московскаго университета. По окончаніи юридическаго факультета М. Я. прибываетъ въ Петербургъ, въ самый разгаръ періода освободительнаго «Sturm und Drang». Первые пробы пера покойнаго помѣщены на страницахъ «Восхода». Вскорѣ онъ становится близкимъ сотрудникомъ «Сына Отечества» въ пору его наибольшаго вліянія. Въ дни общаго подъема изъ-подъ пера М. Я. выливались одна за другой яркія, воодушевленныя статьи, отмѣченныя печатью публицистическаго темперамента и дарованія. Сотрудничество въ «Сынѣ Отечества» дало покойному имя и обратило на него вниманіе. М. Я. состоялъ также сотрудникомъ «Страны» и «Слова»; нѣкоторыя изъ его статей печатались и въ нашей газетѣ. Кромѣ того, покойный часто печатался въ провинціальныхъ газетахъ. Въ послѣдніе два года М. Я. принадлежалъ къ составу редакціи еврейскаго «Новаго Восхода», въ которой этотъ трудолюбивый и работоспособный публицистъ занялъ мѣсто незамѣнимаго сотрудника, отдававшего этому органу все свои слабыя физическія силы и свой писательскій талантъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 303).

† **Терещенко, А. Н.** Скончавшійся въ Петербургѣ 22 октября крупнѣйшій сахарозаводчикъ юга Россіи Александръ Николовичъ Терещенко въ общественной дѣятельности не принималъ широкаго участія, но продолжалъ широкую благотворительность своего отца, Николы Артемьевича Терещенка. Покойный родился въ гор. Глуховѣ въ 1856 г. и по окончаніи университета поселился въ Кіевѣ, гдѣ въ качествѣ крупнаго землевладѣльца Юго-Западнаго края занялся личными дѣлами, удѣляя время на заботы о многочисленныхъ заведеніяхъ, учрежденіяхъ и обществахъ, въ которыхъ онъ состоялъ почетнымъ, пожизненнымъ или дѣйствительнымъ членомъ. Съ 1883 года онъ состоялъ почетнымъ попечителемъ кіевской 3-й мужской гимназіи въ теченіе 12 лѣтъ, а съ 1895 г. кіевской 1-й гимназіи. Кромѣ того, съ 1887 года покойный состоялъ въ званіи почетнаго мирового судьи кіевскаго судебно-мирового округа, а съ 1899 года почетнымъ мировымъ судьей п. житомирскаго округа. Въ томъ же году былъ на-

значень директоромъ комитета кіевского губернскаго попечительства о тюрьмахъ; съ 1902 года почетнымъ членомъ кіевского губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи. Послѣ смерти отца А. П. принялъ на себя званіе попечителя благотворительныхъ заведеній Глухова, учрежденныхъ на средства его покойнаго отца. Съ 1903 по 1907 годъ состоялъ почетнымъ попечителемъ курскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи. Съ 1903 года состоялъ почетнымъ попечителемъ глуховской мужской гимназіи. Свыше 25 лѣтъ состоялъ членомъ дирекціи, а затѣмъ товарищемъ предсѣдателя кіевского отдѣла императорскаго русскаго музыкальнаго общества. 1 января 1906 г. за особыя заслуги по министерству народнаго просвѣщенія пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Имѣлъ многіе ордена, медаль Краснаго Креста, на нужды котораго онъ пожертвовалъ до 200 тыс. руб. во время русско-японской войны 1904—1905 годовъ. (Некрологъ его. «Новое Время» 1911 г. № 12796).

† **Степановъ, А. Н.** 18 октября, въ 8^{1/2} ч. вечера въ Петербургѣ скончался отъ разрыва сердца симпатичный человекъ и оригинальный художникъ, Александръ Николаевичъ Степановъ. Всѣ, кто бывалъ на собраніяхъ петербургскихъ художниковъ, въ первые дни открытія выставки, навѣрное, помнятъ его небольшую фигуру съ привѣтливымъ ласковымъ лицомъ и добрыми пытливыми глазами. Глухонѣмой отъ рожденія, но чуткій и наблюдательный, Степановъ, несмотря на свой прирожденный недостатокъ, какой-то особенной способностью по движенію рта говорящаго и выраженію лица умѣлъ угадывать смыслъ рѣчей и очень живо своей мимикой и тѣлодвиженіями передавалъ своимъ собесѣдникамъ свою мысль и отношеніе къ тому предмету, о которомъ говорили. Кажется, трудно найти человека, который не встрѣчался бы съ нимъ съ радостью и не былъ бы готовъ посмотреть на него, когда онъ съ удивительной ясностью по-своему передавалъ какую-нибудь сценку изъ жизни различныхъ извѣстныхъ въ кругу художниковъ лицъ, замѣчательно мѣтко копируя ихъ мимику, фигуру и движенія. Въ этомъ отношеніи Степанову могли бы позавидовать лучшіе артисты сцены. Я помню, какъ даже такіе артисты, какъ В. Н. Давыдовъ, безъ удержу хохотали, глядя на «рассказывающаго» нѣмого художника. Его слава въ этомъ отношеніи настолько упрочилась, что однажды великій князь Владимиръ Александровичъ, присутствуя на акварельной пятницѣ, выразилъ желаніе «послушать» Степанова и отъ души хохоталъ, когда этотъ художникъ представилъ торжественный актъ въ академіи художествъ со всѣми профессорами, конференц-секретаремъ и многими художниками, хорошо извѣстными въ своемъ кругу. Такимъ знали Степанова лѣтъ восемь назадъ, когда онъ еще писалъ большіе бытовые жанрики, портреты и т. п., ничѣмъ особеннымъ не отличавшіеся, но въ послѣдніе годы въ его работѣ произошелъ поворотъ. Онъ оставилъ людей, съ которыми ему все-таки было трудно сообщаться, и, по совѣту своего вѣчнаго спутника, очень любимаго имъ брата-офицера Н. Н. Степанова, отдался всецѣло изображенію животныхъ, которыя и до того его постоянно тянули къ себѣ. На выставкахъ все чаще и чаще стали появляться его «куры», «гуси», телята», «коровы». Съ каждымъ годомъ онъ видимо совершенствовался въ этомъ, и уже на послѣднихъ выставкахъ произведенія Степанова имѣли такой успѣхъ,

что рѣдкая картина возвращалась въ мастерскую художника. А. Н. Степанова можно смѣло назвать однимъ изъ нашихъ лучшихъ анималистовъ. Родомъ изъ дворянъ, онъ появился на свѣтъ въ 1861 году, 16 февраля. Его отецъ былъ весьма извѣстнымъ въ пятидесятыхъ годахъ художественнымъ критикомъ и занимался живописью, какъ диллетантъ. Талантъ отца передался сыну, и когда молодой Степановъ окончилъ первымъ петербургское училище для глухонѣмыхъ, то, отдавшись природному влеченію, поступилъ въ 1883 году вольнослушателемъ въ академію художествъ, прошелъ тамъ полный курсъ и вышелъ изъ нея, получивъ званіе художника первой степени. Съ 1892 г. его картины стали появляться на выставкахъ: академической, общества русскихъ акварелистовъ, петербургскаго общества художниковъ и товарищества художниковъ. Почти во всѣхъ названныхъ обществахъ онъ былъ членомъ, точно такъ же, какъ и въ «обществѣ А. И. Куинджи» и «мюсаровскихъ понедѣльниковъ».

Послѣдніе годы А. Н. Степановъ заболѣлъ грудной жабой, первый сильный приступъ которой ярко выразился въ началѣ этого лѣта, и смерть застала художника совершенно неожиданно. Семья Степанова, жена и двое дѣтей, какъ большинство семействъ художниковъ, осталась безъ всякихъ средствъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12792).

† **Стромиловъ, С. С.** 10 октября скончался скоропостижно членъ государственнаго совѣта по выборамъ владимирскаго земства, д. ст. с. Сергѣй Семеновичъ Стромиловъ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ видный общественный дѣятель, сосредоточившій свою дѣятельность около 30 лѣтъ во Владимирской губерніи. Покойный—древняго дворянскаго рода, родился въ 1856 г. По окончаніи курса кавалерійскаго училища онъ началъ военную службу корнетомъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку. Въ составѣ полка участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и отличился храбростью и отвагой въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ непріятелемъ и въ рекогносцировкахъ непріятельскихъ позицій. Въ 1882 г. покойный вышелъ съ чиномъ поручика въ отставку и, поселившись въ своемъ имѣннѣ Владимирской губерніи, отдался всецѣло земскому дѣлу и мѣстному дворянству. Два трехлѣтія онъ избирался участковымъ мировымъ судьей Александровскаго уѣзда, затѣмъ около семи лѣтъ прослужилъ земскимъ начальникомъ и съ 1905 г. беззмѣнно былъ александровскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ качествѣ мирового судьи и земскаго начальника сталкиваясь почти ежедневно съ мѣстными обывателями, преимущественно съ крестьянами, онъ прекрасно изучилъ мѣстныя нужды и обратилъ особое вниманіе на необходимость просвѣщенія крестьянской темной массы путемъ школъ. Состоя гласнымъ александровскаго и калязинскаго уѣздныхъ земствъ и владимирскаго губернскаго, С. С. принималъ особенно живое участіе въ обсужденіи вопросовъ народнаго образованія, всегда высказываясь за ассигнованіе на это дѣло возможно большихъ средствъ. При немъ въ Александровскомъ уѣздѣ количество народныхъ школъ удвоилось, причемъ организація школъ въ хозяйственномъ отношеніи улучшилась. Участвуя въ мѣстномъ училищномъ совѣтѣ, онъ заботился также о лучшемъ подборѣ учительскаго персонала. При его близкомъ участіи была открыта въ Александровскѣ мужская гимназія, вновь перестроено зданіе женской гимназіи, основана александровская

публичная бібліотека, открыть мѣстный отдѣлъ попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи; попечительству покойный пожертвовалъ свой домъ въ Александровскѣ. Во время войны съ Японіей онъ направилъ свою энергію на оказаніе помощи раненымъ, много способствовалъ открытію мѣстнаго отдѣла Краснаго Креста и затѣмъ явился инициаторомъ мѣстнаго общества пособія раненымъ и увѣчнымъ воинамъ и увѣковѣченія памяти павшихъ. Во всѣхъ этихъ общественныхъ учрежденіяхъ покойный состоялъ предсѣдателемъ. Когда въ 1909 г. были выборы въ члены государственнаго совѣта, С. С., пользуясь заслуженной репутацией выдающагося дѣятеля, былъ избранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ въ государственный совѣтъ отъ владимирскаго земства. Умеръ онъ отъ паралича сердца. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12782).

† **Юзефовичъ, Б. М.** 19 октября въ Кіевѣ скончался Борисъ Михайловичъ Юзефовичъ, игравшій въ теченіе многихъ лѣтъ видную роль въ жизни Кіева и напечатавшій много статей и брошюръ по различнымъ вопросамъ. Наибольше яркій періодъ его дѣятельности наступилъ, когда онъ, въ восьмидесятихъ годахъ, занялъ должность кіевского цензора. Лѣтопись кіевской печати сохранила много разказовъ объ его цензорскихъ приемахъ. Разъ ему не понравилась сказанная публично однимъ важнымъ кіевскимъ генераломъ рѣчь, которая была представлена ему, какъ цензору одной изъ кіевскихъ газетъ. Б. М. Юзефовичъ не только вычеркнулъ эту рѣчь, но и сдѣлалъ помѣтку: «Къ чему печатать глупыя рѣчи этого стараго дурака!» Въ другой разъ ему не понравился какой-то циркуляръ генераль-губернатора графа А. П. Игнатьева, который собирались напечатать кіевскія газеты. Б. М. Юзефовичъ запретилъ печатать и на этотъ циркуляръ, какъ и на генеральскую рѣчь, сдѣлалъ помѣтку: «Къ чему печатать эти глупости!» Какъ-то имъ были дозволены для печати въ кіевскомъ журналѣ «Кіевская Старица» мемуары, въ которыхъ упоминалось объ одномъ изъ его предковъ. Разрѣшая къ печати эти мемуары, Юзефовичъ, очевидно, не прочелъ ихъ внимательно, а когда книжка «Кіевской Старинѣ» съ этими мемуарами вышла уже изъ печати, поднялъ бурю изъ-за нихъ и напечаталъ на нихъ опроверженіе въ «Кіевлянинѣ». Авторъ мемуаровъ пытался отвѣтить Юзефовичу въ томъ же «Кіевлянинѣ», но Юзефовичъ, пользуясь своей цензорской властью, вычеркнулъ въ его отвѣтѣ главнѣйшіе и сильнѣйшіе доводы, хотя въ этихъ доводахъ ничего нецензурнаго не было. Всѣ эти выпадъ поколебали служебное положеніе Юзефовича и, когда, наконецъ, онъ незаконно конфисковалъ номеръ «Кіевлянина», ему пришлось оставить цензорскую должность. Благодаря поддержкѣ тогдашняго дворцоваго коменданта генерала Гессе, друга дѣтства Юзефовича по Кіеву, Юзефовичъ былъ причисленъ къ собственной канцеляріи Его Величества. Служба въ канцеляріи, Б. М. часто пріѣзжалъ въ Кіевъ и подолгу жила тамъ. Иногда онъ получалъ порученія по канцеляріи, но главнымъ образомъ занимался составленіемъ различныхъ проектовъ, которые не получали осуществленія. Когда управляющимъ канцеляріи по принятію прошеній, приносимыхъ на высочайшее имя, былъ назначенъ покойный Сипягинъ, въ послѣдствіи мѣнистъ внутреннихъ дѣлъ, Б. М. Юзефовичъ занялся выработкой проекта преобразованія этой канцеляріи въ учрежденіе, которое

контролировало бы дѣятельность всѣхъ правительственныхъ органовъ и разбирало бы жалобы на всѣ эти органы и на рѣшенія судовъ. Сипягинъ первоначально отнесся очень сочувственно къ проекту Юзефовича, но затѣмъ охладѣлъ къ его затѣѣ. Въ половинѣ 1905 года, когда извѣстный дѣятель политическаго сыска за границей Рачковскій былъ переведенъ изъ Парижа въ Петербургъ въ департаментъ полиціи, Юзефовичъ, по рекомендаціи Рачковскаго, былъ назначенъ агентомъ въ Парижъ. Тамъ онъ пробылъ въ этой роли всего мѣсяца два, и, вернувшись въ Кіевъ, рассказывалъ, что онъ считалъ своей главной задачей въ Парижѣ доставлять парижскимъ газетамъ вѣрныя свѣдѣнія о Россіи, но ни одна тамошняя газета, по его словамъ, не хотѣла печатать его статей, замѣтокъ и писемъ въ редакцію. Въ разгаръ революціоннаго движенія онъ принялъ дѣятельное участіе въ кіевскихъ правыхъ организаціяхъ и одно время издавалъ въ Кіевѣ монархическую газету «Законъ и Правда». Деньги на основаніе этой газеты были даны однимъ изъ богатыхъ кіевскихъ помѣщиковъ, а затѣмъ, когда эти деньги были израсходованы, Юзефовичъ обращался за денежной поддержкой къ кіевскому губернатору; полученіе имъ поддержки изъ казны не мѣшало ему рѣзко нападать въ газетѣ на генералъ-губернатора и министровъ. Ратуя противъ революціоннаго движенія, Б. М. Юзефовичъ слалъ одну телеграмму за другой въ Петербургъ, а иногда и къ иностраннымъ коронованнымъ особамъ. Въ 1906 году онъ былъ избранъ почетнымъ предсѣдателемъ монархическаго съѣзда въ Кіевѣ. Вскорѣ онъ перессорился съ кіевскими правыми организаціями, газету за недостаткомъ средствъ пришлось прекратить, и онъ заперся въ своей квартирѣ, напоминающей музей, со старинной барской мебелью, со старинными картинами и портретами предковъ, со множествомъ изящныхъ старинныхъ вещей. Изрѣдка онъ печаталъ свои «Политическія письма», въ которыхъ выступалъ противъ евреевъ и нападалъ на новый строй, на графа Витте, Столыпина и на многихъ другихъ, иногда выступая на страницахъ «Русскаго Знамени» и «Земщины». Главнымъ своимъ врагомъ онъ считалъ графа Витте, часто ополчался и противъ князя Мещерскаго. Онъ сталъ уходить въ тѣнь, въ послѣдніе 2—3 года ужъ онъ не выдвигался впередъ въ кіевской жизни, силы стали измѣнять ему. Недавно онъ вызвалъ на дуэль директора кіевскаго корпуса, но дуэль не состоялась, директоръ корпуса, несмотря на всѣ жалобы Юзефовича, былъ признанъ правымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и дѣйствительно былъ правъ. Проигрышъ этого дѣла былъ большимъ ударомъ для самолюбія покойнаго. Человѣкъ весьма подвижной, начитанный и бойко владевшій перомъ, интересный салонный собесѣдникъ, человѣкъ большого трудолюбія, часто проводившій нѣсколько дней и ночей кряду за письменнымъ столомъ, Б. М. Юзефовичъ вслѣдствіе своего политическаго фантазерства, рѣзкости и несдержанности не сумѣлъ сдѣлать служебной карьеры, которая ему не разъ улыбалась, не сумѣлъ оставить послѣ себя глубокаго и прочнаго слѣда, но во всякомъ случаѣ въ лицѣ Юзефовича съ горизонта кіевской жизни сошла яркая личность, хорошо извѣстная Кіеву и всему Юго-Западному краю, сошелъ въ могилу человѣкъ, иногда игравшій роль и въ петербургскихъ сферахъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12793).

† **Явейнъ, Л. Ю.** 25 октября въ Петербургѣ скончался извѣстный общественный дѣятель, преподаватель петербургскаго технологическаго института Л. Ю. Явейнъ. Покойный родился въ 1854 году. По окончаніи петербургскаго университета, въ началѣ 90-хъ годовъ онъ въ качествѣ ассистента работалъ по химіи у извѣстнаго профессора Бейльштейна, читавшаго лекціи въ технологическомъ институтѣ. Впослѣдствіи Л. Ю. былъ назначенъ преподавателемъ института по курсу аналитической химіи. Съ институтомъ онъ не разставался до послѣдняго времени. Недавно въ тѣсномъ кругу сослуживцевъ Л. Ю. былъ скромно отпразднованъ 30-лѣтній юбилей педагогической дѣятельности. Л. Ю. пользовался большою популярностью среди профессоровъ и студентовъ института. Л. Ю. Явейнъ извѣстенъ и какъ общественный дѣятель: онъ состоялъ председателемъ 2-го отдѣла вольно-экономическаго общества, членомъ императорскаго русскаго техническаго общества и председателемъ нарвскаго общества образованія вплоть до его закрытія. Послѣднее время Л. Ю. страдалъ болѣзнью пищевыхъ органовъ. Онъ умеръ 57 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1911 г., № 239.).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Брызги памяти».

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщена между прочимъ статья Е. В. Корша подъ названіемъ «Брызги памяти». Одна изъ этихъ «брызгъ» попала въ славное имя замѣчательной русской артистки и оперной пѣвицы покойной Александры Григорьевны Меньшиковой, обладавшей феноменальнымъ голосомъ и рѣдкимъ артистическимъ дарованіемъ.

Авторъ указанной статьи приводитъ въ ней слова композитора Сѣрова, который будто бы сказалъ, что у Меньшиковой прекрасный и звучный голосъ, но плохой музыкальный слухъ, что она не слышитъ оркестра даже въ «Жизни за паря», нестерпимо детонируетъ отъ начала до конца въ этой партіи, которую поетъ десятокъ лѣтъ, если не больше, что Направникъ не разъ говорилъ Сѣрову, что измучился ловить ее, когда она разоидется съ оркестромъ, и что онъ, Сѣровъ, не совѣтуетъ ей братья за «Юдиѣ», такъ какъ можетъ выйти большой и позорный скандалъ, да и самъ Направникъ не согласится дирижировать «Юдиѣ» съ Меньшиковой. Въ заключеніе къ этому г. Коршъ прибавляетъ, что Меньшикова такъ и не пѣла никогда «Юдиѣ». (Стр. 165).

Не смѣю судить, насколько соотвѣтствуетъ истинѣ то, какъ отозвался, по словамъ г. Корша, о Меньшиковой композиторъ Сѣровъ, но если онъ дѣйствительно такъ говорилъ въ свое время про нее въ кругу артистовъ (Леоновой, Саріоти и др.), то всякій, кто только слышалъ на сценѣ Александру Григорьевну Меньшикову и кто помнитъ еще ея чарующій голосъ, подтвердить, что все сказан-

ное Сѣровымъ представляется не больше, какъ злой клеветой. Мало того, вопреки заявленію г. Корша о томъ, будто Меньшикова никогда не пѣла «Юдиои», я считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что это неправда. Александра Григорьевна Меньшикова, которую я зналъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, неоднократно выступала въ оперѣ Сѣрова въ роли Юдиои вмѣстѣ съ Корсовымъ, исполнявшимъ тогда роль Олоферна, и при томъ оба съ колоссальнымъ успѣхомъ, приводя въ восторгъ весь театръ и вызывая громъ аплодисментовъ. Кстати замѣчу, что «Юдиобъ», какъ и «Жизнь за царя» и многія другія оперы, исполнялась Меньшиковой, благодаря чрезвычайно обширному діапазону ея голоса, безъ всякаго транспонированія этихъ ролей. Въ моей полной коллекціи фотографій Александры Григорьевны Меньшиковой сохранилось нѣсколько прекрасныхъ портретовъ ея работы Вергамаско въ роли Юдиои, изъ которыхъ одинъ изображаетъ артистку въ очень эффектной позѣ съ опущеннымъ мечомъ въ одной рукѣ и съ отрубленной головой Олоферна—въ другой.

Кирсановъ.

былъ оторванъ. Сквозь разорванную рубашку видна была страшная рана, въ глубинѣ которой виднѣлась обнажившаяся кость. Кровь лилась ручьемъ. Онъ остановилъ ее, перевязавъ руку платкомъ повыше локтя.

Затѣмъ онъ сталъ осматриваться кругомъ. Въ лавкѣ не уцѣлѣло ни одного окна. Вся мебель была разбита вдребезги. Лавочникъ съ оторванной головой лежалъ въ лужи крови. Его жена осталась на стулѣ въ сидячемъ положеніи, но она также была мертва.

Санъ-Режанъ въ ужасѣ, едва держась на дрожавшихъ ногахъ, поднялся на нѣсколько ступеней, которыя спасли его, защитивъ отъ сотрясенія. Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на несчастныхъ, которые корчились на мостовой, прося помощи. Полиція была уже здѣсь. Прибѣжавшіе изъ Тюильери гвардейцы оказывали раненымъ первую помощь и поднимали ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ все, что осталось на мѣстѣ покушенія, будетъ предметомъ судебного слѣдствія.

Санъ-Режанъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе и поддерживая лѣвой рукой правую, бросился въ улицу Санъ-Никезъ, почти бѣгомъ добѣжалъ до улицы Сентъ-Оноре и здѣсь, чувствуя себя въ безопасности, укрылся въ какія-то ворота, чтобы обдумать свое положеніе.

Что теперь ему дѣлать? Тяжело раненый, истекая кровью, найдеть ли онъ въ себѣ силы добраться до улицы Дракона и укрыться у самоотверженной Виргиніи Грандо? Онъ чувствовалъ, что по дорогѣ онъ упадетъ. Можетъ быть, онъ и умретъ здѣсь? Нѣтъ, рана его не была смертельна. Очевидно, его подберутъ прохожіе и отправятъ его въ полицію, тамъ все обнаружится, и его будутъ судить за содѣянное преступленіе. Развѣ взять извозчика, который отвезъ бы его на улицу Дракона? Но что сказать извозчику, который, конечно, изъ состраданія къ раненому примется разспрашивать его, а завтра передастъ о всѣхъ этихъ разговорахъ другимъ и такимъ образомъ наведетъ полицію на слѣдъ? Нѣтъ, нечего и думать добраться до убѣжища такимъ путемъ. Оставался домъ Лербуровъ. Конечно, и этотъ планъ былъ сопряженъ съ опасностями, но все-таки онъ устранялъ много трудностей. Во-первыхъ, не нужно было далеко ѣхать. Санъ-Режанъ былъ въ ста шагахъ отъ дверей магазина Лербура. Хорошій пріемъ былъ здѣсь обезпеченъ, благодаря дружбѣ съ мужемъ, а за безопасность ручалась преданность жены. Тамъ можно будетъ провести нѣсколько дней, пока не уляжется шумъ и явится возможность добраться до Бретани, гдѣ онъ будетъ въ безопасности. Но среди всѣхъ этихъ заботъ его особенно угнетала одна мысль: каковъ былъ результатъ его покушенія? Погибъ ли первый консулъ въ огнедышащемъ вулканѣ, который онъ развелъ у него подъ ногами? На мѣстѣ не было никакихъ слѣдovъ кареты. Были только убитыя лошади и солдаты, барахтавшіеся между ихъ трупами.

Санъ-Режану не было времени осмотрѣть мѣсто дѣйствія и послѣдствія взрыва. И вотъ, стоя подъ воротами въ темнотѣ, онъ смотрѣлъ, какъ мало-по-малу на площади, покрытой трупами, разсѣивался ѣдкій дымъ. Онъ слышалъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздавались крики призыва, и невольно задавалъ себѣ вопросъ: «достигъ ли я своей цѣли? удалось ли мнѣ его убить?»

Отвѣтъ дали двое прохожихъ, которые быстро шли отъ церкви Св. Роха.

— Онъ чудомъ спасся отъ смерти,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Я видѣлъ, какъ онъ прибылъ въ оперу. Его карета была вся изрѣшета. У Бессьера платье было въ крови.

— Ну, идемъ скорѣе. На улицахъ теперь нечего дѣлать. Начали арестовывать рѣшительно всѣхъ...

Мысли Санъ-Режана словно заволокло туманомъ, и у него въ головѣ засѣло только одно: начали арестовывать всѣхъ. Надо было прежде всего найти себѣ гдѣ-нибудь убѣжище. Онъ направился дальше, къ магазину «Bonnet Bleu».

Было около девяти часовъ, когда онъ постучалъ въ ворота, ведущія на дворъ.

— Кого вамъ?—спросилъ вышедшій на стукъ привратникъ.

— Гражданина Лербура.

Несмотря на темноту, привратникъ узналъ его и сказалъ:

— А, это вы, гражданинъ Леклеръ. Пожалуйста. Хозяинъ только что вышелъ, чтобы разузнать всѣ слухи. Но гражданка Лербуръ дома. Вы знаете, что произошло?

— Да. Покушались убить перваго консула —

— Разбойники! Это все дѣтища террора! Ихъ надо истребить съ корнемъ!

Санъ-Режанъ уже поднимался по лѣстницѣ, которая вела въ квартиру Лербуровъ. У двери онъ позвонилъ. Она тотчасъ отворилась и въ полуосвѣщенной передней онъ увидѣлъ Эмилию. Онъ глубоко вздохнулъ и поднялъ руки вверхъ, какъ бы благословляя, и, почти теряя сознание, опустился на кушетку.

Эмилиа закрыла дверь, охватила его руками и быстро заговорила:

— Я здѣсь одна. Я услала мужа, чтобы разузнать о происшествіи. У меня была тайная надежда, что ты вернешься и я тебя увижу еще разъ. Боже мой, какъ это ужасно! Ты весь въ крови. Несчастный, что ты надѣлалъ? Весь этотъ шумъ, крики!.. Ты всему причина... Ты едва не погубилъ самого себя. Не оставайся здѣсь. Иди въ нижній этажъ. Тамъ нѣтъ никого. Служитель при магазинѣ отпущенъ въ гости до послѣзавтра. Не смотри на меня такъ. Можно подумать, что ты совсѣмъ умираешь.

Санъ-Режанъ терялъ сознание. Она привела его въ чувство своими ласками и ухаживаніемъ. Потомъ она стала изо всѣхъ силъ его поддерживать.

— Прежде всего надо подняться въ комнату, гдѣ ты проведешь ночь. Здѣсь тебя не будутъ искать. За ночь ты можешь отдохнуть.. А завтра мы увидимъ... О, какъ я рада, что ты уцѣлѣлъ среди такихъ страшныхъ опасностей. Но иди скорѣе. Мой мужъ того и гляди вернется. Нужно тебя уложить скорѣе...

Она тихо и осторожно повела его въ мансарду, гдѣ онъ будетъ въ полной безопасности.

XII.

Прибывъ въ оперу, первый консулъ, даже не взглянувъ на свою карету, прошелъ черезъ вестибюль прямо въ свою ложу. Ланнъ и Бессьеръ слѣдовали за нимъ. Въ коридорахъ не было никого—ораторія уже началась. Гара и m-me Барбе-Вальбоннъ, пѣвшіе главныя партіи, были уже на сценѣ.. Бонапартъ остановился въ глубинѣ ложи и, глядя на обоихъ генераловъ, въ первый разъ высказалъ свое мнѣніе относительно покушенія:

— Эти негодяи хотѣли взорвать меня.

Затѣмъ, совершенно хладнокровно, обернувшись къ Бессьеру, онъ прибавилъ:

— Пожалуйста, принесите мнѣ либретто ораторіи.

Въ это время въ ложу вошла испуганная, блѣдная Жозефина. Ея платье было въ крови. За ней появились Гортензія, слегка раненая въ лицо осколкомъ стекла, и Каролина Мюратъ, оставшаяся невредимой.

Жозефина бросилась къ мужу и схватила его за плечи.

— Ты не убитъ? Какое чудо! Мы видѣли, что твоя карета была вся въ пламени. Мы ѣхали сзади шагахъ въ двадцати и у нашей кареты разлетѣлись вдребезги всѣ стекла.

— Ты очень испугалась?

— Только за тебя. Гортензія закричала отъ боли. У ней поранило лицо. M-me Мюратъ выказала себя такимъ же храбрецомъ, какъ и ея мужъ. Впрочемъ, полковникъ Раппъ сказалъ намъ, что, если съ перваго раза насъ не убило, то больше опасности нѣтъ.

— Это дѣтища террора устроили все это,—сказалъ Бонапартъ.

Въ этотъ моментъ среди публики произошло движеніе, и въ залѣ поднялся шумъ отъ разговоровъ. Извѣстіе о покушеніи распространилось, и публика гораздо болѣе интересовалась тѣмъ, что рассказывали вновь прибывающіе, чѣмъ ораторіей.

Бонапартъ понялъ все, что происходило. Какъ бы для того, чтобы окончательно объяснить происходившее волненіе, Бессьеръ, подавая программу, сказалъ:

— Генералъ, разнесся слухъ, что вы ранены. Вамъ нужно показаться въ залѣ.

Первый консулъ сдѣлалъ шага три и подошелъ къ барьеру своей ложи. Его красивая властная голова рѣзко выдѣлялась на

темномъ фонѣ бархатной драпировки. Отъ партера до галерен поднялись неистовые крики. Всѣ стояли, крича: «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

Женщины аплодировали. Музыка смолкла. Первый консуль привѣтствовалъ зрителей поклономъ, далъ жестомъ понять, что онъ благодаритъ всѣхъ, и сѣлъ. Возлѣ него сѣли Жозефина, Гортензія и Кароллина. Представленіе продолжалось. Какъ только спустили занавѣсъ, въ коридорахъ театра началась давка, всѣ ходили туда и назадъ, образовывались отдѣльныя группы.

На представленіе явилось немало лицъ, занимавшихъ официальное положеніе. Реаль, Тибодо и Лербенъ бросились къ консульской ложѣ. Камбасаресъ, сидя въ своей ложѣ въ бельэтажѣ, разносилъ префекта полиціи Дюбуа, испуганнаго послѣдствіями, которыя это покушеніе будетъ имѣть и для него лично. Не было только Фуше, и Реаль не безъ ехидства обратилъ вниманіе консула на это обстоятельство.

— Министръ полиціи настолько не подозрѣвалъ всего, что случилось, что, по всей вѣроятности, мирно почиваетъ въ своей постели.

Первый консуль сдѣлалъ видъ, что онъ не слыхалъ этихъ словъ.

Но его блѣдное лицо сдѣлалось сѣрымъ, губы сжались такъ плотно, что почти совсѣмъ исчезли. Весьма кстати вошелъ Камбасаресъ съ несчастнымъ Дюбуа, который съезжился какъ только могъ, чтобы не навлечь на себя взгляда перваго консула.

— Ну, Камбасаресъ,—сказалъ Бонапартъ,—вы едва не сдѣлались первымъ консуломъ!

— Провидѣніе, видимо, пощадило Францію въ нашемъ лицѣ, генераль.

Несмотря на свою религіозную окраску, фраза Камбасареса до такой степени соотвѣтствовала мыслямъ всѣхъ окружающихъ, что со всѣхъ сторонъ послышались одобренія. Жозефина сложила молитвенно руки и отважно сказала:

— Богъ совершилъ чудо для насъ.

Тутъ было съ полдюжины прежнихъ якобинцевъ, которые вотировали за казнь короля и не разъ отправляли священниковъ на гильотину. Ни одинъ изъ нихъ не отозвался. Только Ланнъ въ своемъ углу порботалъ:

— Подождите еще, посмотримъ дальше, что сдѣлаетъ Богъ.

Бессьеръ, болѣе приспособленный ко двору, толкнулъ локтемъ въ бокъ товарища.

— Вы останетесь до конца представленія, генераль?—началь опять Камбасаресъ.

— Нѣтъ, я хочу вернуться въ Тюильри. Вы поѣдете со мной, Камбасаресъ. Пошлите за гражданиномъ Фуше. Жозефина, ты мо-

жешь остаться здѣсь съ дамами, если хочешь. Я оставлю съ тобой Бессьера и Раппа.

— Нѣтъ. Для меня нѣтъ никакого удовольствія слушать теперь музыку. Кромѣ того, надо сдѣлать перевязку Гортензін. Мнѣ страшно самой себя, когда я вижу кровь на платьѣ. Наконецъ, я не хочу оставлять тебя...

— Ну, хорошо. Тогда ѣдемъ.

И онъ направился по коридорамъ театра, идя впереди своей семьи, своихъ генераловъ и чиновниковъ. При его приближеніи всѣ снимали шляпы и привѣтствовали его криками. А онъ шелъ спокойно и просто въ своемъ мундирѣ почти безъ всякихъ нашивокъ, составлявшемъ такой контрастъ съ блестящими мундирами его свиты. Онъ улыбнулся только гвардейскому солдату, который въ вестибюлѣ радостно отдалъ ему честь.

Но, пріѣхавъ въ Тюильри, онъ разразился гнѣвомъ. Тамъ онъ не считалъ нужнымъ сдерживать себя и, быстро ходя по комнатамъ нижняго этажа, какъ бы чувствуя потребность въ физическихъ движеніяхъ, которыя всегда сопровождаютъ сильныя потрясенія, кричалъ:

— Я дамъ хорошій урокъ! Надо наконецъ, чтобы около меня было безопасно, и чтобы сотнямъ людей, которыя являются привѣтствовать меня на улицахъ Парижа, не приходилось рисковать жизнью за это. Я не говорю о себѣ. Принимая власть, я вмѣстѣ съ нею подвергъ себя и всѣмъ опасностямъ. Я знаю очень хорошо, что революціонеры ненавидятъ меня такъ же, какъ и разбойники. Своими порядками я стѣсняю и тѣхъ и другихъ. А тѣ еще злятся на меня за то, что имъ не удастся привезти сюда своего короля. Но я ихъ всѣхъ раздавлю, бѣлыхъ и красныхъ. И наказаніе будетъ такое, что у всѣхъ пропадетъ охота браться за то же.

Онъ остановился, чтобы перевести духъ. Тяжелое молчаніе водворилось въ комнатѣ. Никто не рѣшался возражать ему, а между тѣмъ тутъ были всѣ первыя лица государства.

— Въ теченіе года это уже четвертый разъ покушаются меня убить,—заговорилъ опять Бонапартъ, принимаясь ожесточенно ходить.—Но это будетъ послѣдній. Я знаю, тутъ виноваты приверженцы террора. Я еще на дняхъ говорилъ объ этомъ Фуше, онъ не вѣритъ этому. У него на это свои соображенія. Всѣ тѣ, которые виновны, его прежніе соучастники, а многіе остались съ нимъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ.

Дверь полуотворилась. На всѣхъ напалъ какой-то столбнякъ. Даже самъ первый консулъ остановился и смолкъ.

Вошелъ тотъ, кого онъ только что обвинялъ. Блѣдно-зеленый, худой, съ тусклыми, устремленными въ пространство глазами, Фуше направился къ первому консулу. Не доходя шаговъ десяти,

онъ сдѣлалъ низкій поклонъ и сталъ дожидаться, пока тотъ заговорить съ нимъ.

Бонапартъ, закрывъ глаза, казалось, собирался съ мыслями. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ совершенно неподвижно, потомъ вдругъ сдѣлалъ рѣзкій жестъ, отъ котораго кровь прилила ему къ лицу, и, взявъ Фуше подъ руку, пошелъ въ конецъ залы, какъ бы не желая, чтобы присутствующіе слышали, что онъ будетъ говорить.

— Ну-съ. Видите, какъ близко было то, чего я боялся. Мои свѣдѣнія оказались болѣе точными, чѣмъ ваши. И вы чуть не допустили, чтобы меня убили. Можете поздравить себя съ тѣмъ, что я спасся только благодаря счастливой случайности. Если бъ я былъ убитъ, народъ разорвалъ бы васъ на куски.

Фуше сдѣлалъ гримасу, которая разсердила Бонапарта. Онъ отошелъ отъ министра и снова началъ ходить по комнатамъ.

— Ваша полиція нелѣпа, она не лучше полиціи при старыхъ порядкахъ. На дняхъ я замѣню васъ однимъ изъ моихъ жандармовъ. И тогда вы увидите, что дѣло пойдетъ иначе. Послѣ десятилѣтнихъ волненій и безумной экзальтаціи наша страна нуждается въ спокойствіи, и она рассчитываетъ въ этомъ случаѣ на меня. Я не премину исполнить задачу, которую она на меня налагаетъ. Всякіе интриганы и агитаторы будутъ преслѣдоваться безпощадно. Я не потерплю, чтобы вели торговъ о цѣнѣ общественной безопасности, и подвергну отвѣтственности за нерадѣніе или даже измѣну всѣхъ, которые не умѣютъ ничего разузнать и предупредить.

При этихъ словахъ, означавшихъ, что министръ полиціи впалъ въ немилость, вокругъ него быстро образовалась пустота. Но онъ стоялъ совершенно спокойно и, казалось, не слыхалъ угрозы перваго консула. Онъ прислонился къ камину и ждалъ, пока буря пройдетъ.

Мало-по-малу Бонапартъ заговорилъ спокойнѣе. Видно было, что выраженія ея были болѣе обдуманы и гнѣвъ его утихалъ.

— На этотъ разъ меня не удастся болѣе провести,—заговорилъ онъ.—Для меня нѣтъ сомнѣній, что тутъ не шуаны, не эмигранты, не бывшіе дворяне и не бывшіе поны. Я знаю виновниковъ этого покушенія и сумѣю до нихъ добраться.

И, говоря такъ, пристально посмотрѣлъ на Фуше. Бывшій членъ конвента поджалъ губы и покачалъ головой. Бонапартъ ринулся прямо на него и, пожирая его своими огненными глазами, спросилъ въ упоръ:

— Вы несогласны со мной? Вамъ что-нибудь извѣстно? Объясните.

Они стояли одинъ въ концѣ обширной комнаты. Они были предметомъ живѣйшаго любопытства, но въ то же время исполнѣ защищены отъ него. Фуше рѣшился отвѣтить:

— Я знаю, кто виновники этого покушенія. До истеченія этой же недѣли они всѣ будутъ у меня въ рукахъ. Не будь одного обстоятельства, какъ это часто случается съ людьми, они были бы схвачены

раньше, чѣмъ имъ удалось исполнить ихъ злодѣйскій умыселъ.

— Все роялисты, товарищи Жоржа?

— Послѣднія событія подтверждаютъ, что мои свѣдѣнія совершенно вѣрны.

— Берегитесь, Фуше, если вы играете со мной! На этотъ разъ вы отправитесь, подобно другимъ, въ Синнамари.

— Генераль, относительно себя лично мнѣ нечего бояться. Я увѣренъ въ томъ, что говорю. Но я тѣмъ не менѣе не премину собрать свѣдѣнія о тѣхъ, кого вы подозрѣваете. Изъ революціонеровъ еще остался кое-кто, они вѣчно князятъ и угрожаютъ обществу порядку....

— Ага, вотъ видите! Какимъ же образомъ эти люди могутъ собираться и совѣщаться безнаказанно? Они собираются въ масонскихъ ложахъ... Вамъ это извѣстно... Всѣ эти злодѣи будутъ отправлены въ ссылку, подалеже отъ Франціи. Государственный совѣтъ завтра же издастъ указъ... Я не хочу, чтобы воздвигались опять эшафоты... Но необходимо истребить совершенно это отродье..

Въ эту минуту, когда пріѣзжали и уѣзжали высшіе чиновники, дипломатическіе представители, военные, явившіеся засвидѣтельствовать первому консулу свою преданность, вошелъ префектъ полиціи Дюбуа. Фуше терпѣть не могъ этого человѣка. Насмѣшливымъ жестомъ онъ показалъ на него Бонапарту.

Рѣзкимъ голосомъ первый консулъ сталъ разспрашивать несчастнаго, который напрасно старался бормотать какія-то несвязныя извиненія.

— Не отъ васъ зависѣло помѣшать успѣху этихъ разбойниковъ? Какимъ образомъ они могли получить порохъ, котораго было достаточно, чтобы взорвать цѣлый кварталъ? Гражданинъ Дюбуа, если бѣ я былъ префектомъ полиціи и со мной случилась такая исторія, я умеръ бы отъ стыда.

Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиной. Дюбуа стоялъ, какъ громомъ пораженный.

Бонапартъ, какъ будто изливъ наконецъ весь свой гнѣвъ, сказалъ Фуше:

— Съ сегодняшняго же вечера займитесь этимъ дѣломъ. Населеніе Парижа должно немедленно получить безопасность. Помните, что только успѣхъ будетъ для меня доказательствомъ вашей преданности.

Фуше поклонился и, пробравшись черезъ толпу придворныхъ, которые разступились, чтобы пропустить его, вышелъ въ вестибюль. Тамъ онъ нашелъ дожидавшагося его секретаря Виллье и, опираясь на руку молодого человѣка, спокойно, какъ будто онъ въ полной милости у своего начальства, усѣлся въ свою карету.

Когда они тронулись въ путь, Фуше сказалъ своему спутнику:

— Одинъ моментъ я думалъ, что онъ разорветъ меня. Если бы я сталъ ему противорѣчить, онъ арестовалъ бы меня... Да и теперь еще...

Виллье показаль ему пару пистолетовъ, которые всегда носилъ подъ пальто, и сказалъ:

— Я это предвидѣлъ. Васъ не схватили бы безъ сопротивленія..

На мрачномъ лицѣ Фуше скользнула улыбка. Онъ благосклонно покачалъ головой.

— Вы такъ преданы мнѣ, Виллье?

— Да, гражданинъ-министръ.

Улыбка исчезла съ лица Фуше.

— Да, я еще министръ.

Онъ, повидимому, погрузился въ свои мысли. Потомъ онъ дернулъ за веревку, привязанную къ рукѣ кучера, и приказаль ему остановиться.

— Поѣзжайте сію минуту въ больницу Милосердія, — сказалъ онъ Виллье. — Дѣйствуйте отъ моего имени. Спросите, въ какомъ положеніи находится тамъ нѣкій Браконно, получившій огнестрѣльную рану въ грудь. Если онъ еще не умеръ, сейчасъ же возвращайтесь ко мнѣ обратно. Я тогда поѣду самъ завтра утромъ, чтобы лично его допросить. Передайте директору больницы, что необходимо принять всѣ мѣры, чтобы этотъ больной могъ мнѣ отвѣчать.

Секретарь вышелъ изъ кареты, а Фуше вернулся къ себѣ и легъ спать.

Пока эти событія разыгрывались въ Тюильри, гражданинъ Лербуръ, встревоженный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось услышать дорогой, и испуганный зрѣлищемъ на Шартрекой улицѣ, послѣшно вернулся къ себѣ въ магазинъ «Bonnet Bleu», чтобы поскорѣе рассказать женѣ, какая ужасная бойня произошла при проѣздѣ перваго консула. Эмилиа приняла его съ таинственнымъ видомъ. На его возгласы она отвѣчала предостерегающимъ «шш!..», а затѣмъ, видя его недоумѣніе, повлекла его къ себѣ въ комнату. Увѣрившись, что здѣсь ее никто не слышитъ, кромѣ мужа, она сказала:

— Въ твое отсутствіе случилось нѣчто ужасное.

— Что такое?

— Къ нашей двери подошелъ Викторъ Леклеръ, весь въ крови и едва дыша...

— А, несчастный! онъ былъ раненъ при этой ужасной катастрофѣ. А ты позвала доктора?

— Это невозможно!

— Почему?

— Вотъ въ чемъ весь ужасъ положенія. Викторъ Леклеръ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, и если его присутствіе будетъ открыто, то это создастъ для него большую опасность, а на насъ навлечетъ огромныя непріятности.

— Но моя благонамѣренность достаточно извѣстна!—вскричалъ Лербуръ.

— Тише!—испуганно прервала его Эмилиа.—Тутъ дѣло идетъ объ его головѣ.

— Боже великій! Неужели этотъ серьезный малый принималъ участіе въ заговорѣ?

— Онъ былъ вовлеченъ въ него, онъ поддался гибельнымъ вліяніямъ. Словомъ, теперь ужъ поздно разсуждать о томъ, что совершилось: онъ замѣшанъ въ преступленіи, которое совершилось сегодня.

— Онъ! Такой кроткій и любезный человѣкъ! Какъ онъ насъ обманулъ! Но это покушеніе чудовищно. Тамъ груды убитыхъ. Ранены женщины, дѣти... Кто бы могъ подумать, что это Леклеръ...

— Дѣло очень просто. Если мы отправимъ его отсюда, онъ погибъ. Онъ не успѣетъ дойти до угла улицы, какъ полиція уже схватитъ его. Патрули ходятъ по всему кварталу...

— Кто говоритъ о томъ, чтобы его отправить отсюда? Я могу проклинать его проклятое дѣло. Но отъ этого до выдачи еще далеко..

— Однако онъ не можетъ же оставаться здѣсь. Завтра его присутствіе будетъ открыто. Жеромъ, служитель при нашемъ магазинѣ, къ счастью, не ночуетъ сегодня въ своей комнатѣ. Но, вернувшись, онъ, конечно, замѣтитъ, что у него есть сосѣдъ. Онъ станетъ любопытствовать, начнетъ говорить, и все обнаружится. Нужно завтра же утромъ отправить Леклера.

— Но куда?

— Въ надежный домъ, до котораго онъ не сможетъ добраться сегодня. Но завтра утромъ ты можешь самъ отвезти его туда.

— Какимъ же образомъ?

— Я куда-нибудь пошлю Жерома часовъ въ восемь, а предварительно велю ему привезти къ заднему крыльцу нашу магазинную повозку. Мы вынесемъ Виктора Леклера и усадимъ его въ повозку. Въ это время наши мастерицы еще не приходятъ, мы можемъ дѣйствовать на свободѣ. Ты сядешь на козлы и поѣдешь въ улицу Дракона. Тамъ на углу улицы Юшеттъ Викторъ Леклеръ выйдетъ изъ кареты и тебѣ останется только вернуться обратно.

— А если меня арестуютъ по дорогѣ?

— Здѣсь тебя хорошо знаютъ и не сдѣлаютъ этого! А разъ ты будешь далеко отъ мѣста покушенія, то кому придетъ это въ голову? Наконецъ, надо рискнуть, чтобы такъ или иначе выйти изъ положенія, въ которое мы попали.

— Это вѣрно. Чортъ бы побралъ этого Виктора Леклера! Кто могъ думать! Онъ былъ кротокъ, какъ барышня. Казалось, что это все устроили террористы. Развѣ онъ изъ нихъ?

— Нѣтъ! Онъ роялистъ! Онъ мнѣ все рассказалъ. Они хотѣли уничтожить Бонапарта, чтобы вернуть короля.

— Какая глупость! Стало быть, Людовику XVI не изъ-за чего было отрубать голову? Больше короля во Франціи не будетъ. Намъ достаточно перваго консула. Какъ мнѣ досадно, что я ошибся насчетъ Виктора Леклера. Я считалъ его дѣловымъ малымъ... А онъ заговорщикъ... Вамъ и довѣрай тутъ людямъ...

— Хочешь его видѣть?

— Да, конечно.

— Хорошо. Поднимемся потихоньку. Я уже перевязала его, но у него лихорадка.

— Онъ серьезно раненъ?

— У него почти оторвало руку.

— Бѣдный малый!

Такимъ образомъ, начавъ бичевать злодѣйскій поступокъ Виктора Леклера, Лербуръ, по свойственной людямъ переменчивости, кончилъ тѣмъ, что сталъ скорбѣть о ранѣ, которую тотъ получилъ при этомъ самомъ поступкѣ.

Супруги поднялись въ мансарду, гдѣ на матрасъ лежалъ Викторъ Леклеръ, блѣдный, какъ смерть, отъ потери крови. Увидя входившаго Лербура, молодой человекъ хотѣлъ приподняться. Все лицо его исказилось отъ страшной боли. Эмилиа схватила его за плечи и опять положила въ постель.

— Не двигайтесь. Вы должны лежать неподвижно, чтобы не разбередить рану. Вотъ мой мужъ хочетъ васъ побранить.

— Потомъ, не теперь!—прервалъ ее Лербуръ, растрогавшійся при видѣ раненаго.—Когда онъ будетъ въ состояніи меня слушать... А теперь нужно быть спокойнымъ... Какое несчастье, что мы не можемъ лечить его здѣсь! Недѣли черезъ двѣ онъ бы совсѣмъ поправился... Но это невозможно! Ахъ, Леклеръ, Леклеръ! Вы пускаетесь въ безумное и преступное предпріятіе! А я вамъ такъ вѣрилъ! Теперь ужъ нельзя больше никому вѣрить!

— Послушай, другъ мой!—прервала его m-me Лербуръ.

— Да, ты права! Я увлекся... Но онъ такъ виноватъ... Мы постараемся его выгородить какъ-нибудь... До завтра... Постарайтесь заснуть...

— Я останусь около него. Иди внизъ одинъ,—сказала Эмилиа мужу.—Я сейчасъ къ тебѣ возвращусь...

Еще разъ разсыпавшись въ дружескихъ увѣреніяхъ, Лербуръ сошелъ въ свою комнату, а Эмилиа сѣла около раненаго и, взявъ его руку въ свои, старалась успокоить, ободрить его, вдохнуть въ него мужество. Отъ ея прикосновенія, словно подъ таинственнымъ вліяніемъ ея любви, возбужденіе, въ которомъ находился Санъ-Режанъ, стало мало-по-малу затихать, нервы успокоились, кровь была уже не такъ горяча. Раненый чувствовалъ общее изнеможеніе и задремалъ. Эмилиа видѣла, какъ дрожали его рѣсницы, какъ закрылись его глаза. Дыханіе стало медлениѣе, и благодѣтельный

сонъ, уничтожающій всё страданія, принесть ему забвеніе всёхъ его страховъ.

Проснувшись, какъ обыкновенно, въ шесть часовъ утра, Лербуръ пошелъ въ мансарду, въ которой онъ вчера видѣлъ Санъ-Режана. Онъ засталъ тамъ свою жену, которая перевязывала раненаго. Молодой человѣкъ чувствовалъ себя много лучше и не сомнѣвался, что у него хватитъ силъ выдержать переѣздъ. Онъ сталъ извиняться передъ Лербуромъ въ этихъ опасностяхъ, которыя онъ на него навлекъ.

— Эти опасности стали бы еще больше, если бъ вы оставались здѣсь, — сказалъ торговецъ съ простотой, походившей на мужество. — Но, Леклеръ, вы должны дать мнѣ честное слово въ томъ, что, если вы благополучно выберетесь изъ этого дѣла, то уже никогда болѣе не предпримете чего-нибудь подобнаго!

— Клянусь вамъ, — сказалъ роялистъ съ печальной улыбкой. — Когда имѣешь несчастье напрасно пролить столько крови, то остается только исчезнуть куда-нибудь или умереть. Пусть будетъ со мною, что угодно Провидѣнію. Но я проклинаю самого себя и хотѣлъ бы искупить свою вину. А это могу сдѣлать только молитвой или своей смертью.

— Ну, не падайте духомъ, Леклеръ. Въ вашемъ возрастѣ люди не уходятъ въ монастырь, чтобы предаваться раскаянію и размышленіямъ. Люди жертвуютъ собою за общее благо и совершаютъ какой-нибудь самоотверженный подвигъ и такимъ образомъ снова возвращаютъ уваженіе къ самому себѣ. Но теперь все дѣло въ томъ, чтобы какъ-нибудь спастись... Вы должны пойти...

— Особенно для того, чтобы не навлечь опасности на васъ, дорогой Лербуръ. Я былъ бы въ отчаяніи, если бъ моя гибель увлекла за собою и васъ... Доброта, которую вы мнѣ оказываете, переполняетъ мое сердце благодарностью.

— Не будемъ говорить больше! Мы поговоримъ объ этомъ потомъ, если Богъ приведетъ увидѣться. Я оставляю съ вами мою жену, а самъ пойду внизъ, чтобы приготовить все къ вашему отъѣзду.

И съ наивной довѣрчивостью добрякъ оставилъ Эмилию съ молодымъ человѣкомъ.

Отъ тоски, угрызеній совѣсти, слезъ и безсонницы ея лицо носило слѣды глубокихъ страданій. Санъ-Режанъ самъ страдалъ отъ этого, но не могъ ни утѣшать ее, ни оправдывать себя. Страданія, въ которыхъ билась молодая женщина, были искупленіемъ ихъ преступнаго счастья.

Она помогла Санъ-Режану встать и одѣться. Они были одни другъ подлѣ друга, но имъ и въ голову не приходило поцѣловать другъ друга. Казалось, что-то стало между ними и что съ этого времени любовь уже не будетъ доставлять имъ удовольствія. Санъ-Режанъ съ мрачной тоской посмотрѣлъ на Эмилию.

— Развѣ не лучше было бы для меня, если бѣ я самъ погибъ вмѣстѣ съ моими жертвами? Посмотрите, какова теперь моя жизнь, если даже вы съ затаеннымъ ужасомъ стараетесь отдаляться отъ меня? Послушайте, дайте мнѣ пистолеть, я выйду на улицу, чтобы не навлечь на васъ подозрѣній, и въ ста шагахъ отсюда пущу себѣ пулю въ лобъ.

— Несчастный! Какъ можете вы быть столь жестокимъ и обращаться ко мнѣ съ подобной просьбой! — воскликнула Эмилиа съ горечью. — Я только и думаю о томъ, чтобы васъ спасти. А вы отчаиваетесь во всемъ... Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, время, чтобы оправиться отъ столь ужаснаго потрясенія. Я принадлежу вамъ, увя! Вы знаете отлично, что я буду раздѣлять съ вами всѣ опасности, будь что будетъ. Я боюсь только за своего мужа. За что заставлять рисковать этого добраго, благороднаго человѣка...

— Да, вы правы. Во что бы то ни стало мы должны выгородить его. Рискнемъ всѣмъ, чтобы спасти его...

И онъ протянулъ ей руку съ видомъ примиренія.

— Вотъ это такъ. Вотъ какимъ я хотѣла бы васъ видѣть. Теперь пора ѣхать. Простимся. Быть можетъ, мы уже больше не увидимся.

И они съ жаромъ обнялись, какъ будто это былъ дѣйствительно ихъ послѣдній поцѣлуй. Затѣмъ Эмилиа повела Санъ-Режана и, спускаясь впереди его по лѣстницѣ, свела его во второй этажъ. Здѣсь она сказала ему:

— Подожди здѣсь одну минуту. Я посмотрю, гдѣ мой мужъ.

Она быстро спустилась въ полутемный первый этажъ. Черезъ секунду она снова показалась на половинѣ лѣстницѣ и сбѣжала ему знакъ итти за ней. На дворѣ уже стояла магазинная повозка Лербура, вся заваленная кусками матерій. Санъ-Режанъ съ трудомъ усѣлся между ними.

Послѣдній взглядъ Эмилии, послѣднее пожатіе руки Лербура, и занавѣска повозки спустилась. Лербуръ сѣлъ на козлы и шагомъ выѣхалъ на улицу Сентъ-Оноре. Прохожіе уже сновали по ней во всѣ стороны — приказчики, направлявшіеся въ свои магазины, рабочіе, шедшіе въ свои мастерскія. Торговцы уже снимали ставни съ своихъ оконъ. Торговка зеленью, укладывавая груды капусты, картофеля и моркови, крикнула Лербуру:

— Ужъ въ путь, гражданинъ Лербуръ? О, вы, какъ всѣ труженники, встаете спозаранку.

— Я ѣду въ контору почтовыхъ дилижансовъ, сосѣдка. Они вѣдь не будутъ меня ждать...

— Ага, вотъ и жандармы, которые дѣлаютъ обыскъ!

Отрядъ жандармовъ подъѣзжалъ къ церкви св. Роха. Лербуръ шагомъ направился къ Пале-Роялю, заговаривая на каждомъ шагѣ съ мѣстными обывателями. Онъ слышалъ, какъ обойщикъ Санваль сказалъ жандармскому офицеру:

— Это гражданинъ Лербуръ, хозяинъ магазина «Bonnet Bleu». Если его подозрѣвать, то тогда нужно арестовать всѣхъ. Это лучший изъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей.

Благодаря такому отзыву, Лербуръ избѣгъ осмотра своей повозки. Холодный потъ лился у него по спинѣ, когда онъ ѣхалъ среди жандармовъ. Онъ вздохнулъ свободно лишь тогда, когда былъ уже на набережной. Тамъ онъ сильно хлестнулъ лошадь и черезъ нѣсколько минутъ былъ на углу улицы Дракона. Тутъ онъ остановился, просунулъ голову внутрь повозки и сказалъ:

— Леклеръ, мы приѣхали. Можете ли вы выйти?

— Я думаю, что могу. Посмотрите, не слѣдитъ ли кто-нибудь за нами.

Лербуръ спрыгнулъ съ козелъ на набережную. Ничего подозрительнаго не было.

— Моментъ благопріятный,—сказалъ онъ.—Выходите.

Занавѣска, скрывавшая спереди внутренность повозки, открылась, и Санъ-Режанъ осторожно спустился на землю. Онъ обернулся къ Лербуру и съ волненіемъ, отъ котораго дрожалъ голосъ, сказалъ:

— Прощайте! Моя жизнь принадлежитъ вамъ, благородный человѣкъ. Вы рисковали собой изъ-за моего спасенія. Поѣзжайте. Не оставайтесь здѣсь ни одной минуты болѣе...

И онъ пошелъ по улицѣ. Лербуръ былъ потрясенъ этой разлукой. Онъ боялся того, что изъ всего этого выйдетъ, и обвинялъ себя въ томъ, что онъ не достаточно сдѣлалъ для этого человѣка, котораго любилъ, какъ родного сына. Твердость шаговъ Санъ-Режана успокоила Лербура. Онъ подавилъ вздохъ и, увидѣвъ издали, что молодой человѣкъ безъ всякихъ приключеній вошелъ въ домъ № 35, сѣлъ на козлы, стегнулъ лошадь и по набережной, Елисейскимъ полямъ и площади Революціи вернулся домой, живъ и невредимъ.

XIII.

Юный Виллье съ примѣрной быстротой и аккуратностью исполнилъ порученіе, которое ему далъ Фуше. Онъ взялъ извозчика и приказалъ ему ѣхать въ больницу Милосердія. Приходилось переезжать страшный въ тѣ времена кварталъ Моберъ, гдѣ легко могли остановить экипажъ и ограбить пассажира.

Доѣхавъ благополучно до воротъ этой старинной больницы, построенной еще при Людовикѣ XIII сзади Ботаническаго сада, Виллье отъ имени министра полиціи приказалъ разбудить директора. Онъ въ нѣсколькихъ словахъ посвятилъ его въ исторію покушенія, которая была здѣсь еще неизвѣстна. Директоръ сейчасъ же позвалъ дежурнаго врача. Гражданина Виллье повели по длиннымъ, безконечнымъ коридорамъ въ палату, гдѣ лежалъ блѣдный, почти умирающій Браконно.

— Плохо дѣло этого бѣднаго малаго!—сказаль секретарь Фуше.

— Удивительно еще, что онъ не умеръ въ теченіе этихъ дней, какъ онъ здѣсь. Пуля пробила его навзлеть и задѣла спинной хребетъ. Поэтому раненый не подаетъ ни малѣйшихъ проблесковъ сознанія.

— Скажите, можно ли при помощи какихъ-нибудь сильныхъ средствъ вдохнуть на нѣсколько минутъ жизнь въ это инертное тѣло?

— Докторъ Дюпутрэнъ—очень искусный врачъ. Мы объяснимъ ему положеніе дѣла.

— Хорошо было бы предупредить его до завтрашняго утра. Тутъ дѣло государственной важности, которое не терпитъ отлагательства.

Виллье уѣхаль.

Казалось, все благопріятствовало спасенію Санъ-Режана. Карбонъ послѣ взрыва спокойно вернулся въ свою общину. Что касается Лимоzlана, то онъ немедленно послѣ взрыва вышелъ изъ Парижа и отошелъ отъ столицы по крайней мѣрѣ двадцать лье. Онъ уже скоро долженъ былъ достигъ Бретани, чтобы тамъ дать отчетъ Жоржу обо всемъ, что произошло. Онъ былъ убѣжденъ, что Санъ-Режанъ убитъ, и не беспокоился больше о немъ. Гибель одного человѣка была ни по чемъ для этого грубаго человѣка, привыкшаго къ массовымъ избіеніямъ. По дорогѣ онъ узналъ, что Напартъ спасся отъ гибели. Для него дѣло было теперь ясно: приходилось начинать все съ начала.

Итакъ, обстоятельства, при которыхъ было совершено покушеніе, а также и виновные въ немъ были покрыты мракомъ неизвѣстности. Отъ повозки остались однѣ щепки. Боченокъ и ружейный стволъ превратились въ порошокъ. Нашли только двѣ переднія ноги бѣлой лошади.

Агенты Дюбуа перерыли всю эту мѣстность, но все было напрасно. Полиція Фуше не трогалась съ мѣста, ожидая приказаній. Единственное средство раскрыть это происшествіе было установить тщательное наблюденіе за домомъ № 35 по улицѣ Дракона. Но Суффларъ и Клеманъ продолжали торчать передъ гостинницею «Красный Левъ».

Впрочемъ, эта темная исторія стала мало-по-малу разъясняться. Одинъ изъ агентовъ, рассказывая Суффлару подробности покушенія, замѣтилъ между прочимъ, что лошадь, которая была запряжена въ телѣжку, была бѣлой масти. При этихъ словахъ гигантъ ударилъ себя по лбу съ такой силой, что убилъ бы быка. Онъ выругался и покраснѣлъ, какъ піонъ.

— Ахъ, канальи! Это они и есть! Какъ они насъ одурачили.

И, не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія, онъ оставилъ на посту Клемана, а самъ бросился къ секретарю Фуше.

Было около десяти часовъ утра. Бонапартъ уже прислалъ за новостями полковника Раппа. Приходилось сознаться, что пока еще ничего не выяснено. Адьютантъ принялъ это извѣстiе съ такимъ насмѣшливымъ видомъ, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что Фуше впалъ въ немилость. Полковникъ передалъ также, что первый консулъ ждетъ Фуше и будетъ говорить съ нимъ передъ началомъ засѣданiя государственнаго совѣта. Мрачный и хладнокровный, какъ будто дѣло шло не объ его положенiи, а, пожалуй, и свободѣ, Фуше отвѣчалъ, что онъ не преминетъ явиться. Онъ не зналъ, куда ему обратиться и какъ поймать случай—это провидѣнiе полици, когда Виллье ввелъ къ нему въ кабинетъ г-ганта Суффлара.

— Гражданинъ министръ, этотъ агентъ имѣетъ сдѣлать важное указанiе. Намъ, можетъ быть, удастся схватить конецъ нити. Повозка, которая разбита вдребезги на углу улицы Шартръ, была запряжена бѣлой лошадыю и, очевидно, на ней везли одинъ или нѣсколько боченковъ. Вчера вечеромъ три человекъ явились къ гостиницѣ «Красный Левъ», которая давно извѣстна, какъ мѣсто для сборищъ роялистовъ, и здѣсь положили на телѣжку, запряженную бѣлой клячей, два боченка.

— Въ одномъ изъ боченковъ было вино,—сказалъ Суффларъ:—мы пили его послѣ того, какъ я помогъ положить боченки въ повозку.

— Ахъ, вы помогли положить?—сказалъ Фуше.—Стало быть, вы говорили съ ними? Какого они были вида? Высокаго или невысокаго роста, одѣты хорошо или плохо...

— Они были похожи на рабочихъ. Ни въ одеждѣ, ни въ манерахъ не было ничего, что бросалось бы въ глаза. Они говорили, что должны доставить вино въ Сантъ-Антуанское предмѣстье...

— Это было вино.

— Въ одной изъ бочекъ, по крайней мѣрѣ.

— А въ другой?

— А въ другой что было, я не зналъ.

— Виллье, напишите приказъ объ обыскѣ и идите съ нимъ. Переройте въ этой гостиницѣ все сверху донизу и арестуйте всѣхъ, кто вамъ покажется подозрительнымъ. Во всякомъ случаѣ, хозяйина гостиницы доставьте ко мнѣ. Да поугайте его хорошенько, чтобы онъ здѣсь отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ. Вы, Суффларъ, отправляйтесь опять въ улицу Дракона и наблюдайте за домомъ, который Браконно считать подозрительнымъ.

Онъ позвонилъ.

— Позовите ко мнѣ инспектора, который собиралъ обломки на мѣстѣ взрыва. И пусть немедленно по всему Парижу наведутъ справки, не пропала ли у кого-нибудь телѣжка, запряженная бѣлою лошадыю. Идите.

Вошелъ служитель, доложившій съ таинственнымъ видомъ, что прибылъ директоръ больницы Милосердія и желаетъ переговорить съ гражданномъ министромъ. Лицо Фуше оживилось. Не мѣняя прежняго тона, онъ приказалъ ввести директора.

Вилле и Суффларъ ушли, и Фуше остался одинъ. Онъ всталъ изъ-за стола и передъ зеркаломъ пригладилъ пряди своихъ волосъ. Хладнокровіе этого человѣка было изумительно.

— Здравствуйте, гражданинъ директоръ,—сказалъ онъ, повертываясь къ посѣтителю.—Какъ дѣла? Успѣли ли добиться успѣха ваши врачи?

— Да, гражданинъ министръ, хотя успѣхъ очень небольшой. Но все же не безъ результата. Молодой докторъ Дюпутрэнъ и докторъ Бруссе напрягли всѣ свои силы и знанія, чтобы вырвать изъ агоніи этого несчастнаго. Бруссе пустилъ кровь Браконно...

— Еще пустили кровь! Да у этого несчастнаго уже не осталось крови въ жилахъ.

— Докторъ Дюпутрэнъ сдѣлалъ ему прижиганіе у основанія черепа... Браконно ожилъ...

— Скорѣе, идемте къ нему...

— Безполезно, гражданинъ министръ, онъ опять впалъ въ безсознательное состояніе... Но въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, пока онъ былъ въ памяти, я рассказалъ ему о покушеніи въ улицѣ Шартръ! Онъ весь оживился и, несмотря на то, что Бруссе только что пустилъ ему кровь, сталъ весь красный и вскричалъ: «Санъ-Режанъ! Я увѣренъ, что это онъ».

— Вы были одни около него, когда онъ говорилъ?—спросилъ Фуше.

— Съ двумя врачами. Но будьте покойны, гражданинъ министръ... Для нихъ такъ же, какъ и для меня, это профессиональная тайна...

— А потомъ?..

— Мы сдѣлали умирающему впрыскиваніе эоира. Онъ опять оживился и сказалъ мнѣ: «Запишите для гражданина Фуше». И онъ съ усиленіемъ умирающаго продиктовалъ мнѣ три строки, которыя я могу вамъ передать. Надѣюсь, что вы ихъ можете понять. Для меня онъ совершенно безсвязны и кажутся бредомъ...

Съ этими словами онъ протянулъ Фуше кусокъ бумаги, на которомъ было написано: «Bonnet Bleu»... знаютъ... Санъ-Режанъ... Викторъ Леклеръ... гражданка Лербуръ... улица Дракона...»

Прочитавъ этотъ наборъ словъ, похожій на какой-то ребусъ, Фуше положилъ бумажку на столъ и сталъ благодарить директора больницы за его усердіе. Оставшись затѣмъ одинъ, онъ сталъ думать о таинственномъ смыслѣ, какой заключенъ въ этихъ бессвязныхъ словахъ. Воскличаніе умирающаго агента: «Санъ-Режанъ! Я увѣренъ, что это онъ!» которое онъ издалъ, когда директоръ боль-

ницы рассказал ему о покушеніи въ улицѣ Шартръ, было совершенно ясно. Браконно не сомнѣвался, что покушеніе было совершено Санъ-Режаномъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ не было ничего невѣроятнаго. Этотъ вандеецъ прибылъ въ Парижъ въ сопровожденіи Гюда де-Невилля и Жоржа. Оба послѣдніе, послѣ свиданія съ первымъ консуломъ, уѣхали, а онъ, очевидно, остался, для исполненія приказаній роялистскаго комитета.

Фуше взялъ бумажку и снова ее перечиталъ. «Bonnet Bleu... знаютъ...» Что же это за магазинъ «Bonnet Bleu»? И память министра, неистощимая и неослабная, сейчасъ же дала ему всѣ нужныя свѣдѣнія. Хозяинъ этого магазина былъ нѣкто Лербуръ, человѣкъ преданный правительству, поставщикъ m-me Бонапартъ и всего консульскаго двора. Его невозможно заподозрѣть, но нѣтъ ли чего-нибудь подозрительнаго около него? Фуше не находилъ ничего. Слова «Bonnet Bleu» становились неясны... Фуше никакъ не удалось проникнуть въ ихъ смыслъ, увидѣть, что скрывается за ними. Но въ нихъ, очевидно, вся тайна, которую Браконно изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ. Слова эти, правда, безсвязны, но они должны были объяснить все дѣло.

Фуше опять взялъ бумажку и прочелъ ее еще разъ, тщательно обдумывая каждое слово. Минуты двѣ онъ сидѣлъ молча, затѣмъ вдругъ ударилъ рукой по бумажкѣ и тихонько сталъ смѣяться.

То былъ побѣдный и страшный смѣхъ. Фуше нашелъ отгадку. Теперь онъ зналъ навѣрно, что головы виновныхъ въ его рукахъ.

Сопоставленіе двухъ словъ: Санъ-Режанъ и Викторъ Леклеръ, какъ молніей, озарило потемки, въ которыхъ онъ блуждалъ. Онъ вспомнилъ, какъ Браконно докладывалъ ему о встрѣчѣ Лербура съ Викторомъ Леклеромъ и особенно о симпатіяхъ, которыя гражданинъ Лербуръ, уроженка Вандеи, питала къ своему земляку, Санъ-Режану.

Теперь все стало ясно. Въ магазинѣ «Bonnet Bleu» знали все, надъ чѣмъ ломалъ голову себѣ Фуше: гдѣ находится Санъ-Режанъ, какъ было совершено преступленіе, кѣмъ оно было совершено и въ какомъ вѣрномъ убѣжищѣ скрылся злодѣи. Чтобы все это узнать, нужно было только арестовать весь персоналъ этого магазина.

Министръ уже поднялъ руку, чтобы дернуть за шнурокъ и позвонить, какъ вдругъ его остановило одно соображеніе. Кого же именно арестовать въ магазинѣ «Bonnet Bleu»? Кто былъ соучастникомъ преступленія и сколько этихъ соучастниковъ. Конечно, надо арестовать Лербура и его жену. Но оставлять ли на свободѣ приказчиковъ, приказницъ и магазинныхъ служителей? Развѣ между ними не можетъ оказаться преданнаго человѣка, который посмѣшитъ предупредить Санъ-Режана?

Фуше опять взялъ бумажку и опять сталъ ее перечитывать. Брови его вдругъ нахмурились: онъ поймалъ самъ себя. Какъ могъ

онъ съ его хладнокровіемъ и разсудительностью поступить такъ опрочетчиво и оставить безъ вниманія эти два рѣшительныя слова: «гражданка Лербуръ»!

«Гражданка Лербуръ и улица Дракона»—вотъ мѣсто, гдѣ скрывается Санъ-Режанъ.

«Если эта Лербуръ любовница Сепъ-Режанъ,—думалъ Фуше:—то я въ самомъ центрѣ дѣла. Но не будемъ спѣшить, а лучше взвѣсимъ все другія комбинаціи. За улицей Дракона уже установлено наблюдение. «Bonnet Bleu» не уйдетъ отъ насъ. Теперь нити заговора въ моихъ рукахъ. Теперь я въ состояніи поспорить съ первымъ консуломъ. Онъ ждетъ меня до начала засѣданія государственнаго совѣта. Поѣду къ нему не безъ удовольствія. У него нѣтъ соперниковъ на полѣ битвы. Ну, а у меня нѣтъ соперниковъ по части полиціи. Мы будемъ говорить, какъ равный съ равнымъ.

Фуше приказалъ подать себѣ въ кабинетъ завтракъ на круглый столикъ. Онъ приказалъ своему секретарю Виллье къ четыремъ часамъ отправляться съ каретой въ магазинъ «Bonnet Bleu» и привезти къ нему гражданку Лербуръ.

— Если она будетъ спрашивать васъ, въ чемъ дѣло,—скажите, что я лично хочу сдѣлать ей одинъ заказъ. Примите веселый видъ и не напугайте ее. Если она будетъ беспокоиться, постарайтесь увѣрить ее, что полиція здѣсь ни при чемъ. Но ни одной минуты не теряйте ее изъ виду, слѣдите внимательно, какъ бы она не проглотила чего-нибудь... Чтобы она не вздумала отравиться!.. Если бы въ это дѣло случайно вмѣшался самъ гражданинъ Лербуръ и сталъ вызываться ѣхать вмѣсто нея, постарайтесь отговорить его отъ этого. Наконецъ, если вы встрѣтите какое-нибудь сопротивление со стороны мужа или жены, то можете ихъ арестовать и въ такомъ случаѣ къ каждой двери приставьте агента, такъ чтобы никто, не исключая и самого привратника, не могъ выйти оттуда безъ разрѣшенія. Вы поняли меня? Отлично. Скажите, чтобы мнѣ подали экипажъ. Я ѣду въ Тюильри.

Было около часу, когда Фуше вошелъ въ пріемную, находившуюся передъ кабинетомъ перваго консула.

Его приняли немедленно. Бонапартъ совѣщался съ Реалемъ, Тибодо, Дефермономъ и адмираломъ Трюге. Все они были преданы ему, но каждый по-своему. Дефермонъ и Трюге сохранили свою манеру говорить то, что думали. Оба остальные, бывшіе якобинцы, успѣли уже сдѣлаться совершенными придворными.

Бонапартъ въ знакъ пріивѣтствія кивнулъ головой Фуше и продолжалъ говорить, какъ будто министръ полиціи уже слышалъ все то, о чемъ они говорили до его прихода:

— Я думаю не о себѣ, а объ общественномъ порядкѣ, который я долженъ охранять. Я до такой степени убѣжденъ въ необходимости принять репрессивныя мѣры, что, если нужно будетъ, я го-

товъ самъ стать судьей и судить этихъ измѣнниковъ, которыхъ необходимо немедленно наказать. Нужно засудить человѣкъ пятнадцать или двадцать этихъ злодѣевъ и сослать человѣкъ двѣсти... Послѣ этого все будетъ спокойно.

Среди водворившагося молчанія только адмиралъ Триюге имѣлъ мужество возразить Бонапарту:

— Вы говорите о необходимости уничтожить злодѣевъ, но вѣдь злодѣи есть всякаго рода. Не одни только революціонеры. Есть еще эмигранты, которые возвращаются массами и грозятъ скупить всѣ національныя имущества. Есть шуаны, не покладающіе оружія и продолжающіе вести войну на пустыряхъ Бретани. Есть, наконецъ, священники, которые опять появились и возбуждаютъ умы на югѣ, готовя контръ-революцію...

— Послушайте, гражданъ Триюге,—прервалъ его первый консулъ.—Неужели вы думаете, что нѣсколько старцевъ, вернувшихся изъ ссылки и которые желаютъ только одного—жить въ мирѣ,—неужели вы думаете, что эти повылѣзшіе изъ своихъ убѣжищъ нѣсколько священниковъ грозятъ общественному порядку? Неужели ради нихъ придется объявить стечесво въ опасности? Нѣтъ, опасность грозитъ со стороны сентябрьскихъ убійцъ и при томъ не только мнѣ, но и всѣмъ вамъ. Неужели вы не понимаете, что эти люди ненавидятъ васъ? Они ходятъ и всюду кричатъ, что вы измѣнники. Вы всѣ слывете роялистами. Не слѣдуетъ ли мнѣ отправить васъ всѣхъ въ Мадагаскаръ, а назавтра образовать правительство во вкусѣ Бабефа? Меня обмануть не удастся, и я знаю, куда нужно направить ударъ.

При этихъ словахъ Фуше сдѣлалъ столь рѣзкій жестъ протеста, что Бонапартъ на минуту остановился. Онъ пристально посмотрѣлъ на министра полиціи, очевидно, ожидая отъ него объясненія. Но Фуше молчалъ, опутивъ глаза, и, казалось, рѣшился строго хранить про себя свою тайну.

— Граждане,—началъ опять первый консулъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ:—я рассчитываю, что вы поможете мнѣ принять мѣры, какія окажутся необходимыми. Ждите меня въ государственномъ совѣтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я буду тамъ.

Всѣ вышли.

Бонапартъ подошелъ къ Фуше, который продолжалъ сохранять свой таинственный видъ.

— Что означаетъ эта пантомима, гражданинъ-министръ?—спросилъ онъ.

— Она означаетъ, генераль, что я хотѣлъ остановить васъ въ ту самую минуту, когда вы готовы были взять на себя обязательства, которыя вы не въ состояніи исполнить.

-- Это почему?

— Потому что всѣ ваши предположенія опровергаются событіями.

- Виновники покушенія вамъ извѣстны.
- Мнѣ извѣстенъ главный изъ нихъ. Соучастники также будутъ скоро открыты.
- Кто же этотъ негодяй?
- Санъ-Режанъ.
- Товарищъ Жоржа и Гида де-Невилля?
- Онъ самый.

Бонапартъ мысленно представилъ себѣ, какъ этотъ юный вандеецъ, гордый и сильный, рассуждалъ съ нимъ здѣсь въ залахъ Тюильри о будущности Франціи и защищалъ права короля.

- Вы его схватили уже?—рѣзкимъ тономъ спросилъ Бонапартъ.
- Пока нѣтъ. Но это вопросъ нѣсколькихъ часовъ. Къ завтрашнему дню онъ будетъ въ моей власти. Я знаю, гдѣ его искать и какъ его захватить.

— А подстрекатели? Всѣ эти Жоржи, Ривьеры, Полиньяки, наконецъ, принцы, которые приказываютъ совершать всѣ эти убійства,—они-то ускользаютъ отъ насъ? Ну, пусть они берегутся! Въ одинъ прекрасный день я не выдержу и, если нужно будетъ, перейду границу и захвачу кого-нибудь изъ этихъ Бурбоновъ. Я заставлю его судить военнымъ судомъ и тутъ же послѣ засѣданія разстрѣлять!

Въ пароксизмѣ гнѣва онъ схватилъ свою шляпу, лежавшую на столѣ, и бросилъ ее на полъ. Затѣмъ ударомъ ноги онъ отбросилъ ее въ уголокъ кабинета и принялся ходить большими шагами, какъ бы желая этимъ успокоить расхолодившіеся нервы.

Въ это время къ первому консулу явился съ портфелемъ его секретарь Буренья. Увидѣвъ брошенную на полъ шляпу, онъ поднялъ ее, расправилъ и сказалъ Бонапарту:

- Генераль, государственный совѣтъ уже собрался и ждетъ васъ.
 - Хорошо. Гражданинъ Фуше,—уже спокойно заговорилъ Бонапартъ:—дѣйствуйте, не теряйте времени и сообщайте мнѣ все, что вамъ удастся открыть. Это дѣло интересуетъ меня больше всего.
- Онъ взялъ съ письменнаго стола табакерку и, отпуская Фуше, вышелъ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ.

День, начатый такъ удачно перевозкой Санъ-Режана, проходилъ въ «Bonnet Bleu» въ обычныхъ занятіяхъ, столь не подходившихъ теперь для встревоженнаго состоянія хозяевъ магазина. Лербуръ не смѣлъ заговорить съ женою о Викторѣ Леклерѣ. Ему казалось опаснымъ даже произнести это имя. Ему мерещилось, что вокругъ его дома и даже въ средѣ близкихъ ему людей создалась атмосфера подозрительности, какъ будто заговорщикъ оставилъ позади себя запахъ пороха и крови. Лербуру казалось, всѣ покупатели имѣли какой-то особенный видъ. Всюду видѣлъ онъ шпионовъ.

Въ два часа Лербуръ вышелъ изъ дому не по дѣламъ, какъ это онъ дѣлалъ ежедневно, а чтобы послушать, что говорятъ, поразспросить, поговорить. Онъ вошелъ въ кафе Ламблэнъ, гдѣ встрѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ. Всѣ негодовали противъ виновниковъ покушенія. Въ особенности ужасала всѣхъ смерть дочери лавочника.

— Только подумайте, какая жестокость—заставить дѣвочку держать лошадь, зная отлично, что ее разорветъ на куски! Этихъ разбойниковъ положительно слѣдуетъ искоренить. Имѣя дѣло съ такими чудовищами, невольно иной разъ пожалѣешь, что нѣтъ болѣе старинныхъ пытокъ!

А между тѣмъ слабость Санъ-Режана, заставившая оттянуть минуту взрыва, чтобы дать этой дѣвочкѣ время спастись, и спасла жизнь Бонапарта. И за это общество теперь проклинали Санъ-Режана. Лербуръ, слышавшій, какъ Санъ-Режанъ оплакивалъ гибель этого ребенка и плакалъ, говоря о немъ, съ тоскою слушалъ, какъ его друзья требовали самага жестокаго наказанія для убійцы.

Пока озабоченный Лербуръ всюду выслушивалъ негодующіе разговоры парижанъ, его жена въ лихорадочномъ жару заперлась у себя въ комнатѣ. Ей хотѣлось вдали отъ всѣхъ предаться своему горю. Уже больше часу лежала она на диванѣ, какъ вдругъ кто-то громко постучалъ въ дверь.

Вошла служанка.

— Какой-то господинъ желаетъ переговорить съ вами по дѣлу...

— Направьте его къ кому-нибудь изъ приказчицъ...

— Онъ хочетъ видѣть васъ лично.

Эмилиі поднялась съ испугомъ.

— Кто онъ такой?

— Молодой человекъ, очень красивый и эlegantный...

— Проведите его въ кабинетъ моего мужа.

Она поправила ленту въ волосахъ и съ тяжелымъ чувствомъ направилась въ сосѣднюю комнату. Тамъ ее ждалъ Виллье. Видъ у него былъ спокойный и любезный.

— Прошу васъ извинить меня, гражданка,—началъ онъ,—въ томъ, что я непремѣнно хотѣлъ видѣть васъ лично. Мнѣ поручено гражданиномъ Фуше просить васъ пожаловать къ нему...

— Къ министру полиціи?—воскликнула Эмилиа.

— Нѣтъ, гражданка,—вѣжливо поправилъ ее Виллье:—не къ министру полиціи, а къ гражданину Фуше. Я къ вамъ являюсь не по служебнымъ дѣламъ, а въ качествѣ частнаго лица... Я догадываюсь, что тутъ дѣло идетъ насчетъ вашихъ товаровъ... Гражданинъ Фуше самъ объяснить вамъ....

— Я должна ѣхать сейчасъ же?

— Пожалуйста.

— Но мой мужъ уѣхалъ. Я одна дома...

— Черезъ часъ вы уже будете опять у себя. Карета ждетъ насъ у подъѣзда.

— Слѣдовательно, я должна ѣхать съ вами?

— Такъ будетъ для васъ удобнѣе. Я уполномоченъ проѣзжать безъ задержки мимо всѣхъ часовыхъ, которые могли бы задержать насъ.

— Могу я написать нѣсколько словъ моему мужу?

— Но для чего же? Вѣдь вы вернетесь раньше его...

— Гражданинъ, сознайтесь, что вы арестуете меня?

— Полноте! Развѣ за вами есть какая-нибудь вина?

Эмилія поняла, что она погибла, если она будетъ пугаться и продолжать разговоръ въ такомъ тонѣ.

Лицо ея стало блѣднымъ. Прекрасные глаза ушли куда-то вглубь, подъ черныя брови, и стали темнѣе.

— Позвольте мнѣ только взять шляпу и пальто.

— Велите вашей служанкѣ принести ихъ сюда.

Она уже не рѣшилась противорѣчить, позвонила и отдала соотвѣтствующее приказаніе.

— Если мой мужъ вернется раньше меня, скажите ему, что я уѣхала на короткое время.

Она повернулась къ Виллье и, вспомнивъ о Санъ-Режапѣ, котораго надо было спасать, и о своемъ мужѣ, котораго надо было выгородить, твердо сказала:

— Ъдемъ. Незачѣмъ идти черезъ магазинъ. Мы сойдемъ по нашей лѣстницѣ.

Въ это время въ винной лавкѣ около Волжирарской заставы одинъ изъ агентовъ, переодѣтый простымъ обывателемъ и пившій тамъ кофе, слышалъ, какъ одинъ огородникъ сказалъ другому, съ которымъ онъ сидѣлъ за бутылкою вина:

— Кажется, я знаю, откуда взялась бѣлая лошадь и повозка, оказавшіяся на улицѣ Шартръ.

— А, неужели?

— Да. Если у этой лошади на лѣвой передней ногѣ есть расщепъ копыта и подсѣдъ сзади бабки, то это и есть она...

Какъ разъ именно этотъ агентъ и подобралъ остатки телѣжки и обѣ переднія ноги лошади и присутствовалъ при ихъ осмотрѣ. У бѣлой лошади дѣйствительно были и расщепъ, и подсѣдъ.

Какъ только огородникъ вышелъ изъ лавки, агентъ очутился около него. Безъ всякихъ проволочекъ огородника посадили въ карету и доставили къ министру полиціи. Тамъ его порядочно припугнули, и на допросѣ онъ показавъ все, что ему было извѣстно.

А то, что ему было извѣстно, было чрезвычайно важно. Нѣкій Франсуа, служившій привратникомъ въ такой-то общинѣ, купилъ у нѣкоего Поливо, набивщика мягкой мебели, за сто пятьдесятъ ливровъ старую телѣжку и хромую лошадь, съ тѣмъ условіемъ,

чтобы покупатель могъ ихъ взять, когда онѣ ему понадобятся. Свою покупку Франсуа взялъ какъ разъ наканунѣ покушенія.

Немедленно послѣ этого показанія въ Вожирарь былъ посланъ агентъ съ приказаніемъ арестовать этого Поливо. Другой агентъ полетѣлъ въ общину милосердныхъ женщинъ, чтобы захватить привратника Франсуа.

Такимъ образомъ, съ самаго начала у Фуше оказались шансы быстро добраться до тайны и выяснить, какъ произошло все это дѣло.

XIV.

— Пожалуйте, гражданка,—сказалъ Виллье Эмилии, отворяя дверь въ кабинетъ Фуше.—Министръ ждетъ васъ. Не дрожите такъ, словно вы совершили преступленіе.

Эмилиа бросила на молодого человѣка вопросительный взглядъ. Онъ улыбался и имѣлъ самый привѣтливый видъ, не покидавшій его все время, пока они ѣхали въ каретѣ. Она снова овладѣла собою и, скрѣпя сердце, вошла въ кабинетъ.

Фуше сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, которыя онъ внимательно читалъ. Не поднимая головы и не отрываясь отъ чтенія, онъ спросилъ:

— Гражданка Лербуръ?

— Да, гражданинъ-министръ,—отвѣчалъ Виллье.

— Хорошо. Садитесь, гражданка. Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ...

Виллье вышелъ.

Эмилиа сѣла въ кресло и, робко повернувшись къ этому страшному человѣку, отъ котораго зависѣла теперь участь Санъ-Режана, принялась разсматривать его украдкой. Его угловатая голова, желтое лицо, облысѣвшій черепъ и въ особенности угрюмые красные глаза безъ рѣсницъ внушали ей ужасъ. «Лицо этого человѣка выдаетъ всю его жизнь,—подумала она.—Такое безобразіе требовало не мало крови. Онъ мстилъ человѣчеству за свое физическое безобразіе. И до послѣдняго своего часа этому человѣку будетъ доставлять удовольствіе дѣлать зло. Онъ гордится своей жестокостью. Это чудовище».

Чудовище подняло свои глаза, какъ будто не замѣчавшіе молодой женщины, и спокойнымъ голосомъ сказало:

— М-ме Лербуръ, гдѣ теперь находится Санъ-Режанъ?

При этомъ страшномъ вопросѣ Эмилиа почувствовала, что она покраснѣла до корня волосъ. Она вздрогнула, ея глаза замигали.

— Гражданинъ министръ, я не знаю, о комъ вы говорите,—храбро отвѣчала она, не выдавая своего волненія.

— Я говорю вамъ о Санъ-Режанѣ, который бывалъ у васъ подъ пменемъ Виктора Леклера и который ѣздилъ съ разными порученіями отъ магазина «Bonnet Bleu».

— Я дѣйствительно знаю Виктора Леклера, который ѣздилъ въ Лионъ по порученію моего мужа. Но я не знаю никакого Санъ-Режана.

Фуше едва замѣтно улыбнулся и качнулъ головой.

— М-ме Лербуръ,—замѣтилъ онъ:—Санъ-Режанъ и Викторъ Леклеръ одно и то же лицо.

— Если вы мнѣ это говорите, то, конечно, это такъ, гражданскій-министръ. Но я этого не знала.

— Отлично. Но Викторъ Леклеръ былъ вамъ извѣстенъ...

— Развѣ меня привезли сюда для того, чтобы допрашивать относительно комиссіонера нашего магазина?—спросила Эмилія, стараясь отдѣлаться отъ вопросовъ Фуше.—Вашъ посланный сказалъ мнѣ...

— Моему посланному было приказано избѣгать всякаго скандала, который могъ бы повредить вамъ... Замѣьте, сударыня, что относительно васъ я принялъ всѣ мѣры, которыхъ вы могли желать... Прибавлю при этомъ, что если вы дадите мнѣ удовлетворительныя разъясненія, которыхъ я въ правѣ отъ васъ ожидать, то я выражу вамъ свою благодарность въ самой полной мѣрѣ. Я хотѣлъ бы точно представить вамъ ваше положеніе для того, чтобы вы могли избѣгнуть всякихъ непріятностей. Я хотѣлъ бы въ настоящее время знать только одно: гдѣ теперь находится Викторъ Леклеръ, если вы знаете только одного Виктора Леклера. Дайте мнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и все остальное васъ не касается. Я позову моего секретаря, прикажу ему подать вамъ руку, и черезъ четверть часа вы будете у себя дома. Прибавлю при этомъ, что вы будете совершенно въ сторонѣ отъ всего, что произойдетъ потомъ. Я забуду о васъ совершенно, какъ будто никогда васъ и не зналъ. То, что произошло между нами, будетъ предано полному забвенію!

Все это онъ проговорилъ совершенно одинаковымъ голосомъ, не подчеркивая ни одного слова и не пытаясь запугать ее. Въ этой ровности сквозила такая сила и властность, что Эмилія не такъ испугалась бы, если бы ей стали грозить открыто. У нея закружилась голова и явилось такое ощущеніе, какъ будто она стоитъ на пропасти, заглядывая въ ея бездонную глубину.

Но она была не робкаго десятка. Обмороковъ съ ней не бывало. И, напрягая до крайности свои нервы, она продолжала бороться.

— Я не имѣю никакой возможности, гражданскій-министръ, сообщить вамъ тѣ свѣдѣнія, которыя вы отъ меня требуете. Я не понимаю, какое право вы имѣете обращаться за ними ко мнѣ.. Я простая женщина, занимаюсь своей торговлей и ничѣмъ болѣе, а тѣмъ болѣе доставленіемъ свѣдѣній полиціи.

— Вы, очевидно, желаете, чтобы я разъяснилъ вамъ вашу отвѣтственность. Хорошо, я удовлетворю вашему любопытству. Но прежде всего я считаю нужнымъ сообщить вамъ, въ чемъ обвиняется

Викторъ Леклеръ. Онъ обвиняется въ томъ, что при помощи соучастниковъ пытался вчера вечеромъ убить посредствомъ адской машины перваго консула.

— Онъ. Какой вздоръ! Онъ, такой порядочный и мирный человекъ! Съ его кротостью, которая не обидитъ даже ребенка.

— Можетъ быть, Викторъ Леклеръ дѣйствительно таковъ, какимъ вы его изображаете. Но Санъ-Режанъ убилъ двадцать человекъ и ранилъ пятьдесятъ. Этому кроткому человеку ничего не стоило разнести въ куски несчастную маленькую дѣвочку, которая держала его лошадь въ моментъ взрыва. Хороша доброта! Впрочемъ, не будемъ спорить объ этомъ. Викторъ Леклеръ и Санъ-Режанъ одно и то же лицо и подъ тѣмъ или другимъ именемъ это вашъ любовникъ!

— Милостивый государь,—возразила Эмилія:—если вы рассчитываете запугать меня подобными приемами, то вы жестоко ошибаетесь. У Виктора Леклера торговья дѣла съ моимъ мужемъ. Я его видѣла разъ пять или шесть не больше, и онъ никогда не былъ моимъ любовникомъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же вы дѣлали въ улицѣ Дракона?—спросилъ Фуше съ насмѣшливой улыбкой.—Можетъ быть, вы передавали ему порученія вашего мужа, являясь въ тотъ домъ, гдѣ онъ скрывался?

Видя, что Фуше такъ близокъ отъ истины, Эмилія задрожала. Какъ! онъ зналъ даже о домѣ въ улицѣ Дракона, онъ зналъ, что она бывала тамъ у него! Слѣдовательно; ему остается только протянуть руки и схватить несчастнаго. Но, очевидно, онъ еще не былъ вполне увѣренъ, если предлагалъ ей вопросъ.

— Я была тамъ раза два у моей модистки,—отвѣчала Эмилія,—и купила тамъ шляпу, которую вы можете видѣть на мнѣ.

— Отлично! Установлено, стало быть, что Викторъ Леклеръ скрывается у модистки. Это расчищаетъ почву.

Эмилія въ досадѣ махнула рукой и гнѣвно посмотрѣла на Фуше.

— Я не буду больше отвѣчать вамъ. По крайней мѣрѣ, вы не будете тогда ложно истолковывать мои слова.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня,—холодно сказалъ Фуше,—такъ какъ мнѣ съ вами нечего терять времени, то я отправляю васъ домой. А вмѣсто васъ велю доставить вашего мужа.

Эмилія вскочила и, почти грозя, крикнула Фуше:

— И вы посмѣете?

— О, я всегда посмѣю. Я полагаю, что гражданинъ Лербуръ будетъ благоразумнѣе... Когда онъ увидитъ, что ему грозитъ обвиненіе въ соучастіи въ столь чудовищномъ преступленіи, то я увѣренъ, что онъ будетъ возмущенъ въ своемъ чувствѣ патриотизма и дастъ намъ всѣ свѣдѣнія, которыя находятся въ его распоряженіи.

Я поставлю ему, напримѣръ, вопросъ о томъ, что онъ думаетъ о превращеніи Виктора Леклера въ Санъ-Режана и наоборотъ. Не будетъ ли онъ изумленъ открытіемъ, что вы посѣщали улицу Дракона... Тутъ, конечно, у него могутъ явиться самыя горькія подозрѣнія...

— А, это безчестно!—внѣ себя вскричала Эмилиа.

На этотъ разъ Фуше поднялся и, приблизившись къ Эмилиа, въ упоръ посмотрѣлъ на нее своими красными, тусклыми, какъ у мертвеца, глазами и погрозилъ ей пальцемъ.

— Послушайте! Намъ пора кончить. Я пытался дѣйствовать на васъ убѣжденіемъ, но не убѣдилъ васъ. Кротость также ни къ чему не привела. Довольно! Если черезъ пять минутъ Санъ-Режанъ не будетъ выданъ, я отправлю васъ въ тюрьму и велю арестовать вашего мужа. Вамъ больше не удастся играть со мной!

— Я ничего не знаю!

— Вы лжете! Вы все знаете! И вы должны сказать все, слышите, несчастная женщина. Иначе вы пойдете на эшафотъ. Вы и всѣ ваши близкіе—безъ всякаго послабленія и милосердія!

— Хорошо! Убейте меня, но я ничего не скажу!

— Въ такомъ случаѣ я велю привезти сюда Лербура и дамъ ему доказательства, что вы любовница Леклера! Когда онъ узнаетъ о вашей вѣрности, то заговорить, о, я въ этомъ увѣренъ. Онъ съ радостью выдастъ и Виктора Леклера и въ придачу всѣхъ его соучастниковъ. Но это васъ не спасетъ. Тогда уже будетъ поздно!

Онъ подошелъ къ звонку и протянулъ руку.

— Посылать за вашимъ мужемъ?

— Нѣтъ!—внѣ себя отъ горя крикнула Эмилиа.

— Итакъ, вы покоряетесь?

— Что я должна сдѣлать?

— Вы должны сдѣлать выборъ. Тотъ или другой. Вы мнѣ отдадите Санъ-Режана, или же я велю привезти вашего мужа и объясню ему все.

— Вы чудовище!

— Хорошо. Вы можете меня бранить, сколько угодно. Я не очень чувствителенъ. Но говорите прямо. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ перерыть весь домъ и, если понадобится, сломать до основанія. Но мнѣ не хочется пускать въ ходъ полицейскую силу и производить шумъ. Санъ-Режанъ, сидя въ своемъ убѣжищѣ, несомнѣнно, имѣетъ при себѣ оружіе. Навѣрно, у него подъ рукой есть пара хорошихъ пистолетовъ. Конечно, ему захочется пустить ихъ въ ходъ противъ агентовъ полиціи. Это, конечно, ничего, на то они и пойдутъ. Но все это будетъ очень тяжело для него самого. Онъ будетъ слышать, какъ стучатъ въ стѣны, взламываютъ полъ! Онъ можетъ потерять голову и пустить себѣ

пулю въ лобъ. И тогда мы разыщемъ только трупъ, а это не входитъ въ мои расчеты.

По разстроенному и дергавшемуся лицу Эмилии онъ видѣлъ, какое дѣйствіе произвели его слова. Онъ нарочно выбиралъ ихъ все сильнѣе и сильнѣе, чтобы мучить бѣдную женщину. Онъ замѣтилъ, какъ она содрогнулась отъ страха и чуть не упала въ обморокъ отъ ужаса при мысли, что въ тайникѣ на улицѣ Дракона Санъ-Режанъ будетъ найденъ мертвымъ. Онъ чувствовалъ, что онъ укротилъ и овладѣлъ наконецъ этой энергичной душой, и поспѣшилъ воспользоваться угнетеннымъ состояніемъ Эмилии.

— Вы уже открыли его секретъ! Пусть Небо будетъ свидѣтелемъ, что я отдала бы свою жизнь, лишь бы только не выдать его. Кто этотъ подлый измѣнникъ, сообщившій вамъ всѣ эти свѣдѣнія?

— Человѣкъ, который ради исполненія долга пожертвовалъ своею жизнью и который въ моихъ глазахъ—герой.

— Одинъ изъ вашихъ агентовъ?

— Да. Онъ убить Санъ-Режаномъ, но передъ смертью сказалъ все...

Она снова разразилась слезами, протягивала руки, какъ бы умоляя о пощаду.

— О, сжальтесь надъ нами! Сжальтесь надъ нимъ!

— Успокойтесь! Я уже сказалъ вамъ: вамъ бояться нечего. Но если вы не скажете мнѣ, какъ войти въ тайникъ, то вы его убьете. Итакъ, какъ войти въ тайникъ? Дѣло идетъ объ его жизни. Помните, объ его жизни!

Эмилиа упала на колѣни и въ полуобморокѣ билась головой о кресло. Наклонившись надъ нею, Фуше гипнотизировалъ ее своими глазами и усыплялъ ее ровнымъ, однотоннымъ голосомъ.

— Черезъ шкапъ? Да? Есть тамъ пружина? Надо на что-нибудь нажать?

— Въ третьей доскѣ направо,—простонала Эмилиа.

Фуше быстро выпрямился.

— Ну, сударыня; теперь вамъ надо вернуться домой. Все кончено. Вамъ нечего бояться. Забудьте этотъ злой часъ, какъ кошмаръ, и поздравьте себя съ тѣмъ, что вы такъ легко уходите отсюда.

— Цѣною подлости!—мрачно сказала она.

— Не всегда люди бываютъ подлы, если приходится жертвовать собою, чтобы не вовлечь вашего мужа въ исторію, послѣдствія которой еще неизвѣстны и которая, навѣрно, кончится эшафотомъ...

— Я предала Санъ-Режана...

— Для того, чтобы спасти Лербура! Будьте осторожны и не говорите ни слова о дѣлѣ Санъ-Режана. Вы теперь въ опасности. Не вмѣшивайтесь опять въ дѣло, которое можетъ погубить васъ. Второй разъ мнѣ уже не удастся васъ выгородить.

Онъ позвонилъ. Явился Виллье.

— Гражданинъ Виллье, вы отвезете домой гражданку Лербуръ въ той же самой каретѣ, въ которой ее привезли. Если гражданка Лербуръ пожелаетъ сойти раньше, чѣмъ вы доѣдете до дому, то вы поступите согласно ея желанію. Она свободна и можетъ поступать, какъ ей угодно.

Онъ подошелъ къ Эмилиі, которая стояла неподвижно, словно въ какомъ-то столбнякѣ, и, слегка тронувъ ее за плечо пальцами, тихо сказалъ:

— Нужно ѣхать. Приведите въ порядокъ ваше лицо. Помните, сударыня, что я вамъ очень обязанъ и что я къ вашимъ услугамъ, если могу быть чѣмъ-нибудь вамъ полезенъ.

Она провела рукой по лбу, тяжело вздохнула и, увидѣвъ дожидавшагося ея секретаря, прошла мимо него и вышла въ другую комнату.

Фуше потеръ себѣ руки, искрививъ свои фіолетовыя губы въ безмолвную улыбку. Онъ расхаживалъ по комнатѣ маленькими шагками, склонивъ голову и какъ будто обдумывая пріятное рѣшеніе. Затѣмъ онъ дернулъ за шнурокъ звонка и сказалъ вошедшему курьеру:

— Попросите ко мнѣ въ кабинетъ гражданина Фудра.

Полицейскій комиссаръ Фудра, который былъ довѣреннымъ лицомъ Фуше, былъ смѣлымъ исполнителемъ всевозможныхъ распоряженій.

Осторожно постучавъ сначала въ дверь, комиссаръ вошелъ въ кабинетъ. То былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, нервный и смуглый, какъ южанинъ. Онъ неслышно приблизился къ министру. Зрачки его были словно бархатные.

— Вы требовали меня, гражданинъ-министръ?

— Да. Я хочу дать вамъ одно порученіе, не очень хорошее, оно требуетъ большой расторопности. Нужно отправиться въ улицу Дракона, къ нѣкоей модисткѣ Грандо и арестовать тамъ нѣкоего Санъ-Режана, который у нея скрывается.

— Онъ будетъ защищаться?

— По всей вѣроятности.

— Сколько людей я могу взять съ собой?

— Возможно меньше, чтобы не вызвать недовѣрія. Но достаточное количество для того, чтобы дѣло удалось. Когда дѣло будетъ кончено, придите мнѣ сказать.

Фудра поклонился и, не говоря больше ни слова, вышелъ отъ министра. Онъ спустился внизъ въ канцелярію, прошелъ въ комнату, куда приходили полицейскіе комиссары, и освѣдомился, кто изъ нихъ здѣсь. Онъ выбралъ троихъ: Прюво, Советра и Барбада— все людей ловкихъ и сильныхъ, расторопность и сила которыхъ ему были извѣстны.

Передъ воротами дома № 35 по улицѣ Дракона они слѣзли и взяли съ собой Суффлара, который не спускалъ глазъ съ выхода изъ дома съ тѣхъ поръ, какъ Фуше поручилъ ему наблюдать за этимъ мѣстомъ. Гиганта поставили въ проходѣ, который шель къ лѣстницѣ. Барбадь долженъ былъ стоять на лѣстницѣ второго этажа. Фудра, сопровождаемый Советромъ и Прюво, тихонько позвонилъ.

Дверь открыла старуха-служанка. Прюво моментально заткнулъ ей ротъ платкомъ и вытащилъ ее изъ квартиры. Въ это время Фудра и Советръ проникли въ переднюю. Рядомъ съ нею, отдѣленная всего одной стѣной, щебетали мастерицы Виргини Грандо, убирая шляпы перьями и лентами. Фудра на цыпочкахъ пробрался въ коридоръ, а оттуда въ кухню. Его спутникъ шель за нимъ. Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ помѣщеніе—печь, столъ, шкапъ. Онъ сразу открылъ его, нашель третью полку направо, которая была вся заставлена посудой. Онъ потащилъ полку къ себѣ и дно шкапа со скрипомъ повернулось, обнаруживъ входъ въ тайникъ.

Санъ-Режанъ не ждалъ Эмилии, которая знала, что къ немъ можно пройти только въ тѣ часы, когда нѣтъ мастерицъ, и лежалъ одѣтый на кровати. Услышавъ скрипъ шкапа, онъ обернулся и, увидѣвъ Фудра, быстро вскочилъ на полъ. На столѣ лежалъ заряженный двустольный пистолеть. Онъ схватилъ его и, не говоря ни слова, прицѣлился въ комиссара.

— Сдавайтесь!—неустрасимо крикнулъ Фудра.—Вы Санъ-Режанъ, со мной здѣсь десять человѣкъ, чтобы васъ арестовать.

Санъ-Режанъ былъ отличный стрѣлокъ, и Браконно испыталъ это на себѣ. Не отводя пистолета отъ Фудра, онъ сказалъ:

— Хорошо сдѣлали, что привели съ собой десять человѣкъ. Вы, милѣйшій, убиты!

Раздался выстрѣлъ. Комната наполнилась дымомъ. Но пуля попала не въ Фудра, который успѣлъ броситься на полъ, а въ Советра. Онъ крикнулъ и, какъ снапъ, свалился на своего начальника. Однимъ прыжкомъ Санъ-Режанъ выскочилъ въ коридоръ, среди криковъ и восклицаній испуганныхъ мастерицъ, бросился на Прюво, который занималъ площадку лѣстницы, и съ такою силою ударилъ по головѣ рукояткой пистолета, что тотъ упалъ на колѣни. Несмотря на раненую руку, которая безпомощно висѣла вдоль тѣла, Санъ-Режанъ мчался внизъ, какъ ураганъ. Барбадь, караулившій у входа, загородилъ ему дорогу. Но у него остался еще одинъ выстрѣлъ. Не останавливаясь, почти на бѣгу, онъ свалилъ Барбада, но у воротъ его встрѣтилъ Суффларъ, которому онъ пустилъ въ голову свой заряженный пистолеть. Не будъ онъ такъ ослабленъ потерей крови, то въ пароксизмѣ экзальтаціи онъ, можетъ быть, оказалъ бы болѣе успѣшное сопротивленіе ко-

лоссу. Но Суффларъ схватилъ его за раненую руку, дернулъ ее и причинилъ ему такую боль, что онъ почти упалъ въ обморокъ. Суффларъ немедленно схватилъ его въ охапку и отнесъ въ карету.

Въ эту минуту подоспѣлъ Фудра. Увидѣвъ, что Санъ-Режанъ, весь блѣдный, скорчился въ глубинѣ кареты, онъ сказалъ Суффлару, стоявшему около экипажа.

— Ты не убилъ его, надѣюсь?

— Нѣтъ, я только немножко помялъ его. Но онъ невредимъ!

— Отлично! Какой бѣшенный! Убилъ Барбада и Советра и такъ треснулъ Прюво, что у того искры изъ глазъ посыпались. Кучеръ, въ Консьержери!

Санъ-Режанъ, сидя въ глубинѣ кареты, не проронилъ не слова. Онъ закрылъ глаза и какъ будто спалъ.

Бонапартъ вмѣстѣ съ Жозефиной кончалъ свой завтракъ, какъ ему доложили о приѣздѣ Фуше. Горя нетерпѣннѣе узнать, какія новости сообщить ему министръ полиціи, первый консулъ приказалъ немедленно привести его сюда, хотя въ этотъ часъ пріемовъ и не полагалось.

— Ну-съ, гражданинъ Фуше,—спросилъ онъ, какъ только министръ полиціи появился въ дверяхъ:—что новаго вы намъ сообщите?

— То, о чемъ я вамъ уже ранѣе говорилъ, генераль. Санъ-Режанъ схваченъ. Точно также схваченъ одинъ изъ его соучастниковъ. Третьему удалось ускользнуть.

— Расскажите мнѣ все подробно.

— Я получилъ свѣдѣніе, что покушеніе было совершено тремя лицами, которыя сопровождали повозку, запряженную бѣлой лошадыю. Ихъ видѣли въ гостиницѣ «Красный Левъ», которая находится на улицѣ Сухого Дерева. Здѣсь они наполнили порохомъ боченокъ, съ помощью котораго и былъ произведенъ взрывъ на улицѣ Шартръ. Лошадь была опознана. Затѣмъ было разыскано лицо, у котораго была куплена повозка. Покупатель, нѣкій Франсуа, или только выдающій себя за Франсуа и состоящій привратникомъ въ общинѣ милосердныхъ женщинъ, также былъ разысканъ и арестованъ. Въ то же время былъ опознанъ нѣкій Санъ-Режанъ, скрывавшійся въ улицѣ Дракона. За нимъ стали слѣдить и арестовали его. При этомъ онъ убилъ двоихъ...

— Разбойникъ! Еще двѣ жертвы! Они дорого заплатятъ за пролитую кровь!

Онъ снова овладѣлъ собой и, обращаясь съ насмѣшливымъ видомъ къ своей женѣ, сказалъ:

— Ну, Жозефина, вотъ твои роялисты и эмигранты. Будешь ли ты теперь приходить ко мнѣ съ просьбами внести ихъ въ списки примирившихся и дозволить имъ безпрепятственно вернуться изъ-за границы. Вотъ что они творятъ, въ благодарность за снисходительность, которую мы къ нимъ проявляемъ!

— Другъ мой! Революціонеры не лучше...

— О, я убѣжденъ въ этомъ. Но они идутъ противъ меня, можетъ быть, заодно съ роялистами. И тѣ, и другіе одинаково меня ненавидятъ. Слѣдуетъ прослѣдить внимательно всѣ развѣтвленія этого дѣла, гражданинъ Фуше, необходимо разобраться, нѣтъ ли тутъ связей между шуанами и филадельфами...

— Я исполню свой долгъ, генераль.

Въ глазахъ Бонапарта блеснулъ огонекъ.

— Ну, пусть они берегутся тамъ, по другую сторону пролива. Если они доведутъ меня до крайности своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій, то въ одинъ прекрасный день я найду ихъ и на самомъ ихъ островѣ. Мы знаемъ, какъ это устроилъ Вильгельмъ Завоеватель.... То, что онъ сдѣлалъ, можетъ опять повториться...

Онъ всталъ изъ-за стола и сталъ ходить въ задумчивости. Потомъ, обращаясь опять къ Фуше, онъ сказалъ:

— Проститесь съ дамами и пойдемте со мной въ мой кабинетъ.

Министръ полиціи поклонился Жозефинѣ и Гортензіи и пошелъ за первымъ консуломъ.

Въ кабинетѣ Бонапартъ, прислонившись къ камину и не предлагая Фуше сѣсть, заговорилъ опять:

— Вы мнѣ говорили сейчасъ объ общинѣ, въ которой одинъ изъ соучастниковъ былъ привратникомъ. Что это за община?

— Эта община состоитъ изъ дамъ благороднаго происхожденія. Онѣ живутъ въ улицѣ Нотръ Дамъ де-Шанъ и славятся своимъ благочестіемъ...

— Не оказывать имъ никакихъ поблажекъ... Арестуйте настоятельную и, если будетъ нужно, захватите все ея стадо... Я не намѣренъ щадить святошъ, которыя, укрываясь за алтаремъ, готовы мнѣ смерть...

— Хозяинъ гостиницы «Красный Левъ» также, несомнѣнно, причастенъ къ этому дѣлу... Съ нѣкотораго времени у него въ гостиницѣ происходили собранія роялистовъ... У него же останавливались Жоржъ и Гидъ де-Невилль въ свой послѣдній пріѣздъ въ Парижъ.

Бонапартъ сдѣлалъ недовольную гримасу: Фуше напомнилъ ему о посѣщеніи его тремя роялистами, предъявившими къ нему столь необыкновенныя требованія.

— Отлично. Можете арестовать хозяина гостиницы. Что касается Жоржа, то пошлите въ Бристоль вашихъ лучшихъ агентовъ и прикажите разыскать его. Ахъ, если бъ вы могли доставить его мнѣ! Что касается Санъ-Режана, то я распоряжусь, чтобы надъ нимъ назначили судъ. Нужно, чтобы наказаніе слѣдовало быстро за преступленіемъ, какъ громъ слѣдуетъ за молніей. Если станутъ думать, что я обезоруженъ, то для меня исчезнетъ всякая безопасность. И тогда моя задача не будетъ исполнена.

Его блѣдное лицо вдругъ смягчилось, на губахъ появилась обворожительная улыбка.

— Я доволенъ вами, Фуше,—сказаль онъ, благосклонно глядя на министра полиціи.—Вы оказали мнѣ большую услугу. Я этого не забуду.

— Генераль, для меня нѣтъ никакой заслуги въ томъ, что я оказаль вамъ услугу. Я умѣю разбираться въ людяхъ, и я знаю, что міръ будетъ принадлежать вамъ.

XV.

Вернувшись къ себѣ, гражданка Лербуръ упала на постель и перепугала мужа первымъ припадкомъ, во время котораго несчастную женщину можно было принять за сумасшедшую. Съ ней сдѣлался страшный жаръ, и въ теченіе двухъ недѣль она была между жизнью и смертью.

Такимъ образомъ, до нея не дошли вѣсти о судѣ надъ Санъ-Режаномъ, объ арестѣ Карбона, сестеръ общины, хозяина гостиницы «Красный Левъ», Виргиніи Грандо и ея старой служанки.

На допросѣ Санъ-Режанъ ничѣмъ не выдалъ себя и ни въ чемъ не облегчилъ задачу правосудія, раздражая судей своей холодной и спокойной неустрашимостью.

Оправившійся Браконно былъ поставленъ на очную ставку съ Санъ-Режаномъ. Это былъ главный свидѣтель обвиненія. У него одного были точныя свѣдѣнія о томъ, какую роль играль въ этомъ дѣлѣ юный роаялистъ.

Ихъ встрѣча была чрезвычайно интересна. Браконно, еще съ трудомъ державшагося на ногахъ, ввели Суффларъ и Винсентъ. Увидавъ его, Санъ-Режанъ улыбнулся и кивнулъ ему головой, какъ старому знакомому.

Когда свидѣтеля спросили, узнаеть ли онъ подсудимаго, онъ отвѣчалъ:

— Какъ не узнать. У меня въ желудкѣ до сихъ поръ сидитъ пуля, которую двѣ недѣли тому назадъ онъ всадилъ мнѣ на Вожирарской дорогѣ...

— Я очень радъ, господинъ Нэмуленъ,—вѣжливо сказаль подсудимый:—что вижу васъ поправившимся или, по крайней мѣрѣ, на дорогѣ къ выздоровленію... Вы знаете, что я защищаль себя въ честномъ поединкѣ...

— Это вѣрно. Другіе на вашемъ мѣстѣ, г. Санъ-Режанъ, непременно пустили бы мнѣ пулю въ ухо...

— Если бъ я сдѣлаль то же изъ предосторожности, то, несомнѣнно, теперь я не сидѣль бы здѣсь.

Санъ-Режанъ не хотѣль говорить ничего. Ни въ кабинетѣ слѣдователя, ни въ публичномъ засѣданіи суда нельзя было вырвать отъ него ни одного разоблаченія.

Мадамъ Лербуръ, поправившись, стала уже спускаться въ магазинъ и заниматься дѣлами, какъ вдругъ ей пришлось услышать о судѣ надъ Санъ-Режаномъ и объ его осужденіи. Лербуръ сдѣлалъ все для того, чтобы до его жены не дошли слѣхи объ участи несчастнаго молодого человѣка, котораго они пытались спасти. Онъ самъ до такой степени чувствовалъ себя потрясеннымъ, что легко могъ представить себѣ, какое волненіе охватило бы Эмилию при вѣсти, что человѣку, котораго она продолжала называть Викторомъ Леклеромъ, остается жить всего нѣсколько дней и что голова его должна пасть на эшафотъ. Онъ не отходилъ отъ Эмили, стараясь помѣшать всякому съ нею разговору, который могъ бы открыть ей глаза. Онъ удалилъ отъ нея всѣ газеты, которыя она и сама, впрочемъ, читала неохотно.

Въ одинъ прекрасный день въ магазинъ «Bonnet Bleu» явилась прекрасная Реньо де-Санъ-Жандо! Усѣвшись около прилавка съ газовыми вещами и разсѣянно перебирая товары, которые ей показывала Германсія, она болтала съ продавщицей:

— Я хочу закрыть себѣ лицо, чтобы никто меня не узналъ. Мы задумали съ нѣкоторыми другими дамами пойти посмотрѣть, какъ будутъ казнить двухъ чудовищъ: Санъ-Режана и Карбона...

Едва она успѣла произнести эти слова, какъ Германсія громко вскрикнула: хозяйка магазина страшно поблѣднѣла и, не удержавшись за прилавокъ, упала въ обморокъ. Всѣ засуетились во-кругъ нея. Ее подняли и перенесли въ ея комнату, гдѣ за нею былъ устроенъ самый внимательный уходъ. Въ этотъ моментъ появился Лербуръ. Оставшись наединѣ съ женою, онъ сталъ съ безпокойствомъ разспрашивать ее, что съ нею случилось.

— Ты не сказалъ мнѣ,—отвѣчала она дрожащимъ голосомъ:— что этотъ несчастный осужденъ на смерть!

— Я боялся растревожить тебя. Но какимъ образомъ ты могла узнать объ этомъ?

— Сейчасъ m-me Реньо, разговаривая съ Германсией....

— Чортъ бы ее побралъ!—проворчалъ Лербуръ.—Ну, ужъ если ты объ этомъ знаешь, то нечего скрывать отъ тебя!

Видя, что она лежитъ безъ движенія, Лербуръ подумалъ, что она, вѣроятно, уснула, и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Едва онъ удалился, Эмилиа прыгнула съ кровати и стала одѣваться. Ею овладѣло непреодолимое желаніе еще разъ видѣть Санъ-Режана прежде, чѣмъ голова его падетъ на эшафотъ.

Перво взволнованная, потерявшая способность сопротивляться охватившему ея желанію, она спѣшила.

Въ ея просвѣтлѣвшей памяти раздавались слова Фуше, которыя онъ сказалъ при ихъ свиданіи въ тотъ моментъ, когда она уѣзжала отъ него: «Помните, что вы оказали мнѣ услугу и что

если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, я всегда буду къ вашимъ услугамъ».

Съ этого момента Эмилія знала, что ей дѣлать: ѣхать въ министерство полиціи, вызвать тамъ Виллье и черезъ него добратъся до самого министра.

Сидя около своей постели съ нахмуреннымъ лбомъ и опущенной головой, она думала о томъ, какъ было бы хорошо избавить Санъ-Режана отъ эшафота и умереть вмѣстѣ съ нимъ, въ его объятіяхъ. Она подошла къ своему туалету, выдвинула ящикъ, гдѣ хранилась склянка съ дигиталисомъ, и взяла ее. То была безцвѣтная жидкость, безъ всякаго запаха, въ тонкомъ флаконѣ, плотно закрывавшемся пробкой. Эмилія спрятала его на груди съ твердою рѣшимостью, надѣла шаль и шляпу и вышла по лѣстницѣ, выходящей во дворъ.

Фуше въ этотъ день былъ въ очень угрюмомъ настроеніи. Скорчивъ свое худое тѣло въ глубинѣ кресла, онъ читалъ газеты, въ которыхъ его секретари отмѣчали всѣ статьи, касавшіяся его должности.

Вдругъ въ кабинетъ вошелъ Виллье.

— Что такое?—спросилъ Фуше, блѣдное лицо котораго стало опять безстрастнымъ.

— Гражданинъ министръ, въ данную минуту у меня въ канцеляріи сидитъ гражданка Лербуръ, которая проситъ васъ принять ее на одну минуту.

Тонкія губы Фуше сжались. Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ Бонапартомъ по поводу разоблаченій, которыя могъ бы сдѣлать Санъ-Режанъ. Онъ качнулъ головой и сказалъ:

— Все приходитъ къ тому, кто умѣетъ ждать. Запомните это, Виллье. Гражданка Лербуръ пріѣхала какъ разъ во время. Приведите ее ко мнѣ.

Фуше всталъ. Одѣтый въ сѣрый костюмъ, онъ былъ похожъ на обыкновеннаго буржуа.

Фуше придалъ себѣ мягкій и доброжелательный видъ.

— А, мадамъ Лербуръ! Чѣмъ я обязанъ удовольствію васъ видѣть?

Она подняла на него полныя слезъ глаза и съ глубокой горечью повторила:

— Удовольствію!

Фуше, несмотря на всю свою нечувствительность, покраснѣлъ при этомъ упрекѣ. Онъ подошелъ къ Эмиліи, усадилъ ее и началъ говорить, стараясь выказать ей какъ можно больше сочувствія:

— Послушайте! Могу ли я, не нарушая долга, сдѣлать какое-нибудь одолженіе для васъ?

— Вы сказали, что вы не откажете мнѣ въ этомъ, если я попрошу васъ...

— Стало быть, вы теперь просите меня? Въ чемъ же дѣло?

— Умоляю васъ, позвольте мнѣ видѣть Санъ-Режана.

— А вы не боитесь, что ваше посѣщеніе тюрьмы станетъ извѣстно?

— Теперь, когда ему предстоитъ умереть такъ скоро, я не боюсь ничего.

Фуше помолчалъ съ минуту, потомъ подошелъ къ молодой женщинѣ и, наклонившись надъ нею, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Хотите, онъ останется въ живыхъ?

Ея глаза вспыхнули надеждой.

— Неужели это возможно?

— Это зависитъ отъ него самого.

— Что же онъ долженъ сдѣлать для этого?

— Ему нужно заслужить снисхожденіе и милосердіе того, кого онъ покушался убить. Онъ долженъ сдѣлать разоблаченія...

— Но на это онъ никогда не согласится!

Фуше внимательно наблюдалъ за м-ше Лербуръ. Онъ видѣлъ, что она страшно возбуждена его словами и вся дрожить отъ зародившейся надежды.

— Первый консулъ готовъ даровать Санъ-Режану жизнь и вернуть ему свободу, — удвоилъ свои усилія Фуше. — Онъ можетъ отправиться въ Америку. На это путешествіе ему будетъ отпущено сто тысячъ ливровъ. А вы... Кто можетъ помѣшать вамъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ? Вы оба такъ еще молоды. Новый Свѣтъ обезпечить для васъ блестящую будущность. И что же нужно, чтобы достичь такого счастья? Минуту благоразумія. Только минуту благоразумія....

Она взглянула на него съ видомъ крайняго отвращенія.

— Не пытайтесь меня обманывать. Вѣдь вы работаете только для себя.

— Хотя бы и такъ. Меня можете не благодарить. Но постарайтесь вырвать у палачей голову. Въ этомъ вѣдь все дѣло.

Эмилиа молчала. Онъ позвонилъ, и на порогѣ кабинета появился Виллье. Не глядя на искусителя, не сказавъ на прощанье ни одного слова, Эмилиа двинулась въ тюрьму.

Сидя на табуретѣ въ своей камерѣ со связанными руками, Санъ-Режанъ спокойно разговаривалъ со сторожемъ, не отлучавшимся отъ него ни днемъ, ни ночью.

Въ камерѣ неожиданно появился начальникъ тюремной стражи, за которымъ шелъ Виллье.

— Къ арестанту пришли, — сказалъ онъ угрюмо.

Санъ-Режанъ съ удивленіемъ всталъ и старался разглядѣть черезъ полуоткрытую дверь, кто пришелъ къ нему и стоялъ въ ко-

ридоръ. Но въ темнотѣ онъ могъ замѣтить только какую-то неясную фигуру.

Виллье вошелъ въ камеру и сдѣлалъ сторожу знакъ, чтобы ихъ оставили наединѣ.

— Вамъ разрѣшено, г. Санъ-Режанъ, принять вопреки установленному порядку безъ свидѣтелей лицо, желающее васъ видѣть. Это лицо мы тщательно обыскали, чтобы вамъ нельзя было передать оружія или какого-нибудь другого опаснаго предмета. Но, кромѣ того, вы должны дать мнѣ слово, что вы не примете отъ него ничего, что могло ускользнуть отъ нашего вниманія.

— Даю вамъ, сударь, честное слово. Вы можете быть совершенно покойны.

Виллье подошелъ къ двери и пропустилъ впередъ Эмилию. Затѣмъ онъ вышелъ изъ камеры и затворилъ за собою дверь.

Встрѣтившись лицомъ къ лицу въ этой камерѣ, преддверіи эшафота, оба любовника нѣсколько минутъ оставались въ молчаніи, подавленные и испуганные. Придя, наконецъ, въ себя, они бросились другъ другу въ объятія. Эмилиа прижимала къ себѣ Санъ-Режана, который уже не могъ обнять своими скованными руками женщину, которую онъ любилъ. Глаза Эмилии, расширившіеся отъ скорби, наполнились слезами, и свѣтлыя горькія капли капались по ея щекамъ на шею осужденному.

— Къ чему плакать?—съ улыбкою сказала Санъ-Режанъ.— Развѣ это не радость, что мы снова видимъ другъ друга. Я не вѣрилъ въ это счастье. Кто бы ни далъ мнѣ его, пусть будетъ онъ благословенъ. Даже тотъ, кто хочетъ меня убить!

— Меня послалъ сюда съ своимъ секретаремъ министръ полиціи Фуше. Ахъ, бѣдный мой другъ, если бѣ ты только зналъ!..

— Я знаю, что вижу тебя, и съ меня этого довольно! Какъ удалось тебѣ добиться разрѣшенія посѣтить камеру осужденнаго чудища, который хотѣлъ убить самого Бонапарта?

— А я добилаься большаго!—вскричала Эмилиа, не имѣя больше силъ сдерживаться.—Если ты хочешь, ты можешь сохранить жизнь безъ всякихъ обязательствъ.

Санъ-Режанъ тихонько отстранилъ отъ себя молодую женщину и посмотрѣлъ на нее пристально.

— Они хотятъ, чтобы ты сдѣлалъ то, чего ты никогда не хотѣлъ сдѣлать,—умоляюще сказала молодая женщина.—Если не ради страха смерти, то хоть ради нашей любви. Это пустяки, и ты получишь свободу, и я поѣду съ тобой, куда только ты пожелаешь...

Услыша эти слова, Санъ-Режанъ испустилъ крикъ негодованія.

— Какое утонченное варварство! Предлагать мнѣ жизнь вдвоемъ съ тобою! Они отлично знали, какому жестокому испытанію они меня подвергаютъ, дѣлая тебя посредницей въ

этомъ торгѣ моей совѣстью! Они знаютъ, что отъ меня самого имъ ждать нечего, но рассчитываютъ достигъ отъ меня всего черезъ тебя. Эмилиа, понимаешь ли ты весь ужасъ ихъ расчета? Дорогая моя, тебѣ слѣдовало бы молчать передо мной и не предлагать мнѣ счастья—жить около тебя. Это для меня все равно, что умереть два раза—отказаться отъ своей жизни и отказаться отъ счастья съ тобой!

И, плача, онъ опустился на свою тюремную табуретку. Въ эту минуту этотъ человѣкъ, непоколебимый въ своихъ рѣшеніяхъ, казался слабымъ, какъ ребенокъ. Грудь его поднималась отъ рыданій, слезы текли по щекамъ и падали на скованныя руки. Напрасно старался онъ скрыть свое лицо.

Эмилиа тихонько подошла къ Санъ-Режану, вытерла его слезы своимъ тонкимъ батистовымъ платкомъ, стала возлѣ него на колѣни и, приблизивъ свое лицо къ его уху, шептала:

— Развѣ это такъ ужасно то, чего требуютъ отъ тебя? Чѣмъ рискуютъ тѣ, о комъ ты будешь говорить? А развѣ они щадили тебя? Развѣ они всѣ не покинули тебя? Эти неблагодарные принцы, которые толкаютъ храбрецовъ на борьбу, а сами остаются въ надежномъ убѣжищѣ? Эти эмигранты, шатающіеся за границей и оттуда устраивающіе массовыя побоища? Чѣмъ ты имъ обязанъ? Если ты назовешь ихъ, то что въ сущности узнаетъ консульская администрація? Развѣ и безъ того она ихъ не знаетъ? Отъ тебя требуютъ въ сущности пустой формальности.

— Какъ ничего больше!—вскричалъ Санъ-Режанъ.—Но вѣдь это мой позоръ! И это чудовище рѣшается требовать этого отъ меня твоими устами! Никогда! Никогда! Лучше умереть сто разъ!..

— Въ такомъ случаѣ, смерть постигнетъ насъ обоихъ,—сказала, вставая, Эмилиа.—Я не переживу тебя и пришла сюда для того, чтобы слѣдовать за тобой, куда бы ты ни пошелъ. Чтобы ты получилъ свободу, я отдамъ честь свою, если ужъ ты такъ горячо защищаешь свою!

— Несчастливая! Какой еще торгъ ты предлагаешь мнѣ?

— Честь за честь! Повторяю тебѣ: мою честь замужней женщины за твою честь приверженца короля. Мы можемъ удалиться куда-нибудь въ неизвѣстную сторону, за море, и тамъ забыть обо всемъ, что не мы.

— А сзади весь народъ будетъ кричать: Санъ-Режанъ предатель, онъ предалъ своихъ владыкъ и соратниковъ! Ради любви къ женщинѣ онъ выдалъ тайны своей партіи! И ты думаешь, что до меня не будутъ доходить эти оскорбительные крики? А если я ихъ буду слышать, то неужели ты думаешь, что я хоть одинъ часъ могу пережить мой позоръ! Нѣтъ! это самообманъ! Въ ту самую минуту, какъ я совершу предательство, нужно будетъ задушить мою совѣсть, выбросить свою душу! Нѣтъ, это невозможно! Даже въ мо-

гилѣ я буду слышать крики презрѣнія. Предоставь же меня моей судьбѣ и откажись отъ надежды спасти меня. Я не могу и не хочу избѣгнуть смерти... Ибо смерть—явится необходимымъ искупленіемъ. Я убилъ невинныхъ. Нужно, чтобы они были отомщены. И я расплачусь съ ними черезъ палача.

Помрачнѣвшая Эмилиа минуту стояла молча. Она чувствовала, что дѣло проиграно и что ея любовникъ теперь уже не сдастся на ея просьбы, какъ бы горячи онѣ ни были.

— У меня не хватитъ силъ вернуться къ себѣ домой, а тебя оставить у подножія этого долга! Продолжать свое существованіе съ сердцемъ, постоянно переполненнымъ горечью и сожалѣніемъ. Наложить на свое лицо маску равнодушія, когда у меня не будетъ хватать слезъ, чтобы выплакать мое горе! Наконецъ, играть эту жестокою комедію, какъ ты мнѣ совѣтуешь! Нѣтъ, я неспособна на это.

Съ этими словами она вынула изъ-за лифа спрятанный тамъ флаконъ. Несмотря на обыскъ, которому она подверглась въ канцеляріи прежде, чѣмъ ей позволили войти въ карету, флаконъ этотъ не былъ у нея найденъ.

— Видишь, я приняла свои мѣры. Тутъ хватить для того, чтобы убить насъ обоихъ. Такъ какъ ты непремѣнно хочешь умереть, то умремъ оба.

И она протянула ему склянку. Съ тихой улыбкой онъ оттолкнулъ ее руку.

— Нѣтъ, не такъ я долженъ умереть—на рукахъ у женщины, во мракѣ тюремной камеры. Моя смерть должна быть одновременно и примѣромъ и расплатой. Я долженъ итти на казнь съ поднятой головой, не какъ преступникъ, а какъ побѣжденный. Всѣ должны видѣть, что я умеръ гордо на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за Бога и короля умерло столько нашихъ. Если меня найдутъ въ этой камерѣ отравившимся, то будутъ говорить, что я испугался гильотины. Я хочу взойти на эшафотъ, чтобы моя голова пала подъ ея ударомъ. Послѣ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты это будетъ для меня большая честь.

Эмилиа спрятала склянку за корсажъ.

— Хорошо,—сказала она.—Тогда это пригодится мнѣ одной.

— Дорогая моя,—съ невозмутимой ясностью сказалъ Санъ-Резжанъ:—будемъ думать только о томъ, чтобы насладиться счастьемъ этого послѣдняго часа. Пусть на нашихъ устахъ будутъ только слова любви.

И онъ протянулъ къ Эмилии свои закованныя въ кандалы руки. Она бросилась къ нему, ища въ поцѣлуяхъ опьянѣнія, которое заставляетъ забывать все.

Ставни магазина «Bonnet Bleu» были только что сняты, и рано проснувшійся Лербуръ наслаждался свѣжимъ воздухомъ, сидя

на ступенькахъ у двери. Было около восьми часовъ, и на улицѣ Сентъ-Оноре начиналось уже движеніе.

Прошелъ газетчикъ, крича охрипшимъ голосомъ:

— Купите газету, подробности казни Санъ-Режана.

Торговецъ поблѣднѣлъ. Онъ подозвалъ газетчика и купилъ газету. На первой страницѣ жирнымъ шрифтомъ было напечатано: «Сегодня утромъ, въ пять часовъ была совершена казнь Санъ-Режана и Карбона. Оба преступника умерли цинично, не выразивъ ни раскаянія, ни сожалѣнія о погибшихъ невинныхъ жертвахъ ихъ покушенія. Карбонъ, впрочемъ, ослабѣлъ въ послѣднюю минуту и его пришлось вести на эшафотъ. Что же касается Санъ-Режана, то онъ встрѣтилъ смерть съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ».

Видя, около десяти часовъ, что жена не показывается, Лербуръ рѣшилъ войти къ ней въ комнату и взглянуть, не заболѣла ли она. Имъ овладѣло какое-то смутное безпокойство. У дверей спальни онъ сталъ прислушиваться, но, не слыша никакого шума, подумалъ, что Эмилія заснула, и пошелъ въ свой кабинетъ проверить счета.

Прошло около часу. Подходилъ уже обѣденный часъ, и Лербуръ рѣшился войти въ спальню. Ставни въ ней были закрыты, занавѣски спущены, такъ что въ комнатѣ было почти совсѣмъ темно.

Лербуръ подошелъ къ кровати и позвалъ Эмилію. Отвѣта не было. Охваченный внезапнымъ страхомъ, онъ бросился къ шнурамъ занавѣски, раскрылъ окно, открылъ ставни. Въ комнату хлынулъ потокъ свѣта. Лербуръ опять подошелъ къ кровати.

Страшный крикъ вырвался изъ его горла. Блѣдная, съ оставившимися глазами и открытымъ ртомъ, лежала на постели Эмилія. Обезумѣвшій Лербуръ бросился къ ней, схватилъ ее за руку, которая была уже холодна, какъ ледъ, и попытался приподнять ее, согрѣть, оживить. Все было напрасно. Неподвижная голова упала на подушку, прекрасные волосы разметались. Ставъ на колѣни возлѣ постели, Лербуръ зарыдалъ.

Вдругъ его взглядъ упалъ на раскрывшуюся склянку, которую молодая женщина, очевидно, выпила ночью. Онъ схватилъ ее, сталъ разсматривать и на пробкѣ прочелъ надпись: дигиталисъ. Лербуръ такъ задрожилъ, что уронилъ склянку.

Ядъ! Эмилія умерла добровольно! Она отравилась!

Слезы перестали течь изъ покраснѣвшихъ глазъ Лербура. Онъ опустилъ голову на руки и сталъ думать. Его поразило одно совпаденіе — одновременная смерть Санъ-Режана и его жены. И вотъ его охватилъ какой-то тайный страхъ. Страхъ этотъ все увеличивался, все болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ, такъ что онъ не могъ больше противиться ему. Онъ всталъ и подошелъ къ умершей, какъ будто для того, чтобы вывѣдать у ней тайну. Но ея глаза уже не видѣли, губы молчали — одно молчаніе и мракъ.

Вдругъ Лербуръ сдѣлалъ быстрое движеніе. Между пальцевъ рукъ, сложенныхъ на груди, какъ бы для послѣдней молитвы, ему показался клочокъ бумаги. Онъ подошелъ поближе и вынулъ записку, въ которой Сапъ-Режанъ назначалъ ей свиданіе.

Наклонивъ голову, прочелъ мужъ нѣжныя слова любовника. Вся кровь бросилась ему въ голову. Онъ испустилъ глухой крикъ и съ проклинающимъ жестомъ упалъ безъ чувствъ у подножія кровати.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1911 г. ¹⁾

А

А.—*рецензія* *сло*: «Въ странѣ изгнанія». (Изъ записной книжки корреспондента). Е. Н. Семенова, СХХІІІ, мартъ, 1108—1109.

А. Б.—*Рецензія* *его*: 1) «Русскій біографическій словарь. Спб. 1910», СХХІІІ, февраль, 735—736.—2) «Альбертъ Вандаль. Наполеонъ и Александръ І. Французскій союзъ во время первой имперіи. Т. І. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб. 1910», СХХІІІ, мартъ, 1091—1092.—3) «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte herausgegeben von Th. Schiemann. Берлинъ. 1910», СХХІV, апрѣль, 323.—4) «К. Валишевскій. Царство женщины. Екатерина І, Анна, Елизавета. Переводъ съ французскаго А. Гретманъ, М. 1910», СХХІV, июнь, 1080—1081.—5) «Ф. Купчинскій. Новаля Японія. Спб. 1911», СХХV, июль, 313—314.—6) «Х. Ф. Б. Линчъ. Арменія. Путевые очерки и этюды. Переводъ съ англійскаго Е. Джунковской. 2 тома. Тифлисъ. 1911», СХХV, августъ, 735—736.—7) «Рони-старшій. Борьба за огонь. Донисторическій романъ. Издание М. И. Семенова. Спб. 1911», СХХV, сентябрь, 1167—1168.—8) «Мемуары графини Головиной (1766—1821). Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный

переводъ съ французскаго К. Панудогло. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1911», СХХVІ, октябрь, 341.—9) «Сборникъ статей по архивовѣдѣнію, издаваемый подъ редакціей А. И. Зубарева. Томъ І, части 1 и 2. Спб. 1911», СХХVІ, ноябрь, 768—769.

А. Б.—въ. *Рецензія* *его*: 1) «Труды псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Псковская старина. Томъ первый. Псковъ, 1910», СХХІІІ, январь, 349—351.—2) «Prince Lasarovich-Hrebelianovich. The Servian people, their past glory and their destiny. London and N.-York. 1911», СХХV, августъ, 729—730.

А. И.—чъ. *Рецензія* *его*: «Сергіій Ефремовъ. Історія українскаго письменства. Спб. 1911», СХХVІ, октябрь, 348—350.

А. И. П.—ій. *Его* *статья*: «Изъ записокъ конвойнаго офицера», СХХІІІ, январь, 182—190.

А. Н.—ово. *Рецензія* *его*: 1) «А. А. Титовъ. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Съ 15 рисунками. М. 1910», СХХІІІ, январь, 318—320.—2) «Ан. А. Титовъ. Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. Съ 17 рисунками. М. 1911», СХХІV, июнь, 1077—1080.—3) «Изъ записокъ преосвя-

¹⁾ Въ «Указателѣ» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложенияхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія — страницу.

щенного Никодима, епископа енисейскаго и красноярскаго, съ предисловіемъ Ан. Титова. Тула. 1911», СХХV, августъ, 709—712.—4) «Ан. Титовъ. О великомъ градѣ Римѣ и о костелахъ сущихъ и начальнѣйшихъ. М. 1911», СХХV, сентябрь, 1156.

А. Нф. *Рецензіи его:* 1) «Л. А. Любичъ-Кошуровъ. Партизаны 1812 г. Изданіе книгоиздательства «Заря» М. 1910», СХХVI, ноябрь, 773—774.—2) «О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды профессора московскаго университета П. И. Новгородцева и профессора с.-петербургскаго университета Г. А. Покровскаго. Изданіе т-ва «М. О. Вольфъ». Спб. 1911», СХХVI, декабрь, 1177—1178.

А. М—нѣ. *Рецензіи его:* 1) «Карль-Петръ Кейль. О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачіоло по бухгалтеріи. Очеркъ къ исторіи бухгалтеріи. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографіей К. П. Кейля С. Ф. Иванова. Могилевъ губ. 1910», СХХIII, февраль, 745—746.—2) «Материалы по исторіи русской картографіи. Вып. II. Карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII вѣка. Собралъ В. Кордтъ. Кіевъ. 1910», СХХIV, апрѣль, 314—315.—3) «Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Е. Герцыка и Д. Жуковскаго. Т. I. Спб. 1911», СХХIV, апрѣль, 330—331.—4) «И. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятыя годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава. 1911», СХХIV, май, 662—664.—5) «Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византіи. Томъ I (395—518 г.), съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрѣзомъ его стѣнъ. Кіевъ. 1910», СХХIV, июнь, 1089—1091.—6) «Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ. VII. Нѣжинъ. 1911», СХХV, июль, 306.—7) *Serta Borysthenica.* Сборникъ въ честь заслуженнаго профессора Юліана Андревича Кулаковскаго. Кіевъ. 1911», СХХV, сентябрь, 1151—1152.—8) «А. В. Амфитеатровъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ I. Династія при смерти. Книгоиздательство т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 358—360.—9) «Г. Штейдингъ. Памятники античнаго искусства. Для среднеучебныхъ заведеній и для самообразованія. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 788—789.—10) «Александръ Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны. Историческое сочиненіе въ четырехъ томахъ. Томъ второй. Золотое пятилѣтіе. Книгоизда-

тельство «Просвѣщеніе». Спб. 1911», СХХVI, декабрь, 1175—1177.

А. Н—нѣ. *Рецензія его:* «Великая реформа 19 февраля 1861 г. Сборникъ статей А. И. Яковлева. В. И. Семевскаго, В. Я. Уланова, В. Е. Чехикина-Вѣтринскаго. Изданіе т-ва «Образованіе». М. 1911», СХХIV, апрѣль, 300—301-

А. Ф—овъ. *Рецензія его:* «Сказки и рассказы бѣлоруссовъ-полѣшуконъ. А. К. Сержпутовскій. Спб. 1911.—Грамматическій очеркъ бѣлорусскаго нарѣчія. А. К. Сержпутовскій. Спб. 1911», СХХV сентябрь, 1159—1160.

А. Шт—ръ. *Замѣтка его:* «По поводу статьи Н. Н. Фирсова (А. Рускина). «Русскіе ученые въ Персіи», СХХIV, апрѣль, 398—399.

А. Э. М—нѣ. *Рецензіи его:* 1) «Bericht des Livländischen Langesgymnasium zu Birkenruh bei Wenden über das Schuljahr 1908/9. Pura. 1909», GXXIII, январь, 343.—2) «Arbeiten des ersten Baltischen historikertages zu Riga 1908. Riga. 1909». СХХIV, апрѣль, 331—332.—3) «Arnold Feuerstein. Livländische Geschichtsliteratur. 1907. Riga. 1910», СХХIV, апрѣль, 332.—4) «Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen. III годъ. Изданіе рижскаго общества архитекторовъ. 1909», СХХIV, май, 671—672.

А. Я. *Рецензіи его:* 1) «Андрей Спротининъ. Какъ научиться по-чешски? Чешская грамматика съ хрестоматіей и словаремъ. Варшава. 1910.—Рад. Кошутичъ. Русская хрестоматія. Бѣлградъ. I. Тексты. II. Примѣчанія. III. Словарь. 1910», СХХIII, январь, 345—347.—2) «Crtime iz kricanske arheologie. Sabraw O. U. Taliya. Drugo izdanje. Dubrovnik. 1910», СХХV, августъ, 732.—3) «Описание рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской академіи наукъ. I. Рукописи. Томъ I. (I Книги священнаго писанія и II. Книги богослужебныя). Составили В. И. Срезневскій и Ѳ. И. Покровскій. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 350—352.

Абаза, Александръ Аггеевичъ, членъ государственнаго совѣта, СХХIV, апрѣль, 233—234, 237—242, 245.

Аблесимовъ. А. О., писатель, СХХIV, июнь, 919—920.

Абрамовичъ, Дм. Ив., профессоръ. *Рецензія В. Е. Рудакова о редактированномъ имъ «Полномъ собраніи сочиненій М. Ю. Лермонтова» (т. II и III), изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ (Спб. 1910), СХХIII, февраль, 736—738.—Тоже. Томъ четвертый. Спб. 1911, СХХIV, июнь, 1093—1094.*

Абрамовичъ, Н. Я. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его:* «Художники и мыслители. М. 1911», СХХIV, апрѣль, 321.

Абрамовичъ, С. М. (псевдонимъ Менделе-Мохеръ-Сфоримъ), еврейскій писатель, СХХIII, февраль, 786—787 (по поводу 75-лѣтія со дня его рожденія).

Аваліани, С. Л. *Рецензія его:* 1) «Флоровскій, А. В. Изъ исторіи Екатерининской законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса. 1910», СХХIII, мартъ, 1088—1089.— 2) «Труды слушателей одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I. в. I. Подъ редакціей проф. И. А. Линниченка. Одесса 1910», СХХIII, мартъ, 1118—1120.— 3) «Протоіерей С. Петровскій. Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Одесса. 1911», СХХIV, апрѣль 308—309.— 4) «Линниченка, И. А., проф. Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Одесса. 1910», СХХIV, май, 674.— 5) «Lebin. In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des württembergischen Offiziers. Verlag Otto Gmelin. München.—Thirion de Metk. Воспоминанія офицера французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812 г. Переводъ Б. М. Колубакина. Спб.», СХХV, юль, 293—294.— 6) «Линниченко, И. А., проф. Н. И. Костомаровъ. (Къ 25-лѣтію со дня его кончины). Одесса. 1910.— Графиня П. С. Уварова. (Къ 25-лѣтнему юбилею.) Одесса. 1910.— Младшій изъ старшихъ славянофиловъ. Памяти К. С. Аксакова. Одесса. 1911», СХХV, юль, 298—299.— 7) «С. П. Никоновъ, профессоръ. Основная начала положеній 19 февраля 1861 года. Одесса. 1911», СХХV, сентябрь, 1155—1156.— 8) «Рейнакъ, Соломонъ. Орфей. Всеобщая исторія религіи. Переводъ съ седьмого французскаго изданія. Парижъ. 1911», СХХVI, октябрь, 360.

— *Рецензія А. Хазанова о книгѣ его:* «Крестыанская реформа въ Закавказьѣ. Спб. 1911», СХХIV, юнь, 1086.

Августинъ (де-Мовильонъ), архимандритъ, пресвитеръ церкви при святѣйшемъ синодѣ. *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль, 383—384.

Авіе, В. А. *Статья его:* «Памятные дни. (Воспоминанія очевидца)», СХХIII, мартъ, 958—986.— *Замѣтка Г. Дзасохова:* «Къ статьѣ «Памятные дни», СХХIV, юнь, 1150—1152.

Адамовичъ, А. С., генераль, СХХIV, май, 505—506.

Адамовичъ, Б. В. *Рецензія М. С. о книгѣ его:* «Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго императора австрійскаго полка. 1910», СХХIV, апрѣль, 304—305.

Аданъ, Жюльета, СХХIII, мартъ, 1127—1136 (по поводу ея «воспоминаній»).

Адлербергъ, Владимиръ Федоровичъ, министръ двора, СХХIII, февраль, 567, 576—577.

Акаемовъ, Н. Ф. *Его статья:* «Крестингенскій факторъ и его сынъ», СХХIII, январь, 196—215.

Аквилонновъ, Евгеній Петровичъ, протопресвитеръ, писатель. *Некрологъ его:* СХХIV, май, 723—724.

Аксаповы:

— Иванъ Сергѣевичъ, СХХIII, январь, 272, 283; СХХIV, апрѣль, 251—253; юнь, 963; СХХV, юль, 183—189, 196—199; 274—278, 284, 286—287; августъ, 524—525 (его письмо къ В. А. Цеэ, предсѣдателю цензурнаго комитета); сентябрь, 964—965, 979, 986; СХХVI, ноябрь, 560—562 (его письмо Л. Н. Соболеву).

— Константинъ Сергѣевичъ. *Рецензія Г. объ его:* «Воспоминаніе студентства. 1832—1835. М. 1911», СХХIV, юнь, 1103—1104.

— *О немъ брошюра И. А. Линниченка:* «Младшій изъ старшихъ славянофиловъ. Памяти К. С. Аксакова. Одесса. 1911», рецензир. С. Аваліани, СХХV, юль, 298—299.

— Сергѣй Тимофеевичъ, писатель, отецъ предыдущихъ. *О немъ въ книжкѣ Н. К. Горгалова:* «Изъ прошлаго императорской казанской I гимназіи. Казань. 1910», рецензированной В. Р-вымъ, СХХIII, январь, 348—349.— *Упоминается:* СХХIV, юнь, 957, 958, 960; СХХV, юль, 99—100.

Аксеновъ, М. В. *Рецензія Д. Б—ва о брошюрѣ его:* «Сенаторъ Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій (1796—1866). Опытъ описанія его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ силуэта и автографа. Смоленскъ. 1910», СХХVI, октябрь, 344—345.

Александра Исифовна, великая княгиня. *Некрологъ ея:* СХХV, юль, 344.

Александровы:

— Анатолій Александровичъ, СХХIII, мартъ, 876—877.

— А. П. *Его замѣтка:* «Къ воспоминаніямъ о П. С. Ванновскомъ», СХХV, юль, 131—133.

— Н. А. *Его статья:* «Оршанскій погромъ», СХХV, сентябрь, 988—1001.

Александровъ, И. *Рецензія его:* «Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ II. Выпускъ 2. Спб. 1910», СХХIII, январь, 325—326.

Александръ Павловичъ, императоръ.— *О немъ въ статьѣ А. Б. Михайлова:* «Вновь найденная страница прошлаго. (Изъ пе-

решеніи между Александромъ I и великой княжной Екатериной Павловной), СХХІІІ, январь, 166—181.—*О немъ:* «Документы», относящіяся къ послѣднимъ мѣсяцамъ его жизни и оставшіеся послѣ смерти генерала-вагенмейстера главнаго штаба Аванасія Даниловича Солонко, состоявшаго при особѣ государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 гг.» (Спб. 1910), реценз. Б. Глинскимъ, СХХІІІ, январь, 311—314.—*О немъ въ книгѣ Альберта Вандала:* «Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб. 1910», рецензировавшей А. Б., СХХІІІ, мартъ, 1091—1092.—*О немъ въ воспоминаніяхъ Луизы Прусской,* СХХVІ, декабрь, 1184—1192.—*Упомянется:* СХХV, августъ, 449, 451, 455, 460, 462—466, 468.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, СХХІІІ, январь, 264, 266—274, 282—285.—*О немъ въ трудъ С.С.Татищевой:* «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Въ двухъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911», рецензировавшемъ Б. Г., СХХІІІ, январь, 316—318.—*О немъ въ статьѣ:* «Великая годовщина. (19 февраля 1861—1911 гг.)», СХХІІІ, февраль, 659—666.—*О немъ въ статьѣ Н. А. Добротворскаго:* «Императоръ Александръ II въ Смоленскѣ», СХХІІІ, мартъ, 1014—1024.—*О немъ въ статьѣ И. М. П.:* «Собака царя-Освободителя. (Изъ воспоминаній стараго чиновника)», СХХІV, апрѣль, 167—173; 219, 225.—*О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова:* «Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, глава VII: «Императоръ Александръ II—наблюдатель за печатью и цензурой», СХХV, сентябрь, 962—966.—*О немъ въ статьѣ Г. Борисова:* «Царская собака и именниый крендель. (Быль)», СХХV, августъ, 569—573.—*Замѣтка:* «Открытие въ Кіевѣ памятника императору Александру II», окт. СХХVІ, 383—384.—*Замѣтка:* «Открытие памятника императору Александру II въ Ивановѣ-Вознесенскѣ», СХХVІ, октябрь, 384—385.—*Упомянется:* СХХІV, июнь, 1002, 1011; СХХV, августъ, 508, 511, 519, 531—532; сентябрь, 1169—1172; СХХVІ, ноябрь, 552, 709; декабрь, 1101—1107.

Александръ III Александровичъ, императоръ, СХХІІІ, январь, 262—264, 275, 282—288; СХХІV, апрѣль, 218, 221—224, 229—231, 234—251; июнь, 1005, 1013, 1036; СХХV, июль, 175, 179—180, 187; августъ, 609—613, 627, 637—643; СХХVІ, ноябрь, 573, 575, 577, 583;

767—768; декабрь, 1117, 1194—1195.—*Замѣтка въ смѣси:* «Закладка памятника императору Александру II», СХХV, августъ, 756—757.

Александръ Баттенбергскій, болгарскій князь, СХХVІ, ноябрь, 552—555, 559—573, 577—590.

Алексѣвъ, А. М., генераль-майоръ. *Рецензія М. С. о редактированномъ имъ трудѣ:* «Шведская война 1808—1809 г. Составленъ военно-историческимъ отдѣломъ шведскаго генеральнаго штаба. Переводы группы офицеровъ бывшаго финляндскаго округа. Спб. 1910», СХХІІІ, мартъ, 1090—1091.

Алексѣвъ, В. А. *Статьи его:* 1) «Плюшкинскій музей», СХХVІ, ноябрь, 697—703.—2) «Суворовъ въ Кобринѣ. (Исторія и преданія)», СХХVІ, декабрь, 1044—1075.

Алексѣй Николаевичъ, великій князь, цесаревичъ.—*Замѣтка:* «Открытие въ Кіевѣ педагогическаго музея имени наследника цесаревича Алексѣя Николаевича», СХХVІ, октябрь, 383—384.

Альбовъ, М. Н., писатель. *О немъ въ статьѣ Г. Л. И.:* «Двѣ смерти. Памяти И. Л. Леонтьева-Щеглова и М. Н. Альбова», СХХV, июль, 227—250.

Аминъ - усъ - Султанъ (Садраамъ), СХХІІІ, январь, 247—248, 250, 252, 254—260.

Амфитеатровъ, А. В., писатель, СХХІІІ, февраль, 460.—*Рецензія А. М.—на о книгѣ его:* «Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ I. Династія при смерти. Книгоиздательство товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1911», СХХVІ, октябрь, 358—360.

— *Рецензія А. М.—на о книгѣ его:* «Звѣрь изъ бездны. Историческое сочиненіе въ четырехъ томахъ. Томъ второй. Золотое пятнадцатіе. Книгоиздательство т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911», СХХVІ, декабрь, 1175—1177.

Андреевъ, Леонидъ Николаевичъ, современный беллетристъ.—*О немъ въ книгѣ К. И. Арабажина:* «Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1911», рецензировавшей А. Фоминымъ, СХХІV, апрѣль, 319—321.

Андруцкій, П. С., СХХІV, май, 592.

Анна Леопольдовна, принцеса Брауншвейгская, правительница Россійскаго государства (1740—1741), СХХVІ, ноябрь, 740—762.

Анна Павловна, великая княжна, впоследствии королева нидерландская (1795—1865), СХХІІІ, январь, 169—170, 181.

Анненковъ, Николай Николаевичъ, государственный контролеръ, потомъ

членъ государственнаго совѣта, СХХV, августъ, 506.

Аннинъ, Павелъ Абрамовичъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. *Некрологъ* его: СХХIII, февраль, 799—800.

Антиповъ, И. А., горный инженеръ. *Некрологъ* его: СХХIV, май, 724.

Антоній, епископъ черниговскій и пѣтрикскій. *Некрологъ* его: СХХIV, июнь, 1139.

Антоновичъ, М. А., писатель, СХХIII, февраль, 540; 626.

Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій, СХХVI, ноябрь, 740—761.

Анфиловъ, В. К. *Статья* его: «Русскій Гагенбекъ», СХХVI, декабрь, 1076—1086.

Арабакинъ, Константинъ Ивановичъ, писатель.—*Рецензія А. Фомина о книгѣ* его: «Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1910», СХХIV, апрѣль, 319—321.

Аргутинскій-Долгоруковъ, Петръ Михайловичъ, профессоръ, докторъ медицины. *Некрологъ* его: СХХVI, октябрь, 392.

Арнъ, Т. Ж., археологъ, СХХIV, апрѣль, 359—360.

Арсеній, архіепископъ повгородскій и старорусскій, членъ государственнаго совѣта, СХХV, сентябрь, 1121—1122.

Арсеньевъ, С. В., дипломатическій агентъ въ Болгаріи, СХХVI, ноябрь, 553, 577—578.

Арутюновъ, Серафимъ Христофоровичъ, редакторъ «Приазовскаго края», *Некрологъ* его: СХХIV, апрѣль, 384.

Атгай, Михаилъ Осиповичъ, профессоръ, СХХIII, мартъ, 1162 (по поводу 35-лѣтія его ученой дѣятельности).

Ахвердовъ, Николай Александровичъ, генераль-лейтенантъ, смоленскій губернаторъ, впоследствии сенаторъ, СХХIII, мартъ, 1014—1016, 1020—1024.

Ашенбреннеръ, Михаилъ Юльевичъ, подполковникъ, народоволецъ, СХХVI, ноябрь, 716—717, 722, 730, 733—738; декабрь, 1105, 1107.

Аванасій, первый архіепископъ новоучрежденной холмогорской и важжской епархіи (1682 г.), СХХVI, ноябрь, 739—740, 742, 751, 760—761.

Б

Б. В. *Рецензія* его: 1) «Н. И. Новосадскій. Греческая эпиграфика. Часть I. М. 1909», СХХIII, январь, 344.—2) «М. Г. Попруженко. Одесская городская публичная бібліотека. 1830—1910. Одесса. 1911», СХХV августъ, 722—723.

Б. В.—скій. *Рецензія* его: «В. В. Ро-

зановъ. Темный ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911.—Его же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 782—787.

Б. Г.—въ. *Статейка* его: «Остафьево 18 іюля 1911 года», СХХV, сентябрь, 1106—1109.

Багницкій, Дарій Викентьевичъ, журналистъ. *Некрологъ* его: СХХIII, январь, 399.

Багалъй, Дм. Ив., профессоръ. *Рецензія М. К. о книгѣ* его: «Очерки изъ русской исторіи. Томъ I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ, 1911», СХХVI, декабрь, 1163—1164.—*Упомянется*: СХХV, июль, 135.

Бадень-Пауль. *Рецензія Л. Н. о книгѣ* его: «Юный развѣдчикъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1911», СХХIII, февраль, 742—743.

Баженовъ, П. Н. *Рецензія М. С. о книгѣ* его: «Сандепу—Мукденъ. Воспоминанія очевидца-участника войны. 1911», СХХV, августъ, 718—720.

Байронъ (лордъ Джоржъ Поэль, 1788—1824), великій англійскій поэтъ, СХХVI, ноябрь, 801—803.

Балабуха, Н. Н., журналистъ, СХХVI, ноябрь, 616—618.

Балакиревъ, Миліи Алексѣевичъ, СХХIV, май, 571—572, 576—577.

Балкъ, Николай Алексѣевичъ, СХХVI, декабрь, 1050.

Барановъ, Алексѣй Григорьевичъ, педагогъ-писатель. *Некрологъ* его: СХХV, сентябрь, 1192.

Барановъ, Николай Михайловичъ, генераль-майоръ, с.-петербургскій градоначальникъ, потомъ архангельскій и нижегородскій губернаторъ, СХХIV, апрѣль, 226, 233, 242; СХХV, августъ, 609—611; сентябрь, 852—853.

Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ, поэтъ, СХХV, июль, 122—124.

Барбагалло, Коррадо, итальянскій историкъ, СХХV, июль, 317—318.

Барсовъ, Петръ Ивановичъ, педагогъ. *Некрологъ* его: СХХVI, октябрь, 393.

Бартенева, Владиміръ Ивановичъ, сенаторъ, старѣйшій судебный дѣятель. *Некрологъ* его: СХХV, июль, 345.

Бауэръ, Отто. *Рецензія В. Г. о книгѣ* его: «Національный вопросъ и социаль-демократія. Спб. 1910», СХХIV, май, 666—667.

Бахметьева, Софья Андреевна, по мужу Миллеръ, потомъ жена графа Алексѣя Константиновича Толстого, СХХV, сентябрь, 817 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Башиловъ, Александръ Павловичъ, петербургскій нотаріусъ.—*Замѣтка*:

- «40-лѣтіе научно-общественной дѣятельности А. П. Башилова», СХХVI, декабрь, 1213.
- Баязитовъ**, Атаулла, мулла, петербургскій ахундъ и мударисъ. *Некрологъ его*: СХХIV, июнь, 1138—1140.
- Безобразова**, Марія Владимировна, писательница, СХХIII, февраль, 787. (По поводу 30-лѣтія ея педагогической и литературной дѣятельности).
- Бекетовъ**, Владимиръ Николаевичъ, цензоръ, СХХV, августъ, 521—522.
- Бенедекъ**, австрійскій генер., СХХIV, июнь, 1121—1126.
- Бенедиктовъ**, Владимиръ Григорьевичъ, поэтъ, СХХIII, январь, 97.
- Бенуа**, Александръ. *Рецензія М—о о составленномъ имъ: «Путеводителѣ по картинной галлерей императорскаго Эрмитажа. Изданіе общины св. Евгенія. Спб. 1911»*, СХХVI, ноябрь, 790—791.
- Берги**:
— Николай Васильевичъ, СХХIII, январь, 111—113.
— О. Н., журналистъ, СХХIII, мартъ, 892—895.
- Беренковъ**, М. Н., профессоръ. *Рецензія В. Данилова объ изданномъ имъ трудѣ А. Ф. Шафобскаго: «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. Нѣжинъ. 1910»*, СХХIII, январь, 351.
- Берно**, Жозефъ (Берекъ Йоселевичъ), полковникъ. *О немъ въ статьѣ Н. С. Акамова: «Крегингенскій факторъ и его сынъ»*, СХХIII, январь, 196—215.
- Бернугъ**, Евгенія. *Ея вступленіе къ «Запискамъ Н. К. Беркута»*, СХХVI, октябрь, 46—58.
- Бернугъ**, Николай Кононовичъ, инспекторъ московскаго врачебнаго округа. *Его: «Записки»*, СХХVI, октябрь, 46—90; ноябрь, 449—477; декабрь, 876—905.
- Бертенсонъ**, В. Б., докторъ медицины. *Рецензія М—о о брошюрѣ его: «Чума»*. Спб. 1911», СХХIV, май, 672—*Статья его: «Изъ воспоминаній о К. А. Скальковскомъ»*, СХХVI, ноябрь, 511—529.
- Бехтѣвъ**, С. С., общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХХV, августъ, 761—762.
- Биконсфильдъ** (Бенжаменъ Дизраэли, лордъ), англійскій министр, писатель, СХХIII, февраль, 761—767. (Характеристика его).
- Бирюновъ**, Я. *Рецензіи его*: 1) «Часовой, М. X. Грядущее Дальняго Востока. Спб. 1910», СХХIII, мартъ, 1120—1121.— 2) «Кастанье, I, А. Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края. (Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXII.). Оренбургъ. 1910», СХХV, июль, 297—298.— 3) «Козьминъ, Н. Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910», СХХV, июль, 300.
- Бисмаркъ**, Шенгаузеиъ, Отто-Леопольдъ-Эдуардъ, князь, знаменитый германскій дипломатъ, «железный канцлеръ», СХХIII, мартъ, 1130—1134. (Въ воспоминаніяхъ г-жи Аданъ).—*О немъ въ запискѣ: Бенедекъ и Бисмаркъ»*, СХХIV, июнь, 1121—1126.
- Бювэ**, Ашиль, французскій писатель, СХХIV, май, 683—684.
- Благовѣщенская**, М. П. *Рецензія М—о о переведенной ею книгѣ Акселя Лундгарда: «На смертномъ одрѣ. La Mouche. Романъ изъ личной жизни Генриха Гейне. Спб. 1911»*, СХХIV, апрѣль, 323—325.
- Блумбергъ**, Константинъ Матвѣевичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХIV, май, 724—725.
- Бобринскій**, Алексѣй Александровичъ, графъ. *О немъ въ статьѣ Н. Н. Фирсова (А. Рускина): «Русскіе ученые въ Персіи»*, СХХIII, февраль, 653—658.—*О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова: «Археологическая дѣятельность графа А. А. Бобринскаго. (По поводу 25-лѣтія его предѣдательства въ императорской археологической комиссіи)»*, СХХIII, мартъ, 1060—1068.—*Упоминается: СХХIII,, мартъ, 1080; 1160—1162 (по поводу его юбилея).*
- Бобаевскій**, Леонидъ Грегорьевичъ, профессоръ, *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль, 384—385.
- Богдановичъ**, Евгенийъ Васильевичъ, генераль - отъ - инфантерін, писатель, СХХIII, январь, 281.
- Богдановичъ**, (Кобозевъ), Юрій Николаевичъ, революціонеръ, СХХVI, декабрь, 1100—1103, 1105, 1108.
- Богдановскій**, Евстафій Ивановичъ, профессоръ медико-хирургической академіи, извѣстный хирургъ, СХХV, августъ, 425—426.
- Богдановъ**, Д. *Рецензія его: «Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXI. Калуга. 1911»*, СХХIV, июнь, 1082—1083.
- Богословскій**, Иванъ Владимировичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХIII, мартъ, 1165.
- Богоявленскій**, Н. В., приватъ-доцентъ московскаго университета.—*О немъ въ статьѣ Н. Н. Фирсова (А. Рускина): «Русскіе ученые въ Персіи»*, СХХIII, февраль, 653—658.
- Богровъ**, Дмитрій Григорьевичъ, убійца П. А. Столыпина, СХХVI, ноябрь, 614—637.
- Богучарскій**, В. Я., СХХV, августъ, 618—624, 630—633, 638—651; сентябрь, 1091—1092.

- Божеряновъ, И. П.** *Рецензія Л. Н. о редакцірованной имъ книжкѣ: «Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 году. Спб. 1910», СХХІV, май, 649—650.*
- Болтина, А. П.**, СХХІV, апрѣль, 49—52
- Болтинъ, П. А.**, СХХІV, апрѣль, 50—52.
- Бончъ-Бруевичъ, В.** *Рецензія В. Троцкаго о редакцірованныхъ имъ: «Материалахъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Выпускъ IV. Новый Израиль. Спб. 1911», СХХІV, апрѣль, 312—314.*
- Борисовскій, В. С.**, докторъ медицины, СХХІV, июнь, 1070.
- Борисовъ, Г.** *Статька его: «Царская собака и именниый крендель. (Быль)», СХХV, августъ, 569—573.*
- Бородинъ, Михаилъ Павловичъ**, журналистъ. *Некрологъ его: СХХІІІ, февраль, 800.*
- Бородинъ, М. М.** *Рецензія М. Соколовскаго о книгѣ его: «Исторія Финляндіи. Время Елизаветы Петровны. Съ портретами, иллюстраціями и копіей карты 1742 г. Спб., 1910», СХХІІІ, февраль, 720—723.*
- Бороздинъ, Корнелій Александровичъ**, авторъ «Записокъ», СХХV, августъ, 651; сентябрь, 1048—1097 (въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Эпоха мира и успокоенія»).
- Боцяновскій, Вл. Теоф.**, писатель. *Рецензія А. Фарсова о книгѣ его: «Богосекатели. Спб. 1911 г.», СХХV, июль, 308—311.*
- Браницкая, Александра Васильевна**, графиня, племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, СХХІV, май, 532—534, 544.
- Брюнь, Фредерика**, любимица Гете, СХХV, июль, 330—331.
- Бродскій, Л. К.** *Рецензія Ан. Титова о трудѣ его: «Священникъ Θεодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Первому. Материалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Съ портретомъ Левицкаго. Спб. 1911», СХХVІ, октябрь, 338—339.*
- Бродскій, Н. А.** *Рецензія Т. А. М. о книгѣ его: «Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Пѣсни, памфлеты, сказки, анекдоты, заговоры, пословицы, драмы-комедіи. М. 1911», СХХV, августъ, 724—725.*
- Брокъ, Николай Петровичъ**, генераль-отъ-инфантеріи, почетный спекунъ. *О немъ въ статьѣ М. Веселковой-Кильшиттъ: «Въ гостяхъ у Пеликана», СХХV, 251—265.*
- Бронзовъ, А. А.**, профессоръ. *Рецензія С. о книгѣ его: «Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Унышевъ. Воспоминанія. Спб., 1911», СХХІV, апрѣль, 310—312.*
- Бруни, Юліи Ѳеодоровичъ**, архитекторъ. *Некрологъ его: СХХІІІ, мартъ, 1166.*
- Брэнъ, французскій военный министръ**, СХХІV, май, 699—700 (по поводу его смерти).
- Брюсовъ, Евграфъ Ивановичъ**, лаборантъ при физической лабораторіи Московскаго университета. *Некрологъ его: СХХV, сентябрь, 1193.*
- Булгановскій, Д. Г.** *Рецензія А. Фарсова о книгѣ его: «Очеркъ дѣятельности попечительства о народной трезвости. Спб., 1910 г.», январь, 337—340.*
- Булгановъ, Н.** *Замѣтка его: «По поводу статьи К. Икскуль, «Небесная попечительница», СХХІІІ, январь, 416.*
- Булгановъ, П. А.**, калужскій и тамбовскій губернаторъ, СХХІІІ, февраль, 571—577; мартъ, 919—925, 930—931.
- Булычовъ, Н. И.** *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 года по Калужской губерніи (Калужское дворянское ополченіе). Калуга. 1911», СХХІV май, 659—660.*
- Бурдесъ, Борисъ Павловичъ**, писатель. *Некрологъ его: СХХVІ, октябрь, 393.*
- Буслаевъ, Ѳеодоръ Ивановичъ**, академикъ, СХХІV, июнь, 963—964.
- Бутаковъ, Григорій Ивановичъ**, адмиралъ, СХХV, сентябрь, 852—854.
- Бутлеровъ, Александръ Михайловичъ**, знаменитый химикъ. *О немъ въ «Отрывочныхъ воспоминаніяхъ». А. Н. Витмера, СХХV, августъ, 435—448.*
- Бухаринъ, Михаилъ Николаевичъ**, членъ совѣта министра путей сообщенія. *Некрологъ его: СХХІІІ, февраль, 800—801.*
- Буцевичъ, Александръ Викентьевичъ**, лейтенантъ, народоволецъ, СХХVІ, ноябрь, 718—722, 728—738.
- Бѣгичева, Марья Вас.**, СХХV, июль, 59—63.
- Бѣгичевъ, В. П.**, СХХІV, апрѣль, 117; СХХV, июль, 61—62.
- Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ**, русскій критикъ. *О немъ въ книжкѣ В. Е. Рудакова: «Великій русскій критикъ. В. Г. Бѣлинскій. Научно-популярный біографическій очеркъ. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая бібліотека). Спб. 1910», рецензир. Г., СХХІІІ, февраль, 740.—О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова: «Архивныя розыски о рожденіи Бѣлинскаго и о происхожденіи его матери», СХХІV, май, 594—602.—О немъ въ статьѣ М. А. О—ва: «Эпизодъ изъ біографіи В. Г. Бѣлинскаго», СХХVІ, октябрь, 226—231.—Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе подъ редак-*

дцей Иванова-Разумника. Спб., 1911». — «Собрание сочинений В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей Н. Д. Носкова. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1911», рецензир. А. Фоминымъ, СХХVI, дек., 1169—1171.

Бѣловъ, Алексѣй Михайловичъ. *Его статья*: «В. О. Ключевскій, какъ лекторъ (Изъ воспоминаній его слушателя)», СХХIV, июнь, 986—990.

Бѣлоголовый, Николай Андреевичъ, докторъ, редакторъ журнала «Общее Дѣло», СХХV, августъ, 625—626, 633—634.

Бѣлоцерковецъ, Н. Е. *Рецензія Д. Б. о составленной имъ вкѣстѣ съ Э. М. Клейномъ и Д. И. Доягало книгъ*: «Городъ Борисовъ (Минской губерніи). Вильна. 1910», СХХIII, мартъ, 1121.

Бѣляевъ, В. И., профессоръ и попечитель варшавскаго учебнаго округа. *Некрологъ его*: СХХVI, ноябрь, 825—826.

Бэнонъ, Веруламекій (Фрэнсисъ, 1561—1626), англійскій канцлеръ, философъ, СХХIV, май, 676—679.

Бюлеры, бароны:

— А. Я., дипломатъ, СХХVI, декабрь, 1057—1069, 1063—1064.

— К. Я., СХХVI, декабрь, 1057.

Бюловъ, знаменитый нѣмецкій музыкантъ, СХХIII, апрѣль, 360—361.

Бюцовъ, Евгений Карловичъ, русскій посоль въ Тегеранѣ, СХХIV, апрѣль, 398—399.

В

В. *Рецензія его*: «Проф. П. Н. Кудрявцевъ. Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. Три выпуска «Всеобщей Библиотеки». Спб. 1910», СХХIII, февраль, 746—748.

В. Г. *Рецензія его*: 1) «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1910. г. Тома XV книжка 1-я. Спб. 1910», СХХIII, мартъ, 1105—1106. 2) «Отто Бауеръ. Національный вопросъ и социаль-демократія. Спб. 1910», СХХIV, май, 666—667. — 3) «Болгарія. Сочиненіе профессора географіи софійскаго университета А. Иширкова. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1911», СХХV, августъ, 733—734. 4) «Ал. Кондрагевъ. Улыбка Ашеры. Спб. 1911», СХХV, сентябрь, 1164.

В. Ж. *Рецензія его*: «К. Военскій. Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. Спб. 1911», СХХIV, апрѣль, 297—299.

В. П. М.—нъ. *Статья его*: «Изъ прошлаго», СХХIV, май, 578—584.

В. Ф. *Рецензія его*: «Полковникъ Н. П. Поликарповъ. Забытыя и неописанныя

военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызванія своимъ ходомъ рѣшительное сраженіе 26 августа 1812 г. при селѣ Бородинѣ. Выпускъ I. Боевыя дѣйствія 1-й и 2-й западной арміи на большой Московско-Смоленской дорогѣ съ 9 по 17 августа 1812 года. Изданіе Л. Лукьянова. М. 1911», СХХVI, ноябрь, 775.

Вагнеръ, Н. П., композиторъ, СХХIII, февраль, 473—476 (въ воспоминаніяхъ П. П. Гнѣдича).

Валишевскій, К. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Царство женщинъ. Екатерина I, Анна, Елизавета, Переводъ съ французскаго А. Гретманъ, М. 1910», СХХIV, июнь, 1080—1081.

Валуевъ, Петръ Александровичъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХIII, февраль, 564. — *О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова*: «Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. (Предсѣдатель спб. цензурнаго комитета В. А. Цеъ)», СХХV, августъ, 521; сентябрь, 967—980.

Вандаль, Альбертъ. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб., 1910», СХХIII, мартъ, 1091—1092.

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, военный министръ и министръ народнаго просвѣщенія. — *О немъ*: «Воспоминаніе. (На память сыну моему)», М. Морозова, СХХIII, январь, 134—140. — *О немъ въ статьѣ Ю. Лоссовскаго*: «Доброе дѣло. (Памяти П. С. Ванновскаго)», СХХIII, мартъ, 987—990. — *О немъ въ статьѣ Н. Мъщанинова*: «Изъ воспоминаній о П. С. Ванновскомъ», СХХIV, май, 491—514. — *О немъ въ замѣткѣ А. П. Александрова*: «Къ воспоминаніямъ о П. С. Ванновскомъ», СХХV, июль, 131—133. — *О немъ въ замѣткѣ С. И. Ярославцева*: «Къ характеристикѣ П. С. Ванновскаго», СХХVI, октябрь, 232—235. — *Упомянется*: СХХIII, январь, 241, 245; СХХV, сентябрь, 1045—1046.

Вантъ-Гоффъ, голландецъ, профессоръ химіи, СХХIV, май, 698—699 (по поводу его смерти).

Варлыгинъ, поэтъ-самоучка изъ народа, СХХIII, мартъ, 890.

Васильева, Н. С., артистка, СХХIII, январь, 69—70.

Васильевскій, П. Е. *Рецензія М.—о книгѣ его*: «Чудеса животнаго міра (Зоологія для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ. Съ 185 рис. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 787—788.

Васильчикова, А. И., урожденная Арха-

рова. СХХVI, октябрь, 82—90; ноябрь, 451—454 (въ «Запискахъ П. К. Беркута»).

Ващенко-Захарченко, Мих. Мих., журналистъ. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 399—400.

Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, профессоръ московской духовной академіи. СХХVI, ноябрь, 820—821 (по поводу 25-лѣтія его учено-педагогической дѣятельности).

Вейнартъ, Георгій-Николай, баварець, лейбъ-медикъ. СХХVI, декабрь, 1058, 1062, 1065, 1069.

Вейнбергъ, Павелъ Исаевичъ, актеръ. СХХIII, январь, 56.

Вейнбергъ, Павелъ Павловичъ, юмористъ. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 400.

Вейнбергъ, Петръ Исаевичъ, поэтъ-переводчикъ. СХХIII, январь, 42, 43, 47—50, 52, 59.

Величко, Василій Львовичъ, поэтъ. СХХIV, июнь, 948—949.

Венеціановъ, В. А., издатель «Журнала карикатуръ». СХХV, июль, 304.

Вердеревскій, Василій Евграфовичъ. СХХV, июль, 59—60.

Верещагинъ, В. А. *Рецензія Г.—ъ о книжкѣ его*: «Русская карикатура. I. В. Ф. Тимъ. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 780—782.

Вержиловичъ, Александръ Валерьяновичъ, профессоръ Спб. консерваторіи, извѣстный виолончелистъ. *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль, 385.

Верховской, Н. П. *Рецензія Вик. Ткачука о книгѣ его*: «Железнодорожная перазбиха. Terra incognita. Спб. 1911». СХХV, сентябрь, 1158—1159.

Верховской, П. В. *Рецензія его*: «М. Ключковъ. Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911». СХХVI, ноябрь, 763—767.

Веселаго, Ф. Ф., цензоръ. СХХV, августъ, 522, 528.

Веселкова-Нильштеть, М. Г. *Ея*: 1) «Кольчешская волчица». СХХIII, январь, 7—40; февраль, 417—457; мартъ, 816—854; СХХIV, апрѣль, 5—41; май, 401—428; июнь, 737—777; СХХV, июль, 5—49; августъ, 353—394; сентябрь, 769—808; СХХVI, октябрь, 5—45; ноябрь, 410—448; декабрь, 831—875.—2) «Въ гостяхъ у Педикапа». СХХV, июль, 251—265.—3) «Розановъ, П. Г., протоіерей». СХХVI, ноябрь, 828—829 (въ отдѣлѣ некрологовъ). *Рецензія Б. Г. о книгѣ ея*: «Пѣсни забытой усадьбы». Спб. 1911», СХХVI, декабрь, 1171—1172.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, про-

фессоръ, археологъ. *Рецензія А. Миросова объ его трудѣ*: «Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г. по Р. Х. изъ собранія графа А. А. Бобринскаго. Описать Н. И. Веселовскій. Спб., 1910 г.». СХХV, сентябрь, 1152—1153.

Вешняковы:

— Петръ Ивановичъ, артиллеріи майоръ. СХХV, августъ, 471—472.

— Василій Петровичъ. СХХV, августъ, 489—496.

Викторъ-Эммануиль, король Італіи. СХХIV, май, 692—694.

Вилламовичъ-Меллендорффъ, писатель. СХХV, июль, 331—332.

Вилліе, Михаилъ Яковлевичъ, академикъ живописи. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 400—401.

Вильгельмъ I, германскій императоръ. СХХIII, январь, 283.

Вильгельмъ II, германскій императоръ. СХХVI, ноябрь, 811—813 («Вильгельмъ—главнокомандующій арміею»).

Вильде, Оскаръ, англійскій романистъ. СХХV, сентябрь, 1178—1179.

Виноградовъ, П. Г., профессоръ. *Рецензія Пант. объ его лекціи*: «Господство права. М. 1991». СХХVI, ноябрь, 776—777.

Витальенъ, французъ, докторъ, состоявшій при Менеликѣ, негусѣ абиссинскомъ. 12 лѣтъ и напечатанній о немъ свѣдѣнія въ «Journal». СХХIV, май, 684—685.

Витбергъ, Ф. А. *Рецензія В. Е. Рудякова о редактированной имъ книгѣ О. А. Таральсина*: «Матушка Русь. Хрестоматія. I и II части. Для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ иллюстраціями. Спб., 1910». СХХIII, январь, 321—323. *Рецензія В. Р.—а о редактированной имъ книгѣ О. А. Таральсина*: «Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Выпуски 1—12. Спб., 1910». СХХIV, май, 658—659.—*Рецензія Л. Н. о редактированной имъ книгѣ О. А. Таральсина*: «Годъ русской славы 1812—1912 гг. Спб., 1911». СХХVI, октябрь, 339—340.

Витмеръ, А. Н. *Его*: «Отрывочныя воспоминанія». СХХV, августъ, 419—448; сентябрь, 852—880.

Витоль, І. И., профессоръ петербургской консерваторіи.—*Записка*: «Къ юбилею профессора І. И. Витголя». СХХVI, декабрь, 1211—1212.

Вишняковъ, Николай Петровичъ, протоіерей. *Некрологъ его*: СХХV, августъ, 762.

Віельгорскій, Матвѣй Юрьевичъ, графъ. СХХIV, апрѣль, 123—124.

Владимиръ Александровичъ, великій князь. СХХIII, январь, 263, 266.

- Воейновъ, Д. Н.**, СХХV, июль, 197.
- Военскій, К. А.** *Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ его, составленной въ честь с. Ю. Карповымъ: «Причины войны 1812 г.»*, Сиб., 1911», СХХIV, апрѣль, 293—297.—*Рецензія В. Ж. о книгѣ его: «Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. (Материалы военно-учебнаго архива)»*, Сиб., 1911», СХХIV, апрѣль, 297—299.—*Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ его: «Акты, документы и материалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Томъ II. Балтійская окраина въ 1812 г.»*, Сиб., 1911», СХХIV, май, 639—646.
- Вознесенскій, Пв. Пв.**, протоіерей, знатокъ церковнаго шбія. *Некрологъ его*: СХХIII, февраль, 801—802.
- Волнова, А. Н.**, писательница. *Некрологъ ея*: СХХIII, январь, 401—402.
- Волновъ, Е. Е.**, цензоръ. СХХV, августъ, 522—523.
- Волновъ, П. Е.**, *Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его: «Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III. (1881—1894)»*, Сиб., 1910», СХХVI, ноябрь, 767—768.
- Волновъ, Федоръ Григорьевичъ**, создатель русскаго театра. СХХIV, июнь, 915—918.
- Волконская, Варвара Михайловна**, княжна, СХХV, августъ, 450—451.
- Волконскій, Андрей Алексѣевичъ**, князь. СХХIII, январь, 110.
- Вольтеръ, Франсуа (1694—1778)**, великій французскій писатель, философъ. СХХIII, февраль, 770—774 (новые документы о немъ).
- Вольтеръ, Эдуардъ Александр.** приватъ-доцентъ Сиб. университета. СХХIV, май, 720—722 (по случаю 25-лѣтія его учено-литературной дѣятельности).
- Вороновъ, Михаилъ Ивановичъ**, писатель. СХХV, июль, 55—57; августъ, 395—396; СХХVI, октябрь, 93.
- Воронцовъ-Дашковъ, Пларіонъ Ивановичъ**, графъ, б. министра двора, нынѣ намѣстникъ Кавказа. СХХV, сентябрь, 1062—1081, 1095—1097.
- Воротниковъ, А.** *Рецензія Пант. о переселенной имъ книгѣ Жана Ломбара: «Агонія. Предисловіе Октава Мирбо. Книгоиздательство «Сфинксъ»*, М. 1119». СХХIV, июнь, 1091—1093.
- Всеволожскій, Иванъ Александровичъ**, директоръ императорскихъ театровъ. СХХIII, январь, 41, 45—46, 53, 55, 59.
- Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ**, министръ финансовъ. СХХV, октябрь, 859—880 (въ воспоминаніяхъ А. Н. Витмера).
- Г**
- Г—ъ.** *Рецензія его: «Русская карикатура»*, I. В. Ф. Тиммъ, Составилъ В. А. Верещагинъ. Сиб., 1911», СХХVI, ноябрь, 780—782.
- Г. Н.** *Его статейка: «Памятникъ русскому гетману въ Китаѣ»*, СХХV, сентябрь, 1101—1105.
- Гаазъ, Федоръ Петровичъ**, извѣстный докторъ-филантропъ. СХХVI, декабрь, 886—893 (въ «Запискахъ» Н. К. Беркута).
- Габаевъ, Г. С.** *Рецензія В. Р-ва о книгѣ его: 1) «Документъ о русскихъ знаменахъ и прочихъ войсковыхъ регаліяхъ начала XIX вѣка (1803—1815 гг.)*. Опытъ историко-иконографическаго описанія. Сиб., 1911», и 2) «Вѣковая годовщина Отечественной войны и инженерныя войска. Сиб., 1911», СХХVI, ноябрь, 774—775.
- Гамалѣя, Антошъ Андреевичъ**, малороссійскій генеральній есаулъ. СХХV, августъ, 537—538.
- Гамбетта, Леонъ-Мишель (1838—1882)**, французскій политическій дѣятель, адвокатъ и ораторъ. СХХIII, мартъ, 1128—1136 (въ воспоминаніяхъ г-жи Ададь.)
- Гарibaldi, Джузеппе (1805—1882)**, итальянскій патріотъ и полководецъ, демократъ. СХХIII, февраль, 775 (по поводу его стихотвореній).
- Гаркави, Абрамъ Яковлевичъ**, извѣстный гебраистъ. СХХIV, май, 718—719 (по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности).
- Гартвихъ (фонъ)**, Людвигъ-Юлиусъ-Вильгельмъ, прусскій офицеръ, авторъ разсказа о 1812 годѣ. СХХIV, апрѣль, 326—328.
- Гаусманъ, Р.**, проф., СХХV, сентябрь, 1125—1126.
- Гейне, Генрихъ**, извѣстный нѣмецкій поэтъ. *О немъ въ книгѣ Акселя Лундегарда: «На смертномъ одрѣ. La Morte»*. Романъ изъ личной жизни Генриха Гейне. Переводъ М. П. Благовѣщенской. Сиб., 1911», рецензировавшей М—о, СХХIV, апрѣль, 323—325.
- Гельфманъ, Гезя Мироповна**, русская революціонерка, СХХIV, июнь, 1010, 1019, 1038—1041.
- Генкель, Вас. Егоръ**, ветеранъ русскаго книгоиздательства. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 402.
- Георгіевскій, Александръ Ивановичъ**, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХIV, июнь, 1140.
- Георгіевскій, В. Т.**, СХХIV, апрѣль, 326.
- Гермоніусъ, Аксель Карловичъ**, журналистъ, СХХIII, мартъ, 878—879.

- Герценъ,** Александръ Ивановичъ (Искандеръ). СХХV, августъ. 526—528.
- Гершензонъ,** М. О. *Рецензія Н. Лернера о редактированномъ имъ: «Полномъ собраніи сочиненій И. В. Кирѣвскаго, въ двухъ томахъ. М. 1911».* СХХV, августъ. 724—726.
- Герье,** В. П., профессоръ, членъ государственнаго совѣта. *Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Французская революція въ освѣщеніи И. Тэна. Спб., 1911».* СХХIV, май, 669—670.
- Гиляровъ-Платоновъ,** П. П., проф. СХХIV, июнь. 960—961.
- Гинзбургъ,** Давидъ Гораціевичъ, баронъ. *Некрологъ его:* СХХIII, январь. 402—403.
- Гинзбургъ,** Рауль. *О немъ замѣтки.* «Рауль Гинзбургъ, какъ герой и дипломатъ». СХХVI, декабрь. 1192—1195.
- Гинсъ,** Г. К. *Его: «Таранчи и дунгане. (Очерки изъ поѣздки къ Семирѣчью)».* СХХV, августъ. 672—708.
- Гирсъ,** Николай Карловичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. СХХVI, ноябрь, 575, 577, 583—584.
- Главачъ,** В. И. музыкантъ. *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль. 385—387.
- Глинка,** Иванъ Андреевичъ. СХХIV, май, 546.
- Глинскій,** Борисъ Борисовичъ, писатель. *Статьи его:* 1) «В. И. Сергѣевичъ и студенческіе безпорядки». СХХIII, январь. 216—245.—2) «Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки)». СХХIII, январь. 262—288; СХХIV, апрѣль. 218—255; июнь. 1002—1046; СХХV, июль. 175—212; августъ. 609—651; сентябрь. 1048—1100; СХХVI, октябрь. 255—300; ноябрь. 704—738; декабрь. 1096—1117.—3) «Памяти А. М. Скабичевскаго». СХХIII, февраль. 623—648.—4) «Торжественное чествованіе Г. И. Ясинскаго. (По случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности)». СХХIII, февраль. 694—709.—5) «Трагедія ученаго поэта. (Воспоминаніе о В. П. Михайловѣ-Мартовѣ)». СХХIV, июнь. 872—892.—6) «Поэтъ Божіей милостию. Памяти К. М. Фофанова». СХХIV, июль. 391—1001.—7) «Двѣ смерти. (Памяти И. Л. Щеглова-Леонтьева и М. П. Альбова)». СХХV, июль. 227—250.—*Рецензія его:* 1) «Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ и кончинѣ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагемейстера главнаго штаба Лопася Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 гг., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ текетѣ 15 рисунковъ и 4 факсимиле писемъ. Спб., 1910». СХХIII, январь. 311—314.—2) «С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ П. его жизнь и царствованіе. Въ двухъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911». СХХIII, январь. 316—318. 3) «В. Розановъ. Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. Спб., 1910». СХХIII, январь. 335—337.—4) «Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе т-ва И. Д. Сытина. 2 тома. М. 1911». СХХIII, февраль. 710—716.—5) «Великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій. Научно-популярный біографическій очеркъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Спб. 1910». СХХIII, февраль. 740.—6) «Г. Т. Сѣверцовъ-Политовъ. Послѣ грозы... Три повѣсти современной растерянности. Спб., 1910». СХХIII, февраль. 741—742.—7) «Кузнецовъ В. К. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. II—V. Понторное изслѣдованіе. Спб. 1910». СХХIII, мартъ. 1114—1116.—8) «А. П. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Меженникова. Спб., 1911». СХХIII, мартъ. 1116—9) «Ю. Карцовъ и К. Военскій. Причины войны 1812 г. Спб. 1911». СХХIV, апрѣль. 293—297.—10) «К. А. Военскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г. Томъ II. Балтійская окраина въ 1812 г. Спб., 1911». СХХIV, май. 639—646.—11) «Р. П. Сементковскій. Современная Россія въ дни революціи. Спб., 1911». СХХIV, июль. 1039—1103.—12) «К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студенчества. 1832—1835 гг. М. 1911». СХХIV, июль. 1103—1104.—13) «Елизавета Лихачева. Воспоминанія одной русской знаменитости. Спб. 1911». Она же. «Нравы нашего милаго общества. Спб. 1911». СХХV, августъ. 726—729.—14) «Е. А. Наградская. Гитвъ Дюннеа. Спб., 1911». СХХV, сентябрь. 1160—1163.—15) «А. Въ наматъ Л. П. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ подъ редакціей Юрія Битовта. Пешолицы и изданіи художественной фотографіи К. А. Финиери. М. 1911.—П. Л. П. Толстой. Жизнь и творчество. (1828—1908). Вып. II, изд. П. П. Сойкина». СХХVI, октябрь. 356—358.—16) «Нѣмн забытой усадьбы. М. Г. Веселковой-Килытеть. Спб. 1911». XXVI, декабрь. 1171—1172.—*Рецензія П. Г. о книгѣ его: «Царскія дѣти и ихъ пастышники».* Спб., 1911». СХХVI, декабрь. 1164—1165.
- Глубоковскій,** Н. П., профессоръ. *Рецензія проф. М. Красножесна о книгѣ его:*

«По вопросу о «правѣ» евреевъ именоваться христіанскими именами. Трактатъ и историческая справка. Спб. 1911», СХХV, сентябрь, 1153—1155.

Глѣбовы:

— Иванъ Павловичъ, СХХVI, октябрь, 65, 69—77.

— Авдотья Григорьевна, СХХVI, октябрь, 69—76.

Гнѣдичъ, Петръ Петровичъ, писатель. *Его:* 1) «Послѣдніе орлы. Силуэты конца XIX вѣка», СХХIII, январь, 41—73; февраль, 458—488.—Замѣтка И. А. къ ней («Къ разсказу И. А. Гончарова о происхожденіи поэта графа Алексѣя Константиновича Толстого»), СХХIII, февраль, 814—2) «Растрата», СХХVI, ноябрь, 478—510; декабрь, 906—928.

Гоголь, Николай Васильевичъ.—*О немъ въ воспоминаніяхъ А. Н. Соколовой*, СХХIII январь, 105—108.—*Упомянутъ:* СХХIII, мартъ, 1106; СХХVI, октябрь, 85—86.

Гойнингенъ-Гюне, Александръ Федоровичъ, баронъ, почетный опекунъ, ближайшій сотрудникъ принца П. Г. Ольденбургскаго въ его благотворительной и просвѣдательной дѣятельности. *Некрологъ его:* СХХVI, декабрь, 1214—1215.

Голицына, Варвара Васильевна, княгиня (урожденная Энгельгардтъ), СХХIV, май, 534—535.

Голицыны, князя:

— Александръ Николаевичъ, содиратель книгъ («*Rossica*). *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль, 387.

— Григорій Сергѣевичъ, генералъ-адъютантъ, главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ. *О немъ въ статьѣ А. Кшишинскаго:* «Армянскій католикосъ Мкртчъ I Хримянъ и князь Г. С. Голицынъ. (Личныя воспоминанія)», СХХIV, июнь, 940—949.

— Дмитрій Владимировичъ, московскій генералъ-губернаторъ. СХХVI, декабрь, 886—888.

— Николай Владимировичъ. *Рецензія Н. Лернера о редактированнхъ имъ: «Запискахъ Елизаветы Ивановны Поповой.* Спб. 1911», СХХVI, окт., 346—348.

— Петръ Дмитріевичъ.—*Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Первый вѣкъ сената.* Спб. 1910», СХХIII, мартъ, 1117—1118.

— Юрій Николаевичъ, музыкантъ, СХХIII, мартъ, 931—936.

Головина (Ворошица), В. З. *Ея:* «Мое знакомство съ А. Н. Островскимъ. (Изъ воспоминаній В. З. Головиной (Ворошиной)», СХХV, июль, 125—130.

Головина, Варвара Николаевна, графиня. *Рецензія А. Б. объ ея: Мемуарахъ»*

(1766—1821). *Предисловіе и примѣчанія К. Валишевскаго. Полный переводъ съ французскаго К. Панудогло. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1911», СХХVI, октябрь, 341.*

Головинъ (Орловскій), Константинъ Федоровичъ, писатель, СХХV, июль, 177—180, 186.

Головинъ, Н. Н. *Рецензія И. о книгѣ его: «Моя первая русская исторія. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911». СХХVI, декабрь, 1164—1165.*

Головинъ, Александръ Васильевичъ, министръ народнаго просвѣщенія.—*О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова. «Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. (Предсѣдатель Спб. Цензурнаго комитета В. А. Цезъ)», СХХV, августъ, 502—533; сентябрь, 962—987.*

Голохвастовъ, Д. П., СХХV, июль, 189—192; СХХVI, ноябрь, 468—469.

Голубевъ, Василій Семеновичъ, публицистъ. *Некрологъ его:* СХХIII, февраль, 802.

Голубцовъ, Александръ Петровичъ, профессоръ московской духовной академіи. *Некрологъ его:* СХХV, августъ, 762—763.

Гольденбергъ, Григорій Давидовичъ, революціонеръ, СХХIV, июнь, 1007—1008, 1012, 1016—1018.

Гомперцъ, Теодоръ, профессоръ вѣнскаго университета. *Рецензія А. М.—на о книгѣ его, переведенной Е. Герцкомъ и Д. Жуковскимъ: «Греческіе мыслители. Т. I. Спб., 1911», СХХIV, апрѣль, 330—331.*

Гончаровъ, Иванъ Александровичъ, извѣстный писатель, СХХIII, январь, 55, 69—72; СХХIV, май, 522—525.—*О немъ статья Семена Штицера: «Забытый классикъ. (Матеріалы для біографіи И. А. Гончарова)», СХХVI, ноябрь, 679—691.*

Горбуновъ, Иванъ Федоровичъ, артистъ, писатель, СХХIV, июнь, 928—931.

Горталовы:

— Гаврилъ Ивановичъ, помѣщикъ, СХХV, сентябрь, 935—950.

— Иванъ Кузьмичъ, помѣщикъ, СХХV, сентябрь, 928—935, 953, 957—960.

— Петръ Ивановичъ, помѣщикъ, СХХV, сентябрь, 950—953.

— Пелагея Ивановна, СХХV, октябрь, 956—960.

Горталовъ, Н. К. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Изъ прошлаго императорской казанской I гимназіи. (Съ 2 портретами и видомъ гимназіи въ началѣ XIX ст. Казань. 1910», СХХIII, январь, 348—349.*

Горчановъ, Александръ Михайловичъ,

свѣтлѣйшій князь, канцлеръ. СХХУ, сентябрь, 975.

Горчаковъ, Алексѣй Ивановичъ, князь, племянникъ генералиссимуса Суворова, генераль-отъ-инфантеріи. СХХVI, декабрь, 1055—1056.

Горчаковъ, Андрей Ивановичъ, князь, генераль-отъ-инфантеріи. СХХVI, декабрь, 1054, 1067.

Гофманъ, Викторъ Викторовичъ, беллетристъ. *Некрологъ его*: СХХV, сентябрь, 1193—1194.

Градовскій, Григорій Константиновичъ, писатель, СХХIII, январь, 281; февраль, 545, 548, 553; СХХV, июль, 180—182.

Граціанскій, Н. *Рецензія Ш. В. о книгѣ его*: «Парижскіе ремесленные цехи въ VII—XIV столѣтіяхъ. Казань. 1911», СХХVI, декабрь, 1182—1183.

Грачевскій, Михаилъ Оедровичъ, революціонеръ, СХХVI, декабрь, 1000—1103, 1105.

Гревсъ, Иванъ Михайловичъ, профессоръ. *Въ честь его сборникъ*: «Ивану Михайловичу Гренсу ученики. Спб., 1911», рецензир. П. Б. СХХVI, ноябрь, 789.

Грейгъ, Самуиль Алексѣевичъ, министръ финансовъ, СХХIV, июнь, 907—908.

Греновъ, болгарскій государственній дѣятель, СХХVI, ноябрь, 569—570, 573—574, 577, 582.

Григорій, митрополитъ руссуекій, СХХVI, ноябрь, 571.

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, писатель, СХХIII, январь, 42—54, 57—59, 71, 72.

Гридинъ, Ѳ. Д. СХХVI, октябрь, 152—156.

Грингмутъ, Владимиръ Андреевичъ, редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», СХХIII, мартъ, 883—890.

Гриневицкій, Игнатій Іоакимовичъ, революціонеръ, СХХIV, июль, 1008.

Гросгеймъ, Карлъ, президентъ берлинской академіи художествъ, СХХIV, май, 696 (по поводу его смерти).

Гротъ, Константинъ Яковлевичъ, профессоръ.—*Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910», СХХIII, январь, 324—325.

Гротъ, Николай Яковлевичъ, философъ. *О немъ въ сборникъ*: «Николай Яковлевичъ Гротъ въ воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Съ приложеніемъ портретовъ и нѣсколькихъ біографическихъ и бібліографическихъ матеріаловъ. Спб. 1911», СХХIII, февраль, 734—735.

Грузинскій, А. Е., писатель. СХХIV, июнь, 965—966.

Гусевъ, С. С. (Слово-Глаголь). *Статья его*: «Послѣ смущенія». (Деревенскія впечатлѣнія). СХХV, сентябрь, 1002—1022; СХХVI, октябрь, 170—194.

Гусевъ, С. Я. *Рецензія М—о о книгѣ его*: «Свѣжія раны. Воспоминанія корпуснаго контролера о русско-японской войнѣ. Спб., 1911», СХХV, августъ, 734—735.

Гутьяръ, П. М. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева. Спб. 1910», СХХIII, мартъ, 1106—1107.

Гюббенетъ, В. Б., докторъ медицины. *Рецензія М. С—скаго о книгѣ его*: «Въ осажденномъ Поръ-Артурѣ. Очерки военно-санитарнаго дѣла и замѣтки по полевой хирургіи. Спб. 1910», СХХIII, мартъ, 1104—1105.

Гюго, Викторъ (1802—1885), знаменитый французскій поэтъ, СХХV, сентябрь, 962—964 (по поводу русскаго перевода его романа «Les Misérables»).

Гютине, Августъ Петровичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХVI, октябрь, 394.

Гэльтонъ, Франсезъ, англійскій ученый, СХХIII, мартъ, 1139 (по поводу его смерти).

Д

Д. Б. и Д. Б—въ. *Рецензіи его*: 1) «Отчетъ о дѣятельности черниговской губернской ученой архивной комиссіи за 1909 годъ. Черниговъ. 1909», СХХIII, мартъ, 1094—1905.—2) «Городъ Борнеовъ (Минской губ.). Составили Э. М. Клейнъ, Д. И. Довгялло, и Н. Е. Бѣлоцерковецъ. Вильна. 1910», СХХIII, мартъ, 1121.—3) «М. В. Аксеновъ. Сенаторъ Матвѣй Михайловичъ Карниолинъ-Пинскій (1796—1866). Опытъ описанія его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ силуэта и автографа. Смоленскъ. 1910», октябрь, 344—345.

Дальневичъ, М. М. *Его «тексты»* къ альбому галлерей графа Н. А. Куселева-Безбородка въ императорской академіи художествъ, реценз. Н. Л., СХХIII, февраль, 739.

Даниловъ, В. В.—*Статья его*: «Среди кобзарей и лирниковъ», СХХVI, октябрь, 301—312.—*Рецензіи его*: 1) «А. Ф. Шафонскій и его трудъ. Черниговскаго наместничества топографическое описаніе. (Замѣтки изъ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще). Составилъ М. Бережковъ. Нѣжинъ, 1910», СХХIII, январь, 351.—2) «Проф. Сумцовъ: Малюки з життя українського народного

- слова. (з XIX т. Сборника Харьковского историко-филологического общества в память проф. Е. К. Рѣдина). Харьков. 1910». СХХV. июль. 302—303.
- Данте**, Алигьери (1265—1321), знаменитый итальянскій поэтъ. *О немъ книга Карла Федерни*: «Данте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасекой. Подъ редакціей М. Н. Розанова. Библиотека для самообразования. Иллюстрированная серия. М. 1911». СХХVI. декабрь. 1178—1180.
- Даргомыжскій**, Александръ Сергѣевичъ (род. 1813 г., ум. 1869 г.), русскій композиторъ. СХХIV. май. 686.
- Дашкевичъ**, Л. *Рецензія Викт. Ткачука о книгѣ его*: «Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ». СХХIV. май. 670—671.
- Дебогорій-Мокривичъ**, Вал., революціонеръ, авторъ «Возможнаій». СХХV. августъ. 634—638, 646.
- Дегаевъ**, Сергій Петровичъ, артиллерійскій офицеръ, убійца Судейкина. СХХVI. октябрь. 267, 273, 300; ноябрь. 704, 716, 717, 722.
- Дегаевъ**, Владимір Петровичъ, братъ предыдущаго. СХХVI. октябрь. 273—281.
- Державинъ**, Гавріиль Романовичъ, поэтъ. СХХIV. май. 532—536, 555.
- Державинъ**, Н. А. *Статья его*: «Освобожденіе русскаго театра. (Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго)». СХХIV. июнь. 910—932.
- Дерначевъ**, Илья Петровичъ, педагогъ, писатель. СХХIV. апрѣль. 380—381 (по поводу 50-лѣтія его научно-литературной дѣятельности).
- Деспотъ-Зеновичъ**, А. И., кяхтинскій градоначальникъ. СХХIV. май. 585—593.
- Дживиллеговъ**, А. К. *Рецензія П. В. о книгѣ его*: «Исторія современной Германіи. Часть II. Сиб. 1910». СХХIII. январь. 341—342.
- Джунковская**, Е. *Рецензія А. Б. о переведенномъ ею трудѣ*: «Х. Ф. Б. Линчъ. Арменія. Путевые очерки и этюды. Переводъ съ англійскаго. 2 тома. Тифлисъ. 1911». СХХV. августъ. 735—736.
- Дзасоховъ**, Г. *Его замѣтка*: «Къ статьѣ: «Памятные дни». СХХIV. июнь. 1150—1152.
- Дибичъ-Забалканскій**, Иванъ Ивановичъ, графъ, фельдмаршалъ. СХХIV. апрѣль. 323.
- Дилакторскій**, Прокопій Александровичъ, бібліографъ. *Некрологъ его*: СХХIII. январь. 404—405.
- Диль**, Шарль. *Рецензія П. В. о книгѣ его*: «Византійскіе портреты. Часть вто-
- рая. Переводъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1911». СХХIV. июль. 301—302.
- Дмитріевскій**, Алексій Лоанасевичъ, заслуженный профессоръ. СХХV. сентябрь. 1122, 1123, 1127.
- Дмитріевъ**, М. А., писатель. СХХIV. июль. 955—956, 958.
- Добіашъ**, Антошъ Вячеславовичъ, профессоръ классической филологіи. *Некрологъ его*: СХХIV. апрѣль. 387—388.
- Добродѣевъ**, Сергій Емельяновичъ, издатель «Животнаго Обзорнія». *Некрологъ его*: СХХIII. январь. 403—404.
- Добролюбовъ**, І. В., священникъ. *Рецензія В. Рудакова о составленномъ имъ и дополненномъ С. Д. Яковлевымъ*—«Библиографическомъ словарѣ писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ Рязанской губерніи. Рязань. 1910». СХХIII. мартъ. 1112—1113.
- Добронравовъ**, І. М. *Его*: «Мощлеандръ. (Разсказъ)». СХХV. сентябрь. 825—851.
- Добротворскій**, Митрофанъ Степановичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его*: СХХIV. июнь. 1141.
- Добротворскій**, Н. А. *Статья его*: «Императоръ Александръ II въ Смоленскѣ. (1858)». СХХIII. мартъ. 1014—1024.
- Довгялло**, Дм. Ів. *Рецензія Д. Б. о составленной имъ книгѣ съ Э. М. Клейномъ и Н. Е. Блюцкерковичемъ*: «Городъ Борисовъ (Минской губерніи). Вильна. 1910». СХХIII. мартъ. 1121.
- Довнаръ-Запольскій**, Митрофанъ Владимировичъ, профессоръ.—*Рецензія Т. С. о книгѣ его*: «На зарѣ крестьянской свободы. М. 1911». СХХIV. апрѣль. 302.
- Долгорукій**, Алексій Александровичъ, князь. СХХV. августъ. 498—501.
- Долгоруковъ**, Василій Андреевичъ, князь, шефъ жандармовъ, потомъ военный министръ. СХХV. августъ. 527; сентябрь. 966, 974.
- Долгоруковъ**, Владимір Андреевичъ, князь, московскій генералъ-губернаторъ. СХХVI. октябрь. 96—97, 100.
- Донъ-Жуанъ**. СХХVI. ноябрь. 797—803 («Эволюція Донъ-Жуана»).
- Достоевскій**, Михаилъ Михайловичъ. СХХV. сентябрь. 984—987.
- Достоевскій**, Оедоръ Михайловичъ, извѣстный русскій писатель. СХХIV. май. 687—688 (въ отбѣнкѣ французза Давнѣ); СХХV. сентябрь. 984—987.
- Драгомановъ**, Михаилъ Петровичъ, редакторъ «Вольнаго Слова», СХХV. августъ. 632, 635, 636.
- Драгомировъ**, Михаилъ Ивановичъ, извѣстный русскій генералъ и писатель. *О немъ въ статьѣ А. А. Сигова*: «Драгоми-

ровъ и Скобелевъ». СХХIV, апрѣль, 181—199.

Дрентельнъ, Александръ Романовичъ, кievскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками. СХХV, сентябрь, 877—878.

Друммондъ-Вольфъ, Генри, извѣстный дипломатъ. СХХV, августъ, 743.

Дубасовъ, Прохоръ Ивановичъ, камердинеръ генералиссимуса А. В. Суворова, извѣстный болѣе подъ именемъ «Прошки». СХХVI, декабрь, 1046—1047.

Думасовъ, Павелъ Григорьевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, писатель. *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль, 388—389.

Думеръ, Поль, организаторъ открытія французскаго института въ Петербургѣ. СХХIV, апрѣль, 351—352.

Дунинъ, А. А. *Статья его*: «Взятіе царскаго дома въ Самарѣ. (Изъ воспоминаній о 1905 годѣ)». СХХIV, апрѣль, 147—166.

Дьяконовъ, Михаилъ Александровичъ, академикъ. СХХIII, январь, 222.

Дюкотъ, Э. СХХVI, ноябрь, 803—811, (по поводу его описанія своего путешествія «Отъ Москвы до Шанхая»).

Е

Евреинова, А. М., издательница «Съверскаго Вѣстника». СХХIV, июнь, 875.

Ежовъ, Н. М. *Статья его*: «Встрѣчи съ великаномъ. (Мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, его болѣзнь и смерть въ Астаповѣ)». т. СХХIV, июнь, 778—800.

Екатерина II Алексѣвна, императрица, СХХIV, май, 528—529, 532; СХХVI, октябрь, 199—204, 210; ноябрь, 744, 746, 752, 754—758.

Екатерина Павловна, великая княгиня *О ней въ статьѣ А. Б. Михайлова*: «Вновь найденная страница прошлаго. (Изъ переписки между Александромъ I и великой княгиней Екатериной Павловной)». СХХIII, январь, 166—181.

Еленевъ, О. П., цензоръ. СХХV, сентябрь, 963—964, 968.

Елизавета Алексѣвна, императрица, супруга императора Александра I. *О ней*: «нѣсколько писемъ», относящихся къ похоронамъ ея, въ книгѣ: «Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба Аонасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ государя безотлучно. 11 лѣтъ—съ 1814—1825 гг. Сиб. 1910», реценз. Б. Глинскимъ, СХХIII, январь, 311—314.

Елизавета Петровна, императрица. СХХVI, ноябрь, 744, 752, 754.

Ермоловъ, Михаилъ Сергѣевичъ, земскій дѣятель и издатель журнала «Жизнь». *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь, 1215.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, извѣстный русскій генералъ. СХХIV, июнь, 927.— «О подпискѣ на памятникъ А. П. Ермолову». СХХV, сентябрь, 1191.

Ермоловъ, А. С. *Рецензія В. Кузнецова о книгѣ его*: «Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Сиб. 1910», СХХIII, февраль, 729—731.

Ефремовъ, Сергій. *Рецензія А. П.—ча о книгѣ его*: «Исторія украинскаго письменства. Сиб. 1911», СХХVI, октябрь, 348—350.

Ж

Жакмонъ, П. П. *Статья его*: «Уральцы и уралки (Очеркъ)». СХХV, июль, 163—174.

Жариновъ, Д. А. *Статья его*: «Въ Соловецкой обители. (Изъ лѣтнихъ впечатлѣній)». СХХV, августъ, 652—671.

Жасминовъ, П. *Его замѣтка*: «О Святной горѣ». СХХIV, июнь, 1152.

Желтухины:

— Владимиръ Оедоровичъ, СХХV, августъ, 472—476, 483.

— Петръ Оедоровичъ, генералъ-лейтенантъ, СХХV, августъ, 476—479.

— Алексѣй Дмитриевичъ, СХХV, августъ, 484—486.

— Татьяна Петровна (рожд. Вешнянкова), СХХV, августъ, 479—489.

Желябовъ, Андрей Ивановичъ, революціонеръ, СХХIV, июль, 1003—1012, 1015, 1019, 1025—1029, 1037—1045; СХХVI, ноябрь, 713—728; декабрь, 1104.

Жеребцовъ, А. А., СХХVI, декабрь, 1063.

Жиркевичъ, А. В. *Рецензія В. Р.—ва о трудѣ его*: «Минская старина. Труды минскаго церковнаго-историко-археологическаго комитета. Выпускъ III. Изъ-за русскаго языка. (Биографія каноника Сенчиковскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями. Часть I. На родинѣ Бѣлоруссіи. Часть II. Въ изгнаніи. Вильна. 1911». СХХV, августъ, 714—716.

Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ, членъ-корреспондентъ академіи наукъ. *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль, 389—390.

Жозефина, императрица Франціи, супруга Наполеона I Бонапарта. *О ней статья*: «Генеральша Бонапартъ», СХХIV, апрѣль, 334—351.

Жуковичъ, П. Н., профессоръ. *Рецен-*

зия Н. А. *о книжъ ево*: «Сеймоная борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (въ 1609 году). Пятый выпускъ (1625—1629 гг.). Спб. 1910», СХХІІІ, февраль, 726—727.

З

Завадскій, Владислав Ромуловичъ, сенаторъ, писатель. *Некрологъ ево, сообщенный В. Е. Рудаковымъ*, СХХІІІ, февраль, 803—804.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, писатель-романистъ, СХХІV, июль, 958—959.

Закревскій, Николай Васильевичъ, историкъ и этнографъ Малороссіи. *О немъ въ статьѣ Д. П. Эварницкаго*: «Къ біографіи малороссійскаго этнографа П. В. Закревскаго. (1805—1871)». СХХІV, апрѣль, 211—217.

Залетовъ, Павелъ Евграфовичъ, СХХІІІ, январь, 111—112.

Замотинъ, П. П. *Рецензія А. М. — на о книжъ ево*: «Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы ХІХ ст. Варшава. 1911», СХХІV, май, 662—664.

Заринъ, А. Е. *Рецензія П. Г. о книжъ ево*: «Князь Теряевъ-Распояхинъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVІ, декабрь, 1164—1165.

Засуличъ, Вѣра Ивановна, русская революціонерка. СХХVІ, декабрь, 1108—1110.

Затерянный, Г. А. *Статья ево*: «Мятежъ на Западномъ Кавказѣ. (Картинки кавказской революціи)». СХХVІ, ноябрь, 640—678.

Здекауеръ, Николай Оедоровичъ, лейб-медикъ, профессоръ. СХХV, августъ, 428—430.

Здобновъ, Д. С., фотографъ, СХХІV, май, 720. (По случаю 40-лѣтія его дѣятельности).

Зеленинъ, Дм. К. *Рецензія ево*: «Памятная книжка Воронежской губерніи на 1911 г. Составлена подъ редакціей Д. Г. Тюменева. Воронежъ. 1911», СХХV, июль, 295—296.

Зеленый, Александръ Алексѣевичъ, министръ государственныхъ имуществъ, членъ государственнаго совѣта, СХХV, сентябрь, 975.

Зели-Султанъ, принцъ, старшій сынъ персидскаго шаха Насръ-Эддина, СХХІІІ, январь, 252, 255—256.

Зелинскій, Л. А., полковникъ, СХХVІ, декабрь, 1071—1072.

Зиминъ, Валерьянъ Тимофеевичъ, филантропъ. *Некрологъ ево*: СХХІІІ, мартъ, 1166—1167.

Зингеръ, Паулусъ, вожь берлинскихъ социаль-демократовъ. СХХІІІ, мартъ, 1139.

Зиновьевъ, П. А., дипломатъ, СХХVІ, ноябрь, 583—584.

Златопольскій, Савелій Соломоновичъ, революціонеръ, СХХVІ, декабрь, 1100, 1101, 1103.

Зноско-Боровскій, Сергѣй Александровичъ, шахматистъ. *Некрологъ ево*: СХХV, сентябрь, 1194.

Зубаревъ, А. П. *Рецензія А. П. о редактированномъ имъ*: «Сборникъ статей по архивовѣдѣнію. Томъ I, части 1 и 2. Спб. 1911», СХХVІ, ноябрь, 768—769.

Зубковъ, Иванъ Александровичъ, членъ первой государственной думы. *Некрологъ ево*: СХХІV, апрѣль, 390.

Зубовы, графы:

— Александръ Николаевичъ, сынъ полюбвляющаго. СХХVІ, декабрь, 1052.

— Николай Александровичъ, зять А. В. Суворова. СХХVІ, декабрь, 1052.

Зыковъ, Н. П., помѣщикъ. СХХVІ, октябрь, 65, 77—78.

И

И. А.—*Рецензія ево*: 1) «Труды бессарабскаго церковнаго историко-археологическаго общества, подъ редакціей Василія Курдиновскаго. Выпуски I, II и IV. Кишиневъ. 1909—1910», СХХІІІ, январь, 323—324.—2) «Проф. П. Жукевичъ. Семейная борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией. Пятый выпускъ (1625—1629 гг.). Спб. 1910», СХХІІІ, февраль, 726—727. *Замѣтка ево*: «Къ статьѣ П. П. Гигѣича: «Послѣдніе орлы», «Истор. Вѣстн.», январь 1911 г. (Къ разсказу И. А. Гончарова о происхожденіи поэта гр. Алексѣя Константиновича Толстого)», СХХІІІ, февраль, 814.

И. Г. *Рецензія ево*: 1) «Otto Hauser. Paschas Tod. Roman. Munchen 1910», мартъ, 1113—1114.—2) «Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. —С. Ф. Литвинцевъ. Маленькій русскій историкъ. Н. Н. Головинъ. Моя первая русская исторія.—А. Е. Заринъ. Князь Теряевъ-Распояхинъ.—Л. Чарская. Великій императоръ и маленькій царь.—Ея же. Царскій гнѣвъ.—Ея же. Газавать.—Луи Русседе. Герой - барабанчикъ. Габріэль. Косталь-индѣецъ. Книги для юношества. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVІ, декабрь, 1164—1165. *Замѣтка ево*: «Еще страничка о поэтѣ Божіей милостію», СХХV, августъ, 592—597.

И. М. П. *Статья его:* «Собака царя-освободителя». (Шлях воспоминаний старого чиновника). СХХIV, апрѣль, 167.—173.

Ибсенъ, Генрикъ, норвежскій писатель. СХХIII, февраль, 778. (По поводу домика въ Грамштадтѣ, въ которомъ онъ жилъ въ молодости).

Ивановъ, М. М. СХХV, августъ, 606—608.

Ивановъ, С. Ф. *Рецензія А. М.—на о переведенной имъ книгѣ К. П. Кейля:* «О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Начюдо по бухгалтеріи. Могилевъ губ. 1910». СХХIII, февраль, 745—746.

Ивановъ-Разумникъ. *Рецензія А. Фомина о редактированномъ имъ: «Обращеніи сочиненій В. Г. Бѣшпекскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе. Спб. 1911».* СХХVI, декабрь, 1169—1171.

Иванцовъ-Платоновъ, А. М., профессоръ московской духовной академіи. СХХVI, ноябрь, 694—696.

Игнатовичъ, В. В., цензоръ. СХХV, сентябрь, 984.

Игнатьевъ, Николай Павловичъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. СХХIV, апрѣль, 237, 240—242, 249, 252—255; СХХV, июль, 180—199, 203—211.

Игнатьевъ, С. И. *Статья его:* «Наша слабость на Востокъ. (По поводу русско-персидской войны въ Тавризѣ)». СХХIV, апрѣль, 205—210.

Извольскій, А. П., б. министръ иностранныхъ дѣлъ, нинѣ русскій посланникъ въ Парижѣ. СХХV, августъ, 746.

Изенбергъ, Константинъ Васильевичъ, скульпторъ. *Некрологъ его:* СХХVI, октябрь, 394.

Измайловъ, Александръ Алексѣевичъ, писатель. СХХIII, февраль, 634—636; СХХV, июль, 230—231, 236—238, 240—242, 245. — *Рецензія Н. Х. о книгѣ его:* «Литературный Олимпъ. Характеристики, встрѣчи, портреты, автографы. М. 1911». СХХVI, ноябрь, 779—780.

Искуль, К. *Замѣтка Н. Булакова по поводу статьи ея:* «Небесная попочительница», СХХIII, январь, 416.

Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, историкъ. СХХV, сентябрь, 1126, 1131.

Ильинскій, Г. А., профессоръ нѣжинскаго историко-филологическаго института. СХХV, сентябрь, 1134.

Иноземцевъ, Федоръ Ивановичъ, докторъ медицины, профессоръ московскаго университета. СХХVI, октябрь, 58—60; ноябрь 454—463 (въ «Запискахъ Н. К. Беркута»),

Ириней, архіепископъ Иркутскій. *О немъ въ статьѣ І. І. Ясинскаго:* «Помраче-

ніе преосвященнаго Иринея». СХХVI, ноябрь, 530—551.

Исаевъ, Василій Исаевичъ, почетный лейбъ-медикъ. *Некрологъ его:* СХХV, июль, 345—346.

Исаевъ, Григорій, революціонеръ. СХХVI, декабрь, 1096—1098.

Истринъ, Василій Михайловичъ, академикъ. СХХIV, май, 660—661.

Иширковъ, А., профессоръ софійскаго университета. *Рецензія В. Г. о книгѣ его:* Болгарія. Переводъ съ болгарскаго К. Мнeirкова. Одесса. 1911». СХХV, августъ, 733—734.

І

І. І. *Рецензія его:* 1) «Естьише историко-филологическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. XVI. Византійско-славянское отдѣленіе. IX. Одесса. 1910». СХХIV, май, 660—662. — 2) «Гермонахъ (Серафимъ). Путевыя впечатлѣнія. Пѣзда въ Іерусалимъ и на Афонъ въ 1908 году. Никитій-Новгородъ. 1910». СХХIV, июнь, 1081—1082.

Іановъ, архіепископъ нижегородскій и арзамаскій († 20 мая 1850 г.). *О немъ въ книгѣ А. А. Титова:* «Высокопреосвященнѣйшій Іановъ, архіепископъ нижегородскій и арзамаскій. М. 1910». реценз. А. К.—ово. СХХIII, февраль, 716—719.

Іер. І. и Іеромонахъ І. *Рецензія его:* 1) «Профессоръ Б. А. Тураевъ. Египетскія церковныя впечатлѣнія. Спб. 1910». СХХIII, январь, 324—343. — 2) «П. Мансуровъ. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть I. Центральное управленіе. М. 1909». СХХIII, февраль, 723—724.

Іоаннъ VI Антоновичъ, императоръ. СХХVI, ноябрь, 745—746, 752.

Іонинъ, А. С., русскій посланникъ въ Бразиліи. СХХVI, ноябрь, 584—590.

Іосифъ, экзархъ русскій въ Константинополѣ. СХХVI, ноябрь, 574—576.

К

К. А. *Рецензія его:* «М. Морозовъ. Очерки новѣйшей литературы. Спб. 1911». СХХIV, апрѣль, 317—319.

К. Ф. М. *Рецензія его:* «Первые литературные шаги». Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Спб. 1911». СХХIII, мартъ, 1110—1112.

Кавтарадзе. Павелъ. *Рецензія М.—о о брошюрѣ его:* «Шотъишныя и воспитаніе

- въ народной школѣ. Подъ редакціей С. А. Толдузакова. Изданіе В. К. Шенка. Спб. 1911». СХХV, сентябрь, 1168.
- Надниковъ, В. С.** *Статья его:* «Пазъ исторіи Кульджинскаго вопроса». СХХIV, июль, 893—999.
- Назалеть, Эдуардъ Андреевичъ,** журналистъ и предѣлатель англо-русскаго литературнаго общества. СХХV, июль, 327.
- Назбенъ, Александръ—псевдонимъ грузинскаго писателя Мочхубаридзе.** СХХIII, февраль, 674—675.
- Назецій, П. Л.** издатель «Русскаго Листка». СХХIII, мартъ, 893—894.
- Назначевъ, Ал-дръ Ивановичъ,** сенаторъ. СХХIII, январь, 105—106.
- Налачовъ, Николай Васильевичъ,** сенаторъ, извѣстный юристъ и архивовѣдъ. СХХIV, июль 962—963; СХХV, сентябрь, 1149—1150.
- Налошинъ, Сергій,** публицистъ. СХХIII, январь, 102—103 (въ воспоминаніяхъ А. П. Соколовой).
- Наменская, О. Ю.,** женщина-врачъ. СХХIII, мартъ, 1162—1264 (по поводу 25-лѣтія ея врачебной дѣятельности).
- Намневъ, М.** *Замѣтка его:* «По поводу статьи П. А. Энгельгардта «Давніе эпизоды». СХХIII, январь, 416.
- Наперевъ, Петръ Оеодоровичъ,** извѣстный педагогъ. *Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его:* «Исторія русской педагогики. Спб. 1910». СХХIII, мартъ, 1103—1104.
- Нарауловъ, Василій Андреевичъ,** членъ государственной думы. *Некрологъ его.* СХХIII, февраль, 804—805.
- Нараффа-Норбутъ, Юлія Антоновна,** писательница. *Некрологъ ея.* СХХIII, мартъ, 1167.
- Карлгофъ, Е. А.,** жена бывшаго почетнаго кіевскаго округа, потомъ замужемъ за А. П. Друсусовымъ. СХХVI, октябрь, 83—84, 88—89.
- Карниолинъ-Пинскій, Матвѣй Михайловичъ,** сенаторъ. *О немъ брошюра М. В. Аксенова:* «Сенаторъ М. М. Карниолинъ-Пинскій (1796—1866). Опытъ описанія его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ сплунта и автографа. Смоленскъ. 1910», рецензир. Д. Б.—вѣзмъ. СХХVI, октябрь, 344—345.
- Карповъ, А. Б.** *Рецензія В. П. Федорова о книгѣ его:* «Казачьи стихотворенія. Уральскъ 1910». СХХIII, мартъ, 1109—1110.
- Карскій, Е. О.,** профессоръ. *Рецензія П. С. о редактированномъ имъ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ».* Варшава. 1910. №№ 1—4. СХХIII, февраль, 732—734.
- Карцовъ, Ю.** *Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ его, составленной совместно съ К. Военскимъ:* «Причины войны 1812 года. Спб. 1911». СХХIV, апрѣль, 293—297.
- Карѣвъ, Николай Ивановичъ,** историкъ. *Рецензія П. Б. о книгѣ его:* «Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI, часть II. Спб. 1910». СХХIII, январь, 341—342.
- Кассо, Леонидъ Арнетидовичъ,** министръ народнаго просвѣщенія. СХХVI, ноябрь, 633—634.
- Кастанье, Г. А.** *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его:* «Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края. (Труды Оренбургской ученой архивной архивной комисіи. Вып. XXII). Оренбургъ. 1910». СХХV, июль, 297—298.
- Каткова, Софья Петровна.** СХХV, сентябрь, 809—810.
- Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ,** издатель-редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей». СХХIII, январь, 273—274, 283; СХХIV, июль, 832—842 (въ воспоминаніяхъ А. П. Соколовой); СХХV, июль, 192—199, 212; августъ, 400—403 (тоже въ воспоминаніяхъ А. П. Соколовой); августъ, 525—528; сентябрь, 809—814, 986.
- Наульбарсъ, Александръ Васильевичъ,** баронъ, генералъ. СХХVI, ноябрь, 552, 555, 569, 573, 574, 577—578, 584—585, 588—590.
- Науфманъ, А. Е.** *Его статья:* «День въ домѣ Цѣннаго моста. (Эпизод)». СХХIII, январь, 191—195.
- Науфманъ, Константинъ Петровичъ,** генералъ-адъютантъ, виленьскій и потомъ туркестанскій генералъ-губернаторъ. СХХIV, июль, 895—908.
- Начіони, Ламбро Дмитріевичъ.**—*О немъ статья С. А. Качіони:* «Пиратъ вѣтязь. Историко-біографическій очеркъ». СХХVI, октябрь, 195—212.
- Начіони, С. А.** *Статья его:* «Пиратъ вѣтязь. Историко-біографическій очеркъ». СХХVI, октябрь, 195—212.
- Нейлъ,— Карлъ Петръ.** *Рецензія А. М.—на о книгѣ его:* «О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачіоло по бухгалтеріи. Очеркъ къ исторіи бухгалтеріи. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографіей К. П. Кейля С. Ф. Иванова. Могилевъ губ. 1910». СХХIII, февраль, 745—746.
- Неппенъ, Павелъ Егоровичъ,** генералъ-отъ-артиллеріи. *Некрологъ его:* СХХV, сентябрь, 1195.
- Нерисонъ, А. К.,** кобринскій помѣщикъ. СХХVI, декабрь, 1057.
- Нетриць, Марія Дмитріевна,** музыкантъша. *Некрологъ ея:* СХХVI, октябрь, 395.

- Нибальчикъ**, Николай Ивановичъ, революціонеръ. СХХIV, июль, 1010—1011, 1015—1018, 1025—1030—1032, 1040—1046.
- Ниричинскій**, Е. *Рецензія П. Б. о персиденномъ имъ сочиненіи Шарля Дюля*: «Византійскіе портреты. Часть вторая. Харьковъ. 1911». СХХV, июль, 301—302.
- Нирсановъ**. *Замѣтка его*: «Къ статьѣ «Брызги памяти». СХХVI, декабрь, 1227—1228.
- Нирѣвскій**, Иванъ Васильевичъ, славнофилдъ.—*Рецензія Н. Лернера объ его*: «Подномъ собраніи сочиненій, въ двухъ томахъ. Подъ редакціей М. Гершензона. М. 1911». СХХV, августъ, 724—726.
- Ниселевъ**, Александръ Александровичъ, профессоръ живописи. *Некрологъ его*: СХХIII, мартъ, 1167—1168.
- Ниселевъ**, Еврафъ Николаевичъ, публицистъ. СХХIII, мартъ, 877—880.
- Ничеевъ**, П. И., журналистъ. СХХIII, мартъ, 871—872.
- Нишмишевъ**, А. *Его статья*: «Армянскій католикосъ Мкртичъ I Хримянъ и князь Г. С. Голицынъ. (Личныя воспоминанія)». СХХIV, июль, 940—949.
- Клейнъ**, В. *Рецензія его*: «М. Лахтинъ. Старинныя памятники медицинской швейцарности. М. 1910». СХХIV, апрѣль, 307—308.
- Клейнъ**, Э. М. *Рецензія Д. Б. о составленной имъ книгѣ съ Д. П. Довгалю и Н. Е. Бьлюцерковцемъ книгъ*: «Городъ Борисовъ (Минской губерніи). Вильна. 1910». СХХIII, мартъ, 1121.
- Клетнова**, Е. П. *Статья ея*: «Торжество въ Смоленскѣ». СХХV, июль, 219—222.—*Рецензія М—о о книгѣ ея*: «Отзвуки Отечественной войны въ преданіяхъ и сказаньяхъ Вяземскаго уѣзда. Выпускъ I. Смоленскъ. 1911». СХХV, августъ, 712—714.
- Климентъ**, митрополитъ болгарскій. СХХVI, ноябрь, 555—557.
- Клочевъ**, Михаилъ Васильевичъ, приватъ-доцентъ петербургскаго университета.—*Рецензія В. Рудакова о приготовленномъ имъ къ печати XIV томѣ «Сенатскаго Архива. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за февраль—декабрь 1764 г. Спб., 1910»*. СХХIII, мартъ, 1085—1088.—*Рецензія П. В. Верховскаго о книгѣ его*: «Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Томъ первый. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911». СХХVI, ноябрь, 763—767.
- Ключевскій**, Василій Осиповичъ, историкъ.—*О немъ статья В. Е. Рудакова*: «Памяти В. О. Ключевскаго». СХХIV, июль, 975—985.—*О немъ статья А. М. Бьлюва*: «В. О. Ключевскій, какъ лекторъ. (Изъ воспоминаній его слушателя)». СХХIV, июль, 986—990.—*О немъ въ замѣткѣ князя Б. А. Щетинина*: «Изъ воспоминаній о В. О. Ключевскомъ». СХХV, июль, 223—226.—*О немъ въ статьѣ Д. А. Горсакова*: «По поводу двухъ монографій В. О. Ключевскаго». СХХVI, октябрь, 236—251.—*О немъ въ статьѣ А. А. Танкова*: «Памяти В. О. Ключевскаго. (Изъ воспоминаній его слушателя)». СХХVI, ноябрь, 692—696.
- Клячинъ**, В. И., СХХVI, декабрь, 1161.
- Князьковъ**, С. А. *Рецензія* Вит. Ткачука о составленной имъ совместно съ П. П. Сербовымъ, подъ редакціей проф. С. В. Рождественскаго, книгъ: «Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ императора Александра II. М. 1910». СХХIV, май, 657—658.
- Новалевскій**, Е. *Замѣтка его*: «Изъ курьезовъ церковной старшины». СХХVI, октябрь, 252—254.
- Ножевниковъ**, Андрей Ивановичъ, общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль, 390—391.
- Кожинъ**, М. П., лицейскій уѣздный предводитель дворянства. СХХIV, июль, 1048, 1050, 1056, 1060, 1072.
- Козляниновъ**, Леонидъ Лавровичъ, капитанъ 2 ранга, журналистъ. *Некрологъ его*: СХХIV, июль, 1141—1142.
- Козубскій**, Е. И., извѣстный изслѣдователь Дагестана, писатель. *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь, 1215—1216.
- Козьминъ**, Н. Н. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его*: «Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910». СХХV, июль, 300.
- Коконцовъ**, Владимиръ Николаевичъ, министръ финансовъ, предсѣдатель совѣта министровъ. СХХVI, ноябрь, 615, 617, 627, 637.
- Кокосовъ**, Владимиръ Яковлевичъ, врачъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь, 1216.
- Колоднечичъ**, Николай Павловичъ, революціонеръ. СХХVI, ноябрь, 714—717, 722; декабрь, 1096—1100.
- Колпаковскій**, генераль-майоръ. СХХIV, июль, 895, 902—904.
- Кольцовъ**, Алексѣй Васильевичъ, народный поэтъ. СХХIII, февраль, 732—733.
- Кондратьевъ**, Ал.—*Рецензія В. Г. о книгѣ ея*: «Улыбка Ашеры. Спб. 1911». СХХV, сентябрь, 1164.
- Мононовичъ**, Петръ Петровичъ, графъ, генераль-отъ-инфантерій, главный начальникъ кадетскихъ корпусовъ, членъ государственаго совѣта. СХХV, августъ, 467.

- Константинъ Николаевичъ**, великій князь, СХХIV, апрѣль. 245; СХХV, августъ. 612—613. 620.
- Константинъ Павловичъ**, великій князь, СХХV, августъ. 467; СХХVI, декабрь. 1185. 1186. 1188. 1191.
- Копыловъ**, Александръ Александровичъ, композиторъ. *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль. 391—392.
- Кордтъ**, В. *Рецензія А. М.—на объ его трудъ*: «Матеріалы для исторіи русской картографіи. Вып. II. Карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII в. Кіевъ. 1910». СХХIV, апрѣль. 314—315.
- Корневскій**, Петръ Ивановичъ.—*Статья его*: «У могилы Т. Г. Шевченка». (Къ пятидесятилѣтію со дня его кончины). СХХIII, февраль. 604—616.
- Корикъ**, Г. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «Обзоръ памятникѣвъ русской словесности. Выпускъ V. Пушкинъ. Одесса. 1910». СХХIII, январь. 328—329.
- Короленко**, Владимиръ Галактіоновичъ, писатель. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «Бытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб., 1910». СХХIII, февраль. 740—741.
- Коропчевскій**, Дмитрій Андреевичъ, писатель, СХХIII, февраль. 537—538. 540.
- Корсановъ**, Дмитрій Александровичъ, профессоръ.—*Статья его*: 1) «Изъ жизни русскаго дворянства прошлаго времени». СХХV, августъ. 469—501; сентябрь. 928—961.—2) «По поводу двухъ монографій В. О. Ключевскаго». СХХVI, октябрь. 236—251.
- Корфъ**, П. А., баронъ, СХХVI, ноябрь. 744—745, 752, 754, 762.
- Коршъ**, Е. В. *Замѣтка В. Мерцалова*: «По поводу статьи Е. В. Корша «Восемь лѣтъ въ Сибири». СХХIII, февраль. 809—814.—*Его отзывъ*: «По поводу замѣтки В. И. Мерцалова». СХХIII, мартъ. 1178—1181.—*Статья его*: «Безъ театра. (Отголосокъ сибирскихъ нравовъ)». СХХV, іюль. 77—98.—*Статья его*: «Брызги памяти», СХХVI, октябрь. 152—169.—*Замѣтка къ ней Кирсанова*: «Къ статьѣ «Брызги памяти». СХХVI, декабрь. 1227—1228.
- Коссаговская**, Е. Я. *Ея замѣтка*: «Къ статьѣ «Силуэты времени реформъ». СХХIV, апрѣль. 399—400.
- Коссаговскій**, П. П., СХХIV, апрѣль. 399—400.
- Косовичъ**, Казанъ Андреевичъ, цензоръ, профессоръ, СХХIII, февраль. 542—544.
- Костомаровъ**, Николай Ивановичъ, извѣстный русскій историкъ. *О немъ въ статьѣ М. П. Лисарева*: «Памяти Н. И. Костомарова», СХХV, іюль. 134—152.—*О немъ брошюра проф. П. А. Линиченка*: «Н. И. Костомаровъ (къ 25-лѣтію со дня его кончины)», рецензир. С. Авалиани. СХХV, іюль. 298—299.
- Костюшко**, Тадеушъ (Еаддей), предводитель польскаго возстанія 1794 года, СХХIII, январь. 199—202.
- Котельниковъ**, Михаилъ Григорьевичъ, бібліотекарь государственной думы, писатель. *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь. 1217.
- Кочетовъ**, Борисъ Евгеньевичъ, публицистъ. *Некрологъ его*: СХХIV, май. 725.
- Кочубей**, С. В., князь, СХХIII, мартъ. 927—930.
- Кошутичъ**, Рад. *Рецензія А. Я. о трудѣ его*: «Русская Хрестоматія. I. Тексты. II. Призмѣчанія. III. Словарь. Бѣлградъ. 1910». СХХIII, январь. 345—347.
- Краевскій**, Андрей Александровичъ, редакторъ-издатель «Голоса», СХХIII, мартъ. 933—934; СХХVI, октябрь. 96—97. 99.
- Краискій**, Болеславъ, народоволецъ. СХХV, ноябрь. 733, 736, 738.
- Красноженъ**, Мих. Егор., профессоръ. *Рецензіи его*: 1) «Ученыя записки императорскаго лиція въ память цесаревича Николая. Выпускъ I—III. М. 1907—1909», СХХIII, мартъ. 1096—1098.—2) «Н. Н. Глубоковскій, ординарный профессоръ петербургской духовной академіи. По вопросу о «правѣ» евреевъ именоваться христіанскими именами. Трактаты и историческая справка. Спб. 1911». СХХV, сентябрь. 1153—1153.
- Красовскій**, Михаилъ Васильевичъ, общественный дѣятель, членъ государственнаго совѣта по выборамъ. *Некрологъ его*: СХХIV, іюнь. 1142—1144.
- Красовскій**, Т. К., СХХVI, декабрь. 1070.
- Кривенко**, С. Н., писатель, СХХV, сентябрь. 1064—1066, 1086, 1097—1098.
- Кривцовъ**, Александръ Сергѣевичъ, профессоръ юрьевскаго университета. *Некрологъ его*: СХХIII, январь. 405.
- Кропоткинъ**, Петръ Алексѣевичъ, князь, революціонеръ, авторъ «Записокъ революціонера», СХХV, августъ. 624—626, 638, 649.
- Крупскій**, Александръ Кирилловичъ, профессоръ петербургскаго технологическаго института. *Некрологъ его*: СХХIV, іюнь. 1144.
- Крыжановскій**, П. А. *Статья его*: «Весьма секретное дѣло», СХХIII, февраль. 617—622.
- Крыжицкій**, Константинъ Яковлевичъ, художникъ. *Некрологъ его*: СХХIV, май. 725—727.
- Крыловъ**, Николай Александровичъ.

- земскій дѣятель, писатель. *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь, 1217—1218.
- Крюденеръ**, баронесса, СХХVI, октябрь, 365—367 («Новыя письма г-жи Крюденеръ»):
- Крюковскій**, Аркадій Оеодоровичъ, писатель-драматургъ. *Некрологъ его*: СХХV, сентябрь, 1194.
- Ксюнинъ**, А. *Рецензія М—о о книжкѣ его*: «Уходъ Толстого. Спб. 1911», СХХIV, июнь, 1102—1103.
- Кудрявцевъ**, П. Н., профессоръ. *Рецензія г. В. о книгѣ его*: «Римскія женщины. Историческіе рассказы по Тациту. Три выпуска «Всеобщей бібліотеки». Спб. 1910», СХХIII, февраль, 746—748.
- Кузнецовъ**, В. К. *Рецензія его*: 1) «Ермоловъ, А. С. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб. 1910», СХХIII, февраль, 729—731; 2) «Министерство внутреннихъ дѣлъ. Земскій отдѣлъ. Управление сельской продовольственной части. Спб. 1910—1911», СХХIV, май, 652—655.—*Рецензія Б. Г. о книгѣ его*: «Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Т. II—V. Повторное изслѣдованіе. 1910», СХХIII, мартъ, 1114—1116. Спб.
- Куинджи**, Архипъ Ивановичъ, художникъ, СХХIII, февраль, 478—488 (въ воспоминаніяхъ П. П. Гнѣдича).
- Кулаковскій**, Юліанъ Андреевичъ, профессоръ. *Рецензія А. М—на о книгѣ его*: «Исторія Византіи. Томъ I (395—518). Съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрѣзомъ его стѣнъ. Кіевъ. 1910», СХХIV, июнь, 1089—1091.—*Въ честь его*: «Serta Boristhenica. Сборникъ. Кіевъ. 1911», рецензир. А. М—нъ, СХХV, сентябрь, 1151—1152.
- Кулаковъ**, Оеодоръ Авксентьевичъ, типографскій дѣятель. *Некрологъ его*: СХХIII, февраль, 805.
- Кулишъ**, Александра Михайловна, писательница. *Некрологъ ее*: СХХV, сентябрь, 1196.
- Кульчинскій**, В. *Его* «Воспоминаніе объ А. Н. Майковѣ», СХХIV, май, 570—577.
- Кулябко**, начальникъ охранной полиціи въ Кіевѣ, СХХVI, ноябрь, 621, 625, 631—636.
- Купчинскій**, Ф. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Новая Японія. Спб. 1911», СХХV, июль, 313—314.
- Кургановъ**, Оеодоръ Аванасьевичъ, профессоръ. *О немъ въ статьѣ И. П. Соколова*. «Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора О. А. Курганова», СХХIII, мартъ, 1069—1076.
- Курдиновскій**, Вас. *Рецензія П. А. о редактированныхъ имъ «Грудахъ бесарабскаго церковнаго историко-археологическаго общества. Выпуски I, II и IV. Кишиневъ. 1909—1910»*. СХХIII, январь, 323—324.
- Курловъ**, Павелъ Григорьевичъ, генералъ-лейтенантъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, СХХVI, ноябрь, 633—636.
- Куропаткинъ**, Алексѣй Николаевичъ, бывшій военный министръ и главнокомандующій во время послѣдней японско-русской войны, СХХIII, январь, 335; СХХV, августъ, 746—749 (объ его ошибкахъ въ русско-японской войнѣ); сентябрь, 879—880.
- Кутелова**, Абдотья Львовна, помѣщица, СХХV, сентябрь, 951—952.
- Кутули**, Густавъ, СХХV, августъ, 742—746 (по поводу его: «Воспоминаній французскаго дипломата объ одной дипломатической миссіи»).
- Кучеровъ**, Михаилъ Григорьевичъ, профессоръ земледѣльческаго института. *Некрологъ его*: СХХV, июль, 346—347.
- Кушелева-Безбородко**, Любовь Ивановна, графиня, СХХIV, май, 481—490 (въ воспоминаніяхъ А. П. Соколовой).
- Кушелевы-Безбородко**:
— Григорій Александровичъ, графъ, СХХIV, май, 482—484, 488.
— П. А., графъ. *Рецензія Н. А. объ его*: «Галлерей» въ императорской академіи художествъ (Спб. 1910), СХХIII, февраль, 739.
- Кюнерь**, Вильгельмъ Вильгельмовичъ (Василій Васильевичъ), музыкальный педагогъ и композиторъ. *Некрологъ его*: СХХV, июль, 346.

Л

- Л. Рецензія его**: 1) «Графъ Павелъ Шереметевъ. Карамзинъ въ Остафьевѣ. 1811—1911. М. 1911», СХХVI, ноябрь, 782.—2) «Во льшой всемірнойна столный атласъ Маркса, подъ редакціей Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского. 2-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе 1909 г. Спб. 1910», СХХVI, ноябрь, 790.
- Л. Н. Рецензія его**: 1) «Г. Селецкій. 646 дней у японцевъ. Спб. 1910», СХХIII, январь, 332—333. 2) «Вадень-Пауль. Юный развѣдчикъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1911», СХХIII, февраль, 742—744. 3) «Военная энциклопедія. Подъ редакціей Новицкаго, фонъ - Шварца, Апушкина и фонъ-Шульца. Изданіе т-ва Ситнига. 1 полутомъ. Спб. 1911», СХХIII, январь, 1095—1096. 4) «Отечественная война 1812 года. Матеріалы военно-учебнаго архива генеральнаго штаба. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Боевыя дѣйствія войскъ. Т. ХІV. Изданіе главъ аго управления

- генеральнаго штаба. (Спб. 1911). СХХIV, апрѣль, 299—300. 5) «Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 году. Подъ редакціею; рисунки П. Е. Дмитриева-Кавказскаго, текстъ П. Н. Божерялова. (Спб. 1910). СХХIV, май, 649—650. 6) «Военная энциклопедія. Изданіе товарищества П. Д. Сытина. 2-й подтомъ. Спб. 1911». СХХIV, июнь, 1104—1105. 7) «Военная энциклопедія. Т. III. Изданіе т-ва Сытина. М. 1911». СХХV, июнь, 296—297. 8) «I. Двѣнадцатый годъ. П. Пожаръ Москвы. М. 1911». СХХV, августъ, 717—718. 9) «Годъ русской славы. 1812—1912. Составилъ О. А. Таранцыгинъ. Подъ редакціей О. А. Витберга. Спб. 1911». СХХVI, октябрь, 339—340.
- Лавинскій, Александръ Степановичъ,** пруктекій генералъ-губернаторъ. СХХVI, ноябрь, 531—534, 537—550.
- Лавровъ, Петръ Лавровичъ,** писатель, революціонеръ, СХХV, августъ, 625—626, 638—647; СХХVI, декабрь, 1108—1110.
- Лагузень, Іосифъ Ивановичъ,** профессоръ горнаго института. *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль, 392—399.
- Лазаровичъ-Хребеліановичъ, князь. Рецензія А. Б.—на о трудъ его:** «The Serbian people, their past glory and their destiny. London and N.-York. 1911», СХХV, августъ, 729—730.
- Ламартинъ, Альфонсъ-Мари (1790—1869),** французскій поэтъ и государственничій дѣятель. СХХIV, май, 682—683.
- Ландель, Шарль,** «портретистъ красавиць второй имперіи». СХХIII, февраль, 776—778 (по поводу его воспоминаній).
- Ласковскій, В. Н.,** мѣстный историкъ. СХХV, сентябрь, 1111—1112, 1118.
- Лактинъ, М. Рецензія В. Клейна о книгѣ его:** «Старинные памятники медицинско-й шьменности. (Въ «Запискахъ московскаго археологическаго института»). М. 1910». СХХIV, апрѣль, 307—308.
- Лачиновъ, Н. Его замѣтка:** «По поводу статьи А. А. Сигова: «Драгомировъ и Скобелевъ». СХХIV, май, 732—736.
- Лебедевъ, Иванъ Александровичъ,** старшій инспекторъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ. *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль, 394.
- Лебедевъ, С. Н.,** цензоръ. СХХV, августъ, 521—522, 528.
- Лебедзѣвскій, Л. Н. Его:** «Изъ воспоминаній судебного стѣдователя». СХХV, июль, 153—162.
- Левандовскій, С. С.,** публицистъ. *Некрологъ его:* СХХIII, февраль, 805—806.
- Левинсонъ, О. Я.,** еврейскій журналистъ. *Некрологъ его:* СХХV, августъ, 763.
- Левинъ, Рахиль** (по мужу Фаригагень), СХХV, июль, 318—321.
- Левитовъ, Александръ Ивановичъ,** писатель, беллетристъ. СХХV, июль, 55—57; августъ, 395—399.
- Левицкій, Феодосій, священникъ. О немъ трудъ А. К. Бродскаго:** «Священникъ Феодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Навловичу. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Съ портретомъ Левицкаго. Спб. 1911». рецензироваанный Лл. Титовымъ. СХХVI, октябрь, 338—339.
- Левшинъ, Левъ Львовичъ,** профессоръ московскаго университета по кафедрѣ хирургіи. *Некрологъ его:* СХХVI, ноябрь, 826—827.
- Леонова, Дарья Михайловна,** артистка, СХХVI, октябрь, 156—160.
- Леонтій, архимандритъ,** писатель, XVIII вѣка, путешественникъ. СХХVI, ноябрь, 772—773.
- Леонтовичъ, Федоръ Ивановичъ,** профессоръ. *Некрологъ его:* СХХIII, мартъ, 1168—1169.
- Леонтьевъ, Константинъ Николаевичъ,** писатель. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его:* «О романахъ графа Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной пустыни въ 1890 году. М. 1911». СХХVI, декабрь, 1173—1175.
- Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ,** профессоръ, соредакторъ М. Н. Каткова. СХХIV, июнь, 834—840; августъ, 402.
- Леонтьевъ (Щегловъ), Иванъ Леопольвичъ,** писатель. *О немъ въ статьѣ Г. Л. Н. «Двѣ смерти. (Памяти И. Л. Леонтьева-Щеглова и М. Н. Альбова)».* СХХV, июль, 227—250.
- Лермонтовъ, Михайль 7 Юрьевичъ,** поэтъ. *Рецензія В. Рудакова объ изданномъ Рязрядомъ издѣній словесности императорской академіи наукъ «Полномъ собраніи сочиненій» его т. II и III.* Подъ ред. проф. Д. И. Абрамовича. Спб. 1910», СХХIII, февраль, 736—738. — Тоже. Томъ IV. Спб. 1911». СХХIV, июнь, 1093—1094.
- Лернеръ, П. О. Рецензія его:** 1) «Полное собраніе сочиненій П. В. Кирѣвскаго въ двухъ томахъ. Подъ редакціей М. Гершензона. М. 1911». СХХV, августъ, 724—726. — 2) «Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елизаветы Ивановны Пошовой. Подъ редакціей князя Н. В. Голицына. Спб. 1911». СХХVI, октябрь, 346—348.
- Ливень, Шарлота Карловна,** свѣтлѣйшая княгиня, урожденная баронесса Гаугребенъ, статей-дама, авторъ «Воспоминаній», СХХIII, январь, 172—179.
- Ливевъ, Дмитрій Александровичъ,** пу-

- блещить. СХХІІІ. февраль, 546—550. (Въ воспоминаніяхъ І. І. Яценкаго).
- Линниченко**, Иванъ Андреевичъ, профессоръ.—*Рецензія С. Авалиани о редактированномъ имъ первомъ выпускѣ перваго тома «Трудовъ естественнаго одесскихъ высшихъ курсовъ»*. Одесса. 1910», СХХІІІ. мартъ, 1118—1120.—*Рецензія С. Авалиани о книгѣ его: «Альфредъ-де-Мюссе. 1810—1910»*. Одесса. 1910», СХХІV. май, 674.—*Рецензія С. Авалиани о брошюрѣ его: «Н. И. Костомаровъ. (Къ 25-лѣтію со дня его кончины)»*. Одесса. 1910.—*Графиня П. С. Уварова (къ 25-лѣтнему юбилею)*. Одесса. 1910.—*Младшій изъ старшихъ славянофиловъ. Памяти К. С. Аксакова*. Одесса. 1911». СХХV. июль, 298—299.
- Литвинцевъ**, С. Ф. *Рецензія П. Г. о книгѣ его: «Маленькій русскій историкъ»*. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVІ. декабрь, 1164—1165.
- Литта**, Юлія Помпеевичъ, графъ, обер-камергеръ. СХХV. августъ, 454—456.
- Лихачева**, Елизавета. *Рецензія Б. Г. о книгѣхъ ея: 1) «Воспоминанія одной русской знаменитости»*. Спб. 1911», и 2) «Нравы нашего милого общества»». Спб. 1911». СХХV. августъ, 726—729.
- Лихачевъ**, Николай Петровичъ, докторъ русской цеторіи.—*Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Хожденіе святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова, по лцевымъ рукописямъ XV—XVI вѣковъ. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Фототипическое воспроизведеніе рукописей—LXXXII таблицы Спб. 1911»*, СХХVІ. декабрь, 1159—1161.
- Ловягинъ**, А. М. *Рецензія В. Р.—а о книгѣ его: «Обзорніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами»*. Спб. 1911», СХХVІ. октябрь, 345.
- Ломбаръ**, Жанъ. *Рецензія Пани. объ его книгѣ: «Агонія. Предисловіе Октава Мирбо. Полный переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Вороникова. Книгоиздательство «Сфинксъ»*. М. 1911». СХХІV. июнь, 1091—1093.
- Ломоносовъ**, Михаилъ Васильевичъ, знаменитый русскій ученый и поэтъ (1711—1765).—*О немъ въ статьѣ П. П. Ювачева: «На родинѣ Ломоносова»*. СХХVІ. октябрь, 313—332. и ноябрь 739—762.—*О немъ въ статьѣ: «Ломоносовскіе дни»*. СХХVІ. декабрь, 1143—1154.—*О немъ замѣтка: «Увѣковѣченіе памяти Ломоносова»*. СХХVІ. декабрь, 1209.
- Лонгиновъ**, Михаилъ Николаевичъ, писатель, цензоръ, СХХІV. июнь, 956—958, 960.
- Лопухинъ**, В. А., бывшій повторостскій губернаторъ. СХХV. сентябрь, 1121, 1128.
- Лорисъ-Меликовъ**, Михаилъ Таріеловичъ, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. СХХІІІ. январь, 191; СХХІV. апрѣль, 220, 224, 231, 233, 236, 239, 241—247, 250—252. СХХV. сентябрь, 1098—1100.
- Лоссовскій**, Ю. *Статья его: «Доброе дѣло»*. (Памяти П. С. Ванюеваго), СХХІІІ. мартъ, 987—990.
- Лубновъ**, Василій Семеновичъ, септантъ. СХХІV. апрѣль, 312—314.
- Лугининъ**, В. О., ординарный профессоръ, подарившій московскому университету богатѣйшую термохимическую лабораторію. *Некрологъ его: СХХVІ. декабрь, 1218—1219.*
- Луиза Прусская**, супруга князя Антонія Радзивилла, наместника великаго княжества Познанскаго. СХХVІ. декабрь, 1184—1192 (по поводу ея воспоминаній).
- Луитпольдъ**, принцъ-регентъ баварскій. СХХІV. май, 688—691.
- Лукинъ**, Александръ Петровичъ. СХХVІ. октябрь, 92—95.
- Лукинъ**, В. П., писатель. СХХІV. июнь, 919.
- Лундегардъ**, Аксель. *Рецензія М. о объ его трудѣ: «На смертномъ одрѣ. La Mouche Романъ изъ личной жизни Генриха Гейне. Переводъ М. Н. Благовѣщенской»*. Спб. 1911». СХХІV. апрѣль, 323—325.
- Лупповъ**, П. Н. *Рецензія С. о книгѣ его: «Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Исслѣдованіе»*. Вятка. 1911». СХХVІ. октябрь, 333—335.
- Луцкій**, В. В., народоволецъ. СХХVІ. ноябрь, 706—708, 715.
- Львовъ**, Алексѣй Оедоровичъ, композиторъ. СХХІV. июнь, 950, 952; СХХV. августъ, 602—605.
- Любавскій**, М. К., профессоръ. *Рецензія В. Рудикова о книгѣ его: «Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до люблинской уніи включительно»*. М. 1910». СХХІІІ. февраль, 714—716.
- Любатовичъ**, О. С., СХХІV. июнь, 1038.
- Любимовъ**, П. А., протопресвитеръ, СХХVІ. декабрь, 1147.
- Любимовъ**, Николай Алексѣевичъ, профессоръ, б. редакторомъ «Русскаго Вѣстника», СХХV. сентябрь, 809—810 (въ воспоминаніяхъ А. П. Соколовой).
- Любичъ-Ношуровъ**, І. А. *Рецензія А. Кф. о книгѣ его: «Партизаны 1812 г. Изданіе книгоиздательства «Заря»*. М. 1911». СХХVІ. ноябрь, 773—774.
- Людвигъ II**, баварскій король. СХХІV. май, 689—691.

Людовикъ XIV. король Франціи. СХХІІІ, январь, 375.

Ляцкій, Е. А. *Рецензія Н. Л. о книгѣ его:* «Былина. Ветхительная статья и выборъ текста. Спб. 1911». СХХІІІ, февраль, 738—739.

М

М. *Рецензія его:* «I. Rüdiger v. Schoeler. 1812. Der Feldzug in Kurland nach den Tagelbüchern und Briefen des Leutnants I. v. Hartwich. Съ портретомъ Гартвича. Берлинъ. 1910. II. Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. Митава. 1910». СХХІV, апрѣль, 326—330.

М. А. О—въ. *Статейки его:* «Эпизодъ изъ біографіи В. Г. Бѣлинскаго». СХХVІ, октябрь, 226—231.

М. Н—въ, *Рецензія его:* 1) «Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. I. Изданіе т-ва И. Д. Сытина и «Сотрудника школы» А. К. Залѣвской. М. 1910». СХХІІІ, январь, 315—316.—2) «Русская Правда по синодальному списку. Издана московскимъ археологическимъ институтомъ, подъ редакціей Н. Маркса. М. 1910». СХХІІІ, январь, 320.—3) «Описание новой бібліотеки конгресса въ Вашингтонѣ, составленное Гербертомъ Смолдъ. Изданіе Р. В. Юдина. М. 1910». СХХІІІ, мартъ, 1101—1102.—4) «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von T. Schieman, O. Höttsch, L. Goetz, H. Uebersberger. Berlin. 1910». СХХV, іюль, 299—300.—5) «Труды московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Т. I. М. 1911». СХХVІ, ноябрь, 770—771.—6) «Проф. Д. П. Багалъій. Очерки изъ русскаго исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911». СХХVІ, декабрь, 1163—1164.

М—о. *Рецензія его:* 1) «Аксель Лундегардъ. На смертномъ одрѣ. La Mouché. Романъ изъ личной жизни Генриха Гейне. Переводъ М. Н. Благовѣщенской. Спб. 1911». СХХІV, апрѣль, 323—325.—2) «В. Б. Бертеноевъ, старшій экзізиальный врачъ 2-го балтійскаго флотскаго экипажа. «Чума». Спб. 1911». СХХІV, май, 672.—3) «А. Кеюнниъ, уходя Толстого. Спб. 1911». СХХІV, іюль, 1102—1103.—4) «Открытыя письма и другія художественныя изданія общины св. Евгении Краснаго Креста. (Справочный указатель). Изданіе пятое. Спб. 1911». СХХV, іюль, 311—312.—5) «Е. Клетнова, Отзвуки Отечественной войны въ предѣлахъ и сказаніяхъ Вяземскаго уѣзда. Выпускъ I. Смоленскъ. 1911». СХХV, августъ, 712—714.—6) «С. Я. Русевъ. Свѣжія раны. Воспони-

нанія корюскаго контролера о русско-японской войнѣ. Спб. 1911». СХХV, августъ, 734—735.—7) «П. Е. Васильковскій. Чудеса животнаго міра. (Зоологія для всѣхъ) Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ. Съ 185 рисунками. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911». СХХVІ, ноябрь, 787—788. 8) «Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлерей императорскаго Эрмитажа. Изданіе общины святой Евгении. Спб. 1911». СХХVІ, декабрь, 790—791.

М. С. *Рецензія его:* 1) «Шведская война 1808—1809 г. Составленъ военно-историческимъ отдѣломъ шведскаго генеральнаго штаба. Переводъ группы офицеровъ бывшаго финляндскаго военнаго округа подъ общей редакціей генерал-майора Алексѣева и полковника Ниве. Часть III и приложения. Изданіе отдѣла генераль-квартирмейстера главнаго управленія главнаго штаба. Спб. 1910». СХХІІІ, мартъ, 1090—1091.—3) «В. Адамовичъ. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ л.-гв. Кексгольмскаго императора австрійскаго полка. 1909». СХХІV, апрѣль, 304—305.—3) «И. Н. Баженовъ. Сандену—Мудденъ. Воспоминанія очевидца-участника войны. 1911». СХХV, августъ, 718—720.

М. С—скій. *Рецензія его:* «Докторъ медицины В. Б. Гюббенетъ. Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ. Очерки военно-санитарнаго отдѣла и замѣтки по полевой хирургіи. Спб. 1910». СХХІІІ, мартъ, 1104—1105.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, почетитель казанскаго университета и учебнаго округа. СХХV, августъ, 477—479, 513.

Мазуровская, М. В., артистка. *Некрологъ ее:* СХХVІ, октябрь, 395.

Майковы:

— Аполлонъ Александровичъ, СХХІV, апрѣль, 124—127.

— Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ. *О немъ* «Воспоминаніе» В. Кульчинскаго, СХХІV, май, 570—577.

— Владимиръ Владимировичъ.—*Рецензія В. Р—а объ изданной имъ:* «Книжкѣ писцовою по Новгороду Велікому конца XVI вѣка. Спб. 1911». СХХVІ, ноябрь, 777—778.

Манаровъ, Николай Петровичъ, составитель словарей, СХХІV, апрѣль, 48—31.

Манаровъ-Юневъ, Александръ Оед., артистъ. *Некрологъ его:* СХХІІІ, мартъ, 1169.

Маннавъевъ, А. О., инспекторъ классовъ Константиновскаго военнаго училища, СХХV, сентябрь, 1045—1046.

- Маковицкій, Д. П.**, докторъ медицины, СХХIV, июнь, 791—799.
- Маковский, И. С.**, докторъ медицины, СХХVI, ноябрь, 625, 626, 630.
- Маковский, Константинъ Егоровичъ**, академикъ, живописецъ, СХХIII, февраль 788 (по поводу 50-лѣтія его художественной дѣятельности).
- Маковъ, Левъ Саввичъ**, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХIV, апрѣль, 233—237, 247.
- Максимовъ, Н. В.**—Его статья: «На чуму», СХХIII, январь, 116—133.
- Мальмгренъ, А. Э.** Рецензія его: «*Baltischer historisch-geographischer Kalender*. 1911. Рига», СХХV, августъ, 732—733.
- Мальцевъ, А. П.**, протоіерей. Рецензія г. З. о книгѣ его: «*Берлинскій Братскій Временникъ*. Православная церковь и русскія учрежденія за границей (Австро-Венгрія и Швеція). Въ двухъ частяхъ съ 76 рисунками. Берлинъ. 1911», СХХIII, мартъ, 1098—1101.
- Мальшинскій, А. П.**, редакторъ «*Вольнаго Слова*», СХХV, августъ, 632—633.
- Мандельштамъ, Іосифъ Емельяновичъ**, профессоръ. Некрологъ его: СХХIII, мартъ, 1169—1170.
- Маноцковъ, Владимиръ Ивановичъ**, журналистъ. Некрологъ его: СХХIII, январь, 405—406.
- Мансуровъ, Николай Павловичъ**, членъ государственнаго совѣта, статъ-секретарь. Некрологъ его: СХХV, июль, 347—348.
- Мансуровъ, П.** Рецензія *Иеромонаха I.* о книгѣ его: «*Константинопольская церковь*. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть первая. Центральное управленіе. М. 1909», СХХIII, февраль, 723—724.
- Марина, М. М.** Статья ея: «*Гетманша Скоропадская, урожденная Анастасія Марковна Марковичъ (1667—1729)*», СХХV, августъ, 534—550.
- Марія Александровна**, императрица, супруга императора Александра II, СХХIII, январь, 266.
- Марія Ѳеодоровна**, императрица, супруга императора Павла I, СХХIII, январь, 168—169.—Замѣтка: «*Къ постановкѣ памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскѣ*», СХХVI, ноябрь, 823—824.
- Марія Ѳеодоровна**, императрица, супруга императора Александра III, СХХIII, январь, 263.
- Маркевичъ, Болеславъ Михайловичъ**, писатель, беллетристъ, СХХIII, январь, 73.
- Марковъ, Николай Ѳеодоровичъ.** Некрологъ его: СХХIV, июнь, 1144—1145.
- Марксъ, Н. А.** Рецензія М. К.—ва о *редактированной имъ «Русской Правдѣ по синодальному списку»*. М. 1910», СХХIII, январь, 320.
- Масперо**, извѣстный египтологъ, СХХVI, ноябрь, 792—794.
- Матыевичъ-Мацѣвичъ, Брониславъ Витольдовичъ**, штабъ-капитанъ, авіаторъ. Некрологъ его: СХХIV, июнь 1145—1146.
- Мачавариани, К. Д.** Рецензія А. Хазанова о книгѣ его: «*Очерки и рассказы. (Изъ наблюденій разныхъ годовъ)*. Батумъ. 1909», СХХIII, январь, 345.
- Машуринъ, Георгій Алексѣевичъ**, бѣлогорскій пещерокопатель, СХХIV, май, 674.
- Межениновъ, А. П.**, поэтъ. О немъ въ брошюрѣ А. П. Фаресова: «*Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. (Съ портретомъ)*. Спб. 1911», рецензированной Г., СХХIII, мартъ, 1116.
- Мезенцевъ, Николай Владимировичъ**, шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ, СХХVI, декабрь, 1098.
- Мей, Левъ Александровичъ**, поэтъ, СХХIV, апрѣль, 130—131.
- Мейнъ, Александръ Даниловичъ**, совѣтникъ московскаго губернскаго правленія, СХХVI, октябрь, 96—97 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).
- Мелетій, софійскій митрополитъ**, СХХVI, ноябрь, 570—576.
- Мельгуновъ, А. П.**, генераль-поручикъ, СХХVI, октябрь, 345 (по поводу Мельгуновскаго клада 1763 года); ноябрь, 765—767.

Мельниковы:

— А. П. Рецензія Н. Лнд. о книгѣ его: «*Къ биографіи П. И. Мельникова*. Нижній Новгородъ. 1911», СХХIV, апрѣль, 316—317.

— Павелъ Иван. (Печерскій), извѣстный писатель. О немъ въ книжкѣ А. П. Мельникова: «*Къ биографіи П. И. Мельникова*». Нижній Новгородъ. 1911», рецензир: Н. Лнд., СХХIV, апрѣль, 316—317.

Менеликъ, абиссинскій негустъ, СХХIV, май, 684—685.

Мережковскій, Д. С. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «*Большая Россія*. Спб. 1911», СХХIV, июнь, 1096—1099.

Мерцаловъ, В. И. Замѣтка его: «*По поводу статьи Е. В. Корша: «Восемь лѣтъ въ Сибири»*, СХХIII, февраль, 809—814.—*Отвѣтъ Е. В. Корша: «По поводу замѣтки В. И. Мерцалова*, СХХIII, мартъ, 1178—1181.—*Статья его: «Неудачный портретъ»*, СХХIV, май, 585—593.—*Замѣтка къ ней В. Перетолчина: «Къ статьѣ*

- «Неудачный портретъ». СХХV, июль, 351—352.
- Мещерскій**, Владимиръ Петровичъ, князь, публицистъ, авторъ «Воспоминаній». СХХIII, январь, 284—287.
- Мещерскій**, Петръ Сергѣевичъ, князь, оберъ-прокуроръ святаѣшаго синода, сенаторъ. СХХVI, ноябрь, 530, 541—542.
- Миклашевскій**, Александръ Николаевичъ, профессоръ политической экономіи въ юрьевскомъ университетѣ. *Некрологъ его*: СХХVI, октябрь, 396.
- Миклуха-Майлай**, П. Н., путешественникъ. СХХIII, мартъ, 864.
- Милица Николаевна**, великая княгиня, августѣйшая покровительница общества русскихъ ориенталистовъ. СХХIV, май, 706—707.
- Миллеръ**, Навель Ивановичъ, товарищъ министра торговки и промышленности. *Некрологъ его*: СХХV, сентябрь, 1196.
- Миловскій**, Сергій Николаевичъ (псевдонимъ «Елеопекій»), писатель. *Некрологъ его*: СХХVI, октябрь, 396.
- Милютинъ**, Дмитрій Алексѣевичъ, графъ, бывшій военный министръ, писатель. СХХIV, апрѣль, 240—241, 245—246.
- Минаевъ**, Дмитрій Дмитриевичъ, поэтъ. СХХIV, апрѣль, 121—122.
- Минцова**, Марія Алексѣевна, общественная дѣятельница. *Некрологъ ея*: СХХV, июль, 349.
- Минцловъ**, С. Р. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Итѣа. Спб. 1911», СХХIV, апрѣль, 322—323.
- Мирианъ**, іеромонахъ Арзамаскаго монастыря. СХХIII, мартъ, 1036—1040.
- Мироновъ**, А. А. *Статья его*: «Изъ жизни археологическихъ учреждений», СХХIII, мартъ, 1077—1084. — *Рецензія его*: 1) «Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1907 годъ. Спб. 1910». СХХIV, апрѣль, 210. 2) «Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XX. Вып. I. Спб. 1911», СХХIV, май, 650—652. 3) «Н. Ф. Хованскій. Помѣшники и крестьяне Саратовской губерніи. Саратовъ. 1911», СХХIV, июль, 1087—1088. 4) «Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпуски 36 и 37. Спб. 1910», СХХV, августъ, 716—717. 5) «Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г. по Р. Х. изъ собранія графа А. А. Бобринскаго. Описаль Н. П. Веселовскій. Спб. 1910», СХХV, сентябрь, 1152—1153. 6) «Матеріалы по археологій Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіею. № 31. Евг. Придикъ. Мельгуновскій кладъ 1763 г. Съ 5 табличами и 14 рисунками. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 345.
- Мисирковъ**, К. *Рецензія В. Г. о переведенномъ имъ трудѣ проф. А. Пширкова*: «Болгарія. Одесса. 1911», СХХV, августъ, 733—734.
- Митусовъ**, П. Н., новгородскій намѣстникъ. СХХVI, декабрь, 1045.
- Михайловскій**, Константинъ, священникъ. СХХVI, декабрь, 1074.
- Михайловскій**, Николай Константиновичъ, писатель. СХХIII, январь, 274, 276, 280; СХХIV, июль, 1012—1014; СХХV, сентябрь, 1052, 1063—1066, 1076, 1097—1098.
- Михайловъ**, А. Б. *Его статья*: «Вновь найденная страница прошлаго. (Изъ переписки между Александромъ I и великой княгиней Екатеериной Павловной)», СХХIII, январь, 166—181.
- Михайловъ** (Мартовъ), Владимиръ Петровичъ. *О немъ статья Б. Б. Глинскаго*: «Трагедія ученаго поэта», СХХIV, июль, 872—892.
- Михайловъ**, Тимофей Михайловичъ, революционеръ. СХХIV, июль, 1010, 1015—1019, 1040—1041, 1045; СХХVI, декабрь, 1097—1098, 1100.
- Михаиль**, архіепископъ Иркутскій. СХХVI, октябрь, 530, 532.
- Михаиль Николаевичъ**, великій князь. СХХIII, январь, 263. — *Замѣтка*: «Музей имени великаго князя Михаила Николаевича», СХХVI, декабрь, 1211.
- Миртичъ I Хримянь**, армянскій католикосъ. *О немъ въ статьѣ А. Кишмишова*: «Армянскій католикосъ Миртичъ I Хримянь и князь Г. С. Голцианъ. Личныя воспоминанія», СХХIV, июль, 940—949.
- Модзалевскій**, Борисъ Львовичъ. *Рецензія В. Рудакова о редактированномъ имъ*: «Архивъ Раевскихъ. Томъ III. Спб. 1911», СХХIV, июль, 1086—1087.
- Молчановъ**, Александръ Николаевичъ, публицистъ. СХХIII, февраль, 534—535.
- Мольеръ**, Жанъ-Батистъ (1620—1673), французскій драматургъ, СХХVI, декабрь, 1197.
- Момзенъ**, Теодоръ (1817—1904), извѣстный нѣмецкій историкъ, СХХIV, апрѣль, 360.
- Мопассанъ**, Гюи, извѣстный французскій писатель. СХХIV, апрѣль, 361—362 (по поводу воспоминаній о немъ его слуги Франсуа Тиссара).
- Моргулисъ**, М. Г., адвокатъ и публицистъ. СХХIII, январь, 194.
- Мордовцевъ**, Даниль Лукичъ, писатель. СХХIII, февраль, 459—461; мартъ, 866—868.
- Морозовъ**, М. *Рецензія К. А. о книгѣ его*: «Очеркъ повѣстной литературы. Спб. 1911», СХХIV, апрѣль, 317—319.

Морозовъ, М. Его: «Воспоминаніе о П. С. Ванновскомъ. (На память сыну моему)», СХХІІІ, январь, 134—140.

Моссо, Анджело, итальянскій физиологъ, СХХV, июль, 316—317.

Мочульская, Марія. Ея: «Захолустный приходъ. (Изъ полбескихъ правовъ)», СХХІІІ, январь, 74—96.

Мочухаридзе (псевдонимъ его—Александръ Казбекъ), грузинскій писатель, СХХІІІ, февраль, 674—675.

Моцанскій, А. А. Статья его: «Пѣнкомъ по Кавказу. (Пѣтняя экскурсія 1909 года)», СХХІІІ, январь, 289—310; февраль, 667—693; мартъ, 1025—1053.

Мравинскій, генераль-майоръ (отецъ извѣстной артистки Мравиной), СХХV, августъ, 423.

Музаферъ-Эддинъ, переидекій шахъ, СХХІІІ, январь, 248, 250—252, 254—260.

Муравьевъ, Николай Валерьяновичъ, бывшій министръ юстиціи, СХХІV, июнь, 1019—1025; СХХV, июль, 187, 188—189; сентябрь, 877.

Муравьевъ-Амурскій, Николай Николаевичъ, графъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири, СХХІV, май, 587—591.

Муравьевъ-Виленскій, Михаилъ Николаевичъ, графъ, виленскій генераль-губернаторъ, СХХV, сентябрь, 878, 939.

Мурзакевичъ, Никифоръ Адриановичъ, священникъ, историкъ Смоленска, СХХV, сентябрь, 906—926.

Муркосъ, Георгій Абрамовичъ, профессоръ Лазаревскаго института. *Некрологъ его:* СХХІV, апрѣль, 393.

Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, СХХV, сентябрь, 939.

Мусогорскій, Модестъ Петровичъ (1839—1881), русскій композиторъ, СХХІІІ, мартъ, 1137—1138 (отзывъ о немъ Андрѣ Швейрлье въ «Hebdo Débats»).

Мѣщаниновъ, Иванъ Васильевичъ, сенаторъ. *Статья его:* «Изъ воспомнаній о П. С. Ванновскомъ», СХХІV, май, 491—514.

Мюллеръ, Вильгельмъ, берлинскій докторъ философіи, СХХV, июль, 332.

Мюратъ, Каролина, принцесса, СХХІІІ, январь, 353—361 (по поводу ея воспомнаній).

Мюратъ, братъ Бонапарта Юсефа, СХХІV, апрѣль, 337—347 (объ его связи съ императрицею Жозефиной).

Мюссе-де, Альфредъ. Очеркъ его ползи, составленный проф. Н. А. Линниченко: «Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Одесса. 1910», реценз. С. Аваліани, СХХІV, май, 674.

Мясоедовъ-Ивановъ, Викторъ Андреевичъ, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его:* СХХVІ, декабрь, 1219—1222.

Мятлева, Т. П. Рецензія К. Бурдзишова о книгѣхъ ея: «Происхождение самобитной русской народности и Россіи въ стародавнія времена до образованія Русскаго государства. Часть I, вып. I—III. Исторія Русскаго государства и православной церкви. Часть II, вып. I—II. Посвящается его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Алексѣю Николаевичу». СХХVІ, декабрь, 1154—1157.

Н

Н. Е.—въ. Замѣтка его: «Новыи управляющій архивомъ министерства юстиціи въ Москвѣ», СХХVІ, декабрь, 1087—1088.

Н. Л. Рецензіи его: 1) «К. Я. Гротъ. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910», СХХІІІ, январь, 324—325. 2) «Г. Корикъ. Обзоръ памятниквовъ русской словесности. Выпускъ 5. Пушкинъ. Одесса. 1910», СХХІІІ, январь, 328—329. 3) «Борисъ Садовскій. Русская Камена. Статьи. М. 1910», СХХІІІ, январь, 331. 4) «Былина. Вступительная статья и выборъ текста Е. А. Ляцкого. Спб. 1911», СХХІІІ, февраль, 738—739. 5) «Императорская академія художествъ. Галлерей графа П. А. Кушелева-Безбородка. Альбомъ. Текстъ М. М. Далькевича. Выпуски I—IV», СХХІІІ, февраль, 739. 6) «Владимиръ Короленко. Бытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб. 1910», СХХІІІ, февраль, 740—741. 7) «Н. М. Гутьяръ. Хропъ логическаго канна для биографіи П. С. Тургенева. Спб. 1910», СХХІІІ, мартъ, 1106—1108. 8) «Н. Я. Абрамовичъ. Художники и мыслители. М. 1911», СХХІV, апрѣль, 321. 9) «В. В. Сусловъ. Русское зодчество по преданьямъ народной старины. Изданіе товарищества Голике и Вильборгъ. Спб. 1911», СХХV, сентябрь, 1163—1164. 10) «А. Измаиловъ. Литературный Олимпъ. Характеристики, встрѣчи, портреты, автографы. М. 1911», СХХVІ, ноябрь, 779—780. 11) «К. Леоптьевъ. О романахъ графа Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной пустыни въ 1890 г. М. 1911, СХХVІ, декабрь, 1173—1175.

Н. Лнд. Рецензія его: «А. П. Мельниковъ. Къ биографіи П. П. Мельникова». Нижній-Новгородъ. 1911», СХХІV, апрѣль, 316—317.

Н. О. Н. Его замѣтка: «Сынъ декабриста», СХХV, сентябрь, 1044—1047.

- Набоковъ**, Дмитрій Николаевичъ, мистртер юстиціи, СХХІV, апрѣль, 240—242.
- Навроцкій**, В. В., редакторъ-издатель «Одесскаго Листка». *Некрологъ его*: СХХІV, іюль, 1146.
- Нагородская**, Е. А. *Рецензія В. Г. о книгѣ ея*: «Гѣвъ Діониса. Сѣб. 1911», СХХV, сентябрь, 1160—1163.
- Надеждинъ**, К. Ѳ., педагогъ, писатель, СХХІV, апрѣль, 325.
- Назаревскій**, В. В. *Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его*: «Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. Междуцарствіе и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Осодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 г. М. 1911», СХХІІІ, мартъ, 1092—1093.
- Назарета** (Васильевна Швалвичъ), игуменья казанскаго женскаго монастыря, СХХV, сентябрь, 931—932.
- Назарьева**, К. В., беллетристка, СХХІІІ, мартъ, 868.
- Наибъ-усъ-Салтанъ**, принцъ, сынъ персидскаго шаха Насръ-Эддина, СХХІІІ, январь, 248, 250, 251—252, 254.
- Накашидзе**, Е. *Рецензія Р. Семеновскаго о переведенной имъ книгѣ д-ра Столя*: «Что необходимо знать каждому мальчику. Сѣб. 1911», СХХVІ, ноябрь, 778, 779.
- Наполеонъ I Бонапартъ**, императоръ Франціи. — *О немъ въ книгѣ Альберта Вандаля*: «Наполеонъ и Александр I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Отъ Тильзита до Эрфурта. Сѣб. 1910», реценз. А. В., СХХІІІ, мартъ, 1091—1092. — *О немъ въ статьѣ*: «Генеральна Бонапартъ», СХХІV, апрѣль, 334—351. — *О немъ въ замѣткѣ*: «Неизданные документы Наполеона I», СХХІV, май, 679—682. — *О немъ въ «Воспоминаніяхъ» Рустана Малемюка*, СХХІV, іюнь, 1107—1121. — *О немъ въ воспоминаніяхъ Луизы Прусской*, СХХVІ, декабрь, 1184—1192.
- Наполеонъ III**, императоръ Франціи, СХХV, октябрь, 1169—1173.
- Насръ-Эддинъ**, персидскій шахъ, СХХІІІ, январь, 246—248, 250—261.
- Начовичъ**, болгарскій государственнй дѣятель, СХХVІ, ноябрь, 569—570, 573—574, 577, 582.
- Нащокинъ**, Павелъ Воиновичъ, СХХV, іюль, 213—215.
- Невъжинъ**, Петръ Михайловичъ, писатель. *Его*: «Исковерканое время. Повѣсть», СХХІV, апрѣль, 69—115.
- Недзялковскій**, Карлъ, дуцко-житомирскій епископъ. *Некрологъ его*: СХХІV, май, 727.
- Неживовъ**, Осипъ Емельяновичъ, пермскій крестьянинъ. — *О немъ статья В. К.*
- Анфилова*: «Русскій Гагецбекъ», СХХVІ, декабрь, 1076—1086.
- Некрасовъ**, Николай Алексѣевичъ, поэтъ, СХХV, августъ, 530—531 (его письмо къ председателю спб. цензурнаго комитета В. А. Цезю).
- Нелидовъ**, Александръ Ивановичъ, русскій посолъ въ Константинополь, СХХVІ, ноябрь, 574—577.
- Немировичъ-Данченко**, Василій Ивановичъ, писатель, СХХІІІ, февраль, 459.
- Нерпинъ**, Н. А. СХХІV, май, 589.
- Нессельроде**, Лидія Арсеньевна, графиня, СХХІІІ, январь, 98.
- Несмѣловъ**, Н. П. *Статья его*: «Страничка изъ недавняго прошлаго», СХХІV, апрѣль, 174—180.
- Нечаевъ**, Александръ Аванасьевичъ, докторъ медицины, СХХІІІ, январь, 395—396 (по поводу 40-лѣтія его врачебной дѣятельности).
- Ниве**, Н. А. *Рецензія М. С. о переведенной имъ III части «Шведской войны 1808—1809 г.», составленной военно-историческимъ отдѣломъ шведскаго генеральнаго штаба. Сѣб. 1910», СХХІІІ, мартъ, 1090—1091.*
- Нивинскій**, Эдуардъ. Иншолитовичъ, докторъ, членъ «священной дружины», СХХV, августъ, 634, 638, 642—651, сентябрь, 1048, 1052.
- Нижегородцевъ**, М. П., докторъ медицины, СХХІV, іюль, 880—883.
- Никаноръ** (въ мѣрѣ Никифоръ Тимофеевичъ Каменискій), архіепископъ варшавскій и казанскій. *Некрологъ его*: СХХІІІ, январь, 406.
- Никитинъ**, Иванъ Саввичъ, народный поэтъ. — *Замѣтка*: «Открытие памятникъ Никитину», СХХVІ, декабрь, 1210—1211.
- Никитинъ**, Оедоръ Платоновичъ, товарищъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. *Некрологъ его*: СХХV, сентябрь, 1196—1197.
- Никодимъ**, епископъ енисейскій и красноярскій. *Рецензія А. К.—ова о книгѣ его*: «Изъ записокъ Никодима, епископа енисейскаго и красноярскаго, съ предисловіемъ Ан. Титова. Тула. 1911», СХХV, августъ, 709—712.
- Николадзе**, П. Я., народовелецъ, СХХV, сентябрь, 1051—1059, 1064—1088, 1095.
- Николаевъ**, Петръ Оедоровичъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХІІІ, январь, 407—408.
- Николай I Павловичъ**, императоръ, СХХІІІ, февраль, 559—560, 562—563, 567—568, 571—572, 576; СХХІV, май, 481, 483; іюнь, 958—959; СХХVІ, ноябрь, 530.
- Николай II Александровичъ**, импера-

торь. СХХVI, ноябрь, 613—614, 617, 620, 623, 625, 627, 638; декабрь, 1149.

Николай Михайлович, великий князь. СХХIII, январь, 167 (по поводу его книги: «Перешека императора Александра I съ его сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. Спб. 1910»).

Никольскій, Дмитрій Петрович, доктор медицины. СХХIII, февраль, 791—792 (по поводу 30-лѣтія его врачебной и общественной дѣятельности).

Никольскій, Константинъ Тимошевичъ, протоіерей. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 406—407.

Никольскій, М. Э. *Статья его*: «Паломничество мусульманъ въ Мекку». СХХIV, апрѣль, 256—292; май, 603—638.

Никольскій, П. *Рецензія Пант. о книгѣ его*: «Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. Изданіе т-ва «Міръ». М. 1911». СХХVI, декабрь, 1180—1182.

Никольскій, П. В., СХХIV, май, 674.

Никоновъ, С. П., профессоръ поворогскаго университета. *Рецензія С. Авдьяни о книгѣ его*: «Основныя начала положеній 19 февраля 1861 года. Одесса. 1911». СХХV, сентябрь, 1155—1156.

Ницше, Фридрихъ (1844—1900), известный нѣмецкій философъ, СХХV, сентябрь, 1173—1176.

Новгородцевъ, П. И., профессоръ. *Рецензія А. Кф. о книгѣ его, составленной совместно съ проф. I. А. Покровскимъ*: «О нравѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911». СХХVI, декабрь, 1177—1178.

Новицкій, В. О. *Рецензія Мих. Соколовскаго о редактированной имъ книгѣ*: «Помни войну!» Сборникъ статей на современныя военныя темы. Спб. 1910». СХХIII, январь, 334—335.

Новосадскій, Н. И., профессоръ. *Рецензія Б. В. о книгѣ его*: «Греческая эпиграфика. Часть I. М. 1909». СХХIII, январь, 344.

Норанидзе, Константинъ, одинъ изъ руководителей кавказской революціи. СХХVI, ноябрь, 656.

Носаръ-Хрусталева, СХХIII, январь, 235—236.

Носовъ, Н. Д. *Рецензія А. Фомина о редактированномъ имъ*: «Собраніи сочиненій В. Г. Бѣлишекаго. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911». СХХVI, декабрь, 1169—1171.

Носовъ, Леонидъ Іоакимовичъ, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХVI, ноябрь, 827—828.

Ноттингамъ, графиня, СХХV, июль, 330.

Обручева, Екатерина Николаевна, б. инженериса императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ. *Некрологъ ея*: СХХIV, июнь, 1146—1147.

Обухова, Анастасія Сергѣевна (урожд. Салова). СХХV, сентябрь, 814—823.

Обуховъ, Николай Петровичъ, саранскій уѣздный предводитель дворянства, СХХV, сентябрь, 814—821.

Обручевъ, Николай Николаевичъ, генералъ-адъютантъ, СХХV, сентябрь, 877.

Овсянниковъ, Валерьянъ Павловичъ, художникъ-живописецъ. *Некрологъ его*: СХХIV, апрѣль, 393—394.

Оглобинъ, Николай Николаевичъ. *Его статьи*: 1) «Не жизнь, а декорация... (Изъ провинціальныхъ настроеній)», СХХIII, январь, 141—165; февраль, 578—603. 2) «Въ вопросу о музыкѣ русскаго народнаго гимна», СХХIV, июнь, 950—952. 3) «Въ черемшанскихъ скитахъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ)», СХХVI, октябрь, 213—225.—*О немъ въ статьѣ*: «Реабилитация русскаго народнаго гимна», СХХV, августъ, 602—608.

Окрейцъ, Стан. Стан. *Его*: «Листки изъ записной тетради», СХХIV, май, 429—446.

Окуличъ-Назаринъ, П. О. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его*: «Спутникъ по древнему Пекову. Любителямъ старины. Съ 58 рисунками и 4 планами. Изданіе пековскаго археологическаго общества. Псковъ. 1911», СХХVI, октябрь, 341—343.

Оливь, Эмиль, СХХV, сентябрь, 1169—1173 (по поводу XV тома его «Исторіи либеральной имперіи»).

Олсуфьевъ, М. В. *Его*: «Воспомнанія объ И. С. Тургеневѣ», СХХIII, мартъ, 855—864.

Ольга Николаевна, великая княжна, СХХIII, февраль, 568.

Ольга Теодоровна, великая княгиня, супруга великаго князя Михаила Николаевича, СХХIII, январь, 263.

Ольдерогге, Василій Васильевичъ, генералъ-лейтенантъ, директоръ училища правовѣднія. *Некрологъ его*: СХХV, августъ, 763.

Ольшанскій, Г. И. *Его*: 1) «Казуемый случай. Разсказъ старика», СХХV, августъ, 404—418. 2) «Дядька Назаръ. (Воспомнанія старожила)», СХХV, сентябрь, 881—896.

Орловскій, Е. Ф. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его*: «Гродненская старина. Часть I. Городъ Гродна. Съ гравюрами. Гродна. 1911», СХХVI, ноябрь, 775—776.

Островскій, Александр Николаевич, драматургъ.—*О немъ въ статьѣ Н. А. Державина:* «Освобожденіе русскаго театра. (Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго)», СХХIV, июль, 910—932.—*О немъ въ статьѣ В. З. Головиной (Ворониной).* «Мое знакомство съ А. Н. Островскимъ. (Изъ воспоминаній)», СХХV, июль, 125—131.

Островскій, Михаилъ Николаевичъ, министръ государственныхъ имуществъ, родной братъ предыдущаго, СХХV, июль, 192, 203, 208—210.

Офросимовъ, Фед. Серг., СХХIII, январь, 104—106, 111.

Ощурнова, Аванасія Александровна, сибирская общественная дѣятельница. *Некрологъ ея:* СХХIII, февраль, 806.

II

П. Б. Рецензіи его: 1) «Н. Карбень. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI, часть II—А. К. Джинвиллеговъ. Исторія современной Германіи. Часть II. Спб. 1910», СХХIII, январь, 341—342. 2) «В. Герье. Французская революція въ освѣщеніи И. Тона. Спб. 1911», СХХIV, май, 669—670. 3) «Шарль Дилъ. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричневскій. Харьковъ. 1911», СХХV, июль, 301—302. 4) «Тарле, Е. В. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Спб. 1911», СХХV, августъ, 730—731. 5) «Ивану Михайловичу Гревсу ученики. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 789. 6) «Граціанскій, Н. Паризскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV столѣтіяхъ. Казань. 1911», СХХVI, декабрь, 1182—1183.

П. В. В. Рецензія его: «Труды ярославской губернской ученой архивной комисіи. Книги V и VI. М. 1908—1909», СХХIII, январь, 347—348.

П. Г. Статья его: «Фамильная хроника Хованскихъ», СХХIV, июль, 968—974.

П. С. Рецензія его: «Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. О. Карскаго. Варшава. 1910. №№ 1—4», СХХIII, февраль, 732—734.

Павель I Петровичъ, императоръ, СХХV, августъ, 454—462; сентябрь, 1145—1149; СХХVI, декабрь, 1045, 1059, 1065, 1068.

Павленновъ, Ф. О. издатель, авторъ «Воспоминаній», СХХIII, февраль, 645—647.

Павловскій, Е. Н. Статья его: «Очерки Самаркандской области», СХХVI, декабрь, 1118—1141.

Павловскій, И. Фр. Статья его: «Евреи въ роли политическихъ сыщиковъ. (Изъ давнопрошедшаго)», СХХIII, февраль, 649—652.

Падеревскій, Игнатій-Янъ, польскій пианистъ и композиторъ. СХХIII, мартъ, 1136—1137 («Взглядъ Падеревскаго на музыку»).

Пальмовъ, М. И., СХХV, августъ, 589—590.

Пальмъ, Александръ Ивановичъ, писатель.—*О немъ статья Г. А. Пальма:* «Александръ Ивановичъ Пальмъ», СХХIII, мартъ, 1054—1059.

Пальмъ, Гр. А. Статья его: «Александръ Ивановичъ Пальмъ», СХХIII, мартъ, 1054—1059.

Панаевъ, Павелъ Петровичъ, инженеръ путей сообщения, профессоръ. *Некрологъ его:* СХХIII, мартъ, 1170—1171.

Панинъ, Никита Ивановичъ, графъ, воспитатель Павла Петровича, СХХV, сентябрь, 1145—1147.

Панкратовъ, А. С. Его статья: «Первое сентября 1911 года. (Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина)», СХХVI, ноябрь, 613—639.

Пант. Рецензіи его: 1) «П. Юшкевичъ. Новая Вѣянія. Издательство «Прометей». Спб. 1911», СХХIV, май, 667—668. 2) Античная бібліотека. Томъ первый. Жанъ Ломбаръ. Агонія. Предисловіе Октава Мирбо. Полный переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Воронникова. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1911», СХХIV, июль, 1091—1093. 3) «Московское общество народныхъ университетовъ. Господство права. Лекція П. Г. Виноградова, профессора московскаго и оксфордскаго университетовъ. М. 1911», СХХVI, ноябрь, 776—777. 4) «Библіотека для самообразованія. Иллюстрированная серия. Карлъ Федеркъ. Дайте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасской, подъ редакціей М. Н. Розанова. М. 1911», СХХVI, декабрь, 1178—1180. 5) «Н. Никольскій. Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. Изданіе т-ва «Міръ». М. 1911», СХХVI, декабрь, 1180—1182.

Пантусовъ, Н. Н., СХХV, августъ, 688.

Пантюховъ, Иванъ Ивановичъ, извѣстный антропологъ. *Некрологъ его:* СХХV, августъ, 764.

Пастуховъ, Николай Ивановичъ. *О немъ статья князя Б. А. Щетинина:* «Легендарный издатель. (Памяти Н. И. Пастухова)», СХХV, сентябрь, 1038—1043.

Патенно, Феодосій Алексѣевичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХIV, май, 728.

Патановъ, С. *Рецензія А. Фарѣсова о книгѣ его*: «О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Сиб. 1911». СХХVI, декабрь, 1166—1168.

Паулуччи, Филиппъ Осиповичъ, маркизь. 641—643.

Пахманъ, Семень Викентьевичъ, профессоръ, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 408—409.

Пахомовъ, Е. А. *Рецензія А. Хаханова о книгѣ его*: «Мопеты Грузин. Ч. I (домогольскій період). Сиб. 1910». СХХV, сентябрь, 1157.

Перетолчинъ, В. *Замѣтка его*: «Къ статьѣ «Пseudичный портретъ». СХХV, июль, 350—352.

Перовская, Софья Львовна, извѣстная русская революціонерка. СХХIV, июль, 1002—1007, 1032, 1040—1045.

Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ, писатель (севдонимъ Погорѣльскій). СХХIII, январь, 72—73.

Персидскій, Андрей Алексѣевичъ, отставной генералъ-майоръ, казанскій номѣщикъ. СХХV, сентябрь, 959—960.

Петри, Д. Ю., проф. *Рецензія Л. о редактированномъ имъ совместно съ Ю. М. Шокальскимъ: «Большомъ всемірномъ настольномъ атласѣ Маркса. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Сиб. 1910»*, СХХVI, ноябрь, 790.

Петровскій, Н. А., русскій консулъ въ Кангаръ, наследователь китайскаго Туркестана. СХХIV, 650—651.

Петровскій, С., протоіерей. *Рецензія С. Авалиани о брошюрѣ его*: «Н. И. Широковъ въ Севастополь. (Къ столѣтію со дня его рожденія). Одесса. 1910», СХХIV, апрѣль, 308—309.

Петровы:

— Александръ Григорьевичъ, предѣдатель цензурнаго комитета. СХХIII, февраль, 538—540.

— Константинъ Петровичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХIII, мартъ, 1171—1172.

— Николай Ивановичъ, дворянинъ. СХХV, августъ, 560—562.

— Николай Павловичъ, инженер-генералъ, заслуженный профессоръ и членъ государственнаго совѣта. *Его*: «Юбилейное чествованіе», по поводу 40-лѣтія учено-литературной дѣятельности», СХХIV, июнь, 1135—1137.

Петруневичъ, Ив. Ив. СХХV, августъ, 630—632.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ. *О немъ въ книжкѣ В. Н. Строева*: «Петръ

Великій въ его изреченіяхъ. Сиб. 1910», рецензировавшей В. Р. вѣымъ. СХХIII, февраль, 724—726. *Замѣтка*: «Памятникъ Петру Великому въ Тулѣ». СХХIII, февраль, 796. — *Упоминается*: СХХIV, июль, 1052, 1054, 1058, 1062, 1066, 1072—1074; СХХV, июль, 267—268.

Перринъ, Жюль, французскій писатель. СХХIII, январь, 375—376.

Песоцкій, Александръ Михайловичъ, протоіерей, писатель. *Некрологъ его*: СХХIII, мартъ, 1172.

Пироговъ, Николай Ивановичъ, знаменитый русскій хирургъ и педагогъ. *Рецензія А. Фомина объ его*: «Сочиненіяхъ Т. А. Педагогическія и публицистическія статьи. Т. II. «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача. Кіевъ. 1910», СХХIII, январь, 326—328.— *О немъ въ статьѣ* «Чествованіе памяти П. И. Пирогова», СХХIII, январь, 378—386.— *О немъ въ брошюрѣ протоіерей С. Петрескаго*: «Н. И. Пироговъ въ Севастополь. (Къ столѣтію со дня рожденія). Одесса. 1911», рецензир. С. Авалиани, СХХIV, апрѣль, 308—309.— *Объ его послѣднихъ годахъ въ «Отрывочныхъ воспоминаніяхъ»* А. Н. Витмера. СХХV, августъ, 425—435.

Писанецкій, А. И. *Статья его*: «Счастливыи день. (Разсказъ военнаго судьи)», СХХV, августъ, 574—584.

Писаревъ, М. П. *Статья его*: «Памяти Н. Н. Костомарова», СХХV, июль, 134—152.

Писемскій, Алексѣй Оеофилактовичъ, писатель, СХХIV, апрѣль, 125—128.

Платоновъ, Сергій Оеодоровичъ.— *Рецензія В. Троцкаго о*: «Сборникъ статей, посвященныхъ С. О. Платонову. Ученики, друзья и почитатели. Сиб. 1911». СХХV, августъ, 721—722.

Платоновъ, Флорентій Николаевичъ, сенаторъ. СХХIV, май, 505—514.

Плевако, Оеодоръ Никифоровичъ, извѣстный адвокатъ, членъ государственной думы. СХХIII, январь, 114.

Плеве, Вячеславъ Константиновичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. СХХV, сентябрь, 876—877.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, ректоръ с.-петербургскаго университета. СХХV, августъ, 463 (его характеристика, сдѣланная И. С. Тургеневымъ).

Плюшкинъ, Оеодоръ Михайловичъ, археологъ, коллекціонеръ. *Некрологъ его*: СХХIV, июнь, 1147—1148.— *О немъ въ статьѣ В. А. Алексѣева*: «Плюшкинскій музей», СХХVI, ноябрь, 697—703.

Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ св. синода, извѣстный государственный дѣятель, СХХIII,

- январь, 53; СХХIV, апрѣль, 233—235, 240—242, 248—252; СХХV, июль, 177—180, 192, 202—203, 212; августъ, 610—615, 619; СХХVI, декабрь, 1117.
- Погодинъ**, Михаилъ Петровичъ, историкъ, СХХIII, январь, 111—114; 219; СХХIV, июнь, 957—963.
- Пожарскій**, Дмитрій Михайловичъ, князь, СХХVI, октябрь, 389—390 (по поводу его креста).
- Познанская**, И. Д., женщина-врачъ, СХХIII, январь, 396 (по поводу 25-лѣтія ея дѣятельности).
- Покровскій**, І. А., профессоръ. *Рецензія А. Кф. о книгѣ его, составленной совместно съ проф. П. П. Новгородцевымъ: «О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюдъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911»*, СХХVI, декабрь, 1177—1178.
- Покровскій**, Николай Васильевичъ, директоръ императорскаго археологическаго института, СХХV, сентябрь, 1114—1115, 1122—1123, 1141.
- Покровскій**, О. И. *Рецензія А. Я. о составленномъ имъ совместно съ В. П. Срезневскимъ: «Описаніи рукописнаго отдѣленія бібліотеки императорской академіи наукъ. I. Рукописи. Томъ I. (I Книги священнаго писанія и II. Книги богослужебныя). Спб. 1911»*, СХХVI, октябрь, 350—352.
- Поливановъ**, Николай Петровичъ, полковникъ, СХХVI, декабрь, 1063—1064.
- Поликарповъ**, Н. П., полковникъ. *Рецензія В. О. о книгѣ его: «Забытыя и не описанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызванныя своимъ ходомъ рѣшительное сраженіе 26 августа 1812 года, при селѣ Бородинѣ. Выпускъ I. Боевыя дѣйствія 1-й и 2-й западной арміи на большой Московско-Смоленской дорогѣ съ 9 по 17 августа 1812 г. Изданіе Л. Лукьянова. М. 1911»*, СХХVI, ноябрь, 775.
- Полонскій**, Яковъ Петровичъ, извѣстный поэтъ, СХХIII, январь, 42, 44; февраль, 544—545.
- Полякъ**, Александра Петровна, общественная дѣятельница. *Некрологъ ея*: СХХIV, июнь, 1148.
- Попова**, Елизавета Ивановна. *Рецензія Н. Лернера объ ея: «Дневникъ. Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ. Подъ редакціей князя Н. В. Голицына. Спб. 1911»*, СХХVI, октябрь, 346—348.
- Поповъ**, А. П., священникъ. *Рецензія Ан. Титова о книгѣ его: «La question des lieux saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX siècle. I (1800—1850) et II partie (1851—1853). St.-Petersbourg. 1910—1911»*, СХХIV, апрѣль, 306—307. — *Рецензія С. о книгѣ его: «Младшій Григоровичъ. Новооткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка. Кронштадтъ. 1911»*, СХХVI, ноябрь, 772—773.
- Половъ**, Константинъ Дмитріевичъ, профессоръ кievской духовной академіи. *Некрологъ его*: СХХIV, июнь, 1448.
- Попруженно**, М. Г. *Рецензія В. В. о книгѣ его: «Одесская городская публичная бібліотека. 1830—1910. Одесса. 1911»*, СХХV, августъ, 722—723.
- Поспишиль**, А. О., СХХVI, декабрь, 1161.
- Постниковъ**, Александръ Сергѣевичъ, СХХVI, октябрь, 91—92.
- Потанинъ**, Гавріиль Никитичъ, педагогъ, писатель. — *О немъ въ статьѣ П. П. Ювачева: «Гавріиль Никитичъ Потанинъ»*, СХХIV, май, 515—526.
- Потемкинъ-Тавричскій**, Григорій Александровичъ, свѣтлѣйшій князь, СХХIV, май, 528—533, 536, 537, 540—542, 547, 554, 555, 557.
- Потѣхинъ**, Алексѣй Антиповичъ, драматургъ, СХХIII, январь, 42, 46—48, 50, 52—57, 59.
- Похитоновъ**, Николай Даниловичъ, народоволецъ, СХХVI, ноябрь, 717, 719, 722, 724, 728, 738; декабрь, 1105.
- Прежцелвскій**, О. А., цензоръ, СХХV, сентябрь, 979—983.
- Прибиль**, Н. И., СХХIV, июнь, 942.
- Прибылева**, Раиса Львовна, революціонерка, СХХVI, декабрь, 1100, 1103.
- Прибылевъ**, Александръ Васильевичъ, революціонеръ, СХХVI, декабрь, 1100, 1103, 1104.
- Прибылева-Корба**, А. революціонерка, СХХVI, октябрь, 273—275.
- Прибытковъ**, Викторъ Ивановичъ, журналистъ. *Некрологъ его*: СХХIII, январь, 409—410.
- Придинъ**, Евг. Март. *Рецензія А. Миронова объ его трудѣ: «Мельгуновскій кладъ 1763 г. Съ 5 таблицами и 14 рисунками. Спб. 1911 г. (въ № 31 «Материаловъ по археологін Россіи, издаваемыхъ императорскою археологическою коміссією)»*, СХХVI, октябрь, 345.
- Притыкинъ**, Михаилъ Яковлевичъ, писатель-публицистъ. *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь, 1222.
- Прокоповичъ-Антонскій**, А. А., профессоръ московскаго университета, СХХIV, июнь, 955—958.
- Пропперъ**, С. М., издатель «Биржевыя Вѣдомостей», СХХIII, февраль, 545—557 (въ воспоминаніяхъ І. І. Ясинскаго); СХХIV, май, 437.
- Протопоповъ**, М. А., писатель, СХХIII, февраль, 541.

Пружанскій, Н. О. *Статья его:* «Мое знакомство съ М. М. Стасюлевичемъ. (Изъ воспоминаній)». СХХIV, апрѣль, 200—204.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, великій русскій поэтъ.—*О немъ въ книгѣ К. Я. Грота:* «Иррадиованіе лицейскихъ годовщины при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910», СХХIII, январь, 324—325. *О немъ въ книгѣ О. Корица:* «Обзоръ памятниконъ русской словесности. Выпускъ V. Пушкинъ. Одесса, 1910», СХХIII, январь, 328—329.—*Въ замѣткѣ А. Шитловой:* «Нащюкинскій домикъ». СХХV, июль, 213—215.—*Въ замѣткѣ К* («О новомъ портретѣ А. С. Пушкина работы И. Е. Рѣпина», СХХV, июль, 216—218.—*О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта:* «Давніе эпизоды. VIII. Воспитатель Пушкина», СХХV, августъ, 449—469.—*О немъ въ статьѣ В. Р. Вейденбаума:* «Нѣсколько словъ о Пушкинскихъ мѣстахъ», СХХV, августъ, 585—591.—*О немъ въ книгѣ П. Е. Щеголева:* «Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. Изданіе академіи наукъ. Спб. 1910», реценз. А. Г. Фоминымъ, СХХV, сентябрь, 1165—1167.—*Рецензія А. Г. Фомина объ его:* «Сочиненіяхъ. Перепіска подъ редакціей и съ примѣчаніями В. П. Савтова. Томъ III (1833—1837). Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 352—354.

Пѣвницкій, Василій Оеодоровичъ, профессоръ кievской духовной академіи. *Некрологъ его:* СХХV, сентябрь, 1197—1198.

Пятковскій, Александръ Петровичъ, редакторъ - издатель «Наблюдателя», СХХIII, февраль, 540—541.

Р

Радловъ, Эрнестъ Львовичъ. *Рецензія Я. К. о редактированныхъ имъ:* «Письмахъ Вл. С. Соловьева, т. II и III. Спб. 1911». СХХVI, октябрь, 354—355.

Раевскій, П. М. *Рецензія В. Рудакова объ изданномъ имъ:* «Архивъ Раевскихъ. Т. III. Спб. 1910», июль редакціей Б. Л. Модзалевскаго, СХХIV, июнь, 1086—1087.

Рейнакъ, Соломонъ, археологъ. *Рецензія С. Авалиани о книгѣ его:* «Орфей. Всеобщая исторія религіи. Переводъ съ седьмого французскаго изданія. Парижъ 1911», СХХVI, октябрь, 560. — *Упомянется:* ноябрь, 797.

Рейтернъ, Михаилъ Христофоровичъ, графъ, министръ финансовъ, СХХV, июль, 201.

Репнины, князья:

— Николай Васильевичъ, генераль-фельдмаршалъ и дипломатъ, СХХVI, декабрь, 1050.

— Петръ Ивановичъ, оберъ-шталмейстеръ, СХХIV, июнь, 1054.

Ржевская, Наталья Сергѣевна, урожденная Фонвизина, СХХIII, январь, 104, 106, 112.

Ржевскій, Дмитрій Семеновичъ, цензоръ, мужъ предыдущей, СХХIII, январь, 104, 106—112.

Ржевусскій, Станиславъ, СХХVI, декабрь, 1198.

Риза-Нирмани, мулла, убійца персидскаго шаха, СХХIII, январь, 258—259.

Робертъ-Филиппъ-Луи, герцогъ шартрскій, второй сынъ герцога Орлеанскаго и принцессы Елены Мекленбург-Шверинской, СХХIII, мартъ, 1138—1139 (по поводу его смерти).

Рогачевъ, Дмитрій Михайловичъ, поручикъ, революціонеръ, СХХVI, ноябрь, 716—718, 722, 724—730; декабрь, 1105.

Родсъ, Сесиль-Джонъ, СХХIII, февраль, 767—770 (его біографія).

Рождественскій, Зинвій Петровичъ, адмиралъ, СХХV, сентябрь, 852—859 (въ воспоминаніяхъ А. Н. Вигмера).

Рождественскій, С. В., профессоръ. *Рецензія Вит. Ткачука о редактированномъ имъ:* «Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ императора Александра II. С. А. Князькова и Н. И. Сербова. М. 1910», СХХIV, май, 657—658.

Розановъ, Вас. Вас., писатель. *Рецензія Б. Г. о книгѣ его:* «Когда началъто ушло... 1905—1906. Спб. 1910», СХХIII, январь, 335—337. — *Рецензія Б. В.—скаго о книгѣ его:* «Темный ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Его же. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 782—787.

Розановъ, И. и П. Сидоровъ. *Рецензія Т. А. М. о книгѣ ихъ:* «Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. М. 1911», СХХIV, июнь, 1094—1096.

Розановъ, Николай Ивановичъ, протоіерей. *Некрологъ его въ отдѣлѣ «Некрологовъ», сообщенный М. Р. Веселковой-Кильмистъ:* СХХVI, ноябрь, 828—829.

Розенъ, А. В., баронъ, СХХVI, декабрь, 1055—1056.

Россини, итальянскій композиторъ, СХХIII, февраль, 752—754 («Россини о новомъ пѣвціи»).

Ростовцевъ, О. *Рецензія Мих. Соколова о книгѣ его:* Четвертая донская казачья дивизія въ «русско-японокую

войцу. Сиб. 1910», СХХIV, июнь, — 1088—1089.

Ростопчинъ, Оедоръ Васильевичъ (1763—1828), пзвѣстный московскій генералъ-губернаторъ, СХХVI, декабрь, 1055—1058, 1067.

Рубакинъ, Николай Александровичъ, писатель, СХХIV, май, 719—920 (по случаю 25-лѣтня его литературной дѣятельности).

Рубецъ, А. М., б. профессоръ петербургской консерватори, авторъ «Воспоминаній», СХХVI, декабрь, 1161—1162.

Рудаковъ, Василій Егоровичъ, писатель.—*Статьи его:* 1) «Археологическая дѣятельность графа А. А. Бобринскаго. (По случаю 25-лѣтня его председательствованія въ императорской археологической комисіи)», СХХIII, мартъ, 1060—1068.—2) В. Р. Завадскій (въ отдѣлѣ «некрологовъ»). СХХIII, февраль, 803—804.—3) «Архивные розыски о рожденіи Бѣлинскаго и о происхожденіи его матери», СХХIV, май, 594—602.—4) «Юбилей Д. А. Вольтера», СХХIV, май, 720—722.—5) «Столѣтіе Общества любителей россійскаго словесности при московскомъ университетѣ», СХХIV, июнь, 953—968.—6) «Памяти В. О. Ключевскаго», СХХIV, июнь, 975—985.—7) «Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. (Предсѣдатель Сиб. цензурнаго комитета В. А. Цез), СХХV, августъ, 502—533; сентябрь, 962—987.—8) «Пятнадцатый археологическій съѣздъ въ Новгородѣ», СХХV, сентябрь, 1110—1142.—9) «Андрей Александровичъ Титовъ. (Некрологъ)», СХХVI, декабрь, 1089—1095.

Рецензьи его: 1) «Матушка Русь. Хрестоматія. I и II части. Для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ О. А. Тараныгинъ. Редакція О. А. Витберга. Съ иллюстраціями. Сиб. 1910», СХХIII, январь, 321—323.—2) «Изгоишь историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1910 г. Вып. 2 и 3. Годъ шестой. Вильна. 1910 г.», СХХIII, январь, 323.—3) «Н. К. Горгаловъ. Изъ прошлаго императорской казанской I гимназій. Съ 2 портретами и видомъ гимназій въ началѣ XIX ст. Казань, 1910», СХХIII, январь, 348—349.—4) «Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уни включительно. М. 1910», СХХIII, февраль, 714—716.—5) «Петръ Великій въ его изреченіяхъ. Составилъ В. Н. Строевъ. Сиб. 1910», СХХIII, февраль, 724—726.—6) «Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комисіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ Т. VIII. Издл.-Повг,

1910», СХХIII, февр., 728—729.—7) «Академическая библіотека русскихъ писателей. Выпуски 3 и 4. Полное собр. сочиненій М. Ю. Лермонтова. Т. II и III. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Сиб. 1910», СХХIII, февраль, 736—738.—8) «Сенатскій Архивъ. Т. XIV. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за февраль—декабрь 1769 года Сиб. 1910», СХХIII, мартъ, 1085—1088.—9) «В. Пазаревскій. Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. Междуцарствіе и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Оеодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 г. М. 1911», СХХIII, мартъ, 1092—1093.—10) «Библиографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ Рязанской губерніи. Составленъ о. І. В. Добролюбовымъ и дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. Рязань. 1910», СХХIII, мартъ, 1112—1119. 11) «Кн. П. Голлицанъ Первый вѣкъ сената. Сиб. 1910», СХХIII, мартъ, 1117—1118. 12) «Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. Саратовъ. 1911», СХХIV, апрѣль, 302—304. 13) «Труды Владимирской ученой архивной комисіи. Книга X. Владимиръ. 1909», СХХIV, апрѣль, 325—326.—14) «Исторія Правительствующаго Сената за двѣтн лѣтъ. 1711—1911 Тома I—V. Сиб. 1911», СХХIV, май, 646—649.—15) «Дворянское сословіе Тульской губ. Т. IV. Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстоахожденій ихъ помѣтій въ Тульской губ. 1903—1910 г. М. 1910. Составилъ В. И. Чернозятовъ.—Тоже Т. V. Ополченіе 1812 г. Матеріалы. Составилъ В. И. Чернозятовъ. М. 1910.—Московское дворянство. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ. М. 1910.—Московское дворянство. Списки служившихъ по выборамъ. 1782—1910. М. 1910», СХХIV, май, 655—656.—16) «Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Составилъ О. А. Тараныгинъ. Редакція О. А. Витберга. Выпуски 1—12. Сиб. 1910», СХХIV, май, 658—659.—17) «Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губ. (Калужское дворянское ополченіе). И. И. Бульчовъ. Калуга. 1911», СХХIV, май, 659—660», —18) «Стороженко. Фамильный архивъ. Pro domo sua. Т. IV и VIII. Кіевъ. 1910», СХХIV, май, 664—666.—19) «Воронежская Старица. Выпускъ девятый. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Во-

- ронскъ. 1910», СХХIV, май, 674—675.—20) «Архивъ Раевскихъ. Томъ III. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1910», СХХIV, июнь, 1086—1087.—12) «Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпускъ 5. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ четвертый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХIV, июнь, 1093—1094.—22) «Труды полтавской ученой архивной комисіи. Издано подъ редакціей членовъ комисіи: И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалко и В. А. Нарвоменка. Выпускъ VII. Полтава. 1910», СХХV, июль, 291—292.—23) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1910. Книга четвертая. Двѣсти тридцать пятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910», СХХV, июль, 294—295.—24) «Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XVI. М. 1910», СХХV, июль, 301.—25) «Русскій Библиофиль. Le Bibliophile Russe. №№ 1 и II. Спб. 1911», СХХV, июль, 303—305.—26) «Замѣчательныя сооруженія: храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и Петербургѣ. Составилъ О. А. Таранцынъ. Редак. Б. Б. Глинскаго. Спб. 1911, СХХV, июль, 312—313.—27) «Минская старина. Труды минскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ III. А. В. Жиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Біографія каноника Сенчиковскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями). Часть I. На родинѣ Бѣлорусіи. Часть II. Въ изгнаніи. Вильна. 1911», СХХV, августъ, 714—716.—28) «Некрополь Крымскаго полуострова. Составилъ В. П. Черноятовъ, М. 1910», СХХV, августъ, 720—721.—29) «Труды саратовской ученой архивной комисіи. Выпускъ 27-й. Саратовъ. 1911, СХХV, сентябрь, 1149—1151.—30) «Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 гг.). Томъ I. Именные списки и біографіи должностныхъ лицъ и воспитанниковъ гимназіи. Кіевъ. 1911», СХХVI, октябрь, 335—337.—31) «Спутникъ по древнему Пскову. Любителямъ старины. Съ 58 рисунками и 4 планами. Составилъ Н. О. Окуличъ-Казаринъ. Изданіе псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1911», СХХVI, октябрь, 341—343.—32) «А. М. Ловягинъ. Обзорніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 345.—33) «Г. Габаевъ. Документъ о русскихъ знаменахъ и прочихъ войсковыхъ регалияхъ пачала XIX вѣка (1803—1815 г.). Опытъ историко-иконографическаго описанія. Спб. 1911.—Его же. Вѣковая годовщина Отечественной войны и инженерныя войска. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 774.—34) «Е. Орловскій. Гродненская старина. Часть I. Городъ Гродна. Съ гравюрами. Гродна. 1910», СХХVI, ноябрь, 775—776.—35) «В. В. Майковъ. Книжка шестая по Новгороду Великому конца XVI вѣка. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 777—778.—36) «Столѣтіе кievской первой гимназіи (1809—1811—1911 гг.). Т. II. Обзоръ исторіи гимназіи. Часть I. Кіевское главное народное училище. (1789—1809). Кіевская гимназія (1809—1836). Кіевская первая гимназія (1836—1854.). Кіевъ. 1911.—Тоже. Томъ III. Обзоръ исторіи гимназіи. Часть II. Кіевская первая гимназія (1854—1880). Воспоминанія о кievской. первой гимназіи А. И. Рубца, Н. А. Бунге и Н. П. Забугина. Историческій очеркъ Св.-Николаевской церкви кievской первой гимназіи. Кіевъ. 1911», СХХVI, декабрь, 1161—1163. — Упоминается: СХХVI, декабрь, 1169.
- Рудневъ, С. П.** *Статья его:* «Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи)», СХХIV, апрѣль, 132—146.
- Руковичъ, М. А.** *Его:* «По жребію. (Разсказъ)», СХХVI, октябрь, 134—151.
- Румянцевъ, П. П.** протоіерей, СХХIII, мартъ. 1099.
- Руссовъ, Александръ Александр.** докторъ медицины. *Некрологъ его:* СХХV, августъ, 764—765.
- Рустамъ, мамелюкъ Наполеона I,** СХХIV, июнь, 1107—1121 (по поводу его «Воспоминаній»).
- Рысаковъ, Николай Ивановичъ,** революціонеръ, СХХVI, июнь, 1007—1010, 1016—1018, 1039—1075.
- Рѣпинъ, Илья Ефимовичъ.** — *О немъ въ замѣткѣ Р.:* «О новомъ портретѣ А. С. Пушкина работы П. Е. Рѣпина», СХХV, июль, 216—218.
- Рѣзи, профессоръ университета въ Бордо,** СХХVI, декабрь, 1197.
- Рядновъ, Василій Алексѣевичъ,** отставной генераль-майоръ, писатель-педагогъ. *Некрологъ его:* СХХV, сентябрь, 1198.

С

С. Рецензіи его: 1) «Проф. А. А. Бронзовъ. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Воспоминанія. Спб. 1911»,

СХХІV, апрѣль, 310—312.—2) «Н. Н. Луиновъ. Христіанство у вояковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Исслѣдованіе. Вятка. 1911», СХХVІ, октябрь, 333—335.—3) «Протоіерей А. П. Поповъ. Младшій Григоровичъ. Пovoоткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка. Кронштадтъ. 1911», СХХVІ, ноябрь, 772—773.

С. Л. А-въ. *Рецензія его:* «Прѣгледъ. Род. I, кн. I—VIII. Род. II, кн. I—II. Софія», СХХIII, февраль, 744—745.

С. и Ш. *Рецензія—скій—о книгѣ изъ:* «Азартъ, романъ людского безумія. Спб. 1911», СХХIV, июнь, 1105.

Саблинъ, Николай, пародоволецъ, СХХIV, июнь, 1010; СХХVІ, декабрь, 1106.

Саблинъ, М. А., писатель, СХХVІ, октябрь, 97.

Савицкая, Маргарита Георгиевна, артистка. *Некрологъ ея:* СХХIV, май, 728—729. *О ней статья князя В. А. Щенина:* «Памяти М. Г. Савицкой», СХХIV, июнь, 933—939.

Савицкій, революционеръ-экспроприаторъ. *О немъ статья А. А. Сидова:* «Похожденія революціонера - экспроприатора Савицкаго», СХХVІ, декабрь, 1002—1034.

Савичъ, Николай Францовичъ, журналнеть, СХХV, августъ, 396—399.

Садовскій, Борисъ. *Рецензія Н. Д. о книгѣ его:* «Русская Камена. Статьи. М. 1910», СХХIII, августъ, 331.

Садовскій, Иванъ Михайловичъ, профессоръ, бактериологъ. *Некрологъ его:* СХХV, сентябрь, 1198—1199.

Садовскій, Провъ Михайловичъ, извѣстный артистъ. СХХIII, январь, 60—62.

Сайтовъ, Вл. Ив. *Рецензія А. Р. Фомина о редактированномъ имъ третьемъ томѣ:* «Сочиненій Пушкина. Перейшека (1833—1837). Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХVІ, октябрь, 352—354.

Сазоновъ, В. *Статья его:* «По китайской границѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ)», СХХIII, мартъ, 991—1003.

Салтыковъ (Щедринъ), Михаилъ Еврафовичъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта:* «Давніе эпизоды. Н. А. Энгельгардтъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ», СХХIV, апрѣль, 42—68.—*Упоминается:* СХХV, августъ, 625—626; сентябрь, 979—982.

Сальниковъ, А. Н., СХХV, июль, 243—244.

Самаринъ, Д. Ф., СХХV, августъ, 508.

Самоуасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, профессоръ, археологъ. *Некрологъ его:* СХХV, сентябрь, 1199.

Самошъ, Зигфридъ, шведскій литературный критикъ, СХХIV, май, 695—696 (по поводу его смерти).

Сахаровъ, С. П. *Рецензія проф. М. Красножсена о книгѣ его:* «О предсборномъ присутствіи. Подъ редакціей проф. М. Е. Красножсена, Юрьевъ, 1910», СХХVІ, декабрь, 1157—1159.

Свѣдомскій, Александръ Александровичъ, живописецъ. *Некрологъ его:* СХХV, июль, 348—349.

Севрюгинъ, уральскій урядникъ, СХХV, июль, 171—172.

Селецкій, Г. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его:* «646 дней у японцевъ. Спб. 1910», СХХIII, январь, 332—333.

Семевскій, Вас. Пв., историкъ, СХХIV, апрѣль, 300—301.

Семеновъ, Е. П., *Рецензія г. А. о книгѣ его:* «Въ страпѣ изгнанія (Изъ записной книжки корреспондента)», СХХIII, мартъ, 1108—1109.

Семеновъ-Тянь-Шанскій, А. П., географъ.—*Замѣтка:* «Чествованіе А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго», СХХVІ, декабрь, 1212.

Сементковскій, Ростиславъ Иваповичъ, писатель. *Статья его:* «Усугавъ и наука. (Изъ университетскихъ воспоминаній)», СХХIII, мартъ, 1004—1013.—*Рецензія его:* «Д-ръ Столь. Что необходимо знать каждому мальчику. Переводъ съ англійскаго. Е. Наканидзе. Спб. 1911», СХХVІ, ноябрь, 778—779.

— *Рецензія Б. Р. о книгѣ его:* «Современная Россія въ дни революціи. Спб. 1911», СХХIV, июнь, 1099—1102.

Сементовскій-Нурилло, Дмитрій Константиновичъ, русскій посланникъ при болгарскомъ правительствѣ. *Некрологъ его:* СХХIII, мартъ, 1172—1173.

Сенчиковскій, капоникъ. *О немъ трудъ А. В. Жиркевича:* «Минская старина. Труды минскаго церковнаго-историко-археологическаго комитета. Выпускъ III. Изъ-за русскаго языка. (Биографія капоника Сенчиковакаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями). Часть I. «На родинѣ Вѣлоруссін». Часть II. «Въ изгнаніи». Вильна. 1911», рецензироваанный В. Р-вымъ, СХХV, августъ, 714—716.

Серафимъ, іеромонахъ. *Рецензія I. I. о книгѣ его:* «Путевыя впечатлѣнія». Поездка въ Іерусалимъ и на Авоинъ въ 1908 году. Нижній Новгородъ. 1910», СХХIV, июнь, 1081—1082.

Сербовъ, П. И., *Рецензія Вит. Ткачука о составленной имъ свѣдѣннн со С. А. Князьковымъ, подъ редакціей проф. С. В. Рождественскаго, книгѣ:* «Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи

- до эпохи реформъ императора Александра II. М. 1910». СХХIV, май, 657—658.
- Сергѣевичъ**, Василій Ивановичъ, профессоръ, членъ государственнаго совѣта. *О немъ въ статьѣ В. Р.* «В. П. Сергѣевичъ и студентческіе безпорядки», СХХIII, январь, 216—245.
- Сергѣенко**, П. А., *Рецензія А. Фомина о собранныхъ и редактированныхъ имъ: «Письмахъ Л. Н. Толстого. 1848—1910. М. 1910»*, СХХIII, январь, 329—330.
- Серебряновъ**, Э. А., пародоволецъ, СХХVI, ноябрь, 706—738.
- Серяпутовскій**, А. К. *Рецензія А. Фова о книжкахъ его: 1) «Сказки и рассказы бѣлоруссовъ-польшукровъ». 2) «Грамматическій очеркъ бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 1911»*, СХХV, сентябрь, 1159—1160.
- Сиговъ**, А. А. *Статьи его: 1) «Драгомирровъ и Скобелевъ»*, СХХIV, апрѣль, 181—199. — *Замѣтка къ этой статьѣ Н. Лачинова*, СХХIV, май, 732—736. 2) «Нюхонденія революціонера-экспроприатора Савицкаго», СХХVI, декабрь, 1002—1034.
- Сидоровъ**, П. *Рецензія Т. А. М. о составленной имъ совместно съ Н. Романовымъ книгѣ: «Работы и воля. Кръпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. М. 1911»*, СХХIV, июнь, 1094—1906.
- Сиротининъ**, А. П. *Рецензія А. Я. о книгѣ его: «Какъ научиться по-чешски? Чешская грамматика съ хрестоматіей и словаремъ. Варшава. 1910»*, СХХIII, январь, 345—347.
- Сиротининъ**, Василій Николаевичъ, профессоръ военно-медицинской академіи, СХХIII, февраль, 789—791 (по поводу 30-лѣтія научной и врачебной его дѣятельности).
- Скабичевскій**, Александръ Михайловичъ, писатель. — *О немъ въ статьѣ Б. Глинскаго: «Памяти А. М. Скабичевского»*, СХХIII, февраль, 623—648.
- Скавронская**, Екатерина Васильевна, рожденная Энгельгардтъ, СХХV, августъ, 456.
- Скальковскій**, Константинъ Аполлоновичъ, писатель-публицистъ. *О немъ въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «Изъ воспоминаній о К. А. Скальковскомъ»*, СХХVI, ноябрь, 511—529.
- Скворцовъ**, Николай Семеновичъ, писатель, СХХIV, июль, 50—56; августъ, 397—400; СХХVI, октябрь, 91—92.
- Скобелевъ**, Михаилъ Дмитриевичъ (1843—1882), известный русскій генералъ. — *О немъ въ статьѣ А. А. Сигова: «Драгомирровъ и Скобелевъ»*, СХХIV, апрѣль, 181—199. — *Замѣтка: «Закладка памятника М. Д. Скобелеву»*, СХХV, июль, 339—341. — *Замѣтка: «Открытие памятника ген.-ад. Скобелеву»*, СХХV, августъ, 758—759.
- Скржиницкій**, Ягъ, полковникъ, написавшій рѣчь Наполеона, СХХIV, май, 679—682.
- *скій. Рецензія его: «С. и Ш. Азаръ, романъ людскаго безумія. Спб. 1911»*, СХХIV, июнь, 1105.
- Скоронадская**, Анастасія Марковна (урожденная Марковичъ), гетманша. — *О ней статья М. М. Мариной: «Гетманша Скоронадская, урожденная Анастасія Марковна Марковичъ (1667—1729)»*, СХХV, августъ, 534—550.
- Скоронадскій**, Иванъ Ильичъ, малорусскій гетманъ, СХХV, августъ, 536—540, 545, 548.
- Скрябинъ**, К. П. *Статьи его: «Лечение ударами нагайки у киргизовъ»*, СХХV, августъ, 598—601.
- Смирнова**, Екатерина Павловна, педагогъ. *Некрологъ ея: СХХVI, октябрь, 397.*
- Смирновъ**, Алексѣй Ефимовичъ, профессоръ, докторъ медицины. *Некрологъ его: СХХIII, январь, 410.*
- Смирновъ**, Николай Константиновичъ, пресвитеръ, писатель. *Некрологъ его: СХХVI, октябрь, 397.*
- Смирновъ**, Сем. Алек., СХХVI, октябрь, 58—59. (въ «Запискахъ К. П. Беркута»).
- Смолль**, Гербертъ. *Рецензія М. К-ва о книгѣ его: «Описание новой библиотекки конгресса въ Вашингтонѣ. Изданіе Г. В. Юдина. М. 1910»*, СХХIII, мартъ, 1101—1102.
- Соболевъ**, Алексѣй Николаевичъ, профессоръ лѣсного института. *Некрологъ его: СХХVI, ноябрь, 829.*
- Соборевъ**, Л. Н., генералъ, министр-президентъ въ Болгаріи, СХХVI, ноябрь, 552—590 (въ статьѣ А. Н. Щеглова: «Русское министерство въ Болгаріи»).
- Сойкинъ**, П. П., издатель, СХХIII, январь, 394—395 (по поводу 25-лѣтія его типографско-издательской дѣятельности).
- Соковнинъ**, Андрей Николаевичъ, СХХV, июль, 112.
- Соколова**, А. П., писательница. Ея: «Встрѣчи и знакомства», СХХIII, январь, 97—115; февраль, 558—577; мартъ, 919—936; СХХIV, апрѣль, 116—131; май, 481—490; июнь, 832—483; СХХV, июль, 50—63; августъ, 395—403; сентябрь, 809—824; СХХVI, октябрь, 91—105.
- Соколовская**, Тира О. *Рецензія ея: «Масонство или великое царственное искусство братьевъ вольныхъ каменщиковъ, какъ культуру - исповѣданіе»*,

Историко-философский очерк. Издание автора. Спб. 1911, СХХV, сентябрь, 1143—1149.

Соколовский, Мих. К. *Рецензии его:* 1) «Помни войну!» Сборник статей на современные военные темы под ред. В. О. Новицкого, Спб. 1910, СХХIII, январь, 334—335.—2) «М. Бородин: История Филиппиди. Время Елизаветы Петровны. Съ портретами, иллюстрациями и копіей карты 1742 г, Спб. 1910», СХХIII, февраль, 720—723.—3) «О. Ростовцев. 4-я донская казачья дивизия въ русско-японскую войну. Спб. 1910», СХХIV, июнь, 1088—1089.

Соколовъ, Алексѣй Николаевичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его:* СХХV, августъ, 766.

Соколовъ, И. И., профессоръ, СХХIII, февраль, 723.—*Статья его:* «Сороскальбѣ учено-литературной дѣятельности профессора О. А. Курганова», СХХIII, мартъ, 1069—1076.

Соколовъ, Николай Ивановичъ, дѣятель почтово-телеграфнаго вѣдомства. *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль, 394—395.

Сокологубъ, Владимиръ Александровичъ, графъ, писатель, СХХIII, январь, 100; СХХIV, апрѣль, 116—120; СХХVI, октябрь, 85—86, 89; ноябрь, 452.

Соловьевы:

— Всеволодъ Сергѣевичъ, беллетрист. СХХIII, февраль, 474—478 (въ воспоминаніяхъ П. П. Гнѣдича).

— Владимиръ Сергѣевичъ, философъ, СХХIII, февраль, 474—478 (въ воспоминаніяхъ П. П. Гнѣдича); СХХIV, июнь, 1033—1035.—«Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. II и III Спб. 1911», реценз. Я. К., СХХVI, октябрь, 354—355.

— М. П., начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХIII, февраль, 471—473, 543, 546—557.

— Н. В., редакторъ-издатель «Русскаго Библиофила», СХХIV, июль, 303—305.

— Николай Оеопемитовичъ, профессоръ, композиторъ, СХХIII, январь, 393—394 (по поводу его 25-лѣтія литературной дѣятельности).

— Павелъ Васильевичъ, докторъ медицины, гомеопатъ. *Некрологъ его:* СХХV, августъ, 765—766.

— Сергѣй Михайловичъ, извѣстный историкъ, СХХVI, ноябрь, 692—696.

Соломо, Аодасій Даниловичъ, генералъ-вагенмейстеръ главнаго штаба. *Его:* «Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ императора Александра Павловича, и нѣсколько

писемъ, относящихся къ похоронамъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ текстѣ 15 рисунковъ и 4 факсимиле писемъ Спб. 1910», реценз. Б. Глинскимъ, СХХIII, январь, 311—314.

Сольскій, Дмитрій Мартыновичъ, графъ, государственный дѣятель. *Некрологъ его:* СХХIII, январь, 410—412.

Спасская, В. М. *Рецензія Пант. о не. реведенной ею книгѣ:* «Карль Федерръ-Данте и его время. Библиотека для самообразования. Иллюстрированная серія. М. 1911», СХХVI, декабрь, 1178—1180.

Спримонъ, Василій Феликсовичъ, врачъ, редакторъ «Медицинскаго Обзорнія». *Некрологъ его:* СХХIII, мартъ, 1174.

Спѣшневъ, М. П., извѣстная дѣятельница по женскому образованію. *Некрологъ ея:* СХХII, мартъ, 1173—1174.

Срезневскій, В. И. *Рецензія А. Я. о составленномъ имъ совместно съ О. И. Покровскимъ:* «Описаніи рукописнаго отдѣленія библиотеки императорской академіи наукъ. I. Рукописи. Т. I. (I. Книги священнаго писанія и II. Книги богослужебныя). Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 350—352.

Ставриковъ, Семень Христофоровичъ, генералъ-майоръ, СХХVI, декабрь, 1055.

Сталь, Анна-Луиза, баронесса, знаменитая французская писательница, СХХVI октябрь, 365—367 (по поводу писемъ къ ней г-жи Креденеръ).

Стамбуловъ, Степанъ (1853—1895), болгарскій государственный дѣятель, СХХVI, ноябрь, 555.

Станишевъ, К. Н., директоръ московскаго лицея цесаревича Николая, СХХIII, мартъ, 883—885.

Станевичъ, жандармскій полковникъ, СХХIII, февраль, 559—563 (въ «Воспоминаніяхъ» А. И. Соколовой).

Стасовъ, Влад. Вас., СХХIII, февраль, 466—470.

Стасюловичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, СХХIII, январь, 268.—*Некрологъ его:* СХХIII, февраль, 806—808.—*О немъ въ статьѣ Н. О. Пружанскаго:* «Мое знакомство съ М. М. Стасюловичемъ. (Изъ воспоминаній)», СХХIV, апрѣль 200—204. *Замѣтка въ слѣси:* «Архивъ М. М. Стасюловича», СХХV, июль, 341—342.

Стаховъ, Дмитрій Ивановичъ, писатель, СХХIV, май, 585—593.

Стегъ, французскій депутатъ, СХХIV, апрѣль, 352—358 (по поводу его статьи: «L'Expansion de l'université française l'étranger»).

Степановъ, Александръ Николаевичъ, художникъ. *Некрологъ его:* СХХVI, декабрь, 1223—1224.

Стефановичъ, Яковъ Васильевичъ,

революціонеръ, СХХVI, декабрь, 1100, 1103—1104.

Стоиловъ, болгарскій государственный дѣятель, СХХVI, ноябрь, 569—575, 577, 582.

Столыпина, Ольга Борисовна, супруга послѣдующаго, СХХVI, ноябрь, 627.

Столыпинъ, Петръ Аркадьевичъ, предсѣдатель совѣта министровъ.—*Некрологъ его*: СХХVI, октябрь, 1—22.—*О немъ въ статьѣ А. С. Панкратова*: «Первое сентября 1911 года. (Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина)», СХХVI, ноябрь, 613—639.

Столь, д-ръ, американскій пасторъ. *Рецензія Р. Семѣнтьковского о книгѣ его*: «Что необходимо знать каждому мальчику. Переводъ съ англійскаго Е. Накашидзе. Спб. 1911», СХХVI, ноябрь, 778—779.

Стороженки: Т.

— Александръ и Николай Владимировичи. *Рецензія В. Рудакова объ изданнымъ ими томѣхъ «Фамильнаго Архива»*. Pro domo sua. т. IV и VIII. Кіевъ. 1910», СХХIV, май, 664—666.

— Николай Ильичъ, профес., СХХIV, июнь, 965—966.

Стратоновичъ, Оедоръ, революціонеръ, СХХVI, ноябрь, 733, 738.

Страховъ, Николай Николаевичъ, философъ, СХХV, сентябрь, 984—986.

Стриенскій, Казимиръ, писатель, СХХIII, февраль, 776—778.

Строгановъ, С. А., графъ, СХХVI, декабрь, 1077.

Строгановъ, Сергій Григорьевичъ, графъ, СХХIV, апрѣль, 231—232, 246—248.

Строевъ, В. П., приватъ-доцентъ петербургскаго университета. *Рецензія В. Р-ва о книгѣ его*: «Петръ Великій—въ его изреченіяхъ Спб. 1910», СХХIII, февраль, 724—726.

Стромиловъ, Сергій Семѣновичъ, членъ государственнаго совѣта по выборамъ владимирскаго земства. *Некрологъ его*: СХХVI, декабрь, 1224—1225.

Стрѣлковы:

— Алексѣй Матвѣевичъ, СХХV, августъ, 498.

— Николай Яковлевичъ, СХХV, августъ, 498.

— Варвара Николаевна (замужемъ за княземъ А. А. Долгоруковымъ), СХХV, августъ, 498—501.

Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, СХХIII, январь, 264; февраль, 460, 469, 470; СХХV, июль, 192, 196—197; сентябрь, 1087—1091 (по поводу его статьи въ «Новомъ Времени», № 2422).

Суворовъ, Оедоръ Матвѣевичъ, профессоръ, математикъ. *Некрологъ его*: СХХV, августъ, 766—767.

Суворовъ - Рымникскій, свѣтлѣйшій князь Италійскій, Александръ Васильевичъ. *О немъ статья В. А. Алексѣева*: «Суворовъ въ Кобринѣ. (Исторія и преданія)», СХХVI, декабрь, 1045—1075.

Суворовъ - Рымникскій, Аркадій Александровичъ, князь, сынъ предыдущаго, 1059, 1064, 1067—1068, 1070.

Судейнинъ, Георгій Порфирьевичъ, жандармскій офицеръ, СХХV, августъ, 627—628; сентябрь, 1091—1093; СХХVI, октябрь, 255—300; ноябрь, 704—705.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ, поэтъ, СХХIV, июнь, 914—921.

Сумцовъ, В. Н. *Рецензія г. Я. о книгѣ его*: «Аркашеевы въ Грузино и Арачеевку. Экскурсионный очеркъ. Нижній Новгородъ. 1910», СХХIII, февраль, 719—720.—*Рецензія В. Данилова о книгѣ его*: «Малюки зжитія украинскаго народнаго слова. (З XIX т. Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910», СХХV, июль, 302—303.

Суперанскій, М. *Его*: «Письмо въ редакцію», СХХIII, мартъ, 1181.

Сусловъ, Владимиръ Васильевичъ, академикъ, СХХV, сентябрь, 1115.—*Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «Русское зодчество по преданіямъ народной старины. Изданіе товарищества Голике и Вильборгъ. Спб. 1911», СХХV, октябрь, 1163—1164.

Сухановъ, Николай Евгеньевичъ, народоволецъ, СХХVI, ноябрь, 707, 709, 713—717, 722—730, 738, декабрь, 1097—1100.

Сухова-Нобылинъ, А. В., драматургъ, СХХIII, январь, 60—63.

Сухова-Нобылины:

— Александръ Александровичъ, СХХVI, октябрь, 59—60, 66—69.

— Елизавета Петровна, СХХVI, октябрь, 59—60, 66—69.

Суховъ, А. М., журналистъ, СХХV, июль, 55.

Сушковы:

— Николай Васильевичъ, СХХIII, январь, 98—102, 104—106.

— Дарья Ивановна, жена предыдущаго, СХХIII, январь, 98—102, 104—106.

Сущовъ, Николай Николаевичъ, финансовый дѣлецъ, СХХV, сентябрь, 861—665 (въ воспоминаніяхъ А. Н. Витмера).

Съверцовъ-Полиловъ, Г. Т., *Рецензія Г. о книгѣ его:* «Послѣ грозы... Три повѣсти современной растерянности. Спб. 1910», СХХІІІ, февраль, 741—742.—*Его статья:* «Сирота мѣщанскаго танцовальнаго общества», СХХІІІ, мартъ, 896—918.—*Его статья:* «На чужбинѣ», СХХVІ, декабрь, 929—974.

Съровъ, А. Н., композиторъ, СХХVІ, октябрь, 163—166.

—*Рецензіи его:* 1) «Берлинскій Братскій Временникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границей (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Въ 2 частяхъ, съ 76 рисунками. Протоіерея А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911», СХХІІІ, мартъ, 1098—1101.

Т

Т. А. М. *Рецензіи его:* 1) «Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. Составили И. Розановъ и Н. Сидоровъ. М. 1911», СХХІV, июнь, 1094—1096.— 2) «Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Пѣсни, памфлеты, сказки, анекдоты, заговоры, пословицы, драмы, комедіи. Составилъ Н. А. Бродскій. М. 1911», СХХV, августъ, 723—724.

Т. С. *Рецензія ея:* «На зарѣ крестьянской свободы. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. М. 1911», СХХІV, апрѣль, 302.

Тамузъ, вавилонскій богъ, СХХІV, апрѣль, 333—334.

Танновъ, А. А.—*Рецензія его:* «Труды курской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ первый. Посвящается памяти перваго предѣдателя комиссіи Н. Н. Гордѣева. Курскъ, 1911», СХХІV, июль, 1084—1086.—*Статья его:* «Памяти В. О. Ключевского. (Изъ воспоминаній его слушателя)», СХХVІ, ноябрь, 692—696.

Танъевъ, Сергѣй Васильевичъ, историкъ театра. *Некрологъ его:* СХХІІІ, январь, 412—413.

Тарановскій, О. В., профессоръ, СХХІІІ, январь, 347—348.

Тарапыгинъ, О. А.—*Рецензія В. Рудакова о книгѣ его:* «Матушка Русь. Хрестоматія. Части I и II. Для учениковъ ерехинскихъ учебныхъ заведеній. Редакція О. А. Витберга. Спб. 1910», СХХІІІ, январь, 321—323.—*Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его:* «Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Редакція О. А. Витберга. Выпуски 1—12. Спб., 1910», СХХІV, май, 658—659.—*Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его:* «Замѣчательныя сооруженія: храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и С.-Петербурѣ.

бурѣ. Редакція Б. Б. Глинскаго. Спб. 1911», СХХV, июль, 312—313.—*Рецензія Л. Н. о книгѣ его:* «Годъ русской славы. 1812—1912 г. Подъ редакціей О. А. Витберга. Спб. 1911», СХХVІ, октябрь, 339—340.

Тарасовъ, Е. И. *Рецензія В. Троцкаго о редактированномъ имъ:* «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХV, июль, 307—308.

Тарле, Е. В. *Рецензія П. Б. о книгѣ его:* «Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Спб., 1911», СХХV, августъ, 730—731.

Тарновская, П. Н., женщина-врачъ. *Некрологъ ея:* СХХІІІ, февраль, 808.

Тарновскій, К. А., СХХV, июль, 50—55.

Татищевъ, С. С., историкъ. *Рецензія Б. Г. о трудѣ его:* «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Въ двухъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1911», СХХІІІ, январь, 316—318.

Татищевъ, Ю. В. *Рецензія В. Р.—ва объ его:* «Мѣстническомъ справочникѣ XVII вѣка», напечатанномъ въ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ» (М. 1910), СХХІІІ, январь, 323.

Телаловъ, Петръ Абрамовичъ, революціонеръ, СХХVІ, декабрь, 1100, 1101, 1103, 1108.

Тенишева, Марія Клавдіевна, княгиня, СХХV, июль, 219—221.—«Историко-этнографическій музей княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ», СХХVІ, октябрь, 385—387.

Терещенко, Александръ Николовичъ, сахарозаводчикъ, благотворитель. *Некрологъ его:* СХХVІ, декабрь, 1222—1223.

Тернеръ, Джекюфъ-Миллордъ-Вильямъ (1775—1851), знаменитый англійскій живописецъ, СХХІІІ, февраль, 480—483.

Терлигоревъ, Сергѣй Николаевичъ (Атава), писатель, СХХІІІ, февраль, 473; СХХІV, апрѣль, 57—58.

Тимашевъ, Александръ Егоровичъ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХІІІ, февраль, 562—566.

Тимирязевъ, Климентъ Аркадьевичъ, профессоръ, СХХV, июль, 327—328.

Тиммъ, В. Ф., художникъ, иллюстраторъ.—*О немъ книжка В. А. Верещагина:* «Русская карикатура. I. В. Ф. Тиммъ. Спб., 1911», рецензировавъ Г.—ъ, СХХVІ, ноябрь, 780—782.

Тимофеевъ, Алексѣй Васильевичъ, поэтъ, СХХIII, январь, 97.

Тиссаръ, Франсуа, слуга Гюи-де-Мопассана и авторъ воспоминаній о немъ, СХХIV, апрѣль, 361—362.

Титовъ, Андрей Александровичъ, археологъ. *Рецензія А. К.—ово о книгахъ его:* 1) «Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Съ 15 рисунками. М. 1910», СХХIII, январь, 318—320.—2) «Высокопроеосвященнѣйшій Іаковъ, архіепископъ нижегородскій и арзамасскій (ум. 20 мая 1850 г.). М. 1910», СХХIII, февраль, 716—719.—*Рецензія его.* «Alexandre Popoff, père. La question des lieux saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX siècle. 1 (1800—1850) et II partie (1851—1853). St.-Petersbourg. 1911», СХХIV, апрѣль, 306—307.—*Рецензія А. К.—ово о книгѣ его:* «Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. Съ 17 рисунками. М., 1911», СХХIV, июнь, 1076.—*Рецензія его объ:* «Описаніи архива Александровской лавры за время царствованія императора Петра Великаго. Томъ II. 1717—1719 гг. Спб., 1911», СХХV, июль, 288—291.—*Рецензія А. К.—ово о книжкѣ его:* «О великомъ градѣ Римѣ и о костелахъ сущихъ и начальнѣйшихъ. М. 1911», СХХV, сентябрь, 1156—1157.—*Рецензія его:* «Священникъ Θεодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру Первому. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Сообщилъ Л. К. Бродскій. Съ портретомъ Левицкаго. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 338—339.—*Рецензія А. К.—ово о книжкѣ его:* «Повѣсть о Щилѣ. (Новгородское сказаніе). М. 1911», СХХVI, октябрь, 340—341.—*Некрологъ его, составленный В. Е. Рудаковымъ:* «Андрей Александровичъ Титовъ», СХХVI, декабрь, 1089—1095.

Тихомировъ, Левъ Александровичъ, бывшій революціонеръ, нынѣшній редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», СХХIII, январь, 274, 276; СХХIV, июнь, 1013—1015; СХХV, августъ, 614; сентябрь, 1082—1083; СХХVI, октябрь, 266—272, 286.

Тихоновъ, В. А., писатель, СХХIII, январь, 66.—*Его:* «Люди недавняго прошлаго», СХХVI, октябрь, 106—133; ноябрь, 591—612; декабрь, 973—1001.

Тихонъ (въ мѣрѣ Михаилъ Михайловичъ Донецкій), архіепископъ иркутскій и верховленскій. *Некрологъ его:* СХХVI, октябрь, 392.

Ткачевъ, Андрей Никитичъ, членъ государственной думы. *Некрологъ его:* СХХIV, апрѣль, 395—396.

Ткачевъ, П. Н., писатель, СХХVI, октябрь, 153, 166.

Ткачукъ, Вит. Зах. *Рецензія его:* 1) «Каптеревъ, П. О. Исторія русской педагогики. Спб., 1910», СХХIII, мартъ, 1103—1104.—2) «Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. С. А. Князькова и Н. И. Сербова, подъ редакцію проф. С. В. Рождественскаго. М. 1910», СХХIV, май, 657—658.—3) «Л. Дашкевичъ. Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ», СХХIV, май, 670—671.—4) «Н. П. Верховской. Железнодорожная неразбериха. Terra incognita. Спб. 1911», СХХV, сентябрь, 1158. 5) «И. Е. Волковъ. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III. 1881—1894. Спб., 1911», СХХVI, ноябрь, 767—768.

Толстая, М. Р., графиня, СХХIII, февраль, 565—566.

Толстовъ, А. С. *Статья его:* «Мимо дворянскихъ гнѣздъ», СХХV, августъ, 551—562.

Толстой, Алексѣй Константи., графъ, извѣстный поэтъ, СХХIII, январь, 72—73.

Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, СХХV, июль, 201—203, 212; сентябрь, 1075, 1086—1088, 1092—1095, 1099; СХХVI, декабрь, 1117.

Толстой, Иванъ Михайловичъ, графъ, директоръ департамента исполнительной полиціи, потомъ почтъ-директоръ, СХХV, сентябрь, 978—979.

Толстой, Константинъ Оедоровичъ, графъ, отецъ поэта А. К. Толстого, СХХIII, январь, 73.

Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ, великій русскій писатель, СХХIII, январь, 65—66; февраль, 460—468 (въ воспоминаніяхъ П. П. Глѣдича).—*Его:* «Письма 1848—1910. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. М., 1910», реценз. А. Фоминымъ, СХХIII, январь, 329—330.—«Литература о Толстомъ», СХХIII, январь, 361—371 и февраль, 754—761 (по поводу статей о немъ Люсьена Мори въ «Revue Bleue», г. Бурдо въ «Hebdo Débats», г-жи Гальперинъ-Каменской въ «Revue hebdomadaire», Н. Сегюра въ «La Revue»).—*О немъ въ поправкѣ:* «По поводу некролога гр. Л. Н. Толстого», СХХIII, январь, 415.—«Открытие Толстовскаго музея», СХХIV, май, 715—717.—*О немъ въ статьѣ Н. М. Ежова:* «Встрѣчи съ великаномъ. (Мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, его болѣзнь и смерть въ Астаповѣ)», СХХIV, июнь, 778—800.—«Въ

Толстовскому музею», СХХV, сентябрь; 1188—1189.—«Въ память Л. Н. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ, подъ редакціей Юрія Битовта. Исполненъ и изданъ художественной фотографіей К. А. Фишеръ. М. 1911.—Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908). Вып. II. Изд. П. П. Сойкина», рецензир. Б. Г., СХХVI, октябрь, 356—358.—*Замѣтка*: «Открытие Толстовской выставки», СХХVI, ноябрь, 814—816.—*Книга К. Леонтьева*: «О романахъ графа Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной пустыни въ 1890 г. М., 1911», рецензир. Н. Л., СХХVI, декабрь, 1173—1175.

Толузаковъ, С. А. *Рецензія М—о о редакцірованной имъ брошюрѣ Павла Кавтарадзе*: «Потѣшныя и воспитаніе въ народной школѣ. Изданіе В. К. Шенка. Спб., 1911», СХХV, сентябрь, 1168.

Торниковъ, А. В. *Статья его*: «Жалоба. (Картинка изъ дѣйствительной жизни)», СХХIV, май, 560—569.

Треповъ, Оед. Оед., кіевскій генераль-губернаторъ, СХХVI, ноябрь, 628, 633, 638.

Тройницкій, Григорій Александровичъ, сенаторъ, СХХIV, май, 500—502.

Трѣцкій, В. В. *Рецензіи его*: 1) «Материалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества. Подъ редакціей В. Бончъ-Бруевича. Выпускъ четвертый. Новый Израиль. Спб., 1911», СХХIV, апрѣль, 312—314.—2) «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 гг. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХV, июль, 307—308.—3) «Сергѣю Оедоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ С. О. Платонову. Спб., 1911», СХХV, августъ, 721—722.

Трубецкой, П. Н., князь, СХХVI, ноябрь, 829—830.

Трутовскій, Влад. Конст. археологъ, управляющій Оружейной палатой въ Москвѣ, СХХV, сентябрь, 1122, 1135—1136.

Туравъ, Б. А., профессоръ. *Рецензія Гер. I. о книгѣ его*: «Египетскія церковныя впечатлѣнія. Спб. 1910», СХХIII, январь, 342—343.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, извѣстный писатель, СХХIII, январь, 44, 71.—«Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ» М. В. Олсуфьева, СХХIII, мартъ, 855—864.—*О немъ въ книгѣ Н. М. Рутъляра*: «Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева. Спб. 1910», рецензиро-

ванной Н. Л., СХХIII, мартъ, 1106—1107.

Тургеневъ, Николай Ивановичъ, СХХV, июль, 307—308 (по поводу его дневника и писемъ).

Турунскій, М. *Статья его*: «Изъ зарубѣжныхъ встрѣчь», СХХIII, мартъ, 937—957.

Тучковъ, П. А., московскій военный генераль-губернаторъ, СХХVI, декабрь, 876—880, 892—901, въ («Запискахъ» Н. К. Беркута).

Тырковъ, А. В., революціонеръ, СХХIV, июль, 1002—1011, 1015.

Тюменевъ, Д. Г. *Рецензія Д.м. Зеленина о редакцірованной имъ*: «Памятній книжкѣ Воронежской губерніи па 1911 г. Воронежъ. 1911», СХХV, июль, 295—296.

Тюрканъ, Жозефъ, авторъ труда «La générale Voïpartre», СХХIV, апрѣль, 334—351.

Тютчева, Анна Оедоровна, воспитательница великой княжны Маріи Александровны, супруга Ив. С. Аксакова, СХХIII, январь, 98.

Тютчева, Е. Оед., другъ К. П. Побѣдоносцева, СХХV, августъ, 610—611.

Тютчевъ, Оедоръ Идановичъ, поэтъ; СХХIII, январь, 98; СХХIV, июль, 961—962.

Тютчевъ, О. *Рецензія его*: «Материалы по исторіи пограничной стражи. Часть II. Служба пограничной стражи въ военное время. Выпускъ 2. Участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года: въ усмиреніи польскихъ мятежей 1830—31 и 1863—1864 гг.; въ войнѣ 1877—78 годовъ; въ китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 г. М. Чернышевичъ. Спб., 1910», СХХIII, февраль, 731—732.

У

Уварова, Праксовія Сергѣевна, графиня. *О ней брошюра П. А. Линицка*: «Графиня П. С. Уварова (къ 25-лѣтнему юбилею)», рецензир. С. Аваліани, СХХV, июль, 298—299.—*О ней въ статьѣ В. Е. Рудакова*: «Пятнадцатый археологическій съѣздъ», СХХV, сентябрь, 1110—1142.

Удѣ (фонъ), Францъ, нѣмецкій живописецъ, СХХIV, май, 697—698 (по поводу его смерти).

Улезко-Строганова, К. П., женщина-врачъ, СХХIII, мартъ, 1162—1164 (по поводу 25-лѣтня ея врачебной дѣятельности).

Умановъ-Наплуновскій, Влад. Вас. *Статья его*: «Вокругъ Петербурга. (Изъ

галлерей современныхъ типовъ», СХХIV, май, 447—480; июнь, 801—831.

Усовъ, П. С., редакторъ «Съверной Пчелы», СХХV, августъ, 526—527..

Устимовичъ, С. А., СХХIII, мартъ, 1020—1023.

Фазиль-бей, турецкій поэтъ, XXXII, май, 630.

Файви, Джонъ, СХХV, августъ, 737—742 (по поводу его книги: «Англійскіе модницы, осырки и красавицы въ Англіи во времена Георгіевъ»).

Фаресовъ, Анатолій Ивановичъ, писатель. *Рецензіи его*: 1) «Д. К. Булгаковскій. Очеркъ дѣятельности попечительства о народной трезвости. Спб. 1910», СХХIII, январь, 337—340.—2) «С. Р. Минцловъ. Литва. Спб. 1911», СХХIV, апрѣль, 322—323.—3) «Д. Мережковскій. Большая Россія. Спб. 1911», СХХIV, июнь, 1096—1099.—4) «В. О. Боцяновскій. Богоискатели. Спб. 1911», СХХV, июль, 308—311.—5) «С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Спб. 1911», СХХVI, декабрь, 1166—1168. — *Рецензія Г. о брошюрѣ его*: «Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. Спб. 1191», СХХIII, мартъ, 1116.

Федернъ, Карлъ. *Рецензія Пант. о книгѣ его*: «Данте и его время. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Спасской, подъ редакціей М. Н. Розанова. Библіотека для самообразования. Иллюстрированная серія. М. 1911», СХХVI, декабрь, 1178—1180.

Федоровъ, В. П. *Рецензія его*: «А. Б. Карповъ. Казачьи стихотворенія. Уральскъ. 1910», СХХIII, мартъ, 1109—1110.

Федоровъ, Н. Д. *Статья его*: «Замученный», СХХIII, февраль, 489—532.

Фейерейзенъ, Арнольдъ, И. *Рецензія А. Э. М.—на о составленномъ имъ библиографическомъ указателѣ литературы о Прибалтійскомъ краѣ*: «Livländische Geschichtslitteratur. 1907.—Рига. 1910», СХХIV, апрѣль, 332.—*Упоминается*: СХХV, сентябрь, 1138.

Фигнеръ, Вѣра Николаевна, революціонерка, СХХIV, июнь, 1015; СХХVI, октябрь, 280—282; ноябрь, 715, 720—722, 728, 732—735, 738; декабрь, 1105—1107.

Фидлеръ, Оед. Оед. *Рецензія К. Ф. М. о книгѣ его*: «Первые литературные шаги». Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Спб. 1911», СХХIII, мартъ, 1110—1111.

Филаретъ, митрополитъ московскій, СХХVI, декабрь, 888, 893, 896—901 (въ «Запискахъ» Н. К. Беркута).

Филипповъ, Мих. Мих., редакторъ-издатель «Научнаго Слова», СХХIV, июнь, 891—892.

Филипповъ, Сергѣй Никитичъ, писатель *Некрологъ его*: СХХIII, февраль, 808—809.

Фино, Жанъ, французскій писатель, СХХIII, январь, 371—375, (по поводу его статьи: «La Mort de l'Eternel Feminin» въ «La Revue»).

Фирсовъ, А. И. *Статья его*: «Городъ Липецкъ и его курортъ», СХХIV, июнь, 1047—1076.

Фирсовъ, Матвѣй Максимовичъ, общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХХV, июль, 349.

Фирсовъ, Н. Н. (А. Рускинъ). *Статья его*: «Русскіе ученые въ Персіи», СХХIII, февраль, 653—658.—*Поправка къ этой статьѣ А. Шт—ра*, СХХIV, апрѣль, 398—399.—*Поправка Е. Я. Коссаговской къ его статьѣ*: «Слдузты времени реформъ», СХХIV, апрѣль, 399—400.

Фишеръ, М. К. *Статья его*: «Ночь въ участкѣ», СХХVI, декабрь, 1035—1044.

Флоровскій, А. В. *Рецензія С. Аваляни о книгѣ его*: «Изъ исторіи Екатерининской законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса. 1910», СХХIII, мартъ, 1088—1089.

Фогаццаро, Антонио, итальянскій поэтъ, СХХIV, май, 700—702 (по поводу его смерти).

Фоминъ, А. Г. *Рецензіи его*: 1) «Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. I. Педагогическія и публицистическія статьи. Т. II. «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача. Кіевъ. 1910», СХХIII, январь, 326—328.—2) «Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. М. 1910», СХХIII, январь, 329—330.—3) «К. И. Арабакинъ. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1911», СХХIV, апрѣль, 319—321.—4) «Сочиненія Пушкина. Перешика подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Томъ III (1733—1837). Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 352—354.—5) «Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе подъ редакціей Иванова-Разумника. Спб., 1911.—Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей Н. Д. Носкова. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVI, декабрь, 1169—1171.

Фонъ-Меккъ, А. К., энергичный дѣятель въ обществѣ для содѣйствія русскому торговому мореходству. *Некрологъ его*: СХХIV, май, 729.

Фофановъ, Константинъ Михайловичъ, поэтъ. *О немъ статья Г. Л. И.*: «Поэтъ

Божіей милостію. (Памяти К. М. Фофанова). СХХІV, іюнь, 991—1001.—*О немъ замѣтка П. Г.*: «Еще страничка о поэтѣ Божіей милостію», СХХV, августъ, 592—597.

Фрейманъ, цензоръ, СХХІІІ, февраль, 541—542 (въ воспоминаніяхъ І. І. Яенскаго).

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, СХХVІ, декабрь, 1186—1190.

Фуксъ, Егоръ Борисовичъ (1762—1829), историкъ, СХХVІ, декабрь, 1056, 1058—1060, 1067—1068.

Х

Харкевичъ, Ф. К., полковникъ, СХХVІ, декабрь, 1051.

Хахановъ, А. С. *Рецензія его*: 1) «К. Д. Мачавариани. Очерки и разказы. (Изъ наблюденій разныхъ годовъ). Батумъ. 1909». СХХІІІ, январь, 345. 2) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ. 1909». СХХІV, май, 673—674. 3) «С. Л. Авадзіани. Крестьянская реформа въ Закавказьѣ. Спб., 1911». СХХІV, іюнь, 1086. 4) «Е. А. Пахомовъ. Монеты Грузіи. Ч. I. (Домонгольскій періодъ). Спб. 1910». СХХV, сентябрь, 1157.

Хвольсонъ, Даниилъ Абрамовичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХІV, май, 729—730.

Хвостовъ, Д. И., племянникъ генерал-искусуса Суворова, СХХVІ, декабрь, 1062—1064, 1067, 1069.

Хернъ, Лефкадію, англо-японскій писатель, СХХVІ, октябрь, 368—370.

Хилковъ, Михаилъ Ивановичъ, князь, министръ путей сообщенія въ Болгаріи, потомъ министръ путей сообщенія въ Россіи, СХХVІ, ноябрь, 573, 574.

Хирьяковъ, А., СХХІV, іюнь, 1036—1037.

Хитрово, М. А., русскій дипломатическій агентъ въ Болгаріи, СХХVІ, ноябрь, 556, 560—566, 568.

Хлѣбниковъ, Вас. Кирил., СХХV, іюнь, 53—54.

Хованскій, П. Ф. *Рецензія А. Миронна о книгѣ его*: «Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи. Саратовъ. 1911». СХХІV, іюнь, 1087—1088.

Хованскіе, князья:

— Александръ Николаевичъ, СХХІV, іюнь, 972.

— Григорій Александровичъ, СХХІV, іюнь, 971.

— Иванъ Андреевичъ, СХХІV, іюнь, 969—971.

— Михаилъ Васильевичъ, СХХІV, іюнь, 970.

— Оедоръ Сергѣевичъ, СХХІV, іюнь, 973.

— Марья Алексѣевна, СХХІV, іюнь, 974.

Ходоровичъ, П. А., генераль-майоръ, СХХVІ, декабрь, 1051.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, славянофилъ, поэтъ, СХХІV, іюнь, 960—962.

Хорошхинъ, Иванъ Павловичъ, генераль-майоръ, СХХV, іюль, 163—164.

Христофоровъ, А. Х., СХХV, августъ, 625—626, 633—634.

Ц

Цвѣтаевъ, Дмитрій Владимировичъ, профессоръ, назначенъ управляющимъ архивомъ министерства юстиціи въ Москвѣ.—*Замѣтка о немъ Н. Е.—ва*: «Новый управляющій архивомъ министерства юстиціи въ Москвѣ», СХХVІ, декабрь, 1087—1088.

Цвѣтковъ, Иванъ Степановичъ, юристъ. *Некрологъ его*: СХХІІІ, мартъ, 1175.

Цейдлеръ, Иванъ Богдановичъ, Иркутскій гражданскій губернаторъ, СХХVІ, ноябрь, 531—536, 539—542, 546—550.

Церринъ-Таджъ, по прозвищу Курреть-уль-Аниъ, мусульманская пророчица, СХХV, іюль, 321—327.

Цертелевъ, Дмитрій Николаевичъ, князь, поэтъ и публицистъ. *Некрологъ его*: СХХVІ, октябрь, 398—399.

Цез, Андрей Богдановичъ, врачъ, писатель, СХХV, августъ, 504 (биографическія данныя).

Цез, Василій Андреевичъ, предѣдатель Спб., цензурнаго комитета, потомъ сенаторъ. *О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова*: «Последніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. (Предѣдатель Спб. цензурнаго комитета, В. А. Цез)», СХХV, августъ, 502—533, сентябрь, 962—987.

Циммернъ, нѣмецкій археологъ, СХХІV, апрѣль, 333—334.

Ч

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, авторъ «Философическихъ писемъ», СХХІІІ, февраль, 728.

Чайковскій, Петръ Ильичъ, композиторъ, СХХV, іюль, 58.

Чарская, Л. *Рецензія П. О. о книгѣ ея*: 1) «Великій императоръ и маленькій пажъ»; 2) «Царскій гитѣвъ»; и 3) «Газавотъ». СХХVІ, декабрь, 1164—1165.

- Часовой, М. Х.** *Рецензія Я. Бирюкова о книжкѣ его: «Грядущее Дальняго Востока. Спб., 1910»*, СХХІІІ, мартъ, 1120—1121.
- Чевкинъ, Константинъ, Владимировичъ**, главноуправляющій путями сообщенія и публичными здапіями, СХХV, сентябрь, 974—975.
- Чемезовъ, Владимиръ Ивановичъ**, докторъ медицины. *Некрологъ его: СХХIV, июнь, 1148—1149.*
- Чепелевская, Варвара Ильинична**, начальница женской учительской семинаріи въ Москвѣ. *Некрологъ ея: СХХV, июль, 349—350.*
- Черманъ, Аноллонъ Николаевичъ**, писатель. *Некрологъ его: СХХІІІ, мартъ, 1175.*
- Чернова, Вѣра Михайловна**, СХХІІІ, мартъ, 927—931.
- Черновъ, Иванъ Андреевичъ**, московскій миллионеръ, мужъ предыдущей. СХХІІІ, мартъ, 927—930.
- Чернопятовъ, В. И.** *Рецензія В. Рудакова о книжкѣ его: «Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. IV. Алфавитный списокъ дворянъ съ указаніемъ мѣсто-нахожденія ихъ помѣстій въ Тульской губерніи. 1903—1910 гг. М. 1910.—Тоже. Т. V. Ополченіе 1812 г. Матеріалы. М. 1910»*, СХХIV, май, 655—656.—*Рецензія В. Р.—ва о книжкѣ его: «Некрополь Крымскаго полуострова. М. 1910»*, СХХV, августъ, 720—721.
- Чернышевскій, Николай Гавриловичъ**, писатель, СХХIV, июнь, 847—848; СХХV, августъ, 638—639; сентябрь, 979, 982—983; 1096—1100.—*Замѣтка: «Уголокъ» Н. Г. Чернышевскаго въ академіи наукъ»*, СХХVI, октябрь, 387—388.
- Чернушевичъ, М.** *Рецензія О. Тютчева о трудѣ его: «Матеріалы по исторіи пограничной стражи. Часть II. Служба пограничной стражи въ военное время. Выпускъ II. Участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года; въ усмиренія польскихъ мятежей 1830—31 и 1863—1864 годовъ; въ войнѣ 1877—78 гг.; въ Китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей въ 1904—1905 гг. Спб. 1910»*, СХХІІІ, февраль, 731—732.
- Чертковъ, Влад. Григ.**, СХХІІІ, февраль, 465—466.
- Чеховъ, Антонъ Павловичъ**, извѣстный писатель, СХХІІІ, январь, 63—68; февраль, 460; мартъ, 873—875, 880—883.
- Чешихинъ, В. Е.** (Вѣтринскій), писатель, СХХIV, апрѣль, 300—301.
- Чивилевъ, А. И.**, профессоръ, СХХVI, ноябрь, 455.
- Чиновъ, О. В.**, СХХVI, ноябрь, 469—475 (въ «Запискахъ Н. К. Беркута»).
- Чириковъ, Евгеній Николаевичъ**, писатель, СХХIV, апрѣль, 378—380 (его «чествованіе» по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности.)
- Чистяковъ, Павелъ Петровичъ**, профессоръ, художникъ. СХХVI, октябрь, 388—389 (по поводу пятидесятилѣтія его художественной дѣятельности); декабрь, 1212—1213 (по поводу чествованія профессора П. П. Чистякова).
- Чичаговъ, Н. М.**, генералъ, начальникъ Заамурскаго округа. *О немъ въ статьѣ Г. К.: «Памятникъ русскому генералу въ Китаѣ»*, СХХV, сентябрь, 1101—1105.
- Чубинскій, В. Г.**, авторъ «Записокъ», СХХIV, май, 675.
- Чулицкій, М. Ф. Ело:** 1) «Женатый монахъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебного слѣдователя)», СХХV, августъ, 563—568.—2) «Изъ воспоминаній бывшаго судебного слѣдователя», СХХV, сентябрь, 1023—1037.
- Чумаковъ, Осдоръ Петровичъ**, художникъ. *Некрологъ его: СХХІІІ, мартъ, 1175—1176.*
- Чупровъ, Александръ Ивановичъ**, извѣстный русскій статистикъ и экономистъ, СХХVI, октябрь, 91—92.
- Чихвишвили, Бенія**, гурійскій дворянинъ, руководитель кавказской революціи, СХХVI, ноябрь, 646—652, 662.

III

Шавранскій, Д. А. СХХV, сентябрь, 989.

Шаляпинъ, Осдоръ Ивановичъ, извѣстный русскій пѣвецъ-басъ. СХХV, августъ, 749—750.

Шараповъ, Сергѣй Осдоревичъ, писатель-публицистъ и сельскій хозяинъ. *Некрологъ его: СХХV, августъ, 767—768.—Упомянется: СХХІІІ, мартъ, 877—879.*

Шафонскій, А. Ф. *Рецензія В. Данилова о трудѣ его: «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. Составилъ М. Березковъ. Нѣжинъ. 1910»*, СХХІІІ, январь, 351.

Шебеко, генералъ, СХХVI, октябрь, 60—62 (въ «Запискахъ» К. Н. Беркута).

Шевелевъ, Пикадоръ Антоновичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его: СХХVI, октябрь, 400.*

Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ, малороссійскій поэтъ.—*О немъ въ статьѣ П. И. Кореневскаго: «У могилы Т. Г. Шевченка. (Къ пятидесятилѣтію со дня его кончины)»*, СХХІІІ, февраль, 604—616.—*Замѣтка: «Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка»*, СХХIV, апрѣль, 372—378.

Шекспиръ, Вильямъ (1564—1616), великій англійскій драматургъ, СХХІІІ, январь, 376; СХХІV, май, 676—679.

Шелгуновъ, Николай Васильевичъ, писатель-публицистъ, СХХІІІ, январь, 280.

Шереметевъ, Павелъ Сергѣевичъ, графъ.—*Рецензія Л. о книгѣ его*: «Карамзинъ въ Остафьевѣ. 1811—1911. М. 1911», СХХVІ, ноябрь, 782.

Шереметевъ, Сергѣй Дмитріевичъ, графъ, членъ государственнаго совѣта, СХХV, сентябрь, 1107—1109.

Шиллеръ, Николай Николаевичъ, докторъ физики, инженеръ. *Некрологъ его*: СХХІІІ, январь, 413—414.

Шиловскіе:

-- Владим. Стен., СХХV, июль, 60.

-- Конст. Стен., СХХV, июль, 58.

Шиманъ, Теодоръ. *Рецензія А. В. объ издаваемомъ имъ журналѣ*: «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Вып. I. Берлинъ. 1910». СХХІV, апрѣль, 323.

Шипилева, Александра. *Ея замѣтки*: 1) «Къ статьѣ А. И. Соколовой «Встрѣчи и знакомства», СХХІV, апрѣль, 400. 2) «Навокинскій домикъ», СХХV, июль, 213—215.

Шкурина, Марья Васильевна, фрейлина, СХХV, сентябрь, 931—932.

Шокальскій, Ю. М. *Рецензія Л. о редактированномъ имъ соумысленно съ Э. Ю. Петри*: «Большомъ всемірномъ настольномъ атласѣ Марка. Изданіе 2-е, перестроенное и дополненное. Спб. 1910». СХХVІ, ноябрь, 790.

Шостанъ, Михаилъ Александровичъ, горный инженеръ, писатель. *Некрологъ его*: СХХІІІ, мартъ, 1176—1177.

Шоу, Бернаръ, англійскій философъ, СХХV, сентябрь, 1179—1180 (біографическія данныя).

Шпильгагенъ, Фридрихъ, нѣмецкій романистъ, СХХІV, май, 696—697 (по поводу его смерти); СХХVІ, октябрь, 380 (по поводу его шесемъ къ женѣ).

Шпигеръ, Семень. *Статья его*: «Забытый классикъ. (Материалы для біографіи И. А. Гончарова)», СХХVІ, ноябрь, 679—691.

Шрамченко, Михаилъ Николаевичъ, б. нижегородскій, а нынѣ вологодскій губернаторъ, СХХІІІ, февраль, 596—597.

Штейдингъ, Г. *Рецензія А. М-на о книгѣ его*: «Намѣтники античнаго искусства. Для средне-учебныхъ заведеній и самообразования. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911», СХХVІ, ноябрь, 788—789.

Штромбергъ, Александръ Павловичъ, баронъ, революціонеръ, СХХVІ, ноябрь, 709, 714—717, 722, 725—728, 738; декабрь, 110.

Штюмеръ, Влад. Вильгел., отставной генераль-майоръ, цензоръ, СХХV, августъ, 523—524.

Шуваловъ, Павелъ Андреевичъ, графъ, генераль-адъютантъ, СХХV, августъ, 628—633, 636.

Шульгинъ, Владимиръ Михайловичъ, генераль-лейтенантъ. *Некрологъ его*: СХХV, сентябрь, 1200.

Шульгинъ, К. Н. *Его*: «Папка». (Быль), СХХV, июль, 64—76.

Щ

Щегловъ, Александръ Николаевичъ.—*Статья его*: 1) «Кривая страница персидской исторіи». СХХІІІ, январь, 246—261.

2) «Русское министерство въ Болгаріи. (Время Александра Баттенбергскаго)», СХХVІ, ноябрь, 552—590.

Щеголевъ, П. Е. *Рецензія А. Г. Фомина о книгѣ его*: «Изъ разсказаній въ области біографіи и текста Пушкина. Изданіе академіи наукъ. Спб. 1910», СХХV, сентябрь, 1165—1617.

Щербина, Николай Оеодоровичъ, поэтъ, СХХІІІ, январь, 108—109.

Щербининъ, Михаилъ Павловичъ, предсѣдатель московскаго пензенскаго комитета, сенаторъ, СХХV, августъ, 527, 529.

Щетининъ, Б. А., князь. *Его статьи*: 1) «Къ литературномъ муравейникѣ. (Встрѣчи и знакомства)», СХХІІІ, мартъ, 865—895.—2) «Памяти М. Г. Савицкой», СХХІV, июль, 933—939.—3) «Изъ воспоминаній о В. О. Ключевскомъ», СХХV, июль, 223—226.—4) «Легендарный издатель. (Памяти П. И. Пастухова)», СХХV, сентябрь, 1038—1043.

Э

Эварницкій, Дм. Ив. *Статья его*: «Къ біографіи малороссійскаго этнографа П. В. Закревскаго. (1805—1871)», СХХІV, апрѣль, 211—217.

Энгельгардтъ, Анна Романовна (урожд. Храскова), СХХІІІ, февраль, 558—563.

Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ, директоръ Царскосельскаго лицея.—*О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта*: «Давніе эпизоды. VІІ. Воспитатель Пушкина». СХХV, августъ, 449—469.

Энгельгардтъ, Левъ Николаевичъ. *О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта*: «Давніе эпизоды. VІІ. Екатерининскій подковникъ», СХХV, июль, 99—124.

Энгельгардтъ, Павелъ Ивановичъ. *О*

нею вь статью П. А. Энгельгардта: «Давние эпизоды. IX. Смерть Павла Энгельгардта», СХХV, сентябрь, 897—927.

Энгельгардтъ, Николай Александровичъ, писатель.—*Поправка М. Камнева къ его статьѣ: «Давние эпизоды», СХХIII, январь, 416.—Статьи его: Давние эпизоды. А. Н. Энгельгардтъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. СХХIV, апрѣль, 42—68; «Въ интеллигентномъ скиту», СХХIV, июнь, 844—871.—«Екатериинскій полковникъ», СХХV, июль, 99—124; августъ, 449—469; сентябрь, 897—927.*

Энгельгардты:

— Александръ Николаевичъ, СХХIV, апрѣль, 42—68; июнь, 844, 850, 858.

— Андрей Васильевичъ, СХХIV, май, 542—546; 550—555.

— Анна Николаевна, СХХIV, апрѣль, 58; июнь, 849—853.

— Василий Васильевичъ, сенаторъ, СХХIV, май, 528—531, 536—557.

— Василий Павловичъ, докторъ астрономіи, СХХIV, май, 557—559.

— Екатерина Васильевна, въ первомъ бракѣ за графомъ Н. М. Скавронекизмъ, а во второмъ за графомъ Ю. П. Литтой, СХХIV, май, 535—536.

— Павелъ Васильевичъ, СХХIV, май, 542, 545, 556, 557.

— Татьяна Васильевна, въ первомъ бракѣ за М. С. Потемкинымъ, а во второмъ за княземъ П. Б. Юсуповымъ, СХХIV, май, 536.

Ю

Ювачевъ, Иванъ Павловичъ, писатель. *Статьи его: 1) «Гавриилъ Никитичъ Потанинъ», СХХIV, май, 515—526.—2) «На родинѣ Ломоносова», СХХVI, октябрь, 313—332; ноябрь, 739—762.*

Юдинъ, Г. В., собирекій библиографъ. *Рецензія М. К.—ва объ изданной изъ книги: «Описание новой бібліотеки конгресса въ Вашингтонѣ, составленное Гербертомъ Смолъ. М. 1910», СХХIII, мартъ, 1101—1102.*

Южановъ, Сергѣй Николаевичъ, писатель. *Некрологъ его: СХХIII, январь, 414.*

Юзюфовичъ, Борисъ Михайловичъ, писатель. *Некрологъ его: СХХVI, декабрь, 1225—1226.*

Юзюфовичъ, Мих. Влад., СХХIII, февраль, 535—536.

Юлдашевъ, Валъ-Ахунъ, таранчинецъ, СХХV, августъ, 704—708.

Юревичъ, П. Д., профессоръ, СХХIV, июнь, 847—848.

Юрьевъ, Сергѣй Андреевичъ, писатель.

СХХIII, мартъ, 866—869; СХХIV, апрѣль, 116, 124—131; июнь, 840, 964—966.

Юшневичъ, П. Рецензія Пант. о книгѣ его: «Новыя вѣянія. Издательство «Прометей». Спб. 1911», СХХIV, май, 667—668.

Я

Я. Рецензія его: «В. П. Сумцовъ. Арацхевцы въ Грузію и Арацхевку. Эскурсіонный очеркъ. Нижній Новгородъ. 1910», СХХIII, февраль, 719—720.

Я. Н. Рецензіи его: 1) «Николай Яковлевичъ Гротъ. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Съ приложеніемъ портретовъ и пѣсколькихъ бібліографическихъ и біографическихъ матеріаловъ. Спб. 1911», СХХIII, февраль, 734—735. 2) «Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Т. II и III. Спб. 1911», СХХVI, октябрь, 354—355.

Явейнъ, Л. Ю., педагогъ и общественной дѣятель. *Некрологъ его: СХХVI, декабрь, 1227.*

Яворская, Лидія Борисовна (по мужу княгиня Барятинская), артистка, СХХV, июль, 329—330.

Языковы:

— Митрофанъ Дмитръ, педагогъ. *Некрологъ его: СХХIV, апрѣль, 396.*

— П. М., журналистъ. *Некрологъ его: СХХIV, апрѣль, 396—397.*

Яковицкая, Марья Ефимовна, дѣятельница въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. *Некрологъ ея: СХХIV, май, 730—731.*

Яковлевъ, А. И., СХХIV, апрѣль, 300—301.

Яковлевъ-Востоковъ, Г. А., артистъ. *Некрологъ его: СХХIV, май, 731.*

Якубовичъ-Мельшинъ, Петръ Филипповичъ, писатель, извѣстный подъ псевдонимомъ: «Л. Мельшинъ». *Некрологъ его: СХХIV, апрѣль, 397—398.*

Якубъ-бегъ, правитель Кашгаріи, СХХIV, июнь, 893—894, 896, 899.

Янгуль, Иванъ Ивановичъ, академикъ, СХХIV, июнь, 842—843 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Янчакъ, Василій Ивановичъ, журналистъ. *Некрологъ его: СХХIV, июнь, 1149.*

Янышевъ, Іоаннъ Леонтьевичъ, протопресвитеръ. *О немъ: «Воспоминанія» проф. А. А. Бронзова (Спб. 1911.), рецензир. С., СХХIV, апрѣль, 310—312.*

Ярмошевичъ, кобринскій городской голова, СХХVI, декабрь, 1049.

Ярославцевъ, С. И. *Статейка его:* «Къ характеристикѣ П. С. Ванновскаго», СХХVI, октябрь, 232—235.

Ярошевскій, Адольфъ Адольфовичъ, пианистъ, профессоръ московской консерваторіи. *Некрологъ его:* СХХIII, февраль, 809.

Ясинскій, Геронимъ Героимовичъ. *Его статьи:* 1) «Мои цензора. (Изъ воспоминаній)», СХХIII, февраль, 533—557.—О 2) «Помраченіе высокопреосвященнаго Принца», СХХVI, ноябрь, 530—551.—*немъ въ статьѣ Г. Т. П.:* «Торжественное чествованіе І. І. Ясинскаго. (По случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности)», СХХIII, февраль, 694—709.

Яхонтовъ, А. К. *Статья его:* «Сергіевскія минеральныя воды», СХХV, июль, 266—287.

Яхонтовъ, С. Д. *Рецензія В. Рудакова о составленномъ имъ совместно съ І. В. Добролюбовымъ:* «Библиографическомъ словарѣ писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ Рязанской губерніи. Рязань. 1910», СХХIV, мартъ, 1112—1113.

Бектистовъ, Е. М., писатель, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХIII, февраль, 471, 542.

Вирсовы:

— А. Д., писатель, СХХIV, ноябрь, 748-

— Василій, священникъ, въ Холмогорахъ, СХХVI, ноябрь, 760—761.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ. ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1911 г.

I. Портреты:

- Аксаковъ**, Иванъ Сергѣевичъ. СХХV, июль, 185.
Александръ Николаевичъ, императоръ. СХХIII, февраль, 661.
Александръ Николаевичъ, императоръ, на смертномъ одрѣ. СХХIII, январь, 265.
Александръ III, императоръ. СХХIII, январь, 275.
Альбовъ, Михаилъ Ниловичъ. СХХV, июль, 239.
Анна Леопольдовна, принцесса (предполагаемый портретъ). СХХVI, ноябрь, 749.
Предполагаемый портретъ одной изъ дочерей Анны Леопольдовны. СХХVI, ноябрь, 753.
Ашенбреннеръ, Михаилъ Юльевичъ, СХХVI, ноябрь, 711.
Берковичъ, Юзефъ. СХХIII, январь, 203.
Бернугъ, Николай Копоновичъ. СХХVI, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
Бобринскій, Алексѣй Александровичъ, графъ. СХХIII, мартъ, 1063.
Бронъ, Николай Петровичъ. (Почетный опекунгъ воспитательнаго дома). СХХV, июль. На отдѣльномъ листѣ.
Дегаевъ, Сергѣй Петровичъ, отставной штабсъ-капитанъ. Объявленіе. СХХVI, октябрь, 299.
Закревскій, Николай Васильевичъ. СХХIV, апрѣль, 213.
Игнатьевъ, Николай Павловичъ, графъ. СХХIV, апрѣль, 249.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ. СХХV, июль, 193.
Начіони, Ламбро Дмитріевичъ. СХХVI, октябрь, 201.
Начіони, Ангелина. СХХVI, октябрь, 205.
Ключевскій, Василій Осиповичъ. СХХIV, июнь, 977.

- Костомаровъ**, Николай Ивановичъ. СХХV, июль, 141.
Леонтьевъ (Щегловъ), Иванъ Леонтьевичъ. СХХV, июль, 229.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. СХХVI, октябрь, 317.
Михайловъ, Владимиръ Петровичъ. СХХIV, июнь. На отдѣльномъ листѣ.
Неживовъ, Осипъ Емельяновичъ. СХХVI, декабрь, 1077.
О. Е. Неживовъ со шкурами звѣрей. СХХVI, декабрь, 1079.
 Помощники **Неживова**. СХХVI, декабрь, 1081.
Пальмъ, Александръ Ивановичъ. СХХIII, мартъ, 1056.
Пархоменко, Терентій, кобзарь. СХХVI, октябрь, 303.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ. СХХIV, апрѣль, 235.
Потанинъ, Гаврилъ Никитичъ. СХХIV, май. На отдѣльномъ листѣ.
Похитоновъ, Василій Даниловичъ. СХХVI, ноябрь, 719.
Риза-Кирмани, мулла, убійца передекаго шаха Исраеръ-Эддина. СХХIII, январь, 253.
Савицкая, Маргарита Георгіевна. (Въ роли царицы Ирины въ пьесѣ «Царь Осодоръ»). СХХIV, июль, 935.
Савицкій, разбойникъ. СХХVI, декабрь, 1027.
Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ. СХХIII, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Снабичевскій, Александръ Михайловичъ. СХХIII, февраль, 627.
Снальновскій, Константинъ Анодоловичъ. СХХVI, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Скоропадская, Настасья Марковна. СХХV, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
Столыпинъ, Петръ Ариадьевичъ. СХХVI, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Сухановъ, Николай Евгеньевичъ. СХХVI, ноябрь, 707.
Титовъ, Андрей Александровичъ. СХХVI, декабрь, 1091.
Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ. СХХV, июль, 201.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ. СХХIII, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
Фигнеръ, Вѣра Николаевна. СХХVI, декабрь, 1099.
Фофановъ, Константинъ Михайловичъ. СХХIV, июнь, 993.
Цез, Василій Андреевичъ. СХХV, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ. СХХIII, февраль, 607.
Штромбергъ, Александръ Павловичъ, баронъ. СХХVI, ноябрь, 715.
Энгельгардтъ, Александръ Александровичъ. СХХIV, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Энгельгардтъ, Александръ Николаевичъ. СХХIV, апрѣль, 45.
Энгельгардтъ, Василій Павловичъ, докторъ астрономіи. СХХIV, май, 543.
Энгельгардтъ, Павелъ Васильевичъ. СХХIV, май, 537.
Энгельгардтъ, Софья Григорьевна. (1805—1875). СХХIV, май, 533.
Энгельгардтъ, Василій Васильевичъ, сенаторъ. СХХIV, май, 529.
Юлдашевъ, Вали-Ахунъ. СХХV, августъ, 705.
Ясинскій, Иеронимъ Иеронимовичъ, въ рабочемъ кабинетѣ. СХХIII, февраль. На отдѣльномъ листѣ.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ:

- Алатау**. Видъ горной щели въ Заилійскомъ Алатау. СХХV, августъ, 685.
Анануръ. СХХIII, мартъ, 1027.
 ——— **Ананурская** крѣпость. СХХIII, мартъ, 1029.
 ——— **У источника** между Анануромъ и Душетомъ. СХХIII, мартъ, 1031.

- Арагва** близь станції Млеты. СХХІІІ, февраль, 687.
Архангельскъ. Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ. СХХХІ, октябрь, 319.
Балтинскаго ущелья начало. СХХІІІ, январь, 295.
Балтинскаго ущелья скалы. СХХІІІ, январь, 297.
Башня царицы Тамары. СХХІІІ, февраль, 669.
Видъ туземнаго кншалака. СХХХ, августъ, 689.
Вѣрный. Видъ города. СХХХ, августъ, 675.
 — — — Окрестности г. Вѣрнаго. СХХХ, августъ, 677.
Гора и сѣнговья поля между станціей Кюби и Крестовымъ переваломъ. СХХІІІ, февраль, 681.
Гулеты. Баня у селенія Гулеты. СХХІІІ, январь, 301.
Девдоракская тропа (два марша). СХХІІІ, январь, 303.
 — — — Водонадъ въ Девдоракской тропѣ. СХХІІІ, январь, 305.
 — — — **Девдоракскій** ледникъ. СХХІІІ, январь, 307.
Джарентъ. Мечеть въ Джарентѣ. СХХХ, августъ, 687.

Джедда:

- — — Высадка богомольцевъ съ парохода въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 259.
 - — — Домъ санитарной администраціи и мѣсто высадки богомольцевъ въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 261.
 - — — Пристань для высадки багажа богомольцевъ въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 263.
 - — — Общій видъ Джедды. СХХІХ, апрѣль, 267.
 - — — Одна изъ площадей Джедды. СХХІХ, апрѣль, 269.
 - — — Улица въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 271.
 - — — Русское консульство въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 277.
 - — — Высадка египетскаго махмеля въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 283.
 - — — Торжественная процессія съ махмелемъ въ Джеддѣ. СХХІХ, апрѣль, 285.
- Домъ сарта торговца** въ кншлакѣ Хумсанѣ. СХХХ, августъ, 681.
Земь-Земь, источникъ. СХХІХ, май, 615.
Или. Переправа на паромѣ черезъ рѣку Или. СХХХ, августъ, 683.
Имѣніе «Губернія», гдѣ жилъ Суворовъ. СХХХІ, декабрь, 1053.
 Домъ и прудъ въ имѣніи «Губернія». СХХХІ, декабрь, 1061.
Иссыкъ-Нуль, озеро. СХХХ, августъ, 695.
Нааба и окружающіе ее дома. СХХІХ, май, 609.
Нааба и ея черныя камни. СХХІХ, май, 613.
Кабинетъ Н. И. Костомарова. СХХХ, июль, 143.
Назбекъ, гора. СХХІІІ, февраль, 673.
Крестовый переваль и Гудъ-гора. СХХІІІ, февраль, 685.
Ларсъ, станція. СХХІІІ, январь, 299.

Липецкъ:

- — — Часть Липецка на Соборной горѣ. СХХІХ, июнь, 1049, 1051.
- — — Монастырскій храмъ. СХХІХ, июнь, 1053.
- — — Галлерей надъ монастырскими ключами. Ib., 1055.
- — — Прудъ Петра Великаго и Верхній паркъ. Ib., 1057.
- — — Каменный мостъ. Ib., 1059.
- — — Казенная гостиница. Ib., 1063.
- — — Входъ въ Нижній паркъ. Ib., 1065.
- — — Курзалъ въ Нижнемъ паркѣ. Ib., 1067.

- — — Кожинъвъ мостъ въ Нижнемъ паркѣ. И., 1069.
- — — Дубъ-бесѣдка Петра Великаго въ Верхнемъ паркѣ. И., 1071.

Медина:

- — — Одни изъ воротъ Медины. СХХIV, май, 627.
- — — Могилы Фатъмы въ окрестностяхъ Медины. СХХIV, май, 629.

Мцхетъ:

- — — Пещеры у Мцхета. СХХIII, мартъ, 1035.
- — — Самтаврскій монастырь св. Нины въ Мцхетѣ. СХХIII, мартъ, 1039.

Новгородъ Великій:

- — — Видъ Новгородскаго кремля. СХХV, сентябрь, 1113.
- — — Софійскій соборъ до реставраціи. И., 1117.
- — — Софійскій соборъ послѣ реставраціи. И., 1121.
- — — Памятникъ тысячелѣтія Россіи. И., 1125.
- — — Церковь Спаса-Нередицы. И., 1129.
- — — Иконостасъ Спаса-Нередицкой церкви. И., 1133.

Остатки снѣгового завала и разбитая имъ галлерея. СХХIII, февраль, 683.

Пассанауръ. Въ двухъ верстахъ отъ Пассанаура. СХХIII, февраль, 689.

Развалины тифлисской крѣпости. СХХIII, мартъ, 1049.

Родантская долина. СХХIII, январь, 293.

Самаркандъ:

- — — Домъ богатаго узбека въ Самаркандѣ. Видъ со двора. СХХVI, декабрь, 1119.
- — — Улица базара близъ мечети Били-Ханымъ въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1121.
- — — Лавка мѣдныхъ издѣлій въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1123.
- — — Проводникъ на ригистанѣ въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1125.
- — — Мясная лавка въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1125.
- — — Точильный станокъ кузнеца въ желѣзныхъ рядахъ Самарканда. СХХVI, декабрь, 1127.
- — — Мадрасса Ширъ-даръ на ригистанѣ Самарканда. СХХVI, декабрь, 1129.
- — — Мадрасса Улугъ-бекъ на ригистанѣ Самарканда. СХХVI, декабрь, 1131.
- — — Входъ въ мечеть Шахи-Зида. въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1133.
- — — Внутренность мечети Шахи-Зида въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1135.
- — — Мадрасса Хоразми (слѣпыхъ) въ Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1137.
- — — Могилы узбековъ въ мечети Ходжа-Ахраръ. Самаркандѣ. СХХVI, декабрь, 1139.
- — — Начальная школа (мактабъ) въ кишлакѣ (деревнѣ) Баги-баличъ близъ Самарканда. СХХVI, декабрь, 1141.

Сергіевскія минеральныя воды. СХХV, июль, 269.

— — — Спускъ въ ванное зданіе. И., 273.

— — — Сѣрный источникъ. И., 275.

— — — Развалины близъ сѣрнаго источника. И., 277.

— — — Сѣрное озеро. И., 279.

— — — Ванное зданіе. И., 281.

— — — Церковь на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ. И., 283.

Сіонскій соборъ въ Тифлисъ. СХХІІІ, мартъ, 1043.

Сіонъ, СХХІІІ, февраль, 679.

Соловецкая обитель:

--- Гавань Благовѣщенія и Спасо-Преображенская гостиница, СХХV, августъ, 655.

--- Видъ на монастырь съ гавани. Ib., 657.

--- Монастырь съ западной стороны. Ib., 659.

--- Каменный мостъ на Муксаьму. Ib., 661.

--- Савватіевская пустынь. Ib., 663.

--- Голгоа, скитъ на Анзерскомъ островѣ. Ib., 665.

--- Филипповская пустынь. Ib., 667.

Туземная мельница. СХХV, августъ, 693.

Училище въ память Ломоносова на мѣстѣ его родины. СХХVІ, октябрь, 325.

Холмогоры. Набережная въ Холмогорахъ. СХХVІ, октябрь, 321.

--- Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства внутри Успенскаго собора. СХХVІ, ноябрь, 743.

--- Бывшій архіерейскій корпусъ въ Успенскомъ соборѣ. СХХVІ, ноябрь, 747.

--- Мѣсто заключенія Брауншвейгскаго семейства съ южной стороны. СХХVІ, ноябрь, 775.

--- Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ. СХХVІ, ноябрь, 757.

--- Гробницы холмогорскихъ архіепископовъ въ Преображенскомъ соборѣ. СХХVІ, ноябрь, 759.

Церновъ въ селеніи «Казбекъ» и памятникъ писателю Александру Казбеку. СХХІІІ, февраль, 675.

Чортовы ворота. СХХІІІ, февраль, 671.

Ямбо. Пристань для высадки богомольцевъ въ Ямбо. СХХІV, апрѣль, 265.

III. Разные рисунки:

Арабскія дѣти. СХХІV, апрѣль, 273.

Бедуинскій шейхъ. СХХІV, апрѣль, 281.

Богомольцы на Арафатѣ. СХХІV, май, 621.

Богомольцы на Минѣ. СХХІV, май, 623 и 625.

Богомольцы въ ожиданіи парохода въ Ямбо. СХХІV, май, 633.

Богомольцы на пароходѣ. СХХІV, апрѣль, 257.

Выкормка дѣтенышей дикихъ архаровъ. СХХVІ, декабрь, 1083.

Еврейская городская гвардія 1831 года. СХХІІІ, январь, 205.

Еврейская стража безопасности 1831 года. СХХІІІ, январь, 209.

Нараванъ въ пустынѣ. СХХІV, апрѣль, 287.

Нобзари въ дорогѣ. СХХVІ, октябрь, 309.

Крестильная зала. СХХV, июль, 261.

Лирникъ съ поводомъ. СХХVІ, октябрь, 305.

Лѣтній баракъ № 1. СХХV, июль, 259.

Могила А. С. Грибоѣдова. СХХІІІ, мартъ, 1046.

Могила Хадиджи. СХХІV, май, 617.

Муллы на молитвѣ. СХХV, августъ, 697.

Негритянка у колодца. СХХІV, апрѣль, 275.

Палата для недоношенныхъ дѣтей. СХХV, июль, 255.

Вторая палата III отдѣленія. СХХV, июль, 257.

- Паломницы-египтянки.** СХХIV, май, 631.
Перешагиваніе сокуча через націентку-киргизку. СХХV, августъ, 599.
Постройка дома. СХХV, августъ, 691.
Приготовление пищи. СХХV, августъ, 701.
Приемъ дѣтей въ экспедиціи. СХХV, июль, 253.
Семья дунганъ. СХХV, августъ, 699.
«Тарасова свѣтлица». СХХIII, февраль, 609.
У могилы Т. Г. Шевченка. Курганъ съ крестомъ. СХХIII, февраль, 613.
Типы поморовъ Архангельской губерніи. СХХVI, октябрь, 327.
Въ туземной чайной. СХХV, августъ, 703.
Удары нагайкой по спишѣ двухъ рядомъ лежащихъ киргизовъ. СХХV, августъ, 600.
-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.,
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книги) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

СМОЛНІНЪ, І. Мечь духовный въ огражденіе отъ сектантскихъ глумленій. Ц. 1 руб — Миссионерская напечатка по вопросамъ православной вѣры и церкви, пререкаемымъ сектантами. Ц. 50 к.

СОКОЛОВЪ, Н. О соединеніи восточной и западной церкви. 1911. Ц. 75 к.
ТОЛКОВАНІЕ на книгу «Второзаконіе». Г. Х. М. Перев. съ франц. Томъ I. Спб. 1911. Ц. 70 к.

Философія, психологія, логика.

ВЕНЦЕЛЬ, К. Этика и педагогика творческой личности. Томъ II. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЖИЗНЬ и ученіе Сиддарты Готамы, прозваннаго Буддой. Ц. 25 к.

ЛОССКІЙ, Н. Введеніе въ философію. Ч. I. Введеніе въ теорію знаній. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

МАРКЕЛОВЪ, Р. П. Личность, какъ культурно-историческое явленіе. (Этюды по исторіи индивидуализма). Томъ I. Спб. 1912. Ц. 2 р.

МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе. Т. II. В. 6—8. Ц. 1 р. 50 к.

НОРНЪ, Н. На философскія темы. Ц. 80 к.

ЦАНКРАТОВЪ, А. С. Индуіе Бога. Очерки современ. религиозныхъ исканій. Книга II. Москва. 1912. Ц. 1 р.

ПРУГАВИНЪ, А. С. О Львѣ Толстомъ и о толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. Москва. 1911. Ц. 80 к.

РОГОВИЧЪ, М. Нѣсколько словъ объ ученіи Ницше. Ц. 15 к.

ТАБРУМЪ, А. Г. Религиозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Перев. съ англ. подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Москва. 1912. Ц. 1 р.

ТУХОЛКА, С. Оккультизмъ и магія. Изд. 3-е, исправлен. и дополн. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія

БРЮСОВЪ, ВАЛЕРІЙ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева и до нашихъ дней. Книгоизд. «Скорпіонъ». Москва. 1912. Ц. 2 р.

БЪЛЖНСКІЙ, В. Г. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Б. К. Фукса. 6 томовъ. Кіевъ. Ц. 3 р. 50 к.

НИКИФОРОВЪ, Л. П. Кѣмъ былъ Л. Н. Толстой? (По лучшимъ отзывамъ рус-

ской печати). Сборникъ I-й. Москва. 1912. Ц. 25 к.

А. С. ПУШКІНЪ. Изд. журн. Русскій Библіофильъ. 1911. Ц. 3 р.

СЫБИРЦЕВЪ, І. Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. Архангельскъ. 1911. Ц. 25 к.

УЛЬЯНОВЪ, Н. Указатель журнальной литературы. В. I. 1911. Ц. 90 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АМФИТЕАТРОВЪ, А. Дожди отшумѣвшаго капи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- АН—СКІИ, С. Собраніе сочиненій. Т. I. Старые устои. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- БАНГЪ, Г. Сбор. сочин. Томъ IX. Сѣрый домъ.—Лѣтнія развлечения. Перев. Е. Барсовой и М. Розенфельдъ. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- БЕРШАДСКАЯ, Е. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- БРИХНИЧЕВЪ, ІОНА. Христосъ въ міровой поэзіи. Москва. 1912. Ц. 2 р.
- БУЛГАКОВСКІИ, Д. Г. Поэтическія произведенія, вышедшія въ двѣнадцатомъ году и въ позднѣйшее время. Съ ихъ общей характеристикой. Спб. 1912. Ц. 20 к.
- ВАКУЛОВСКІИ, А. Местъ королевы. Драматическая легенда-быль въ 4 д. и 6 карт., въ стихахъ. Ц. 50 к.
- ГАРБОРГЪ, АНРЭ. Собр. сочинен. Томъ V и VI. Перев. съ норвежск. Москва. 1911. Ц. 1 р. за каждыя томъ.
- ГЮИ-де-МОИССАНЪ. Домъ Телье. Ц. 1 р.
- ГЮИСМАНЪ, Ж. Бездна. Романъ. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЕНСЕНЪ, ЮГАННЕСЪ, В. Собр. сочин. Томъ VIII. Ютландскіе рассказы.—Мюи. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- КОЖУРКИНЪ, Н. В. Стихотворенія и рассказы. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. А. Мечты о жизни. Рассказы. Т. I. Москва. 1911. Цѣна 1 р. 25 к.
- ЛЕВИТОВЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. IV. Ц. 1 р.
- ЛЕСЯ УКРАИНКА. Твори. Книга I. Кіевъ. Ц. 1 р. 20 к.
- МАНЪ, ГЕНРИХЪ. Полное собраніе сочиненій. Томъ V. Діана. Романъ герцогини Асси. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- МАЧТЕТЬ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Ц. 1 р.
- НЕВЪЖИНЪ, П. Собраніе сочиненій. Т. XI. Повѣсти и рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- НО, ЭДГ. Собраніе сочиненій. Т. III. Страшные рассказы. Ц. 2 р.
- РЕЙМОНТЪ, В. Собр. сочин. Т. VI. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- РЕМИЗОВЪ, А. Сочиненія. Томъ IV. Прудъ. Романъ. Изд. 2-е., Шиповникъ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
- ТАТЬМА, А. Князь Святополкъ. Гбтонская быль въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ТВЭНЪ, МАРГЪ. Избранные рассказы. Книга II. Перев. съ англ. К. Жихаревой. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ТОЛСТОИ, Л. Живой трупъ. Драма въ 6-ти дѣйств. и 12 карт. Ц. 1 р.
- Жизнь—благо. Ц. 10 к. Смерть. Ц. 10 коп.
- ФИБИХЪ, КЛАРА. Собр. сочин. Томъ I. Дѣти Эфелия. Новеллы. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ЧИРИКОВЪ, ЕВГ. Юность. Романъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭЛЬ, П. Рай добродушныхъ. Сатирическіе рассказы. Ц. 80 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АВЧИННИКОВЪ, А. Два крестьянина восточника: Иванъ Осиповичъ Сусанинъ и Осипъ Ивановичъ Комнисаровъ. Ц. 30 к.
- Императоръ Александръ I Благословенный и Отечественная война. Ц. 30 к.
- Императоръ Александръ II, Царь-Освободитель. Ц. 30 к.
- АДРИАНЪ, АРХИМ. Памяти Кочубей и Искры, героевъ объединенія Руси православной, Кіевской и Московской. Кіевъ. 1911. Ц. 25 к.
- EXEMPLA Codicum Graecorum-Litteris minusculis scriptorum antiquisque notis instructorum. Volumen prius: Codices Mosquenses. Ediderunt: prof. G. Sereteli et. S. Sobolevski. Mosquae. 1911. Ц. 15 р.
- ЗАНИСКИ Московскаго археологическаго института. Томъ XII. Подъ ред. проф. А. Н. Филиппова. Москва. 1911. Цѣна 10 р.
- КАЛЛАШЪ, В. В. Двѣнадцатый годъ въ воспоминаніяхъ и перенскѣ современниковъ. Съ иллюстр. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- КАНТЕРЕВЪ, Н. О. проф. Партиархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ II. Сергіевъ II садъ. 1912. Ц. 3 р.
- КИРХГОФЪ, Морская сила въ Балтійскомъ морѣ. Ч. II. Ея вліяніе на исторію прибалтійскихъ странъ въ XIX стол. Ц. 2 р. 50 к.
- КОЛОГРИВОВЪ, С. Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- КУЗЕСЪ, Е. Всемирная исторія для всѣхъ. Краткій обзоръ до нашихъ дней. М. 1911. Ц. 1 р.
- НОВОМБЕРГСКИИ, Н. проф. Слово и дѣло государевы. (Процессы до изданія Уложенія Алексѣя Михайловича 1649 г.). Томъ I. Москва. 1911. Цѣна 3 р.
- ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА и русское общество. Вышелъ т. I. Цѣна по подпискѣ безъ переплета 24 р. 40 к., въ перепл. 30 р.
- САМАРИНЪ, Ю. Сочиненія. Томъ I. Крестьянское дѣло съ июня 1859 г. по апрѣль 1864 г. Ц. 2 р.
- СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. и его современники въ ихъ перенскѣ. Томъ I. 1911. Ц. 3 р.
- СЮЗОРЪ. Ко дню 75-лѣт. юбилея Императорскаго училища правовѣднія. 1835—1910. Ц. 5 р.
- ТОМСКЪ въ XVII вѣкѣ. Матеріалы для исторіи города со ветугит. и заключит. стат. прив.-доц. П. М. Голвачева и варт. окрестностей Томска конца XVII в. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- УМАНЕЦЪ, О. М. Прокопсулъ Кавказа. Съ портретомъ А. П. Ермолова и его очеркомъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АРИСТОВЪ, О. Общественный языкъ. Ц. 5 коп.
- БЕБЕЛЬ, А. Изъ моей жизни. Мемуары. Ч. II. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- БЕРНАЦКІЙ, М. Теоретич. государственнаго социализма въ Германіи и социально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка. Сиб. 1911. Цѣна 3 р. 50 коп.
- ВАЙНШТЕЙНЪ, Е. Дѣйствующее законодательство о евреяхъ. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ВИГДОРЧИКЪ, Н. Соціальное страхованіе. Ц. 1 р. 50 к.
- ДАНИНСКІЙ, Еврей арміи. Сиб. 1911. Ц. 50 к.
- ЕВТИХИЕВЪ, А. Законная сила актовъ администраціи. Люблинъ. 1911. Ц. 2 р.
- ИСАЕВЪ, А. Чѣмъ объяснить вздорчаніе жизни? Какъ бороться съ нимъ? Сиб. Ц. 30 к.
- ИСПОЛАНОВА, С. Самосознаніе женщины, какъ факторъ обновленія общественнаго строя. М. 1912. Ц. 15 к.
- КОЗЬМИНЪ-ЛАНЦЪ, П. Заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. 1911. Ц. 3 р.
- КОЛОМАРОВЪ, Н. Н. Полные образцы письменныхъ работъ прокурорскаго надзора. Москва. Ц. 60 к.
- КОРЧИНСКІЙ, Х. В. Строй общественныхъ и политическихъ организацій. (Новая формула). Сиб. 1912. Ц. 50 к.
- ЛЪВОВИЧЪ, М. Ритуальныя убійства (Къ дѣлу Ющинскаго). Сиб. 1911. Ц. 20 к.
- ЛЮТОСТАНСКІЙ, П. Жиды и ритуальныя убійства. Изд. 3-е. Сиб. 1911. Ц. 15 к.
- МАНЦЕВИЧЪ, П. Д. Указы Сената по городскимъ дѣламъ (1900—1910). Ярославль 1911. Ц. 3 р. 50 к.
- ПИСЬМА ХУТОРЯНИНА къ своимъ членамъ третей Государственной Думы. Письмо 3, 4, 5, 6, II. Ц. кажд. письма 20 к.
- СБОРНИКЪ РЪЧЕЙ Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Ц. 1 р. 50 к.
- СМИГАЙЛО-ЛИБЕНСКІЙ, С. Слава и гордость славянъ. Сиб. 1911. Ц. 40 к.
- СОЛНЦЕВЪ, С. Заработная плата какъ проблема распределенія. Съ таблицами и диаграммами. Ц. 3 р. 50 к.
- ФЛЕКСОРЪ, Д. Дѣйствующее законодательство по водному праву. Систематич. сборникъ узаконеній объ орошеніи, обводненіи, осушеніи, судоходствѣ, силахъ, пользованіи водою для промышл. цѣлей, рыбодовствѣ, минеральныхъ источникахъ и проч. Съ разъясн. Гражд. Кас. Деп. Прав. Сената. Сиб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.
- ЩЕРБОВИТОВЪ, С. Г. Городовое положеніе съ законодательными мотивами, разъясненіями и дополнительными узаконеніями. Изд. 3-е, дополненное, исправленное и переработанное. Сиб. 1912. Ц. 5 р.
- ЯКУШЕВЪ, А. А. Уставъ путей сообщенія (Т. XII, ч. 1 Свода Зак.), съ разъясн. Прав. Сената. Изд. 3-е. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Искусство.

- ЗЛОТН. А. Мои воспоминанія о Ф. Листѣ. 1911. Ц. 1 р.
- СБОРНИКЪ работъ учащихся школы Имп. Общ. поощренія художествъ. Вып. I. Сиб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- СИГАРИНЪ, Л. Живопись масляными красками, акварелью и пастелью. Съ 7 рис. Сиб. 1912. Ц. 80 к.

Естествознаніе и математика.

- АНШЕЛЬ, П. и ДОТЕВИЛЪ, С. Курсъ теоретической механики. Вып. I. Одесса. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- БРЕМЪ, Жизнь животныхъ. Томъ 6-й. Птицы. Сиб. 1911. Ц. въ переплетѣ 6 руб.
- БУЦГАКОВЪ, Н. Краткое изложеніе свойствъ шаровыхъ функций. Сиб. 1911. Ц. 50 к.
- Теорія земнаго магнетизма Гаусса и ея современное значеніе въ наукѣ. 1911. Цѣна 1 р. 25 к.
- БУШАНЪ, Г. Наука о человѣкѣ. Нѣсколько главъ изъ антропологии или естественной исторіи человѣка. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ГАТТЕРМАНЪ, Л. Практическія занятія по органической химіи. Ц. 2 р. 50 к.
- ГЕКСТН, Т. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Ц. 60 к.
- ГУРВИЧЪ, А. Краткій учебникъ анатоміи человѣка въ связи съ элементами гистологіи и эмбриологіи. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р. 75 к.
- КАЛКИНСЪ, П. Протозоологія. Простѣйшія животныя. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- КОНЪ, Э. и ПУАНКАРЕ, Г. Пространство и время съ точки зрѣнія физики. Одесса. 1911. Ц. 40 к.
- НЕТТО, Е. Начала теоріи определителей. Одесса. 3912. Ц. 1 р. 20 к.
- ПУАНКАРЕ, А. Новая механика. Сиб. 1911. Ц. 25 к.
- ФРАНСЭ, Р. Любовь у растений. Перев. съ фрм. Съ 25 рис. Сиб. 1912. Ц. 60 к.
- ХАРИЧКОВЪ, К. В., проф. Минералогія углерода или органическая минералогія. Ученіе о горючихъ (углеродистыхъ) ископаемыхъ. Введеніе къ полному изученію естествен. исторіи и технологіи углеродистыхъ веществъ и битумовъ. Тифлисъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ШОППО, В. Сборникъ призмъ съ рѣшеніями на интегрированіе. Ч. I. Неопредѣленные интегралы. Сиб. 1912. Ц. 50 коп.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ колебанія и волны. Вып. I. Резонансъ несвязанныхъ цѣпей. Сиб. 1911. Ц. 80 коп. Вып. 4. Ц. 80 к.
- ЯКОВЛЕВЪ, Н. Учебникъ палеонтологіи. 1911. Ц. 4 р. 50 к.

Языковѣдніе.

ГРИГОРИЙ, Н. К. проф. Древне-церковно-славянскіе тексты (Пособіе при практ. занятіяхъ). Юрьевъ, 1910. Ц. 30 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

ФЕДОРОВЪ, Н. Изъ Гамбурга въ Нью-Йоркъ. Перевѣздъ черезъ океанъ и жизни американцевъ. Ц. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

БЕТТНЕРЪ, I. Садъ и огородъ. Вып. 5-й. Плодовый садъ. Ц. 35 к.

БУТКЕВИЧЪ, А. Мои насѣба. Работы, опыты и наблюденія. Ц. 20 к.

ВАСИЛЬЕВЪ, Н. Образование бѣловыхъ веществъ въ созрѣвающихъ сѣменахъ. Кіевъ, 1911. Ц. 1 р.

МОЛОХОВЕЦЪ, Е. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяй-

ствѣ. 27-е изд., исправл. и дополн. Сиб. 1912. Ц. 4 р.

ОВЕЧНИКОВЪ, Г. Улучшайте дуга, будете съ кормомъ для скота. Ц. 4 к.

СИНЕЛЬНИКОВЪ, С. Дѣсокультурныя работы на неудобныхъ земляхъ во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Тунисѣ и Алжирѣ. Сиб. 1911. Ц. 2 р.

ТКАЧЕНКО, Н. Какимъ зерномъ надо сѣять, чтобы хлѣбъ лучше родился? Ц. 5 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ПЛЕХАНЪ, П. Кассовыя и бухгалтерскія правила и бюджетный контроль. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛОХОТЕНКО, А. К. Практич. тема счетоводства по двойной итальянск. итал.,

французск. и американской системамъ. Москва, 1912. Ц. 2 р.

САКОВИЧЪ, В. Правила и формы смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядка. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЛЕКСАНДРОВЪ, П. Устройство мельницъ, водныхъ, вѣтряныхъ, конныхъ, козловыхъ и шаторовыхъ. Съ рис. Изд. А. Ф. Сухова. Сп. 1911. Ц. 50 к.

АРБУЗОВЪ, А. Е., проф. Краткое руководство къ самостоятельному изученію стекловиднаго искусства. Сиб. 1912. Ц. 75 к.

ЕСЪМАНЪ, I. Гидравлика. Ч. II. Водныя турбины. Автоматическое регулированіе. Сиб. 1911. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

ЖУКОВЪ, С. Д., инж. О гидравлическихъ силахъ въ верхней части бассейна рѣки Терекъ. Сиб. 1911. Ц. 60 к.

— Рѣка Терекъ и мѣры для ея регулированія. Сиб. 1910. Ц. 30 к.

КРИВОШЕННЪ, Г. Расчетъ железобетонныхъ конструкций. Сиб. 1912. Ц. 90 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, С. Основы расчета, проектированія и возведенія сооружений изъ железобетона. Сиб. 1911. Ц. съ атласомъ 3 р. 50 к.

МАХМУШИНЪ, А. Краткое руководство по дѣловой технологіи. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

МЕЙЕРЪ, Г. Типа судовъ на каналахъ механической и электрической. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ПРЕПСЪ, К. Москательные товары. Практическое руковод. по приготовленію кустари, способами различн. москательныхъ товаровъ. Сиб. 1912. Ц. 50 к.

СМИРНОВЪ, С. С. Отдѣлка поверхности деревин. издѣлій. Краткое руковод. лакированія, подпирванія, травленія, выжиганія и т. д. Москва, 1912. Цѣна 35 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА по бумагоприденію инж.-механиковъ А. Коробанова и П. Насѣкина. М. 1910. Ц. въ переп. 5 р.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА полныхъ стоимостей машинъ, аппаратовъ, приборовъ и сооружений для страховыхъ агентствъ, составителей смѣтъ и оценщиковъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ завед. Составилъ В. В. Горбуновъ. Ц. 6 р.

ФУРМАЦЪ, В. Электричество въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ 35 рис. Перев. съ нем. Сиб. Ц. 35 коп.

ЩЕРБАКОВЪ, В. Столярное дѣло. Практич. руководство. Съ 118 рис. Сиб. 1912. Ц. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиология и хирургія. Ветеринарія

БОТКИНЪ, С. Курсы клиники внутреннихъ болѣзней. 2 тома. Сиб. 1912. Ц. за оба тома 1 р. 25 к.

ГЕНКИНЪ, X. С. Зубы и уходъ за ними. Съ 22 рис. Сиб. 1912. Ц. 50 к.

КАЦЕЛЬ, В. Курсы ухода за больными. Ц. 1 р. 50 к.

МАНУХИНЪ, П. П. О лейкоцитозѣ. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

СЕРВЕСИП, В. Краткая терапия душевныхъ болѣзней. М. 1911. Ц. 40 к.

ШЕГНРЕВЪ, Ю. Краткая терапия детскихъ болѣзней. М. 1911. Ц. 40 к.

ВЮТТЕЛИНСЪ, М. Бактеріи, заразные болѣзни и борьба съ ними. М. 1912. Ц. въ пер. 2 р. 75 к.

Военное и морское дѣло.

КОРОБЧИЦЪ, Я. Прибавленіе къ свѣдѣніямъ для канонировъ полевой артиллеріи, сост. М. В. Гурьянскимъ. Орудія и подвижной составъ артиллеріи, тяжелыхъ дивизионовъ. Одесса, 1911. Ц. 30 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АБРАМОВИЧЪ, Б. Новый учебникъ латинскаго языка для фельдшерскихъ школъ и лицъ, готовящихъ себя къ званію младшаго фельдшера. Сиб. 1911. Ц. 45 к.
- АНАНИНЪ, и др. Грамматей. Книга для списыванія, М. 1912. Ц. 20 к.
- АНДРЕЕВСКАЯ, М. Учебникъ немецкаго языка для преподаванія по натуральному методу. Ч. 1. М. 1911. Ц. 65 к.
- АУТСБУРГЪ, Ж. Новая школа рисованія. Кн. 1-я. Ц. 70 к.
- БУШЕ, Е. Давайте рисовать! Детскія упражненія въ рисованіи, М. 1912. Ц. 85 к.
- ВИТКОВСКИЙ, Р. П. К. аттѣй практик. курсъ немецкой коммерск. корреспонденціи. Сиб. 1911. Ц. 1 р.
- ВОИНОВЪ, А. Сборникъ геометр. задачъ на вычисленіе. Курсъ средн. учебн. завед. 7-е изд. Павловокъ и-д. 1911. Ц. 80 к.
- ГАЛКИНЪ, Е. Подробное рѣшеніе всѣхъ стереометрическихъ задачъ. Н. Рыбинна. Цѣна 1 р. 50 к.
- ГОНЧАРОВЪ, П. Сборникъ задачъ по коммерческой ариметикѣ съ отвѣтами. Сиб. 1912. Ц. 85 к.
- ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ, П. Состраданіе къ животнымъ и воспитаніе нашихъ дѣтей, М. 1911. Ц. 25 к.
- ГОРСТЪ, А. М. Элемент. геометріи и собраніе геометр. задачъ и упражненій для средн. учебн. завед. Съ 257 чертк. и 2 табл. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 10 к.
- ГУРЛИЦЪ, Л. Творческое воспитаніе. Ц. 25 к.
- ДЕМКОВЪ, М. Исторія западно-европейской педагогикѣ. М. 1911. Ц. 2 р.
- ЗАЧИНЯЕВЪ, А. Практическая грамматика. Орфографическая пропись. Ч. 1. Ц. 20 к.
- ИЗВОЛЬСКИЙ, Н. Геометріи на плоскости (планиметріи). Москва, 1911. Ц. 1 р. 20 к.
- КАДМОНЪ, Н. Очерки по исторіи русск. и литературы (отъ 30-хъ годовъ XIX ст. до Чехова). Подъ ред. проф. А. К. Бороздина. Москва, 1912. Ц. 1 р. 25 коп.
- КАРИНСКИЙ, Н. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Ч. 1. Древнѣйшіе памятники. Сиб. 1911. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.
- КОВАЛЕВСКИЙ, М. О. Древній Востокъ и первобытная Греція. Курсъ исторіи для II кл. мужскихъ гимназій. Съ 108 рис. Казань, 1911. Ц. 75 к.
- КОРЧИНСКИЙ, X. Въ поискахъ новыхъ методовъ обученія грамотѣ. Школа обученія образованія. Ц. 25 к.
- Планъ педагогической реформы. Ц. 20 к.
- КРОПОТКИНА, Е. П., кн. Родная поэзія. Сборникъ въ 5 частяхъ. Часть 1. 1750—1800. Казань, 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛАВРОВЪ, Б. В. Курсъ психологіи (для гимназій и самообразованія). Съ 22 рис. Нижній-Новгородъ, 1912. Ц. 1 р.
- ЛЕВИТУСЪ, Д. Курсъ элементарной алгебры. Ч. II. М. 1911. Ц. 75 к.
- ЛИГА народнаго воспитанія въ Берлинѣ и домъ Песталоцци-Фребеля. Ц. 20 к.
- ЛЯМИНЪ, А. А. Методическій сборникъ задачъ прикладной тригонометріи. Изд. А. С. Панафидиной. Москва, 1912. Ц. 75 к.
- МИРЯСЪ, А. Планы ученическихъ сочиненій. Ч. 1. Темы отвѣченныя. Киевъ, 1912. Ц. 50 к.
- НИФОНТОВЪ, В. Сборникъ статей для устнаго и письменнаго изложенія. Юрьевъ, 1911. Ц. 60 к.
- НАГУЕВСКИЙ, Д., проф. Краткій практик. курсъ латинскаго языка (стимологіи, синтаксисъ, упражненія, хрестоматія, словарь) преимущественно для высш. женск. курсовъ и для самообразованія, въ объемѣ требованій для чтенія Корн. Непота, Цезаря, Салюстія, Овидія. Казань, 1912. Цѣна 1 р. 50 к.
- НАДЕЖДИНА, Э. П. Элемент. курсъ кройки. Дополненіе къ I и II частн. Съ 74 рис. Изд. Я. Башмакова и Ко. Сиб. 1911. Ц. 60 коп.
- НИКОНОВЪ, Л. Н. Практик. занятія по ботаникѣ въ школѣ и въ природѣ. Изд. т-ва П. Д. Сытина. Москва, 1912. Ц. 60 коп.
- ПЕРЕДОВЫЯ ШКОЛЫ. Кн. 3. Воспитаніе нравственно-испорченныхъ дѣтей. М. 1912. Ц. 25 к. Книга 4. Школа Г. Манна, въ Нью-Йоркѣ. Ц. 10 к.
- ПЕТРОВЪ, В. Обязательность обученія. М. 1911. Ц. 15 к.
- ПРИЛУКО-ПРИГУЦКИЙ, Н. Г. Коррѣкція русскаго слова. Вып. II. Гоголь. Жизнь и творчество. Сиб. Ц. 80 к.
- ПРОГРАММА чтенія для самообразованія. Сиб. 1911. Ц. 40 к.
- РАЗДЪ, О. Правила ариметикѣ. Ц. 10 коп.
- СТАНКЕВИЧЪ, О. Юному развѣдчику десять главнѣйшихъ законовъ въ примѣрахъ изъ подвиговъ русскаго солдата. Ц. 15 коп.
- САВЕЛЬЕВЪ, О. Руководство для преподаванія гимнастикѣ по соколовской системѣ. Смоленскъ, 1911. Ц. 35 к.
- ТИХОМИРОВЪ, Д. П. Педагогич. замѣтки. Духовная училища. Сиб. 1911. Ц. 75 к.
- ТРОСТИННОВЪ, М. А. Русская рѣчь, чтеніе, письмо и рисованіе. Учебн. рукоп. для упражненій въ русской рѣчи, чтеніи, письмѣ (схематическіи, орфографіи) и рисованіи. Вып. 1. Изд. 6-е. Юрьевъ, 1911. Ц. 25 к.
- ТУЗОВЪ, К. Сборникъ алгебраическихъ задачъ для старшихъ классовъ средн. учебн. зав. Ц. 75 к.
- ТУМИНЪ, Г. Г. Первая ступенька. Посobie при первоначальной обученіи правописанію. Сиб. 1911. Ц. 20 к.

ФЕРРЬЕРЪ, А. О новой школѣ. Ц. 15 к.	ХРУЩИНСКІЙ, М. Краткій учебникъ ариметики. Ц. 70 к.
ФОРТУНАТОВА, Е. и ШЛЕГЕРЪ, Л. Первые шаги. Азбука и первое чтеніе послѣ азбуки. Цѣна 30 коп.	ШЕНИХЕНЪ, В. Природовѣдніе въ американской школѣ. Школьный садъ. М. 1912. Ц. 45 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ИНСАИНЪ, Мой другъ слонъ. Разсказъ. Цѣна 12 коп.	— Дары моря. Ц. 8 коп.
ПОРЪЦКІЙ, С. На волѣ и дома. Ц. 75 к.	РОБЕРТСЪ, Ч. На льдинѣ съ медвѣдемъ. Разсказъ. Ц. 15 к.

Спортъ, охота и игры.

АВЧИННИКОВЪ, А. Военный строй и гимнастика. Ц. 60 к.	КУЗНЕЦОВЪ, Н. Курсъавтомобилизма. Изд. 2-е. Ц. 5 р.
— Подвижныя игры въ войскахъ и народныхъ школахъ. Ц. 60 к.	КУРСЪ сокольской гимнастики. Пособіе для руководителей. Перев. Н. Манохина. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
ГРАНЦЪ, Г. Парусная яхта. Руководство къ изготовленію парусной яхты. Ц. 1 р. 40 к.	МОНТВИЦЪ, П. С. Домашняя гимнастика. Какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ. Съ 38 рис. Спб. 1911. Ц. 50 к.
ДЕ-ПОДЛИНИ, В. Первый учебникъ по легкой атлетикѣ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.	НАГЕЛЬ, А. Ежегодникъ автомобилизма и воздухоплаванія. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Справочныя книги.

АДРЕСНЫЙ и справочный ежегодникъ гор. Баку и его районъ. 1911 года. Ц. 2 р.	тельности податнаго инспектора. Порховъ. 1911. Ц. 50 к.
БУКУНОВСКІЙ, А. Сборникъ новыхъ законовъ и циркуляровъ. Справочная книга для чиновъ полиціи и полицейскихъ управленія. Фарьновъ. 1912. Ц. 2 р.	ОФИЦІАЛЬНЫЙ указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и др. пассажирскихъ сообщений. Зимнее движеніе. 1911—1912. Вып. 35. Спб. Ц. 85 к., въ перепл. 1 р. 20 к.
КОЗАЧЕКЪ, Н. Перечень сроковъ и календарь работъ, относящихся къ дѣл-	

Разныя книги.

БУЛГАКОВСКІЙ, Д. Порожденіе эхидны. Ц. 5 к. Пересталъ пить. Ц. 15 к. Мать. Ц. 5 к. Пожальтй себя. Письма къ	пьяницъ. Ц. 15 к. Не бѣда ли? О карточныхъ азартныхъ играхъ. Ц. 15 к.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики **52** книги.
получать по одной книгѣ, всего въ годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1912 ГОДЪ

(43-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-
ванный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1912 года:

52 №№ еженедѣльн. художеств. литер. журн. „НИВА“: романы, повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, биографіи, обзоры дѣятельности Госуд. Думы и политич. обозрѣнія; рис. въ краск., снимки съ картинъ, рисунки, фотозтиски и иллюстраціи соврем. событій; рядъ очерковъ и рисунк. будетъ посвященъ столѣтію Отечественной войны.

52 книги, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“: романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“ **40** книгъ,

содержащихъ ЧЕТЫРЕ ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
(стоящія въ отдѣльн. продажѣ свыше 30 р.),
которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного 1912 года:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

(Будетъ дополнено произведеніями, не вошедшими въ издан. пока томы полн. собр. его сочиненій).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ

А. А. ФЕТА.

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

Оск. УАЙЛЬДА.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 листовъ: до 300 рукодѣльн. и выпильн. работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѣСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1912 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми прилож. на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **8 р. 50 к.**
съ доставкой — **7 р. 50 к.**

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ перес. во всѣ мѣста Россіи **8** р.
За границу — **12** р.

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Сиб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБЯ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМЪ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтпортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домака. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Вирова. — Убіиство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцовровъ поневолю. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

И. БОГДАНОВЪ.

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

КРАТКІЙ КУРСЪ

ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „въ качествѣ учебнаго пособия въ промышленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ курсъ конхъ входитъ изученіе печатнаго дѣла.“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ ред. П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1911 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей **МЛАДШАГО ВОЗРАСТА** (отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

въ числѣ которыхъ:

- БОЛЬШАЯ ПАРТИНА въ хромоолитогр. краскахъ: „ТРЕКОРЪ ВЕРНУДСЯ!“ художника Артура Эльслера.
- 2 ЗАНИМАТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ, работъ, рукодѣлій и т. п. на раскр. пер. и листахъ.
- 2 ИЛЛЮСТРИРОВ. КНИЖЕКЪ рассказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для малолѣтнихъ дѣтей.
- 12 ВЫП. 1-го ИЗДАНИЯ „ЛѢСНЫЕ ЧЕЛОВѢЧКИ И ИХЪ НОВЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ“, съ иллюстр. П. Кокса.
- 10 ВЫП. „ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКІЕ МАЛЬЧИКИ“, составл. для дѣтей младш. возраста Вик. Русановымъ, съ портр. и илл.
- 6 ТАБЛИЦЪ „ШКОЛА РАСКРАШИВАНІЯ“ для малолѣтнихъ дѣтей составл. проф. А. Д. Зонъ.
- 6 ТЕТРАДЕЙ ИЗДАНИЯ „МОЯ ПЕРВАЯ АРИМЕТИКА“, составл. М. П. Анненкинымъ, съ илл.
- ТЕАТРЪ МУРЗИЛКИ, веселая и занимательная игра для дѣтей

и мног. друг.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей **СТАРШАГО ВОЗРАСТА** (отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

въ числѣ которыхъ:

- „ЦАРСТВО КАМНЕЙ“ 12 таблицъ въ краскахъ въ видѣ атласа, съ полуцѣлыми объясн. текстомъ проф. Г. Керта
- 12 ВЫПУСКОВЪ „КНИГИ ЧУДЕСЪ“ Натаніила Готторна, съ илл. Гранвилля.
- 8 КНИЖЕКЪ „ИСТОРИЯ СВѢЧИ“, проф. Фарадея, съ илл. и гравир. статью.
- 10 ВЫП. „ЗВЕНЬЯ ДОБРА“, собраніе рассказовъ для юношества, съ иллюстр.
- 6 КНИЖЕКЪ „БИБЛИОТЕКИ ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ“ для юношества.
- 10 ВЫП. „ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“, для юношества, собр. М. Р. Лешке (Новая серия).
- 12 ТАБЛ. ВЪ КРАСНАХЪ „ЧЕЛОВѢКЪ И СТРОЕНИЕ ЕГО ТѢЛА“ съ объяснит. текстомъ проф. Г. Ключца.
- ДѢТСКИЙ ТЕАТРЪ. Сборникъ пьесъ: Е. А. Чеховой-Дмитріевой, съ рисунками И. Гурьева.
- СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и занимательная книга для учащихся на 1912-13 учебный годъ въ являщ. кошечк. переплетѣ.

и мног. друг.

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ» и «ДѢТСКІЯ МОДЫ». Подписчикъ на каждое издан. „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложениями, съ доставкой и пересылк.,—за годъ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ. Допуск. расрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1-му февр. и 3) къ 1-му мая—по съ требованіямъ, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращается: въ контоб. «ЗАДУШ. СЛОВА», при книжн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дв., 18, и 2) Невскій, 13.

2 Р.

ЗА ГОДЪ—6 рублей. РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПО ИЗДАНІЮ, СДѢЛАННОМУ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

четырехъ портретовъ, равныхъ документовъ, писемъ и указател.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

Изданіе А. С. Суворина.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ ИЗВѢСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ И УЧЕНЫЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1912 г.

НА
6-й годъ изданія
НА

1912 г.

„СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Ежемесячный ИЛЛЮСТРИРОВ. литературно-научный журналъ по программѣ обычной для елѣмберичиновъ съ особымъ отдѣломъ „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и отд. журналомъ для дѣтей „Маленькій Свѣточъ“.

Внесшіе 4 руб. за годъ ПОЛУЧАТЪ:

- 12** №№ иллюстр. журнала „СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“ (обращено вниманіе на отображеніе жизни перомъ и карандашомъ).
5 №№ иллюстр. „МАЛЕНЬКАГО СВѢТОЧА“—чтеніе для дѣтей.
1 кн. „ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ“ (Тексты и иллюстраціи).
1 кн. „НАШЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО НА БѢЛУЮ ГОРУ И САРОВЪ“, о. М. В. Пеньковского,—очерки со многими иллюстраціями.
1' вып. „СВѢТОЧНОЕ КРУЖЕВО“—легенды о цѣлбахъ (новая серия)—М. Л. Лысковаго.

Въ 1912 году, между прочимъ, въ журналѣ будутъ напечатаны: 1) романъ А. В. Круглова:

«Мудрые и Неразумные»

2) «Старцы земли Русской»

(Новгородъ, Кіевъ, Москва, Тверь, Смоленскъ и др.). Рядъ художеств, историч. очерковъ съ иллюстраціями. М. В. Лысковаго.

3) «Разсказы изъ духовнаго быта»—Р. И. Смирнова.

Въ каждомъ №-рѣ БЕСЪДА А. В. Круглова. Въ 1912 году журналъ будетъ напечатанъ въ двухъ изданіяхъ: литературн. и общ. дѣтскія, подъ названіемъ „ГОЛОСА ОТОНЕДШИХЪ“. Въ всѣхъ подписчикахъ 1912 г., выходящіе деньги сразу за 1912 и 1911 года, платять за ОБА ГОДА вмѣсто 8 руб., всего только 7 руб.

Подп. цѣна за годъ съ дост. и перес. по Имперіи **4** руб.

Допускается разерочка: 2 р. при подп. и 2 р. къ 1 марта.

За границу 6 р. 50. к. за годъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Тверская уг. Брюсоваго, д. гр. Олсуфьевой; во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ почтовыхъ графовъ учрежденіяхъ.

Редакторъ-издатель А. В. КРУГЛОВЪ.

„СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Г. Полечителемъ Московскаго Учебнаго Округа РЕКОМЕДОВАНЪ гг. Начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній и гг. Директорамъ народныхъ училищъ

Учебнымъ Отд. Министерства Путей Сообщенія РЕКОМЕНДОВАНЪ въ техническія желѣзнодорожныя и въ начальныя общія желѣзнодорожныя Училища.

Главн. Управл. Военно-учебныхъ заведеній журналъ ДОПУЩЕНЪ въ ротныя бібліотеки воен. училищъ

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта, при Святѣйшемъ Синодѣ ДОПУЩЕНЪ къ выпискѣ въ бібліотеки второклассныхъ и церковно-уч. школы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г.

на

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ“

5-й годъ изданія.

12 книгъ, объемомъ отъ 15 до 25 печатныхъ листовъ, въ годъ—6 руб., ¹/₂ года 3 руб., за границу въ годъ—8 руб., ¹/₂ года—5 руб. съ доставкой и пересылкой. Отдельный номеръ—1 р. Для подписчиковъ—60 к. Перемѣна адреса—28 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **СПБ., Канонерскій пер., 4 кв. 1**, во всехъ книжныхъ магазинахъ и почт. учрежденіяхъ.

Интересная и разнообразная программа «СВѢТЛАГО ЛУЧА», которую предполагается расширить въ ближайшемъ будущемъ, обнимаетъ собою все движенія русской общественной жизни: литературное, политическое, церковное, школьное, научное и т. д.

Въ литературномъ отдѣлѣ печатаются романы, повѣсти, рассказы, быльи, драматическія произведенія, воспоминанія, стихотворенія, преимущественно, русскихъ писателей, славянскихъ и лучшихъ иноземныхъ, юмористика, задачи, загадки и проч.

Принимаются объявленія: 1 страница—30 р., ¹/₂ стр.—16 р., ¹/₄ стр. 8 р.

Подписку предлагается направлять исключительно въ контору журнала: **СПБ., Канонерскій пер., 4, кв. 1.**

Адресъ ред.-изд.: **Царское Село, Магазиная, 78.**

Редакторъ-издательница Ек. Уманецъ.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

Принимается подписка на 1912 г.

Въ шестомъ году изданія «**Старые годы**» выходятъ по той же программѣ и при участіи выдающихся русскихъ и иностранныхъ сотрудниковъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 10 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою, безъ доставки — 9 руб., за границу — 40 фр. При подпискѣ въ конторѣ журнала (Рыночная ул., 10) **допускается разсрочка:** при подпискѣ — 5 р., къ 1 апр.—3 р. и къ 1 юля 2 руб.

Подписка принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и провинціи.

Въ конторѣ редакціи продается въ ограниченномъ количествѣ:

1) лѣтній выпускъ (іюль — сентябрь) 1911 г. по 7 р. 50 к.
— 2) КАТАЛОГЪ СТАРИННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИСКУССТВЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

(Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптора). Сост. бар. Н. Врангель.

Цѣна 10 рублей.

Комплектовъ журнала за прошлые годы не имѣется.

Редакторъ-издатель **П. П. Вейнеръ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ, 9-й годъ изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Редакторъ П. Н. Штейнбергъ.

Издатель П. П. Сойкинъ.

Еженедѣльный журналъ практическаго садоводства и огородничества.

52 №№ ЖУРНАЛА, съ многочисленными иллюстраціями. Свыше 1.500 ст. убористаго шрифта.

Въ теченіе года помѣщается около 1400 практическихъ статей по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Описание новинокъ по садоводству.

12 книгъ САДОВАЯ БИБЛИОТЕКА съ рисунками и чертежами

Каждый выпускъ „Библиотеки“ представляетъ собою законченное руководство.

1) Культура фигового дерева (виновыхъ ягодъ или смоковницы). Практич. руковод. <i>Т. К. Кварацхелия</i>. 2) Размноженіе растений сѣменами, черенками, отводками и дѣленіемъ. Практич. руковод. <i>П. Штейнберга</i>. 3) Устройство живыхъ изгородей. Выборъ растений для изгородей въ различныхъ районахъ; посадка и уходъ за ними. Сост. <i>П. Н. Штейнберга</i>. 4) Корчевальные снаряды: плуги для лѣсныхъ участковъ. Описание лучшихъ способовъ выкорчевыванія деревьевъ и распахки лѣсныхъ участковъ. Какъ устраиваются простѣйшіе корчевальные снаряды. Составилъ <i>К. И. Дебу</i>. 5) Горшечная (комнатная) культура плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Полное богатое иллюстр. руковод. для любителей. Сост. <i>П. А. Андреева</i>. 6) Какъ устраивать газоны въ цвѣтникахъ, садахъ и паркахъ. Практич. руководство. <i>В. Гомилевскаго</i>.	7) Культиваторы и полонники. Описание лучшихъ орудій для рыхленія почвы въ огородахъ и въ плодовомъ саду; удобнѣйшія орудія для уничтоженія сорныхъ травъ. Сост. <i>К. И. Дебу</i>. 8) Приготовление жидкостей и наливокъ изъ плодовъ и ягодъ. Практическое руковод. Съ сборникомъ испытанныхъ рецептовъ <i>А. Кашперовой</i>. 9) Комнатная культура пальмъ. Новѣйшее практическое руководство <i>П. Н. Штейнберга</i>. 10) Какъ самъ му дѣлать цвѣточные горшки и плошки (глиняные обожженные, навозные-земляные и бумажные). Сост. <i>А. Макарова</i>. 11) Культура орхидей и папоротниковъ. Новѣйшее руководство для любителей. <i>Б. Мельникова</i>. 12) Какъ выращиваются ранніе грунтовые овощи на огородахъ. Ранняя выгонка овощей на огородахъ безъ теплицъ и парниковъ. <i>П. Н. Штейнберга</i>.

4 полныхъ иллюстрированныхъ руководствъ:

- 1) Устройство и насажденіе виноградника. Полное руководство къ доходной культурѣ винограда. *Я. Этингера*.
- 2) Сельскій огородъ, плодовой и ягодный садъ. Полное практич. руковод. къ устройству небольш. домашняго плодоваго сада, огорода и ягоднаго сада. Составилъ *В. Митусевъ*.
- 3) Устройство помѣщеній для зимняго храненія плодовъ и овощей. Съ подробнымъ описаніемъ лучшихъ способовъ храненія. Составилъ *И. И. Евичумовъ*.
- 4) Цвѣтущія растенія въ комнатахъ. Какъ ухаживать за растеніями въ комнатахъ, чтобы имѣть въ теченіе всего года цвѣтущія растенія. Описание рѣдкихъ растеній для комнатъ. *А. А. Смирновскаго*.

Кромѣ того, будетъ дано капитальное руководство:

САДОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ.

Полное, богато иллюстрированное руководство для любителей по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Въ 7 частяхъ. Сост. извѣстный германскій садоводъ *Юлианъ Биттигеръ*. Переводъ подъ редакціей и съ значит. дополненіями для русскихъ садовъ докт. *П. Н. Штейнберга*. Это руководство въ Германіи въ теченіе короткаго времени разошлось въ количествѣ 60.000 экз. и заслужило блестящіе отзывы садоводовъ.

♦ ВЪ ВИДѢ ОСОВОЙ ПРЕМИИ, будетъ данъ роскошный альбомъ: ♦

„ЛУЧШІЕ СОРТА ЯБЛОКЪ, ГРУШЪ, СЛИВЪ, ВИШЕНЪ, ЯГОДНЫХЪ КУСТАРНИКОВЪ И ЗЕМЛЯНИКИ.“

Составилъ *П. А. Андреева*.

Съ рисунками плодовъ и ягодъ въ натуральную величину и съ подробными описаніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всеми приложеніями **4 руб.**

съ доставкой и перес. по всей Россіи

допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и въ 1 мѣс. остальные 2 руб.

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

27-й г. изданія: ПОДПИСКА на 1912 г. ОТКРЫТА. 27-й г. изданія.

ОДОВРЕНЪ ВСѢМИ ВѢДОМСТВАМИ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

52 №№ ЖУРНАЛЪ, **2000** ст. текста изв. духовныхъ и свѣтскихъ писателей, свѣше **600** иллюстрацій, отражающихъ духовно-нрав. жизнь прошлаго и настоящаго.

Въ журналѣ дается мѣсто исключительно такому чтенію, которое находитъ откликъ во всякой душѣ, ищущей наиданія и умиротворенія

8 КНИГЪ — ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ — **СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.**
1.200 стран. большого формата.

Творенія этого знаменитаго отца церкви имѣютъ громадное значеніе для каждаго православнаго христіанина. Св. Григорій Богословъ считается основоположникомъ христіанской догмы, выяснившимъ истинный смыслъ всего христіанскаго вѣрованія.

15 КНИГЪ — ПОЛНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ — **БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ**
до 2500 ст. уборскаго текста.

или богословскій «Энциклопедическій словарь», содержащій въ себѣ необходимыя для каждаго свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ богословскаго, философскаго, церковно-практическаго и историческаго значенія въ алфавитномъ порядкѣ.

— КРОМЪ ТОГО БЕЗПЛАТНО, по выбору Г.г. подписчиковъ: —

12 КНИГЪ — **СВѢТОЧЪ** — **ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**
свѣтче 2.500 ст. большого формата.

Въ «Свѣточѣ» публикуются: историч. и идейно-бытовые повѣсти и рассказы; легенды, сказанія и преданія старинныя; историческія и историко-археолог. очерки; рассказы изъ быта духовенства; записки и воспоминанія выдающихся русскихъ духовныхъ и историч. дѣятелей; повѣсти и рассказы, рисующіе вредъ пьянства; научныя новости и открытія и т. д. Второе мѣсто въ №№ «Свѣточа», какъ равно и въ №№ «Русскаго Паломника», будетъ уделено юбилейному событію — 100-лѣтню Отечественнаго войны 1812 года.

И Л И

12 ВЫПУСКЪ. **ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА**
роскошнаго на- столярнаго изданія — Въ изящной ли- тературѣ, поэзіи, живописи и скульптурѣ. —

Передъ взоромъ читателя пройдетъ, шагъ за шагомъ, вся жизнь Иисуса Христа въ изображеніи знаменитыхъ писателей и художниковъ. Все изданіе будетъ художественно отпечатано на веленовой бумагѣ съ массою иллюстрацій чернильных и цвѣтныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ приложен. **6 РУБ.**
безъ дост. въ СИБ. **5 РУБ.** Съ дост. и перес. по Россіи

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣлю 2 р. и къ 1 юлю оставшаго.

ЖЕЛАЮЩИЕ ПОЛУЧАТЬ „Свѣточъ“ и „Земная Жизнь Иисуса Христа“, но за доплату 1 руб. 20 коп., уплачиваемыхъ при подпискѣ.

[Главная контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, советъ. кодъ.]

Редакторъ Е. А. Поповичкій.

Издатель П. П. Сойкинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. Изд. годъ 27-й.

(Подписной годъ считается съ 1 ноября

1911 г. по 1 ноября 1912 г.)

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Редакторъ Ф. С. ГРУЗДЕВЪ.

Издатель П. П. СОЙКИНЪ.

52 №№ ЖУРН., въ изящ. цвѣтн. обложкахъ, 2.000 столбц. большаго формата, съ рисунк. и чертеж., свыше 2.000

Въ теченіе года помѣщается около 1000 обстоятельныхъ, практическихъ, общедоступныхъ статей по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Большая часть статей иллюстрирована.

Отдѣль **ОТВѢТОВЪ**, даваемыхъ бесплатно подписчикамъ, поставленъ такъ широко, какъ ни въ одномъ другомъ сельско-хозяйств. журналѣ. За 26 мѣся существованія журнала „Сельскій Хозяинъ“ дано свыше 23.000 обстоятельныхъ отвѣтовъ.

12 книгъ ХУТОРСКАГО ХОЗЯЙСТВА около 800 стран. большаго формата. СПЕЦІАЛЬНАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ХУТОРЯНЪ.

Кромѣ цѣлаго ряда статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, изложенныхъ простымъ, понятнымъ и для начинающихъ хозяевъ языкомъ, въ «Хуторскомъ Хозяйствѣ» помѣщаются обзоры всего лучшаго изъ другихъ сельско-хозяйственныхъ журналовъ. Такимъ образомъ, по истеченіи года, книги эти составляютъ полную энциклопедію практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ быту хуторянина.

5 ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

1) Крупный рогатый скотъ. Профессора М. И. Придорогина.	3) Разведеніе и содержаніе домашней птицы. А. А. Бѣлова.
2) Воздѣлываніе масличныхъ растений. Д. В. Федорова.	4) Выборъ и уходъ за нефт. и керос. двигателями. К. И. Дебу.
5) Кожевенное производство. П. П. Круцова.	

— Всѣ руководства снабжены многочисленными рисунками. —

Альбомъ. Устройство РАЦІОНАЛЬНАГО ОТОПЛЕНІЯ КЛАДКА ПЕЧЕЙ. Гражданскаго инженера С. Е. Зарина. Съ подробнымъ описаніемъ кладки русской, голландскихъ и утермаркскихъ печей, каминовъ, кухонныхъ очаговъ и т. п. и 85 таблицами рисунковъ печей.

3 книги особ. прилож.: 1) Новое въ сельск. хозяйствѣ.

(Обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ области сельск. хоз.). Сост. Б. Н. Усовскій.

2 и 3) Коренныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ (меліораци).

— Обширный трудъ въ 2-хъ томахъ, большаго формата, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главныя отдѣлы

1) Мѣстныя улучшенія почвъ (удаленіе камней, навозка земель, известкованіе и мергелеваніе почвы, обработка залежи, перелоговъ и т. п.).	4) Культура болотъ и торфяниковъ.
2) Раздѣлка пустыпей, герцатниковъ и лѣсныхъ пространствъ.	5) Орошеніе и обводненіе полей и луговъ.
3) Осушка низинныхъ мѣстъ. Дренажъ.	6) Способы задержанія зимней влаги на поляхъ.
	7) Орошеніе садовъ и огородовъ.
	8) Укрѣпл. и облѣсеніе легучихъ песковъ.
	9) Борьба съ оврагами.

КАЛЕНДАРЬ Сельск. Хоз. на 1912 г. въ изящномъ переплетѣ.

Кромѣ всевозможныхъ справочныхъ свѣдѣній, въ календарѣ будутъ помѣщены адреса хозяйствъ, гдѣ можно закупать скотъ, сѣмена, птицу, посадочный матеріалъ и т. п.

БЕЗПЛАТНЫЕ ОТВѢТЫ. * СѢМЕНА — НОВИНКИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ „Сельскій Хозяинъ“ со всѣми прилож. **6 РУБ.** за годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля и кт. 1 мая 3 рубля.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1912 г.
(23-й г. изд.)
Подписной годъ
считается съ
1-го ноября
1911 г. по 1-е
ноября 1912 г.

«Природа и Люди»

Журналъ «Природа и Люди» Мин. Нар. Пром. doporuченъ въ учеб. библиот. нашихъ учебн. завед., въ учеб. библиот. средн. учебн. завед. и гор. учебн. въ общ. нар. чит. и библиот.

52 №№ художественно-иллюстрированного журнала.
Романы, повѣсти и рассказы. Живописныя путешествія. Описанія чудесъ природы. Диковинки животн. и растит. мира. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Открытїя и изобрѣтенїя. Спортъ, новости по авіаціи, задачи на премїи и т. п.
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1.
40 книгъ 8.000
страницъ.
БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ
бессмертнаго французскаго писателя

А. ДЮМА

Подъ редакціей П. В. Быкова.
Едва ли существуетъ уголокъ цивилизованнаго міра, гдѣ бы не знали и не любили этого короля французскихъ романистовъ. Предпринятое нами новое изданіе сочин. А. Дюма является первымъ полнымъ русскимъ изданіемъ. Настоящее изданіе является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что заключаетъ въ себѣ болѣе

1.000 иллюстрацій.
40 книгъ полнаго собранія романовъ Александра Дюма (первая половина) будутъ заключать въ себѣ слѣдующія произведенія:

Тайный заговоръ. — Ущелье дьявола. — Графъ Монте-Кристо. — Приключенїя Джона Девиса. — Три мушкетера. — Двадцать лѣтъ спустя. — Виконтъ де Бражелонъ. — Женская война. — Черный тюльпанъ или пльинникъ Левенштринскаго замка. — За королеву (Шевалье д'Армиталь). — Ожерелье королевы. — Ажъ Питу. — Тасыма и одинъ призракъ. — Калабрїйскіе бандиты. — Невѣста республиканца. — Вѣрность до гроба. — Путешествіе Пайо. — Мюрать. — Петръ Жестокій. — Приключенїя капитана Марлона.

Остальныя 40 кн. полн. собр. сочиненій А. Дюма будутъ даны въ 1913-мъ году

Абонементъ № 2
24 книги полное иллюстриров. собраніе романовъ капитана Маррїэта

Морской офицеръ. — Королевская собственность. — Приключ. Якова Вьрнго. — Лафетъ въ поискахъ отца. — Три яхты. — Мичманъ Изн. — Многоглаголюч. паша. — Вранкоьеръ. — Корабль-призракъ. — Приключенїя собаки. — Кораблекрушеніе въ Великомъ океанѣ. — Сто лѣтъ назадъ. — Приключ. въ Африкѣ. — Канадскіе поселенцы. — Приключенїя Віолы въ Калифорніи и Техасѣ. — Маленькій дикарь. — Приключенїя Смилли. — Пиратъ и дур.

12 книгъ художеств. литератур. **2.600 ст. = ЕЖЕМЕСЯЧНИКА = МІРЬ ПРИКЛЮЧЕНІЙ**

Въ изящныхъ книжкахъ «Миръ Приключеній» помещаются только новѣйшія произведенія русской и иностранной литературы.

Въ 1912 г. будутъ выйдены, между проч. слѣд. произведенія: Въ горахъ Даури. Ром. изъ жизни русскихъ золотопромышленцевъ. П. Белькаиръ. — Шакалы пустыни. М. Перухина. — Кавказскія могилы. О. Тютчева. — Отрава. М. Алладина. — «Венита», ром. Р. Хагарда. — Аэропланъ-привидѣніе, ром. Пола д'Нува. — Башня молчанія, В. Писуда. — Золотыя слитки. М. Пембертона. — Корабль сокровищъ. О. Холла. — Напергонки съ солнцемъ. Л. Миды и друг.

5 книгъ роскошно-иллюстриров. **свыше 400 иллюстр. = СОЧИНЕНІЯ = ЗЕМЛЯ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА =**

профессора И. Вильнера.

Абонементъ № 3.
12 книгъ полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова

с портретомъ автора и биогр. очеркомъ. Н. А. Добролюбовъ принадлежитъ къ тѣмъ любимаемъ судьбой, произведенія которыхъ на многие десяти и сотни лѣтъ переживаютъ своихъ творцовъ, не утрачивая современности. Его сочиненія должны быть выставлены книжками каждому интеллигентнаго читателя.

6 книгъ богато-иллюстр. **свыше 400 страницъ больш. форм. = ИСТОРИИ = ПЕТРА ВЕЛИКАГО**

Сочин. всемірно извѣстн. профессора русской исторїи А. Т. Брикнера.

Сочиненіе профессора Брикнера представляетъ громадный вкладъ въ литературу, оцененный по достоинству и у насъ, и за границей.

5 книгъ иллюстрирован. **свыше 400 иллюстр. = СОЧИНЕНІЯ = ЗЕМЛЯ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА =**

профессора И. Вильнера.
Живописная исторія земли и жизни на землѣ, начиная съ туманной дали свободной древности и до появленія на землѣ перваго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 52 №№ журнала «ПРИРОДА И ЛЮДИ» съ бесплатными приложеніемъ одного изъ трехъ абонементовъ (по выбору г.г. подписчиковъ)

6 РУБ. въ годъ безъ доставки и пересылки

7 РУБ. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальные. Или въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ, съ ноября, по 1 р.

ЖЕЛАЮЩІЕ МОГУТЪ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, **СВЕРХЪ ТОГО** получить по своему выбору, **любыя приложенія** изъ другихъ абонементовъ, но за особую доплату, а именно: Соч. капитана Маррїэта за доплату 3 р. 20 к. «Миръ Приключеній» за 1 р. 80 к. «Земля до появленія человѣка» за 1 р. 60 к. Соч. Н. А. Добролюбова за 2 руб. 80 коп. «Исторія Петра Великаго» за 2 руб. 40 коп. Соч. А. Дюма за 5 руб. 20 коп.

РАЗСРОЧКА ЗА ДОПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ допускается при выпискѣ на сумму до 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля; при выпискѣ на сумму болѣе 3 рублей, слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стрѣмянная, 12, соб. д. Изд. П. П. Сейдманъ.

Всѣ вновь подписавшіеся на журналъ «Природа и Люди» немедленно получаютъ всѣ вышедшіе №№ и приложенія. Подписной годъ считается съ 1 ноября. № 1 журнала вышелъ 3 ноября.

Типографія А. С. Суворина. Спб., Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

